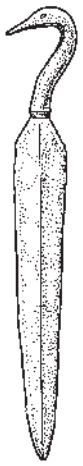
АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Энеолит и бронзовый век



Том II

КАЗАНЬ
2021

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

УДК 902
ББК 63.442

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ

А87 Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 2. Энеолит и бронзовый век / Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. – Казань: Изд-во АН РТ, 2021. – 728 с.: ил.

ISBN: 978-5-9690-1951-6, 978-5-9690-0953-0

Второй том «Археологии Волго-Уралья» посвящен энеолиту и бронзовому веку региона. Эра ранних металлов, начавшаяся с первых попыток освоения металлургии меди в V тыс. до н. э. привела к появлению первых металлических изделий в Волго-Уралье, но не вытеснила из обихода каменные орудия. На юге региона возникают коллективы, переходящие от присваивающего хозяйства к производящему, появляется скотоводство. Распространение бронзы, сплава меди с мышьяком, оловом и иными металлами, начинается в регионе в III тыс. до н. э. Источником металлов были местные медные и импортные медные и оловянные месторождения. Отсутствие в регионе месторождений олова привело к тому, что до конца бронзового века наряду с бронзовыми орудиями повсеместно использовались медные и каменные изделия. Вместе с увеличением номенклатуры металлических изделий расширялся и ареал производящего хозяйства, придомное скотоводство распространилось на лесостепь, зону широколиственных лесов и подтаежную ландшафтную зону.

The second volume on the “Archaeology of the Volga-Urals” considers the Eneolithic and Bronze Age of the region. This early metal period, which began with the first attempts to develop copper metallurgy in the 5th millennium BC, resulted in the appearance of the first metal products in the Volga-Urals, but did not displace stone tools from use. Communities emerged in the south of the region, which transitioned from appropriating to producing economy, and cattle breeding appeared. The spread of bronze, a copper alloy with arsenic, tin and other metals, began in the region in the 3rd millennium BC. The source of metals was local copper and imported copper and tin deposits. The absence of tin deposits in the region accounted for the fact that until the end of the Bronze Age, copper and stone products were widely used along with bronze tools. Together with the increase in the variety of metal products, the area of the manufacturing economy also expanded, household cattle breeding spread to the forest-steppe, the broad-leaved forest zone, and the subtaiga landscape zone.

ISBN: 978-5-9690-1951-6, 978-5-9690-0953-0
DOI: https://doi.org/10.24852/978-5-9690-0951-6.2021.2

Многотомномное издание «Археология Волго-Уралья» подготовлено и издано за счет средств Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2020–2024 годы)»

© Институт археологии АН РТ, 2021
© Изд-во АН РТ, 2021

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
ЧЛ.-КОРР. АКАДЕМИИ НАУК РТ
А.Г. СИТДИКОВА

РЕДКОЛЛЕГИЯ

А.А. ЧИЖЕВСКИЙ (ответственный редактор)
С.В. КУЗЬМИНЫХ
А.И. КОРОЛЕВ
И.О. ВАСКУЛ
А.В. ЛЫГАНОВ (секретарь)

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Археология Волго-Уралья
в 7 томах

ТОМ I	КАМЕННЫЙ ВЕК
ТОМ II	**ЭНЕОЛИТ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК**
ТОМ III	РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК
ТОМ IV	ЭПОХА ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ
ТОМ V	ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ ФИННО-УГОРСКИЙ МИР ТЮРКОЯЗЫЧНЫЕ КОЧЕВНИКИ (VIII – НАЧАЛО XIII ВВ.)
ТОМ VI	ПЕРИОД УЛУСА ДЖУЧИ (ВТОРАЯ ТРЕТЬ XIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XV ВВ.)
ТОМ VII	ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (СЕРЕДИНА XV–XVII ВВ.)

Авторы тома II:

АЗАРОВ Е.С.
АСЬКЕЕВ И.В.
ГОЛУБЕВА Ю.В.
ДЕГТЯРЕВА А.Д.
КАРМАНОВ В.Н.
КИТОВ Е.П.
КОЛЕВ Ю.И.
КОРОЛЕВ А.И.
КОСИНСКАЯ Л.Л.
КУЗНЕЦОВ П.Ф.
КУЗЬМИНА О.В.
КУЗЬМИНЫХ С.В.
КУПЦОВА Л.В.
ЛЫГАНОВ А.В.
МЕЛЬНИЧУК А.Ф.
МИМОХОД Р.А.
МИТРЯКОВ А.Е.
МОРГУНОВА Н.Л.
МОЧАЛОВ О.Д.
НИКИТИН В.В.
ОРЛОВСКАЯ Л.Б.
ПАТРУШЕВ В.С.
СОЛОВЬЕВ Б.С.
СТАВИЦКИЙ В.В.
ХОХЛОВ А.А.
ЧИЖЕВСКИЙ А.А.
ШИПИЛОВ А.В.

ВВЕДЕНИЕ

ЭПОХА РАННЕГО МЕТАЛЛА: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ, ИННОВАЦИИ, ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ (ЭНЕОЛИТ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК)

К дискуссии о «лесном неолите». Еще полвека назад проблема возникновения и становления древнейшей металлургии и металлообработки меди в лесной полосе Восточной Европы оставалась открытой. Эпоха раннего металла (ЭРМ) начиналась здесь с культур типа абашевской, Сеймы-Турбино, галичской, поздняковской, фатьяновской, панфиловской, горбуновской и др. Проводилась резкая грань между культурами охотников и рыболовов таежных районов и земледельцев и скотоводов зоны лесостепи и степи. Первые относились по своему укладу к неолиту, вторые – к бронзовому веку. Многие культуры Севера, благодаря сохранению традиционного характера экономики, оставались по сути неолитическими вплоть до массового появления железа.

Наиболее активными сторонниками концепции противопоставления «лесного неолита» и «степной бронзы» являлись в прошлом М.Е. Фосс (1949; 1952, с. 9–19) и И.К. Цветкова (1953; 1961, с. 185; 1970, с. 139). Следует, однако, подчеркнуть, что в их понимании термины «лесной неолит», «северный неолит», «поздний неолит», «пережиточный неолит» вовсе не обозначали неолитическую эпоху на Европейском Севере. Наоборот, М.Е. Фосс и И.К. Цветкова синхронизировали культуры «лесного неолита» с культурами эпохи бронзы более южных районов, подчеркивали их основное отличие от культур собственно неолитической эпохи – знакомство с металлом. В то же время эти термины оттеняли, по М.Е. Фосс, неравномерность исторического развития, одновременное существование в первой половине II тыс. до н. э. северных охотничье-рыболовческих племен (культур по сути неолитических) и южных скотоводческо-земледельческих (культур уже эпохи раннего металла).

Определение понятий «неолит» и «бронза» и границы между ними явились предметом заочной полемики А.Я. Брюсова и В.А. Городцова. Первый относил к эпохе бронзы не просто памятники со следами металлообработки, но те из них, в которых металлические изделия образуют хронологическо-типологические ряды (Брюсов, 1952, с. 6, 7). В этом он следовал известной схеме северно-европейского бронзового века О. Монтелиуса (1903). В.А. Городцов, исследователь Панфиловской стоянки волосовской культуры, отнес ее к поздней поре палеометаллической эпохи (Городцов, 1928, с. 17, 18). Основанием для этого послужили находки медных предметов (Городцов, 1928, с. 5, 6, 10, 15). Кроме того, кремневые наконечники стрел и некоторые формы глиняной посуды Панфилова имели, по его мнению, соответствие в древностях катакомбной, фатьяновской и северокавказской культур (Городцов, 1928, с. 17).

В.А. Городцов стремился вписать культуры лесной полосы Северной Евразии, наряду со степными и лесостепными, в созданную им всеобщую периодизацию ЭРМ. Согласно его терминологии (Городцов, 1927), время употребления медных и бронзовых орудий составляло «палеометаллическую эпоху», внутри которой были выделены ранняя, средняя и поздняя пора. Всеобщая периодизация, созданная ученым, несмотря на ряд ошибок и критику в 1930-е гг. сторонниками вульгарно-социологической теории стадиальности или «нового учения о языке» Н.Я. Марра, более других соответствует современному термину «эпоха раннего металла», которая подразделяется на этапы: энеолит, ранний, средний и поздний бронзовый век (Черных, 1978б).

Попытка создания всеобщей периодизации ЭРМ В.А. Городцовым, безусловно, была положительной, но вряд ли удачной в отношении Панфиловской стоянки, поскольку в рамках поздней поры палеометаллической эпохи материалы этого памятника сопоставлялись с южнокавказской (халдской или урартской), кобанской, срубной и другими культурами, относящимися к разным этапам бронзового века. К тому же кавказские аналогии медному теслу из Панфилова (Черных, 1966, рис. 39: 650) не безупречны.

Итак, полемика в определении грани между веками камня и металла в лесной полосе Восточной Европы выявила три различных подхода. Сторонники первого из них (М.Е. Фосс) признают основным критерием для определения эпох формы хозяйственной деятельности, второго (В.А. Городцов и его последователи) – само распространение и внедрение медных орудий в производственную деятельность, третьего (А.Я. Брюсов) – отдают

дань первому и преувеличивают роль второго подхода. Основной недостаток последнего, промежуточного, подхода заключается в том, что процесс исторического развития рассматривается в нем вне конкретных условий, специфики леса, лесостепи и степи (Гурина, 1961, с. 82–88).

В настоящее время концепция так называемого «лесного неолита» практически не имеет сторонников. Возобладал подход, восходящий к В.А. Городцову, который начинал отсчет ЭРМ в лесной полосе не с широкого внедрения железа, а с появления первых медных орудий и местной металлообработки.

Общеизвестно, что появление металла в быту весьма сильно сказалось на многих важнейших сторонах деятельности древнейших человеческих обществ. Прежде всего, люди получили в свои руки новый, гораздо лучший, нежели камень, материал для изготовления орудий труда и оружия. Эксперименты С.А. Семенова по сравнению эффективности каменных и медных орудий – топоров, тесел, ножей, пилок – показали многократное превосходство меди (Семенов, 1965, с. 221, 222). Естественно, что повышение производительности труда с помощью медных и бронзовых орудий повлекло за собой заметное ускорение темпов экономического развития. Оно сильнее всего сказалось в обществах с земледельческо-скотоводческой экономикой, однако заметно отразилось и в обществах с рыболовческо-охотничьим укладом хозяйства. На примере памятников лесной полосы Восточной Европы это хорошо показали Н.Н. Гурина (1961, с. 83–88), О.Н. Бадер (1964, с. 154, 155), А.Х. Халиков (1969, с. 337–343), В.В. Никитин (1979; 2017) и др.

Из работ этих авторов следует, что вступление племен лесной полосы Восточной Европы в эпоху раннего металла не вызвало коренных перемен в их хозяйственной деятельности. Отмечается внедрение производящих форм хозяйства – примитивного мотыжного земледелия и скотоводства – особенно на юге региона, в Среднем Поволжье и Прикамье, однако приводимые для доказательства археологические свидетельства (каменные мотыги, глиняные пряслица, кости домашних животных) (Бадер, 1964, с. 155) не бесспорны. Их можно принять лишь в отношении памятников, которые своим происхождением связаны с более южными районами лесостепи (Кузьминых, 1996).

Ведущую роль в экономике лесной полосы продолжает играть комплексное промысловое хозяйство (охота, рыболовство, собирательство). Соответственно сохраняются и традиционные каменные и костяные орудия труда, которые придают тот «неолитоидный», «пережиточный» характер культурам этой зоны и привлекаются для обоснования концепции «лесного неолита». Однако неоднократно отмечалось, что в начале эпохи раннего металла традиционные промыслы претерпевают серьезные изменения. В бóльшей степени это касается рыболовства. Применение сетевого лова, разного рода запоров, ловушек, документированных археологическими материалами (Гурина, 1961, с. 123; Бадер, 1964, с. 155; Халиков, 1969, с. 339; Никитин, 1979, с. 24–30; 2017, с. 223–245), значительно расширили объем добычи пищи. Не исключено, что внедрение медных орудий улучшило и возможности зимнего рыболовства.

Сама топография поселений ЭРМ в лесной полосе Восточной Европы, прочная оседлость, вероятно, в бóльшей мере связаны с интенсивным рыболовством, нежели охотой. Видовой состав основных промысловых животных (лось, северный олень, медведь, кабан), не группирующихся в значительные по численности стада, вряд ли способствовал превращению охоты в основной источник добычи пищи. В то же время интенсивность охотничьего промысла подтверждается возросшим количеством остатков фауны, особенно лося, на поселениях с богатым ассортиментом орудий охоты и обработки промысловой добычи. Вероятно, возросли возможности и охоты на водоплавающую и боровую дичь с применением сетевых ловушек, поскольку совершенствование рыболовных и птицеловческих снастей взаимосвязано (Косарев, 1984, с. 93).

Несомненно одно: в начале эпохи раннего металла происходит улучшение экономических условий жизни населения лесной зоны Восточной Европы. На примере Волго-Вятского междуречья В.В. Никитин предполагает 4–5-кратное увеличение населения; основание тому – почти втрое выросло число поселений по сравнению с неолитом, площадь их в 2–3 раза больше, поселения долговременные, с бóльшим количеством жилищ (10 в неолите и 592 в энеолите) (Никитин, 1979, с. 21–27; 2017, с. 752–761). Аналогичная картина прослежена и в других районах лесной полосы Восточной Европы[1]. Ставится вопрос о настоящем демографическом взрыве (Никитин 1979, с. 24; 2017, с. 229–232), который мог произойти лишь при значительных переменах в способах добывания, переработки и хранения пищи и, как следствие, ее резком увеличении.

[1] Сравните, например, распространение в Волго-Камье памятников эпох неолита (Бадер, 1970, рис. 1; Халиков, 1969, рис. 9; Габяшев, 2003; Гусенцова, 1993; Выборнов, 2008; Лычагина, 2013; и др.) и энеолита (Бадер, 1961б, рис. 1; 1964, с. 152; Халиков, 1969, рис. 33; Никитин, 2017, с. 752–761; Габяшев, Старостин, 1978, рис. 1; Обыденнов, 1978, рис. 1; Наговицын, 1984, рис. 1; и др.).

Таким образом, рассматриваемый в настоящем труде круг культур и памятников не может соответствовать понятию «лесной неолит». Население, оставившее эти памятники, делает первые шаги к производящему хозяйству, осваивает металлообработку меди и применяет более эффективные по сравнению с неолитом методы ведения традиционного комплексного промыслового хозяйства.

Терминология. Проблема периодизации. В содержание термина «эпоха раннего металла» вкладывается зачастую различное толкование и, в частности, в отношении памятников лесной полосы Восточной Европы. Большинство исследователей, изучающих памятники этого обширного региона, подразумевают под ЭРМ период употребления медных и бронзовых орудий, оружия и украшений, т. е. медный и бронзовый века. Другая группа ученых включает в эпоху раннего металла, кроме того, период употребления первых железных орудий (Гурина, 1961, с. 82; Лыугас, 1970, с. 3; и др.). В первом случае хронологические рамки эпохи охватывают IV/III тыс. до н. э. – IX/VIII вв. до н. э. (Халиков, 1969, с. 124, 314, 315), во втором – II тыс. до н. э. – начало н. э. (Гурина, 1961, с. 112; Лыугас, 1970, с. 3). Последняя точка зрения более всего характерна для исследований, касающихся стран Балтии и Северо-Запада России. Основывается она на хронологической системе О. Монтелиуса (1903), принятой для скандинавских и прибалтийских стран и неоднократно подвергавшейся модификации (Engel, 1935, s. 291; Gimbutas, 1960, p. 389; Лыугас, 1970, с. 30; и др.).

Неравномерность исторического развития привела к тому, что на огромных просторах Евразии обнаруживаются заметные разночтения в датах наступления и развития ЭРМ. В итоге в региональных периодизациях стал использоваться второй («локальный») подход при отнесении тех или иных культур к энеолиту. Археологические культуры лесного Волго-Уралья, не входившие в системы Балкано-Карпатской и Циркумпонтийской металлургических провинций, образуют ареал постепенно расширяющегося мира культур эпохи раннего металла. Их называют постнеолитическими, энеолитическими или квазиэнеолитическими (Кузьминых, 1993). Носители лесных культур умели добывать и обрабатывать медь или только освоили навыки металлообработки, но основой их хозяйства, в отличие от южных земледельческо-скотоводческих культур, оставалось оседлое и подвижное рыболовство и охота.

Большинство авторов настоящего тома являются сторонниками всеобщей периодизации эпохи раннего металла (Черных, 1978б; Chernykh, 1992). Такая периодизация должна повести к признанию, что самым общим периодом для всего ареала культур эпохи раннего металла – времени ее территориального апогея – является лишь поздний бронзовый век. В то же время все предшествующие периоды ЭРМ представлены в археологических культурах гораздо более узкого района в общей области данной эпохи (Черных, 1978б, рис. 1; 5; 7). Вероятная критика этого положения может заключаться в альтернативе: медный век – явление всеобщее для всего ареала ЭРМ, он характеризует собой культуры переходного периода от каменного века к эпохе раннего металла. Но как в таком случае быть с археологическими культурами обширнейших регионов, где позднебронзовые предметы из оловянных или мышьяковых бронз являлись древнейшими вообще на данной территории? Таких областей известно достаточно много (Черных, 1978б, рис. 9).

Всеобщая периодизация ЭРМ может, конечно, наметить лишь самые кардинальные, крупные этапы. Она не в состоянии отменить локальных и поэтому более детальных хронологических подразделений каждого крупного периода в каждой конкретной области; всеобщая периодизация и не должна ставить такие задачи. Однако региональные периодизации должны придерживаться и входить в принципиальные рамки единой схемы эпохи раннего металла.

Согласно этой схеме, археологические культуры лесных рыболовов и охотников Восточной Европы с примитивным металлопроизводством, хронология которых по радиоуглеродным калиброванным датам укладывалась в промежуток от конца IV до начала II тыс. до н. э. (Черных и др., 2011), соответствовали культурам раннего и среднего бронзового века степных (ямная, полтавкинская, катакомбная) и южных лесных и лесостепных районов Восточной Европы (фатьяновско-балановская и абашевская). Ряд местных культур и памятников по кромке леса и лесостепи имеют даже материалы, характерные для хвалынско-среднестоговской общности – энеолитической периферии Балкано-Карпатской металлургической провинции. Однако достоверные следы металлообработки, соответствующие энеолиту юга Восточной Европы, в культурах лесной полосы отсутствуют. Таким образом, если следовать всеобщей периодизации эпохи раннего металла, то медного века как такового в лесной полосе Восточной Европы не было, поскольку местные металлоносные культуры непосредственно синхронизируются с культурами РБВ и СБВ Циркумпонтийской металлургической провинции. Следует, однако, учитывать, что лесные культуры с примитивным металлопроизводством ориентировались не на центральные, ведущие очаги этой провинции, а на краевые; непосредственно в ЦМП они не вхо-

дили. Эти культуры образуют своеобразный пограничный шлейф данной провинции, благодаря которому в ЭРМ втягивался все новый и новый круг ранее неолитических культур лесной полосы Восточной Европы. Именно постнеолитические культуры, которые демонстрируют первые навыки металлообработки меди и не входят в систему определенной металлургической провинции, мы можем назвать условно энеолитическими. Причем на территории Волго-Уралья это, как правило, те культуры, что втянуты в орбиту Циркумпонтийской провинции.

О круге древнейших металлоносных культур и памятников Волго-Уралья. В неолитическую эпоху социально-экономическое развитие различных групп населения лесной, лесостепной и степной зон Волго-Уралья было примерно на одном уровне. Коренные изменения происходят в начале эпохи раннего металла, когда заметно убыстряются темпы исторического процесса в южных областях Среднего и в Нижнем Поволжье (самарская и хвалынская культуры; см. главы Н.Л. Моргуновой, А.И. Королева и В.В. Ставицкого), в зоне степи и лесостепи. Здесь во второй пол. V – сер. III тыс. до н. э. неолит сменяется энеолитом, или медным веком. Появление и внедрение медных орудий в хозяйственную и социальную жизнь ускорило процессы распространения производящей экономики, основой которой стало скотоводство.

С наступлением ЭРМ в Волго-Уралье существенным образом меняется направление контактов и связей этнокультурных образований. Это связано с возросшим значением в данных процессах трассы Волжского пути. Контакты и связи носят по преимуществу меридиональный характер и осуществляются в основном вдоль разветвленной гидросистемы Волги, Камы и их притоков (Мунчаев, Кузьминых, 2006, с. 46). Самарская и хвалынская энеолитические культуры, безусловно, оказали заметное влияние на развитие позднеолитических культур лесного Волго-Камья. Свидетельством тому поселения русско-азибейского, татарско-азибейского и лёвшинского типов, могильники усть-камского типа в Нижнем и Среднем Прикамье (Габяшев, 2003; Выборнов, 2008; Лычагина, 2013; Чижевский, 2008), а также отдельные находки керамики южных культур на юге региона (Габяшев, 1982, с. 29, 30; Васильев, Овчинникова, 2000, с. 223, 224, 228, 229). Еще в бóльшей степени это влияние сказалось на трансформации лесостепных образований Поволжья, Приуралья и Сурско-Свияжского междуречья с мозаикой памятников различных культурных типов (лебежинский, чекалинский, токский, турганикский, алексеевский, ховринский и др.) (Васильев, Овчинникова, 2000, с. 229–238; Вискалин и др., 2002; Королев, Ставицкий, 2006; Моргунова, 2011; Шалапинин, 2018).

До недавнего времени находки древнейших медных предметов в лесной и лесостепной полосе Восточной Европы были связаны исключительно с поселениями. В то же время в степных памятниках, например, хвалынско-среднестоговской общности, значительная доля изделий из металла сосредоточена, напротив, в могильниках (Телегин, 1973, с. 77–79; Васильев, 1981, с. 25, табл. 20; Котова, 2006; Агапов, 2010). Тем более симптоматично появление на стыке леса и лесостепи первых энеолитических могильников с украшениями из меди (Габяшев, Беговатов, 1984; Чижевский, 2008). Тенишевский («Сорокин бугор») могильник расположен на левом берегу Волги несколько ниже устья Камы, а Мурзихинский 2 – на левом берегу Камы в приустьевой части ее течения. К этим памятникам по материальной культуре и погребальному обряду примыкает Гулькинский 2 могильник, выявленный А.В. Збруевой в 1950-е гг. в устье р. Утки, левого притока Волги; к сожалению, в раскопанных погребениях отсутствовали изделия из меди (Збруева, 1960).

Первоначально Р.С. Габяшев относил Тенишевский могильник к волосовско-гаринско-борскому кругу памятников на основании аналогий ведущим типам кремневого и кварцитового инвентаря и медных украшений (Габяшев, Беговатов, 1984, с. 73). В погребениях 103 и 124 могильника Мурзихинский 2 были обнаружены небольшие округлые чашевидные сосуды – А.А. Чижевский (2008, с. 370, 371) сопоставил их первоначально с керамикой борской культуры. Гаринско-борская принадлежность обоих памятников была подтверждена Н.Л. Моргуновой (2011, с. 179, 180). Позднее Е.Н. Черных, опираясь на ранние ^{14}C датировки могильника Мурзихинский 2 (середина и вторая половина V тыс. до н. э.), предложил отнести его к северному варианту степной хвалынской культуры и включить в систему древностей Балкано-Карпатской металлургической провинции (Черных и др., 2011, с. 30, 35; Черных, 2016, с. 43, 44). В настоящем издании А.А. Чижевский и А.В. Шипилов выделяют особый культурный тип памятников – усть-камские энеолитические могильники как северный вариант хвалынской культуры со многими чертами материальной культуры населения лесного Волго-Камья. Могильники усть-камского типа, по их мнению, синхронизируются с памятниками русско-азибейского, татарско-азибейского, лёвшинского культурных типов, относящихся к позднему неолиту Прикамья (см. подробнее: Выборнов, 2008).

Культурный тип усть-камских могильников и связанных с ними поселений, вероятнее

всего, действительно отражает начальный этап энеолитизации пограничья лесного и лесостепного Волго-Камья. Пойменные участки Камского устья, благоприятные для ведения скотоводства, оказались привлекательными для проникновения по волжскому меридиональному коридору носителей самарской и хвалынской культур (Габяшев, 1982). Итогом взаимодействия с местными поздненеолитическими группами стало появление в погребении 128 могильника Мурзихинский 2 фрагмента лопатки крупного рогатого скота (Чижевский, 2008, с. 367), медных колец в этом и Тенишевском могильниках, имеющих отчетливые аналогии в культурах степной периферии Балкано-Карпатской провинции (новоданиловская, среднестоговская, хвалынская и др.) (Агапов, 2010, рис. 3: 22; 8: 12–16, 20) и ее земледельческого балканского ядра (Черных, 1978, табл. 19: 2–4, 16). В энеолите на юге Восточной Европы складываются протяженные торговые пути, по которым импорт балканской меди достигал Волги (Черных, 1978; 2010). Наиболее яркие ее образцы выявлены как раз в Хвалынских 1–2 могильниках (Агапов и др., 1990; Агапов, 2010), причем часть украшений является продукцией гумельницкого и трипольского очагов металлообработки, а другая изготовлена из привозного сырья с применением примитивных приемов ковки и сварки (Рындина, Равич, 1987; Рындина, 2010).

Этап появления первых медных изделий в местной поздненеолитической среде Волго-Камья можно назвать ознакомительным. Не исключено, что украшения из Тенишева и Мурзихи являлись хвалынскими импортами. В этой связи роль памятников усть-камского типа в становлении металлообработки лесных культур региона не следует преувеличивать.

Первые шаги в освоении металлообработки меди в лесном Волго-Камье приписывались также населению, оставившему памятники с накольчатой и так называемой «флажковой» керамикой (Бадер, 1964, с. 130–134; Габяшев, 1982, с. 30). Роль новоильинской («флажковой») культуры в этом процессе, как выяснилось при ревизии материалов О.Н. Бадера 1950–1960-х гг. (Мельничук, 2013; Лычагина, 2013), была явно преувеличена: в «чистых» слоях поселений этой культуры следы металлообработки не зафиксированы. Население, известное по поселениям с накольчатой посудой и обломками глиняных тиглей с корольками меди (Татарско-Азибейское II, Городок IV) (Габяшев, 1978; Кузьминых, 1977б), обитало в Нижнем Прикамье относительно недолго (Габяшев, 1982, с. 31). Вряд ли эти пришлые из южной лесостепи и дисперсные на Средней Волге и Нижней Каме группы населения (Васильев, Габяшев, 1982, с. 12; Габяшев, 1982, с. 31) оставили глубокий след в распространении технологии металлообработки в лесной полосе региона.

Явные навыки изготовления медных орудий, оружия и украшений укореняются в лесных районах Волго-Уралья позже, в III тыс. до н. э., и прежде всего в культурах Прикамья и Среднего Поволжья (волосовская, имеркская, гаринская, юртикская и др.). Импульсы для их возникновения исходили в основном из периферийных производственных центров Циркумпонтийской провинции: в ме́ньшей мере – из приуральского ямного и поволжского полтавкинского и в бо́льшей – из фатьяновско-балановских.

От Карелии и северных районов Фенноскандии вплоть до Ишима и Иртыша протянулась цепь культур, которые археологи называют постнеолитическими, энеолитическими, ранне- или среднебронзовыми (Кузьминых, 1993) (рис. 1). Условность в названии объясняется тем, что данные культуры по своему экономическому укладу принадлежат к обществам оседлых лесных, лесостепных и отчасти степных рыболовов и охотников. Мнение о сложении в некоторых степных культурах (например, в терсекской и ботайской в Урало-Иртышском степном регионе) многоотраслевого хозяйственно-культурного типа с доминантой коневодства (Зайберт, 2013, с. 28, 29; Гайдученко, 2014; Калиева, Логвин, 2017, с. 136–148) требует дополнительного обоснования: надежных археозоологических и археологических данных о доместикации лошади и быка в эту эпоху нет.

Становища и долговременные поселки лесных и степных охотников и рыболовов разбросаны в основном по берегам крупных и небольших рек и озер. Редкие для этих культур (волосовская, ботайская) грунтовые погребения совершены обычно на площади поселений, но появляются и изолированные от них могильники (усть-камский тип). Повсеместно сооружаются земляночные и полуземляночные жилища; на севере изучены, кроме того, следы наземных построек типа чума. Это были как изолированные, так и многокамерные сооружения, состоящие из построек, соединенных друг с другом крытыми переходами, с одним или двумя входами, очагами и хозяйственными ямами внутри. При сооружении каркаса, крыши жилищ и утеплении стен наряду с деревом использовался подручный материал – жерди, камни, камыш, береста, шкуры животных, дерн. В азиатской степи появляется глинобитная технология строительства жилищ, явно заимствованная у южных соседей.

В изготовлении орудий труда и оружия наблюдается региональная специфика, связанная с доступностью подходящего каменного сырья, но

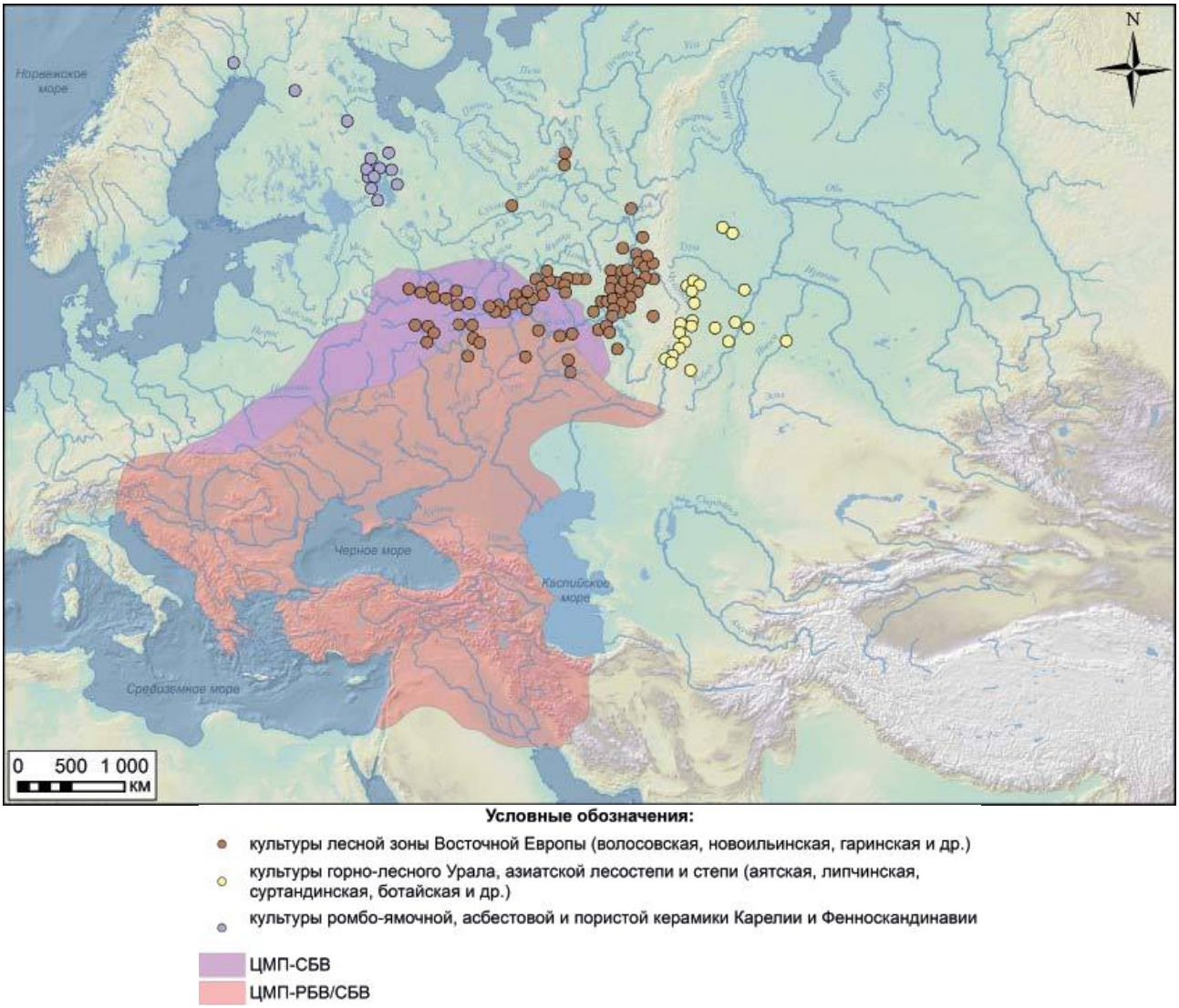


Рис. 1. Ареалы культур эпохи раннего металла

в основном они выделывались из различных пород кремня. В памятниках Карелии и Финляндии доминируют изделия из сланца, на поселениях горно-лесного Урала немало орудий из яшмы и кварцита, а в степях Казахстана – из яшмо-кварцитовых пород. В торфяниках лесной полосы Восточной Европы и Урала (Сахтыш, Шигирский, Горбуновский и др.) и в степных памятниках Казахстана (Кожай 1, Кумкешу 1, Ботай и др.) извлечены огромные серии костяных и деревянных предметов, связанных с волосовской, аятской, липчинской, ботайской, терсекской и другими культурами.

Керамика данных культур близка по своим формам – это полуяйцевидные сосуды с приостренным и округлым дном, мало чем отличимые от неолитических образцов. На поздних этапах появляются банки и горшки с уплощенным и плоским дном. Добавки к глине были в основном минерального или органического происхождения (асбест, тальк, песок, толченая раковина, пух, растительная труха и др.). Традиции изготовления глиняного теста и нанесения орнаментального декора были специфичны в каждом регионе. В немалой степени благодаря этому удается выявить своеобразие керамики той или иной культуры и степень их сходства и различия.

От неолитических культур энеолитические отличаются в главном – умением добывать и обрабатывать медь. Только это объединяет их с обществами ранних земледельцев и скотоводов южных районов Евразии, которые традиционно относятся к энеолиту. Появление медных изделий и металлообработки в энеолитических культурах Северной Евразии было длительным историческим процессом. Не случайно хронология этих культур является столь протяженной и по калиброванным радиоуглеродным датам укладывается в промежуток от конца IV до начала II тыс. до н. э. (Черных и др., 2011). Их развитие протекало в основном параллельно с общностями раннего и среднего бронзового веков Циркумпонтийской провин-

ции, локализующихся в степи и лесостепи Восточной Европы (ямная, полтавкинская, катакомбная, фатьяновско-балановская и др.; см. главы Н.Л. Моргуновой, П.Ф. Кузнецова, Б.С. Соловьева и В.В. Ставицкого). В лесостепи и на юге лесной полосы ареалы этих культурных образований смыкались, образуя широкую контактную зону. Постепенное взаимодействие пришлых и местных групп населения привело к тому, что охотники и рыболовы юга лесной полосы, сохранив традиционный уклад экономики, освоили выплавку меди и относительно несложные приемы ее обработки (Черных, 1970, с. 108; Кузьминых, 1977; Chernykh, 1992, p. 185–189; Кузьминых и др., 2013).

В Северной Евразии выделяется три блока постнеолитических или энеолитических культур, в которых технология и основные формы металлопроизводства развивались своим особым путем. Первый из них локализуется в Карелии и на севере Фенноскандии и связан с культурами ромбоямочной, асбестовой и пористой керамики.

Культура ромбоямочной керамики, названная так по основным элементам орнамента, относится еще к позднему неолиту или переходному этапу от неолита к энеолиту (Журавлев, 1975; 1977; 1979; 1991; Жульников, 2005). Стоянки с находками медных предметов концентрируются в ее ареале по преимуществу у северо-западного побережья Онежского озера (Пегрема 1, Оровнаволок и др.). В этом же районе располагаются выходы самородной меди. На прилегающих к Заонежью территориях, где нет месторождений самородной меди, на синхронных стоянках с ромбоямочной и гребенчато-ямочной керамикой отсутствуют и медные изделия. Мастера неолитической эпохи воспринимали эту медь, по всей видимости, как разновидность камня, имеющего особый красный цвет и особое свойство – ковкость. Примечательно, что более сотни поделок, найденных на стоянках культуры ромбоямочной керамики, все без исключения сформованы свободной холодной ковкой – приемом, явно заимствованным от техники изготовления каменных орудий (Журавлев и др., 1991; Чистякова, 1991).

Памятники с ромбоямочной керамикой сменяются в Карелии поселениями с асбестовой и пористой керамикой (Войнаволок 27, Челмужская Коса 21 и др.) (Жульников, 1999). В первом случае название культуры дано по ведущей примеси к глиняному тесту сосудов, во втором – исходя из пористой структуры стенок сосудов, в которых выгорели органические примеси. В этих культурах, которые принято относить уже к эпохе раннего металла, выявлены более совершенные способы обработки самородной меди – плавление, литье, термическая обработка холоднокованых слитков, горячая ковка (Журавлев и др., 1991; Чистякова, 1991). Плавление осуществлялось в глиняных тиглях, известных на ряде поселений этих культур. Ареал металлоносных памятников с асбестовой и пористой керамикой существенно шире, чем только Заонежье, хотя самих медных изделий в них в два раза меньше по сравнению со стоянками предшествующего времени (Жульников, 1999, с. 64–67).

В развитии металлообработки постнеолитических или энеолитических культур Карелии наблюдается явная преемственность. В качестве сырья использовалась только самородная медь. На протяжении 1–1,5 тысячи лет изготавливались самые простые предметы – проколки, ножи, пластины, кольца, крючки, хотя не исключена формовка и крупных рубящих орудий по образцу сланцевых долот и тесел. Ни технология, ни формы изделий не дают очевидных свидетельств каких-либо внешних импульсов для возникновения карельского очага металлообработки. Вероятно, мы имеем дело с редким и бесспорным случаем спонтанного зарождения металлургии в среде населения еще каменного века. В этой связи не случайна и судьба ранней металлообработки в Карелии и на севере Фенноскандии. Отрыв от южных производственных центров того времени привел к долгому и вялому развитию технологии обработки самородной меди. Традиция эта прервалась в начале позднего бронзового века, когда в Карелии и Финляндии появились носители сейминско-турбинских бронз, и окончательно ушла с освоением этих районов населением культуры текстильной керамики с высокоразвитым бронзолитейным делом.

Второй блок металлоносных культур связан с обширными лесными и лесостепными пространствами Восточной Европы. От верховий Волги на западе до предгорий Урала на востоке, от Самарской Луки на юге до бассейнов Вычегды и Печоры на севере разбросаны памятники волосовской (Рутка, Ахмылово 2, Уржумка, Панфилово и др.), шагарской (Шагара 1), новоильинской (Ново-Ильинское 3, Гагарское 3 и др.), юртикской (Усть-Лудяна 2, Среднее Шадбегово 2–3, Худяковское 1 и др.), гаринской (Русско-Азибейское 3, Красное Плотбище, Старушка 1, Бойцовское 7 и др.) и других культур. Все они близки по многим проявлениям материальной и духовной культуры. Не случайно памятники волосовской, юртикской и гаринской культур объединяют в единую культурно-историческую общность (Халиков, 1990), с которой исследователи связывают истоки формирования последующих культур финно-угорского мира.

Основная масса медных вещей происходит из Волго-Камья. В Среднем и Верхнем Поволжье и

в Поочье осуществлялась деятельность волосовского очага металлообработки, а в Прикамье – гаринского очага металлургии (Черных, 1970, с. 108; Кузьминых, 1977; Chernykh, 1992, p. 185–189; Кузьминых и др., 2013). Они явно доминировали в лесной полосе и в северной лесостепи Волго-Уралья. Продукция этих очагов представлена как заимствованными образцами (кованые наконечники копий, кельт-тесло, массивные и плоские долота и тесла, стержневидные стамески и пробойники, очковидные подвески, бляшки-розетки, булавки со спиралевидной головкой и др.), так и оригинальными изделиями (кинжал с рукоятью в виде головы лебедя, гарпун, ножи с игловидным черенком, подвески-лунницы и др.). В отличие от карельского очага волосовский и гаринский сформировались под изначальным импульсом из производящих центров северо-восточной периферии Циркумпонтийской провинции – ямно-полтавкинских и особенно фатьяновско-балановских. Волосовская и гаринская металлообработка в финале своего развития испытала также влияние абашевской металлургии.

Орудия труда, оружие и украшения составляют лишь малую часть металлических находок в культурах этого блока. Основу коллекции составляют отходы плавки и литья меди – капли, сплески, потеки и небольшие слитки. Они сосредоточены в основном в жилищах – в очагах и на прилегающих производственных площадках. Здесь же найдены каменные наковальни (Ахмылово 2), обломки и развалы глиняных тиглей, редкие экземпляры каменных и глиняных литейных форм открытого типа. Последние предназначались для отливки массивных заготовок, из которых формовались долота, тесла и другие изделия. Для металлообработки культур лесной и лесостепной полосы Волго-Уралья, помимо несложных приемов технологии и форм изделий, характерна другая, общая для них черта, а именно: использование «чистой» меди (Черных, 1970, с. 108; Кузьминых, Агапов, 1989, с. 191, 192, рис. 3). Ее рудными источниками являлись месторождения медистых песчаников, имевшие многочисленные поверхностные выходы в Прикамье. Только здесь на поселениях гаринской культуры выявлены следы металлургического передела, т. е. выплавки меди из руды. Гаринский очаг, вероятно, снабжал медью юртикские, волосовские и другие центры металлообработки, расположенные в безрудных районах северо-востока Европы.

Третий блок металлоносных культур охватывает горно-лесной Урал, таежное и лесостепное Зауралье и степные пространства Тоболо-Иртышского междуречья. Здесь выявлены памятники аятской (Горбуновский торфяник, Береговая 6), липчинской (Береговая 3, Разбойничий Остров), суртандинской (Карабалыкты 9, Суртанды 8), ботайской (Ботай), терсекской (Кожай 1, Кумкешу 1) и других культур. Их яркой чертой является керамика, орнаментированная отпечатками гребенчатого штампа в виде разнообразных геометрических фигур. Исследователи даже объединяют указанные культуры в единую культурно-историческую область гребенчатого геометризма, генетически связанную с местным неолитом (Чаиркина, 1997; Шорин, 1999). Памятники данного блока объединяет и то, что найденные в них металлические изделия откованы из «чистой» меди (но уже не приуральской, а выплавленной из руд коренных месторождений Зауралья) или самородной. О металлургической деятельности культур этой области можно судить только по косвенным данным (химический состав металла и технология изготовления изделий). Прямые свидетельства выплавки меди на поселениях отсутствуют. Остатки металлообработки и сами медные вещи здесь немногочисленны (Кузьминых, Дегтярева, 2012; Кузьминых и др., 2013; Спиридонов, 2019). Набор изделий заметно обеднен по сравнению с гаринским и волосовским очагами. Среди них – ножи, шилья, проколки, скобы, кольца, пронизки, т. е. вещи самых простых форм. В целом уровень металлопроизводства культур этого блока является более примитивным, нежели волго-камских.

Металлообработка зауральских энеолитических культур развивалась, вероятнее всего, в заметной изоляции от восточных периферийных очагов ЦМП (ямная культура). В то же время активные контакты и взаимодействие культур Прикамья и Зауралья (Бадер, 1964; Мельничук, 2009) дают основание предполагать, что ранняя металлообработка горно-лесного Урала и прилегающих областей Западной Сибири и Казахстана могла получить изначальный импульс из производящих центров гаринской культуры Среднего Прикамья. При этом пограничное местоположение некоторых суртандинских поселений на стыке гор и степи не исключает контактов населения этих памятников с южноуральскими ямниками.

Металлопроизводство культур всех трех блоков развивалось в среде по сути неолитических обществ с присваивающей экономикой. Население лесной полосы севера и северо-востока Европы и азиатских степных пространств еще не испытывало потребности в широком использовании медных орудий, производило их в ограниченных масштабах и сугубо для внутреннего потребления. Тем не менее специальные исследования (Кузьминых и др., 2013) выявили высокую квалификацию кузнецов-литейщиков гаринского и волосовского

очагов. Свидетельством тому достаточная осведомленность о свойствах и пороках окисленной меди, умение выплавлять ее из руды и обрабатывать при предплавильных температурах. Поэтому есть все основания предполагать, что металлообработка энеолитических культур Волго-Камья развивалась под влиянием производственных традиций приуральского ямного и средневолжских балановско-фатьяновского и абашевского очагов, в которых использовались практически те же технологии и стереотипы изделий, но в более крупном масштабе и с изготовлением массивных металлоемких орудий и оружия (Черных, 2007, с. 37–55; Дегтярева, 2010, с. 68, 69).

Экологический кризис конца III тыс. до н. э. и формирование культур позднего бронзового века. В конце III тыс. до н. э. в развитии археологических культур Волго-Уралья происходят кардинальные перемены, связанные с резкой аридизацией климата степных пространств Северной Евразии (Борисов, Демкина, Демкин, 2006, с. 194; Борисов, Мимоход, Демкин, 2011, с. 51) и остепнением южной части лесной полосы Восточной Европы (Алешинская, Спиридонова, 2000, с. 353). Аридизация климата привела к наступлению нового исторического этапа в развитии культур не только степи и лесостепи, но и на огромных пространствах лесной полосы Северной Евразии – формированию эпохи поздней бронзы.

Экологический кризис конца III тыс. до н. э. привел к распаду катакомбной общности и формированию на юге Восточной Европы блока посткатакомбных культурных образований (Литвиненко, 2011; Мимоход, 2018), миграции на Оку, Верхнюю и Среднюю Волгу групп населения из Центральной и Северной Европы (область культур шнуровой керамики и боевых топоров) (Зальцман, Кузьминых, 2017).

Блок посткатакомбных культурных образований в Восточной Европе Р.А. Литвиненко и Р.А. Мимоход делят на два культурных круга – Бабино и Лола. Они складываются на рубеже XXIII/XXII вв. до н. э. и заканчивают свое существование в XVIII в. до н. э. (Литвиненко, 2011; Мимоход, 2011). С началом этого периода связаны масштабные миграционные процессы, что хорошо подтверждается данными археологии и краниологии. Приток населения с Восточного Кавказа в катакомбную среду предкавказской степи привел к формированию культурных групп лолинского круга. Центральноевропейский импульс в бóльшей степени и кавказский – в мéньшей обусловили сложение культурного круга Бабино. Степное Волго-Уралье явилось восточной периферией посткатакомбных культур (см. подробнее в главе Р.А. Мимохода).

Процессы взаимодействия скотоводов-«шнуровиков» с аборигенными группами населения охватили зону широколиственных лесов и южную кромку тайги Восточной Европы. Археологическое выражение этого процесса документируется древностями типа Kiukaiskultur в Южной Финляндии, древней штрихованной керамики в Северной Белоруссии и в Восточной Балтике, т. н. фатьяноидных или галичских в центре Русской равнины и чирковских в Волго-Камье. Эти древности характеризуются своеобразными гибридными керамическими комплексами, которые явственно отражают направление и глубину этнокультурного взаимодействия пришлого и местного населения (см. подробнее в главах В.В. Ставицкого и Б.С. Соловьева). Процессы взаимодействия протекали не всегда мирно. Свидетельством тому коллективное фатьяновское погребение на поселении Николо-Перевоз в Московской области (Раушенбах, 1960); в костях воинов найдены волосовские кремневые наконечники стрел. Но различная направленность хозяйственной деятельности пришлых и местных племен позволила избежать тотальной конфронтации. Поздневолосовское население Поочья и Среднего Поволжья, занимавшееся в основном интенсивным рыболовством, сосредоточилось прежде всего в южно-таежных низинах окского и волжского левобережья; мигранты-скотоводы – носители фатьяновской, атликасинской и балановской культур – освоили полосу широколиственных лесов региона и лесостепные участки Посурья, Предволжья и Вятско-Ветлужского междуречья (Никитин, Соловьев, 1990; Ставицкий, 2005; Соловьев, 2016).

Импульсы, исходящие, вероятно, от западных и северо-западных культур «шнурового» мира, достигли также волго-уральской лесостепи и степи. В памятниках вольско-лбищенского и ямно-полтавкинского круга (Царев Курган, пещера Братьев Греве, Болдырево 1 и др.) (Васильев, Кузнецов, 2000; Богданов, 2004) выявлен примечательный комплекс металлических изделий, характерный для области культур боевых топоров и шнуровой керамики. Погребения с вольско-лбищенской керамикой финала среднего бронзового века относятся с кругу посткатакомбных культурных образований (Мимоход, 2018, с. 230). В лесостепном Поволжье и Приуралье известны также отдельные могильники (Алексеевский, Северобирский и др.) (Сальников, 1967; Пестрикова, 1979), которые есть все основания отождествлять с продвинувшимися далеко на восток племенными группами этой общности.

Наиболее ярким примером масштабных миграций в Волго-Уралье в конце III тыс. до н. э.

является самобытная и яркая средневолжская абашевская культуры (см. главу О.В. Кузьминой). Основной ареал ее охватывал части Марийской, Чувашской, Мордовской и Татарской республик. Просуществовала она не более 200–250 лет в пределах XXII–XX вв. до н. э. (Кузьминых, Мимоход, 2016). Средневолжская абашевская культура сформировалась под непосредственным импульсом из Карпато-Балканского региона и Центральной Европы (Мимоход, 2016, с. 37; Кузьминых, Мимоход, 2016, с. 43). Вехами движения на восток новых европейских групп (вслед за «шнуровиками») являются памятники на территории Брянской, Московской, Рязанской и Ярославской областей (Артеменко, Пронін, 1976; Крайнов, Уткин, 1991; Луньков, Энговатова, 2003; Ахмедов и др., 2013; Кренке, 2014).

Культуры Волго-Уралья в системе Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции. Освоение абашевскими и посткатакомбными группами волго-уральской лесостепи и степи (с выходом в Южное Зауралье) завершило масштабную трансформацию ранне- и среднебронзовых культур ямно-катакомбного блока и придало импульс для сложения культур «колесничного» круга – синташтинской, потаповской, раннесрубной (покровской), раннеалакальской (петровской). В процессах начальной фазы культурогенеза эпохи поздней бронзы абашевской общности, безусловно, принадлежала важнейшая роль. В ареале этой общности сформировались скотоводческий хозяйственно-культурный тип и стереотипы технологии металлургии и металлообработки, укоренившиеся в степи и лесостепи Восточной Европы, Западной Сибири и Казахстана на последующих фазах ПБВ.

Вторым поворотным моментом в развитии культур Волго-Уралья и Северной Евразии стало формирование сейминско-турбинского (СТ) транскультурного феномена. Распространение СТ-феномена и связанных с ним новаций в технологии металлургии и металлообработки ознаменовало переход к позднему бронзовому веку в Северной Евразии. В конце III – первой половине II тыс. до н. э. здесь повсеместно укореняется технология получения оловянных бронз и тонкостенного литья орудий и оружия. Мир металлоносных культур достигает Европейского Севера и охватывает гигантские пространства Северной и Центральной Азии. Производственная и этнокультурная консолидация населения этого огромного пространства привела к формированию Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции (ЗАМП). В создании этой колоссальной системы СТ-феномену принадлежала ключевая роль (Черных, 2013, с. 269–287).

В Волго-Уралье изучены 2 крупных (Турбино 1, Усть-Ветлуга), малые и «условные» грунтовые могильники-мемориалы (Усть-Гайва, Бор-Ленва, Заосиново 4, Коршуново, Березовка-Омары, Мурзихинский 1, Базяково 3, Соколовка, Красный Яр и др.), святилища (*Канинская пещера, Шайтанское озеро 2*); известна также серия находок бронзового оружия и литейных форм (Черных, Кузьминых, 1989, рис. 1; 2). Человеческие останки, в т. ч. трупосожжения, зафиксированы в Усть-Ветлуге (Соловьев, 2016); предполагается, что остальные захоронения в других могильниках – кенотафы или жертвоприношения, хотя не исключено, что костные останки не сохранились из-за неблагоприятных почвенных условий. В инвентаре – бронзовые кельты, чеканы, наконечники копий, ножи и кинжалы, каменные наконечники стрел; нефритовые кольца, браслеты, бусины и др. Керамика, близкая *абашевской культуре,* найдена в погребениях в Решном и в сборах на Соколовке (Черных, Кузьминых, 1989, рис. 103).

Вся история СТ-феномена является, по сути, фазой передвижения, начавшегося на Иртыше и завершившегося на берегах Балтики и севере Фенноскандии. На Западно-Сибирской равнине эта фаза протекала при активном взаимодействии с кротовской и другими культурами (Ростовка, Сатыга), а начиная со Среднего Урала – с абашевской культурой (Турбино, Бор-Лёнва, Решное и др.). Носители этих культур, вероятнее всего, были инкорпорированы в структуру СТ-групп. Вещи СТ-типов, по преимуществу пластинчатые ножи и ножи-пилки, изредка встречаются в памятниках абашевской, синташтинской, потаповской, раннесрубной (покровской), петровской, фатьяноидной (чирковской) культур (Кузьминых, 2011, с. 248; Корочкова и др., 2020, с. 66). Но речь идет именно о единичных, но не серийных находках СТ-бронз в древностях этих культур. Какого рода контакты и связи кроются за данным явлением, однозначно ответить сложно. Многими авторами они воспринимаются в русле прямого СТ-импульса, который привел к переходу этих культур от технологии литье + ковка к технологии тонкостенного литья. Однако последняя, будучи раз изобретенной, не могла оставаться бесконечно долго в секрете. Свидетельство тому – серии литых наконечников копий со «слепой» втулкой так называемых евразийских типов в кротовской, петровской, нуртайской, раннесрубной (покровской) и других культурах (Черных, Кузьминых, 1989, рис. 40: 2, 5; 43: 3–5; 45: 3, 5–7; 46: 2, 3; 47; 48: 2–8), время существования которых приходится на этап СТ-передвижений. Технология тонкостенного литья достаточно быстро и независимо от традиций СТ-металлообработки распростра-

нилась по Евразии. На всем пути активных СТ-миграций – а с рубежа Урала это по преимуществу был мир постэнеолитических культур лесной полосы Восточной Европы – мы не видим быстрого внедрения новых революционных технологий в местную металлообработку.

Они происходят на позднейшем этапе СТ-феномена в самом начале II тыс. до н. э. и связаны с трансформацией технологии самого СТ-феномена. Материалы святилищ Шайтанское озеро 2 на Среднем Урале (Корочкова и др., 2020) и Вис 1 (Кузьминых, 2011, рис. 1) в бассейне Вычегды демонстрируют наиболее ранний этап перестройки СТ-металлообработки. Втульчатые кельты, сохраняя декор сейминско-ростовкинской и турбинской серий орудий, обретают вместо сквозных «ложные» ушки. Выходят из употребления кованые и вильчатые наконечники копий, однолезвийные выгнутообушковые кинжалы. Появляются втульчатые чеканы, новые варианты двулезвийных кинжалов с прилитыми рукоятями. Материалы Шайтанского озера 2 и Вис 1 являются переходными к формированию так называемой самусьско-кижировской металлообработки (Черных, Кузьминых, 1989, с. 144–162). Именно она наследует традиции более ранней СТ-металлообработки в отличие от производства срубно-андроновского мира, основные стереотипы орудий и оружия которого восходят к абашевско-синташтинско-петровским формам.

В развитии культур и очагов металлообработки Западноазиатской провинции намечается несколько хронологических периодов – фаза сложения (XXII/XXI–XVIII/XVII вв. до н. э.); формирование в степи и лесостепи срубно-андроновского блока культур и стабилизация основных производственных центров (XVIII/XVII–XV вв. до н. э.); перестройка культур срубно-андроновского мира: «андронизация» его северной периферии и сложение восточной зоны общности культур «валиковой» керамики, передислокация основных очагов металлообработки в лесную и лесостепную зоны (XV/XIV–XII/XI вв. до н. э.); последняя фаза связана с нарастающими процессами деструкции и распада ЗАМП (XII/XI–IX/VIII вв. до н. э.) (Кузьминых, Дегтярева, 2012, с. 223). Все эти фазы представлены в древностях Волго-Уралья.

На ранней фазе ЗАМП складываются два крупных блока культур и производящих центров. Первый из них связан с упоминавшимися выше абашевской, синташтинской, потаповской, раннеалакальской (петровской) и раннесрубной (покровской) культурами. Деятельность очагов металлургии и металлообработки данного блока охватывала значительные пространства восточноевропейской степи и лесостепи, Южное Зауралье, Северный и Центральный Казахстан. Второй блок культур производящих центров локализуется в горах и предгорьях Саяно-Алтая, западносибирской лесостепи, зауральской тайге, лесах Восточной Европы и связан, прежде всего, с сейминско-турбинскими памятниками. Рудной базой первого блока очагов являлись как ранее эксплуатировавшиеся месторождения медистых песчаников Приуралья, так и вновь освоенные коренные месторождения Южного Зауралья, Мугоджар, северных и центральных областей Казахстана. Примечательно, что Кавказ перестал служить важнейшим источником меди и бронз для степных и лесостепных культур Восточной Европы, как это было в эпохи ранней и средней бронзы. Мышьяковая бронза, по-прежнему заметная в абашевских и синташтинском очагах, а также серебро стали выплавляться на Урале (рудники Таш-Казган, Никольское и др.). Сейминско-турбинские центры использовали оловянные и оловянно-мышьяковые бронзы. Появление этих легкотекучих сплавов стало возможным с открытием и началом разработки богатейших медно- и оловорудных источников на севере Алтайской горной страны. На последующих фазах развития ЗАМП Рудный Алтай станет важнейшим поставщиком на трансъевразийские торговые маршруты олова – драгоценной лигатуры древности.

В западных очагах ЕАМП, и прежде всего в Волго-Уралье, продолжается изготовление орудий и оружия, в которых без труда узнается традиционный набор, характерный для производства предшествующей Циркумпонтийской провинции: втульчатые топоры, плоские и желобчатые тесла и долота, черенковые двулезвийные ножи и кинжалы, кованые наконечники копий и др. Начинается изготовление серпов-секачей и пластинчатых серповидных орудий, появляются первые литые предметы со «слепой» (т. е. не сквозной) втулкой (наконечники копий). В сейминско-турбинских центрах отливаются втульчатые топоры-кельты, кельты-лопатки, тесла, наконечники копий и дротиков, а также выгнутообушковые однолезвийные и пластинчатые двулезвийные ножи и кинжалы.

С формированием на рубеже III–II тыс. до н. э. Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции – огромной и взаимосвязанной системы производящих центров – в степи и на юге лесостепи Волго-Уралья сложился скотоводческий хозяйственно-культурный тип производящей экономики. Основой жизнеобеспечения культур этой зоны являлось, прежде всего, пастушеское скотоводство, но отнюдь не земледелие, как это считалось ранее. Северная лесостепь и юг лесной зоны региона входят в ареал многоотраслевой

экономики с динамичным сочетанием производящих и присваивающих занятий. В то же время рыболовство и охота остаются основой жизнеобеспечения населения глубинных таежных районов Волго-Камья и Северного Приуралья, различаясь лишь подвижным или оседлым образом жизни аборигенных групп. Однако важной приметой нового времени стало повсеместное распространение не только в степи и лесостепи, но и в таежных районах цветной металлообработки. Процессам культурогенеза и обмену инновациями способствовали активные меридиональные и широтные контакты и связи вдоль трассы Волжского и Камского пути.

На второй фазе ЗАМП (XVIII/XVII–XV вв. до н. э.) степи и лесостепи Волго-Уралья осваиваются племенами срубной общности. В районах Южного Приуралья и Зауралья происходило активное взаимодействие с алакульской культурой – здесь сформировалась широкая зона смешанных срубно-алакульских памятников. Срубно-алакульский мир – это по преимуществу мир скотоводов и металлургов. В целом же культура того времени удивительно монотонна и стандартизирована. Это проявляется в домостроительстве, курганном обряде захоронения, керамике и ее лаконичном декоре, изделиях из металла, кости, камня и т. д. В кратчайшие сроки срубные и алакульские скотоводы освоили не только пространство вдоль крупных водных магистралей, но и маловодные глубинные лесостепные и степные ландшафты. Судя по числу известных поселений (счет которых идет на тысячи), в эту эпоху происходит настоящий демографический взрыв. Никогда позже, вплоть до колонизации XVIII–XIX вв., в евразийской степи и лесостепи не было такой плотности населения.

Формирование срубно-алакульского блока культур стало ключевым моментом в стабилизации производящих центров ЗАМП. Археологические источники не фиксируют каких-либо серьезных отклонений от модели хозяйственно-культурного типа, сложившейся в предшествующее время (пастушеское скотоводство). На этой фазе в основных регионах провинции происходит значительная унификация металлической продукции, повсеместно распространяются оловянные и оловянно-мышьяковые бронзы. Огромное большинство металла сосредоточено, прежде всего, в степных и лесостепных центрах. Очаги металлообработки культур северной лесостепи и таежной зоны являются в это время еще сравнительно маломощными. В формах изделий и технологии металлообработки лесостепных и южнотаежных культур (поздняковская, займищенский и заосиновский тип памятников, черкаскульская и др.) особенно заметно воздействие срубных и алакульских центров.

Горно-металлургическое производство срубной общности базировалось на медистых песчаниках Приуралья и Донецкого кряжа на востоке Украины. Основные производящие центры – Каргалинский (доминирующий) и Донецкий – расположены на периферии общности. Эксплуатировались и маломощные рудопроявления Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья (Михайло-Овсянка и др.). Распространение меди из этих центров имело главным образом широтный характер, в пределах восточноевропейской степи и лесостепи. Значительная часть металла, особенно украшений, поступала из алакульских мастерских Казахстана. Медь Каргалинского горно-металлургического центра использовалась только в Волго-Уралье, не переходя восточную границу срубного ареала. Несмотря на большой импорт сырья и украшений с востока (оловянные и сурьмяно-мышьяковые бронзы), стратегически важная сфера изготовления орудий труда и оружия оставалась в руках срубных кузнецов и литейщиков, использовавших в основном «чистую» каргалинскую и донецкую медь.

Поражают масштабы производственной деятельности Каргалинского центра – крупнейшего в Северной Евразии горнодобывающего, металлургического и металлообрабатывающего комплекса (Черных, 2007). Здесь открыты более 20 поселков горняков и металлургов срубной общности, многие тысячи следов поверхностных и подземных выработок. Для добычи и первичной обработки руды требовалось огромное количество медных, костяных и каменных инструментов и древесного угля. Руда, продукты ее первичной переработки, а также слитки меди, безусловно, являлись товарной продукцией и распространялись в основном на запад и север от Каргалов.

Население срубной общности оказало заметное воздействие на культуру и экономику племен лесной полосы Восточной Европы. Однако оно не простиралось на глубинные таежные районы. Для населения севера Восточной Европы характерен довольно примитивный уровень металлообработки. Пример тому – культура асбестовой керамики в Карелии (Жульников, 1999). Население этого края не воспринимает новые технологии и использует все те же приемы ковки и литья самородной меди, укоренившиеся здесь в энеолитическую эпоху (Чистякова, 1991). На севере Восточной Европы известны единичные образцы топоров-кельтов (Вис 2), которые можно связать с воспроизводством сейминско-турбинского оружия. Они имеют характерную деталь – «ложные» ушки (Кузьминых, 2011, рис. 1: 1).

Только в пограничье лесостепи и леса – вдоль Оки, среднего течения Волги и низовий Камы – происходит трансформация аборигенных культур. Эти культуры, прежде всего поздняковская, займищенский и заосиновский тип памятников (Поздняково, Подборное, Займище 3 и др.) (см. главы В.В. Ставицкого, А.И. Королева, А.В. Лыганова, А.Ф. Мельничука, А.Е. Митрякова), восприняли новый социально-экономический уклад и стереотипы ЗАМП, связанные с абашевской и срубной металлообработкой. Особенно отчетливо это проявилось в формах втульчатых наконечников копий, двулезвийных черенковых ножей, плоских тесел, кованых долот с разомкнутой втулкой, серпов-секачей, разнообразных типов украшений. Влияние южных лесостепных культур сказалось также в формах керамики и погребальном обряде окского и волго-камского населения. Вероятнее всего, именно к этой эпохе относится массовое внедрение чужеродной, индоевропейской лексики, связанной с металлургией, скотоводством и, возможно, земледелием, в языки древних финно-угров (Напольских, 1997).

Третья фаза развития ЗАМП (XV/XIV–XII/XI вв. до н. э.) связана с перестройкой культур срубно-андроновского мира. Основные культурно-исторические процессы этого времени характеризуются двумя коренными явлениями: «андронизацией» северной периферии провинции и сложением восточной зоны общности культур «валиковой» керамики, а также передислокацией основных очагов металлообработки в лесную и лесостепную зоны. Степные пространства стали ареной консолидации населения срубно-андроновского мира, что в итоге привело к формированию общности культур с валиковой керамикой. Эта перестройка культур степного пояса, вероятно, была вызвана начавшейся аридизацией климата, иссушением почв и ухудшением пастбищных угодий.

В сер. II тыс. до н. э. группы населения черкаскульской и фёдоровской культур мигрируют в районы к западу от Урала. Под их влиянием здесь происходит трансформация культурного ландшафта: андроноидная «вуаль» меняет облик северной периферии срубной общности, восточных памятников поздняковской культуры, займищенского и заосиновского типов в Волго-Камье и приводит к формированию в бассейнах Мокши, Цны и Суры памятников аким-сергеевского типа (см. главу В.В. Ставицкого), в волго-уральской лесостепи – сусканской культуры, на юге лесной зоны – луговской культуры (см. главы Ю.И. Колева и А.В. Лыганова). Сложение андроноидных культур – на северной периферии андроновского и срубного миров – результат тесных процессов аккультурации групп местного лесостепного и южнотаежного населения (коптяковская, одиновская, кротовская культуры в Западной Сибири, срубная общность, займищенский и заосиновский тип памятников в Волго-Камье) и носителей степных андроновских (федоровских) традиций. В южнотаежных широтах наблюдается мозаичность культур, которая плавно переходит в монотонную картину мира лесных охотников и рыболовов с присущей этим обществам гребенчато-ямочной керамикой в Западной Сибири и текстильной – на Средней Волге и в Волго-Окском междуречье.

Металлические изделия этой фазы (кельты трех групп – одноушковые с зауженным туловом и мощным валиком-ободком по устью втулки; с «пещеркой»; с лобным ушком; втульчатые наконечники копий, дротиков (в т. ч. прорезные), двухлопастных стрел со слабо выступающей или скрытой втулкой; двулезвийные черенковые ножи и кинжалы без перекрестья, с перекрестьем и перехватом, иногда с кольцевым упором, часто с продольным ребром, редко – с прилитой рукоятью; серпы-секачи дербеденевского типа; бляхи с петелькой или штырьком; височные желобчатые кольца и браслеты, в т. ч. с концами в виде конусовидных спиралей, иногда плакированные золотой фольгой) указывают на связи с производящими центрами степных культур ЗАМП (Агапов, 1990; Агапов и др., 2012). В то же время в андроноидных культурах появляются однолезвийные ножи с выделенной и не выделенной рукоятью (кроме черкаскульской, сусканской и луговской), бляхи с небольшим «глухим» ушком и поперечной планкой с отверстием, демонстрирующие традиции Восточноазиатской (Центральноазиатской) металлургической провинции и не характерные для культур срубно-андроновского мира.

С ивановской (КВК) и андроноидными культурами связана сеть очагов металлообработки; мощнейшими среди них были дербеденевский в Волго-Камье и черноозерский – на юге Западной Сибири. Использовались в основном оловянные и оловянно-мышьяковые бронзы, полученные из горно-металлургических центров Рудного Алтая и Центрального Казахстана. Система жизнеобеспечения основана на оптимальном сочетании скотоводства и присваивающих форм хозяйства, а также развитой металлообработке. Локализация андроноидных культур передает северные пределы распространения производящей экономики в Евразии и сопутствующие ей процессы интеграции и взаимодействия культур, втянутых в систему связей Западноазиатской (Евразийской) и Восточноазиатской (Центральноазиатской) металлургических провинций. В этот период происходит передислокация основных очагов металло-

обработки ЗАМП в лесную и лесостепную зоны. Горно-металлургические центры Саяно-Алтая, Казахстана и Урала направляют основную долю производимого металла в эти районы. В технологии производства и в морфологии металлических изделий наблюдаются существенные изменения. Повсеместно используются искусственные сплавы. Наряду с изготовлением двулезвийных ножей и кинжалов, втульчатых топоров, плоских и желобчатых тесел и долот, восходящих к ранним циркумпонтийским стереотипам, в степи и лесостепи начинается массовое производство втульчатых топоров-кельтов, наконечников копий и стрел, тесел, однолезвийных ножей. Технология тонкостенного литья становится ведущей в металлообработке (Агапов, 1990; Агапов и др., 2012).

В финале бронзового века (XII/XI–X/IX вв. до н. э.) нарастают процессы деструкции и распада Западноазиатской провинции, сопровождаемые переоформлением этнокультурной карты большинства районов Северной Евразии. Общность КВК азиатских и европейских степей на поздней стадии своего развития теряет былое единство материальной культуры. Памятники трушниковского, донгальского и бегазинского типов в Казахстане и на юге Западной Сибири, нурского – в Волго-Уралье и Среднеазиатском междуречье фактически демонстрируют распад этой общности. Степи к востоку от Северского Донца пустеют. Влияние южных степных культур на развитие лесостепных и лесных заметно падает. Напротив, наблюдается проникновение населения лесных культур в южные лесостепные анклавы вдоль ленточных боров Волги и ее притоков. Керамика маклашеевской и «текстильной» культур, в частности, выявлена на ряде памятников Заволжья по рекам Сок и Большой Кинель и на Самарской Луке (Колев, 2000, рис. 31). В азиатских степях плотность населения также заметно уменьшается, но именно в это время в Центральном Казахстане появляются поселения, претендующие на статус городов. К примеру, площадь поселения Кент достигает 30 га, Бугулы и Мыржик – соответственно 14 и 3 га (Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 62, 63). Наблюдается отток степных коллективов в северную лесостепь, предгорья Алтая и Тянь-Шаня и в раннеземледельческие оазисы Средней Азии.

Этнокультурная карта лесостепных и южнотаежных пространств меняется в финале ПБВ коренным образом. Набирают силу интеграционные процессы. Мозаичность культур, характерная для предшествующей фазы развития ЗАМП, уходит в прошлое: здесь формируются огромные культурно-исторические общности. В Волго-Окском бассейне и лесном Поволжье распространяются памятники общности культур с «текстильной» керамикой (см. главы В.С. Патрушева; А.А. Чижевского, Б.С. Соловьева, Е.С. Азарова). В Волго-Камье складывается предананьинская (маклашеевская) общность (см. главу А.А. Чижевского, А.В. Лыганова, С.В. Кузьминых). В Приуралье и Зауралье памятники межовской и бархатовской культур приходят на смену «андроноидным». Западносибирская лесостепь и южнотаежные районы Приобья становятся зоной распространения корчажкинской и ирменской культур.

Мир таежных евразийских культур продолжает развиваться в русле сложившихся традиций, хотя и испытывает определенные сторонние воздействия. В этот период более выразительной становится локальная специфика регионов. Лебяжская культура Северного Приуралья, атлымская, позднесузгунская, лозьвинская, барсовская, еловская культуры Зауралья и Западной Сибири демонстрируют трансформацию некогда нерасчленимого культурного пространства, индикатором единства которого служила гребенчато-ямочная керамика. В конце бронзового века эта орнаментальная традиция в различных регионах приобретает специфическую окраску за счет внедрения фигурно-штампованного и змейчатого (мелкоструйчатого) орнамента в канонические схемы декора. Особенности декора фактически являются единственным критерием выделения археологических культур в таежной зоне. Здесь не выявлены обычные грунтовые захоронения и широко распространены святилища.

Система производящих центров ЗАМП в финале ПБВ наследует структуру предшествующего периода. Горно-металлургические центры Рудного Алтая и Казахстана по-прежнему направляют основную часть меди и бронз в очаги металлообработки лесостепных и лесных культур. Затухает производство меди в Уральской горно-металлургической области и в то же время возрастает импорт саянской мышьяковой меди и готовых изделий, особенно в ирменские центры Обь-Енисейского междуречья (Бобров и др., 1997). На западе, в днепровско-донецком пограничье Западноазиатской и Европейской металлургических провинций, увеличивается приток карпатских оловянных бронз (Черных, 1976, с. 200, 201), но в более восточных центрах – бондарихинских и маклашеевских – приток этих бронз уже не ощутим.

Более важные изменения связаны с локализацией очагов металлообработки Восточной Европы. Почти полностью прекращают свою деятельность степные и лесостепные центры. По сути, «диким полем» становится Волго-Уралье. Лишь в западных районах лесостепи незначительное по объему производство осуществляется литейщиками бондарихинской культуры. В финале брон-

зового века основные очаги металлообработки – маклашеевский (предананьинский) и культуры текстильной керамики – передислоцируются в южные районы лесной полосы. В азиатской зоне ЗАМП южнотаежные центры, напротив, уступают главенствующую роль лесостепным – ирменским.

В финале ПБВ на этих огромных пространствах Северной Евразии, в т. ч. в Волго-Уралье, происходит своеобразный «ренессанс» аборигенных культур, выразившийся в заметном росте народонаселения, коренной переработке и даже отказе от некоторых привнесенных в предшествующие эпохи стереотипов культур срубно-андроновского мира. Особенно ярко это проявляется в повсеместном распространении круглодонной керамики, ее орнаментальном декоре, постепенном отказе от курганного обряда захоронения, этнографическом своеобразии женских украшений. Поселенческие памятники этих культур представлены в основном селищами на высоких и низких берегах рек и озер. Некоторые из них укреплены валами и рвами. Могильники – грунтовые или курганные с невысокими насыпями. Погребения – вытянутые или скорченные – совершены в неглубоких ямах или на уровне погребенной почвы. Могилы чаще всего расположены рядами или группами. В конце бронзового века сохраняется производство тех же категорий орудий, оружия и украшений, что и в предшествующий период. Набор металлического инвентаря кардинально не меняется (втульчатые кельты, наконечники копий и стрел, тесла, ножи с одним и двумя лезвиями, разнообразные украшения). Модифицируются лишь их формы, определяя специфику тех или иных центров. Эволюция этих форм продолжится и в начале раннего железного века, но только в таежных производящих центрах (ананьинские, иткульский, протокулайский и др.) (Кузьминых, 1983; Бельтикова, 2002).

ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК ЭНЕОЛИТА И БРОНЗОВОГО ВЕКА ВОЛЖСКО-КАМСКОГО КРАЯ

Для изучения динамики растительности и климата голоцена широко применяется схема периодизации Блитта-Сернандера, первоначально созданная для Северной Европы и модифицированная для центральных районов Европейской части России Н.А. Хотинским (1977). Для территории Западной Европы схема периодизации Блитта-Сернандера была адаптирована Я. Мангерудом с соавт. (Mangerud et al., 1974). По схеме Блитта-Сернандера голоценовая эпоха включает в себя пять климатических периодов: пребореальный (10300–9300 ^{14}C л. н./11700–10500 кал. л. н.), бореальный (9300–8000 ^{14}C л. н./10300–8800 кал. л. н.), атлантический (8000–4600 ^{14}C л. н./8800–5300 кал. л. н.), суббореальный (4600–2500 ^{14}C л. н./5300–2600 кал. л. н.) и субатлантический (с 2500 ^{14}C л. н./2600 кал. л. н.) периоды (табл. 1).

В то же время в Западной Европе в последние несколько десятилетий схема периодизации Блитта-Сернандера практически не применяется, и исследователи при реконструкции последовательности событий в голоцене пользуются датировками абсолютного возраста. Широкое использование датировок абсолютного возраста в настоящее время является неотъемлемой частью исследований голоцена. В то же время новые информационные технологии в исследованиях с использованием компьютеров позволили применять качественно новые информационно-статистические методы, сопряженные с программным обеспечением. Например, для палеоклиматических и палеорастительных реконструкций голоцена используются методы, основанные на принципах актуализма, в основе которых лежат современные (рецентные) спорово-пыльцевые спектры (СПС) и современные климатические данные (средние температуры июля, января, года, годовая сумма осадков) и их взаимосвязь. В дальнейшем эта взаимосвязь используется по данным субфоссильных и фоссильных СПС и переноситься на реконструкцию и компьютерное моделирование, как растительности, так и климата разных периодов голоцена. Все это позволило создать принципиально и качественно новые реконструкции природных условий голоцена для целого ряда регионов Европы и Европейской России (Борисова, 2008; Новенко, 2015; и др.). Сравнение палеоклиматических реконструкций и построение математических моделей для разных регионов показало, что динамика климата и растительности имели региональные особенности, но вместе с тем колебания климата в течение голоцена имели крупномасштабные параметры изменения и несли в себе черты глобального характера.

В 2018 году Международная комиссия по стратиграфии разделила голоцен на три временные части: Гренландий – начало 11,7 тыс. лет (до 2000 г.), Нортгриппий – начало 8,326 тыс. лет (до 2000 г.), Мегхалаий – начало 4,200 тыс. лет (до 1950 г.) (Gibbard, 2018). При этом наиболее близкая ко второй половине среднего голоцена и всего позднего голоцена третья часть, включающая и настоящее время, получила название мегхалайской в честь спелеотем, обнаруженных в пещерном комплексе в штате Мегхалая (Индия). Начало эпохи было привязано к возникновению продолжительной засухи примерно в 2250 году до нашей эры или 4250 кал. л. н.

Вторая половина голоцена характеризовалась весьма сложной динамикой растительных сообществ в Восточной Европе, обусловленной как климатическими изменениями, так и действием антропогенного фактора, влияние которого особенно усилилось в последнее тысячелетие. Для суббореального и начала субатлантического периодов были характерны изумительные по своим масштабам и проявлениям быстрые во времени ландшафтные перемены во многих районах Восточной Европы.

В настоящее время накоплен обширный материал по голоценовой истории природной среды Восточно-Европейской равнины и ее отдельных регионов (Завьялов и др., 2003; Восточноевропейские…, 2004; Маркова и др., 2008; Благовещенская, 2009; Аськеев и др., 2009; Новенко, 2015; Голубева, 2010; Андреичева и др., 2015; Чендев и др., 2015; и др.). Наряду с представлениями о наличии природной зональности на территории Восточно-Европейской равнины в голоцене (Маркова и др., 2008; Симакова, 2008) существует мнение о том, что в течение голоцена почти все ее пространство занимала смешанная бореально-не-

моральная флора и фауна (Смирнова и др., 2001; Восточноевропейские…, 2004).

Растительность территории срединной части Волжско-Камского края менялась следующим образом: степная, лесостепная (предбореальный период) → лесостепная, лесная (бореальный) → лесная, лесостепная (атлантический и суббореальный период) → лесостепная, лесная (субатлантический период). Наименьшая облесённость этой территории была в самом начале предбореального периода (10300 лет назад) и в последние 100 лет в 20 веке. Наибольшая отмечена с конца атлантического до самого конца первой фазы суббореального периодов (от 5300 до 4200 лет назад), что было связано в первую очередь с климатическими факторами. Существенные антропогенные изменения в растительном покрове лесостепей начались лишь с конца суббореального периода (около 3000 лет назад) с развитием животноводства и земледелия. Началом заметного сокращения площади лесов и изменение его состава в виде появления больших площадей вторичных формаций относится к началу субатлантического периода (около 2500–2000 лет назад). Со среднего голоцена оформляется новый фактор воздействия на природную среду – хозяйство производящего типа: земледелие, скотоводство, выплавка металлов, строительство и существование поселений. Таким образом, развитие растительного покрова и в целом ландшафтов уже нельзя рассматривать без учета хозяйственной деятельности человека. Примерно 4 тыс. л. н. скотоводство прослеживаются уже на большей части современной лесостепи, широколиственных лесов и в меньшей мере в хвойно-широколиственных лесах, проникает и в подзону южной тайги. Этому в значительной мере способствовало и наличие в лесной зоне первичных безлесных или слабозалесенных территорий, где и происходило формирование раннего земледелия и животноводство лесного типа. В эпоху энеолита значительно усиливаются передвижения и контакты населения. К эпохе бронзы относится массовое заселение Волжско-Камского края, что, вероятно, связано с благоприятными как климатическими, так и другими природными условиями для скотоводства и земледелия, а также наличием крупных водных артерий. Производящее хозяйство бронзового века преобразовывало почвенный покров, нарушало естественную структуру лесов и степи. Рубки, расчистки леса, выпас скота, пожары, функционирование поселений становились ведущими факторами изменения всей природной среды. В это время формировалась новая экономическая структура, основанная на сочетании преимуществ производящего и присваивающего хозяйств в условиях лесной и лесостепной зон. Это было вызвано нестабильностью климата и быстрой сменой ландшафтных обстановок, которые требовали от населения быстрого реагирования и как можно полного использования имеющихся природных ресурсов. И именно этот тип хозяйствования – «лесное» животноводство, как правило, придомное с очень развитым охотничьим промыслом и традициями и сезонным рыболовством – стал доминирующим и явился откликом на быстро меняющиеся экологические условия второй половины суббореала.

Вятский регион (57–61° с. ш., 46–54° в. д.)

Реконструкции растительности Вятского региона и использование её в качестве индикационных показателей эволюции климата в голоцене были исследованы Н.Г. Ивановой (1971), И.А. Жуйковой (1999) и О.М. Пахомовой (2004).

В суббореальный период голоцена (4600–2500 л. н.) в регионе начинается расцвет темнохвойных еловых лесов (при значительном участии широколиственных пород), которые стали доминирующими формациями в регионе (рис. 1–3, табл. 2).

Вследствие большой протяжённости Вятского края с севера на юг всё же наблюдаются некоторые различия в растительном покрове: на юге области большую роль в формировании ценозов играла сосна (*Pinus silvestris*), на севере – ель (*Picea abies*), а на западе – берёза (*Betula* sect. *Albae*). Доля широколиственных пород и ольхи (*Alnus*) в суббореальном периоде сохраняется почти на таком же уровне, как и в позднеатлантическое время, т. е. доминировали светлохвойные сосновые формации и хвойно-широколиственные леса сложного состава, с незначительным присутствием широколиственных пород (дуба (*Quercus robur*), липы (*Tilia cordata*), вяза (*Ulmus*) и лещины (*Corylus avellana*). Таким образом, на территории Вятского края резкого снижения доли широколиственных пород в раннесуббореальное похолодание не отмечено, а два максимума широколиственных пород: позднеатлантический и среднесуббореальный – оказались объединены в один растянутый среднеголоценовый максимум. Среднетаежные елово-пихтовые леса сформировались в Вятском крае только в самом конце суббореального времени, но только в субатлантике они стали доминирующим типом растительности в центральной и северной частях региона. Похолодание раннего SB выразилось в сокращении роли сосновых лесов и увеличении роли еловых лесов с папоротниковым покровом, увеличилась также доля ольхи. Потепление в середине SB привело к восстановлению сосновых лесов до уровня AT. Последующее похолодание в позднем

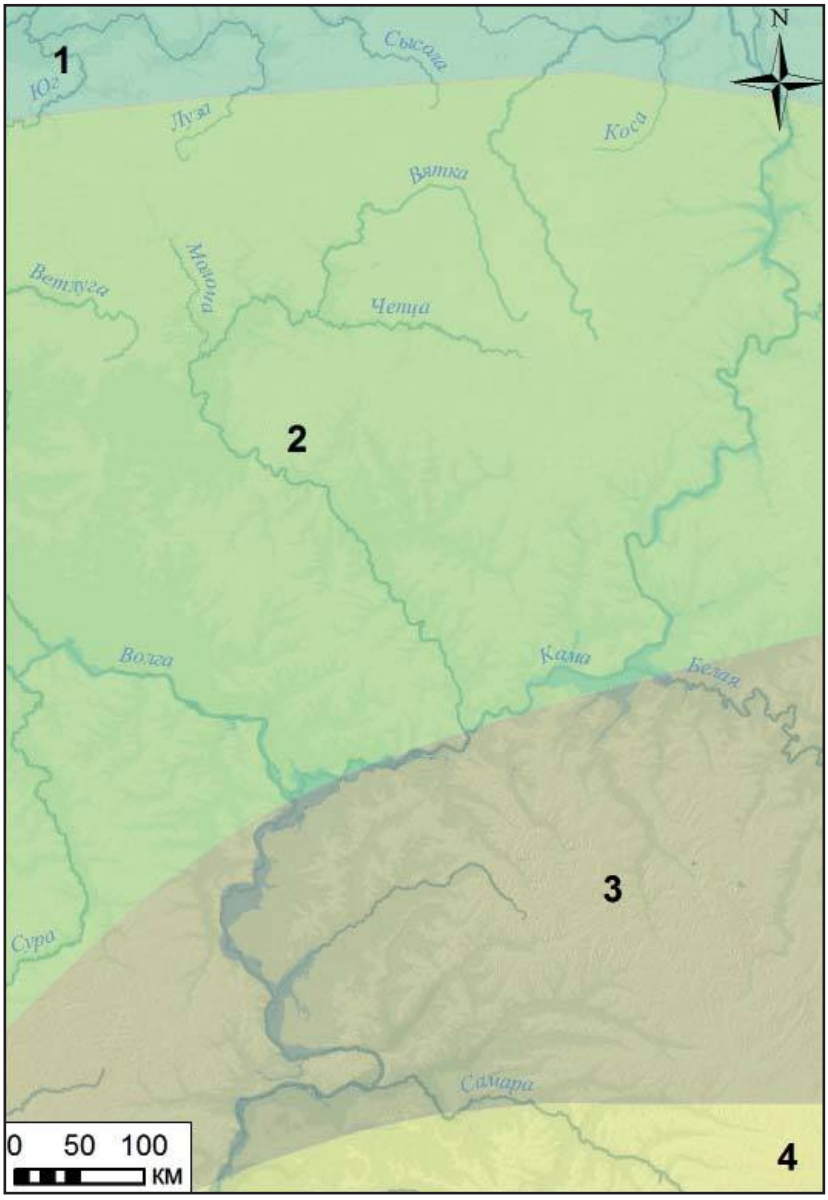


Рис. 1. Карта расположения природных зон в SB 1 в Волжско-Камском крае

Условные обозначения: 1 – подзона южной тайги; 2 – подзоны хвойно-широколиственных и широколиственных лесов; 3 – зона лесостепи; 4 – степная зона

SB вызвало резкое уменьшение роли сосновых лесов. В растительном покрове доминировали еловые леса с большой примесью березы.

Начало субатлантического периода (2500 л. н.) характеризуется некоторым похолоданием климата (материалами И.А Жуйковой (1999) показано, что в Вятском крае на границе суббореала и субатлантика температурные показатели были ниже современных на 1–1,5 °С), что привело к сокращению роли широколиственных пород и появлению в растительности сибирского элемента флоры – пихты. Значительная миграция на территорию Вятского края сибирского элемента флоры – пихты (*Abies sibirica*), согласно радиоуглеродным данным, началось около 2000 л. н. Вследствие этого в области широкое распространение получили темнохвойные пихтово-еловые леса (рис. 4). В группе травянистых растений-торфяников для этого времени отмечается постоянное присутствие пыльцы кустарничков порядка Ericales (вересковых) – типичных компонентов травяно-кустарничкового яруса хвойного леса.

Таким образом, растительность SB и SA была очень сходной: на территории области преобладали еловые леса с заметной долей сосны и березы. Последние были распространены как в виде примеси к еловым лесам, так и образовывали отдельные лесные массивы (рис. 1, табл. 2). Отмечаются некоторые региональные различия в растительном покрове: на юге Вятского края большую роль

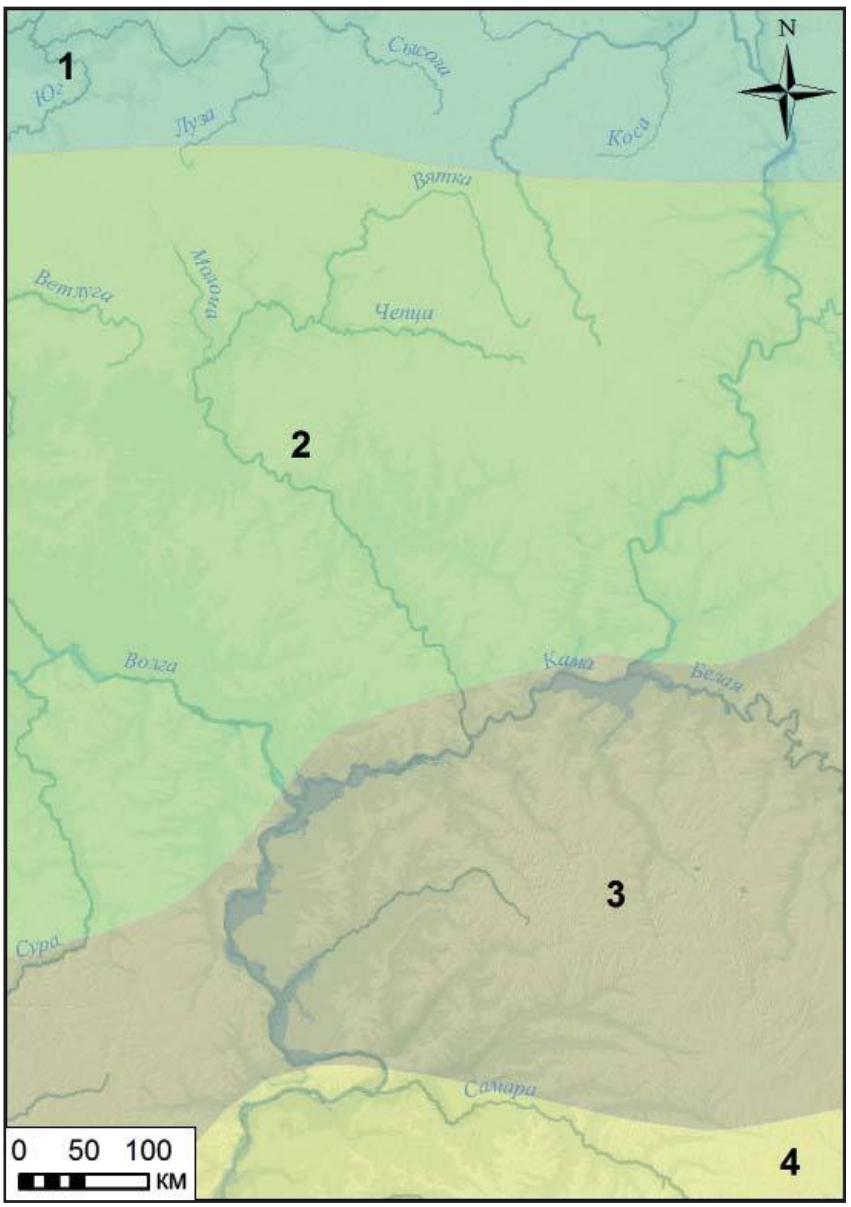


Рис. 2. Карта расположения природных зон в SB 2 в Волжско-Камском крае

Условные обозначения: 1 – подзона южной тайги; 2 – подзоны хвойно-широколиственных и широколиственных лесов; 3 – зона лесостепи; 4 – степная зона

в формировании ценозов играла сосна, на севере – ель, а на западе – береза.

Верхнее Прикамье
(58–61° с. ш., 54–60° в. д.)

К настоящему времени для территории Верхнего Прикамья проведено незначительное количество палеоэкологических исследований периода голоцена на основе палинологических, карпологических данных, подкрепленных результатами радиоуглеродного анализа (Немкова, 1976; Еловичева, 1991; Лаптева и др., 2017; Трофимова и др., 2019).

На основе полученных данных для второй половины голоцена реконструируется следующая динамика растительного покрова Верхнего Прикамья (табл. 3).

В период SB-1 4600–4200 ^{14}C лет/5300–4700 кал. л. н. растительность имела подтаежный характер, распространились вязово-липово-еловые леса с незначительным участием пихты. На севере южная тайга с элементами неморальной растительности. Исследования подтверждают, что проникновение пихты в Предуралье происходило в конце атлантического периода, но она еще не играла существенной роли в составе древостоя. В составе лесов увеличилась также роль березы.

Интервал с 4800 до 3400 кал. л. н. – время широколиственно-хвойных лесов. Максимальное распространение липово-еловых лесов с участием вяза, дуба и березы в большей степени связано со среднесубореальным термическим максимумом

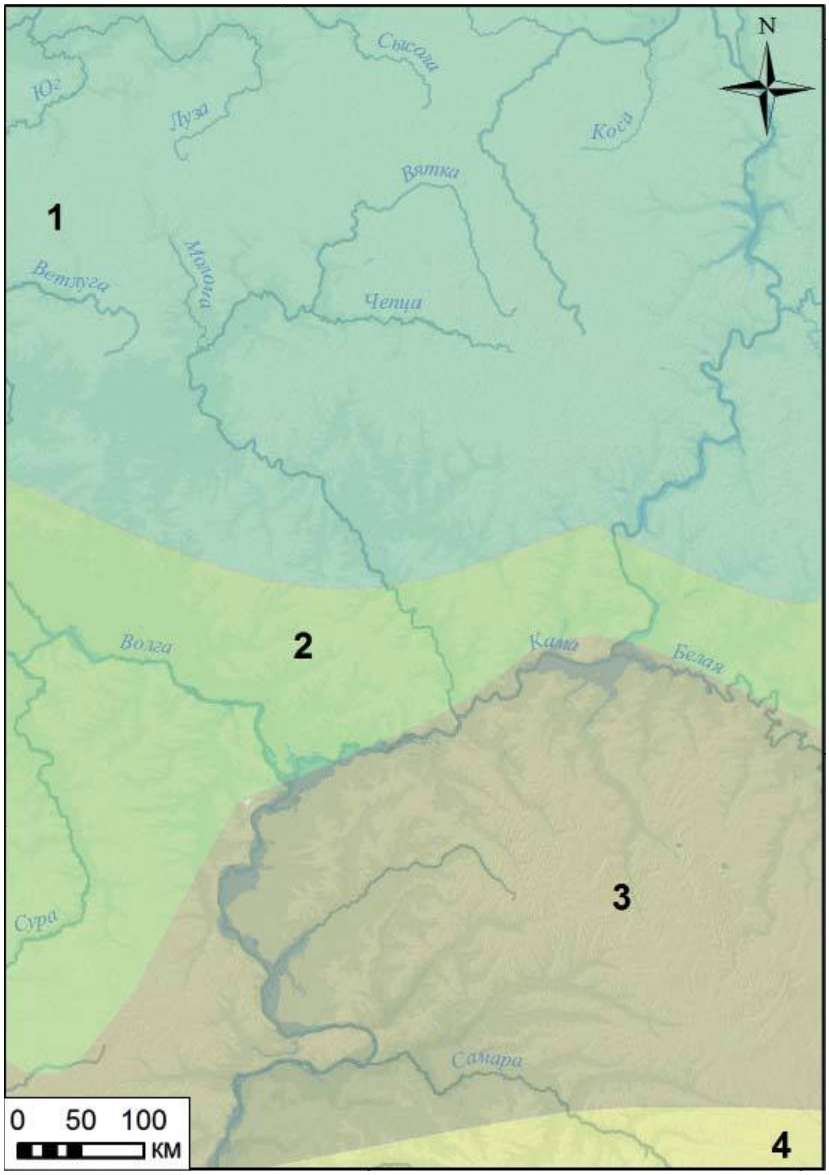


Рис. 3. Карта расположения природных зон в SB 3 в Волжско-Камском крае

Условные обозначения: 1 – подзона южной тайги; 2 – подзоны хвойно-широколиственных и широколиственных лесов; 3 – зона лесостепи; 4 – степная зона

в период ~4700–3400 кал. л. н. (SB-2, 4200–3200 ^{14}C лет). Однако около 4200 кал. л. н. фиксируется минимальное содержание пыльцы широколиственных пород (Quercetum mixtum) менее 2%, что может быть проявлением глобального, но кратковременного похолодания в интервале 4200–3800 кал. л. н. в середине SB-2. После похолодания в споро-пыльцевых спектрах (СПС) снова появляются единичные пыльцевые зерна пихты, формируя непрерывную кривую на споро-пыльцевых диаграммах (СПД) к 3400 кал. л. н. (3200 ^{14}C лет). В период 3400–1600 кал. л. н. произошло уменьшение роли широколиственных пород, и леса приобрели подтаежный вид. Вероятно, к этому привело позднесуббореальное похолодание в интервале 3400–2600 кал. л. н. (SB-3, 3200–2500 ^{14}C лет). Преобладали пихтово-еловые либо еловo-пихтовые формации с участием березы, сосны и в незначительном количестве широколиственных пород (рис. 3). О распространении пихты в это время в лесах района имеются свидетельства карпологического анализа. Начиная с 1600 кал. л. н. леса стали приобретать современный таежный вид. В лесные сообщества данного региона внедрилась сосна сибирская, а широколиственные породы практически исчезли из состава древостоев. Постепенно возросла роль сосны, а площади пихтово-еловых формаций сокращались. Таким образом, в SB-1 в данном регионе существовали хвойно-широколиственные леса с доминированием ели и участием широколиственных пород и березы (рис. 1). В SB-2 преобладали широко-

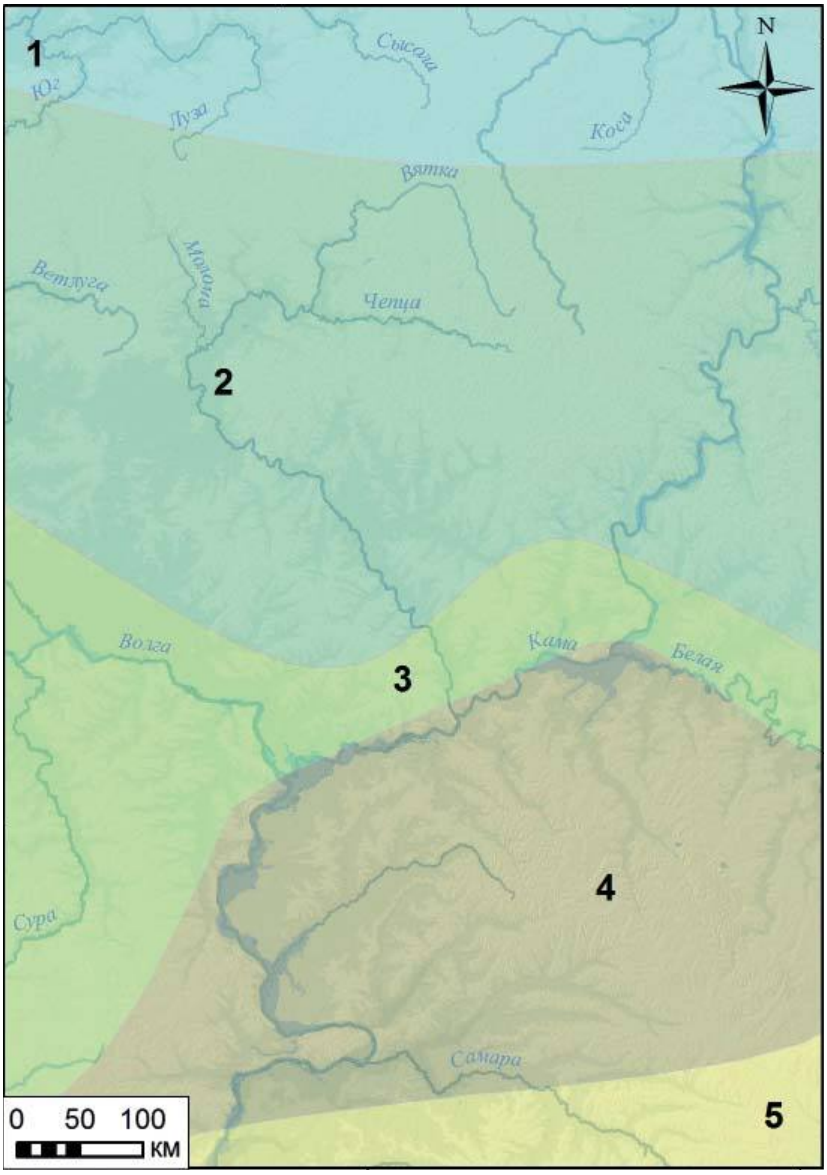


Рис. 4. Карта расположения природных зон в SA 1 в Волжско-Камском крае

Условные обозначения: 1 – подзона средней тайги; 2 – подзона южной тайги; 3 – подзоны хвойно-широколиственных и широколиственных лесов; 4 – зона лесостепи; 5 – степная зона

лиственно-хвойные леса (рис. 2). По суммарной доле пыльцы широколиственных пород в Верхнем Прикамье можно сказать, что среднесубореальный климатический оптимум был выражен очень сильно, что сходно с данными по Вятскому краю. В SB-3 произошло уменьшение роли широколиственных пород в составе древостоя и шло становление подтаежных и таежных формаций, близких современным средне-южнотаежным лесам данного региона (рис. 3). С этого времени и в течение SA-1 (2600–1800 кал. л. н.) пихта стала играть существенную роль в древостое, формируя пихтово-еловые или елово-пихтовые формации (рис. 4). Начиная с начала SA-2, около 1600 кал. л. н., сосновые формации стали доминирующими в лесах региона.

Южная часть Вятско-Камского междуречья (55–57° с. ш., 51–54° в. д.)

Природные обстановки и прежде всего динамика растительности в голоцене данного региона были достаточно подробно охарактеризованы в работах: Ятайкин, Шаландина, 1975; Немкова,1978, 1981; Бакин, 2008; Баранова,2010; Чижевский и др., 2018.

Самый конец атлантического и начало суббореального периодов характеризуется похолоданием, длившимся около 500 лет, что привело к резкому сокращению площадей широколиственных лесов на всем пространстве ВКМ, в лесных экосистемах увеличилась роль березы и сосны, а в северных участках и ели (рис. 1).

Переход от раннесуббореального к среднесуб-

бореальному периоду характеризовался сухим климатом, что способствовало новому расцвету широколиственных лесов и широкому расселению сосны. С этим же периодом связывается сильная засуха в степных районах Русской равнины и передвижение скотоводческих племен на север. На этот период приходится расширение участков, занятых травянистой ксерофильной растительностью. По данным В.Н. Немковой, в ВКМ имелись значительные участки с ксерофильной растительностью. Растительность южных районов междуречья Вятки и Камы напоминает лесостепь, имеющую участки с липово-дубовыми и сосновыми лесами и лугово-степными фитоценозами (рис. 2). Это подтверждается спорово-пыльцевыми спектрами отложений из городища Зуевы Ключи, стоянки Непряха и других, где из лесной растительности более представлены были липовые леса, а травянистые растения составляли в этих спорово-пыльцевых спектрах более 50% от общего состава. К этому периоду полностью сформировался современный облик растительности и основной состав флоры междуречья. Последующее похолодание и увеличение влажности в позднесубореальный период привели к смещению всех природных зон на юг, которое продолжалось и в начале субатлантического периода. В позднем суббореале и начале субатлантического периода на большей части ВКМ господствовали темнохвойные леса из ели (*Picea abies* и *Picea obovata*) и пихты с большей или меньшей примесью широколиственных пород (рис. 3–4, табл. 4). В то время, как для юга, ВКМ было характерно наличие сосновых лесов с небольшой примесью темнохвойных и небольшой долей широколиственных и достаточно большими площадями лугово-степных экосистем, о чем свидетельствуют спорово-пыльцевые спектры (табл. 4).

Южное Предуралье (53-56° с. ш., 54–56° в. д.)

Первые работы по изучению голоценовых отложений Южного Предуралья были проведены сотрудниками лаборатории стратиграфии кайнозоя ИГ БФАН СССР в 70-х годах XX века. В дальнейшем исследования были направлены на сбор нового материала и детальное биостратиграфическое изучение опорных разрезов голоцена (см. Немкова, 1978; Данукалова, 2009; Danukalova et al., 2014). Кроме того, значительные работы по сопоставлению истории развития древних культур на территории Предуралья с этапами смены природных обстановок региона были проведены В.К. Немковой (1978), Г.А. Данукаловой и др. (2004) и Р.Г. Курмановым с коллегами (2019).

Главные изменения, происходившие в растительном покрове суббореала в данном районе, – это значительное сокращение еловых и широколиственных лесов по сравнению с атлантическим периодом. Они определялись, прежде всего, резким и быстрым переходом в сторону похолодания климата, которое произошло в начале субборeального периода (около 4500 лет назад). В раннем суббореале в Южном Приуралье господствовали березово-широколиственные леса с сосной и небольшим участием в северных районах ели (рис. 1, табл. 5). Далее в среднесубборeальное потепление в низовьях Камы и Белой, а также к югу и западу от Уфы в составе лесов заметно увеличивается количество липы. Позднее примерно в тех же районах увеличивается количество ели, что указывает на похолодание и нарастание увлажненности климата. К северу от 54° с. ш. в первой фазе среднего суббореала лесные массивы сочетались с открытыми лугостепными участками, составлявшими не более 15–20% от общей площади региона. Южнее на этой территории господствовал типичный лесостепной ландшафт (рис. 2). Климат в данном регионе во второй половине субборeального периода был сначала теплым и влажным, а затем стал более аридным. На рубеже суббореала и в самом начале субатлантика климатическая обстановка сменяется на более влажную и теплую. Растительность во второй половине суббореала в данном регионе представляла собой широколиственные (липово-вязовые) и сосновые леса и небольшие открытые пространства со злаками на севере и лесостепи на юге региона. В конце суббореала – начале субатлантика хвойно-широколиственные леса на севере и открытые пространства и лесостепи на юге (рис. 3–4, табл. 5).

Предволжье (53–56° с. ш., 45–50° в. д.)

Природные обстановки в голоцене данного региона были достаточно подробно охарактеризованы в работах: История …, 1980; Н.В. Благовещенской (2006, 2009, 2019).

Палеорастительность и палеогеография раннесубборeального периода (4600–3200 лет назад)

Рубеж атлантического и субборeального периодов ознаменовался самым массовым облесением и максимальной выраженностью всех процессов, начавшихся в позднеатлантическое время. Климатический оптимум голоцена на территории Приволжской возвышенности наиболее яркое выражение имел именно в самом конце атлантического – начале субборeального периода. Климат субборeального периода был неоднородным: в начале еще сохранялся относительно благоприятный температурный режим и влажность климата, в конце – происходит довольно резкий сдвиг в сторону похолодания. Первая половина суббо-

реального периода на исследуемой территории характеризуется прохладным и влажным климатом. Господство переходит к сосново-березово-широколиственным лесам с участием в древостое клена (*Acer platanoides*), сосново-березовым лесам, реже к березовым, а на южных склонах возвышенностей – к сосновым и сосново-березовым остепненным лесам (рис. 1–2, табл. 6). На севере региона в основном господствовали березовые леса с заметным участием липы, подлеском из лещины и рябины (*Sorbus aucuparia*) с единичными деревьями сосны. В травяном ярусе были распространены осоки. Подобные леса занимали пологие склоны возвышенностей с супесчаными и суглинистыми почвами. Такие леса в настоящее время встречаются очень широко на Приволжской возвышенности. Кроме того, в северных регионах встречались небольшие участки елово-широколиственных лесов. Степные ценозы занимали до 1/3 всех площадей на юге и востоке и значительно меньше на севере и западе возвышенности, преобладали лугово-разнотравные, лугово-типчаковые, ковыльно-разнотравные сообщества. Но в их составе уже появляются рудеральные и пасквальные сорняки.

Начало суббореального периода относится к эпохе энеолита и началу эпохи бронзы. В это время резко увеличивается общая заселенность данной территории, что связано с грандиозными миграциями, охватившими население степных зон. Население с развитыми скотоводческими традициями продвигались в лесную зону. Пыльца сорных и культурных растений с этого времени отмечается повсеместно в данном регионе. Однако роль и сорных, и культурных видов растений еще очень мала.

Палеорастительность и палеогеография позднесуббореального периода (3200–2500 лет назад)

Происходит дальнейшее похолодание климата, а в самом конце периода и увеличение общей влажности. На всей территории повсеместно снижается роль широколиственных пород и березы и резко возрастает обыкновенной сосны, которая к концу периода достигает своего максимума. Похолодание климата приводит к сокращению площади лесов и расширению открытых участков (рис. 2–3, табл. 6). Господство переходит к сосново-березовым, сосново-широколиственным и сосновым лесам. На севере региона значительные площади занимали елово-широколиственные леса с участием сосны. В сообществах открытых пространств увеличивается роль дерновинно-злаковых ценозов и сокращается – разнотравных. Повышается роль сорных видов и ксерофилов (полыней (*Artemisia*) и маревых (*Chenopodiaceae*)).

Заметная хозяйственная деятельность человека вдвое увеличивает участие сорных и культурных видов. С наступлением эпохи бронзы антропогенное воздействие на растительный покров в данном регионе резко возрастает. В эпоху бронзы происходит массовое заселение всей территории Предволжья. Основным занятием населения было скотоводство. Выпас скота приводил к остепнению, и изреживанию и уничтожению естественного травяного покрова, и появлению значительных пространств пастбищ с большим числом видов сорных растений.

Марийское Заволжье и Западное Предкамье (55–57° с. ш., 46–51° в. д.)

Реконструкции растительности голоцена данного региона достаточно обстоятельно описаны в монографии Л.М. Ятайкина и В.Т. Шаландиной (1975), и коллективной монографии История … (1980), и статьях В.Т. Шаландиной (1972, 1985, 1986). Вместе с тем в последние два десятилетия активные археологические исследования данной территории с использованием естественно-научных методов, в том числе и палинологии, и сопряженные с абсолютными датировками позволили значительно дополнить и более подробно провести реконструкцию растительности данного региона в голоцене (см. Николаева и др., 2007; Бакин и др., 2011а, б; Чижевский и др., 2014, 2017; Линкина, Петрова, 2018).

В раннем суббореале в Западном Предкамье господствовали хвойно-широколиственные и темнохвойные леса из ели с небольшой примесью пихты (рис. 1, табл. 7). Достаточно большие площади занимали ольшаники, на западе региона березняки. В Марийском Заволжье преобладали сосновые и сосново-широколиственные леса. Облесенность данного региона была одной из самых высоких за всю историю голоцена. Открытые площади под травянистой растительностью были небольшими. Участки злаково-разнотравных лугов встречались на пологих склонах водоразделов, по склонам оврагов и балок – злаковые луга, на южных склонах речных долин имелись полынно-маревые ассоциации с эфедрой (*Ephedra*). Широкое развитие получили болотные экосистемы.

В среднем суббореале ландшафты с хвойно-широколиственными лесами (ельники сложные липово-еловые и дубово-еловые) доминировали на севере и западе Западного Предкамья (рис. 2, табл. 7). Сосновые леса были более распространены, чем в начале суббореала, формируя большие массивы чистых сосняков на песчаных почвах или небольшие участки среди широколиственных пород, образуя сосняки сложные. Ольха в этот период не имела заметного распространения. На севере региона небольшие безлесные участки были заня-

ты разнотравными и злаково-разнотравными ассоциациями, здесь также сохранялись небольшие участки на южных склонах со степной растительностью. В Марийском Заволжье доминировали широколиственные, сосновые и сосново-широколиственные леса с небольшой долей ели в древостоях. На юге Предкамья в Камско-Мешинском междуречье ландшафты напоминали лесостепь. Здесь участки с липово-дубовыми, широколиственно-березовыми и сосновыми (от чистых до сложных с той или иной частотой примеси в них широколиственных пород, березы и единичной ели) лесами перемежались с большими лугово-степными фитоценозами. В этот период в регионе произошло массовое усыхание и исчезновение озер, как в поймах рек, так и на водоразделах. Похолодание и увеличение влажности в позднесуббореальный период привело на большей части Западного Предкамья к господству темнохвойных лесов из ели и пихты с большей или меньшей примесью широколиственных пород (рис. 3–4, табл. 7). В то время для юга Западного Предкамья было характерно наличие сосновых лесов с небольшой примесью темнохвойных и достаточно большой долей широколиственных и весьма большими площадями лугово-степных экосистем. В Марийском Заволжье основной фон растительности составляли сосновые леса, имевшие высокое фитоценотическое разнообразие.

Закамье и Самарское Заволжье (53–56° с. ш., 48°30′–54° в. д.)

Динамика развития растительности голоцена данного региона описана в монографии Л.М. Ятайкина и В.Т. Шаландиной (1975), коллективной монографии (История …, 1980) и в ряде статей (Шаландина, 1981, 1985; Кременецкий и др., 1998). За последние два десятилетия археологические исследования этой территории, сопряженные с абсолютными датировками и палинологическими исследованиями культурных слоев археологических памятников, значительно дополнили историю растительности региона в голоцене (Алешинская и др., 2008; 2009; Линкина, Николаева, 2011; Бугров и др., 2011).

В Закамских районах в первой половине суббореального периода господствовали липняки и березово-широколиственные леса с сосной, которые перемежались с открытыми ландшафтами, покрытыми луговой и злаково-разнотравной степной растительностью с участками ксерофильной растительности (полынно-маревые ассоциации с эфедрой) (рис. 1–2, табл. 8). Самарское Заволжье было типично лесостепным; наблюдалась значительная облесенность долин и высоких берегов рек и прилегающих участков водоразделов, по вершинам и склонам балок. Водораздельные пространства были заняты злаково-разнотравной степной растительностью с большими участками кустарниковой степи. Типично степные экосистемы отмечались только в самых южных районах (рис. 1–2).

В начале – середине средней фазы суббореала основную площадь севернее 54º с. ш. занимала типичная лесостепь, где луговые и злаково-разнотравные степные участки сочетались с широколиственными лесами с доминированием дуба в Западном и центральном (Низменном) Закамье. В Восточном (Высоком) Закамье севернее 54º с. ш. преобладал лесостепной ландшафт, где значительную площадь занимали дубовые и берёзовые леса в сочетании со степными участками (рис. 2). В Высоком и Низменном Заволжье (на север до 54º с. ш.) господствовали злаковые, злаково-разнотравные степи (типчаково-ковыльные, разнотравно-ковыльные и др.). Климат был достаточно аридным. В конце бронзы (конец среднего суббореала) к середине 16 века до н. э. природные условия этих районов приближаются к лесостепным, наблюдалось некоторое увеличение увлажнения и небольшое похолодание (рис. 2, табл. 8). В долинах и поймах рек, по высоким берегам рек и на прилегающих участках водоразделов имелись большие площади лесов (широколиственных, сосново-широколиственных, уремы) (рис. 2–3, табл. 8). В XIV–XV вв. до н. э. наступает кратковременная стадия аридизация климата, способствовавшая остепнению ландшафтов. В данном регионе в поздней фазе суббореала наблюдались климатические изменения от тепло-сухой к более влажной и холодной, а также были кратковременные инверсии в обратную сторону. В открытых ландшафтах в южной части лесной зоны, лесостепи и степи шло локальное развитие пасторальной дигрессии травяного покрова. На всей территории региона преобладал автоморфный режим развития почв.

Общий обзор природных обстановок в энеолите-бронзе и деятельность человека

В эпоху энеолита переход от каменного века к бронзе характеризуется началом суббореального климатического периода. Полученные результаты многочисленных исследований говорят о крайне сложных и контрастных временных изменениях в ландшафтах крайнего востока Русской Равнины. В суббореальный период выделяются три климатические фазы с параметрами нарастания иссушения и значительного увлажнения. Климат на большей части региона в начальной фазе (4600–4200 л. н.) периода был несколько прохладнее, чем в предшествующий атлантический период. Климат был теплее, чем в настоящее время (среднегодовая температура на 1 °С выше современной) с переменным увлажнением от относительно сухих (среднегодо-

вая сумма осадков на 50 мм меньше современных значений) до умеренно влажных межгодовых стадий (среднегодовая сумма осадков на 50–100 мм выше современных) (Klimanov, 2005; Аськеев и др., 2009). Облесенность данного региона была одной из самых высоких за всю историю голоцена. Средняя фаза суббореала (4200–3200 л. н.) была тёплой и сухой. В лесной и лесостепной зоне (особенно в южной части) данного региона наблюдался ярко выраженный ксеротермический режим (среднегодовая температура на 2 °С выше современной, среднегодовое количество осадков было в среднем на 50 мм меньше современных значений) (Klimanov, 2005; Аськеев и др., 2009). В средней фазе суббореала на территории востока Русской равнины врезание русел и долин рек было наибольшим во второй половине голоцена, которое сменилось в начале третьей фазы суббореала аккумуляционными процессами в долинах рек. Шли активные эрозионные процессы на водоразделах, площадь овражно-балочных систем была наибольшей во второй половине голоцена. Наблюдалось значительное высыхание торфяников и наибольшее для голоцена зарастание болот лесами из сосны и березы. Отмечалось активное усыхание озёр, особенно в лесостепной и степной зонах. В третьей фазе суббореала (3200–2500 л. н.) наблюдалось похолодание и наметилось заметное увлажнение климата. Среднегодовая температура была в пределах современных значений на юге региона и ниже на 1 °С на севере и в центре, среднегодовое количество осадков было в среднем на 50 мм больше современных значений (Аськеев и др., 2009). Конец суббореального периода на данной территории является одним из переломных этапов в развитии климата в сторону похолодания и увеличения влажности, а также поднятием уровня грунтовых вод и аккумуляционными процессами в долинах рек. Стала увеличиваться водоносность рек, меандрирование рек сменилось на разветвление русел на рукава; пойменные почвы полностью покрывались наилком из-за затопления поймы во время высоких половодий. Видимо, в этот период происходит окончательное формирование современных типов почв. К концу среднего и началу позднего голоцена на территории края полностью оформляется современная лесная зона.

Необходимо также отметить, что выявляются связи между изменениями природных обстановок в течении суббореала и сменами культур энеолита и бронзы. Так, одним из главных компонентов корреляционных связей является появление нового населения на данной территории с инокультурными традициями после смены вектора климата в сторону аридизации.

Между тем, необходимо взглянуть и на историю формирования фаун диких позвоночных животных на данной территории в суббореале. Фауна диких млекопитающих – один из важных компонентов, необходимых в жизнеобеспеченности человеческого общества данного периода. Кратко история этой фаунистической группировки выглядит так: 1. Шел процесс проникновения и расселения неморальных и южных бореальных лесных видов и отчасти южных степных. Наиболее активно в первую фазу суббореала; 2. Произошло полное исчезновение неоплейстоценовых видов млекопитающих из последнего ледникового периода, характерных для ландшафтов «холодных» степей и лесостепей, к концу последней фазы суббореала и началу субатлантика; 3. Суббореал характеризуется увеличением воздействия на фауну млекопитающих человеческой деятельности и «заметных» периодических изменений климата. Все это привело к увеличению количества таежных видов в лесной фауне и проникновению степных видов на север в лесную зону, в результате чего в южной части лесной зоны и в лесостепи образовалось место, насыщенное как степными, так и северными (лесными) видами. В то же время фауны рыб, амфибий, рептилий, птиц, по существу, в суббореале не претерпели заметных качественных изменений. Количественные структуры населения птиц, пресмыкающихся, земноводных и рыб в основных биотопах природных зон на данной территории сформировались в атлантическом периоде голоцена. Вместе с тем ареалы у многих видов этих животных в течение суббореала значительно изменялись. Например, значительное сокращение представительства фаун широколиственных лесов и лесостепной теплолюбивой фауны и наступление бореальных и других северных элементов на юг и запад происходило в прохладно-влажные межвековые эпохи.

Таблица 1

Периодизация голоцена на основе схемы Блитта–Сернандера

Климатические периоды голоцена	Продолжительность периодов	Фазы периодов голоцена
Субатлантический (SA)	с 2500 ^{14}C л. н. / 2600 кал.л.н.	SA1, SA2,SA3
Суббореальный (SB)	4600 – 2500 ^{14}C л. н./ 5300 – 2600 кал. л.н.	SB1,SB2,SB3
Атлантический (АТ)	8000–4600 ^{14}C л. н./ 8800 – 5300 кал. л.н.	АТ1,АТ2,АТ3
Бореальный (ВО)	9300–8000 ^{14}C л. н. / 10300 – 8800 кал. л.н.	ВО1,В02,ВО3
Пребореальный (РВ)	10300–9300 ^{14}C л. н. / 11700 – 10500 кал. л.н.	РВ1,РВ2

Таблица 2

Характеристика растительности Вятского края
в Суббореальный и начале Субатлантического периодов голоцена

Возраст границ зон по ^{14}C	Зоны	57–59° с.ш., 46–54° в.д. современная подзона южной тайги	59–61° с.ш., 46–54° в.д. современная подзона средней тайги
		Характеристика растительности	Характеристика растительности
2500	SA-1	Южнотаежные: елово-пихтовые леса с незначительной примесью широколиственных пород	Средняя тайга. елово- пихтовые леса
3200	SB-3	Южнотаежные: еловые леса с березой, уменьшение роли сосны	Доминирование сосновых и березовых лесов. Сократилась роль ели и широколиственных
4200	SB-2	Светлохвойные сосновые формации и хвойно-широколиственные леса сложного состава, с незначительным присутствием широколиственных пород (дуба, липы, вяза) и лещины	Южнотаежные еловые леса с сосной и березой, пихтой, ольхой и широколиственными
4600	SB-1	Сосново - березово-еловые леса южнотаежного и подтаежного типа, широколиственные породы сократили свое участие в древостоях	Березово-еловые леса южнотаежного типов, выпали все основные виды широколиственных пород

Таблица 3

Характеристика растительности Верхнего Прикамья
в Суббореальный и начале Субатлантического периодов голоцена

Возраст границ зон по ^{14}C	Зоны	59–61° с.ш., 54–58° в.д. современные подзоны средней и южной тайги
		Характеристика растительности
2500	SA-1	Средняя тайга. пихтово-еловые или елово-пихтовые леса
3200	SB-3	Южная тайга: пихтово-еловые либо елово-пихтовые формации с участием березы, сосны и в незначительном количестве широколиственных пород
4200	SB-2	Подтаежные леса, в середине периода южнотаежные: широколиственно-хвойные леса и хвойные леса
4600	SB-1	Подтаежные леса. вязово-липово-еловые леса, с незначительным участием пихты и большой долей березы в древостоях. К северу от 60° с.ш. южная тайга.

Таблица 4

Характеристика растительности южной части Вятско-Камского междуречья
в Суббореальный и начале Субатлантического периодов голоцена

Возраст границ зон по ^{14}C	Зоны	(55–57° с.ш., 51–54° в.д.) современная подзона хвойно-широколиственных лесов
		Характеристика растительности
3200; 2500	SB-3, SA-1	Смешанные леса: темнохвойные леса из ели и пихты с большей или меньшей примесью широколиственных пород. На юге региона сосновые леса с небольшой примесью темнохвойных и небольшой долей широколиственных пород, и достаточно большими площадями луговой степи.
4200	SB-2	Увеличение роли широколиственных лесов с большой долей участия в них сосны. Роль ели незначительная. Расширение участков, занятых травянистой ксерофильной растительностью. В южных районах ландшафты с липово-дубовыми и сосновыми лесами и лугово-степными фитоценозами.
4600	SB-1	Смешанные леса, с большой долей сосны и березы, на севере ели в древостоях, роль широколиственных пород в лесах небольшая. Открытые участки занимали небольшую площадь.

Таблица 5

Характеристика растительности Южного Предуралья
в Суббореальный и начале Субатлантического периодов голоцена

Возраст границ зон по ^{14}C	Зоны	(53-56° с.ш., 54–56° в.д.) современная зона лесостепи
		Характеристика растительности
2500	SA-1	Хвойно-широколиственные леса на севере, лесостепь на юге.
3200	SB-3	Широколиственные (липово-вязовые) и сосновые леса и небольшие открытые пространства со злаками на севере и лесостепи на юге региона.
4200	SB-2	Широколиственные леса преимущественно из липы, на севере региона в лесах встречалась ель. На юге региона лесостепь.
4600	SB-1	Березово-широколиственные леса с сосной и небольшим участием в северных районах ели. Участки луговой степи проникали к северу до 56° с.ш. На юге региона (южнее 54 ° с.ш) типичная лесостепь.

Таблица 6

Характеристика растительности Предволжья в Суббореальный период голоцена

Возраст границ зон по ^{14}C	Зоны	(53–56° с.ш., 46–50° в.д.) современные подзоны хвойно-широколиственных и широколиственных лесов и зона лесостепи.
		Характеристика растительности
3200–2500	Вторая половина SB	Сосново-березовые, сосново-широколиственные и сосновые леса. На севере региона значительные площади занимали елово-широколиственные леса с участием сосны. В сообществах открытых пространств увеличивается роль дерновинно-злаковых ценозов и сокращается – разнотравных. Повышается роль сорных видов и ксерофилов (полыней и маревых).
4600–3200	Первая половина SB	Сосново-березово-широколиственные, сосново-березовые, березовые леса. На севере региона в основном доминировали березовые леса с заметным участием липы, с единичными деревьями сосны и небольшие участки елово-широколиственных лесов. Степные ценозы занимали до 1\3 всех площадей на юге и востоке и значительно меньше на севере и западе возвышенности, преобладали лугово-разнотравные, лугово-типчаковые, ковыльно-разнотравные сообщества. Сокращение площади болот.

Таблица 7

Характеристика растительности Марийского Заволжья и Западного Предкамья в Суббореальный и начале Субатлантического периодов голоцена

Возраст границ зон по ^{14}C	Зоны	(55–57° с.ш., 46–51° в.д.) современные подзоны южной тайги, хвойно-широколиственных и широколиственных лесов
		Характеристика растительности
2500;3200	SA-1; SB-3	Темнохвойные леса из ели и пихты с большой примесью широколиственных пород (липа, вяз, дуб). На юге Западного Предкамья доминировали сосновые леса с небольшой примесью темнохвойных и достаточно большой долей широколиственных пород. Здесь также были большие площади занятые луговой степью. В Марийском Заволжье основной фон растительности составляли сосновые леса, имевшие высокое фитоценотическое разнообразие.
4200	SB-2	Хвойно-широколиственные леса (ельники сложные-липово-еловые и дубово-еловые), доминировали в северной и западной частях Западного Предкамья. Сосновые леса были более распространенны, чем в начале суббореала. На севере региона небольшие безлесные участки были заняты разнотравными и злаково-разнотравными ассоциациями, здесь также сохранялись небольшие участки со степной растительностью. В Марийском Заволжье доминировали широколиственные, сосновые и сосново-широколиственные леса с небольшой долей ели в древостоях. На юге Предкамья ландшафты напоминали лесостепь с липово-дубовыми, широколиственно-березовыми и сосновыми лесами которые перемежались с большими лугово-степными фитоценозами. В регионе произошло массовое усыхание и исчезновение озер.
4600	SB-1	В Западном Предкамье господствовали хвойно-широколиственные и темнохвойные леса из ели с небольшой примесью пихты. Большие площади занимали также ольшаники и березняки. В Марийском Заволжье преобладали сосновые и сосново-широколиственные леса. Облесенность данного региона была одной из самых высоких за всю историю голоцена. Открытые площади под травянистой растительностью были небольшими. Широкое развитие получили болотные экосистемы.

Таблица 8

Характеристика растительности Закамья и Самарского Заволжья в Суббореальный период голоцена

Возраст границ зон по ^{14}C	Зоны	(53–56° с.ш., 46–50° в.д.) современные подзоны хвойно-широколиственных и широколиственных лесов и зона лесостепи.
		Характеристика растительности
3200–2500	Вторая половина SB	Основную площадь севернее 54º с.ш. занимала типичная лесостепь, где луговые и злаково-разнотравные степные участки сочетались с широколиственными лесами с доминированием дуба в Западном и центральном (Низменном) Закамье. В Восточном (Высоком) Закамье севернее 54º с.ш. преобладал лесостепной ландшафт, где значительную площадь занимали дубовые и берёзовые леса в сочетании со степными участками. В Высоком и Низменном Заволжье (на север до 54º с.ш.) господствовали злаковые, злаково-разнотравные степи (типчаково-ковыльные, разнотравно-ковыльные и др.). В долинах и поймах рек, по высоким берегам рек и на прилегающих участках водоразделов имелись большие площади лесов (широколиственных, сосново-широколиственных, уремы). На всей территории развитие пасторальной дигрессии травяного покрова.
4600–3200	Первая половина SB	В Закамских районах господствовали липняки и березово-широколиственные леса с сосной, которые перемежались с открытыми ландшафтами покрытые луговой и злаково-разнотравной степной растительностью с участками ксерофильной растительностью (полынно-маревые ассоциации с эфедрой). Самарское Заволжье было типично лесостепным; наблюдалась значительная облесенность долин и высоких берегов рек и прилегающих участков водоразделов, по вершинам и склонам балок. Водораздельные пространства были заняты злаково-разнотравной степной растительностью с большими участками кустарниковой степи.

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ И ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РЕГИОНА В ЭНЕОЛИТЕ И БРОНЗОВОМ ВЕКЕ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ

Обобщение результатов спорово-пыльцевого анализа отложений ранне- и среднесубореального периодов позволило выявить пространственно-временные закономерности развития растительности и климата на Европейском Северо-Востоке в этом временном интервале. Исследовались образования преимущественно старичного и озерно-болотного генезиса, так как они являются наиболее доступными объектами. При воссоздании ландшафтно-климатических обстановок особое внимание обращалось на палинологические данные, приведенные в комплексе с результатами радиоуглеродного датирования, что существенно повышает корректность установления возрастной принадлежности осадков и палеогеографических реконструкций.

Для характеристики количественных параметров климата учитывались температурные значения (средние температуры января, июля и года) и количество осадков (зимне-весенние и годовые). Среднеиюльские и среднегодовые температуры для Тимано-Печоро-Вычегодского региона в пределах современных средней и северной тайги получены Ю.В. Голубевой (2010) по спорово-пыльцевым данным с помощью зонально-формационного метода реконструкции палеоклиматов голоцена (Савина, Хотинский, 1982). Температурные показатели (для января и июля) и количество осадков (годовые и зимне-весенние) в нижнем течении р. Вычегды реконструированы О.К. Борисовой (Борисова, 2007; Sidorchuk A. et al., 2001) методом ареалограмм.

Ландшафтно-климатическая обстановка на Европейском Северо-Востоке в энеолите

Палинологические материалы, характеризующие развитие растительности, позволяют говорить о похолодании климата в энеолите, последовавшем за позднеатлантическим потеплением, так называемым атлантическим оптимумом (4–3 тыс. лет до н. э.), в неолите. Похолодание раннесубореального времени (SB-1; ~2 тыс. лет до н. э.), с которым соотносится эпоха энеолита, фиксируется на палинологических диаграммах (Никифорова, 1979; Прокашев, Жуйкова, Пахомов, 2003; Пахомова, 2004; Голубева, 2010; Марченко-Вагапова, 2014) как для юга Европейского Северо-Востока (бассейны рр. Вычегды, Сысолы, Вятки и Камы, оз. Синдорское), так и для севера (бассейны рр. Ижмы, Мезени, Печоры, Омы, Море-Ю и Черной). Уменьшение в составе спорово-пыльцевых спектров количества пыльцы ели и широколиственных пород (дуба, вяза, лещины и липы) по сравнению с позднеатлантическими спектрами свидетельствует о произрастании в южных районах березово-еловых лесов, из которых постепенно исчезали широколиственные породы и сокращалась роль еловых лесов. Отложения этого периода датированы в разрезах Вотча-1 (бассейн р. Сысолы) 4750±120 ^{14}C л. н. (RGI-80 ЦИИ ВСЕГЕИ) (Марченко-Вагапова, 2014) и обн. 209 (бассейн р. Вычегды) 4500±40 ^{14}C л. н. (ГИН-10572) (Марченко-Вагапова, Мариева, 2001). Однако на северо-востоке Кировской области резкого снижения доли широколиственных пород в течение раннесубореального периода не выявлено. Согласно результатам исследования разрезов Чус и Лычное, в верховьях рр. Камы и Вятки были развиты светлые боры с примесью березы, ели и широколиственных пород (вяза, дуба и липы) и елово-березовые леса с примесью широколиственных пород соответственно (Жуйкова, 1999; Пахомова, 2004).

Севернее, в долине Ижмы (^{14}C датировка 4440±40 л. н. (ИГ РАН-2753)), преобладали березово-еловые и ольховые леса с примесью сосны, из видового состава которых выпадают широколиственные породы и пихта (Голубева, Буравская, 2008). В долине Печоры (для границы SB-1/SB-2 по разрезу Мархида получена ^{14}C датировка 4260±110 л. н. (МГУ-235); Никифорова, 1979) максимальный расцвет получили заросли ольховника, до этого не имевшего такого значительного участия в растительном покрове. Важную роль играла кустарниковая береза. В долине р. Омы (^{14}C датировка по разрезу Ома-1 4650±110 л. н. (Vib-94); Никифорова, 1979) распространились елово-березовые редколесья.

Результаты палинологического изучения разрезов Сейкарга и Море-Ю на Крайнем Севере иллюстрируют сложную палеогеографическую обстановку при переходе от атлантического периода к суббореальному. В бассейне р. Море-Ю были развиты ёрники при обилии папоротников,

зеленых и сфагновых мхов. В бассейне р. Черной сначала произрастала растительность лесотундрово-тундрового типа, доминировали кустарниковая и древовидная березы. В дальнейшем преобладающими стали тундровые сообщества из кустарниковых берез и вересковых (Никифорова, 1979).

Таким образом, тундровые группировки расширились за счет сокращения лесной растительности и стали господствующими формациями на севере (рис. 1). Северная граница лесной зоны, по сравнению с позднеатлантическим ее расположением, продвинулась на 100–300 км к югу (Никифорова, 1979). Эти изменения были вызваны вышеупомянутым достаточно сильным похолоданием климата, которое в Тимано-Печоро-Вычегодском регионе (в пределах современных средней и северной тайги) отразилось в понижении температур июля на 2–3,5 °С и года – на 3,5–4 °С (Голубева, 2010). В прибрежных районах Баренцева моря средние температуры июля стали ниже на 4–5 °С (Никифорова, 1979). Результаты изучения палеогидрологии Нижней Вычегды показали, что в начале суббореального периода произошло некоторое увеличение среднегодовых и зимне-весенних осадков. Количество осадков составляло 570 мм и 270 мм соответственно. Медленное уменьшение континентальности климата продолжалось в течение всего суббореала (Сидорчук и др., 1999).

Подобные процессы происходили и на Урале. В Северном Предуралье (современная подзона средней тайги) в течение суббореального периода (SB; 3,5-0,5 тыс. до н. э.) произрастали сосновые леса с примесью елей и берез без участия широколиственных пород (Немкова, 1976, Barhoumi et al., 2020). По данным S. Kultti с соавторами (2003), на западном склоне Приполярного Урала границы высотных растительных поясов сместились вниз: смешанная горная тайга (пихтово-еловые леса с примесью березы и сосны) сменилась елово-пихтовыми, а затем лиственничными лесами и лугами. Отступление смешанных хвойных лесов началось на рубеже атлантического и суббореального периодов и продолжалось в субатлантике. В долинах Полярного Урала также произошла деградация лесной растительности. Здесь произрастали елово-лиственничное и лиственнично-березово-еловое редколесья (Сурова и др., 1975; Панова и др., 2003).

Ландшафтно-климатические изменения на Европейском Северо-Востоке в бронзовом веке

Для бронзового века заметным событием является новое потепление, проявившееся на достаточно обширной территории в середине суббореального периода (SB-2; ~1,5 тыс. лет до н. э.). Спорово-пыльцевые спектры этого времени отличаются увеличением содержания пыльцы ели, присутствием пыльцы широколиственных пород: вяза, липы, дуба и лещины (*Ulmus* sp., *Tilia* sp., *Quercus* sp. и *Corylus* sp., в сумме до 3-4% от общего количества древесной пыльцы), пихты (*Abies* sp.) и кедра (*Pinus sibirica*). Эти особенности указывают на преобладание на юге Тимано-Печоро-Вычегодского региона в бассейнах Вычегды (^{14}C датировки по разрезу № 209 3820±50 л. н. (ГИН-10573); Марченко-Вагапова, Мариева, 2001; по разрезу Седкыркещ 3160±140 л. н. (ИГ РАН-3348); Голубева, 2010; в разрезе Каля 3970±40 л. н. (ГИН РАН-14 038); Karmanov et al., 2011) и Сысолы (^{14}C датировка в разрезе Вотча-1 3180±180 л. н. (ЦИИ ВСЕГЕИ RGI-81); Марченко-Вагапова, 2014), южнотаежных лесов с пихтой и кедром (Андреичева и др., 2015). В нижнем течении р. Вычегды распространялись южнотаежные темнохвойные леса, подобные тем, что сейчас произрастают в долине Сухоны, рядом с их современной северной границей (Sidorchuk et al., 2001). На северо-востоке Вятско-Камского Приуралья осадки в разрезе Чус имеют абсолютный возраст 3670±160 ^{14}C л. н. (ИГ АН-2634). Здесь также в составе лесов увеличивается доля хвойных пород и впервые в голоцене появляется сибирский элемент флоры – пихта. Зерна пыльцы пихты (*Abies* sp.) определены О.М. Пахомовой (2004) на уровне вышеуказанной даты. Вследствие повышения влажности климата становится больше ольхи (*Alnus* sp.). Среди широколиственных пород наряду с вышеупомянутыми видами в раннесуббореальном периоде присутствует лещина (Прокашев и др., 2003; Пахомова, 2004). По данным Л.Д. Никифоровой (1979), западнее, в Архангельской области (бассейн р. Виледи), были смешанные широколиственно-хвойноподтаежные леса.

В северных районах, в бассейнах Мезени (соответствующие отложения датированы по ^{14}C в разрезе Чернутьево-15, 3500±180 ^{14}C л. н. (ЦИИ ВСЕГЕИ RGI-85)) и Ижмы (4280±40 ^{14}C л. н. (ИГ РАН-2754)), на водоразделе Мезени и Печорской Пижмы получили развитие темнохвойные леса с доминированием ели, со значительным участием сосны, березы, ольхи и устойчивой примесью представителей неморальной флоры: вяза, дуба, липы и лещины (Голубева, 2010; Марченко-Вагапова, 2014). В бассейнах рр. Печоры и Омы кустарниковые заросли из ольховника (*Alnaster* sp.) и карликовой березки (*Betula nana*) вытеснялись еловыми лесами (^{14}C датировка по разрезу Ома-1 4000±100 л. н. (Vib-93); Никифорова, 1979).

Как видно, важной отличительной чертой среднесуббореальных спорово-пыльцевых диаграмм разрезов Европейского Северо-Востока является присутствие в спектрах пыльцы широколиствен-

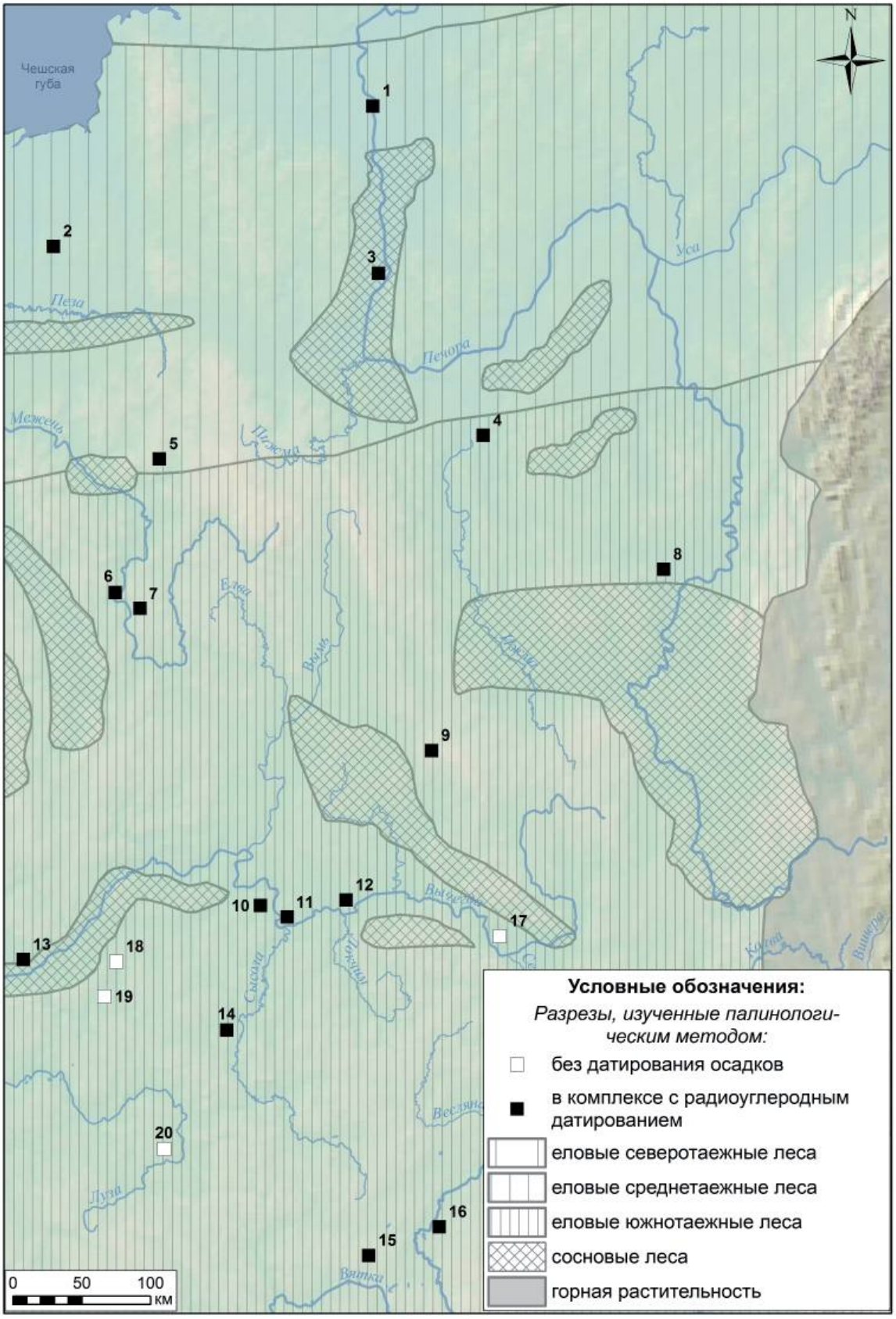


Рис. 1. Карта растительности на Европейском Северо-Востоке в энеолите (SB-1)
(по: Никифорова, 1979 с изменениями)

1 – Мархида, 2 – Ома-I, 3 – Окунев Нос, 4 – Иж-7, 5 – Пижма-6, 6 – Мелентьево, 7 – Чернутьево-15, 8 – Дутово, 9 – Синдорский, 10 – обн. 209, 11 – Седкыркеш, 12 – Каля, 13 – Байка, 14 – Вотча-1, 15 – Лычное, 16 – Чус, 17 – обн. 16-I, 18 – Виледь-2, 19 – Виледь-1, 20 – обн. 6

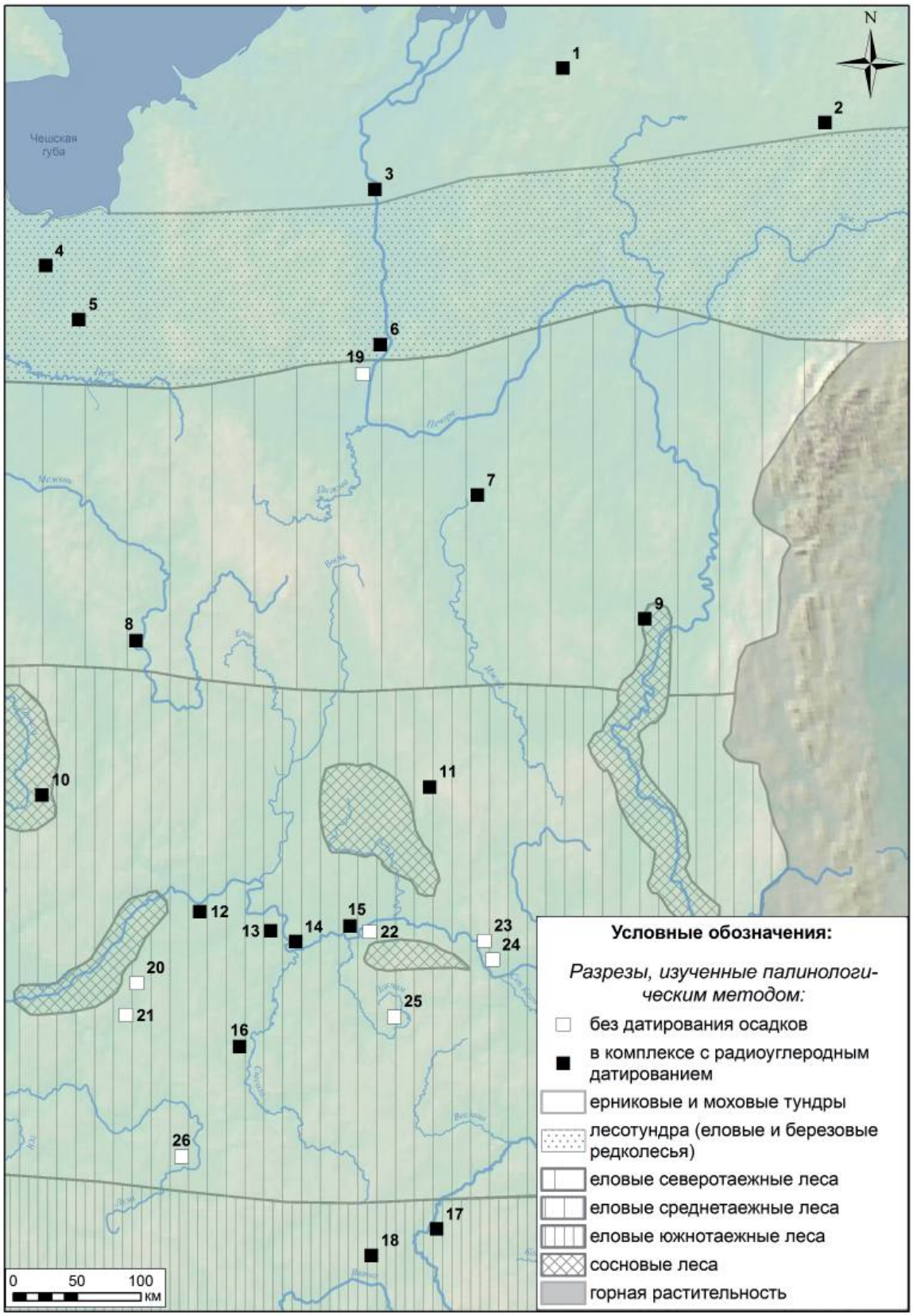


Рис. 2. Карта растительности на Европейском Северо-Востоке в бронзовом веке (SB-2)
(по: Никифорова, 1979 с дополнениями)

1 – Сейкарга, 2– Море-Ю, 3 – Мархида, 4 – Ома-II, 5 – Ома-I, 6 – Окунев Нос, 7 – Иж-7, 8 – Мелентьево, 9 – Дутово, 10 – Пинега, 11 – Синдорский, 12 – Гам, 13 – обн. 209, 14 – Седкыркеш, 15 – Каля, 16 – Вотча-1, 17 – Чус, 18 – Лычное, 19 – Нижняя Печора, 20 – Виледь-2, 21 – Виледь-1, 22 – обн. 27, 23 – обн. 5-II, 24 – обн. 16-I, 25 – обн. М-5, 26 – обн. 6

ных пород, установленное Л.Д. Никифоровой (1979) даже на Крайнем Севере в разрезах Мархида и Ома-1 (здесь пыльца вяза составляет 1%, лещины – 2% от суммы древесной пыльцы). Сумма пыльцы широколиственных пород 5-17% для полосы 61-64° с. ш., превышающая в два-три раза таковую в позднеатлантических спектрах, указывает, по ее мнению, на развитие широколиственно-хвойноподтаежных лесов на юге территории и южной тайги – до 64–65° с. ш. А северотаежная растительность, согласно данным Л.Д. Никифоровой (1979), распространялась до побережья Баренцева моря.

Полученные позднее палинологические результаты позволили внести некоторые уточнения в зональную дифференциацию на протяжении среднесуббореального периода. Так, в самых южных разрезах (Чус и Лычное) на северо-востоке Кировской обл. процентное содержание пыльцы неморальной флоры равно либо больше, чем в позднем атлантике, но все же не достигает количества, характерного для широколиственно-хвойноподтаежных лесов (Прокашев и др., 2003). В разрезах Вотча-1 в бассейне р. Сысолы (Марченко-Вагапова, 2014), Байка и обн. 209 в бассейне р. Вычегды (Sidorchuk et al., 2001; Марченко-Вагапова, Мариева, 2001) и обн. 6 в бассейне р. Лузы (Мариева, Марченко-Вагапова, 2002), расположенных наиболее близко к разрезу Виледь-1, также не обнаружено значительного количества пыльцы широколиственных пород (до 4–5% от суммы пыльцы древесных). Это дало основание провести северную границу этих лесов примерно на 300 км южнее, чем в построениях Л.Д. Никифоровой. Учитывая палинологические материалы по разрезам Чернутьево-15 (бассейн р. Мезени), Пижма-6 (водораздел рр. Мезени и Печорской Пижмы), Ижма-7 (бассейн р. Ижмы), в пределах современной северной тайги скорректирована (в западной части смещена на 50–100 км к югу) северная граница южной тайги в среднем суббореале (рис. 2). Встречаемость в спектрах пыльцы широколиственных пород (до 2% от суммы пыльцы древесных) подтверждают вывод Л.Д. Никифоровой о простирании подзоны южной тайги до 64–65° с. ш. (Андреичева и др., 2015).

Обращает на себя внимание состав широколиственных пород, в качестве устойчивой примеси участвовавших в древостоях среднего суббореала. Первым на Европейском Северо-Востоке появился вяз (*Ulmus* sp.). Позднее проникали липа (*Tilia* sp.), дуб (*Quercus* sp.), клен (*Acer* sp.) и лещина (*Corylus* sp.). Северная граница распространения вяза проходила по долине Пезы и широтному колену Печоры, что на 400–500 км севернее от ее современного расположения. Дуб, липа и лещина,

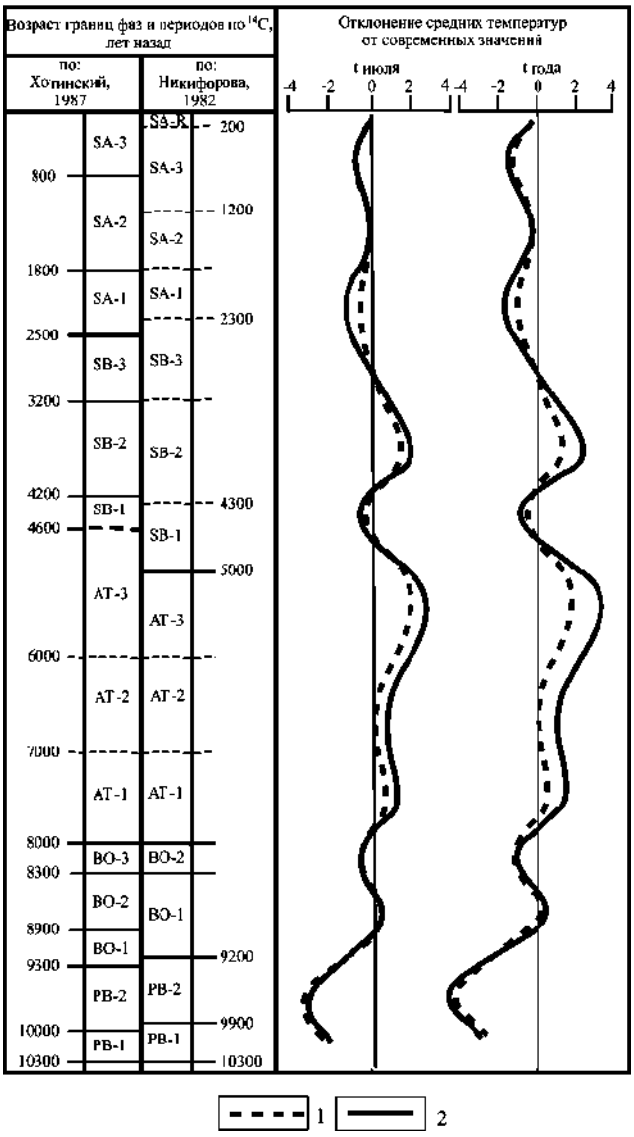


Рис. 3. Палеотемпературные кривые для подзон средней и северной тайги в Тимано-Печоро-Вычегодском регионе (Голубева, 2010)

Условные обозначения: 1 – средняя тайга; 2 – северная тайга

вероятно, произрастали до 64° с. ш., а клен распространялся в долины Вычегды, Виледи, верховья Пинеги и Мезени (рис. 2; Никифорова, 1979; Sidorchuk et al., 2001; Прокашев и др., 2003; Пахомова, 2004; Андреичева и др., 2015).

Наряду с широким распространением неморальной флоры характерной особенностью состава растительного покрова этого временного периода является увеличение участия сибирских видов – кедра (*Pinus sibirica*) и пихты (*Abies sibirica*). По мнению Л.Д. Никифоровой (1979), они достигли в суббореальный термический максимум максимального развития за весь голоцен, проникая на север по долинам рек до Полярного круга. На севере (в среднем течении р. Печоры) пихта произрастала с бореального периода, южнее (в долинах

Вычегды и Мезени, их междуречье) – появилась к концу атлантического периода. На юг территории она проникла гораздо позже. Об этом свидетельствует обнаружение ее пыльцы в разрезах Чус и Лычное Вятско-Камского Приуралья лишь 3,6 и 2 тыс. л. н. соответственно (Прокашев и др., 2003; Пахомова, 2004). Кедр в среднем течении Ижмы, в верховьях Мезени и на Мезенско-Печорском междуречье участвовал в древостое со среднеатлантического времени (Никифорова, 1979; Голубева, 2010).

Таким образом, вышеизложенный фактический материал позволяет одним исследователям сделать вывод о том, что из трех термических максимумов голоцена (бореального, позднеатлантического и среднесубореального) фаза среднесубореального потепления на Европейском Северо-Востоке России проявилась наиболее ярко (Хотинский, 1982; Никифорова, 1979; Прокашев и др., 2003). Максимальное распространение за весь голоцен темнохвойных и широколиственных пород указывает на самый значительный сдвиг на север границ растительных зон. Данные других палинологов свидетельствуют о том, что потепление в суббореальное время все же имело подчиненное значение по отношению к позднеатлантическому потеплению и проявилось сильнее на севере (рис. 3; Sidorchuk et al., 2001; Марченко-Вагапова, Мариева, 2001; Голубева, 2010; Марченко-Вагапова, 2014). Температурные показатели были близки к таковым для предыдущего климатического оптимума в позднем атлантике. Средняя температура июля составляла около 17–18 °С на юге и 16–17 °С – в северных районах, что на 1,5–2 °С выше по сравнению с настоящим временем. Значения среднегодовых температур превышали современные на 1,5–2,5 °С (Андреичева и др., 2015). Для южных районов (низовье Вычегды) известны также температура января – 14 °С (на 1 °С выше, чем сейчас) и годовые осадки – 750 мм, превышающие современные на 50 мм (Sidorchuk et al., 2001).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЭНЕОЛИТ

РАЗДЕЛ I

КУЛЬТУРЫ ЛЕСОСТЕПИ И СЕВЕРА СТЕПНОЙ ЗОНЫ

Глава 1
Хвалынская культура

Глава 2
Самарская культура

Глава 3
Памятники лебяжинского типа

Глава 4
Памятники позднего энеолита лесостепного Поволжья

Глава 5
Позднеэнеолитические памятники Посурья

ГЛАВА 1
ХВАЛЫНСКАЯ КУЛЬТУРА

Хвалынская энеолитическая культура была выделена И.Б. Васильевым в конце 70-х – начале 80-х гг. XX века по материалам I Хвалынского могильника, исследованного И.Б. Васильевым, С.А. Агаповым, В.И. Пестриковой в 1977–1979 гг. В это же время Н.М. Маловым был изучен Хлопковский могильник. В 1987 г. был открыт II Хвалынский могильник. Могильники располагались на высоком правом берегу р. Волги на территории современной Саратовской области. Впервые погребение, отнесенное позднее к хвалынской культуре, было открыто В.В. Гольмстен у с. Криволучье в Самарской области в 1929 г. (Гольмстен, 1931). Историографии хвалынской культуры посвящена специальная работа В.Г. Фадеева (Фадеев, 2003).

В изучении энеолита степного и лесостепного Поволжья хвалынская культура имеет особое значение. С ней связано распространение производящего хозяйства, новых традиций погребального обряда, первых медных изделий в этом регионе. Если принадлежность самарской и прикаспийской культур к энеолиту остается дискуссионной, то хвалынская культура отнесена к этой эпохе обоснованно. Памятники хвалынской культуры выявлены на обширной территории от Северного Прикаспия на юге до Среднего Посурья на севере, от Примокшанья на западе до верховьев р. Самары на востоке (рис. 1). Области распространения хвалынских материалов имеют определенную специфику.

Среди памятников Северного Прикаспия выделяются стоянки с сохранившимися участками культурного слоя Кара-Худук, Каир-шак VI, Комбак-тэ, изученные И.Б. Васильевым, П.П. Барынкиным и другими исследователями (Барынкин, Васильев, 1988, с. 123–142; Барынкин, 1989, с. 106–118; Васильев, 2003, с. 92; Барынкин, 2010, с. 152). На стоянках были исследованы хозяйственные и очажные ямы, получены значительные коллекции керамики и каменного инвентаря, кости животных. Небольшие серии и отдельные фрагменты хвалынской керамики были найдены на стоянках с развеянным культурным слоем: Тау-тюбе, Истай, Шестнадцатая буровая, Северный Букей, Кошалак, Досанг (Дубягин, Чикризов, Чуринов, Васильев, Выборнов, 1982, с. 101; Васильев, 2003, с. 92–95, рис. 13–15; Галкин, 1982, с. 136). Всего насчитывается около 20 местонахождений.

По данным И.Б. Васильева, в Северном Прикаспии сохранились остатки четырех могильников хвалынской культуры (Дубягин, Чикризов, Чуринов, Васильев, Выборнов, 1982, с. 102–105). В настоящее время Северный Прикаспий входит в зону распространения полупустынь, но в энеолите климат здесь был более влажным и ландшафт представлял собой привлекательные для проживания сухие степи с источниками пресной воды (Иванов, Васильев, 1995, с. 107; Иванов, 2014, с. 113). Близкие материалы были выявлены на стоянках Кашкар-ата II, IV, Шебир 4, Коскудук 2, Сазды, Бас 1 и др. на полуострове Мангышлак (Астафьев, 1989, с. 167–180; Астафьев, Баландина, 1998, с. 129–159; Астафьев, 2014). Исследователи энеолита Северного Прикаспия отмечали неоднородность керамических комплексов. Так, на стоянке Каир-шак VI присутствует группа керамики, орнаментированной в геометрическом стиле прочерченными линиями и наколами (Барынкин, 1989, с. 113–114), что не препятствовало отнесению всего комплекса к хвалынской культуре (Барынкин, 1989, с. 117–118). Иная ситуация зафиксирована на стоянке Кара-Худук, где есть венчики как без утолщений, так и с плоскими утолщениями, орнаментированные прочерченными линиями и наколами. Она резко отличается от хвалынского комплекса и свидетельствует об устойчивых связях хвалынского населения с предкавказским и приазовским (Барынкин, Васильев, 1988, с. 139–140; Барынкин, 2003, с. 48). На стоянке Комбак-тэ лишь часть сосудов обладает типичными для хвалынской посуды чертами (Васильев, 2003, с. 92, рис 12: 2–10, с. 61–99). Другие отличаются как формой венчиков, так и орнаментом (Барынкин, 2010, с. 152, рис. 13: 1–2, 4–8, 10). Эти факты следует учитывать при характеристике материалов хвалынской культуры. Памятники Северного Прикаспия наряду с нижневолжскими могильниками послужили основой для характеристики хвалынской культуры.

Своеобразие нижневолжского региона определяется малочисленностью стоянок хвалынской

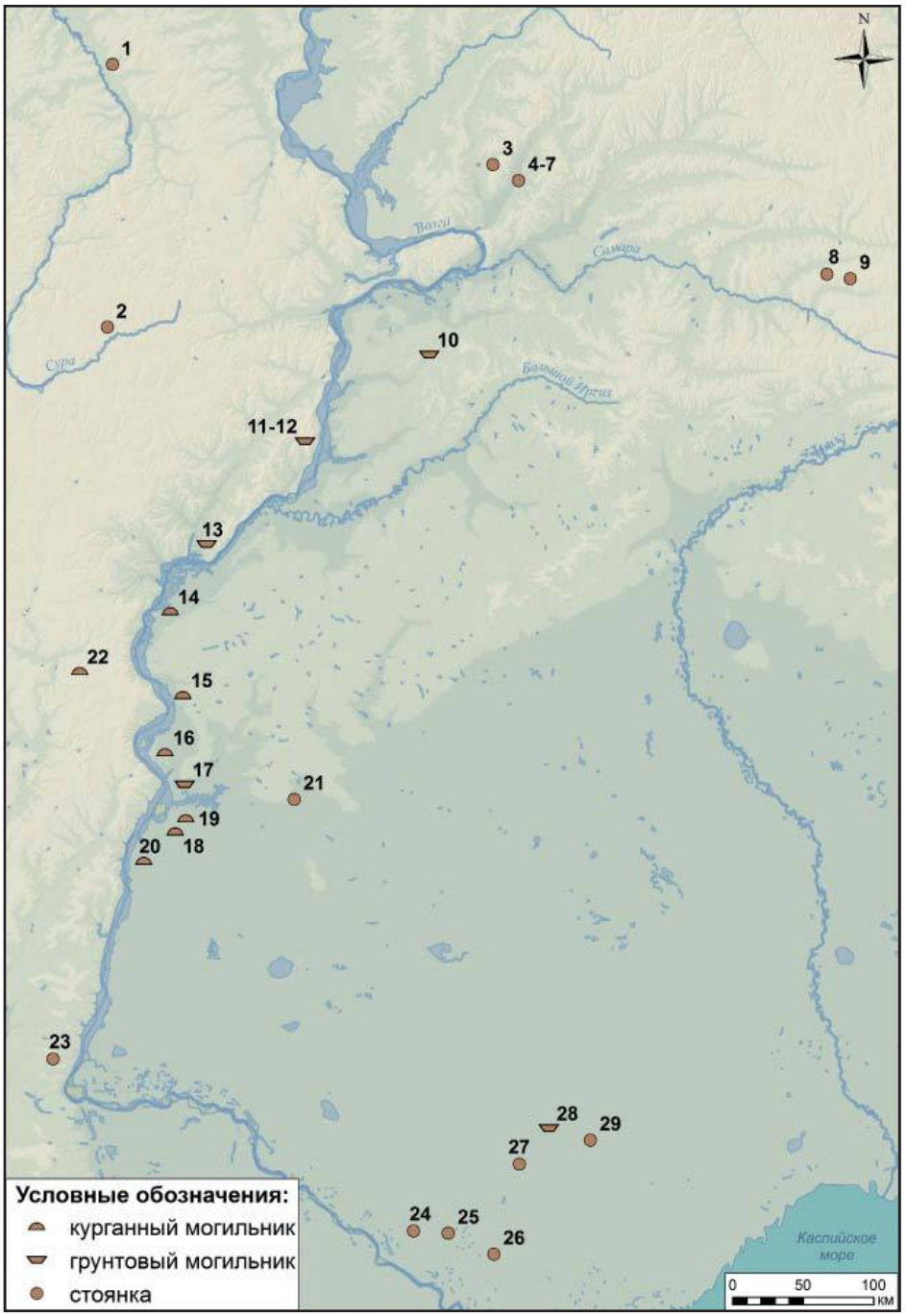


Рис. 1. Памятники хвалынской культуры

1 – поселение Утюж I, 2 – поселение Русское Труево I, 3 – Гундоровское поселение, 4–7 – стоянка Лебяжинка I, Лебяжинка IV, поселение Лебяжинка VI, стоянка Большая Раковка II, 8 – Турганикское поселение, 9 – Ивановская стоянка, 10 – погребение у с.Криволучье, 11–12 – Хвалынский I и Хвалынский II могильники, 13 – Хлопковский могильник, 14 – Энгельс-Анисовка, 15 – Тарлык, 16 – Новопривольное, 17 – Ровное, к.3, 18 – Бережновка I, к.5, 19 – Бережновка II, к.9, 20 – Политотдельское, к.12, 21 – поселение Кумыска, 22 – Паницкое 6Б, 23 – Царица, 24 – Кара-Худук, 25 – Кошалак, 26 – Каир-шак VI, 27 – Комбак-тэ, 28 – Ак-Жунас, 29 – Тау-тюбе

культуры. Полученные материалы представлены малочисленными или единичными сосудами. К таким памятникам относится Кумыска, Алтата (Юдин, 1999, с. 132, рис. 8; Юдин, 2012, с. 11; Малов, 2008, с. 113, рис. 6: 30). В правобережье Волги имеют значение материалы стоянки Царица и урочища Мартышкино (Юдин, 2012, с. 181, рис. 63: 1–3; Третьяков, 1974, с. 208–213, рис. 5: 1; Лопатин, Малышев, 2010, с. 275–276).

В то же время на высоком правом берегу нижнего течения р. Волги расположены I и II Хвалынские и Хлопковский грунтовые могильники этой культуры (Агапов, Васильев, Пестрикова, 1979, с. 36–63; Агапов, Васильев, Пестрикова, 1990; Малов, 1982, с. 82–94; Малов, 2008, с. 32–134).

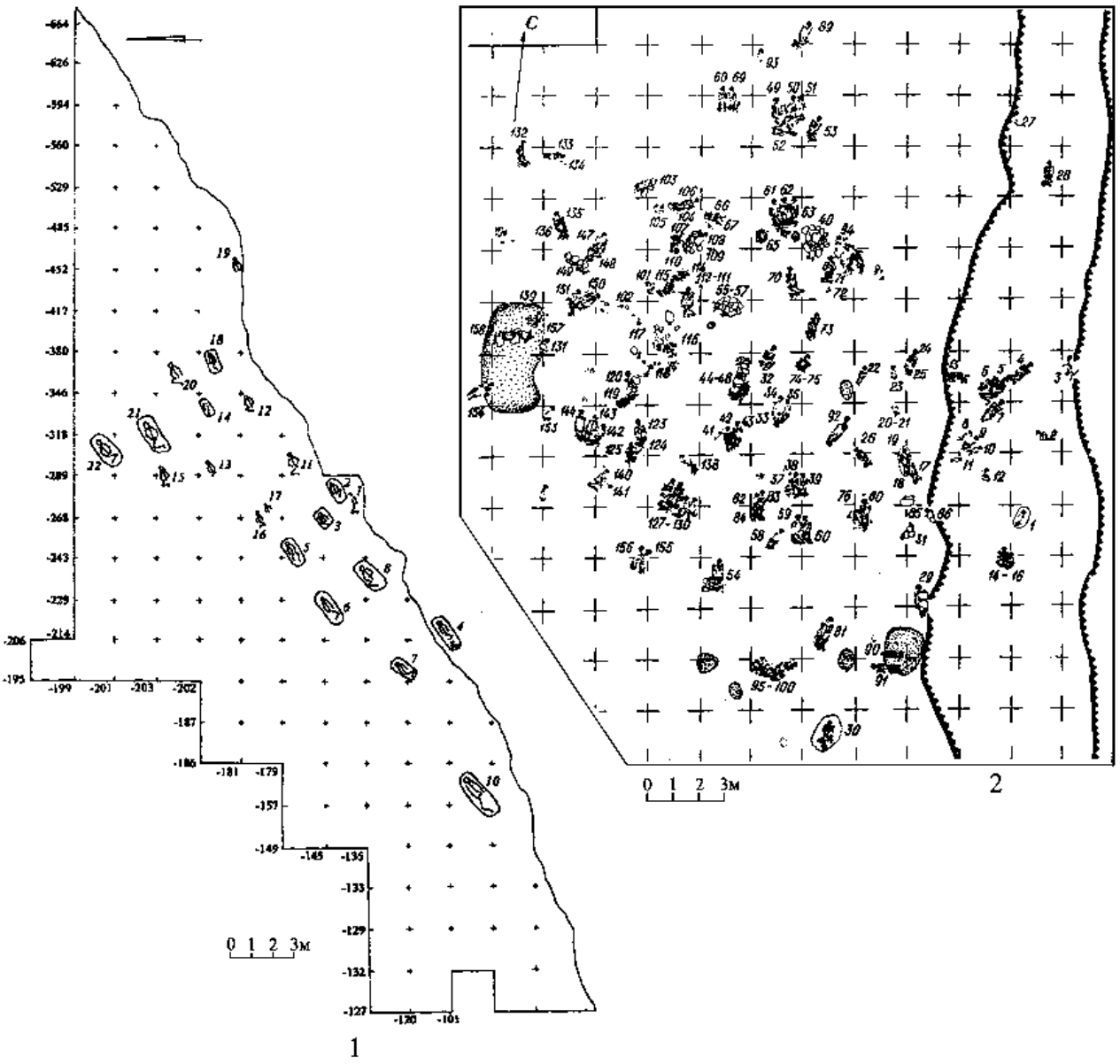


Рис. 2. План Хлопковского могильника (1) (по Н.М. Малов, 2008)
План Хвалынского I могильника (2) (по: Васильев, Агапов, Пестрикова, 1990)

На этой территории выявлены и подкурганные захоронения с характерными деталями погребального обряда и инвентаря, которые являются предметом дискуссии об их культурно-хронологической принадлежности. Существование у хвалынского населения двух погребальных практик: бескурганных и подкурганных захоронений предполагал И.Б. Васильев (1981, с. 43–44). И.И. Дремов и А.И. Юдин пришли к выводу о культурной и хронологической близости погребений подкурганных и грунтовых (Дремов, Юдин, 1992; Юдин, 2006, с. 14). Эти вопросы напрямую затрагивают проблему происхождения ямной культуры, в которой исследователи выделяют хвалынскую подоснову (Васильев, 1981, с. 44; 2002, с. 68; Моргунова, Турецкий, 2019, с. 92–95). Появление курганов у хвалынского населения подтверждается положением и ориентировками костяков, а также зачастую полным соответствием погребального инвентаря, включая типичную хвалынскую керамику (рис. 10: 2–7). Складывание подкурганного обряда погребения исследователи рассматривают в контексте общего процесса, протекавшего в восточноевропейской степи (Кореневский, 2012). Однако проблема участия хвалынского населения в складывании ямной культуры остается дискуссионной ввиду сохраняющегося хронологического разрыва между этими культурами (Моргунова, 2009, с. 24–25). Накопленные к настоящему времени данные показывают, что материалы могильников количественно и качественно превосходят матери-

алы бытовых памятников хвалынской культуры Нижней Волги.

На территории Среднего Поволжья выделяются приволжская и заволжская области распространения хвалынских материалов. В Заволжье бытовые памятники хвалынской культуры выявлены в бассейне рек Самара и Сок. На р. Чагре около с. Криволучье было обнаружено погребение (Гольмстен, 1931, с. 7–12). Оно было отнесено И.Б. Васильевым к хвалынской культуре (Васильев, 1981, с. 26–27). На р. Самаре Н.Л. Моргуновой керамика хвалынского типа была выделена в материалах Ивановской стоянки (Моргунова, 1989, с. 121) и Турганикского поселения (Моргунова, 1984, с. 69, рис. 11: 1–4). Значительная часть воротничковой керамики этих памятников обладает выраженным синкретизмом и отнесена к хвалынско-ивановскому типу (Моргунова и др., 2017, с. 107–109, рис. 25–27). Вблизи Ивановской стоянки и Турганикского поселения на Ивановской дюне был выявлен разрушенный могильник. Он был соотнесен с материалами ивановского типа (Моргунова, 1979, с. 19). Единичные находки хвалынской керамики в низовьях р. Белой позволяют включить ее в зону распространения хвалынской культуры (Выборнов, Обыденнов, Обыденнова, 1984, с. 12, рис. 11: 2).

Значительные коллекции хвалынской керамики были получены с памятников, расположенных на р. Сок. Керамика Гундоровского поселения включает сосуды с массивными воротничками и по основным характеристикам совпадает с хвалынской посудой Северного Прикаспия (Васильев, Овчинникова, 2000, с. 262, рис. 22: 2–6, 8–13). Большая группа керамики, около 100 сосудов, хвалынского типа была выявлена на стоянке Лебяжинка I (Барынкин, Козин, 1995, с. 136–164). Она обладает некоторой спецификой: сосуды имеют уплощенные воротнички и орнамент «шагающая гребенка». Сопоставимая по количеству и характеристикам коллекция керамики содержится в материалах стоянки Лебяжинка IV (Васильев, Овчинникова, 2000, с. 261, рис. 21: 2–6, 10). Небольшие серии хвалынской керамики и посуды с хвалынско-ивановскими чертами были выделены в материалах стоянки Чесноковка (Бахарев, Овчинникова, 1991, с. 77–79), Большая Раковка II (Барынкин, Козин, 1991, с. 102), поселения Лебяжинка VI (Васильева, Королев, Шалапинин, 2019, с. 37–38). Керамические комплексы левобережья Средней Волги многочисленны. Они включают материалы как собственно хвалынские, так и имеющие смешанный хвалынско-ивановский облик. Особенность заволжских памятников составляет отсутствие жилищ хвалынской культуры. Погребальный обряд известен по материалам захоронения у с. Криволучье.

В правобережье Средней Волги вырисовывается несколько иная ситуация. Материалы хвалынской культуры здесь пока не столь многочисленны, но представлены поселками с углубленными в материк жилищами. На Верхней Суре В.В. Ставицким изучено поселение Русское Труево I, материалы которого содержат жилищные котлованы, крупную коллекцию каменного инвентаря и керамику хвалынской культуры (Ставицкий, 2001, с. 20–37). В среднем течении р. Суры было исследовано поселение Утюж I, где получен хвалынский комплекс, включающий котлован жилища, кремневый инвентарь и керамику (Березина, 2021, с. 196–197, 216, рис. 192–193). Крайними к западу местонахождениями керамики хвалынского облика являются поселения Имерка IV и Имерка VIII, расположенные на р. Вад, притоке Мокши (Выборнов, Королёв, 1995, с. 115, 118, рис. 5: 8–14; Королев, Ставицкий, 2006, с. 10, рис. 2: 1–3, 5–6). Погребения в приволжском ареале хвалынской культуры пока неизвестны.

Керамика является наиболее распространенным и узнаваемым маркером хвалынской культуры (рис. 3–7). Ее детальная характеристика дана авторами раскопок I и II Хвалынских могильников (Агапов и др., 1990, с. 69) и расширена другими исследователями с учетом поселенческой и региональной специфики (Барынкин, 1992, с. 15–17; 2010, с. 133–152). Керамика в целом характеризуется светло-серым или светло-коричневым цветом, примесью раковины, хорошо заглаженной внешней поверхностью. Внутренняя поверхность часто сохраняет следы выравнивания зубчатым инструментом в виде расчесов. Фрагментированная керамика стоянок осложняет определение формы сосудов, их профилировка определяется по крупным частям венчиков. Могильники дали значительные серии целых форм, позволяющих уточнить пропорции сосудов. На основе керамической коллекции Хвалынского I могильника авторы исследования выделили следующие типы сосудов: колоколовидные с двумя вариантами – прямостенные (рис. 3) и с округлым туловом и стянутой шейкой (мешковидные); (рис. 4; 7: 4, 6); шаровидные; чаши (рис. 5: 1; 7: 1–3, 7–9). Кроме этого, были выделены миниатюрные сосуды (Агапов и др., 1990, с. 69). Позднее И.Б. Васильев рассматривал колоколовидные и мешковидные сосуды в качестве самостоятельных типов (Васильев, 2003, с. 66). Примечательной особенностью коллекции керамики стало наличие сосудов со скульптурными налепами по венчику (рис. 7: 5) (Агапов и др., 1990, с. 130, рис. 34: 6, 8). Сосуды имели, как правило, утолщенные венчики и округлые и приостренные днища. Судя по опубликованным данным, в

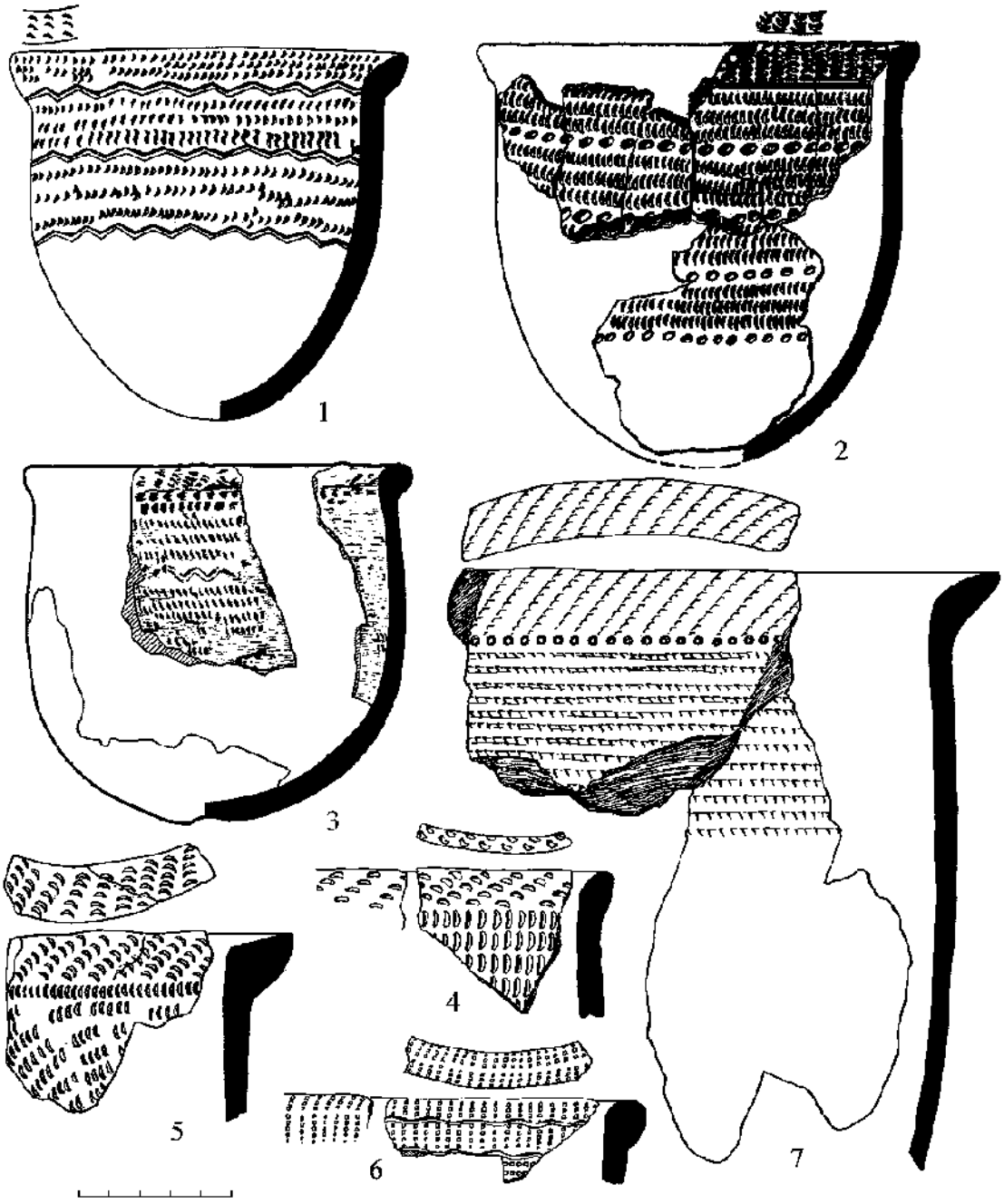


Рис. 3. Керамика хвалынской культуры
Хвалынский I могильник (1–2, 5); поселение Лебяжинка VI (4, 6); поселение Утюж I (7)

материалах II Хвалынского могильника присутствуют первые два типа сосудов (Васильева, 2010, с. 193–212), сосуды с налепами-«ушками», а также миниатюрные (рис. 3: 3; 4: 3; 5: 7; 7: 2, 6) (Васильева, 2010, с. 199, 204). В Хлопковском могильнике также выделяются сосуды колоколовидного типа с утолщенными венчиками, округлыми и приостренными днищами (рис. 4: 5), есть миниатюрные сосуды (рис. 4: 4) (Малов, 2008, с. 119, рис. 12: 1, 5, с. 122, рис. 15: 4, с. 123, рис. 16: 14, с. 124, рис. 17: 3, 7). Выводы исследователей о типах хвалынской керамики по материалам могильников можно распространить на поселенческую посуду. Так, в крупной коллекции хвалынской керамики стоянки Лебяжинка I содержатся сосуды со стянутым верхом, прямостенные, шаровидные и маленькие сосуды с диаметром горла 10–12 см (рис. 4: 2; 6: 6, 9; 7: 3, 8) (Барынкин, Козин, 1995, с. 153, рис. 7: 2–7). В целом в материалах стоянок больше сосудов средних и крупных размеров. В материалах могильников более распространены средние и маленькие, вплоть до миниатюрных. Присутствуют сосуды с «ушками». Видимо, для погребального обряда изготавливалась специаль-

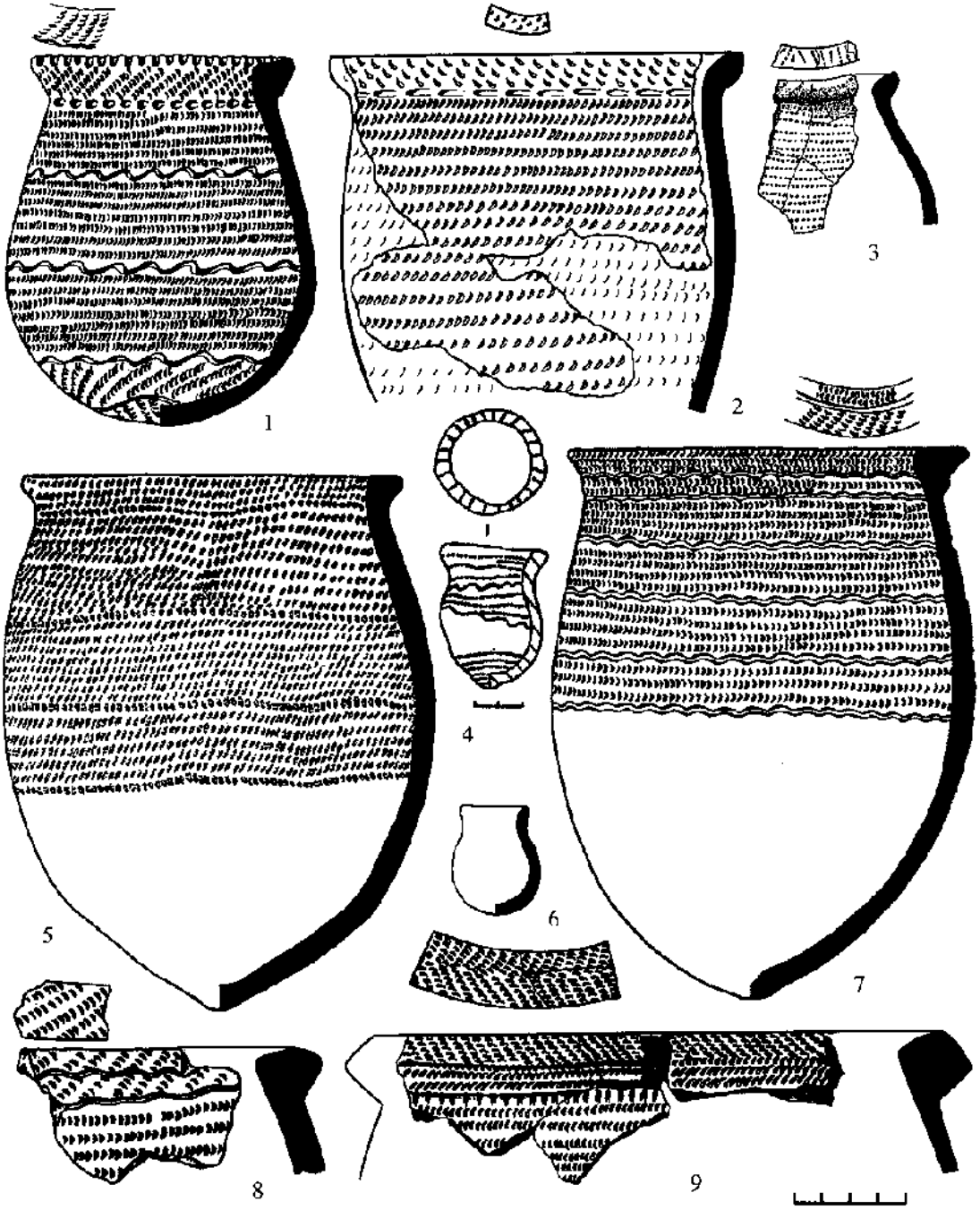


Рис. 4. Керамика хвалынской культуры

Хвалынский I могильник (1, 6, 8); стоянка Лебяжинка I (2); Хвалынский II могильник (3, 7); Хлопковский могильник (4–5); стоянка Кара-Худук (9)

ная посуда. И.Б. Васильев отметил, что керамика I Хвалынского могильника включает погребальную и хозяйственную (Васильев, 1981, с. 25).

Выразительной чертой хвалынской керамики являются утолщенные, как правило, на внешнюю сторону (воротничковые) венчики. Утолщения различны, от слабо выделенных до массивных. По форме внешнего края они могут быть разделены на плоские и закругленные; по форме сечения – на подтреугольные, подовальные (валиковые), четырехугольные. Встречаются и «граненые» венчики с подчеркнутыми углами, выделенным внутренним ребром в месте перехода к тулову (Кара-Худук) (рис. 4: 9). Часть сосудов поселенческих и погребальных памятников содержит венчики, утолщенные равномерно или с внутренней стороны, есть венчики без утолщений. На памятниках хвалынской культуры присутствуют сосуды как с «валиковыми», так и с плоскими утолщениями-воротничками. Здесь есть некоторые различия. В Прикаспии массивные утолщения более характерны для керамики стоянок Кара-Худук, Шебир 4,

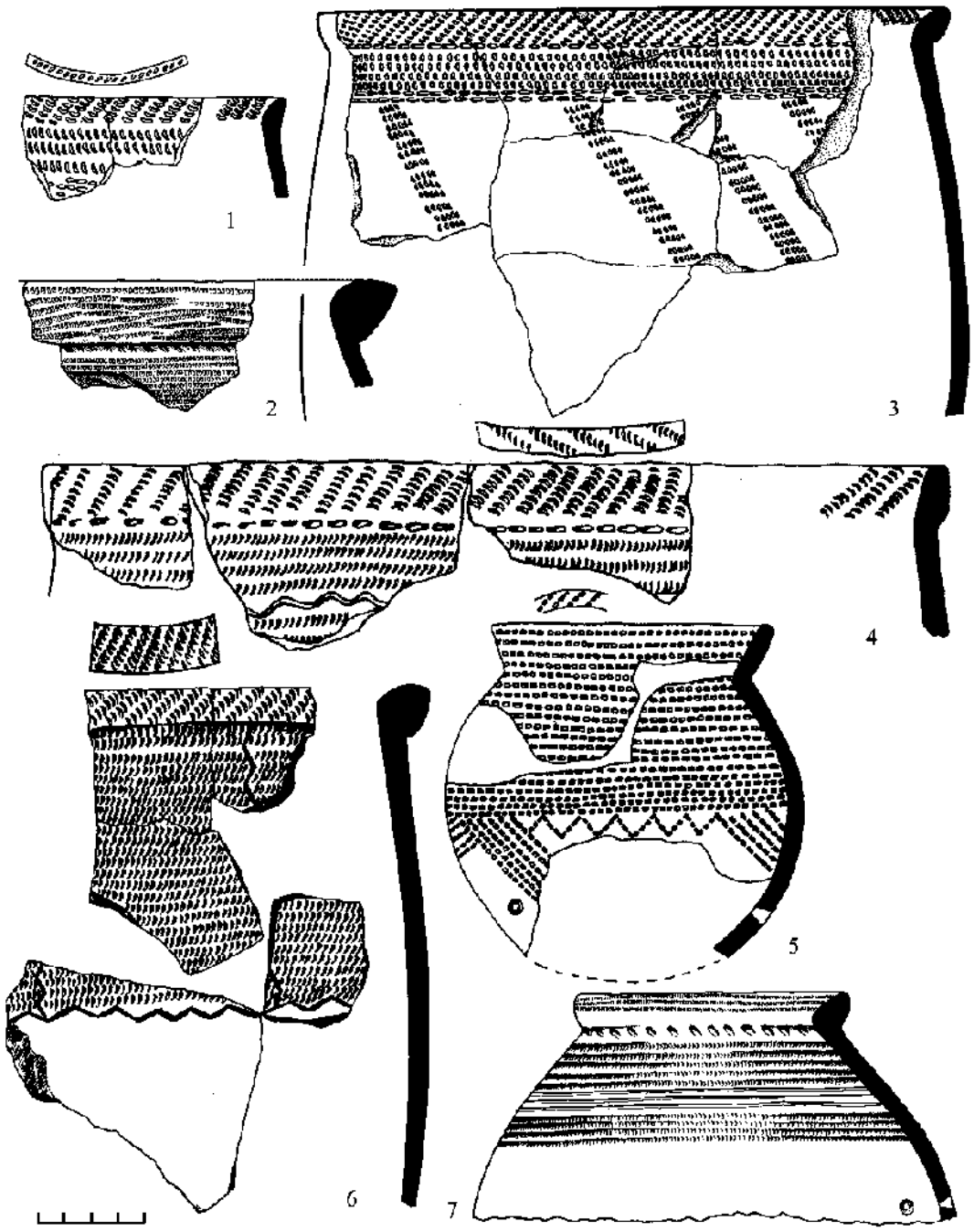


Рис. 5. Керамика хвалынской культуры

Хвалынский I могильник (1, 4); Хвалынский II могильник (3); Гундоровское поселение (2, 7); поселение Русское Труево I (5); стоянка Кара-Худук (6)

на посуде стоянки Каир-шак VI они менее представлены. Для сосудов Гундоровского поселения они типичны, а для керамики Лебяжинки I, IV, VI, Русское Труево I, Утюж I более характерны незначительные утолщения.

Большинство сосудов орнаментировано. На сосудах, представленных целыми формами, орнамент преимущественно расположен в верхней части, заходит на срез и внутреннюю поверхность венчика, иногда покрывает всю внешнюю сторону, включая днище. Керамика орнаментирована приемами накалывания, штампования, прочерчивания. Наиболее распространены оттиски прямозубого и косозубого гребенчатого штампа и частые поверхностные вдавления в форме круглой скобки или полумесяца. П.П. Барынкин пришел к выводу о преобладании гребенчатого орнамента в лесостепных памятниках хвалынской культуры (Барынкин, 2010, с. 138). Определение второго вида орнамента: насечки, наколы, шнур, вдавления аммонита – вызывает трудности. Анализ рельефа оттисков в виде полумесяца на керамике

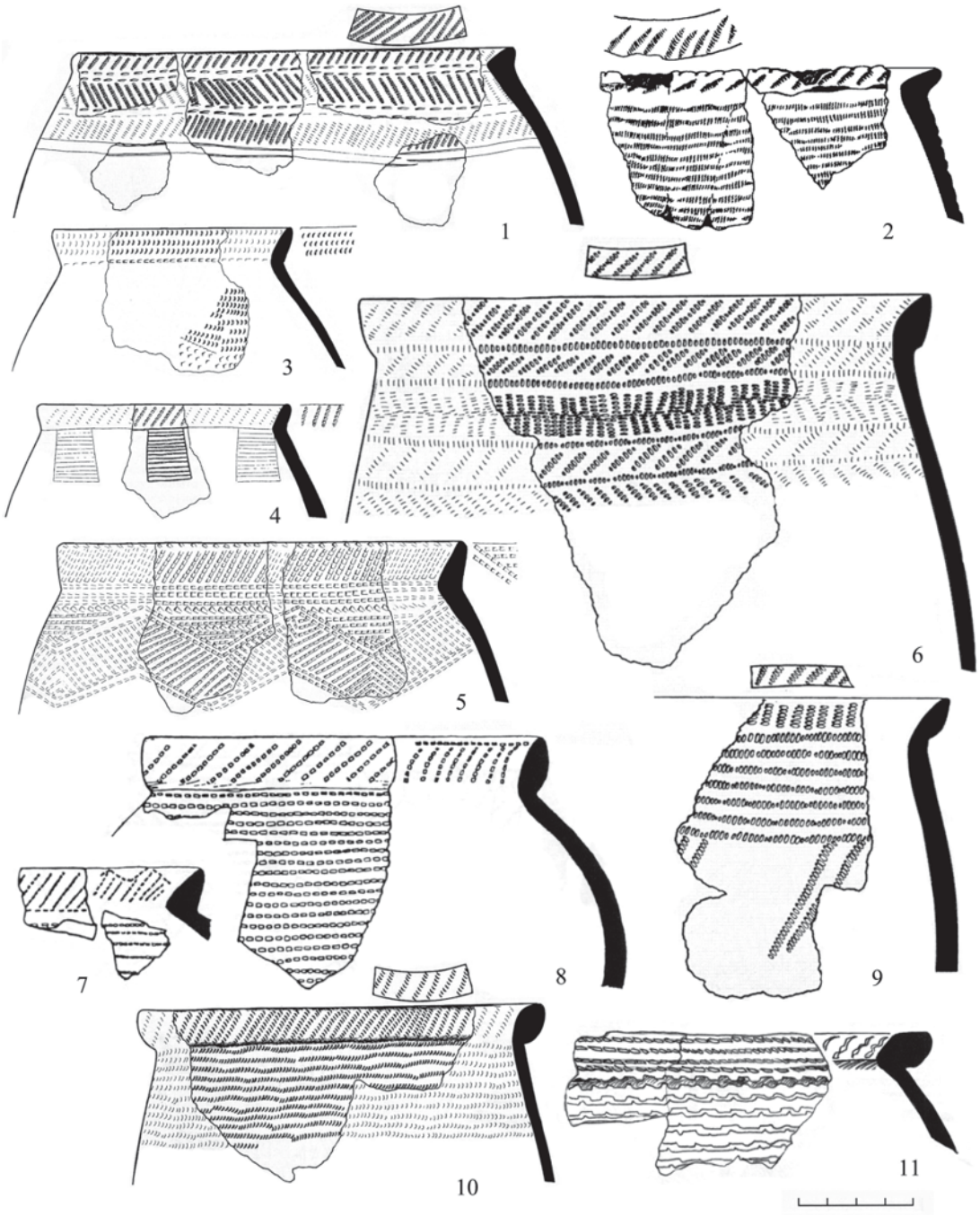


Рис. 6. Керамика хвалынской культуры

Стоянка Каир-шак VI (1, 3–5, 10); стоянка Кара-Худук (2); стоянка Лебяжинка I (6, 9); поселение Кумыска (7–8); стоянка Царица (11)

Хвалынского I могильника и проведенный эксперимент не подтвердили использование аммонита (Васильева, 2002, с. 35). Большой интерес представляют выводы И.Н. Васильевой о технологии конструирования хвалынских сосудов с применением формы-основы и орнаментации керамики кожаными штампами, расшитыми узорами или «плетеными фактурами» (Васильева, 2010, с. 193–195). Изучение одного из образцов хвалынской керамики для проверки гипотезы об орнаментации тканными орнаментирами, дало положительный результат (Шишлина, 1999, с. 27). Примечательна орнаментация керамики ископаемыми раковинами кардиум в Прикаспии (Барынкин, Васильев, 1988, с. 139; Барынкин, 1989, с. 117), на Нижней Волге и в Посурье (Ставицкий, 2001, с. 22).

Зона воротничка, в том числе на венчиках без утолщений, обычно выделена рядами наклонно или вертикально поставленных оттисков штампа. Однако повсеместно присутствует керамика, орнаментированная по внешней поверхности горизонтальными оттисками гребенчатого

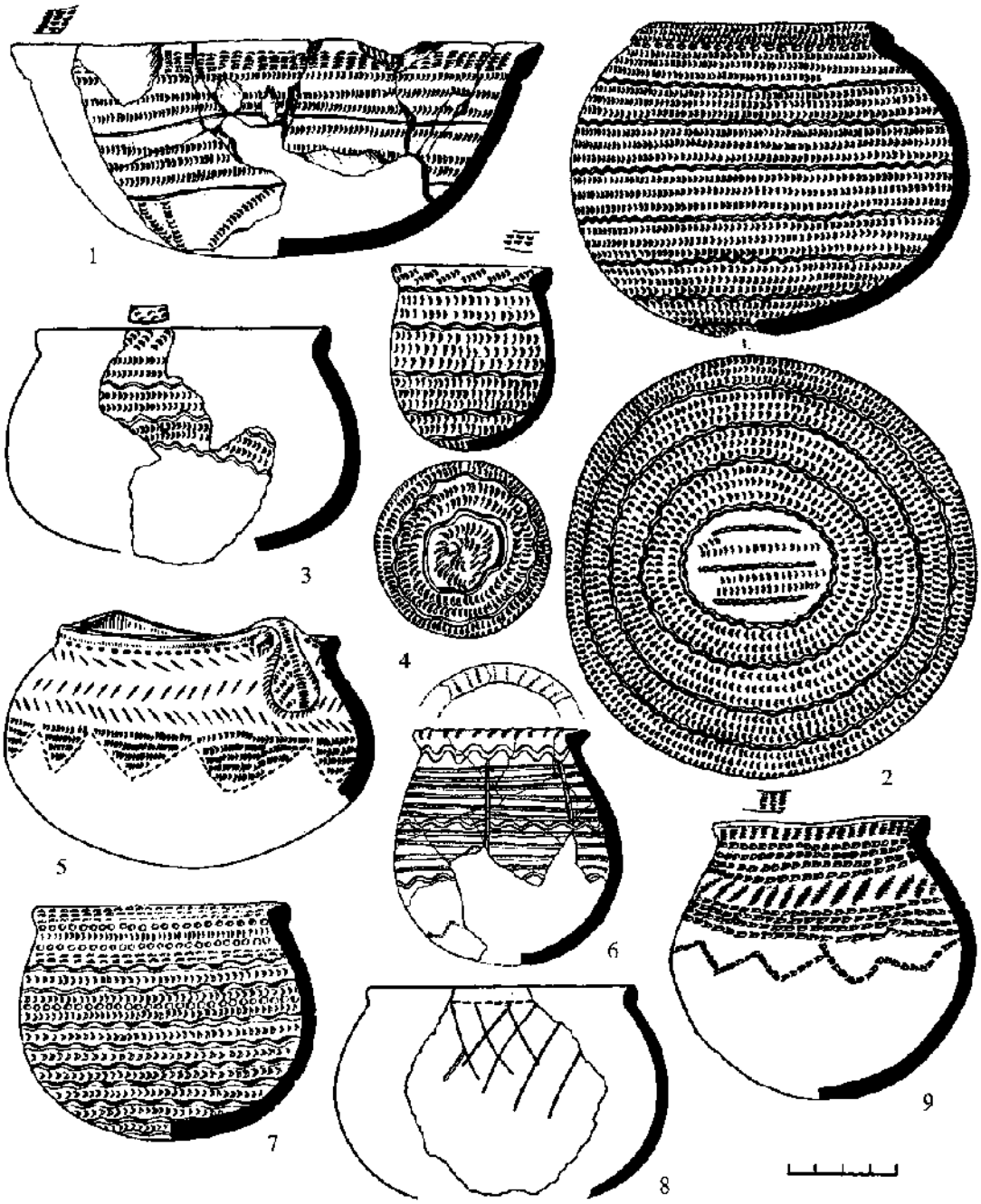


Рис. 7. Керамика хвалынской культуры
Хвалынский I могильник (1, 4–5, 7, 9); Хвалынский II могильник (2, 6); стоянка Лебяжинка I (3, 8)

штампа или ископаемых раковин (Каир-шак VI, Царица, Лебяжинка I, Гундоровка, Утюж I и др.). Изредка на воротничковую зону нанесены волнистые прочерченные линии, или она не орнаментирована. Иногда под венчиком располагается поясок овальных или округлых вдавлений или прочерченных линий. Подобные пояски встречаются и на тулове сосудов стоянок Кара-Худук, Комбактэ в Прикаспии, стоянок Лебяжинка I на Средней Волге, Русское Труево I и Утюж I на Суре. На керамике стоянки Лебяжинка IV есть вдавления клиновидной формы. На тулове орнамент нанесен преимущественно в горизонтальной зональности. Господствуют зоны многорядных горизонтальных полос оттисков штампа, которые обычно перемежаются прочерченными горизонтальными волнистыми линиями или горизонтальным зигзагом, изредка поясками мелких овальных вдавлений. Значительно реже встречаются горизонтальные ряды наклонных оттисков штампа (рис. 3: 5; 5: 3, 5; 6: 9) (I и II Хвалынские могильники, Каир-шак VI, Лебяжинка IV, VI, Русское Труево I). Отмеченная орнаментация керамики наиболее распространена на всей территории хвалынской

культуры. Иногда горизонтально расположенный орнамент прерывается вертикальными прямыми или зигзагообразными прочерченными линиями (рис. 5: 6; 7: 6). Такие «перебивки орнамента» отмечены на керамике I и II Хвалынских могильников, стоянок Кара-Худук, Шебир IV, Лебяжинка I. Изредка встречаются заполненные треугольники (рис. 7: 5) (I Хвалынский могильник), «лопасти» (рис. 6: 4) (Каир-шак VI, Лебяжинка I), крупный зигзаг (Лебяжинка I), крупная «волна» (Лебяжинка I, VI). Отмечена и неорнаментированная керамика. Сложен вопрос о применении «шагающего» приема орнаментации на хвалынской керамике. Такой прием встречен на сосуде стоянки Комбактэ (Барынкин, 2010, с. 152, рис. 13: 6), но его профилировка и орнаментация выходят за пределы характеристик хвалынской посуды. «Шагающая гребенка» широко представлена на воротничковой керамике лесостепного Волго-Уралья, в частности на посуде лесостепных стоянок Лебяжинка I, IV, обладающей сложным сочетанием признаков хвалынской культуры и керамики ивановского типа (рис. 6: 6). И.Б. Васильев определил ее как хвалынско-самарскую (Васильев, 2003, с. 87, рис. 7).

Технико-технологический анализ керамики Хвалынского I могильника был проведен И.Н. Васильевой (2010, с. 153–179; 2010, с. 180–216). Установлено, что керамику изготавливали из илистых ожелезненных глин, использовали незапесоченное сырье во влажном состоянии, в качестве примеси применяли толченую раковину и органический раствор. Традиция керамического производства населения, оставившего Хвалынский I могильник, по мнению И.Н. Васильевой, характеризуется культурным единством. Установленные характеристики гончарного производства отражают стабильность общества и устойчивость гончарных традиций (Васильева, 2010, с. 168–170). Исключение составляют два сосуда, своеобразие которых было отмечено авторами обобщающей работы по итогам изучения Хвалынского I могильника (Агапов и др., 1990, с. 69). Для решения вопросов культурогенеза в энеолите степного – лесостепного Поволжья немаловажным представляется вывод о близости керамического производства между группами населения, оставившего могильники у с. Съезжее и Хвалынский I. Технико-технологический анализ керамики Хвалынского II могильника, также проведенный И.Н. Васильевой, дал близкие результаты. Для изготовления сосудов использовалась слабозапесоченная илистая глина в увлажненном состоянии, в качестве добавок вводилась дробленая раковина и органический раствор (отмеченный не во всех образцах) (Васильева, 2010, с. 193–216). В приведенной Н.М. Маловым характеристике керамики Хлопковского могильника также отмечена примесь раковины (Малов, 2008, с. 88), что вполне согласуется с зафиксированной примесью в посуде Хвалынского I и II могильников. Таким образом, керамика могильников хвалынской культуры подчеркивает близость оставившего их населения. Технико-технологический анализ керамики поселения Лебяжинка VI подтвердил единство гончарных традиций хвалынского населения (Васильева и др., 2019, с. 37).

Каменный инвентарь.

Каменный инвентарь хвалынской культуры представлен в погребальных и бытовых памятниках (рис. 8). Материалы I Хвалынского и Хлопковского могильников были первыми исследованными памятниками хвалынской культуры, но в публикациях содержалась лишь краткая характеристика каменного инвентаря (Агапов, Васильев, Пестрикова, 1979, с. 39–40, с. 47, рис. 6; Васильев, 1981, с. 25; Агапов и др., 1990, с. 66; Малов, 2008, с. 93). Достаточно крупные коллекции каменных изделий были получены на стоянках Кара-Худук и Каир-шак VI в Северном Прикаспии (Барынкин, Васильев, 1988, с. 126–133; Барынкин, 1989, с. 114–116; Барынкин, 1992, с. 11–15). Они послужили основой для характеристики каменного инвентаря хвалынской культуры. Необходимо учитывать, что на стоянке Кара-Худук была выявлена группа керамики с прочерчено-накольчатой орнаментацией, с которой может быть связана часть изделий из камня. Позднее И.В. Горащук детально проанализировал материалы I и II Хвалынских могильников, стоянок Каир-шак VI, Кара-Худук и Гундоровского поселения (Горащук, 2010, с. 287–356). В Северном Прикаспии в качестве сырья использовался кремень темно-серый полупрозрачный, серый полосчатый, желтоватый и белый непрозрачный кремнистый известняк, кварцит. Материалы стоянок по составу сырья несколько различаются. В коллекции стоянки Каир-шак VI среди отходов преобладает кварцит, а среди орудий кремень, а на стоянке Кара-Худук полностью преобладает кремень. Такой же состав сырья представлен в I и II Хвалынских могильниках. Сырьем для каменного инвентаря поселения Русское Труево I послужил светло-серый кремень, качественный темно-серый полупрозрачный, серый кремень, слоистый светло-серый кремень, кварцит. Немаловажным является преобладание кварцита в отходах и очень малое количество изготовленных их него орудий (Ставицкий, 2001, с. 22). Присутствуют изделия и из других пород камня (изделия на гальках, из породы зеленого цвета, песчаника). Каменный инвентарь хвалынской культуры поселения Утюж I был изготовлен из дымчатого, черного и молочно-белого кремня (Березина, 2021,

с. 196). Из материалов Гундоровского поселения И.В. Горащук соотнес с хвалынской керамикой изделия из кремнистого известняка, полосчатого и полупрозрачного коричневато-черного кремня, низкокачественный халцедон (Горащук, 2010, с. 293). Орудия изготавливались в основном из ножевидных пластин, реже отщепов. В коллекциях присутствуют призматические, клиновидные и конические нуклеусы (рис. 8: 1–2), ребристые, продольные и поперечные технологические сколы. Получение широких пластин правильной формы, по мнению исследователей, возможно только усиленным отжимом (Горащук, 2010, с. 303). По мнению Н.С. Березиной, крупные пластины поселения Утюж I были получены ударом (Березина, 2021, с. 197). Характерно сочетание изделий на широких и узких пластинах. В коллекциях памятников преобладают пластины с краевой ретушью по спинке на одной или двух кромках (рис. 8: 3–10), концевые скребки с прямым или округлым лезвием и краевой ретушью на одной или обеих боковых кромках (рис. 8: 16, 19–21), острия (рис. 8: 10). Характерно полное преобладание кремневых орудий над кварцитовыми. Присутствуют обработанные двусторонней ретушью наконечники с прямым и вогнутым основанием (рис. 8: 12, 14–15, 17), пластины с выемками. Встречены вкладыши с притупливающей ретушью по брюшку с одной стороны и неровной мелкой ретушью на другой (рис. 8: 22) (I Хвалынский могильник, Кара-Худук, Каир-шак VI, Утюж I), резцы на углу сломанной пластины (рис. 8: 11) (Кара-Худук, Утюж I), мелкие рубящие орудия с пришлифованной поверхностью (рис. 9: 11–18). Наконечники с прямым и вогнутым основанием распространены по всей территории хвалынской культуры, в том числе в погребениях (Криволучье, II Хвалынский могильник). Наконечники с выделенным черешком встречаются редко, но территория их распространения обширна (рис. 8: 13) (Нарымбай, Криволучье, Русское Труево I). Листовидные и подромбические наконечники найдены в северном ареале хвалынской культуры (Русское Труево I) и могут отражать результаты взаимодействия с инокультурным населением. Абразивные плитки, каменные кольца (рис. 9: 7–8, 9–10) и бусины, скипетры (рис. 9: 1–3, 6), топоры-клевцы (рис. 9: 4–5, 14) свидетельствуют о применении техники шлифования и сверления. Ассортимент каменных изделий стоянок и могильников отличается. Видимо, это объясняется существовавшими особыми представлениями на подбор погребального инвентаря.

Таким образом, сочетание комплексов на различных памятниках помогает с определенной степенью достоверности выделить каменный инвентарь хвалынской культуры. Особенностью хвалынского комплекса каменных орудий лесостепной полосы можно считать более широкое использование отщепов, более разнообразные формы наконечников (в том числе листовидных, треугольно-черешковых), топоров. Намечается еще одна особенность – максимальное использование кремневого сырья. Орудия часто делали из не очень подходящей заготовки, переоформляли сломанные орудия. Возможно, это связано с необходимостью экономить кремень привычных сортов в отдалении от источников его добычи.

Жилища изучены на двух поселениях хвалынской культуры. На поселении Русское Труево I В.В. Ставицким было изучено 4 жилища (рис. 10: 1). Жилища 1–3 имели прямоугольную форму, размеры: 5×6 м, 8×3,6 м, 8,4×4,6 м и были углублены в материк на 35–40 см. На дне сооружений располагались хозяйственные, столбовые и очажные ямы. Жилище 4 выделяется особенно большими размерами – 17×4 м, имеет выход в северном направлении и несколько изогнуто в плане (Ставицкий, 2001, с. 20–21). Жилище, изученное на поселении Утюж I, имело подквадратную форму размерами 7×8 м, было незначительно заглублено в материк и содержало пластинчатый инвентарь и хвалынскую керамику. Эта постройка была значительно нарушена более поздним жилищем льяловской культуры (Березина, 2021, с. 196–197). Примечательным является наличие долговременных жилищ в северном ареале хвалынской культуры. Видимо, их можно считать попыткой адаптации к новым условиям обитания.

Могильники и погребальный обряд хвалынской культуры.

Материалы Хвалынского I и Хлопковского могильников опубликованы (рис. 2: 1–2), данные по Хвалынскому II – частично. В Хвалынском I могильнике изучено 160 костяков (Агапов, Васильев, Пестрикова, 1979, с. 38). Хлопковский могильник содержит 21 погребение (Малов, 2008, с. 75–76). В 1987 г. был открыт и изучен II Хвалынский могильник (Фадеев, 2003, с. 105), включающий не менее 43 костяков (Черных, Орловская, 2010, с. 122).

В работах ведущих исследователей хвалынской культуры дана подробная характеристика расположения могильников, их планиграфии и стратиграфии, проанализирован погребальный обряд и инвентарь, жертвенные комплексы, обоснованы выводы демографического и социального плана, установлено место хвалынской культуры в системе представлений об энеолите Восточной Европы. Изучены антропологические и археозо-

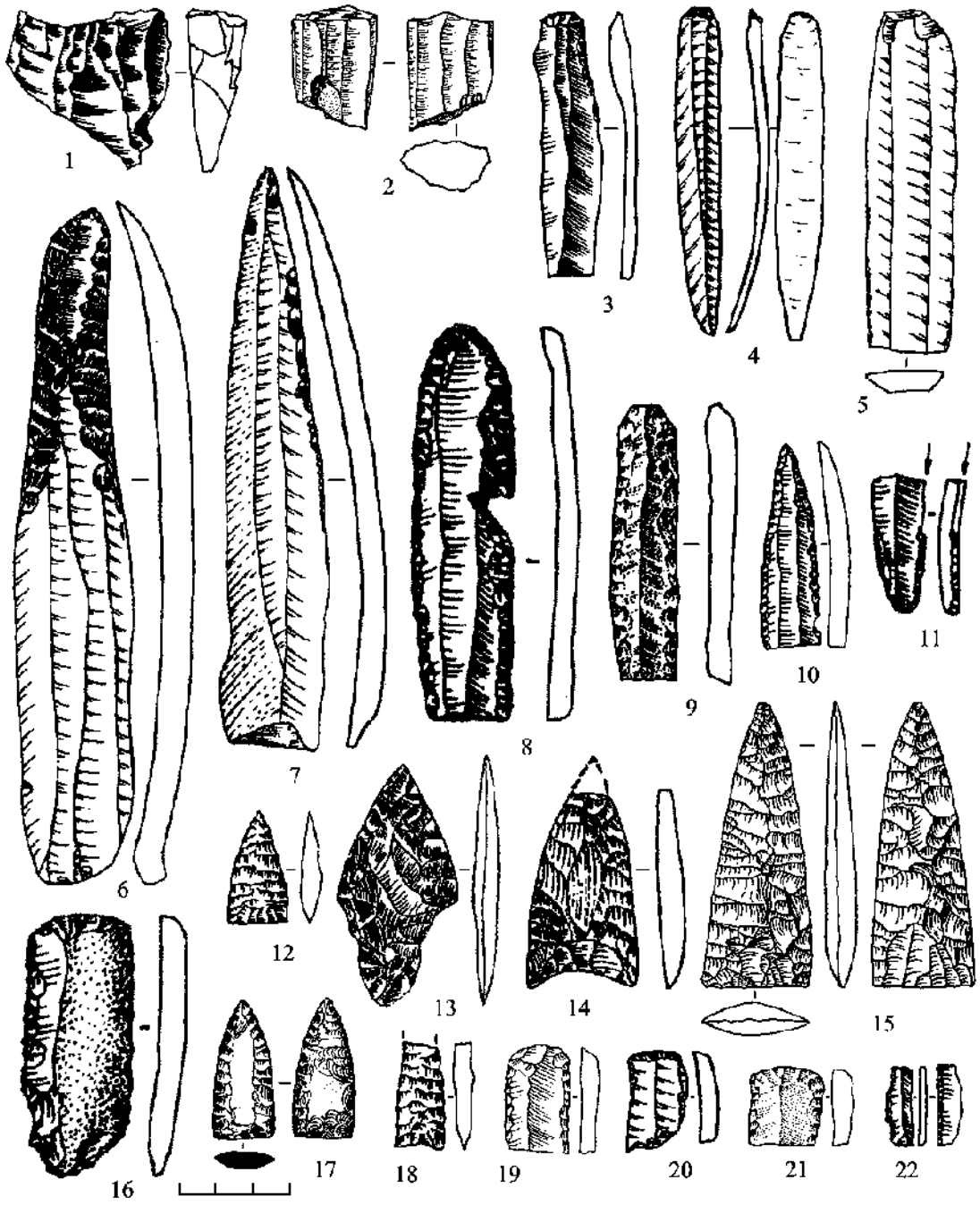


Рис. 8. Каменный инвентарь хвалынской культуры

Стоянка Каир-шак VI (1, 3, 9–10, 12, 18–19, 21–22); Хвалынский II могильник (2, 15); Хвалынский I могильник (3); поселение Русское Труево I (5–7, 13–14, 20); стоянка Кара-Худук (8, 11, 16); поселение Кумыска (17)

ологические материалы. Проведены специальные исследования керамики, инвентаря из металла, раковин, камня. Выполнено определение абсолютного возраста материалов хвалынской культуры.

Детальный анализ полностью опубликованных данных Хвалынского I и Хлопковского могильников показал их близкое сходство, а также определенные различия.

Хвалынские I и II могильники занимают небольшие естественные повышения. Хлопковский могильник расположен на ограниченной оврагами площадке склона Приволжской возвышенности. Могильники относятся к типу бескурганных и содержат погребения взрослых и детей, мужские и женские. В Хлопковском могильнике погребения расположены рядами по линиям северо-восток – юго-запад и по линии юго-восток – северо-запад (Малов, 1982, с. 90). Преобладают погребения в подпрямоугольных ямах (рис. 11: 12–13). Погребения индивидуальные, кроме одного парного. Присутствуют вторичные захоронения с наруше-

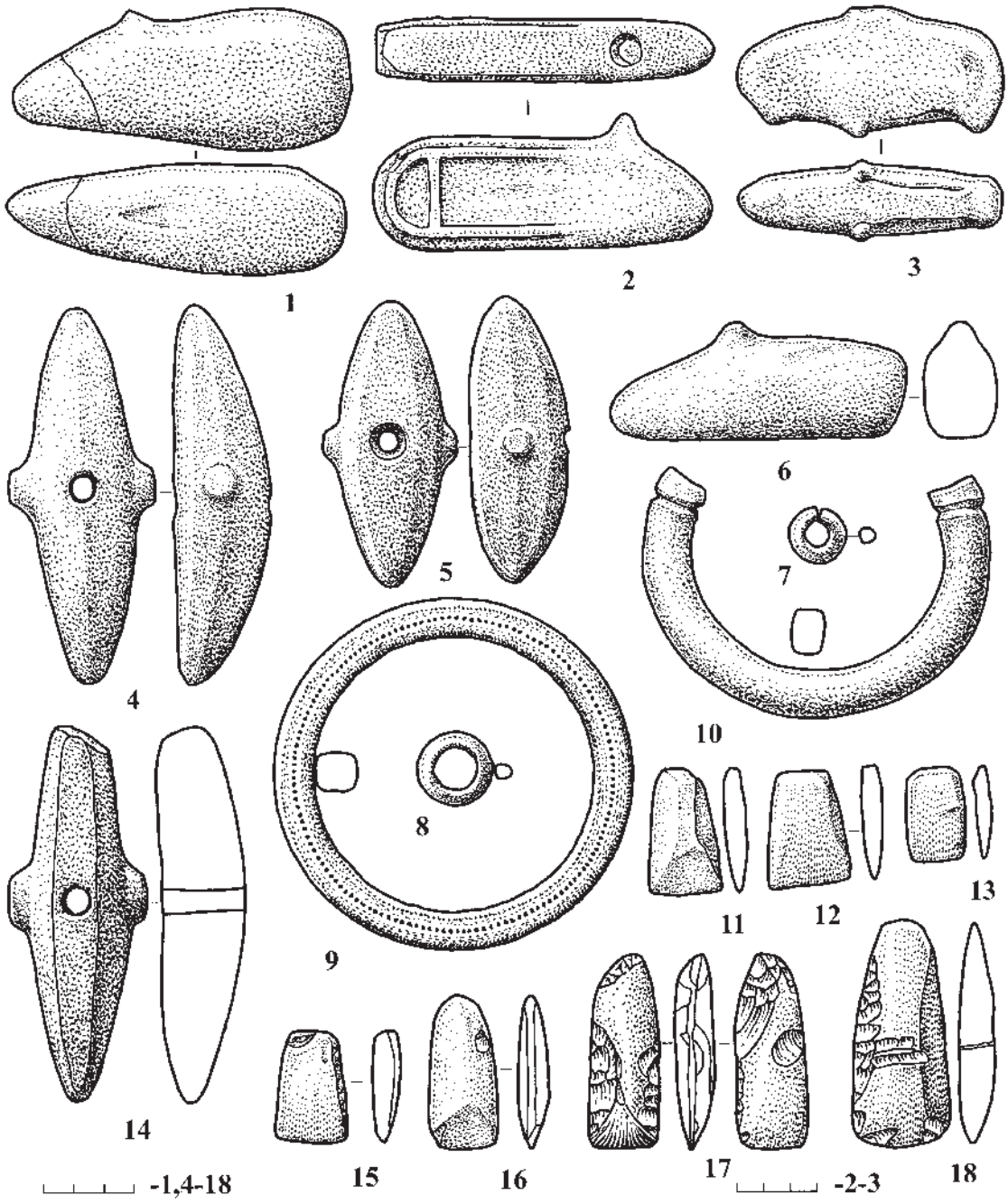


Рис. 9. Каменный инвентарь хвалынской культуры

Хвалынский I могильник (1, 4–5, 7–8, 10–13); Хлопковский могильник (2–3, 15); Хвалынский II могильник (6, 16–17); Криволучье (9, 14); поселение Русское Труево I (18)

нием целостности или анатомического порядка скелета. Характерным является положение умерших на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на северо-восток. Отмечены случаи, когда череп находился основанием вниз в результате приподнятого положения головы погребенных. В положении рук есть вариации: обе вдоль тела, одна или обе на костях таза, на животе или груди, одна рука согнута в локте кистью к плечу. Присутствует обильная посыпка охрой (Малов, 2008, с. 89–90).

В расположении погребений Хвалынского I могильника четкий порядок не прослеживается, но выделяются участки с более плотным расположением погребений, между которыми оставлено разреженное пространство (Пестрикова, Агапов, 2010, с. 62–63). В могильнике представлены погребения с каменными закладками (рис. 11: 1–3). Присутствуют индивидуальные (рис. 11: 1, 4, 5, 10, 11) и совместные погребения. Совместные погребения преобладают, они включают одноярусные (рис. 11: 7–9) и много-

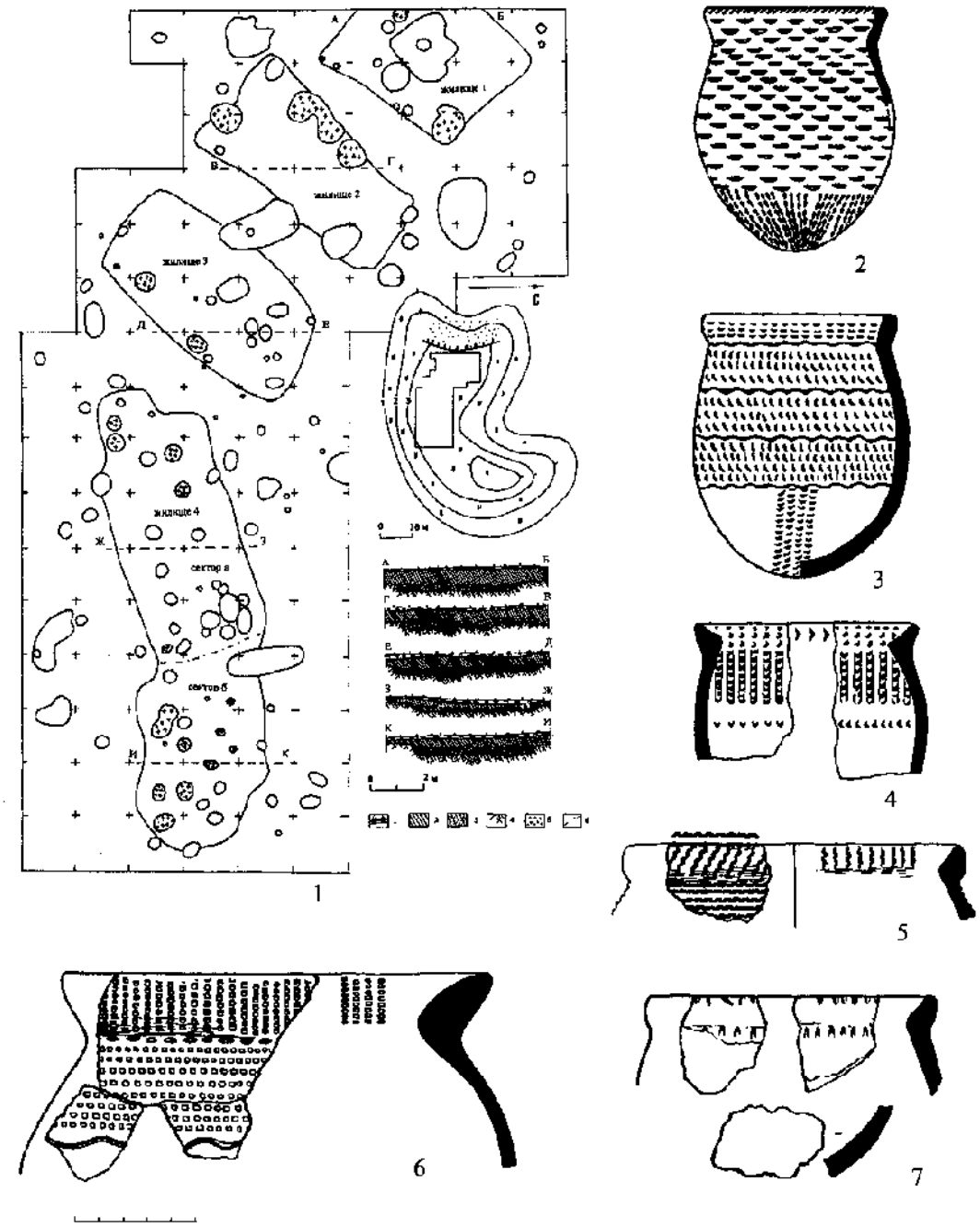


Рис. 10. План поселения Русское Труево I (1)
Керамика. Политотдельское, к. 12, п. 15 (1); Бережновка I, к. 5, п. 22; Ровное, к. 3, п. 5 (4); Тарлык, п. 6 (5), Бережновка II, к. 9, п. 20 (6); Энгельс-Анисовка, п. 1 (7) (по: А.И. Юдин, 2008)

ярусные (рис. 11: 3). Авторы исследований отмечают меньшее количество костяков – до 4, более единообразное их положение и ориентировку в совместных одноярусных погребениях. Многоярусные характеризуются большим количеством костяков – до 7, более разнообразными ориентировками и положением скелетов, различиями окраски охрой, наличием «престижного» инвентаря. Высказано предположение о том, что формирование могильника могло происходить одновременно в центре, с северной и южной окраин (Агапов и др., 1990, с. 64). Могильные ямы не прослеживались, кроме единичных слабо выраженных ям овальных очертаний (рис. 11: 10). Преобладающей позой погребенных является скорченное положение на спине с ногами, поставленными коленями вверх, согнутыми в локтях руками и кистями на тазовых костях, ориентированных головой на северо-восток – северо-запад. Такая поза признана как нормативная (Пестрикова, Агапов, 2010, с. 51). В положении рук есть вариации: вытянутые вдоль туловища, согнутые в локтях с кистями

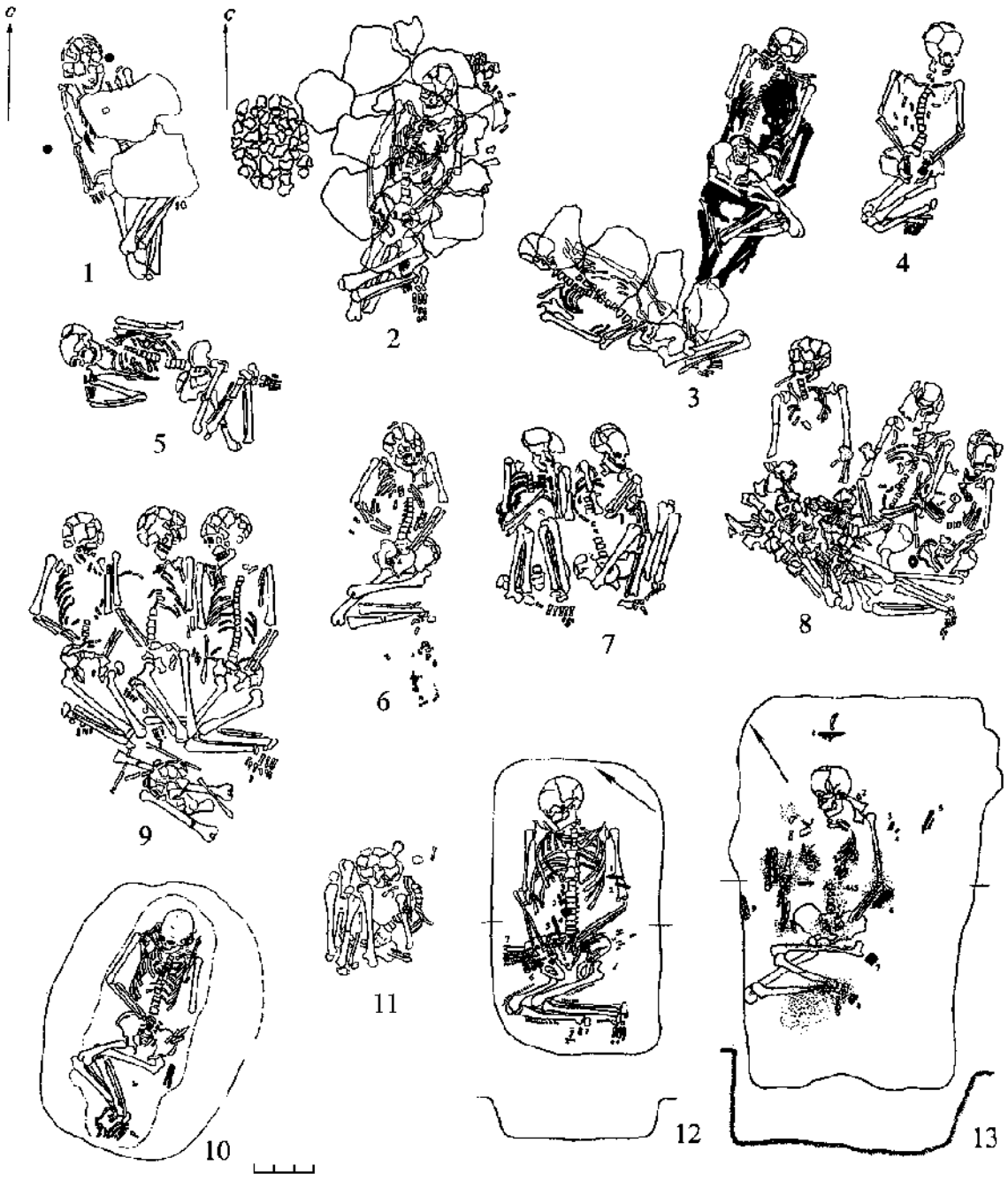


Рис. 11. Погребения Хвалынского I могильника

Костяк 29 (1); костяки 40, 94 (2); костяки 147–149 (3); костяк 28 (4); костяк 13 (5); костяки 71–72 (6); костяки 68–69 (7); костяки 142–144 (8); костяки 76–64 (9); костяк 30 (10); костяк 65 (11) (по: И.Б. Васильев, С.А. Агапов, В.И. Пестрикова, 1990). Погребения Хлопковского могильника. Костяк 18 (12); костяк 21 (13) (по: Н.М. Малов, 2008)

на тазовых костях, согнутые с кистями на животе, на груди (одна рука может быть согнута, а вторая расположена вдоль туловища). Представлены также костяки в положении на левом и правом боку и в позе сидя или «клубком» (рис. 11: 11). Кроме этого, выделяются вторичные захоронения, в которых кости и череп уложены «кучкой» и погребения с имитацией анатомически правильного положения костей скелета. Ориентировка погребенных включает преобладающие направления на северо-восток, северо-запад, север, но есть ориентированные на восток, запад, юго-запад, юг, юго-восток. Отмечено разнообразие применения охры от незначительной до обильной посыпки. Есть погребения без охры. Прослежены обрядовые особенности захоронений в зависимости от пола и возраста (Пестрикова, Агапов, 2010, с. 51–52). Присутствуют погребения, выделяющиеся количеством и условной ценностью инвентаря, престижными изделиями. Большой интерес пред-

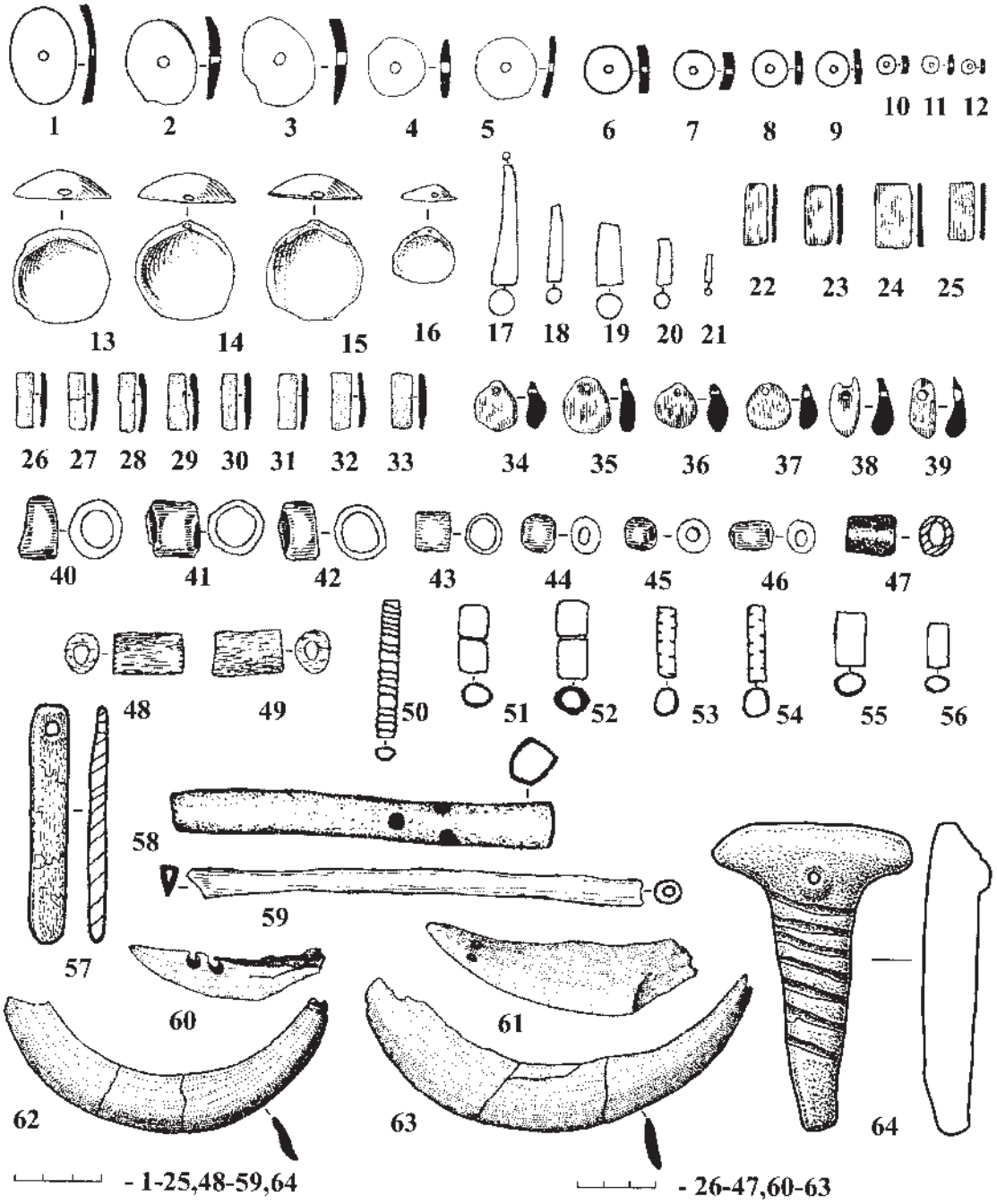


Рис. 12. Погребальный инвентарь могильников хвалынской культуры

Бусы (1–12), подвески (13–16, 34–39, 60–63), пронизки (17–21, 46–56); нашивки (22–33), застежка-запор (?) (57), «флейты» (58–59), зооморфное изделие (64). Хвалынский I могильник (1–46, 48–49, 59–63). Хлопковский могильник (47, 50–58, 64). Раковина (1–25), кость (26–59), клык кабана (60–63), керамика (64)

ставляют жертвенники. На площадке могильника их выделено 13. Жертвенники имели различный состав материалов и содержали кости крупного и мелкого рогатого скота, лошади, фрагменты керамических сосудов, обломок наконечника из кварцита, фрагмент пластины из клыка кабана, бусы из раковин, медный окисел (Агапов и др., 1990, с. 8–10, 65). В Хлопковском могильнике жертвенники не отмечены. Отчасти это может объясняться разрушениями площадки памятника.

Погребальный инвентарь содержится в 13 из 21 погребения Хлопковского могильника и в 67 из 160 погребений Хвалынского I могильника. Материалы Хвалынского II могильника лишь частично введены в научный оборот. Наиболее многочисленными в составе инвентаря могильников являются бусины (рис. 12: 1–12). Дисковидные бусины Хвалынского I могильника изготовлены из створок раковин и включают мелкие, средние и крупные, которых могло быть до 2 тыс. в одном

погребении (Васильев, 2003, с. 65). Размерами им соответствуют дисковидные бусины из Хвалынского II могильника 0,4–2 см (Попов, 2010, с. 384). Помимо бусин были распространены подвески из пресноводных и морских раковин (рис. 12: 13–16), пронизки (рис. 12: 17–21), прямоугольные нашивки (рис. 12: 22–25). Исследования украшений из раковин показали некоторые различия наборов из погребений Хвалынского I и Хвалынского II могильников. В первом могильнике преобладают дисковидные бусины и значительно меньше пронизок из раковин скафопод и трубочек червей, чем во втором. (Гончарова, 2010, с. 392). И.Б. Васильев также отметил бусины, изготовленные из камня и кости (Васильев, 2003, с. 65). Особенность Хлопковского могильника составляют бусины, изготовленные из камня или керамики коричневого цвета, которые численно преобладают над дисковидными бусинами из раковин (Малов, 2008, с. 91–92). Большой интерес для реконструкции украшения костюма представляет погребение 18, в котором Н.М. Маловым было прослежено расположение бусин рядами. В этом погребении найдено более 1300 бусин (Малов, 2008, с. 85). В материалах всех трех могильников присутствуют цилиндрические пронизки, иногда с нарезками из трубчатых костей мелких животных (рис. 12: 46–56), подвески из зубов животных и их имитации, трубочки (флейты) из трубчатых костей птиц и (или) млекопитающих (рис. 12: 58–59), изделия из крупных костей животных (пластины, ножи, острия и др.) (рис. 13: 10–12). Каплевидные и овальные костяные подвески (рис. 12: 34–39), эмалевые пластинки из резцов бобра, пластины из клыка кабана, включая изделия с нарезками по краю, просверленными отверстиями, нарезками около концов для крепления, представлены в коллекциях Хвалынского I и II могильников (рис. 12: 60–63). Гарпуны встречены в погребениях Хвалынского I и Хлопковского могильников (рис. 13: 1–7). Они типологически различаются. Рыболовные крючки (рис. 13: 8–9), кольца из трубчатых костей найдены в Хвалынском I (рис. 12: 40–45), молоток и жезл из рога – во II Хвалынском могильнике. Костяной предмет с параллельными длинными сторонами, закругленными торцами и отверстием около одного конца определен как оселок-запор для ремня, присутствует только в Хлопковском могильнике (рис. 12: 57) (Малов, 2008, с. 85, 92). Оригинальный керамический зооморфный (?) предмет происходит из Хлопковского могильника (рис. 12: 64).

Каменный инвентарь погребений представлен в основном изделиями из кремня. В Хлопковском могильнике отсутствуют изделия из кварцита. В других хвалынских могильниках его присутствие незначительно (Горащук, 2010, с. 296–298, 303). Для каменного инвентаря всех могильников характерны широкие и узкие ножевидные пластины без обработки и с ретушью, скребки, маленькие тесла (в Хвалынском I есть из породы камня зеленого цвета), абразивные камни, сколы кремня, речные гальки. Наконечники стрел и дротиков треугольной формы из кремня, нуклеусы есть в Хвалынском I и II могильниках. В материалах Хвалынского I могильника содержатся переоформленный в подвеску каменный браслет и небольшие цельное и разомкнутое каменные кольца (рис. 9: 7–8, 10).

Примечательной чертой погребального инвентаря могильников является наличие каменных скипетров. Из Хлопковского могильника происходят два скипетра (реалистичный и схематичный). Первый скипетр предположительно связывается с погребением 17 (рис. 9: 3), а второй располагался в погребении 21 около локтя левой руки погребенного (рис. 9: 2). В состав инвентаря погребения 21 также входит «флейта Пана» из четырех костяных трубочек, 3 гарпуна, 2 ножевидные пластины и отщеп кремня, абразивный камень, бусины, кость некрупного животного. Погребение окрашено охрой (Малов, 2008, с. 86–87). В Хвалынском I могильнике скипетр схематичного типа находился при костяке 108 между костями правой руки и ребрами (рис. 9: 1). Рядом с левой ключицей располагался втульчатый топор с выступами-цапфами (рис. 9: 4). Кроме этих «престижных» предметов присутствовал фрагмент каменного кольца, бусины и окраска охрой. Второй топор с цапфами из этого могильника находился на черепе костяка 57, представленного вторичным захоронением «кучкой» (рис. 9: 5), здесь же найден альчик, отмечена охра. Погребение, включающее костяки 55–57, было перекрыто каменной закладкой (Агапов и др., 1990, с. 29–30). Схематичный скипетр, аналогичный найденному при костяке 108, был обнаружен в Хвалынском II могильнике при костяке 24 (рис. 9: 6) (Горащук, 2010, с. 303, 354, рис. 32). Помимо общей формы схематичные скипетры могильников сближают размеры: скипетр из Хлопковского могильника имеет в длину 11,5 см, скипетр из Хвалынского I могильника – 11,3 см. Скипетр из Хвалынского II могильника, судя по масштабу, также близких размеров. Различия между могильниками определяются тем, что реалистичный и схематичный скипетр, оформленный каннелюрами, присутствуют только в Хлопковском могильнике. Сочетание схематичных скипетров и втульчатых топоров-клевцов с цапфами отмечено только в Хвалынских I и II могильниках.

Особое значение имеют металлические изделия из Хвалынских I и II могильников (рис. 13: 13–36). Д.С. Агапов приводит данные, согласно которым в Хвалынском I могильнике было выяв-

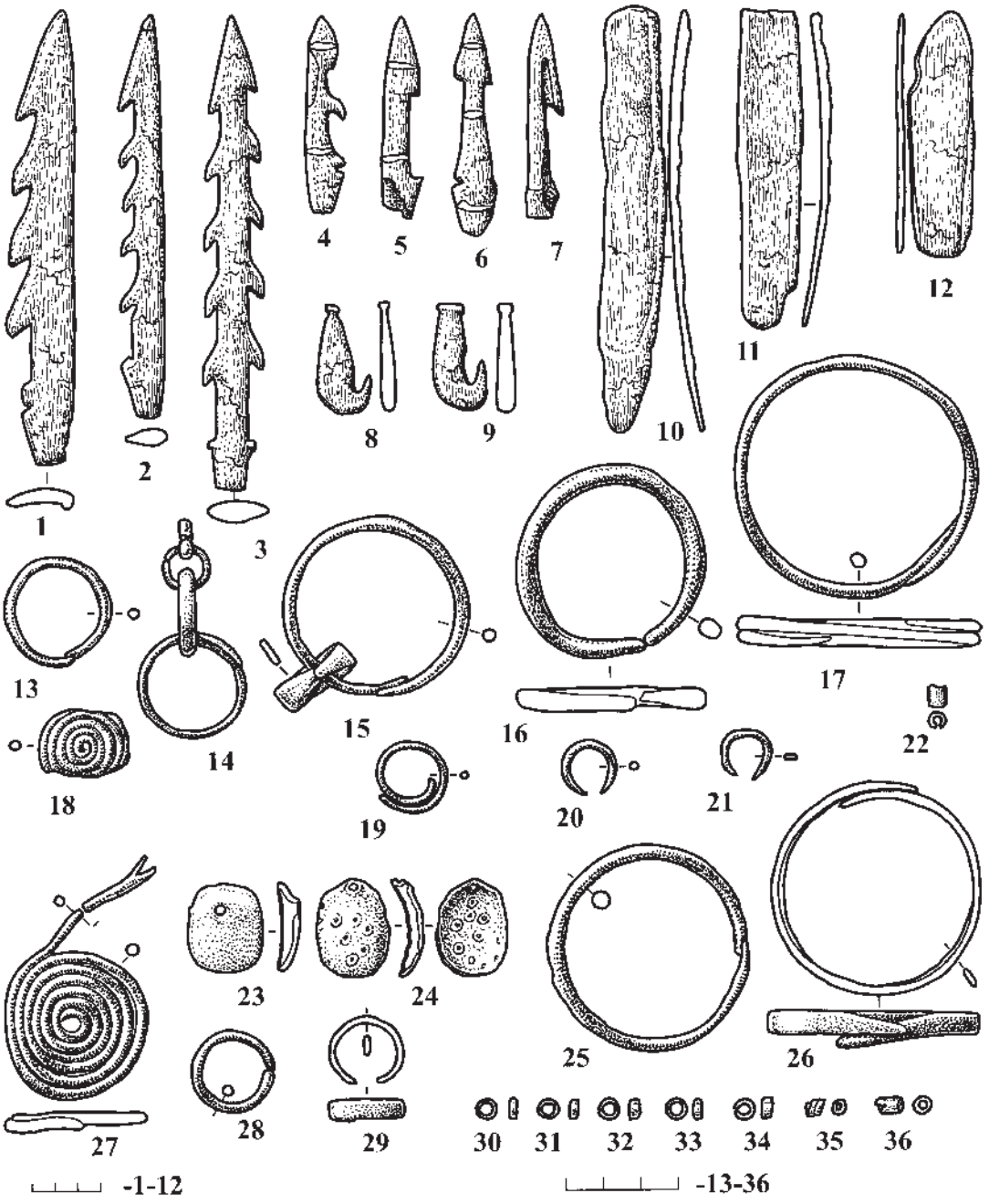


Рис. 13. Погребальный инвентарь могильников хвалынской культуры

Гарпуны (1–7), рыболовные крючки (8–9), пластины (10–12), украшения (13–36). Хвалынский I могильник (1–3, 8–9, 10–11, 13–22). Хлопковский могильник (4–7). Хвалынский II могильник (23–36)

лено 35 медных изделий, а в Хвалынском II – 332 (Агапов, 2010, с. 258). Большая часть медных изделий является украшениями. Они представлены крупными и мелкими, сомкнутыми и разомкнутыми кольцами (рис. 13: 13–17, 19–21, 25–26, 28–29), спиралевидными подвесками (рис. 13: 18–27), овальными бляшками с орнаментом и без него, бусинами (рис. 13: 22, 30–36). Часть украшений Хвалынского I могильника представлена короткими цепочками из 2-х или 4-х колец (рис. 13: 14–15) (Агапов и др., 1990, с. 127, рис. 31: 1–3). Представлены также заготовки и слитки металла. В Хвалынском II могильнике отмечены наборы бус (рис. 13: 30–36), медные «скорлупки» с отверстием, с орнаментом и неорнаментированные (рис. 13: 23–24). Анализ материалов, проведенный Д.С. Агаповым, показал, что насыщенность медными изделиями составляет 9% костяков Хвалынского I могильника и 30% – второго (Агапов, 2010, с. 258). Впервые за пределами ареала земледельческих культур в степи – лесостепи Восточной Европы был получен столь качественный источник

для исследования медного инвентаря. Анализ металлических изделий позволил установить, что они изготовлены из меди, происходящей из месторождений Балкано-Карпатской металлургической провинции. Таким образом, материалы хвалынских могильников свидетельствуют об установившихся связях с населением степи к западу от Волги, под влиянием которого складывается местный очаг металлопроизводства (Рындина, Дегтярева, 2002, с. 76). Следует отметить, что в однокультурном и территориально близком Хлопковском могильнике не было выявлено металлических изделий.

Одной из особенностей погребального обряда хвалынской культуры стало включение керамики в состав инвентаря. Керамические сосуды были выявлены в погребениях всех трех могильников. Кроме этого, керамика была найдена в жертвенниках и культурном слое. Крупная коллекция из 42 сосудов была выявлена в Хвалынском I могильнике (Агапов и др., 1990, с. 68), И.Н. Васильева приводит данные о 30 проанализированных образцах Хвалынского II могильника. В Хлопковском могильнике керамика встречена в 7 погребениях. То есть посуда ставилась не во все погребения. По наблюдениям Н.М. Малова, сосуды чаще располагались в детских погребениях. Практиковалась их постановка вверх дном (Малов, 2008, с. 90, 91). Подобная ситуация была зафиксирована и в Хвалынском I могильнике (Агапов и др., 1990, с. 71). Здесь же присутствуют сосуды с рельефными налепами по венчику (Агапов и др., 1990, с. 130, рис. 34: 6, 8). Во II Хвалынском могильнике также отмечены сосуды с налепами (Васильева, 2010, с. 199, 204). Во всех коллекциях присутствуют миниатюрные сосудики, а в Хвалынском II могильнике был найден закрытый «сосудик-погремушка».

Богатство и разнообразие погребального обряда и инвентаря могильников хвалынской культуры позволяет привлечь в качестве аналогий широкий круг материалов. Выделение хвалынской культуры И.Б. Васильевым позволило уточнить место известного погребения, обнаруженного в Средневолжской (ныне Самарской) области у с. Криволучье в обрыве р. Чагры в системе энеолита (Гольмстен, 1931, с. 7–12). По описанию В.В. Гольмстен со слов находчиков, костяк человека располагался в позе сидя, видимо головой на юг, был окрашен охрой. В качестве инвентаря имел топор-клевец с цапфами из порфирита (рис. 9: 14), два кольца-браслета из талька (рис. 9: 9), 6 наконечников, ретушированную ножевидную пластину и скребок из кремня, фрагмент браслета(?) из рога, бусины из железняка, подвески из клыков оленя. Из морских раковин были изготовлены дисковидные и цилиндрические бусины, пронизки и подвески. В материалах погребения содержатся прямые аналогии хвалынскому погребальному инвентарю, включая такие редкие и своеобразные изделия, как топор-клевец, каменные браслеты. Своеобразие полученному набору инвентаря придают наконечники – не типичное явление для погребений хвалынской культуры. В материалах Хлопковского могильника наконечники не представлены, в Хвалынском II могильнике в совместном погребении 23–25 найден наконечник дротика с усеченным основанием (Горащук, 2010, с. 307), а в Хвалынском I могильнике фрагмент наконечника из кварцита был найден в жертвеннике (Агапов и др., 1990, с. 65).

К разрушенным могильникам хвалынской культуры И.Б. Васильевым были отнесены комплексы вещей, собранные в Северном Прикаспии в местонахождениях Нарым-бай, Новая школа, Тау-тюбе, Ак-жунас (Васильев, 1981, с. 29, 30; Дубягин, Чикризов, Чуринов, Васильев, Выборнов, 1982, с. 101). Раковинные бусы, ножевидные пластины, зеленокаменное теслышко находят прямые аналогии в могильниках хвалынской культуры. Черешковый наконечник стрелы близок криволучским. Один из обнаруженных в могильнике Ак-жунас костяков сопровождался множеством мелких медных бусин.

Наконечники присутствуют в материалах разрушенного могильника на Ивановской дюне в Оренбургской области. Н.Л. Моргунова отметила близость полученного комплекса (каменные кольца, тесла из зеленого туфита, подвеска из камня, бусины и прямоугольные нашивки из раковин) инвентарю Хвалынского I могильника и аргументировала связь памятника с материалами Ивановской стоянки (Моргунова, 1979, с. 16–19). Определенный интерес представляют материалы могильника Екатериновский мыс. В погребении 85 со скорченным костяком располагался набор кремневых заготовок наконечников дротиков с усеченным основанием и листовидной формы и наконечник стрелы с усеченным основанием (Кочкина, Королев, Сташенков, 2018, с. 14). На площадке могильника был обнаружен жертвенный комплекс, в котором содержались два наконечника дротиков с вогнутым основанием (Королев, Кочкина, Сташенков, 2020, с. 28, 33, рис. 19: 10). Неслучайность этих аналогий подкрепляется находками каменных бусин, колец, тесел, в том числе из зеленокаменной породы (алевролита), наверший, типологически близких топорам-клевцам. Многие соответствия обнаруживаются в инвентаре из кости и раковин: пластины из клыка кабана, трубочки, кольца, пронизки, подвески, бусины. Учитывая близость отмечен-

ных изделий хвалынским, необходимо отметить, что они происходят из погребений с вытянутыми костяками.

Таким образом, хвалынская культура характеризуются единством признаков в керамике и каменных орудиях, в погребальном обряде и инвентаре. Вместе с тем полученные материалы показывают наличие региональной специфики. Судя по близкому ассортименту сырья и орудийных наборов на всем ареале хвалынской культуры, существовали тесные связи между различными территориальными группами хвалынского населения. Контакты с населением культур позднего неолита лесостепной зоны на археологическом материале не прослеживаются. В то же время имеются многочисленные данные о связях хвалынского и самарского населения. Через самарскую культуру прослеживается дальнейшая судьба хвалынской культуры в материалах позднего энеолита.

Вопросы происхождения хвалынской культуры в настоящее время дискуссионны. Она представляется вполне сложившимся явлением на основной территории распространения материалов. За ее пределами комплексы, с которыми можно было бы уверенно связать возникновение хвалынской культуры, остаются неизвестными. И.Б. Васильев аргументировал ее происхождение на основе самарской и прикаспийской культур (Васильев, 1981, с. 34, 35; 2002, с. 65). Н.Л. Моргунова истоки хвалынской культуры также связывает с прикаспийской и самарской культурами, отмечая участие населения западных культур мариупольской культурно-исторической области, включая ранних земледельцев Северного Причерноморья (Моргунова, 2011, с. 121). Эти выводы находят подкрепление в результатах технико-технологического анализа керамики, показавшей наличие некоторых общих черт гончарных традиций самарской и хвалынской культуры (Васильева, 2005, с. 75–84: 2006, с. 21, 22). В целом эту гипотезу об истоках складывания хвалынской культуры поддержал А.И. Юдин (2012, с. 77). П.П. Барынкин критически определяет генетическую обусловленность связей воротничковых и хвалынских материалов и подчеркивает «синхронность съезженского и хвалынского комплекса» (Барынкин, 2001, с. 38, 39; 2003, с. 50). В.В. Ставицкий отметил ряд противоречий, возникающих в случае признания происхождения хвалынской культуры на основе самарской и прикаспийской культур. И предположил ее развитие на основе раннего этапа азово-днепровской культуры и мариупольских материалов Дона (Ставицкий, 2005, с. 72, 73). И.В. Горащук приходит к выводу о связи кремневой индустрии и керамики хвалынской культуры с Переднеазиатским регионом, отмечая также влияние мариупольских традиций (Горащук, 2003, с. 125). В результате изучения антропологических материалов А.А. Хохлов отмечает местный субуральский и сублапаноидный компоненты хвалынского населения (Хохлов, 2011, с. 553) и делает заключение о южном или юго-западном происхождении европеоидного и южноевропеоидного хвалынского компонента (Хохлов, 2017, с. 42, 47).

Вопрос дальнейших судеб хвалынской культуры остается актуальными. С учетом наличия подкурганных погребений он тесно связан с проблемой происхождения ямной культуры. Это позволяет коснуться вопроса кратко. Н.Я. Мерперт рассматривал погребения с энеолитическими чертами в рамках древнеямного погребального обряда (Мерперт, 1974). И.Б. Васильев привел обоснование продолжения хвалынской культуры в материалах ямной (Васильев, 1981, с. 43, 44; 2002, с. 68; 2003, с. 76, 77; Васильев, Овчинникова, 2000, с. 229). И.И. Дремов и А.И. Юдин выполнили сводку древнейших подкурганных погребений, выявили совпадение ряда ведущих признаков с хвалынской культурой и пришли к выводу о генетической связи «ямно-бережновских» погребений с ямной культурой (Дремов, Юдин, 1992, с. 29). Н.Л. Моргунова и М.А. Турецкий, подводя итоги анализу накопленных материалов, указывают на истоки ямной культуры Волго-Донских степей в хвалынской и среднестоговской (Моргунова, Турецкий, 2019, с. 92–95). Однако, по мнению А.А. Хохлова, антропологические материалы ямной культуры показывают меньшую близость с хвалынскими сериями, чем с донскими (Хохлов, 2010, с. 465). Решение этого вопроса существенно осложняется неразработанностью абсолютной хронологии подкурганных погребений с хвалынским инвентарем.

Хронология хвалынской культуры рассматривалась И.Б. Васильевым преимущественно по линии синхронизаций с Трипольем, данными периодизации для степных культур и Северного Кавказа (Васильев, 1981, с. 58–66). Первые даты, полученные по костям скелетов Хвалынского I могильника, показали, что они близки балканской хронологии. Даты, полученные по раковинам, оказались слишком ранними (Агапов, Васильев, Пестрикова, 1990, с. 86, 87). В дальнейшем шло накопление дат, образцами для которых выступали в основном кости погребенных и уголь. Были получены даты для Хвалынского II могильника и Комбак-тэ (Кузнецов, 1996; Тимофеев, Зайцева, 1997, с. 101, 102). Большое значение приобрела попытка уточнения хронологии хвалынской культуры с учетом резервуарного эффекта. Разница между датами, выполненными по кости человека и кости животного,

составила 300–350 лет. Исследователи пришли к выводу о необходимости корректировки хронологии хвалынской культуры в сторону омоложения (Шишлина и др., 2006, с. 138, 139). В то же время продолжалось накопление дат для хвалынской культуры. Две даты были выполнены по кости погребенных из Хлопковского могильника (Малов, 2008, с. 61). А.А. Выборнов опубликовал даты по образцам керамики хвалынского типа стоянки Лебяжинка I (Выборнов, 2008, с. 247). В 2010 г. были опубликованы новые даты: по Гундоровскому и Ивановскому поселениям, стоянкам Чекалино IV, Лебяжинка IV, Каир-шак VI, Кара-Худук. С учетом данных о хронологии степных культур энеолита, периодизации Триполья и культур Балкано-Карпатской металлургической провинции были подвергнуты критическому анализу накопленные даты по Хвалынским могильникам (Черных, Орловская, 2010, с. 121–129). Дальнейшее увеличение количества дат позволило предложить уточнение хронологического диапазона хвалынской культуры в пределах 5000–4500 (5000–4300) лет ВС (Моргунова, 2009, с. 14–17; Моргунова и др., 2010, с. 23–26). Попытки уточнения полученных абсолютных значений и временного интервала хвалынских материалов были продолжены в дальнейшем (Моргунова и др., 2011; Мосин и др., 2014, с. 44–46; Королев, Шалапинин, 2014, с. 272). Можно отметить, что накопленные результаты датирования дают представление о хронологии культуры в целом. Однако актуальными остаются вопросы уточнения ее верхних и нижних границ, хронологические рамки изученных могильников. Еще более сложная задача связана с определением хронологического положения стоянок.

Распространение хвалынской культуры на обширные пространства вдоль р. Волги, видимо, можно связывать с подвижным скотоводством хвалынского населения. Судя по составу костей животных, они разводили мелкий и крупный рогатый скот, который вполне приспособлен для таких передвижений. Возможно, необходимость сезонной смены пастбищ вынуждала ранних скотоводов осваивать лесостепные регионы, постепенно проникая на Среднюю Волгу и Суру.

Приложение

Радиоуглеродные даты памятников хвалынской культуры

1	Хвалынский I могильник	UPI-119	5900±70	кость человека	Агапов, Пестрикова, Васильев, 1990
2	Хвалынский I могильник	UPI-120	5800±80	кость человека	Агапов, Пестрикова, Васильев, 1990
3	Хвалынский I могильник	UPI-122	4030±60	кость человека	Агапов, Пестрикова, Васильев, 1990
4	Хвалынский I могильник	UPI-132	6080±200	кость человека	Агапов, Пестрикова, Васильев, 1990
5	Хвалынский I могильник	Ki-2180	7140±150	раковина	Агапов, Пестрикова, Васильев, 1990
6	Хвалынский I могильник	Ki-?	6570±150	раковина	Агапов, Пестрикова, Васильев, 1990
7	Хвалынский I могильник	Ki-?	6660±150	раковина	Агапов, Пестрикова, Васильев, 1990
8	Хвалынский I могильник	GrA-26899	5840±40	кость человека	Шишлина, 2007
9	Хвалынский I могильник	GrA-26178	5565±40	кость животного	Шишлина, 2007
10	Хвалынский II могильник	AA-12571	6200±85	кость человека	Черных, Орловская, 2010
11	Хвалынский II могильник	AA-12572	5985±85	кость человека	Черных, Орловская, 2010
12	Хвалынский II могильник	OxA-4310	6040±80	кость человека	Кузнецов, 1996
13	Хвалынский II могильник	OxA-4311	5790±85	кость человека	Кузнецов, 1996
14	Хвалынский II могильник	OxA-4312	5830±85	кость человека	Кузнецов, 1996
15	Хвалынский II могильник	OxA-4313	5920±80	кость человека	Кузнецов, 1996
16	Хвалынский II могильник	OxA-4314	6015±85	кость человека	Кузнецов, 1996
17	Хлопковский могильник	ГИН-13143	6090±70	кость человека	Малов, 2008
18	Хлопковский могильник	ГИН-13145	6160±60	кость человека	Малов, 2008
19	Лебяжинка IV	Ki-15427	5920±90	керамика	Моргунова, Выборнов, Ковалюх, Скрипкин, 2010
20	Лебяжинка IV	Ki-16292	5980±90	керамика	Королев, Шалапинин, 2014
21	Гундоровка	Ki-14524	5790±80	керамика	Выборнов, 2008
22	Ивановское поселение	Ki-14514	6180±90	керамика	Выборнов, 2008
23	Лебяжинка I	Ki-14821	6450±90	керамика	Выборнов, 2008
24	Лебяжинка I	Ki-14822	6240±90	керамика	Выборнов, 2008
25	Кумыска	Ki-16273	5260±80	керамика	Моргунова, Зайцева, Ковалюх, Скрипкин, 2011
26	Чекалино IV	Ki-15074	5260±80	керамика	Моргунова, Выборнов, Ковалюх, Скрипкин, 2010

ГЛАВА 2
САМАРСКАЯ КУЛЬТУРА[1]

История изучения

Понятие «самарская культура» вошло археологию Поволжья в конце 70-х годов вскоре после открытия и первого осмысления материалов могильника у с. Съезжее (Васильев, Матвеева, 1979). Могильник оказался не только первым памятником эпохи энеолита в Самарском Поволжье, но и содержал артефакты новой и весьма своеобразной культуры. Один из авторов раскопок И.Б. Васильев в последующем в ряде своих работ провел глубокий анализ полученных материалов и на широком фоне показал как особенности самарской культуры, так и ее связи с энеолитом степной и лесостепной зон Восточной Европы от Поволжья до Поднепровья (Васильев, 1980; 1981; Васильев, Синюк, 1985). С учетом тогда же исследованного Хвалынского могильника была намечена первая периодизация энеолита Нижнего и Среднего Поволжья, в которой съезжинские материалы наряду с прикаспийской культурой заняли раннюю позицию, к более позднему времени отнесена хвалынская культура[2].

С 1977 по 1982 гг. в Оренбургской области проводились раскопки Ивановского поселения (Моргунова; 1980), а также Турганикского и Кузьминковского поселений (Моргунова, 1984б; 1986). Новые данные позволили продолжить разработку периодизации самарской культуры. Выделены 2 этапа в ее развитии: ранний – съезжинский, поздний – ивановский (Васильев, 1981; Моргунова, 1980; 1984а). Тогда же и впоследствии высказывалось мнение о параллельности развития самарской (на ивановском этапе) и хвалынской культур в соответствующих экологических нишах. Взаимодействие обеих культур проявлялось в проникновении в Самарское лесостепное Поволжье отдельных представителей и даже групп хвалынской культуры, а вместе с тем распространялись наиболее передовые, новые для данного региона достижения в скотоводстве и металлургии (Моргунова, 1984а; 1995; 2011).

На территории Башкортостана была выделена агидельская культура (Матюшин, 1982). По мнению ряда исследователей, материалы стоянок Муллино, Давлеканово, Сасыкуль и других памятников данной культуры следует отнести ко II этапу самарской культуры (Васильев и др., 1985; Моргунова, 1984а).

С середины 80-х годов активные исследования энеолитических памятников начинаются в бассейне р. Сок в Самарской области (Барынкин, Козин, 1991; 1995; Овчинникова,1995; 1999), а также в Приволжье – на правобережье Волги (Хреков, 1996; Ставицкий, 1999; 2001; Ставицкий, Хреков, 2003). Они продолжаются по сей день, в ходе исследований ставятся и обсуждаются различные аспекты истории Поволжья в эпоху энеолита, касающиеся происхождения, генезиса, хронологии, взаимодействия самарской культуры с населением окружающих областей (Королев, 2012). На сегодняшний день все отмеченные проблемы являются достаточно дискуссионными.

Заключая краткий раздел по истории накопления источников по самарской культуре, необходимо отметить, что с начала XXI века начался и новый этап в исследованиях эпохи энеолита Поволжья, связанный с использованием естественнонаучных методов. Во-первых, делаются большие усилия по установлению абсолютного возраста самарских памятников с привлечением радиоуглеродного датирования (Моргунова и др., 2010; Королев, Шалапинин, 2014; Моргунова, 2011; Моргунова и др., 2017). Во-вторых, весомый вклад в изучение генезиса самарской культуры внесли

[1] Работа выполнена при частичной поддержке гранта РФФИ № 18-09-40031 Древности.

[2] Небезынтересно заметить, что стремительное накопление базы данных в регионе сопровождалось активным осмыслением полученных материалов и их публикаций: подготовлены и защищены кандидатские диссертации И.Б. Васильевым, Н.Л. Моргуновой, А.А. Выборновым, А.И. Юдиным, В.И. Пестриковой; изданы специальные сборники статей, посвященные проблемам изучения энеолита Восточной Европы, и монографии; проведены проблемные конференции (Оренбург, 1980, 1986; Самара, 1976, 1990 и др.). Активную поддержку всем мероприятиям оказывал Николай Яковлевич Мерперт, он был научным руководителем диссертантов, ответственным редактором сборников, входил в состав оргкомитетов конференций и, как правило, задавал направление дискуссиям в своих обобщающих докладах на пленарных заседаниях, открывая ту или иную конференцию.

палеоантропологические исследования (Хохлов, 2000; 2013). В-третьих, многолетняя работа по изучению технологии гончарства практически на всех известных памятниках самарской культуры дала достаточно важную информацию, особенно по вопросам происхождения и периодизации самарской культуры (Васильева, 1999; 2006). И наконец, раскопки поселений и могильников стали проводиться с привлечением разных специалистов. Так, в 2014–2015 гг. были возобновлены раскопки Турганикского поселения, в анализе материалов поселения использованы все возможные методы естественных наук (Моргунова и др., 2017).

Происхождение самарской культуры. Первая гипотеза по данной проблеме представила происхождение самарской культуры, а вместе с тем определила и ее начальный этап как результат длительного взаимодействия южного и северного неолитического населения (Васильев, 1981, с. 19–21; Моргунова, 1984а; 1995, с. 62–63). Позже это заключение, сделанное на основании методов типологического анализа артефактов, подтвердилось результатами технологического анализа керамики могильника Съезжее и других памятников самарской культуры. Так, в Съезжинском могильнике выделены 3 группы керамики, из которых первая группа определена как пришлая (южная), а вторая и третья (один сосуд) как связанные с местным неолитом (Васильева, 1999). При этом сделан важный вывод, что пришлая немногочисленная группа была ассимилирована местной средой, но дала толчок развитию новой культуры, археологически выделенной как «самарская» культура (Васильева, 1999, с. 201). Такова точка зрения по данной проблеме исследователей, которые непосредственно анализировали материалы могильника. Как бы то ни было, Съезжинский могильник остается тем эталоном, где раньше всего зафиксировано появление воротничковой керамики, связь которой с кругом южных степных культур мариупольского круга очевидна (Васильев, 1981; Васильев, Синюк, 1985; Моргунова, 1995; Моргунова, 2011).

По поводу происхождения и культурной принадлежности воротничковой группы керамики Съезжинского могильника имеются другие точки зрения. Так, П.П. Барынкин придерживается мнения о синхронности прикаспийской и хвалынской культур, а значит, и памятников типа Ивановки, объединяя их в понятие «культура «воротничковой керамики» (Барынкин, 2003; 2004). С прикаспийской культурой съезжинские материалы соединяет в один культурный тип В.В. Ставицкий, вводя понятие «съезжинский тип» памятников (Ставицкий, 2006). Данная позиция поддержана А.И. Королевым, полагающим, что «содержание самарской культуры определяется лишь ее вторым (ивановским) этапом» (Королев, 2013, с. 90).

В поисках истоков воротничковой традиции прикаспийской культуры более основательный анализ источников проведен А.И. Юдиным. Он очертил ареал распространения культуры и показал ее особенности в сравнении с самарской культурой, а также наглядно проследил в прикаспийской культуре наследие орловской культуры (Юдин, 1998, с. 83–105; 2004). В дальнейшем, развивая концепцию о местном (преобладающем) и пришлом компонентах в сложении самарской и прикаспийской культур, Н.Л. Моргунова еще раз вслед за И.Б. Васильевым и А.Т. Синюком проследила истоки многих новаций, которые определяют начало энеолита в лесостепном Поволжье. Сделан вывод, что началу энеолитизации Поволжья способствовал импульс с запада, который вместе проникновением немногочисленных групп из среды раннеземледельческого населения Северо-Западного Причерноморья принес целый ряд новых достижений, что способствовало заимствованию, прежде всего, передовых технологий металлургического производства (Моргунова, 2011, с. 51–53).

Таким образом, формирование самарской культуры определяло многообразие экономических и культурных связей, что и предало ей синкретический характер. Этническая и культурная, а также, видимо, экономическая перегруппировка в степи произошла за счет усиления связей с древнейшими металлургическими центрами Средиземноморья и Южной Азии, что нашло отражение в широком распространении таких инноваций, как новые формы и технологии в гончарстве, ряд украшений погребального костюма, каменные скипетры в виде лошадиных голов, импорт медных изделий и другие.

Территория. Ареал распространения памятников самарской культуры соответствует бассейнам рек Самара и Сок (рис. 1). Это левобережная часть Самарского Поволжья, включая Западное Оренбуржье. В основном исследованы поселения и стоянки. К наиболее крупным поселениям относятся Виловатовское, Ивановское (средний слой), Турганикское, Кузьминковское, Лебяжинские I–VI, Муллино II, Давлеканово. Могильники грунтовые: могильник у с. Съезжее, Ивановский, Красноярский и, возможно, Криволучье. На юге самарская культура граничила с прикаспийской и хвалынской культурами, на севере – с волго-камской неолитической культурой.

Характеристика материальной культуры. Материалы известных поселений и могильников самарской культуры охарактеризуем согласно ее трем этапам.

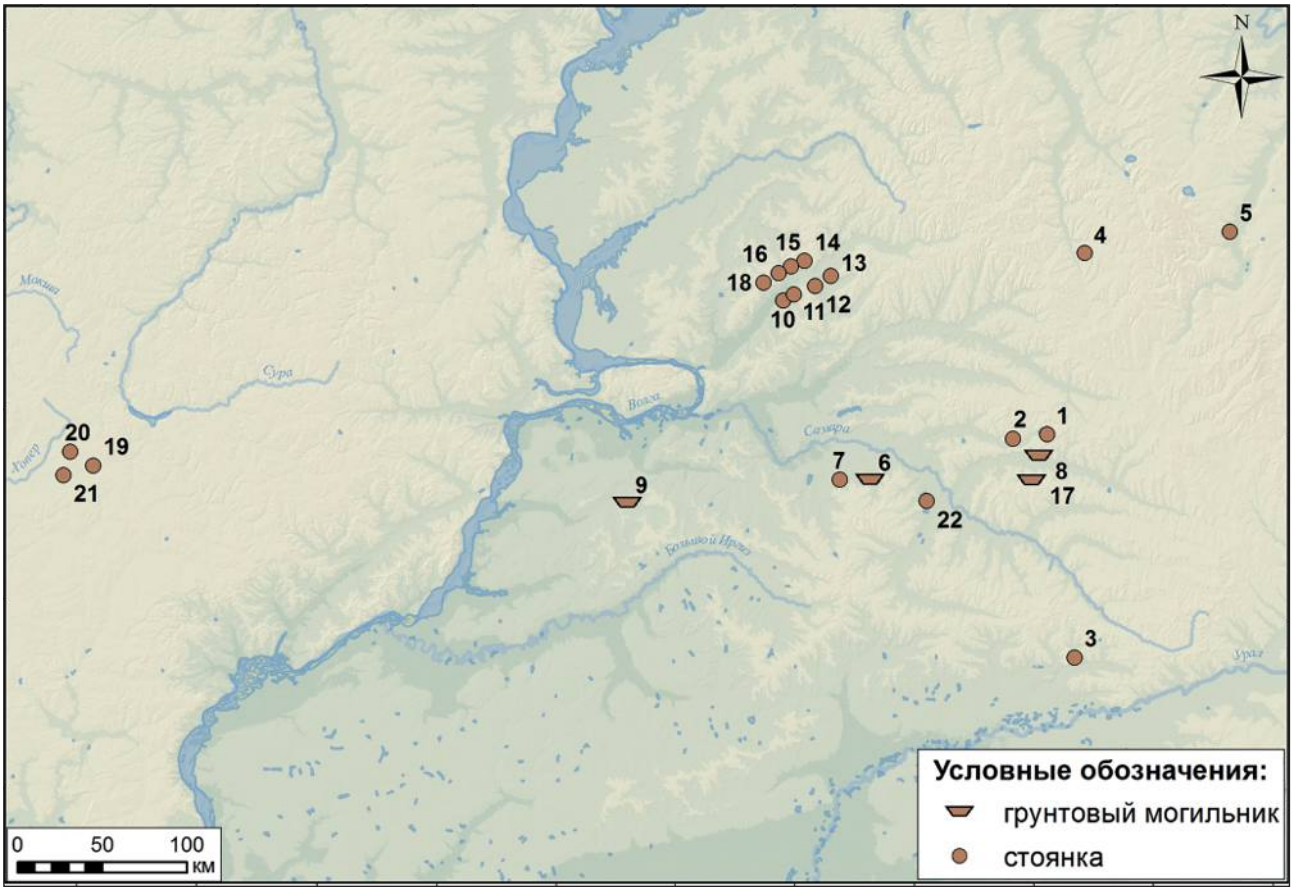


Рис. 1. Памятники самарской культуры

1 – Ивановское пос.; 2 – Турганикская ст.; 3 – Кузьминковская ст.; 4 – пос. Муллино; 5 – Давлекановское пос.; 6 – мог. Съезжее; 7 – Виловатовская ст.; 8 – Ивановский мог.; 9 – мог. Криволучье; 10–13 – Лебяжинка I-III-IV-V; 14 – пос. Гундоровское; 15–16 – пос. Бол. Раковка I, II; 17 – Красноярский могильник; 19 – пос. Шапкино VI; 20 – пос. Русское Труево I; 21 – пос. Инясово

Ранний этап самарской культуры. На данном этапе культура представлена небольшим числом памятников. Наиболее ярким маркером, отличающим самарскую культуру от местной неолитической, является керамика Съезжинского могильника (Васильев, Матвеева, 1979; Васильева, 1999). Именно особенности керамики позволяют сделать вывод об этнической многокомпонентности сложения самарской культуры, что подтверждается и антропологическими данными (Хохлов, 2000; 2013). В Самарском Поволжье открыт и исследуется еще один грунтовый могильник съезжинского типа – Екатериновский Мыс, в котором изучено более 100 погребений. В них обнаружены зооморфные навершия, пекторали и украшения из клыка кабана, воротничковая керамика (Королев и др., 2018). Могильник, судя по предварительным сообщениям и первым публикациям радиоуглеродных дат, относится к самарской культуре раннего этапа (калиброванный возраст в районе с конца VI до конца перв. четв. V тыс. до н.э.) (Korolev et al., 2019, c.395).

Керамические материалы съезжинского типа представлены на ряде поселений. Прежде всего, они выделяются по признакам, характерным для I группы керамики могильника Съезжее – массивные воротнички, преобладание прочерченных линий в виде многорядных зигзагов, меандровых композиций из рядов «шагающей гребенки» в обрамлении прочерченных линий, ряды ямок под венчиком. Большая группа таких сосудов присутствует на Виловатовской стоянке (Васильев и др., 1980, рис. 12).

Отклики гончарной традиции гончарства могильника у с. Съезжее (I группа) зафиксированы на керамике поселений Турганикское и Кузьминки в Приуралье (Моргунова, 1984б; 1986). На первом – это 4 сосуда крупных размеров с массивными воротничками, плоским дном, орнаментированные шагающей гребенкой и прочерченными линиями (рис. 2; 3: 3). На Кузьминковском поселении керамика архаична, венчики оформлены в виде воротничка, орнамент выполнен гребенчатым штампом, но без меандров (рис. 4). Характерно, что на данном памятнике, где коллекция не смешана ни с какими иными культурными материалами, керамика хвалынской культуры не обнаружена. На Турганикском поселении архаичные сосуды за-

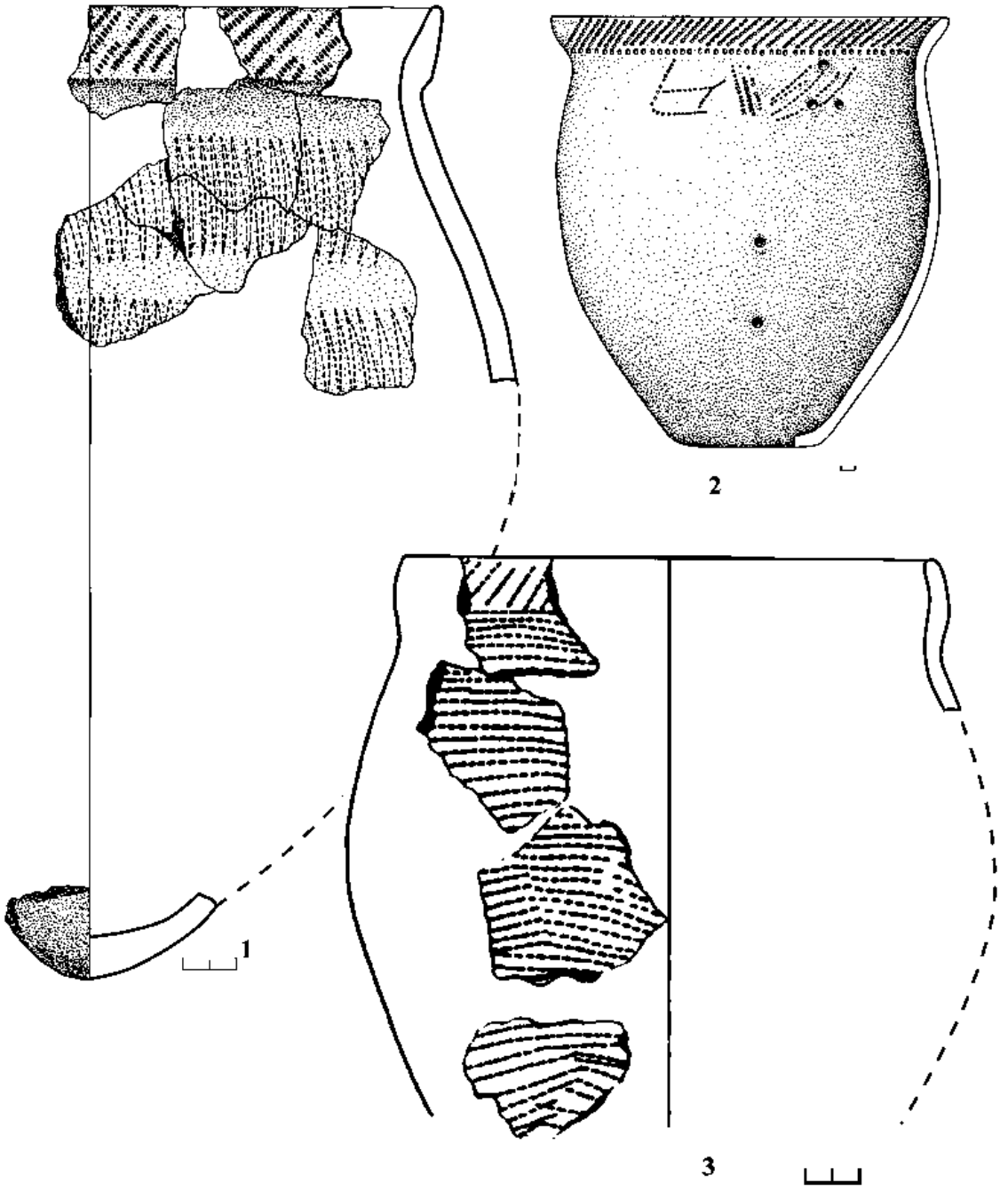


Рис. 2. Керамика самарской культуры (ивановский тип). Турганикское поселение (по: Моргунова и др., 2017)

легают в одном слое с материалами ивановского типа II этапа самарской культуры и с керамикой хвалынского типа (рис. 3: 1, 2).

Видимо, подобный сценарий контактов пришлого и местного населения, в которых доминирующие позиции сохраняли последние, отражают материалы поселений Лебяжинка III и Гундоровское, расположенных севернее на р. Сок (Овчинникова, 1995; Васильев, Овчинникова, 2000). Авторы исследований здесь также отмечают такие признаки керамики, как массивность воротничков, преобладание длиннозубых гребенчатых штампов, зональные узоры из рядов шагающей гребенки без обрамления прочерченными линиями (рис. 5). На основании ряда отличий этой синкретичной керамики, в том числе наличия пуха и перьев птиц в формовочной массе, А.И. Королев выделяет ее в особый лебяжинский тип в энеолите Поволжья (Королев, 2012). Однако, судя по большинству признаков, керамика этого типа относится к самарской культуре.

Разнообразие типологии и технологических особенностей керамики материалов I этапа самарской культуры на памятниках в бассейнах Самары и Сока, на наш взгляд, связано с разной степенью контактов местного постнеолитического населе-

ния как с пришлой группой, так и с ближайшими соседями – на юге и на севере. Так, например, памятники на р. Сок располагаются значительно севернее бассейна р. Самара, что, видимо, и определило такие их особенности, как обилие в каменном инвентаре изделий из отщепов, наконечников стрел и скребков с двухсторонним ретушированием поверхности, которые указывают на связи населения с волго-камской неолитической культурой. В то же время имеются шлифованные тесла, подобные орудиям из Съезжинского могильника. Аналогии лебяжинскому жилищу обнаруживаются также на памятниках волго-камской культуры.

Влияние волго-камской культуры отчетливо зафиксировано на материалах средневолжской (волго-уральской культуры, по Н.Л. Моргуновой) неолитической культуры, что, очевидно, выразилось в широком распространении гребенчатой техники орнаментирования глиняной посуды, в том числе и на керамике I группы Съезжинского могильника. Гребенчатая техника орнаментирования керамики получила распространение на развитом – позднем этапах неолита раньше появления памятников типа Съезжинского могильника (Моргунова, 1984а; 1995; Выборнов, 2008). Судя по последним данным радиоуглеродного датирования, как будет показано далее, группы поздненеолитического населения с накольчатой и гребенчатой керамикой средневолжской культуры проживали на территории Самарского Заволжья и Приуралья параллельно с группами раннего этапа самарской культуры. В свою очередь, влияние самарской культуры распространялось не только в лесостепи, но и на волго-камскую культуру (Васильев, Габяшев, 1982).

Судя в основном по керамическим материалам, выявляется центр и периферия формирования съезжинского типа памятников. Наиболее яркие из них представлены в бассейне р. Самары. Виловатовское поселение и могильник Съезжее, расположенные на расстоянии около 20 км друг от друга, могут рассматриваться как эталонные памятники съезжинского этапа самарской культуры. Керамика обоих памятников по всем признакам идентична. В материалах, происходящих из Приуралья (Турганикское поселение и Кузьминковская стоянка) и из памятников бассейна Сока (Лебяжинка III и V, Гундоровское, II Больше-Раковское), в большей степени преобладают элементы местного неолита. Поэтому вполне вероятно, что особенности технологии керамики из могильника Съезжее, выявленные И.Н. Васильевой, действительно отражают процесс появления на юге лесостепного Поволжья новой группы населения, оказавшей существенное влияние на дальнейшее этническое и общественно-экономическое развитие региона. Однако на всех вышеотмеченных памятниках, как и в самой Съезжей, основным остается местный этнический компонент, генетически связанный с неолитическим населением лесостепей Поволжья и Приуралья.

Таким образом, судя по распространению керамики съезжинского типа, территория формирования самарской культуры охватила районы южной части лесостепи Самарского Поволжья. Ее эпицентр находился в бассейне р. Самары. Видимо, толчок к началу ее сложения был получен с запада из районов Нижнего и Среднего Дона. С территории Самарского Поволжья ее влияние распространилось на южную часть Поволжья, где начинает формироваться прикаспийская культура. Учитывая синхронность части материалов позднего неолита Среднего Поволжья и памятников съезжинского типа, данный период можно считать как переходный – нео-энеолитический.

Развитой этап самарской культуры. В данный период на территории степной и юга лесостепной зоны Волго-Уралья энеолитические культуры полностью господствуют, устанавливается их тесное и регулярное взаимодействие с Балканским ГМЦ. Энеолитизация региона полностью завершается с распространением влияния хвалынской культуры в Нижнем Поволжье и переходом самарской культуры на II этап ее развития.

Поселения. Самарская культура на II этапе представлена в основном поселениями и малочисленными погребальными комплексами. Это поселения Ивановское и Турганикское (Западное Оренбуржье), Лебяжинка I, II Больше-Раковское, II Чесноковское, Лебяжинка IV (бассейн р. Сок), Муллино и Давлеканово (бассейн р. Ик) и другие.

Выделяются две группы керамики, которые продолжают гончарные традиции съезжинского этапа, но с появлением ряда новых особенностей.

За гончарными изделиями I группы закрепилось наименование керамика «ивановского» типа по данным изучения Ивановского поселения в Оренбургской области (Моргунова, 1980; 1995; 2011). Исследовано более 2000 кв. м. Культурный слой эпохи энеолита достигал 50–70 см. Он залегал выше неолитического культурного слоя и отличался структурой и цветом почвы. Энеолитический комплекс представлен 1752 орнаментированными фрагментами керамики, 4385 каменными предметами, 202 изделиями из кости и более 6000 костей животных. Жилища не выявлены, но представлены скопления костей, клады костяных изделий и заготовок, развалы сосудов, что, возможно, свидетельствует о наземном характере жилых сооружений.

Керамика ивановского типа отличается таким признаком, как воротничковые венчики (рис. 3: 1, 2; 6). Сосуды характеризуются в основном вы-

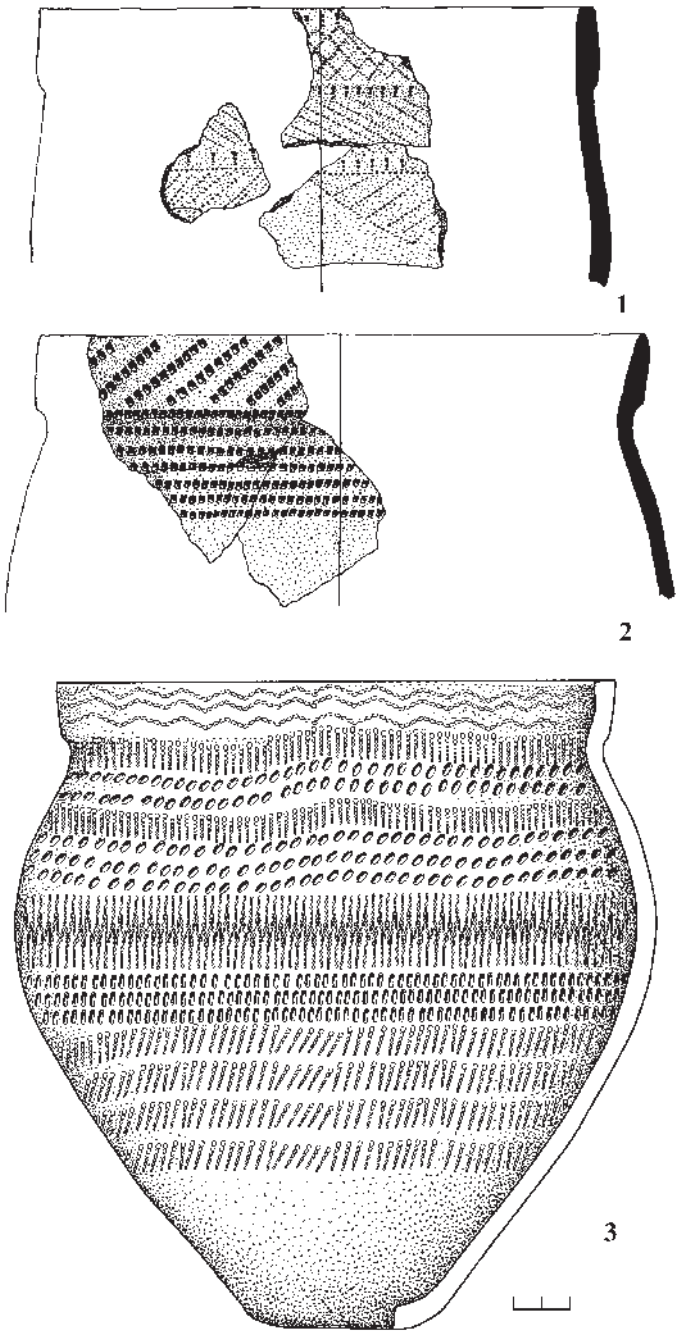


Рис. 3. Керамика самарской культуры (ивановский тип). Турганикское поселение (по: Моргунова и др., 2017)

сокой, а иногда приземистой полуяйцевидной формой с раздутым туловом и плавно сформованной горловиной. Окончание венчика оформлено утолщением – воротничком. В отличие от съезжинской посуды, где воротнички, как правило, крупные и в сечении подпрямоугольные, на ивановских сосудах воротнички имеют разнообразные формы – подтреугольные, округлые, вытянутые с острым или уплощенным окончанием. Днища сосудов – уплощенные, округлые, небольшие плоские. В целом, по всем данным керамика ивановского типа генетически связана со съезжинской традицией гончарства.

Благодаря технико-технологическому анализу, проведенному И.Н. Васильевой, характеристика керамики ивановского типа может быть дополнена весьма важными для историко-культурных реконструкций особенностями (Васильева, 2006). Ею выявлены особенности формовочных масс и лепки сосудов, уточнены способы орнаментирования. Основным приемом орнаментирования являлось использование различных по форме, длине и ширине зубцов гребенчатых штампов, что отличает ивановский тип керамики от посуды как съезжинского, так и хвалынского комплексов. Наряду с гребенчатыми штампами на ряде форм в ка-

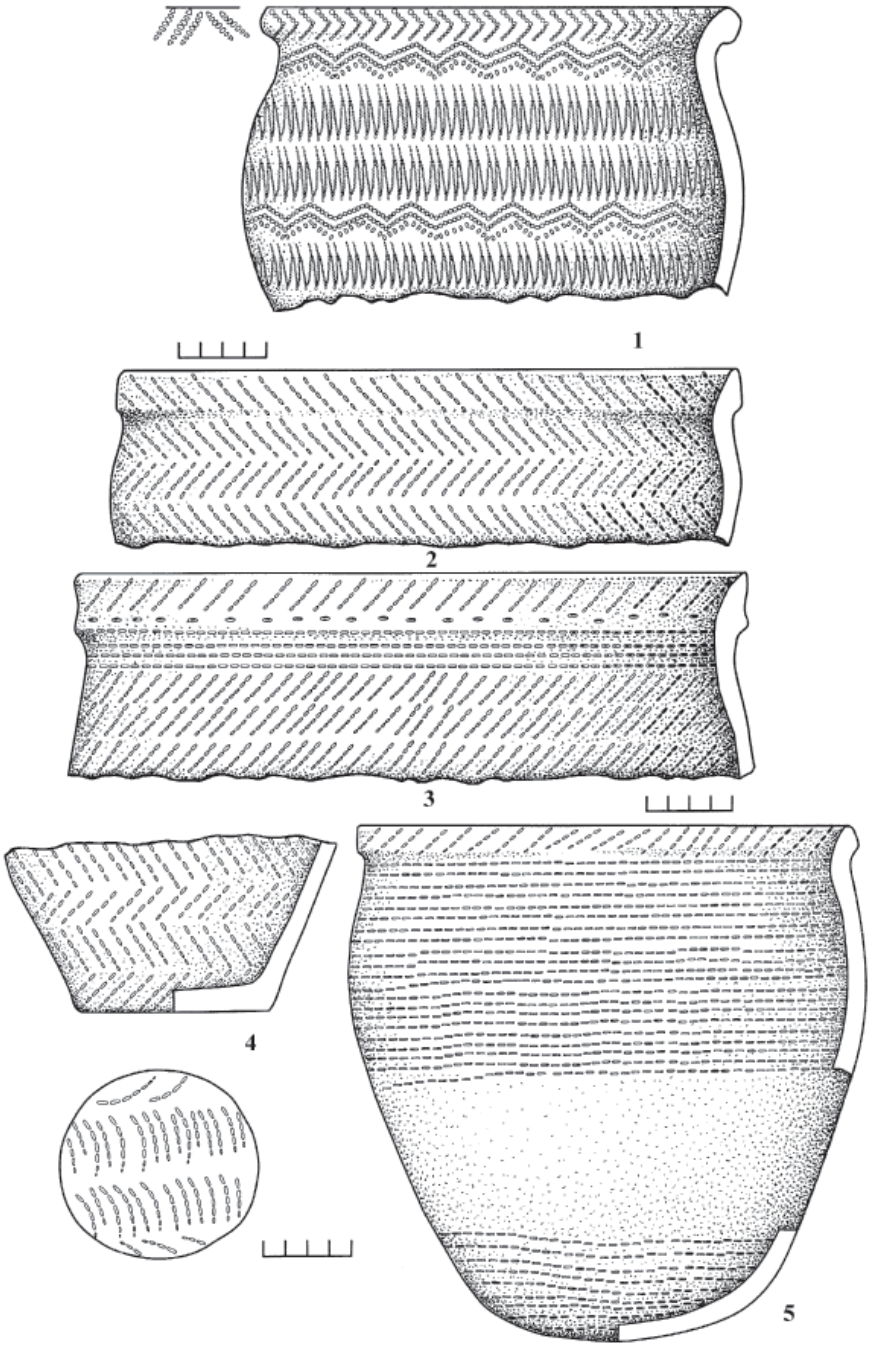


Рис. 4. Керамика самарской культуры (ивановский тип). Кузьминковское поселение (по: Моргунова, 1984б)

честве орнаментиров отмечено использование не аммонитов, как полагали ранее, а оттисков плетеных материалов, что типично также для большинства сосудов I Хвалынского могильника, а также веревочных штампов (Васильева, 2002). Таким образом, в технологии изготовления и орнаментирования керамики ивановского типа прослежено влияние гончарных традиций хвалынской культуры, что свидетельствует об их тесных взаимных контактах.

Технико-технологический анализ подтвердил выводы, ранее обоснованные на данных типологических сопоставлений, – о хронологическом приоритете съезжинских материалов в сравнении с ивановскими. С одной стороны, ряд общих признаков (пропорции и формы сосудов с воротничком, использование гребенчатых штампов, сохранение рецептов с использованием шамота) свидетельствует о культурной близости населения, оставившего данные памятники, что позволяет рассматривать материалы обоих типов в рамках одной культуры с закрепившимся за ней названием «самарская». С другой стороны, выявлены существенные трансформации как в типологии, так и в технологии изготовления керамики ивановского типа.

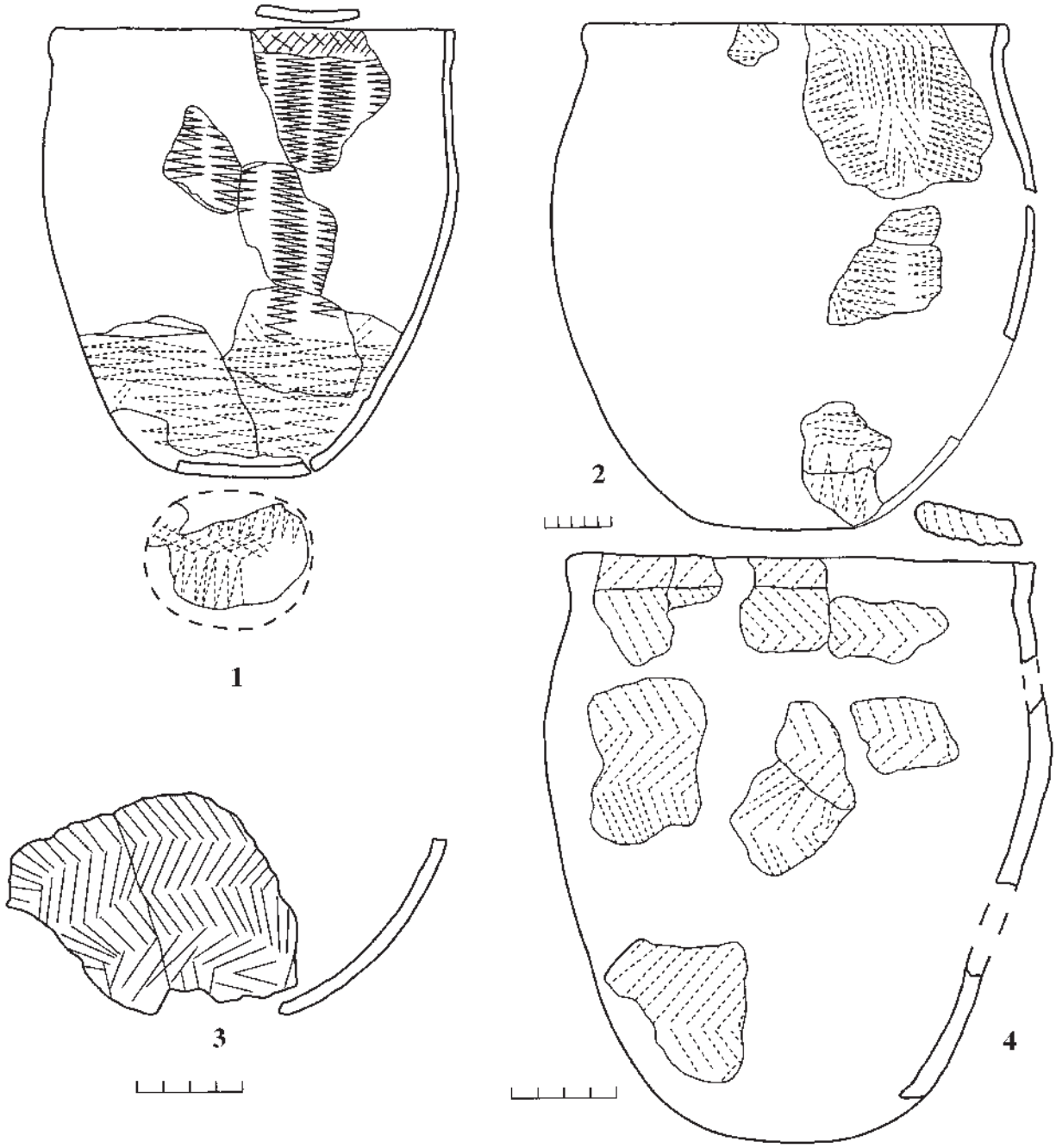


Рис. 5. Керамика самарской культуры. Поселение Лебяжинка III (по: Овчинникова, 1995)

Синхронность энеолитического слоя Ивановского поселения и Хвалынских могильников подтверждается совместным нахождением в одних слоях керамики ивановского и хвалынского типа на поселениях Ивановское, Турганикское и Лебяжинка IV. В то же время нигде, как в Самарском, так и в Нижнем Поволжье, хвалынская керамика не зафиксирована совместно со съезжинской либо с прикаспийской. Например, на стоянке Лебяжинка III, которая характеризуется керамическими материалами, близкими Съезжинскому могильнику, керамика хвалынского типа отсутствует. Материалы съезжинского или прикаспийского типов также не отмечены на стоянках и в могильниках самой хвалынской культуры. На стоянке Кумыска прикаспийская керамика залегает в слое ниже по отношению к хвалынской (Юдин, 2004).

Ко II группе отнесена керамика токского типа. Она, как правило, встречается одних слоях с керамикой ивановского и хвалынского типа. Керамика токского типа характеризуется высотными пропорциями сосудов крупных размеров полуяйцевидной формы с плавно профилированной или прямой верхней частью (рис. 7). Края венчиков плоские или округлые. Днища, видимо, были в основном округлые, но, возможно, и плоские.

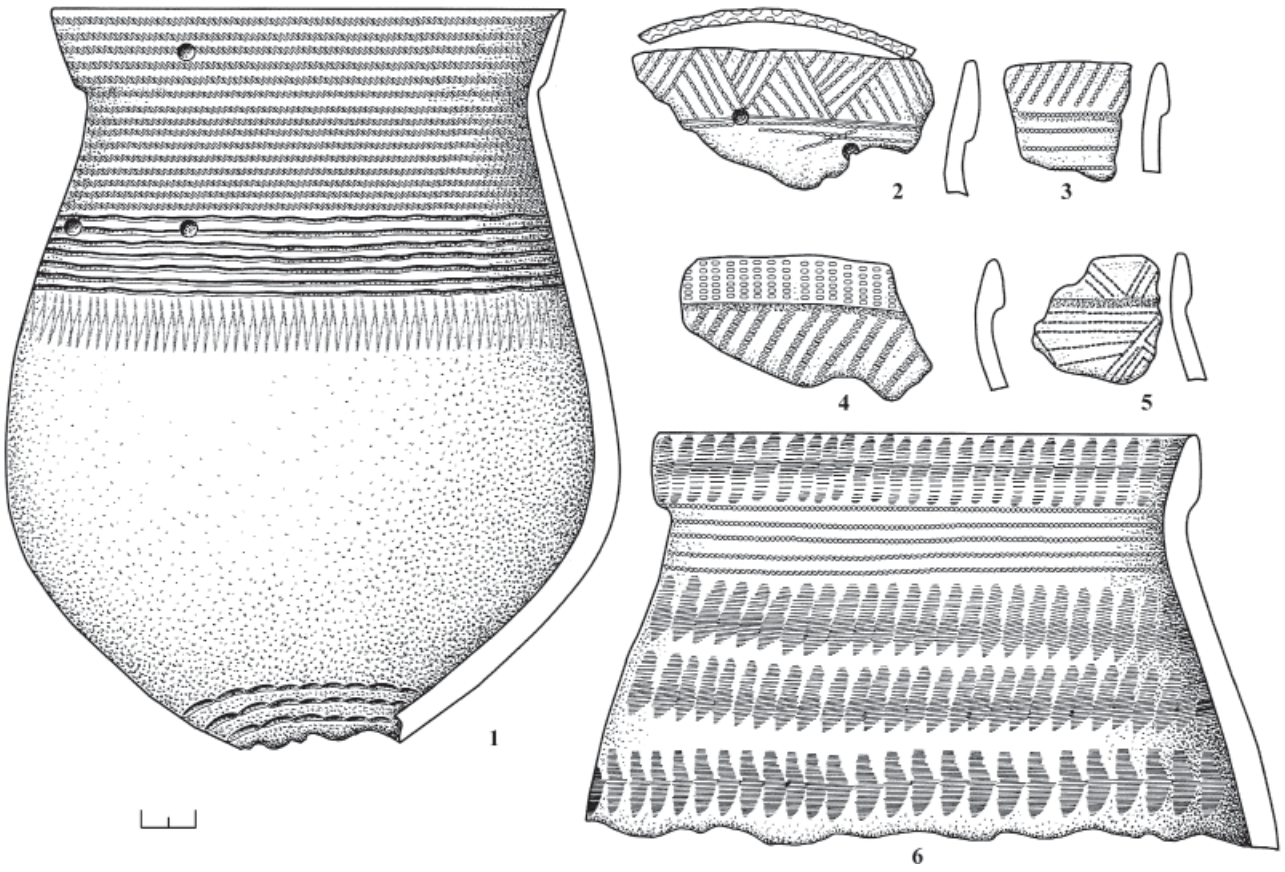


Рис. 6. Керамика самарской культуры (ивановский тип). Ивановское поселение (по: Моргунова, 1980)

Технико-технологический анализ данной группы керамики показал, что в отличие от ивановского типа для нее чаще был присущ отбор в качестве исходного сырья илистых глин, но использовались также и илы (Васильева 2006). В связи с переходом к илистым глинам, в которых, в отличие от илов, не содержатся естественные примеси раковины, распространяется прием искусственного введения дробленой раковины.

Орнамент наносился преимущественно гребенчатыми штампами различной длины и ширины зубцов. Кроме того, в ряде случаев отмечаются приемы прочерчивания и накалывания (ряды округлых и овальных вдавлений), ряды ямок под венчиком. Большинство сосудов плотно покрывались орнаментальными композициями, состоявшими из рядов наклонных и вертикальных отрезков штампа в виде елочки, зигзагов, рядами шагающей гребенки. В отличие от ивановского и хвалынского типов на керамике токского типа в качестве орнаментиров не зафиксированы оттиски плетеных материалов.

Характеристика самарской культуры II этапа существенно уточнена по материалам новых раскопок Турганикского поселения и заново проведенному анализу всех материалов, включая данные раскопок 1982 г. (Моргунова и др., 2017).

Поселение располагается в северо-западной части Оренбургской области, в 5 км к югу от с. Ивановка Красногвардейского района, на ровной, приподнятой над уровнем поймы площадке в устье р. Турганик. В 450 м к ЮЗ также на берегу старого русла Тока находится Ивановское поселение.

Первые раскопки были произведены в начале 80-х годов XX в. Выявлено 2 культурных слоя – самарской культуры эпохи энеолита и раннего бронзового века (Моргунова, 1984; 1995). В 2014–2015 гг. раскопки поселения были возобновлены. В общей сложности (включая участки, вскрытые в 1982 г.) исследовано около 900 кв. м площади поселения. На всей площади раскопа стратиграфия едина, как и мощность культурных и балластовых отложений. Выделено 6 слоев палеопочвенных отложений, из которых 4 верхних представляли собой слои балласта без артефактов. Слои 5 и 6 являлись культурными. Нижний культурный слой характеризовался преимущественным содержанием материалов самарской культуры. Комплекс находок самарской культуры представлен керамикой, кремневыми и костяными изделиями. Найдены многочисленные фрагменты от 74 сосудов. По признакам формы и орнамента выделено 5 типов посуды: ивановского, ивановско-хвалынского, токского, новоильинского и суртандинского.

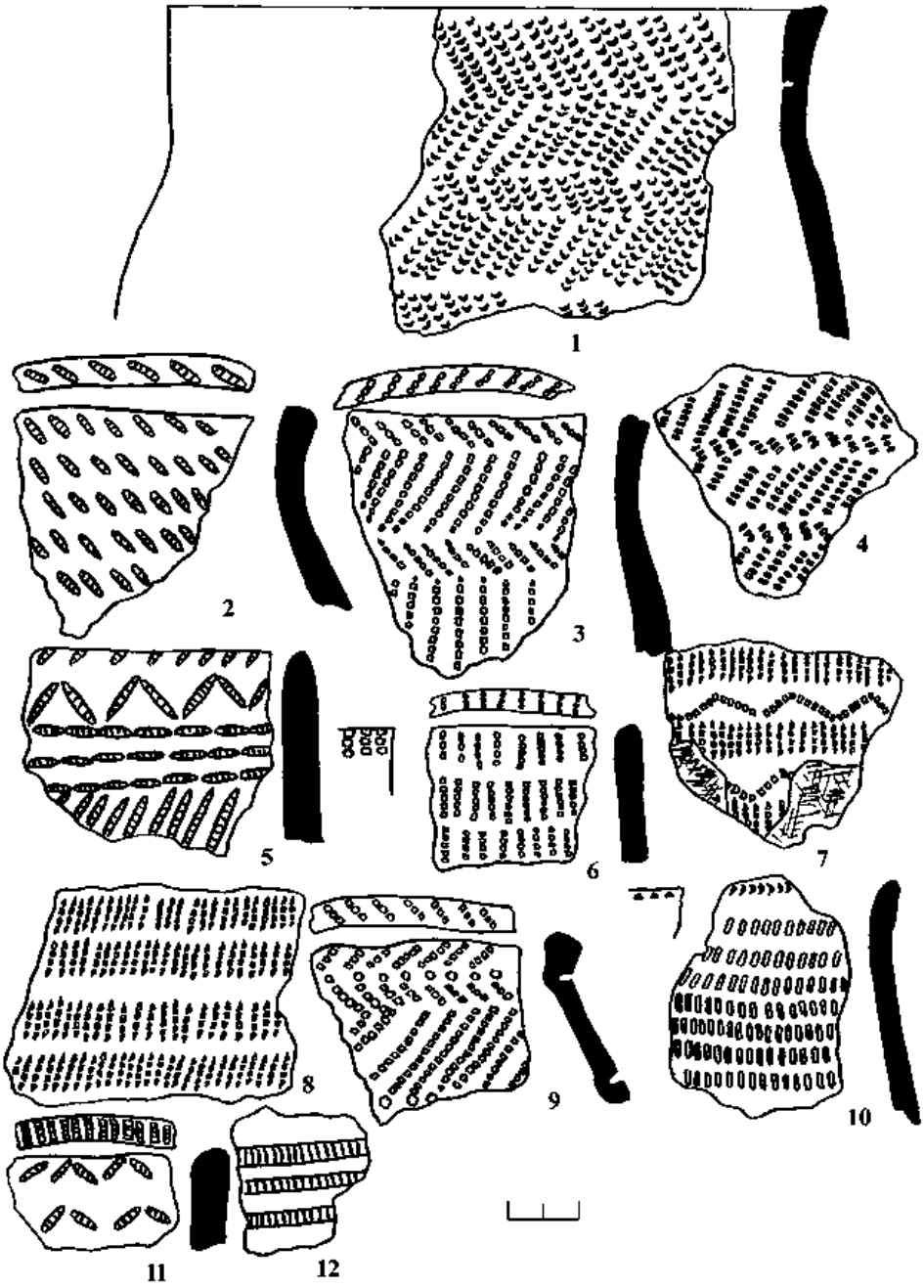


Рис. 7. Керамика самарской культуры (токский тип). Ивановское поселение (по: Моргунова, 1980)

Керамика ивановского типа наиболее многочисленна (более 40 сосудов и венчиков), отличается венчиками в виде «воротничка», по форме которого сосуды подразделены на 2 подтипа (с массивным высоким венчиком-воротничком и с коротким утолщенным венчиком) (Моргунова и др., 2017, с. 66–69). Вторая группа керамики названа ивановско-хвалынской (рис. 8), поскольку в ней отмечены признаки смешения традиций гончарства ивановского и хвалынского типа.

Керамика токского типа отличается от первых двух групп отсутствием воротничка на венчиках. По всем признакам она близка керамике Ивановского поселения. На Турганике она в основном сосредоточена в одном слое наряду с керамикой ивановского типа, что ранее склоняло к выводу об их одновременности (Моргунова, 1984а; 2011). Стратиграфические отличия в слое не прослеживались. Новые исследования позволили скорректировать данное заключение.

Так, планиграфически было прослежено равномерное размещение материалов токского типа наряду с ивановскими по площади всех раскопанных участков, но большее их тяготение к северной части поселения. На раскопе 1 на северном конце

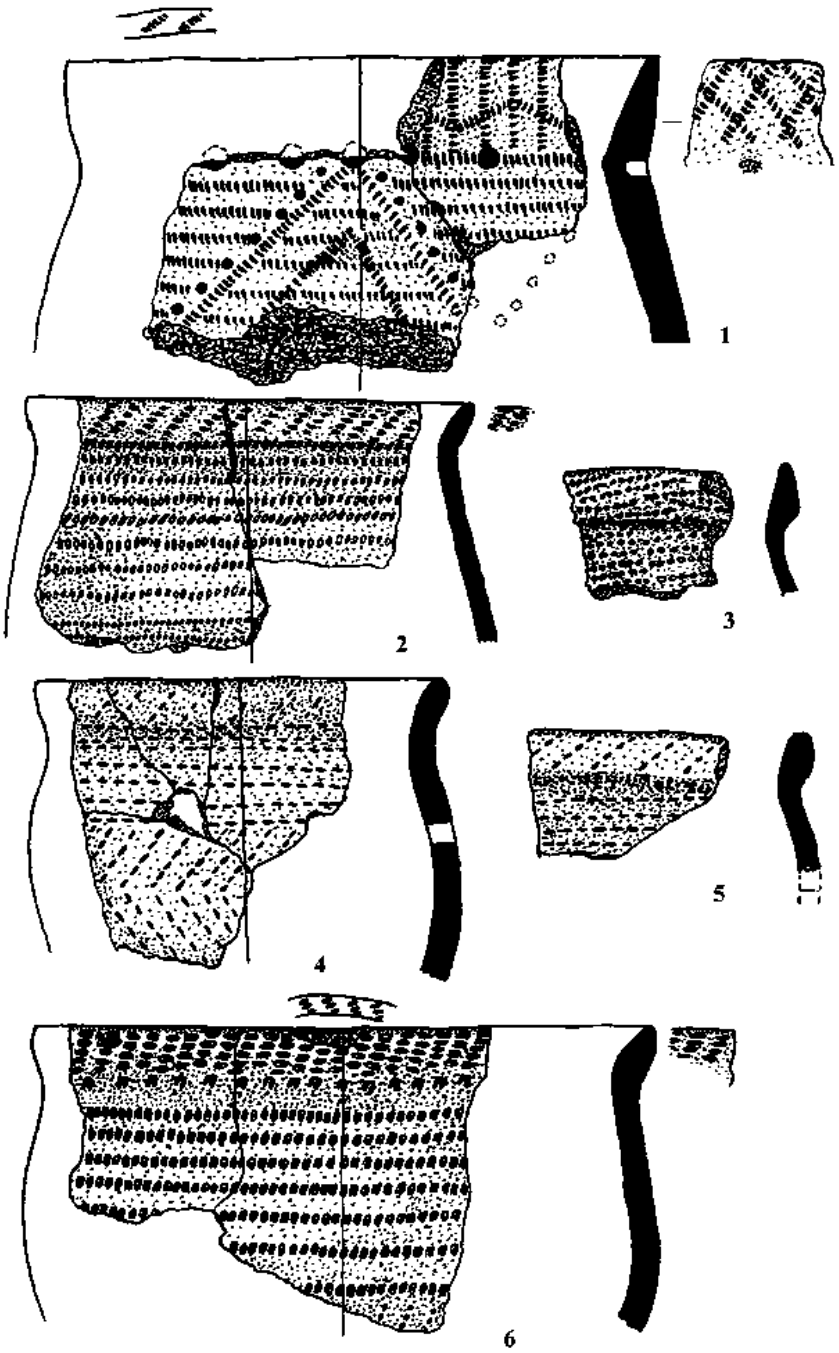


Рис. 8. Керамика самарской культуры (ивановско-хвалынский тип)
Турганикское поселение (по: Моргунова и др., 2017)

памятника найдена только токская керамика наряду с сосудом новоильинского типа. Эта находка позволила предположить, что в энеолите Турганикское поселение заселялось дважды, что и подтвердилось палеопочвенными и радиоуглеродными данными.

Палеопочвенные исследования, проведенные О.С. Хохловой в ходе последних раскопок, показали, что в нарастании почвенных отложений в слое 6 был значительный перерыв, связанный с сильными паводками, не позволявшими людям проживать на данном месте. И, видимо, жители поселка в период высокой влажности переселились на более высокое место – на Ивановское поселение, расположенное в 400 м к западу, а позже вернулись. Так было определено соотношение в использовании мест для Турганикского и Ивановского поселений. Видимо, первое поселение возникло в устье р. Турганик, о чем свидетельствует ряд архаичных признаков на посуде ивановского типа и значительный процент керамики хвалынского типа, а также соответствующие радиоуглеродные даты. Следующий период существования Турганикского поселения наступил значительно

позднее и был связан исключительно с продолжением токской традиции производства керамики, однако не утратившей приемы предшествующего этапа самарской культуры. Со вторым этапом функционирования поселения связано появление керамики суртандинского и новоильинского типов, которые свидетельствуют об усилении контактов с лесными культурами.

Таким образом, второй этап существования Турганикского поселения уже соответствует позднему этапу самарской культуры.

Значительный интерес для общего представления об энеолите Самарского Поволжья и в плане установления культурного и хронологического соотношения материалов ивановского, токского и хвалынского типов представляют памятники на р. Сок в Самарской области. Они располагаются на юге лесостепных районов Поволжья, несколько севернее бассейна р. Самары. Благодаря прямому пути вдоль Волги население данного района имело возможность вступать в контакты с культурами как более южных районов Поволжья, так и с населением районов Волго-Камья. Судя по имеющимся публикациям, материалы бассейна Сока отражают данную ситуацию на протяжении всего нео-энеолитического периода.

Кратко остановимся на материалах изученных памятников. Поселения располагались по берегам стариц и на возвышенных участках в поймах р. Сок, то есть аналогично локализации энеолитических поселений на реках Самара и Ток. Практически все места поселений использовались на протяжении всего нео-энеолитического периода и заселялись многократно представителями различных культурных групп. На всех памятниках представлены материалы вышеописанных энеолитических групп керамики, но четких стратиграфических границ между ними не прослеживается по причине специфических особенностей накопления культурного слоя в условиях пойменных супесчанистых почв. В то же время следует выделить некоторые важные наблюдения, на которых строятся выводы исследователей относительно хронологической последовательности энеолитических материалов.

Значительный интерес представляют материалы поселения Лебяжинка I (Барынкин, Козин, 1995). На поселении выделена группа керамики «хвалынского» типа – около 160 сосудов. Сходство с хвалынской культурой Нижнего Поволжья отчетливо проявляется в формах сосудов и в орнаментальных композициях. Но вместе с тем авторами справедливо отмечены признаки, которые сближают лебяжинские сосуды с керамикой ивановского типа: формы воротничков и профилировка венчиков (в основном без ребра на внутренней их стороне), употребление гребенчатых штампов, в том числе шагающей гребенки, неиспользование прочерченной волны в качестве разделителей зон орнамента, высотные пропорции сосудов.

Столь же смешанный характер разновременных материалов демонстрирует II Больше-Раковское поселение (Барынкин, Козин, 1991). Комплекс эпохи энеолита здесь представлен весьма своеобразной воротничковой керамикой, сосудами токского, волосовского и турганикского типов. Воротничковые сосуды отличают такие признаки, как раковинная примесь, высотные пропорции и орнаментация, выполненная гребенчатыми штампами.

Кроме воротничковой керамики на поселении имеется комплекс керамики, достаточно представительный, состоящий из более 90 сосудов, который авторы связывают с гаринско-борской культурой (Барынкин, Козин, 1991, с. 113–116). Керамика этой группы характеризуется профилированной, прямостенной и закрытой полуяйцевидной формой, большим разнообразием венчиков, часто покрытых по срезу орнаментом, преобладанием раковинной примеси, плоскими и округлыми днищами, разнообразной орнаментацией, выполненной широкозубыми гребенчатыми штампами. Форма некоторых сосудов, примеси в глине, ряд орнаментальных композиций позволяют увидеть в данной группе керамики не только гаринско-борский компонент, но и сосуды токского типа, а также волосовского и турганикского типов.

Аналогичная ситуация отмечена на II Чесноковском поселении (Бахарев, Овчинникова, 1991, с. 72–93). Керамика ивановско-хвалынского и токского типа обнаружена на поселении Лебяжинка IV (Васильев, Овчинникова, 2000, рис. 21, 36). Здесь же было найдено зооморфное каменное навершие. Как и на всех других памятниках Самарского Заволжья, на хвалынской керамике присутствуют и такие признаки ивановской посуды, как использование гребенчатых штампов.

Значительный интерес представляет Гундоровское поселение, где было изучено жилище самарской культуры, отмеченное керамикой съезжинского типа. Планиграфически и по своему устройству оно отличалось от комплекса из 4 жилищ, выявленных в другой части поселения. Последние исследователи связывают, судя по планировке и по набору вещей, с волосовской культурой, также как и ряд погребений. Керамика волосовского типа зафиксирована и на ряде других памятников Самарского Заволжья (Шигоны II, Чесноковка II и др.). Кроме того, на Гундоровском поселении обращает на себя внимание достаточно представительная группа хвалынской керамики (Васильев, Овчинникова, 2000, рис. 22).

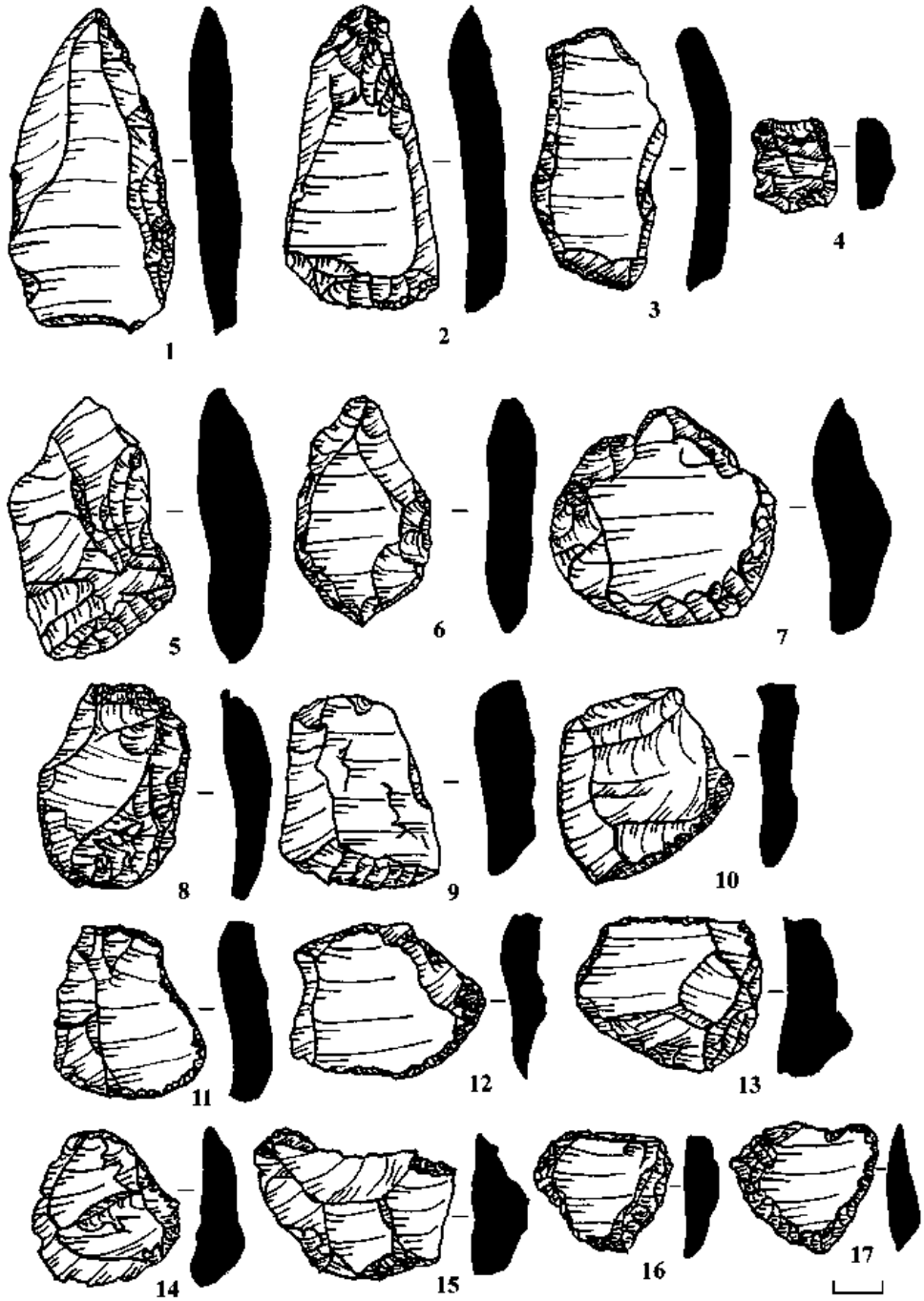


Рис. 9. Скребки на отщепах из кремня. Турганикское поселение (по: Моргунова и др., 2017)

Определенный интерес представляют материалы поселения Русское Труево I, исследованного В.В. Ставицким в верховьях р. Суры в Пензенской области (Ставицкий, 2001, с. 20 и сл.). По всем признакам керамики и каменного инвентаря оно сопоставляется с материалами II этапа самарской культуры, хотя влияние хвалынской культуры проявляется здесь достаточно отчетливо. Поселение расположено в лесостепной зоне правобережья Волги примерно на одной широте с бассейном р. Самары, на незначительном расстоянии от Хвалынских могильников. Примечательно, что на поселении выявлено 4 жилища, в которых комплекс находок, представленных керамикой и каменными изделиями, типичен для энеолитических памятников лесостепного Поволжья. В керамике наряду с хвалынскими признаками присутствуют элементы лесостепных традиций, что, прежде всего, заметно в преимущественном использовании гребенчатых штампов в орнаментации и в самих орнаментальных композициях. Каменный инвентарь Русско-Труевской стоянки вполне сопоставим с набором инвентаря памятников II этапа самарской культуры, например, Турганикского поселения. Отличия проявились в присутствии значительного числа изделий и сколов из кварцита.

Таким образом, поселение Русское Труево I, как и материалы стоянок Лебяжинка I, Больше-Раковское II на Соке, никак не могут свидетельствовать в пользу синхронности хвалынских и съезжинских памятников.

В заключение обзора поселений II этапа самарской культуры необходимо остановиться на характеристике каменного инвентаря и костяных изделий. Однако здесь имеются определенные затруднения, поскольку практически все вышеназванные памятники являются многослойными и чаще всего смешанными с неолитическими культурными материалами. И если керамика типологически хорошо разделяется на культурные и хронологические группы, то каменные и костяные изделия таковыми возможностями, как правило, не обладают.

Из всех выше охарактеризованных поселений и стоянок в плане установления типологии каменных изделий только Турганикское и Русско-Труевское поселения подходят для решения этой задачи, так как энеолитические слои на них не перекрывают неолитические. Отчасти могут быть использованы данные Ивановского поселения.

Находки из камня, которые можно связать с энеолитическим периодом, представлены изделиями из кремня и редко из кварцита или цветного камня.

На Турганикском поселении большая часть находок относится к отходам производства и представлена отщепами и сколами. При этом и те и другие имеют разные размеры и формы – от крупных до чешуек.

Нуклеусы предназначались для скалывания пластин. Все они сработаны почти полностью. Выделяются карандашевидные и пирамидальные формы. Единичны шаровидные формы для скалывания отщепов или бесформенные нуклевидные камни.

Изделия из отщепов и сколов в процентном отношении существенно уступают пластинам. На отщепах или на удлиненных сколах изготавливались скребки (рис. 9). Края отщепов подрабатывались крупнофасеточной ретушью по одному или нескольким краям.

Ножевидные пластины (НЖП) подразделяются на 5 типов: целые пластины, от крупных до коротких; целые или обломки крупных пластин шириной до 1,5 см, длиной до 12–13 см; верхние сечения НЖП; нижние концы сечений НЖП; средние части сечений НЖП.

Примерно четверть всех НЖП по краям подрабатывалась ретушью, все крупные пластины имели регулярную краевую ретушь. Большинство пластин без ретуширования по краям имели зазубрины.

Из ножевидных пластин изготавливались специальные виды орудий (концевые скребки, резцы, острия и наконечники, скошенные острия, пластины с выемками по одному из краев). Наиболее типичными для каменных индустрий степного энеолита являются широкие, удлиненные ножевидные пластины (рис. 10).

Таким образом, судя по материалам Ивановского и Турганикского поселений, для самарской культуры характерна пластинчатая техника производства каменных орудий, сохранившая свое значение вплоть до заключительных этапов энеолита. Типологический набор изделий из камня, параметры орудий свидетельствуют о сохранении и продолжении местных неолитических традиций в производстве каменных орудий труда. По сравнению с неолитом, для энеолитических комплексов в большей степени характерны серии двухсторонне-ретушированных изделий и шлифованных тесел, а также длинных ножевидных пластин.

Костяные изделия энеолитического слоя Ивановского и других поселений отличаются богатым типологическим набором. На Ивановском поселении найдено 202 изделия из кости и рога (рис. 11). Типологически по форме орудий выделено 3 ведущих группы изделий: острия, гарпуны, долотовидные, то есть те же группы, что и в комплексе эпохи неолита. Помимо этих основных групп в небольших количествах встречены оправы вкладышевых орудий из рога, грузила, рукоятки, пластины со сквозными отверстиями, орнаментированная пластина, наконечники «палок-копалок», украшения.

В сравнении с неолитом расширилась типология орудий группы острий, появляются длинные острия из целых длинных костей (ребер животных). Изделия тщательно полировались и затачивались на конце. Часть острий использовалась как проколки и шилья. Более разнообразными становятся долотовидные орудия. Наряду с изделиями из целых и расколотых вдоль костей с округлым рабочим концом появляются изделия с заостренным концом. Они использовались в качестве кинжалов для закалывания скота, наконечников копий, в землекопных работах. Среди долотовидных изделий с округлым концом выделены лощила, наконечники палок-копалок, шпатели для керамики, ретушер.

На Турганикском поселении трасологический анализ показал наличие таких изделий, как наконечники метательного оружия из крупных костей лошади (рис. 12: 2, 5) и накладка на лук (рис. 12: 1), обломок гарпуна, вязальная спица и проколка, шпатели по керамике (рис. 12: 6–7) (Моргунова и др., 2021).

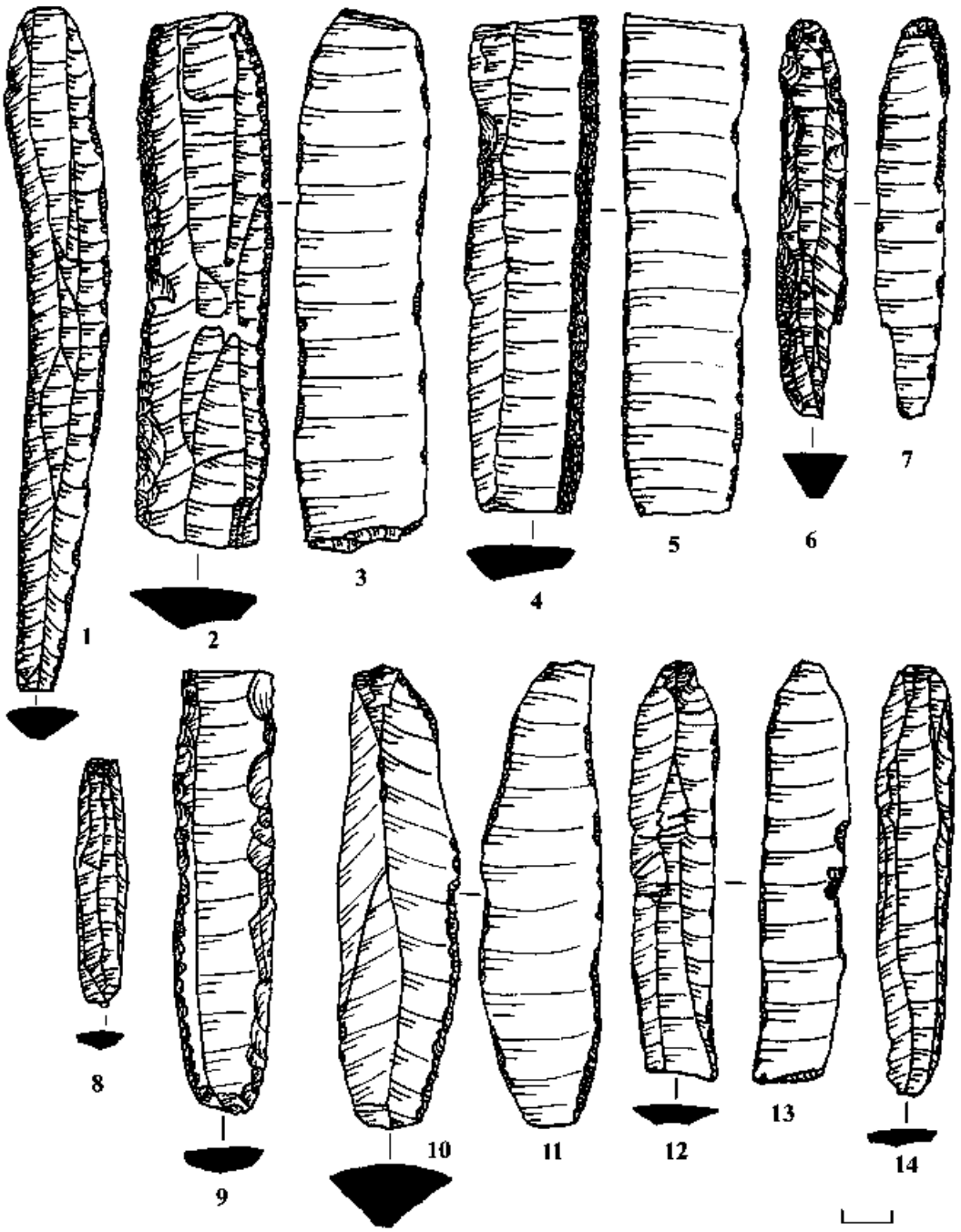


Рис. 10. Ножевидные пластины из кремня. Турганикское поселение (по: Моргунова и др., 2017)

Костяные орудия, подобные изделиям Ивановского и Турганикского поселений, найдены на всех памятниках самарской культуры: в могильнике у с. Съезжее, на Виловатовской и Елшанских стоянках.

Следы металлургического производства на поселениях II этапа самарской культуры не обнаружены. Ввиду поселенческого характера памятников также единичны находки самих металлических изделий. В слое 6 Турганикского поселения найдены медные брусок и пластина, которые, согласно металлографическому анализу А.Д. Дегтяревой, сделаны из металла западного, балканского происхождения (Моргунова и др., 2017, с. 281–284). Подобные импортные бруски, предназначенные для последующей переработки, найдены в новоданиловских и хвалынских памятниках. Несмотря на единичность находки, следует особо отметить факт, установленный Н.Н. Скакун по результатам трасологического анализа костяных орудий из энеолитического слоя Ивановского поселения, что многие костяные орудия были изготовлены при помощи металлических инструментов.

Из проведенного обзора материалов энеолитических памятников развитого этапа лесостепного

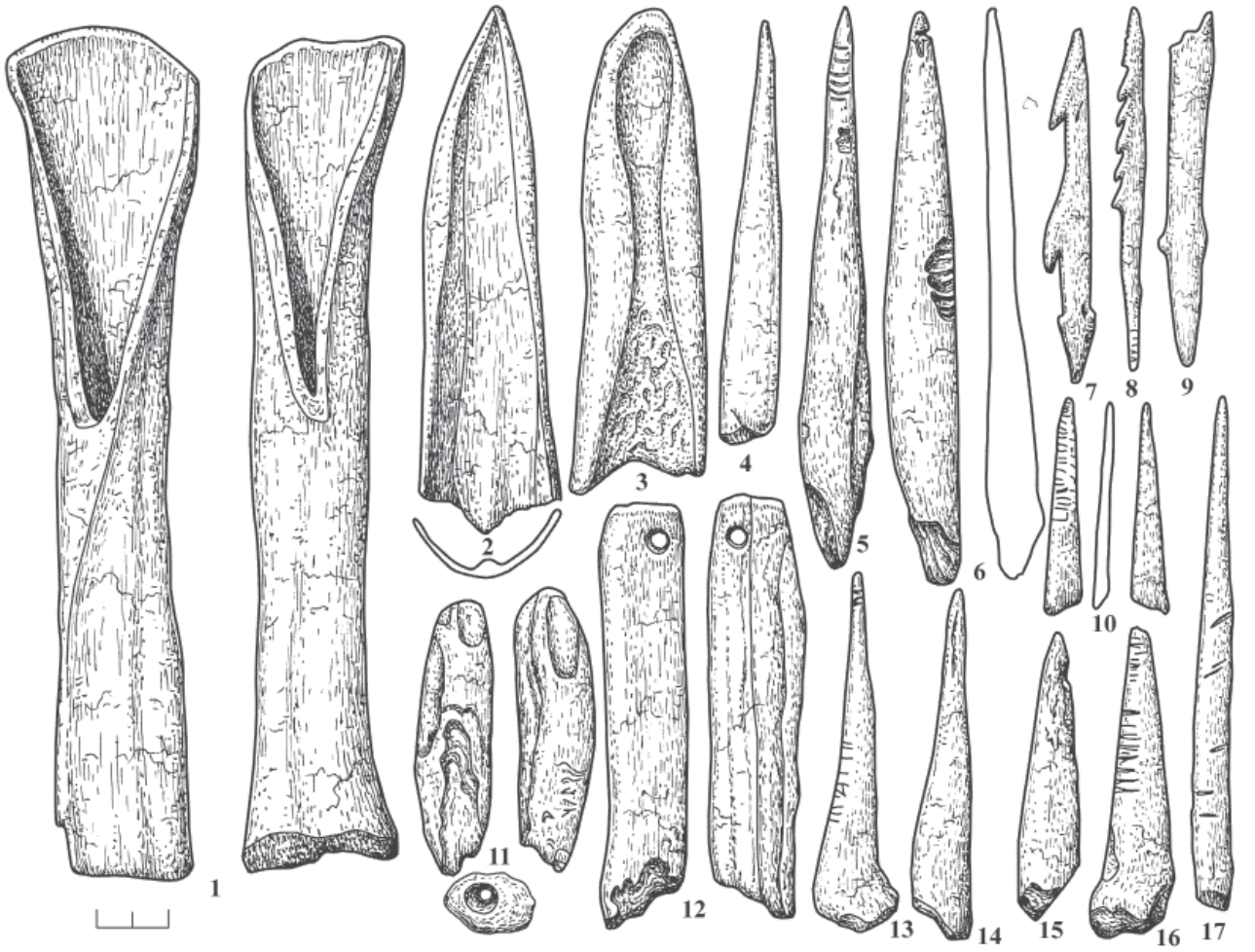


Рис. 11. Орудия из кости и рога. Ивановское поселение (по: Моргунова, 1980)

Поволжья и Приуралья следует заключение, что в культурном плане здесь преобладают традиции самарской культуры. Практически на всех памятниках присутствует керамика ивановского и токского типов, а также характерные для самарской культуры технологии изготовления и типы каменных и костяных орудий труда. В то же время на памятниках, расположенных ближе к бассейну Волги, в большей степени проявляется влияние хвалынской культуры.

По данным сокских памятников устанавливается достаточно четкая синхронность хвалынской культуры и ивановско-токских материалов. Подтверждением данному выводу служат и такие факты, как отсутствие керамики хвалынского типа в комплексах со съезжинскими материалами: в культурном слое и в жилище поселения Лебяжинка III и в самом Съезжинском могильнике. На Виловатовском поселении, где типологически выделена группа съезжинской керамики, отсутствует как керамика ивановского, так и хвалынского типов.

Помимо названных памятников ко II этапу самарской культуры следует отнести энеолитические материалы с воротничковой керамикой стоянок Муллино, Давлеканово, Сасыкуль и других памятников, исследованных в южной части Башкортостана (Матюшин, 1982, табл. 95–103, с. 201–206).

Воротничковая керамика данных памятников, достаточно близко расположенных к бассейнам Сока и Самары, практически идентична керамике ивановского типа. Сходство проявляется в формах сосудов и воротничков, в приемах орнаментации и в орнаментальных композициях. Так же как и на ивановской посуде, редкостью является «шагающая гребенка», используются широкозубые и веревочные («жучки») штампы, неизвестны меандровые композиции. Аналогичны наборы костяных и каменных изделий. Сходство всех категорий находок стоянок южных районов Башкортостана позволяет включить данные памятники в ареал населения II этапа самарской культуры.

Воротничковая керамика известна и в более северных лесостепных и даже на юге лесных районов Среднего Поволжья и Приуралья. Однако в отличие от памятников типа Муллино и Давлеканово в этих широтах фиксируется лишь влия-

ние южных культур, что отмечено находками воротничковой керамики на таких памятниках, как стоянки Русский Азибей, Сауз I и II, Непряха и другие (Габяшев, 1978; Выборнов, Овчинникова, 1981; Выборнов и др., 1984; Денисов, 1981). Данные находки здесь рассматриваются как результат контактов местного позднеолитического населения с южными культурами (Васильев, Габяшев, 1982, с. 6).

Могильники развитого этапа самарской культуры относятся к типу грунтовых.

Один из них, *Ивановский,* располагался на дюне в непосредственной близости от Ивановского и Турганикского поселений и, без сомнения, был оставлен жителями этих стоянок (Моргунова, 1979; 2011). К сожалению, погребения были разрушены ветровой эрозией, весь вещевой комплекс собран местными жителями. Ряд таких находок, как бусы и пластинки из речных раковин, каменный браслет из серпентинита, находят прямые аналогии в материалах I и II Хвалынских могильников, а также в среднестоговских памятниках (Васильев, 1981). Браслеты из мергеля идентичны находкам в Нальчикском могильнике на Северном Кавказе (Круглов и др., 1941). Ряд предметов близок данным из памятников лесной зоны Приуралья и Зауралья. Так, аналогии наконечникам стрел, изготовленным на тонких пластинах и обрамленным пильчатой ретушью, находятся в лесостепных районах Западной Сибири (Чебаркуль II, Долгий Ельник и др.), где встречаются наряду с наконечниками стрел кельтеминарского типа (Матюшин, 1975, с. 144; Крижевская, 1968, с. 66). Сланцевые подвески плоской каплевидной формы распространены на памятниках северной части лесостепи в Среднем Поволжье и в Приуралье, в том числе они обнаружены на территории Башкортостана в погребениях на стоянке Караякупово и в Старо-Нагаевском могильнике (Морозов, 1984, с. 45–56). Подтверждением данной линии связей самарской культуры являются материалы Мурзихинского II могильника, открытого в Татарстане (Чижевский, 2008, с. 367–371).

В 2009 г. вблизи от Ивановского и Турганикского поселений был обнаружен большей частью разрушенный рекой грунтовый могильник – *Красноярский* (Богданов, Хохлов, 2012). Два погребения могильника удалось исследовать.

Погребение № 1 было совершено в узкой яме, ориентированной широтно, от уровня погребенной почвы достигавшей глубины 1,05 м. Останки покоились на спине вытянуто, головой к востоку. Весь костяк интенсивно окрашен красной охрой. В погребении находились обломки четырех нуклеусов и сердцевина кремневого желвака, бусины и украшения, изготовленные из створок раковин, мелкие каменные бусы, три осколка ножевидной пластины, несколько обломков пекторали из кабаньего клыка и обломки медного, сильно окислившегося кольца в один оборот. В стороне, западнее погребения найден концевой скребок на широкой короткой пластине из кремня и очень мелкий обломок керамики с примесью раковины, орнаментированный короткими наклонными оттисками зубчатого штампа.

Погребение № 2 располагалось в 4,6 м восточнее погребения № 1. In situ сохранились кости торса, рук и стоп. Трубчатые кости бедер и голеней, а также крылья таза смыты во время половодья. Инвентарь в погребении не обнаружен.

Важность открытия могильника Красноярский достаточно велика. Если в степной части Поволжья в хвалынской культуре положение скелетов скорченно на спине или на правом боку известно уже давно, то в границах распространения самарской культуры на II этапе погребальный обряд ее носителей зафиксирован впервые. И в этом плане необходимо еще раз отметить, что поза скелета на спине в вытянутом положении головой на восток напрямую связывает данный комплекс со съезжинской традицией.

О том же свидетельствуют и антропологические данные. Черепа в погребении 1 (женский) и 2 (мужской) имеют как сходные черты по ряду основных признаков, так и различия. С учетом археологических параллелей авторы допускают, что два обнаруженных индивида если и принадлежали к одной популяции, то являлись выражением смешанного генофонда, часть которого относится к древнему волго-уральскому лесостепному населению, а другая связана с иммигрантной группой. Судя по тому, что параллели антропологическим признакам проводятся с материалами мариупольской общности, под иммигрантной группой понимается импульс с юго-запада (Богданов, Хохлов, 2012, с. 212).

Все параллели, как погребальному обряду, так и вещевому комплексу, находятся среди энеолитических могильников степной зоны, в основном хвалынско-среднестоговского горизонта и бережновского типа. Особенно показательна находка пекторали из клыка кабана.

Таким образом, по материалам ивановско-токского этапа самарской культуры, так же как и в съезжинский период, устанавливается культурная многокомпонентность населения в южных районах лесостепи Поволжья и Приуралья. Очевидно, что основной из них представляется местная линия развития, идущая от II группы керамического комплекса Съезжинского могильника. На II этапе самарской культуры эта группа трансформируется в материалы токского типа и оказывает суще-

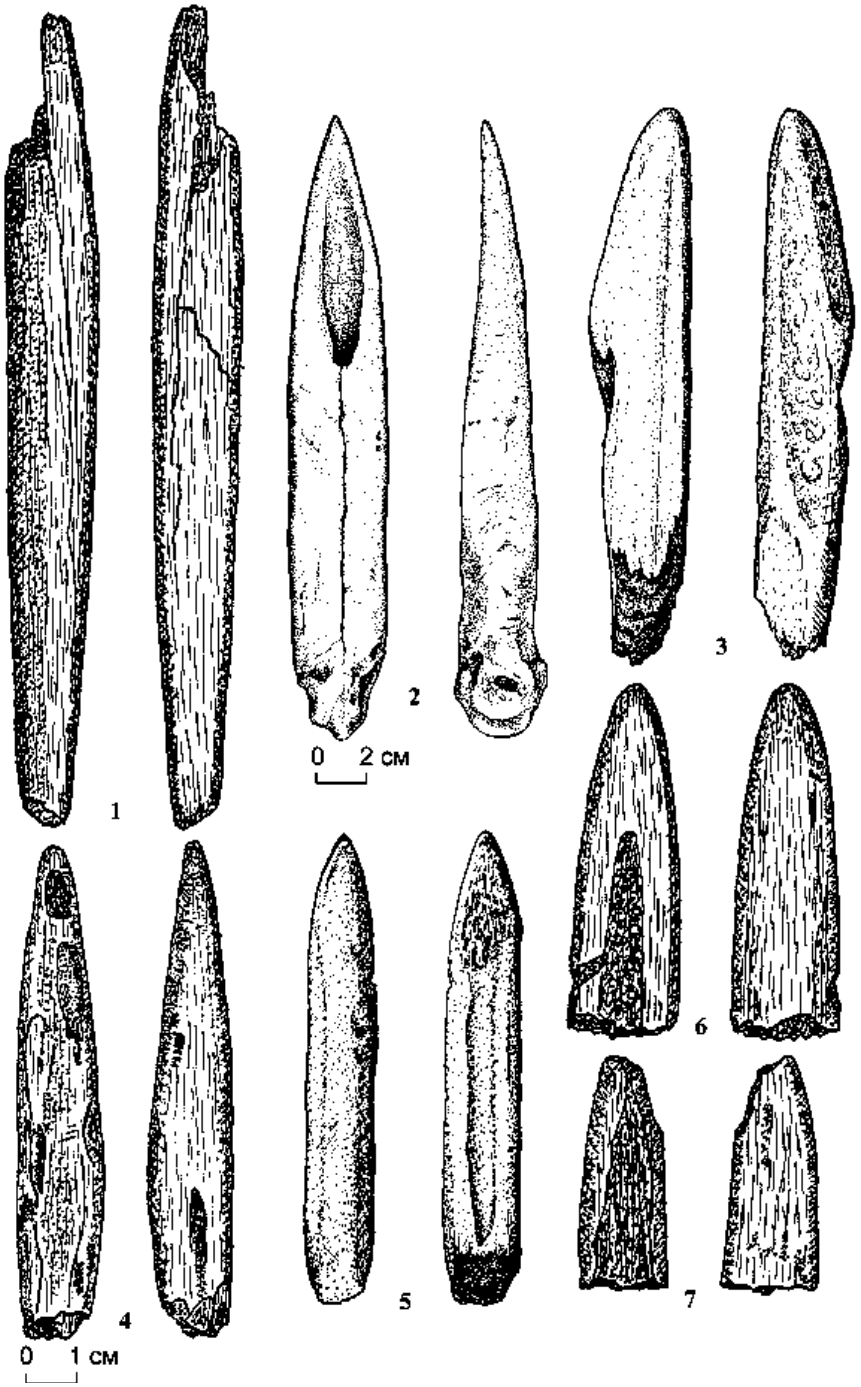


Рис. 12. Орудия из кости и рога. Турганикское поселение (по: Моргунова и др., 2017)

ственное влияние на традиции производства воротничковой керамики. Продолжение традиции съезжинской воротничковой керамики I группы находится в керамике ивановского типа. Дополнительный импульс развитию самарской культуры был придан проникновением групп хвалынской культуры на территорию Самарского Поволжья и, видимо, достаточно тесным взаимодействием с южными степными культурами. В то же время факты находок воротничковой керамики в северных районах лесостепи и леса говорят о сохранении и другого, традиционного направления связей самарского населения – с культурами лесной зоны Волго-Камья.

Другими словами, самарская культура сформировалась и развивалась в процессе динамичных связей, в основном направленных меридионально – в южном и северном направлениях. Несмотря на достаточно очевидное взаимодействие степного и лесостепного населения Волго-Уральского междуречья в период развитого энеолита, тем не менее, как и в предшествующие периоды неолита – раннего энеолита, сохраняется определенная граница между ними, что от-

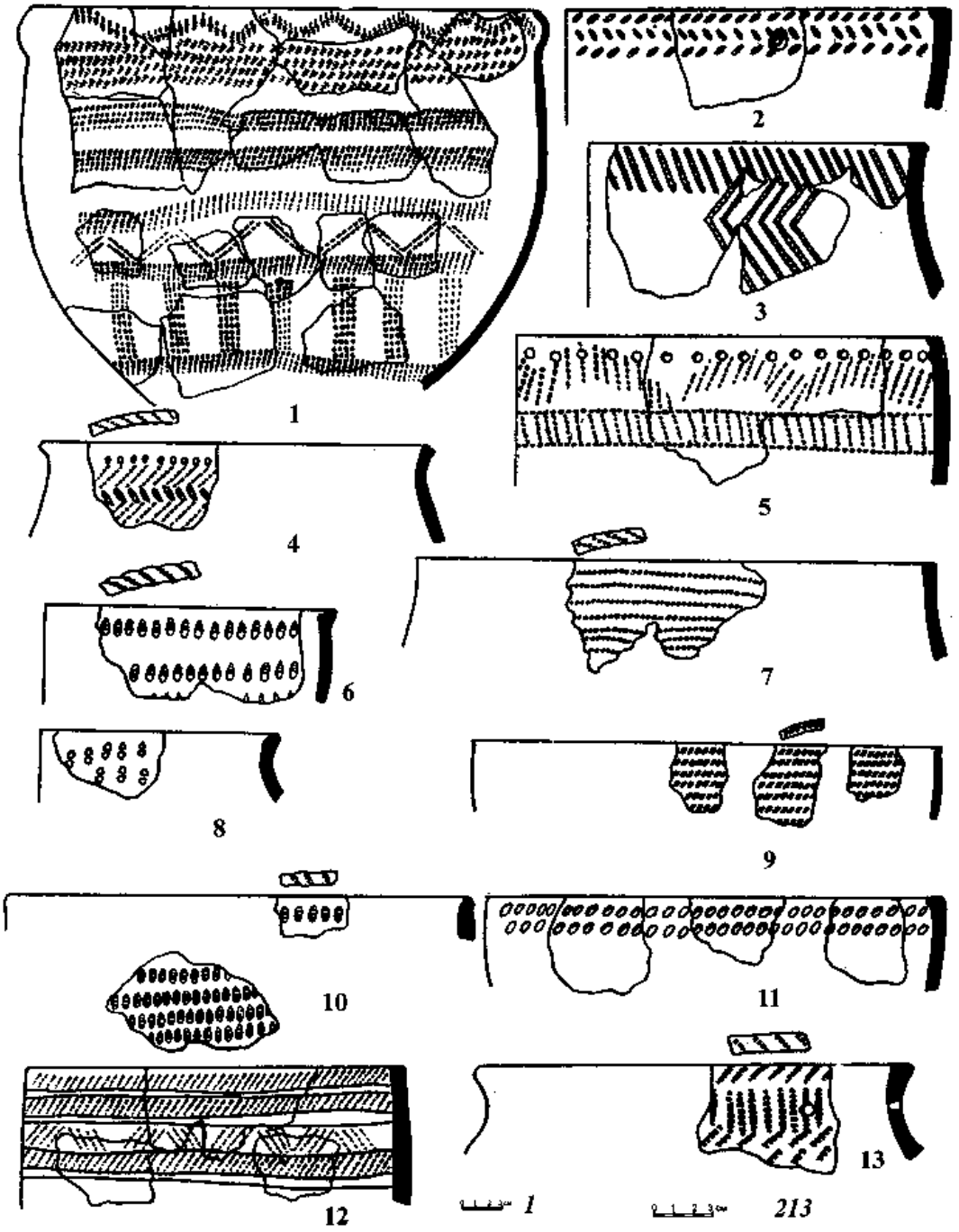


Рис. 13. Керамика позднего этапа самарской культуры (токского типа)
Поселение Больше-Раковское II (по: Барынкин, Козин, 1991)

ражается как в гончарских традициях, так и в камнеобработке.

Поздний этап самарской культуры. Данный период истории степного и лесостепного Поволжья, как и все завершающие ту или иную эпоху этапы, отличается нестабильностью, что нашло отражение в культурном своеобразии и мозаичности известных на сегодняшний день памятников. К сожалению, исследованных памятников очень мало, а связь их с поздним энеолитом чаще всего вызывает дискуссию.

К позднему энеолиту И.Б. Васильев относил древнейшие подкурганные погребения типа Березовки I, к. 5, п. 22, а также памятники репинской культуры и ряд стоянок в Северном Прикаспии (Васильев, 1981, с. 43–57). Кроме того, он считал, что в период позднего энеолита наряду с утверждавшимся господством древнеямных традиций, формировавшихся на основе хвалынской культуры, на территории Волжско-Уральского междуречья продолжали существовать группы населения, связанные с лесостепными культурными

образованиями предшествующего времени. К ним он относил материалы алексеевского и турганикского типа, а также памятники с волосовской керамикой (рис. 13).

За прошедший период изучения энеолита Поволжья источниковая база по позднему энеолиту пополнилась ненамного, и данный вопрос является одним из наиболее дискуссионных. Он напрямую связан с проблемой формирования ямной культуры в Волго-Уральском регионе в районах Нижнего Поволжья. В свете современных данных процесс формирования последней происходил на хвалынско-среднестоговской основе и представлен древнейшей группой подкурганных погребений бережновского типа, генетически связанных с подобными энеолитическими памятниками степной зоны Восточной Европы (Моргунова, 2011, с. 134–152). К позднему и пережиточному энеолиту на настоящем уровне исследования следует отнести памятники токского типа, генетически связанные с самарской культурой, алтатинского и алексеевского типов, а к пережиточному энеолиту – турганикские и частично материалы токского типа. В то же время из разряда энеолитических в Волжско-Уральском междуречье исключены памятники репинского типа: они отнесены к раннему этапу ямной культуры РБВ. Исходя из радиоуглеродных данных и типолого-технологического исследования керамики, в репинское время ямные племена полностью осваивают бывшую территорию самарской культуры в Самарском Поволжье, постепенно ассимилируя население последней или вытесняя его на северные территории.

Дискуссионность по поводу культурного и хронологического соотношения всех обозначенных видов памятников позднего и пережиточного энеолита во многом вызвана как их малочисленностью и отсутствием стратиграфических данных, так и отсутствием вплоть до последнего времени радиоуглеродных дат.

Таким образом, характеристика позднего этапа самарской культуры существенно затруднена ввиду практически полного отсутствия эталонных памятников с чистыми культурными слоями. На Ивановском и Турганикском поселениях вычленить среди керамики токского типа раннюю и позднюю с полной уверенностью не представилось возможным. Это, видимо, предстоит сделать в будущих исследованиях. Пока можно лишь предположить, что эволюция признаков данного типа шла по пути перехода от закрытых к профилированным формам; в орнаментации длиннозубые гребенчатые штампы постепенно заменялись на ячеистые, широкозубые и веревочные; орнаментальные композиции становились более разреженными.

Керамика, аналогичная токскому типу, выявлена на поселении Чекалино IV, где она находилась наряду с воротничковой керамикой (Королев, 2008; 2011). Связь между воротничковой и токской керамикой на поселении авторами не констатируется (Королев, Шалапинин, 2009). Однако ближайшие аналогии проведены с материалами поселений Чесноковка II, Больше-Раковское II на Соке (рис. 13), с материалами Виловатовского, Ивановского и других в бассейне р. Самара, на которых токская керамика встречается наряду с керамикой ивановского типа.

Сравнение с волосовской керамикой показало больше отличий, чем сходства. На основании этого А.И. Королевым сделан вывод, что относить чекалинские материалы к волосовской культуре не представляется возможным (Королев, 2011, с. 227). Автором поддержано мнение, которое неоднократно высказывалось исследователями, о южном (лесостепном) импульсе в формировании волосовской культуры (Васильев, 1981, с. 57; Васильев, Габяшев, 1982; Моргунова, 1995, с. 79–80). Если раньше данное мнение высказывалось в предположительной форме, то ныне оно подтверждается радиоуглеродными данными из Турганикского поселения и стоянки Чекалино IV, – с одной стороны, имеющими приоритет перед волосовскими древностями, а с другой – ликвидировавшими временной пробел между ними. Непосредственно волосовской культуре предшествуют материалы токского типа позднего этапа самарской культуры, раннему этапу волосово соответствуют в лесостепи материалы пережиточного энеолита, а также памятники раннего (репинского) этапа ямной культуры.

Периодизация и хронология самарской культуры.

По проблеме периодизации энеолита Волго-Уральского региона имеются разные точки зрения. Ряд исследователей высказывают мнение о хронологической синхронности памятников съезжинского, ивановского и хвалынского типов (Барынкин, 1992; Ставицкий, 2006). Автор данной главы, как и раньше, но с небольшими поправками, придерживается точки зрения, обоснованной в трудах И.Б. Васильева и А.Т. Синюка, выделивших три этапа в степном энеолите Восточной Европы.

1. Ранний этап соответствует культурам мариупольской КИО. В Поволжье – это прикаспийская культура и съезжинский этап самарской культуры.

2. Средний или развитой энеолит, представленный хвалынской и II этапом самарской культур, соответствует раннему и среднему этапам среднестоговской культуры, Нальчикскому могильнику в Предкавказье. Культуры этого и

следующего этапа рассматриваются в рамках хвалынско-среднестоговской культурно-исторической общности.

3. Поздний энеолит синхронен позднему этапу среднестоговской культуры. К нему отнесены подкурганные погребения бережновского типа, поздние хвалынские памятники, памятники алтатинского и токского типа.

Кроме того, известны памятники позднеалтатинского, позднетокского, алексеевского и турганикского типов, которые сохраняли свою самобытность в период, синхронный раннему (репинскому) этапу ямной КИО. Данный период для самарской культуры следует определять как пережиточный, поскольку он связан с небольшими группами населения, имевшими корни в лесостепных энеолитических культурах и сохранившими свои традиции среди основного массива ранних ямных (репинских) общин (Моргунова, 2011, с. 134 и сл.).

Хронология самарской культуры на настоящем этапе исследований устанавливается достаточно надежно благодаря синхронизации с линией развития западных культур степной зоны Северного – Северо-Западного Причерноморья. Кроме того, для целого ряда памятников, особенно развитого периода, получена значительная серия радиоуглеродных дат.

Съезжинский этап. Для съезжинского этапа по керамике получена серия ^{14}C дат (могильник Съезжее, поселения Лебяжинка III и V) (Моргунова, Выборнов и др., 2010, с. 19–21; Моргунова, 2011, с. 54–61). Допустимый калиброванный интервал получился достаточно широким, при отказе от единичных самых древних и молодых дат, в пределах 5300–4800 лет ВС. Поэтому в дальнейшем необходимо провести дополнительный ^{14}C анализ как керамики, так и по возможности костяных предметов. Однако в свете аналогий материалам Съезжинского могильника в Мариупольском могильнике, в свою очередь синхронном памятникам Триполья А, данный интервал представляется вполне вероятным. Так, для ряда вытянутых погребений Мариупольского могильника, Ясиноватовского, Никольского и Дериевского могильников, а также памятников, относящихся к Триполью А, по разным материалам установлен интервал пределах 5400–4700 cal лет ВС (Котова, 2006, с. 150; Тимофеев и др., 2004, с. 116; Телегин и др., 2001, с. 126; Черных, Авилова, Орловская, 2000, с. 57–58). Аналогичный ^{14}C возраст получен для слоев с воротничковой керамикой, украшенной меандровыми композициями, нижнедонской энеолитической культуры поселения Ракушечный Яр (Тимофеев и др., 2004, с. 76; Белановская, 2000, с. 7–8).

Развитой (ивановско-токский) этап. По радиоуглеродным данным II этап самарской культуры датируется в пределах допустимого калиброванного интервала от 5080 до 4540 лет ВС (Моргунова, Выборнов и др., 2010, с. 22–23; Моргунова, 2011, с. 130–132). По керамике токского типа наряду с датами, синхронными датам по керамике ивановского типа, некоторые образцы давали более поздний интервал (там же).

Проверка ^{14}C датировок по керамике была осуществлена в результате новых исследований Турганикского поселения, где получены ^{14}C даты по костям животных (Моргунова и др., 2017, с. 225–232). В лаборатории РГПУ им. Герцена (г. Санкт-Петербург) и в Киевской лаборатории получено 17 дат по образцам, взятым из энеолитического слоя. Выделено 2 группы дат. Они сложились вокруг ранее известных дат, полученных по керамике.

I группа представлена 4 датами, полученными по керамике ивановского (2 обр.) и токского (2 обр.) типов; плюс из 7 дат, полученных по костям животных. Их значения возрастают от 5615±80 ВР до 6065±110 ВР. Суммирование вероятностей калиброванных значений проводилось в одну сигму с отказом от самой ранней и от самой поздней даты для получения более узкого интервала. В итоге для данной группы сформировался интервал в пределах 4898–4440 cal лет ВС. Полученный интервал соответствует хронологии Хвалынских могильников, где содержится керамика, аналогичная сосудам из слоя Турганикского поселения (Шишлина, 2007, с. 380; Черных, Орловская, 2010, с. 123), а также для материалов хвалынского типа на поселениях Самарского Поволжья (Королев, Шалапинин, 2014, с. 270). Подобный хроноинтервал установлен для некоторых памятников среднестоговской культуры (Котова, 2006, с. 80). Важно отметить, что в слое Турганикского поселения найден обломок браслета из мергеля, идентичный находкам в Ивановском могильнике и Нальчикском могильнике. Одно из погребений последнего имеет ^{14}C дату, полученную на АМС, 5910±45 ВР (GrA 24442) (Шишлина, 2007, с. 380; Кореневский, 2012, с. 63).

Таким образом, первое поселение в устье р. Турганик было основано в первой половине V тыс. до н. э. населением, оставившим керамические материалы ивановского и хвалынского типов. К этому же времени относится и наиболее архаичная часть керамики токского типа.

Во II хронологическую группу включено шесть ^{14}C дат, расположившихся в интервале 4237–3790 cal лет ВС. В эту группу входят 2 даты, полученные по керамике токского типа. Выше было отмечено, что посуда данного типа на Турганикском поселении типологически и морфологически не-

однородна и что результаты палеопочвенных исследований дают основания для выделения двух периодов существования Турганикского поселения в энеолите. Со II энеолитическим периодом на Турганикском поселении также связано появление керамики суртандинского и новоильинского типов. Об этом свидетельствуют имеющиеся на сегодняшний день радиоуглеродные данные по культурам с геометрической орнаментацией в Зауралье (Мосин и др., 2014, с. 39, табл. 3), а также последние данные датирования материалов новоильинского типа эпохи энеолита Прикамья (Лычагина, 2013, с. 153–156; Выборнов и др., 2014, с. 245–246).

Также значительный интерес представляет серия ^{14}C дат, полученных по керамике в киевской лаборатории со стоянки Чекалино IV. Три из них могут быть связаны со съезжинским и ивановским этапами самарской культуры, а четыре образца керамики токского (чекалинского) типа дали сходный со II группой Турганика калиброванный интервал в пределах 4300–3500 лет ВС (Королев, Шалапинин, 2014, с. 269, 271).

Таким образом, хронология самарской культуры устанавливается с конца VI до конца V тыс. до н. э. Пережиточные группы, своими корнями связанные с самарской культурной традицией, продолжали существовать в лесостепном Поволжье и в первой половине IV тыс. до н. э., когда по всему Волжско-Уральскому междуречью от Нижней Волги и до Самарского Поволжья устанавливается господство ямной культуры. В генезисе ямного культурного образования, по эпохальному статусу относившегося к раннему бронзовому веку, главную роль сыграли хвалынские и среднестоговские степные группы населения. Вероятно, проникая в лесостепь, они еще на развитом этапе постепенно ассимилировали часть населения самарской культуры. Другая же часть оттеснялась на более северные территории.

ГЛАВА 3
ПАМЯТНИКИ ЛЕБЯЖИНСКОГО ТИПА

Поселения Гундоровское и Лебяжинское III, изученные в 80-х и 90-х гг. прошлого века, остаются опорными памятниками изучения лесостепного энеолита (рис. 1). Поселение Лебяжинка III было открыто в 1988 г. и исследовалось Н.В. Овчинниковой (Овчинникова, 1989; 1995). Предварительно материалы поселения были отнесены к волосовским древностям (Овчинникова, 1991, с. 189; 1995, с. 164). Затем памятник был отнесен к самарской культуре (Овчинникова, 1995, с. 191). В дальнейшем И.Б. Васильев и Н.В. Овчинникова использовали материалы поселения для характеристики самарской культуры раннего энеолита (Васильев, Овчинникова, 2000, с. 221–222). Н.Л. Моргунова также рассматривала материалы поселения в рамках самарской культуры (Моргунова, 2011, с. 27, 28). В.В. Ставицкий отметил связь материалов поселения с алтатинской культурой (Ставицкий, 2003, с. 77) и предположил формирование лебяжинского комплекса под влиянием среднестоговской культуры (Ставицкий, Хреков, 2003, с. 145, 153). А.И. Королевым были отмечены различия керамики и каменного инвентаря этого поселения и материалов самарской культуры и предложено рассматривать его в качестве особого типа – лебяжинского (Королев, 2012, с. 41, 42). С проблемой культурно-хронологического положения материалов поселения Лебяжинка III тесно связана проблема определения культурного статуса «волосовского» комплекса Гундоровского поселения. Этот памятник был отнесен исследователями к волосовской культуре (Васильев, 1990, с. 63; с. 92; 2000, с. 326–336; 2001, с. 54, 55; Васильев, Овчинникова, 2000, с. 231). Вместе с тем для материалов жилища 5 Гундоровского поселения была предложена и другая интерпретация. Они были отделены от волосовского комплекса и отнесены к самарской культуре (Овчинникова, 1996, с. 11; Васильев, Овчинникова, 2000, с. 232). Появление волосовских материалов в лесостепи объяснялось близкой подосновой и взаимодействием лесостепного и лесного населения или продвижением на юг волосовского населения Средней Волги (Васильев, 1990, с. 64; Овчинникова, 1991, с. 92). Близкое мнение было высказано В.В. Сидоровым, предположившим продвижение носителей волосовской культуры в лесостепное Поволжье из Волго-Окского междуречья (Сидоров, 1998, с. 72). Отнесение гундоровского комплекса к волосовской культуре вызвало возражения с позиций специфических особенностей керамики, сочетающей признаки самарской и волосовской культур, а также более ранней хронологии (Королев, Шалапинин, 2008, с. 150). В дальнейшем А.А. Шалапинин по итогам анализа керамики волосовского типа Гундоровского поселения, отметив специфические черты, пришел к выводу о ее близости посуде волосовской культуры (Шалапинин, 2010, с. 139; 2011, с. 17). В плане поиска дальнейших судеб носителей гундоровского комплекса было высказано мнение о его влиянии на процесс формирования волосовской культуры Средней Волги (Королев, 2015, с. 128–133). В.В. Никитин указал на необходимость проведения специальных комплексных исследований по этой теме и исключил лесостепные материалы из числа истоков формирования волосовской культуры (Никитин, 2011, с. 216). Ранее Н.Л. Моргунова отметила близкие черты гундоровской керамики и посуды токского типа и высказалась в пользу синхронизации гундоровского «волосовского» комплекса и турганикского типа (Моргунова, 1995, с. 79). В случае подтверждения более ранней хронологии гундоровских материалов исследователь предположил возможность движения их носителей на север и влияние на «формирование некоторых признаков» волосовской культуры (Моргунова, 1995, с. 79). Необходимо отметить обращение А.Х. Халикова к лесостепным материалам как возможным истокам волосовской культуры в период, когда в лесостепной зоне еще не проводилось планомерное изучение энеолита (Халиков, 1960, с. 70, 71).

Для сопоставления комплексов поселений Гундоровское и Лебяжинка III с материалами волосовской культуры у специалистов имелись веские основания. Формы сосудов лесостепных памятников, обильная примесь раковины и пуха птиц в примеси, толстостенность, орнаментация крупными штампами, включая рамчатый, близки волосовской керамике. Кроме этого, сходство демонстрировали жилища, соединенные переходами (Гундоровское поселение), костяные изделия,

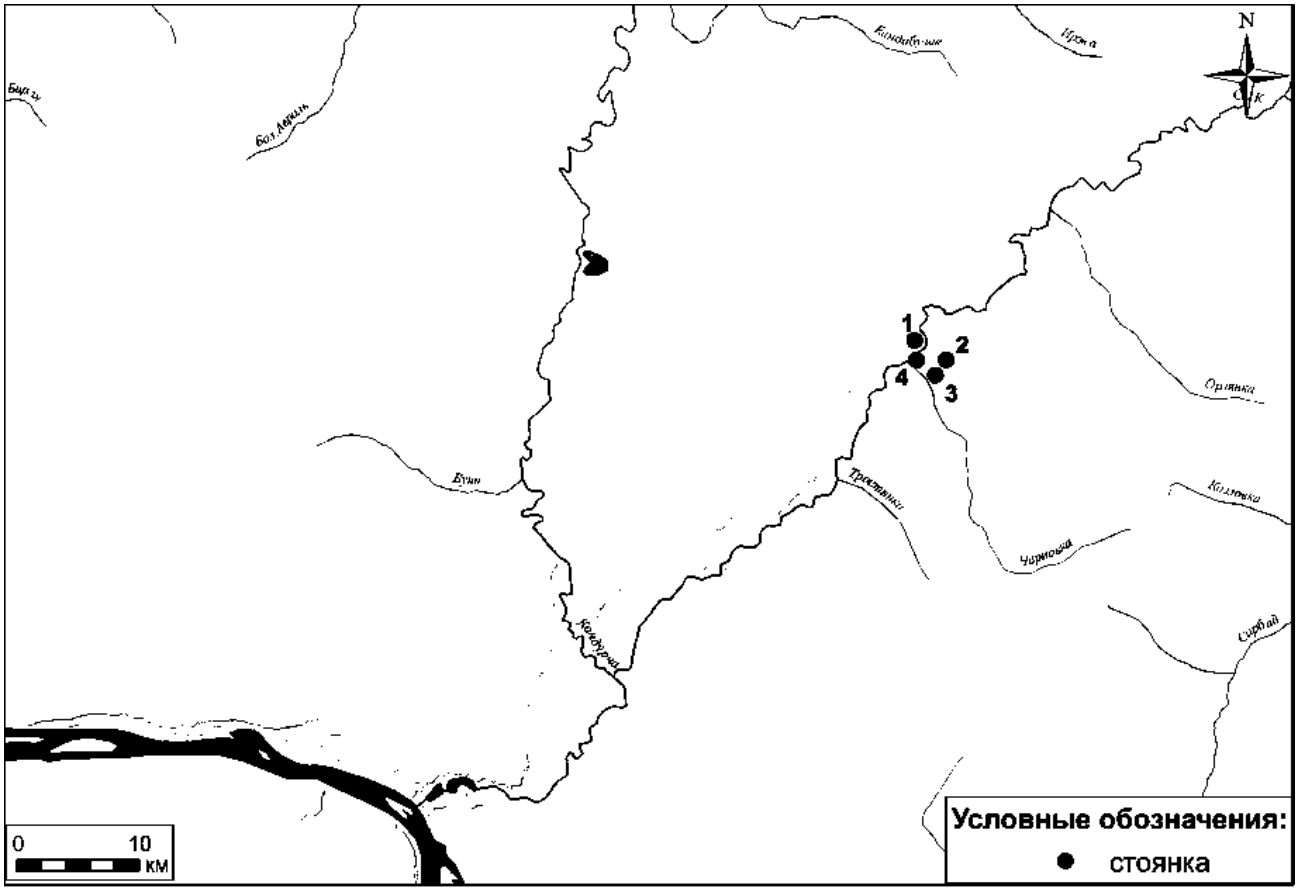


Рис. 1. Памятники лебяжинского типа
1 – Лебяжинка III; 2 – Лебяжинка VI; 3 – Лебяжинка IV

отщеповый каменный инвентарь, включающий кремневые фигурки. С другой стороны, широко распространенные воротничковые формы венчиков и орнаментация «шагающей гребенкой» сближали керамику с посудой самарской культуры. Сочетание таких признаков в одном комплексе было труднообъяснимо, поскольку был установлен хронологический разрыв между самарскими и волосовскими материалами лесного Среднего Поволжья. Это обстоятельство делало проблематичной возможность взаимодействия их носителей. И.Б. Васильев и Р.С. Габяшев допускали возможность «влияния южных культур типа хвалынской», т. е. в период развитого энеолита, на волосовское население (Васильев, Габяшев, 1982, с. 9). Это предположение было подвергнуто критике В.В. Ставицким, отметившим более раннюю хронологию хвалынского населения (Ставицкий, 2011, с. 229). Отмеченное исследователями сходство материалов поселений Лебяжинка III и Гундоровское (Овчинникова, 1999, с. 97, 98; Васильев, Овчинникова, 2000, с. 221, 222) дало основание для поисков происхождения «волосовского» гундоровского комплекса в среде носителей воротничковой керамики. Характеристики керамики, сочетающей признаки воротничкового и волосовского типа, свидетельствуют в пользу складывания гундоровского «волосовского» комплекса ранее формирования волосовских материалов Средней Волги. Это же обстоятельство препятствует признанию принадлежности гундоровского комплекса волосовской культуре. Абсолютные даты по керамике Гундоровского поселения укладываются во вторую половину IV тыс. до н. э., в то время как даты по керамике волосовских поселений лесного Среднего Поволжья – в конец IV – вторую треть III тыс. до н. э. и подкрепляют высказанные предположения о хронологическом приоритете лесостепных материалов (Моргунова, 1995, с. 79; Королев, Шалапинин, 2010, с. 256–259; Королев, Кулькова, Шалапинин, 2013, с. 150, 151; Кулькова, Шалапинин, 2018, с. 507–509; Никитин, 2017, с. 210; Никитин, 2019, с. 70). По результатам анализа гундоровских и лебяжинских материалов было предложено выделить лебяжинский тип с двумя этапами, ранним – лебяжинским и поздним – гундоровским (Королев, 2018, с. 38, 39).

Памятники лебяжинского типа расположены в среднем течении р. Сок, левом притоке Волги. Гундоровское поселение находится на правом, а поселения Лебяжинка III, IV, VI – на левом берегу р. Сок. Все памятники расположены в

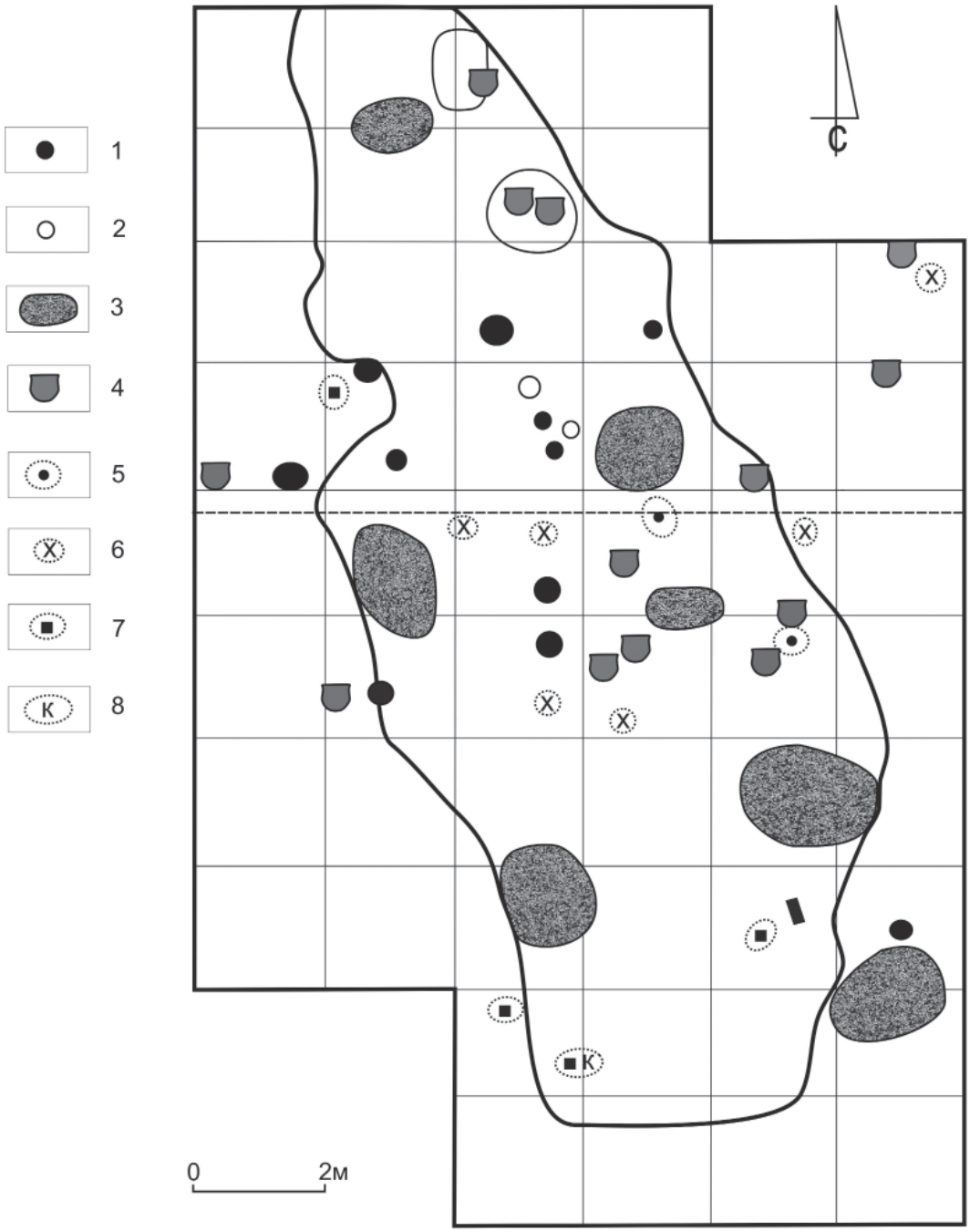


Рис. 2. Поселение Лебяжинка III. Жилище (по: Овчинникова, 1995)

Условные обозначения: 1) столбовая яма, 2) хозяйственная яма, 3) очаг, 4) развал сосуда, 5) скопление керамики, 6) охра, 7) скопление каменного инвентаря, 8) скопление костей животных

пойме, занимают невысокие повышения на берегу стариц.

Опорным памятником для изучения лебяжинского типа является однослойное поселение Лебяжинка III (Овчинникова, 1995, с. 164–191). Здесь был изучен жилищный котлован, получена большая коллекция керамики, каменный и костяной инвентарь, фаунистические материалы. Поселение Лебяжинка VI многослойное. Здесь выявлено пять групп энеолитической керамики, к лебяжинскому типу отнесена третья группа, включающая фрагменты примерно от 20 сосудов. В коллекции многослойной стоянки Лебяжинка IV присутствуют отдельные фрагменты лебяжинского типа.

Жилище поселения Лебяжинка III представляет собой котлован вытянутых пропорций с неровными стенками, глубиной 25 см, площадью около 110 кв. м (рис. 2). Крупные хозяйственные и очажные ямы располагались вдоль длинных стен котлована. Очагов четыре: три внутри котлована и один за его пределами. Столбовые ямы цепочкой располагались вдоль центральной оси постройки

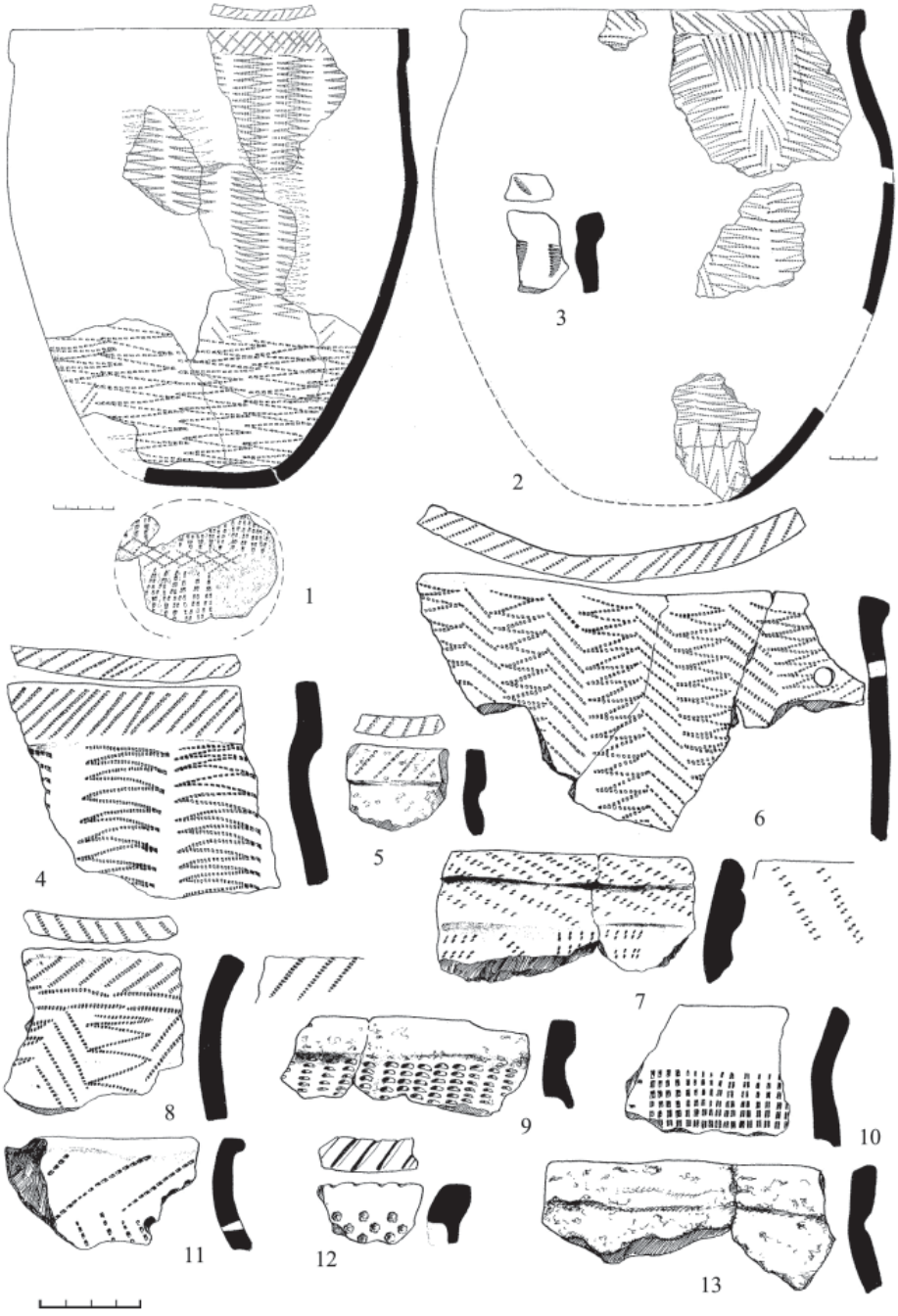


Рис. 3. Поселение Лебяжинка III. Керамика (по: Овчинникова, 1995)

и вдоль стен в основном в ее центральной части. Вдоль северо-восточной стены таких ям две, одна в пределах котлована, вторая снаружи, вдоль юго-западной – четыре. Такое расположение позволяет предположить каркасно-столбовую конструкцию с опорой кровли на продольную балку и на грунт за пределами котлована. Основная концентрация находок отмечена около очагов и в хозяйственных ямах.

Керамика поселения Лебяжинка III была подвергнута технико-технологическому анализу И.Н. Васильевой. Выяснилась довольно сложная картина подходов к ее изготовлению. В качестве исходного пластичного сырья использовались илы и илистые глины. Искусственные добавки включали органические растворы, дробленую раковину, пух птиц. Наиболее распространенные рецепты включали илистые глины с добавками дробленой раковины и пуха птиц и илистые глины с добавками органического раствора, дробленой раковины и пуха птиц. Малочисленную группу образовали фрагменты керамики, изготовленные из ила с искусственно введенным органическим раствором (Васильева и др., 2020). Керамика характеризуется оттенками цвета от серо-коричневого до оранжево-коричневого. Внешняя поверх-

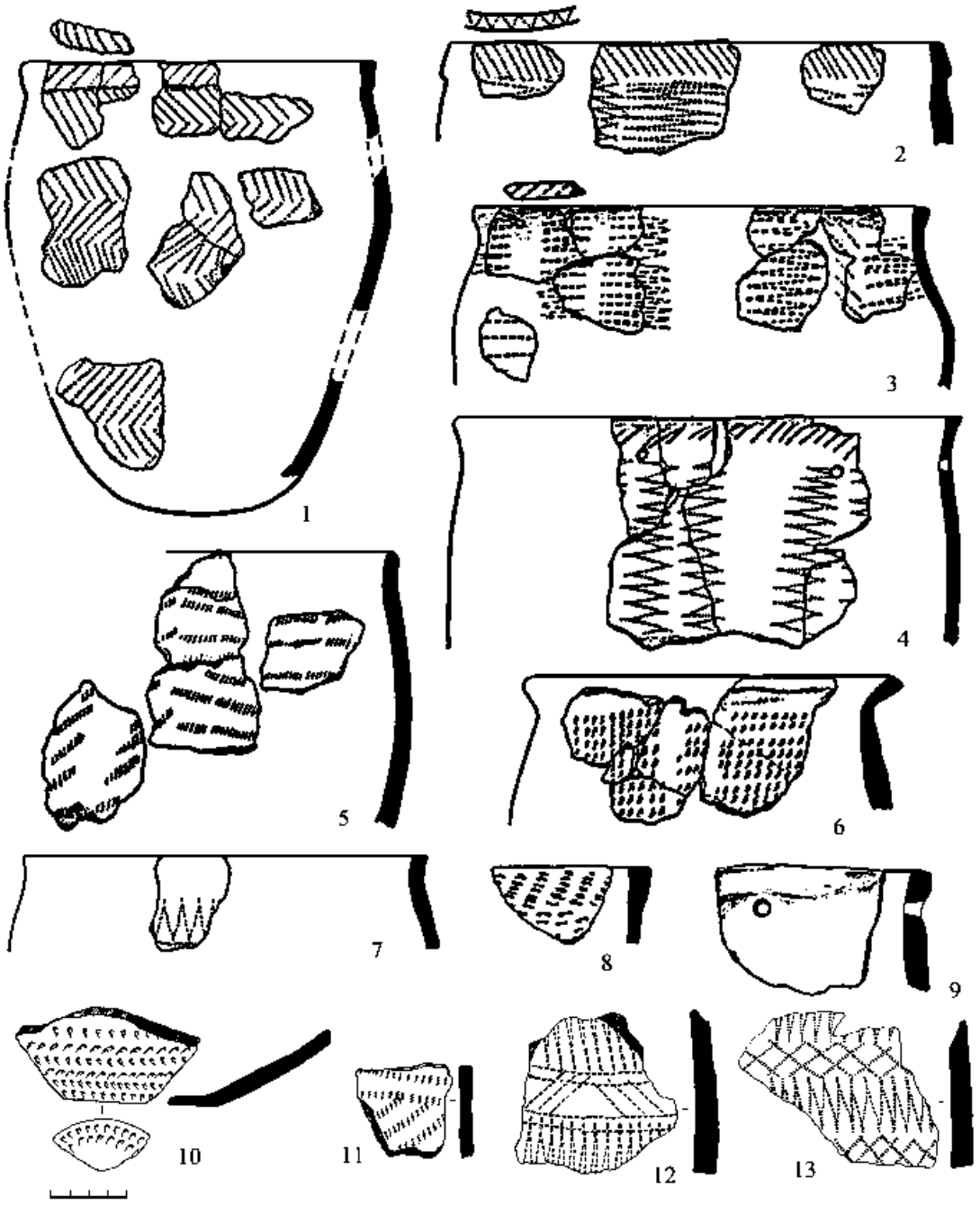


Рис. 4. Поселение Лебяжинка III. Керамика (по: Овчинникова, 1995)

ность хорошо заглажена, на внутренней иногда присутствуют следы зубчатого выравнивания. Пропорции сосудов с незначительным превышением высоты над максимальным диаметром, который приходится на верхнюю треть тулова. Преобладают сосуды средних и крупных размеров с толщиной стенок до 1,5 см и диаметром венчика от 17,5 до 34 см, есть сильно профилированные и прямостенные, но преобладают слабо профилированные. Венчики преимущественно отогнутые, есть прямые, устье сосудов обычно слегка прикрытое. Отмечено незначительное преобладание безворотничковых венчиков (55,3%) над воротничковыми (44,7%). Нередко венчики без воротничков имеют равномерно утолщенный край (рис. 3: 8), иногда с небольшим утолщением на внешнюю сторону (рис. 3: 6; 4: 3–4), есть венчики без утолщений (рис. 3: 10; 4: 5), с выступом-карнизом на внешнюю сторону (рис. 3: 11). У воротничковых сосудов преобладают неширокие воротнички с плоским срезом, обычно прямоугольные в сечении (рис. 3: 1, 2, 5,4, 13; 4: 1), изредка квадратные (рис. 3: 3, 9; 4: 9), еще реже – подовальные (рис. 3: 3, 7) и подтреугольные (рис. 4: 2). Иногда присутствует желобок на внутренней стороне (рис. 3: 4). Оригинален венчик с воротничком, раз-

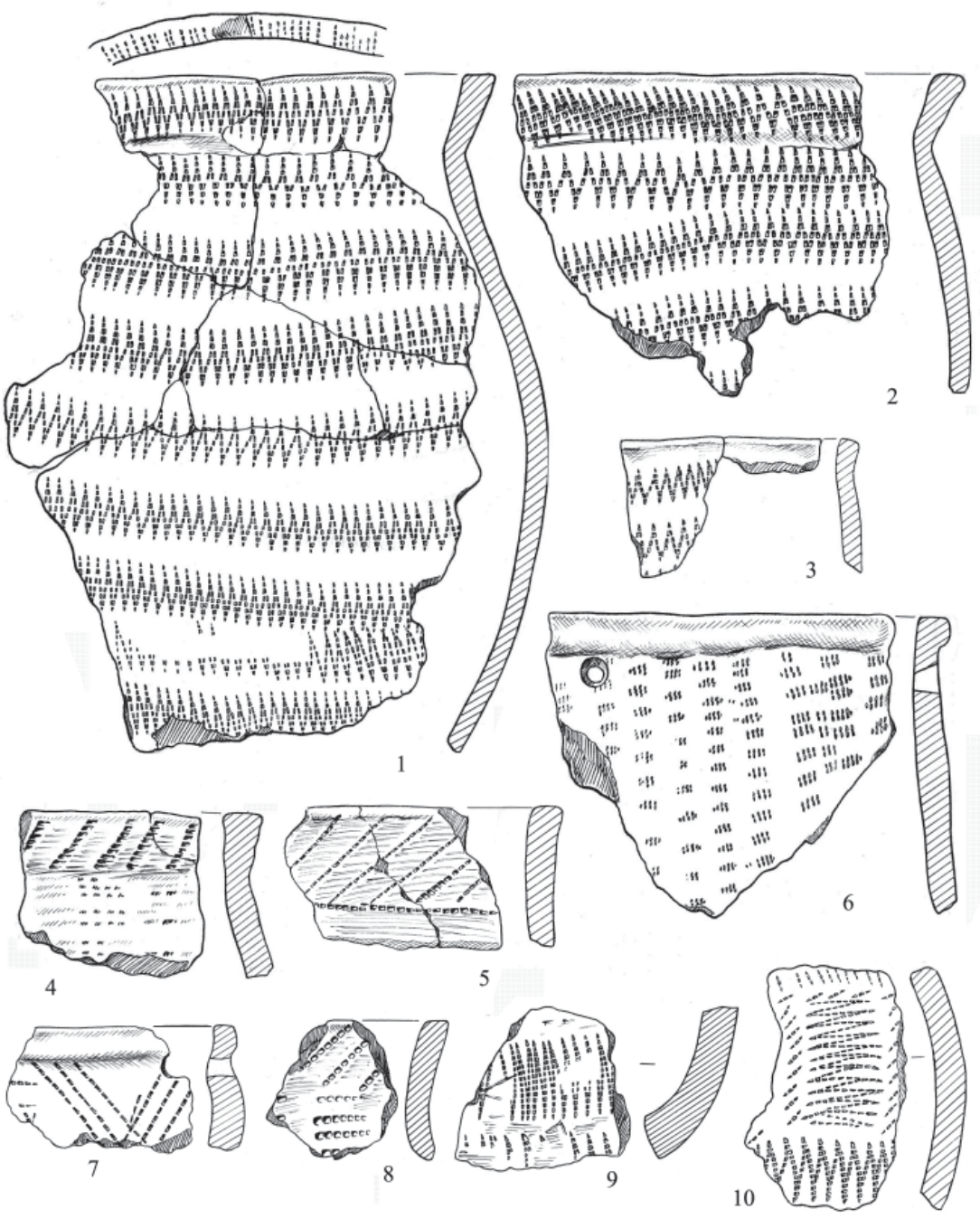


Рис. 5. Поселение Лебяжинка VI. Керамика

деленным горизонтальной прочерченной полосой (рис. 3: 7). Днища округлые и уплощенные, есть одно плоское (рис. 3: 1–2; 4: 10). Посуда в основном орнаментирована по всей внешней поверхности, часто орнаментировался срез венчика и реже его внутренняя сторона. Верхняя часть венчиков и воротничковых, и безворотничковых сосудов обычно выделена орнаментальным мотивом из диагональных отпечатков гребенки (рис. 3: 2, 4–5, 8; 4: 1–2, 4) или веревочки (рис. 3: 7; 4: 8), может быть неорнаментирована (рис. 3: 3, 9–10, 12). В орнаментации господствуют оттиски нешироких средних и длинных прямых гребенчатых штампов (рис. 3: 1–6, 8–11; 4: 1–4, 7, 12, 13). Отпечатки веревочки, накрученной на палочку, встречаются реже (рис. 3: 7, 9; 4: 5, 6, 8, 11). Отмечены ряды ямок под венчиком (рис. 3: 12), небольшие ямчатые вдавления, есть неорнаментированные сосуды (рис. 3: 13; 4: 9). Среди орнаментальных мотивов присутствуют расположенные горизонтально ряды и полосы оттисков штампа, горизонтальная «ёлочка», зигзаг, «сетка». Характерна орнаментация с использованием полос «шагающей гребенки» в вертикальной, горизонтальной и диагональной зональности, часто составленных в композиции из сочетаний разнонаправленных

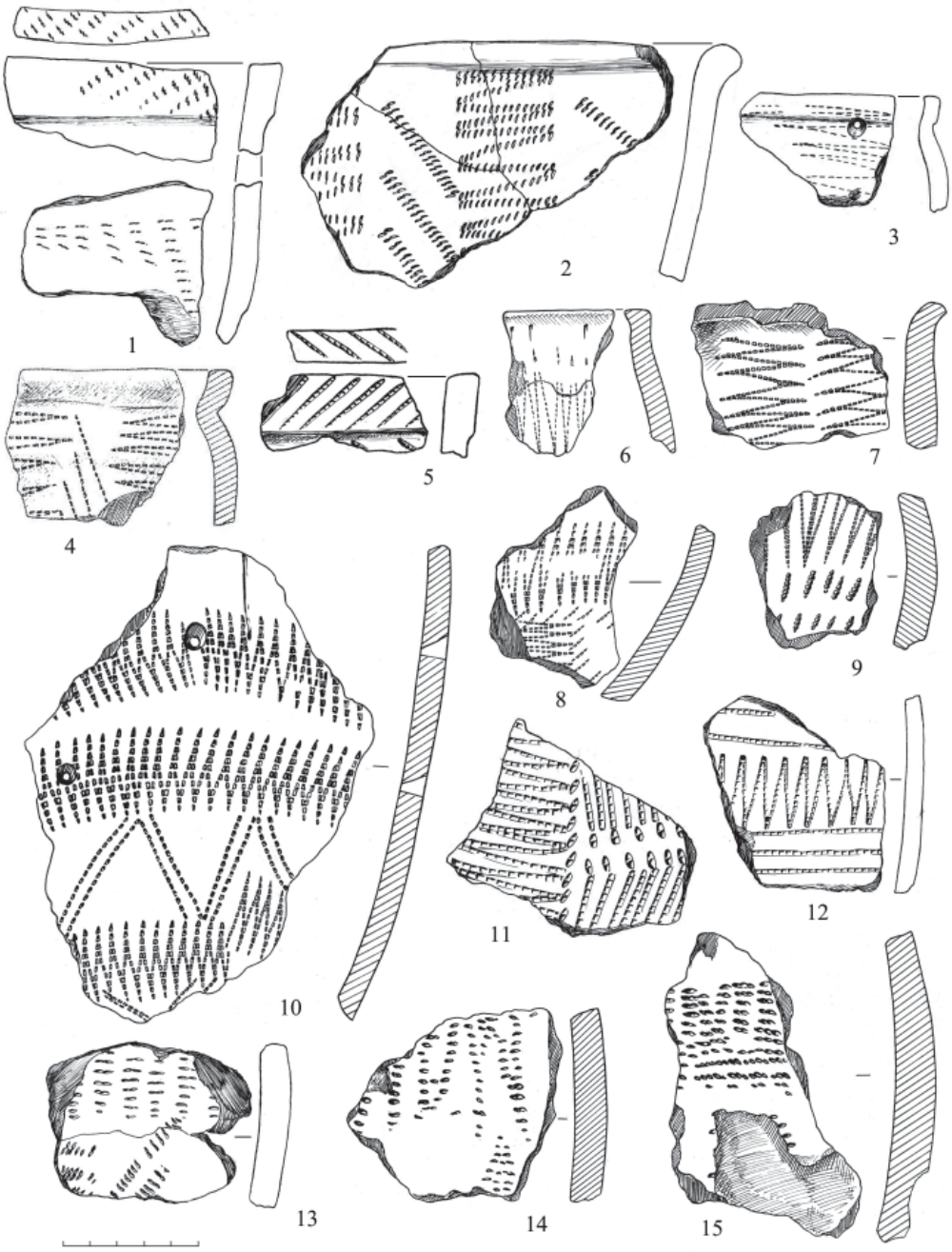


Рис. 6. Поселение Лебяжинка VI. Керамика

полос (рис. 3: 1, 2, 4, 6, 8, 10; 4: 3–4, 7, 12, 13). Распространено сочетание разреженных вертикальных полос «шагающей гребенки», промежутки между которыми заполнены вертикальными рядами из частых диагонально оттиснутых вдавлений гребенчатого штампа (рис. 3: 6, 8; 4: 3). Эти композиции являются своеобразным маркером керамики лебяжинского типа. В керамике поселения Лебяжинка III отсутствуют приостренные воротнички треугольного сечения, миниатюрные плоско-вогнутые днища, «жемчужный» поясок под венчиком, очерченные прочерченными линиями и заполненные оттисками гребенчатого штампа меандры и ленты. Единично представлены ямки под венчиком, прочерченные линии, многорядный зигзаг.

Керамика поселения Лебяжинка III близка посуде третьей группы поселения Лебяжинка VI (рис. 5–6). Здесь выделено 20 сосудов прямостенных и профилированных пропорций. Около половины венчиков имеет воротничковые утолщения (рис. 5: 4, 6, 7; 6: 1, 3–5). Преобладают воротнички с плоским внешним краем (рис. 5: 4; 6, 1, 3–5), но есть и с округлым (рис. 5: 6, 7). Есть венчики с внутренним желобком (рис. 5: 7; 6: 4). Венчики без воротничка часто немного утолщены (рис. 5:

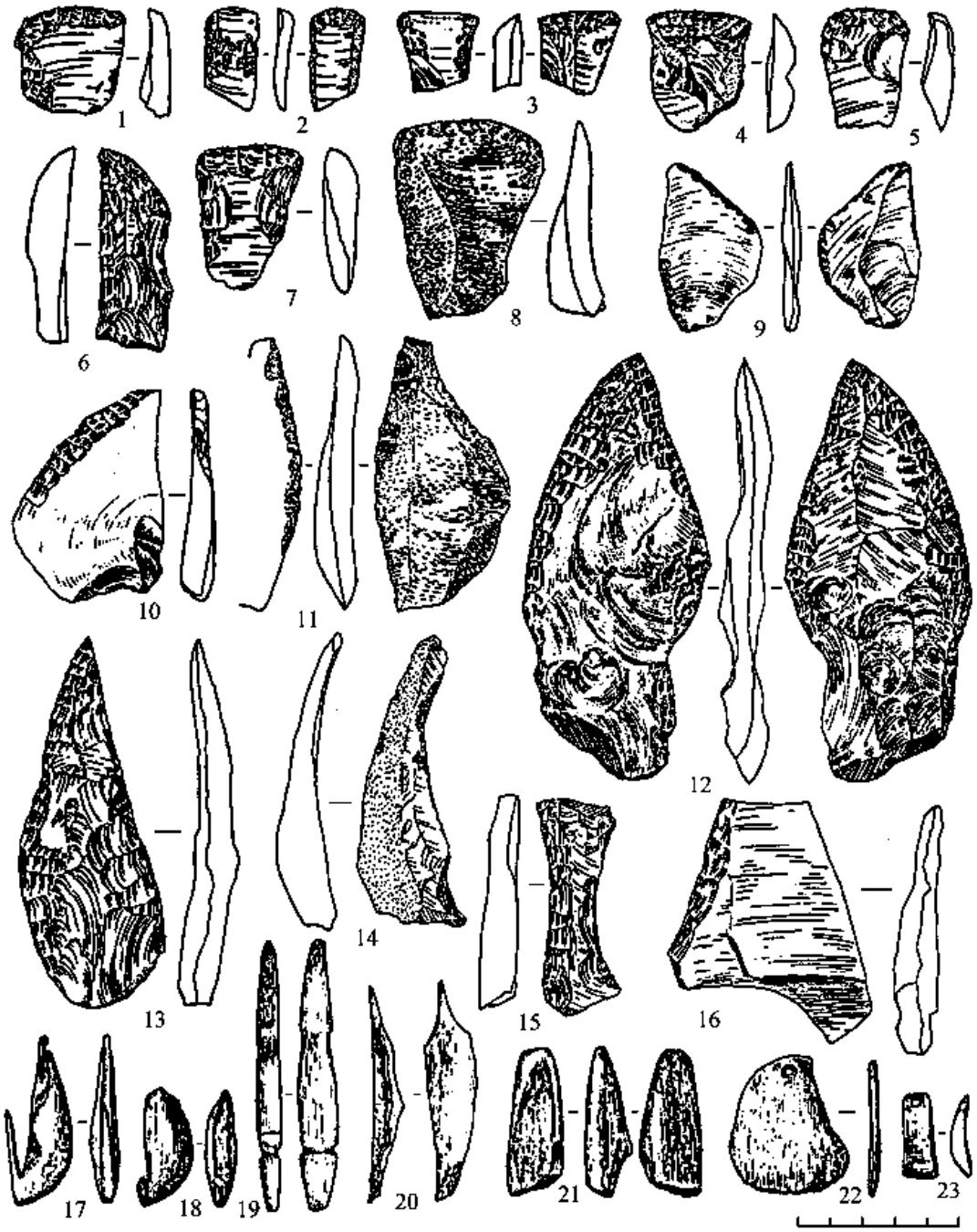


Рис. 7. Поселение Лебяжинка III
Изделия из камня (1–16) и кости (17–23). Кремень (1–10, 12–16), кварцит (11) (по: Овчинникова, 1995)

1–3, 5; 6: 2), но есть и без утолщений (рис. 5: 8; 6: 3). Орнамент нанесен гребенчатыми (рис. 5: 1–5, 7–10; 5: 3–12) и веревочными (рис. 5: 6; 6: 1, 2, 13–15) штампами. Мотивы орнамента: вертикальные и горизонтальные полосы «шагающей гребенки» (рис. 5: 1–3, 9–10; 6: 3–4, 6–12) и «шагающей веревочки» (рис. 4: 6; 5: 2, 13–15), горизонтальные полосы оттисков штампа (рис. 5: 5; 6: 12), ряды наклонных оттисков штампа, особенно на зоне воротничка (рис. 5: 4, 5, 8; 6: 1, 5, 9, 11), вертикальные ряды горизонтальных или наклонных оттисков штампа (рис. 5: 4, 8, 10; 6: 2, 4, 12, 13), горизонтальный зигзаг (рис. 5: 7; 6: 10, 12). Своеобразие керамике памятника придают сосуды, внешняя сторона которых плотно покрыта горизонтальными рядами «шагающей гребенки» (рис. 5: 1, 2). И.Н. Васильевой было проведено технико-технологическое исследование керамики этой группы поселения Лебяжинка VI. Установлено, что посуда была изготовлена из илистых глин, преимущественно жирных, по одной технологии: исходное пластичное сырье, органический раствор, дробленая раковина, птичий пух (Васильева и др., 2019, с. 36–27).

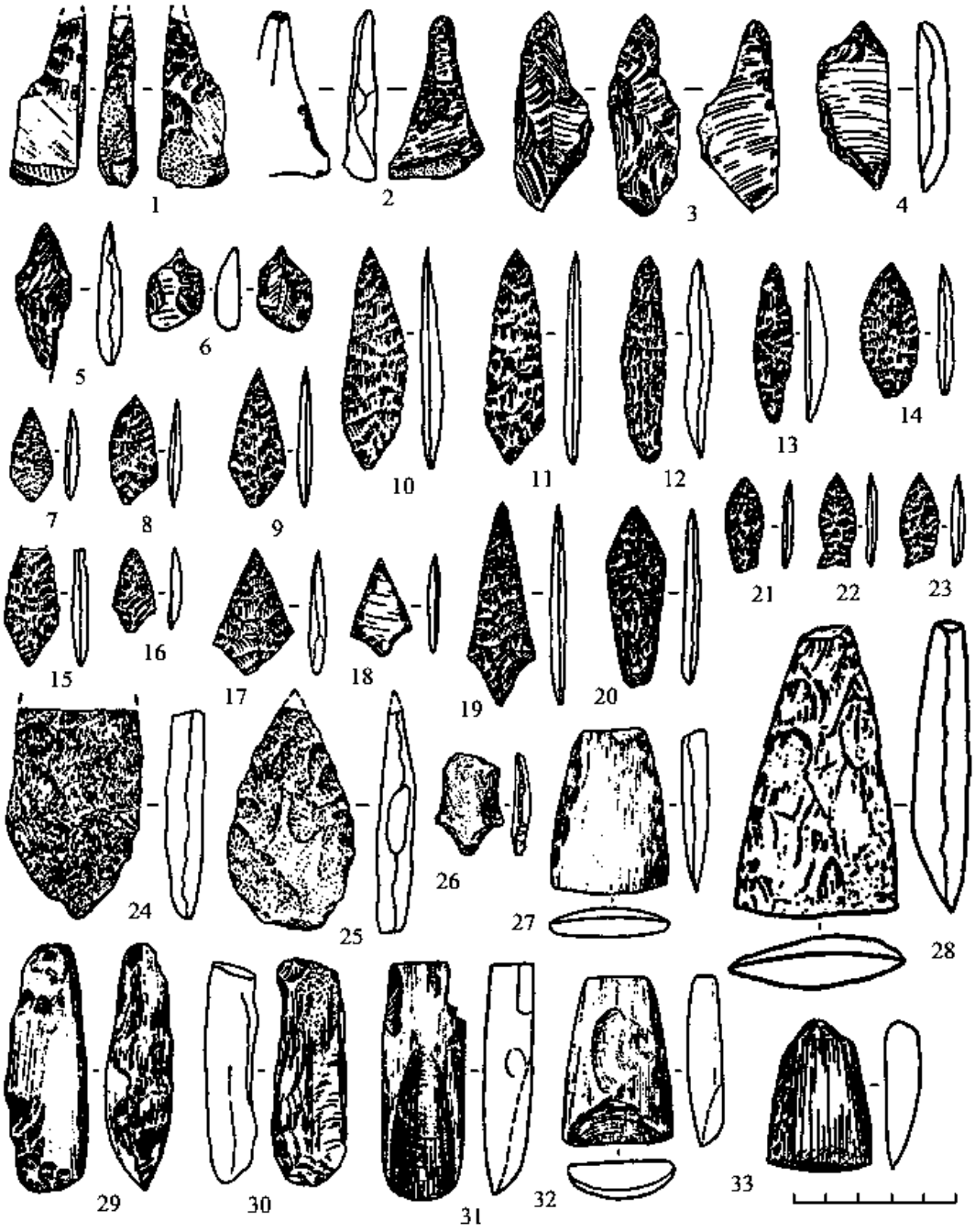


Рис. 8. Поселение Лебяжинка III
Изделия из камня. Кремень (1–23, 26–33), кварцит (24, 25) (по: Овчинникова, 1995)

Таким образом, основные технико-технологические и типологические признаки керамики поселений Лебяжинка III и VI позволяют рассматривать их в рамках одного типа.

Каменный инвентарь может быть охарактеризован по материалам поселения Лебяжинка III (Овчинникова, 1995, с. 176–179). Он включает 1239 единиц камня, из которых 180 орудий, заготовок и обломков. В качестве сырья использовался местный розовато-желтый, коричневый, молочно-белый, серый однотонный и серый полосчатый кремень и кварцит, из песчаника изготовлены абразивы. Среди отходов кремень составляет 61%, кварцит – 39%, но из кремня изготовлено 89% орудий, в то время как из кварцита – 11%. Основной заготовкой для изготовления орудий служили крупные отщепы удлиненных пропорций, заготовки пластинчатого типа единичны (рис. 7: 2). Скребки с округлым лезвием, как правило, изготовлены на отщепах случайной формы. Морфологически выраженные экземпляры часто имеют подтеску со спинки или с брюшка по боковым кромкам (рис. 7: 2, 3). Выделяются массивные скребки подквадратной и четырехугольной фор-

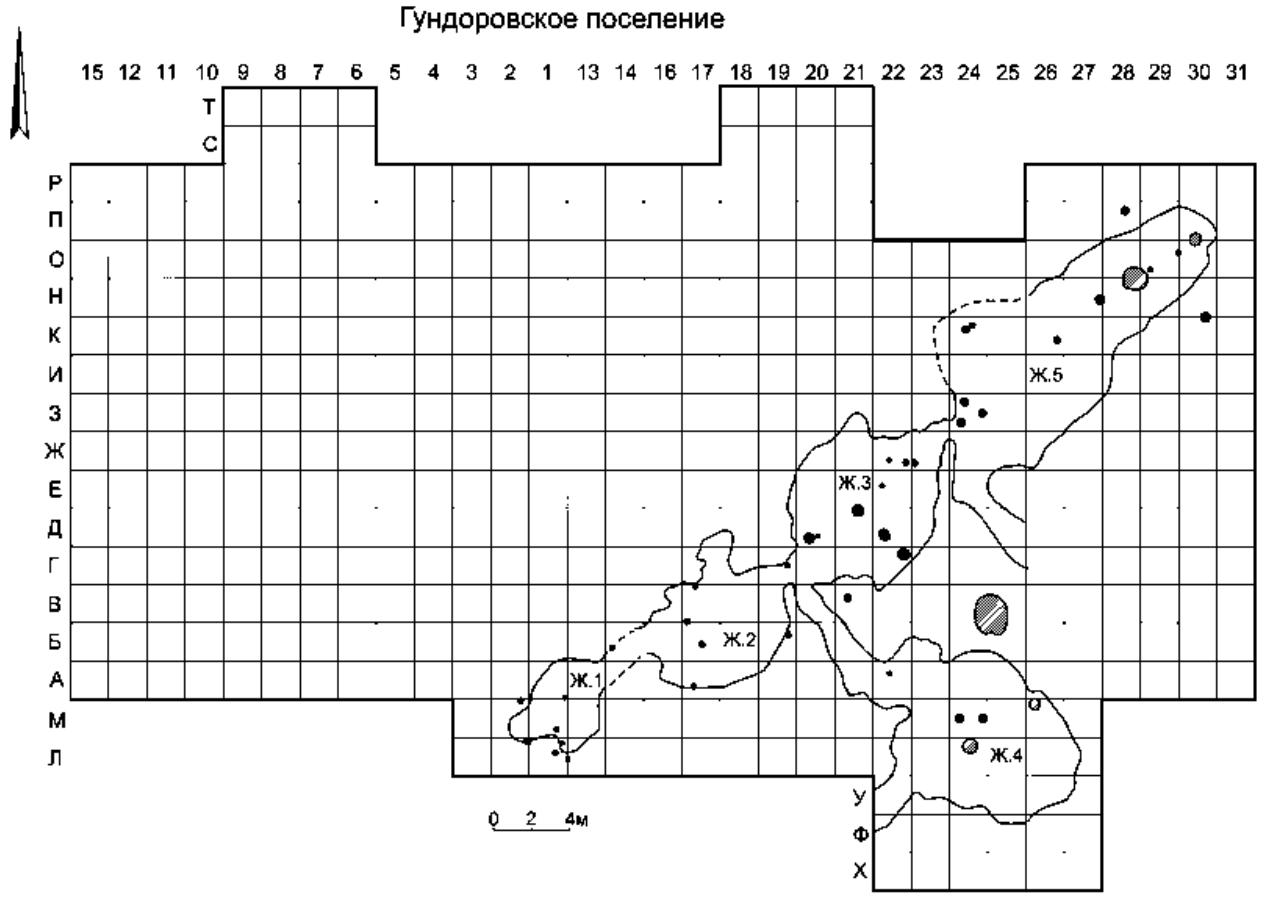


Рис. 9. Гундоровское поселение. Жилища (по: Васильев, Овчинникова, 2000)

мы с прямым или слегка скругленным лезвием (рис. 7: 1–5, 7, 8), скребки со скошенным лезвием (рис. 7: 6). Ножи с двусторонней и односторонней ретушью на первичных и вторичных плоских отщепах и сколах с прямым и округлым лезвием (рис. 7: 9–11, 16). Есть фрагмент ножа с «пуговкой». Наиболее интересны ножи на крупных заготовках с массивным обушком и с двусторонней ретушью на сходящихся под острым углом кромках (рис. 7: 12, 13). Присутствуют орудия с вогнутым лезвием, на удлиненных отщепах с протяженной выемкой, есть экземпляр с двумя рабочими кромками (рис. 7: 14, 15). Перфораторы различаются по форме и размерам (рис. 8: 1–6). Присутствуют асимметричные сверла с плечиком (рис. 8: 1), крупные сверла-развертки на массивных трех- и четырехгранных сколах (рис. 8: 3), острия с плечиками на толстых небольших отщепах (рис. 8: 6), есть дублированные орудия (рис. 8: 4, 5). Наконечники имеют листовидную форму коротких (рис. 8: 7, 8, 14) или вытянутых (иволистные) (рис. 8: 10, 12, 13) пропорций, в том числе с усеченным ретушью основанием (рис. 8: 20, 21); ромбическую (рис. 8: 9, 15); черешковую с треугольным насадом (рис. 8: 16–19); в форме «рыбки» с расширенным выемчатым основанием (рис. 8: 22, 23); есть ассиметричные экземпляры (рис. 8: 8, 10). Есть наконечники из кварцита (рис. 8: 24, 25). Рубящие орудия включают крупные и мелкие, узкие и широкие шлифованные долота с желобком (рис. 8: 31) и без желобка (рис. 8: 29, 30), тесла линзовидного сечения с прямым (рис. 7: 27, 32) и закругленным обушком (рис. 8: 33). Выделяются рубящие орудия на массивных сколах без шлифовки лишь с частичной подработкой лезвия (рис. 8: 28, 30). Некоторые рубящие орудия содержат сколы подправки. Два мелких предмета из кремня затруднительно определить как орудия, возможно, это фигурный кремень (рис. 8: 26).

Изделия из кости разнообразны. Рыболовный инвентарь включает цельные рыболовные крючки с головкой, оформленной выемками, широким цевьем, тонким жалом без бородки и узким поддевом (рис. 7: 17, 18), гарпуны (рис. 7: 19). Костяной инвентарь также представлен проколками (рис. 7: 20), орудиями с притупленным залощенным концом (рис. 7: 21), костяными подвесками овальной и прямоугольной формы (рис. 7: 22, 23) и другими изделиями.

Вопросы хозяйства во многом проясняют фаунистические останки. По костям животных определены дикие виды: лось, косуля, первобытный бык, верблюд, медведь, барсук, выдра, бобр, заяц, черепаха. Есть кости птиц, сома, осетровых,

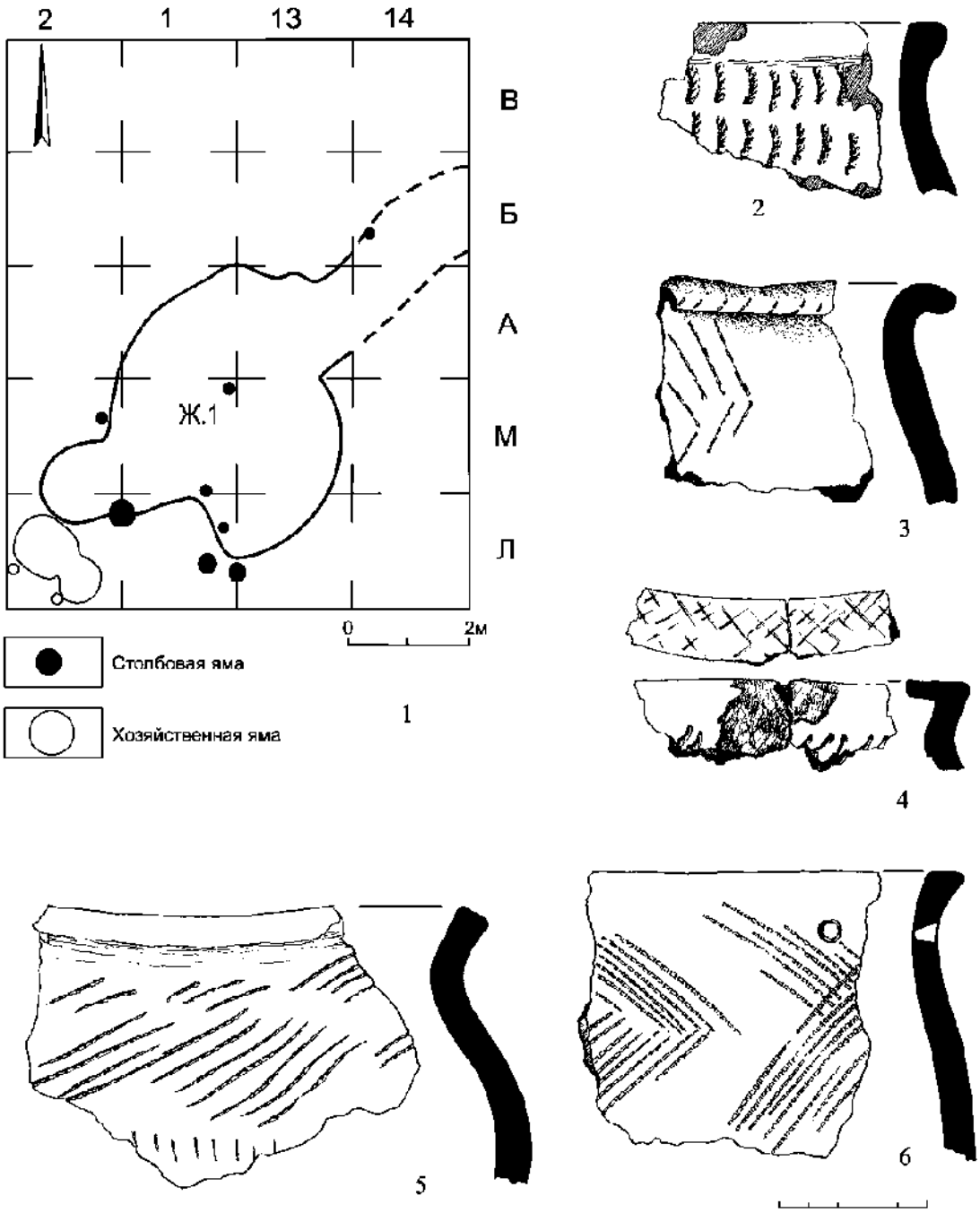


Рис. 10. Гундоровское поселение. Жилище 1 (1), керамика (2–6) (по: Васильева, 1986)

окуня. Кости домашних видов животных не обнаружены (Овчинникова, 1995, с. 188; Косинцев, Варов, 1996, с. 29–31). Видимо, на раннем этапе носители лебяжинского типа вели комплексное присваивающее хозяйство.

Гундоровское поселение было изучено раскопками И.Б. Васильева и Н.В. Овчинниковой на общей площади 1256 кв. м (Васильев, 1985; 1990, с. 52–69; Овчинникова, 1990; Овчинникова, 1990, с. 92; 1991, с. 89–98; 2000, с. 326–336; Васильев, Овчинникова, 2000, с. 230–236). Здесь было изучено 5 углубленных построек (рис. 8), хозяйственные площадки за пределами жилищ, получена большая коллекция керамики, каменного и костяного инвентаря (рис. 10–20).

Жилище 1 имело слабо выраженное заполнение котлована, глубиной около 0,2 м. Контуры сооружения аморфны, стенки слегка пологие, дно неровное, площадь жилища около 17 кв. м (рис. 10: 1). На дне отмечены четыре небольших ямы, одна в центре, две вдоль юго-западной стенки, еще одна в сужении котлована с юго-западной стороны, возможно, выход. Около краев снаружи котлована располагались еще три небольших ямы. Их можно интерпретировать как остатки столбов. Очажные и хозяйственные ямы не обнаружены. Около жи-

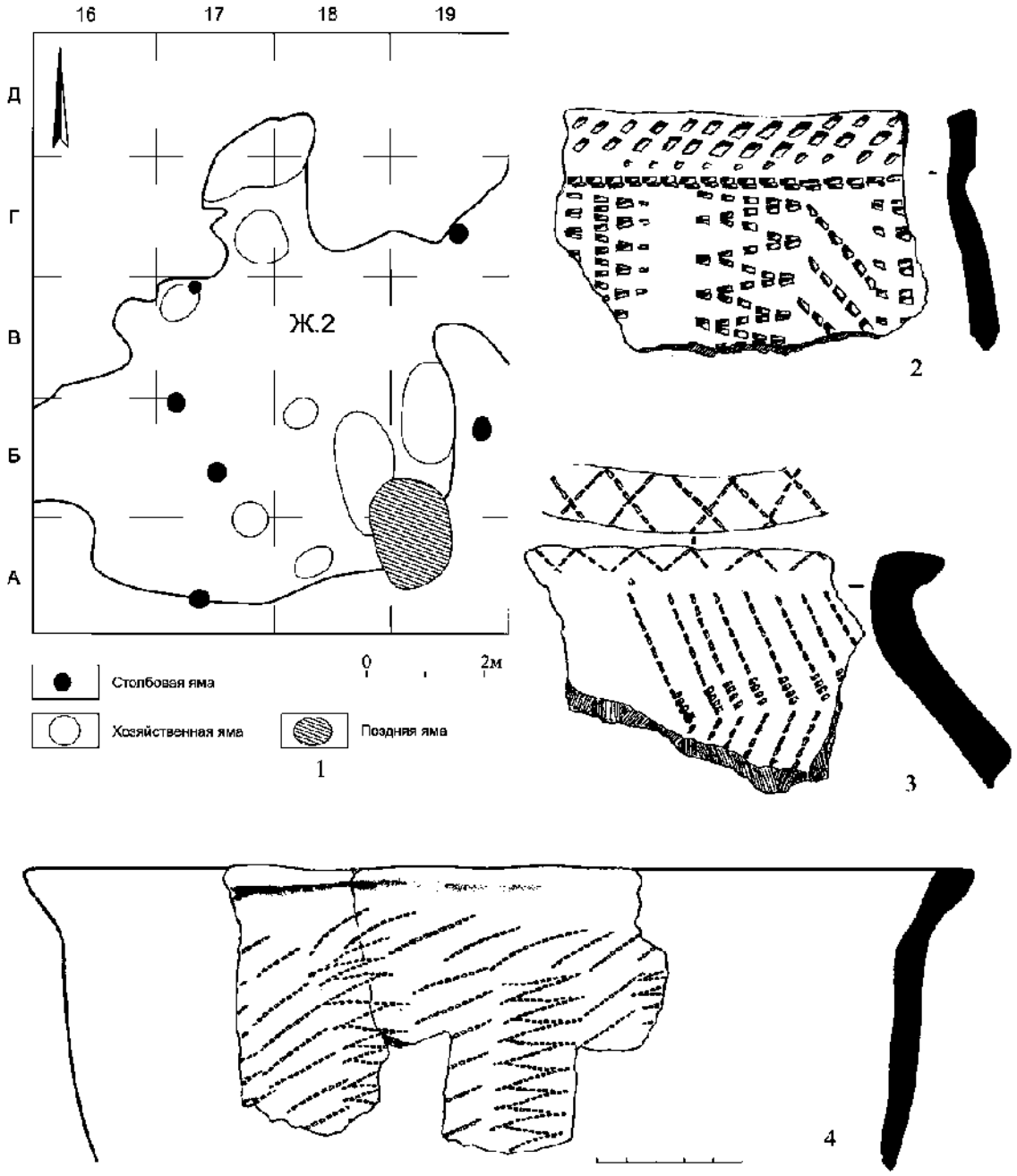


Рис. 11. Гундоровское поселение. Жилище 2 (1), керамика (2–4) (по: Овчинникова, 1993)

лища и в его заполнении была найдена керамика волосовского облика (рис. 10: 2–6), сланцевая подвеска, кремневые и кварцитовые орудия.

Жилище 2 площадью 32,4 кв. м имело неровные стенки с выступом-нишей или выходом в северной части и ровное дно. Эта постройка с восточной стороны соединялось переходом с жилищами 3 и 4, а с западной стороны находился выход или переход в жилище 1. В пределах котлована были выявлены столбовые и хозяйственные ямы, очаг не обнаружен. Всего в жилище было зафиксировано 13 ям. Три крупных ямы располагались около северной стенки и в нише, еще три – в южной части, они определены как хозяйственные. В центре котлована располагались четыре небольших округлых ямы, еще три небольшие ямы находились около бортов. Четыре таких ямы неровной цепочкой были вытянуты поперек котлована. Еще одна такая яма находилась снаружи котлована, около восточной стенки. Небольшие округлые ямы интерпретируются в качестве столбовых. Юго-восточный угол жилища был нарушен поздней ямой. В заполнении жилища 2 были найдены костяные рыболовные крючки, проколки, гребенчатый штамп из панциря черепахи, глиняный кружок из стенки сосуда, каменная

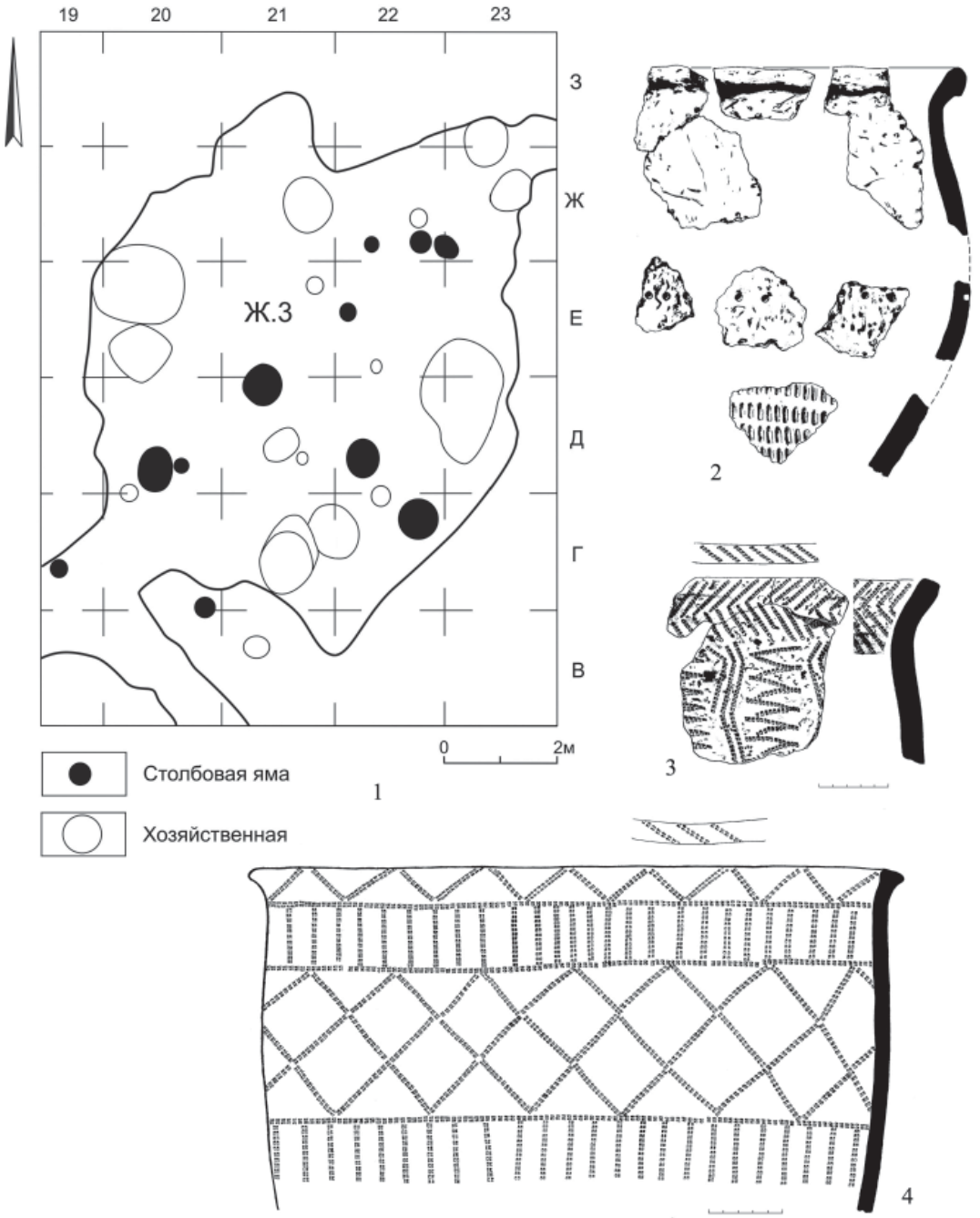


Рис. 12. Гундоровское поселение. Жилище 3 (1), керамика (2–4) (по: Овчинникова, 1993)

подвеска, изделия из кремня и кварцита. Керамика включает венчики с воротничком, слабо намеченным утолщением, венчик Г-образной формы, орнаментированные гребенчатыми штампами в виде «шагающей гребенки», вертикального зигзага, рядов из наклонных отпечатков (рис. 11: 2–4; 12: 3).

Жилище 3 соединялось с жилищем 2 переходом длиной 2,2 м. Котлован подквадратных очертаний, площадью 65 кв. м, глубиной около 0,4 м (рис. 12: 1). В северо-восточном направлении располагался переход, соединяющий котлован жилища 3 с жилищем 5, а в юго-западном – переход, соединяющий жилища 3 и 2. На дне котлована было зафиксировано 24 ямы. Еще одна яма была зафиксирована в переходе в жилище 2 и две снаружи юго-западного борта. Подобно жилищу 2, крупные хозяйственные ямы располагались вдоль северо-западной и юго-восточной стен котлована. Очаги не зафиксированы, но в восточном углу было отмечено скопление обожжённых костей животных. Небольшие округлые и овальные ямы в основном располагались вдоль его центральной оси, есть цепочка ям в поперечном направлении. Вероятно, это остатки столбов. В жилище были расчищены скопления отходов от изготовления

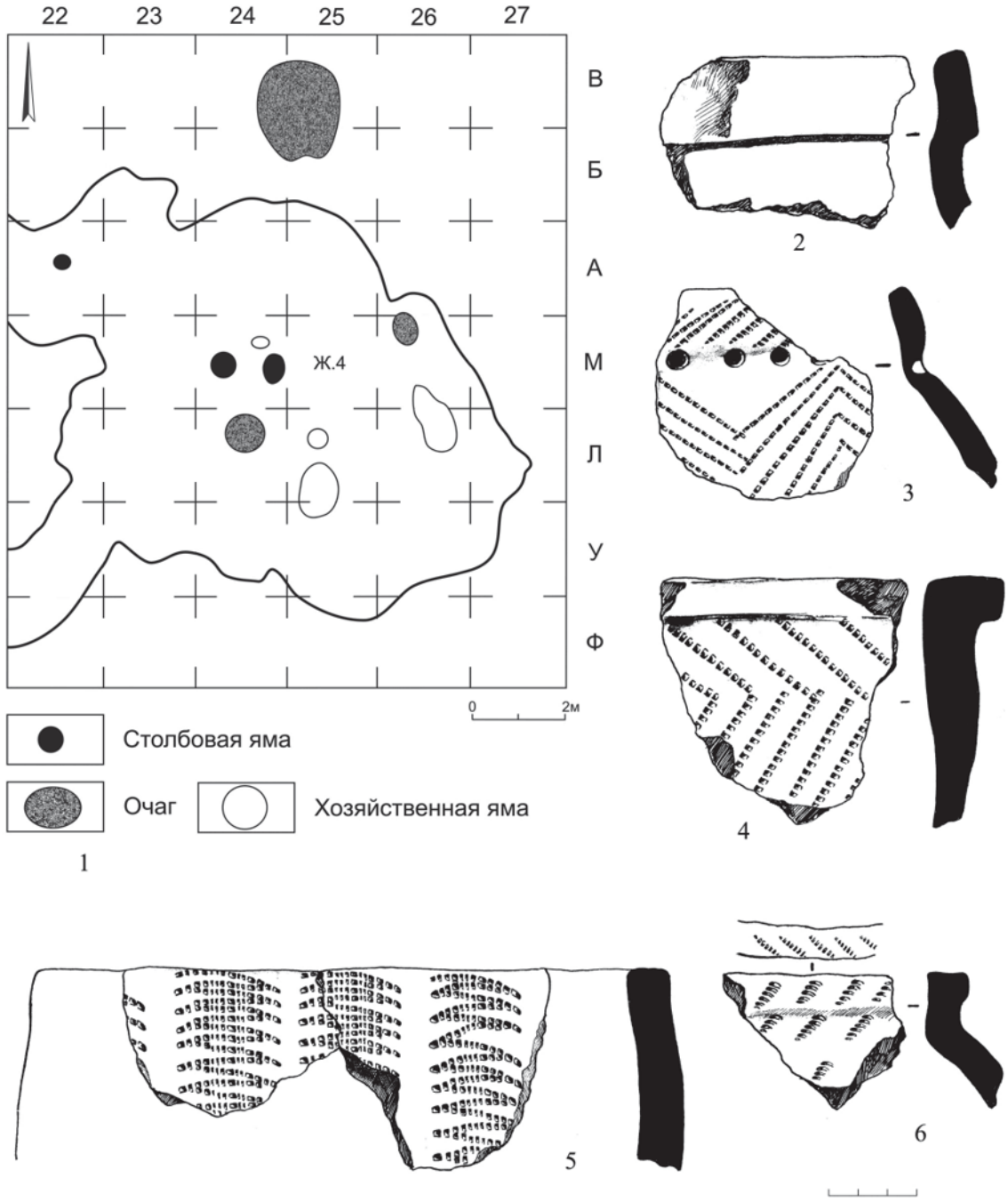


Рис. 13. Гундоровское поселение. Жилище 4 (1), керамика (2–6) (по: Овчинникова, 1993)

орудий из кремня и кварцита, скопление каменных плиток, орудия из кремня и песчаника, костяные орудия, кусок охры, панцирь черепахи, обломок аммонита, керамика с воротничком и без воротничка (рис. 12: 2).

Переход между жилищами 2 и 3 соединялся с длинным переходом, который вел на юго-восток в котлован жилища 4. Еще один выход или переход из жилища 4 был устроен с юго-западной стороны. Очертания котлована в целом подквадратных пропорций с неровными стенками и скругленными углами (рис. 13: 1). На его дне располагалось два очага, первый, более крупный, в центре, второй около северо-восточной стенки. Одна столбовая яма была обнаружена в основании перехода. Остальные 4 небольшие ямы и одна крупная располагались в центре жилища около очага. Видимо, небольшие ямы являются остатками столбов. В заполнении жилища были выявлены изделия из кости (проколки, обломок гарпуна, костяная подвеска), кремня (скребок, обломок наконечника с выделенным выемками треугольным черешком, подвеска), развалы сосудов и отдельные фрагменты керамики, панцирь черепахи. Керамика включает венчики сосудов с воротничками и без воротничков (рис. 13: 2–4, 6).

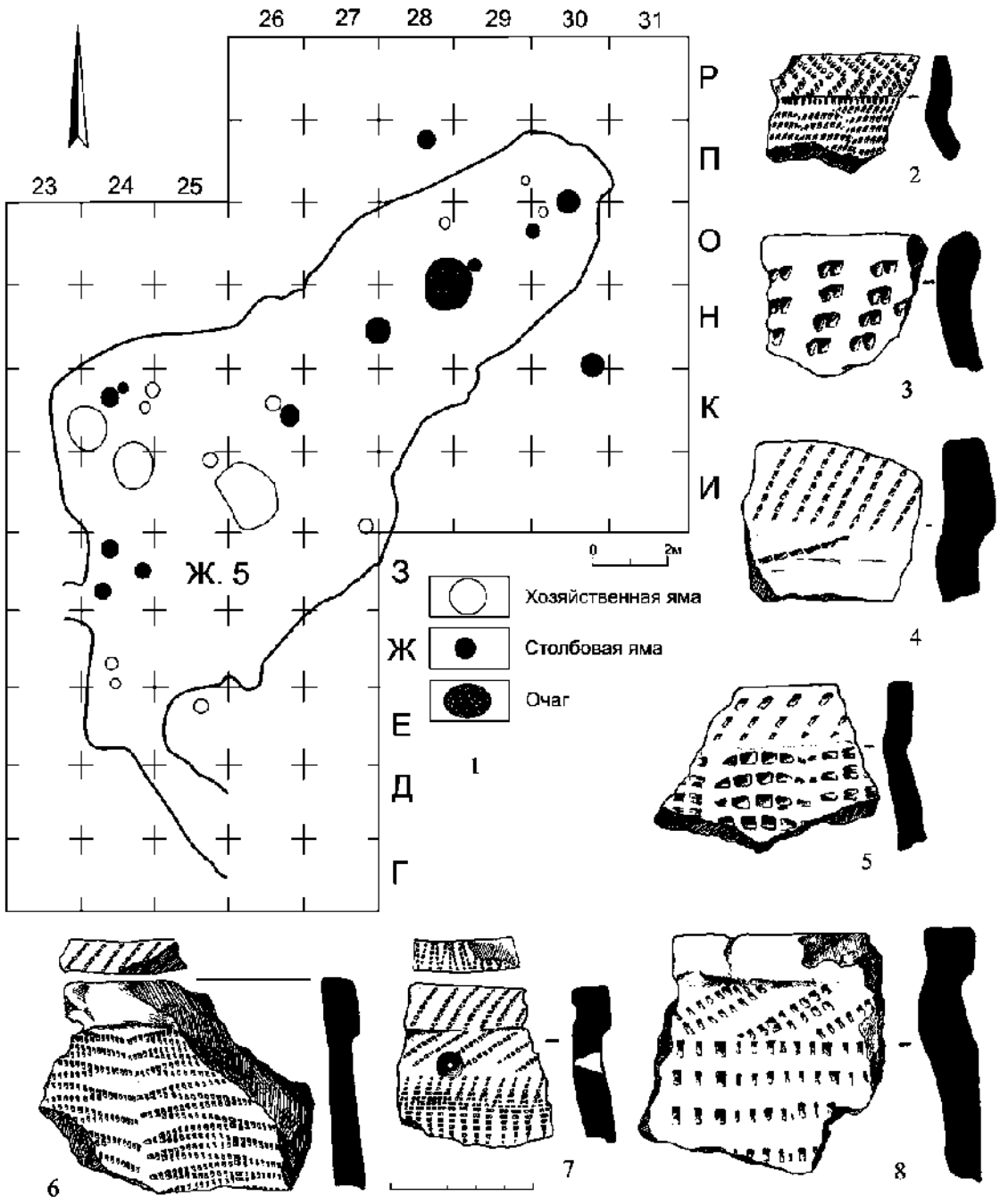


Рис. 14. Гундоровское поселение. Керамика (по: Овчинникова, 1993)

Жилище 5 соединялось с жилищем 3 переходом и было ориентировано по линии юго-запад – северо-восток. Около основания перехода был расположен углубленный выход в юго-восточном направлении. Котлован этой, самой крупной на поселении, постройки имел вытянутую форму, составляя в длину 17 м, до 8,6 м в ширину, площадью 95 кв. м. На дне котлована зафиксировано 22 ямы различного назначения. В северо-восточной части жилища было выявлено два очага. Ближе к выходу располагались три крупных ямы хозяйственного назначения, в северо-западном углу отмечено скопление небольших круглых в плане ям. Столбовые ямы в основном располагались вдоль длинной оси жилища. Около перехода было отмечено также три таких ямы, еще две находились у основания выхода на юго-восток. Еще две столбовые ямы находились за пределами зауженной части котлована. Около крупной хозяйственной ямы в центре постройки было найдено скопление отходов кремня. Находки с уровня дна котлована представлены изделиями из кости, среди которых гарпуны, крючок, проколки, орудиями и подвеской из камня, керамикой в развалах и отдельными фрагментами. Венчики имеют различное оформление: с воротничками, с не воротничковыми утолщениями, без

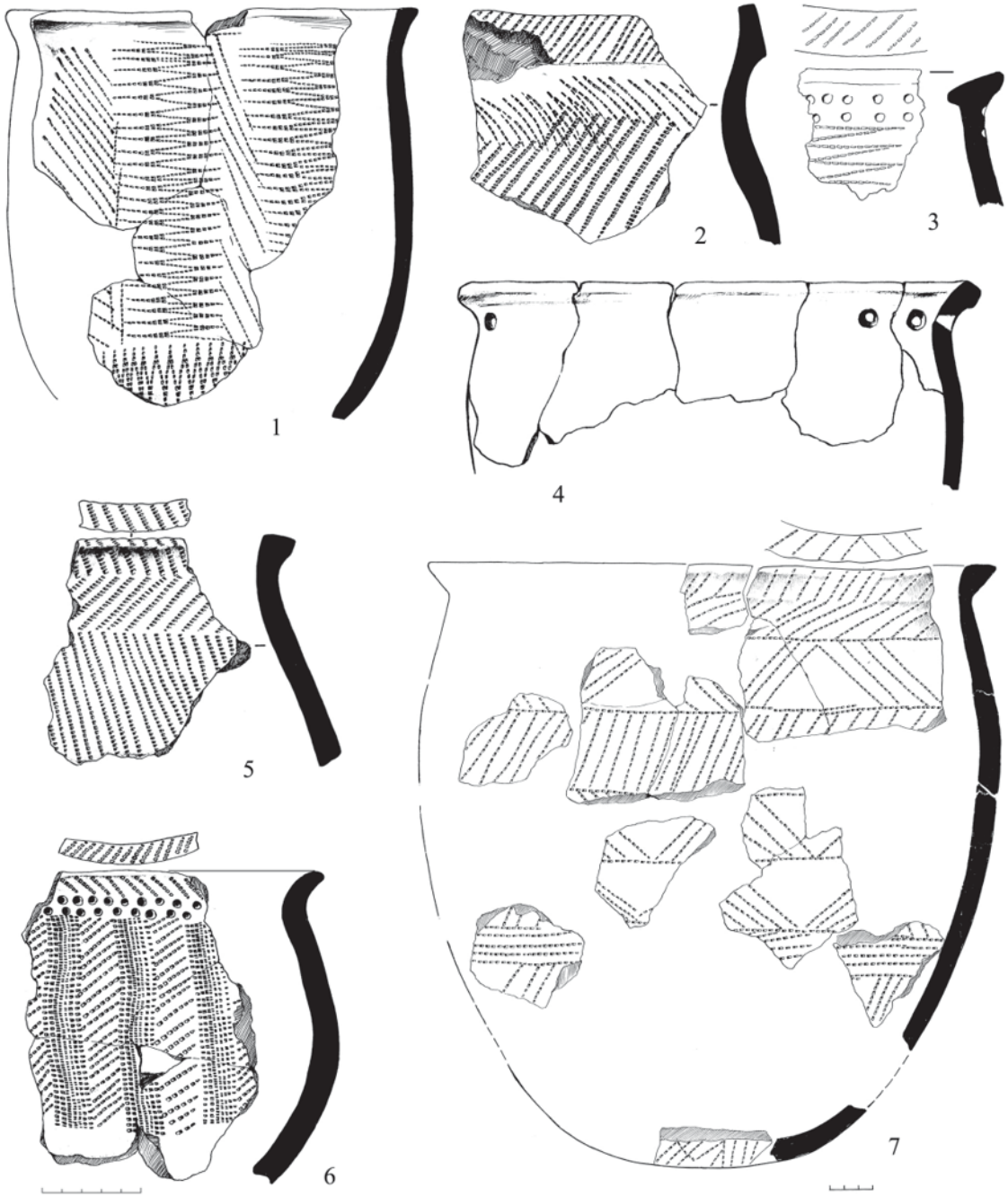


Рис. 15. Гундоровское поселение. Керамика (по: Васильев, 1986; по: Овчинникова, 1993)

утолщений. Для орнаментации наиболее характерны мотивы из оттисков гребенчатых штампов, включая «шагающую гребенку» (рис. 14: 2–5). Аналогичная керамика была найдена за пределами жилищного котлована (рис. 14: 6–8).

Межжилищное пространство свидетельствует об активной хозяйственной деятельности жителей поселка. Крупная хозяйственная площадка с очагом, скоплением керамики и костей животных располагалась на склоне к старице между северо-восточной стенкой жилища 4 и выходом из жилища 5. Интерес представляют располагавшиеся здесь развалы двух крупных сосудов, украшенных оттисками рамчатого штампа. Один сильно профилированный сосуд имеет горшковидные пропорции, второй с отогнутым венчиком – баночные (рис. 12: 4).

Керамика, выявленная в котлованах жилищ и за их пределами, на основе общих технико-типологических признаков первоначально была отнесена к волосовской культуре. Авторами раскопок была дана очень близкая характеристика керамики этой группы (Васильев, 1985, с. 19, 20; Овчинникова, 1990, с. 29–32; Овчинникова, 1990, с. 92). Керамика волосовского облика включает более 5000 отдельных фрагментов и около 100 развалов

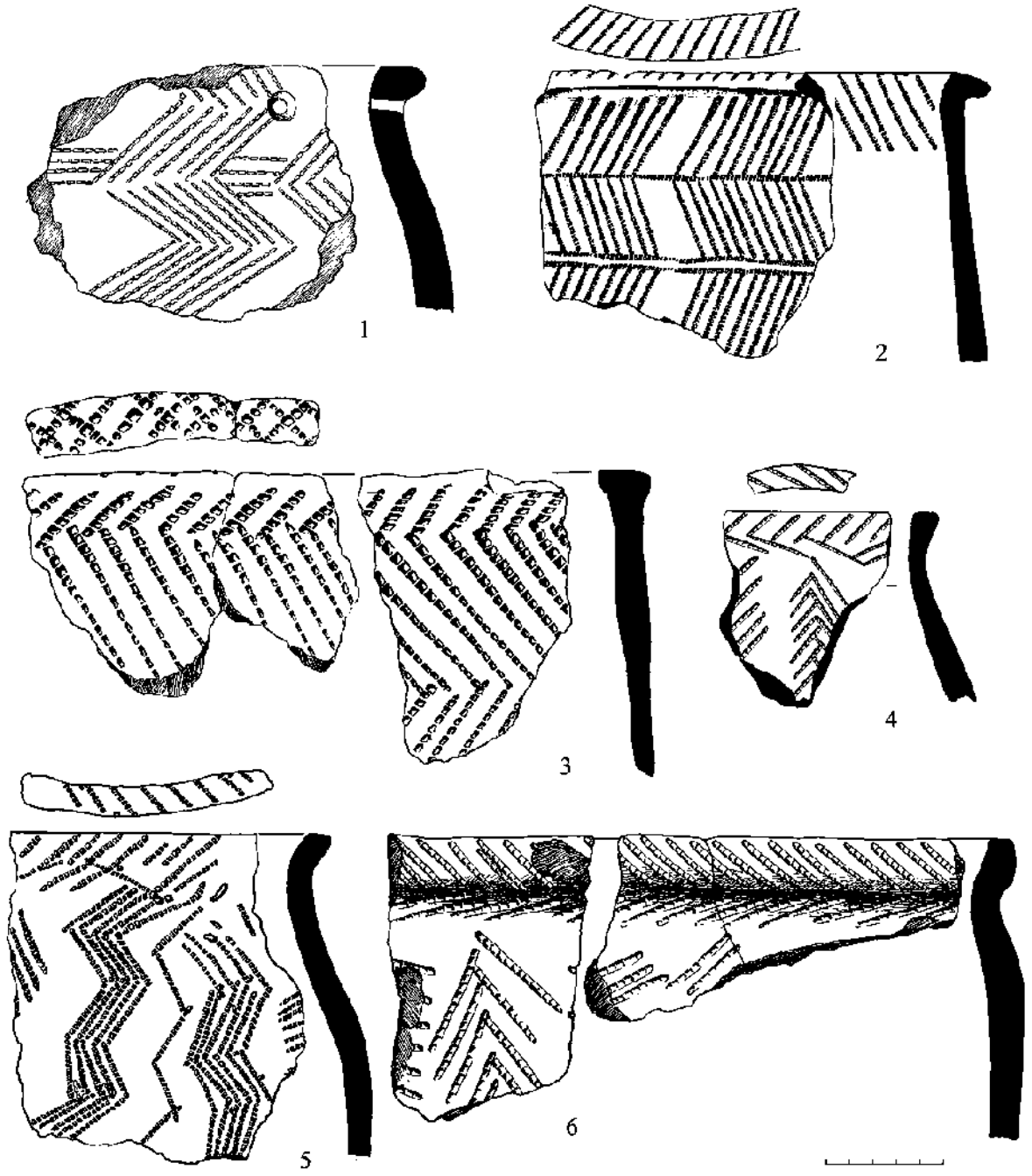


Рис. 16. Гундоровское поселение. Керамика (по: Васильев, 1986; по: Овчинникова, 1993)

сосудов. Керамика имеет светло-коричневый цвет, часто покрыта серым известковым налетом. Изготавливалась из пластичной ожелезненной глины. Формовочная масса включает глину с добавлением дробленой раковины, птичьего пера, не очищенного от помета[1]. Сосуды изготавливались с применением лоскутного налепа, вероятно, на форме-основе. Внешняя поверхность, как правило, хорошо заглажена, на внутренней стороне часто имеются следы выравнивания зубчатым инструментом. Представлены сосуды различных размеров, от маленьких с диаметром венчиков от 12 см до очень больших с венчиками до 60 см в диаметре. Керамика преимущественно толстостенная, чаще с толщиной стенок от 1 до 1,5 см. Преобладают горшковидные формы сосудов, среди которых есть резко профилированные, но есть и прямостенные баночного типа. Венчики чаще отогнутые наружу, но встречаются и прямые (рис. 13: 5). Преобладают венчики с утолщениями различных форм, включая воротничковые (рис. 15: 2; 16:

[1] Это заключение, видимо, требует специального исследования, так как последующее технико-технологическое изучение близких материалов показало наличие органических растворов, но птичий помет не был отмечен (Васильева, 2010, с. 104, 105).

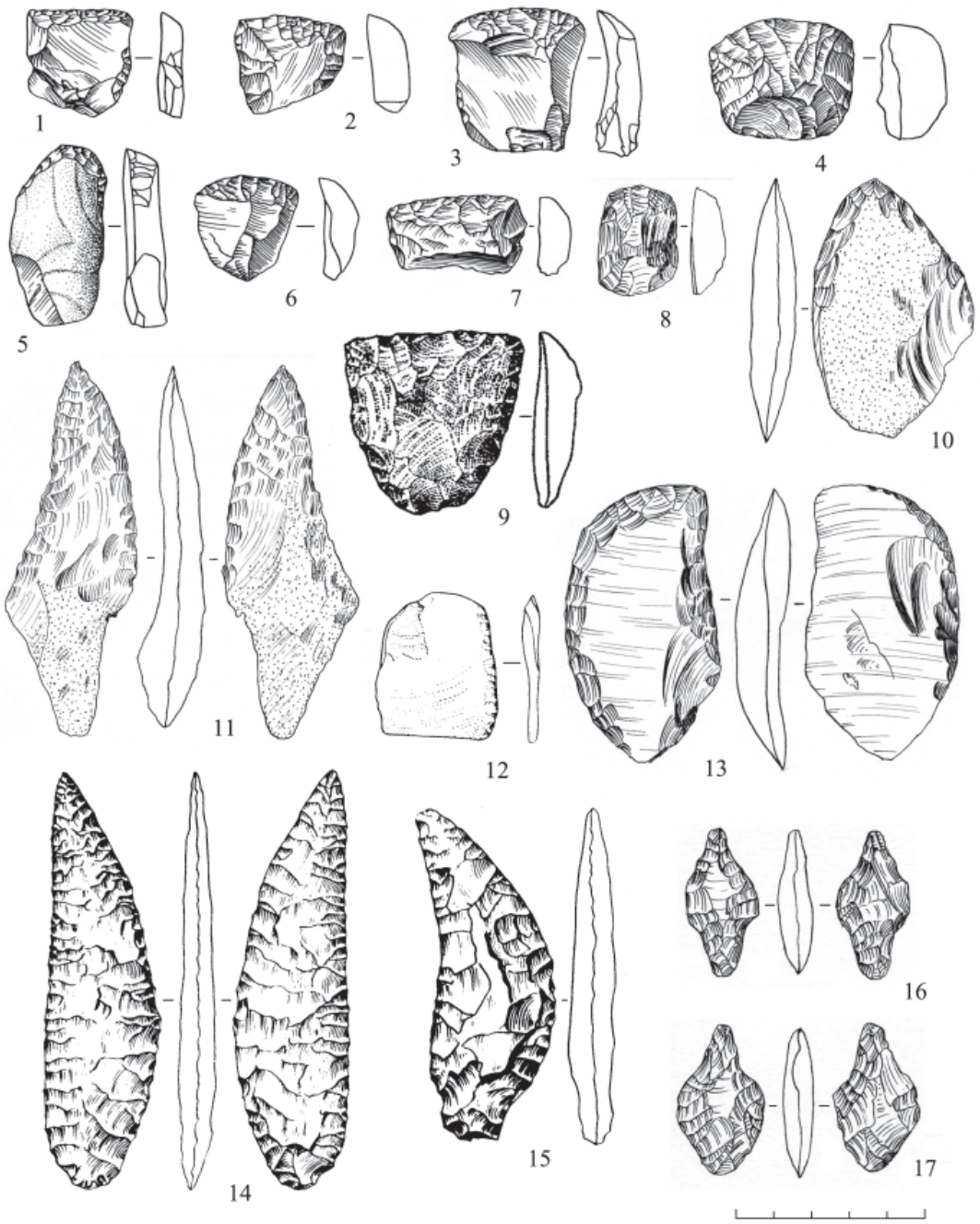


Рис. 17. Гундоровское поселение
Каменные орудия. Кремень (1–8, 10–11, 13–17), кварцит (9, 12) (по: Васильев, 1986; по: Овчинникова, 1993)

6), Г-образные (рис. 16, 1, 2), Т-образные (рис. 15: 3; 16: 2). Днища уплощенные или округлые. Сосуды, как правило, орнаментированы по всей внешней поверхности или большей ее части. Половина венчиков украшена по срезу, и около четверти – по их внутренней поверхности. Абсолютно доминирует керамика, украшенная оттисками гребенчатых штампов. Штампы различаются по ширине – от узких до очень широких, по длине – от коротких до длинных, по форме зубцов делятся на прямо- и косозубые. Керамика, орнаментированная рамчатыми, веревочными штампами и ямчатыми вдавлениями, малочисленна. Орнаментация производилась в горизонтальной, вертикальной и диагональной зональности. Мотивы орнамента и их сочетания, помимо наиболее распространенных горизонтальных и наклонных рядов (рис. 15: 2, 5, 7; 15: 3) и зигзагов (рис. 15: 5; 16: 1, 2, 5), включают ромбы (рис. 10: 5), прямую и косую «сетку» (рис. 12: 4), горизонтальную «елочку со стеблем» (рис. 16: 2), вертикальную «елочку» (рис. 16: 4, 6). Широко распространены горизонтально и вертикально нанесенные полосы «шагающей гребенки» и их сочетания. Характерны сочета-

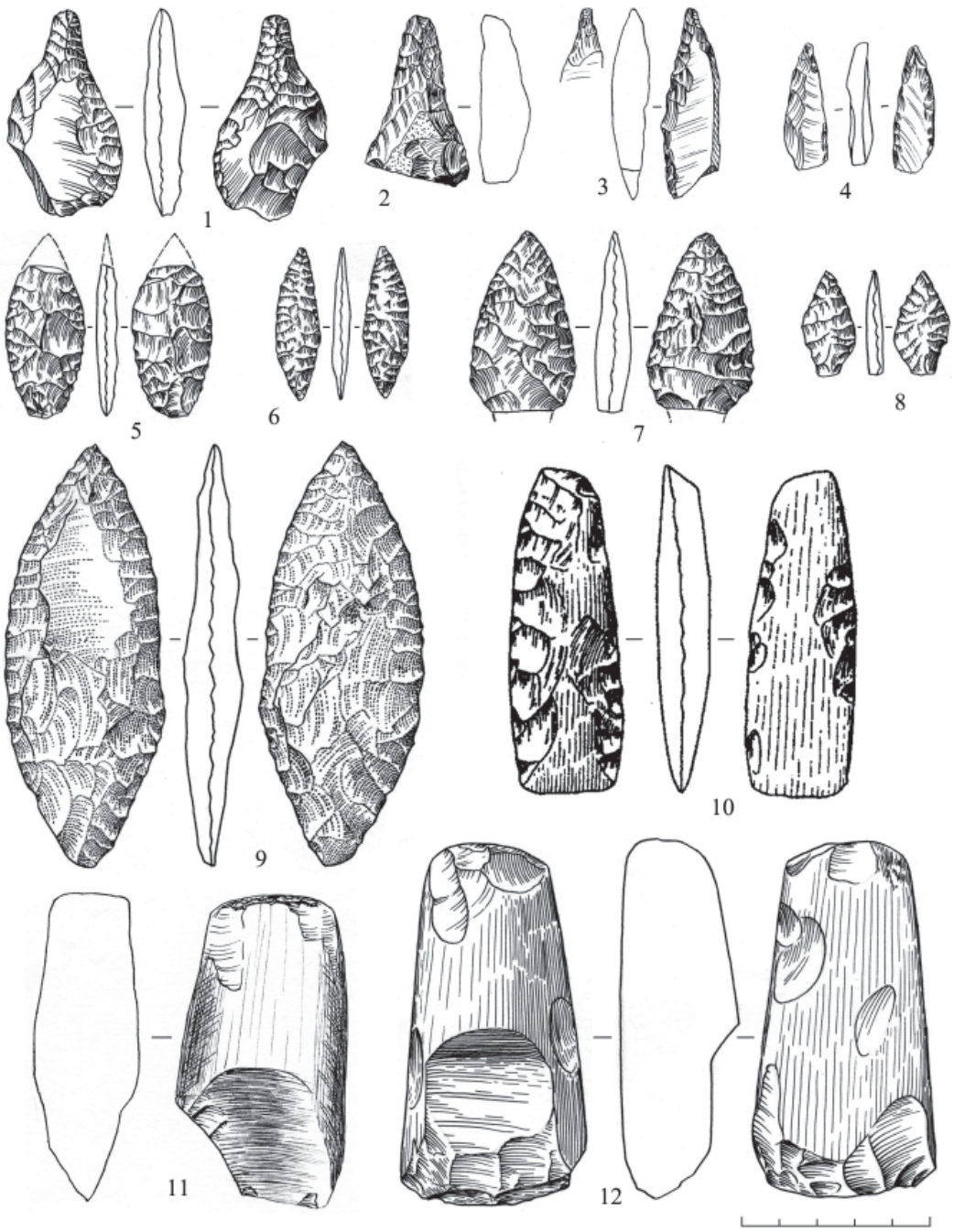


Рис. 18. Гундоровское поселение
Каменные орудия. Кремень (1–8, 10–12), кварцит (9) (по: Васильев, Овчинникова, 2000)

ния из вертикальных полос «шагающей гребенки» с вертикальными рядами наклонных оттисков штампа (рис. 15: 1, 6), реже – с «сеткой», зигзагом (рис. 12: 3).

Каменный инвентарь «волосовского» комплекса был установлен по материалам, найденным в жилищах и типологически соответствующим изделиям, полученным из культурного слоя. Каменные орудия изготовлены преимущественно из кремня серых и красно-коричневых оттенков и реже из кварцита. Заготовками для них служили крупные отщепы. Абразивы сделаны из песчаника. Скребки в основном изготовлены из крупных отщепов кремня и иногда кварцита, часто без обработки боковых кромок с ретушью только по лезвию (рис. 17: 1–9). Форма лезвия округлая, прямая или слабо закруглена. Есть скребки подпрямоугольной и подквадратной формы с прямым лезвием или округлым лезвием. Такие орудия часто отретушированы по трем или четырем кромкам. Встречаются скребки со скошенным лезвием. Отдельные экземпляры имеют выступающий «мысок», возможно, они могли применяться как резчики. Ножи с односторонней ретушью обычно

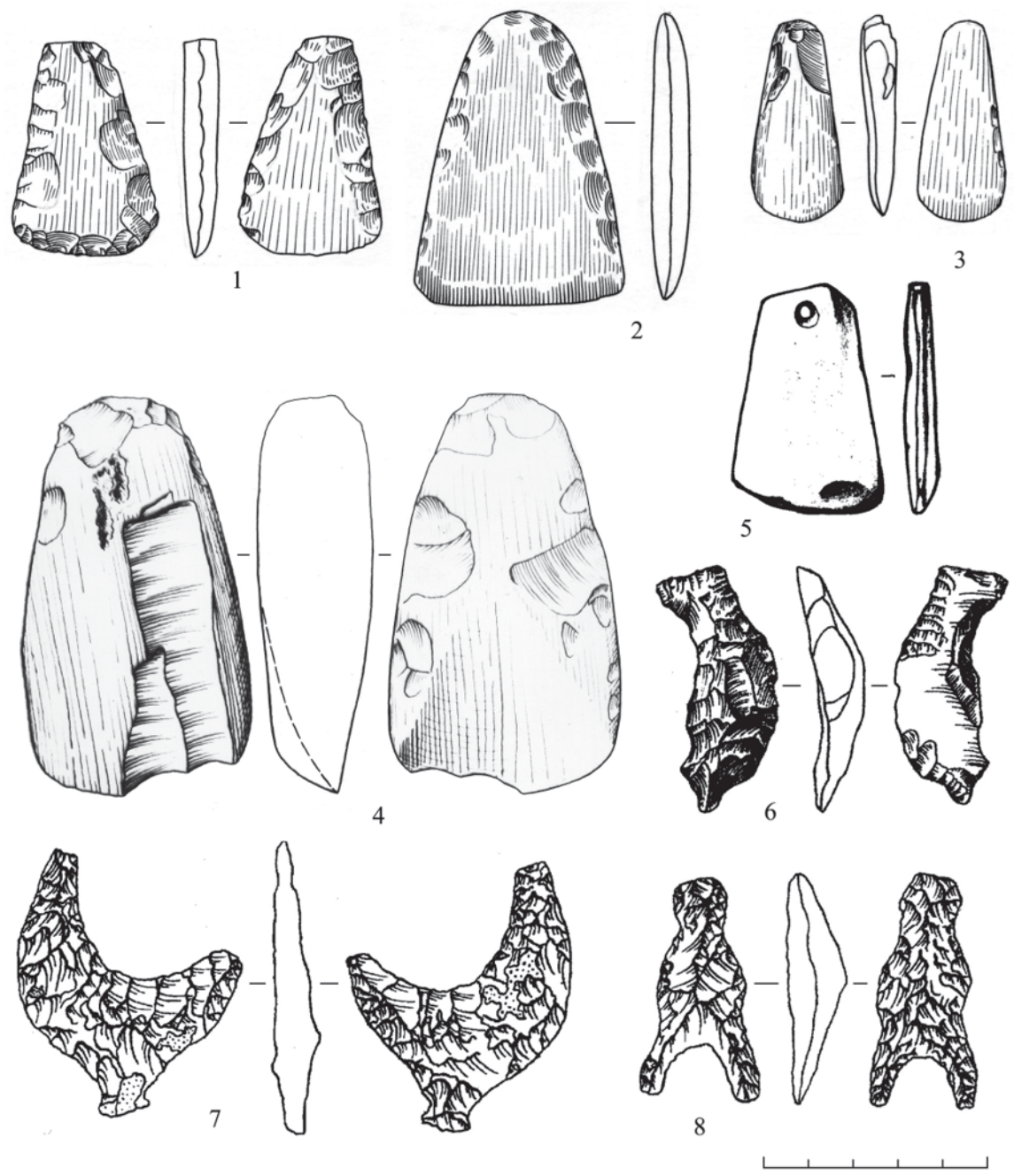


Рис. 19. Гундоровское поселение
Изделия из камня (по: Васильев, Овчинникова, 2000)

изготовлены из крупных плоских отщепов кремня, реже кварцита (рис. 17: 12) и имеют прямое или округлое лезвие (рис. 17: 10–15). Отдельную серию составляют сделанные на крупных заготовках ножи с двусторонней ретушью. Среди них есть тщательно отретушированные по всей поверхности «саблевидные» экземпляры (рис. 17: 14, 15). Выразительны обработанные двусторонней ретушью по сходящимся режущим кромкам крупные ножи с обушком (рис. 17: 11). Перфораторы включают сверла с одним или двумя выделенными плечиками, дублированные сверла, массивные сверла-развертки, острия на узких и широких тонких отщепах (рис. 17: 16, 17; 18: 1–4). Наконечники преимущественно представлены листовидными формами (рис. 18: 5, 6, 9), есть также ромбические (рис. 18: 8) и черешковые (рис. 18: 7). В коллекции присутствуют орудия с выемками – скобели. Рубящие орудия представлены шлифованными крупными долотами с желобком (рис. 18, 11; 19: 4), узкими и широкими долотами без желобка (рис. 18: 10, 12), шлифованными теслами линзовидного сечения с прямым (рис. 19: 1) и закругленным обушком (рис. 19: 2, 3). Есть нешлифованные рубящие орудия на массивных сколах. Найдены кремневые фигурки (рис. 19: 6–8), слан-

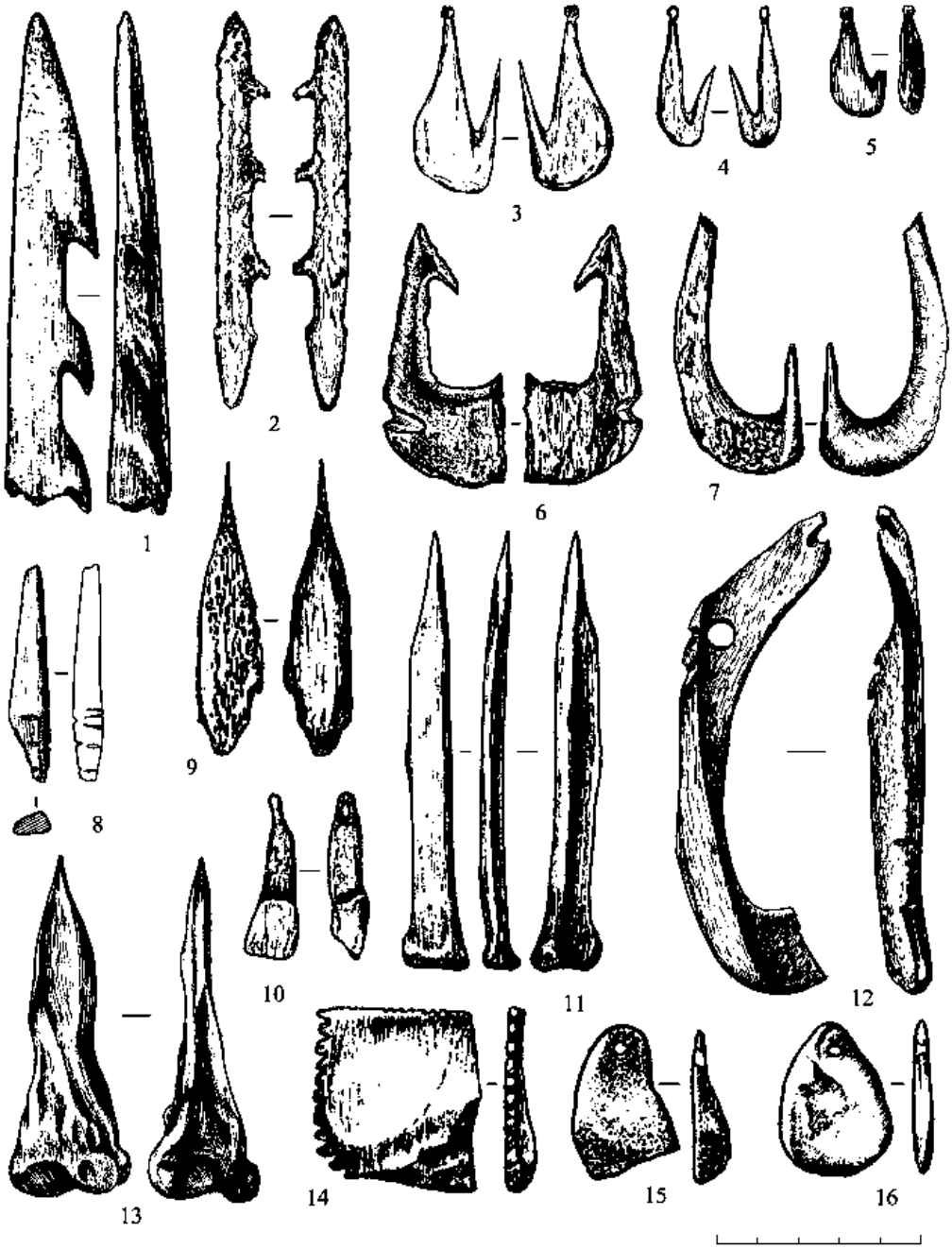


Рис. 20. Гундоровское поселение
Изделия из кости (1–14, 16) и камня (15) (по: Васильев, Овчинникова, 2000)

цевые подвески (рис. 19: 5) (Васильев, Овчинникова, 2000, с. 271, рис. 30).

Изделия из кости включают проколки (рис. 20: 9, 11, 13), орудия с уплощенным концом, стамескови-дные изделия. Отдельную группу составляют гарпуны (рис. 20: 1, 2), цельные (рис. 20: 3–5, 7) и составные (рис. 20: 6, 8) рыболовные крючки. Небольшие цельные крючки имеют выделенную нарезками головку, широкое цевье, тонкое жало без бородки и узкий поддев. Крупный крючок имеет широкий поддев. Интересны составные крючки, один из них имеет большие размеры, жало с бородкой и прорезь для крепления с цевьем (рис. 20: 6). Найдено и длинное цевье с нарезками для крепления с лесой и жалом (рис. 20: 8). В коллекции присутствует орнаментир, сделанный из фрагмента панциря черепахи гребенчатый штамп (рис. 20: 14), подвески (рис. 20: 15, 16), украшения из зубов животных (рис. 20: 10) и ряд изделий неясного назначения. В заполнении жилищ 3 и 4 были найдены два панциря черепах.

Жилища характеризуются неровными очертаниями контуров, четыре из них расположены по одной линии и связаны переходами. В одной линии с остальными расположено и жилище 5. Наблюдается постепенное уменьшение размеров

жилищ в направлении с СВ на ЮЗ. Данных, позволяющих уточнить вопрос одновременности их функционирования или последовательности сооружения, недостаточно. Полученный из заполнения жилищ инвентарь очень близок, многие типы вещей повторяются. Но характеристика керамики позволяет предполагать достаточно длительный период существования поселка с последовательным строительством жилищ. Выявленная близость «длинных» лебяжинского и гундоровского жилищ (Овчинникова, 2000, с. 97–101) может выступать аргументом в пользу более раннего возраста жилища 5 среди построек Гундоровского поселения. Видимо, это наблюдение подкрепляется и большим сходством керамики из жилища 5 с керамикой поселения Лебяжинка III. Население обоих поселков использовало одни и те же виды сырья для изготовления орудий. Примерно одинаковым было соотношение орудий из кремня и кварцита. Основной заготовкой для производства орудий служил крупный отщеп. Близки такие типы орудий: крупные и мелкие долота, тесла, листовидные, ромбические и в меньшей степени черешковые наконечники, массивные скребки прямоугольных и квадратных очертаний, крупные ножи с обушком и двусторонней ретушью, «саблевидные» двусторонне отретушированные ножи, сверла с плечиками, включая дублированные. Большое сходство просматривается и в украшениях из камня и кости (подвески, просверленные зубы животных), прямые аналогии обнаруживаются и в костяном инвентаре. Из существенных различий следует отметить присутствие только на Гундоровском поселении кремневых фигурок, а наконечников в форме «рыбки» – только на Лебяжинке III.

Необходимо отметить, что основные типы орудий находят аналогии в волосовских орудиях Средней Волги (Никитин, 1987, с. 21–31), как и сланцевые подвески, и фигурный кремень (Никитин, 1991, с. 150, рис. 63–64).

Совпадение основных признаков также прослеживается на керамике поселений Лебяжинка III, VI и Гундоровка. В гундоровской коллекции более разнообразны формы венчиков, распространены воротничковые венчики с желобком, для орнаментации, в том числе «шагающей гребенки», использовались более крупные гребенчатые штампы. Сравнительный анализ орнаментальных композиций керамики Гундоровского поселения с коллекциями волосовских памятников показал наиболее высокую степень сходства со средневолжскими материалами (Овчинникова, 1991, с. 92, 93).

Вопросы хронологии. Хронология поселения Лебяжинка III в настоящее время определена по восьми радиоуглеродным датам: ГИН-7248 6660±50 BP, ГИН-7087 5960±80 BP (Овчинникова, 1995, с. 189), Ki-15581 5860±90 BP, Ki-15579 5870±80 BP, Ki-15580 6035±80 BP, Ki-15577 5930±80 BP, Ki-15578 6140±80 BP, Ki-15582 6055±80 BP (Моргунова и др., 2010, с. 20, 21). Первая дата, полученная по углю, значительно древнее остальных и порождает сомнения в достоверности. Вторая дата, полученная по раковине из жилища, и остальные, выполненные по керамике, оказались в узком хронологическом диапазоне. Еще одна дата, SPb 1645 5942±120 BP, по керамике этого типа была получена для поселения Лебяжинка VI (Королев и др., 2017, с. 203–204) и подтвердила ранее полученные датировки. Для проверки дат по раковине и керамике Лебяжинки III была получена альтернативная дата по кости медведя – SPb-2288 5758±100 BP (Korolev et al., 2018, p. 1594). Она оказалась близка основному массиву дат, но дает основания для уточнения хронологии памятника в сторону омоложения. Полученные даты дают возможность наметить время существования раннего этапа лебяжинского типа, но не исключают появления новых материалов, которые позволят продлить его до середины IV тыс. до н. э.

Хронология Гундоровского поселения основывается на 10 радиоуглеродных определениях по керамике: Ki-16278 5270±80 BP, Ki-16279 5380±70 BP, Ki-16280 5290±70 BP, SPb-769 5488±200 BP, SPb-766 5300±100 BP, SPb-768 5230±100 BP, SPb-771 5365±100 BP, SPb-767 5035±100 BP, SPb-772 5412±100 BP, SPb-770 5862±120 BP (Королев, Кулькова, Шалапинин, 2013, с. 150–152). Отметим, что наиболее ранняя дата SPb-770 5826±120 BP была получена по фрагментам сосуда, украшенного вертикальными полосами «шагающей гребенки» и рядами наклонных оттисков того же штампа. Такая орнаментация, как и дата, соответствует керамике поселения Лебяжинка III. Наиболее поздняя дата SPb-767 5035±100 BP была получена для сильно профилированного сосуда, украшенного рядами оттисков крупной гребенки. Сомнения ввиду большого доверительного интервала вызывает дата SPb-769 5488±200 BP, полученная по фрагментам сосуда, орнаментированного рамчатым штампом, тем более, что для другого сосуда с такой же орнаментацией получена дата SPb-768 5230±100 BP. Основной массив дат расположился в довольно компактном диапазоне от 5230±100 до 5488±200 BP. Примечательно, что сосуд с воротничковым оформлением венчика (рис. 16: 6) получил дату, не выходящую за пределы этого диапазона – SPb-771 5365±100 BP. Следует отметить совпадение датировок, полученных в двух лабораториях.

Окончательные итоги абсолютного датирования подводить рано.

Происхождение материалов лебяжинского типа, очевидно, связано с результатом взаимодействия населения самарской культуры на раннем этапе и носителей средневолжской культуры. Отсюда сохранение в керамике черт, присущих неолитической посуде (полное преобладание оттисков гребенчатых штампов, формы и размеры оттисков, многие мотивы орнамента, округлые днища). Анализ каменного и костяного инвентаря пока затруднен отсутствием «чистых» комплексов средневолжской неолитической культуры. Исследователи отмечали наличие восходящих к неолиту признаков в керамике поселений Лебяжинка III и Гундоровка (Овчинникова, 1995, с. 190; Васильев, 1990, с. 64). Дальнейшее изучение материалов подтвердило мнение о преобладании в них местного неолитического субстрата (Королев, 2019, с. 42).

Таким образом, результаты комплексного анализа материалов поселения Лебяжинка III и Гундоровского поселения показывают их глубокую близость. Выявленные различия, видимо, могут объясняться развитием лебяжинского типа и имеют хронологический характер. Однако наличие сосудов с высокими подцилиндрическими венчиками, более характерными для керамики «с внутренним ребром», и прямостенных сосудов, орнаментированных рядами коротких оттисков гребенчатого штампа, может отражать результаты связей с другими группами населения. Радиоуглеродные даты подтверждают более ранний возраст поселения Лебяжинка III и позволяют отнести Гундоровское поселение ко второму этапу этого типа. Дальнейшие судьбы населения, оставившего памятники лебяжинского типа, видимо, проявляются в тех материалах волосовской культуры Средней Волги, которые характеризуются толстостенной керамикой с примесью раковины и выгоревшего птичьего пуха. Наиболее близкие материалы были выявлены при раскопках Токаревской стоянки (Халиков, 1960, с. 50, 51; Никитин, 2017, с. 205). В примеси керамики этой стоянки содержится раковина и пух птиц, ряд сосудов имеет воротничковое утолщение, для орнаментации характерна «шагающая гребенка», есть орнаментация, составленная оттисками веревочки, рамчатым штампом. Для каменного инвентаря этой стоянки также характерно сочетание кремня и кварцита. Местоположение этого памятника в правобережье Волги может указывать вероятный путь распространения материалов лебяжинского типа по ее берегам, в настоящее время подтопленным Саратовским и Куйбышевским водохранилищами. Фрагмент толстостенного сосуда, орнаментированный узором из горизонтальных полос «шагающей гребенки» и полос из горизонтальных оттисков гребенчатого штампа, есть в коллекции Гулькинской стоянки (Збруева, 1960, с. 54, рис. 20: 7).

ГЛАВА 4
ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕГО ЭНЕОЛИТА ЛЕСОСТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ

Изучение памятников позднего энеолита в лесостепном Поволжье началось в середине 70-х гг. XX в. В результате исследований стоянок на р. Самаре И.Б. Васильевым, Н.Л. Моргуновой, Р.С. Габяшевым, А.А. Выборновым, Г.Г. Пениным были получены материалы позднего энеолита (рис. 1). На основании анализа последних были выделены токский, турганикский, волосовский (волосовско-турбинский) типы. Они связывались с кругом лесных культур. В степном же Поволжье к материалам позднего энеолита были отнесены алексеевский и репинский типы памятников. С середины 80-х гг. XX в. И.Б. Васильевым было организовано плановое исследование памятников энеолита на р. Сок. Полученные комплексы имели сходство с энеолитическими материалами, изученными в Икско-Бельском междуречье, на р. Самаре, в лесном Среднем Поволжье. Полученные материалы были соотнесены с волосовской, гаринской и новоильинской культурами, токским и турганикским типами, а также с коллекциями степных памятников. В периодизации энеолита Среднего Поволжья эти материалы были отнесены к позднему энеолиту.

Актуальным для изучения позднего энеолита в лесостепном Поволжье к началу комплексных исследований был вопрос о присутствии к югу от Икско-Бельского междуречья и лесного Заволжья собственно новоильинских, гаринских и волосовских комплексов. А.Х. Халиков выделил в Икско-Бельском междуречье группы памятников, близких волосовско-гаринской общности (Халиков, 1969, с. 159). Р.С. Габяшев и П.Н. Старостин поместили позднеэнеолитические комплексы стоянок Русско-Азибейская III, Дубовогривская II, Игимская, Золотая Падь II в Нижнем Прикамье между волосовскими и турбинскими материалами (Габяшев, Старостин, 1978, с. 152). Р.С. Габяшев видел в нижнекамских материалах поздневолосовско-гаринско-борского типа следы влияния южных соседей (Габяшев, 1994, с. 30). Ранее А.Х. Халиков высказал по этому поводу предположение о возможности поиска происхождения волосовской культуры в лесостепи (Халиков, 1960, с. 70, 71), от которого впоследствии отказался (Халиков, 1969, с. 130). А.А. Выборнов отметил некоторое своеобразие керамики и ее сходные черты с икско-бельскими материалами флажкового (новоильинского) комплекса поселения Сауз II, (Выборнов, Овчинникова, 1981, с. 51). Полученные позже результаты технико-технологического анализа новоильинской керамики поселения Сауз II подтверждают принадлежность комплекса к новоильинской культуре. Они показали, что керамика была изготовлена из глины и илистой глины с примесью шамота и органического раствора (Ересько, 2016, с. 185, 186). Такая технология находится в русле керамических традиций камского неолита. Второй тип энеолитической керамики поселения Сауз II представлял собой «чистый» комплекс и был отнесен к раннему периоду гаринской культуры (Выборнов и др., 1985, с. 40, 41). Позднее А.В. Шипилов приходит к выводу, о том, что, носители волосовско-гаринской общности приходят в Икско-Бельское междуречье «в сложившемся виде» (Шипилов, 2012, с. 18).

Неоднородность энеолитической керамики I, II Старо-Елшанских и Старо-Елшанской береговой стоянок отметили И.Б. Васильев и Г.Г. Пенин. Часть керамики была определена ими как смешанная съезжинско-камского типа, а другая – сопоставлена с волосовской (Васильев, Пенин, 1977, с. 19, 20). Вскоре И.Б. Васильев предположил проникновение в бассейн р. Самары волосовского населения в первой половине III тыс. до н. э. (Васильев, 1978, с. 176). А.А. Выборновым был выделен небольшой комплекс волосовского типа на Шигонском II поселении в правобережье Волги (Выборнов, 1980, с. 15, 16). Особое значение для изучения энеолита имели результаты раскопок Виловатовской и Ивановской стоянок. Они были исследованы большими площадями и дали крупные коллекции материалов. Керамика шестой группы Виловатовской и седьмой группы Ивановской стоянок была сопоставлена с керамикой волосовской культуры. Были отмечены как сходство, так и различие (Васильев и др., 1980, с. 172; Моргунова, 1980, с. 112). Определяя место выявленных керамических коллекций в энеолите региона, И.Б. Васильев писал о том, что они находят аналогии в волосовских и турбинских материалах. Однако они обладают своеобразными чертами, не позволяющими отнести их к этим культурам (Ва-

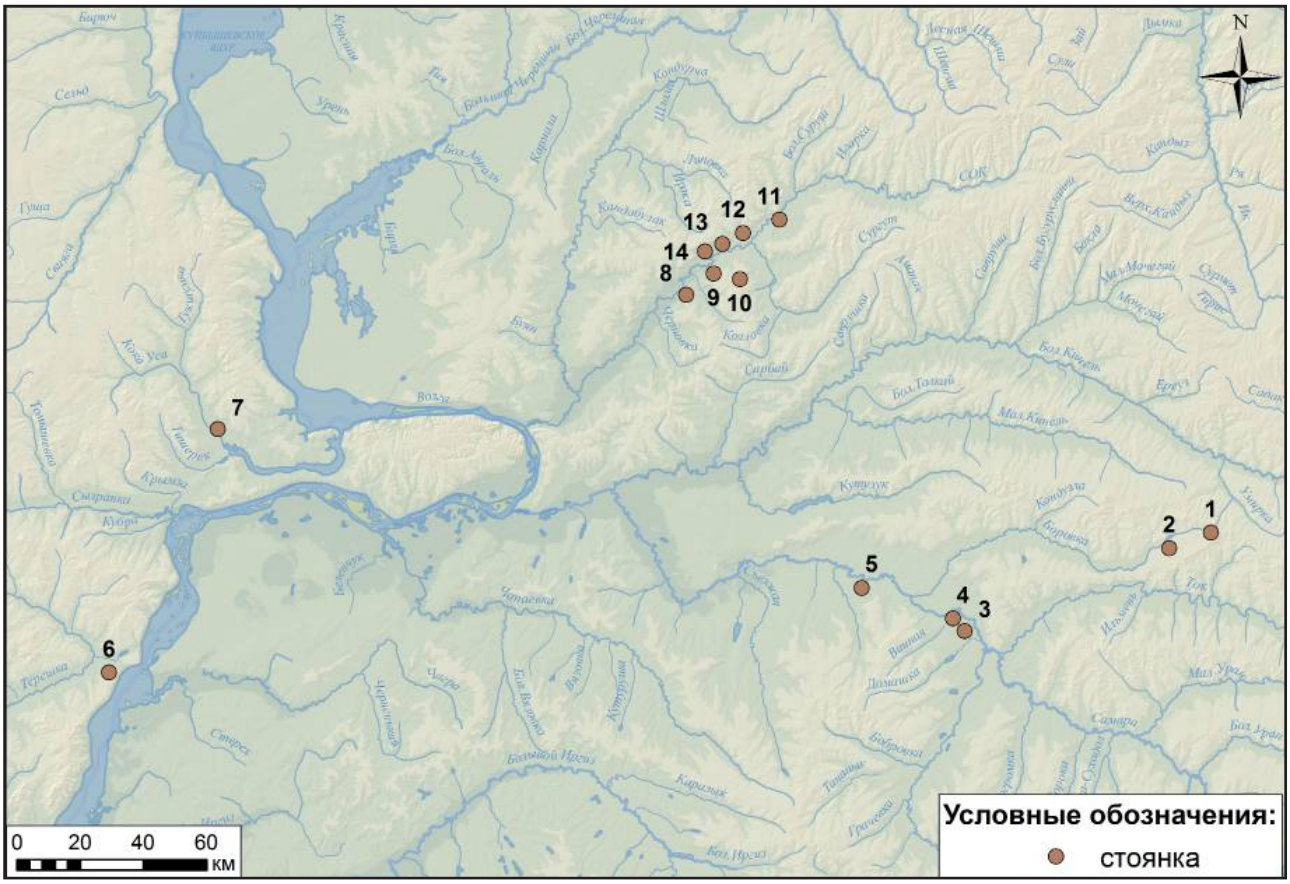


Рис. 1. Памятники позднего энеолита лесостепного Поволжья

1 – Турганикское поселение, 2 – Ивановское поселение, 3 – Елшанская береговая стоянка, 4 – Старо-Елшанская стоянка, 5 – Виловатовская стоянка, 6 – Алексеевская стоянка, 7 – II Шигонское поселение, 8 – стоянка Большая Раковка II, 9 – поселение Лебяжинка VI, 10 – поселение Лебяжинка IV, 11 – стоянка Чекалино IV, 12 – II Чесноковская стоянка, 13 – стоянка Попово Озеро, 14 – Гундоровское поселение

сильев, 1980, с. 45). Из энеолитической керамики Ивановской стоянки одна часть была выделена в турганикский тип (Васильев, 1981, с. 51–54; Моргунова, 1989, с. 133, 134), а другая – в токский (Моргунова, 1984, с. 65).

Накопление и анализ источников позволили наметить их место в периодизации энеолита Волго-Уралья. В обобщающей работе по энеолиту степного-лесостепного Поволжья И.Б. Васильев отнес материалы алексеевского, репинского, турганикского и волосовско-турбинского типа к позднему энеолиту (Васильев, 1981, с. 43–56). Обращаясь к проблемам соотношения лесостепных и лесных материалов Волго-Уралья, И.Б. Васильев и Р.С. Габяшев отметили возможность поиска южных истоков волосовской культуры (Васильев, Габяшев, 1982, с. 9) и высказались за включение лесостепных заволжских и икско-бельских материалов в особый тип (Васильев, Габяшев, 1982, с. 11). Эти выводы получили дальнейшее развитие в следующем аспекте: материалы волосовского типа, выявленные на юге Среднего Поволжья, имеют свою специфику и представляют или южный вариант волосовской культуры, или особую культуру (Васильев, Синюк, 1985, с. 62). Позднее И.Б. Васильев пересмотрел свою точку зрения на лесостепные материалы позднего энеолита. По его мнению, волосовское население сместилось в лесостепь из районов Марийского и Казанского Поволжья, а из Приуралья на р. Самару продвинулось бельское население и в результате сложился токский тип (Васильев, 2000, с. 84). Н.Л. Моргунова предположила возможность движения лесостепного населения на север и его влияния на формирование лесных культур энеолита (Моргунова, 1995, с. 64, 79). По мнению В.В. Ставицкого, складывание гаринской культуры было связано с токским типом (Ставицкий, 2022, с. 230–231).

В 1980-е гг. были развернуты планомерные исследования на р. Сок. Определение культурной принадлежности вновь полученных материалов, как правило, затруднялось возможностью привлечения широких аналогий для сравнения. Так, исследование стоянки Большая Раковка II показало многокомпонентное происхождение материалов энеолита в бассейне р. Сок. Здесь были выделены комплексы хвалынской и самарской культур, керамика волосовского, репинского типа, а наи-

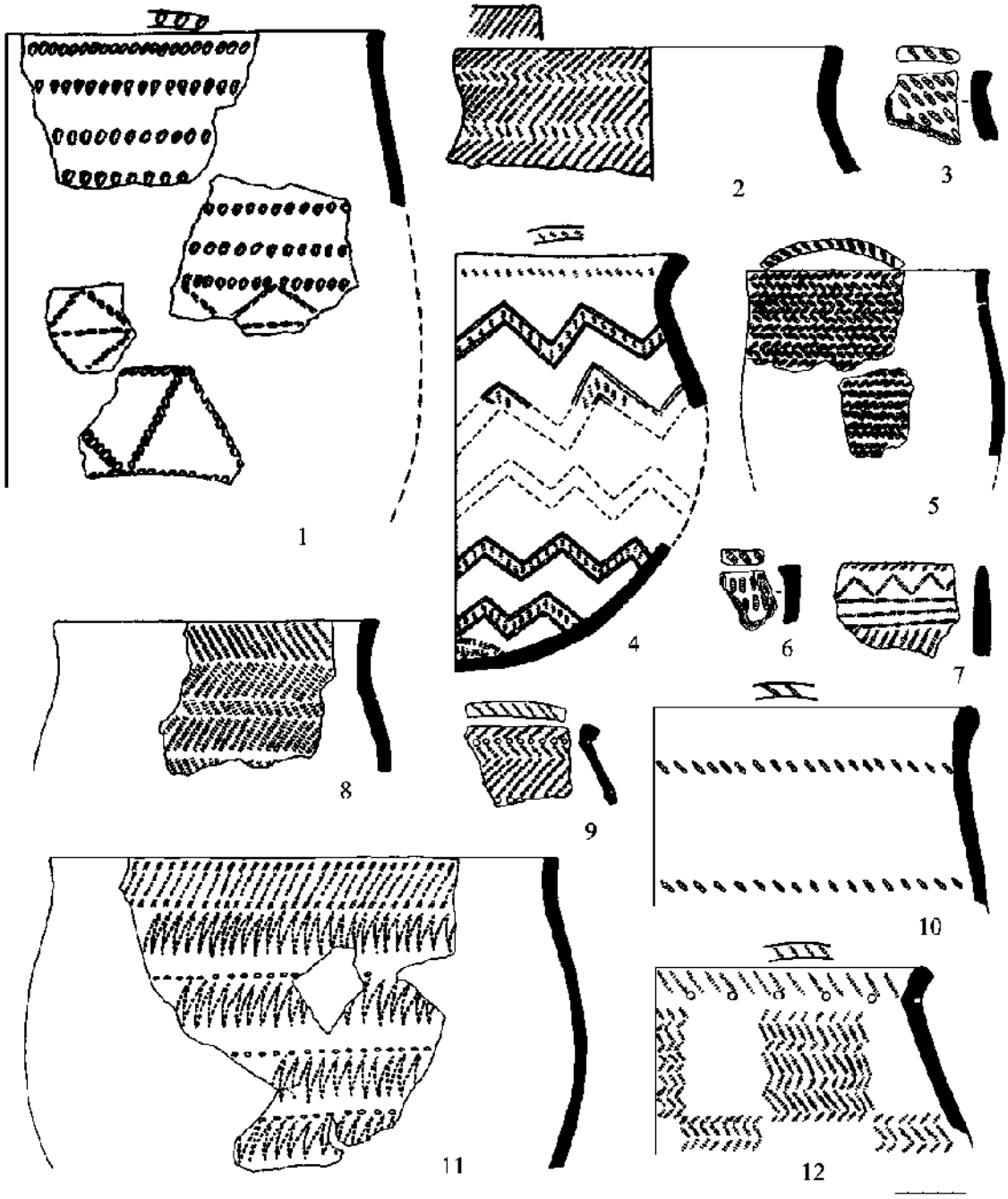


Рис. 2. Ивановское поселение. Керамика токского типа (по: Моргунова, 1989)

более многочисленная группа керамики была соотнесена с материалами Икско-Бельских стоянок волосовско-гаринско-борского круга. В то же время подчеркивалось ее соответствие токскому и турганикскому типам, а также близость керамике стоянки Пшеничное степного Заволжья (Барынкин, Козин, 1991, с. 113–115). В публикации материалов стоянки Чесноковка II для третьей группы керамики авторы отметили аналогии в посуде волосовской культуры (Бахарев, Овчинникова, 1991, с. 79, рис. 7: 1, 2). Большое значение для понимания позднего энеолита приобрели материалы Гундоровского поселения. Основной комплекс материалов энеолита был отнесен к волосовской культуре (Овчинникова, 1990, с. 92, 93; 2000, 326–333; Васильев, 1990, с. 64; Васильев, Овчинникова, 2000, с. 236; Шалапинин, 2011, с. 17). В результате анализа материалов Гундоровского поселения Н.В. Овчинникова пришла к выводу о прямом продвижении волосовского населения в волжскую лесостепь (Овчинникова, 1991, с. 92). Было высказано и обратное мнение о влиянии на формирование волосовской культуры Средней Волги лесостепных материалов (Королев, 2015, с. 132, 133). Второй по значению комплекс этого памятника, представленный керамикой «с внутренним ребром»,

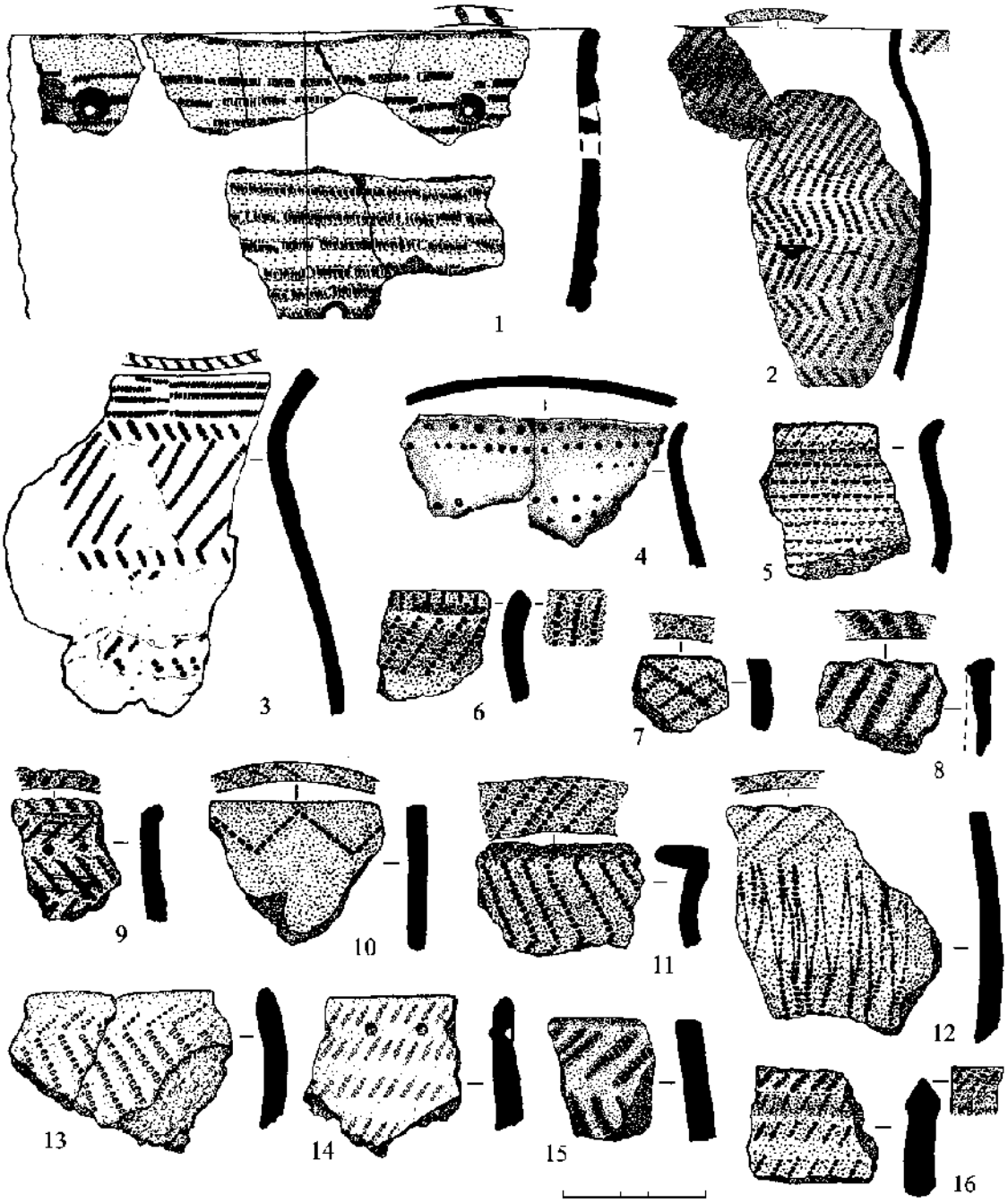


Рис. 3. Турганикское посление. Керамика токского типа (по: Моргунова, 2017)

также был отнесен к позднему энеолиту (Королев, Овчинникова, 2009, с. 296–304; Королев, 2009, с. 190–196). Энеолитические материалы стоянки Чекалино IV включают значительную коллекцию керамики позднего энеолита. Один крупный комплекс был представлен керамикой «с внутренним ребром», а второй сопоставлен с материалами токского типа. Отмечались его «лесной» облик и близость к материалам Икско-Бельского междуречья, токским, волосовским и гаринским материалам, а также материалам стоянок Пшеничное, Шапкино VI (Королев, Шалапинин, 2009, с. 287–290; Королев, 2011, с. 219–228). В материалах поселения Лебяжинка VI были выделены две группы керамики позднего энеолита. Первая близка посуде стоянок Большая Раковка II, Чекалино IV, Чесноковка II, а вторая включает керамику «с внутренним ребром» (Королев, Шалапинин, 2017, с. 71–91). Небольшие выборки позднеэнеолитической керамики есть в коллекциях стоянок Лебяжинка IV и Попово озеро.

В обобщающей работе по энеолиту Самарского Поволжья упоминается, что новоильинские и гаринские материалы есть на стоянках Большая Раковка II, Лебяжинка IV, V, Чесноковка II, Виловатое, но их характеристика отсутствует (Васи-

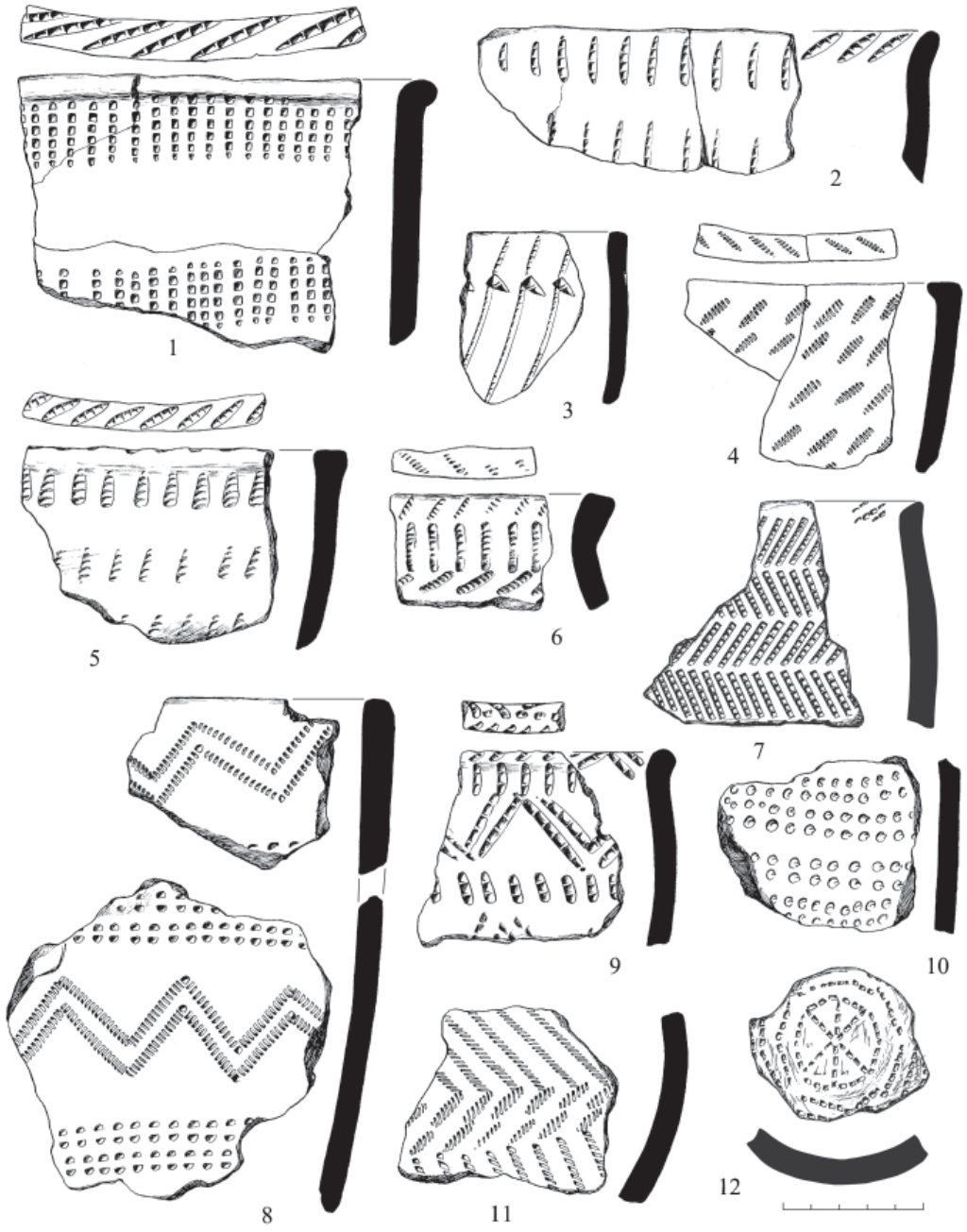


Рис. 4. Стоянка Большая Раковка II. Керамика

льев, Овчинникова, 2000, с. 237). В другой работе Н.В. Овчинникова показала эти комплексы, опираясь в основном на материалы стоянки Большая Раковка II (Овчинникова, 2001, с. 54, 55). Однако отмеченные в керамике примеси раковины и пуха птиц не соответствуют новоильинской посуде. Формы венчиков, днищ, орнаментация близки не только гаринской и новоильинской керамике, но и токской и волосовской. На изученных к настоящему времени памятниках в бассейнах рек Самара и Сок комплексы новоильинской и гаринской культур пока не обнаружены. Подводя итоги изучения коллекций чекалинского типа, А.А. Шалапинин допускает возможность выделения в бассейне р. Сок локальной группы материалов, близких лесным культурам (Шалапинин, 2011, с. 17). Формирование позднеэнеолитических материалов он связывает с лесостепными истоками (Шалапинин, 2018, с. 32). Накопленные данные исследований позднего энеолита подтверждают выводы И.Б. Васильева, Н.Л. Моргуновой и других исследователей о своеобразии лесостепных материалов, которые следует рассматривать в качестве особых типов: близких, но не аналогичных культурам лесной полосы.

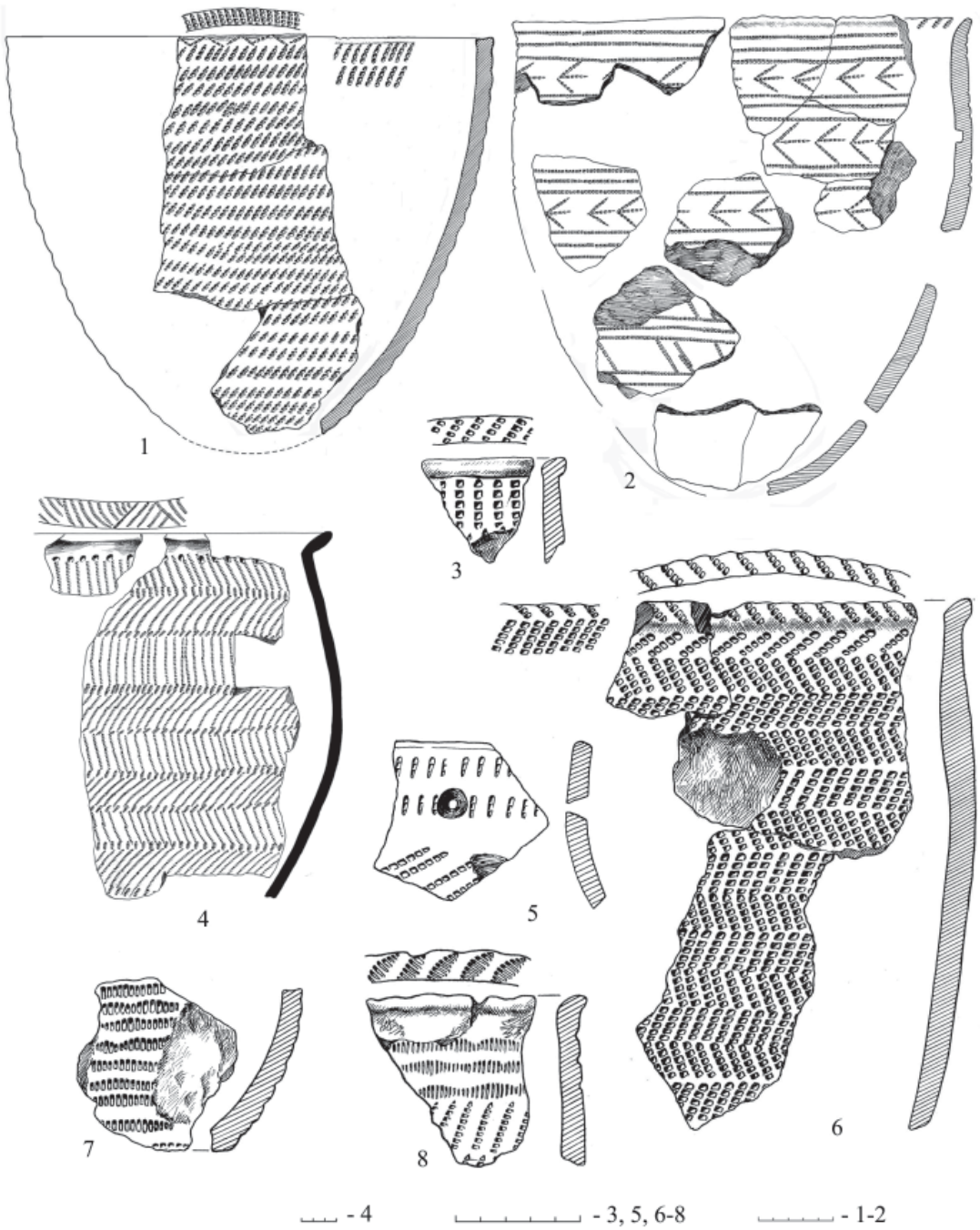


Рис. 5. Стоянка Чекалино IV. Керамика (1–3, 5–8). Стоянка Лебяжинка IV. Керамика (4)

На материалах Алексеевской стоянки в Саратовской области И.Б. Васильевым был выделен алексеевский тип, который совместил как степные (среднестоговские), так и лесные (волосовские) черты (Васильев, Непочатых, 1977; Васильев, 1978, с. 173, 174). Позднее В.В. Ставицкий убедительно показал связь алексеевских материалов с алтатинскими, отметил хронологическое расхождение материалов Алексеевской стоянки и волосовской культуры и показал наличие в степной керамике «волосовских» признаков (Ставицкий, 2002, с. 101, 103). Алексеевский тип, кроме эпонимной стоянки, расположенной в степной зоне, в материалах лесостепных памятников отсутствует или представлен отдельными сосудами. Репинский тип рассматривается как ранний этап ямной культуры (Моргунова, 2016, с. 128; Моргунова, Турецкий, 2019, с. 96; Салугина, 2019, с. 121).

Накопление источников, сопровождалось увеличением базы радиоуглеродных дат по энеолиту региона, что позволило уточнить его периодизацию и хронологию (Моргунова, 2009; Моргунова и др., 2010; Королев, Шалапинин, 2014; Королев и др., 2013; 2017; Турганикское поселение, 2017). Вместе с пополнением фонда источников актуали-

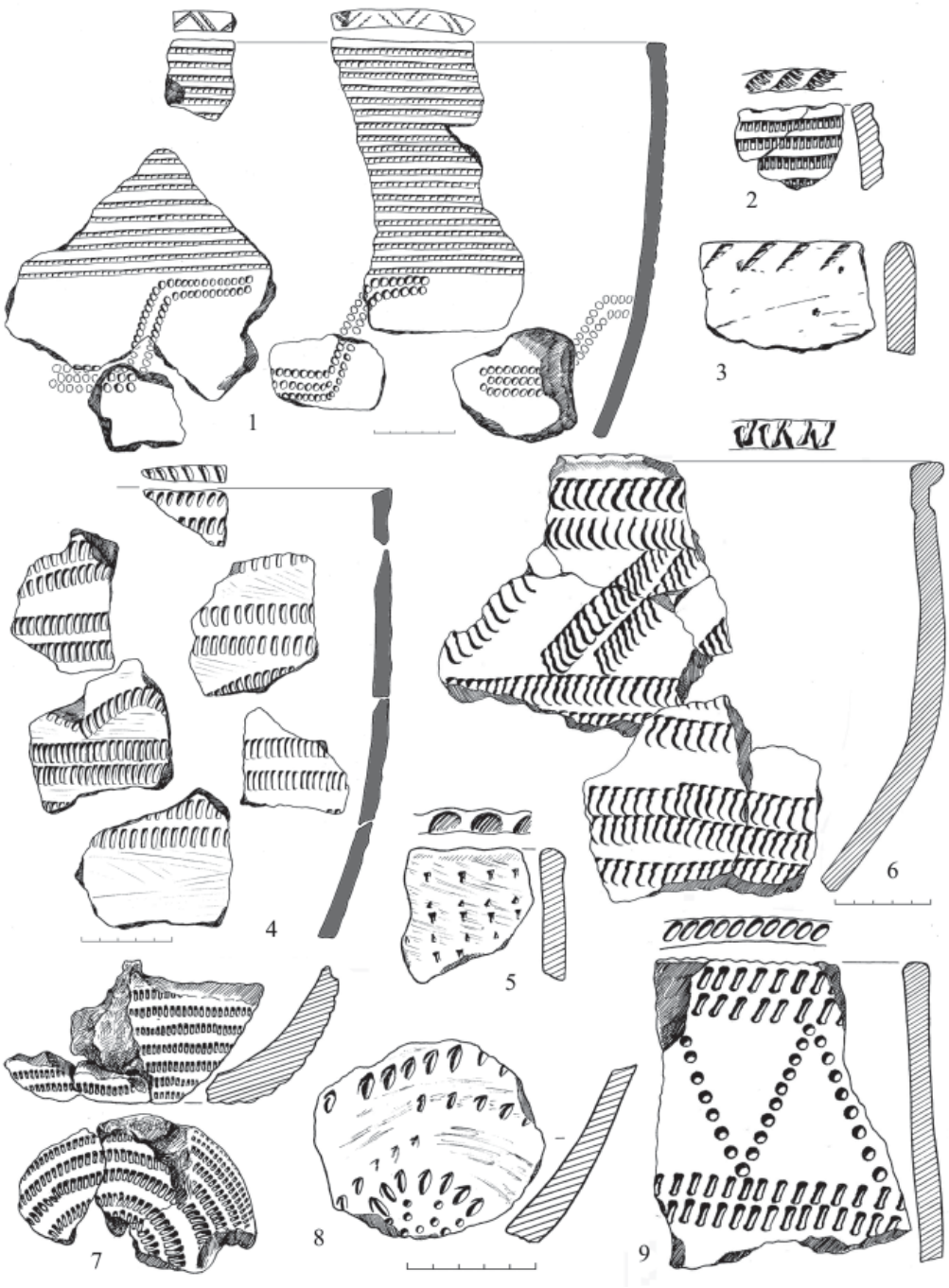


Рис. 6. Стоянка Чекалино IV. Керамика

зировались вопросы культурно-хронологического соотношения выделенных ранее типов и вновь полученных коллекций. Наметилось своеобразие материалов, выявленных в бассейнах рек Самара и Сок. Их можно объединить в три основные группы, отразившие процессы продвижения и взаимодействия различных популяций в лесостепном Поволжье в IV тыс. до н. э.

Первая группа представлена токским типом, выделенным Н.Л. Моргуновой на материалах Ивановской стоянки в бассейне р. Самары (Моргунова, 1984, с. 64, 65). В ареал токского типа Н.Л. Моргунова включает памятники бассейна р. Самары (Ивановское, Турганикское поселения, Виловатовская, II Старо-Елшанская, Елшанская береговая, Максимовская стоянки) и стоянки в бассейне р. Сок (II Большераковская, Чесноковская) (Моргунова, 2011, с. 67–79). И.Б. Васильев и Н.В. Овчинникова ограничили территорию распространения токских памятников бассейном р. Самары. При этом был отмечен токский облик небольшой серии керамики стоянки Чекалино IV (Васильев, Овчинникова, 2000, с. 230, 231). В связи с многослойностью памятников и отсутствием жилищных котлованов основу характеристики токского типа составила керамика (Моргунова,

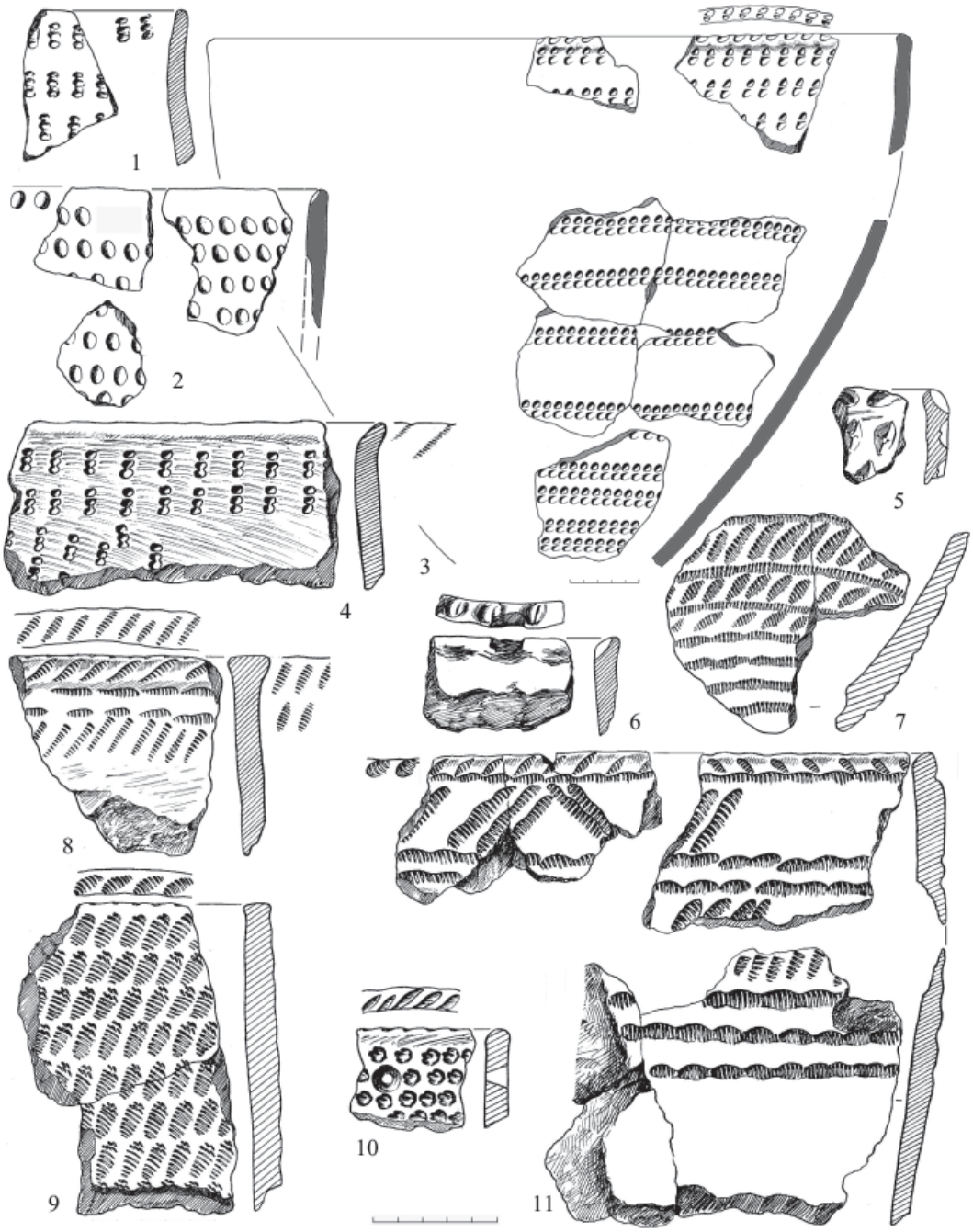


Рис. 7. Стоянка Чекалино IV. Керамика

1989, с. 121, 122; 1995, с. 64; 2011, с. 69, 70; Турганикское поселение, 2017, с. 50–52; Васильев, 1990, с. 53–58).

Керамику характеризуют сосуды высоких пропорций баночной формы с прямыми венчиками или горшковидной формы с прямыми или отогнутыми венчиками с плоским, округлым или приостренным срезом. Присутствуют Г-образные венчики. Днища округлые, но не исключаются и плоские. Размеры сосудов крупные, с диаметром горла 25–50 см (рис. 2: 3). По форме сосудов токской керамики Турганикского поселения было выделено два подтипа. В первый включены сосуды полуяйцевидной формы, во второй профилированные (Моргунова и др., 2017, с. 50–52). В орнаментации доминируют различные по длине и ширине гребенчатые штампы. Есть прочерченные линии, ямчатые вдавления (рис. 2: 1). На керамике Ивановского поселения отпечатки плетеных материалов отсутствуют (Моргунова, 2011, с. 70), но веревочный штамп (рис. 3: 1) отмечен в посуде Турганикского поселения (Турганикское поселение, 2017, с. 51). Некоторые сосуды имеют пояски глубоких ямок под венчиком (рис. 2: 9, 12; 3: 9, 14). Орнамент нередко располагается на срезе венчика, иногда на его внутренней поверхности. Мо-

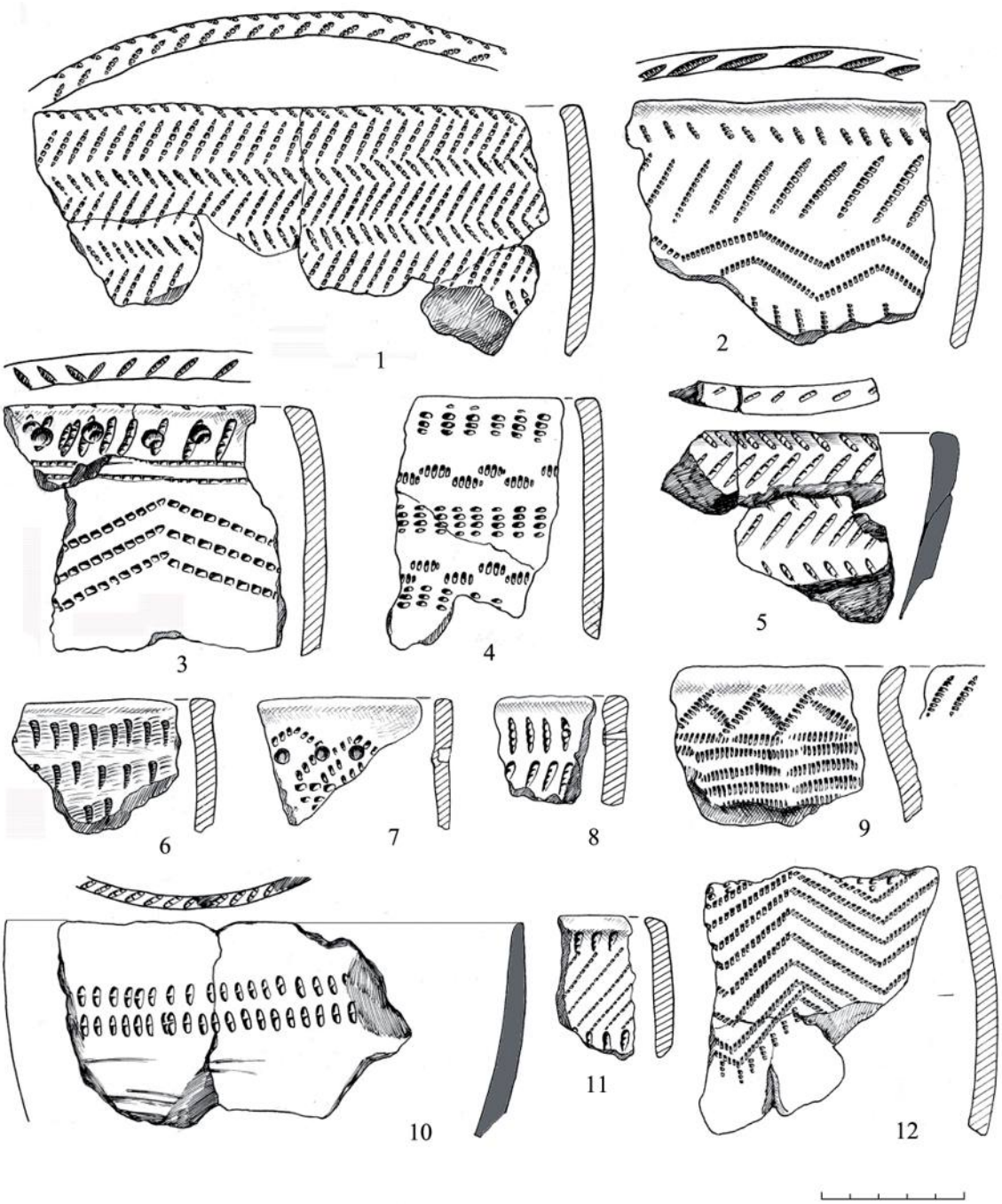


Рис. 8. Поселение Лебяжинка VI. Керамика

тивы орнамента: горизонтальные ряды штампа, зигзаг, горизонтальные полосы штампа и их сочетания, редко «шагающая» гребенка (рис. 2: 11; 3: 12). Опираясь на общие черты токской и ивановской керамики и совместное залегание материалов этих типов в культурном слое поселений, исследователь объединяет их в ивановско-токский тип (Моргунова, 1989, с. 122, 123; 1995, с. 64). Группа воротничковой керамики с сочетанием признаков ивановского и токского типа была выделена и на материалах Турганикской стоянки (Моргунова, 1984, с. 66). Анализируя керамику пятой (турганикская) и седьмой (токская) групп керамики Ивановской стоянки, Н.Л. Моргунова отметила их близость и предположила происхождение от местного неолита (Моргунова, 1980, с. 133). Технико-технологические исследования, проведенные И.Н. Васильевой, позволили установить, что токскую керамику делали из ила и илистых глин, а в состав примеси входили органический раствор, раковина и шамот. Подтвердилась близость традиций изготовления ивановской и токской посуды (Васильева, 2006, с. 17–23; Моргунова и др., 2017, с. 71). И.Н. Васильева также приходит к выводу о местных традициях, в рамках которых развивались гончарные технологии токского и турганикского

Рис. 9. Поселение Лебяжинка VI. Керамика

населения (Васильева, 2006, с. 23; Моргунова и др., 2017, с. 81). Происхождение токской керамики Н.Л. Моргунова связывает с безворотничковой керамикой Съезжинского могильника самарской культуры (Моргунова, 1995, с. 64) и более широко с линией развития местного неолита (Моргунова, 2011, с. 183). И.Б. Васильев также видел формирование токского типа на основе местного неолита, но увязывал его с волосовской и гаринской культурами (Васильев, 1990, с. 67).

Хронология токского типа в настоящее время определяется по радиоуглеродным датам, полученным Н.Л. Моргуновой по фрагментам керамики с Ивановской и Турганикской стоянок. Две даты: 5830±70 BP (Ki 14517), 5856±100 BP (SPb-2030), выполненные по керамике Турганикской стоянки, соответствуют датировке ивановского типа и могут служить подкреплением связей токского и ивановского населения. Еще две даты: 5230±90 BP (Ki 15598) и 5150±90 BP (Ki 15599) (Моргунова и др., 2017, с. 224–225) – близки датам, полученным по токской керамике Ивановской стоянки: 4930±80 BP (Ki 15068), 5070±80 BP (Ki 15070), 4940±80 BP (Ki 15089) (Моргунова и др., 2010, с. 24). Н.Л. Моргуновой для материалов токского типа Турганикского поселения определены два

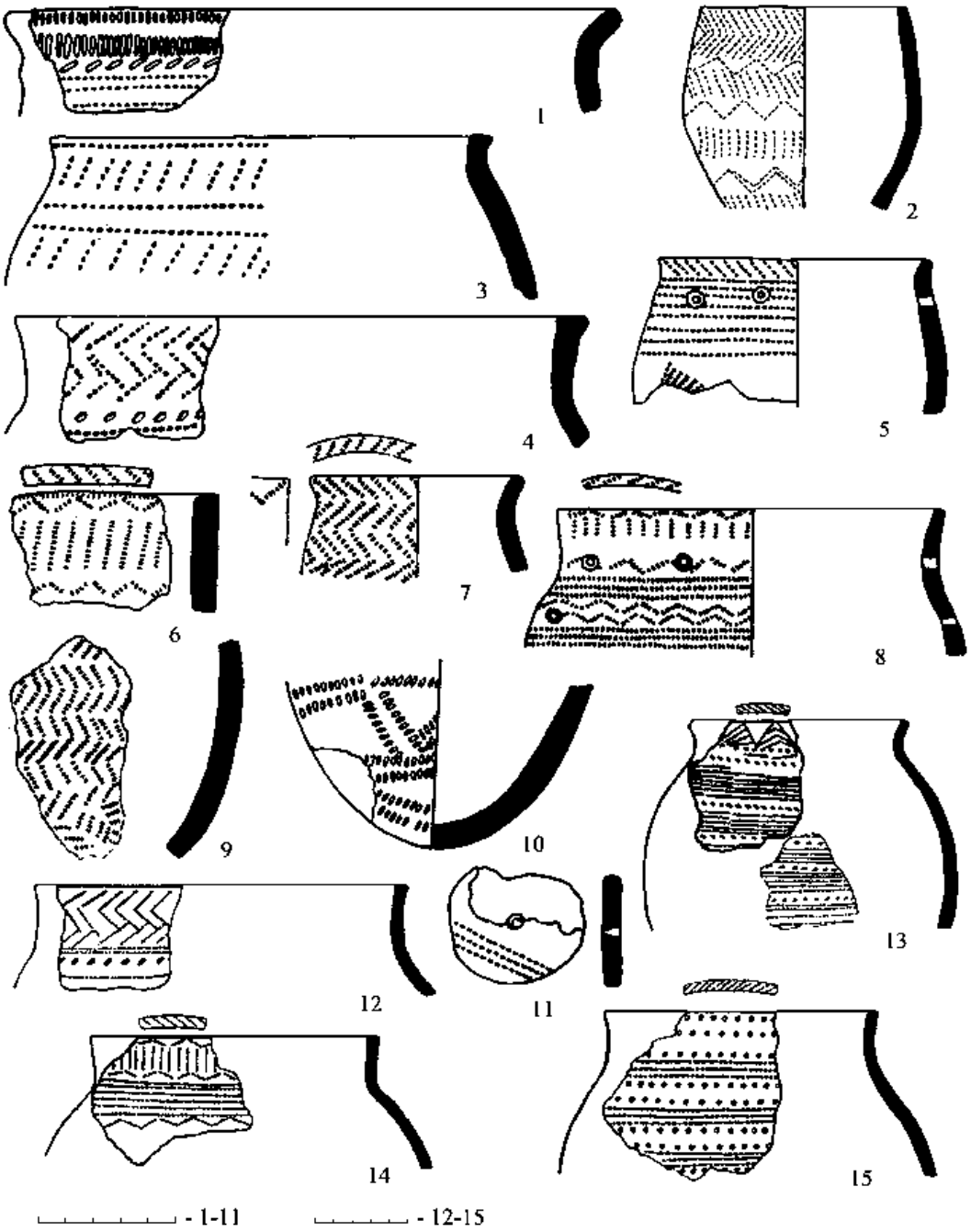


Рис. 10. Ивановское поселение. Керамика турганикского типа (по: Моргунова, 1989)

хронологических интервала: 4898–4440 cal BC и 4237–3790 cal BC. Результаты радиоуглеродного датирования подтверждают выводы исследователей о длительном периоде существования токского типа и возможности выделения двух этапов его развития (Моргунова и др., 2017, с. 228, 229).

Близкая токской керамика типа Чекалино IV была получена в бассейне р. Сок на Большераковской II, Чесноковской, Чекалинской IV, Лебяжинской IV стоянках, поселении Лебяжинка VI. Небольшие коллекции керамики и фрагменты отдельных сосудов найдены и на других памятниках. К настоящему времени на р. Сок не выявлены жилища, связанные с материалами этого типа, отсутствуют однослойные стоянки. Технология производства керамики может быть охарактеризована по материалам проанализированного И.Н. Васильевой поселения Лебяжинка VI. Керамику изготавливали из илистых глин, преимущественно с добавками дробленой раковины и органического раствора. Отмечена незначительная примесь сильно обожженной глины и в одном случае пера птиц (Васильева и др., 2019, с. 35). Характерными признаками керамики этих памятников являются: примесь раковины, обычно заглаженная внешняя поверхность сосудов,

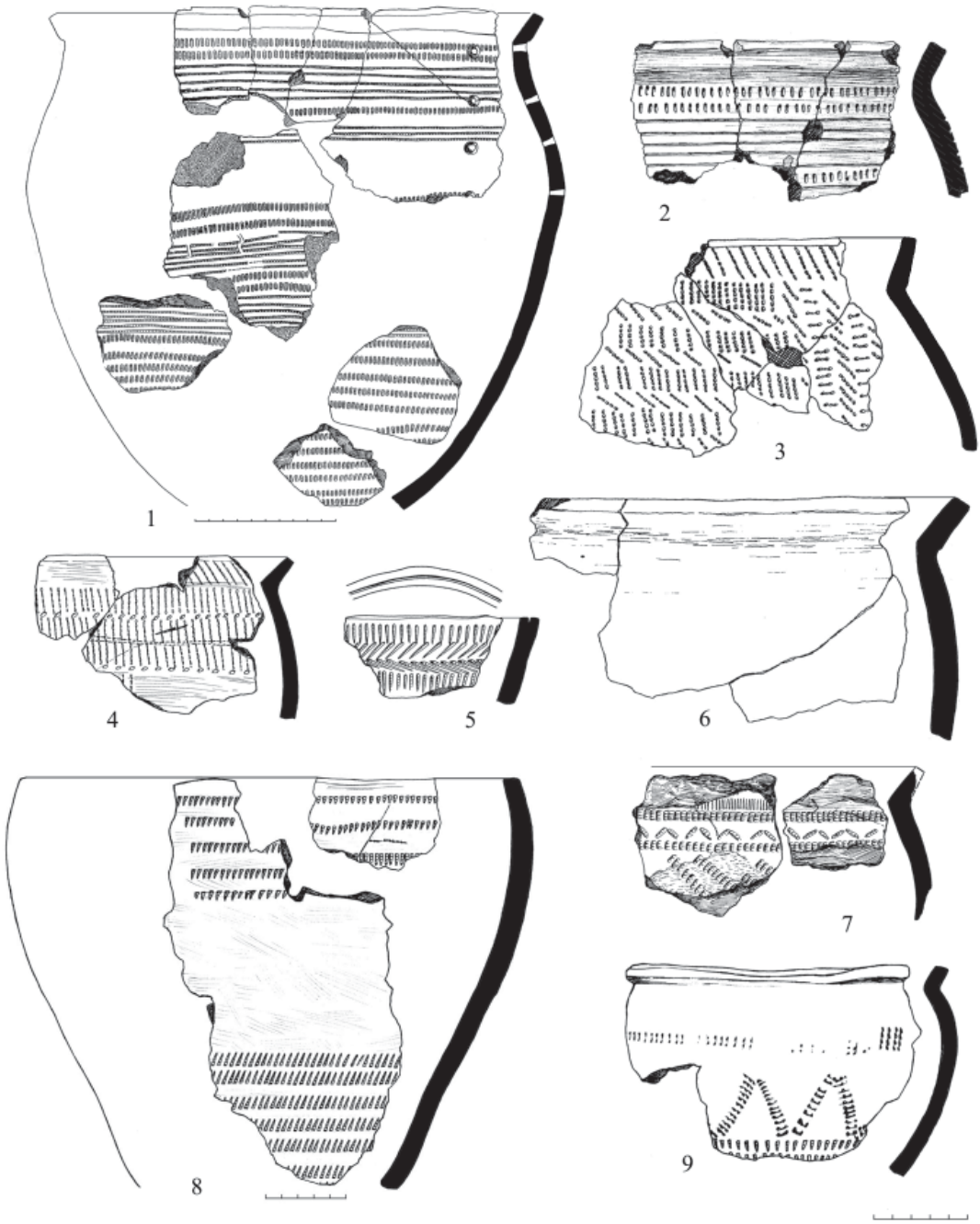


Рис. 11. Гундоровское поселение. Керамика

внутренняя сторона заглажена или покрыта расчесами. Преобладающие формы венчиков прямые, слегка загнутые внутрь или слегка отогнутые наружу с округлым или уплощенным срезом (рис. 4: 1–5, 7–9; 5: 1–3, 5–6, 8; 6: 1–6, 9; 7: 1–6, 8–11; 8: 1–11; 9: 1–5, 7–10). Венчики часто имеют небольшое утолщение, иногда в виде карниза на внешнюю или внутреннюю сторону, распространен слегка отогнутый в результате нанесения орнамента край, в некоторых случаях напоминая гофрировку (рис. 6: 5; 7: 5, 6). Днища округлые, уплощенные и вогнутые (рис. 4: 12; 5: 1, 2, 7; 6: 7, 8; 7: 7; 9: 6). Профилированные или сильно отогнутые венчики редки (рис. 4: 6; 5: 4, 5; 8: 9). Сосуды, как правило, украшались снаружи по всей поверхности. Орнамент может плотно или разреженно покрывать поверхность. Часто украшен срез венчика, иногда и его внутренняя сторона. Неорнаментированные сосуды единичны. В орнаментации преобладают гребенчатые штампы (рис. 4: 1–9, 11, 12; 5; 6: 1–3; 8; 9: 1, 2, 4–11, 13–15). В меньшей степени присутствуют ямчатые вдавления округлой, овальной, прямоугольной, «серповидной» формы, есть оттиски эпифизов костей небольших животных или птиц (рис. 4: 10; 6: 1, 4–6, 8, 9; 7: 1–6, 10). На венчи-

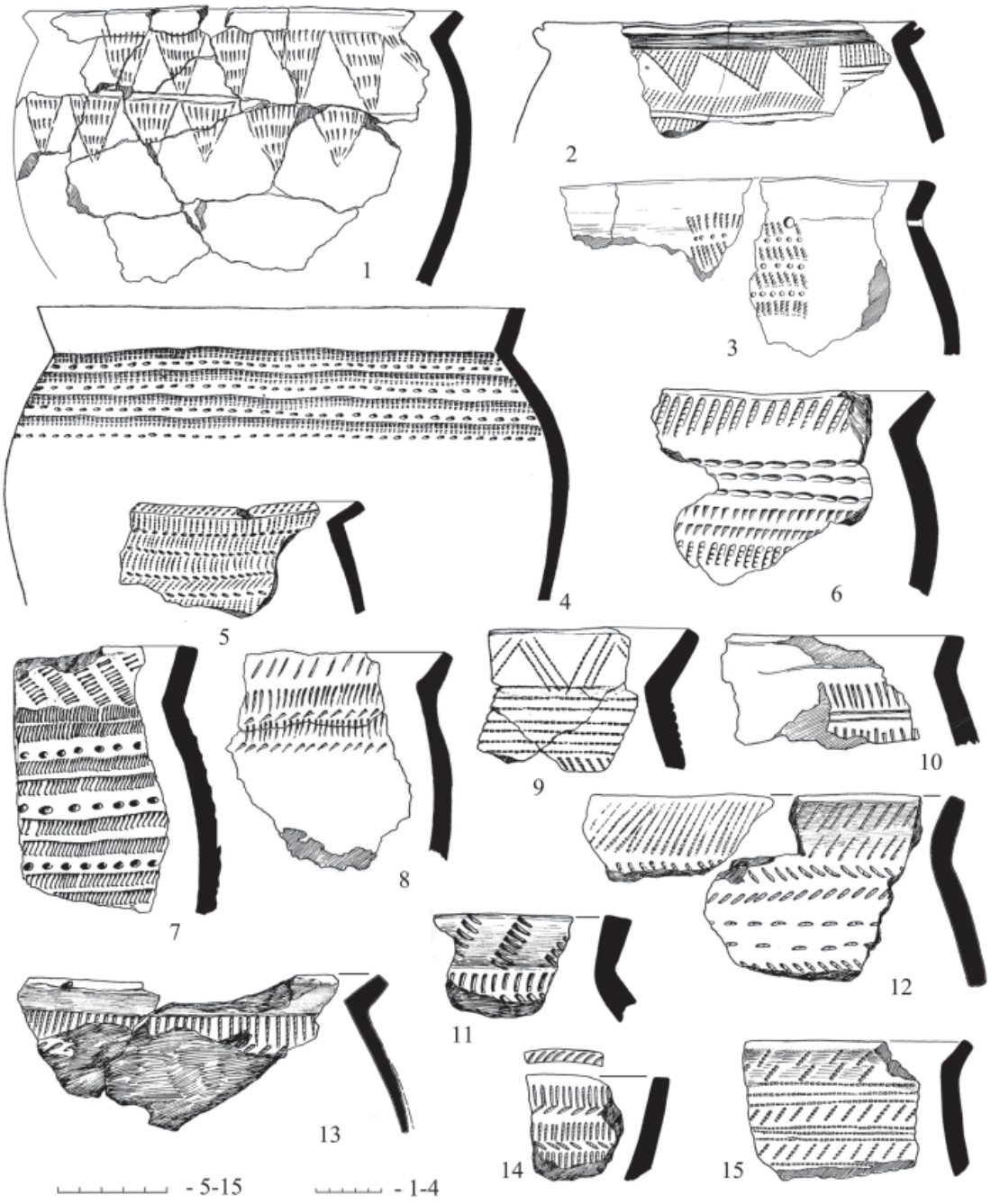


Рис. 12. Гундоровское поселение. Керамика (1–10). Стоянка Чекалино IV. Керамика (10–15)

ках иногда располагается поясок глубоких ямок (рис. 5: 4; 8: 3, 7, 8; 9: 9). Встречаются отпечатки веревочки и (или) аммонита (рис. 7: 7–9, 11; 8: 9; 9: 3, 12). Мотивы орнамента: частые и разреженные горизонтальные ряды прямо или наклонно поставленных оттисков штампа, полосы из горизонтальных оттисков штампа, наклонные ряды, сочетания горизонтальных и наклонных рядов, горизонтальный зигзаг, «сетка», сочетания горизонтальных полос и зигзага. Встречены мотивы в виде «отпечатков птичьих лап» (рис. 5: 2; 9: 14) и «плывущих птиц» (рис. 6: 1).

Керамика анализируемых памятников, объединенная общими признаками, имеет и некоторые отличия. В коллекциях керамики выделяются более толстостенные сосуды с обильной примесью толченой раковины и рыхлой фактурой, сосуды с плотной фактурой и небольшой толщиной стенок, редкие профилированные сосуды. Некоторым своеобразием отличается часть керамики Большераковской II стоянки и поселения Лебяжинка VI. В коллекциях этих памятников есть тонкостенные сосуды с прочной фактурой. Нехарактерны венчики с отогнутым наружу краем в результате орнаментации. Чаще присутствует выступ-карниз наружу или вовнутрь венчика. Встречаются отпе-

Рис. 13. Чекалино IV. Керамика

чатки косозубого штампа, горизонтально поставленные оттиски короткого гребенчатого штампа. Присутствуют многорядный горизонтальный зигзаг, единично встречаются прямая и косая сетка, ромбы. В коллекциях этих памятников также содержится керамика с обильной примесью раковины, профилированными венчиками. Эти различия могут иметь хронологический характер и отражать как последовательность формирования типа, так и внешнее влияние. Однако полное преобладание прямостенных сосудов показывает, что они остаются ведущими формами на протяжении всего периода существования материалов чекалинского типа. По фрагментам сосудов стоянки Чекалино IV (рис. 5: 1; 6: 6) были получены наиболее поздние даты для этого типа. Сопоставляя этот тип керамики стоянок на р. Сок с токской посудой, следует подчеркнуть их большую близость в части баночных и котловидных сосудов. Необходимо отметить близкие аналогии посуды чекалинского типа с материалами верхнего слоя стоянки Елшанка XI, изученной А.В. Вискалиным на р. Свияге. По мнению автора раскопок, керамика стоянки демонстрирует сходство с токско-турганикскими материалами. Но А.В. Вискалин приходит к заключению, что материалы сто-

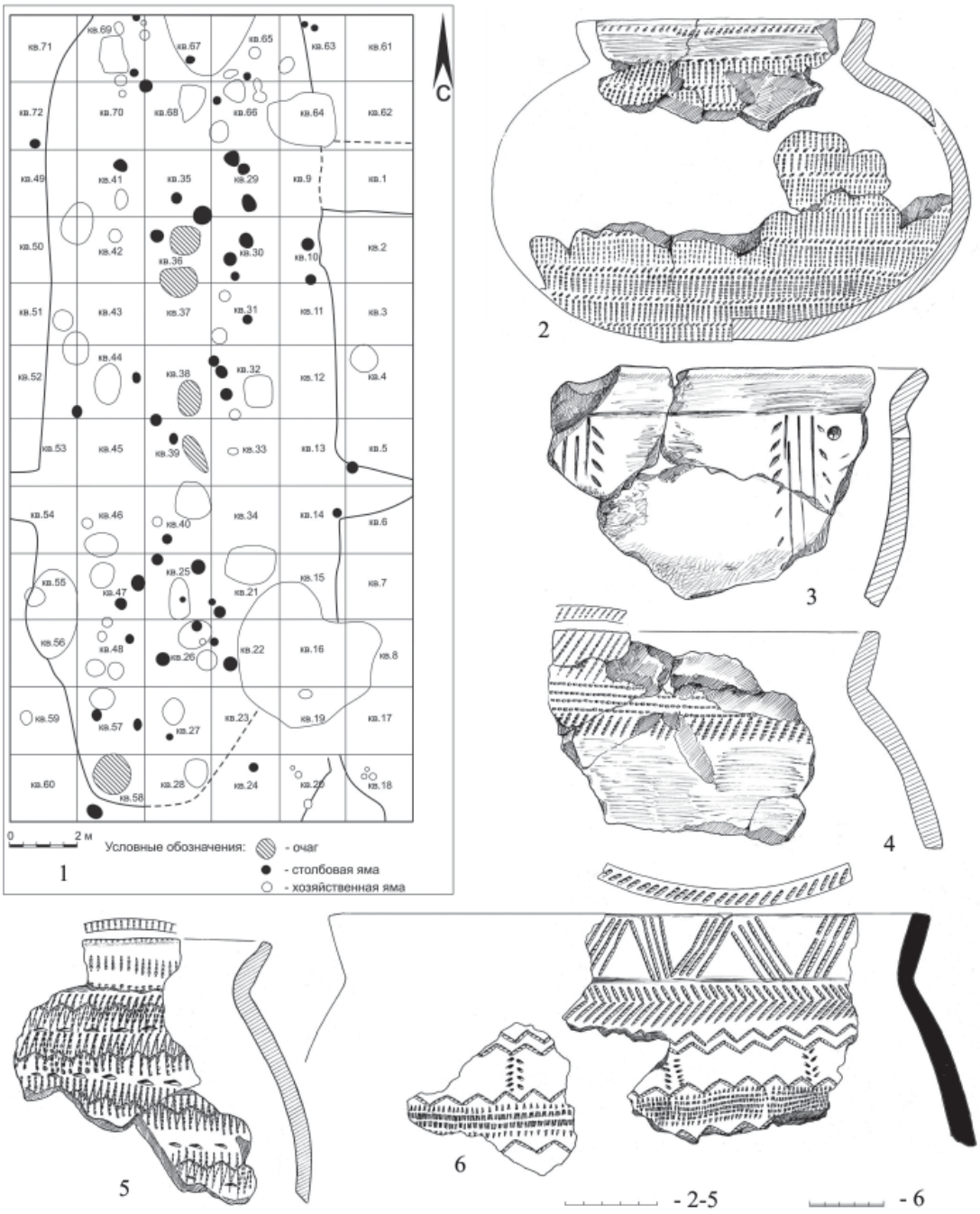


Рис. 14. Поселение Лебяжинка VI. Жилище 1 (1). Керамика (2–6)

янки свидетельствуют о продвижении населения из Вяткско-Камского региона (Вискалин, 2008, с. 49). Сходство с чекалинскими материалами показывает безворотничковая группа посуды стоянки Муллино (Матюшин, 1982, с. 248–250). Керамика чекалинского типа в основных чертах близка и поздненеолитической керамике средневолжской культуры, с которой связана происхождением. По этим же характеристикам керамика стоянок на р. Сок различается с воротничковой посудой самарской культуры. Можно предположить, что на этой территории не сложились условия для постоянного взаимодействия их изготовителей. Следами контактов являются следующие признаки: раковинная примесь в керамике, профилированная посуда, встреченная в небольших количествах, единичные утолщенные наружу или желобчатые венчики, возможно, веревочная орнаментация. Определенное сходство в формах сосудов, округлых днищах, элементах и мотивах орнамента проявляется и с керамикой новоильинского типа. Хотя керамика вышеприведенных памятников р. Сок отличается от нее раковинной примесью, более разнообразной профилировкой и орнаментацией. Это сходство скорее означает близкую неолитическую подоснову формирования этих

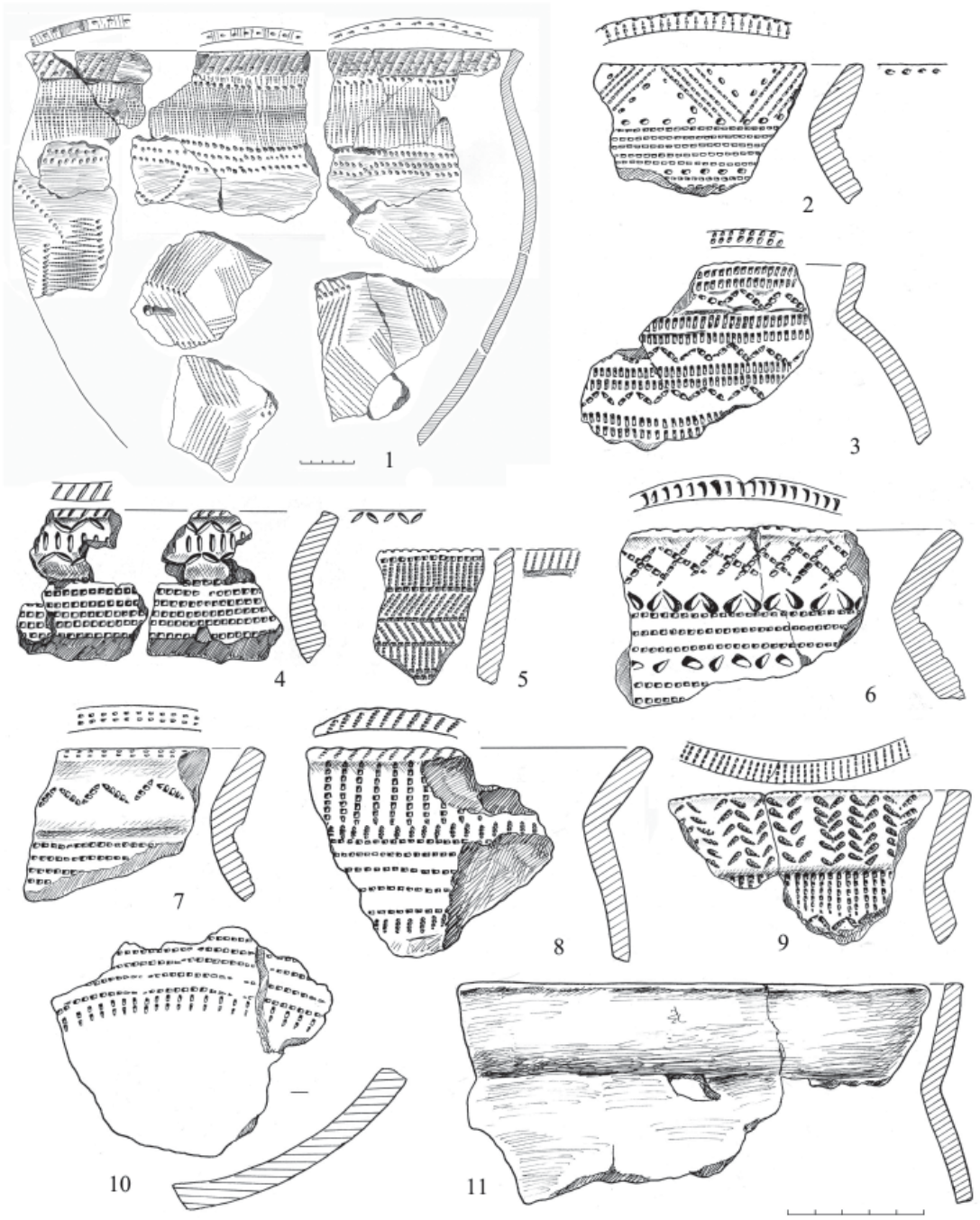


Рис. 15. Поселение Лебяжинка VI (1–9). Керамика

типов, контакты их носителей, чем результат прямого продвижения в лесостепь новоильинского населения.

Вопросы хронологии, происхождения и дальнейших судеб. По керамике стоянки Чекалино IV были получены даты 5840±90 BP (Ki-14571), 5470±140 BP (Ki-15774), 5240±80 BP (Ki-14574), 5065±70 BP (Ki-16439), 5050±80 BP (Ki-16440) (Королев, Шалапинин, 2014, с. 269). Первая дата значительно древнее других, но она почти совпала с датами, полученными по токской керамике Турганикской стоянки (Моргунова и др., 2017, с. 224, 225). Одна дата, полученная по фрагменту с обильной раковинной примесью, явно занижена и не может быть принята во внимание – 6620±80 BP (Ki-15775). Датирование типологически близкой керамики поселения Лебяжинка VI показало, что наметившийся хронологический промежуток может быть заполнен датами 5763±120 BP (SPb-1646) и 5634±120 BP (SPb-1644) (Королев и др., 2017, с. 203–206).

По фрагменту сосуда, украшенного орнаментом из оттисков гребенчатого штампа, со стоянки Большая Раковка II была получена дата 5353±110 BP (SPb-2795), подкрепляющая намеченную хронологию. Для сосуда с обильной раковинной при-

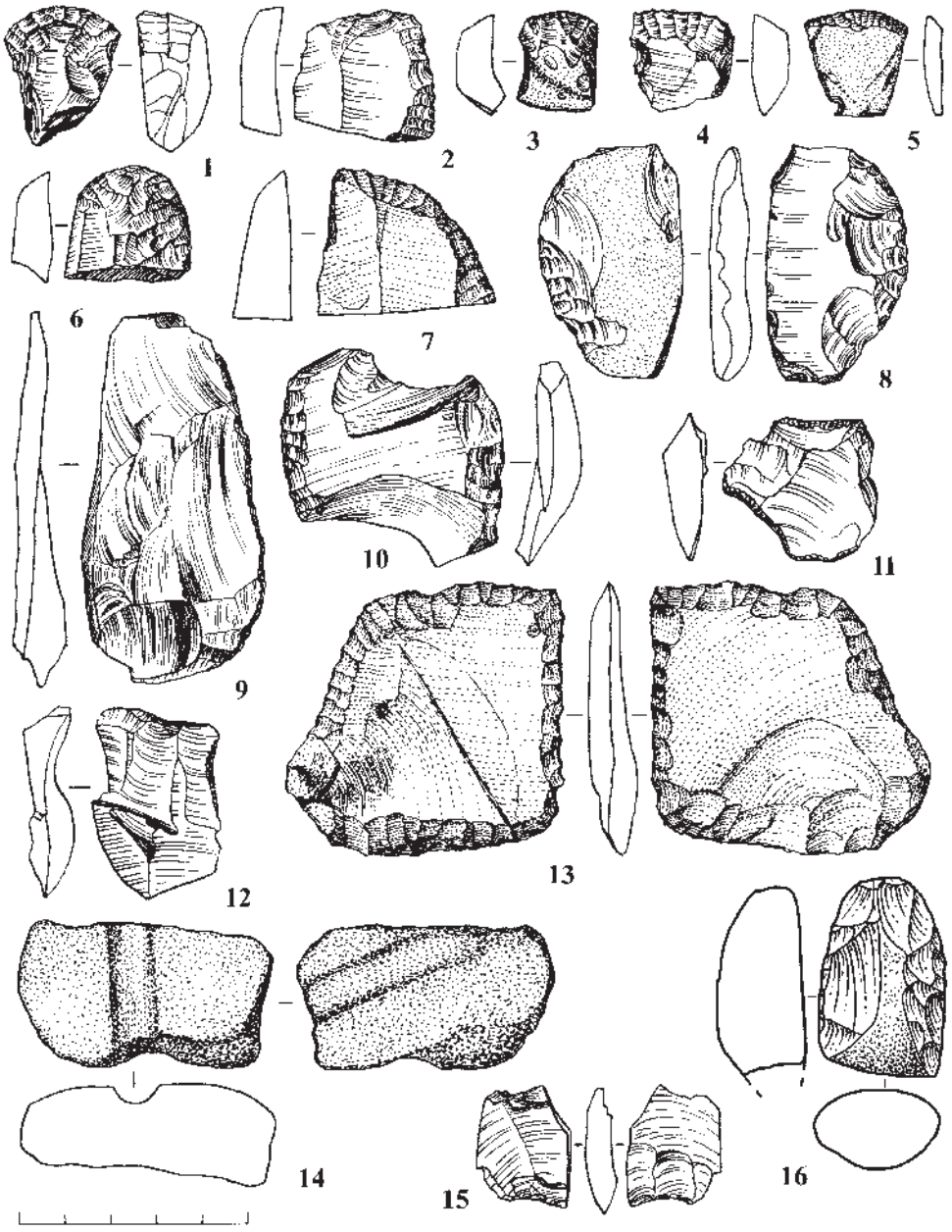


Рис. 16. Поселение Лебяжинка VI. Каменный инвентарь (1–16)
Кремень (1–6, 8–12), кварцит (7, 13), песчаник (14), халцедон (15), кремнистый известняк (16)

месью орнаментированного веревочным штампом с Чесноковской стоянки, была получена дата 5024±120 BP (SPb-1056). Она подтвердила наиболее поздние значения для керамики стоянки Чекалино IV. Вероятный хронологический интервал для материалов чекалинского типа без наиболее ранних значений составляет 4500–3650 cal BC (95%).

Результаты датирования подводят к некоторым выводам. Прежде всего, они показывают, что хронологию рассмотренных материалов пока нельзя считать установленной. Наиболее ранние радиоуглеродные определения подкрепляют мысль о формировании материалов чекалинского типа на основе средневолжского неолита под влиянием самарской культуры. Этот процесс, видимо, начался еще в первой половине IV тыс. л. н. в традиционном представлении. Такая возможность подкрепляется общими признаками в керамике и совпадением, а в ряде случаев и наложением дат позднего энеолита и неолита (Выборнов, 2008, с. 242; Выборнов и др., 2009, с. 62; Андреев и др., 2018, с. 204, 205). Вопрос хронологического соотношения материалов лесостепного позднего неолита и энеолита нуждается в дополнительных исследованиях.

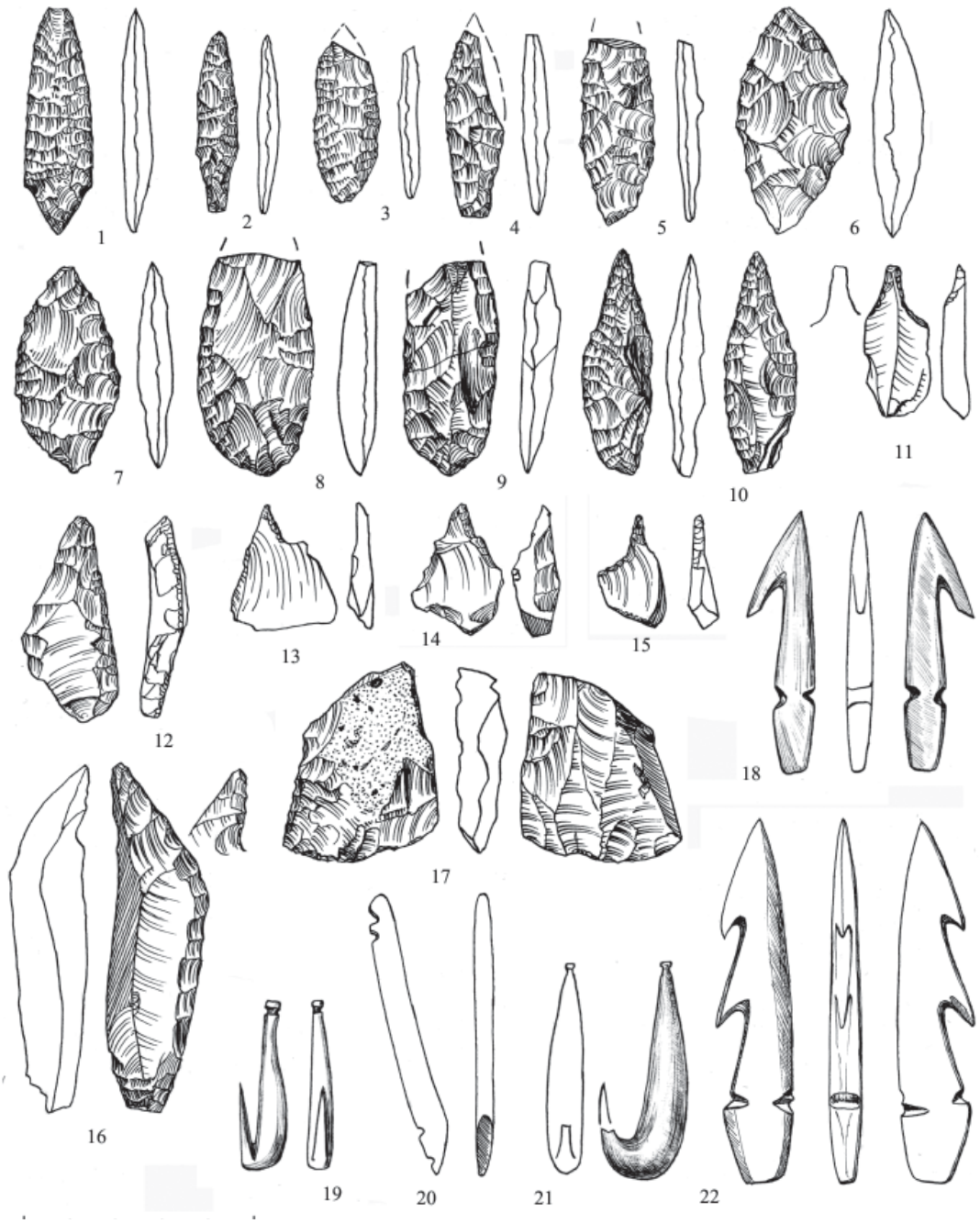


Рис. 17. Поселение Лебяжинка VI. Каменный инвентарь (1–17). Костяной инвентарь (18–22)

Вторая группа позднего энеолита представлена материалами «волосовского» облика Гундоровского поселения. Вероятный хронологический интервал для материалов данного типа составляет 4500–3700 cal BC (95%). Они подробно охарактеризованы в главе «Памятники лебяжинского типа».

Третья группа материалов позднего энеолита включает турганикский тип и тип керамики «с внутренним ребром». Турганикский тип был выделен на материалах многослойной Ивановской стоянки (Васильев, 1981, с. 51–54; Моргунова, 1980, с. 110; 1984, с. 65), встречен на Старо-Елшанской, Елшанской береговой и Виловатовской стоянках (Васильев, 1990, с. 59) и характеризуется только керамикой.

Керамика изготавливалась из илистых глин и илов, с примесью раковины и органического раствора (Васильева, 2006, с. 19). Внешняя поверхность фрагментов тщательно заглажена, на внутренней стороне есть расчесы гребенчатого штампа. Сосуды тонкостенные (толщина стенок 0,5–0,6 см) небольших и средних размеров (диаметр горла до 25 см) имеют прямостенную или горшковидную форму с раздутым туловом (рис. 10: 1–10, 12–15). Сосуды имеют венчики с плоским, округлым или приостренным срезом, округлое тулово, округлые, уплощенные, плоские

днища. Выделяются сосуды с раструбовидным и прямым горлом. Сосуды орнаментированы снаружи, часто – по срезу венчика, иногда по его внутренней поверхности. Преобладающий элемент орнамента – гребенчатый штамп, в качестве разделителя орнаментальных зон использовались насечки или ямки. Орнаментальные узоры включают горизонтальные, вертикальные, наклонные ряды оттисков штампа, горизонтальный зигзаг, вертикальный зигзаг, горизонтальные полосы штампа, елочку, заштрихованные треугольники, чередующиеся ряды длинного и короткого штампа (Васильев, 1981, с. 51–53; 1990, с. 59–61; Моргунова, 1989, с. 129–133; 2011, с. 168–174).

Происхождение турганикского типа связано с материалами ивановского этапа самарской культуры и токского типа. Также учитывается и западная линия синхронизации в материалах репинского типа и Михайловского II поселения. Турганикские материалы синхронизируются с памятниками эпохи ранней бронзы, в рамках которой они определены как пережиточные (Моргунова, 2011, с. 174, 175). Этот вывод подкреплен двумя датами из трех, полученных по керамике турганикского типа: 4860±80 л. н. (Ki-15069), 4790±80 (Ki-15088). Определение 5920±80 (Ki-14515) было подвергнуто сомнению (Моргунова и др., 2010, с. 25). И.Б. Васильев отметил значительную близость турганикских и суртандинских материалов и предположил основную восточную линию культурных связей турганикского типа (Васильев, 1990, с. 59–63). Вероятный хронологический интервал для материалов данного типа может составлять 3790–3370 cal BC (95%).

Близкие турганикской керамике материалы были выявлены на памятниках р. Сок. Впервые крупная коллекция такой керамики была выделена И.Б. Васильевым на Гундоровском поселении и по одному из характерных признаков – наличию внутреннего ребра в месте отгиба венчика, получила временное наименование «керамика с «внутренним ребром» (рис. 11; 12: 1–10). Керамика этого типа представлена крупными коллекциями стоянки Чекалино IV (рис. 12: 11–15; 13) и поселения Лебяжинка VI (рис. 14: 2–6; 15), небольшими сериями или отдельными сосудами на стоянках Большая Раковка II, Чесноковка II, Лебяжинка IV (Королев, Овчинникова, 2009, с. 296–304; Королев, Шалапинин, 2017, с. 74, 76–80). Для характеристики этих материалов особое значение имеет поселение Лебяжинка VI, где такая керамика залегла в жилищных котлованах в сопровождении каменного, костяного инвентаря и фаунистических остатков. Наибольший интерес представляет жилище 1 (рис. 14: 1). Его ширина 8 м, длина исследована до 24 м, глубина 20–30 см, борта пологие, дно ровное, заполнение – буровато-серая супесь. Жилище сориентировано по линии юг – север и в изученной части имеет два выхода, первый на восток, второй на запад. Около основания западного выхода есть две столбовые ямы, вблизи восточного – одна. На дне котлована расположены ямы столбового, хозяйственного назначения, а также неукрепленные очаги.

Технико-технологический анализ керамики, проведенный И.Н. Васильевой, показал, что она изготовлена с примесью толченой раковины, органического раствора и птичьего пуха (Васильева и др., 2019, с. 31, 34–35). Поверхности сосудов выравнивались короткозубыми штампами, от которых сохранились расчесы. Затем внешняя поверхность заглаживалась. Горшковидные сосуды имеют раструбовидные или подцилиндрические шейки высотой 2–5 см, часто отделенные от округлого тулова резким перегибом внутри – ребром. Отдельные сосуды имеют баночную и чашевидную форму (рис. 11: 5; 13: 7; 15: 5). Толщина стенок от 0,6 до 1,2 см, размеры сосудов от миниатюрных до крупных с диаметром горла более 40 см. На венчиках нередко встречаются плоские воротничковые утолщения (рис. 11: 1, 3, 6; 12: 2, 11; 14: 5; 15: 2, 7, 9). Срез венчиков плоский, редко – округлый. Днища округлые и уплощенные (рис. 13: 1; 14: 2; 15: 10). Орнамент выполнен гребенчатым штампом с доминированием узкой короткой и средней гребенки с мелкими зубцами и мелкими овальными вдавлениями, нанесенными углом штампа. Преобладающие мотивы орнамента: горизонтальные полосы из горизонтально поставленных оттисков гребенчатого штампа, горизонтальные ряды вертикально нанесенных оттисков гребенки, горизонтальный зигзаг из оттисков короткой гребенки. Реже встречаются наклонные ряды оттисков гребенки и ямчатых вдавлений, косая «сетка», заполненные треугольники. Иногда присутствует «перебивка» орнамента (рис. 12: 2; 13: 5). На ряде сосудов была зафиксирована перебивка орнамента иного рода, когда поверх первоначально выполненного орнамента «шагающая гребенка» был нанесен мелкий горизонтальный зигзаг или оттиски горизонтально поставленного короткого гребенчатого штампа (рис. 14: 5). В качестве разделителей орнаментальных зон распространены пояски ямок или зоны без орнамента, есть полностью неорнаментированные сосуды. В отличие от керамики Гундоровского поселения и стоянки Чекалино IV, в орнаменте посуды Лебяжинки VI не отмечены треугольники, но присутствует «шагающая гребенка» (рис. 14: 5, 6; 15: 1). Керамика «с внутренним ребром» типологически легко отделяется от материалов чекалинского типа и в то же время де-

монстрирует общие признаки с керамикой поселения Лебяжинка III. Среди них примесь раковины и пера птиц, присутствие венчиков с воротничками, округлые и уплощенные днища, преобладание гребенчатой орнаментации, наличие мотива «шагающая гребенка».

Каменный инвентарь может быть охарактеризован по материалам поселения Лебяжинка VI (Королев и др., 2016, с. 188–194). В основу характеристики взяты каменные орудия и отходы их производства из нижней части заполнения жилищного котлована 1. Для изготовления орудий применялся кремень, кварцит, песчаник, есть куски известняка со следами обработки. Преобладает серый кремень и халцедон, представленный помимо мелких отщепов и осколков расколотыми желваками и крупными сколами. Морфологически завершенных орудий из этого сырья мало, пластины отсутствуют. Широко применялся местный цветной кремень невысокого качества. Об этом свидетельствуют крупные аморфные сколы и большое количество незаконченных орудий, заготовок, расколовшихся на стадии формообразования. Кварцит высококачественный светло-серого цвета составляет около 14% от общего количества единиц камня. Широко представлены орудия из песчаника, абразивы, выпрямители древков стрел. Иногда использовались куски известняка. Такой состав сырья является традиционным для материалов памятников эпохи энеолита р. Сок. Большую группу составляют наконечники листовидной формы (рис. 17: 3, 5–9). Они различаются по форме насада, приостренной (рис. 17: 6, 7, 9) и округлой (рис. 17: 8). Встречаются листовидные наконечники с усеченным основанием (рис. 17: 4). По численности им заметно уступают наконечники черешкового типа (рис. 17: 1, 2). Есть наконечники из кварцита.

Скребки относятся к распространенным орудиям (рис. 16: 1–7). Выделяются концевые скребки на сколах с округлым (рис. 16: 1, 3, 5, 6), прямым (рис. 16: 2, 4) или скошенным лезвием (рис. 16: 7). Есть скребки на аморфных сколах. Представлены орудия с выемчатым лезвием (рис. 16: 11, 12). К числу распространенных орудий относятся перфораторы (рис. 17: 10–16). Большая часть из них на трехгранных сколах отнесена к сверлам. Есть крупная проколка листовидной формы. Выделяются крупные тщательно отретушированные экземпляры (рис. 17: 10). Преобладают острия маленьких размеров с ретушью по жальцу и частично по плечикам, почти все они изготовлены из осколков светло-серого халцедона (рис. 17: 11, 13–15). Ножи многочисленны и представлены изделиями на отщепах (рис. 16: 8–10). Выделяются ножи с двусторонней ретушью на крупных отщепах, в том числе кварцитовых (рис. 16: 13). Категория рубящих орудий включает шлифованные изделия из кремнистого известняка, как правило, представленные в обломках (рис. 16: 16). К рубящим орудиям отнесены многочисленные изделия на крупных и мелких сколах светло-серого кремня и халцедона (рис. 16: 15; 17: 17). Широко представлены различного рода абразивы из песчаника, в том числе «выпрямители древков» (рис. 16: 14). Найдены также отбойники и ретушеры на крупных сколах и нуклевидных кусках кремня, халцедона, небольших гальках зернистых пород камня, терочники и «наковальни» на известняковых плитках. Интерес представляет выявленный в жилищном котловане небольшой окисел меди.

На уровне пола котлована были найдены костяные орудия и многочисленные кости животных. Широко представлены острия из трубчатых костей птиц, долотовидные орудия, есть зубчатые штампы. Украшения представлены бусинами и подвесками из створок речных раковин, подвесками из костяных пластинок, зубов животных, костяных и раковинных пронизок. Для ловли рыбы применяли костяные цельные и составные крючки. Цельные крючки с широким плоским цевьем и оформленной нарезками головкой имеют тонкое жало без бородки. Они имеют размеры от 3,7 до 6,1 см (рис. 17: 19, 21). Составные крючки имели более крупные размеры, могли быть снабжены поперечными нарезками для более прочного крепления с острием (рис. 17: 20). Гарпуны включают небольшие однозубые (рис. 17, 18), двузубые (рис. 17, 22) полностью сохранившиеся экземпляры и фрагменты многозубых орудий.

По данным остеологического анализа костных материалов, основными промысловыми видами рыбы были щука и сом, в меньшей степени сазан, судак и окунь. В незначительном количестве присутствуют плотва, осетр, севрюга, стерлядь (Королев и др., 2016, с. 89–91). Среди фаунистических останков преобладают кости диких видов, представленные костями куницы, бобра, медведя, лося сайги, выдры, барсука, сурка, зайца, лисицы, волка. Найдены кости черепах. Есть кости лошади, но ее отношение к домашнему хозяйству неясно. Около трети всех костей составляют кости домашних животных: мелкий и крупный рогатый скот, собака (Королев, Рослякова, 2017, с. 207–210).

Материалы памятника имеют особое значение для изучения хозяйства в энеолите региона. Здесь впервые получены прямые основания для изучения соотношения промыслов и производящего хозяйства в связи с типом материалов, получивших временное наименование «керамика «с внутренним ребром». Характеристика этого типа включает целый комплекс материалов. Учитывая

технико-типологические и технологические различия керамики с «внутренним ребром» и керамики турганикского типа, приемлемо применить к ней название «керамика гундоровского типа», по памятнику, где она впервые была выделена И.Б. Васильевым.

По керамике этого типа стоянки Чекалино IV были получены даты 5270±80 л. н. (Ki-14572) и 5320±80 л. н. (Ki-14573) (Королев, Шалапинин, 2014, с. 268). Возраст материалов Лебяжинки VI предварительно может быть определен по небольшой серии радиоуглеродных дат. Четыре даты получены по двум образцам от одного сосуда: 5299±120 л. н. (SPb-1736) и 6296±120 л. н. (SPb-1737) получены по фрагментам керамики, 5325±110 л. н. (SPb-1736a) и 5444±120 л. н. (SPb-1737a) – по нагару на фрагментах (Королев и др., 2017, с. 204–205). Две даты, полученные по керамике и нагару первого фрагмента, почти совпали. Примечательно, что совпали они и с датами по керамике стоянки Чекалино IV. Еще одна дата по нагару на втором фрагменте имеет более ранний возраст и еще одна оказалась неприемлемо древней. Дата по кости КРС из жилища этого поселения – 5122±70 л. н. (SPb-2290) (Korolev et al., 2018, p.1594) – оказалась близка группе компактно расположившихся дат. Вероятный хронологический интервал для материалов данного типа 4370–3712 cal BC (95%).

Происхождение и дальнейшие судьбы носителей гундоровского типа.

В происхождении керамики с «внутренним ребром» (гундоровского типа), видимо, нужно учитывать несколько компонентов. Следует отметить связь с хвалынской культурой, видимо, опосредованно, через ивановский этап самарской культуры. Проявляется он в сильно профилированных «раздутых» формах сосудов, наличии воротничков и округлых днищ, наличии внутреннего ребра в месте отгиба венчика, преобладании коротких гребенчатых штампов, мелких овальных вдавлениях, мотивах орнамента и их сочетаниях, плотной и аккуратной манере орнаментации преимущественно в горизонтальной зональности. Выделяются признаки, сближающие с воротничковой керамикой Лебяжинского III и Гундоровского поселения: примесь раковины и пуха птиц в керамике, толстостенность и крупные размеры сосудов, уплощенные воротнички, мотив «шагающая гребенка» в керамике поселения Лебяжинка VI, применение длинного гребенчатого штампа. Эти же признаки, дополненные четко отделенными от тулова высокими раструбовидными венчиками, сближают гундоровский тип со среднестоговскими материалами Примокшанья (Королев, 2014, с. 198–202). Можно отметить сходство с керамикой алтатинского типа, особенно с резко профилированными сосудами. Культурная близость подкрепляется вытянутыми пропорциями построек, сочетанием орудий из кремня и кварцита, некоторыми типами каменного инвентаря (Ставицкий, 2002, с. 102, рис. 8).

Дальнейшая судьба гундоровского типа (керамика «с внутренним ребром») остается пока невыясненной. Однако следует отметить определенную типологическую и хронологическую близость с керамикой репинской культуры. Более отдаленное сходство просматривается с керамикой вольско-лбищенской культуры. Технико-типологические особенности керамики, результаты радиоуглеродного датирования позволяют поставить вопрос о соотношении материалов гундоровского типа с турганикским типом. Видимо, появление гундоровского типа связано с бассейном р. Сок, где он представлен крупными комплексами, имеет более ранние даты. Здесь же можно видеть предысторию этих материалов. Характеристика турганикской керамики отражает лишь часть особенностей комплексов, полученных на р. Сок. Возможно, материалы Ивановской, Виловатовской и других стоянок отразили взаимодействие носителей гундоровского типа или их продвижение в бассейн р. Самары.

Таким образом, в Среднем Поволжье в позднем энеолите фиксируются три группы материалов, иллюстрирующие три линии развития. Первая включает памятники токского типа и материалы типа Чекалино IV. У них, видимо, общая неолитическая подоснова, и формирование их связано с распространением здесь степных племен с воротничковой керамикой. Влияние носителей воротничковой керамики на проживающее на р. Самаре неолитическое население было более сильным, и сформировавшийся токский тип в большей степени отразил новые традиции. В бассейне р. Сок часть неолитического населения оказалась менее подвергнута воздействию пришельцев. Оно оставило памятники типа Чекалино IV. Другая часть населения средневолжской культуры оказалась сильнее вовлечена в орбиту влияния носителей самарской культуры, и в результате появился лебяжинский тип, на втором этапе которого складывается своеобразный «волосовский» облик материалов Гундоровского поселения. Третья группа материалов представлена турганикским типом на р. Самаре, гундоровским типом (керамика «с внутренним ребром») на р. Сок, отдельными алтатинскими и алексеевским проявлениями в левобережье Волги.

ГЛАВА 5

ПОЗДНЕЭНЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СУРСКО-СВИЯЖСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

На территории Сурско-Свияжского междуречья позднеэнеолитические материалы были впервые получены Н.И. Спрыгиной в 1927–1928 гг. при раскопках Пензенских стоянок, однако были отнесены исследователем к эпохе бронзы (Ставицкий, 1992). Культурно-хронологическое определение этих материалов впоследствии было выполнено А.Х. Халиковым, который отнес к раннему этапу волосовской культуры керамику с органическими примесями стоянок у озера Ерня и у поселка Терновка. Развитым и поздним этапами той же культуры им были определены материалы поселений у Калашного затона (Халиков, 1969, с. 128–129).

В монографии А.Х. Халикова была дана характеристика и другим позднеэнеолитическим материалам Сурско-Свияжского междуречья. К ранневолосовским памятникам им были отнесены материалы бассейна р. Свияги с Петропавловского, Состринского и Мало-Кокузинского поселений, на которых была собрана керамика с органическими примесями, украшенная оттисками среднезубчатых штампов (Халиков, 1969, с. 145–147).

К памятникам волосовского круга В.Ф. Каховским было отнесено поселение Челкасы I на р. Б. Цивиль, исследованное им в 1968 г. (Каховский, 1969, с. 146–147). Нахождение в одном слое поселения волосовских и атликасинских материалов позволило сделать исследователю вывод о контактах между энеолитическим и балановским населением (Каховский, 1977, с. 28–29).

В 1970 г. в нижнем течении р. Суры И.С. Вайнером на поселении Белавка было исследовано энеолитическое жилище и часть разрушенной карьером постройки, соединенной переходом с первым сооружением (Археологическая…, 2004, с. 178). В 1974 г. энеолитические материалы были выявлены В.Ф. Каховским при раскопках стоянки Стемассы в Алатырском р-не Чувашии (Каховский, 1975). К сожалению, результаты исследований данных памятников не были опубликованы.

Исследование энеолитических памятников Посурья было продолжено в 1980-х гг. Ряд энеолитических стоянок был выявлен А.В. Бояркиным и В.Н. Шитовым у озера Инерка в Больше-Березняковском р-не Республики Мордовия (Бояркин, 1981). К лесостепному варианту волосовской культуры В.П. Третьяковым была отнесена небольшая коллекция керамики, собранная при раскопках поселения Подлесное V под г. Пенза (Третьяков, 1982, с. 188–183). После исследований на р. Мокше им был выделен особый сурско-мокшанский вариант волосовской культуры, к которому кроме примокшанских памятников были отнесены материалы стоянок Старая Яксарка, Подлесное V на Верхней Суре и Челкасы I на р. Цивиль. Произведя подсчет индекса родственности между керамическими и орудийными комплексами, В.П. Третьяков пришел к выводу о близости средневолжских и сурско-мокшанских памятников (Третьяков, 1990а, с. 16–29; 1990б, с. 52–65, 133–145).

Исследования стоянки Подлесное V были продолжены В.В. Ставицким. Кроме того, три энеолитических жилища им же были раскопаны на поселении Грабово I, расположенном в том же районе, на другом берегу р. Суры (Ставицкий, 1995).

Материалы энеолитических памятников Верхнего Посурья были обобщены в диссертации А.И. Королева, который отнес их к волосовской культуре, хотя и вынужден был признать их своеобразие. На основе подсчета индекса родственности им был сделан вывод о близости присурских материалов к волосовским древностям Оки и Марийского Поволжья. При этом материалы поселения Подлесное V были отнесены к финальному этапу волосовской культуры, а артефакты стоянки Старая Яксарка были исключены из числа волосовских древностей и причислены к среднестоговской культуре (Королев, 1999).

В 1994, 1999, 2004 гг. шесть энеолитических жилищ были исследованы на поселении Ховрино V, расположенном в Ульяновском Посурье, на р. Барыш. При этом во всех жилых сооружениях были выявлены медные орудия и украшения (Вискалин и др., 2002; Вискалин, Овчинникова, 2003; Вискалин, 2006). А.В. Вискалин разделил ховринские материалы на два основных компонента: лесной (волосовский) и лесостепной (поздних этапов днепро-донецкой и трипольской культуры, катакомбной, иванобугорской, абашевской, воронежской и полтавкинской культур) (Вискалин, 2002,

с. 376–377), на основе чего им был сделан вывод о взаимодействии племен эпохи бронзы и позднеэнеолитического населения на территории Посурья (Вискалин, 2006, с. 200). Ошибочность данного заключения состояла в том, что оно было сделано на основе отдельных, выборочных аналогий.

В 2005 г. Н.С. Березиной была исследована стоянка Новая Деревня II, где были раскопаны два жилища. Материалы поселения были отнесены к развитому и позднему этапам волосовской культуры (Березина, 2009, с. 150).

В начале 2000-х годов важные результаты по энеолитической эпохе были получены в Алатырском районе Чувашии, где совместной экспедицией, в которой принимали участие Н.С. Березина, А.Ю. Березин (Чебоксары), А.В. Коноваленко (Алатырь), А.А. Выборнов, А.И. Королев, А.В. Шалапинин (Самара), М.Ш. Галимова (Казань), А.В. Вискалин (Ульяновск), В.В. Сидоров (Москва), В.В. Ставицкий (Пенза), были исследованы поселения, расположенные у впадения р. Утюж в р. Суру. Энеолитическая посуда с органикой в тесте была зафиксирована на многослойной стоянке Утюж I, на поселении Утюж V были обнаружены котлованы двух жилищ, одно из которых перекрывало другое. Энеолитическая коллекция керамики также была собрана на поселении Черненькое озеро (Березина, Березин, 2018). На поселении Утюжский бугор помимо жилищ было зафиксировано святилище, связанное с культом медведя (Березина и др., 2012).

Материалы Алатырского Посурья были систематизированы в диссертации А.В. Шалапинина, который отнес их к западному варианту волосовской культуры (2011). Культурно-хронологическая принадлежность позднеэнеолитических материалов Верхнего Посурья была переосмыслена В.В. Ставицким. С одной стороны, им были выделены материалы, относящиеся к позднестоговской культурной традиции, с другой стороны, был поставлен вопрос о самостоятельном культурном статусе памятников, которые ранее относились исследователями к волосовской культуре (Ставицкий, 2008б).

Таким образом, энеолитические памятники Посурья изучены весьма неравномерно. Большинство выявленных поселений приурочены к долине р. Суры, значительно слабее изучены её притоки. К дискуссионным проблемам по-прежнему относятся вопросы, касающиеся этнокультурной атрибуции позднеэнеолитических памятников, их периодизация, хронология и происхождение. Практически не исследованы позднеэнеолитические могильники.

Поселения позднего энеолита в бассейнах рек Суры и Свияги обычно расположены в тех же топографических условиях, что и стоянки предшествующей эпохи (рис. 1). Причем многие из них относятся к многослойным памятникам, что, вероятно, свидетельствует о сохранении прежней хозяйственно-экономической стратегии, направленной на эксплуатацию рыболовных и охотничьих ресурсов. Преобладает расположение поселений в речной пойме на дюнах и песчаных останцах, реже памятники занимают край первой надпойменной террасы.

К опорным памятникам позднего энеолита, исследованным стационарными раскопками, относятся Грабово I, Подлесное V, Пензенские стоянки (Верхнее Посурье), Утюж I, V, Утюжский Бугор, Черненькое озеро III, Стемасы I (Среднее Посурье), Белавка (Нижнее Посурье), Новая Деревня II, Челкассы I (бассейн р. Цивиль), Ховрино V (р. Барыш), Елшанка XI (р. Свияга). К сожалению, материалы стоянок Белавка, Челкассы I и Стемасы I не введены в научный оборот, поэтому их полноценная интерпретация невозможна.

На восьми сурско-свияжских памятниках исследованы жилища, что свидетельствует о достаточно продолжительном существовании этих поселений. Данный факт подтверждается и значительной насыщенностью культурного слоя находками. На Грабово I зафиксировано три жилища, на Ховрино V – 6 (плюс следы еще 11 котлованов), на Утюже I – 1, на Утюже V – 3, на поселении Утюжский Бугор – 1, на поселении Новая Деревня II – 2, на поселении Белавка – 2. При этом полностью исследованы только остатки жилых сооружений на поселениях Ховрино V (рис. 6), на остальных памятниках они либо частично разрушены, либо не полностью раскопаны.

Конструкция и планиграфия расположения исследованных жилищ на поселениях достаточно разнообразна. Ховринские жилища были рассредоточены по гребню дюны по линии запад – восток двумя группами, расстояние между которыми составляло около 30 м. Интервалы между жилищами колебались от 5 до 10 м (рис. 6). На остальных памятниках постройки располагались более компактно, на поселении Утюж V позднее жилище частично перекрывало предшествующее. На поселениях Грабово I и Белавка между двумя жилищами зафиксированы переходы.

Для ховринских жилых сооружений характерны прямоугольные, близкие к подквадратным котлованы построек с размерами 4,5–6×6–7 м, которые были углублены на 0,5–1 м в землю. Все они относятся к полуземляночному типу, имеют обращенные к реке выходы. Стенки котлованов отвесные, дно достаточно ровное. Малочисленность столбовых ямок предполагает наличие бревенча-

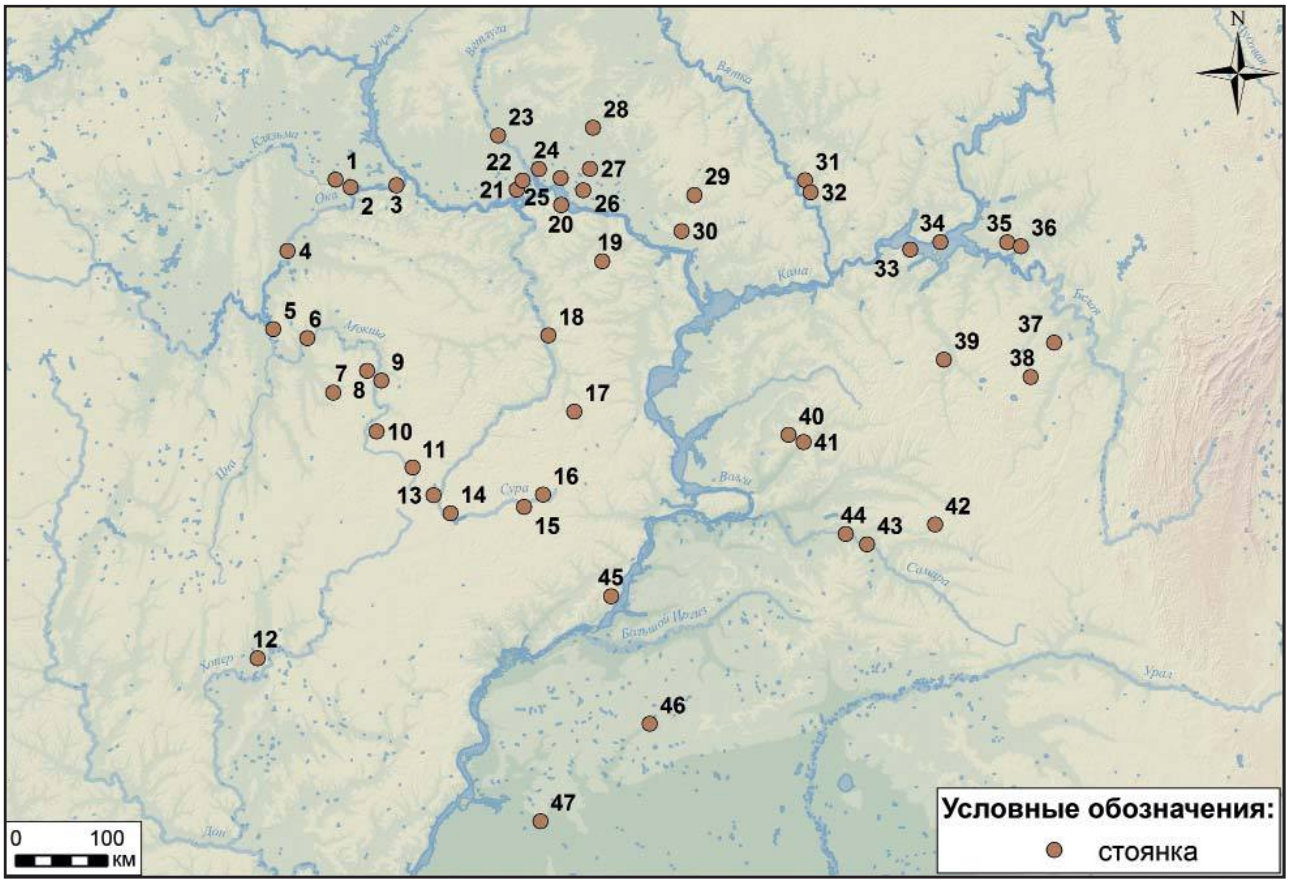


Рис. 1. Позднеэнеолитические памятники Среднего Поволжья и сопредельных территорий
1 – Холомониха; 2 – Володары; 3 – Гавриловка; 4 – Волосово; 5 – Лебяжий Бор VI; 6 – Широмасово II; 7 – Имерка Ia, I6, II, III, V, VIII; 8 – Новый Усад IV; 9 – Волгапино; 10 – Озименки I, II; 11 – Скачки I; 12 – Шапкино VI; 13 – Грабово I; 14 – Ерня, Подлесное V; 15 – Усть-Кадада; 16 – Русское Труево II; 17 – Ховрино V; 18 – Утюж I, V, Черненькое Озеро III; 19 – Новая Деревня II; 20 – Токаревская; 21 – Кривое Озеро, Сутырское II,V, Юринская, Удельно-Шумецкая III,VI; 22 – Майданская, Майданское II, III, IV, VI; 23 – Выжумская II; 24 – Ахмыловское II, Руткинское 1; 25 – Отарское XVIII, Паратское XVIII; 26 – Уржумкинское; 27 – Маркитанское I (Шордоер), II (Марьер); 28 – Мазарское I; 29 – Барскужерское II, III; 30 – Обсерватория III, Сумская I; 31 – Усть-Лудяна II, Юртик; 32 – Аркуль III; 33 – Дубовогривская; 34 – Русско-Азибейская I, III, Игимская; 35 – Сауз I–IV; 36 – Бачки-Тау II; 37 – Кара-Якупово; 38 – Давлеканово; 39 – Муллино; 40 – Гундоровка, Чесноковка II; 41 – Чекалино IV, Лебяжинка IV, Большая Раковка II; 42 – Ивановская, Турганикская; 43 – Старо-Елшанская II; 44 – Виловатовская; 45 – Алексеевская; 46 – Алтата; 47 – Пшеничное; 48 – Елшанка XI

тых стен, перекрывающих с напуском котлован и являющихся опорой для крыши. Очаги расположены у противоположной от входа стороны, нередко вблизи стен. Вокруг них расположены однадве хозяйственные ямки, вдоль стен, вероятно, находились спальные лежанки. Отличия касаются лишь устройства лежанок: в жилище 4 они имели земляную основу, а в жилищах 3 и 5 – видимо, деревянную (Вискалин и др., 2002; Вискалин, Овчинникова, 2003; Вискалин, 2008).

К ховринским постройкам близка форма и размеры жилищ поселения Грабово 1, но глубина их несколько меньше – 28–34 см от уровня материка. В юго-западном углу полуземлянки № 2 зафиксированы две большие ямы-хранилища глубиной около 0,5 м, в одной из которых обнаружен массивный развал сосуда. Две полуземлянки были соединены переходом (Ставицкий, 1995). Сходные размеры и конфигурацию имели жилые сооружения поселения Белавка. Однако переходы и выходы из жилищ располагались здесь не по центру, а были смещены к углам. Кроме того, здесь была зафиксирована столбовая конструкция стен (Археологическая…, 2004, с. 32, 178).

Более крупные размеры (9×6 м, при глубине 1,3 м) имело жилище на поселении Утюж I. Какие-либо конструктивные особенности при его исследовании прослежены не были. Мелкие ямки были сосредоточены в центральной части и рядом с южным бортом постройки, крупные ямы располагались в северной и западной частях котлована (Вискалин и др., 2009). Жилые сооружения поселения Утюж 5 был раскопаны частично, что не позволяет судить об их размерах. На стоянке Новая Деревня II Н.Б. Березиной были зафиксированы лишь восточная часть постройки № 1 и южная

часть постройки № 2, длина одной из стенок которой достигала более 12 м (Березина, 2009).

Информация о могильниках позднеэнеолитического времени на территории Сурско-Свияжского междуречья имеет крайне фрагментарный характер. В культурном слое Мало-Кокузинского поселения были вскрыты остатки погребения, совершенного в неглубокой яме (210×95 см), вытянутой с юго-запада на северо-восток, имевшей глубину 65–70 см. Слабо сохранившийся костяк лежал на спине и был ориентирован на юго-запад. В нескольких местах зафиксирована присыпка углем и охристой крошкой. Стратиграфическое положение погребения позволило А.Х. Халикову увязать его с позднеэнеолитическим поселением (Халиков, 1969, с. 145–147).

По мнению А.Х. Халикова, материалы из разрушенного погребения были получены при исследовании Пензенских стоянок, где было зафиксировано ожерелье из шлифованных подвесок, изготовленных из сибирского лиственита, которые имели следы «прикипевшей» к ним охры. Данные материалы были им отнесены к неолиту (Халиков, 1969, с. 42, 43). Однако аналогичные подвески были получены В.В. Ставицким при исследовании позднеэнеолитического поселения Подлесное V. Ближайшие аналоги им известны в материалах Тенишевского могильника (Габяшев, Беговатов, 1994), облик кремнево-кварцитовой индустрии которого достаточно близок материалам сурско-свияжских памятников, однако более широкое использование на могильнике орудий на пластинчатых заготовках, видимо, свидетельствует о его более ранней хронологии.

Своеобразное захоронение было обнаружено при раскопках 6-го жилища Ховринского поселения. У северной стенки жилого сооружения, немного выше уровня пола были зафиксированы останки неполного скелета, от которого сохранились отдельные трубчатые кости, обломки верхней челюсти и теменной части черепа. Кости залегали не в анатомическом порядке, бессистемно, вперемежку с обломками пористой керамики и осколками кремня. По мнению А.В. Вискалина, данное захоронение имело вторичный характер (Вискалин, 2006, с. 194).

Керамика сурско-свияжских памятников характеризуется рядом общих черт, свидетельствующих об их культурном единстве. Вместе с тем имеется и ряд локальных особенностей. Сосуды содержат в тесте примесь растительных остатков, реже толченую раковину, иногда пух и перья птиц. Тесто отдельных сосудов перенасыщено органикой. Толщина стенок в среднем составляет 0,7–0,9 см, но ховринская посуда более тонкостенна. Керамика с менее толстыми стенками встречается и на других памятниках. Часть сосудов заглажена изнутри зубчатым штампом, а некоторые из них и снаружи. Днища обычно плоские, реже округлые. Преобладают сосуды горшковидной формы с венчиками, в различной степени отогнутыми наружу (рис. 2: 5–9; 3). Реже встречаются сосуды баночной формы со слабо прикрытым горлом (рис. 2: 1). Верхний срез венчика округлый, округло-заостренный, плоскоскошенный, редко уплощенный. Некоторые венчики имеют слабо выраженные наплывы изнутри. Венчики Пензенских поселений снаружи нередко имеют утолщенный бортик, придающий им Г-образные очертания. На Ховрино V зафиксированы Т-образные венчики, а на некоторых сосудах имеются уступчики при переходе от шейки к тулову. Орнаментация, как правило, разреженная. Встречаются неорнаментированные сосуды (рис. 2: 8, 9). Из элементов орнамента преобладают зубчатые штампы и ямчатые вдавления прямоугольной, овальной, ногтевидной, каплевидной треугольной, округлой форм, реже используются прочерченные линии и веревочные отпечатки (рис. 2: 1–7, 10; 3: 1–6). К распространенным мотивам орнамента относятся горизонтальные ряды прямо или наклонно поставленного штампа, вертикальные и горизонтальные зигзаги, косая сетка, сочетание диагональных и горизонтальных рядов штампа. Изредка встречаются узоры в виде шагающей гребенки, заштрихованные треугольники или прямоугольники, елочка с асимметрично расположенными ветвями.

В керамической коллекции поселения Грабово I присутствуют сосуды с рядом признаков, характерных для имеркской посуды. Они имеют отогнутые наружу венчики (иногда с наплывами изнутри) и преимущественно орнаментированы композициями из прочерченных линий, коротких отпечатков зубчатого штампа, наколов либо не имеют орнамента.

Из-за многослойности большинства памятников характерный комплекс каменных орудий может быть описан по материалам поселений Ховрино V, где присутствует мезолитическая примесь, и Грабово I. Кроме того, с позднеэнеолитическим комплексом поселения Подлесное V, вероятно, связана основная масса орудий, изготовленных на отщепах. С энеолитическим комплексом, видимо, связана и большая часть каменных орудий поселения Новая Деревня II.

На поселении Ховрино V собрано более 3 тыс. предметов, основную часть которых составляют отходы производства: отщепы и нуклевидные куски. Здесь также собран комплекс мезолитических орудий, изготовленных на ножевидных пластинах, выполненных из качественного темного полупрозрачного кремня, которые легко вычленяются из

Рис. 2. Позднеэнеолитическая керамика с поселений
Подлесное V (1–4), Китай Озеро (5). Стемасы (6–7), Новая Деревня II (8–10)

энеолитической коллекции (Вискалин и др., 2000). К энеолиту относятся орудия, изготовленные на кремневых, иногда кварцитовых отщепах. Наиболее многочисленны скребки и скребла, среди которых преобладают концевые со спрямленным лезвием подпрямоугольной и подтреугольной формы (рис. 4: 28, 29, 31, 32, 35–37, 39). Реже встречаются скребки со смежными закругленными рабочими краями (рис. 4: 40, 42). Для изготовления ножей и резчиков служили крупные удлиненные отщепы с лезвием, обработанным с одной или двух сторон плоской струйчатой и краевой ретушью (рис. 4: 25–26). У большинства ножей имеется обушок, а на одном оформлена рукоятка. Большинство скобелей имеют широкие и неглубокие рабочие выемки. Перфораторы представлены проколками и сверлами. Проколки имеют треугольное жало, плавно переходящее в расширенную рукоятку (рис. 4: 16, 23). Для сверел характерно треугольное сечение и округлый заполированный кончик (рис. 4: 20, 21). Долотовидные изделия представлены в основном обломками. Поперечное лезвие трех орудий не имеет следов пришлифовки (рис. 4: 33). Наконечники копий и дротиков имеют листовидную форму (рис. 4: 1–4).

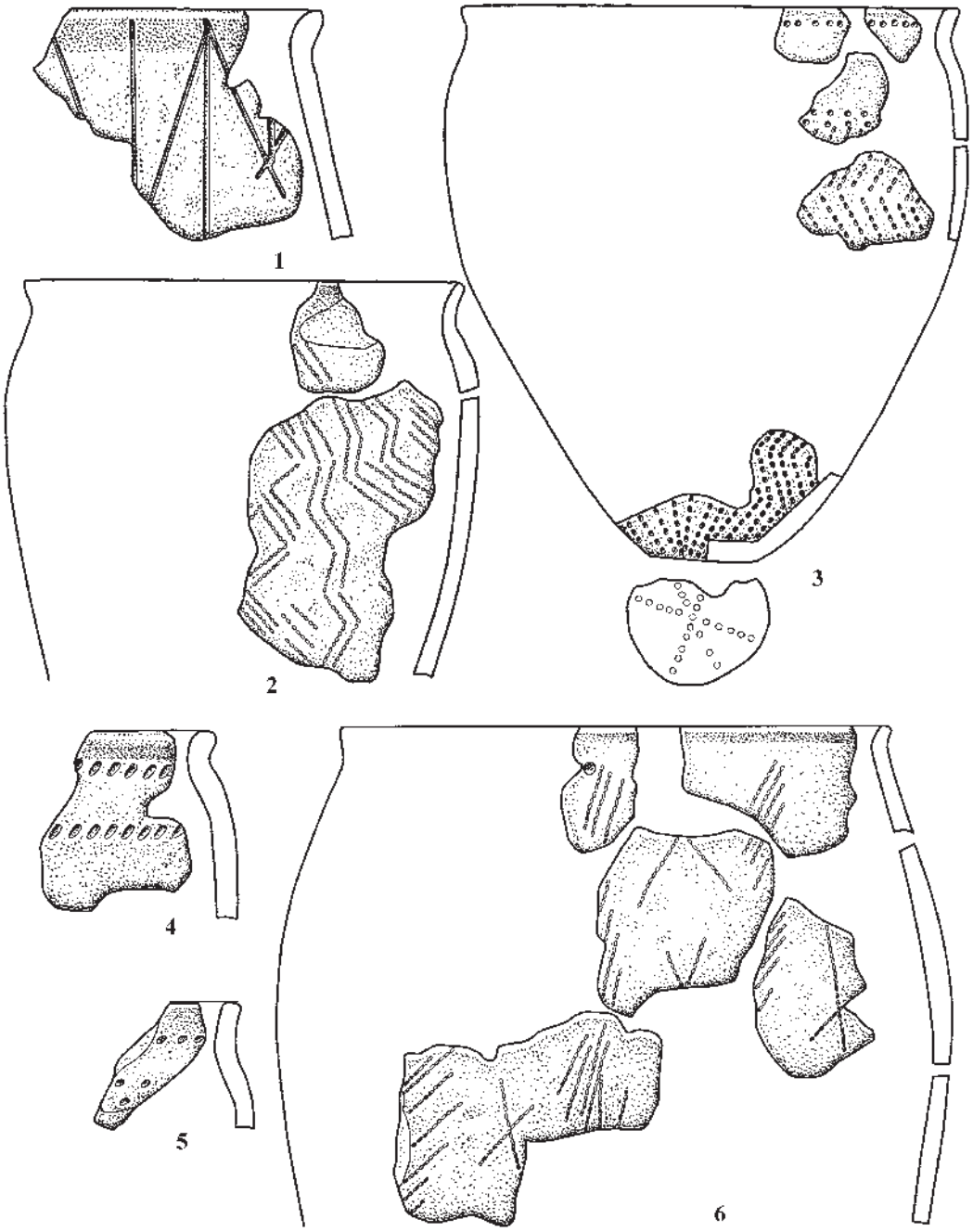


Рис. 3. Позднеэнеолитическая керамика с поселения Грабово I

Наконечники стрел имеют более разнообразные формы: треугольные с выделенными шипами и вогнутым основанием (рис. 4: 3–15), иволистные (рис. 4: 11, 18), подромбические (рис. 4: 8, 9), треугольно-черешковые (рис. 4: 7, 17). Для большинства характерна двусторонняя обработка пера. Нередко в качестве орудий использовались отщепы с обработкой. Абразивные плитки из песчаника несут на своей поверхности следы стачивания при использовании. Предметы с ровными желобками, видимо, были предназначены для выравнивания древков стрел. Подвески из сланца имеют на одном конце просверленное отверстие для прикрепления бечевы.

В целом можно отметить типологическую обедненность состава орудий, широкое использование отщеповой заготовки, применение при вторичной обработке не только краевой, но и плоской, струйчатой односторонней и двусторонней ретуши, распространенную практику шлифовки каменных орудий и многочисленность песчаниковых абразивов.

Сходный набор каменных орудий, выполненных из кремня и иногда из кварцита, зафиксирован на поселении Грабово 1, где присутствуют иволистные, подромбические, треугольные с выемчатым основанием наконечники стрел и дротиков, подчетырехугольные скребки со смежны-

ми краями, проколки с треугольными остриями, плавно переходящими в рукоять, абразивы. Практически все ховринские формы наконечников стрел характерны и для поселения Подлесное V. Причем часть их изготовлена из кварцита. Среди новых форм – асимметричные и иволистные с усеченным основанием. Здесь же найдена серия шлифованных подвесок тех же форм, что и на Ховринском поселении.

Орудийный набор поселения Новая Деревня II представлен наконечниками стрел листовидной, ромбической, треугольно-черешковой, асимметричной форм, двулезвийными ножами, асимметричными и симметричными перфораторами, прямоугольными скребками. М.Ш. Галимовой было установлено, что часть орудий стоянки Новая Деревня II изготовлялась при помощи металлического отжимника (Березина, 2006, с. 64).

Металлические изделия и следы металлообработки зафиксированы во всех жилищах Ховринского поселения. Это два ножа, две пластинки, два свернутых кусочка меди, долото, крючок, округлая пластинка с пуансонным орнаментом, 3 четырехгранных шила, два острия прямоугольного сечением с одним тупым, другим острым концом, однозубый гарпун, клин для топора, медная змейка из листового металла с обломанной головой и сохранившейся хвостовой частью, кусочки металла неясного назначения и капельки меди (рис. 5). Самый крупный нож имеет длину 125 мм, ширину 19 мм. Его массивное лезвие слегка изогнуто, оба края приострены, кончик скруглен, на противоположном конце оформлен черешок. Поверхность лезвия и черешка несет следы тщательной проковки (рис. 5: 1). Другой нож изготовлен из тонкой пластинки размерами 10×1 мм. Рабочий кончик приострен, черешок только слегка намечен (рис. 5: 2). Небольшим ножиком является серповидная пластинка размерами 37×9×1 мм. Ее выгнутый край заточен, а вогнутый – притуплён (рис. 5: 12). Назначение другой пластинки не столь очевидно. При сходных размерах она дугообразно выгнута, а ее концы загнуты, поверхность неровная со следами проковки (рис. 5: 13). Еще 2 изогнутые пластинки со свернутыми концами представлены обломками. Шило-проколка длиной 40 мм и толщиной 4 мм имеет на одном конце подквадратное, а на другом – уплощенное сечение. В процессе использования шило было изогнуто вокруг оси (рис. 5: 11). Другое шило квадратного сечения имеет длину 50 мм (рис. 5: 10). Квадратное сечение имеет и рыболовный крючок (рис. 5: 4). Особенного внимания заслуживает массивное тесло с желобчатым лезвием и раскованным бойком (рис. 5: 5). Его длина равна 8,7 см, ширина 2,9 см, толщина 1,7 см. К следам металлообработки относятся 2 капли меди из приочажного пространства жилищ 3 и 5, а также 12 ошлакованных обломков от трех сосудов. Один фрагмент с налипшей каплей меди найден в жилище 3. Он принадлежит крупному сосуду, орнаментированному квадратными наколами.

Особенностью производственной деятельности ховринских металлургов является отсутствие специальных литейных приспособлений для плавки и отливки металла. Здесь не найдено литейных форм, льячек и тиглей. В качестве тиглей используются самые обычные тонкостенные сосуды, часть которых найдена в жилищах (Вискалин, 2006, с. 195).

Шлакированные фрагменты керамики присутствуют на поселении Подлесное V. На II Екатериновском поселении найдено шило, имеющее прямоугольное сечение, со слегка сплющенными гранями.

Хронология сурско-свияжских позднеэнеолитических памятников в настоящее время может быть намечена только в самых общих чертах. Известны две радиоуглеродные даты, полученные по слабоорнаментированному сосуду с сильно отогнутым венчиком с поселения Стемасы – 4730±90 (Ki-15197), 4620±80 (Ki-15626). Примерно этим же временем датированы материалы верхнесурской стоянки Русское Труево II (кость и керамика) – 4790±70 (Ki-15732), 4680±70 (Ki-15084), древности которой, на наш взгляд, послужили одним из основных компонентов для сложения позднеэнеолитических памятников Сурско-Свияжского междуречья. Данным периодом, видимо, следует датировать ранний этап их бытования. Более поздняя дата получена по керамике и почве из-под развала этого сосуда с поселения Утюж V – 3310±80 (Ki-16403), 3930±90 (Ki-16423), 3840±100 (Ki-16402), которая, возможно, относится к финальному этапу древностей данного типа (Шалапинин, 2011).

Наиболее сложным вопросом в настоящее время является определение культурной принадлежности позднеэнеолитических памятников сурско-свияжского междуречья. Следует отметить, что практически всеми исследователями, которые затрагивали вопросы появления в Посурье волосовских памятников, их материалы рассматривались суммарно вместе с древностями Примокшанья. Между тем познеэнеолитические материалы данных регионов характеризуются рядом существенных отличий и, видимо, имеют разное происхождение.

А.Х. Халиков решал проблему появления волосовских племен на Суре и Мокше исходя из концепции происхождения волосовских древностей на основе памятников волго-камской культуры,

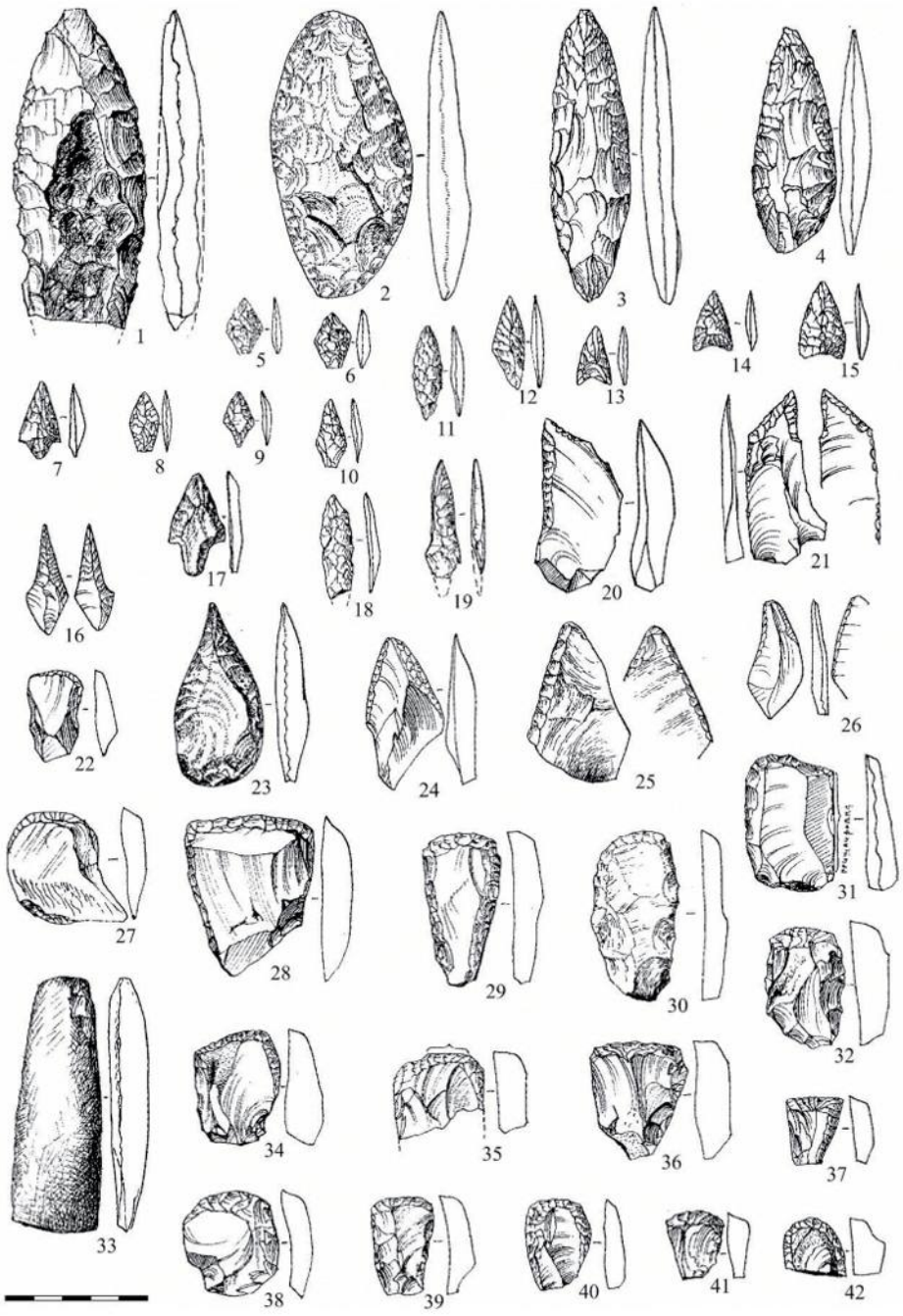


Рис. 4. Каменные орудия с поселения Ховрино V (по А.В. Вискалину)

которые испытали здесь дополнительное воздействие со стороны ранневолосовского населения Среднего Поволжья. Данный вывод базировался на ограниченных материалах подъемных сборов с ряда примокшанских (Ширингуши, Озименки, Имерка) и верхнесурских (Пензенских) стоянок, которые были отнесены им к ранневолосовским (Халиков, 1969, с. 149–152).

На новом источниковедческом уровне происхождение местных волосовских памятников было рассмотрено В.П. Третьяковым. Для этого им была привлечена керамика, полученная при раскопках примокшанских стоянок Имерка I, II и III, коллекции которой довольно немногочисленны (от 100 до 400 фрагментов). Путем подсчета индекса родственности им было установлено, что наибольшее сходство сурско-мокшанские древности имеют со средневолжскими (59%) и в меньшей степени с приокскими (46%). На основании этого был сделан вывод о том, что возникновение сурско-мокшанских памятников связано с расселением средневолжской группы волосовцев, которые по каким-то причинам обособились от волго-окского населения (Третьяков, 1990а, с. 62).

Однако, как уже неоднократно отмечалось, методика выделения В.П. Третьяковым мотивов

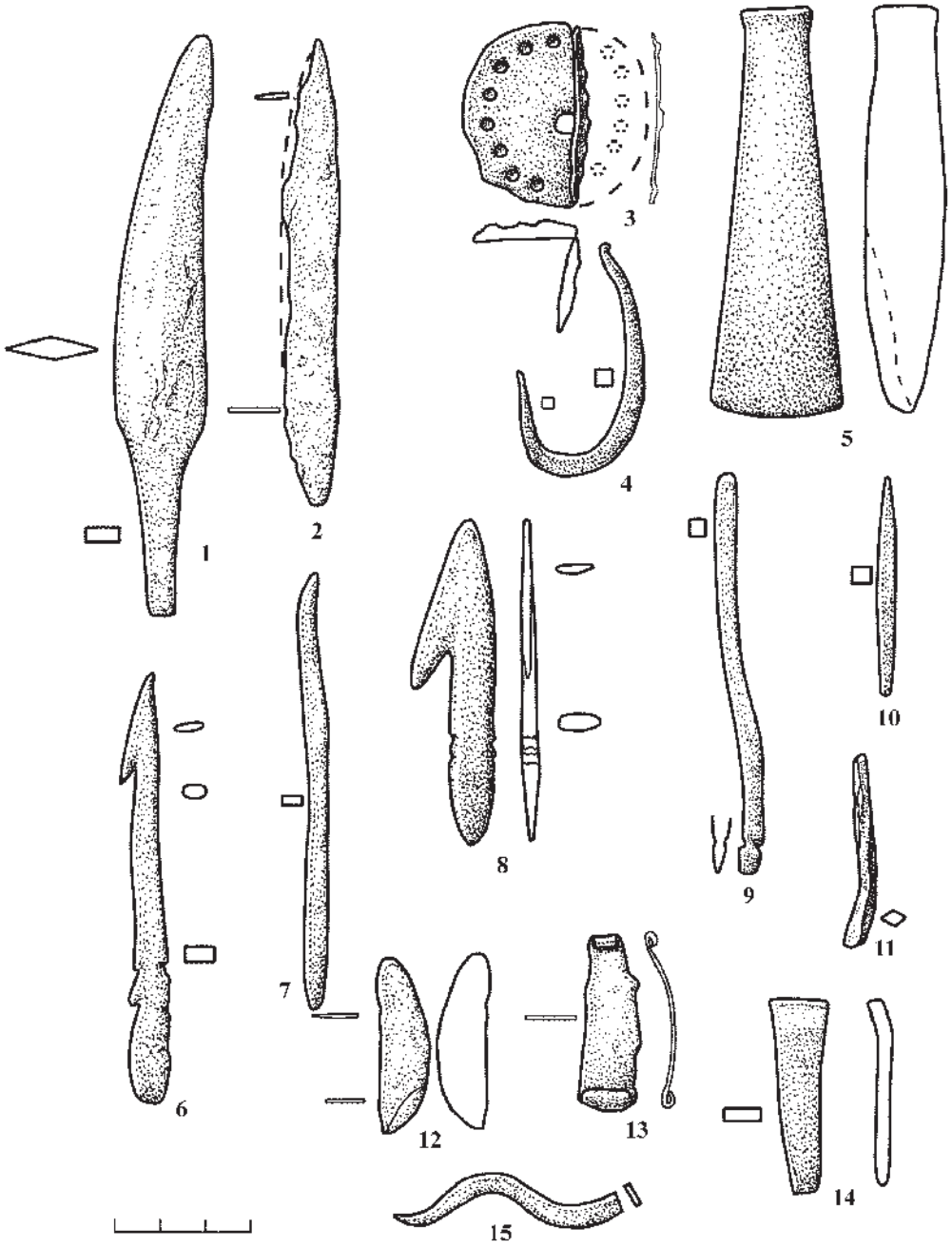


Рис. 5. Медные изделия поселения Ховрино V (по А.В. Вискалину)

орнамента носит достаточно субъективный характер (Синюк, 1986, с. 31; Выборнов, 1988, с. 63, 64; Королев, 1999а). При этом В.П. Третьяков рассматривал сурско-мокшанские древности суммарно, не задаваясь вопросом о степени их внутреннего сходства. Между тем даже из приведенной им таблицы становится ясно, что присурская керамика сильно отличается от примокшанской. Так, например, индекс родства Подлесного V с посудой Имерки I-Б составляет всего 26%, с Ширингушской – 10%, с Имеркой II – 25%, Имеркой III – 12,5% и т. д. Кроме того, к волосовским стоянкам Посурья отнесено Старо-Яксарское поселение, материалы которого имеют весьма отдаленное сходство с волосовскими, относясь к кругу стоговско-алтатинских памятников (Королев, 1999б; Ставицкий, 2007, 2008а).

С использованием той же методики подсчета индекса родственности керамических комплексов проблему принадлежности позднеэнеолитических древностей Посурья пытались решить А.И. Королев (1999а) и А.А. Шалапинин (2011). Однако вычисления коэффициентов родственности эффективны только при сравнении статистически представительных коллекций, обработанных одним исследователем. Кроме того, эта

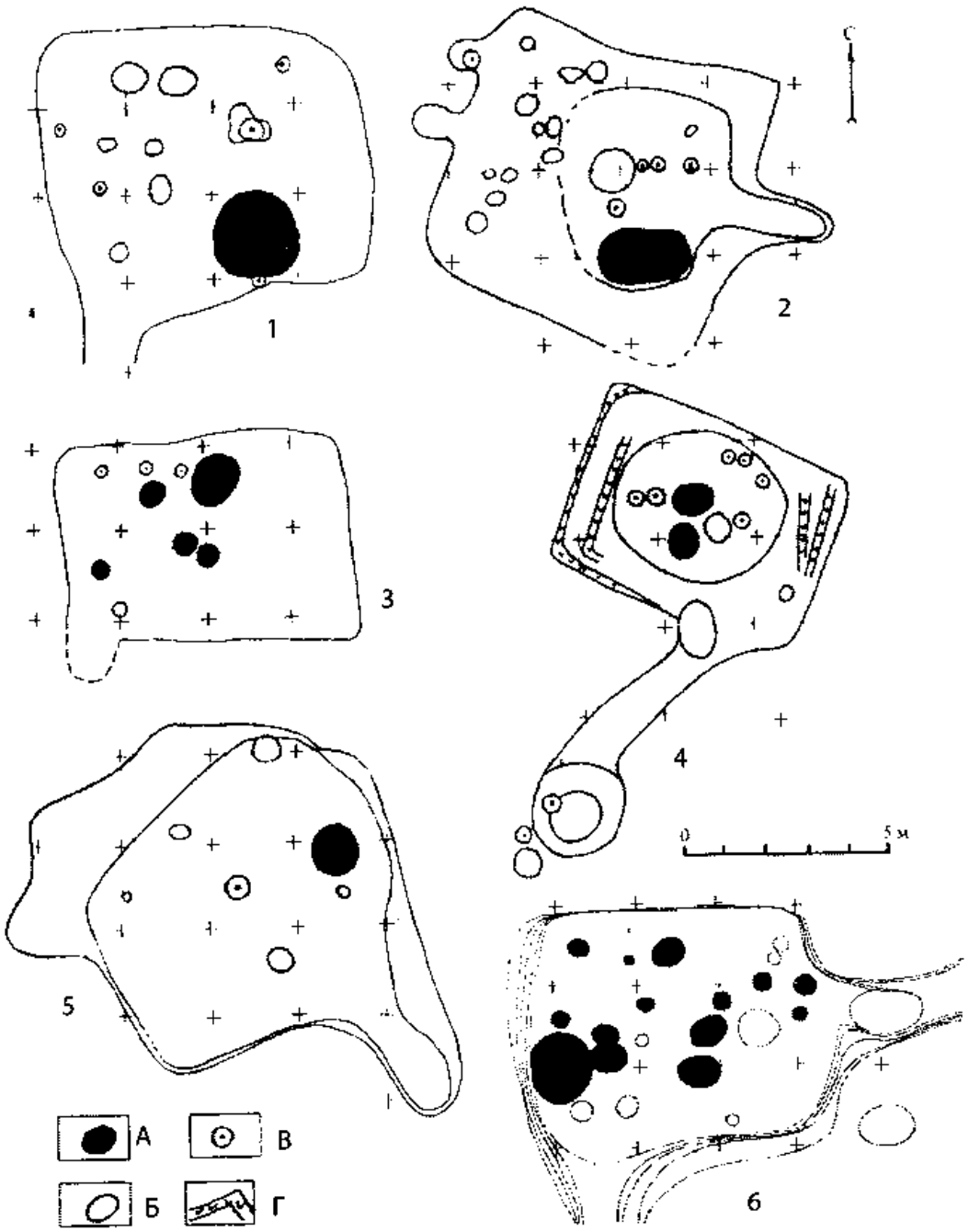


Рис. 6. Жилые сооружения поселения Ховрино V (по А.В. Вискалину). 1 – жилище 1, 2 – жилище 2 и т. д.
Условные знаки: А – очажное пятно, Б – хозяйственная яма, В – столбовая яма, Г – углистый слой

методика применима только для сравнения одно-культурных материалов, поскольку представители разных этносов вкладывают разное содержание в одни и те же мотивы и элементы орнамента, что не поддается учету при формализованной процедуре сравнения.

Керамика сурско-свияжских поселений действительно по ряду параметров близка к посуде волосовской культуры, с которой ее сближает использование раковинных и органических примесей при лепке сосудов, формы плоскодонных и круглодонных сосудов с плавно профилированными венчиками, орнаментальные композиции, выполненные отпечатками зубчатого штампа. Вместе с тем имеется и ряд существенных отличий. Большая часть сурско-свияжской керамики характеризуется более плотной структурой керамического теста. Здесь совсем не используются специфичные для волосовской керамики рамчатые штампы при высоком удельном весе ямчатых вдавлений. Имеется ряд оригинальных мотивов в виде косо-вертикальных лесенок, вертикальных спаренных и строенных зигзагов, треугольников, заполненных поперечными рядами вдавлений. Не

характерны для волосовской керамики и сосуды с уступчатым переходом от венчика к тулову, так же как и сосуды с желобком на внутренней стороне венчика.

Рядом своеобразных черт характеризуется каменная индустрия сурско-свияжских стоянок, в которой наряду с кремнем достаточно широко используется кварцит. Здесь отсутствует столь характерная для волосовцев тщательность в обработке орудий, значительно беднее выглядит их ассортимент. Почти неизвестны на волосовских стоянках треугольные наконечники стрел с выемчатым основанием, традиции изготовления которых зарождаются в степных раннеэнеолитических культурах. Не находит в волосовских древностях аналогов ховринский комплекс металлических изделий, так же как и ховринские жилые сооружения.

Кроме того, неразрешимым противоречием является тот факт, что присурская керамика имеет наибольшее сходство с посудой поздневолосовских стоянок (Вискалин, 2006, с. 200), хотя её появление здесь относится к более раннему времени, о чем, в частности, свидетельствуют радиоуглеродные даты, полученные по слабо орнаментированному сосуду с сильно отогнутым венчиком с поселения Стемасы – 4730±90 (Ki-15197), 4620±80 (Ki-15626), который ближайшие аналоги находит в керамике поздневолосовских стоянок. Еще более ранним временем датируются позднеэнеолитические материалы Самарского Заволжья, которые по своему облику весьма близки сурско-свияжским при наличии тех же самых поздневолосовских признаков (Королев, Шалапинин, 2014).

Следует также отметить, что весьма ранний облик имеют металлические находки Ховринского поселения. В частности, близкие аналогии среди трипольских долот-тесел типа Салаця, относящихся к периоду BII, находит ховринское тесло с раскованным грибовидным обушком (рис. 5: 5) (Рындина, 1998, рис. 66: 5). Среди изделий Карбунского клада имеются аналогии медной пластине с завернутыми концами, которая, видимо, является частью составного браслета (рис. 5: 13). Изделия данного клада датируются концом раннетрипольского периода (Дергачев, 1998). Среди трипольских изделий находят аналоги и другие ховринскис находки: круглая бляха с круговым пуансонным орнаментом (рис. 5: 3), рыболовный крючок (рис. 5: 4), лезвие черешкового ножа (рис. 5: 1). Набор медных изделий столь архаичного облика вряд ли может быть моложе рубежа IV–III тыс. до н. э.

На наш взгляд, формирование столь своеобразного облика присурских энеолитических древностей протекало на территории лесостепной зоны, где в предшествующую эпоху имело место бытование древностей алтатинско-алексеевского типа, материалы которых представлены здесь на поселениях: Алексеевское, Русское Труево II, Старая Яксарка, четвертое жилище поселения Русского-Труево I (Васильев, 1981; Ставицкий, 2001; 2002; Зимина, 1980). С определенными оговорками к данному кругу памятников следует отнести и материалы поселения Лебяжинка III (Овчинникова, 1995).

В материалах этих памятников хорошо прослеживаются те признаки, которые затем наследуются носителями позднеэнеолитических древностей данного региона. В частности, заметное сходство прослеживается по кремневому инвентарю, для которого характерна отщеповая техника расщепления, использование кварцитовых заготовок, разнообразный набор наконечников стрел и копий, которые составляют на памятниках данного типа весьма значительную категорию орудий. Для керамики характерны сосуды с профилированными в различной степени венчиками, украшенные оттисками длинного гребенчатого штампа, прочерченными линиями и разреженными рядами ямчатых вдавлений. Уже на керамике поселения Русское Труево II фиксируется появление сосудов со своеобразными уступчиками при переходе от венчика к тулову. Здесь же присутствует орнаментация из оттисков шагающей гребенки (Ставицкий, 2002, с. 100, 102, рис. 6: 14; 7: 3), более характерная для памятников, расположенных восточнее, в том числе на территории Самарского Поволжья (Васильев, Овчинникова, 2000, с. 253, рис. 13: 3–7).

В раннеэнеолитических древностях лесостепной зоны находят близкие аналогии и ховринские формы небольших подквадратных жилищ, аналоги которым имеются на хвалынском поселении Русское Труево I (жилища № 1–3) (Ставицкий, 2001) и поселении Веденяпино (Ставицкий, 2007). Причем данные формы небольших изолированных жилищ никоим образом не характерны для волосовских поселений лесной зоны, где присутствуют жилые сооружения большей площади, к тому же соединенные между собой переходами.

Таким образом, поэднеэнеолитические древности Посурья, по-видимому, имеют самостоятельный культурный статус, а их происхождение связано с особой лесостепной линией развития памятников алтатинско-алексеевского типа.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЭНЕОЛИТ

РАЗДЕЛ II
КУЛЬТУРЫ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Глава 1
Ранние энеолитические могильники Усть-Камья

Глава 2
Средневолжский вариант волосовской культурно-исторической общности (майданская культура)

Глава 3
Памятники борского типа в Верхнем и Среднем Прикамье

Глава 4
Гаринская культура

Глава 5
Имеркская культура

Глава 6
Чойновтинская культура

Глава 7
Чужъяельская культура на Европейском Северо-Востоке

Глава 8
Металлургия и металлообработка населения Волго-Уралья в эпоху энеолита

Глава 9
Палеоантропология Волго-Уралья эпохи энеолита

РАЗДЕЛ II
КУЛЬТУРЫ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

ГЛАВА 1
РАННИЕ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЕ МОГИЛЬНИКИ УСТЬ-КАМЬЯ

История изучения

В Приустьевом Прикамье и прилегающих районах Среднего Поволжья в начале эпохи энеолита обитало население, оставившее на левобережье рр. Камы и Волги грунтовые могильники, культурная принадлежность которых еще до конца не определена (рис. 1). Согласно современным данным, время существования этих могильников относится к позднему энеолиту: середина – вторая пол. V тыс. до н. э. (Моргунова, 2011, с. 202), однако в пределах Усть-Камья и, шире, Волго-Камья это самые ранние памятники, содержащие медные изделия, и поэтому для данного региона они являются раннеэнеолитическими.

Первые раннеэнеолитические памятники данного типа были обнаружены в результате раскопок поселения Гулькин Бугор (Гулькинской стоянки), проведенных А.В. Збруевой в 1950 и 1953 гг. (рис. 2). Здесь, на территории стоянки эпохи бронзы, были выявлены погребения энеолитического времени и культурный слой синхронного энеолитическому могильнику поселения (рис. 3). А.В. Збруева относила поселение к несколько более раннему времени, чем могильник, и отмечала значительное разрушение его культурного слоя более поздней стоянкой бронзового века (Збруева, 1960, с. 51, 52). Время существования этого древнего поселения автор раскопок по аналогиям с материалами Обсерваторской III стоянки, исследованной Н.Ф. Калининым и А.Х. Халиковым, отнесла к эпохе неолита и датировала его в соответствии с представлениями своего времени началом II тыс. до н. э. (Збруева, 1960, с. 67).

Спустя 14 лет, в 1965 году во время сильного спада воды на Куйбышевском водохранилище Гулькин Бугор был осмотрен П.Н. Старостиным и Д.Г. Мухаметшиным, на памятнике они собрали коллекцию изделий из камня и вскрыли погребение с инвентарем, аналогичным инвентарю могильника, исследованного А.В. Збруевой (рис. 4: 1).

Инвентарь погребения 1965 г. был впервые опубликован А.Х. Халиковым, который отнес Гулькинский II могильник к Волго-Вятскому варианту Волго-Камской культуры и датировал его поздним периодом Волго-Камского неолита в пределах III тыс. до н. э. (Халиков, 1969, с. 75, 88, 89, рис. 22).

Более полно погребение 1965 г. было опубликовано уже в XXI веке и тогда же атрибутировано как энеолитическое. Наличие на Гулькинском поселении керамики с орнаментом в виде «шагающей» гребенки позволило авторам публикации предположить волосовскую принадлежность и энеолитического могильника, возраст которого был определен в границах III тыс. до н. э. (Старостин, Шипилов, 2006, с. 137).

Следующий шаг на пути исследования раннеэнеолитических могильников был сделан в 1981 г., когда Е.А. Беговатовым был открыт Тенишевский могильник (рис. 10). В 1982, 1983, 1985 и 1990 гг. памятник раскапывался Р.С. Габяшевым. Уже в публикации материалов первых лет раскопок могильника авторы отнесли его к эпохе энеолита, ко времени перехода от развитого к позднему этапу волосовской культуры. Культурная атрибуция была осложнена отсутствием керамики в могильных ямах, поэтому на основании анализа кремневого инвентаря Тенишевский могильник был отнесен к широкому кругу памятников волосовско-гарино-борского типа. Однако металлические украшения, выявленные в погребениях, позволили авторам говорить об их сходстве с украшениями гарино-борских – среднекамских памятников (Габяшев, Беговатов, 1984, с. 73).

В более поздней публикации материалов раскопок 1985, 1990 гг. Р.С. Габяшев отмечает сходство некоторых черт погребального обряда (вытянутые погребения, расположение погребений рядами, подсыпка охрой и т. д.) и инвентаря (кварцитовая индустрия и крупнопластинчатая техника) с кругом памятников мариупольского типа, а среди некрополей Среднего Поволжья наиболее близким ему видится Съезженский могильник (Габяшев, 1992, с. 35, 36, 45).

Кремневый инвентарь, выявленный в материалах погребений Тенишевского могильника,

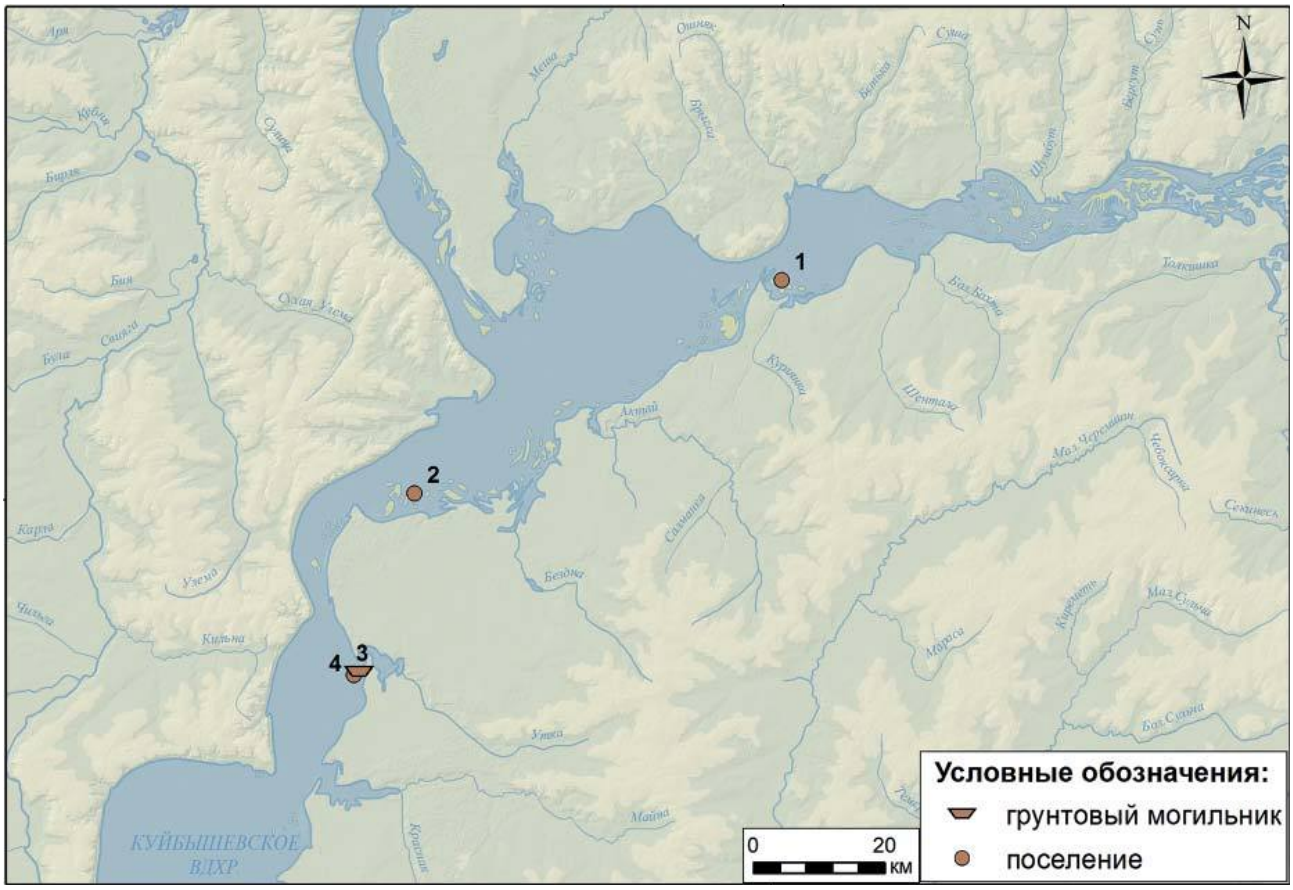


Рис. 1. Памятники культурного типа усть-камских могильников

имеет аналогии, как считал автор публикации, в кремневых комплексах памятников заключительного левшинско-русско-азибейского этапа камской неолитической культуры и памятников волосовско-гарино-борского круга Среднего Поволжья и Прикамья (общая микролитизация каменной индустрии, возрастание отщеповой техники, характерные местные формы кремневых изделий). Волосово-гарино-борские аналогии прослеживаются Р.С. Габяшевым и для многочисленных украшений из сланца (Габяшев, 1992, с. 45).

Таким образом, исследователь отмечает двукомпонентность Тенишевского могильника, сочетающего в своем погребальном обряде и инвентаре как южные, так и местные черты.

По мнению Р.С. Габяшева, определить культурную принадлежность Тенишевского могильника пока не представляется возможным, однако архаичность погребального обряда, наличие немногочисленных медных украшений, типологическое совершенство и разнообразие кремневого инвентаря позволили ему датировать памятник переходным периодом от раннего этапа энеолита к развитому (Габяшев, 1992, с. 46).

В 1997 г. энеолитические погребения были выявлены на Мурзихинском II могильнике (рис. 5), основную часть которого составляют захоронения бронзового и раннего железного веков. Погребения эпохи энеолита на памятнике исследовались также в 1998 и 1999 гг. Керамика, зафиксированная в инвентаре некоторых погребений, позволила А.А. Чижевскому отнести могильник к борскому кругу памятников, а полученные для ряда погребений датировки по радиоуглероду датировать его серединой – второй половиной IV тыс. до н. э. (Чижевский, 2008, с. 370, 371).

Культурную принадлежность Мурзихинского II могильника затронул Е.Н. Черных в совместной с С.В. Кузьминых и Л.Б. Орловской работе, посвященной металлоносным культурам лесной зоны. Он отнес данный памятник к северному варианту степной хвалынской культуры V тыс. до н. э. и сделал предположение о включенности данного могильника в систему Балкано-Карпатской металлургической провинции (Черных, Кузьминых, Орловская, 2011, с. 30, 35; Черных, 2016, с. 43, 44).

В вышедшей одновременно со статьей Е.Н. Черных монографии Н.Л. Моргуновой борская, точнее гарино-борская, принадлежность Мурзихинского II могильника была поддержана, автор монографии отмечала и южные аналогии в материальной культуре памятника (Моргунова, 2011, с. 179, 180).

В настоящее время мы склонны поддерживать точку зрения Е.Н. Черных и рассматриваем памятники культурного типа усть-камских могильников в качестве северного варианта хвалынской культуры, который вобрал в себя многие черты материальной культуры местных – лесных культур Волго-Камья.

Генезис культуры

Керамический комплекс Мурзихинского II могильника (рис. 8: 4, 44) и поселения эпохи энеолита на Гулькином Бугре (рис. 4: 2, 4, 17, 33–35) очень близки, и это позволяет говорить о близости оставившего их населения. С обитателями стоянки эпохи энеолита на Гулькином Бугре связан и Гулькинский II могильник. Каменная индустрия, использующая двуцветный кремень и кварц, одинаковые формы орудий, а также сланцевые украшения характерных форм сближают в свою очередь поселение на Гулькином Бугре, Гулькинский II, Тенишевский и Мурзихинский II могильники. Отличия проявляются только в способе размещения погребенных в могильной яме. Однако необходимо отметить, что сочетание сидячих и лежащих на спине погребений в одной культуре известно по материалам Хвалынского могильника и др. и не является чем-то экстраординарным.

Остальные черты погребального обряда сходны: здесь и размещение некрополей в устьях малых рек, глубина могильных ям, использование охры для засыпи погребений, размещение погребений рядами и т. д. Все эти особенности свидетельствуют как о близком времени существования этих четырех памятников, так и близости их материальной культуры.

Существующие данные позволяют реконструировать сложный процесс формирования культуры населения, оставившего энеолитические могильники Усть-Камья. Значительная часть каменных орудий, найденных в этих могильниках, имеет свои прототипы в камской культуре неолита, это свидетельствует о том, что традиции изготовления каменных изделий сформировались на местной неолитической основе. Новые технологии в индустрии камня, такие как кварцитовая индустрия и изготовление орудий на крупных пластинах, а также находки медных изделий и свидетельства зарождения производящего хозяйства, говорят о появлении в Усть-Камье инновационных идей, связанных с проникновением групп населения с юга.

Этот факт подтверждают и данные антропологии: согласно анализу краниологической коллекции Мурзихинского II могильника, мужские черепа, выявленные в нем, по морфологическому облику относятся к европеоидам, а женские к сублапоноидам (рис. 9: 1, 2). В мурзихинской серии с местным населением эпохи неолита связан именно сублапоноидный компонент, а с пришлым – европеоидный, отмечены также и черты смешения этих групп (Хохлов, 2011, с. 117, 118, 124; 2017, с. 42). Аналогичные наблюдения были сделаны и на небольшой краниологической серии из Гулькинского II могильника, в которой мужской череп был определен как европеоидный, а женский имел «налет монголоидности» (Збруева, 1960, с. 52). К сожалению, состояние костей погребенных людей в Тенишевском могильнике было очень плохое, что не позволило провести по ним антропологические определения.

Все эти факты свидетельствуют о сложении на территории Усть-Камья нового населения, первоначально имеющего двухкомпонентный состав и сочетающего как южные, так и местные особенности материальной культуры и антропологии, а затем образовавшего некое единство, которое можно отнести к носителям самой ранней энеолитической культуры данного региона.

Объем имеющихся данных не позволяет выделять усть-камские могильники и Гулькинское поселение в отдельную археологическую культуру, в настоящее время можно говорить о них как о культурном типе, но для удобства в отношении этих памятников мы употребляем термины «культура усть-камских могильников» и «памятники типа усть-камских могильников».

Область расселения

Территория, занимаемая населением, оставившим энеолитические могильники Усть-Камья, ограничена левобережьем Приустьевого Прикамья (Алексеевский район РТ) и прилегающими регионами Среднего Поволжья (Спасский район РТ, Старомайнский район Ульяновской области) (рис. 1). Рельеф данной территории представляет собой низменную равнину, протянувшуюся по левому берегу рр. Камы и Волги с юго-запада на северо-восток. Это зона лесостепи, в юго-западной части она представляет собой степную территорию, перемежающуюся сосновыми борами на песчаных почвах, в центральной и северо-восточной состоит из луговых степей, сочетающихся с широколиственными кленово-дубово-липовыми лесами (Ступишин, 1978, с. 306; Ермолаев и др., 2007, с. 249, 250, 254). Левобережье рр. Камы и Волги в рассматриваемом регионе рассечено многочисленными притоками этих рек, наиболее крупными из них являются рр. Актай, Бездна, Курналка (Курлянка), Утка.

Поселения. В настоящее время известно только одно поселение – Гулькин Бугор (Гулькинское), связанное с носителями культуры усть-камских энеолитических могильников (рис. 2). Оно располагалось в 2,5 км к западу от б. с. Зеленовка и в 2 км к юго-западу от с. Березовка Старомайнского

Рис. 2. Местоположение поселения Гулькин Бугор и Гулькинского II могильника

района Ульяновской области. До затопления Куйбышевским водохранилищем памятник располагался на западной оконечности высокого, высотой более 19 м от поверхности реки, останца первой надпойменной террасы размерами 200×100 м, расположенного в 100 м от р. Утки на ее левом берегу. А.В. Збруевой на поселении четырьмя раскопами было вскрыто более 1500 кв. м. Культурный слой Гулькинского поселения представлен темно-серой супесью ореховатой структуры мощностью до 0,5 м, перекрытой дерновым покрытием или пахотой (Збруева, 1960, с. 45; Буров, 1977, с. 185).

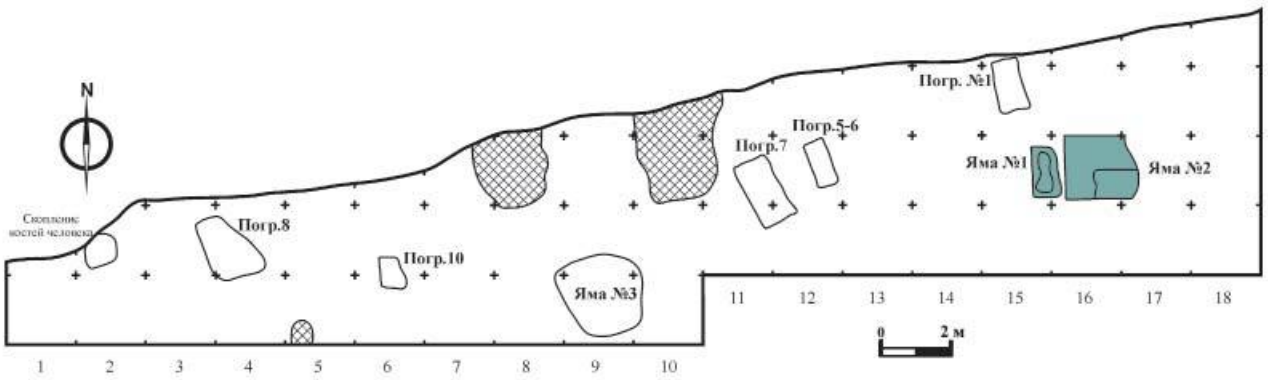
Возможности определения хронологической позиции поселения невелики, для этого мы располагаем только предметами материальной культуры, полученными в результате раскопок и сборов на памятнике. К сожалению, изделия из камня не позволяют датировать памятник в узких пределах, они лишь дают возможность говорить о принадлежности поселения к культуре усть-камских могильников. Более определенно о времени существования Гулькинского поселения можно судить по керамике. Наличие в составе коллекции памятника керамики, орнаментированной характерным орнаментом в виде горизонтального зигзага в сочетании с овальными ямками, в виде девятилучевой звезды на дне и др., позволяет синхронизировать время существования поселения Гулькин Бугор с Мурзихинским II могильником, в погребениях которого была зафиксирована лепная керамика с такой орнаментацией.

Топография памятника, а именно размещение его на незатапливаемом весенними разливами останце первой надпойменной террасы в пойме Волги, подчеркивает приуроченность его к реке и околоречным низинам.

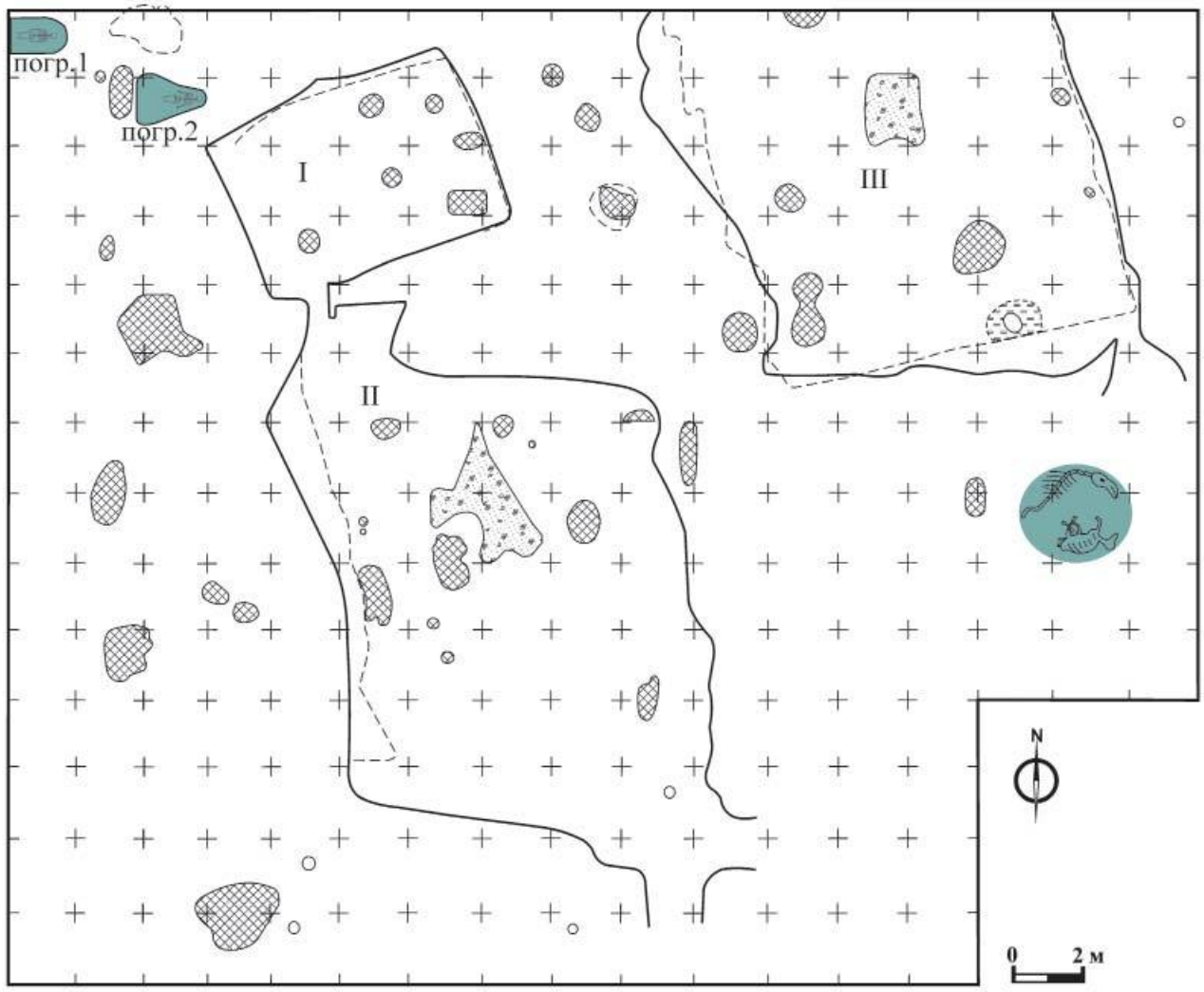
Судя по насыщенности культурного слоя каменными орудиями и керамикой, а также наличию хозяйственных ям, поселение было стационарным, возможно сезонным, связанным с выпасом скота в пойме в летнее время.

Все сооружения, связанные с энеолитическим поселением Гулькин Бугор, выявлены в раскопе I 1950 г. (рис. 3: 1), который был заложен А.В. Збруевой для исследования Гулькинского I могильника раннего железного века (Збруева, 1954, с. 256, рис. 1; 1960, с. 52). На его территории были зафиксированы три ямы, связанные с эпохой энеолита, которые располагались по одной линии вдоль береговой полосы.

Наиболее полная информация известна для ям № 1 и 2. Яма № 1 размерами 60–80×146 см и глубиной 135 см имела подпрямоугольную в плане



1



2

Рис. 3. Культурный тип усть-камских могильников
1 – раскоп I 1950 г., поселение Гулькин Бугор; 2 – раскоп I 1953 г., Гулькинский II могильник
Зеленым показаны объекты энеолитического времени

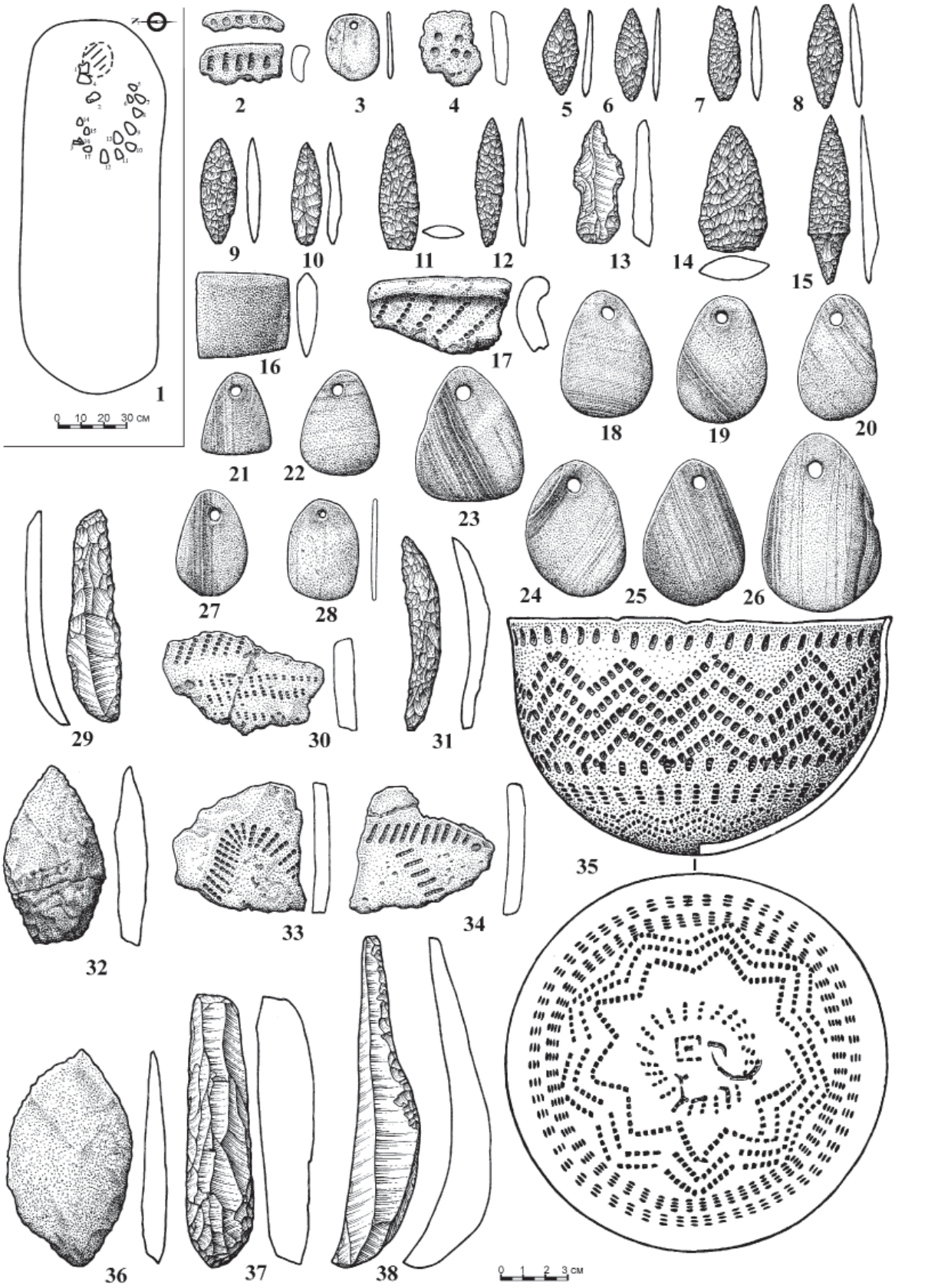


Рис. 4. Гулькинский II могильник, погребение и поселение Гулькин Бугор

1, 18–28 – Гулькинский II могильник, погр. 1965 г. 2–16, 29–32, 35 – раскопки 1950–1953 гг., 17, 33 – сборы 1965 г., поселение Гулькин Бугор. 2, 4, 17, 30, 33, 34 – фрагменты сосудов; 3 – подвески; 5–12, 15 – наконечники стрел; 13 – фигурное изделие; 14, 32 – наконечники дротика; 16 – тесло, фрагмент; 29, 31 – ножи-ложкари; 35 – сосуд; 36, 38 – ножи; 37 – долото. 2, 4, 17, 30, 33–35 – глина; 3, 18–28, 16 – сланец; 5–12, 15, 29, 31, 37, 38 – кремень; 32, 36 – кварцит

форму, по длинной оси она была ориентирована с севера на юг.

Яма № 2 размерами 170×204 см и максимальной глубиной 135 см почти вплотную примыкала с восточной части к яме № 1. Она имела подчетырехугольные очертания, три стенки ее прямые, четвертая, восточная, закруглена. В юго-западной части отмечено подчетырехугольное углубление размерами 84×86 см, по длинной оси яма № 2 ориентирована с запада на восток. Расположение ям № 1 и 2 вплотную друг к другу, одинаковая глубина их котлованов, характер заполнения – «темный слой с находками» эпохи энеолита – заставляет предположить их одновременность. По всей вероятности, эти ямы входили в состав наземного жилого сооружения и использовались как хранилища, об этом свидетельствуют находки сосуда и наконечников стрел в яме № 1. Находки в яме № 4 еще одного кремневого наконечника стрелы подтверждают это предположение.

Характеристика керамики по этапам и локальным вариантам.

В результате исследования на памятнике собрана коллекция лепной керамики, отнесенной автором раскопок к самой ранней – первой группе (Збруева, 1960, с. 53–55). Однако большая часть глиняной посуды, опубликованной А.В. Збруевой (1960, рис. 20, 1–7), относится к камской культуре и имеет аналогии в материалах керамических коллекций эпохи неолита Среднего Прикамья и Казанского Поволжья (Халиков, 1969, рис. 13, 1–20; 16; 17, 1–9; 20, 1–4, 9). К эпохе неолита относится и толстостенный сосуд с шамотом и оттисками «шагающей» гребенки, выявленный на Гулькинской стоянке, аналогичный орнамент известен на стоянках Боровое Озеро I, Марьянская V, Хуторская и др., которые также относятся к камской неолитической культуре (Халиков, 1969, рис. 20, 1, 4, 9; 21, 9, 10).

Собственно, со стоянкой энеолитического времени связаны девять сосудов, фрагменты которых выявлены в результате раскопок А.В. Збруевой и сборов П.Н. Старостина. Это были круглодонные котловидные или чашевидные сосуды с примесью органики в глиняном тесте (рис. 4: 2, 4, 17, 30, 33–35). Венчики отогнуты наружу и орнаментированы глубокими круглыми ямочными вдавлениями и оттисками гребенки. Тулова и шейки сосудов покрывают отпечатки гребенчатого штампа в различных сочетаниях, чаще всего это фризы наклонного штампа и зигзаг.

Наибольший интерес представляет сосуд из ямы № 1 (рис. 4: 35), покрытый богатым орнаментом, который при взгляде снизу, со дна, образует знак в виде девятилучевой звезды, состоящей из трех расширяющихся поясов, внутри которых по кругу располагается фриз из слабо наклоненного гребенчатого штампа. На дне сосуда, в окружении всех вышеперечисленных орнаментальных поясов, располагается фигура из четырех примыкающих друг к другу квадратов.

Из культурного слоя Гулькинской стоянки происходит целая серия каменных орудий из кварцита, двуцветного и одноцветного кремня (всего 89 экз.). По аналогиям можно выделить изделия, которые связаны с эпохой энеолита, они относятся к оружию, деревообрабатывающим и режущим орудиям.

Чаще всего в коллекции каменных изделий Гулькинской стоянки встречается оружие, которое представлено наконечниками стрел, дротиков и копий. Наиболее многочисленны в этом ряду наконечники стрел с пером листовидной (5 экз.), иволистной (4 экз.) и треугольной (3 экз.) формы (рис. 4: 5–12, 15). Все они встречаются в погребальном инвентаре усть-камских могильников, в описании которых приведены и имеющиеся аналогии. На втором месте по количеству стоят наконечники копий и дротики (4 экз.) (рис. 4: 14, 32), они имеют листовидную форму пера, аналогии им также присутствуют в инвентаре вышеупомянутых могильников.

По всей вероятности, для обработки дерева использовались два каменных топора трапециевидной формы и тесло (рис. 4: 16) из зеленого сланца и кремня, которые были найдены на стоянке, причем сланцевый топор был полированным.

Принадлежность всех 12 каменных долот к энеолитическому слою трудно обосновать, но некоторые из них были, безусловно, энеолитическими (рис. 4: 37).

Ножи очень многочисленны (19 экз.), чаще всего это ножевидные пластины с ретушью или без нее (рис. 4: 38), аналогии которым присутствуют на памятниках эпохи камня в широких пределах.

Особняком стоят ножи листовидной формы, как из кремня, так и кварцита (2 экз.) (рис. 4: 36), а также три ножа-ложкаря (рис. 4: 29, 31), изготовленных на узких и длинных изогнутых пластинах, многочисленные аналогии им присутствуют на памятниках эпохи энеолита Волго-Камья.

С обработкой кожи связаны скребки (33 экз.), чаще всего на удлиненных отщепах (16 экз.), реже на коротких, неправильной формы (11 экз.), скребки другой формы встречаются в единичных экземплярах.

Кроме того, в слое поселения была выявлена подвеска из серпентина овальной формы (рис. 4: 3), аналогичная подвескам из погр. 1 и пог. 1965 г. из Гулькинского II могильника, и один экземпляр фигурного кремня (рис. 4: 13), вероятно, заготовка антропоморфной фигурки.

Рис. 5. Местоположение Мурзихинского II могильника

По всей видимости, размещение поселения Гулкин Бугор на останце первой надпойменной террасы было обусловлено направленностью хозяйственной деятельности данной стоянки. К сожалению, видовой состав животных, кости которых были найдены на Гулькинском поселении, определенный В.И. Цалкиным, не может быть использован ввиду отсутствия подробных таблиц распределения их по глубинам и слоям (Цалкин, 1958, с. 221–281; Збруева, 1960, с. 66).

Некоторую ясность в определении направления хозяйственной деятельности обитателей данного поселения вносят погребения телят (рис. 3: 2), которые, согласно данным стратиграфии, относятся к могильнику эпохи энеолита (Збруева, 1960, с. 52). Эти погребения, по всей вероятности, отражают скотоводческую направленность хозяйственной деятельности населения, оставившего эти памятники, отсюда и размещение поселения в пойме рядом с обширными пастбищами, удобными для выпаса скота.

К сожалению, многочисленные свидетельства наличия у обитателей стоянки рыболовства также не позволяют связать их с энеолитическим слоем памятника, так как информация о них дается совокупно и не позволяет отделить останки рыб, относящиеся к эпохе энеолита, от более поздних (Збруева, 1952, с. 66).

Могильники. Усть-камские раннеэнеолитические могильники известны по трем некрополям: Гулькинскому II, Мурзихинскому II и Тенишевскому. Абсолютную хронологию удалось установить лишь для одного из них – Мурзихинского II (табл. 1), Гулькинский II и Тенишевский могильники не имеют привязки к хронологической шкале с абсолютными значениями. Однако близость материальной культуры данных некрополей позволяет предполагать их существование в одном промежутке времени. В тоже время отличия в погребальном обряде данных могильников – погребенные в положении сидя на Мурзихинском II и лежащие на спине в Гулькинском II и Тенишевском – диктуют необходимость рассмотреть их по отдельности.

Все три известных некрополя культурного типа усть-камских раннеэнеолитических могильников располагаются на левом берегу рр. Камы и Волги на не затапливаемых весенними разливами частях террасы, высотой от 19 м от уровня реки и выше. Мурзихинский II и Тенишевский на второй надпойменной террасе, Гулькинский II на останце первой надпойменной. До заполнения ложа

Куйбышевского водохранилища могильники размещались на левых берегах малых рек – притоков рр. Камы и Волги, Мурзихинский II на р. Курлянке, Тенишевский на р. Вихлянке, Гулькинский II на р. Утке (рис. 1).

Погребальный обряд. Все могильники размещались на террасах с ровной поверхностью, иногда с незначительными естественными возвышениями. Гулькинский II могильник располагался на окраине стационарного поселения и вне его территории (рис. 2), привязка остальных могильников к поселениям неясна.

Погребения располагались рядами от 4-х в Тенишевском до 3-х на Мурзихинском II могильниках, кроме того, в междурядьях наличествуют погребения, не входящие в ряды, от одного до двух захоронений (Габяшев, Беговатов, 1984, рис. 2; Габяшев, 1992, рис. 1; Чижевский, Голубева, 2019, рис. 1: 1). Сложнее обстоит дело с Гулькинским II могильником ввиду немногочисленности раскопанных здесь погребений и исследовании их в разные годы, здесь установить рядность не представляется возможным. Для всех некрополей характерно отсутствие речной ориентировки погребенных.

Погребальный обряд с погребенными в положении сидя прослежен на Мурзихинском II могильнике. Раскопками было изучено 18 погребений, располагавшихся неровными рядами по три – шесть захоронений, между которыми отмечены отдельные неорганизованные в ряды погребения. Ряды вытянуты с северо-востока на юго-запад.

Зафиксировано 12 захоронений с выявленными очертаниями могильной ямы, среди которых отмечено два варианта ям: круглой и подчетырехугольной формы (рис. 6: А; 7: А) (Чижевский, Голубева, 2019, рис. 1: 1). Глубина погребений от момента фиксации незначительна, она колеблется в пределах 4–30 см и в среднем составляет 11 см.

Обращает на себя внимание тот факт, что две трети погребений являются коллективными и содержат от двух до четырех костяков (рис. 6: 1; 7: 1). Все погребения были совершены по обряду ингумации, но иногда уже в могилах обжигались. Во многих могильных ямах отмечена охра от нескольких кусочков до сплошной засыпки ею могилы. Все погребенные располагались сидя или на спине, с подогнутыми ногами. Судя по наиболее полно сохранившимся костякам, умерших людей в момент погребения размещали сидя, с полусогнутыми ногами, направленными вверх коленями, руки предплечьями помещали на колени, голова свешивалась на грудь.

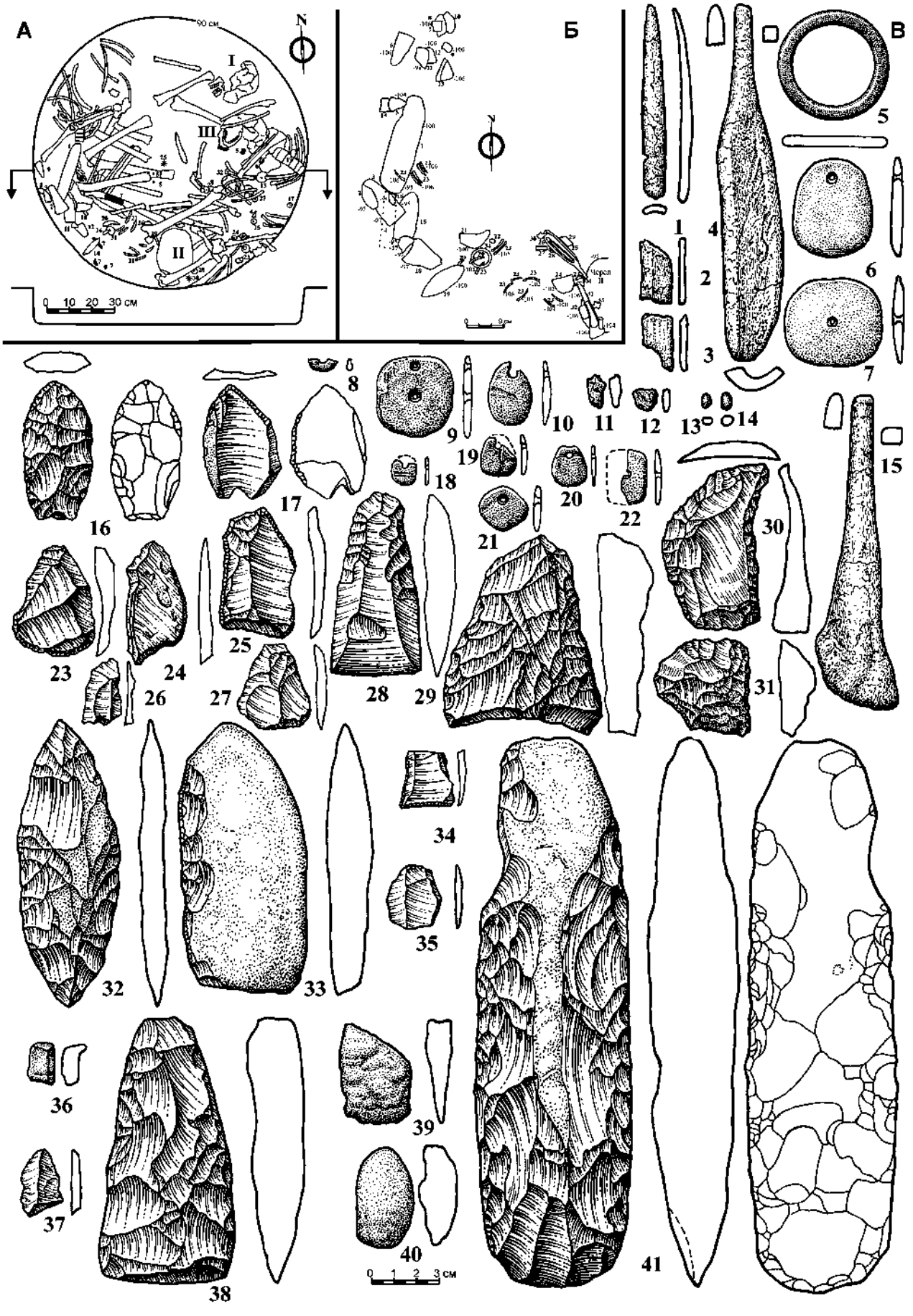
Характер расположения костей в могильной яме свидетельствует о воздействии на них массивного конгломерата земли уже после разложения костяка. В некоторых случаях кости умерших оказались спрессованными в одну массу так, что позвоночник и ребра как бы сложились друг в друга, в иных случаях скелеты заваливались на спину или на грудь. Все это свидетельствует о наличии над погребенными людьми какой-то перегородки из органического материала, до перегнивания которой некоторые скелеты успели упасть, а другие испытали компрессионное воздействие перекрывающей погребение земли после разрушения органического перекрытия.

Ориентировка погребенных различна, но преобладает восточное направление с различными отклонениями. Костяки в могильных ямах коллективных погребений размещались двумя способами: 1 – в погребениях с двумя и четырьмя погребенными костяки располагались в один ряд плечом к плечу друг с другом, головой они ориентированы в одну сторону (рис. 7: 1); 2 – в погребениях с тремя умершими костяки ориентированы головами в разные стороны, ногами они обращены к центру могильной ямы (рис. 6: 1).

Захоронения в положении сидя известны на памятниках эпохи энеолита Волго-Уралья. Это прежде всего погребение у с. Старое Кабаново в Башкирии (Васильев, 2004, с. 51, рис. 5) и семь погребений на Хвалынском I энеолитическом могильнике (Агапов и др., 1990, с. 32, 33, 40, 41, 46, 51, рис. 6: 9; 8: 8; 12: 18, 19; 20: 3; 55; 56; 69; Васильев, 2004, с. 56). Выявлены они в Зауралье в энеолитической части могильника Верхняя Алабуга (5 погр.) и Убаган I (1 погр.) (Потемкина, 1982, с. 162–164, 168, рис. 1; 1985, с. 151, 153–155, 157), в могильнике Гладунино I (1 погр.) (Шилов, Маслюженко, 2006, с. 186, рис. 2). В степях Северного Причерноморья подобные захоронения происходят из могильников среднестоговской культуры (9 погр.) (Телегин, 1973, 104, 112, рис. 53: 5; 1976, с. 10). Полусидячее положение двух погребенных отмечено в энеолитическом могильнике на стоянке Караваиха (Уткин, Костылева, 2001, с. 63).

Рис. 6. Мурзихинский II могильник, погр. 90, погребальный инвентарь

А – план погр. 90; Б – погр. 90, деталь; 1 – шило; 2, 3 – фрагменты изделия; 4, 15 – стамески; 5 – «браслет»; 6–12, 18–22 – подвески; 13, 14 – гальки-бусины; 16 – наконечник дротика; 17 – наконечник стрелы; 23, 27, 30 – скребок по шкуре; 24 – стамеска-скребок; 25 – стамеска-скребок-строгальный нож; 26 – резчик по шкуре; 28 – тесло шлифованное; 29 – заготовка ножа; 31 – скобель-долотце; 32 – кинжал; 33 – нож на кремневой плитке; 34 – стамеска по шкуре; 35, 37 – отщеп; 36, 39 – фрагмент абразива; 38 – тесло; 40 – фрагмент гальки; 41 – тесло большое. 1–4, 15 – кость; 5–12, 18–22 – сланец; 13, 14, 40 – галька; 16, 17, 23–35, 37, 38, 41 – кремень; 36, 39 – песчаник


А
Б
В
I
II
III
N
0 10 20 30 см
0 1 2 3 см

Во всех перечисленных случаях это одиночные погребения вне могильников, индивидуальные захоронения на некрополях либо отдельные костяки в коллективных погребениях. Мурзихинский II могильник представляет собой редкий случай почти стопроцентного погребения в позе сидя, сочетающего как индивидуальные, так и групповые погребения.

Наибольшая близость в обряде размещения погребенных в положении сидя, подобном Мурзихинскому II могильнику, проявляется среди «сидячих» погребений Хвалынского I энеолитического могильника, где обнаруживается компрессионное воздействие на костяки и скелеты, завалившиеся на бок. Кроме того, здесь присутствуют и коллективные погребения, в которых сочетались как сидячие, так и лежащие на спине с подогнутыми ногами погребенные. Это сходство лишний раз подтверждает гипотезу о миграции части населения, оставившего усть-камские могильники с юга.

Каких-либо следов намогильных сооружений и ритуальных действий в межмогильном пространстве не зафиксировано, однако, судя по отсутствию перекрытия могильных ям более поздними погребениями, такие сооружения в период функционирования могильника существовали. Отсутствуют и свидетельства существования курганных насыпей, по всей вероятности, это был грунтовый могильник.

Погребальный инвентарь Мурзихинского II могильника богат и разнообразен (рис. 7: Б). Основные категории инвентаря представлены изделиями из камня, кости, рога и меди.

В состав каменного инвентаря входили: деревообрабатывающие и режущие орудия, орудия по обработке кожи, оружие и предметы охоты и орудия обработки земли.

Наиболее многочисленны деревообрабатывающие и режущие орудия. Деревообрабатывающие орудия выявлены в трех погребениях (5 экз.). Они представлены орудиями двух типов: 1 – трапециевидной формы, шлифованные и нешлифованные тесла (рис. 6: 28, 38; 8: 36) и 2 – длинные тесла с желобком и выделенной рукоятью. Своими размерами выделяется тесло из погр. 90, достигающее длины 24 см (рис. 6: 41).

Многочисленны орудия режущего характера: скобели (рис. 6: 31), скребки, стамески (рис. 6: 24, 25), пластины с ретушью (рис. 8: 37), ножи (рис. 8: 14, 38) и их заготовки (рис. 6: 29, 33), зафиксированные в семи погребениях, большей частью они изготавливались на отщепах из плиточного кремня с помощью тщательной отжимной ретуши. Типичны орудия с вытянутой рабочей частью и изогнутым лезвием, характерные для неолитических и энеолитических культур Среднего Поволжья, Прикамья, и Приуралья (Бадер, 1961, 31: 16, 17; 32: 1–4; 1961а, рис. 5: 5, 6; Липсон, 1961, рис. 7: 1; Морозов, 1982, рис. 4: 2, 18, 26; Выборнов и др., 1985, рис. 7: 9; Мельничук и др., 2006. с.124, рис. 4: 1, 2; Лычагина, 2006, с. 130, рис. 6: 1–7; Никитин, 2017, рис. 139: 15, 16; 150: 12, 13; 189: 6; 202: 14; 206: 5; 249: 6, 7; 302: 22; 363: 5, 7; 441: 7).

Оружие в погребениях Мурзихинского II могильника не менее многочисленно, наконечники стрел из кремня обнаружены в семи захоронениях (9 экз.). Восемь наконечников стрел имеют иволистную или листовидную форму, причем некоторые из них очень крупные и, возможно, являются дротиками (рис. 6: 16; 8: 10, 11, 16, 40), один наконечник из погр. 90 выполнен на широкой пластине с выемкой у основания (рис. 6: 17).

Наконечники иволистной формы чрезвычайно распространены на памятниках энеолита и могут рассматриваться как один из типичных признаков этой эпохи (Бадер, Выборнов, 1980, рис. 5: 12, 13; Наговицын, 1984, рис. 4: 1, 2, 21, 30–33, 42; Выборнов и др., 1985, рис. 7: 5, 6; 17: 1–8; Гусенцова, 1990, рис. 2: 12; Буров, 1990, рис. 3: 8–12, 15–17; рис. 4: 2–7; Костылева, Уткин, 2010, рис. 17: 18, 20–24; 22: 6, 11–14; 23: 3–7; 24: 1–7; 27: 1–6; 31: 1; 66: 9; 100: 14–18; 107: 4, 5, 10, 13, 14; 108: 2, 20; 109: 18; 122: 9; Моргунова, 2011, рис. 58; Никитин, 2017, рис. 65: 1, 2; 69: 3, 16–18; 101: 6, 7, 10; 139: 6; 170: 1; 188: 17; 201: 6; 238: 14, 15; 257: 16; 267: 1; 273: 6–13; 302: 3; 309: 2; 340: 1; 351: 4; 456: 9; 462: 5 и др.).

К оружию можно отнести также топор ладьевидной формы из окремнелого известняка из погр. 128 с ассиметричным проухом (рис. 8: 34). Сверленые, иногда шлифованные топоры характерны для погребального инвентаря хвалынской культуры (Васильев, 1980, рис. 2: 21, 5: 37, 6: 4; Агапов и др., 1990, рис. 18: 7; 21: 4; 24: 1, 3; Горащук, 2010, рис. 21: 5, 6).

Наконечник дротика (рис. 6: 16) выявлен в погр. 90 вместе с кинжалом листовидной формы (рис. 6: 32). Близкой формы наконечники дротиков известны по находкам в Пермском Прикамье, на стоянках эпохи неолита Кряжская и Усть-Залазушка II (Денисов, 1961, рис. 10: 11, 12; Мельничук и др., 2006. с. 124, рис. 4: 3; Никитин, 2017, рис. 340: 13).

Листовидные кинжалы широко представлены на памятниках Волго-Камского и Южно-Уральского энеолита в материалах новоильинской, юртиковской и суртандинской культур, известны они в Карелии и в центральной части Русской равнины (Матюшин, 1982б, табл. 14: 1–11; 33: 14; 35: 2–4, 10–13; 67: 8; Наговицын, 1984, рис. 4, 17, 52,

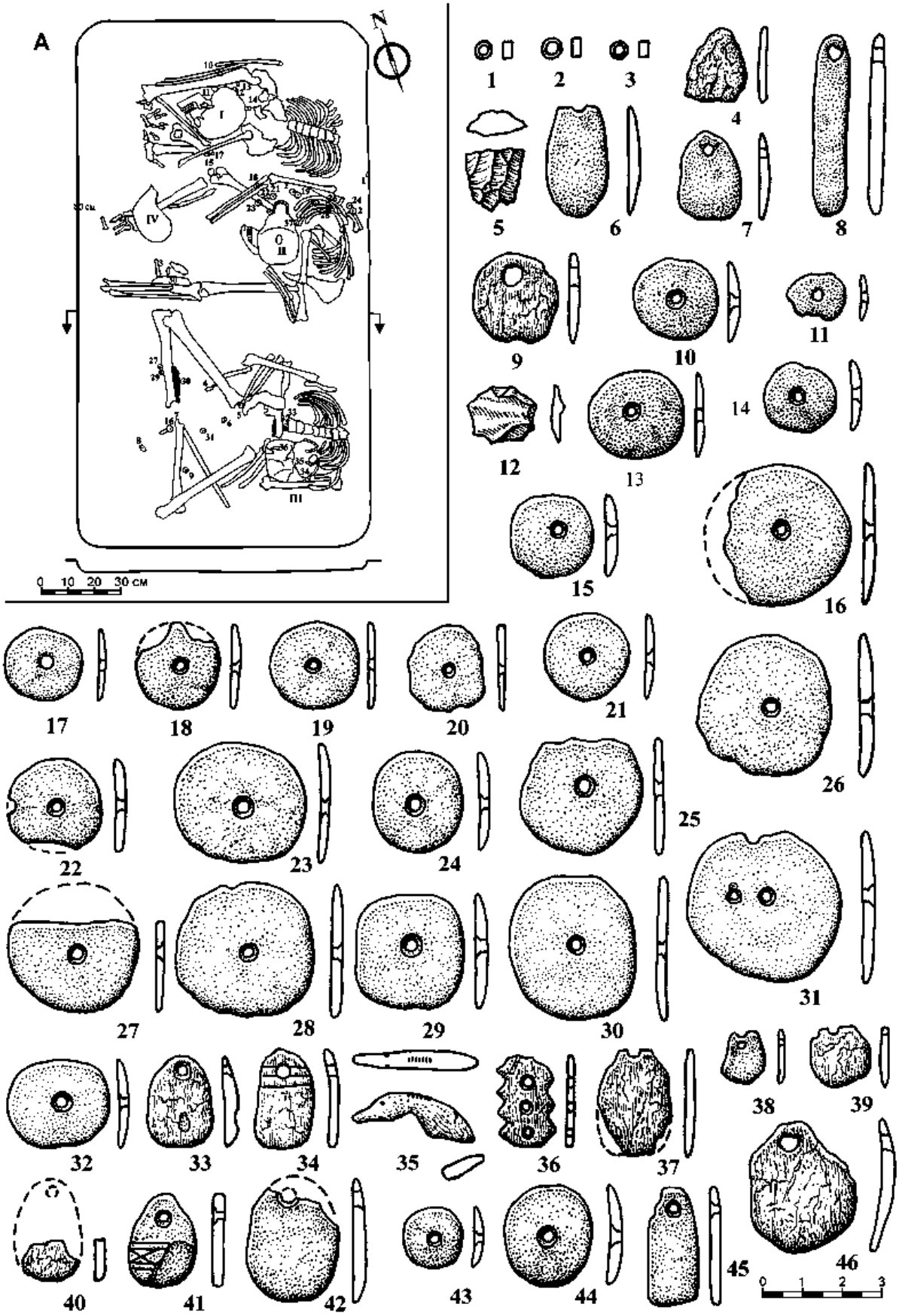


Рис. 7. Мурзихинский II могильник, погр. 102, погребальный инвентарь
1–3 – бисер; 4, 6–11, 13–34, 37–46 – подвески; 5, 12 – скол; 35 – фигурка лебедя; 36 – фигурная подвеска. 1–3 – раковина; 4, 9, 33–37, 39, 40, 46 – кость; 5, 12 – кремень; 6–8, 10, 11, 13–32, 38, 41–45 – сланец

53; Буров, 1990, рис. 4: 8, 9; Костылева, Уткин, 2010, рис. 86: 9).

Еще один, но более массивный кинжал (нож?), изготовленный из плиточного кремня, с тщательно отделанным ретушью лезвием и выделенной массивной рукоятью, зафиксирован в погр. 128 (рис. 8: 43). Близкие по форме ножи известны на памятниках энеолита Приуралья (Морозов, 1982, рис. 6: 7).

Второй нож, изготовленный на кремневой плитке, из погр. 90 (рис. 6: 33), с отделкой лезвийной части двусторонней отжимной ретушью, но сохранившей в необработанном состоянии остальную часть плитки, также имеет аналогии на Урале и Среднем Поволжье на поселениях эпохи энеолита Гагарское I, Кама-Жулановское III, Старое Буртюково и др. (Бадер, 1959, рис. 16: 9; 19: 3; 20: 10; Липсон, 1961, рис. 7: 8; Денисов, 1961а, рис. 15: 1; Матюшин, 1982б, табл. 77: 17–26; Морозов, 1982, рис. 6: 8; Наговицын, 1984, рис. 4: 5, 66; Гусенцова, 1990, рис. 3: 3; Мельничук, 1990, рис. 2).

К орудиям по обработке кожи относятся скребки (рис. 6: 23, 27, 30; 8: 13, 15, 21, 41), которые выявлены в пяти погребениях, резчики (рис. 6: 26) и стамески (рис. 6: 34) по шкуре.

С орудиями, предназначенными для обработки земли или собирательства, можно связать мотыгоообразное орудие из погр. 128 (рис. 8: 35), оно имеет ромбовидную форму и выполнено из тонкой, около 3 см толщиной, пластины из известняка. Подобное, но более грубо обработанное изделие было найдено в жилище 1 на стоянке Сахтыш I льяловской культуры, а также на Майданской стоянке волосовской КИО (Гурина, Крайнов, 1996, рис. 56: 40; Никитин, 2017, рис. 79: 1).

Возможно, с собирательством связаны массивные плиты из галечника, выявленные в погр. 121 и 123.

Интересно найденное в погр. 118 каменное изделие с окончанием в виде скульптурной модели фаллоса (Чижевский, 2008, рис. 2: 2), выполненное из окремнелого известняка длиной 26,7 см, по своим размерам оно сопоставимо с каменными жезлами эпохи энеолита и раннего бронзового века (Моргунова, 2011, с. 94, рис. 65; Никитин, 2017, рис. 121: 1). Подобные изображения на жезлах не типичны для волго-камского энеолита, однако западнее, в зоне распространения волосовской культурно-исторической общности, они известны, это Г-образные жезлы с окончанием в виде фаллоса, изготовленные из дерева, рога и кости. Судя по количеству находок (13 экз.), они были типичны для материальной культуры энеолита лесной зоны Центральной России (Уткин, Костылева, 1998, с. 111–114, рис. 1–3).

В погребальном инвентаре отмечены отходы производства кремневых изделий: фрагменты гальки (рис. 6: 40), отщепы (рис. 6: 35, 37; 8: 39), сколы (рис. 7: 5, 12; 8: 2, 3), а также фрагменты абразивных камней (рис. 6: 36, 39).

Характерной особенностью каменного инвентаря Мурзихинского II могильника является сочетание изделий, изготовленных из двуцветного, черно-белого, кремня и кварцита, кроме того, здесь присутствуют изделия из высококачественного плиточного кремня и низкокачественного опочного.

Аналогии формам каменных орудий среди инвентаря неолитических памятников Среднего Прикамья еще раз подчеркивают неолитические традиции в формировании культуры усть-камских энеолитических могильников и её связь с энеолитическими культурами Прикамья.

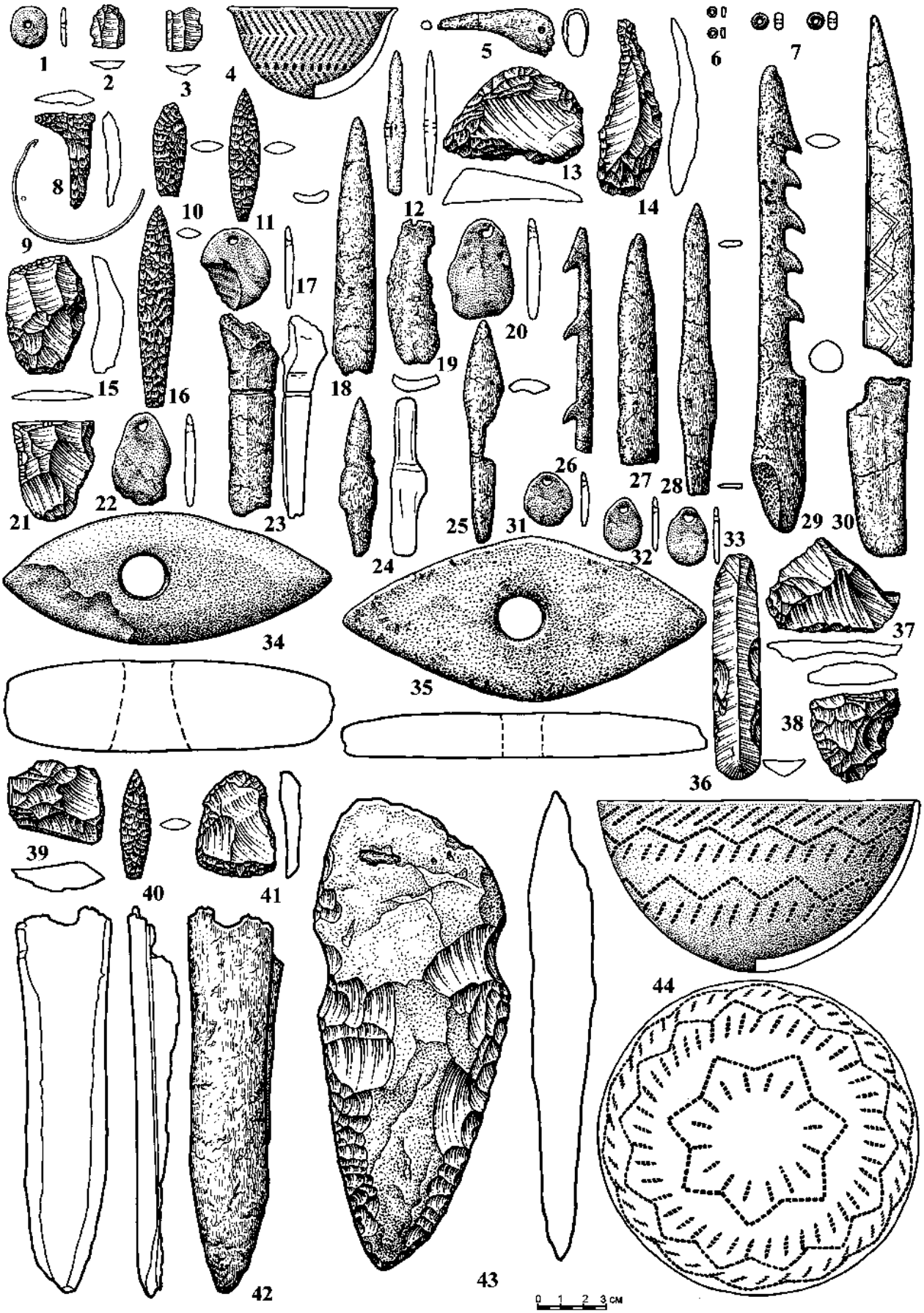
Костяной инвентарь также весьма разнообразен. В его состав входили предметы вооружения или охоты, орудия для обработки шкур и рыболовства.

Назначение костяных стамесок – орудий из расколотой пополам трубчатой кости (3 экз.), с закругленной массивной ручкой, длинной рабочей частью и отвертковидным окончанием (рис. 6: 4, 15) – до конца неясно, они могли использоваться как деревообрабатывающие орудия или орудия для обработки кож. Аналогии им прослежены на памятниках эпохи энеолита (Ивановское пос. и др.) (Моргунова, 2011, с. 95, 96, цв. вкладка 5).

Долота из расколотой пополам кости (рис. 8: 18, 27) обнаружены в трех погребениях – 4 экз. (погр. 156 и др.), они также могли применяться как для обработки дерева, так и выделки шкур, окончательное определение может дать только исследование специалиста-трассолога. Подобные орудия известны как на памятниках эпохи неолита, так и энеолита (Юдин, 2004, рис. 59: 3; 63: 2; 64: 2).

Рис. 8. Мурзихинский II могильник, погребальный инвентарь

А – погр. 102; 1–4 – погр. 124; 5–7, 13, 14, 26–30 – погр. 104; 8 – подъемный материал; 9–11, 15, 16, 18 – погр. 156; 12, 17, 19–25, 31–43 – погр. 128; 44 – погр. 103. 1, 17, 20, 22, 31–33 – подвески; 2, 3 – сколы; 4, 44 – сосуды; 5 – фигурка, головка кулика; 6 – бисер; 7 – бусы; 8 – фигурка, головка копытного животного; 9 – височное кольцо; 10, 11, 12, 16, 24, 25, 28, 40 – наконечники стрел; 14, 43 – ножи; 18, 27 – долота; 19 – фрагмент орудия; 23, 42 – заготовка орудия; 26, 29 – гарпуны; 30 – орудие кинжаловидной формы; 34 – топор; 35 – мотыгоообразное орудие; 36 – тесло; 37 – пластина с ретушью; 38 – фрагмент ножа (?); 39 – отщеп; 13, 15, 21, 41 – скребок; 1, 17, 20, 22, 31–33 – сланец; 2, 3, 8, 10, 11, 13–16, 21, 36–41, 43 – кремень; 4, 44 – глина; 5, 12, 18, 19, 23–30, 42 – кость; 6 – раковина; 7 – янтарь; 9 – медь, 34, 35 – окремнелый известняк


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
0 1 2 3 см

Тонкие стилетообразные орудия, зафиксированные в трех захоронениях, использовались, по всей вероятности, как шилья (рис. 6: 1). Подобные орудия широко распространены в степной и лесостепной зонах энеолита и являются характерными орудиями этой эпохи (Матюшин, 1982, рис. 13: 1–6; Потемкина, 1982, с. 167, рис. 2: 7; Юдин, 2004, рис. 62: 1; Костылева, Уткин, 2010, рис. 41: 2).

К предметам вооружения или охоты из кости относятся наконечники стрел (5 экз.) (рис. 8: 12, 24, 25, 28).

В погр. 104 выявлено орудие кинжаловидной формы, изготовленное из расколотой трубчатой кости (рис. 8: 30). Оно состоит из двух частей: рукояти и лезвийной части, место перехода от рукояти к лезвию утрачено, однако, судя по расположению данного предмета в могильной яме, его длина составляла около 28 см, ширина рукояти 2,8 см, ширина лезвия до сужения около 2 см, толщина – 1,5–3 мм. На лезвии небрежно процарапан орнамент в виде двойного горизонтального зигзага, от которого сохранилось лишь три сегмента, окаймленного сверху и снизу двумя неровными, параллельными линиями. По всей вероятности, данное орудие не имело боевого назначения, а использовалось каким-то иным способом, возможно, было ритуальным.

Близкое по форме и размерам орудие найдено в погр. 10 Съезженского могильника, на его лезвии присутствует резной орнамент из одиночного горизонтального зигзага, размещенного поверх двух прямых линий. Авторами публикации это орудие интерпретировано как кинжал ввиду наличия на нем желобка, который они определили как паз для вкладышевого орудия (Васильев, Матвеева, 1979, с. 152, 159, рис. 5: 1). Однако такие желобки присутствуют и на некоторых костяных предметах Мурзихинского II могильника, и предназначались они для разметки кости (рис. 8: 23, 42), намечая линии планируемого раскола[1], возможно, и в этом случае была такая же ситуация, так как кремневые вставки от составных орудий в погребении отсутствовали.

Подобное кинжаловидное орудие с близким орнаментом известно и по материалам поселения сурской культуры эпохи неолита, располагавшегося на о. Сурской на Днепре (Телегин, 1996, с. 44, рис. 8: 11).

Из всего набора костяных изделий Мурзихинского II могильника к орудиям рыболовства можно отнести только гарпуны (3 экз.), все они происходят из погр. 104, имеют различные размеры от 6,4 до 20,7 см и, видимо, предназначались для охоты на рыбу разных размеров (рис. 8: 26, 29).

К сожалению, некоторые орудия дошли до нас в виде фрагментов (рис. 6: 2, 3; 8: 19) и не могут быть достоверно атрибутированы.

Украшения выявлены в 13 погребениях, большая часть из них, в 12 погребениях, представлена подвесками овальной, круглой и подчетырехугольной формы из зеленого филлита и зеленоватого, серо-черного и белого сланца (всего выявлено 95 экз.) (рис. 6: 6–12, 18–22; 7: 6–8, 10, 11, 13–32, 38, 41–46; 8: 1, 17, 20, 22, 31–33), на некоторых из них отмечены рисунки в виде рядов параллельных линий и горизонтального зигзага. Размеры подвесок различны: от крупных (4,5 см) до мелких (1,5 см), причем все они имеют двустороннее сверление. Подобные подвески из серпентина, различных видов сланца и нефрита имеют чрезвычайно широкое распространение, появившись еще в неолите (Окладников, 1950, рис. 9Е; Гурина, 1956, с. 148, 149, рис. 86, 16, 17, 29, 30; Ошибкина, 1996а, с. 215, рис. 69: 3–7; 1996б, с. 225), они распространяются от Прибайкалья до Восточной Прибалтики и Финляндии и продолжают существовать в энеолитическое время (Цветкова, 1948, рис. 5: 8, 10, 11, 14; Бадер, 1959, рис. 18: 10; 22: 6; 26: 3; 1961, рис. 63: 1, 2; 80: 1–5; 89: 14; Матюшин, 1982б, рис. 33: 2, 4–11; табл. 70: 15–17; 117: 7, 11; Морозов, 1982, с. 80, рис. 4: 15; 1984, рис. 8; Стоколос, 1984, рис. 4: 9, 10, 23; 1988, рис. 4: 1; Потемкина, 1985, с. 155, рис. 65: 10; Выборнов и др., 1985, рис. 17: 25–27; Никитин, 1996, рис. 65: 2–7, 11–14; 2017, с. 100, 104, 109, 204, рис. 77: 5; 243: 5–7; 248: 16–18; 257: 25, 26; 468: 3; Костылева, Уткин, 2010, рис. 11: 12, 13; 16: 26, 27, 29, 30; 17: 13; 49: 22–37; 51: 11–16; 55: 4–15, 21–23; 56: 7; 58: 2; 59:7, 8; 63: 28–30; 75: 2, 4–9; 76: 2–16; 77: 2–21). Среди украшений камской культуры они неизвестны и в Волго-Камье появляются, очевидно, лишь в энеолите (Габяшев, 1992, с. 45).

Из серпентина изготовлен и браслет, выполненный в виде кольца диаметром около 5 см, обнаруженный в погр. 90 (рис. 6: 5). Подобные кольца из мрамора, мергеля и сланца также распространены весьма широко, как хронологически, так и территориально, они известны в неолите и энеолите на территориях от Прибайкалья до Кавказа (Круглов и др., 1941, рис. 34, 49, 54: 10, табл. V: 1–11, VI: 1–8; Окладников, 1950, рис. 122; Костылева, Уткин, 2010, рис. 113: 2; Моргунова, 2011, цв. вкладка).

В составе погребального инвентаря Мурзихинского II могильника встречаются украшения из кости (рис. 7: 4, 9, 33, 34, 37, 39, 40, 46), которые включают подвески круглой и овальной фор-

[1] Выражаем благодарность М.Ш. Галимовой за консультацию по данному вопросу.

мы, украшенные орнаментом, подобным узорам на подвесках из сланца, а также орнитоморфные (2 экз.) (рис. 7: 35; 8: 5) и «геометрическую» подвески (рис. 7: 36). Подвески круглой и овальной формы из кости копируют каменные и распространены чрезвычайно широко и в тех же регионах, сложнее дело обстоит с орнитоморфными изображениями.

Одна из орнитоморфных подвесок выполнена в виде плоской головки гуся (погр. 102) (рис. 7: 35), а другая в виде объемной головки кулика (погр. 104) (рис. 7: 5). Орнитоморфные изображения, в том числе и подвески, из кости, как объемные, так и плоские, появляются на территории Центральной части Русской равнины еще в неолите (Гурина, 1996, с. 183, 184, рис. 58: 18, 31– 33, 35). Традиция изготовления подобных изображений продолжает существовать в этом регионе и в энеолите, причем в эту эпоху она связана в основном с волосовской культурно-исторической общностью (Студзицкая, 1994, рис. 4; Костылева, Уткин, 2010, рис. 4; 32: 6; 114: 1, 2). В южных – степных регионах – в эпоху неолита и энеолита из кости в основном изготовляли изображения домашних животных (быков и лошадей), и эта традиция, видимо, не находит проявлений в «культуре» усть-камских могильников (Васильев, Матвеева, 1979, с. 159, рис. 3: 1–3, 6; Васильев и др., 1980, с. 184, 185, рис. 21: 2, 3; Васильев, 1985, с. 7, рис. 6: 1; Юдин, 2004, с. 104, рис. 67: 3–5; Моргунова, 2011, рис. 7, 22, 30, цв. вкладка). Однако полностью исключать южное влияние на формирование изобразительной традиции усть-камских могильников нельзя, так как на двух ложкообразных предметах, выявленных среди погребального инвентаря Съезженского могильника, присутствуют миниатюрные скульптурные изображения голов водоплавающей птицы, близкие по стилистике и форме к изображению из погр. 102 Мурзихинского II могильника (Васильев, Матвеева, 1979, рис. 3: 5, 13).

Третья подвеска из кости «геометрической» формы (рис. 7: 36) изготовлена в виде фигурки из трех соединенных ромбов (погр. 102), аналогии ей прослеживаются в материалах неолитической рязанской культуры (Гурина, 1996, рис. 58: 49), а также в коллекциях поселений и кладов трипольской культуры, среди амулетов из кости, меди и глины (Пасек, 1965, с. 77–83, рис. 1: 5–11, 13; 3: 11, 12; 5: 1).

К гарино-борско-волосовскому миру тяготеет профильное миниатюрное изображение головы травоядного животного из кремня (рис. 8: 8), найденное в размыве берега. Плоские миниатюрные кремневые скульптурные изображения известны на нерасчлененных гарино-борских памятниках Нижнего Прикамья (Чижевский и др., 2015, рис. 4: 2, 3; Чижевский и др., 2017, рис. 7: 3, 4), волосовских памятниках Среднего и Верхнего Поволжья (Никитин, 1996, рис. 64: 1–3). Однако ближайшие аналогии данной находке прослеживаются в кремневой миниатюрной скульптурке из Каетубинской островной стоянки (Чижевский и др., 2017, рис. 7: 3), стоянке Векса у г. Вологда (Недомолкина, 2000, с. 224–232), а также фигурке с Ахмыловского II поселения в Марийском Поволжье (Никитин, 1991, рис. 64: 10).

Кроме того, в коллекции могильника найдены украшения из раковины (бисер) (рис. 7: 1–3; 8: 6), округлых кремневых конкреций или галек (рис. 6: 13, 14) и янтаря (рис. 8: 7). Украшения из янтаря представлены двумя бусинами диаметром 0,8 см и толщиной 0,4 см из погр. 104. Среди янтарных бус Центра Русской равнины в эпоху неолита и энеолита бусы такой формы практически не встречаются, известны только единичные экземпляры бус, близких по размерам и форме к мурзихинским (Ошибкина, 1996б, рис. 73: 26; Костылева, Уткин, 2010, рис. 16: 17).

В погр. 104 и 156 выявлены изделия из меди. В первом случае это фрагмент медной пластины, видимо, остатки какого-то пластинчатого украшения, во втором были зафиксированы остатки двух украшений из меди, одно из них сохранило свою форму, второе полностью разрушилось и фиксировалось по окислам (Чижевский, 2008, с. 370, рис. 1: 13). Сохранившееся украшение изготовлено из узкого листа меди, согнутого в трубку и загнутого в крючок на одном из концов, второе завершение украшения не сохранилось (рис. 8: 9). Близкое по оформлению запорного устройства изделие отмечено на памятнике среднестоговской культуры – Золотая Балка (Телегин, 1973, с. 78, рис. 42: 12), в коллекциях новоданиловской и хвалынской культур известны медные трубчатые изделия (Телегин, 1985, рис. 84: 15; Агапов, 2010, рис. 8: 3, 4), а загнутые в кольцо, иногда многовитковые, височные украшения из круглого прутка широко представлены на памятниках эпохи энеолита как юга Северной Евразии, так и Среднего Поволжья и Прикамья (Телегин, 1973, рис. 42: 1, 2, 13; Наговицын, 1987, рис. 10: 22; Рындина, Дегтярева, 2002, рис. 20: 7; 27: 7; Черных, 2010, рис. 2: 4–6; 3: 4, 7, 24, 25; Рындина, 2010, рис. 1: 1–9, 11–21; Агапов, 2010, рис. 3: 7–9, 12, 13, 15–23; 7: 1–6, 9, 10; 8: 20, 21).

Таким образом, технология изготовления таких изделий была характерна для энеолитических культур Северной Евразии, особенно для культур Юга РФ и Украины, и это понятно, так как время существования Мурзихинского II могильника совпадает со временем максимального развития

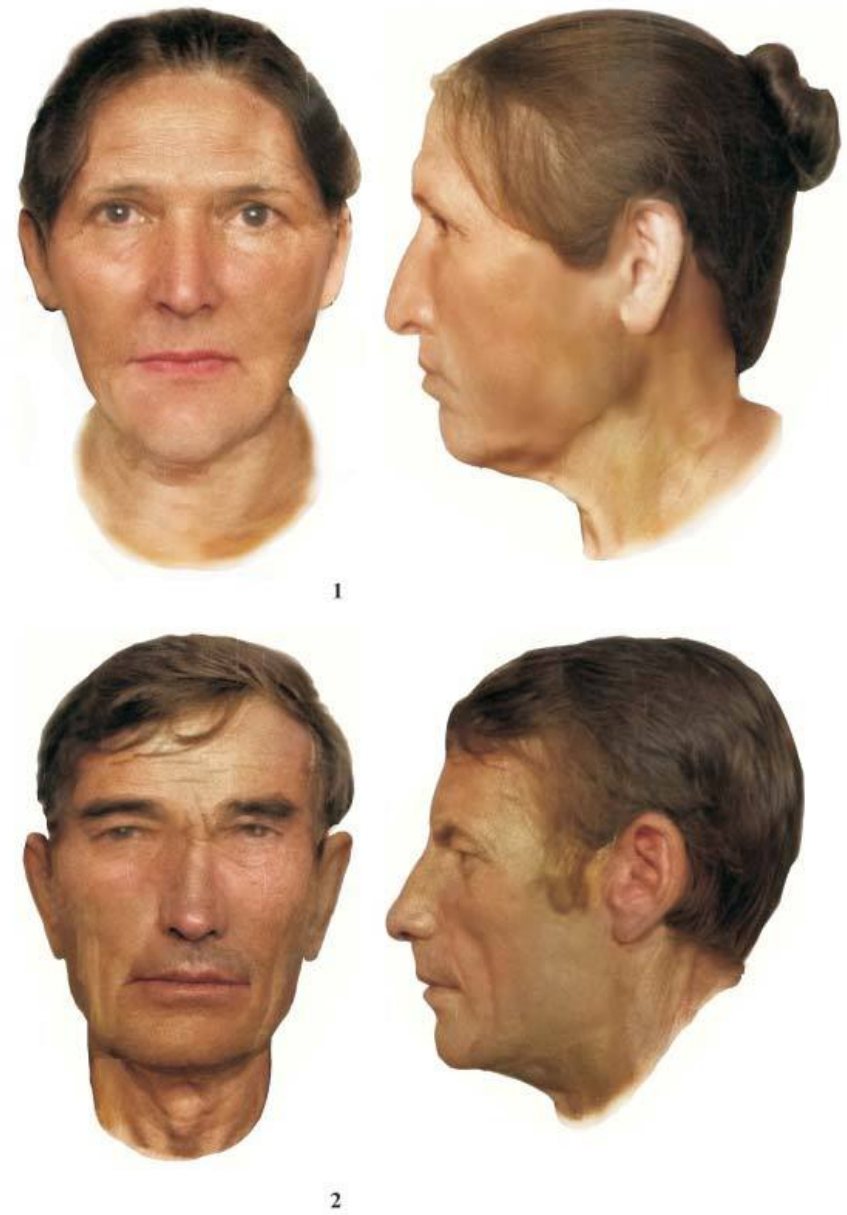


Рис. 9. Мурзихинский II могильник, графические реконструкции по черепу, автор А.И. Нечвалода
1 – погр. 102, костяк 1; 2 – погр. 104

Балкано-Карпатской металлургической провинции (Черных и др., 2011, с. 34, 35).

В состав погребального инвентаря иногда входили кости животных: куницы, лисы, суслика, сурка, байбака и бобра, на которых охотились люди, оставившие Мурзихинский II могильник.

Особый интерес вызывает находка фрагмента лопатки крупного рогатого скота из погр. 128 (Чижевский, 2008, с. 367), это первый достоверный случай обнаружения в Волго-Камье одомашненного животного из закрытого комплекса и свидетельство начала развития производящего хозяйства в регионе.

Проявлением каких-то ритуальных действий или религиозных представлений является находка в составе инвентаря двух погребений фассилизованных костей плейстоценовых животных: в погр. 90 это обломок зуба шерстистого носорога (Coelodonta antiquitatis), в погр. 118 – зуб тура (Bos primegenius)[2].

В двух погребениях 103 (рис. 8: 44) и 124 (рис. 8: 4) были обнаружены небольшие чашевидные сосуды с округлым дном диаметром 11,6 и 7,3 см соответственно. В глиняном тесте имелась какая-то органическая примесь (растительность (?), дробленая ракушка (?)), которая при обжиге выгорела, и на сломах керамики образовались пустоты, поэтому сосуды получились у

[2] Определение А.Г. Петренко.

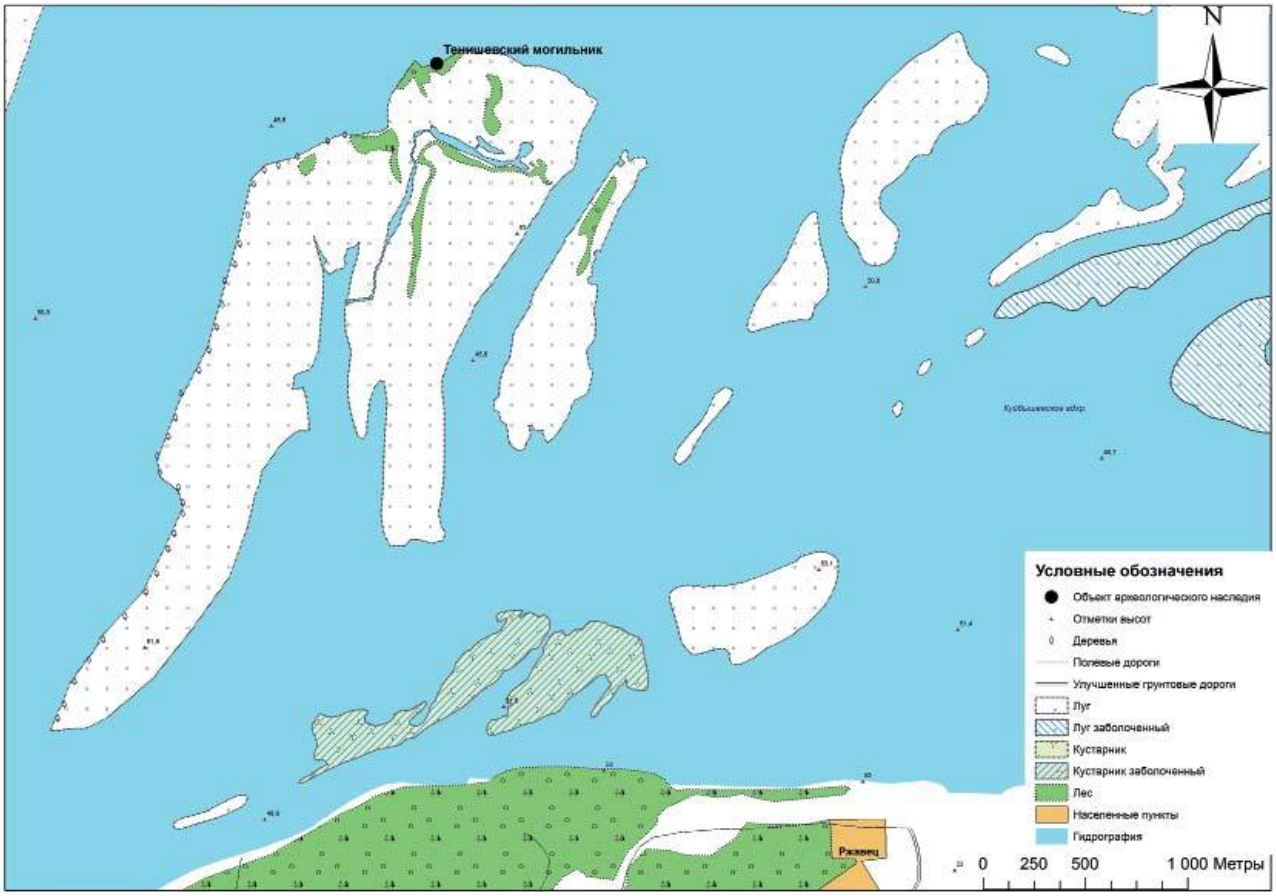


Рис. 10. Местоположение Тенишевского могильника

древних мастеров легкими, пористыми и рыхлыми. Сосуды, найденные в погребениях, украшены гребенчатым орнаментом, образующим пояса из зигзагообразных и наклонных линий. На сосуде из погр. 124 в дополнение к этому в придонной части наличествует поясок из неглубоких овальных ямок. Орнамент сосуда из погр. 103 при взгляде снизу, со дна, образует семилучевой знак, внутри которого по кругу располагается фриз, состоящий из слабо наклоненного гребенчатого штампа.

Погребальный обряд с погребенными в положении лежа на спине прослежен на Гулькинском II и Тенишевском могильниках. В первом случае было изучено 3 погребения, во втором – 24. Погребения на Тенишевском могильнике располагались четырьмя (возможно пятью) неровными рядами, в Гулькинском II могильнике выявить ряды не удалось. Ряды в Тенишевском могильнике были вытянуты с северо-востока на юго-запад и насчитывали от двух до 12 захоронений.

На рассматриваемых некрополях все захоронения фиксировались отчетливо, по форме очертаний выделено два варианта могильных ям: овальной и подчетырехугольной формы (рис. 3; 4: 1; 11: 1–4; 12: 1–3). Глубина погребений на Гулькинском II могильнике составляла около 20 см, а на Тенишевском не превышала 35 см. Все погребения были совершены по обряду ингумации, только два из них, погр. 10 и 24 Тенишевского могильника, были парными, остальные индивидуальными. Подсыпка красной охры присутствовала с разной степенью интенсивности во всех могильных ямах. Умерших хоронили в вытянутом положении на спине. Судя по погребениям Гулькинского II могильника, руки располагались вытянуто, вдоль тела, положение ног ввиду утраты костей ниже коленей определить не представляется возможным.

На Гулькинском II могильнике все умершие были ориентированы головой на восток, на Тенишевском на северо-запад (29%) и юго-восток (71%) с отклонениями, причем в двух рядах этого могильника ориентировка костяков в рядах отличалась на 180˚.

Так же как и на Мурзихинском II могильнике следов намогильных сооружений и ритуальных действий в межмогильном пространстве выявлено не было, не зафиксировано перекрытия могильных ям более поздними погребениями, что свидетельствует об их существовании в древности.

Погребальный инвентарь некрополей с погребенными в положении лежа на спине представлен изделиями из камня и немногочисленными медными украшениями. Это связано с немногочис-

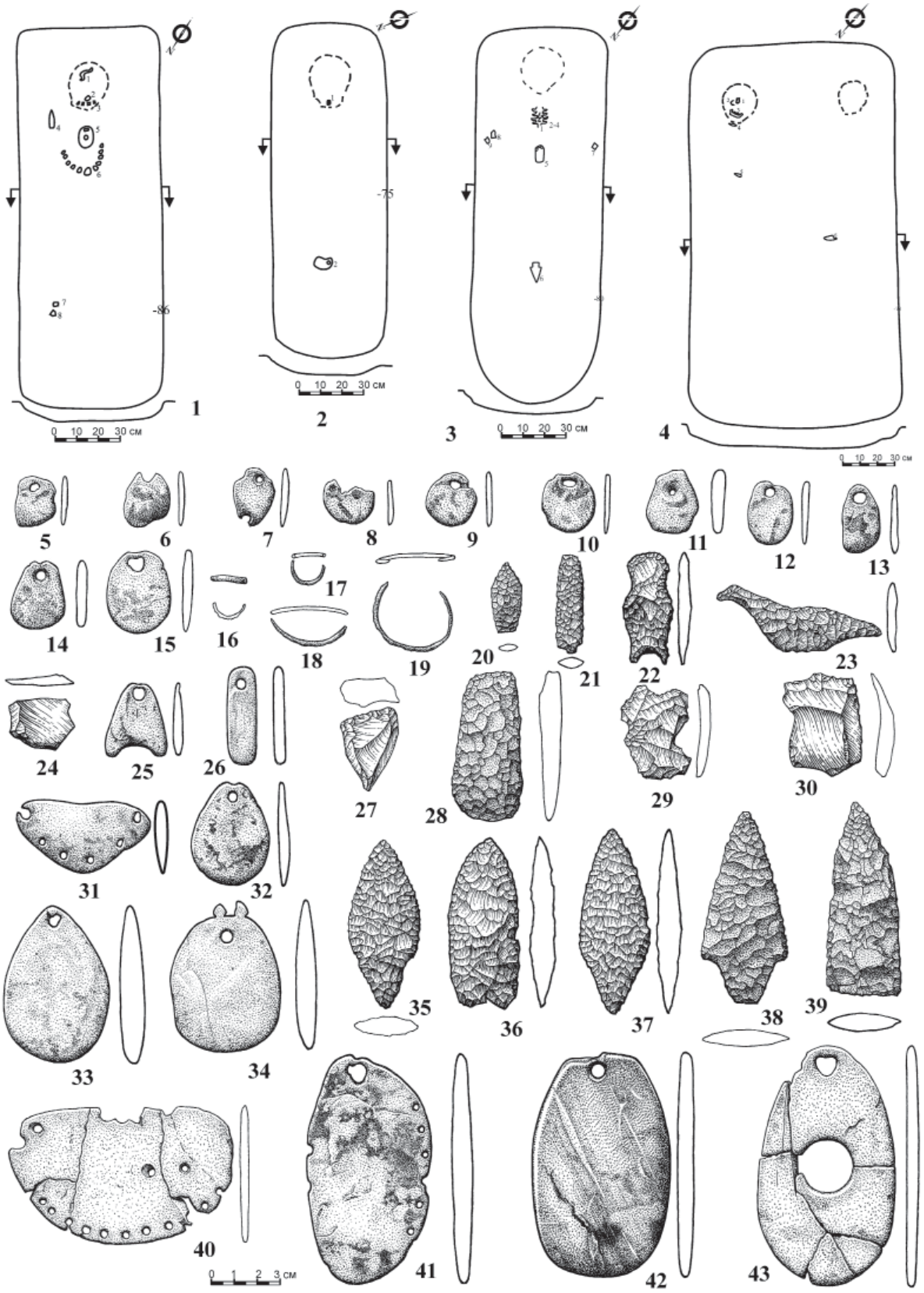


Рис. 11. Тенишевский могильник

11, 5–15, 23, 24, 43 – погр. 8; 2, 40 – погр. 22; 3, 17–19, 27–30, 38, 39 – погр. 9; 4, 16, 20, 21, 35 – погр. 10; 22, 25, 26, 31–34, 36, 37, 41 – сборы 1983 г., 42 – сборы 1987 г. 5–15, 25, 26, 31–34, 40–43 – подвески; 16–19 – височные кольца; 20, 21, 35–38 – наконечники стрел; 22, 23 – фигурный кремень; 24 – ребристая пластина; 27 – скребок; 28 – тесло; 29, 30 – отщепы; 39 – нож. 5–15, 25, 26, 31–34, 40–43 – сланец; 16–19 – медь; 20–24, 27, 29, 30, 35–39 – кремень; 28, 38, 39 – кварцит

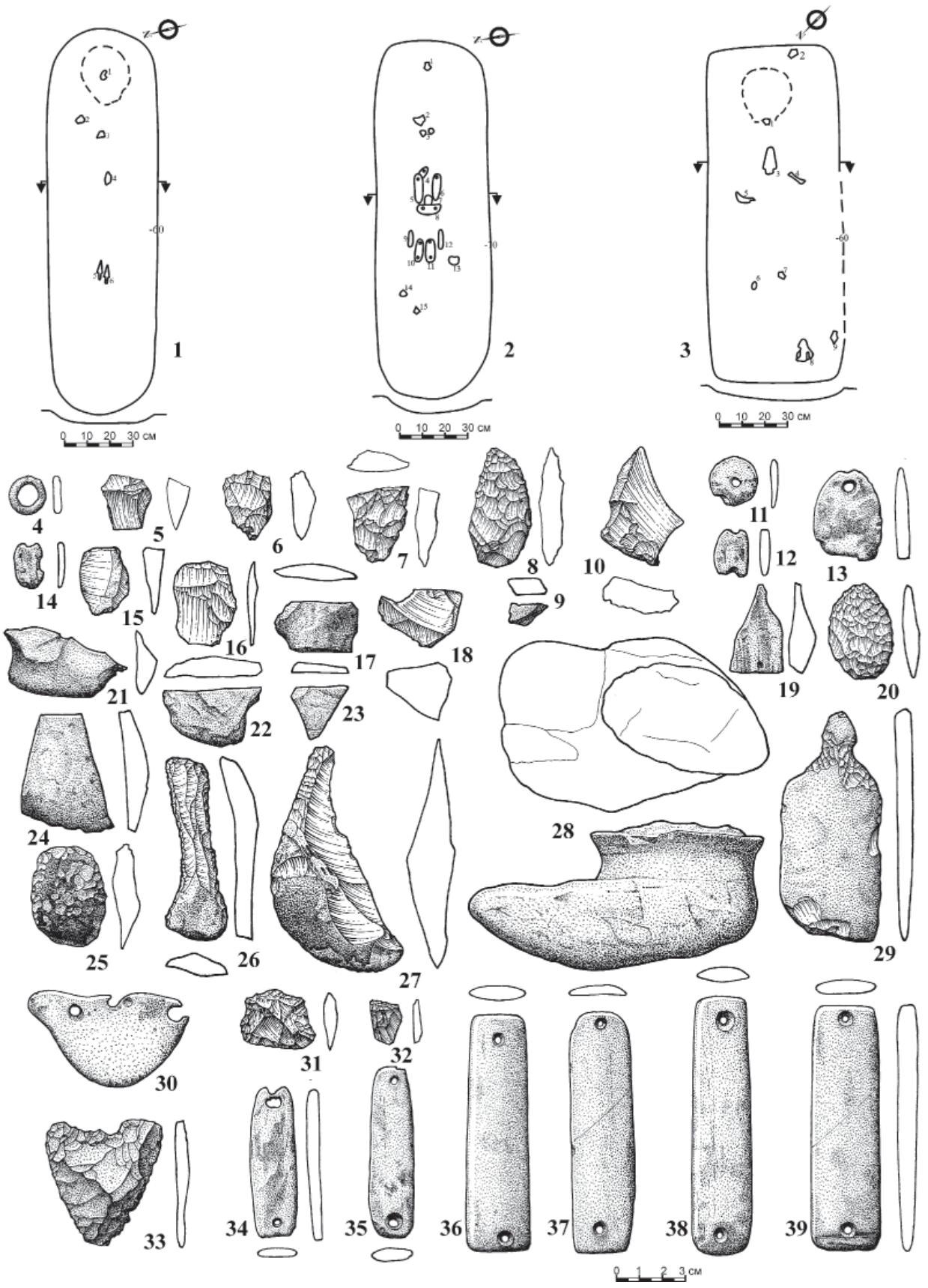


Рис. 12. Тенишевский могильник

4–8, 10 – погр. 18; 11–13, 25, 30–39 – погр. 20; 9, 14–24, 26–29 – погр. 23. 4 – кольцо; 5–7, 9, 15, 17–19, 21–24 – отщепы; 8, 27, 33 – нож; 11–14, 30, 34–39 – подвески; 16, 25, 31 – скребок; 20 – наконечник стрелы; 26 – нож-ложкарь; 28 – фрагмент конкреции в виде ступни человека; 29 – заготовка ножа с пуговкой. 4, 11–14, 30, 34–39 – сланец; 5–10, 15, 16, 18, 20, 26–29, 31, 32 – кремень; 17, 19, 21–25, 33 – кварцит

ленностью погребений Гулькинского II могильника и плохой сохранностью кости на Тенишевском могильнике. В Гулькинском II могильнике обнаружены только украшения, остальные категории погребального инвентаря описываются по материалам Тенишевского могильника.

Каменный инструментарий составляют изделия, изготовленные преимущественно из двухцветного кремня и кварцита, кроме того, присутствуют и предметы, изготовленные из однотонного хорошего качества кремня.

В состав каменного инвентаря входили деревообрабатывающие и режущие орудия, оружие и предметы охоты, орудия для обработки кожи.

Орудия для обработки дерева представлены подтрапециевидной формы кремневым долотом и теслом из кварцита (рис. 11: 28). Данные орудия имеют широкий круг аналогий. Близкие по облику изделия получают широкое распространение в пределах Волго-Уралья в эпоху неолита, энеолита и продолжают своё бытование в эпоху бронзы (Крижевская, 1968, табл. XXI; Никитин, 1987, рис. 5; 1991, рис. 27–28; 1996, рис. 52: 24, 25; 61: 5, 7; Ставицкий, 1999, рис. 29: 9, 10; Соловьёв, 2000, рис. 65: 6; 78: 7, 10; Габяшев, 2003, рис. 14; 48: 9; Голдина, 2004, рис. 45: 22).

Режущие орудия представлены резчиками и скребками, однако наиболее представительны среди режущих изделий ножи, которые характеризуются разнообразием форм и изготовлены на бифасах, пластинах и плитках (рис. 11: 39; 12: 8, 26, 27, 29, 33). На Тенишевском могильнике они были обнаружены в девяти погребениях. Оригинальностью формы отличается нож из погр. 23: он изготовлен на кремневой плитке, прямолезвиен и обладает навершием в виде так называемой «пуговки» (рис. 12: 29). Ножи с пуговкой являются маркерными орудиями эпохи энеолита, находки этих изделий фиксируются на поселенческих памятниках эпохи раннего металла в Среднем Прикамье и сопредельных с ним территорий (Бадер, 1961, рис. 18: 5). Не меньшего внимания заслуживает кварцитовый прямолезвийный нож с горбатой спинкой (рис. 11: 39). Аналогичный нож был найден на Ховринском энеолитическом поселении, которое автор публикации датировал концом III – началом II тыс. до н. э. (Вискалин, 2006, с. 198, 200, рис. 5: 12).

Оружие и предметы охоты в погребениях Тенишевского могильника представлены наконечниками стрел из кремня и кварцита, которые были обнаружены в трёх захоронениях (рис. 11: 20, 21, 35–38; 12: 20). Наконечники имеют листовидную или иволистную форму, часть из них отличаются крупными размерами и, возможно, являются дротиками. Отдельного внимания заслуживает крупных размеров наконечник (дротик?) подтреугольной формы с черешком из кварцита, обнаруженный в погр. 9 (рис. 11: 38).

Выявленные в погребениях наконечники обладают широким кругом аналогий в массиве поселенческих и погребальных памятников энеолитической эпохи Волго-Уралья (Цветкова, 1948, рис. 4: 1–9; 1957, таб. I–III; Халиков, 1969, рис. 37: 1–3; Голдина, 2004, рис. 45: 2, 6–8; 47: 2–5; Королёв, Ставицкий, 2006, рис. 36: 32–35; 40–41; 46: 2–12; 51: 1–12; Костылева, Уткин, 2010, рис. 17: 24, 22: 12; 23: 28: 7; 108: 1–4; 109: 19, 20; 110: 1, 2; Моргунова, 2011, рис. 58; Никитин, 1987, рис. 3; Никитин, 2017 и др.), который даёт основание полагать, что рассмотренные формы присущи в целом для энеолитической эпохи в рамках рассматриваемой территории.

К орудиям обработки кожи относятся скобели (2 экз.), проколки (2 экз.), многочисленны скребки (9 экз.) (рис. 11: 27; 12: 16, 25, 31), которые были обнаружены в четырёх погребениях. Орудия рассматриваемой категории изготовлены на широких пластинах и отщепах. Следует отметить, что близкие по форме орудия были широко распространены на неолитических памятниках Южного Урала (Крижевская, 1968, табл. V–VI, X, XVII), и это является еще одним свидетельством сохранения неолитических традиций обработки камня в раннем энеолите Усть-Камья. Однако в целом можно утверждать, что орудия для обработки кожи, обнаруженные на Тенишевском могильнике, по своему облику типичны для энеолитических памятников Среднего Поволжья и Приуралья (Никитин, 1991, рис. 13, 14, 16; 21, 25; 29: 7, 9; 2017, рис. 68: 18, 20; 84:3; 101: 19, 20).

Многочисленны кремневые пластины (рис. 11: 24) и отщепы (рис. 11: 29, 30; 12: 5–7, 9, 15, 17–19, 21–24) без следов дополнительной обработки, возможно, они также использовались в качестве орудий.

Самой многочисленной категорией находок в составе погребального инвентаря Гулькинского II и Тенишевского могильников являются украшения. В основном они представлены каменными подвесками каплевидной, круглой и овальной, подпрямоугольной и подтреугольной формы (всего из погребений происходит 155 экз. и 103 экз. из сборов), изготовленными из сланца свето-зелёного, сероватого и белого цвета, а также филлита более темных оттенков (рис. 11: 5–15, 25, 26, 31–34, 40–43; 12: 11–14, 30, 34–39). Единичны подвески подтрапециевидной и полулунной формы. Следует отметить, что большая часть подвесок имеет следы использования и ремонта. По своему облику они близки подвескам, обнаруженным в Мурзихинском II могильнике, и имеют обширный

круг аналогий, главным образом среди погребальных памятников энеолита лесной полосы Восточной Европы[3] .

Другой категорией украшений является бисер диаметром около 2,5 мм из раковины (10 экз.), выявленный в погр. 1 Гулькинского II могильника в составе ожерелья из сланцевых подвесок (Збруева, 1960, рис. 19: Б). Аналогии ему присутствуют среди погребального инвентаря Мурзихинского II могильника, а также на могильниках мариупольского типа (Телегин, 1991, с. 16). По мнению Д.Я. Телегина, появление в Поднепровье и юге Украины бисера в виде плоских кольцевых буспронизей связано с контактами днепро-донецких племен с населением Кавказа (Телегин, 1991, с. 16). В эпоху энеолита бытование этого вида украшений получает широкое распространение. В Среднем Поволжье, кроме Усть-Камья, они встречаются и на территории Самарского Поволжья в составе погребального инвентаря могильника Екатериновский мыс (Королёв, Кочкина, Сташенков, 2015, с. 515–516, рис. 1: 12).

Вероятно, к украшениям следует отнести и кольцо из сланца, выявленное в погр. 18 (рис. 16: 4). Его диаметр составляет 1,7 см. Самые ближайшие аналогии прослеживаются с кольцом, обнаруженным на поселении эпохи раннего металла Имерка IБ в Примокшанье (Королёв, Ставицкий, 2006, рис. 45: 33). Аналогичные кольца присутствуют также в комплексах раннеэнеолитических культур степного Приуралья (Богданов, 2004, рис. 66; 91: 14–24). Некоторая близость прослеживается и с находкой, обнаруженной на поселении эпохи раннего металла Круглое I в юго-западном Прибеломорье (Жульников, 2005, рис. 161: 21).

Особого внимания заслуживают украшения, вероятно, обладающие ритуальным назначением, все они были найдены на Тенишевском могильнике. Наиболее яркой находкой такого рода является кремневая фигурка птицы из погр. 8 (рис. 11: 23), которая была изготовлена на отщепе с помощью тщательной двусторонней обработки. Фигурка располагалась в области черепа погребенного.

К этой же группе следует отнести находку антропоморфной кремневой фигурки (рис. 11: 22), которая была обнаружена на размываемой части Тенишевского могильника. Она изготовлена на тонком кремневом отщепе с помощью отжимной краевой ретуши. Наиболее близкие аналогии ей прослеживаются с находкой, полученной при исследовании стоянки Сахтыш II (Костылева, Уткин, 1996, рис. 2: 39). Применительно к данной фигурке вполне правомерно применить и иную трактовку образа, который она символизирует, и интерпретировать её как изображение медведя, вставшего на задние лапы.

Третьей находкой такого рода является кремневая конкреция в форме человеческой стопы (рис. 12: 28), окрашенная красной охрой, которая была выявлена в погр. 23 Тенишевского могильника. Свидетельством того, что в состав погребального инвентаря ее включили не случайно, является глиняная фигурка в виде стопы человека, происходящая из Кочуровского IV поселения новоильинской культуры (Гусенцова, 1980, с. 84, рис. 8; Голдина, 2004, рис. 42: 1). По всей вероятности, изображение стопы человека играло определённую роль в ритуально-обрядовой практике.

В составе погребального инвентаря Тенишевского могильника присутствуют также украшения, изготовленные из металла. Они представлены четырьмя медными кольцами, изготовленными из овальной в сечении медной «проволоки», диаметр их варьируется от 1,3 см до 4,5–5 см (рис. 11: 16–19). Использование данных колец в качестве украшений не вызывает сомнений, в первом случае три медных кольца располагались в области позвоночника погребенного в районе груди (погр. 9), а во втором кольцо было зафиксировано вблизи черепа, в области правого виска (погр. 10). Украшения из меди, выявленные в Тенишевском могильнике, по своему облику близки к кольцам, обнаруженным при исследовании Хвалынского I и II могильников (Агапов, 2010, рис. 3: 22; 8: 12–16, 20), находки подобных колец известны также в Караново и Варненском некрополе на территории Болгарии (Черных, 1978, табл. 19: 2–4, 16).

Случайные находки. В настоящее время случайные находки вещей, которые можно было бы связать с «культурой» усть-камских могильников, неизвестны.

Хронология памятников, относящихся к «культуре» усть-камских могильников, основана на абсолютных датах, полученных по костным останкам человека для десяти[4] погребений Мурзихинского II могильника, и предметах-хроноиндикаторах.

Абсолютные датировки были выполнены лабораторией ГИН г. Москвы по ^{14}C (Чижевский, 2008, с. 370, 371) и лабораторией института социальной антропологии Макса Планка (Key et al, 2020, p. 325). В 2011 г. датировки лаборатории ГИН были подвергнуты калибровке Е.Н. Черныхом и получены уточненные значения, отличающиеся от некалиброванных более чем на 1000 лет

[3] Ссылки см. в описании Мурзихинского II могильника.

[4] Радиоуглеродная дата, полученная для погр. 90 (GIN-9434), резко отличается от остальных и является, по всей вероятности, ошибочной. Не дает точную информацию и дата погр.103, костяк III (ГИН 9432) с отклонением ±180 лет.

(Черных и др., 2011, табл. 10). В настоящем издании мы приводим новые значения, полученные с использованием программы калибровки радиоуглеродных определений – OxCal-4.3[5]. Данные радиоуглеродного анализа были откалиброваны и представлены в табл. 1. В результате проведенной работы возрастной диапазон Мурзихинского II могильника был определен в границах 4537–4228 (68,2%) и 4599–4143 (95,4%) гг. до н. э. без учета невалидной даты погр. 90 и датирующегося в широких пределах погр. 103, костяк III.

Количество предметов хроноиндикаторов, известных в усть-камских могильниках, невелико. Это костяные изделия: в виде фигурки из трех соединенных ромбов и орудие кинжаловидной формы.

Изделие из кости в виде фигурки из трех соединенных ромбов из погр. 102 (рис. 7: 36) Мурзихинского II могильника имеет аналогии среди костяных предметов, выявленных на раннетрипольских памятниках – этап А (Бернашовка, Лука-Врублевецкая, Сабатиновка II, Флорешты), а также на памятниках гумельницкой культуры, таких как Видра (Пасек, 1965, рис. 1: 5–11, 13, 20–24; Бибиков, Збенович, 1985, рис. 54: 4, 8). Близкие по форме амулеты из меди присутствуют также в раннетрипольском кладе из с. Карбуна, и из глины – из пос. Гигошти (Трудешти) (Пасек, 1965, рис. 3: 11, 12; 5: 1; Рындина, 1971, рис. 16: 1–15). Е.К. Черныш отмечает, что медные украшения появились только на памятниках 5-й ступени раннего периода трипольской культуры, а к заключительной, 6-й, относится клад из с. Карбуна (Рындина, 1971, с. 51; Черныш, 1982, с. 186, 188, табл. LX). Таким образом, можно предполагать, что находка костяного амулета из трех соединенных ромбов по времени своего существования соответствует двум заключительным ступеням раннего периода трипольской культуры. Калиброванные даты последних ступеней раннего (AII, AIII, ABI, AB) периода трипольской культуры располагаются в рамках середины V – начала IV тыс. до н. э., в основном в пределах 4670–3990 (68,2%), 4780–3750 (95%) гг. до н. э. (Черных и др., 2000, табл. 2-В: 16, 21, 26, 30), в этих же пределах можно датировать и костяной амулет из погр. 102 Мурзихинского II могильника.

Орудие кинжаловидной формы, изготовленное из расколотой трубчатой кости (рис. 8: 30), было найдено в погр. 104 Мурзихинского II могильника. Аналогии ему присутствуют в погр. 10 Съезженского могильника и поселении на о. Сурской на Днепре.

Находка на о. Сурском может датироваться лишь в широких пределах всего времени существования сурской (сурско-днепровской) культуры от начала V до начала IV тыс. до н. э. (Телегин, 1971, с. 6, рис. 3: 1; 1996, с. 44, рис. 8: 11; Даниленко, 1985, с. 139). Другое дело Съезженский могильник – в последние годы для этого памятника получено несколько ^{14}C дат по керамике из межмогильного пространства, самая поздняя из них 4860–4670 (68,2%), 4960–4520 до н. э. (95%) сближается с ^{14}C датами Мурзихинского II могильника (Моргунова и др., 2010, с. 20, табл. 1: 1–3). По всей вероятности, в пределах этого времени следует датировать и находку кинжаловидного орудия из погр. 104 Мурзихинского II могильника.

Таким образом, даты, полученные как по ^{14}C, так и предметам-хроноиндикаторам, характеризуют время существования Мурзихинского II могильника в пределах середины – второй пол. V тыс. до н. э. Остальные памятники типа «усть-камских могильников» не имеют датировок по ^{14}C и у них отсутствуют яркие предметы-хроноиндикаторы, поэтому все хронологические определения могут быть только относительными и привязанными к Мурзихинскому II могильнику.

Периодизация культуры

В результате сопоставительного анализа керамического комплекса удалось синхронизировать Мурзихинский II могильник и поселение Гулькин Бугор. Принадлежность Гулькинского II могильника к Гулькинскому поселению определена А.В. Збруевой, она же предположила несколько более позднюю позицию некрополя по отношению к поселению. Погребения Гулькинского II могильника, совершенные по обряду ингумации в вытянутом положении со сланцевыми подвесками и подсыпкой охры в засыпи могильных ям, близки к погребениям Тенишевского могильника как по обряду, так и погребальному инвентарю, по всей вероятности, данные могильники функционировали примерно в одно время. Исходя из этого, можно предположить, что поселение Гулькин Бугор и Мурзихинский II могильник существовали несколько ранее, чем Гулькинский II и Тенишевский могильники.

Однако при отсутствии значимых отличий в погребальном инвентаре это хронологическое различие трудно уловить, поэтому на данном этапе изучения памятники культурного типа усть-камских могильников необходимо рассматривать как сосуществующие примерно в одно и тоже время в середине – второй половине V тыс. до н. э.

Историко-археологическая интерпретация

Социальное устройство населения, оставившего усть-камские могильники, можно просле-

[5] Калибровка всех дат, полученных по ^{14}C, сделана авторами главы на сайте Оксфордского университета OxCal Project (https://c14.arch.ox.ac.uk/), программа – OxCal-4.3.

дить по погребальному обряду: подавляющая часть погребений содержала инвентарь, от одной сланцевой подвески до несколько десятков украшений, предметов вооружения и охоты. Однако могильные ямы этих условно богатых и условно бедных погребений имели одинаковые размеры и глубину и располагались в одном ряду. По всей вероятности, много предметов из органики не дошло до наших дней, показателен в этом отношении Тенишевский могильник, где не осталось ни одного изделия из кости и даже сами скелеты погребенных сгнили почти полностью. Таким образом, судить о богатстве или бедности людей по инвентарю, помещенному в могильные ямы, мы не можем, а одинаковый погребальный обряд свидетельствует об одинаковом – равном положении людей, по всей вероятности, это было эгалитарное общество, в котором процесс стратификации еще не начался.

Население, оставившее усть-камские энеолитические могильники, длительное время сосуществовало с культурами, жившими еще в неолите. Об этом говорят данные радиоуглеродного анализа, который показывает, что носители камской неолитической культуры, а также русско-азибейского и татарско-азибейского культурных типов жили в Волго-Камье вплоть до второй половины V – начала IV тыс. до н. э. (Выборнов, 2008, с. 243, табл. 1: 101–103, 106–111). По всей вероятности, культурный тип усть-камских могильников отражает начальный этап энеолитизации Волго-Камья, когда территория, занимаемая населением с производящим хозяйством, была невелика.

Исторические судьбы населения, оставившего усть-камские могильники, также еще до конца не определены, можно предположить возможность влияния усть-камского населения на формирование более поздних энеолитических культур Волго-Камья IV тыс. до н. э.

Таблица 1

Датировки комплексов Мурзихинского II могильника

№ п/п	Шифр лаборатории	Материал	Погребение	Date BP	Calib. date (probability)	
					68,2%	95,4%
1	ГИН 9434	Кость	погр.90	4000±200	2868–2802 (7,5%) 2778–2287(60,7%)	3084–3064 (0,4%) 3028–1947 (95%)
2	ГИН 9436	Кость	погр.91	5610±60	4489–4368 (68,2%)	4556–4339 (95,4%)
3	ГИН 9428	Кость	погр.94	5630±40	4503–4444 (46,1%) 4421–4395 (15,2%) 4388–4374 (6,9%)	4538–4365 (95,4%)
4	ГИН 9437	Кость	погр.102, костяк I	5660±40	4537–4456 (68,2%)	4592–4438 (85,3%) 4426–4370 (10,1%)
5	ГИН 9431	Кость	погр.102, костяк III	5470±80	4444–4421 (6,6%) 4396–4386 (2,5%) 4374–4238 (59,1%)	4464–4220 (82,1%) 4212–4151 (6,7%) 4134–4057 (6,6%)
6	ГИН 9435	Кость	погр.103, костяк I	5570±50	4449–4361 (68,2%)	4497–4337 (95,4%)
7	ГИН 9432	Кость	погр.103, костяк III	5090±180	4053–3659 (68,2%)	4331–3626 (92,6%) 3597–3526 (2,8%)
8	ГИН 9433	Кость	погр.104	5640±40	4529–4447 (61,5%) 4417–4403 (6,7%)	4546–4366 (95,4%)
9	ГИН 10039	Кость	погр.128, костяк I	5390±60	4335–4228 (52,1%) 4201–4169 (11,2%) 4127–4121 (1,5%) 4091–4080 (3,3%)	4344–4143 (75,9%) 4136–4053 (19,5%)
10	ГИН 10038	Кость	погр.131	5630±	4522–4441 (43,0%) 4425–4371 (25,2%)	4599–4347 (95,4%)
11	MUR009 Max Planck Institute	Зуб, пульпа	погр. 118	5662±	4536–4516 (16,2%) 4506–4454 (52,1%)	MPI4517–4460 (88.9%) 4581–4574 (0,6%) 4451–4442 (90,4%) 4421–4396 (3,5%) 4388–4371 (1%)
12	MUR019 Max Planck Institute	Зуб, пульпа	погр. 130	564130	4534–4520 (7,6%) 4504–4445 (55,9%) 4416–4407 (4,7%)	MPI4516–4450 (90.1%) 4542–4441 (75,5%) 4424–4368 (19,9%)

ГЛАВА 2

СРЕДНЕВОЛЖСКИЙ ВАРИАНТ ВОЛОСОВСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ (МАЙДАНСКАЯ КУЛЬТУРА)

Памятники волосовской культуры впервые выделены В.А. Городцовым на исследованных им стоянках, материалы которых он отнес к неолитическому времени, назвав культуру по эпонимному памятнику волосовской. В 20-е годы XX столетия был открыт и исследован ряд стоянок и на Верхней Волге и Нижней Оке. А.Я. Брюсов впервые дал характеристику и описал распространение волосовских памятников, которые ограничивались в основном Муромским течением Оки (Брюсов. 1952, с. 72). На значительном фактическом материале характеристику культуры дала И.К. Цветкова, она также отнесла культуру к неолиту, определив территорию в пределах Средней и Нижней Оки, хотя и не исключала ее распространение на север и запад (Цветкова, 1953, рис. 1).

Наблюдения И.К. Цветковой о близости льяловской и волосовской керамики подтвердились и выводами М.Е. Фосс, считавшей, что волосовская кремневая индустрия показывает некую преемственность от льяловской (Фосс, 1959). И.К. Цветкова выделяет три этапа развития:

1 этап – к нему отнесены материалы стоянок Волосовской, Владычинской и Коренец с характерными показателями посуды. Посуда с толченой ракушкой в формовочной массе, днища округлые и уплощенные, орнамент – вертикальный и горизонтальный зигзаг, сетка. Орнаментиры: зубчатые и рамчатые штампы, веревочка (Цветкова, 1953, с. 26);

2 этап. К нему отнесены Панфиловская, Холомонимоха, Володары, Гавриловка, Садовый Бор. В формовочной массе преобладает растительная примесь, хотя в части посуды в качестве таковой употребляется ракушка, как и на 1 этапе. Орнамент сохраняет большинство черт, присущих первому этапу, получает развитие нарезка, формируется елочный узор;

3 этап представлен материалом Старшего Волосовского могильника. На посуде применяются длинные зубчатые и ромбические штампы. Орнаментальные мотивы сводятся к зигзагу и сетке. Применяются небрежные ямчатые вдавления и короткозубые штампы. Существование волосовской культуры целиком укладывается во II тыс. до н. э. (Цветкова, 1953, с. 29–33).

Большое внимание изучению волосовской культурной общности уделил А.Х. Халиков. В работе 1969 года он достаточно подробно рассмотрел проблему культуры во всех ее аспектах. Придерживаясь позиции О.Н. Бадера и П.Н. Третьякова об истоках культуры в Камско-Предуральском регионе, он выдвинул теорию широкой экспансии волосовских племен на запад, северо-запад и север, хотя причину такой значительной подвижки населения не указывает. А.Х. Халиков одним из первых в Среднем Поволжье начал исследовать волосовские стоянки и поселения. К концу 60-х годов прошлого тысячелетия Халиковым было в разной степени исследовано около 15 памятников в левобережной части Средней Волги между ее притоками р. Дорогуча и р. Казанкой. Полученные материалы дали возможность рассматривать их на фоне обширной территории расселения волосовских племен в системе материальной и духовной культуры. Общие положения сводились к следующим выводам: 1 – поселения были расположены группами по относительно невысоким берегам водоемов и состояли из нескольких, в большинстве соединенных между собой полуземлянок и наземных домов бревенчато-столбовой конструкции, положение очага внутри дома неустойчивое; 2 – кладбища и отдельные погребения, расположенные вплотную к поселениям или на поселениях и содержащие захоронения, выполненные в различном обряде, реликты которого проявляются в более поздних археологических культурах многих финно-язычных народов Восточной Европы (Халиков, 1977, с. 91 и сл.); 3 – округло-уплощенная и плоскодонная глиняная посуда, претерпевшая определенную эволюцию в формах от прикрытых котловидных сосудов к плоскодонным горшкам с выраженными краями венчиков. Преимущественная примесь в глиняном тесте толченных раковин и органических остатков. Разреженная орнаментация поверхности сосудов, состоящая из сочетания оттисков гребенки, перевитой веревочки, ямчатых углублений, резных линий и т. п.; 4 – разнообразный и широко дифференцированный кремневый инвентарь, отличающийся высоким совершенством в изготовлении; 5 – определенный набор, особенно в западных памятниках,

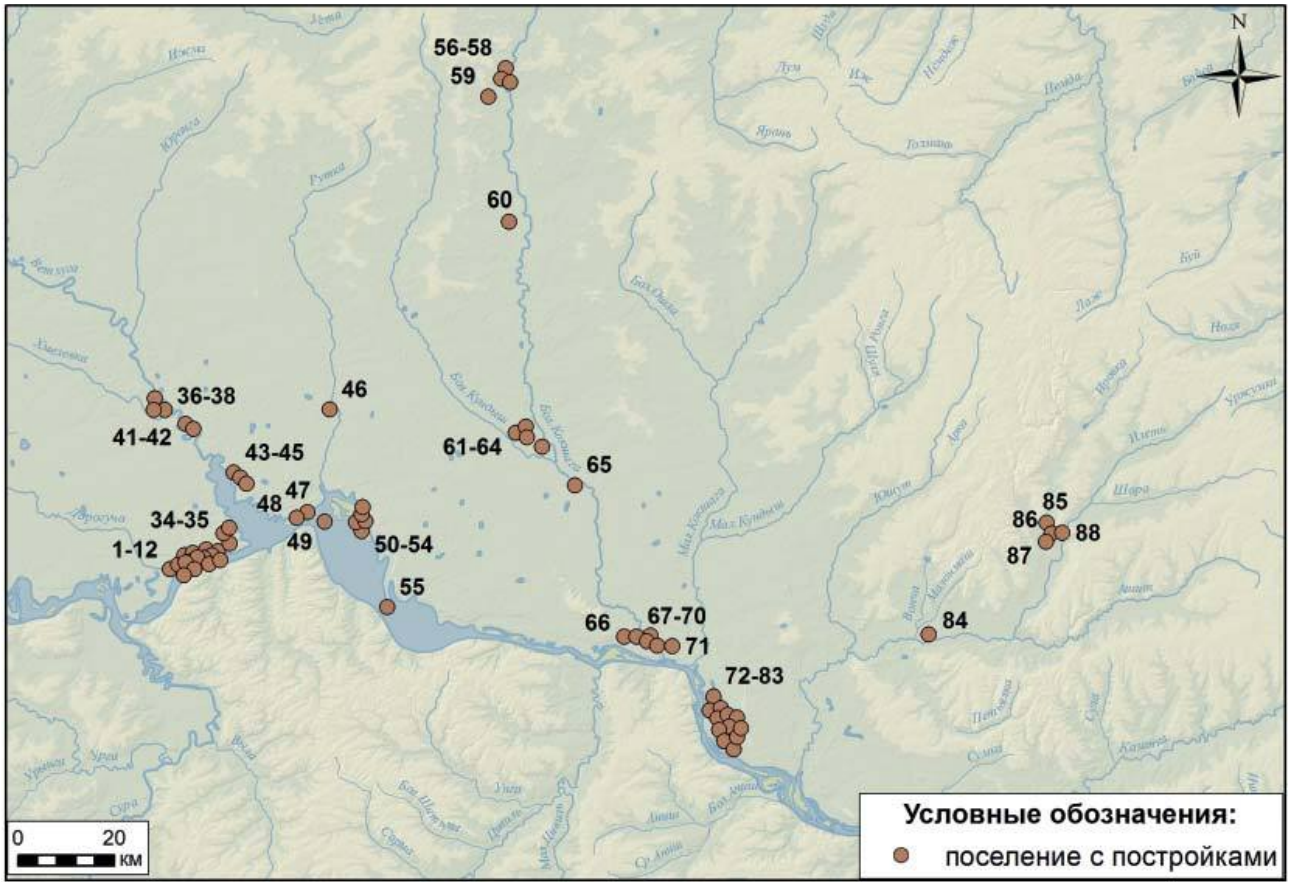


Рис. 1. Памятники майданской культуры. Поселения с постройками

1 – Нижняя Стрелка 3; 2 – Горный Шумец; 3–12 – Удельный Шумец 1, 6, 7, 8, 9, 11; 13–24 – Майданские 1, 1а, 9, 11, 12, 13; 25 – Кривое озеро; 26–29 – Шалашное озеро 1, 2, 3, 4; 30–32 – Юринские 1, 2, 3; 33 – Сутырское 2а; 34–35 – Сутырские 5, 7а; 36–38 – Икша 1, 2, 3; 39–40 – Выжум 2, 7; 41–42 – Юркино 1, 2; 43–45 – Еникеево 1, 2, 3; 46 – Зарецкое; 47 – Ахмылово 2; 48 –Рутка; 49 – Мольбище 3; 50–54 – Дубовские 8а, 24, Отарские 7, 18, 19; 55 – Алатайкино 12; 56–58 – Мазары 1, 2, 3; 59 – Шушер Озерное; 60 – Паленое озеро; 61–63 – Красный Мост 2, 3, 4; 64 – Красный Мост 5; 65 – Шупшалово; 66 – Уржумка; 67–70 – Сокольный 1, Кокшамары 7, 9, 11, 12; 71 – Кокшайск 4; 72–83 – Шалангуш 1, Торганово 3, 7, 10, 14, 15, 16, 17, 18, 21, 22, 23; 84 – Нуршари; 85–87 – Барские Кужеры 1, 2, 3; 88 – Испаринское

сланцевых и реже янтарных украшений – прямоугольных, каплевидных и овальных подвесок и т. п.; 6 – спорадическое появление в ранних и обычное бытование в поздних памятниках металлических предметов и следов их изготовления из меди прикамского происхождения (медистые песчаники) (Кузьминых, 1977, с. 34). Некоторые из этих признаков, таких как появление металлов, зачатки земледелия, тенденция к уплощению днищ сосудов, большие площади поселений, свидетельствуют о вхождении волосовской культуры в энеолитическую эпоху (Халиков, 1978, с. 8, 9).

Указывая на дискуссионные вопросы этногенеза и развития культур, А.Х. Халиков обращает внимание на проблему выделения локальных вариантов (культур), которая может быть решена при условии четкого определения присущих для них культурных особенностей.

Своеобразие материальной культуры волосовских памятников Верхнего и Среднего Поволжья, Волго-Окского междуречья, Костромского Поволжья и других позволили выделить ряд вариантов, на материале которых выдвинуты оригинальные гипотезы культурогенеза, этапов развития, датировок и дальнейших судеб (Крайнов, 1987, с. 10–28). Крайновым высказано мнение о местном происхождении волосовской культуры на основе смешения верхневолжской культуры и культуры ямочно-гребенчатой керамики (Крайнов, 1981, с. 5–20). В средневолжском бассейне широкими площадями изучались волосовские древности В.В. Никитиным и В.П. Третьяковым, которые разработали основные положения исторического развития племен Среднего Поволжья в волосовское время (Третьяков, 1990; Никитин, 1991, 1996, 2017).

К 80-м годам прошлого века значительно расширилась источниковая база по поселениям волосовского типа (рис. 1). И в отличие от теоретических разработок 50–60 годов появилась возможность рассматривать не только классическое Волго-Окское волосово, но и все остальные,

которые П.Н. Третьяков относил к разряду «близких волосовским» (Третьяков, 1966).

Изучение собственно майданской (волосовской) культуры в Марийском Поволжье было начато Р.В. Чубаровой (1953а, с. 177–196; 1953б, с. 285–286) и А.Х. Халиковым. Оно производилось небольшими рекогносцировочными работами на Токаревской стоянке в правобережье р. Волги в начале 50-х годов прошлого века (Халиков, 1960, с. 50–51). С созданием Марийской археологической экспедиции в 1956 году эта работа была продолжена. За три года работы экспедиции были изучены раскопками Руткинская, I и III Удельно-Шумецкие, Выжумская II, Полянские, I и II Сутырские, Юринская стоянки (Халиков, 1960). С начала 60-х годов изучается Майданская стоянка (Халиков, 1969, с. 130–145). В 1969, 1970 и 1973 гг. Г.А. Архипов и В.В. Никитин исследуют Уржумкинское поселение (Архипов, Никитин, 1977, с. 5–40). Они же в 1971 году проводят раскопки на Выжумском II поселении (Архипов и др., 1984, с. 13–16). В 1969–1971 годах А.Х. Халиковым и Т.В. Колодешниковой, В.П. Третьяковым ведутся работы на Ахмыловском II поселении. Эти работы были продолжены В.С. Патрушевым в 1973 г. и В.В. Никитиным в 1974 году (Никитин, 1977, с. 41–87). Возобновились работы и на Руткинском поселении в 1969–1970 годах (Архипов, Никитин, 1978, с. 64–89). В 1966 г. В.П. Третьяков продолжил исследование Майданской стоянки. На этой же стоянке в 1974, 1977 и 1978 годах вели раскопки Г.А. Архипов и В.В. Никитин (Никитин,1996, с. 129–140). В 1975 г. Г.А. Архипов и В.В. Никитин проводят работы на Мазарском I поселении на р. Малой Кокшаге (Архипов, Никитин, 1981, с. 174–191), а в 1976 году В.В. Никитин раскапывает стоянки Мариер и Шордоер. В этом же году Г.А. Архипов и В.В. Никитин широкой площадью изучают поселение Барские Кужеры III (Никитин, 1982, с. 83–114). В 1974–1975 гг. В.С. Патрушев провел раскопки Кокшайского IV поселения (Патрушев, 1978, с. 90–91). В 1979 г. В.В. Никитин проводит работы на поселениях Красный Мост II и III (Никитин, 1984, с. 31–43).

Широкомасштабные работы были проведены Г.А. Архиповым и В.В. Никитиным на Майданской дюне в 1977 и 1996 гг. Ими были исследованы постройки на Майданской стоянке, Майданских I, II, III, IV и Сутырском IIа поселениях (Архипов, Никитин, 1984, с. 20–31; Архипов, Никитин, 1987, с. 25–26, 30–33). Работы на Майданском IV поселении были продолжены В.В. Никитиным (Никитин, 1978б, с. 193–206; 1987, с. 25–26).

Начиная с 1952 года (Р.В. Чубарова) исследуется Юринская стоянка. В 1974 г. раскопки продолжаются на Юринской стоянке В.С. Патрушевым, в 1999 и 2000 годах В.В. Никитиным и Б.С. Соловьевым (Патрушев, 1978, с. 95–98; Никитин, Соловьев, 2002, с. 75–76). В 1977 г. В.С. Патрушев изучает Юринское поселение (Патрушев, 1978, с. 93–95). Пару построек раскапывает В.В. Никитин на поселении Красный Мост III в левобережье р. Большой Кундыш (Никитин, Соловьев, 2002, с. 66–67).

В 1985 году В.В. Никитин и С.В. Большов исследуют Сутырское V поселение в устье р. Ветлуги (Большов и др., 1989, с. 183–184). В 1995 г. здесь же С.В. Большов продолжил работы на Сутырской I стоянке, начатые А.Х. Халиковым в 1958 году (Большов, 2000, с. 28–37). В.В. Никитин в 1986, 1987, 1990 и 1992 гг. изучает Удельно-Шумецкое VI поселение (Никитин, Соловьев, 2002, с. 63–64). Небольшие раскопки в 1988 году проводит В.В. Никитин на разрушающемся поселении Кривое озеро (Никитин, Соловьев, 2002, с. 60). В 1986 и 1987 гг. А.И. Шадрин при участии В.В. Никитина изучает поселение Мольбище III (Шадрин, 1989, с. 67–69). В 1991 г. С.В. Большов исследует поселение Большая Гора (Большов, 1995, с. 50–60), а в 1992 г. В.В. Никитин исследует постройку на разрушающемся Отарском XVIII поселении. В 1994 году экспедицией Самарского педагогического университета под руководством А.И. Королева проведены работы на Паратском XII поселении, где изучена постройка и собран материал волосовской культуры (Никитин, Соловьев, 2002, с. 66, 69).

Таким образом, в Марийском Поволжье раскопками исследовано 26 памятников, на которых изучены остатки 71 постройки (Никитин, Соловьев, 2002, с. 60 и сл., рис. 1–3; Никитин, 2017).

Значительное увеличение источников, их анализ и публикации материальных комплексов, полученных МарАЭ в 1970–1980-е годы, вызвали новую волну дискуссий по проблеме происхождения, культуры, территории расселения и дальнейших судеб населения волосовского круга. В результате этих дискуссий стала очевидной малоэффективность методики изучения проблем волосовской общности в целом, без учета специфики материальной культуры, характера связей с ближайшими соседями и исторического процесса культурогенеза в предшествующее время. Стало также очевидным и то, что настало время дать предельно четкую и полную характеристику каждого в отдельности варианта с определением его основного ядра в системе волосовских древностей. Это на настоящий момент пока сделано для Марийско-Чувашского Поволжья в результате выделения здесь майданской культуры волосовской культурно-исторической общности (Никитин, 2017, с. 266).

Ландшафт, топография и система расселения поселков. В топографии энеолитических памятников продолжается практика расположения поселков на малых реках, на мысах, огражденных с двух сторон водоемами, по берегам озер, связанных протокой с рекой.

Поселения энеолитического времени располагаются группами. Значительная группа памятников (37) зафиксирована на Майданской, Юринской, Сутырской дюнах. Довольно густо было заселено побережье озера Шалангуш – 16 памятников. В верховьях Большой Кокшаги можно отметить Мазарскую и Шушерскую группы, в среднем течении – Маркитанскую, в низовьях – Кокшамарскую группу памятников. Групповое расположение поселений наблюдается в левобережье Ветлуги (Юркинские и Выжумские), в низовьях Большого Кундыша (Красномостовские) и на верховье Илети (Баркужерские). Особенностью энеолитических памятников Марийского Поволжья является наличие на большинстве из них системы жилищных впадин, относительно хорошо сохранившихся.

В левобережье Средней Волги на 90 энеолитических поселениях учтено более 680 жилищных впадин. Количество жилищ на поселении различное: 15 поселений с 1–3 впадинами; самое большое количество памятников с числом впадин 4–6 (26) и 7–10 (24); 14 поселений с 11–15 впадинами, и по 3 памятника имеют от 16 до 20 и более 20 впадин. Планировка впадин на поселениях в большинстве случаев (64 из 90) одно- и двухрядная. Жилища располагаются друг за другом и соединяются между собой в торцовой части (исключение составляет Выжумская II, где переходы устроены в центре длинной стены) длинными крытыми переходами. Иногда планировка поселка Т-образная, кучная или многорядная (Никитин, 2017, с. 752–761).

Постройки. Первые жилые объекты на памятниках этого культурного типа были изучены в 1958 г. А.Х. Халиковым (Рутка) и В.Е. Стояновым (Выжум II). Через некоторое время (1961 г.) А.Х. Халиков начал изучение Майданской стоянки (рис. 2).

За все время изучения поселений грани неолита-энеолита в Марийско-Чувашском Поволжье были изучены остатки (в разной степени сохранности) 78 построек, среди которых одна (на Удельношумецком III поселении) являлась культовой, а два сооружения небольших размеров (3,3×2,2 и 3,2×2,2 м) на Удельношумецком IV поселении могли иметь и особые (нежилые) функции. Полностью сохранились параметры 67 построек, что позволило определить площадь на уровне пола. Постройки с площадью менее 60 кв. м составили половину (50%), с площадью 61–80 кв. м – 27%, сооружения размерами от 81 до 100 кв. м составляли 16%, а площадь более 100 кв. м имели 7% построек (табл. А).

Судя по котлованам, постройки имели квадратную или удлиненную прямоугольную, иногда со скругленными углами форму. На позднем этапе существуют (редко) овальные постройки, изученные на Сутырском V (постройка 1) и Ахмыловском II (постройка 2) поселениях. Получены детали устройства входов-выходов по остаткам 66 объектов и переходов между жилищами, изученных по 73 конструкциям, в восьми постройках в выходах выявлены тамбуры, а в четырех сооружениях – специальные пристройки-ниши. По сохранившимся деталям выходы-входы представляли собой несколько углубленный ровик, начинающийся с пределов пола постройки и постепенно повышающийся за ее пределы. Обычная ширина выхода в пределах 0,8–1,2 м. Длина и направление его зависит от расположения постройки в системе поселка и его отношения к окружающей поверхности (водоем, склон, размер и конфигурация площадки, роза ветров, другие факторы). Переходы по своему устройству идентичны выходам и соединяют отдельные близлежащие постройки. Иногда они создают условия для общения обитателей нескольких построек путем устройства разветвленных или спаренных конструкций. В глубоких котлованах в начале выхода устраивались ступеньки. Это могли быть разновысокие пни или плахи на кольях. Стенки выходов и переходов укреплялись, перекрытие – двухскатное. Исследованные остатки тамбуров перед выходом значительно превышают его ширину. Иногда к жилищу пристраивается небольшая ниша площадью 2–4 кв. м, зафиксированная в четырех постройках, три из которых с признаками металлообработки.

Характеристика построек майданской культуры дана в работе В.В. Никитина и Б.С. Соловьева (2002, с. 26–29).

Посуда. Коллекция посуды представлена 2679 сосудами. Посуда времени формирования культуры (красномостовский этап) реконструируется как полуяйцевидная с прикрытым горлом и округлым дном. Фрагменты толстые, от 0,6 до 1,2 см. Тесто посуды пористое, в примесях наблюдается шамот и органика. Поверхность тщательно заглажена, обломки посуды крепкие, песочного и светло-серого цвета, обжиг слабый неравномерный. Встречены реставрированные в древности сосуды. В местах излома они склеены черным стекловидным веществом, а в некоторых случаях по обе стороны трещин парные сверлины для стягивания сыромятной кожей или сухожилиями. По форме края горла можно выделить три разновидности:

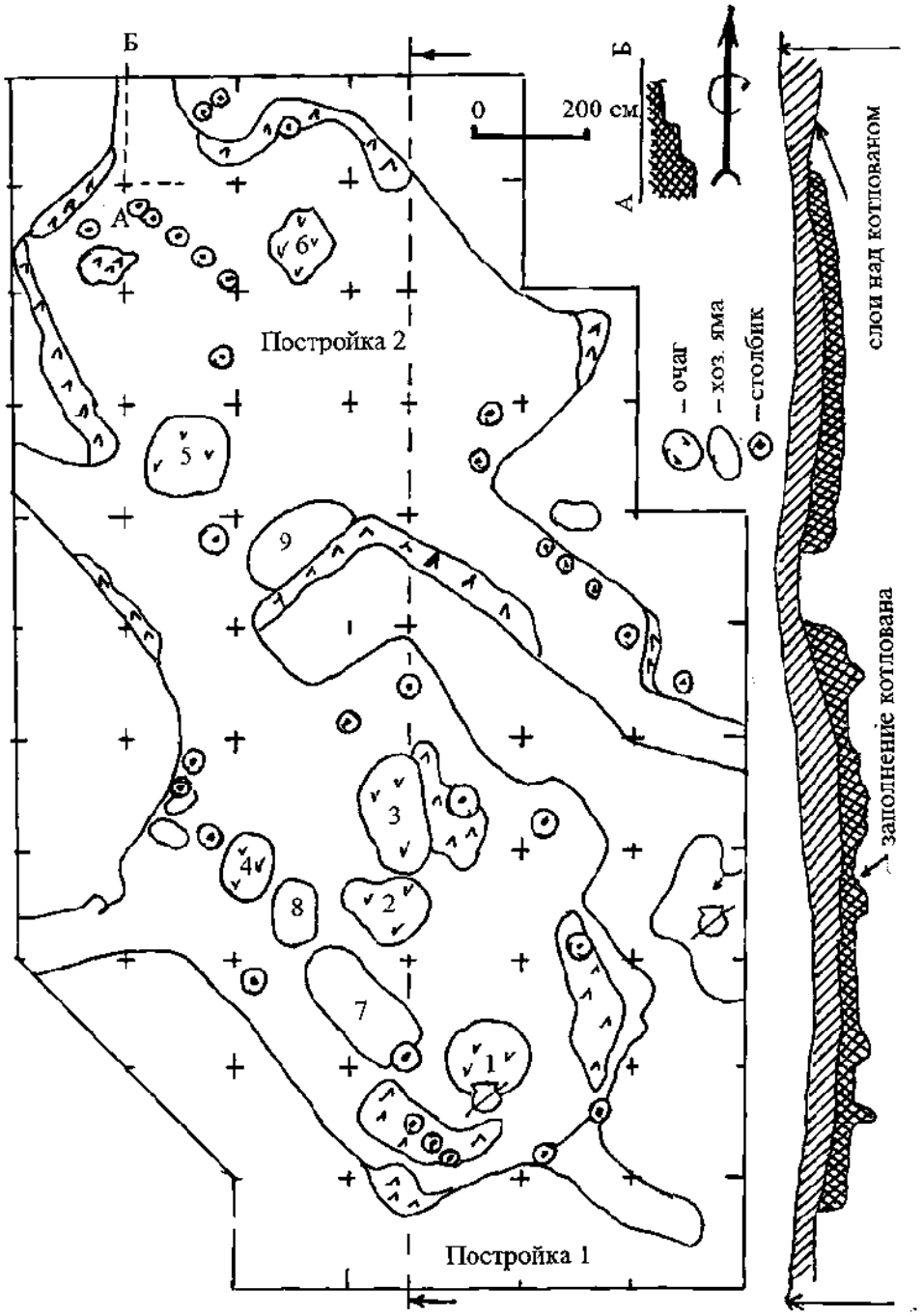


Рис. 2. Майданская стоянка. Жилище № 1 и 2. План

1) сосуды с прикрытым горлом; 2) сосуды с прямым краем, возможно мешковидные; 3) сосуды с приостренным и незначительно отогнутым краем. Поверхность сосудов полностью орнаментирована. Орнамент чаще всего выдержан в горизонтальной зональности. Зоны гребенчатых или овальнозубых штампов (большинство), овальных и других форм вдавлений ограничены пояском орнамента в другой технике. Часть посуды украшена в традиционной гребенчато-ямочной технике. Отличие лишь в большей разреженности композиции и в форме ямки. Здесь ямка не только круглая, но и овальная, каплевидная, четырехугольная, квадратная. В композиции рисунка присутствуют мотивы, известные как на камской, так и на балахнинской посуде, или же их комбинации. Наиболее распространенным приемом в украшении посуды являются пояса наклонных оттисков гребенки, елочки со стеблем и без него, зоны горизонтальных поясков гребенки в сочетании с поясками ямок, комбинации косой сетки и наклонных поясов гребенки с ямками. Довольно распространены комбинации овальной и округлой ямки с полосами гребенки. Встречаются зоны, выполненные овальными штампами, ограниченные гребенкой или же наоборот. Распространённым является мотив го-

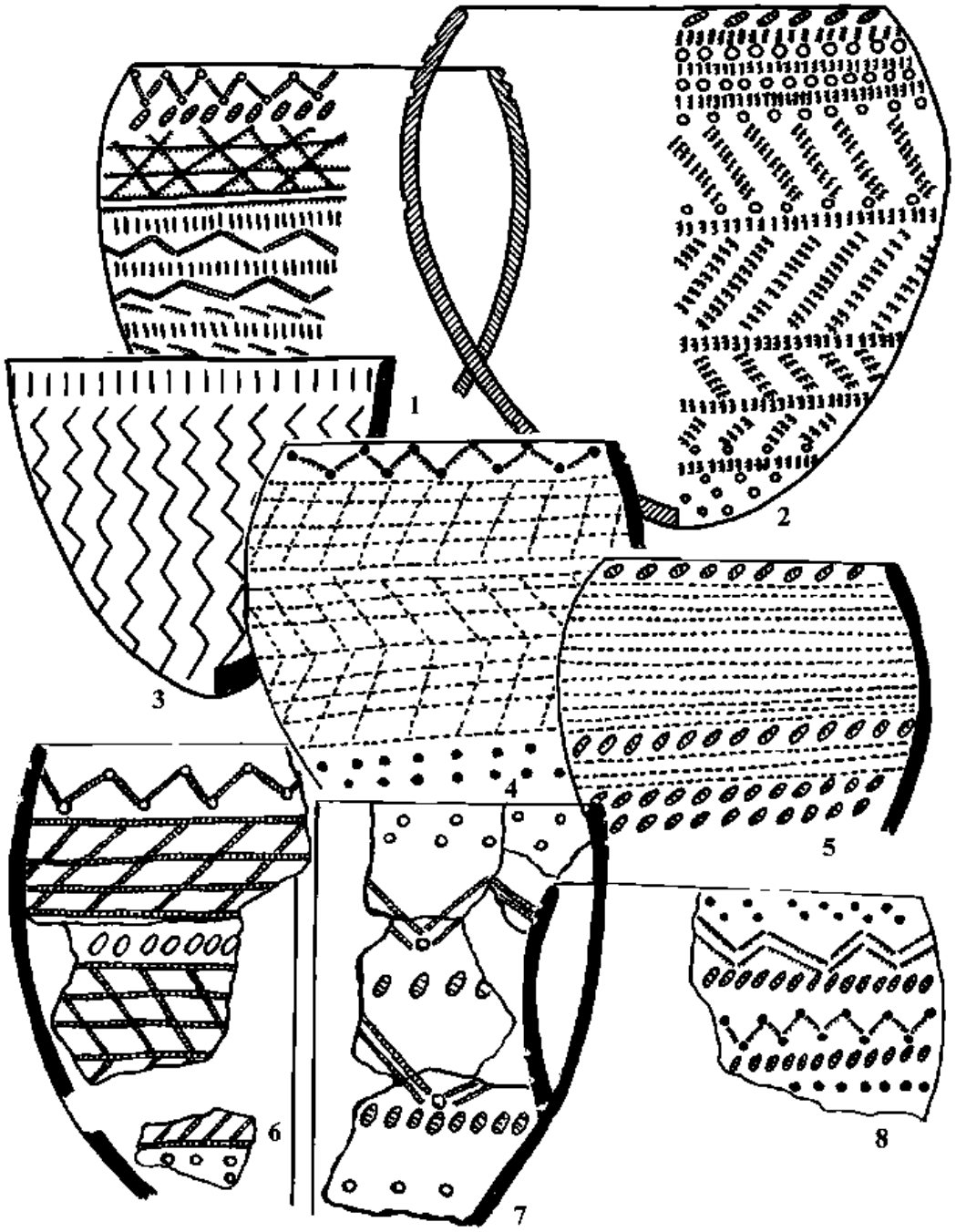


Рис. 3. Посуда протоволосовского этапа
1–2 – Красный Мост II, 3–6 – Красный Мост III (нижний слой), 7–8 – Сутырская XII. Масштабы разные

ризонтального пояса крупнозубых штампов с редкими диагональными линиями овальных или круглых вдавлений, реже встречается обратная связь данного мотива, где ряды состоят из ямок, а редкая линия представлена гребёнкой. Этот же мотив рисунка выполняется и овальнозубыми штампами в сочетании с ямками. В единичных случаях рисунок исполнен комбинацией круглой, квадратной и удлинённо-четырехугольной ямки, прочерченными линиями и квадратными оттисками, чередованием поясков плоских палочек с прочерченным горизонтальным зигзагом. Горизонтальный зигзаг встречается в исполнении овальнозубыми штампами. Подобными штампами выполнены композиции косой сетки, ёлочки, заштрихованные зоны. Используется в орнаменте шнур, намотанный на стержень, оттиски аммонитов и аммонитоподобных штампов.

Как уже отмечалось, самыми распространенными элементами орнамента являются гребенчатые и ямочные. В сочетании с другими оттисками они применяются на 87% фрагментов, ямочный – 24%, крупный овальнозубый – 6%, шнуровой – около 1% (рис. 3 и 4).

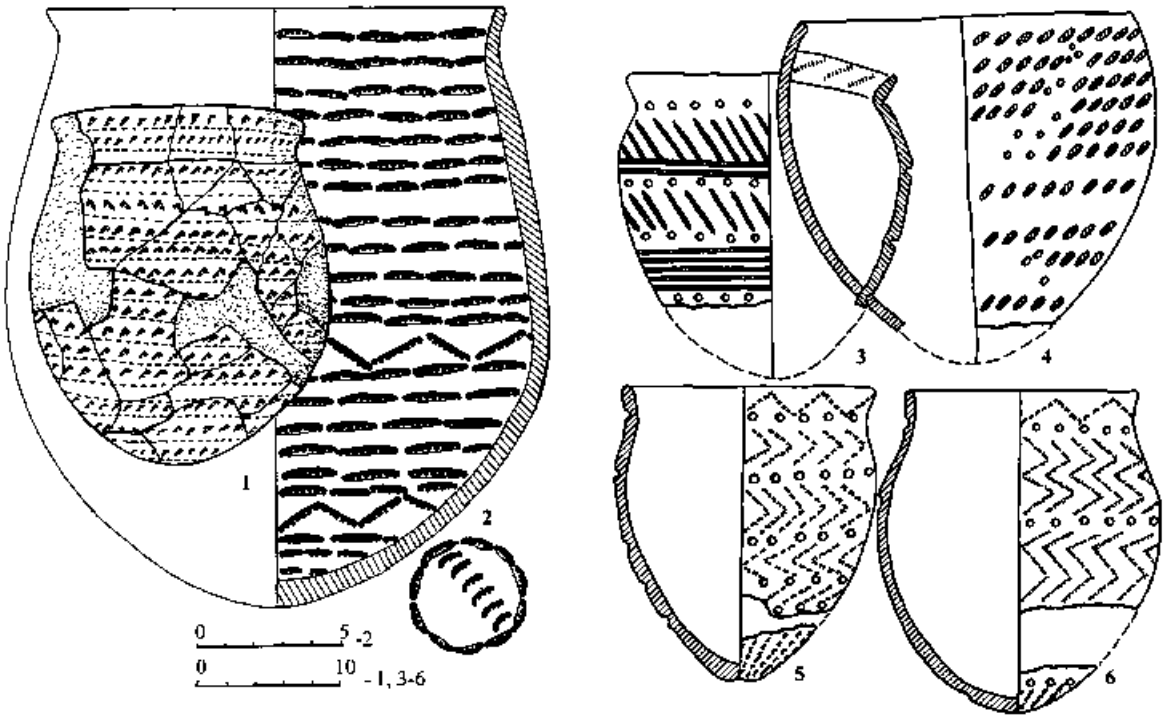


Рис. 4. Посуда протоволовского этапа. 1–4 – Дубовское VIII, 5–6 – Дубовское IX поселения

Посуда раннего этапа составляет более 670 сосудов с растительной примесью в тесте – 90–92%, часть посуды с добавлением толченой раковины, мелкого песка или шамота. По форме и орнаментации посуда, как с растительной и раковинной примесью, так и отощённая песком или шамотом, не отличается. Разница в том, что посуда с раковинной или растительной примесью с пористой структурой теста легко слоится и крошится, а керамика с песком или шамотом имеет плотное тесто и более прочная. Посуда имеет вытянуто-полуяйцевидную, приближающуюся к котловидной, форму. Почти треть сосудов сохраняет прежнюю неолитическую форму с закрытым горлом. Днища сосудов округлые, конически приостренные или уплощённые. Преобладают расширенные или утолщенные по сравнению со стенками края горла (в общей массе 74%), но высок процент с краем горла, равным толщине стенок и плоским срезом. Часть из них утоньшена или приострена. Среди расширенных краев больше всего (35%) с расширением во внешнюю сторону, 22% венчиков имеют расширение в обе стороны и 16,5% расширены внутрь. Следует заметить, что для сосудов с утолщением горла характерен плоский срез, редко срез незначительно закруглен.

Около 87% посуды в разной степени орнаментировано. Орнамент покрывает всю поверхность, включая плоский срез венчика (60%) и заходит на внутреннюю сторону (3,8%). Среди орнаментированной посуды встречаются сосуды, украшенные только по стенкам (31,2%) или только по срезу венчика (около 5%). Можно выделить четыре вида нанесения орнамента: зубчатый штамп – 38%, отиски шнура – 43%, прочерчено-резной – 14%, вдавления и ямки – 5%. Около 50% посуды имеют горизонтально-зональное расположение орнамента. Орнамент состоит в основном из поясков короткой гребенки, часто очень плотных, так что не остается свободной, не орнаментированной зоны. Реже пояски из ямочных вдавлений, 35% посуды украшено сложными композициями в виде сетки, елочки, ромбов и т. п., 10% имеют вертикальное расположение орнамента, 5% составляют диагональные полосы. Особенностью посуды этого времени является наличие рисунков, изображающих водоплавающую птицу, животных, часть посуды с внутренней стороны имеет отпечатки мелкоячеистой сетки (рис. 14). Появляются крупные ячеистые и рамчатые штампы, получившие развитие в последующее время.

Посуда развитого этапа. Для этого периода проанализированы 508 сосудов. Фактура формовочной массы пористая и рыхлая. Черепки легко слоятся и крошатся ввиду обильной органической примеси. Небольшая часть посуды (особенно плоскодонной) более плотная и прочная. В формовочной массе наблюдаются мелкий песок или шамот.

Выделяются три типа посуды: 1) полуяйцевидных форм с прикрытым горлом и округлым дном; 2) открытые формы (округло- и плоскодонные);

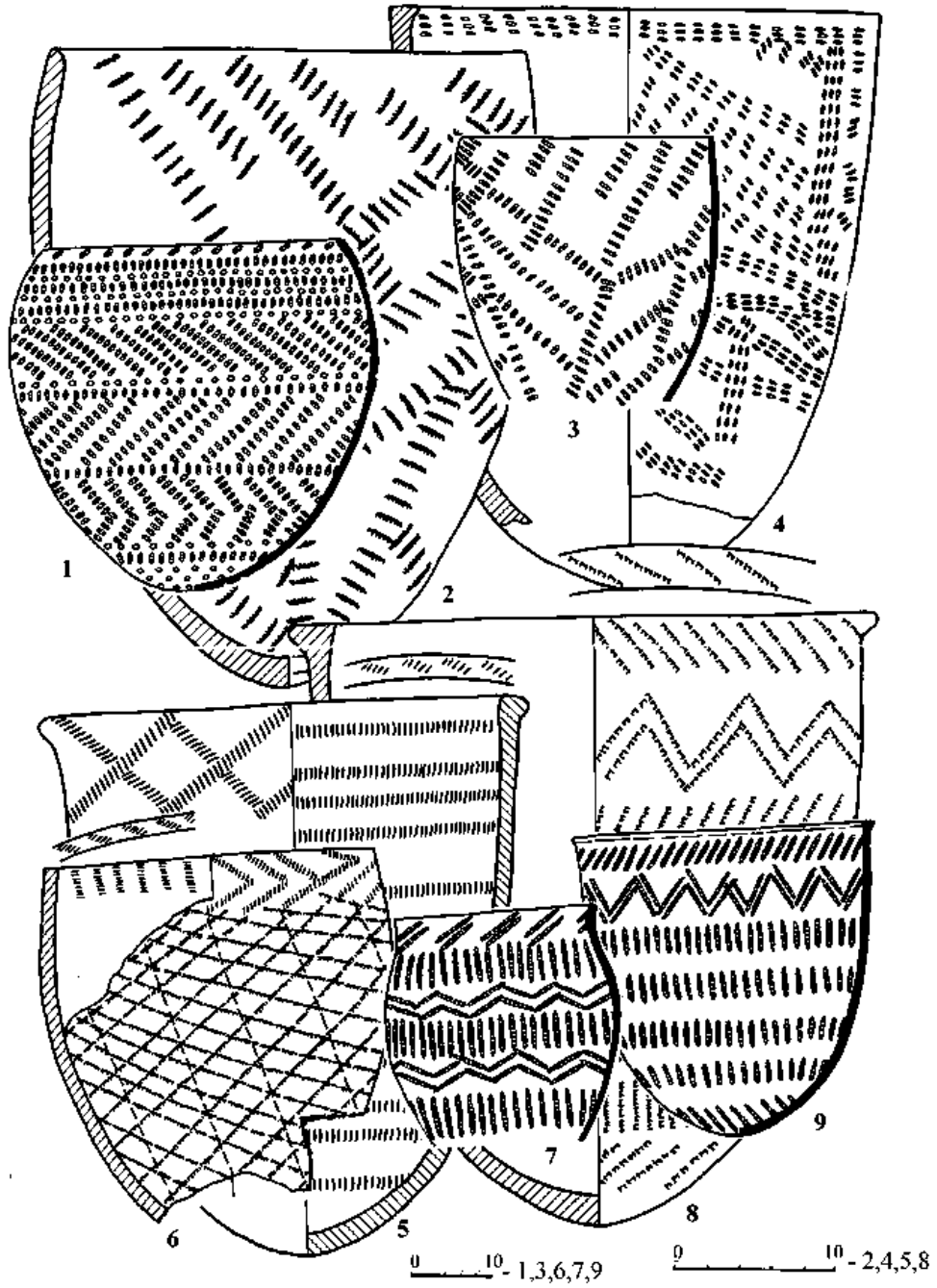


Рис. 5. Майданская стоянка. Посуда раннего этапа

3) горшковидные округлобокие плоскодонные формы с отогнутым наружу краем горла. На посуде 1 типа орнамент покрывает всю поверхность сосуда, включая и срез горла, около одной трети посуды орнаментированы только по стенкам, часть сосудов лишена орнамента. Среди сосудов 2 типа половина орнаментирована по всему тулову, включая и срез горла, без орнамента около 18% сосудов. Среди третьего типа две трети посуды не орнаментировано.

Орнаментальные мотивы и техника их нанесения разнообразны и сводятся к гребенчатым оттискам различной длины и ширины, овальнозубым и рамчатым, плоским (овальные, квадратные, треугольные, полулунные, ногтевидные, круглые, ромбические) оттискам, нарезкам и прочерченным линиям. Используется и намотанный на стержень шнур. Среди рисунков обычные для волосовского населения мотивы: сетка, зигзаг, ёлочка, ёлочка со стеблем, горизонтальные пояса, лучи, пояса заштрихованных зон. Часто встречаются оттиски сочетания различных штампов и нарезок, отмечаются изображения рыб и птичьих лапок. Наиболее распространены орнаментиры различных конфигураций зубчатых (гребенчатых) штампов. Они представлены короткими и узкими, средне- и

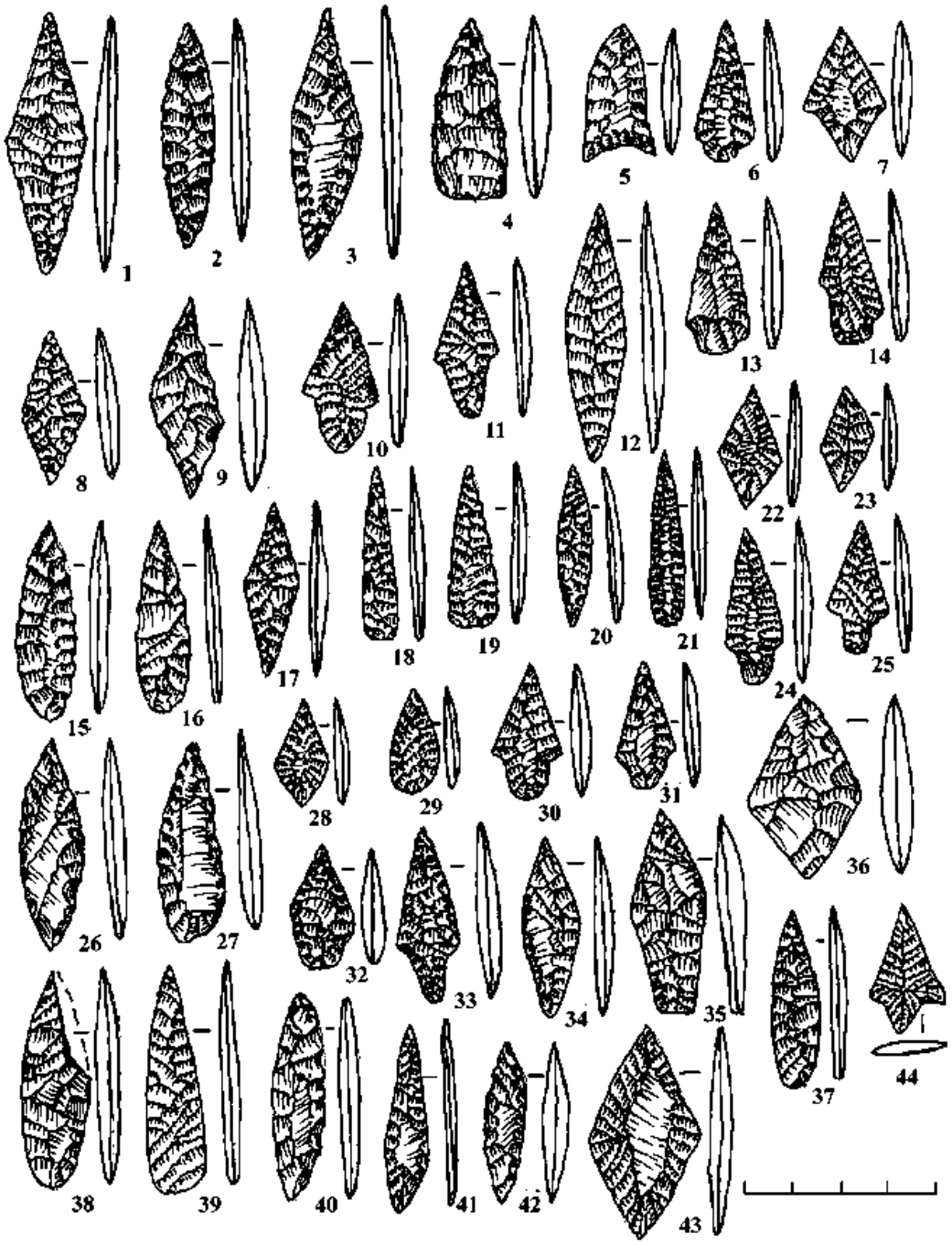


Рис. 6. Основные типы наконечников стрел раннего и развитого этапов

1–9 – Майданское поселение, 10 – Майдан II, 11–13 – Майдан III, 14–16 – Майдан IV, 17–31 – Баркужерское III, 32–35 – Большая Гора, 36–37 – Парат XII, 38–42 – Волоконное, 43–44 – Рутка. 1–16 – ранний этап, 17–44 – развитый этап

крупнозубыми (2–3 мм), крупноячеистыми скошенными и прямозубыми, аммонитными и подобными им штампами (рис. 8, 9).

Посуда позднего этапа маркируется по остаткам 1276 сосудов. Это лепные от руки, большей частью горшковидные, реже баночные сосуды с растительной (88%) или раковинной (12%) примесью в тесте. Треть керамики орнаментирована. Основную массу посуды составляют горшковидные сосуды, часто с выраженной шейкой. Венчик отогнут наружу, бока слегка выпуклые, дно плоское. В единичных случаях дно уплощенное и характеризуются большим разнообразием в форме венчика, что проявляется в степени изгиба его во внешнюю сторону (от слегка отогнутого до Г-образного). Здесь же имеются сосуды с двухсторонним утолщением венчика. Часто верхняя плоскость венчика украшается орнаментом в виде рядов оттисков зубчатого или плоского штампа, вдавлений и резных линий.

Сосуды баночных форм с прямым венчиком, соответствующим толщине стенок. Дно плоское, верхний срез венчика плоский или округлый, боковины прямые или слабовыпуклые, постепенно сужаются ко дну. Часть сосудов орнаментирована по всему полю, но большинство без орнамента. В ряде случаев в этой группе сосудов встречены небольшие налепные ручки у верхнего бортика, Т- или серпообразной формы.

В орнаментации преобладают оттиски среднезубчатого штампа. Узоры довольно сложные и обычны для посуды предшествующих периодов. Они состоят из крупной сетки, елочки со стеблем, зигзага, заштрихованных зон, сложных композиций из пересекающихся линий (рис. 12).

Кроме глиняной посуды можно отметить поделки из стенок сосудов. На стоянках и поселениях майданской культуры их собрано около двух сотен. Они в небольшом количестве (от 2 до 7 экземпляров) найдены на памятниках ранней и развитой поры. Чаще они встречаются на поселениях позднего этапа. Иногда в большом количестве (60 экз. на Ахмыловском II, 34 на Сутырском V, более 20 на Юринском поселениях). Основная масса их имеет круглую или близкую ей форму, меньше изделий четырех-, пяти-, шести- или семиугольных. Большинство имеют сверлину в центре (иногда две). Края таких поделок зашлифованы, назначение многофункциональное (маховики веретен или лучковых сверл, шлифовальники, игрушки и пр.) Среди глиняных изделий встречаются шарики и небольшие валики.

Каменные изделия. Для производства каменного инвентаря используются местные породы кремня, доломита, сланца, песчаников, окремнелых известняков, редко встречаются яшма, опалы и кварциты и, возможно, другие породы поскольку, специальный минералогический анализ каменного инвентаря Марийского Полесья не производился. Кремень используется валунный, желвачный и плиточный. Для крупных деревообрабатывающих орудий используются доломиты, диориты, сланцы, гранит и редко кремень. Песчаниковые и гранитно-грейсовые породы применяются при изготовлении абразивов, терочных и шлифовальных плит, молотов и пестов, мотыг и других крупных изделий.

В период формирования культуры каменный инвентарь сохраняет еще развитый неолитический облик. В инвентаре наиболее представительной коллекции Дубовского VIII поселения около 30% изделий выполнено на пластинчатой основе, хотя происходит угасание пластинчатой техники расщепления. Это заметно по технологическому браку заготовок и большой доли плохо граненных, ребристых и крутопрофилированных пластин – более 63%. Значительное место в составе инвентаря занимают резцы, большинство из которых угловые на пластинах, хотя имеются срединные и угловые на отщепах и фрагментах нуклеусов. Орудийный набор обычный для поселений с охотничье- рыболовецким типом хозяйства: скребки, скребки-ложкари, скобели, ножи, ножи-резчики, всевозможные перфораторы (проколки, сверла, развертки), наконечники, деревообрабатывающие (тесла, долота, стамески, топоры, клинья), предметы камнеобработки (отбойники, ретушеры), терочники и терочные плитки, абразивы и грузила. Из 180 скребков треть выполнены на аморфных кусках кремня. Можно выделить характерные для неолита геометрические формы: прямоугольные и треугольные с торцовыми и смежными рабочими краями, овальнолезвийные, веерные, косолезвийные и мысовидные. Большинство скребков с плоской или незначительно выпуклой спинкой. Ретушь односторонняя со стороны спинки. Скобели немногочисленны – 12 экз. – и выполнены в основном на пластине с несколькими выемками, реже встречаются такие предметы на плоских отщепах и имеют длинное выемчатое лезвие. Зачастую скобель комбинируется с проколкой или ножом. Ножи и резчики (35 экз.) на пластинах – 50%, режущая кромка прямая, сегментовидная или скошенная. Ретушь односторонняя, в единичных случаях края обработаны и со стороны брюшка. Проколки в большинстве срединные с выделенными плечиками, можно указать и со срединным жалом, хотя такие изделия в одинаковой мере могут относится к сверлам или проверткам. Наконечники (13 экз.) на пластинах и плоских отщепах, форма листовидная, иволистная, треугольночерешковая и ромбическая. Обработка поверхности двухсторонняя. Деревообрабатывающие представлены 44 экземплярами. Среди них четыре топора-клина, крупные долота с овальным или прямым лезвием. У большинства тесел и стамесок лезвие прямое, обушок приострен, сечение линзовидное. Единичные экземпляры имеют желобок по брюшку.

На раннем этапе коллекция каменных орудий значительно больше. Учтено 374 нуклеуса, 436 функционально выраженных скребков, 112 скобелей, 250 ножей, 17 ложкарей, 22 резчика, 168 острий, 98 наконечников, 180 деревообрабатывающих (долота, тесла, стамески), 16 топоров-клиньев, 14 терочных плиток, 19 терочников и два песта, три мотыги, шесть абразивов, молот, четыре сланцевых подвески, девять фигурных кремней, восемь грузил, одна янтарная подвеска.

По сравнению с предшествующим периодом в наборе и технике обработки кремня изменений не наблюдается. Можно лишь указать на увеличившееся разнообразие форм скребков, появились

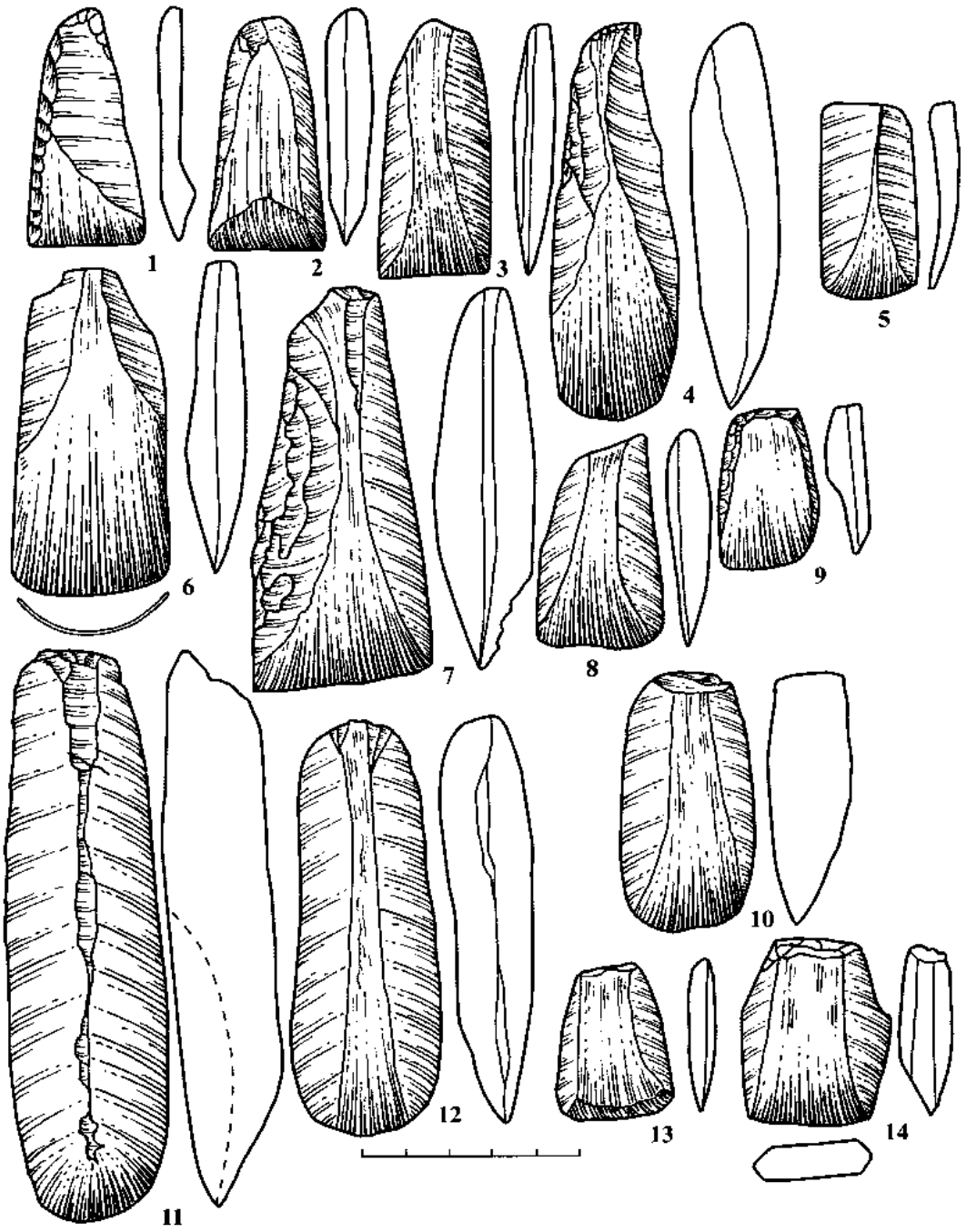


Рис. 7. Основные формы деревообрабатывающих инструментов ранних периодов
1–7 – Майданское VIII (жил. 7, 8), 8–10 – Майданское II, 11–13 – Майданское поселение, 14 – Майданское III

скребки-дубли, вытянуто-угловые, скребки с вогнутым лезвием. Это же отмечается и в классе наконечников. Появляются крупные наконечники дротиков и копий треугольно-черешковых и широколистных форм; больше становится ножей на крупных пластинах и плоских отщепах; увеличивается значительно количество орудий с двухсторонней ретушью; уменьшается процент резцовых изделий; разнообразнее формы деревообрабатывающих; распространяются длиннолезвийные формы скобелей; больше становится желобчатых долот, тесел и стамесок. В этот период чаще встречаются изделия на кварцитовой основе, в классе деревообрабатывающих используется диорит и граниты, сливной песчаник, кремень. Характерными орудиями становятся треугольно-черешковые формы наконечников, особенно крупных; мотыги, терочники, песты и плитки: терочные, желобчатые деревообрабатывающие, фигурный кремень (рис. 6, 7, 15).

Кремневый набор развитой поры представлен более 1500 морфологически выраженными изделиями. Среди них скребки – 568, скобели – 101, ножи – 385, проколки и сверла – 181, наконечники –

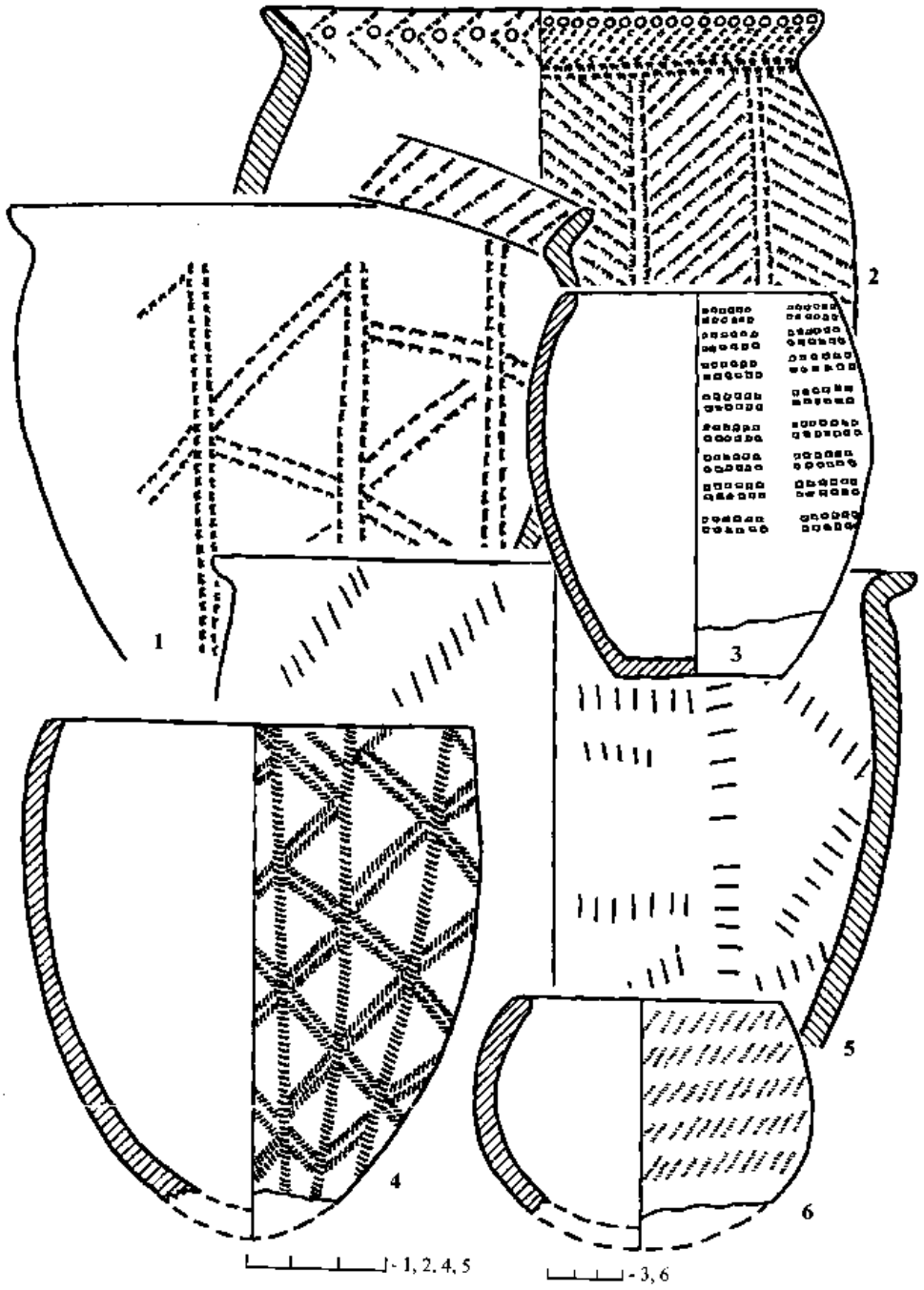
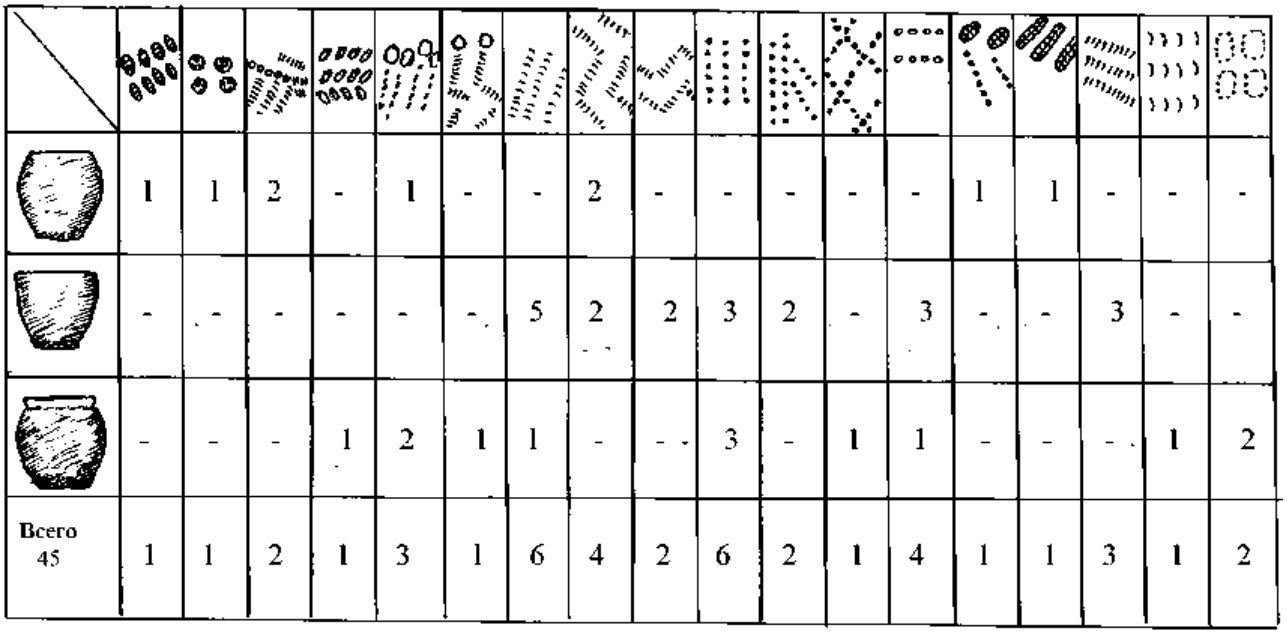


Рис. 8. Сосуды развитого этапа. 1–6 – Руткинское поселение

119, деревообрабатывающие – 110, отбойники и ретушеры – 32, подвески – 12. Единичные экземпляры представляют мотыга и копалка, фигурные кремни, молоты с перехватом, абразивы, шлифовальные плитки. По сравнению с наборами предшествующих периодов значительно сокращается пластинчатый комплекс, больше становится аморфных форм. Более четкими становятся формы режущего инструмента, возрастает количество ножей совершенной формы – клинок с насадом и скребки-штампы, распространяются мелкие формы наконечников, треугольно-черешковые, листовидные, миндалевидные, ромбические. Появляется тип наконечника с шипом. В наборе деревообрабатывающих известен тип с обоюдоострым лезвием. Больше становится изделий с приостренным обухом для крепления в муфте или рукояти. Заметно возрастает роль крупных молотов с перехватом (рис. 11).

В позднем периоде состав каменного инвентаря остается прежним, но совершенно исчезают резцы, в наборе скоблежущих инструментов уменьшается доля классических изделий с хорошо обработанными рабочими краями, больше



	1	1	2	-	1	-	-	2	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-
	-	-	-	-	-	-	5	2	2	3	2	-	3	-	-	3	-	-
	-	-	-	1	2	1	1	-	-	3	-	1	1	-	-	-	1	2
Всего 45	1	1	2	1	3	1	6	4	2	6	2	1	4	1	1	3	1	2

Рис. 9. Сочетание форм и орнамента на посуде развитого этапа (Мазарское I поселение)

становится мелкого инструмента, увеличивается количество молотов, терочников и терочных плит, деревообрабатывающих орудий.

Для анализа каменной индустрии получено 1232 орудия. Из них скребки составляют 541 экземпляр, скобели – 209, ножи и резчики – 163, наконечники – 102, проколки и сверла – 110, деревообрабатывающие – 82, молоты – 8, шлифовальные плитки и абразивы – 16, терочники и песты – 5, грузила – 3, подвески сланцевые – 1, янтарная – 1. Оригинальна наковальня из валуна с площадкой 50×30 см при высоте боковин 25 см. Заметна деградация технологических навыков в изготовлении каменного инструментария ввиду распространения металлических изделий.

Металлические изделия и предметы металлопроизводства. Первая, стратиграфически увязанная находка, свидетельствующая о наличии навыков металлообработки у местного населения, была получена А.Х. Халиковым при исследовании Руткинского поселения в 1958 г.: это обломки чашевидного тигля с диаметром устья 13 см и толстыми (1,5–1,8 см) стенками. Подобные тигли обнаружены им же в этом же году на Юринской стоянке. В последующих исследованиях в 1960–1970 гг. на Ахмыловском II, Выжумском II, Баркужерском III, Удельношумецком V, Юринском II (Халиков, Архипов, Колодешникова, Никитин, Патрушев) были найдены медные предметы и обломки тиглей. В 1985 г. при исследовании Сутырского V поселения (С.В. Большов, В.В. Никитин) обнаружены обломки тиглей, капли металла и отдельные медные предметы. Здесь же в 2000 г. А.И. Королев собрал большую коллекцию обломков тиглей, литейных форм и отдельных капель меди (Никитин, 2017, с. 176–178, 180–182, 188, 195, 198). Самая большая коллекция тиглей и металлических предметов собрана на Уржумкинском поселении. Капли металла и обломки тиглей обнаружены во всех раскопанных жилищах и на всей глубине заполнения пола, что свидетельствует о занятии металлообработкой на всем протяжении существования поселения.

На поселении найдено свыше 200 фрагментов тиглей. Тесто тиглей пористое, в качестве примеси наблюдаются песок и органические остатки. Стенки толстые: 2–3 см. Высота стенок достигает 4 см. Фрагменты деформированы огнем, но сохраняют прочность; прослеживается заглаженность поверхности. Внутренние стороны стенок и днищ тиглей сильно зашлакованы, на некоторых прилипшие корольки меди. Тигли крупных размеров ладьевидной формы с плоским, реже уплощенным или округлым дном. Задняя часть тиглей имеет округлую форму. Высота стенок неравномерная. Задняя часть несколько выше боковых, которые плавно переходят в слив. Один тигель более глубокий и имеет валикообразный венчик; стенки его тонкие. Возможно, это был глубокий чашевидный сосуд или часть его, использованный для плавки металла; почти 50% восстановленной площади тигля имели застывшие капли меди. Подобные части посуды известны в материалах Сутырского V и Юринского поселений. Восстановленные тигли дают представление об их размерах. Продольный разрез одного из них 22 см, поперечный – 16 см, высота стенок в задней части 4 см. Другой тигель имел продольную длину 24 см, в поперечнике 17 см и высоту стенок до 5 см. Остальные имели поперечный

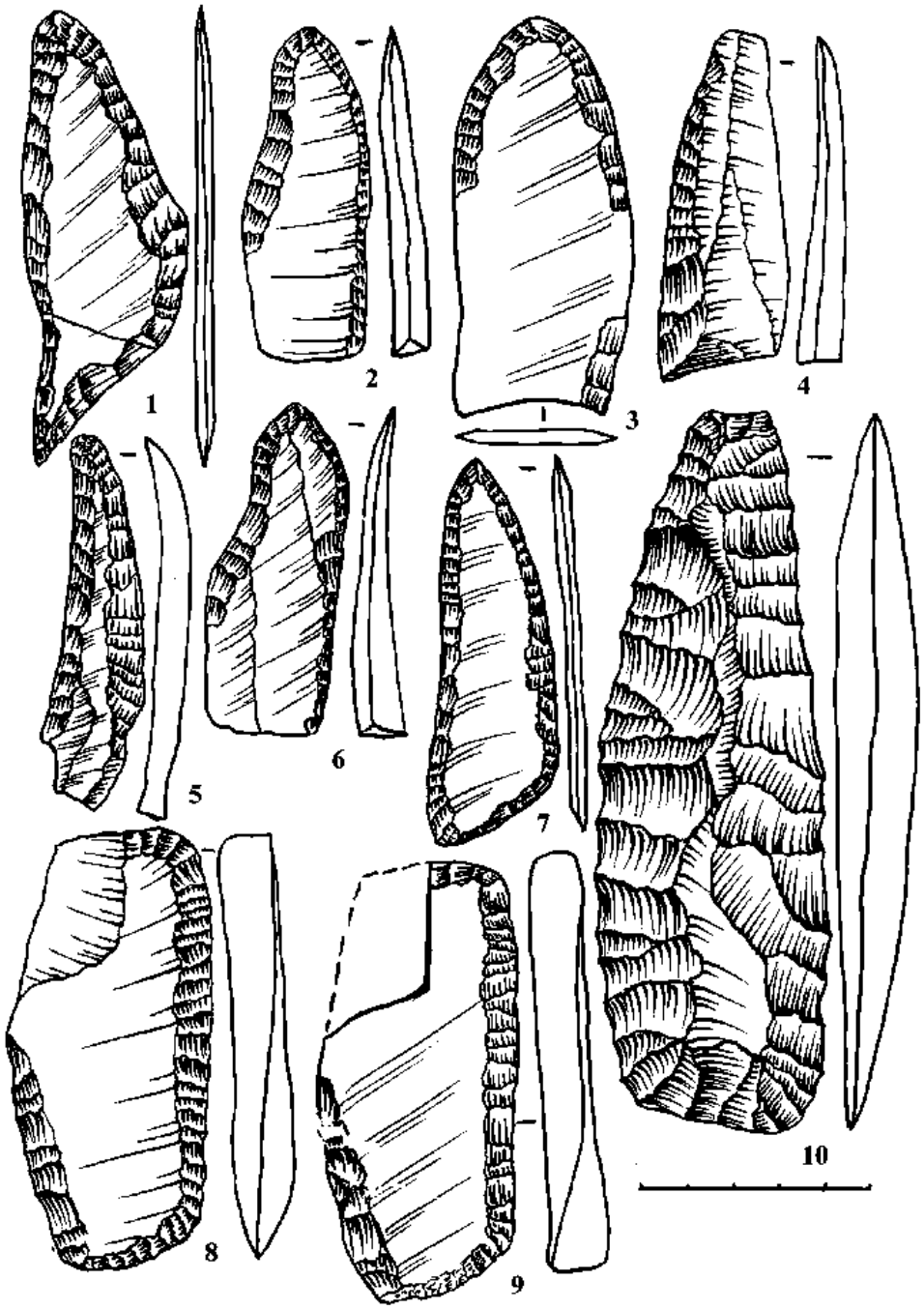


Рис. 10. Баркужерское III поселение. Ножи развитого этапа

разрез 11 см, 14 см, 15 см (два экз.), 17 см (3 экз.), 18 см (2 экз.), а продольный, надо полагать, свыше 20 см и по форме не отличались от других.

Из металлических вещей, кроме отдельных капель размером от 1 до 1,5 см и кусочков меди, на Уржумкинском поселении было найдено около двадцати предметов, часть которых из-за большой фрагментарности не подлежит определению и представляет собой кусочки проволоки сечением 0,1–0,2 см и длиной от 1 до 4 см. Судя по обломкам сосудов, имеющих сверленные отверстия, можно предположить, что такая проволока служила для стягивания трещин на сосудах, тем более что в одном случае кусочек проволоки действительно стягивал трещину. Трещины на сосудах стягивались и специально откованными скрепками. Такая скобка была найдена вместе с фрагментом орнаментированной стенки. Самым крупным изделием является тесло длиною 6,4 см, шириной 1,9–3,8 см, толщиной 0,4–0,6 см и толщиной лезвия 0,8–0,9 мм. Лезвие отбивалось с одной стороны. Самыми многочисленными в коллекции являются шилья-острия. Они разной формы и размеров. Дисковидная подвеска-лунница, имеющая линзовидное сечение и подтреугольное отверстие для подвешивания, хорошо прокована. Концы от-

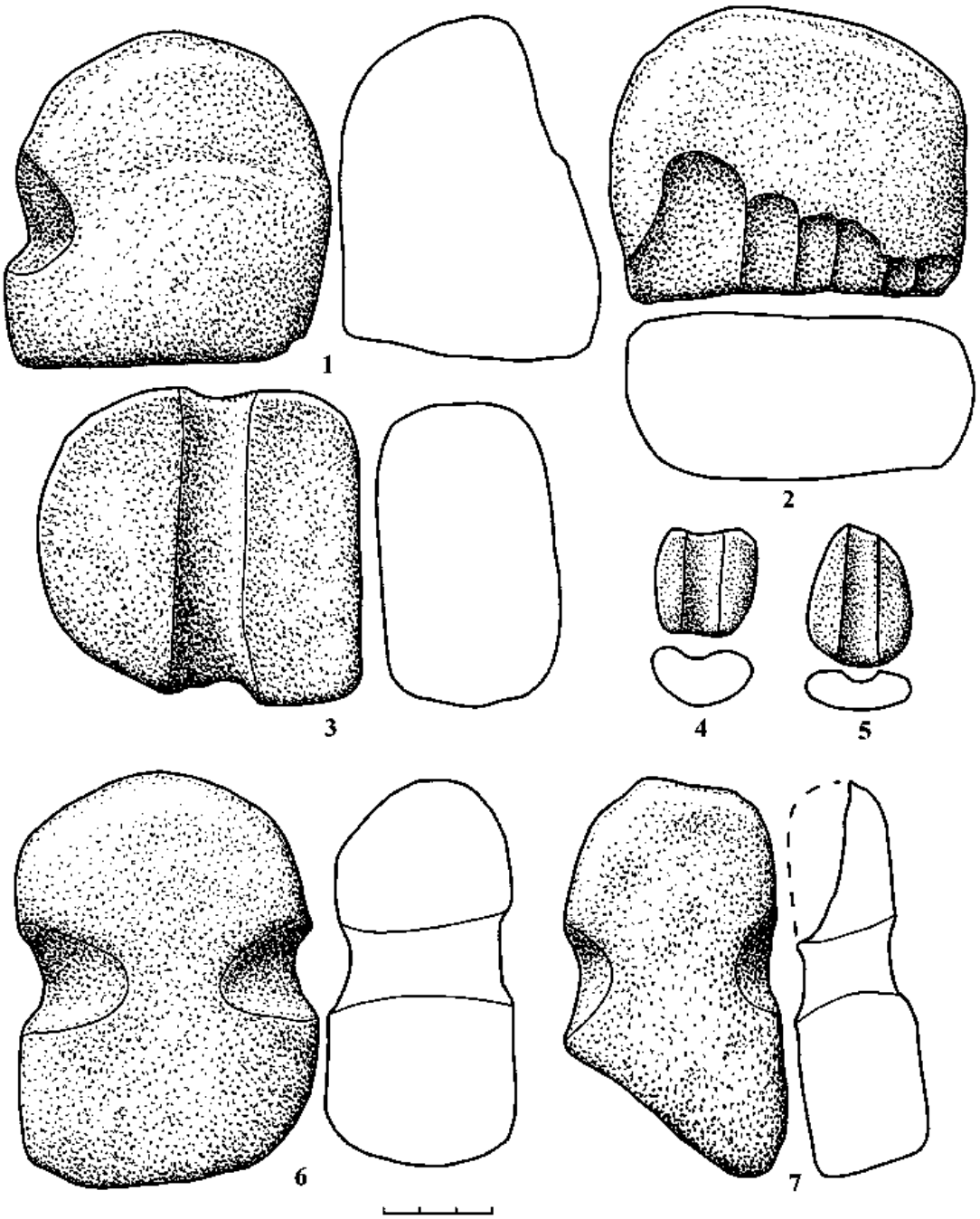


Рис. 11. Баркужерское III поселение. 1–3, 6, 7 – молоты, 4, 5 – абразивы

верстия до грановки были, видимо, не сомкнуты, т. к. остался заметным шов наложения их друг на друга. Максимальная толщина 0,4 см, а по краям – 0,1 см, в диаметре – 3,4 см. Края подвески тупые, возможно, подшлифованные, и служить каким-либо предметом хозяйственного назначения она не могла. Медный наконечник стрелы длиною в 4,5 см, шириной пера 1 см и сечением полой втулки 0,6 см. Наконечник выкован из медной пластины, свернутой в трубочку. Фрагмент подобного изделия найден на Ерумбальской III стоянке. Металлические изделия обнаружены, кроме того, на Удельно-Шумецкой V стоянке, Ахмыловском II поселении, Сутырском V поселении, Ерумбальской III и Юринской стоянке. Среди изделий украшения: кольцо, браслет, шилья (Юринское, Сутыри V), ножи – Ахмылово II, Сутыри V, слитки (Сутыри V, Баркужеры III) (рис. 13).

В связи с освоением металлургии меди происходит рост товарообмена между отдельными племенами, возможно, в этот период металлообработка оформляется в отдельное занятие, что приводит к выделению металлургов. В пользу этого свидетельствует тот факт, что на поселениях, давших значительные серии свидетельств металлургии меди (Уржумкинское, Сутырское V,

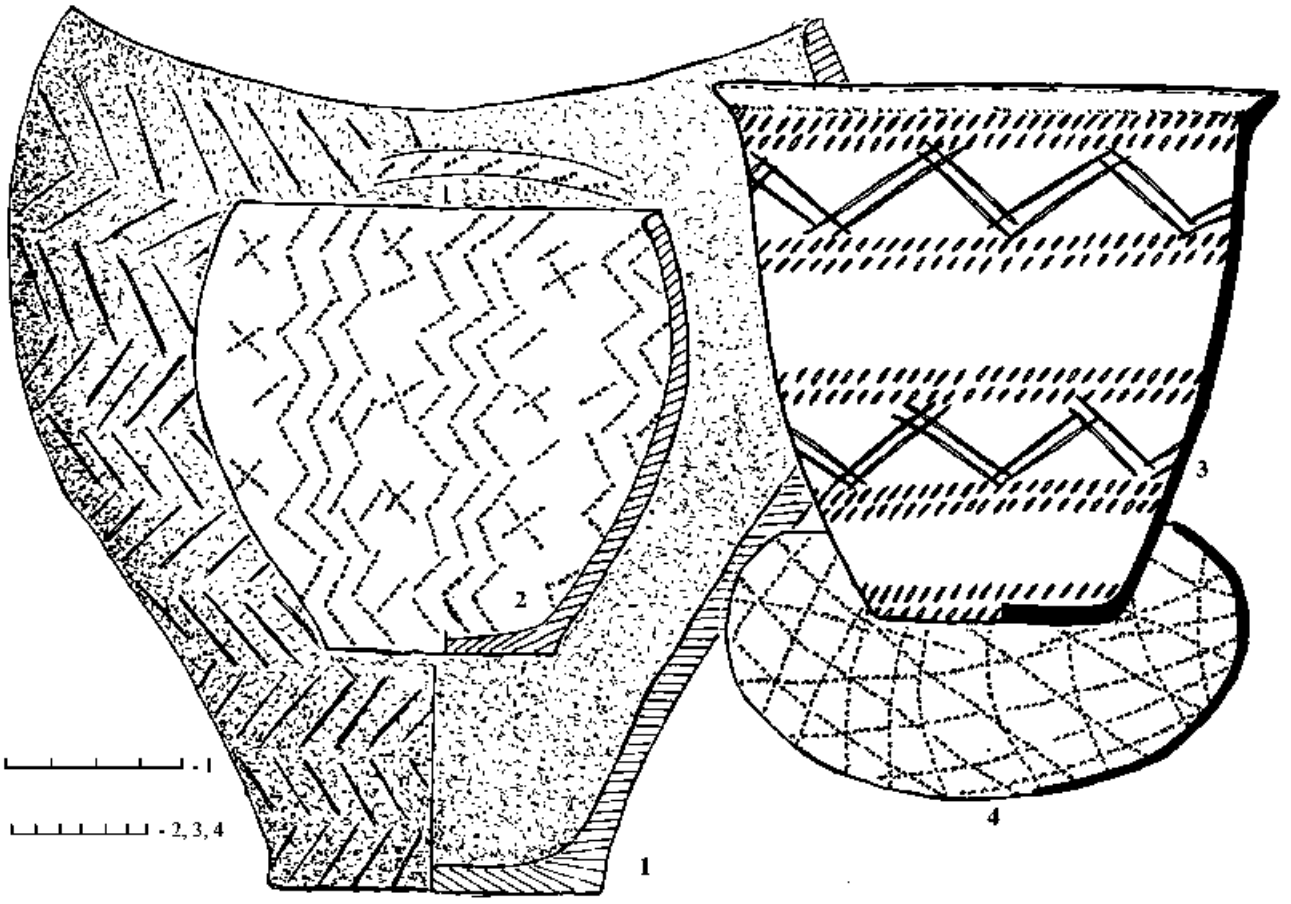


Рис. 12. Поздняя энеолитическая посуда. 1, 2, 4 – Уржумкинское, 3 – Удельный Шумец IV

Ахмыловское II), остатки этого производства концентрируются в одном определенном месте, а не разбросаны по всему поселению. В связи с металлообработкой меди следует отметить факт не только наличия металла и метода холодной ковки, но и навыки литейного производства в глиняных формах, которое выявлено А.И. Королевым на Сутырском V поселении. Также можно указать и на находки глиняных трубочек у очагов с остатками меднолитейного производства, которые могли исполнять функцию поддувала. Спектральный анализ изделий с поселений Марийского Поволжья, проведенный С.В. Кузьминых, свидетельствует об его средневолжском происхождении из медистых песчаников – металлургически «чистая» медь.

Финал майданской культуры. Финал этих древностей на территории Среднего Поволжья изучен достаточно хорошо. В работе В.В. Никитина начала 90-х годов прошлого столетия он рассматривался как завершающий или переходный с основными памятниками Галанкина Гора (посуда первой группы), Юринское (посуда второй группы, тип первый) и другими. Отличительные признаки посуды: волнистое оформление края горла, наличие плотно орнаментированных сосудов по всему внешнему полю, иногда с заходом на внутреннюю часть, преобладание неорнаментированной посуды. Появляются тонкостенные сосуды с тщательно заглаженной (ангобированной) поверхностью и налепные валики в верхней части сосуда. В орнаментике преобладают нарезные и прочерченные линии, плоские и ногтевидные штампы, изогнутая гребенка (Никитин, 1991, с. 69–72).

Дальнейшие судьбы волосовского населения рассматривались в работах П.Н. Третьякова (1978, с. 116–128), А.Х. Халикова (1969, с. 184), которые пришли к заключению, что носители данной культуры генетически связаны с приказанскими, поздняковскими и чирковско-сейминскими. Они сыграли решающую роль в этногенезе финноязычных племен Восточной Европы (Халиков, 1978, с. 12, 13). Этой позиции придерживается и автор (Никитин, 1978, с. 21–63; 1991, с. 69–72). Дальнейшая судьба населения в его средневолжском варианте рассматривается Б.С. Соловьевым в связи с историей населения чирковской культуры, где одним из компонентов ее формирования является население, оставившее комплексы типа Выжумского II, Юринского и других памятников с так называемой посудой «выжумского типа» (Соловьев, 2000, с. 25–59; 2015, с. 165–185; 2016, с. 194–199).

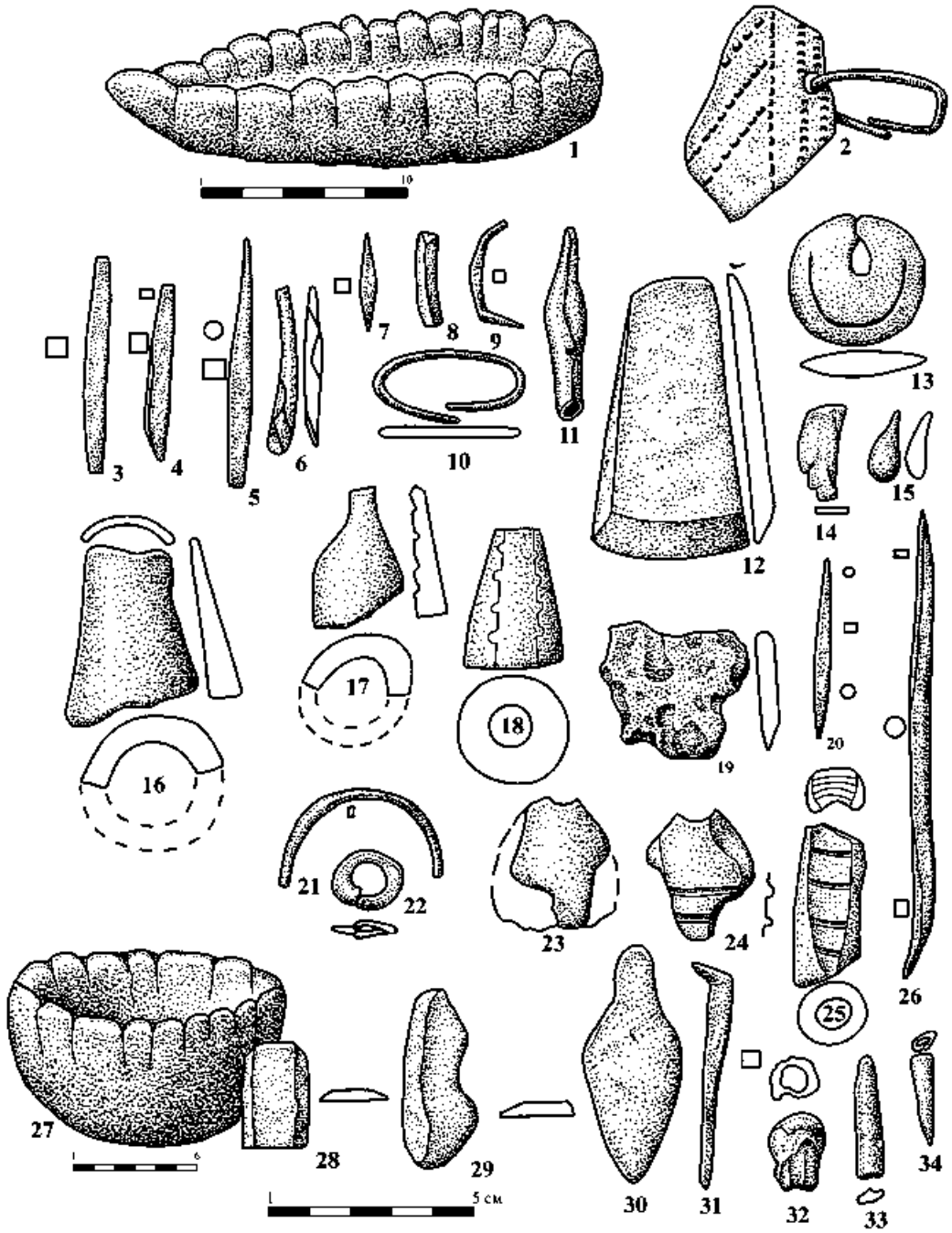


Рис. 13. Предметы меднолитейного производства

1–18 – Уржумка, 19 – Баркужерское III, 20–26 – Юринское, 27 – Рутка, 28–29 – Ахмылово II, 30 – Удельно-Шумецкое V, 31–32 – Сутыри V, 33–34 – Ерумбал III. 1, 16–18, 23–25, 27 – керамика; 2 – керамика и медь; 3–15, 19–22, 26, 28–34 –медь

На ранних чирковских комплексах местная посуда преобладает. Так, на поселении Галанкина Гора она составляет 71%, балановская 22%, гибридная (чирковская) всего 7% (Никитин, 1991, с. 70; 2017, с. 207–208).

Датировка. В развитии волосовской культуры выделяется несколько этапов, подробно рассмотренных в работах А.Х. Халикова и В.В. Никитина (Халиков, 1969; Никитин, 1991, с. 54–72; 2017, с. 209–211). Не касаясь здесь проблемы исторического развития всей волосовской общности, остановлюсь на датировке только средневолжского варианта, т. е. майданской культуры. В монографии 1991 г. В.В. Никитин определил время существования средневолжского варианта культуры серединой III – первой половиной II тыс. до н. э. В основе его схемы лежат аналогичные комплексы волго-окского и верхневолжского вариантов, имеющих радиокарбонные датировки (Никитин, 1991, с. 67–69).

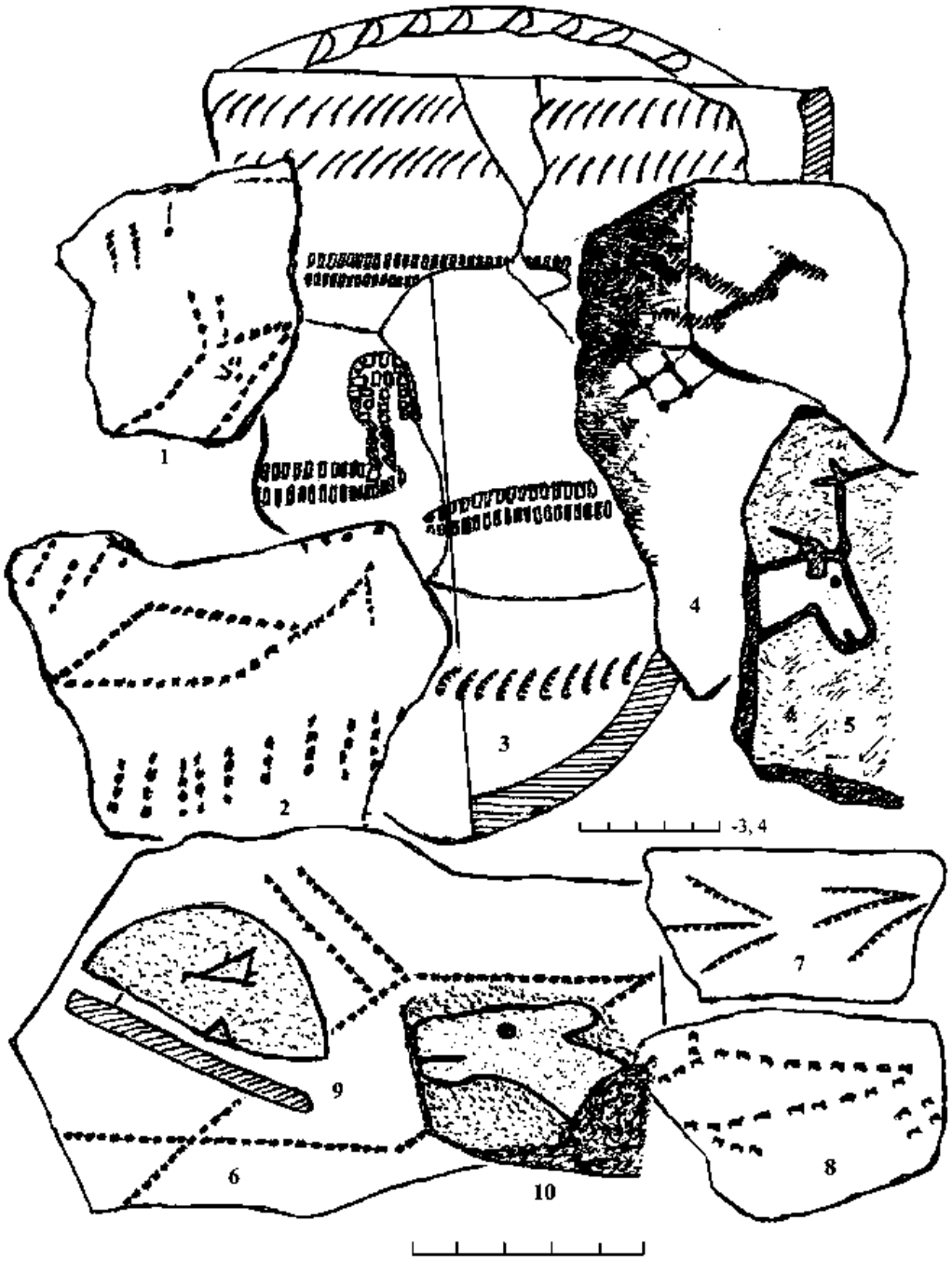


Рис. 14. Сюжетные изображения на керамике и камне
1–2 – Майданская стоянка, 3 – Отарское XVIII, 4 – Паратское XII, 5 – Мольбище III, 6 – Ахмыловское II, 7–8 – Баркужерское III, 9 – Сутырское IIа, 10 – Волоконное. 1–8 – керамика, 9–10 – сланец

Анализ рецептов глиняного теста сосудов эпохи неолита Верхнего Поволжья, проведенный Ю.Б. Цетлиным, выявил общую периодизацию существования культур, где слои протоволосовского типа отнесены к IV периоду – периоду сосуществования их с ямочно-гребенчатыми комплексами, датированными концом IV – серединой III тыс. до н. э. (Цетлин, 1988, с. 24–25). Абсолютные даты по керамике, полученные в последнее время в Киевской радиоуглеродной лаборатории Н.Н. Ковалюхом и представленные нам А.А. Выборновым, близки периодизации Ю.Б. Цетлина. Для пос. Красный Мост – 5260±90 ВР, 4230–4190 ВС, 4350–3800ВС (Ki-16172), для Дубовского III – 5295±80 ВР, 4230–4180 ВС, 4260–3960 ВС (Ki-16168); Дубовского VIII – 5270±80 ВР, 4230–4190 ВС, 4260–3950 ВС.

Для раннего этапа есть даты по керамике Отарского XVIII поселения – 5130±80 ВР, 3990–3790 ВС, 4050–3700 ВС (Ki 15729) и 4950±80 ВР, 3800–3640 ВС, 3960–3630 ВС (Ki 15730); Паратского XII поселения – 5080±70 ВР, 3960–3790 ВС,

Рис. 15. Фигурный кремень

1 – Старомазиковская III; 2, 13, 16 – Ахмылово II; 3, 9, 25 – Удельношумецкое VI; 4, 5, 7, 8, 21, 23 – Майданская; 6 – Майдан III; 10 – Майдан II; 11 – Волоконное; 12 – Галанкина Гора; 14 – Лабышки; 15 – Полянки; 17 – Баркужеское III; 18 – Мариер; 19, 22 – Юльяльская; 20 – Кубашево; 24 – Удельно-Шумецкое V; 26 – Шартнейка III; 27 – Большая Гора

3990–3700 BC (Ki 16294); 4970±80 BP, 3810–3650 BC, 3960–3640 BC (Ki 16295); 4930±80 BP, 3780–3640 BC, 3950–3630 BC (Ki 16296); 4820±70 BP, 3700–3510 BC, 3760–3490 BC (Ki 16297); для раннего комплекса Сутырского V поселения имеются даты 4900±80 BP, 3790–3630 BC, 3820–3510 BC (Ki 16298); 4880±80 BP, 3770–3630 BC, 3950–3500 BC (Ki 16299). Подтверждают эту датировку и керамические комплексы волосовского типа Самарского Поволжья. Так, для поселения Гундоровка имеются даты 5270±80 BP, 4230–4190 BC, 4260–3950 BC (Ki 16278); 5380±70 BP, 4330–4270 AC, 4350–4040 BC (Ki 16279); 5290±70 BP, 4230–4180 BC, 4260–3970 BC (Ki 16280).

Для развитого этапа средневолжского варианта волосовской культуры есть определение по керамике Удельно-Шумецкого VI поселения: 4720±80 BP, 3640–3550 BC, 3660–3340 BC (Ki 15731).

Для позднего этапа развития культуры имеется серия дат по керамике из Сутырского V посе-

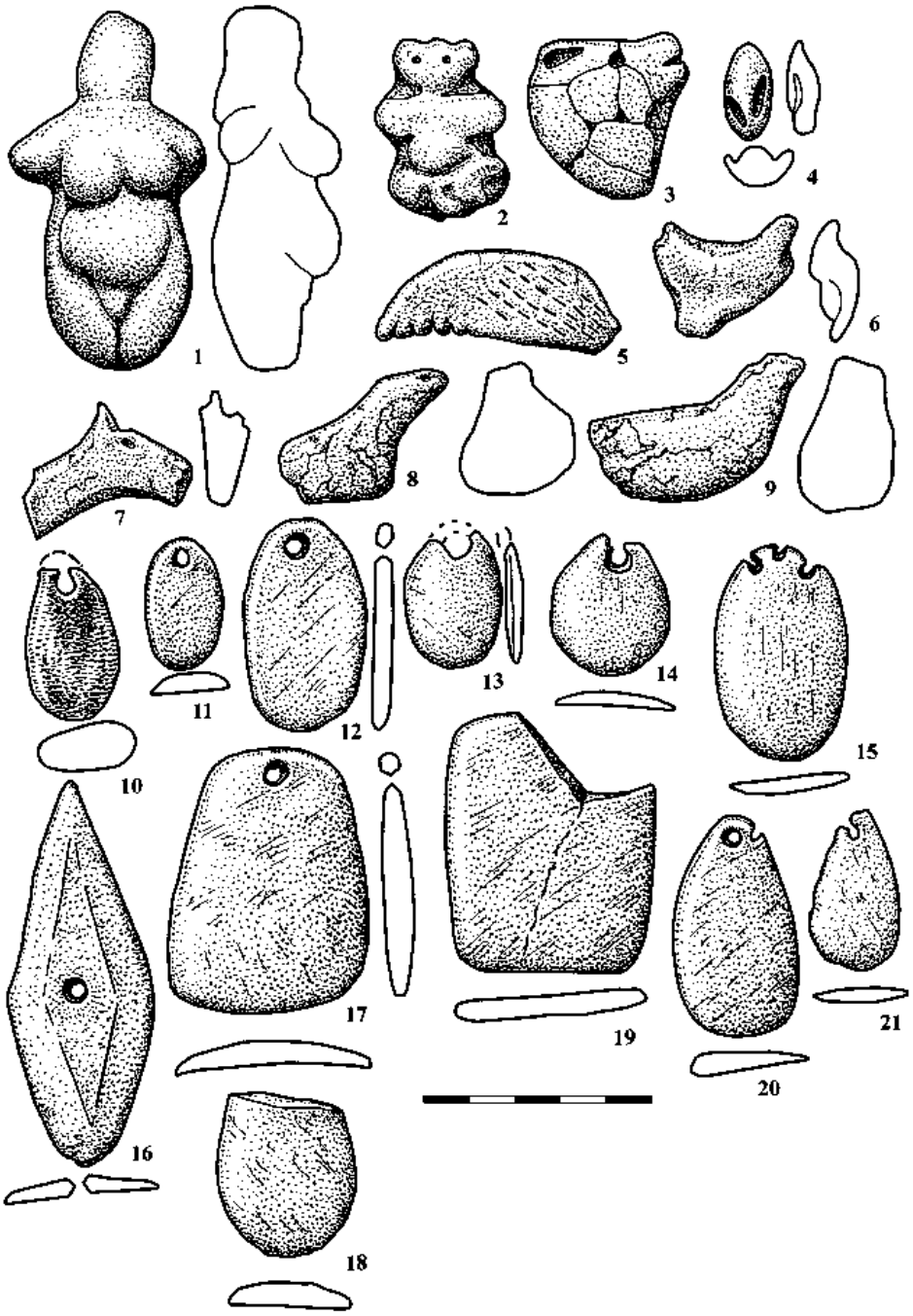


Рис. 16. Керамические игрушки (1–9), каменные подвески (11–21), 10 – янтарь
1–3 – Мольбище III; 4–6 – Юринская; 7, 12–14 – Баркужерское III; 8–9– Сутыри V; 10–11 – Майданское; 15 – Кривое озеро; 16 – Рутка; 17–18 – Сутыри IIа; 19–21 – Мазары I

ления с жилищ с находками металлообработки: 4610±70 BP, 3520–3330 BC, 3650–3050 BC (Ki 16300), 4500±70 BP, 3350–3090 BC, 3370–3000 BC (Ki 16301), 4690±80 BP, 3630–3580 BC, 3650–3300 BC (Ki 16302), 4600±70 BP, 3520–3410 BC, 3650–3050 BC (Ki 16303), 4710±80 BP, 3630–3570 BC, 3700–3300 BC (Ki 16304), 4650±80 BP, 3530–3340 BC, 3650–3100 BC (Ki 16305).

С датировками волосовских поселений Средней Волги согласуются даты памятников этой культуры в Примокшанье. Здесь хронологическая шкала построена на основе строительных горизонтов поселения Имерка 8. В Геологическом институте РАН Л.Д. Сулержицким была сделана серия радиоуглеродных дат и получены следующие результаты в некалибровочном значении: 4600±160 л. н., 4030±80 л. н., 4180±50 л. н., 4460±50 л. н., 4200±40 л. н., 4280±80 л. н., 4300±50 (ГИН 9419-9425) (Королев, 1999а, с. 103–111; 1999б, с. 13; 2007, с. 332–341).

Близкая хронологическая шкала по радиоуглеродному датированию определяется и для верх-

неволжского варианта – вторая четверть III тыс. до н. э. – первая четверть II тыс. до н. э., в календарном выражении она располагается в пределах 4790±50 – 4300±60 лет назад (Крайнов, 1987, с. 13).

Заключение. Масштабные работы МарАЭ 1950–2000-х годов по изучению истории культуры населения нео-энеолитического времени, связанного с переходным периодом от эпохи камня к эпохе металла, позволили решить ряд важных моментов в жизнедеятельности племен Марийского Полесья на рубеже IV–III–II тыс. до н. э. Основные моменты сводятся к следующему: 1 – установлена территория расселения племенных коллективов; 2 – выяснена топография и планиграфия поселений; 3 – реконструирована среда обитания и принципы домостроения; 4 – получены представительные коллекции материальной культуры (посуда, каменные и металлические орудия, украшения); 5 – разработана периодизация и датировка этапов развития; 6 –установлены отдельные эпизоды духовной культуры; 7 – наконец выделено своеобразное племенное объединение, которое органично вписывается в систему волосовской общности – майданская культура. Она имеет общие генетические корни с подобными культурными образованиями: юртиковской на Вятке и левобережными Казанского Поволжья (через население камской неолитической культуры); в Сурско-Мокшанском, Волго-Окском и других вариантах волосовской общности через носителей посуды с ямочно-гребенчатым (гребенчато-ямочным) орнаментом. Отсутствие погребального обряда трупоположения восточнее Волго-Окской группы волосовского населения оставляет дискуссионной проблему генетического единства некоторых памятников этой культурно-исторической общности. Возможно, в среде населения данного круга существовали инородные группы, связанные своим происхождением с янтароносными культурами Прибалтики. Во всех остальных (видимых) аспектах духовной культуры наблюдается единство (система орнаментации, мелкая кремневая и глиняная пластика, проявление культа животного и растительного миров, птиц и пресмыкающихся) (рис. 14–16). Показателен культ медведя, которому устраивали особые культовые сооружения или площадки. Этот культ зафиксирован при раскопках А.Х. Халиковым в 1958 г. Удельношумецкой III стоянки, на которой изучен ритуальный комплекс в виде углубления подчетырехугольной формы размером 3×1,5 м, насыщенного обгорелыми костями и фрагментами керамики. На этой площадке расчищена яма (0,7×1,0 м, глубиной до 80 см), заполненная обгорелыми костями, в основной массе (до 90%) принадлежавшими лапам медведя. Подобное сооружение исследовано им же на Чирковской стоянке на р. Б. Кокшаге в 1957 г. На исследованной площадке (3,2×1,8 м) найдены остатки слоя (мощность до 20 см), в котором размещались развалы 17 сосудов и множество сырых костей (челюсть, зубы, другие мелкие кости) и кремневых орудий. Анализ костей установил наличие четырех челюстей медведя, зубов лося и пережженных костей, среди которых медвежьи. Отсутствие кострищ и конструктивных деталей предполагает функцию этого объекта в качестве культового (Халиков, 1960, с. 60, 117–118). Святилища, посвященные культу медведя, были изучены в Ивановской области на Сахтышских стоянках и их аналогии в Нижегородской области (Володары), Новгородской области (Кончанское IV) и в Латвии (Крейчи) (Уткин, Костылева, 2002, с. 342–347). В 2010–2011 гг. исследован жертвенный комплекс Утюжский Бугор на р. Суре, представлявший площадку 5,5×3 м со скоплением жженных костей внутри подпрямоугольной постройки размером 8×8 м. Жженные кости принадлежали не менее чем 20 особям медведей (Березина и др., 2015, с. 32–45). Остатки жертвенных комплексов, отражающих культ лося и медведя, в виде отдельных ям, наполненных сырыми или пережженными костями животных, изучены на поселениях у д. Майдан и Большая Гора. Наличие подобных культовых объектов в среде нео-энеолитических племен подтверждает культурное родство отдельных вариантов (культур) волосовской культурно-исторической общности.

Таблица А

Характеристика построек

Поселение		Форма и размеры основания постройки				Способ сооружения постройки					Способ связи с внешней средой				Объекты организации внутреннего пространства				Год и автор раскопок
	№ постройки	квадратная	прямоугольная	размеры в м	площадь в кв.м	наземная	полуземная	соединенная	изолированная	глубина в см	вход-выход	переход	тамбур	перегородка	ниша	очаг	столб	хозяйственная яма	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
Сосновая Грива III	1		+	7,2×5,4	39	+?			+	40	1					1	6	1	В.В. Никитин,1986
	2	+		5,6×5,4	30	+			+	30	1						4	1	
Дубовское VIII	7	+		12×11	132		+	+		60	1	1				2	23	3	В.В.Никитин, 1986
	2		+	8,8×3	26		+	+		60	1?	1					2		В.В. Никитин, 1993
Майданская	1		+	9×6	55		+			70	1	2					14	2	А.Х.Халиков, 1961
	2			7,5×7,5	56		+			70		2					17	1	А.Х.Халиков, 1961
	3	+		7×8	56		+			60	1	2					32	15	В.П. Третьяков, 1966
	4	+		8,4×8,6	72		+			80	1						109	30	Г.А. Архипов,
	5	+	+?	9,6×5,2	50		+			100		2					47	21	В.В. Никитин, 1974, 1977
	6		+	10×7,4	74		+			80	1	2					11	11	
Удельный Шумец VI	1	+?		5,6×4	22		+	+?		70	1					1	22	2	В.В. Никитин, 1990
	2		+?	8×7	56		+	+		40	?	1				2	28	7	В.В. Никитин, 1992
	3		+	3,7×2,2	8		+		+	40	?								В.В. Никитин, 1992
	4		+	9,5×7,2	71		+		+?	40	1		1			4	33	6	В.В. Никитин, 1992
	5		+	3,2×2	6				+		?					1	8		В.В. Никитин, 1992
	6	+		9×9	81		+	+		60	1	1				3	38	9	В.В. Никитин, 1992
Майдан II	1		+	10×8	80		+	+		60	2	2				7	45	12	В.В. Никитин, 1977
Майдан III	1	+		10×9	90		+	+		90	2	1				7	34	9	Г.А.Архипов,
	2		+	12×8			+	+		110	2	1	1		1	9	48	16	В.В. Никитин, 1977
Майдан IV	1		+	11×7	77		+	+		80	1?	2				6	50	12	Г.А.Архипов, В.В. Никитин, 1977
	2		+?	6×5,4	32		+	+		50	1	2				2	60	9	
	3		+?	6,8×3	20		+	+		65	?	2				2	43	5	Никитин, 1996
Отары XVIII	1		+?	6,5×4	26		+?	?	?	40	?	?				1	14	1	В.В. Никитин, 1992
Сутыри II	1		+	12,×7,8	93		+	+		50	1	2				5	27	14	В.В. Никитин, 1977
Рутка	1	+		8×9	72		+		+?	80	1					1	10	4	
	2		+	8,8×6	53		+		+?	90	1					2	15	2	Г.А. Архипов,
	3		+	9×12	108		+		+?	50	1					2	14	7	1969, 1970
	4			7,2×7,6	55		+		+?	70	1?					2	9	2	
	5		+?	9×10	90		+		+?	100	?					4	4	4	А.Х.Халиков, 1975
Мазары I	1		+?	7×2,4	17		+	+		50	1	1				2	5	5	Г.А.Архипов,
	2	+		9,4×8,5	80		+	+		60	1	2		1		6	76	14	В.В. Никитин, 1975
Барские Кужеры III	1		+?	5×4	20		+	?		60	1	?				1	11	3	
	2		+	6,5×5,4	53		+	?		40	1	?				2	23	6	
	3		+?	8×7	56		+	?		40	2	?				3	49	5	Г.А.Архипов,
	4		+	9×7	72		+	+		40	1	1		1	1	1	25	9	В.В. Никитин, 1976
	5		+	9×7,5	68		+	+		50	1	2				3	21	8	
	6		+	7,5×5	38		+	+		40	1	2				1	34	6	
Большая Гора	1		+	5×6,6	33		+	+		50	1						13	?	С.В. Большов, 1991
	2	+		8×8,7	70		+	+		50	1						2	4	С.В. Большов, 1991

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
Красный Мост III	1	+		9,5×8,7	83		+			100	1	1					42	11	В.В. Никитин, 1979
	2	+?		7,6×6	46		+			80	1						19	8	В.В. Никитин, 1979
Кривое озеро II	1		+?	8×8,4	67		+			80							39	7	В.В. Никитин, 1988
Ахмалово II	1		+	10×6,2	63		+			50	?	2					48	16	В.П. Третьяков,
	2			9×4,5	40		+			50	1						10	4	Т.В. Колодешникова, 1969-1971
	3		+	13×7,6	99		+			70	1						62	10	
	4	+		10×10	100		+			60	1	1	1				101	22	
	5	+		9×8	72		+			80			3				70	18	
	6		+	7,2×5	36		+			50	1						6	6	В.С. Патрушев, 1973
	7		+	10-14×4-7	72		+			70	1	1	1				18	10	Г.А. Архипов, 1974
	8	+		9,6×9,2	88		+			60	1	2	1				18	9	В.В. Никитин, 1974
Уржумка	1		+	12×9	108		+		+	55	1	1				4	25	12	Г.А.Архипов, 1968
	2		+	11×9	99		+		+	100	1	3				2	?	?	Г.А.Архипов,
	3		+	14×8,5	119		+		+	80	1	3?				2	18	9	В.В. Никитин, 1973
	4		+	10×5	50		+		+	50	1	2			1	3	20	7	
Сутыри I	1		+?	8×6	49		+		+?	50	2	1?				2	21	6	С.В. Большов, 1992
	2		+?	9×6,5	59		+		+?	50	1	2				4	26	6	
Паратское XII	1	+		4,9×4	21		+	?	+?	100	1		1		1	11	11	26	А.А. Выборнов, 1994
Кокшайск IV	1		+	9,6×6,4	61		+		+?	55	2	?				13	27	14	В.С. Патрушев, 1974
Выжумское II	1		+	13,6×9,8	136		+	+		110	1	2				1	25	8	В.Е. Стоянов, 1958
	2		+	17,2×7,2	120		+	+		100	2	1				4	28		Г.А.Архипов, 1971
Мольбище III	1		?	8×?	?		+	?		80	?	?					10	5	А.И.Шадрин, 1986
	2		+	10×8	80		+	1		70	1	1				1	99	67	А.И.Шадрин, 1986
	3		?	9×?	?		+	?		50	1	?				7	17	8	А.И.Шадрин, 1986
	4		?	?			+	?		70	?	2					16		А.И.Шадрин, 1987
Юринское	1		+	10,2×8,4	85		+	+		80	1	2				11	19		В.С. Патрушев, 1977
Сутырское V	1		+	9×8	74		+	+		80	1	2				11	27	4	С.В. Большов,1986
	2	?	+	8×6,5?	52?		+	+		100	1	2	1			7	9	34	А.И. Королев,2000
	3	?	+	8,9×9,4	84		+		+	100	1?					16?	14	12	А.И. Королев,2000
	4	+		7,6×7	53		+	+		50	1?	2		+		3	3	35	А.И. Королев,2000
Юринская	1			8×7	56		+	+		56	1	1				4	30	?	В.С. Патрушев, 1977
	2	+		7,3×7,3?	?		+	+		65	1	1		1	1	4	11	?	В.С. Патрушев, 1977
	3			3,8?×8,6	?		+	+		80	?	1				7	8	?	
	4			9,7×5,6	?		+	+		60	2	2	1			6	17	?	В.В. Никитин, 1999
																			Б.С. Соловьев, 2000

ГЛАВА 3
ПАМЯТНИКИ БОРСКОГО ТИПА В ВЕРХНЕМ И СРЕДНЕМ ПРИКАМЬЕ

Масштабные исследования Камской экспедиции Пермского университета под руководством О.Н. Бадера в 50-е гг. XX в. привели к открытию целого массива памятников эпохи раннего металла в Верхнем и Среднем Прикамье. О.Н. Бадер, обобщив огромные вещественные комплексы, создал представительную двухчленную периодизацию в рамках турбинской культуры, которую он соотнёс с эпохой бронзы и датировал в пределах II тыс. до н. э. (Бадер, 1961а; 1961б). Турбинские древности Чусовского Прикамья исследователь распределил на раннюю гаринскую (нач. II тыс. до н. э. – XIV в. до н. э.) и позднюю борскую (XIV–XII вв. до н. э.) стадии, которым соответствовали ольховские и частинские хронологические комплексы Осинского Прикамья (Бадер, 1963, с. 25–30). О.Н. Бадер детально определил характерные черты борских древностей, которые явно выделяли их на фоне остальных памятников энеолита Приуралья (Бадер, 1954; 1959, 1961а, с. 184). Своеобразие и архаичный облик борских комплексов поставил перед исследователем проблему их хронологического соотношения с гаринскими материалами. Однако исследователь во временной шкале борские материалы поместил вслед за гаринскими, аргументируя этот вывод следующим образом: более высокая техника обработка каменных орудий на гаринских памятниках, нежели на борских, где наблюдается деградация каменной индустрии, обусловленная распространением медных изделий; типологическая близость гаринской посуды к керамике камского неолита и отсутствие на борской посуде декора в виде «шагающей гребенки»; «флажковый» орнамент на ряде борских сосудов, который считался характерным для памятников предананьинского времени (Бадер, 1961а, с. 184–185).

Тем не менее О.Н. Бадер понимал противоречие между архаичным обликом борских поселений и столь их поздней датировкой, когда определял генетическую связь между позднегаринскими памятниками типа Выстелишны и борскими поселениями. Это привело исследователя к выводу о «пестроте типов» энеолитических поселений в Среднем Прикамье в переходный период (Бадер, 1961а, с. 184). Серьёзное влияние на формирование борских древностей, по О.Н. Бадеру, оказали носители новоильинской посуды, появившиеся в Чусовском Прикамье в позднегаринское время (Бадер, 1961а, с. 184).

Значительные коррективы были внесены во взгляды О.Н. Бадера о культурной принадлежности турбинских некрополей, материалы которых, в частности каменные орудия, ощутимо не соответствовали облику культуры местных древних общин (Черных, Кузьминых, 1989, с. 8). В связи с этим термин «турбинская культура» был признан некорректным и оформлен под понятием «гаринско-борская культура». Впоследствии А.Ф. Мельничуком и Л.А. Наговициным отмечено яркое локальное своеобразие борских древностей в Чусовском Прикамье, которые по многим показателям, как хронологическим, так и типологическим, не могли формироваться на базе гаринских памятников (Мельничук, 1990, Наговицын, 1990).

Памятники борского типа занимают небольшую территорию в приустьевой части р. Чусовой (Бор II–V, Боровое озеро IV, VI, Малое Боровое озеро) и близ г. Перми в левобережной пойме р. Камы (Заюрчим I, Зверево) (рис. 1). Южнее полноценных памятников борского типа с жилищными комплексами не обнаружено. Лишь два памятника, Усть-Очёр I близ г. Оханска и Бойцово I у г. Осы, дали небольшие борские керамические комплексы, которые встречены вместе с новоильинскими сосудами (Бадер, 1961б, с. 119–124, рис. 7–9; Мельничук, 2011, с. 25, рис. 4: 4–6).

Борские памятники не характеризуются крупными посёлками, как поселения гаринской культуры, насчитывающие свыше 10 жилищ. Самым крупным поселением среди них является Бор V, где изучено семь жилищ-полуземлянок, из них 3 удлинённые постройки являются классическими борскими, а четыре небольших жилища, два из которых соединены переходами, явно соотносятся с гаринскими сооружениями. На остальных памятниках отмечено ещё пять удлиненных жилищ – Бор III (3), Боровое озеро VI (1), Малое Боровое озеро (1). Самое крупное жилище (36×6 м), глубиной до 0,8 м, изучено на поселении Боровое озеро VI (рис. 1: 3) с многочисленными очагами и нишеобразными выступами вдоль боковых стенок.

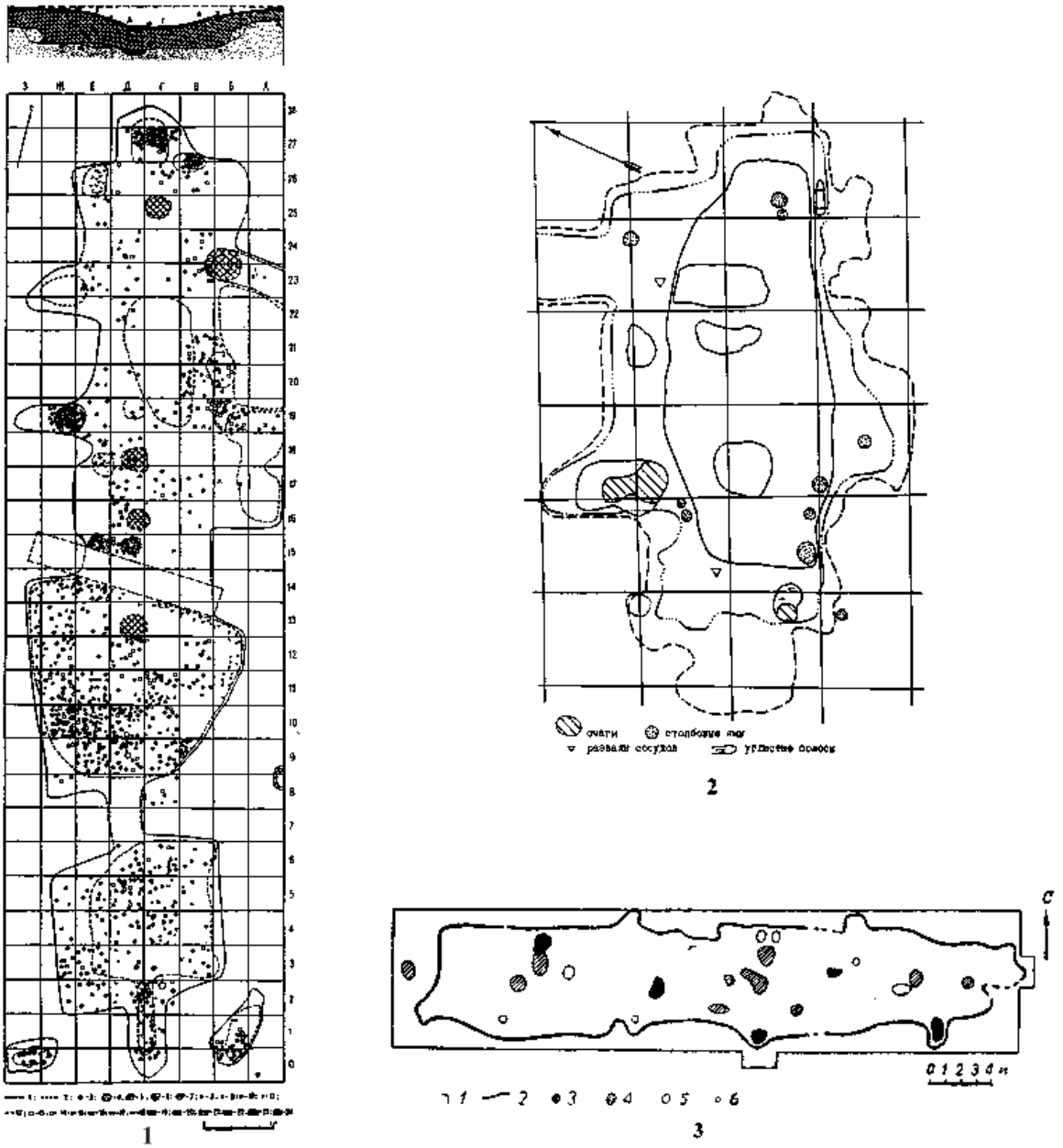


Рис. 1. Борская культура. Жилища. 1 – Малое Боровое озеро (по: Бадер, Кокорев, 1959); 2 – Бор III; 3 – Боровое озеро VI (по: Бадер, Оборин, 1958)

Остальные жилые сооружения на других памятниках несколько меньше, но по конструктивным особенностям близки к нему (рис. 2: 2). О.Н. Бадер отмечал, что типология борских жилищ близка к сооружениям камского неолита, выявленным на Хуторской стоянке (Бадер, 1961а, с. 184). Выделяется двухкамерная постройка на поселении Малое Боровое Озеро, состоящая из небольшой полуземлянки и длинного сооружения, соединённых между собой переходом (рис. 2: 1).

Борская керамика представлена открытыми полуяйцевидными сосудами и относительно низкой котловидной или чашевидной посудой с округлыми и приострёнными днищами (рис. 2–3). Характер обработки поверхности, пористость от выщелоченной раковинной примеси к глиняному тесту близок к гаринскому керамическому производству, но на раннеборских поселениях (Бор IV, Заюрчим I, Зверево, Бойцово I) встречена посуда с примесью песка и шамота, иногда с небольшой добавкой раковины. В орнаментации борской посуды господствуют различные гребенчатые узоры (77–91%): в виде горизонтальных поясов, вертикально и горизонтально поставленных зигзагов, «ёлочки», «флажков»; а также различных композиций, выполненных короткозубчатым штампом.

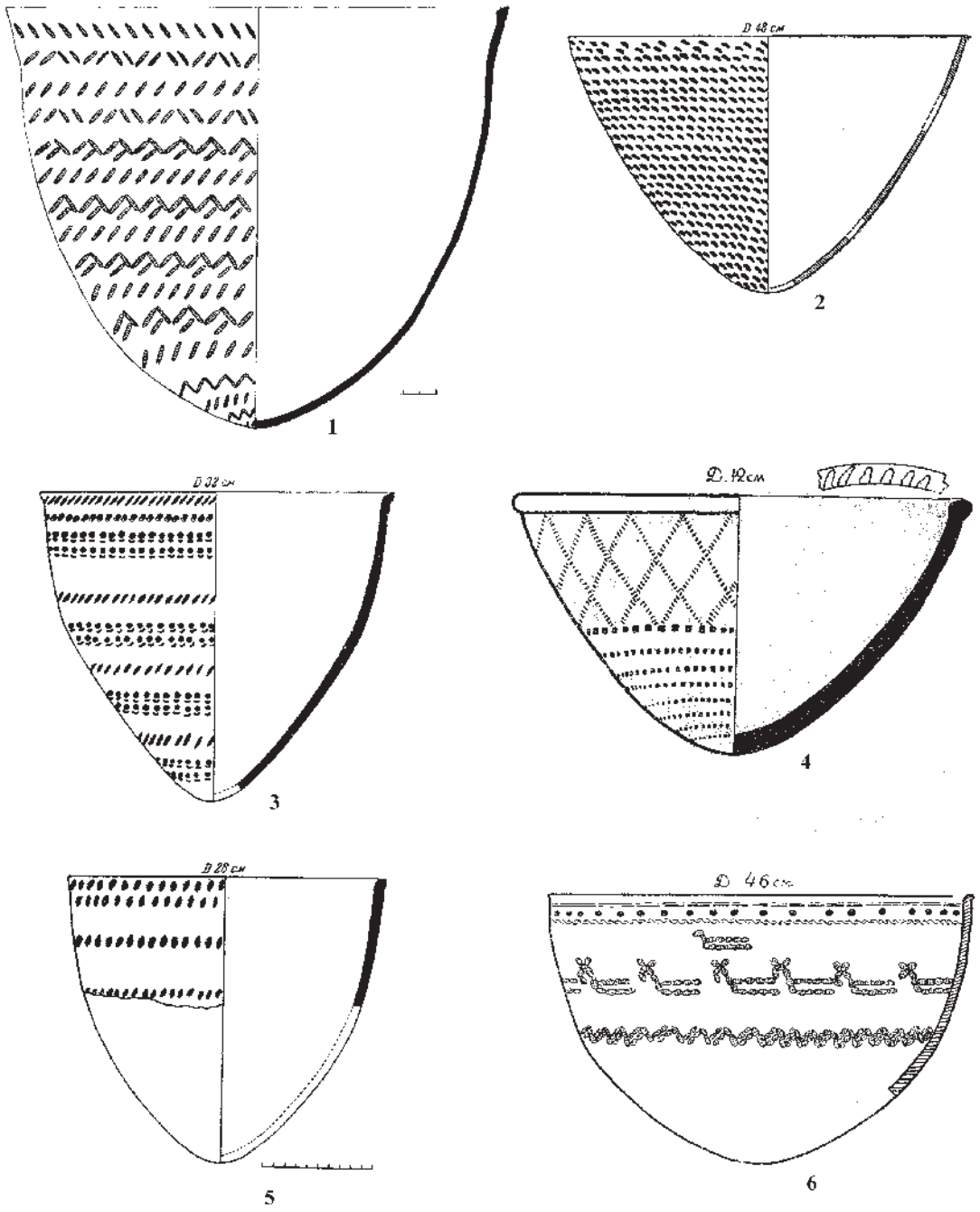


Рис. 2. Борская керамика: 1 – Заюрчим I; 2 – Боровое озеро VI (по: Бадер, 1961а); 3 – Бор V (по: Бадер, 1961а); 4 – Бор V (по: Бадер, 1961а); 5 – Бор V (по: Бадер, 1961а); 6 – Бор III (по: Бадер, Оборин, 1958)

Нередко (13–20%) отмечаются узоры из крупных овальных неглубоких ямок, напоминающие декор камской неолитической посуды (Хуторская, Кряжская стоянки). Ямочные узоры иногда встречаются в сочетании с гребенчатыми (8–11%). Имеются сосуды, украшенные узорами, выполненными гладкими штампами (9–10%). Орнаментальные композиции на борских сосудах просты, но разнообразны: Боровое озеро VI – 25 и Малое Боровое озеро – 37 элементов узоров (Бадер, 1961а, с. 112, рис. 75; 1959, с. 142, рис. 10). Характерной особенностью борских керамических комплексов, как и новоильинских, является отсутствие узоров в виде «шагающей гребёнки». Однако в целом их орнаментальные мотивы повторяют традиционные декоративные элементы, свойственные для неолита Прикамья, в первую очередь для его южных районов: длинные горизонтальные ряды гребенчатого штампа, разнообразные зигзаги и флажки, которые, очевидно, формировались на основе видоизменения узора в виде заштрихованных треугольников – III группа неолитической посуды

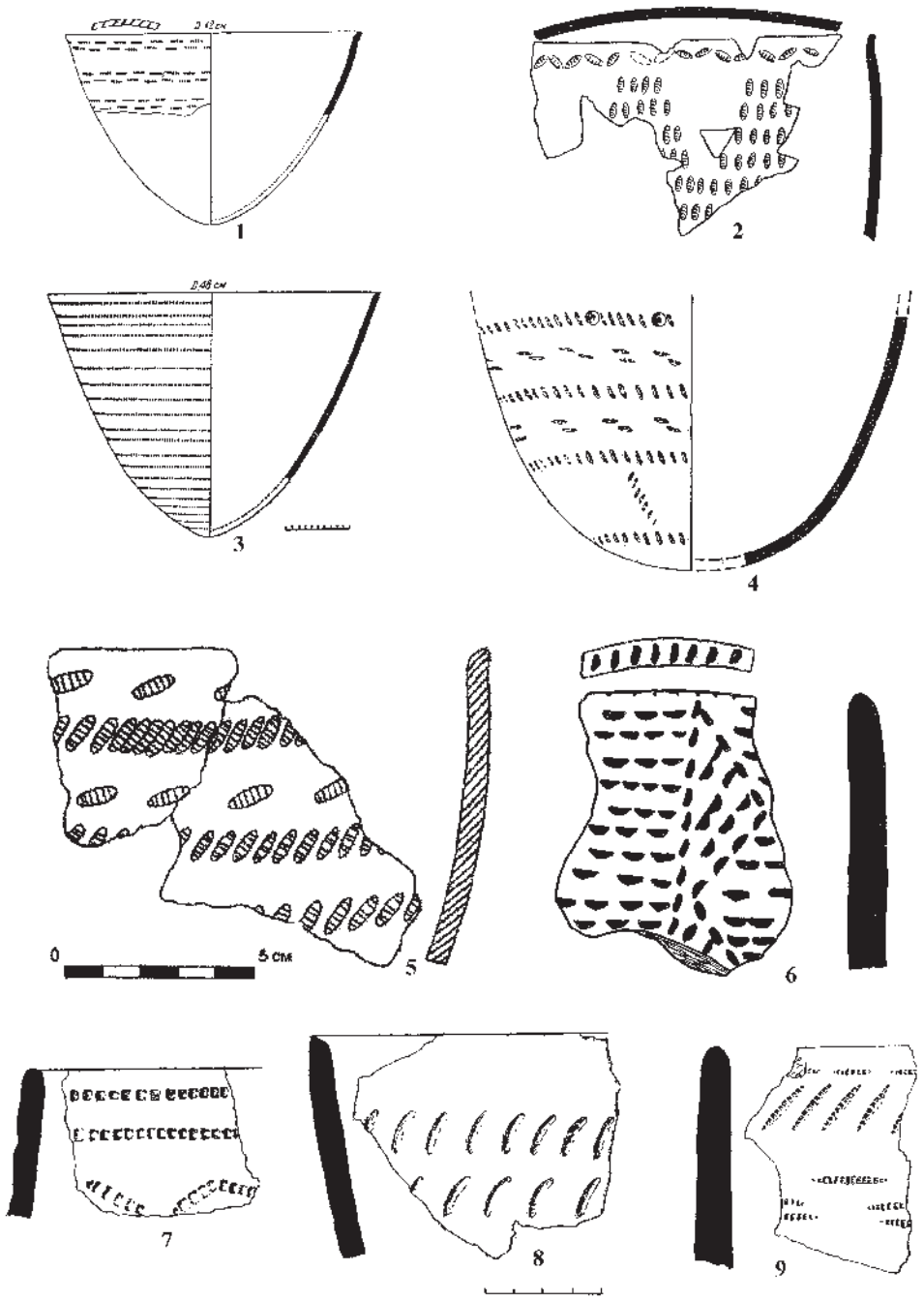


Рис. 3. Борская керамика. 1 – Бор V (по: Бадер, 1961а); 2 – Бойцово I (по: Бадер, 1961б); 3 – Бор V (по: Бадер, 1961а); 4 – Бойцово I (по: Бадер, 1961б); 5 – Усть-Очёр (по: Мельничук, 2011); 6 – липчинсчкий сосуд – Заюрчим I; 7–9 – Зверево (по: Мельничук, 1990)

Нижнего Прикамья по Р.С. Габяшеву. Характерно, что именно в неолите этого региона отмечаются находки котловидных или чашевидных сосудов, которые, по О.Н. Бадеру, являются особенностью керамического борского производства (Габяшев, 2003, с. 113, рис. 58: 24; 59: 20; 80: 1–7; 81).

В отличие от гаринской культуры проявление зауральской посуды на борских памятниках минимально. На поселении Заюрчим I и Усть-Очёр I с борской посудой, очевидно, связано небольшое число липчинской посуды (рис. 3: 6). Привлекает внимание чашевидный сосуд (Бор III), который украшен фигурным сюжетным декором с стилизованными изображениями рогатых млекопитающих, располагающихся над горизонтальной зигзагообразной (волнистой) линией. Выше отмечен образ уточки. Головы животных направлены в левую сторону. Этот основной узор выполнен при помощи короткого «жучкового» гребенчатого штампа. Под венчиком отмечается поясок ямок, расположенный между отпечатками «псевдошнурового» орнамента (рис. 2: 6). Аналогов сосуду

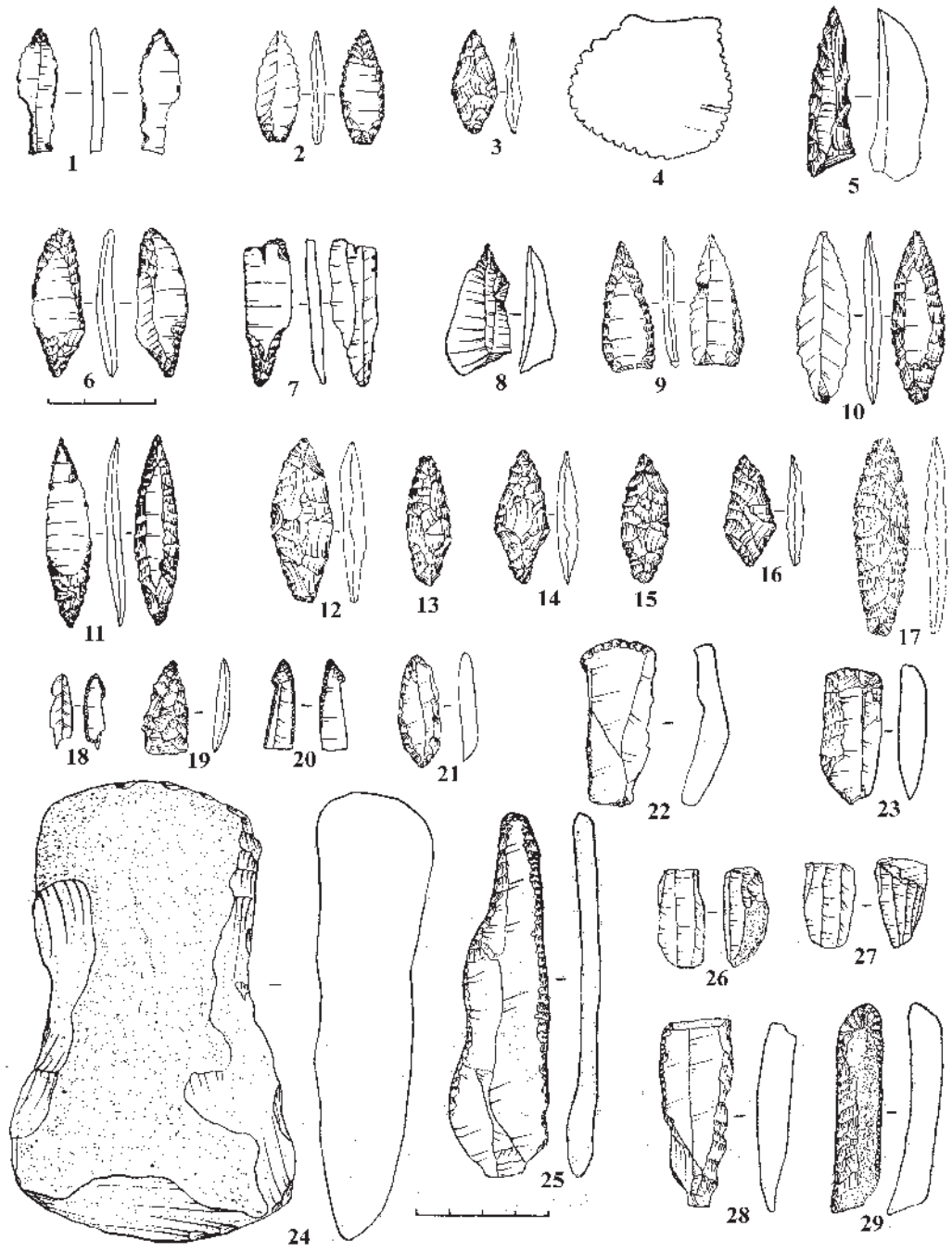


Рис. 4. Борский каменный инвентарь
1–5 – Бор IV (по: Бадер, 1961а); 6–17 – Бор V (по: Бадер, 1961а); 18–29 – Зверево (по: Мельничук, 1990)

неизвестно, но его декор явно формировался под влиянием зауральских художественных традиций. Относительно близкий сюжетный мотив с расположением стилизованных изображений рогатых млекопитающих над волнистым декором, выполненным арочным штампом, отмечается на сосуде из поселения Амня Ia в Нижнем Приобье (Шорин, 1999, рис. 22). К сожалению, точную культурно-хронологическую привязку сосуда с поселения Бор III к памятникам Зауралья провести сложно.

Для борских древностей, как и для каменной индустрии камского неолита, нехарактерно то разнообразие типов наконечников стрел, свойственное для гаринской культуры, где эта категория изделий занимает ведущее положение среди всей номенклатуры орудий. Метательные орудия борских поселений состоят из различных двусторонне обработанных листовидных наконечников стрел, иногда вытянутых пропорций, с округлым или приострённым основанием. Значительно уступают им изделия с усечённой базой (рис. 4: 12–17, 19). Отдельные наконечники стрел с выемчато-усеченным основанием следует считать случайной примесью, так как чистые борские поселе-

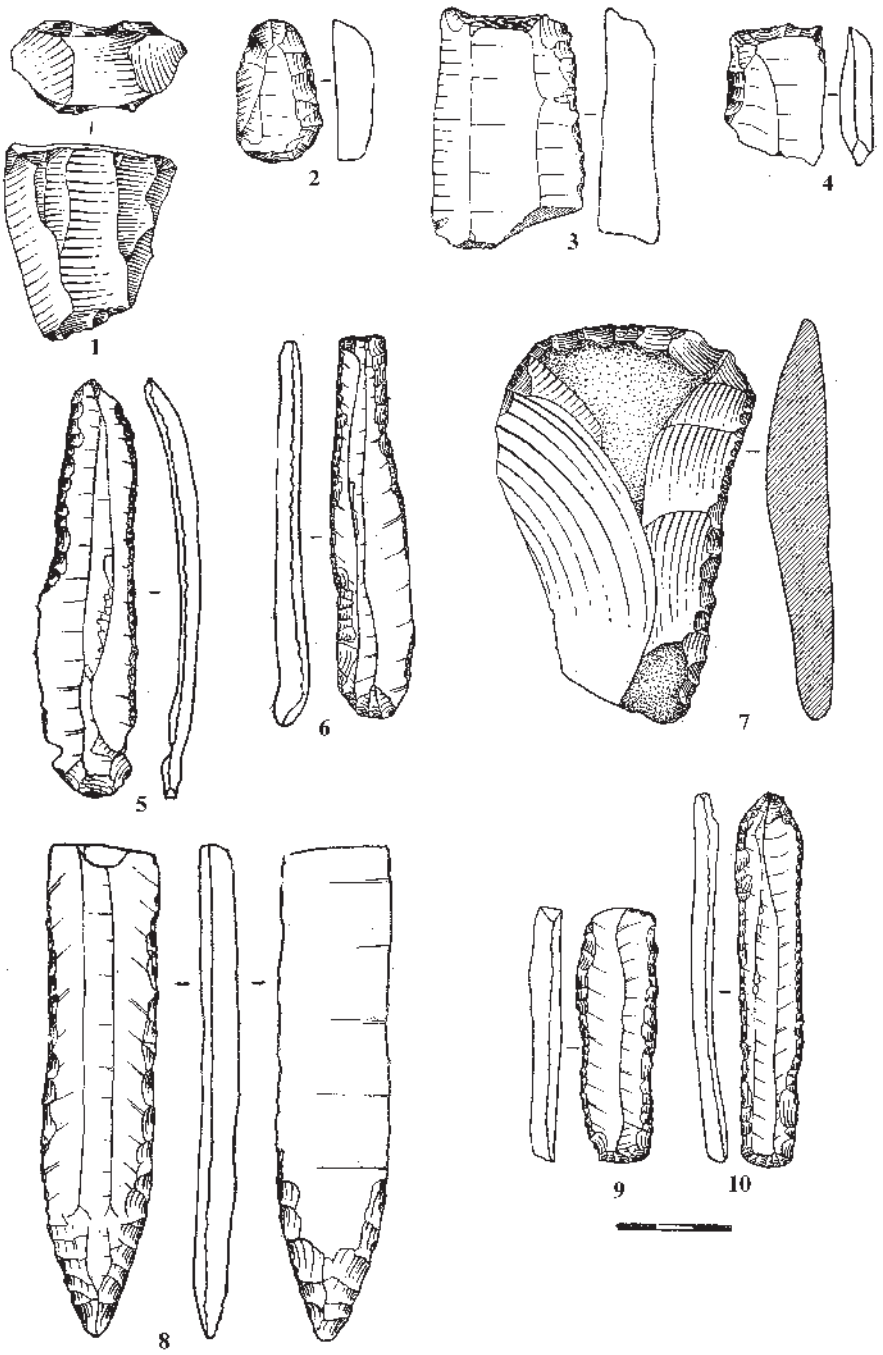


Рис. 5. Борский каменный инвентарь

1 – Боровое озеро IV (по: Бадер, Соколова, 1953); 2–6 – Малое Боровое озеро (по: Бадер, Кокорева, 1959); 7 – Боровое озеро IV (по: Бадер, Соколова, 1953); 8–10 – Малое Боровое озеро (по: Бадер, Кокорева, 1959)

ния располагались в непосредственной близости от гаринских памятников. Классические гаринские пятитугольные наконечники в пределах борских жилищ не выявлены. Значительную группу на борских памятниках составляют наконечники стрел на пластинах с частичной обработкой плоской ретушью вентральной поверхности (рис. 4: 9, 10). Двусторонней ретушью у них нередко выделялся приострённый черешок (рис. 4: 6, 11). Подобные наконечники были распространены в позднем неолите Прикамья. Привлекают внимание находки наконечников стрел на пластинах кельтеминарского типа с боковой выемкой на раннеборских памятниках Бор IV и Зверево (рис. 4: 1, 20). В целом число наконечников стрел в составе инвентаря борских памятников невысок (до 4%), что обычно для неолитических комплексов Прикамья. Лишь на поселении Бор V, в материальной культуре которого проявляется явно гаринский компонент, они занимают ведущее положение в составе инвентаря после режущих орудий, опережая даже скребки (Бадер, 1961а, с. 94).

Для борской каменной индустрии свойственна развитая пластинчатая техника, совершенно нехарактерная для гаринских древностей. Её иллюстрируют нуклеусы, среди которых часто встречаются ядрища параллельного принципа скалывания, нередко конической и призматической формы с негативами от узких пластин (рис. 4: 16, 17; 5: 1). Особенной чертой борской пластинчатой индустрии является использование для изготовления орудий широких массивных пластин, которые скалывались с макролитических нуклеусов, высотой иногда до 30 см. Индекс пластин в борских комплексах достаточно высок и варьируется в пределах 15–30%, а процент орудий на пластинах достигает 30%. На пластинах изготовлялись концевые скребки (40%), наконечники стрел, различные острия, редко резцы. На борских поселениях, как и на новоильинских, часто встречаются комбинированные орудия на пластинах, названные О.Н. Бадером «скребки-ножи» (рис. 4: 25, 28, 29; 5: 5, 6). Характерно, что орудий из плитчатого кремня, свойственного для гаринских поселений, на борских памятниках крайне мало.

Следы металлургического производства выявлены только на самом позднем борском поселении Бор V, где проявляется сильное воздействие гаринской культуры. Здесь в борском длинном жилище № 2 найдено семь медных предметов: шило, пластинка, два литника, три капли. Однако спектральный анализ, произведённый Е.Н. Черных, показал, что по составу металла эти изделия близки к предметам из меди с позднегаринских поселений Басенький Борок и Выстелишна. Учитывая наличие на площадке поселения Бор V 4 жилищ гаринского типа, появление которых О.Н. Бадер не синхронизировал с борским временным горизонтом, следы цветной металлургии вряд ли соотносятся с ним. Следует полагать, что гаринское население могло использовать более древнюю борскую впадину для цветной металлообработки. В то же время ни на одном «чистом» памятнике борского типа следов медной металлургии не обнаружено.

Хозяйственный уклад носителей борской культуры, судя по планировке поселений, номенклатуре орудий, ничем не отличался от экономики неолитического населения Прикамья, в то время как гаринские общины обладали высокоразвитым комплексным охотничье-рыболовческим хозяйством с элементами производящей экономики.

Таким образом, памятники борского типа по всем компонентам материальной культуры представляются более архаичными в сравнении с гаринскими древностями. К настоящему времени получены три даты по ^{14}C для борских памятников: 1. Бор V – 4197±100 BP (SPb-2382) – 3022–2550 calBC (керамика); Боровое озеро VI, 1950 т. – 4217±100 BP (SPb-2383) – 3036–2562 calBC (керамика); Заюрчим I – 4015±55 BP (Le-8886) – 2750–2300 calBC (уголь). Таким образом, калиброванные значения позволяют предполагать существование борских древностей в Чусовском Прикамье в конце IV – середине III тыс. до н. э. Ранний энеолитический возраст борских материалов согласуется и по находкам наконечников стрел с боковой выемкой кельтеминарского типа, бытование которых на Урале Г.Н. Матюшиным отнесено к IV тыс. до н. э. (Матюшин, 1975, с. 150–151). Это мнение подтверждается современными абсолютными датировками раннеэнеолитических памятников Притоболья с находками кельтеминарских стрел в пределах последней трети IV – начала III тыс. до н. э. (Кокшаров, 2009, с. 186–187). С борскими керамическими комплексами отмечаются отдельные находки липчинской посуды Среднего Зауралья, датировка которой по радиоуглеродным данным определяется во временных пределах финала IV – середины III тыс. до н. э. (Чаиркина, 2005, с. 281–282). Аятская керамика на борских памятниках не выявлена. Таким образом, борские памятники могут хронологически сопрягаться с временем появления в Среднем Приуралье липчинской посуды в конце IV тыс. до н. э. Датировку борской культуры в настоящее время косвенно могут определять материалы энеолитического Мурзихинского II могильника в Татарстане, погребальные комплексы которого датированы по ^{14}C серией дат в пределах середины – второй половины IV тыс. до н. э. (Чижевский, 2008, с. 370–371). Посуда некрополя имеет чашевидную форму и декор днищ и стенок в виде зигзагов, наклонных отпечатков гребенчатого штампа, образующих «ёлочку», близкие к керамике борских поселений Малое Боровое озеро, Боровое озеро VI, Бор IV (Бадер, Кокорев, 1959, рис. 7; 9; Бадер, 1961, рис. 71: 2, 3; 87: 6).

Генезис борских древностей сложен. Следует полагать, что они формировалась под влиянием новоильинской культуры, которая, по данным современных радиоуглеродных калиброванных датировок, существовала с конца V до второй половины IV тыс. до н. э. (Жукова, Лычагина, 2012, с. 80, табл. 7), и ее следует рассматривать как особое явление в рамках позднего или финального неолита Прикамья (Денисов, Мельничук, 2014, с. 47–50). Имеются данные, что жилища новоильинской культуры, как и борские, были удлиненными: частично изученное сооружение (13×9 м) на поселении Заюрчим I; частично изученное двухкамерное сооружение на поселении Усть-Очер I, аналогичное борской постройке с Малого Борового озера; длинное сооружение (22×8 м) на

поселении Гагары III, которое впоследствии было перепланировано позднегаринским населением в традиционные для них две небольшие постройки, соединенные между собой узким переходом (Коренюк, Мельничук, 2010, с. 180, рис. 1; Мельничук, 2011, с. 22–24, рис. 1; Денисов, Мельничук, 2014, с. 44–45, рис. 1).

Органические примеси (раковина) в глиняном тесте новоильинских сосудов впервые проявляются именно на тех памятниках, в материалах которых более или менее явно фиксируется как бы своеобразный её переход к пористой керамике раннеборского типа в Чусовском Прикамье (Бор IV, Зверево). Изменение в технологии изготовления сосудов в раннем энеолите среднего Приуралья связано с влиянием южных культур эпохи неолита и палеометалла лесостепи Поволжско-Уральского региона, где традиционна примесь раковины в керамической таре. Однако борские древности характеризуются появлением совершенно необычной для неолита лесного Прикамья, как и для новоильинских памятников, крупнопластинчатой техники, которая явно принесена в регион группой населения южного происхождения, обладавшего этой пластинчатой макроиндустрией, имевшей поволжские самарско-хвалынские истоки (Моргунова, 2011, с. 90, 138; рис. 56; 85).

Ранние борские материалы представлены на поселениях Бор IV, Зверево, Заюрчим I, Бойцово I, где прослеживается эволюция новоильинской посуды в борскую. Наиболее поздним борским памятником является поселение Бор V, которое, очевидно, свидетельствует о начавшихся контактах борского населения с гаринским. Именно здесь в пределах длинного жилища найдены единственные свидетельства, хотя и не бесспорные, позволяющие судить о возможном уровне борской цветной металлургии.

В первой половине III тыс. до н. э., очевидно, начинаются контакты между борским и гаринским населением, о чём свидетельствуют материалы поселений Боровое озеро II–III, Бор V. Вероятно, к середине III тыс. до н. э. гаринские общины ассимилировали борское население, что могло сказаться на формировании позднегаринских памятников типа Выстелишны с зубчатой посудой при отсутствии декора в виде «шагающей гребёнки».

Таким образом, борские памятники являются локальной группой в Чусовском Прикамье, характеризующей своеобразную раннеэнеолитическую культуру Среднего Приуралья.

ГЛАВА 4
ГАРИНСКАЯ КУЛЬТУРА

Впервые поселения гаринской культуры исследованы в 20–30 гг. XX в. А.В. Шмидтом и В.А. Прокошевым (Шмидт, 1935; Прокошев, 1935). В 50–70-е гг. XX в. О.Н. Бадером они рассматривались как памятники турбинской культуры на раннем (гаринском) этапе её развития (Бадер, 1961), а в 80-е гг. XX в. определялись в рамках гаринско-борской системы (Черных, Кузьминых, 1989, с. 8, 234). С начала 90-х гг. XX в. основной пласт энеолитических поселений таёжного Прикамья с пористой гребенчатой посудой ассоциируется с понятием гаринская культура (Мельничук, 1990, Наговицын, 1990).

К носителям гаринской культуры непосредственное отношение имеют поселенческие памятники, обнаруженные в Нижнем Прикамье, а также расположенные в Вятско-Камском междуречье.

Значительный вклад в выявление и исследование поселенческих памятников гаринской культуры Нижнего Прикамья был привнесён Р.С. Габяшевым и П.Н. Старостиным (Габяшев, Старостин, 1978).

Генезис гаринской культуры достаточно сложен и требует дальнейшего детального изучения. Основное ядро этого культурного явления, по О.Н. Бадеру, базируется на местных камских поздненеолитических традициях, ярко отраженных в материальной культуре гаринского населения (форма и декор керамической тары, каменное сырьё и особенности технологии изготовления из него орудий). В то же время на процесс энеолитизации Прикамья в виде генезиса и развития гаринской культуры явно влияли события, протекавшие в степных и лесостепных пространствах Поволжья и Приуралья, начиная с эпохи позднего неолита и заканчивая эпохой бронзы (Моргунова, 2011, с. 177–188). Они проявлялись в непосредственном контакте лесного поздненеолитического населения с мощными культурными системами самарского культурного круга. Это отразилось в формировании в Нижнем Прикамье керамических воротничковых комплексов Русско-Азизбейского типа (по Р.С. Габяшеву), отмеченных также в Удмуртском Прикамье (Непряха VI) и близ г. Перми (Заюрчим I). Влияние южных культурных массивов на материальную культуру населения таёжного Прикамья продолжалось на всём протяжении гаринского периода вплоть до эпохи бронзы в рамках сейминско-турбинского культурного явления (Мельничук, 2011, с. 158). Безусловно, именно данные события сказались на формировании в гаринских общинах производящей экономики (цветная металлургия и металлообработка).

В керамических комплексах гаринской культуры весьма отчётливо прослеживается генетическая связь с посудой камской культуры. Общие признаки проявляются как в орнаментации, так и в форме сосудов. Особенно ясно эта преемственность определяется керамикой с поселений Чусовского Прикамья, на которой присутствуют общие орнаментальные мотивы: «шагающая» гребёнка, конические ямки под венчиками сосудов. Несомненно, что в формировании гаринской культуры могли принимать участие и другие культуры. Определённое воздействие на характер орнаментальных мотивов гаринской посуды оказали культуры лесного Зауралья.

Ареал распространения гаринской культуры включает почти весь бассейн р. Камы. Наибольшая концентрация её памятников наблюдается в приустьевой части рр. Чусовой и Белой, близ гг. Пермь, Березники, Оса, Оханск, в Удмуртском Прикамье по побережью р. Камы от г. Чайковского до г. Сарапула и в Северном Прикамье в районе Чусовского озера. Присутствие поселенческих памятников гаринской культуры отмечается также в пределах Икско-Бельского междуречья (Габяшев, Старостин, 1978; Чижевский, Шипилов, 2018). Присутствие носителей гаринской культуры в виде поселений проявляется на территории Камско-Вятского междуречья (рис. 1).

Поселенческие памятники гаринской культуры располагаются на надпойменных боровых террасах (4–10 м), часто с примыкающими к ним старичными водоёмами. Крупные поселения насчитывают свыше десяти жилищных впадин: Красное Плотбище, Непряха VII, Бор I, Камский Бор, Боровое Озеро II и др. Характерно, что в северных районах Прикамье памятники мельче и количество жилищных впадин на их площадках не превышало 8 – Чашкинское озеро II, Затон, Васюково II. Всего по течению р. Камы, начиная с её

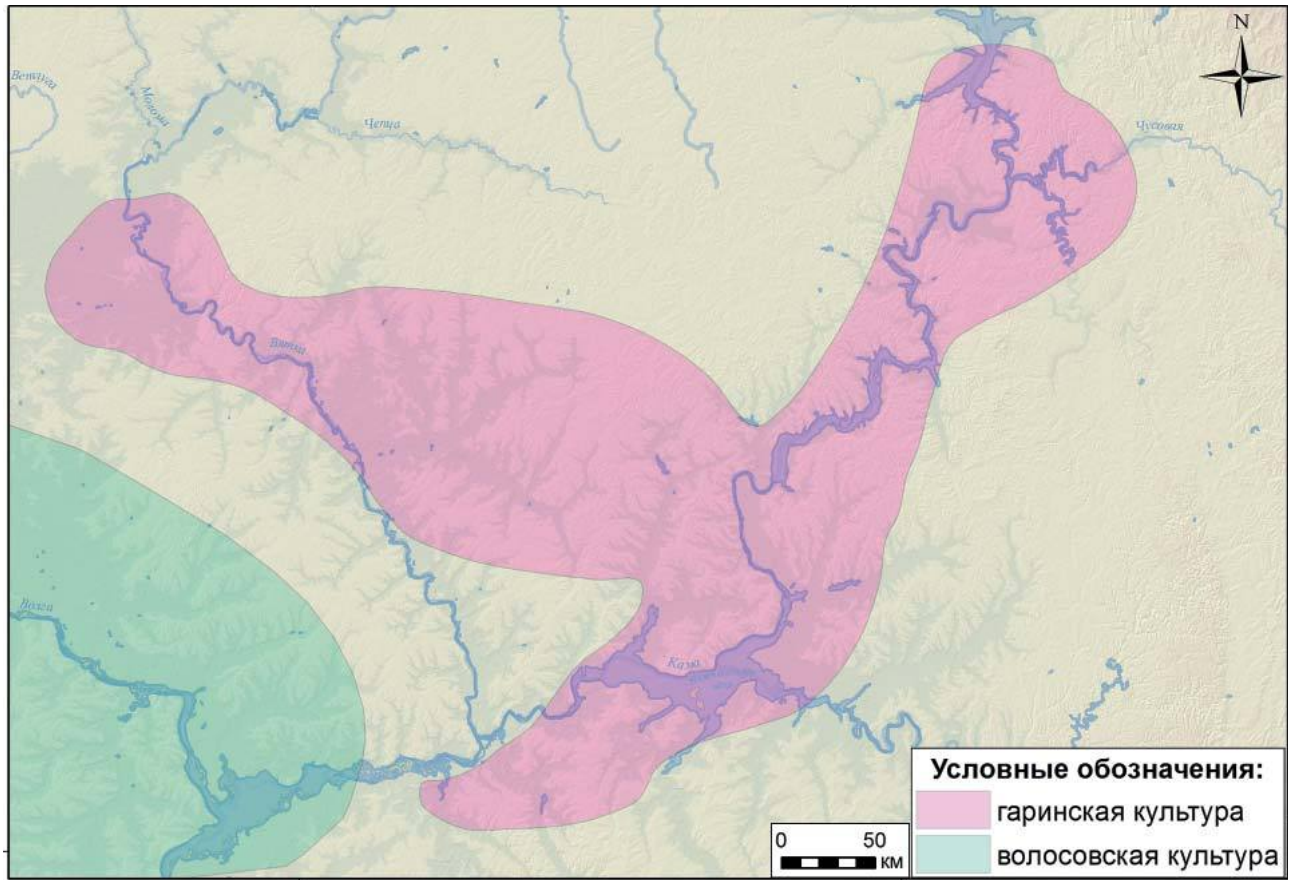


Рис. 1. Ареал расселения носителей гаринской культуры и её окружение

верховьев и кончая приустьевой частью р. Белой, изучено до 200 жилищ гаринской культуры.

Характерной чертой раннегаринского домостроительства являются многокамерные жилища-полуземлянки с бревенчатыми срубами, опущенными в грунт на глубину до 1 м (от двух до шести построек) и соединёнными между собой коридорообразными переходами (рис. 2: 1, 2). О.Н. Бадер на поселении Бор I выделял в постройках мужские и женские помещения (Бадер, 1961, с. 51, 53). На поздних гаринских памятниках чаще распространены прямоугольные одиночные жилища (рис. 2: 3, 4). Их площадь варьируется от 40 до 100 кв. м.

Весьма выразительным маркером гаринской культуры является керамика. Особенностью гаринской посуды Прикамья является её сильная пористость, обусловившая хрупкость и плохую сохранность керамической тары. О.Н. Бадер определял причину этого явления результатом примеси к глине толченой сосновой коры, которая частично выгорала при обжиге, придавая сосудам легкость и пористость (Бадер, 1961, с. 28). Однако на поселении Симониха II (Удмуртское Прикамье) изучено редкое гаринское жилище, приуроченное не к песчаной, а суглинистой почве, где вся керамика обладала примесью толченной раковины в тесте. Сосуды с этой же примесью выявлены на поселениях Заосиново I и Красное Плотбище. Интересно, что на поселении Красное Плотбище (жилище № 2) обнаружены скопления раковин Unio, возле которых находились гаринские сосуды с толченой раковинной примесью. Гаринская посуда с раковинной примесью была выявлена и на поселенческих памятниках Икско-Бельского междуречья. Выщелачивание этой примеси в гаринской посуде интенсивно происходило с течением времени под влиянием песчаных кислых слабоподзолистых почв Прикамья, в которых практически не сохраняются древние органические остатки (Денисов, Мельничук, 2014, с. 50).

Керамика представлена полуяйцевидными сосудами с округлым или приостренным дном (рис. 3: 10–14). В раннегаринский период распространена посуда больших размеров, диаметром свыше 28 см (Бор I – 73, 5%) с закрытым или прямым горлом. С течением времени число больших сосудов значительно уменьшается (40–59%) и резко возрастает (25–50%) количество средней посуды, диаметром 18–27см (Симониха II, Красное Плотбище, Заборное озеро I). К концу гаринской эпохи резко возрастает число открытой посуды. Венчики керамической тары разнообразны. Преобладает уплощенная форма венчиков, которые обычно толще стенок и представлены в следующих основных вариантах: венчик с постепенным переходом к стенке, венчик с наплывом внутрь

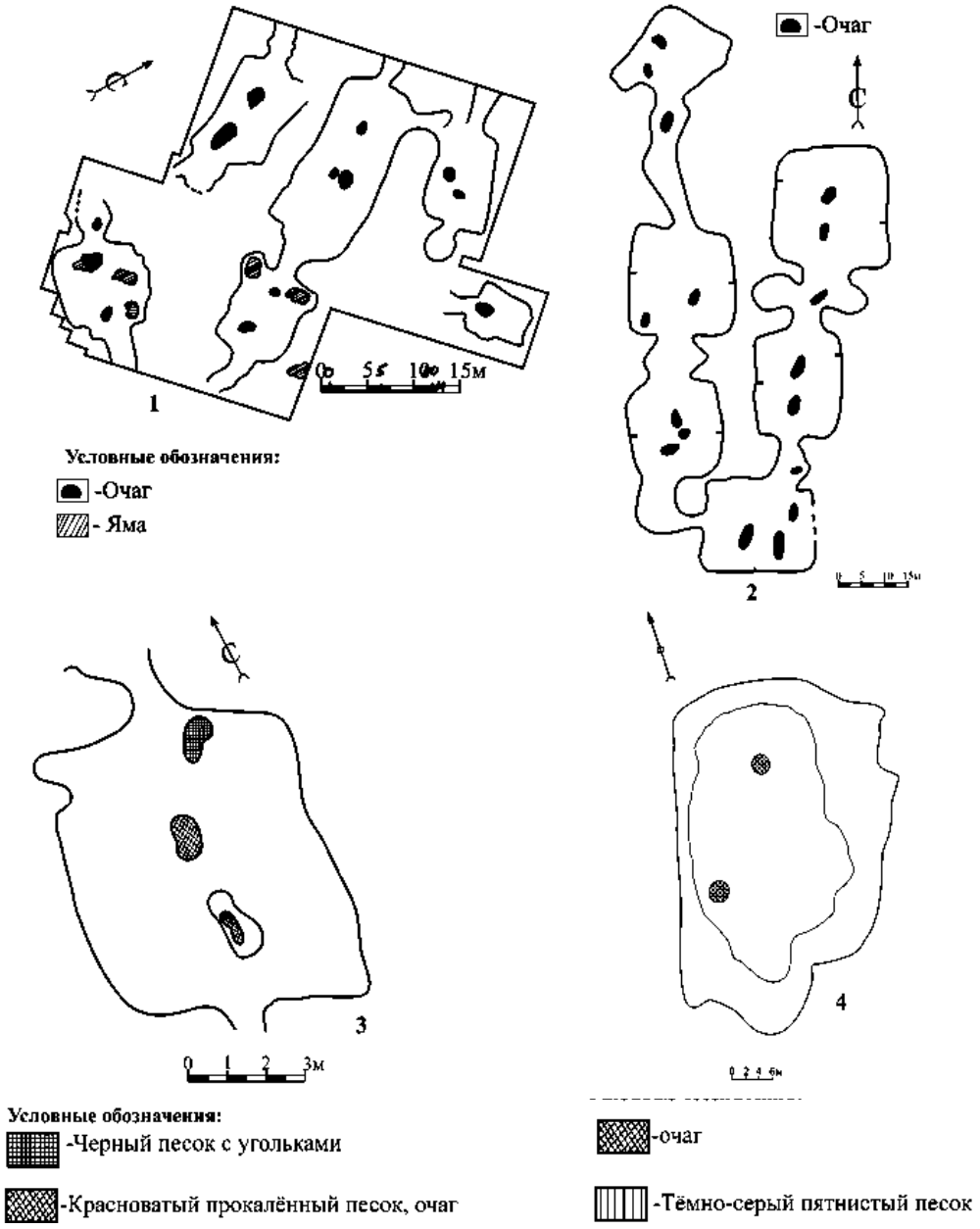


Рис. 2. Планировка жилищ гаринской культуры

наружу (Г-образный) или в обе стороны («грибовидный» или Т-образный) (рис. 3: 1–11). Данные формы венчиков свойственны для раннегаринской керамики. Реже отмечаются сосуды с округлыми венчиками, которые чуть тоньше стенок, число которых резко возрастает к концу гаринской эпохи.

В области орнаментации сосудов продолжают развиваться тенденции, зародившиеся на поздней стадии камского неолита: декорирование венчиков, разреженность орнаментальных зон, характер орнаментального декора, орнаментация. Для раннегаринских сосудов обычен высокий индекс орнаментации венчиков (60–80%). Их срез украшался косо поставленными отпечатками зубчатого штампа, а в некоторых случаях овальными короткими вдавлениями. На стенках сосудов декор обычно располагается зонами: горизонтальными, вертикальными, реже диагональными. Отдельные элементы орнамента свободно заполняли всю внешнюю поверхность сосудов. Иногда орнамент встречается и на внутренней стороне верхней части посуды.

Почти все сосуды (90%) орнаментировались гребенчатым штампом. Характерной чертой является применение в орнаментации сосудов короткого гребенчатого штампа с более крупными зубцами, чем в эпоху неолита. Средняя длина гребенчатого штампа у гаринских сосудов 1,5–5 см с числом зубцов 5–7. Встречается также широкий короткий гребенчатый штамп с 2–3 зубцами. Из-

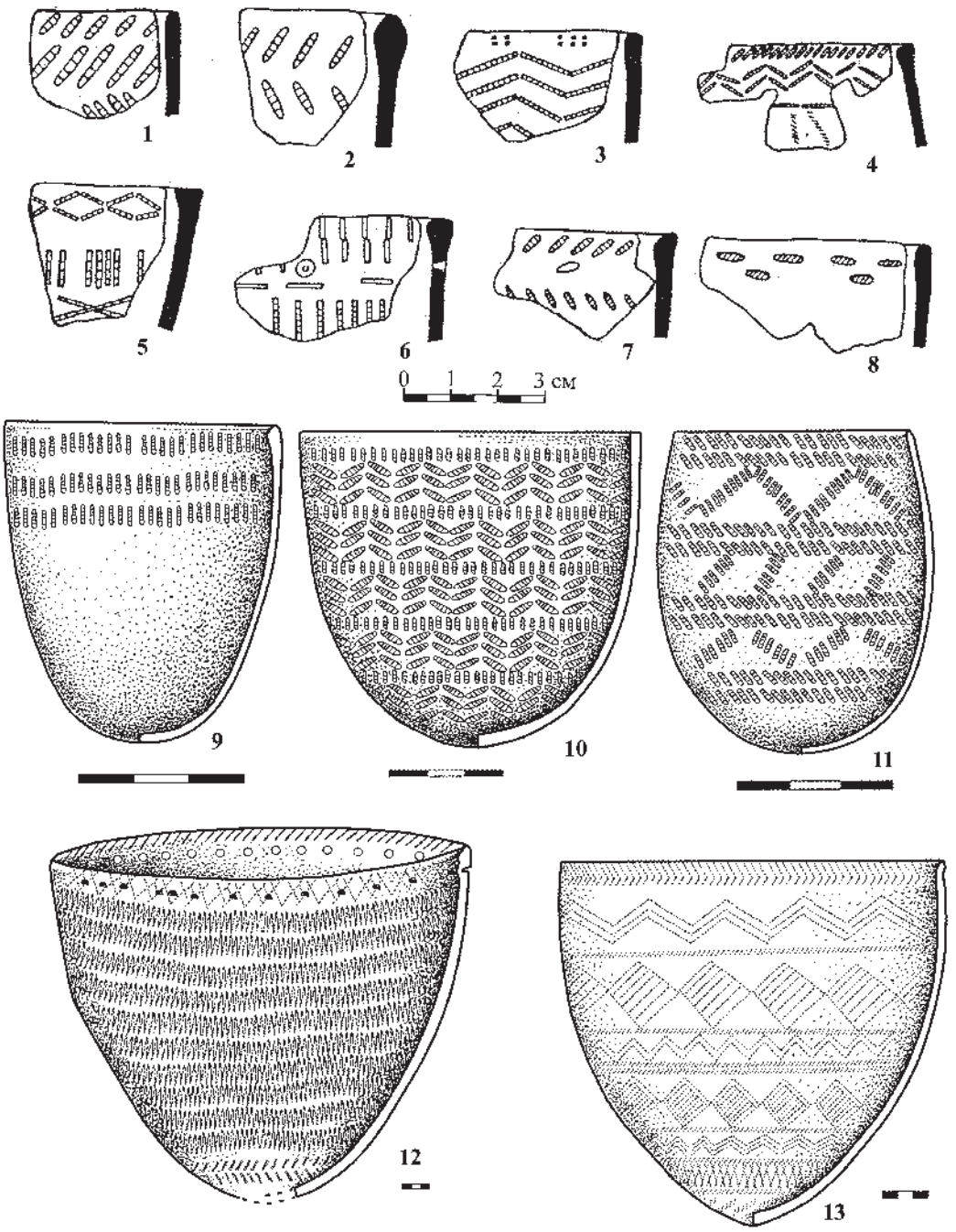


Рис. 3. Керамика раннего этапа гаринской культуры

любленным мотивом в декоре сосудов является композиция, состоящая из нескольких повторяющихся поясов косо поставленных отпечатков длинного (до 6 см) или короткого (1,5–2 см) зубчатого орнамента (рис. 3: 1, 3, 4, 8, 11). Наклон штампа может либо повторяться, либо меняться в противоположную сторону. Нередко между такими поясами есть соединительный элемент в виде короткого овального зубчатого отпечатка. Для раннегаринской посуды свойственен характерный для камского неолита декор в виде горизонтальных и вертикальных рядов «шагающей гребенки» (рис. 3: 13). В позднегаринское время данный вид узоров исчезает. Характерно, что «шагающая» гребенка более типична для декора гаринской посуды Верхнего Прикамья, чем для керамики осинской и удмуртской групп поселений Среднего Прикамья, где она встречена только в единичных случаях. Среди сложных элементов гребенчатых узоров отмечаются «ёлочка», ромбы, решётка, треугольники (рис. 3: 2, 6, 12, 14; 4: 3). Некоторые геометрические мотивы гаринской посуды напоминают узоры зауральской керамики аятско-липчинского круга, которая обнаружена в жилищах камского энеолитического населения (Базов Бор I, Бор I, Первомайское и др.). В качестве дополнительного

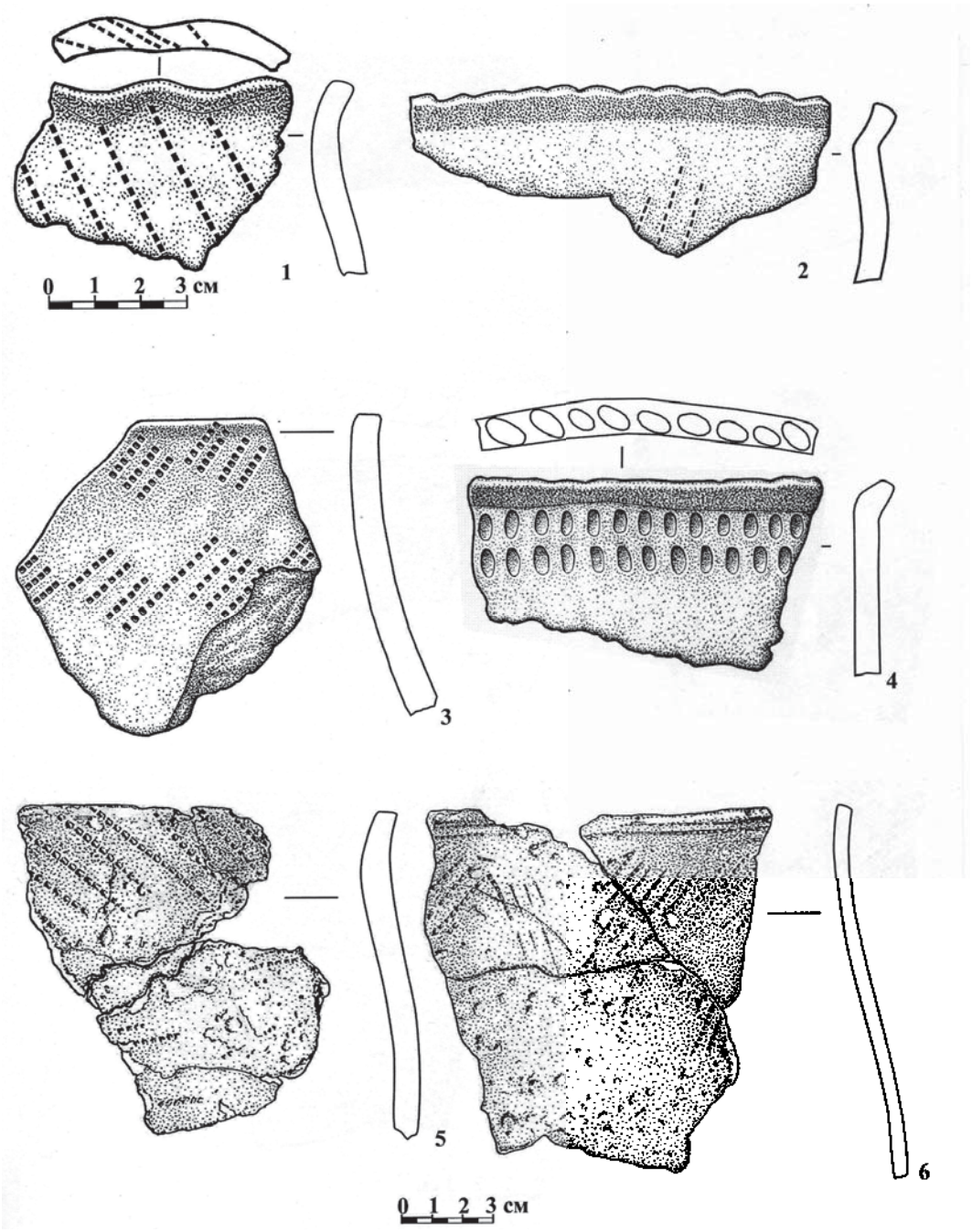


Рис. 4. Позднегаринская керамика
1–4 – Игимская стоянка; 5, 6 – поселение Большая Ока I

элемента на раннегаринских сосудах использован ямочный орнамент, который обычно располагается под срезом венчика, оставляя на внутренней стороне посуды овальные выпуклины-жемчужины (рис. 3: 13). Подобный декор в таёжном Прикамье возрождается только в постгаринское время на памятниках Заосиновско-Непряхинского культурного горизонта. Среди редких элементов декора на раннегаринской керамической таре, в основном Верхнего Прикамья, отмечаются различные гладкие узоры в виде ногтевидных насечек и разнообразных вдавлений, напоминающих наколы на неолитической волго-камской посуде.

Каменные орудия гаринской культуры изготовлялись на отщепах, сколах и плитках. Пластинчатая индустрия почти не свойственна для гаринских древностей. Она проявляется только к финалу гаринской культуры. В раннегаринское время для производства двусторонне обработанных изделий (ножи, наконечники стрел) использовался плитчатый кремень, который в последующем из-за недостатка его источников пополнения заменяется аллювиальным каменным сырьём в виде разноцветной уплощенной гальки. Кремнёвые орудия представлены разнообразным набором тщательно изготовленного охотничьего воо-

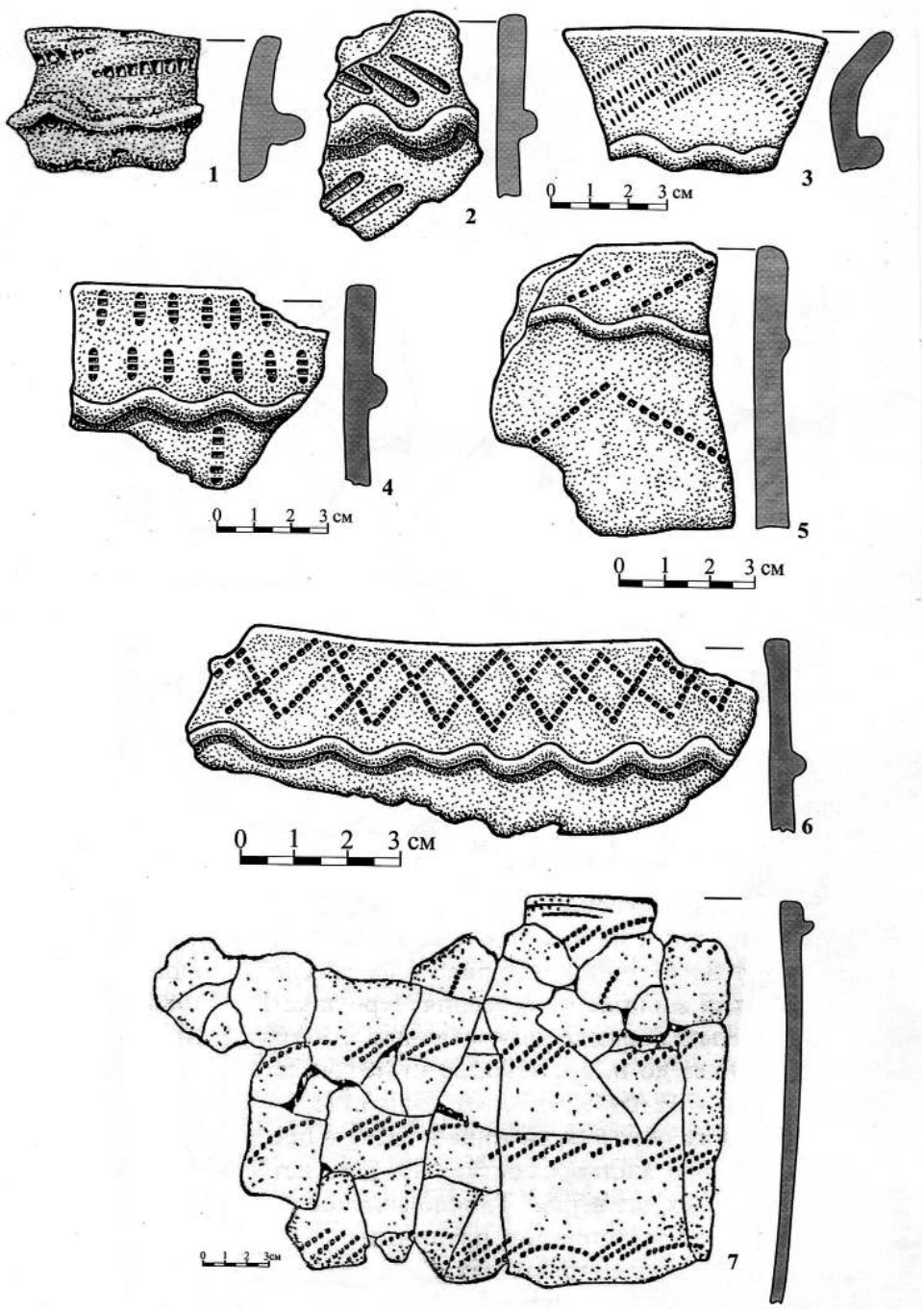


Рис. 5. Позднегаринская керамика
1 – поселение Большая Ока I; 2–6 – Игимская стоянка; 7 – Худяковское поселение

ружения (наконечники стрел и дротиков), которое нередко занимает ведущее положение в каменном инвентаре (рис. 7: 1–10; 8: 4, 5, 13, 14) и доминирует даже над количеством скребков (Бор I, Выстелишна, Бойцово VI и др.). Наконечники стрел характеризуются листовидными формами с приострённым основанием, исходящими ещё из неолитической эпохи, которые сочетаются с новыми разновидностями этих изделий с усеченной или выемчатой базой (рис. 7: 1, 3, 4, 8; 8: 13, 14), среди которых выделяются пятиугольные. В номенклатуре орудийного набора присутствуют различные виды скребков (рис. 7: 11–14), 8: 1), часто с вентральной подтёской, листовидные и изогнутые фигурные ножи (рис. 7: 18, 21–24, 26–28; 8: 7, 9, 16), иногда с оформлением в виде «пуговки» на рукояти (рис. 7: 21, 22, 26; 8: 16), разнообразные свёрла и проколки (рис. 8: 8, 10). Ярко представлены различные деревообрабатывающие орудия в виде шлифованных топоров, тёсел и долот (рис. 7: 15–17, 19, 25; 8: 2, 3, 11, 12, 15, 17, 18). Отмечаются каменные изделия: молоты с перехватами (рис. 7: 20), абразивные плиты из песчаника, отбойники и куранты. Обращают внимание мел-

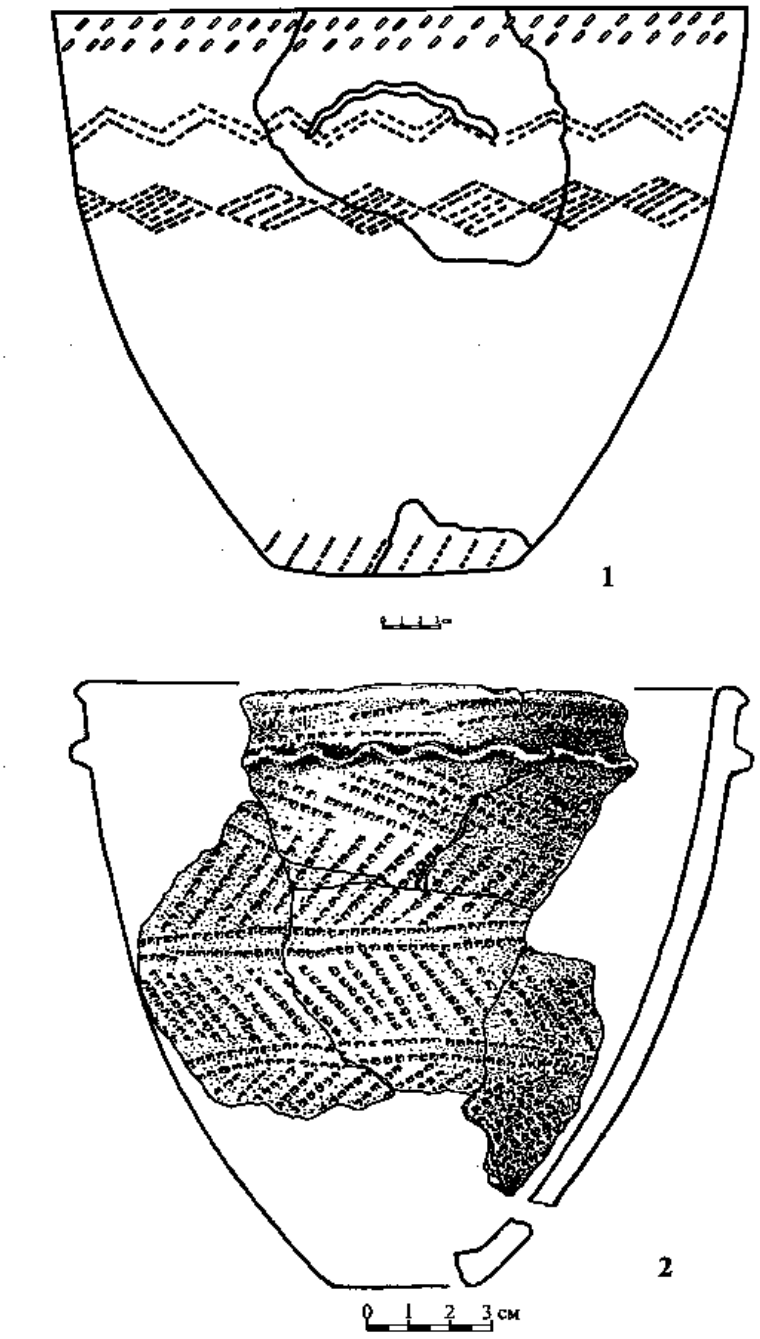


Рис. 6. Позднегаринская керамика: 1 – Игимская стоянка; 2 – поселение Большая Ока I

кие шлифованные орудия из сланцевого шифера: пилки, ножи, наконечники стрел, миниатюрные сланцевые тёсла и долота (рис. 8: 2–3, 11, 12). О существовании сетевого рыболовства свидетельствуют скопления каменных рыболовных грузил от сетей в прибрежных частях стоянок (Чашкинское озеро II и др.). Украшения состоят из овальных или округлых просверленных сланцевых подвесок (рис. 10). Крайне редки изделия из янтаря. Интерес представляют фигурные кремни: изображения птиц, животных, рыб и т. д. (рис. 9). В массиве кремневых фигурок антропоморфные изображения встречаются единично (рис. 9: 13).

Население гаринской культуры на базе камских медистых песчаников создало своеобразный очаг цветной металлургии (Кузьминых, Дегтярёва и др., 2013). Следы металлообработки отмечены почти на всех памятниках, среди которых наибольшее количество предметов из цветного металла обнаружено на поселениях Красное Плотбище, Бойцово VI, Старушка (Бадер, 1964, рис. 122). Выявлены медеплавильное сооружения (Красное Плотбище), фрагменты глиняных тиглей, литейных форм (Заосиновское I, Русско-Азибейское III пос.) (рис. 11: 13, 14), различные медные изделия: шилья (рис. 12: 1–9, 20), кольца (рис. 12: 10,

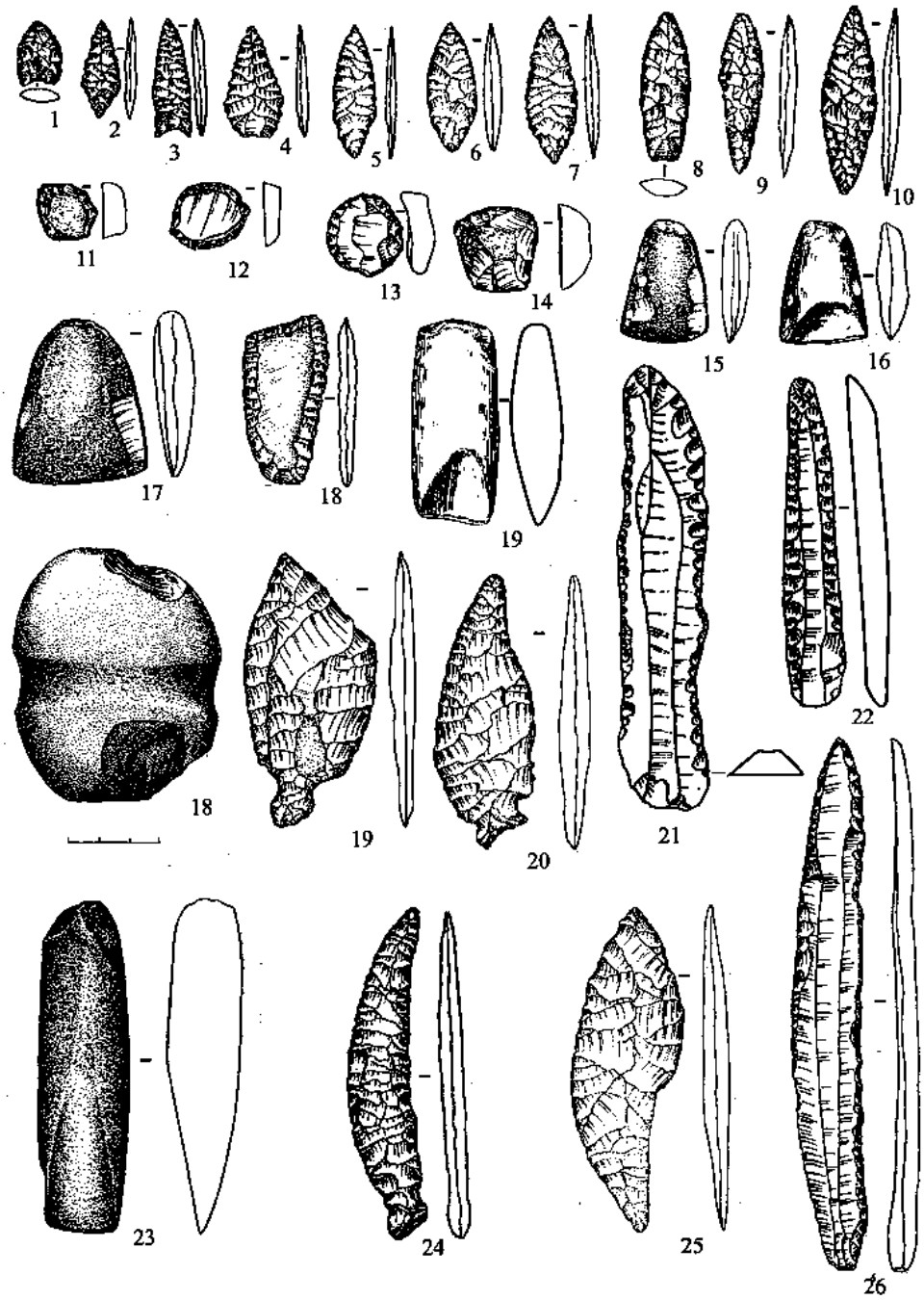


Рис. 7. Каменный инвентарь гаринской культуры

1, 4, 20 – поселение Выстилишна; 2, 3, 5–15, 17, 19, 21, 22, 25, 27, 28– поселение Бор I; 16 – Забойное поселение; 18, 26– поселение Астраханцевское; 23, 24 – Игимская стоянка

11, 14), крючки (рис. 12: 15), листовидные ножи (рис. 12: 16–18), подвески-лунницы (рис. 12: 12, 13, 22, 23) и копья (рис. 12: 24, 25). Среди ножей гаринской культуры примечателен нож с зооморфной рукоятью в виде головы лебедя, происходящий с Усть-Курьинского поселения (рис. 12: 21).

Для посуды позднегаринского периода (рис. 4–6), уходящего в эпоху бронзы (конец III – первая четверть II тыс. до н. э.), характерно, с одной стороны, резкое обеднение орнаментального декора, связанного с отсутствием сложных узоров, особенно в виде «шагающей гребёнки», и с доминированием разреженных рядов наклонного мелкозубчатого штампа (рис. 4), а с другой – появлением новых форм плоскодонных сосудов с открытой горловиной и отогнутым венчиком. Во всём ареале распространения позднегаринских памятников отмечено 13 местонахождений плоскодонных горшковидных сосудов с гофрированными венчиками, валиками, иногда с ушками по бокам (рис. 5–6) (поселения Поздеевское озеро II,

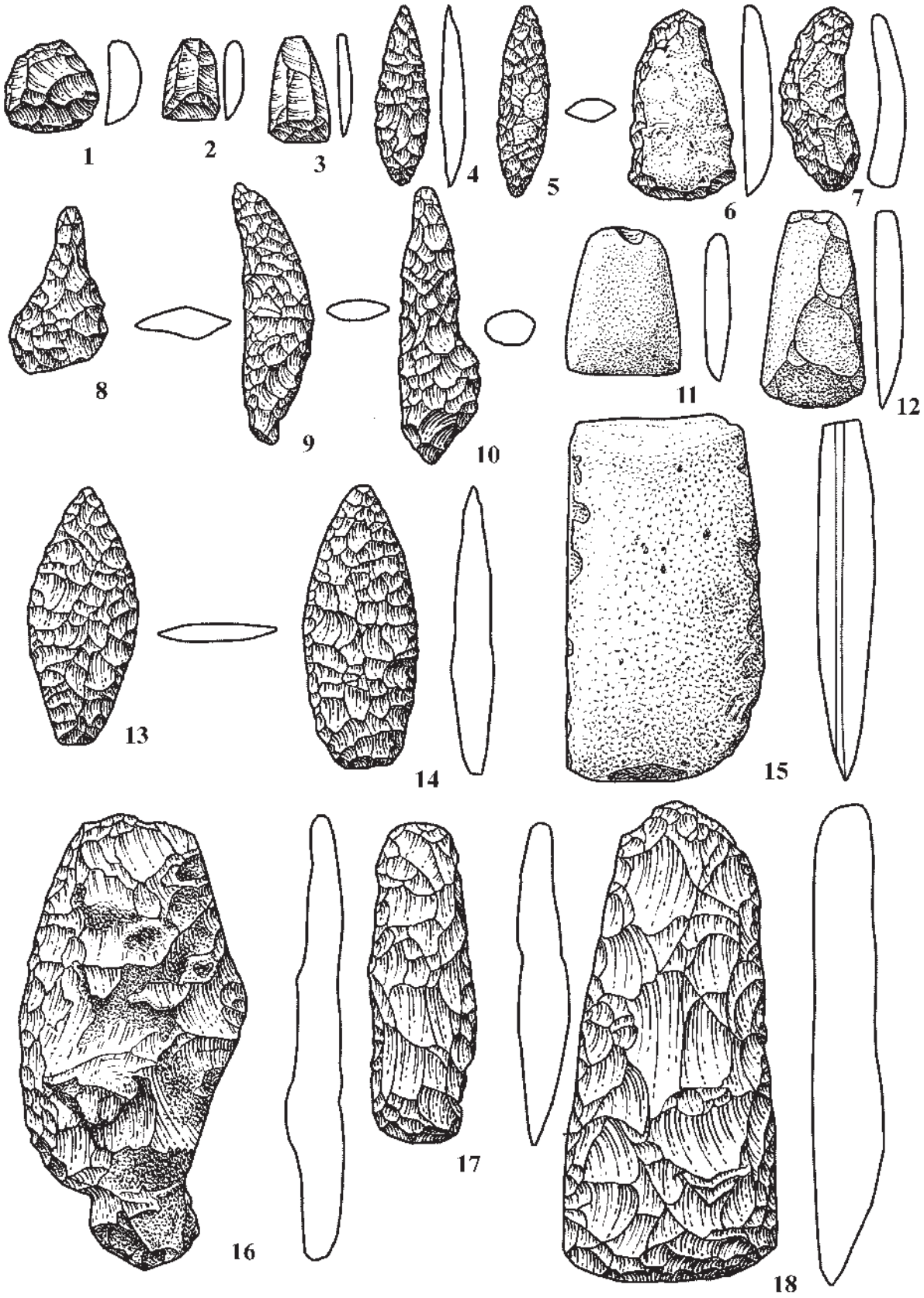


Рис. 8. Каменный инвентарь поселений (Нижнее Прикамье)

1 – Дубовогривская II стоянка; 2, 3, 8, 9, 12 – Русско-Азибейская III стоянка; 4, 14 – Каентубинская островная стоянка; 5, 6, 10, 17, 18 – стоянка Золотая падь II; 7, 11, 13, 15, 16 – Игимская стоянка

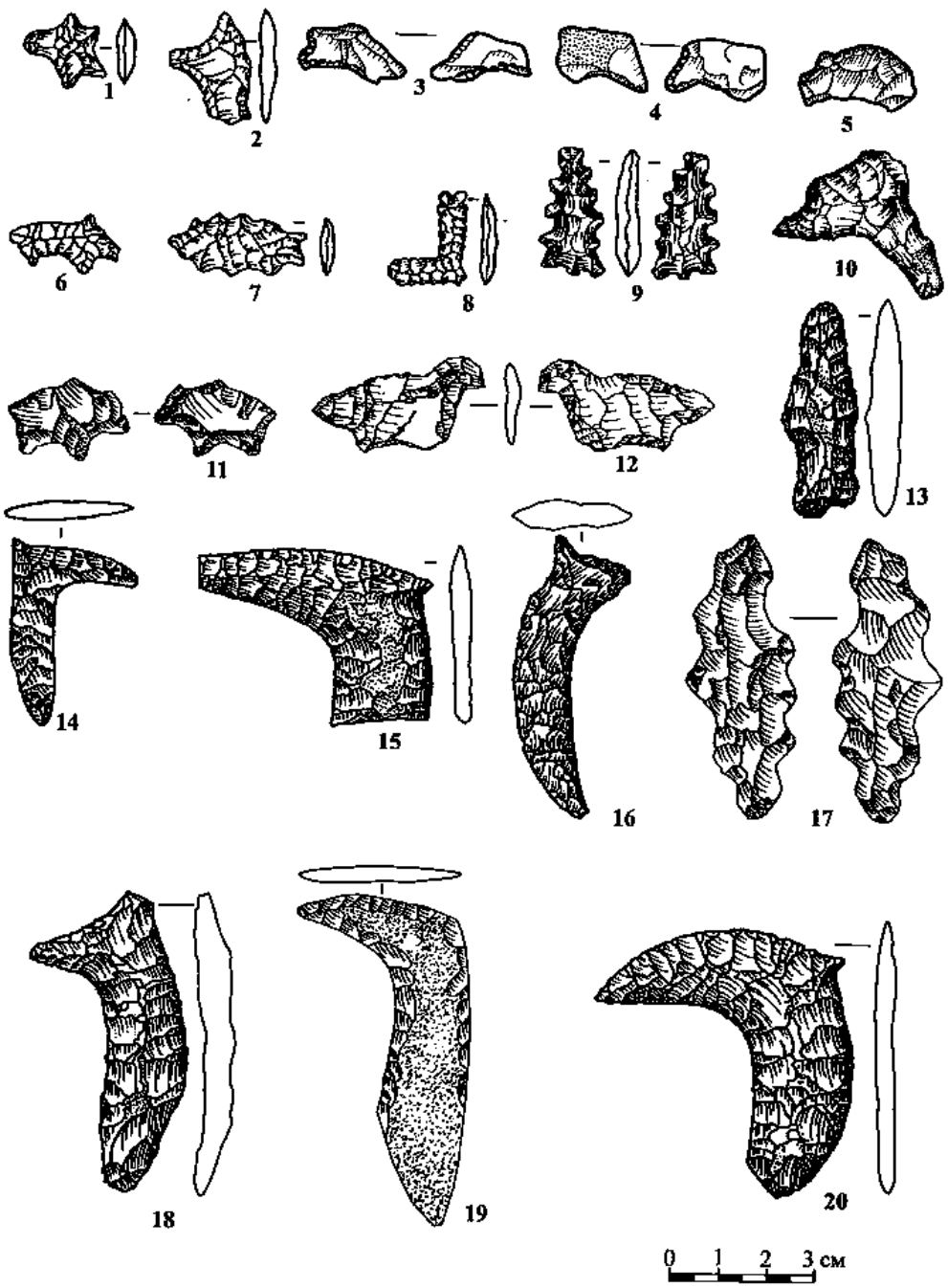


Рис. 9. Гаринская культура, кремневые фигурки

1, 2, 6, 8 – поселение Юртик; 3–5 – поселение Заюрчим I; 9 – поселение Выстелишна; 10 – поселение Астраханцевское; 11–15, 17–19 – Каентубинская островная стоянка; 16 – Игимская стоянка; 20 – Дубовогривская II стоянка

Заюрчим I, Камский бор II, Рычино III, Игимская I стоянка и др.). Появление керамики с гофрированными валиками и с однородной мелкозубчатой орнаментацией на поверхности в позднегаринских комплексах явно имеет взаимосвязь с формирующимися сейминско-турбинскими древностями региона. Это явление отражается в типологической близости керамики с гофрированными валиками Прикамья с западносибирской кротовской посудой (конец первой четверти II тыс. до н. э.). Появление валикового керамического пласта в ареале распространения гаринских древностей следует рассматривать, как и чирковские комплексы Марийского Поволжья, по мнению Б.С. Соловьева, в рамках формирования сейминско-турбинского феномена в таёжной полосе Восточной Европы (Соловьев, 2000, с. 98; Денисов, Мельничук и др., 2012). Именно в позднегаринское время наиболее активно проявляется действие собственного очага металлургии. Этот период характеризуется находками металлического вооружения (копий – Заюрчим I, Сауз I).

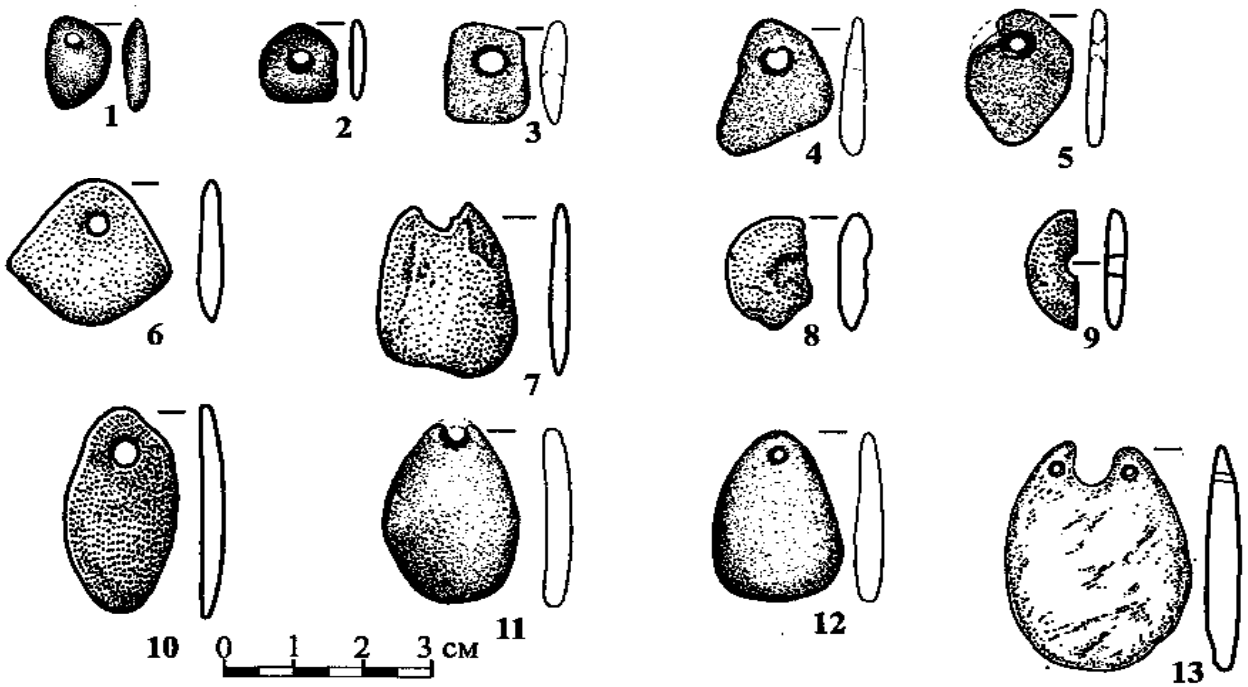


Рис. 10. Гаринская культура, каменные подвески

1–5, 11, 12 – поселение Бор I; 6, 10 – Игимская стоянка; 7 – стоянка Золотая Падь II; 8 – Русско-Азибейская I стоянка; 9 – Дубовогривская II стоянка; 13 – поселение Лобань I

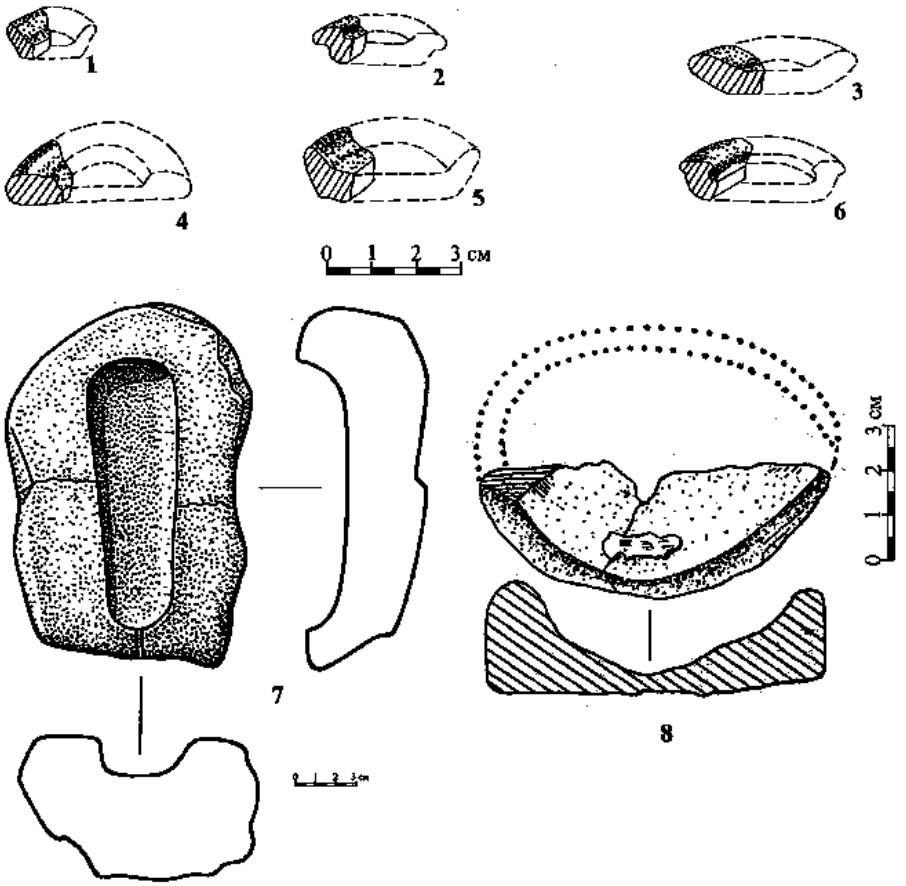


Рис. 11. Гаринская культура

1–6, 8 – тигли; 7 – литейная форма; 1, 3, 5, 7 – Русско-Азибейская III стоянка; 2–6 – Дубовогривская II стоянка; поселение Лобань I

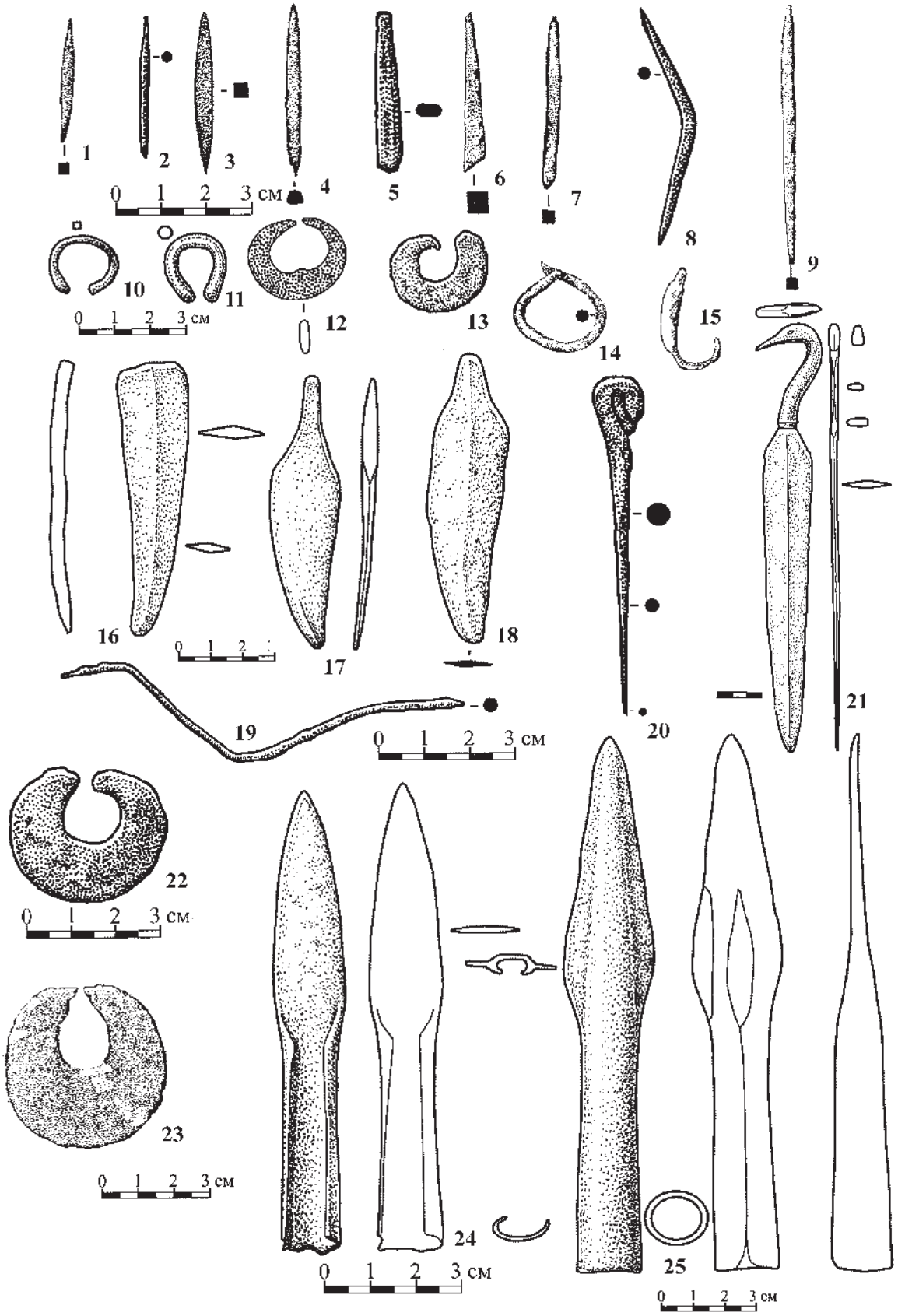


Рис. 12. Гаринская культура, предметы из меди

1, 4, 7, 14 – поселение Тюремка III; 2, 5, 8, 20 – Русско-Азибейская III стоянка; 9 – поселение Бор V; 10, 11, 17 – поселение Усть-Лудяна II; 12 – Усть-Пальское поселение, 13 – поселение Старушка; 15 – поселение Камский Бор II, 16 – поселение Лобань I; 18 – поселение Бор I; 19 – поселение Красное Плотбище; 21 – поселение Усть-Курья; 22 – Рысовское III поселение; 23 – поселение Выстелишна; 24 – поселение Сауз I; 25 – поселение Заюрчим I.

Наличие значительного числа крупных посёлков гаринской культуры, компактное их расположение позволяют говорить на гипотетическом уровне о серьёзных демографических процессах в Прикамье.

Хронологию гаринской культуры иллюстрируют радиоуглеродные датировки, полученные в последние десятилетия.

Ряд датировок характеризует временной период функционирования раннегаринских комплексов поселений Непряха IV (4420±50, ЛЕ-1877; калиб. дат. 3130–2910), Боровое Озеро II (4420±70, Ki-15079; калиб. дат. 3340–2900); Боровое Озеро III (4360±70, Ki-15080; калиб. дат. 3130–2870); Боровое Озеро IV (4120±80, Ki-15081; калиб. дат. 2890–2480) (Черных и др., 2011, с. 57–58). В целом ранние гаринские памятники следует относить к середине – концу III тыс. до н. э. Принимая во внимание калиброванные значения этих дат, формирование раннегаринских древностей можно предположительно довести до грани IV–III тыс. до н. э. Их хронология хорошо уточняется наличием зауральской талькированной посуды липчинского и аятских типов в прикамских энеолитических жилищах (Мельничук, 2009, с. 15–16). Липчинские комплексы Среднего Зауралья по радиоуглеродным данным определяются во временных пределах последней трети IV – середины III тыс. до н. э. С середины III по начало II тыс. до н. э. липчинская культурная традиция сменяется аятской (Шорин, 1999, с. 88–90; Чаиркина, 2005, с. 281–282, 284). Начало позднегаринского периода можно косвенно датировать по находкам медных лунниц, найденных на стоянках Выстелишна, Усть-Паль и Старушка, отдаленная аналогия которым отмечена в западносибирских датированных комплексах конца III тыс. до н. э. (Кокшаров, 2012, с. 32–34). Для его датировки логично привлечь радиоуглеродные данные поселения Юртик на Средней Вятке (3975±80; ТА–938; 3530±60, ТА–937), материалы которого, по мнению С.В. Ошибкиной, крайне близки гаринским комплексам поселения Красное Плотбище в Среднем Прикамье (Ошибкина, 1980, с. 57, 61). Близкие хронологические значения недавно получены Е.Л. Лычагиной при изучении позднегаринского сооружения на поселении Новоильинское III: 3560±80, LE-8897 (калиб. дат. 2020–1770 л. до н. э.); 3660±70 ГИН-14225 (калиб. дат. 2140–1920 л. до н. э.).

Финал гаринских древностей объективно хронологически устанавливается в пределах первой четверти II тыс. до н. э. по находкам изделий абашевской культуры в пределах жилищ (Красное Плотбище, Базов Бор, Старушка).

Носители гаринской культуры, расселившись на всей территории Прикамья, а также прилегающих территориях, занимались преимущественно охотничье-промысловой и собирательской деятельностью. Вместе с тем в среде носителей гаринской культуры появляются новые виды хозяйственной деятельности: к таковым следует отнести примитивную металлургию и металлообработку.

Гаринское население поддерживало активные культурные связи с древними энеолитическими аятскими и липчинскими общинами Зауралья. В финале гаринской культуры отмечаются непосредственные контакты с населением южных районов Волго-Камья, относящимся к абашевской и балановской культурным образованиям (Мельничук, 2013, с. 158). Гаринские общины, несмотря на огромные изменения в материальной культуре, вызванные влиянием степного мира Евразии (транскультурный сейминско-турбинский феномен), составили основное культурное ядро последующих культурных образований эпохи бронзы в Прикамье.

ГЛАВА 5
ИМЕРКСКАЯ КУЛЬТУРА

Имеркская культура была выделена в середине 1980-х годов после исследований А.А. Выборновым и В.П. Третьяковым поселения Имерка V, керамика которого обладала ярким своеобразием и не находила аналогов в материалах местных культур. Об энеолитическом возрасте памятника свидетельствовали находки меднолитейного производства (Третьяков, 1987, с. 119–135). Ранее имеркские материалы относились исследователями к волосовской культуре (Шитов, 1976). Впервые они были получены в 1926 г. Б.А. Куфтиным на стоянке Ибердус I, но не были введены в научный оборот (Сидоров, 2003, с. 179). С начала 1980-х годов памятники имеркской культуры в основном изучались на территории Примокшанья. В.И. Вихляевым были исследованы стоянки Машкино VI, X (Вихляев, Ставицкий, 2007), А.А. Выборновым, В.П. Третьяковым – Новый Усад IV, Имерка VI (Выборнов, Третьяков, 1984; 1986; Королев, Третьяков, 1991), В.В. Ставицким – Скачки, Новый Усад IV, Большой Колояр (Ставицкий, 1992а, 1992б), А.И. Королевым – Имерка VIII (Королев, 1987), В.В. Ставицким, А.И. Королевым – Волгапино и Широмасово II (Ставицкий, 1998; Королев, Ставицкий, 1998; 2009), В.П. Челяповым – поселение Лебяжий Бор VI (Челяпов, Ставицкий, 1998; 2009). Кроме того, коллекция имеркской керамики была получена В.В. Ставицким на Верхней Суре на поселении Грабово I (Ставицкий, 1995). Материалы исследований были обобщены в ряде статей (Королев, 1998; 1999а; Ставицкий, 2000; Челяпов, Ставицкий, 1997), двух монографиях В.П. Третьякова (1990а, б), диссертациях А.И. Королева (1999б) и В.В. Ставицкого (2006), совместной монографии А.И. Королева и В.В. Ставицкого (2006). Окончательные итоги были подведены в монографии «Археология Мордовского края» (2008).

Первоначально по почве из нижней части культурного слоя поселения Имерка V были получены две ранние радиоуглеродные даты ЛЕ-2159 – 4940±40 л. н. и ЛЕ-2160 – 5050±40 л. н. (Третьяков, 1990б, с. 149), которые контрастировали с развитым обликом меднолитейной индустрии, свидетельствуя о хронологическом приоритете имеркских древностей над культурами местного энеолита. Однако вскоре на поселениях Широмасово II и Волгапино были получены стратиграфические данные, согласно которым имеркская культура заняла в регионе более позднюю хронологическую позицию нежели волосовская (Ставицкий, 1998; Королев, Ставицкий, 1998), что нашло подтверждение в радиоуглеродных определениях материалов Волгапинского поселения 3550±120 л. н. (ГИН 9417), 3750±70 л. н. (ГИН 9418) (Королев, 1999). Долгое время исследователи не могли прийти к единому мнению по вопросам происхождения имеркской культуры. В.П. Третьяков считал данную культуру местной, а волосовскую пришлой (Третьяков, 1990а). В.В. Ставицким было выдвинуто предположение о сложении имеркских древностей на основе волосовских (Ставицкий, 1992б), А.И. Королев первоначально связывал их происхождение с памятниками дронихинского типа (Королев, 1999б). В.В. Сидоровым была высказана точка зрения о генетической связи имеркских древностей с днепро-донецкими (восточно-полесскими) памятниками (Сидоров, 2003, с. 188).

Основной ареал распространения имеркской культуры связан с бассейном р. Мокши, где её памятники наиболее хорошо изучены. Ряд имеркских поселений известен на р. Оке (Ибердус I, Панфилово), и, вероятно, их значительно больше, однако данные материалы опубликованы крайне фрагментарно или не опубликованы вовсе, что делает невозможным определение их культурного статуса[1]. В незначительном количестве имеркские материалы зафиксированы на Верхней Суре, куда они, вероятно, попали в результате контактов с местным энеолитическим населением (рис. 1).

На территории Примокшанья большая часть поселений имеркской культуры приурочена к тем же самым местам, что и волосовские стоянки, которые расположены на пойменных песчаных дюнах, реже мысовидных выступах первой надпойменной террасы. Для имеркских памятников характерны мощные культурные слои, обильно

[1] На одной из Тверских конференций А.В. Энговатовой были представлены материалы имеркской стоянки с поселения Ивановское IV из Ярославского Поволжья, которые до сих пор не опубликованы.

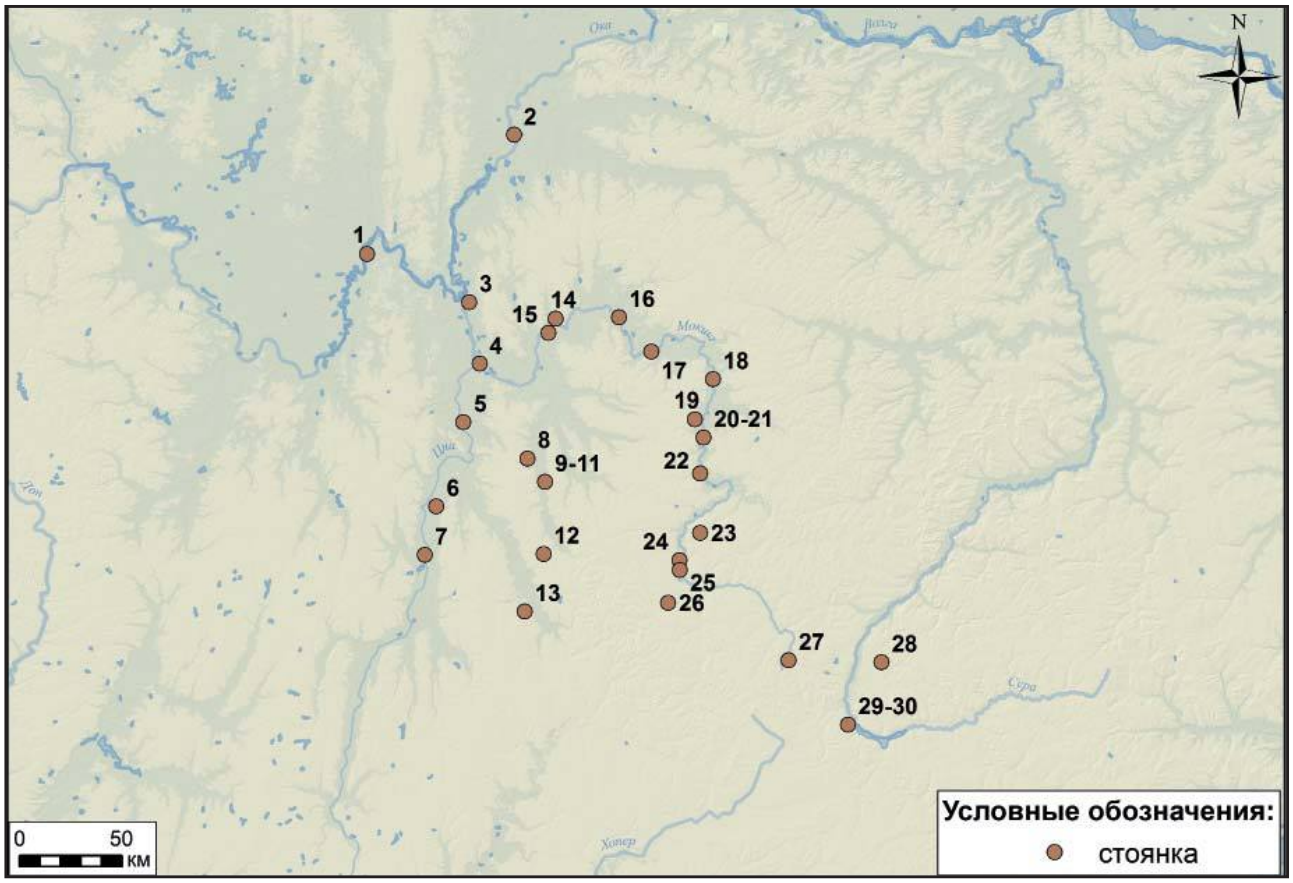


Рис. 1. Памятники имеркской культуры

1 – Ибердус I; 2 – Панфилово; 3 – Лебяжий Бор VI; 4 – Мыс Доброй Надежды; 5 – Сорга; 6 – Засичное I; 7 – Цигуров Бугор; 8 – Киселевка; 9–11 – Имерка V, VI, VIII; 12 – Ширингуши; 13 – Земетчино; 14 – Широмасово II; 15 – Широмасово I; 16 – Нижний Сатис; 17 – Алкаево; 18 – Клюквенный 4; 19 – Новый Усад IV; 20–21 – Машкино VI, X; 22 – Волгапино; 23 – Азарапино; 24 – Озименки I; 25 – Потодеево; 26 – Большой Колояр; 27 – Скачки; 28 – Екатериновка; 29–30 – Грабово I, III

насыщенные находками керамики и кремневых орудий, на ряде памятников также присутствуют следы металлообработки. Вместе с тем известны и стоянки кратковременного характера, среди которых наиболее полно исследованы Машкино VI, X и Большой Колояр.

Количество жилищ, изученных раскопками на имеркских поселениях, невелико. Два жилища исследовано на поселении Новый Усад IV. Две постройки и фрагмент третьего были вскрыты на поселении Имерка V (рис. 2). Фрагменты жилищ известны с поселений Волгапино и Широмасово II. Имеркские поселки возникали на тех же песчаных дюнах и мысах террас, где прежде располагались волосовские. Время между исчезновением прежнего и появлением нового населения могло быть достаточно коротким. Так, на поселении Имерка VIII имеркские материалы располагаются в верхнем слое, вместе с волосовскими. Более продолжительный перерыв фиксируется на поселениях Широмасово II и Волгапино, где между волосовским и имеркским слоями успел отложиться слой, не содержащий находок.

Возможно, новое население использовало западины от предыдущих построек, расчищало и расширяло их под котлованы своих жилищ. Такая ситуация была отмечена при раскопках Имерки V, Волгапино, Широмасово II. Глубина котлованов варьируется от 20 см – жилища верхнего слоя Имерки V, до 60 см – на Широмасово II. При расчистке котлованов на этих поселениях заполнение предыдущей постройки не выбиралось до материка. Видимо, строительство глубоких котлованов под жилище имеркским населением не практиковалось. Постройки могли иметь четко выраженные углы, как на Имерке V (верхний слой) или Широмасово II, так и закругленные – нижний слой Имерки V. Каких-либо следов деревянных конструкций исследователями не зафиксировано.

Жилища различаются по своим пропорциям. На поселении Имерка V они характеризуются подквадратными очертаниями (рис. 2). Площадь первого жилища составила около 42 кв. м, второе жилище вскрыто не до конца, площадь третьего около 40 кв. м. В пределах третьего жилища от-

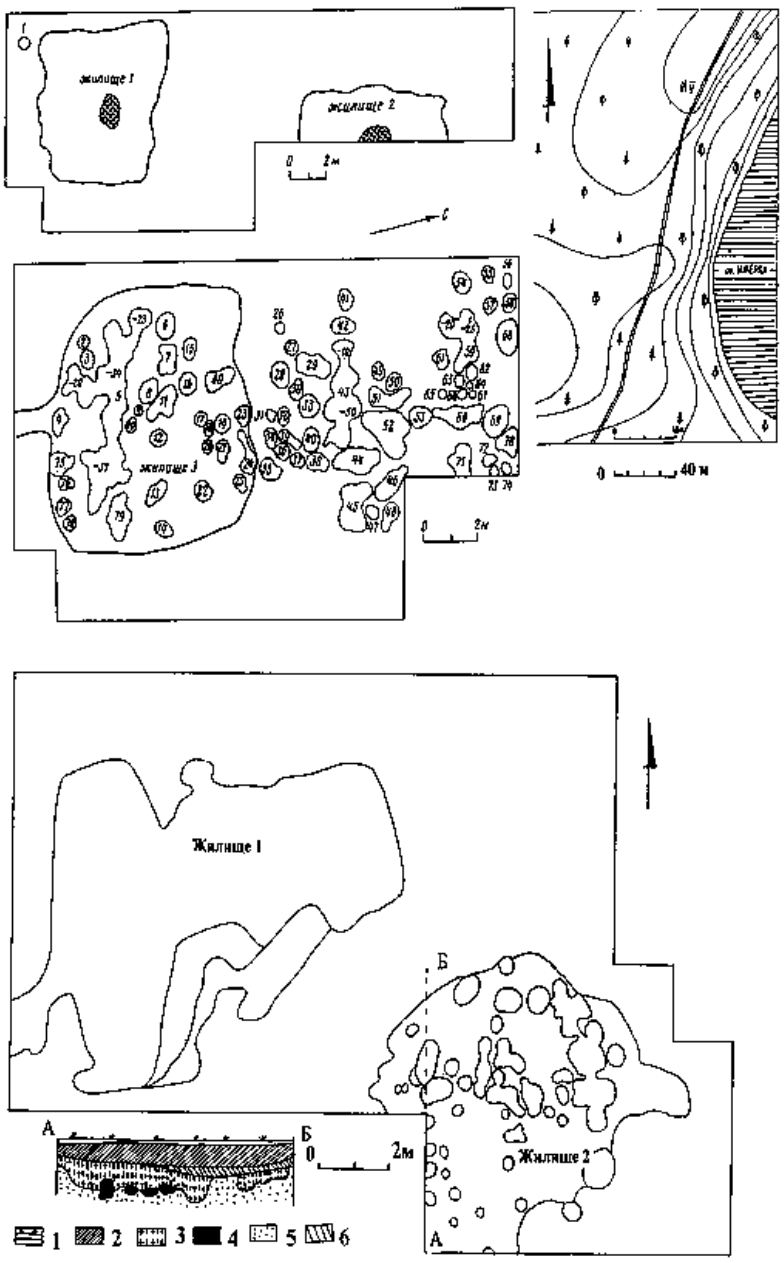


Рис. 2. План жилищных сооружений на поселении Имерка 5 и Новый Усад IV
1 – дерн, 2 – темно-серая супесь, 3 – золистая супесь, 4 – зола, 5 – материковый слой, 6 – светло-серая супесь

мечено 30 ям, но их функциональная принадлежность неясна (Третьяков 1987, с. 120, 130).

К другому типу относится первое жилище поселения Новый Усад IV. Оно состоит из двух отсеков, соединенных широким переходом. Ближний к выходу отсек, площадью около 44 кв. м, сориентирован по оси север – юг, дальний, площадью около 36 кв. м, по оси запад – восток. В основании котлована выделяются небольшие ямки до 30 см в диаметре, которые могли быть столбовыми. Цепочка из четырех ям, зафиксированная в районе перехода-проема, вероятно, связана с перегородкой, сужающей этот проем. Вдоль южного и северо-западного бортов жилища фиксируются широкие и довольно ровные выступы-ступени материкового песка. Аналогичные ступени, вероятно, служившие земляными нарами, имеются и во втором недовскрытом жилище. У первой постройки выход широкий, в виде тамбура, у второй слегка заужен. Расширение выхода тамбуром отмечено и на поселении Волгапино. В обеих постройках отсутствуют отчетливо выраженные очаги. Возможно, в качестве таковых использовались крупные ямы, заполненные углисто-черным песком. Пять таких

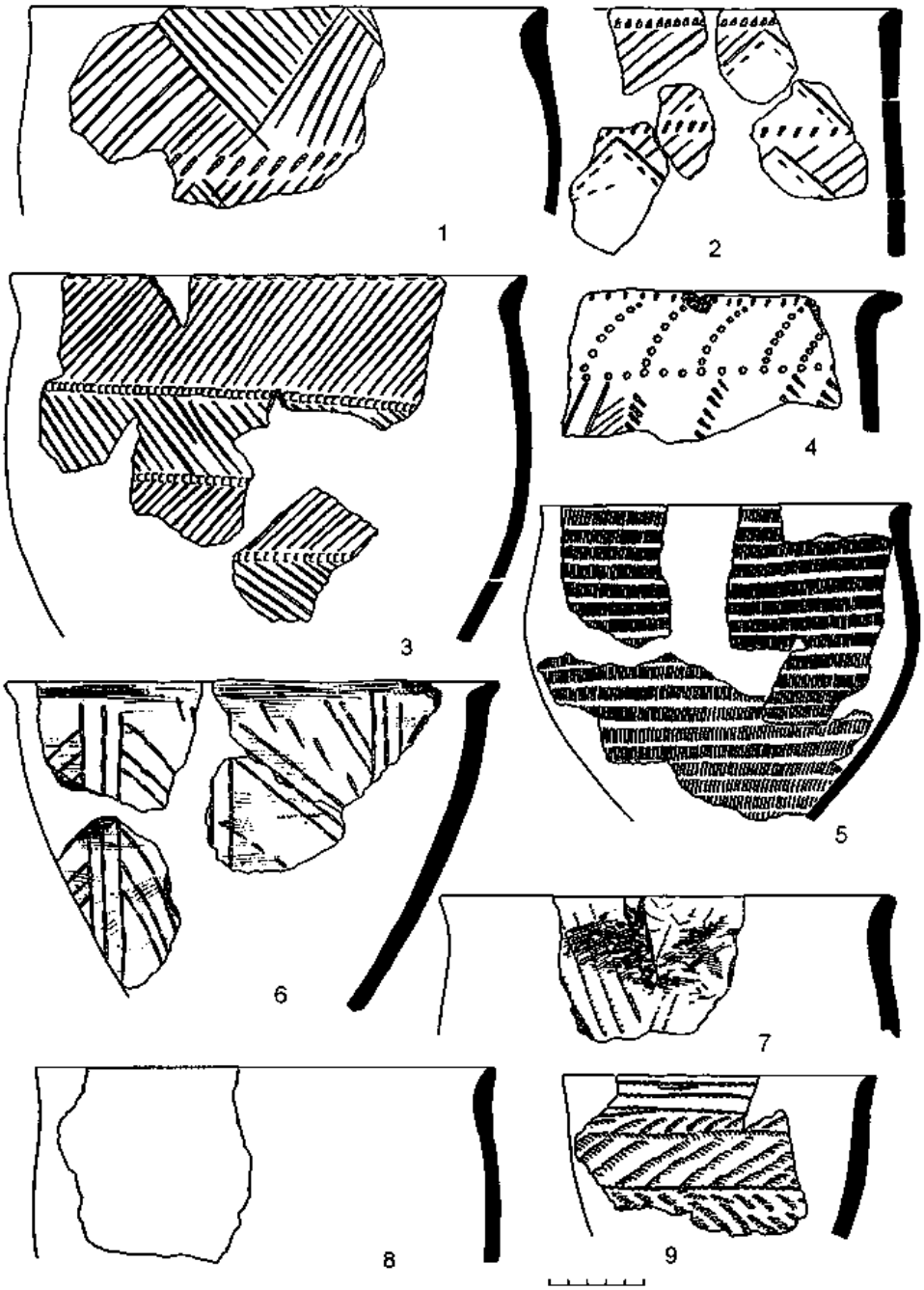


Рис. 3. Керамика поселения Волгапино

ям обнаружено в дальнем от выхода отсеке первого жилища.

Малоинформативны остатки имеркской постройки на поселении Волгапино. Достоверными являются лишь контуры ее северной части и связанные с ними ямы, а также очаги с имеркской керамикой и обломками льячек, устроенные выше волосовского уровня заполнения. Таким образом, целостная реконструкция имеркских жилищ по имеющимся на сегодняшний день данным не представляется возможной.

Керамика (рис. 3–6). При изготовлении керамики использовалось среднепластичное глинистое сырье, содержащее охристые включения и оолиты, к которому добавлялась пластичная органика (птичий помет?), обычно в соотношении 1:3, и птичий пух. Керамика плотная, достаточно прочная, изготовленная методом лоскутного налепа. Возможно, существовала комбинированная спирально-лоскутная техника, отмечены следы выбивания. Поверхность сосудов обрабатывалась изнутри и снаружи мягким предметом. Внешняя поверхность некоторых сосудов заглажена гладким твердым предметом, возможно, галькой.

На внутренней стороне венчика у большинства сосудов имеется в различной степени выражен-

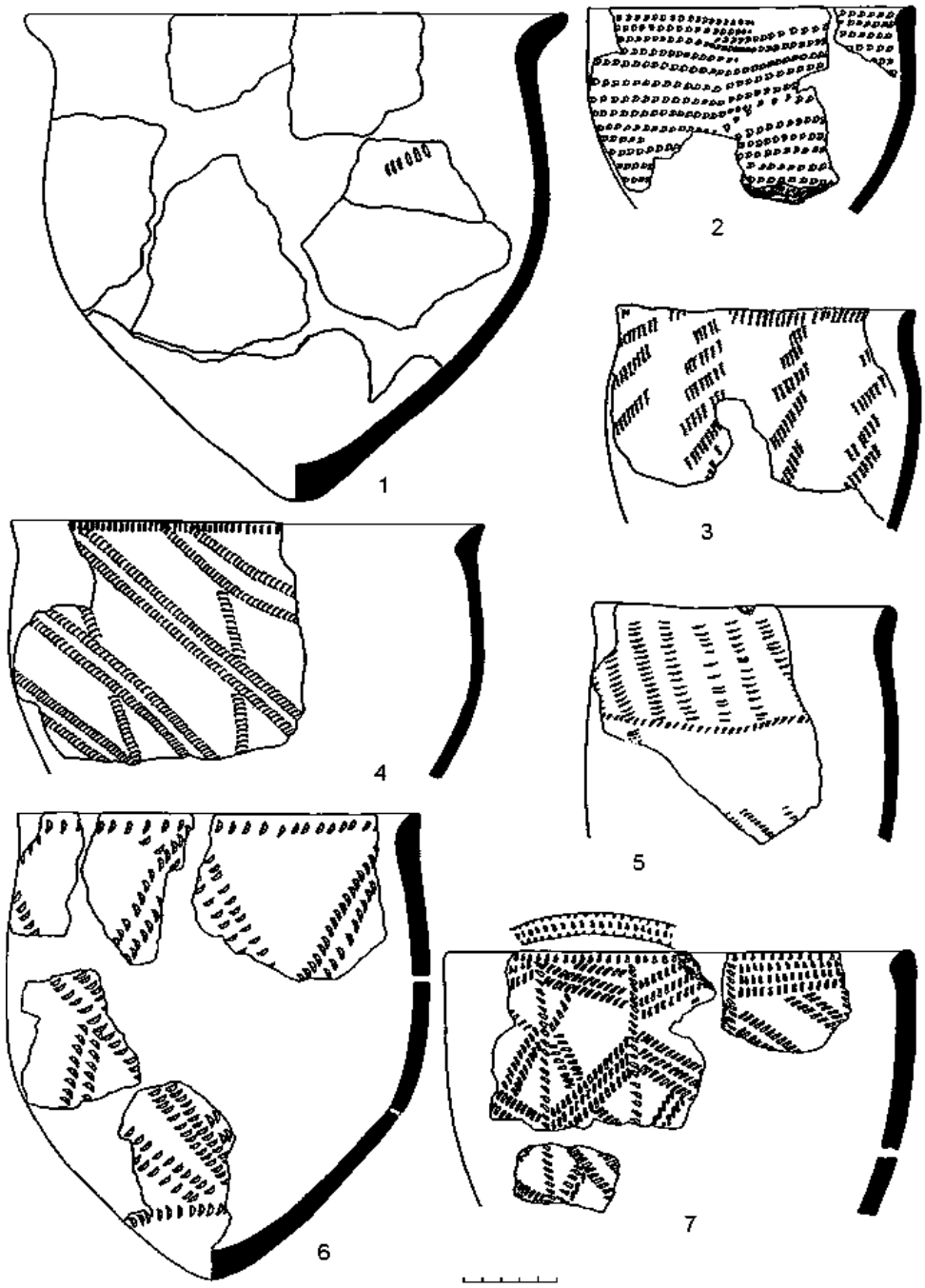


Рис. 4. Керамика поселения Волгапино

ный наплыв, сформированный с помощью подлепа ленты. Преобладают приостренные днища (77–80%), встречаются также округлые, плоские и слабо вогнутые. Большая часть приостренных днищ имеет шиповидное завершение. Крупные сосуды имеют диаметр горла 40–50 см, а небольшие – 10–20 см, но тех и других немного. Преобладают средние сосуды с диаметром горла 20–30 см.

Керамика достаточно плотно украшалась. На поселениях Имерка V, VI, VIII, Новый Усад IV, Волгапино не имеет орнамента только 1,5–8,5% сосудов. На памятниках Большой Колояр, Машкино VI, X, Скачки орнамент отсутствует на 35–52% посуды. Часть сосудов полностью лишена рисунка, другие имели значительные неорнаментированные зоны. На большинстве сосудов орнамент располагался по всей внешней поверхности, включая днище. Бордюрная зона под венчиком сосуда нередко выделялась пояском наколов или оттисков зубчатого штампа. Крайне редко украшались внутренние стенки венчика.

Наиболее употребительными были прочерченные линии (50–68%). Только на посуде стоянок Большой Колояр и Скачки, где много неорнаментированной посуды, их удельный вес менее зна-

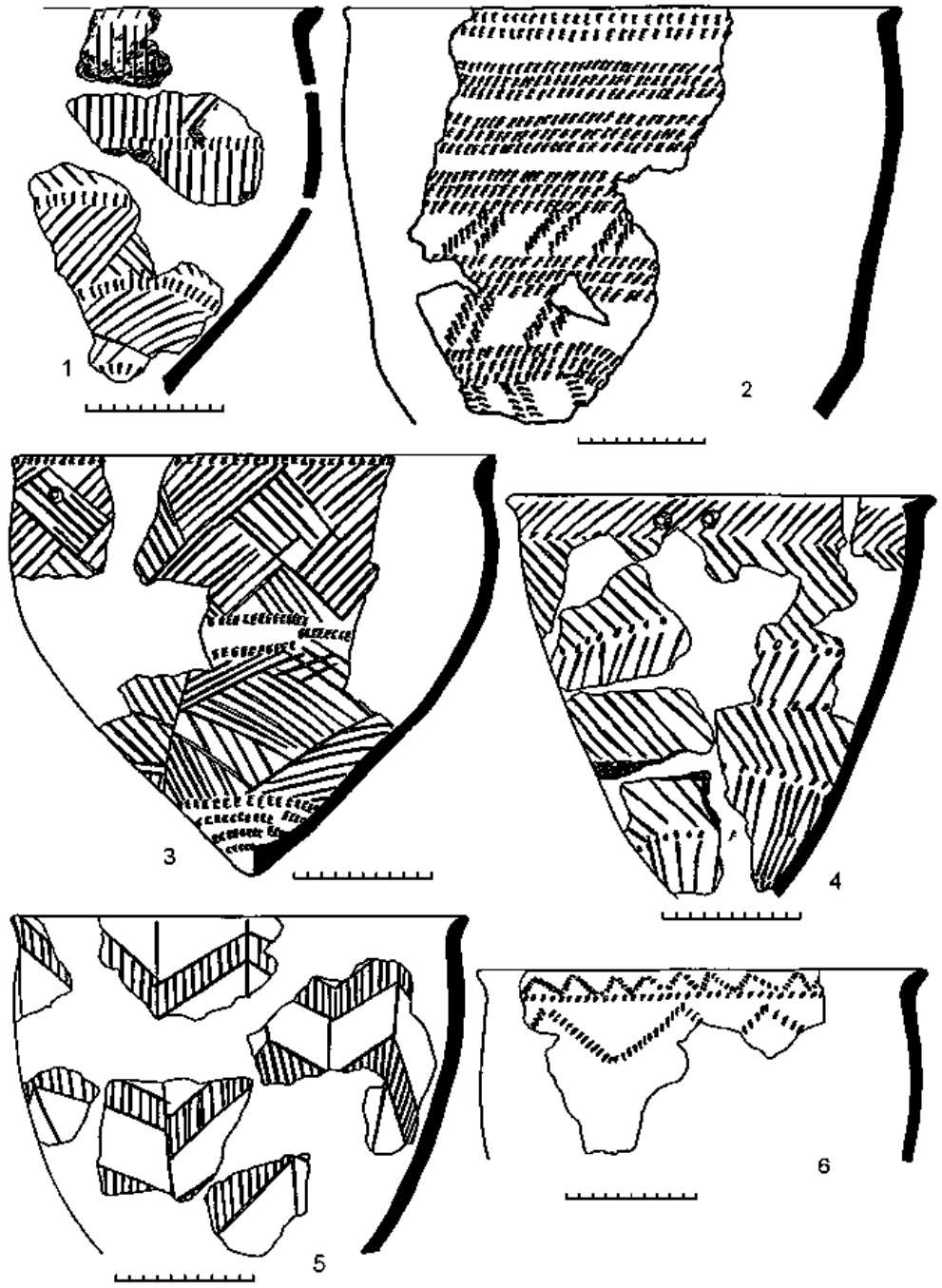


Рис. 5. Керамика поселения Волгапино

чителен (25–35%). Техника прочерчивания стандартная и четкая, линии прямые и достаточно глубокие. Широкие прочерченные зоны обычно разделялись поясками частых отступающих оттисков зубчатого штампа или наколов.

Доля накольчатого орнамента колеблется от 7% (Скачки) до 31,5% (Имерка VIII, Лебяжий Бор VI). Наколы небольшого размера: полукруглые, скобковидные, овальные, треугольные, квадратные, в виде узких насечек и оттисков щепки с неровными краями. Несколько реже используются оттиски зубчатого штампа: от 5,5% на Имерке VIII до 22% на Имерке VI. Оттиски выполнялись преимущественно короткими, прямыми или изогнутыми штампами с мелкими частыми зубцами. Значительно реже использовались длинные и средние штампы. Эпизодически представлены оттиски тонкой веревочки, иногда накрученной на жесткую основу. Их нет на керамике Имерки VI и VIII. На других памятниках они составляют от 0,5 до 3% (Скачки), и только на поселении Лебяжий Бор VI их количество достигает 15%.

Наиболее распространенными мотивами являются: горизонтальные ряды из наклонно прочерченных линий; «паркетный» орнамент; зоны горизонтальных рядов наклонно прочерченных

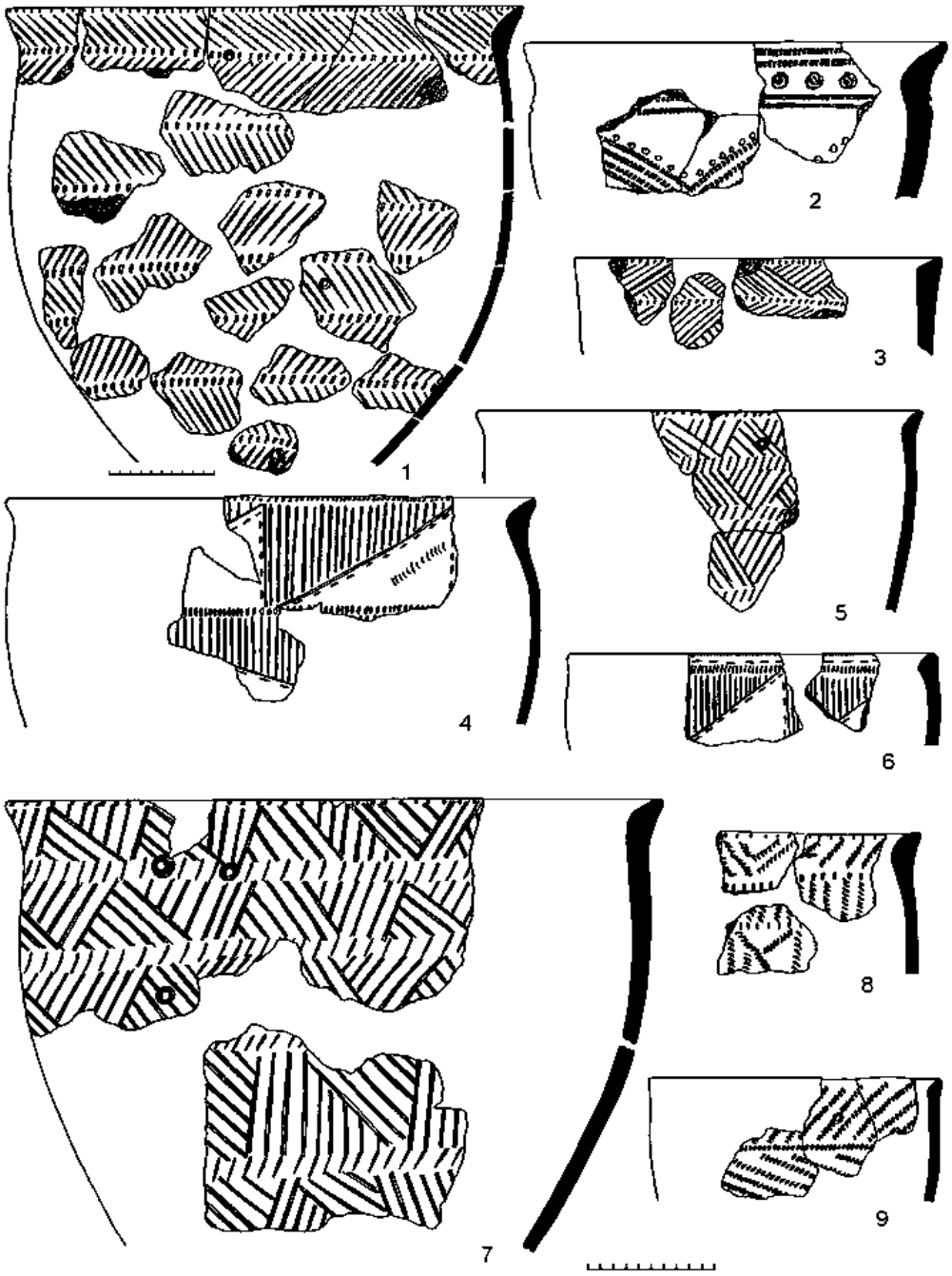


Рис. 6. Керамика поселения Имерка VIII

линий, разделенных поясками штампа; заштрихованные треугольники; горизонтальные и вертикальные зигзаги; ряды вертикальных прочерков; косая сетка; елочка со стеблем в вертикальном исполнении. Среди мотивов, выполненных в накольчатой и зубчатой технике, преобладают частые и разреженные горизонтальные пояски прямо или наклонно поставленных оттисков, диагональные и вертикальные ряды, заполненные треугольники, паркетный рисунок.

Для определения степени внутреннего единства имеркских памятников А.И. Королевым были проведены подсчеты коэффициентов родственности: по формам днищ, венчиков, элементам и мотивам орнамента. В итоге было установлено, что керамику поселений Имерка V, VIII, Новый Усад IV, Волгапино, объединяет высокий ИР – от 79 до 88%, значение которого несколько меньше для керамики поселений Широмасово II, Имерка VI, Большой Колояр, Скачки – от 51 до 86% (в среднем 66%).

Каменный инвентарь (рис. 7; 8). Представление о характерном комплексе имеркских орудий можно составить по материалам поселений, в которых преобладает керамика данной культуры: Имерка V, Новый Усад IV, Большой Колояр, Маш-

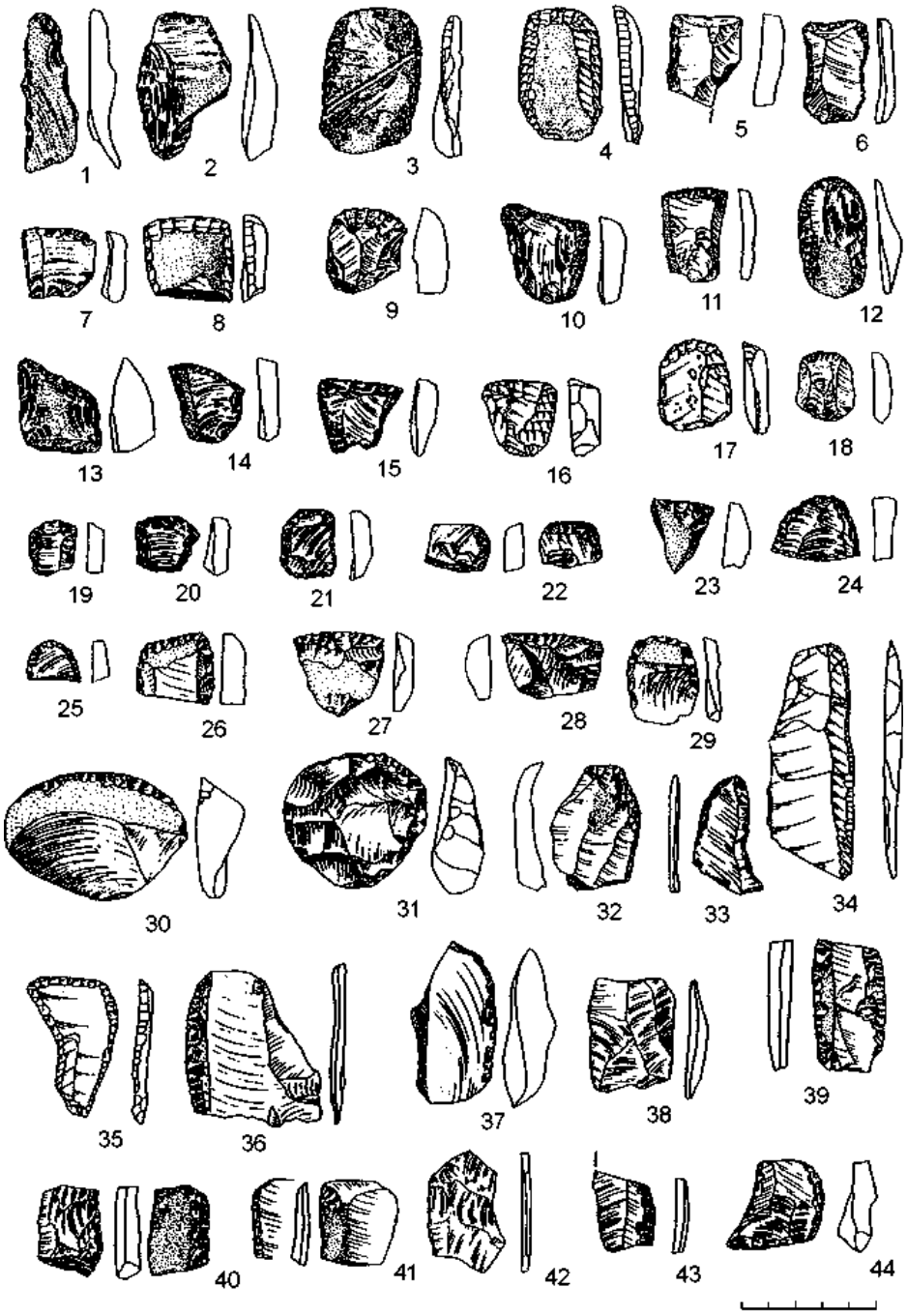


Рис. 7. Кремневый инвентарь поселения Новый Усад IV

кино VI и X. Наиболее представительной категорией орудий на имеркских поселениях являются скребки, многие из которых повторяют волосовские формы: подквадратные, подпрямоугольные, подтреугольные, трапециевидные, овальные, округлые и др. Однако они представлены здесь меньшим количество выразительных типов, редки тщательно обработанные изделия, больше аморфных орудий. Скобели невыразительны и различаются только по ширине рабочей выемки.

Многочисленными изделиями представлены ножи, среди которых преобладают односторонние формы с прямым или с округлым лезвием. Реже встречаются треугольные ножи со сходящимися лезвиями; обушковые орудия с выступающим узким лезвием; ножи с дублированными лезвиями; ножи подовальной формы с лезвием, отретушированным по периметру, единичны ножи «ложкари». Не являются распространенными орудиями резцы и резчики. Резцовый скол наносился на отщепы, обломки орудий, изредка на край ножа или скребка, придавая им дополнительную функцию. Перфораторы подразделяются на сверла, проколки, развертки. Сверла представлены симметричными орудиями с «плечиками», асимметричными с одним «плечиком» и листовидными. Проколки вы-

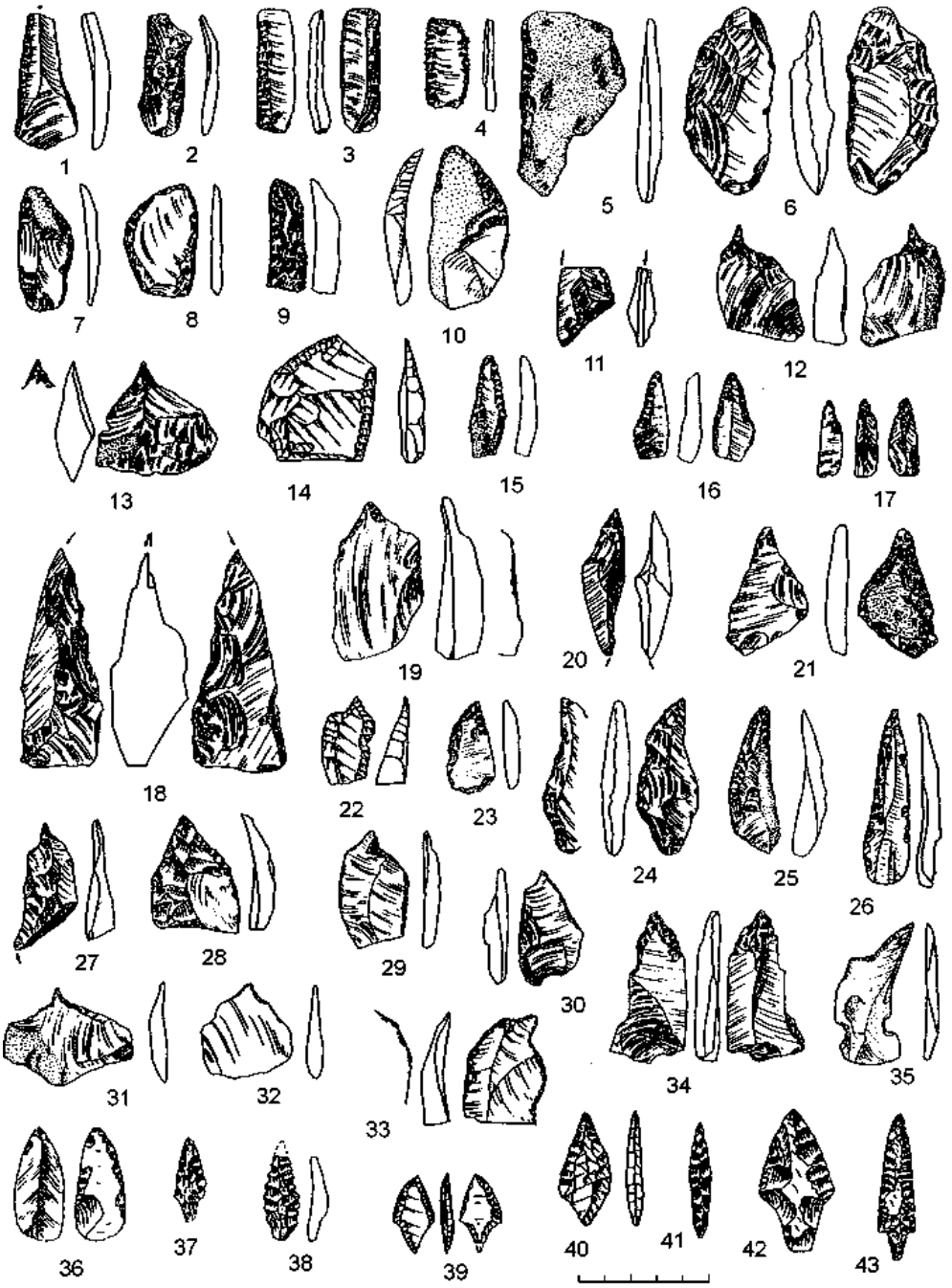


Рис. 8. Кремневый инвентарь поселения Новый Усад IV

полнялись на тонких отщепах, они имеют более острое жальце, часто обрабатывались односторонней краевой ретушью и не имеют следов сработанности, визуально определимых на сверлах. Подразделяются на изделия с «плечиками» с коротким и узким либо широким треугольным острием и на асимметричные проколки со смещенным к краю острием. Рубящие орудия относятся к разряду достаточно редких. Топоры имеют клиновидную форму. Долота небольшие, подовальной формы с линзовидным, трапециевидным или треугольным сечением, желобчатые и без выраженного желобка. Узкие долотца, стамески на имеркских памятниках не встречены. Обломками невыразительной формы представлены тесла. Среди наконечников наиболее многочисленны треугольно-черешковые и листовидные, имеющие среднего размера перо. Наконечники сходной формы с вытянутыми пропорциями пера встречаются реже. Единичными экземплярами представлены миндалевидные и ромбические наконечники. К абразивам относятся крупная шлифовальная плита и выпрямители древков. Молоты редки и не составляют морфологически выраженного типа. К орудиям-посредникам относятся отбойники на валунах, известные с поселений Скачки и Новый Усад IV. В незначи-

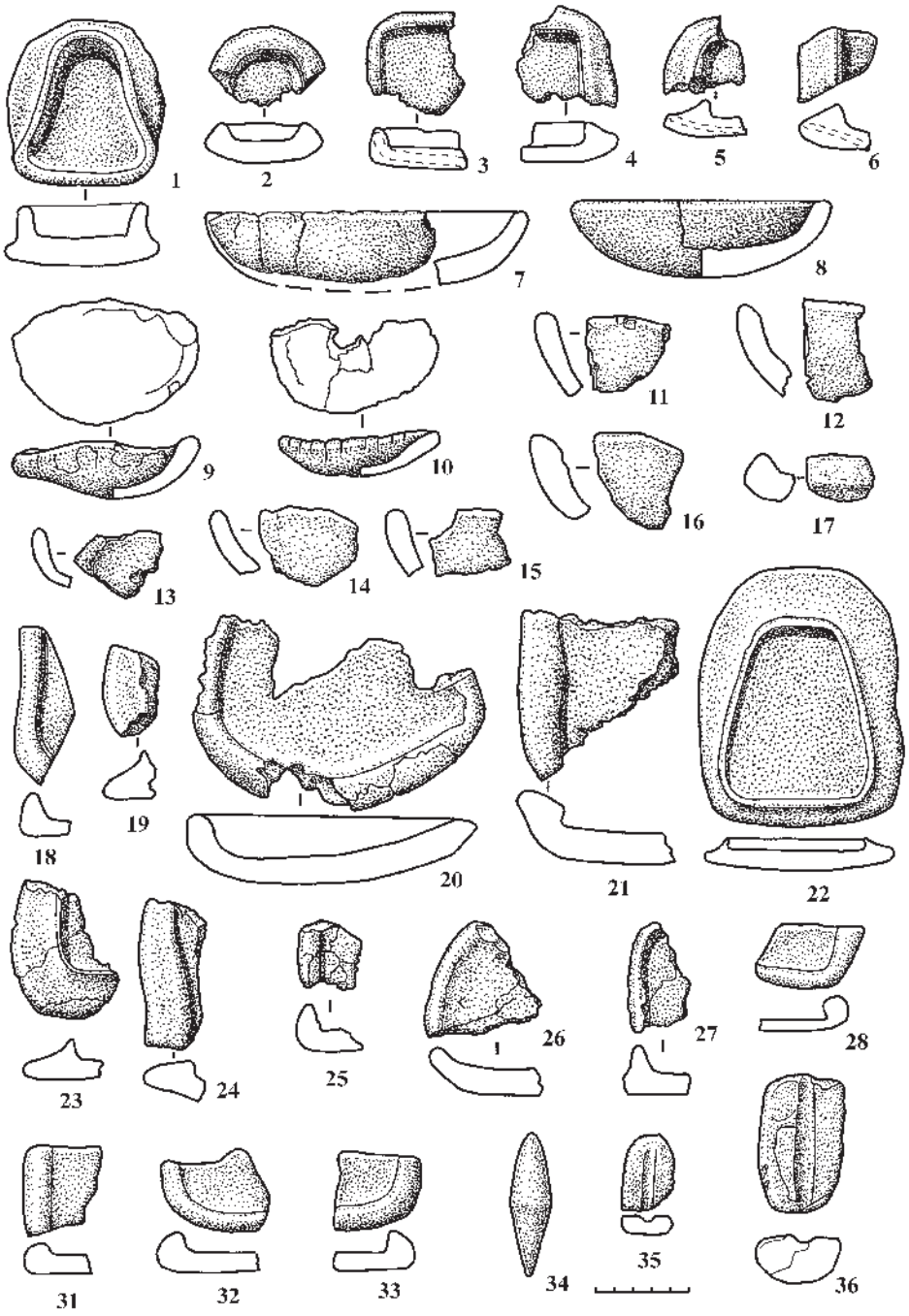


Рис. 9. Орудия медеплавильного производства, медный нож и абразивы с поселений Волгапино (1–19, 23, 24), Новый Усад IV (20–22, 25–36)

тельном числе присутствуют также ретушеры на крупных сколах и нуклевидных кусках кремня.

Помимо монофункциональных орудий, имерк-ские наборы инструментов содержат и поли-функциональные: скобели-ножи, ножи-проколки, скребки-резчики, скребок-абразив, нож-резец. В небольших количествах комбинированные орудия найдены на всех поселениях. Анализ комплексов имерских орудий показал, что их ассортимент, разнообразие типов и вариантов значительно скромнее волосовских. Отсутствуют многие выразительные типы: обработанные по всей поверхности квадратные скребки, полукруглые с выступающим углом, скребки с перехватом, скребки-штампы с пильчатой ретушью. Нет S-видных и дублированных скобелей, ножей-лунниц, дублированных сверл. Редки фрагменты топоров, тесел, долот, нет стамесок. Наконечники стрел представлены меньшим числом типов и вариантов. К тому же общей небрежностью отличается и техника вторичной обработки многих имерских орудий, только отдельные экземпляры которых по качеству отделки можно сравнить с волосовскими. Многие имерские памятники, исследован-

ные большими площадями, дали незначительные серии каменных орудий. На поселении Новый Усад IV со вскрытой площади 284 кв. м было получено 256 орудий, менее 1000 единиц отходов кремня, 24 льячки и одна литейная форма. На поселении Имерка V изучено 332 кв. м, получено 245 орудий, 630 единиц отходов, 15 льячек. При этом поселения Имерка V, Новый Усад IV относятся к числу долговременных, здесь открыты углубленные в землю котлованы – остатки жилищ. На подобных поселениях волосовской культуры каменные орудия представлены особенно богатыми наборами.

Таким образом, фиксируется уменьшение роли каменных орудий в хозяйстве имеркского населения. Небольшое количество резцов и резчиков ставит под сомнение широкое развитие косторезного промысла. В то же время имеркские слои указанных памятников содержали льячки, литейные формы, сплески меди, иногда и медные изделия. Очевидно, именно в имеркское время начинается деградация каменной индустрии энеолитического населения Примокшанья, связанная с развитием металлообработки.

Обработка металла (рис. 9). Уже первые раскопки имеркских поселений Новый Усад IV и Имерка V дали выразительные комплексы предметов, связанных с обработкой меди (Выборнов, Третьяков, 1984, с. 95; Третьяков 1987, с. 120–122). Анализ состава металла образцов с Нового Усада IV привел С.В. Кузьминых к заключению, что источником сырья служили медные песчаники Приуралья, видимо, Вятско-Казанской области (Кузьминых, Орловская, 1992, с. 36–41). Новые данные о металлообработке были получены в ходе дополнительных раскопок поселений Новый Усад IV (Королев, Третьяков, 1991, с. 68; Ставицкий, 1992а, с. 8) и Волгапино (Королев, Ставицкий, 1998, с. 229, 230). На поселении Волгапино в пределах имеркского котлована был обнаружен прокаленный до серо-голубого оттенка, шлакированный развал остродонного сосуда, внутри которого залегали обломки льячки с корольками меди. Всего же здесь было найдено 60 обломков льячек, 11 обломков и одна целая литейная форма, четыре сосуда и два отдельных фрагмента со шлакированной поверхностью, частично деформированных от воздействия высоких температур. Тесто этих фрагментов плотное, как у имеркской посуды, и содержит те же самые примеси. Стенки тиглей и льячек покрыты сетью трещин, внутренняя поверхность оплавлена и на ней иногда заметны следы медных окислов.

Обломки двух похожих льячек были выявлены на поселении Имерка VIII. Здесь же обнаружены шлакированные обломки сосуда с типичным имеркским наплывом и прочерченной орнаментацией (Королев, 1996, с. 118, 119). Фрагмент льячки найден на поселении Скачки (Ставицкий, 1992б, с. 36).

По мнению С.В. Кузьминых (1977, с. 29), тигли волосовского производства не предназначались для многократного использования. Вероятно, этот вывод можно распространить и на имеркское медеплавильное дело. В пользу этого предположения свидетельствует многочисленность находок обломков льячек, тиглей и литейных форм. Из 103 имеркских льячек-тиглей только один экземпляр с Имерки V сохранился полностью. К крупным обломкам, позволяющим осуществить графическую реконструкцию, относятся одно изделие с Нового Усада IV и четыре с Волгапино. Остальные представлены мелкими обломками. Трещиноватая фактура всех без исключения льячек убеждает в справедливости вывода С.В. Кузьминых.

Льячка с Имерки V имеет чашевидную форму с округлым дном и зауженным сливом. Она орнаментирована наколами, имеет длину около 11 см. Чашевидные льячки найдены на поселении Волгапино. Два экземпляра украшены насечками по венчику. Для них характерен плавный переход от венчика к закругленному днищу. Льячка-тигель с поселения Новый Усад IV выделяется уплощенным дном и зауженным утоньшенным сливом. По форме она близка к льячкам-тиглям Уржумкинского поселения, хотя и отличается от них плавностью перехода венчика в уплощенное днище (Никитин, 1991, рис. 62; Кузьминых, 1977, с. 22, рис. 2). Два других обломка относятся к крупному изделию с утолщенным венчиком и плоским дном. Подобное оформление венчика напоминает соответствующие предметы со II Дубово-Гривской стоянки (Кузьминых, 1977, рис. 2).

Большая часть фрагментов с Имерки V и Волгапино принадлежит по форме к чашевидным изделиям. Их характерным признаком является утолщение венчика. Обычно это легкий «наплыв» изнутри и лишь в одном случае снаружи. Наличие отдельных фрагментов и даже развалов типичных имеркских сосудов со шлакированной поверхностью, иногда деформированных в результате воздействия высоких температур, с изменившимся цветом поверхности до серо-голубого оттенка, позволяет считать, что крупные сосуды могли использоваться для выплавки металла. Такая керамика собрана на поселениях Волгапино, Имерка V, VIII, Новый Усад IV. На первом – крупный развал и льячки составляли единый комплекс. Ближайшей аналогией таким сосудам-тиглям является развал крупного волосовского сосуда с Уржумкинского поселения (Кузьминых, 1977, рис. 2, 4).

Большой интерес вызывают керамические литейные формы, найденные на поселениях Новый Усад IV и Волгапино. С Нового Усада IV получена односторонняя форма, предназначенная для отливки крупного, длиной 9,3 см, с шириной лезвия 7 см, плоского изделия – топора или тесла. Углы формы, напоминающей высокую трапецию, закруглены. Еще две формы представлены обломками. Идентичная литейная форма сходных пропорций обнаружена на поселении Волгапино. Она была обожжена в той же степени, что и обычная кухонная посуда, но выплавка в ней не производилась. Ее внутренние размеры: длина 6,5 см, ширина 5 см, высота 1,2 см.

Помимо целой формы с Волгапино получено еще 11 обломков. Все они односторонние, с массивными закраинами для усиления устойчивости и прочности. Предназначались для отливки крупных плоских предметов. От льячек они отличаются наличием закраин, плоскодонностью, малой высотой, тщательным выравниванием внутренней поверхности и оформлением бортиков, а также пятнистым оранжево-серым цветом. Шлакированная поверхность у этого типа изделий не наблюдается. Вероятно, она не успевала образоваться в результате первой плавки. О возможности их вторичного использования судить сложно.

С металлообрабатывающим комплексом поселения, видимо, связано и крупное молотовидное орудие с двумя выемками, изготовленное путем незначительной подправки из крупной кремневой конкреции. Торцы этого предмета имеют следы забитости.

Выше уже отмечалось, что каменные деревообрабатывающие орудия на имеркских поселениях довольно редки, невыразительны и намного уступают волосовским ассортиментом и качеством исполнения. Исходя из состава литейных форм и обилия следов металлообработки, следует полагать, что топоры, тесла и некоторые другие типы орудий выделывались из металла. Подтрапециевидные топоры-тесла, близкие имеркским формам, были довольно широко распространены в энеолите. Ближайшая территориальная аналогия содержится в коллекции Уржумкинского поселения (Архипов, Никитин, 1977, с. 34). В отличие от имеркских тесел оно имеет плоский обушок и выраженные углы.

Количество металлических изделий, обнаруженных на имеркских поселениях, пока крайне незначительно. Кроме упомянутого ножа с поселения Новый Усад IV (рис. 92: 15), достоверность связей которого с имеркским комплексом остается под сомнением, следует назвать два сплеска меди и изогнутую пластинку с поселения Волгапино.

Финальный этап существования имеркских памятников совпадает со временем проникновения на р. Мокшу ямно-полтавкинско-катакомбного и фатьяно-балановского населения, керамика которых присутствует на ряде имеркских поселений. Однако в металлообработке имеркских племен каких-либо заимствований с их стороны проследить не удается.

Периодизация и хронология. Отсутствие стратифицированных имеркских памятников, содержащих разновременный материал, затрудняет построение внутренней хронологии и периодизации данной культуры. Единственным поселением, имеющим два имеркских слоя, разделенных стерильной прослойкой, является Имерка V. Однако керамические материалы данных слоев крайне близки друг другу и их анализ не позволяет выявить заметной динамики в развитии имеркских древностей.

Тем не менее с помощью типологического метода А.И. Королевым были намечены тенденции развития имеркской керамики, классический облик которой определяется абсолютным преобладанием венчиков с наплывами, приостренных днищ и прочерченной орнаментации. Такая керамика представлена на поселении Имерка V, VI, VIII, Новый Усад IV, Волгапино, Широмасово II. На материалах поселений Большой Колояр, Скачки, Машкино VI и X, Широмасово I фиксируется сокращение удельного веса признаков указанной «триады» при возрастании роли зубчатой и веревочной орнаментации, а также керамики без орнамента и появление венчиков с плоско срезанным, нередко орнаментированным краем. Подобные изменения в керамике, по мнению А.И. Королева (1998, с. 306), являются результатом контактов имеркского и волосовского населения. К первому этапу он относит поселения с абсолютным доминированием имеркских признаков, ко второму – со значительно трансформированными керамическими комплексами.

По мнению В.В. Ставицкого, контакты между волосовской и имеркской культурами имели место на раннем этапе существования последней, поэтому те керамические комплексы, в которых волосовское влияние проявляется более явственно, являются и более ранними. Со временем эти привнесенные в имеркскую культуру признаки нивелируются и на позднем этапе своего развития имеркская керамика выступает в своем классическом виде. Для нее становится характерным безраздельное господство прочерченного орнамента при подчиненной роли коротких оттисков зубчатого штампа, прямоугольных и треугольных наколов, которые используются для разделения орнаментальных зон и оформления

бордюрных полос под венчиком сосуда (Ставицкий, 1997).

Хронология имеркских древностей базируется на радиоуглеродном анализе двух образцов с поселения Волгапино. Некалиброванные даты получены по углистой почве из заполнения ям. Дата 3550±120 л. н. (ГИН 9417) получена из ямы 60, вблизи которой в яме 56 залегал крупный венчик валикового сосуда. Возможно, эта датировка отражает время его появления.

Вторая дата 3750±70 л. н. (ГИН 9418), полученная из ямы 57, в большей мере соответствует завершающему периоду существования имеркских древностей. Стратиграфические наблюдения на Волгапинском и других поселениях не противоречат ей. В пользу достаточно позднего характера данной культуры свидетельствует развитой характер металлообработки. Прямым доказательством этого служат многочисленные данные о плавке меди, косвенным – деградация кремневой индустрии.

Проблема происхождения и финала имеркских древностей. Сразу же после выделения имеркской культуры В.П. Третьяковым и А.А. Выборновым был поставлен вопрос о ее истоках и очерчен широкий круг неолитических культур, которые могли рассматриваться в качестве исходных. В него вошли камская и верхневолжская культура, а также памятники дронихинского типа (Третьяков, Выборнов, 1984, с. 100). Впоследствии В.П. Третьяков высказал предположение о том, что волосовские племена являются в Примокшанье пришлыми, а имеркские – автохтонными (Третьяков, 1990б, с.149).

Непосредственными предшественниками имеркских племен в Примокшанье является население волосовской культуры, которое на позднем этапе своего развития, видимо, сосуществуют с имеркцами. Сравнительный анализ их материалов показал, что между ними прослеживается определенное сходство, но вместе с тем имеется ряд принципиальных различий, которые не позволяют выводить имеркские керамические традиции из волосовских. Отсутствуют на территории Примокшанья и имеркские комплексы материалов, которые можно было бы отнести к разряду переходных, иллюстрирующих процесс сложения данной культуры. По-видимому, распространение её носителей на данной территории произошло в результате миграции.

Подобный переходный характер имеют материалы поселения Ибердус I, расположенного в правобережном Поочье, неподалеку от г. Касимова. Энеолитическую керамику этого памятника В.В. Сидоров разделяет на две группы: лапчатую (дубровическую) и имеркскую (крупнонакольчатую и прочерченную, восточно-полесскую) (Сидоров, 2003, с. 187), отмечая, что эти типы керамики «перетекают» друг в друга. Лапчатые ямки служат разделительными поясками на сосудах с прочерченным орнаментом, Г-образные венчики с наплывами сочетаются с наколами и лапчатой ямкой, на сосудах всех групп используются достаточно сложные геометрические мотивы орнамента, в тесте присутствуют одинаковые примеси песка и птичьего пуха, что, по его мнению, свидетельствует о теснейшем взаимодействии традиций изготовления крупно-накольчатой (днепродонецкой) и лапчатой керамики (Сидоров, 2003, с. 187). С подобным выводом нельзя не согласиться. Следует только отметить, что выделение указанных групп было произведено В.В. Сидоровым на основании только одного признака – техники нанесения орнамента: лапчатой, крупнонакольчатой и прочерченной, которые к тому же взаимопересекаются. По остальным параметрам керамика Ибердуса представляет собой несомненное единство и является результатом указанного В.В. Сидоровым теснейшего взаимодействия, которое, однако, имело место ранее, а вовсе не фиксирует момент встречи на поселении носителей вышеназванных компонентов. Это уже не восточно-полесская и не дубровичская керамика, но еще и не имеркская – это единый комплекс керамики протоимеркского типа. Следовательно, в формировании имеркской культуры принимали участие не только верхнеднепровские племена восточнополесской культуры, как это считает В.В. Сидоров, но и носители керамики дубровичского типа. В пользу данного предположения свидетельствует и облик дубровичской керамики поселения Борки 2, где пока еще нет типично имеркских прочерченных мотивов орнамента, но уже появляются венчики с характерными наплывами-утолщениями на внутренней стороне венчика (Сидоров, 2003, рис. 1: 4, 7; 3: 4, 8, 9; 4: 2, 11, 12), которые, видимо, были выработаны именно в дубровичской среде, поскольку их прототипы имеются уже в ранней коллекции керамики с поселения Дубровичи (Панкин, 2003, рис. 1: 4, 7; 3: 2, 7; 5: 1, 2, 15, 17), а на верхнеднепровской посуде они отсутствуют (Исаенко, 1976, с. 85–107). В уже практически полностью трансформированном виде имеркская керамика предстает на поселении Лебяжий Бор VI, расположенном у впадения Мокши в Оку. В лебяжьеборской керамики фиксируются только отдельные реминисценции дубровических традиций.

Таким образом, в сложении имеркской культуры ведущую роль сыграли древности верхнеднепровской (восточно-полесской) и дубровической культур. Этот процесс, очевидно, протекал на

территории Среднего Поочья с последующей миграцией на р. Мокшу. Исходя из достаточно высокой плотности имеркских памятников с мощными культурными слоями, можно сделать вывод, что это была многочисленная группа мигрантов. Слои с имеркскими материалами перекрывают волосовские отложения на многих поселениях. Пришельцы занимали ту же экологическую нишу, что и аборигены. Это позволяет предполагать близость их хозяйственного уклада. Мигрантами были заимствованы отдельные волосовские приемы орнаментации керамики и некоторые типы кремневых орудий. Неслучайным представляется и отсутствие отчетливых признаков обратного заимствования волосовскими гончарами имеркских традиций. Включение части волосовского населения в имеркскую среду иллюстрируют керамические материалы поселений Новый Усад IV, Волгапино, Скачки, Имерка VIII. Примокшанские памятники не содержат ни одного случая перекрывания имеркских материалов волосовскими. Это означает, что смена населения была кардинальной, и волосовская линия развития здесь прекращается вместе с появлением имеркской культуры.

Финал имеркской культуры связан с начальным периодом раннего бронзового века, когда на территорию Примокшанья осуществляется миграция носителей фатьяновско-балановских древностей, в которую, видимо, была вовлечена и часть населения локального примокшанского варианта иванобугорской культуры. О чем, например, свидетельствуют материалы поселения Широмасово I, где исследовано 7 фатьяновско-балановских жилищ, в самом раннем из которых зафиксирована и иванобугорская керамика. Здесь же присутствуют и единичные фрагменты керамики имеркского типа (Королев, Ставицкий, 2006, с. 180–195). Совместное залегание иванобугорской и имеркской керамики зафиксировано на высоко расположенном Екатериновском поселении вольско-лбищенской культуры на Верхней Суре (Ставицкий, 2004, рис. 1). Поселение возвышается над поймой на 15 м. Подобное топографическое расположение для имеркских памятников нехарактерно, и вполне очевидно, что носители имеркской керамики оказались здесь по инициативе населения культур бронзового века.

Не исключено, что некоторые имеркские керамические традиции были восприняты примокшанским населением иванобугорской культуры, для которого характерны сосуды со сложно профилированными венчиками, имеющими утолщение с внутренней стороны. Обычно данные венчики имеют угловатые контуры, но венчики с плавными очертаниями по своей форме практически не отличаются от имеркских (Королев, Ставицкий, 2006, рис. 100: 4, 15; 102: 14; 103: 2; 107: 7). Достаточно характерен для примокшанского варианта иванобугорской культуры орнамент из прочерченных линий, коротких зубчатых штампов, вдавлений и насечек, которые составляют основу имеркской орнаментальной традиции.

ГЛАВА 6
ЧОЙНОВТИНСКАЯ КУЛЬТУРА

История изучения.

Первые памятники, относимые ныне к чойновтинской культуре, были открыты благодаря началу планомерных археологических исследований, организованных Коми филиалом АН СССР в бассейнах Вычегды и Печоры в конце 1950-х – 1960-х гг. (Буров, 1965; Канивец, Лузгин, 1963). Раскопки в этот период проводились преимущественно на многослойных памятниках водораздельных озер – Вис I–III, Ружникова, Пижма II и др., материалы которых позволяли наметить общую картину культурно-хронологического развития на европейском Северо-Востоке (далее – ЕСВ) в древности и Средневековье. Из общего массива разновременных находок этих памятников были выделены комплексы рассматриваемого типа (Буров, 1967, с. 97–100; Стоколос, 1973, с. 41–42, 51). Вместе с тем исследование поселения с жилищами Галово II на Ижме показало высокий информационный потенциал подобных памятников (Лузгин, 1972, с. 40–72). В период 1970-х – начала 1990-х гг. расширилась география полевых работ: в бассейнах Вычегды и Мезени были открыты многочисленные поселения с жилищами, материалы раскопок которых составили основной массив источников рассматриваемого периода (Канивец, 1974; Королев, 1997; Косинская, 1986; Семенов, Несанелене, 1997; Стоколос, 1986). В последующие годы список пополнялся материалами разведок, но объем раскопок заметно сократился.

Пионеры изучения энеолита ЕСВ для его обозначения поначалу использовали термины «ранняя бронза», «ранний медно-бронзовый век», «начало эпохи раннего металла». Термин «энеолит» вошел в употребление с сер. 1980-х гг. Первые попытки осмысления интересующих нас материалов предпринял Г.М. Буров. Он выделил керамику с пористым тестом в III тип посуды раннего бронзового века Висских поселений, соотнес с ним некоторые типы кремневых и шлифованных орудий, отнеся весь комплекс к турбинской (Бадер, 1961) культуре и датировав его по аналогии с борским этапом в пределах третьей четверти II тыс. до н. э. (Буров, 1967, с. 97–100). Аналогичным образом был решен вопрос о культурно-хронологической атрибуции поселения Галово II (Лузгин, 1972, с. 70–72) и Конецбор II на Печоре (Канивец, 1974, с. 17–18).

Дальнейшие исследования, с одной стороны, подтвердили значительное сходство памятников ЕСВ с энеолитическими материалами Прикамья, где была пересмотрена первоначальная схема О.Н. Бадера, более детально обоснована периодизация и хронология гаринско-борской (гаринской) культуры (Наговицын, 1990). С другой стороны, все более очевидной становилась региональная специфика вычегодско-мезенско-печорских древностей. Кроме того, памятники с похожей керамикой были обнаружены в Архангельской области, в бассейне Сев. Двины (Буров, 1974). Сложилось представление о широтной области культур пористой керамики – северном аналоге волосовских древностей (Халиков, 1990). На этом фоне памятники ЕСВ стали рассматривать как самостоятельную культуру, родственную гаринской. Г.М. Буров предложил обозначать их как памятники галовского типа (Буров, 1986, с. 14–15), а В.С. Стоколос – как чойновтинскую культуру (Стоколос, 1986, с. 113–183; 1988, с. 78–79). Оба исследователя выделили в ней два хронологических этапа на основании нескольких признаков: эволюции форм венчиков сосудов, состава теста, набора орнаментиров, а также типологии наконечников стрел. В последней сводной работе В.С. Стоколос уточнил характеристику этапов и относительную хронологию жилищ мезенских памятников, рассмотрел проблему формирования чойновтинской культуры и ее взаимосвязей с комплексами гребенчатой традиции (Стоколос, 1997, с. 229–240).

Генезис культуры

В целом сложилось мнение, что корни чойновтинской культуры лежат в местном неолите, а новые черты в керамике могли сформироваться под влиянием/при участии гаринско-борских и местных гребенчатых традиций (Логинова, 1986, с. 51–53; Стоколос, 1988, с. 79). Ряд исследователей поднимает вопрос о предчойновтинском периоде энеолита ЕСВ. В керамике некоторых памятников они усматривают признаки новоильинской культуры, предполагая ее участие в чойновтинском генезисе (Логинова, 1995; Паршуков, 2005;

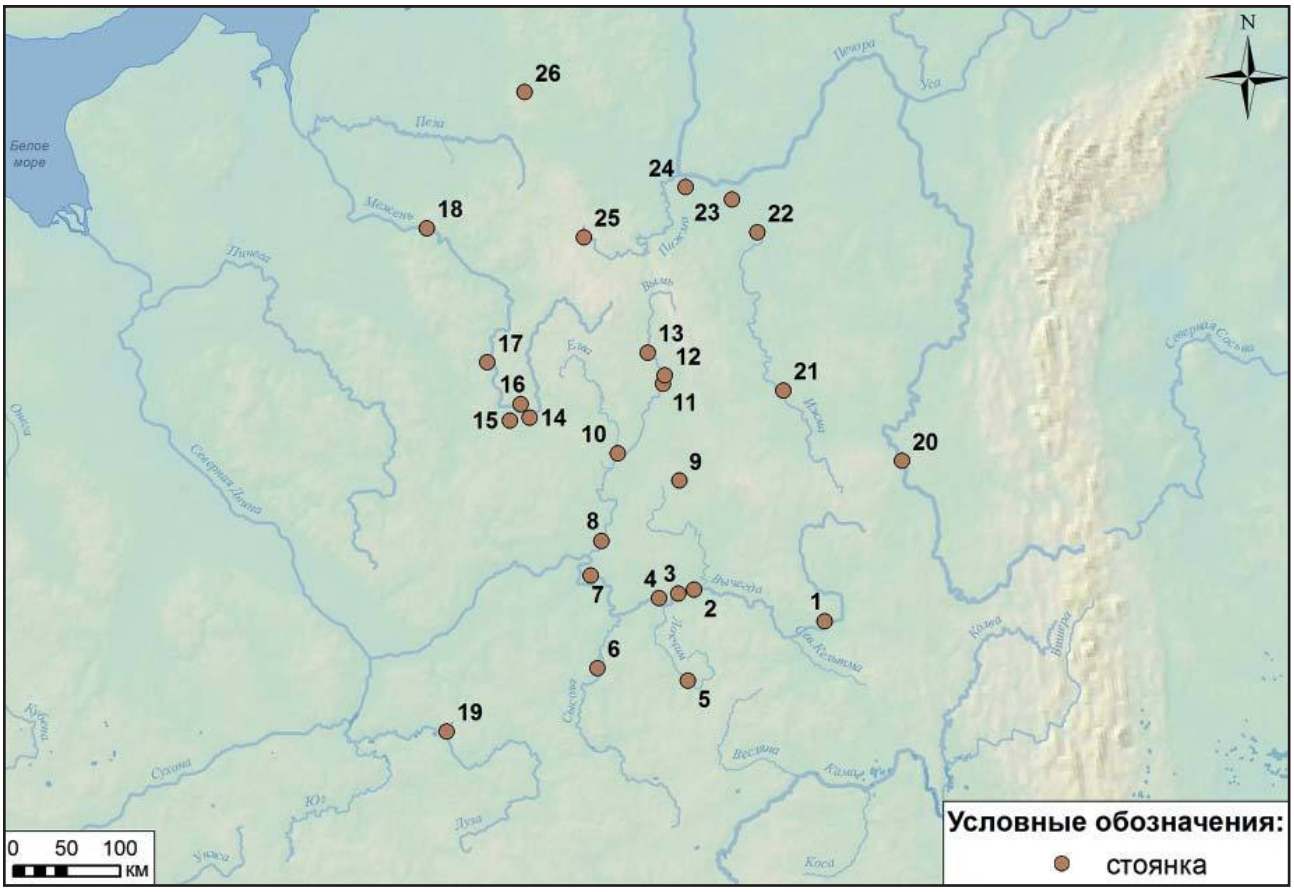


Рис. 1. Памятники чойновтинской АК на европейском северо-востоке

1 – Вомынъяг I; 2 – Шойнаты II; 3 – Вад I; 4 – Пезмогты 2; 5 – Лопью; 6 – Шойнаяг; 7 – Даньдор; 8 – Ниремка I; 9 – Вис I и II; 10 – Ёвдино III; 11 – Шомвуква II; 12 – Усть-Кедва 2; 13 – Усть-Ворыква; 14 – Усть-Лоптюга II; 15 – Чойновты II; 16 – Гыркасъёль; 17 – Ошчой I; 18 – Попъюга; 19 – Варжа; 20 – Пидж I; 21 – Айюва II; 22 – Ласта VIII; 23 – Галово II; 24 – Шиховское II

Семенов, 2013). Поздний неолит представлен на ЕСВ предположительно памятниками с гребенчато-ямочной керамикой висского типа, которая действительно имеет некоторое сходство с посудой новоильинского и других типов рубежа нео/энеолита, но резко отличается от чойновтинской (Карманов, 2008, с. 71–73). Поэтому небеспочвенно мнение Г.М. Бурова, прямо писавшего о проникновении в Вычегодский край отдельных групп населения из районов Волго-Камья (Буров, 1965, с. 173).

Область расселения

Памятники чойновтинской культуры образуют несколько территориальных групп. Они выявлены на р. Мезени, в бассейне р. Вычегды и, в частности, на ее правом притоке – р. Выми, вблизи водораздельных озёр (оз. Синдор; оз. Ямоозеро и оз. Косминские), на р. Печоре и на ее левом притоке – р. Ижме (рис. 1).

Поселения (городища, селища, стоянки)

Стратиграфические данные для определения относительной хронологии чойновтинских поселений и построек отсутствуют, за исключением жилищ 13 и 14 поселения Ниремка I (Косинская, 1990, с. 122). Согласно двучленной периодизации чойновтинской культуры, В.С. Стоколос (1997, с. 230–240) к раннему этапу относит поселения Чойновты II (жил. 4, 10, 11, 13), Чужьяёль II, Ошчой I (жил. 4, 7), Усть-Лоптюга II и Попъюга на р. Мезени, Эньты II на р. Вычегде и Ниремка I (жил. 8, 10, 11) на р. Выми, часть керамической посуды многокомпонентных памятников Пижма II на оз. Ямоозеро, Ружникова на оз. Косминские; к позднему этапу – поселения Галово II на р. Ижме, Топыднюр XII, Конецбор VIII и IX на р. Печоре, Пижма II (оз. Ямоозеро). Г.М. Буров (1992, с. 239–240) вносит уточнения и дополнения. К раннему периоду он относит пористую керамику из разновременных коллекций Вис I, комплексы Ниремка I (жил. 8, 10), Чойновты II (жил. 10, 14). Поздний этап представляют поселения Вис II, Ниремка I (жил. 11), Чойновты II (жил. 4, 6, 11, 13) и Ошчой I (жил. 7). В него же включены (с оговорками) вымские комплексы Усть-Кедва (жил. 1, 8), Усть-Ворыква (жил. 1, 2), но остается неопределенной хронологическая позиция комплексов Шомвуква II (жил. 1, 2) и Ёвдино III (жил. 1) (Семенов, Несанелене, 1997, с. 151–153), а также Вад I

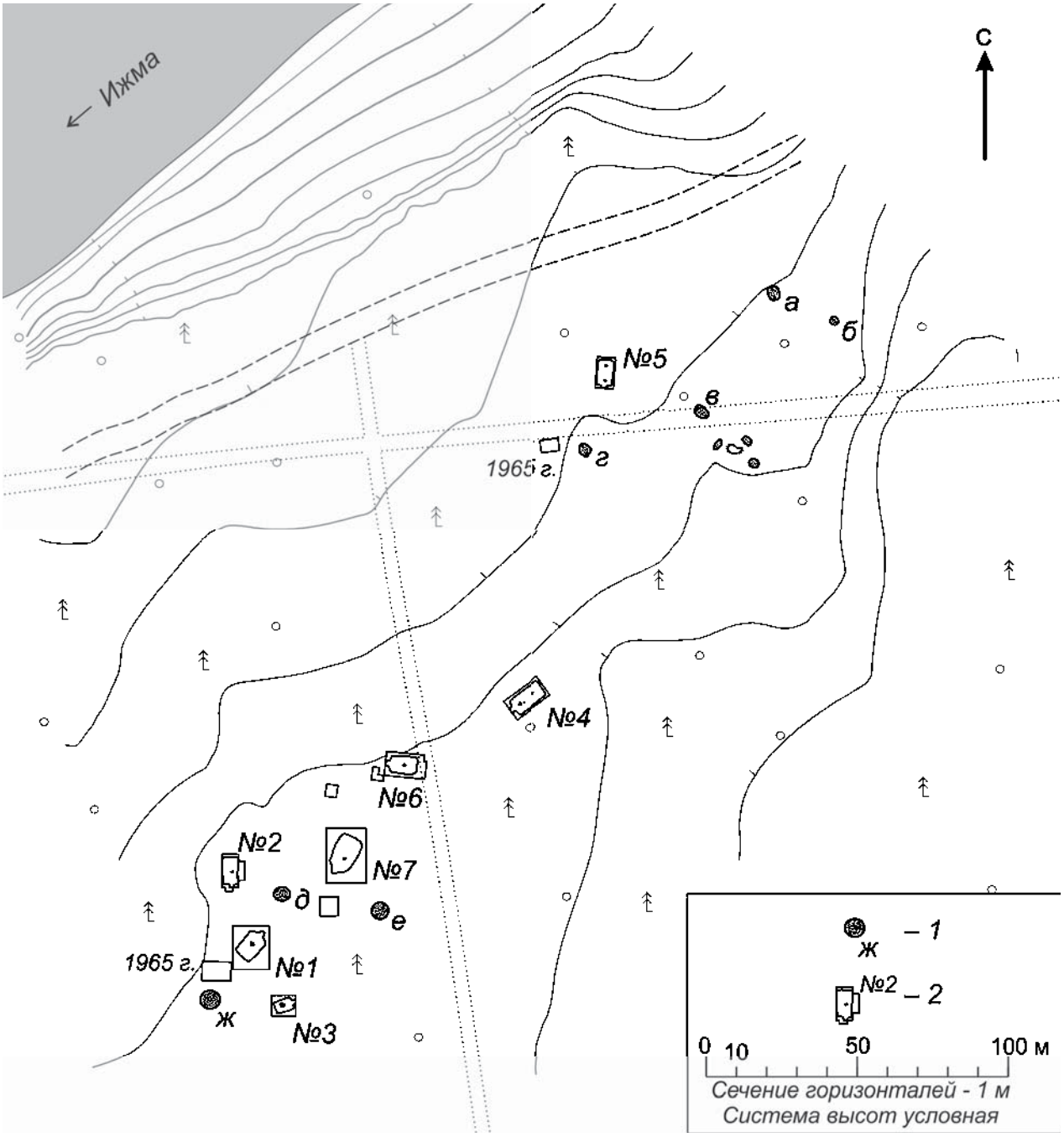


Рис. 2. Галово II. Ситуационный план (2017 г.)
1 – неисследованные объекты; 2 – раскопы 1965–1968 гг. и номера жилищ (по: Лузгин, 1972)

(жил. 2) и Шойнаты I на р. Вычегде (Королев, 1997). Впоследствии к чойновтинской культуре или памятникам гарино-борского типа были отнесены материалы поселений, изученных в 2000–2011 гг.: Ёвдино III (жил. 2) на р. Выми (Несанелене, 2002), Ласта VIII (жил. 1) (Истомина, 2002) и Айюва II на р. Ижме (Паршуков, 2001; 2002), Шиховское II (жил.) на р. Печоре (Васкул, 2011), Даньдор (Паршуков, 2005) и Угдым I на р. Вычегде (Карманов, 2019). Таким образом, поселения как раннего, так и позднего этапов распространены во всем ареале чойновтинской культуры.

Судить о размерах поселений сложно, поскольку лишь отдельные памятники раскопаны полностью и нередко включают объекты иной культурной принадлежности. Известны поселения, состоящие из 1–2 жилищ, на наиболее крупных памятниках раскопаны остатки 7–11 сооружений (Галово II, Чойновты II), но не все они существовали одновременно, что установлено, в частности, на поселениях Ниремка I и Усть-Кедва II (рис. 2, 3). Мощность и насыщенность культурного слоя зависит главным образом от сезонности поселения и его производственной специализации.

Поселения чойновтинской культуры приурочены к прикраевым участкам надпойменных речных террас, примыкающих в настоящее время к современным руслам рек или их поймам, старичным озерам, болотам. Жилища располагаются вдоль кромки террасы компактными группами (Чойновты II, Ниремка I, Галово II) или рассредоточены на сравнительно больших площадях (Усть-Кедва II, Ягуяр) в десятках метров друг от друга.

Поселения представляют собой места сезонных обитаний: «зимние» с капитальными стационарными жилищами-полуземлянками, в которых сосредоточены все артефакты, и «летние» – с легкими жилищами, внешними очагами, рабочими площадками. Жилища значительно различаются между собой по количеству и составу каменного инвентаря, в некоторых отмечены следы массового производства наконечников стрел. Такие комплексы определяются как специализированные кремнеобрабатывающие мастерские (Косинская, 1990; Семенов, Несанелене, 1997).

Планировка поселений по этапам не различается.

Жилища чойновтинской культуры представляют собой полуземлянки каркасно-столбовой конструкции с прямоугольными котлованами разных пропорций, площадью от 12–15 до 50–100 кв. м. Один-два канавообразных выхода располагаются, как правило, в торцевых стенах. Очаги-кострища (от 1 до 3) устроены на полу, в яме, на подсыпке-подушке в центре котлована или по его продольной оси. Пол нередко покрыт охрой. Вдоль стен часты ямы различного назначения. Предполагается, что небольшие жилища могли иметь пирамидальную форму, а крупные – двускатное перекрытие. Известны и небольшие безочажные хозяйственные постройки аналогичной конструкции. Практически во всех жилищах функционировали домашние мастерские по изготовлению кремневых орудий, преимущественно наконечников стрел. Структурные характеристики таких мастерских в целом одинаковы, различия касаются степени интенсивности камнеобработки, что выражается в количестве мелкого дебитажа и незавершенных бифасов. В жилище № 1 поселения Мартюшевское II помимо наконечников стрел производился фигурный кремень – лунницы (Карманов и др., 2021). На памятниках рр. Печоры и Ижмы (Галово II, Шиховское II, Айюва II) найдены медные предметы или выявлены следы функционирования домашних металлообрабатывающих мастерских с остатками тиглей, медных изделий и сплесков, ошлакованных обломков.

В жилищах чойновтинской культуры число керамических сосудов невелико. По индивидуальным особенностям фрагментов выделяют от 2 до 10–12 сосудов, чаще 5–8. Общая черта керамики, наблюдаемая визуально, – легкий хрупкий черепок пористой структуры (на поверхности и в изломе видны многочисленные плоские угловатые «оспины»).

Посуда включает два основных морфотипа с вариантами.

1) Глубокие непрофилированные сосуды с конусовидным или округлым дном: 1а – со слабо раздутым туловом и прикрытым или вертикальным горлом (полуяйцевидные), диаметром 20–50 см; 1б – с прямыми стенками и открытой горловиной, близкие конусовидным, с диаметром от 6 до 20 см. Пропорции целых и полностью реконструированных сосудов этого типа (отношение высоты к диаметру венчика) 0,68–1,04.

2) Непрофилированные низкие сосуды – чаши, как правило, с округлым дном: 2а – закрытые котловидные; 2б – полусферические с вертикальной горловиной; 2в – сильно открытые, в форме низкого конуса. Диаметр сосудов этого типа 5–20 см, пропорции 0,27–0,53. Оба типа включают разные размерные группы.

Наиболее характерны плоские и уплощенные, обычно утолщенные венчики (приплюснутые), часто с внутренним или внешним карнизом (Г-образные) либо с карнизом на обе стороны (Т-образные или «грибовидные»). Значительно реже встречаются округлые венчики с утолщением и без такового, плоские брусковидные и скошенные внутрь.

Специальный технологический анализ проводился по 13 образцам с памятников рр. Вычегды и Выми. Установлено использование илистого сырья в чистом виде либо с добавлением органического раствора, животной органики, дробленой раковины. Сосуды формовались способом лоскутного налепа и подвергались кратковременному обжигу при температуре каления не менее 550–700 °С (Паршуков, 2010, с. 12, 19, 24). Отличительной особенностью пористой чойновтинской керамики является штриховая обработка внутренней, а иногда и наружной поверхности. Предполагается, что для этой цели могли служить зубчатые шпатели, щепки, пучки травы, но специальное изучение штриховых следов не проводилось.

Сосуды украшены монотонным, обычно разреженным орнаментом по всей наружной поверхности, включая срез венчика. Как правило, узоры выполнены оттисками коротких зубчатых штампов различной модификации (с широкими и узкими зубцами, личинковидными, овальными), оттисками гладких штампов и шнуровых (шнур, намотанный на палочку), реже – ямчатыми вдавлениями и наколами, единично – оттисками рамчатых

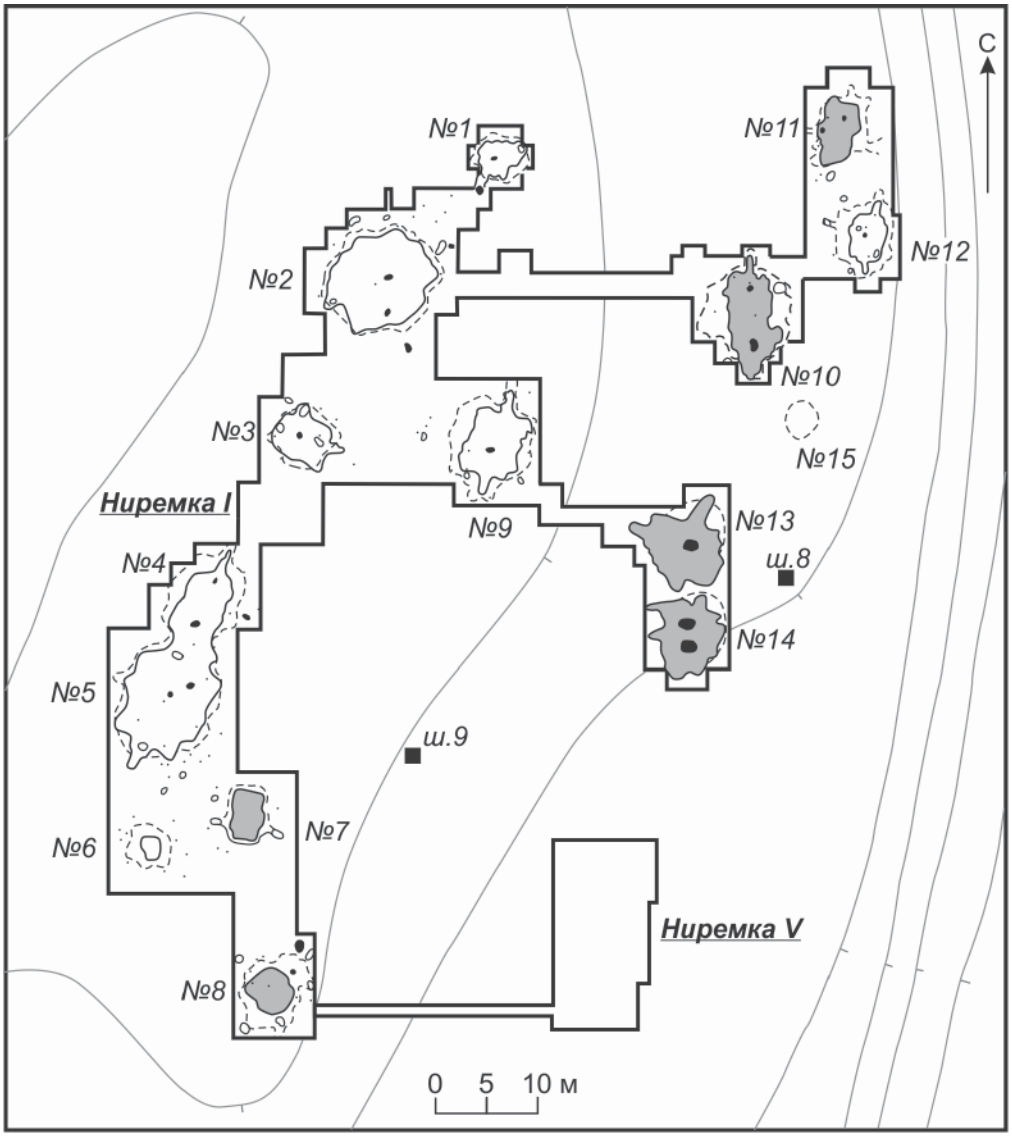


Рис. 3. Ниремка I. Планировка сооружений чойновтинской культуры (выделены серым) в составе поселения с разновременными постройками

1 – границы жилищ на уровне древней поверхности; 2 – границы котлованов; 3 – очаги; 4 – столбовые ямки; 5 – ямы

штампов. Встречается и такая особенность, как постановка рабочей кромки штампа не отвесно, а под углом к поверхности сосуда. Ведущим орнаментальным мотивом является поясок наклонных оттисков. На многих сосудах вся композиция состоит из таких поясков, разделенных незаполненными полосами. Реже они группируются в горизонтальные елочки, перемежаются наклонными столбцами. К редким мотивам относятся прямые линии из ямчатых вдавлений, горизонтальный зигзаг. Единичны неорнаментированные сосуды, как правило, миниатюрные, диаметром 4–6 см.

Сравнительно малое количество сосудов в комплексах не позволяет провести полноценный сравнительный анализ керамических коллекций памятников, расположенных в разных речных долинах. Отмеченные исследователями типологические особенности посуды жилищных комплексов трактуются большей частью как хронологические либо как свидетельство инокультурных контактов и влияний. Так, для комплексов раннего этапа характерны полуяйцевидные сосуды с открытым и прикрытым горлом, с округлыми, плоскими, Г- и Т-образными венчиками, тогда как котловидные сосуды и чаши редки. Наряду с гребенчатыми использовались шнуровые штампы, а также прочерчивание, нарезки, оттиски лопаточки. Встречаются емкости с неорнаментированной нижней частью (рис. 5: 1–5). Посуду позднего этапа характеризуют полуяйцевидные сосуды – крупные с вертикальной горловиной и небольшие закрытые, а также многочисленные чаши (рис. 4: 1, 3, 6). Преобладают Г-образные и слабо утолщенные венчики. Основной набор орнаментиров и моти-

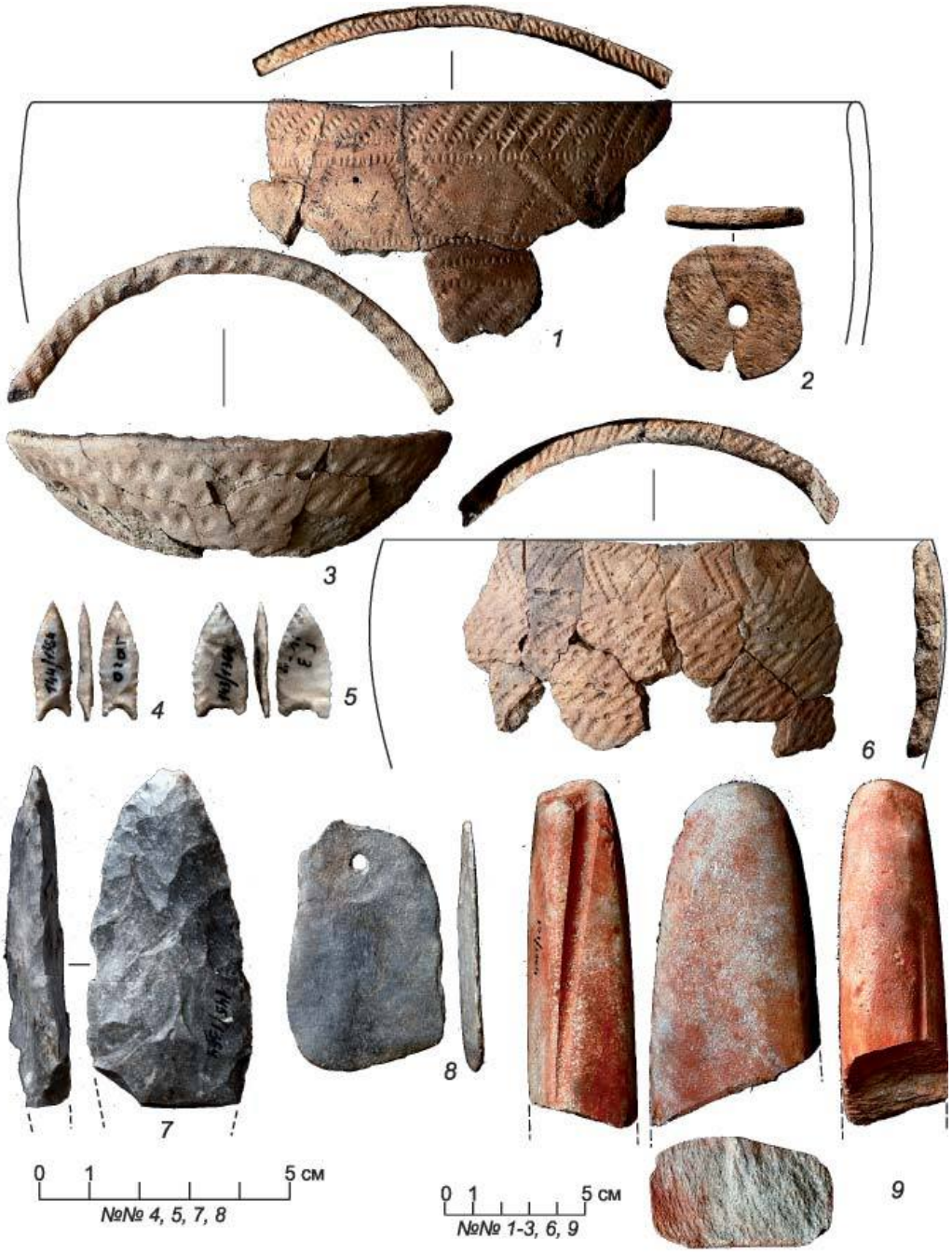


Рис. 4. Шиховское II

Керамические изделия (1–5): 1, 3, 6 – сосуды, 2 – пряслице (?); кремнёвые предметы: 4, 5 – наконечники стрел, 7 – незавершенный бифас; изделия из некремнёвых пород: 8 – подвеска, 9 – обломок рубящего орудия (первично), абразив (вторично)

вов сохраняется, но орнаментация усложняется за счет влияния гребенчатой традиции (Стоколос, 1997, с. 230–238). Действительно, следует отметить присутствие во многих комплексах (например, Усть-Кедва II, Галово II, Эньты II) признаков влияния иных культурных стереотипов. Нередко отдельные сосуды отличаются более плотным – за счет минеральных примесей – тестом, нехарактерной формой венчика, чуждыми элементами декора, такими, например, как ряд ямок под венчиком (Семенов, Несанелене, 1997, с. 25, 31, 36; Лузгин, 1972, с. 43–65; Логинова, 1986, с. 47–50). Подобные особенности отмечены Г.М. Буровым и для пористой керамики (III типа) поселений Вис I, II (Буров, 1967, с. 99–100).

Комплексы чойновтинской культуры, помимо немногочисленной керамики, содержат каменные орудия и сопутствующие их изготовлению продукты расщепления, преимущественно изделия из кремня. Предметы из некремнёвых пород не превышают 0,5% от общего количества каменных артефактов. Для изготовления орудий из обнаже-

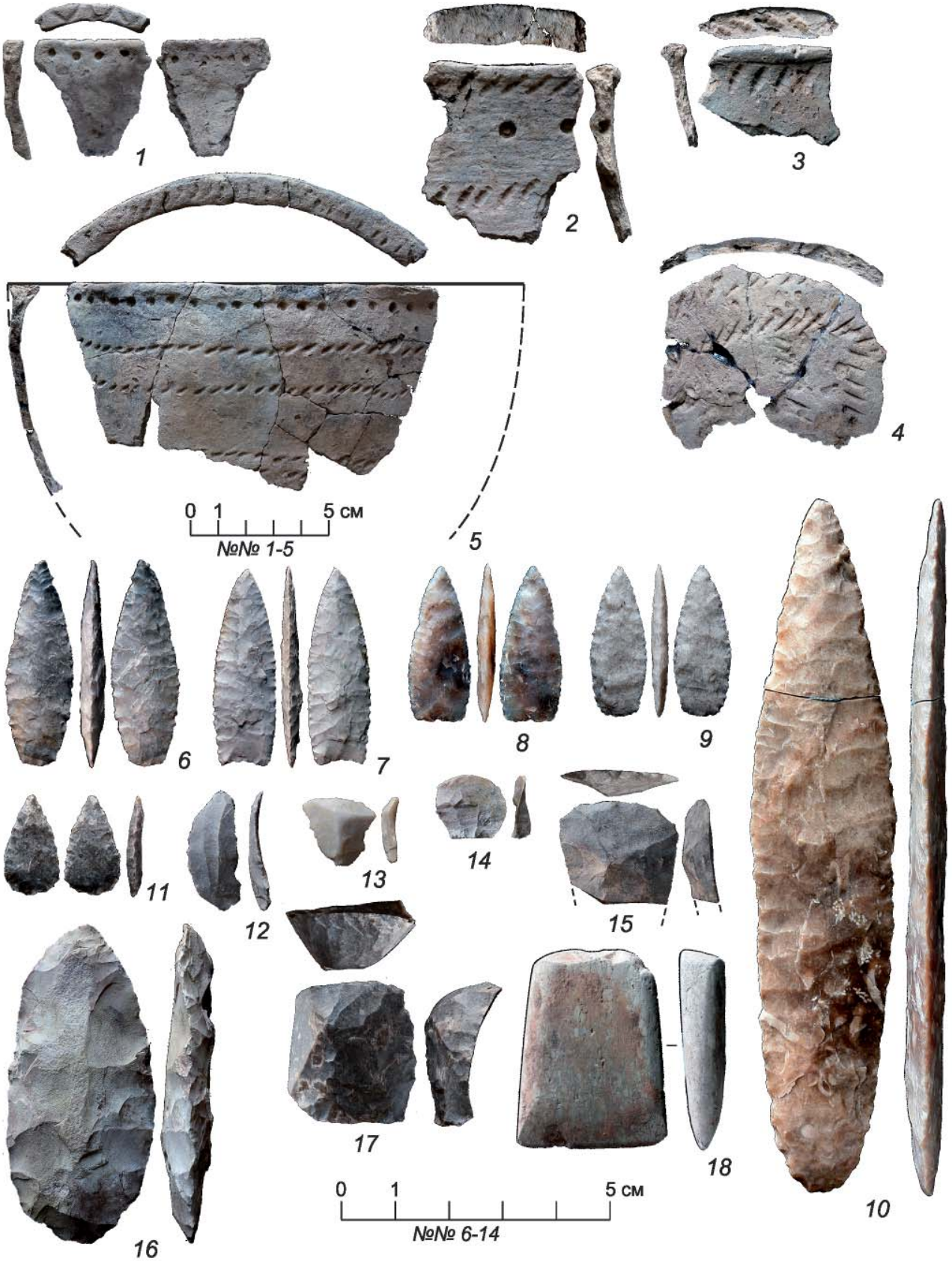


Рис. 5. Угдым I

1–5 – фрагменты керамических сосудов; 6–11, 16 – бифасы: 6–11 – наконечники стрел; 10 – наконечник копья, 16 – незавершенное изделие (нож?); 18 – вкладыш составного рубящего орудия из некремнёвой породы; 12 – нож на отщепе; 13–15, 17 – скребки. 3, 4, 6–8, 10, 18 – жилище 2; 1, 2, 5, 9, 12–17 – жилище 4

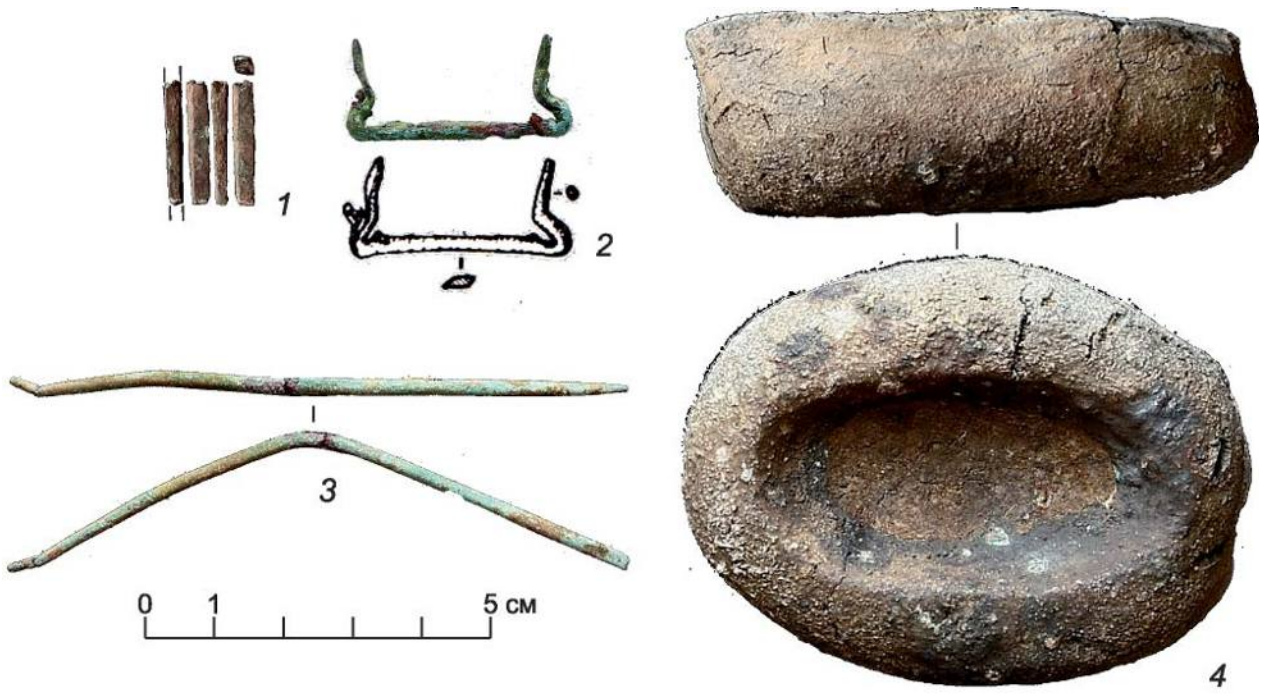


Рис. 6. Памятники типа Галово II

Свидетельства металлообработки. 1 – Галово II (жил. № 6); 2 – Галово II (жил. № 2); 3 – Айюва II (жил. № 1); 4 – Шиховское II. 1–3 – медь; 4 – керамика

ний речных берегов отбирались кремневые гальки разной формы, размеров, цветности и качества, что характерно для всех памятников археологии ЕСВ, где пластовые залежи однородного сырья неизвестны. Основную часть кремнёвых коллекций составляет мелкий дебитаж (чешуйки, отщепы размерами до 3 см, термические осколки). Большая часть диагностируемых продуктов расщепления представлена бифасами на разных стадиях обработки, включая готовые изделия, и сколами бифасиального утончения. В совокупности с данными морфометрии завершенных бифасов (отношение толщины к ширине) это указывает на то, что на памятниках чойновтинской культуры представлена технология вторичного бифасиального утончения, нацеленная на изготовление т. н. «тонких» бифасов – наконечников стрел, дротиков или копий, ножей. Прочие орудия оформлялись на сопутствующих их производству сколах.

Ряд верхневымских памятников (Ёвдино III, Шомвуква II, Усть-Кедва I) отличаются от поселений рр. Вычегды, Мезени и Печоры количеством кремнёвых артефактов, свидетельствующих об интенсивности кремнеобработки: сравнительно большим объемом мелкого дебитажа, бифасов на разной стадии расщепления и скребков (Семенов, Несанелене, 1997, с. 97–99, табл. 1, 2). Так, в постройке стоянки-мастерской Ёвдино III найдено 184 наконечника стрел на разной стадии изготовления, а за её пределами в яме, в которую, вероятно, складировали дебитаж – 174,6 тыс. предметов, включая 162 тыс. чешуек. Для сравнения: наиболее представительная коллекция аналогичного комплекса Угдым IБ на Средней Вычегде включает 15,3 тыс. изделий, в т. ч. 9,1 тыс. чешуек. Специализированные мастерские по изготовлению наконечников стрел на Средней Вычегде представляют еще меньшие коллекции.

На поселении Угдым I выявлены прямые свидетельства намеренного нагрева отдельностей кремневого сырья для подготовки его к дальнейшему расщеплению, включая места для этого (Карманов, 2015). Аналогичные мастерские могли функционировать и в других постройках, где присутствуют явные свидетельства тепловой обработки кремня (например, жилища Галово II). Но в достоверном виде эти контексты либо не сохранились, либо не были в достаточной мере документированы. Судя по изученным коллекциям с пористой керамикой, этот технологический прием имел широкое распространение среди населения чойновтинской культуры. Тепловой обработке подвергались как естественные формы сырья, так и специально подготовленные куски и отщепы. Это позволяло не только повысить качество кремня для изготовления орудий, но и улучшить его эстетические свойства: после контролируемой термической обработки некоторые разновидности сырья или включения в него меняют окраску с невзрачной на малиновую или охристую.

Орудийные наборы памятников чойновтинской культуры, как правило, сравнительно малочислен-

ны: количество орудий редко превышает сотню, а их номенклатура крайне ограничена. В основном они представлены отщепами с краевой ретушью и ретушью утилизации, выполнявшими, вероятно, функции ножей. Некоторые комплексы содержат серии скребков разной морфографии, как правило, концевые одинарные, присутствуют также орудия с разным количеством рабочих участков и их положением на основе. В целом количество и форма орудий этой категории сильно варьирует, что объясняется хозяйственной спецификой комплексов и формой заготовок-сколов. В этом контексте выделяются инвентари некоторых вымских памятников (Шомвуква II (жил. 2), Усть-Кедва I (жил. 1), Усть-Ворыква II (жил. 1 и 2). Они содержат от 77 до 189 скребков и от 52 до 112 наконечников стрел на комплекс (Семенов, Несанелене, 1997, с. 97–99, табл. 1), что согласуется с уже упомянутой выше интенсивностью камнеобработки на Верхней Выми.

Морфологически выраженные изделия включают завершенные «тонкие» бифасы, в числе которых доминируют наконечники стрел. Редки наконечники дротиков или копий, ножи и фигурные кремни. Именно эти категории орудий являются определяющими для характеристики чойновтинской культуры (рис. 4: 4, 5, 7; 5: 6–11). В.С. Стоколос на основании морфографии наконечников стрел выделил три хронологические группы жилищ раннего этапа чойновтинской культуры. При этом он полагал, что «листовидные наконечники являются наиболее ранними типами, а треугольные в различных их вариантах – относительно более поздними» (Стоколос, 1997, с. 232). В связи с этим в первую группу он включил комплексы, содержащие только листовидные, в третью, наиболее позднюю – только треугольные, а в среднюю – и с теми и другими формами. В целом логика изменчивости форм наконечников во времени, которой руководствовался исследователь, не вызывает возражений. Но для корректного определения хронологической последовательности морфотипов «тонких» бифасов необходимы представительные серии завершенных целых изделий с датированными контекстами. Такие серии на известных памятниках ЕСВ пока не выявлены: готовые орудия представлены единично или фрагментарно и их форма в пределах комплексов не постоянна. Последнее связано с особенностями технологии вторичного бифасиального утончения и ее возможностями по модификации изделия на любой стадии его изготовления или эксплуатации. Изучение же всей совокупности орудий этого типа, в т. ч. предварительных форм, указывает на то, что базовым элементом наконечника стрелы чойновтинской культуры является вогнутый насад или насад с выемкой. Если предварительные данные по периодизации культуры, основанные на немногочисленных радиоуглеродных датировках и сравнительно-типологическом анализе верны, то именно разница в характеристике насада будет являться определяющей. Так, для памятников, датированных в пределах 4100–3900 ^{14}C л. н., характерны преимущественно наконечники стрел с выразительным вогнутым насадом, а для комплексов 3600–3300 ^{14}C л. н. (табл. 1) – миндалевидные, листовидные, реже треугольные формы со слабо выраженной выемкой или без таковой. Если это наблюдение в дальнейшем подтвердится, то эволюционный ряд, построенный В.С. Стоколосом, будет обратным.

Единичны в коллекциях чойновтинской культуры завершенные и целые ножи-бифасы и наконечники дротиков или копий. Можно предположить, что часть из них в результате поломки переоформлялась и использовалась по другому назначению. Например, сломанный наконечник копья поселения Вад I (жил. 2) был переоформлен в скребок. Возможно, такие изделия высоко ценились и даже являлись статусными вещами. Частичным подтверждением такому предположению является комплекс изделий упомянутого выше поселения Угдым I (Карманов, 2019). Е.Ю. Гиря (ИИМК РАН) в результате трасологического анализа определил на них следы неутилитарного износа, возникшие в результате их долгого ношения, например, в кожаном мешке (Карманов, Гиря, 2018). В этот комплект, вероятно, составивший в дальнейшем домашнее святилище, входили: нож с т. н. «пуговкой» (острие обломано), наконечник дротика с выделенным противоположными выемками насадом (частично разрушен термически), наконечник копья (обломан) и фигурный кремень (рис. 9: 1–4).

Находки предметов других категорий крайне редки. Наиболее распространенными из них являются фигурные кремни или миниатюрная кремневая скульптура. С комплексами чойновтинской культуры уверенно можно связать кремнёвые изображения водоплавающей птицы (Варжа на р. Лузе), рыбы (Шомвуква II, жил. 2 на р. Выми), медведя и головы лося (?) (Лопью на р. Локчим), выдры (?) (Угдым I на р. Вычегде), лунницы (Мартюшевское II на р. Северной Мылве, Ласта VIII на р. Ижме) (рис. 10: 2, 3).

Из некремневых пород изготовлены немногочисленные шлифованные рубящие орудия: тесла, топоры, долота, клинья (рис. 4: 9; 5: 18). Встречаются также шлифовальные плиты, абразивные пилы.

Антропоморфное изображение из песчаника обнаружено на поселении Усть-Кедва II (Семенов,

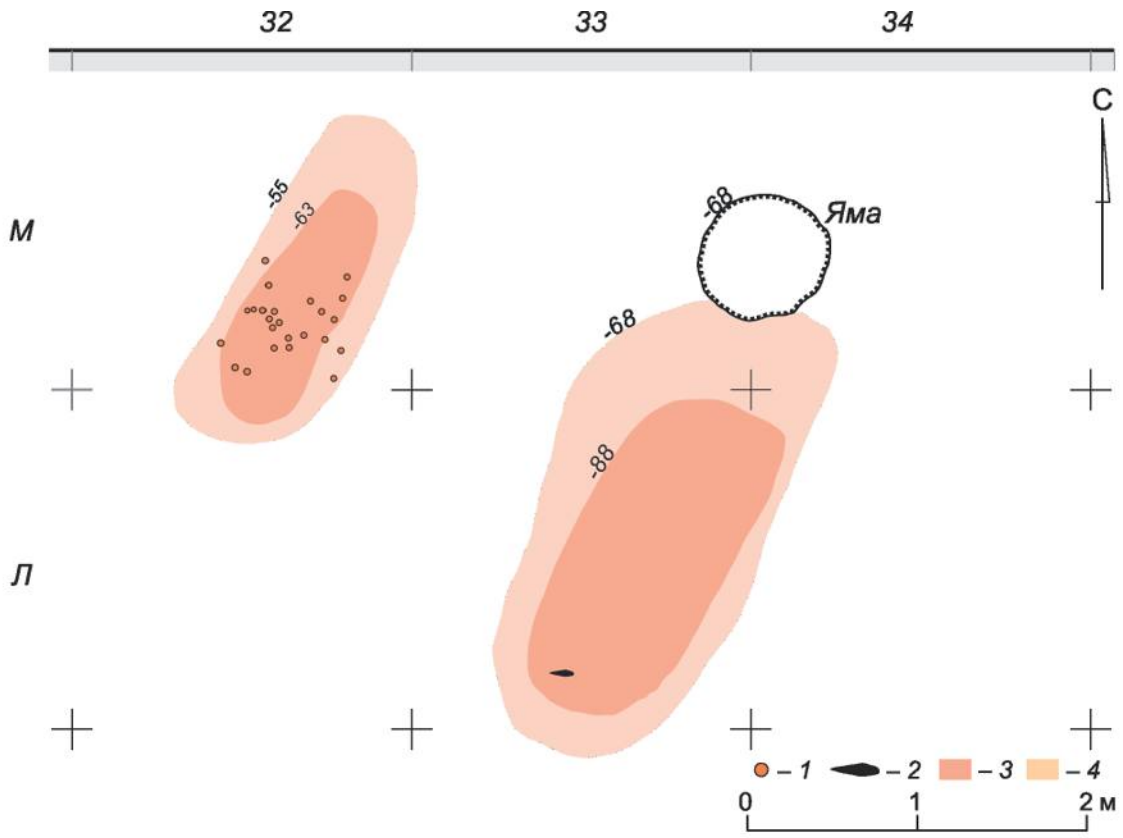


Рис. 7. Поселение Вис II

Погребения. 1 – янтарные пуговицы; 2 – кремнёвый наконечник копья; 3 – заполнение могил, насыщенное охрой; 4 – заполнение могилы

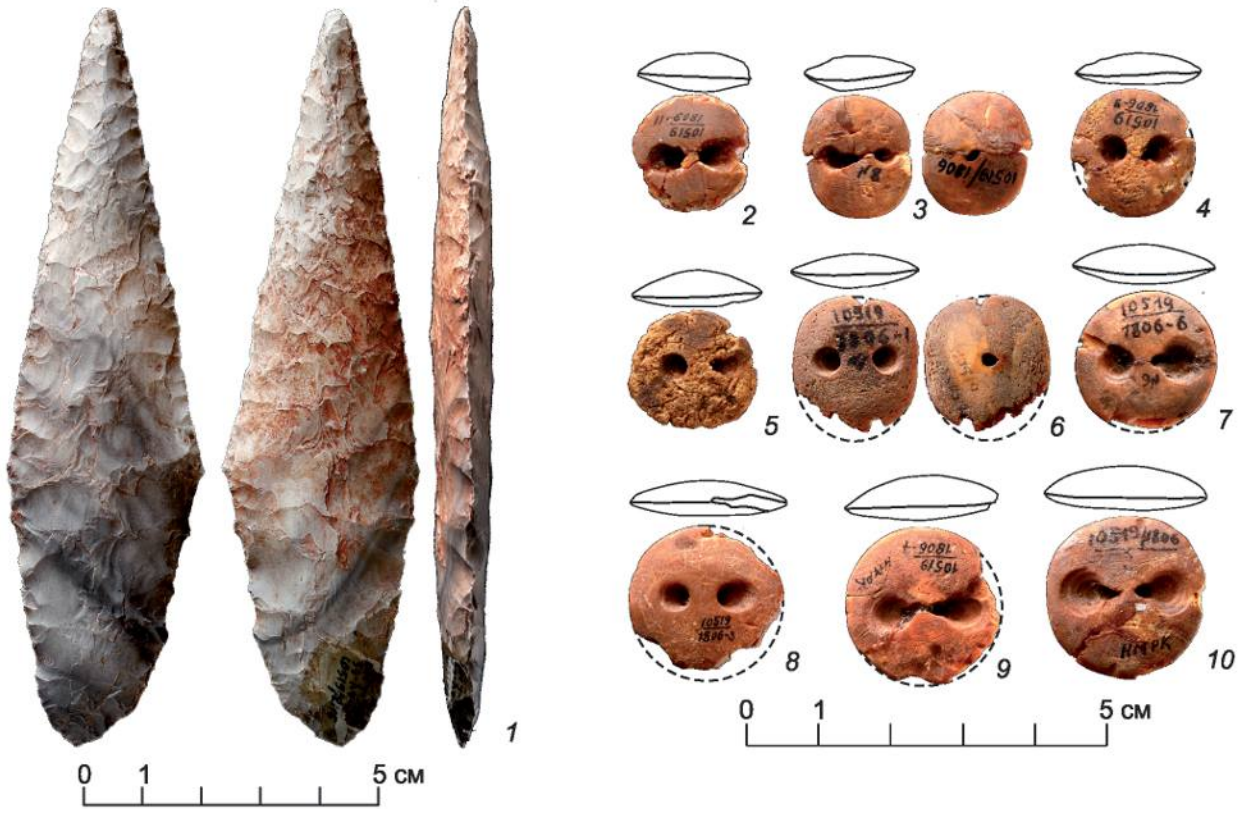


Рис. 8. Поселение Вис II

Инвентарь погребений. 1 – кремнёвый наконечник копья; 2–10 – янтарные пуговицы

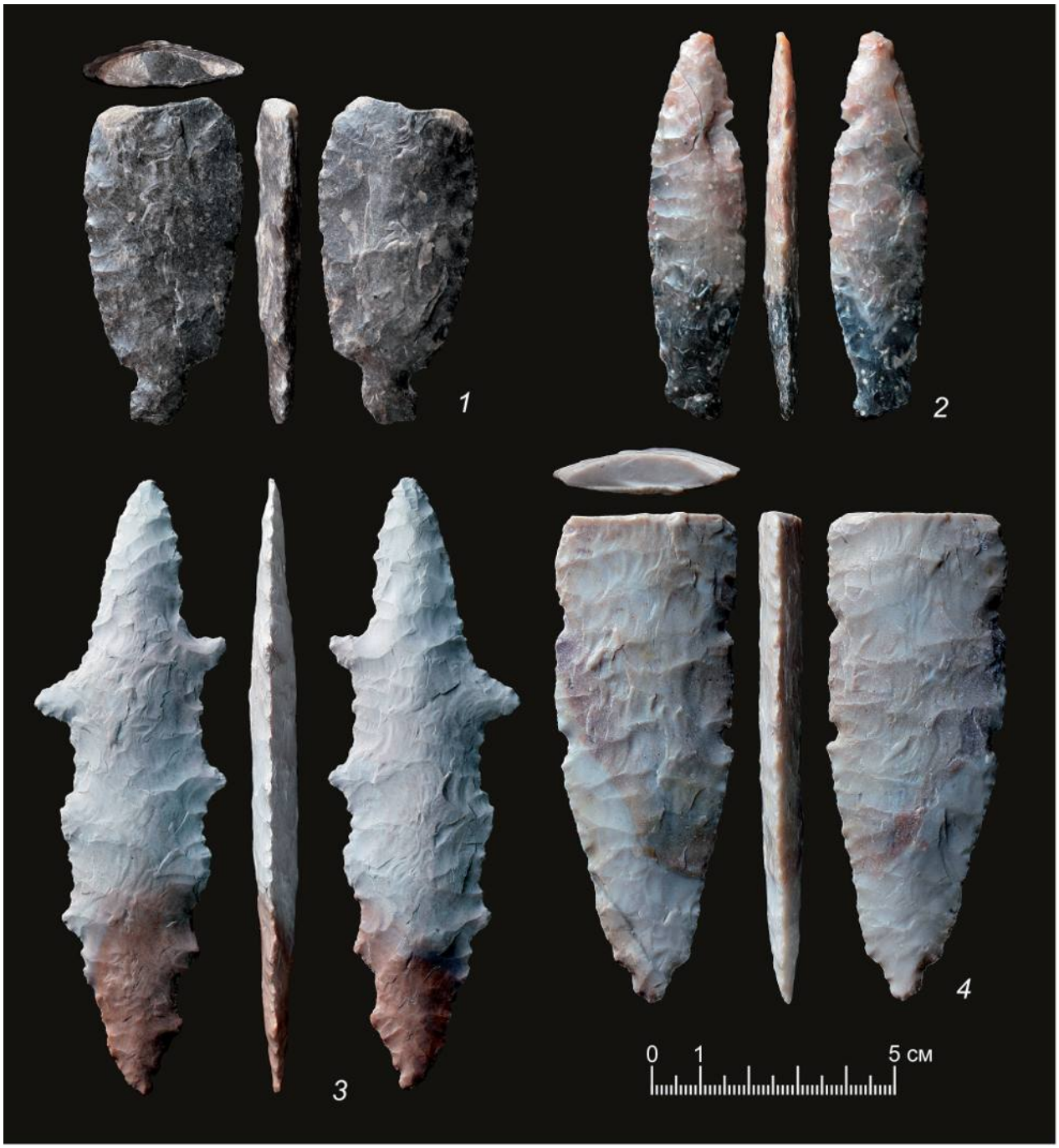


Рис. 9. Угдым I. Кремневые изделия. Комплекс предметов с неутилитарным износом

Несанелене, 1997, с. 36, рис. 15) (рис. 10: 1). Единично представлена подвеска из тонкого отщепа некремнёвой породы с отверстием в верхней части (рис. 4: 8) (Шиховское II). На том же памятнике найдена серия керамических изделий – округлых дисков, изготовленных из обломков сосудов и имеющих отверстие в центре, по виду напоминающих пряслица (рис. 4: 2). В жилище 6 Чойновты II найдена керамическая поделка в форме эллипсоида, размерами 10×3,5 см (Стоколос, 1986, с. 136, 132, рис. 7), отдаленно напоминающая керамические биконические грузила липчинских и атымьинских комплексов Зауралья. На двух мезенских памятниках (Попъюга (жил. 9) и Чойновты II (жил. 13)) обнаружены подвески из прибалтийского янтаря (Стоколос, 1997, с. 236).

Свидетельства использования металла и металлообработки выявлены в жилищах поселений Галово II и Айюва II на р. Ижме, Шиховское II на р. Печоре, Ниремка I на р. Выми, Мартюшевское II на р. Северной Мылве (Карманов и др., 2021). На поселении Галово II в очагах шести жилищ зафиксированы следы медеплавильного производства: обломки тиглей, шлаки, капли металла, найден обломок четырехгранного острия, слитки металла и П-образная скобка из чистой меди (Лузгин, 1972,

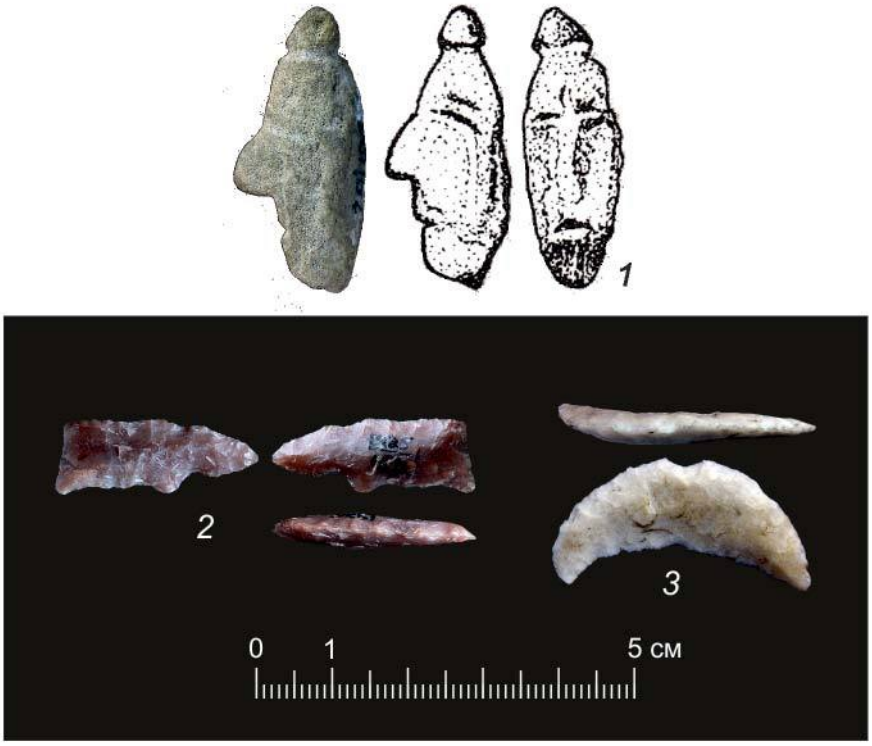


Рис. 10. Миниатюрная скульптура и фигурный кремень. 1 – Усть-Кедва II (песчаник); 2 – Лопью; 3 – Ласта VIII

с. 68) (рис. 6: 1, 2). В жилище 8 поселения Ниремка I обнаружены фрагменты ошлакованной глины и капли меди (Косинская, 1990, с. 126), в жилище Айюва II – медная игла, на Шиховском II – три тигля, в т. ч. один целый (рис. 6: 3, 4), на поселении Мартюшевское II – два украшения (Карманов и др., 2021, рис. 7: 1, 2). Примечательно, что все яркие свидетельства древнейшей на ЕСВ металлообработки расположены сравнительно компактно в долинах Печоры и ее притока Ижмы. Вероятно, это косвенно может объясняться тем, что, судя по химическому составу галовской меди, источником руды могло быть одно из месторождений на р. Цильме (приток р. Печоры) или на Тиманском кряже (Лузгин, 1972, с. 68–70). На других памятниках региона следы использования металла в быту косвенные: это ограниченные и сравнительно малочисленные орудийные наборы из кремня, а также наконечники стрел с т. н. «зубчатой» или «пильчатой» ретушью – вероятный результат использования отжимника с металлическим вкладышем.

Состав каменных орудий чойновтинских поселений типичен для охотничье-рыболовческого хозяйства таежных обитателей. Немногочисленные остеологические остатки указывают на промысел лесных копытных, бобра, птицы, рыбы. Характер поселений (неоднократно заселявшиеся постоянные зимники, места летних стоянок, кратковременность функционирования стационарных жилищ), возможно, свидетельствует о выработке годового хозяйственного цикла с сезонной сменой угодий. Но соотношение основных отраслей – охоты и рыболовства – по имеющимся материалам не устанавливается. Сохранившиеся части инвентаря свидетельствуют об интенсивной камнеобработке, направленной на массовое изготовление кремнёвых наконечников стрел. Это, а также кратковременность поселений, отсутствие грузил косвенно указывает на доминирующую роль охоты.

Могильники

Следы мест упокоения, возможно, связанные с населением чойновтинской культуры, выявлены на поселении Вис II (Карманов и др., 2001). Здесь изучены два погребения без антропологических остатков, но выделяющиеся высокой концентрацией охры в заполнении и погребальным инвентарем – 22 янтарными пуговицами (погребение № 1) и кремнёвым наконечником копья (погребение № 2) (рис. 7; 8). Наиболее близкие и многочисленные аналогии инвентарю этих погребений и их контексту можно найти в материалах волосовских могильников (Костылёва, Уткин, 2010). Однако достоверные места обитания этой культуры на ЕСВ не выявлены, что и побуждает пока сопоставлять их с носителями чойновтинских традиций (подробнее см.: Карманов, 2020).

Хронология. Периодизация культуры.

Хронологию и периодизацию чойновтинской культуры по-прежнему приходится определять по аналогиям с памятниками гаринско-борского

типа, предполагая при этом примерно одинаковые тенденции эволюции керамической посуды и каменного инвентаря культур ЕСВ и бассейна р. Камы. Исходя из этого, допустимо использовать признаки, предложенные В.С. Стоколосом и Г.М. Буровым для периодизации чойновтинских памятников (в керамике – типы сосудов, формы венчиков, виды штампов-орнаментиров), и сохранить саму двухэтапную периодизацию культуры. По этим признакам большинство более-менее выразительных комплексов соотносятся скорее с ранним этапом гаринской культуры, чем с поздним. Но отсутствие на чойновтинской керамике техники шагающей гребенки и ямок под венчиком сближает ее с поздними гаринскими. А.Ф. Мельничук (см. раздел «Гаринская культура» в настоящем издании) определяет время существования гаринской культуры на основании калиброванных радиоуглеродных датировок и аналогий медным вещам с рубежа IV/III по первую четверть II тыс. до н. э., а начало позднего периода – с конца III тыс. до н. э. На средней Печоре изучено одно из углубленных жилищ поселения Шиховское II (Васкул, 2011, с. 5), сопоставимое с памятниками типа Галово II (табл. 1). Коллекция комплекса типологически однородна (рис. 4), фрагменты древесных углей отбирались из сгоревшей кровли постройки. Получены две даты, разница между которыми существенна: 3950±100 (Ле-7477) и 4360±140 ^{14}C л. н. (Ле-7478). На другом памятнике чойновтинской культуры, поселении Ласта VIII на р. Ижме, Т.В. Истоминой удалось изучить жилище с надежным контекстом нахождения сгоревшей конструкции постройки (Истомина, 2002). Из двух смежных квадратов раскопа были отобраны фрагменты древесных углей и получены данные, имеющие существенный разброс и разные доверительные интервалы: 4130±90 (Ле-6204) и 4770±300 ^{14}C л. н. (Ле-6205) (Радиоуглеродная …, 2004, с. 102). При этом два упомянутых выше комплекса объединяет пара схожих дат (3950±100 и 4130±90 ^{14}C л. н.), но их адекватность реальности требует доказательства или подтверждения дополнительными данными. Территориально ближайшие датированные комплексы, синхронные этому периоду, выявлены на поселении Павшино 2, раскопанном С.Ю. Васильевым на р. Юге (Васильев, 1995, с. 43–56; Васильев, Суворов, 2000, с. 5–31). Исследователь сопоставил инвентарь пяти жилищ этого памятника с материалами гаринской культуры, а результаты радиоуглеродного анализа позволяют отнести эти контексты к III тыс. до н. э. Однако материалы Павшино 2 опубликованы в недостаточной мере, и, как они соотносятся типологически с таковым чойновтинской культуры, пока не определено.

Единственная ^{14}C л. н. дата позднего этапа чойновтинской культуры получена по бересте, заключенной в развале сосуда (рис. 5: 5) одного из жилищ поселения Угдым I – 3480±190 (ГИН-14592), 2030–1600 гг. до н. э. в калиброванных значениях. Поздний возраст подтверждается радиоуглеродной хронологией позднегаринского жилища на поселении Новоильинское III (Лычагина и др., 2013, с. 162) и наличием в датированном комплексе Угдым I керамических емкостей с гофрированными венчиками, которые в Прикамье бытуют преимущественно на позднем этапе гаринской культуры.

Присутствие в комплексах не совсем типичных для чойновтинской культуры сосудов (с «чужими» признаками) не обязательно, на наш взгляд, указывает на поздний или, наоборот, на ранний их возраст, за исключением, пожалуй, специфических черт среднего периода чужьяёльской АК (например, копытный, арочный штампы). Не исключено, что такие признаки сопровождают чойновтинскую керамику на всем протяжении ее существования, поскольку обусловлены, скорее всего, постоянным и тесным взаимодействием чойновтинских групп с местными носителями гребенчатых традиций.

Локальные варианты

Сколько-нибудь существенных локальных различий керамики и каменного инвентаря между памятниками территориальных групп (верхняя и средняя Вычегда, Вымь, Мезень, Тиман, Ижма, Печора) исследователи не усматривают. Предположение В.С. Стоколоса о возможности выделения вычегодского локального варианта (пос. Эньты II, Лунъяг) требует обоснования дополнительными материалами.

Историко-археологическая интерпретация (социальное устройство, исторические судьбы)

Судя по размерам жилищ, число их обитателей могло составлять минимум 10–12 человек, в многоочажных – 20–25 человек, исходя из средней нормы площади 3,5 кв. м на человека, или по 4–10 человек на очаг, что по данным этнографии соответствует размерам малой семьи у охотничьих народов таежного Севера. Таким образом, допустимо предполагать, что очаг мог служить центром семейной жилой ячейки, хотя правило «один очаг – одна семья» в традиционных культурах соблюдался далеко не всегда. Возможно, производственные коллективы состояли из нескольких малых или больших семей, обитавших в одном или нескольких жилищах и образующих общину (Косинская, 1990). Сосуды «гибридного» облика, регулярно присутствующие в чойновтинских комплексах, свидетельствуют о процессах смешения изготовителей пористой керамики, по всей видимости, пришлых, с местным населением. В конце

энеолита эти процессы привели к исчезновению чойновтинской керамической традиции, которая вошла составной частью в последующие типы гребенчатой керамики (например, ниремский тип, лебяжская АК).

Таблица 1

Радиоуглеродная хронология памятников чойновтинской культуры

Памятник	Культура	Датированный материал, контекст	Лабораторный индекс	Возраст, ^{14}C л.н.	Калиброванный возраст, гг. до н. э.	Публикация дат
Шиховское II (р. Печора)	Чойновтинская АК, Галово II тип	Уголь, кровля постройки?	ЛЕ-7477	3950±100	2702-2194	Васкул, 2011. С. 5
Шиховское II	Чойновтинская АК, Галово II тип	Уголь, кровля постройки?	ЛЕ-7478	4360±140	3373-2620	Васкул, 2011. С. 5
Ласта VIII (р. Ижма)	Чойновтинская АК	Уголь, жилище №1, кв. 5З-5Ж	ЛЕ-6204	4130±90	2896-2486	Радиоуглеродная хронология…, 2004. С. 102
Ласта VIII	Чойновтинская АК	Уголь, жилище №1, кв. 4Ж	ЛЕ-6205	4770±300	4266-2867	Радиоуглеродная хронология…, 2004. С. 102
Угдым I (р. Вычегда)	Чойновтинская АК	Обугленная береста, заключенная в развале сосуда, жилище №4	ГИН-14592	3480±190	2348-1393	Лычагина и др., 2013

ГЛАВА 7

ЧУЖЪЯЕЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ

История изучения.

В 1962 г. были опубликованы материалы сборов с Ортинской стоянки в низовьях р. Печоры, датированные эпохой бронзы. Оригинальная керамика с геометрическими гребенчатыми узорами не нашла в то время аналогов на ЕСВ, но авторы обратили внимание на черты, сближающие ее с посудой некоторых стоянок Нижнего Приобья (Пядышев, Хлобыстин, 1962). Десятилетие спустя такие аналоги обнаружились на многослойных поселениях водораздельных озер Центрального Тимана – пос. Ружникова, Пижма II и др. (Стоколос, 1973). Выстраивая культурно-хронологическую схему древностей Тимана, В.С. Стоколос поместил выделенную им типологически группу керамики, близкую ортинской, между неолитическими и турбинскими комплексами, рассматривая ее как свидетельство влияния или даже проникновения зауральского (ортинско-сортыньинского) населения с орнаментальной традицией гребенчатого сотового геометризма.

Определение «чужъяёльский тип керамики» было введено в литературу В.С. Стоколосом в 1978 г. для обозначения особого типа керамической посуды, выявленного им на поселениях р. Мезени (Стоколос, 1978). Тогда, в ходе установления его историко-культурной позиции, он пришел к выводу о близости чужъяёльских материалов инвентарям энеолитических памятников Среднего и Южного Зауралья. И предположил, что истоки некоторых элементов орнаментации можно найти в неолитической керамике Нижней Оби (Чес-тый-яг, Сортынья I и Хулюм-Сунт) (Стоколос, 1978, с. 38). По мере накопления источников исследователь посчитал правомерным повысить таксономический статус памятников долины р. Мезени до чужъяёльской археологической культуры (Стоколос, 1986, с. 109).

На основании полученных радиоуглеродных дат и аналогий материалам сопредельных территорий первоначально были выделены два периода в развитии культуры. При этом ранний этап был отнесен к финальному неолиту, поздний – к энеолиту. Изменения касаются, прежде всего, орнаментации керамики: наблюдается уменьшение роли накольчатого компонента, появление дугообразного зубчатого и «копытного» штампов, сотового орнамента, а финал культуры, характеризуемый расцветом т.н. гребенчатого геометризма, связан с постепенным продвижением чужъяёльского населения на север и контактами с племенами Нижнего Приобья (Стоколос, 1986, с. 100).

Жилищный комплекс Эньты II на р. Вычегде был отнесен к материалам, документирующим контакты чужъяёльского населения с носителями пористой керамики «гаринско-борского круга» (Стоколос, 1988, с. 60), но в монографии 1997 г. (Стоколос, 1997, с. 235) Эньты II фигурирует среди памятников чойновтинской культуры. В качестве варианта развития чужъяёльских традиций В.С. Стоколос рассматривал памятники типа Конецбор V, представляющие постчужьяёльский этап (Стоколос, 1988, с. 60).

Окончательное оформление концепции чужьяёльской культуры привело исследователя к выделению трех периодов в ее развитии и включению в ее состав северных материалов (Нерчей II, Колва 25, Море-ю) в ранге локального тундрового варианта или при- и заполярной группы, а также комплексов типа Конецбор V как памятников позднего периода (Стоколос, 1988; 1997, с. 222–229). Со средним этапом сопряжены западносибирские материалы бухты Находка, Пернашор, Амня I и Малый Атлым.

Таким образом, практически все известные на тот момент в регионе энеолитические материалы, за исключением памятников чойновтинского типа, оказались в составе чужьяёльской культуры. Она «поглотила» комплексы с гребенчатой керамикой, представляющие иную, отличную от чужьяёльско-ортинской линию развития, находившуюся с ней в тесном взаимодействии.

К сожалению, сопоставимые по объему и содержанию публикации с альтернативной интерпретацией всей совокупности материалов чужъяёльской АК, отсутствуют. Аргументированная критика содержится только в докторской диссертации Г.М. Бурова (1986) и в его рецензии на монографии В.С. Стоколоса (1992). В отличие от последнего, он отказался от выделения культур, рассматривая имеющиеся материалы на уровне культурных типов. По его версии чужьяёльской и чойновтин-

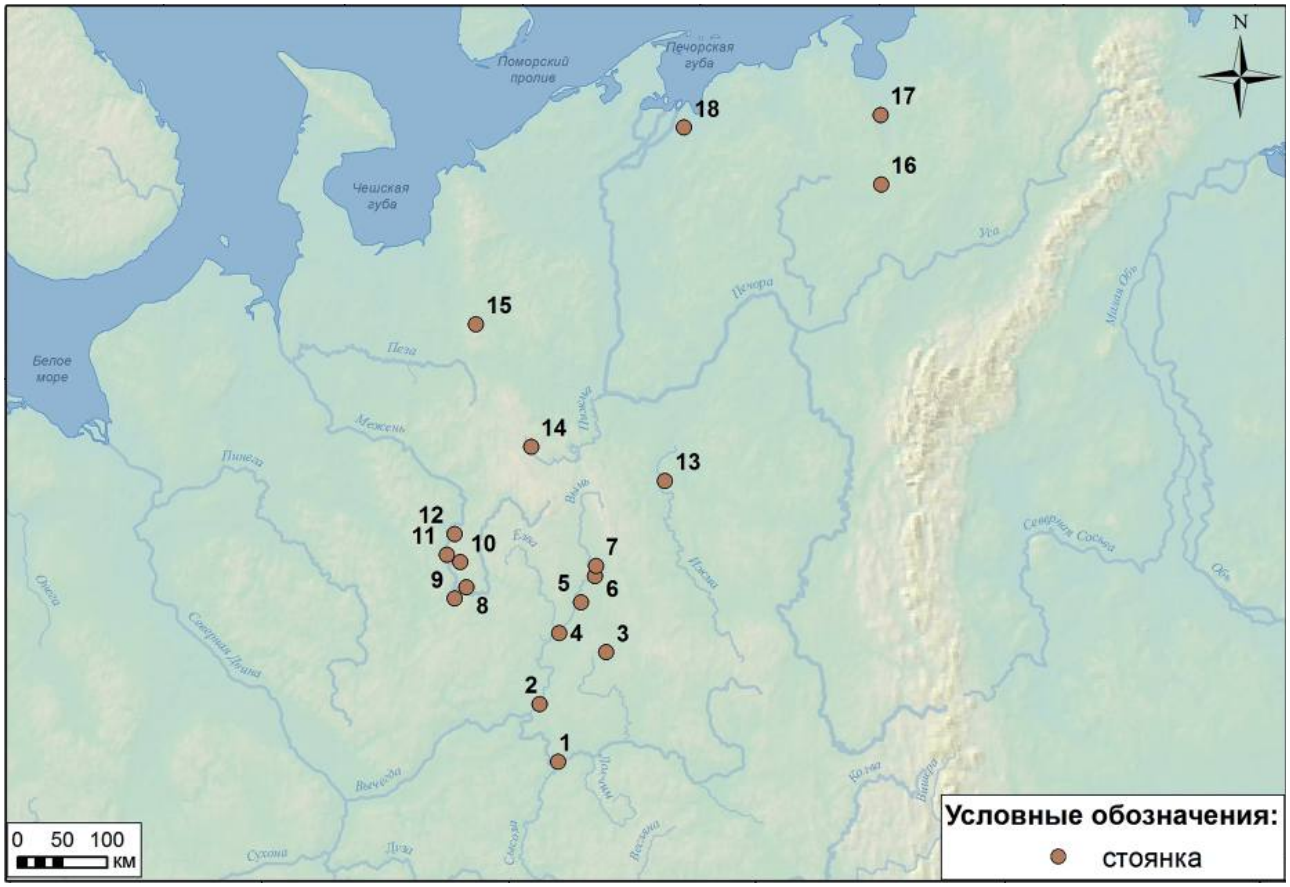


Рис. 1. Памятники чужъяёльской культуры и сопряженные с нею комплексы на европейском Северо-Востоке
1 – Эньты II и VII; Ваднюр I; 2 – Ниремка I; 3 – Вис I и II; 4 – Ёвдино II; 5 – Усть-Комыс; 6 – Шомвуква II; 7 – Усть-Кедва II; 8 – Гыркасъёль; 9 – Чойновты I, II; 10 – Чужъяёль I; 11 – Ошчой I и V; 12 – Мучкас; 13 – Картаёль II; 14 – Пижма II; 15 – Ружникова, Кыско; 16 – Нерчей II, Колвавис 25; 17 – Море-ю; 18 – Ортинская

ской культурам идентичны ортинский и галовский культурные типы. Ортинский культурный тип распространен на запад до Двинско-Пинежского междуречья, а галовский – до Северной Двины. Ареал конецборского типа, родственного ортинскому, охватывает среднюю Печору, Восточное Привычегодье и Архангельское Беломорье. Кроме того, исследователь выделил еще два культурных типа гребенчатой керамики: мармугинский на Северной Двине и ниремский на Вычегде. Хронологию перечисленных культурных образований автор выстроил следующим образом: конецборский – вторая-третья четверть III тыс. до н. э., мармугинский – четвертая четверть III тыс. до н. э., ортинский – рубеж III/II тыс. до н. э., галовский – конец III – первая половина II тыс. до н. э., ниремский – синхронен позднему галовскому (Буров, 1986, с. 13–17).

Кроме того, Г.М. Буров считает, что ранний период чужъяёльской культуры В.С. Стоколос неоправданно удревнил и необоснованно сблизил с ранненеолитическими материалами эньтыйского типа, верхневолжской и черноборской культур (Буров, 1992). Такой же точки зрения придерживается Л.Л. Косинская, которая полагает, что указанная В.С. Стоколосом дата раннего периода противоречит данным по энеолиту Западной Сибири: «Чужъяёльская (ортинская) АК, являлась периферийным образованием огромного культурного массива от Южного Зауралья и Северного Казахстана до Западной Сибири, который датируется III тыс. до н. э.» (Косинская, 1997, с. 155, 156).

К сожалению, плодотворной дискуссии по проблематике северных памятников культурно-исторической общности гребенчатого геометризма, представленной, по мнению В.С. Стоколоса, чужъяёльской культурой, не получилось. Исследователь проигнорировал и рецензию Г.М. Бурова, и критические замечания других исследователей. Практически в неизмененном виде концепция, предложенная им в 1988 г., вошла в раздел по энеолиту и эпохе бронзы коллективной монографии «Археология Республики Коми» (1997). С этого времени источниковая база чужъяёльской культуры существенно не изменилась, актуальные публикации по ее проблематике до настоящего времени отсутствовали.

Накопление в 1980–1990-е гг. энеолитических материалов к востоку от Уральского хребта подтвердило связи населения чужъяёльской культу-

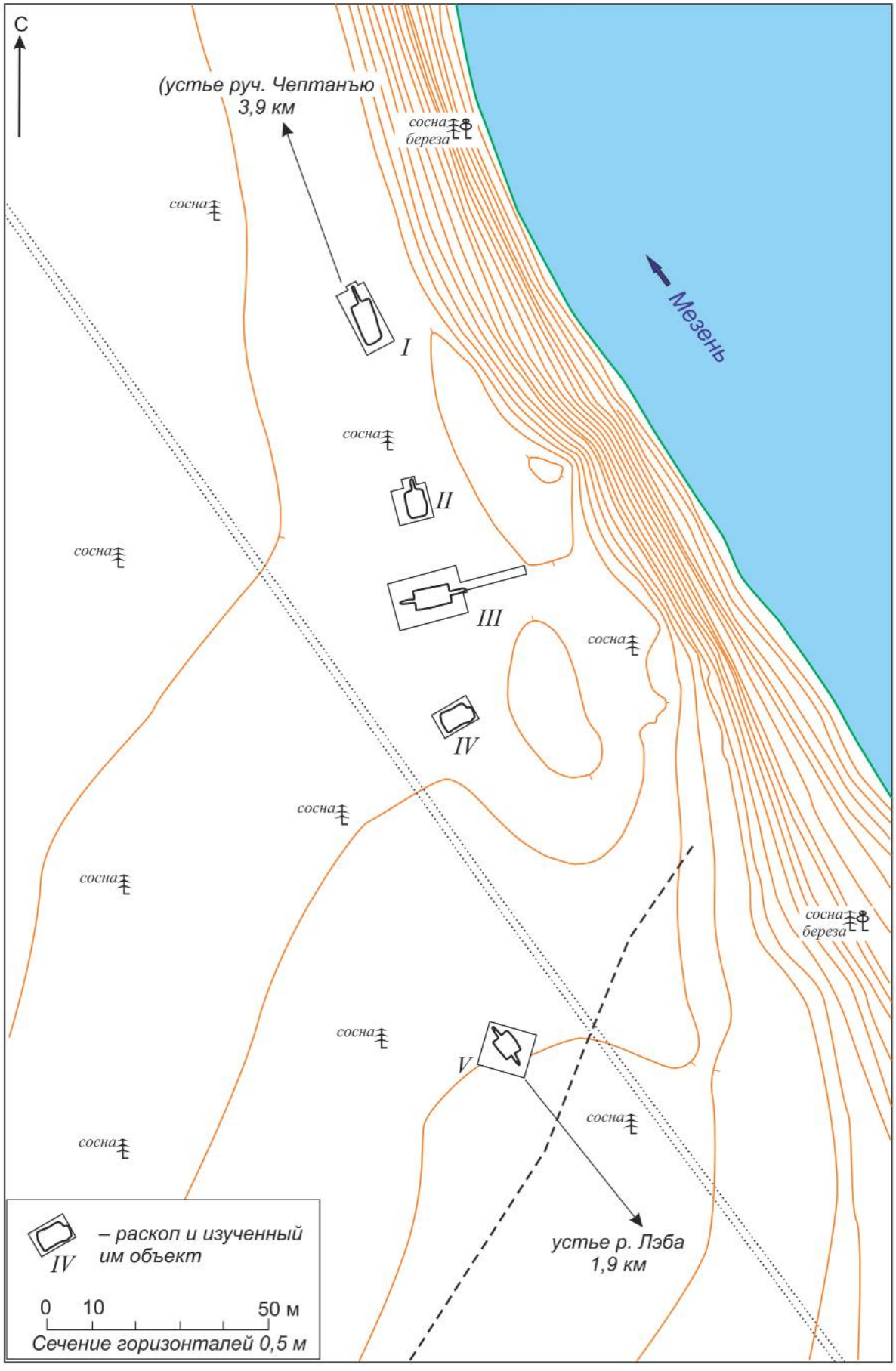


Рис. 2. Чужъяёль I, поселение. Ситуационный план (2013 г.)

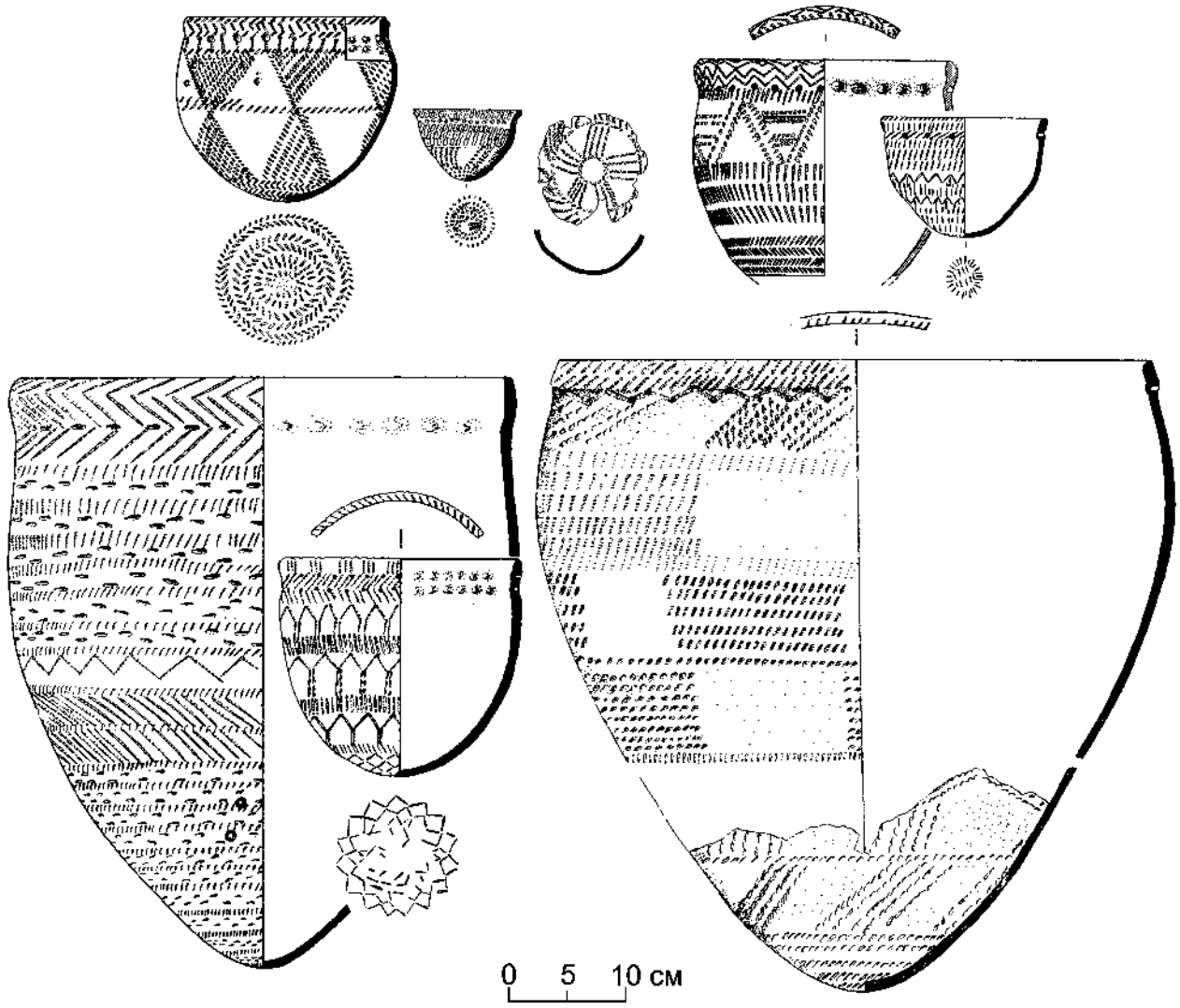


Рис. 3. Чужъяёльская культура. Ранний этап
Чойновты I. Керамические сосуды. Реконструкция (по: Стоколос, 1986)

ры с Зауральем. Обобщение обширного корпуса источников привело исследователей к выработке концепции культурно-исторической области энеолитических культур гребенчатого геометризма, которая охватывала зауральские и западносибирские территории от тундры до степи, а также северное и южное Приуралье. В этой системе нашла свое место и чужъяёльская культура как одно из культурных образований северной провинции Зауральско-Казахстанской КИО (Шорин, 1999; Чаиркина, 2005).

Генезис культуры

Ранние керамические комплексы чужьяёльской культуры, по мнению В.С. Стоколоса, двухкомпонентны. Происхождение «гребенчатого» компонента он связывал с инфильтрацией в регион населения позднего этапа камской неолитической культуры. Относительно истоков «накольчатого» компонента не исключалась возможность контактов с носителями накольчатых традиций, представленных верхневолжской АК, и влиянием агидельской культуры Южного Урала (венчики с утолщением-воротничком). Окончательное оформление культуры на среднем этапе рассматривалось как результат внешнего импульса из Южного Зауралья и Нижнего Приобья (Стоколос, 1997, с. 216–218, 226–227).

Связь носителей чужьяёльских традиций с энеолитическим населением Нижнего Приобья отмечают и уральские исследователи, имея в виду стиль гребенчатого геометризма (Шорин, 1999; Чаиркина, 2005). Памятники северной провинции Зауральско-Казахстанской КИО разбросаны по бассейнам притоков Оби – Тавды и Конды (атымьинские, пернашорские), Северной Сосьвы (пос. Ясунское), Сыни (Лов-Санг-хум), Амни (Амня Ia), обнаружены в низовьях Оби (ст. Пернашор) и на Ямале (,). Различаясь в деталях, керамическая посуда этих памятников имеет много общего, что приводит исследователей к мысли о

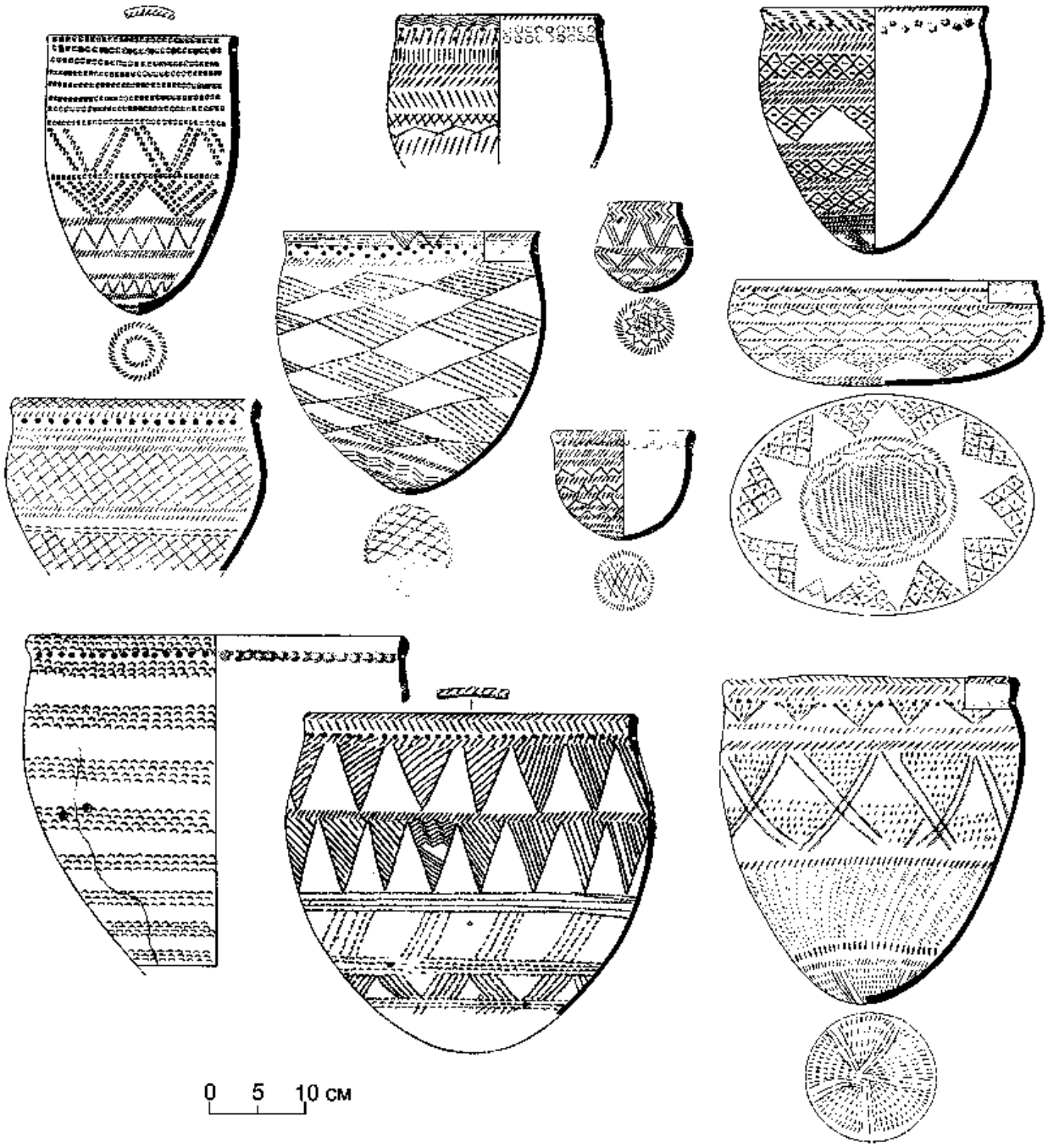


Рис. 4. Чужъяёльская культура. Средний период
Ошчой V, жил. 3. Керамические сосуды, реконструкция (по: Стоколос, 1986)

необходимости объединения их в одну культуру: пернашорскую (Кокшаров, 2009, с. 227–231) или ясунскую (Васильев, Глызин, 2010). В ее керамике представлены все типы чужьяёльских сосудов аналогичных пропорций и размерных групп (включая овальные чаши) и типы венчиков, все специфические виды штампов и приемы орнаментации (в том числе наколы лопаточкой и гребенчатым штампом, техника, напоминающая ложный шнур, отступающая и «полушагающая» гребенка), принципы построения композиций, простые и сложные геометрические мотивы; сходен состав теста и обработка поверхности сосудов. Судя по имеющимся радиоуглеродным датировкам, зауральское влияние началось еще на раннем этапе чужьяёльской культуры. Возможно, с зауральским импульсом связан и ее «накольчатый» компонент. Исходя из этого, отпадает необходимость привлекать в качестве истоков чужьяёльских керамических стереотипов относительно ранние неолитические материалы. Вероятно, близок к истине Г.М. Буров, предполагавший участие в чужьяёльском культурогенезе и местного конецборского типа гребенчатой керамики, особенности кото-

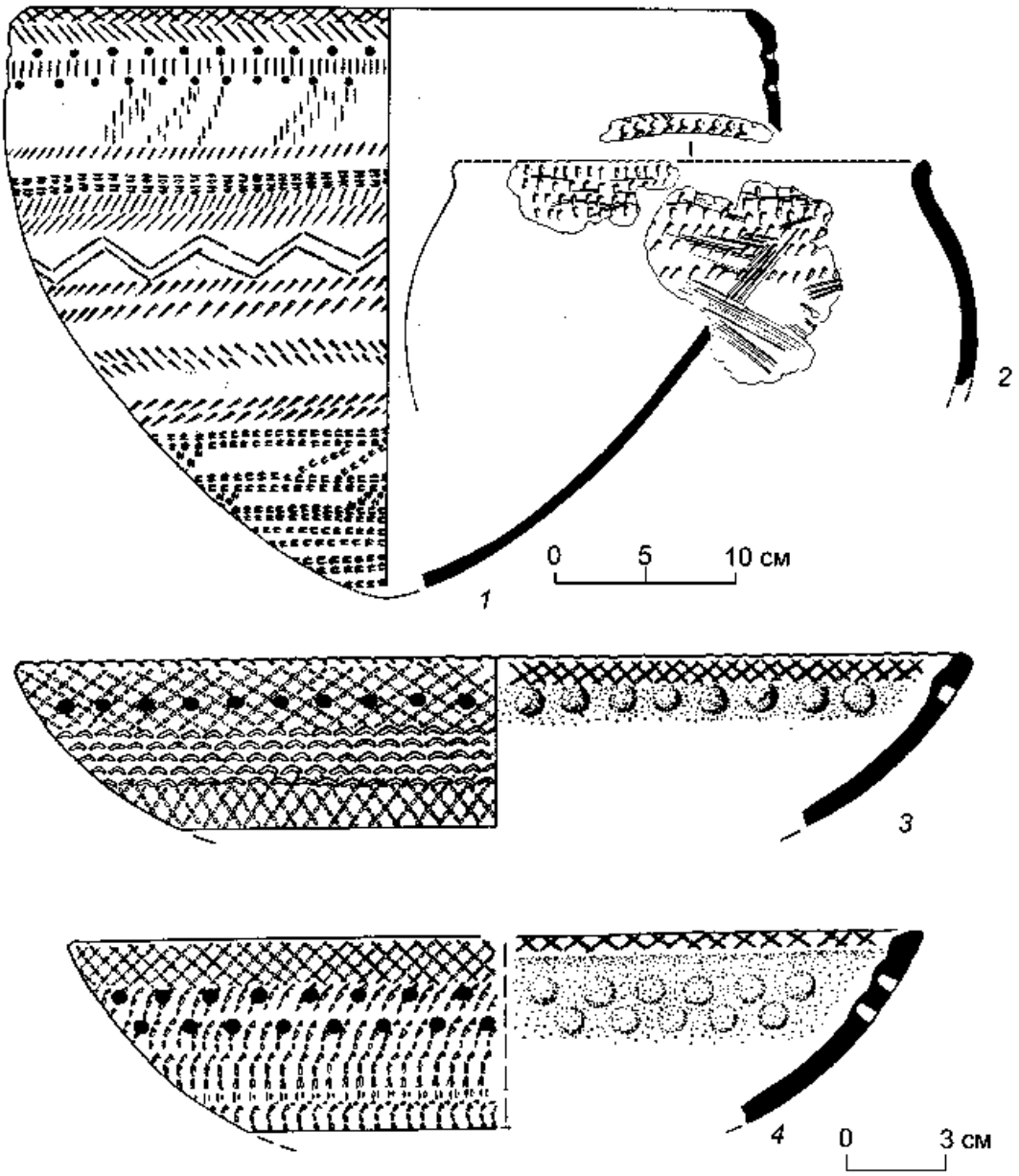


Рис. 5. Чужъяёльская культура
Керамические сосуды позднего периода и тундрового варианта, реконструкция (по: Стоколос, 1986).
1–2 – Ошчой 1, жил. 11; 3, 4 – Нерчей II

рого (в частности, шагающая гребенка и наличие ножевидных пластинок в составе кремневого инвентаря) указывают скорее на ранний, чем на поздний его возраст в пределах энеолита. О его участии свидетельствует, например комплекс Ошчой I, жил. 5 (Стоколос, 1986, с. 57–61). Вместе с тем, отсутствие на ЕСВ достоверных источников по позднему неолиту не позволяет оценить вероятность присутствия в этот период местной «накольчатой» основы.

Область расселения.

Памятники чужьяёльской культуры (гомогенные жилищные комплексы) компактно сосредоточены в верхнем течении Мезени. В низовьях Печоры и в Большеземельской тундре локализованы памятники с керамикой ортинского типа. В верховьях Выми и на Средней Вычегде обнаружены пока единичные жилищные комплексы, которые надежно атрибутируются как чужьяёльские: Усть-Кедва II (жил. 2), Шомвуква II (жил. 3), Ваднюр I (жил. 7). Наконец, на памятниках водораздельных озер Ямоозеро, Косминские и Синдорское выделены типологические группы керамики, близкой ортинской и чужьяёльской (рис. 1).

Поселения.

Первый этап, по мнению В.С. Стоколоса, представлен всего тремя памятниками – Чойновты I и Гыркасъёль (жил. 1) на р. Мезени и коллекцией сборов подъемного материала и расчистки на стоянке Кельчиюр II (участок 2) на

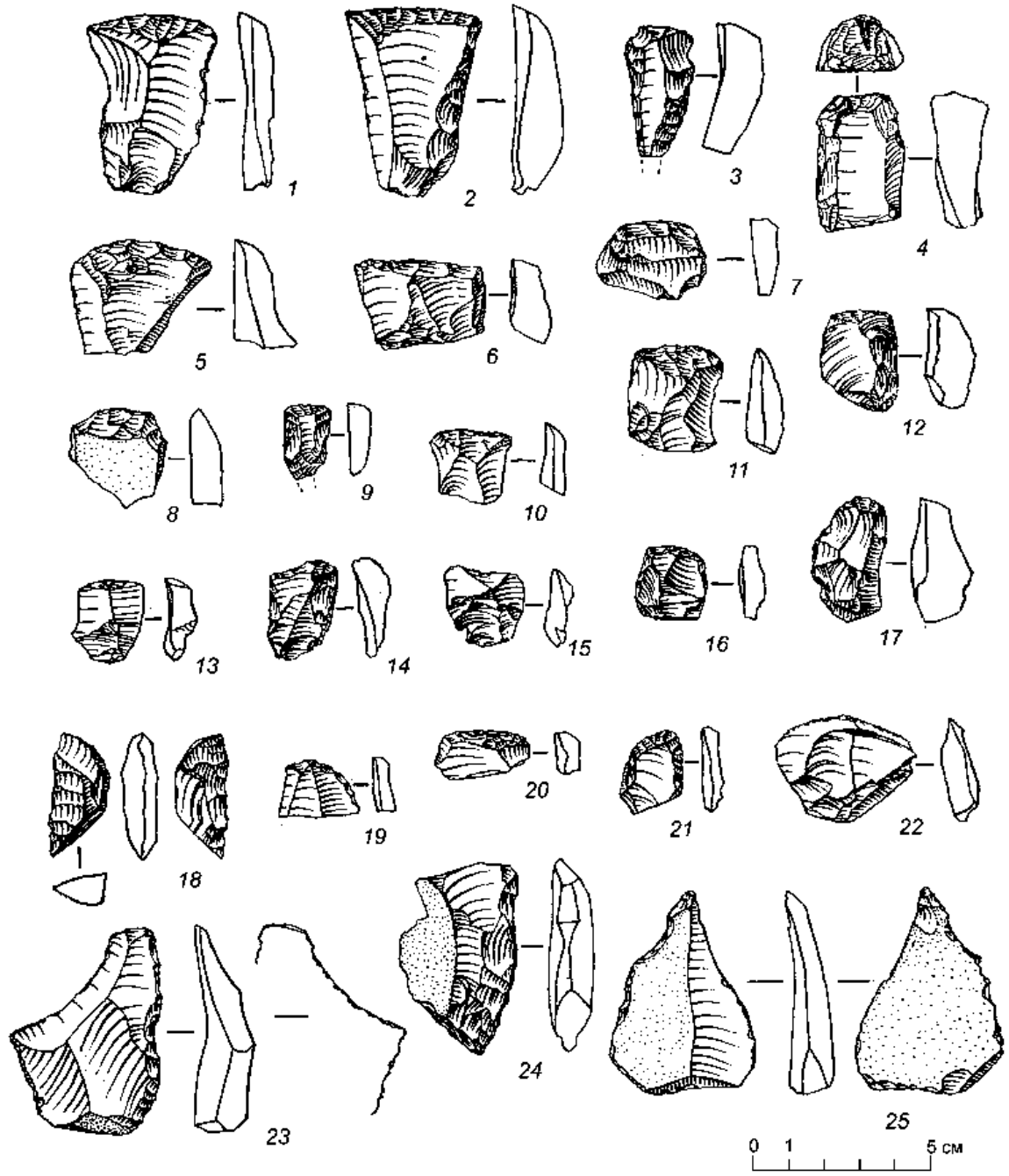


Рис. 6. Чужъяёльская культура. Ошчой V (жил. 3). Кремнёвые изделия (по: Стоколос, 1986)

р. Ижме. Возможно, относительно раннюю позицию занимает и вымский комплекс Шомвуква II (жил. 3) (Семенов, Несанелене, 1997, с. 66–67, 78–79). Средний период более представителен и включает жилищные комплексы Чужъяёль I (жил. 1–5), Ошчой I (жил. 6), Ошчой V (жил. 3 и 5), Мучкас на р. Мезени, стоянки Ёвдино II, Усть-Кедва (жил. 2) и Усть-Комыс на р. Выми; частично сохранившееся жилище поселения Болбан-ю на р. Кожим; выборку из коллекций Пижма II (Ямозеро), Ружникова и Кыско (оз. Косминские); коллекции сборов подъемного материала на стоянках Колва-вис 25 и Море-ю, а также жилищный комплекс Нерчей II и стоянку Ортино в Большеземельской тундре. Поздний период представляют жилищные комплексы Ошчой I (жил. 11 и 16), сборы подъемного материала Лекчойди II и Сула I на Мезени и на стоянке Картаёль II (участок 3) на Ижме; выборка из разновременных инвентарей Вис I и II (оз. Синдор).

Представления о размерах и планировке поселений чужъяёльской культуры дают нам наиболее изученные памятники Чужъяёль I (рис. 2), Ошчой I и V, Чойновты I, II, Мучкас на р. Мезени и Усть-Кедва II на р. Выми. Они состояли из одного-пяти жилищ, расположенных свободно, с

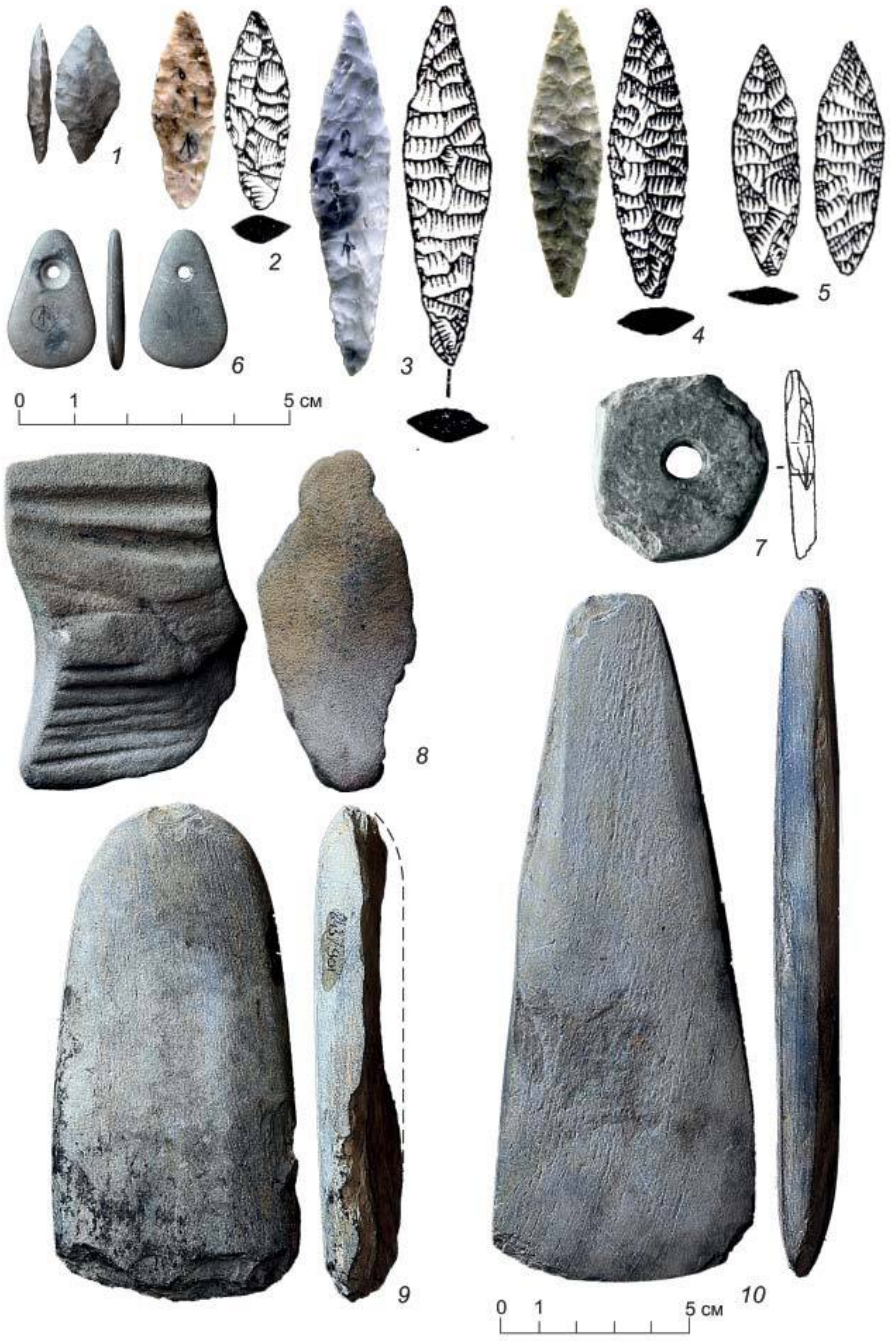


Рис. 7. Чужъяёльская культура

1–5 – наконечники стрел (1–5), 6 – подвеска; 7 – «пряслице», 8 – желобчатый абразив; 9, 10 – рубящие орудия. 1–5 – кремень; 6–10 – некремневые (ближе не определенные) породы. 1 – Ошчой I (жил. 5); 2, 7, 8 – Чужъяёль I (жил. 1); 3, 9, 10 – Чужъяёль I (жил. 5); 4–6 – Ошчой I (жил. 6)

тенденцией к формированию одного ряда протяженностью до 200 м вдоль речного русла. Из них лишь поселения Чужъяёль I, и, возможно Мучкас, включают в себя однокультурные постройки, сооружавшиеся последовательно. Остальные чужъяельские жилища входят в состав поселений с разновременными и разнокультурными сооружениями. Культурные остатки обычно локализованы в жилищных впадинах и вокруг них, редко встречаются в межжилищном пространстве. Мощность культуровмещающих отложений в пределах впадины, как правило, невелика, насыщенность находками сравнительно слабая.

Поселения чужъяельской культуры приурочены к прикраевым участкам надпойменных террас, занятых сосновыми борами и покрытых ягелем. При этом в современности террасы примыкают к действующим руслам рек (Чужъяёль I, Ошчой I, Мучкас), старицам (Чойновты I и II) или приустьевым участкам притоков (Ошчой V,

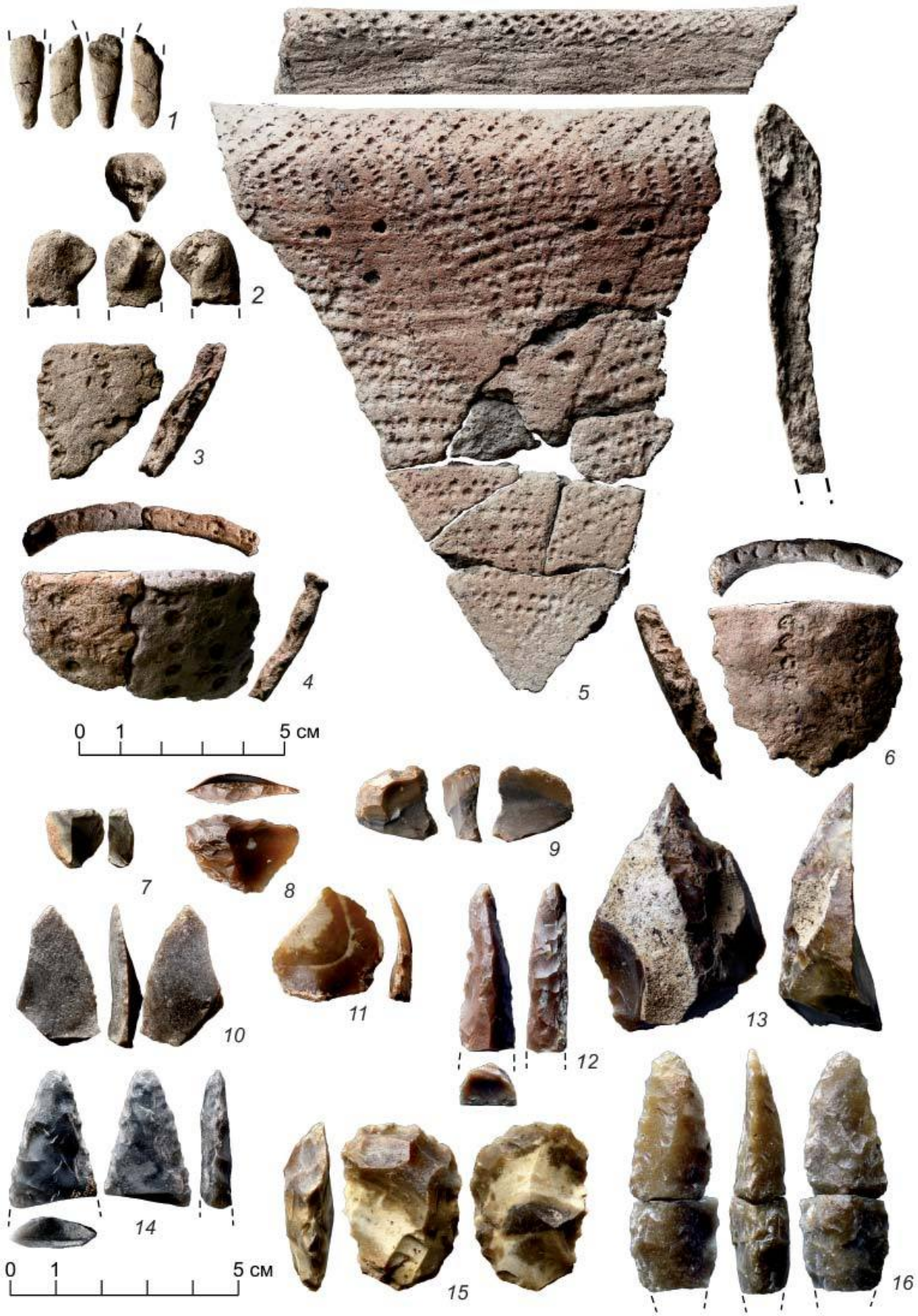


Рис. 8. Проявление чужъяёльских традиций на р. Вычегде

Ваднюр I, жилище 7. 1, 2 – керамические изделия; 3–6 – фрагменты керамических сосудов; 7–16 – кремневые изделия: 7 – скребок; 8, 9 – скобели; 10, 11 – ножи на отщепах; 12, 13 – свёрла; 14–16 незавершенные бифасы

Предложение для цветной вклейки

Рис. 9. Керамические сосуды чужъяёльской археологической культуры

Усть-Кедва II). Высота террас над уровнем реки колеблется от 8 до 10 м. Жилища эпонимного памятника Чужъяёль I располагались в один ряд протяженностью 180 м вдоль современного русла реки и при этом были отделены от него эоловой дюной высотой до 1,5 м (рис. 2).

Памятники чужъяёльской культуры в настоящее время представлены исключительно поселениями, а производственные комплексы и могильники не выявлены.

Поселения представляют собой кратковременные сезонные места обитания с последовательно функционировавшими жилищами. Вероятно, число жилищ в составе поселений определяется длительностью использования данного участка местности.

Такой характер поселения сохраняют на всем протяжении культуры.

Жилища представлены двумя типами: полуземлянками с прямоугольными или квадратными котлованами глубиной до 0,8 м и легкими наземными постройками. Размеры сооружений 25–50 кв. м, редко – до 70 кв.м. Мезенские жилища-полуземлянки В.С. Стоколос реконструирует как бревенчатые сооружения с одним-двумя коридорообразными выходами в торцевых стенах и земляной завалинкой по периметру. Полы засыпаны охрой. Очаги-кострища (от одного до трех) располагались по продольной оси котлована. Они могли быть устроены на полу, в яме, на земляном возвышении или на подсыпке. По периметру котлованов иногда фиксируются ямы, часть из которых могла использоваться в хозяйственных целях. К длинной стене котлована жилища Чойновты I примыкал вентиляционный канал, согласованный с парой очагов (Стоколос, 1997, с. 214; 278, рис. 2). На поселении Нерчей II (тундровый локальный вариант) исследованы остатки жилища с неглубоким котлованом и канавкой на полу вдоль его стенок, а также несколько кострищ за его пределами (Стоколос, 1997, с. 222, 286, рис. 10).

Число сосудов в жилищах колеблется от 3–5 до 15–17, в единственном случае – 29 (Ошчой V, жил. 3). В наиболее общем виде характеристики чужьяёльской посуды резко отличны от чойновтинской. Для нее типична плотная формовочная масса с минеральными присадками (шамот, песок, иногда дресва), многочисленность профилированных сосудов, специфические формы венчиков, плотная горизонтально-зональная орнаментация, включающая геометрические мотивы. Из технологических признаков следует отметить заглажен-

ность, нередко – подлощенность наружной поверхности, иногда – «расчесы» изнутри (рис. 3–5; 8: 3–6; 9).

По морфологии сосуды распадаются на три типа с вариантами. Тип 1 – глубокие непрофилированные (полуяйцевидные) с конусовидным или округлым дном: 1а – закрытые, 1б – с вертикальной горловиной, 1в – открытые; Все три варианта представлены тремя размерными группами: малые (диаметр по венчику 8–16 см), средние (20–28 см), крупные (34–44 см и более). Пропорции этого типа (отношение высоты к диаметру венчика) 0,65–0,80 у малых сосудов, 0,85–1,10 у средних и крупных. Единичные сосуды кажутся неестественно вытянутыми (пропорция 1,5). Тип 2 – невысокие сосуды (чаши), круглые и овальные в плане: 2а – закрытые (котловидные), 2б – полусферические с вертикальным устьем, 2в – открытые. Малые сосуды (диаметр 8–13 см) представлены глубокими (пропорции 0,50–0,60) и низкими (0,35) чашами. Средние размеры (диаметр 25–26 см) имеют только низкие чаши. Тип 3 – профилированные сосуды с выделенной (3а) или намечающейся (3б) шейкой. Представлены в основном средними (диаметр 16–28 см) и крупными (3–44 см и более) экземплярами одинаковых пропорций (0,80–1,25).

Из восьми типов венчиков чужьяёльской керамики (Стоколос, 1986, с. 19) специфическими для посуды данной культуры являются типы I, IV, VI, VII. Остальные встречаются на сосудах других культурных групп гребенчатой керамики, в том числе и на чойновтинских, и поэтому не могут быть использованы для культурной атрибуции.

Различие керамики раннего и среднего (Стоколос, 1997, с. 215-216, 221, 224–225) периодов чужьяёльской культуры проявляется главным образом в орнаментации. В ранних комплексах (Гыркасъёль, Чойновты I) наряду с оттисками гребенчатого штампа часты узоры из ямчатых вдавлений, гладких оттисков, наколов, в том числе в отступающей манере, напоминающей ложный шнур (рис. 3). Техника отступающей гребенки, упомянутая как ведущая (Стоколос, 1997, с. 215), таковой не является; она представляет собой плотно поставленные наколы углом штампа. Композиции составлены из горизонтальных зон, заполненных рядами вертикальных оттисков, косой сеткой, елочкой, зигзагами, наклонными столбцами, сгруппированными в ромбовидные фигуры, заштрихованными ромбами и треугольниками. Зоны разделяются поясками коротких оттисков штампа или наколов. Ямки под венчиком образуют 1–2 ряда, иногда они нанесены по дну глубоких каннелюр.

В комплексах среднего периода появляются низкие, в т.ч. овальные чаши, в орнаментации простые наколы замещаются фигурными штампами (копытный, гладкий и зубчатый арочный), появляется гребенка с фигурными зубцами (рис. 4). Простые зональные узоры занимают подчиненное место, господствуют геометрические мотивы, образующие пышные композиции из заштрихованных ромбов, треугольников, фестонов, многорядных зигзагов, сеток, в том числе с наколами-глазками в ячейках. Изредка встречаются мелкие изображения птиц и птицевидных фигур.

Определенные особенности керамики северного локального варианта, соотносимого со средним периодом, В.С. Стоколос усматривает в относительной многочисленности низких открытых чаш (рис. 5: 3, 4), присутствии профилированных горшковидных сосудов с сильно раздутым туловом. Ямки под венчиком расположены в 1–3 ряда, иногда на дне глубоких каннелюр; значительна доля фигурнозубого штампа; часть сосудов покрыта сотовыми узорами из сопряженных шестиугольных фигур.

Керамика позднего периода отличается большей запесоченностью теста, меньшим разнообразием типов венчиков, отсутствием сложных геометрических узоров. Спецификой комплексов этого времени является присутствие в них пористой керамики: сосудов чойновтинского облика и профилированных горшковидных с «расчесами» и разреженным орнаментом из оттисков гладкого и гребенчатого штампа (рис. 5: 1, 2).

Недоумение вызывает отнесение к позднему этапу чужьяёльской культуры комплексов конецборского типа Печоры: никаких серьезных аргументов в пользу такой культурно-хронологической атрибуции В.С. Стоколос не приводит (1997, с. 228–229).

Каменный инвентарь

Для изученных комплексов чужъяёльской культуры характерны сравнительно немногочисленные каменные инвентари, включающие от 38 до 600 изделий из кремня, и от 2 до 227 предметов из некремнёвых пород. В отличие от неолитических жилищ с гребенчато-ямочной керамикой и комплексов чойновтинской культуры (см. соответствующие разделы в настоящем издании) остатки домашних и специализированных мастерских по камнеобработке не выявлены.

Для изготовления кремневых орудий отбирались гальки разной степени окатанности и качества, преимущественно некрупных размеров. Наиболее вероятными источниками сырья служили выходы минеральных пород на бечевниках и в обнажениях речных берегов. Каменная индустрия характеризуется конкретно-ситуационным расщеплением, направленным на получение отщепов

разных форм и размеров. Требование к ним было непритязательным, и цель заключалась лишь в получении приемлемого рабочего участка. Ядрища представлены нуклеусами различной степени утилизации с негативами отщепов. Они разнообразны по морфологии, локализации и взаимному расположению снятий. Количество нуклекусов в комплексах не одинаково, максимальное число – восемь предметов, в большей части комплексов по одному, а то и вовсе отсутствуют.

Число орудий из кремня в чужъяёльских комплексах невелико и не превышает 67 изделий. Составы орудийных наборов при общем технологическом контексте варьируют, находясь вероятно в зависимости от сезонности жилища и/или преобладающего в нем вида деятельности (рис. 6–8). Например, в самом крупном и самом сложном по архитектуре жилище № 5 поселения Ваднюр I найден 41 скобель, при этом на всех остальных памятниках их найдено чуть более десятка. Жилище № 7 (рис. 8) того же поселения отличает резкое преобладание перфораторов (проколок и свёрл). В большинстве же мезенских комплексов орудия представлены преимущественно скребками и отщепами с ретушью и следами утилитарного износа, выполнявшими по большей части функции ножей и скобелей. Нередки различные комбинации по количеству и функциям рабочих участков на одном сколе-основе (рис. 6).

Двусторонне обработанные изделия представлены крайне немногочисленными для энеолита наконечниками стрел. Все они имеют листовидную форму с обоюдоострыми концами и некоторой вариабельностью в пропорциях. В 15 опорных комплексах найдено всего 14 орудий этого типа, а число целых экземпляров на памятниках всей культуры не превышает 10 предметов (рис. 7: 1–5). При этом их морфометрия и контекст (отсутствие серий бифасов на промежуточной стадии, специфических сколов бифасиального утончения и т.п.) указывают на то, что они изготавливались избирательным, конкретно-ситуационным расщеплением, без применения технологии вторичного бифасиального утончения. Это отличает индустрии подобного типа от таковых большинства культур развитого неолита и энеолита.

Обращает на себя внимание крайне низкое количество микродебитажа в комплексах (чешуек и мелких сколов), что свидетельствует о сравнительно малой доле камнеобработки и косвенно может указывать на использование органических материалов (кости и дерева), и, возможно, металла для изготовления орудий. Малочисленность каменных изделий, в т.ч. наконечников стрел, В.С. Стоколос также объясняет использованием изделий из кости, не сохранившихся из-за особенностей геохимии культурных слоев (Стоколос, 1986, с. 105, 106).

Представления об обработке некремнёвых пород пока довольно ограничены. Завершенные изделия, включая переоформленные орудия и предметы неутилитарного значения, немногочисленны. Имеются рубящие орудия преимущественно трапециевидной в плане формы, разных пропорций (рис. 7: 9, 10). Наибольшее количество некремневых орудий представлено абразивами, в том числе желобчатыми орудиями из песчаника (рис. 7: 8), что как раз может быть связано с несохранившимися свидетельствами костяной индустрии.

Характеристика вещей

Прочие изделия единичны. К предметам неутилитарного назначения относится подвеска с отверстием в верхней части, изготовленная из мелкой гальки некремневой породы (Ошчой I, жил.6) (рис. 7: 6) и керамическая скульптура птицы (?), сохранившаяся в виде фрагментов (Ваднюр I, жил. 7) (рис. 8: 1, 2). С поселения Чужьяёль 1 (жил. 1) происходит плоская округлая галька диаметром 3,5 см со сверленым отверстием в центре (рис. 7: 7).

Хозяйственная деятельность.

Состав инвентаря на поселениях включает немногочисленные орудия охоты и разделки добычи, отражая промысловый характер хозяйства. Остеологический материал крайне скуден и не дает представления о составе промысловых видов. Невысокая насыщенность культурного слоя чужьяёльских жилищ, незначительное количество керамической посуды свидетельствуют об их относительной недолговременности и, видимо, о достаточно подвижном образе жизни обитателей, что может быть связано с ориентацией скорее на охоту, чем на рыболовство. Однако приуроченность части поселений к устьям малых притоков не исключает занятия рыбной ловлей. Отсутствие, в отличие от чойновтинской культуры, специализированных кремнеобрабатывающих мастерских и малое количество инвентаря, вероятно, указывают на «домашний» характер производства каменных орудий, а ограниченный их набор может косвенно свидетельствовать о значительной роли не дошедшей до нас костяной индустрии. Признаки знакомства с металлообработкой на чужьяёльских поселениях не выявлены.

Могильники.

Чужьяёльская культура, подобно многим другим, пока лишена каких-либо данных о погребальном обряде и иных формах культовой практики.

Хронология. Периодизация культуры.

В настоящее время по памятникам чужъяёльской культуры в долине р. Мезени известно восемь радиоуглеродных дат (табл. 1). (*В 2019–2021 гг.

были получены новые данные о радиоуглеродной хронологии памятников чужъяёльской культуры (Карманов, Зарецкая, 2021)). По надежному типологически однородному контексту единственного жилища Чойновты I в разное время были получены несколько дат, две из которых первоначально опубликованы В.С. Стоколосом (1986, с. 100). Позднее В.И. Тимофеев и Г.И. Зайцева опубликовали всю серию дат из этого контекста (Радиоуглеродная…, 2004, с. 103). Их разброс на временной шкале охватывает период от 4615 до 5820 14С л. н. В настоящее время невозможно объяснить причину такого несовпадения данных: могло иметь место омоложение или удревнение образцов или ошибочные сведения в сопровождающей их документации. Поэтому использовать эти данные пока преждевременно, хотя В.С. Стоколос двумя ранними датами частично обосновал поздненеолитический возраст раннего периода чужъяёльской культуры (Стоколос, 1997, с. 219).

Еще один пример – серия радиоуглеродных дат, полученных по образцам угля поселения Мучкас на р. Мезени (Стоколос, 1995; Радиоуглеродная …2004, с. 102). Они укладываются в один валидный для позднего энеолита интервал 3220–3630 ^{14}С л.н., но достоверная информация об их контексте утеряна. На этом памятнике В.С. Стоколос в полной мере исследовал четыре жилища с керамикой чужъяёльской культуры, но образцы из какого объекта (или объектов?) были подвергнуты радиоуглеродному анализу, установить не удалось.

Более серьезным указанием на возраст памятников чужъяёльской культуры является валидная серия четырех ^{14}С дат контекста жилища 5 поселения Ваднюр I в интервале 4600–4330 ^{14}С л. н. (Карманов и др., 2017). В связи с этими данными находят свое место результаты датирования жилища 3 поселения Ошчой V – 4530±40 на р. Мезени и жилища 12 Ниремки I на р. Выми – 4650±60 ^{14}С л. н. (комплекс ниремского типа с отдельными чужъяёльскими сосудами), возможно, одна из дат жилища Чойновты I – 4640±25 ^{14}С л. н. Кроме того, с ними согласуются данные по зауральскому памятнику ясунской культуры – Лов-сангхум II – 4620±30 (Ле-6924), 4480±25 14С л.н. (Ле-6925) (Васильев, Глызин, 2010, с. 123), а также некоторых других комплексов, входящих в общность культур гребенчатого геометризма (Шорин, 1999, с. 84; Чаиркина, 2005, с. 289).

В связи с новейшими данными о времени бытования памятников гребенчатого геометризма на ЕСВ и в Зауралье, а главное, невалидностью серии датировок жилища Чойновты I правомерно поставить вопрос о необоснованности выделения поздненеолитического этапа в развитии чужъяёльской культуры. Серию дат поселения Мучкас, валидных для позднего энеолита, невозможно использовать в исследовании по указанным выше причинам. Проблематичен вопрос о третьем, позднем этапе чужьяёльской культуры, к которому В.С. Стоколос отнес памятники конецборского (по В.И. Канивцу) типа. Каких-либо надежных оснований для их атрибуции как контекстов чужъяёльской культуры и датировки концом энеолита пока нет.

В целом, критерии, предложенные В.С. Стоколосом (1997, с. 215–228) для периодизации памятников чужъяёльского типа не совсем последовательны и в некоторых случаях противоречат описываемым им наблюдениям. Более убедительно обоснован возраст чужъяёльских и сопряженных с ними комплексов в пределах втор. пол. IV – нач. III тыс. до н. э., т. е. раннего энеолита. Для обоснования верхнего хронологического рубежа чужьяёльской культуры данных пока недостаточно.

Локальные варианты. Историко-археологическая интерпретация.

Солидарная позиция авторов состоит в том, что на уровне сегодняшней обеспеченности источниками основную территорию чужьяёльской культуры следует ограничить бассейном Мезени и, возможно, верховьями р. Выми, а также Нижней Печоры, где памятники ортинского типа образуют ее северный локальный вариант. В остальных случаях за пределами основного ареала мы имеем дело лишь с неким шлейфом – с проявлениями в разной форме чужьяёльских традиций в керамике, камнеобработке, домостроительстве. Это могут быть единичные жилищные комплексы (Ваднюр I, жил. 7), отдельные чужьяёльские сосуды в составе жилищных комплексов с гребенчатой керамикой иного типа (Ниремка I, жил. 4, 12, Эньты II, Ваднюр I, жил. 5), иногда в комплекте с кремневой индустрией чужьяёльского типа (Ваднюр I, жил. 5) и традициями домостроительства (вентиляционные каналы, примыкающие к котловану, как специфическая черта жилых построек на поселениях Чойновты I, возможно, Чойновты II (жил. 14), Эньты II, Ваднюр I (жил. 5 и 7). Исследователи отмечают и противоположную ситуацию, когда в чужьяёльских жилищах присутствуют чойновтинские сосуды или посуда с чойновтинскими признаками: органика в составе теста, «расчесы» на внутренней поверхности, приплюснутые венчики, реже – детали орнамента (Ошчой I, жил. 10, 11, Усть-Кедва – жил. 2 и др.), расценивая это как свидетельства контактов носителей двух культур (Стоколос, 1986, с. 188; Семенов, Несанелене, 1997, с. 151–152). Вместе с тем, не исключено, что какая-то часть таких контекстов является результатом механического смешения разновременного материала, что требует дополнительной проверки: анализа простран-

ственного соотношения разнотипной керамики и каменного инвентаря в жилищных комплексах. Радиоуглеродная хронология и прочие имеющиеся данные пока не позволяют говорить о возможности активного взаимодействия чужъяёльского и чойновтинского населения. Имеющиеся валидные ^{14}C даты чойновтинской культуры и ее прототипа – гаринской – пока не выходят за пределы древнее, чем посл. четв. III тыс. до н. э. Но это не самый надежный показатель, возможно, датированы не самые древние чойновтинские памятники и не самые поздние чужьяёльские. Не исключено, что период существования обеих культур хотя бы частично совпадает.

О социальном устройстве чужьяёльского общества можно лишь косвенно судить по характеру поселений и жилищ. Небольшие дома могли быть рассчитаны на одну семью из 5–6 человек, крупные – на 2–3 семьи, а поселки вряд ли насчитывали более 1–2 жилищ (Стоколос, 1988, с. 27). Такие немноголюдные общины, по-видимому, достаточно регулярно меняли места обитания в пределах своих обширных хозяйственных угодий, но для сезонных поселений выбирали наиболее удобные участки, куда возвращались неоднократно, возводя новые жилища по соседству со старыми.

Яркая чужьяёльская культура не имеет явного продолжения в более поздний период. Скорее всего, ее создатели − пришельцы из-за Урала – растворились в среде местного населения, возможно, смешались с носителями чойновтинской культуры, обладавшими более высокими технологиями обработки кремня и владевшими навыками металлообработки.

Таблица 1

Результаты радиоуглеродного датирования памятников чужъяёльской культуры и сопряженных с нею комплексов

Памятник	Датированный материал, контекст	Лабораторный индекс	Возраст, 14С л.н.	Калиброванный возраст, гг. до н. э.	
Чойновты I (р. Мезень)	Уголь, жилище, 0,4 м	Ле-4495	5750±70	4770-4454	Радиоуглеродная хронология… С. 45, 103
Чойновты I	Уголь, жилище, 0,3 м	Ле-1729	5320±60	4270-4036	Стоколос, 1986. С. 100; Радиоуглеродная хронология…С. 45, 103
Чойновты I	?	ЛЕ-2168	5210±60	4233-3941	Стоколос, 1986. С. 100
Чойновты I	Уголь, жилище, 0,4 м	Ле-5164	4640±25	3513-3424	Радиоуглеродная хронология… С. 44, 103
Ошчой V (р. Мезень)	Уголь, заполнение жилище №3, 0,8 м	Ле-1730	4530±40	3365-3097	Стоколос, 1986. С. 101; Радиоуглеродная хронология…С. 102
Мучкас	Уголь, жилище ?, 0,3 м	Ле-5162	3610±20	2028-1911	Радиоуглеродная хронология…С. 102
Мучкас	Уголь, жилище ?, 0,12 м	Ле-5161	3470±20	1880-1740	Радиоуглеродная хронология…С. 102
Мучкас	Уголь, жилище ?, 0,4 м	Ле-5163	3330±110	1913-1399	Радиоуглеродная хронология…С. 102
Ниремка I, жил. 12 (р. Вымь)	Уголь, заполнение канавок выходов	ТА-1545	4650±60	3540-3335	-
Ваднюр I, жил. 5 (р. Вычегда)	Уголь, заполнение вентиляционного хода № I	ГИН-15191	4530±40	3365-3097	Карманов и др., 2017
Ваднюр I, жил. 5	Уголь, заполнение вентиляционного хода № III, устье	ГИН-15193	4520±80	3378-3005	Карманов и др., 2017
Ваднюр I, жил. 5	Уголь, заполнение вентиляционного хода № I, устье	ГИН-15190	4480±100	3376-2905	Карманов и др., 2017
Ваднюр I, жил. 5	Уголь, заполнение вентиляционного хода № III	ГИН-15192	4400±70	3139-2899	Карманов и др., 2017

ГЛАВА 6

МЕТАЛЛУРГИЯ И МЕТАЛЛООБРАБОТКА КУЛЬТУР ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА

Энеолитический металл и его изучение. Первые медные предметы на памятниках энеолита лесной полосы Восточной Европы, в частности из раскопок и сборов П.П. Кудрявцева, А.С. и П.С. Уваровых, В.А. Городцова на известной Волосовской стоянке близ Мурома (Tallgren, 1911, s. 49, 97, 121, 139; Фосс, 1952, с. 10), исследователи восприняли как чужеродные и случайно оказавшиеся среди изобилия прекрасных каменных орудий. В то же время раздались голоса о возможности появления медных изделий на поселениях позднего неолита (Tallgren, 1911, s. 97). Долгое время их считали импортными из южных областей. Вспомним о тесле из Панфилова и ноже из Левшина, которые легли в основу легенды о появлении первых медных изделий у населения таежных пространств Европейской России под влиянием кавказского очага металлургии (Городцов, 1926, с. 6; Шмидт, 1940, с. 23–27; Бадер, 1964, с. 159; Халиков, 1969, с. 122, 123; и др.).

Все сведения, касающиеся истории обнаружения медных предметов на поселениях лесной зоны, неоднократно и с различной полнотой изложены в литературе. Мы не акцентируем на них внимание, поскольку к истории изучения собственно металлургии энеолитических культур Волго-Уралья они имеют косвенное отношение.

Вплоть до конца 40-х гг. XX в. проблема появления и становления металлургии меди у племен лесной полосы Восточной Европы не обсуждалась в отечественной и европейской археологии. Впервые основные направления изучения древней уральской металлургии, в том числе и лесной энеолитической, наметил на Первом Уральском археологическом совещании А.А. Иессен (1948а, с. 59–64). Среди них: 1) поиски доказательств местной обработки меди; 2) типология металлических изделий и круг их аналогий; 3) источники сырья; 4) применение методов естественных наук. К сожалению, результаты своих разысканий А.А. Иессен изложил в тезисной форме. Все же следует отметить, что многие его гипотезы нашли подтверждение в ходе дальнейших разысканий. Спектроаналитическими исследованиями 1950–1980-х гг. было установлено, что сырьевой базой производства меди в энеолитических культурах Среднего Поволжья и Приуралья действительно являлись месторождения медистых песчаников (Бадер, 1961б, с. 260; Черных, 1970, с. 84, 95, 108; Кузьминых, 1977а, с. 33). А.А. Иессен допускал спонтанное возникновение обработки меди в лесной полосе, но больше склонялся к ускоряющему влиянию на развитие первичной уральской металлургии южных культур. Этой точки зрения придерживается ныне большинство исследователей.

А.А. Иессен документировал раннее местное производство меди в Среднем Прикамье обломками тиглей и изделиями из металла на стоянке Бор I (Иессен, 1948б, с. 40). Он отмечал, что подобные же находки на Нижней Каме и Южном Урале в дальнейшем будут сделаны в еще более ранних комплексах (Иессен, 1948а, с. 62). Это подтвердили последующие исследования. Будучи одним из пионеров применения методов естественных наук в советской археологии, А.А. Иессен понимал важность химических и спектральных анализов древних медных и бронзовых предметов Уральского региона и считал необходимым развивать это направление исследований. Распространение здесь первых изделий из меди и их местное производство он относил к первой половине II тыс. до н. э.

Работа А.А. Иессена об уральском очаге древней металлургии строилась главным образом на материалах, полученных в предвоенные годы. Они были недостаточны даже для самой постановки проблемы происхождения и становления металлургии меди в лесной полосе Восточной Европы. Ситуация изменилась благодаря интенсивным раскопкам поселений эпохи раннего металла, широко развернувшихся в Волго-Камье в послевоенное время. Свидетельства обработки меди местными энеолитическими племенами стали пополняться год от года и особенно заметно в Прикамье, где в 1947 г. начались и в течение 13 лет продолжались под руководством О.Н. Бадера работы Камской и Воткинской археологических экспедиций (Бадер, 1961а; 1961б; 1964). О.Н. Бадеру и его ученикам удалось исследовать десятки поселений гаринского, борского и новоильинского типов и на большинстве из них выявить остатки металлопроизводства: руду, шлаки, ошлаковку,

глиняные тигли и сопла, капли, сплески, слитки, заготовки, готовые изделия из меди, обломки литейных форм. Наиболее крупные коллекции таких остатков были получены на поселениях Камский Бор 2, Бойцовские 4 и 7, Выстелишна, Басенький Борок, Старушка 1, Тюремка 3 и др., соотнесенных в дальнейшем с гаринской культурой Прикамья.

Большим успехом КАЭ и ВАЭ явилось открытие в Среднем Прикамье археологической культуры со своеобразной «флажковой» керамикой. На ряде ее памятников, правда, часто в слоях, где залегала и гаринская керамика, найдены куски руды и остатки обработки меди. Особенно интересны в этой связи материалы поселений Ново-Ильинское 3, Тюремка 1, Гагарское 3, Усть-Паль и др. Было предложено называть культуру гагарской или новоильинской по опорным памятникам, изученным в районе строительства Воткинского водохранилища (Бадер, 1961в). В конечном итоге за культурой закрепилось название новоильинская.

В 1970–1980-е гг. благодаря работам Нижнекамской, Чебоксарской, Марийской и Удмуртской археологических экспедиций поселения новоильинской культуры были изучены в Икско-Бельском (Татарско-Азибейское 2, Русско-Азибейское 3, Сауз 1 и 2 и др.), Камско-Вятском (Кочуровское 4, Среднее Шадбегово 1 и др.) и Вятско-Ветлужском (памятники красномостовского типа) междуречьях. Новые материалы и их осмысление существенным образом изменили представление о ключевой роли этой культуры в становлении древнейшей металлургии в лесной полосе Волго-Камья.

О.Н. Бадер считал, что население «флажковой» культуры познакомилось с металлургией меди еще в Нижнем Прикамье, что оно впервые среди местных энеолитических культур перешло к выплавке меди из пермских медистых песчаников и передало эти навыки гаринско-борским племенам Среднего Прикамья. Известно, что ученый рассматривал в рамках единой, турбинской, культуры поселения гаринско-борского и ново-ильинского типов и могильники Турбино и Усть-Гайву (Бадер, 1964, с. 130–134). Он полагал, что образование этих могильников связано с импортом металла из Среднего Зауралья гаринскому населению и что этот импорт замедлил развитие местной прикамской металлургии. В середине II тыс. до н. э. связи с металлургическими очагами Зауралья, по его мнению, прекращаются в результате экспансии андроновских племен, что вызвало кризис в доставке металла из-за Урала. Именно в это время в Среднем Прикамье появляются родственные гаринским племена – носители новоильинского, или гагарского, культурного типа. С их приходом местное камское население отказывается от зауральских импортов, осваивает выплавку песчаниковой меди и на следующем – борском – этапе продолжает развитие тех типов металлических изделий, которые были выработаны якобы на гаринском этапе.

Гипотеза об объединении в одну культуру на Каме поселений гаринско-борского типа и могильников Турбино и Усть-Гайва, а на Оке поселений балахнинско-большекозинского типа и могильников Сейма и Решное (Бадер, 1970, с. 135–142; 1976, с. 45) в скором времени была отвергнута (Черных, 1970, с. 108; Кузьминых, 1977а, с. 33, 34; Черных, Кузьминых, 1989, с. 227–237). Контраст между великолепной технологией обработки бронз в сейминско-турбинских некрополях и примитивным производством меди на гаринско-борских поселениях[1] был столь разителен, что включать их в систему единой культуры представлялось попросту невозможным. В литейных мастерских этих поселений не выявлено ни одного случая изготовления орудий и оружия СТ-типов. Кроме того, серия дат ^{14}C выявила существенно более ранний хронологический диапазон новоильинской культуры (последняя четверть V – начало III тыс. до н. э. в калибровочных значениях) (Лычагина, 2013а, с. 83; 2013б; Выборнов и др., 2019) по сравнению с СТ-памятниками и гаринской культурой.

Новоильинская культура была отнесена к энеолиту благодаря находкам медных изделий на ряде памятников. Но необходимо отметить, что на всех поселениях с находками металла (Усть-Очер 1, Новоильинское 3, Гагарское 3, Татарско-Азибейское 2, Русско-Азибейское 3) имелись более поздние материалы гаринской культуры (Бадер, 1961в; Мельничук, 2011, с. 24, 25). Условно «чистым» комплексом считается Гагарское 3 поселение, откуда происходит медная накладка. Однако памятник локализуется на одной дюне близ Гагарского 1 и 2 поселений гаринской культуры, и, вероятнее всего, накладка связана с керамическим комплексом этой культуры или более позднего времени. В «чистых» слоях новоильинской культуры или в смешанных и соседствующих с материалами камской неолитической культуры (Чашкинское Озеро 1, Кочуровское 4, Среднее Шадбегово 1, Аркуль 4) следы металлообработки не зафиксированы (Лычагина, 2013а, с. 83). Вопрос о наличии металла в новоильинской культуре решится положительно, если мы отнесем к ней усть-камские могильники Тенишевский и Мурзихинский II с находками медных колец (Габяшев, Беговатов, 1984;

[1] На поселениях большекозинского типа следы металлообработки вообще не выявлены.

Чижевский, 2008), а также выявим следы металлообработки в «чистых» комплексах этой культуры.

Из числа металлоносных культур лесного энеолита Волго-Камья необходимо исключить борскую культуру – локальную группу памятников (не более 10) в приустьевой части р. Чусовой и близ г. Перми в левобережной пойме р. Камы. А.Ф. Мельничук рассматривает эту культуру как поздненеолитическую – раннеэнеолитическую (Мельничук, 1990, с. 104). Серия дат ^{14}C фиксирует хронологические рамки борских комплексов в пределах последней четверти III тыс. до н. э. (Выборнов и др., 2019), но нельзя исключать их большую древность. Ни на одном «чистом» борском памятнике нет медных изделий и остатков металлообработки (Мельничук, 1990, с. 100, 101). Они зафиксированы в длинном жилище № 2 поселения Бор 5 (Бадер, 1961а, с. 95, 98, рис. 68), но учитывая наличие на его площадке четырех жилищ гаринской культуры, принадлежность 7 предметов из жилища № 2 к борской культуре не бесспорна (Лычагина, 2013а, с. 85).

Полевые исследования Нижнекамской, Чебоксарской, Удмуртской и Марийской экспедиций в 1970–1980-е и в последующие десятилетия заметно расширили ареал металлоносных энеолитических культур лесной полосы Восточной Европы: исследованы поселения типа Галово 2 и Ниремка 1 на крайнем Северо-Востоке Европы; гаринской культуры – Красное Плотбище, Сауз 1 и 2, Игимское, Русско-Азибейское 3, Татарско-Азибейское 2, Дубово-Гривское 2 и др. – в Нижнем Прикамье; юртикской культуры (как вариант гаринской) – Лобань 1, Среднее Шадбегово 2 и 3, Усть-Лудяна 2, Худяковское 1, Чернушка 1, Усть-Курья и др. – в Камско-Вятском междуречье; волосовской культуры – Руткинское, Ахмыловское 2, Уржумкинское, Ерумбальское 3, Шагара 2, Ховрино 1 и др. – в Среднем Поволжье и на Средней Оке; имеркской культуры – Имерка 5, Новый Усад 4 – в бассейне р. Мокши; шагарской – Шагара 1 – в Среднем Поочье. В приустьевых районах Камы изучены первые энеолитические могильники с медными украшениями – Тенишевский и Мурзихинский II. Значительно выросла за полвека источниковая база (см. ниже ее анализ).

В эти десятилетия проведены разнообразные аналитические исследования. Методами спектрального и рентгенофлуоресцентного анализов в лаборатории ИА РАН был изучен химический состав металла, шлаков и руд из памятников энеолитических культур лесной полосы Волго-Уралья (Черных, 1970, табл. XI; Кузьминых, Черных, 1976; Черных, Кузьминых, 1977; Кузьминых, 1977а; 1977б; 1980; Кузьминых, Агапов, 1989; Кузьминых, Орловская, 1992). В итоге был однозначно решен вопрос о рудных источниках: выплавка меди производилась из медистых песчаников Приуралья и прежде всего в центрах гаринского металлургического очага (Черных, 1970, с. 28, 29, 96, 97, 108); в Среднем Поволжье функционировал волосовский очаг металлообработки, явных следов металлургии здесь не выявлено (Кузьминых, 1977а). В лаборатории ТюмНЦ СО РАН А.Д. Дегтярева методом металлографического анализа изучила технологию изготовления медных изделий гаринской, юртикской и волосовской культур (Кузьминых и др., 2013). В свете данных исследований оценка уровня и характера металлообработки местных энеолитических культур опиралась уже не на визуальные наблюдения (Кузьминых, 1977а, с. 32–34), а на надежную аналитическую базу (Кузьминых и др., 2019). Вкупе с морфологической характеристикой орудий, оружия, украшений и других категорий изделий она позволила перейти к созданию базы данных металла и литейных форм этих культур (Кузьминых, 1995). Обработка этих данных выявила насущную необходимость определения надежных хронологических рамок металлоносных культур лесной полосы и потребовала создания базы данных радиоуглеродных датировок (Черных и др., 2011).

В настоящем труде подведены краткие итоги многолетних исследований металла и металлообработки энеолитических культур лесной полосы Волго-Уралья.

Рудная база. Пермские медистые песчаники в виде двух полос шириной до 100 и более километров тянутся с севера на юг от Верхнекамья до Актобе на расстояние более чем 1500 км. Месторождения в медистых песчаниках располагаются тремя группами (рис. 1). В пределах Пермского края находится Верхнекамская, или Пермская, группа месторождений. Западнее, от Нолинска и Уржума, по направлению к Оренбургу и Актобе, протягиваются Вятско-Камская и Уфимско-Оренбургская группы месторождений. Пермская группа медистых песчаников тянется из Республики Коми субпараллельно Уралу – от пос. Пильва на севере Пермского края и далее до его южной границы вдоль меридиана Перми площадью около 20370 кв. км. Вятско-Камская меденосная полоса прослежена от г. Кирова на севере, вдоль нижнего течения р. Вятки, пересекает р. Каму и уходит далее на юго-восток Республики Татарстан. Общая протяженность полосы не менее 450 км при ширине до 150 км. Рудная минерализация представлена главным образом малахитом, азуритом, халькозином, купритом, реже дигенитом, халькопиритом, борнитом, ковеллином и другими минералами. Основными рудными минералами ниже зоны выветривания являются халькозин, реже борнит и

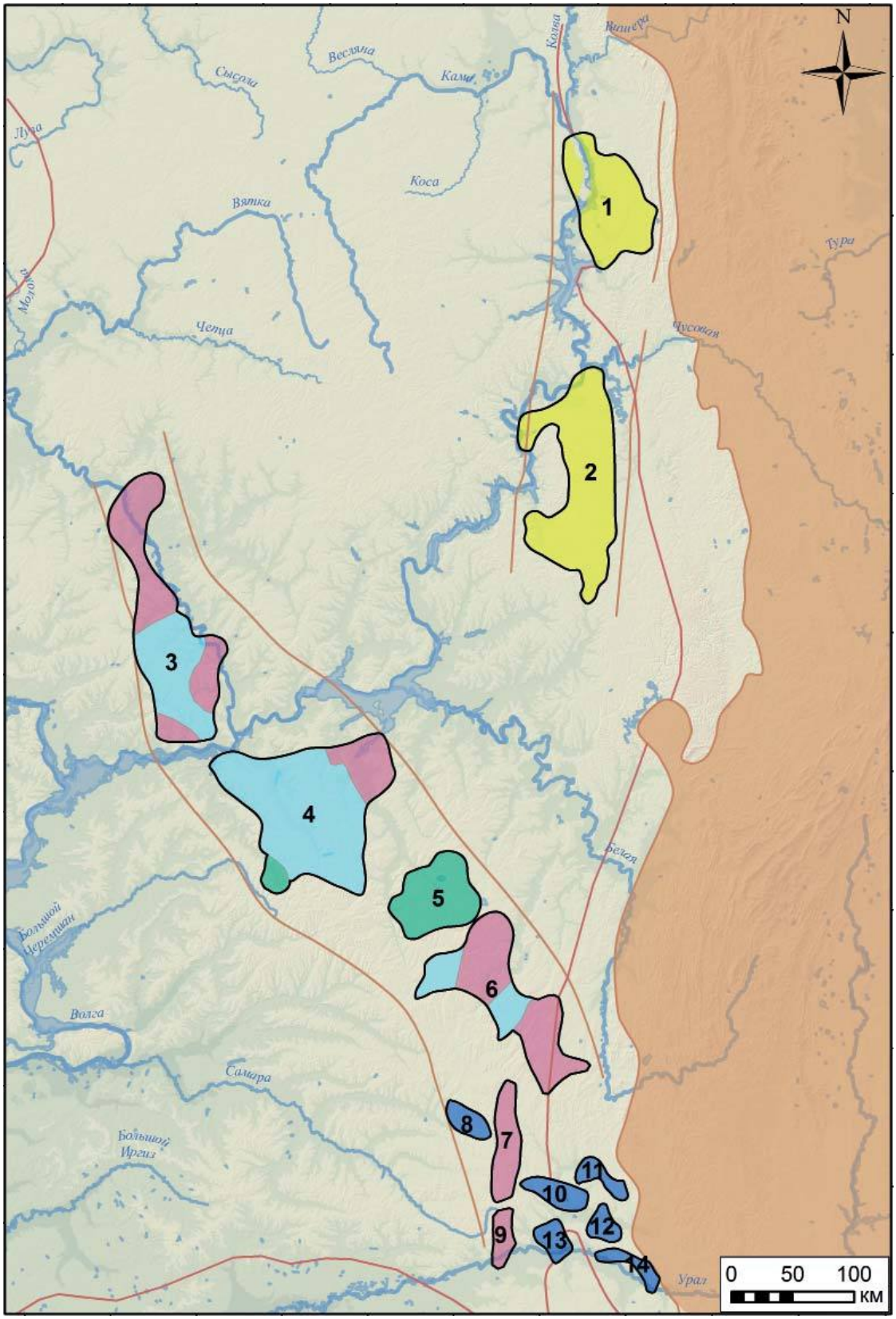


Рис. 1. Схема расположения меденосных площадей Урала

1 – складчатый Урал; 2 – западная граница складчатого Урала; 3 – западная граница Предуральского прогиба; 4 – контуры меденосных площадей (1 – Березниковская, 2 – Южно-Пермская, 3 – Привятская, 4 – Альметьевская, 5 – Белебеевская, 6 – Федоровско-Стерлибашевская, 7 – Салмышская, 8 – Каргалинская, 9 – Красноярская, 10 – Островнинско-Вязовская, 11 – Сакмаро-Дмитриевская, 12 – Гирьяльская, 13 – Ключевская, 14 – Карагаштинская); 5–8 – площади развития медистых отложений различного возраста (5 – уфимского яруса, 6 – нижнеказанского подъяруса, 7 – верхнеказанского подъяруса, 8 – татарского яруса) (по: Феоктистов, 2000)

ковеллин. В зонах окисления в составе рудных тел отмечены малахит, азурит, самородная медь, ковеллин, куприт и ванадат меди – фольбортит и др. Минералы меди слагают цемент конгломератов и песчаников; по трещинам и поверхностям располагаются напластования мергелей, известняков и сланцев (Феоктистов, 2000).

База данных (БД) металла и литейных форм. БД создавалась для всего массива материалов энеолитических культур, не входивших в систему Циркумпонтийской металлургической провинции (табл. 1). В Восточной Европе и Фенноскандии все металлоносные памятники локализуются в бореальной зоне; небольшая часть в северной лесостепи привязана, по-видимому, к реликтовым и ленточным борам (Кузьминых, Дегтярева, 2006; Черных и др., 2011). В азиатских пределах число металлоносных памятников невелико. Большая часть их тяготеет к горно-лесным районам Среднего и Южного Урала, тайге и лесостепи Западной Сибири. Но в БД включены также находки из поселений степной полосы Зауралья, Западного и Северного Казахстана, которые вместе с южноуральскими культурами образуют область культур т. н. гребенчатого геометризма (Чаиркина, 1997; Шорин, 1999).

Массив материалов разделен по географическому признаку на четыре региона: ***Северо-Запад***, где отмечены культуры гребенчато-ямочной, пористой, асбестовой и ромбоямочной керамики; ***Волга – Ока***, включающий волосовскую, имерскую и шагарскую культуры; ***Кама – Вятка*** – с гаринской, накольчатой керамикой, новоильинской, човнойтинской и юртикской культурами; ***Урал – Казахстан*** с культурами аятской, липчинской, полымъятской ранней, суртандинской, шапкульской, байрыкским и волвончинско-атымьинским типом памятников. Всего в этих регионах зафиксировано 897 изделий, включая 21 литейную форму (18 глиняных и 3 каменных).

Металлические предметы (876 экз.) по классам распределились следующим образом: орудия (втульчатые кельты-тесла, долота, тесла, стамески, ножи, ланцеты, шилья, иглы, гарпуны, рыболовные крючки) и оружие (наконечники копий и стрел, кинжал) – 190, украшения – 67, предметы ритуального назначения – 4, неопределенные предметы (скрепы, пластины, заготовки, обломки и др.) – 208, находки, непосредственно относящиеся к производству и обработке металла (слитки, капли, сплески, потеки, кусочки меди, корольки на тиглях и керамике) – 407. Подавляющая часть находок происходит из поселений (901); в могильниках (Тенишевский и Мурзихинский II) зафиксировано всего 7 предметов, все они – украшения (кольца).

Более половины всех находок сосредоточено в регионе Кама – Вятка (450 изделий и 4 литейные формы; далее – л. ф.). Достаточно представительны коллекции регионов Северо-Запад (193; л. ф. отсутствуют), тем более с учетом новых материалов[2] , и Волга – Ока (168 и 15 л. ф.). Наименьшее число предметов выявлено в регионе Урал – Казахстан (65 и 2 л. ф.); недавняя сводка И.А. Спиридонова (2019) этой картины не изменила. Большая часть литейных форм предназначена для отливки крупных заготовок, из которых затем формовали ковкой металлоемкие орудия – кельты-тесла, долота, тесла и оружие (наконечники копий). Литейные формы в основном найдены на поселениях волосовской и имеркской культур (15).

Самые крупные коллекции принадлежат культурам гаринской (330 и 2 л. ф.), волосовской (150 и 8 л. ф.), ромбоямочной (90) и асбестовой керамики (86), юртикской (71).

Категории металлического инвентаря. Втульчатые кельты-тесла представлены единственной находкой с гаринского поселения Усть-Паль (рис. 2: 19).

В представительной серии тесел и долот выделяется несколько типологических разрядов:

ТД-2 – массивные кованые долота (Бойцовское 7, Suomussalmi) и их заготовки (Varris, Залаврука 4 (Ikäheimo, Nordqvist, 2017, fig. 6)).

ТД-3 – массивные долота с поперечным лезвием (Красное Плотбище, 3 экз.).

ТД-4 – плоские тесла-долота, удлиненные (Пирово).

ТД-6 – плоские тесла-долота, короткие (Волосово, Панфилово, Уржумка, Худяковское 1).

ТД-8 – узкие стержневидные тесла-долота с выделенным черенком, длинные (Старушка 1).

ТД-10 – то же, что и ТД-8, но короткие (Среднее Шадбегово 2, Красное Плотбище, р. 2, 1971 г.).

ТД-12 – то же, что и ТД-8, но без черенка (Головниха, Старушка 1).

ТД-14 – то же, что и ТД-10, но без черенка (Камский бор 2, Русский Азибей 3).

ТЖ-16 – стержневидные орудия типа пробойников (Старушка 1, Юринское).

Литейные формы для отливки заготовок ТД-2–ТД-6 найдены на поселениях Новоильинское 3, Красное Плотбище, Русский Азибей 3, Новый Усад 4, Ниремка 1, Лёва 8, Геологическое 3 и др.

Морфологически разнообразна выборка ножей (НК); доминируют двулезвийные орудия (НК-2–НК-14), но есть и однолезвийные (НК-18, 20).

[2] Здесь не учтены находки самородной меди и изделий из нее (58 экз.) из поселения Фофаново XIII в Карелии (Тарасов, 2015), а также выявленных на памятниках Финляндии и Швеции (Nordqvist et al., 2012; Нордквист и др., 2013; Nordqvist, Herva, 2013; Ikäheimo, Nordqvist, 2017).

НК-2 – без выделенного черенка (Бойцовское 6, Лобань 1, Ташково 1).

НК-4 – с намеченным черенком (Старушка 1, Разбойничий Остров (2 экз.), Большая Ока).

НК-6 – с выделенным черенком с притупленной пяткой (Бор 1, Удельный Шумец 5).

НК-8 – с игловидным черенком (Левшино, Старушка 3, Камский Бор 2, Усть-Лудяна, Чернашка, Сугояк).

НК-10 – с прямоугольным черенком (Арбашский л/з, Малый Липовый 10).

НК-12 – с трапециевидным черенком (Новый Усад 4, Васюково 2, Шигирский торфяник).

НК-14 – ножи-ланцеты с длинным игловидным черенком (Камский Бор 2, Базов Бор, Среднее Шадбегово 3).

Вне КТР (НК-15 в БД) – Ахмылово 2, Старушка 1, Нижнераздорное, Худяковское 1, Пегрема 7, Оровнаволок, Деревянное 1.

НК-16 – нож-кинжал, двулезвийный, с продольным ребром и рукоятью со скульптурным зооморфным навершием (Усть-Курья).

НК-18 – без выделенной рукояти (Среднее Шадбегово 2).

НК-20 – с выделенной рукоятью (Чебаркуль 4).

Среди орудий наиболее многочисленной серией представлены шилья: Ш-2 – обоюдоострые, без упора; Ш-4 – с упором, короткие; Ш-6 – с упором, длинные; Ш-8 – с притупленным концом; Ш-10 – тонкие проколки и иглы. Большая часть находок выявлена на поселениях гаринской, волосовской и юртикской культур.

Рыболовное снаряжение: РС-2 – гарпун стержневидный, однозубый (Худяковское); РС-4 – крючки рыболовные; крепление – перемычка на конце (Красное Плотбище (2 экз.), Камский Бор 2); к этому же КТР условно отнесены детали составных крючков (Оровнаволок).

К классу оружия, помимо кинжала с поселения Усть-Курья, отнесены два наконечника копий (Заюрчимское 1, Сауз 1) и условно два наконечника стрел (Уржумка, Венгерово-3); иногда их относят к категории втоков.

Класс предметов искусства и культовых представлен тремя КТР.

ИС-2 – антропоморфная фигурка из проволоки (Бойцовское 7).

ИС-4 – пластинчатая фигурка змеи (?) (Черки-Кильдуразы 4).

ИС-6 – скульптура медведя (Имерка 5).

Немногочисленные в количественном отношении украшения достаточно разнообразны.

У-2 – булавки со спиралевидной головкой (Старушка 1, Красное Плотбище).

У-4 – булавка с раскованной головкой (Русский Азибей 3).

У-6 – бляшка-розетка, кованая, симметричная (Красное Плотбище).

У-8 – бляшка-розетка, литая, асимметричная (Подборица-Щербининское).

У-10 – подвески-лунницы, кованые, несомкнутые (Выстелишна, Старушка 1, Усть-Паль, Красное Плотбище).

У-12 – то же, что и У-10, но сомкнутые (Уржумка, Рысовское III).

У-14 – подвески-лунницы, пластинчатые, несомкнутые (Геологическое 3).

У-16 – то же, что и У-14, но сомкнутые (Гагарское 3).

У-18 – очковидные подвески с крупными спиралями и высокой петлей (фатьяновский тип) (Старушка 1).

У-20 – очковидные подвески с небольшими спиралями и высокой петлей (абашевский тип) (Старушка 1, Красное Плотбище (3 экз.), Басенький Борок, Базов Бор, Камский Бор 2, Нижнераздорное, Среднее Шадбегово 3).

У-22 – каплевидные и игловидные подвески (Старо-Буртюково, Худяковское 1).

У-24 – кольца пластинчатые (Тенишевский (2 экз.), Забойное 1, Камский Бор 2, Пегрема 1, Вигайнаволок 1, Suovaara).

У-26 – кольца из круглого или квадратного в сечении дрота (Ахмылово 2, Шагара 1 (2 экз.), Среднее Шадбегово 2, Дружный 1).

У-28 – то же, что и У-26, но более крупные (Тенишевский (2 экз.), Усть-Лудяна 2 (2 экз.), Кама-Жулановское 1, Басенький Борок, Тюремка 3). Условно к этому КТР можно отнести фрагменты проволоки (Усть-Лудяна 2, Заосиново 1, Красное Плотбище).

У-29 – кольца дротовые в 1,5 оборота с расширенными концами (Большой Лес 2, мог. 1).

У-30 – спирали пластинчатые (Сауз 1).

У-32 – пронизи кованые, несомкнутые (Красное Плотбище, Чернушка (2 экз.), Чебаркуль 10, Береговая 6).

У-34 – бусина (Сауз 1).

Наиболее представительной в количественном и морфологическом отношении является коллекция орудий, оружия и украшений гаринской культуры. Заметны серии готовых изделий в памятниках волосовской и юртикской культур. В других культурах лесного энеолита они единичны.

Химический состав металла изучен у 371 предмета, это чуть более 40% всей учтенной выборки (табл. 2). Состав металла не отличается большим разнообразием. В целом можно сказать, что в лесном энеолите использовалась металлургически «чистая» медь с незначительной примесью других элементов, соответствующая в основном химической группе МП (медистые пес-

чаники) (Черных, 1970, с. 15, рис. 26). Несмотря на «чистоту» меди, в этой большой группе тем не менее можно выделить несколько меньших групп, которые, вероятно, отражают геохимические особенности рудного сырья и специфику его металлургического передела.

«Чистая» медь с очень малыми значениями примесей (в основном в пределах тысячных долей процента) – 204 предмета.

Медь, «загрязненная» серебром в пределах десятых долей процента, – 132 предмета. Повышенное содержание серебра, кстати, характерно для медистых песчаников Волго-Камья.

Медь, «загрязненная» разными примесями, но в основном цинком, значения которого в пределах 0,4–0,6% необычны для «чистой» меди, – 8 предметов.

Медь, «загрязненная» примесью железа в десятых долях процента (от 0,3 до 0,6%), – 18 предметов. Изделия из этой меди встречены в регионах Волга – Ока (культуры волосовская – 7, имеркская – 1) и Кама – Вятка (гаринская – 4, юртикская – 3, накольчатой керамики – 3).

В общем объеме проанализированного металла присутствуют 9 предметов из железистой меди (Cu+Fe) с концентрацией железа в сплаве до 1–2% в волосовской (2), новоильинской (1) и аятской (1) культурах и в одном случае – до 10% в юртикской культуре (слиток).

Все изделия с высоким содержанием железа – от десятых долей до нескольких процентов – принадлежат к отходам выплавки и плавки меди, что собственно и объясняет высокие значения железа (см. подробнее в разделе «Технология металлопроизводства»); исключение составляет только кольцо (Fe 1,1%) из погребения волосовской культуры в слое поселения Шагара 1.

Технология металлопроизводства. Для исследования химического состава и микроструктурных данных были отобраны пробы и срезы для анализа металла методами РФА и металлографии гаринской, волосовской, юртикской и усть-камской культур Волго-Камья (92 пробы). В отличие от предшествующих сборов проб для спектрального анализа металла энеолитических культур лесной полосы Восточной Европы (Черных, 1970, табл. XI; Кузьминых, 1977а; 1977б; 1980; 1995; Кузьминых, Агапов, 1989; Кузьминых, Черных, 1976; Черных, Кузьминых, 1977; Черных и др., 2011, табл. 1) выборка носила случайный характер и определялась доступностью материалов в археологических фондах ПГУ, УдГУ, ПККМ, музея археологии Республики Татарстан Института археологии АН РТ, МарНИИ.

В исследованной коллекции в равной мере представлены как готовые изделия, так и полуфабрикаты и слитки с низкой металлоемкостью. Они происходят из поселений Красное Плотбище, Чернашка, Заюрчимское 1, Бор 1, Среднее Шадбегово 3, Этанцы 2, Худяковское, Усть-Курья, Чернушка 1, Усть-Лудяна 2, Юринское, Уржумка, Ахмылово 2, Рысовское 3, Черки-Кильдуразское, Русско-Азибейское 3, святилища Писаный камень, Тенишевского могильника (рис. 2–5) (раскопки и сборы 1950–90-х гг. О.Н. Бадера, А.И. Чистина, В.П. Денисова, Р.С. Габяшева, Е.А. Беговатова, Г.А. Архипова, В.В. Никитина, А.А. Чижевского, Л.А. Сенниковой, Л.А. Наговицына).

В составе коллекции: оружие – кинжал с навершием в виде головы лебедя; орудия – ножи (5 экз.), обломок черешкового долота (4 экз.), тесло (1 экз.), шилья (16 экз.), иглы (2 экз.), проколка с навершием (1 экз.); украшения – бляшка-розетка, подвеска-лунница (2 экз.), кольца (7 экз.), игловидная и змеевидная подвески, браслет, пронизь; детали посуды (скобы) (2 экз.); сырье и заготовки – слитки (28 экз.), полосовые полуфабрикаты (18 экз.).

Бляшка-розетка с Писаного Камня (рис. 4: 12, 28) включена в эту коллекцию условно. Она найдена не в слое святилища вместе с керамикой и каменными орудиями гаринской культуры, а в расщелине скалы вместе с кремневым наконечником стрелы подтреугольно-сводчатой формы с прямым основанием и пильчатой ретушью (Бадер, 1954, с. 250, рис. 6: 3). Наконечники этого типа (их в святилище всего три), по замечанию О.Н. Бадера, принадлежат к основному типу стрел Турбинского могильника (там же, с. 247), и добавим – большинства известных сейминско-турбинских могильников, а также Канинского святилища (Черных, Кузьминых, 1989, рис. 106, *24–39*). Сама бляшка-розетка принадлежит к редкому типу украшений этнографически самобытного костюмного комплекта, присущего в Восточной Европе лишь носителям абашевской общности (Кузьмина, 2000, с. 102, 103, рис. 25). В этой связи более вероятна связь данной находки с сейминско-турбинским или абашевским жертвенным комплексом на святилище Писаный Камень.

Морфология прочих предметов типична для металлопроизводства энеолитических культур Волго-Камья (Кузьминых и др., 2013). Ножи из гаринских поселений Бор 1 и Чернашка (рис. 4: 1, 2, 25, 26) (Бадер, 1961а, рис. 23, *1*; Черных, 1970, рис. 56, *43*) – двулезвийные, с выделенным черенком – принадлежат к двум конечным типологическим разрядам (КТР). Первый – с асимметричным лезвием и коротким черенком с притупленной пяткой. К этому же разряду относится экземпляр из Удельно-Шумецкого 5 поселения волосовской культуры (рис. 2: 5) (Халиков, 1969, рис. 55, *23*;

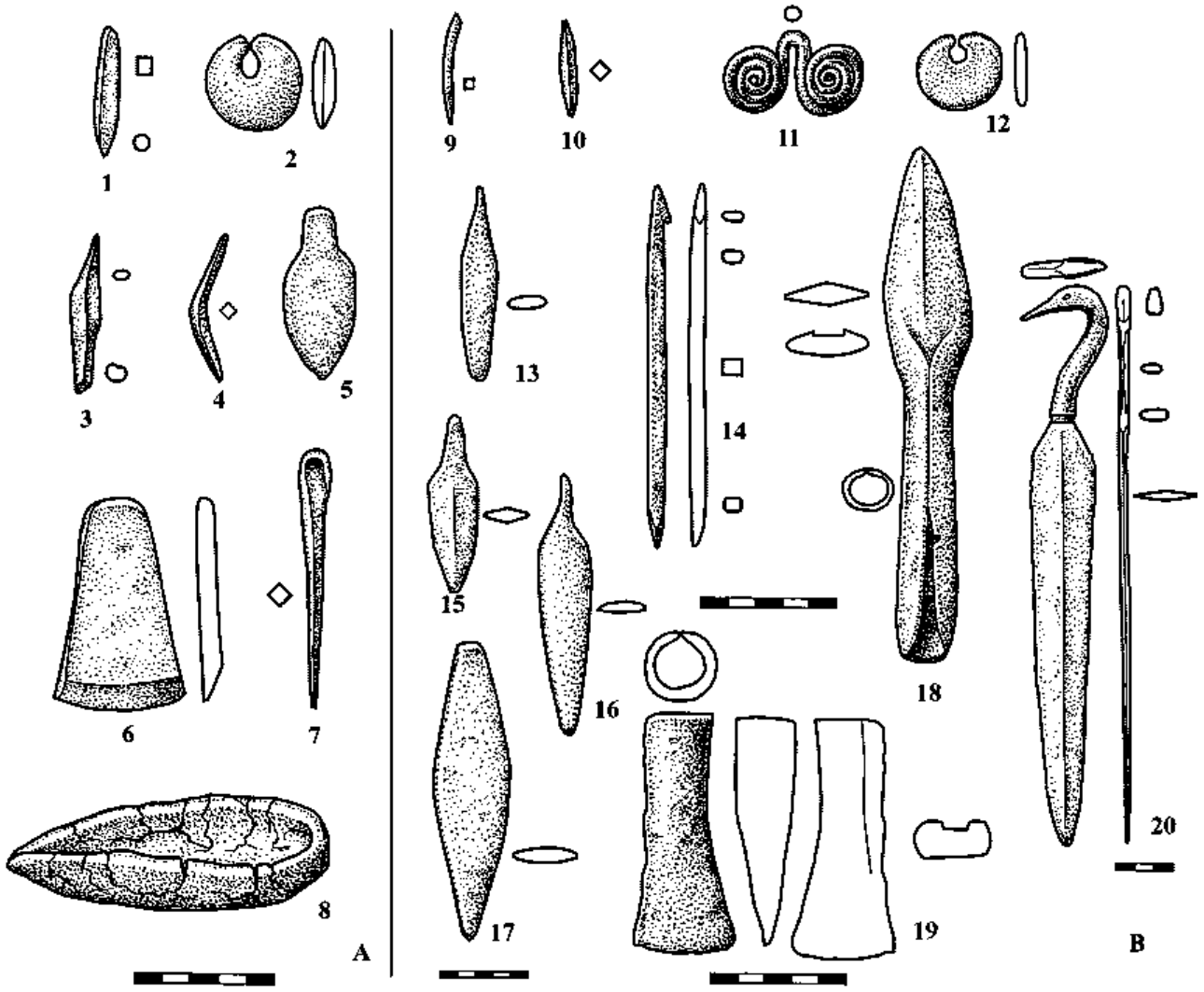


Рис. 2. Медные изделия и глиняный тигель (8)

А – волго-окская группа поселений (волосовская культура); В – камско-вятская группа поселений (гаринская и юртикская культуры). 1–4, 6, 7, 8 – Уржумка; 5 – Удельно-Шумецкое; 9, 11, 13 – Старушка; 10 – Басенький Борок; 12 – Выстелишна; 14 – Худяковское 1; 15 – Чернашка; 16 – Левшино; 17 – Васюково 2; 18 – Заюрчимское 1; 19 – Усть-Паль; 20 – Усть-Курья

Никитин, 1991, рис. 62, *14*). Второй КТР – орудия с симметричным лезвием и длинным игловидным черенком – является наиболее распространенным типом ножей в культурах лесного энеолита (7 экз.). Кроме Чернашки, это экземпляры с поселений гаринской культуры Старушка 3, Лёвшино (рис. 2: 13, 16), Заюрчимское 1, Камский Бор 2, Тюремка 3, юртикской – Усть-Лудяна 2 (рис. 5: 2), имеркской – Новый Усад 4 (Коногорова, 1961, рис. 14, *2*; Бадер, 1961б, рис. 104, *4*; Черных, 1970, рис. 56, *40, 41*; Наговицын, 1980, рис. 12, *1*; Кузьминых, 1980, рис. 1, *1*; Кузьминых, Орловская, 1992, табл. 1, *13*). Условно к этому же разряду отнесен медный нож из числа случайных находок у д. Пашино на оз. Сугояк в Красноармейском р-не Челябинской области (ЧОКМ, № 4881).

Клиновидные орудия (3 экз., пос. Красное Плотбище) можно отнести к разряду небольших, но массивных тесел-долот с узким поперечным лезвием (Денисов, 1972, с. 23, рис. 18, *1*), широко использовавшихся на протяжении всей эпохи раннего металла. Сохранилась, судя по всему, деформированная пятка массивного кованого долота или его заготовки; сечение клина – трапециевидное. О типе орудия судить затруднительно, но отметим, что массивные долота и литейные формы заготовок для их отковки известны в энеолитических культурах лесной полосы: в той же гаринской – поселения Бойцовское 6, Русско-Азибейское 3, поздневолосовской – Ховрино, имеркской – Новый Усад 4, Волгапино (Бадер, 1961б, рис. 47, *4*; Кузьминых, 1977а, рис. 7; Вискалин, 2002, рис. 5, *1*; Королев, Ставицкий, 2008, рис. 160, *1, 2, 4, 5, 7–9, 11–14*; 161, *1–9*).

На поселениях гаринской культуры найдены два кованых наконечника копья: с коротким треу-

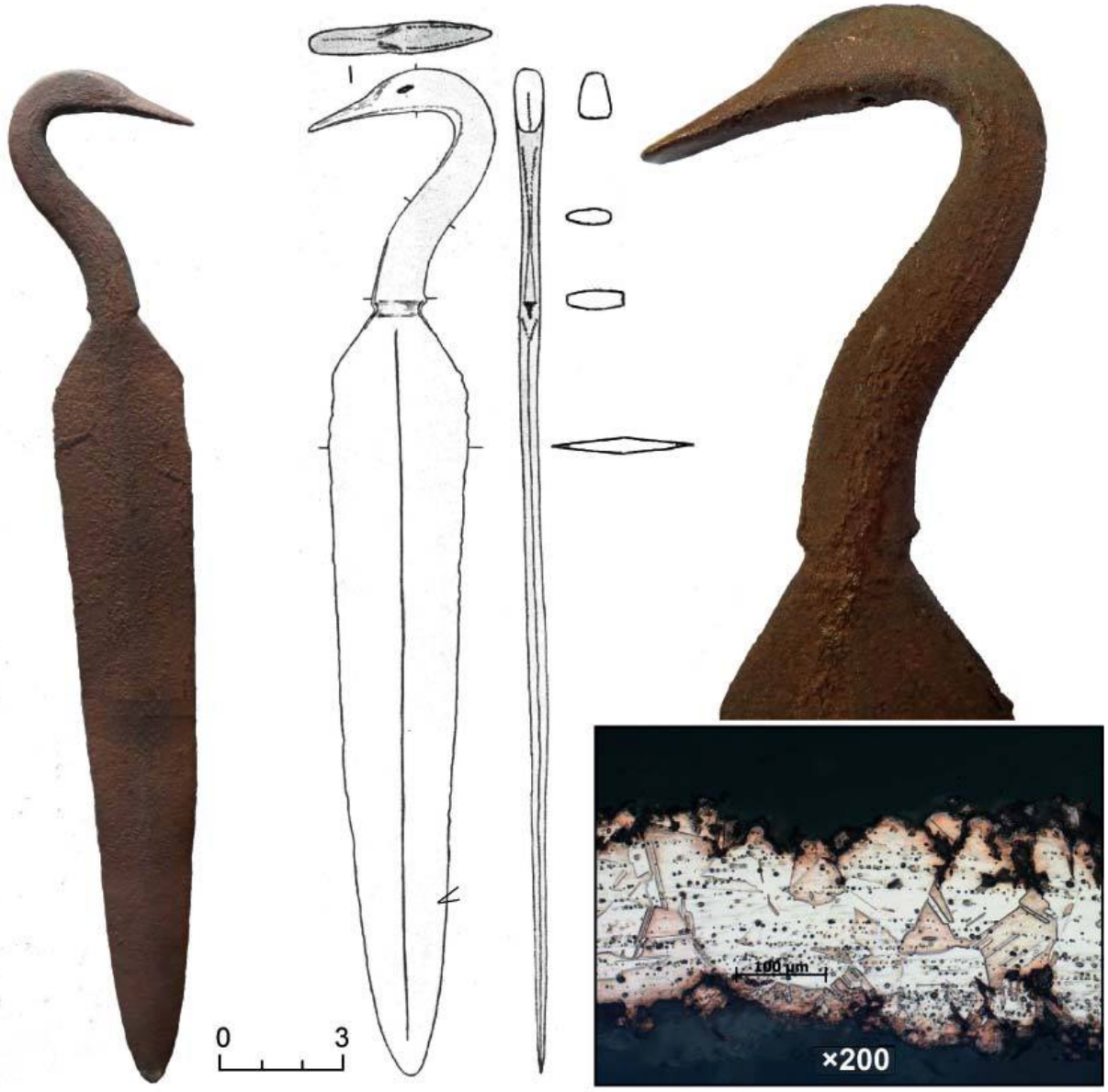


Рис. 3. Кинжал с навершием в виде головки лебедя, фото микроструктуры лезвия орудия

гольно-листовидным пером с продольным ребром и длинной несомкнутой втулкой (Заюрчимское 1; рис. 2: 18) (Бадер, 1959, рис. 47, *6*; Мельничук, 2009, рис. 1, *1*) и аналогичный экземпляр с более длинным пером, но без ребра (Сауз 1) (Обыденнова, 1983, рис. 3, *4*).

Уникальным является кинжал (рис. 2: 20; 3) с лезвием удлиненно-треугольной формы и фигурной рукоятью, оформленной в виде головки и шеи лебедя (пос. Усть-Курья) (Голдина и др., 2007, рис. 12).

Серия шильев из гаринских поселений Заюрчимское 1 (рис. 4: 4) (Бадер, 1959, с. 118), Красное Плотбище (рис. 4: 5–8) (Денисов, 1970, рис. 21, *5–7, 9*; 1972, рис. 28, *1–3, 5, 6, 15*) и Чернашка (рис. 4: 9; Пермь, АКУ, № 436–6600) принадлежит к разряду обоюдоострых, без упора; сечение круглое, квадратное и прямоугольное; шило с Чернашки – с загнутым концом. Орудия данного КТР, наряду с шильями с притупленным концом, являются наиболее распространенными не только в энеолите лесной полосы, но и в культурах эпохи раннего металла в целом. Обоюдоострые шилья известны и в других памятниках гаринской культуры, таких как Камский Бор 2, Заосиновское 1, Выстелишна, Тюремка 3, Русско-Азибейское 3 (Коногорова, 1961, рис. 13, *6*; Денисов, 1983, с. 144; Бадер, 1961а, рис. 45, *2*; Бадер, 1961б, рис. 104, *2*; Кузьминых, 1977а, рис. 3, *7*) и др., а также на поселениях волосовской (Холомониха, Шача, Уржумка) (Бадер, 1970, с. 34; Гаврилова, 1978, с. 53; Кузьминых, 1977а, рис. 3, *16*) и юртикской культур (Лобань 1) (Гусенцова, Сенникова, 1980, рис. 3, *2*).

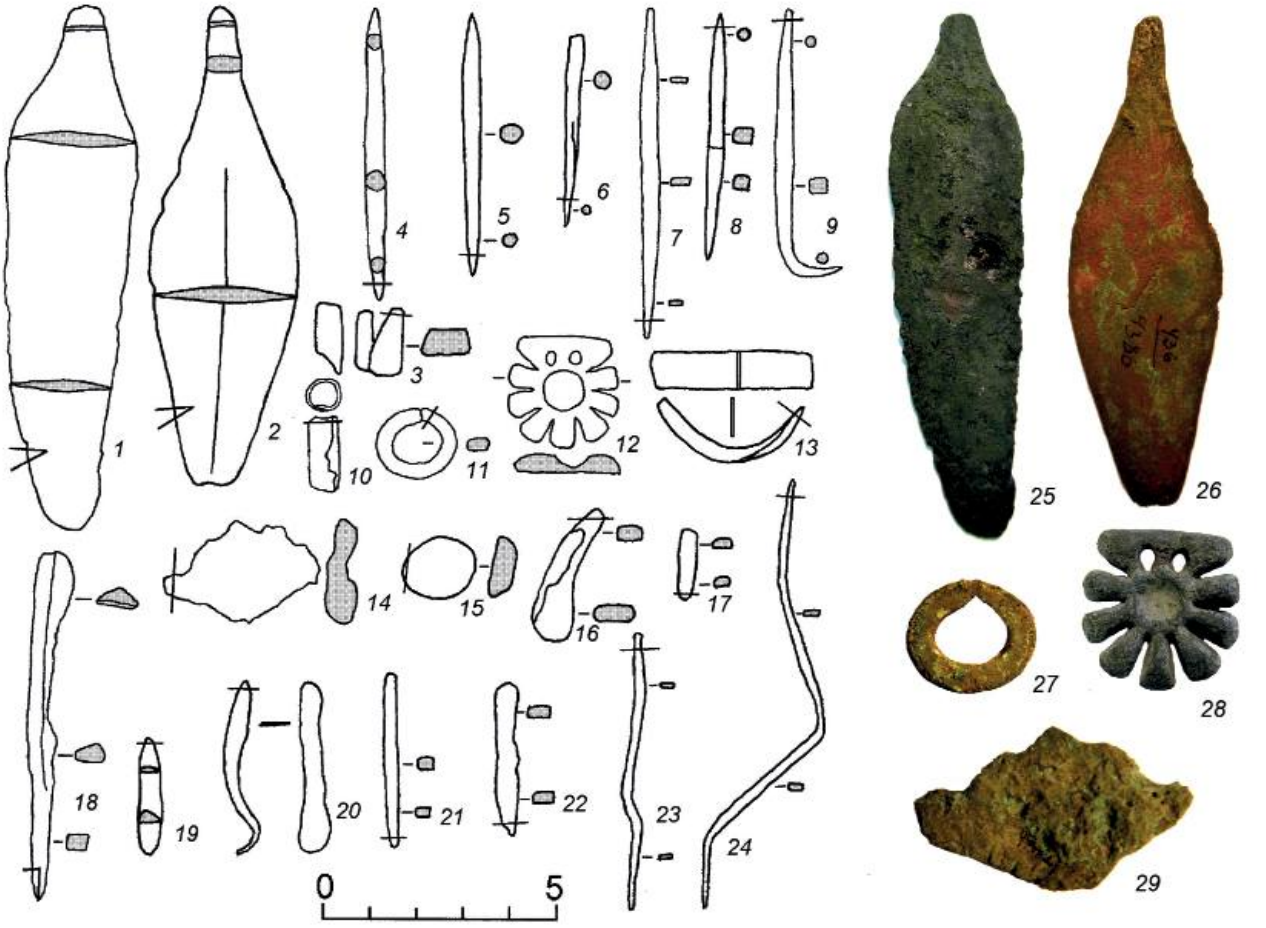


Рис. 4. Орудия труда, украшения, слитки, заготовки гаринской культуры Верхнего Прикамья
1, 25 – Бор 1; 2, 9, 26 – Чернашка; 3, 5–8, 10, 11, 13–24, 27, 29 – Красное Плотбище; 4 – Заюрчимское 1; 12, 28 – Писаный Камень

Кроме упоминавшейся бляшки-розетки абашевского типа из святилища у Писаного камня, аналитически исследованы еще три украшения – подвеска, браслет и пронизь из поселения Красное Плотбище (Денисов, 1972, с. 23, 32, рис. 28, *11*). Первое из них (рис. 4: 11) относится к разряду кованых массивных колец с сомкнутыми концами). Подвески – лунницы и кольца – принадлежат к характерной группе украшений гаринской культуры; известны они и в волосовской культуре. Среди них особенно выделяются кованые подвески-лунницы (см. рис. 2: 2, 12; 5: 11, 12) с несомкнутыми и сомкнутыми концами – Красное Плотбище, Выстелишна, Старушка, Усть-Паль, Рысовское III, Уржумка (Денисов, 1977, с. 145; Бадер, 1961а, рис. 45, *1*; Бадер, 1959, рис. 33, *1*, 47, *2*; Чижевский и др., 2014, рис. 19: 3; Кузьминых, 1977а, рис. 3, *2*). Массивные расплющенные кольца являются их модификацией и широко распространены в энеолитических культурах лесной полосы – от Карелии (Пегрема 1, Вигайнаволок 1) и Финляндии (Suovaara) до Урала (см. обзор: Кузьминых, 1995).

Фрагмент широкого пластинчатого медного браслета (рис. 4: 13) – единственное подобное украшение в памятниках гаринской культуры. Браслеты в целом не характерны для энеолитической металлообработки лесной полосы. Не исключено, что в Красном Плотбище эта находка связана с позднебронзовым жертвенным комплексом (Денисов, 1973, с. 17, 22), к которому относятся три ножа с перекрестьем и перехватом (один из них с налитой рукоятью) (Денисов, 1970, рис. 21, *1–3*), два наконечника копья с лавролистым и листовидным пером и укороченной втулкой (Денисов, 1973, рис. 17, *1, 2*).

Пронизь свернута из массивной раскованной пластины (рис. 4: 10) и принадлежит к разряду несомкнутых, с заходящими краями. Кроме Красного Плотбища, аналогичные находки есть и в других энеолитических памятниках Уральского региона – Чернушка (2 экз.), Чебаркуль 10 и Береговая 6 (см. обзор: Кузьминых, 1995). В последующие эпохи бронзы и раннего железа подобные

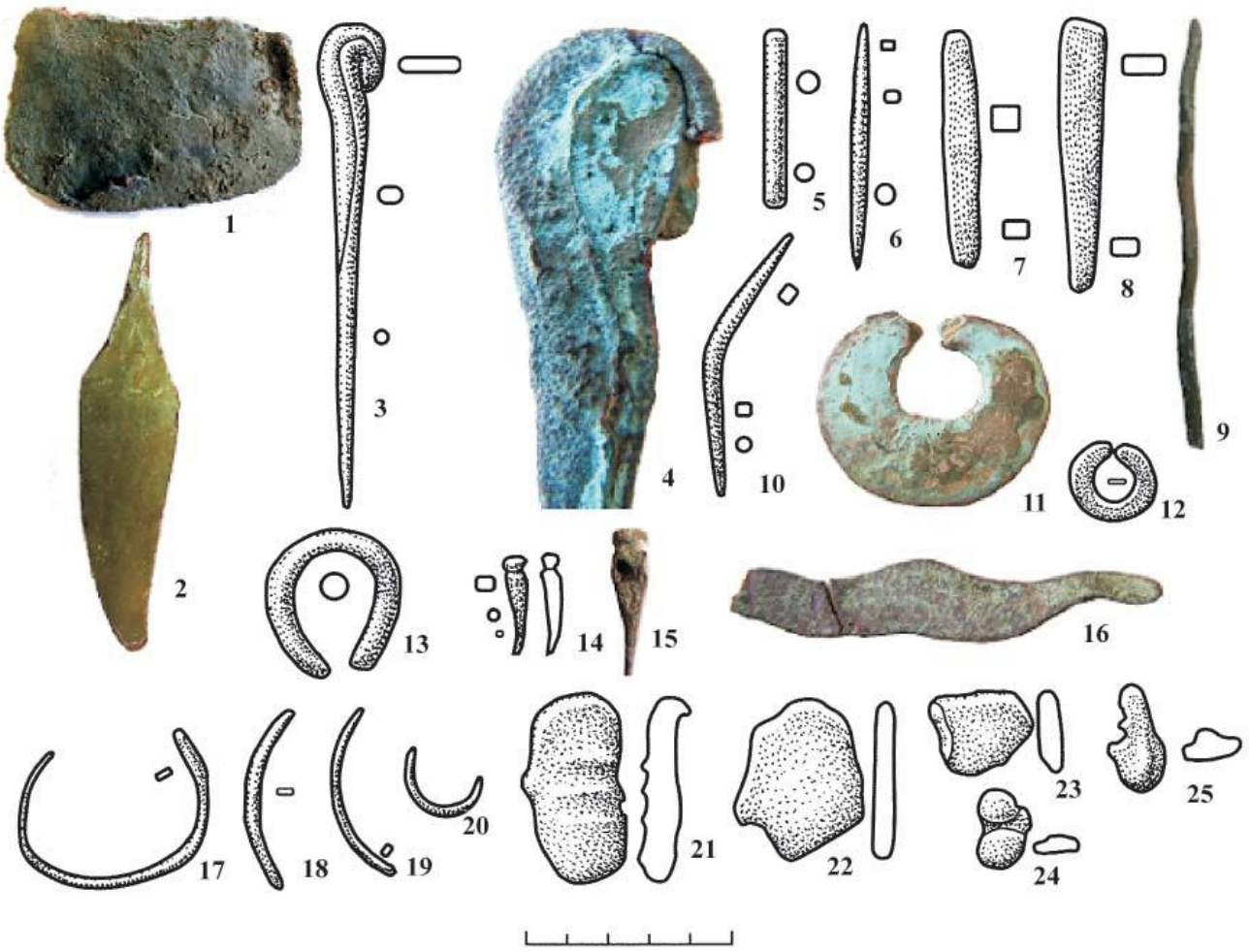


Рис. 5. Орудия труда, украшения, слитки волосовской и юртикской культур
1, 14, 15, 22, 23 – Худяковское 1; 2, 9, 13 – Усть-Лудяна 2; 3–5, 8, 10 – Русско-Азибейская 3; 6, 12, 24 – Юринская; 7, 25 – Уржумка; 11 – Рысовское III; 16 – Черки-Кильдуразы; 17, 19, 20 – Тенишевский могильник; 21 – Этанцы 2

пронизи изготавливались уже из тонкой листовой меди и бронзы.

Слитки и полосовые полуфабрикаты (пластины), наряду с отходами производства (капли, сплески, лом) (см. рис. 5), составляют в процентном отношении львиную долю металла в энеолитических памятниках лесной полосы. Особенно насыщены сырьем, заготовками и отходами производства поселения гаринской культуры.

Проанализированные изделия представлены одной металлургической группой – чистой медью. В преобладающем большинстве образцов (85%) обнаружены включения эвтектики Cu–Cu2O, свидетельствующие об использовании для изготовления предметов чистой окисленной меди. По всей видимости, основным исходным сырьем служил малахит и азурит. Запасы этих минералов достаточно широко представлены в Пермской и Вятско-Камской группах месторождений. Вятско-Камская группа предметов представлена только изделиями из чистой окисленной меди, в то время как в пермской группе чисто медных предметов меньше – 70% от общего числа. Примерно треть медных изделий гаринской культуры, очевидно, раскислена сульфидными добавками, поскольку в микроструктурах отсутствуют включения эвтектики Cu–Cu2O. Металл одной полосовой заготовки с целью уточнения состава крупных включений был проанализирован методом микрорентгеноспектрального анализа на микрозондовом анализаторе Camebax SX50 для определения элементного состава металла. По данным исследования α-фаза меди отличалась значительной чистотой с микропримесями свинца, цинка, мышьяка. Серебро отмечено в повышенных концентрациях в десятых долях процента. В одной точке зафиксирован уран в сотых долях процента. Многочисленные включения насыщенного синего цвета являются сульфидами меди Cu_2S, поскольку содержат серу до 17%, других значимых примесей, кроме серебра, не имеют. Таким образом, гаринские металлурги предпринимали попытки раскисления труднообогатимой вязкой окисленной меди добавлением к расплаву сульфидных минералов типа ковеллина.

В образце отсутствуют включения закиси меди, но в переизбытке – сульфидные, т. е. обязательный предварительный отжиг сульфидов не производился. Вполне вероятным представляется также и использование для плавки самородной меди, в изобилии встречающейся на рудных месторождениях Прикамья.

Изготовление орудий труда и украшений осуществлялось преимущественно с использованием кузнечных процессов (56,2%), реже с использованием литейных технологий (43,8%). Литье в односторонних литейных формах с плоскими крышками зафиксировано лишь при получении ножей и украшений – этнических индикаторов: бляшки-розетки, лунниц, подвески. Лезвийная часть ножей после литья дорабатывалась ковкой, направленной на вытяжку и заострение рабочей части, которая протекала либо при предплавильных температурах 900–1000 °С, либо в режиме неполной горячей ковки при 250–400 °С. Вывод подтвержден особенностями микроструктурных данных – размерами кристаллов, степенью деформированности исходной литой структуры, замерами микротвердости металла.

По уникальной технологии для этого раннего периода отлит кинжал с навершием в виде головки лебедя (рис. 3). Литье производилось с использованием утрачиваемой восковой модели в глиняной форме. Об этом свидетельствует ряд данных – отсутствие литейных швов, асимметричность профиля головки птицы, филигранная проработка ее деталей – клюва, намеченные контуры глаз, следы от работы лопаткой по воску, воспроизведенные в металле, характерные наплывы в месте соединения шеи и лезвийной части. Полученная отливка доработана ковкой, сопряженной с вытяжкой и заострением лезвия, произведенной в режиме предплавильных температур 900–1000 °С.

Обломок тесла, долота и шилья получены также из чистой окисленной меди в процессе ковки, сопровождающейся степенями обжатия металла 70–80%, в нескольких случаях – обжатие не превышало 50–60%. Ковка направлена на придание заготовкам прямоугольной или овальной в сечении формы, заострение рабочих окончаний. Следов преднамеренного упрочнения металла холодной проковкой в микроструктурах изделий не обнаружено, замеры микротвердости металла находились в пределах 78–119 кг/мм^2. Преобладала горячая ковка в режиме 600–800 °С, реже при предплавильных температурах 900–1000 °С, что зафиксировано диаметром зерен 0,12–0,15 мм, а также показателями микротвердости металла. В единичных случаях орудия прокованы при низких температурах – в режиме неполной горячей ковки при 250–400 °С (наличие отдельных рекристаллизованных участков на фоне деформированной матрицы). Практиковалась также сварка для изготовления булавки с навершием (рис. 5: 3, 4) (Кузьминых, 1977а, рис. 3, *б*), шильев с целью соединения полос металла достаточно хорошего качества, которая протекала при нагревах 900–1000 °С или 600–800 °С.

Украшения изготовлены либо по литейным технологиям, либо свободной кузнечной ковкой. Значимые этнические маркеры – лунницы, подвеска и бляшка-розетка были отлиты в односторонних литейных формах с плоскими крышками, о чем свидетельствует наличие хорошо прослеживаемых литейных швов на боковых поверхностях изделий. Судя по наличию характерных губчатых затеков, отливка украшений производилась в глиняные литейные формы. После литья подвески, лунницы согнуты в кольцо при предплавильных температурах 900–1000 °С, при этом первоначальная литая полиэдрическая структура практически не изменилась, появились отдельные участки крупных рекристаллизованных зерен. Браслет и пронизь изготовлены из полосовых заготовок ковкой, направленной на плющение изделий и сворачивание на округлых оправках. Операции осуществлялись вгорячую при температуре 600–800 °С и при 900–1000 °С при степенях обжатия 80–90%.

Исследованные слитки имеют небольшой вес, отлиты на дне сосудов или в небольших тиглях. Изделия относятся к категории рафинированных, поскольку металл отличается исключительной чистотой. При микроструктурном исследовании обнаружены лишь включения эвтектики Cu–Cu_2O. Содержание кислорода, избыточное присутствие которого приводило к повышенной хрупкости металла, тщательно контролировалось. Остывание некоторых слитков происходило замедленно по мере остывания печей или очагов на открытом воздухе, что привело к его чрезмерному окислению.

Заготовки представляли собой полосовые полуфабрикаты, предварительно отлитые в литейных формах и далее подвергнутые ковке с обжатием 50–60% или с использованием более существенных степеней обжатия 70–80%. Кузнечные операции проводились вгорячую при температуре 600–800 °С, а также при температуре 900–1000 °С. В нескольких случаях заготовки были прокованы в режиме неполной горячей ковки при температуре 300–500 °С.

Кузнечные операции по формовке орудий и украшений осуществлялась преимущественно вгорячую – при температуре 600–800 °С (39%), далее в режиме неполной при 250–400 °С (34,1%) и при предплавильных температурах 900–1000 °С

(26,9%). Использование высокотемпературных предплавильных режимов обработки металла при 900–1000 °С представляется очень интересным и примечательным фактом, поскольку требовало достаточно высокой квалификации и длительных навыков обработки окисленной меди. Режим холодной обработки металла по данным микроструктурного анализа не отмечен, упрочнение орудий также не выявлено.

Другой металлургический очаг базировался в Карелии, на территории которой обнаружены также богатые залежи окисленной и самородной меди. В Заонежье найдены уникальные самородки весом более 100 кг и длиной до 1 м (Кулешевич, Лавров, 2010). Ветвистое строение этих уникальных природных образований напоминает растения или кораллы, поэтому их еще называют дендритами. В них иногда сохраняются оставшиеся реликты обломков пород, силикаты и кварц. Медные изделия, в основном небольших размеров, известны на поселениях IV–III тыс. до н. э. и на территории Финляндии. По мнению К. Нордквиста и В.-П. Хервы, использование меди на территории Фенноскандии началось еще в неолите в начале IV тыс. до н. э. Медь поступала из богатых рудных залежей вокруг Онежского озера в результате обменных операций (Nordqvist, Herva, 2013).

Единичные медные изделия известны и в слоях поселений энеолитических культур Среднего Зауралья IV–III тыс. до н. э. (липчинская, аятская, суртандинско-кысыкульская и др.) (Кузьминых, 1995; Спиридонов, 2019). Проанализированные небольшие предметы представляли собой обломок ножа, наконечник стрелы и подвеску (стоянка Разбойничий Остров, культовая площадка Скворцовская гора V, погр. 1) (Чаиркина, 2005, с. 209–212). Первые два орудия отлиты из чистой окисленной меди с последующей незначительной проковкой при температуре 600–800 и 900–1000 °С. Подвеска изготовлена из небольшого литого бруска из медно-свинцово-мышьякового сплава (Pb 1,6%, As 1,1%), подправленного после литья холодной ковкой. Состав этого изделия уникален: подобные сплавы бытовали в IV–III тыс. до н. э. в раннетрипольском (Приднестровье) и анауском (Туркменистан) центрах металлопроизводства (Черных, 1966, с. 54–57; Терехова, 1975, с. 50–75).

Археологические и аналитические данные свидетельствуют о функционировании в Волго-Камье гаринского очага металлургии и волосовского очага металлообработки – сравнительно маломощных на фоне производственных центров Циркумпонтийской металлургической провинции. Их производственная деятельность базировалась на добыче медистых песчаников Прикамья и Приуралья (Черных, 1970; Кузьминых, Агапов, 1989), выплавке окисленной меди, иногда и в сочетании с сульфидными рудами, в небольших масштабах – самородной. Достаточная осведомленность о свойствах и пороках окисленной меди, умение выплавлять ее из руды и обрабатывать при предплавильных температурах свидетельствуют о высокой квалификации кузнецов-литейщиков гаринского и волосовского очагов. Кроме того, есть основание предполагать, что металлообработка энеолитических культур Волго-Камья развивалась под влиянием производственных традиций приуральского ямного и средневолжских балановско-фатьяновского и абашевского очагов, в которых использовались практически те же технологии, но в более крупном масштабе и с изготовлением массивных металлоемких орудий и оружия (Черных, 2007, с. 37–55; Дегтярева, 2010, с. 68, 69). Однако не исключено, что первоначальные импульсы к становлению металлообработки постнеолитических культур северной лесостепи и юга лесной зоны исходили из центров хвалынской энеолитической культуры. Но, возможно, древнейшие медные украшения из могильников Усть-Камья (Тенишевский, Мурзихинский 2) могли быть импортами из этих центров.

ГЛАВА 9
ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА

Начало изучения антропологического материала энеолитической эпохи Волго-Уралья связано с работами С.М. Чугунова (Чугунов, 1904а, 1904б), в которых автор представил сведения о двух черепах из раскопок конца XIX – начала XX вв. близ села Ново-Мордово и урочища Пустая Морквашка бывшей Казанской губернии. На них были отмечены малые размеры в сочетании с брахикранией.

Развитие археологических представлений и накопление палеоантропологических материалов к середине XX века позволили систематизировать, оценить и уточнить имевшиеся данные исходя из таксономических позиций. Фундаментальное значение в области антропологии имели труды Г.Ф. Дебеца, М.М. Герасимова и В.В. Бунака, в которых учеными были описаны находки, относящиеся к разным историческим эпохам и культурам, происходящим с территорий СССР, сформулированы основные расогенетические проблемы (Дебец, 1948; Герасимов, 1955; Бунак, 1956). В частности, были заново рассмотрены упомянутые выше черепа Казанского края, высказано мнение о сходстве их с «лапоноидным» краниологическим типом (Дебец, 1948, с. 83). Большое значение для таксономической оценки древнего населения сыграли находки шигирской культуры Урала. Г.Ф. Дебец и М.М. Герасимов определили их как метисные европеоидно-монголоидные формы, при этом первый исследователь в составе урало-лапоноидной группы, второй – как вариант субуральского типа. Согласно теории В.В. Бунака, еще в эпоху камня в областях Восточного Приуралья и таежной полосы Европы формировалась особая северная евразийская антропологическая формация. Ее группы не имели генетической связи ни с европеоидами, ни с монголоидами, но вели происхождение от населения палеолита, недифференцированного в расовом отношении. Вероятно, этот древнейший антропологический пласт явился основой для формирования современной уральской расы (Бунак, 1956, с. 101).

Антропологические материалы Волго-Уральского региона энеолитической эпохи рассматривались в дальнейшем в работах ряда исследователей (Шевченко, 1980, 1986; Мкртчян, 1988; Яблонский, 1986, 1990, 1992; Хохлов, 1998, 2010, 2012, 2017; и др.).

К настоящему времени изучены дополнительные важные палеоантропологические материалы. По многим из них получены радиоуглеродные даты, на основе которых обоснована хронологическая периодизация носителей археологических культур.

Наиболее ранней антропологической находкой энеолита является скелет женщины из коллективного захоронения Самарского Заволжья (Лебяжинка V, п. 12), относимого к мариупольскому времени (Васильев, Овчинникова, 2000, с. 219, 220). В целом череп средней массивности, мезокранный и умеренно профилированный (Хохлов, 2011а). По своим характеристикам он вполне укладывается в общее представление о древнейших краниологических комплексах Волго-Уралья, в том числе неолитического времени, хотя отдельные аналогии ему можно обнаружить и в погребальных памятниках неолита Надпорожья – Приазовья.

Предположительно к этому или непосредственно последующему времени принадлежат скелеты людей могильника Съезжее I, который отнесен к особой, самарской культуре (Васильев, 1981). Здесь также был изучен лишь краниологический материал, оказавшийся одним из самых дискуссионных в палеоантропологии. Автор первичного исследования этой выборки отметил ее неоднородность (Шевченко, 1980). В коллективном захоронении, включавшем три скелета, были представители так называемого умеренно-гиперморфного антропологического типа, а черепа из одиночных погребений с вытянутыми на спине костяками, по мнению исследователя, отличались выраженной гиперморфией (Шевченко, 1980, с. 165–172). Первому морфологическому варианту ближайшие аналогии он увидел среди некоторых известных к тому времени находок волосовской культуры (Володары) Верхнего Поволжья и одновременно из Задоно-Авиловского курганного могильника на Дону. Второй вариант, по данному автору, ближе всего к черепным сериям из неолитических могильников Приазовья – Надпорожья. Л.Т. Яблонский (1986) подтвердил реальность существования умеренно-гиперморфного типа, при-

Рис. 1. Скульптурная реконструкция облика мужчины по черепу из могильника Съезжее I (п. 1, ск. 1)
Автор Л.Т. Яблонский

нимая возможность его местного происхождения. Вместе с тем он отметил некоторое сходство суммарной съезженской выборки с неолитической могильника Тумек-Кичиджик из Приаралья, и предложил для населения самарской археологической культуры другое направление генетических связей – восточно-прикаспийские степи (Яблонский, 1986, с. 105). В этом же году И.И. Гохман (1986, с. 220, 221) на основании, в том числе, специфики строения съезженских черепов из коллективного погребения обосновал существование в Восточной Европе особого уральского варианта, который морфологически и по области формирования более всего соответствует особой «северноевразийской формации» В.В. Бунака (Бунак, 1956, с. 101). Сам В.В. Бунак видел в обозначенной им формации древние корни уральской расы. И.И. Гохман (1986, с. 220, 221) считал, что: «Антропологический состав древнего населения северо-запада и севера восточно-европейской части Русской равнины определялся взаимодействием трех локальных антропологических типов: североевропейского, южноевропейского и восточноевропейского (уральского)». Для выделения уральского варианта послужили морфологические особенности нескольких восточноевропейских черепов, в том числе из коллективного погребения Съезженского энеолитического могильника. В качестве наиболее характерных для этого локального типа черт И.И. Гохман называл небольшие абсолютные размеры черепа, узкий лоб, низкое, часто несколько уплощенное лицо. Мы можем представить внешний облик представителя этого древнего антропологического субстрата на основании скульптурной реконструкции, выполненной Л.Т. Яблонским по одному из вышеупомянутых съезженских черепов (п. 2, ск. 2; рис. 1).

Для лесостепной части Приуралья сравнительно недавно были получены два черепа из погребений могильника Красноярка на р. Ток, датируемых на основании характерного инвентаря ранним энеолитом и отнесенных также к «Мариупольской КИО» (Богданов, Хохлов, 2012, с. 210). С учетом полового диморфизма (п. 1 – женский, п. 2 – мужской) они имеют между собой некоторое сходство – крупные, брахикранные и т. д., и вместе с тем демонстрируют принципиальные различия по общей конструкции. Женский череп по комплексу признаков сближается с черепами древнего сублапоноидного морфологического варианта в его умеренно гиперморфном выражении. Из ближайшего окружения он в какой-то мере сходен с женским черепом из Лебяжинки V в целом той же географической области (п. 12), но более близкие сходства обнаруживает с краниумами Хлопковского энеолитического могильника Саратовского Поволжья. Мужской череп из Красноярки определенно европеоидный и весьма специфичный. По нашим наблюдениям максимально близким ему оказывается неолитический череп могильника Тумек-Кичиджик Приаралья (п. 6, ск. 2).

Общий обзор материалов неолита-энеолита Восточной Европы показал некоторую концентрацию достаточно важного расово-диагностического признака, такого как относительно низкий свод мозговой коробки, среди краниологических материалов по вектору от Прикамья до Приаралья. Это может служить вектором для поиска генетических связей, что в определенной степени подкрепляет ранее изложенную точку зрения Л.Т. Яблонского (1986, с. 105–106) о возможных связях антропологических компонентов, представленных в материалах, с одной стороны, самарской раннеэнеолитической, и с другой – кельтеминарской неолитической культур.

В период 2014–2018 гг. у южного подножия Самарской Луки в левобережье Волги был исследован сравнительно крупный по числу погребений (101) грунтовый могильник, названный по местонахождению Екатериновский Мыс (Королев и др., 2015). К сожалению, сохранность антропологического материала плохая. Все же общее представление получить удалось. В первую очередь,

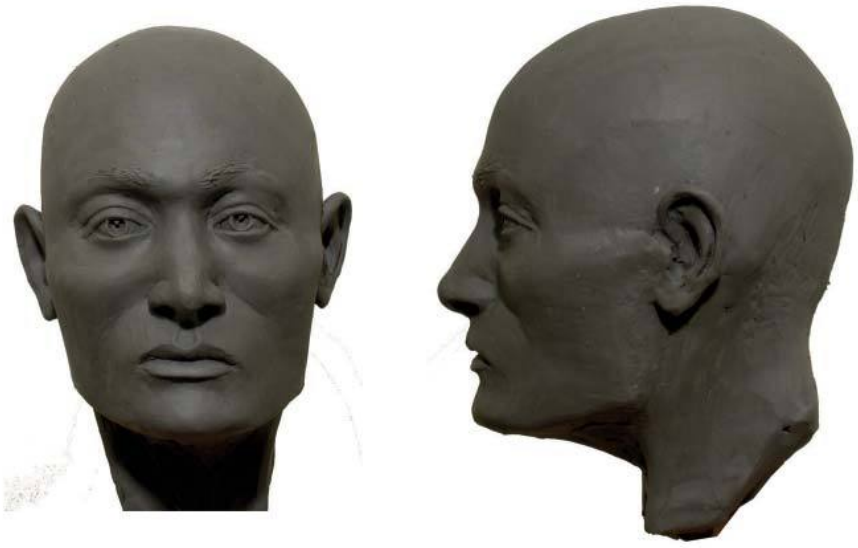


Рис. 2. Скульптурная реконструкция облика мужчины по черепу из могильника Екатериновский Мыс I (п. 45)
Автор Р.М. Галеев

нужно сказать, что количество погребений полностью раскопанного могильника позволяет рассматривать демографическую структуру населения. На основании половозрастных определений получилось своеобразное соотношение долей: 57,1% мужчин, 30,6% женщин разных возрастных классов и 12,3% детей от рождения до 5 лет. Людей детского и подросткового возраста (6–16 лет) не зафиксировано. В силу выборочности источника эти показатели сложно комментировать. Очевидно, что они не отражают нормальную демографическую ситуацию. Возможно, недостающие цифры сокрыты в 34% индивидах, которых не удалось определить в связи с крайне плохой сохранностью скелетов. Тем не менее полученные данные нужно учитывать для последующих сравнений с демографическими показателями других крупных некрополей нео-энеолита.

Реставрированные черепа Екатериновского могильника в целом средних размеров. Среди них доминируют мезо-брахикранные, часто с умеренным горизонтальным профилем на верхнелицевом уровне. В этой выборке максимально сохранившимся является череп из погребения № 45, которое, исходя из богатства сопровождающего инвентаря, отнесено археологами к разряду элитных (Королев и др., 2018). Данный череп выделяется на фоне других краниумов Екатериновского могильника более резкой горизонтальной профилировкой, большим проявлением европеоидных черт. Но это единственное отличие, по большинству же других признаков он достаточно хорошо вписывается в данную серию. В целом екатериновские черепа по строению сближаются с местными краниологическими типами неолита-энеолита, представлявшими коренные приуральские группы. По черепу из погребения № 45 была выполнена скульптурная реконструкция (рис. 2).

По сохранившимся костям посткраниальных скелетов можно говорить о сложении людей, погребенных в данном некрополе. Индивид из элитного захоронения (№ 45) в целом был среднего роста, около 170,0±2,0 см, при этом с несильным развитием макрорельефа на длинных костях, что позволяет предполагать умеренный мышечный рельеф человека. По останкам других посткраниальных скелетов можно отметить, что они также не отличаются массивностью, имея умеренные по развитию тотальные величины костей. В целом создается впечатление о средней конституциональной сложенности группы, с тенденцией к грацильности.

Обращает внимание наличие на 12 черепах взрослых людей дефектов травматического происхождения. Это поверхностные вдавления на мозговой коробке преимущественно эллипсоидной формы, имеются как у мужчин, так и у женщин, причем по несколько. В одном случае зафиксирована сквозная трепанация черепа, выполненная круговым выскабливанием костной ткани. Подобные дефекты встречены на материалах энеолита Поволжья не впервые и имеют свое объяснение. Эта тема будет подробнее освещена на источнике, который впервые предоставил такую информацию и был описан ранее (Мкртчян, 1988; Хохлов, 2010, 2012), в частности, на черепах людей из хвалынских могильников степного Поволжья.

Памятники хвалынской культуры дали для исследователей максимально больший и лучший по качеству антропологический материал энеолитической эпохи Волго-Уралья. В основном он происходит из могильников правобережья Волги

Рис. 3. Скульптурная реконструкция облика женщины по черепу из могильника Хвалынск I (п. 17)
Автор Л.Т. Яблонский

Саратовской области (Хвалынск I, Хвалынск II, Хлопков Бугор), первые из которых раскопаны полностью. В общей сложности материал насчитывает 194 скелета разных половозрастных категорий, которые предоставили ценную информацию для расогенетических, общефизических, демографических и палеопатологических реконструкций.

Для сравнительно большого некрополя Хвалынск I (160 скелетов) отмечалась низкая смертность детей, мужчин в подростковой и раннезрелой возрастных группах и, напротив, высокая смертность молодых женщин активного родового периода (Мкртчян 1988). До пожилого возраста и особенно старческого доживали преимущественно мужчины. Средняя продолжительность жизни населения составила 32,0 года, отдельно для взрослых мужчин 43,9 года и для женщин 34,8 года. Демографические показатели этого могильника, несмотря на низкую долю детских захоронений, соответствуют сравнительно оседлой популяции (Мкртчян, 1988б).

Могильник Хвалынск II меньше по числу погребенных примерно в 3,5 раза. Здесь также отмечается низкая детская смертность – показатель, наблюдаемый на материалах большинства неолитических могильников Восточной Европы. Вместе с тем второй хвалынский памятник отличается от первого рядом других демографических величин: меньшие сроки жизни, в целом 24,5 года, отдельно для взрослых мужчин 38,3 года, а для женщин 33,3 года; большая доля умерших мужчин в молодом возрасте; резкое численное преобладание мужской части над женской (Хохлов в кн.: Кузьмина и др., 2010).

Материалы могильника Хвалынск II, вероятно, отражают какой-то особый временной эпизод в существовании популяции, связанный, к примеру, с какой-то социальной стратегией общества, выделением группы, несущей определенную задачу и имеющей собственный погребальный участок для конкретных членов общего племенного коллектива. В качестве причины высокой смертности молодых людей и в целом количественного доминирования мужчин следует рассматривать стрессовую ситуацию, вероятно, связанную с некоей социальной напряженностью. Отчетливых травм на скелетах людей, ведущих к летальному исходу, однако, мало, что делает исключительно военную причину смертности малообоснованной. В целом половозрастная структура людей, погребенных в могильнике Хвалынск II, соответствует скорее мобильной группе, нежели оседлой.

Рассматривая вопросы социального стресса, следует отметить ряд зафиксированных случаев дефектов костной ткани. В обоих хвалынских могильниках на черепах людей зрелого возраста, как мужчин, так и женщин, обнаружены специфические повреждения, локализованные преимущественно в области теменных костей. Они представляют собой вмятины овально-миндалевидной, реже округлой, формы, несквозные. Их количество на черепах варьирует от одного до шести. Было сделано предположение, что это результат символических манипуляций, связанных с определенными ритуалами в древнехвалынском обществе (Мкртчян, 1988; Хохлов, 2010). Возрастная категория травмированных людей в основном старше 40 лет. Это возраст, когда люди физиологически уже менее пригодны для дел, требующих больших физических усилий – боевых действий, охоты, дальних переходов и т. д. Зато в социальной сфере – обмен опытом, руководство, наставничество, воспитание подрастающего поколения, в бытовых и ремесленных делах они определенно имели высокий статус. Значительно сложнее что-либо предполагать насчет многоразового травмирования – достаточно болезненного действия для людей, как физически, так и психически. Вопрос стоит также относительно назначения и проведения самой манипуляции: либо это травмы ударного характера, либо это поверхностные трепанации – возможно и то, и другое. Следы скобления

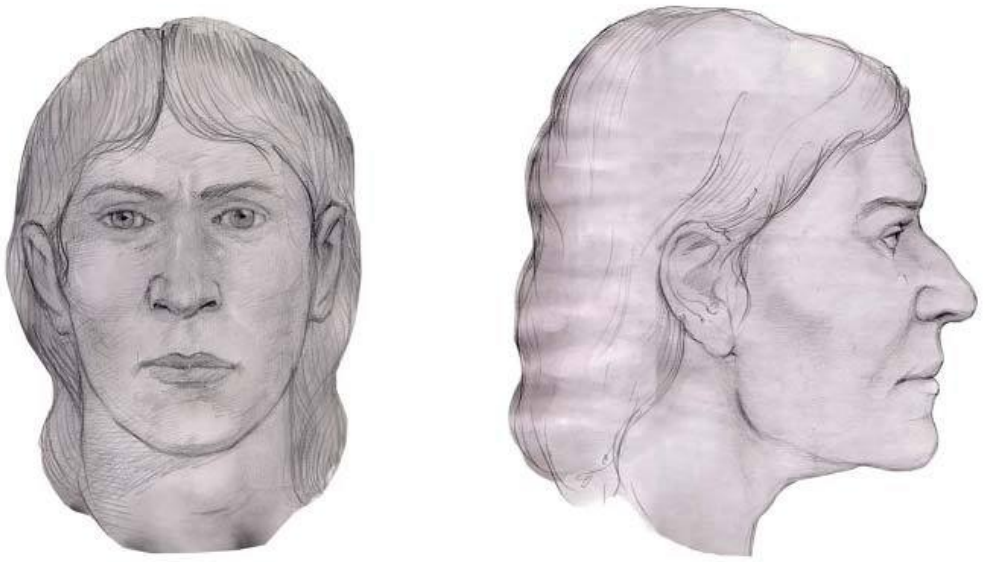


Рис. 4. Графическая реконструкция облика мужчины по черепу из могильника Хвалынск II (п. 24)
Автор А.И. Нечвалода

костной ткани отчётливо зафиксированы в одном случае (Хвалынск II, п. 21).

Как отмечалось выше, подобные дефекты обнаружены теперь и на черепах людей более ранней по времени, соседней территориально палеопопуляции, оставившей могильник Екатериновский Мыс. Выявленная травматика является особой отличительной чертой поволжских племен энеолита на фоне других мезо-энеолитических групп Европы. Она демонстрирует наличие специфики обрядовой жизни, является эксклюзивным социальным феноменом, и может рассматриваться в контексте культурной преемственности и развитии в данном географическом ареале.

Суммарно краниология памятников хвалынской культуры (Хвалынск I, Хвалынск II, Хлопков Бугор) представлена 41 мужским и 20 женскими черепами. Данная серия полиморфна. Выделены три морфологических варианта (Хохлов, 2010, с. 425–438). Один, мезоморфный с умеренно профилированным лицом, определенно восходит своими корнями к населению древнеуральского типа, распространившемуся к югу, видимо, по лесистой возвышенности правобережья Волги еще в дохвалынское время. Учитывая сказанное о материалах Екатериновского могильника, вероятно, именно в нем мы находим истоки уралоидного компонента. Два других варианта – европеоидно-

Рис. 5. Графическая реконструкция облика мужчин в ракурсе «три четверти» по черепам из могильника Хвалынск II (п. 18 и п. 35). Автор А.И. Нечвалода

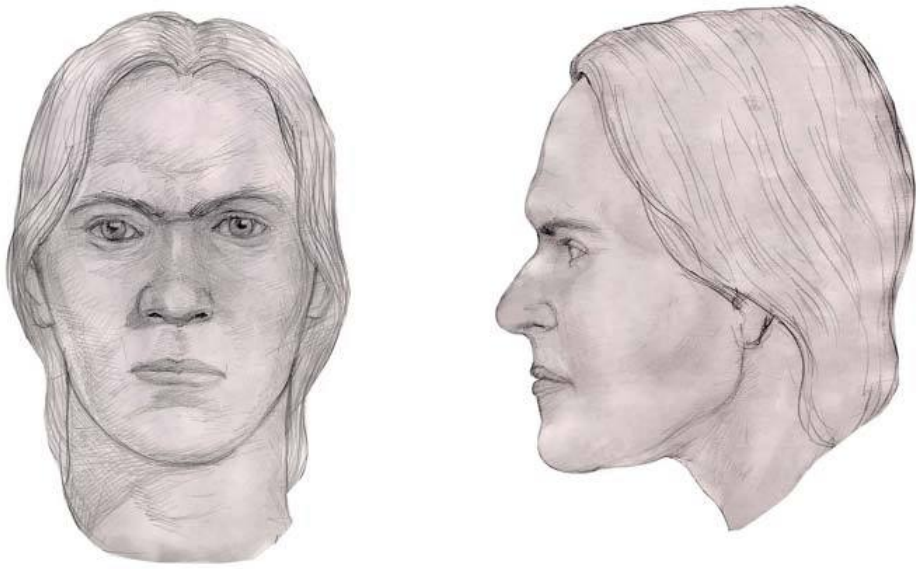


Рис. 6. Графическая реконструкция облика мужчины по черепу из могильника Хлопков Бугор (п. 6)
Автор А.И. Нечвалода

го происхождения. Один из них характеризуется долихо-акрокранным мозговым отделом черепа, мезоморфным, резко профилированным лицом, соответствует южноевропеоидному краниологическому типу. В могильнике Хвалынск II этот вариант присутствует в погребениях с элитным инвентарем. Возможно, именно его носителей следует рассматривать в качестве инициаторов организации древнехвалынских традиций. Выяснить, однако, его происхождение в настоящий момент затруднительно за малочисленностью сравнительного материала. Другой европеоидный вариант – умеренно гиперморфный, ближайшие аналогии находит среди черепов неолита-энеолита Дона из Ракушечного Яра. Однако он может быть и метисного происхождения. Нужно отметить, что в сериях хвалынской культуры практически нет черепов палеоевропеоидного облика, присущего многим популяциям неолита Днепро-Донецкого междуречья, пожалуй, за исключением только одного (Хлопков Бугор, п. 6). Население хвалынской культуры демонстрирует отчетливый пример процесса культурного взаимодействия, механического смешения и в итоге метисации между разными по происхождению группами населения. Причем выборка могильника

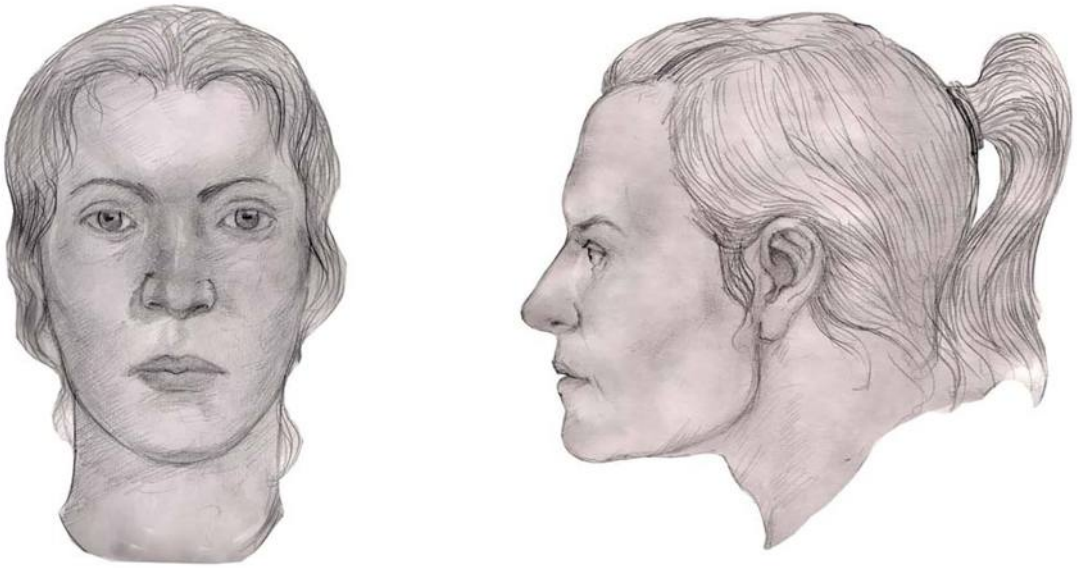


Рис. 7. Графическая реконструкция облика женщины по черепу из могильника Хлопков Бугор (п. 7)
Автор А.И. Нечвалода

Хвалынск II более полиморфна, а Хвалынск I представляет как бы результат либо начавшегося биологического смешения, либо завершения этого процесса.

Гетерогенность данного населения была обусловлена не только фактом начала формирования этой изначально синкретичной культуры, но и продолжающимися контактами в последующий период времени. Так, прослеживаются антропологические сходства с синхронными материалами среднестоговской культуры Подонья (могильник Александрия), возможно, отражающие существование контактов на границах ареалов обеих культур. Высокая культурная, вероятно и биологическая, коммуникабельность вообще могли быть свойством носителей хвалынской энеолитической культуры, которое, безусловно, влияло на усложнение антропологического состава как ее популяций, так и, видимо, тех с которыми они контактировали. Это нашло проявление и в последующее позднеэнеолитическое время в материалах древнейших подкурганных захоронений Поволжья березовского типа.

Представление о физическом типе носителей этой яркой культуры энеолита дает галерея выполненных графических реконструкций лица по черепам из ее погребений (рис. 3–7).

По имеющимся данным развитие посткраниальной части скелетов обеих хвалынских серий достаточно близко. Длинные кости в основном оцениваются как средние. Морфологической особенностью является большая величина ключиц. В целом элементы посткраниальных скелетов характеризуют население как физически хорошо развитое, с гармоничными пропорциями сегментов тела. Рост, реконструированный по длинным костям, составил для выборки мужчин 169,7±2,0 см, для женщин 159,1±2,0 см (Хохлов, 2010).

Сравнительно представительная антропологическая выборка происходит из прикамского могильника культурного типа усть-камских могильников Мурзихинского II, датируемого по калиброванным значениям примерно серединой V тыс. до н. э. (Чижевский, Шипилов, 2018, с. 81). Это время могло соответствовать последним этапам существования хвалынской культуры Поволжья. Интересно, что здесь мужская и женская выборки демонстрируют разные морфологические тенденции. Мужская суммарная подгруппа тяготеет к отчетливо европеоидному комплексу. Женская по характеристикам сближается с теми черепами, которые для эпох камня и раннего металла обнаруживаются чаще на северо-востоке Европы, а в антропологической литературе известны под разными наименованиями, к примеру, урало-лапоноидная группа (Дебец, 1953, с. 68). В нашей интерпретации эти черепа морфологически ближе к древнему сублапоноидному варианту. Данный комплекс не идентичен неолитическим севера Европы, связываемым с носителями культуры ямочно-гребенчатой керамики.

Отмеченные различия между мужскими и женскими черепами данного могильника, возможно, следует связывать лишь с недостаточностью данных и, соответственно, проявлением индивидуальной изменчивости. Одновременно это можно воспринимать и как отражение протекавших контактов двух изначально разных антропологических компонентов. Исходя из исторических реалий, именно сублапоноидный антропологический компонент рассматривается как местный, а европеоидный – как привнесенный (Хохлов, 2011б).

Поздний энеолит Волго-Уралья представляют материалы Гундоровского грунтового могильника, датируемые рубежом IV–III тысячелетия до н. э., временем, когда в лесостепные районы Заволжья проникают также носители ямной культуры. Это важная историческая ситуация, период сосуществования и, возможно, эпизодических контактов в одном ареале групп с разными культурными и хозяйственными традициями: местных охотников и рыболовов с одной стороны и пришлых скотоводов с другой. Сейчас вполне очевидно, что эти группы морфологически, несомненно, и генетически, довольно сильно различались. Первые, судя в том числе по людям из гундоровских захоронений, представляли преимущественно древнеуральские и другие северные варианты (рис. 8), вторые, в основе пришлые, являлись типичными европеоидами. Антропологические материалы показывают, что ямные коллективы ассимилировали некоторые волго-уральские группы, в первую очередь, южные, представлявшие потомков древнехвалынского населения. Возможно, спорадически происходили биологические контакты и с носителями северных археологических культур. Но это уже тема последующих исследований, которая будет постепенно раскрываться с поступлением более массового антропологического источника.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

РАЗДЕЛ 1

КУЛЬТУРЫ СЕВЕРА СТЕПНОЙ ЗОНЫ И ЮЖНОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Глава 1
Ямная культура между Волгой и Уралом

Глава 2
Полтавкинская культура

Глава 3
Посткатакомбные памятники

Глава 4
Памятники вольско-лбищенского типа

Глава 5
Потаповский тип памятников

Глава 6
Срубная культурно-историческая общность между Волгой и Уралом

Глава 7
Культура валиковой керамики (ивановская)

ГЛАВА 1
ЯМНАЯ КУЛЬТУРА МЕЖДУ ВОЛГОЙ И УРАЛОМ[1]

Область расселения. Территория распространения памятников ямной культуры охватывает огромную территорию степей Восточной Европы – от Казахстана и Южного Урала до Поднестровья. Самые восточные памятники ямной культуры расположены в Волжско-Уральском междуречье и в Южном Приуралье, что соответствует Астраханской, Волгоградской, Саратовской, Самарской и Оренбургской областям России. Эта территория характеризуется северо-степными природными условиями, на севере постепенно переходящими в лесостепные ландшафты (рис. 1).

Современные природно-климатические условия данной территории определяются континентальностью, что соответствует жаркому лету с низким количеством осадков и суровой зиме с достаточно высоким снежным покровом. Палеоклиматические условия периода ямной культуры несколько отличались от современной природно-климатической ситуации. Для периода, начиная с конца энеолита и на раннем (репинском) этапе ямной культуры (интервал от 4000 до 3300 cal. лет ВС), установлена аридизация климата (Хохлова и др., 2019). Развитой этап существования ямной культуры характеризуется достаточно благоприятными природно-климатическими условиями. Уровень увлажнения относительно современного состояния был выше на 50 мм, природно-климатические условия ямного времени были более мягкими и менее контрастными по температурному режиму (Спиридонова, Алешинская, 1999; Хохлова, 2006; Хохлова, 2007; Моргунова и др., 2010). Постепенное ухудшение климата и вновь наступление аридного периода, по мнению отмеченных исследователей, совпадает с началом позднего (полтавкинского) этапа ямной культуры и распространением на территориях к западу от Волги катакомбной культуры.

История изучения. Первые памятники ямной культуры в Волго-Уральском междуречье были открыты учениками В.А. Городцова – В.В. Гольмстен и П.С. Рыковым. На территории Самарской губернии исследованы отдельные погребения в курганах у сел Березняки и Колтубанка, которые В.В. Гольмстен сопоставила с находками в Харьковской губернии и сделала вывод об их ямной культурной принадлежности (Гольмстен, 1925; 1928; 1931). В пределах современных Саратовской и Волгоградской областей П.С. Рыков и П.Д. Рау провели раскопки целого ряда курганных могильников, в которых были открыты многие комплексы ямной культуры (Мерперт, 1974).

В послевоенные годы, на протяжении 50–60-х годов, в Поволжье были развернуты масштабные полевые исследования новостроечных экспедиций в зонах строившихся ГЭС. Этот период отмечен значительным увеличением источниковой базы по истории бронзового века, а также других эпох. Особенно заметную роль в накоплении фонда ямных памятников сыграл И.В. Синицын, начавший свои полевые исследования еще в конце 30-х годов. Полученные материалы позволили исследователю представить и обосновать ряд заключений по истории населения раннего бронзового века Поволжья (Синицын, 1959; 1960).

Особо следует отметить открытие и исследование стоянки Репин Хутор, синхронизированной со средним слоем Михайловского поселения на Днепре и ставшей эталоном для выделения ранней ступени ямной культуры (Синицын, 1957). Выдающимся памятником ямной культуры явилось погребение в КМ Скатовка 5/3[2], которое по типологии трех сосудов, находившихся в комплексе с медными изделиями (нож и шилья), было сопоставлено с памятниками репинского круга (Синицын, 1959).

Значительный фонд ямных комплексов в Нижнем Поволжье был получен под руководством К.Ф. Смирнова. Им были открыты и масштабно исследованы такие многокурганные могильники, как Иноватка, Политотдельское, Быково. Материалы раскопок были полностью опубликованы (Смирнов, 1959; 1960).

В 1956 г. на территории Оренбургской области начались многолетние и плодотворные исследования экспедиции ИА АН СССР под руководством

[1] Работа выполнена при частичной поддержке гранта РФФИ № 18-09-40031 «Древности»

[2] Здесь и далее принято сокращение: КМ – курганный могильник; 5/3 – номер кургана/номер погребения

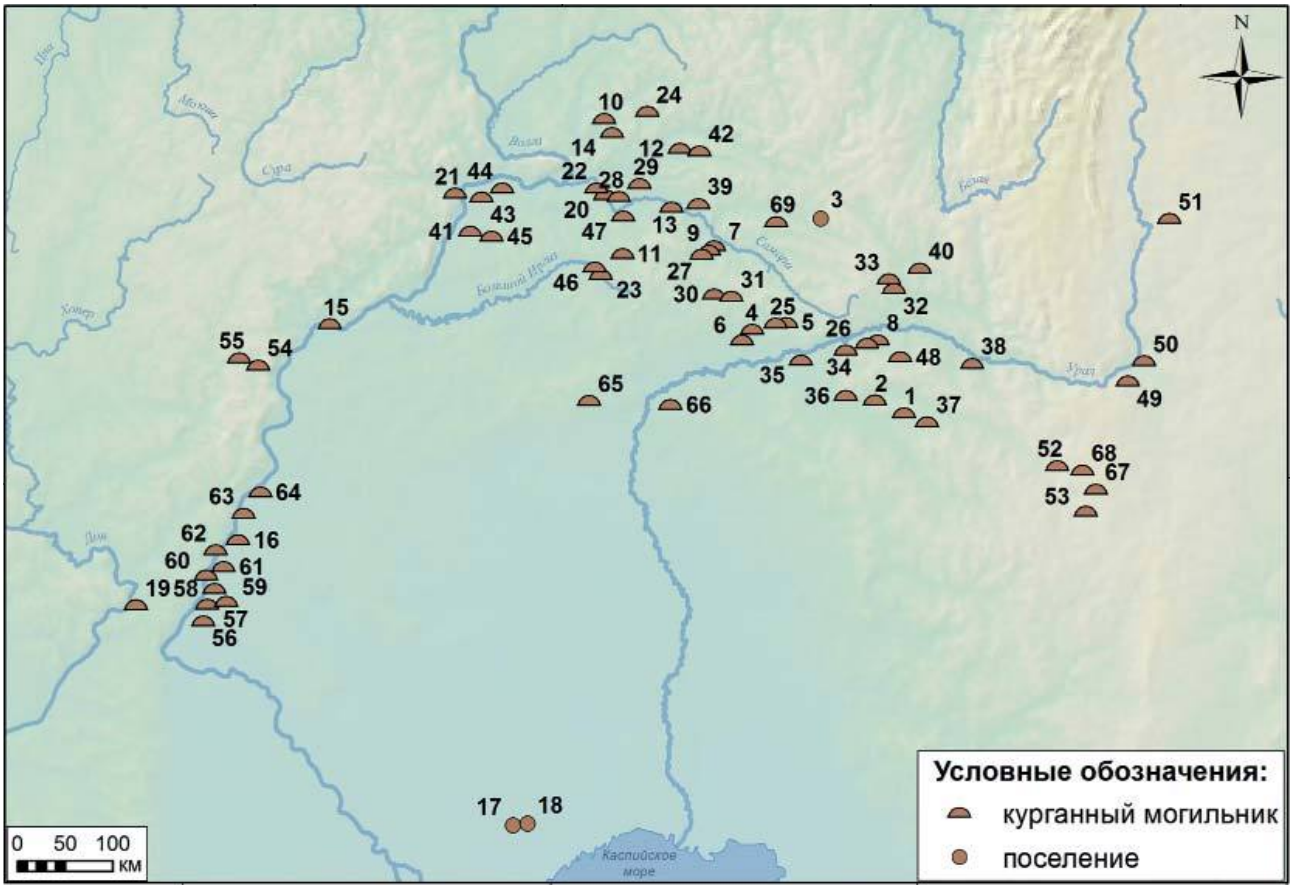


Рис. 1. Памятники ямной культуры на территории Волжско-Уральского междуречья

1 – Тамар-Уткуль VII, VIII; 2 – Изобильное I, II; 3 – пос.Турганикское; 4 – Шумаево; 5 – Мустаево V; 6 – Болдырево I, IV и Трудовое II; 7 – Скворцовка; 8 – Ниж.Павловка V; 9 – Петровка; 10 – Лопатино I, II; 11 – Орловка I; 12 – Полудни II; 13 – Гвардейцы II; 14 – Грачевка II (Самарская обл.); 15 – Шумейка; 16 – Скатовка; 17 – пос. Кызыл-Хак I; 18 – пос. Кызыл-Хак II; 19 – пос. Репин Хутор; 20 – Нур I; 21 – Уваровка II; 22 – Подлесное I; 23 – Журавлиха I; 24 – Калиновка I (Самарская обл.); 25 – Герасимовка II; 26 – Пятилетка; 27 – Курманаевка III; 28 – Красносамарское I–IV; 29 – Кутулук I; 30 – Ефимовка IV; 31 – Свердлово I; 32 – Уранбаш; 33 – Першин; 34 – Краснохолм II, Кардаилово I–II; 35 – Илекский; 36 – Линевка III; 37 – Увак; 38 – Буранчи I; 39 – Колтубанка; 40 – Новотроицкий I (Октябрьский); 41 – Екатериновка; 42 – Березняки; 43 – Кашпир II–III; 44 – Преполовенка I; 45 – Владимировка; 46 – Тамбовка II; 47 – Утевка I, Покровка II; 48 – Донгуз II; 49 – Новотроицкий I (Гайский); 50 – Ишкиновка I–II; 51 – Мало-Кизильский II; 52 – Танаберген II; 53 – Жаман-Каргала I; 54 – ОК Паницкое 6Б; 55 – Золотой Курган; 56 – Верхне-Погромное; 57 – Калиновский (Волгоградская обл.); 58 – Хутор Степана Разина; 59 – Быково I–II; 60 – Политотдельское; 61 – Бережновка I–II; 62 – Иловатка; 63 – Ровное; 64 – Старая Полтавка; 65 – Светлое Озеро; 66 – Илекшар I; 67 – Шаншар; 68 – Курайли I; 69 – Грачевка (Оренбургская обл.)

К.Ф. Смирнова. Основной задачей ученого являлось изучение памятников савромато-сарматской культуры. В состав экспедиции вошли специалисты по бронзовому веку – Е.Е. Кузьмина и Э.А. Федорова-Давыдова. В курганных группах Увак и Близнецы на Илеке, Хутор Барышников и Герасимовка I, II на Кинделе были открыты первые древнеямные погребения в Приуралье. Всего к концу 60-х годов на территории степного Приуралья стало известно около 30 ямных погребений, что позволило присоединить Южно-Приуральский регион к области распространения ямных комплексов (Смирнов, 1965). Уникальная находка металлических изделий (нож и молоток) позволила поставить вопрос о существовании в Приуралье самостоятельного очага металлургии в ямное время на базе Каргалинского месторождения на Южном Урале, расположенного в 80–90 км севернее г. Оренбурга (Федорова-Давыдова, 1962; 1971; Черных, 1966).

Позднее исследования, проведенные на Каргалинских рудниках в конце XX в. под руководством Е.Н. Черныха, полностью подтвердили данные выводы. Тем самым было подчеркнуто своеобразие приуральской группы памятников ямной КИО (Черных, 2002).

Восточнее, уже в Зауралье, в районе Магнитогорска К.В. Сальников открыл II Мало-Кизильский могильник и раскопал в нем 4 кургана. Все шесть изученных погребений автор отнес к пол-

тавкинской культуре (Сальников, 1962). В дальнейшем Мало-Кизильские курганы стали рассматривать как ямные (Мерперт, 1974).

Большой вклад в изучение памятников ямной культуры внес В.П. Шилов. В ряде его работ 50–60-х годов публиковались новые материалы, рассматривались проблемы происхождения, хронологии, хозяйства и другие вопросы (Шилов, 1959а; 1959б; 1975).

Большие работы по систематизации и интерпретации памятников СБВ с конца 50–60-х годов были проведены Н.К. Качаловой. Ею было обосновано выделение полтавкинской культуры, определены характерные признаки культуры, намечена ее периодизация и хронология, рассмотрены вопросы ее происхождения и дальнейшей судьбы, культурных связей и хозяйства (Качалова, 1962; 1965).

Первый фундаментальный труд по ямной культуре, включающий докторскую диссертацию и монографию, принадлежит Н.Я. Мерперту (Мерперт, 1968; 1974). Исследователь выделил 3 локальные группы в рамках волго-уральского варианта ямной культурно-исторической области: приуральскую, нижневолжскую и средневолжскую. В работе Н.Я. Мерперта за основу исследования были взяты стратифицированные курганы с выяснением особенностей погребального обряда на различных этапах (горизонтах) во всех вариантах культуры. Исходя из признаков обряда по стратиграфическим горизонтам, решались вопросы относительной хронологии и периодизации, определялась специфика каждого варианта и все другие проблемы исторической интерпретации древнеямной культуры.

Новый этап исследований, в основном на территории Самарского Поволжья и Оренбургского Приуралья, начался с середины 70-х годов прошлого века.

Так, на р. Самаре были исследованы курганные могильники ямной культуры в районе сел Утевка, Покровка и других (Васильев, 1979; 1980; Васильев, Кузнецов, 1988; Васильев и др., 2000; Багаутдинов, Пятых, 1987; Иванов, Пестрикова, 1982). На основании материалов энеолитических грунтовых могильников у с. Съезжее и у г. Хвалынска И.Б. Васильев рассматривает вопрос об истоках формирования ямного комплекса Волжско-Уральского междуречья, в целом подтверждая правоту заключений Н.Я. Мерперта. Он сделал вывод о сложении ямной КИО на базе хвалынско-среднестоговской общности позднего энеолита (Васильев, 1979; 1981). Итоги исследований ямной культуры в Среднем Поволжье подведены в обобщающей работе по истории Самарского Поволжья (Васильев и др., 2000).

В конце XX – начале XXI в. в Самарской области открыт и исследован с применением радиоуглеродного датирования ряд выдающихся памятников ямной культуры (Кузнецов, 1991; 2011; Кузнецов, Мышкин, 2003; Сташенков и др., 2006; Турецкий, 1999).

В Оренбургской области, начиная с 1977 г., исследования памятников ямной культуры проводятся под руководством Н.Л. Моргуновой. Открыты разнообразные комплексы ямной культуры. Со второй половины 80-х годов исследования ямных памятников становятся систематическими. В результате количество исследованных ямных курганов значительно возросло (Моргунова, Кравцов, 1994). Была предложена первая периодизация ямной культуры Приуралья, решались некоторые вопросы хозяйственной деятельности и общественного устройства населения РБВ (Моргунова, 1990; 1991; 1992; 1997; 2000; 2002). Исследования курганных могильников сплошной площадью, включая и маленькие, и большие курганы, а также находки большого количества разнообразных металлических изделий, существенно изменили распространенное ранее мнение о периферийности приуральской группы ямной культуры.

На территории Нижнего Поволжья, начиная с 70-х годов целенаправленные раскопки ямных памятников не проводились, ямные комплексы выявлялись попутно и к специальному изучению не привлекались (Баринов, Дремов, 1990; Ляхов, 1990; 1996; Матюхин, 1999; Жемков, Лопатин, 2008; Мамонтов, 2011; Мимоход, 2009). При этом следует отметить диссертацию М.А. Турецкого, рассмотревшего на новом уровне соотношение трех культурных групп Волго-Уралья (Турецкий, 1992).

К концу XX в. стало очевидно, что к изучению ямных памятников необходимо привлечь новые методики, которые позволили бы существенно пополнить источниковую базу по целому ряду сложных проблем, прежде всего по вопросам происхождения, периодизации и хронологии ямной культуры.

В Приуралье, начиная с 1999 г., экспедиция ОГПУ приступила к комплексному изучению курганных могильников. В качестве пилотных были выбраны многокурганные некрополи Шумаево, Мустаево и Скворцовка. В ходе исследований помимо археологической методики использовались палеопочвоведческие методы, микробиоморфный и палинологический анализы, антропологический анализ, радиоуглеродное датирование, изучалась технология производства металла и гончарной посуды (Моргунова и др., 2003; Моргунова и др., 2005; Моргунова и др., 2010). Кроме того, в Восточном Оренбуржье и в северных районах

Казахстана был открыт ряд выдающихся памятников ямной культуры (Ткачев, Гуцалов, 2000). С использованием материалов ямной культуры приуральской группы в системе волго-уральского варианта была подготовлена обобщающая работа Н.Л. Моргуновой (2014).

В степном Зауралье был открыт ряд ямных памятников (Потемкина, 1982; Зданович и др., 2006; Потемкина, Дегтярева, 2007; Бахшиев и др., 2014).

Таким образом, история исследований ямной культуры в Волго-Уралье продолжается около века. Источниковая база представлена множеством качественно изученных и весьма информативных памятников.

Генезис ямной культуры. Начало ямной культуры связывают с утверждением и широким распространением таких культурообразующих особенностей, как захоронения в больших индивидуальных ямах под курганами, скорченное на спине с наклоном вправо положение умерших, восточная ориентировка, оформление ям растительными циновками, посыпка охрой, круглодонная керамика с примесью толченой раковины в глине. Истоки этих классических ямных признаков находятся в предшествующем энеолитическом периоде.

На территории Волжско-Уральского междуречья на развитом и позднем этапах энеолита представлены разнообразные по своему происхождению и уровню экономического развития культурные группы. Единственная культура, располагающая всеми вышеперечисленными признаками ямного комплекса, является хвалынская культура. В погребальном обряде хвалынской культуры находят истоки многие элементы ямной погребальной обрядности, прежде всего, зарождение курганной традиции.

Древнейшие подкурганные погребения (далее – ДПП) типа КМ Бережновки I 5/22 Н.Я. Мерперт относил к раннему этапу ямной культуры и синхронизировал их с Нальчикским могильником (Мерперт, 1974). Исследователь, не располагая в то время материалами эпохи энеолита, предвидел выделение подосновы сложения поволжского варианта ямной культуры, что и подтвердилось в дальнейшем. Открытие Хвалынских могильников внесло коррективы в определение хронологического места и эпохальной принадлежности памятников бережновского типа. На основании прямых аналогий в материалах Хвалынских могильников эпохальный статус ДПП был определен как энеолитический (Дремов, Юдин, 1992, с. 18–27).

Древнейшие курганы сосредоточены на территории степной зоны Нижнего Поволжья (Юдин, 2006). Это более 20 комплексов. При сравнении с Хвалынскими и Хлопковским могильниками обнаруживается их культурная близость по многим признакам, в том числе по керамике (рис. 2). Подтверждением этому являются данные антропологических исследований. Согласно им модель физического облика носителей ямной культуры Волжско-Уральского междуречья представляется как результат длительного взаимодействия населения степей и лесостепей Восточной Европы. Основными компонентами в сложении культуры являлись носители хвалынской и среднестоговской культур при участии представителей более древних культурных групп Подонья, Поволжья и Урала (Хохлов, 2006; 2010; 2013).

Однако появление радиоуглеродных дат для Хвалынских могильников и памятников классической ямной культуры развитого этапа убедило многих исследователей в существовании хронологической «лакуны» между ними и, следовательно, о невозможности выведения ямной культуры на хвалынской основе (Кузнецов, 1996; Барынкин, 1992; 2003; Турецкий, 2006; 2009).

Действительно, проблема сложения ямной культуры представляется достаточно сложной и неоднозначной. Ее суть заключается в разрыве между радиоуглеродными датами Хвалынского могильника и ямной культуры, в то время как археологические особенности ДПП свидетельствуют о том, что хвалынская традиция непосредственно предшествует формированию репинского этапа ямной культуры (Моргунова, 2011).

Поэтому в связи с проблемой происхождения ямной культуры и определения ее начала весьма важным представляется вопрос о хронологии появления первых курганов. На основании ^{14}C дат по керамике хвалынского типа на поселении Кумыска и ДПП Перегрузное и Вертолетное поле, а также аналогичных данных в Предкавказье и Северном Причерноморье Н.Л. Моргуновой было сделано предположение, что подкурганная традиция более широко начинает распространяться в калиброванном интервале 4500–4000 лет ВС (Моргунова, 2011). Данный вывод подводит базу для определения начала генезиса ямной культуры, заполняя хронологическую «лакуну», о которой говорилось выше. Исходя из установленной хронологии ДПП, следует предположить, что в развитии хвалынской культуры возможно выделение позднего этапа – бережновского, отличительной чертой которого является появление первых курганов над захоронениями усопших.

С другой стороны, в последнее десятилетие предпринимались усилия по датированию раннего (репинского) этапа ямной культуры, поскольку ранее выводы о «лакуне» основывались исключительно на ^{14}C датах ее развитого этапа (Черных, Орловская, 2004). Целенаправленное радиоугле-

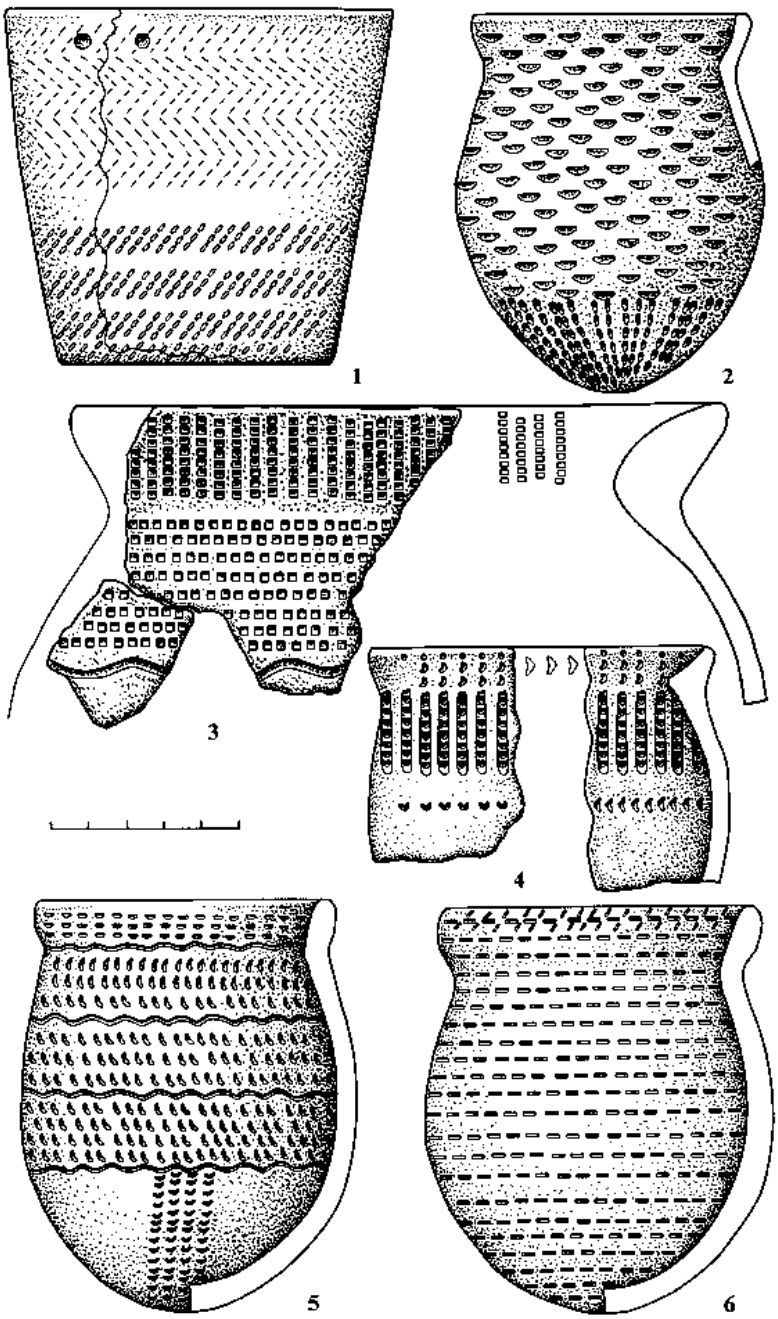


Рис. 2. Керамика бережновско-хвалынского типа из древнейших подкурганных погребений Нижнего Поволжья

родное датирование репинской керамики и других органических образцов позволило удревнить начало генезиса ямной культуры и хронологически приблизить этот процесс ко времени существования хвалынской культуры (Моргунова, 2013; 2014; Моргунова и др., 2017, с. 221–232).

Периодизация ямной культуры. Данная проблема имеет уже достаточно обширную историографию.

Первым в отечественной археологии к этому вопросу обратился Н.Я. Мерперт (1968; 1974). Он предложил трехэтапную периодизацию, на которую опирались все последующие исследования в данном направлении. При этом еще раз следует подчеркнуть, что к раннему этапу он отнес энеолитические подкурганные погребения (ДПП), а к развитому – как материалы репинского типа, так и классические ямные погребения с бесшейной формой сосудов, к позднему горизонту – ямно-катакомбные памятники.

В 70-е годы разработка данной проблемы продолжилась. Исследуя нижневолжские памятники, Н.К. Качалова отнесла позднеямные материалы (по Н.Я. Мерперту) к I этапу полтавкинской культуры и синхронизировала их с раннекатакомбным временем (Качалова, 1965). И.Б. Васильев вы-

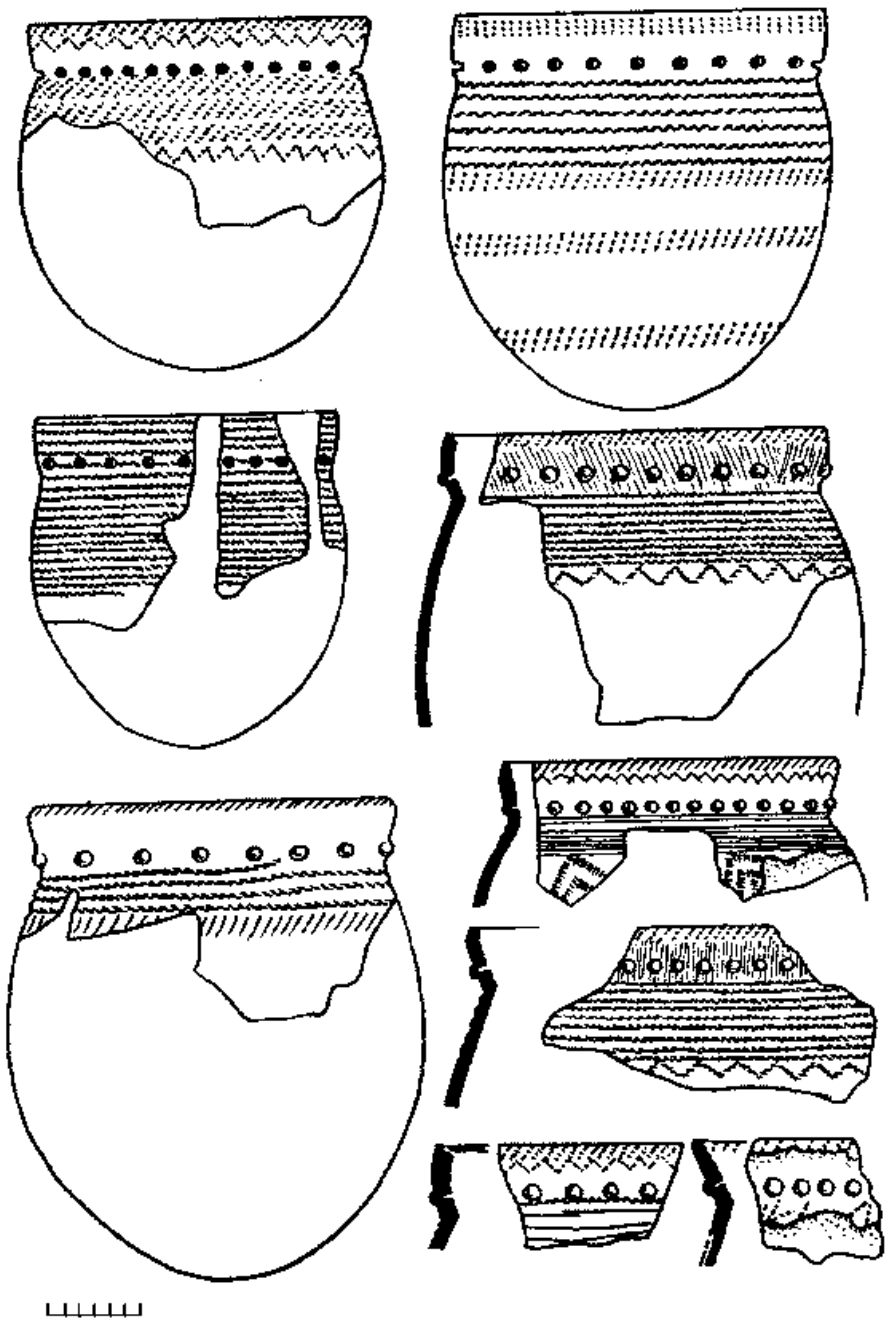


Рис. 3. Керамика поселения Репин Хутор

делил 4 хронологические группы погребений. К ранней группе он отнес погребения с керамикой репинского типа, то есть фактически выделил ранний, репинский этап ямной культуры (Васильев, 1979). Второй этап охарактеризован на основании утевских и некоторых других материалов как позднеямный, назван «городцовским» (Васильев, 1980). И.Б. Васильев подчеркнул, что на этом этапе прослеживаются исключительно ямные и майкопские черты без следов воздействия катакомбного влияния (Васильев, 1979). Последующие два этапа И.Б. Васильев отнес к полтавкинской культуре, синхронизируя их с катакомбной культурой (Васильев, 1979).

В 90-е годы большой вклад в разработку периодизации ямной культуры в Волго-Уральском междуречье и в сопредельных регионах внесли М.А. Турецкий (1992), В.А. Трифонов (1991; 2001), Н.Л. Моргунова (1991; 1992; 1997).

В результате сложились представления о сложении ямной культуры в репинское время на базе хвалынско-среднестоговского круга древностей и памятников бережновского типа (ДПП). В развитии ямной культуры одни исследователи выделяли

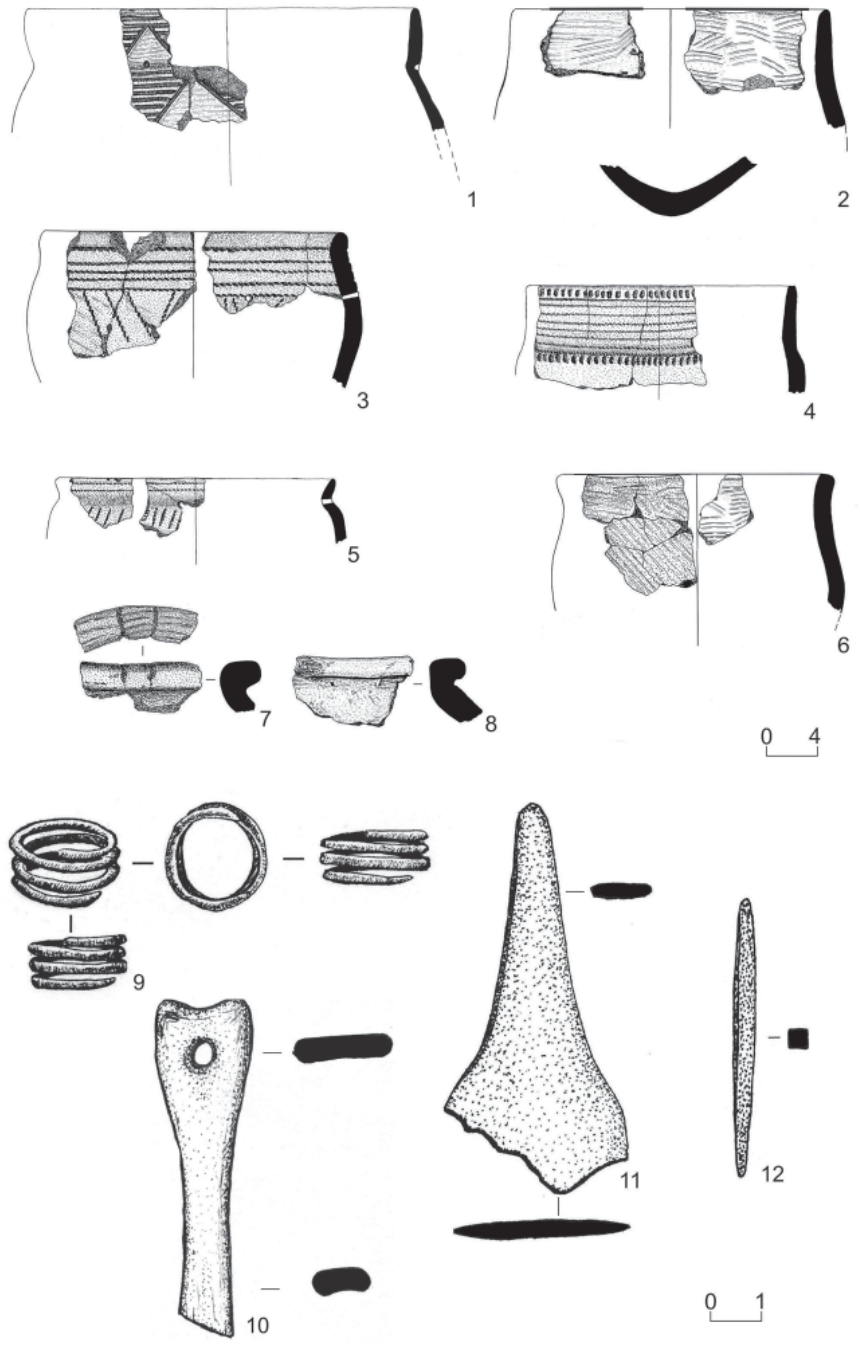


Рис. 4. Материалы Турганикского поселения
1–8 – керамика; 9, 11, 12 – медные изделия; 10 – костяная булавка-амулет

два этапа (ранний и поздний), другие склонялись к трехэтапной периодизации, включая памятники так называемого «полтавкинского» типа. Изучение ямных памятников при поддержке различных методов естественных наук с опорой на радиоуглеродное датирование позволило продолжить более углубленную разработку проблемы периодизации и хронологии ямной культуры (Моргунова, 2013; 2014; Моргунова и др., 2017).

Рассмотрим памятники ямной культуры в соответствии с тремя этапами: ранний (репинский), развитой, поздний (полтавкинский).

Поселения. Поселения ямной культуры известны исключительно для ее раннего этапа. Эталоном является поселение Хутор Репин (Синицын, 1957). Керамика поселения отличается такими признаками, как высокое прямое или профилированное горло, круглодонность, яйцевидное тулово, обильная примесь толченой раковины в глине (рис. 3). Орнамент наносился в основном по горловине и плечикам сосудов гребенчатым штампом или отпечатками перевитой веревочки. Характерны ряды ямочных вдавлений в месте перехода горла в тулово с жемчужинами на вну-

тренней или внешней сторонах, заглаживание внешней поверхности сосудов крупнозубчатым штампом в разных направлениях. Все сосуды достаточно крупные, есть небольшие, миниатюрные сосуды. Многие черты в керамике являются наследием энеолитических традиций гончарства в степном Поволжье и Подонье. Отмечается смешение признаков степного и лесостепного энеолита.

Поселения с керамикой репинского типа представлены в бассейне р. Самары и в Северном Прикаспии.

Коллекция сосудов, близких к репинскому типу, выявлена на Турганикском поселении в Оренбургской области, где она находилась в слое 5, залегавшем выше энеолитического горизонта.

Керамический комплекс РБВ состоит из около 2000 фрагментов от 71 сосуда (рис. 4: 1–6). Поверхность заглажена гребенчатым, преимущественно крупным, реже мелким, штампом в виде расчесов в разных направлениях. Сосуды подразделяются на профилированные и слабопрофилированные, гошковидной формы и сосуды баночных форм. Также представлены сосуды типа хумов. Сосуды орнаментировались с помощью гребенчатых, в основном мелкозубчатых штампов, палочкой с разной формой рабочей части: овальной, треугольной, квадратной, вытянутоовальной. Использовались также штамп гладкий длинный, которым наносились вдавления в виде зигзагов и горизонтальных линий; «веревочный» штамп; штамп «личиночный» (или «гусенички»), а также защипы пальцами по срезу или внешней стороне венчика. В коллекции керамики с расчесами содержится значительное количество неорнаментированной керамики.

Керамика с указанными морфологическими особенностями Турганикского поселения связана с репинской традицией. Этот вывод подтверждается данными технологического анализа керамики (Салугина, 2016; Моргунова и др., 2017, с. 150–172). Наличие двух устойчивых традиций при отборе исходного сырья свидетельствует о наличии культурных групп, которые сложились еще в более раннее время и сохраняли данные навыки на период существования поселка.

Сравнительный анализ типологии и технологии изготовления керамики Турганикского поселения и керамики репинского типа Северного Прикаспия (Кзыл-Хак I и II) и Подонья (Репин Хутор, Копанище, Верхний Карабут-2, Черкасская, Шиловское поселение) показал значительную близость технологических навыков при производстве посуды у населения, жившего достаточно удаленно друг от друга (Пряхин, Синюк, 1980; Синюк, 1981; Барынкин, 1986; Барынкин и др., 1998).

Особый интерес среди неорнаментированной посуды с расчесами вызывают сосуды типа хумов (Салугина и др., 2016). Это крупные толстостенные сосуды с сильно отогнутыми и утолщенными венчиками (рис. 4: 7–8). Судя по морфологическим особенностям, хумы культурно едины с вышеописанной керамикой. Возможно, появление здесь данной традиции связано с подражанием майкопскому гончарству в связи с импульсом (проникновением малых групп мастеров) или с активизацией контактов с предкавказским населением в период, когда в Приуралье начинается становление местного металлургического центра ямной культуры.

В слое 5 найдены предметы из металла, кости и камня. Это обломок ножа с листовидным лезвием и с плавным переходом к черенку (рис. 4: 11), изготовленный из металла группы МП. Такой тип ножей характерен для памятников ямной культуры Приуралья (Дегтярева, 2010). Четырехгранные шилья, одно с упором и с загнутым рабочим концом, остальные обоюдоострые (4 экз.), из них два изделия сделаны из металла группы МП и могут быть связаны с ямной металлообработкой (рис. 4: 12*)*. Многочисленны находки массивных орудий из камня и крупных галек, среди которых, судя по результатам трасологического анализа, представлены литейные формы, рудотерки, кузнечные молоты и другие предметы, использовавшиеся в металлопроизводстве (Моргунова и др., 2021).

Репинский возраст слоя 5 Турганикского поселения подтверждает находка костяной булавки-амулета с редуцированными рожками (рис. 4: 10). Наиболее близкой аналогией данному предмету является одна из рогатых булавок из КМ Герасимовка II, 4/2 (рис. 10: 7–11). Булавки с короткими рожками известны в раннем ямном погребении 6 ОК Паницкое 6Б (Мимоход, 2009, с. 48, илл. 30: 2).

Поселения Кызыл-Хак I и II в Северном Прикаспии располагались на расстоянии 2–3 км друг от друга (Барынкин, 1986; Барынкин и др., 1998). Площадь стоянок – около 500 кв. м. На каждом поселении изучено по одному небольшому жилищу наземного типа. На стоянке Кызыл-Хак I найдено около 2000 фрагментов керамики от 110 сосудов, на стоянке Кызыл-Хак II – около 800 фрагментов от 80 сосудов. Керамика обоих памятников идентична по всем показателям. По морфологическим и технологическим признакам она близка материалам Турганикского поселения и поселения Хутор Репин, а также репинской керамике из погребальных комплексов Поволжья.

Редкие находки репинских сосудов известны на ряде поселений бассейна р. Самары и по ее притокам. На основании топографии поселений репинского этапа и их локализации исключитель-

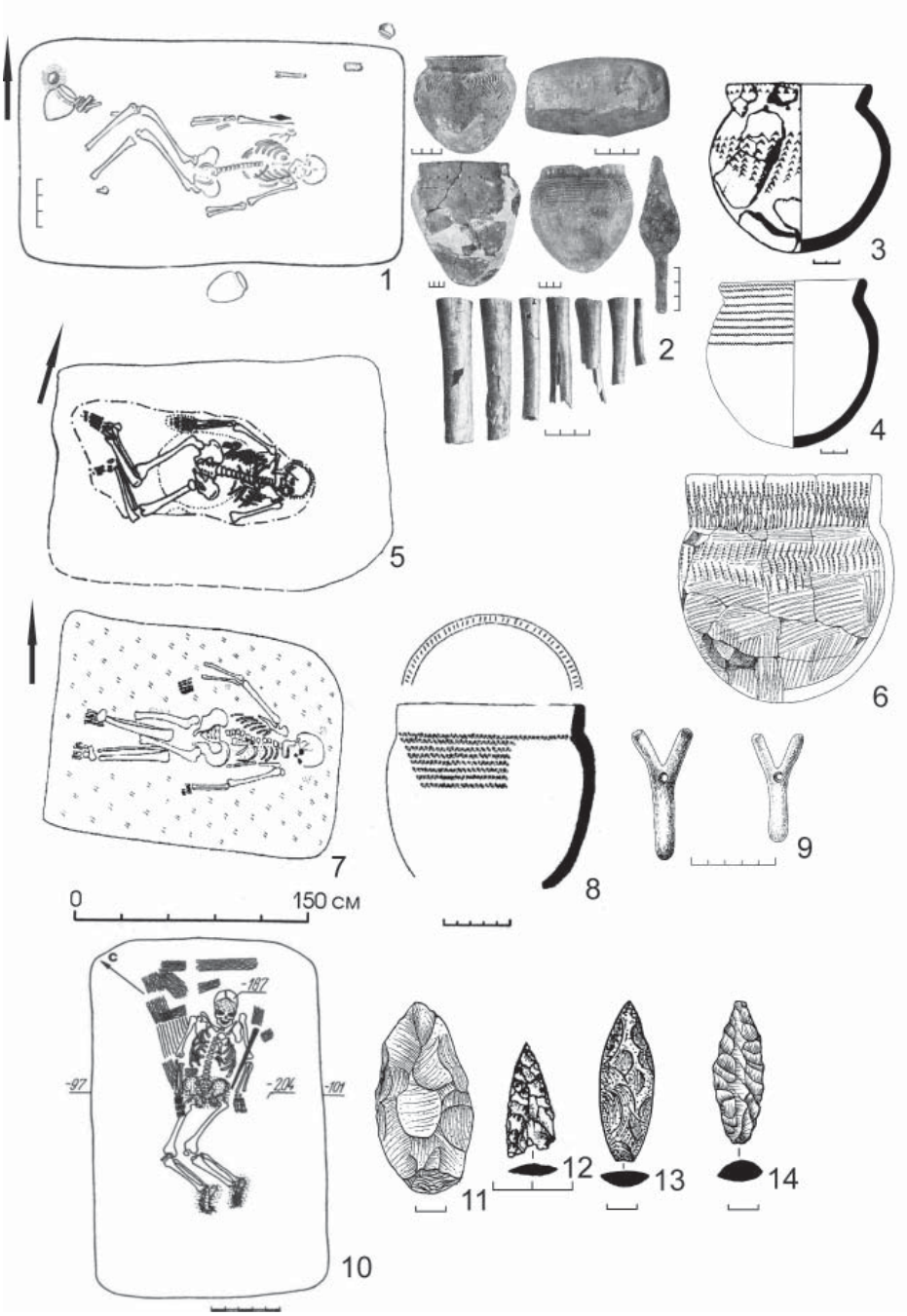


Рис. 5. Материалы погребений I обрядовой группы ямной культуры Волго-Уралья
1–2 – КМ Скатовка 5/3; 3–5 – КМ Петровка 1/2; 6 – КМ Грачевка II (Самар.) 7/1; 7–8 – КМ Лопатино I 31/1, яма 1; 9 – КМ Лопатино II 3/1; 10 – КМ Кутулук 4/1; 11–14 – наконечники стрел из курганов и Турганикского поселения

но в районах Северного Прикаспия на юге и в бассейне р. Самары на севере Волжско-Уральского междуречья сделан вывод о том, что в первом случае это были стоянки-зимники, во втором – летники (Моргунова, 2014, с. 278–280). Это расположение отражает сложившийся на репинском этапе ямной культуры тип кочевого хозяйства, о чем речь пойдет ниже.

Погребальный обряд. Население раннего бронзового века в Волго-Уральском регионе составляло единое культурное, экономическое и политическое целое, что однозначно зафиксировано в основополагающих признаках погребального обряда (Мерперт, 1974). В то же время имеются и некоторые отличия, дающие основания рассматривать в рамках волго-уральского варианта ямной общности три группы: нижневолжскую, средневолжскую и приуральскую. Общими признаками для всех групп являются курганные насыпи над погребениями, обширные и глубокие ямы, скорченное положение погребенных с ориентировкой в восточный сектор, использование в

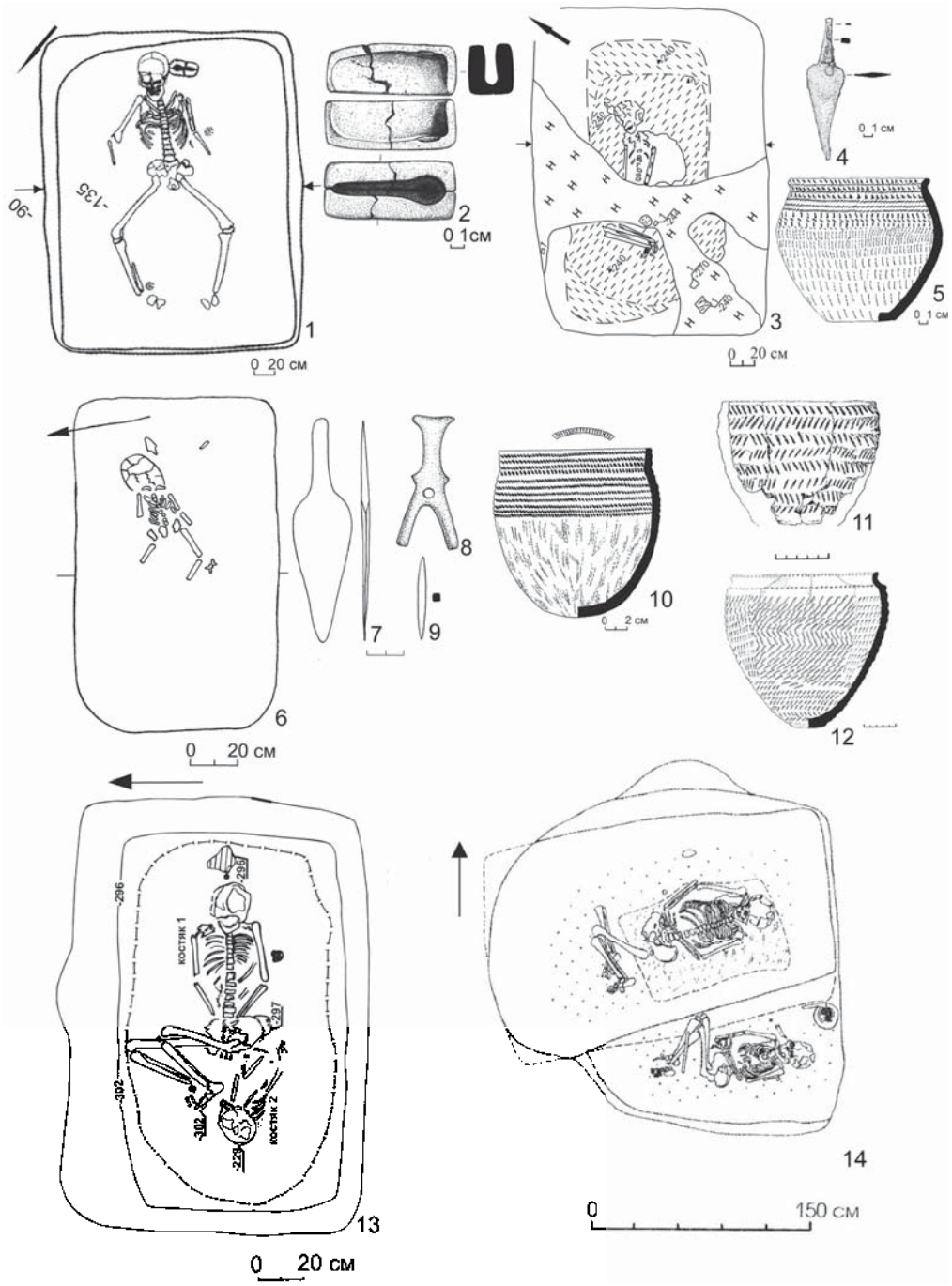


Рис. 6. Материалы погребений I обрядовой группы ямной культуры Волго-Уралья
1–2 – КМ Першин 1/4; 3–5 – КМ Скворцовка 5/4; 6–9 – КМ Покровка 17/1; 10 – КМ Скворцовка 5/2; 11–12, 14 – КМ Гвардейцы II ½; 13 – ОК Шумаево II, погр. 2

ряде случаев деревянных перекрытий и плетеных циновок в оформлении могил, обязательная посыпка охрой.

В приуральской группе по признаку позы скелета выделено 3 основные обрядовые группы: I ОГ – положение скелета на спине, ноги подогнуты вправо (рис. 5–6); II ОГ – положение скелета скорченно на правом боку (рис. 7–9); III ОГ – неординарные погребения (рис. 10) (положение на животе; отделенные черепа; в положении сидя; кенотафы) (Моргунова, 2014). Обычно под земляными насыпями находилось по одному погребению, очень редко два. Грунт для возведения курганов брался из кольцевых рвов.

В I ОГ преобладают простые могильные ямы прямоугольной формы довольно больших размеров (длиной от 150 до 270 см, шириной от 80 до 180 см). Глубина ям в материке значительна – от 0,7 до 2,0 м. Покойный свободно, обычно по центру ямы, размещался в могиле. Дно ямы всегда покрывалось циновкой. Биоморфный анализ показал, что циновки были сплетены из свежесо-

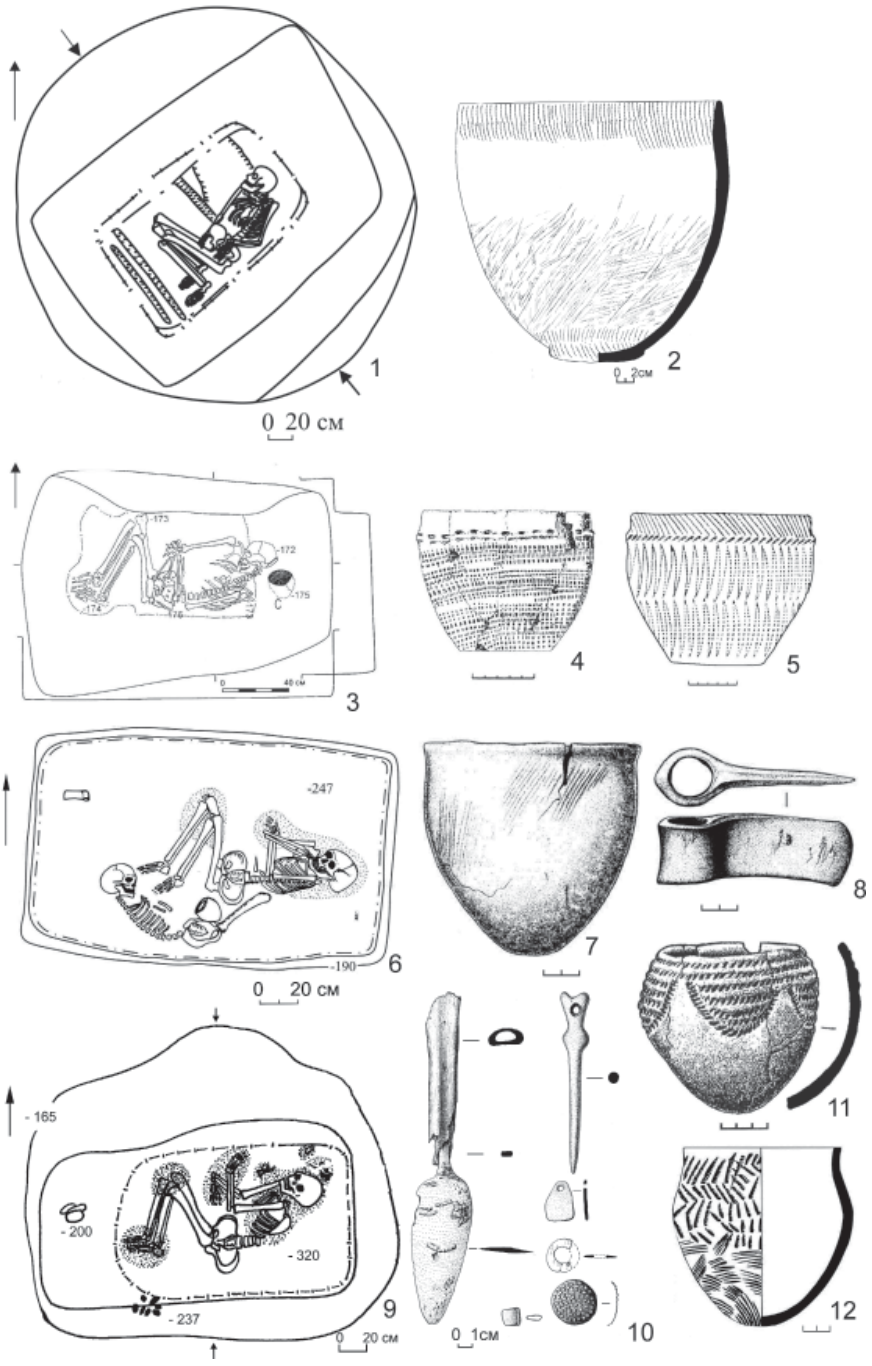


Рис. 7. Материалы погребений II обрядовой группы ямной культуры Волго-Уралья

1 – КМ Скворцовка 6/3; 2 – КМ Скворцовка 6/1; 3 – КМ Подлесный 3/6; 4 – КМ Калиновский 1/6; 5 – КМ Красносамарское I 4/2; 6–8 – КМ Тамар-Уткуль VIII 4/1; 9–10 – КМ Тамар-Уткуль VII 1/1; 11 – КМ Хутор Барышников 3/6; 12 – КМ Тамар-Уткуль VIII 8/1

бранных стеблей и листьев тростника, что использовались в основном водолюбивые растения. Под черепами отмечены «подушки» из различных трав (Гольева, 2006). Иногда циновками покрывались сами погребенные, а также стены и ступеньки ям.

Погребальный инвентарь в I ОГ малочисленен, часто это глиняная посуда (рис. 5–6). В двух погребениях обнаружены колеса, которые явно несли символическую нагрузку (рис. 6: 13). Остальные находки представлены костяными трубочками, гальками и кремневыми отщепами, костями животных, раковинами. Чаще всего погребения безынвентарны. Поэтому находки таких предметов, как медные ножи и шилья, а также каменная литейная форма, предназначенная для отливки топоров, костяные булавки-амулеты, приобретают особый интерес. Редки находки наконечников стрел (рис. 5: 11–14).

Население, представленное в Приуралье погребениями I ОГ, в ямное время было не столь много-

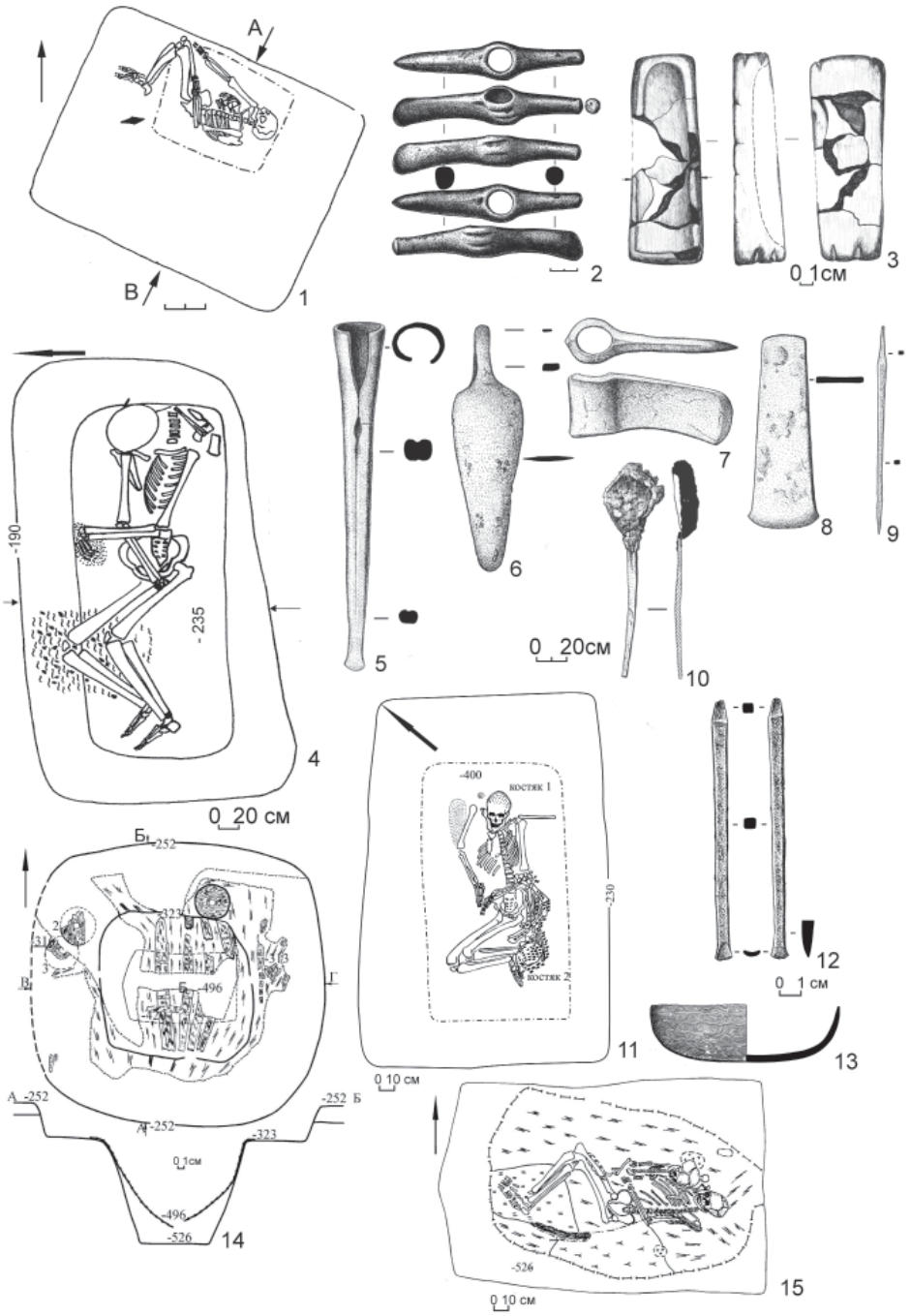


Рис. 8. Материалы погребений II обрядовой группы ямной культуры Волго-Уралья
1–2 – КМ Ниж.Павловка V 1/2; 3 – КМ Изобильное I 6/1; 4–9 – КМ Тамар-Уткуль VII 8/4; 11–13 – КМ Пятилетка 5/2; 14–15 – ОК Шумаево II, п.2

численным в сравнении с представителями II ОГ и, видимо, занимало подчиненное положение. По мнению антрополога А.А. Хохлова, в приуральской группе смешивались разные антропологические типы. Первые принадлежали североевропеоидному, а вторые – южноевропеоидному (Хохлов, 2006). По половому признаку большинство погребенных, как в I, так и во II ОГ, являлись мужчинами. Женские и детские погребения встречаются редко.

Погребения II ОГ подразделяются на 2 типа: в простых ямах; в ямах с заплечиками или со ступеньками (рис. 7–9). Преобладают крупные насыпи, диаметр которых превышает 30 м, высота – более 1,5–2 м. Такие курганы в данной группе составляют 55%. Ямы для погребений отличаются значительными размерами и сложной конструкцией. Глубина ям от уровня погребенной почвы доходила до 2–3,5 м.

Для ям со ступенчатой конструкцией характерно покрытие ступенек и уступов циновками из трав или камыша, иногда из коры. Циновками обвешивались стенки и покрывалось дно могил.

Уникальны погребения под большими курганами: это ОК Шумаево II (d=44 м, h=2,8), где обнаружены деревянные колеса, которые располагались по ступенькам (рис. 8: 14–15); курган 1 в могильнике Болдырево I (d=64 м, h=6 м), где помимо многочисленных медных изделий найдено 6 предметов из метеоритного железа (рис. 9: 1–9); курган 6 в могильнике Хутор Барышников (d=40 м, h=3,3) с набором плотницких медных инструментов (рис. 9: 10–15).

Среди комплексов II ОГ выделяется достаточно представительная группа парных и коллективных захоронений, отличающихся неординарностью как в погребальном ритуале, так и в сопровождающем инвентаре. При этом во многих из них зафиксированы признаки насильственного погребения сопровождающих субъектов, среди которых находились представители как взрослых, так и детей (рис. 7: 6–8; 8: 11–13). Выделяются погребения женщин, которые, видимо, при жизни были связаны с ритуальной практикой (рис. 7: 9–10).

В II ОГ значительно более высок процент погребений, которые сопровождались инвентарем – около 60%. Выделяются комплексы с керамикой и медными изделиями, в том числе престижного характера, в число которых входят топорик-клевец, кинжалы-ножи, молоток, топоры, долота, наконечник копья, тесло с цапфами и тесло-молоток.

Таким образом, для степного Приуралья наиболее типичны захоронения II ОГ, для которых характерно положение скелетов на правом боку, ориентированных на В или СВ. Они совершались как в простых ямах, так и в сложных, окруженных по всему периметру ступеньками. Параллельно с погребениями II ОГ практиковались захоронения I ОГ с положением на спине скорченно ногами вправо и очень редко ногами влево.

К числу 12 неординарных погребений, связанных, по всей видимости, с ритуальной практикой, относятся погребения с размещением на животе и «сидя», а также захоронения отдельных черепов и кенотафы (рис. 10).

Некоторые особенности погребального обряда отличают памятники ямной культуры Приуралья от средневолжских и нижневолжских групп.

В Среднем Поволжье наиболее представительными являются курганные могильники – КМ Покровка, Утевские курганы, Красносамарские курганы, КМ Грачевка II и другие. В обряде преобладает положение погребенных на спине скорченно с наклоном ног вправо, реже зафиксированы позы скорченно на правом боку, вытянуто на спине (Васильев и др., 2000). Чаще использовались деревянные перекрытия, иногда обожженные. Наряду с простыми и обширными ямами применялись сложные ямы со ступеньками. Большинство погребений безынвентарны. Изделия из металла хотя и реже представлены, чем в Приуралье, и ассортимент их не столь разнообразен, но все же в средневолжской группе процент погребений с металлом довольно высок. Преобладают медные ножи и шилья; известны изделия престижного характера – топоры, меч-скипетр, тесла, долота, примечательны находки биметаллического (медь/метеоритное железо) изделия и подвесок из золота. Разнообразна керамика, известны находки каменных и костяных вещей (Васильев и др., 2000, с. 6–64, рис. 9–20).

В Нижнем Поволжье, в отличие от средневолжских и приуральских курганов, в которых, как правило, содержится по одному основному погребению, преобладают много могильные курганы, захоронения в которых совершались неоднократно. Такие курганы хорошо стратифицированы – Бережновские, Быковские, Скатовские, Ровненские курганы и другие. В обряде в большей степени преобладает положение погребенных на спине скорченно с ногами вправо, но встречается поза на спине с вытянутыми ногами или ногами в виде ромба. Поза на правом боку присуща позднему, полтавкинскому этапу. Чаще сооружались ямы простые, но достаточно большие и глубокие. В качестве инвентаря в основном использовалась глиняная посуда. В редких случаях найдены изделия из кости, камня и меди. Причем медные изделия представлены исключительно ножами и шильями. На этом фоне уникальным представляется КМ Сторожевка, где в погребении обнаружен медный наконечник копья (рис. 11: 6) (Ляхов, 1996).

В целом погребальный обряд ямной культуры представляется достаточно консервативным, и, учитывая безынвентарность большинства погребальных комплексов, проследить его эволюцию на протяжении довольно длительного времени развития культуры представляется сложной задачей. Наилучшим образом это можно сделать на примере средневолжской и приуральской групп, где в последние десятилетия проводились целенаправленные исследования с использованием радиоуглеродного датирования.

Репинский этап. Идентификация погребальных комплексов с репинским этапом возможна исключительно по находкам в погребениях керамики, аналогичной материалам поселения Хутор Репин, а также рогатых булавок-амулетов. Таких памятников немного, но они достаточно информативны. Кроме того, следует отметить, что согласно классификации Н.Я. Мерперта в стратифицированных курганах Нижнего Поволжья в качестве основных преобладают безынвентарные погребения, принадлежность которых к репинскому этапу вполне возможна.

Рис. 9. Погребения с символами вождества

1–9 – Болдырево 1/1: (2 – железная стамеска; 3 – медный нож; 4 – речная галька; 5 – железный диск; 6 – копье; 7, 8 – медные шилья; 9 – биметалический рубанок); 10–15 – Барышников 6/3: (11 – медное тесло-молоток; 12 – медное тесло с цапфами; 13 – медное долото; 14 – медный нож; 15 – каменный пест-молот)

Погребальный обряд памятников, маркированных репинской керамикой, на настоящем уровне исследований не поддается четкому анализу. В Нижнем Поволжье преобладает поза погребенных на спине, ноги подогнуты. Единично встречены позы вытянуто на спине, на правом боку скорченно; на спине, ноги подогнуты влево. Для них характерны обильная посыпка охрой, подстилки на дне ям, в ряде случаев – деревянные перекрытия (Мерперт, 1974, с. 31–44).

В Среднем Поволжье и Приуралье среди небольшого числа погребений с керамикой репинского типа следует отметить, что положение умерших также неустойчиво, выделить преобладающую традицию невозможно. Этот факт также свидетельствует о преемственности репинского этапа развития ямной культуры от хвалынской, поскольку и в ее памятниках наблюдается разнообразие поз умерших, однако преобладает поза на спине с подогнутыми ногами вправо

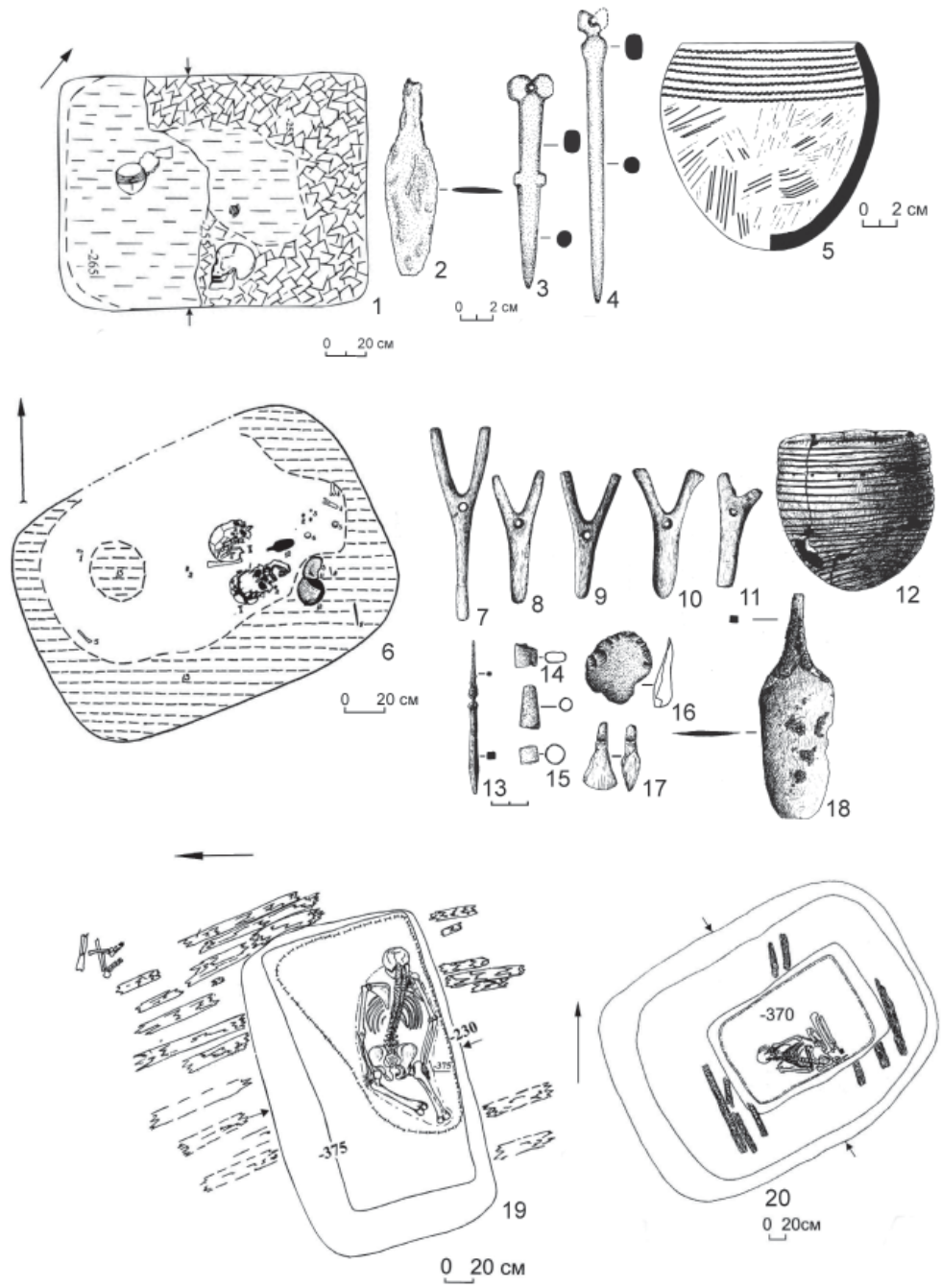


Рис. 10. Материалы погребений неординарной группы ямной культуры Волго-Уралья
1, 5 – КМ Мустаево V 8/2; 2–3 – КМ Мустаево V 9/2; 6–18 КМ Герасимовка II 4/2; 19 – КМ Мустаево V 1/1; 20 – КМ Грачевка (Оренб.) 4/1

или влево (Агапов, Васильев, Пестрикова, 1990; Малов, 2008; Дремов, Юдин, 1992). В редких случаях встречены позы на правом боку скорченно, единичны позы на левом боку или вытянуто на спине.

Таким образом, погребальный обряд репинского этапа, как и гончарная технология (Салугина, 2005; 2014), являются наследием хвалынской культуры. Такая особенность ритуала, как малочисленность или полное отсутствие сопровождающих умершего вещей, – это черта уже другого времени и другой культуры – ямной. Богатые по наличию разнообразного инвентаря хвалынские обряды заменяются индивидуальными погребениями в отдельных ямах под курганами. На репинском этапе различия в размерах курганов и внутримогильных сооружений не наблюдается. Однако можно выделить ряд погребений, инвентарь в которых достаточно разнообразен в отличие от большинства могил с одним сосудом или полностью безынвентарных (Моргунова, 2014, с. 169–187). Это, например, комплекс Скатовка 5/3,

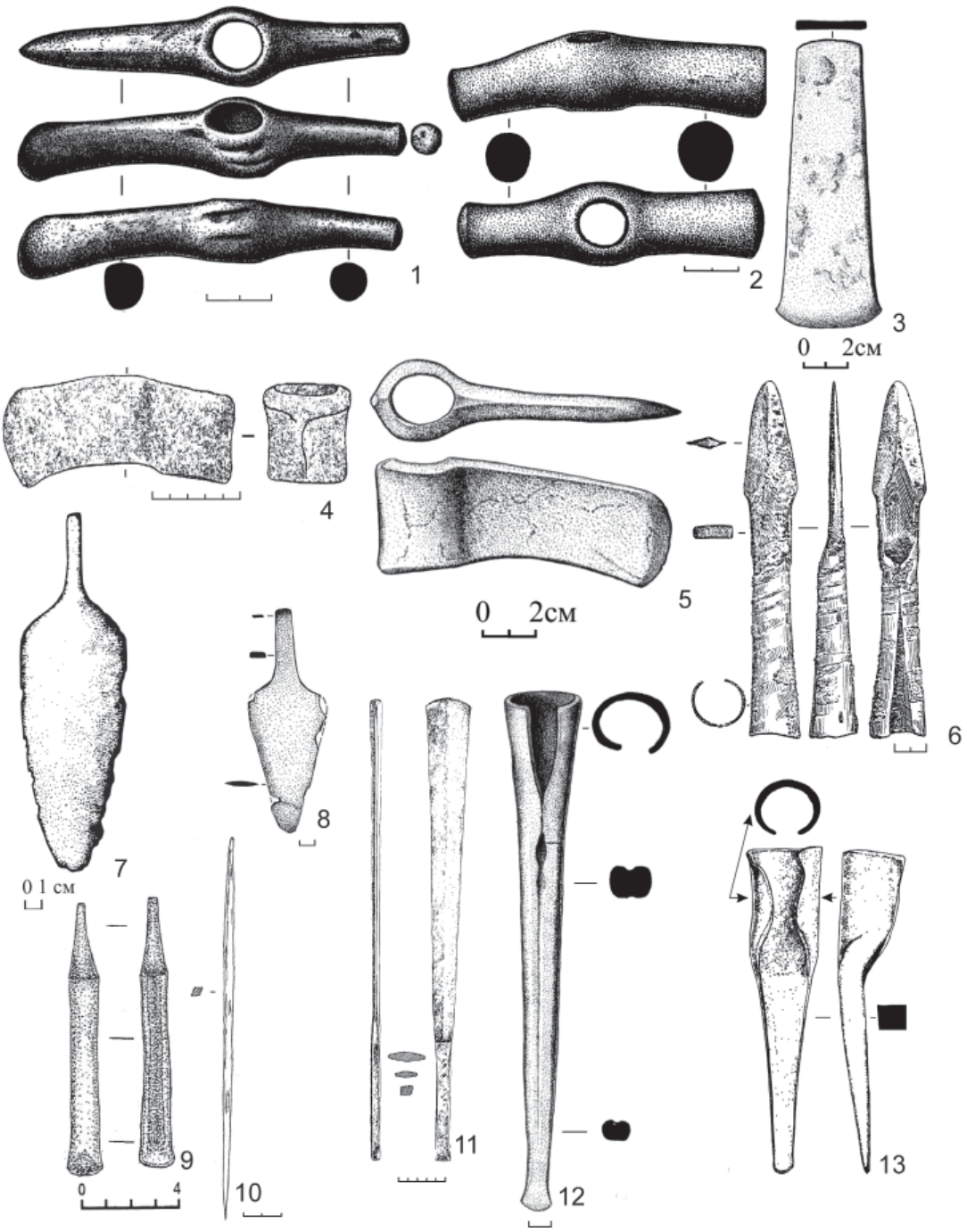


Рис. 11. Медные изделия из погребений ямной культуры Волго-Уралья

1 – КМ Ниж.Павловка V 1/2; 2, 8 – КМ Увак 12/4; 3, 5, 12 – КМ Тамар-Уткуль VII 8/4; 4 – КМ Утевка I 1/1; 6 – КМ Сторожевка 2/3; 7 – КМ Изобильное I 3/1; 9 – КМ Хутор Барышников 6/3; 10 – КМ Жаман-Каргала 1/7; 11 – КМ Кутулук 4/1; 13 – КМ Мустаево V 1/ров

в котором помимо трех глиняных сосудов находились медные изделия, каменный пест и пластина из клыка кабана (рис. 5: 1–2). В КМ Петровка 1/2 найдено 2 сосуда репинского типа (рис. 5: 3–4). Медные нож и шило сопровождали умершего в КМ Орловка 2/2. Неординарностью и ритуальным характером как обряда (два черепа), так и инвентаря (сосуд, медные изделия и рогатые булавки) отличалось погребение в КМ Герасимовка II 4/2 (рис. 10: 6–18). Рогатая булавка-амулет, медный нож и шило найдены в погребении КМ Покровка 17/1 (рис. 6: 6–9).

Хронология репинского этапа устанавливается по имеющимся на сегодняшний день радиоуглеродным датам (около 40 ^{14}C дат) (Барынкин, 1992; Кузнецов, 1996; 2007; 2011; 2013; Моргунова, 2006; 2007; 2011; 2013; 2014; Morgunova, Khokhlova, 2013; Моргунова и др., 2017). Датирование проводилось по керамике, костям человека, костям животных в лабораториях Киева, Санкт-

Петербурга и других, в том числе на АМС. Однако интерпретация радиоуглеродных данных неоднозначна (Кузнецов, 2013; Моргунова, 2014).

Корректировку хроноинтервала репинского этапа удалось осуществить за счет большой серии ^{14}C дат, полученных по костям животных, то есть по материалам, не зависящим от резервуарного эффекта. Образцы отбирались из слоя бронзового века Турганикского поселения и анализировались в радиоуглеродной лаборатории РГПУ им. Герцена М.А. Кульковой (Моргунова и др., 2017, с. 221–232).

Всего получено 14 ^{14}C дат, из них по керамике репинского типа – 2, по костям животных – 12 (в том числе по костям КРС – 5, МРС – 2, лошади – 1). Значения дат возрастают от 4530±30 до 5064±100 BP. Калиброванный интервал в одну сигму устанавливается в пределах 3966–3100 cal лет ВС или 3800–3360 cal лет ВС (с отказом от самой ранней и от самой поздней ^{14}C дат). Другими словами, постоянное проживание людей в устье Турганика приходилось на 2–3 четв. IV тыс. до н. э. (cal), а с последней четверти IV тыс. до н. э. (cal) прекращается.

Совокупность имеющихся радиоуглеродных определений по памятникам репинского типа в Волго-Уралье позволяет заключить, что хронологические рамки раннего этапа ямной культуры Волго-Уралья определяются в среднестатистическом калиброванном возрасте от 3800 до 3300 cal лет ВС, хотя не исключается и удревнение этапа до начала IV тыс. до н. э.

Если пересчитать имеющиеся даты в традиционной шкале, то датировка этапа будет короче, соответствовать перв. пол. III тыс. до н. э. и, возможно, опускаться в конец IV тыс. до н. э. В свое время именно к такому хроноинтервалу относили данные памятники Н.Я. Мерперт и Д.Я. Телегин (Мерперт, 1974, с. 79–80; Телегин, 1977, с. 5–19).

Археологические сопоставления репинских материалов ямной культуры и майкопской культуры говорят об их синхронности (Моргунова, 2012). Установленная выше хронология репинского этапа подтверждается радиоуглеродными данными, согласно которым возраст майкопской культуры по современным данным установлен в пределах IV тыс. до н. э. (cal) (Кореневский, Резепкин, 2008; Кореневский, 2004; 2012).

В плане синхронизации материалов раннего бронзового века Турганикского поселения с памятниками репинского типа западнее Волги интерес представляют радиоуглеродные даты по костям животных из жилищ, известные для среднего слоя поселения Михайловка на Днепре, находящиеся в таком же калиброванном интервале (Котова, 2013).

Верхняя граница репинского этапа – около 3300 cal лет ВС – в настоящее время достаточно уверенно подтверждается радиоуглеродными датами для начала развитого этапа А (Моргунова, 2006; 2007; 2013; 2014; Моргунова, Й. ван дер Плихт, 2013). Причем ^{14}C даты для этих памятников проверялись по разным материалам и в разных лабораториях, а также данными палеопочвоведения.

Развитой этап. На всей территории Волжско-Уральского междуречья развитой период представлен большим числом памятников. Это период наиболее стабильного развития ямной культуры. Повсеместно распространены исключительно подкурганные погребения. Стационарные поселения в это время неизвестны. Какие-либо другие культурные группы, кроме представителей ямной культуры, на данной территории в это время не зафиксированы.

По данным радиоуглеродного датирования в рамках развитого этапа выделено 2 калиброванных хроноинтервала – А и Б (Моргунова, 2006; 2014).

Погребальные памятники ямной культуры в *хроноинтервале А* характеризуются такими признаками обряда, как положение скелетов скорченно на спине и на правом боку, восточная и северо-восточная ориентировка, обязательное использование травяных волокон и кожи для подстилок и покрывал, обильная окраска охрой, наличие курганных насыпей, от небольших до средних размеров, появление глубоких и усложненных за счет ступенек и подбоев ям. В группе имеются комплексы с вещами, хотя их и немного. Показательна форма и технология изготовления сосуда полуяйцевидной формы с круглым дном и непрофилированным горлом из погребения с одним черепом (КМ Мустаево V 8/2) (рис. 10: 5). Он находит многочисленные аналогии в классических ямных памятниках. Значительный интерес представляют две костяные булавки-амулеты с короткими рожками из соседнего кургана 9 этого же могильника (рис. 10: 3, 4), а также найденный вместе с ними медный нож (рис. 10: 2). Уникален медный меч-скипетр из КМ Кутулук I 4/1 (11: 11). Булавки-амулеты демонстрируют эволюцию подобных культовых предметов от булавок с рожками репинского типа.

Радиоуглеродные даты для данной группы погребений имеют значения от 4245±35 до 4440±140 BP (Моргунова, 2014, с. 193, табл. 16). По данным палеопочвоведения, погребенные почвы под курганами группы А существенно отличаются по своим свойствам от курганов группы В, что свидетельствует о некотором временном интервале между их сооружением (Хохлова, 2006; 2007).

Подтвердить возраст развитого этапа А в интервале от 3300 до 2900 cal BC позволяют ^{14}C даты для курганов Среднего Поволжья (Кузнецов, 2007; Турецкий, 2007).

Памятники хроноинтервала В сохраняют все признаки погребальной традиции предшествующего этапа. Однако существенным отличием группы В является наличие разных по величине и сложности оформления погребального ритуала курганов, погребений с человеческими жертвоприношениями и многочисленными металлическими и иными вещами. К данному этапу относятся все наиболее крупные курганы.

По радиоуглеродным данным, хронологические рамки «развитого этапа В» определяются в пределах калиброванного возраста от 3000–2900 до 2600–2500 BC (Моргунова, 2014, табл. 16). В данном хронологическом интервале по ^{14}C датам оказались погребения с частями колесных повозок из ОК Шумаево II и КМ Шумаево; элитное погребение Болдырево I 1/1 в большом кургане с многочисленными предметами из меди и метеоритного железа (рис. 9: 1–9); КМ Першин 1/4 с литейной формой для изготовления топоров утевского типа (рис. 6: 1–2); могильники Тамар-Уткуль VII и VIII (рис. 7: 6–10; 8: 4–10), а также погребение в кургане 1 в КМ Утевка I и комплекс медных изделий у с. Колтубанка (Сальников, 1962).

В пределах 3000–2600 лет BC определяют время классического этапа ямной культуры на других степных территориях Восточной Европы (Телегин, 1977; Шишлина, 2007; Иванова и др., 2005; Nikolova, 1999). Верхняя граница периода подтверждается ^{14}C датами ранних катакомбных погребений.

На развитом этапе Б наблюдается значительное усложнение погребальных ритуалов. Наряду с простыми ямами широкое распространение получают крупные ямы с заплечиками. Характерно значительное увеличение количества погребального инвентаря, в основном за счет разнообразных металлических изделий. При этом наличие инвентаря в могиле и его количество также коррелируется с наиболее крупными по размерам курганами и сложными по конструкции могильными ямами, среди которых преобладают захоронения II ОГ (в положении на правом боку). Керамика представлена небольшими сосудами круглодонной формы. Характерный признак всех сосудов – это заглаживание поверхности расчесами гребенчатого штампа в разных направлениях, что является наследием гончарной традиции ранних этапов. Но преобладает полуяйцевидная форма с прикрытым горлом. Орнамент приурочен к верхней половине сосудов. Он наносился или веревочкой, или коротким широкозубым штампом.

Металлические изделия разнообразны (рис. 11). Типологически и технологически весь металл Приуралья несет черты как общие для всей евразийской металлургии этого времени, так и определенные стандарты, свойственные именно урало-поволжскому региону. Уникальность местному металлургическому производству придает использование наряду с медью железа, найдены биметаллические изделия. Ножи, шилья и топоры близки формам подобных изделий в ЦМП, но различаются размерами: от весьма миниатюрных ножичков до крупных кинжалов длиной до 25 см. Своеобразны проушные топоры утевского типа.

Кроме основных трех типов изделий на развитом этапе приуральские мастера ямной культуры производили множество других оригинальных орудий и украшений, в том числе долота, стамески, топорики-клевцы, тесла, наконечники копий, сакральные предметы, украшения. Наибольшим богатством и разнообразием металла отличаются Тамар-Уткульские курганы в приуральской группе (Моргунова, Кравцов, 1994).

В итоге рассмотрения материалов развитого периода ямной культуры, как в Приуралье, так и всего Волжско-Уральского междуречья, необходимо еще раз подчеркнуть их преемственность с предшествующим этапом репинского времени, когда сложились все основополагающие каноны ямного погребального обряда. При этом, приуральская группа ямной культуры на фоне других ее вариантов отличается средоточием элитных курганов больших размеров с разнообразным и престижным инвентарем. Этот феномен находит объяснение в подъеме хозяйственной деятельности. Именно на данном этапе возросло производство медных изделий, в технологии изготовления впитавшего многие достижения из других ГМЦ, в том числе майкопского, появляются многие новаторские достижения. Приуральский металл активно распространяется на другие соседние территории Волго-Уралья и в Западную Сибирь.

Таким образом, ямная культура в интервале от 3300 до 2700–2600 лет BC развивается достаточно стабильно и характеризуется устойчивыми признаками в погребальном обряде и материальной культуре. В данный период наблюдается процесс ее наивысшего расцвета как в хозяйственной, так и духовной сферах. На базе развития экономики углубляется процесс социальной дифференциации в обществе. На этом этапе ямное население Волжско-Уральского междуречья являлось частью огромной ямной общности, занимавшей все степное и частично лесостепное пространство Восточной Европы.

Поздний (полтавкинский) этап. Позднеямные памятники характеризуются сохранением

традиций погребальной обрядности, а также типологических особенностей и технологий металлообработки предшествующего времени (Моргунова, 1991; 2014; Дегтярева, 2010). Несмотря на появление новых форм погребальной посуды с плоским дном, прослеживается продолжение ямной традиции ее изготовления (Салугина, 2009, с. 96).

В заключительный этап своего развития ямная культура вступает около 2600 лет ВС. Деструктивные процессы, приведшие в конечном итоге к финалу данную культурную линию развития, начались в связи с постепенным распадом ямной общности, вызванным расселением катакомбных племен от Волги до Днепра. На западных от Волги территориях происходил активный процесс ассимиляции ямного населения, исследователи выделяют ямно-катакомбные смешанные памятники. Отдельные погребения с признаками проникновения катакомбных групп известны в Нижнем Поволжье (Ляхов, 1990; Качалова, 1965; Баринов, Дремов, 1990; Баринов, 1996). Но данные комплексы скорее следует считать ямно-катакомбными, поскольку они так же, как и в западных областях, демонстрируют смешанные черты погребальной обрядности. В Среднем Поволжье и тем более на Южном Урале, особенно в раннекатакомбное время, подобные явления не наблюдаются.

Долгое время продолжается дискуссия о культурном статусе памятников Волго-Уралья СБВ, начало которого связано с установлением катакомбного господства в степях Восточной Европы.

В 60-е годы XX в. Н.К. Качалова на материалах Нижнего Поволжья обосновала выделение полтавкинской культуры, синхронизируя ее с катакомбной культурой (Качалова, 1962; 1965). К III ХГ (позднему этапу ямной культуры, ямно-катакомбному) Н.Я. Мерперт относил комплексы с плоскодонной керамикой и молоточковидными булавками (Мерперт, 1974, с. 68–72). В 70–80-е годы «полтавкинская» концепция получила дальнейшее развитие в работах И.Б. Васильева и особенно в ряде работ П.Ф. Кузнецова. В совместной работе Н.К. Качаловой и И.Б. Васильева обосновывалось выделение уже не культуры, а культурно-исторической полтавкинской общности, сложившейся в катакомбное время и распространившейся по всей территории Волжско-Уральского междуречья (Качалова, Васильев, 1989). В ходе дискуссии, прошедшей в 1990–1991 гг. на страницах журнала «Российская археология», некоторые исследователи с концепцией авторов не согласились (Пятых, 1990; Шилов, 1991; Моргунова, 1991). До настоящего времени полтавкинская интерпретация позднеямных памятников отстаивается П.Ф. Кузнецовым (1996; 2007; 2010).

В свете проблемы определения культурной принадлежности памятников позднеямно-раннекатакомбного времени в Самарском Заволжье и Южном Приуралье обратимся к материалам, которые, безусловно, можно отнести к данному этапу и по которым имеются радиоуглеродные определения.

Таковые комплексы маркированы или плоскодонной керамикой (рис. 6: 5, 11; 7: 1–2, 4–5), или соотносятся с данным периодом по ^{14}C датам (Моргунова, 2014, с. 213, табл. 17). Что касается многих безынвентарных погребений, то, как уже отмечалось, их соотношение с каким-либо этапом, в том числе с полтавкинским, весьма проблематично. В инвентарных погребениях показательны признаки погребального обряда. Из числа продатированных ^{14}C методом погребений с плоскодонной керамикой большинство совершены на правом боку с ориентировкой в восточный сектор, однако имеются и позиции на спине скорченно ногами вправо, единичны позы с наклоном ног скорченно влево (Гвардейцы II 1/3) (рис. 6: 14). При этом окраска охрой по интенсивности различна – от слабой до сильной. По форме могильные ямы встречаются как простые, так и сложные со ступеньками. Если обратиться к характеристике насыпей курганов, то следует отметить, что среди памятников с плоскодонной керамикой не встречены курганы с диаметром более 30 м. Мало того, практически исчезает традиция сооружения насыпей из кольцевых рвов, окружавших подкурганное поле. Исключением является один курган № 1 КМ Изобильное I, имевший D=36 м, H=2 м и кольцевой ров (Моргунова, Кравцов, 1994, с. 42–47). Иначе говоря, в данных комплексах признаки «полтавкинской» культурной принадлежности (по П.Ф. Кузнецову) отсутствуют.

Особое значение для характеристики позднего этапа ямной культуры приобрели комплексные исследования Скворцовского курганного могильника, располагавшегося на границе Самарской и Оренбургской областей (Моргунова и др., 2010). Изучено 5 курганов диаметром от 20 до 30 м, высотой от 0,5 до 1 м. По ^{14}C датам и данным палеопочвенных исследований выделены ранняя и поздняя группы. Для обсуждаемой темы интерес представляет вторая группа из 3-х курганов (№ 5, 6 и 7).

В отличие от курганов развитого этапа одной из особенностей устройства подкурганного пространства Скворцовских курганов являлось сооружение круговых ровиков, состоявших из нескольких корытообразных углублений и имевших чисто символическое значение. С одной стороны, сохраняется принцип совершения погребений в центре круглой в плане площадки, окруженной

рвом, а с другой – изменяется их форма и размеры. Насыпи курганов покрывали рвы и выходили далеко за их внешние границы. Кроме того, в двух из трех Скворцовских курганов обнаружено по два погребения, что также отличает их от исключительно индивидуальных курганов предшествующего времени. Ямы преобладают простой формы, но по-прежнему они обширные и значительной глубины. В кургане 6 одно из погребений было совершено в яме со ступеньками (рис. 7: 1). Все скелеты зафиксированы в положении скорченно на правом боку с ориентировкой на В или СВ, в одном случае на спине скорченно (рис 6: 3–5). В двух могилах были обнаружены плоскодонные сосуды (рис. 6: 5; 7: 2), по технологии близкие другим изделиям подобной формы, демонстрирующие, по мнению Н.П. Салугиной, преемственность гончарства СБВ с предшествующим этапом ямной культуры (Салугина, 2009, с. 94–97).

Наряду с отмеченными особенностями погребальной обрядности в Скворцовском могильнике необходимо подчеркнуть и преемственность прослеженных здесь ритуалов от ямной культуры. Все вышеназванные признаки в устройстве курганов и могильных ям, в позах скелетов и их ориентировке, а также технология гончарства указывают на сохранение ямной культурной линии развития в Самарском Заволжье и на данном этапе. К сказанному следует добавить такие обязательные элементы ямного погребального обряда, как использование растительных циновок для покрытия дна и покрывал, устройство «подушек» под голову умерших, интенсивное использование охры в большинстве случаев. Также сохраняется преемственность в технологии металлопроизводства и в типологии медных изделий, хотя известно не так много находок в сравнении с предшествующим временем, и они не отличаются разнообразием (Моргунова и др., 2010).

Согласно палеопочвенным данным, курганы второй группы Скворцовского могильника были созданы в условиях нарастания аридных природно-климатических условий, что отличает их от курганов группы В развитого этапа. Для всех курганов получены ^{14}C даты по разным материалам (керамика, кость человека и дерево). Они достаточно близки по своим значениям и наряду с ^{14}C датами для погребений с плоскодонной посудой в Самарском Заволжье (Турецкий, 2007) позволяют датировать поздний этап развития ямной культуры на территории Волжско-Уральского междуречья в пределах калиброванного интервала от 2600 до 2200 ВС. В этих же пределах датируются катакомбные памятники в Калмыкии, на Нижнем Дону (Шишлина, 2007) и в Поднепровье (Nikolova, 1999; Пустовалов, 2003; Кайзер, 2011).

Отрасли хозяйственной деятельности

По материалам ямной культуры Волго-Уралья, особенно приуральской группы, выделяются такие самостоятельные производства, как металлургия и металлообработка, деревообработка и плотничество, возможно, ювелирное дело и камнеобработка. Другие производства (гончарство, ткачество и др.), видимо, замыкались в пределах домашних промыслов. Специализация отдельных семей и лиц в какой-то одной отрасли хозяйства, скорее всего, находилась в начальной стадии. Приближение металлопроизводства и плотничества к ремесленному уровню, без сомнения, было связано с развитием скотоводства и его перерастанием в кочевую форму (Мерперт, 1974; Моргунова, 2014). На основании новых данных, полученных в исследованиях ямных памятников в Волго-Уральском регионе в последние два десятилетия, сделан вывод, что на данной территории в раннем бронзовом веке сложился круглогодичный цикл содержания животных в скотоводческом хозяйстве (Моргунова 2014, с. 292–293). Зимники находились в Северном Прикаспии и низовьях Волги и Урала. В весенне-летнее время скотоводы перемещались в районы Самарского Поволжья и Приуралья на освободившиеся от снегов пастбища. С этим же периодом, вероятно, были связаны работы на Каргалинских рудниках, освоение которых приходится на репинский этап ямной культуры.

Скотоводство. К началу 70-х годов начало производящей экономики, прежде всего скотоводства, на юге Восточной Европы начали связывать с населением ямной КИО (Мерперт, 1974). Накопление остеологических данных в послевоенные годы (Лагодовська и др., 1962; Цалкин, 1970; Шилов, 1975) позволили Н.Я. Мерперту доказать не только производящий характер экономики ямного населения степной Восточной Европы, но и показать ее специфику (Мерперт, 1974). Исследователем был показан высокий уровень господствующего в хозяйстве скотоводческого направления, причем в подвижной, кочевой форме. В дальнейшем с открытием в Поволжье и Приуралье памятников неолита и энеолита начало производящего хозяйства на данной территории было удревнено, что позволило объяснить столь высокий уровень развития скотоводства у населения ямной культуры (Васильев, 1981; Матюшин, 1982; Моргунова, 1995).

О доминировании скотоводческого хозяйства уже на раннем репинском этапе ямной культуры свидетельствуют материалы ряда поселений, в том числе таких крупных, как Михайловка II, Репин Хутор, Турганикское и др. (Синицын, 1957; Лагодовська и др., 1962; Коробкова, Шапошникова, 2005; Турганикское поселение, 2017; Моргуно-

ва и др., 2019). Среди остеологических остатков на данных поселениях значительно доминируют кости домашних животных (более 80%) – кости овцы, крупного рогатого скота и лошади, а также собаки. Состав стада домашних видов типичен для кочевничества (Масанов, 2000).

В раскопках 2014–2015 гг. на Турганикском поселении в слое 5 ранней бронзы изучено 7157 костей, из них 3280 определимых (Моргунова и др., 2017, с. 233–262). Подавляющее число костей животных является кухонными остатками, о чем свидетельствуют многочисленные следы искусственного воздействия на костях. Они были оставлены в процессе разделки туши и ее утилизации. Установлено, что жители разводили домашний скот, и, судя по тому, что кости домашних животных составляют около 89%, скотоводство являлось ведущей и основной отраслью хозяйства. Видовой состав домашних животных включает крупный и мелкий рогатый скот, лошадей и собак. Кости овец составляют 2/3 всей коллекции. Аналогичная картина прослежена в слое II на Михайловском поселении в Поднепровье (Лагодовська и др., 1962).

Жители Турганикского поселения охотились на таких диких животных, как: тур, лось, кабан, выдра, волк, лисица, заяц, медведь, бобр. Особенно активной была охота на бобра. Его остатки составляют 69,7% костей всех диких млекопитающих. Однако охота не играла большой роли в питании населения (около 10%). Рыбная ловля также не имела значения, кости рыб единичны. Данные о земледелии на Турганикском поселении не обнаружены.

По данным погребений, где кости животных находятся очень редко, наблюдается примерно такая же картина (Рослякова, Турецкий, 2013).

Кочевое скотоводство не могло существовать без колесного транспорта. Части и даже целые повозки обнаружены в погребальных комплексах от Урала до Поднестровья (Избицер, 1993). Как уже упоминалось выше, части повозок найдены в погребениях ямной культуры в Приуралье.

С производством колесного транспорта напрямую связано развитие плотницкого дела. О выделении профессиональных плотников, занятых в этой отрасли хозяйства, свидетельствует ряд погребальных комплексов с соответствующим инструментарием. Так в ряде курганов Оренбургской области погребения мужчин зрелого возраста сопровождались наборами медных орудий для деревообработки (топор, тесло, крупный нож, долото, шило, резчик).

В скотоводстве получили развитие все возможные направления получения продукции – мясо, молочные продукты, кожа и шерсть. По данным биоморфного анализа, проведенного на ряде памятников в Приуралье и в Калмыкии, доказано, что широко использовалась шерсть и кожа в изготовлении погребальных подстилок, подушек, одежды (Моргунова и др., 2003; Гольева, 2006; Шишлина, 2007; Моргунова и др., 2010). Выявлены циновки с хорошо сохранившимся простым переплетением, что может служить свидетельством об умении ямного населения создавать тканые изделия и о занятиях ткачеством. Имеются факты, хотя и немногие, о наличии ткачества в предшествующих энеолитических культурах. Это находки пряслиц и костяных кочедыков. В результате технико-технологического анализа керамики хвалынской культуры установлено, что она орнаментировалась при помощи плетеных фактур (Васильева, 2002).

Бесспорные доказательства распространения текстильного производства у племен ямной и катакомбной культур получены в Калмыкии (Шишлина, 1999). Было выяснено, что текстильные изделия изготавливались как при помощи плетения, так и ткачества. Авторы предполагают, что в ямное время начинает использоваться ткацкий станок.

Большую ценность представляют результаты трасологического анализа находок из Михайловского поселения, проведенного Г.Ф. Коробковой (Коробкова, Шапошникова, 2005). Исследования показали последовательное развитие скотоводческой отрасли хозяйства в Поднепровье – с позднего энеолита до ямно-катакомбного времени. Выявлена высокая степень развития кожевенного дела (поселение Михайловка II–III). Значительный процент орудий связан с производством шерстяной пряжи. Для изготовления тканей использовался простейший ткацкий станок, на существование которого указывают керамические пряслица и грузики для натяжения нитей.

Таким образом, имеющиеся на настоящий момент источники достаточно красноречиво свидетельствуют о развитом, многокомпонентном скотоводческом хозяйстве ямной культуры как в Волго-Уралье, так и по всей области ее распространения.

Металлургия и металлообработка. Всего в Волжско-Уральском регионе в погребениях ямной культуры обнаружено более 150 медных вещей, их них около 2/3 в Приуралье. Металлографический анализ изделий проведен только для приуральских изделий (Дегтярева, 2010). Выделено 3 металлургические группы. *Первая группа* (около 80%) характеризуется использованием металлургически чистой меди с обедненным составом примесей. В эту группу входят как все серийные типы изделий (ножи и шилья), так и часть оригинальных вещей: двухобушковый молоток

(рис. 11: 2), втульчатое копье (рис. 9: 6), тесло-молоток (рис. 9: 11), ножи-кинжалы (рис. 11: 7–8), биметаллическое тесло-рубанок (рис. 9: 9), тесло (рис. 11: 3), топоры (рис. 11: 5; 8: 7). Данная группа по химическому составу металла соответствует ее источнику из Каргалинского месторождения (Черных, 2002). В данной группе находятся нож и украшения из погребения раннего этапа ямной культуры могильника Герасимовка II 4/2 (рис. 10: 13, 18). Вторая группа также достаточно многочисленна – включала предметы из металлургически чистой меди, но с увеличенным содержанием свинца (Pb), висмута (Bi) и сурьмы (Sb). В данной группе помимо некоторых ножей и шильев оказались редкие типы – топорики-клевцы, кирка с несомкнутой втулкой и тесло с цапфами (рис. 11: 1, 13; 9: 12). Подобный состав металла был установлен для части трипольских изделий (Рындина, 1998). По мнению исследователей, его происхождение связано с Балканским ГМЦ. Третья группа – всего три предмета – совпадает с мышьяковыми бронзами и может считаться прямым импортом с Кавказа.

Приуральские металлурги освоили литье в открытые, двухсторонние и трехсторонние формы со вставными стержнями для получения втулок. Использовались глиняные и каменные, хорошо прогретые формы. Крупные изделия получали исключительно литьем с последующей доработкой в горячем состоянии ковкой. В результате всех литейных и кузнечных операций получали качественные изделия, орудия с дефектами единичны. В изготовлении биметаллических предметов зафиксирована сварка.

Для первых двух групп приуральского металла установлена унифицированность технологии производства, что свидетельствует о высоком уровне местного металлообрабатывающего производства, не уступавшего в своем развитии ведущим металлургическим очагам того времени. Этот вывод подтверждается находками достаточно многочисленных предметов оригинальных форм, не имеющих полных аналогов или находящих лишь отдаленное сходство на Кавказе и в западных районах Причерноморья.

О становлении приуральского очага металлургии и металлообработки на репинском этапе свидетельствуют находки на Турганикском поселении, где они представлены как готовыми изделиями (рис. 4: 9, 11–12), так и шлаками, и кусками медной руды (Моргунова и др., 2017, с. 202, 207, 281; Моргунова, Файзуллин, 2021). Высокий уровень металлопроизводства на поселении подтвердил трасологический анализ каменных макроизделий и костяных орудий (Горащук, Моргунова, 2020; Моргунова и др., 2021). Подавляющее число изделий оказалось связано с металлургией и металлообработкой. Это 37 каменных орудий. При этом среди изделий этого класса представлены орудия для всех этапов металлургического производства – от получения металла из руды до завершения оформления готового медного изделия.

Среди орудий металлургии и металлообработки – молоты для дробления руды, рудотерки, старательские совки, каменные литейные формы и костяные сопла. Кузнечные инструменты представлены кузнечными молотами ручного использования и под рукоять, наковальнями и кузнечными гладилками. Для слесарной обработки предназначались каменные оселки и инструменты для выведения граней изделия. На костяных орудиях обнаружены следы обработки металлическими орудиями. Поскольку фрагменты собственно руды в слое поселения обнаружены в незначительном количестве, а орудия для ее добычи (горнопроходческие) не найдены, можно предположить, что процесс добычи и обогащения руды происходил за пределами поселения, вероятно, на месте добычи на Каргалинском месторождении, расположенном в 70 км выше по р. Ток от Турганикского поселения.

Таким образом, металлургия ямной культуры Приуралья, начиная с репинского времени, базировалась на местном сырье из медистых песчаников Каргалинского месторождения. Этот источник являлся основным вплоть до ее заключительного этапа. При этом, вероятно, уже на раннем этапе продукция приуральского очага распространялась в Среднее и Нижнее Поволжье.

Общественные отношения. О социальной структуре и об уровне развития общественных отношений ямной культуры позволяют судить данные о трудовых затратах на создание кургана и на сооружение погребальной камеры. По этим критериям все погребальные сооружения волго-уральского варианта подразделяются на группы и типы (Моргунова, 1992; Моргунова, Кравцов, 1994; Моргунова, Файзуллин, 2018). Анализ погребального обряда ямной культуры Волго-Уралья по степени трудовых затрат демонстрирует наличие в ямной культуре различных подходов для возведения курганов и сооружения погребальных камер, что, вероятно, связано с социальным статусом погребенных в них индивидов при жизни. О том свидетельствует наличие небольших насыпей диаметром 7–10 м и больших курганов диаметром 110 и высотой до 8 метров. В зависимости от размеров погребальных сооружений возрастает использование дополнительных элементов оформления подкурганных площадок и могил. В курганах крупных размеров и в сложных по конструкции могилах в сочетании друг с дру-

гом используются такие элементы, как покрывала, подстилки и подушки из органических веществ, чаще встречаются изделия из меди (ножи, шилья, топоры долота, тесла) и другой инвентарь.

Наблюдается сходство и различие локальных групп Волго-Уралья по трудовым затратам на совершение захоронения и по количеству в них инвентаря. Так, в приуральской группе заметно в большем числе представлены большие курганы, с диаметром насыпи свыше 30–40 м, а также могильные ямы со ступеньками, оформленные дополнительными элементами (деревянные перекрытия, растительные циновки и покрывала, подушки под головой и др.).

Количество погребений с инвентарем в Приуралье составляет 48,7%, в нижневолжской группе – 46,3%, в средневолжской – 41,6%. Однако в приуральской группе обнаружено большее число престижных изделий из меди (ножи, шилья, топоры, копья, долота, тесла, украшения). Наряду с металлическими изделиями в Приуралье чаще встречаются изделия из камня – песты, отщепы, пластины, скребки, гальки, наконечники стрел, литейные формы, а также костяные предметы – трубочки, булавки-амулеты, бусины, пронизки, подвески-амулеты из зубов. Только в Приуралье найдены предметы из метеоритного железа и биметаллические изделия. В средневолжской группе в погребениях чаще всего присутствуют керамические изделия. Они обнаружены в 30% погребений. Медных изделий, в том числе престижных, меньше, чем в Приуралье, но больше, чем на Нижней Волге.

Таким образом, по степени дифференциации погребальных ритуалов заметно лидирует приуральская группа ямной культуры в пределах волжско-уральского варианта, что представляется неслучайным и связано с правами на использование наиболее плодородных летних пастбищ на южной кромке лесостепи и, главное, на использование приуральских медных месторождений.

В погребальном обряде отражены особенности половозрастной стратификации ямного общества. Большинство погребений под курганами совершались для представителей мужского населения. Курганы с самыми большими трудовыми затратами и престижным инвентарем предназначались только мужчинам. Абсолютное преобладание под курганами погребений мужчин свидетельствует о том, что основные и ведущие общественно значимые функции в ямной культуре исполнялись мужчинами зрелого возраста, а в случаях, когда они достигали пожилого возраста, им также оказывались особые почести во время похорон. Таким образом, общественные отношения ямной культуры носили строго патриархальный характер.

Дифференциация в ямной культуре Волжско-Уральского междуречья наблюдается и на профессиональном уровне. Безусловно, она была связана со спецификой хозяйственной деятельности и общественно значимыми функциями членов коллективов, в которых профессия и социальный статус передавались по наследству. К таким социальным слоям возможно применение термина «сословие» – замкнутый наследственный социальный слой (Матвеева, 2007, с. 202). Возможность появления таких социальных слоев обусловлена спецификой экономического развития региона. Это общие экономические интересы, а именно снабжение скотоводческого хозяйства металлическими предметами и изделиями из дерева, которые способствовали большей мобильности кочевого скотоводческого населения. Такое необходимое специализированное производство со временем обосабливалось от основного, что в свою очередь позволяло повышать престиж данной деятельности и индивидов, производящих необходимые транспортные средства, орудия труда и оружие.

По археологическим данным достаточно отчетливо выделяется жреческое сословие. Его роль в кочевом обществе ямной культуры, очевидно, была весьма заметной, что подтверждается наличием самих погребений под курганом и нетрадиционного погребального обряда (погребения отдельных черепов и расчлененные жертвоприношения). В ямной культуре культ предков особо ярко выражен в виде подкурганных захоронений, которые могли служить для коллективов ямной культуры святилищами и местом поклонения. О большой роли в жизни общества религиозных культов и особого социального статуса жреческого сословия свидетельствуют данные о возможном существовании своеобразной «транскультурной мифо-религиозной системы» (Гей, 2002) или «общности мировоззрения и религиозно-мифологических представлений», объединивших всю ямную культурно-историческую область (Иванова, 2006).

На современном уровне можно говорить о начальной стадии выделения военного сословия в ямном обществе. По данным погребений не прослеживается однозначная символика профессиональной принадлежности тех или иных умерших к военному делу. В некоторых погребениях воинские символы сочетаются со жреческими атрибутами или производственным инвентарем. Кроме того, такое оружие, как топор, могло быть не только оружием, но и символом власти и орудием труда. Вероятно, военное дело и воинские функции могли распространяться независимо от социальной значимости, а иногда даже пола и возраста, а в военных походах и столкновениях могло при-

нимать все взрослое население. Однако обращают на себя внимание факты нахождения наиболее престижных видов медного оружия в курганах с усложненной конструкцией и крупных размеров, при этом исключительно в мужских погребениях лидеров-вождей.

Курганы вождей, изученные в последние десятилетия, полностью подтверждают заключение Н.Я. Мерперта о существовании супер-лидеров, «способных возглавлять племенные союзы ямных племен, достаточно мощных для широкого заселения степных пространств, установления ритуального единства и распространения единых культурных элементов на гигантской территории, строительства монументальных надгробных сооружений, а также для проникновения в высокоразвитые земледельческие области» (Мерперт, 1974).

По ряду археологических данных прослеживается наследственный характер выдвижения ямной знати (равное положение скелетов детей и взрослых индивидов в одной могиле под элитными курганами; наличие основных детских погребений с металлом под одним курганом). Как известно, в древних обществах возникновение системы наследования приводило к формированию наследственной аристократии, которая в итоге сосредотачивала в своих руках руководство всеми сферами общественной жизни (Куббель, 1988). Можно предположить, что в ямной культуре властные функции, постепенно становясь наследственными, закреплялись у представителей знатных родов и соответственно у харизматического лидера, который в свою очередь мог совмещать различные управленческие функции (хозяйственно-административные, военные, религиозные). В этой связи необходимо отметить такие факты, как появление на развитом этапе самостоятельных некрополей таких супер-лидеров. Это могильники, включающие только крупные курганы, – Утевка I, Болдырево IV, Красносамарское IV, одиночные курганы Шумаево II, Калмыцкая Шишка, Дедуровский Мар.

Вероятно, появление такого типа властных отношений в ямной культуре не случайно и имеет ряд причин. Во-первых, проживание на огромных степных пространствах влияло на появление потребности в регулировании функционирования общественного организма. Во-вторых, кочевой тип экономики ямных племен сам по себе предполагает отношения соперничества и/или сотрудничества за территории, водные ресурсы, а также за производимый продукт – скот или продукцию металлообработки, что требовало регулирования и организации. В-третьих, регулирование общественной и религиозной жизни общины требовало больших управленческих усилий, особенно в строительстве больших сакральных комплексов – курганов и подкурганных конструкций.

В таком случае по отношению к ямному обществу Волго-Уралья наиболее применим термин «раннее комплексное общество». Археологическими критериями таких обществ, по мнению В.М. Массона, являются следующие позиции: 1) специализация производств с выходом на престижные объекты; 2) социальная стратификация, отраженная в образе жизни, от погребальных обрядов до домов и бытовых объектов; 3) наличие крупномасштабной организационной деятельности, выраженной в создании крупных поселений, монументальных культовых центров и экстраординарных погребальных комплексов (Массон, 1991). Все эти признаки в полной мере присущи ямной культуре Волго-Уралья.

Таким образом, в ямной культуре Волго-Уральского междуречья в РБВ происходили достаточно сложные процессы развития общественных отношений. Интенсификация скотоводства и освоение новых меднорудных месторождений явились основополагающими факторами для развития достаточно специфичной социальной структуры. Скотоводческая направленность хозяйства с этого времени прочно вошла в экономику степных регионов, и, несмотря на существенные этнокультурные трансформации катакомбного периода, своеобразие общественного развития в степной зоне, возникшее в ямной культуре, было распространено и на все последующие эпохи.

ГЛАВА 2
ПАМЯТНИКИ ПОЛТАВКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ[1]

Памятники полтавкинской культуры как самостоятельное явление были выделены почти 100 лет назад. Первооткрывателем этого своеобразного явления был саратовский и покровский археолог П.Д. Рау, ученик и соратник П.С. Рыкова (Rau, 1927, 1928, 1929). Он выделял три последовательных периода: ямную ступень, полтавкинскую и более позднюю группу памятников. Важно, что термин «культура» исследователь не использовал. Для П.Д. Рау были равнозначны и синхронны ступень полтавкинская и ступень катакомбная, известная в те годы по памятникам донецкого региона. Со временем стало очевидным, что катакомбные памятники занимают огромную территорию черноморско-каспийских степей. Погребальные комплексы средней бронзы Волго-Уралья, занимая меньшую территорию, количественно уступают и срубным, и катакомбным, составляют сравнительно небольшой процент от всех захоронений (рис. 1). Вместе с тем погребальный обряд чрезвычайно разнообразен и не создает эффект монолитности, столь характерный для срубной культуры. Именно эти два обстоятельства и заставляют периодически обращаться к интерпретации погребений среднего бронзового века. Наиболее убедительные выводы о существовании в среднем бронзовом веке самостоятельной полтавкинской культуры представлены в работах Н.К. Качаловой на основе анализа нижневолжских погребений (Качалова, 1962, с. 35, 36; 1967, с. 19–21). Вместе с тем следует отметить, что отличия полтавкинской культуры от срубной культуры выглядят более рельефно, чем от ямной (рис. 2). Расширение географии исследований позволило установить и основной ареал распространения полтавкинских материалов, занимающий всю территорию Волго-Уральского междуречья. Достаточно обширная географическая зона распространения памятников средней бронзы в комплексе с территориальными особенностями полтавкинских памятников позволили И.Б. Васильеву и Н.К. Качаловой говорить о полтавкинской общности, имеющей четыре локальных варианта культуры: нежневолжский, средневолжский, приуральский и прикаспийский (Васильев, 1979, с. 48, 49; Качалова, 1983). Данная терминология является своеобразным продолжением и развитием таксономических определений, применяемых Н.Я. Мерпертом (1974). Принципиально новым положением в работах авторов является интерпретация термина «общность» как менее обширного, чем понятие «область». Под культурой исследователи понимают локальную группу памятников в пределах конкретной природно-географической зоны. Выделение полтавкинской общности позволило рассматривать памятники эпохи средней бронзы региона как самостоятельную таксономическую единицу, сравнимую с катакомбной общностью (катакомбным кругом культур). Рассмотрение полтавкинских памятников эпохи средней бронзы было продолжено в работах П.Ф. Кузнецова (1989, 1991а). Автор показал взаимосочетание сложных конструкций погребений средней бронзы и плоскодонной посуды, полностью покрытой орнаментом. Анализ деталей погребального обряда позволил автору сделать вывод о единстве выделяемых обрядовых групп. Особенное значение уделено социально значимым особенностям обряда. При этом проблема необычайно большого разнообразия погребального обряда оставалась открытой. На это обращал внимание и Е.П. Мыськов (с. 284). Вместе с тем ранее была выделена группа погребений, которая характеризовалась Н.К. Качаловой и И.Б. Васильевым как позднеполтавкинская (Качалова, 1962, с. 33; Васильев, 1979, с. 47).

Таким образом, для средней бронзы было намечено выделение как минимум двух этапов. Характеристикам развития эпохи средней бронзы посвящен ряд работ В.И. Мельника и М.А. Турецкого (Мельник, 1985; Турецкий, 1990, с. 56–57; 1992, с. 72, 73). Исследователи констатируют наличие двух групп культур. В.И. Мельник именует их как «полтавкинская» и «катакомбная»; М.А. Турецкий соответственно «позднеямная» и «полтавкинская» (связанная своим происхождением с катакомбной). Парадоксальность ситуации заключается в том, что специалисты, исследовавшие более западные, собственно катакомбные па-

[1] Работа выполнена при частичной поддержке Российского научного фонда, проект №18-18-00137

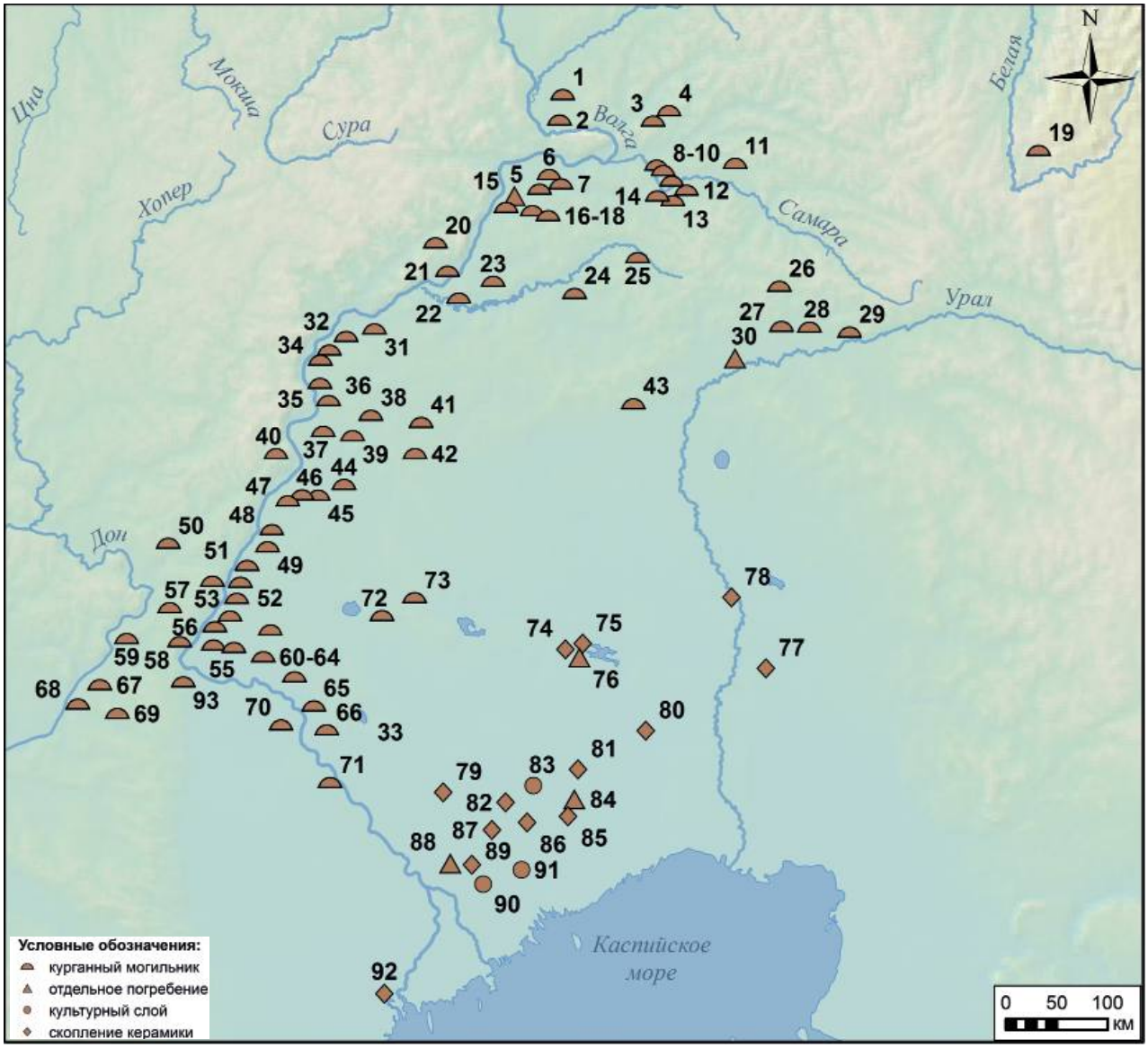


Рис. 1. Памятники полтавкинской культуры

1 – Сускан, 2 – Светлое Озеро; 3 – Лопатинский I; 4 – Потаповский; 5 – Кряжский; 6 – Преполовенка; 7 – Кряжский III; 8–10 – Красносамарские I–IV; 11 – Аверьяновка; 12 – Андреевка; 13 – Покровка; 14 – Утевские I, III, VI; 15 – Кашпирский III; 16 – Давыдовка; 17 – Абашево; 18 – Владимировка; 19 – Мало-Кизильский; 20 – Медянниково; 21 – Ст. Яблонская; 22 – Солнечный; 23 – Надежденский; 24 – Максютово; 25 – Тамбовский; 26 – Медведковский; 27 – Трудовой; 28 – Болдыревский I, II; 29 – Герасимовский; 30 – Дарьинское; 31 – Бородаевка; 32 – Чапаевский; 33 – Сухая Саратовка; 34 – Энгельс; 35 – Терновский; 36 – Ровное; 37 – Иловатка; 38 – Мирное; 39 – Ст. Полтавка; 40 – Усть-Грязнуха; 41 – Питерка; 42 – Новотулка; 43 – Шипово; 44 – Устье р. Ямы; 45 – Бережновка II; 46 – Бережновка I; 47 – Политотдельское; 48 – Быково I, II; 49 – Быковский; 50 – Хутор Авилов; 51 – В. Балыклей; 52 – Хутор Ст. Разина; 53 – Ново-Никольское; 54 – Челюскинец; 55 – Калиновка; 56 – В. Погромное; 57 – Котлубань; 58 – Сухая Мечетка; 59 – Мариновка; 60 – Волжский; 61 – Ср. Ахтуба; 62 – Сайхин; 63 – Ленинск; 64 – Колобовка; 65 – Журов; 66 – Успенка; 67 – Первомайский; 68 – Заливский; 69 – Жутово; 70 – Балкин Хутор; 71 – Кривая Лука; 72 – Красная Деревня; 73 – Эльтон; 74 – Новая Казанка; 75 – Озеро Сайхин; 76 – Мингали; 77 – Тайсойган; 78 – Кулагино; 79 – Куйлюк; 80 – Капкан; 81 – Шонай; 82 – Истай II; 83 – Кок-Мурун; 84 – Кошалак; 85 – Же-Калган; 86 – Кара-Узек; 87 – Тау-Тюбе; 88 – Кара-Худук; 89 – Кулагайси; 90 – Буровая 22; 91 – Кызыл-Хак II; 92 – Джалыково

мятники, выделяют самостоятельную группу погребений, аналогичную поволжской (Братченко, 1976, с. 23; Смирнов, 1996, с. 87–98). Эти захоронения с «елочной» керамикой интерпретируются как полтавкинское влияние.

В дальнейшем изучению памятников эпохи средней бронзы большое внимание уделяли такие исследователи, как А.В. Кияшко, Н.М. Малов, Е.П. Сухорукова, А.А. Филипченко. Они выделяли в Поволжье и Волго-Донском междуречье волго-донскую катакомбную культуру (Кияшко, 1996, 2002, с. 79, 80; Кияшко, Сухорукова, 2011, с. 179; Малов, Филипченко, 1995). Их обобщенная позиция может быть сведена к тому, что полтав-

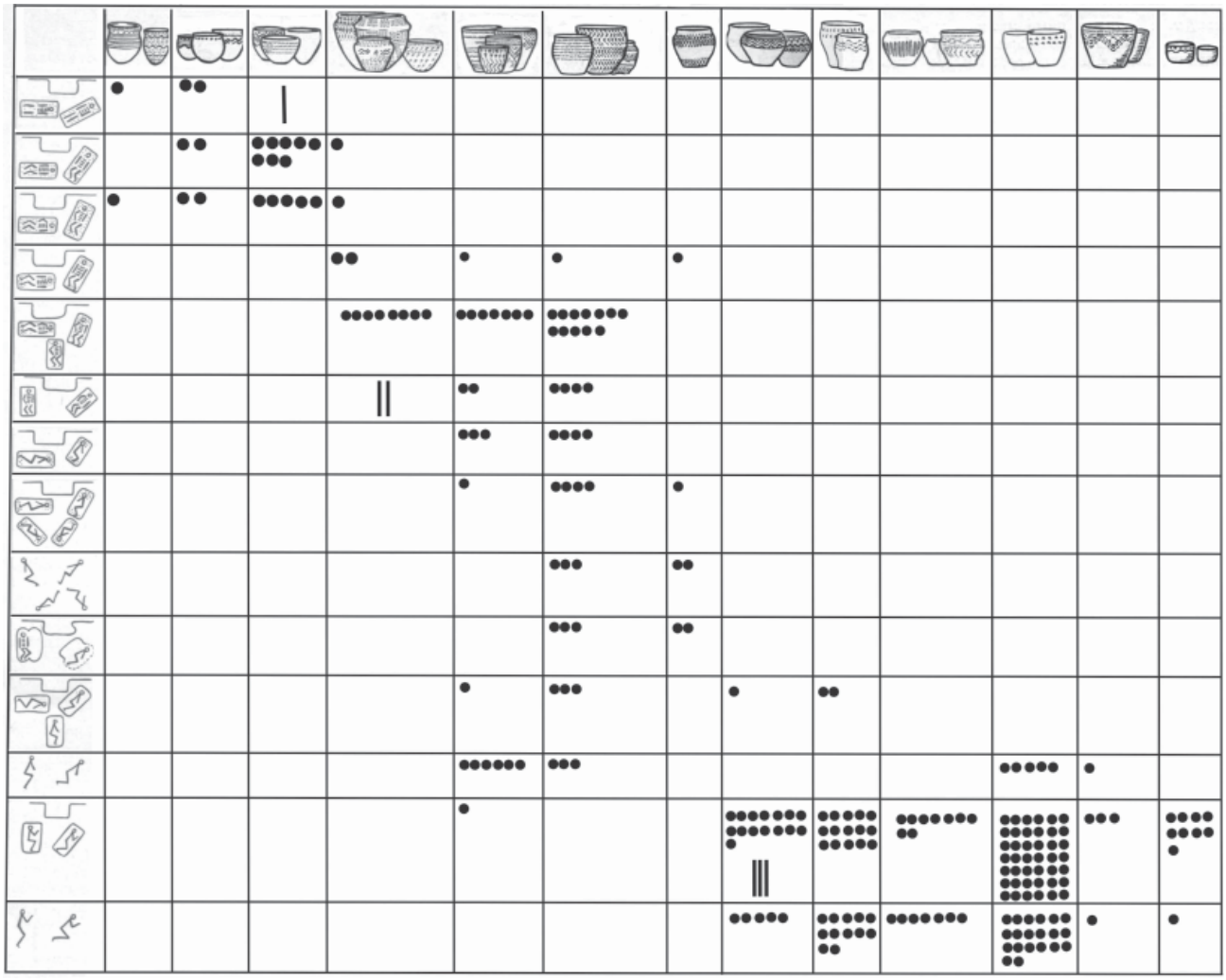


Рис. 2. Корреляционная таблица соотношения типов погребального обряда и керамики, составленная Н.К. Качаловой по 246 погребениям степного Заволжья

I – ямная культура; II – полтавкинская культура; III – срубная культура (по: Качалова, 1967, с. 16, 17)

кинская культура трансформировалась в особую волго-донскую культуру. Наиболее последовательно данная позиция была выражена в работах Е.П. Сухоруковой. Исследователь провела детальное изучение особенностей погребального обряда и инвентаря как полтавкинской, так и волго-донской культур (Сухорукова, 2006; 2007; 2008). В дальнейшем часть комплексов, относимых к волго-донской культуре, Р.А. Мимоход рассматривает в рамках волго-донской бабинской культуры (Мимоход, 2013, с. 174). Исследователь относит данное культурное явление к более позднему времени, фактически к финальному этапу среднего бронзового века.

Благодаря исследованиям К.Ф. Смирнова, Э.А. Федоровой-Давыдовой, а в дальнейшем Н.Л. Моргуновой, С.В. Богданова, В.В. Ткачева изучена группа памятников эпохи средней бронзы в Приуралье (Богданов, 1999, 2004; Моргунова, 1991, 2014; Смирнов, 1965; Смирнов, Федорова-Давыдова, 1964; Ткачев, 2007). Но их интерпретация исследователями последних лет достаточно строго рассматривается в русле концепции продолжения развития ямной культуры. Одним из наиболее последовательных сторонников данного положения является Н.Л. Моргунова. Она именует третий – последний – этап ямной культуры Приуралья «полтавкинским» (Моргунова, 2014, с. 217).

Обобщение результатов работ по исследованию полтавкинской проблематики на основании изучения комплексов Самарского Поволжья было представлено в исследовании раннего и среднего бронзового века (Васильев, Кузнецова, Турецкий, 2000, с. 26–36).

В последнее десятилетие отчетливо возобладало стремление к комплексному и компромиссному подходу в решении проблем культурогенеза различных этапов бронзового века Волго-Уралья (Фоменко, 2016, с. 25, 26).

При подведении итогов многолетнего изучения памятников среднего бронзового века возможно

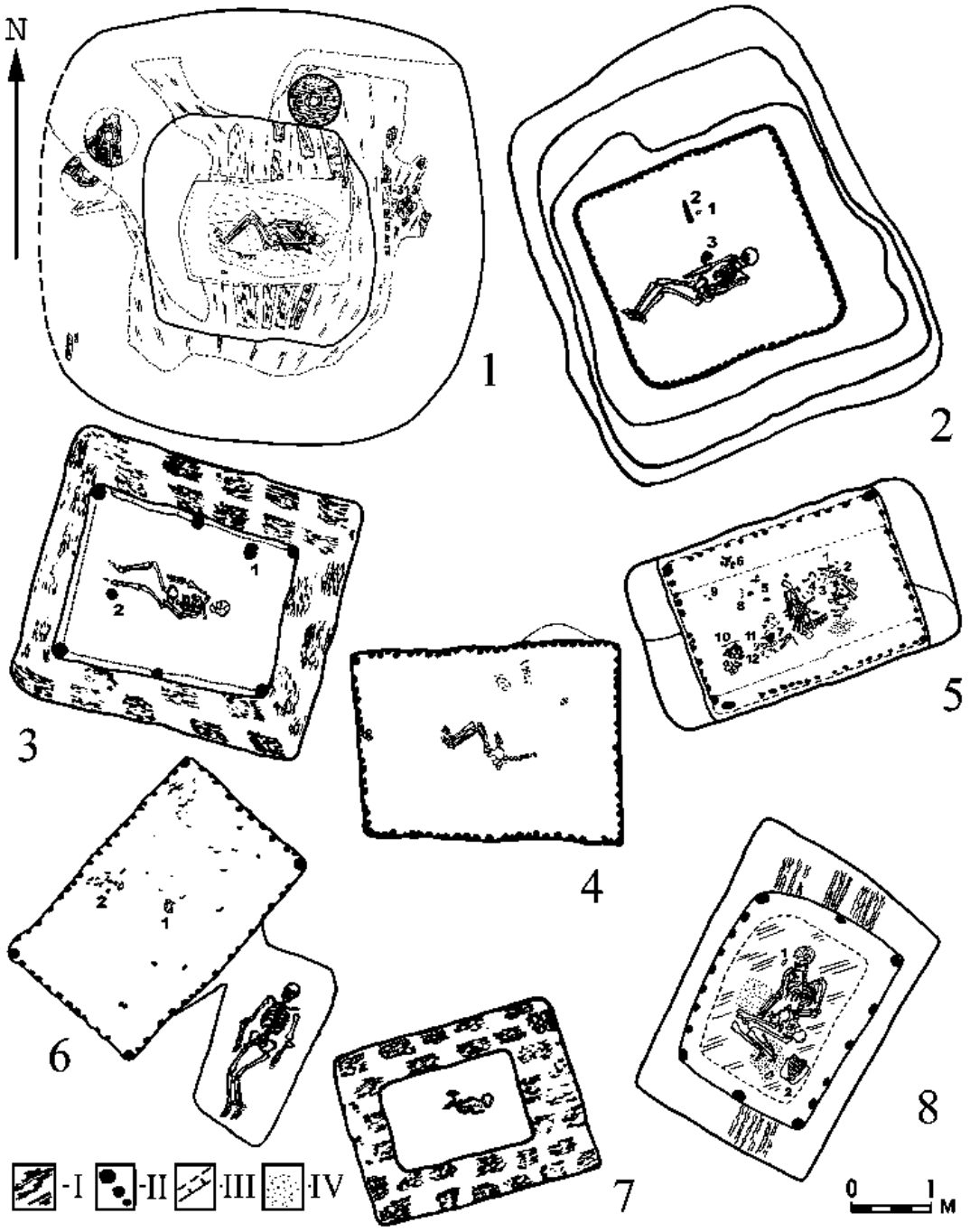


Рис. 3. Погребения Первой обрядовой группы с уступами, канавками, столбовыми ямками и органическим обрамлением из Волго-Уралья

I – органика (камыш, кора, трава); II – столбовые ямки; III – канавки; IV – охра.

1 – Шумаевский II одиночный курган, п. 2 (3 колеса на ступени); 2 – Красносамарское I, к. 1, п. 4 (1 – украшение; 2 – к. жезл-пест; 3 – формованная глина); 3 – Владимировка, к. 4, п. 4 (1, 2 – сосуды); 4 – Утевка I, к. 3, п. 1; 5 – Утевка I, к. 2, п. 1 (1, 11 – шило; 2, 3 – металл. украшения; 4 – к. фигурка; 5 – нож; 6 – кост. «рогатки»; 7 – к. наковаленка; 8, 9 – руда; 10 – штыковидное орудие; 12 – сосуд); 6 – Утевка I, к. 4, п. 1 (1 – фр. черепа; 2 – кости ребенка); 7 – Владимировка, к. 3, п. 1; 8 – Лопатино I, к. 33, п. 1 (1 – мел; 2 – сосуд)

констатировать, что многие проблемы, связанные с интерпретацией памятников эпохи средней бронзы, требуют дальнейшего всестороннего анализа.

В настоящее время достаточно обоснованными представляются следующие положения: 1) погребения со ступенями и уступами, с погребенными на боку хронологически более поздние, чем классические ямные захоронения; 2) в погребениях со ступенями появляется и плоскодонная посуда; 3) существует определенная культурная преемственность эпох на территории Волго-Уралья; 4) ранний период эпохи средней бронзы возможно именовать как ямно-полтавкинский, или ранне-

Рис. 4. Погребения Второй и Третьей обрядовых групп

1 – Усть-Грязнуха, к. Е10, п. 3; 2 – Устье р. Ямы, к. 17, п. 2; Бородаевка, к. 9, п. 6,7; 4 – Ровное, к. Д.37, п. 1; 5 – Бережновка I, к. 5, п. 23; 6 – Бережновка I, к. 3, п. 6; 7 – Бережновка I, к. 3, п. 8; 8 – Политотдельское, к. 2, п. 6; 9 – Быково, к. 21, п. 5; 10 – Максютово, к. 1, п. 1; 11 – Максютово, к. 2, п. 2; 12 – Кряж III, к. 1, п. 4; 13 – Кашпир III, к. 1, п. 1; 14 – Кряж III, к. 1, п. 3; 15 – Преполовенка, к. 9, п. 1; 16 – Кряж III, к. 1, п. 1; 17 – Красносамарское IV, к. 2, п. 2. Номера 5, 11 – III обрядовая группа, остальные – II обрядовая группа

полтавкинский. Интерпретация позднего периода представляется более проблематичной. Вероятно, он является свидетельством отражения сложных взаимосвязей полтавкинского, катакомбного и позднеямного населения более южных и юго-западных территорий.

В настоящее время учтено около 300 погребений среднего бронзового века в степной и в южной части лесостепной зоны Волго-Уралья. Большая их часть относится к полтавкинской культуре либо к полтавкинскому этапу позднеямной. На основе их анализа выделено шесть обрядовых подкурганных погребений. Они отражают специфическую особенность полтавкинской культуры, имеющей региональные отличия. Собственно погребальный обряд представляет совокупность ритуальных действий и материальных элементов археологической культуры (Алекшин, 1986, с. 6).

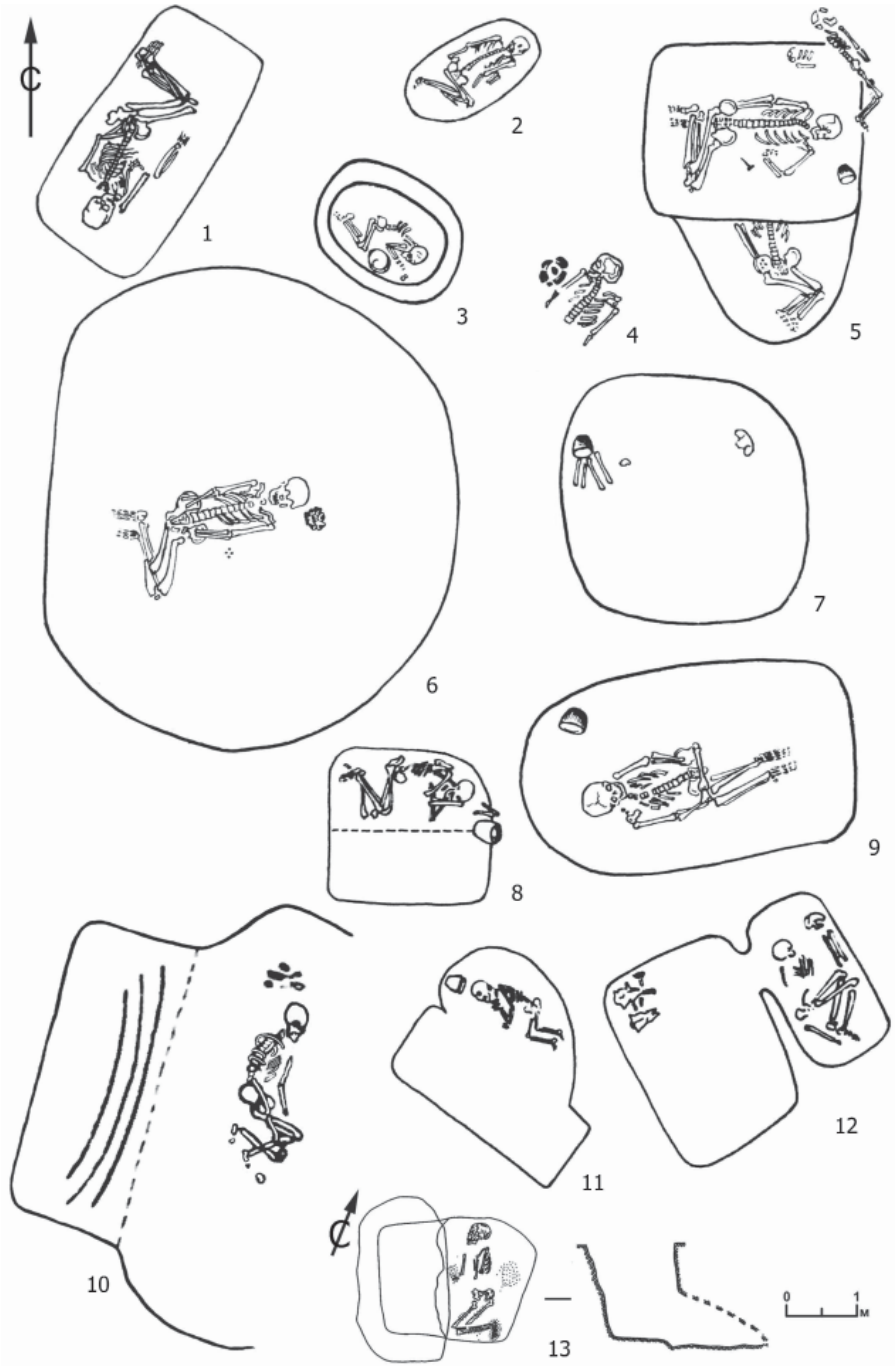


Рис. 5. Погребения Третьей – Шестой обрядовых групп

1 – Политотдельское, к. 10, п. 6; 2 – Политотдельское, к. 4, п. 27; 3 – Волжский, к. 2, п. 10; 4 – Волжский, к. 2, п. 17; 5 – Волжский, к. 2, п. 15, 19; 6 – Красная Деревня, к. 15, п. 10; 7 – Красная Деревня, к. 13, п. 1; 8 – Бережновка I, к. 4, п. 3; 9 – Эльтон, к. 7, п. 1; 10 – Бережновка II, к. 80, п. 16; 11 – Бережновка I, к. 5, п. 26; 12 – Ст. Полтавка, к. Б.26, п. 5; 13 – Красносамарское IV, к. 2, п. 3. Номера 5б, 6, 7, 9 – III обрядовая группа; 3, 4, 5 – IV обрядовая группа; 1, 2 – V обрядовая группа; 8, 10–13 – VI обрядовая группа

Погребения первой обрядовой группы являются экстраординарными (рис. 3). Исследовано 17 погребений. Это: мог. Болдыревский I, к. 1, п. 1; мог. Владимировка, к. 3, п. 1; мог. Красносамарский I, к. 1, п. 1, п. 4; мог. Красносамарский I, к. 2, п. 1; мог. Кряж III, к. 1, п. 2; мог. Новотулка, к. 1, п. 4; мог. Светлое Озеро, к. 2, п. 1; мог. Солнечный, к. 1, п. 1; мог. Утевский I, к. 1, п. 1, к. 2, п. 1, к. 3, п. 1, к. 4, п. 1; Шумаевский II одиночный курган, п. 2. Они являются одиночными и перекрыты насыпями огромных размеров. Их диаметр составляет от 44 м и до 110 м, высота от 1,5 м и до 3 м. Только для погребений данной группы характерны крупные по площади и по глубине могильные ямы. Длина ям варьирует от 3 м до 5,5 м, ширина 3–4,5 м. Глубина ям в материке достигала 2,74 м. Характерная особенность погребального обряда I группы – сложная конструкция могильных ям и их

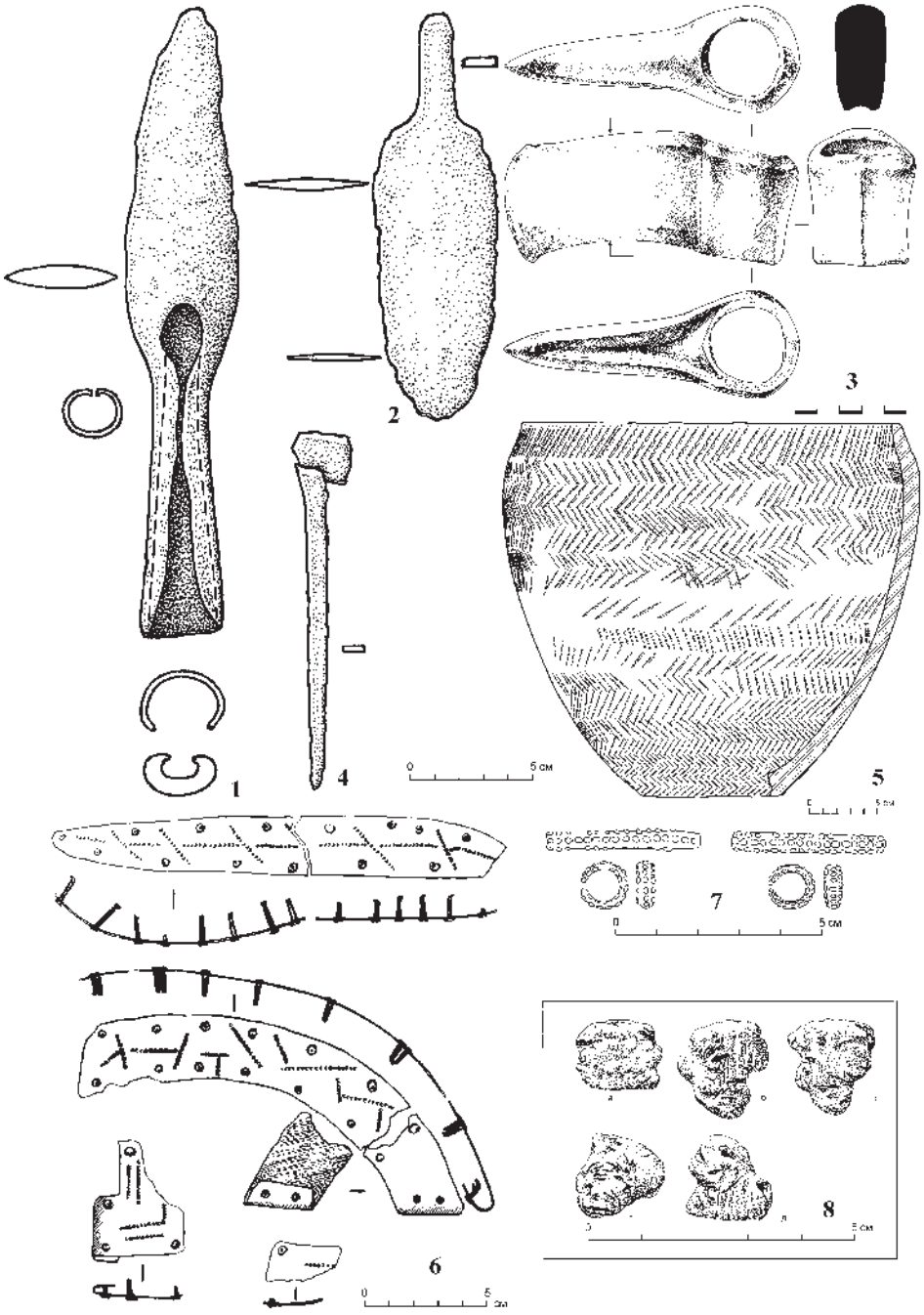


Рис. 6. Инвентарь погребений экстраординарной Первой обрядовой группы

1 – Болдырево, к. 1, п. 1; 2, 8 – Утевка I, к. 2, п. 1; 3, 4, 5, 7 – Утевка I, к. 1, п. 1; 6 – Солнечный, к. 1, п. 1. 1 – наконечник копья (рис. О.В. Кузьминой); 2 – нож-кинжал; 3 – топор утевского типа; 4 – медный стилет с железным навершием; 6 – металлическая обкладка деревянной чаши (рис. автора); 7 – золотые подвески с орнаментом (вероятно, литьё по восковой модели); 8 – бусина с орнаментом, сделана из шлака. 2, 4, 5, 7, 8 – по: Васильев, 2015

внутреннее оформление. Зафиксированы ступеньки вдоль двух или широкие уступы вдоль четырех сторон могильной ямы. Здесь же прослеживаются прослойки сгоревшей или истлевшей древесной коры; остатки деревянного перекрытия; обкладка стен могильной ямы или их обивка вертикально поставленными колышками, наличие столбовых ям в углах или по центру длинных сторон могильной ямы; канавки вдоль стенок шириной до 13 см, глубиной 5–6 см. Во многих могилах имелось несколько элементов сложных конструкций: уступы – колышки – деревянное перекрытие – канавки; деревянное перекрытие – колышки – канавки; уступы и деревянное перекрытие. Погребенные лежали на подстилке из бересты, камыша или травы, иногда имеют органическое перекрытие, напоминающее покрывало. Дно могильной ямы посыпано охрой, костяки также окрашены охрой. В погребениях этой группы зафиксировано наличие следов огня. Создается впечатление, что огню пре-

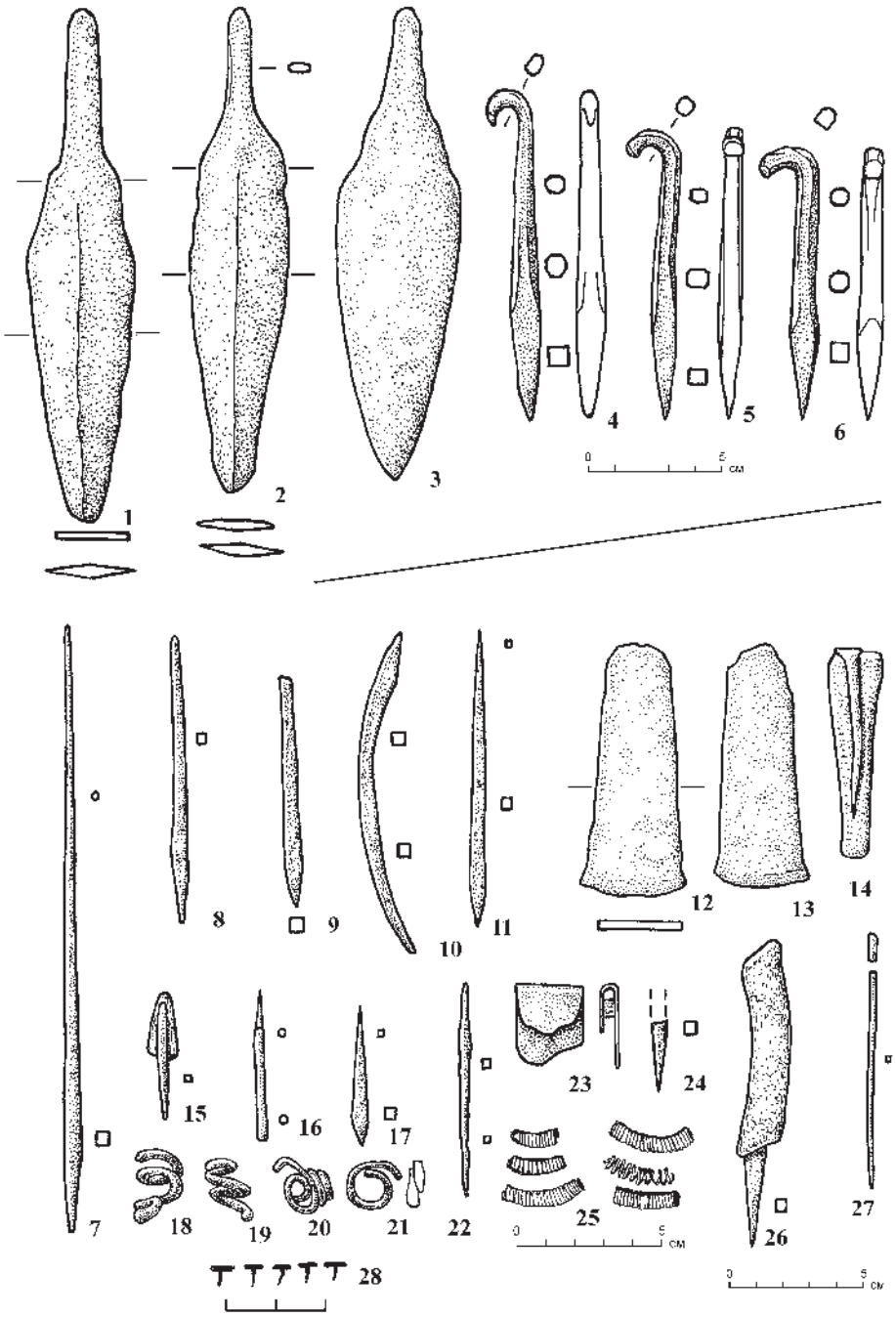


Рис. 7. Металлический инвентарь погребений полтавкинской культуры

1 – Преполовенка, к. 9, п. 1; 2, 4 – Потаповка, к. 2, п. 1; 3 – Кашпир III, к. 1, п. 1; 5, 6 – Потаповка, к. 3, к. 5; 7, 16, 25 – Утевка I, к. 2, п. 1; 8 – Утевка I, к. 1, п. 1; 9 – Питерка II, к. 1, п. 8; 10 – Максютово, к. 2, п. 2; 11 – Преполовенка, к. 9, п. 1; 12 – Утевка I, к. 1, п. 1; 13,14 – Хутор Ст. Разина, к. 4, п. 6; 15 – Бережновка I, к. 3, п. 6; 17 – Кашпир III, к. 1, п. 1; 18, 19, 20 – Бережновка I, к. 32, п. 5; 21 – Политодельское, к. 19, п. 6; 22 – Преполовенка, к. 9, п. 1; 23 – Бережновка II, к. 29, п. 3; 24,28 – Красносамарское I, к. 1, п. 4; 26 – Красносамарское I, к. 2, п. 1; 27 – Питерка II, к. 1, п. 7. 1–3 – ножи полтавкинского типа; 4–6 – штыковидные изделия с крюком; 7 – стилет; 8–11, 15–17, 22, 24, 27– шилья; 12, 13 – тесла; 14 – орудие со свернутой втулкой; 25 – серебро или биллон

давались непосредственно внутримогильные конструкции, сооруженные из вертикально поставленных столбов, жердей, камыша и коры. Засыпка могильной ямы осуществлялась еще до полного прогорания всех органических конструкций. Следов огня непосредственно на костях погребенного не зафиксировано. Большинство погребенных уложены на правом боку либо на спине, но с разворотом вправо. Ямно-полтавкинское захоронение – п. 1 к. 1 мог. Утевка I – совершено по обряду вторичного, т. к. в могиле были лишь длинные кости рук и ног, а также череп (Васильев, 2015, с. 5).

Особенностью погребений первой обрядовой группы является наличие большого количества

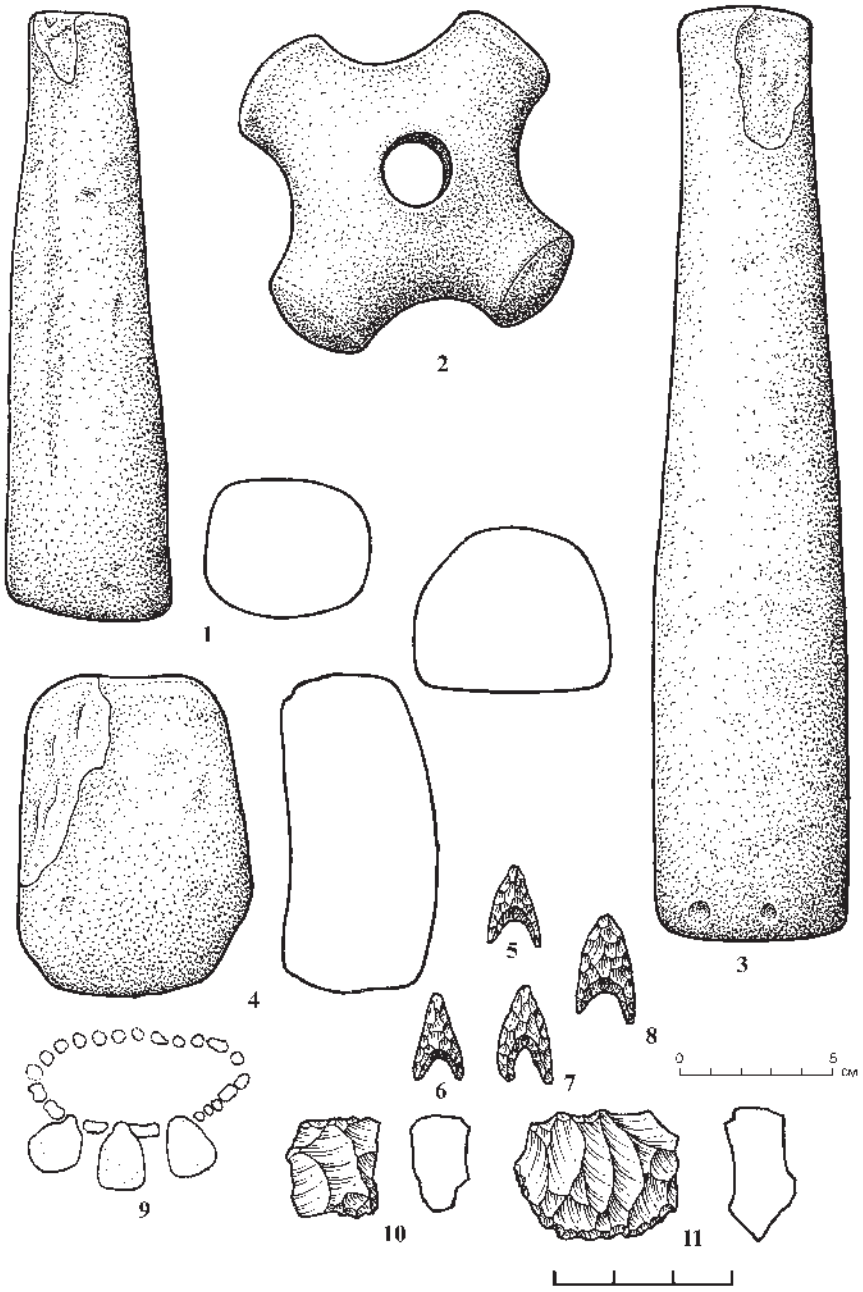
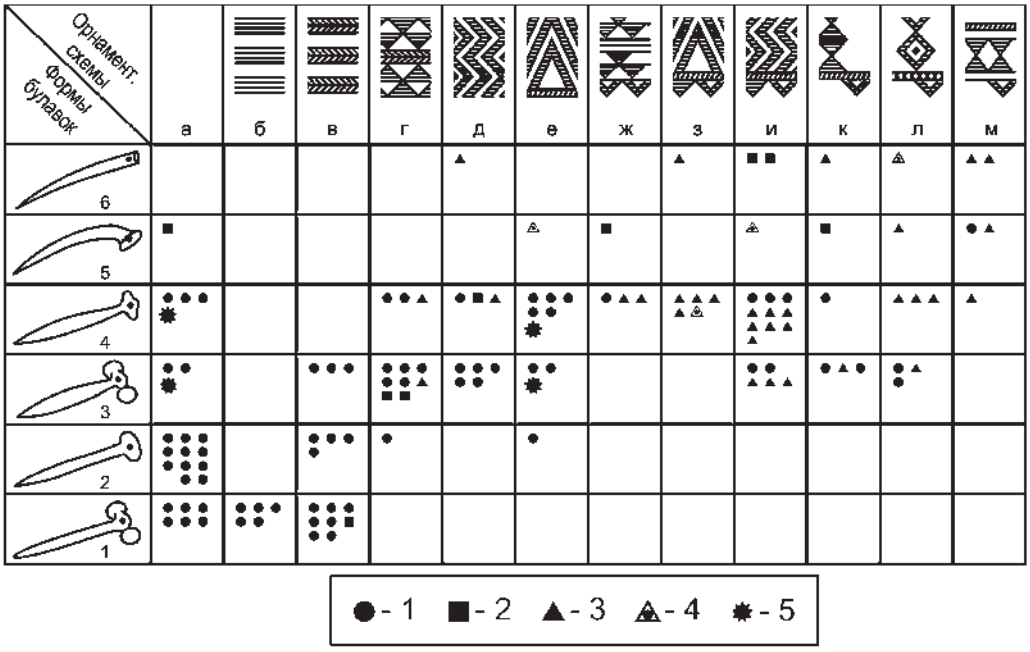


Рис. 8. Каменный инвентарь погребений полтавкинской культуры
1 – Красносамарское I, к. 1, п. 1; 2 – Хутор Ст. Разина, к. 4, п. 6; 3 – Утевка I, к. 1, п. 1; 4 – Утевка I, к. 2, п. 1; 5 – Бережновка II, к. 29, п. 3; 6–8 – Бережновка I, к. 2, п. 9; 10 – Новотулка, к. 1, п. 4; 11 – Волжский, к. 2, п. 15

разнообразного металлического и каменного инвентаря. Это копье, топор, черенковые ножи, шилья, штыковидное изделие, тесло, уникальные золотые подвески, серебренные спирали, металлические обкладки с пуансонным орнаментом, изделия из железа, каменные жезлы-песты усеченно-конической формы (рис. 6; 8: 1, 3).

Все погребения первой группы исследованы в северной части степной зоны Волго-Уральского междуречья.

Вторая группа погребений (рис. 4: 1, 17). Учтено более 60 погребений. Основанием для выделения этой группы послужило сочетание в каждом погребении признаков, характеризующих оформление могильной ямы, окрашенность погребенных охрой, преобладание наличия инвентаря. Все курганы, в которых погребения II группы являются основными, были небольшими по размерам. Только под насыпью десяти курганов имелись кольцевые ровики. Погребения II группы содер-



1-новотиторовские и ямные комплексы; 2-северокавказские комплексы;
3-катакомбные комплексы (в катакомбах); 4-катакомбные комплексы (в ямах);
5-полтавкинские комплексы

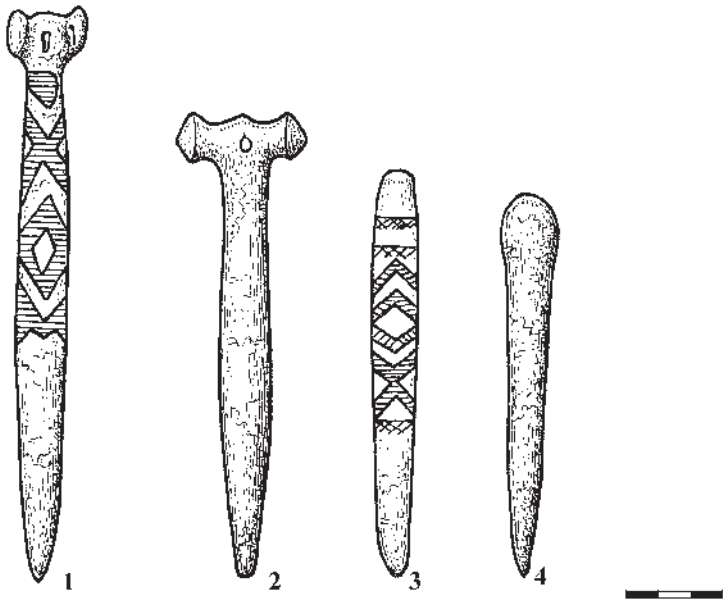


Рис. 9. Таблица взаимовстречаемости форм и орнаментальных схем
на костяных (роговых) булавках Предкавказья (по: Гей, 2000) и на полтавкинских булавках Поволжья
1 – Бородаевка, к. 9 п. 6; 2 – Волжский, к. 2, п. 19; 3, 4 – Новотулка, к. 1, п. 4

жат гораздо меньшее число сложных элементов оформления могильной ямы погребений, чем погребения I группы. Преобладающими становятся могильные ямы средних размеров и ямы небольших размеров. Зафиксированы отдельные признаки внутримогильных сооружений, но их сочетание в одном погребении отсутствует. Более 60% погребений имели деревянные перекрытия. Часто умерший лежал на подстилке из органических веществ, иногда обкладывался сверху корой. Дно могильных ям было посыпано охрой, однако посыпка самого костяка охрой менее обильна, чем в погребениях I группы. Охра локализуется на черепе и на костях ног. Около 25% погребений имеют следы огня. Большинство умерших лежало спине с завалившимися ногами, и меньшая часть – на боку (на правом – 7, на левом – 13). Ориентированы погребенные головой на СВ и В. Не наблюдается какой-либо стабильности и в положении рук. У большинства погребенных одна рука согнута, а другая вытянута. Погребальный инвентарь присутствовал в 43 погребениях и располагался глав-

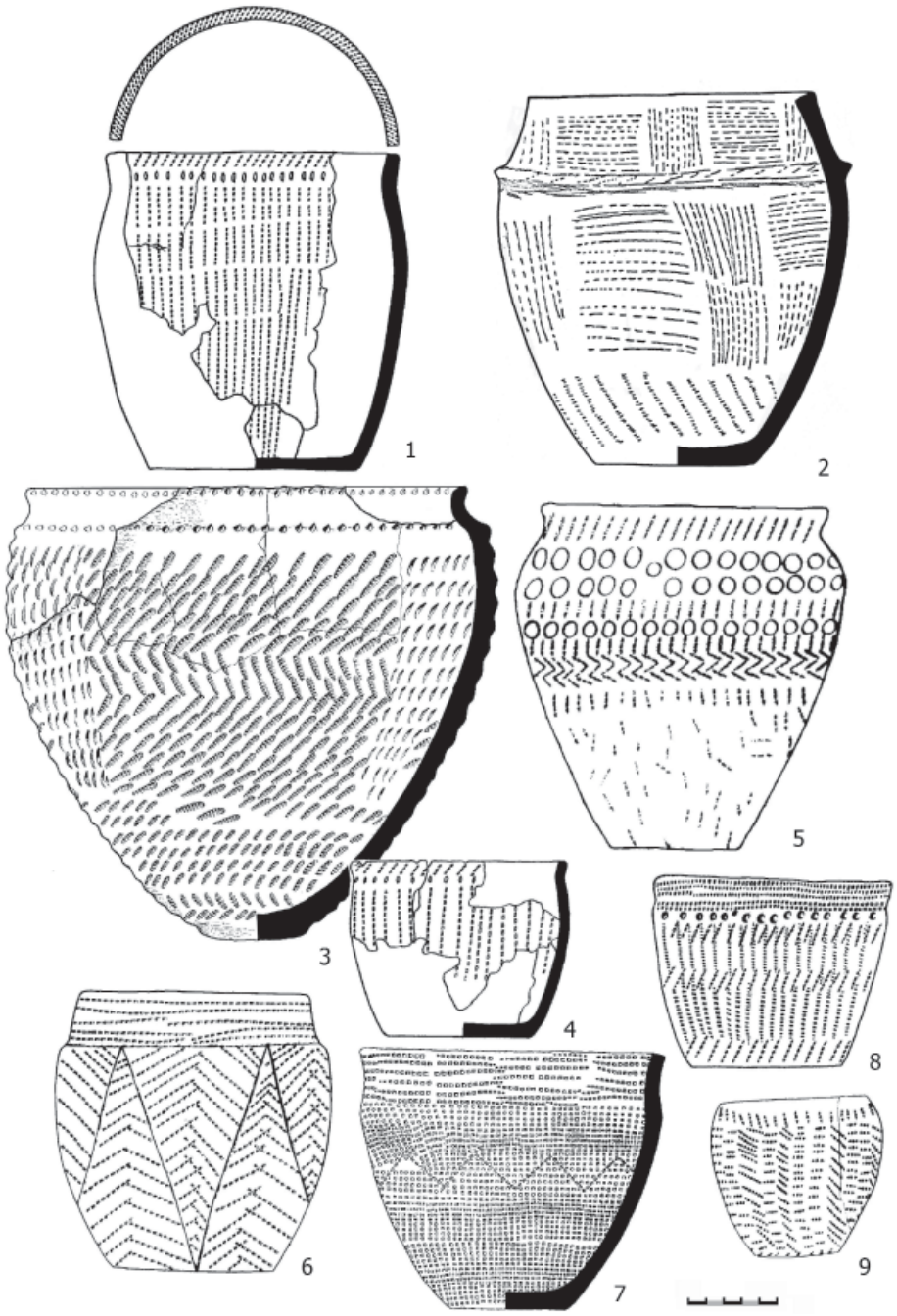


Рис. 10. Полтавкинская керамика раннего облика

1 – Лопатино I, к. 33, п. 1; 2 – Мирный, к. 6, п. 12; 3 – Гвардейцы II, к. 1, п. 6; 4 – Грачевка I, к. 2, п. 1; 5 – Светлое Озеро, к. 3, п. 1; 6 – Утевка I, к. 2, п. 1; 7 – Кутулук III, к. 1, п. 3; 8 – УтевкаVI, к. 1, п. 1; 9 – Владимировка, к. 4, п. 4

ным образом у черепа (26 погребений) и рук (11 погребений), реже ног (9 погребений). Часто инвентарь находился у головы и рук, у головы и ног погребенного, а иногда у всех трех частей тела.

К третьей группе относится 57 погребений (рис. 4: 5, 11; 5: 5б, 6, 7, 9). Отличительной чертой данной группы является соотношение признаков, характеризующих окрашенность костяка охрой и наличие инвентаря в погребении. Погребения III группы обнаружены в небольших по размерам курганах, являющихся либо основными, либо впускными в курганы ямного времени. Могильные ямы мелкие, прямоугольной формы (признак № 7). Положение погребенных – скорченно на спине (37 погребений), скорченно на левом или правом боку (соответственно 10 и 8 погребений). Так же, как и в погребениях первой и второй обрядовых групп, нет строго установленного положения рук. Совпадают ориентировка длинными сторонами могильной ямы и ориентировка костяка. Преобладающей является ориентация погребенного в северо-восточный сектор.

Из основных блоков признаков III группы определяющими являются частичная окраска охрой погребенного и наличие инвентаря, который расположен у черепа.

К четвертой обрядовой группе отнесено 55 захоронений (рис. 5: 3, 4, 5а). Большинство погребений этой группы были либо впущены в курганы более раннего времени, либо не являлись основными под насыпью курганов полтавкинского времени. Основной отличительной особенностью погребений является наличие инвентаря. С погребениями III группы эта группа сближается простым устройством могильных ям, отсутствием признаков внутреннего оформления могильной ямы. Также нехарактерно для данной группы наличие следов огня. Отдельные угли зафиксированы только в засыпи могильной ямы четырех погребений. Положение погребенных различное: 16 – на спине, 10 – на правом боку, 24 – на левом. Ориентировка костяков так же неустойчива, но явно преобладает направление в СВ сектор (21 погребение). Вместе с тем довольно большое число погребений ориентировано в южную половину – 10 погребений (признак – I № 33, 34, 35).

Погребения имели разнообразный сопровождающий инвентарь (кроме разрушенных и частично ограбленных). В 28 погребениях он расположен у черепа, в 8 – у рук, в 9 – у ног. В тринадцати погребениях были обнаружены кости животных.

Пятая обрядовая группа (рис. 5: 1, 2). Ее отличительной особенностью является практически полное отсутствие признаков, характеризующих внутримогильное сооружение, оформление могильной ямы, окрашенность погребенного, наличие сопровождающего инвентаря. Погребения этой обрядовой группы основными в кургане не являются. Зафиксированы под насыпями небольших размеров. Всего учтено 28 погребений. Могильные ямы мелкие, прямоугольной формы, иногда – овальной, ориентированные чаще по линии СВ – ЮЗ (12 погребений). Число остальных ориентировок одинаково – по три наблюдения для каждого признака. Половина всех погребенных были уложены на левом боку. Четверо погребенных были на правом боку, восемь – на спине. Нет строгой фиксации и в положении рук. Из 28 погребенных группы V у 16 одна рука вытянута, другая согнута в локте, у 3 – вытянуты вдоль туловища. Четверо имели руки, согнутые в локте с кистями у таза, и три имели обе согнутые, кисти у лица. Весьма разнообразны и ориентировки погребенных. При этом следует отметить несовпадение ориентировок длинных стенок ям и костяков в некоторых погребениях этой группы. Десять погребений этой группы имели кости животных.

Шестая обрядовая группа (рис. 5: 8, 10–13) объединяет погребения в подбоях. В настоящее время на территории Волго-Уралья известно около 20 погребений в подбоях. Необходимо учитывать наличие столь специфичного признака, который при более детальном изучении этих погребений несомненно должен рассматриваться как блок признаков, детально описывающих погребальную нишу, сооруженную в боковой стенке ямы. В результате мы имеем 9 погребений в боях и с инвентарем у черепа. Подбой устраивался вдоль длинной стенки могильной ямы, в четырех случаях имелась ступенька. Могильные ямы в основном мелкие, прямоугольные и овальной формы. Три погребения имели подстилку на дне ямы. Большинство погребенных лежало на левом боку, головой ориентированы на северо-восток. Следует отметить, что шестая обрядовая группа сравнительно небольшая по количеству входящих в нее погребений. По простоте устройства могильных ям, отсутствию основных признаков их оформления либо выраженным следам применения огня эта группа в целом близка погребениям III и IV обрядовых групп.

Наличие погребений в подбоях периодически рассматривается как базовый показатель для выделения в Поволжье особой катакомбной культуры. Но и количественно, и качественно эти комплексы не имеют всего комплекса признаков самодостаточной культуры. Нет собственно ни одной катакомбы, которая отделена от входной шахты. Без такого отделения, или дромоса, все эти погребения – подбойные. Нет разнообразия поз погребенных, нет специфических катакомбных ориентировок. Отсутствуют и характерные катакомбные жертвенники животных. Сопровождающий инвентарь – керамика – имеет минимальное сходство с катакомбной. Наличие подбойных погребений скорее свидетельствует о катакомбном влиянии, чем о непосредственном распространении. Вероятно, правы те исследователи, которые выделяют волго-донскую культуру, сформировавшуюся на базе культуры полтавкинской под влиянием катакомбной. При этом ареал распространения волго-донской культуры оказывается несколько западнее, чем ареал культуры полтавкинской. Представляется, что река Волга было объективным рубежом – восточной границей распространения катакомбной культуры.

Погребальный инвентарь полтавкинской культуры выполнен из металла, камня, кости и глины. При характеристике металлического инвентаря здесь приводятся ссылки на номера спектральных анализов, выполненных в лаборатории естественно-научных методов ИА РАН (заведующий Е.Н. Черных).

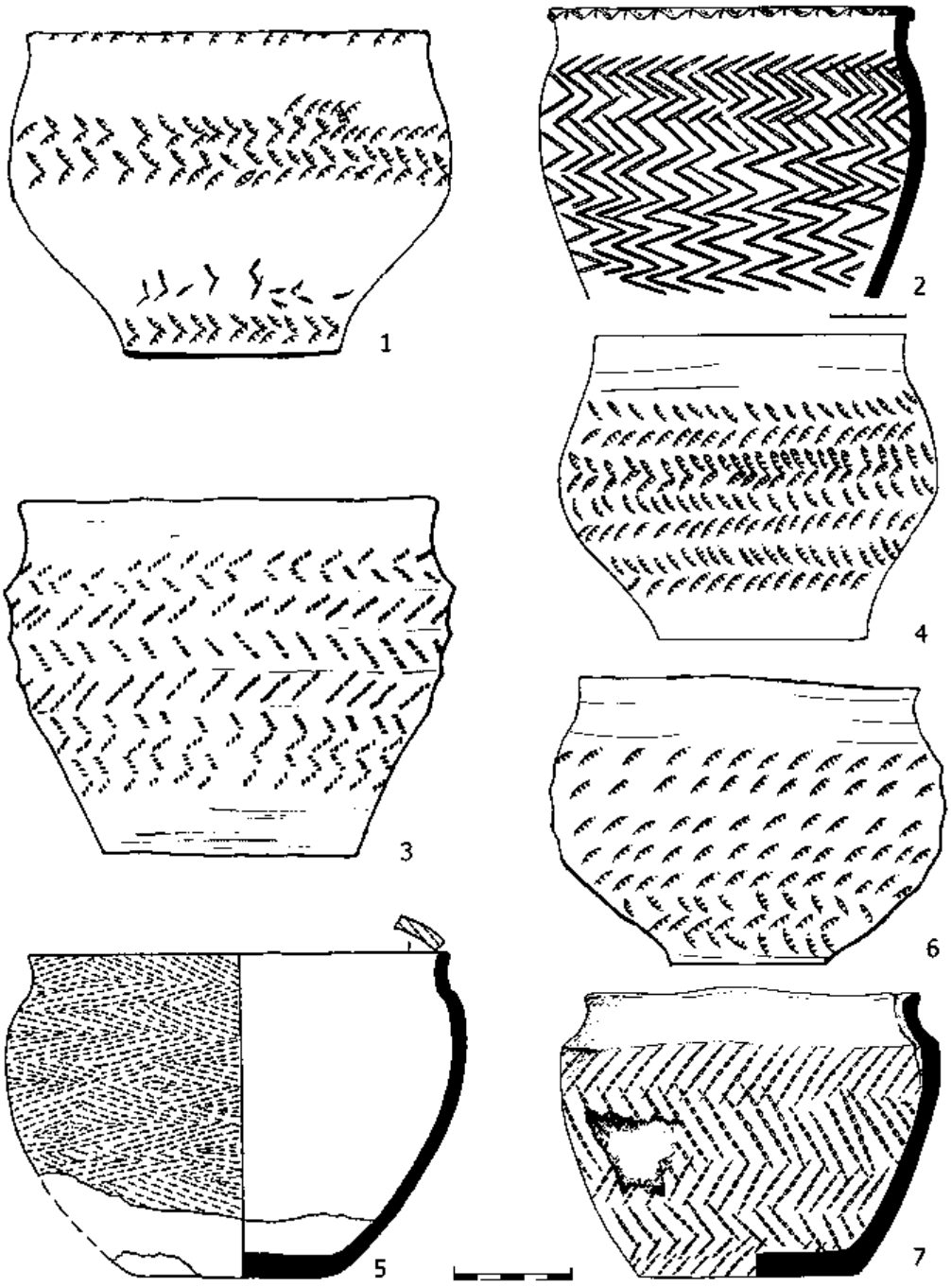


Рис. 11. Полтавкинская керамика позднего облика

1 – Покровка I, к. 1, п. 2; 2 – Николаевка III, к. 3, п. 1; 3 – Абашево II, к. 2, п. 5; 4 – Абашево II, к. 2, п. 3; 5 – Гвардейцы II, к. 2, п. 2; 6 – Покровка I, к. 4, п. 1; 7 – Гвардейцы II, к. 1, п. 3

Металлические изделия имеют три экстраординарные категории: топоры (рис. 6: 3), копье (рис. 6: 1) и биметаллические изделия (рис. 6: 4). В настоящее время выделены топоры утевского типа начала среднего бронзового века (Кузнецов, Кузьминых, 2006). Впервые такой топор был найден в Утевке I, к. I, п. 1. Отлит в двусторонней форме, открытой для заливки металла с «брюшка» топора. Отлит из металлургически «чистой» меди. Уже в первых публикациях утевский топор был морфологически сопоставлен с рядом поволжских орудий из числа случайных находок (Васильев, 1980, с. 49; Кореневский, 1977, с. 45; 1980, с. 59; Черных, 1977, с. 36; Chernykh, 1992, pp. 88–90). Это орудия из д. Курмашево Апастовского р-на Республики Татарстана, урочища Труевская Маза Вольского р-на и с. Краснополье Саратовской области, г. Актюбинска, д. Плотниково Каменского р-на Алтайского края. В 1987 г. добавились две находки из погребальных комплексов – могильники Тамар-Уткуль VII, к. 8, п. 4, и Тамар-Уткуль VIII, к. 4, п. 1, на левобере-

жье Илека в Оренбуржье. Типологическая особенность топоров утевского типа заключается в том, что клин у них сужался к лезвию. Вторая конструктивная особенность топора – скошенность лезвия по отношению к обуху, в результате чего точка перегиба спинки орудия максимально приближена к передней стенке втулки. Первая конструктивная деталь позволяла существенно экономить металл без ущерба для функциональной нагрузки, вторая (связанная с первой) способствовала усилению рубящего эффекта. Сравнение морфологических особенностей топоров эпохи бронзы степной зоны Восточной Европы позволяет сделать вывод о том, что топоры утевского типа являются опосредованной модификацией новосвободненских топоров группы 2.

Наконечник копья найден в п. 1 к. 1 мог. Болдырево из Приуралья. Наконечник имеет листовидную форму пера, несомкнутую втулку с двумя отверстиями. Орнамент на втулке и ребро жесткости отсутствует. Аналогичные копья известны из памятников балановской культуры (Бадер, Халиков, 1987, с. 80). Подобные изделия в довольно большом количестве обнаружены в пределах лесостепной зоны – три из Верхнего и Среднего Подонья, три из Приуралья, еще один из Среднего Поволжья (Пряхин, 1976, с. 135–138). Болдыревский наконечник изготовлен из химически чистой меди (ан. № 35743).

Ножи. Являются одной из самых многочисленных категорий металлического погребального инвентаря. Учтено 23 экземпляра. Все ножи простые, двулезвийные и подразделяются на шесть типов:

1) массивные ножи с выделенным, подпрямоугольным в сечении череном, имеющим длину, равную или большую, чем ширина лезвия. Учтено 5 экземпляров. Все про анализированные предметы изготовлены из химически чистой меди (ан. № 13225; 13696);

2) ножи с выделенным коротким черенком, имеющим овальное сечение и листовидную форму лезвия. Учтено три экземпляра. Проанализированный нож из п. 3 к. 10 Болдыревского могильника оказался изготовленным из металла с содержанием мышьяка до 4% (ан. № 35739). Возможно, он был изготовлен из импортного кавказского металла;

3) ножи с выраженным череном, подпрямоугольной пяткой и плавным переходом к лезвию. Учтено три экземпляра;

4) ножи данного типа обычно рассматривались совместно с катакомбными. Черняков Н.Г. и Никитин В.Н. определили, что в данной группе вырисовывается не менее четырех типов (Черняков, Никитин, 1984, с. 134–145). В данной работе мы предлагаем выделить отдельный тип. Это ножи с узким лезвием, ширина которых составляет около 0,3 длины клинка. Черен при переходе к лезвию имеет короткий уступчик и округлую пятку. Учтено 4 ножа (рис 6: 2; 7: 1–3). Из них три в лесостепном Поволжье и один – в степном (Хутор Ст. Разина, к. 4, п. 6);

5) ножи с перехватом и уплощенной пяткой черена. В погребальных комплексах Волго-Уралья обнаружено лишь два экземпляра, в погребении № 8 кург. № 7 мог. Питерки II на р. М. Узень и в могильнике Усть-Грязнуха (к. Е-10, п. 3) в степном Поволжье. Последний нож проанализирован, изготовлен из мышьяковистой меди (ан. № 467);

6) ножи с перехватом и подовальной пяткой черена. Учтено пять экземпляров. Из них 4 обнаружено в погребениях степного Поволжья. Один экземпляр (п. 1 к. I мог. Болдырево) относится к данной группе условно, т. к. имеет выемку лишь с одной стороны, а по своей массивности близок к ножам Н-3. Необычен нож из п. 2 к. 15 мог. Быково I, т. к. имеет ярко выраженное ребро жесткости. Два ножа спектрально проанализированы: из п. 2 к. № 2 мог. Максютово и из Болдырева. Оба изготовлены из химически чистой меди (ан. № 472, № 35741).

Проколки и шилья (рис. 7: 8–11, 15–17, 22, 26, 27). Изделия небольшой длины – до трех-пяти сантиметров – по форме сечения разделены на два типа. 1) Проколки и шилья, имеющие подпрямоугольное сечение. Учтено 17 экземпляров. Из них 5 проанализировано. Один предмет – из Усть-Грязнухи – изготовлен из мышьяковистой меди (ан. № 466). Прочие с территории Среднего Поволжья относятся к металлу химически чистой меди. 2) Изделия, имеющие округлое сечение. Учтено одно изделие из погр. I кург. 2 мог. Утевка I.

Крюки. Известны два экземпляра, обнаруженные в курганах Нижнего Поволжья (Быково I, к. 21, п. 7; Калиновка, к. 55, п. 13). Оба изделия имеют приостренное жало. Петля и бородок отсутствуют.

Штыковидные орудия (рис. 7: 4–6). Находки данной категории имеют длину от 7 до 24 см. Разделены на три типа. 1) Прямое штыковидное изделие. Имеет вид стилета. Сечение подпрямоугольное. Обнаружен единственный экземпляр (п. I к. I Утевки I) (рис. 6: 4). Имел навершине из железа. Предмет изготовлен из чистой меди (ан. № 13223). 2) Штыковидные изделия, имеющие подквадратное сечение. Имеют форму стилета. Обнаружено 5 экземпляров: в п. 1 кург. 2 Утевского I могильника, один предмет – из п. 2 кург. 2 мог. Максютово. Два предмета обнаружены в п. I к. I мог. Болдырево из Приуралья. Одно изделие формы 2 известно из погр. 8 кург. I мог. Питерка II. Два спектраль-

но исследованных предмета из Утевки и из Болдырева относятся к химически чистой меди (ан. № 13227, 13693, 35741). 3) Штыковидные изделия с усложненным сечением и крюком на конце. Три предмета формы обнаружены только в Потаповском могильнике (рис. 7: 4–6). Все они изготовлены из меди без примесей.

Тесла. Разделены на три типа (рис. 7: 12, 13). 1) Тесла трапециевидной формы, имеющие широкую лезвийную часть. По своим пропорциям они близки новосвободненским. Учтено три экземпляра. Два обнаружены в Нижнем Поволжье (Бородаевка, п. 6, п. 9; Ровное, п. 1, к. Д 37), один – из п. 1 кург. I Утевского I мог. Изготовлен из меди без примесей (ан. № 13226). 2) Тесла, имеющие вытянутые пропорции, расширяющееся лезвие и почти параллельные грани. В статистической обработке учтен один экземпляр – хут. Ст. Разина, к. 3, п. 3. В статистическую обработку не вошло тесло из погр. 2 в насыпи к. I Утевского I мог. Данное погребение относится к постполтавкинскому времени. 3) Тесла-долота со свернутой втулкой (рис. 7: 14). Учтено две находки: хут. Ст. Разина, к. 4, п. 6; Болдырево I, к. I, п. I. В Болдыревский экземпляр был вставлен железный стержень, имеющий сработанный внешний вид – расплющенная верхняя часть стержня и загнутая нижняя рабочая часть.

Украшения из металла. Подвески. Наиболее распространенный вид полтавкинских украшений. Подвески, пожалуй, единственная категория, которая использовалась для оформления одеяния, а также для украшения головного убранства погребенных. Об этом свидетельствует тот факт, что подвески обнаружены непосредственно при костяке либо у черепа. Подвески подразделяются на два основных типа. 1) Подвески в полтора оборота, изготовленные из раскованного прутка, имеющие подпрямоугольное сечение (рис. 7: 21). Все подвески обнаружены только на территории степного Нижнего Поволжья. Учтено 5 экземпляров. 2) Подвески, имеющие более двух с половиной оборотов (рис. 7: 18–20). Изготовлены из округлого в сечении прута. Учтено 3 экземпляра, также обнаруженных лишь на нижневолжской территории, Все они спектрально проанализированы. Изготовлены из металла с примесью мышьяка в концентрации от 3,3% до 0,75% (ан. № 469, 470, 474).

Спиралевидные пронизки (рис. 7: 25). Более дробного членения этой категории изделий не проводилось в связи с их небольшим количеством. Но в дальнейшем возможно подразделение на два типа: мелкие и крупные пронизки. Мелкие пронизки обнаружены в количестве 6 экземпляров в центральном п. 1 кург. 2 Утевского I могильника. Две пронизки более крупного диаметра (примерно в два раза) обнаружены в погребениях Нижнего Поволжья. Утевские подвески, судя по результатам анализа, изготовлены из биллона – серебра с примесью меди от 1 до 10% (ан. № 13708, 13711).

Кольца. 1) Одновитковые, овальные в плане. Свернуты из раскованного прутка. Обнаружены в 6 погребениях всей Волго-Уральской территории. В п. 5 кург. 32 Бережновского I мог. есть несколько колец. Обнаружены на костях руки погребенного в виде браслета. Одно из них проанализировано. Изготовлено из мышьяковистого металла (ан. № 468). Два кольца из п. 4 кург. I мог. Новотулка изготовлены из чистой меди (ан. № 24381, 24382). 2) Округлые в плане изделия из прутка. Учтено 2 экземпляра, обнаруженных в нижневолжских захоронениях.

Отдельную категорию составляют металлические обкладки. Это медные изделия, которые служили для оформления краёв деревянных чаш. Есть округлые в плане изделия из раскованных и согнутых пластинок. Учтено два экземпляра из Поволжья. Некоторые пластины украшены пуансонным орнаментом. Наиболее яркое сочетание обнаружено на деревянной чаше из п. 1 Солнечного одиночного кургана (рис. 6: 6). Пластины на чаше из этого погребения изготовлены из металла с содержанием мышьяка до 1% (ан. № 36917). Обкладки солнечновского погребения крепились к чаше медными гвоздиками, сделанными из коротких свернутых в виде конуса пластинок. Аналогичные предметы обнаружены в п. 4 к. I Красносамарского I мог (рис. 7: 28). По данным анализа гвоздика из Солнечного, он относится к группе изделий с пониженным до 0,018% содержанием мышьяка (ан. № 36918).

Как самостоятельная категория рассматриваются бляшки-накладки. Имеют округлую форму, в сечении полусферические. Обнаружено три экземпляра в п. 19 кург. 2 мог. Волжский.

К категории уникальных изделий из металла отнесены железное навершие из центрального погребения кургана 1 Утевского могильника и ряд предметов из железа центрального погребения кургана 1 Болдыревского могильника.

Этим исчерпывается список типов металлического инвентаря полтавкинских погребений Волго-Уралья. Наиболее примечательным представляется тот факт, что набор орудий труда и вооружения несравненно выше, чем украшений.

Изделия из камня. Каменные жезлы-песты (рис. 8: 1, 3). Известны два экземпляра из погребений I группы под большими насыпями из к. 1 п. I Утевского I могильника и к. I п. I Красносамарского I могильника. Изготовлены из зеленоватого камня (возможно, змеевик). Изделия заполированы, имеют удлиненно-коническую форму и окру-

глое сечение. Судить об их практическом предназначении довольно сложно. Наиболее вероятно их отождествление с обрядовыми символами, истоки которых, очевидно, прослеживаются от каменных скипетров предшествующего, ямного времени (Мерперт, 1974, с. 147).

Каменные предметы, имеющие цилиндрическую форму и подпрямоугольное сечение. Зафиксировано три экземпляра, происходящих из погребений Нижнего Поволжья, и один в Приуралье.

Каменные булавы. Учтено 2 экземпляра. Одна с шишечками из широко известного в связи с богатым набором инвентаря погребения 6 кург. 4 мог. хут. Ст. Разина (рис. 8: 2). Другая – без шишечек, но с выделенным основанием, имеющая грушевидную форму, – была обнаружена в погребении 4 кург. I мог. Питерка II на реке М. Узень.

Кремневые наконечники стрел (рис. 8: 6–8). Обнаружены в 6 погребениях Волго-Уралья, относящихся к эпохе средней бронзы. Основной признак наконечников этого времени – выемка в основании. Лишь один экземпляр (п. I к. 2 Кряжского I могильника) асимметричной формы этой выемки не имел. Зафиксирован один случай, когда кремневый наконечник был обнаружен среди костей погребенного (Бережновка II, к. 29, п. 3).

Кремневые пластинки. Эти изделия, близкие по форме ножевидным пластинкам более раннего времени, обнаружены в трех полтавкинских погребениях. Кварцитовые пластинки и отщепы зафиксированы в двух захоронениях. Изделия, напоминающие кремневые скребки, часто ретушированные, известны в пяти полтавкинских погребениях (рис. 8: 10, 11).

Наиболее часто встречающимися предметами из камня являются бусы (рис. 8: 9). Есть круглые, зафиксированные в пяти поволжских погребениях. Имеются овально-усеченно-конические. Известно два экземпляра. Есть и цилиндрические бусы, обнаруженные в трех погребениях.

К категории уникальных предметов были отнесены кусочки руды, обнаруженные в двух погребениях I обрядовой группы (Утевка I, к. 2, п, I; Болдырево, к. I, п. I).

В целом небольшая серия каменных изделий из полтавкинских погребений не позволяет в настоящее время проводить достаточно дробную типологическую характеристику инвентаря. Лишь категорию каменных бусин в настоящее время возможно подразделять на три основных типа. Анализ прочего инвентаря ограничивается сейчас на уровне категорий.

Изделия из кости (рис. 18: 1). Украшения из кости, напоминающие подъязычную кость лошади. Несколько экземпляров ее обнаружены в п. 2 кург. I мог. Утевка I. Своей естественной формой они весьма напоминают молоточковидные булавки. Отличаются от них плоским сечением.

Молоточковидные булавки (рис. 9: 1–4). Подразделяются на 4 типа изделия с веретенообразным стержнем и с выраженными молоточками. Учтены два экземпляра из п. 19 кург. 2 могильника у г. Волжский. 2) Изделия с веретенообразным стержнем, орнаментированные зональным узором из прочерченных полос (Бородаевка, к. 6, п. 9). 3) Изделия с неорнаментированным веретенообразным стержнем и без молоточков. Пять экземпляров известны из п. 4 кург. I Новотульского могильника. 4) Орнаментированные веретенообразные стержни без молоточков. Один экземпляр найден в п. 19 кург. 2 могильника у г. Волжский.

Костяные бусины. Известны в трех погребениях степного Поволжья.

Костяные перстни. Название изделий соответствует их внешнему виду. Хотя в захоронениях они не обнаружены на фалангах пальцев погребенных, а лежали несколько в стороне. Учтено 3 экземпляра.

Костяной наконечник характеризуется наличием выраженного подпрямоугольного основания. Обнаружен в п. 19 к. 2 мог. у г. Волжский.

Костяные наконечники с притупленным жалом и одним выраженным пером. Наконечники обнаружены в двух погребениях (Бородаевка, к. 5, п. 8; Аверьяновка, к. 6, п. I) Среднего и Нижнего Поволжья.

К разряду уникальных изделий из кости отнесены два совершенно разных, но встреченных в единственном экземпляре и не имеющих прямого функционального значения предмета. Один изготовлен из рога, имеет на притупленном конце отверстие. Другой конец заострен и хорошо отполирован. Предмет обнаружен в п. 6 кург. 2 мог. Политотдельское. Другая уникальная находка также происходит из Политотдельского могильника (к. 19, п. 6). Это две подвески из зубов хищной рыбы. По форме они имеют сходство с капсулами ископаемой рыбы, но зоологами эти экземпляры не анализировались. Аналогичные изделия широко известны на памятниках Кавказа, Закавказья и Ближнего Востока, относящихся к эпохе ранней и средней бронзы.

Керамика. Основой классификации полтавкинской посуды являются формы сосудов с полностью реконструированным профилем (рис. 10; 11). Общая выборка сосудов составляет около 150 экземпляров. В целом в полтавкинской керамике выделяются две основные группы: баночные сосуды и горшковидные. Горшковидные сосуды имеют ребро-уступ в верхней части тулова. Сосуды с ребром-уступом имеют, как правило, невысокую шейку. Ее высота от ребра-уступа и до

среза венчика, как правило, равна от шести до одного сантиметра. Большинство сосудов с ребром-уступом имеют высоту шейки, равную 1–3 см. Сосуды без ребра имеют округлое тулово. Высота шейки, измеряемая от наименьшего диаметра и до среза венчика, как минимум в два раза меньше высоты верхней части тулова, измеряемой от точек его максимального расширения и до шейки. Верхняя часть сосуда, измеряемая от наибольшего диаметра, меньше высоты нижней части сосуда. Сосуды баночной формы, в связи с их сравнительно небольшим количеством, детальной классификации не подвергались. В целом для полтавкинской баночной посуды характерными являются вертикальные пропорции (высота сосуда больше его максимального диаметра). Диаметр среза венчика, как правило, меньше или равен диаметру тулова. Следует отметить, что керамика эпохи средней бронзы в целом плоскодонная, хотя в анализируемой выборке зафиксировано 3 сосуда с уплощенным дном. Имеющаяся выборка полтавкинских сосудов послужила основой для выделения пяти основных форм. 1) Горшки с зауженным горлом и ребром-уступом. Диаметр среза венчика меньше диаметра шейки и, соответственно, диаметра ребра. 2) Сосуды также имеют зауженное горло, но не имеют ребра. 3) Сосуды представлены керамикой, имеющей диаметр среза венчика, больший или равный диаметру шейки, с ребром-уступом. 4) Эти сосуды объединяют такие экземпляры, у которых диаметр среза венчика больший, чем диаметр шейки, и которые имеют овальное неребристое тулово. 5) Баночные сосуды рассматриваются в рамках одной формы.

Единичные изделия из глины представлены: воронками (Быково I, к. 14, п. 5; Ленинск, к. 3, п. 4), литейными формами и соплами (Калиновка, к. 8, п. 42; к. 55, п. 13), курильницей (Сухая Саратовка, к. б, п. 6), а также миниатюрными сосудиками (Бородаевка, к. 6, п. 8; Быково I, к. 21, п. 8) и одним обычным, но с подовальным дном (Быково I, к. 7, п. 12).

Керамика орнаментирована четырьмя основными способами: отпечатками зубчатого штампа, перевитого шнура, прочерченными линиями и ямками. Иногда на сосудах этот орнамент сочетался с дополнительными приемами: ногтевыми отпечатками и пальцевыми вдавлениями, а также волнистыми и прямыми линиями валиковых утолщений. В орнаментации посуды фиксируется явное преобладание зубчатого штампа. В качестве основного типообразующего элемента здесь выделены четыре ведущих мотива: наклонные ряды, вертикальная елочка, горизонтальные ряды и вертикальная елочка. Последний мотив наносился весьма своеобразным способом – в виде шагающей гребенки.

Корреляционная таблица позволяет выявить определенные закономерности в соотношении формы и орнамента полтавкинской керамики (рис. 2). Сосуды с зауженным горлом орнаментированы в основном отпечатками зубчатого штампа – 18 из 22. Из 14 композиций, выполненных зубчатым штампом, 10 фиксируются на керамике данных типов. По разнообразию композиций отпечатков зубчатого штампа сосудам с зауженным горлом близка керамика с отогнутым венчиком и ребром-уступом. Из 35 экземпляров 18 данного типа орнаментировано 8 разновидностями этих композиций. На сосудах с отогнутым наружу венчиком и без ребра орнамент зубчатым штампом зафиксирован в виде трех довольно простых композиций – горизонтальные ряды, горизонтальная елочка и сочетание горизонтальных линий с елочкой. Намного разнообразнее композиции, нанесенные шнуровым орнаментом на сосудах третьего типа. Здесь выделяется 9 орнаментальных композиций на 16 сосудах. Напротив, посуда с ребром-уступом орнаментирована лишь 6 разновидностями шнуровых композиций на 13 сосудах. Из них большинство (5 экземпляров) орнаментированы наиболее простым способом композиционного построения – круговыми горизонтальными рядами (№ 16). Наиболее сложная и, пожалуй, единственная геометрическая композиция шнурового орнамента – горизонтальные треугольники вершинами вниз, представлены лишь четырьмя экземплярами сосудов. Сравнительно немногочисленная группа сосудов, орнаментирована прочерчиванием и ямочными вдавлениями. Большая их часть выполнена на баночных сосудах (4 экземпляра) и на сосудах с округлыми боками (3 экземпляра). В целом большинство банок орнаментировано композициями, выполненными отпечатками зубчатого штампа. Орнаментация банок несколько беднее. Таким образом, наиболее полно орнаментированные композиции представлены на сосудах с отогнутым венчиком, с ребром и без ребра. Причем они имеют своеобразное взаимодополнение, так как у одних преобладает орнаментация, выполненная зубчатым штампом, а у других – шнуровая. Объединяет эти формы сосудов общее преобладание композиций, выполненных зубчатым штампом в виде рядов и горизонтальной елки, а также горизонтальные круговые отпечатки шнура.

При сравнении находок из полтавкинских погребений наглядно фиксируется неравномерность распределения каждой категории сопровождающего инвентаря относительно конкретной обрядовой группы. Наибольший процент изделий к общему числу погребений фиксируется в I об-

рядовой группе. На эту группу приходится максимально высокий процент оружия и орудий труда из металла – 94% (топор, копье, ножи, шилья, тесла), и 75% составляют украшения (подвески, пронизки, кольца, обкладки, бляшки, скрепки, золотые подвески, предметы из железа). Существенно ниже процент соответствующих категорий во всех других обрядовых группах. Причем если максимальное число среди украшений здесь приходится на III группу, то минимальное – для оружия и орудий труда – на IV, соответственно 25% и 6%.

Аналогичные результаты получены при сравнении каменного, а также костяного инвентаря. Для всех категорий его явное преобладание наблюдается в I обрядовой группе. Примерно одинаковое соотношение этих категорий фиксируется для II и III обрядовых групп при некотором преобладании костяных изделий в третьей (8% и 11%). Минимальный показатель данной категории получен в IV группе погребений (2%).

Существенные различия наблюдаются при сопоставлении погребального обряда и различных форм сосудов. Так, если горшки с зауженным горлом, с ребром и без ребра обнаружены в I, II и III группах, то в IV и в VI они отсутствуют. Наибольший процент сосудов первой формы фиксируется в I группе погребений. Сосуды без ребра наиболее характерны для керамики IV группы. В этой связи любопытно отметить, что сравниваемые группы погребений, в общем, противоположны по наличию ведущих признаков обряда и имеют сосуды, которые по форме также являются своеобразными антиподами. При этом процент баночных сосудов во всех группах оказывается примерно одинаковым.

Таким образом, полтавкинская культура исследована в основном по подкурганным погребальным памятникам. Выраженные культурные слои поселенческого типа неизвестны. Однако отдельные фрагменты полтавкинской керамики есть на поселениях более позднего времени. Своеобразным исключением является территория Северного Прикаспия. Здесь, в полупустынной зоне на выдувах барханов, обнаружены как скопления керамики, так и фрагменты небольших культурных слоев: Кок-Мурун, Буровая 22, Кызыл-Хак II (Васильев, Колев, Кузнецов, 1986, с. 109–127). В целом это свидетельствует о том, что носители полтавкинской культуры были подвижными скотоводами, имеющими комплексный состав стада. Другой важной составляющей основой экономики полтавкинских племен была развитая металлургия. Успешность ее развития выразилась в модификации такой важнейшей категории, как втульчатые топоры. Были созданы топоры особого утевского типа. Особенность их модификации заключается в том, что они имеют сужающийся и изогнутый клин. Вторая конструктивная особенность данных топоров – скошенность лезвия по отношению к обуху, в результате чего точка перегиба спинки орудия максимально приближена к передней стенке втулки. Первая конструктивная деталь позволяла существенно экономить металл без ущерба для функциональной нагрузки, вторая (связанная с первой) способствовала усилению рубящего эффекта (Кореневский, 2004, с. 95; Кузнецов, Кузьминых, 2006).

Время полтавкинской культуры установлено на основании 20 радиоуглеродных датировок комплексов Поволжья (Кузнецов, 2007; Кузнецов, Мочалов, Хохлов, Энтони, 2018, с. 88, 89, 94). Все они находятся в интервале второй половины XXIX – первой половины XXIV века до н. э. Близкие по времени датировки характерны и для полтавкинского этапа ямной культуры Приуралья (Моргунова, 2014, с. 211–214).

Достаточно детально разработана модель происхождения полтавкинской культуры. Основной особенностью погребальных комплексов полтавкинской культуры, отличающей её от предшествующего времени, является наличие ям сложных конструкций. И.Б. Васильев увидел здесь несомненное сходство с погребальными комплексами Северного Кавказа и Приазовья. Автор указывает на аналогии в позднеямных памятниках предкавказского варианта, северокавказской и буджакской культурах (Васильев, 1979, с. 41). В последующем, в связи с выделением новотиторовской культуры, роль культурного симбиоза степной зоны Предкавказья в формировании новых культурных традиций стала во многом определяющей. А.Н. Гей рассматривает новотиторовскую культуру как составную часть большой культурной общности юга европейских степей и синхронизирует ее с памятниками классической ямной КИО (Гей, 2000, с. 208, 209). При этом более половины всех известных повозок относятся к погребениям новотиторовской культуры (Избицер, 1993; Гей, 2000, с. 176). Погребения с повозками и являются результатом появления ям усложненных конструкций. Эта культурная новация распространилась в степной зоне и утвердилась как важная составляющая нового погребального обряда. Для новотиторовской культуры прослеживается постепенная канонизация этой формы сооружения ямы с постепенной утратой изначальных функциональных особенностей такой конструкции (Гей, 2000, с. 115). В полтавкинской культуре ямы с уступами утверждаются уже без какой-либо функциональной составляющей. Новацией в полтавкинской культуре являются и разнообразные столбовые ямки, канавки на дне ямы, органические обкладки

стен могильной ямы. В Предкавказье это широко распространенные остатки сложных внутримогильных сооружений, именуемых «шалаши» и «балдахины», или предназначенные для драпировки стен органические материалы. Такие конструкции широко представлены в новотитоpовских захоронениях. Они являются специфической реализацией идеи кеми-обинских и новосвободненских могильных ящиков, которая трансформировалась из-за специфики природных условий и под влиянием ямной обрядности (Гей, 2000, с. 118, 119). В новотитоpовской культуре впервые появляются такие формы могильных ям, как «протокатакомбы» – асимметричные ямы с уступами, занимающие хронологически промежуточное положение между ямами с уступами и древнейшими катакомбами (Гей, 2000, с. 119). На территории Волго-Уралья нами учтено пять погребений, имеющих явную асимметрию в сооружении уступов и ступеней: Близнецы, к. 2, п. 4; мог. Быково I, к. 16, п. 2; Изобильное I, к. 1, п. 1; к 3, п. 1; к. 6, п. 3; мог. Ст. Полтавка. к. Е 26, п. 5; Утевка I, к. 4, п. 4. Отличительная особенность захоронений новотитоpовской культуры – положение погребенного на боку, с одной рукой вытянутой, другой полусогнутой. При этом наиболее ранние – погребения на левом боку (Гей, 2000, с. 124). Положение на боку – черта новосвободненского обряда предшествующего времени в Прикубанье. Синхронные им классические ямные погребения на всей территории распространения общности характеризуются положением погребенных на спине. Положение на боку, с аналогичным новотитаpовскому положением рук, получает распространение в Волго-Уралье только в полтавкинское время. Из всех полтавкинских погребений около 50 совершены на правом боку, около 70 на левом. Погребения на правом боку более характерны для раннеполтавкинских захоронений. Все приведенные выше общие признаки не исчерпывают разнообразия новотитаpовского и полтавкинского погребальных обрядов. Важно, что эти признаки появляются на территории Волго-Уралья в комплексе, характеризуют раннеполтавкинские погребения и не имеют своих хронологических «предшественников». В новотитаpовской культуре эти черты обряда обнаруживают генетическую подоснову и некоторые изначальные практические функции.

Сопровождающий инвентарь полтавкинских комплексов также имеет аналогии в Предкавказье. В полтавкинских керамических сериях выявлена специфическую группа сосудов, которая имеет прямые аналогии в кухонно-тарной керамической посуде степного Прикубанья (Кузнецов, Мочалов, 2001, с. 85–86; Мочалов, 2008, с. 48). Эта керамика имеет глубокие прототипы в майкопско-новосвободненских памятниках. На территории Волго-Уральского междуречья нами учтено шесть таких сосудов: мог. Быково I, к. 7, п. 12; пос. Досанг; мог. Кардаилово I, к. 1, яма 2; мог. Красносамрское IV, к. 2; мог. Нур I. к. 1, п. 3; пос. Тау-Тюбе. В.В. Ткачевым приводятся аналогии небольших сосудов с приостренным дном и с расчесами из южноуральских и из новотитоpовских комплексов (Ткачев, 2000, с. 55; 2007, с. 135). В качестве отдельных элементов, объединяющих новотитоpовские и полтавкинские керамические серии, следует выделить такие новации для памятников Волго-Уралья, как: плоскодонность; наличие внешнего ребра по тулову; полная орнаментация поверхности сосуда; геометрические фигуры, исполняемые отпечатками шнура; горизонтальные ряды елочной орнаментации; орнаментация налепными валиками и шишечками. Важное значение в свете проводимых сопоставлений имеют молоточковидные булавки. В полтавкинских памятниках известны девять экземпляров (Бородаевка, к. 9, п. 6; Волжский, к. 2. п. 10; Новотулка, к. 1, п. 4). Все они имеют веретенообразный стержень. Три экземпляра имеют молоточки (один из них с «деградированными» молоточками). Два экземпляра имеют орнамент в виде заштрихованных полос в сочетании с геометрическими фигурами. Приведенные характеристики соответствуют молоточковидным булавкам, которые находятся в средней части своеобразной эволюционной лестницы, характеризующей изменение форм и орнаментов изделий от ямных и новотитаpовских до северокавказских и катакомбных (Гей, 224, с. 166–169). Особенно важно в контексте наших сравнений, что в полтавкинских погребениях отсутствуют как ранние, так и поздние типы костяных булавок.

В результате проведенного сопоставления отчетливо выявляется группа признаков погребального обряда и инвентаря, которые для территории Волго-Уралья являются инновационными. Приведенные признаки характерны для памятников новотитоpовской культуры степного Прикубанья. При этом важно отметить, что признаки эти наиболее выражены в северной части Волго-Уральского междуречья. На основании приведенных здесь сравнений предложена гипотеза о миграции части населения Северного Кавказа в северо-восточном направлении (Кузнецов, 1996; 2000). На смену древнеямному обряду положения погребенного на спине скорченно приходит новый обряд – положение на боку. О том, что новый обряд связан с появлением нового населения, свидетельствует и антропологический анализ представительной серии черепов Самарского Поволжья и Оренбуржья, выполненных А.А. Хохловым (1999, с. 110, 111, 121; 2017, с. 84–96). Погребения на правом

боку имеют существенные антропологические отличия от погребенных на спине, что вполне соответствует гипотезе о дальней миграции. В свете антропологического анализа особенно важно, что имеется реальная основа для вывода о двухкомпонентности происхождения полтавкинской культуры – местный древнеямный и пришлый степной северокавказский. При этом необходимо отметить, что одной из культурных составляющих для новотиторовцев был древнеямный компонент. То есть происхождение полтавкинской культуры отражает часть более общего миграционного процесса в степной зоне Восточной Европы. Для предшествующего времени фиксируется распространение степного населения из более северной части степной зоны на территорию Предкавказья. Начало эпохи средней бронзы соответствует распространению населения из южной части степей на север, включая и лесостепь.

Археологическая и антропологическая модели возникновения полтавкинской культуры вполне сопоставимы и с результатом генетического анализа людей степной зоны Восточной Европы и Кавказа. Установлено, что племена ямной культуры Поволжья, Калмыкии, Украины; полтавкинской культуры Поволжья, афанасьевской культуры Алтая генетически однородны и образуют компактный единый кластер «людей степной зоны бронзового века» (Haak, Reih et all., 2015; Mathieson, Reih et all., 2015). Время этого кластера определяется в пределах 3400–2400 гг. до н. э. Дальнейшие исследования палеогенетиков показали, что в этот кластер входят ямная и северокавказские культуры Предкавказья (Wang, Haak et all., 2018, p. 26, 27). Индивиды разных вариантов ямной и полтавкинской культур оказываются ближе всех древних европейцев к людям майкопско-новосвободненской общности (Кузнецов, 2018, с. 45). Таким образом, культурно-родственная среда населения степной зоны Восточной Европы, испытывая влияние Северного Кавказа и Предкавказья, способствовала распространению культур и их носителей в северо-восточном направлении.

Хронологическая позиция полтавкинской культуры в целом приходится на первую половину III тысячелетия до н. э. Последующий этап финальной стадии среднего бронзового века связан с культурами посткатакомбного и постполтавкинского времени (Шарафутдинова, 2001; Мимоход, 2004; 2010; 2012; 2014; Ткачев, 2007). Это время в пределах XXIV–XIX вв. до н. э. Вероятно, к этому периоду относится и волго-донская культура (Сухорукова, 2008). Р.А. Мимоход выделяет особую степную волго-уральскую группу посткатакомбного периода времени (Мимоход, 2010, с. 75). Другую группу посткатакомбного времени Поволжья Р.А. Мимоход ранее именовал «криволукская», сейчас определяет как волго-донскую бабинскую культуру (Мимоход, 2014, с. 100–119). При выделении этих двух культур Р.А. Мимоход утверждает, что они имеют различные внешние импульсы своего происхождения (Мимоход, 2010, 2014). Эта тема требует своего дальнейшего исследования. В настоящее время вполне вероятной представляется гипотеза о том, что на территории степной зоны Волго-Уральского междуречья происходит трансформация погребального обряда. Отчасти она могла быть связана с усилением культурного влияния из различных регионов. Здесь наблюдается своеобразная конвергентная эволюция как катакомбного, так и полтавкинского погребальных обрядов. Исчезают сложнофигурные конструкции могильных ям, радикально сокращается погребальный инвентарь, унифицируется положение погребенных. Данная трансформация приводит в том числе и к формированию постполтавкинской культурной группы, которую на данном этапе целесообразно именовать «волго-уральская».

Наличию волго-уральской постполтавкинской культурной группы не противоречат данные антропологии (Хохлов, 2017, с. 146–147). Генетический анализ также подтверждает, что постполтавкинское население оказывается в характерном для региона кластере «людей степной зоны бронзового века» (Кузнецов, Мочалов, Хохлов, Энтони, 2018, с. 124). Важно, что к этому кластеру относятся и отдельные представители потаповской культуры раннего этапа позднего бронзового века (Mathieson, Reich et all., 2015, fig. 1). Таким образом, население степной зоны Волго-Уралья сохраняло как культурную, так и генетическую преемственность на протяжении всего бронзового века. Доля этого коренного населения с течением времени сокращалась. Но оно не исчезло. Напротив, его преемники, судя по новым результатам анализа ДНК, были и в раннем железном веке Поволжья.

ГЛАВА 3
ПОСТКАТАКОМБНЫЕ ПАМЯТНИКИ

С выделением посткатакомбного пласта памятников в Предкавказье и Поволжье культурная ситуация на юге Восточной Европы на рубеже среднего и позднего бронзового веков стала понятнее. Выяснилось, что фактически по всему ареалу распространения катакомбных культур на их основе в финале среднего бронзового века сформировался блок посткатакомбных культурных образований (Мимоход, 2005). Сейчас он делится на два культурных круга: культурный круг Бабино и культурный круг Лола (Мимоход, 2016; 2017; 2018). В первый из них входят днепро-прутская, днепро-донская (Литвиненко, 2009; 2009а) и волго-донская (Мимоход, 2013; 2014) бабинские культуры, во второй – лолинская культура, архонская, кубанская и волго-уральская культурные группы (Мимоход, 2006; 2007; 2010; 2013а; Кореневский, Мимоход, 2011). Генезис культурных кругов Бабино и Лола связан с двумя миграционными импульсами. Бабинские культуры сформировались под воздействием импульса из Центральной Европы и карпато-балканского региона. Культурные образования лолинского круга являются результатом миграции восточнокавказского населения в степь в условиях сильной аридизации (Мимоход, 2016; 2017; 2018).

Территория Волго-Уралья является восточной периферией посткатакомбного мира. В процессе выделения древностей финала средней бронзы этот регион оставался последним слабым форпостом защиты тезиса о доживании катакомбной культуры до начала поздней бронзы. Причем данная территория всегда считалась периферийной для катакомбного мира, а проникновение туда носителей катакомбных традиций оценивалось как спорадическое. В результате даже появилась весьма своеобразная гипотеза о том, что в Южном Приуралье позднеямная культура могла принять участие в сложении Синташты (Зданович Г., 2002, с. 43; Моргунова, 2002, с. 114; Виноградов, 2003, с. 259; Малютина, Зданович, 2004, с. 81; 2005 с. 20–21, 29). Отсутствие, а точнее невыделенность археологических материалов (за исключением немногочисленных абашевских и вольско-лбищенских), которыми можно было бы заполнить период финального среднего бронзового века Приуралья, прямо сказывалась на решении одного из ключевых вопросов для степной бронзы – проблемы происхождения синташтинской культуры.

Пути выделения посткатакомбных памятников в Заволжье были намечены Э.С. Шарафутдиновой (1999; 2001). В ее группе финала средней бронзы действительно оказался ряд комплексов этого периода. Однако для территории левобережья Волги в выборке их оказалось не более 15, а сама серия оказалась разнородной. В нее были объединены не только разнокультурные образования посткатакомбного периода (волго-донская бабинская культура и волго-уральская культурная группа), но и комплексы как предшествующего, так и последующего времени.

Два года спустя на погребения финала средней бронзы в Нижнем Поволжье обратил внимание А.В. Кияшко (2003, с. 30, 31). Он отнес их к культуре многоваликовой керамики и выделил здесь две группы. Сейчас погребения первой группы относятся к днепро-донской бабинской культуре (ДДБК), а захоронения второй – к волго-донской бабинской культуре. Исследователь отметил, что комплексы второй группы есть и в Заволжье, но в качестве примера указал только на три погребения (Скатовка 6/1, 21/7, Волжский 2/11) (Кияшко, 2003, с. 30, рис. 2: 13).

Обратил внимание на эту посткатакомбную группу и Р.А. Литвиненко. В количественном отношении он ее оценил как «более пяти десятков» (Литвиненко, 2004, с. 104). Территория этой группы была определена исследователем в рамках степи и лесостепи Доно-Волжского междуречья, т. е. Заволжье, которое является одним из основных ареалов волго-донской бабинской культуры, не было в нее включено.

Вопрос о наличии отдельной посткатакомбной группы в Нижнем Поволжье был поставлен мною 15 лет назад. Моя выборка состояла уже из 70 погребений, половина которых находилась в Заволжье. Тогда погребения этого периода были объединены под рабочим названием «криволукская культурная группа» (Мимоход, 2004; 2005; 2010а). Она соответствовала второй группе куль-

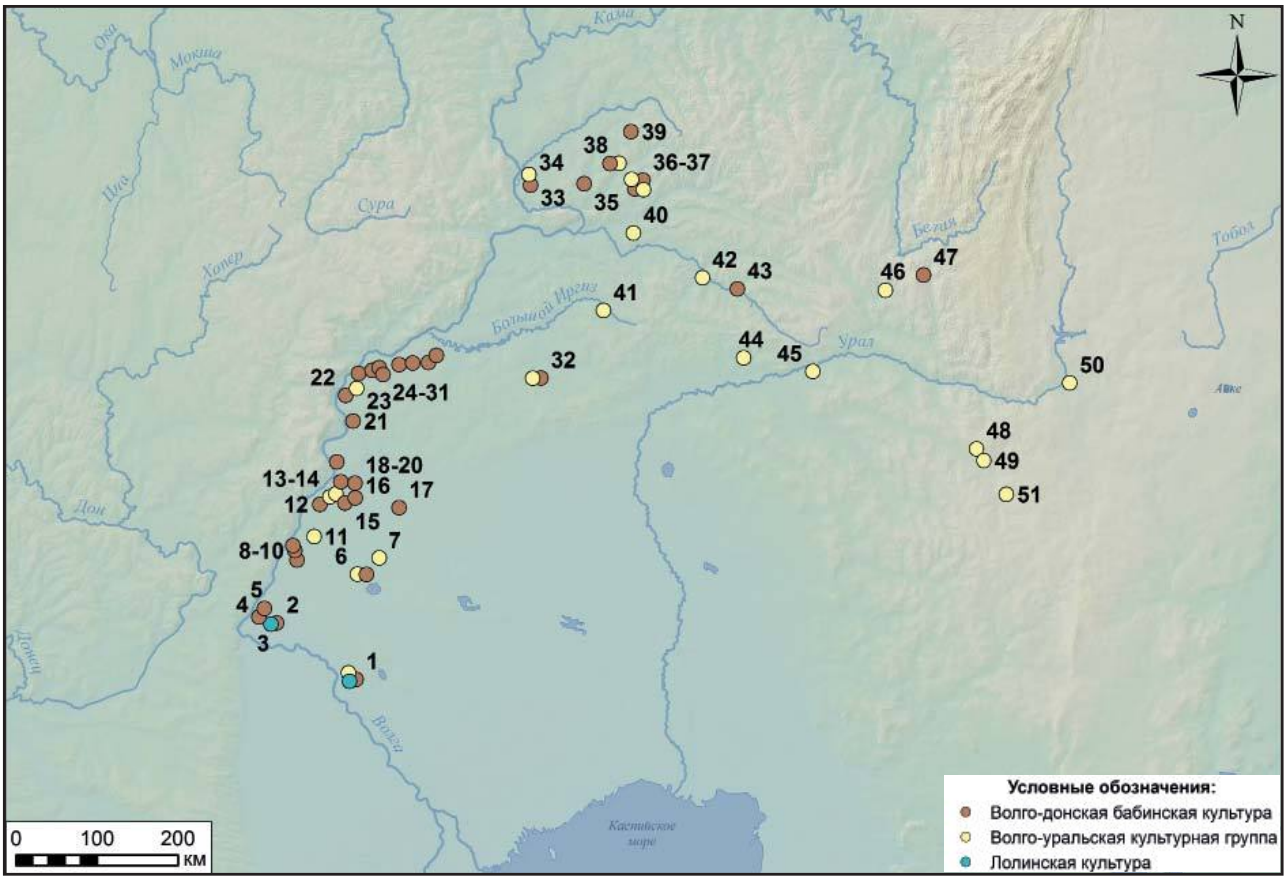


Рис. 1. Памятники посткатакомбного периода в Волго-Уралье

А – волго-донская бабинская культура; А – волго-уральская культурная группа; А – лолинская культура

1 – Степная IV 1/11, 3/1, Степная IV 3/3; Степная IV 2/3; 2 – Царев 66/1; 3 – Бахтияровка 32/4, 4 – Волжский 2/11, 16, Волжский 2/13; 5 – Калиновский 6/1, 6/3, 8/15, 54/2; 6 – Красная деревня 8/4, 8/5, 15/5; 7 – Венгеловка 5/1; 8 – Ямки 1/4, 3/8; 9 – Верхний Балыклей 2/2, 4/1, 3, 4, 6/4, 5, 6; 10 – Хут. Степана Разина 1/14; 11 – Быково I 3/4, 4/3,11, 6/2, 6/3, Быково II 5/9, Быково I 15/1, 2; 12 – Рыбный 3/16; 13 – Политотдельское 3/5, 4/27, Политотдельское 12/18, Политотдельское II 1/2; 14 – Бережновка I 4/3, 8/4,5, 9/14, 3/11, Бережновка II 14/4, 87/3; 15 – Новая Молчановка 1/7; 16 – Западные могилы 20/4, 5; 17 – Кумыска II 1/2; 18 – Белявская 2/1; 19 – Потемкино 3/3; 20 – Белокаменка 3/8; 21 – Скатовка 6/1, 18/1, 21/7; 22 – Узморье 1/6, 2/7; 23 – Смеловка 2/1,3, 3/2; Смеловка, гр. мог., п. 111, Смеловка гр. мог., п. 6, 9, 12, 20, 33, 70, 112, 128; 24 – Покровск 36/1, 37/2, Е 4/3; Покровский курган, п. 1; 25 – Сусловский 9/1; 26 – Крутояровка 11/3; 27 – Советское 1 2/14, 15, Советское, од. кург./6; 28 – Рунталь 1/1; 29 – Калмыцкая Гора F 6/7, 8/2, Калмыцкая Гора – 1982 2/10, Калмыцкая Гора – 2012, п. 6, Бородаевка 2/2, 3; 30 – Чапаевка 6/1; 31 – Караман 1/3, 2/1; 32 – Светлое Озеро 6/3, 10/2; Светлое озеро 1/1, 7/1; 33 – Ягодное I 3/1; 34 – Хрящевка 2/1, 2/2; 35 – Николаевка 3 2/1, 3/3,4, 5/1; 36 – Грачевка I 10/1, Грачевка II 5/3; 37 – Красносамарский IV 3/10; Красносамарский I 1/2; 38 – Утевка V 4/1, Утевка I 1/2; 39 – Калиновский I 1/4; 40 – Кутулук III 1/1; 41 – Журавлиха 1/10; 42 – Перевозинка 2/32; 43 – Скворцовка 5/3; 44 – Шумаево II 3/2, 6/1; 45 – Пятилетка 5/1; 46 – Имангулово 2 5/3; 47 – Санзяпово I 6/2; 48 – Восточно-Курайли 1 1/1; 49 – Учебный полигон, п. 3; 50 – Новый Кумак 25/12,13,14; 51 – Щилисай II 2/2

туры многоваликовой керамики А.В. Кияшко[1]. Со временем стало понятно, что указанный массив памятников – это часть культурного круга Бабино – волго-донская бабинская культура (Мимоход, 2013; 2014).

Во второй половине первого десятилетия нашего века в выделении пласта памятников, который непосредственной подстилает начало поздней бронзы в Волго-Уралье, был сделан серьезный шаг вперед. В.В. Ткачев собрал подборку комплексов, которые он отнес к позднекатакомбной группе, чье появление в регионе связано с проникновением сюда носителей манычских и волго-донских катакомбных традиций (Ткачев, 2005; 2006, с. 30–59; 2006а, с. 73, 74; 2006б; 2007, с. 228–257). Несмотря на то, что эти работы, равно как и другие (Дегтярева, 2006, с. 32; Богданов, 2007; 2010), обосновано снимали возможность участия ямной культуры в формировании синташтинских древностей, тем не менее они в очередной раз реанимировали идею стыка и генетической связи катакомбных и позднебронзовых древностей

[1] Впрочем, в своей работе А.В. Кияшко и сам склоняется со ссылкой на меня к тому, что эту группу правомернее именовать криволукской (Кияшко, 2003, с. 31).

горизонта щитковых псалиев. Следует отметить, что в подборке В.В. Ткачева наряду с действительно позднекатакомбными комплексами оказались и отдельные посткатакомбные материалы, т. е. она не являлась однородной, но вектор решения проблемы был задан.

Через несколько лет в материалах Поволжья и Волго-Уралья удалось выделить массивы посткатакомбных памятников. Выяснилось, что здесь представлены два основных культурных образования – это волго-донская бабинская культура, которая занимала территорию от волго-донского междуречья до Приуралья, и волго-уральская культурная группа, ареал которой и стал для нее эпонимным (Мимоход, 2010; 2013; 2014; 2018в). Эти погребения обоснованно разделил и В.А. Лопатин по материалам уникального грунтового могильника Смеловка, обратив внимание на резкое отличие обрядовых признаков ВДБК (тогда – криволукская культурная группа) и ВУКГ (статья с этим рабочим названием вышла в тот же год (Мимоход, 2010)) (Лопатин, 2010, с. 112). Как бабинские некоторые комплексы волго-уральской культурной группы финала СБВ (Барановка I 10/4; Восточно-курайли 1/1, Шумаево II 6/1) рассматривали украинские коллеги (Отрощенко, 2001, с. 84; Василенко, 2008, с. 143). Их посткатакомбный облик был определен верно, но культурная специфика нуждалась в уточнении.

При наличии уже неоднократно опубликованных работ, где посткатакомбные памятники Поволжья и Волго-Уралья рассматриваются дифференцировано, и речь идет о волго-донской бабинской культуре и/или волго-уральской культурной группе (Мимоход, 2010; 2013; 2013а; 2014; 2016; 2017; Литвиненко, 2012; 2015, с. 113; 2016; 2016а, с. 132, 137, 138; 2017, с. 336; Отрощенко, 2014, с. 9, 10; Багаутдинов, Кузьмина, Рослякова, 2015, с. 213: Купцова, 2016), в недавно вышедшей монографии памятники этих культурных образований оказались вновь смешанными (с использованием моего термина) в рамках «волго-уральской культурной группы». Таким образом, авторы фактически вернулись на уровень осмысления материала более чем десятилетней давности, с некоторой модернизацией, которая выразилась в замене термина «посткатакомбная» на «постполтавкинскую» (Кузнецов, Мочалов, Хохлов, Энтони, 2018, с. 89–91). Представляемая вниманию читателя глава в развернутом виде снова расставляет акценты в этой проблематике.

Кроме ВДБК и ВУКГ в регионе есть единичные погребения раннелолинской культуры и небольшая группа сидячих погребений, которая четко датируется финалом СБВ, но культурный контекст ее пока остается неясным.

Волго-донская бабинская культура (ВДБК).

В Волго-Уралье известно 84 погребения ВДБК. Это немногим меньше, чем на правобережье Волги и в Волго-Донском междуречье, которые являются западной частью ареала Волго-Донского Бабино (Мимоход, 2013, рис. 1; 2014, рис. 1). В основном памятники тяготеют к волжскому левобережью, хотя отдельные захоронения встречаются вплоть до Приуралья (рис. 1).

Погребальный обряд. Ровно половина погребений были основными в курганах или сопровождались досыпками. Развитое курганное строительство – характерная черта культурных образований посткатакомбного блока (Мимоход, 2005, с. 71; 2013, с. 318). Интересная закономерность – в Волго-Донском междуречье основные погребения и захоронения с досыпками составляют четверть от всех комплексов региона, в то время как в Волго-Уралье этот показатель в два раза выше.

Подавляющее большинство захоронений совершено в ямах, но встречаются и погребения в подбоях. В 11 могилах зафиксированы остатки деревянных перекрытий. Применение камней зафиксировано один раз. Ими была завалена яма комплекса Верхний Балыклей 2/2. Погребения ВДБК в основном одиночные. В регионе известно 4 парных погребения (рис. 4: 1). В трех случаях это погребение взрослого и ребенка (Николаевка 3 2/1, Покровск Е 3/4, Ямки 1/4). В комплексе Красная Деревня 8/5 было обнаружено два костяка взрослых людей, причем один из них был пакетирован. Это единственный случай расчленения или вторичного захоронения, известный в ВДБК как Волго-Уралья, так и Доно-Волжского междуречья.

Умершие, как правило, лежали скорченно на левом боку, руки протянуты к коленям. В Волго-Уралье известно всего одно правобочное погребение (Красная деревня 8/4) (рис. 3: 8). Полностью преобладают захоронения со средней скорченностью костяков. В регионе они составляют 83,6% от всех погребений с установленной степенью скорченности скелета. Соответствующие показатели по погребениям со слабоскорченными костяками – 9,8%, сильноскорченными – 6,6%.

Ориентировка скелетов разнообразна. Доминирует направление на СВ (43,2%), восточный вектор с отклонениями составляет (31,1%), ориентировки в южный сектор (ЮВ, Ю) немногочисленны – 9,5%. Примечательно, что в Волго-Уралье полностью отсутствует ориентация в западную половину круга, в то время как в Волго-Донском междуречье уверенно представлен северо-западный вектор. Он составляет 13,8% от всех захоронений региона. Видимо, этот показатель в Волго-Донском междуречье для ВДБК связан с тем, что этот регион граничит с территорией днепро-дон-

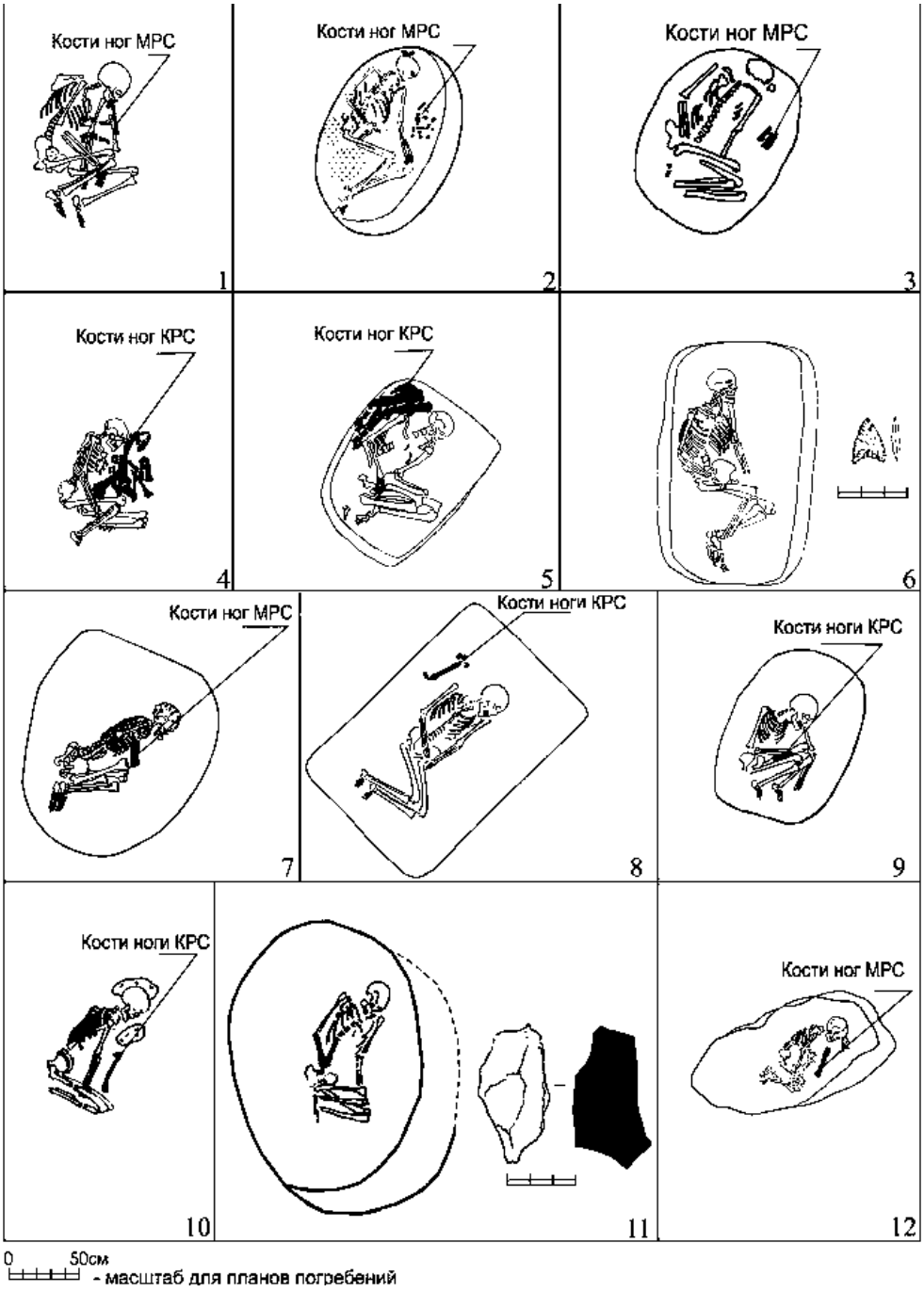


Рис. 2. Погребения волго-донской бабинской культуры I-й обрядовой группы Волго-Уралья

1 – Бережновка I 5/8 (по: Синицын, 1959); 2 – Политотдельское 3/5 (по: Смирнов, 1959); 3 – Верхний Балыклей 6/6 (по: Мимоход, 2013); 4 – Калиновский I 1/4 (по: Сташенков, 1999); 5 – Николаевка 3 3/3 (по: Скарбовенко, 1999); 6 – Смеловка 2/3 (по: Мимоход, 2013); 7 – Грачевка II 10/1 (по: Кузнецов, 2002); 8 – Бережновка II 3/5 (по: Синицын, 1959); 9 – Бережновка II 87/3 (по: Синицын, 1960); 10 – Волжский 2/16 (по: Мыськов, 1983); 11 – Западные могилы 20/4 (по: Скворцов, 1999); 12 – Калиновский 6/1 (Шилов, 1959)

ской бабинской культуры (ДДБК), в которой западные векторы ориентировки скелетов были неотъемлемой частью ее наглядного образа.

Как известно, положение костей рук скелета – один из важных культурно-хронологических признаков для периодов эпохи бронзы. В ВДБК доминировала позиция, когда левая рука вытянута к коленям, а правая немного согнута, а кисть ее располагалась в области таза или коленей при сильной скорченности (рис. 2: 1–3, 6, 8, 9, 11; 3: 2, 4, 6, 9; 4: 1, 3–5, 8; 5: 2–4, 6, 7; 6: 4). Эта позиция является культурноопределяющей для ВДБК, в волго-уралье она составляет 42,4% от всех погребений с установленным положением рук. Второй по распространению позицией (34,8%) является катакомбная, когда обе руки вытянуты к коленям (рис. 2: 7, 10, 12; 3: 1, 3, 8, 10–12; 4: 6; 5: 5; 6: 3, 6). Стабильно встречается еще одна позиция

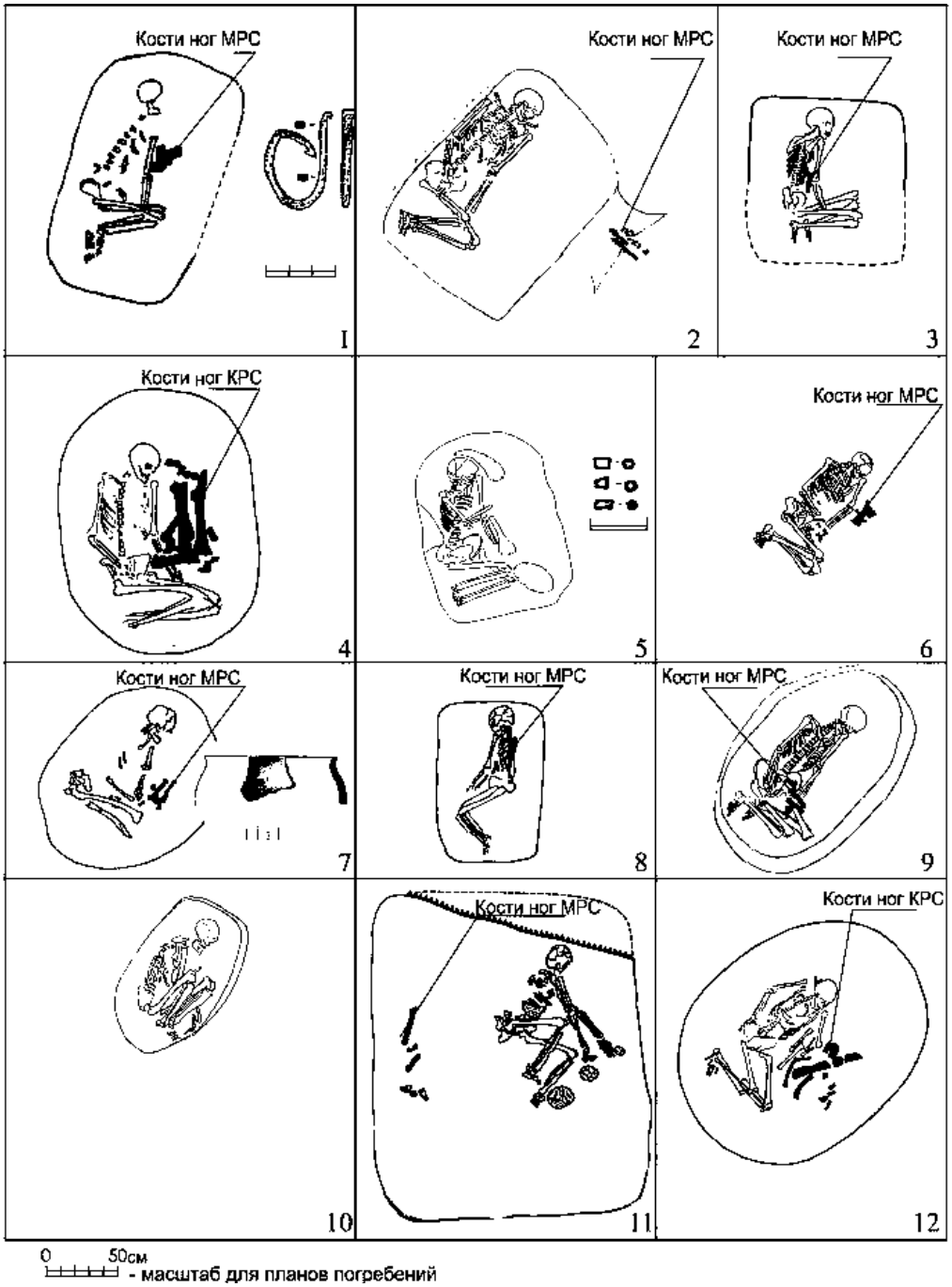


Рис. 3. Погребения волго-донской бабинской культуры I-й обрядовой группы Волго-Уралья

1 – Красная деревня 15/5 (по: Кияшко, 2002); 2 – Кумыска II 1/2 (по: Кияшко, Малов, Дьяченко, 2002); 3 – Скатовка 18/1 (по: Синицын, 1959); 4 – Крутояровка 11/3; 5 – Бородаевка 2/2; 6 – Скворцовка 5/3 (по: Моргунова, Гольева, Дегтярева, Евгеньев, Купцова, Салугина, Хохлова, Хохлов, 2010); 7 – Калмыцкая Гора – 1982 2/10 (по: Лопатин, 2009); 8 – Красная деревня 8/4 (по: Лукашов, 1980); 9 – Смеловка 2/1 (по: Якубовский, 1987); 10 – Николаевка 3 5/1 (по: Скарбовенко, 1999); 11 – Калмыцкая Гора – 2012, п. 6; 12 – Советское 1 2/15 (по: Баринов, 1996)

(15,2%), которая хорошо известна по материалам ДДБК, когда левая рука прямая, вытянута к коленям, а правая согнута в локте под прямым углом и кисть его находится у локтевого сустава левой руки (рис. 3: 5; 4: 10, 6: 1, 2, 5). Остальные позиции единичны. Так, например, поза адорации в волго-уральской ВДБК неизвестна вовсе, в то время как в культурных образованиях лолинского круга адоративная позиция является нормой обряда. В регионе это хорошо прослеживается на примере волго-уральской культурной группы (см. ниже).

В бронзовом веке, особенно в ранний и средний периоды, немаловажное значение в погребальных обрядах играли охра, разнообразные подстилки и подсыпки. Давно подмечено, что роль этих элементов заметно ослабевает к финалу средней бронзы. В погребениях ВДБК Волго-Уралья охра

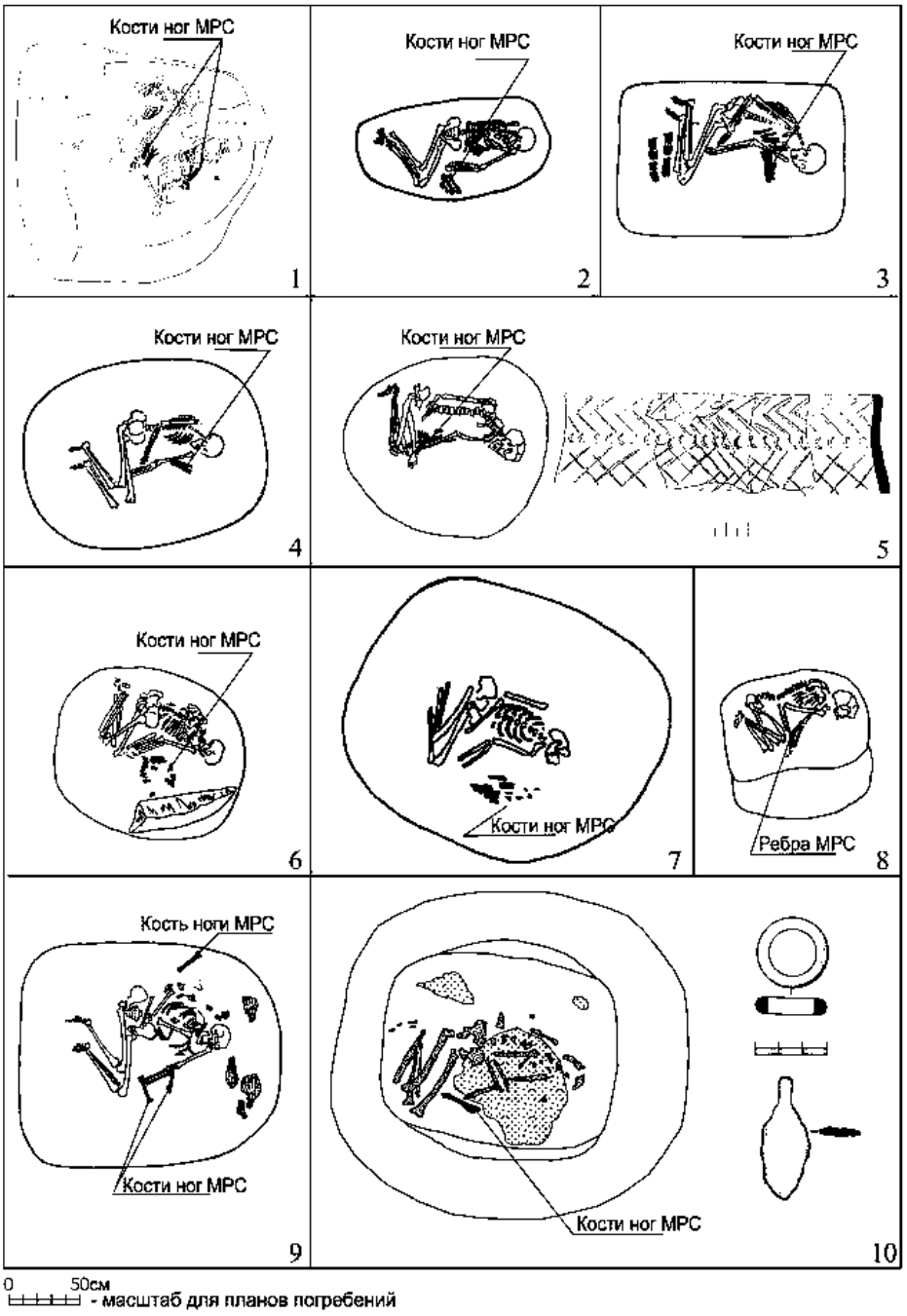


Рис. 4. Погребения волго-донской бабинской культуры II-й обрядовой группы Волго-Уралья

1 – Николаевка 3 2/1 (по: Скарбовенко, 1999); 2 – Калиновский 54/2 (по: Шилов, 1959); 3 – Скатовка 21/7 (по: Синицын, 1959); 4 – Скатовка 6/1 (по: Синицын, 1959); 5 – Рунталь 1/1 (по: Жемков, Лопатин, 2007); 6 – Верхний Балыклей 2/2 (по: Скрипкин, 1978); 7 – Волжский 2/11 (по: Кияшко, 2003); 8 – Западные могилы 20/5 (по: Скворцов, 1999); 9 – Белокаменка 3/8 (по: Лукашов, 1987); 10 – Верхний Балыклей 4/4 (по: Мимоход, 2010а)

встречена в 14,8% комплексов. Изредка ею покрывался костяк и дно, чаще она находилась в области черепа. В ряде погребений были обнаружены подстилки (9,5%) и следы горения (6,8%).

Отдельно стоит остановиться на находках в погребениях Волго-Донского Бабино костей животных. Этот признак сыграл немаловажную роль как в выделении лолинской культуры, так и ВДБК. Визитной карточкой последней является помещение в могилы костей ног МРС и/или КРС (рис. 2: 1–5, 7, 8, 10, 12; 3: 1–4, 6, 8, 9, 11, 12; 4: 1–7, 9, 10; 5: 1, 3–5, 6). Они зафиксированы в 58,6% погребений Волго-Уралья. Это очень высокий показатель и, без сомнения, культуроопределяющий. Чаще всего кости встречаются у предплечий перед погребенным. Аналогичное расположение археозоологических остатков по отношению к скелету характерно и для ряда других посткатакомбных образований юга России: лолинской культуры, кубанской и архонской культурных групп (Мимоход,

2006, с. 250, 251; 2007а; 2013, с. 42; Кореневский, Мимоход, 2011, с. 41).

В количественном отношении доминируют комплексы с костями МРС (43 захоронения), что составляет 76,7% от всех погребений с костями животных, могилы с костями ног КРС встречаются значительно реже (4 комплекса) – 7,1%. В трех комплексах зафиксировано совместное нахождение костей ног КРС И МРС – 5,4%. Картографирование захоронений с костями животных выявляет интересную закономерность. Погребения с костями ног МРС равномерно распространены в Волго-Уралье. Могилы с костями ног КРС полностью отсутствуют на юге Нижнего Заволжья в пределах Астраханской и Волгоградской областей. Самый южный комплекс с костями КРС (Скатовка 21/7) расположен на юге Саратовской области (рис. 1), и то он выглядит несколько оторванным, т. к. стабильно погребения с костями ног КРС начинают встречаться только с широты г. Саратов (Крутояровка 11/3, Советское 1 2/15) (рис. 1). Серия таких погребений представлена на юге Среднего Поволжья в Самарской области (Ягодное I 3/1, Николаевка 3 3/3, Утевка V 4/1, Калиновский I 1/4) (рис. 1). По всей видимости, подобная достаточно четкая закономерность может отражать территориальную особенность состава стада. Вероятно, доля крупного рогатого скота в северной части ареала ВДБК возрастает по сравнению с южными территориями сухих и полупустынных степей.

Захоронения ВДБК можно разделить на 4 обрядовые группы (ОГ).

ОГ I представлена погребениями в ямах, костяки которых ориентированы на С и СВ (рис. 2, 3). В количественном отношении это самая многочисленная группа. Она составляет 57,3% от всех погребений региона.

ОГ II составляют захоронения в ямах (32%), скелеты которых ориентированы на В с небольшими отклонениями, в редких случаях на ЮВ (рис. 4, 5).

ОГ III и IV – это маргинальные и крайне немногочисленные группы, тем не менее они хорошо опознаются как в западной части ареала Волго-Донского Бабино (Волго-Донское междуречье), так и в восточной (Волго-Уралье).

ОГ III – это захоронения в ямах с южной ориентировкой или с отклонениями. В волго-уралье известно три комплекса этой ОГ (Бережновка I 3/11, 5/21, Бородаевка 2/3) (рис. 1; 6: 1, 2). На правобережье Волги исследовано 4 погребения (Барановка 2/4, Жутово I 80/2, Писаревка II 10/2, Симоновка 1/1). Помимо ног МРС (Бережновка I 5/21, Бородаевка 2/3, Барановка 2/4), которые, как уже отмечалось, являются культурным маркером ВДБК, в этой группе хорошо фиксируются еще два объединяющих признака.

Первый – это четкая корреляция в этой ОГ южной ориентировки с позицией рук, когда одна протянута к коленям, а вторая согнута в локте под прямым углом и кисть ее находится у локтевого сустава вытянутой рука (рис. 6: 1, 2). Это редкая позиция для ВДБК, она составляет 12% от всех захоронений по всему ареалу. Из семи известных захоронений ОГ III в шести зафиксирована именно эта позиция. В комплексе Писаревка II 10/2 (Мимоход, 2013, илл. 94: 11) сохранилась левая рука, вытянутая к коленям, и плечевая кость правой руки, предплечье ее отсутствовало. Не исключено, что и в этом погребении была такая же позиция рук, как и в других шести захоронениях.

Второй признак менее четкий, но вполне опознаваемый – это расположение костяка в могиле. В четырех из семи случаев (Жутово I 80/2, Бережновка I 5/21, Бородаевка 2/3, Симоновка 1/1) скелеты находились не в центре ямы, а у восточной стенки и так, что между ногами и северной стенкой оставалось пустое пространство (рис. 6: 1, 2).

Подобные взаимосвязи между ориентировкой, положением рук и размещением костяка в могиле не оставляют сомнения: ОГ III хоть маргинальная и малочисленная, но в то же время вполне самостоятельная обрядовая группа.

ОГ IV объединяет погребения, совершенные в ямах с подбойной конструкцией. Она также немногочисленна. В ВДБК всего известно десять таких захоронений, из которых пять располагаются в Волго-Уралье (рис. 6: 3–6). Следует отметить, что эту группу объединяют не только подбойные могилы, но и ориентировка скелетов в северный и северо-восточный секторы. Это характерно как для западной, так и восточной частей Волго-Донского Бабино. Известен только один комплекс с восточной ориентировкой, который находится в Заволжье (Бережновка I 4/3).

Обрядовые группы – это не просто классификационные единицы, в них отражаются механизмы сложения и культурные составляющие ВДБК, которые будут рассмотрены ниже.

О датировке финалом средней бронзы волго-донской бабинской культуры свидетельствуют *стратиграфические данные*. К сожалению, в Волго-Уралье количество комплексов катакомбной культуры ограничено, т. к. эта территория является глухой периферией катакомбной общности, памятники здесь крайне немногочисленны. В результате стратиграфические связки между катакомбными и посткатакомбными погребениями здесь отсутствуют. В Волго-Уралье подавляющее большинство погребений ВДБК впущено в ямные курганы. В регионе есть шесть случаев,

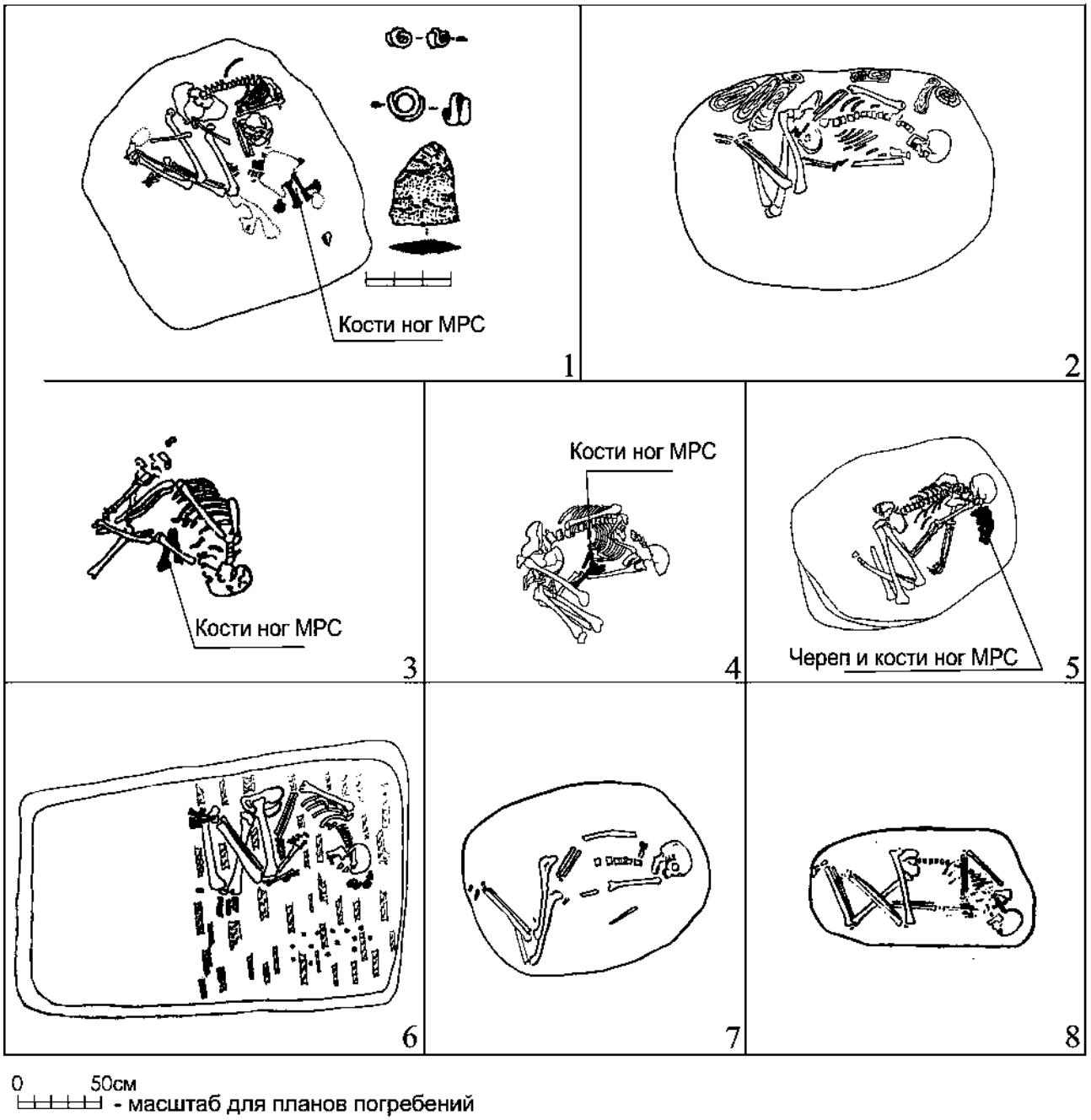


Рис. 5. Погребения волго-донской бабинской культуры II-й обрядовой группы Волго-Уралья

1 – Светлое Озеро 6/3 (по: Жемков, Лопатин, 2008); 2 – Рыбный 3/16 (по: Скрипкин, 1976); 3 – Калиновский 8/15 (по: Шилов, 1959); 4 – Степная IV 3/1 (по: Мимоход, 2013); 5 – Смеловка, грунт. мог., п. 111 (по: Лопатин, 2008; 2010); 6 – Белявская I 2/1 (по: Назаров, 2010); 7 – Верхний Балыклей 1/1 (по: Скрипкин, 1978); 8 – Санзяпово I 6\2 (по: Денисов, Исмагилов, 1989)

когда посткатакомбные погребения следуют за полтавкинскими и, возможно, волго-донскими катакомбными захоронениями (Калиновский I, к. 1, Бережновка I, к. 5, Советское 1, к. 2: два случая, Быково I, к. 6: два случая). В определении нижней границы существования Волго-Донского Бабино лучше опираться на материалы западной части распространения культуры (Волго-Донское междуречье), где катакомбных погребений в разы больше, а, соответственно, стратиграфические связки между последними и посткатакомбными захоронениями здесь хорошо представлены. На этой территории известно 13 случаев стратиграфического соотношения, когда посткатакомбные захоронения следуют за погребениями волго-донской и левобережного варианта среднедонской катакомбных культур, при полном отсутствии случаев обратной стратиграфии (Мимоход, 2004, с. 110; 2013, с. 169; 2014, с. 109).

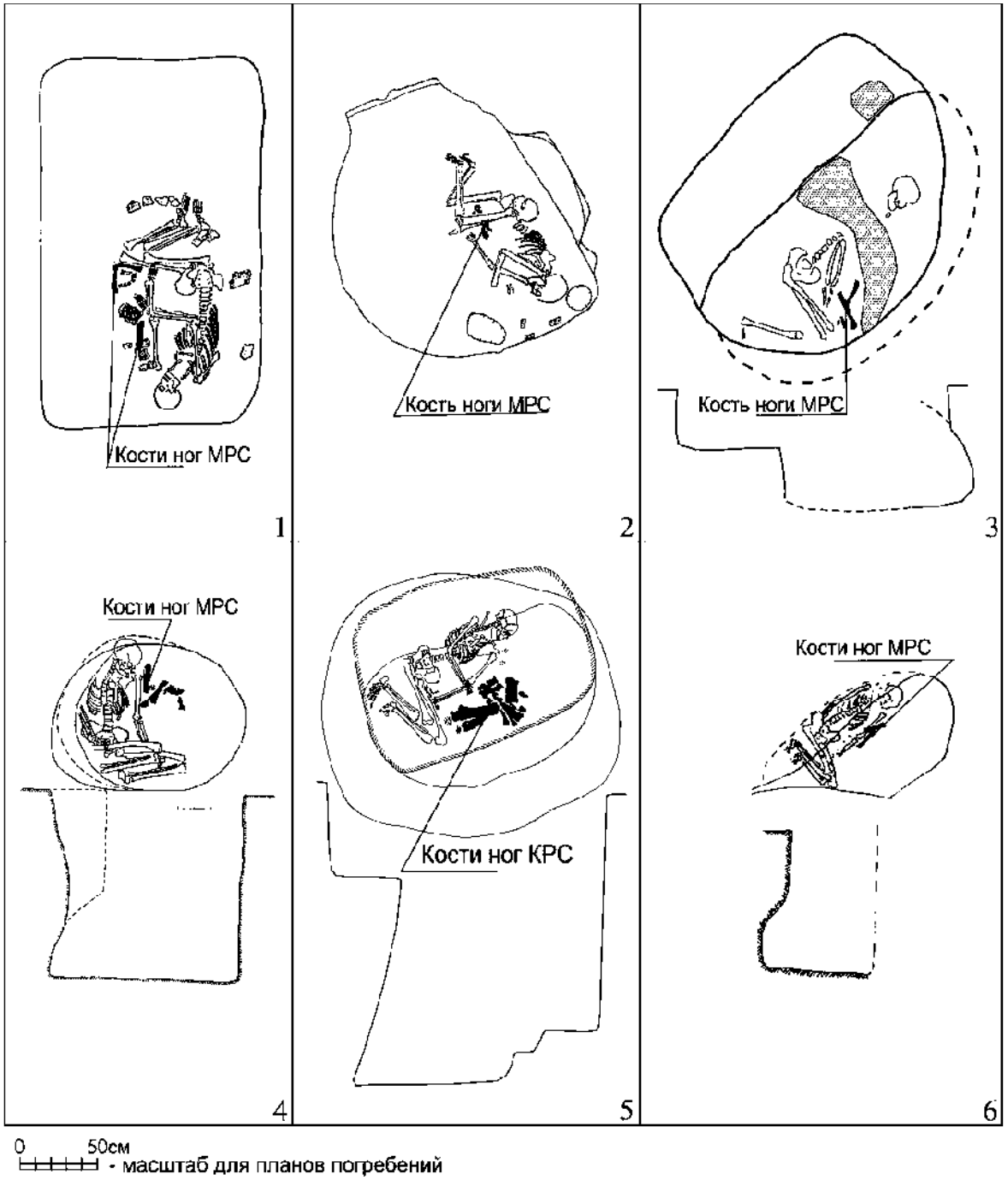


Рис. 6. Погребения волго-донской бабинской культуры III-й и IV-й обрядовых групп Волго-Уралья.
1 – Бережновка I 5/21 (по: Синицын, 1959); 2 – Бородаевка 2/3 (по: Миронов, 1987); 3 – Советское, од. кург., п. 6 (по: Дремов, 1999); 4 – Смеловка 3/2 (по: Мимоход, 2013; 2014); 5 – Утевка V 4/1 (по: Мимоход, 2013; 2014); 6 – Верхний Балыклей 4/3 (по: Мимоход, 2013)

В южном Заволжье есть еще один важный памятник, который более четко определяет нижнюю границу ВДБК. Речь идет о стратиграфическом соотношении разнокультурных погребений посткатакомбного блока в кургане 3 мог. Степная IV (рис. 1). Здесь погребение 1 ВДБК перекрыло захоронение 3 раннелолинской культуры, т. е. этой стратиграфической связкой время существования Волго-Донского Бабино определяется не раньше начала посткатакомбного периода. Это еще более станет очевидно, если привлечь данные стратиграфии в контактных зонах Волго-Донья между лолинской, днепро-донской и волго-донской бабинскими культурами. В кургане 5 мог. курганной группы Кривая Лука XXXIV в Астраханском Поволжье курган 5 был возведен над основным погребением 5 раннего этапа лолинской культуры (Мимоход, 2004, с. 111, рис. 3; 2013, илл. 86). Два из впускных захоронений (п. 4 и 7) – волго-донские бабинские. В группе Бурлук I на севере

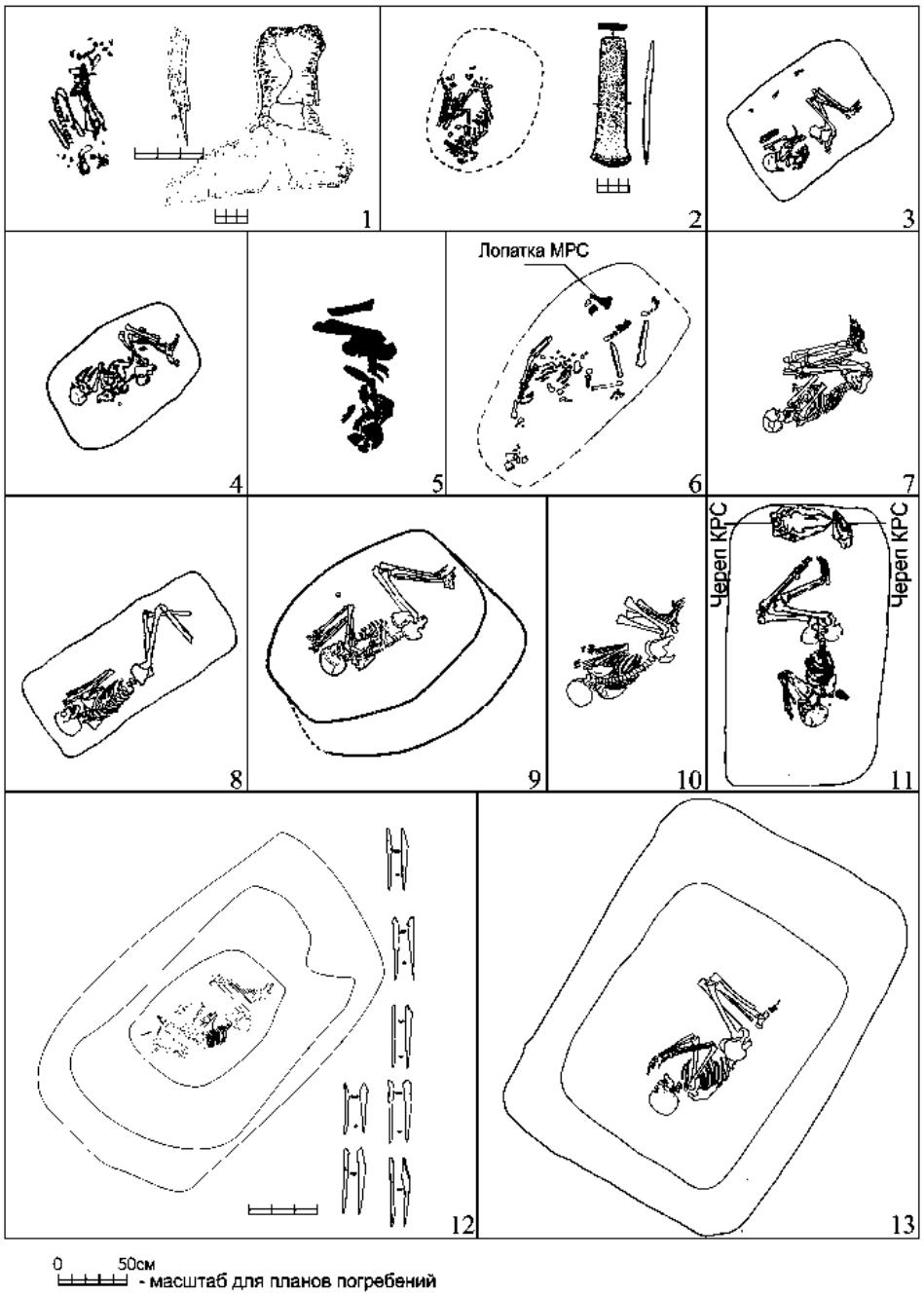


Рис. 7. Погребения волго-уральской культурной группы I-й обрядовой группы

1 – Красносамарский I 1/2 (по: Васильев, Кузнецов, 1977); 2 – Утевка I 1/2 (по: Васильев, 1980; 2015); 3 – Хрящевка 2/1; 4 – Хрящевка 2/2 (по: Мерперт, 1954); 5 – Пятилетка 5/1 (по: Богданов, 1988); 6 – Шумаево II 3/2; 7 – Шумаево II 6/1 (по: Моргунова, Гольева, Краева, Мещеряков, Турецкий, Халяпин, Хохлова, 2003); 8 – Восточно-Курайли 1 1/1 (по: Ткачев, 2000; 2006; 2007); 9 – Политотдельское 12/18 (по: Смирнов, 1959); 10 – Политотдельское II 1/2 (по: Смирнов, 1954); 11 – Грачевка II 5/3 (по: Кузнецов, Мочалов, 2012); 12 – Имангулово II 5/3 (по: Моргунова, 2010); 13 – Перевозинка 2/32 (по: Смирнов, 1967)

Волгоградской области в кургане 1 две насыпи сооружены над погребениями 4 и 5 днепро-донской бабинской культуры. Над ним была совершена досыпка, связанная с погребением 2 ВДБК (Мимоход, 2013, илл. 86). В могильнике Репный I на Северском Донце в кургане 7 зафиксировано чередование стратиграфических горизонтов ранних Днепро-Донского и Волго-Донского Бабино (Глебов, 2004, с. 77–108; Литвиненко, 2011, рис. 8). В мог. Кривая Лука XXI в кургане 2 лолинское погребение 6 второго этапа, который синхронен второму этапу Бабино, прорезает волго-донское бабинское захоронение 4. Иными словами, нижняя дата ВДБК не может быть древнее ранней днепродонской бабинской и раннелолинской культур. Случаи взаимной обратной стратиграфии между

комплексами указанных культур посткатакомбного блока свидетельствуют об их синхронности.

Ситуация с определением по стратиграфическим данным верхней границы существования ВДБК в Волго-Уралье более благоприятна, чем с комплексами развитой бронзы. Это связано с тем, что территория региона была ключевой частью формирования эпохи поздней бронзы в рамках концепции волго-уральского очага культурогенеза (Бочкарев, 1991; 1995; 2010, с. 52–60; 2016, с. 112–114; 2017, с. 160; Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 8, 9), поэтому серия погребений начала поздней бронзы здесь представительна. Как следствие, на рассматриваемой территории мы имеем десять случаев стратиграфических связок, в которых погребения ВДБК были перекрыты захоронениями начала поздней бронзы покровского периода (Западные могилы, к. 20, Бережновка II, к. 87, Бородаевка, к. 2 (два случая), Советское, од. кург./6, Политотдельское, к. 3 и 4, Потемкино, к. 3, Узморье, к. 2). Интересно, что в Волго-Донском междуречье такие случаи тоже есть, но их в два раза меньше. Однако, и в том и в другом регионе отсутствуют случаи обратной стратиграфии между посткатакомбными и покровскими комплексами.

В Волго-Уралье есть восемь курганов, где зафиксирована внутренняя стратиграфия между погребениями ВДБК. Она мало что дает для разработки внутренней периодизации культуры. Два раза погребения I ОГ следовали друг за другом (Быково I, к. 6, Смеловка, к. 2), еще в одном случае захоронения II ОГ перекрыли друг друга (Бережновка I, к. 8). В кургане 4 могильника Верхний Балыклей основным было погребение II ОГ, а впускными комплексы II и IV ОГ. Более конкретную информацию представляют стратиграфические связки волго-донских бабинских захоронений, зафиксированные в кургане 2 мог. Западные могилы, в кургане 4 мог. Быково I и в кургане 2 мог. Волжский. В первых двух случаях погребения I ОГ предшествовали комплексам II ОГ, а в последнем – наоборот, захоронение II ОГ было древнее могилы I ОГ. Случаи обратной стратиграфии между этими самыми распространенными в ВДБК обрядовыми группами свидетельствует о том, что обе обрядовые группы (ОГ I и II) существовали синхронно.

Таким образом, стратиграфические колонки западной и восточной частей ареалов Волго-Донского Бабино органично дополняют друг друга и очерчивают диапазон его существования после катакомбной культуры и до начала поздней бронзы. Иными словами, данные стратиграфии подтверждают датировку посткатакомбной ВДБК финалом средней бронзы.

Инвентарь. Вещи в погребениях волго-донской бабинской культуры встречаются очень редко. Выраженная безынвентарность захоронений – характерная черта для всех посткатакомбных культурных образований (Березанская, 1979, с. 5; Берестнев, 2001, с. 72; Мимоход, 2005, с. 71, 72; 2013а, с. 319). Однако в ВДБК эта черта проявляется сильнее всего не только в рамках культурного круга Бабино, но и культурного круга Лола. Например, безынвентарные погребения в днепродонской бабинской культуре составляют 47,7%, в днепро-прутской бабинской культуре – 54,3% (Литвиненко, 2009а, с. 73, 102, 121, 136), в лолинской культуре – 38,4% (Мимоход, 2013, с. 56). Для Волго-Донского Бабино этот показатель заметно больше – 74% для всей территории. В Волго-Уралье он еще выше и составляет 80% от всех погребений региона.

Керамический комплекс ВДБК требует отдельного обсуждения. Погребения с керамикой составляют 8% от всех погребений региона и 18,5% от всех захоронений с сопровождающими вещами. Посуда состоит из двух групп. Первую составляют сосуды бабинской традиции. Это горшки с многоваликовой орнаментацией либо ее имитацией (рис. 9: 6) и сосуд с раструбным горлом и трехчастным профилем (рис. 9: 5). Особый интерес вызывает обнаружение в комплексе Караман 1/3 корчаги (рис. 9: 4). Еще один сосуд этого типа, полностью идентичный по морфологии, размерам и пропорциям, происходит из захоронения ВДБК в Волго-Донском междуречье (Симоновка 1/1) (Кочерженко, Слонов, 2012, рис. 6). Корчаги, по параметрам и размерам аналогичные нашим, хорошо известны в днепро-донской бабинской культуре (Литвиненко, 1999а). Там они, как и экземпляры ВДБК, датируются ранней фазой культурного круга Бабино. Однако корчаги обеих бабинских культур имеют некоторые отличия в морфологии. Корчаги ДДБК выглядят более массивными и грубыми по сравнению с сосудами ВДБК. У них более сильно выражена биконичность тулова, горло прямое или слегка отогнутое, дно плоское без закраин (Литвиненко, 1999а, рис. 1, 3; 2009а, рис. 28). Корчаги Волго-Донского Бабино более грацильные. Они имеют плавное изогнутое горло, у них отсутствует биконичность, а дно оформлено в виде невысокого поддона (рис. 9: 4) (Жемков, Лопатин, 2007, рис. 3: 5; Кочерженко, Слонов, 2012, рис. 6). До недавнего времени самая восточная точка обнаружения корчаг ДДБК располагалась в районе г. Донецка (Восточная Украина). Один из двух сосудов ВДБК находится в Заволжье (рис. 9: 4), а второй (Симоновка 1/1) – в Волго-Донском междуречье (Калининский район Саратовской области). Очевиден большой терри-

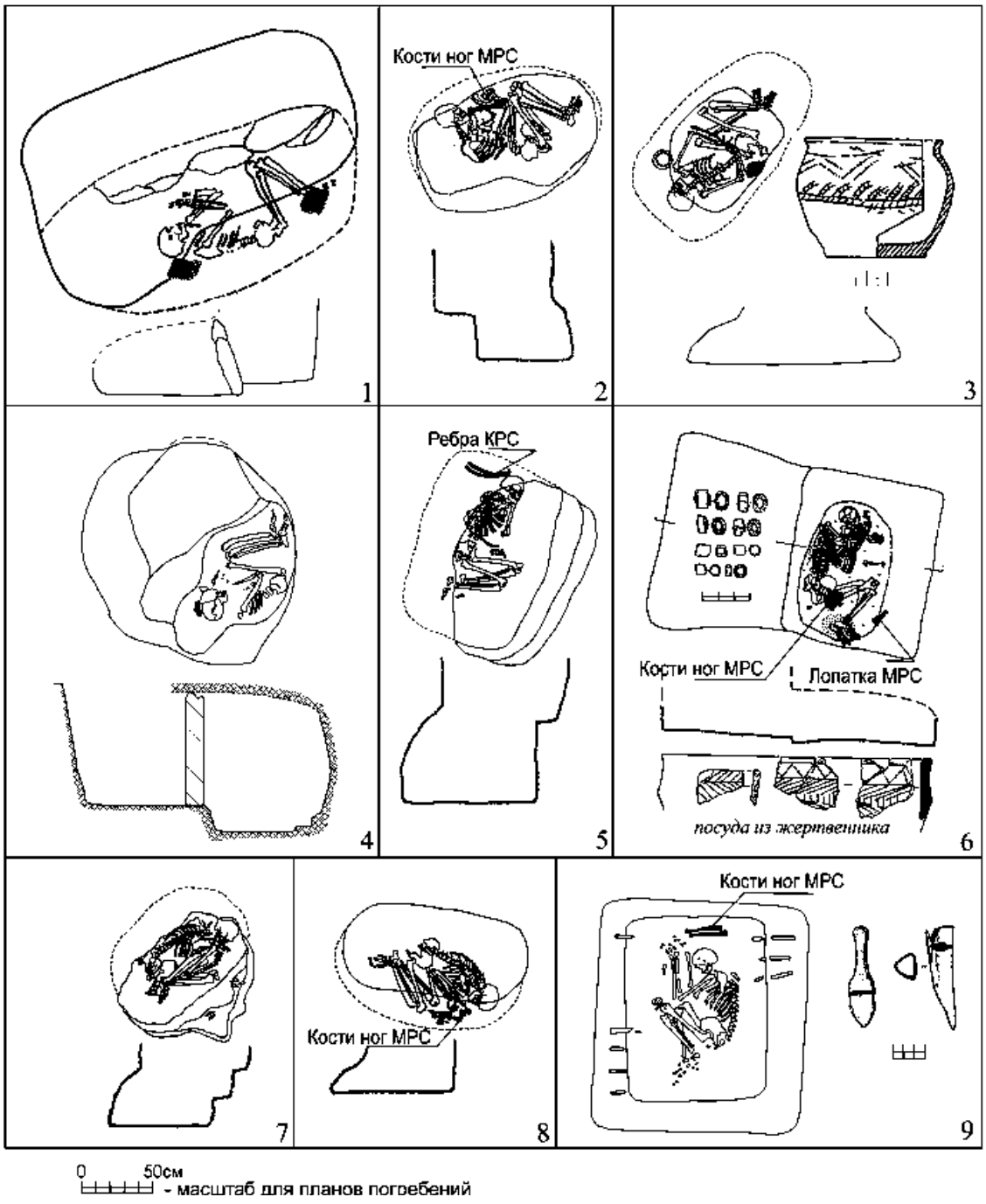


Рис. 8. Погребения волго-уральской культурной группы II-й обрядовой группы и лолинской культуры

1–8 – погребения волго-уральской культурной группы II-й обрядовой группы: 1 – Новый Кумак 25/14 (по: Смирнов, Кузьмина, 1977); 2 – Смеловка, гр. мог./20; 3 – Смеловка, гр. мог./6 (по: Лопатин, 2008; 2010); 4 – Щилисай II 2/2 (по: Хаванский, Бисембаев, Дуйсенгали, Баиров, Амелин, Бидагулов, 2018); 5 – Смеловка, гр. мог./9 (по: Лопатин, 2008; 2010); 6 – Светлое Озеро 1/1 (по: Жемков, Лопатин, 2008); 7 – Смеловка, гр. мог./33; 8 – Смеловка, гр. мог./70 (по: Лопатин, 2008; 2010); 9 – погребение лолинской культуры: Бахтияровка 32/4

ториальный разрыв между ареалами корчаг ДДБК и ВДБК. Однако в 2017 г. было найдено сразу две корчаги днепро-донской бабинской культуры в Аксайском и Красносулинском районах Ростовской области (курганные могильники Веселый и Бургуста 1 (раскопки А.В. Кияшко и В.А. Ларенок)). Охарактеризованный территориальный разрыв заметно сократился. Вероятно, следует ожидать новых находок корчаг в Волго-Донском междуречье.

Вторая группа представлена керамикой с вольско-лбищенскими чертами (рис. 9: 1–3). Не вызывает сомнения, что керамика, встреченная в комплексах ВДБК, разнокультурна. Это еще более станет очевидным, если привлечь материалы Волго-Донского Бабино, западной части ее ареа-

ла (Волго-Донское междуречье). Здесь керамики немного больше – 13% от всех погребений этой территории, но при полном единстве обряда она также распадается на разнокультурные группы. Первая – это сосуды с многоваликовой орнаментацией и бабинской морфологии (Жареный бугор 3/1, Паницкое 6 4/3, Барановка 2/4, Гремячий II, к. 1, Евстратовский, к. 4) (Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989, рис. 10: 1; Мимоход, 2013, рис. 4, 6, 7; 2014, рис. 4: 6, 7), вторая – посуда вольско-лбищенского облика (Белогорское I, ск. 1/15, Белогорское I, п. 28) (Мимоход, 2009, рис. 1: 2, 3; 2013, рис. 4: 2, 3; 2014, рис. 4: 2, 3), наконец, третья – это горшки воронежской культуры (Липовка 1 5/1, Чурилово 1 3/3, Губари 4/1) (Мимоход, 2013, рис. 4: 10–12; 2014, рис. 4: 10–12).

Эта многокомпонентность крайне немногочисленного керамического комплекса ВДБК можно логично объяснить. Понять, какая группа представляет собой собственно бабинскую, а не инокультурную керамику, позволяет картографический метод. Комплексы с вольско-лбищенской посудой (Советское 1 2/4, Белогорское I, ск. 1/15, Белогорское I, п. 28, Рунталь 1/1; Калмыцкая Гора F 6/7) располагаются в северной части ареала ВДБК, в Саратовском Поволжье, в зоне непосредственного контакта носителей традиций Волго-Донского Бабино и Вольска-Лбище[2]. Захоронения с сосудами воронежского типа (Липовка 1 5/1, Чурилово 1 3/3, Губари 4/1) концентрируются на северо-западной периферии ареала, в пределах Воронежской области, там, где группы ВДБК вступали во взаимодействие с воронежскими[3]. Погребения с керамикой бабинского облика демонстрируют принципиально иную картину. Они известны на севере ареала в Саратовской области и в ее центре (Жареный Бугор 3/1; Паницкое 6 4/3; Симоновка 1/1; Караман 1/3) (рис. 9: 4), в Волгоградской области (Евстратовский II 4/3, Гремячий 1/3, Бережновка I 4/3; Малая Мартыновка 1/3, Барановка 2/4) и на юге на границе Волгоградской и Астраханской областей (Царев 66/1) (рис. 9: 5, 6). Очевидно, что керамика бабинского облика представлена по всему ареалу ВДБК, в отличие от воронежской и вольско-лбищенской посуды, находки которой приурочены исключительно к зонам контакта посткатакомбного и постшнурового миров.

Нельзя объяснить присутствие бабинской посуды в комплексах ВДБК взаимосвязями с соседней ДДБК. Во-первых, потому что они находятся не на западе ареала в зоне контакта с Днепро-Донским Бабино, а на севере, в центре, на юге и на востоке. Во-вторых, посуда ВДБК имеет черты, отличающие ее от днепро-донской бабинской керамики. В подобном ракурсе на особенности сосуда с многоваликовой орнаментацией из Жареного Бугра обращал внимание Р.А. Литвиненко (1999, с. 70). Горшок из Царева (рис. 9: 6) помимо специфической многоваликовой орнаментации, не имеющей прямых аналогий в днепро-донской бабинской культуре, украшен елочным мотивом, выполненным зубчатым штампом. Такой орнамент вообще неизвестен в днепро-донских бабинских древностях, а более характерен для волго-донской катакомбной культуры, которая служит генетическим субстратом для памятников волго-донской бабинской культуры. О существенных различиях корчаг ДДБК и ВДБК уже говорилось.

Таким образом, имеются немногочисленные (как и сами волго-донские бабинские посткатакомбные погребения с керамикой), но веские основания утверждать, что именно посуда с многовалковой орнаментацией и бабинской морфологии служит опознаваемым культурным индикатором ВДБК. Подтверждает этот факт и то, что поселения, на которых обнаружена многоваликовая посуда посткатакомбного облика в Нижнем Поволжье, расположены именно там, где зафиксированы погребальные комплексы с подобной керамикой: в Волгоградской (Лапушина балка) и Саратовской (Алексеевское городище, Хлопково городище, Новая Красавка, Утес Степана Разина) областях. Теперь понятно, что на этих поселениях обитали носители волго-донской бабинской погребальной традиции.

Изделия из кости и рога ВДБК представлены костяной пряжкой и крупным кожевенным орудием, изготовленным из тазовой кости крупного копытного (рис. 9: 9, 10).

Кольцевая пряжка из комплекса Верхний Балыклей 4/4 (рис. 9: 9) представляет собой начальное звено эволюции изделий этого типа. В днепро-донской бабинской культуре они уверенно датируются ранним этапом. В ВДБК в западном ареале есть еще пять ранних кольцевидных пряжек (Большая Дмитриевка II 1/6, Власовский I 7/1, Жареный Бугор 3/1, Евстратовский II 3/2, Евстратовский II

[2] О попадании вольско-лбищенских вещей в подкурганные захоронения будет сказано ниже на примере комплексов волго-уральской культурной группы.

[3] Здесь следует обратить внимание на еще одну важную закономерность. На указанной территории носители воронежской культуры вступали не только в контакт с группами ВДБК, но и ДДБК. Как следствие, мы имеем погребения (Хохольский 1/3, Павловский 3/1), совершенные по классической днепро-донской бабинской обрядности с западной ориентировкой костяка, в которых находится воронежская посуда (Пряхин, Синюк, 1983, рис. 3: 2; 4: 1; Синюк, 1983, рис. 14: 2, 3). Иными словами, как и в случае с вольско-лбищенской посудой, наличие воронежской керамики в бабинских погребениях не более чем свидетельство контактов ДДБК и ВДБК с носителями воронежской культуры (Мимоход, 2018).

Рис. 9. Инвентарный комплекс погребений финала средней бронзы Волго-Уралья

1–8, 19, 20 – керамика; 9, 10, 21–23, 28, 29 – кость; 11, 12, 16–18, 25, 26, 30, 34 – металл; 15 – дерево и металл; 24 – кость и металл; 13, 14, 31–33 – камень.

1–18 – волго-донская бабинская культура: 1 – Рунталь 1/1; 2, 8 – Калмыцкая Гора F 6/7; 3 – Советское 1 2/14; 4 – Караман 1/3; 5 – Бережновка I 4/3; 6, 10 – Царев 66/1; 7 – Калмыцкая Гора – 1982 2/10; 9, 11 – Верхний Балыклей 4/4; 12 – Красная деревня 15/5; 13 – Смеловка 2/3; 14 – Западные могилы 20/4; 15 – Калмыцкая Гора – 2012, п. 6; 16, 17 – Светлое Озеро 6/3; 18 – Бородаевка 2/2; 19–27 – волго-уральская культурная группа: 19 – Смеловка, гр. мог., п. 5; 18, 20, 27 – Светлое Озеро 1/1; 21 – Имангулово 2 5/3; 22 – Венгеловка 5/1; 23, 24 – Красносамарский I 1/2; 25 – Утевка I 1/2; 26 – Быково 15/2; 26–32 – лолинская культура: 28, 30 – Бахтияровка 32/4; 29, 31–34 – Степная IV 3/3

4/3, Дмитриевка 1/1) (Мимоход, 2010а, рис. 1: 1–9; 2013, рис. 4: 17–25; 2014, рис. 5: 1–9). Таким образом, феномен костяных пряжек, равно как и феномен многоваликовой посуды, имманентно присущ ВДБК, что на уровне инвентарного комплекса хорошо подтверждает принадлежность ее к культурному кругу Бабино. Следует обратить внимание на то, что при очевидном сходстве пряжек ДДБК и ВДБК, мы не сможем найти прямых аналогий изделиям из Евстратовского в днепро-донских бабинских материалах. Это вполне самостоятельный тип рассматриваемых изделий.

Особый интерес представляет обнаружение костяного тупика (Царев 66/1) (рис. 9: 10). Крупное кожевенное изделие известно и в комплексе ДДБК Калинов 1/8 (Мимоход, 2013а, с. 92, 93). Появление тупиков в двух посткатакомбных захоронениях Днепро-Волжского региона является результатом контактов ДДБК и ВДБК с лолинской культурой Предкавказья, которая сгенерировала традицию помещения в погребальные комплексы крупных кожевенных орудий (Мимоход, 2013а, с. 94, 97). Неудивительно поэтому, что погребения культурного круга Бабино с тупиками располагаются в контактной зоне с лолинскими древностями в Донецкой и на юге Волгоградской области (рис. 1).

Каменные орудия ВДБК Волго-Уралья представлены кремневым наконечником стрелы (Смеловка 2/3) (рис. 9: 13) и отщепами (Белокаменка 3/8, Западные могилы 20/4) (рис. 9: 14). Ассортимент каменных предметов в регионе выгля-

дит значительно беднее по сравнению с Волго-Донским междуречьем. Здесь, кроме указанных категорий, представлены оселок с двумя перетяжками, пестообразные орудия, наборы стрелоделов, булава (Мимоход, 2013, рис. 4: 31–35; 2014, рис. 5: 15–19).

Кремневый наконечник стрелы представлен выемчатым экземпляром (рис. 9: 13). Кроме предмета из Смеловки, в материалах ВДБК западного ареала известно еще пять наконечников стрел (Мимоход, 2014, рис. 5: 20–23, 25). Все они тоже с выемкой в основании. Это полностью соответствует стандартам ДДБК, в колчанных наборах которой присутствуют также только изделия с выемкой в основании (Литвиненко, 1998).

Бронзовые орудия ВДБК единичны – это нож и рыболовный крючок (рис. 9: 11, 12). Причем оба орудия происходят из Волго-Уралья (рис. 1). Нож представляет собой стандартный экземпляр циркумпонтийского производства, имеет листовидную форму без перекрестья (рис. 9: 11). Эта категория инвентаря очень редкая в культурах бабинского круга. В ВДБК это единственный экземпляр. В ДДБК известно 11 экземпляров, в днепропрутской бабинской культуре – 3 (Литвиненко, 2006а, с. 44, 45).

Бронзовый крючок (рис. 9: 12) – вещь для посткатакомбных древностей уникальная. Это единственный экземпляр на весь посткатакомбный мир. Скорее всего, появление этого изделия в материалах ВДБК связано с контактами с абашевским миром, где имеется серия бронзовых крючков (Евтюхова, 1965, рис. 2: 4; Большов, 2003, рис. 18: 7; Горбунов, 1986, табл. XV: 4–7). Есть бронзовые крючки и в пещере Братьев Греве (Васильев, 1975, рис. 2: 2, 3), материалы из которой рассматриваются как вольско-лбищенские (Васильев, 2003) или как абашевские (Кузьмина, 2000). В дальнейшем в Волго-Уралье традиция помещения таких предметов распространяется в синташтинско-потаповских древностях (Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, рис. 28: 2; 30: 6; Ткачев, 2007, рис. 55: 10–12).

В двух комплексах (Светлое Озеро 6/3 и Калмыцкая гора – 2012, п. 6) обнаружены остатки деревянных сосудов с бронзовыми обивками (рис. 9: 15).

Немногочисленные украшения из металла в материалах ВДБК известны только в Заволжье (рис. 1; 9: 16–18). Они хорошо отражают межкультурные связи.

Мелкие металлические подвески в 1,5 оборота, происходящие из комплекса Светлое Озеро 6/3 (рис. 9: 16, 17), в целом сопоставимы с позднекатакомбными образцами (Жемков, Лопатин, 2008, с. 174). Однако следует обратить внимание на миниатюрные размеры изделий, более соответствующие абашевским подвескам. Причем один предмет изготовлен из серебра. Этот металл позднекатакомбные и посткатакомбные мастера почти не использовали (Мимоход, 2009а, с. 128). Зато именно серебро повсеместно выступало сырьем для производства ювелирных изделий в среде средневолжской абашевской культуры, в том числе и подвесок в 1,5 оборота (Кузьмина, 2002, с. 179). Расположение комплекса Светлое Озеро 6/3 на севере Нижнего Поволжья (рис. 1) в непосредственной близости от ареала средневолжской абашевской культуры позволяет рассматривать серебряную подвеску в посткатакомбном комплексе в качестве проявлений межкультурных связей.

К ним же отсылает обнаружение в волго-донском бабинском захоронении Бородаевка 2/2 сурьмяных бус (рис. 9: 18). Как и в случае с серебром, это единственная находка украшений из сурьмы в контексте ВДБК. В степной зоне в синхронный период серийное использование сурьмяного литья известно только в лолинской культуре Предкавказья, где оно имело кавказские истоки (Гак, Калмыков, Мимоход, 2008; Гак, Мимоход, Калмыков, 2012). В нашем случае не должна вызывать удивление удаленность заволжского комплекса из Бородаевки от лолинского ареала (рис. 1). Трансляция сурьмяных бус в среду ВДБК произошла, скорее всего, посредством волго-уральской культурной группы (о ней см. ниже), которая являлась северным дериватом Лолы и занимала степи одноименного региона (Мимоход, 2010; 2013а, илл. 123).

Хронология. Стратиграфические данные и датирующие вещи погребений ВДБК надежно устанавливают относительную позицию культуры в рамках посткатакомбного блока финала среднего бронзового века (Мимоход, 2010а). Как было показано, данные стратиграфии свидетельствуют, что захоронения Волго-Донского Бабино в западном ареале следуют за комплексами среднедонской и волго-донской катакомбных культур, в восточном – за полтавкинскими погребениями. В свою очередь, и в Волго-Донском междуречье и в Волго-Уралье захоронения ВДБК перекрыты покровскими древностями. Из хорошо датирующих вещей в регионе представлена кольцевидная пряжка (рис. 9: 9). Как уже отмечалось, серия таких же изделий известна в западном ареале культуры. Кроме того, там присутствуют такие хронологические индикаторы как оселок с двумя перетяжками, двухрожковые и лепестковидные бусы, наборы стрелоделов (Мимоход, 2013, рис. 4: 33–35, 55, 56; 2014, рис. 5: 17–19, 36). Все эти артефакты позволяют уверенно синхронизировать ранние памятники ВДБК с ранними этапами днепро-дон-

ской бабинской и лолинской культур. Датирующих вещей, определяющих верхнюю границу в Волго-Уралье, пока, к сожалению, нет, но они есть в западном ареале культуры. Речь идет о кольцевых пряжках с бортиком, которые обнаружены в комплексах Короли 4/3 и Линево 6/6 (Мимоход, 2013, рис. 4: 24, 25; 2014, рис. 5: 8, 9). Изделия такого типа маркируют второй этап развития ДДБК. На основании этих данных уверенно можно говорить о синхронности всего диапазона существования ВДБК первым двум этапам днепро-донской бабинской, а соответственно, и лолинской культур. Симптоматичным выглядит отсутствие в комплексах Волго-Донского Бабино двудырчатых пряжек, изогнутых в сечении, которые характерны для позднебабинской традиции и изредка встречаются в покровских комплексах. Надежно установленное предшествование в курганах волго-донских бабинских погребений покровским захоронениям и синхронность последних позднебабинской и позднелолинской культурам устанавливает верхнюю границу хронологического диапазона ВДБК не позже развитых периодов Днепро-Донского Бабино и Лолы, т. е. до начала формирования блока колесничных культурных образований.

Серия данных ^{14}C волго-донской бабинской культуры насчитывает 11 дат, сделанных в четырех лабораториях (Мимоход, 2013а, прил. 4, табл. 3). Из них 6 датировок получены по образцам из погребений Волго-Уралья.

Все они показывают хорошую степень сходимости. Суммирование данных очерчивает калиброванный интервал в одну сигму в пределах XXII–XVIII вв. до н. э. Именно такой отрезок дают более представительные подборки радиоуглеродных дат лолинской и бабинских культур дононрутского региона (Мимоход, 2011), что позволяет подтвердить намеченные линии синхронизации. С учетом того, что хронологический интервал ВДБК короче диапазонов Днепро-Донского Бабино и Лолы, время существования посткатакомбных памятников нижневолжского региона следует сузить до XXII–XX вв. до н. э.

Происхождение и историческая судьба. В свое время Р.А. Литвиненко памятники, которые теперь выделены в ВДБК, рассматривал как восточную периферию бабинского очага культурогенеза (Литвиненко, 2004). Со временем стало понятно, что ВДБК занимает в бабинском культурогенезе не периферийное, а равноправное место, являясь восточной частью культурного круга Бабино. Раньше считалось, что культурно-генетические процессы были запущены в Днепро-Донском междуречье и были связаны с возникновением одноименной бабинской культуры, т. к. она имела несомненный хронологический приоритет по сравнению с днепро-прутской бабинской культурой и периферийными группами (евпаторийской, деснянско-сейминской, днепровско-припятской, подольско-волынской) (Литвиненко, 2009). Сейчас стало понятным, что начало бабинского культурогенеза охватывало более широкую территорию, включая доно-волжский регион и Заволжье. Это подтверждает очевидная синхронность ранних этапов днепро-донской и волго-донской бабинских культур.

Основным генетическим субстратом для ВДБК были катакомбные древности прежде всего среднедонской и волго-донской катакомбных культур. В обряде и инвентарном комплексе прослеживаются их пережиточные черты. В Волго-Уралье катакомбные комплексы немногочисленны и не исключено, что здесь в бабинском культурогенезе могли принять и поздние полтавкинские группы. Именно Волго-Уралье является основным ареалом распространения этой культуры (Кузнецов, 1989, табл. 9). Об этом может свидетельствовать существенное увеличение в регионе количества погребений II ОГ. Хорошо известно, восточные ориентировки скелетов были одним из культуроопределяющих признаков полтавкинской культуры (Кузнецов, 1989, табл. 4; Качалова, 2001, с. 33; Сухорукова, 2008, с. 12).

Одним из факторов бабинского культурогенеза был миграционный центральноевропейский импульс (Литвиненко, 2006; Lytvynenko, 2013; Мимоход, 2016, с. 46, 47; 2017; 2018), а также кавказско-предкавказский, ощутимый, но менее значимый. Первый особенно хорошо прослеживается в материалах днепро-донской бабинской культуры. В ВДБК он тоже фиксируется, но в заметно ослабленном виде. В любом случае, происхождение как Днепро-Донского, так и Волго-Донского Бабино, можно уверенно охарактеризовать как стимулированную трансформацию катакомбных культур в посткатакомбные.

Как уже отмечалось, ВДБК прошла в своем развитии два этапа, которые синхронны раннему и развитому периодам днепро-донской бабинской и лолинской культур. Она не имеет третьего этапа, чем отличается от последних культур. Дело в том, что ВДБК оказалась в ядре формирования культурных образований горизонта щитковых псалиев (ранний Покровск) и, по всей вероятности, была поглощена ими, одновременно став и одним из компонентов их формирования. Экспансия колесничных культур в южном направлении привела к вытеснению позднелолинских групп на юг с территории Нижнего Поволжья, а в западном – к заметному сокращению ареала поздней ДДБК. В результате того, что основные ареалы этих культур оказались за пределами функционирования

волго-уральского очага культурогенеза начала поздней бронзы, заключительные этапы Днепро-Донского Бабино и Лолы оказались синхронны колесничным культурным образованиям, в то время как «территориальный вопрос» для ВДБК прямо сказался на длительности ее существования.

Таким образом, завершение существования волго-донской бабинской культуры было тесно связано со становлением позднебронзовой эпохи. Участие ее носителей фиксируется в формировании двух линий развития срубной культуры, покровской, но главным образом бережновско-маевской, которые в Поволжье и Волго-Уралье возникли и существовали синхронно (Мимоход, 2018а, с. 117).

Волго-уральская культурная группа.

В регионе известно 31 погребение волго-уральской культурной группы (ВУКГ) (рис. 1). Как видно, она немногочисленна, но в культурном отношении хорошо опознается. В отличие от ВДБК Волго-Уралье является основным регионом распространения ВУКГ. Ее погребения на правобережье Волги единичны (Первомайский X 10/1, Горбатый мост 6/11, Барановский I 10/4, Кривая Лука XIV 8/5), и это не более чем результат спорадической инфильтрации отдельных групп в западный ареал Волго-Донского Бабино.

Погребальный обряд. Количество основных погребений и сопровождавшихся досыпками в ВУКГ составляет всего четверть погребений от всех комплексов региона. Это заметно меньше, чем в сравнении с соответствующим показателем ВДБК.

Большинство погребений совершено в ямах, встречаются захоронения в подбойных могилах. Отдельный интерес представляют глубокие ямы с заплечиками в нижней части (Перевозинка 2/32; Имангулово II 5/3) (рис. 7: 12, 13). В последнем комплексе на заплечики было уложено каменное перекрытие. В комплексе Новый Кумак 25/14 (рис. 8: 1) входная яма была перекрыта деревом, а вход в подбой закрыт каменными плитами. Аналогичным способом был закрыт вход в камеру в комплексе Щилисай II 2/2 (рис. 8: 4). Остатки деревянных перекрытий зафиксированы еще у двух погребений (Политотдельское 12/8, Утевка I 1/2). Интересно заметить, что захоронения с каменными конструкциями находятся в Приуралье и Северо-Западном Казахстане, а две из трех могил с остатками деревянных перекрытий – в Заволжье (рис. 1).

Погребения ВУКГ индивидуальные, только один раз встречено совместное захоронение взрослого и ребенка (Светлое Озеро 1/1) (рис. 8: 6). Умершие лежали скорченно на левом боку. Правобочные костяки (Красносамарский 1/2, Смеловка, п. 128, Утевка I 1/2, Шумаево II 3/2) (рис. 7: 1, 6) составляют 14,3% от всех погребений региона. Это относительно высокий процент. Для сравнения аналогичный показатель для ВДБК составляет всего 2,6%, в Лоле – 6%.

Ориентировка скелетов разнообразна, но налицо выраженные тенденции. Наиболее культурно значимым следует признать юго-западное направление. Погребения с такой ориентировкой составляют 46,4% от всех погребений ВУКГ региона. Второе по значимости место занимает южный вектор (28,6%). Остальные направления (В, ЮВ, СВ, С) явно второстепенные, на каждое из них приходится не более одного-двух комплексов. Мы видим картину, полностью противоположную ВДБК, где полностью доминировали северный и восточный секторы. По этому признаку разнокультурность ВУКГ и ВДБК не вызывает сомнения.

Так же дело обстоит и с другим важным культуроопределяющим признаком – положением рук умершего. В ВУКГ полностью доминирует поза адорации. Погребения с таким положением рук составляют 71,4%, остальные позиции единичны. В ВДБК ситуация кардинально отличается. Здесь полностью преобладают захоронения, в которых у умерших руки в разных вариациях протянуты к коленям (77,2%).

Достаточно часто в захоронениях ВУКГ встречается охра. Она зафиксирована в 32,1% комплексов. Этот показатель более чем в два раза выше, чем в Волго-Донском Бабино. Она встречается как кусками, так и локальными подсыпками. В четверти (25%) погребений волго-уральской культурной группы обнаружены следы горения, в основном это угольки, реже встречается зола. Похоже, что огонь в погребальном ритуале ВУКГ играл более значимую роль по сравнению с другими посткатакомбными культурами. Например, следы горения в ВДБК обнаружены в 7% захоронений, в соседней лолинской культуре этот показатель составляет лишь 3,2%. Таким образом, можно с достаточной долей уверенности утверждать, что использование огня в обряде относится к числу пусть не самых значимых, но тем не менее культуроопределяющих признаков.

Кости животных обнаружены в 42,8% погребений ВУКГ. Их анатомический состав в могилах не дает таких четких культурных маркеров, как, например, в ВДБК или лолинской культуре. В волго-уральской культурной группе наблюдается определенный синкретизм. В трех комплексах (Смеловка, п. 20, 70, 112, Светлое Озеро 1/1) присутствуют ноги МРС (рис. 8: 2, 6, 8) – визитная карточка ВДБК, еще в трех (Новый Кумак 25/14, Светлое Озеро 1/1, Шумаево II 3/2) (рис. 7: 6; 8:

6) обнаружены лопатки МРС – характерная черта лолинской культуры. Отличает же ВУКГ от Лолы и ВДБК находка в п. 9 гр. мог. Смеловка ребер КРС (рис. 8: 5). Не встречаются в посткатакомбных памятниках Поволжья и Предкавказья и черепа КРС, которые в ВУКГ известны по материалам комплекса Грачевка II 5/3 (рис. 7: 11).

Захоронения ВУКГ можно разделить на две обрядовые группы.

ОГ I представлена погребениями в ямах со скелетами в адоративной позиции с ориентировками в южный и юго-западный секторы (рис. 7).

ОГ II составляют захоронения, совершенные в могилах с подбойной конструкцией могил. В отличие от I ОГ ориентировка здесь неустойчива (рис. 8: 1–8).

В количественном отношении, безусловно, доминируют погребения I обрядовой группы. Они составляют 71,4% от всех захоронений, остальная доля приходится на ОГ II. Особенностью последней является то, что из девяти ее комплексов шесть исследованы в грунтовом могильнике Смеловка в Саратовском Заволжье и только три (Светлое Озеро 1/1, Новый Кумак 25/14, Щилисай II 2/2), исследованы в курганах. Сейчас сложно сказать, с чем связаны эти факты. Это покажет дальнейшее накопление базы источников.

Стратиграфические данные для ВУКГ крайне немногочисленны, впрочем, как и сама группа, но они есть и на своем уровне подтверждают датировку ее в рамках финала средней бронзы.

В Волго-Уралье имеется два случая стратиграфического соотношения погребения ВУКГ с предшествующим хронологическим субстратом. В кургане 1 мог. Кутулук III захоронение 1 волго-уральской культурной группы перекрыло выразительный полтавкинский комплекс – погребение 2 (Кузьмина, Кузнецов, Семенова, 1999). Аналогичная ситуация зафиксирована и в кургане 1 мог. Светлое Озеро (Жемков, Лопатин, 2008).

Для установления посткатакомбного возраста ВУКГ принципиальное значение имеет стратиграфическая связка, зафиксированная на правобережье Волги, где, как уже отмечалось, наблюдается единичная инфильтрация носителей ВУГК в инокультурное окружение ВДБК. В кургане 10 I Барановского могильника была прослежена следующая стратиграфическая картина (Сергацков, 1992, с. 97–99, рис. 1). Основным здесь было погребение погребение-кенотаф 7, из которого происходит сосуд, имеющий вольско-лбищенские черты. Затем было совершено захоронение 5 ранней ДДБК, сопровождавшееся досыпкой. В нее было впущено погребение 4 ВУКГ (Мимоход, 2010, рис. 1; 2013а, рис. 95).

Так же как и в случае с ВДБК, стратиграфических связок для установления верхней границы волго-уральской культурной группы в регионе больше, чем с комплексами предшествующего хронологического субстрата позднего этапа средней бронзы. В Волго-Уралье базовой является ситуация, зафиксированная в знаменитом кургане 25 Новокумакского могильника. Здесь основным было подбойное погребение 14 волго-уральской культурной группы финала СБВ (рис. 8: 1), затем в насыпь впустили детское захоронение 12, совершенное в яме с каменным ящиком в позе адорации, и еще одно захоронение ребенка (п. 13), оба с южными ориентировками того же культурного контекста. Только после этого в кургане был устроен могильник синташтинской культуры (Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 8–18). Иными словами, мы видим предшествование погребений волго-уральской культурной группы памятникам поздней бронзы. Причем, в Новом Кумаке четко зафиксирован ее предсинташтинский возраст. На посткатакомбный облик погребения 14 и его важность для установления хронологического соотношения посткатакомбных и колесничных древностей исследователи обращали внимание неоднократно (Отрощенко, 2000, с. 66, 67; Литвиненко, 2003, с. 147; Мимоход, 2010, с. 70; 2013а, с. 235–236). Кроме того, в Волго-Уралье есть еще два случая, когда захоронения ВУКГ предшествуют погребениям покровской срубной культуры (Перевозинка, к. 2, и Политотдельское, к. 12).

Инвентарь. О посткатакомбном возрасте ВУКГ свидетельствует и вещи, обнаруженные в захоронениях.

Керамический комплекс представлен двумя сосудами. Горшок из п. 6 гр. мог. Смеловка имеет специфический орнамент (рис. 8: 3; 9: 19). Нижний фриз представлен композицией, выполненной гладким штампом в виде лесенок. Такой же способ декорирования присутствует на банке из лолинской комплекса Островной 3/15 на Восточном Маныче (Мимоход, 2013а, илл. 45: 6). Еще два сосуда происходят из «тризны», связанной с погребением 1 кургана 1 мог. Светлое Озеро 1/1 (рис. 8: 6; 9: 20). Это керамика вольско-лбищенской культуры (Жемков, Лопатин, 2008, с. 175; Лопатин, 2012, с. 63; 2014, с. 30, 31). Мы опять сталкиваемся с ситуацией, когда инокультурная посуда попадает в посткатакомбный контекст. Выше уже было показано, что вольско-лбищенские горшки в контактной зоне двух культур обнаружены в погребениях ВДБК (рис. 4: 5; 9: 1–3). Иными словами, посуда с вольско-лбищенскими чертами обнаружена в погребениях Волго-Донского Бабино и волго-уральской культурной группы, а это не просто разнокультурные образования. В рамках

посткатакомбного блока они относятся к разным культурным общностям с различными механизмами культурогенеза. ВДБК входит в культурный круг Бабино, а ВУКГ в культурный круг Лола (Мимоход, 2016; 2017; 2018). Как уже отмечалось, такая керамика в подкурганных погребениях является свидетельством контактов посткатакомбных культурных образований с носителями традиций Вольск-Лбище (Мимоход, 2009, с. 278; 2009а, с. 32–34; 2018б).

Показательно и обнаружение костяного тупика в комплексе Красносамарский I 2/1 (рис. 9: 23). Как уже отмечалось, включение в состав инвентаря крупных кожевенных орудий является характерной чертой посткатакомбного предкавказского ритуала раннелолинского периода (Мимоход, 2013а, с. 92–97), которая получает дальнейшее развитие в памятниках поздней бронзы, в том числе и синташтинских.

В двух комплексах (Имангулово 2 5/3 и Венгеловка 5/1) обнаружены наборы костяных стержней (рис. 9: 21, 22). Это остатки гребней, скорее всего, гребней-кардов, предназначенных для вычесывания овечьей шерсти (Панковський, 2012, с. 71–82). Появление изделий этого типа в посткатакомбной погребальной обрядности закономерно с учетом явно выраженного в ней культа МРС. Интересно, что в лолинской культуре такие предметы неизвестны. Видимо, это специфическая черта волго-уральской культурной группы. Именно в этой посткатакомбной среде зарождается традиция использования гребней в погребальном обряде. Предметы данного типа, обнаруженные в захоронениях ВУКГ, являются самыми древними в Волго-Уралье. В дальнейшем традиция помещения гребней в погребения распространяется в синташтинской культуре (Куприянова, 2017, с. 276, 277, рис. 2: 1–3), а затем и в срубной культуре (Цимиданов, 2004, рис. 36, 58; Усачук 1997; Усачук, Литвиненко, 1999, с. 205, 206, рис. 3–6; Лопатин, 2010, с. 33, рис. 13: 4–10).

Из костяных украшений в материалах ВУКГ присутствуют пронизи (рис. 9: 27). Они имеют широкое распространение в эпоху бронзы и не несут культурно-хронологической нагрузки (Жемков, Лопатин, 2008, с. 175).

Бронзовые орудия представлены шилом с костяной рукоятью, теслом и ножом (рис. 9: 24–26).

Тесло из Утевки (рис. 9: 25) имеет поздний облик. Его можно отнести к изделиям кнышевского типа, по С.Н. Братченко и С.Н. Санжарову (2001, с. 66). Такие изделия особенно характерны для позднекатакомбных памятников Восточного Предкавказья, непосредственно предшествовавших лолинским (Гак, 2004, с. 79). По пропорциям наше тесло вполне сопоставимо с серий тесел, известных в синташтинских погребениях (Смирнов, Кузьмина, 1977, рис. 3: 2; Генинг, В.Ф., Зданович Г., Генинг В.В., 1992, рис. 61: 8; 127: 3; 140: 7; 146: 4; 148: 14, 15; 184: 6; Зданович Д., 2002, рис. 21: 1; 29: 4; Виноградов, 2003, рис. 35: 3; Епимахов, 2005, рис. 20: 2; 25: 6; 58: 4; 89: 1, 2; Ткачев, 2007, рис. 55: III, IV). Например, как на точную аналогию следует указать на изделие из комплекса Синташта CI/14, которое имеет такую же расковку лезвийной части (Генинг В.Ф., Зданович Г., Генинг В.В., 1992, рис. 148: 16). Можно сопоставить утевское тесло с теслами абашевской культуры, но структурным отличием является то, что абашевские изделия зачастую имеют слабо расширенную пятку (Кузьмина, 2000, с. 88), чего нет у нашего предмета. Характерно, что тесло из Утевки О.В. Кузьмина ни разу не включила в сводку абашевского металла, равно как и само это погребение не упоминала в перечне погребений средневолжской абашевской культуры Самарского Поволжья (Кузьмина, 2000а).

Из комплекса Быково I 15/2 происходит листовидный нож (рис. 9: 26), близкий по морфологии узким листовидным клинкам 1-го типа лолинской культуры (Гак, Мимоход, 2007, с. 89, 90, рис. 1: 1–7*;* Мимоход, 2013а, с. 75–78, илл. 50: 4–6, 8–12). Отличие только в наличии у быковского экземпляра валиковых утолщений на черенке и в центре лезвия, которые являются характерными деталями некоторых ножей покровской серии.

Хронология. Стратиграфические данные уверенно указывают на то, что ВУКГ имеет досинташтинский и допокровский возраст. В Волго-Уралье ее следует датировать посткатакомбным периодом. Об этом свидетельствует керамика с лолинскими (рис. 9: 16) и вольско-лбищенскими (рис. 9: 17) чертами. Как уже отмечалось, традиция помещения в погребения костяных крупных кожевенных орудий также распространяется в Предкавказье и Волго-Уралье в финале среднего бронзового века. Металлокомплекс ВУКГ (нож и тесло) вполне вписываются в циркумпонтийские стандарты завершающей фазы развития провинции.

Подтверждают это и четыре имеющиеся на сегодняшний день радиоуглеродные даты (Грачевка II 5/3 и Имангулово II 5/3) (рис. 7: 11, 12), сделанные в трех лабораториях.

Суммирование этих датировок определяет время существования ВУКГ в рамках конца XXIII–XX вв. до н. э. Эти данные хорошо увязываются радиокарбонными датировками синташтинской культуры, согласно которым она существует в пределах XX–XVIII вв. до н. э.

Происхождение и историческая судьба. Происхождение ВУКГ связано с раннелолинской куль-

турой (Мимоход, 2010, с. 71; 2011а, с. 246; 2013а, с. 324). Нельзя не отметить выразительное сходство между похоронным ритуалом волго-уральских захоронений с лолинскими погребальными традициями. Это адоративный обряд, подбойная и ямная конструкция могил, южные и юго-западные ориентировки. Особо следует отметить находку лопаток МРС в комплексах Шумаево II 3/2 и Светлое Озеро 1/1 (рис. 7: 6; 8: 4), которые являются визитной карточкой лолинского погребального обряда. Показательно и обнаружение тупика в комплексе Красносамарский I 2/1 (рис. 7: 1; 9: 20). Как не раз отмечалось, включение в состав инвентаря крупных кожевенных орудий является характерной чертой посткатакомбного предкавказского ритуала раннелолинского периода, который получает дальнейшее развитие в памятниках поздней бронзы, в том числе и синташтинских. Характерно и то, что стратиграфия кургана 25 Новокумакского могильника демонстрирует такую же последовательность соотношения типов конструкций могильных ям волго-уральской группы, что и лолинская культура. Погребение 14 в катакомбе (рис. 8: 1) является более ранним по отношению к захоронению 12, совершенному в яме с каменным ящиком. Подобные элементы сходства на фоне их несвойственности памятникам ВДБК не могут являться случайными и позволяют рассматривать формирование ВУКГ как результат воздействия предкавказского посткатакомбного импульса. Показателен в этом отношении и комплекс Быково I 15/2 в Заволжье, где адоративный костяк с южной ориентировкой имеет искусственно деформированный череп. Не случайно Н.К. Качалова рассматривала это погребение как полтавкинское с катакомбными чертами (Качалова, 1968, с. 10), а Э.С. Шарафутдинова отнесла его к уникальным покровским с элементами предкавказской катакомбной культуры (Шарафутдинова, 2000, с. 269). На самом деле серия захоронений с деформированными черепами, в том числе с южной и юго-западной ориентировками скелетов, присутствует в материалах ранней лолинской культуры, а быковский комплекс ВУКГ хорошо иллюстрирует ее генетическую связь с Лолой.

Интересно, что южные и юго-западные ориентировки скелетов, характерные для посткатакомбных погребений Волго-Уралья, в лолинской культуре серийно представлены только на раннем этапе. Их существование в период формирования Лолы надежно объясняется генетической связью с восточноманычской катакомбной культурой, хотя численно они уже существенно уступают новым северным направлениям и почти полностью изживаются к развитому этапу. В ВУКГ южные и юго-западные векторы, похоже, доминируют на всем протяжении ее существования. Подобные закономерности хорошо объясняются исходя из модели генезиса самой лолинской культуры. Ее происхождение было связано с появлением в финале средней бронзы в предкавказской степи выходцев с Северо-Восточного Кавказа. Их взаимодействие с восточноманычскими группами привело к формированию лолинской посткатакомбной культуры, что подтверждается и данными краниологии (Хохлов, Мимоход, 2008; Герасимова, Калмыков, 2007, с. 251, табл. 3; Казарницкий, 2010, с. 138; 2011; 2011а, с. 136–140; 2012, с. 118, 139; 2012а, с. 128; 2013, с. 59, 60). В результате на раннем этапе Лолы четко фиксируются обрядовые группы, в которых доминируют местные восточноманычские традиции с южными и юго-западными ориентировками, их меньшинство, и обрядовые группы с новыми северными векторами ориентации костяков, которые нередко сопровождает инвентарь восточнокаказского облика, их большинство. Объединяет и те и другие адоративный обряд, не свойственный катакомбным традициям, но характерный для культур СБВ Северо-Восточного Кавказа. Из подобного соотношения компонентов сложения Лолы напрашивается следующий вывод. С притоком восточнокавказских групп часть населения предкавказской степи, «не вписавшаяся» в местный культурогенез лолинской культуры, вынуждена была уйти частично в Нижнее Поволжье на территорию ВДБК, а главным образом в пустующее Волго-Уральское междуречье. Это могло произойти только на стадии формирования Лолы, поэтому неудивительно, что в ВУКГ финала средней бронзы представлен адоративный, по сути посткатакомбный и кавказский обряд, но при этом сохраняются наиболее архаичные южные и юго-западные ориентировки скелетов и подбойные конструкции могил. По сути волго-уральская культурная группа является северным дериватом лолинской культуры, подтверждает это и наличие в ВУКГ небольшого количества традиционных для Лолы ориентировок в северный сектор (рис. 8: 5–7).

Историческая судьба ВУКГ тесно связана с синташтинской культурой. Вычленяя посткатакомбный компонент в Синташте, необходимо обратить пристальное внимание на то, что характерные для нее юго-западные ориентировки и адоративные позиции костяков являются элементами наглядного образа предшествующей волго-уральской группы, которая была распространена в Приуралье на территории синташтинской культуры. С выделением ВУКГ делается понятным заметный южный (кавказский и предкавказский) след, отчетливо фиксируемый в инвентарном комплексе синташтинской культуры. Об этом (кавказском)

импульсе в формировании колесничных культур в том или ином виде неоднократно писали разные исследователи.

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что погребения ВУКГ немногочисленны и в количественном отношении уступают синташтинским захоронениям Приуралья. Их в два раза больше. Возможно, проблема заключается в фактической неизученности внутренних районов волго-уральской степи, которые являются ядром волго-уральской культурной группы. Скорее всего, и территория Северо-Западного Казахстана входила в ареал ВУКГ. Об это свидетельствует недавно опубликованный комплекс Щилисай II 2/2, расположенный южнее Актобе, который является классическим погребением ВУКГ. Он фактически полностью аналогичен знаменитому комплексу Новый Кумак 25/14 (рис. 8: 1). На посткатакомбную атрибуцию этого комплекса обратили внимание и авторы публикации (Хаванский, Бисембаев, Дуйсенгали, Баиров, Амелин, Бидагулов, 2018). На территории Северо-Западного Казахстана находятся еще два комплекс ВУКГ: Учебный полигон, п. 3, и Восточно-Курайли 1 1/1 (рис. 1). Эти обстоятельства, конечно, скажутся на количественных и качественных характеристиках погребений, датирующихся финалом СБВ. Однако на сегодняшний день невозможно отрицать того факта, что по положению и ориентировке скелета синташтинская культура демонстрирует структурные соответствия с ВУКГ, которая на территории Приуралья в хронологическом отношении непосредственно предшествовала распространению колесничной традиции. Таким образом, охарактеризованная культурная группа была одним из компонентов сложения синташтинских древностей.

Лолинская культура.

Ее погребения в Волго-Уралье единичны. Речь идет всего о двух захоронениях (рис. 8: 9), которые находятся на левом берегу Волги (рис. 1), непосредственно примыкая к основному ареалу культуры – Северо-Западному Прикаспию (север Астраханской области, Калмыкия и Ставрополье). Комплекс Бахтияровка 34/4 относится к III ОГ лолинской культуры, в которую объединены погребения в ямах с заплечиками с костяками в адоративной позиции и северными ориентировками. Второе захоронение (Степная IV 3/3) принадлежит VII ОГ. Ее составляют погребения в ямах, в которых умершие находятся в адоративном положении с ориентировками в южный сектор (Мимоход, 2013а, с. 47–49).

В бахтияровском захоронении обнаружены два изделия: бронзовый нож и изделие из трубчатой кости (рис. 8: 9; 9: 28, 30).

Клинок относится к типу 4 по классификации ножей лолинской культуры (Гак, Мимоход, 2007, с. 90, рис. 1: 14, 15; Мимоход, 2013а, с. 82, илл. 50: 2, 3). Он относится к группе «пламевидных» ножей, выделенных С.Н. Братченко (1976, с. 95). Как известно, «пламевидные» ножи маркируют поздний период и финал СБВ, т. е. костромской этап кавказской металлообработки (Иессен, 1950; Кияшко, 2002; Рысин, 2007, с. 206, 207). Они встречаются по всему степному ареалу, но наиболее массово представлены в материалах манычских культур степного Предкавказья и юга Доно-Волжского междуречья. Примечательно, что ножи типа 4 обнаружены только в раннелолинских комплексах. Именно на этом этапе отчетливее всего проявляются пережиточные катакомбные черты. К их числу относится и «пламевидная» форма. Характерно, что этот тип клинка от катакомбной эпохи унаследовала и другая посткатакомбная культура – ДДБК (Черных, 2011, с. 61). Здесь эти изделия Р.А. Литвиненко выделены в разряд II, тип А (Литвиненко, 2006а, рис. 6: 10–12).

Функциональное назначение костяного орудия остается неясным. Подобные трубчатые изделия со скошенным концом периодически встречаются в комплексах бронзового века. Они хорошо представлены в новотитаровских и восточно-приазовских катакомбных комплексах, где их назначение также остается загадочным (Гей, 2000, с. 158). Известны такие предметы в погребениях ямной, раннекатакомбной, восточноманычской и суворовской культур, позже они встречаются в поселенческих памятниках поздней бронзы. В синхронных посткатакомбных культурных образованиях изделия, подобные бахтияровскому, неизвестны. Наше изделие выделяет из охарактеризованной группы наличие отверстия у тупого конца, что делает приведенные выше сопоставления несколько уязвимыми для критики, т. к. подобной детали нет у других предметов. Единственная известная мне прямая аналогия бахтияровскому предмету с дополнительным отверстием присутствует в материалах культуры Wietenberg в Карпато-Дунайском регионе (Boroffka, 1994, taf. 139: 3). Не проясняют назначение этих изделий и данные трасологии (Усачук, 2001, с. 75; 2002, с. 267).

В комплексе Степная IV 3/3 из диагностичных вещей присутствуют кремневый наконечник стрелы и бронзовая подвеска в 1,5 оборота.

Стрелка относится к первому типу варианту 1 по классификации этих изделий лолинской культуры (рис. 9: 31) (Мимоход, 2013а, с. 146). В него входят листовидные наконечники с овальным основанием. Показательным признаком посткатакомбных культурных образований Предкавказья, к которым относится и лолинская культура, яв-

ляется полное отсутствие в арсенале ее вооружения выемчатых наконечников стрел. Они хорошо представлены как в предшествующих катакомбных, так и в синхронных бабинских (рис. 9: 13) культурах.

Височное кольцо (рис. 9: 34) вполне вписывается в позднекатакомбные стандарты, которые встречаются и в посткатакомбное время. Следует только отметить, что в рамках Лолы фиксируется замещение прутковых экземпляров раннего времени на пластинчатые и желобчатые изделия на последующих этапах развития культуры (Мимоход, 2007, с. 149, 151; 2013а, рис. 221, 224).

Кроме этих изделий в этом погребении обнаружены каменные пест и плитка с округлым углублением (рис. 9: 32, 33).

Оба лолинских погребения, исследованных в Нижнем Заволжье, относятся к периоду становления культуры. О раннем их возрасте свидетельствуют яма с заплечиками, архаичный нож, прутковая подвеска в 1,5 оборота. В комплексе Степная IV 3/3 обнаружена лопатка МРС, которая находилась у черепа умершего. Такое расположение лопатки относится к числу диагностических для раннелолинской культуры (Мимоход, 2007а, с. 123; 2013а, с. 43). Да и сама инфильтрация в инокультурное окружение на левый берег Волги, южную периферию территорий ВДБК и ВУКГ (рис. 1), свидетельствует о раннелолинском возрасте погребений из Бахтияровки и Степной. Именно в это время наблюдается самое интенсивное проникновение раннелолинских групп на территории других культур (Мимоход, 2013а, с. 22).

Это наложило определенный отпечаток на облик рассматриваемых раннелолинских погребений. В них явно прослеживаются синкретические черты. В комплексе Бахтияровка 32/4 помещены кости ног МРС (рис. 8: 9), что является характерной чертой ВДБК. Положение на правом боку скелета в этом захоронении тоже, возможно, не случайно. Дело в том, что в ВУКГ по сравнению с Лолой в процентном отношении правобочные костяки превышают в два раза левобочные, да и южная ориентировка скелета в комплексе Степная IV 3/3 вполне может отсылать к стандартам I ОГ волго-уральской культурной группы.

Заключение. В посткатакомбное время основной культурный контекст в Волго-Уралье представлен волго-донской бабинской культурой и волго-уральской культурной группой. Эти образования относятся к разным культурным общностям. ВДБК представляет собой восточную часть культурного круга Бабино, а ВУКГ относится к культурному кругу Лола и является северным дериватом лолинской культуры, основной ареал которой расположен в Восточном Предкавказье.

Хорошо видно, что территория Волго-Уралья в посткатакомбный период была освоена неравномерно (рис. 1). Большинство памятников располагается на левобережье Волги в пределах Волгоградской и Саратовской областей. В количественном отношении здесь явно доминируют погребения ВДБК. Сравнительно неплохо посткатакомбные древности представлены и в Самарском Заволжье. Здесь наблюдается количественно равенство комплексов ВУКГ и Волго-Донского Бабино. Глубинные степи Волго-Уралья были освоены значительно хуже. Погребения здесь немногочисленны, тяготеют к водным артериям. На этой территории количество погребений ВУКГ в три раза превышает количество комплексов ВДБК. Очевидно, что глубинные степи Волго-Уралья не входили в основной ареал Волго-Донского Бабино. Здесь мы имеем единичную инфильтрацию (всего 3 погребения) носителей ВДБК с территории соседнего Заволжья. Такую же ситуацию можно наблюдать на примере лолинской культуры, когда на левый берег Волги проникают единичные группы ее населения (2 комплекса) (рис. 1). А вот для ВУКГ глубинные степи Волго-Уралья, без сомнения, являлись основным регионом распространения. Здесь расположена треть всех ее погребений. Этому есть логическое объяснение. Дело в том, что лолинская культура, дериватом которой, как уже отмечалось, является ВУКГ, существовала в полупустынных степях северо-западного Прикаспия. В результате коллективы волго-уральской культурной группы оказались более приспособленными к освоению глубинных степей Волго-Уралья, чем носители ВДБК.

Показательны различия в погребальном обряде, которые определяют не только культурную специфику ВДБК и ВУКГ, но обосновывают их принадлежность к разным культурным кругам: Бабино и Лола. В Волго-Донском Бабино доминирует ямная конструкция могилы, умершие лежат с вытянутыми к коленям руками, чаще всего с северными и восточными ориентировками. В ВУКГ представлено паритетное сочетание ям и подбойных могил, умершие лежат в позе адорации (руки согнуты в локтях, кисти перед лицом или грудью), доминируют южные векторы ориентации. Культурным индикатором является и анатомический состав костей животных. В ВДБК – это кости ног МРС и КРС, в ВУКГ, кроме них, хорошо представлены лопатки МРС. Есть и другие различия.

Инвентарные комплексы тоже свидетельствуют о культурной специфике обеих групп. Ядро керамического комплекса ВДБК составляют сосуды бабинской морфологии и с многоваликовой орнаментацией, хотя и с известной спецификой

(рис. 9: 4–6). Набор посуды ВУКГ пока крайне скуден – всего три сосуда. Один из них (рис. 9: 16) отсылает к лолинским традициям. Объединяет керамические коллекции ВДБК и ВУКГ присутствие в них посуды с вольско-лбищенскими чертами (рис. 9: 1–3, 19). Однако, как уже отмечалось, это не более чем свидетельство контактов посткатакомбных курганных культур с носителями вольско-лбищенских традиций, которые, скорее всего, в погребальном обряде не практиковали сооружение насыпей над могилами. К числу культурных признаков ВДБК относится кольцевая костяная пряжка (рис. 9: 7). Эта категория инвентаря имеет широкое распространение среди культур бабинского круга и ни разу пока не встречена в образованиях круга Лола.

В хронологическом отношении ВДБК и ВУКГ синхронны. По калиброванным радиоуглеродным датам их можно датировать XXIII/XXII–XX вв. до н. э.

Происхождение волго-донской бабинской культуры и волго-уральской культурной группы связано с масштабными культурными трансформациями, которые охватили Восточную Европу в конце III тыс. до н. э. Они привели к распаду катакомбных культур и формированию на их основе блока посткатакомбных культурных образований, который в свою очередь делится на культурный круг Лола и круг Бабино. Их становление было катализировано кавказским и центральноевропейскими импульсами соответственно.

Историческая судьба ВДБК и ВУГК тесно связана со становлением новой эпохи поздней бронзы. Они стали одними из компонентов сложения колесничных культур и бережновско-маевской срубной культуры.

Таблица 1

№	памятник	Шифр лаборатории	материал	Дата BP	Дата BC Вероятность 68,20% (Ox.Cal. 3.10)
1.	Линево к. 8 п. 2	Ki-12886	Кость человека	3590±	2030–1880
2.	Линево к. 6 п. 6	Ki-12876	Кость человека	3825±	2350–2190
3.	Паницкое 6 к. 4 п. 3	Ki-13003	Фрагмент керамики	3600±	2130–1810
4.	Паницкое 6 к. 4 п. 3	Ki-13004	Астрагал МРС	3530±	1940–1740
5.	Грачевка II к. 10 п. 1	Ле-6544	Кость человека	3820±	2410–2140
6.	Утевка V к. 4 п. 1	AA-53802	Кость человека	3583±	2030–1870
7.	Евстратовский II к. 2 п. 2	Ki-14742	Кость человека	3670±70	2140–1940
8.	Евстратовский II к. 4 п. 3	ИГАН-3731	Кость человека	3560±100	2030–1750
9.	Калиновский I к. 1 п. 4	ИГАН-3730	Кость человека	3420±90	1880–1620
10.	Скворцовка к. 5 п. 3 скелет 1	Ле-7684	Кость человека	3700±90	2210–1940
11.	Скворцовка к. 5 п. 3 скелет 1	Ki-16261	Кость МРС	3400±40	1770–1630
12.	Красносамарский IV к. 3 п. 10	AA-37042	Кость человека	3594±45	2020–1890

Таблица 2

№	памятник	Шифр лаборатории	материал	Дата BP	Дата BC Вероятность 68,2% (Ox.Cal. 3.10)
1.	Имангулово II 5/3	Ki-19356	Кость человека	3690±60	2200–1970
2.	Имангулово II 5/3	ГИН-15497	Кость человека	3600±70	2041–1879
3.	Грачевка II 5/3	Le-6545	Кость человека	3815±60	2350–2140
4.	Грачевка II 5/3	AA-53806	Кость человека	3815±60	2280–2040

ГЛАВА 4
ПАМЯТНИКИ ВОЛЬСКО-ЛБИЩЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ[1]

Как самостоятельное культурное явление вольско-лбищенские материалы были выделены И.Б. Васильевым в работе под названием «загадочная керамика» (Васильев, 1975а, с. 76–83). В своих последних научных публикациях И.Б. Васильев дает наиболее полную типологическую характеристику этой керамики и выделяет самостоятельное и довольно яркое культурное явление (Васильев, 1999, с. 66–114; Васильев, 2003, с. 107–115). В разные годы на правом берегу Волги были исследованы два наиболее значимых памятника: поселение у с. Лбище на Самарской Луке и «Попово блюдечко» у города Вольска. Поэтому И.Б. Васильев и назвал это культурное явление памятниками вольско-лбищенского типа (Васильев, Матвеева, 1986, с. 62). Впервые материалы Вольского городища были опубликованы П.Д. Степановым, который отнес их к неолитической эпохе (Степанов, 1956, с. 5–21). Он привел аналогии этой керамике и из других памятников Саратовского Поволжья. Но П.Д. Либеров посчитал возможным отнести эти материалы не к неолиту, а к абашевской культуре бронзового века (Либеров, 1964, с. 150, 152). Отдельные находки вольско-лбищенской керамики были обнаружены И.В. Синицыным на Бугре Степана Разина, на некоторых других пунктах правобережья р. Волги, а так же на р. Малый Узень (Синицын, 1951, 1959). Аналогичная керамика была обнаружена в культурном слое над погребениями эпохи энеолита Хлопковского могильника. Её подробную культурно-хронологическую характеристику и интерпретацию дал Н.М. Малов (Малов, 1979, с. 82, 83; 2008, с. 77, 78). В 1983 г. на Самарской Луке И.Б. Васильев исследует самое крупное поселение этой культуры у с. Лбище. Культурный слой содержал только керамику этого типа (рис. 2, 3) и другой разнообразный инвентарь (Васильев, Матвеева, 1986, с. 62–69; Васильев, Матвеева, Тихонов, 1987). В лесостепном Заволжье вольско-лбищенская керамика была обнаружена при исследовании многослойного поселения у с. Гундоровка (Васильев, Кузнецов, 2000, с. 70, 71, 73). В то же время материалы подобного типа были обнаружены на территории Северного Прикаспия и в низовьях рек Большой и Малый Узень (Васильев, Колев, Кузнецов, 1986, с. 128, 129).

Своеобразие памятников с достаточно выраженной керамикой позволило интерпретировать эти материалы как самостоятельную археологическую культуру (Васильев, Кузнецов, 2003, с. 44, 45).

Основная территория распространения памятников этого типа – лесостепное правобережье р. Волги, от Самарской Луки на севере и приблизительно до границы Волгоградской и Саратовской областей на юге. Здесь памятники располагаются главным образом на высоких выходящих к Волге отрогах Жигулевских гор и Приволжской возвышенности. Отдельные находки керамики этого типа известны также фактически на всей территории степного и лесостепного Волго-Уральского междуречья (рис. 1). Как в качественном, так и в количественном отношении, памятники лесостепного Правобережья и Волго-Уральского междуречья различаются. На правобережье известны значительные, содержащие сравнительно большие и выраженные в культурном отношении комплексы материалов. В Волго-Уральском междуречье это отдельные небольшие комплексы. На территории Волжского левобережья памятников вольско-лбищенской археологической культуры обнаружено существенно меньше. Более всего их известно в бассейне р. Сок. Представительная коллекция вольско-лбищенской керамики происходит с вершины Царева Кургана и из культурного слоя Гундоровского поселения у с. Б. Раковка, на правом берегу р. Сок. Отдельные сосуды и скопления вольско-лбищенской керамики обнаружены в степной зоне Волго Уральского междуречья, включая и полупустынную зону Северного Прикаспия. Погребальные памятники с вольско-лбищенской керамикой известны из курганов Оренбургского Приуралья (Богданов, 1998, с. 44–56; Порохова, 1992, с. 92–107; Ткачев, 2007, с. 206–214). Их принадлежность к вольско-лбищенской культурной группе обосновывалась С.В. Богдановым и В.В. Ткачевым (Ткачев, 2006, с. 6–10) Ин-

[1] Работа выполнена при частичной поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00137.

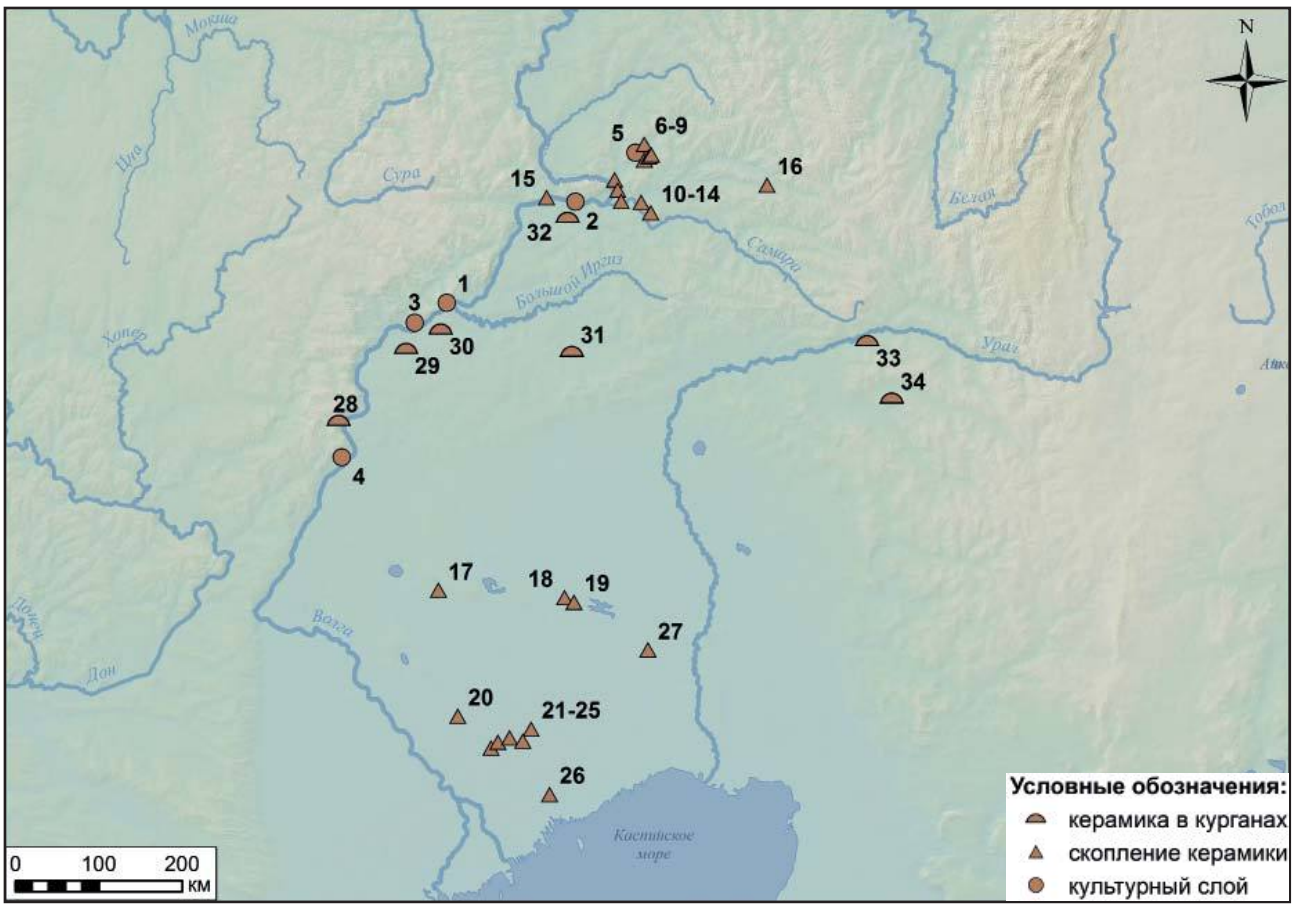


Рис. 1. Памятники вольско-лбищенской культуры

1 – Вольское городище; 2 – Лбище; 3 – Хлопково городище; 4 – Утес Степана Разина; 5 – Гундоровка; 6 – Чесноковка; 7 – Лебяжинка V; 8 – Большая Раковка II; 9 – Лебяжинка IV; 10 – Царев Курган; 11 – Пещера братьев Греве; 12 – Кирпичные сараи; 13 – Кинель I; 14 – Красносамарское; 15 – Переволоки; 16 – Толкай; 17 – Эльтон; 18 – Новая Казанка; 19 – Озеро Эльтон; 20 – Кара-Кудук I, II; 21 – Тау-Тюбе; 22 – Северный Букей; 23 – Кызыл-Молла; 24 – Кошалак; 25 – Же-Калган; 26 – Кара-Узек; 27 – Капкан; 28 – Белогорское I, п.15, п.28; 29 – Советское 1, к.2, п.14; 30 – Калмыцкая Гора F, к.6, п.7; 31 – Светлое Озеро, к.1, п.1; 32 – Владимировка II, к.3, под насыпью; 33 – Большой Дедуровский Мар, дно грабительского вкопа; 34 – Тамар-Уткуль VII, к.4, п.5

вентарь из разрушенных погребений и отдельные фрагменты вольско-лбщенской керамики найдены на дюне Человечья голова на р. Самаре (Кузнецов, Мочалов, 2003, с. 5–29). Весьма необычным было обнаружение керамики в устье Пещеры братьев Греве (Высокое Заволжье, берег р. Волги). Здесь, в культурном слое Пещеры, в ходе раскопок были найдены керамика и металлические предметы, которые И.Б. Васильев связывает с вольско-лбищенским культурным комплексом (Васильев, 1975б). Впрочем, эта гипотеза требует детальной проверки через систему аналогий металлических предметов из культурно идентифицируемых комплексов. Вероятно, в устье Пещеры братьев Греве находилось святилище бронзового века.

Наиболее исследованными памятниками являются поселения у с. Лбище (рис. 2: I) и у г. Вольска (рис. 2: II). Поселение Лбище располагается на южной оконечности Жигулевских гор Самарской Луки, на выступе коренной террасы правого берега р. Волги, на высоте 30–35 м от уровня воды. Территория поселения – достаточно ровная площадка размерами 200×100 м. Она имеет вытянутую подтреугольную форму и ограничена с запада и востока глубокими оврагами. Таким образом, поселение с трех сторон имеет естественно защищенные границы и фактически является небольшим городищем. Местоположение Вольского городища достаточно подробно описано П.Д. Степановым. Оно также расположено на высокой горе и удобно для обороны. Специфическое местоположение двух наиболее полно исследованных памятников представляется не случайным. Многие другие памятники, давшие аналогичную керамику, имеют подобную топографию (городище Бугор Степана Разина, Каменная Коза, Хлопково городище, Царев Курган).

В результате раскопок Лбищенского поселения получена коллекция керамического материала, в которой выделяется до 50 сосудов (рис. 3: 5–10). На Вольском городище собраны фрагменты не менее 20 сосудов (рис. 3: 1–4). Вплоть до настояще-

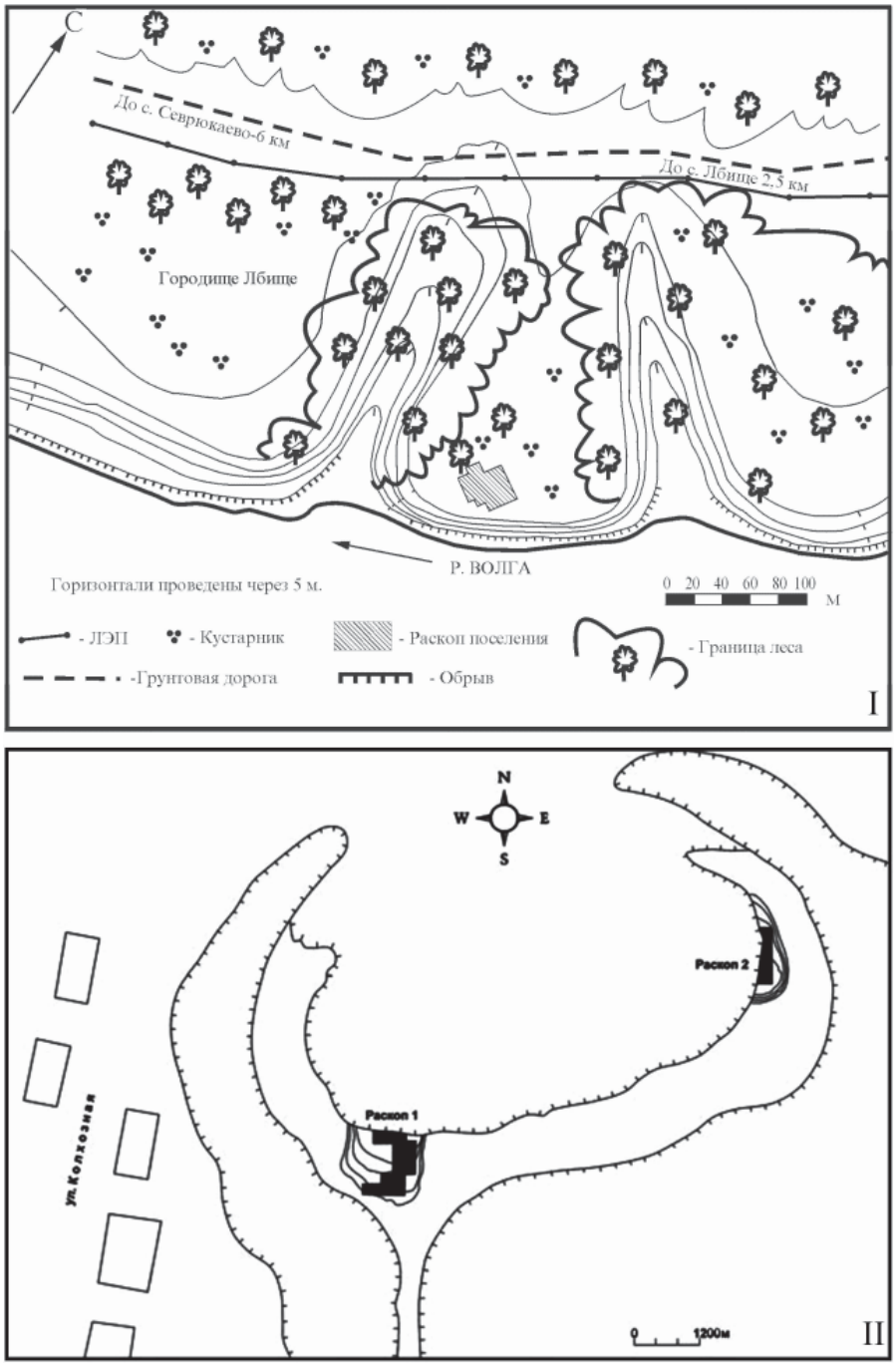


Рис. 2. Топография памятников. I – поселение Лбище (по: И.Б. Васильев, Г.И. Матвеева, 1986)
II – Вольское городище – «Попово блюдечко» (по: Н.М. Малов, О.В. Сергеева, М.Г. Ким, 2009)

го времени на памятниках правобережья р. Волги учтено около 100 сосудов. С территории степного Волго-Уральского междуречья известны около 30 сосудов (рис. 3: 11–17; 4: 1–17). На основе их анализа выделяются девять основных типов сосудов. Сосуды типа I имеют под срезом венчика воротнички подпрямоугольной формы, намеченную шейку и овальное тулово. Тип II – это слабопрофилированные сосуды с косым срезом венчика. Тип III – сосуды, имеющие отогнутый наружу венчик подпрямоугольной формы, выделенную шейку и овальное тулово. Сосуды типа IV характеризуются зауженным горлом и сформованным валиком треугольной формы под венчиком. Шейка не выделена. В тип V объединены баночные сосуды с зауженным горлом и венчиком подпрямоугольной формы. Тип VI – это миниатюрные чашевидные сосуды с прямыми стенками. Горшковидные сосуды – тип VIII, характеризуются отогнутым наружу венчиком и находящимися под ним валиками треугольной формы. Тип IX – это сосуды с внутренним желобком и утолщением-ребром изнутри. Характерной особенностью керамики является наличие венчиков самой разнообразной формы.

Рис. 3. Керамика вольско-лбищенской культуры
1–4 – Вольское городище; 5–10 – пос. Лбище; 11–14 – сопка Царев курган; 15–17 – Сев. Прикаспий

Есть приостренные, уплощенные, овальные, скошенные, утолщенные. Все утолщения-валики и воротнички не налепные, а сформованные. Сосуды с внешним ребром или уступом неизвестны.

Для изготовления сосудов использовалась глиняная масса с примесью толченой раковины и органики. Несмотря на столь недолговечный характер примесей, посуда имеет сравнительно плотную фактуру. Обжиг посуды равномерный, о чем свидетельствует однотонный светло-коричневый или темный цвет сосудов. Именно этими общими характеристиками керамика в целом отличается от сосудов эпохи бронзы степного и лесостепного Волго-Уралья.

Орнаментальные композиции наносились на верхнюю часть сосудов, а также, судя по отдельным природным частям, у дна. Часто орнаментировались и срезы венчиков. Орнамент наносился отпечатками зубчатого штампа, перевитого шнура и ямками. Преобладает гребенчатая орнаментация. Основными элементами орнамента являются отпечатки наклонного, горизонтального и вертикального зубчатого или шнурового штампа, а также насечки. Орнаментальные мотивы – это

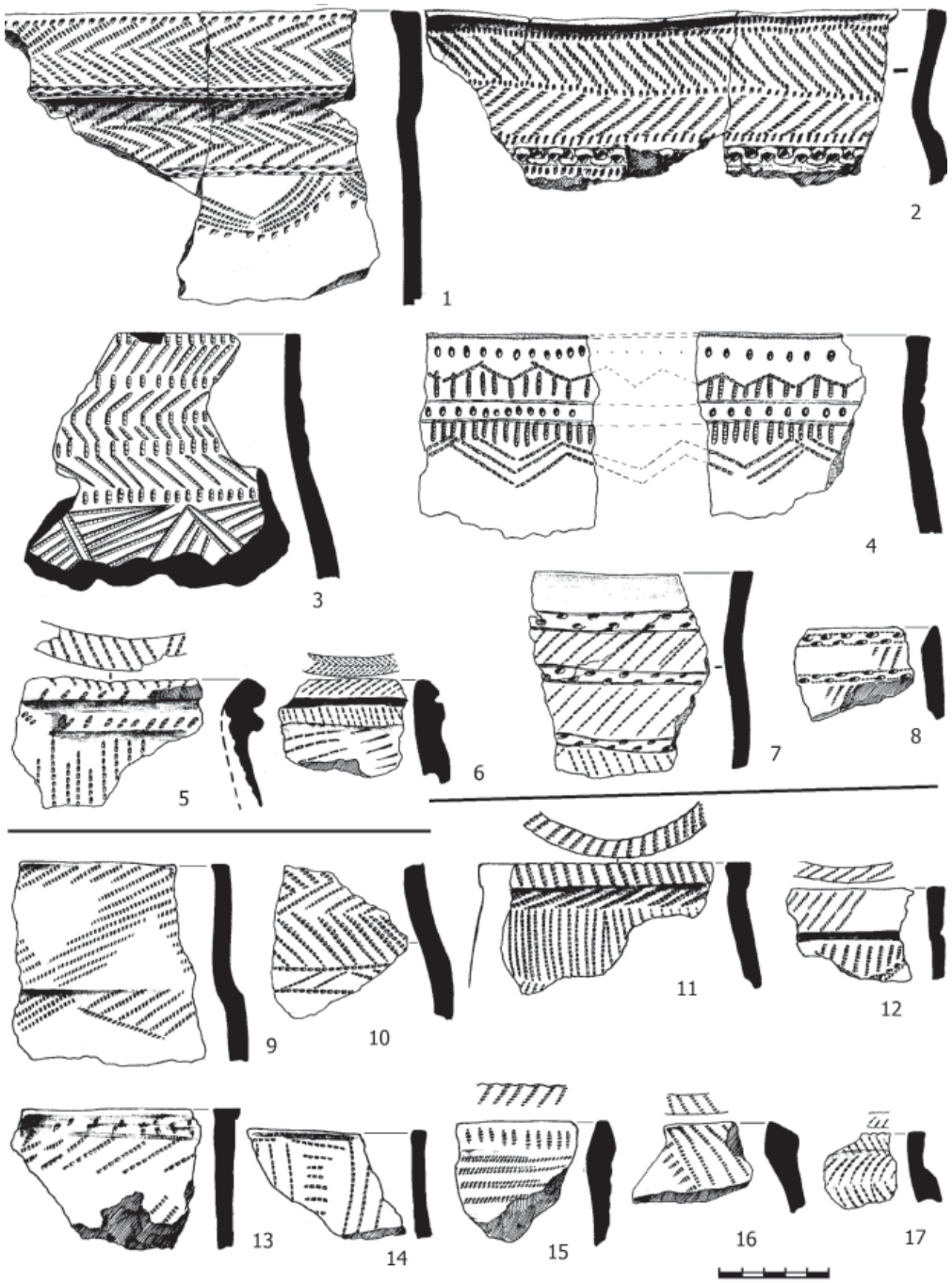


Рис. 4. Керамика вольско-лбищенских памятников Заволжья
1–8 – пос. Гундоровка; 9–17 – пос. Лебяжинка IV

горизонтальные или наклонные ряды отпечатков штампа, на основе взаимосочетания которых и образуются орнаментальные композиции. Выделяется до 12 композиций. Наиболее сложные из них выполнены сочетанием горизонтальных, вертикальных и наклонных отпечатков зубчатого штампа. Они могут дополняться рядами ямочных вдавлений. Многоэлементные композиции образуют такие геометрические фигуры, как заштрихованные треугольники вершинами вниз, меандры, сетка. Перечисленные орнаментальные мотивы дополняются зигзагами, рядами горизонтальной елочки, бахромой. При этом мотивов, специфических только для шнурового орнамента или ямочных композиций и отличных от выполненных зубчатым штампом, не зафиксировано.

Каменные и костяные изделия, связанные с керамикой этого типа, сейчас можно охарактеризовать только по материалам однослойного памятника – поселения у с. Лбище (рис. 5: 1–12). Здесь была обнаружена каменная заготовка булавы с четырьмя выступами, грузило (?) из красноватого камня с взаимоперпендикулярными желобками, заготовка топоровидного оружия. Изделие

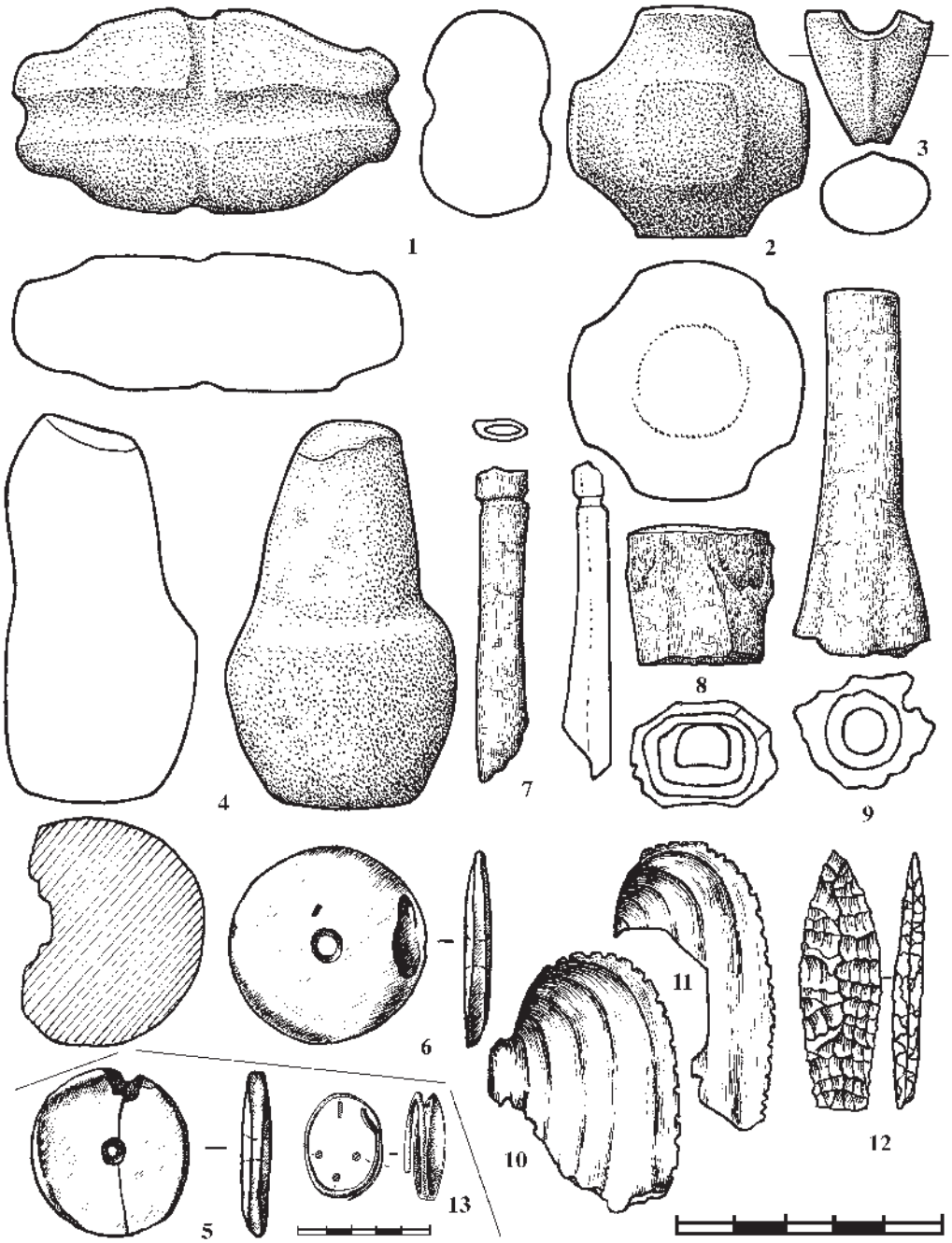


Рис. 5. Инвентарь. Поселение Лбище

1–6 – камень (3 – обломок топора, 4 – пест, 5, 6 – пряслица); 7–9 – кость; 10, 11 – штампы на раковине; 12 – кремневый наконечник стрелы. Пещера Братьев Греве: 13 – подвеска, медь

частично зашлифовано. Обнаружено четыре песта, один из которых имеет грушевидную форму. На пестах зафиксированы следы сработанности. Имеются обломки плит для растирания. Найден кремневый наконечник стрелы овальной формы с усеченным основанием, два каменных пряслица с центральным отверстием, два гребенчатых штампа на речных раковинах, форма зубцов которых совпадает с отпечатками на сосудах. На поселении найдены заготовки трех изделий из трубчатых костей животных. На поселении не было обнаружено ни одного кремневого орудия, а также их заготовок и отщепов. Это свидетельствует о том, что вольско-лбищенские комплексы не относятся к неолитической или к энеолитической эпохам. Об этом свидетельствуют и стратиграфические наблюдения Н.М. Малова на Хлопковом городище, где керамика, аналогичная вольско-лбищенской, зафиксирована в слое эпохи бронзы, перекрывающем энеолитические погребения (Малов, 1979, с. 83). Следует отметить, что вольско-лбищенская керамика не находит аналогий ни в не-

олитических, ни в энеолитических материалах Поволжья или других территорий. Нет аналогий в форме и орнаментации и с керамикой ямно-репинского типа Прикаспия или Подонья, что также позволяет предполагать их различные хронологические позиции. Частая взаимовстречаемость вольско-лбищенской и полтавкинской керамики (зафиксировано 5 случаев), инвентарь поселения Лбище и некоторых других памятников с керамикой этого типа позволяет считать наиболее вероятным их полтавкинское время существования. Об этом свидетельствуют и некоторые близкие черты керамики вольско-лбищенского и полтавкинского типов при их общекультурном различии. Прежде всего это сходство орнаментации – наличие таких сходных композиций, как ряды наклонных отпечатков зубчатого штампа, горизонтальные ряды, выполненные шнуровой и гребенчатой техникой нанесения, композиции из рядов ямочных вдавлений. Но это лишь наиболее простые, хотя и наиболее часто встречающиеся композиции сравниваемых культурных групп. Для каждого из них характерны специфические сложные орнаменты. Отличается и принцип их нанесения на поверхность сосуда. Наиболее сложные композиции вольско-лбищенской керамики, такие как обрамленные треугольники, лесенки, вертикальные ряды зубчатого штампа, зональность нанесения орнамента, разделенного прочерченными горизонтальными рядами и вертикальными рядами короткой гребенки, не характерны для полтавкинской посуды. Отличается форма сосудов и их фактура. Полтавкинская посуда более рыхлая по фактуре, имеет сформованное внешнее ребро и уступчик, налепной, часто гофрированный валик, проходящий под венчиком, а не непосредственно под срезом венчика, как на лбищенской. Полтавкинские сосуды не имеют воротничков и косых внешних срезов венчиков (бортиков). Отдельные орнаментальные мотивы лбищенско-вольской керамики зафиксированы на некоторых полтавкинских сосудах. Так, на сосуде из погребения 1 кургана 1 Утевского VI курганного могильника обнаружен сосуд, который по фактуре и по общим пропорциям близок к полтавкинским, а по орнаментальной композиции, состоящей из сочетаний горизонтальных и вертикальных длинных рядов зубчатого штампа и наклонных коротких, дополненной горизонтальным рядом ямочных вдавлений, аналогичен вольско-лбищенской. Так же необычной для полтавкинской культуры представляется и орнаментация сосуда из погребения 3 кургана Е 26 у с. Старая Полтавка (Rau, 1928). Орнаментирован срез венчика сосуда, венчик и тулово до дна отпечатками зубчатого штампа. Композиция, состоящая из четырех наклонных линий, которые образуют вертикальную елочку, горизонтальных длинных и вертикальных коротких рядов штампа, в наибольшей степени соответствует орнаментации вольско-лбищенской посуды. Также необходимо отметить сосуд, найденный на бархане у с. Новая Казанка, близ озера Сарайдин. Его особенностью является сочетание фактуры сосуда – в качестве примеси к глиняному тесту добавлен песок, шамот и органика – и орнаментальной композиции, украшающей воротничок и верхнюю часть тулова. Орнаментация сосуда является типичной для вольско-лбищенской керамики, а фактура характерна для прикаспийской полтавкинской культуры. Как отмечалось выше, сосуды вольско-лбищенского типа, в том числе и те, которые обнаружены в низовьях Узеней, изготовлены из хорошо промешанной глины с примесью толченой раковины.

Н.М. Малов изначально предполагал, что вольская керамика является или поселенческой полтавкинской, или принадлежит несколько иной культурной группе (Малов, 1979, с. 83). В настоящее время, когда в Прикаспии более чем на двадцати памятниках выявлена поселенческая полтавкинская посуда, которая в целом близка погребальной, более убедительным представляется второе предположение. Памятники с керамикой вольско-лбищенского типа выделяются в особый культурный тип, хронологически близкий полтавкинским памятникам эпохи средней бронзы.

Таким образом, в лесостепном и степном Поволжье выделяется культурная группа эпохи средней бронзы. При этом материалы этого образования наиболее сопоставимы с полтавкинскими и зафиксированы на всей территории распространения культур полтавкинской общности. Территориально памятники разделяются на две большие группы, имеющие свои специфические особенности. Одна группа памятников занимает лесостепное волжское Правобережье. Памятники здесь обнаружены на труднодоступных возвышенностях, имеют культурные слои и содержат значительные материалы этого типа. Другая группа памятников – это отдельные находки и небольшие коллекции керамики, обнаруженные в Волго-Уральском междуречье. Собственно поселения с культурным слоем здесь не зафиксированы. Наличие керамики этой группы в настоящее время можно трактовать как свидетельство постоянных контактов вольско-лбищенского поселения с полтавкинскими племенами. В этом случае лесостепное Правобережье являлось территорией носителей керамики вольско-лбищенского типа. Соответственно, памятники этой компактной группы, занимающие единую природно-климатическую зону, имеющие общий набор устойчивых и повторяющихся при-

знаков, могут быть объединены в рамках вольско-лбищенской культуры. Вместе с тем керамика вольско-лбищенского типа, вне зависимости от её местонахождения, этой зоны поразительно близка, несмотря на значительную удаленность памятников друг от друга. Так, абсолютно аналогичны по форме и орнаменту сосуд стоянки Кара-Узек Прикаспия и сосуд поселения Гундоровка, сосуд поселения Лбище и сосуд пос. Гундоровка. Эти наблюдения на данном уровне исследования можно трактовать как свидетельство прямого контакта групп полтавкинского населения с племенами вольско-лбищенской культурной группы, основная территория распространения которых – лесостепное Волжское Правобережье. В этом отношении также весьма важной представляется гипотеза Р.А. Мимохода о том, что погребения с вольско-лбищенской керамикой финала среднего бронзового века относятся с кругу посткатакомбных культурных образований (Мимоход, 2018, с. 230).

Следует особо отметить, что вольско-лбищенские сосуды по отдельным деталям в орнаменте и по профилировке некоторых сосудов вполне сопоставимы с абашевскими. Общими признаками для вольско-лбищенской и абашевской керамики являются нижеследующие признаки: упорядоченная штриховка поверхности сосудов, желобки и ребро на внутренней стороне венчика, желобки, двойной горизонтальный зигзаг. В качестве аналогии можно привести сосуд абашевского поселения у с. Суруш (Васильев, 1975, с. 4, 5; рис. 1: 15). Данный сосуд имеет воротничковое оформление венчика и желобки, орнаментированные наклонными рядами отпечатков мелкозубчатого штампа, такое сочетание формы и орнаментальной композиции на воротничке и желобке сосудов в значительной степени характерно для вольско-лбищенской посуды. Отдельные аналогии есть и на керамике Мало-Кизильского селища, исследованного на высоком, обрывистом берегу правого притока верховьев реки Урал (Сальников, 1967, с. 18–21). Здесь наиболее отчетливо выделяются элементы орнаментальных вольско-лбищенских композиций, нанесенных на абашевские сосуды (Сальников, 1967, рис. 12, 16, 18, 26, 29; Епимахов, Епимахова, 2006, рис. 1: 2, 16, 23; 2: 3, 22, 33). Любопытно, что некоторые индивидуальные находки А.В. Епимахов и М.Г. Епимахова также сопоставляют с вольско-лбищенскими (Епимахов, Епимахова, 2006, с. 57).

Таким образом, керамика вольско-лбищенской культуры находит аналогии в полтавкинских, постополтавкинских и абашевских материалах эпохи средней бронзы. Относительно полтавкинских аналогий возможно внести некоторое уточнение в том плане, что в раннеполтавкинских памятниках, которые наиболее ярко представлены погребальными комплексами первой обрядовой группы Поволжья, а также в материалах позднеямного (полтавкинского) этапа тамар-уткульского типа памятников Приуралья, вольско-лбищенские черты неизвестны. Отсутствуют они и в памятниках блока колесничих культур начала позднего бронзового века. В этой связи необходимо внести некоторые правки в интерпретацию условий местонахождения вольско-лбищенского сосуда под насыпью кургана 3 мог. Владимировка II покровской культуры, относящегося к эпохе поздней бронзы. Памятник находится на участке высокой поймы и вплотную примыкает к озеру Широкое (Скарбовенко, 2003, с. 286, рис. 1). Вольско-лбищенский сосуд обнаружен на древнем горизонте, за пределами кольцевого рва кургана (Скарбовенко, 2003, с. 287–289, рис. 3: 3). Курган был возведен в начале позднего бронзового века. Таким образом, мы вправе предполагать, что вольско-лбищенский сосуд относится к более раннему времени. Возможно, здесь, на берегу озера, находится памятник предшествующего периода – эпохи средней бронзы.

Таким образом, через структуру взаимосвязанных аналогий мы можем определить период жизнедеятельности носителей вольско-лбищенской археологической культуры. Так как прослежены взаимосвязи с позднеполтавкинскими, постполтавкинскими и абашевским комплексами, то время культуры в самом широком диапазоне возможно определить в пределах второй половины III тыс. и до начала II тыс. до н. э. Как справедливо констатируют саратовские исследователи, это время до начала сложения Волго-Уральского очага культурогенеза (Малов, Сергеева, Ким, 2009, с. 30).

Дальнейшая судьба населения, оставившего памятники вольско-лбищенского типа, судя по последним данным, связана с формированием в лесостепном Поволжье раннесрубной (покровской) культуры в начале II тысячелетия до н. э. Роль и значение вольско-лбищенского наследия в культурогенезе позднего бронзового века отражена достаточно подробно (Лопатин, 2012). В керамике культур начала позднего бронзового века достаточно наглядно представлены вольско-лбищенские признаки.

И в заключение следует отметить такую особенность вольско-лбищенских памятников, как наличие естественно укрепленных поселений. Укрепленные поселения прочих культур эпохи бронзы в степном и лесостепном Поволжье неизвестны.

ГЛАВА 5
ПАМЯТНИКИ ПОТАПОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ[1]

Важнейшим результатом полевых исследований является открытие блока колесничих культур, занимающих области юга лесостепного Зауралья, Волго-Уральского и Волго-Донского междуречья. Это поселения с регулярной планировкой, а также могильники синташтинской, потаповской и покровской культур. Они открывают начальную фазу позднего бронзового века Восточной Европы.

В 1985–1991 гг. на территории Самарского Поволжья проведены раскопки Потаповского, II Лопатинского и VI Утевского курганных могильников, расположенных в лесостепном Поволжье, в нижнем течении рек Самара и Сок (Васильев, Кузнецов, Семенова, 1992; 1994). В 1998–2000, 2002 гг. исследован курганный могильник Грачевка II (Кузнецов, Мочалов, 2012). В 2008 г. исследован один курган курганного могильника Кутулук I (Лебедева, Фадеев, 2016, с. 71–86). Эти исследования позволили объединить известные ранее в лесостепном Поволжье отдельные комплексы в особую потаповскую культурную группу памятников. В настоящее время исследовано двенадцать курганов и порядка ста погребений (рис. 1).

Местоположение потаповских могильников весьма специфично – они расположены на краю первой надпойменной террасы, обращенной к крупным рекам. При этом рядом находятся мелкие реки. Курганы сооружались на относительно ровных площадках, в том месте, где мелкая река уходит в пойму более крупной реки. Так, Потаповский могильник находится недалеко от места впадения р. Тростянки в р. Сок. Абсолютная высота 43 м. Могильник Грачевка II стоит на берегу р. Хорошенькой в месте её впадения в пойму р. Сок. Высота 41 м. VI Утевский могильник сооружен на ровной площадке правого берега р. Утёвки у её впадения в пойму р. Самары, на абсолютной высоте 46 м. Могильник Кутулук I расположен в месте впадения безымянного притока в р. Кутулук. Его абсолютная высота 50 м. Таким образом, потаповские могильники расположены на выположенных низких участках первой надпойменной террасы.

Потаповские курганы возводились на территории, где уже существовали курганы предшествующего ямно-полтавкинского времени. Известны и случаи впускных погребений в уже готовые насыпи. Впервые, в отличие от предшествующих времен, потаповцы стали создавать подкурганные родовые кладбища. Захоронения совершались на специальной площадке. По прошествии времени подкурганные площадки перекрывались сравнительно небольшими по объему земляными насыпями. Так, в кургане 3 Грачевского II могильника подкурганная площадка оказалась по диаметру даже больше, чем сама насыпь. Это, вероятно, свидетельствует о длительности докурганной стадии функционирования некрополя. Современный диаметр насыпей потаповских курганов от 12 м и до 30 м и высота до 0,5 м. Этим они существенно отличаются в сторону уменьшения по сравнению с предшествующими курганами ямно-полтавкинского времени.

Для потаповских памятников характерна особая организация подкурганного пространства до возведения насыпей (рис. 2, 3). По своей внутренней организации курганы разделяются на две крупные обрядовые группы. В первой группе под насыпью обнаружены от одного до семи погребений. Центральные могильные ямы имеют значительные размеры и сложную конфигурацию. В них погребены взрослые люди, сопровождаемые богатым инвентарём. Сопровождающие погребения совершены в погребенной почве. Здесь обнаружены захоронения детей и подростков. Вторая группа курганов характеризуется наличием нескольких центральных могил, вокруг которых расположены периферийные захоронения. Центральные могилы имеют значительные объемы – от 4,5 и до 10 кубических метров выбранного материкового грунта. Вокруг центральных могил расположены периферийные захоронения в могильных ямах обычных объемов. Центральные могилы перекрыты накатниками, настилами из тонких досок, в стенках сооружались уступы-ступеньки, на дне – ямки, ровики-канавки (рис. 4, 5). В запол-

[1] Работа выполнена при частичной поддержке государственного задания Минобрнауки РФ, грант № 33.1907, 2017/П4
Работа выполнена при частичной поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00137.

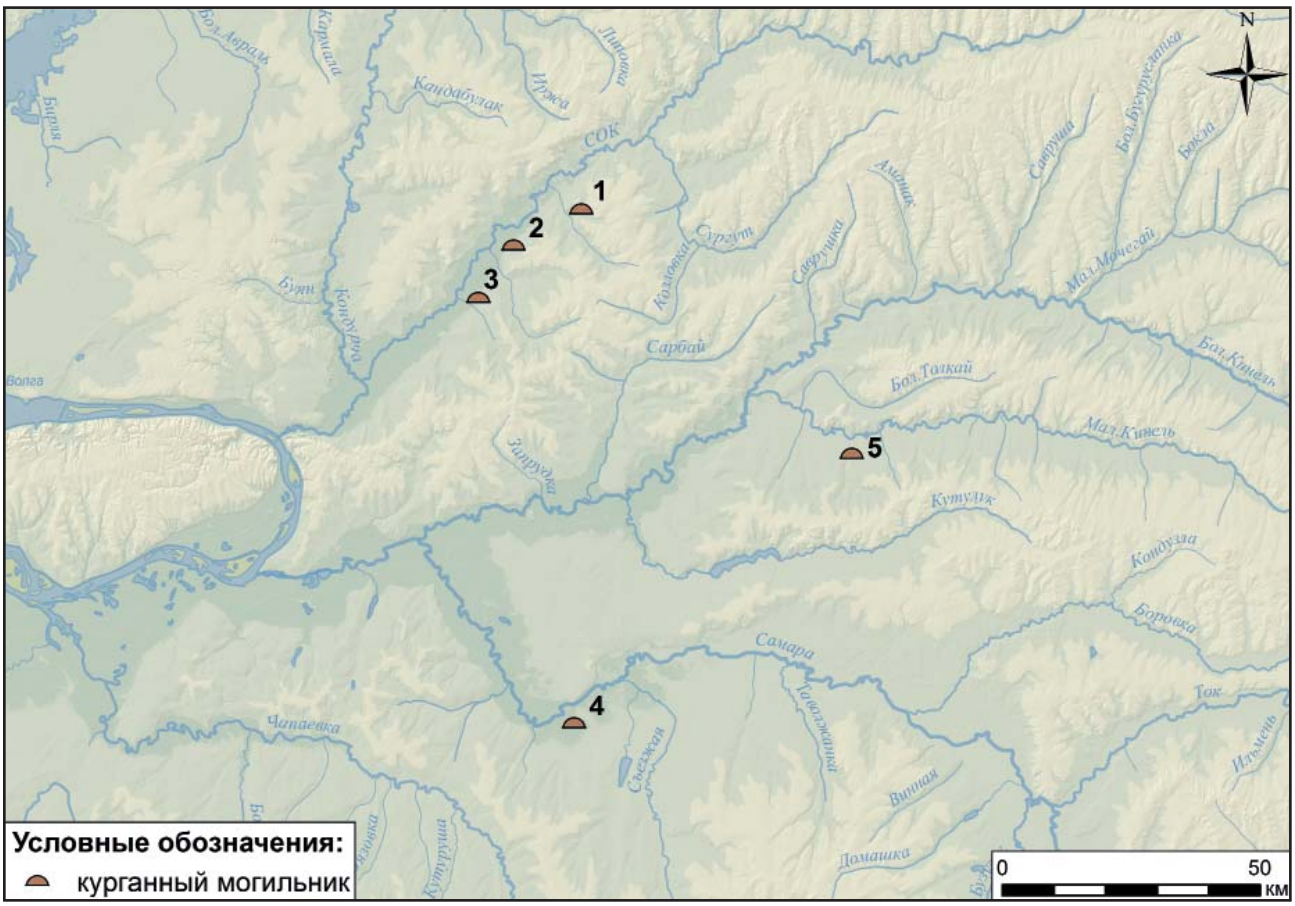


Рис. 1. Курганы потаповской культуры на юге лесостепного Поволжья

1 – Потаповский могильник; 2 – Лопатинский II могильник; 3 – могильник Грачевка II; 4 – могильник Утевка VI; 5 – могильник Кутулук I

нении погребения 4 из кургана 6 VI-го Утевского могильника была расчищена сложная деревянная конструкция: под перекрытием из плах находились костяки двух лошадей, лежащих на боку и обращенных ногами друг к другу. Они лежали на ровных досках с пропилами. На одной из коротких стен этой погребальной камеры сохранились отпечатки округлого предмета, соответствующего своими размерами колесу со спицами. Вероятно, это остатки колесницы, которая была разобрана и по частям установлена в могильной яме. Дно многих ям имеет обмазку темно-серого цвета. Преобладающая поза погребённых – на левом боку. Степень скорченности слабая и средняя. Руки согнуты в локтях, иногда одна вытянута к тазу. Иногда в центральных погребениях фиксируется положение на спине вытянуто. В одном центральном погребении обнаружено вторичное захоронение (рис. 6). Расчищены парные и коллективные погребения (рис. 5). Были обнаружены двое погребенных, уложенных в обнимку. Их руки тесно прижимали друг друга, ноги были переплетены. Меж лицами погребенных лежал бронзовый кинжал – как символ чистоты помыслов людей, отправленных в последний путь (рис. 5: 1, 2). Преобладающая ориентировка большинства погребенных – в северный сектор. Ориентация центральных ям преимущественно юго-западная, периферийных – зависит от кругового расположения могил. В ряде погребальных камер совершены ярусные захоронения: в засыпи верхней части ямы, над основным погребением, расчищены расчлененные костяки взрослых и костяки детей. Для усиления особых деталей ритуальной практики иногда дно могил посыпалось охрой.

Характерной особенностью погребального обряда потаповской культуры является сооружение на подкурганных площадках и в могильных ямах разнообразных жертвенников животных. В процессе раскопок расчищены целые скелеты, черепа и конечности лошадей, бычков, мелкого рогатого скота и собак (рис. 2: 1; 5: 1). В периферийных погребениях чаще всего встречаются жертвенники из голов и конечностей быков и овец (рис. 2; 4; 5: 3). Это свидетельствует о помещении в могилы своеобразного чучела животного – шкуры с головой и конечностями. Специфической особенностью только потаповских комплексов, по наблюдению П.А. Косинцева, является наличие захоронений коз и козлов. В центральных могилах

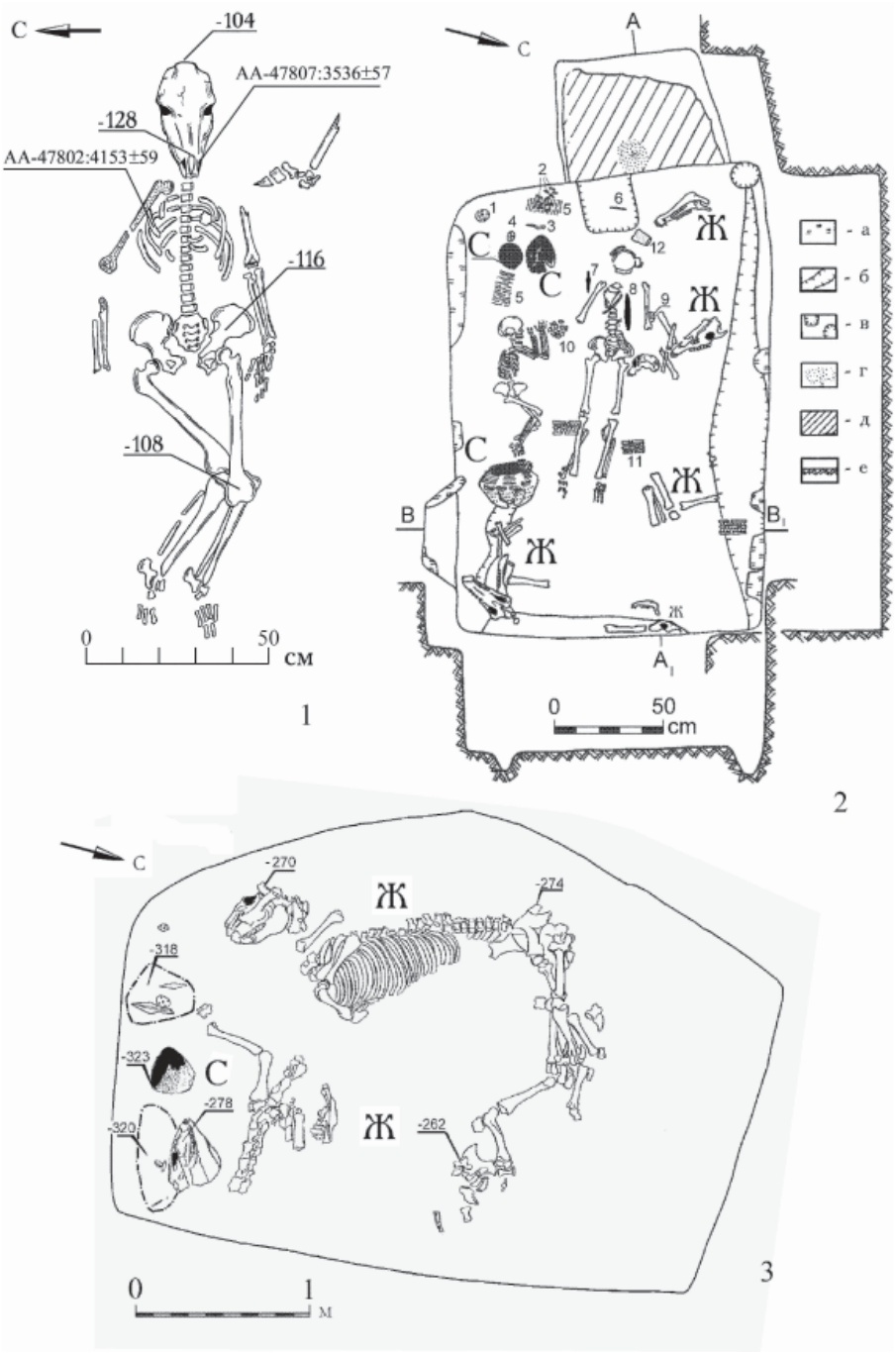


Рис. 2. Погребальные комплексы потаповской культуры

1 – курган 3, погр. 1 Потаповского могильника. Показаны радиоуглеродные датировки черепа лошади и костей человека. На правой руке – следы охры. 2 – курган 5, погр. 8 Потаповского могильника. Центральное погребение в котором были псалии, нож-кинжал, стилет. Условные обозначения: а) обмазка глиной дна могильной ямы; б) канавка на дне ямы; в) ямки; г) пятно охры; д) костная посыпка; е) материковая глина. 3 – курган 6 погр. 4 могильника Утевка VI. В нем были псалии, копье. Ж – жертвенник двух лошадей в заполнении ямы

зафиксированы кости собак. Судя по ним, собаки были умерщвлены и погребены вместе с хозяевами. Причем они помещались в ногах покойного, в сидячей позе. Особого внимания заслуживает совершенно необычное погребение 1 из кургана 3 Потаповского могильника. Здесь расчищен погребенный, лежащий на спине с подогнутыми ногами и с посыпкой охрой костей его левой руки. И это обычные признаки погребений первой половины бронзового века. Но на месте головы умершего покоился череп коня. Гипотеза, выдвигаемая авторами раскопок, предполагает наличие специфических ритуалов в потаповском обществе, которые выражают идею единства человека и его природного окружения. Эти воззрения нашли наиболее яркое отображение в мифологических сюжетах

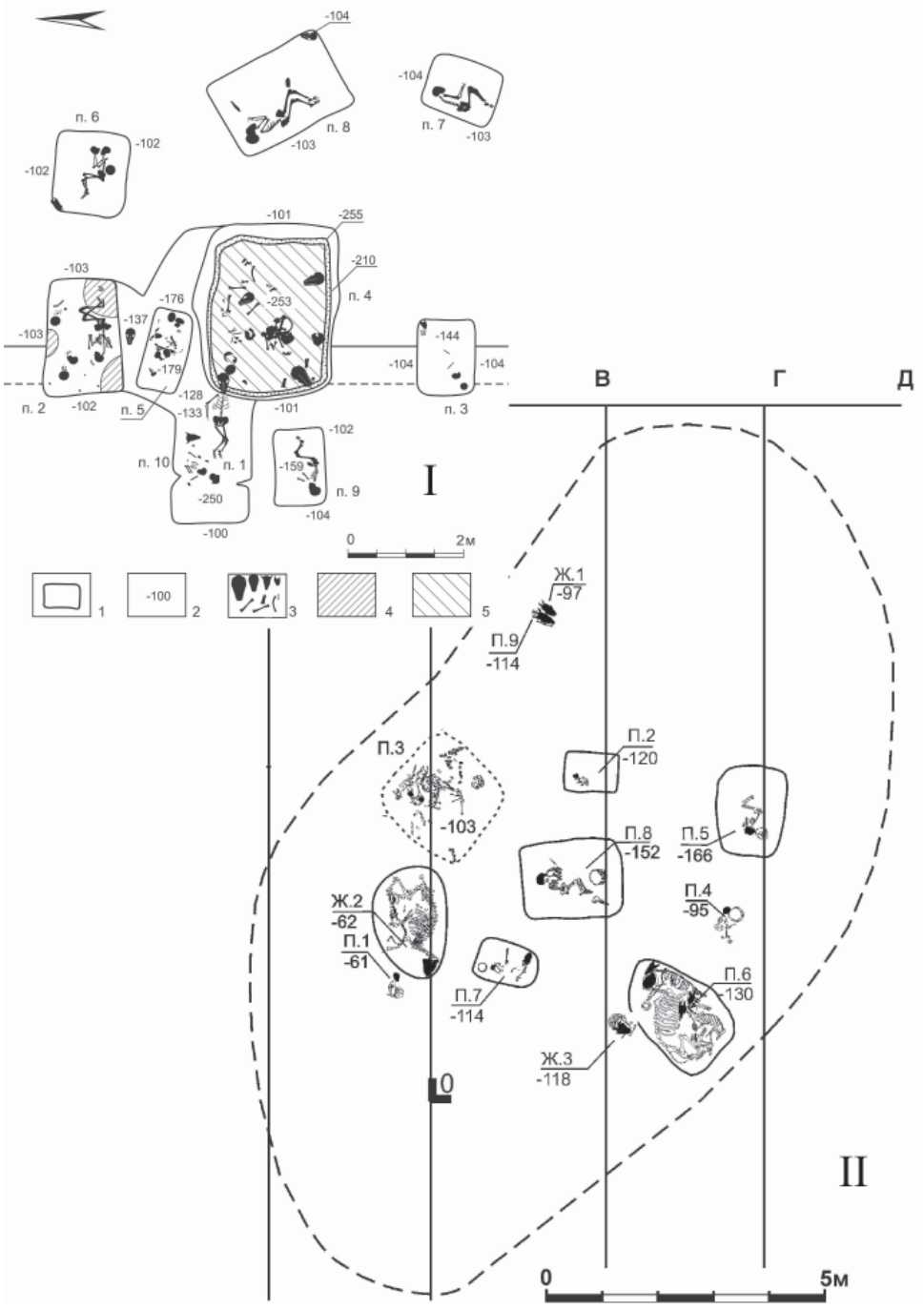


Рис. 3. Погребальные комплексы потаповской культуры

I – курган 3 Потаповского могильника, II – курган 8 могильника Грачевка II.

Условные обозначения: 1–контур могильных ям; 2 – глубина могильных ям от центра насыпи; 3 – черепа и кости жертвенных животных; 4 – обмазка глиной дна могильной ямы; 5 – органические подстилки на дне могильных ям

Древней Греции, соответствующих времени позднего бронзового века – времени потаповских курганов. Если интерпретировать захоронение в образах мифологических сюжетов, то погребение 1 возможно именовать как воплощение облика «кентавра наоборот» (рис. 2: 1). Вторая гипотеза, концептуально выраженная В.В. Отрощенко, предполагает случайное наложение более позднего жертвенника коня, прорезавшего более раннее погребение. В связи с этим были датированы кости погребенного из п. 1 (АА-47802 – 4153±59) и череп коня (АА-47807 – 3536±57). Очевидно, что погребение 1 более древнее, чем основное погребение 4 (центральное потаповское в кургане 3). Вместе с тем носовые кости черепа лошади упираются точно в позвонки погребенного человека. То есть при создании жертвенника потаповцы видели кости более раннего погребенного человека. Поэтому рядом с ним они создали погребение ребёнка с жертвенником из головы и ног МРС так,

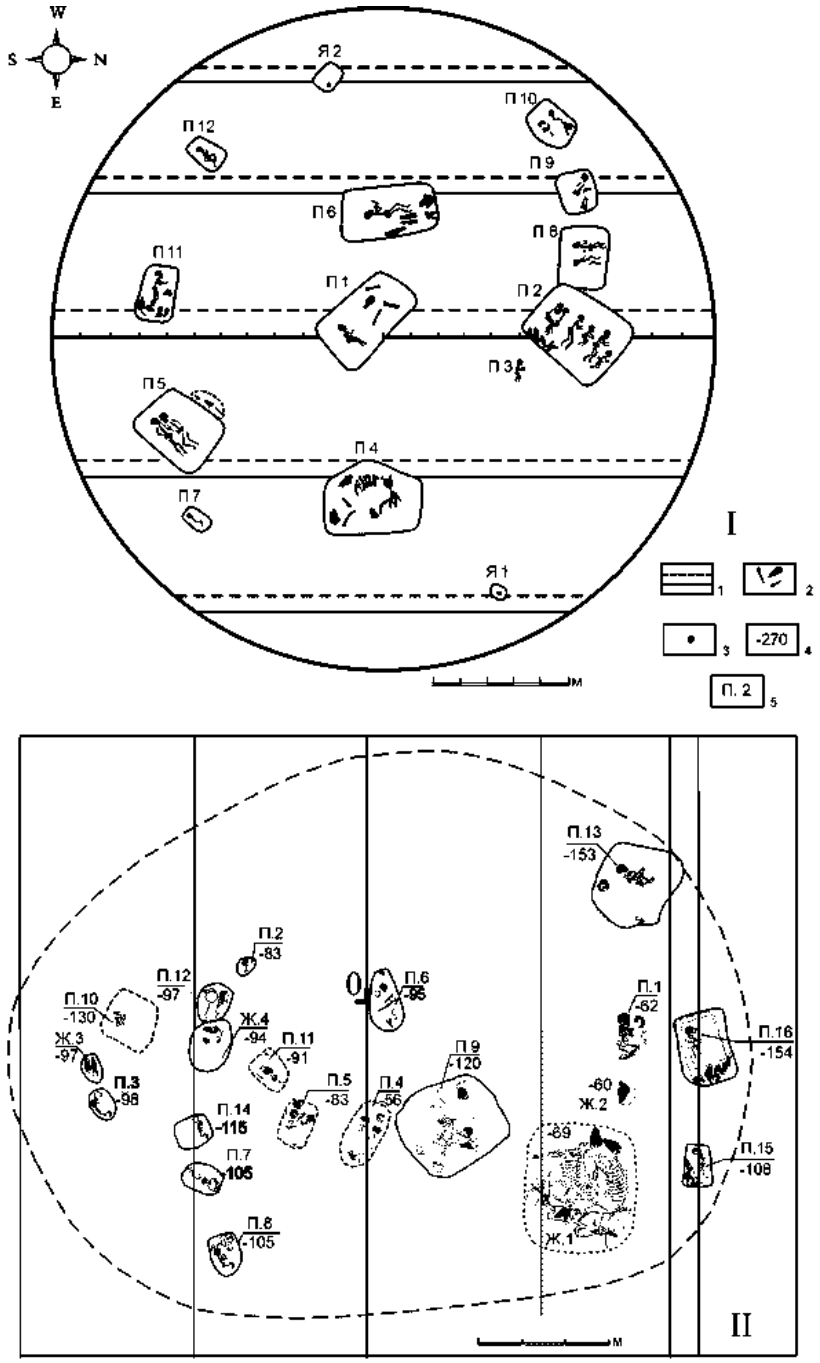


Рис. 4. Погребальные комплексы потаповской культуры

I – курган 6 могильника Утевка VI, II – курган 3 могильника Грачевка II.

Условные обозначения: 1 – границы бровок; 2 – черепа и кости жертвенных животных; 3 – глиняные сосуды; 4 – глубина могильных ям от центра насыпи; 5 – номера погребений

чтобы не нарушить более древнее захоронение. Кроме того, при создании центрального погребения 4 носители потаповской культуры придали фигурную форму длинной северной стенке могилы так, чтобы не нарушить более раннее полтавкинское погребение 5. Кости человека в этой могиле были сложены кучкой в центре ямы. А это совершенно неизвестный способ для полтавкинских захоронений, но вполне распространенный в потаповской и абашевской культурах. Поэтому вполне логично предположение о том, что погребение было переотложено потаповцами. Близкую по обрядовому смыслу ситуацию мы наблюдаем в Потаповском кургане 5. Здесь погребение 11 (ГИН-11449 – 3470±40) прорезало полтавкинское погребение 6 (АА-12569 – 4180±85). Но при этом полтавкинский сосуд основного погребения был выложен в заполнении потаповского погребения так, чтобы он находился на одной глубине с костями ног полтавкинского погребения. Здесь же

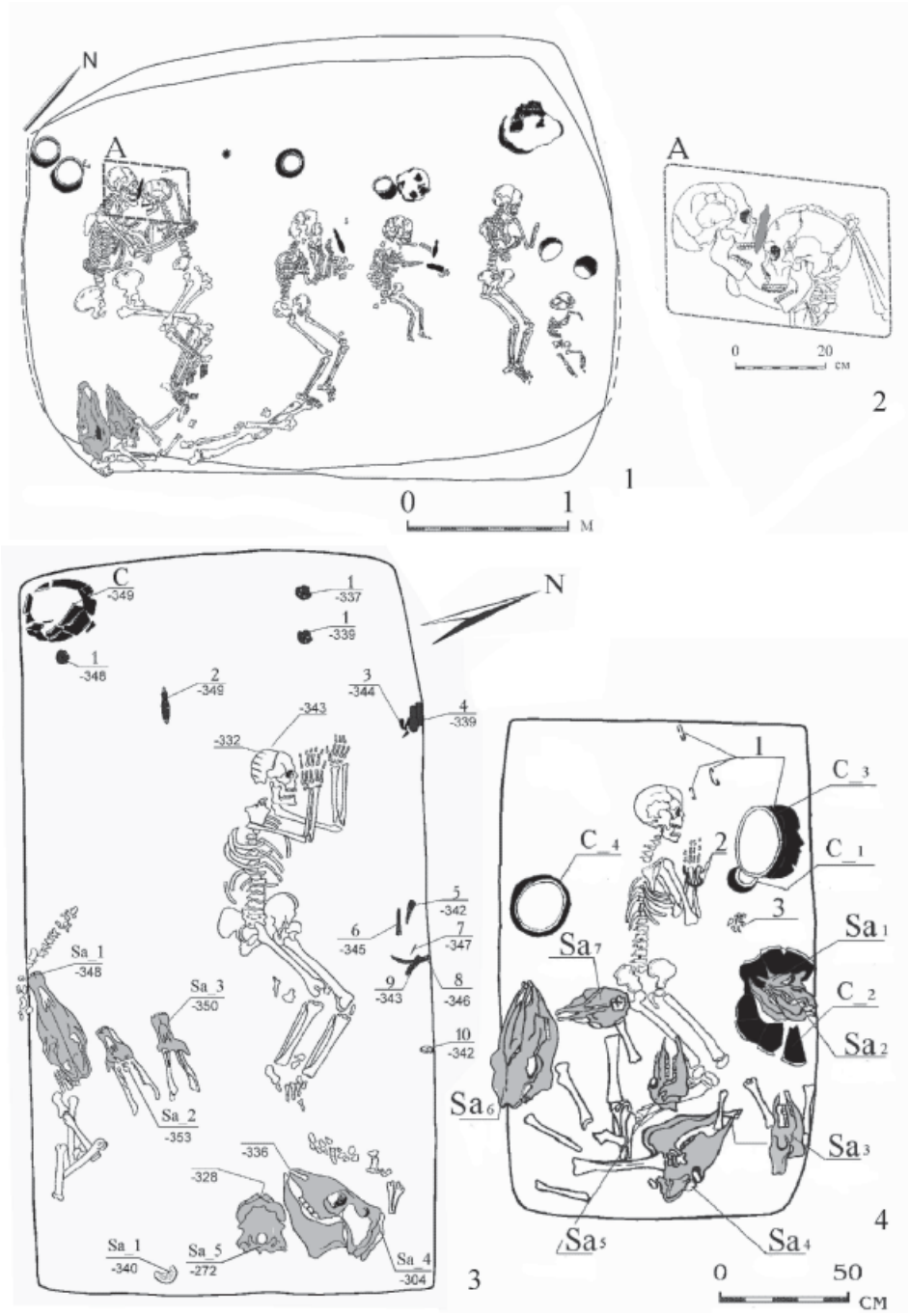


Рис. 5. Погребальные комплексы потаповской культуры

1 – погребение 2 кургана 6 могильника Утевка VI; 2 – местоположение черепов погребенных в обнимку подростков. Между ними – металлический нож; 3 – погребение 6 кургана 6 могильника Утевка VI.

Условные обозначения: 1) псалии, 2) нож-кинжал, 3) наконечники стрел, 4) глиняные сопла, 5) рог, 6), 9) тесла, 7) шило, 8) серп, 10) костяной диск; 3 – погребение 11 кургана 6 могильника Утевка VI. Условные обозначения: 1) металлические скрепки, 2) браслеты, 3) костяные украшения. Общие условные обозначения: С – сосуд; Sa – жертвенники животных

был размещён и жертвенник из костей и черепа МРС.

Таким образом, мы видим, что племена потаповской культуры при сооружении своих погребальных площадок снимали насыпи более ранних курганов, но при этом они сохраняли погребения предшествующих культур. И даже производили с ними дополнительные обрядовые действия.

Массовой категорией погребального инвентаря является керамика. Сосуды разделены на три основные категории. 1. Горшки с выраженным плечом в верхней трети тулова. Это или сосуды приземистых пропорций, или крупные по объему высокие горшки с большим диаметром горла и дна. Есть миниатюрные горшки с такой же профилировкой. У отдельных сосудов фиксируется вну-

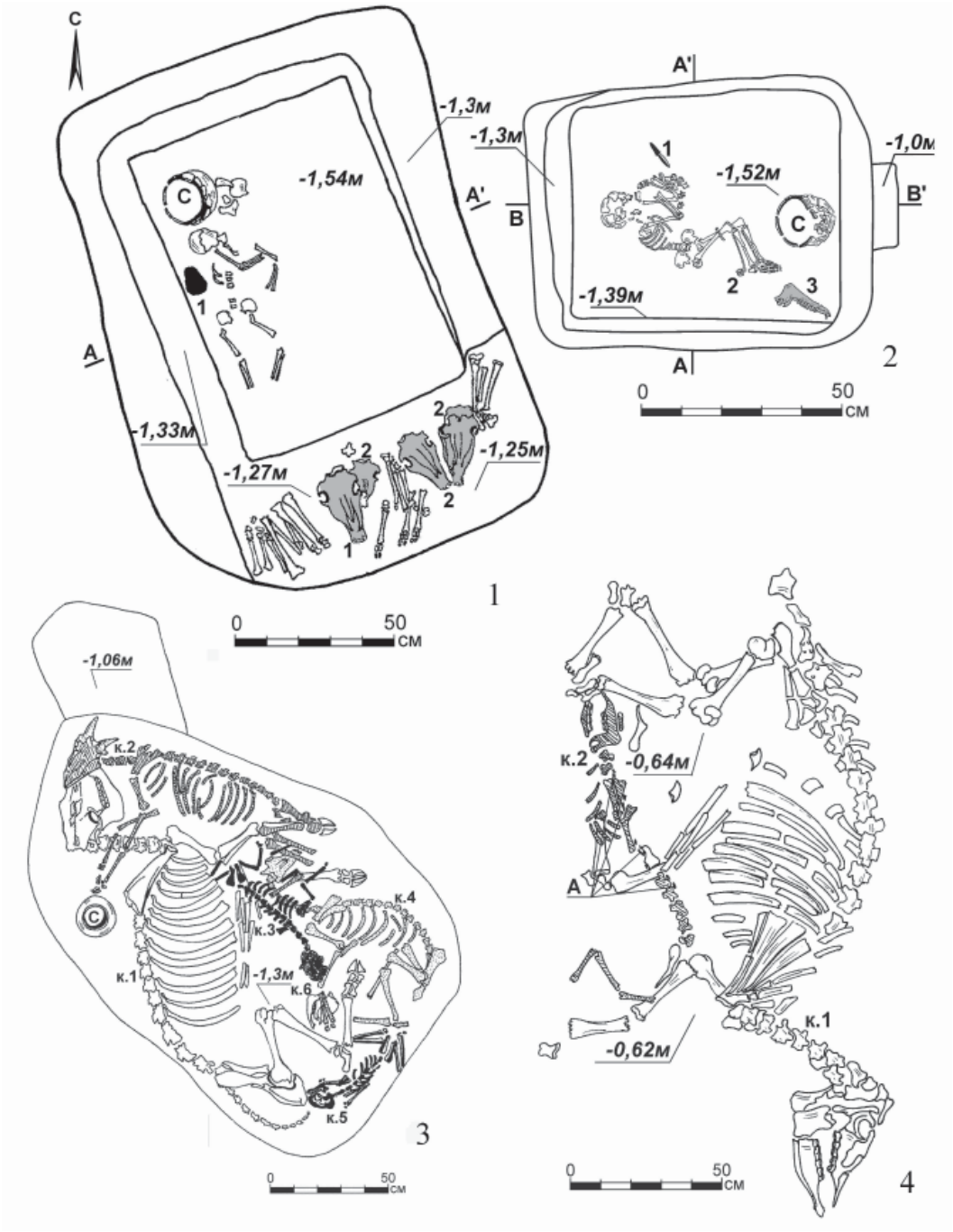


Рис. 6. Погребальные комплексы потаповской культуры. Могильник Грачевка II

1 – курган 3, погр. 16. Условные обозначения: 1) обработанный камень; 2 – курган 8, погр. 8. Условные обозначения: 1) нож-кинжал, 2) костяной диск, 3) челюсть кабана; 3 – курган 8, погр. 6. Шесть костяков животных и глиняный сосуд; 4 – курган 8, жертвенник животных № 2

треннее ребро в верхней части венчика. 2. Горшки с плавной профилировкой тулова и отогнутым венчиком. Как вариант такой профилировки – сосуды с шаровидным туловом. 3. Банки, иногда со значительным диаметром горла и вместительные по объему (рис. 12–14).

Орнаментом украшены почти все сосуды. В целом создается впечатление разнообразного сочетания элементов орнаментации. Имеется специфичный тип горшков, украшенных в одном стиле. Это елочное покрытие всего тулова в сочетании с заштрихованными треугольниками, ромбами, зигзагами на шейке сосуда. Наиболее сложные элементы орнамента – «овы», «уточки», перевернутые «ступенчатые пирамиды» и заштрихованные зигзаги. Мотивы из этих элементов включены в более сложную композицию. У нескольких сосудов на внутренней поверхности венчика имеются желобки. Один горшок полностью окрашен охрой (рис 13: 7). Раскраска сосуда совершенно необыч-

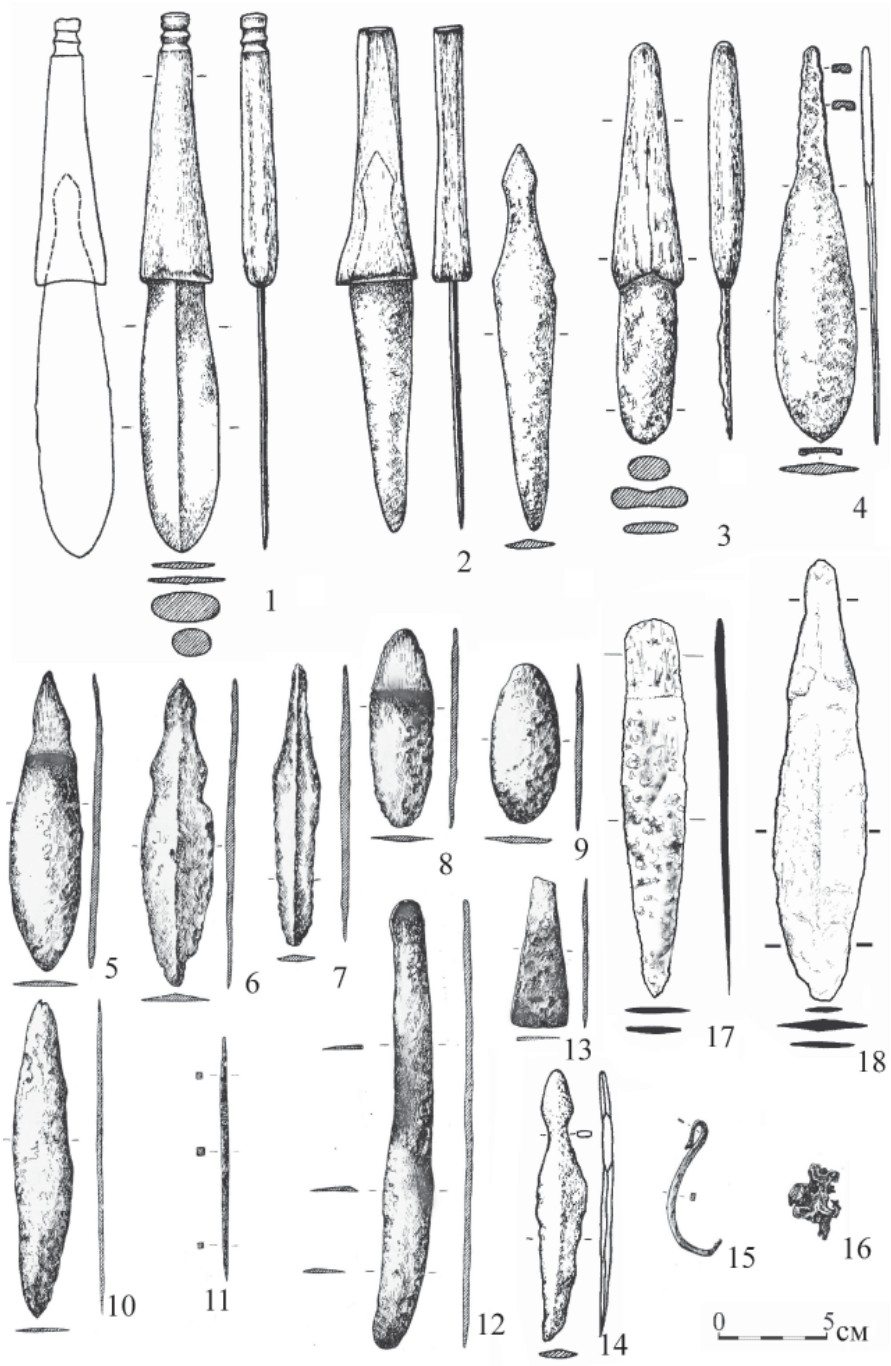


Рис. 7. Металлические изделия из Потаповского могильника (1, 2, 4–16) и могильника Грачевка II (3, 17, 18)
1–4, 17, 18 – ножи-кинжалы; 5–10, 14 – ножи; 11 – шило; 12 – серп; 13 – тесло; 15 – крючок; 16 – сплеск металла

на для керамических традиций культур степных скотоводов. Она более характерна для земледельцев южного пояса Евразии.

Потаповская керамика специально изготавливалась для ритуальных целей. Она предназначалась для установки в могилы. Из-за своей хрупкости и особой тонкостенности, сосуды иногда растрескивались при обжиге. Но они были неотъемлемой частью погребального ритуала. В обрядовой практике той эпохи воплощение идеи гораздо выше экономической целесообразности. Поэтому трещины на ритуальных сосудах скреплялись скобками, изготовленными из бронзы. Сосуд из главной могилы № 4 кургана № 3 Потаповского могильника было скреплен семью массивными металлическим скобками (рис. 12: 4).

На некоторых сосудах (могильники Потаповский, Утевка VI, Алексеевский II) выявлены отпечатки тканей. Обнаружение фрагментов тканей и их отпечатков на керамике позволяет предположить, что ткацкое производство существовало на территории лесостепного Поволжья уже в начале позднего бронзового века. Население применяло ткани для изготовления одежды, а также

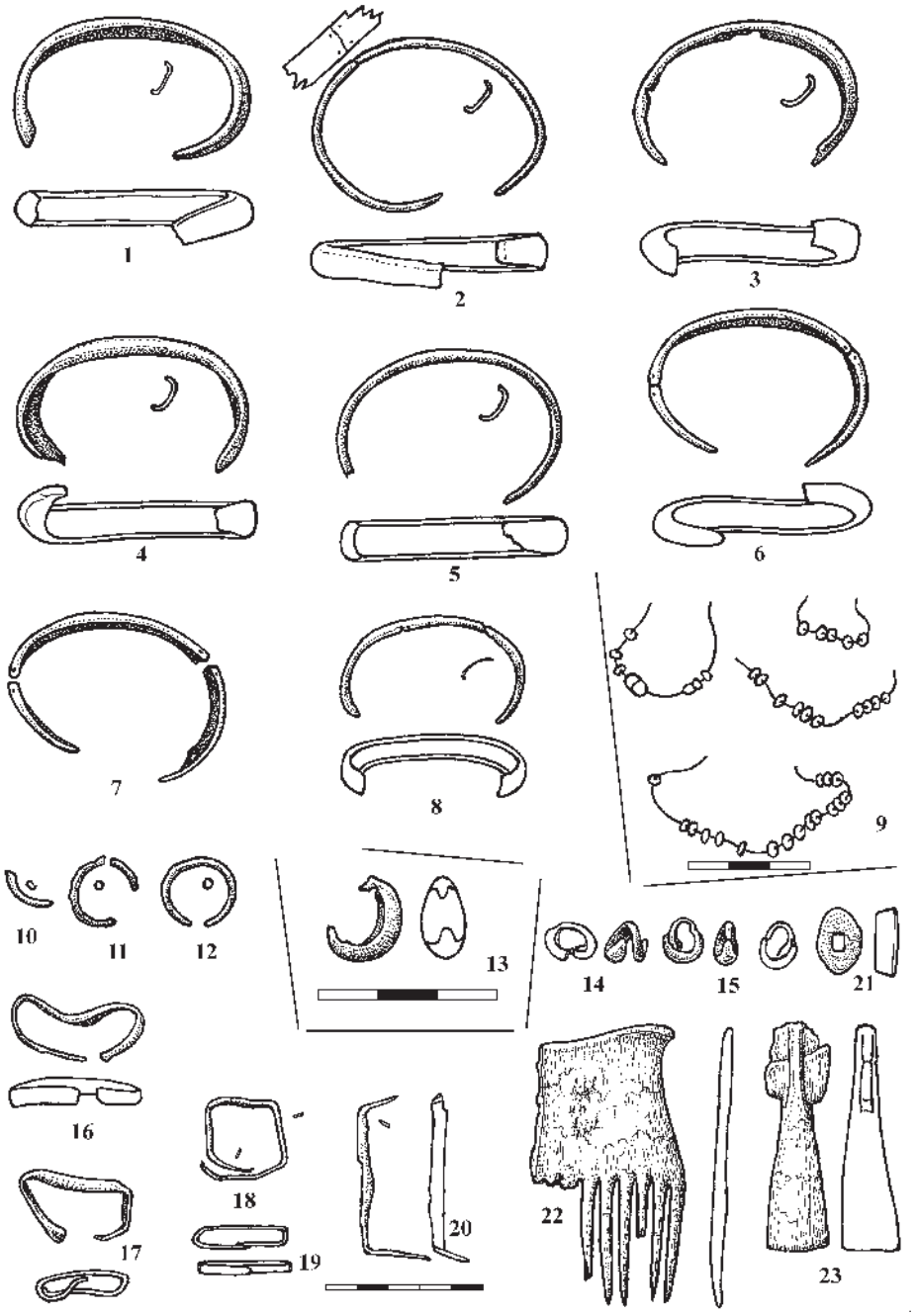


Рис. 8. Металлические изделия из могильника Утевка VI

1 – копье; 2–6 – ножи-кинжалы; 7–8 – ножи; 9 – серп; 10–12 – плоские тесла; 13 – тесло со свернутой втулкой; 14, 16–18, 20, 21 – шилья; 15 – крючок; 16 – игла с ушком

и в качестве текстильной прокладки при производстве керамики на форме-основе. Им было известно простое полотняное переплетение различной плотности (редкая ткань и ткань с репсовым эффектом) (Медведева, Мочалов, Орфинская, 2017, с. 351–364). В качестве сырья использовалась шерсть, преимущественно пух, из которой прялись нити как правого, так и левого кручения. Прямые аналогии потаповским тканям прослеживаются в синташтинской культуре Южного Зауралья.

Другой сопровождающий инвентарь памятников потаповского типа представлен многочисленными металлическими изделиями, изделиями из камня, кости и рога (рис. 7–11). Обнаружен 31 нож и три ножа-бритвы. Эту категорию вещей характеризует значительное типологическое разнообразие: массивные ножи с ромбической пяткой, боевые кинжалы с роговыми рукоятями, маленькие ножи-бритвы; ножи-серпы. Другие металлические изделия в погребениях это: долота, тесла, шилья, иглы, крючки, бляшки-накладки с пуансонным ор-

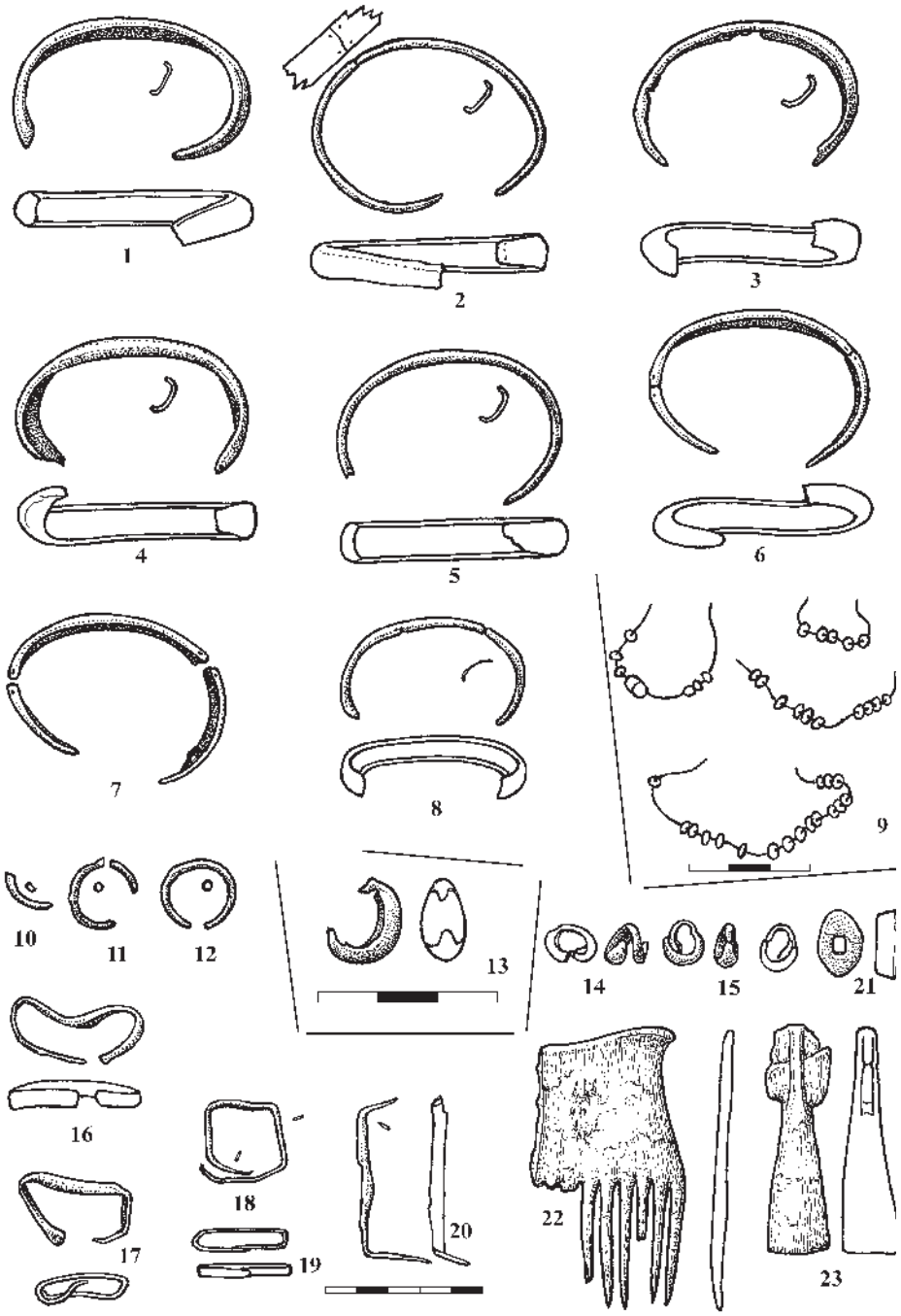


Рис. 9. Украшения потаповской культуры

1–8 – металлические браслеты; 9 – костяные и каменные бусы; 10–12 – металлические подвески из свернутых трубочек; 13 – золотая подвеска; 14, 15 – металлические подвески в 1,5 оборота; 16–20 – металлические скрепки сосудов; 21 – костяной диск с отверстием; 22 – костяной гребень; 23 – костяная лопаточка со втулкой

наментом, широкие желобчатые браслеты, полые височные подвески в полтора оборота, височные кольца, медные бусины. Уникальными являются ножи, имеющие аналогии в сейминско-турбинской культуре (рис. 7: 8, 17). В погребении 4 кургана 6 Утевского VI могильника найден массивный бронзовый наконечник боевого копья (рис. 8: 1). Вместе с металлическими предметами обнаружены сколы валунного галечника, которые служили для заточки и правки металлических изделий.

В погребениях найдены и изделия из драгоценных металлов: например, золотая сережка, изготовленная из желобчатой пластины, согнутой в виде двух свернутых лепестков (рис. 9: 13).

В погребения укладывались целые колчанные наборы со стрелами. От них сохранился органический тлен и многочисленные кремневые наконечники. В одном погребении может быть до шестнадцати таких наконечников. Они представлены несколькими типами: с выделенным черенком,

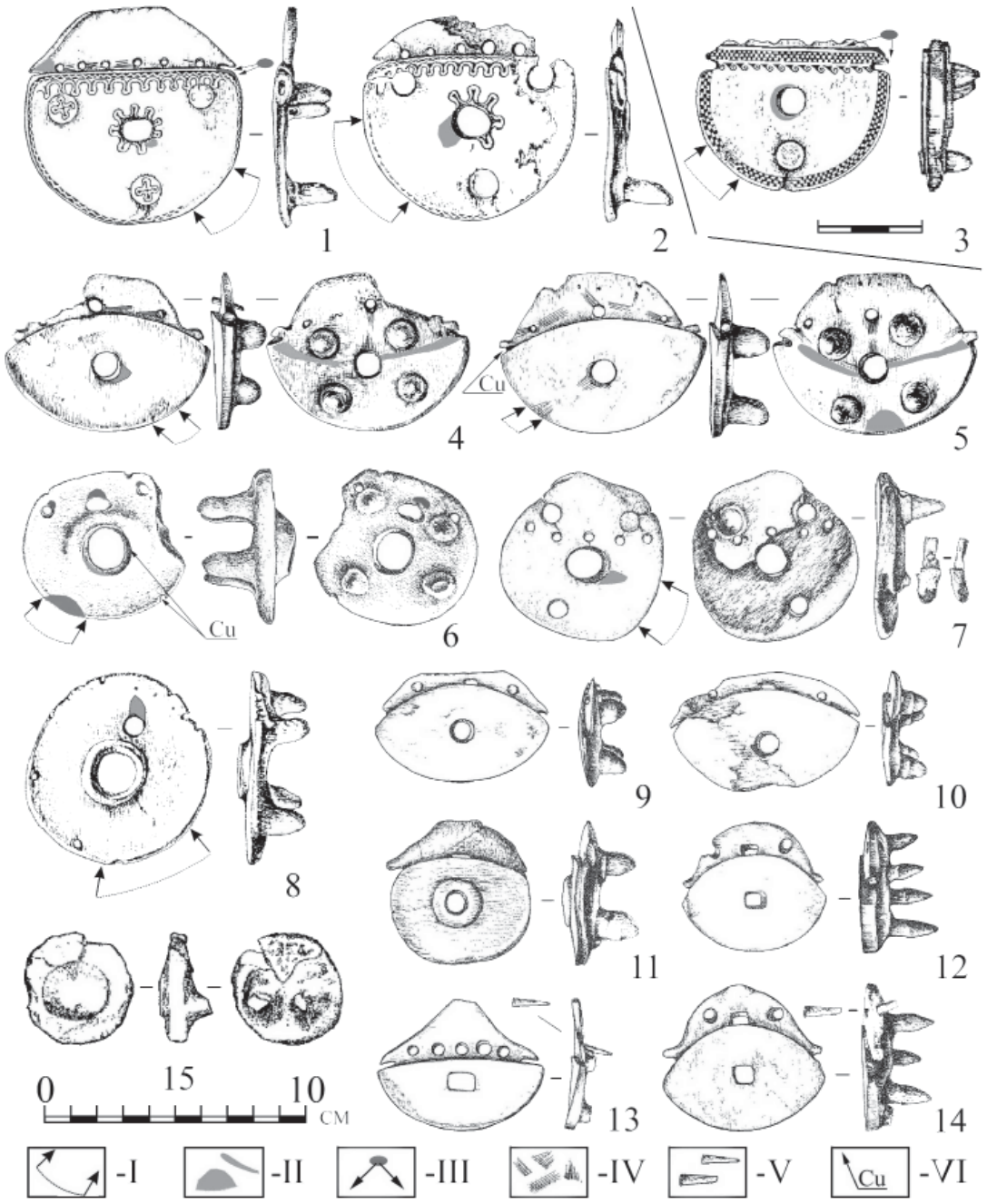


Рис. 10. Дисковидные роговые псалии юга лесостепного Поволжья

1 – Потапово к. 5, п. 8, псалий 2; 2 – Потапово, к. 5, п. 8, псалий 3; 3 – Утевка VI, к. 6, п. 5, псалий 1; 4 – Утевка VI, к. 6, п. 6, псалий 2; 5 – Утевка VI, к. 6, п. 6, псалий 1; 6 – Потапово, к. 3, п. 4, псалий 1; 7 – Потапово, к. 3, п. 4, псалий 2; 8 – Потапово, к. 5, п. 8, псалий 1; 9 – Утевка VI, к. 6, п. 4, псалий 3; 10 – Утевка VI, к. 6, п. 4, псалий 4; 11 – Утевка VI, к. 6, п. 6, псалий 3; 12 – Утевка VI, к. 6, п. 4, псалий 1; 13 – Утевка VI, к. 6, п. 5, псалий 2; 14 – Утевка VI, к. 6, п. 4, псалий 2; 15 – поселение Суруш. 1–8 – псалии с явными следами использования; 9, 10 – псалии со следами незначительного использования; 11–14 – псалии без следов использования; 15 – заготовка псалия.

Условные обозначение: I – границы заполированности краев щитка псалиев от воздействия удил. II – участки заполированности на псалиях; III – участки заполированности у выемки в основании планки (1, 3); IV – регулярные риски; V – шпеньки в боковых отверстиях щитка; VI – следы меди

бесчеренковые, с намеченной выемкой у основания. Длина стрел потаповцев была не менее 50 см, высота лука соответственно – до одного метра. Стрела с кремневым наконечником, выпущенная из такого лука, по наблюдениям и экспериментальным стрельбам, достигала цели на расстояние до 300 м (рис. 11).

Одежда погребенных потаповцев украшалась низками бусин, изготовленных из металла, фаянса и камня. Иногда в низку с бусинами входили мел-

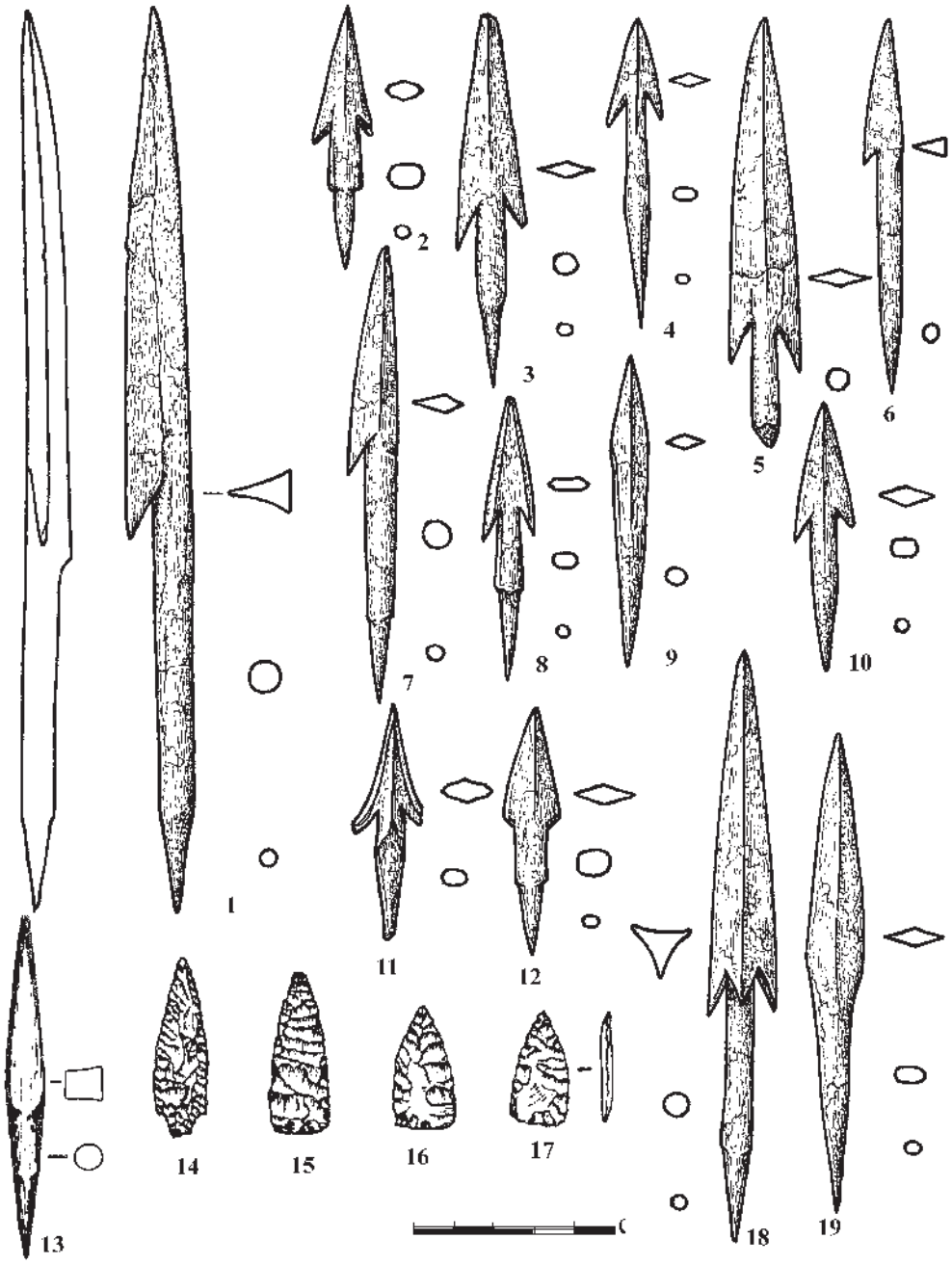


Рис. 11. Колчанный набор наконечников из погребения 1 кургана 2 мог. Лопатинский II
1–13, 18, 19 – костяные наконечники; 14–17 – кремневые наконечники

кие медные пронизки. Скопления бусин расчищены в области шейных позвонков, плечевых костей и костей ног (рис. 9: 9).

Особая категория изделий – дисковидные псалии из рога. Все они обнаружены в главных могилах при взрослых захоронениях. В одной яме их могло быть до четырех экземпляров. Всего обнаружено 15 псалиев (рис. 10). Обычно они имеют одно большое центральное отверстие и несколько дополнительных малых (рис. 10). Шипы могут быть как монолитные, так и вставные. Три псалия орнаментированы зигзагом и овальным меандром, причем орнаментированы и шипы (миниатюрный крестик, вписанный в меандр). Псалии имеют аналогии по всей лесостепной и северной степной зоне Евразии. Выделяется каноническая группа изделий, которая характерна только для потаповской культуры (рис. 10: 4, 5, 12, 14). Это псалии без валика вокруг центрального отверстия, с фигурными монолитными шипами, с планкой трапециевидной формы, дополнительные отверстия расположены в шахматном порядке, отсутствует дополнительное отверстие на щитке (Бочкарев, Кузнецов, 2013, с. 70, 71). В потаповских памятниках есть два канонических псалия покровской культуры (рис. 10: 1, 2). Покровские псалии име-

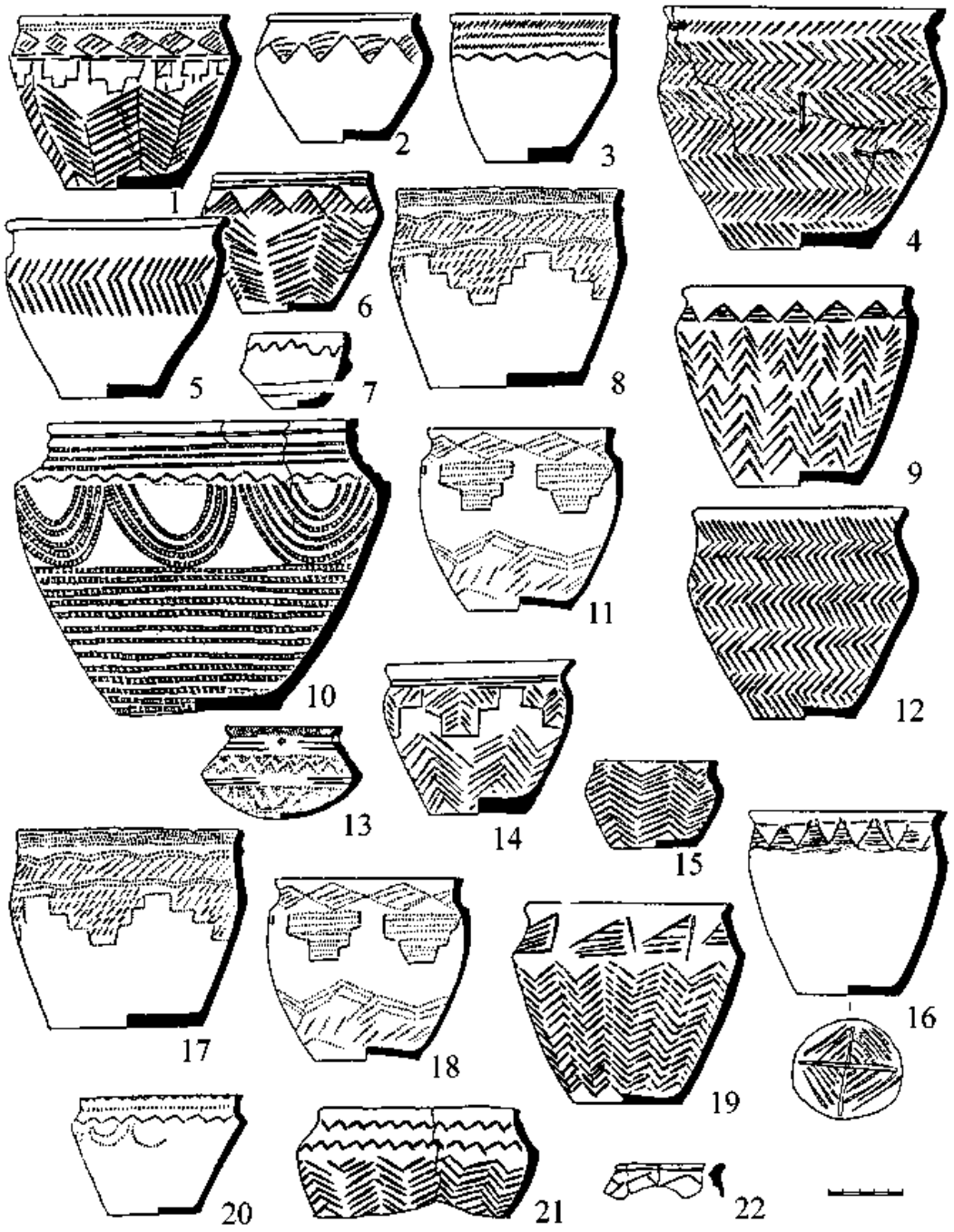


Рис. 12. Керамика Потаповского могильника

ют богатый орнамент на внешней стороне щитка. Необходимо особенно отметить тот факт, что на Урале в синташтинских и петровских материалах орнаментированные псалии являются большой редкостью, тогда как на Волге и на Дону они широко известны.

Другие предметы из кости типологически так же разнообразны, как и металлические изделия. Это наконечники стрел, плоские диски и цилиндры с центральным отверстием, бусины-трубочки, гребень.

Таким образом, исследования курганов привели к открытию в Среднем Поволжье особой группы памятников – памятников потаповской культуры. Несомненна существенная близость потаповских памятников с другими одновременными культурными образованиями лесостепи Волго-Уралья – синташтинскими и покровскими. В то же время ряд специфических особенностей не позволяет считать изучаемую группу памятников вариантом восточных культурных образований. Рассмотрим более детально черты сходства и различия памятников Поволжья и Урала.

Сравнение по погребальному обряду и инвентарю убедительно показывает значительное сходство потаповских и синташтинских памятников.

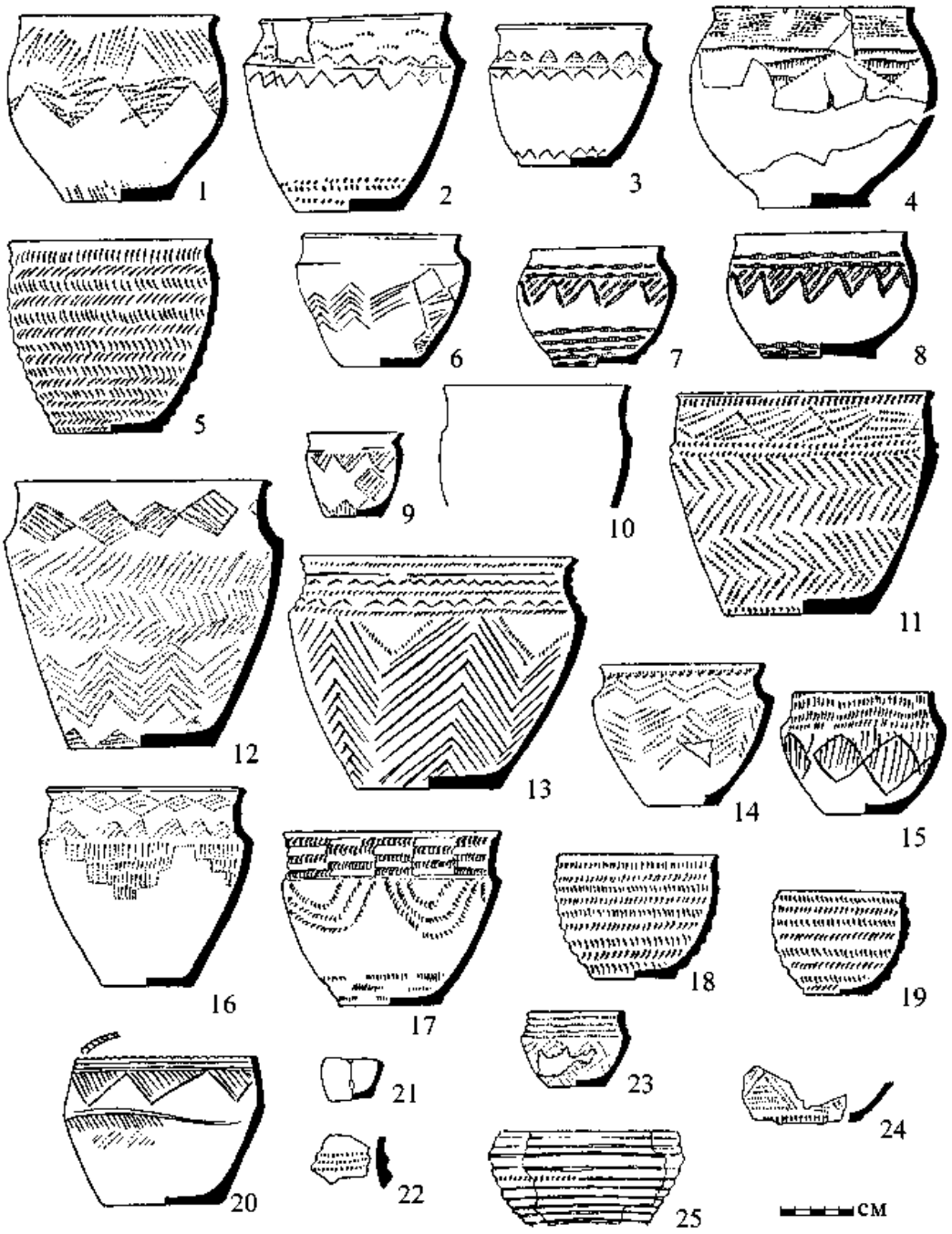


Рис. 13. Керамика могильника Утевка VI

Это позволяет ввести памятники потаповского типа в особый круг восточных культурных образований и предположить их близкую хронологическую позицию.

Отличительными являются следующие признаки: в потаповских памятниках полностью отсутствуют оградки из камня и дерева вокруг курганов и погребений, а также закладки могильных ям. Нет и выраженных деревянных конструкций, включая обкладку стен могил плахами. Все эти признаки характерны для синташтинских памятников. Потаповские погребения имеют лишь перекрытия из тонких веток и плах, которые предавались огню. Есть подстилки и покрывала. В синташтинских комплексах абсолютно преобладает поза в слабоскорченном положении на левом боку, стандартны ориентировки погребенных, отсутствует охра. В потаповских памятниках имеется существенно большее разнообразие погребальных поз: на спине вытянуто, во вторичном захоронении, «обнявшись». То есть в синташтинских памятниках наблюдается явная стандартизация обрядовых признаков, что более характерно для последующих культур алакульско-срубного времени. В керамических материалах синташтинских комплексов более четко фиксируются

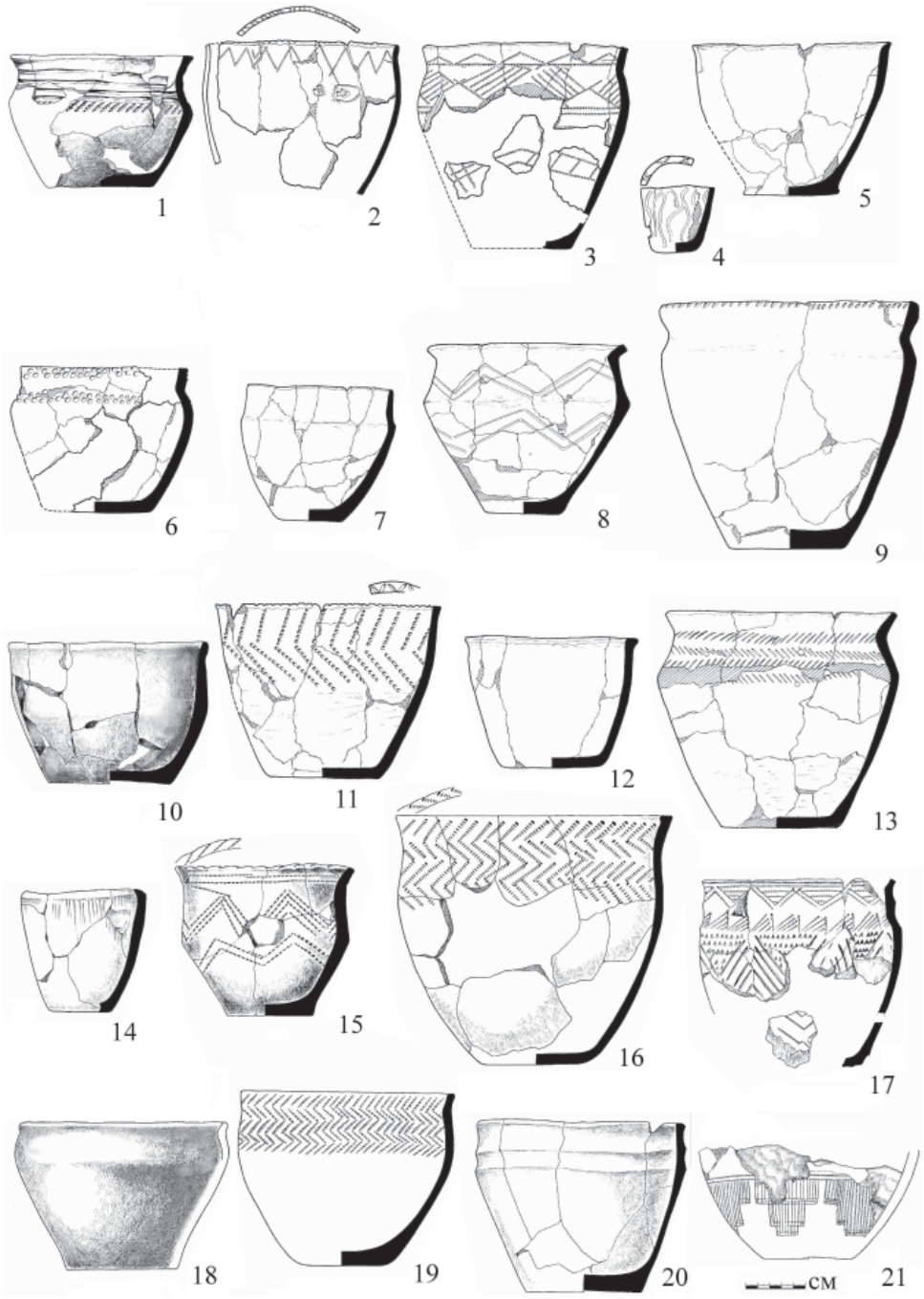


Рис. 14. Керамика могильника Грачевка II

абашевские черты, тогда как в потаповских – и абашевские, и полтавкинские. В синташтинских жертвенниках абсолютно преобладает лошадь, тогда как в потаповских большая доля отведена крупному и мелкому рогатому скоту, а также собакам. Отличительными особенностями потаповских погребений являются коллективные и вторичные захоронения; захоронения на правом боку, обильные подсыпки охры, покрывала, ориентировка в восточном секторе. Серии радиоуглеродных датировок достаточно убедительно позволяют синхронизировать потаповские и синташтинские комплексы в пределах XX–XVIII вв. до н. э. (Кузнецов, 1996; Трифонов, 1997; Кузнецов, Мочалов, 2012).

Сравнение потаповской культуры с предшествующей полтавкинской культурой показывает близость по таким признакам, как: простые земляные насыпи, кольцевые ровики под насыпью, наличие ям средних и крупных размеров, сложных внутримогильных конструкций, ступеней-уступов, канавок по периметру дна могильных ям, столбовых ямок на дне крупных могил, подсыпка охры и мела, наличие подстилок и покрывал на костях, положение погребенных на спине и скорченно на правом боку, их восточная ориентировка.

В инвентаре – наличие отдельных полтавкинских сосудов, сосудов с уступчиком и зауженным горлом, орнаментация веревочкой, насечками, ногтевыми вдавлениями и шагающей гребенкой. В металле – ножи с прямыми черенками, слабо выраженными уступчиками и перехватами.

Достаточно большое сходство фиксируется с абашевской культурой Приуралья. Это положение костяков вытянуто на спине, совершение вторичных и коллективных захоронений. В коллекции керамики Потаповского могильника есть сосуд, аналогичный миниатюрным сосудам уральского абашева. Часть горшков имеет отдельные подколоколовидные формы, внутреннее ребро; аналогичны отдельные мотивы: фестоны, желобки, заштрихованные ромбы и треугольники. В глине – обильная примесь толченой раковины. В металле следующие общие черты: наличие ножей с ромбической пяткой, крючков и пластинчатых орудий. В украшениях – наличие округлых желобчатых подвесок в полтора оборота и общих типов браслетов. Близки формы кремневых наконечников стрел и костяных дротиков.

Наряду с аналогичными имеются специфические признаки, отличающие потаповские памятники от полтавкинских и абашевской культур. Это совершенно особая организация подкурганного пространства: жертвенники из черепов и ног лошадей и быков, обмазка стен и дна могилы глиной, наличие жертвенников из черепов и костей ног мелкого рогатого скота в заполнении ям, западная ориентировка погребений. В керамике выделяется специфическая группа, не имеющая аналогий ни в одной из перечисленных культур. Это посуда с трехчленным делением профиля, с внешним и внутренним ребром, с зональной орнаментацией, состоящей обычно из геометрических фигур, украшающих шейку сосуда. Специфичен и ремонт сосудов с помощью металлических скобок.

Довольно сложен вопрос о хронологическом соотношении абашевской культуры по отношению к потаповской и синташтинской. По данным В.С. Горбунова, на I Береговском поселении, кроме абашевской, покровско-абашевской и срубной керамики, выделяется группа горшковидных сосудов с острым внутренним ребром и желобком на внутренней стороне венчика. Орнамент состоит из горизонтальных желобков, сочетающихся с насечками, заштрихованными треугольниками и налепными шишечками. По мнению В.С. Горбунова, эта керамика близка петровской. Стратиграфически она залегала между абашевским раннесрубным слоями. Как подчеркивает В.С. Горбунов, эти наблюдения принципиально важны для выяснения хронологического соотношения абашевской культуры с синташтинскими материалами (Горбунов, 1996). Были получены девять датировок одного из поздних абашевских памятников – Пепкинского кургана, который оказался древнее всех синташтинско-потаповских памятников (Кузнецов, 2001; Кузьминых, Мимоход, 2016, с. 40). Все они оказываются в диапазоне XXII – первой половины XX вв. до н. э. То есть непосредственно предшествуют времени потаповской и синташтинской культур. При исследовании могильника у горы Березовой в Приуралье было установлено, что погребения синташтинского облика были впущены в абашевскую насыпь и разрушили абашевские погребения (Халяпин, 2001, с. 417–425).

Важные наблюдения о хронологическом приоритете абашевской культуры опубликованы В.С. Бочкаревым. При исследовании типологии металлических изделий он выявил несколько эксклюзивных абашевских типов, которые отсутствуют в синташтинской, потаповской и покровской культурах. Это бляшки-розетки, «шитье», ребристые браслеты с плоским желобком, узковислообушные топоры, три типа кованых наконечников копий. Они образуют культурное ядро группы и отсутствуют в последующей эпохе – эпохе поздней бронзы (Бочкарев, 2017).

Южнее ареала распространения абашевской культуры находится территория полтавкинских памятников. В лесостепном Волго-Уралье территории двух культурных образований частично накладываются. И именно эта территория является основным ареалом распространения потаповской культуры.

Наиболее важной проблемой в настоящее время является проблема происхождения потаповской культуры. Имеется несколько точек зрения. Весьма распространенной является гипотеза о продвижении синташтинских племен в Поволжье. Высказывалось предположение, что потаповские памятники – это буквально «выплеск Синташты». Основой данного представления является приоритет открытия памятников за Уралом, большое количество исследованных синташтинских комплексов, наличие укрепленных поселений (Смирнов, Кузьмина, 1977; Генинг, Зданович, Генинг, 1995, Кузьмина, 1994). Неповторимость, своеобразие группы позволяет специалистам выделять особую синташтинскую археологическую культуру и даже выделять, по образному выражению Г.Б. Здановича, особую «Страну городов бронзового века». Действительно, на компактной территории Зауралья определен культурно-хронологический пласт памятников типа Синташты и Аркаима. Характерной особенностью для них является наличие регулярной планировки и некое подобие стен, окружавших поселение. Вместе с

тем немаловажным является наличие на всех бытовых синташтинских памятниках свидетельств металлургического производства. Синташтинские укрепленные поселения действительно представляют собой протогорода, главной особенностью которых является их функционирование как ремесленных (металлургических) центров. Главным базисом ее развития послужила разработка богатых металлических рудопроявлений Южного Урала. Синташтинцы первыми начали эксплуатацию рудников Зауралья.

Таким образом, в настоящее время возможно говорить об одном общем и главном – абашевском компоненте потаповских и синташтинских культурных комплексов и об их синхронизации. Вместе с тем на данном этапе исследования мы не можем рассматривать потаповские материалы в рамках синташтинской культуры. Она имеет отчетливую область распространения – вдоль восточных склонов Южного Урала. Потаповские памятники локализуются существенно западнее. Между ними находится обширная территория, где есть отдельные синхронные материалы. Безусловно, потаповско-синташтинские комплексы наиболее тесно взаимосвязаны. Они имеют наиболее выраженное культурное сходство. Западнее к ним примыкают памятники раннего этапа покровской культуры (Синюк, Козмирчук, 1995). Однако рассматривать все эти материалы в рамках одной культуры было бы заведомым нарушением принципа археологических классификаций. Скорее объединение памятников более отвечает понятию блока культур, имеющих общее происхождение. Эти памятники отражают определенную историческую общность населения южной лесостепи Восточной Европы. Доминирование восточного крыла как главной базы металлургии безусловно. В погребальных комплексах данного круга культур впервые фиксируется достаточно устойчивое сочетание жертвенников коней, конской упряжи и колчанных наборов стрел. Богатое разнообразие категорий оружия в этих захоронениях позволяет говорить о выделении страты воинской знати, о колесничей аристократии ранней фазы позднего бронзового века.

Особенно следует отметить наличие специфического, западного в своей основе компонента сложения потаповской культуры. Вполне вероятно, что это вольско-лбищенская культура. Основные её памятники сосредоточены на Волжском правобережье в пределах лесостепной зоны (городища Вольск, Лбище, Царев Курган, Утес Степана Разина). Кроме этого, имеются и обычные, низкорасположенные поселения (Гундоровское поселение на р. Сок в Заволжье). Вероятно, к этой культуре относится Алексеевский могильник близ г. Хвалынска. Керамика этой культуры имеет черты, связанные с материалами среднего бронзового века Поволжья – полтавкинской и абашевской культур. В некоторых полтавкинских погребениях найдена керамика, аналогичная вольско-лбищенской. Она есть и на полтавкинских бытовых памятниках Нижнего Поволжья. Это свидетельствует о синхронизации и определенных контактах полтавкинских и вольско-лбищенских племен. Вероятно, вольско-лбищенская культура является отражением воздействия либо проникновения на восток и юго-восток населения культур, родственных культуре шнуровой керамики и боевых топоров. Полагаем, что вольско-лбищенская культура была также одним из компонентов формирования потаповской культуры. Кроме того, есть важное открытие по керамике абашевской культуры Мало-Кизильского селища лесостепного Зауралья (Епимахов, 2001). Автор установил, что керамический комплекс этого памятника является моно-культурным. При этом в керамике явно прослеживаются признаки вольско-лбищенской культуры. Ни в синташтинской, ни в потаповской керамике столь ярких признаков культурного смешения мы уже не наблюдаем.

Таким образом, формирование потаповской культуры явилось результатом трансформации абашевского населения лесостепного Поволжья и, видимо, постполтавкинского при взаимодействии и ассимиляции потомков шнуровых культур (Вольск-Лбище). На территории Волго-Уральского междуречья, в лесостепи и на севере степной зоны, в предшествующий период выделяется пласт полтавкинских или ямно-полтавкинских памятников: Утевский I, Лопатинский I и др. в Самарском Поволжье, Болдырево I и другие – в западном Оренбуржье. Чрезвычайная сложность погребального обряда, богатство инвентаря, явные свидетельства социального расслоения общества, богатство меди и достаточно высокий уровень металлургии позволяет сделать предположение, что культурные и технологические традиции во многом способствовали возникновению потаповско-синташтинского культурного феномена. Роль абашевского компонента в сложении потаповской культуры достаточно хорошо выражена. Вместе с тем на синташтинских памятниках имеется коллекция собственно абашевской керамики.

Дальнейшая судьба населения, оставившего памятники этого культурного пласта, связана с формированием покровской культуры.

Памятники потаповской культуры расположены на территории лесостепного Поволжья в непосредственной близости к курганам срубной и покровской культур. Стратиграфические данные отсутствуют. Поэтому очень важно сопоставле-

ние данных памятников по всем категориям источников, так как такой анализ представит возможность определения хронологического статуса потаповских и срубных могильников. На территории данного региона известны многочисленные раннесрубные могильники, которые по комплексу признаков делятся на две группы. Одна из этих групп уже вошла в литературу под названием «покровская». Покровские памятники по многим категориям источников сопоставимы с потаповскими. Аналогичны отдельные признаки обряда и категории изделий, поэтому необходим детальный анализ не только отдельных показателей, но и целой их системы, которая и выявляет неповторимость и своеобразие отдельных культур и культурных типов.

Сравнение организации потаповских и покровских могильников лесостепного Поволжья показывает следующее. Могильники потаповского типа состоят из курганов, имеющих несколько захоронений. Самая крупная яма в кургане расположена всегда в центре (иногда их две) в окружении могил средних размеров и сложных жертвенников. Организация покровских могильников совершенно иная. Сама подкурганная площадка не имеет сложных жертвенников, только в отдельных случаях на ее краю или у могильной ямы расчищены черепа, кости ног или в единичных случаях костяки лошадей.

Сравнение погребальных камер следует проводить, деля их по размерам на крупные, средние и мелкие. Самые крупные покровские могилы по размерам ближе всего к среднего размера потаповским, так же как средние покровские ямы по размерам сопоставимы с мелкими потаповскими. То есть сравнение по данным признакам дает возможность на статистическом большинстве показать, что потаповские погребальные камеры в целом больше по размеру, чем покровские. Большинство покровских могил имеет на ступеньках или в одном из углов в верхнем заполнении типичные жертвенники – черепа и кости, ног коней, бычков, козлят. В покровские могилы кладется только часть туши (в расчищенном виде это ребра животных на дне могилы). Самые крупные потаповские и покровские ямы организованы по различающимся канонам. Сложнейшее оформление потаповской центральной ямы с многочисленными жертвенниками, ступеньками, ровиками и в отдельных случаях вторичными захоронениями ни разу не встречено в покровских могилах. Но тем не менее отдельные неординарные признаки обряда являются общими для потаповских и самых крупных покровских ям. К таковым относятся: захоронение взрослого и ребенка; ступенька, но без жертвенников животных.

Очевидные аналогии есть в позициях погребенных – преобладающее слабоскорченное положение на левом боку с руками, согнутыми в локтях, и наличие костяков с неустойчивым положением рук, наличие и в потаповских, и в покровских памятниках целой группы могил, где костяк смещен к одной из стен погребальной камеры. Но следует отметить существенное различие: в покровских могилах такое смещение фиксируется практически всегда в самых крупных ямах, тогда как в потаповских – в обычных средних по размеру камерах. Разнообразие в положении костяков (спина, правый бок), встречающееся в потаповских могилах, почти нехарактерно для покровских. И в потаповских, и в покровских могилах встречаются коллективные и парные захоронения, но преобладание потаповских совершенно очевидно. Аналогичны посыпки охрой и мелом дна костяков в отдельных могилах. Отличия фиксируются на качественном уровне: обилие подсыпок в потаповских погребальных камерах и слабые – в покровских.

Таким образом, сопоставление ритуалов потаповских и покровских памятников лесостепного Поволжья показывает ослабление ведущих показателей от первых ко вторым.

Керамика и в покровских, и в потаповских могилах является самым многочисленным инвентарем. Самая массовая форма в тех и других памятниках – горшковидная с ребром-уступом или наибольшим расширением тулова, расположенным на одной трети высоты сосуда. Венчик часто отогнут. Покровские горшки иногда не имеют венчика вообще или имеют прямой венчик, так что профилировка представляется трехчленной. Вариабельность в пределах одной формы незначительна. Сопоставимы размеры сосудов, с той особенностью, что в памятниках потаповского типа чаще, чем в покровских, встречаются высокие объемные сосуды. Следующая значительная по численности форма горшков в покровских памятниках – это сосуды высоких (только иногда средних и низких) пропорций с сильно отогнутым венчиком, образующим внутреннее ребро. Такие горшки встречаются в потаповских комплексах сравнительно редко. Еще две формы сосудов – высокие слабопрофилированные горшки с отогнутым венчиком и приземистые остроребериые или округлобокие (наибольшее расширение тулова приходится на середину высоты сосуда) – имеют редкие аналогии в потаповских памятниках. Единичные формы – биконические и сильно округлобокие – встречаются и в тех и в других погребениях. Что касается банок, то численность их в покровских курганах намного превышает количество банок из потаповских могил.

Таким образом, сравнение сосудов по формам показывает наличие в покровских памятниках четырех устойчивых массово представленных типов горшков, тогда как в потаповских комплексах преобладает только один тип. В последних практически отсутствуют сосуды (слабопрофилированные и остроребериые горшки), которые в развитой срубной культуре будут являться ведущими типами. Тем не менее самые массово представленные формы и в тех и в других памятниках вполне сопоставимы в рамках развития одного типологического ряда.

Исключительно интересен анализ орнаментов. Потаповские горшки в подавляющем большинстве (первая описанная форма) покрыты елочным узором или полностью, или ниже ребра. Выше, по фризу, – заштрихованными треугольниками, ромбами, двойными зигзагами, просто зигзагом. Покровские сосуды аналогичной формы и также количественно самые массовые, не имеют орнамента на всей поверхности горшка. Елка практически исчезает, остается только оформление фриза сосуда (совершенно аналогичное потаповскому) с явным преобладанием двойного зигзага как ведущего элемента орнамента (он либо одинок, либо входит в орнаментальную композицию). Остальная поверхность сосуда чаще всего покрыта упорядоченными зачистками (расчесами), выполненными штампом. Эти расчесы как бы заменяют елочное покрытие. Отдельные сосуды в потаповских комплексах орнаментированы заштрихованными треугольниками (почти всегда вершинами вниз, тогда как в покровских – вершинами вверх). Есть уникальные для каждой из сопоставляемых групп памятников орнаменты: потаповские «овы», перевернутые пирамидки, оттиски шагающей гребенки и покровские свисающие лопасти, протащенные штампы, свастики, «змейки» по всей поверхности сосуда.

Следует отметить еще одну отличительную особенность посуды из потаповских могильников: часть горшков отремонтирована медными скобами; в покровских керамических коллекциях такие сосуды отсутствуют.

Яркой особенностью памятников потаповского типа является богатство и разнообразие погребального инвентаря. Центральные могильные ямы характеризуются исключительным его обилием. Это изделия из металла, камня, кости. Такие же вещи, только в меньшем количестве, находятся и в периферийных захоронениях. Ничего подобного в покровских памятниках не встречено. Отдельные изделия обнаружены практически только в центральных могилах, в остальные ставились сосуды. Обычно изделия из металла в таких погребениях представлены исключительно украшениями.

Самой массовой категорией металлического инвентаря и в тех и в других памятниках являются ножи. Отдельные типы этих изделий вполне сопоставимы по форме и размерам. Между тем в потаповских коллекциях есть типы, ни разу не встреченные в покровских (маленькие овальные бритвы, ножи полтавкинских форм), точно так же, как в покровских могилах часто встречаются ножи с прямой рукояткой черена и намечающимся перекрестием, ни разу не найденные в потаповских погребениях, где ножи всегда имеют змеевидный черен. Иглы и шилья отличаются только их очевидным количественным преобладанием в памятниках потаповского типа. Крючки, крюки и тесла из металла не встречаются в покровских могилах. Долота типологически едины.

Очевидные различия фиксируются в украшениях. Потаповские браслеты всегда широкие желобчатые, подвески – мелкие округлые с заостренными концами (из серебра, обложенные золотой фольгой, медные), полные височные кольца, сломанная очковидная подвеска, обилие фаянсовых, медных, костяных бус. Покровские браслеты всегда узкие желобчатые, подвески вытянутой формы (иногда обложенные золотой фольгой) с заостренными концами и в ряде случаев орнаментированы насечками и шишечками, височные кольца и очковидные подвески не встречены. Бусы в основном фаянсовые и из рубленого серебра. Известны накосники и дисковидные бляхи, нашитые на одежду.

И в потаповских, и в покровских памятниках костяные изделия представлены такими общими категориями, как: наконечники стрел (отличия фиксируются в размерах и деталях оформления черена); в покровских погребениях известен еще один тип – трехгранные лопастные наконечники, которые не встречаются в потаповских могилах. Покровские костяные цилиндры с центральным отверстием (потаповские представлены всего несколькими неорнаментированными экземплярами) разнообразны по форме и размерам, почти всегда орнаментированы заштрихованными ромбами, треугольниками, прямыми линиями с насечками. Эксклюзивно потаповскими являются: диски с центральным отверстием, гребень, лопатка. И только в покровских памятниках были обнаружены пряжки, концевые яблочки, орнаментированные втоки стрел.

Одно из важных отличий анализируемых памятников заключается в том, что если в покровских комплексах лесостепного Поволжья преобладают псалии со вставными шипами, то в потаповских есть псалии и с монолитными, и со вставными шипами. Для потаповских, покровских и синташтинских псалиев выделены свои,

особенные канонические группы. При этом в потаповских комплексах есть псалии и потаповской, и покровской канонических групп. В покровских комплексах есть только своя каноническая группа и её типологические вариации. Для синташтинской культуры также характерна лишь своя собственная каноническая группа и отдельные её разновидности (Бочкарев, Кузнецов, 2013).

Кремневые наконечники стрел известны и в тех и в других комплексах. В потаповских они представлены целыми колчанными наборами, в покровских их мало и типологически они однообразны – с усеченным основанием, только в единичных случаях имеется черешок.

Сравнительный анализ потаповских и покровских памятников лесостепного Поволжья показывает, что в данном регионе никто, кроме потаповских, не имеет целой системы признаков в обряде и инвентаре, сходной с такими же показателями в покровских памятниках. Причем сильное количественное выражение признака в потаповских комплексах как бы значительно уменьшается в покровских (сложная организация подкурганного пространства и центральных ям в первом случае, отдельные моменты этой организации – во втором; статистически массово представленная керамика в потаповских комплексах имеет полное покрытие тулова орнаментом – в покровских остается только аналогичное оформление фриза сосуда; костяные наконечники стрел и цилиндры также показывают как бы развитие типа). Очень важен анализ вещей, которые характерны только для тех или других памятников. В керамике это сосуды, орнаментированные «овами», оттисками шагающей гребенки, перевернутыми пирамидками (потаповка), и горшки, украшенные только под венчиком одним или двумя рядами оттисков штампа (покровка). В металле – наличие крюков, крючков, спиральных украшений, височных колец, скобок для ремонта сосудов (потаповка); ножей с прямой рукоятью черена (покровка). В кости – лопатка, трубочки, гребень, обилие псалиев (потаповка); концевые крючки, орнаментированные втоки древков стрел, трехгранные лопастные наконечники стрел, пряжки (покровка). Характерно, что все эти индивидуальные признаки в потаповском типе памятников имеются или в хронологически предшествующих культурах (полтавкинская, абашевская), или в синхронных памятниках (Синташта, Новый Кумак). Ничего подобного в покровских комплексах не фиксируется. Все вышеназванные признаки сближают покровские курганы поволжской лесостепи с аналогичными памятниками Дона и степного Поволжья и с памятниками второго этапа культуры многоваликовой керамики, то есть с очевидно более поздними комплексами, чем потаповские материалы. В настоящее время на Дону исследован ряд могильников, которые входят в круг памятников, синхронных синташтинским и потаповским (Власовка, Филатовка, Пичаево). В настоящее время они могут быть отнесены к раннему этапу покровской культуры. Детальный анализ материалов лесостепного Подонья позволяет говорить о наличии здесь значительного числа покровских памятников, близких по своим основным показателям покровским материалам степного и лесостепного Поволжья (включая и собственно Покровский могильник).

Таким образом, потаповские памятники входят в круг синташтинских и ранних покровских. Близость этих комплексов носит, видимо, генетический характер. У всех этих культур есть общий культурно-типологический компонент, восходящий к абашевской культуре. Период их одновременного функционирования был сравнительно коротким – в пределах XX–XVIII веков до нашей эры (Кузнецов, 2014).

Многолетние антропологические исследования позволили А.А. Хохлову выявить специфику краниологического облика как потаповского, так и синташтинского населения. Их краниологические выборки неоднородны. В них выявлены разнородные антропологические компоненты: европеоидные широколицый и мезоморфный, а также уралоидный. Люди европеоидного облика имеют сходство с предшествующими обитателями степной зоны Восточной Европы и Западной Азии. Мезоморфный европеоидный вариант, а также уралоидный антропологические компоненты, вероятно, имеют местные корни с абашевским и вольско-лбищенским населением Приуралья. Кроме того, фиксируется проявление влияния западносибирского населения, вероятно, связанного с носителями сеймино-турбинских культурных традиций (Хохлов, 2017).

Палеогенетические исследования последних лет значительно дополняют характеристику носителей культур бронзового века всей восточной и центральной Европы. В 2015 году в журнале «Nature» были опубликованы сразу три комплексные работы, включающие анализ миграций геномов людей неолита, энеолита и бронзового века. В этом ряду исследовались и образцы геномов из потаповских и синташтинских погребений. Согласно анализу полученных данных, сделан вывод о том, что люди – носители синташтинской культуры имеют значительное генетическое сходство с представителями культур шнуровой керамики центральной Европы. Соответственно, вполне вероятна миграция популяций из культур шнуровой керамики на восток, которая привела к значительным культурным трансформациям на территории

Волго-Уралья (Allentoft et al., 2015). Сходство признаков синташтинской культуры и признаков всего блока шнуровых культур является весьма опосредованным. Вместе с тем абашевская культура представляется как имеющая более выраженное культурно-генетическое сходство с восточным крылом шнуровых культур – фатьяновской и балановской. Вероятно, именно носители абашевской культуры были генетическими трегерами людей синташтинской и покровской культур. Носители потаповской культуры Поволжья имеют достаточно высокое генетическое сходство с людьми синташтинской культуры, но при этом наблюдается и сходство с людьми предшествующих эпох, живших на территории степного пояса Евразии.

Памятники синташтинской, потаповской и покровской культур отображают процесс формирования Волго-Уральского очага культурогенеза. Волго-Уральский очаг стал эпицентром зарождения новой эпохи – позднего бронзового века всей северной половины Евразии. Автор открытия данного очага культурогенеза, В.С. Бочкарёв выявляет такие технологические новации эпохи, как распространение оловянистых бронз, изобретение каменных литейных форм, литьё слепых втулок (Бочкарёв, 2010, с. 52–59). Важнейшим открытием новой эпохи является изобретение колесницы, запряженной конями и снабжённой колесами со спицами. Общество начала эпохи поздней бронзы было специфическим комплексным, т. к. базировалось на развитой металлургии и на скотоводстве. Культурный и технологический подъем в начале второго тысячелетия до н. э. во многом стимулировался вождеским характером общества того периода. Вероятно, в этот период сформировалась воинская аристократия, именуемая «колесничей» (Бочкарёв, 2010, с. 52). Она находилась на политической вершине и формулировала запрос на военизацию общества. Вождество определяется тем, что оно подразумевает централизованное управление и наследственную иерархию. Вождество определяется как предгосударственная форма власти (Крадин, 1995). Но в бронзовом веке развития в сторону ранних государственных отношений не произошло. В последующие периоды позднего бронзового века элементы вождеской структуры, характерные для блока колесничих культур, стали постепенно исчезать в обществах последующих культур – срубной и алакульской. Элитарный характер культур «героической эпохи» сменился господством эгалитарных признаков, отображающих нивелировку обществ последующих эпох на территории Волго-Уралья. Но технологические достижения Волго-Уральского очага культурогенеза не были забыты. И они нашли своё продолжение не только во всей северной половине Евразии, но и в цивилизационных центрах Старого Света.

ГЛАВА 6

СРУБНАЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ МЕЖДУ ВОЛГОЙ И УРАЛОМ[1]

Срубная культурно-историческая общность/культура (КИО) – это явление позднего бронзового века, имеющее широчайшее территориальное распространение. Границы данного культурного образования проходят по территории Северного Причерноморья на западе и Приуралья на востоке, самые северные ее памятники известны в Прикамье, а самые южные – в Прикубанье. Отдельные срубные племена проникали на территорию Средней Азии и достигали ее южных пределов. Памятники срубной культуры исчисляются тысячами: известны поселения, курганные и грунтовые могильники, а также отдельные клады металлических предметов и литейных форм (Семенова, 2000, с. 152). В Волго-Уралье памятники срубной культуры распространены в степи и лесостепи и приурочены к бассейнам крупных и малых рек. Как правило, поселения и могильники срубной культуры располагаются в высоких поймах или первых надпойменных террасах речных артерий, реже – на территории водоразделов, в открытой степи. Климатические условия времени функционирования большинства срубных памятников можно охарактеризовать как довольно прохладные, с пониженной континентальностью и достаточной степенью увлажненности (Khokholova, Kuptsova, 2019).

Довольно трудно выделить какие-либо памятники срубной культуры как основные, так как они известны в большом количестве и во многом схожи по обрядовым и инвентарным показателям. Видимо, на современном этапе развития науки опорными в изучении культуры следует считать памятники, соответствующие следующим критериям: 1) раскопана большая площадь; 2) для изучения материалов памятника, помимо археологических методов, применялись данные естественно-научных дисциплин: в первую очередь радиоуглеродного датирования, а также антропологии, палеозоологии, палеопочвоведения, трасологии, металлографии и др.; 3) материалы изученного памятника опубликованы и доступны для широкого круга читателей.

Среди погребальных памятников, соответствующих полностью или частично приведенным критериям, в качестве примеров можно назвать: курганные могильники Золотая Гора и Кочетное, Смеловский грунтовый могильник в Саратовском Поволжье (Юдин, Матюхин, 2006; Лопатин, 2010); курганы у с. Ягодное, Хрящевка, курганные могильники Подлесный I, Новомихайловский IV, Красносамарский в Самарском Поволжье (Мерперт, 1954; Барынкин и др., 2006; Васильева, Кулакова, Салугина, 2012; Хохлов, 2012; Anthony, Brown, Khokhlov, Kuznetsov, Mochalov, 2016); Лабазовский, Скворцовский, Боголюбовский курганные могильники в Оренбуржье (Моргунова и др., 2009; Моргунова и др., 2010; Моргунова и др., 2014); Старо-Ябалыклинский, Казбуруновский курганные могильники, Николаевские курганы в Башкирском Приуралье (Горбунов, Морозов, 1991; Исмагил, Морозов, Чаплыгин, 2009; Шутелева и др., 2017). Отметим, что в последние годы были открыты памятники, содержащие срубные материалы, и в Южном Зауралье (Неплюевский могильник) (Корякова и др., 2018). В числе изученных поселений необходимо упомянуть такие памятники, как: поселение Михайло-Овсянка-I, Федоровское, Кировское в Самарском Поволжье (Матвеева, Колев, Королев, 2004; Седова, 2000); поселение Нижняя Красавка 2, поселение на р. Мокрая Песковатка в Саратовском Поволжье (Лопатин, 2014); селище Горный, Родниковое и Малоюлдашевское поселения в Оренбургском Предуралье (Каргалы, том III, 2004; Купцова, Файзуллин, 2012; Евгеньев и др., 2016); Береговское, Аитовское поселения, поселения Тюбяк, Олаир в Башкирском Приуралье и Зауралье (Горбунов, 1989; Обыденнов и др., 2001; Морозов, 2017; Сунгатов, Бахшиев, 2008).

Погребальные памятники. Среди погребальных памятников абсолютно преобладают курганные могильники. Господствовала традиция возведения срубными племенами собственных могильных насыпей, не нарушавших погребальные комплексы более ранних эпох. Известны как одиночные насыпи, так и крупные некрополи, насчитывавшие более 20 погребальных сооружений. Количество могил под насыпью также различно:

[1] Работа выполнена при частичной поддержке гранта РФФИ № 40031 «Древности».

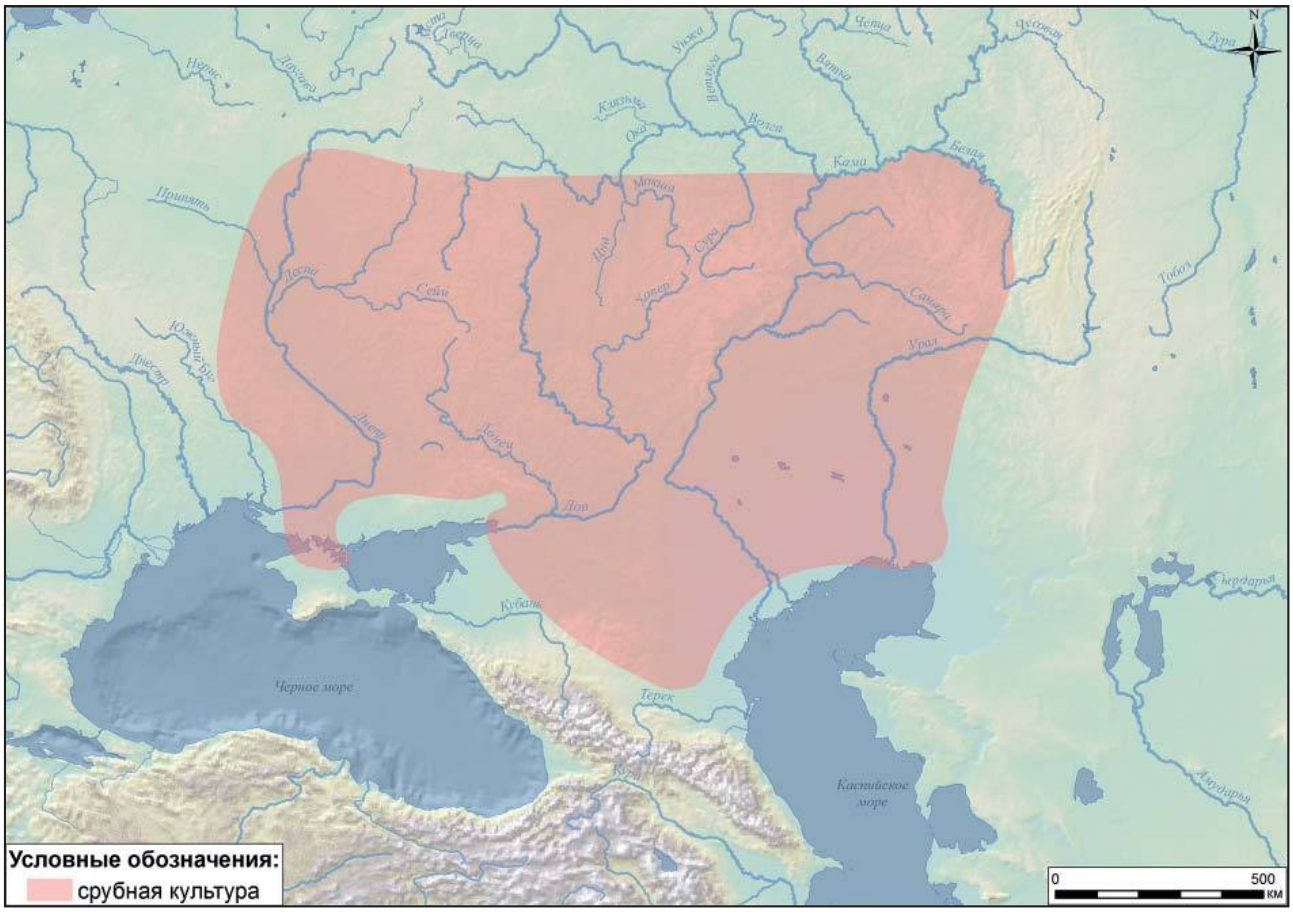


Рис. 1. Ареал распространения срубной КИО на карте Европы

от одной до нескольких десятков. Часто встречаются обособленные детские курганы-кладбища.

Известно, что погребальный обряд срубной культуры был четко стандартизирован, отклонения от нормы встречались редко: они связываются исследователями либо с влиянием инокультурных элементов, либо с социальным статусом умершего или нетривиальной причиной его смерти. В основном срубные коллективы хоронили своих соплеменников в небольших и неглубоких ямах подпрямоугольной формы, в позе скорченно, на левом боку, с кистями рук, сложенными у лица или у груди, головой на северо-восток, север, реже – восток. Примерно 1/3 изученных погребений (особенно в лесостепной зоне) была перекрыта деревянными плахами, уложенными вдоль или поперек длинных стенок могилы. В Оренбуржье и немногочисленно на территории Башкирии зафиксирована такая особенность, как перекрытие могил каменными плитами. Инвентарь, помещенный в могилу, в основном представлен одним или двумя керамическими сосудами. В женских погребениях часто встречаются украшения: фаянсовый бисер, височные подвески в 1,5 оборота, браслеты. Довольно часто бронзовые подвески и браслеты плакировались золотой фольгой.

На «покровском» этапе развития культуры встречаются погребения в просторных и глубоких ямах, перекрытые мощными деревянными накатниками-срубами, иногда в таких погребениях обнаруживаются подстилки и покрывала, присутствует посыпка костяка охрой. В качестве погребального инвентаря в такие могилы, помимо керамики и украшений, могли помещаться ножи, каменные булавы, костяные пряжки, навершия плетей и другие изделия (рис. 3, 4).

Довольно часто в захоронения помещалась заупокойная пища. Представители срубной культуры, как правило, предпочитали помещать в могилу часть грудной клетки (ребра) КРС или МРС (Рослякова, 2013, с. 205–206). В межпогребальном пространстве срубных курганов иногда встречаются жертвенные комплексы, которые могли включать в себя целые скелеты животных, отдельные черепа или черепа в сочетании с дистальными конечностями. Основными жертвенными животными был мелкий и крупный рогатый скот, иногда – лошадь (Рослякова, 2012).

Поселения (рис. 5, 6). Среди селищ срубной культуры известны различные по площади памятники: это могут быть и небольшие стоянки площадью до нескольких десятков квадратных метров, и

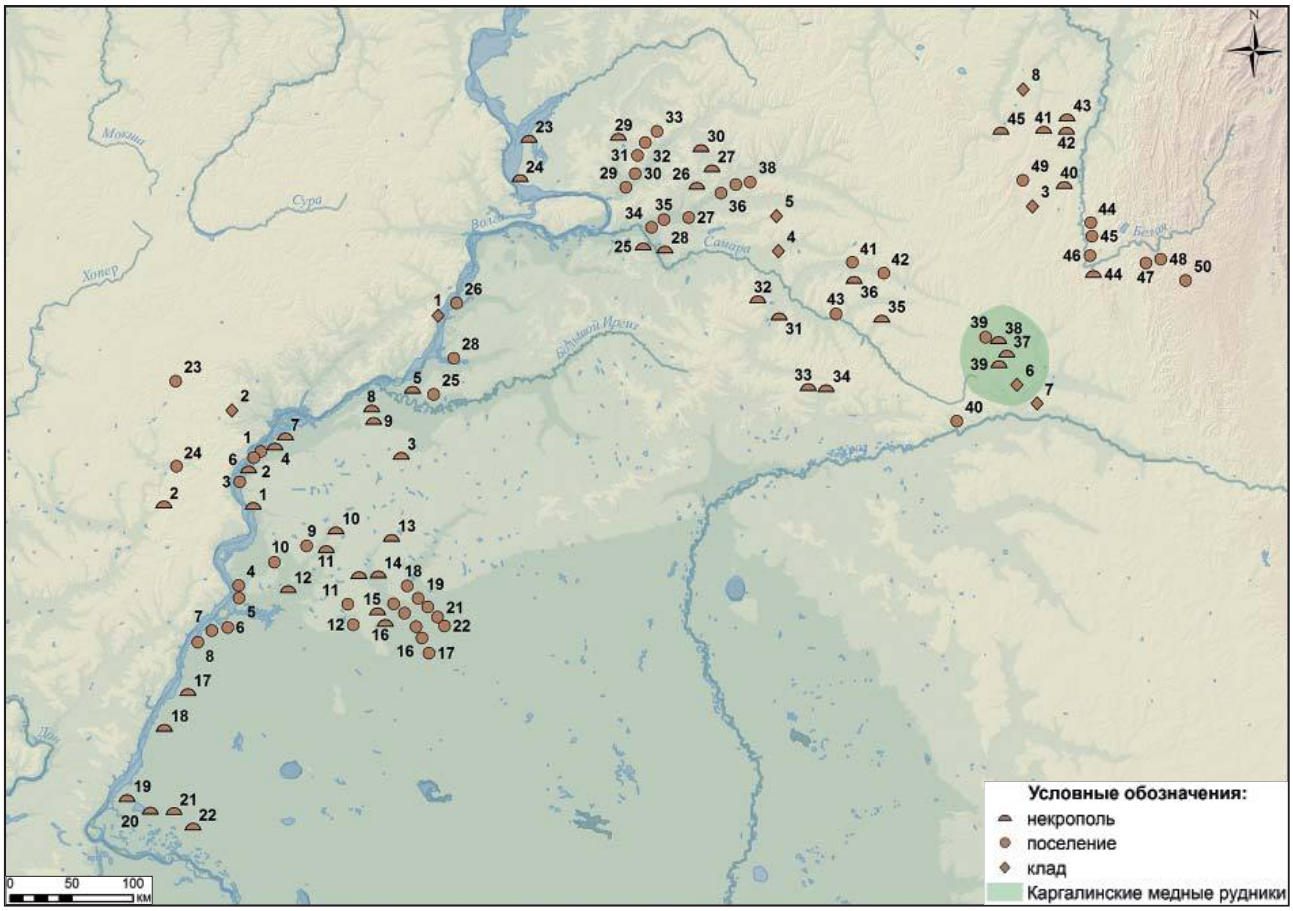


Рис. 2. Памятники срубной КИО в Поволжье и на Урале

Могильники срубной культуры: 1 – Кочетное, 2 – Золотая Гора; 3 – Яблоня, 4 – Покровск, 5 – Натальино, 6 – Смеловский, 7 – Сухая Саратовка, 8 – Суслы, 9 – Старицкое, 10 – Усатово, 11 – Харьковка, 12 – Новая Квасниковка, 13 – Новотулка, 14 – Питерка I, 15 – Решетниково, 16 – Кураевский Сад, 17 – Быково III, 18 – Верхний Балыклей, 19 – Волжский, 20 – Средняя Ахтуба, 21 – Ленинск, 22 – Колобовка I, 23 – Хрящевка, 24 – Ягодное, 25 – Подлесный I, 26 – Новомихайловский IV, 27 – Сарбайский II одиночный курган, 28 – Красносамарский, 29 – Лузановка, 30 – Студенцы, 31 – Скворцовский, 32 – Лабазовский, 33 – IV Свердловский, 34 – V Свердловский, 35 – Боголюбовский, 36 – II Плешановский, 37 – Комиссаровский, 38 – Першинский, 39 – Уранбашский, 40 – Николаевский, 41 – Старо-Ябалаклинский I, 42 – Казбуруновский, 43 – Петряевский, 44 – Санзяповский, 45 – Давлекановский.

Поселения срубной культуры: 1 – Трумбицкое, 2 – Вихляный Овраг, 3 – Смеловка, 4 – Скатовка, 5 – Новопривольное 4, 6 – Новопривольное 5, 7 – Прогресс, 8 – Красный Яр, 9 – Усатово, 10 – Мирный, 11 – Смирново, 12 – Торгун, 13 – Урусовское, 14 – Островок, 15 – Варфоломеевка 1, 16 – Малоузенское, 17 – Соловки, 18 – Узенное, 19 – Пятилетка, 20 – Лагерное, 21 – Старосадовое, 22 – Новоалександровское, 23 – Нижняя Красавка 2, 24 – Мокрая Песковатка, 25 – Михайло-Овсянка, 26 – Федоровка, 27 – II Федоровское, 28 – Кировское, 29 – Лужковка, 30 – Лебяжинка V, 31, 32 – Раковские, 33 – Чесноковка-Чекалино, 34 – Тургеневка, 35 – Георгиевка, 36 – Толкай, 37 – Винная Богдановка, 38 – Сопляки, 39 – Горный, 40 – Родниковое, 41 – Малоюлдашево, 42 – Токское, 43 – II Сухореченское, 44 – Береговское I, 45 – Береговское II, 46 – Тюбякское, 47 – Юмагузинское, 48 – Верхне-Биккузинское, 49 – Аитовское, 50 – Олаир.

Клады: 1 – Сосново-Мазинский, 2 – Богатыревский, 3 – Ибракаевский, 4 – Овсянка, 5 – Ново-Красноярский, 6 – Васильевский, 7 – Майровский, 8 – Бахчинский

крупные поселения, площадь которых может достигать 10–20 тысяч и более квадратных метров. Толщина культурного слоя также различна. Различие в площади и мощности культурного слоя срубных поселений, вероятно, связано с их функциональным назначением. Видимо, определенная их часть являлась долговременными с хозяйственными и жилыми постройками, другие же носили сезонный характер (Седова, 2000).

Известны случаи, когда срубные племена селились на местах, облюбованных представителями более древних культур. Так, на Ивановском, Малоюлдашевском поселениях в Оренбургской области селища срубной культуры располагались на местах селищ каменного века. В большинстве же случаев поселенческие памятники срубной культуры являлись однослойными или содержали помимо срубных материалы других предшествующих или последующих культур эпохи поздней бронзы (абашевской, синташтинской, потаповской, межовской), реже – финального этапа бронзового века (ивановской, сусканской)

(Береговское, Родниковое, Аитовское поселения и др.). Разделение поселений срубной культуры по хронологическим периодам затруднительно в связи со значительной перемешанностью их культурных слоев. Кроме того, в керамике, на различных этапах существования срубной культуры, качественные отличия практически неуловимы. Специальное исследование О.Д. Мочалова, посвященное изучению керамики бронзового века Волго-Уральского междуречья, показало, что все типы сосудов срубной культуры возникают на ее раннем этапе, а на развитом этапе происходит лишь стандартизация посуды: несколько уменьшается число образов и сокращается набор форм (Мочалов, 2008). Также поселенческая керамика значительно уступает в разнообразии форм и орнаментации погребальной, поэтому этот материал на поселениях не может являться надежным маркером хронологического деления.

Поселения дают важный источниковый материал по хозяйству срубной культуры. К основным сферам хозяйственной деятельности можно отнести скотоводство, металлургию, строительство.

Скотоводство. Данный вид деятельности составлял основу хозяйства культуры. В течение длительного времени большинство ученых придерживалось мнения, что скотоводство срубных племен носило пастушеский, придомный характер (Мерперт, Пряхин, 1979; Васильев, 2010). В последние годы прорабатывается версия о существовании в среде срубных племен подвижного скотоводства (Файзуллин, Рослякова, 2016). Основой срубного животноводства являлся крупный рогатый скот, второе место в стаде занимал мелкий рогатый скот, на третьем месте находилась лошадь. Свинье отводилось незначительное место (Рослякова, Косинцев, 2000).

Металлургия. Коллективы срубной культуры активно занимались добычей и переработкой медной руды. Об этом свидетельствуют находки на поселениях литейных форм, тиглей, металлургических шлаков и других свидетельств металлообработки, а также широкого спектра изделий из бронзы, применяемых как в утилитарных, так и в ритуальных целях. Основным источником металла для срубной культуры Волго-Уралья служили рудные месторождения на Южном Урале, наиболее известными из них являются Каргалинские медные рудники (Черных, 2007). Среди памятников срубной культуры отчетливо выделяются горно-металлургические центры, такие как селище Горный в Оренбургской области (Черных, 2007) и селище Михайло-Овсянка I в Самарской области (Матвеева, Колев, Королев, 2004). В Саратовском Прихоперье было изучено специализированное селище литейщиков (Потьма-III), отнесенное к таковым на основании находок на его территории шлаков, сплесков бронзы, малахитового сырья, каменных и обломков керамических литейных форм (Малов, Изотова, 2009).

Строительство. Планиграфической единицей срубного поселения являлась постройка. Постройки представляли собой полуземлянки или наземные каркасные сооружения. Их основные детали изготавливались из дерева, на поселениях Оренбуржья и на селище Михайло-Овсянка известны постройки, фундаментом для которых служили крупные камни (Евгеньев и др., 2016). Строения в поселках располагались на некотором удалении друг от друга и окружались хозяйственными площадками, на которых располагались летние очаги, колодцы, хозяйственные ямы, навесы, небольшие производственные центры (Седова, 2000). Постройки срубной культуры делятся на жилищно-хозяйственные и хозяйственно-производственные. Жилищно-хозяйственные являлись сооружениями, совмещавшими функции жилья и хозяйственно-бытовые. Здесь в пределах одного дома выделяются жилые пространства и помещения, отведенные для хозяйственных нужд. В хозяйственной части построек нередки находки заготовок керамических, костяных, металлических, каменных изделий, встречаются здесь следы осветительных кострищ и хозяйственные ямы. Хозяйственно-производственные сооружения – это, по сути, мастерские. В основном в постройках такого типа обнаружены следы металлургической деятельности: куски медной руды, шлака, оплавленные камни песчаника. На Токском поселении рядом с каменной кладкой колодца обнаружены две каменные ванны, вероятно, служившие для промывки или обогащения медной руды (Файзуллин, 2015).

Помимо указанных видов хозяйственной деятельности в среде населения срубной культуры были развиты гончарство, плотницкое ремесло, текстильное, кожевенное, косторезное производства и др., незначительное место занимали охота и рыболовство.

Клады. К особым типам памятников срубной культуры относятся клады, как правило, являющиеся случайными находками, что делает затруднительным изучение их топографии. На рассматриваемой территории клады известны в небольшом количестве: это находки металлических изделий или литейных форм. Крупнейшим кладом, часть предметов из которого имели срубную культурную принадлежность, является Сосново-Мазинский клад медных вещей, обнаруженный в Хвалынском районе Саратовской области и содержащий более 80 артефактов, среди которых находились кельты, кинжалы, косари,

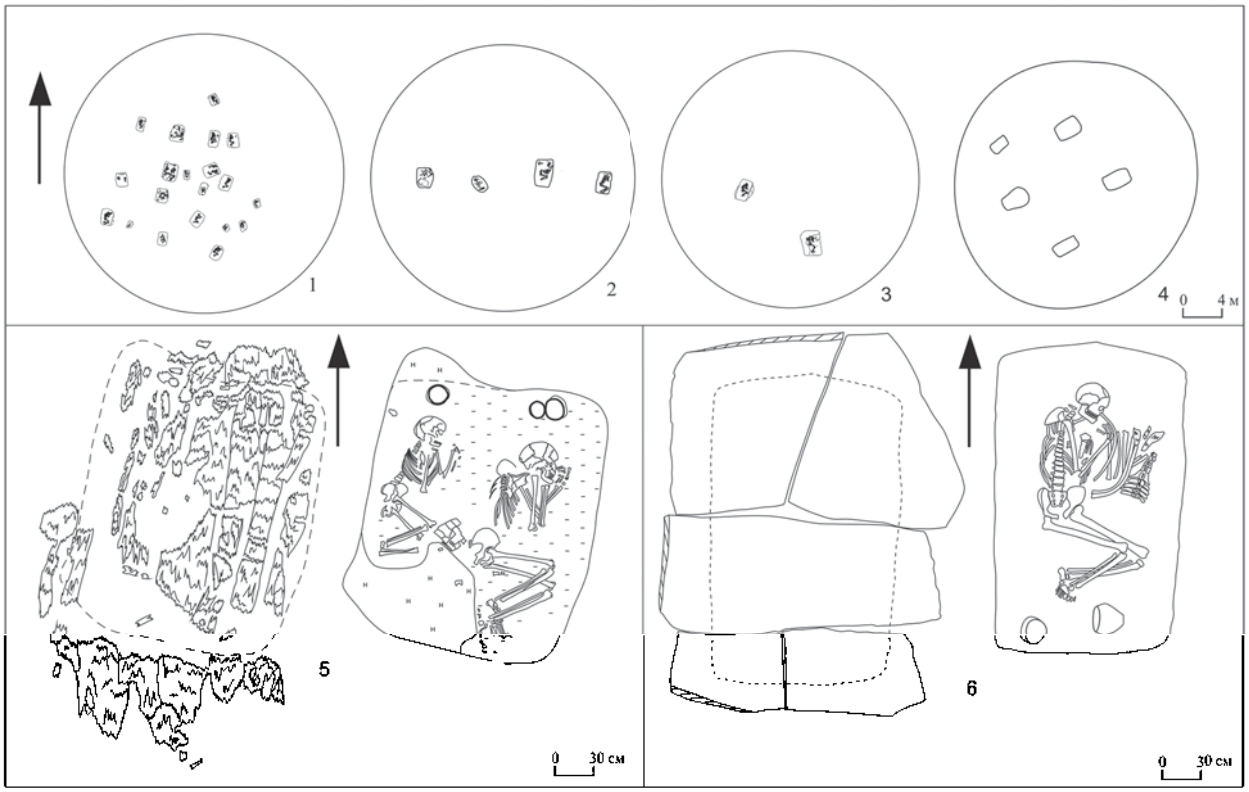


Рис. 3. Погребальный обряд срубной КИО

1–4 – планиграфия подкурганного пространства: 1 – Твердиловский КМ курган 1; 2 – Боголюбовский КМ курган 12; 3 – КМ Каменка курган 2; 4 – Комиссаровский КМ курган 2. 5–6 – планы погребений срубной культуры: 5 – могила с деревянным перекрытием (Твердиловский КМ 1/ 2), 6 – могила с каменным перекрытием (Боголюбовский КМ 2/6)

копьевидное долото и небольшой слиток меди (Малов, 2019). Бронзовые срубные орудия (серп, нож, тесло, шило, игла) составляли Богатыревский клад, обнаруженный в Петровском районе Саратовской области (Лопатин, Леонтьева, Четвериков, 2015).

Клады, найденные на территории Южного Приуралья, были систематизированы и описаны М.Ф. Обыденовым (Обыденов, 1996). Среди них можно назвать следующие: Овсянка, Ново-Красноярский, Васильевский, Майоровский, Бахчинский и Ибракаевский. В основном в состав кладов входили серпы, реже встречаются топоры и каменные литейные формы для отливки медных изделий.

Проблемы изучения хронологии, периодизации и происхождения срубной культуры в историографии и на современном этапе

За период исследования памятников срубной культуры историография изучения ее хронологии в достаточно полном объеме рассматривалась в обобщающих работах различными исследователями (Семенова, 2000; Обыденнов, Обыденнова, 1992).

Впервые подробная периодизация срубных древностей была предложена О.А. Кривцовой-Граковой. Срубную культуру Поволжья она делила на два основных периода: собственно срубный и хвалынский. Выделенные периоды, в свою очередь, подразделялись на более ранние и более поздние этапы (Кривцова-Гракова, 1955).

Крупной работой по хронологии срубной культуры стала статья Н.Я. Мерперта, в которой обобщались исследования Куйбышевской археологической экспедиции. В основу предложенной периодизации ставились, прежде всего, характеристики погребального обряда. Всего ученым было выделено четыре этапа её развития (Мерперт, 1958).

В середине 60-х гг. XX в. А.Х. Халиковым был выделен покровский тип памятников, отличительной особенностью которого являлось сочетание срубных и абашевских черт в материальной культуре и который исследователь считал начальной стадией срубной культуры (Халиков, 1966).

Н.К. Качалова на основе стратиграфического анализа курганной группы у с. Бережновка Николаевского района Волгоградской области выдели-

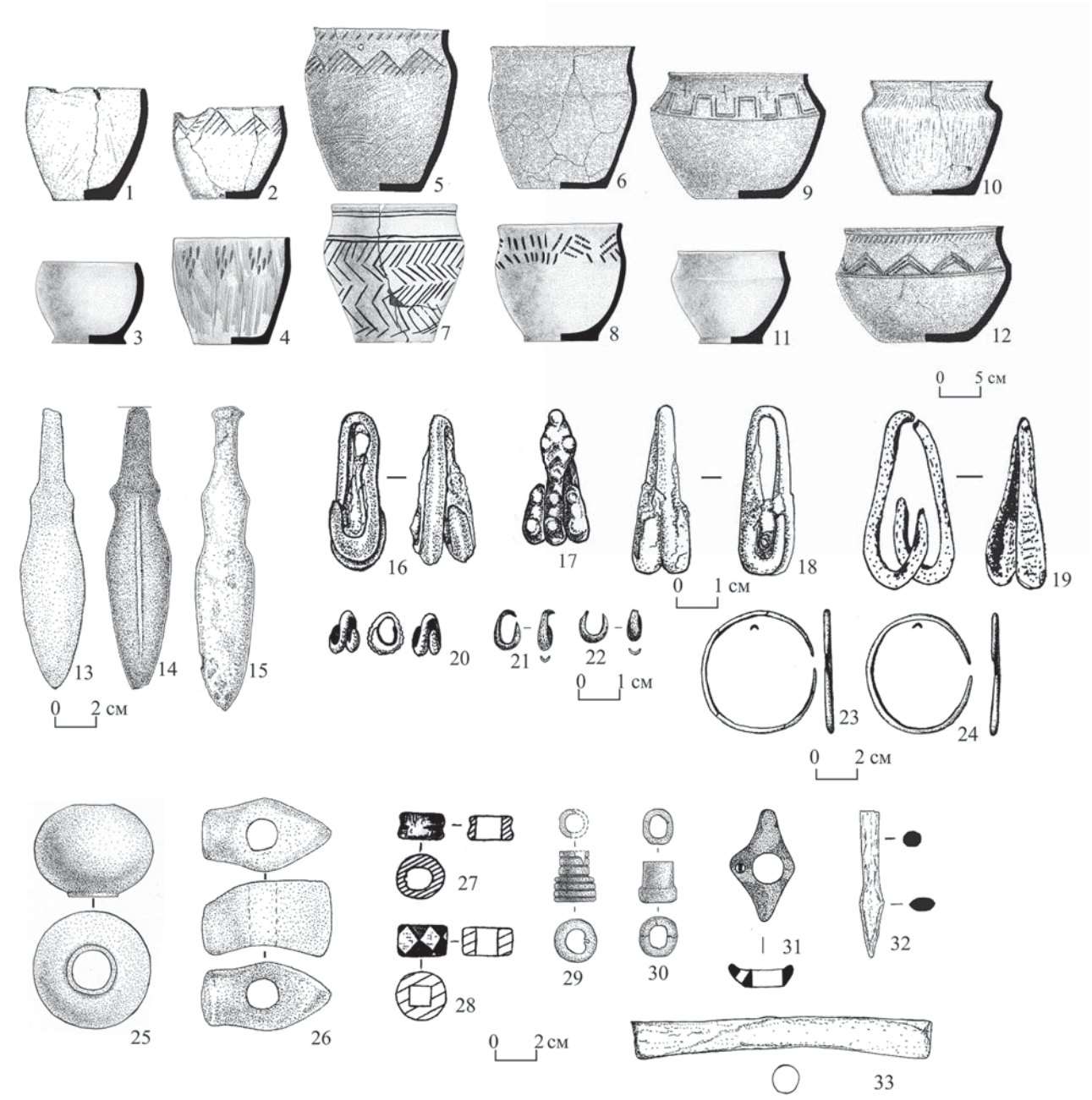


Рис. 4. Погребальный инвентарь срубной КИО

1–12 – наиболее часто встречающиеся типы керамических сосудов срубной КИО: 1–4 – баночные сосуды (Скворцовский КМ 3/24, Скворцовский КМ 3/28, Боголюбовский КМ 1/20, Боголюбовский КМ 1/25); 5–8 – плавнопрофилированные сосуды (Лабазовский КМ 1/ 4, Скворцовский КМ 3/15, Боголюбовский КМ 2/6, Боголюбовский КМ 2/2); 9–12 – горшки с перегибом в верхней части или в середине профиля (Лабазовский КМ 7/2, Скворцовский КМ 3/18, Боголюбовский КМ 1/34, Лабазовский КМ 2/2).

13–15 – наиболее часто встречающиеся типы ножей срубной КИО (ножи с прямоугольной или раскованной пяткой черешка, с приталенным лезвием листовидной формы и ромбовидным перекрестием, с ребром жесткости или без него) (Лабазовский КМ 2/2, Скворцовский КМ 3/20, КМ Каменка 2/1).

16–22 – бронзовые желобчатые подвески в 1,5 оборота: 16–19 - удлиненные подвески подовальной формы с закругленными углами (Лабазовский КМ 1/3, Алексеевский КМ 3/4, Боголюбовский КМ 1/31), 20–22 – подвески округлой формы (Комиссаровский КМ 1/4, Мустаевский КМ 4/6).

23–24 – бронзовые желобчатые браслеты (Комиссаровский КМ 1/4).

25–26 – предметы из камня: навершие булавы (Боголюбовский КМ 2/2), топорик (Лабазовский КМ 7/2).

27–33 – предметы из кости: 27–28 – кольца (V Свердловский КМ 5/6, V Свердловский КМ 6/5); 29–30 – втулки (Боголюбовский КМ 2/2, Боголюбовский КМ 10/3); 31 – поясная пряжка (II Перевозинский КМ 2/7); 32 – наконечник стрелы (Скворцовский КМ 3/19); 33 – полированная трубочка (II Плешановский КМ 2/7)

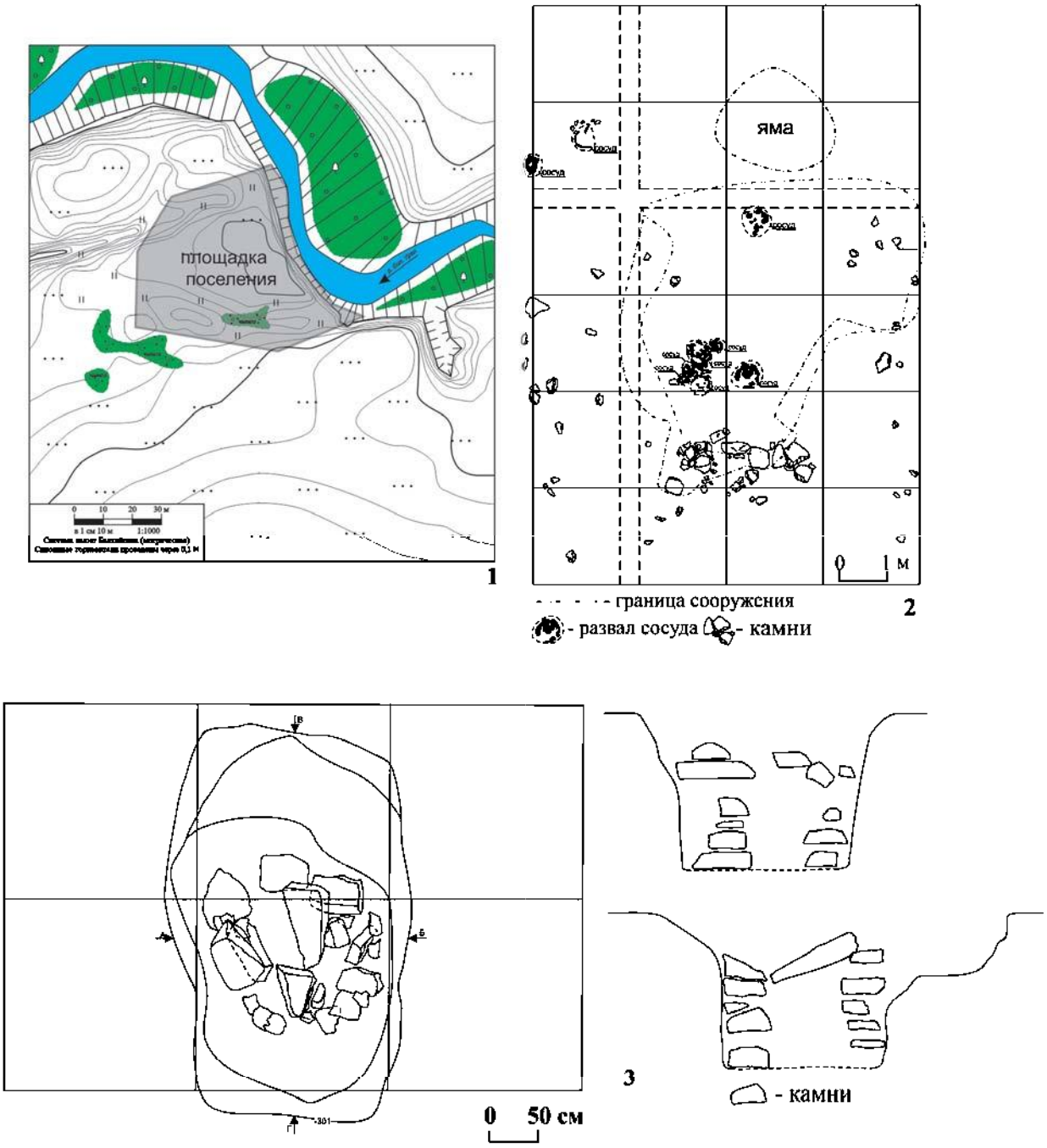


Рис. 5. Поселения срубной КИО

1 – топографический план поселения (пос. 1 у с. Габдрафиково, Переволоцкий район Оренбургской области); 2 – план постройки срубной культуры (I пос. у с. Малоюлдашево); 3 – колодец на поселении срубной КИО (план и профиль) (I пос. у с. Малоюлдашево)

ла бережновский горизонт срубных древностей. Она описала основные признаки бережновских памятников и сделала вывод о том, что в рамках относительной хронологии этот горизонт предшествует погребениям покровского времени (Качалова, 1978).

Важной вехой в изучении и обобщении материалов срубной культуры стал сборник статей «Срубная культурно-историческая общность», в котором систематизировалась информация, полученная в результате изучения срубных древностей на разных территориях ее распространения. Авторами статей были предложены периодизации для различных регионов (Нижнего Поволжья, лесостепного Поволжья, Приуралья, Среднего Дона, Нижнего Подонья), основанные на изучении погребальных и поселенческих памятников. Следует отметить, что с 80-хх гг. XX столетия проблема хронологии и периодизации срубной культуры, особенно периода её возникновения, теснейшим

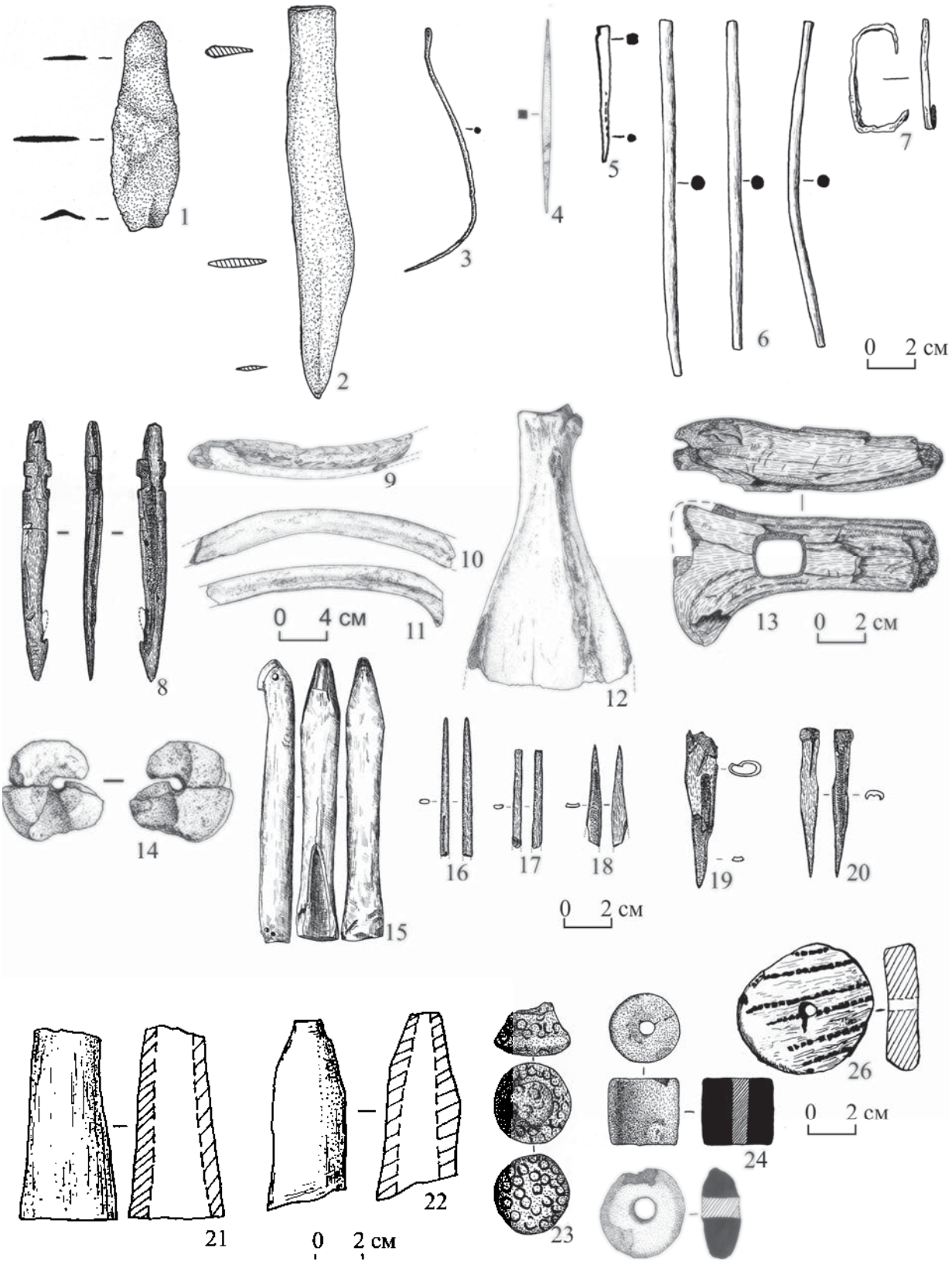


Рис. 6. Инвентарь с поселений срубной КИО

1–6 – бронзовые предметы: 1, 2 – ножи, 3 – игла, 4, 5 – шилья, 6 – медные прутья, 7 – скоба (1, 3, 4, 7 – I пос. у с. Малоюлдашево; 2, 5, 6 – Родниковое пос.). 8–20 – предметы из кости: 8 – гарпун, 9 – тупик, 10, 11– струги, 12 – изделие из лопатки КРС, 13 – муфта из рога оленя, 14 – пряслице, 15 – конёк, 16, 17, 18 – спицы, 19 – шпатель, 20 – проколка (8–14 – пос. у с. Малоюлдашево, 15–20 – Родниковое пос.). 21–26 – керамические изделия: 21, 22 – сопла, 23 – крышечка, 24–26 – пряслица (21, 22, 26 – Родниковое пос., 23, 24, 25 – I пос. у с. Малоюлдашево)

образом связывается с проблемой происхождения, отныне эти вопросы решаются неотрывно друг от друга.

Н.К. Качалова планомерно развивала выдвинутые ею ранее взгляды на периодизацию срубных древностей. К первому этапу она отнесла памятники, прежде названные ею бережновскими. Основным отличием этих памятников, по ее мнению, являлось наличие в их погребальном обряде пережиточных полтавкинских черт и отсутствие абашевских. Ко второму хронологическому этапу Н.К. Качалова причислила памятники, относящиеся ныне исследователями к покровскому этапу срубной культуры. Для данных памятников характерно наличие в инвентаре некоторых абашевских черт. Основным признаком третьего этапа срубной культуры Н.К. Качалова считала стандартизацию погребального обряда и керамики. Также исследовательница выделила четвертый этап срубной культуры, который, по ее мнению, характеризуется следующими признаками: отсутствие организации собственных могильников, выявление погребений в основном на уровне древнего горизонта, отсутствие закономерной устойчивости в ориентировке (Качалова, 1985).

Периодизация В.С. Горбунова и Ю.А. Морозова для памятников Южного Приуралья соответствовала периодизации Н.К. Качаловой, с той разницей, что к позднему этапу срубной культуры авторы относили также памятники, на которых была найдена керамика с налепными валиками (Горбунов, Морозов, 1985).

И.Б. Васильевым, О.В. Кузьминой, А.П. Семеновой, ввиду отсутствия достаточного числа стратиграфических данных при членении срубных памятников лесостепного Поволжья на хронологические периоды, был применен типологический анализ. Выделенные обрядовые группы погребений и курганов датировались по инвентарю при сопоставлении их со сходными культурными явлениями других территорий. Памятники, в которых проявляются срубно-абашевские черты (памятники покровского типа), авторы отнесли не ко второму, а к первому периоду срубной культуры. Наличие абашевских черт в срубных памятниках интерпретируется ими не как смешение срубной и абашевской культур, а как проявление признаков предшествующей абашевской культуры во вновь сформировавшейся срубной. Одновременно в данной работе отмечается, что комплексы с абашевскими чертами являются лишь частью памятников первого периода срубной культуры. Существуют также другие материалы первого периода, в которых не фиксируются абашевские черты. Наличие этого факта отражает сложность формирования срубных племен на базе полтавкинского и абашевского населения. Для первого этапа срубной культуры авторами предложена подробная характеристика с выделением основных признаков погребального обряда и заупокойного инвентаря. Второй период существования срубной культуры лесостепного Поволжья, по их мнению, характеризовался установлением четкого стандарта в совершении обряда погребения. Авторами выделен также третий этап срубной культуры. Признаки погребального обряда и инвентаря памятников третьего этапа во многом совпадают с характеристиками срубных памятников второго этапа. Основное их отличие заключается в том, что на третьем этапе при общем упрощении погребального обряда массовой становится лишь одна обрядовая группа погребений (погребения без перекрытий). Таким образом, в анализируемой работе была высказана точка зрения о синхронизации покровских и бережновских памятников срубной культуры (I и II этапов по периодизации Н.К. Качаловой) (Васильев, Кузьмина, Семенова, 1985).

А.Т. Синюк и В.И. Погорелов, рассматривая периодизацию памятников срубной культуры Среднего Дона, выделяли два периода ее существования на указанной территории. В отличие от территории Поволжья, где подстилающими для срубной культуры считались полтавкинская и абашевская, здесь в качестве генетической подосновы выделялась местная катакомбная культура (Синюк, Погорелов, 1985).

После выхода в свет куйбышевского сборника 1985 г. основные выводы, представленные в статьях Н.К. Качаловой и И.Б. Васильева, О.В. Кузьминой, А.П. Семеновой, обозначили проблему соотношения бережновских и покровских памятников срубной культуры. Особенно остро и сегодня обсуждается проблема их культурного статуса и соотношения. Параллельно активно разрабатывается проблема выделения отдельной покровской культуры (Малов, 1991; Кузьмина О., 1995), которая, в свою очередь, также имеет обширную историю изучения, тесно связанную с историей изучения срубных древностей (Прях-хин, 2011).

В 80–90-х гг. специалистами большое внимание уделялось покровским комплексам. Покровские комплексы рассматриваются как «памятники покровского типа» (Кочерженко, Слонов, 1991; Литвиненко, 1991; Малов, 1992), «абашевско-срубного (покровского)» или «покровского-абашевского типа» (Горбунов, 1985). Выделяют их и в самостоятельную покровскую культурную группу (Качалова, 1992; Шарафутдинова, 2003), в самостоятельную покровскую культуру (Кузьмина О., 1995; Малов, 2001; Малов, 2007; Кузьмина О.,

2010) либо причисляют к раннесрубной (покровской) культуре (Бочкарев, 2002).

Е.П. Мыськов проанализировал признаки «покровских» и «бережновских» срубных памятников. Им сделан вывод, что в основе сложения памятников бережновского типа Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья были местные культуры эпохи средней бронзы, позднеполтавкинская и позднекатакомбная, и, возможно, культура КМК. Сложение памятников бережновского типа происходило без участия абашевского населения, поскольку они не несут на себе следов абашевского влияния. Покровские же памятники появились в результате взаимодействия абашевского населения с местными срубными племенами. Автор делает вывод о том, что погребения бережновского типа и памятники типа Покровских курганов не только не обладают одинаковым набором элементов в погребальном обряде и инвентаре, а, напротив, не имеют между собой практически ничего общего. При этом отмечаются такие общие признаки покровских и бережовских памятников, как форма ям, деревянные перекрытия над погребениями, положение костяков скорченно, на левом боку, вариативное расположение рук погребенных, наличие в захоронениях охры. Покровские и бережновские памятники, по мнению автора, являлись синхронными и относились к раннему этапу срубной культуры (Мыськов, 1991).

Существенные уточнения в разработку хронологии и периодизации срубной культуры были сделаны А.П. Семеновой в 2000 г. К этому времени накопился мощный пласт изученного и обобщенного материала по погребальным памятникам срубной культуры различных регионов, а также оформились основные точки зрения, касающиеся её происхождения и длительности существования. Автор пришла к выводу, что срубные могильники в Самарском Поволжье формировались без больших хронологических перерывов между захоронениями. Данное утверждение ею основано на отсутствии фиксирования случаев прямой стратиграфии, а также на тех данных, что в пределах одного некрополя погребальный обряд различных погребений и типы инвентаря, найденного в них, оказываются весьма близки. Автор обосновала сравнительно недолгое пребывание срубных племен в Самарском Поволжье. Косвенным доказательством этому факту, по ее мнению, является отсутствие случаев прямой стратиграфии, т. к. «при существовании в 400 лет и более случаи нарушения одних захоронений другими были бы обязательно зафиксированы». Срубная культура в Самарском Поволжье, по мнению ученого, представлена только ранними и развитыми памятниками. Ранние памятники, соответственно, представлены покровским и бережновским типами. Причем по многим параметрам покровские и бережновские памятники совпадают: и те и другие характеризуются наличием крупных погребальных камер подпрямоугольной или подквадратной формы, в некоторых случаях перекрытых деревом. Положение костяков скорченное, на левом боку с руками, согнутыми в локтях, ориентация костяков на север или северо-восток. Иногда и в тех и в других памятниках прослеживается обряд кремации и наличие захоронений-кенотафов. Отличием памятников является то, что в бережновских могильниках, в отличие от покровских, отсутствует воинский инвентарь. Также в этой группе нет сосудов с орнаментом, характерным для покровских комплексов. В бережновских памятниках нет сосудов с внутренним ребром, желобками под венчиком. Для развитых памятников срубной культуры, по мнению А.П. Семеновой, характерна стандартизация как в совершении погребального ритуала, так и в типах керамической посуды. Ранний этап срубной культуры А.П. Семенова датировала XVII–XVI вв. до н. э., развитой – XV вв. до н. э. (Семенова, 2000).

Проблеме разграничения памятников бережновского и покровского типов уделено внимание в монографии А.И. Юдина и А.Д. Матюхина. Археологами были исследованы три синхронных памятника срубной культуры (курганный могильники Золотая Гора и Кочетное, курганная группа у с. Яблоня), которые представляли собой памятники разных типов с различной степенью инокультурного влияния. Исследователи отмечают, что для раннесрубных (бережновских) памятников и покровских памятников характерен целый ряд общих признаков: наличие сложных перекрытий в ряде могил, широкое использование органических подстилок, кенотафы, трупосожжения, жертвенники. Покровские памятники синхронизируются с раннесрубными (бережновскими) также по целому комплексу аналогий и в погребальном инвентаре. Авторы приходят к выводу, что различие покровских и бережновских памятников, как правило, проявляется только в наборе погребального инвентаря. Но «богатый» инвентарь является не культурным или хронологическим признаком, а скорее социальным. По версии авторов, генетический корень и покровских, и раннесрубных (бережновских) памятников един – это посткатакомбные культуры, существовавшие на территории Нижнего Поволжья. Различие этих типов памятников состоит в том, что покровские племена испытали влияние синхронных им синташтинско-потаповских племен, а в раннесрубных (бережновских, «чисто» срубных) памятниках инокультурного воздействия

не прослежено. Авторы также указали на то, что престижный инвентарь, относящийся обычно к покровским комплексам, вполне соответствует и бережновским памятникам (Юдин, Матюхин, 2006).

Важные результаты по раннему этапу срубной культуры были получены В.А. Лопатиным при исследовании грунтового Смеловского могильника, расположенного в степном Заволжье. Ученым было определено, что раннесрубный пласт грунтового некрополя демонстрирует две взаимодействующие линии формирования срубной культуры. Один вектор связан с покровской обрядовой группой захоронений могильника, другой – с криволукской (посткатакомбной) обрядовой группой захоронений могильника. Причем посткатакомбный компонент представляется автору автохтонным, а покровский – пришлым, включившимся в динамику культурогенеза на рубеже средней и поздней бронзы (не позднее XVII в. до н. э.) (Лопатин, 2010).

К проблеме вычленения покровских и бережновских черт в керамических комплексах памятников срубной культуры лесостепного Заволжья обращался О.Д. Мочалов. Проанализировав представительные коллекции керамической посуды как из покровских, так и из бережновских памятников, автор пришел к выводу, что различия покровской и бережновской керамики в лесостепном Заволжье несущественны и касаются только деталей. Автор указывает на то, что так называемые абашоидные покровские черты не были чужды бережновской группе памятников, так же как и полтавкинские черты покровской керамике. Таким образом, в отношении керамического материала разделение лесостепных памятников на покровские и бережновские, по его мнению, представляется искусственным (Мочалов, 2008).

В начале 2000-х гг. выходят диссертационные работы А.С. Лапшина и А.А. Припадчева, посвященные начальному этапу эпохи поздней бронзы Волго-Донского междуречья. В обеих работах большое внимание уделяется покровским памятникам, которые рассматриваются в рамках самостоятельной культуры колесничного горизонта, предшествующих срубному времени (Лапшин, 2006; Припадчев, 2009).

В 2016 г. была защищена кандидатская диссертация «Срубная культура Оренбургского Предуралья (по материалам погребальных памятников)» Л.В. Купцовой, в которой анализировались памятники срубной культуры на восточной периферии ее распространения (Купцова, 2016). Для решения вопросов хронологии и периодизации срубной культуры использовался не только типологический метод (как и на большей территории распространения срубной культуры, стратиграфические данные в Оренбуржье отсутствуют), но и результаты естественно-научных дисциплин: палеопочвоведения, радиоуглеродного датирования и технико-технологического анализа керамики, полученные в ходе исследования памятников срубной культуры в Оренбургской области. Результаты комплексного подхода к изучению срубных древностей подробно представлены в специальной статье (Купцова Л.В. и др., 2018).

На современном этапе изучения срубной культуры представляется, что в Оренбургском Предуралье она была представлена тремя этапами развития.

I этап срубной культуры представлен курганами, в погребениях которых наиболее отчетливо проявлены признаки, генетически восходящие к культурам посткатакомбного круга. К таковым относятся: захоронение покойных в ямах подпрямоугольной или овальной формы; адоративное левобочное положение костяка; ориентировка костяков на север, северо-восток, восток в сочетании с малой оснащенностью захоронений инвентарем. Иногда в комплексах I этапа фиксируются редкие черты обряда: положение скелетов с завалом на спину или на живот, нетипичные ориентировки (южная, северо-западная); в положении костей рук скелета наблюдается вариабельность, когда левая вытянута к коленям или согнута в локте с кистью у груди, а кость правой руки согнута под прямым углом так, что ее кисть находится у локтя левой руки. С посткатакомбными стандартами перекликается помещение в погребения неорнаментированных плоскодонных баночных сосудов с закрытым и открытым горлом. Менее выраженно в сложении памятников I этапа обозначены черты культур синташтинско-потаповского круга (к признакам этих культур относится сооружение в некоторых случаях обширных и глубоких погребальных камер ямной конструкции, применение органических подстилок; с наследием колесничных культур связано распространение плавно профилированных горшков и горшков с перегибом профиля в верхней трети высоты). Как показало исследование срубных курганов Оренбургского Предуралья, комплексы, характеризующиеся указанными признаками обряда и инвентаря, появляются в регионе несколько раньше комплексов с так называемыми «покровскими» чертами. Технологический анализ посуды, извлеченной из погребений I этапа того или иного некрополя, демонстрирует большую однородность навыков по сравнению с сосудами более поздних периодов существования этих же могильников. Данные памятники функционировали в относительно аридных условиях, когда климат находился в

т. н. «поворотной точке» замены аридных условий более благоприятными, гумидными (Купцова и др., 2018). По данным радиоуглеродного анализа и палеоклиматическим реконструкциям, время существования этого этапа приходится на XIX в. до н. э. Рассматривая проблему происхождения срубной культуры в Предуралье, необходимо отметить, что для участвовавшего в их формировании посткатакомбного элемента указанная территория не являлась исконной для проживания. По крайней мере на сегодняшний день здесь достоверно известны немногочисленные посткатакомбные захоронения (Мимоход, 2013). Памятники синташтинско-потаповского круга в регионе являются несколько более представленными (Моргунова, Евгеньев, Купцова, 2015). Самые ранние срубные памятники синхронны поздним посткатакомбным, синташтинским и потаповским древностям.

II этап срубной культуры представлен погребальными комплексами, для которых отчетливо проявляются признаки, характерные для так называемых «покровских» срубных памятников (распространяются многомогильные насыпи; более массово, чем на I этапе, встречаются погребальные камеры крупных размеров, располагавшиеся по центру кургана и перекрывавшиеся либо мощными деревянными накатниками, либо каменными плитами; в больших по площади погребениях встречаются такие дополнительные элементы погребального обряда, как органические подстилки и покрывала, посыпка охрой). Основная же масса погребений II этапа совершается по стандартному срубному обряду, отмеченному еще для памятников I этапа и имеющему культурные истоки в посткатакомбной среде. На II этапе устанавливаются контакты срубных и раннеалакульских племен, что прослеживается в особенностях керамической посуды и некоторых категорий инвентаря, имеющих алакульскую культурную принадлежность. Отмечены не только свидетельства контактов с инокультурными племенами, но и взаимных связей между племенами, оставившими собственно выделенные нами две группы некрополей. В технологическом плане навыки изготовления посуды, извлеченной из насыпей, приобретают большую вариабельность по сравнению с I этапом. Памятники второго этапа функционировали в условиях смягчения климата с некоторым увеличением увлажненности по сравнению с предыдущим периодом. По данным радиоуглеродного анализа и палеоклиматическим реконструкциям время существования второго этапа определяется XVIII–XVII вв. до н. э.

Основным новшеством III этапа существования срубной культуры на территории Оренбургского Предуралья является появление в памятниках данного периода керамики с кожумбержынскими и федоровскими признаками при преимущественном сохранении сосудов собственно срубных типов. В подавляющем большинстве случаев погребальный обряд сохраняет типично срубные каноны, однако иногда андроновские сосуды находятся в погребениях, совершенных по обряду трупосожжения, или сочетаются с каменными надмогильными конструкциями в виде ящиков и оградок, что является проявлением инокультурной погребальной традиции. В технологическом плане керамика из насыпей III периода каждого конкретного могильника рассматриваемого периода имеет как схожие, так и различные признаки с керамикой, извлеченной из насыпей II этапа, и, как правило, демонстрирует четкие отличия от посуды I этапа.

Памятники III этапа функционировали в максимально благоприятных гумидных климатических условиях. Время их существования определяется XVI–XV вв. до н. э.

Локальные варианты срубной культуры.

Население срубной культуры в позднем бронзовом веке занимало огромные территориальные пространства, по этой причине ее памятники были объединены в срубную культурно-историческую область (Мерперт, 1985). Исходя из географических условий расположения, на рассматриваемой территории выделяются несколько крупных регионов их распространения: Нижнее Поволжье, лесостепное Поволжье, лесостепное и степное Приуралье. Между тем специальных работ, анализирующих отличие срубных памятников вышеперечисленных регионов и обосновывающих их локальную специфику, практически нет, это связано с уже упоминавшейся стандартностью материальной культуры. Представляется, что наиболее ярким фактором, отличающим срубные памятники Нижнего Поволжья, Самарского Поволжья и Южного Приуралья, является наличие стратифицированных курганов в первом случае и практически отсутствие таковых во втором и третьем (Качалова, 1985; Семенова, 2000; Купцова, 2016). Определённо, существуют различия срубных памятников для степной и лесостепной ландшафтных подзон, что диктуется логикой приспособляемости населения к окружающей среде. В лесостепной зоне, как правило, встречаются усложненные внутримогильные и надмогильные деревянные конструкции из бревен, иногда в несколько накатов, замененные в степи плашками, в домостроительной традиции в степи преобладают наземные постройки, а в лесостепи – полуземлянки. Существуют некоторые различия в пищевых предпочтениях: на поселениях, изученных в лесостепи, есть кости свиньи и рыбы, а в степи они

практически не встречаются. Есть и другие отличия, в целом качественно не нарушающие общего блика культуры.

Если говорить о других различиях, то более выпукло локальные особенности проявлены для памятников срубной культуры Оренбургского Предуралья. Здесь на некоторых памятниках зафиксирована замена деревянных надмогильных перекрытий каменными, также применение камня отмечено и в домостроительстве. В Волго-Уралье данная особенность на других территориях не проявлена. Между тем использование камня в погребальном обряде и строительстве известно для срубных памятников Подонья и для украинских памятников, расположенных далеко на западе от изучаемой территории (Шарафутдинова, 1985; Цимиданов, 2004; Бровендер, 2013). Традиция перекрытия могил каменными плитами является локальной чертой срубной культуры Оренбургского Предуралья, не связанной с инокультурными влияниями (Купцова, 2014). Отметим, что довольно редко она фиксируется в срубных памятниках Башкирского Приуралья. Однако если в Оренбуржье камнем перекрывались погребения индивидов всех половозрастных категорий (Купцова, 2014), то в Башкирии перекрыты, как правило, немногочисленные детские могилы (Чаплыгин, Морозов, 2014). Кроме того, локальные отличия некоторых памятников срубной культуры Оренбуржья и Башкирского Приуралья связаны с интенсивными культурными контактами срубных племен с восточными соседями.

В Приуралье в позднем бронзовом веке происходили активные контакты срубных и алакульских племен. Реже фиксируются свидетельства взаимоотношений с носителями федоровских культурных стереотипов. Связи с инокультурными племенами устанавливаются, как правило, по находкам в погребальных и поселенческих комплексах алакульской или федоровской посуды и керамики со смешанными признаками. Отличия между сосудами разных культур устанавливаются в основном по морфологическим признакам и реже – по технологическим.

Керамику с инокультурными признаками редко помещали в центральные могилы, и, как правило, она не сопровождалась дополнительным инвентарем (за исключением украшений). Алакульская и срубно-алакульская посуда чаще всего фиксируется в женских захоронениях и практически отсутствует в мужских. Вероятно, данный факт может быть обусловлен несколькими причинами.

Несмотря на то, что в Предуралье известны ранние срубные памятники, в его восточной части срубные племена являлись пришлыми. По всей видимости, на восток региона добиралось в основном более подвижное мужское население, специализирующееся на добыче руды и отгоне скота. Недостаток женщин в коллективе восполнялся за счет браков с западно-алакульскими соседями. Особенно отчетливо это заметно на некрополях, близко расположенных к Каргалинским медным рудникам, что и логично: добыча руды – исключительно мужское занятие, а потому срубный «женский» компонент был здесь явно недостаточен. Возможно, в зоне Каргалинских рудников процессы межкультурного взаимодействия носили более сложный характер, и их детальное выяснение требует изучения дополнительных материалов. Кроме того, присутствие алакульской и срубно-алакульской керамики в основном в женских погребениях при почти полном ее отсутствии в мужских комплексах, возможно, соответствовало ритуальным обычаям: для мужчин, как носителей «срубных» традиций, форма помещаемой в могилу утвари должна была быть привычно «срубной». В то время как в женской среде, скорее всего, дольше сохранялись материнские традиции изготовления посуды. Не последнее место в распределении керамики той или иной морфологии по «мужским» и «женским» захоронениям могли играть и тенденции моды. Вероятно, в срубной среде многие сосуды с синкретическими признаками могли являться подражанием более красивой с эстетической точки зрения алакульской керамике. Неудивительно, что наиболее чувствительным в плане модных направлений являлось взрослое женское население (Купцова, 2018).

Срубно-алакульский феномен является одним из самых известных и ярких примеров межкультурного взаимодействия в позднем бронзовом веке. Между тем в других пограничных областях также фиксируются контакты срубных племен со своими инокультурными соседями. Так, на материалах некоторых памятников Нижнего Поволжья прослежена активная контактность лесостепных срубных племен с населением поздняковской культуры, географически занимавшим лесные волго-окские и окско-донские территории (Беркалиев, Кудрина, Лопатин, 2018). Примечательным является тот факт, что, как и в случае со срубно-алакульскими контактами, признаки взаимодействия позняковской и срубной культур в степных и лесостепных регионах наиболее заметны в таких категориях инвентаря, как керамика и украшения, и практически не проявлены в погребальной обрядности, продолжающей демонстрировать срубные каноны (Беркалиев, Кудрина, Лопатин, 2018).

На севере Заволжья и Приуралья зафиксированы синкретические комплексы срубно-приказанской и срубно-межовской керамики (Обыденнов, Обыденнова, 1992).

Социальное устройство, исторические судьбы срубного населения. Специальных работ, посвященных социальному устройству срубной культуры Поволжья и Южного Урала, нет. Среди мнений, существующих в литературе по вопросу социальной структуры срубного общества, выделяются два диаметрально противоположных направления: 1) срубное общество было глубоко социально дифференцировано как на раннем, так и на последующих этапах своего развития; 2) срубная культура представляла собою позднее первобытное общество, только подходившее к стадии разложения (Цимиданов, 2004; Юдин, 2007; Купцова, 2011). В последнее время появляются работы, посвященные изучению возрастных и гендерных групп, а также социально-профессиональной принадлежности умерших в среде культур эпохи поздней бронзы. Последовательные исследования в этом направлении осуществлены Н.А. Берсеневой. На основании ее работ можно сделать следующий вывод. Из-за того, что срубная погребальная традиция была необыкновенно устойчивой на протяжении всех периодов своего существования, а принципы снабжения и неснабжения умерших не отличающимся многообразием погребальным инвентарем неясны (Берсенева, 2019), изучение и горизонтальной, и вертикальной структурированности срубного общества на современном этапе развития науки в значительной степени затруднено.

Не менее сложным представляется решение вопроса, касающегося исторических судеб срубных коллективов Поволжья и Южного Урала. Приблизительно в XV в до н. э. срубная культура здесь прекращает свое существование, поздний бронзовый век сменяется эпохой финальной бронзы, срубная культурная историческая область сменяется культурами общности валиковой керамики. Процессы культурогенеза из-за начавшегося процесса аридизации смещаются из степи вглубь лесостепной зоны Волго-Камья и Зауралья, а также на территорию Южной Сибири, Средней Азии и степных районов Казахстана (Колев, 2000). Между тем степень участия срубного компонента в формировании культур финальной бронзы попрежнему неясна.

Северная периферия срубной культурно-исторической общности

История изучения.

История изучения северной периферии срубной КИО насчитывает более 100 лет. В конце XIX в. первыми открытыми и изученными памятниками, которые впоследствии были отнесены к срубной общности, на территории Республики Татарстан стали Маклашеевский и Полянский I курганные могильники (Штукенберг, 1901, табл. IV: 19, 20; Tallgren, 1911, 1916; Худяков, 1920; 1923, с. 83–84; Кузьминых, 2000, с. 141). Процесс осмысления и разделения погребений в этих могильниках на две культуры – срубную и маклашеевскую, занял несколько десятилетий (Tallgren, 1911, 1916; Худяков, 1920; 1930, с. 118; 1935, с. 35; Збруева, 1948; Кузьминых, 2000, с. 141–142). Несмотря на наличие этих памятников, в одной из первых обобщающих работ по срубной культуре ее северная граница была проведена лишь несколько выше Самарской Луки (Городцов, 1927, карта 2). И в дальнейшем, вплоть до 60-х гг. XX в., несмотря на наличие раскопанных памятников много севернее (Мерперт, 1958, с. 7; Калинин, Халиков, 1954, с. 242), исследователи отмечали лишь влияние срубной культуры на местные племена, а северная граница срубной общности была отодвинута до южной границы современной Республики Татарстан (Калинин 1948, с. 33; Збруева, 1952, с. 202; Смирнов, 1952, табл. 1; Брюсов, 1952, рис. 67; Кривцова-Гракова, 1955, с. 81; Мерперт, 1958, с. 141; Кузьминых, 2000, с. 145). Вся территория между Самарской Лукой и устьем Камы считалась контактной зоной срубно-хвалынских и местных племен (Калинин, Халиков, 1954, с. 242–245; Халиков, 1960, с. 183). Несколько позже, в результате крупномасштабных археологических разведок на территории зон затопления Куйбышевского водохранилища, когда было выявлено свыше ста новых срубных памятников, северная граница срубной общности была отодвинута вплоть до левого берега р. Камы в ее нижнем течении и до среднего течения р. Свияги и ее левых притоков в Предволжье (Мерперт, 1962; Халиков, 1969, с. 217; Габяшев и др., 1976, рис. 2).

В восточных районах Татарстана исследования по бассейнам р. Белой и Ик в 50–60 гг. осуществлял А.П. Шокуров (1967, 1960). В 1968–1972 гг. проводились широкомасштабные разведки и раскопки памятников, связанные с затоплением ложа Нижнекамского водохранилища. Были выявлены и раскопаны новые срубные памятники. Многие годы на разрушающихся срубных памятниках Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ исследования проводил Е.П. Казаков (1972, 1975, 1978, 1988, 2006; Казаков и др., 1992). В 90-е гг. XX в. в бассейнах рек Зай и Кичуй, левых притоков Камы в Альметьевском районе РТ З.С. Рафиковой были раскопаны срубные поселения и могильники (Казаков, Рафикова, 1999). В последние годы А.А. Чижевским и А.В. Лыгановым был выявлен и раскопан ряд разрушающихся памятников в Закамье (Чижевский, 2010; Чижевский и др., 2015; Лыганов и др. 2015; Лыганов, 2019). Все эти работы носили преимущественно охранно-спасательный характер, связанный, прежде всего, с

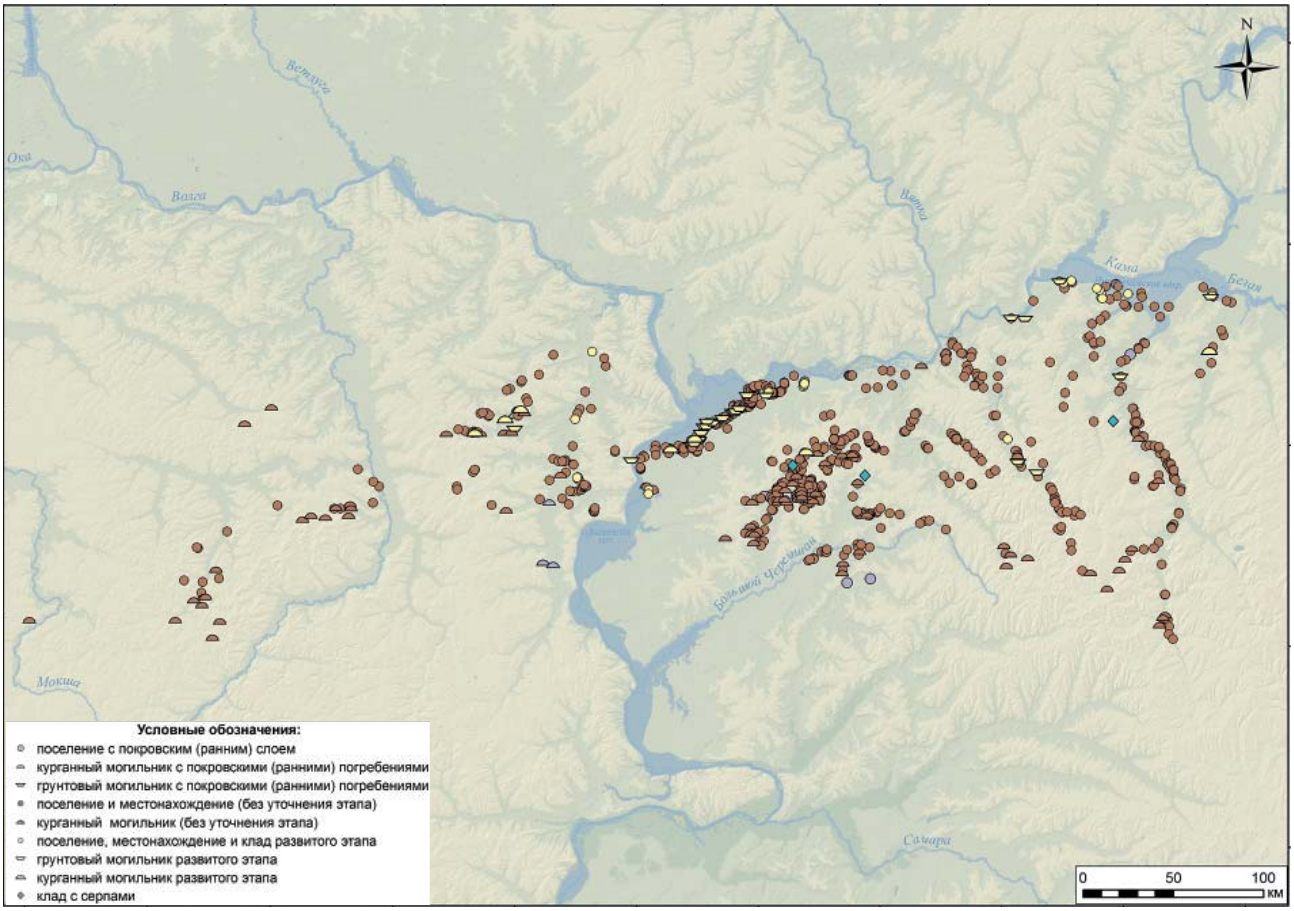


Рис. 7. Памятники северной периферии срубной КИО
(в пределах современных республик Татарстан, Чувашия, Мордовия)

береговой абразией Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ.

На сегодняшний день северная периферия срубной КИО изучена относительно слабо и в обобщающих работах по «срубникам» эта территория остается своеобразным белым пятном (Обыденнов, Обыденова, 1991, Горбунов, 1992, 2006). Связано это с тем, что северные срубные памятники изучались в связи с их разрушениями хозяйственной деятельностью человека или же при раскопке крупных многослойных памятников, содержащих напластования от энеолита до раннего железного века. Отчасти это связано и с тем, что в Казани в предыдущие годы не было создано собственной школы срубной проблематики (Лыганов, 2018, 2019).

Генезис культуры.

Территория северной периферии характеризуется практически полным отсутствием более ранних памятников, из которых исследователи генетически выводят срубную общность. Абашевские памятники представлены находками топоров и несколькими курганными могильниками средневолжской абашевской группы в Предволжье. Хотелось бы отметить, что территории среденеволжского варианта абашевской культуры и северной периферии срубной общности не совпадают. Средневолжские абашевские памятники занимают подзону широколиственных лесов, только редкие погребения известны вдоль северной границы лесостепной зоны. Первые и наиболее ранние (покровские) памятники срубной общности известны в Предволжье и в Западном Закамье, где они, вдоль левого берега Волги, доходят вплоть до устья Камы, до северной границы лесостепи. На севере Восточного Закамья ближе к р. Каме покровских материалов пока не выделено, несмотря на хорошо исследованные поселенческие памятники. Известно лишь несколько абашевско-покровско-срубных поселений в среднем течении р. Ик.

В материальной культуре памятников северной периферии срубной общности с самого начала этапа ощущается влияние восточных андроновской и андроноидных общностей. В Восточном Закамье это влияние наиболее заметно (общие могильники, совместное залегание керамики в жилищах на поселениях). В Западном Закамье влияние андроновских культур ослабевает, а в Предволжье оно практически не фиксируется. Однако на сегодняшний день керамика федоровского, луговского типа, в отличие от алакульских материалов,

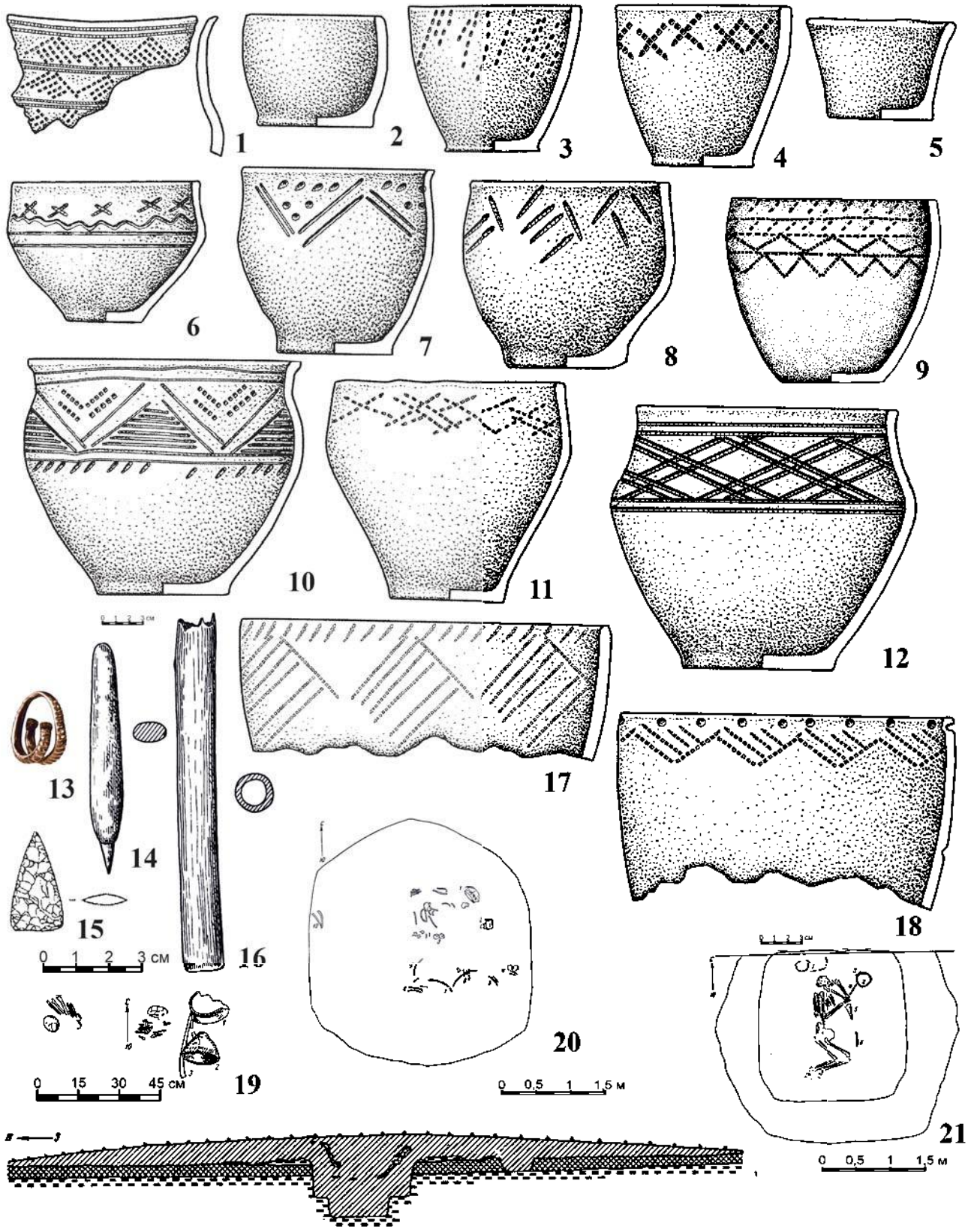


Рис. 8. Материал погребальных и поселенческих памятников Предволжья северной периферии срубной КИО
1, 14, 16 – погр. 2 кург. 2 Уразмаметьевских курганов; 2, 4–8, 10, 13 – Новобайбатыревские курганы, по: Археологическая… 2013; 3 11, 12 – погр. 2, кург. 3, Уразмаметовских курганов; 9, 15 – находки на Тетюшском могильнике; 17, 18 – сосуды поздняковской культуры Акозинского поселения, изготовленные в срубных традициях, по: Халиков,1960; 19–21 – погребения Уразмаметьевских курганов: 19– погр. 2, кург. 3, 20 – погр. 1, кург. 3, 21 – погр. 2, кург. 2; 22 – профили Уразмаметьевских курганов 1 и 2 (1, 3, 11, 12, 14, 16, 19–22 по: Мерперт, 1962)

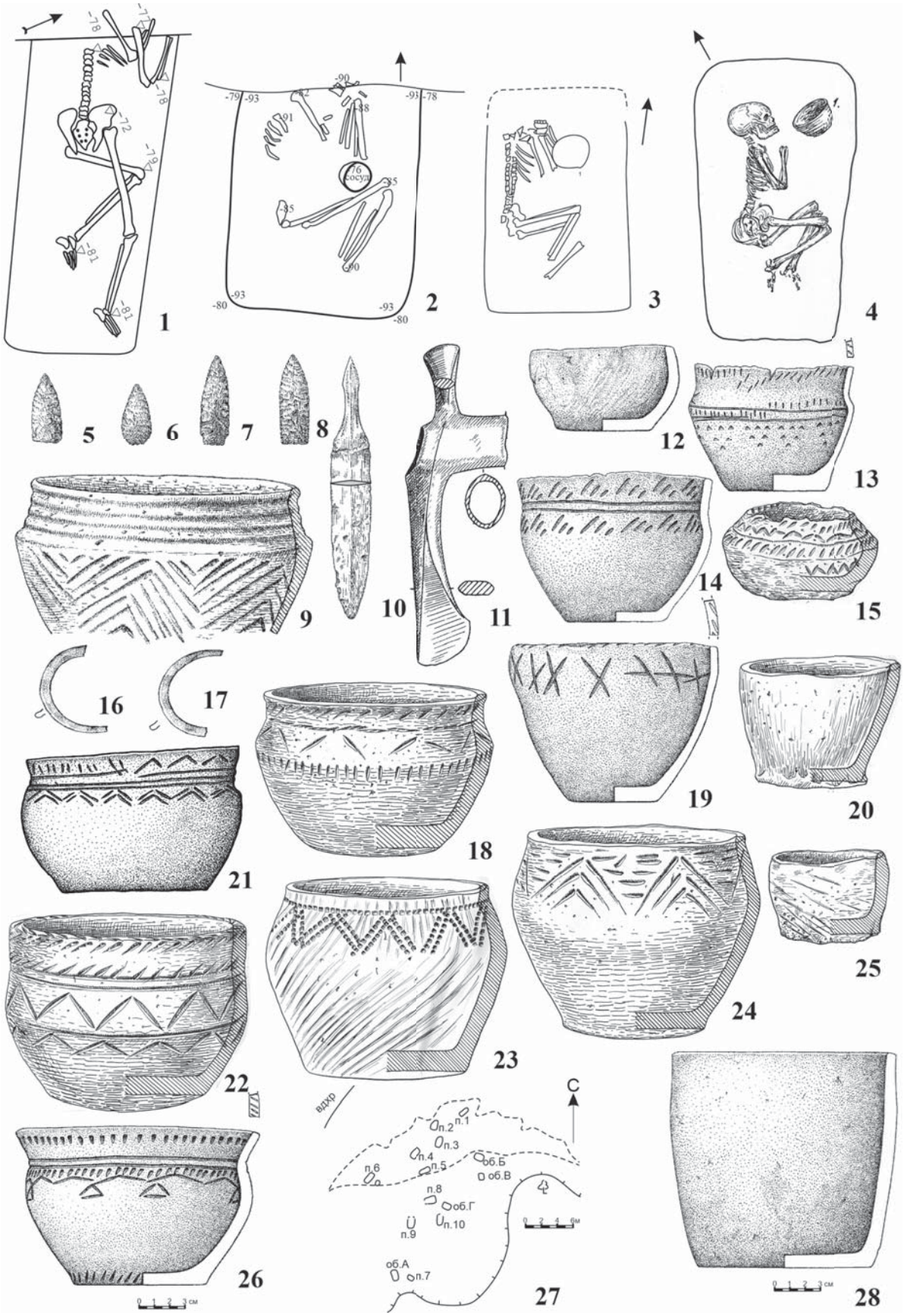


Рис. 9. Погребения раннего (покровского) этапа срубной КИО в Западном Закамье

1, 12, 26, 28 – Старокуйбышевский VI могильник; 2, 4–10, 13–20, 23, 25 – Новомордовский II могильник; 3, 21, 27 – Старокуйбышевский могильник, по: Галимова, Казаков, 1996; 11 – Малиновский могильник; 22, 24 – Новомордовский III могильник (4–10, 15, 18, 20, 22–25 по: Халиков, 1965)

не встречается в закрытых срубных комплексах (Лыганов, 2018, с. 128). Что касается материалов алакульской культуры, то смешанные срубно-алакульские комплексы фиксируются на самом юге Татарстана в бассейне реки Кондурчи. Севернее ярких комплексов с алакульской керамикой пока не выявлено.

Таким образом, на территории северной периферии в границах современных Татарстана и Чувашии не происходило становления срубной общности – массовое заселение этой территории произошло уже на ее развитом этапе, вероятно, в процессе освоения носителями срубной культуры новых пастбищ для экстенсивного выпаса крупного рогатого скота. Освоение новых земель происходило вместе с взаимодействием носителей срубной культуры с местным позднеэнеолитическим населением. Наиболее ярко на раннем этапе это отразилось в появлении займищенского типа памятников, раннепоздняковских памятников.

Область расселения.

Территория северной периферии срубной общности занимает северную часть лесостепной зоны, не заходя в подзону широколиственных лесов. Северная граница срубной общности в Заволжье ярко выражена и проходит по левому берегу р. Камы от устья р. Белой до устья Камы. В Предволжье северные памятники срубной общности расположены в нижнем течении р. Свияги и ее левых притоков рр. Кубни, Булы, Цильны, а также в среднем течении р. Суры вплоть до ее левого притока р. Алатырь. Ни на одном исследованном поселенческом памятнике в Предкамье в подзоне широколиственных лесов срубная керамика не выявлена.

Территориальные группы памятников северной периферии срубной культурно-исторической общности.

На сегодняшний день северной периферии СКИО открыто около 500 поселений, 130 местонахождений, около 87 курганных и 30 грунтовых могильников (Свод …, 2007; Археологическая …, т. 1, 2013; т. 3, 2015) (рис. 7).

Всю территорию северной периферии срубной КИО на территории Чувашии и Татарстана можно разделить на четыре условные региональные группы памятников, которые различаются по своему физико-географическому положению, по археологической изученности и по особенностям погребальных и поселенческих памятников. Эти региональные группы разделены между собой речными бассейнами или широкими водоразделами, на которых не выявлено срубных памятников. Это регионы: Предволжье, в том числе бассейны рек Свияги и Суры, Западное Закамье (или Заволжье), бассейн рек Черемшан и Кондурча и регион Центрального и Восточного Закамья.

Предволжье (рис. 8). Памятники срубной общности Предволжья расположены небольшими группами и на достаточно больших расстояниях друг от друга, в основном по р. Свияге и ее левым притокам – рр. Цильне, Буле, Кубне, и в среднем течении р. Суры. И только один памятник известен на высоком правом берегу р. Волги (Чижевский, 2009).

Всего в Предволжье зафиксировано 51 поселение, 26 отдельных местонахождений керамики, 13 курганов и курганных групп и, вероятно, один грунтовый могильник (Свод …, 2007; Археологическая …, т. 1, 2013, т. 3, 2015).

Поселения на этой территории изучены слабо. На р. Свияге в северной части распространения срубных памятников небольшие исследования проводились на поселениях Козловское I, Бурундуки, Кулганская II стоянка. Они расположены на невысоких надпойменных террасах р. Свияги. Культурный слой этих поселений содержит как весьма немногочисленную собственно срубную керамику, так и более позднюю керамику атабаевского и текстильного облика (Козловское I поселение) (Халиков, 1969, с. 232, рис. 51), поздняковской культуры (поселение Бурундуки). Стоит отметить, что выявленная на этих поселениях срубная керамика несет на себе черты развитого этапа (отсутствуют расчесы по тулову, нет остроребердных форм и сосудов с внутренним ребром, характерных для покровского времени)

Могильники преимущественно представлены курганами. Все они расположены на надпойменных террасах притоков рр. Свияги и Суры. Неизвестны курганы и грунтовые могильники на водоразделах и на правом коренном берегу р. Волги. Изучено 6 некрополей. Это ранний курганный могильник покровского времени у с. Новоселки на юге РТ и Новобайбатыревские, Уразмаметьевские, Тигашевские курганы, Татарско-Тимяшский грунтовый могильник и одиночный Новошимкусский (Нюргечский) курган в Чувашии (Иванов, Скарбовенко, 1993; Мерперт, 1962). На этих памятниках было вскрыто 109 погребений со 120 погребенными (табл. 1). Погребенные в этих могильниках располагаются преимущественно на левом боку, головой в северном и северо-восточном направлении с отклонениями. Только на могильнике Новоселки встречены единичные правобочные погребения и с ориентировкой на восток и юго-запад, а также коллективные погребения и кремации (Иванов, Скарбовенко, 1993, с. 80–95) (табл. 1).

Характерной чертой региона является наличие следов расчлененных и вторичных погребений,

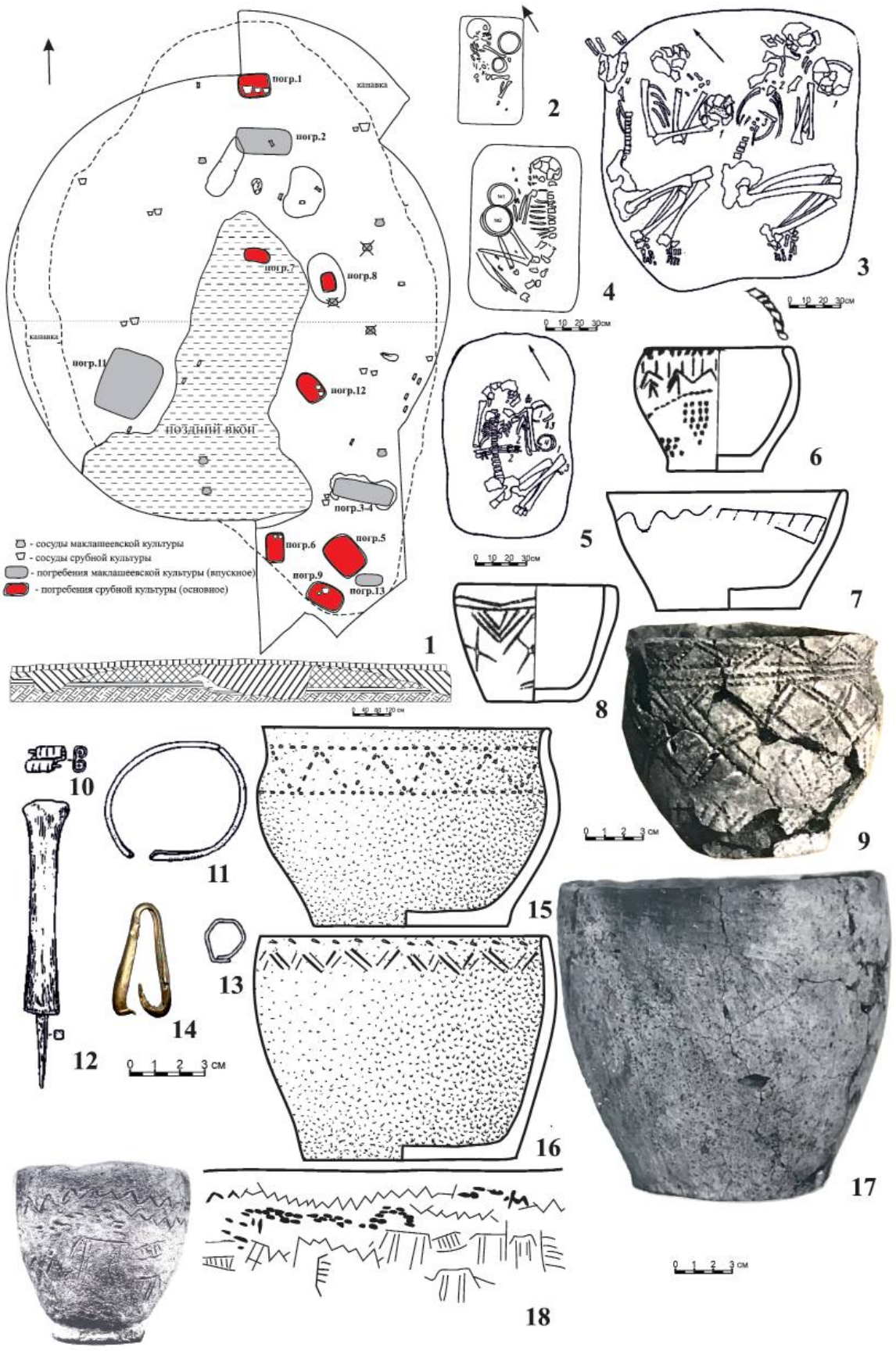


Рис. 10. Погребения срубной КИО в Восточном Закамье

1, 2, 4, 7, 9, 17 – III Маклашеевские курганы; 3, 5, 10–13, 15, 16 – Кураловский могильник, по: Казаков, 1975; 6, 8 – могильник «Девичий городок», по: Казаков и др., 1992; 14 – Измерский XI могильник; 18 – Полянский I могильник

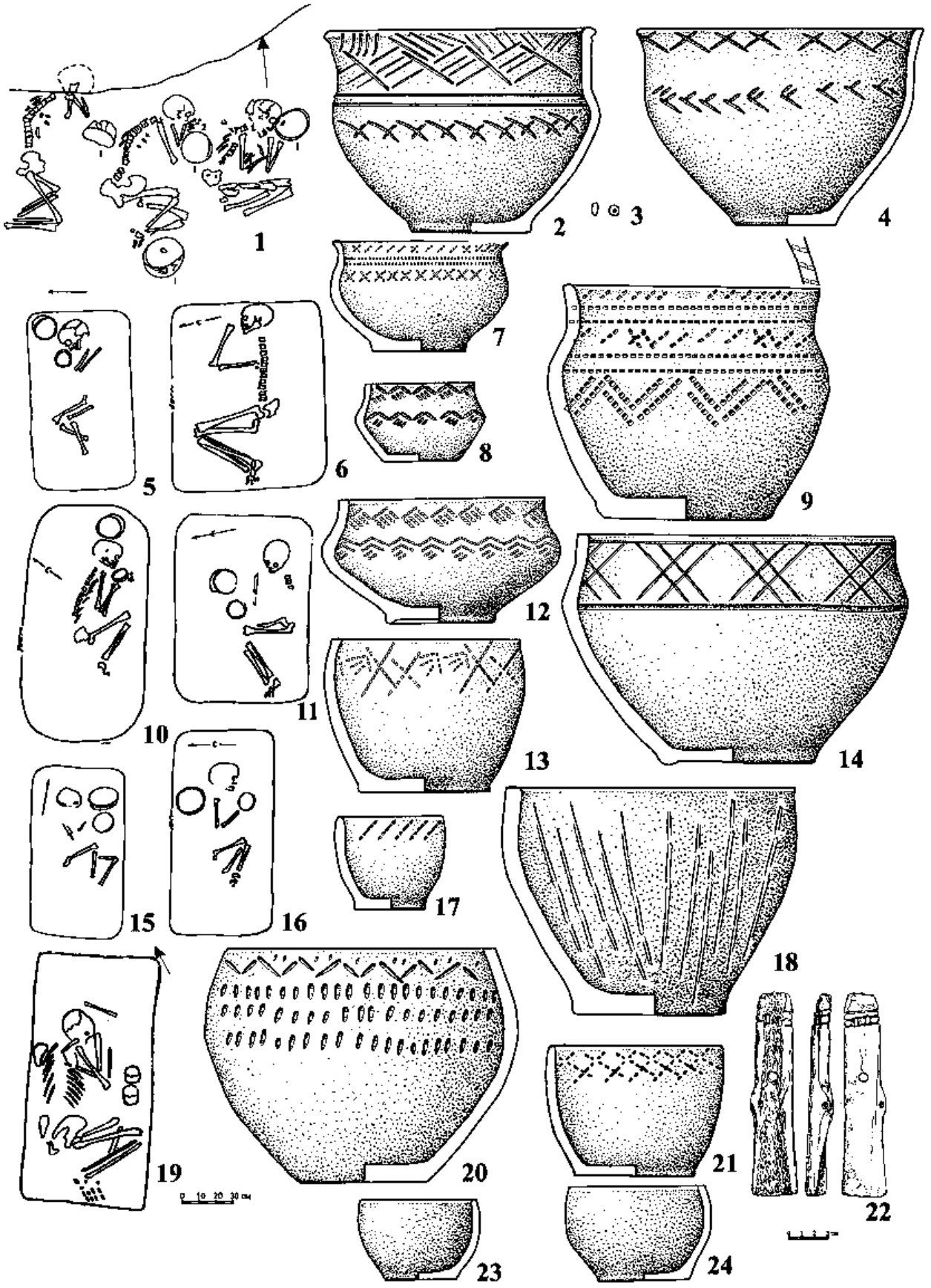


Рис. 11. Погребения и находки развитого этапа срубной КИО в Восточном Закамье и бассейна р. Черемшан

1–4 – могильник Девичий городок, по: Казаков, 2001; 5–18, 21 – Нижнемарьянский могильник, по: Казаков, 2006; 19, 20, 23, 24 – Балынгузские (Торецкие) курганы, по: Обыденнов, Обыденнова, 1992; 22 – костяной псалий из Алексеевского поселения

выявленных на всех курганных могильниках этой территории (Иванов, Скарбовенко, 1993; Археологическая …, т. 1, 2013, с. 117–118; т. 3, 2015, с. 263–264, 278–280). Еще западнее на Аловском I могильнике в Мордовии в левобережье р. Суры также зафиксировано расчлененное погребение (Шитов, 1987). Хотелось бы отметить отсутствие подобных погребений в других региональных группах северной периферии срубной общности.

Чертой северных памятников Предволжья является то, что здесь не зафиксирована смена абашевских памятников покровскими и далее срубными, как это выявлено на территории волго-донского и уральского «абашева» (Горбунов, 2006, с. 109–116). Наиболее ранние памятники, переходные к срубным, расположенные в лесостепной зоне, типа покровских курганов у с. Новоселки в Татарстане (Иванов, Скарбовенко, 1993), Ишеевского и Новоуреньского кургана в Ульяновской области находятся гораздо южнее ареала средневожских абашевских памятников, который расположен в подзоне широколиственных лесов. Кроме этого, уже упомянутые могильники у с. Новоселки, Ишеевка имеют некоторые явные юго-восточные аналогии, прежде всего, в памятниках потаповского типа (Иванов, Скарбовенко, 1993, Буров, 1972). Таким образом, можно сделать вывод, что средневолжская абашевская культура участия в формировании срубной общности не принимала. Однако уже влияние носителей покровской культуры в Предволжье заметно и гораздо севернее. Так, на сейминском Усть-Ветлужском (Юринском) могильнике на левом берегу Волги выявлены типичные покровские металлические изделия (Соловьев, 2013, с. 34). Далее, на развитом этапе срубной общности это влияние на северные территории в Предволжье прослеживается на памятниках поздняковской культуры (Акозинское поселение), часть керамики которой по баночной форме и орнаментальным мотивам мало отличается от срубной (Халиков, 1960, табл. LXVII, LXVIII).

Западное Закамье (или Заволжье) (рис. 9–11). Территориально регион занимает левый берег р. Волги и приустьевую часть Камы от г. Чистополя на северо-востоке до южной границы Татарстана. Срубные памятники этой территории вытянуты с юго-запада на северо-восток узкой полосой шириной 3–6 км вдоль поймы р. Волги и Камы. Они тяготеют преимущественно к пойменным дюнам, первым и вторым надпойменным террасам. В верхнем и среднем течении малых рек региона Бездна, Актай, Утка срубные памятники неизвестны, несмотря на то, что эти территории хорошо исследованы (рис. 7).

Несмотря на относительно небольшую территорию, вытянутую вдоль Волги, здесь известно 161 поселение, 3 местонахождения, 7 курганных и 21 грунтовый могильник (Свод …, 2007). Такое большое количество известных срубных памятников в данном регионе связано с тем, что они расположены над широкой поймой при впадении Камы в Волгу. Данная территория была, безусловно, очень привлекательна для носителей срубной культуры, основанной на экстенсивном скотоводстве.

На этой территории известны в небольшом количестве памятники начала позднего бронзового века, предшествовавшие срубным. Абашевская керамика выявлена на двух памятниках в подъемном материале (Березовогривская I стоянка и Соколовские могильники). Выявлены могильники с разрушенными синташтинско-потаповскими погребениями. Это условное погребение 13 Новомордовского II могильника с потаповским сосудом, ножом с ромбовидным черешком и кремневыми наконечниками стрел; и топор синташтинского типа из разрушенного Малиновского могильника (рис. 9: 11). Вероятно, данный регион начал широко осваиваться в ПБВ только в покровское (раннесрубное) время.

Срубные поселения на этой территории исследованы так же плохо, как и в Предволжье. Раскопами исследованы Зеленовская и Березовогривская I стоянка (Збруева, 1960, с. 33–45; Чижевский, Лыганов, 2015). Размытые V Щербетьская и I, VII, XIII Кузькинские стоянки, которые ранее были отнесены к срубной культуре (Халиков, 1969, с. 232), являются смешанными памятниками, где преобладают луговская и атабаевской керамика, при очевидно второстепенном собственно срубном компоненте (Халиков, 1969, с. 232–233, рис. 52). Несмотря на малое количество поселений, исследованных стационарными раскопками, общую картину развития срубной общности на этой территории можно получить, если обратится к богатому подъемному материалу, собранному в течение многих лет на берегах Куйбышевского водохранилища. Так, судя по подъемному материалу, известные срубные поселения и могильники в Западном Закамье располагаются компактными группами – кустами. Расстояние между памятниками одного куста составляет не более километра. При этом почти в каждой такой группе существует как минимум один памятник с керамикой покровского облика, а срубных памятников с керамикой развитого облика в каждом кусте уже от 3 до 6. Данная картина показывает процесс освоения территории Западного Закамья, когда первоначально, в покровское время, существовало несколько памятников, отстоящих друг от друга на

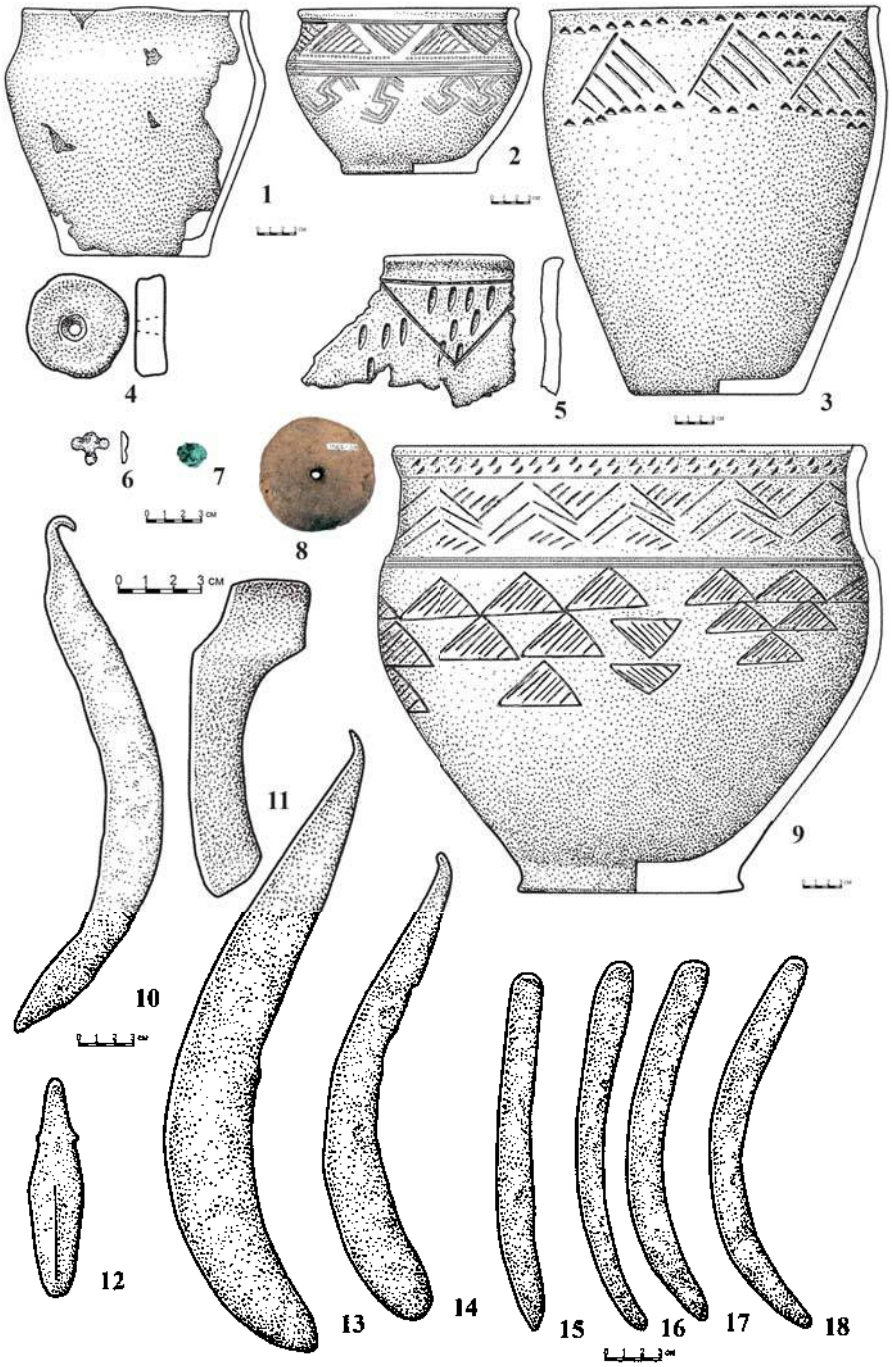


Рис. 12. Материал поселений бассейна р. Большой Черемшан

1, 4, 5 – селище Светлое озеро, по: Истомин и др: 2017; 2, 3, 6–10 – Мамыковское поселение, по: Жемков: 2018, 11–18 – Ерыклинский клад

большом расстоянии, и в дальнейшем, на развитом этапе срубной общности, вокруг них оказалось сгруппировано несколько памятников – поселений и могильников. Все свидетельствует в пользу того, что освоение этой территории началось в покровское время, в дальнейшем она была широко освоена на развитом этапе срубной общности.

Особенностью данного региона является преобладание грунтовых могильников над курганными. В Западном Закамье широко исследованы курганные и грунтовые могильники с погребениями покровского (раннесрубного) времени (Маклашеевские I–III курганные, Новомордовские II–III курганные, Старокуйбышевские I, VI, грунтовые) (Збруева, 1948; Халиков, 1965, 1969, с. 217, 222–226; Галимова, Казаков, 1996; Лыганов и др., 2015) и грунтовые развитого срубного времени (Соколовский III, Девичий городок III, Нижнемарьянский), еще на десятке размытых могильников собран подъемный материал (Халиков, 1969; Казаков, 1975, 1988, 2001, 2006;

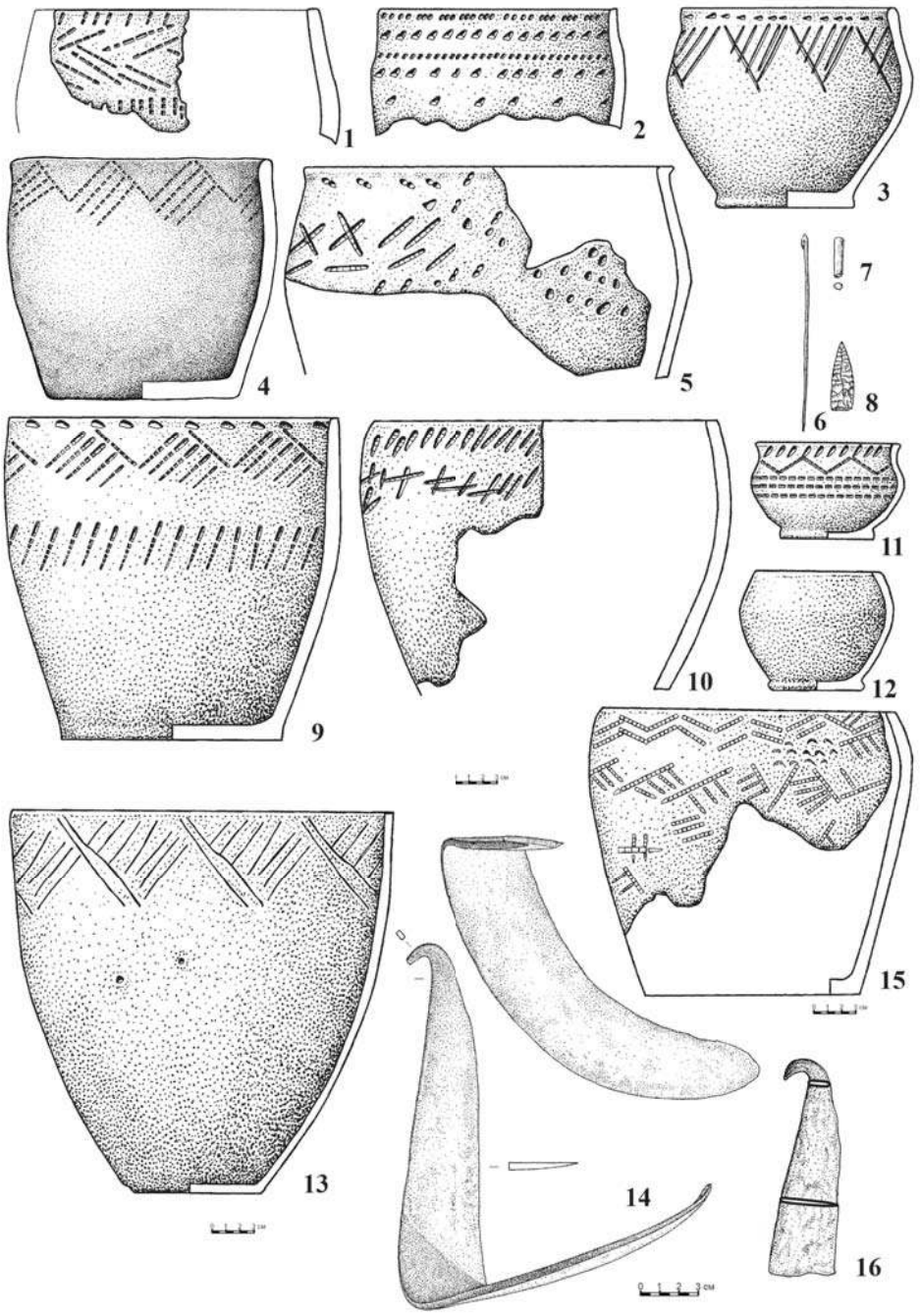


Рис. 13. Материалы поселений срубной КИО Восточного Закамья

1–3 – Зайчишминская стоянка, по: Казаков, Рафикова, 1999, 4 – Деуковское поселение, 5–8, 10 15 – Иманлейская стоянка, по: Старостин, Багаутдинов, 1981; 9 – Гулюковская III стоянка, 11, 16 – Гулюковская II стоянка, 12 – Гулюковская I стоянка; 13, 14 – Дубовогривская II стоянка

Казаков и др., 1992). Всего вскрыто 109 погребений со 113 погребенными. Погребенные располагались на левом боку, головой преимущественно в северном и северо-восточном направлении (табл. 1). На двух могильниках встречено правобочное положение погребенных. Ориентировка погребенных в восточном секторе выявлена на 5 могильниках. Появление правобочного положения умерших с восточной ориентировкой указывает на влияние андроновских (андроноидных) культур. Особняком в этом списке стоит Нижнемарьянский могильник, где правобочное положение погребенных соотносится с восточной ориентировкой (рис. 11: 5–18). Погребальная посуда этого могильника несет на себе некоторые андроновские черты. По мнению автора исследования, это прослеживается в намечающемся поддоне ряда экземпляров, а также форме, технологии и орнаментации сосудов с ребристым туловом (Казаков, 2006, с. 67). Еще одной интересной особенностью региона Западного Закамья является наличие коллективных погребений с двумя и тремя

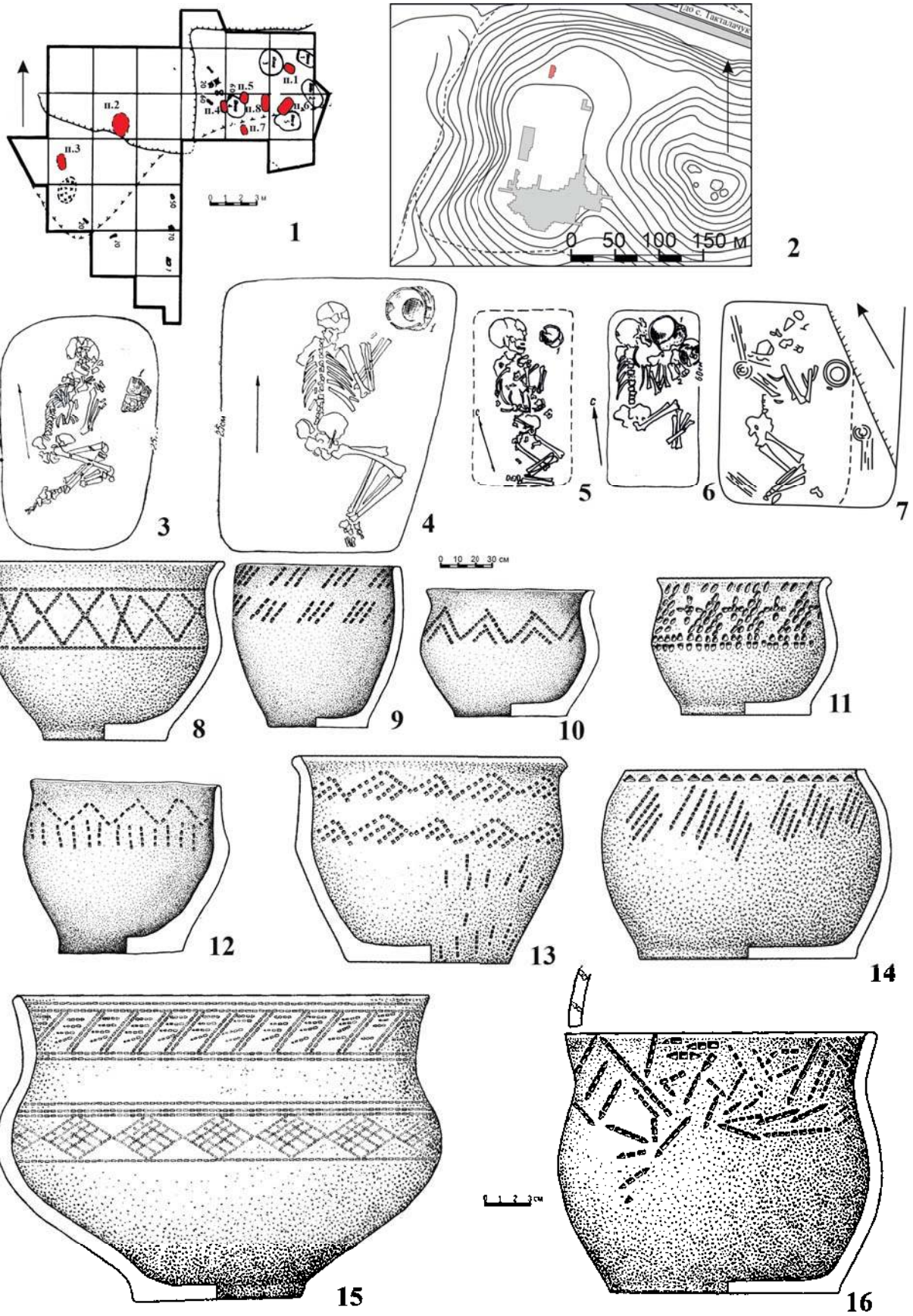


Рис. 14. Материалы погребальных памятников срубной КИО Восточного Закамья

1, 5, 6, 8–11 – Набережночелнинский могильник, по: Казаков, 1972; 2–4, 13, 15 – Могильник Такталачук, по: Казаков, 1978; 7 – Старобайсаровский могильник, по: Казаков 2001; 12 – Альметьевский могильник, по: Казаков, Рафикова, 1999; 14, 16 – могильник Бетьки, по: Казаков, 2001

костяками в одном погребении (в расчет не берется наиболее ранний могильник Новоселки в Предволжье, где коллективные погребения зафиксированы в 8 случаях). Также только на территории Западного Закамья зафиксированы два погребения с кремацией в курганах (Ржавецкий и Маклашеевский III курганные могильники). Одна кремация была произведена в погребении совместно с трупоположением (Збруева, 1948, с. 25–26). Помимо этого, кремации известны в наиболее раннем могильнике Новоселки в Предволжье (Иванов, Скарбовенко, 1993).

Бассейн рек Черемшан и Кондурча (в пределах современных границ Республики Татарстан), левых притоков р. Волги (рис. 11: 19, 20, 23, 24; 12).

Несмотря на то, что разведочными работами здесь зафиксировано 118 поселений, 65 местонахождений и 45 курганных могильников и курганов (Свод …, 2007), это один из наиболее слабо исследованных регионов. Поселения и могильники этого региона тяготеют к надпойменным террасам рек Большой Черемшан и Кондурча и их притоков. В последние годы крупные исследования на поселенческих памятниках проведены в бассейне р. Кондурчи на селище Светлое Озеро (Истомин и др., 2017) и Мамыковском селище (Вискалин, 2018; Жемков, 2018). На этих поселениях был выявлен материал, имеющий аналогии в древностях развитого срубного времени, вместе с тем орнаментация ряда сосудов отличается некоторой архаичностью. Интересен керамический комплекс Мамыковского поселения, расположенного на границе Самарской области и Татарстана. В нем наряду со срубной выделена срубно-алакульская посуда (Жемков, 2018). Здесь же найден фрагмент крестообразной подвески (рис. 12: 6), характерной для петровско-алакульских древностей (Алаева, 2014, рис. 1: 11; Куприянова, рис. 5: 14). Это свидетельствует о контактах с зауральским петровско-алакульским населением. Как было отмечено выше, эти контакты лишь изредка фиксируются севернее – на территории Татарстана, что говорит о том, что алакульские традиции проникали вглубь срубной общности по территории степи – южной лесостепи, не заходя в северную лесостепь.

В бассейне р. Малый Черемшан вскрыто всего два кургана (табл. 1). Это курган из Балынгузской (Торецкой) группы с тремя погребениями развитого этапа срубной общности и половина кургана из Среднеалькеевской группы с одним погребением и горшком раннесрубного времени (Свод памятников…, 2007). В этом же регионе еще в XIX в. выявлены крупные клады металлических изделий, преимущественно состоящих из срубных серпов с крюком, – Ерыклинский и Ильдеряковский (Халиков, 1969, с. 234). В Ерыклинском кладе, наряду с ранними серпами абашевско-покровского времени, зафиксирован и более поздний характерный крюкастый серп развитого срубного времени.

Центральное и Восточное Закамье (рис. 13–14). Данный регион расположен на большой площади по левобережью р. Камы от устья Белой до г. Чистополя, включая правые притоки Камы: р. Белая, р. Сюнь, р. Ик, р. Мензеля, р. Зай, р. Шешма.

Известно 167 поселений, 43 местонахождения, 21 курганный и 9 грунтовых могильников (Свод …, 2007). В основном исследованные раскопами памятники находятся в нижнем течении р. Ик.

В Восточном Закамье хорошо исследованы самые северные поселения срубной общности. Наиболее полно исследованы: Мензелинская I (136 м^2), Подгорно-Байларская (400 м^2), Деуковская (680 м^2), Гулюковские I (320 м^2), II (около 30 м^2), III (800 м^2), Дубовогривская II стоянки (свыше 1000 м^2). Только здесь вскрыто не менее 3500 м^2 (Халиков, 1969, с. 234–236; Старостин, Багаутдинов, 1981; Чижевский, 2010; Чижевский и др., 2012). На Подгорно-Байларской, Деуковской I, Гулюковской I, III, Дубовогривской II стоянках вскрыты жилые и производственные сооружения, которые, к сожалению, все еще ждут своей публикации. Помимо этого, в Восточном Закамье исследованы Иманлейская стоянка (354 м^2) в нижнем течении р. Ик с покровской и абашевской керамикой, Уразаевские I (72 м^2) и II (184 м^2) стоянки в устье р. Белой, Зайчишминская стоянка (650 м^2) на р. Степной Зай (Старостин, Багаутдинов, 1981; Казаков, Рафикова, 1999).

Особенностью поселений данного региона является совместное залегание керамики срубной и луговской культур. При этом, судя по некоторым стратиграфическим наблюдениям, срубный материал все же предшествует луговскому. Только на Иманлейской стоянке в нижнем течении р. Ик зафиксирована абашевская керамика и керамика покровского облика (Старостин, Багаутдинов, 1981, с. 30, рис. 4). Выше по течению р. Ик от Иманлейской стоянки абашевская керамика встречается в подъемном материале на ряде поселений (Ютазинская стоянка и др.) (Свод …, 2007). Примечательно, что в приустьевой части р. Ик, несмотря на большие вскрытые раскопками площади поселений, ни одного фрагмента бесспорно ранней керамики не выявлено. Видимо, эта территория еще не была освоена в абашевское и покровское время. На Дубовогривской II стоянке в жилище зафиксировано залегание керамики заосиновского типа (ПБВ-1) ниже срубной. Можно предполагать, что территория нижнего течения р. Ик в досруб-

ное время была занята носителями традиций заосиновского типа памятников (Чижевский и др., 2012).

В Восточном Закамье исследовано 7 могильников (табл. 1). Это грунтовые могильники, возможно, с невысокими сильно разрушенными насыпями, которые на сегодняшний день не фиксируются. Наиболее крупные могильники: Набережночелнинский, Такталачук, Верхнеакташский (Казаков, 1972, 1978). Всего на них вскрыто 36 погребений. Погребенные располагались на левом боку, головой в северном направлении, один погребённый Набережночелнинского могильника располагался на правом боку. Зафиксировано одно погребение с ориентировкой костяка на восток (Тамьянский могильник). В этом же регионе на срубных могильниках и стоянках присутствуют погребения луговской культуры. Луговские могильники – Деуковский, Такталачук, с характерным обрядом погребения – преимущественно на правом боку, головой на восток, юго-восток (Халиков 1969, с. 227, 234–235; Казаков, 1978), расположены или на территории, занятой также срубными некрополями, как могильник Такталачук, или на территории стоянки срубного времени, как Деуковский могильник. При этом смешанных закрытых погребальных комплексов срубной и луговской культур не зафиксировано. В целом изученные погребения в Центральном и Восточном Закамье относятся к развитому срубному времени.

Металлические изделия. Металлических изделий в срубных могильниках северной периферии мало – это в основном украшения, шилья, редко ножи. И то эти изделия происходят преимущественно из ранних (покровских) памятников. Такие ранние украшения, как височные подвески, обернутые в золотую фольгу, маркируют распространение носителей покровской культуры (Мышкин, Кузьмина, 2012, с. 314–315) по территории северной лесостепи. На территории Татарстана и Чувашии известно три подобных изделия: из Новобайбатыревских курганов с территории Предволжья и из разрушенных погребений Щербетьско-Островного и Измерского XI могильников в Западном Закамье (рис. 8: 13; 10: 14) (Лыганов, 2013, с. 23).

Практически никогда в составе погребального инвентаря не фиксируются металлические ножи, исключением опять же являются наиболее ранние могильники Новоселки, Новомордовский II, Ишеевский. На территории поселений крупных металлических изделий встречается мало. Исключением являются серпы ибракаевского типа, в основном приуральского варианта (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 59–62), которые встречаются как в составе крупных кладов, так и на поселениях (рис. 12). Серпы этого типа являются характерными изделиями северной периферии срубной общности. Среди ранее неизвестных следует отметить находки серпов на Дубовогривской II стоянке, селище Мамыково I и обломок серпа с Гулюковской II стоянки (рис. 12: 10; 13: 14, 16). Судя по спектральному анализу, практически все серпы этого типа, как и изделия из Дубовогривской II и Гулюковской II стоянок, сделаны из химически и металлургически чистой меди, происхождение которой Е.Н. Черных связывает с медистыми песчаниками и Каргалинскими медными рудниками (Черных, 2007, с. 90–109).

Хозяйство. Хозяйство населения северной периферии срубной КИО также несколько отличается от других территорий распространения срубных памятников. По костным остаткам на поселениях можно сделать вывод о том, что в северной лесостепи больше употребляли в пищу свинью, чем это зафиксировано в степной зоне (Лыганов, 2011, табл. 1–6). Вместе с тем низка доля костных остатков МРС. Стабильно высока только роль КРС как основы хозяйства носителей культуры срубной общности (Петренко, 2007; Лыганов, 2011).

Несмотря на то, что в советской литературе утвердилось мнение о высокой роли земледелия у носителей срубной КИО, проведенные исследования (флотацией) в 1989–90 гг. на степных памятниках данной КИО работами Волго-Уральской комплексной экспедиции следов земледелия не выявили (Черных и др., 1991). Проведенный в последние годы палинологический анализ на Гулюковской III стоянке, расположенной в северной лесостепной зоне, также показал отсутствие в слое срубной КИО пыльцы культурных злаков (Алешинская и др., 2018).

Хронология и периодизация.

Об абсолютной хронологии северной периферии срубной КИО пока нет данных. Радиоуглеродное датирование памятников Татарстана и Чувашии еще только начато. Поэтому упор сделан на аналогии в керамике, металле и погребальном обряде в памятниках Самарского Поволжья и Башкирского Приуралья, которые широко продатированы. Исходя из этих дат, покровская культура (этап) имеет хронологический диапазон XIX–XVIII вв. до н. э.; развитый этап срубной общности – вторая пол. XVIII – первая пол. XVI в. до н. э. (Кузнецов, 2014).

Историко-археологическая интерпретация.

При всем обилии срубных памятников на левом берегу Камы на памятниках эпохи бронзы правого берега, в подзоне широколиственных лесов, где расположены памятники луговской культуры и балымско-карташихинского типа (XVII–XV вв.

до н. э.) не зафиксировано не единого случая находок классической срубной керамики. Хотя, несомненно, влияние срубной культуры чувствуется в появлении на памятниках луговской культуры и балымско-карташихинского типа небольших баночных сосудов, таких, какие встречены в погребениях на Балымском поселении (Калинин, Халиков, 1954, с. 209–212). В Предволжье и далее западнее, где северные памятники срубной общности не отделены естественным географическим препятствием, их влияние на северные культуры более существенно (Археология ..., 2008, с. 190–192). Так, например, на Акозинском поселении, расположенном на Волге и относимом к поздняковской культуре, встречаются сосуды, неотличимые от срубных банок ни по форме, ни по орнаменту (Халиков, 1960, с. 169, табл. LXVII: 2). Значительное влияние на поздняковские древности носителей культуры срубной общности отмечалось многократно ранее (Бадер, Попова, 1987, с. 135).

Различны исторические судьбы у каждого из выделенных регионов северной периферии срубной КИО. Еще с XVII в. до н. э. данная территория широко осваивается носителями лесных культур (луговской, поздняковской, культурой текстильной керамики и далее маклашеевской культурой на ее атабаевском этапе). Остается до конца не выясненным вопрос, куда исчезает население северной периферии срубной общности (Кузьминых, 1982, с. 19). Маловероятным выглядит то, что его подвинули носители лесных культур, как считалось ранее. Глубинные территории Закамья в постсрубное время слабо заселены, а основные памятники луговской, поздняковской и др. культур тяготеют больше к крупным речным долинам р. Волги и Камы. Вероятно, здесь мы можем наблюдать схожие явления, как и в степной зоне, где срубные памятники сменяются хуже изученными памятниками ивановской (хвалынской) культуры общности культур валиковой керамики (Черных, 1983; Колев, 2008).

ГЛАВА 7
КУЛЬТУРА ВАЛИКОВОЙ КЕРАМИКИ (ИВАНОВСКАЯ)

На заключительной стадии эпохи бронзы в культуре населения степного и лесостепного Поволжья и Волго-Камья происходят значительные перемены, позволяющие рассматривать памятники этого периода в рамках особой культурно-исторической эпохи, характеризующейся новыми гончарными традициями, инновациями в металлообрабатывающем производстве, новым уровнем и характером культурных связей.

Одним из наиболее ярких явлений этой эпохи стала ивановская (хвалынская) культура с характерной керамикой, орнаментированной налепными валиками, и с новыми типами орудий, среди которых серпы-косари, кельты, кинжалы с прорезной рукоятью, ножи с упором, наконечники копий с прорезными крыльями. Одним из наиболее ярких явлений этой эпохи стала общность культур валиковой керамики (ОКВК), охватывающая обширные пространства от Дуная на западе до Алтая на востоке. Единство культур ОКВК проявилось не только в рельефной орнаментации керамики, но и в традициях домостроительства, погребального обряда, бронзолитейного производства (Черных, 1983). Особенно заметно сходство культур восточной зоны общности, в которую входит и ивановская (хвалынская) культура, получившая распространение в основном на юге лесостепного Волго-Камья и в степном Поволжье.

История изучения. Начало изучению ивановской культуры было положено В.А. Городцовым, который указал на особый культурный статус памятников, синхронных Сосновомазинскому кладу, и связал их появление со среднеазиатским или сибирским культурным течением (Городцов, 1910, с. 273–274). Позже им была выделена хвалынская культура, сменившая в Нижнем Заволжье срубную и принадлежавшая, по его мнению, как и киммерийская, всецело к ранней поре неометаллической эпохи (Городцов, 1927, с. 622).

К хвалынской культуре относил нижневолжские памятники позднего бронзового века и П.С. Рыков (Рыков, 1927). Но в его понимании хвалынская культура охватывала более широкий круг памятников, близких срубным комплексам Северского Донца, но имеющих местные особенности (Рыков, 1936).

В.В. Гольмстен на материалах поселений бронзового века Самарской губернии выделила срубно-хвалынскую стадию развития срубной культуры Поволжья (Гольмстен, 1928). В дальнейшем, вплоть до 1980-х годов, комплексы с валиковой керамикой и бронзовые изделия типа сосновомазинских рассматривались в основном в рамках срубной культуры. В 1940-е годы О.А. Кривцова-Гракова установила более поздний возраст памятников с валиковой керамикой по отношению к классическим срубным древностям и синхронизировала их с Сосновомазинским кладом бронзовых орудий (Кривцова-Гракова, 1948, с. 161). Предложив наиболее развернутую и аргументированную на то время периодизацию срубной культуры, О.А. Кривцова-Гракова называла хвалынскими памятники второго, позднего этапа срубной культуры (Кривцова-Гракова, 1955, с. 9–82).

В 80-е годы прошлого столетия в связи с накоплением материалов по позднему бронзовому веку Поволжья появились дополнительные основания для предположения о существовании особой культуры, сменившей срубные древности в конце позднего бронзового века. Авторы обобщающей работы по срубной культуре Самарского Поволжья выделили памятники с валиковой керамикой в особый культурно-хронологический горизонт, названный ими ивановским по первым раскопкам В.Ф. Орехова у села Ивановка (Агапов и др., 1983, с. 27).

Обобщая результаты исследования культур с валиковой керамикой, Е.Н. Черных предложил концепцию общности культур валиковой керамики (ОКВК), сменившей на огромной территории евразийской степи и лесостепи традиционные культуры позднего бронзового века (Черных, 1983).

В 80-е – 90-е годы прошлого столетия на основе сравнительно-статистического анализа керамики с наиболее исследованных памятников ивановского, саргаринского и срубного типа были установлены принципиальные различия срубной и ивановской керамики и значительное сходство ивановской и саргаринской гончарных традиций (Колев, 1988; Изотова, Малов, 1992). В особую хвалынскую культуру были выделены памятники

с валиковой керамикой Нижнего Поволжья (Малов, 1987). Изучению валиковой ивановско-хвалынской культуры способствовали новые полевые исследования и публикация уже известных памятников с валиковой керамикой Нижнего Поволжья, Северского Донца, Подонья. Среди наиболее значимых для понимания ивановско-хвалынского феномена можно назвать материалы Танавского городища (Колев, 1988; Изотова, Малов, 1992), Алексеевского городища (Юдин, 2001), поселений Григорьевка I (Колев, 1988; 2002), Ерзовка II (Дьяченко, 1992), городища Никольевка (Хреков, 2003), поселений Родниковое (Купцова, Файзуллин, 2012), Мартышкино (Лопатин, Малов, 2016), Журавка I (Сурков, 2016).

Несмотря на сходное в целом понимание исследователями динамики культурных процессов в Поволжье в эпоху поздней бронзы, остаются некоторые разногласия в культурной интерпретации комплексов финального бронзового века, в вопросах генезиса и хронологии памятников с валиковой керамикой.

За памятниками с валиковой керамикой лесостепного Самарского Поволжья закрепилось название ивановских. Саратовские исследователи, выделяя поволжские памятники с валиковой керамикой в особую культуру, предложили называть ее хвалынской культурой валиковой керамики (Малов, 1987; Изотова, Малов, 1992). Культурное единство ивановских комплексов с памятниками хвалынской культуры валиковой керамики Саратовского Поволжья не вызывает сомнения. Различное именование средневолжских и нижневолжских памятников остается данью историографической традиции, но есть и некоторые различия во взглядах исследователей на происхождение и хронологию валиковых комплексов.

Саратовские археологи предполагают существование переходной срубно-хвалынской стадии, представленной комплексами поздней срубной культуры и ранней хвалынской культуры валиковой керамики. По их мнению, для памятников этого периода характерно наличие помимо срубной и валиковой керамики, керамики федоровско-бишкульского и новопокровского облика, демонстрирующей контакты срубных и федоровско-бишкульских племен. Результатом этих контактов и стало оформление хвалынской культуры (Малов, 1987, с. 60; Малов, 2013, с. 106–107). В число памятников ранней стадии хвалынской культуры Н.М. Малов включил, кроме поселений Саратовского правобережья (Новая Покровка I, Смеловка I), поселения с андроноидной керамикой лесостепного Самарского Заволжья типа I Сусканского поселения, в том числе Чесноковку, Моечное Озеро, андроноидные комплексы которых относят в настоящее время к памятникам сусканской культуры (Колев, 1991; 2000). Распространение собственно валиковой керамики относится уже ко второму этапу ХКВК, представленному такими памятниками как Кайбельское селище, поселение Сады, Танавское городище, селище у хут. Веселый, Ивановское селище. Предполагается, что срубная культура к началу этого периода прекратила свое существование (Малов, 1987, с. 59–60).

Исследование памятников заключительного этапа эпохи бронзы в Самарском Поволжье привело к несколько иному пониманию культурных процессов в лесостепном Волго-Камье. Памятники заключительного этапа эпохи бронзы были отнесены к различным культурным группам, одна из которых, сусканская, сложилась благодаря активному продвижению андроноидных традиций в лесостепное Волго-Камье (Колев, 1991), а другая, представленная комплексами с собственно валиковой керамикой, составляет содержание особой ивановской культуры (Колев, 2000; 2008). Керамика с налепными валиками с поселений Среднего и Нижнего Поволжья демонстрирует основные черты, присущие гончарству культур, составляющих общность культур валиковой керамики. Андроновский компонент в ивановской культуре не так заметен, как в сусканских памятниках, так как в целом валиковые комплексы относятся к более позднему времени, когда федоровско-бишкульские традиции утрачиваются или сильно трансформируются (Колев, 2000).

Возможно, различия в подходе к проблемам генезиса и периодизации валиковой культуры Среднего и Нижнего Поволжья связаны с некоторыми особенностями развития культуры в лесостепи и на границе со степным регионом.

Генезис культуры. О генезисе ивановско-хвалынской культуры можно судить лишь предположительно. Значительное совпадение ее ареала со срубной территорией, совместное залегание срубной и ивановской керамики в культурных слоях поселений делают вероятным предположение об участии срубного населения в формировании культуры финального бронзового века. Очевидно, срубная культура могла стать тем культурным фоном, на котором происходило формирование новых культурных традиций. В технологии изготовления валиковой посуды сохранены многие элементы, характерные для степных-лесостепных культур позднего бронзового века, как в подготовке пластичного сырья, так и в способах конструирования сосуда.

Вместе с тем, есть немало фактов, свидетельствующих о существенных культурных инновациях, сопровождавших распространение валиковой керамики в Волго-Уралье и волго-донских степях.

Обращает на себя внимание резкая смена приемов орнаментации, основными из которых становятся валиковые и воротничковые налепы, почти полное исчезновение геометрических узоров. Валиковая керамика обнаруживает удивительное единообразие форм сосудов и их орнаментации на обширной территории восточной зоны ОКВК. Распространение валиковых комплексов сопровождается внедрением принципиально новых приемов металлообработки и типов орудий, которые не могут быть выведены непосредственно из традиций металлообработки срубной культуры, но составляют один из наиболее ярких показателей единства культур валиковой керамики обширного региона (Черных, 1983, с. 87–93).

По мнению Е.Н. Черныха, единство памятников восточной зоны ОКВК было обусловлено мощной срубно-андроновской основой, на которую наложились валиковые традиции западного происхождения (Черных, 1983, с. 96–97). В.С. Бочкарев появление свиты культур III (по уточненной схеме – IV) периода позднего бронзового века, включая ивановскую (хвалынскую) культуру, связывает с миграционными процессами, исходным импульсом для которых послужило распространение населения черкаскульской и федоровской культур (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 300).

Вероятно, условия для появления новых культурных образований сложились уже в срубно-алакульскую эпоху, когда на территории Волго-Уралья наблюдается взаимопроникновение алакульских и срубных традиций. Новый уровень интеграции культур Поволжья и урало-западно-сибирского региона связан с продвижением на запад федоровско-бишкульских племен или традиций. На это явление не раз обращали внимание исследователи (Березанская, Гершкович, 1983; Кузьмина, 1987, с. 62–66; Мыськов, 1992, с. 95). В Поволжье федоровская традиция представлена андроновской керамикой в погребальных комплексах (рис. 2) и керамикой федоровского типа, встреченной в слоях некоторых поселенческих памятников (рис. 3). Хронологическая позиция и культурная интерпретация этих находок остаются предметом дискуссии. Но несомненно значительное участие андроновского субстрата в культурных процессах финального бронзового века, в том числе в Волго-Уралье.

Вместе с тем, следует отметить, что в отличие от лесостепного Волго-Камья, где в финальном бронзовом веке получает развитие целый пласт андроноидных культур, в степном Поволжье памятники андроновского типа не составляют значительного культурного массива. Связь их с валиковыми древностями также не безусловна. Андроновские традиции характерны прежде всего для керамических комплексов, встреченных на поселениях так называемого смеловского или новопокровского типа, которые, как считает Н.М. Малов, составляют ранний, срубно-хвалынский этап хвалынской культуры (Малов, 1987, с. 59), а по другой его версии относятся к эпохе сосуществования срубной и хвалынской культур (Малов, 2013, с. 106–107) или позднесрубной культуры и раннехвалынской (Малов, 2012а, с. 97; Малов, 2012б, с. 156), то есть, по сути, предшествуют классическим ивановско-хвалынским древностям. Валиковая керамика в их коллекциях отсутствует или представлена единичными сосудами. Тем не менее, некоторые андроновские традиции встречаются в орнаментации собственно ивановской керамики. Андроновское происхождение можно предположить для встречающейся в некоторых керамических комплексах ивановско-хвалынского типа орнаментации наклонно поставленными оттисками штампа, образующими горизонтальную многорядную елочку, широким поясом покрывающую верхнюю часть сосуда. Орнаментированные таким образом сосуды встречены в основном в лесостепном Самарском Поволжье (поселения Екатериновка, Шигоны II, Найденое Озеро, Поплавское, Нижняя Орлянка II). Андроновский компонент можно отметить и в валиковых комплексах алексеевско-саргаринского типа, что дало основание некоторым исследователям рассматривать федоровско-бишкульские памятники в качестве одного из основных компонентов в сложении саргаринской культуры (Зданович, 1988, с. 153–154). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в лесостепном Зауралье подобная орнаментация встречается на памятниках, расположенных на северной окраине лесостепи, и демонстрирующих, по мнению Т.М. Потемкиной, взаимодействие степной и лесной культурных традиций (Потемкина, 1979, с. 22–23).

В Поволжье валиковые комплексы с элементами андроновской орнаментальной традиции тяготеют к лесостепной полосе, занятой в эпоху финальной бронзы памятниками сусканской культуры, андроноидная основа которой не вызывает сомнений (Колев, 2000, с. 244–250). Поэтому нельзя исключать участия сусканской культуры в формировании керамической традиции ивановского населения или взаимодействия двух культурных традиций на раннем этапе ивановско-хвалынской культуры.

Отчетливый андроновский компонент можно усмотреть и в памятниках с так называемой воротничковой керамикой, которые могут быть рассмотрены как часть культурной традиции приказанского населения позднего бронзового века или

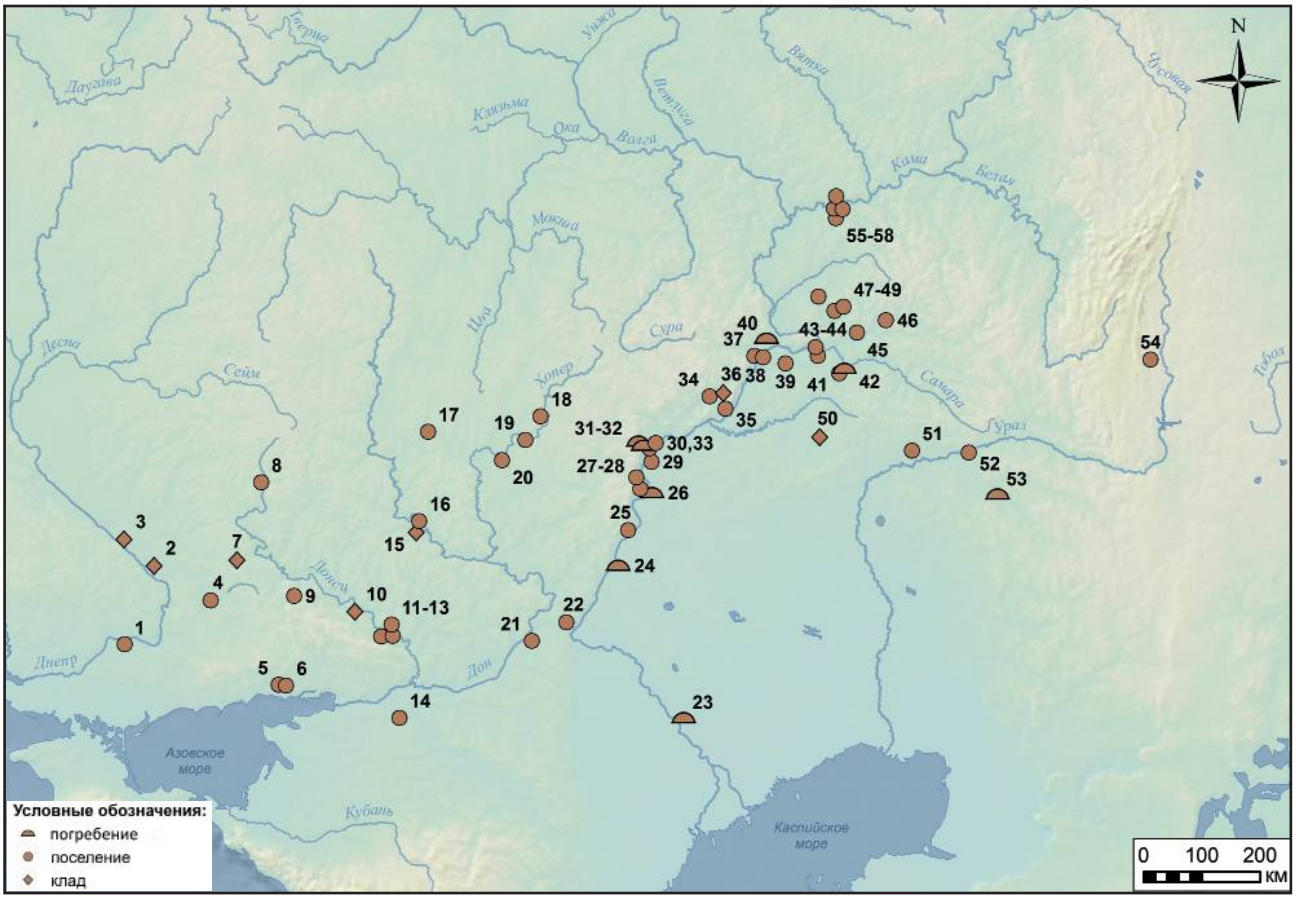


Рис. 1. Памятники ивановско-хвалынской культуры и комплексы бронзовых орудий, связанные с ивановской металлообработкой

1 – Белозерский лиман; 2 – Лобойково, клад; 3 – Кабаковский клад; 4 – Богуслав, селище; 5 – Безыменное II, селище; 6 – Безыменное I, селище; 7 – Благовещенский клад; 8 – Шоссейное, селище; 9 – Пилипчатино, селище; 10 – Трехизбенное, клад; 11 – Ильичевское селище; 12 – Усово Озеро, селище; 13 – Глубокое Озеро 2, селище; 14 – Хутор Веселый, селище; 15 – Терешковский, клад; 16 – Журавка I, селище; 17 – Садовое VI, селище; 18 – Ладонка, сел.; 19 – Никольевка, городище; 20 – Шиловское, селище; 21 – Ляпичев Хутор, селище; 22 – Ерзовское I, селище; 23 – Комсомольское, грунт.мог., погр.16; 24 – Быково I, кург.мог.; 25 – Ураков Бугор, селище; 26 – Старое Привольное, погребение; 27 – Мартышкино, селище; 28 – Сосновки, сел.; 29 – Смеловка I, селище; 30 – Танавское, городище; 31 – Сабуровский, грунтовый мог.; 32 – Петровский городок, грунтовый мог.; 33 – Алексеевское городище; 34 – Ново-Покровка I, селище; 35 – Ивановское, селище; 36 – Сосновая Маза, клад; 37 – Яковка II, селище; 38 – Яковка III, селище; 39 – Григорьевка I, селище; 40 – Шигоны III, погребение; 41 – Поплавское, селище; 42 – Утевка VI, грунт.мог.; 43 – Грачев Сад, селище; 44 – Постников овраг, селище; 45 – Тоузаково II, селище; 46 – Осиновые Ямы, селище; 47 – Русская Селитьба II, селище; 48 – Нижняя Орлянка II, селище; 49 – Елховка II, селище; 50 – Перелюбский, клад; 51 – Кузьминковское II, сел.; 52 – Родниковое, селище; 53 – Покровский IX, кург.мог.; 54 – Кизильское, селище

как лесостепной вариант культуры валиковой керамики. С памятниками алексеевско-саргаринского и ивановского типа воротничковые комплексы роднит не только способ оформления венчика, но и многие другие детали орнамента, в том числе валиковые налепы на горле некоторых сосудов (рис. 9: 5, 12, 14).

В целом, андроновский культурный компонент явился если не главной, то наиболее заметной чертой керамических комплексов постсрубного времени, эпохи становления культуры валиковой керамики. Вероятно, в это же время происходят и преобразования в бронзолитейном производстве, в погребальной обрядности и других областях материальной культуры населения.

Территория ивановской культуры определяется достаточно приблизительно ввиду значительного сходства валиковых комплексов на обширной территории ОКВК. В Поволжье наибольшая концентрация памятников ивановской (хвалынской) культуры наблюдается в пограничье степи и лесостепи, в основном на территории Саратовского и Самарского Поволжья. Памятники выявлены по берегам Волги и на ее малых притоках, а также на притоках Дона – Хопре и Медведице (рис. 1).

К числу наиболее выразительных памятников ивановской (хвалынской) культуры на территории Саратовского Поволжья могут быть отнесены комплексы с валиковой керамикой таких поселений как Сады, Танавское городище, Алексеевское

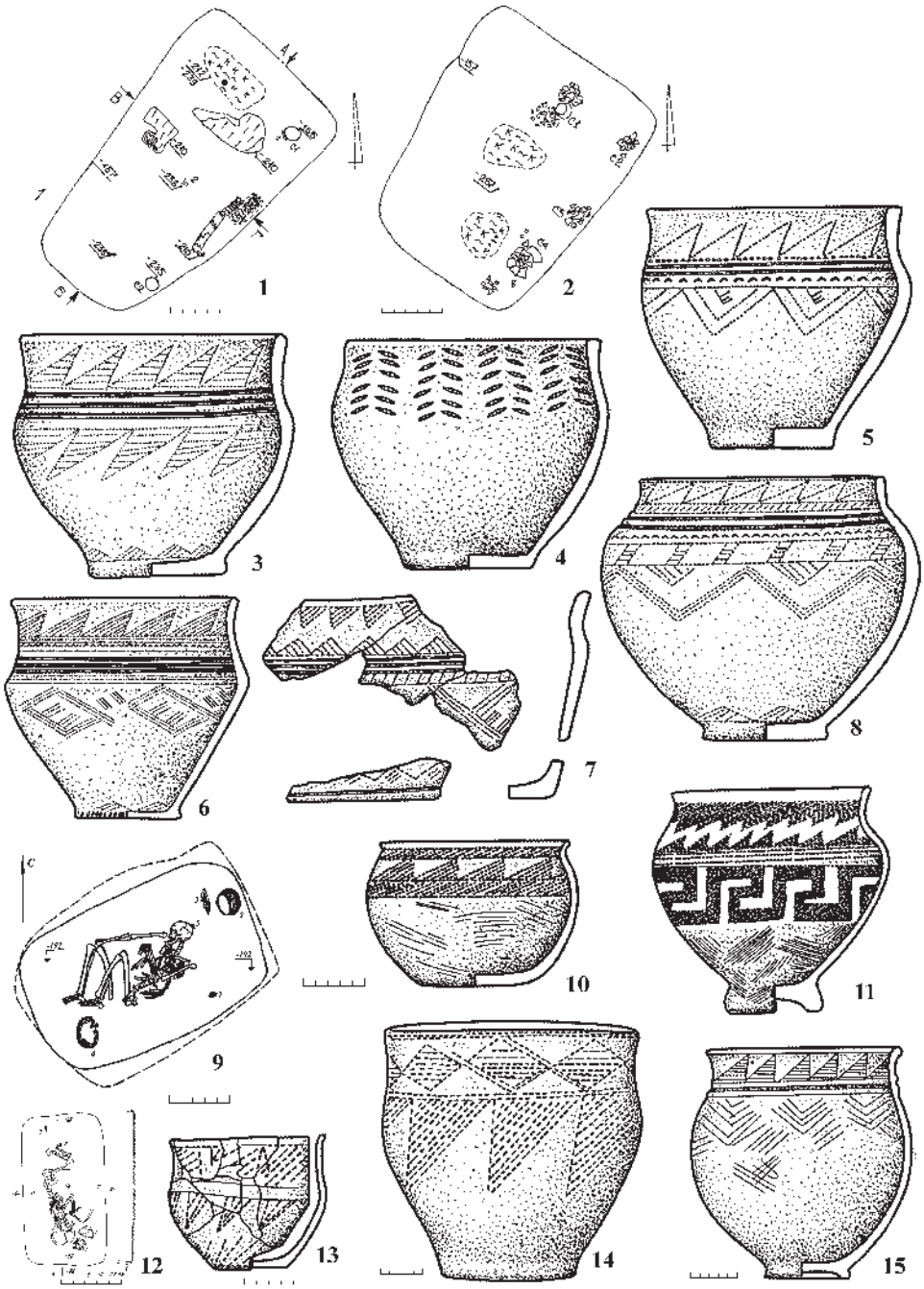


Рис. 2. Погребальные памятники периода формирования ивановско-хвалынской культуры

1, 3–5 – IX Покровский кург. мог., к. 3, погр. 12; 2, 6–8 – IX Покровский кург. мог., к. 3, погр. 13; 9–11 – Недоступов, кург. 4, погр. 2; 12–13 – пос. Мартышкино, погр. 1; 14 – Потемкино, к. 11, разрушенное погребение; 15 – Лебедевка IV, к. 10, п. 1 (разрушено)

городище, Ивановское селище, Мартышкино. В последние годы список памятников, на которых керамика с валиковой орнаментацией составляет комплекс, отчетливо отличающийся от культурных напластований более раннего времени, пополнили поселения Ладонка (Быков, 2016), Сосновка I (Браташова, 2009), Ураков Бугор (Дремов, 2001).

В Самарском Поволжье комплексы валиковой керамики ивановско-хвалынского типа исследованы на поселениях Григорьевское I, Тоузаково II, Елховка II. Встречены небольшие коллекции валиковой ивановской керамики и на некоторых других селищах региона, в том числе в слоях с керамикой сусканской культуры (поселения Екатериновка, Поплавское, Максимовка II, Грачев Сад, Постников Овраг, Русская Селитьба II).

К лесостепному Поволжью приурочена и основная часть немногочисленных погребальных комплексов, которые могут быть отнесены к ивановско-хвалынской культуре или к андроновско-

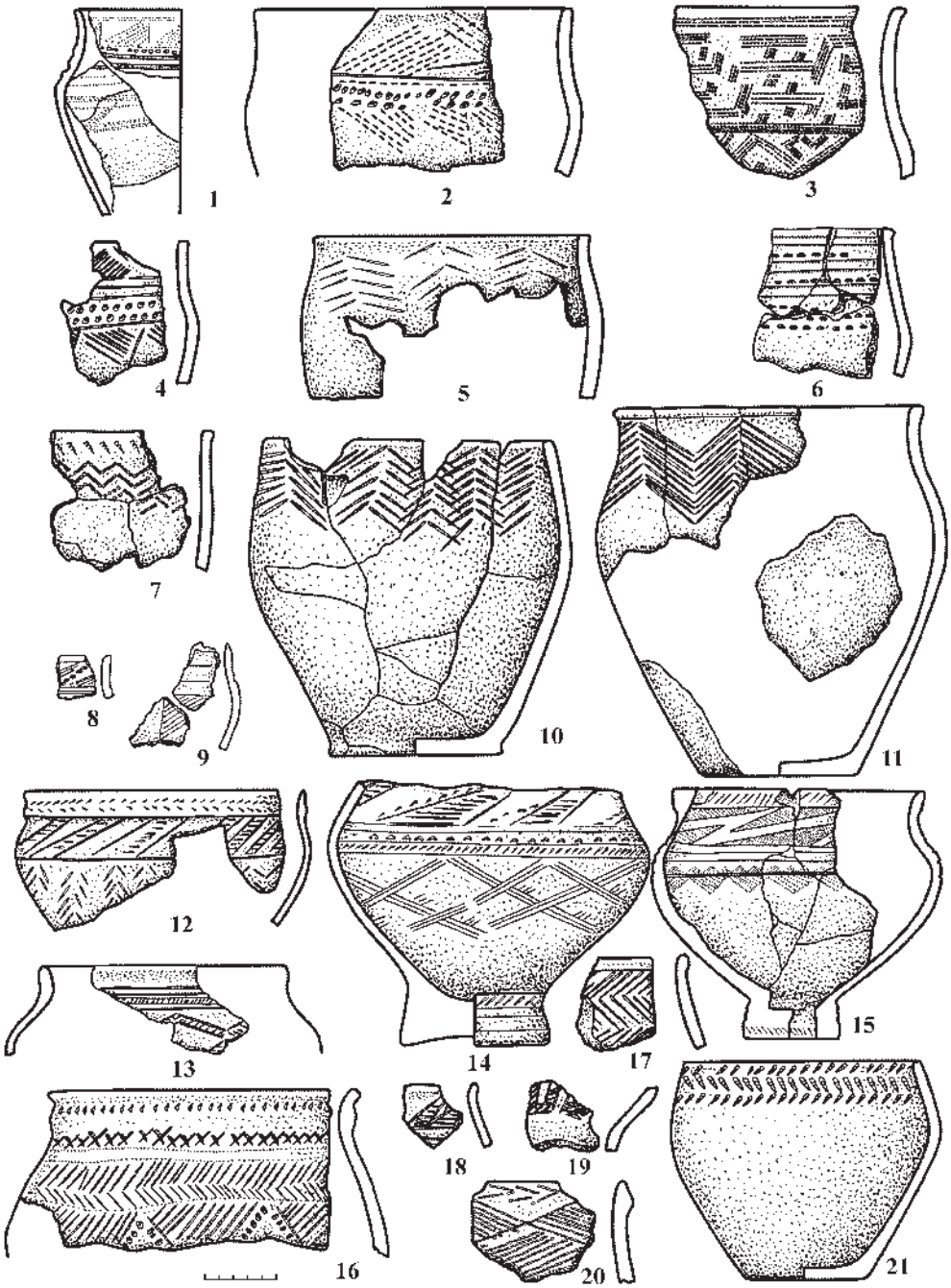


Рис. 3. Керамика андроновского облика с поселений ивановско-хвалынской культуры
1 – пос. Ново-Покровское I; 2–5 – пос. Смеловка I; 6–11 – пос. Мартышкино; 12–14 – пос. Ерзовка-I; 15 – пос. Родниковое; 16–21 – пос. II Кузьминковское

бишкульским памятникам, предшествующим валиковому горизонту.

В Волго-Донском междуречье и на Дону значительные ивановские комплексы встречены на поселении Ляпичев Хутор, на Ерзовском I селище, Приморской стоянке, поселении Журавка I. Небольшие коллекции ивановской керамики встречены и на некоторых других памятниках. К числу памятников ивановской культуры могут быть отнесены и известные памятники с валиковой керамикой Северского Донца и Северо-Восточного Приазовья (Смирнов, Сорокин, 1987; Горбов, 1995; 1996).

Определение границ ивановской культуры осложняется тем обстоятельством, что по мере удаления от Поволжья ивановские комплексы иногда приобретают черты культур соседних регионов. На некоторых памятниках Верхнего Подонья и Северского Донца в валиковой керамике проявляется участие бондарихинской культуры (Екимов, 1981, с. 163; Смирнов, Сорокин, 1987, с. 146). В Северо-Восточном Приазовье ивановские ком-

плексы имеют значительное сходство с белозерско-тудоровскими, что приводило часто к неверной их культурной интерпретации (Горбов, 1995). В Волго-Камье и Приуралье ивановская керамика может иметь черты сходства с комплексами лесостепных памятников с воротничковой керамикой.

В степных районах (Волгоградская и Астраханская области) валиковые комплексы не так многочисленны и встречены в основном в Волго-Донском междуречье.

Восточная граница ивановских памятников устанавливается в большой степени согласно историографической традиции. Предполагается, что ареалы ивановской культуры и родственной ей алексевско-саргаринской культуры должны в какой-то степени совпадать с границами расселения срубных и андроновских племен. В действительности, как и в срубно-алакульскую эпоху, в финальном бронзовом веке памятники Южного Урала и Приуралья демонстрируют значительное сходство и взаимопроникновение западных и восточных традиций, которое не позволяет в ряде случаев отнести валиковые комплексы однозначно к ивановско-хвалынским или алексеевско-саргаринским памятникам. В Оренбуржье комплекс финального бронзового века встречен на поселении II Кузьминковское. Авторы отмечают большее сходство позднего комплекса поселения и других памятников валикового времени степного Приуралья с материалами поволжских культур финального бронзового века (Моргунова, Халяпин, Халяпина, 2001, с. 109). Близкие аналогии ивановским памятникам обнаруживают и материалы финального бронзового века поселения Родниковое, хотя по некоторым показателям валиковый комплекс этого селища сходен и с алексеевско-саргаринскими (Купцова, Файзуллин, 2012, с. 89).

Т.М. Потемкина, определяя западную границу памятников алексеевского типа, отмечает, что в Приуралье, на юго-западе Башкирии встречаются ивановские памятники (Потемкина, 1979, с. 29). В.С. Стоколос более осторожно подходит к вопросу о культурной интерпретации комплексов с валиковой керамикой Южного Зауралья. По его мнению, валиково-воротничковая керамика Кизильского поселения четко отделяется от срубной и характерна для мира культур валиковой керамики, но поиск детальных аналогий этой керамике затруднен (Стоколос, 2004, с. 233–234).

Кроме поселений и погребальных памятников с керамикой ивановского типа, маркирующими территорию ивановской (хвалынской) культуры могли бы выступать и находки металлических изделий (клады и случайные находки), но в большинстве случаев связь этих изделий с комплексами валиковой керамики требует дополнительного обоснования. Нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что многие орудия, сопоставимые с изделиями сосновомазинского типа, а именно кинжалы с прорезной рукоятью и асимметричные кельты-тесла с лобным и боковым ушком найдены в лесостепном Волго-Камье и Приуралье, где эпоха валиковой керамики представлена не столько валиковыми комплексами, сколько памятниками с так называемой воротничковой керамикой, поселениями типа Кайбельского, Атабаевского, памятниками луговской культуры.

Типы памятников. Ивановско-хвалынские памятники представлены в основном поселениями, в том числе естественным образом укрепленными городищами. В большинстве случаев поселения не однослойны, и кроме ивановской керамики представлены комплексы предшествующего времени, в основном срубной культуры. Многослойность поселений финальной бронзы, усложняющую выделение собственно валиковых культурных комплексов, отмечают многие исследователи (Черных, 1983).

Сравнительно немногочисленны погребальные памятники, которые могут быть отнесены к ивановской культуре или к эпохе валиковой керамики. Они представлены единичными захоронениями под курганными насыпями, грунтовыми погребениями и захоронениями на территории поселений.

В лесостепном Волго-Камье валиковая керамика встречается в комплексах заключительного этапа эпохи бронзы небольшими коллекциями фрагментированной керамики (рис. 8: 3–7), свидетельствующими, возможно, об инфильтрации ивановского населения или гончарных традиций в приказанскую культурную среду.

Особую группу памятников составляют клады металлических изделий и отдельные бронзовые предметы, типология которых позволяет их относить в эпохе валиковой керамики.

Поселения составляют основную категорию памятников ивановской культуры. В большинстве случаев слои с керамикой ивановского типа залегают на местах срубных поселков. Отделить стратиграфически комплексы валиковой ивановско-хвалынской культуры от находок срубного времени удается только в редких случаях, как, например, на поселении Сады, где выделены покровский и хвалынский слои (Сергеева, 2007, с. 119). Тем не менее, типологические особенности ивановской керамики, технология ее изготовления, орнаментация позволяет уверенно отличать ивановские комплексы от материалов предшествующего времени.

Наиболее значительные комплексы ивановско-хвалынской культуры исследованы на поселениях Танавское городище, Сады, Ерзовка I в Нижнем

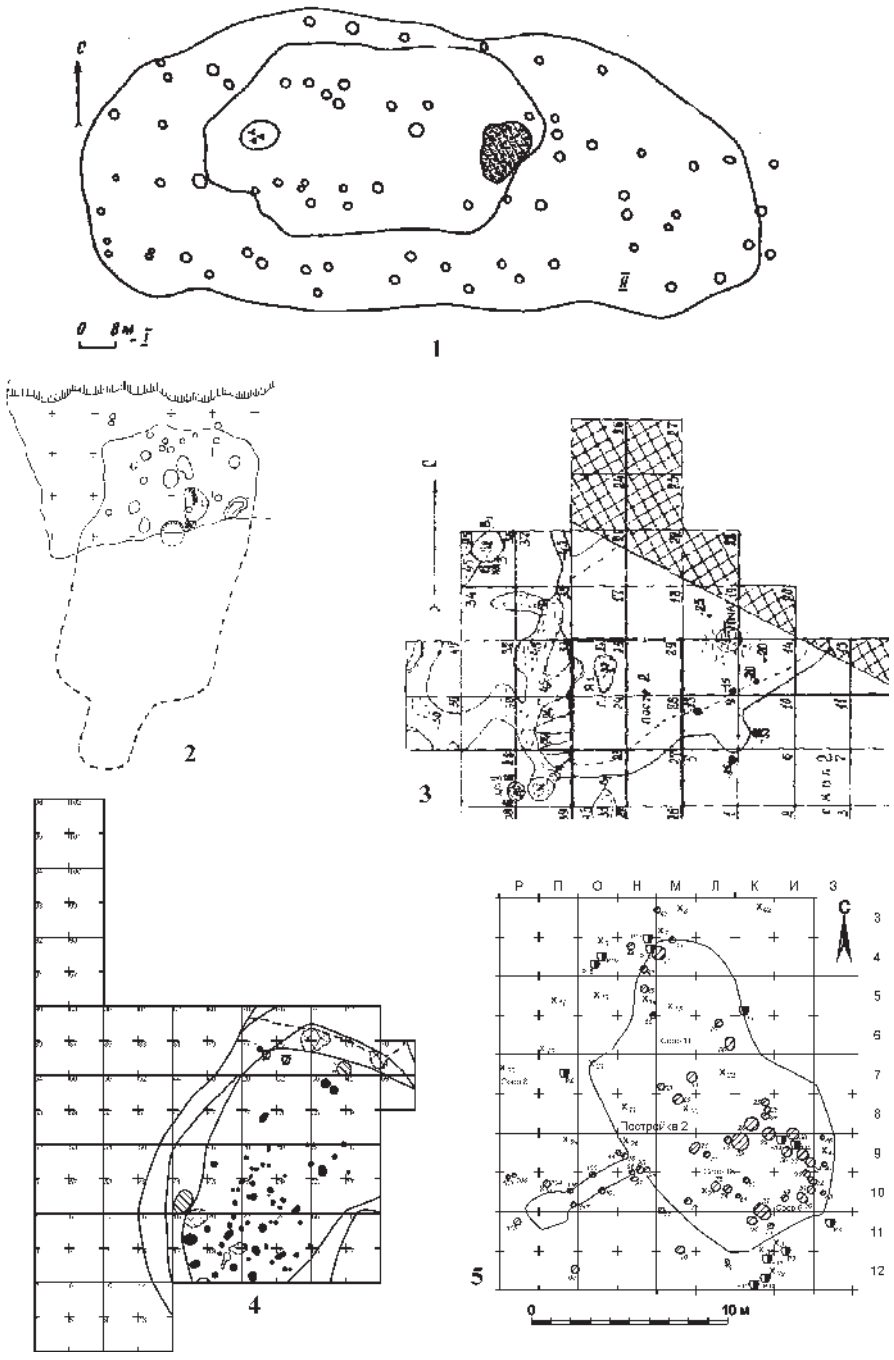


Рис. 4. Планы построек, предположительно связанных с ивановско-хвалынской культурой
1 – пос. Смеловка I; 2 – пос. Мартышкино, постр. 1 (постр. 3, по сигнальной публикации); 3 – пос. Садовое VI; 4 – пос. Григоревка I; 5 – пос. Нижняя Орлянка II, постр. 2

Поволжье, Григорьевка I в Самарском Заволжье. Значительные по площади поселения ивановской культуры изучены в Подонье (Садовое VI, Шиловское, Журавка I). Площадь некоторых из поселений достигает 8–10 тыс. кв.м (Танавское городище, Журавка I), но как правило, валиковые комплексы приурочены к определенным постройкам, а за их пределами мощность слоев невелика.

Во многих случаях поселения расположены на высоких мысовых городищах. Это относится главным образом к собственно ивановско-хвалынским памятникам. По мнению саратовских исследователей, на второй стадии хвалынской культуры в труднодоступные правобережные районы хвалынцев вытесняет подвижное население, оставившее памятники нурского типа (Лопатин, Малов, 2016, с. 79).

Постройки, которые могут быть связаны с валиковыми слоями, в основных чертах сходны с постройками срубного времени, что вероятно, указывает на преемственность хозяйственно-культурного типа. Постройки представляют со-

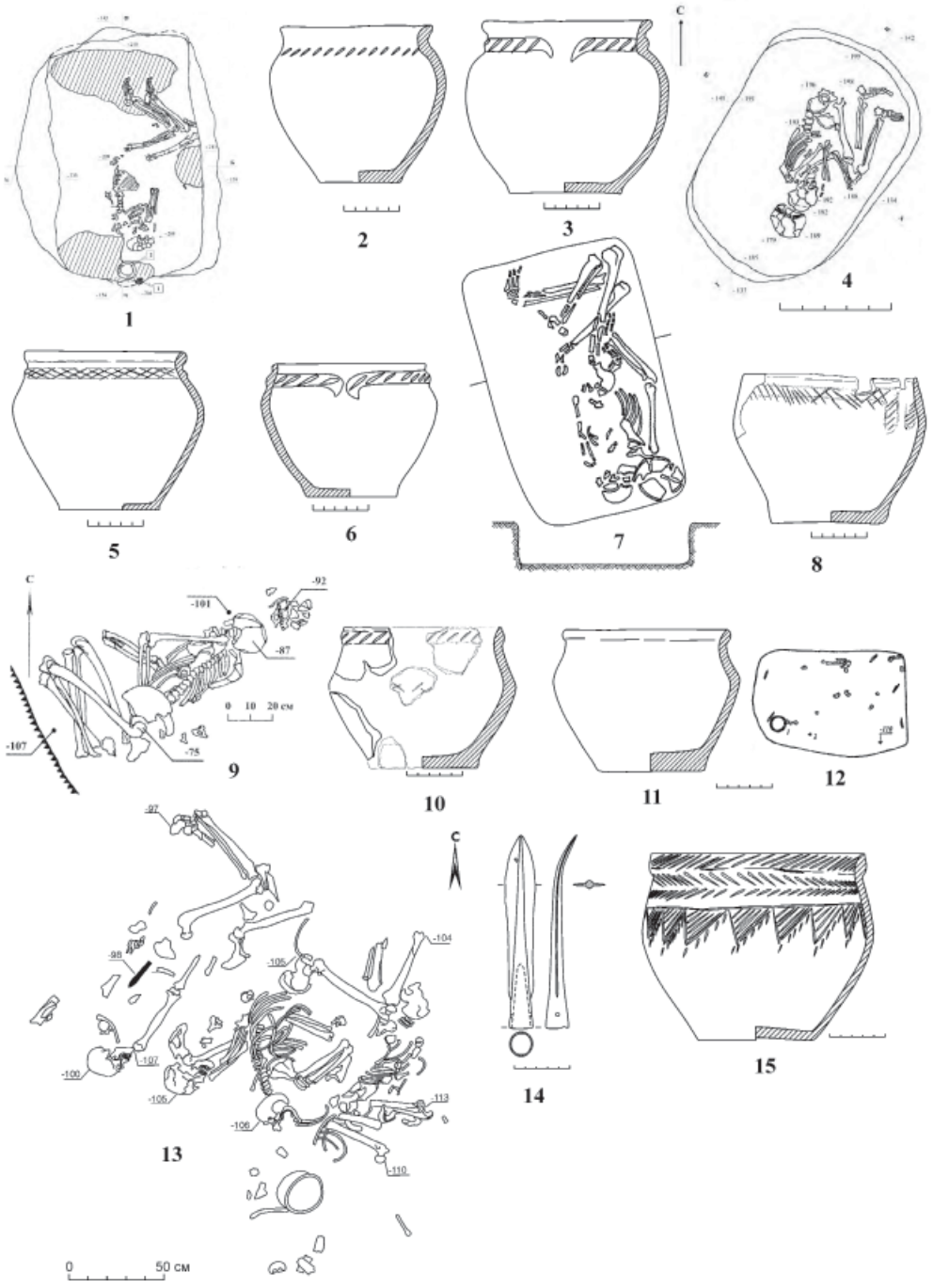


Рис. 5. Погребальные комплексы ивановско-хвалынской культуры

1, 2 – пос. Петровский городок, погр.4; 3, 4 – пос. Петровский городок, погр. 5; 5 – разрушенное погр. близ с. Старо-Привольное; 6 – мог. Быково I, кург. 15, погр. 3; 7–8 – мог. Утевка VI, грунт. погр. 1; 9, 10 – мог. Сабуровский, погр. 3; 11–12 – мог. Недоступов, курган 4, погр. 3; 13–15 – пос. Шигоны III, раскоп VII, погр. 2

бой полуземлянки, углубленные в материк на 0,3–0,6 м. Котлованы имеют прямоугольную форму. Размеры их обычно не превышают 100 кв. м (рис. 4). Конструктивно постройки ивановской культуры продолжают традиции срубного времени. Вместе с тем, на некоторых поселениях выявлены котлованы жилищ, имеющие некоторые особенности в расположении и форме входных тамбуров. На поселениях Русская Селитьба II и Нижняя Орлянка II исследованы котлованы построек, некоторые из которых могут быть соотнесены с комплексами валиковой и воротничковой керамики, обнаруженными на памятниках. Для этих построек характерно расположение сравнительно длинного коридорообразного входа посередине длинной стороны постройки и наличие расширения-тамбура (рис. 4: 5) (Колев, Ластовский, Мамонов, 1995, рис. 2). На поселении Шоссейное на Северском Донце исследованы постройки с близким расположением узкого

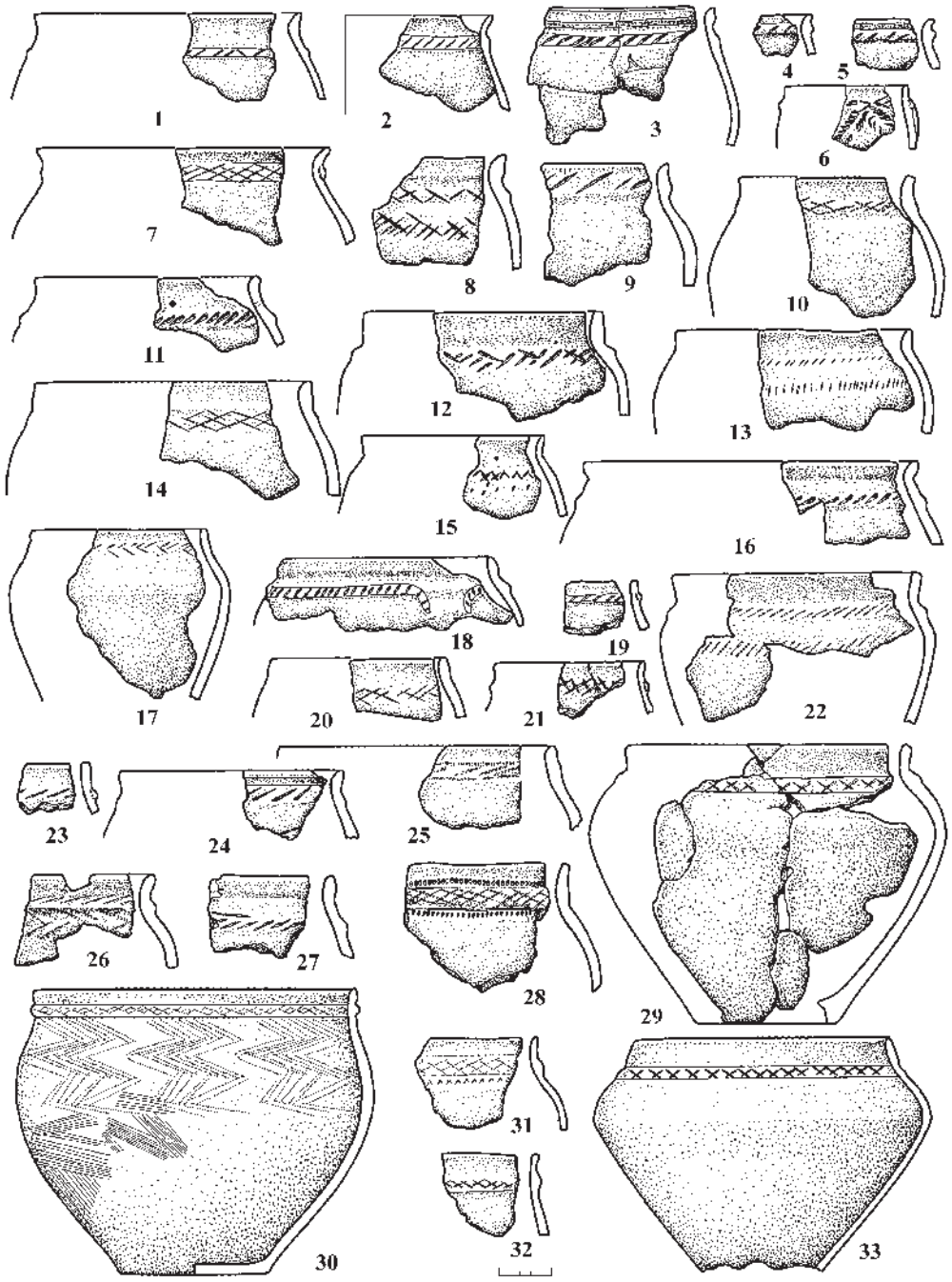


Рис. 6. Керамика ивановско-хвалынской культуры с валиковой орнаментацией
1, 2 – пос. Садовое VI; 3–5, 26–29 – пос. Тоузаковское II; 6, 7, пос. Нижняя Орлянка II; 8, 33 – Алексеевское гор.; 9–21 – Танавское гор.; 22–25 – пос. Григорьевка I; 30–32 – пос. Родниковое

коридорообразного выхода (Смирнов, Сорокин, 1987).

Керамика. Наиболее массовым диагностирующим материалом поселений ивановской культуры является керамика, которая характеризуется отчетливой стандартизацией технологии изготовления и морфологических признаков. Сосуды плоскодонные, изготовлены из глиноподобного сырья с примесью шамота и песка, имеют плавно выделенное сильно профилированное горло с отогнутым венчиком. Орнамент ивановских горшков состоит чаще всего из валиковых налепов, опоясывающих горло сосуда или основание шейки в виде жгута, концы которого иногда свисают вниз (рис. 6). Налепной валик орнаментирован в свою очередь отпечатками штампа в виде косых крестов или сетки, которые придают ему сходство с веревкой или перевитым шнуром. Обычно сосуд орнаментирован одним валиком, иногда в сочетании с утолщенным венчиком-воротничком. Реже встречаются два валика. На многих сосудах венчик выделен посредством утолщения в виде округлого

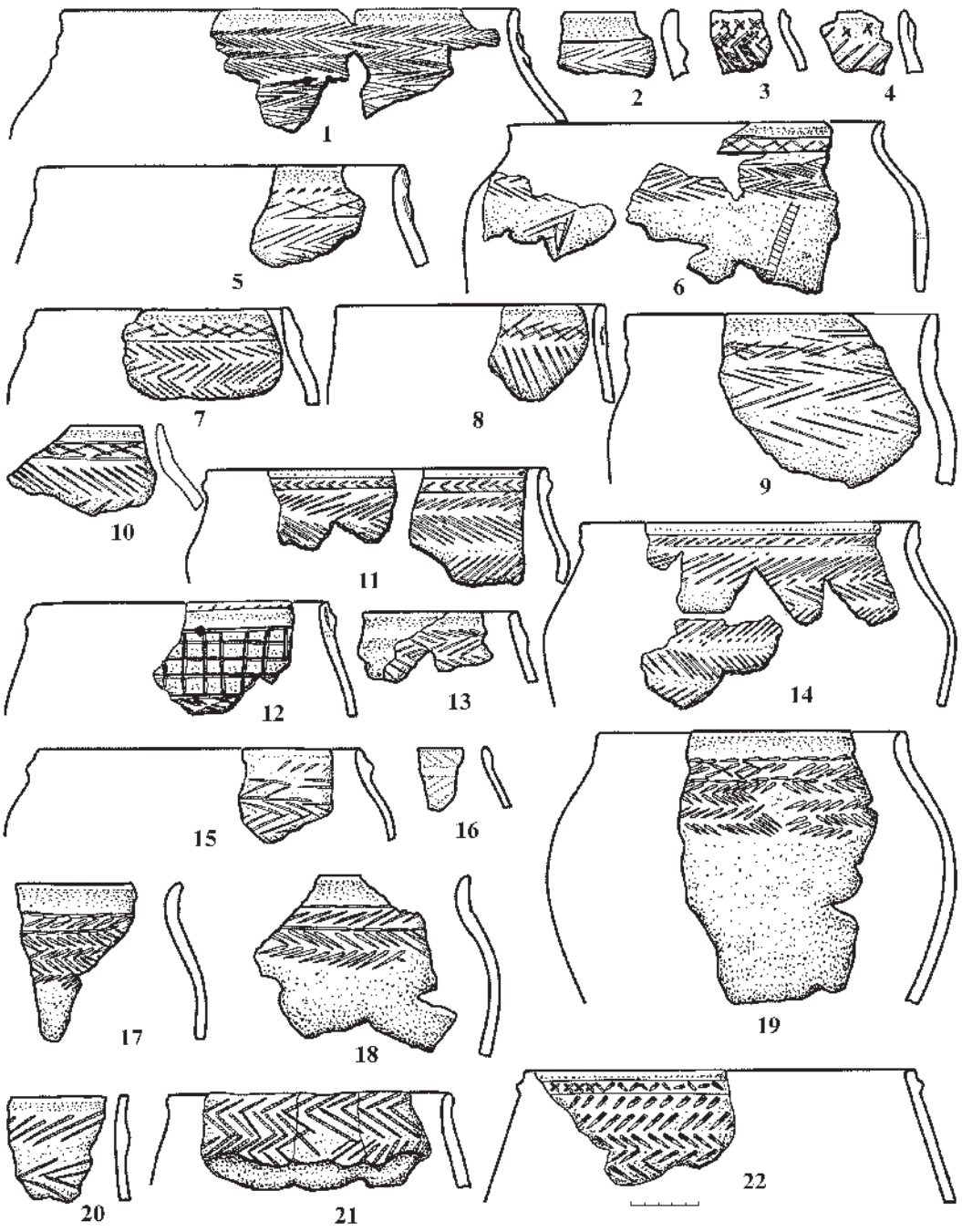


Рис. 7. Керамика ивановско-хвалынской культуры с елочной орнаментацией
1–6 – пос. Нижняя Орлянка II; 7–9 – пос. Екатериновка; 10 – пос. Кузькинское VII; 11–14 – пос.Поплавское; 15–16 – пос. Шигонское II; 17–19 – пос. Найденое Озеро; 20–22 – пос. Родниковое.

или слегка уплощенного в сечении воротничка. Орнаментация валиков косой сеткой, иногда в сочетании с елочным орнаментом, округлые или уплощенные воротнички отличают ивановскую керамику от валиковой керамики западной зоны ОКВК (Горбов, 1995, с. 58, 63–64).

Довольно многочисленную часть ивановской посуды составляют горшки, на которых валиковая орнаментация дополняется геометрическими композициями, выполненными отпечатками гладкого, реже зубчатого штампа. Обычно это треугольники, обращенные вершинами вниз, горизонтальная «елочка», сетка (рис. 7; 9). Встречаются ряды круглых ямочных вдавлений, образующих «жемчужины» с внутренней или внешней стороны сосуда (рис.9: 1–10, 15, 17). Подобные элементы характерны для культур восточной зоны общности культур валиковой керамики (Зданович, 1984, с. 91–96) и для памятников воротничкового типа (атабаевско-кайбельских) лесостепной зоны Поволжья (Колев, 2000, с. 250–251, рис. 20–23).

Валиковая керамика с елочной орнаментацией, встречающаяся на памятниках лесостепного Поволжья, характерна и для алексеевско-саргаринских памятников, тяготеющих к лесостепной полосе, а также для памятников, относимых к межовским, но отличающихся от классической межовской культуры преимущественно елочной орнаментацией в сочетании с орнаментацией валиками или их имитацией (Петрова, 2018, рис. 1).

Комплексы керамики с воротничковым оформлением венчика, характерным для многих памятников ивановско-хвалынской культуры, таких как Танавское городище, в лесостепном Заволжье отличается некоторым своеобразием. Наблюдается увеличение доли воротничков в оформлении сосудов и некоторые другие особенности в оформлении сосудов. Встречаются такие редкие типы рельефной орнаментации как налепные шишечки и горизонтальные желобки, пальцевые вдавления, защипы (рис. 8: 20–22).

Некоторые ивановско-хвалынские комплексы с воротничковой керамикой обнаруживают сходство с памятниками так называемого атабаевско-кайбельского типа, которые сменили андроноидные сусканские памятники в лесостепи (Колев, 2000, с. 250–251). На сосудах этих комплексов орнамент выполнен гладким, реже – зубчатым штампом, отпечатки которого образуют горизонтальные ряды косопоставленных оттисков, решетку, сетку. На некоторых сосудах горизонтальные ряды образованы круглыми ямочными вдавлениями, «жемчужинами». Встречаются и более сложные композиции из зигзагов, треугольников, а также орнаменты, которые восходят к сусканско-андроновским образцам и имеют волго-камские истоки: косозаштрихованные треугольники, обращенные вершиной вниз, горизонтальная «елочка» и некоторые другие. В то же время такие элементы орнамента, как налепной валик на шейке сосуда, сближают воротничковую керамику с собственно ивановско-хвалынскими комплексами юга лесостепи.

В керамических коллекциях ивановских поселений встречается и такая редкая категория сосудов как кубки на поддоне. Своеобразна не только форма кубковидных сосудов, но и их орнаментация, в которой ведущими мотивами являются заштрихованные треугольники, как правило, косоугольные, каннелюры, зигзаги (рис. 2: 11; 3: 14, 15). Технологические и морфологические особенности кубков заставляют рассматривать эту группу керамики как предмет импорта или культурного обмена. На культурные истоки кубковидных сосудов указывает распространение их преимущественно в восточной зоне Евразии, а также значительное число кубков в памятниках андроновского круга – черноозерско-томских (могильник Еловка II), федоровско-алакульских (могильник Тау-Тары), алексеевско-саргаринских (поселение Алексеевка), сусканских памятниках Поволжья (Колев, 2000, с. 245, 246). По мнению некоторых исследователей, традиция изготовления сосудов на высоких поддонах восходит к древнеземледельческим культурам Переднего Востока и получает распространение в степной Евразии благодаря тесным контактам степных культур с населением среднеазиатских земледельческих оазисов (Кузьмина, 1974, с. 21–23). Но именно в андроновской среде кубковидные сосуды приобретают специфические особенности, характеризующие этот тип керамики на обширной территории его распространения вплоть до конца бронзового века.

Вероятно, появление кубковидных сосудов в ивановских памятниках, как и керамики с «жемчужинами», желобками, геометрическими композициями связано с участием лесостепных андроноидных традиций в становления ивановской культуры (Колев, 1991). Но и уже сформировавшаяся ивановская керамическая традиция испытывала некоторое влияние лесостепных культур – атабаевско-межовской в Поволжье, бондарихинской на Дону.

Погребальные памятники. К числу ивановских предположительно могут быть отнесены погребения с керамикой андроновского типа (рис. 2), демонстрирующие проникновение зауральского населения в поволжский регион, которое стало одним из факторов смены культурных традиций в позднем бронзовом веке. По мнению саратовских археологов, эти памятники составляют часть хвалынской культуры на ее ранней фазе, которую они именуют срубно-хвалынской или ивановской (Малов, 2013, с. 106–111, рис. 3). Эта группа памятников представлена грунтовыми захоронениями на поселениях Мартышкино (рис. 2: 12–13) (Лопатин, Малов, 2016, с. 86–87), Смеловка I (Малов, 2013, с. 108–110, рис. 4: 4), в которых встречена андроноидная керамика, и обряд которых характеризуется положением погребенных на правом боку головой на восток и на юг. Такая же керамика встречена в некоторых подкурганных захоронениях. Эти погребения являются, как правило, единственными в насыпи (рис. 2: 14, 15) (Потемкино, к. 11; Лебедевка IV, к. 10, п.1), и их культурная интерпретация осложнена тем обстоятельством, что они были единственными захоронениями под насыпью, к тому же ограбленными (Синицын, 1959, рис. 6: 7; Памятники срубной культуры, 1993, табл. 26: 28–30).

Федоровско-бишкульские захоронения Нижнего Поволжья по обряду и керамике сопоставимы с погребальными памятниками лесостепного

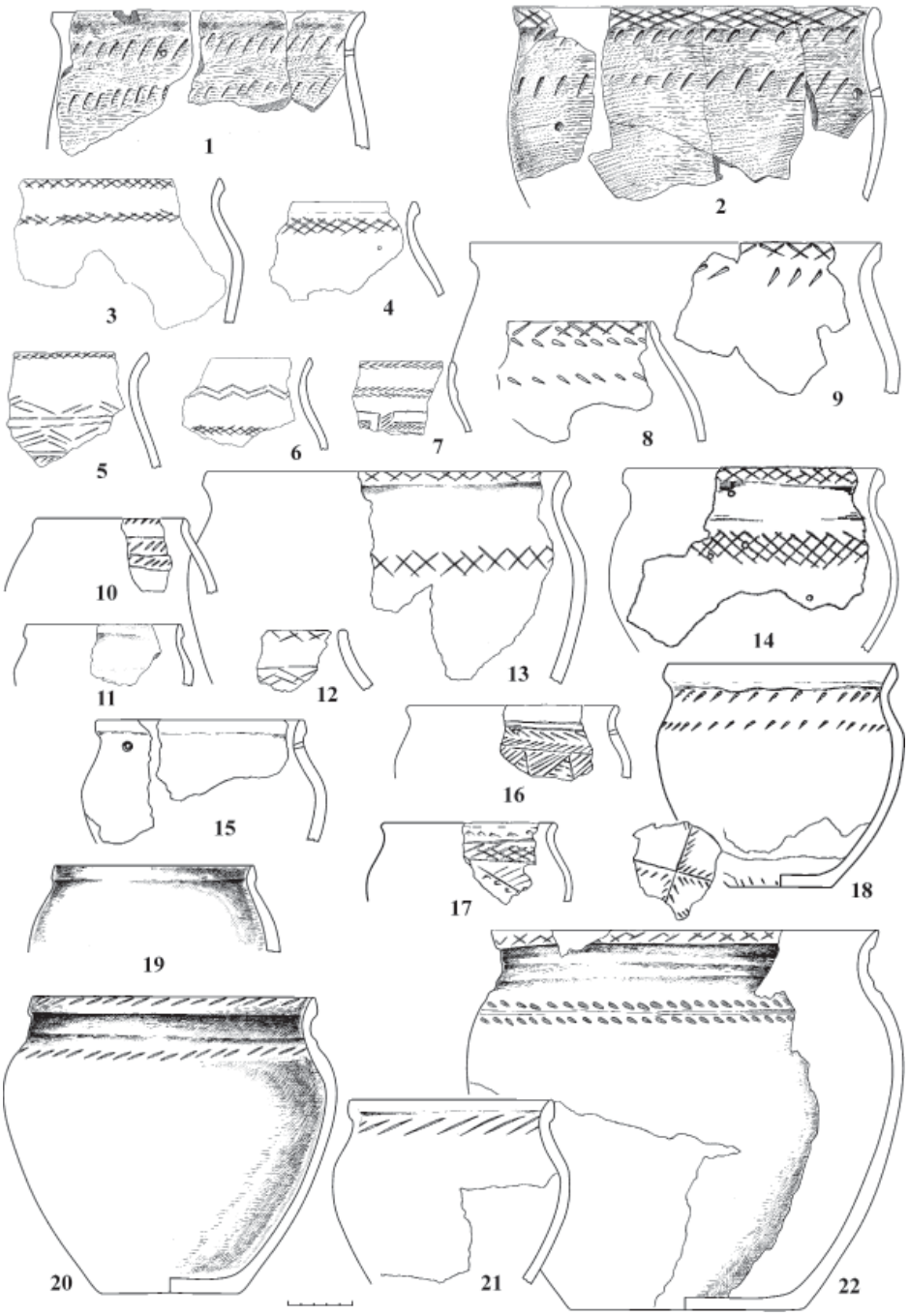


Рис. 8. Керамика ивановско-хвалынской культуры воротничкового типа

1, 2 – Тоузаково II, сел.; 3 – Кузькинское IV, сел.; 4–6 – Кузькинское XVIIб, сел.; 7 – Кузькинское I, сел.; 8 – Кайбелы, сел.; 9, 10, 19–22 – пос. Григорьевка I; 11–18 – пос. Нижняя Орлянка II

Волго-Камья, относимыми к кругу памятников сусканско-луговского типа и для которых также характерны положение погребенных на правом боку головой преимущественно в восточный и юго-восточный сектор (Студенцы, погр.10 на пос. Лебяжинка V, часть погребений могильника Такталачук, Коминтерновский курган № 2) (Колев, 2000, с. 246–247, рис. 13; Казаков, 1979; Чижевский, Губин, Лыганов, 2011).

С миграцией в западном направлении федоровских и федоровско-черкаскульских племен связывают такие могильники Южного Приуралья как IX Покровский кург. мог., к. 3, погр. 12, 13 (рис. 2: 1–8) (Моргунова, Халяпин, 2000, с. 158, рис. 2–4).

На возможную связь федоровско-бишкульских погребальных комплексов с культурами валиковой керамики может указывать курган 4 могильника Недоступов (рис. 2: 9–11), в котором погребение с керамикой андроновского типа и положением умершего на правом боку сопровождалось захоронением с сосудом, близким по форме классическим ивановско-хвалынским с воротничковым

утолщением венчика (Мыськов, Кияшко, Лапшин, 2006, с. 89–91, рис. 10: 11). По мнению авторов раскопок и публикации, погребение 3 с воротничковым сосудом относится к срубным древностям, а погребение с федоровско-черкаскульской керамикой совершено позже и сопровождалось досыпкой кургана. Не исключено, что погребение 3 с захоронением умершего на правом боку и неорнаментированным воротничковым сосудом датируется ивановско-хвалынским временем. Если это так, то можно предположить, что андроновская культурная традиция некоторое время сохранялась в ивановско-хвалынской среде.

Ко второму этапу хвалынской культуры Нижнего Поволжья можно отнести погребальные комплексы с собственно валиковой керамикой (рис. 5). Среди них погребение 3 кургана 15 могильника Быково I, в котором умерший мужчина был захоронен в скорченном положении на левом боку головой на ЮВ (Смирнов, 1960, с. 211, рис. 15: 14), разрушенное погребение близ Нового Привольного, погребения 4 и 5 на поселении Петровский Городок (Тугушев, 2009, с. 95, 96. рис. 8–12), погребения 2 и 3 Сабуровского могильника (Малышев, 2008, с. 18, 19, рис. 3; 4). Для погребенных характерно положение на правом боку, ориентировка головой на Ю, ЮЗ, СВ.

В Среднем Поволжье валиковая керамика встречена в грунтовых погребениях могильника Утевка VI, которые так же, как и нижневолжские захоронения, характеризуются положением погребенных на правом боку, судя по сохранившемуся костяку в одном из захоронений (Колев, Кузнецов, 2001, с. 167, рис. 13: 1–4). К числу погребальных комплексов финального бронзового века может быть отнесены два захоронения на территории Шигонского III поселения (рис. 5: 13–15). Орнаментация воротничкового сосуда склонила авторов к предположению о принадлежности комплекса к числу сусканских или атабаевских памятников (Колев, Седова, 2004, с. 215). Сосуд из погребения действительно отличают некоторые черты, характерные для лесостепной традиции. Однако, вряд ли можно полностью отрывать комплексы с воротничковой керамикой от ивановско-хвалынской культуры. Вероятно, значительная их часть составляет северную периферию культуры валиковой керамики.

Периодизация. В настоящее время сделаны лишь первые шаги по разработке периодизации ивановско-хвалынской культуры. Работа в этом направлении осложнена многослойностью памятников, на которых встречены ивановские комплексы, и невозможностью в большинстве случаев четко разделить разновременные комплексы. Существенным основанием для выяснения хронологии ивановской культуры является динамика развития металлопроизводства в позднем бронзовом веке, в том числе в эпоху валиковых культур. Но и здесь существует проблема, связанная с атрибуцией металлических изделий, которые, как правило, происходят из кладов или найдены вне комплексов (случайные находки).

Н.М. Малов выделяет ранний этап хвалынской культуры, который относит к срубно-хвалынской стадии позднего бронзового века Поволжья ПБВ3. По его мнению, особенность этого этапа – сосуществование хвалынских памятников с памятниками срубной культуры (Малов, 2012а, с. 97–98; Малов, 2012б, с. 156). Материалы срубной культуры встречены практически на всех поселениях с валиковой керамикой, и в большинстве случаев разделить их стратиграфически трудно. Есть сведения о стратиграфии на поселении Сады (Сергеева, 2007, с. 119), достаточно отчетливо разделение керамических материалов на поселении Мартышкино (Лопатин, Малов, 2016). На Алексеевском городище по крайней мере на некоторых участках памятника фиксируется слой с хвалынской керамикой, не содержащий керамики срубного времени (Юдин, 2001, с. 27). Но, как правило, на ивановских памятниках срубная посуда залегает совместно с хвалынской, что и дает повод относить ее к так называемой срубно-хвалынской стадии. Насколько справедливо это предположение, трудно судить по опубликованным материалам, но отсутствие в срубной керамике каких-то определенных признаков, указывающих на ее поздний возраст, оставляет открытым вопрос о ее соотношении с хвалынским комплексом.

Важным индикатором раннего срубно-хвалынского этапа является, по мнению саратовских археологов, керамика с андроновскими, федоровско-бишкульскими чертами. Материалы поселений Ново-Покровка I (рис. 3: 1) и Смеловка I (рис. 3: 2–5), федоровско-бишкульские комплексы поселения Мартышкино (рис. 3: 6–11) не только составляют более ранний пласт относительно собственно ивановско-хвалынских, но и отличаются значительным культурным своеобразием, связанным с заметным андроновским компонентом. Отмечается, что в керамике этих памятников очень мало валиковых сосудов, а керамика так называемого новопокровского типа, имеющая отчетливые восточные аналогии, определяет возраст памятников и позволяет датировать их федоровско-бишкульским временем (Малов, 1987, с. 60). Не случайно возникло предположение о существовании особого культурного типа памятников – смеловского, составляющего единый горизонт с федоровскими и черкаскульскими памятниками Южного Урала и Приуралья и сусканской культурой

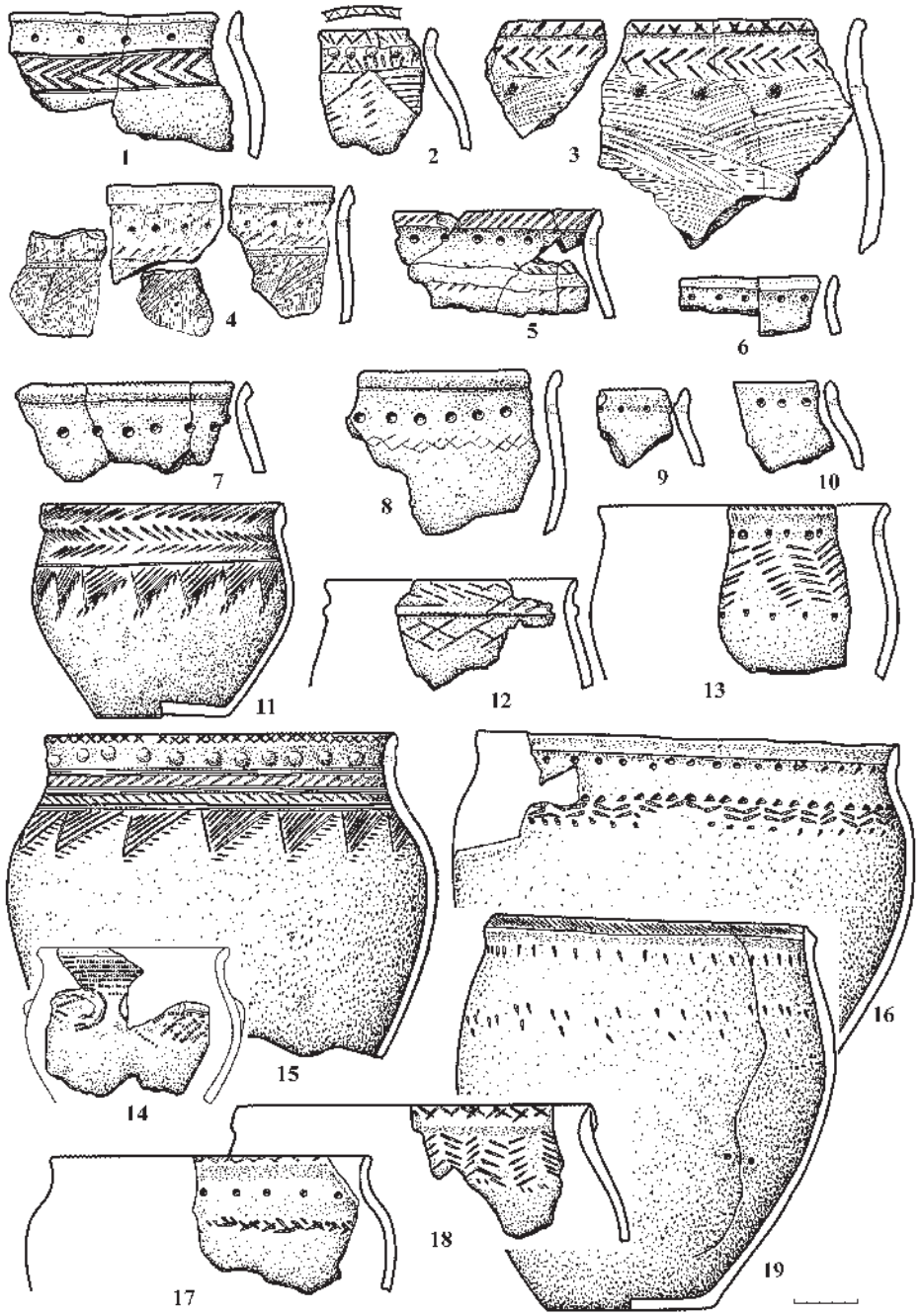


Рис. 9. Керамика ивановско-хвалынской культуры воротничкового типа
1–4, 8 – пос. Елховка II; 5–7, 9, 10 – пос. Тоузаково II; 11 – пос. Шигоны III, раскоп VII, погр. 2; 12–13, 16, 19 – пос. Нижняя Орлянка II; 14–15 – пос. Русская Селитьба II; 17–18 – пос. Кайбелы

Среднего Поволжья (Дергачев, Бочкарев, 2002, рис. 1). Включение памятников смеловского типа в число хвалынских, по-видимому, еще нуждается в дополнительной аргументации, но очевиден тот факт, что в Поволжье, как и во всей восточной зоне распространения культур валиковой керамики, валиковым комплексам предшествует андроноидный пласт памятников, ставший, возможно, одним из факторов культурной интеграции населения лесостепного Волго-Уралья на заключительной стадии эпохи бронзы.

Возможно, контакты с андроноидным культурным миром лесостепного Волго-Камья сохранялись и позже, уже на стадии сложившейся хвалынской культуры валиковой керамики. В какой-то мере это подтверждается комплексами валиковой керамики с елочной орнаментацией (рис. 7), которым сопутствуют сусканские комплексы (поселения Нижняя Орлянка II, Екатериновка, Поплавское, Шигоны II). Елочная орнаментация валиковых сосудов встречена на II Кузьминковском поселении в Оренбуржье, в комплексе, ко-

торый авторы относят ко времени сложения ивановских древностей и который содержит, помимо валиковой посуды, керамику федоровско-бишкульского типа (Моргунова, Халяпин, Халяпина, 2001, с. 208).

Существенное значение для разработки периодизации культур валиковой керамики имеют исследования развития металлообработки позднего бронзового века. Е.Н. Черных, разделяя постсейминский горизонт (горизонт КВК) на две фазы, раннюю (фазу сложения) и позднюю, замечает, что в восточной зоне это разделение прослеживается с трудом, и предположительно отнес к ранней фазе распространение металла лобойковского и ингуло-красномаяцкого типов. Во второй фазе, по его мнению, этого металла нет (Черных, 1983, с. 95).

В.С. Бочкарев лобойковско-дербеденевскую металлообработку связывает с андроноидными культурами сусканско-черкаскульского типа в Волго-Камье и черкаскульско-федоровскими и отчасти саргаринско-алексеевскими к востоку от Урала (Бочкарев, 2016, с. 120). На западе лобойковский металл сопутствует бережновско-маевской срубной культуре, а также ранним сабатиновским памятникам и раннему этапу Ноуа. Красномаяцкие типы изделий он связывает с позднесабатиновским горизонтом и поздним Ноуа. В Волго-Уралье, согласно концепции В.С. Бочкарева, красномаяцкие типы орудий составляют единый хронологический пласт с кельтами-теслами, кинжалами и косарями сосновомазинских типов (Бочкарев, 2016, с. 122).

Таким образом, бронзовые орудия, связываемые с ивановско-хвалынской эпохой, также могут указывать на две стадии в истории хвалынской культуры. Первая – становление культуры с участием андроноидного населения, сопровождавшееся внедрением новых металлообрабатывающих традиций и распространением орудий лобойковско-дербеденевского типа, вторая – время собственно ивановско-хвалынской культуры, валиковой керамики и орудий красномаяцкого и сосновомазинского типа.

Хронологические рамки первого этапа могут быть подтверждены радиоуглеродной датой, полученной по образцу древесного угля с поселения Новая Покровка I (Малов, 2012а, с. 98), а также датами, установленными для сусканских памятников (Колев, 2000, с. 250).

Определить верхнюю дату существования ивановской культуры еще более сложно, так как она не находит продолжения в древностях конца эпохи бронзы. Можно лишь предположить время бытования ивановской культуры XV/XIV– XIII/XII вв. до н. э., хотя предлагаются и более поздние даты – XII–XI вв. до н. э. (Лопатин, Малов, 2016, с. 97) или даже XI–X вв. до н. э. (Малов, 1987, с. 60).

Металл. Комплексов ивановско-хвалынской культуры, содержащих металлические изделия, очень немного. Видимо, справедливо высказанное мнение о кризисных явлениях в металлопроизводстве этого времени в Волго-Уралье (Бочкарев, 2016).

На поселениях, которыми преимущественно представлена ивановская культура, находки металлических вещей крайне редки, а те, что есть, как правило относятся к малоинформативным категориям изделий (шилья, обломки ножей). Среди случайных находок металлических изделий и немногочисленных кладов ивановский комплекс вычленяется благодаря сравнительно хорошо разработанной хронологии металлопроизводства позднего бронзового века юга Восточной Европы и степной-лесостепной территории к востоку от Урала (Черных, 1970; 1976; Бочкарев, 2010; 2016).

Е.Н. Черных, характеризуя общность культур валиковой керамики, определил общие для валиковых культур типы бронзовых орудий. К их числу он отнес кинжалы с прорезной рукоятью, характерные для восточной зоны, ножи-кинжалы с кольцевым упором-утолщением в основании черенка, широкие серпы-косари, слабо изогнутые серпы дербеденевского или кабаковского типа, втульчатые желобчатые долота, ножи-бритвы с фигурным лезвием (Черных, 1983, с. 92–93). К числу ведущих типов категорий бронзовых орудий относятся также топоры-кельты, наконечники копий с прорезными крыльями. Металлопроизводство осуществлялось в пределах нескольких родственных очагов металлообработки, связь которых с той или иной культурой можно в основном предполагать.

Металлические орудия, которые связывают с ивановской (хвалынской) культурой, отражают основные черты III периода позднего бронзового века и особенно его второго подпериода, когда широкое распространение получает использование оловянных бронз, литье орудий со слепой втулкой, каменные литейные формы (Бочкарев, 2013, с. 73–74).

В Доно-Волжском регионе и Волго-Камье к числу немногих комплексов бронзовых предметов, предположительно связанных с ивановско-хвалынской культурой, относятся клады Перелюбский, Сосновая Маза, Терешковский, Овсянки. Бронзовые изделия встречены в погребальных комплексах, которые предположительно могут быть связаны с ивановско-хвалынскими древностями, а также на некоторых поселениях вместе с керамикой валикового типа.

Типологически различаются комплексы лобой-

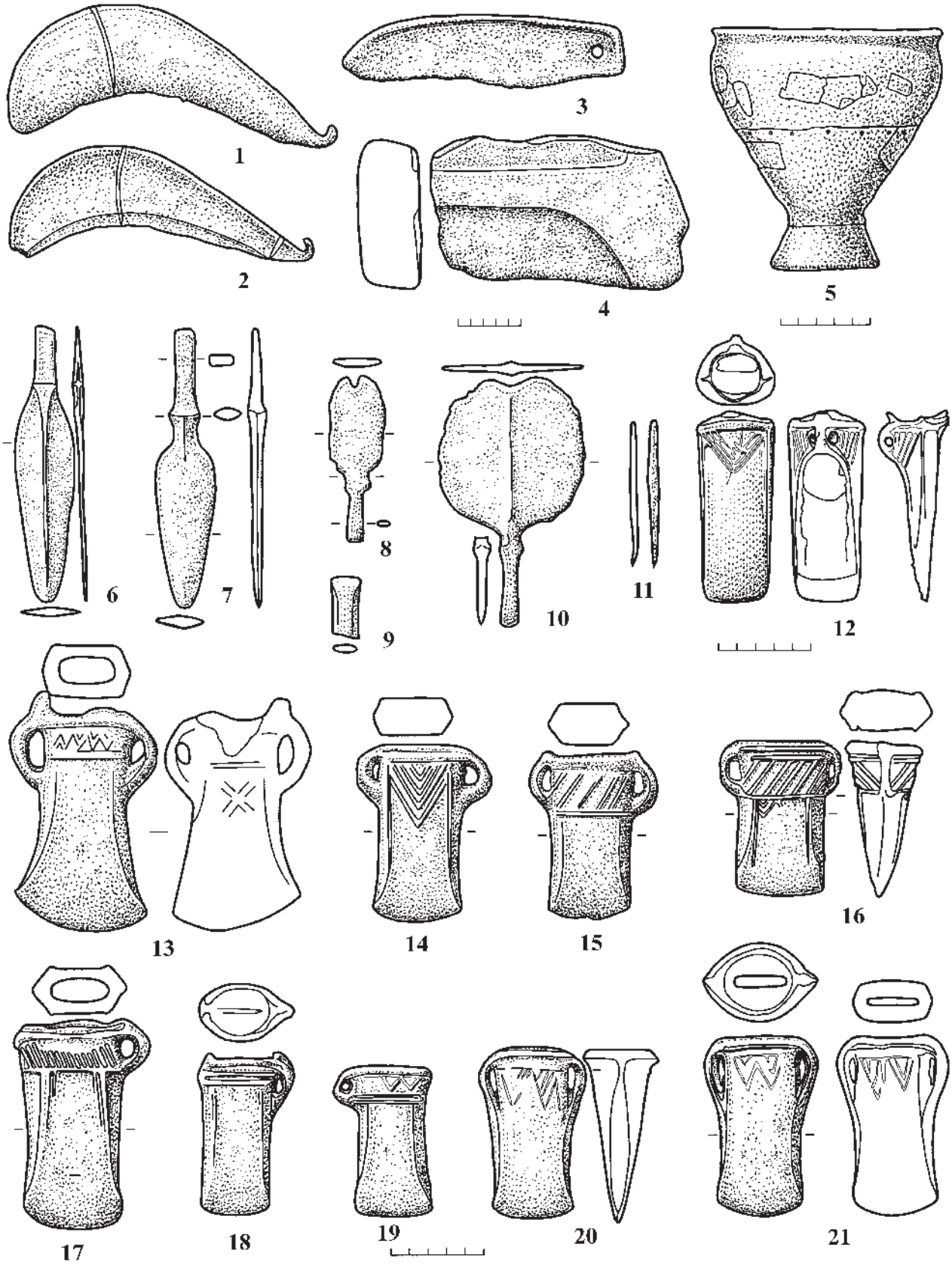


Рис. 10. Металлические изделия позднего бронзового века с территории ивановско-хвалынской культуры

1 – клад Перелюбский; 2 – клад Овсянки; 3 – клад Сосновая Маза; 4 – пос. Кипичные Сараи; 5, 7, 8 – погр.16 могильника у с. Комсомольский; 6 – разрушенное погр. мог. Екатериновка; 9 – пос. Григорьевка I; 10 – клад Терешковский; 11 – пос. Елховка II; 12 – пос. Поплавское; 13 – Хопров гор.; 14, 15 – клад Терешковский; 16 – Борма; 17 – Оренбургская губ.; 18 – Николаевск; 19 – Уральск; 20 – Старая Жуковка; 21 – Кутулук

ковско-дербеденевского и красномаяцко-сосновомазинского типа. В Волго-Уралье металл лобойковско-дербеденевского типа, представленный в том числе кладами Дербеденевский, Перелюбский, Терешковский, связан, по мнению В.С.Бочкарева, с культурами сусканско-черкаскульского типа, а к востоку от Урала он сопутствует черкаскульско-федоровским и лишь отчасти саргаринско-алексеевским памятникам (Бочкарев, 2012, с. 203–205; Бочкарев, 2016, с. 120). Вместе с металлом из поднепровских комплексов типа Лобойково и Головурово дербеденевские комплексы составляет так называемую лобойковско-дербеденевскую зону металлообработки, что позволяет синхронизировать культуры Южного Урала и Поволжья (черкаскульскую и сусканско-луговскую) с культурами левобережья Украины и Поднепровья (позднесрубной бережновско-маевской, сабатиновской I, ноуа I). В схеме развития металлообработки, предложенной В.С. Бочкаревым, лобойковско-дербеденевский металл составляет содержание IV хронологического комплекса позднего бронзового века (Бочкарев, 2016, с. 119–120).

Орудия IV этапа, по В.С. Бочкареву, представлены ножами-кинжалами с кольцевидным упором (рис. 10: 6, 7, 9; 11: 18), ножами-бритвами (рис. 10: 8, 10), одноушковыми и двуушковыми кельтами с трапециевидной фаской и орнаментальным пояском дербеденевского типа (рис. 10: 13–19). Наибольшее распространение этих типов орудий приходится на эпоху сусканско-луговской и раннехвалынской культур, хотя некоторые из них получают развитие в орудиях V группы по классификации В.С. Бочкарева, в частности, кельты с кардашинской фаской и лавролистной формой боковых граней с двумя ушками (рис. 10: 20, 21), наконечники копий с литой короткой втулкой (рис. 11: 2–4), получают распространение асимметричные долота с литой втулкой и желобчатым лезвием (рис. 11: 8), кельты-тесла с асимметричным профилем и лобным ушком (рис. 11: 9–14).

Вероятно, в Нижнем Поволжье к этому времени можно отнести материалы поселений, в которых, как и в сусканских памятниках, отчетливо виден андроноидный федоровско-черкаскульский компонент. Если согласиться с интерпретацией андроновских комплексов поселений Ново-Покровское I, Смеловское I, Мартышкино и некоторых других памятников как раннехвалынских, то к раннему этапу ивановско-хвалынской культуры можно отнести металлические изделия, сопоставимые с образцами бронзовых орудий лобойковско-дербеденевского круга. К раннему периоду ХКВК Малов относит Перелюбский клад серпов (рис. 10: 1) (Малов, 2013, с. 105). К числу серпов перелюбского типа относят также некоторые серпы из клада Овсянка (рис. 10: 2) (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 102). Яркий комплекс лобойковского типа представлен в погребении 16 могильника у с. Комсомольское в Астраханской области (рис. 10: 5, 7, 8). Кроме кинжала и ножа-бритвы, в комплексе присутствует бронзовый котел, который, как и весь комплекс, сопоставляется с культурно-хронологическим пластом культур III (IV, по уточненной схеме) периода эпохи поздней бронзы (Бочкарев, 2010, с. 202).

К малоинформативным категориям бронзовых изделий можно отнести шилья, получившие широкое распространение у населения позднего бронзового века Евразии. Но, возможно, именно для финального бронзового века характерны шилья с плоским прямоугольным сечением, типа найденного на поселении Елховка II (рис. 10: 11). Шилья подобной формы встречаются как с материалами сусканской культуры (Колев, 2000, рис. 15: 8, 9), так и в собственно валиковых комплексах, например, в алексеевско-саргаринских памятниках (Ситников, 2015, рис. 39: 3; 84: 12; 85: 3).

Использование ивановским населением продукции дербеденевского очага может подтверждать находка кельта-тесла с лобным ушком и пещеркой на поселении Поплавское на р. Б.Кинель (рис. 10: 12). Орудие, найденное в комплексе с ивановской керамикой, является практически точной копией кельта-тесла из Дербеденевского клада (Кузьминых, 1981, рис. 8: 3). Ивановская керамика с поселения Поплавское отличается значительным своеобразием, а именно елочной орнаментацией валиковых сосудов, и, кроме того, сопровождается керамикой сусканской культуры (Колев, 2000, рис. 12). Вероятно, валиковый комплекс поселения может относиться ко времени становления ивановской традиции или демонстрировать взаимодействие степной валиковой культуры и лесостепной сусканской, что также может свидетельствовать об относительно раннем возрасте комплекса среди ивановских памятников. К числу таких синкретических комплексов можно отнести валиковую керамику поселений Екатериновка, Найденое Озеро, Шигонское II и некоторых других памятников (рис. 7).

Классической ивановско-хвалынской культуре на ее втором, валиковом, этапе соответствуют бронзовые орудия Сосновомазинского клада и близкие им орудия красномаяцкого типа, которые представляют более поздний V период, по схеме В.С. Бочкарева (Бочкарев, 2016, с. 122).

Вероятная принадлежность клада из Сосновой Мазы к ивановско-хвалынским древностям определяется несомненным сходством ивановско-хвалынской культуры с культурами восточного блока ОКВК и набором орудий, типичным для этих куль-

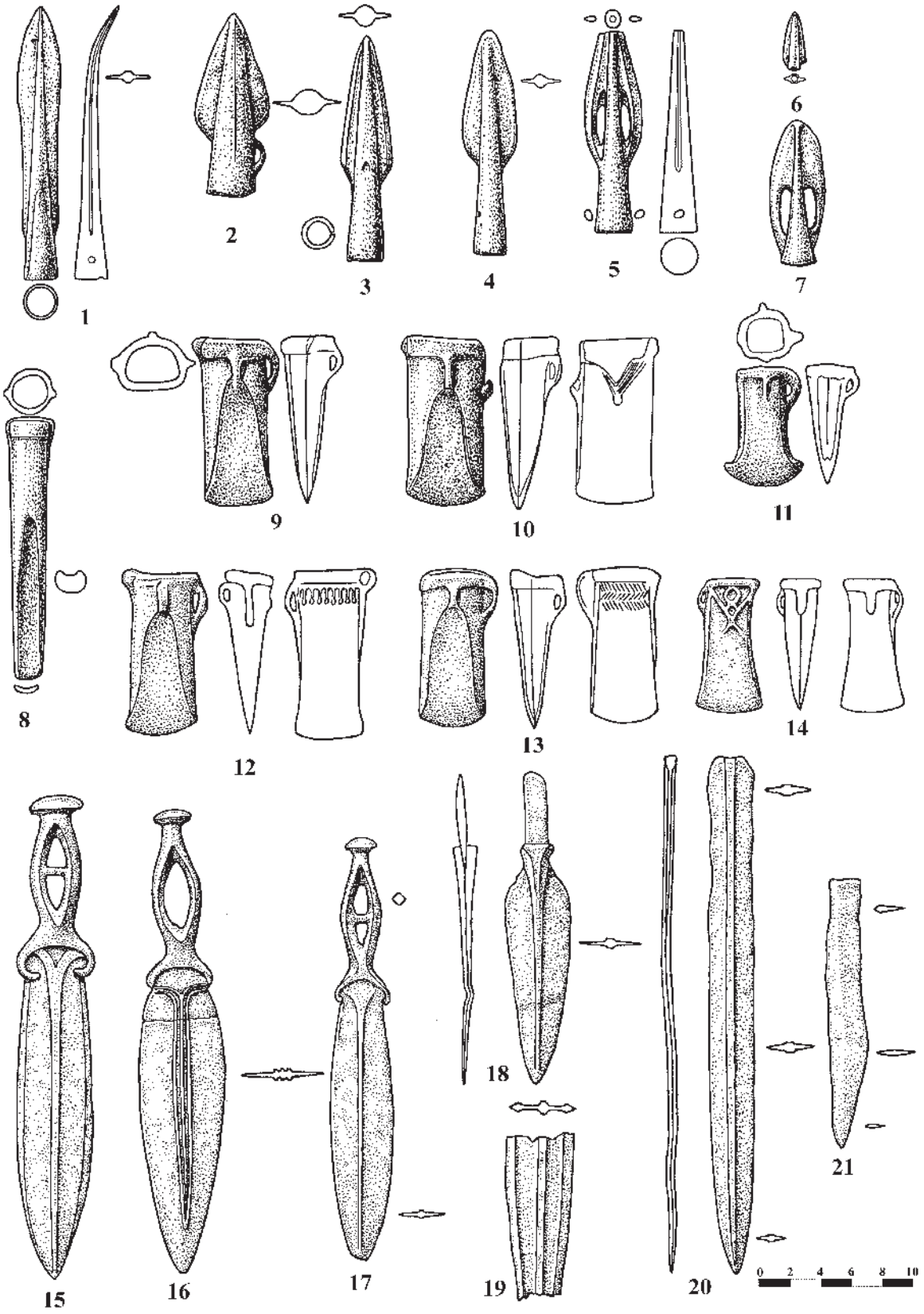


Рис. 11. Металлические изделия позднего бронзового века с территории ивановско-хвалынской культуры

1 – пос. Шигонское III, раскоп VII, погр. 2; 2 – Красный Яр; 3 – Самара; 4 – Пугачев; 5 – Петровское; 6 – Кузьминковское II, сел.; 7 – хутор Гуров (Волгоградская обл.); 8–10, 12, 13, 15 – клад Сосновая Маза; 11 – Саратовская обл.; 14 – Звонаревка; 16 – Уфимская губ.; 17 – Мазунино; 18 – Саратовская обл., Калининский район; 19 – пос. Осиновые Ямы; 20–21 – пос. Родниковое

тур. К числу таких орудий относятся представленные в кладе серпы-косари (рис. 10: 3), кинжалы с литой прорезной рукоятью (рис. 11: 15), желобчатое долото (рис. 11: 8). Помимо них, в кладе найдены асимметричные кельты-тесла с разными фасками и необычным сочетанием лобного ушка с одним или двумя боковыми (рис. 11: 9, 10, 12, 13). Хотя косари, кинжалы с прорезной рукоятью, желобчатые долота сосновомазинского типа не встречены пока ни в одном ивановском комплексе, и сами изделия, и негативы для их отливки хорошо представлены в урало-казахстанских валиковых комплексах (Дегтярева и др., 2019, рис. 3: 1–9; Агапов, Дегтярева, Кузьминых, 2912, рис. 2: 10, 12–16).

Если в Поднепровье, с которым связывают металл, из которого отлиты орудия клада, встречен только один подобный кинжал в бывшем Каневском уезде (Черных, 1976, с. 123; Куштан, 2013, рис. 98: 37), то в восточной зоне ОКВК встречены как кинжалы, так и формы для их отливки. В Волго-Камье и Приуралье кинжалы сосновомазинского типа встречаются среди случайных находок – Грахово, Уфимская губерния (рис. 11: 16), Мазунино (рис. 11: 17). Обломок лезвия кинжала с разрушенного поселения Осиновые Ямы (рис. 11: 19) найден совместно с керамикой, включающей ивановские валиковые и воротничковые сосуды, а также андроноидную керамику сусканской культуры. Лезвие кинжала с поселения Родниковое (рис. 11: 20), которые авторы раскопок сопоставляют с кинжалом из Осиновых Ям (Купцова, Файзуллин, 2012, с. 96), имеет иную форму, его лезвия параллельны, и датировать этот кинжал, как и однолезвийный горбатый нож с этого памятника (рис. 11: 21) временем хвалынско-ивановской культуры можно лишь предположительно. Кинжалы с прорезной рукоятью находят аналогии в саргаринских памятниках, форма для отливки кинжала найдена на поселении Петровка II. В Поднепровье лишь в какой-то мере сопоставимы с сосновомазинскими красномаяцкие кинжалы V группы (по: Бочкарев, 2016, №75).

Косари или серпы сосновомазинского типа являются характернейшей категорией орудий восточной зоны ОКВК, хотя их количество невелико, по сравнению с европейской зоной, где серпы составляют более половины учтенных предметов, относящихся к категории «орудия и оружие» (Агапов, Дегтярева, Кузьминых, 2012, с. 49).

В подробном исследовании В.А.Дергачева и В.С. Бочкарева, кроме косарей из Сосновомазинского клада учтено несколько изделий этого типа с поселений, содержащих материалы саргаринской культуры (поселения Алексеевское, Язево, Новоникольское I, Синташта II, Петровка II) и материалы межовского типа (поселение Старо-Кумлянское). За исключением Сосновомазинского комплекса, все эти памятники находятся к востоку от Урала. Косари из Шамшинского клада в Киргизии и поселении Мало-Красноярка в Восточном Казахстане и некоторые другие находки еще более подчеркивают картину распространения сосновомазинских серпов преимущественно к востоку от Урала в восточной зоне ОКВК (Кожомбердиев, Кузьмина, 1980, с. 145, рис. 1: 17–19; Черников, 1960, табл. XXXVI: 19). Причем основной массив находок связан с территорией ивановской и алексеевско-саргаринской культур восточной зоны ОКВК (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 47–56; Дегтярева и др. 2019, с. 34) В Поднепровье известны лишь редкие находки подобных серпов (Никополь I, случайная находка из Полтавщины), некоторые из них отличаются к тому же от сосновомазинских отсутствием отверстия для крепления (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 55–56, табл.12: 189; 13: 193; Куштан, 2013, рис. 100: 9). Вероятно, серпы сосновомазинского типа отливались в форме, обломок которой найден на поселении Кирпичные Сараи вместе с ивановской керамикой воротничкового типа. Хотя имеющиеся фрагменты формы и не позволяют утверждать это со всей категоричностью, можно предполагать, что в форме отливались крупные орудия с широким лезвием. В какой-то мере эта находка подтверждает точку зрения, согласно которой в Сосновомазинском кладе представлены орудия волго-уральского происхождения (Колев, 2008, с. 216; Бочкарев, 2016, с. 122). Основные разновидности сосновомазинских серпов, как и собственно Сосновомазинский клад, относят к V периоду позднего бронзового века по уточненной периодизации (Бочкарев, 2016).

В Волго-Камье серпы, типологически близкие сосновомазинским, известны в коллекции Чистопольского музея. По мнению С.В. Кузьминыха, эти серпы занимают срединное положение между западными образцами и восточными орудиями из памятников андроновского и карасукского круга (Кузьминых, 1981, с. 61–62). Сосновомазинским кельтам-теслам с лобным ушком близки волго-камские кельты из Деушево, Казани (Халиков, 1980, табл. 45: 1, 2), изделия из Саратовской области (рис. 11: 11, 14). Кельты с лобным ушком есть в разрушенном погр. Лебединского VII селища в комплексе с кельтом двуушковым с кардашинской фаской и ножом-бритвой без кольцевого упора, не имеющим точных аналогий (Халиков, 1980, табл. 43: 10; 49: 4; 52: 8).

Довольно многочисленную группу орудий, предположительно датирующуюся ивановско-хвалынской эпохой, составляют двуушковые

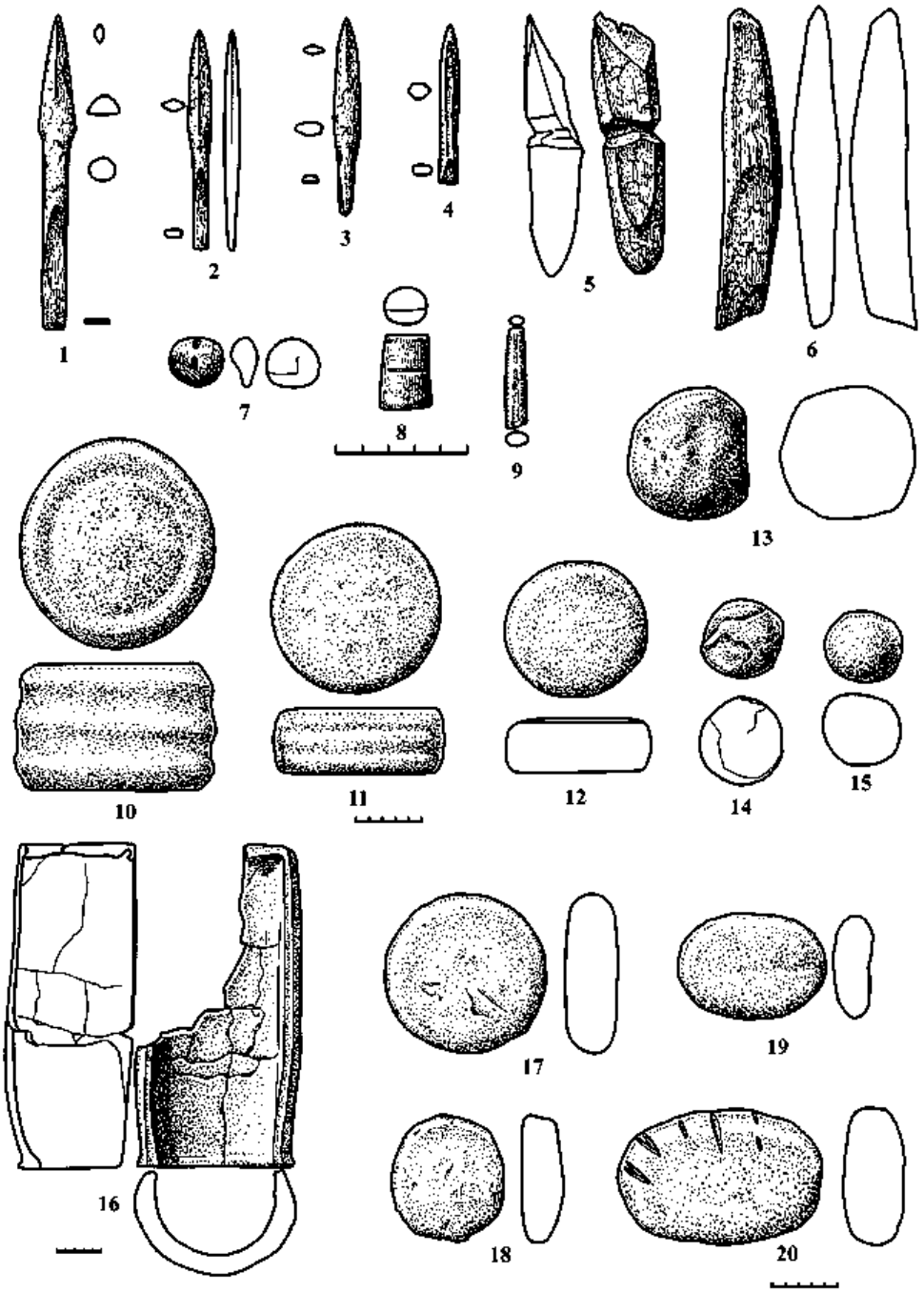


Рис. 12. Изделия из кости (1–9), глины (10–14), камня (15–19) с памятников ивановско-хвалынской культуры
1 – пос. Смеловка I; 2 – пос. Мартышкино; 3–5, 9, 16–20 – пос. Григорьевка I; 6–8, 13–15 – пос. Нижняя Орлянка II; 10 – пос. Кизильское; 11 – пос. Елховка II; 12 – мог. Комсомольский, погр. 16

кельты с кардашинской фаской так называемого киммерийского типа, но основная территория их распространения тяготеет к лесостепному Волго-Камью, где их связывают с памятниками атабаевского этапа маклашеевской культуры (Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2019). К ивановско-хвалынским могут быть отнесены подобные кельты из сс. Стригай-Жуковка и Кутулук (рис. 10: 20, 21).

С ранним этапом ивановско-хвалынской культуры связаны наконечники копий с литой укороченной втулкой с ушком так называемого головуровского типа (рис. 11: 2), наконечники с литой втулкой с отверстыми для крепления (рис. 11, 3, 4) и, возможно, двулопастные наконечники стрел (рис. 11: 6). Наконечники копий с прорезными крыльями пера, получившие распространение в лобойковско-головуровской металлообработке, продолжают, видимо, использоваться и в собственно валиковое время, приобретая несколько иные пропорции (рис. 11: 5, 7).

Более определенна культурно-хронологическая позиция наконечника копья близкого дремайлов-

скому типу из погребения 2 на Шигонском III поселении (рис. 11: 1). Погребение сопровождалось воротничковым сосудом (рис. 5: 13–15). В хронологической схеме В.С. Бочкарева подобные копья сопряжены с изделиями V группы (Бочкарев, 2016, с. 121–122, рис. 10), что позволяет синхронизировать с валиковыми комплексами и другие орудия этой группы, встреченные в Волго-Камье, в частности кельты с кардашинской фаской, желобчатые долота.

Хозяйство и промысловая деятельность. Немногие данные остеологического анализа, которые получены на материалах многослойных поселений и носят статистический характер, позволяют реконструировать лишь некоторые основные параметры хозяйственной деятельности обитателей ивановских поселений. Так, по данным П.А. Косинцева, основным занятием племен позднего бронзового века на протяжении всего периода функционирования многослойных поселений типа Лебяжинка V было разведение крупного рогатого скота, в меньшей степени мелкого рогатого скота и лошади, в небольшом количестве – свиньи. Можно говорить о некотором снижении роли мясного направления в скотоводстве в слоях финального бронзового века, увеличении значения мелкого рогатого скота как источника шерсти, некотором увеличении доли лошади в стаде (Косинцев, 2003, с. 129–136). О сохраняющемся высоком удельном весе крупного рогатого скота в стаде ивановско-хвалынских племен могут свидетельствовать результаты исследования остеологических коллекций с памятников родственной алексеевско-саргаринской культуры, в которых также доминируют кости КРС при сравнительно небольшом количестве костей мелкого рогатого скота, прежде всего овцы, и при немного увеличивающемся значении лошади (Ситников, 2015, с. 87–88).

Некоторое представление о хозяйственной деятельности и промыслах ивановско-хвалынского населения дают каменные, костяные и глиняные изделия, встреченные на поселениях с валиковой и воротничковой керамикой.

Предположительно с ивановско-хвалынским комплексом может быть связана каменная наковальня в форме диска с поселения Елховка II (рис. 12: 11). Хотя подобные диски встречаются и на поселениях срубной культуры, связь елховской находки с комплексом валикового времени вполне вероятна. В отличие от каменных дисков срубной культуры, которые чаще всего являлись терочниками, каменный диск из Елховки служил наковальней для обработки бронзовых орудий. Способ обработки диска, желобчатая боковая поверхность сближает его с каменным диском с поселения Кизильское на Урале (рис. 12: 10), в материалах которого значительное место занимает валиковая керамика. Диск из камня встречен в могильнике Комсомольский в погребении 16 (рис. 12: 12), которое тоже может датироваться финальным бронзовым веком, хотя его культурная атрибуция и не совсем ясна.

К довольно редким поделкам из камня относятся каменные сфероиды, которые могут быть пращевыми камнями (рис. 12: 13–15).

Керамическое производство не ограничивалось кухонной и столовой посудой. Из глины изготавливали и несколько необычные изделия в виде корыт (рис. 12: 16). Два таких корыта были найдены на поселении Григорьевка I. На этом же поселении в слое с валиково-воротничковой керамикой найдены и глиняные лепешки. Очень близкие изделия встречены на поселении Нижняя Орлянка II, а также на ивановском поселении Журавка I (Сурков, 2016, рис. 2: 6–8). К востоку от Урала лепешка сходной формы и размеров встречена на поселении Ново-Шадрино II в слое с керамикой позднего бронзового века, близкой межовской, хотя и отличающейся от нее некоторыми особенностями (Стефанов, Корочкова, 1984, рис. 1: 3, с. 87–88). Назначение этих изделий не определено, но показательно, что распространены они в основном в культурах валикового времени.

Орудий из кости, которые уверенно могут быть отнесены к ивановско-хвалынскому культурно-хронологическому пласту, немного. Но они дают представление о бытовой культуре и разнообразных промыслах ивановского населения.

Возможно, на некоторые изменения в приемах охоты могут указывать детали колчанного набора, встреченные на ивановско-хвалынских поселениях. К ним относятся роговые наконечники стрел с овальным или ромбическим сечением пера и плоским черешком и роговые накладки на концы лука (рис. 12: 5, 6). Наконечники стрел с ромбическим сечением пера и плоским удлиненным черешком, найденные на поселениях Смеловка I и Мартышкино (рис. 12: 1, 2), связывают с комплексами раннего, так называемого срубно-хвалынского или смеловского этапа ивановско-хвалынской культуры, с керамикой федоровско-бишкульского типа (Лопатин, Малов, 2016, с. 83–84). Относительно ранний возраст таких наконечников подтверждается в какой-то мере тем фактом, что близкие по форме изделия встречены на многих памятниках с материалами позднеандроновского типа, таких как могильник Такталачук в Волго-Камье (Казаков, 1979, рис. 3: 7, 8), Кизильское поселение в Приуралье (Стоколос, 2004, рис. 5: 8), Чебаркуль III в Южном Зауралье (Алаева, 2015, рис. 4: 4), Еловский могильник в Западной Си-

бири (Косарев, 1987, рис. 106: 2). На возможное западносибирское происхождение традиции изготовления подобных наконечников могут указывать находки их в памятниках кротовской культуры (Молодин, 1985, рис. 21: 23–27, 29–30). На юге Западной Сибири этот тип наконечников доживает до алексеевско-саргаринской эпохи (Ситников, 2015, рис. 13: 3; 14: 2).

Ко второй стадии ивановско-хвалынской культуры могут относиться наконечники стрел несколько иного типа – с овальным сечением пера и коротким уплощенным черешком. Такие наконечники обнаружены на поселении Григорьевка I (рис. 12: 1, 2). Хотя точные аналогии этим наконечникам найти трудно, уплощенный черешок сближает их как с наконечниками позднеандроновского типа, так и с некоторыми наконечниками с алексеевско-саргаринских памятников (Ситников, 2015, рис. 13: 3; 60: 3).

В связи с развитием коневодства и внедрением новых приемов управления лошадью появляется новый тип псалиев – стержневидных, с взаимопересекающимися отверстиями. Образцы таких псалиев найдены на поселениях Ильичевка, Постников Овраг, Ушкалка, Усово Озеро, Безыменное II (Колев, 2008, табл. 10: 11–14).

К довольно редкому типу костяных изделий относятся пуговицы с отверстием-ушком, одна из которых найдена на поселении Нижняя Орлянка II (рис. 12: 7). Подобные изделия встречены на поселениях финального бронзового века Северо-Восточного Приазовья Безыменное II и Глубокое Озеро II (Колев, 2008, табл. 10: 7–9). Датировку подобных изделий временем валиковых культур подтверждает и пуговица со сходным расположением отверстия с алексеевско-саргаринского поселения на Алтае (Ситников, 2015, рис. 69: 1).

В целом, обработка кости и рога сохраняла значительное место в повседневной бытовой культуре населения финального бронзового века. Об этом свидетельствует и значительное количество поделок, назначение которых неясно, а также заготовок из кости (рис. 12: 8, 9).

Многие аспекты истории и материальной культуры ивановско-хвалынских племен ещё нуждаются в изучении ввиду сравнительно небольшого количества поселенческих памятников, раскопанных большими площадями, и почти полного отсутствия погребальных комплексов. По этой же причине с трудом реконструируется судьба населения, оставившего памятники ивановско-хвалынской культуры. Вероятно, вследствие аридизации климата в конце II тыс. до н. э., степные и лесостепные племена вынуждены были искать новые формы хозяйствования, покидать традиционные места обитания. Исследователи не исключают и фактор внешней угрозы со стороны степных подвижных племен, оставивших памятники так называемого, «нурского» типа, и заставивших население ивановско-хвалынской культуры уходить из степи в труднодоступные правобережные районы (Лопатин, Малов, 2016, с. 97). Так или иначе в последней четверти II тыс. до н. э. традиция изготовления валиковой керамики в Поволжье угасает, следы ивановско-хвалынской культуры в памятниках конца эпохи бронзы и начала железного века не прослеживаются.

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

РАЗДЕЛ II

КУЛЬТУРЫ ЛЕСНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Глава 1
Балановская и атликасинская культуры

Глава 2
Абашевская культура

Глава 3
Чирковская культура

Глава 4
Памятники заосиновского типа

Глава 5
Памятники займищенского типа

Глава 6
Поздняковская культура в Среднем Поволжье

Глава 7
Андроноидные культуры в Волго-Уралье

Глава 8
Памятники с текстильной керамикой в Восточной Европе: общая характеристика

Глава 9
Памятники аким-сергеевского типа

Глава 10
Средневолжская культура текстильной керамики

Глава 11
Маклашеевская культура

Глава 12
Палеоантропология Волго-Уралья эпохи бронзы

ГЛАВА 1
БАЛАНОВСКАЯ И АТЛИКАСИНСКАЯ КУЛЬТУРЫ

История изучения[1]

Начало изучения древностей восточного варианта культуры боевых топоров приходится на последнюю четверть XIX в. и связано с деятельностью Общества археологии, истории, этнографии при Казанском императорском университете (Воробьев, Климов, 1963, с. 22–24). Значительный вклад в накопление источников в этот период внесли коллекционеры. Только одним В.И. Заусайловым было собрано более 400 сверленых топоров (Бадер, Халиков, 1976, с. 1; Кузьминых, 2012, с. 184, прим. 23).

В начале XX в. Волго-Камье было включено в область распространения фатьяновской культуры (Городцов, 1914; с. 48; Спицын, 1893, с. 19; Tallgren, 1911, s. 25–93). Артефакты, собранные с данной территории, широко использовались А. Яарпея в книге о культурах с боевыми топорами на территории России (Ayrapaa, 1933, s. 31, 135, abb. 10, 13, 20, 36, 140).

В 1925 г. краеведческими организациями Чувашии у д. Изванкино в Чувашии обследовано городище «Хула-сюч» (Пассек, Латынина, 1925), позднее давшее название заключительному этапу балановской культуры (Бадер, 1961, с. 61; 1963, с. 275, 276). Средневолжской экспедицией ГИМК (1926, 1927, 1930 гг.) раскапывались Атликасинские, Досаевские курганы (Ефименко, Третьяков, 1961, с. 78, 104, 105, рис. 25, 38; Третьяков, 1931, с. 13–16); Новинское, Калугинское городища (Третьяков, 1930, л. 296; 1932, с. 62–66). В 1930 году П.Н. Третьяков вблизи деревни Атликасы вскрыл курган (Соловьев, 2016, рис. 2: 7; 3: Б), содержавший фатьяновские сосуды со своеобразным геометрическим орнаментом (Третьяков, 1930, л. 296–297; 1931, с. 13–16). Чебоксарские историки и музейные работники К.В. Элле, И.Т. Тихонов-Микусь, М.П. Петров и др. (Элле, 1933) открыли и исследовали могильник у д. Балаково (Тихонов, 1934, с. 123, 124; Элле, 1933), раскопки которого были продолжены О.Н. Бадером в 1934, 1936, 1937 гг. и М.С. Акимовой (1940 г.) (Акимова, 1947, с. 121–130; Бадер, 1963, с. 68–165).

1950–1960-е гг. – период резкого расширения источниковой базы. П.Д. Степановым был открыт ряд памятников в бассейне р. Суры (Степанов, 1954, с. 55–60; Степанов, 1958а, с. 124–136; Степанов, 1958б, с. 200–202), раскопано поселение Ош-Пандо (Степанов, 1967) и разрушенный Андреевский курган (Бадер, Халиков, 1976, с. 100), О.Н. Бадером проведены раскопки Чебаковского селища (Бадер, 1960, с. 126–142). Значительный вклад в изучение общности боевых топоров внесли Чувашская и Марийская археологические экспедиции. ЧАЭ под руководством А.П. Смирнова исследовались могильники и поселения Чувашии: Таутово, Медякасы, Чурачики, Мамалаево, Сареево, Юваново, Янымово, Ягаткино, Большое Янгильдино, Тохмеево, Шоркино, Новинское, Тиханкино, Тоганаши и многие другие (Каховский, 1960, с. 143–149; Каховский, 1963, с. 169–111; Каховский, 1964а, с. 13–91; Каховский, 1964б, с. 333; Матвеева, 1962, с. 214–219; Трубникова, 1958, с. 200–2002; Трубникова, 1960, с. 39–43, 44–49; Трубникова, 1964а, с. 209, 211–221; Трубникова, 1964б, с. 117–126, 161, 168, 194; Трубникова, 1966, с. 288; Трубникова, 1970, с. 213–215; Трубникова, Каховский, 1958а, с. 263–268; 1958б, с. 269–214). Н.В. Трубниковой и В.Ф. Каховским исследовались Подборицинский, Кумаккасинский, Таутовский могильники (Каховский, 1960, с. 143–149; Трубникова, 1958, с. 228–234; Трубникова, Каховский, 1958а, с. 263–268). А.Х. Халиков (МарАЭ) исследовал погребальные и поселенческие памятники в Марийской АССР: Павлушаты, Синцово, Соза-Курбатово, Марийская Лиса, Галанкина гора, Писералы, Кубашево, Хмелевка, Васильсурск II, Сомовка, Юрино, Полянки II, Новоселово (Халиков, 1960, с. 16–109, 138–142; Халиков, Халикова, 1963, с. 239–268). На территории Татарской АССР экспедицией КФАН под руководством А.Х. Халикова были изучены Козловский и Красновидовский могильники (Халиков, 1964, с. 50–53); Удмуртской археологической экспедицией –

[1] Наиболее полно история изучения балановских и атликасинских древностей изложена в монографии Б.С. Соловьева «Археологические культуры юга лесного Поволжья на рубеже среднего и позднего бронзового века». Йошкар-Ола, 2016, 412 с.

балановско-гаринские поселения Средней Вятки Буй I, II (Денисов, 1958, с. 111–119).

В 1970-е гг. было продолжено исследование Балановского могильника (Каховский, 1978, с. 19–24), материалы которых опубликованы в монографии О.Н. Бадера (1963). Раскапывались Абашевское I (Каховский Б.В., Каховский В.Ф, 1975, с. 49), Сомовские I, II (Архипов, Соловьев, 1989, с. 95–102; Патрушев, 1989, с. 103–108) поселения и Юринская стоянка (Патрушев, 1978, с. 95–101).

В последние десятилетия прошлого столетия балановско-атликасинские и хуласючские коллекции собраны при раскопках Юринской стоянки, поселений Нижняя стрелка IV, Удельный Шумец Va, VII, Галанкина гора, Сомовского II, Васильсурского V, Малахайского, Хмелевского, Ачинского городищ (Никитин, Соловьев, 2003, с. 98–101; Никитина, 1994, с. 105; Никитина, Соловьев, 2001, с. 7–41; 462, с. 23; Соловьев, 1987, с. 79–101; Соловьев, 1989, с. 79–94; Соловьев, 1990, с. 39–43; Соловьев, 2000, с. 101–134). Б.В. Каховским (ЧАЭ, ЧГПУ) в Чувашии были исследованы курганные могильники Атликасы, Саруй, Верхние Ачаки, Красный Октябрь I, Сирмапосинский курган (Каховский, 1991, с. 21–28). В.Н. Шитов (Мордовский ИЯЛИЭ, 1982 г.) раскопал Киржеманский курганный могильник (Ставицкий, 2005, с. 33, рис. 23, 77, 72; Ставицкий, Шитов, 2008, с. 140, 141, рис. 167, 777, 772, 169: 7–5). Удмуртскими археологами исследовались балановско-гаринские памятники Средней Вятки: Буй I, Чернушка II, Усть-Курья (Голдина, 1999, с. 130, рис. 54; Наговицын, 1991, с. 99, 100; Трефц, 1985, с. 124–143).

Полевые исследования текущего столетия характеризуются небольшими раскопками Новосюрбеевского могильника, Аблязовского кургана (Археологическая..., 2013, с. 181; 2014, с. 227–229; 560, с. 73–88) и разведками, выявившими поселения, местонахождения керамики. Были подведены итоги изучения каменных топоров балановской культуры (Соловьев, 2004а, с. 36–41; 2006, с. 79–88; Соловьев, Карпелан, Кузьминых, 2012, с. 62–80; Соловьев и др., 2012). Истории изучения балановских древностей в Марийско-Чувашском Поволжье посвящены статьи Б.В. Каховского (1995, с. 34–50), Б.С. Соловьёва и Е.П. Михайлова (2006, с. 60–88). Балановско-атликасинские материалы Рязанского Поочья были обобщены в статьях В.П. Челяпова (Фоломеев, Челяпов, 2000), а Сурско-Мокшанского междуречья – в статьях и монографиях В.В. Ставицкого (Ставицкий, 1994; 1999; 2005; Вихляев, Ставицкий, 1999; Королев, Ставицкий, 2006; Ставицкий, Шитов, 2008).

Поселения (рис. 1). По топографии расположения балановских памятников выделяются три группы.

На пойменных дюнах и надпойменных террасах (около 44%): Алатайкино, Бардицы, Базяково, Большое Тайбердино, Удельный Шумец II, VII, XIV, Мариер, Мазарское, Красный Выселок, Тоганаши и др.

На высоких мысах (около 33%): Анинское, Писералы, Сареево, Чебаково, Чемординаны, Юваново, Янымово, Ягаткино, Калугино, Сомовка I, Ош-Пандо и др.

На водоразделах, вблизи ручьев и оврагов (около 23%): Балдаево, Верхние Ачаки, Мурзакасы, Новая Екатериновка, Ягаткино II, Абашево, Тохмеево, Шоркино и др.

Тяготение поселений к открытым пространствам, видимо, отражает доминирование в хозяйстве носителей балановской культуры придомного скотоводства, базировавшегося на эксплуатации богатых фитомассой пойм и остепненных водоразделов. Появление естественно защищенных мысовых поселков объясняется сложной этнокультурной ситуацией в регионе на рубеже среднего – позднего бронзового веков (Бадер, Халиков, 1976, с. 45; Соловьев, 2000, с. 99).

Поселенческие памятники с атликасинскими проявлениями (рис. 2) представлены долговременными, в том числе искусственно укрепленными, поселками, располагавшимися на высоких мысах коренных террас: Кубашевское, Васильсурское II (нижний слой); стоянками с тонким слоем на водоразделах и краях надпойменных террас: Полянская II, Новоселовская; местонахождениями керамики (местами посещений): Малое Князь-Теняково, Раздольное, Моргауши, Юльялы, Сутыри V и другие.

Постройки балановской культуры. Полуземлянки – 14 объектов с балановско-атликасинской керамикой: Абашево, Шоркино, Тохмеево, Янымово, Широмасово I, Шокша. Каркасно-столбовые сооружения Шоркинского поселения (3,56×2,1 м, глубина 0,56 м; 6,2×2,2 м, глубина 0,44 м) имели по два очага (Соловьев, 2016, рис. 32: 4*)*. Из трех построек Тохмеевского поселения наиболее полно сохранилось жилище, прослеженное на материковом суглинке в виде подпрямоугольного пятна (3,15×2,7 м, толщина 0,2–0,4 м), вытянутого по линии северо-восток – юго-запад. В юго-восточном углу зафиксирована столбовая ямка диаметром 0,15 м, на стенках и дне обнаружен древесный тлен. При раскопках Янымовского поселения под впадиной проявилось темное заполнение (8×6 м, толщина 0,2–0,4 м), оконтуренное небольшими ямками. Наличие наземных построек предполагается на Тиханкинском, Чебаковском, Изванкинском поселениях (Бадер, 1960, с. 126–142; Трубникова, 1964а, с. 209–211; Трубникова, Кахов-

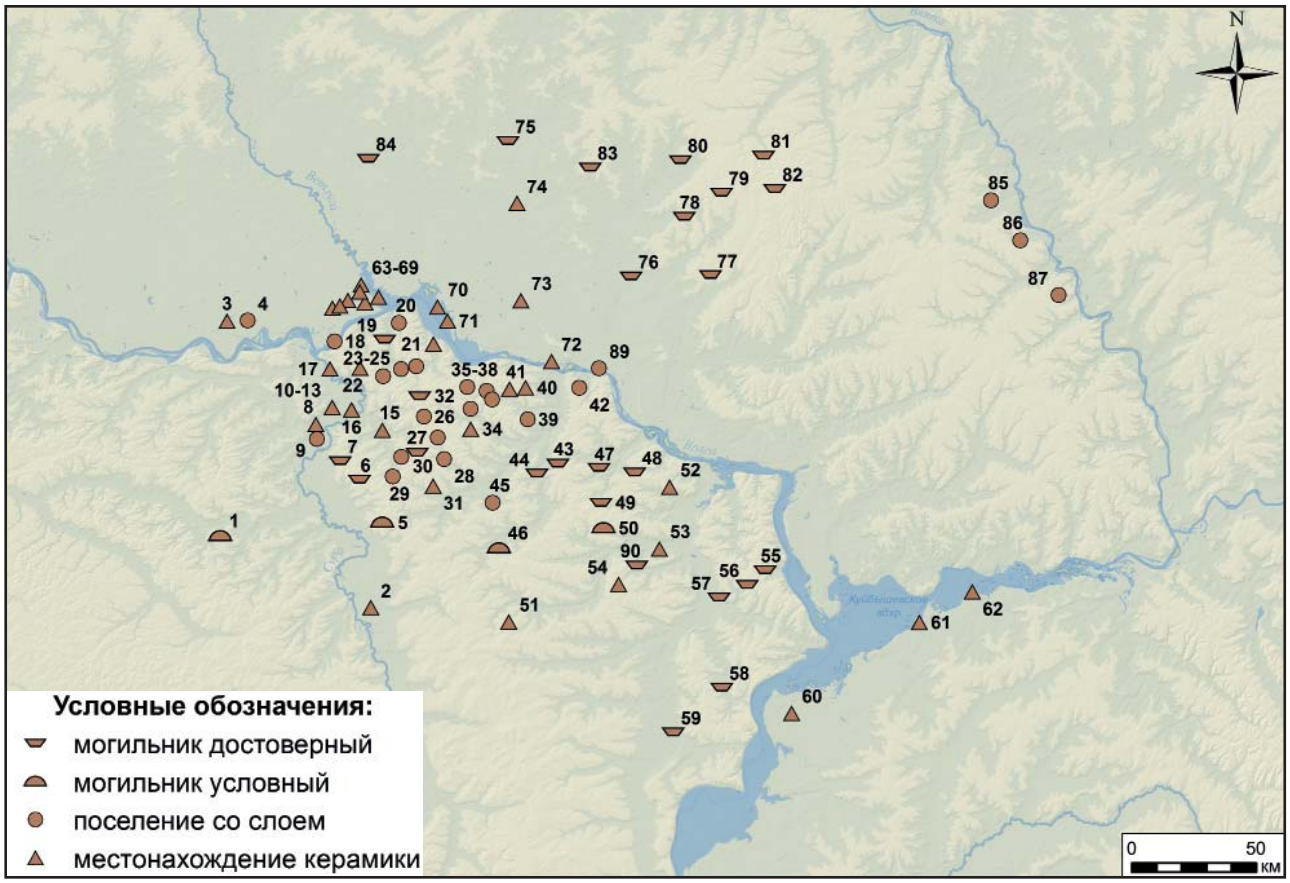


Рис. 1. Памятники балановской культуры

1 – Киржеманы; 2 – Напольное; 3, 4 – Сомовка; 5 – Красный Октябрь II; 6 – Атнары; 7 – Тоганаши I, II; 8 – Тиханкино I, II; 9 – Калугино; 10 – Чербай; 11 – Нов. Екатериновка; 12 – Балдаево; 13 – Чемординцы; 14 – Атликасы; 15 – Верхние Ачаки II; 16 – Чебаково I, II; 17 – Никитино; 18 – Новая Слобода; 19 – Пайнусово; 20 – Писеральы; 21 – Токари (Малахай); 22 – Юваново; 23 – Мурзакасы; 24 – Янымово; 25 – Новое Шокино; 26 – Ягаткино I, II; 27 – Изванкино; 28 – Тенеево; 29 – Тыри Выла; 30 – Таутово; 31 – Ходары; 32 – Медякасы; 33 – Сирмапоси; 34 – Голов; 35 – Эндимиркасы; 36 – Шоркино; 37 – Тохмеево; 38 – Икково; 39 – Абашево I, II; 40 – Кумаркино; 41 – Мошкасы; 42 – Новинское; 43 – Чурачики; 44 – Новое Сюрбеево; 45 – Мал. Януши I, II; 46 – Мамалеево; 47 – Аблязово; 48 – Балановo; 49 – Старые Умары; 50 – Индырчи; 51 – Балабаш-Нурусово; 52 – Кугушево; 53 – Куланга; 54 – Больш. Тайбердино; 55 – Красновидово; 56 – Варзарино; 57 – Большие Мими; 58 – Монастырское; 59 – Козловка; 60 – Полянки; 61 – Кузькино; 62 – Базяково; 63 – Бардицы; 64 – Красный Выселок; 65 – Сутыри I, II; 66–68 – Удельный Шумец II, VII, XIV; 69 – Галанкина Гора нижнее; 70, 71 – Алтайкино; 72 – Уржумкино; 73 – Мариер; 74 – Мазары; 75 – Марийская Лиса; 76 – Данилово (Княжна); 77 – Ронга; 78 – Мосино; 79 – Чирки; 80 – Дубовляны; 81 – Масканур; 82 – Павлушаты; 83 – Соза-Курбатово; 84 – Коммунар; 85 – Буй I, II; 86 – Чернушка; 87 – Усть-Курья; 88 – Сареево; 89 – Семеновка; 90 – Шамбулыхчи; 91 – Ахмылово

ский, 1958, с. 269–274). На поселении Ош-Пандо в основании подобных построек П.Д. Степановым были зафиксированы каменные вымостки, над которыми находились мощные отложения золы, насыщенные керамикой. На вымостке, раскопанной полностью, зафиксированы два больших кострища из обожженных камней, расположенных по центральной оси сооружения. Это жилище имело прямоугольную форму (размеры 15×8 м), боковой выход в одной из торцевых частей (Степанов, 1967, с. 56).

К землянкам относятся два объекта Тохмеевского поселения с балановско-атликасинской керамикой. Ориентированный по линии север – юг овальный котлован постройки 1 (3,6×2,4 м, глубина в материке 1 м) оконтурен прерывающейся в северной части темной гумусной полосой шириной 0,15–0,2 м с включениями угля и древесного тлена. Плоское дно и наклонные стенки обмазаны серой глиной. По осевой линии располагались два овальных прокаленных очажных пятна. Постройка 5 ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Стенки овального котлована (3,6×2,8 м, глубина в материке 1,05 м) покрыты серой глиной и древесным тленом толщиной 0,1–0,4 м. Выявлено 13 столбовых ямок (диаметр 0,1–0,15, глубина до 0,2 м), остатки двух очагов. Согласно реконструкции Л.П. Матвеевой, котлованы обшивались тонкими плахами, наземная часть опиралась на столбы, служившие опорой для обмазанного глиной

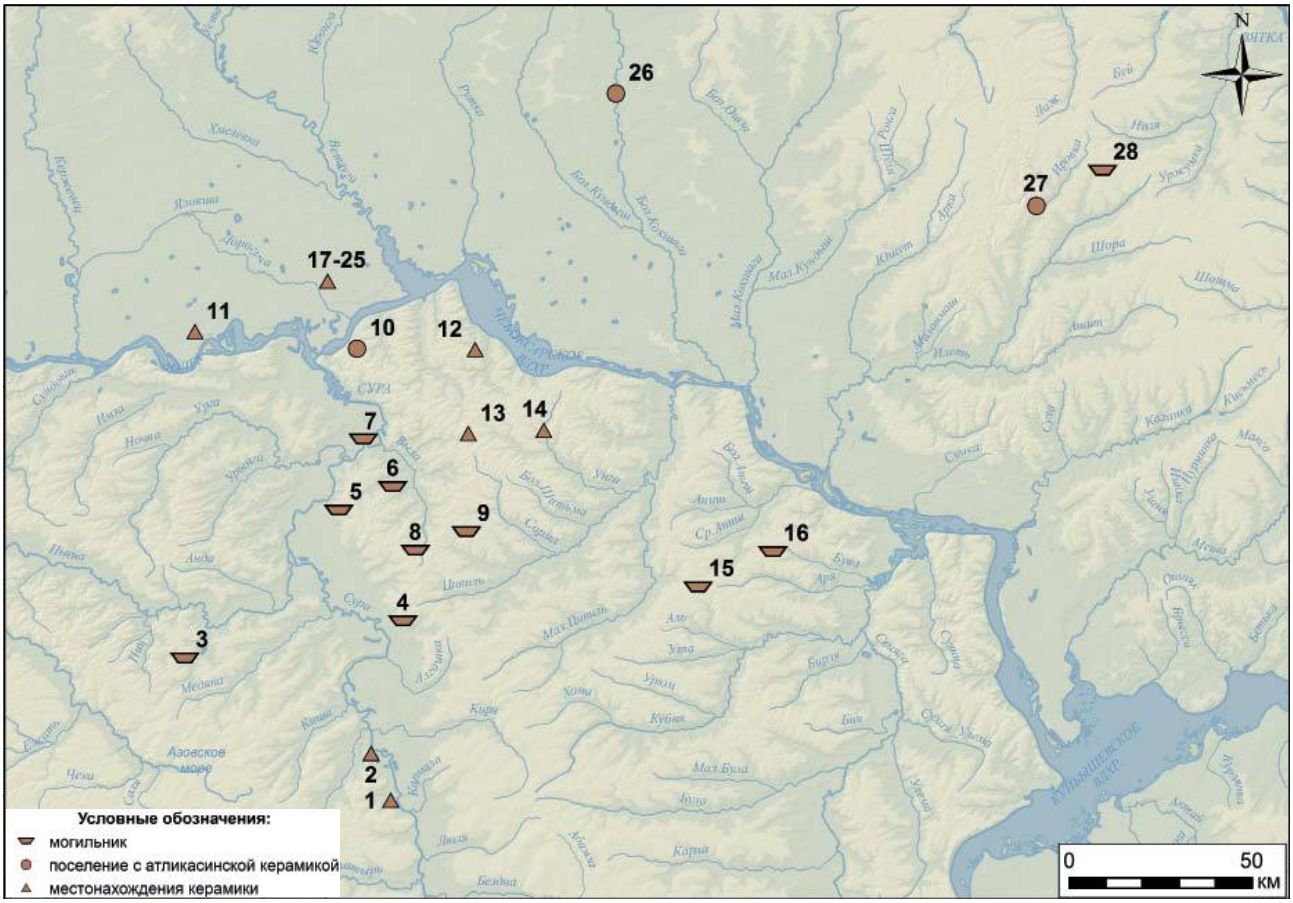


Рис. 2. Памятники атликасинской культуры на юге лесного Поволжья

1 – Сурский Майдан; 2 – Раздольное; 3 – Андреевка; 4 – Красный Октябрь; 5 – Верхние Ачаки; 6 – Кумаккасы; 7 – Атликасы; 8 – Раскильдино; 9 – Таутово; 10 – Васильсурск II; 11 – Сомовка II; 12 – Юльялы; 13 – Моргауши; 14 – М. Князь-Теньково; 16 – Балаково; 17 – Нижняя Стрелка IV; 18 – Удельный Шумец VII; 19 – Галанкина Гора; 20 – Юрино; 21 – Полянки; 22 – Пионерский лагерь; 23 – Сутыри; 24 – Усть-Ветлуга; 25 – Сутыри I; 26 – Кубашево; 27 – Новоселово; 28 – Синцово

плетня, плоская или коническая крыша покрывалась ветками (Матвеева, 1962, с. 216).

Постройки атликасинской культуры. Домостроительные традиции атликасинцев отражают жилища Кубашевского поселения (Никитин, Соловьев, 2002, с. 76, 77, табл. 22: 4, 23, 7–3; Халиков, 1960, с. 92–101). Согласно реконструкции А.Х. Халикова, наземная часть жилища 1 состояла из сруба с наклонной плоской крышей, опиравшейся на поперечную балку, поддерживаемую вертикальными столбами (Халиков, 1960, с. 100, рис. 48). Типологически эти изолированные дома с незначительно углубленным полом заметно отличаются от соединенных переходами волосовских и гаринских полуземлянок, хотя на поселении Галанкина Гора постройки также соединялись между собой переходами (рис. 3).

Могильники и погребальный обряд

Грунтовые могильники балановской культуры. Отмечено 26 объектов: шесть достоверных и 20 условных памятников, которые не зафиксированы археологическими раскопками, в том числе крупные коллекции находок (топоров), происходящие из одного пункта. Крупные (Балаково, Таутово) и небольшие (Павлушаты, Новое Сюрбеево, Козловка) кладбища устраивались на склонах террас и пойменных холмах. Обширные (3–1,2×2,2–0,83 м), преимущественно глубокие (до 2 м), подчетырехугольные или близкие к овалу могилы-склепы часто перекрывались массивным накатником. Встречены следы прямоугольных внутренних конструкций длиной до 2 м, шириной до 1,5 м, высотой до 0,6 м, толщина стенок 1–8 см (Балаково, Новое Сюрбеево), известковых обмазок могильных ям (Балаково, погребения 41, 62), древесных подстилок и покрытий (Балаково, погребения 15, 30). Незначительные проявления огня представлены небольшими скоплениями углей в атликасинских и балановско-атликасинских погребениях (Балаково, погребения 2, 4, 38, 46; Новое Сюрбеево, погребение 2). Изредка встречаются следы тризны: кости животных, керамика (Балаково, верхний горизонт могил 6, 46, 70), захоронения животных (Балаково).

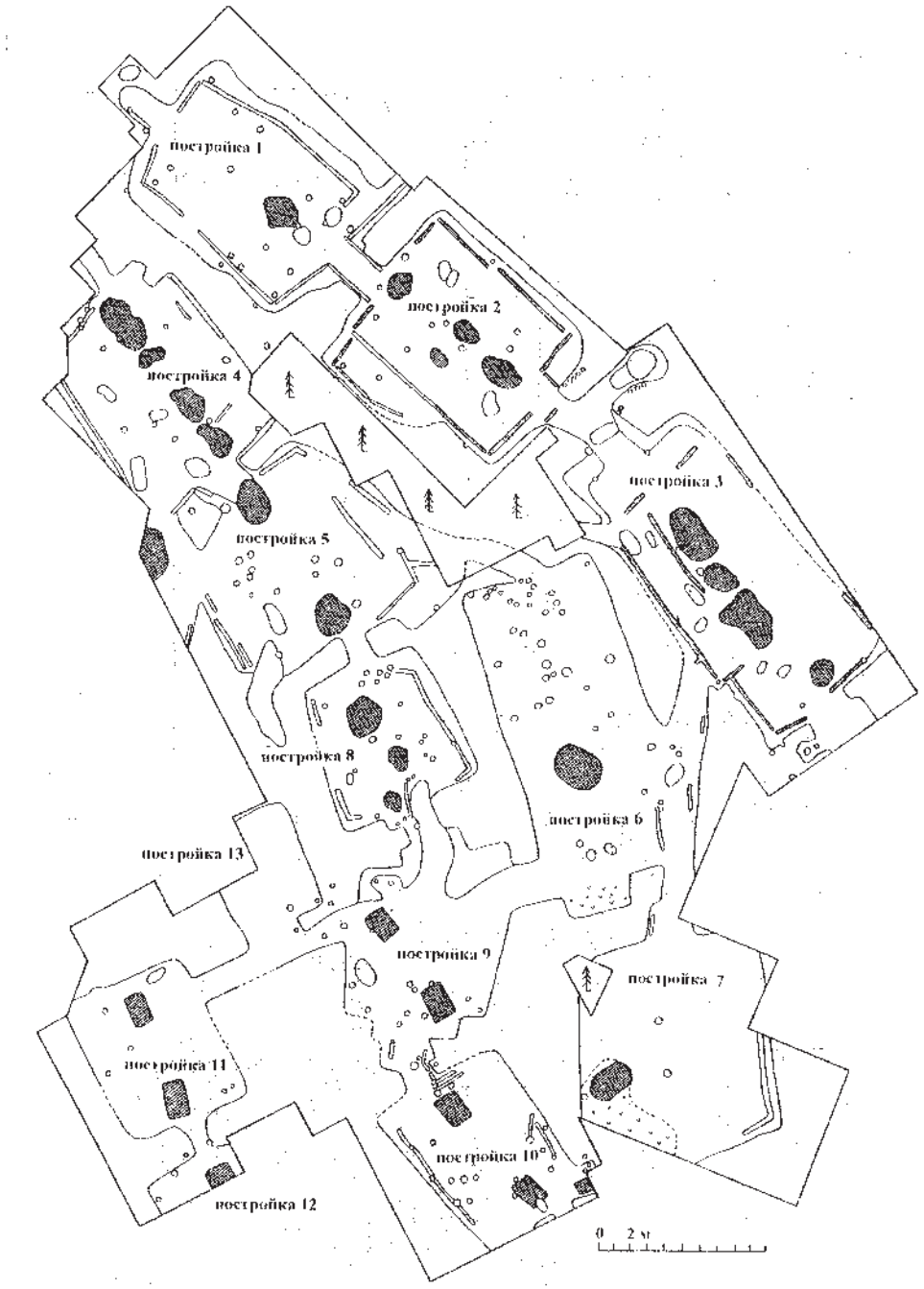


Рис. 3. Атликасинская культура. Поселение Галанкина гора, постройки (по: Соловьев, 2016)

Погребения одиночные, коллективные, вводные (Павлушаты, Балановo, Козловка, Новое Сюрбеево, Таутово). Поза скорченная: ноги подогнуты, одна рука вытянута вдоль тела, другая согнута в локте, кисть располагается у лица. Для мужчин наиболее характерна южная, западная и юго-западная ориентировка, для женщин восточная и северо-восточная. Как правило, мужчины похоронены на правом боку, лицом на восток, юго-восток; женщины – на левом, лицом на юг, юго-восток.

По мнению О.Н. Бадера, мужские комплексы Балановского могильника маркируют медные наконечники копий и вислообушные топоры, каменные сверленые топоры, чернолощеные бомбовидные горшки, богато украшенные тонким штампованным орнаментом с «фартучками», амулеты из зубов животных; женские – большое количество керамики, реповидные амфоры и нарядные сосуды со светлым лощением; детские – миниатюрная посуда, игрушки, глиняные модели сверленых топоров (Бадер, 1963, с. 174, 175).

Курганные могильники (рис. 4). Известно девять памятников: семь достоверных, два условных. Кладбища, включавшие один-три кургана круглой или овальной формы, располагались на

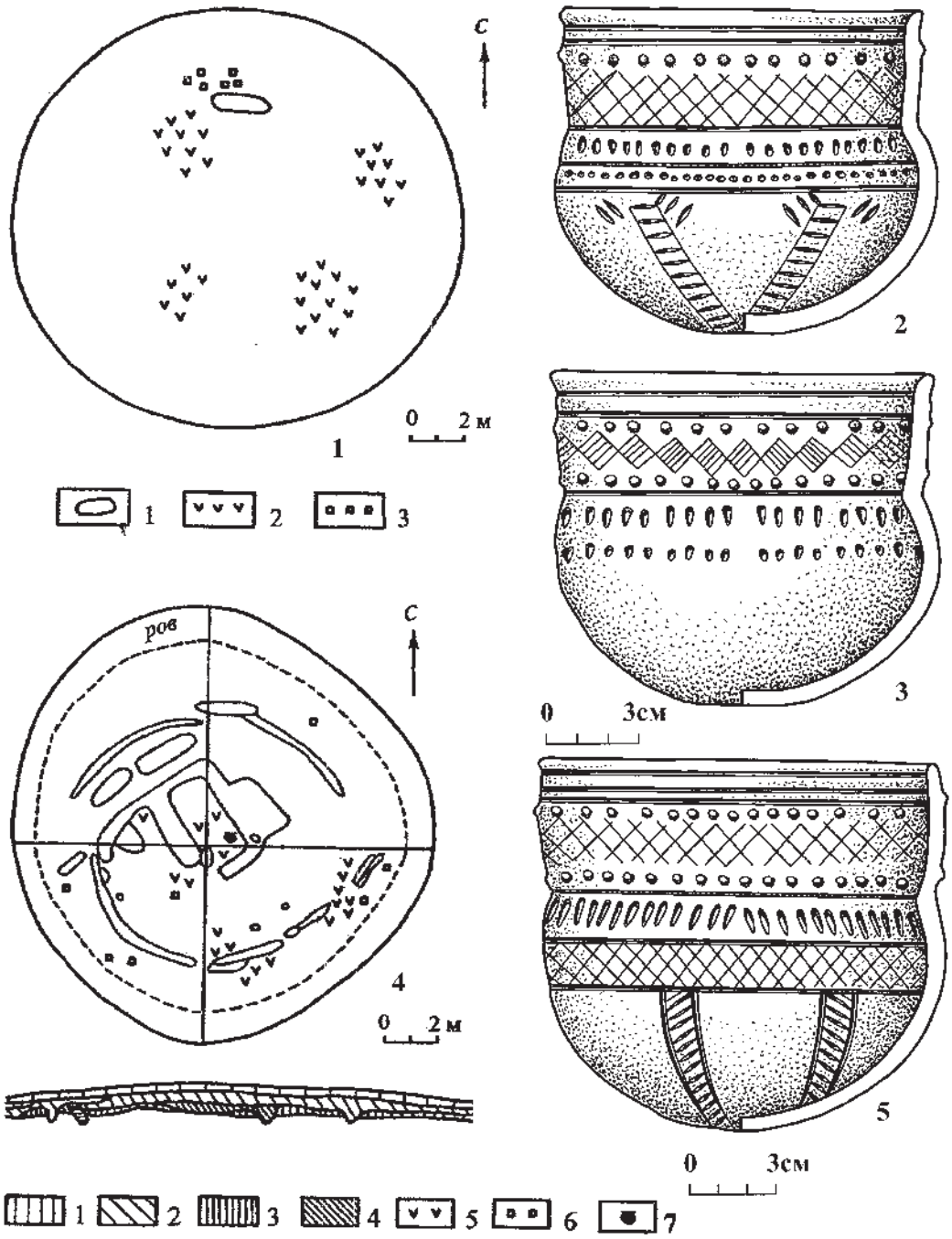


Рис. 4. Балановская культура, могильники и керамика хуласючского типа

1–3 – Медякасинский курган (по: Трубниковой, 1958; 1960); 4–5 – Мамалаевский курган (по: Кравченко, 1964).

Условные обозначения. Медякасинский курган: 1 – темное пятно; 2 – угли; 3 – керамика.

Мамалаевский курган: 1 – дерн с супесью; 2 – насыпь; 3 – погребенная почва; 4 – прокаленный золистый слой; 5 – угли; 6 – фрагменты керамики; 7 – сосуд

скатах водоразделов близ ручьев и небольших рек; лишь Чурачикский могильник занимал вершину пойменного холма. Размеры распаханных насыпей – 12×28 м, высота 0,3–0,6 м (Аблязово, Киржеманы, Мамалаево, Медякасы, Чербай); не подвергавшиеся распашке – 13×23 м, высота 0,9–2 м (Сирмапоси, Чурачики). Погребальные площадки (диаметр 8,5–14×16 м) окаймлялись кольцевыми ровиками (ширина 0,24–2 м, глубина 0,2–0,5 м) (Аблязово, Киржеманы, Мамалаево, Чербай).

Внутренние конструкции восстанавливаются в виде плетеной корзины (Бадер, 1963, с. 167) или дощатого ящика с ручками (Акимова, 1947, с. 123–124, рис. 37). Прямоугольные могилы (2,2–3,3×2,4–2,1 м, глубина. 0,15–1,4 м) с деревянным перекрытием, древесной обшивкой, глиняной и известняковой обмазкой стен содержали одиноч-

ные и вводные захоронения с подогнутыми ногами (Аблязово, Чурачики). Подпрямоугольные мелкие ямы без человеческих останков, иногда с предметами материальной культуры, предполагают наличие кенотафов (Мамалаево, Медякасы, Сирмапоси, Чурачики). Широкое применение огня в похоронных ритуалах отражают обширные углисто-зольные пятна, скопления углей, кострища, зольники (Мамалаево, Медякасы, Киржеманы). Прослежены следы тризны: кострища, керамика на погребенной почве, в насыпи, ровиках, верхних горизонтах могил (Аблязово, Мамалаево, Медякасы, Чурачики), ритуальные захоронения животных (Аблязово).

Грунтовые комплексы содержат балановские (Красновидово, Козловка, Павлушаты, первая группа Баланово), атликасинские (вторая группа Баланово, Таутово), синкретические (Баланово, Таутово, Новое Сюрбеево, Марийская Лиса) керамические материалы. В курганных могильниках найдена балановская, синкретическая посуда: Чурачики, Аблязово; хуласючская: Медякасы, Мамалаево, Сирмапоси, Киржеманы. На наш взгляд, Баланово, Таутово, Новое Сюрбеево, Чурачики, Аблязово, Марийская Лиса отражают период формирования балановской культуры, а Медякасы, Мамалаево, Сирмапоси, Киржеманы – доминирование атликасинских традиций в погребальном обряде хуласючского населения.

Атликасинские курганные могильники (рис. 5) обычно располагаются на покатых водоразделах. Небольшие «классические» курганные могильники атликасинской культуры включают один-два кургана. Размеры распаханных насыпей – 19×25 м, высота 0,5–1,5 м; не подвергавшихся распашке соответственно – 9–20×12–27 м, 0,9–2,75 м. Погребальные площадки (7,1–10×7,5–12 м) иногда окольцованы ровиками шириной 0,35–1,2 м глубиной 0,4–1,2 м (Синцово, Верхние Ачаки) (Соловьев, 2016, рис. 5: А, Г; 6: 1). Погребальный обряд многообразен: ингумация с юго-западной ориентировкой на грунте (Атликасы) или в мелкой подпрямоугольной яме (Кумаккасы); кремация на стороне – квадратная могила, заполненная углями, золой, жженными костями, погребальным инвентарем (Верхние Ачаки); большие прямоугольные ямы без человеческих останков, иногда с предметами материальной культуры – кенотафы (?) (Раскильдино). Характерны значительная роль огня в похоронных ритуалах: скопления углей, кострища, зольники, размещение погребального инвентаря на площадке и в захоронениях, следы тризны – кострища, обломки сосудов.

Материальная культура

Балановская керамика (рис. 4: 2, 3, 5; 6). Е.В. Волковой выделены основные признаки балановского гончарства: неразвитая технологическая структура; слабая дифференциация задач формообразования; устойчивая рецептура начина: ожелезненная и слабоожелезнонная глина средней запесочонности без грубых естественных примесей + органика + шамот; использование формы-модели, заглаживание, лощение подсушенной поверхности, лоскутно-спиральный, двухслойный кольцевой, спирально-жгутовой налеп, «выбивание» стенок (Волкова, 1996, с. 21–25). Для керамики первой группы Балановского могильника типичны создание тулова из крупных частой с помощью наковальни и лопаточки, отдельно вылепленные шейка и дно, ангоб, заглаживание, лощение (Бадер, Халиков, 1976, с. 54, 55, рис. 32; Кожин, 1964, с. 53–58). Сосуды поселения Ош-Пандо характеризуются ленточной лепкой, «выбиванием» стенок, заглаживанием, малой долей тонкостенных (8,6%) и лощеных (2,5%) фрагментов, пористостью, непрочностью (Степанов, 1967, с. 39–44). Для хуласючской посуды обычны грубые примеси (шамот, крупный шамот, мелкотолченая дресва), круговой налеп, сглаживание (Бадер, Халиков, 1976, с. 58). Балановская посуда делится на «реповидную» (шаровидные амфоры с узким горлом), «бомбовидную» с хорошо выраженной шейкой, чашевидную (Бадер, 1963, с. 197, 209; Бадер, Халиков, 1976, с. 54). Для орнаментации керамики балановского типа характерно большое количество зон, доминирование многорядного зигзага и наклонной решетки (Волкова, 1996, с. 63–14).

Горшки ошпандинско-хуласючского типа обычно украшались по схеме «шейка – плечико», кубки – сложными многоярусными композициями. Обычны оттиски зубчатого штампа и геометрические элементы. Характерно сочетание атликасинских – переменно-наклонные и вертикальные группы отрезков, штрихованные широкие зигзаги, крупные ромбы, квадраты и прямоугольники, треугольники с наклонной и веерной штриховкой, «кресты» в нижней части тулова – и балановских черт – многорядные зигзаги, горизонтальные и вертикальные елочки, косая решетка, вертикальные фестоны. Оригинальность орнаменту придают грубое прочерчивание (в том числе глубокие каннелюры), «шнуровые» оттиски, округлые и треугольные ямки, выпуклины, лепные валики.

Широко использовались населением балановской культуры разнообразные изделия из обожженной глины. В могиле 2 Чурачикского кургана обнаружены две двухстворчатые формы полузакрытого типа для отливки втульчатых вислообушных топоров с расширенным лезвием и невыделенной передней стенкой круглой втулки; металл

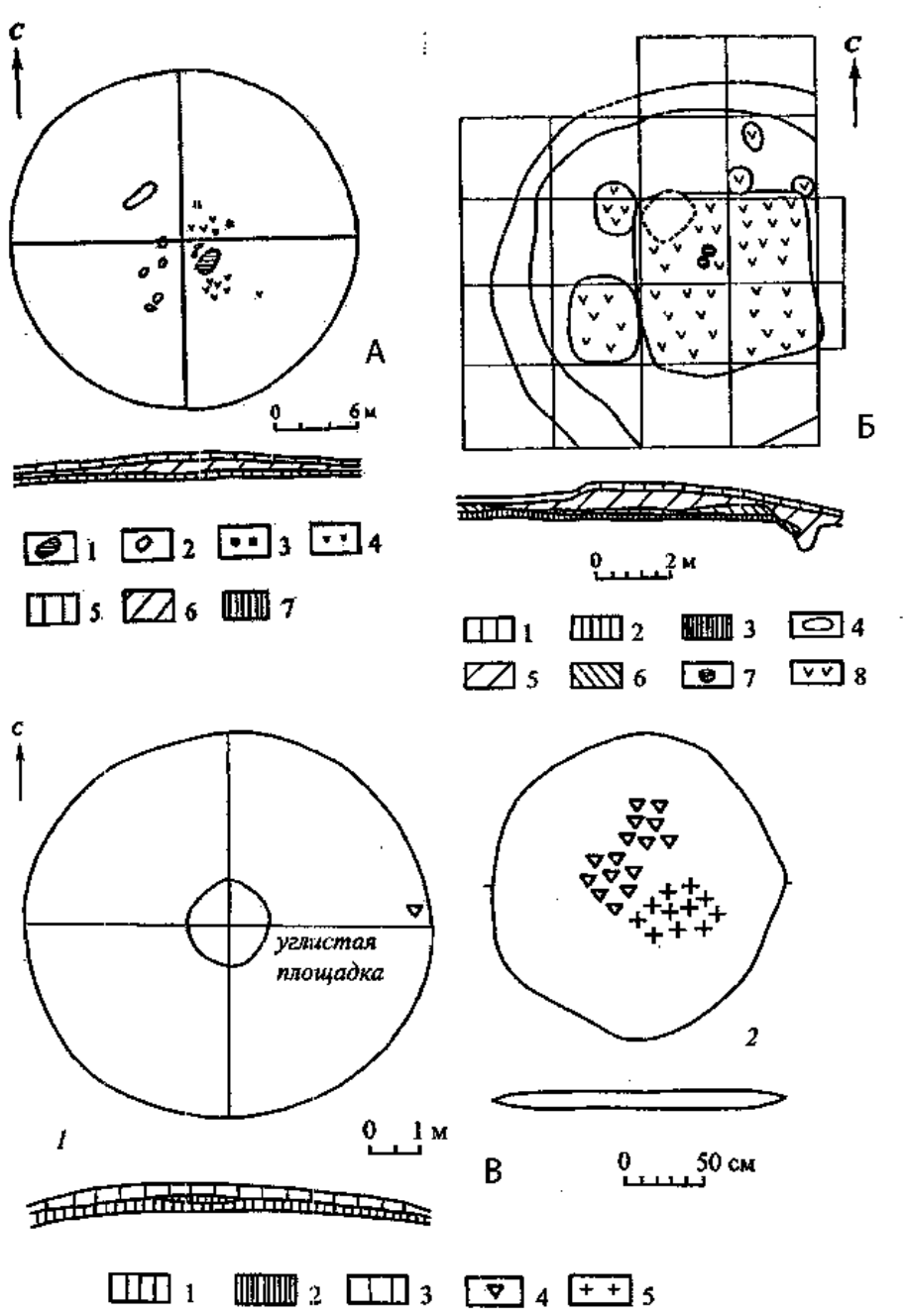


Рис. 5. Погребальные памятники атликасинской культуры. 1 – Кумаккасы (по: Каховский, 1962); 2 – Синцово (по: Халиков, 1960); 3, 4 – Саруй, курган и углистая площадка в центре (по: Соловьев, 2016)

заливался в щель на спинке; сохранился цилиндрический вкладыш (Бадер, Халиков, 1976, табл. 8: 6, 7). Близкое изделие из погребения литейщика Волосово-Даниловского могильника отличается противоположным расположением щели для заливки металла (Крайнов, 1987, табл. 65: 9, 11).

Ложки и черпаки, найденные в Балановском могильнике, на хуласючских Янымовском и Тоганашском поселениях (Акимова, 1947, рис. 40: 1, 2, 7, 8; Бадер, 1963, рис. 143; Трубникова, 1960, с. 44–49; 1965, с. 214–224), имеют фатьяновские аналогии (Гадзяцкая, 1976, табл. X: 8; Крайнов, 1972, с. 155; Крайнов, Гадзяцкая, 1987, табл. 35).

В Балановском могильнике найдена полая округлая погремушка с двумя небольшими сквозными ручками (Бадер, 1963, рис. 144: 5). Из атликасинских и синкретических захоронений Балановского могильника происходят модели колес с выступающей ступицей от игрушечных повозок (Бадер, 1940, рис. 21: 5, 6; 1963, рис. 144: 7–4; Бадер, Халиков, 1976, табл. 1: 14). Из глины изготавливались и копии каменных сверленых топоров детских погребений Балановского могильника (Бадер, 1963, рис. 117; Бадер, Халиков, 1976,

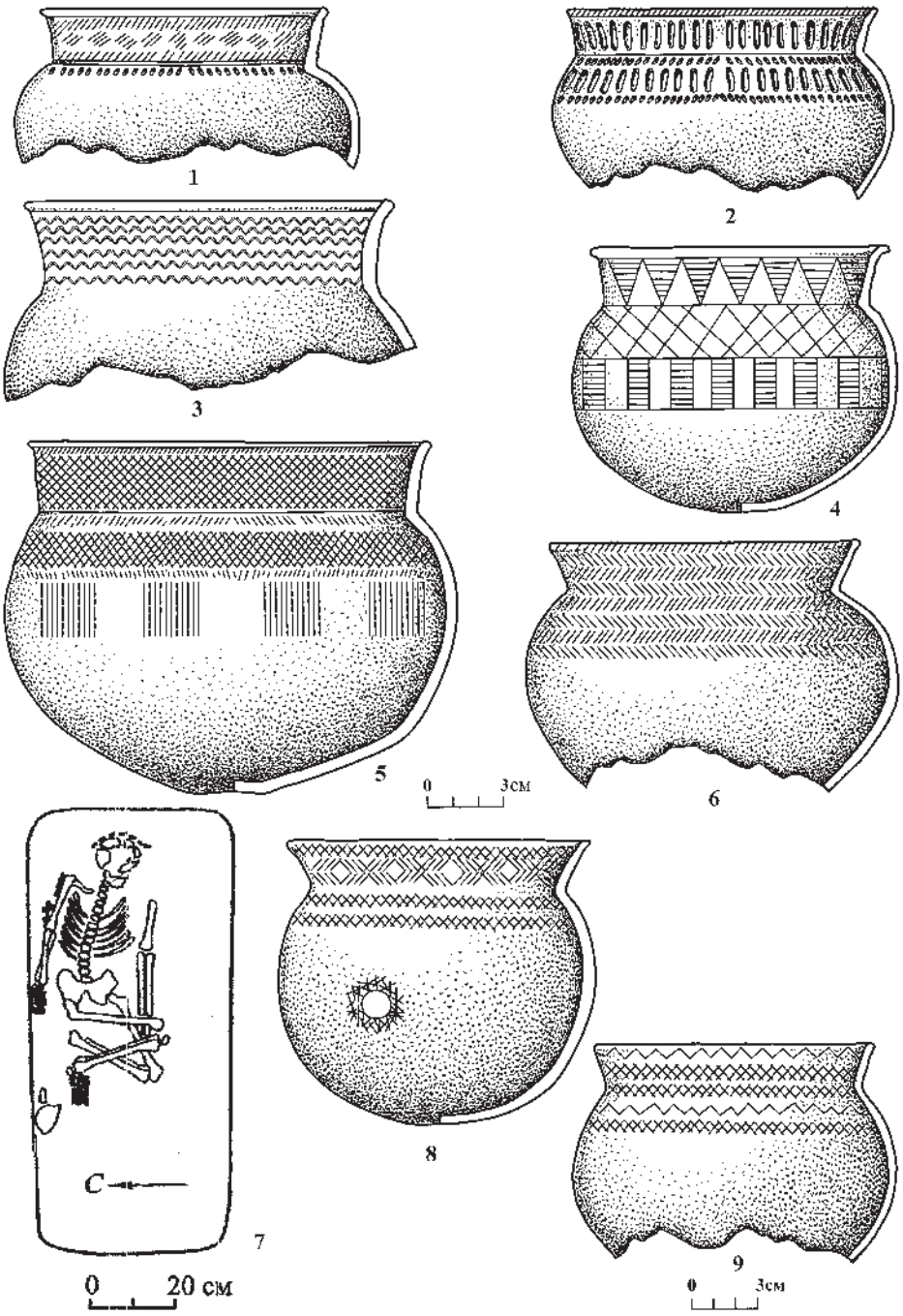


Рис. 6. Керамика. Балановская культура

1, 2 – Ахмылово II; 3 – Большое Тябердино; 4 – Марийская Лиса; 5 – Удельный Шумец; 6 – Павлушаты; 7–9 – Козловка (по: Халиков, 1964; Соловьев, 2016)

табл. 35). В Малых Яушах, Писералах и Тури-Выла найдены плоские дисковидные пряслица с отверстием в центре (Халиков, 1960, с. 139; Степанов, 1967, рис. 26) и грибовидные пробки (Халиков, 1960, с. 139; Степанов, 1967, рис. 26). Пробки известны и в Чебаково (Бадер, Халиков, 1976, табл. 19: 33). По мнению П.Д. Степанова, они вставлялись изнутри в отверстия на днищах крупных кухонных сосудов, использовавшихся для приготовления молочной сыворотки (Степанов, 1967, с. 51, 52, рис. 26: 5–7).

Атликасинская керамика (рис. 7). Для атликасинского гончарства типичны кольцевая лепка из широких лент, последовательное соединение отдельно вылепленных шейки, тулова и дна, ангоб, заглаживание, лощение (Бадер, Халиков, 1976, с. 29–31, рис. 4; Кожин, 1964, с. 53–58; 255, с. 1). Украшенные геометрическим орнаментом сосуды Балановского и Атликасинского могильников считаются средне-низкими (Волкова, 1996, с. 23).

В «классических» курганных комплексах встречены две основные формы.

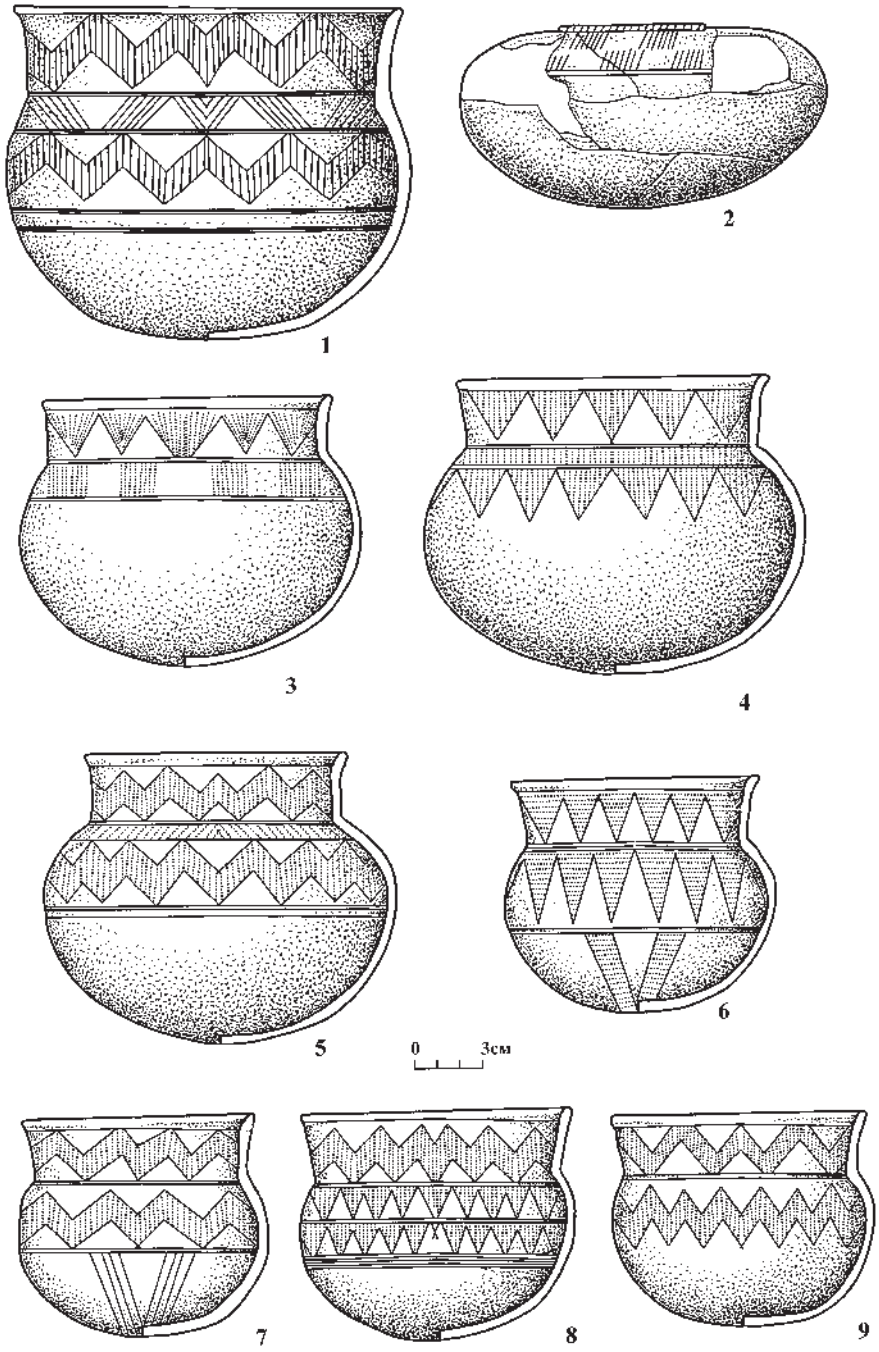


Рис. 7. Керамика. Атликасинская культура

1, 2 – Саруй; 3–5 – Синцово; 6–9 – Кумаккасы (по: Бадер, Халиков, 1987; Каховский; Трубникова, 1958; Соловьев, 2016)

1) Приземистые круглодонные горшки с высокой наклонной или вертикальной шейкой, низким выпуклым плечиком, закругленным, заостренным, воротничковым венчиком – 19 экземпляров (Соловьев, 2016, рис. 3: А, 3: Б, 3–6; 4: 3, 4; 5: А, 2, 3, Б, 2; 6: 4–6, 8).

2) Небольшие уплощенно-сферические емкости – 4 экземпляра, 3 имеют узкий валик по краю горла (Соловьев, 2016, рис. 4, 5; 6: 3, 1).

Характерно отсутствие амфор и ярко выраженная геометрическая орнаментация. Зональные композиции, занимающие шейку и верхнюю половину тулова, нанесены прочерчиванием, нарезками, мелким квадратным и острым зубчатым штампом. Венчик почти всегда гладкий. Основные мотивы: широкие штрихованные зигзаги, крупные ромбы, квадраты, прямоугольники, равнобедренные и равносторонние треугольники, переменно-наклонные группы отрезков, иногда образующие комбинации с «пустым» ромбом в центре. Разделительные: прямая линия, короткие вертикальные и скошенные отрезки. Дополнительные: «елоч-

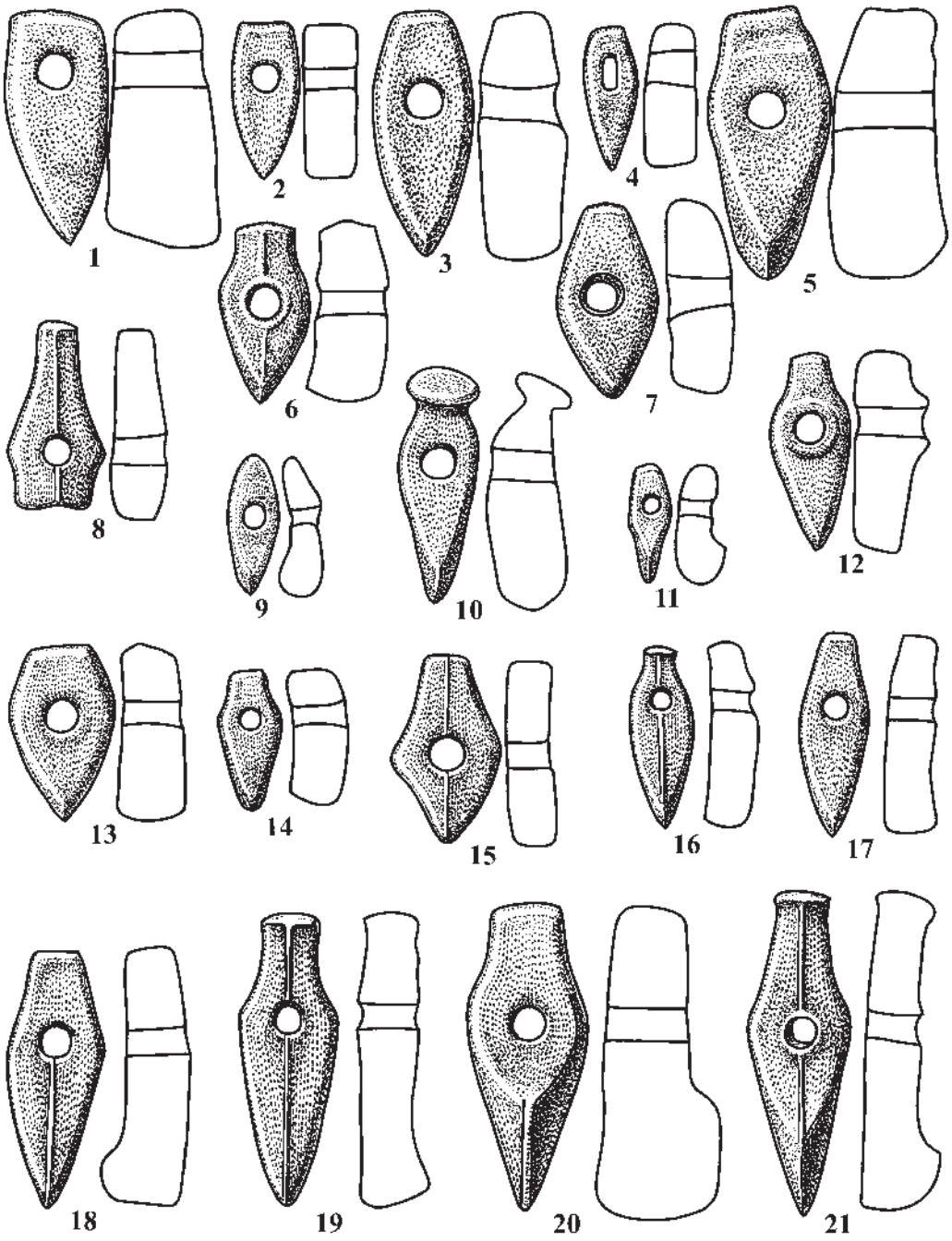


Рис. 8. Основные типы топоров балановской культуры

1, 2, 4 – клиновидный; 3 – молотковидный; 5 – обушковый; 6–14 – короткообушковый; 7 – обушковый, усеченно-конический; 8 – длиннообушковый; 9, 18 – ромбический лопастный; 10 – обушково-пестиковый; 11, 20 – длиннолопастный; 12 – обушково-втульчатый; 13 – ромбический молотковидный; 15 – ромбический усеченный; 16, 21 – ладьевидный; 17 – ромбический узкообушковый; 19 – коротколопастный (по: Бадер, Халиков, 1987)

ные», линейные, штрихованные крестообразные ленты, расположенные в придонной части сосуда. Эти признаки легли в основу выделения атликасинских керамических комплексов Балановского и Таутовского могильников (Соловьев, 2016, рис. 8–11).

Поселенческая посуда нижних слоев Кубашевского и Васильсурского II городищ включает горшки с высокой шейкой, отогнутыми, округлыми и заостренными венчиками. Широкие орнаментальные зоны состоят из переменно-наклонных групп линий, заштрихованных ромбов, треугольников, прямоугольников, квадратов, широких зигзагов. Разделители представлены линиями, поясками наклонных и пересекающихся отрезков. Орнаментированные венчики отсутствуют, на днищах

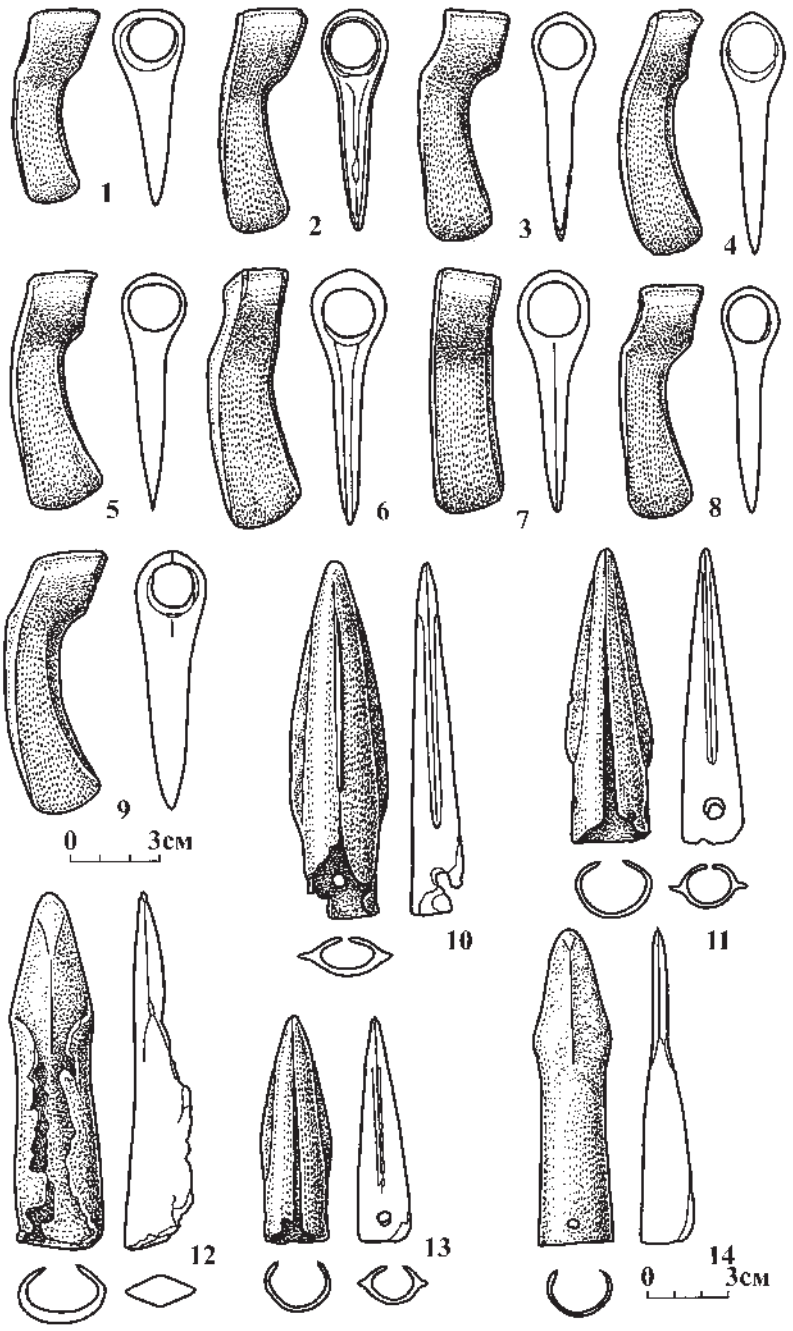


Рис. 9. Балановская культура. Изделия из меди, топоры и наконечники копий
1 – Конар; 2 – Большие Яльчики; 3 – быв. Казанская губерния; 4 – Болгары; 5, 6 – быв. Вятская губерния; 7 – Васильсурск II; 8 – Тетюшский уезд, быв. Казанской губ.; 9 – Юж-Озерная; 10 – быв. Казанская губ. (?); 11 – Дубовляны; 12 – Монастырское; 13 – Чебоксарский уезд, быв. Казанской губ.; 14 – Грахань (рисунки С.В. Кузьминых)

встречаются ямки и крестообразные символы. В орнаментации сосудов Кубашевского поселения наиболее распространены наклонно заштрихованные ромбы (10,4% всех композиций), заштрихованные зигзаги (8,8%), равносторонние треугольники с косой и вертикальной штриховкой (7,5%) (Соловьев, 2000, с. 36).

Детские погребения второй группы Балановского могильника содержали глиняные модели сверленых топоров (Бадер, 1963, рис. 117) и колес игрушечных повозок (Соловьев, 2016, рис. 113: 4).

Каменный инвентарь *балановской культуры.* Выделяются ударные, метательные, скобле-режущие, колющие орудия. Основным материалом при производстве сверленых, черешковых топоров, молотов, булав, пестов служили серо-черные гранодиориты и граносиениты. Подавляющее большинство плоских клиновидных топоров изготовлено из кремня. Для мелких кремневых орудий – наконечников, ножей, скребков, проколок – характерно широкое использование пластинчатой техники расщепления кремня.

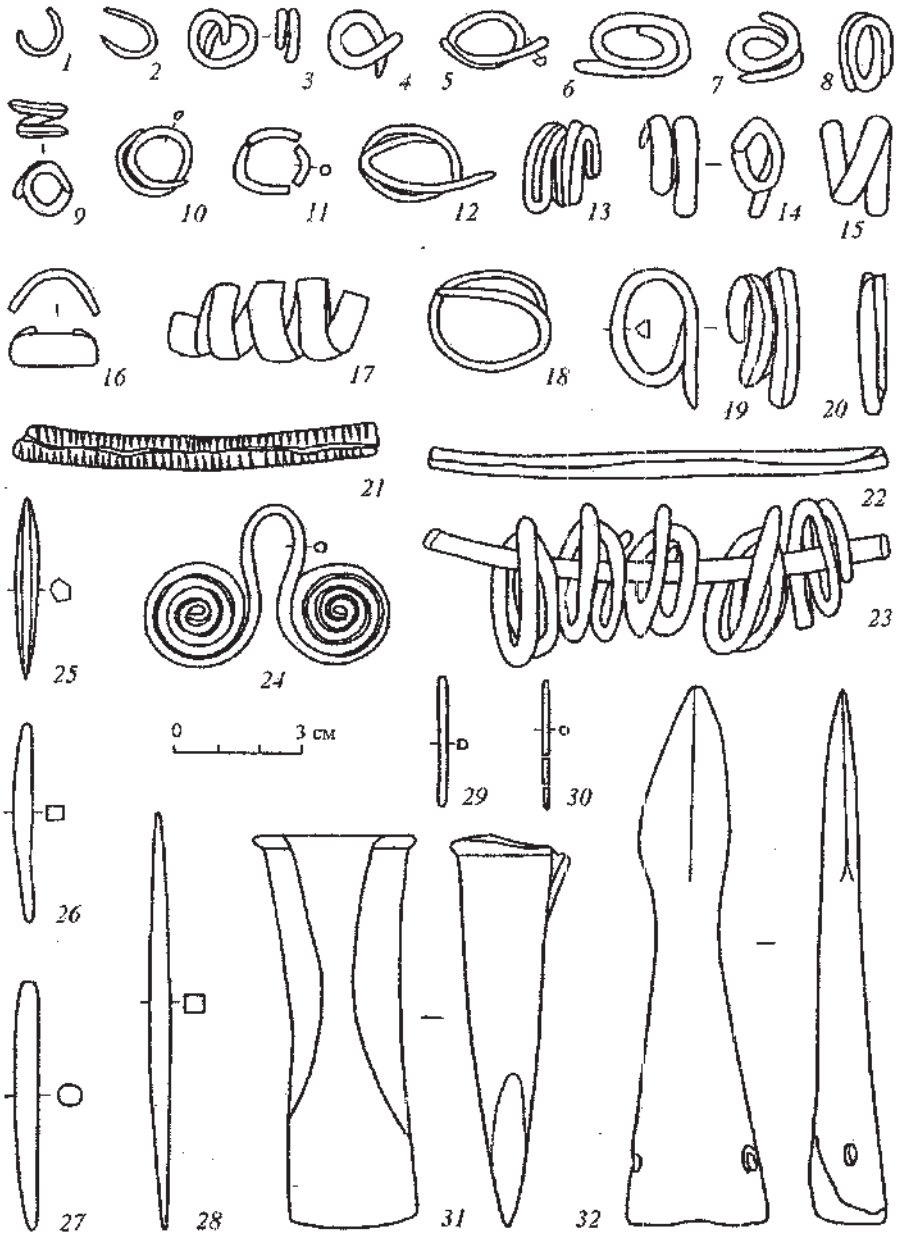


Рис. 10. Медные изделия балановской культуры
1–4, 7–9, 12–15, 17, 18, 21–23, 25, 27–29, 31 – Балановo; 5, 10, 11, 16, 30 – Новое Сюрбеево; 6 – Таутово; 20, 26 – Чурачики; 24 – Шелангуш XIV; 32 – Красный Октябрь (по: Соловьев, 2016)

Топоры сверленые (рис. 8). В регионе распространения балановских древностей известны находки около тысячи топоров. Наиболее полные сводки Марийско-Чувашского Поволжья включают 734 экземпляра (Соловьев, Карпелан, Кузьминых, 2012, с. 62; Соловьев и др., 2014, с. 6), еще 198 находок зафиксировано на Нижней Суре и Мокше, (Археология…, 2008, с. 144), однако часть сурских предметов может быть связана с катакомбной культурой (Ставицкий, 2005).

В средневолжских комплексах сверленые топоры встречаются редко. Коллекция Балановского могильника содержит всего 7 каменных изделий и 9 глиняных моделей (Бадер, 1963, с. 79–165). На Средней Волге топоры-молоты, изначально имевшие воинское и сакральное назначение, постепенно приобретали хозяйственные функции (Бадер, 1963, с. 178; Волкова, 2010, с. 21–23; Крайнов, 1972, с. 38; Никитин, 2000, с. 217). Доказательством служат многочисленные сломанные, поврежденные, повторно просверленные орудия.

Тулово у волго-камских сверленых топоров прямое или изогнутое с округлым, овальным,

реже подквадратным, подпрямоугольным, восьмигранным сечением, спинка и брюшко уплощенные или ребристые, обух плоский или выпуклый, лезвие прямое, закругленное, скошенное. Как правило, поверхность тщательно шлифовалась. Продольные валики-«хорды» играли роль украшения (Крайнов, 1972, с. 61). Сверление цилиндрических, конических, биконических втулок, часто расширенных фаской, производилось полым инструментом диаметром 1,5–4 см. Коническая высверлина найдена на Васильсурском поселении (Халиков, Халикова, 1963, рис. 14: 73). Часто при встречном движении сверла оставлялась узкая перемычка, которая затем выбивалась. Шероховатая поверхность способствовала более прочному креплению рукояти, а наклон втулки – балансировке и амортизации при ударе. Встречаются орудия с незавершенной сверлиной. Размеры лезвийной части сломанного пополам наиболее крупного экземпляра составляют 15×13×8,5 см, а самого миниатюрного – 6,5×3,7×3,6 см (Соловьев и др., 2014, рис. 13: 8, 23: 7).

По классификации О.С. Гадзяцкой, балановские топоры подразделяются на 18 основных типов.

Тип 1. Клиновидные формы топоров (рис. 8: 1, 2, 4), типичные для юга, юго-востока фатьяновской территории (Гадзяцкая, 1976, с. 51). Их находки наиболее многочисленны на Мокше (21,6% всех местных орудий) и Верхней Суре (19,7%). На Средней Волге они тяготеют к бассейнам Нижней Свияги и верховьям Цивиля (Бадер, Халиков, 1976, с. 60).

Тип 2. Топоры с усеченно-коническим обухом (рис. 8: 7) также широко представлены на Верхней Суре (19,7%) и Мокше (26,6%). Их средневолжский ареал охватывает Нижнее Присурье и восточную часть Заволжья, главным образом бассейны Илети и Малой Кокшаги (Бадер, Халиков, 1976, с. 60; Гадзяцкая, 1976, с. 51).

Тип 3. Топоры с выделенным обушком и сверлиной, расположенной у центра длины (рис. 8: 5). По мнению Д.А. Крайнова, эта самая распространенная форма сверленых фатьяновских топоров для Среднего Поволжья нехарактерна (Крайнов, 1972, с. 43, 44, рис. 14: 6). О.С. Гадзяцкая, наоборот, отмечает большое количество находок на балановской территории (Гадзяцкая, 1976, с. 51). Чаще всего встречается в правобережье (Бадер, Халиков, 1976, с. 60).

Тип 4. Топоры с коротким выделенным обушком и сверлиной, обычно расположенной в верхней половине тулова (рис. 8: 6–14). А.Х. Халиков, выделив в Среднем Поволжье 148 короткообушковых экземпляров, считал их наиболее массовыми и характерными для балановской культуры (Бадер, Халиков, 1976, с. 60, 61). По мнению О.С. Гадзяцкой, преобладание данного типа объясняется включением изделий с обушком средней высоты (Гадзяцкая, 1976).

Тип 5. Топоры с удлиненным обухом и сверлиной, расположенной ниже середины длины топора (рис. 8: 8). Представляет «юго-западную», по определению Д.А. Крайнова (1972, с. 44), форму, редкую в Волго-Камье (Бадер, Халиков, 1976, с. 61; Соловьев, Карпелан, Кузьминых, 2012, с. 64).

Тип 6. Обушковый ромбической формы. Большинство подобных орудий, почти неизвестных в Заволжье (Соловьев, Карпелан, Кузьминых, 2012, с. 64) и восточных районах Нижегородской области (Гадзяцкая, 1976, с. 54), сосредоточено на Суре, Свияге и Мокше (Бадер, Халиков, 1976, с. 63; Ставицкий, Шитов, 2008, с.146).

Тип 7. *Ромбической формы с усеченно-коническим обушком* (рис. 8: 15). Основной средневолжский ареал охватывает правобережье Волги (Бадер, Халиков, 1976, с. 63).

Тип 8. Ромбической формы с усеченно-коническим коротким обушком (рис. 8: 17). Тип, тяготеющий к восточной зоне фатьяновской территории (Гадзяцкая, 1976, с. 54) и нехарактерный для Волго-Вятского междуречья, в основном встречается в прилегающих к Суре западных районах Среднего Поволжья (Бадер, Халиков, 1976, с. 63; Соловьев, 2004а, с. 38; Соловьев, Карпелан, Кузьминых, 2012, с. 65).

Тип 9. Двулезвийные. Происхождение связывается с северо-западом бывшего СССР, принадлежность к фатьяновской культуре условна, волго-камские находки немногочисленны (Гадзяцкая, 1976, с. 54; Крайнов, 1972, с. 49; Соловьев, Карпелан, Кузьминых, 2012, с. 65).

Тип. 10. С длинной лопастью (рис. 8: 11, 20). Появление таких топоров, часто обнаруживаемых в бассейнах Свияги, Цивиля, Малой Кокшаги, объясняется воздействием фатьяновских племен (Бадер, Халиков, 1976, с. 65; Гадзяцкая, 1976, с. 55; Крайнов, 1972, с. 51). Д.А. Крайнов полагал, что к востоку от Ярославля они представлены изживающими себя формами (Крайнов, 1972, с. 54, 55). Действительно, большинство средневолжских орудий характеризуется небольшими размерами, более грубым изготовлением, менее развитой лопастью, но некоторые экземпляры с хордой и грибовидным обухом практически не отличаются от «классических» верхневолжских.

Тип 11. С короткой резко выступающей лопастью (рис. 8: 19). Этот тип, обычный для Волго-Камья (Бадер, Халиков, 1976, с. 64, 65), Д.А. Крайнов назвал «средневолжским» (Крайнов, 1972,

с. 56). Основные находки связаны с бассейнами Свияги, Суры, Цивиля (Бадер, Халиков, 1976, с. 64, 65; Соловьев, Карпелан, Кузьминых, 2012, с. 65).

Тип 12. С короткой небольшой лопастью-носиком. Представляет редкий исчезающий вариант коротколопастной формы (Гадзяцкая, 1976, с. 56).

Тип 13. Лопастной ромбической формы (рис. 8: 9, 18) (Соловьев, 2016, рис. 45: 5; 46: 9). Для балановско-фатьяновской общности такие топоры, возможно, имеющие южное происхождение (Городцов, 2014, с. 138), не характерны (Гадзяцкая, 1976, с. 56; Крайнов, 1972, с. 57).

Тип 14. Пестиковидный (рис. 8: 10). Высказаны мнения о его возникновении в Скандинавии или южнорусских степях (Брюсов, Зимина, 1966, с. 28; Гадзяцкая, 1976, с. 56; Крайнов, 1972, с. 59). На фатьяновской территории почти неизвестен (Гадзяцкая, 1976, с. 56; Крайнов, 1972, с. 57, 58). Все немногочисленные средневолжские орудия связаны с правобережьем Волги (Бадер, Халиков, 1976, с. 62), отдельные экземпляры известны на Мокше (Ставицкий, Шитов, 2008, с. 146).

Тип 15. Ладьевидной формы (рис. 8: 16, 21). Известны редкие находки в Сурско-Окском междуречье (Бадер, Халиков, 1976, с. 65).

Тип 16. Простой формы с втулкой у сверлины. Традиционно «прямоспинные боевые топоры с втулкой», редко встречающиеся на фатьяновской территории, относятся к характерным балановским древностям; основной средневолжский ареал – нижнее течение Свияги; предполагаются западные истоки (Прибалтика, Белоруссия) (Бадер,1970, с. 49; Бадер, Халиков, 1976, с. 62; Крайнов, 1972, с. 47).

Тип 17. Молотковидной формы (рис. 8: 3, 13) с широкой тупой лезвийной частью и выпуклым нечетким срезом обушка.

Тип 18. Булавовидной формы. Единственный известный нам экземпляр происходит из Марийского Заволжья (Соловьев, Карпелан, Кузьминых, 2012, с. 66).

Древнейшими считаются типы 1, 2, 5, 14, 16 (Бадер, Халиков, 1976, с. 60–62). Нижнюю границу бытования наиболее архаичной клиновидной формы (Крайнов, 1972, с. 41; Бадер, Халиков, 1976, с. 60) отражают материалы поселений Ош-Пандо (Степанов, 1967, табл. III: 73) и Васильсурск V (Соловьев, 2000, рис. 5: 7). Очевидно, ранними являются типы 3, 11, 12 в Балановском, Таутовском, Красновидовском, Шамбулыхчинском могильниках, включающие сосуды с балановским, атликасинским, синкретическим орнаментом (Бадер, Халиков, 1976, с. 64, 65). Возможно длительное применение усеченно-конических топоров (Гадзяцкая, 1976, с. 57). Типы 2, 5 содержат балановско-атликасинские погребения 3, 80 Баланово (Бадер, 1963, рис. 116: 5; Бадер, Халиков, 1976, с. 60, 61, табл. 1, 4, 46)*;* ошпандинская (?) могила на стоянке Николо-Перевоз (Раушенбах, 1960, рис. 3: 7–5; 4: 12; Бадер, Халиков, 1976, с. 36); 4, 11 – коллекция разрушенного могильника Красный Октябрь II (Соловьев, 2007, рис. 5: 4, 6; 7).

Исключительно атликасинская принадлежность короткообушковых топоров (Бадер, Халиков, 1976, с. 60, 61) вызывает сомнение (Соловьев, 2000, с. 106, 107). Они встречены с балановской – могила 13 Баланово (Бадер, Халиков, 1976, табл. 1: 73), Удельный Шумец VII (Соловьев, 2000, рис. 5: 5, 6: А); атликасинской – Кубашево (Бадер, Халиков, 1976, табл. 15: 280); синкретической – Таутово, Марийская Лиса (Бадер, Халиков, 1976, табл. 9: 281, 317); ошпандинско-хуласючской – Ош-Пандо, Сомовка I, Алатайкино (Никитин, Соловьев, 1990, с. 143; Соловьев, 2000, рис. 5: 5; Степанов, 1967, табл. III: А, 6) – керамикой.

Поздние (Бадер, Халиков, 1976, с. 63) ромбические типы 6, 8 залегали в ошпандинско-хуласючских – Ош-Пандо (Степанов, 1967, табл. III) – и чирковско-хуласючских – Сомовка II (Соловьев, 2000, рис. 52–55) – слоях. Известны редкие находки в возвышенном Заволжье, характеризующемся полным отсутствием хуласючских керамических комплексов (Соловьев, 2004а, с. 39; Соловьев, Карпелан, Кузьминых, 2012, с. 68).

Топоры клиновидные плоские. Вторая по значимости группа каменных орудий балановской культуры довольно часто встречается в погребальных комплексах: Баланово, Таутово, Чурачики, Аблязово. Так, коллекция Балановского могильника содержит 25 кремневых шлифованных топоров (Бадер, 1963, с. 182, рис. 118, 119). Всего в рассматриваемом регионе собрано около 350 экземпляров. Сырьем для их изготовления служил кремень, реже – гранитно-гнейсовые породы.

Тип 1. Толстообушковый с подпрямоугольным поперечным сечением. Основной средневолжский ареал охватывает бассейны Свияги и Цивиля. Ранняя хронологическая позиция (Бадер, Халиков, 1976, с. 66; Крайнов, 1972, с. 64; Соловьев, 2004а, с. 39) подтверждается материалами Балановского (Бадер, Халиков, 1976, с. 66), Чурачикского, Таутовского, Козловского (Халиков, 1964, рис. 15: 4) могильников.

Тип 2. Среднеобушковый с подпрямоугольным поперечным сечением. Наиболее характерен для бассейна Свияги, в балаковских и атликасинских захоронениях Баланово и Таутово встречен вместе с тонкообушковыми топорами.

Тип 3. Тонкообушковый трапециевидный, линзовидный в сечении. Присутствует в Балановском (преобладает), Таутовском могильниках (Бадер,

1963, рис. 118: 4–6; Бадер, Халиков, 1976, табл. 9: 9, 11, 12, 20), на Ошпандинском поселении (Степанов, 1967, табл. IV: 70). «Балановские» разновидности – трапециевидная, трапециевидная короткая, треугольная, с частичной подшлифовкой – датированы атликасинским и ошпандинским этапами (Бадер, Халиков, 1976, с. 67). Экземпляры с линзовидным сечением в Баланово и Таутово отнесены «ко времени изживания кремневых клиновидных топоров» (Крайнов, 1972, с. 67).

Тип. 4. Из различных каменных пород. Принадлежность к общности боевых топоров подтверждают находки на поселении Васильсурск II (Халиков, Халикова, 1963, с. 260, рис. 14: 12)*;* в фатьяновских Никульчинском, Фатьяновском, Волосово-Даниловском могильниках (Гадзяцкая, 1976, с. 69).

По мнению исследователей, развитие клиновидных топоров происходило за счет уменьшения размеров, смены прямоугольного поперечного сечения овальным и линзовидным (Волкова, 2010, с. 20, 21; Крайнов, 1972, с. 67; Крайнов, Гадзяцкая, 1987, с. 31).

Орудия из плотных гранитно-гнейсовых пород.

Топоры клиновидные с выделенным черешком. Характерны шлифованная поверхность, массивная трапециевидная рабочая «лопатка» с прямым или закругленным лезвием, «плечики», длинная круглая или овальная в сечении рукоять. Связь с известными погребальными комплексами отсутствует, в волго-камских групповых находках сопровождаются сверленными топорами типов 1, 2, 3, 4, 8, 11 (Бадер, Халиков, 1976, табл. 21: 110*,* 23: 138–140*,* 24: 209*,* 25: 179, 180*;* Соловьев, 2007, рис. 5: 2). Основной ареал этих орудий, нетипичных для фатьяновской культуры (Гадзяцкая, 1976, с. 64) и подчеркивающих своеобразие балановских древностей, охватывает бассейн Свияги (Бадер, Халиков, 1976, с. 65, 66).

Топоры с желобчатым перехватом. Имеют круглое или овальное в сечении массивное тулово, плоский или выпуклый обух, клиновидную рубящую часть с прямым или округлым лезвием, поперечный желобок, иногда окаймленный тонкими валиками. Несмотря на отсутствие в комплексах, отнесены к балановской культуре, предполагаются полтавкинские истоки (Бадер, Халиков, 1976, с. 65).

Молоты представлены случайными находками. *Уплощенные сверленые.* Специфика и техника обработки позволяют отнести их к балановским древностям.

Переделки из сломанных сверленых топоров (Соловьев, Карпелан, Кузьминых, 2012, рис. 10: 4). Некоторые экземпляры напоминают орудия Посурья и Примокшанья, имеющие катакомбные параллели (Ставицкий, 2005, с. 27, рис. 13: 19, 20).

С перехватом (Соловьев, 2016, рис. 49: 3). О широком распространении и длительном существовании свидетельствуют неолитические (Халиков, 1960, рис. 19), волосовские (Никитин, 1987, рис. 6: 1–6), ошпандинско-хуласючские (Степанов, 1967, табл. IV: 5) параллели.

Булавы. Случайные находки в Свияжско-Цивильском междуречье. А.Х. Халиковым выделено три типа: шаровидный, шаровидно-втульчатый, грушевидный (Бадер, Халиков, 1976, с. 67). На Средней Волге их принадлежность к общности боевых топоров подтверждает обломок с Кубашевского поселения (Халиков, 1960, с. 105).

Песты-терочники конические, усеченно-конические, бочковидные, цилиндрические, аморфные.

Полировальные и терочные плиты, лощила (Бадер, 1963, рис. 142: 3–5).

Население культур боевых топоров при изготовлении небольших орудий широко применяло пластинчатую технику обработки кремня (Гадзяцкая, 1976, с. 62, 63; Крайнов, 1972, с. 73–77, рис. 28, 29; Степанов, 1967, с. 35, табл. III: Б, 7, 4, 5, 7, 8).

Наконечники дротиков: а) с треугольным пером и закругленным черешком – Красный Октябрь II (Соловьев, 2007, рис. 5: 2, 7), случайные находки (Березина, Березин, Коноваленко, 2010, рис. 28). От близких волосовских (Никитин, 1987, рис. 3: 3–7) и фатьяновских (Крайнов, 1972, с. 7, 9) наконечников они отличаются более коротким насадом, прямым основанием пера; б) с подтреугольным пером, острым черешком, намеченными жальцами – Сомовка I (Патрушев, 1989, рис. 4: 12).

Наконечники стрел: а) ромбическо-листовидные – Чебаково (Бадер, 1963, рис. 155: 7); б) листовидные со сглаженным боковым шипом – Мамалаево (Бадер, Халиков, 1976, табл. 10: 29); в) с подтреугольным пером, подпрямоугольным, округлым, заостренным черешком, без шипов – Балаково (Бадер, 1963; Волкова, 1996, рис. 7: 3); г) с вытянутым подтреугольным пером, тонким линзовидным сечением, жальцами, треугольным черешком – Красный Октябрь II (Соловьев, 2007, рис. 5: 2).

Ножи: а) клинковидные пластинчатые с одним-двумя лезвиями, обработанными двухсторонней и односторонней крутой притупляющей ретушью, с овальным и скошенным острием; б) прямоугольные с закругленными или прямыми концами (Бадер, 1963, рис. 120: 8–10); в) тонкие ножевидные пластины с участками нерегулярной ретуши (Бадер, 1963, рис. 120: 3–7; Халиков, 1964, рис. 8).

Скребки: а) концевые, б) однолезвийные, в)

треугольные, г) овальные на плоских отщепах и пластинах. Поверхность – гладкая, небрежно обработаны лишь рабочие части (Бадер, 1963, рис. 120: 77).

Перфораторы с острым, иногда выделенным, ретушированным острием (Бадер, 1963, рис. 120: 4, 6).

Каменные изделия атликасинской культуры немногочисленны. Это кремневые наконечники стрел с подтреугольным пером, острым треугольным черешком, жальцами, в том числе заготовки, пластинчатые ножи, клиновидные топоры с линзовидным и овальным сечением (обломок шаровидной булавы, сверленый короткообушковый топор (Каховский, 1991, рис. 3: 1, 2; Соловьев, 2016, рис. 3: Б, Г*;* Халиков, 1960, с. 105, табл. XLIV: 4).

Изделия из кости представлены немногочисленными орудиями, бытовыми предметами и украшениями.

Перфораторы с тонким острым отполированным жалом, изготовленные из пястных костей овцы – Балановo, Новое Сюрбеево (Бадер, 1963, с. 187, рис. 121: 3–7; Соловьев, Михайлов, 2003, с. 80, 81).

Орудие с клиновидным сработанным концом и необработанной тыльной частью *(мотыга?)* – Балановo, раскопки 1933 г. (Бадер, 1963, с. 190, рис. 121: 5).

Просверленный *астрагал* быка – Балановo. Имеет «... вид своеобразной булавы» (Бадер, 1963, с. 188), но, судя по аналогиям, связан с кожевенным производством (Лопатин, 2008, с. 82, рис. 8: 4*;* Усачук и др., 2010, с. 173).

Украшения и амулеты.

Пронизи из тонких трубчатых костей – Козловка, Балановo (Бадер, 1963, рис. 121: 4; Халиков, 1964, рис. 15: 6, 7).

Просверленные зубы и клыки свиньи, овцы, собаки, лисы, волка, медведя, дикого кабана – Павлушаты (Халиков, 1960, с. 77), Козловка (Халиков, 1964, рис. 15: 5), Таутово (Трубникова, 1958, рис. 3), Балановo (Бадер, 1963, с. 190).

Орнаментированные *пластины* с отверстиями – Балановo (Соловьев, 2016, рис. 50: 9).

Гребень из пяти конических зубцов, вставленных в деревянную рукоять – Балановo (Бадер, 1963, рис. 121: 7).

Металлические изделия (рис. 9, 10). Изготовлены из «чистой» меди. Балановский металлургический очаг, базировавшийся на месторождениях медистых песчаников Поволжья и Приуралья, входил в Циркумпонтийскую провинцию, существовавшую до начала II тыс. до н. э. (Черных, 1970, с. 107; Черных, Авилова, Орловская, 2000, с. 21, 40).

Наконечники копий (рис. 9: 10–14; 10: 32). Характеризуются небольшими размерами, ковкой из пластины при помощи конического сердечника, треугольным или листовидным пером, разомкнутой втулкой с округлыми или квадратными отверстиями. Делятся на два типа: 1) с коротким уплощенно-ромбическим в сечении пером, сравнительно длинной втулкой – Балановo, могилы 15, 76 Красный Октябрь II, Шумерлинский район Чувашской Республики, Монастырское, Мими*,* городище Грахань*,* Ош-Пандо (Бадер, 1963, рис. 17: 2, 115: 7; Соловьев, 2016, рис. 53: 5, 6; Степанов, 1967, табл. IV: 7; Тихонов, Гришин, 1960, табл. IV, *9*; Федулов, Михайлов, 2006, рис. 9); 2) с короткой конической втулкой, длинным (две трети длины наконечника) пером с узкими формованными крыльями – Чебоксарский и Лаишевский уезды бывшей Казанской губернии, Дубовляны (Соловьев, 2016, рис. 53: 1–4). Близкий экземпляр найден в верхневолжском Волосово-Даниловском могильнике (Крайнов, 1972, рис. 52).

Топоры втульчатые (9: 1–9). Основные признаки – круглая втулка, подпрямоугольный, трапециевидный, овальный в сечении изогнутый клин, прямой или незначительно скошенный обух, механическая обработка поверхности (Гадзяцкая, 1976, с. 66; Кореневский, 1973, с. 41–44; Кузьмина, с. 92–102; Тихонов, Гришин, 1960, с. 63–65). Тип 1. С невыделенной передней стенкой втулки. Вариант а. Со слабо выгнутой спинкой, вогнутым брюшком, округлым вертикальным обухом, широким лезвием: Чурачикский могильник – два экземпляра и две литейные формы полузакрытого типа, Юськасы, д. Кюш (Нюрши) Чебоксарского уезда быв. Казанской губернии (?), Старые Урмары (Кореневский, 1973, с. 45; Тихонов, Гришин, 1960, с. 96; Соловьев, 2016, рис. 26: 2, 3, 5; Бадер, Халиков, 1976, рис. 52: 6). Предполагается формирование на основе северокавказских традиций опосредовано через ямную культуру (Кузьмина, 2003, с. 102; Тихонов, Гришин, 1960, с. 57). Вариант б. С изогнутым профилем, слегка скошенным, выпуклым, иногда ребристым, обухом, выемкой верхнего устья втулки – Мокруша, Балановский могильник (3 экз.)*,* бывшая Вятская губерния, д. Караякупово бывшей Уфимской губернии (Соловьев, 2016, рис. 51: 2, 3, 5, 7–9).

Тип 2. С выделенной передней стенкой втулки – Большие Яльчики, Юж-Озерная*,* бывшая Казанская губерния, Спасский*,* Лаишевский уезды, с. Болгары бывшей Казанской губернии, д. Тимирган (Тенигдан) бывшей Симбирской губернии, бывшая Вятская губерния (Соловьев, 2016, рис. 51: 4, 5, 6; 52: 2, 4, 7–9). На Верхней Волге такие топоры найдены в Волосово-Даниловском (1 экз. и две полузакрытые литейные формы), Фатьяновском (2 экз.), Горкинском (1 экз.), Вауловском

(2 экз.), Солнечногорском (1 экз.), Губцевском (1 экз.) могильниках (Гадзяцкая, 1976, табл. XXXI: 7, 8; Кореневский, 1973, с. 41, 42, рис. 2: 1–3, 6, 9, 10).

Корректное хронологическое разграничение типов и разновидностей невозможно. Точка зрения о сравнительно позднем возрасте второго типа базируется лишь на сходстве с узковислообушными абашевскими топорами, выполненными по более прогрессивной технологии (Кузьмина, 2003, с. 95, 96).

Тесло кованое, с клиновидным профилем, овальной разомкнутой втулкой, плоским закругленным лезвием (рис. 10: 31) – Балановo, сборы (Соловьев, 2016, рис. 54: 31). Аналогии на памятниках культур боевых топоров нам неизвестны. Отметим случайные волго-камские находки: Тувси, Ташкирмень, Сорочьи Горы.

Шилья (рис. 10: 25–28): а) обоюдоострые; б) с уплощенной или закругленной пяткой, округлым, четырехгранным, изредка шестигранным сечением (Соловьев, 2016). Балановo – 9 экз., Козловка, Аблязово, Павлушаты, Чурачики – по 1 экз. Длина – 2,5–6,3 см, толщина до 4 мм, наиболее крупное изделие достигало 15 см (Бадер, 1963, с. 189).

Иглы (рис. 10: 29, 30), тонкие (1,5 мм) круглые проволочные стержни длиной около 4 см – Балановo, Новое Сюрбеево (Соловьев, 2016).

Пронизи трубчатые (рис. 10: 21–22). В Балановском могильнике найдено 29 экземпляров, лежавших у кисти правой руки, в области шеи и таза. Обнаружены два ожерелья с остатками шнура. Первое из них (длина 18 см) включало 13 пронизей (Бадер, 1940, с. 81, рис. 21: 7), второе – три, на одну из них было нанизано семь спиральных колец (Соловьев, 2016, рис. 54: 23).

Пронизи спиральные (Соловьев, 2016, рис. 19: 77, 72). Балановo – два экземпляра (Бадер, 1963, рис. 123: 19, 21). Аналогии имеются в верхневолжских Воронковском, Волосово-Даниловском, Никульчинском могильниках фатьяновской культуры (Крайнов, Гадзяцкая, 1987, табл. 9: 6, 10: 12, 29: 60).

Накладки пластинчатые узкие с загнутым краем – Балановo (Бадер, 1940, рис. 22: 6, 7). Более широкий и короткий экземпляр обнаружен на Чирковской стоянке (Халиков, 1960, с. 12, рис. 63: 7).

Кольца проволочные разомкнутые (рис. 10: 1, 2) – Балановo, Новое Сюрбеево.

Кольца пластинчатые широкие (рис. 10: 16) – Новое Сюрбеево. Подобные украшения часто встречаются в фатьяновских погребениях (Гадзяцкая, 1976, с. 68, 69; Крайнов, Гадзяцкая, 1987, табл. 66: 5, 6).

Кольца спиральные (рис. 10: 3–15, 17–19, 23): а) в полтора, в два с половиной оборота из узких пластин, круглого, овального, подтреугольного, подквадратного дрота – Балановo (6 экз.), б) с одним острым, вторым с утолщенным тупым концом – Балановo (11 экземпляров), Таутово I, Новое Сюрбеево; в) с острыми концами – Балановo (2 экземпляра), Новое Сюрбеево (Соловьев, 2016, рис. 54: 1–10, 14, 15, 18, 19). Подвеска из сложенной вдвое проволоки – Балановo (Соловьев, 2016, рис. 54: 13). Напоминает изделия унетицкой культуры (Бадер, 1963, с. 194, рис. 123: 14).

Подвески крупные очковидные – два экземпляра (рис. 10: 24). Находки на Троицком селище (Лаишевский район Республики Татарстан) и волосовском поселении Шелангуш XIV (Соловьев, 2016, с. 88).

Периодизация и хронология. Первая аргументированная периодизация балановских древностей была разработана О.Н. Бадером, который выделил пять этапов и определил примерную хронологию каждого из них: козловский – конец III тыс. – XIX в. до н. э., балановский – XIX–XV вв. до н. э., атликасинский – XV–XIV вв. до н. э., ошпандинский – XIV–XII вв. до н. э., хуласючский – XI–IX вв. до н. э. (Бадер, 1961, с. 61; Бадер, 1963, с. 275, 276). А.Х. Халиков и Е.А. Халикова выделили четыре стадии: балановскую – первая половина II тыс. до н. э., атликасинскую – XV–XIV вв. до н. э., ошпандинскую – XIV–XII вв. до н. э., хуласючскую – конец II и начало I тыс. до н. э. (Халиков, Халикова, 1963, с. 263, рис. 16). В компромиссной схеме О.Н. Бадера и А.Х. Халикова козловский этап отсутствует (Бадер, Халиков, 1976, с. 76, 77). П.Д. Степановым были высказаны возражения против столь дробной периодизации. В существовании западноволжских памятников им было выделено только две фазы: балановско-ошпандинская с захоронениями в могильниках и определенным установившимся типом керамики (вторая – третья четверть II тыс. до н. э.) и хуласючская с подкурганными погребениями и изменившимся типом керамики (последняя четверть II тыс. до н. э.) (Степанов, 1967, с. 63).

В настоящее время общность боевых топоров на территории России датируется концом среднего бронзового века (XXV–XXII вв. до н. э.). Б.С. Соловьевым балановская культура Волго-Камья датируется последней четвертью III – первой четвертью II тыс. до н. э. (Соловьев, 2007б, с. 37; 2013, с. 7). Немногочисленные балановско-фатьяновские радиоуглеродные калиброванные даты охватывают XXVI–XVIII вв. до н. э. (Черных, Кузьминых, Орловская, 2011, табл. 5: а, б; 11: а, б). По памятникам с атликасинской керамикой имеются две радиоуглеродные даты (calBC 68,2%,

95,4%): Новое Сюрбеево – 2570–2465, 2620–2340; Волосово-Данилово – 2140–1920, 2300–1750 (Черных, Кузьминых, Орловская, 2011, табл. 5: а, б; 11: а, б). Е.Н. Черных и его ученики рассматривают балановский металлургический очаг в рамках Циркумпонтийской провинции, существовавшей до начала II тыс. до н. э. (Черных, 1970, с. 107, 108, рис. 67).

А.Х. Халиков связывал балановско-атликасинские комплексы чирковской культуры с началом сейминского хронологического горизонта (Халиков, 1987, с. 136–139). Б.С. Соловьев неоднократно писал о частичном хронологическом пересечении средневолжских поздневолосовских, балановско-атликасинских, хуласючских, чирковских, сейминско-турбинских, абашевских древностей (Соловьев, 1985, с. 87–99; Соловьев, 1988, с. 21–43; Соловьев, 2000, с. 55–59; Соловьев, 2003, с. 66; Соловьев, 2004б, с. 17). С.В. Большов и В.В. Никитин синхронизируют появление балановского населения в левобережье Средней Волги с развитым – последняя четверть III тыс. до н. э. (Большов, 2006, с. 148; Никитин, 1991, с. 66, 67), а Б.С. Соловьев с финальным этапом – начало II тыс. до н. э. (Соловьев, 2000, с. 23, 24, 55) – средневолжской волосовской культуры.

Проблема выделения и происхождения балановской и атликасинской культур. Балановская культура была выделена в середине прошлого столетия О.Н. Бадером (1940, с. 57–81). По его мнению, балановцы были носителями однородной, узко локальной балановской культуры, относящейся к обширной группе раннеметаллических культур Европы, известных под названием культур шаровидных амфор и боевых топоров (Бадер, 1961, с. 50, 51, 55; 1963, с. 250, 251). Для обоснования этого тезиса широко использовались выделенные антропологами древнесредиземноморские краниологические материалы Балановского могильника (Акимова, 1947б, с. 282; 1963, с. 322–362), а также особенности некоторых форм сверленых боевых топоров, не характерных для фатьяновской культуры (Бадер, 1961, с. 50, 51).

Многолетняя полемика выявила как сторонников (Большов, 2006, с. 147; Гадзяцкая, 1976, с. 8; Королев, Ставицкий, 2006, с. 173–178; Соловьев, 2000, с. 97; Третьяков, 1966, с. 83–94; Халиков, 1960, с. 73), так и противников самостоятельного таксономического статуса балановских древностей (Брюсов, 1952, с. 254–256; Ефименко, Третьяков, 1961, с. 82; Киселев, 1965, с. 49, 50; Крайнов, 1972, с. 11, 219; Степанов, 1958а, с. 134, 135; 1967, с. 65). Наиболее последовательным критиком являлся Д.А. Крайнов, который, признавая своеобразие балановских памятников, отмечал, что выделение их в особую культуру неправомерно. Поскольку балановские памятники, тесно связанные с фатьяновскими по обряду погребения, по инвентарю могильников, по орнаментации сосудов и по другим признакам, следует отнести к одному из локальных вариантов фатьяновской культуры. Выделение «балановской культуры» на основании разницы в антропологическом типе балановцев и фатьяновцев не может служить веским аргументом, так как иногда в одной и той же культуре встречаются разные антропологические типы (Крайнов, 1972, с. 11, 205, 219, 238, 266). По мнению В.В. Ставицкого, балановские древности представляют собой поздний хронологический вариант фатьяновских памятников (Ставицкий, 2005). Б.С. Соловьев настаивает на самостоятельном культурном статусе балановских памятников, связывая их появление с процессами взаимодействия носителей фатьяновских и атликасинских культурных традиций (Соловьев, 2016, с. 37).

Первоначально О.Н. Бадером была высказана точка зрения, что генезис балановской культуры следует связывать с областью распространения древнесредиземноморского антропологического типа, истоки которого он искал в древнеямных памятниках (Бадер, 1961, с. 65; 1963, с. 312). С территорией южнорусских степей связывал происхождение балановских древностей и А.Я. Брюсов, полагая, что их сложение осуществилось на ямно-катакомбной основе при участии северокавказской культуры с последующей миграцией в Волго-Камье через Верхнее Подонье (Брюсов, 1961, с. 14–33; 1965, с. 52). П.Н. Третьяковым было высказано предположение, что исходная территория балановцев должна была лежать южнее Среднего Поднепровья, а путь их на Волгу проходил через лесостепные пространства днепровского Левобережья, по верховьям Дона, минуя поречье Оки (Третьяков, 1966, с. 91). С незначительными поправками данная точка зрения была принята О.Н. Бадером и А.Х. Халиковым, которые пришли к заключению, что вторжение происходило южнее правого берега Оки через Суру и Свиягу. Вскоре было занято Присурье, Предволжье и Заволжье до устья Камы. Затем под натиском абашевцев балановцы двинулись на запад и рассеялись между Волгой и верховьями Суры и Мокши. Сокращение ареала на ошпандинском (бассейн Суры, Сурско-Окское междуречье, правый берег Волги) и хуласючском (нижнее течение Суры) этапах объяснялось давлением поздняковских, чирковско-сейминских, приказанских племен (Бадер, Халиков, 1976, с. 81, 82; Халиков, 1964, с. 55–58; Халиков, Халикова, 1963, с. 264–268). С последним тезисом высказал свое несогласие Б.С. Соловьев, поскольку его опровергают свидетельства толерантных позднебалановско-чирковских взаи-

моотношений и более поздний возраст луговских, атабаевско-маклашеевских, поздняковских древностей (Соловьев, 1988, с. 55–59).

Согласно концепции П.М. Кожина, балановская культура возникла в Среднем Поволжье при взаимодействии атликасинского и «протофатьяновского» компонентов. Второй субстрат, связанный с «амфорными» сообществами украинской лесостепи, затем стал основой верхневолжской фатьяновской культуры, а на Средней Волге получил продолжение в виде «постпротофатьяновской» группировки, синхронной балановской (Кожин, 1967). Данная точка зрения вызвала негативную реакцию современников (Бадер, 1970, с. 53; Бадер, Халиков, 1976, с. 9, 10; Гадзяцкая, 1976, с. 9, 10), но в целом была поддержана Б.С. Соловьевым (2011, с. 224–230). По мнению Б.С. Соловьева, на рубеже III–II тыс. до н. э. на Средней Волге и Вятке появляется население, изготовлявшее близкую фатьяновской керамику. Приблизительно в это же время в Предволжье и Ветлужско-Вятское междуречье проникают носители лесостепных атликасинских культурных традиций. Две близкие группы населения вступают в тесный контакт, результатом которого становится появление грунтовых атликасинских и синкретических атликасинско-балановских погребений Балановского и некоторых других средневолжских могильников, гибридной посуды. Дальнейшее развитие данного процесса привело к возникновению памятников типа Ош-Пандо и Хула-Сюч, наиболее ярко отражающих своеобразие средневолжской балановской культуры (Соловьев, 1988, с. 91–98).

В.В. Ставицкий подверг сомнению сурско-свияжское направление миграции, полагая, что бассейн р. Мокши балановцы освоили только на атликасинском этапе (Ставицкий, 2005, с. 62–66). По его мнению, балановские и атликасинские древности иллюстрируют дальнейший процесс развития фатьяновской культуры, традиции населения и хозяйственный тип которой претерпевает существенные изменения по мере продвижения на восток – юго-восток. При этом им не исключается возможность дополнительных среднеднепровских импульсов, которые могли обусловить некоторые особенности керамических и погребальных (курганных) традиций атликасинского населения.

Е.Н. Волкова по результатам технико-типологического изучения керамики пришла к выводу о существовании фатьяновских, атликасинских и ош-пандинских культурных традиций (Волкова, 2019).

Атликасинская культура впервые была выделена П.М. Кожиным, который разделил погребальные комплексы Балановского могильника на «основные и первоначальные балановские» и более поздние «атликасинские», происхождение которых, по его мнению, не было связано с «амфорными» и «шнуровыми» сообществами боевых топоров (Кожин, 1963, с. 25–37; 1967, с. 13). Концепция, идущая вразрез устоявшимся схемам, вызвала негативную реакцию современников. Подчеркивалась неубедительность выделения атликасинской культуры, «представленной почти только одним маленьким курганным могильником в Атликасах и группами керамики в некоторых других памятниках» (Бадер, 1970, с. 53). О.Н. Бадер и А.Х. Халиков писали: «Представляется необоснованным выделение самостоятельной, притом очень древней, атликасинской культуры. Культура балановского населения атликасинского периода продолжает развитие культуры предшествующего времени. Ревизия этого положения хотя и заслуживает внимания своей оригинальностью, остается недоказанной» (Бадер, Халиков, 1976, с. 10, 78). Однако впоследствии концепция П.М. Кожина поддержана Б.С. Соловьевым, который пришел к выводу о хронологическом приоритете атликасинских древностей по отношению к балановским (Соловьев, 2000, с. 50, 51, 55–56; 2007, с. 175–191).

Территория расселения (рис. 1, 2). Точку зрения О.Н. Бадера и А.Х. Халикова о проникновении балановцев на Среднюю Волгу вдоль Свияги подтверждают условные могильники (Старые Урмары, Шамбулыхчи, Варварино, Большие Мими, Монастырское), местонахождения керамики (Балабаш-Нурусово, Базяково, Полянки). Очевидно, мигранты, практиковавшие придомное скотоводство, быстро освоили лесостепные ниши (Петренко, 1984, с. 118–120).

Средневолжские хуласючские памятники тяготеют к бассейну Нижней Суры и прилегающему правобережью Волги: Анинское, Хмеловское, Васильсурские II, V, Сомовские I, II, Медякасы, Сароево, Чебаково, Малые Луши, Калугино, Тоганаши, Изванкино, Писералы, Новая Екатериновка, Сирмапоси, Мамалаево и др. (Патрушев, 1989, с. 103–114; Соловьев, 1988, с. 127–134, рис. 56–59; Халиков, 1960, с. 130–140; Халиков, Халикова, 1963, с. 238–268).

На небольшом (диаметр 3 км) участке Таутово – Раскильдино (бассейн Цивиля) выявлены атликасинский, атликасинско-балановский могильники, хуласючское поселение, многочисленные находки сверленых топоров (Соловьев и др., 2014, с. 13–16, № 20, 22–25; Степанов, 1967, с. 30; Трубникова, 1958, с. 260).

Долгое присутствие носителей балановской культуры в Марийском Полесье демонстрируют многочисленные поселения, стоянки, местонахождения: Удельный Шумец I, II, XIV; Сутыри I,

V, Мазары I, Уржумка, Галанкина гора нижнее, Юрино, Красный Выселок, Алатайкино, Семеновка, Мариер и др. (Архипов, Никитин, 1977, с. 25; 24, рис. 12: 5, 6; Халиков, 1960, с. 34, 58, 59); Ахмылово II, Нижняя Стрелка IV, Линевое II (Никитин, 1977, с. 16, рис. 2: 1; Соловьев, 1988, с. 109–116). Заселение юга Ветлужско-Вятского междуречья из волжского правобережья (Бадер, Халиков, 1976, с. 77) подтверждается высокими индексами родственности керамики по образам орнамента Балановского могильника и Галанкиной горы, классических атликасинских курганов и Кубашевского поселения (Соловьев, 2016, табл. 1).

Исходя из отсутствия следов аборигенного энеолитического населения, Вятский увал и прилегающие возвышенные равнины во время появления атликасинско-балановских коллективов пустовали. Здесь известны многочисленные находки сверленых и клиновидных топоров (Бадер, Халиков, 1976, карта 1; Соловьев, Карпелан, Кузьминых, 2012, рис. 1), атликасинские и балановские памятники: Синцово, Кубашево, Павлушаты, Марийская Лиса. Наличие грунтовых могильников предполагает обширные коллекции каменных и медных орудий: Данилово (Княжна), Ронга, Чирки, Дубовляны, Масканур, Мосино (Соловьев, 2011, с. 226; Соловьев, Карпелан, Кузьминых, 2012, с. 62–91). Основной ареал этой группировки охватывал правобережье Пижмы, среднее течение Большой и Малой Кокшаги, Вятки. Отдельные коллективы проникли на левый берег Вятки, где вступили в кратковременное соприкосновение с позднегаринскими (юртиковскими) сообществами: Буй I, II, Чернушка II, Усть-Курья (Бадер, Халиков, 1976, с. 84, 85, № 31, 33: 3, 4; Голдина, 1999, с. 130). Хуласючские проявления здесь отсутствуют (Бадер, Халиков, 1976, с. 64, 80; Соловьев, 2004а, с. 39).

Расселение представителей общности боевых топоров на юге лесного Поволжья определяли два взаимосвязанных фактора: географический и исторический. Значительную роль сыграли ландшафтные особенности региона. По мнению Б.С. Соловьева, пришедшие на данные территории скотоводы заняли свободные лесостепные пространства, не претендуя на низменные лесные территории, контролируемые местными поздневолосовскими группировками охотников и рыболовов. Разнообразие природных зон определило мирное сосуществование с аборигенами, итогом которого стало формирование в Марийско-Чувашском Поволжье синкретической чирковской культуры (Соловьев, 2000, с. 98, 99). Иной точки зрения придерживается В.В. Ставицкий, который полагает, что балановское скотоводство в основном было приурочено к луговым поймам, что обусловило иную модель взаимодействия с местным населением. По его мнению, материалы поселения Галанкина Гора наглядно иллюстрируют процесс ассимиляции балановцами аборигенов, о чем свидетельствует процесс деформации волосовских керамических традиций, который зафиксирован Е.Н. Волковой на материалах поздних построек данного памятника (Волкова, 2019). С данным предположением согласуется и топография балановских поселений, приуроченных к местам волосовских поселков. Исторический фактор обусловлен бурными событиями «великого переселения евразийских народов» рубежа среднего – позднего бронзового века. По мнению ряда авторов, атликасинско-балановские и формирующиеся чирковские популяции столкнулись с абашевцами, захватившими значительную часть Предволжья и возвышенные районы Ветлужско-Вятского междуречья. Отражением конфликта (Бадер, Халиков, 1976, с. 79–81; Соловьев, 2000, с. 99) являются коллективные захоронения абашевских воинов со следами смертельных травм, хуласючские и чирковские поселения на высоких мысах (Бадер, Халиков, 1976, с. 81, карта 1, табл. 10: 522, 642, 645, 16: 511, 538, 656, 658, 18: 629, 634, 648 650; Гадзяцкая, 1976, табл. IX: 4, 8; X: 11, 16; 171: 19; 173–175; Каховский, 1983, с. 19, 21, 22, рис. 6, 8; Ставицкий, Шитов, 2008, рис. 169: 1–6). Однако по мнению О.В. Кузьминой (1992) и П.Ф. Кузнецова (2004), абашевские захоронения Пепкинского кургана нельзя рассматривать в качестве свидетельства абашевско-балановской конфронтации. До сих пор неизвестны примеры расположения абашевских поселков на местах бывших балановских поселений. В отличие от балановцев, абашевское скотоводство было ориентировано на водораздельные территории, которые были слабо освоены носителями культуры боевых топоров, что в принципе создавало возможность для относительно мирного сосуществования.

Очевидно влияние на историко-географическую ситуацию сейминско-турбинских группировок, включавших носителей покровских и кротовско-елунинских культурных традиций (Соловьев, 2013, с. 29–35). Их взаимоотношения с балановско-фатьяновским и фатьяноидно-чирковским населением (Галанкина Гора, Кубашево, Юринская стоянка, Васильсурск V, Туровское, Войможное 1, Березовая Слободка II–III) остаются неясными (Соловьев, 1988, с. 21–41).

Появление в Волго-Камье племен восточной ветви общности боевых топоров совпало с ксеротермической фазой суббореала, характеризующейся потеплением, спадом уровня гидрологи-

ческой сети, формированием на юге лесной зоны лесостепных ландшафтов (Никитин, Соловьев, 2002, с. 21). Климатические изменения заставили местное волосовское население, в основном занимавшееся интенсивным рыболовством, сосредоточиться в южно-таежной Марийской низине, благоприятной для ведения присваивающего хозяйства. Мигранты, практиковавшие комплексную экономику с доминантой придомного скотоводства, освоили привычные для них лесостепные экологические ниши возвышенного Предволжья и пойменные луга Ветлужско-Вятского междуречья. Следуя инерции движения, балановские и атликасинские коллективы проникли на левый берег Вятки, в Среднее и Нижнее Прикамье, Среднее Поволжье ниже устья Камы (Бадер, Халиков, 1976, с. 83–84; Голдина, 1999, с. 130).

Массив, близкий фатьяновскому, характеризуется грунтовыми кладбищами, глубокими могилами со скорченными захоронениями, отсутствием применения огня в погребальных ритуалах, наличием крупных «амфорных» сосудов: Козловка, Павлушаты, Красновидово, ранние погребения Балановo. Атликасинская группировка отличается курганами с кремацией и ингумацией на грунте или в мелких могильных ямах, ярко выраженной геометрической орнаментацией керамики: Атликасы, Кумаккасы, Раскильдино, Синцово. Первый субстрат закрепился в бассейне нижней Свияги, прилегающих районах Волги, второй – на нижней Суре. Эти компоненты стали основной формирования балановской культуры.

Хуласючские коллективы плотно заселили нижнее Присурье и прилегающее волжское Правобережье, где наряду с «чистыми» существовали смешанные поселки, отражающие тесные контакты с чирковскими популяциями (Соловьев, 2000, с. 59). О смещении части средневолжского населения в Среднее Посурье, Верхнее и Самарское Поволжье свидетельствуют Киржеманские курганы (Денисов, 1958, с. 111; Ставицкий, 2005, с. 33, рис. 23: 11, 12; Ставицкий, Шитов, 2008, с. 140, 141, рис. 167: 111, 112, 169: 1–5), погребение со следами кремации Чуркинского могильника, многочисленные местонахождения хуласючской керамики (Бадер, Халиков, 1976, с. 83, № 2, 3, 102, табл. 10: 30, 16: 44–46, 48–56, 18: 17–23, 31–36). Скорее всего, балановская культура прекратила свое существование в первой четверти II тыс. до н. э. Окончательное решение этой проблемы следует отложить до появления убедительной серии калиброванных радиоуглеродных дат.

Исчезновение балановско-фатьяновских популяций объяснялось поглощением, ассимиляций, уничтожением прафинскими племенами (Бадер, 1966, с. 36; 1972, с. 28; Крайнов, 1972, с. 269–271; Крайнов, Гадзяцкая, 1987, с. 54).

Д.А Крайнов полагал, что фатьяновская культура, оставившая глубокие следы в древнейшей истории лесной зоны Восточной Европы (Крайнов, 1964, с. 19), на территории Волго-Окского междуречья прекратила свое существование в связи с появлением абашевских племен, племен с текстильной керамикой и племен поздняковской культуры. В результате сложного смешения и взаимодействия потомков культуры с ямочно-гребенчатой керамикой, поздневолосовской, фатьяновской, абашевской, поздняковской, культуры с текстильной керамикой на территории центра Русской равнины образовались ранние городищенские культуры (дьяковская, городецкая, ананьинская, юхновская, культуры со штрихованной керамикой) (Крайнов,1987, с. 76). Возможно, фатьяновское и фатьяноидное население принимало участие в формировании общности «текстильной» керамики (Воронин, 1998, с. 320; Косменко, 1991, с. 148; Третьяков, 1966, с. 136).

Судьба балановской культуры остается загадочной (Бадер, Халиков, 1976, с. 82). Вероятно, ее финал связан с распространением на юге лесной зоны срубно-андроноидных и прафинских сообществ второй фазы позднего бронзового века (Соловьев, 2000, с. 99).

ГЛАВА 2
АБАШЕВСКАЯ КУЛЬТУРА

Конец эпохи средней бронзы в Волго-Уралье представлен абашевской культурой. Эта культура была выделена В.Ф. Смолиным (Смолин, 1928) по материалам одноименного могильника, исследованного в правобережье Среднего Поволжья. Она сразу же привлекла к себе внимание и её изучение было продолжено (Ефименко, Третьяков, 1961, с. 43–110). Вскоре абашевские памятники стали известны на Южном Урале (Сальников, 1954), где были раскопаны не только могильники, но и первые поселения.

К настоящему времени памятники абашевской культуры открыты в правобережье и левобережье Среднего Поволжья (Кривцова-Гракова, 1947а, с. 92–98; Мерперт, 1961, с. 111–156; Халиков, 1961, с. 157–241; Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966; Большов, 2003, и др.), на Южном Урале (Сальников, 1967, с. 17–146; Горбунов, 1986; Горбунов, Морозов, 1991; Горбунов, 1992, с. 143–154; Ткачев, 2007, с. 215–228, и др.), на средней Каме (Бадер, 1940, 1964), в Самарском Поволжье (Кузьмина, 2000а, с. 85–121, и др.), на Оке и в Верхнем Поволжье (Крайнов, 1962, с. 51–63; Бадер, 1970, Луньков, Энговатова, 2003, с. 193–197, и др.), на Десне (Артёменко, Пронін, 1976).

Изучению типологии и химического состава металла абашевской культуры было уделено внимание в работах Е.Н. Черных. На основе полученных данных абашевская культура была вписана в систему относительной хронологии культур эпохи бронзы Восточной Европы (Черных, 1970; 1989).

Большое исследование по абашевской культуре было предпринято А.Д. Пряхиным. Абашевская культура рассматривалась им как культурно-историческая общность, объединяющая три локальные культуры – доно-волжскую, средневолжскую и южноуральскую (Пряхин, 1971; 1976, с. 10–69; 1977, с. 8–47; 1987, с. 124–131). Доно-волжская культура была признана исследователем самой ранней, так как её происхождение связывалось с местной энеолитической культурой. Прекращение существования абашевской культуры представлялось как результат ассимиляции абашевской культуры срубной. Открытие новых памятников и анализ известных ранее не подтвердили этой гипотезы. Выяснилось, что в Подонье есть лишь отдельные, наиболее поздние абашевские памятники, которые сохраняют культурную окраску только в производстве керамики, да и то не во всех аспектах. В доно-волжской абашевской культуре полностью отсутствуют оригинальные абашевские украшения – бляшки-розетки, браслеты с желобчато-реберчатым сечением, шитьё мелкими бронзовыми деталями. Нет и типичных орудий труда и оружия – наконечников копий верхнекизильского типа, узковислообушных топоров, однолезвийных ножей/косарей и т. д. Погребальные памятники демонстрируют совсем иной, не характерный для абашевской культуры обряд погребения. Следовательно, не обладая основными признаками абашевской культуры, доно-волжские памятники не могут к ней относиться. С другой стороны, их материалы находят прямые аналогии в памятниках покровской культуры. Исключительная важность доно-волжских памятников заключается в том, что они показывают процесс формирования и ранний этап покровской культуры.

Южноуральский вариант абашевской культуры всесторонне проанализирован В.С. Горбуновым. Им дана классификация и культурно–хронологическая оценка исследованных памятников (Горбунов, 1986; 1992). Особенно интересны проведенные в Башкирском Приуралье раскопки поселений, среди которых, безусловно, выделяется поселение Тюбяк (Обыденнов, Горбунов, Муравкина, Обыденнова, Гарустович, 2000).

Памятники абашевской культуры открыты и на Среднем Урале. Это поселение Серный Ключ (Борзунов, Стефанов, Бельтикова, Кузьминых, 2020). Абашевские материалы представлены в Турбинском могильнике (Бадер, 1964).

Анализу различных аспектов абашевской культуры был посвящен ряд работ О.В. Кузьминой (Кузьмина, 1992; 1995; 1999; 2000; 2000б; 2002; 2003; 2008; 2011).

Абашевские памятники Среднего Поволжья освещены в исследованиях С.В. Большова. Особое значение для понимания характера абашевской культуры в левобережье Среднего Поволжья имеют материалы раскопанного им могильника Пеленгер I (Большов, 2003; 2006).

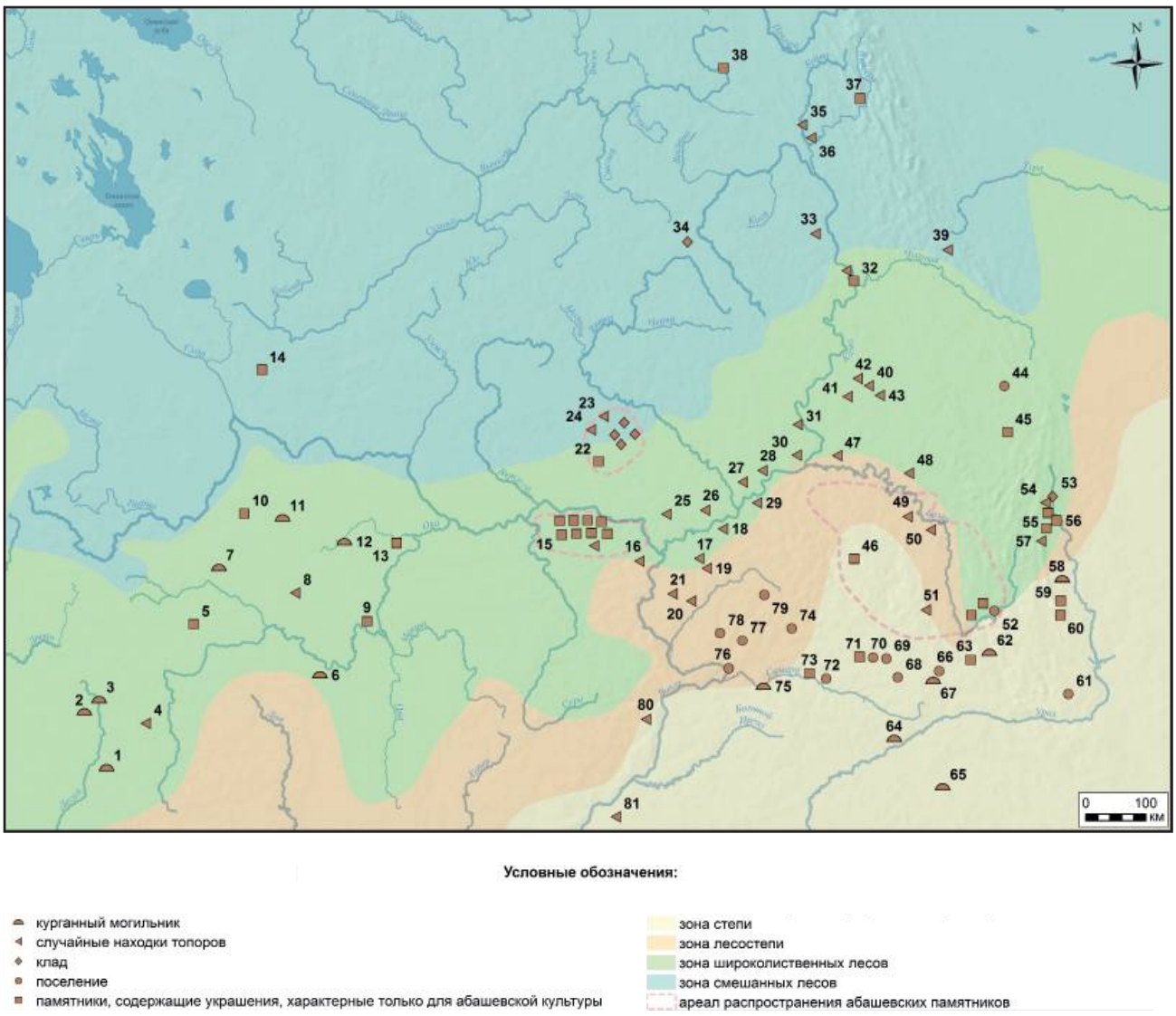


Рис. 1. Памятники абашевской культуры

1 – Салтановка, 2 – Лунёво, 3 – Немеричи, 4 – Некрасовка, 5 – Огубь, 6 – Старший Никитинский, 7 – Орлово I, 8 – Воймежное, 9 – Земское, 10 – Кухмарский, 11 – Петряиха, 12 – Сенинские Дворики, 13 – Подборица-Щербининская, 14 – Галичский клад, 15 – Абашевские памятники Сурско-Свияжского междуречья (подробная карта могильников дана на рис. 2, топоров – на рис. 6), 16 – Абашевские топоры (подробная карта дана на рис. 6), 17 – Билярск, 18 – Чистопольский уезд, 19 – Ильдеряково, клад, 20 – Карташиха, 21 – Болгары, 22 – Абашевские могильники Вятско-Ветлужского междуречья (подробная карта могильников дана на рис. 2), 23 – Яранский уезд, 24 – Березенки, 25 – Девлезери, 26 – Лаишевский уезд, 27 – Рождественский, 28 – Елабуга, 29 – Ананьинская дюна, 30 – Гремячий Ключ, 31 – Сарапул, 32 – Турбино, 33 – Баглино, 34 – Коршуновский клад, 35 – Чердынь, 36 – Усть-Щугор, 37 – Писаный камень, 38 – Ульяново, 39 – Горбуновский торфянник, 40 – Китрюм, 41 – Коровино, 42 – Б. Ошья, 43 – Сивинское, 44 – Серный Ключ, 45 – Юкалекулево, 46 – Абашевские памятники Южного Приуралья (подробная карта дана на рис. 2), 47 – Кутеемово, 48 – Бирск, курган, 49 – Уфа, 50 – Миловка, клад, 51 – Стерлибашевский район, 52 – Азануй, 53 – Клад Веселова, 54 – Мало-Кизильское, 55 – Верхне-Кизильский клад, 56 – Баишево IV, 57 – Таган-Таш, 58 – I Альмухометовский, 59 – Тавлыкаевский VI, 60 – Кусеево, 61 – Родниковое, 62 – Русско-Тангировский, 63 – Максимовский, 64 – Ибрагимово III, 65 – Илекшар I, 66 – Белозерка 1, 67 – У горы Березовой, 68 – Пушкинское I, 69 – Ивановка I, 70 – Токское, 71 – Каляпово, 72 – Сухореченское II, 73 – Никифоровское лесничество, 74 – Красные Пески, Венера I, Глубокое Озеро, Точка, 75 – Человечья голова, Съезжее, Красносамарский II, пос. Максимовка I, 76 – Пещера Братьев Греве, Белозерки, Ст. Семейкино, 77 – Ильинка IV, Красный Городок, Лебяжинка IV, Лебяжинка V, Русская Селитьба II, Чесноковка I, 78 – Алмазовка, Булькуновка, Шабановка, 79 – Суруш, 80 – Вязов Дол, 81 – Подстепная колония.

Информация для составления карты (Халиков, 1961, рис. 69; Сальников, 1967, рис. 1; Артеменко, Пронін, 1976, с. 66–76; Горбунов, 1986, табл. 1; Кузьмина, 2000, рис. 2; Кузьмина, 2000а, рис. 2; Большов, 2003, с. 89–94; Луньков, Энговатова, 2003, рис. 1; Ткачев, 2007, рис. 60)

Таким образом, в настоящее время абашевская культура представлена значительным числом памятников, относящихся ко всем категориям археологических источников. Их анализу посвящен ряд публикационных и аналитических работ, которые легли в основу данного очерка.

Особенностью абашевской культуры, вытекающей из её истории, является не сплошное заселение какой-то территории, а расположение памятников группами (рис. 1). Эти группы находятся на значительном расстоянии друг от друга. Но фактически только в Среднем Поволжье – в правобережье и левобережье (рис. 2: 1), а также в Южном Приуралье (рис. 2: 2) фиксируется значительное скопление памятников, что свидетельствует о длительном пребывании там носителей абашевской культуры.

В целом памятники абашевской культуры (могильники и случайные находки топоров) находятся в зоне широколиственных лесов от Десны на западе до Прикамья на востоке, а единичные из них – в зоне смешанных лесов (отдельные погребения, клады и случайные находки топоров). В Волго-Уралье ситуация иная. Здесь абашевские памятники располагаются не только в зоне широколиственных лесов, но, поздние из них, в лесостепной и даже степной зонах. В каждой из этих зон есть могильники, поселения, случайные находки топоров. Клады есть только в зоне широколиственных лесов.

В результате расширения территории, но не сплошного её заселения, отдельные группы носителей абашевской культуры оказались оторванными друг от друга. При сохранении своего культурного облика и связи между группами каждая приобрела свои особенности, определяемые той природной и культурной средой, в которой они оказались. Анализ оставленных ими памятников позволяет выделить в абашевской культуре локальные варианты – средневолжский и южноуральский.

Абашевская культура – это культура скотоводов и металлургов. В состав стада абашевцев входили крупный и мелкий рогатый скот, лошадь и свинья. Значительный процент свиньи в стаде объясняется преимущественным обитанием носителей абашевской культуры в зоне широколиственных лесов, где условия содержания свиньи наиболее благоприятны. Скотоводство имело подвижной характер, что, вероятно, объясняет отсутствие долговременных поселений в большинстве районов обитания абашевской культуры. Поселения обнаружены только в Волго-Уралье. На всех поселениях есть свидетельства металлообработки. Вероятно, именно разработка рудных источников в Южном Приуралье привела к изменению образа жизни и появлению стационарных поселков. В абашевской культуре складывается самое развитое для того времени металлопроизводство, которому присущи технологии, характерные для среднего бронзового века. Это использование мышьяковистых бронз, глиняных литейных форм и изготовление кованных втулок для крепления изделий. Основным материалом для изготовления оружия, орудий и украшений абашевской культуры являлся металл. Общими чертами в технологии изготовления металлических изделий абашевской культуры являются сочетание литья и ковки, использование

Рис. 2. Абашевские памятники в Среднем Поволжье (1) и на Южном Урале (2)

Сурско-Свияжское междуречье

1 – Тиханкинский, 2 – Алатырь, 3 – Ядринский уезд, 4 – Васильсурское городище, 5 – Миняшкинский, 6 – Паратмарский, 7 – II Виловатовский, 8 – I Виловатовский, 9 – Таныш-Касы, 10 – Пепкино, 11 – Богородское, 12 – Карамышево, 13 – Можары, 14 – Алгаши, 15 – Станьялы, 16 – Пикшик, 17 – Б . Янгильдино, 18 – Абашево, 19 – Тохмеево, 20 – Икково, 21 – Теби-Касы, 22 – Досаево, 23 – Тауш-Касы, 24 – Катергино, 25 – Ст. Шагали, 26 – Кайбицы, 27 – Тюрлема, 28 – Карашамский, 29 – Васюковский, 30 – Победенский I, 31 – Победенский II, 32 – Свияжский уезд, 33 – Куланга, 34 – Юлдузский, 35 – Шоркинский

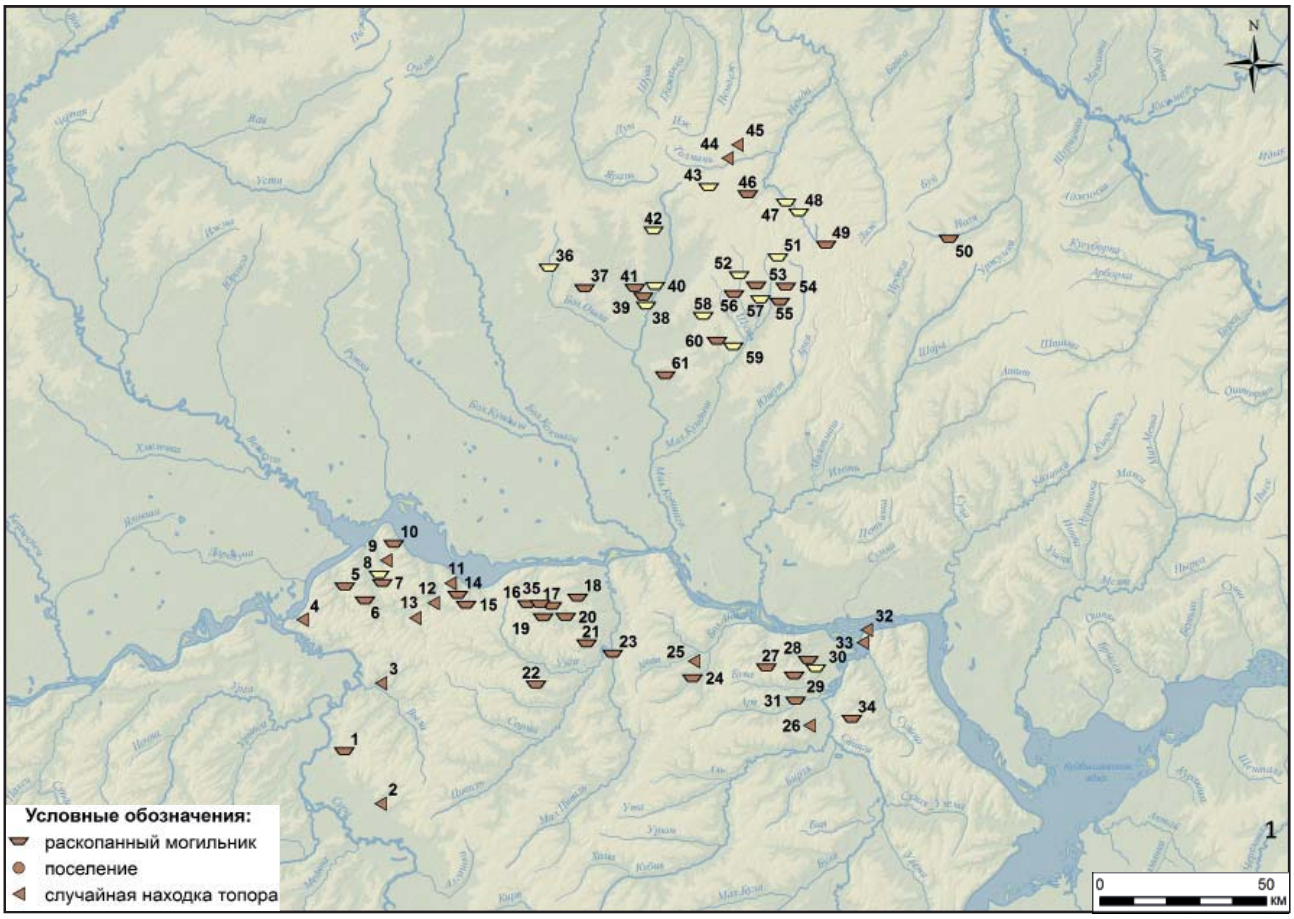
Волго-Вятское междуречье

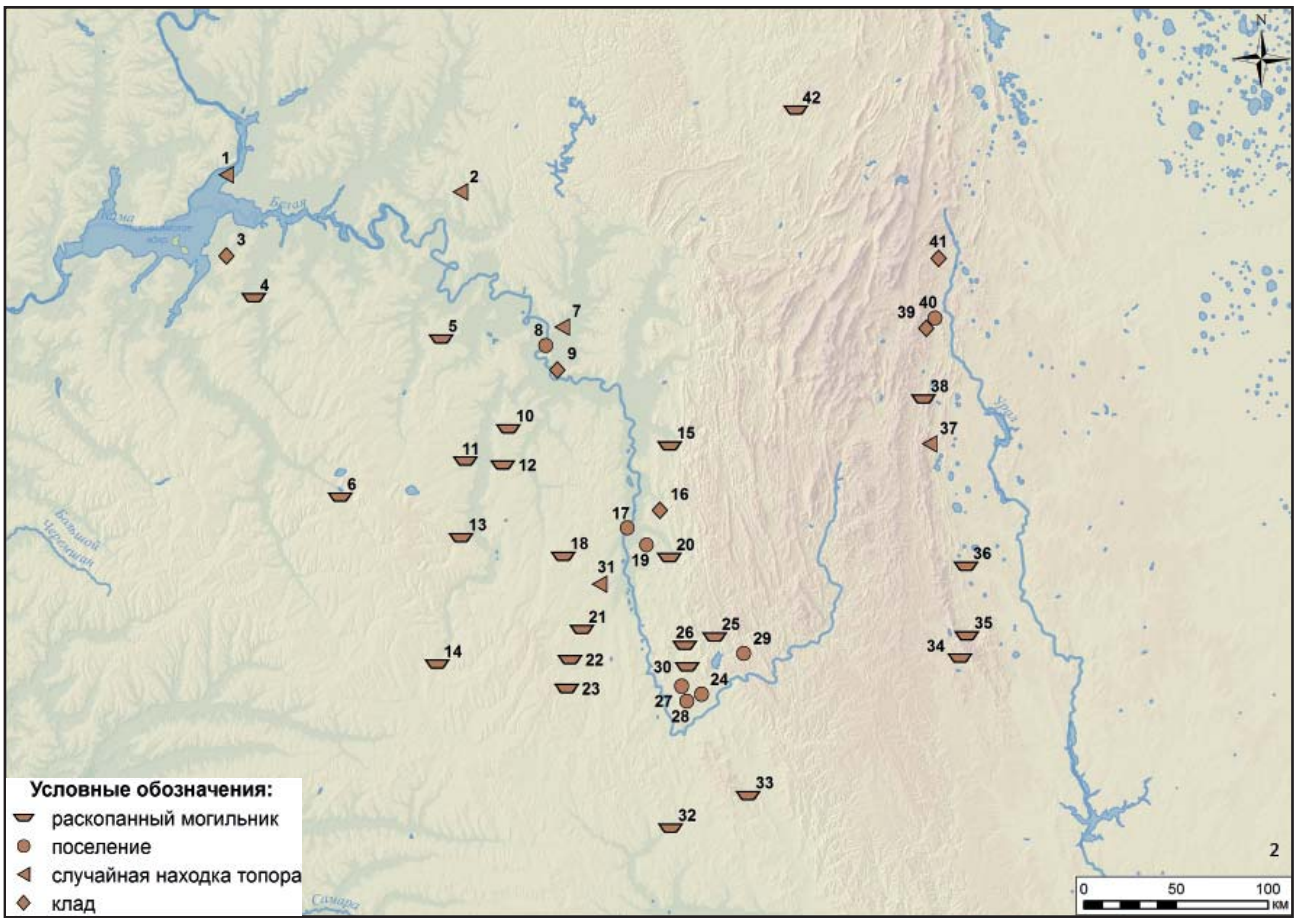
36 – Студено-Ключевский, 37 – Упшинский, 38 – Пеленгер II, 39 – Пеленгер I, 40 – Великопольский, 41 – Малокугунурский, 42 – Большепуяльский, 43 – Кугланурский, 44 – Яранский уезд, 45 – Березенки, 46 – Вильялы, 47 – Сосновский, 48 – Шинурский, 49 – Шукшиерский, 50 – Нартасский, 51 – Басалаевский, 52 – Алеевский, 53 – Прокопьевский, 54 – Тапшер, 55 – Семейкинский, 56 – Троицкий, 57 – Русско-Колянурский, 58 – Акашевская, 59 – Абаснурская, 60 – Сретенский, 61 – Туруновский

Икско-Бельское междуречье

1 – Кутерёмово, 2 – Бирск, курган, 3 – Клад Москательникова, 4 – Ст. Куручево, 5 – Сынтыш-Тамакский, 6 – Метев-Тамак, 7 – Уфа, 8 – Романовка II, 9 – Миловка, клад, 10 – Кучумовский, 11 – Ст. Ябалыклы, 12 – Чукраклы, 13 – Н. Чуракаевский, 14 – Набережный, 15 – Тугаевский, 16 – Долгая гора, клад, 17 – Баланбаш, 18 – Казбуруновский III, 19 – Урняк, 20 – Ахмеровский II, 21 – Уметбаевский, 22 – Якуповский, 23 – Ишмухаметово, 24 – Тюбяк, 25 – Юмаковский, 26 – Береговский, 27 – II Береговское, 28 – I Береговское, 29 – Азануй, 30 – Красногорский III, 31 – Стерлибашевский р-н, 32 – Максимовский, 33 – Русско-Тангировский, 34 – Тавлыкаево VI, 35 – Кусеево, 36 – I Альмухометовский, 37 – Таган-Таш, 38 – Баишево IV, 39 – Верхне-Кизильский клад, 40 – Мало-Кизильское поселение, 41 – Клад Веселова, 42 – Юкалекулево

Полный список дан в работе В.С. Горбунова (Горбунов, 1986, табл. 1)


N
Условные обозначения:
раскопанный могильник
поселение
случайная находка топора
1
0
50
км


N
Условные обозначения:
раскопанный могильник
поселение
случайная находка топора
клад
2
0
50
100
км

стержневидного и втульчатого крепления изделий, укрепление рабочих частей ребрами жесткости. Ряд изделий абашевской культуры сначала возник как оружие, а затем стал использоваться как орудие труда (например, плоский топор – тесло, однолезвийный кривой нож – серп). Каменные и костяные поделки в абашевской культуре единичны.

Абашевская культура представлена такими категориями археологических источников, как могильники, поселения, клады и случайные находки. Распределение их по локальным вариантам различно. Так, в средневолжском варианте абашевской культуры известны только могильники и случайные находки топоров и копий, а в южноуральском представлены все категории археологических памятников.

Погребальные памятники абашевской культуры

Могильники являются самой многочисленной категорией памятников абашевской культуры, и они есть во всех районах её распространения (Кузьмина, 2003, с. 152–155).

В правобережье Среднего Поволжья абашевские погребальные памятники находятся в междуречье Суры и Свияги (23 могильника, 320 курганов). Они располагаются по берегам небольших рек. Большинство их находится в бассейне Большого Цивиля и содержит по 13–50 курганов в каждом.

В левобережье Среднего Поволжья абашевские могильники (21 могильник, 245 курганов) находятся на некотором расстоянии от волжских берегов, в бассейне р. М. Кокшаги. Основным районом сосредоточения этих памятников являются реки Малая и Большая Ошла, где могильники содержат по 28–50 курганов в каждом.

В Южном Приуралье, в междуречье Ика и Урала, зафиксировано более 20 могильников и в них свыше 250 курганов. Наиболее насыщены памятниками бассейны Демы и Белой. Здесь расположены могильники, в каждом из которых до 30 курганов.

В Среднем Поволжье абашевская культура была первой курганной культурой. Н.Я. Мерперт высказал предположение о том, что какое–то время абашевские могилы имели только небольшие надмогильные холмики. По истечении определенного времени одна или несколько могил перекрывались курганной насыпью (Мерперт, 1961, с. 149). По всей видимости, эта картина характеризует процесс формирования абашевской культуры, когда элементы степного погребального обряда – сооружение кургана – накладываются на традиции грунтового погребального обряда лесных культур.

Главной особенностью погребальной площадки является столбовая оградка вокруг одного или нескольких погребений. Оградки одинарные или двойные. Если погребений несколько, то одна оградка пристроена к другой. За оградками и внутри них есть следы костров и ямы от столбов – предполагаемых идолов (Мерперт, 1961, с. 148, 149). По истечении определенного срока погребальная площадка перекрывалась курганом. Землю для насыпи брали тут же, о чем свидетельствуют окружающие курганы ровики. На Южном Урале наряду со столбовыми известны каменные оградки (Горбунов, 1986, с. 36–39). В могильнике возможны от 1 до 11 курганов с каменными оградками.

На подкурганной площадке зафиксированы остатки костров (Мерперт, 1961, с. 147–149). Угли из костров ссыпали в могильную яму, и они лежали кучками у разных частей тела погребенных. В южноуральских памятниках следы костров отмечены и на перекрытиях могильных ям (Збруева, 1958, с. 35).

Для абашевских погребальных памятников не характерны жертвенники из костей животных на уровне погребенной почвы. Но в единичных могильниках они есть и, как правило, связаны с кострищами. Это отдельные кости ног и зубы овцы, коровы, свиньи и лошади. В единичных случаях жертвенное животное находилось в специальной яме. Скелет барана лежал на углях (Абашево, к. 2), мощный зольник соседствовал с ямой, наполненной костями животных (Кухмарский, к. 27), в яме с оградкой находились челюсти и кости ног лошади (Береговский, 6), погребение лошади (Ахмерово, к. 1). В целом жертвенники расположены в южной, юго-западной или юго-восточной поле кургана.

Жертвенники на перекрытии или на краю могильной ямы также нехарактерны для абашевской культуры, но и здесь есть исключения: Метев-Тамак, погребения 2–4 – кости свиньи, лошади, овцы и коровы, челюсть бобра, а также угли находились на перекрытии погребения; Ст. Ябалыклы, 27/5 (здесь и далее первая цифра указывает номер кургана, а вторая — номер погребения) – на камнях лежали 6 челюстей коровы и 7 альчиков; Никифоровское, п. 7 – на краю могильной ямы лежали нижние челюсти барана, альчики и другие кости; Баишево IV, курганы 1–2, Ахмерово, курган 5 – на перекрытии погребений лежали кости барана. Во всех случаях кости животных располагались в ногах умершего. В Абашевском могильнике, 3/1, на коленях погребенной находилась деревянная жаровня с угольками и костями животных.

Таким образом, на позднем этапе абашевской культуры в погребальных памятниках представлены не только свидетельства развитого культа огня, но и культы, связанные с домашними животными.

Около погребений или на их перекрытии стали сооружаться жертвенники, в которых оставлялись черепа и кости ног, главным образом овцы и лошади. Эти жертвенники находятся на углях или рядом с кострищами.

Погребения под курганом располагались парами или рядами, параллельно длинным сторонам друг друга. Некоторые погребения расположены перпендикулярно основной паре или ряду погребений.

Размеры могил небольшие. Они рассчитаны только на погребенного и 1–2 сосуда. Умерший укладывался на спину с подогнутыми в коленях ногами. Руки лежали кистями на тазовых костях, в ряде случаев – вытянуто вдоль туловища или сложены на груди. Основной ориентировкой являлось положение умершего головой на ЮВ или В (что встречается реже). В отдельных случаях – на СВ и Ю. Сосуды в погребении ставились у головы и у ног умершего.

Абашевские могильники Южного Приуралья имеют ряд особенностей. Здесь известны могилы больших размеров, стенки которых обложены каменными плитами или деревом. Из этих же материалов сделаны перекрытия. Другой особенностью является больший процент широтных ориентировок (не только на В, но и на З). В большинстве южноуральских абашевских погребений кости человека разрозненны или отсутствуют, что, по мнению исследователей, не является случайностью, а связано с определенными воззрениями носителей абашевской культуры (Горбунов, 1986, с. 42). Надо отметить, что и в средневолжских погребениях такой обряд хорошо известен (Мерперт, 1961, с. 151), но в южноуральских он является ведущим, преобладая над обрядом трупоположения. Еще одной особенностью южноуральских памятников являются единичные погребения с кремациями (Горбунов, 1986, с. 43, 44).

В погребениях присутствовали кости животных. Это астрагалы овцы/козы и свиньи/кабана, значительно реже – коровы, а в одном случае – медведя (Пепкино, п. 1). Астрагалы помещались около верхней части туловища – у рук и головы погребенного. Кроме астрагалов в могиле присутствуют отдельные кости ног или зубы животных.

В южноуральских, а также в поздних абашевских памятниках на всех территориях кости животных в могильной яме представлены черепами/челюстями и костями ног барана, козы, редко коровы. Череп лошади лежал на костях ног двух погребенных (Баишево IV, 1/1). В погребениях есть также отдельные кости коровы, свиньи, лошади и бобра. Кости животных помещались в ногах погребенного. Отдельные косточки животных находились в сосудах.

Таким образом, в абашевских памятниках кости животных присутствуют как в могильной яме, так и на ее перекрытии или рядом с ней. Животные, составлявшие основу стада (крупный и мелкий рогатый скот, а также лошадь), представлены черепом и костями ног или суставными костями (астрагалами). Дикие животные (кабан, медведь, бобр) и собака – только клыками. Исключение составляет медведь, который представлен и клыками и астрагалами.

Судя по преобладанию костей мелкого рогатого скота в погребениях, как напутственной пищи, и значительно реже встречаемых костей крупного рогатого скота, можно предположить, что коровы разводились, в основном, для молочного производства.

Погребальный обряд абашевской культуры довольно сложен. Он имеет особенности в локальных вариантах культуры. На позднем этапе культуры погребальный обряд претерпевает изменения. Тем не менее основные его признаки характерны для всех абашевских могильников, что позволяет объединить их в рамках одной культуры.

Поселения абашевской культуры

Поселения абашевской культуры известны на Южном Урале (бассейны Ика, Дёмы, Белой). На позднем этапе абашевской культуры абашевские поселения появляются в Южном Зауралье, Волго-Уралье и Оренбуржье (бассейны Сока и Самары, Тока, Сакмары). Большинство поселений не имеет мощного культурного слоя и жилищ с углубленным котлованом (Сальников, 1967, с. 21, 22; Горбунов, 1986, с. 22–35; Кузьмина, 2000а, с. 88–95). На территории абашевских поселков, особенно на Южном Урале, обнаружены многочисленные свидетельства металлообработки – фрагменты тиглей, литейных форм, вкладыши в литейные формы для отливки топоров (Сальников, 1967, с. 18–22; Горбунов, 1992, с. 190–192). Наиболее информативными среди них являются поселения Баланбаш, Мало-Кизильское, Береговские I, II, Урняк (Сальников, 1954; Горбунов, 1986, с. 22–35; Кузьмина, 2011), Тюбяк (Обыденнов, Горбунов, Муравкина, Обыденнова, Гарустович, 2000), Азануй (Морозов, 2003), Серный Ключ (Борзунов, Стефанов, Бельтикова, Кузьминых, 2020).

Клады и случайные находки абашевской культуры

В настоящее время известно по крайне мере 5 кладов абашевской культуры (Ефименко, Третьяков, 1961, с. 79–81; Сальников, 1967, с. 40–46; Кузьмина, 2000, с. 99, 100). В них содержались бронзовые втульчатые топоры, наконечники копий и дротиков, ножи, однолезвийные ножи/косари, плоские топоры/тесла, пробойники, крючки, а также украшения – гривны, браслеты, бляшки-

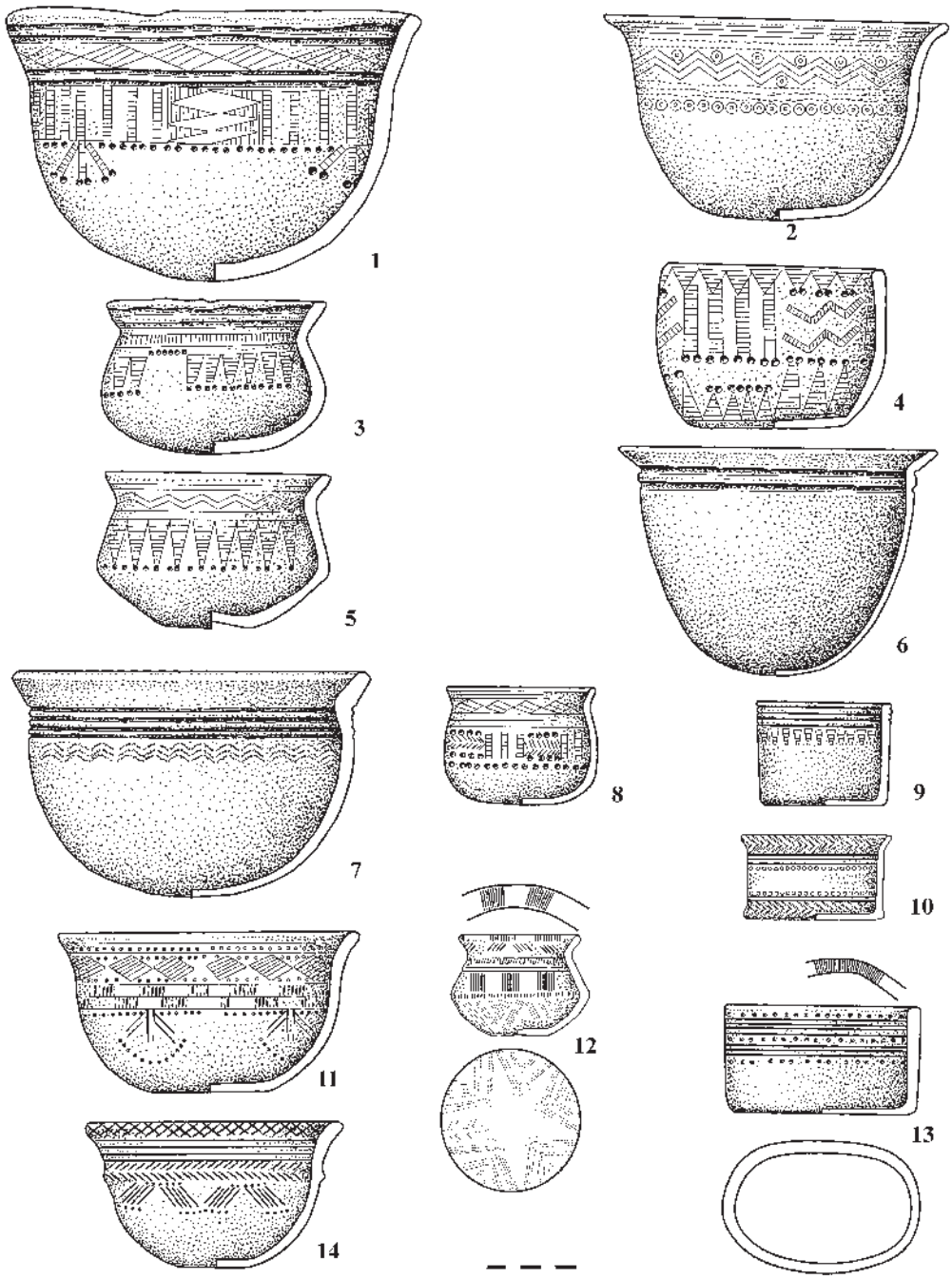


Рис. 3. Керамика абашевской культуры из могильников Правобережья (1–6) и Левобережья Среднего Поволжья (7–14)

1 – Пикшик, 12/1 (Мерперт, 1961, рис. 11: 2); 2 – II Виловатовский, 14/на погребенной почве (Большов, Кузьмина, 1995, рис. 16: 1); 3 – Пикшик, 12/3 (Мерперт, 1961, рис. 15: 1); 4 – II Виловатовский, 10/1 (Халиков, 1961, табл. II: 4); 5 – Пикшик, 3/4 (Мерперт, 1961, рис. 6: 6); 6 – II Виловатовский, 17/7 (Большов, Кузьмина, 1995, рис. 17: 5); 7 – Пеленгерский I, 13/1/сосуд 1 (Большов, 2003, рис. 36: 2); 8 – Пеленгерский I, 20/1/сосуд 1 (Большов, 2003, рис. 43: 7); 9 – Пеленгерский I, 19/2/сосуд 2 (Большов, 2003, рис. 42: 2); 10 – Пеленгерский I, 26/1/сосуд 3 (Большов, 2003, рис. 47: 10); 11 – Пеленгерский I, 44/1/сосуд 3 (Большов, 2003, рис. 61; 1); 12 – Пеленгерский I, 1/1 (Большов; 2003, рис. 23; 2); 13 – Пеленгерский I, 16/1/сосуд 1 (Большов, 2003, рис. 39: 2); 14 – Пеленгерский I, 23/3/сосуд 1 (Большов, 2003, рис. 45: 2)

розетки, очковидные подвески, перстни, пронизи. В Южном Приуралье, в бассейне Белой – это клады у Долгой горы и Тихоновский. Они находятся на основной территории распространения абашевской культуры и содержат изделия только абашевской культуры. В других известных кладах, найденных на окраинных территориях распространения абашевской культуры: в правобережье р. Урал (Верхне-Кизильский клад), в верховьях Вятки (Коршуновский клад), на Верхней Волге (Галичский клад) – кроме изделий абашевской культуры находились сей-

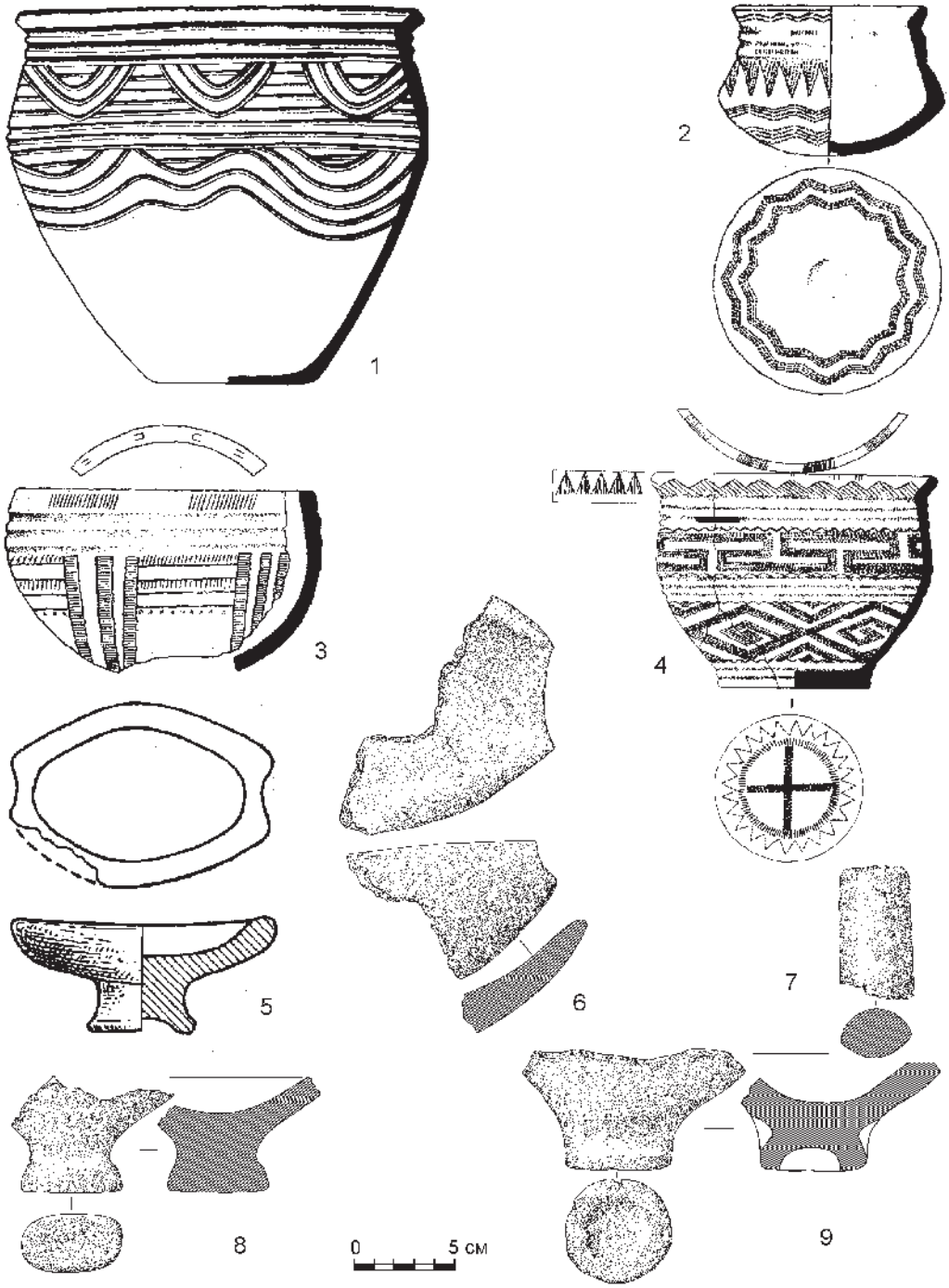


Рис. 4. Керамика абашевской культуры из южноуральских памятников (1–4)
Производственная керамика – тигли (5–6; 8–9); вкладыш в литейную форму для отливки топора (7)

1 – Никифоровское лесничество, 9 (Васильев, Пряхин, 1979, рис. 5: 2); 2 – Чукраклинский, 3/1 (Васюткин, Горбунов, Пшеничнюк, 1985, рис. 4: 1); 3 – Чукраклинский, 11 (Васюткин, Горбунов, Пшеничнюк, 1985, рис. 4: 2); 4 – Никифоровское лесничество, разрушенные погребения (Васильев, Пряхин, 1979, рис. 5: 6); 5 – Сретенка, 4/3 (Халиков, 1961, таб. X: 1); 6–9 – Баланбаш (Кузьмина, 2011, рис. 9; 10: 1; 6: 1; 5: 1)

минско–турбинские бронзы (ножи, массивные клевцы/стилеты и т. д.).

Еще одной категорией памятников абашевской культуры являются случайные находки бронзовых втульчатых топоров и наконечников копий (Кузьмина, 2008, с. 54). Особенностью культуры является большое их число.

Керамическое производство абашевской культуры

Ведущей категорией находок в абашевских памятниках, безусловно, является керамика (Кузьмина, 1999, с. 154–205). К специфическим признакам абашевской керамики относится открытая, подколоколовидная форма, отсутствие у сосудов

шейки и наличие как круглодонных, так и плоскодонных сосудов.

Керамика делится на несколько групп по морфологическим признакам. В этом наборе форм есть определенная иерархия, при которой главную смысловую нагрузку несет на себе чаша. Это большой сосуд с лощеной поверхностью, орнамент которого имеет сложную композицию. По всей видимости, чаша имела некое объединяющее значение для всего рода. В кургане, как правило, только одна чаша. Она стоит на погребальной площадке, а не в погребении. Далее в иерархии следуют маленькие остроребериые сосудики. Это индивидуальные сосуды для питья. Они ставились непосредственно в погребение. Эти сосуды имеют, по сравнению с чашами, усеченную орнаментальную композицию, но со специфическими для них элементами. На протяжении истории культуры маленькие остроребериые сосудики приобретали все большее значение. Ту же роль индивидуальных сосудов для питья играли стакановидные баночки. Наиболее многочисленной и наименее орнаментированной формой керамики являются сферические широкогорлые сосуды. Горшковидные и большие баночные сосуды являются производными от сферических сосудов и, по всей видимости, функционально равными им.

Остановимся на характеристике основных форм абашевской керамики.

Чаши (рис. 3: 1, 2) – это большие, круглодонные сосуды с плавно отогнутым венчиком. Они имеют толстые стенки и лощеную поверхность. Известны чаши с плоским дном (рис. 3: 11, 14) и закрытой формы (рис. 4: 3). Чаши имеют наиболее сложный орнамент.

Маленькие остроребериые сосудики – это сосуды небольших размеров, с коротким, резко отогнутым или высоким, плавно отогнутым венчиком, с плоским или уплощенным дном. Ребро расположено на середине (рис. 3: 5) или в нижней части тулова (рис. 4: 2). Поверхность сосуда лощеная. Орнамент покрывает верхнюю половину или всю внешнюю поверхность.

Стакановидные банки (рис. 3: 9) – это маленькие сосуды с прямым венчиком, цилиндрическим туловом и плоским дном. Часть из них орнаментирована так же сложно, как и маленькие остроребериые сосудики (рис. 3: 4). В поздней левобережной абашевской керамике появляются варианты этих сосудов с овальным в плане устьем (рис. 3: 13) или с коротким отогнутым венчиком (рис. 3: 10).

Баночные сосуды – это большие сосуды с прямым венчиком или прикрытым устьем, выпуклым туловом, плоским дном и простой орнаментацией (рис. 5: 2).

Сферические сосуды (рис. 3: 6–7) – это бесшейные, широкогорлые, круглодонные сосуды с округлым туловом и коротким, резко отогнутым венчиком, иногда имеющим внутренний желобок. Некоторые из них имеют уплощенное дно. Для сферических сосудов характерны горизонтальные пропорции, но на позднем этапе культуры они приобретают вертикальные пропорции. Сферические сосуды украшались только в верхней части тулова и самым простым орнаментом.

Горшки (рис. 4: 1) – это бесшейные сосуды с коротким, резко отогнутым венчиком, округлым, выпуклым туловом и плоским дном. Это крупные сосуды, украшенные только в верхней части. Среди поздней южноуральской керамики есть маленькие горшочки (рис. 4, 4), которые имели, напротив, наиболее сложный орнамент. В южноуральской керамике также известна разновидность горшков с ребром в верхней части тулова.

Тигель – это сосуд на ножке, с овальной чашей, в ряде случаев с двумя сливами (рис. 4: 5, 6, 8, 9). На ножке есть желобчатое углубление для удержания тигля при работе. Ножка может иметь глубокий поддон. Такая форма тигля характерна только для абашевской культуры. Это производственная керамика, служившая для плавки металла.

Набор керамических форм в разных районах обитания абашевской культуры имел свои особенности. Так, набор средневолжского варианта абашевской культуры включает сферические сосуды, чаши, стакановидные и маленькие остроребериые сосудики, тигли. Горшки и большие банки единичны. Круглодонные формы сосуществуют с плоскодонными на протяжении всей истории существования варианта.

Для южноуральского варианта абашевской культуры характерны горшки, банки, чаши, маленькие остроребериые сосудики и тигли. Стакановидные сосуды здесь единичны, а сферические – не известны. Все формы керамики плоскодонны.

Сквозными типами, показывающими принадлежность локальных вариантов к одной абашевской культуре, являются чаши и маленькие остроребериые сосудики.

Форма сосуда тесно связана с его орнаментацией. В зависимости от формы сосуда орнаментировалась только верхняя часть тулова или весь сосуд, включая дно, внутреннюю поверхность венчика и его срез. Более того, прослеживается связь между формой сосуда и элементами орнамента.

Элементы орнамента делятся на геометрические, елочные и рельефные. По всей видимости, наиболее значимым геометрическим элементом являлся ромб. Первоначально он наносился только на чаши и использовался в самых сложных композициях, располагаясь в верхнем мотиве. Углы ром-

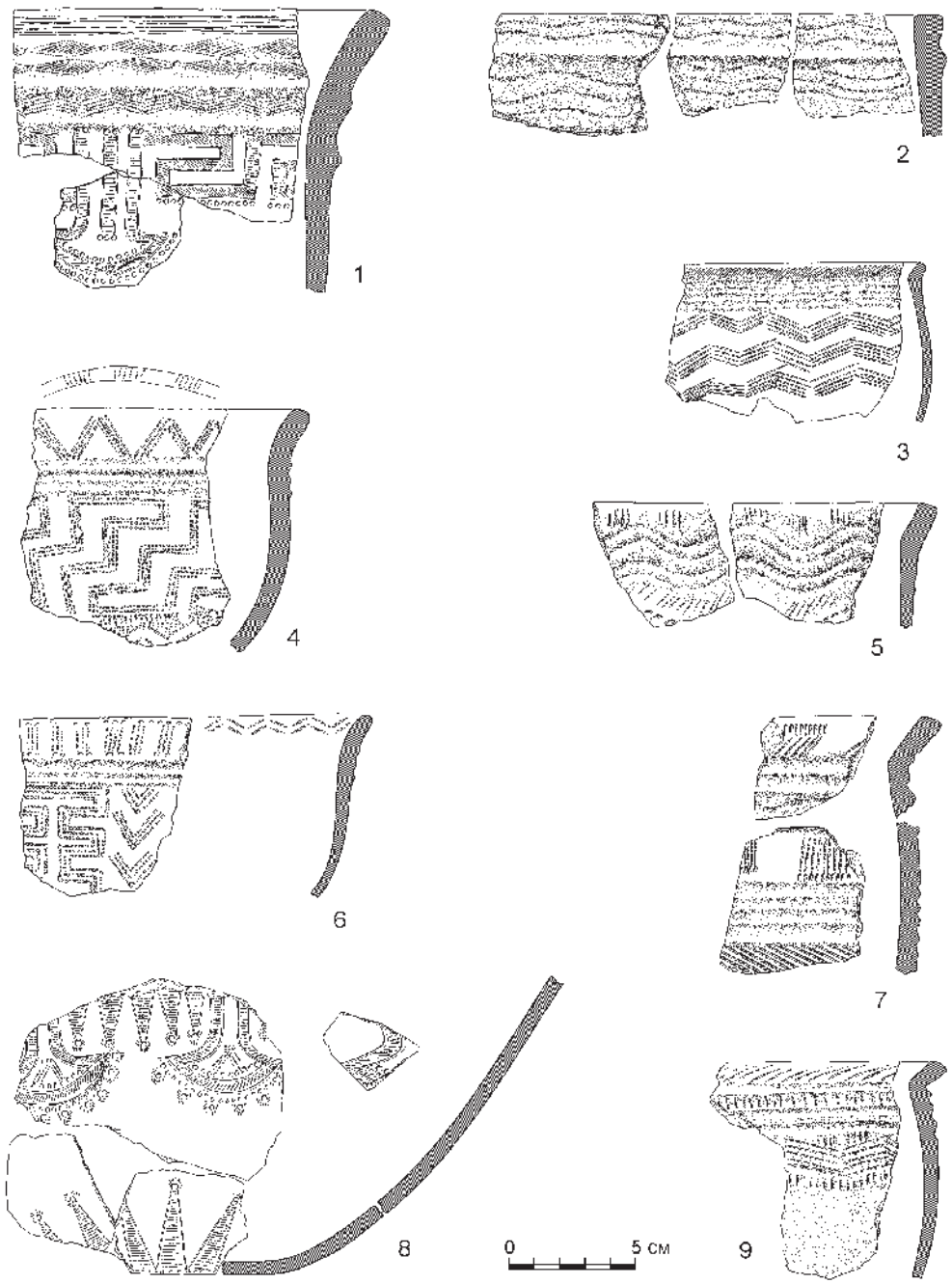


Рис. 5. Поселенческая керамика абашевской культуры
Поселение Баланбаш (Кузьмина, 2011, рис. 11: 1; 21: 1; 16: 3; 12: 2; 19: 1; 12: 1; 17: 1; 14: 4; 16: 1)

бов оформлялись ямками. На протяжении истории культуры изменения произошли за счет способа изображения ромба (двойное очерчивание, разная штриховка внутреннего пространства) и за счет изменения его места в композиции (появление ромба в мотиве на тулове). Постепенно ромб стал использоваться для орнаментации не только чаш, но и других форм сосудов.

Лесенки – специфически абашевский элемент орнамента. Лесенками изначально орнаментировались только чаши, позже они перешли на маленькие остроребеpные сосудики.

На основе лесенки было создано множество вариантов, как за счет её пространственного разворота (горизонтальная, вертикальная, зигзаговидная) или способа изображения (группа вертикальных линий, неочерченная лесенка), так и за счет создания на её основе сложных меандровидных и сечковидных фигур.

Узкий треугольник с горизонтальной штриховкой является главным вариантом лесенки. Он в свою очередь имеет множество вариантов за счет пространственного разворота (вершиной вверх или вниз), способа изображения (очерчен

и заштрихован; состоит из пучка линий или из вписанных углов; получен штриховкой углов зигзага), за счет изменения углов (узкий, широкий, прямоугольный треугольник). Треугольник чаще всего использовался для орнаментации маленьких остроребериых сосудиков.

Елочные элементы – горизонтальная и вертикальная елочка, зигзаг горизонтальный (одинарный и многорядный) и вертикальный из 3–5 элементов, сетка, шалашики, кресты прямые и косые.

Рельефные элементы орнамента (рис. 4: 1; 5: 2) – это валик и каннелюры. Каннелюры могли быть как прямыми, так и волнистыми.

Геометрические, елочные и рельефные элементы могли сочетаться в одной композиции.

Первоначальное ядро в наборе элементов орнаментации абашевской культуры составляют ромбы, лесенки, узкие висячие треугольники, елочки (Кузьмина, 1999). Как представляется, это ядро сложилось в рамках правобережного средневолжского варианта абашевской культуры. Орнамент средневолжской и южноуральской керамики построен как на изначальном наборе орнаментальных элементов, так и на вариантах элементов, что формирует специфику средневолжской и южноуральской орнаментации.

В правобережье Среднего Поволжья от раннего к развитому этапу культуры увеличивается число вариантов основных элементов орнамента и расширяется круг форм, на которые наносятся эти элементы. На позднем этапе число элементов сокращается, они упрощаются. Сокращается круг орнаментированных форм керамики. Основной орнамент переходит на маленькие остроребериые сосудики.

Особенностью орнамента керамики из левобережных средневолжских абашевских памятников является введение таких новых вариантов, как неочерченные или многократно очерченные элементы (лесенки и треугольники). Новыми являются вписанные углы из пучков длинных линий, древовидные фигуры и элементы округлых очертаний.

Особенностью южноуральской абашевской керамики является большое число сложных элементов. Это сечковидные фигуры, прямоугольные и ромбовидные меандры, уточки. Все они созданы на основе лесенок – основного орнаментального элемента абашевской культуры. Все элементы многократно очерчены. Наряду с узким появляется широкий треугольник. Исчезает треугольник с горизонтальной штриховкой. Горизонтальная елочка группируется. Каннелюры являются почти обязательным элементом для всех форм керамики. В ряде случаев каннелюры орнаментированы.

Мотивы. Особенностью абашевского орнамента является чередование в одном мотиве разных элементов, расположенных вертикально и горизонтально, или чередование элементов с пустым пространством. В результате получается разреженный орнамент, состоящий из отдельных элементов, не соединенных между собой. Другим вариантом мотива является последовательность только вертикально или только горизонтально расположенных одинаковых элементов.

В одном мотиве одинаковые элементы могут различаться размерами и быть вписанными один в другой, образуя вертикальную фигуру. Вписанными могут быть и разные элементы, например, треугольники вписаны в шалашики или в меандр.

Ромбы в мотиве составляют непрерывную цепочку и дополняются только парными ямками. В левобережье Среднего Поволжья появляются мотивы, в которых ромбы маленькие и не соединены друг с другом.

Лесенки в мотиве всегда дополняются другими элементами, что придает своеобразие абашевскому орнаменту. Непрерывный ряд из вертикальных лесенок разбивается горизонтально расположенными элементами – треугольниками вершинами друг к другу, двумя рядами горизонтальной елочки или вертикальной елочкой. Лесенки (классические или в виде простых вертикальных линий) могут располагаться пучком (кистью) по три. Каждая из них заканчивается снизу двумя ямками.

Узкие треугольники (дополненные ямками у вершины) составляют в мотиве непрерывный ряд или расположены группами, чередуясь с группами ямок или с вертикальной елочкой.

Меандры образуют мотивы, в которых элементы расположены плотно, горизонтально, с перетеканием одного элемента в другой.

Композиция абашевского орнамента представляет собой горизонтально расположенный двойной поясок, от которого спускаются фартучки.

Верхний поясок состоит из горизонтальной цепочки ромбов, нижний – из мотива с вертикальными лесенками, чередующимися с горизонтально расположенными элементами. Фартучки состоят из групп вертикальных лесенок или из пучков лесенок.

Мотивы в композиции следуют один за другим без оставления пустого пространства. Мотивы разделяются горизонтальными линиями и каннелюрами.

Основные элементы оформлялись круглыми или семечковидными ямками, короткими насечками.

Полная, классическая композиция и классические, культурообразующие элементы (лесенка, ромб) размещались на чашах (рис. 3: 1), занимая большую часть внешней поверхности.

Композиция в усеченном виде – без фартучков и с заменой классических элементов на их варианты (треугольник, зигзаги) – наносилась на маленькие остроребериые сосудики (рис. 3: 5; 4: 2) и стакановидные баночки (рис. 3: 4), занимая всю поверхность, включая дно, а также срез и внутреннюю поверхность венчика. Постепенно ведущая орнаментация стала наноситься не только на чаши, но и на маленькие остроребериые сосудики.

Самая простая композиция, без геометрических элементов, изображалась на полусферических сосудах, горшках и банках большого размера (рис. 5: 2).

Особенностью левобережной средневолжской керамики является появление на поздней керамике новой композиции, состоящей только из мотивов с горизонтальными элементами. Большую роль играют елочные и зигзаговидные узоры. Они замещают геометрические элементы и располагаются в верхних и нижних мотивах. Геометрические элементы меняются в размерах – ромбы уменьшаются, а треугольники увеличиваются. Мотивы с треугольниками редки. Мотивы с ромбами более часты, но меняют свое место, перемещаясь с шейки на тулово, хотя есть и традиционные композиции. Повторение мотивов со сгруппированными элементами образует шахматный узор.

Особенностью южноуральской керамики являются сложные композиции, в которых может быть несколько мотивов с геометрическими элементами (вписанными фигурами, уточками, треугольниками, лесенками), при отсутствии в этих композициях елочных узоров, что делает рисунок сложным, вычурным, насыщенным. На поздней керамике геометрический орнамент отходит на второй план и его место занимают каннелюры и елочный орнамент. Элементы горизонтально расположены и перетекают один в другой. Мотивы удваиваются и даже многократно повторяются. Они располагаются так, что между ними образуются мотивы из белых элементов – ромбов, зигзага, креста (рис. 5: 1), вероятно, имитирующих аппликацию.

Особенность отдельных вариантов абашевской культуры окончательно оформляется на позднем этапе, что подтверждает керамический материал. В Среднем Поволжье культура оставалась на своем изначальном месте и изменения в орнаменте выражены через вариации классического орнамента. На Южном Урале культура пришла на новую территорию и включила в себя местное население, в орнаментации керамики которого главную роль играли елочные узоры, нанесенные зубчатым штампом. Елочные узоры и мелкозубчатый штамп и раньше были известны в абашевской культуре, но здесь они стали ведущими. Классический абашевский орнамент остается на классических формах – чашах и маленьких остроребериых сосудиках.

Способы нанесения орнамента. В орнаментации средневолжской абашевской керамики ведущим является прочерченный орнамент. Мелкозубчатый штамп первоначально использовался только для чаш, а затем перешел на все формы, хотя и применялся редко. Рельефный орнамент в виде валиков использовался для чаш, а в виде каннелюр – для сферических сосудов.

При орнаментации южноуральской абашевской керамики главную роль играет мелкозубчатый штамп. На ранней южноуральской керамике резной орнамент сохраняет свое значение, особенно на ведущих формах и при нанесении ведущих элементов. На поздней керамике он не употребляется (исчезает вместе с элементами, которые прочерчивались). На позднем этапе на южноуральской керамике каннелирование поверхности становится обязательным элементом орнаментации, а на горшках и банках часто и единственным.

Стиль. Для орнаментации абашевской керамики характерен геометрический стиль. Геометрические элементы являются центральными в композиции. Прорисовка каждого элемента довольно сложная. Сначала наносился контур элемента, затем он заштриховывался. Далее элемент в целом обрамлялся ямками или короткими насечками. Другой способ прорисовки заштрихованного элемента – многократное его очерчивание. Характерным является и так называемый «белый» мотив. Это расположение двух мотивов с геометрическими элементами таким образом, что между ними образуется пустое пространство в виде цепочки «белых» ромбов, треугольников, зигзаговидной ленты. Сложность узора создавалась и за счет того, что в одной композиции сочеталось несколько разных геометрических элементов. Этот геометрический орнамент еще больше усложнялся добавлением елочных и рельефных мотивов.

Изначально абашевский узор составлялся из отдельных, не соединенных между собой в мотиве фигур. На поздней керамике вертикальные элементы заменяются горизонтальными. Один элемент в мотиве перетекает в другой и от этого узор становится плотным, насыщенным. Этот эффект усиливается из-за многократного повторения одних и тех же мотивов без оставления пустых пространств между ними.

В целом абашевскую композицию отличает сочетание плоскостного/вдавленного (прочерченного или штампованного) и объемного/рельефного (валики, каннелюры) орнамента. Сложный абашевский орнамент, аккуратно нанесенный мелкозубчатым штампом, имеет вид вышивки.

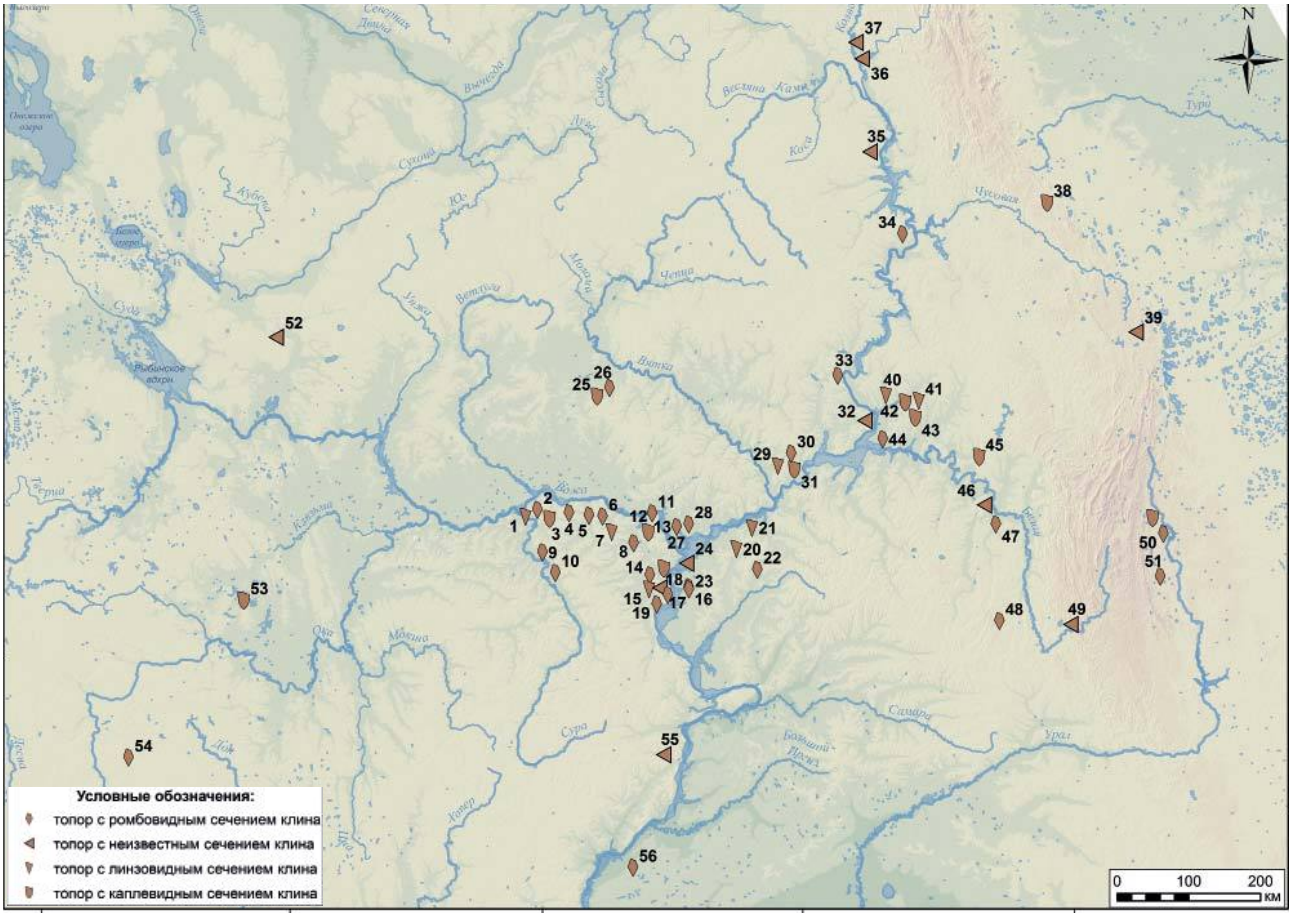


Рис. 6. Ареал распространения бронзовых втульчатых топоров абашевской культуры

1 – Васильсурское городище, 2 – Таныш-Касы, 3 – Пепкино, курган, 4 – Богородское, 5 – Можары, 6 – Карамышево, 7 – Старые Шагали, 8 – Кайбицы, 9 – Ядринский уезд, 10 – Алатырь, 11 – Свияжский уезд, 12 – Куланга, 13 – Н. Тояба, 14 – Юмрали, 15 – Бакрчи, 16 – Тетюши, 17 – Тетюшский уезд, 18 – Кулчаны, 19 – Шемякино, 20 – Билярск, 21 – Чистопольский уезд, 22 – Ильдеряково, 23 – Карташиха, 24 – Болгары, 25 – Яранский уезд, 26 – Березенки, 27 – Девлезери, 28 – Лаишевский уезд, 29 – Рождественский починок, 30 – Ананьинский могильник, Ананьинская дюна, 31 – Елабуга, 32 – Гремячий Ключ, 33 – Сарапул, 34 – Турбино, 35 – Баглино, 36 – Чердынь, 37 – Усть-Щугор, 38 – Горбуновский торфяник, 39 – Серный Ключ, городище, 40 – Китрюм, 41 – Коровино, 42 – Ошья, 43 – Сивинское, 44 – Кутеремово, 45 – Бирск, курган, 46 – Уфа, 47 – Миловка, 48 – Стерлибашевский район, 49 – Азануй, поселение, 50 – Мало-Кизильское селище, 51 – Таган-Таш, 52 – Галичский клад, 53 – Войменжное, 54 – Некрасовка, 55 – Вязов Дол, 56 – Подстепная колония

Интересно отметить наличие в абашевской культуре не только керамической посуды, но и берестяной. Так, в могильнике Нартасы, курган 5, обнаружен берестяной туесок. Он имел овальную в плане форму и невысокие стенки. Сохранились следы шитья по краю днища и стенок, скреплявшего туесок. В придонной части он был украшен однорядным зигзагом, состоявшим из круглых ямок от наколов (Халиков, 1961, табл. VII: 15).

Таким образом, локальные варианты абашевской культуры имеют отличия в керамическом материале. Различия наблюдаются как в форме, так и в орнаментации керамики. Но в целом все вариации строятся на едином наборе форм, орнаментальных элементов и в рамках общей для всей абашевской культуры композиции.

Оружие и орудия труда абашевской культуры

Проушные топоры (77 экземпляров). Топоры типа Абашево или тип узковислообушных топоров (Бочкарев, 2017, с. 184). Им посвящена обширная историография (Городцов, 1915, с. 121–224; Тихонов, 1960, с. 58–62; Черных, 1970, с. 58, рис. 5: 2–3, 5–21; Кореневский, 1973, с. 44–47; Черных, Кузьминых, 1989, с. 125; Кузьмина, 2000, с. 79–88; Кузьмина, 2008; Бочкарев, 2017). Это топоры с коротким, вислым обухом, сильным скосом спинки над втулкой, длинным, узким клином, приостренным брюшком и овальным сечением втулки. Топор может иметь широкую спинку, а следовательно, каплевидное сечение клина (рис. 7: 1), приостренную спинку и линзовидное сечение клина (рис. 7: 2), приостренную спинку, ребра

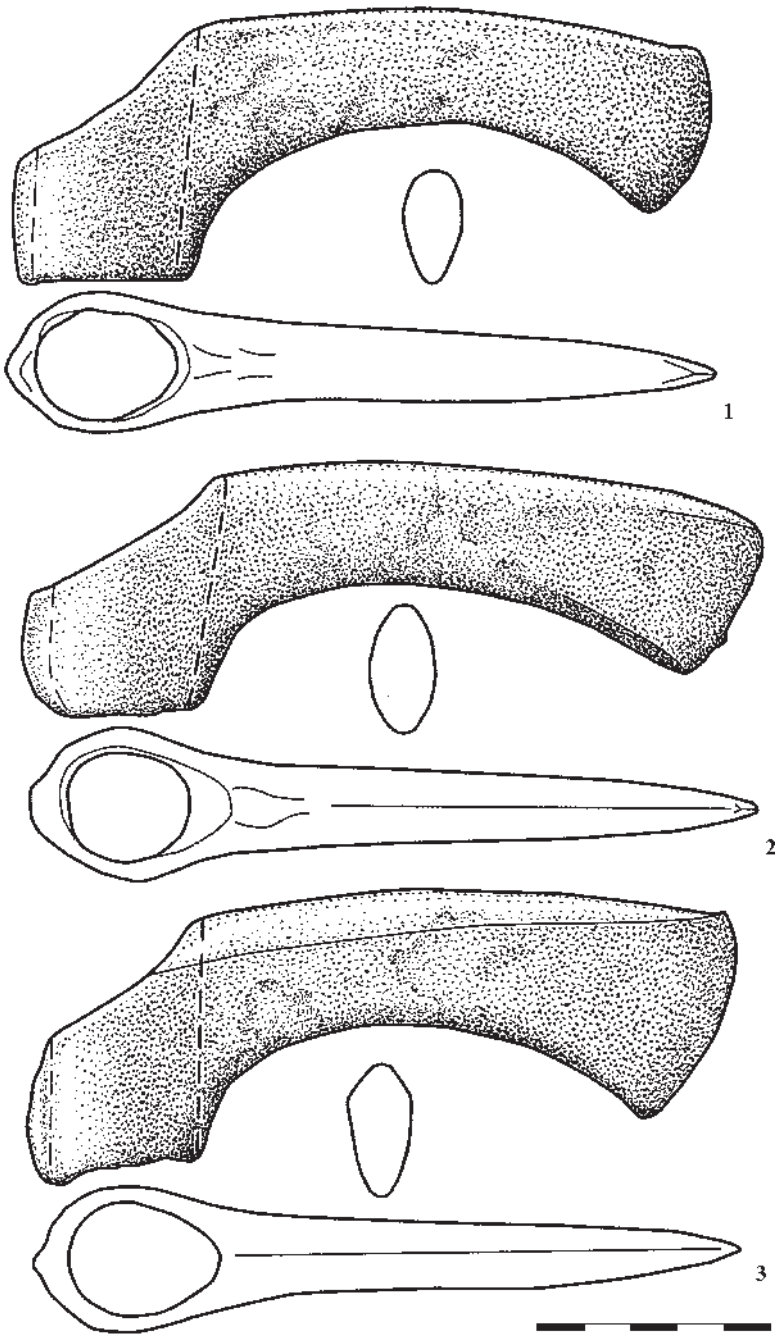


Рис. 7. Бронзовые втульчатые топоры абашевского типа с каплевидным (1); линзовидным (2); ромбовидным (3) сечением клина

1 – Вятская губерния (Кузьмина; 2000, рис. 17: 3); 2 – пос. Рождественский, Елабужский уезд, Вятская губерния (Кузьмина, 2000, рис. 17: 4); 3 – Козьмодемьянский уезд, Казанская губерния (Кузьмина, 2000, рис. 18: 2)

жесткости на клине и ромбовидное сечение клина (рис. 7: 3). Длина топора 11,7–13,1; 14,3–21,2 см. Вес 288–909 гр. По данным спектрального анализа, топоры изготавливались из чистой меди медистых песчаников или из естественно-мышьяковистых сплавов месторождения Таш-Казган (Черных, 1970, с. 149, 164–169). Топоры происходят с территории Волго-Камья и Волго-Уралья. Список топоров дан в подписи к карте их распространения (рис. 6).

О производстве топоров мастерами абашевской культуры свидетельствуют находки литейных форм (рис. 9: 7) и вкладышей в формы (рис. 4: 7) в погребениях (Пепкинский курган, п. 1) и на поселениях абашевской культуры (Серный ключ, Азануй, Баланбаш и др.). Литейная форма для отливки топоров глиняная, закрытая и имеет специально сформованный литник.

Плоские топоры-тесла абашевской культуры – это большие, массивные орудия с параллельными

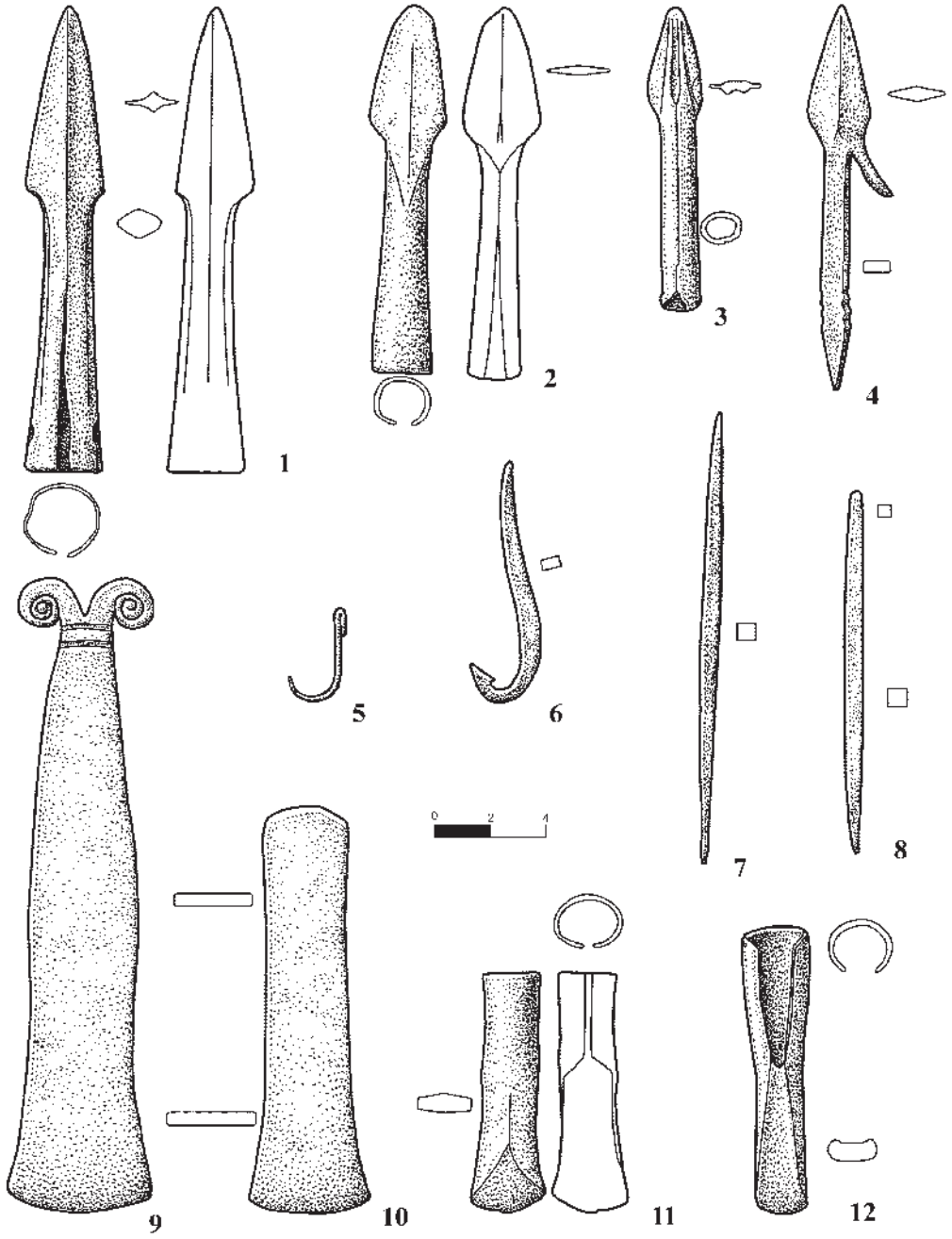


Рис. 8. Металлические изделия абашевской культуры. Наконечники копий и дротиков (1–4); крючки (5–6); шило (7); стрекало (8); плоский топор/тесло (9, 10); втульчатое тесло (11); долото (12)

1, 6, 7, 10, 12 – Верхне-Кизильский клад (Кузьмина, 2000, рис. 21: 2, 5, 1, 3, 4), 2, 4, 8, 11 – клад у Долгой горы (Куштау) (Кузьмина, 2000, рис. 25: 2, 1, 5, 4), 3 – оз. Шарташ (Кузьмина, 2000, рис. 20: 9), 5 – Метев-Тамак, п. 1 (Збруева, 1958, рис. 5: 3), 9 – Русско-Тангировский (Горбунов, 1986, таб. XV: 12)

сторонами, широким обушком и дуговидным лезвием (рис. 8: 10). По классификации В.С. Бочкарева, они относятся к типу Коршуново (Бочкарев, 2017, с. 185). В целом изделие имеет подпрямоугольную форму. Обушок может быть даже равен или шире лезвия (Турбино). Исключительно интересен плоский топор из Русско-Тангировского могильника, обушок которого украшен валютовидным навершием (рис. 8: 9). Топор из Коршуновского клада имеет отверстие на обухе. Судя по тому, что обушок у ряда изделий не приострялся и даже украшался, можно сделать вывод о том, что плоские топоры крепились поперечно. Длина их 12,7–21,1 см. Ширина лезвия 3,4–4,9 см. Интересно отметить одинаковую форму и размеры плоского топора и клина втульчатого топора абашевского типа. Плоские топоры, возникнув как оружие, дали основу орудиям с другой функцией,

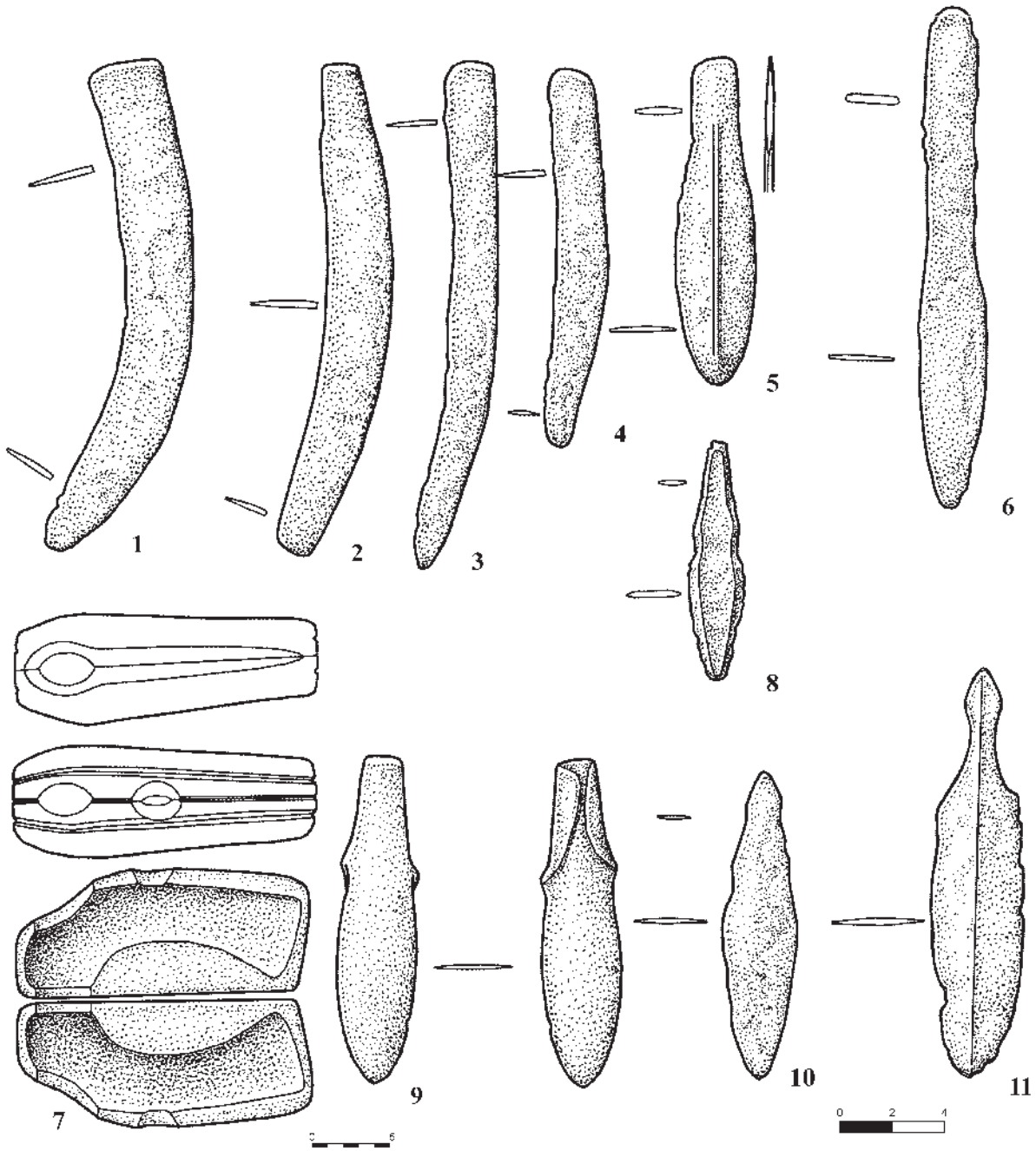


Рис. 9. Металлические изделия абашевской культуры: однолезвийные ножи-серпы (1–4); двулезвийные ножи (5, 6; 8–11). Глиняная форма для отливки топора (7)

1–5, 10 – Верхне-Кизильский клад (Кузьмина, 2000, рис. 22: 5, 3, 4, 1, 8), 6 – Турбинский, п. 62 (Кузьмина, 2000, рис. 7: 1), 7 – Пепкино, п. 1 (Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966, табл. VIII), 8 – Турбинский, кв.М-116 (Кузьмина, 2000, рис. 10: 4), 9 – Никифоровское лесничество, п. 7 (Васильев, Пряхин, 1979, рис. 4: 2), 11 – Турбинский, п. 27 (Кузьмина, 2000, рис. 9: 3)

а именно теслам. Плоские топоры-тесла происходят из могильников Русско-Тангировский (2 экз.), Тугаевский, Никифоровское лесничество, п. 7, Турбинский (4 экз.), с Мало-Кизильского селища, из Верхне-Кизильского и Коршуновского кладов.

Наконечники копий и дротиков абашевского типа имеют такой характерный признак, как короткое перо, составляющее третью часть всей длины наконечника, и кованую, свернутую втулку. В настоящее время известно более 20 наконечников копий/дротиков абашевской культуры.

Наконечники со сквозной, то есть открытой сверху и снизу, втулкой и пером в виде вытянутого треугольника или ромба (рис. 8: 2). По классификации В.С. Бочкарева, это наконечники типа Куштау (Бочкарев, 2017, с. 183). Длина наконечника 8,6–15,22 см. Они происходят из случайных находок в Среднем Поволжье (Волчаны, Мими,

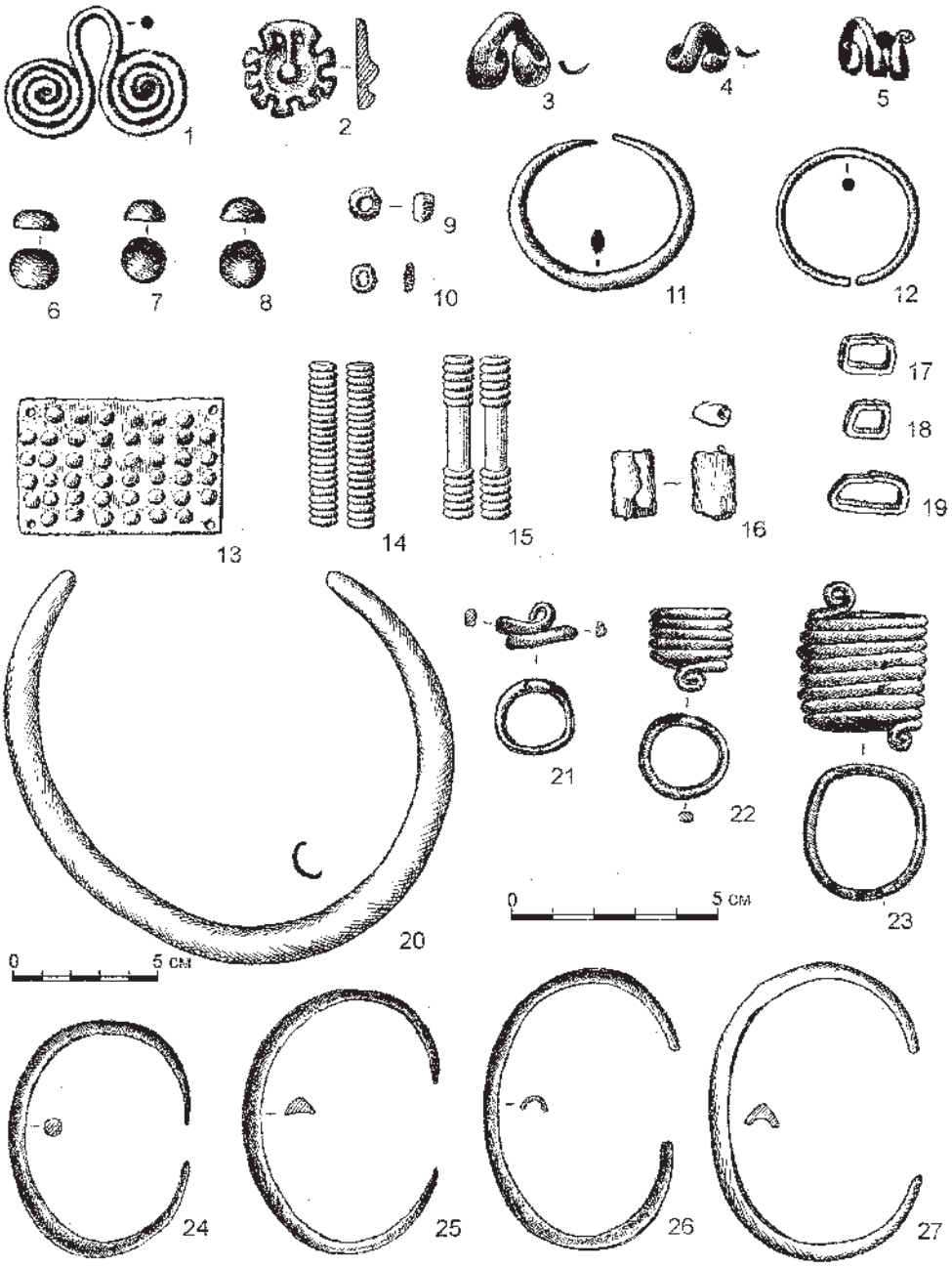


Рис. 10. Металлические украшения абашевской культуры: очковидная подвеска (1); бляшка-розетка (2); подвески в полтора оборота (3, 4); подвеска в 2–3 оборота с обратной петлей и завитками на концах (5); бляшки-полугорошины (6–8); бусины (9, 10); височные подвески (11, 12); плоская орнаментированная пластинка (13); пронизи проволочные (14) и кованные с рифлеными концами (15); пронизь из гладкой кованой пластинки (16); обоймочки (17–19); гривна (20); перстни (21–23); браслеты (24–27)

1, 5, 11, 12 – «Человечья голова» (Васильев, 1975, рис. 4: 1, 11; 6: 16), 2, 26 – II Виловатовский, 14/1 (Большов, Кузьмина, 1995, рис. 14: 4; 15: 22), 3 – II Виловатовский, 21/1 (Большов, Кузьмина, 1995, рис. 15; 16), 4 – II Виловатовский, 17/9 (Большов, Кузьмина, 1995, рис. 15; 17), 6–8, 24 – II Виловатовский, 17/4 (Большов, Кузьмина, 1995, рис. 14: 10; 15: 8–10), 9 – Метев-Тамак, п. 1 (Збруева, 1958, рис. 5: 4), 10, 16 – Метев-Тамак, п. 3 (Збруева, 1958, рис. 5; 7: 5), 13 – Тауш-Касы, 4/3 (Ефименко, Третьяков, 1961, рис. 8: 6); 14, 15 – II Виловатовский, 11/1 (Халиков, 1961, рис. 22: б), 17–19 – Алгаши, 3/1 (Ефименко, Третьяков, 1961, рис. 8: 2), 20 – Верхне-Кизильский клад (Кузьмина, 2000, рис. 21: 6), 21, 22 – II Виловатовский, 17/8 (Большов, Кузьмина, 1995, рис. 15: 5, 6), 23 – II Виловатовский, 17/3 (Большов, Кузьмина, 1995, рис. 15: 4), 25 – II Виловатовский, 17/1 (Большов, Кузьмина, 1995, рис. 14: 8), 27 – Алгаши, 4/3 (Ефименко, Третьяков, 1961, рис. 17: 8)

Красный Окрябрь, Ташкермень), из коллекции Заусайлова, из Прикамья (Заюрчим), музея Екатеринбурга, из кладов у Долгой горы (Куштау) и Тихоновского, с поселений Тюбяк, Береговка II.

Наконечники со слепой, то есть закрытой сверху втулкой (рис. 8: 1), с коротким пером треугольной формы и массивным стержнем между пером и втулкой, который делает наконечник

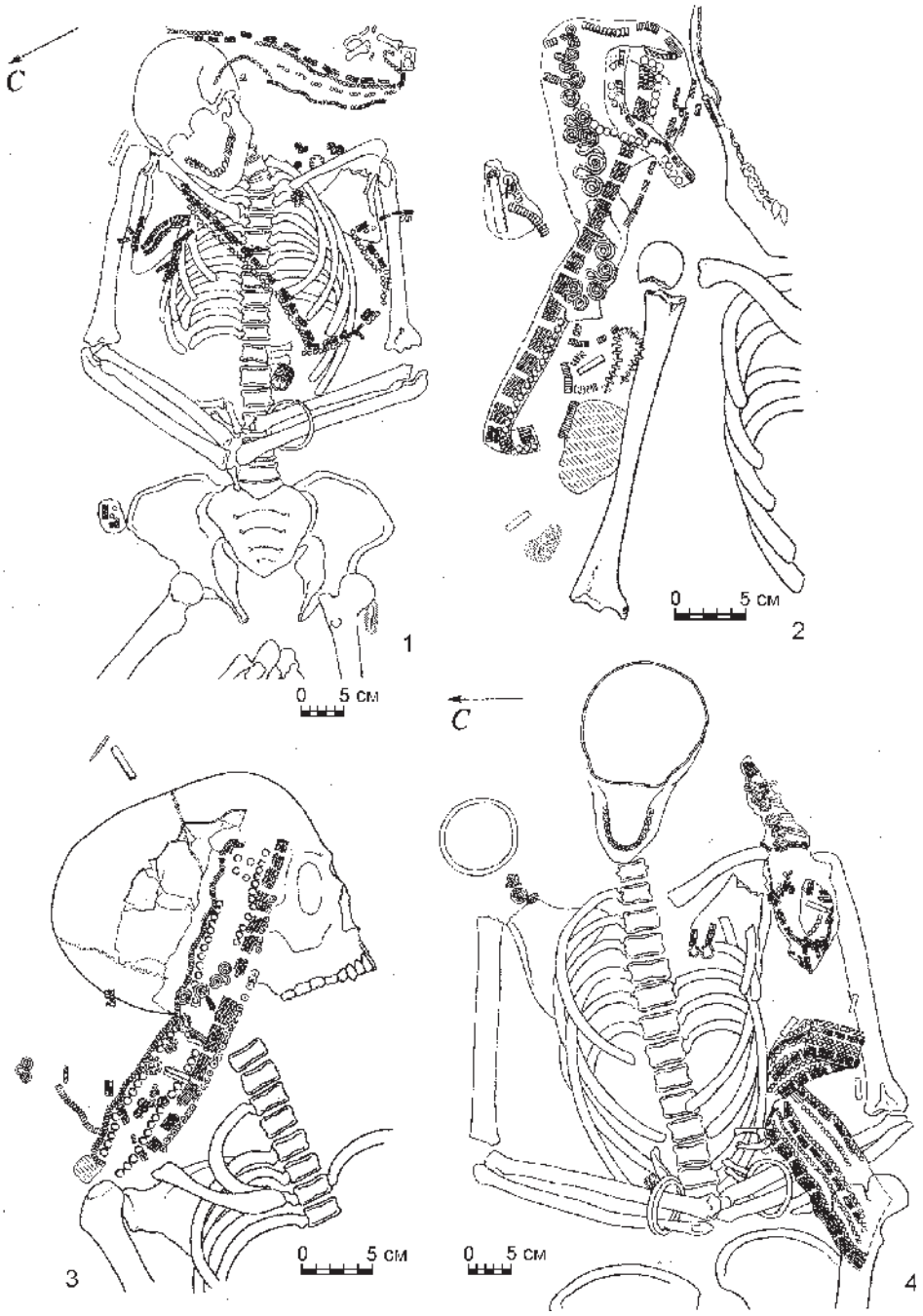


Рис. 11. Гарнитур украшений абашевской культуры: шитьё, подвески, браслеты, перстни

1 – II Виловатовский, 17/3 (Большов, Кузьмина, 1995, рис. 12), 2 – II Виловатовский, 17/4/костяк 1 (Большов, Кузьмина, 1995, рис. 11), 3 – II Виловатовский мог., 17/8 (Большов, Кузьмина, 1995, рис. 13), 4 – II Виловатовский, 14/1 (Большов, Кузьмина, 1995, рис. 10)

боее прочным. По классификации В.С. Бочкарева, это наконечники типа Верхний Кизил (Бочкарев, 2017, с. 183). Втулка наконечников имеет пуансонный орнамент, а у наконечника из Турбино еще и накладные треугольники по нижнему краю и вдоль разреза втулки. Длина наконечника 14,1–28 см. Длина пера 5,3–8,4 см. Ширина пера 2,3–3 см. Диаметр втулки 2,2–2,9 см. Эти наконечники найдены в Верхне-Кизильском и Коршуновском кладах, а также в Турбинском могильнике. Особенностью наконечника из Турбино является очень длинная втулка и отсутствие укрепляющего стержня в основании пера.

Наконечник со сквозной, кованой, сомкнутой втулкой и двумя ребрами на пере. На одной стороне пера, вдоль центральной его оси, есть литое углубление – желобок, края которого имеют вид двух ребер (рис. 8: 3). Длина изделия 15,1 см. Наконечник найден на оз. Шарташ в Свердлово-Та-

гильском районе Екатеринбургской области. Наконечники с желобком на пере, но длинноперые и больших размеров происходят из Красноярского клада и Бахмутино (Сальников, 1967, рис. 8: 1, 2). По классификации В.С. Бочкарева, это наконечники типа Красный Яр (Бочкарев, 2017, с. 183). Наконечники из Красного Яра и Бахмутино – это первые наконечники, которые имеют размеры и пропорции, характерные для наконечников начала эпохи поздней бронзы.

Наконечник со стержневидным насадом, коротким ромбовидным пером и одним длинным шипом. Насад имеет треугольное окончание и три желобка для привязывания к древку (рис. 8: 4). Длина наконечника 12,2 см. Он происходит из клада у Долгой горы (Куштау).

Наконечники стрел металлические (рис. 12: 4, 5), *черешковые*, с пером ромбовидной или треугольной формы, с ромбовидной или прямой пяткой черешка. У некоторых из них есть один опущенный шип. Длина наконечника 4,1–6,3 см. Они происходят из могильников Алгаши, 3/1, 4/3, Абашево, V/4, Мало-Кугунурский, 2/1, Юкалекулево, 2/1, Н. Чуракаево, А/4, и из Тихоновского клада.

Наконечники стрел металлические, *бесчерешковые*, треугольной формы, с одним опущенным шипом происходят из Тихоновского клада.

Наконечники стрел кремневые (48 экз.) имеют треугольное перо, линзовидное в сечении, черешковый насад треугольной формы и два опущенных шипа (рис. 12: 1–3). Вся поверхность наконечника покрыта комедиальной ретушью. На некоторых наконечниках фиксируется трансмедиальная ретушь. Трансмедиальная ретушь характерна для Южного Зауралья. Вероятно, абашевские мастера познакомились с ней, когда абашевская культура продвинулась в Южное Приуралье. Длина наконечника 3,1; 4–7,3; 8,6; 9,7 см, ширина пера 1,5–2,1 см. Кремневые наконечники найдены в могильниках Алгаши, 12/1, Абашево, V/3, 9/6, II Виловатовский, 10/1, Пепкино, п. 1, Пикшик, 10/1, Тауш–Касы, 2/2, Русское Тангирово, Турбино. Аналогичные наконечники, но без шипов, происходят из могильников Васюковский, Ж/1, Абашево, V/из траншеи, Русское Тангирово, Пепкино, п. 1.

Наконечники стрел костяные (рис. 12: 8–10) с длинным черешком, треугольным пером, ромбовидным в сечении, с 1–2 шипами или без шипов (17 экз.). Один наконечник имеет шиловидную форму. Длина наконечников 6,0–9,9 см, ширина пера 0,9–1,5 см. Эти наконечники происходят из могильников Тауш-Касы, Метев-Тамак, п. 4, и из разрушенных погребений, II Красносамарский, 1/2, поселение Урняк.

Нож *с листовидным двулезвийным клинком, упором для рукояти в виде перекрестья, перехватом между перекрестьем и клинком, широким плоским черешком.* Черешок имеет пятку в виде змеевидной головки, то есть в форме ромба или треугольника (рис. 9: 10, 11). Литая заготовка такого ножа происходит из Турбинского могильника (рис. 9: 8). Длина ножей 9,7–26,1 см. Они найдены в могильниках Набережный, Нижне-Чуракаево, Б/1, Старые Ябалыклы, 59/2, Чукраклы, 15/1, Старо-Куручево, 3/1, Турбино, в кладах Верхне-Кизильский, Галичский, на поселениях I Береговское, Тюбяк. Вариантом являются ножи с перекрестьем, но с прямоугольной пяткой (Турбинский могильник, поселения Тюбяк и I Береговское) или с втульчатой (рис. 9: 9) рукоятью (Никифоровское лесничество, п. 7).

Нож без перекрестья, с двулезвийным клинком листовидной или подтреугольной формы. Черешок имеет прямоугольную (рис. 9: 5), подтреугольную, ромбовидную или приостренную пятку. Длина ножа 7,1–13,5 см. Эти ножи найдены в могильниках Метев-Тамак, п. 3, Турбино, Никифоровское лесничество, из разрушенных погребений; в Верхне-Кизильском кладе, на I Береговском поселении. Одна случайная находка происходит из Вятской губернии.

Нож без перекрестья, с длинной металлической рукоятью, с двулезвийным клинком (рис. 9: 6). Рукоять равна или больше по длине, чем клинок. Длина ножа 12,9–20,3 см. Ножи происходят из могильников III Красногорский, 8/2, Тугаево, Ст. Ябалыклы, 10/1, Никифоровское лесничество, п. 2, Турбино. Известен нож, у которого рукоять раскована и свернута в несомкнутую втулку (поселение Тюбяк).

Нож с прилитой рукоятью. Известны только литейные формы для отливки таких ножей. Они происходят с поселений Тюбяк (Обыденнов, Горбунов, Муравкина, Обыденнова, Гарустович, 2001, рис. 66: 2) и Серный Ключ (Борзунов, Стефанов, Бельтикова, Кузьминых, 2020, рис. 5: 4).

Нож-серп – это однолезвийное, слабоизогнутое орудие, один конец которого сужен, а другой – широкий, приостренный, служащий для насада на рукоять (рис. 9: 1–4). У некоторых изделий насад переходит к лезвию через уступчик (рис. 9: 2). Вогнутая сторона, а иногда и часть спинки, прилегающей к суженному концу, заточены (рис. 9: 4). У одного орудия (Ст. Ябалыклы, 56/2) насад отогнут, и все орудие имеет слабо выраженную S-видную форму. Длина ножа 13,9–20,8 см, ширина лезвия 1,5–2,8 см. Однолезвийный изогнутый нож является изобретением абашевских металлургов. Возможно, он появляется в абашевской культуре как подражание турбинскому кривому однолезвийно-

му ножу с металлической рукоятью (Бадер, 1964, рис. 113). По всей видимости, первоначально он имел функции оружия, а позже стал основой таких орудий, как струги, косари, серпы (жатвенные ножи) и т. п. Эти изделия вошли в общую классификацию серпов позднего бронзового века, где были объединены в тип Береговка (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 31–35, табл. 1; 2, Бочкарев, 2017, с. 184). Однолезвийные ножи найдены в Верхне-Кизильском кладе (5 экз.), в кладе у Долгой горы, в могильниках Турбино (2 экз.), Метев-Тамак, Ст. Ябалыклы, 56/2, 11/4, на поселениях Баланбаш, I Береговское (4 экз.), II Береговское, III Юмаковское, IV Юмаковское (2 экз.), Тюбяк, Мало-Кизильское сел./погребение у жертвенной площадки.

Тесла с кованой втулкой (рис. 8: 11) имеют плоский, широкий рабочий конец и свернутую, кованую втулку. Возможно, эти орудия явились подражанием турбинским кельтам. Длина орудия из клада у Долгой горы 7,6 см, диаметр втулки 2,1 см, ширина лезвия 2,4 см. Тесла происходят из клада у Долгой горы (Куштау) и из Тихоновского клада.

Долото (рис. 8: 12) – это орудие с кованой втулкой и дуговидным лезвием. Орудие из Верхне-Кизильского клада имеет несомкнутую сквозную (открытую сверху) втулку. Его длина 10,6 см, ширина лезвия 1,8 см. Долото с поселения Тюбяк имеет сомкнутую слепую (закрытую сверху) втулку и узкий длинный рабочий конец. Длина его 15,4 см, ширина лезвия 0,5 см.

Крючки *с петлей, завернутой назад, без бородка.* Они сделаны из круглой или овальной в сечении проволоки (рис. 8: 5). Маленькие крючки имеют длину 2,1–4 см. Они происходят из могильников Абашево**,** V/4, Ст. Ябалаклинский 1/1, Метев-Тамак, п. 1, Нижне-Чуракаевский, Б/1 и с поселений Красный Городок, Мало-Кизильское, Лебяжинка V, а также случайно найдены в Оренбургской области. Большие крючки имеют длину 5,5–7,4; 9 см. Они происходят с поселений I Береговское, Тюбяк (петля сбоку), Баланбаш. Самый большой из них – с бородком (II Береговское).

Крючки без петли, с бородком, согнутые из массивного стержня. Конец для крепления у них приострен (рис. 8: 6) (Верхне-Кизильский клад), раскован (Турбино) или раскован и имеет отверстие, в которое вставлен бронзовый шпенёк (Ст. Ябалыклы – крюк без бородка). Длина крюков 11 см.

Стержневидные орудия. Это круглые или квадратные в сечении стержни, притупленные с обоих концов. Длина орудий 4,6–19,4 см, размеры сечения 2,4–5 мм. Вероятно, этим орудием пробивалось отверстие или наносился пуансонный орнамент. Конец, по которому наносился удар, расплющен. Эти орудия найдены в могильнике у Никифоровского лесничества, п. 2, на поселениях Тюбяк и I Береговское.

Острия – это орудия, сделанные из стержня или проволоки, один или оба конца которого заострены. Длина орудия 4,1–17,8 см. Маленькие по размерам изделия могли служить шильями (оба конца орудия заострены) или стрекалами (один конец притуплен). Большие орудия (есть как обоюдоострые, так и заостренные с одного конца), возможно, служили стилетами и в этом случае были оружием.

Обоюдоострые орудия – шилья (рис. 8: 7) найдены в могильниках Тауш-Касы, 5/1, 9/2; II Виловатовский, 17/1, 17/4, 17/8; Туруново, 2/2, 3/1; Абашево, VI/2, 9/15; Алгаши, 1/3, 3/2, 8/2; Пепкино, п. 1; Никифоровское лесничество, погребения 2, 4, 6 и разрушенные погребения; Человечья голова; Юкалекулево, 1/1; Метев-Тамак, п. 2; Баишево IV, 1/1; Юмаково, 1/2; в Верхне-Кизильском и Тихоновском кладах; на поселениях Тюбяк, III Юмаковское.

Орудия с одним острым концом – стрекало (рис. 8: 8) найдены в могильниках II Виловатовский, 14/1, 17/3, Абашево, V/4, Сретенка, 4/1, Ст. Ябалыклы, 55/2, Кухмарский, 6/1, 31/1, Турбино, п. 2, 90, в кладах Коршуновский, Тихоновский, Долгая гора (Куштау), на поселениях Тюбяк, I Береговское.

Пест каменный, усеченно-конической или цилиндрической формы, с заполированным нижним и верхним концом. Песты найдены в могильниках Метев-Тамак, вне погребений, Пепкино, п. 1, Пепкино, п. 1; Никифоровское лесничество, п. 2.

Ступка – овальная или подпрямоугольная плоская плитка со стертыми поверхностями. Ступки найдены в могильниках Метев-Тамак, вне погребений, Пепкино, п. 1, Никифоровское лесничество, п. 2.

Украшения абашевской культуры

Украшения различаются по способу ношения и прикрепления к костюму. Они надевались, подвешивались или нашивались на одежду.

Шитье (рис. 11) мелкими бронзовыми украшениями (пронизями, бляшками-полугорошинами, бусинами, плоскими бляшками) на кожаной/матерчатой основе найдено в 87 погребениях абашевской культуры. Как правило, шитье фиксируется в виде лент. Композиция шитья строится на чередовании двух основных элементов – рядов спиралей и бляшек-полугорошин. Один длинный край ленты всегда украшен больше другого. В ряде случаев на менее украшенный край спускаются подвесные украшения: бляшки-розетки, очковидные подвески, плоские бляшки, гладкие и рифленые пронизи.

Бляшки-полугорошины (рис. 10: 6–8) представляют собой полую полусферу с двумя дырочками у основания. Они маленькие, диаметром 5–8 мм, толщиной 0,3–0,4 мм. Бляшки-полугорошины, возможно, являются литыми изделиями, так как они стандартные, очень мелкие и присутствуют в большом количестве в каждом шитье (в одном погребении их было более 600). Если бляшки-полугорошины литые, то, вероятно, они делались по технологии бус, хотя литейные формы для них пока не найдены. Но есть и мнение (Ефименко, Третьяков, 1961, с. 60), что бляшки-полугорошины штамповались, для чего использовались тонкие медные листки. Бляшки-полугорошины никогда не орнаментировались, вероятно, в силу своих маленьких размеров. Каждая бляшка не была самостоятельным украшением, а являлась элементом общей орнаментальной композиции. Эти украшения найдены в могильниках II Виловатовский, 11/1, 11/6–7, 14/1, 17/1, 17/3–4, 17/7–8; Абашево VI/2; Алгаши, 1/3, 4/1–3, 8/2–3, 11/8, 16/1; Тюрлема, 4/1; Земское, к. 2; Нартассы, 5/1; Вильялы, 1/1; Пеленгер I, 26/2, 29/1, 35/1; Старший Никитинский, п. 7; Чукраклы, к. 18; Ст. Ябалыклы, 1/2, 4/2, 56/2, 59/2, 59/разрушенное погребение, 71/ 73/1, 80/1; Метев-Тамак, п. 3; Мало-Кизильское селище/погребение; Галичский клад.

Пронизи в большинстве случаев сделаны из круглой в сечении проволочки, скрученной в спираль (рис. 10: 14). Меньшая часть пронизей сделана из кованой пластинки, свернутой в трубочку. Наиболее простые из них имеют гладкую поверхность (рис. 10: 16). Но большинство кованых пронизей имеет рифленую поверхность, образованную группами поперечных валиков, расположенных на одном или обоих концах (рис. 10: 15), а в ряде случаев и в середине пронизки. Есть пронизи, вся поверхность которых рифленая, что имитирует проволочную спираль при меньшем расходе металла. Известны рифленые пронизки, свернутые в тройную трубочку (Горбунов, Морозов, 1991, рис. XI: 1, 5). Уникальны пронизи в виде длинных трубок, свернутых из рифленой пластинки, один конец которой сужен, а другой расширен. На этом широком конце изображена рельефная розетка (Ефименко, Третьяков, 1961, рис. 16: 11). Мелкие пронизи использовались в шитье. Крупные пронизи – для крепления подвесных украшений. Через пронизь продевался кожаный шнурок, на который крепилась бляшка-розетка или очковидная подвеска. Пронизи найдены в могильниках Катергино, 2/4–5; Тауш-Касы, 1/2, 5/1; II Виловатовский, 11/1, 11/6–7, 14/1, 17/1, 17/3–4, 17/7–8; Абашево VI/2, 9/8, 9/10, 9/12, 9/15; Алгаши, 1/2–3, 3/2, 4/1–3, 8/2–3, 11/8, 16/1; Пепкино, п. 2; Тюрлема, 4/1; Кухмарский, 24/1, 31/1, 38/1; Старший Никитинский, п. 7–8; Земское, 2/1; Тапшер, 1/1; Нартассы, 5/1; Вильялы, 1/1; Пеленгер I, 26/1-2, 29/1; Чукраклы, 18/1; Метев-Тамак, погребения 3–4; Юкалекулево, 1/1; Ст. Ябалыклы, 1/2, 4/1, 6/3, 10/3, 55/1–2, 56/2, 57/2, 59/2–3, 73/1, 80/1; Юмаково, 1/2; IV Баишево, 1/1, 2/1–2; Мало-Кизильское селище/погребение; Турбино, п. 62; Никифоровское лесничество, погребения 1–3, 6, разрушенные погребения; II Красносамарский, 1/2; клады Галичский и Верхне-Кизильский; поселение Каляпово.

Обоймочки (рис. 10: 17–19) делалась из раскованной в полоску бронзовой или серебряной проволочки. Маленькие обоймочки нанизывались на кожаный ремешок и были плотно пригнаны одна к другой, составляя длинную пронизку. Крупные обоймочки найдены в погребении по одной. Обоймочки обнаружены в могильниках II Виловатовский, 17/10; Алгаши, 3/1, 4/1, 5/1, 8/2; Тапшер, 1/1; Нартассы, 5/1; Ст. Ябалыклы, 1/2; Никифоровское лесничество, п. 7; Мало-Кизильское селище/погребение.

Бусы/бисер (рис. 10: 9, 10). В абашевской культуре нет пастовых или каменных бус. Все известные бусы металлические. Бусы сделаны из согнутой в колечко тоненькой проволочки. Диаметр их 2–2,5; 4–6 мм. Известна литая цилиндрическая бусина (Пеленгер, 19/2). Её длина 1,6 см, диаметр 7 мм. Бусы нашивались на кожаную основу вместе с пронизями и бляшками-полугорошинами. Бусы/бисер найдены в могильниках Тауш-Касы, 5/1; II Виловатовский, 17/4, 17/8; Абашево, VI/2, Алгаши, 1/3, 4/3, 8/2, 11/8; Пеленгер I, 19/2; Нижне-Чуракаево, А/4; Метев-Тамак, погребения 1–4; Ст. Ябалыклы, 56/2, 59/1, 59/3, 73/1, 75/1, 80/1; II Красносамарский, 1/2; Никифоровское лесничество, п. 3; Мало-Кизильское селище/погребение.

Плоские бляшки (рис. 10: 13) довольно мелкие, не стандартной формы (прямоугольные, круглые, овальные, в форме гребня), с пуансонным орнаментом и дырочками для пришивания. Эти украшения происходят из могильников Тауш-Касы, 4/3; Алгаши, 1/3, 3/2, 8/1, 8/3, 16/1; Катергино, 2/1; Туруново, 4/2; Вильялы, 1/1; Пеленгер I, 15/1, 35/1; Кухмарский, 38/1; Земское, к. 2, Ст. Ябалыклы, 59/1, 80/1; Нижне-Чуракаево, А/4; Турбино, раскоп 1935 г.; Никифоровское лесничество, погребения 2, 6, разрушенные погребения, Мало-Кизильское селище, погребение.

Подвеска в виде гребня. Костяная подвеска происходит из могильника у д. Земское (Бадер, 1970, рис. 14: 9). Металлическая орнаментированная подвеска происходит из Турбино (Бадер, 1964, рис. 87: Б).

Бляшка-розетка (рис. 10: 2) – это круглая

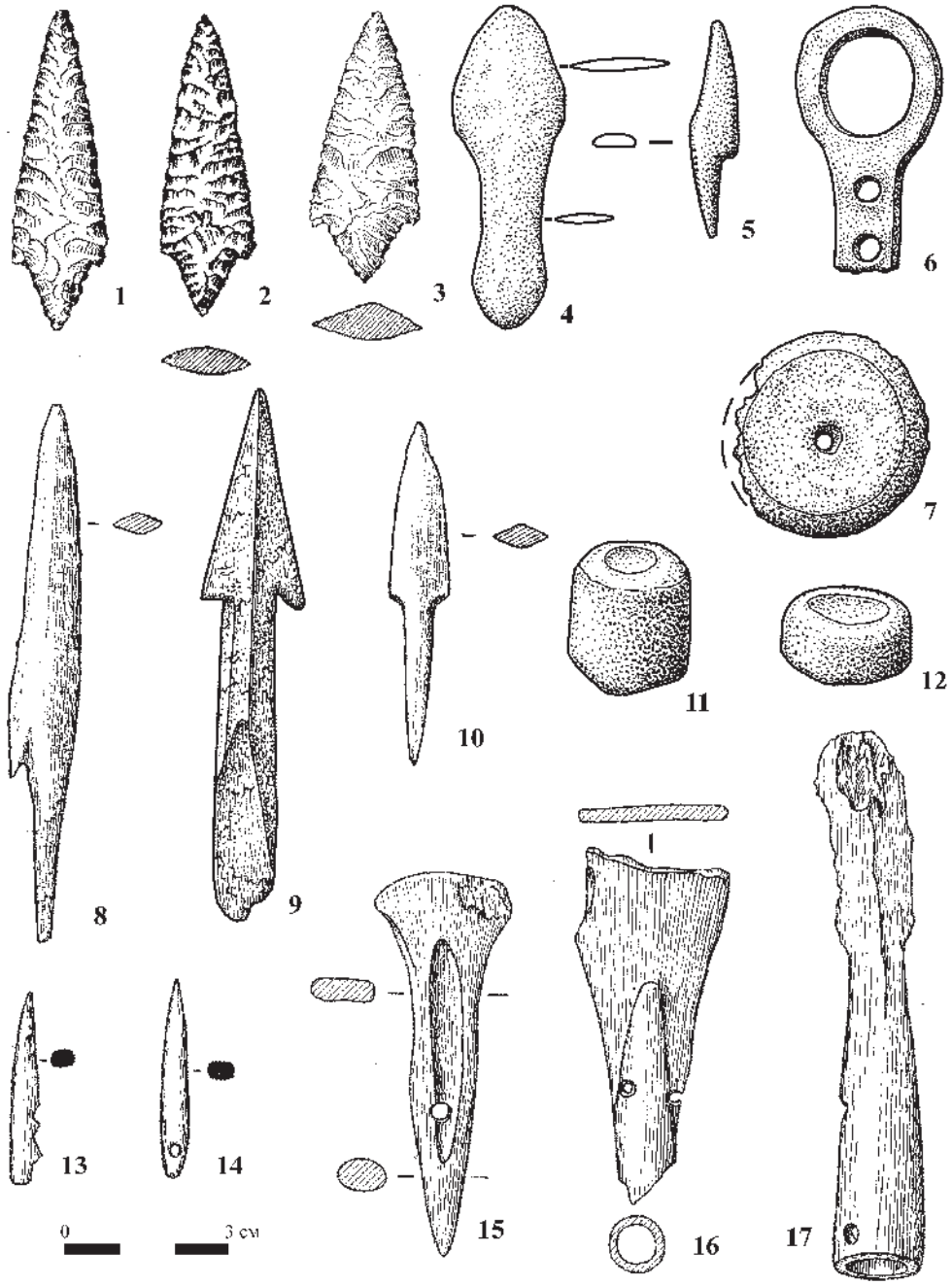


Рис. 12. Изделия абашевской культуры из кремня (2–4); бронзы (5-6) и кости (1; 7–17)

Наконечники стрел (1–5; 8–10); пряжка (2); диск (7); кольца (11, 12); стерженьки (13, 14); навершия в виде «лопаточки» (15–17).

1 – Тауш-Касы, 2/2 (Ефименко, Третьяков, 1961, рис. 8: 4); 2, 11–17 – Пепкино, п. 1 (Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966, табл. VI: 2, 3; VII: 1, 13; VI: 1, 5, 6); 3 – Пишкик, 10/1 (Мерперт, 1961, рис. 16: 3); 4 – Алгаши, 4/3 (Ефименко, Третьяков, 1961, рис. 9: 9); 5 – Юкалекулево, 2/1 (Сальников, 1967, рис. 3: 20); 6 – Алгаши, 1/1 (Ефименко, Третьяков, 1961, рис. 8: 1); 7 – Метев-Тамак, п. 1 (Збруева, 1958, рис. 5: 1); 8, 10 – Метев-Тамак, п. 4 (Збруева, 1958, рис. 5; 16: 13), 9 – Метев-Тамак, п. 4, разрушенное погребение (Сальников, 1967, рис. 8: 17)

бронзовая подвеска с округлой выпуклиной в центре и расходящимися от нее раздельными выпуклыми лепестками. По классификации В.С. Бочкарева, тип Абашево (Бочкарев, 2017, с. 184). Бляшки-розетки односторонние, отлитые по восковой модели. Лепестков может быть от 7 до 10. Планка имеет два отверстия, через которые подвеска крепилась с помощью кожаных шнурков, продетых через бронзовые пронизи. Форма планки сегментовидная, трапециевидная или прямоугольная. Размер розетки 13–21, 30 мм. Бляшки-розетки найдены в могильниках II Виловатовский, 11/1, 11/6–7, 14/1, 17/3, 17/-8; Алгаши, 1/3, 3/2, 4/1, 4/3, 9/8, 9/15, 8/2, 11/8, 16/1; Абашево, VI/2, 9/8,

9/15; Туруново, 4/4; Вильялы 1/1; Пепкино, погребения 1–2; Земское, 2/1; Огубь; Кухмарский, 14/3, 24/1; Старший Никитинский, погребения 7–8; Яндашево; Юкалекулево, 1/1 (2 экз.); Чукраклы, 18/1; Ст. Ябалыклы, 11/2, 56/2, 59/3, 59, разрушенное погребение, 73/1; IV Баишевский, 1/1; III Красногорский, к. 9, VI Тавлыкаевский, 1/7; Урняк; II Красносамарский, 1/2; Никифоровское лесничество, разрушенное погребение; Кусеево (2 экз.); Ульяновское; Писаный камень; на поселениях Подборица-Щербининская; Каляпово; Урняк; Мало-Кизильское селище, погребение (2 экз.) и в Верхне-Кизильском кладе (3 экз.).

Очковидные подвески (рис. 10: 1) делались из круглой в сечении бронзовой проволочки, концы которой свернуты в 1–4 оборота спирали. Высота подвески 6–23 мм, ширина 11–33 мм. В погребении их может быть от 1 до 10. Очковидные подвески найдены в могильниках Тюрлема, 4/1; Тауш-Касы, 1/2; II Виловатовский, 11/1, 11/7, 14/1, 17/3–4, 17/7–8, 21/1; Алгаши, 1/3, 3/2, 4/1–3, 8/3, 11/8; Абашево, 9/8, 9/12; Кухмарский, 38/1; Земское, 2/1; Туруново, 2/2; Пеленгер I, 26/2; Юкалекулево, Верхне-Кизильский клад.

Височные подвески в полтора оборота круглые, с расширенными, желобчатыми – «ложковидными» концами (рис. 10: 3, 4). По классификации В.С. Бочкарева, это тип Абашево (Бочкарев, 2017, с. 184). Подвески сделаны штамповкой из тонких серебряных листов. Исключение составляют две подвески (Тауш-Касы, 1/1, Троицкое, 3/1) из проволоки, у одной из которых (Троицкого, 3/1) есть утолщения на концах. Вероятно, эти утолщения имитируют расширенные концы желобчатых подвесок. Высота подвески 8–14 мм. В погребении находилось от 1 до 6 экземпляров. Это одно из наиболее часто встречаемых украшений в погребениях абашевской культуры. Подвески найдены в могильниках Кухмарский, 31/1; II Виловатовский, 3/1, 4/1, 5/1, 11/1, 11/3, 11/6, 12/2–3, 17/4, 17/8–9, 21/1–2; Пепкино, п. 2; Алгаши, 1/3, 8/1–3; Абашево, 3/1, V/3, VI/2, 9/12; Пикшик, 13/1; Тауш-Касы, 1/1–3, 4/2–3; Катергино, 1/1–2, 2/3, 2/5 (окись меди), 2/6; Тюрлема, 5/3; Васюковский, D/1; Станьялы, 2/1; Малокугунурский, 22/1; Троицкое, 3/1–2; Тапшер, 1/1; Туруново, 2/1, 3/1, 4/1–2, 4/4, 5/1; Вильялы, 1/1; Нартассы, 5/1; Пеленгер I, 1/1, 3/1, 9/1–2, 11/1, 13/1, 19/2, 20/1, 24/1, 26/1, 30/1, 40/1, 34/1, 35/1, 38/1; Ст. Ябалыклы, 1/2, 80/1; Н. Чуракаево, А/1; Юмаково, 1/2; «Человечья Голова», разрушенное погребение; Съезжее, п. 8; Никифоровское лесничество, разрушенное погребение; Мало-Кизильское селище/погребение.

Височные подвески в 3–4 оборота с обратной петлей (рис. 10: 5) сделаны из желобчатой пластинки. Концы подвесок могут быть округлые («Человечья голова», Никифоровское лесничество, п. 2, Мало-Кизильское селище/погребение) или суженные и завернутые в очковидные завитки («Человечья голова», Никифоровское лесничество, п. 7).

Спиральная подвеска в 3–4 оборота сделана из узкой желобчатой пластинки – Никифоровское лесничество, п. 2, Кухмарский, 38/1 (орнаментирована группами косых коротких насечек).

Браслеты, *сделанные из тонкого прутка или проволоки.* Они имеют суженые, несомкнутые концы. Единичные браслеты (в сечении полукруглые) орнаментированы рядом косых насечек, нанесенных группами (Тауш-Касы, 1/2, 2 экз.). Сечение браслета круглое, полукруглое, квадратное, ромбическое, треугольное (рис. 10: 24, 25). Как правило, пруток прокован неравномерно. Браслеты с треугольным или ромбовидным сечением прутка свернуты на ребро, что делало браслет пружинистым, а следовательно, более прочным. По классификации В.С. Бочкарева, браслеты из ромбовидного в сечении прутка относятся к типу Алгаши (Бочкарев, 2017, с. 183). Отдельные браслеты (Турбино, могила 6, 44) имеют в сечении вытянутый овал или прямоугольник, повторяя сечение нефритового кольца. Проволочные браслеты происходят из могильников Катергино, 2/5; Алгаши, 3/2, 4/1–2; Тапшер, 1/1; Туруново, 2/1–2, 4/3–4; II Виловатовский, 11/1, 11/3–4, 11/6–7, 12/1, 14/1, 17/3–4, 17/7–8; Абашево, V/1–2, 9/1, 9/5, 9/8, 9/15; Пикшик, 12/3; Никифоровское лесничество, погребения 2–3; Метев-Тамак, п. 4; Кухмарский, 14/2–3, 15/1, 21/1, 31/1, 38/1; Ст. Ябалыклы, 56/2, 55/2, 59/4; Береговский, 3/1; Юкалекулево, 1/1–2; Мало-Кизильское селище/погребение; Тюрлема, 4/1; Тауш-Касы, 1/2, 3/1, 25/1–2; Миняшкино, 2/2; Пепкино, 2; Троицкое, 2/1; Пеленгер I, 1/1, 14/1, 26/1–2, 29/1, 34/3, 39/1; Вильялы, 1/1; Земское, к. 2; Турбино, могилы 2, 6, 44, 79.

Браслеты литые, в сечении реберчато-желобчатые, с внешней стороны они имеют ребро, а с внутренней – желобок (рис. 10: 27). По классификации В.С. Бочкарева, это браслеты типа Верхний Кизил (Бочкарев, 2017, с. 184). Они есть в могильниках Алгаши, 4/3; II Виловатовском, 17/1; Ст. Ябалыклы, 59/3; Турбино, могила 7 и раскоп 1926 г.; в Верхне-Кизильском кладе; на Мало-Кизильском селище.

Браслеты, свернутые из кованой пластины, округло-желобчатой в сечении (рис. 10, 26), а в единичных случаях – из плоской узкой пластины (Никифоровское лесничество, п. 1). Один бронзовый желобчатый браслет был обтянут серебряной фольгой (II Виловатовский, 14/1). Эти браслеты происходят из могильников Абашево, 6/2; Алгаши, 4/1, 4/3; II Виловатовский, 17/1, 14/1;

Ст. Ябалыклы, 55/1; Ст. Куручевский, 3/1; III Красногорский, 5/1, 9/3; Никифоровское лесничество, п. 1; Турбино, погребение 24 (широкий желобок); с Мало-Кизильского селища/погребения.

Перстни/кольца спиралевидные, с завитками на одном или обоих концах (рис. 10: 21–23) или без завитков. Они сделаны из тонкой, круглой в сечении, бронзовой проволоки (в одном случае – из серебряной). Перстни различаются количеством витков спирали (1–15 оборотов). По классификации В.С. Бочкарева, многовитковые перстни с завитками на концах относятся к типу Алгаши (Бочкарев, 2017, с. 184). Перстни найдены в могильниках Тауш-Касы, 2/1–2, 20/1–2; Катергино, 1/1, 2/1, 2/2, 2/6; II Виловатовский, 11/1, 11/6, 17/3, 17/8; Алгаши, 1/3, 4/1, 4/3, 8/2–3, 11/7; Абашево, 1/2, 3/1, V/2, V/4–5, 9/6, 9/15; Станьялы, 2/3; Пепкино, п. 1, костяки 1 и 18; Пеленгер I, 15/1; Кухмарский, к. 51; Метев-Тамак, погребения 1–2; Юкалекулево, 1/1; Чукраклы, 5/насыпь, 16/3; Нижне-Чуракаево, Б/2; Ст. Ябалыклы, 59/2, 15/1; Береговский, 2/насыпь, 5/насыпь; Тугаево; III Красногорский, к. 4; Юмаково, 1/2; Никифоровское лесничество, п. 7; IV Баишево, 1/1; в Верхне-Кизильском кладе.

Височные кольца (рис. 10: 11, 12) круглые, с сужающимися или притупленными концами, которые смыкаются или заходят друг за друга. Они сделаны из бронзовой или серебряной проволоки, прутка или пластины. Бронзовая пластина могла быть дополнительно обложена серебряной фольгой. Диаметр кольца 4,5, 5,7–6,8 см. Височные кольца происходят из могильников Абашево, VI/2, 9/12; Турбино (24 экз.); Человечья голова (4 экз.); Кухмарский, 21/1; Старые Ябалыклы, 80/1; Юкалекулево, 1/1. По своим размерам, форме, положению в погребении (в Турбинском могильнике они лежат стопкой по 6, одно на другом) и предназначению эти кольца, по мнению О.Н. Бадера, близки нефритовым кольцам. Они выполняли роль височных колец или нашивались на одежду (Бадер, 1964, с. 85, 90).

Гривны сделаны из прутка, в сечении круглого, треугольного или выпукло-вогнутого (Береговский, 3/насыпь, 2 экз.; Ст. Ябалыклы, 2 экз.; II Ахмеровский, к. 2, 1 экз.; Верхне-Кизильский клад, 1 экз.). Исключением являются гривны, сделанные из желобчатой бронзовой пластины, обтянутой серебряной фольгой (рис. 10, 20) (Верхне-Кизильский клад, 2 экз.).

Гривна имеет простые, сужающиеся концы (Верхне-Кизильский клад, 3 экз., Береговский могильник, 3/насыпь, 2 экз.) или имеет на концах крючочки (Ст. Ябалыклы, II Ахмеровский, к. 2). У одной гривны (Ст. Ябалыклы) только на одном конце крючок, а на другом, расплющенном, сделано круглое отверстие.

Диаметр гривны 12,6–18 см.

Все гривны происходят из южноуральских абашевских памятников.

Клыки животных – амулеты (?), имеют просверленную дырочку для подвешивания и заполированную внешнюю поверхность. Это клык кабана (Тауш-Касы, 9/2), резец бобра (Виловатово II, 11/6), клык крупного животного (медведя?) (Ст. Ябалыклы, 59/1). Клыки собаки найдены в ожерелье с мелкими, круглыми, бронзовыми бусами (Метев-Тамак, п. 2).

Следовательно, клыки из абашевских погребений принадлежат диким животным и собаке. Клыки не входят в шитье мелкими бронзовыми украшениями, не сочетаются с бронзовыми пронизями. В средневолжских памятниках клыки находятся в погребении вместе с бронзовыми украшениями, но лежат от них отдельно, хотя так же в области головы умершего. В южноуральских абашевских памятниках клыки животных входят в ожерелье вместе с бронзовыми бусами.

Пряжка костяная, кольцевидная, с длиной, узкой планкой (рис. 12: 6), на которой сделаны два отверстия (Алгаши, 1/1). Конец планки не сохранился. Длина изделия 4,7 см. По мнению С.Н. Братченко, пряжка относится к типу кольцевидно-узкопланочных (Братченко, 1995, с. 21). Еще одна кольцевидная пряжка с узкой, обломанной планкой происходит с I Береговского поселения (Горбунов, 1986, табл. XVII: 7) и с поселения Тюбяк, раскоп III, 3/9 (узкое кольцо с длинной узкой планкой, на конце которой сделано одно отверстие).

Подвеска-амулет сделана из глинистого сланца темно-серого цвета. Она имеет вид прямоугольного бруска с плоскими поверхностями и отверстием для подвешивания у суженного торцевого конца. Размеры изделия 5,6×3,6×1,6 см. Подвеска происходит из могильника Туруново, 6/1, где она лежала ниже черепа погребенного (Евтюхова, 1959, рис. 9: 15). Эта находка единична. Другие каменные украшения или амулеты в погребениях абашевской культуры неизвестны.

Изделия, указывающие на высокий статус владельца

Кольца сделаны из обрезка трубчатой кости или из рога животного (рис. 12: 11, 12). Диаметр колец 2–2,6 см. Внешняя поверхность колец неорнаментирована, за исключением одного, на внешней поверхности которого есть две врезные горизонтальные линии. В погребении от 1 до 7 колец. Возможно, кольцо надевалось на конец рукояти жезла. В одном случае (Абашево, 9/3) 7 колец

лежали в ряд на желобчатой костяной пластинке, плотно примыкая друг к другу. Кольца найдены в могильниках Тауш-Касы, 9/1, II Виловатовский, 14/1, Пепкино, п. 1, Абашево, VI/2, 9/3, Катергино, 2/1, Метев-Тамак, п. 2.

Стерженьки костяные (рис. 12: 13, 14). Это квадратный или прямоугольный в сечении костяной стерженек. Один его конец сужен и в сечении круглый. На середине длины и на другом конце есть короткие выступы (Тюбяк, раскоп V, уч. 0, рис. 65, 2, Пепкино, п. 1, Земское, к. 2). Но выступ может быть и только один (на середине или на конце). Другие стерженьки имеют отверстие на широком конце (рис. 10: 14) или даже в выступе (Пепкино, п. 1). Еще одной разновидностью являются стерженьки, у которых сделаны не выступы, а пропилы – один или несколько (рис. 10: 13) (I Виловатовский, 10/1, Пепкино, п. 1, Тюбяк, раскоп III, уч. 0).

Поделка из белемнита, «с начатым круглым сверлением» (Смолин, 1928, с. 35). Назначение поделки не ясно. Найдена в могильнике Абашево, VI/2.

Навершие костяное ***в виде «лопаточки»*** (рис. 12: 15–17) со стержневидным или втульчатым креплением. У некоторых из них есть отверстия в основании втулки или в основании «лопаточки». Возможно, эти отверстия использовались для прикрепления подвесных украшений, а само изделие являлось навершием жезла. Изделия (4 экз.) происходят из кургана Пепкино, п. 1.

Поделка в форме лопаточки происходит с пос. Баланбаш (Сальников, 1954, рис. 11: 10).

Возможно, к этой же категории относится костяное изделие из Нижне-Чуракаевского могильника, к. 3 (Горбунов, 1986, табл. XVII: 7). Изделие имеет один широкий конец ложковидной формы (с желобчатым углублением), а другой – узкий, длинный, с отверстием на конце.

Диск сделан из спила эпифиза животного (рис. 12: 7). Он тонкий, с небольшим отверстием в центре. Возможно, это изделие является моделью колеса или навершием. Найдено: Метев-Тамак, п. 1 (Збруева, 1958, рис. 5: 1), Мало-Кизильское поселение/погребение рядом с жертвенной площадкой.

Таким образом, набор типов орудий, оружия и украшений для всех вариантов абашевской культуры в своей основе одинаков. Это втульчатые топоры со всеми формами сечений, наконечники копий типа Куштау, острия (шилья и стрекала), крючки с петлей и без бородка, наконечники стрел (кремневые, металлические и костяные), шитье мелкими бронзовыми деталями, бляшки-розетки, подвески в полтора оборота, очковидные подвески, височные кольца, перстни, браслеты всех типов.

Но есть и ряд отличий, которые, с одной стороны, носят количественный характер, но, с другой – касаются и самого набора типов инвентаря. В средневолжском варианте абашевской культуры украшения многочисленны и в погребениях представлены полными гарнитурами, а оружие и орудия встречаются редко (кроме втульчатых топоров и копий). В южноуральском варианте абашевской культуры набор типов шире, так как здесь производились также наконечники копий типа Верхний Кизил и Красный Яр, плоские топоры/тесла, втульчатые тесла, долота, ножи, ножи-серпы, крючки без петли и с бородком. Гарнитур украшений дополнен гривнами и подвесками в 2–3 оборота спирали. Но надо отметить, что украшения в южноуральских памятниках встречаются реже.

Творчество мастеров абашевской культуры создало оригинальный набор металлических изделий. Среди украшений специфическими только для абашевской культуры являются бляшки-розетки, шитье мелкими металлическими украшениями, браслеты с желобчато-реберчатым сечением. Среди оружия – узковислообушные топоры, наконечники копий типа Куштау, Верхний Кизил, Красный Яр. По своим характеристикам эти типы изделий соответствуют эпохе средней бронзы и ни в предшествующих, ни в последующих культурах не производились. Другие типы, такие как двулезвийные ножи с перекрестьем, однолезвийные ножи-серпы, плоские топоры-тесла, стержневидные крюки с бородком, впервые появляются в абашевской культуре и продолжают производится в модифицированном виде в культурах начала эпохи поздней бронзы. Более того, можно с уверенностью сказать, что почти весь набор оружия, орудий и украшений культур начала эпохи поздней бронзы (синташтинской и покровской) основан на модификации изделий абашевской культуры (Кузьмина, 2000, с. 102–104; Бочкарев, 2013, с. 55; Бочкарев, Кузьмина, 2015; Бочкарев, 2017, с. 163; Кузьмина, 2017).

Хронология абашевской культуры

Абашевская культура в настоящее время понимается как культура конца эпохи средней бронзы. Поздние её памятники синхронны Турбинскому могильнику и посткатакомбному блоку культур юга Восточной Европы (Бочкарев, 2017, с. 163, 177). Абашевская культура сменяется покровской и синташтинской культурами начала эпохи поздней бронзы (Бочкарев, 1986, с. 78–111; Малов, 1992; Кузьмина, 1995, с. 48; Бочкарев, 2017, с. 162, 163). В целом абашевская культура от-

носится к 0 периоду по периодизации позднего бронзового века южной половины Восточной Европы (Бочкарев, 2017, с. 170).

Абсолютные даты для абашевской культуры, полученные радиокарбонным методом, немногочисленны. Общий их обзор приводит к выводу о возможности датировать абашевские памятники XXII–XIX вв. до н. э. (Кузнецов, 2001, с. 179; Кузьминых, Мимоход, 2016, с. 40; Мимоход, 2018, с. 43).

Происхождение и дальнейшие судьбы абашевской культуры

Существует несколько точек зрения на происхождение абашевской культуры. Первой была высказана *миграционная концепция* (Бадер, 1940, с. 87; Кривцова-Гракова, 1947, с. 98; Ефименко, Третьяков, 1961, с. 89; Мерперт, 1961, с. 154). Она предлагает рассматривать абашевскую культуру, как дальнейший этап в развитии восточно-европейских культур, пришедших из Центральной Европы (среднеднепровская, фатьяновская, балановская). Наиболее радикальные представители этой концепции считают, что сложение абашевской культуры произошло при непосредственном участии носителей культур из Карпато-Балканского региона и Центральной Европы (Мимоход, 2018, с. 40).

В противовес миграционной, была высказана *автохтонная концепция* формирования абашевской культуры на основе ямной (Халиков, 1961, с. 222–226; Пряхин, 1971, с. 173–178).

Но существует и ещё одна – *трансформационная концепция* происхождения абашевской культуры. Основы её были заложены К.В. Сальниковым, который видел как пришлый, так и местный компоненты в сложении абашевской культуры (Сальников, 1967, с. 122, 136). Эта концепция выглядит наиболее перспективной. Действительно, с одной стороны, абашевская культура, безусловно, является наследницей культур постшнурового мира, имеющих центральноевропейские корни. Но это лишь одна из её составляющих. Сама абашевская культура не может рассматриваться как ещё один импульс из Центральной Европы. Этому препятствует её вторая составляющая – местный, восточноевропейский компонент в культуре. Трансформация и синтез пришлых и местных традиций прослеживаются в погребальном обряде, в керамическом производстве, в технологии производства и наборе типов украшений, оружия и орудий труда. Так, в металлопроизводстве абашевской культуры сочетаются как северокавказские традиции (в основном в изготовлении оружия и орудий), так и центральноевропейские (в изготовлении украшений). На этой основе абашевской культурой был создан тот набор типов металлоизделий, который присущ только ей и который выделяет её в самостоятельное культурное явление.

Как и у других скотоводческих культур Восточной Европы (Бочкарев, 2013, с. 53, 54), формирование абашевской культуры носило моноцентрический характер (Кузьмина, 1999; 2000). Абашевская культура складывается в правобережье Среднего Поволжья. Здесь, в бассейне Цивиля фиксируются самые ранние её памятники (Кузьмина, 2000, с. 67–79). В конце раннего этапа абашевские памятники появляются в левобережье Среднего Поволжья. Расширение границ абашевской культуры изначально носило естественный характер, к чему побуждали две основные причины – освоение новых пространств для занятий скотоводством и поиски меднорудных месторождений. В результате на развитом этапе абашевской культуры её памятники появляются в Южном (Башкирском) Приуралье. Но эти передвижения могут быть охарактеризованы лишь как частичная миграция (Бочкарев, 2013, с. 60), так как в ней участвовало не все население. Часть его продолжала обитать в Среднем Поволжье до конца истории существования абашевской культуры. Об одновременном существовании абашевской культуры в Среднем Поволжье и на Южном Урале свидетельствует, в частности, тот факт, что в обоих регионах есть изделия из металла Таш-Казганского месторождения (Черных, 1970, с. 81, 96, 97, 108, 109).

На завершающем этапе абашевской культуры её памятники появляются далеко за пределами основной территории – в Верхнем Поволжье, в Среднем Прикамье, в Волго-Уралье и Оренбуржье. Расширение границ абашевской культуры на этом этапе было вынужденным (Бочкарев, 2002; 2013, с. 62). Фактически она уходила со своей традиционной территории. Это происходило под давлением появившейся в Восточной Европе сейминско-турбинской культурной группы (по терминологии В.С. Бочкарева). Приход её в Волго-Камье привел к возникновению сложной военно-политической обстановки. Об этом свидетельствуют, в частности, относящиеся к этому времени коллективные погребения убитых абашевских воинов. Они находятся в курганах, расположенных в правобережье Волги (Пепкино, Алгаши, Катергино), на Большом Цивиле (Абашево), Суре (Староардатовский), на р. Ай (Юкалекулевский). Все эти памятники расположены в зоне контакта абашевской культуры с сейминско-турбинской культурной группой.

Уход со своих традиционных территорий и продвижение абашевской культуры в лесостепную зону Волго-Донья, в Южное Зауралье и в лесостепное и степное Волго-Уралье привели к важным последствиям. В новых районах абашевская

культура попала в мир посткатакомбных культур, но не растворилась в нем. Она имела большой творческий потенциал. На новых территориях, при безусловном участии южноуральской абашевской культуры (Кузьмина, 1999, с. 202–204; Кузьмина, 2000, с. 103, 104; Ткачев, 2007, с. 345), сформировалась синташтинская культура. В северных районах Среднего Дона, также при непосредственном участии абашевской культуры, но в её средневолжском варианте (Кузьмина, 1995, с. 50), формируется покровская культура. Все это дает возможность предполагать значительную роль абашевской культуры в становлении Волго-Уральского очага культурогенеза (Бочкарев, 2010, с. 52–60, 101–119, Бочкарев, 2017, с. 170).

ГЛАВА 3
ЧИРКОВСКАЯ КУЛЬТУРА

История изучения

История изучения чирковских древностей подробно изложена в двух монографиях Б.С. Соловьева (2000; 2016). Первые материалы чирковского облика были получены в 1912 г. при раскопках Сейминской дюны в окрестностях Нижнего Новгорода, где были исследованы поселение и могильник с внушительным набором бронзовых орудий. Своеобразие полученных материалов позволило В.А. Городцову поставить вопрос о выделении особой сейминской культуры, к которой им были отнесены как материалы стоянки, так и могильника (Городцов, 1915). Керамика, сходная с посудой Сейминской дюны, впоследствии была получена еще на ряде стоянок Волго-Окского междуречья: Станок, Борань, Исток Мельничный, Подборица-Щербининская, Володары IV и др., но их культурное единство в рамках чирковско-сейминской культуры было осмыслено только после исследования А.Х. Халиковым Чирковской стоянки (Халиков, 1960, с. 130–131). Согласно его выводам, основой культуры явился поздневолосовский субстрат, испытавший существенное воздействие фатьяновского населения, а её финал был связан с образованием западного варианта ананьинской культурно-исторической общности (Халиков, 1960, с. 74–131; 1969, с. 182–207; Халиков, Халикова, 1963, с. 262 и след.). Непосредственная связь культуры с могильниками сейминского типа впоследствии была оспорена рядом исследователей (Бадер, 1970, с. 151, 152; Черных, 1970, с. 9; Кузьминых, 1982, с. 17), и за культурой закрепилось название – чирковская.

В 1960–80 гг. исследование чирковских памятников в Марийском и Нижегородском Поволжье было продолжено. Е.А. Халиковой раскапывалась (Архипов, Патрушев, Халиков, 1971, с. 239–241), В.С. Патрушевым – Юринская стоянка (Патрушев, 1978, с. 90–115), Г.А. Архиповым – Сомовское II городище (Архипов, Соловьев, 1989, с. 95–102); Т.Б. Никитиной Сомовское II, Хмелевское, Васильсурское V городища (Никитина, Соловьев, 1991, с. 134–136), Б.С. Соловьевым – поселения Удельный Шумец VII, Нижняя Стрелка IV, Галанкина Гора (Никитин, Соловьев, 1990; Соловьев, 1987, с. 79–101; 1989, с. 79–94; 1991, с. 46–82). В устье р. Белой Г.Ф. Генингом на Зуево-Ключевском могильнике было исследовано погребение с чирковской керамикой (Генинг, 1975). В.Н. Марковым были проведены раскопки Макарьевского городища в Татарии (Марков, 1988, с. 182). М.Р. Полесских к чирковской культуре были отнесены материалы Екатериновского городища, раскопанного им на Верхней Суре (Полесских, 1977). На территории Волго-Окского междуречья материалы, близкие к памятникам чирковского типа, были получены Д.А. Крайновым на стоянках у озера Сахтыш (Гадзяцкая, 1992). К чирковской культуре К.В. Ворониным были отнесены материалы стоянки Липовка III на озере Неро (Воронин, 2000).

По итогам исследований чирковских древностей были опубликованы обобщающие работы А.Х. Халикова (1987, с. 136–138) и Б.С. Соловьева (2000, с. 25–59). А.Х. Халиковым происхождение чирковской культуры было связано с взаимодействием трех компонентов: поздневолосовского, балановского и западносибирского – с «валиковой» посудой ташковско-кротовского типа, тесно связанного с носителями сейминско-турбинских традиций. По мнению исследователя, процессы взаимодействия проходили широким фронтом по всему Марийско-Нижегородскому Поволжью. В периодизации культуры было выделено четыре этапа: галанкиногорский (XVI–XV вв. до н. э.), сеймино-кубашевский (XV–XIV вв. до н. э.), юринский (XIII–XII вв. до н. э.) и чирковский (XI–IX вв. до н. э.). На двух первых происходило сложение культуры, на юринском этапе чирковские древности занимали обширную территорию от района р. Костромы на Верхней Волге до устья р. Белой на Каме, на заключительном этапе их ареал в основном тяготеет к Прикамью, где чирковские материалы на ряде памятников подстилают раннеананьинские слои городищ (Халиков, 1987, с. 136–139).

Б.С. Соловьевым были уточнены вопросы хронологии и периодизации чирковской культуры. Отказавшись от прямого сопоставления чирковских поселений с сейминско-турбинскими могильниками, он выделил три периода развития культуры. Первый (симбиозный) характеризуется

контактами сохраняющих свои традиции поздневолосовских (выжумских) и атликасинско-балановских группировок, второй (синкретический) – тесным взаимодействием поздневолосовских, атликасинско-балановских коллективов, сибирского населения с «валиковой» посудой, третий – завершением культурных трансформаций (Соловьев, 2000, с. 55–59).

В начале XXI века исследования чирковских памятников были продолжены. Б.С. Соловьёвым были проведены исследования на Юринской стоянке (2000 г.), А.В. Михеевым – Юльяльского городища (2008 г.) и Носельского поселения (2008, 2009 гг.) (Михеев, 2010, с. 282–284, рис. 4, 5; Михеев, Соловьев, 2012, с. 39–61; Никитин, Соловьев, 2003, с. 98–108). В монографии В.В. Никитина, Б.С. Соловьева (2002, с. 71–78) была обобщена информация по домостроительным традициям чирковского населения. С.В. Большовым было высказано мнение, что памятники с чирковскими материалами отражают процесс взаимодействия племен различных культурных традиций в лесной зоне Среднего Поволжья, который не получил своего завершения (Большов, 2006, с. 118). В.В. Ставицкий выдвинул предположение, что на завершающем этапе формирования облик чирковской культуры предопределила миграция фатьяновско-балановских племен, в которую оказалось вовлечено население иванобугорской и вольско-лбищенской культур (Ставицкий, 2003, с. 103–105). Е.В. Волкова пришла к выводу, что памятники с чирковской и фатьяноидной керамикой сформировались в результате фатьяновско-балановского взаимодействия с местным населением. Своеобразие керамических традиций аборигенов предопределило существенные отличия в облике чирковских и фатьяноидных древностей, поэтому их нельзя рассматривать в рамках единой культуры (Волкова, 2019). Окончательные итоги изучения чирковской культуры были подведены Б.С. Соловьевым в монографии 2016 года (Соловьев, 2016, с. 180–212).

Хронология чирковских древностей в настоящее время основана на ряде радиоуглеродных определений и палинологических данных, имеющихся по фатьяноидным памятникам Волго-Окского междуречья, процесс формирования которых, видимо, протекал в близких временных рамках 3900–3600 ВР (Каверзнева, 1994; Алешинская, Спиридонова, 2000, с. 355; Воронин, 2000, с. 380). Очень ранние радиоуглеродные даты получены из углистого заполнения ям Большеалгашинского городища 3816±24 ВР (2258±36 ВС) и 3909±34 ВР (2400±54 ВС). Керамика чирковского облика залегала в слое совместно с балановской посудой (Вязов и др., 2019, с. 11–114). Появление чирковских древностей в левобережных районах Марийского Поволжья лимитируется радиоуглеродной датой Удельно-Шумецкого VII поселения 3710±30 ВР (2201–2024 ВС). Приведенные даты свидетельствует о вероятном хронологическом приоритете в формировании чирковских традиций на территории лесостепного Посурья.

Поселения и постройки (рис. 1). Известны долговременные поселения, кратковременные стоянки или следы посещений. Ареал памятников, на которых фиксируются процессы взаимодействия балановской культуры с носителями местных позднеэнеолитических древностей, охватывает низменное Заволжье, памятники с чирковскими материалами занимают территорию нижнего течения бассейнов Оки и Суры, Предволжье и Волго-Вятское междуречье.

По топографии выделяются две группы памятников. На дюнах или надпойменных террасах высотой 6–9 м над уровнем поймы расположены поселения Удельный Шумец VII, Нижняя Стрелка IV, Линевое II–III, Чирки, Удельная Va, Заячий городок I, Сутыри I, IV, V, Сумское, Русско-Луговая, Сейма, Володары IV и др. Для поселений периода формирования (судя по жилищным впадинам, их площадь составляла 2500–4000 кв. м) типична рядовая планировка. На высоких (16–60 м над уровнем поймы) мысах поселения Галанкина гора, Юрино, Кубашево, Макарьево, Нижний Услон I, Юльялы, Носелы, Сомовка II, Хмелевка, Васильсурск II и V, Ройский Шихан, Сорочьи горы, Екатериновка, Большие Алгаши. Приблизительная площадь 1500–5000 м. О структуре поселков можно судить по двум почти полностью раскопанным памятникам. Жилища Кубашевского поселения располагались по продольной оси мыса (Халиков, 1960, рис. 45). На Галанкиной горе между двумя рядами вытянутых вдоль склонов жилищ находилось большое (18,8 кв. м) сооружение, служившее общественным домом или резиденцией лидера общины; на юго-западной окраине – производственное помещение, связанное с металлообработкой (Соловьев, 2000, с. 121, рис. 18).

Постройки представлены двумя категориями. Полуподземные (полуземлянки) – 22 объекта периода формирования культуры: Удельный Шумец VII, Нижняя Стрелка IV, Галанкина гора, Юринская стоянка, Линевое II (Соловьев, 2016, рис. 58, 59). Котлованы длиной 8–18 м, шириной 6,5–8,7 м, площадью 58–154 кв. м: подквадратные (разница сторон до 1 м), подпрямоугольные (разница сторон 2–4 м). Отвесные или слегка скошенные стенки (0,6–0,8 м) крепились деревянным каркасом из горизонтально уложенных тонких бревен, прижатых вертикальными столбами (углистые и гумусные канавки шириной 0,15–

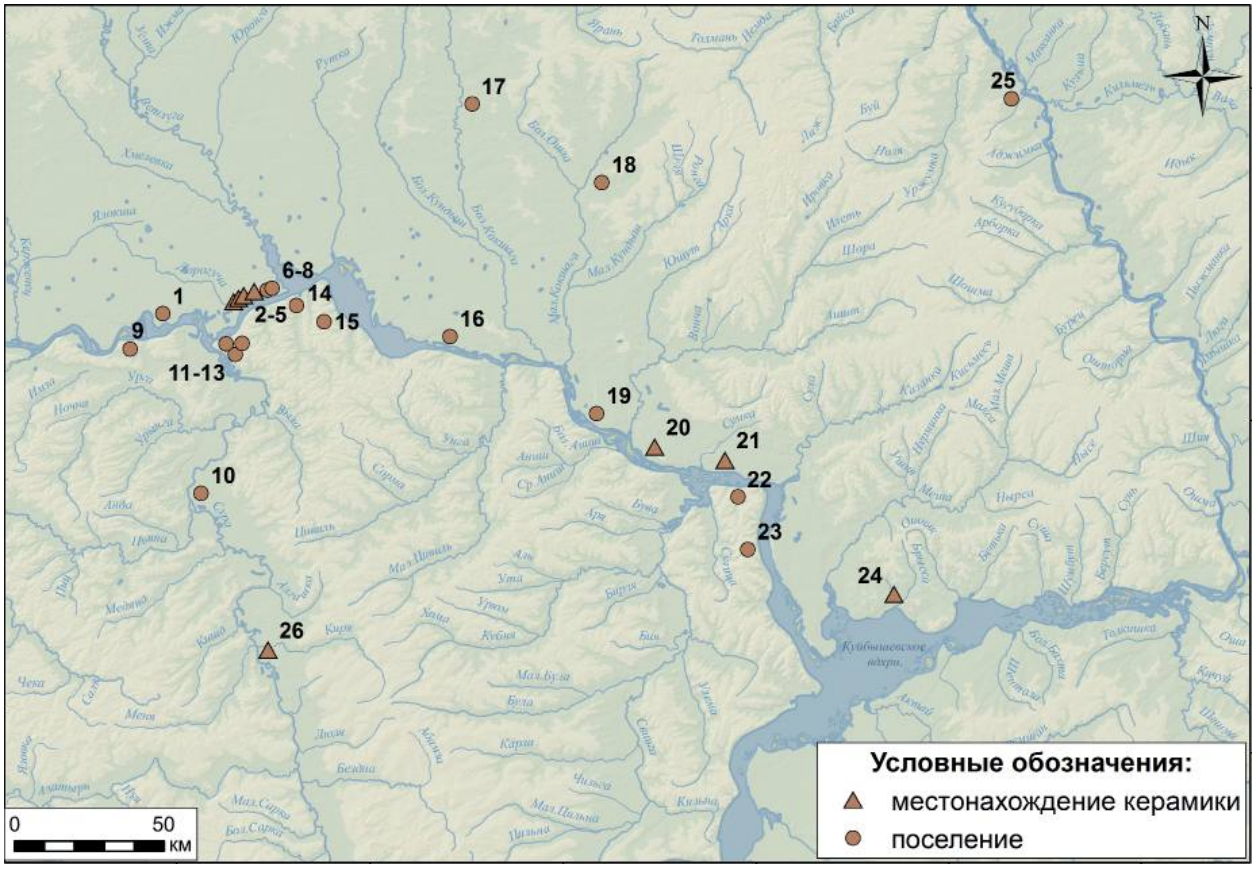


Рис. 1. Памятники чирковской культуры

1 – Нижняя Стрелка IV; 2 – Удельный Шумец VII; 3 – Удельный Шумец Va; 4 – Галанкина Гора; 5 – Юринская стоянка; 6 – Сутыри; 7 – Сутыри IV; 8 – Сутыри I; 9 – Сомовка II; 10 – Заячий Городок; 11 – Васильсурск V; 12 – Васильсурск II; 13 – Хмелевка; 14 – Носелы; 15 – Юльялы; 16 – Линевое 2, 3; 17 – Кубашево; 18 – Чирки; 19 – Шелангуш XVI; 20 – Русско-Луговая; 21 – Сумское; 22 – Макарьево; 23 – Нижний Услон; 24 – Сорочьи Горы; 25 – Ройский Шихан; 26 – Утюж III

0,20 м с примыкавшими к ним коническими ямками). Полезная площадь дополнялась пространством между скатом крыши и стенкой котлована, нишами, тамбурами. Характерны наружные входы-выходы с наклонным или ступенчатым полом, соединительные переходы, небольшие хозяйственные пристройки (одна из них, судя по глубокой яме, служила погребом), внутренние перегородки, коридоры, камеры.

Кухонно-производственные очаги, вытянутые вдоль центральной оси жилищ, содержали обломки сосудов, тиглей, кремневые сколы, обожженные кости животных, капли меди. Выделяются два типа очагов: овальные котловидные (глубина 0,50–0,60 м) и прямоугольные с ровным плоским дном (глубина 0,20–0,25 м). У стен и выходов встречаются ямы с углисто-зольным заполнением, применявшиеся для дополнительного обогрева помещения. Характерно большое количество следов вертикальных и наклонных опор перекрытия и внутренних конструкций (диаметр 0,1–0,6 м). Многочисленные сдвоенные и парные ямы свидетельствуют о ремонтных работах. Согласно реконструкции А.Х. Халикова, несущие балки двухскатной крыши, покрытые жердями, опирались на параллельные ряды столбов. Сверху каркас покрывался берестой, лубом, камышом и т. д. (Халиков, 1960, с. 82–87, рис. 42).

Наземные изолированные с незначительно углубленным полом постройки (рис. 2) (17 объектов) отражают доминирование атликасинско-балановских домостроительных традиций: Чирки, Носелы, Кубашево, Васильсурск II и V (Соловьев, 2016, рис. 60). Выделяются два типа: с входом в торцевой стене и центральным расположением кухонных очагов; с угловым входом и хаотичным расположением очагов (Никитин, Соловьев, 2012, табл. 25). Квадратные (5×4,3–5,5 м) или прямоугольные (8–7×4,2–5,2 м) котлованы (площадь 12–38 кв. м) заглублены в материк на 0,10–0,35 м. По их периметру прослежены полосы с включениями угольков и обожженной глины, гумусные пятна, канавки шириной до 0,15 м – остатки основания и развала стен. Очаги – прямоугольные плоскодонные или котловидные. Замазанные сверху глиной ямы с углисто-зольным заполнением содержали обломки керамики, кремневые сколы, жженые кости животных, рыбью чешую, раковины речных

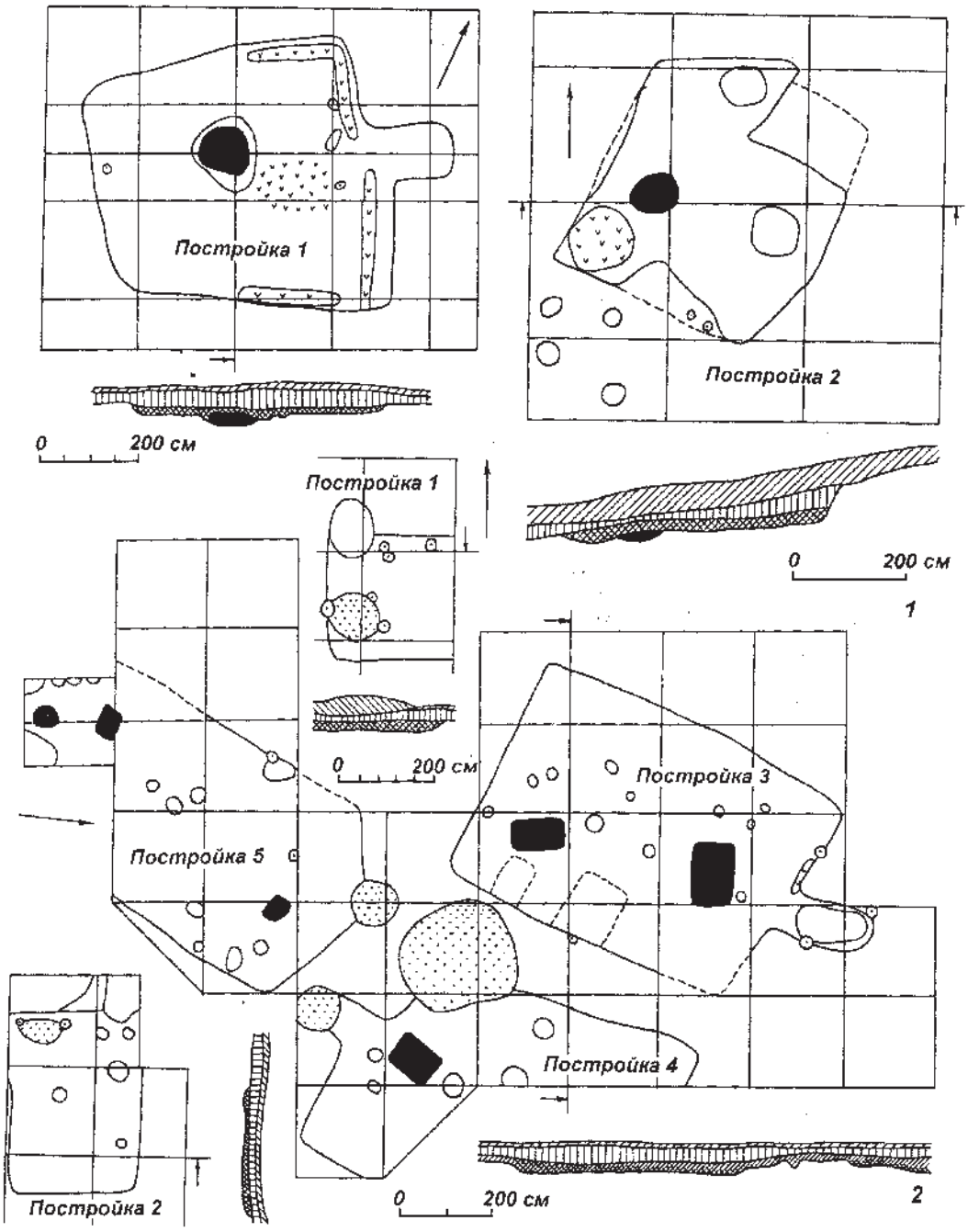


Рис. 2. Постройки чирковской культуры. 1 – Васильсурское II; 2 – Васильсурское V

моллюсков. В постройке 3 Васильсурского V поселения расчищены низкие (0,15 м над уровнем пола) прямоугольные земляные столики, на одном из них найден раздавленный чирковский сосуд (Соловьев, 2016, рис. 60: 2; 76: 5).

Постройка Васильсурского II поселения реконструирована в виде сруба с наклонной односкатной крышей (Халиков, Халикова, 1963, с. 248, рис. 8). Многочисленные следы столбов предполагают существование каркасных конструкций, известных у народов Поволжья и Приуралья (Никитин, Соловьев, 2012, с. 43, 44). Подобные сооружения, нехарактерные для аборигенных сообществ Волго-Камья, использовались балановским и чирковским населением Западного Поволжья и Волго-Очья (Соловьев, 2016, с. 194).

На Чирковской стоянке исследован ритуальный объект (Халиков, 1960, с. 116–118, рис. 61, 62, 63: 1–3, 5–7). В линзе серой супеси (3,2× 1,8 м, толщина 0,3 м) с углистыми и зольными включениями залегали «сырые» и обожженные кости лося и медведя. Найдены развалы 17 сосудов, в том числе миниатюрная чашечка, украшенная редуцированными головками животных; глиняные пряслица; кремневые скребки, наконечники стрел, медные шилья (Соловьев, 2016, рис.

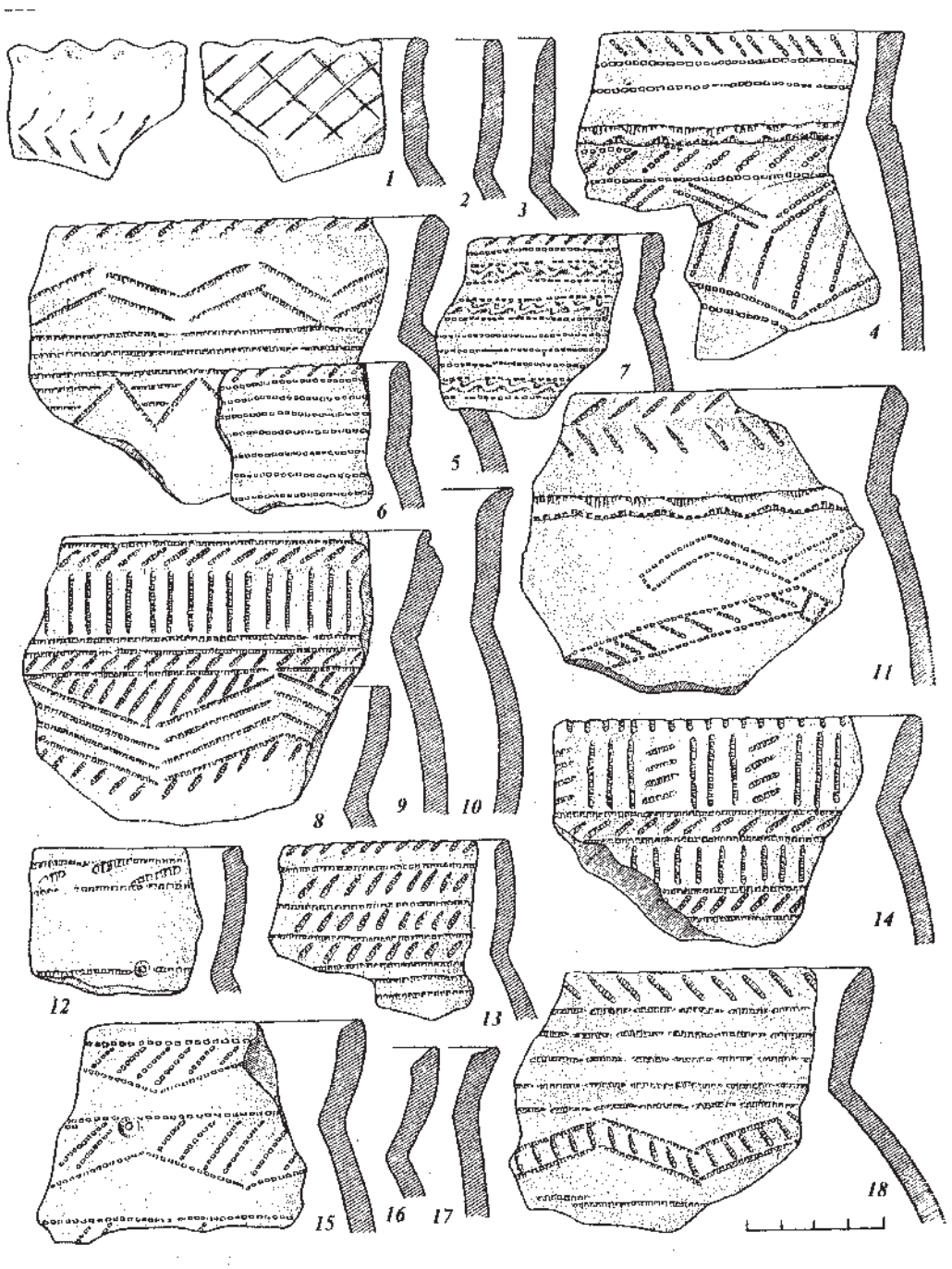


Рис. 3. Чирковская культура. Юринская стоянка, керамика с гребенчато-геометрическим орнаментом

74: 3–7; 83: 8–17, 19, 20). А.Х. Халиков считал объект остатками жертвоприношений вокруг священного дерева (Халиков, 1987, с. 136). По мнению Б.С. Соловьева, Чирковская стоянка представляла собой культовое место, включавшее также неолитическую, по А.Х. Халикову, наземную прямоугольную постройку, близкую жилищам второго типа чирковской культуры (Никитин, Соловьев, 2002, с. 44).

Дискуссионный характер имеет проблема соотнесения с чирковской культурой погребальных памятников. А.Х. Халиков связывал с чирковскими древностями Зуево-Ключевский и Сейминский могильники (Халиков, 1987), что вызвало возражения со стороны С.В. Кузьминых (1982) и Б.С. Соловьева (2000). Б.С. Соловьевым была высказана точка зрения, что чирковская погребальная обрядность не предполагала захоронение умерших в земле (Соловьев, 2000, с. 32; 2016, с. 194).

По мнению В.В. Ставицкого, в настоящее время можно вести речь только об отдельных чирковских захоронениях, представители которых были погребены на инокультурных могильниках. Керамика чирковского облика зафиксирована в одном из погребений Зуево-Ключевского могильника, фрагменты которой также собраны в культурном

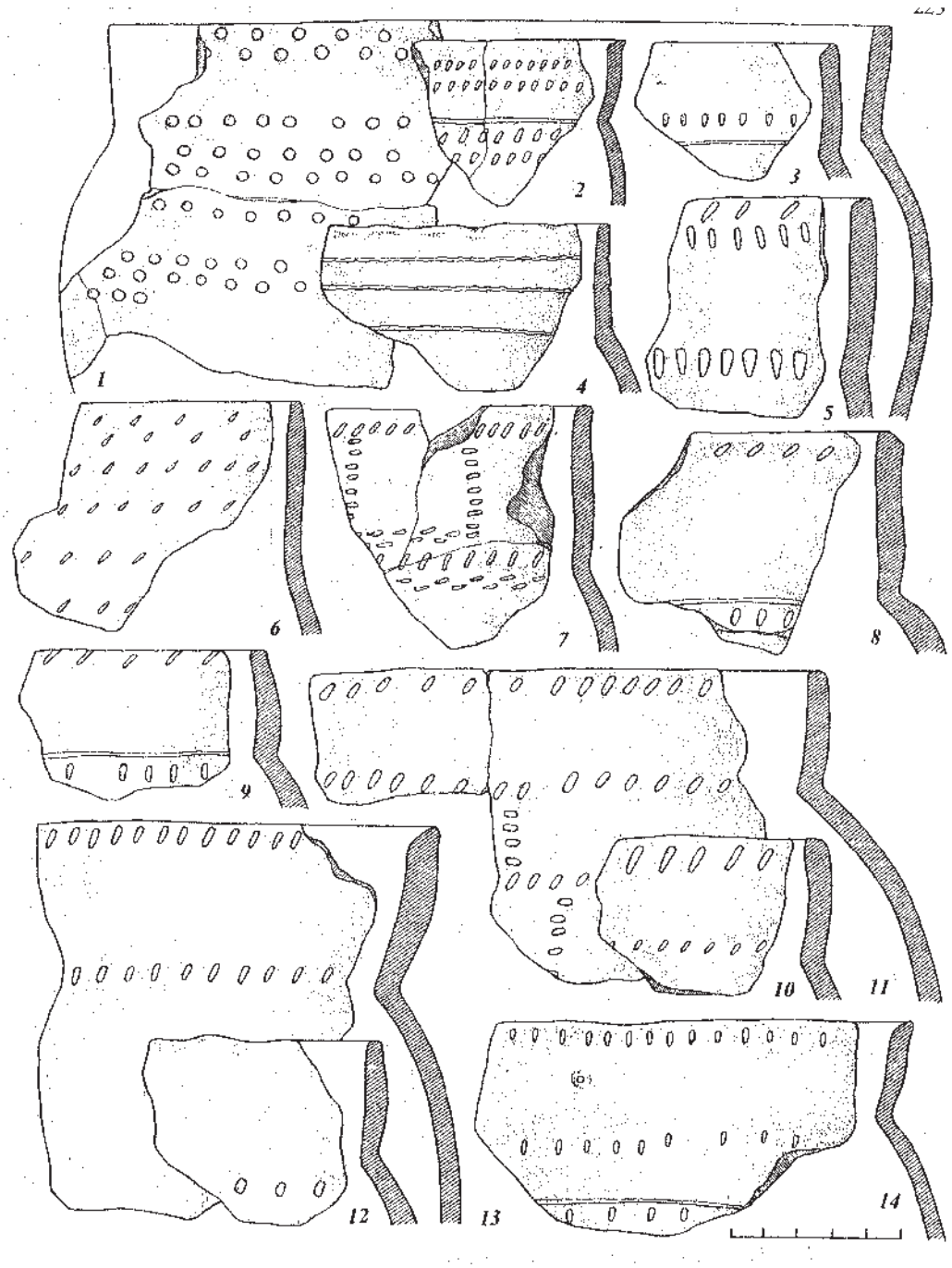


Рис. 4. Чирковская культура. Юринская стоянка, керамика с ямочно-накольчатым орнаментом

слое данного памятника (Генинг, 1975, рис. 1: 5; 4: 1–10). Другой посуды в захоронениях могильника не обнаружено, однако найденный здесь двулезвийный нож с ромбической пяткой черешка, перехватом и перекрестием, как и общий облик кремневых орудий, более характерен для могильников сейминско-турбинского типа (Генинг, 1975, рис. 1: 6), хотя ряд достаточно близких им аналогов имеется и в материалах вольско-лбищенских памятников Самарской Луки (Васильев, 1999, рис. 13: 12; 16: 1, 2; 18: 6–13).

Достаточна вероятна также чирковская принадлежность ряда погребений Сейминского могильника с круглодонными сосудами, изображение двух из которых сохранилось в архиве Нижегородского музея (Бадер, 1970, рис. 64; 74). Форма и орнаментация одного сосуда, состоящая из тройного зигзага, образованного наклоными линиями или оттисками гладкого штампа, находит аналоги как в чирковской, так и в ошпандинской керамике, с которыми может быть связана культурная принадлежность данных захоронений.

Керамика (рис. 3, 4). На памятниках периода формирования чирковских древностей, за исключением Юринской стоянки, преобладает посуда выжумского типа и балановско-атликасинская ке-

рамика, подробная характеристика которой дана в монографиях Б.С. Соловьева (2000; 2016) и соответствующих разделах данного издания. Кроме того, на поселении Галанкина гора небольшую группу составляет «валиковая» посуда (9,4%), культурная принадлежность которой носит дискуссионный характер. Это плоскодонные, как правило, тонкостенные (5–7 мм) сосуды с заглаженной поверхностью. Преобладают банки с прямыми стенками, слабо выделенной вертикальной шейкой (Соловьев, 2016, рис. 71: 6, 72: 7), с прикрытым устьем. Венчики уплощенные, иногда с узким бортиком, круглые утолщенные, изредка волнистые. Диаметр горла – 14–40 см. Реже встречаются горшки с отогнутой шейкой и выпуклым туловом и ладьевидные чаши с вогнутым устьем и округлым в плане плоским днищем. Горизонтально-зональные композиции нанесены четкими или смазанными штампованно-протащенными оттисками зубчатого штампа, нарезками, круглыми вдавлениями. Под венчиком, как правило, рассеченным оттисками гребенки и нарезками, обычна лента повторяющихся горизонтальных линий, наклонных отрезков, «шагающей» гребенки. Ниже располагаются овальные зубчатые вдавления, гладкие и гофрированные прямые, волнистые, фигурные валики. Основное поле включает прямые и волнистые зоны горизонтальных, наклонных, вертикальных линий, «гребенки» с минимальной амплитудой шага, зигзагов, заштрихованных треугольников. Днища украшены наклонной решеткой, ломаными концентрическими окружностями, хаотичными гребенчатыми отпечатками (Соловьев, 2016, рис. 65, 66, 78).

По мнению Б.С. Соловьева, похожая посуда характерна для ташковских, кротовских, вишневских, одиновских, полымьятских и прочих зауральских и сибирских древностей эпохи раннего металла. В Предуралье немногочисленные «валиковые» сосуды встречены на гаринских поселениях Средней Вятки, Икско-Бельского междуречья, Среднего Прикамья: Лобань I, Буй I, Чернушка II, Игимская стоянка, Камский Бор II, Бойцовское VII, Тюремка, Симониха II, Заосиново I, Рычино III, Поздеевское озеро и др. Её появление на ранних чирковских поселениях он связывает с носителями культурных традиций елунинско-кротовско-крохалевского круга, принимавших участие в сейминско-турбинском движении на запад (Соловьев, 2016, с. 197, 198). В.В. Ставицким также не исключается возможность участия западносибирских группировок с «валиковой» керамикой в сейминско-турбинских миграциях. Однако вышеописанная система орнаментации сосудов находит близкие аналоги и на ряде территориально более близких памятников лесостепного Поволжья, носители которых могли быть вовлечены в миграции балановского населения в левобережные районы Марийского Поволжья. Причем на чирковских памятниках позднего этапа получают развитие не западносибирские, а лесостепные традиции памятников вольско-лбищенского типа (Ставицкий, 2003).

На поселении Галанкина гора синкретическая керамика (8,5%), иллюстрирующая результаты контактов, характеризуется горшками с высокой шейкой, выпуклым туловом, разнообразными венчиками и банками, украшенными валиками, насечками, каплевидными вдавлениями, горизонтальными линиями, зигзагами, наклонными отрезками, заштрихованными ромбами (Соловьев, 2016, рис. 67).

Чирковская посуда Юринской стоянки (48,5% коллекции) имеет обильную примесь толченой раковины, гладкую, иногда штрихованную поверхность. Толщина стенок 5–7 мм, диаметр горла 16–36 см. Преобладают приземистые горшки с выделенной, часто желобчатой (40%) шейкой, внутренним ребром, умеренно раздутым туловом, округлым или округло-коническим дном. Как правило, ширина уплощенного (40%), скошенного внутрь (31%), округлого, скошенного наружу, заостренного, изредка волнистого края горла близка или равна максимальному диаметру тулова. Орнаментировано 80,7% сосудов. Венчики украшались насечками и зубчатыми отпечатками (46,6%). Орнамент, занимающий шейку и верхнюю половину тулова, нанесен зубчатыми (52%), каплевидными и овальными (17,5%), «псевдошнуровыми» вдавлениями, прочерчиванием, нарезками, ногтевидными насечками. Типичны (18%) валики-змейки, сформованные угловыми оттисками плоского или зубчатого штампа. Зубчато-геометрическая группа включает многорядные зигзаги, горизонтальные «елочки», ряды скошенных и вертикальных отрезков, квадраты, штрихованные зигзаги, разнообразные треугольники. Зональные разделители представлены горизонтальными линиями, «змейками», поясками овальных отпечатков и коротких скошенных линий. Иногда орнаментальное поле подчеркнуто снизу каплевидными вдавлениями или короткими наклонными отрезками. Вторая группа – с «бедным» орнаментом в виде рядов нарезок, каплевидных и овальных вдавлений, дополненных зигзагами. Особую категорию составляют небольшие овальные чаши с прямым или вогнутым устьем, круглым и плоским дном (Соловьев, 2016, рис. 70: 1–5; 71: 1–3; 79).

На завершающем этапе развития чирковская керамика также имеет раковинные примеси в тесте, округлое или закругленно-коническое дно,

отдельно вылепленное цилиндрическое или раструбное, часто вздутое, горло, резкий переход в плечико с внутренним ребром, разнообразные венчики. Преобладают горшки высоких пропорций с короткой шейкой и вытянутым туловом, различаются степенью выпуклости плечика, диаметр которого превосходит ширину горла или соответствует ей. Реже встречаются горшки средних пропорций с вертикальной или отогнутой шейкой, правильным шаровидным туловом, диаметром горла, равным высоте сосуда и уступающим максимальному диаметру тулова, и широкогорлые низкие сосуды с выраженной отогнутой шейкой. Горло сосудов раструбное (47–76%), реже вертикальное, часто вздутое желобчатое (23,5–31%) с закругленными (24–25%), уплощенными (23–29%), отогнуто-заостренными (10–27%), скошенными внутрь (33–39%), наружу (до 3%), в обе стороны (до 6%) венчиками. Встречается волнистый край горла. Украшено 91–98% сосудов. Посуда с «обедненным» орнаментом составляет 7,5–13%. Преобладающая зубчато-геометрическая группа включает простые (до 9,6%) и широкие заштрихованные зигзаги (до 3,4%); пояски наклонных и вертикальных отрезков, образующих квадраты и «елочки» (до 3%), горизонтальные линии (30%) и скошенные «лесенки»; взаимопроникающие равносторонние, прямоугольные (1%), равнобедренные (9%) треугольники с разнообразной штриховкой. Широкие зигзаги иногда заполнены разнонаклонными линиями и круглыми ямками. Оттиски в основном длинные (41–75%). Мелкий овальный двух-трехзубый штамп, типичный для верхневолжской фатьяноидной керамики, широкого распространения не получил (4–10%). Редки переменно-наклонные группы отрезков, треугольники, образующие широкий «пустой» зигзаг. Характерны налепные волнистые валики (12–30%), наряду с горизонтальными линиями и узкими полосками наклонных отрезков использовавшиеся в качестве зональных разделителей. Изредка орнаментальное поле завершается «бахромой» или линией. Оба вида орнамента дополнены прочерчиванием (до 2%), оттисками штампа, имитирующего тонкий шнур (до 1%). До 24% венчиков покрыто оттисками зубчатого штампа и нарезками (Соловьев, 2016, рис. 74–76).

Каменные изделия (рис. 5: 1–35, 39–46) периода формирования чирковской культуры представлены смешанными комплексами, что затрудняет выделение характерного комплекса чирковских орудий. По мнению Б.С. Соловьева, большая часть каменного инвентаря этих памятников имеет поздневолосовские аналогии, а сверленые топоры, пластинчатые ножи, песты, листовидные и треугольно-черешковые наконечники стрел с жальцами связаны с атликасинско-балановским субстратом (Соловьев, 2016, с. 200, 201).

Каменный инвентарь чирковских памятников на последующем этапе развития характеризуется деградацией технологий обработки камня. Используется некачественное сырье (кремень, песчаник, известняк, галька), орудия выполнены небрежно, отсутствуют типологические ряды. Исключением являются наконечники стрел (рис. 5: 1–17). Преобладающими являются наконечники с подтреугольным пером, треугольным черешком и шипами (6 экз.) (Соловьев, 2016, рис. 83: 3, 8, 10, 11), также характерные для абашевских древностей (Кузьмина, 1992, с. 59–73). Наконечники с треугольным пером без шипов, округлым черешком (2 экз.) широко распространены на балановских (Бадер, Халиков, 1976, с. 70) и фатьяновских (Крайнов, 1972, рис. 26: 5) памятниках, но иногда встречаются и на волосовских поселениях (Никитин, 1987, рис. 3: 20). Наконечники с листовидным пером, шипом, округлым насадом (2 экз.) (Соловьев, 2016, рис. 83: 9), с коротким треугольным пером, жальцами, расширяющимся книзу вогнутым черешком (1 экз.), ромбическо-листовидные (3 экз.) (Соловьев, 2016, рис. 83: 12–14) не относятся к культуроопределяющим типам. Всего двумя обломками представлены сверленые топоры, имеющие усеченно-ромбическую форму (рис. 5: 39), и небольшие клиновидные трапециевидные топоры-тесла из плотных гранитно-гнейсовых пород (Халиков, Халикова, 1963, рис. 14: 77, 72). Причем данные артефакты собраны с памятников с балановской керамикой, с носителями которой, скорее всего, и связаны эти находки.

Из медных изделий на чирковских памятниках зафиксированы находки шильев (рис. 5: 36–38), пять из которых обоюдоострые, одно – с расплющенной пяткой (пробойник?), плоская миниатюрная накладка с загнутым краем, крупный круглый стержень с раскованными концами, заготовка миниатюрного пластинчатого ножа, плоские кольца с прямоугольным сечением, цилиндрические пронизи (Соловьев, 2016, рис. 69: 6–9; 83: 15: 19–21). Использовалась медь химико-металлургической группы МП (Соловьев, 2016, табл. 16).

С металлообработкой связаны находки глиняных тиглей – толстостенных чаш с уплощенным дном, прямым или открытым устьем диаметром 12–15 см (рис. 5: 46), один из которых имеет намеченный носик-слив. Миниатюрный экземпляр тигля изготовлен методом кольцевого налепа на плоскую основу (Соловьев, 2000, рис. 39: 7; 47: 5). Также зафиксированы ошлакованные фрагменты сосудов с вкраплениями медной окиси

Б.С. Соловьев выделяет в развитии чирковских древностей два периода. Период форми-

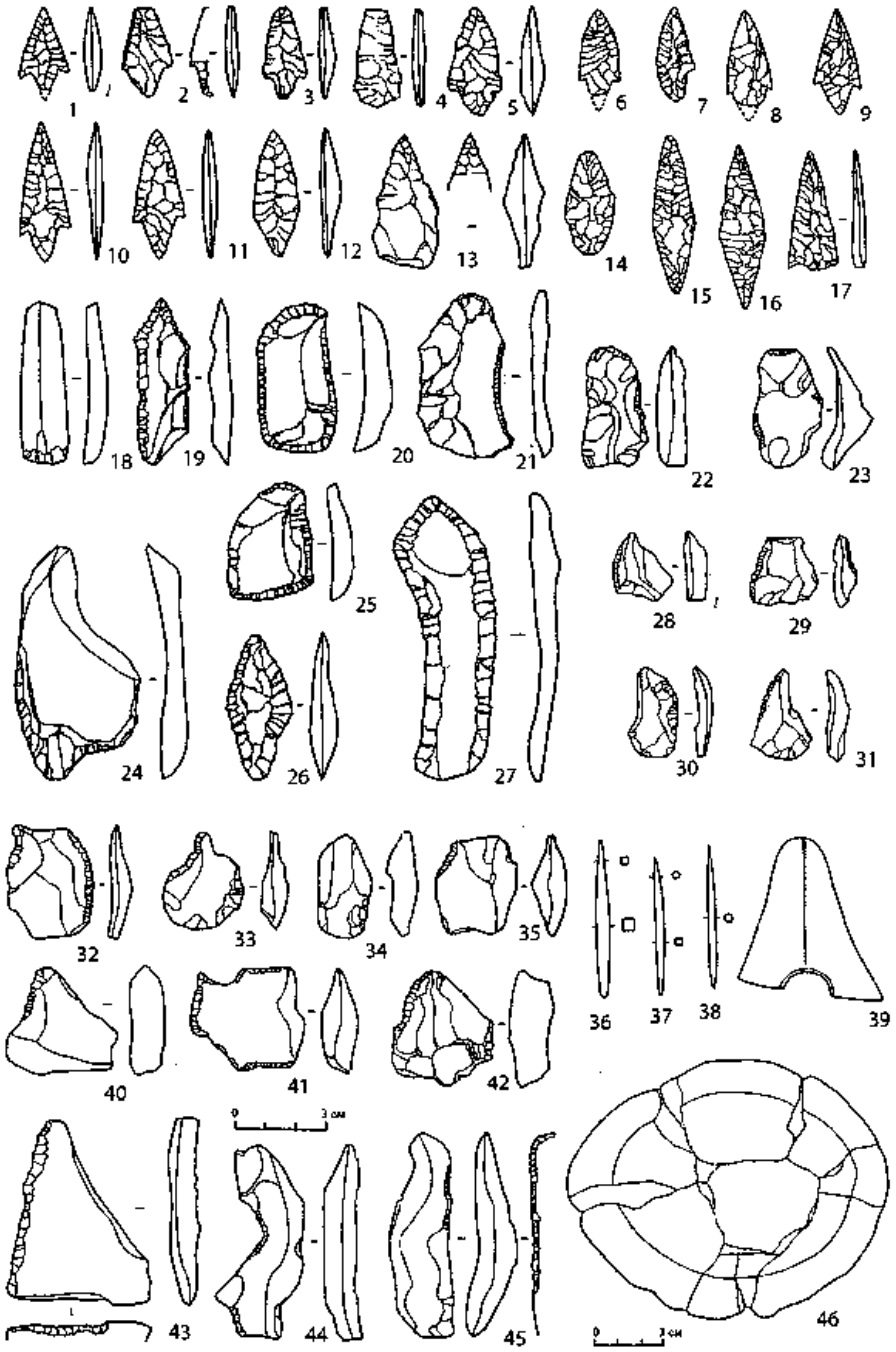


Рис. 5. Чирковская культура

Изделия из кремня, глины и меди. 1–5, 10–13, 18–21, 25–27 – Кубашево; 6–9, 14–17, 36–39, 46 – Чирки; 22, 23, 30–35, 40–45 – Носелы. 1–35, 39–46 – камень; 36–38 – медь; 46 – глина

рования характеризуется проникновением на юг лесного Поволжья представителей культур боевых топоров, контактами балановско-атликасинских и поздневолосовских группировок, сохраняющих свои культурные традиции (Ахмылово II, Удельный Шумец VII, Нижняя Стрелка IV, Линевое II–III). Мигранты-скотоводы заняли лесостепные территории, соответствовавшие их хозяйству и быту, что способствовало симбиозному сосуществованию с местными охотниками и рыболовами. Контакты протекали в виде экзогамных браков в рамках дуально-фратриальной системы. Вначале ассимилятивные процессы практически не улавливаются. Топография поселений аналогична поздневолосовской. Поселки, состоявшие из соединенных переходами полуземлянок с рядовой планировкой, занимали вершины дюн или надлуговых террас. На памятниках преобладают сосуды выжумского типа: горшковидные плоскодонные сосуды с короткой резко отогнутой шейкой и Г-образным отворотом венчика, украшенные рядами ногтевидных насечек, реже резными

линиями и оттисками гребенки. Балановская керамика составляет не более четверти всей посуды. Ярко выраженные гибридные формы отсутствуют. Изделия из камня типологически близки поздневолосовским. Присутствие на поселении Удельный Шумец VII костей крупного рогатого скота и свиньи свидетельствует о появлении навыков производящего хозяйства. На днищах сосудов выжумского типа появляются солярные символы, присущие балановской орнаментике (Соловьев, 2016, с. 208).

Синтез различных культурных традиций иллюстрируют материалы поселений Галанкина Гора, Кубашевское, Юринское, II и Васильсурское V, где тесные балановско-волосовские контакты дополняются появлением носителей «валиковой» керамики. Материалы Галанкиной Горы отражают сложный этнический и структурный состав общины, проживавшей в поселке. Керамический комплекс поселения включает 50,5% выжумских, 32,4% балановско-атликасинских, 9,6% «валиковых» и 7,5% гибридных сосудов. Из двенадцати жилищ в восьми совместно залегала поздневолосовская, балановско-атликасинская и «валиковая» посуда в четырех постройках, компактно расположенных на юго-западной периферии поселения, поздневолосовская керамика отсутствовала. Эти постройки выделяются более четким расположением очагов, имевших прямоугольную форму и плоское дно, в отличие от остальных очагов, устроенных в глубоких котловидных ямах. Во всех четырех постройках обнаружены развалы крупных кухонных балановских и «валиковых» горшков, треугольно-черешковые наконечники стрел, клинковидные пластинчатые ножи, цилиндрические песты и обломки топоров-молотков, присущих мужской балановской субкультуре. Видимо, первоначально в поселке наряду со смешанными балановско-волосовскими семейными коллективами проживали и «чисто» балановские, занимавшие отдельные жилища, а носители «валиковой» керамики, судя по равномерному распределению последней в постройках, появились позднее, наслоившись на балановско-выжумский субстрат. Близкая картина наблюдается на Юринской стоянке, в двух жилищах которой встречена выжумская, балановско-атликасинская и гибридная керамика, в одном еще и «валиковая» (Соловьев, 2016, с. 208, 209).

По мнению Б.С. Соловьева, в разных районах процесс формирования чирковской культуры протекал неоднозначно. В Полесье превалировал местный компонент, в глубине Ветлужско-Вятского междуречья – балановско-атликасинский. На Кубашевском поселении, где преобладают небольшие изолированные наземные дома, вещевой инвентарь состоял из 30 атликасинских, 44 поздневолосовских, двух «валиковых», 10 гибридных сосудов и каменных орудий, среди которых преобладают типично балановские изделия: треугольно-черешковые наконечники стрел с жальцами, ножи на массивных пластинах, сверленый и клиновидный топоры, обломок шаровидной булавы. Группы керамики на поселении залегали неравномерно: балановская посуда – по всей площади, выжумская – в основном в северо-восточной части и в жилищах 1 и 5, гибридная – в постройке 4 и в юго-западной части площадки (Соловьев, 2016, с. 209, 210).

Материальная культура второго этапа имеет синкретический облик. Поселки, занимавшие высокие мысы дюн и коренных террас, состояли как из крупных соединенных переходами полуземлянок, так и небольших наземных изолированных домов. От трети до половины сосудов составляет выжумская керамика. В орнаментации заметно уменьшается доля ногтевидных насечек (14,3–17,3%) за счет возросшего употребления зубчатого штампа. Балановско-атликасинская посуда становится более многочисленной (до 36%). Отчетливо выделяется своеобразный «валиковый» комплекс, появляются гибридные формы. Из камня изготавливаются наконечники стрел, различные скребки, ножи на пластинах и плоских отщепах, проколки, скобели. Показательно отсутствие крупных рубящих орудий типа долот и тесел. Найденные на поселениях сплески и капли меди, тигли, обломки сосудов, использовавшихся в качестве плавильных чаш, медные орудия – шилья, ножи и т. п. – соответствуют уровню металлообработки досейминского горизонта (Соловьев, 2016, с. 210).

Происходит смена традиционного для волосовского населения охотничье-рыболовческого уклада на комплексное, с преобладанием придомного пастушеского скотоводства лесного типа. В материалах Галанкиной Горы и Юринской стоянки особи домашних животных составляют до 70%. Среди них превалируют костные остатки крупного рогатого скота в возрасте трех-четырех лет, возраст свиней и мелкого рогатого скота – около одного года, единичны кости лошади. Основным объектом охоты являлся лось (определены молодые особи в возрасте трех-пяти лет). В кухонных остатках встречены отдельные кости медведя и бобра. Практиковалось рыболовство: на Галанкиной Горе и Васильсурском II поселении найдены плоские грузила с желобками для привязывания (Соловьев, 2016, с. 210, 211).

Второй этап характеризуется завершением культурных трансформаций в органически единую культуру. Основной ареал памятников типа Чирковской стоянки включал на востоке южные

районы Ветлужско-Вятского междуречья и правый берег р. Волги между устьями Свияги и Суры: Чирковское, Ройский Шихан, Макарьевское, Носельское и др. На Западе компактная группа поселений с близкой материальной культурой занимала нижнее течение р. Оки: Костино II, Сейминская дюна и др. В устье р. Суры и вдоль прилегающего волжского правобережья параллельно с хуласючскими (Аненское, Сомовское I и др.) коллективами существовали смешанные позднебалановскочирковские (Васильсурские II, V, Хмелевское, Сомовское II). Подавляющее большинство долговременных поселений сооружалось на высоких труднодоступных мысах коренных террас, позднее занятых городищами. Жилища, построенные в балановско-атликасинских традициях, судя по материалам Васильсурских поселений, представляли собой небольшие наземные изолированные постройки со срубно-столбовой конструкцией (Соловьев, 2016, с. 211).

Выходит из употребления выжумская и «валиковая» посуда. В слоях памятников типа Чирковской стоянки найдены лишь гибридные сосуды, на смешанных поселениях они сосуществуют с ошпандинско-хуласючскими. Гибридный комплекс, для которого типичны обильные раковинные примеси, приобретает устойчивые формы. Наряду с широкогорлыми низкими экземплярами с резко отогнутой, реже вертикальной, шейкой и внутренним ребром при переходе в шаровидное тулово встречаются вытянутые с округлозаостренным дном. По манере орнаментации посуда распадается на две морфологически не отличающиеся группы: пышно украшенную геометрическими гребенчатыми композициями, часто дополненными формованными волнистыми валиками, и с невыразительными узорами, состоящими из рядов различных вдавлений и нарезок. Для первой группы обычен балановско-атликасинский принцип построения орнаментального поля, для второй – отсутствие разнообразия, разреженность и редкая взаимовстречаемость элементов, т. е. признаки, характерные для поздневолосовской посуды. Отличительной чертой является волнистый формованный валик-змейка, придающий чирковской орнаментике неповторимое своеобразие (Соловьев, 2016, с. 211).

Данный этап, по времени совпадающий с заключительным периодом существования в Среднем Поволжье балановских древностей, характеризуется устойчивыми связями с позднебалановским населением. Контакты с другими культурами эпохи бронзы не прослеживаются. Объективные данные, указывающие на прямое участие чирковцев в сложении предананьинской общности позднего бронзового века в Среднем Поволжье, отсутствуют (Соловьев, 2016, с. 212).

Несколько иначе процесс формирования и развития чирковской культуры представляет В.В. Ставицкий. По его мнению, главными участниками данного процесса были фатьяновско-балановские племена и лесостепное население, восходящие своими истоками к кругу культур, связанных генезисом с носителями среднеднепровской поселенческой керамики (вольско-лбищенской, шагарской, иванобугорской). И протекали эти процессы не только в Марийско-Нижегородском Поволжье, но и на лесостепных территориях Сурско-Окского междуречья. Сходные процессы в это время имели место и на территории Волго-Окского бассейна, где происходит сложение фатьяноидных керамических традиций. Е.В. Волковой фиксируется три типа фатьяноидной керамики. По её наблюдениям, кроме фатьяновцев в формировании первого типа керамики участвовало ошпандинское население, второго – поздневолосовское, третьего – носители неизвестной культуры (Волкова, 2019). При этом рецептура приготовления керамического теста второго типа фатьяноидной керамики соответствует гибридной посуде поселения Галанкина Гора, а третьего – чирковской посуде Юринской стоянки, II Сомовского поселения (Волкова, 2017). Согласно выводам Е.В. Волковой, контакты балановского, поздневолосовского населения и носителей культуры валиковой керамики фиксируются в материалах 1–8 жилищ поселения Галанкина гора, а их результаты иллюстрируют материалы 9–12 жилищ, керамика которых характеризуется преобладанием балановских форм сосудов и орнаментальных образов, однако рецептура приготовления керамического теста здесь используется преимущественно поздневолосовкая. Получается, что потомки волосовцев стремились к тому, чтобы их посуда была внешне похожа на балановскую, но её тесто изготавливали по смешанной рецептуре, в которой преобладали волосовские традиции использования примеси птичьего помета. Однако данные традиции уже не фиксируются в чирковской посуде Юринского и Сомовского II поселений, где преобладает примесь толченой раковины (Волкова, 2017, с. 153–166). В.В. Ставицкий полагает, что раковинная примесь, а также ряд орнаментальных композиций, характерных для чирковской посуды, является следствием воздействия со стороны носителей памятников вольско-лбищенского типа, которые попали на территорию Марийского Поволжья в результате новой волны миграций. Согласно его точке зрения, происхождение вольско-лбищенской культуры связано с поселенческими древностями среднеднепровской культуры. Несмотря на

то, что плоскодонная поселенческая керамика по форме и орнаментации существенно отличается от круглодонной посуды среднеднепровских могильников, исследователи считают их однокультурными (Бондарь, 1974). При всей дискуссионности данной точки зрения (Ставицкий, 2004), взаимосвязь носителей данных видов памятников достаточно очевидна, и какая-то часть носителей поселенческой керамики, видимо, оказалась вовлечена в миграции населения среднеднепровской культуры на территорию Волго-Окского междуречья. Следы этой миграции фиксируются на территории Среднего Поочья, где Е.Д. Каверзневой были выделены памятники шагарского типа (Каверзнева, 1994), к которым ею были причислены и материалы, ранее отнесенные Т.Б. Поповой к допоздняковскому субстрату, в том числе поселения с керамикой фатьяноидного типа (Попова, 1959). Судя по их публикациям, в шагарскую культуру Е.Д. Каверзневой (1994) были включены разнородные материалы, одна часть которых находит близкие аналогии в иванобугорской, другая – в поселенческой керамике среднеднепровской культуры. В настоящее время отдельные образцы последней также зафиксированы на ряде памятников бассейна р. Москвы Н.А. Кренке (Кренке и др., 2013). К проявлениям данной керамической традиции также относятся материалы поселения Ибердус I, Новый Усад IV, Ахунского I городища, которые ранее интерпретировались В.В. Ставицким в качестве катакомбных (Ставицкий, 2005, с. 14–18).

Наиболее близкие аналоги чирковская керамика находит в посуде среднеднепровских поселенческих памятников северной левобережной группы Среднего Поднепровья, для которых характерны такие же формы керамики, как и для ранней керамики чирковской культуры. Это горшковидные сосуды с округловыпуклым туловом и раструбовидным горлом. Как и на «гибридной» (чирковской) керамике Юринского поселения, часть сосудов имеет утолщенные венчики, некоторые из них орнаментированы валиками (Бондарь, 1974, рис 44: 1, 3–5, 7, 10, 12). В целом на среднеднепровской керамике преобладает орнаментация из веревочных оттисков, однако на поселении Пустынка V вторую по численности группу составляют сосуды, украшенные короткими отпечатками плоского штампа и ногтевыми вдавлениями, которые образуют горизонтальные ряды вдавлений, аналогичные чирковским орнаментальным мотивам. На поселении у с. Козинцы зафиксирован сосуд, орнаментированный висячими треугольниками, которые находят близкие параллели на керамике Сомовского городища (Соловьев, 2000, рис. 54: 3). Особенно близкие аналогии орнаментация среднеднепровской поселенческой посуды находит в фатьяноидной керамике Поочья и Волго-Окского междуречья, к типичным мотивам которой относятся чередование рядов из наклонных оттисков штампа с отпечатками, образующими горизонтальный зигзаг, горизонтальные ряды из оттисков, наклоненных в разные стороны и др.

В отличие от чирковской керамики среднеднепровская поселенческая посуда содержит в тесте примесь песка. Однако на Верхней Суре известно Екатериновское поселение с гибридной керамикой, в облике которой чирковские черты сочетаются с вольско-лбищенскими. Исследователь данного памятника М.Р. Полесских относил его к чирковской культуре (Полесских, 1977), однако В.В. Ставицким (2004) его культурная принадлежность была переосмыслена. Екатериновская керамика, имеющая типично чирковские формы, содержит в тесте примесь раковин, и, кроме сосудов, украшенных сложными композициями в вольско-лбищенском стиле, здесь зафиксирована группа посуды, орнаментированная горизонтальными рядами насечек и вдавлений (Ставицкий, 2004, рис. 1: 1, 2; 2: 1; 5; 3). По ряду параметров екатериновская керамика находит близкие аналогии и в среднеднепровской поселенческой посуде, с которой её сближают общие формы горшковидных сосудов с прямостенными венчиками, часть которых имеет выраженный желобок. На екатериновской посуде используются и тождественные элементы орнамента, состоящие из перевитой веревочки, оттисков гладкого и среднезубчатого штампа, ногтевых защипов, «гусеничного» штампа, вдавлений полой кости, наколов и т. д., которые образуют сходные композиции в виде горизонтальной елочки, зигзагообразных построений, заштрихованных треугольников, горизонтальных рядов оттисков (Ставицкий, 2005, рис. 40–44; Бондарь, 1974, рис. 16: 13, 14, 18; 22: 7; 23: 1, 8; 30: 6, 11, 12). Подобная посуда известна также со 2-го Ахунского городища, расположенного в окрестностях Пензы, где на одном из венчиков зафиксирован валик типа чирковской «змейки» (Ставицкий, 2005, рис. 45: 7). Особенно близкие аналогии в ранней чирковской посуде имеет вольско-лбищенская керамика, орнаментированная валиками в виде «змейки», с поселения Гундоровка из Самарского Поволжья (Васильев, Кузнецов, 2000, рис. 8). Наличием близких параллелей между чирковской и вольско-лбищенской керамикой обусловлена неоднозначная трактовка культурной принадлежности ряда керамических комплексов. А.Х. Халиковым керамика городища Ройский Шихан, Зуево-Ключеского поселения и могильника была интерпретирована в качестве чирковской

(Халиков, 1987), в то время как Б.С. Соловьев считает её вольско-лбищенской (Соловьев, 2012).

По мнению В.В. Ставицкого, именно вольско-лбищенские традиции обуславливают своеобразный облик чирковской керамики Волго-Ветлужского междуречья и прежде всего те признаки, которые отличают её от фатьяноидной керамики Волго-Окских памятников (Ставицкий, 2003).

Вторым фактором, ставящим под сомнение существенную роль поздневолосовского населения в формировании чирковских древностей, является утрата всех основных черт местного населения в культуре поздних чирковских памятников. Кроме того, ряд вопросов вызывает достоверность прописанного в литературе механизма волосовско-балановского взаимодействия. Если исходить из концепции, что материалы поселений Удельный Шумец VII, Нижняя Стрелка IV и Галанкина Гора иллюстрируют процессы экзогамных контактов мирно сосуществующих групп населения, то наряду с этими памятниками, на которых волосовская посуда преобладает, должны существовать синхронные поселения с преобладанием балановской керамики. Поскольку экзогамные контакты предполагают двусторонний равноценный обмен женской или мужской части населения. Между тем находки балановской посуды на поздневолосовских стоянках единичны (Соловьев, 2000, с. 23), и это опровергает возможность дуально-фратриальных отношений между представителями этих культур. Судя по всему, на раннем этапе имело место подселение балановских коллективов на волосовские стоянки. Подобная ситуация зафиксирована А.Х. Халиковым на материалах пятого жилища Кубашевского поселения (Халиков, 1960, с. 101), а по мнению В.В. Ставицкого, также имела место на поселениях Удельный Шумец VII, Нижняя Стрелка IV. Об этом же свидетельствуют материалы 1–8 жилищ поселения Галанкина Гора, конструктивные особенности которых полностью соответствуют волосовским традициям, при этом волосовская керамика залегает в них совместно с балановской. И хотя на Галанкиной Горе волосовская керамика составляет большинство, Б.С. Соловьев пришел к справедливому выводу о преобладании в мужской субкультуре памятника балановских признаков. По мнению В.В. Ставицкого, данный вывод, видимо, актуален и для стоянок Удельный Шумец VII и Нижняя Стрелка IV, на которых значительно меньше, чем на других поздневолосовских памятниках, собрано кремневых орудий, что весьма характерно для балановских поселений. К тому же здесь отсутствуют шлифованные волосовские долота, а среди наконечников стрел представлены треугольно-черешковые формы, в большей степени присущие для балановских древностей. Таким образом, при переселении балановцев в состав их общины в основном была инкорпорирована женская часть волосовского населения, численность которой постепенно сокращалась, вероятно, в результате утраты своей этнической идентичности. Материалы волосовского облика отсутствуют уже в 9–12 жилищах поселения Галанкина Гора, которые, судя по выводам Е.В. Волковой (2017), были построены позже, чем первые 8 построек, образующих два четких, вероятно заранее запланированных, ряда. О немирном характере ассимиляции местного населения свидетельствует перенос поселений на высоко расположенные, удобные для обороны места в период появления носителей керамики чирковского облика. О том, что подобная керамика появляется здесь в уже сложившимся виде, а не формируется в процессе взаимодействия, по мнению В.В. Ставицкого, также свидетельствует планиграфия Кубашевского поселения, где подобная керамика присутствует только в заполнении 4-го жилища, тогда как волосовская и балановская посуда совместно залегают в первом жилище, однако никаких следов трансформации их традиций в чирковскую здесь не фиксируется. К результатам контактов, а не трансформации, относится появление двух развалов чирковских сосудов и на поселении Нижняя Стрелка.

По существу, к проявлениям волосовских традиций в поздней чирковской посуде можно отнести только упрощенную систему орнаментации, состоящую из горизонтальных рядов вдавлений, однако не поддается объяснению, почему именно эта орнаментация столь избирательно была воспринята чирковским населением? Поскольку по подсчетам В.В. Никитина на поздневолосовских стоянках Марийского Поволжья в подобной манере орнаментировано только 20% керамики (Никитин, 1991, с. 65). Следует отметить, что для балановской посуды орнаментация разреженными рядами коротких оттисков штампа отнюдь не является новацией и достаточно хорошо известна на кухонной посуде балановских поселений (Королев, Ставицкий, 2006, рис. 114: 1; 119: 6; Халиков, Халикова, 1963, рис. 10, 20).

По мнению В.В. Ставицкого, волосовско-балановские контакты, проходившие на фоне вытеснения местного населения с ранее обжитых мест коллективами, имевшими более высокую социальную организацию, не были долговременными и поэтому не оказали существенного влияния на сложение чирковских древностей. Более продолжительными подобные контакты были между фатьяновско-балановскими коллективами и наследниками традиций среднеднепровской поселенческой керамики, о чем свидетельствуют многочисленные факты их взаимодействия на

всем протяжении существования фатьяно-балановских древностей. Ранняя фаза этих контактов, видимо, протекала в лесостепном Поволжье, куда балановцы проникают раньше, чем в левобережные районы Марийской низменности. Именно в лесостепных районах Посурья в позднеэнеолитическое время фиксируется пласт памятников, для которых характерны сильно профилированные сосуды с желобчатыми венчиками и раковинными примесями в тесте, то есть с теми признаками, которые позднее влились в культуру вольско-лбищенского населения (Королев, Ставицкий, 2008, с. 111–113; Ставицкий, 2004). Данные контакты наглядно иллюстрируют материалы Широмасовского 1 поселения (Гришаков и др., 2008), а их результаты фиксируются в материалах Васильсурского II городища, керамическая традиция которых сформировалась без участия волосовского населения. Параллельно данные процессы проходили на Верхней Волге, что привело к появлению материалов, которые Е.В. Волкова рассматривает в рамках третьего типа фатьяноидной керамики (Волкова, 2019).

Финал средневолжской чирковской культуры связывается с распространением срубно-андроноидных поздняковских и луговских группировок (Соловьев, 2000, с. 59). Б.С. Соловьевым допускается уход части чирковских коллективов на поселение на северо-восток европейской таежной зоны, где на ряде памятников (Атаманнюр, Шиховское, Ниремка I, Модлона, Березовая Слободка II–III, Паново городище) получает распространение пористая круглодонная посуда с рельефными «змейками», мелкозубчатой геометрической и ямочной орнаментацией (Соловьев, 2016, с. 184). По мнению В.В. Ставицкого, материалы данных памятников находят более близкие аналоги в фатьяноидной керамике Волго-Окского междуречья, носители которой, видимо, приняли участие в её формировании.

ГЛАВА 4
ПАМЯТНИКИ ЗАОСИНОВСКОГО ТИПА

История изучения. Долгое время на археологической карте Среднего, Верхнего и отчасти Нижнего Прикамья материалы начала позднего бронзового века иллюстрировали только некрополи и местонахождения сейминско-турбинского типа, появление которых к началу II тыс. до н. э в таёжной полосе региона связано с воинственными мигрантами-коневодами из глубинных юго-западных районов Восточной Сибири (Черных, Кузьминых, 1989, с. 270). Однако это культурное явление рассматривалось вне контекста существования здесь аборигенных групп позднеэнеолитического населения. Современные данные показывают, что в начале II тыс. до н. э. позднегаринские общины таёжного Приуралья, очевидно, продолжали свою жизнедеятельность в ранний период сейминско-турбинской эпохи и явно имели непосредственные контакты с носителями этого транскультурного феномена (Мельничук, 2013, с. 158; Лычагина, Карманов и др., 2013).

Считалось, что луговские и раннеерзовские древности Среднего и Нижнего Прикамья эпохи поздней бронзы сложились на позднегаринском фундаменте при участии внешних культурных импульсов – андроновском, срубно-абашевском мире (Денисов, 1967, с. 48; Голдина, 1999, с. 164–165). Учитывая, что керамические комплексы луговской и ерзовской культур имеют сложившийся под инокультурным влиянием облик (плоскодонные горшки, различные резные геометрические узоры, воротничковое оформление венчика), создавалось впечатление, что между ними и местными позднеэнеолитическими материалами образовалась хронологическая лакуна в несколько веков, в которой померкла историческая судьба позднегаринского населения Среднего Прикамья. Отсутствие таких хронологических горизонтов, как займищенский (Среднее Поволжье) или коптяковский (лесное Зауралье), давало основание исследователям считать, что луговская и ерзовская культуры эпохи поздней бронзы сложились непосредственно только в результате серьёзных миграций в Среднее Прикамье черкаскульского или межовского населения на смену невесть куда ушедшим позднегаринским общинам (Халиков,1980, с. 51; Обыденнов, Шорин, 1995, с. 101).

В 1983, 1984 и 1988-х гг. XX в. близ г. Перми исследовано поселение Заосиново VII, материалы которого представили «совершенно неизвестную для территории лесного Прикамья культуру эпохи развитой бронзы, заполняющую хронологический разрыв между позднегаринскими и ерзовскими древностями» (Денисов, Мельничук, 1991, с. 106). Несколько ранее, в 1972 г., В.П. Денисовым было раскопано многослойное поселение Непряха VII, среди материалов которого были выявлены сосуды коптяковского типа (Денисов, Мельничук, Митряков, 2011, с. 109). Зуево-Ключевское II поселение обследовалось разведочными работами в 1956, 1987 гг., стационарно исследовалось в 1989–1990 гг. Н.Л. Решетниковым, в 1995 г. аварийные раскопки на памятнике были проведены Н.Ф. Широбоковой и С.Е. Перевощиковым (Перевощиков, 1996). Здесь наряду с керамикой поздней бронзы и раннего железного века была выявлена керамика, имеющая аналогии с посудой Партизанского IV поселения (Митряков, 2011, с. 50–51). Поселение Партизаны IV с керамикой также коптякоидного облика исследовалось раскопками Н.Л. Решетникова в 1996–1997 гг. Однако характерная керамика этих поселений была описана и отнесена к заосиновскому культурно-хронологическому типу несколько позднее (Митряков, 2011а; Денисов, Мельничук, Митряков, 2011). Наконец, совсем недавно в Нижнем Прикамье немногочисленная заосиновская керамика была выявлена на многослойных поселениях ПБВ–РЖВ (Чижевский, Лыганов, Морозов, 2012, с. 98–112; Чижевский, Лыганов, Шипилов, 2014, с. 26–29).

В настоящее время на обширной территории Среднего и Нижнего Прикамья отмечено только 6 представительных памятников заосиновского культурно-хронологического горизонта – Заосиново VII, Непряха VII, Партизаны IV, Зуевоключевское II поселение, Рысовский комплекс и Дубовогривская II стоянка.

Генезис культуры. Процесс формирования древностей заосиновского типа в Среднем Прикамье соответствовал тем эпохальным изменениям, которые происходили в таёжной Евразии при формировании культур эпохи бронзы в рамках сейминско-турбинского (самусько-сейминского)

транскультурного явления. Сложение заосиновских памятников на местной гаринской основе напоминает генезис коптяковских древностей лесного Зауралья. Формирование памятников коптяковской культуры К.В. Сальников рассматривал «самостоятельно в процессе развития местной культуры предшествующего времени», т. е. аятской (Сальников, 1964, с. 10). Привлекает внимание положение М.Ф. Косарева о ряде сходных черт в коптяковской и абашевской (баланбашской) посуде: «остроребериость, присутствие в орнаменте зигзагообразных гребенчатых полос и ступенчатых фигур, характерность горизонтальных ромбических поясов, выполненных гребенчатым штампом» (Косарев, 1981, с. 81). Схожие позиции занимает А.Ф. Шорин, по мнению которого кроме местного аятского компонента в сложении коптяковских древностей «сыграли импульсы, связанные с активными процессами культурогенеза, происходившие около II тыс. до н. э. в юго-лесной, лесостепной и северостепной зоне Евразии в среде синташтинско-петровских и абашевских групп населения» (Шорин, 1999, с. 100).

Характерно, что гаринская культура, ставшая основой для памятников заосиновского типа, в социально-экономическом аспекте, а также по характеру материальной культуры, прежде всего каменной индустрии, имеет много общего с аятскими древностями. Между двумя этими культурными системами имелись устойчивые связи, которые осуществлялись, прежде всего, по р. Чусовой, что хорошо документируется находками талькированной аятской посуды в гаринских жилищах (Мельничук, 2009, с. 15). Культурогенез древностей заосиновского типа близок к процессу формирования зауральских памятников коптяковской культуры. Он явно носил синкретический характер, связанный с влиянием на позднегаринские общины как абашевского, так и андроновского культурных миров, очевидно, и в виде проникновений из их ареала в Среднее Прикамье чужеродных небольших групп населения (Коренюк, Мельничук, 2007, с. 65).

Открытие в лесном Зауралье уникального сейминско-турбинского комплекса Шайтанское Озеро II позволило ученым рассматривать сложение коптяковских древностей как культурное образование, сформировавшееся на местной основе под влиянием сейминско-турбинских и петровско-алакульских популяций (Сериков, Корочкова и др., 2009; Корочкова, 2012; Корочкова, Спиридонов, 2016).

Область расселения (рис. 1). Памятники заосиновского типа занимают территорию Среднего и Нижнего Прикамья, причем 5 из 6 известных на сегодняшний момент поселений расположено достаточно компактно на юге Среднего Прикамья и в северной части Нижнего Прикамья. Это преимущественно юг лесной зоны, переходящий по левому берегу реки Камы, в ее нижнем течении, в лесостепь. Памятники расположены по берегам Камы, два из них в приустьевой части достаточно крупных рек региона Иж и Ик.

Поселения (рис. 2). Поселение Заосиново VII расположено в низменной части левобережной поймы р. Камы около г. Перми. Культурный слой и объекты на нём перекрыты аллювиальными стерильными отложениями мощностью до 0,3 м, которые, очевидно, формировались с конца эпохи бронзы – начала раннего железного века. Изучены остатки 4 одиночных слабоуглублённых (0,2–0,3 м) жилищ подпрямоугольной формы (от 12×9 м до 8×7 м). В пределах построек отмечены глинобитные очаги, каменные выкладки со следами воздействия огня и хозяйственные ямы (рис. 2: 1). Подобные постройки зафиксированы среди известных жилищ коптяковской культуры – прямоугольные котлованы, близкие к подквадратной форме, углубленные в материк на 0,15–0,6 м, с глинобитными очагами (Викторова, 1999; Зах, Иванов, 2007, с. 12–14; Зах, 2012, с. 31–33). Каменная индустрия поселения, как и позднегаринская, базируется на использовании в качестве основных заготовок для производства орудий отщепов, сколов и расколотых плоских галек. Однако население обладало техникой изготовления орудий на пластинах, о чём свидетельствуют находки отдельных ядрищ параллельного принципа скалывания и орудий на них. Ведущую группу изделий (46%) составляют подпрямоугольные долотовидные орудия, как однолезвийные, так и двулезвийные. Среди скребков (32,5%) преобладают подтреугольные с фасетированной дорсальной поверхностью и концевые подпрямоугольные изделия. Наконечники стрел с тщательно обработанной поверхностью (11%) представлены листовидными и подтреугольными формами с прямоусеченными, реже с выемчатыми основаниями. По своим пропорциям они близки к метательным орудиям сейминско-турбинского типа Режущие орудия (ножи и резаки) изготовлялись на удлиненных сколах или отщепах. Привлекают внимание проколки, среди которых можно выделить группу шиповидных перфораторов, иногда на пластинах. Подобные изделия отмечены на поздних памятниках гаринской эпохи (Симониха II, Рычино), в комплексах которых появляются плоскодонные горшки с гофрированными венчиками и валиками. Среди каменных изделий отмечаются зернотёрочная плитка и шлифованный зеленокаменный продолговатый пест с фалоссовидным окончанием, имеющий прямые аналогии на памятниках развитой бронзы Южного Заура-

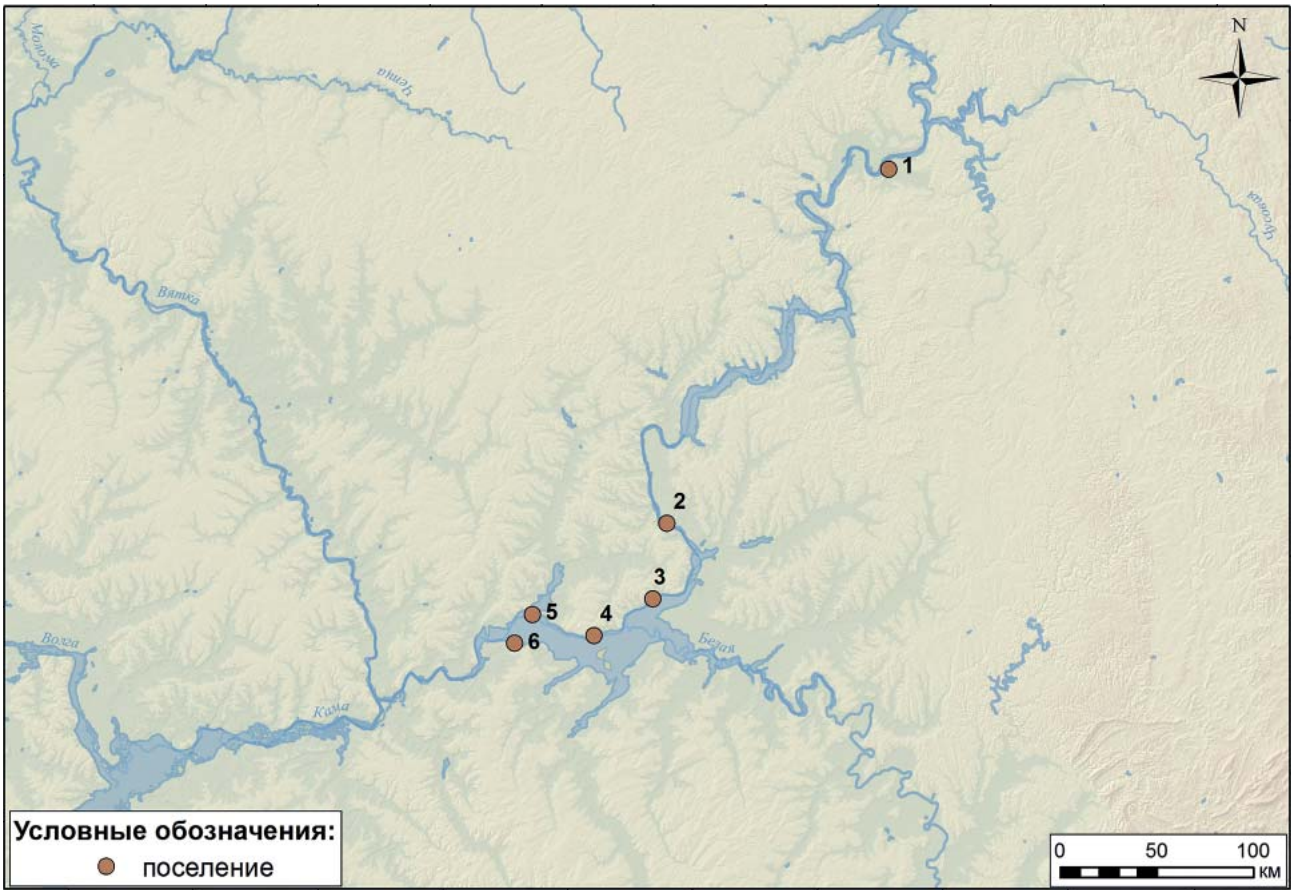


Рис. 1. Памятники заосиновского типа
1 – Заосиновское VII поселение, 2 – Непряха VII, 3 – Партизаны IV, 4 – Зуевоключевское II поселение, 5 – Рысовское III селище, 6 – Дубовогривская II стоянка

лья. Данные орудия использовались для растирания руды (Потемкина, с. 112–113, 115, рис. 41: 5; 42: 2). Уровень металлургии характеризуют обломок медного предмета, фрагмент тигля с окислами меди и медная ошлаковка.

Керамика поселения характеризуется как плоскодонными горшками, так и сосудами с прямым цилиндрическим горлом и округлым дном. Она обладала пористой структурой, образованной от выщелачивания раковинной примеси в песчаных почвах Среднего Прикамья. Большинство сосудов декорировано гребенчатыми узорами, как одиночно, так и в сочетании с другими орнаментальными мотивами (56,8%). Гребенчатый орнамент образует различные композиции, среди которых преобладают длинные горизонтальные пояски в сочетании с наклонными отпечатками гребенки, располагающимися сразу под торцом венчика, иногда под «ямками-жемчужинами». Встречены орнаментальные композиции в виде широких гребенчатых зигзага, ёлочки, решётки и отпечатков уголкового гребенчатого штампа. Часто отмечаются оттиски с двумя-тремя зубцами, единично «гусенички». В целом данные декоры характерны для позднегаринских керамических комплексов (Выстелишна, Красное плотбище, Симониха II и т. д.). Гладкие и резные узоры (41,6%) образуют композиции, которые повторяют орнаментальные мотивы гребенчатых. Значительно реже (8,7%) применялся декор в виде различных вдавлений (треугольные, прямоугольные, овальные), которые отдельно не встречаются. Большинство посуды имеет по шейке поясок из небольших, но глубоких ямок-«жемчужин» (72,1%). В комплексе поселения Заосиново VII выделяются фрагменты от 3 талькированных плоскодонных сосудов, декорированных по стенкам желобками с наклонными оттисками длинного узкого зубчатого штампа в виде сдвоенного и строенного зигзага. Данная посуда атрибутирована как коптяковская, в которой проявляются черты черкаскульской орнаментальной традиции (Обыденнов, Шорин, 1995, с. 28, рис. 22: 3). Из керамических предметов примечательны также небольшие обломки пряслиц.

В ходе исследований В.П. Денисовым поселения Непряха VII (Удмуртское Прикамье) изучена полуземлянка, возведённая ранее гаринским населением, где выявлен комплекс плоскодонных и круглодонных сосудов (16) с плавным переходом шейки в тулово (рис. 3: 1–3, 7, 8). В верхней ча-

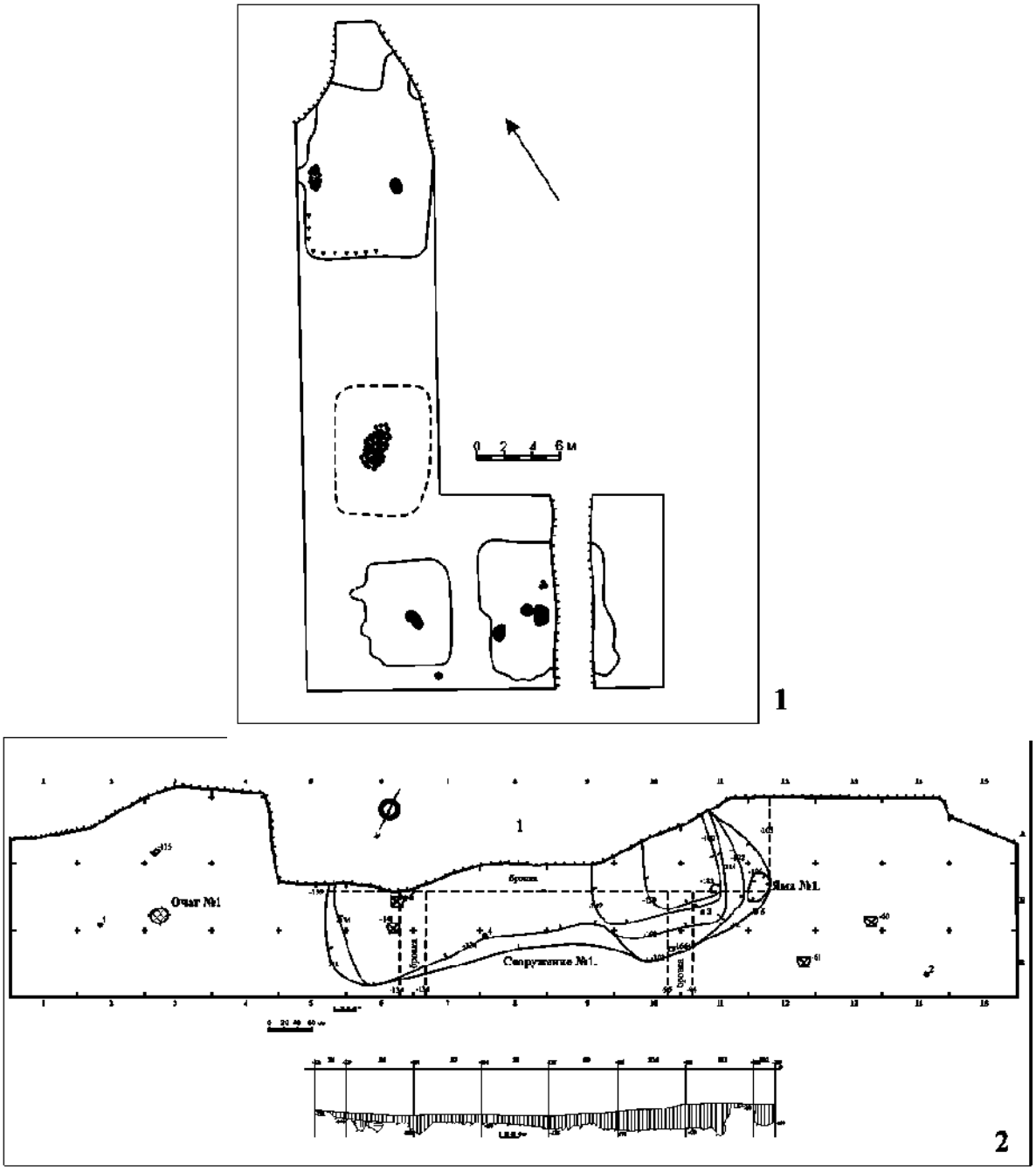


Рис. 2. 1 – план раскопа и жилищ Заосиновского VII поселения,
2 – план раскопа и жилища раскопа I Дубовогривской II стоянки

сти тулова, где наблюдается максимальное расширение сосуда, фиксируется чёткая выпуклость, иногда принимающая характер ребра. В тесте отмечается примесь крупной толчённой раковины. Сосуды орнаментированы широким гребенчатым штампом (43,7%). Он представлен на стенках посуды узорами в виде горизонтальных линий (87,5%), рядами уголковых оттисков (62,5%), рядами ямок и наклонных оттисков штампа (43,75), а также «ёлочкой» (12,5%), ромбами и треугольниками (6,2%). Следует отметить декор в виде зигзагообразных гребенчатых полос. Несмотря на многослойный характер памятника, в каменном инвентаре мы можем выделить орудия, явно связанные с комплексом эпохи бронзы – подтреугольные скребки и наконечники сейминско-турбинского облика.

Кроме того, в Удмуртском Прикамье выделяется поселение Партизаны IV (рис. 3: 4–6; 4) (исследования Н.Л. Решетникова) с комплексом эпохи бронзы, керамика которого по типологии и орнаментации близка посуде поселения Непряха VII. Сосуды с примесью раковины и плавным переходом от шейки к тулову, иногда в виде ребра, декорированы широким гребенчатым штампом и его уголковыми оттисками в сочетании с рядом

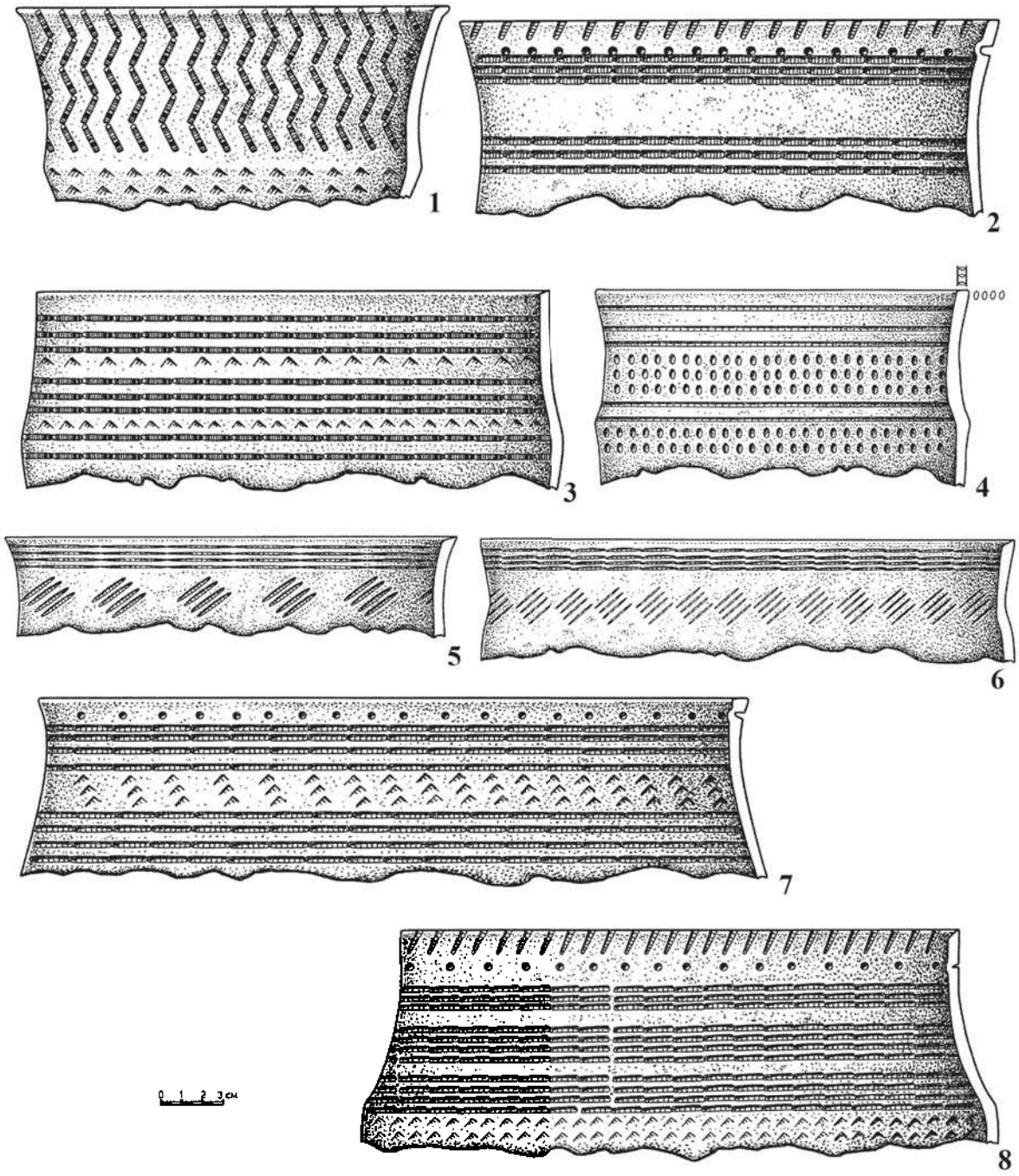


Рис. 3. Керамические комплексы заосиновского типа: 1–3, 7, 8 – Непряха VII, 4–6 – Партизаны IV

ямок-«жемчужин» (53%). Элементы орнамента: горизонтальные линии (70,6%), ряд ямок (47%), ряды уголковых вдавлений и наклонных оттисков (по 29,4%), горизонтальных зигзагов (23,5%), а также ромбов и вертикальные оттиски штампа (по 17,6%).

Еще один комплекс посуды заосиновского культурно-хронологического горизонта отмечен на многослойном Зуевоключевском II поселении (рис. 5: 9–12) (исследования Н.Л. Решетникова и С.Е. Перевощикова). Здесь выявлены сосуды, имеющие раковинную примесь в тесте, с плавным переходом от шейки к тулову, украшенные оттисками широкого гребенчатого штампа в сочетании с рядом ямок жемчужин (27%). Керамическая тара декорирована горизонтальными линиями и рядами наклонных оттисков (по 69,2%), рядами уголковых оттисков гребенчатого штампа (42,3%), рядами ямок (26,9%), горизонтальным зигзагом (23,1%), единично ромбами и флажками. При расчёте парных показателей сходства керамических комплексов трех памятников заосиновского типа в Удмуртском Прикамье по шести признакам их усреднённые парные показатели варьируются в пределах 78–86%, что является высоким индексом и указывает на однородность этих материалов.

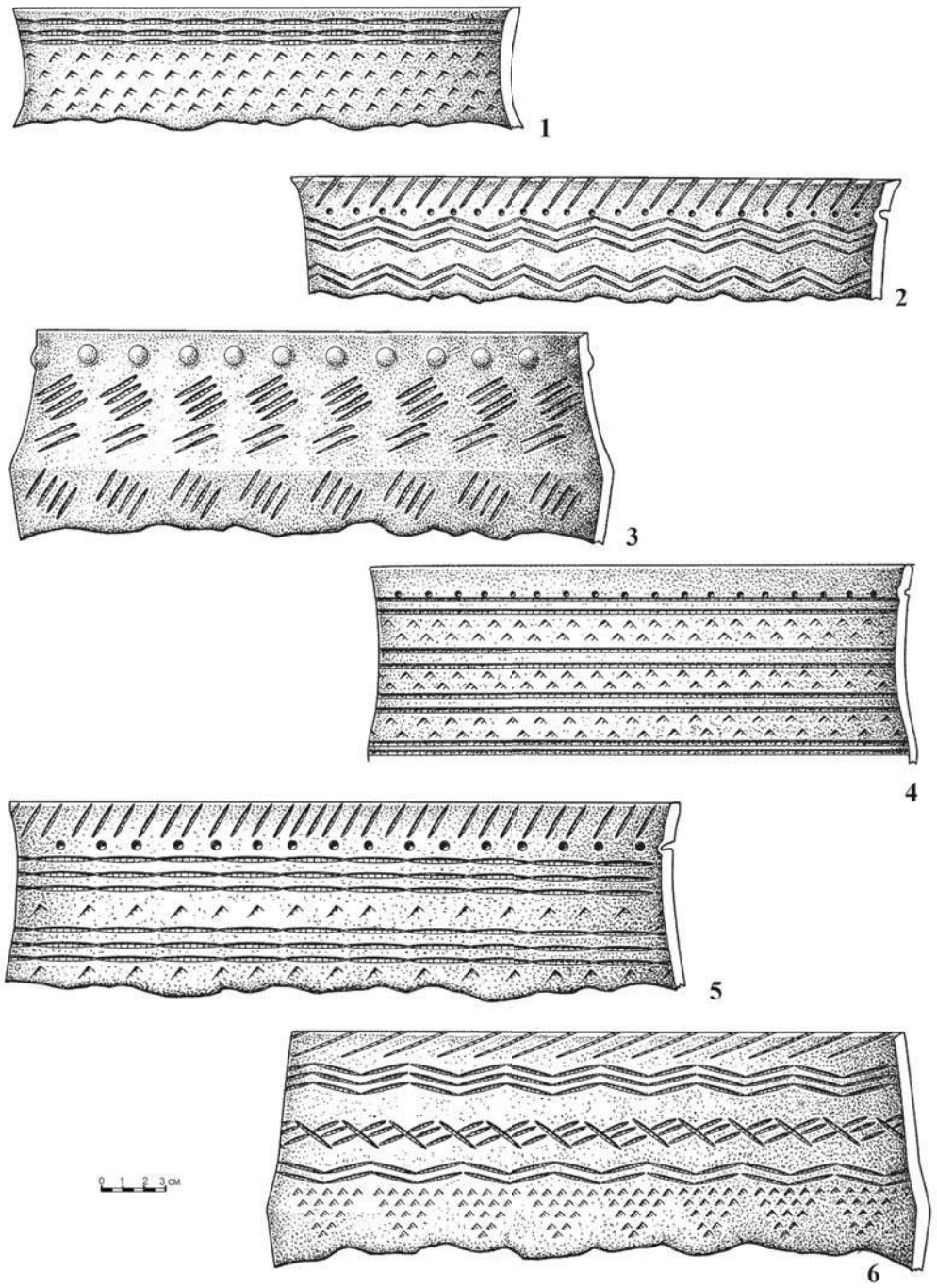


Рис. 4. Керамические комплексы заосиновского типа Партизаны IV

В 2010–2014 гг. в Нижнем Прикамье на территории Республики Татарстан были выявлены керамические комплексы заосиновского типа на Рысовском III селище и на Дубовогривской II стоянке (Чижевский, Лыганов, Морозов, 2012, с. 98–112; Чижевский, Лыганов, Шипилов, 2014, с. 26–29).

Рысовское III селище расположено на краю высокой (до 4 м) надпойменной террасы р. Камы у места впадения в нее р. Иж и интенсивно размывается водами Нижнекамского водохранилища. На селище в течение сезона 2002 года было вскрыто 660 кв. м площади. Стратиграфия археологического комплекса проста: дерн – 10 см (в прибрежной зоне), под ним залегает слой темно-серого суглинка толщиной 18–20 см, ниже материк – красная глина. Памятник распахивался практически до материка, а в отдалении от берега пашется и в настоящее время. Находки содержались в основном в нерасчлененном слое темно-серого суглинка – это фрагменты керамики, относящиеся к различным культурам энеолита – РЖВ (гаринская и абашевская культуры, заосиновский тип, черкаскульская и луговская культуры, ананьинская культура шнуровой керамики, мазунинская культура), кости животных и немногочисленные орудия из кремня и бронзы.

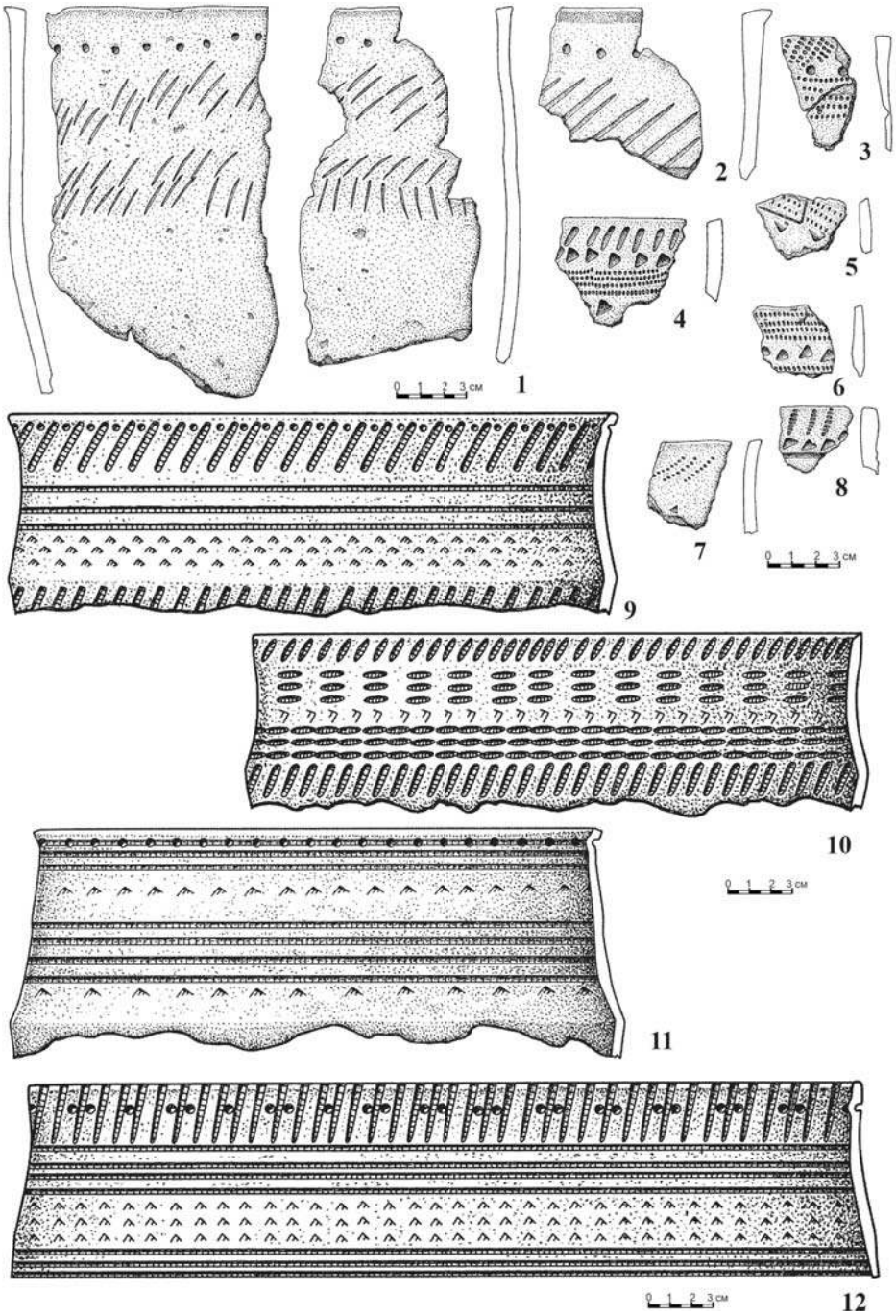


Рис. 5. Керамические комплексы заосиновского типа
1–8 – Дубовогривская II стоянка, 9–12 – Зуевоключевское II поселение

На Рысовском III селище немногочисленная керамика заосиновского типа была выявлена в составе стратиграфически нерасчлененых комплексов энеолита – ПБВ – РЖВ. Орнамент на керамике состоит преимущественно из ямок по шейке сосуда и гребенчатых узоров, нанесенных в различных сочетаниях среднезубчатым штампом (рис. 6: 10, 11, 13). В некоторых случаях наблюдаются треугольные или же овальные вдавления. В тесте керамики присутствуют обильные примеси раковины. Эта керамика имеет явные аналогии в группе памятников типа Заосиновского VII поселения. Помимо керамики в материалах Рысовского III селища были выявлены кремневые изделия, имеющие явные аналогии в древностях сейминско-турбинского транскультурного феномена. Вблизи от селища были найдены два бронзовых ножа, также имеющих свои аналогии в могильниках типа Сеймы и Турбино (Чижевский, Лыганов, Шипилов, 2014).

Дубовогривская II стоянка исследовалась Чижевским А.А. и Лыгановым А.В. в 2010–2015 гг. (Чижевский, Лыганов, Морозов, 2012). Памятник располагается на северо-восточной оконечности

острова Дубовая Грива на Нижнекамском водохранилище в устье р. Ик. Высота дюны составляет 1,5–2 м, до затопления водохранилищем она была 4–5 м над уровнем поймы. Судя по распространению подъемного материала, площадь поселения составляет 510×60–18 м, однако значительная часть территории памятника была разрушена при заполнении ложа Нижнекамского водохранилища. Культурно-хронологические слои на памятнике можно вычленить только благодаря залеганию массового археологического материала (керамики) по глубинам. Заосиновская керамика здесь выявлена в 2010 году на раскопе I, преимущественно в заполнении сооружения 1, которое авторы связывают именно с носителями традиций заосиновского типа (рис. 5: 1–8)

Сооружение № 1 (рис. 2: 2) располагалось в центральной части раскопа I и частично разрушено береговым обрывом. Пятно темно-серой супеси в виде неправильного овала (1298×302–375 см), расширяющегося в юго-западной части, вытянутое по оси северо-восток – юго-запад, было выявлено на глубине 92–106 см от нулевой отметки. Стенки сооружения скошены к центру. Дно (гл. –140–180 см от нуля) было уплощенным, с углублением к центру сооружения, кроме того, внутри сооружения № 1 были отмечены западины (Уч. Б6, Б7, В6, В7, Б9) и ямы (№ 1–3), углубленные в пол.

Заполнение сооружения состоит из темно-серой гумусированной супеси с включениями угольков, лепной керамики (всего 226 экз.) и костей животных. Атрибутированные фрагменты керамики распределены следующим образом: в верхней части заполнения сооружения встречается срубная, луговская и заосиновская керамика, в нижней же части только заосиновская. Также в заполнении сооружения № 1 выявлен развал заосиновского и федоровского сосуда (Чижевский, Лыганов, Морозов, 2012).

В заполнении сооружения отмечен также ряд кремневых изделий: скобляще-режущее орудие Уч. Б6 (гл. -131 см), кремневый наконечник стрелы с усеченным основанием Уч. В8 (гл. –153 см), ножевидная пластина из кремня Уч. Б11 (гл. –126 см) и фрагмент нуклеуса из кварцита Уч. Б11 (гл. –50 см). Вероятно, к данному сооружению относится также кремневая ребристая пластина Уч. Б12 (гл. –100 см), зафиксированная несколько ниже западного угла сооружения № 1 (рис. 6: 4, 5, 8, 12).

В дальнейшем в 2011–2015 гг. на Дубовогривской II стоянке на других раскопах немногочисленные фрагменты заосиновской керамики фиксировались в нижней части культурного слоя Дубовогривской II стоянки совместно с керамикой срубной КИО и луговской культуры (рис. 6: 6, 7).

Могильники. Точно локализовать могильники заосиновского типа на сегодняшний день не представляется возможным. Однако наблюдается интересная картина во взаимном расположении могильников первой фазы ПБВ на территории, занятой заосиновским типом памятников. Так, в 1,5 км к СВ от Заосиновского VII поселения расположен известный сейминско-турбинский могильник Заосиново IV (Черных, Кузьминых,1989, с. 27; Денисов, Кузьминых и др., 1988, с. 49–51), в котором, однако, помимо металла погребенных не выявлено. На Рысовском III селище, наряду с керамикой абашевского и заосиновского типа, зафиксированы типичные сейминско-турбинские кремневые изделия, а в 750 м к В от селища найдены два бронзовых ножа, вероятно происходящих из разрушенного малого (условного) сейминско-турбинского могильника. На принадлежность ножей сейминско-турбинскому транскультурному феномену указывает как их внешний облик типа НК-6 и НК-12/14 (Черных, Кузьминых, 1989), так и характерный химический состав (Чижевский, Лыганов, Шипилов, 2014, с. 26–29). Вероятно, в этот же ряд следует поставить Зуевоключевское II поселение. Здесь, в 600 м к ВЮВ от поселения, на территории ананьинского Зуевоключевского городища был выявлен Зуевоключевской II могильник первой фазы ПБВ с металлом абашевского круга. Представляется не случайным такое сходное расположение могильников и поселений (могильник расположен восточнее поселения в 1,5–0,6 км) начала позднего бронзового века Прикамья. Однако керамики заосиновского типа в известных погребениях на Зуевоключевском II могильнике не выявлено, да и связь этих погребений прослеживается скорее с абашево, поэтому, безусловно, относить данные могильники к заосиновскому типу нельзя.

Случайные находки. В настоящее время случайные находки вещей, которые можно было бы как-либо связать с заосиновским типом памятников, не выявлены.

Хронология. Ввиду отсутствия радиоуглеродных датировок хронология памятников заосиновского типа определяется широкими аналогиями в керамике и кремневых изделиях в памятниках первой фазы ПБВ Евразии, а также по стратиграфическим наблюдениям на поселениях. Памятники заосиновского типа явно совмещаются с сейминско-турбинским хронологическим горизонтом. Согласно некоторым стратиграфическим наблюдениям, на Дубовогривской II стоянке керамика заосиновского типа залегает в целом в нижней части культурного слоя и/или совмест-

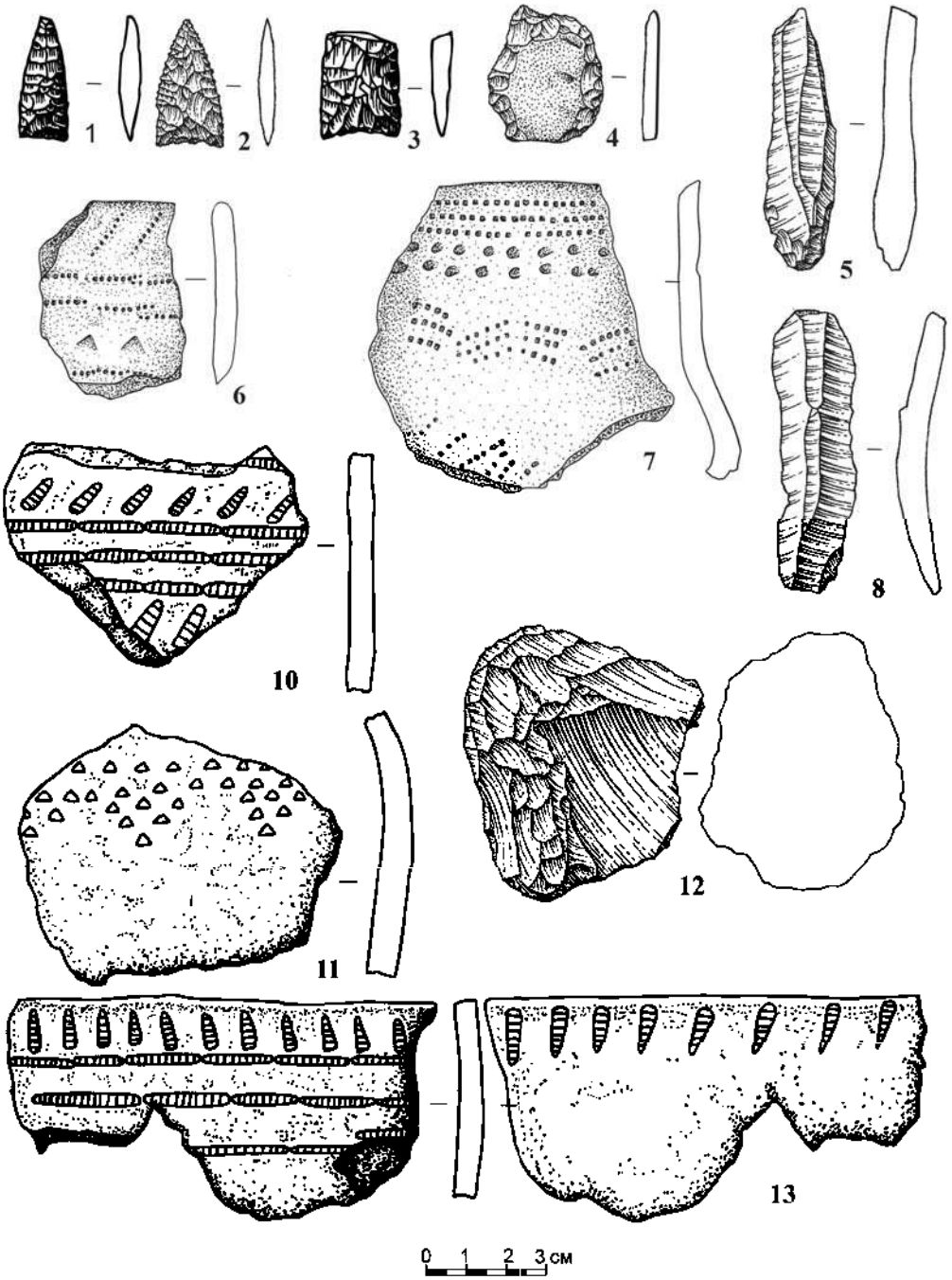


Рис. 6. Кремневые изделия и керамика поселений заосиновского типа Нижнего Прикамья
1, 3, 10, 11, 13 – Рысовское III селище, 2, 4–9, 12 – Дубовогривская II стоянка. 1–5, 8, 12 – кремень, 6, 7, 10, 11, 13 – керамика

но со срубной и луговской керамикой, что может свидетельствовать в пользу некоторого хронологического приоритета керамики заосиновского типа над срубной КИО и луговской культурой. Этот приоритет подтверждает еще раз отнесение памятников заосиновского типа к ПБВ-1 и, возможно, самому началу ПБВ-2. Датировки ПБВ-1 укладываются в промежуток XXII–XVIII/XVII вв. до н. э., ПБВ-2 – XVIII/XVII–XV вв. до н. э. (Черных, 2007, 84–86, рис. 5: 10).

Керамика заосиновского типа имеет большое количество аналогий в керамике коптяковской культуры лесного и лесостепного Зауралья (Денисов, Мельничук, 1991, с. 106–107; Денисов, Мельничук, Митряков, 2011) и аналогии в кремне с сейминско-турбинскими могильниками. Согласно современной точке зрения, коптяковская культура складывается в сейминско-турбинское время в результате взаимодействия энеолитического населения (аятского и ташковского на раз-

ных территориях) и петровско-алакульского при непосредственном участии сейминско-турбинских популяций (Корочкова, 2012; Исаев, 2009, с. 44–45; Зах, 2012, с. 38–39). Датировать заосиновские комплексы, судя по их синхронности с сейминско-турбинскими древностями, следует временем не позднее первой трети II тыс. до н. э. В промежуток рубеж III–II тыс. – первая треть II тыс. до н. э. укладываются радиоуглеродные даты (некалиброванные) первого этапа коптяковской культуры Нижнего Притоболья (Зах, 2012, с. 39).

Таким образом, появление сейминско-турбинских древностей в Среднем Прикамье знаменует своеобразный хронологический горизонт или этап в процессе перехода культуры местного позднеэнеолитического гаринского населения в культуру эпохи бронзы, которую в настоящее время определяют памятники заосиновского типа, послужившие фундаментом для сложения в регионе луговских и ерзовских комплексов поздней бронзы.

Периодизация. Сложно говорить о периодизации заосиновского типа памятников на материалах всего шести исследованных поселений. Однако можно говорить, что культура местного населения, вероятно, развивалась под воздействием культурных импульсов из Зауралья. Ряд исследователей в коптяковской культуре Нижнего Притоболья выделяют два этапа: первый этап характеризуется усилением взаимодействия местного лесного – лесостепного населения со степными культурами, второй этап характеризуется трансформацией керамических орнаментальных мотивов, которые становятся ближе к федоровской посуде (Зах, 2012, с. 39, рис. 7). Возможно, эти же процессы можно предполагать и в развитии керамики заосиновского типа. На первом этапе происходило проникновение раннеандроноидных (коптяковских) традиций в Приуралье и взаимодействие их с местным позднегаринским населением, на втором трансформация заосиновского культурного типа в луговскую культуру. Этот процесс на памятниках заосиновского типа, вероятно, происходил параллельно с развитием коптяковской культуры в Зауралье.

Историко-археологическая интерпретация. Исторические судьбы населения, оставившего памятники заосиновского типа, достаточно хорошо прослеживаются. Заосиновские памятники стали одной из основ, на которых происходило формирование луговской культуры. На культурную связь этих двух культурных групп указывает сходство в орнаментации и формах сосудов, примеси раковины в глиняном тесте, общее территориальное расположение памятников заосиновского типа и луговской культуры в Среднем и Нижнем Прикамье. На ряде памятников луговская и заосиновская керамика залегают в одном слое и нередко разделяются на отдельные группы сосудов только по морфологически выраженным орнаментированным венчикам.

Что касается северных областей Прикамья, то из области северотаёжного Верхнего Прикамья, к северу от р. Чусовой, с началом турбинско-сейминской эпохи (конец III тыс. до н. э.), очевидно, происходит отток значительной части позднегаринскоего населения на юг в Среднее Прикамье, в зону формирующейся производящей экономики (Мельничук, Майстренко, 2010, с. 114). Жизнедеятельность оставшихся здесь редких групп населения трансформируется в лебяжскую культуру подвижных охотников и рыболовов, основной ареал распространения которой расположен на территории Северного Приуралья.

В настоящее время в Верхнем Прикамье к лебяжскому (постгаринскому) культурному кругу относятся 10 памятников, среди которых наиболее представительны Усть-Лёмва, Подбобыка, Глубокое озеро II, Визяха, Васюково II. Их поверхность приурочена к участкам высокой поймы р. Камы, невысоким берегам рек и озёр. Лишь стоянка Подбобыка располагалась на высоком мысу каменного выступа Светик.

Памятники представлены только сезонными промысловыми стоянками с производственными площадками, насыщенными мелкими отходами вторичной обработки орудий, прежде всего наконечников стрел, вплоть до кремнёвой пыли. Они явно находились в пределах каких-то лёгких наземных сооружений, очертания которых не сохранились. Остатки подпрямоугольного наземного сооружения (до 30 кв. м), очевидно, в виде бревенчатой постройки, отмечены на стоянке Визяха (лев. бер. р. Весляны).

Керамический материал промысловых лебяжских стоянок крайне фрагментарен. Наиболее представительные части открытых сосудов с примесью песка в глиняном тесте выявлены на поселении Васюково II и Усть-Лёмва. В верхней части они декорировались пояском небольших ямок-«жемчужин» в сочетании с тонкими горизонтальными рядами зубчатого штампа. На остальных памятниках керамика состояла из мелких обломков тонкостенной посуды с гребенчатым орнаментом. Раннелебяжская посуда с несложными зубчатыми орнаментальными композициями имеет определённую близость с керамическими гребенчатыми комплексами поселения Заосиново VII.

В каменной индустрии лебяжских памятников явно прослеживаются позднегаринские технологические традиции (петрографический состав кремня, использование для производства ору-

дий плоских разноцветных аллювиальных галек, типы скребков и метательного вооружения, фигурные ножи). В то же время в кремнёвом инвентаре часто отмечаются различные по пропорциям листовидные и подтреугольные наконечники стрел, близкие к сейминско-турбинским формам. Особенностью лебяжских комплексов является то, что в номенклатуре каменных изделий отмечаются фрагменты нуклеусов параллельного принципа скалывания, ножевидные пластины с ретушью и угловые резцы. На памятниках лебяжского культурного круга отмечаются изделия из розоватого кремня, свойственного для каменного инвентаря Турбинского могильника. Найдены редкие свидетельства цветной металлургии: фрагменты тиглей с медной ошлаковкой (Полбобыка), медные капли (Глубокое озеро II).

К сожалению, хронологическая позиция лебяжских древностей в пределах эпохи бронзы плохо изучена не только в Верхнем Прикамье, но и в районах их основного ареала распространения в Северном Приуралье. На наш взгляд, следует согласиться с мнением В.И. Канивца, В.Е. Лузгина и Л.И. Ашихминой, которые соотносили нижнюю дату существования памятников лебяжского культурного круга как минимум с финалом сейминско-турбинской эпохи (Канивец, 1964, с. 83; Лузгин, 1972, с. 82; Ашихмина, 1993, с. 74–75). Эту точку зрения поддерживал В.С. Стоколос (2005, с. 5). Следует согласиться с мнением Л.И. Ашихминой, что формирование лебяжской культуры происходило в результате смешения местных (скорее всего, позднечойновтинских, близких к позднегаринским) и инородных традиций, которые исследователь связывает с абашевским влиянием в рамках сейминско-турбинского феномена (Ашихмина, 1993, с. 73).

В Верхнем Прикамье в ареале обитания раннелебяжского населения выявлено 2 местонахождения сейминско-турбинского хронологического горизонта Бор-Лёнва и Усть-Щугор (Денисов, 1988, с. 47–49; Мельничук, 2009, с. 262–264), которые, возможно, связаны с культурой подвижных таёжных охотников региона.

Таёжные районы Верхнего Прикамья, как и территория Северного Приуралья, являлись естественным ареалом обитания охотников и рыболовов лебяжского культурного круга, которые совершали по их обширным просторам внутренние миграции, обусловленные спецификой их хозяйственной деятельности. Не исключено, что раннелебяжское население непосредственно контактировало со среднекамскими общинами заосиновского культурно-хронологического горизонта.

ГЛАВА 5
ЗАЙМИЩЕНСКИЙ ТИП ПАМЯТНИКОВ

История изучения

Поселения Займище III и II, материал которых стал основой для выделения займищенского типа памятников, были выявлены в 1907 году разведками П.А. Пономарева (Ефимова, 1975, с. 43; Халиков, 1980, с. 108). Впоследствии эти памятники не раз посещались, на их поверхности собирался подъемный материал. Они были осмотрены разведками Б.Ф. Адлера с участием И.И. Залесского, А.П. Иванова и Н.В. Лаптева в 1917 г. (Ефимова, 1975, с. 42–46; Шнеерсон, 1921, с. 83, 91). В 1950 г. памятники осматривались Н.Ф. Калининым (Ефимова, 1975, с. 45).

Широкомасштабные раскопки, начавшиеся в первой половине 50-х гг. в связи со строительством гидроузла Куйбышевской ГЭС, позволили исследовать и Займищенские поселения, расположенные на левом берегу р. Волги. Займищенское III поселение было раскопано 5-м отрядом Куйбышевской археологической экспедиции под руководством Н.Ф Калинина и А.Х. Халикова в 1952 г. (Калинин, Халиков, 1954, с. 224–240; Халиков, 1980, с. 108). Площадь раскопа составила 1040 кв. м, изучены остатки четырех полуземлянок, соединенных переходами друг с другом. Помимо преобладающего комплекса с керамикой займищенского типа, выявлены слои эпохи энеолита – волосовской культуры и финала бронзы – маклашеевской культуры (Халиков, 1969, с. 241–242). Тогда же, в 1952 г., на Займищенском II поселении, расположенном в 75–80 м к юго-востоку от III поселения, был заложен раскоп на площади 450 кв. м и исследовано жилище маклашеевской культуры. Выявленный (нижний) слой с займищенской керамикой оказался в значительной степени переработан поздними обитателями поселения маклашеевского времени (Калинин, Халиков, 1954, с. 232). В 1953 г. была изучена Обсерваторская III стоянка, расположенная в нескольких километрах от Займищенских поселений на этом же берегу р. Волги. Основным комплексом здесь являются находки эпохи неолита (камской и балахнинской культур) и энеолита (волосовской культуры). Займищенский (верхний) слой здесь также незначительный (Халиков, 1980, с. 107–108).

В дальнейшем, в связи с заполнением ложа Куйбышевского водохранилища и береговой абразией на его берегах, в 1962–1964 гг. был выявлен и исследован ряд памятников займищенского типа: Новомордовская IV стоянка, Малиновский II могильник и Новомордовские II, III, IV и VI могильники. Далее в полевом изучении памятников займищенского типа наступает перерыв. В 1996 г. при исследовании Ошутьялского III поселения раннемаклашеевского времени (XIV–XIII вв. до н. э.), расположенного на правом берегу р. Юшут, правого притока р. Илети, левого притока р. Волги, Б.С. Соловьевым были выявлены фрагменты керамики займищенского типа от не менее чем 6 сосудов (Соловьев, 2000, с. 136). И наконец, поселения с преимущественно займищенским слоем – Пестречинские II и IV стоянки, были открыты и комплексно исследованы в 2009, 2011, 2013 гг. первобытной экспедицией ИИ АН РТ под руководством М.Ш. Галимовой и А.В. Лыганова (Галимова и др., 2019). В последние годы прирост количества займищенских памятников осуществляется за счет переосмысления части материала многослойных поселений, раскопанных в 50–60 гг. XX в. и по каким-то причинам не включенных А.Х. Халиковым в займищенский этап приказанской культуры, но на которых тем не менее присутствует керамика, по всем показателям близкая займищенской (Полянская III стоянка, Акозинское поселение).

Впервые древности займищенского типа позднего бронзового века Волго-Камья были выделены А.Х. Халиковым при создании концепции приказанской культуры в качестве ее наиболее раннего (займищенского) этапа (XVI–XV вв. до н. э.) (Халиков, 1969; 1980). Однако первоначально этот этап А.Х. Халиков не выделял, а материал Займищенских поселений им был отнесен к балымско-карташихинскому этапу. Займищенский этап приказанской культуры был выделен исследователем во второй половине 60-х гг. XX в. (Халиков, 1967, с. 10, рис. 1). При этом лишь немногие памятники Волго-Камья были отнесены им к этому времени (Халиков, 1980, с. 34, 52). Выделение данного этапа было обусловлено, прежде всего, своеобразием керамического материала. Наряду с керамикой,

по А.Х. Халикову, отличительной чертой займищенского этапа выступал своеобразный комплекс металлических и кремневых изделий, имеющих широкие аналогии в Сейминском, Турбинском и Покровском могильниках начала позднего бронзового века (Халиков, 1969, с. 249–253; 1980, с. 40, 42). Наличие слоев позднего энеолита на займищенских поселенческих памятниках стало одним из оснований для вывода о преемственности займищенского этапа приказанской культуры от волосовской культуры на поздней стадии ее развития (Халиков, 1980). Другим аргументом преемственности займищенского типа памятников от волосовской культуры стало наличие обильной примеси органики и раковины в тесте займищенских сосудов, что сильно сближает их с поздней волосовской керамикой.

На современном этапе исследования, когда концепция А.Х. Халикова приказанской культуры обросла противоречиями и из нее исследователями был выделен ряд самостоятельных археологических культур, отдельно встал вопрос о выделении либо займищенского типа памятников, либо культуры или варианта уже существующей культуры (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 31). В работах последних лет поселенческие и погребальные памятники с особой материальной культурой, имеющей прямые аналогии с материалами среднего комплекса Займищенской III стоянки, предложено называть займищенским типом памятников (Лыганов и др., 2012; Лыганов, 2014а; 2014б; Лыганов и др., 2015; Галимова и др., 2019).

Генезис культуры.

Начиная с первой четверти II тыс. до н. э. автохтонное население северной части Среднего Поволжья средневолжского варианта волосовской культурно-исторической общности испытывало сильнейшее культурное влияние степных-лесостепных скотоводческих культур начала позднего бронзового века (прежде всего покровской (раннесрубной) культуры). Местная культура носителей волосовских традиций заимствовала формы и некоторые орнаментальные традиции оформления керамических сосудов, а также характерные кремневые и металлические изделия. При этом состав теста сосудов, ряд орнаментальных мотивов на керамике, некоторые кремневые изделия, традиции домостроительства продолжают линию развития волосовских культурных традиций. Именно этот симбиоз культур финала энеолита лесной зоны и начала позднего бронзового века лесостепной и степной зоны в Среднем Поволжье отражают памятники займищенского типа. При этом не стоит говорить о каких-то крупномасштабных миграциях лесостепного и степного населения на север в лесную и подтаежную зону Среднего Поволжья. Речь идет, прежде всего, о культурном влиянии, которое распространилось с территории Закамья, где носители покровской культуры и займищенского типа памятников сосуществовали, до территории Предкамья и Марийского Поволжья, где на займищенских памятниках не зафиксирована покровская керамика.

Область расселения (рис. 1).

Памятники займищенского типа расположены компактно. Территория, занимаемая носителями займищенского типа памятников, связана с поймой р. Волги и ее левых притоков (рр. Ветлуга, Юшут, Илеть, Кама, Бездна, Утка) и приустьевой частью р. Камы и ее притоков (рр. Меша, Актай). При этом подавляющее большинство памятников находится в левобережье Волги. На правом берегу известно лишь три местонахождения керамики на поселениях. Согласно данным географического районирования, эти территории относятся к северной части Среднего Поволжья и устью Камы.

В Среднем Поволжье носители культуры займищенского типа памятников занимали территории на стыке бореальной и суббореальной ландшафтных зон: в Марийском и Казанском Поволжье подтаежную ландшафтную подзону и широколиственно лесную ландшафтную подзону, постепенно преходящую в Закамье в лесостепную ландшафтную подзону (Мильков, 1953, с. 202; Ермолаев и др., 2007; Дедков, 2008, с. 401–406, рис. 141).

Поселения (рис. 2). Первоначально к займищенскому этапу А.Х. Халиковым было отнесено семь поселений (Халиков, 1967, с. 26), в дальнейшем – 14 (Халиков, 1969, с. 241, рис. 54), а в обобщающей работе по приказанской культуре – 19 поселений и местонахождений керамики (Халиков, 1980, с. 10, табл. А). В последующие годы количество новых поселенческих памятников выросло весьма незначительно. Это Ошутьяльское III поселение (Соловьев, 2000, с. 137), Пестречинские II и IV стоянки (Лыганов и др., 2012, с. 134–142; Галимова и др., 2016; Галимова и др., 2019). Кроме этого, количество займищенских памятников прибавилось за счет пересмотра культурной принадлежности ряда многослойных поселений, где была найдена в том числе и типичная займищенская керамика (Лыганов, 2014а, 2014б). Такова Полянская III стоянка в устье р. Ветлуги, недалеко от известного Юринского могильника (Соловьев, 2013), и многослойная Акозинская стоянка. Таким образом, на сегодняшний день известно 23 поселения и местонахождения с керамикой займищенского типа (рис. 1). Все они относятся к неукрепленным поселениям, городища отсутствуют. 20 поселений расположено на нерасчлененных невысоких первых и вторых надпойменных террасах,

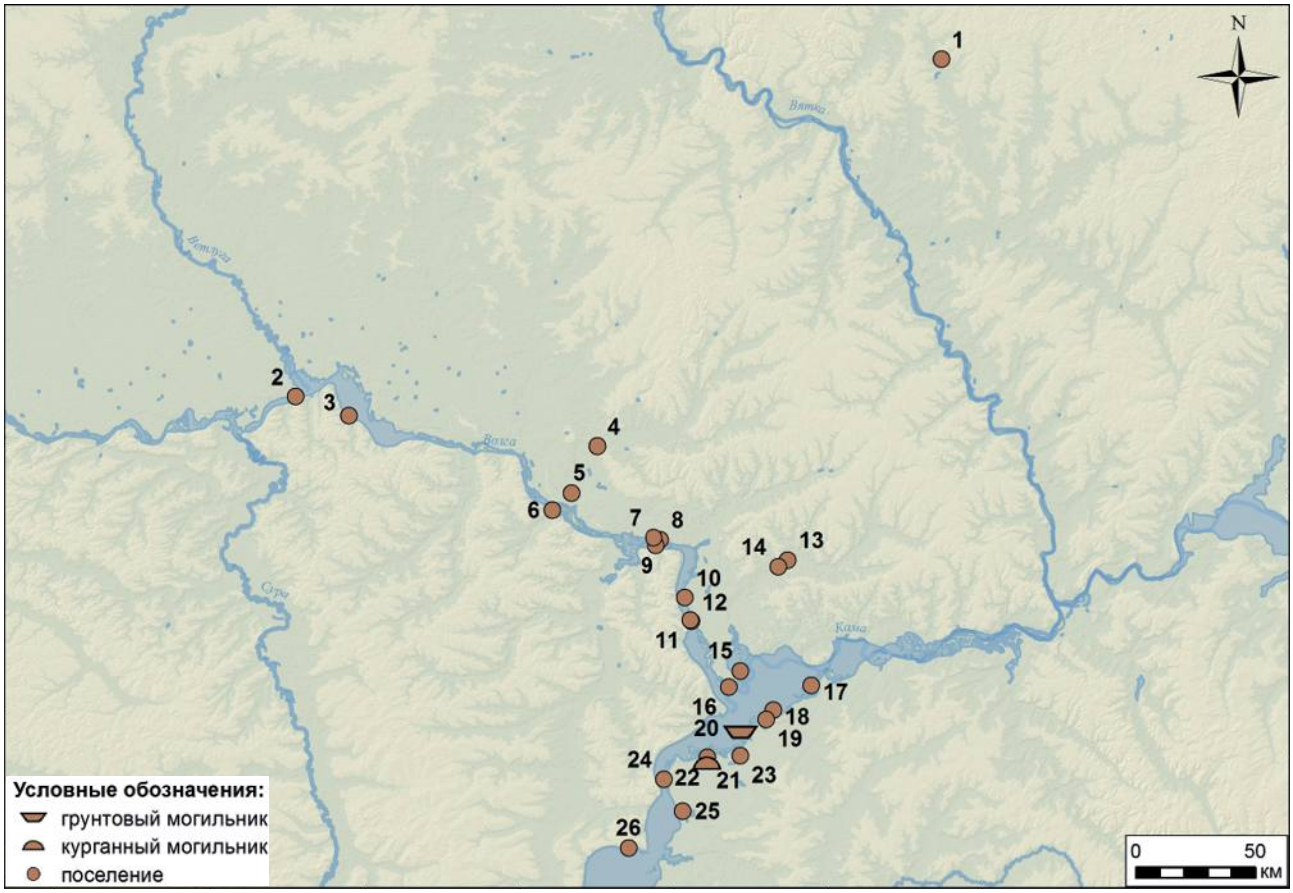


Рис. 1. Памятники займищенского типа в Среднем Поволжье

1 – Лобань I, 2 – Полянская III стоянка, 3 – Акозинское поселение, 4 – Ошутьяльское III поселение, 5 – Исменецкая стоянка, 6 – Криушинское поселение, 7 – стоянка Обсерватория III, 8 – Займищенская III стоянка, 9 – Займищенская II стоянка, 10 – Матюшинская островная стоянка, 11 – Березовогривская IV стоянка, 12 – Березовогривская I стоянка, 13 – Пестречинская IV стоянка, 14 – Пестречинская II стоянка, 15 – Ташкерменская II стоянка, 16 – Атабаевская VII стоянка, 17 – Чувашкультуринское местонахождение, 18 – Нижнемарьянская IV стоянка, 19 – Коминтерновская III стоянка, 20 – Малиновский II могильник, 21 – Новомордовские II, III, IV, VI могильники, 22 – Новомордовская IV стоянка, 23 – Кимовское местонахождение, 24 – Тетюшская IV стоянка, 25 – Маклашеевская (Змеиный остров) стоянка, 26 – Мантовское поселение

3 – на дюнных и иных возвышенностях в пойме рек. Площадь поселений небольшая и в среднем не превышает 1000 кв. м. Самое большое поселение Займище III имеет площадь около 1800 кв. м.

Все исследованные поселения относятся к местам постоянного обитания со значительным, до 1 м, культурным слоем. Судя по полученным в ходе работ находкам, на трех раскопанных памятниках, с преимущественно займищенским слоем, встречены обломки медных изделий и/или медные орудия, каменные и костяные орудия, кости домашних животных. Поэтому для этого времени сложно говорить о производственной специализации отдельных поселений.

Стационарно исследовались 3 поселения с преимущественно займищенским слоем (Займище III, Пестречинские II и IV стоянки) и еще 4 поселения (Акозинское, Ошутьяльское III, Обсерваторская III, Займище II), где займищенский слой не является основным и нет сооружений этого времени. Судя по данным разведочных исследований и раскопок, на поселениях фиксируются котлованы жилых сооружений от одного до 9 (?) на памятнике. На Займищенской III стоянке зафиксировано расположение жилищ по линии с северо-запада на юго-восток вдоль края надпойменной трассы, ограниченной с запада и юга берегами озера Глубокое (Калинин, Халиков, 1954, с. 224).

На поселениях зафиксировано 15 жилищных западин, 5 из которых подверглись раскопкам (рис. 2). Это 4 полуземлянки Займищенского III поселения и предположительно край сильно разрушенного жилища на Пестречинской IV стоянке. Все известные жилища – это полуземлянки с глубиной пола от 30 см до 80 см от уровня выявления. Все известные жилища на Займищенском III поселении соединены выраженными, заглубленными в материк переходами. Площадь построек 85–100 кв. м. Одна постройка Займищенского III поселения, которая не имеет собственного выхо-

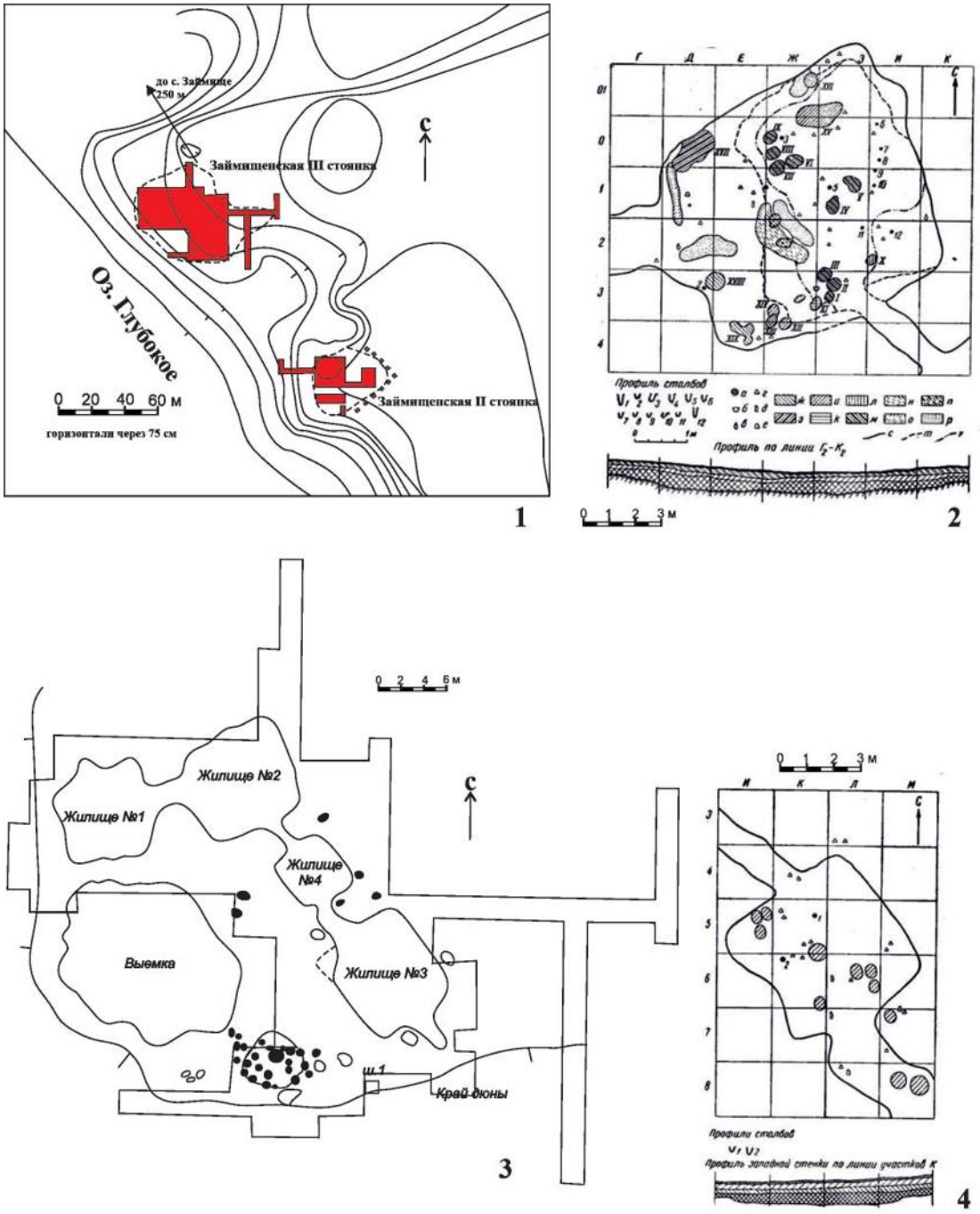


Рис. 2. 1 – план Займищенских III и II стоянки, 2 – план жилища № 2 Займищенской III стоянки, 3 – план раскопа на Займищенской III стоянке, 4 – план жилища № 4 Займищенской III стоянки (по: Халиков, 1980)

да наружу и соединена переходами с соседними жилищами, имеет размер 30 кв. м. Форма котлованов жилищ тяготеет к квадрату (9×9 м, 10×10 м, 5,6×5,4 м, 11×9 м).

В жилищах выявлено большое количество столбовых ямок, от 12 до 26 в крупных жилищах. Они имеют бессистемное расположение, но все же тяготеют к краям построек. Это, так же как и наличие углистых полос и древесного тлена вдоль краев котлованов жилищ, свидетельствует о каркасно-столбовой конструкции построек. В переходах, так же как и в жилищах, встречаются столбовые ямки. Крыша, вероятнее всего, была двухскатной, об этом свидетельствуют выявленные в некоторых постройках параллельные ряды столбовых ямок.

Во всех изученных постройках зафиксированы следы от 8 до 36 очагов. Все они расположены обычно двумя группами в разных частях жилищ. Все очаги были вырыты или в материке, или в наслоениях пола и имели либо котловидную, либо цилиндрическую форму в разрезе. А.Х. Халиков отмечал, что, судя по расположению групп очагов в жилищах и по наборам либо исключитель-

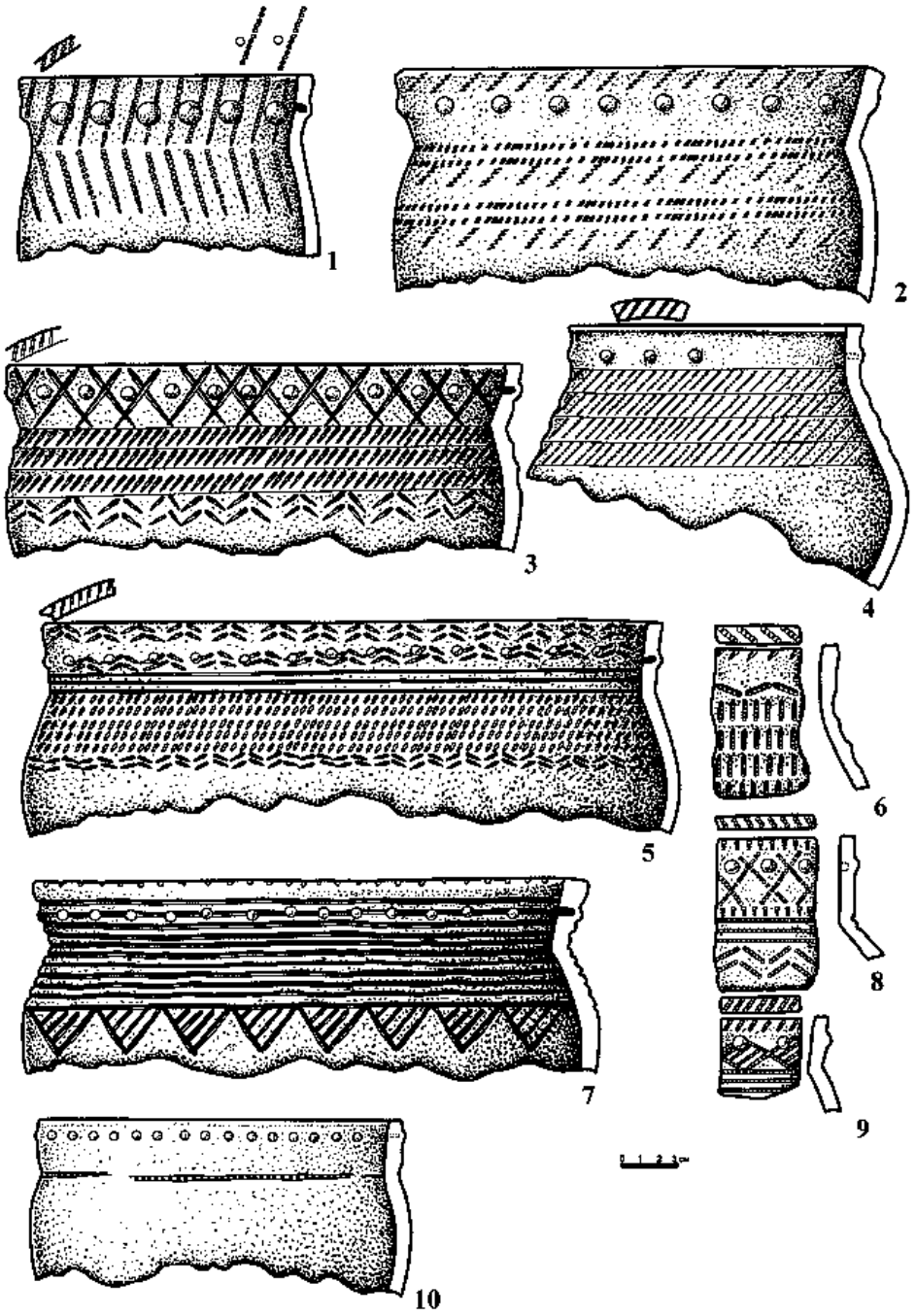


Рис. 3. Керамика займищенского типа Займищенской III стоянки

но каменных орудий, либо керамической посуды и предметов ткачества возле этих групп очагов, можно говорить о существовании разделения территории полуземлянки по производственному принципу (Калинин, Халиков, 1954, с. 228).

По форме и глубине котлованов, наличию большого количества сгруппированных очагов и столбовых ям, выраженным коридорам-переходам между жилищами займищенское домостроительство продолжает линию развития позднеэнеолитических волосовских традиций (Никитин, 2017, с. 117–208, рис. 275, 287–290, 369, 412–413, 426 и др.).

Керамика (рис. 3–6). В культурных слоях займищенских поселений и могильников обычны находки характерной плоскодонной керамики с примесью органики и раковины в тесте в различных сочетаниях. Сосуды цилиндрошейные или с раструбовидным горлом. Срез венчика сосуда плоский и слегка утолщенный. По срезу венчика в большинстве случаев нанесен гребенчатый орнамент. На внутренней части сосуда в месте перехода горла к плечику зачастую отмечается выраженное ребро. Орнамент нанесен на верхнюю часть сосуда, по шейке и плечику, и выполнен протаскиванием гребенки, мелким и средним

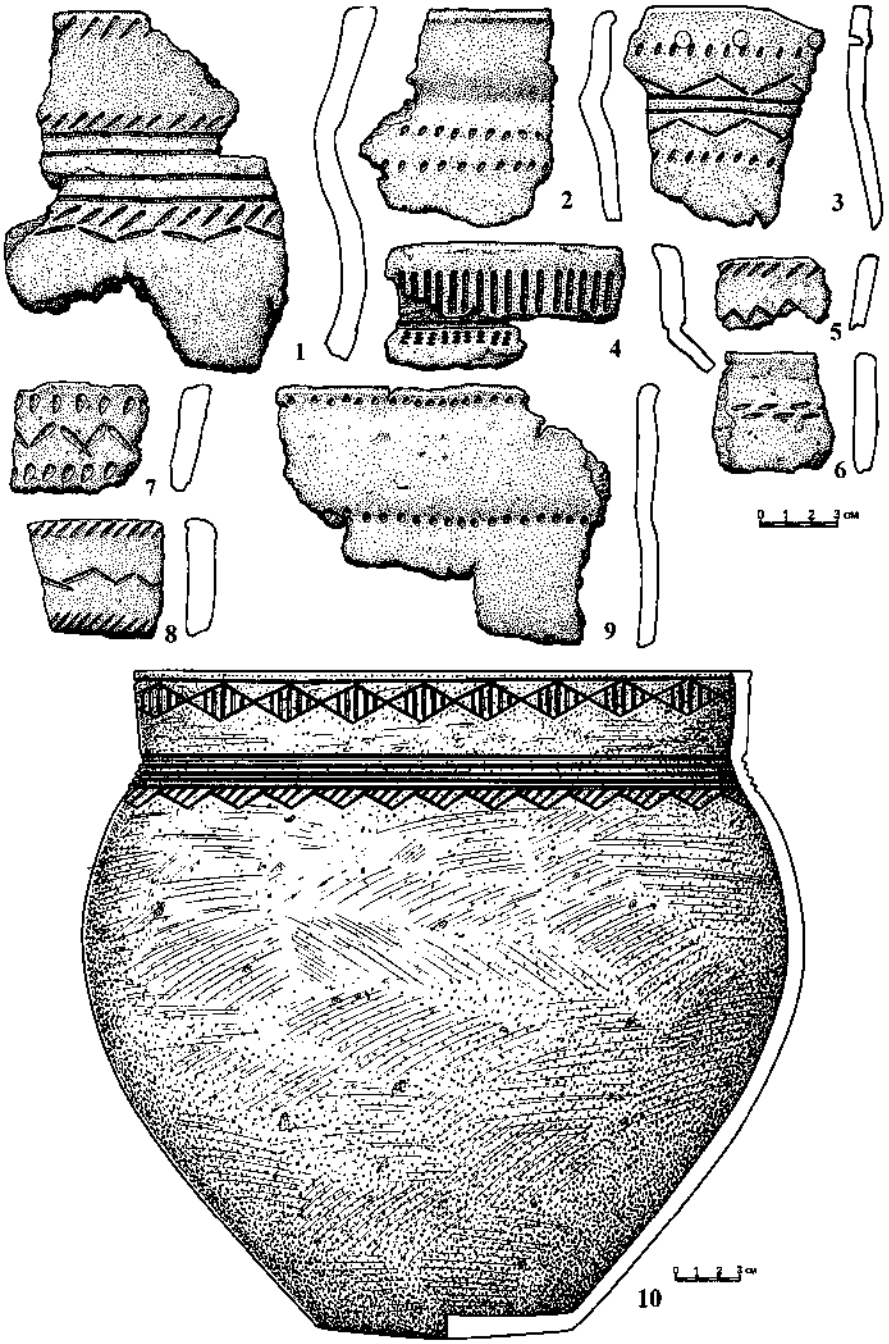


Рис. 4. Керамика займишенского типа
1, 3, 4, 7, 8, 10 – Пестречинская IV стоянка; 2, 5, 6, 9 – Пестречинская II стоянка

зубчатым штампом, вдавлениями. Орнаментальные композиции просты: чередующиеся зоны горизонтальных отрезков, горизонтальных линий, зигзагов, рядов овальных и уголковых вдавлений, под венчиком зачастую находятся ряды выпуклин-«жемчужин», выдавленных с внутренней стороны. На некоторых сосудах орнаментальные композиции имеют сложную структуру, образуя ряды закрашенных ромбов и треугольников. Часто вся поверхность сосудов покрыта расчесами. Форма сосудов с выраженным внутренним ребром, с расширением в верхней части венчика, расчесы по тулову наиболее сильно сближают займищенскую и покровскую керамику.

На Пестречинской IV стоянке и на Займищенском III поселении выявлены сосуды с отпечатками ткани на внутренней стороне (рис. 6: 1, 2). Подобные отпечатки тканей на внутренней поверхности сосудов известны на посуде поселенческих и погребальных памятников синташтинской, потаповской, петровской, алакульской культур (Древнее…, 2013, рис. 3.3, 3.4; Виноградов и др., 2017; Медведева и др., 2017; Медведева, 2018). Эти отпечатки исследователи связывают с техно-

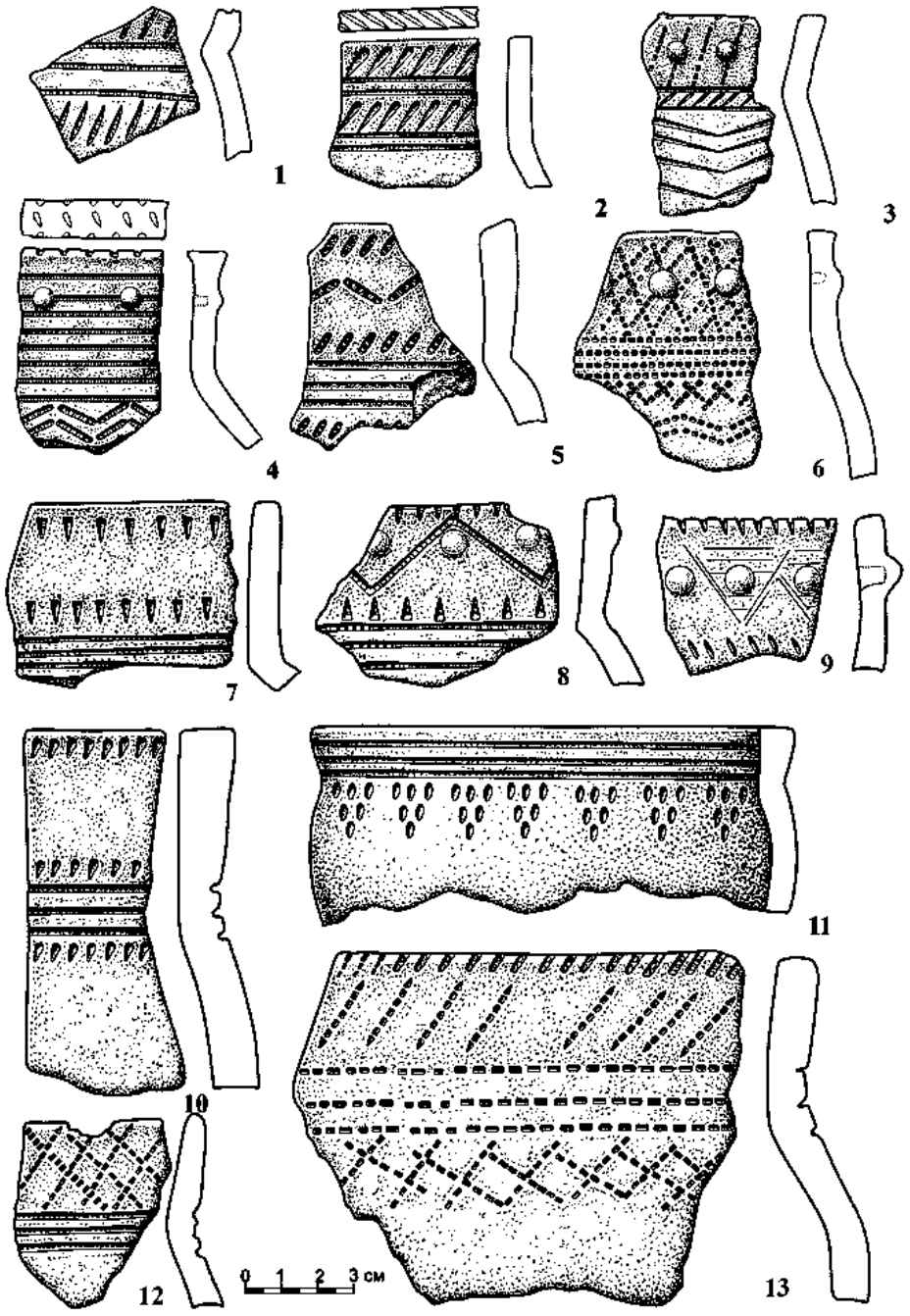


Рис. 5. Керамика займишенского типа

1, 3 – Полянская III стоянка; 2, 4, 8 – Займищенская III стоянка; 5, 9 – Криушинская стоянка; 6, 11 – Акозинское поселение; 7, 12 – Маклашеевская стоянка; 10 – IV Ново-Мордовская стоянка; 13 – II Чув. Культуринская стоянка (по: Халиков, 1980)

логией формовки посуды на сосуде-основе с использованием влажной текстильной прокладки. Предполагается, что такая технология сформировалась в среде носителей синташтинских культурных традиций и развилась в петровской (раннеалакульской) и алакульской культуре (Древнее…, 2013, с. 175–176).

Технология изготовления некоторых займищенских горшков на сосуде-основе с использованием влажной текстильной прокладки является ярким хроноиндикатором и позволяет связать древности займищенского типа с рядом культур финала среднего – начала позднего бронзового века. Помимо этого, отпечатки полотна на внутренних поверхностях займищенских сосудов, совместно с находками напрясел на Займищенской III и Пестречинской II стоянке, свидетельствуют о развитом ткачестве у населения Волго-Камья в начале позднего бронзового века (рис. 8: 1). Кроме напрясел встречены глиняные шаровидные бусины и шарики без отверстий. Интересна ложкообразная льячка с Займищенского III посе-

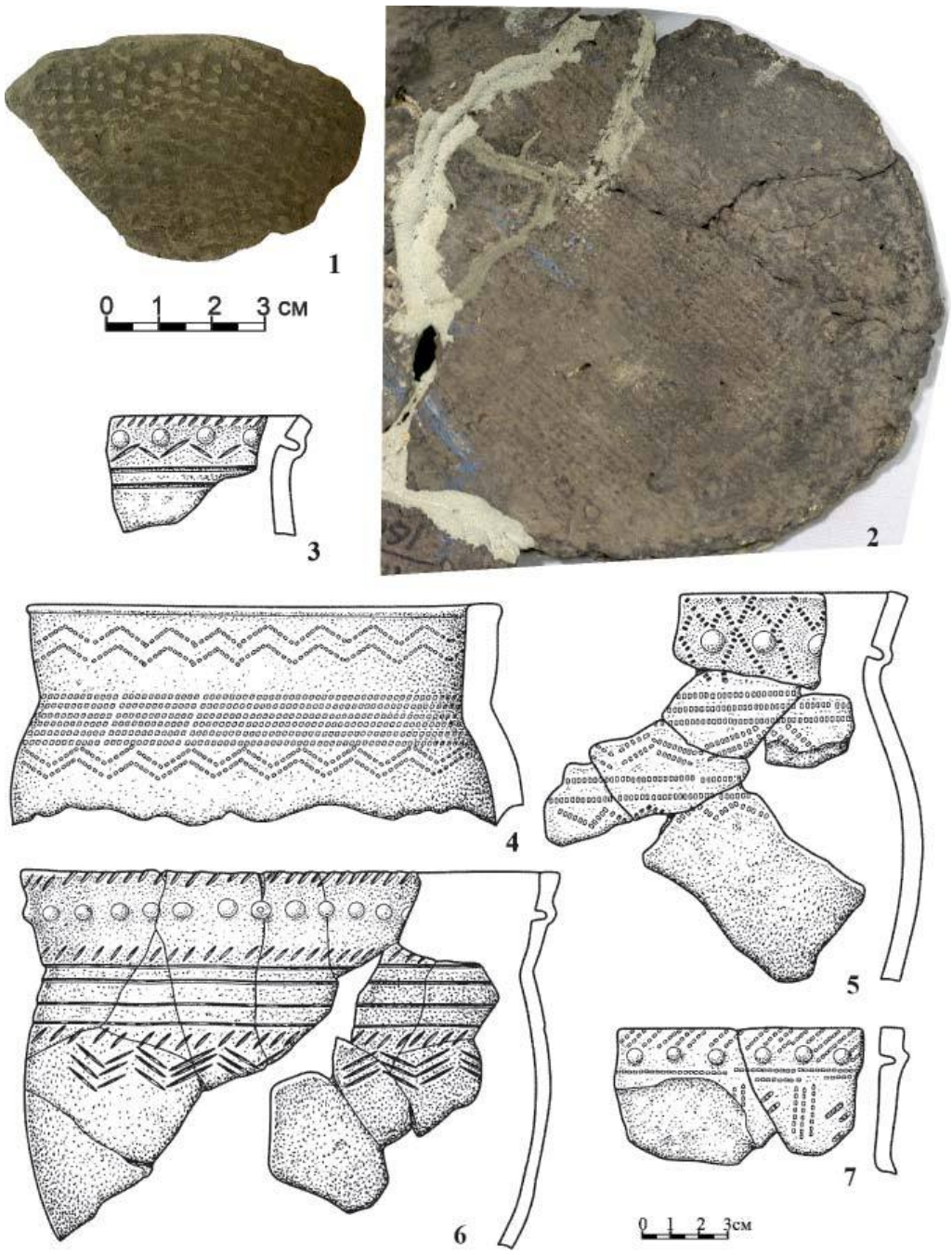


Рис. 6. 1–2 – керамика с отпечатками ткани на внутренней стороне сосуда
1 –Займищенская III стоянка, 2 – Пестречинская IV стоянка; Керамика: 3, 5–7 – Ошутьяльское III поселение, по: Соловьев, 2000; 4 – IV Новомордовская стоянка, по: Халиков, 1980

ления, несколько напоминающая «ложки» балановской культуры по А.Х. Халикову (Бадер, Халиков, 1976, табл. 37: 2).

Металлические изделия (рис. 8: 2–4). Немногочисленны находки на займищенских памятниках металлических изделий и следов металлопроизводства. Эти находки выявлены на поселении Займище III (обломки тиглей и медные шлаки), на Пестречинской II и IV стоянках (металлическая пластина, медный рыболовный крючок и фрагмент медного изделия) (Халиков, 1980, с. 43; Лыганов и др., 2012, с. 140). На Займищенских II и III поселениях помимо этого были выявлены еще металлические орудия – четырехгранное шило и рыболовный крючок, однако напрямую связать их с займищенскими древностями не представляется возможным. Вероятно, они относятся к финалу позднего бронзового века – маклашеевской культуре.

Металлические изделия Пестречинской IV стоянки представлены медным крючком и небольшим фрагментом медного изделия неизвестного

назначения (рис. 8: 2, 3). Крючок с загнутой в петлю верхней частью, которая сильно разрушилась, на основании некоторых аналогий может быть отнесен к эпохе поздней бронзы (Халиков, 1980, с. 89, табл. 48: 10–13; Кузьминых, 1981, рис. 6; Григорьев, 2013, с. 244, рис. 6–16).

Судя по химическому составу металла, крючок, найденный на Пестречинской IV стоянке, относится к группе металлургически «чистой» меди, а по низкому содержанию серебра, в виде десятитысячной доли процента, его можно отнести к редкой в Волго-Камье в эпоху поздней бронзы химической группе – ЕУ (Еленовско-Ушкаттинской) (Лыганов, 2013, с. 23). Е.Н. Черных связывал эту группу с Еленовско-Ушкаттинскими месторождениями на севере Мугоджар (Черных, 1970, с. 15). Однако на сегодняшний день данную группу не стоит ограничивать лишь этими рудниками. Вероятнее всего, она связана с более обширной зоной геохимически сходных месторождений Южного Урала, Западного, Северного и Центрального Казахстана (Дегтярева и др., 2001, с. 34–35). Наиболее часто химическую группу ЕУ в составе металла связывают с петровско-алакульским металлопроизводством (Кузьминых, 1983; Кузьминых, Черных, 1985, с. 364–366; Агапов, 1990, с. 10–12; Аванесова, 1991, рис. 62–64; Агапов, Кузьминых, 1994, с. 170, табл. 2, 3; Дегтярева и др., 2001, с. 34–35; Юминов и др., 2013, с. 92–93). В значительной степени медь группы ЕУ в виде сырья и готовой продукции (преимущественно украшений) шла на экспорт в Волго-Камье, где использовалась в выплавке металлических изделий населением срубной культурно-исторической общности (Дегтярева и др., 2001, с. 34–35; Черных, 1970, с. 113, 127–133, табл. I; Черных, Кузьминых, 1989б, с. 12–13; Кузьминых, 1981, табл. 3, 4; 1983, с. 135; Лыганов, 2019, рис. 11: 4).

Таким образом, судя по химическому составу металла медного крючка, найденного на Пестречинской IV стоянке, прослеживается вектор связи металлургов займищенского времени, прежде всего со степными металлургическими очагами начала позднего бронзового века.

На Пестречинской II стоянке в нижней части культурного слоя, где выявлены только находки займищенской керамики и керамики позднего энеолита, была найдена тонкая бронзовая пластина размерами 3,5×2,0×0,1 см. Аналогии подобному изделию найти очень затруднительно, хотя несомненно, что данный металлический артефакт относится к займищенскому времени (рис. 8: 2).

Тигли, выявленные на Займищенском III поселении, имели форму толстостенных чаш диаметром 8–12 см. Спектральный анализ медных шлаков с Займища III показал их состав из меди с примесями мышьяка и сурьмы, группа ВК по Е.Н. Черных (Халиков, 1980 с. 43; Черных, 1970). Такой же состав металла имеет и обломок металлического изделия с Пестречинской IV стоянки. Этот состав металлических изделий характерен для обширных территорий Волго-Камья на протяжении всего позднего бронзового века, начиная с сейминского времени, и связан с неизвестным рудным источником полиметаллических руд, возможно, Восточного Казахстана и/или Алтая.

Остальные металлические изделия из могильников и случайные находки, которые А.Х. Халиков относил к займищенскому этапу приказанской культуры, не связаны с культурой займищенского типа памятников. Часть этих изделий относится к сейминско-турбинскому транскультурному феномену (Базяковский III могильник, находка у с. Паново Казанского уезда). Другая часть происходит из разрушенных покровских и потаповских погребений в составе могильников, где присутствуют и займищенские погребения (Малиновский II, Новомордовский II и III могильники).

Кремневые изделия (рис. 7). Ряд кремневых изделий, выявленных на займищенских памятниках, позволяет провести некоторые аналогии с культурами начала позднего бронзового века. Это, прежде всего, кремневые наконечники стрел. Девять наконечников было найдено на Пестречинской IV стоянке. Восемь из них – это наконечники стрел вытянутой потреугольной формы с прямым основанием, прямым или слегка вогнутым, в одном случае скругленным. Наконечники стрел потреугольной формы с прямым основанием находят самые близкие параллели в сейменско-турбинских некрополях и в ряде культур начала позднего бронзового века, прежде всего на абашевских памятниках, в синташтинской, потаповской, покровской (раннесрубной) и срубной культурах (Пряхин, 1977, рис. 21; Черных, Кузьминых, 1989, рис. 104–106; Генинг и др., 1992, рис. 49–51; Васильев и др., 1994, рис. 35; Соловьев, 2016, рис. 109–111). Эти наконечники были найдены на VI Новомордовском могильнике – 7 экз., в том числе и в погребениях (Халиков, 1980 с. 40), а также на Займищенских II и III поселениях – 3 экз. (Калинин, Халиков, 1954, с. 236).

Наконечник с черешком округлой формы с Пестречинской IV стоянки находит аналогии, прежде всего, в памятниках синташтинской культуры, хотя там эти наконечники зачастую имеют выступающие шипы (Епимахов, 2002, рис. 4, 9, 11). И наконец, на Пестречинской II стоянке был найден кварцитовый обломок наконечника стрелы с шипами и треугольным черешком т. н. «сейминского» типа (Галимова и др., 2016, рис. 6: 4). На поселении Займище III было выявлено 14 по-

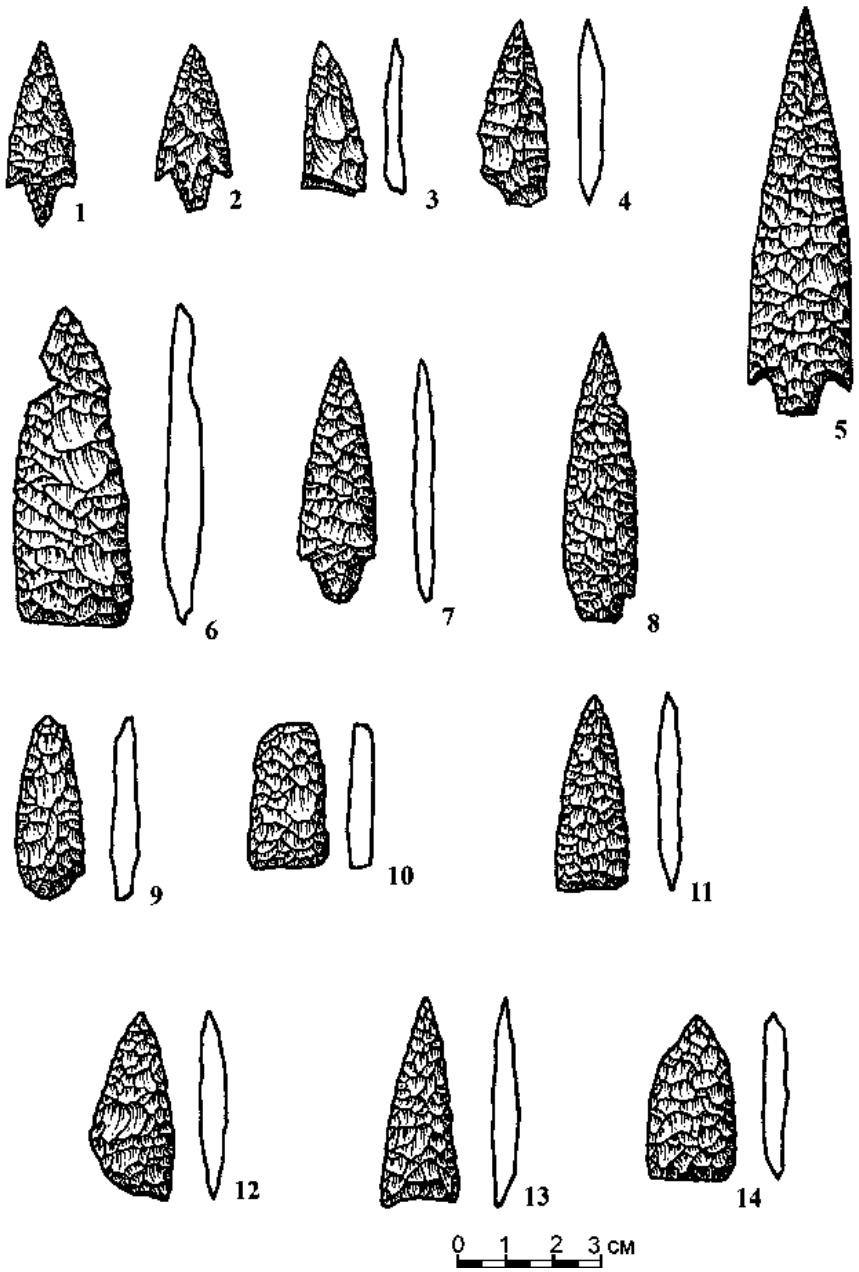


Рис. 7. Кремневые наконечники стрел
1–2 – III Полянская стоянка, 3, 4, 6, 7, 9–14 – Пестречинская IV стоянка; 5, 8 – Займищенская III стоянка, по: Халиков, 1980

добных наконечников. Такие наконечники широко бытуют в различных культурах финала среднего – начала позднего бронзового века, но прежде всего лесных балановской, атликасинской и чирковской культур. Встречаются они и на сейминско-турбинских некрополях (Черных, Кузьминых, 1989, с. 234, рис. 106; Соловьев, 2000, рис. 48, 60; Соловьев, 2016, табл. 5). Находки наконечников стрел с треугольным черешком и выделенными шипами в погребениях средневолжской абашевской культуры А.Х. Халиков связывал с военным противостоянием носителей абашевской и чирковской и балановской культур (Халиков и др., 1966, с. 23–24). Так, из 18 известных в средневолжском абашево т. н. «сейминских» наконечников, 14 были найдены в костяках людей, погибших от боевых травм (Халиков, 1966, с. 23–24; Соловьев, 2016, табл. 5). Не очень много таких наконечников известно в памятниках потаповского типа, синташтинской, покровской, срубной культур (Шишлина, 1990, с. 29; Генинг и др., 1992; Васильев и др., 1994; Припадчев, 2009, с. 19). Однако подобные наконечники являются характерными для поселенческих памятников займищенского типа и ранних поздняковских памятников (Калинин, Халиков, 1954, с. 236, рис. 48; Бадер, Попова, 1987, рис. 67).

Характерными орудиями на займищенских поселениях являются концевые скребки подтре-

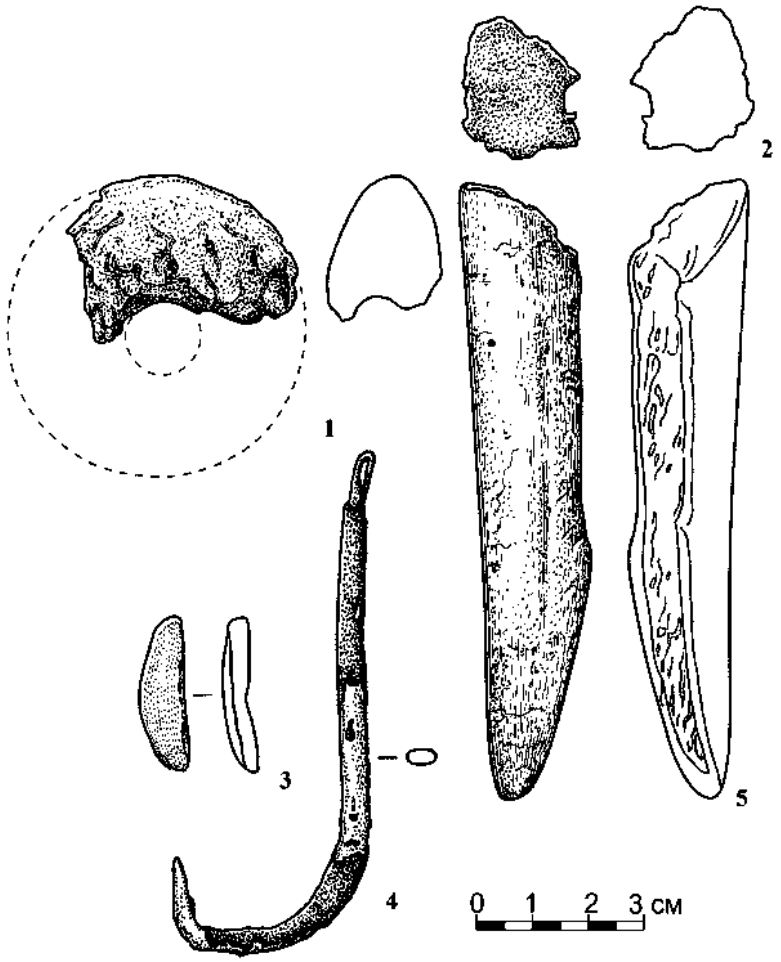


Рис. 8. 1 – фрагмент глиняного напряслица, 2– медная пластина, 3 – фрагмент медного изделия, 4 – медный крючок, 5 – костяное изделие. 1, 3, 4 – Пестречинская IV стоянка, 2, 5 – Пестречинская II стоянка

угольной формы со сплошь отретушированной спинкой. Только на поселении Займище III подобных скребков найдено более 230 (Халиков, 1980, с. 40). Известны подобные скребки и на Пестречинской IV стоянке (Галимова и др., 2019, рис. 7–5, 7–6).

Многие кремневые изделия продолжают линию развития кремнеобработки поздних волосовских памятников (Лыганов и др., 2018; Галимова, 2019).

Хозяйственная деятельность.

За основу реконструкции хозяйственной деятельности носителей культуры займищенского типа памятников взяты естественно-научные исследования, проведенные на Пестречинских стоянках (Галимова и др., 2019).

Охота. Несмотря на появление домашних животных в позднем бронзовом веке, охота играла первостепенное место в жизни обитателей Пестречинских стоянок. Так, судя по материалам Пестречинской II стоянки, свыше 80% костей животных относится к диким видам. В эпоху энеолита и в начале позднего бронзового века охота велась на таких диких животных, как северный олень, лось, бобр, заяц-беляк, волк. К этому времени относится большинство находок костных остатков птиц и рыб. Кроме этого, на займищенских памятниках выявлено большое количество кремневых наконечников стрел, в разы превышающее подобные находки на памятниках более позднего времени. Это все свидетельствует о развитом охотничьем промысле, который имел большое значение у носителей культуры займищенского типа памятников в Волго-Камье. В дальнейшем скотоводство в значительной степени вытесняет охоту.

Рыболовство. Несомненно, у носителей культуры займищенского типа памятников рыболовство имело одно из первостепенных значений. Это подтверждается находками костей рыб в займищенском слое Пестречинской II стоянки, расположением стоянок на удобных для рыбной ловли местах и находкой рыболовного крючка на крупную рыбу на Пестречинской IV стоянке.

Животноводство. Судя по остеологическому материалу из нижней погребенной почвы Пестречинской II стоянки, связанной с займищенским культурным слоем, в это время появляются до-

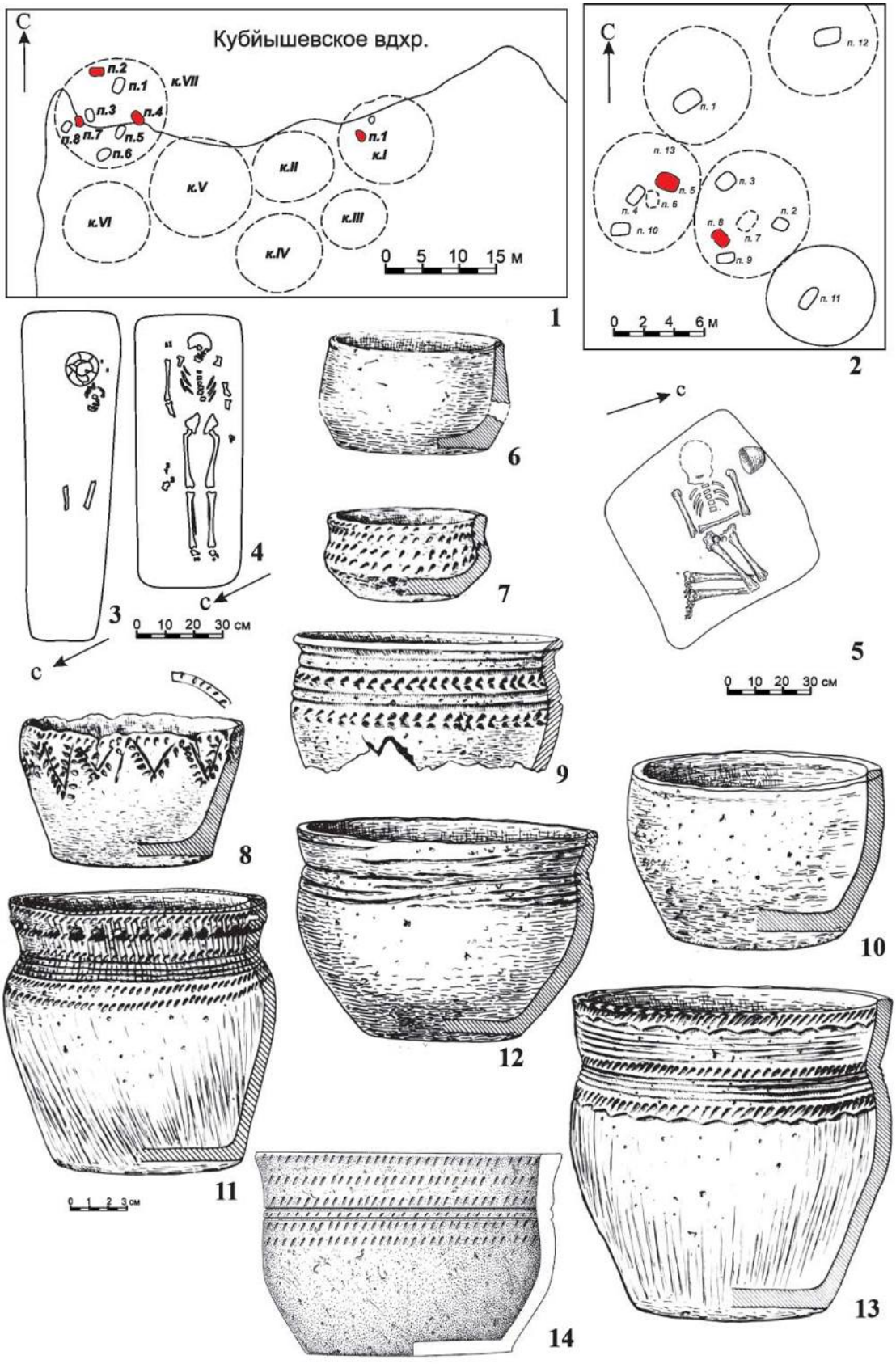


Рис. 9. 1 – Новомордовский III могильник, 2 – Новомордовский II могильник (выделены погребения займищенского типа, остальные погребения покровские); 3–4 – погр. 1 и 2 Новомордовского VI могильника, 5 – погр. 8 Новомордовского II могильника. Керамика из погребений: 6 – к. 1; 7– к. 1, погр. 1; 8– к. 7, погр. 2; 11 – к. 7, погр. 2; 12, 13 –к. 7, погр. 4 Новомордовского III могильника; 9–погр. 5; 10 – погр. 8 Новомордовского II могильника; 14 – погр. 1 Новомордовского VI могильника (по: Халиков, 1965)

машние свиньи, крупный рогатый скот и лошадь. Кости мелкого рогатого скота на Пестречинской II стоянке зафиксированы только в верхней части культурного слоя, не связанного с займищенским типом памятников. Относительно немного костей мелкого рогатого скота зафиксировано и на Пестречинской IV стоянке, где культурный слой стратиграфически не расчленяется на культурно-хронологические горизонты. Еще одной отличительной чертой Пестречинских стоянок является стабильно высокий показатель наличия костей свиньи на всех глубинах раскопов. Такое соотношение костей – низкое для мелкого рогатого скота и высокое для свиньи – характеризует придомное лесное животноводство. Значительно отличаются по соотношению костей домашних животных другие памятники позднего бронзового века, следующие по времени за займищенским типом памятников. В них стабильно высокая доля крупного рогатого скота и лошади с меньшим количеством мелкого рогатого скота и совсем небольшим – свиньи (Лыганов, 2013, с. 15–16). Необходимо подчеркнуть, что ни на одном другом памятнике эпохи бронзы Волго-Камья доля свиньи не была больше доли крупного рогатого скота. Появление и широкое распространение свиноводства на рубеже III–II тыс. до н. э. исследователи связывают с пришлыми балановской и отчасти абашевской культурами.

Земледелие. Данных о земледелии у носителей культуры памятников займищенского типа нет. На Пестречинской IV стоянке зерен и пыльцы культурных злаков не выявлено (Галимова и др.). Этот факт не должен вызывать удивление для памятников позднего энеолита и начала позднего бронзового века Северной Евразии, где повсеместно отсутствует пыльца культурных злаков (Черных и др., 1991).

Технико-типологические и функциональные особенности каменного инвентаря, исследование которых проведено на материале Пестречинских стоянок, указывают на повседневные занятия носителей культуры займищенского типа памятников, связанные с охотой, разделкой добычи и туш домашних животных, переработкой шкур и костей, обработкой дерева и прочими трудовыми операциями.

Могильники (рис. 9). К займищенскому этапу приказанской культуры А.Х. Халиковым в 1980 г. было отнесено шесть могильников, расположенных в Закамье (Халиков, 1980, с. 24). Однако культурная принадлежность разрушенного погребения из Базяковского III могильника в дальнейшем была пересмотрена исследователями (Черных, Кузьминых, 1989, с. 29–30). Наиболее полные аналогии инвентарь данного погребения находит в древностях сейминско-турбинского транскультурного феномена. Неоднозначна интерпретация вещей из подъемного материала с территории Малиновского II могильника. По А.Х. Халикову, они относятся к разрушенным займищенским погребениям. Такая трактовка связана с тем, что среди размытых погребений были выявлены фрагменты керамики займищенского типа (Халиков, 1969, с. 248–249). Здесь же был найден уникальный для Волго-Камья бронзовый узковислообушный топор с клевцевидным выступом на задней стороне обуха (Халиков, 1969, с. 59, табл. 5). Такие топоры характеризуют синташтинскую культуру и являются одной из ее визитных карточек. (Генинг и др., 1992, с. 122, 232, рис. 49, 127; Дегтярева, 2010, с. 90, рис. 34, Куприянова, Зданович, 2015, рис. 44). Находки вещей синташтинско-потаповского круга (сосуд, нож, кремневые наконечники стрел) в Западном Закамье известны и с территории Новомордовского II могильника, где, помимо всего прочего, были выявлены и займищенские погребения. Среди других изделий, выявленных на размытой части Малиновского II могильника, интерес представляют два бронзовых ножа. Тип этих ножей с ромбической пяткой черенка широко распространен в культурах Евразии начала позднего бронзового века (Черных, 1970, рис. 56: 53, 57: 24; Халиков, 1980, с. 252–253).

К погребальным памятникам займищенского типа относится «куст» могильников, располагавшихся вблизи бывшего с. Ново-Мордово в Западном Закамье – Новомордовские II, III, IV, VI могильники (Халиков, 1965; 1980, с. 24, табл. Д; Лыганов и др., 2015). Наиболее интересными являются Новомордовские II и III могильники, где помимо погребений займищенского типа были изучены погребения покровской (раннесрубной) и потаповской культур (Халиков, 1965). По мнению исследователя, погребения покровские и займищенские относительно одновременны, так как расположены в одних и тех же группах (Халиков, 1965, с. 146). При этом отмечено, что, судя по группировкам погребений, первоначально они располагались под небольшими насыпями, которые на сегодняшний день не фиксируются. Кроме этого, в Новомордовском III могильнике в кургане 7 в детских погребениях 2 и 4 зафиксировано по два сосуда, один из которых по форме и орнаменту наиболее близок покровской (раннесрубной) культуре, а второй – займищенскому типу.

Всего известно 9 погребений займищенского типа с десятью костяками. К займищенским можно отнести погребения № 5, 8 Новомордовского II могильника и погребения № 1 кургана 1, погребения № 2, 4, 7 кургана 7 Новомордовского III могильника. Одно парное погребение было выявлено

на Новомордовском IV могильнике, и два одиночных погребения – на Новомордовском VI могильнике. Определены три детских, три женских и два мужских погребения из Новомордовских II, III и VI могильников (Халиков, 1980, с. 24).

Погребения на предположительно курганных Новомордовских II и III могильниках несколько отличаются от погребений на грунтовых Новомордовских IV и VI могильниках. На Новомордовских IV и VI могильниках соотношение могильных ям составляет 1:2, 1:3, 1:4, все погребенные расположены вытянуто на спине, все погребенные взрослые. На Новомордовском VI могильнике только в одном из погребений зафиксирован сосуд, в другом – два треугольных наконечника стрел с усеченным основанием. В Новомордовском VI могильнике зафиксировано одно парное безинвентарное погребение.

Новомордовские II и III могильники более схожи между собой. Объединяющими признаками их погребений являются: небольшие прямоугольные ямы с соотношением сторон 2:3; положение умерших на спине, иногда с поворотом на левый бок, с подогнутыми ногами; западная ориентировка, иногда с сильным северным отклонением (от 270 до 350 градусов); постановка сосудов у левой стенки ямы, иногда в противоположных концах. Посуда этих погребений по всем показателям относится к займищенскому типу памятников (Халиков, 1965, с. 146, рис. 1) (рис. 9: 6–14). Судя по расположению костяков на спине, с подогнутыми ногами, с редким поворотом на левый бок, наибольшую схожесть займищенские погребения проявляют с абашевскими и отчасти покровскими погребениями (Пряхин, 1977, с. 9; Пряхин, Халиков, 1987, с. 128; Кузьмина, 2000а, с. 95–96, рис. 13; Семенова, 2000, с. 162).

В остальных погребениях Новомордовских II и III могильников был зафиксирован иной обряд погребения (костяки лежат скорченно на левом боку с ориентировкой на север, северо-восток) и совершенно другая керамика – баночные и небольшие остроребериые сосуды с отогнутым горлом (Халиков, 1965, с. 146, рис. 2; 1980, с. 59, 68, табл. 5, 6, 22: 5, 6; Лыганов и др., 2015). Обряд погребения соответствует обряду покровской (раннесрубной) культуры. Наиболее близкие аналогии сосудам баночных и остроребериых форм из погребений Новомордовских могильников имеются в древностях абашевской и покровской культур (Пряхин, 1977; Малов, 2007, рис. 3–5, Семенова, 2000, рис. 9–12).

Таким образом, судя по погребальным памятникам, древности займищенского типа следует отнести к началу позднего бронзового века или же первой фазе Евразийской металлургической провинции. Особенности погребального обряда займищенского населения, расположение под одними и теми же курганами покровских, потаповских и займищенских погребений свидетельствуют о близости займищенского типа памятников с покровской культурой Восточной Европы.

Хронология.

Хронология займищенского типа памятников, при отсутствии радиоуглеродных датировок, базируется на аналогиях и стратиграфической позиции поселенческой керамики. Исследование поселенческих памятников позднего бронзового века позволило на основании данных стратиграфии установить относительную хронологию. Слои с займищенской керамикой перекрывают или находятся совместно со слоями финала энеолита – волосовской культуры. Слои маклашеевской культуры финальной бронзы перекрывают слои с займищенской керамикой. Погребения займищенского типа находятся под одной и той же насыпью с покровскими погребениями и стратиграфически не расчленяются (Халиков, 1967; 1965; 1969; 1980).

Аналогии, которые позволяют относить древности займищенского типа к началу позднего бронзового века, следующие:

1. Форма займищенских сосудов с выраженным внутренним ребром, с расширением в верхней части венчика, а также расчесы по тулову – имеют аналогии в покровских древностях.

2. Технологические отпечатки тканей прокладок на внутренней части сосудов – имеют аналогии в синташтинских, потаповских, петровских, алакульских древностях.

3. Кремневые наконечники стрел т. н. сейминского и турбинского типов, широко распространены в различных культурах финала среднего – начала позднего бронзового века.

4. Обряд погребения: преимущественно на спине, иногда с поворотом на левый бок, с подогнутыми ногами; западная ориентировка, иногда с сильным северным отклонением, наиболее схож с абашевскими погребениями и лишь отчасти покровской культуры.

5. На займищенских памятниках выявлены некоторые металлические изделия, характерные для культур первой фазы позднего бронзового века Евразийской металлургической провинции. При этом большинство изделий было выявлено на поликультурных могильниках и, вероятно, относится к покровской, потаповской и другим культурам начала позднего бронзового века. Однако, судя по стратиграфическим наблюдениям, займищенские погребения одновременны покровским и находятся под одними небольшими насыпями (Халиков, 1965, с. 146–148).

Время существования займищенского типа памятников на основании приведенных аналогий можно синхронизировать с т. н. блоком колесничих культур на начальной фазе становления в Восточно-Европейской степи (Епимахов, Чечушков, 2008, с. 494). Ближе всего территориально к займищенскому типу потаповские и покровские памятники. Именно на севере лесостепи известны памятники, где сочетаются потаповские и покровские признаки – Ишеевский, Ново-Уреньский, Красносельский II, Новомордовский II могильники и некоторые другие (Буров, 1972; Халиков, 1965; Иванов, Скарбовенко, 1993; Кузнецов, Семенова, 2000, с. 134). Судя по некоторым калиброванным радиоуглеродным датам блока колесничих культур, потаповская культура датируется XX–XVIII вв. до н. э., покровская – XX–XVII вв. до н. э. (Малов, 2007, с. 46–47) или в более узком диапазоне XIX–XVIII вв. до н. э. (Кузнецов, 2014, с. 583).

Таким образом, и существование займищенского типа памятников с некоторой осторожностью можно отнести к первой трети II тыс. до н. э.

Историко-археологическая интерпретация (социальное устройство, исторические судьбы)

Что касается взаимодействия займищенского типа памятников с сейминско-турбинским транскультурным феноменом, то оно на материалах поселений и могильников не прослеживается. Косвенно такие контакты можно проследить на материалах Юринского (Усть-Ветлужского) могильника. Здесь отмечено культурное взаимодействие носителей семинско-турбинского феномена и покровской культуры. В непосредственной близости от могильника известен и поселенческий памятник займищенского типа – Полянская III стоянка.

То же самое можно сказать о взаимодействии со средневолжской абашевской культурой. На сегодняшний день средневолжская абашевская культура в системе радиоуглеродной хронологии датируется XXII–XX вв. до н. э., т. е. раньше горизонта колесничих культур (Кузьминых, Мимоход, 2016). Территориально памятники займищенского типа расположены на другой территории, нежели средневолжские абашевские погребальные комплексы.

Наиболее близки к займищенскому типу памятников культуры финала среднего – начала позднего бронзового века юга лесного Поволжья – чирковская, поздняковская культуры. Керамика чирковской культуры позднего этапа в некоторых чертах схожа с займищенской. Для обеих культурных групп характерны сосуды с выраженным горлом, имеющим ребро изнутри. Но при этом вся чирковская посуда позднего этапа круглодонна, а займищенская плоскодонна. В орнаментации присутствуют сходные с займищенскими каплевидные и овальные вдавления, горизонтальные зигзаги, узкие разделительные элементы, представленные горизонтальными линиями. При этом для чирковской посуды характерны волнистые змеевидные валики и в отличие от займищенской нет выдавленных изнутри выпуклых жемчужин. Для чирковских и займищенских памятников характерны наконечники стрел с треугольным черешком и двумя выраженными жальцами. Однако взаимодействие этих культур на памятниках не зафиксировано. Вероятно, финал чирковской культуры приходится на начало становления памятников займищенского типа. Сходство займищенских и поздних чирковских древностей проистекает, вероятно, из общих корней, связанных с распадом средневолжского варианта волосовской культурно-исторической общности.

Интересно сходство займищенского типа памятников и поздняковской культуры. Для них характерно большое количество сосудов с выпуклинами-жемчужинами, наконечники стрел сейминского типа. Поздняковская культура, также как займищенский тип памятников, складывалась при активном культурном продвижении покровской (раннесрубной) культуры на юг лесной зоны при участии местного населения (Азаров, 2019, с. 171–173). Вероятно, этим и объясняется такое сходство культур.

Финал займищенского типа памятников в Среднем Поволжье не совсем ясен. В Предкамье на займищенских поселениях фиксируется разрыв с последующими слоями. Здесь слой финала позднего бронзового века (XIV–X вв. до н. э.) связан с маклашеевской культурой и культурой текстильной керамики. Вероятно, территория Предкамья, занимаемая в первой четверти II тыс. до н. э. носителями культуры займищенского типа памятников, в дальнейшем какое-то время была незанята.

Несколько по-другому ситуация выглядит в Закамье: здесь памятники займищенского типа, на которых присутствует и керамика покровской (раннесрубной) культуры, в дальнейшем занимают носители срубной культурно-исторической общности (XVIII–XV вв. до н. э.) (Лыганов, 2019). Таким образом, носители культуры займищенского типа памятников полностью поглощаются здесь срубной культурой.

ГЛАВА 6
ПОЗДНЯКОВСКАЯ КУЛЬТУРА

Поздняковская культура была выделена Б.А. Куфтиным после раскопок 1926–1927 гг. Поздняковской и Подборновской стоянок (Куфтин, 1925; Жуков, 1927). Наиболее полно история изучения памятников поздняковской культуры до конца XX в. изложена В.П. Челяповым (1993), последующие исследования были освещены в статьях Т.А. Марьенкиной (Марьенкина, 2012; Ставицкий, Буряков, Марьенкина, 2010).

Материалы поздняковского облика впервые были выявлены на Волосовской стоянке А.С. Уваровым (1881) и Алекановской стоянке В.А Городцовым (1900). Первые поздняковские захоронения были исследованы в 1904 г. А.А. Смирновым на курганном Битюковском могильнике, а затем были выявлены О.Н. Бадером и А.В. Збруевой на Малоокуловском (Збруева, 1947; Попова, 1970, с. 156). По результатам стратиграфических наблюдений на Подборновской стоянке хронологические рамки культуры были определены О.Н. Бадером суббореальным периодом, а её происхождение связано с миграциями в бассейне р. Оки срубных племен (Бадер, 1940).

В послевоенные годы полевые исследования памятников поздняковской культуры были продолжены сотрудниками Государственного исторического музея И.К. Цветковой (1959), А.Я. Брюсовым (1952) и особенно активно Т.Б. Поповой (1960; 1965а, 1965б; 1966). В Нижегородском Поволжье поселение Наумовка было исследован В.Ф. Черниковым (Николаенко, 2010), А.Х. Халиковым было раскопано Акозинское поселение (Халиков, 1960).

В 1970 г. итоги исследований поздняковской культуры были подведены в статье Т.Б. Поповой и монографии О.Н. Бадера. Т.Б. Поповой были рассмотрены вопросы происхождения и расселения поздняковских племен, обобщены сведения о хозяйстве, погребальном обряде и религиозных верованиях. Хронологические рамки культуры были определены последней четвертью II – первой четвертью I тыс. до н. э. В развитии культуры было выделено три этапа (Попова, 1970). О.Н. Бадером много внимания было уделено критике точки зрения А.Я. Брюсова о происхождении поздняковской культуры на местной волосовской основе, носители которой подверглись влиянию срубной культуры (Бадер, 1970, с. 59–64).

В 1970–1980 гг. Т.Б. Поповой был исследован грунтовый могильник Фефелов Бор (Попова, 1988), а также подготовлены обобщающие статьи по керамике и металлическим изделиям поздняковской культуры (Попова, 1985а, б). Итоги изучения поздняковских древностей О.Н. Бадером и Т.Б. Поповой были подведены в томе «Эпоха бронзы лесной полосы СССР» (Бадер, Попова, 1987).

В 1990 гг. исследования памятников поздняковской культуры на Средней Оке были продолжены В.П. Челяповым. Им раскапывался курганный могильник Лебяжий Бор VI и одноименное поселение (Челяпов, 1995, 1996, 2000; Челяпов, Ставицкий, 1998а). Б.А. Фоломеевым были проведены исследования на могильнике Березовый рог (Фоломеев, Челяпов, Иванов, 1997). Из наиболее важных исследований последних лет следует отметить раскопки поселения Дмитрова Слобода II (Королев, Самсонова, 2013).

Памятники поздняковской культуры в основном сосредоточены в бассейне Средней и Нижней Оки и Нижегородском Поволжье. Ряд исследователей относят к поздняковской культуре поселения, расположенные в западных районах лесостепного Поволжья и на южных притоках Дона (Екимов, 1992; Полесских, 1977), однако в настоящее время они выделены в отдельную группу памятников аким-сергеевского типа (Ставицкий, 2005; 2008, \с. 192–201).

Поздняковские поселения обычно расположены в речных долинах, на краю первых надпойменных террас, реже на песчаных дюнах (рис. 1). Ряд поздних поселений занимает высоко расположенные места боровых террас. Как правило, поселения приурочены к обширным пойменным лугам, что, видимо, связано со скотоводческой направленностью их хозяйства. На территории Озерной Мещеры, где отсутствуют благоприятные условия для разведения скота, поздняковцы, видимо, были вынуждены перейти к присваивающему хозяйству, что подтверждается отсутствием костей домашних животных на данных памятниках (Фоломеев, 1992, с. 81).

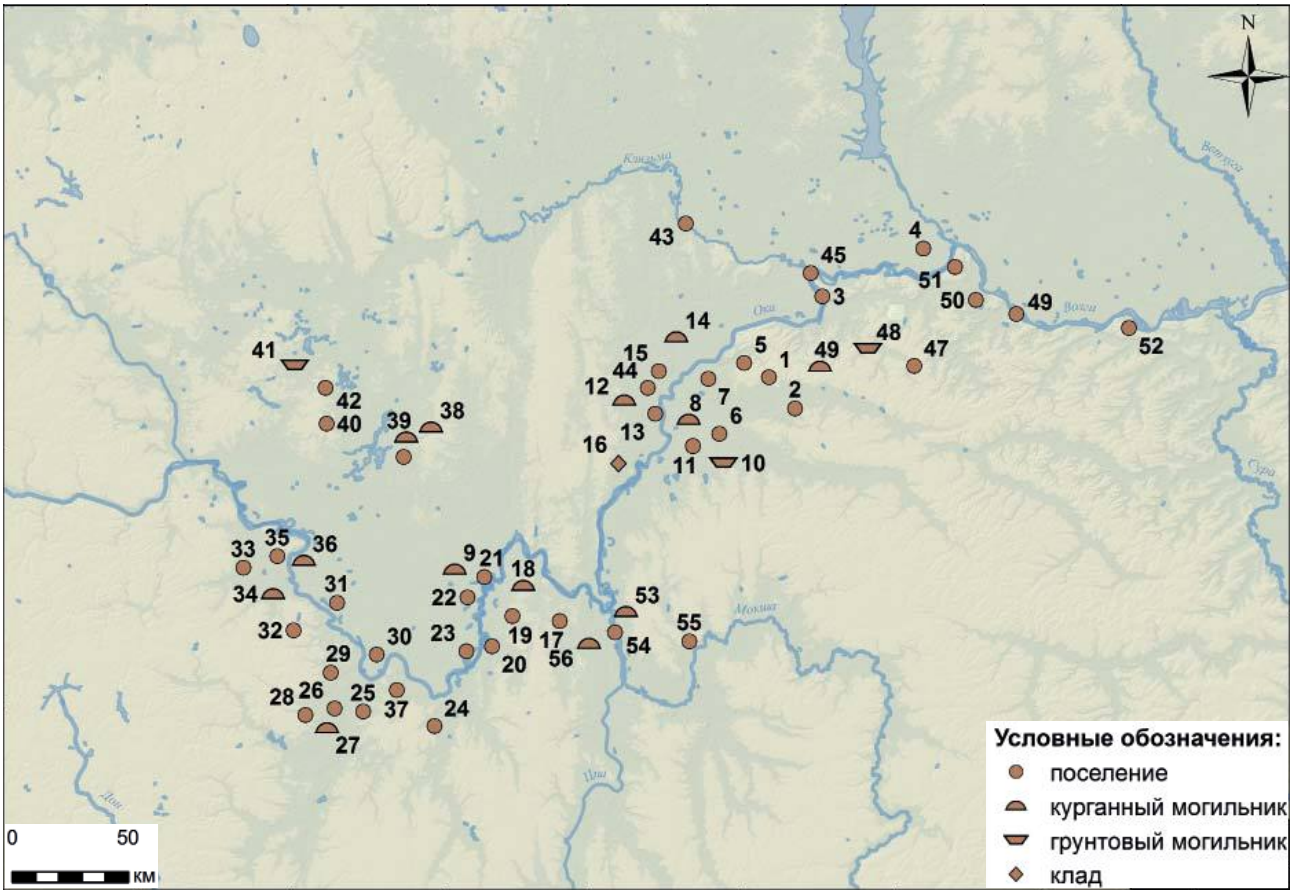


Рис. 1. Памятники поздняковской культуры

1 – Поздняково; 2 – Покровское; 3 – Сокорка; 4 – Гавриловка; 5 – Садовый Бор; 6 – Волосово; 7 – Велетьминская; 8 – Старший Волосовский; 9 – Березовый рог; 10, 11 – Мало-Окулово; 12, 13 – Битюково; 14, 15 – Борисоглебское; 16 – Волютино; 17 – Подборновское; 18 – Ибердус II; 19 – Ибердус III; 20 – Курманская; 21 – Добрынин остров; 22 – Медвежий остров; 23 – Копаново; 24 – Тырнова слобода; 25 – Климентовская; 26–28 – Засеченское I, II; 29 – Харинское; 30 – Алексаново; 31 – Дубровичи; 32 – Барковская; 33 – Фефеловская придорожная; 34 – Фефелов Бор; 35, 36 – Логинов Хутор; 37 – Тырнова Слобода II; 38 – Черная Гора; 39 – Владычино; 40 – Погостище; 41, 42 – Коренец; 43 – Липки; 44 – Дмитриевская слобода; 45 – Подборица-Щербининская; 46 – Ефановское I; 47, 48 – Наумово; 49 – Акозино; 50 – Шавское; 51 – Безводнинское; 52 – Саушкино; 53 – Лебяжий бор, Лебяжий бор VI, 55 – Шокша; 56 – Тороповская курганная группа

Поздняковские памятники представлены как долговременными поселениями, так и кратковременными стоянками. На десяти поселениях поздняковской культуры исследованы жилищные сооружения (рис. 2), которые преимущественно представлены полуземлянками, углубленными в грунт на 60–80 см. Реже встречаются жилища, глубина котлованов которых составляет 20–40 см. Постройки имеют четырехугольную форму, характеризуются каркасно-столбовой конструкцией, двускатными крышами, тамбуром у входа и несколькими очагами. Выходы из жилищ обычно направлены в сторону реки. Размеры жилых построек варьируются от 9×6 м до 22×11 м (Мансуров, Бадер, 1974, рис. 7; Попова, 1974; Королев, Самсонова, 2013; Швецова, 2013).

На памятниках Нижегородского Поволжья жилища зафиксированы на поселениях Наумовка, Шава I, Безводное I. Для этих жилищ также характерна четырехугольная форма, но это не полуземлянки, а скорее наземные сооружения, углубленные в материк не более чем на 40–45 см. Из-за того, что поселения расположены на склонах, стенки котлована могут иметь разную высоту. Площадь жилищ поселений Наумовка 140 кв. м (рис. 2) и Шава I: жилище 1 – 145 кв. м, жилище 2 – 124 кв. м. Примерно такие же размеры имело жилище 3 с поселения Дмитрова Слобода II, а 1 и 2 жилища данного памятника были существенно больше, их площадь достигала 240 кв. м. Меньшими размерами характеризуются поздняковские жилища Среднего Поочья, средняя площадь которых составляет около 80 кв. м. Всего 67 кв. м площадь постройки на стоянке Безводное I. В отличие от остальных сооружений она имеет подквадратную форму и, по мнению А.А. Швецовой, не относится к жилым помещениям (Швецова, 2013).

Наиболее полно конструкция жилища прослеживается на поселении Наумовка (рис. 2). На

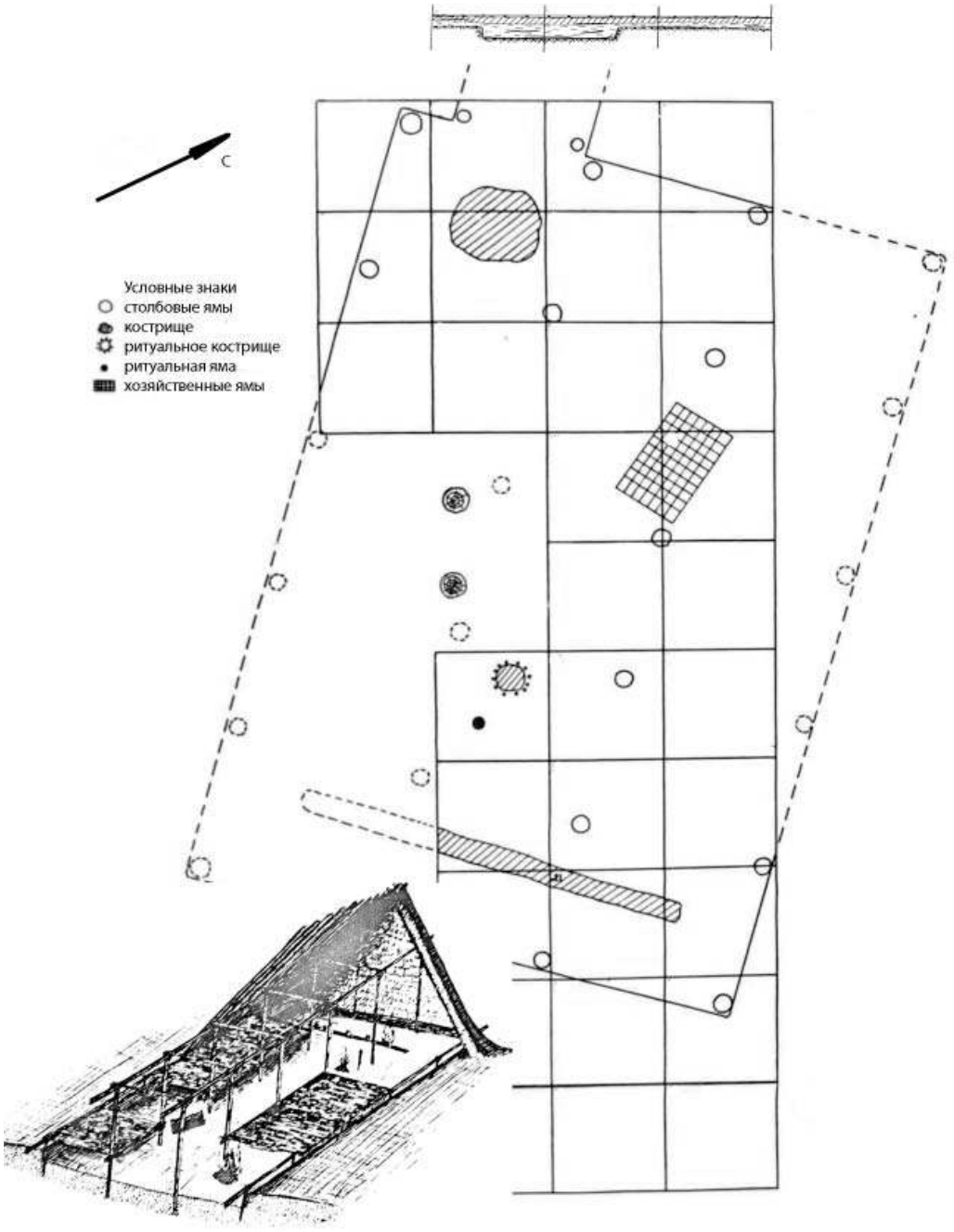


Рис. 2. Жилище Наумовского поселения (по: Черников, 1965)

уровне пола здесь выявлены четыре ряда столбовых ям по шесть в ряду, диаметром 25–30 см, глубиной 50–80 см. Ряды располагаются вдоль стен жилища и по его центру, расстояние между ямами около 3 м. Вероятно, два центральных ряда столбов являлись несущими и представляли собой вертикальные столбы с развилками, на которые укладывались продольные балки. Эти балки и верхние края стен служили опорами для поперечных слег, выполняющих роль кровельной обрешетки. Столбовые ямы, расположенные вдоль длинных стен, очевидно, составляли основу каркаса. Вход жилища был смещен к западному углу и представлял собой тамбур шириной 1,2 м, дно которого имело постепенное понижение к полу жилища. У входа в постройку, у противоположной стенки и в центре жилища зафиксированы очаги. Два очага были углублены в дно котлована. Центральный очаг возвышался над полом на 10–15 см, его дно было посыпано белым речным песком. По периметру очага зафиксировано 9 ямок от столбиков, которые, вероятно, являлись опорами плетеной конструкции, предохранявшей песок от рассыпания (Швецова, 2013, с. 100, 101).

Поздняковские могильники представлены курганными (рис. 3) и грунтовыми захоронениями,

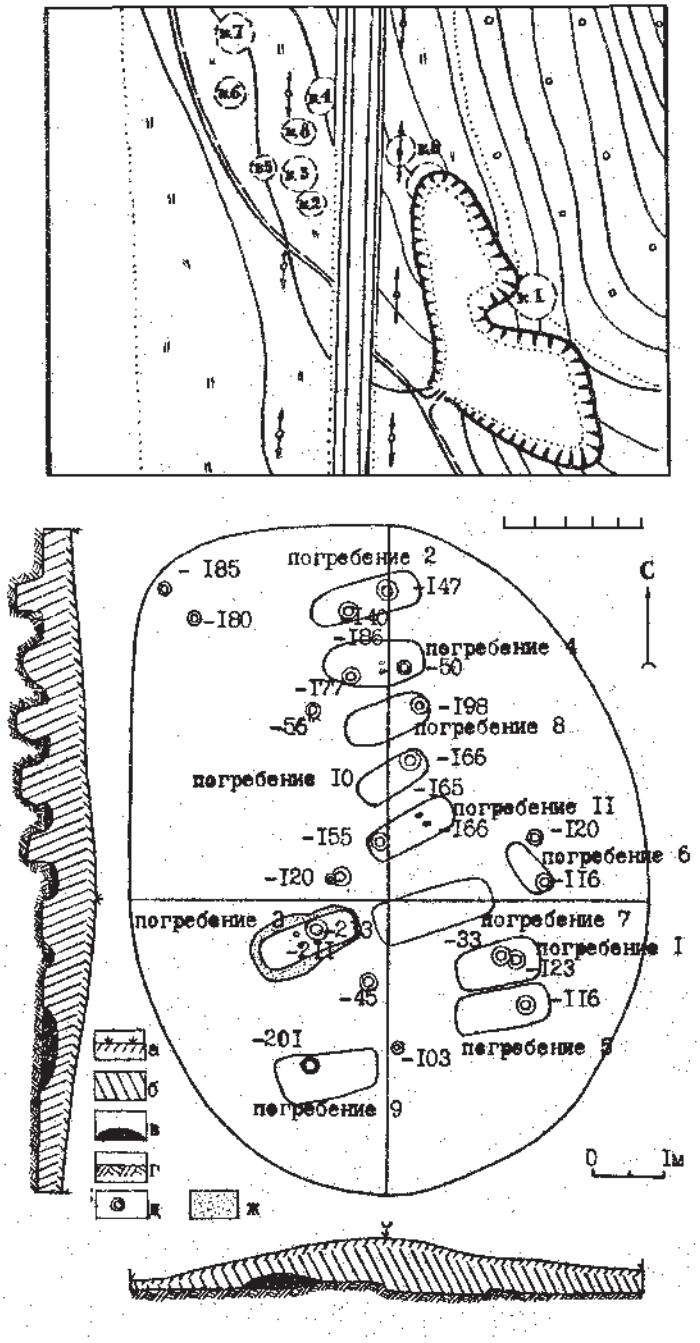


Рис. 3. Засеченский курганный могильник (по: Челяпов, 1992)

совершенными по обрядам трупоположения, реже кремации. Как правило, они располагаются вблизи поселений на первой надпойменной террасе или на останце террасы, в поймах рек. Курганные насыпи обычно имеют размеры до 1 м в высоту и до 10–12 м в диаметре. Несколько крупнее отдельные насыпи Засеченского могильника (14–18 м в диаметре) (рис. 3). Наибольшую величину имеет один из курганов Борисоглебского могильника, его высота достигала 4 м, диаметр 35 м. Курганы, как правило, окружены ровиками. Обычно под насыпью находилась могильная яма с одним или несколькими погребениями, но известны и погребения, совершенные на уровне насыпи, что особенно характерно для захоронений Мало-Окуловского и Коренецкого и курганов. Могилы четырехугольные, со скругленными углами. Размеры могильных ям на разных могильниках достаточно сильно варьировались. Захоронения Битюковского и ряд погребений Мало-Окуловского курганов имеют небольшую глубину – 20–25 см, ширина в среднем достигает 85–100 см, а длина 190–250 см. Большими размерами отличаются погребальные ямы Борисоглебовского могильника, глубина которых доходит до 2–2,5 м, ширина – до 2,8 м, длина составляет 3–3,8 м. На Засеченском могильнике

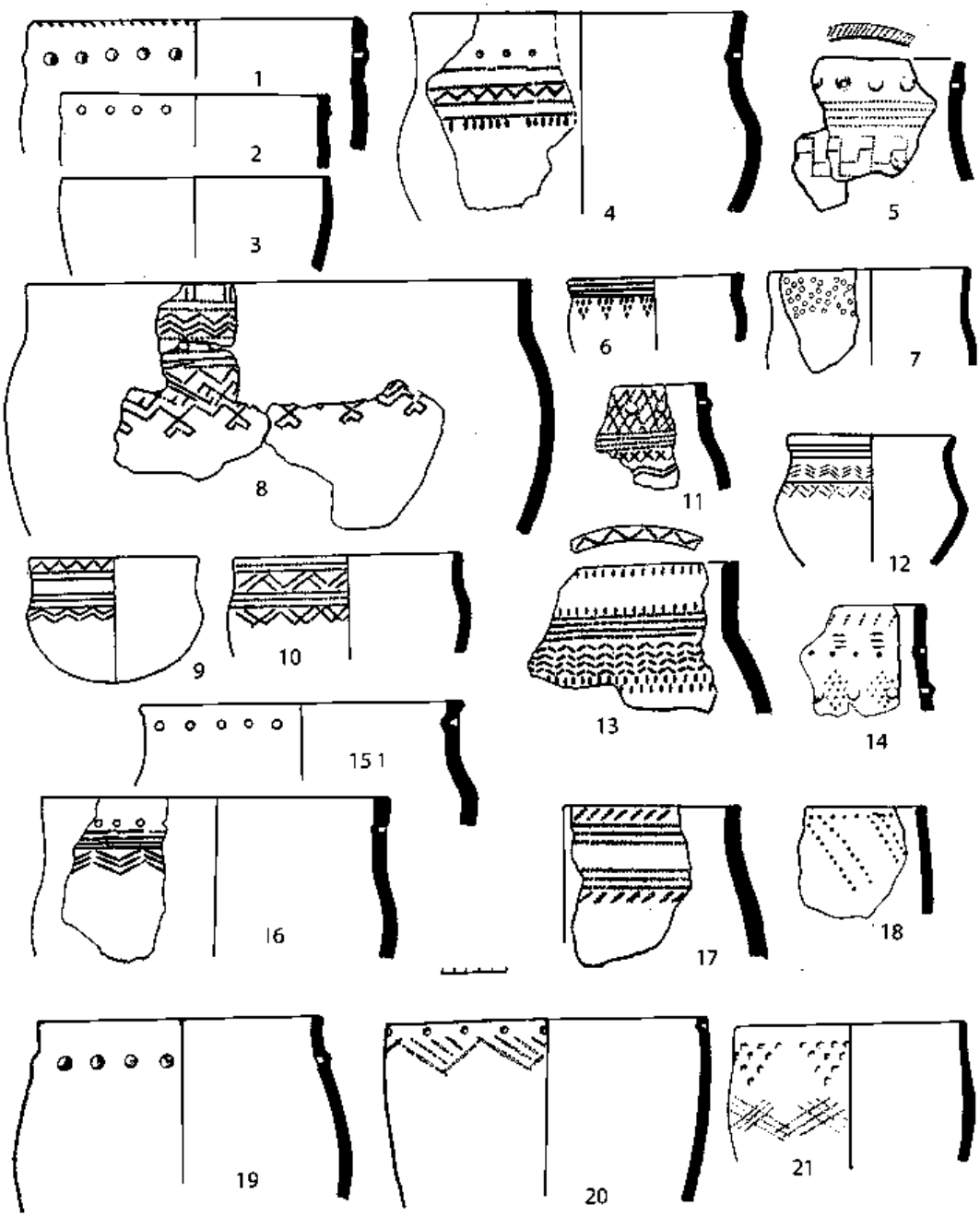
встречаются как ямы крупных размеров: длиной 3,2–4 м, шириной 1,6–1,9 м, так и небольшие, а глубина их варьируется от 0,12 до 1 м. В ряде борисоглебских могил прослежены ступеньки.

Нередко на месте сооружения кургана разводился костер, который «очищал» место погребения. В ряде курганов Засеченского могильника зафиксированы обширные прослойки золы и угля, в кургане № 5 обширный зольник перекрывал погребения. При захоронении в могилу иногда укладывали растительную подстилку, а на нее – умершего в скорченном положении, головой на север, СВ или СЗ. На Засеченском могильнике преобладающей является ориентировка по линии З–В с небольшим отклонением к северу. Захоронения обычно одиночные, но известны и парные. Погребальный инвентарь включает целые и специально разбитые сосуды, кремневые наконечники стрел, ножи-скребки, бронзовые украшения, наконечники копий, кинжалы. Наиболее богаты бронзовыми изделиями Засеченский (рис. 5: 1–8, 10–17, 19, 21–27, 29) и Борисоглебский могильники: изделия из бронзы зафиксированы здесь в 30,4% и 28,6% могил. На остальных памятниках металлических изделий немного. Среди них преобладают ножи срубного типа и пластинчатые браслеты. В наиболее богатых захоронениях встречаются наконечники копий. Нередко в насыпи кургана присутствуют остатки тризны в виде целых и битых сосудов, а также костей животных. Иногда вещи в могилах отсутствуют, а погребальная керамика поставлена рядом с погребением или под насыпью кургана (Попова, 1970, с. 186–211; Челяпов, 1992, с. 28–31).

Погребальный обряд грунтовых могильников в основном совпадает с курганным, но ориентировка погребенных здесь не столь строгая, чаще встречаются случаи кремации. На могильнике Фефелов Бор преобладает ориентировка погребений на север (6%) с отклонениями к востоку (63%) или к западу (57%). На могильнике Черная Гора погребения примерно в равной степени ориентированы как в южную, так и в северную сторону. По сравнению с курганами более неустойчиво положение погребенных: сильно скорченное, вытянутое со слегка согнутыми ногами, вытянутое на спине. Глубина совершения погребений варьируется от 60 до 120 см, но известны и погребения глубиной 155–160 см. Форма могильных ям, зафиксированных в культурном слое стоянок, не прослеживается, а глубокие погребения в материке обычно имеют большие размеры: 230–245 см в длину и 130–135 см в ширину. Отдельные погребения могильника Фефелов Бор достигают длины 350–360 см, два погребения имеют боковую ступеньку. Особая роль в обряде отводилась огню. На могильнике Фефелов Бор вдоль центральной группы могил на протяжении 10 м расположен зольник мощностью до 60 см. Ритуальные кострища зафиксированы и возле ряда могил. Угли от них встречаются в засыпке погребений. В кострищах и рядом с ними ставились глиняные сосуды. В ряде случаев вдоль могил зафиксированы ямки от оградок. Инвентарь грунтовых погребений в целом выглядит беднее, чем подкурганных захоронений. Изделия из металла встречаются реже, как правило, это мелкие предметы. Нет ни ножей, ни наконечников копий. Погребальный инвентарь в основном представлен керамикой, иногда встречаются кремневые наконечники стрел, скребки и ножи (Попова, 1970, с. 212–218; 1988, с. 101–137).

Керамика (рис. 4, 6). На территории Поволжья поздняковских поселений с материалами раннего облика к настоящему времени не зафиксировано и керамика этого этапа может быть охарактеризована только по памятникам Среднего Поочья. Наиболее представительная коллекция ранней поздняковской посуды зафиксирована на поселении Лебяжий Бор VI. Керамика содержит в тесте примесь шамота. Сосуды представлены горшками с округло-выпуклыми боками, широким устьем и небольшим дном, остроребериными горшками, крупными горшковидными сосудами с прямыми стенками, выделенной шейкой и небольшим плоским, редко округлым дном. Реже встречаются банками, что для большинства поздняковских поселенческих комплексов нехарактерно. Банки, как правило, украшены только в верхней части несложными мотивами из горизонтальных рядов ямок или жемчужин, встречаются сосуды без орнамента. Горшковидные сосуды украшены значительно богаче – орнамент покрывает шейку, плечики, тулово, а иногда переходит на придонную часть. Характерна орнаментация бортика, состоящая из косых насечек, нарезок или оттисков зубчатого штампа. В орнаментации сосудов преобладают различные оттиски зубчатых штампов и отпечатки веревочки, сочетания которых составляют весьма сложные композиции. Типичным является орнамент из «жемчужин», выдавленных изнутри. Характерно зональное расположение композиций из прямых или ломаных линий, зигзагов, бахромы, меандра, свастики, флажков, «сетки», а также треугольников из ямок и оттисков штампа (Челяпов, Ставицкий, 1998).

В Поволжье материалы поздняковских памятников введены в научный оборот крайне фрагментарно. Наиболее полно А.Х. Халиковым (1960) опубликована керамика Акозинской стоянки, в тесте которой преобладают примеси песка и дресвы (74,4%), реже встречается толченая раковина (23%). Внешняя и внутренняя их поверхность



.Рис.4. Поздняковская керамика Акозинского поселения

грубо заглажена большей частью крупно-гребенчатым штампом. Около 2,5% керамики с примесью в тесте песка покрыто «текстильными» отпечатками.

Среди керамики с минеральными примесями преобладающими являются сосуды баночной формы, имеющие днище с закраинами (68%). Они обычно имеют прямой срез края горла, зачастую орнаментированный короткими отрезками зубчатого штампа или нарезными линиями. Округлые и приостренные края венчика встречаются реже. Преобладают банки с открытым либо закрытым горлом, реже встречаются прямостенные экземпляры, которые обычно имеют более крупные размеры, диаметр горла от 20 до 40 см.

Около 30% сосудов имеют горшковидную форму, с хорошо профилированным горлом, обычно имеющим цилиндрическое горло, переходящее в выпуклое тулово. Их размеры довольно крупные (диаметр горла 16–40 см, высота 15–46 см). Края венчиков, как правило, имеют прямой срез, иногда орнаментированный.

Реже горшковидные сосуды имеют венчик, плавно отогнутый наружу. Для них характерна лучшая заглаженность внешней поверхности, преобладание средних размеров (диаметр горла

11–30 см), округлые, приостренные или скошенные наружу края венчиков и наличие скошенных бортиков по краю венчика, иногда налепной валик по тулову. Подобные сосуды находят близкие аналоги в керамике луговского типа (Чижевский Лыганов, Кузьминых, 2019), однако эпизодически они встречаются и на ряде поздняковских поселений.

Самый малочисленный тип представлен сосудами остроребериой формы с ясно выраженным ребром по тулову. Среди них преобладают сосуды с закрытым горлом и ребром, находящимся на середине тулова. Кроме того, зафиксировано несколько миниатюрных чашечек и обломки от неглубоких тарелок с толстыми стенками.

Большинство сосудов с минеральными примесями (85%) орнаментировано. Узоры обычно располагаются только в верхней части тулова и по горлу. Встречено только несколько орнаментированных днищ. Основные элементы орнамента: клиновидные насечки, оттиски крупного зубчатого штампа, однорядные ямочные вдавления, ряды полушаровидных выпуклин «жемчужин», резные линии и оттиски мелкозубчатого штампа. Клиновидные насечки, ямочные вдавления и «жемчужины» обычно располагаются в 1 или 2 ряда по верхней части сосуда. Изредка клиновидные нарезки образуют узоры в виде зигзагов и елочек. Из оттисков короткого крупнозубчатого штампа выполнены узоры в виде зигзагов, елочек или заштрихованных ромбов и треугольников, нередко они сочетаются с однорядными выпуклинами под венчиком. Усложненные узоры из оттисков мелкозубчатого штампа или нарезных линий характерны в основном для остроребериых сосудов. Единичны узоры, выполненные оттисками шнура или полой трубочки.

Сосуды с примесью в тесте толченых раковин преимущественно имеют округлые или уплощенные днища. Поверхность большинства сосудов заглажена мелкозубчатым штампом, возможно, травой. Преобладают горшковидные сосуды с профилированным горлом цилиндрической формы (81,5%), значительно реже встречаются сосуды с отогнутым наружу венчиком (рис. 4: 8). Верх венчика плоский, иногда слегка расширенный в обе стороны. У некоторых сосудов край венчика скошен наружу или внутрь. Сосуды чашевидной формы (18,5%) имеют закрытое, прямое или открытое горло. Преобладающее большинство сосудов орнаментировано в своей верхней части оттисками крупнозубчатого штампа, резными линиями и клиновидными углублениями в сочетании с однорядными ямочными углублениями и «жемчужинами» (92%). Характерна выдержанная зональность, сочетание узоров, выполненных различной техникой, довольно густое заполнение орнаментального поля, преобладание узоров в виде многорядных линий зубчатого штампа, зигзагов, рядов «жемчужин», крупных ямок, клиновидных углублений и коротких горизонтальных оттисков зубчатого штампа. По горлу у нескольких крупных сосудов располагался узор в виде косой решетки и сложные узоры в виде меандров и стилизованных оленьих рогов. По наблюдениям А.Х. Халикова, в посуде с примесью раковины в значительно меньшей степени фиксируются признаки, присущие керамике срубной культуры, и в большей степени черты, характерные для поздняковской керамики Поочья (Халиков, 1960, с. 172).

К керамике Акозинского поселения по ряду параметров близка посуда поселения Саушкино, расположенного в Ядринском районе Чувашии, которая относится Т.Б. Поповой к развитому этапу и характеризует керамические традиции восточного варианта поздняковской культуры (Попова, 1985а, с. 174–177). В тесте керамики преобладают примеси дресвы и шамота грубого дробления, 90% сосудов заглажено крупным зубчатым штампом, щепой или пучком травы. Около 1% керамики покрыто текстильными отпечатками с ячейками крупных размеров. Днища плоские, уплощенные формы единичны. Формы сосудов баночные с прямыми и отогнутыми во внешнюю (реже) или во внутреннюю сторону (чаще) стенками; остроребериые – с ярко выраженным ребром и с ребром, плавно переходящим в округлую часть тулова; горшки округлых форм со слегка сужающимся горлом и отогнутым венчиком во внешнюю сторону; корчаги – крупные сосуды вытянутых пропорций с небольшим днищем. Большинство сосудов (92%) орнаментированы в верхней части. Узоры, нанесенные зубчатыми, нарезными, ямочными и кружковыми штампами, составляют горизонтальные полосы. Преобладают несложные мотивы: прямые или ломаные линии, елочки, сетчатые и заштрихованные треугольники, ямки и «жемчужины». Веревочные отпечатки отсутствуют. По частоте употребления на первом месте ямки, на втором – оттиски зубчатого штампа. Незначительное количество фрагментов украшено нарезными линиями, «жемчужинами» или кружковым орнаментом, единичны налепные валики (Попова, 1985а, рис, 9; табл. VIII).

А.А. Швецовой был произведен комплексный морфологический и технологический анализ поздняковской керамики ряда поволжских поселений. Было установлено, что для керамики поселения Новая Деревня преобладающими являются рецепты – илистая глина (ИГ) + шамот (Ш) + органика (ОР) (27%), ожелезненная глина (ОГ) + Ш + ОР (33%), Наумовка ОГ+Ш+ОР (63%), Безво-

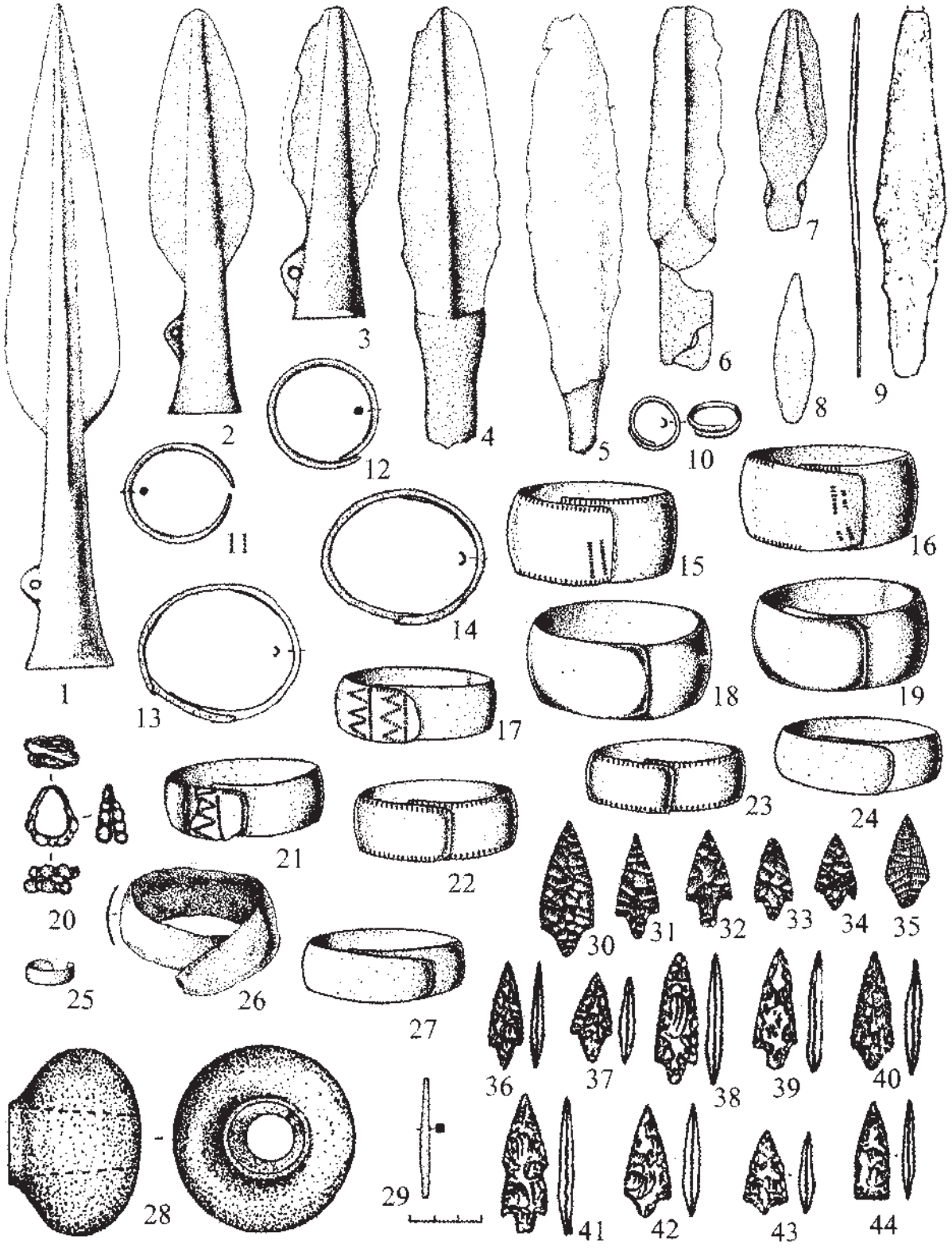


Рис. 5. Изделия из камня и металла поздняковской культуры

1, 5, 18, 19 – погр. 4, курган 1 Засеченский могильник; 2, 4 – погр. 1, курган 7 Засеченский могильник; 3, 6, 7 – погр.6, курган 4 Засеченский могильник; 8, 10, 25, 29, 35 – погр. 1, курган 3 Засеченский могильник; 11, 12, 22–24 – погр. 2, курган 2 Засеченский могильник; 13, 14, 26 – подъемный материал Засеченский могильник; 15, 16 – погр.5, курган3 Засеченский могильник; 17, 21 – погр. 4, курган 3 Засеченский могильник; 27, 28 – погр. 11, курган 3 Засеченский могильник; 30–34 – погр. 2, курган 7 Засеченский могильник; 9 – погр. 1, курган 22 Лебяжий Бор; 20 – погр. 1, курган 3 Лебяжий Бор; 36–40 – погр. 1, курган 25 Лебяжий Бор; 41–44 – погр. 1 курган 26 Лебяжий Бор (по: Челяпов, 1992)

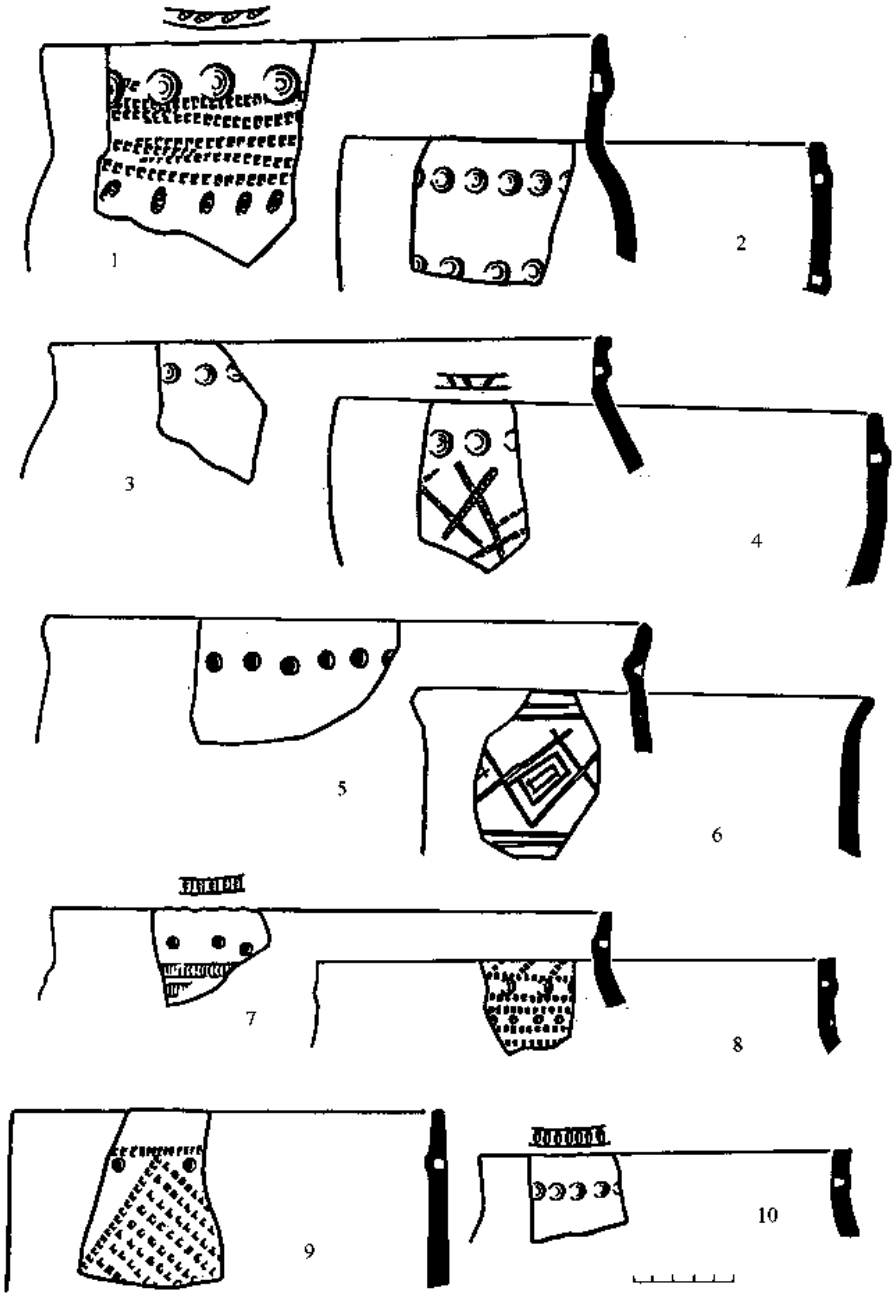


Рис. 6. Поздняковская керамика Шокшинского поселения

дное 1 – ОГ + дресва (Д) + ОР (56%) и ОГ+Ш+ОР (19%), Шава – ОГ+Д+ОР (80%). Причем органика представлена вытяжкой из навоза (Швецова, 2019, с. 81).

А.А. Швецовой также была описана форма и орнаментация поздняковской керамики поселений Безводное I и Шава (Швецова, 2015). Согласно её наблюдениям, на данных поселениях преобладают горшковидные сосуды (90%) с венчиками, профилированными в разной степени. Горшки с короткой шейкой и отогнутым наружу краем венчика (20%), горшки с высокой прямой шейкой и выпуклыми плечиками (21%), горшки с S-образным горлом (18%), слабопрофилированные горшки, отличающиеся высокой, практически прямой шейкой и отогнутым наружу краем венчика либо прямым венчиком (12%), горшки с волнообразной формой горловины (18%). Баночные сосуды (10%) имеют в разной степени прикрытую горловину. Чаши составляют всего 1%. Орнаментировано 93% сосудов. Преобладают ямчатые вдавления (83% всех сосудов), округлой формы (79%), овальной (7%), клиновидной (7%), подпрямоугольной (4%) и неправильной (12%). На 71% сосудов присутствует зубчатый штамп, на 16% – жемчужный, на 10% – гладкий и 3% –

нарезной. Преобладающими мотивами являются ряды вдавлений (84%) и скошенные влево и вправо линии (40% и 54%). Горизонтальная линия присутствует на 28% сосудов, вертикальная линия только на 8%. Линии выполнены оттисками зубчатого (около 90%) и гладкого штампов, отпечатками веревочки и нарезкой. «Жемчужинами» украшено 15% керамики. Основные орнаментальные образы – это зигзаг (47%) и «елочка» (29%), выполненные оттисками зубчатого штампа. Кроме того, зафиксированы треугольники, расположенные как вершинами вниз, так и вверх (10%), и ромбы (9%). Среди простых мотивов наиболее часто употреблялся ряд вдавлений округлой формы (43%), ряд скошенных влево и вправо оттисков зубчатого и гладкого штампов (57%), ряды чередующихся «жемчужин» и округлых вдавлений (10%). Ряды скошенных оттисков располагаются по краю венчика в сочетании с ямочными вдавлениями и «жемчужинами». Сложные мотивы (15%) состоят из отдельных зон в виде нескольких рядов треугольников, ромбов или зигзага, ограниченных сверху и снизу линиями либо рядами вдавлений (Швецова, 2015).

Керамические комплексы из могильников содержат одни и те же типы сосудов, что и на поселениях, но при этом погребальная керамика характеризуется большим разнообразием форм и размеров. В целом идентичны и орнаментальные мотивы, в основе которых лежит строгая зональность, однако сложные орнаментальные композиции на погребальной посуде используются чаще, как и сосуды более мелких размеров.

По наблюдениям Т.Б. Поповой, поздняковские керамические традиции развивались по пути уменьшения числа керамических форм и орнаментальных зон. Для раннего этапа характерно использование сложных узоров в виде полос меандра и свастики, «городков», а также большое количество остроребериых сосудов в сочетании с профилированными горшками. На развитом этапе из употребления постепенно выходят веревочные штампы, затем уменьшается доля зубчатых штампов. На позднем этапе происходит увеличение орнаментальных мотивов из ямок, исчезают плотные ряды «жемчужин», возрастает количество небрежно сформованной керамики. В это же время происходит увеличение доли «сетчатого» орнамента, широкое распространение которого связано с финалом существования поздняковских керамических традиций (Попова, 1985а, с. 179–181).

Изделия из камня на поздняковских памятниках представлены зернотерками, пестами разных форм и размеров. По наблюдениям В.П. Челяпова, для поздняковских поселений характерен ограниченный и невыразительный набор кремневых орудий, изготовленных на отщепах (Челяпов, Иванов, 1998). Более выразителен кремневый инвентарь, полученный из могильников. Это массивные скребки со сплошь ретушированной высокой спинкой так называемого «поздняковского» типа, ножи (серпы), обработанные заостряющей ретушью, наконечники стрел и дротиков треугольно-черешковой формы и треугольные с ровным или слабо вогнутым основанием (рис. 5: 30–44), булавы (рис. 5: 28) (Попова, 1970, рис. 35).

Изделия из металла представлены тремя категориями предметов: орудиями труда, оружием и украшениями. При характеристике поздняковских металлических изделий Т.Б. Поповой к ним были отнесены практически все находки, относящиеся к позднему бронзовому веку, обнаруженные в ареале данной культуры (Попова, 1985б), что не вполне корректно. К поздняковской культуре ею были отнесены материалы Младшего Волосовского могильника, которые имеют более позднюю хронологию (Кузьминых, Чижевский, 2006).

Оружие представлено бронзовыми наконечниками копий, три из которых найдены в Засеченском могильнике (рис. 5: 1–3) (Челяпов, 1992, с. 32). Два наконечника имеют ромбический стержень пера и треугольное боковое ушко на втулке, которая расширяется в виде раструба в нижней части. Ближайшие территориальные аналоги им известны в Сейминском могильнике и могильнике у с. Решное (Черных, Кузьминых, 1989, рис. 45: 1; Бадер, 1970, рис. 24). Известны подобные формы и среди наконечников срубной культуры (Тихонов, 1960). Третий наконечник имеет округлый стержень пера и боковое ушко. Подобные формы копий наиболее характерны для памятников срубной культуры (Черных, 1966, с. 55).

Наибольшую группу бронзовых орудий представляют обоюдоострые ножи с длинным плоским черешком, которые найдены в Малоокуловском (5 экз.), Борисоглебском (2 экз.), в Засеченском (3 экз.) могильниках и на поселениях Логинов хутор (1 экз.) и Саушкино (1 экз.) (рис. 5: 4–9). Ряд ножей имеют намеченное перекрестие. Они найдены в погребениях могильников Борисоглебск (1 экз.) Лебяжий Бор 6 (2 экз.), Березовый Рог (1 экз.), Засечье 1 (2 экз.). Один нож Борисоглебского могильника имеет бронзовую рукоять. Набор ножей подобной формы наиболее характерен для потаповских и покровских погребений Среднего Поволжья (Кузнецов, Семенова, 2000, рис. 9: 13, 16; 10: 12; Семенова, 2000, рис. 7). В материалах Потаповского могильника также находит аналогии лезвие бритвы листовидной формы из могильника Фефелов Бор (Кузнецов, Семенова, 2000, рис. 9: 3).

К единичным находкам на поздняковских памятниках относятся шилья, которые зафиксированы на могильниках Засечье I, Фефелов Бор и на поселении Логинов хутор (рис. 5: 29).

Среди бронзовых украшений наиболее многочисленны браслеты (рис. 5: 13–24, 26, 27). Выделяются три основных типа. Проволочные браслеты из круглого в сечении дрота. Найдены они в погребениях Засеченского могильника. Различаются по оформлению концов: 1) с сужающимися заходящими или незаходящими друг за друга концами (2 экз.), 2) с обрубленными концами (1 экз.).

Браслеты из узкой пластины желобчатого сечения найдены в могильниках Черная Гора (1 экз.), Фефелов Бор (1 экз.), Засечье I (5 экз.). В Борисоглебском могильнике зафиксированы желобчатые браслеты с витыми концами. Браслеты с витыми концами относятся к характерным украшениям андроновской культуры (Черных, 1970, рис. 61: 61). Два обломка браслетов с витыми концами обнаружены в могильнике Засечье 1, но их сечение не желобчатое, а граненое.

К третьему типу относятся широкие пластинчатые браслеты с заходящими концами. Эти браслеты не имеют аналогов в других культурах эпохи поздней бронзы, а в памятниках поздняковской культуры они составляют целую серию. Большинство их происходит из погребений Засеченского могильника (14 экз.), 2 экземпляра обнаружено в Битюковском могильнике и 2 – в Борисоглебском могильнике. Восемь браслетов Засеченского могильника орнаментированы насечками, два борисоглебских браслета – точечными вдавлениями. По мнению Т.Б. Поповой (1985б, с. 124), подобные формы браслетов характерны только для поздняковской культуры.

На ряде поздняковских памятников (Фефелов Бор, Малое Окулово, Борисоглебск) зафиксированы находки височных колец в один и полтора оборота, которые представлены как целыми экземплярами, так и их обломками (рис. 5: 10–12, 20, 25). Уникально кольцо из Борисоглебовского могильника, выполненное из золотой пластины, наложенной на бронзовую основу, украшенное насечками и восемью «шишечками».

Из других украшений следует отметить находки пластинчатых блях Борисоглебского могильника и поселения Саушкино, которые имеют круглую или овальную форму, с парными отверстиями по краям. Их поверхность украшена точечным узором, выполненным пуансоном и выпуклинами. По наблюдениям Т.Б. Поповой, аналоги подобным изделиям широко представлены в памятниках срубно-андроновской культурно-исторической общности Приуралья и Казахстана (Попова, 1985б, с. 124). К наиболее близким территориальным аналогам относятся бляхи могильника Спиридовка II (Семенова, 2000, рис. 13: 9, 10, 14–18). В Борисоглебском могильнике найдена круглая бляха меньшего размера, без «шишечек» на поверхности (Попова, 1985б, рис. 3: 10).

К единичным находкам относятся бочонкообразные бусы из Борисоглебского могильника и стержневая пронизка из Битюковского могильника (Попова,1985б, рис. 3: 14, 15).

С поздняковской культурой Т.Б. Попова связывает находку клада серпов с крючком для крепления к рукояти у с. Ваютино в Меленковском районе Владимирской области (Попова, 1985б, рис. 1, 13).

Кроме бус Борисоглебского могильника, выплавленных из сурьмы, все предметы, подвергнутые металлографическому анализу, изготовлены из сплавов на медной основе. Изделия делятся на четыре химические группы. Наиболее многочисленны волго-уральская и волго-камская группы. Ряд артефактов изготовлен из руды месторождений Еленовка и Уш-Кашта, четыре предмета отлиты из меди, полученной из медистых песчаников. При этом высоким процентом содержания олова в бронзе (от 10 до 25%) отличаются изделия Борисоглебского могильника и поселения Саушкино (Попова, 1985б, табл. 1), что характерно для легированных оловянистых бронз. Происхождение большей части металлических предметов поздняковской культуры, вероятно, связано со срубным металлообрабатывающим очагом на стадии его становления. Наиболее близкие аналоги поздняковские изделия находят в материалах памятников потаповского и покровского типов. Тем не менее поздняковцами были выработаны и собственные формы бронзовых изделий, к которым относятся пластинчатые браслеты. О местной металлообработке свидетельствуют находки обломка двусторонней литейной формы втульчатого копья с Подборновской стоянки, фрагмент литейной формы с Засеченского поселении, льячка и шлаки с поселения Логинов Хутор, а также шлаки с поселений Саушкино, Подборновское, Ибердусовское (Попова, 12985б, с. 130, рис. 1, 15).

По мнению Т.Б. Поповой, первые металлические предметы попали к поздняковцам в готовом виде в результате контакта со своими южными и юго-восточными соседями. Затем, по-видимому, начался импорт медных слитков, а учитывая находки на поселении медных шлаков, вероятно, и сырья, т. е. медной руды, из которой поздняковцы отливали металлический инвентарь, большая часть которого изготовлялась по привозным образцам, широко бытующим в эпоху поздней бронзы. Наряду с этим в технологию обработки вносился ряд изменений, которые выражались в

технике орнаментации и изготовления некоторых типов украшений, свойственных только поздняковцам (Попова, 1985б, с. 130–131).

Хронология. В начале 1990-х гг. для поздняковской культуры был получен ряд радиоуглеродных дат. На Старорязанской стоянке по прослойке торфа, перекрывающего слой с поздняковской посудой, получены даты 3230±30 (1562–1432 calBC) ЛЕ 1804, 3240±40 (1612–1436 calBC) ИГАН 580; на стоянке Подборная слои с поздняковской посудой датированы 3220±40 (1565–1418 calBC) ИГАН 531, 2960±50 (1315–1005 calBC) ИГАН 577, 3000±350 (2142–397 calBC) ИГАН 530; пол жилища № 4 поселения Гришинский исток 3 – 3490±70 (1978–1639 calBC) ГИН 6259, 3170±80 (1626–1257 calBC) ГИН 6529; погребение № 6 могильника Березовый рог – 3270±50 (1660–1437 calBC) ГИН 6228; уголь из основания 1-го кургана Засеченского могильника – 4050±120 (2899–2286 calBC) ИГАН 412 (Сулержицкий, Фоломеев, 1993, с. 45–53, табл. 1).

Без учета крайних значений дат Засеченского могильника и одного из слоев Подборновской стоянки, имеющих значительную погрешность, среднестатистический интервал бытования поздняковских древностей соответствует времени 1600–1250 calBC, что довольно значительно удревняет ранее принятые датировки, основанные на аналогах металлическим поздняковским изделиям в материалах других культур. Если исключить из общего анализа бронзовые кельты Старшего Волосовского могильника, имеющие иную культурную принадлежность (Кузьминых, Чижевский, 2006), то металлический инвентарь поздняковских памятников, так же как и набор кремневых наконечников стрел, наиболее близкие аналогии находит в покровской и ранних комплексах срубной культуры. По наблюдениям П.Ф. Кузнецова, радиоуглеродный интервал погребений покровской культуры, согласно графическому наложению калибровочных кривых, определяется временем 1900–1700 гг. calBC, а срубной – 1750–1550 calBC (Кузнецов, 2014, с. 583).

Следует также иметь в виду, что в настоящее время отсутствуют радиоуглеродные даты, относящиеся к раннему периоду существования поздняковских древностей. Нижняя хронологическая граница поздняковской культуры лимитируется радиоуглеродными датами Шагарского могильника 3660±50 (2147–1906 calBC) ГИН5453, 3650±50 (2143–1984 calBC), ГИН5454, 3760±40 (2293–2111 calBC) ГИН5455 (Каверзнева, Фоломеев, 1998, с. 16), материалы которого иллюстрируют процесс сложения предпоздняковского субстрата. Судя по этим датам, начальный период существования поздняковской культуры следует относить ко времени не позднее 1900 calBC.

В связи с уточнением хронологии поздняковских древностей возникла необходимость трехчленной периодизации культуры, разработанной О.Н. Бадером и Т.Б. Поповой (1987). В настоящее время в развитии поздняковской культуры можно выделить только два этапа. К первому этапу относятся памятники, в материалах которых срубное влияние выражено слабо либо отсутствует вовсе. К нему относится ряд поселений Среднего Поочья и ранние погребения грунтового могильника Фефелов Бор. Памятники второго этапа представлены более широко. Видимо, в это время происходит распространение поздняковских поселений на территорию Среднего и Верхнего Поволжья.

Происхождение. В настоящее время большинство исследователей связывают происхождение поздняковской культуры с миграциями ранних срубных племен, на основе которых, при участии местных допоздняковских (Попова, 1969), фатьяноидных (Гадзяцкая, 1992), шагарских (Каверзнева, 1994), примокшанских (Челяпов, 1993а) древностей, и происходит ее сложение. Однако погребальный обряд, характерный для ранних срубников в поздняковской культуре начинает проявляться только в захоронениях Борисоглебского могильника, погребения которого отличаются значительной глубиной и большими размерами могильных ям. Тогда как ранее (могильники Битюковский, Мало-Окуловский) умерших нередко хоронили на уровне дневной поверхности. Появление срубных признаков в погребальном обряде совпадает с резким уменьшением доли веревочного и увеличением прочерченного орнамента на посуде, появлением сосудов с четко выраженным, а не сглаженным, как ранее, ребром, с распространением ножей срубного типа, имеющих выраженное перекрестие, которого нет на ранних поздняковских ножах. Сравнительно поздно на поздняковских поселениях появляется и керамика срубного облика. Она отсутствует на ранних поселения Ибердус III, Малое Окулово, Алеканово, Лебяжий Бор VI и впервые фиксируется Т.Б. Поповой на Подборновском поселении, где подобная керамика даже по внешнему облику выделяется своей «грубостью», толстостенностью и зубчатым сглаживанием поверхности (Попова, 1985а, с. 145). Все это свидетельствует о существовании особого досрубного этапа в формировании поздняковских древностей.

Не имеет своих корней в срубных древностях и богатая поздняковская орнаментация, состоящая из отпечатков веревочки и «жемчужных» вдавлений. Причем происхождение данных элементов орнамента нельзя связывать и с другими воз-

можными компонентами, принявшими участие в складывании поздняковских древностей: примокшанскими, шагарскими и фатьяноидными племенами, поскольку «жемчужная» орнаментация на их керамике встречается крайне редко, а удельный вес веревочных отпечатков не составляет значительного процента (Каверзнева, 1994; Гадзяцкая, 1992; Ставицкий, 2006). Вместе с тем данные элементы орнамента весьма широко представлены на катакомбной керамике Верхнего Дона, где в последнее время был исследован ряд поселений (Ивашов, 1999). Для катакомбной керамики данной территории характерны высокогорлые, хорошо профилированные сосуды с высоким, иногда раструбным горлом, орнаментированные горизонтальными отпечатками веревочки, оттисками зубчатого штампа. При этом у большинства сосудов под венчиком располагаются ряды «жемчужных» и ямочных вдавлений.

Ряд близких аналогий верхнедонская катакомбная керамика находит в посуде поздняковского поселения Лебяжий Бор VI, расположенного в низовьях р. Мокши. При раскопках 1994 г. В.П. Челяповым была получена коллекция поздняковской керамики, насчитывающая 30 сосудов, выделенных по венчикам (Челяпов, Ставицкий, 1998а). Из 25 сосудов, частично восстанавливающихся по форме, только 3 представлены банками, остальные имели горшковидные очертания. Особенное внимание среди последних заслуживают сосуды с раструбным горлом, напоминающие формы катакомбных. В отличие от большинства поздняковских поселений, где доминирующим элементом орнамента выступают оттиски зубчатого штампа, здесь наряду с ними широко используются веревочные отпечатки, а вот удельный вес типично поздняковского «жемчужного» орнамента невелик. Крайне важно то, что на одном из сосудов веревочные отпечатки образуют типично катакомбный узор – обращенные вверх полуовалы, концентрические круги. Для катакомбной керамики характерен и узор из кружков, выполненный полой костью.

Вместе с тем орнаментация катакомбной керамики Верхнего Дона имеет и ряд важных отличий, главным из которых является широкое использования веревочной тесьмы и «елочного» орнамента, нанесенного оттисками зубчатого штампа, которые не характерны для поздняковской посуды. Однако достаточно редко тесьма используется на раннекатакомбной керамике терновского типа. Не зафиксирована тесьма на присурских поселения с катакомбной посудой (Ставицкий, 2001), нет ее на керамике примокшанского поселения Новый Усад IV, единичны находки с фрагментов с тесьмой и на других примокшанских памятниках (Ставицкий, 1992). Сложнее обстоит дело с елочной орнаментацией, которая широко распространена на всех указанных памятниках. По-видимому, следует вести речь не о прямом участии катакомбного населения в сложении поздняковских керамических традиций, а о наличии какого-то общего источника, из которого данными группами населения могла быть заимствована орнаментация из «жемчужных» вдавлений и веревочных отпечатков.

Еще одним вероятным участников процесса формирования поздняковской культуры могли быть носители среднеднепровской поселенческой керамики (Бондарь, 1974, рис. 9; 16: 18; 37), форма и орнаментация которой находят ряд близких параллелей в поздняковской посуде. По-видимому, носители среднеднепровской поселенческой керамики сыграли важную роль в формировании керамических традиций шагарской культуры, ставшей важной составной частью предпоздняковского субстрата.

Дальнейшая судьба поздняковских древностей связана с культурой «сетчатой» керамики. В большинстве поздняковских памятников доля этой керамики составляет не более 4–5% и только в Коренецком II могильнике доходит до 11%. Последнее, вероятно, связано с проникновением в северные районы бассейна Средней Оки носителей сетчатой керамики с территории Верхнего Поволжья. Резкое увеличение «сетчатой» керамики в памятниках Средней Оки начинается, по-видимому, в конце II тыс. до н. э., что приводит к прекращению существования здесь племен поздняковской культуры (Бадер, Попова, 1987, с. 135). Какая-то часть поздняковского населения, вероятно, была вытеснена на территорию Среднего и Верхнего Примокшанья, где приняла участие в формировании древностей аким-сергеевского типа. Восточные группы поздняковского населения, возможно, были поглощены носителями памятников луговского типа.

Ряд исследователей допускают возможность участия поздняковского населения в формировании бондарихинской культуры. Об этом, по их мнению, свидетельствует наличие некоторых поздняковских черт в бондарихинской керамике (Вихляев, 2000; Миронов, 1995). Однако в последнее время получила признание точка зрения о том, что указанные признаки были восприняты бондарихинским населением у носителей памятников аким-сергеевского типа (Ставицкий, 2010; Корохина, 2014; Буйнов,2016).

ГЛАВА 7

АНДРОНОИДНЫЕ КУЛЬТУРЫ ВОЛГО-КАМЬЯ (ЛУГОВСКАЯ И СУСКАНСКАЯ КУЛЬТУРЫ)

История изучения

Начало изучению памятников, которые на современном этапе исследования отнесены к луговской культуре, положено еще в XIX в. Эти исследования связаны прежде всего с именами Н.Ф. Высоцкого и А.А. Штукенберга, которые осматривали и проводили раскопки на первобытных памятниках в Приказанском Поволжье и в округе г. Болгара (Штукенберг, Высоцкий, 1885). Исследованные памятники были отнесены ими к древностям каменного века. В 1879 г. Н.Ф. Высоцким, А.А. Штукенбергом и П.И. Кротовым собран материал в округе с. Новомордово, где наряду с каменными орудиями присутствует и керамика луговской культуры в ее современном понимании (Штукенберг, Высоцкий, 1885, табл. IX). В 1881–1885 гг. Н.Ф. Высоцким проведены раскопки на Большом и Малом буграх вблизи деревни Малые Отары около г. Казань. На Малом Бугре исследовано поселение, а на Большом бугре открыт разрушенный могильник с тремя погребениями, в двух из которых сохранились костяки с сосудами луговской культуры. Было зафиксировано положение костяков на спине и головой на запад (Штукенберг, Высоцкий, 1885, с. 53, табл. XIII, XV).

В это же время разведочную деятельность вел профессор Казанского университета, геоморфолог П.И. Кротов, который открыл поселения эпохи бронзы на рр. Волге, Вятке, Мёше и Свияге (Кротов, 1879, с. 89–95; Износков, 1895, с. 226–227).

В Нижнем Прикамье в 90-х гг. XIX в разведку и раскопки проводил Ф.Д. Нефедов. В 1894 г. им было раскопано поселение бронзового века вблизи д. Пустобаево (Тихоново) (Нефедов, 1899, с. 58–59). Здесь помимо разнообразных каменных изделий было найдено бронзовое копье с широкими прорезями пера, характерное для древностей луговской культуры. Также были зафиксированы два погребения без инвентаря (Нефедов, 1899, с. 58–59, табл. 13: 28).

В целом же начиная со второй половины XIX в. изучение памятников позднего бронзового века в Волго-Камье сосредоточилось в руках коллекционеров, которые покупали интересные вещи, найденные возле деревень. Одна из самых больших коллекций собрана В.И. Заусайловым, часть предметов из которой была опубликована (Заусайлов, 1884, с. 1–6; Tallgren, 1916, p. 18–41; 1918; Кузьминых, 2012, с. 181). В этой коллекции содержатся и типичные металлические изделия луговской культуры, найденные в разных местах Казанской губернии (кельты и серпы дербеденевского типа, ножи и т. д.).

В первые десятилетия XX века происходит угасание полевых работ на памятниках эпохи бронзы в Волго-Камье (Худяков, 1923, с. 75; Чижевский, 2013, с. 52–54). Среди вышедших работ этого времени стоит отметить монографию Булычева, где впервые был опубликован Дербеденевский клад луговского времени (Булычев, 1902, с. 15, табл. V).

Серьезные работы на памятниках именно луговской культуры были возобновлены в конце 30-х гг. XX в и связаны прежде всего с именем А.В. Збруевой. В 1939, 1940, 1946–1948 гг. широкой площадью (1017 кв. м.) ей были раскопаны Луговские I и II стоянки. Сама А.В. Збруева, хотя и отмечала, что «памятники близ поселка Лугового принадлежат одной культуре и что ананьинские памятники генетически связаны с поселением луговского типа» (Збруева, 1960, с. 33), не выделяла луговскую культуру в археологическом понимании – с определенной территорией, керамикой, инвентарем, погребениями и т. д. Таким образом, разновременные и разнокультурные материалы Луговской I и II стоянок были объединены в единую культуру. Возможно, поэтому в дальнейшем, опираясь на материалы публикации, разные исследователи в разные годы материалы стоянок интерпретировали по-разному, но чаще всего относили к разным культурам (черкаскульской, межовской, алакульской, луговской, приказанской, сусканской, атабаевскому этапу маклашеевской культуры) (Сальников, 1967, с. 383–386; Халиков, 1969, с. 228, 269; Колев, 1991; Обыденнов, 1997, с. 64; Ашихмина, 2014; Чижевский, 2012).

В 50-х в Поволжье в связи с грядущим затоплением обширных территории Куйбышевским водохранилищем были проведены крупномасштабные работы на памятниках эпохи бронзы (Карташихинские I и II стоянки, Балымская (Отарская) стоянка с могильником, Сусанское I поселение и др.) (Калинин, Халиков, 1954, с. 11–34; Халиков,

1960, Халиков 1980; Мерперт, 1958, с. 45–156). Основная часть этих исследований легла в разработанную А.Х. Халиковым концепцию о приказанской культуры с четырьмя этапами: займищенским, балымско-карташихинским, атабаевским и маклашеевским. Была отмечена непрерывность развития культуры с финала энеолита до раннего железного века с незначительным влиянием срубной и андроновской культур (Халиков, 1980). Памятники с керамикой типа Луговской I стоянки А.Х. Халиков отнес к балымско-карташихинскому этапу и датировал в пределах XIV–XIII вв. до н. э. (Халиков, 1980).

Точка зрения А.В. Збруевой о выделении особой культуры типа Луговских стоянок была поддержана А.П. Смирновым во введении к публикации этих материалов (Смирнов, 1960, с. 6). Он отметил, что материал Луговского поселения отличается от приказанских стоянок, раскопанных Н.Ф. Калининым и А.Х. Халиковым в Приказанском Поволжье, и свидетельствует о существовании к востоку от р. Вятки особой культуры с другими чертами и наличием материала, подчеркивающего влияние андроновской культуры, а также черт, свойственных стоянкам Западной Сибири этого времени (Смирнов, 1960, с. 6). С приказанской культурой луговские стоянки сближает только традиция домостроительства жилищ «многокомнатного типа» (Смирнов, 1960, с. 6).

К.В. Сальников, заметил, что на фрагментах собственно андроновской керамики из Луговской I стоянки переплетаются элементы федоровского и черкаскульского орнамента (Сальников, 1967, с. 371). Основную часть керамики, ту, которую А.В. Збруева отнесла к особому, оригинальному культурному комплексу, К.В. Сальников определил как близкую посуде межовского этапа черкаскульской культуры, которая в свою очередь имеет общий с сузгунской посудой орнамент в виде пояска глубоких ямок (Сальников, 1967, с. 371). Основной керамический комплекс Луговской II стоянки К.В. Сальников считал более поздним (Сальников, 1967, с. 378).

На IV Уральском археологическом совещании в 1967 г. В.П. Денисов предлагал выделить в бассейне Вятки и низовьях Камы луговскую культуру. В отношении же приказанской культуры он склонялся к точке зрения О.Н. Бадера – не распространять термин «приказанская культура» на все Прикамье, а считать ее территорией Казанское Поволжье и прилегающую к нему часть района Нижней Камы (Денисов, 1967, с. 30). В.Ф. Генинг отмечал материалы Луговской I стоянки как смешанные срубно-андроновские, при этом вслед за А.В. Збруевой выделяя луговскую культуру, которая наряду с культурами курмантау, ерзовской и позднеприказанской представляет собой локальный вариант единой общности (Генинг, Совцова, 1967, с. 58).

Однако концепция А.Х. Халикова о приказанской культуре с распространением ее территории на балымско-карташихинском этапе на территории Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья получила свое дальнейшее развитие (Халиков, 1969, 1980), и к термину «луговская культура» исследователи не прибегали до 80-х гг. XX в.

Во второй половине XX в. значительно увеличился круг исследованных памятников луговской культуры, преимущественно на территории Прикамья. Раскопки проведены на Кумысской стоянке, Деуковском поселении, Уразаевских I и II стоянках, Зуево-Ключевской стоянке, Подгорно-Байларской, Дубовогривской II и др. (Генинг, Старостин, 1972; Старостин, Багаутдинов, 1981; Чижевский и др., 2012; Ашихмина, 2014; Лыганов, 2020). Исследован и ряд крупных могильников: Такталачук, Маклашеевские курганы на взвозе, Деуковский I могильник, Соколовский IV могильник, Мурзихинский II могильник, Подгорно-Байларский курган (Казаков, 1978а, 1978б, 1992; Марков, Чижевский, 2003; Лыганов, 2020; Лыганов, Чижевский, 2021). Исследователи многих из этих памятников отмечали керамику, близкую черкаскульской и межовской культурам.

В дальнейшем в 80-х гг. XX в. и вышедшей много позже монографии Л.И. Ашихмина очертила круг памятников луговской культуры в Нижнем Прикамье, включив в нее Луговские стоянки I–IV, при этом отметив только лишь то, что Луговская II стоянка по времени несколько позже Луговской I стоянки (Ашихмина, 2014, с. 29–31). В выделенную Л.И. Ашихминой луговскую культуру была включена разнообразная керамика, характерная как для первой, так и второй Луговской стоянок. Видимо, в связи с этим разнообразием форм и орнаментов на керамике впервые у Л.И. Ашихминой появляется термин «посуда постлуговского типа» для части комплексов из Икских I, III и Дубовогривской II стоянок, куда были включены и характерные горшечные атабаевские комплексы Луговской II стоянки (Ашихмина, 2014, рис. 15, 16, 30, 34). Из-за того, что в луговскую культуру были включены более поздние комплексы Луговской II и Икских стоянок, соответствующие атабаевскому этапу маклашеевской культуры, датировка луговской культуры по Л.И. Ашихминой укладывается в XIV–XIII вв. до н. э. (Ашихмина, 2014).

М.Ф. Обыденнов включил материалы Луговских стоянок вслед за А.В. Збруевой и Л.И. Ашихминой в особую луговскую культуру (Обыденнов, 1992). В луговскую культуру были включены стоянки северной части Нижнего Прикамья и Ик-

ско-Бельского междуречья, при этом отмечена схожесть луговских, приказанских и межовских комплексов на Нижней Каме и трудность их соотнесения с той или иной культурой (Обыденнов, 1997, с. 6). Луговская культура, по М.Ф. Обыденнову, оказала влияние на формирование межовской культуры в Прикамье (Обыденнов, 1992, с. 13). В более поздних работах М.Ф. Обыденнов также придерживается концепции об особой луговской культуре с эпонимным Луговским поселением, включая сюда все Луговские стоянки (Обыденнов, 1997, с. 64, 2006, с. 140). Им же было отмечено, что луговская культура, как и материалы Луговских I и II стоянок, явно разбивается на два хронологических этапа. Ранний этап характеризуется влиянием трех культурных компонентов – срубного, черкаскульского и федоровско-бишкульского. На втором этапе луговской культуры прослеживается влияние межовской культуры, население которой проникает с западных склонов Урала в Нижнее Прикамье и в Бельский район. Нижняя Белая и прилегающие районы Нижнего Прикамья являлись в позднелуговское время зоной смешения луговских и межовских культурных традиций (Обыденнов, 2006, с. 143).

Ю.И. Колев при выделении сусканского типа памятников в Самарском Поволжье включил в него материалы Луговской I стоянки (Колев, 1991, с. 163–165), а Луговскую II стоянку с позднелуговской и атабаевской керамикой отнес к выделенной А.В. Збруевой и Л.И. Ашихминой луговской культуре. К сусканскому типу памятников были отнесены и памятники Нижнего Прикамья и Икско-Бельского междуречья (Колев, 1991, с. 170, 171). По сути, в связи с неразработанностью проблемы луговской культуры и затянувшегося спора вокруг приказанской культуры произошло повторное открытие памятников с андроноидной керамикой уже самарскими исследователями.

Схожесть комплексов Сусканского поселения и Луговской I стоянки натолкнула ряд исследователей в начале XXI в. на вывод о существовании единой сусканско-луговской культуры, куда были включены памятники лесного и лесостепного Волго-Камья (Казаков, Рафикова, 1999; Чижевский и др., 2012). Несколько позднее все же было решено вернуться к отдельным терминам – сусканская и луговская культура. Эти культуры фактически представляют собой единое образование с небольшими отличиями в керамическом материале.

На сегодняшний день в ряде работ в луговской культуре выделяются позднелуговские поселения и могильники. Позднелуговские памятники характеризуются появлением валиковой керамики при сохранении андроноидной орнаментальной традиции (Ашихмина, 2014). При этом отмечается схожесть валиковых позднелуговских и межовских комплексов (Лыганов и др., 2019).

Прирост памятников луговской культуры в XXI в. осуществляется и за счет включения в нее поселений, расположенных на Средней Каме и Вятке (Митряков, 2011а; 2011б; 2013; 2015; Митряков и др., 2010). В последние годы появились сведения об однослойных луговских поселенческих памятниках в Прикамье и устье р. Свияги (Лыганов, 2020).

Генезис культур. Происхождение луговской и сусканской культур связано с кругом автохтонных культур Волго-Камья и Приуралья, которые со второй четверти II тысячелетия испытали сильнейшее культурное воздействие культур андроновского мира (в первую очередь федоровской культуры). Это воздействие фиксируется прежде всего в керамике, ее орнаментации и отчасти форме. Также характерны для культур андроновского мира некоторые типы металлических изделий (украшения, ножи, кельты с пещеркой). При этом часть орудий (серпы и одноушковые кельты дербеденевского типа) связаны с местным дербеденевским очагом металлобработки.

Луговская и сусканская культуры.

Наибольшую близость керамика луговской культуры проявляет с керамикой выделенной Ю.И. Колевым сусканской культуры (Колев, 1991, 1999, 2000). Судя по металлическим изделиям, относящимся к дербеденевскому очагу маталлообработки, калиброванным радиоуглеродным датам (XVII–XV вв. до н. э.), это одновременные культурные образования (Лыганов, 2018). В литературе какое-то время существовал термин сусканско-луговская культура (Чижевский и др., 2012).

Разница между луговской и сусканской культурой заключается в наличии некоторых отличий в орнаментации керамики этих культур. Так, на луговской керамике в небольшом количестве присутствуют ямки на тулове сосудов, а на поселениях выявлена керамика, близкая к традициям черкаскульской культуры. В Среднем Прикамье, в лесной и подтаежной зоне, такие отличия керамических комплексов луговской культуры и сусканских усиливаются (Митряков, 2011а; 2011б; 2013, рис. 8–13; 2015, рис. 3; Митряков и др., 2010, рис. 2, 3). Территориально эти культуры расположены в разных природно-климатических зонах. Сусканская культура – это южная лесостепь, ранее широко освоенная носителями срубной культуры, луговская – северная лесостепь и подтаежная зона. На территории лесостепного Поволжья сусканская культура сменяется немногочисленными памятниками воротничкового типа атабаевско-межовского облика (Колев, 2000). На большей же территории в это время появляются

памятники ивановской (хвалынской) валиковой культуры (Колев, 2000). Иную картину мы можем наблюдать на территории северной лесостепи и лесной зоны. Здесь на всей территории памятники луговской культуры сменяются однообразными в культурном плане памятниками атабаевского этапа маклашеевской культуры. Очень хорошо эту смену можно проследить на раскопанных большой площадью памятниках (Луговские стоянки, Дубовогривская II стоянка), где андроноидная луговская и валиковая керамика планиграфически расположены на разных частях поселений.

Влияние черкаскульской и федоровской культуры.

В литературе достаточно часто памятники, относящиеся к луговской культуре, называют черкаскульскими (Казаков, 1978; 2001, с. 62–63). Первоначально выделенная К.В. Сальниковым черкаскульская культура делилась на несколько этапов. В дальнейшем черкаскульский и межовский этап получили статус самостоятельных культур. Для черкаскульской керамики характерны ряды широких желобков-каннелюр, резные зигзаги, пояски из насечек, заштрихованные фестоны, резные меандры почти всегда с поперечной штриховкой. В отличие от федоровской, для черкаскульской культуры нехарактерны косые треугольники. Для черкаскульской керамики, в отличие от федоровской, характерен резной орнамент, поперечная штриховка полос меандра и некоторые другие элементы и мотивы орнамента (Сальников, 1967, с. 356–358). Все эти особенности классической черкаскульской керамики прослежены на одной из групп керамики Луговской I стоянки. Отличает черкаскульский комплекс стоянки наличие косых треугольников вершинами вверх, которые более характерны для федоровской культуры. Однако для основного керамического комплекса Луговской I стоянки нехарактерны черкаскульские орнаментальные мотивы. Вместе с тем присутствуют обедненные андроновские (федоровские) мотивы, косоугольные треугольники, горизонтальная елочка, заштрихованные ромбы. Вероятно, правы те исследователи, которые связывают происхождение сусканских и луговских памятников именно с федоровской культурой. Кроме этого, на сусканских и луговских памятниках обычно нахождение небольшого процента именно федоровской керамики (Колев, 1999 рис. 8; 2000, рис. 7–11). Исключение составляют самые северные памятники, находящиеся в подтаежной и таежной зоне в Среднем и на севере Нижнего Прикамья. Здесь зафиксировано все же преобладание черкаскульской керамики над федоровской. Это неудивительно, потому что изначально происхождение черкаскульской культуры отчасти связывали с лесным населением Зауралья (Сальников, 1967). Кроме уже упомянутой Луговской I стоянки, это такие поселения, как Симониха и Партизанское II в Среднем Прикамье. Среди численно преобладающего комплекса луговской керамики на этих поселениях можно выявить керамику с явными черкаскульскими чертами – рядами широких желобков-каннелюр, меандрами (Митряков, 2013, рис. 8–10; 2015, рис. 3: 1, 3). Таким образом, в Прикамье велико было влияние черкаскульской культуры.

Интересным является и взаимоотношение поселенческой и погребальной керамики луговской культуры. В отличие от федоровской и черкаскульской культур здесь нет такого резкого деления на погребальную (нарядную) и поселенческую (с простыми орнаментальными мотивами) посуду (Матвеев, 2007, с. 23). Погребальная керамика луговской культуры из могильников (Балымские и Малоотарские погребения, Мурзихинский II могильник, Коминтерновские курганы, Соколовский IV могильник, Маклашеевские курганы на взвозе, Деуковский могильник, Такталачук) формой, орнаментом, примесями в тесте повторяет поселенческую (Штукенберг, Высоцкий, 1885, табл. XV; Калинин, Халиков, 1954, с. 206–212; Халиков, 1980, табл. 9; Казаков, 1978; Казаков, 1992; Марков, Чижевский, 2003; Чижевский и др., 2011; Лыганов, 2017; Лыганов, Чижевский, 2021). Здесь, так же как и на поселенческой керамике, в орнаменте преобладают ряды простых горизонтальных линий, заштрихованные треугольники вершинами вниз, горизонтальная елочка, отдельные вдавления, чередование вертикальных и горизонтальных линий и т. д. Поэтому нельзя говорить о том, что керамика луговской культуры в Прикамье и Среднем Поволжье – это «упрощенная» поселенческая керамика черкаскульской или федоровской культуры. При этом, судя по погребальной обрядности, можно проследить влияние черкаскульской на луговскую культуру. Это преобладание трупоположений скорчено на правом боку, головой на восток и юго-восток при небольшом проценте трупосожжений и разнообразных огненных ритуалов в могильниках.

В вопросах взаимодействия черкаскульской, федоровской и луговской культур особняком стоит могильник Такталачук, расположенный на высокой террасе на левом берегу р. Белой в Республике Татарстан. Погребения могильника относились исследователями к черкаскульско-абашевскому времени и срубной культуре (Казаков, 1978, с. 104), луговской культуре (Ашихмина, 2014, с. 38–39), сусканской культуре (Колев, 1991, рис. 1), черкаскульской культуре (Обыденнов, Шорин, 2005, с. 52–54) и др. Вероятнее всего, мо-

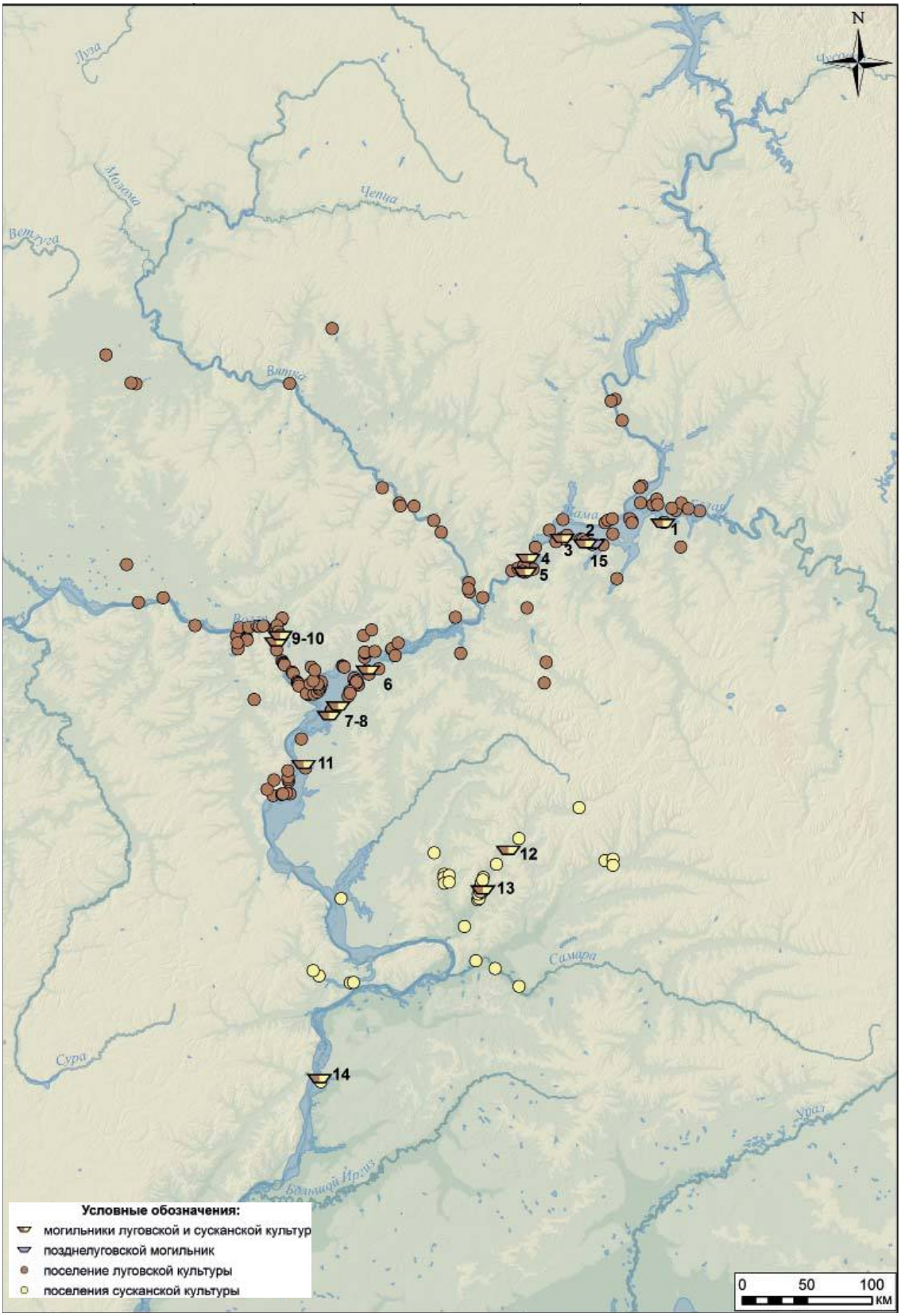


Рис. 1. Памятники луговской и сусканской культур

1 – могильник Такталачук, 2 – Деуковский I могильник, 3 – Кырнышский II могильник, 4 – Тихоновский (Пустобаевский) могильник, 5 – Коллективное погребение-кремация в жилище 1 Луговской I стоянки, 6 – Мурзихинский II могильник, 7 – Коминтерновские курганы, 8 – Соколовский IV могильник, 9 – погребения на Большеотарской (Балымской) стоянке, 10 – Малоотарский могильник, 11 – Маклашеевские курганы на взвозе, 12 – курган 1 курганного могильника Студенцы, 13 – погребение на поселении Лебяжинка V, 14 – грунтовый могильник Екатериновка

гильник неоднороден как культурно, так и хронологически. Тут, несомненно, присутствуют срубные погребения, которые располагаются в северной части могильника (погр. 303, 304, 316–318). Погребения, близкие к абашевскому времени, с оттисками разряженной гребенки, колоколовидной формой сосудов, с характерными престижными металлическими изделиями (погр. 193, 247, 268, 298, 300–302, 322, 323) расположены в центральной части могильника. И наконец, погребения федоровского, черкаскульского и луговского облика расположены по южной периферии могильника, которую удалось выявить раскопами I–IX. Керамика этих погребений во многом схожа, вся она с обильной примесью раковины, схожими орнаментальными мотивами. При этом с трудом угадываются культурно диагностирующие признаки для каждой из культур. Так, на черкаскульской керамике из Такталачука нет таких характерных мотивов орнамента, как ряды широких желобков-каннелюр. Сам исследователь, Е.П. Казаков, отмечал своеобразие черкаскульской посуды из Такталачука. Им же отмечено, что, вероятно, это поздний этап развития черкаскульской культуры, с тем только отличием, что на посуде из Такталачука не выявлены воротнички и валики, характерные для позднего межовского этапа (Казаков, 1978, с. 104–105). Для посуды из некоторых погребений характерен федоровский орнамент – косоугольные треугольники и меандры, нанесенные оттисками гребенчатого штампа – и форма – сосуд с подквадратным устьем (погр. 190, 170). Погребения № 219, 222, 260, правобочные с ориентировкой костяков на восток и юго-восток, с керамикой характерных форм и орнаментов, с обильной примесью раковины в тесте сосудов, относятся, вероятно, к луговской культуре. При всем при этом большинство погребений могильника Такталачук сочетает в себе признаки нескольких культур – черкаскульской, федоровской, луговской, срубной. Так, неорнаментированные банки срубного облика, но только с обильной примесью раковины и органики в тесте, с костяками, ориентированными на восток, северо-восток, выявлены в погр. 227 324, 331, 332, 335. Видимо, могильник Такталачук является своеобразным памятником, характеризующим смешение различных групп населения в контактной территории.

Влияние других андроноидных культур Зауралья.

Черкаскульской и федоровской культурами не исчерпывается круг аналогий носителей луговской материальной культуры. Однако другие, так называемые андроноидные, культуры Зауралья имеют меньшее сходство с луговскими древностями. Прежде всего, можно было бы говорить о сходстве с древностями пахомовской культуры. Однако, судя по орнаменту на сосудах с поясками ямок, глубоких каплевидных вдавлений, наличию зольников на окраинах поселений, вытянутых на спине погребений, группе металлического инвентаря (Ткачев Ал. Ал., Ткачев А.А., 2009, рис. 3; Корочкова и др., 1991, с. 81–85; Корочкова, 2011, с. 16–18), пахомовская культура все же ближе по времени межовской, позднелуговскому этапу луговской и атабаевскому этапу маклашеевской культуры. Другие еще более восточные андроноидные культуры – сузгунская, еловская и т. д. – тоже ближе материалу Луговской II стоянки (Корочкова и др., 1991, с. 81–85).

Очень интересна выявленная схожесть керамических комплексов и построек сусканско-луговской группы памятников и тазабагъябской культуры Южного Приаралья. Здесь наряду с андроновскими (алакульскими) горшками можно выделить горшки собственно тазабагъябские с упрощенными орнаментальными мотивами, схожими с сусканско-луговскими. Некоторые горшки имеют характерный для сусканско-луговских керамических комплексов отогнутый наружу край венчика (Итина, 1977, рис. 33–40). При определении тазабагъябской керамики исследователи говорят о присутствии в ней черт срубной и андроновской культур. Таким же образом исследователи зачастую характеризуют и сусканско-луговские комплексы. Обращают на себя внимание выходы-тамбуры с расширением в напольной части, выявленные на сусканских поселениях Нижняя Орлянка II и Русская Селитьба II (Колев, и др., 1995, рис. 2). Сходство построек в Русской Селитьбе II и Нижней Орлянке II определяется, кроме прочего, наличием овального расширения с внешней стороны тамбура. Нельзя не обратить внимание на некоторое сходство этих тамбуров с айванами тазабагъябских построек (Итина, 1977, рис. 8–12, 30, 31). Кроме этого, наличие сосудов-кубков на Луговских стоянках, специального очага «крематория» в полуземлянке I и находки зерен проса на некоторых памятниках сусканской и луговской культур – все это находит некоторые аналогии в древностях юга Средней Азии (Итина, 1977; Аванесова, 2013).

На наш взгляд, все эти сходства столь удаленных друг от друга культур являются эпохальными и ни в коей мере не свидетельствуют о крупных миграциях различных групп населения.

Межовская культура и позднелуговской этап луговской культуры.

Еще сложнее дело обстоит с выявлением связей разновременных луговской и межовской культур. Первоначально выделенная как второй этап черкаскульской культуры межовская культура

характеризовалась следующими признаками: для керамики межовской культуры характерны валики и воротнички, чаще всего сосуды украшены резным орнаментом, гораздо реже гладким штампом и оттисками гребенки, среди мотивов орнамента преобладают горизонтальная елочка, наклонные отрезки, горизонтальные резные линии, ромбическая сетка из перекрещивающихся линий, горизонтальный зигзаг, заштрихованные наклонные ленты, небольшие вдавления и др. (Сальников, 1967, с. 359–364; Обыденнов, 1998, с. 23–24).

Существование межовской культуры в Зауралье на сегодняшний день подвергается переосмыслению. Для межовской культуры в Зауралье нет однослойных поселений и нет погребений (Корочкова, 2011, с. 19). Чаще всего в Зауралье поселенческая керамика черкаскульской и межовской культур залегает в едином стратиграфически нерасчлененном слое.

В Прикамье керамику, близкую к межовской, исследователи связывают с позднелуговским этапом луговской культуры (Ашихмина, 2014; Лыганов и др., 2019). Схожесть керамики этих культур (межовской и позднелуговской) объясняется едиными культурными процессами, происходящими в Северной Евразии в связи с распадом единства андроноидных культур. В степной и лесостепной зоне это время характеризуется появлением керамики горшечных форм с рельефными валиками и воротничками по тулову и венчикам сосудов (Черных, 1983).

В отличие от Зауралья, в Приуралье и Прикамье есть погребения и погребальные комплексы межовской культуры и позднелуговского этапа луговской культуры. Это Красногорские курганы в Приуралье и Подгорно-Байларский курган в Прикамье (Казаков, 1978; Горбунов, Обыденнов, 1980). На Прикамских поселениях позднелуговская керамика планиграфически зачастую залегает отдельно от луговской и черкаскульско-федоровской. Таким образом, на поселенческом материале удается вычленить керамические комплексы позднелуговского времени. Интересно соотношение позднелуговской керамики и керамики атабаевского этапа маклашеевской культуры на Луговской II стоянке, где они залегают в одном слое. Но при этом межовская керамика концентрируется все же вне территории сооружений и не образует развалов, а атабаевская в виде крупных развалов находится в самом низу построек. Таким образом, создается общее впечатление о более раннем возрасте позднелуговской керамики, чем атабаевской. Это ярко иллюстрируют и орнаментальные мотивы позднелуговской керамики, которые являются, с одной стороны, продолжением развития луговских мотивов, с другой – несут на себе черты нового валикового времени и схожи с атабаевской керамикой.

Влияние срубной КИО.

Не столь ясна роль срубной общности в формировании луговской и сусканской культур. Зачастую в литературе можно услышать мнение о схожести сусканской и луговской керамики с керамикой срубной общности. При этом, характеризуя сусканскую и луговскую керамику, исследователи ее часто описывают как симбиоз срубно-андроновских традиций (Збруева, 1960). Однако памятники луговской культуры и северной периферии срубной общности в основном находятся на разных территориях.

Не зафиксированы симбиозные закрытые комплексы (погребения) сусканской, луговской и срубной культур. Обряд погребения разный: у носителей срубной общности на левом боку с ориентировкой преимущественно на север и северо-запад, а у носителей сусканской и луговской культур преимущественно на правом боку с ориентировкой преимущественно на восток и юго-восток. Металлические изделия срубной общности и луговской культуры относятся к разным хронологическим группам металлических изделий позднего бронзового века (Бочкарев, 2017). Судя по радиоуглеродным датам, памятники срубной общности в целом предшествуют луговским.

Однако на позднем этапе развития срубной общности и раннем этапе луговской культуры, несомненно, носители данных культурных образований сосуществовали. Об этом свидетельствует то, что на ряде поселений Прикамья и Поволжья срубная и луговская керамика залегает в едином слое. Луговские погребения выявлены на отдельной территории на срубных могильниках (Такталачук, Соколовский IV могильник) и поселениях (Деуковское поселение и могильник). Отдельные насыпи сусканской культуры выявлены в составе курганных могильников срубной культуры (Колев, 2000, с. 250). Видимо, под воздействием носителей срубной культуры на памятниках луговской культуры появляются нехарактерные для андроноидных древностей небольшие баночные сосуды, при этом с примесью раковины и со скошенным внутрь срезом венчика.

Влияние поздняковской культуры.

Стоит также отметить взаимодействие луговской и поздняковской культур в Приказанском Поволжье и Приустьевом Закамье. Посуда, характерная как для луговских, так и поздняковских древностей, встречается в закрытых комплексах (погребениях) на Коминтерновских курганах, Соколовском IV могильнике (Лыганов, 2020в). На посуде поселений Приказанского Поволжья присутствуют мотивы обеих культур при несомнен-

ном преобладании традиций луговской культуры. Возможно, в дальнейшем на этой территории стоит выделить локальный (балымско-карташихинский) вариант луговской культуры, который характеризуется симбиозом луговских и поздняковских традиций.

Область расселения. Территории луговской культуры связаны прежде всего с р. Камой среднего и нижнего течения и ее притоков. Ряд памятников расположен по р. Волге в ее течении от устья р. Ветлуги на севере до устья р. Утки на юге. При этом концентрация луговских памятников в бассейне р. Волги находится в Приказанском Поволжье. Отдельные поселенческие памятники и находки керамики встречаются на р. Свияге. Памятники сусканской культуры находятся преимущественно в Самарском Поволжье в бассейне р. Волги и ее притоков рр. Кондурча, Сок, Черемшан, Большой Кинель.

С точки зрения ландшафтного зонирования эти территории входят в следующие зоны. В Среднем Прикамье, по бассейну р. Вятки носители луговской культуры обитали в широколиственной лесной и подтаежной ландшафтных подзонах, не заходя в подзону южной тайги. В правобережье Нижнего Прикамья эти территории расположены в подзоне широколиственных лесов, постепенно переходящих далее, в Приказанском Поволжье и в Закамье, в лесостепную ландшафтную подзону. Носители сусканской культуры обитали в лесостепной ландшафтной подзоне, отдельные памятники расположены и южнее – в северной части степной зоны (Мильков, 1953; Исаченко, 1985; Исаченко, Шляпников, 1989; Ермолаев и др., 2007; Дедков, 2008, с. 401–406, рис. 141; Колев, 2000, с. 244).

Поселения (рис. 2).

В настоящее время насчитывается около 180 поселений, которые можно отнести к луговской культуре (Халиков, 1980, с. 9). Для сусканской культуры известно свыше 30 поселений. Практически все поселения как луговской, так и сусканской культуры являются многослойными с напластованиями других культур эпохи бронзы (срубной, маклашеевской культур). Все поселения являются неукрепленными селищами, городища отсутствуют. Подавляющее большинство поселений расположено на первой и второй нерасчлененных невысоких надпойменных террасах, на берегу проток и старичных озер. Известны данные о 16 поселениях, зафиксированных на надпойменных дюнах (Чижевский, 2007, с. 96). Неизвестны поселения луговской и сусканской культур на высоких мысах коренного берега. Площадь поселений колеблется от 1000 кв. м до 10000–20000 кв. м (на наиболее крупных многослойных поселениях). Однако в основном это поселки площадью 3000–3500 кв. м (Халиков, 1980, с. 9).

Мощность культурного слоя поселений также значительно варьируется. В основном она составляет до 1 м глубины. На хорошо исследованных Луговской I стоянке, Карташихинском I и Балымском поселениях отмечено по 4–6 жилищ, соединенных друг с другом переходами. Отмечено также расположение жилищ в несколько параллельных рядов (Халиков, 1980, с. 9). В целом жилая застройка плотная, жилища располагались близко друг к другу.

На луговских поселениях известно свыше 90 впадин. Свыше 20 из них были исследованы раскопками. По глубине выделяется два типа построек: с незначительно заглубленным полом (37,5%) и полуземлянки (62,5%) (Чижевский, 2007, табл. 2). Более трети сооружений луговской культуры были соединены углубленными переходами. Следует отметить, что традиция соединять дома углубленными в землю переходами характерна для населения лесной зоны Волго-Камья начиная с эпохи энеолита и получила свое дальнейшее развитие в эпоху бронзы. Соединённые переходами постройки нехарактерны для сусканской культуры юга лесостепной зоны. Это еще одно различие схожих по основным своим показателям родственных культур.

Площадь построек колеблется от 18 кв. м (Луговская I стоянка, жил. III) до 150–180 кв. м (Балым, Карташиха I, Сусканское) (Халиков, 1980, с. 9) (рис. 2). Полуземлянки имеют четкую подпрямоугольную форму, вдоль стен фиксируются углистые полосы от сгоревших конструкций (бревен). В таких постройках почти не зафиксировано столбовых ямок (Луговская I стоянка). Постройки с незначительно углубленным полом, напротив, имеют более аморфные очертания, стенки не выражены. В таких жилищах присутствует большое количество столбовых ямок. Все это говорит о существовании различных типов перекрытия крыши: двускатного, наклонного односкатного и шатрового.

Очаги находились в 75% построек (Чижевский, 2007, с. 99). Они размещались как возле стенок, так и в средней части жилища. По мнению А.Х. Халикова, постройки без очагов выполняли функции загона для скота или иные подсобные помещения (Карташиха I) (Халиков, 1980, с. 9). На территории Мальцевской IV стоянки в Нижнем Прикамье также выявлено подобное сооружение, которое автором интерпретируется как летний загон для скота (Лыганов, 2020б).

Керамический комплекс на всей территории луговской и сусканской культуры достаточно однороден с небольшими отличиями, уже отмеченными выше (рис. 3–6). Относительная тонко-

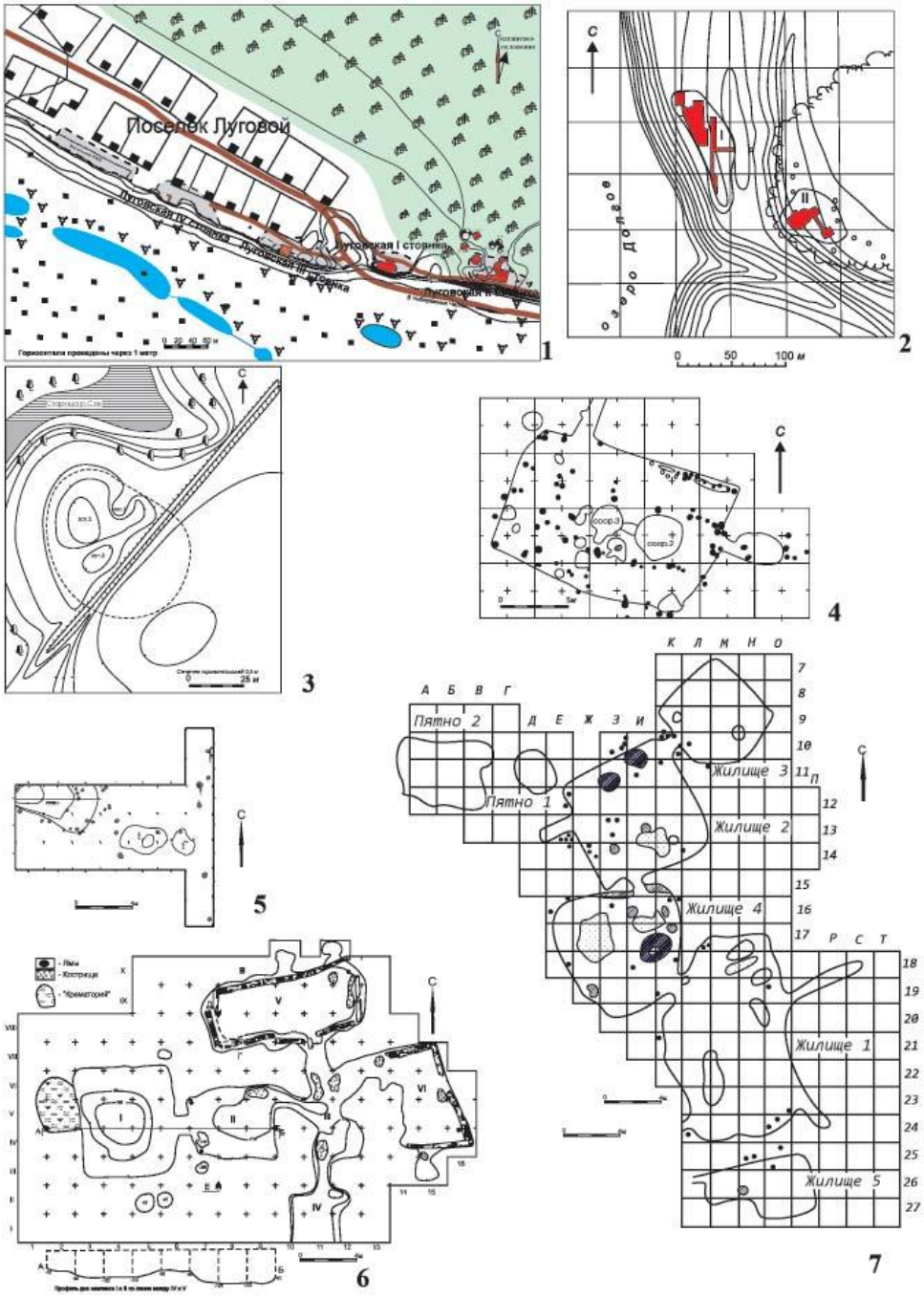


Рис. 2. 1 – план Луговских I–IV стоянок; 2 – план поселений Карташиха I и II, по: Калинин, Халиков, 1954.; 3 – план поселения Нижняя Орлянка II, по: Колев, 2000; 4 – план постройки с колодцами поселения Русская Селитьба, по: Колев, 2000; 5 – план раскопа и построек на Мальцевской IV стоянке; 6 – план раскопов и построек на Луговской I стоянке, по: Збруева, 1960; 7 – план раскопа и построек на поселении Карташиха I, по: Калинин, Халиков, 1954

стенность сосудов, плавная профилировка, преобладание в орнаментальных композициях рядов прочерченных горизонтальных линий, горизонтальной елочки, наклонных оттисков отрезков, заштрихованных треугольников и ромбов иногда с бахромой – все эти черты имеют отчетливые параллели в культурах андроновского круга, прежде всего федоровской, и в родственных ей андроновских комплексах Западной Сибири, Центрального и Восточного Казахстана.

Наиболее частые мотивы на луговской керамике – это ряды трех и более горизонтальных линий, выполненных протаскиванием гладкой гребенкой и иногда принимающих вид узких каннелюр. Эти ряды выполняли как роль основного орнаментального мотива на сосуде, так и служили в качестве разделительной полосы между рядами орнаментальных зон. Второй по частоте встречаемости орнаментальный мотив – это ряд или ряды горизонтальной елочки. Иногда это единственный ор-

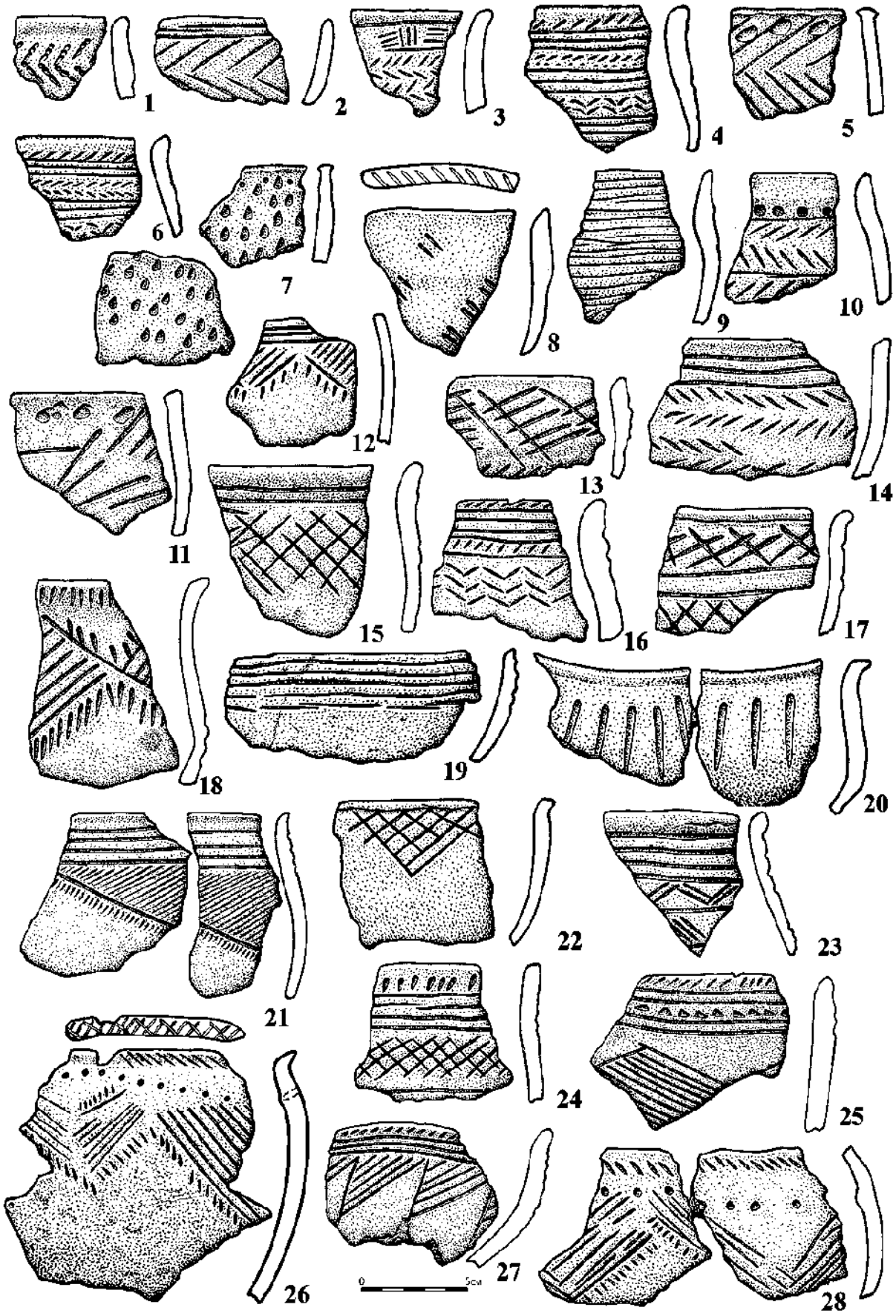


Рис. 3. Керамика луговской культуры
1–11, 13–28 – Луговская I стоянка, 12 – Деуковская стоянка

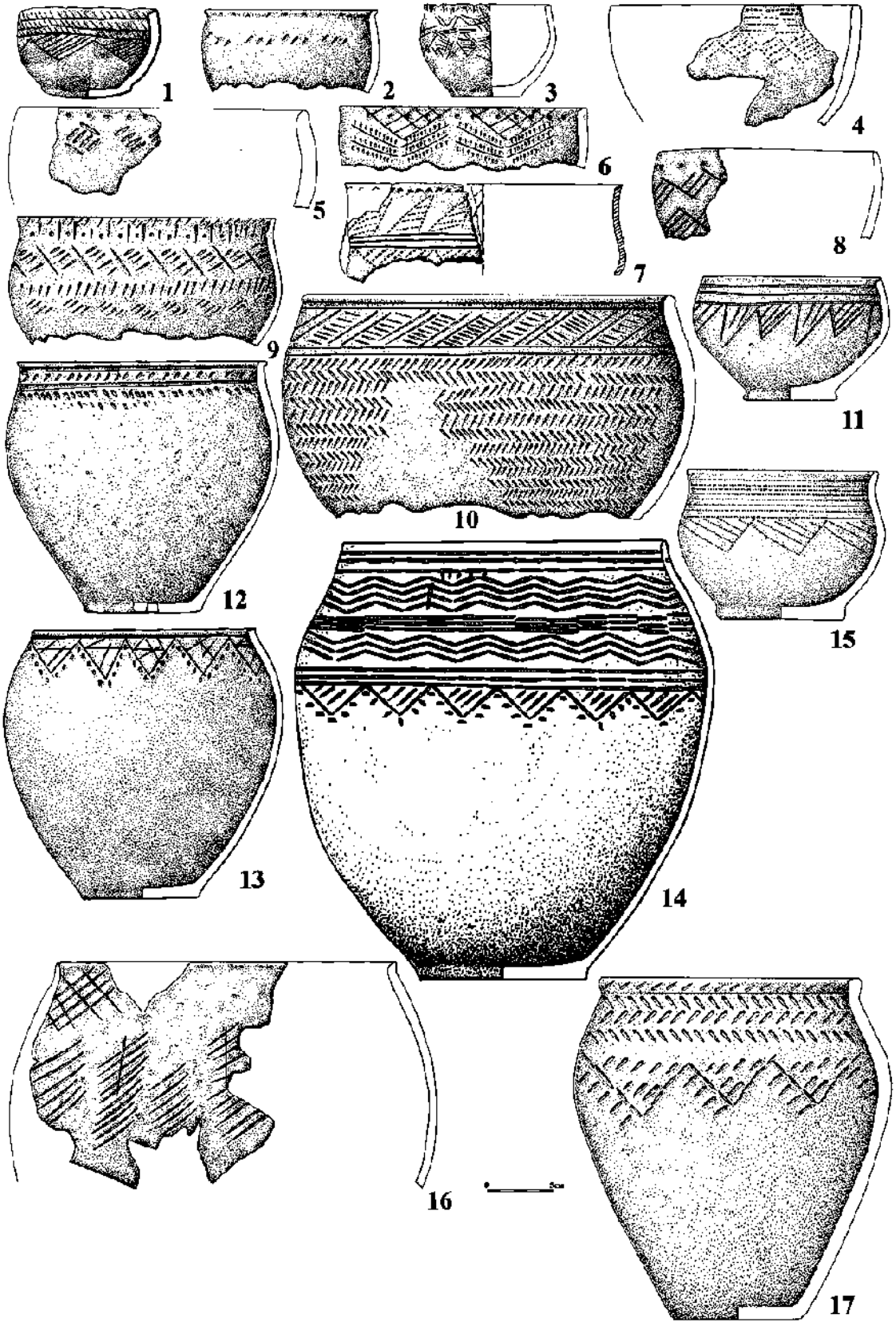


Рис. 4. Керамика луговской культуры

1, 8, 10, 12 – Луговская I стоянка; 2, 6, 9, 11 – Кумысская стоянка, по: Генинг, Старостин, 1972; 3 – Зуевоключевская III стоянка, по: Черных, 2019; 4, 5 – Агидельское поселение, по: Обыденнов, 2006; 7 – Деуковская стоянка; 13 – Луговская II стоянка; 14 – Рысовское III селище; 15 – Кырнышская стоянка; 16 – Зайчишминская стоянка, по: Казаков, Рафикова, 1999; 17 – Подгорнобайларская стоянка, по: Ашихмина, 2014

намент на сосуде. Также часто встречаются ряды наклонных отрезков, расположенных сразу под венчиком. Присутствуют разнообразные вдавления, вертикальные «елочки» или зигзаги, косоугольные и прямые заштрихованные треугольники и ромбы, иногда с «бахромой».

Примечательно, что округлые ямки, характерные для последующей маклашеевской культуры Волго-Камья, на луговской керамике встречаются редко. На сусканской керамике они не зафиксированы.

Керамика луговской и сусканской культур плоскодонная. Формы сосудов условно можно разделить на три группы. Это такие группы, как профилированные сосуды с относительно высокой шейкой, устье которой сильно стянуто вовнутрь (форма 1), баночные сосуды с почти невыделенной шейкой (форма 2) и, наконец, группа сосудов с четко выделенной шейкой и чуть намеченным ребром при переходе от шейки к тулову (форма 3) (Колев, 1999, с. 252–253; Лыганов и др., 2019). Численно преобладают сосуды с высокой шейкой, устье которой сильно стянуто вовнутрь и с почти невыделенной шейкой. Изредка встречаются небольшие сосуды выраженной баночной формы, подобные срубным. Еще одной характеристикой луговской и сусканской керамики является в большинстве случаев отогнутый наружу край венчика. Такие венчики, по мнению Ю.И. Колева, могли получаться в результате перевертывания сосуда вверх дном при просушке (Колев, 1999, с. 253). Гораздо реже встречается округлый или приостренный венчик.

На каждом из раскопанных большими площадями поселений известна и керамика совсем другого типа. Поверхность этой керамики хорошо заглажена. Орнамент состоит из рядов горизонтальных каннелюр, меандров, косоугольных треугольников, мелких вдавлений. Эта глиняные сосуды федоровско-черкаскульского облика (рис. 7). Данная керамика составляет небольшой процент среди всего керамического комплекса памятников и отражает непосредственное проникновение носителей гончарных традиций из Зауралья в Прикамье и Среднее Поволжье.

С опорой на материалы однослойных поселений (Луговская I, Мальцевская IV стоянки, поселение Симониха I), погребений (могильники Такталачук, Мурзихинский II, Балымский (Большеотарский)) и кладов (Дербеденьский, Кармановский) с луговской и сусканской культурами удалось связать изделия из камня, металла и кости.

Каменная индустрия переживает упадок. На однослойных поселениях выявлены немногочисленные орудия труда из камня. Это в основном скребки небольших форм, немногочисленные отходы производства камнеобработки (Луговская I, Симониха I) (рис. 11: 19–27). Крупные кремневые орудия нехарактерны для древностей луговской и сусканской культур. Характерны стрелы потреугольной формы без выраженного черешка (Симониха I, могильник Такталачук) (рис. 11: 10–17). Такие типы стрел характерны для сейминско-турбинских древностей, срубной культуры, также аналогии такие типы стрел находят в древностях черкаскульской культуры (Митряков, 2015; Обыденнов, Шорин, 2005, рис. 19).

Изделия из глины, выявленные на поселениях Мальцевская IV стоянка, поселение Симониха I, Луговская IV, Карташиха I, представлены напряслами различных типов (рис. 11: 30–35). Это напрясла цилиндрической формы, схожие со срубными и нередко украшенные орнаментом (Миряков, 2015, рис. 2; Лыганов, 2020, рис. 6). Также известны напрясла сложной катушковидной формы, украшенные орнаментом с поселений луговской и сусканской культур (рис 11: 33, 35).

Изделий из бронзы на поселениях известно немного. Однако металлические предметы известны в погребениях и в составе кладов.

Кельты дербеденевского типа с одним ушком и рельефным орнаментом в верхней части встречаются как в составе кладов, так и виде случайных находок (11 экз.) (рис. 12: 1–4, 7, 8). Территория выявления этих кельтов совпадает с ареалом луговской культуры.

Другим типом кельтов являются массивные орнаментированные кельты с лобным ушком и пещеркой (рис. 12: 5, 6). Известны они в составе Дербеденьского клада. Выявлен подобный кельт на поселении Поплавское совместно с сусканской керамикой. Известна находка литейной формы подобного типа кельтов и на черкаскульском поселении Зауралья (Кузьминых, 1981, рис. 8: 3; Колев, 2000, рис. 12: 13; Алаева, 2015, рис. 4: 5).

Наконечники копий представлены крупными экземплярами с широкой прорезью пера в составе Кармановского клада, на поселении и могильнике Тихоново (Пустобаево) и случайными находками (рис. 12: 16; 13: 8).

Втульчатые бронзовые долота известны в составе Дербеденьского клада и на Луговских стоянках (рис. 12: 12). По времени подобные типы изделий появляются в луговское время, но, видимо, наиболее часто встречаются на памятниках последующих культур (атабаевский этап маклашеевской культуры, межовская культура).

Украшения представлены круглыми бляхами с пуансонным орнаментом, бляхи со стерженьком на обороте, височными подвесками, пронизками, бусиной (рис. 10: 11; 12: 11, 14; 13: 10, 12). Все

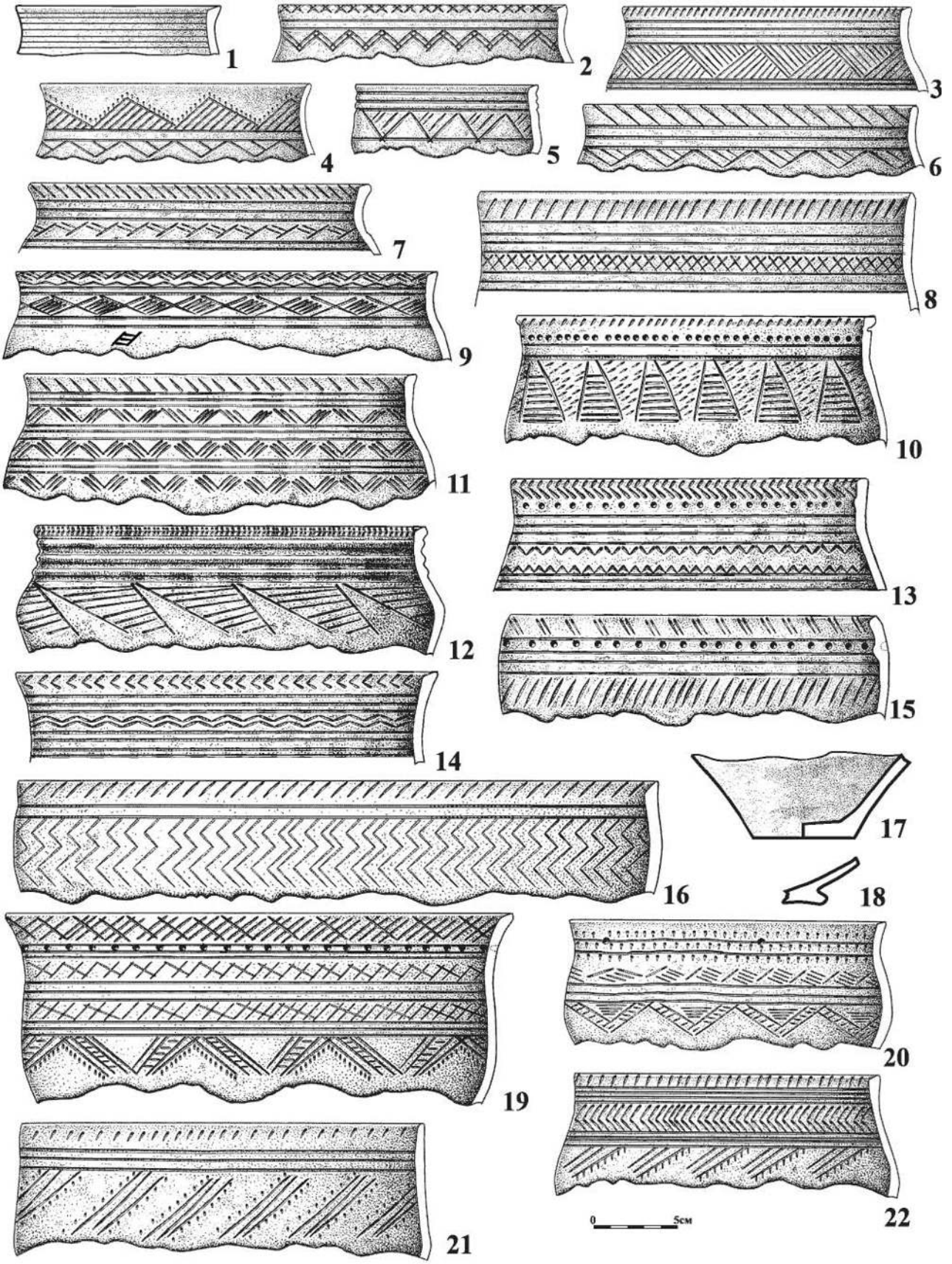


Рис. 5. Керамика луговской культуры Нижнего и Среднего Прикамья

1–3, 6, 7, 9, 12–14, 16–19, 22 – поселение Симониха I, по: Митряков, 2015; 4 – Зуевоключевское II поселение, по: Митряков, 2011б; 5 – Деуковская стоянка; 8, 15 – Партизанское II поселение, по: Митряков, 2013; 10, 11 – Усть-Нечкинское I поселение, по: Митряков и др., 2010; 20, 21 – Старо-Кабановская II стоянка

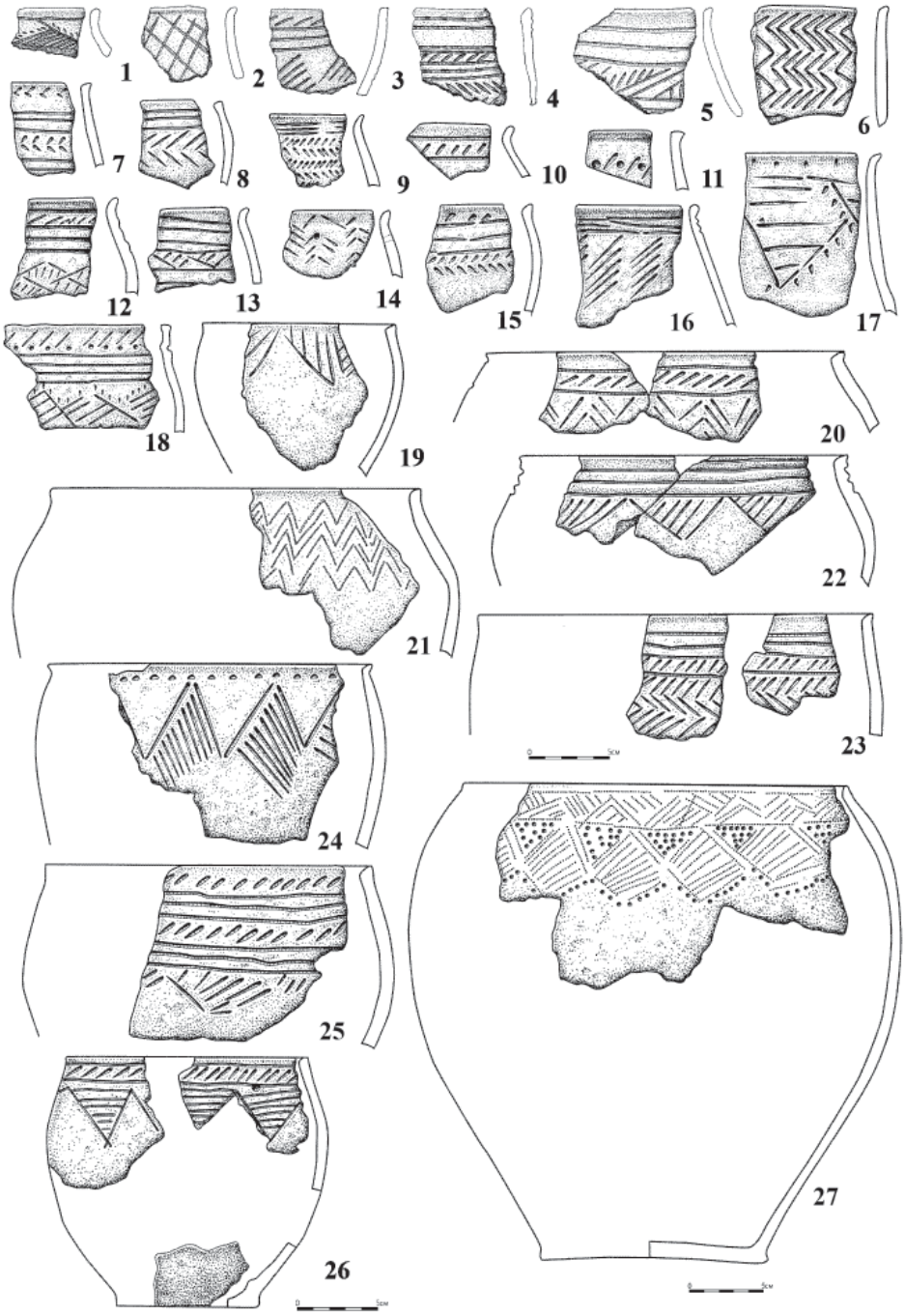


Рис. 6. Керамика луговской культуры Среднего Поволжья (1–18), керамика сусканской культуры (19–27)
1–5 – Березовогривская I стоянка; 6 – Ташкирменьская IV стоянка; 7, 9 – Тетюшская VI стоянка; 8, 13 – Такшкирменьская II стоянка; 10, 11 – Кокшайское IV поселение; 12, 14–16 – Марьяновская IV стоянка; 17 – Кузькинская XVII стоянка; 18 – Ясачное III поселение, по: Соловьев, 2000; 19, 21, 24, 26 – Лебяжинка V; 20, 22 – Гундоровка; 23 – Чесноковка I; 25, 27 – Попово озеро (19–27 – по: Колев, 2000)

типы украшений находят прямые аналогии в андроновских культурах Зауралья.

Ножи и кинжалы представлены разнообразными типами и встречаются как в составе кладов, так и в погребениях (рис. 10: 3, 15, 23, 24; 12: 13, 15; 13: 1–7, 9, 11, 13, 15). Это ножи и кинжалы с клинком остролистной формы с намечающимся и четко выраженным кольцевидным упором на черенке (рис. 10: 23; 12: 15; 13: 9), двулезвийные ножи и кинжалы с клинком остролистной формы, с четко выраженным перехватом и подромбическим плоским перекрестием на узком черенке (рис. 10: 3, 24). Находка каменной литейной формы ножа с кольцевидным упором на черенке в слое Гулюковской I стоянки свидетельствует о местном производстве подобного типа ножей (рис. 13: 14). Бритвы с полукруглым или полуовальным вырезом в верхней части клинка и кольцевидным упором в

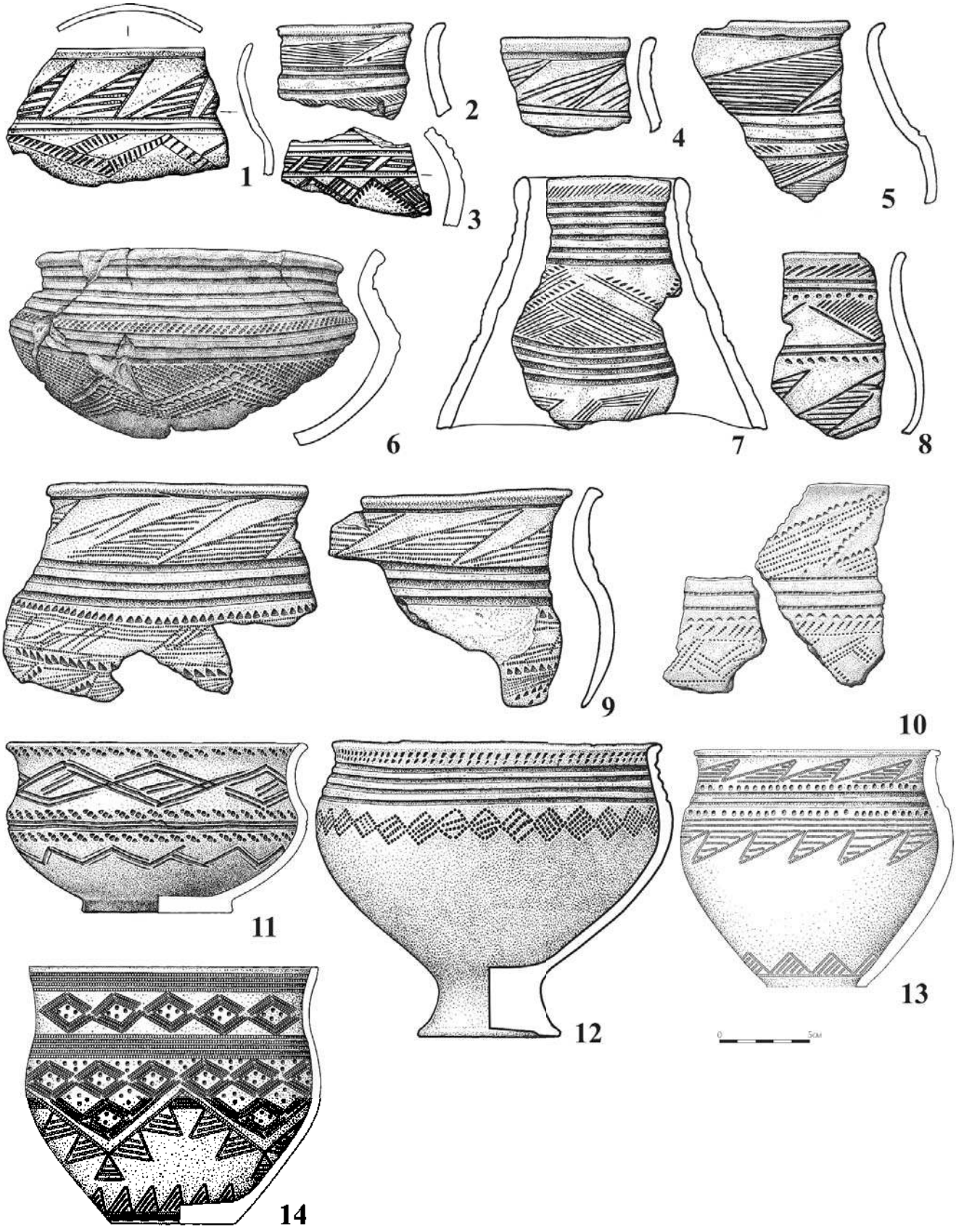


Рис. 7. Керамика андроновского облика с луговских памятников

1, 3 – Рысовское III селище; 2, 4–9 – Луговская I стоянка; 10 – Деуковская I стоянка; 11, 14 – Дубовогривская II стоянка; 12 – подъемный материал с Мурзихинского II могильника, 13 – Луговская II стоянка

основании черенка (рис. 12: 13). Несколько позже появляются ножи с выраженным черенком и плечиками, без рельефных утолщений (рис. 13: 6, 7, 11), которые более характерны для последующего по времени атабаевского этапа маклашеевской культуры.

Серпы представлены находками в кладах и на поселениях. Это серпы т. н. дербеденевского типа с кованым крюком для крепления рукоятки, слабо изогнутым широким клинком (рис. 12: 17–27).

Все перечисленные типы металлических изделий относятся к Волго-Камской дербеденевской подгруппе металлических изделий, которая сама в свою очередь входит в дербеденевско-лобойковскую группу металлических изделий Восточной Европы (Бочкарев, 2017, с. 171–172).

Несколько более поздние по времени находки кинжалов сосновомазинского типа на Средней Каме в Предкамье (рис. 13: 13, 15). Традиционно они связываются со степными культурами ОКВК. Появление таких изделий в Прикамье происходит в позднелуговское время или в начале атабаевского этапа маклашеевской культуры.

Земледелие. На Русской Селитьбе выявлено скопление трех литров зерна в хозяйственной яме, относящейся к сусканской культуре. Здесь представлен широкий набор возделываемых земледельческих культур того времени: ячмень двух видов – двурядный и многорядный пленчатый, пшеница – преимущественно двузернянка и карликовая, а также просо (Черных и др., 1991, с. 160). Также в результате промывок на флотацию выявлено 137 зерен культурных растений (Черных и др., 1991, с. 160), что выделяет данный памятник эпохи бронзы среди прочих подвергнутых исследованиям.

Это не единственный случай находок зерен на памятниках луговской культуры. На Луговской I стоянке были обнаружены зерна проса в виде спекшейся массы у очага на полу землянки № II, а также обломки терки, пестов и нижней плиты от зернотерки (Збруева, 1960, с. 20). Однако радиоуглеродный анализ, проведенный по зернам проса, показал их принадлежность к Средневековью.

Явные признаки выращивания культурных растений фиксируются и в луговском слое Гулюковской III стоянки. Об этом свидетельствует присутствие в палинологических спектрах пыльцы культурных злаков. Сорных растений в данный период времени очень мало. Во время существования в Волго-Камье луговской культуры климат становится более влажным, что стало наиболее благоприятным временем из всего позднего бронзового века для ведения сельского хозяйства. В это время меняется соотношение между посевными и естественными угодьями. Сокращается не только роль разнотравья, но и сорной растительности, что указывает на обработку земли под культурные растения населением Гулюковской III стоянки (Алешинская и др., 2007, с. 320–321).

Скотоводство. Судя по находкам костей домашних животных на поселениях, основу скотоводства луговской культуры составлял выпас стад КРС (свыше 50%), второе место в стаде занимала лошадь (около 30%). Доля мелкого рогатого скота и свиньи была невысока (около 10% на каждый вид животного) (Лыганов, 2011). Примечательно, что черкаскульская культура (черкаскульско-межовская) стала первой культурой в Зауралье, на поселенческих памятниках которой найдены костные остатки свиньи (поселения Черкаскуль II, Березки V). Возможно, начало развития свиноводства в позднем бронзовом веке в Зауралье было положено хозяйственно-культурным взаимодействием с лесостепным-лесным населением Приуралья и Прикамья, на поселениях которых достаточно высок процент костных остатков свиньи (Обыденнов и др., 1994, табл. 30).

Охота и рыболовство играли второстепенную роль. Так, доля костных остатков диких животных на поселениях луговской культуры составляет в среднем 2%. На некоторых поселениях следы диких животных отсутствуют вовсе. Стабильной остается добыча лося в лесной зоне. Достаточно часто на поселениях встречаются остатки кабана. На зверей «пушной» промысловой группы практически не охотятся (Лыганов, 2013).

Ремесленного разделения труда на поселениях луговской культуры не прослеживается. Почти на каждом раскопанном большой площадью поселении в Нижнем Прикамье зафиксированы следы медного производства (всплески, тигли, ошлакованная керамика и кость).

Позднелуговские поселения и керамика (рис. 8). На сегодняшний день имеется мало данных о позднелуговских поселениях. В основном позднелуговская керамика горшковидной формы с валиками встречается в небольших процентах на луговских поселенческих памятниках. Известны отдельные участки только с позднелуговской керамикой в составе крупных поселенческих комплексов (Дубовогривская II стоянка). На Луговской II стоянке позднелуговская керамика фиксируется совместно с атабаевской посудой.

Керамические комплексы позднелуговского времени продолжают традиции луговской культуры, но увеличивается процент горшковидных сосудов, по краю отогнутого наружу венчика появляются подтреугольные валики. На многих сосудах округлые валики проходят и по шейке, тулову (рис. 8). В составе теста примесь раковины. При этом орнаментальная традиция керамики в

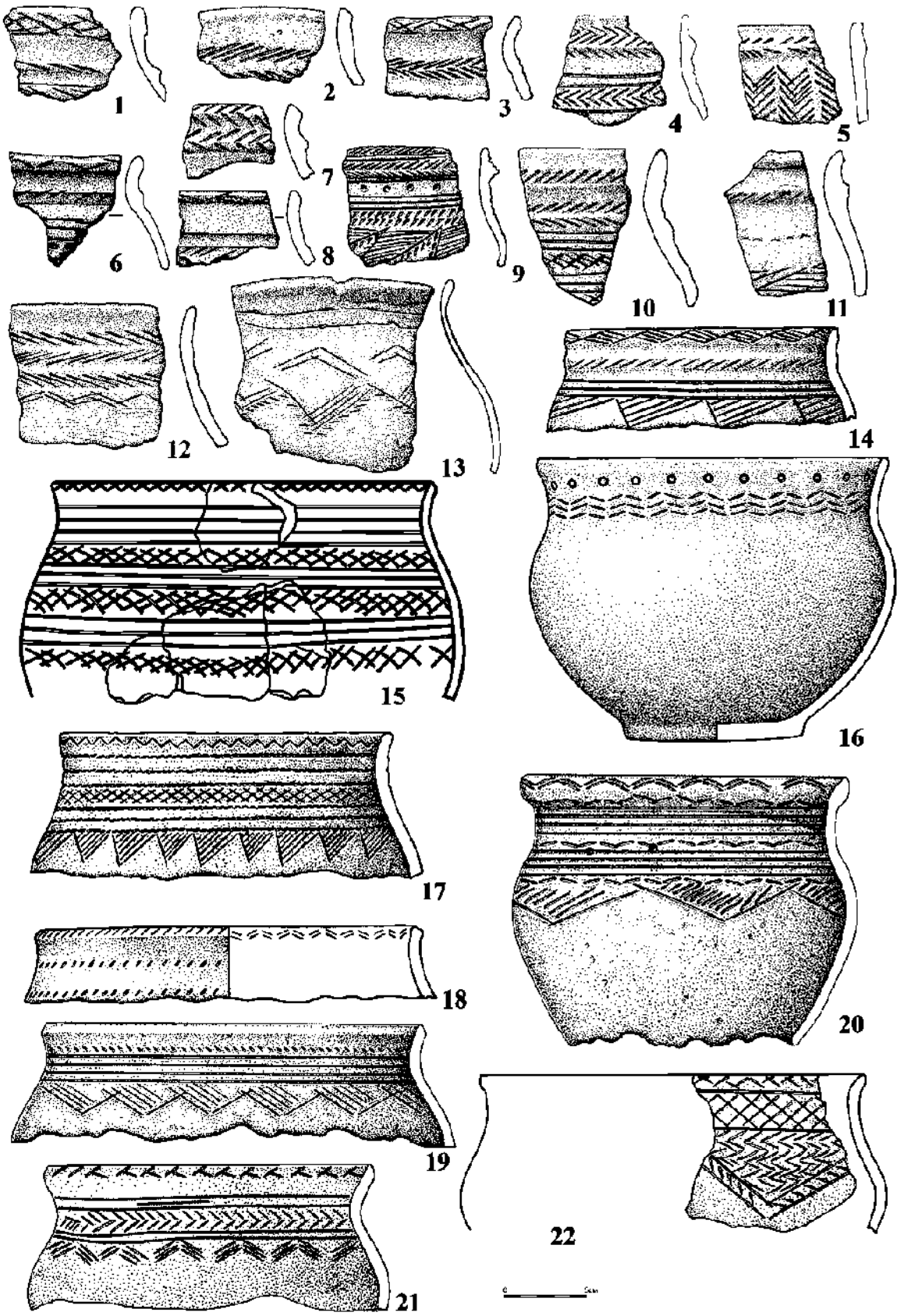


Рис. 8. Позднелуговская керамика

1, 6, 8, 10–14, 16–18 – Луговская II стоянка; 2, 3, 7, 9 – Луговская I стоянка; 4, 5 – Березовогривская I стоянка; 15 – Ныргындинская стоянка, по: Ашихмина, 2014; 19, 21 – Икская III стоянка, по: Ашихмина, 2014; 20 – Дубовогривская II стоянка; 22 – Нижнемарьянская II стоянка

основном наследует традиции носителей луговской культуры. Это ряды горизонтальных линий, горизонтальная елочка, заштрихованные треугольники. Появляются и новые элементы орнамента, характерные уже для атабаевского этапа маклашеевской культуры. Это косоугольная «сетка», мелкие вдавления, ряды зигзагов по валику. Керамика обоих культурных образований в некоторых чертах схожа, а в некоторых различна. Это можно проследить на материалах Луговской II стоянки. Схожа позднелуговская и атабаевская керамика горшковидной формой сосудов с четко выделенной, профилированной шейкой, наличием характерных для времени ОКВК валиков и воротничков, наличием примеси раковины в глиняном тесте. Атабаевская керамика отличается большей тонкостенностью, обильной примесью раковины в тесте сосудов. В орнаменте – наличием ямок или вдавлений, размещенных под валиком, которые совсем нехарактерны для позднелуговских памятников, а также наличием рядов мелких овальных или каплевидных вдавлений. Валик на атабаевской керамике всегда расположен под срезом венчика и никогда не спускается на горло.

Таким образом, по керамике можно проследить дальнейшее развитие луговской культуры, чьи керамические традиции постепенно сменяются атабаевскими. Позднелуговская керамика отражает этот переходный этап.

Могильники (рис. 9, 10).

Известно 11 некрополей луговской культуры: Большеотарский (Балымский) могильник на поселении, Малоотарский могильник, Мурзихинский II, Коминтерновские курганы, Соколовский IV могильник, Маклашеевские курганы на взвозе, коллективное погребение-кремация Луговской I стоянки, Тихоновский (Пустобаевский) могильник, Кырнышский II могильник, Деуковский I могильник, могильник Такталачук[1]. И три сусканской культуры: курган 1 курганного могильника Студенцы, погребение на поселении Лебяжинка V, разрушенные погребения могильника Екатериновка.

Могильники расположены на нерасчлененной первой и второй надпойменной террасе рек и останцах песчаных дюн в пойме рек. На высоких коренных берегах Камы и Волги таких могильников не известно.

Могильники в основном расположены вдали от поселений. Четыре могильника находятся на территории более раннего или одновременного поселения.

Для луговской культуры известно 102 погребения, в которых выявлены останки 120 погребённых, для сусканской – три погребения с тремя погребенными. В подавляющем большинстве случаев очертания могильной ямы не прослежены. Всего известно 30 выявленных могильных ям подпрямоугольной формы с соотношением длины и ширины 1:2–1:1,7.

Погребенные располагались скорченно на правом (19 случаев) и левом (32 случая) боку. Известны данные о восьми погребенных, лежащих вытянуто на спине. В четырех случаях это информация получена о могильниках, раскопанных в конце XIX – начале XX вв. В 39 случаях погребенные лежали головой на восток, в 26 на юго-восток, в 9 на северо-восток. Известно залегание костяков на север и юг (по пять случаев). По одному – на запад и северо-запад.

Таким образом, в подавляющем большинстве случаев погребенные луговской и сусканской культур располагались скорчено головой на восток и юго-восток. Эта ориентация характерна также для черкаскульских погребений.

Кремации зафиксированы в двух случаях – могильник Мурзихинский II и коллективное погребение – кремация 19 человек в постройке 1 Луговской I стоянки. Обжиг могильной ямы зафиксирован в трех случаях на Коминтерновских курганах № 1 и 2.

Известно одно парное захоронение на Мурзихинском II могильнике (погр. 84) мужчины 25–30 лет и женщины 18–20 лет. В кремации на Луговской I стоянке выявлены кости 19 человек (13 взрослых и 6 детей).

На могильниках Такталачук, Мурзихинский II, Большеотарский отмечены металлические изделия. Это ножи из погребений 300, 72, 282, 70, 49, 145, 190 могильника Такталачук, погребение 5 Большеотарского могильника, погребения 144, 155 Мурзихинского II могильника. Кинжал в парном погребении 84 Мурзихинского II могильника у мужского костяка. Иглы выявлены в погребениях 4 Большеотарского могильника и 182 могильника Такталачук. Проколка выявлена в погребении 85 Мурзихинского II могильника. Копья отмечены в погребении 300 могильника Такталачук и Тихоновского (Пустобаевского) могильника. Украшения известны в погребениях Мурзихинского II могильника: бусина в погребении-кремации 18, пронизь и бляха с двумя отверстиями в погребении 144. В погребениях 328 и 68 могильника Такталачук зафиксированы височные подвески.

Каменные изделия отмечены в погребении 300 могильника Такталачук (два наконечника стрелы).

[1] Могильник Такталачук большинством исследователей относится к черкаскульской культуре, однако по погребальному обряду, целому ряду погребальной посуды, бронзовым ножам, кремневым наконечникам стрел он схож с другими погребальными памятниками луговской культуры.

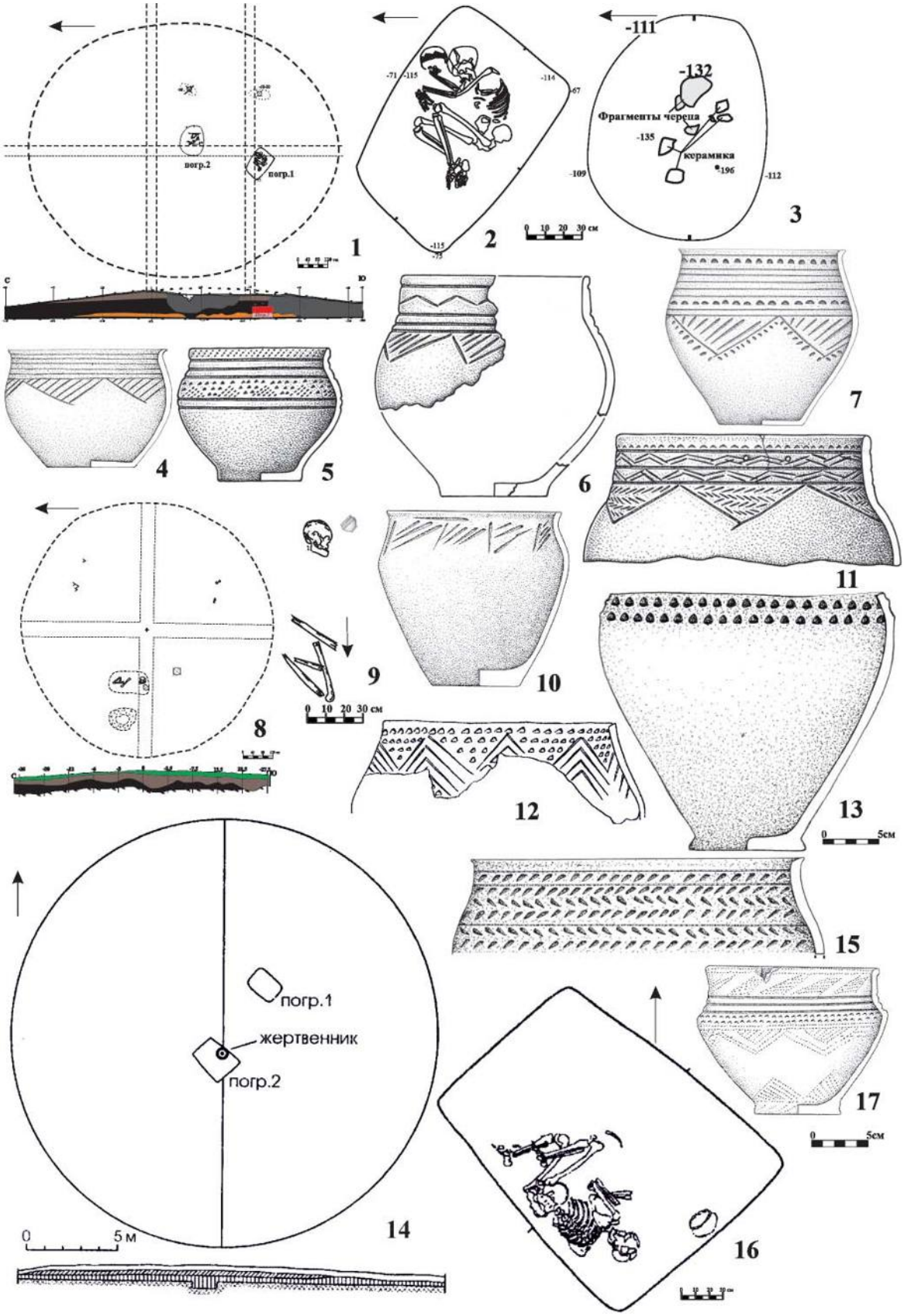


Рис. 9. Погребальные памятники луговской и сусканской культур

1–4, 7, 15 – Коминтерновский I курган; 5, 6, 8, 9, 11 – Маклашеевский курган на взвозе, 10, 12, 14, 16, 17 – курган курганного могильника Студенцы, по: Колев, 2000 (1, 8, 14 – планы и профиля курганов; 2, 3 – погр. 1 и 2 Коминтерновского I кургана; 9 – погр. 1 Маклашеевского кургана на взвозе; 16 – погр. 2 могильника Студенцы)

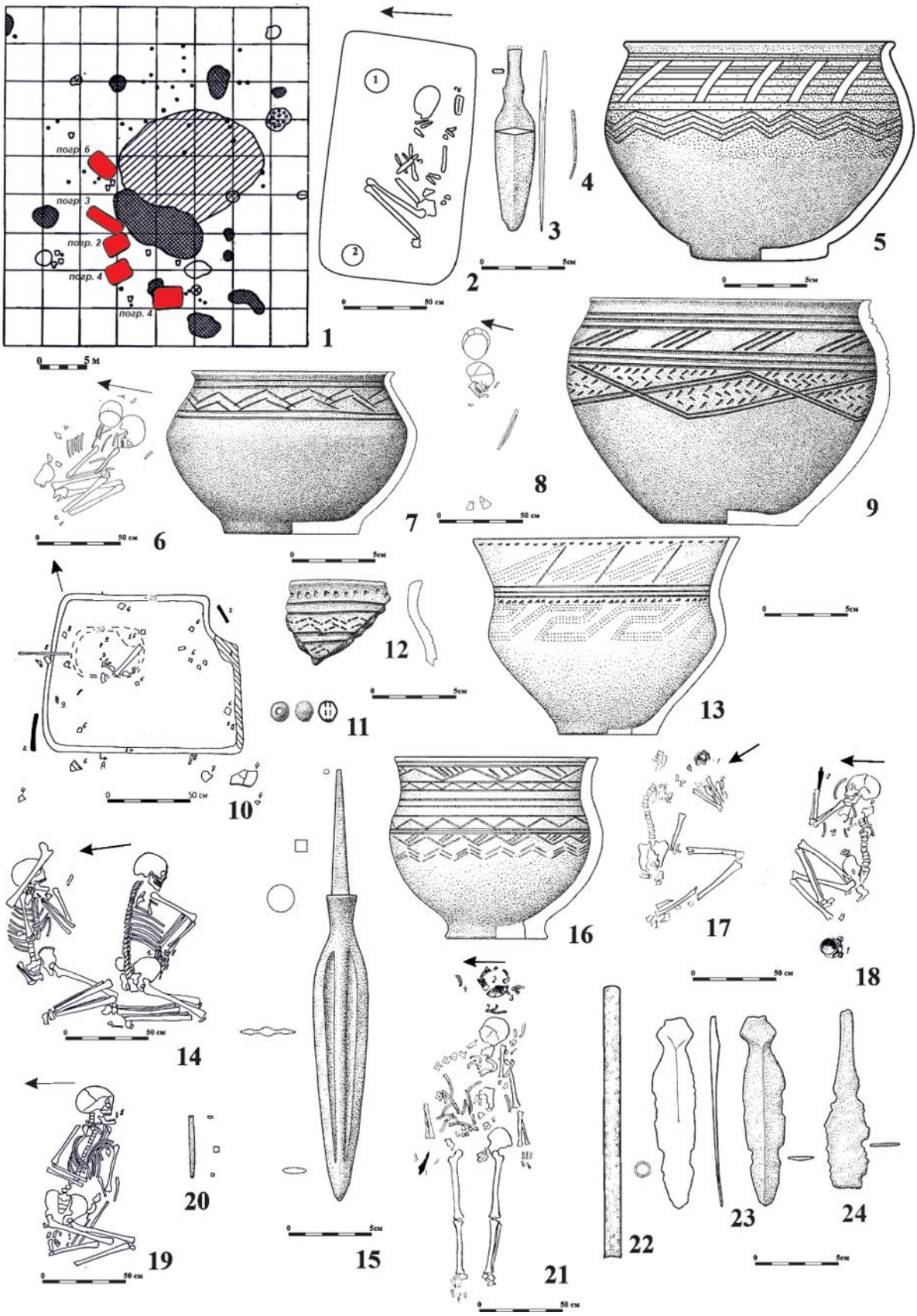


Рис. 10. Погребальные памятники луговской культуры

1 – план Балымского (Большеотарского) могильника, 2–5 – план и инвентарь погр. 5 Балымского могильника; 6, 7 – план и инвентарь погр. 11; 8, 9 – погр. 13; 10–12 – погр. 18; 14, 15 – погр. 84; 19, 20 – погр. 85 Мурзихинского II могильника, 13, 21, 22, 24 – план и инвентарь погр. 190; 16, 18, 23 – погр. 145; 17 – погр. 105 могильника Такталачук, по: Казаков, 1978 (3, 4, 11, 15, 20, 23, 24 – бронза; 5, 7, 9, 12, 13, 16 – керамика; 22 – кость)

Также в могильнике Такталачук зафиксированы костяные наконечники стрел (погр. 331).

В остальных погребениях отмечены глиняные сосуды. Они располагались у черепа перед лицом или за затылком. Если при погребенном находилось больше одного сосуда, то они были расположены в большинстве случаев у ног.

В целом погребальная керамика соответствует поселенческой керамике луговской и сусканской культур. Так же как и на поселениях в ряде погребений, выявлены сосуды, имеющие аналогии в федоровской и черкаскульской культурах.

Для луговской и сусканской культур известны как курганные (Коминтерновские курганы, Маклашеевские курганы на взвозе, курганный могильник Студенцы), так и грунтовые могильники. Курганы небольшие, высотой не больше 60 см, под которыми располагалось от 1 до 5 погребений. В ряде случаев при отсутствии курганных насыпей отмечены группы погребений, расположенные так, как будто они располагались под курганом (Большеотарский могильник, Мурзихинский II могильник).

На ряде могильников отмечены жертвенные комплексы, состоящие из керамических сосудов, находящиеся отдельно от погребений (Коминтерновские курганы, Маклашеевские курганы на взвозе, Мурзихинский II могильник).

Для четырех могильников известно шесть радиоуглеродных дат, полученных из погребений по кости (Лебяжинка V, погр. 10; Студенцы, курган 1, погр. 2; Мурзихинский II, погр. 98 и 144) и углю (Коминтерновский курган 1, погр. 1). В целом они укладываются во временной промежуток XIV–XII до н. э. в некалиброванном или XVII–XV вв. до н. э. в калиброванном значениях. По металлическим изделиям из погребений и радиоуглеродным датам могильники по времени делятся на две группы: наиболее ранние – могильник Такталачук, Коминтерновские курганы, Соколовский IV могильник; более поздний Мурзихинский II могильник (Казаков, 1978; Лыганов, Чижевский, 2021, табл. 3).

Позднелуговские могильники. Известен один Подгорно-Байларский курган с двумя погребениями. Очертания могильных ям не прослеживаются. Костяк погребения 2 был ориентирован головой на северо-запад. Сосуды по форме и некоторым элементам орнамента схожи с луговскими, однако срезы венчика оформлены таким образом, что образуют подтреугольный валик. Наиболее близки эти сосуды посуде из Красногорских курганов межовской культуры (Горбунов, Обыденнов, 1980).

Хронология и периодизация.

Хронология луговской и сусканской культур базируется как на аналогиях и стратиграфической позиции поселенческой керамики, так и на сравнительно-типологическом анализе с опорой на предметы-хроноиндикаторы и радиоуглеродный анализ.

Известны случаи, когда постройка луговской культуры перекрывала постройку срубной культуры (Гулюковская III стоянка), но наиболее часто керамика срубной, луговской и сусканской культур находятся в едином слое. В Предкамье где нет срубных памятников, встречаются как чистые луговские памятники, так и смешанные с культурными слоями последующих культур. На материалах могильников известны случаи, когда погребения раннего железного века перекрывали луговские погребения (Мурзихинский II). Подобные стратиграфические наблюдения позволяют определить промежуток существования луговских и сусканских древностей с финала срубной культуры до раннего железного века. Более точно установить этот временной промежуток позволяют металлические вещи-хроноиндикаторы.

В качестве датирующих предметов-хроноиндикаторов привлекались металлические изделия: кельты – одноушковые кельты с орнаментальной зоной так называемого дербеденевского типа, кельты с лобным ушком и пещеркой также с орнаментальной зоной, копья с широкими прорезями пера, серпы с прямым лезвием дербеденевского типа, ножи с намечающимся выраженным кольцевым упором, втульчатые тесла-долота, желобчатые височные подвески. Большинство подобных изделий происходят из закрытых комплексов – кладов и погребений.

Время существования луговской культуры определено по находкам характерных металлических вещей дербеденевского очага металлообработки, который синхронизируется с лобойковским очагом. Изделия лобойковско-дербеденевского типа удревняются сейчас вплоть до XVI века. Интересно, что с дербеденевской металлообработкой чаще всего связывают черкаскульскую, луговскую и сусканскую культуры. Действительно, и там и там есть характерные вещи в виде кельтов с лобным ушком и пещеркой и литейных форм к ним, ножей-кинжалов с кольцевидным упором, литых долот. О принадлежности луговской культуры к дербеденевскому металлургическому очагу говорит находка ножа с клинком остролистой формы, с уплощенным упором в основании черешка в погребении № 5 на Балымском поселении совместно с характерным луговским сосудом (Калинин, Халиков, 1954, рис. 33), находки кладов Дербеденевского и Кармановского, где сочетаются нож с упором с серпами дербеденевского типа и одноушковыми кельтами дербеденевского типа. Пять ножей из упомянутого могильника Такталачук

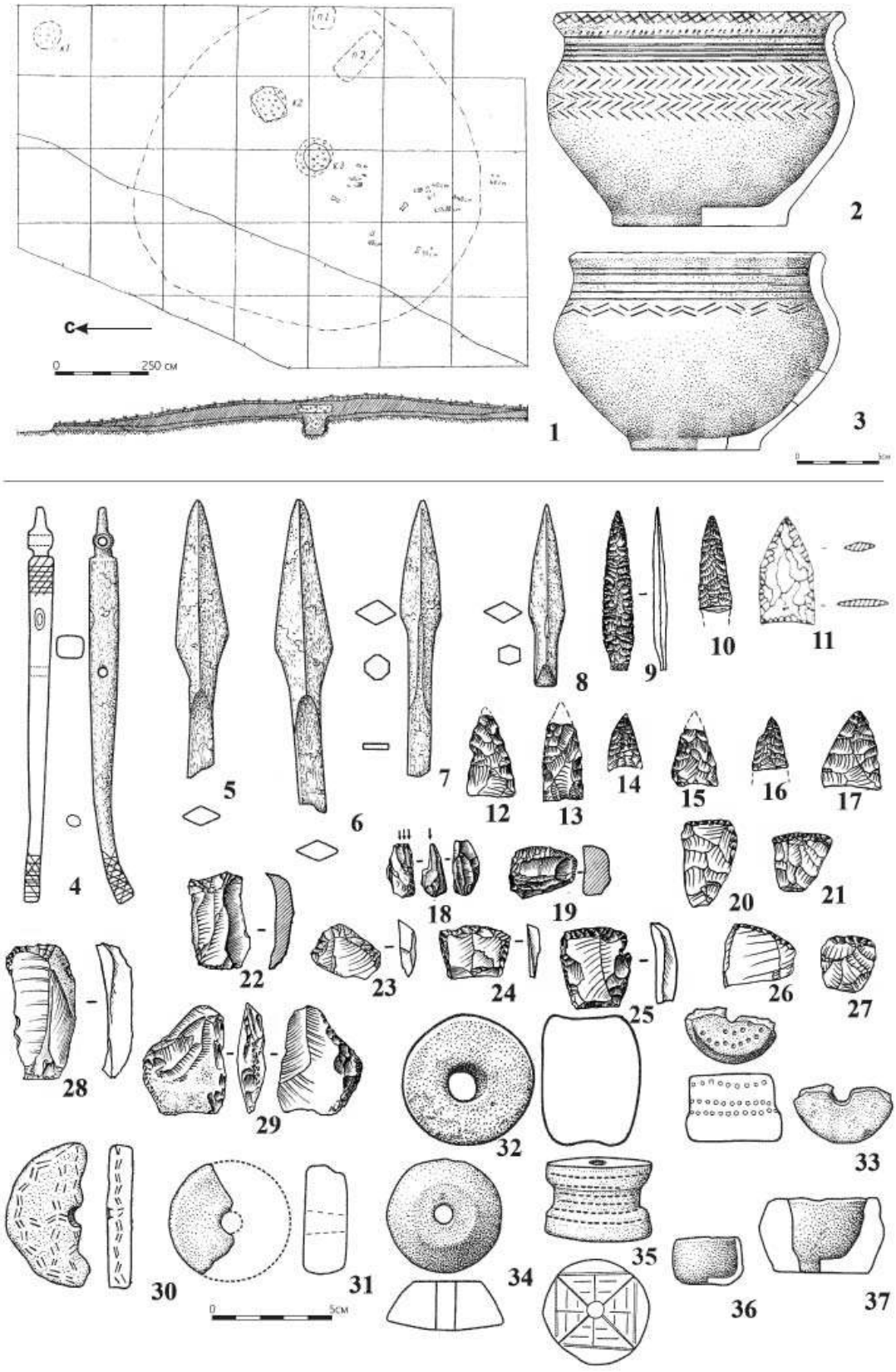


Рис. 11. 1–3 – план и профиль Подгорнобайларского кургана позднелуговского времени и керамические сосуды, по: Казаков, 1978; 4–37 – костяные, каменные и глиняные изделия луговской и сусканской культур: 4 – псалий, Сусканское I поселение; 5–8 – наконечники стрел (5–6 – могильник Такталачук, погр. 331, по: Казаков, 1978; 7–8 – Русская Селитьба II, по: Колев, 2000); 9, 18, 19, 22–25, 28, 29, 32 – Луговская I стоянка; 10, 12–17, 20, 21, 26, 27, 30 – поселение Симониха I, по: Митряков, 2015; 11 – могильник Такталачук, по: Казаков, 1978; 31, 36 – Мальцевская IV стоянка; 33, 37 – Лебяжинка V, по: Колев, 2000; 34–35 – Карташиха I, по: Калинин, Халиков, 1954.
4–8 – кость; 9–29 – кремень; 30–37 – глина

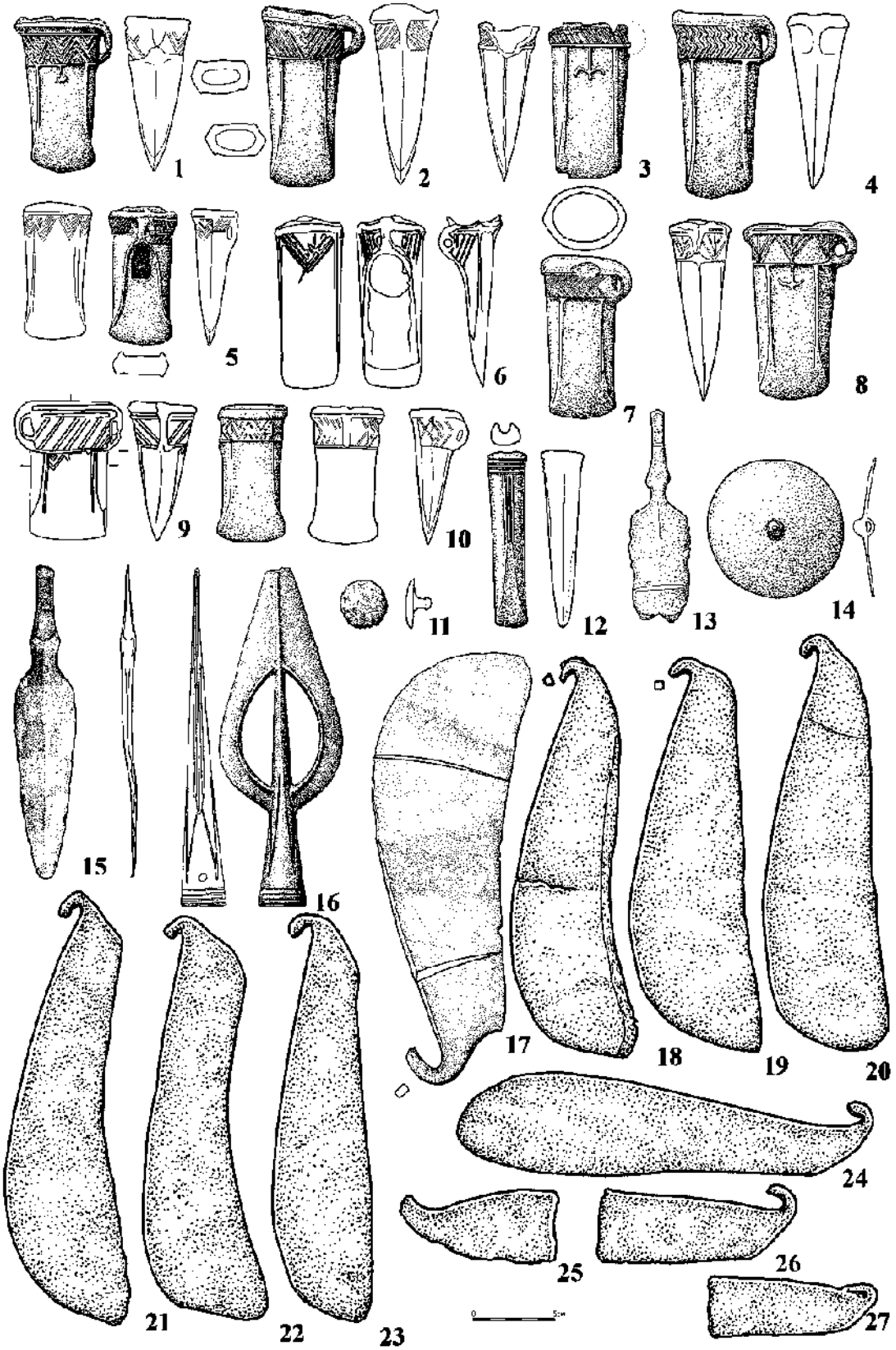


Рис. 12. Бронзовые изделия луговской и сусканской культуры

1, 2, 5, 12–14, 19–24 – Дербеденевский клад, по: Кузьминых, 1981; 3 – находка, Чистопольский уезд б. Казанской губернии; 4 – городище «Ройский шихан»; 6 – селище Поплавское, по: Колев, 2000; 7 – Городищенское городище; 8 – Большое Фролово; 9 – Борма, Самарская обл., по: Колев, 2000; 10 – городище Тубулга-Тау; 11 – Татарско-Азибейская III стоянка; 15–18 – Кармановский клад, по: Кузьминых, 1981; 25 – Кырнышское III селище; 26 – Гулюковская I стоянка; 27 – Дубовогривская II стоянка

(погр. 49, 70, 145, 190, 282) относятся к группе двулезвийных ножей и кинжалов с клинком остролистной формы, с четко выраженным перехватом и подромбическим плоским перекрестием (в одном случае имеющим утолщение в основании черенка) и принадлежат к лобойковско-дербеденевской группе металлических изделий (Казаков, 1978, рис. 22; Бочкарев, 2017, рис. 9: 43). К дербеденевскому металлургическому очагу относится кинжал с лезвием с тремя ребрами жесткости на клинке из луговского погребения № 84 Мурзихинского II могильника (Чижевский, Марков, рис. 2: 7). Лезвие от кинжала подобного же типа происходит из поселения Осиновые ямы сусканской культуры (Колев, 1991, с. 198). Интересна находка на полу сусканского жилища поселения Поплавское орнаментированного кельта с лобным ушком с пещеркой (Колев, 2000, рис. 12: 13) того же типа, что и орнаментированный кельт с лобным ушком и пещеркой из Дербеденевского клада (Кузьминых, 1981, рис. 8: 3), и находка литейной формы от схожего орнаментированного кельта с пещеркой, но без ушка на поселении Чебаркуль III черкаскульской культуры (Алаева, 2015, рис. 4: 5). Кельты с пещеркой, но без лобного ушка, характерны только для Зауралья и связаны с черкаскульской культурами (Тихонов, 1960, с. 48). С черкаскульской культурой в Зауралье и луговской, сусканской в Прикамье и на Среднем Поволжье связано и производство криволезвийных (желобчатых) долот с литой втулкой, край которой зачастую укреплен одним валиком. Это литейная форма из Липовой Курьи черкаскульской культуры (Хлобыстина, Хлобыстина, 1967, рис. 1–2). Орнамент долота из Липовой Курьи повторяет орнамент на одном из одноушковых кельтов Дербеденьского клада (Кузьминых, 1981, рис. 8: 1). Кроме этого, в составе клада присутствует схожее желобчатое долото, но неорнаментированное и без выраженного валика. Такие долота продолжают свое развитие в межовской культуре и на атабаевском этапа маклашеевской культуры Перечисленные категории изделий, характеризуют дербеденевский очаг металлообработки и относятся к лобойковско-дербеденевской группе металлических изделий Восточной Европы, по В.С. Бочкареву (Бочкарев, 2017, с. 171–172, рис. 9, прилож. 1). При этом типы металлических изделий луговской и сусканской культуры в целом схожи, а черкаскульские имеют определенное своеобразие.

Известно девять радиоуглеродных калиброванных дат сусканских и луговских памятников, которые укладываются в промежуток XVII–XV вв. до н. э. (Колев, 2000, с. 250; Лыганов, 2018, табл. 1; Лыганов, Чижевский, 2021, табл. 3). Шесть из этих дат получены из закрытых погребальных комплексов четырех могильников (табл. 1), что увеличивает степень доверия к ним. Черкаскульские калиброванные радиоуглеродные даты укладываются в большой промежуток времени (1600–1250 гг. до н. э.) (Матвеев, 2007, табл. 3; Молодин и др., 2014, рис. 2), но во многом синхронны сусканским и луговским, начало их лежит также в XVII–XVI в. до н. э. Несколько более ранние даты у федоровских памятников (1880–1670 гг. до н. э. – Южное Зауралье, 1980–1510 гг. до н. э. – Зауралье (лес-лесостепь), 1800–1500 гг. до н. э. – Барабинская лесостепь). Это не противоречит преобладающим взглядам о временном приоритете федоровских памятников над черкаскульскими (Епимахов и др., 2005, с. 100, рис. 3; Молодин и др., 2014, рис. 2).

Таким образом, можно утверждать, что луговская и сусканская культуры формировались на основе поздних федоровских (федоровско-бишкульских, по: Колев, 2000) памятников и синхронны черкаскульской культуре. Продолжающимся взаимодействием черкаскульской культуры является появление на Прикамских поселениях черкаскульской керамики и некоторая схожесть в погребальной обрядности этих культур, которая заключается в преобладании трупоположений скорчено на правом боку, головой на восток и юго-восток, при небольшом проценте трупосожжений и разнообразных огненных ритуалов в могильниках. Схожи и типы металлических изделий этих культур при определенном своеобразии металла черкаскульской культуры.

Не так ясна хронология позднелуговских памятников. Появление рельефных элементов орнамента на позднелуговских сосудах позволяет очертить круг ближайших аналогий. Это культуры общности культур валиковой керамики и в первую очередь родственная межовская культура Приуралья. Так, немногочисленные металлические вещи из межовских Красногорских курганов (Горбунов, Обыденнов, 1980, рис. 3) можно отнести к красномаяцкому очагу металлообработки, который наследует по времени лобойковско-дербеденевскому (Бочкарев, 2017, с. 173–174). Встреченный в закрытых комплексах (погребениях) атабаевский металл также относится к красномаяцкой группе металлических изделий Восточной Европы (Чижевский и др., 2019). В Зауралье схожие типы металлических изделий можно проследить в пахомовской культуре (Ткачев Ал. Ал., Ткачев А.А., 2009, рис. 3).

Вероятнее всего, позднелуговские памятники являются переходным типом между собственно луговской культурой и атабаевским (ранним) этапом маклашеевской культуры. Погребальные

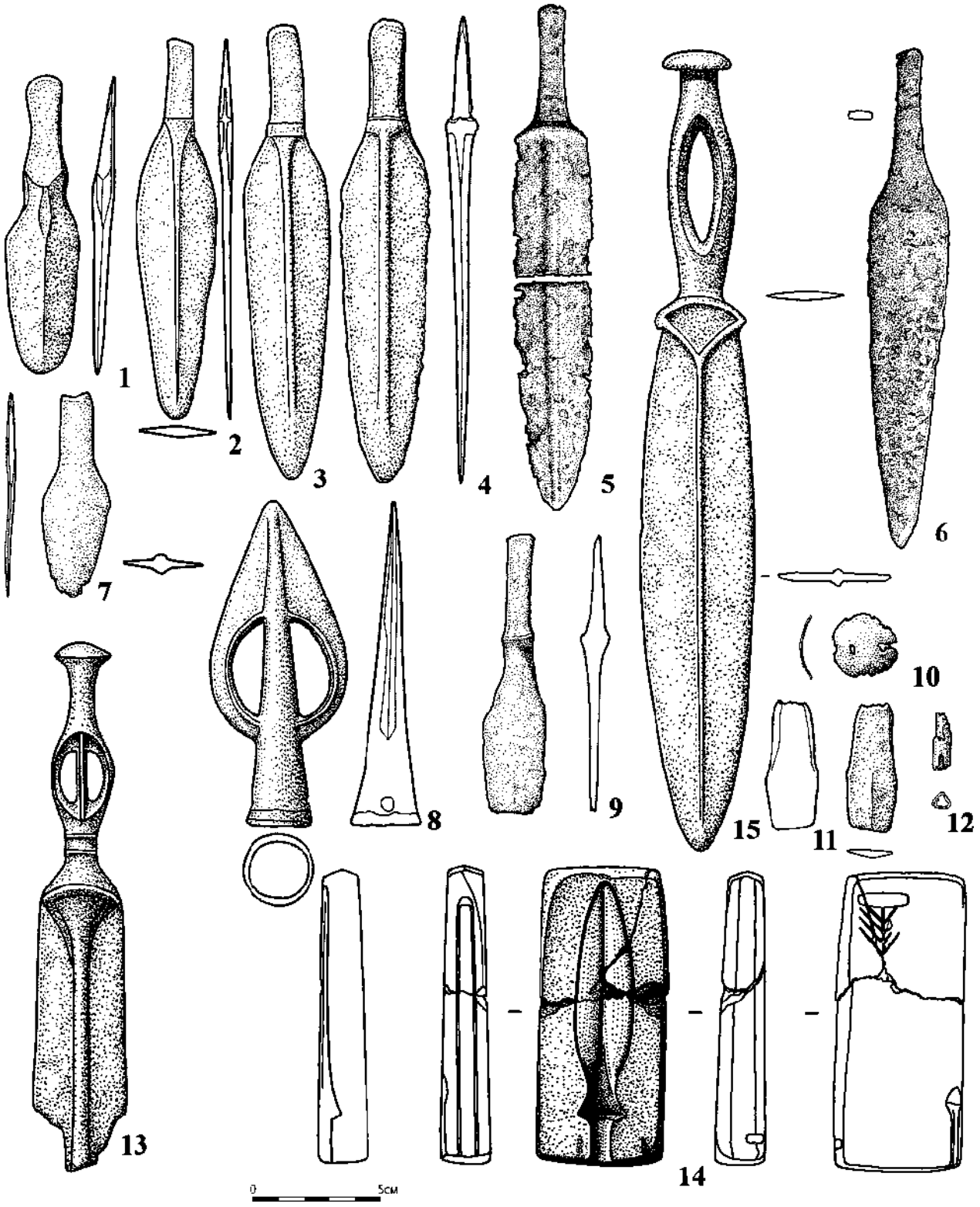


Рис. 13. Бронзовые изделия луговской и сусканской культуры (1–13) и каменная литейная форма (14)

1 – Лебяжинка V, по: Колев, 2000; 2 – Екатериновка, по: Колев, 2000; 3 – Ильичевский комплекс памятников; 4 – Карташиха I; 5 – находка вблизи деревни Уразаево; 6 – совхоз им. Воровского; 7, 10–12 – Мурзихинский II могильник (7 – погр. 155, 10–12 – погр. 144); 8 – Тихоновский (Пустобаевский) могильник и поселение; 9 – Татарско-Азибейская III стоянка; 13 – находка кинжала сосновомазинского типа вблизи Елабуги, по: Тихонов, 1960; 14 – Гулюковская I стоянка; 15 – находка кинжала сосновомазинского типа вблизи д. Грахово, по: Тихонов, 1960

памятники этих культур также демонстрируют схожесть. Погребенные атабаевского этапа маклашеевской культуры, как и межовской культуры, расположены преимущественно вытянуто на спине, что как раз является одним из признаков третьей фазы позднего бронзового века.

Историко-археологическая интерпретация (социальное устройство, исторические судьбы).

Судя по данным, полученным в результате анализа материалов поселений и могильников, можно сделать вывод о том, что население луговской и сусканской культур было эгалитарным без выраженной социальной стратификации. Разделение ремесел также еще не произошло. Население каждого поселка изготавливало все необходимое своими силами, в том числе и металлические изделия.

В середине II тыс. до н. э. происходит распад единства андроноидных культур Северной Евразии. На смену им приходит общность культур валиковой керамики, влияние которой затронуло лесостепную и лесную зону. Этот процесс иллюстрируется появлением позднелуговских памятников в Прикамье. В дальнейшем, начиная с XIV в до н. э., позднелуговские памятники сменяются поселениями и могильниками атабаевского этапа маклашеевской культуры. На атабаевской керамике еще прослеживаются некоторые андроноидные черты в орнаментации (заштрихованные треугольники, горизонтальная елочка, ряды горизонтальных прочерченных линий), однако сама техника нанесения орнамента изменяется. Он наносился гребенкой с мелкими зубцами или выполнялся протаскиванием. Для атабаевской керамики характерен ямочный орнамент по шейке.

Постепенный переход от позднелуговского к атабаевскому культурному комплексу свидетельствует о том, что смена культур на территории Среднего Поволжья и Прикамья произошла не в результате крупных миграций, а в результате изменения культурных стереотипов в среде местного автохтонного населения.

Таблица 1

Радиоуглеродные даты сусканской и луговской культур.

№	Памятник	Шифр лаборатории	Материал	Дата (BP)	Калиброванные даты (calBC)
1	Р. Селитьба II, соор. 3	ГИН-9425а	дерево	3320±40	1689–1505 (95,4%)
2	Р. Селитьба II, соор. 2	ГИН-9425в	дерево	3270±40	1622–1447 (95,4%)
3	Лебяжинка V, погр. 10	ГИН-9425б	кость	3110±110	1614–1055 (95,4%)
4	Студенцы, кург.1, погр. 2	Ox-4260	кость	3350±70	1778–1496 (89,6%)
5	Зуево-Ключевское поселение	БашГИ-57	уголь	3210±150	1883–1110 (95,4%)
6	Мурзихинский II мог., погр. 98	ГИН-9430	кость	3200±40	1538–1400 (95,4%)
7	Мурзихинский II мог., погр. 144	ГИН-10040	кость	3330±160	2036–1225 (95,3%)
8	Коминтерновский курган 1, погр. 1	UOC-13393	уголь, дуб	3312±32	1641–1504 (92,2%)
9	Коминтерновский курган 1, погр. 1	UOC-13394	уголь, дуб	3291±30	1623–1501 (95,4%)

ГЛАВА 8

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ С ТЕКСТИЛЬНОЙ КЕРАМИКОЙ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В ранней истории народов на обширной территории Восточной Европы особое место занимает население с керамикой, на внешней (иногда частично и на внутренней) поверхности которой четко прослеживаются ниточные и рябчатые отпечатки (рис. 1). В современной русскоязычной литературе такая керамика называется «текстильной», ложнотекстильной, «сетчатой», псевдосетчатой, ниточно-рябчатой. Последнее название, предложенное автором и принятое участниками российской конференции по проблемам «сетчатой» и «текстильной» керамики в Йошкар-Оле в 1993 г. (Патрушев, 1993), наиболее точно отражает основные особенности такой керамики. Однако считаем необходимым сохранить первоначальное название «текстильная» по названию выделенной культуры.

Начало изучения текстильной керамики относится к концу XIX – началу XX вв. Этот период можно выделить как первый, дореволюционный, этап. В этот период впервые появляется интерес к особой группе посуды с сетчатым орнаментом (Городцов, 1900, 1914; Спицын, 1903; Pälsi, 1916, и др.). Основательная характеристика этого этапа представлена О.А. Лопатиной (2014, с. 66–70). Основной итог дореволюционного этапа исследований: 1) выделение разных видов отпечатков (оспенно-рытый, рябчатый, печатный, нитчатый или ниточный, веревочный, тканный, рогожный и др.), но слабо разграниченных даже у одного исследователя; все они воспринимались как элементы орнамента; 2) выделение дьяковских (или «дьякова типа») и городецких городищ Центральной и Северной России с сетчатой и рогожной керамикой, не разграниченных в культурном отношении; 3) ограничение территории памятников с сетчатыми «узорами» в основном Волго-Окским междуречьем, Верхним Поволжьем, Москворечьем, калужским и рязанским Поочьем, Саратовской губернией; 4) определение финской принадлежности городищ с сетчатой и рогожной керамикой.

В послереволюционный период, выделенный как второй этап (1918–1945 гг.), В.А. Городцов (1928, с. 8) определенно разграничивает городища «дьякова типа» и городецкую культуру, но в пределах одной общности с «печатными типами керамического орнамента». Б.С. Жуков, впервые использовавший в отечественной литературе перенятый им у финских археологов термин «текстильная керамика», выделяет городища исходя из истоков: культура дьякова типа – от древней текстильной керамики, культура городецкого типа с «рогожной керамикой» – от дериватов культур типа Озименок (Лопатина, 2014, с. 72). Аарне Айряпяа (Äyräpää, 1933, s. 114) высказал мнение об истоках текстильной керамики Балтии и Финляндии от поздненеолитического населения Чехии; он также предположил, что в России эта традиция могла быть передана через фатьяновскую керамику со шнуровой керамикой.

Интерес к проблемам населения с текстильной керамикой возрастает в послевоенные годы (третий этап – 1946–1979 гг.). При характеристике ряда культур показана роль такой керамики в этнокультурных процессах и дана ее беглая характеристика исследователями М.Е. Фосс (1947, с. 61–69; 1952), О.Н. Бадером (1950), А.Я. Брюсовым (1950, с. 287–305), А.П. Смирновым (1952), Н.В. Трубниковой (1952) и др. Финский исследователь К.Ф. Мейнандер (Meinander, 1954) появление памятников с такой керамикой датировал XVIII в. до н. э. и отнес их к культуре текстильной керамики. Он также отметил, что в эпоху железа текстильная керамика сопровождается бронзовыми топорами-кельтами меларского типа. Н.В. Трубникова (1952, с. 125–129), С.А. Семенов (1955, с. 137–144), К. Карпелан (Karpelan, 1970), А.А. Бобринский (1978) и др. при изучении керамики особое внимание обратили на технику нанесения отпечатков на поверхности сосуда. Особо следует выделить основанное на экспериментальном уровне детальное изучение «текстильной» керамики А.А. Бобринским (1978). Б.А. Фоломеев (1975, с. 154–165) выделил характерные отпечатки на поверхности «текстильной» посуды из поселения Тюков Городок (группы ниточных и рябчатых). При решении проблем этнической истории определенных регионов многие исследователи обращали пристальное внимание на текстильную керамику (Бадер, 1966, с. 34–46; 1970; Гурина, 1961; 1963, с. 85–204; Лозе, 1979; Лыугас, 1970;

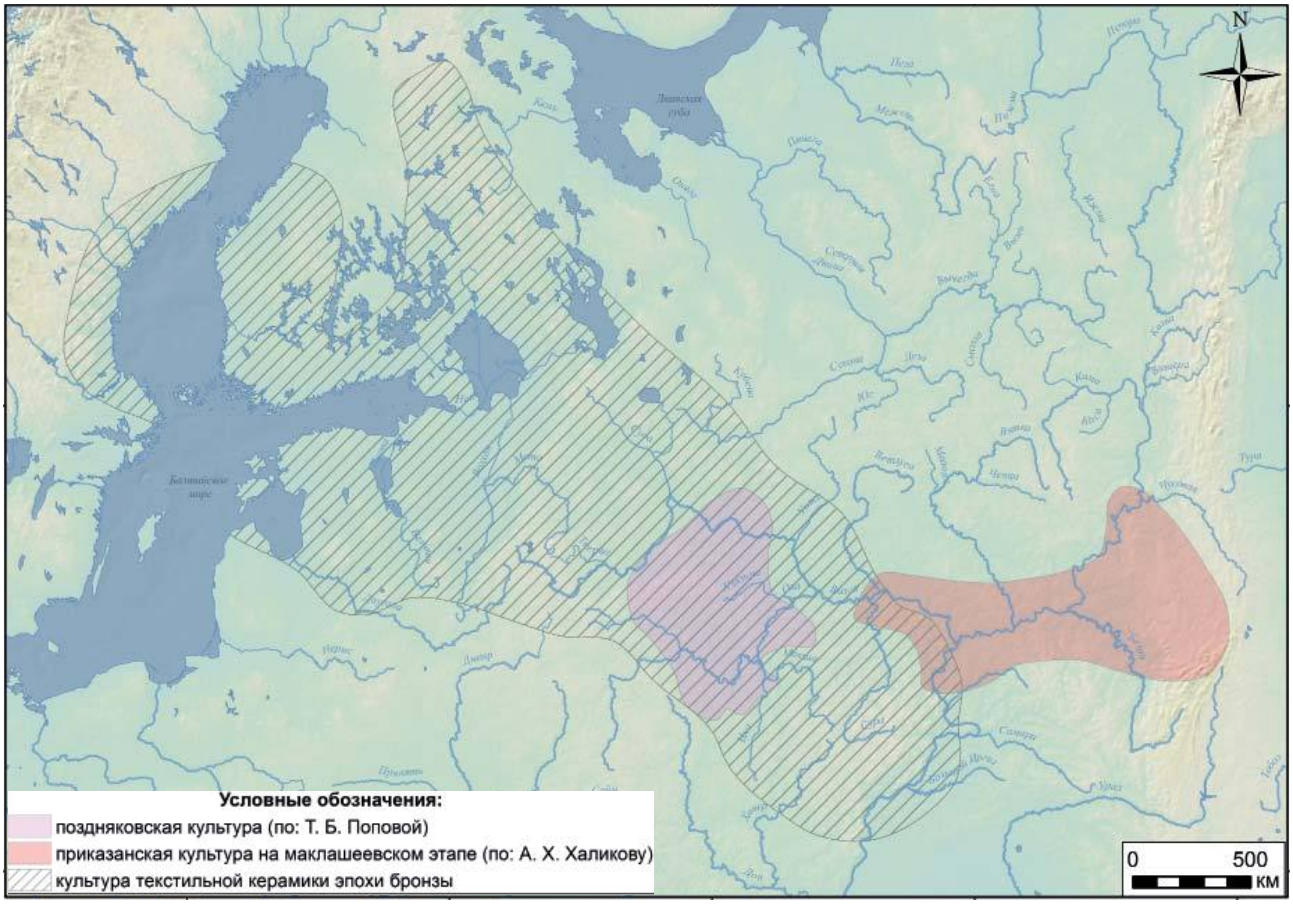


Рис. 1. Ареалы культур эпохи финальной бронзы в Поволжье

1 – приказанская культура на маклашеевском этапе (по: А.Х. Халикову); 2 – поздняковская культура (по: Т.Б. Поповой), 3 – культура текстильной керамики эпохи бронзы

Никитин, 1963; Патрушев, 1971; Розенфельдт, 1974; Смирнов К., 1974; Халиков, 1960, 1962, с. 7–187; 1969; Янитс, 1959 и др.). Основной итог исследований послевоенного периода: 1) включение финноязычного населения с текстильной керамикой в общий ход исторического развития на широкой территории от Поволжья до Скандинавии; 2) выделение особой культуры текстильной керамики; 3) определение возможных истоков появления такой керамики в поздненеолитической среде и посуде круга шнуровой керамики (фатьяновской) при участии ряда местных компонентов; 4) определение ниточно-рябчатых отпечатков как результата технологических особенностей изготовления посуды и первые шаги по классификации отпечатков на поверхности.

Наиболее плодотворным в исследованиях финноязычного населения с текстильной керамикой стал период с начала 1980 годов до наших дней (четвертый этап). Большим достижением этого периода стало получение ряда радиоуглеродных дат из памятников с текстильной керамикой (Сулержицкий, Фоломеев, 1993, с. 42–55; 2013, с. 360–373), датировка значительного числа комплексов по нагару на стенках сосудов по методу АМС (Крийска А., Лавенто М., 2007; Kriiska, Lavento & Peets, 2005; Lavento, 2001; Лавенто, Патрушев, 2015 и др.), экспериментальные исследования отпечатков на сосудах (Лопатина, 2009, с. 204–212; Чернай, 1981, с. 204–212; 1993, с. 36–48) и основательная классификация отпечатков и орнамента (Патрушев, 1989, прил. 1). Появились попытки выделения локальных групп текстильной керамики, в том числе по сопровождающим комплексам (Васкс, 1991; Воронин, 1998, с. 308–323; 2013, с. 329–344; Смирнов К., 1993, с. 48–82; Сыроватко, 2013; Сыроватко, Трошина, Антипина, 2013, с. 374–379; Косменко, 1992; 1996, с. 185–215; Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 6–12; Dumpe, 2003, pp. 110–117; Jaanusson, 1985, pp. 39–50, и др.), а также выявление общих черт на всей территории распространения такой посуды (Патрушев, 1989; 1993, с. 3–20; Patrushev, 1992, pp. 43–56; 2000, pp. 73–88, 100–111; Патрушев, Лавенто, 2019, с. 100–109, 121–133; Сидоров, 2003) или характеристика различных проблем истории изучения и развития текстильной керамики (Азаров, 2014, с. 352–373; Гусаков, Кузьминых, 2008, с. 105–117; Лопатина, 2014, с. 66–70; Фоломеев, 1993, с. 3–21; 1998; Халиков, 1980, и др.).

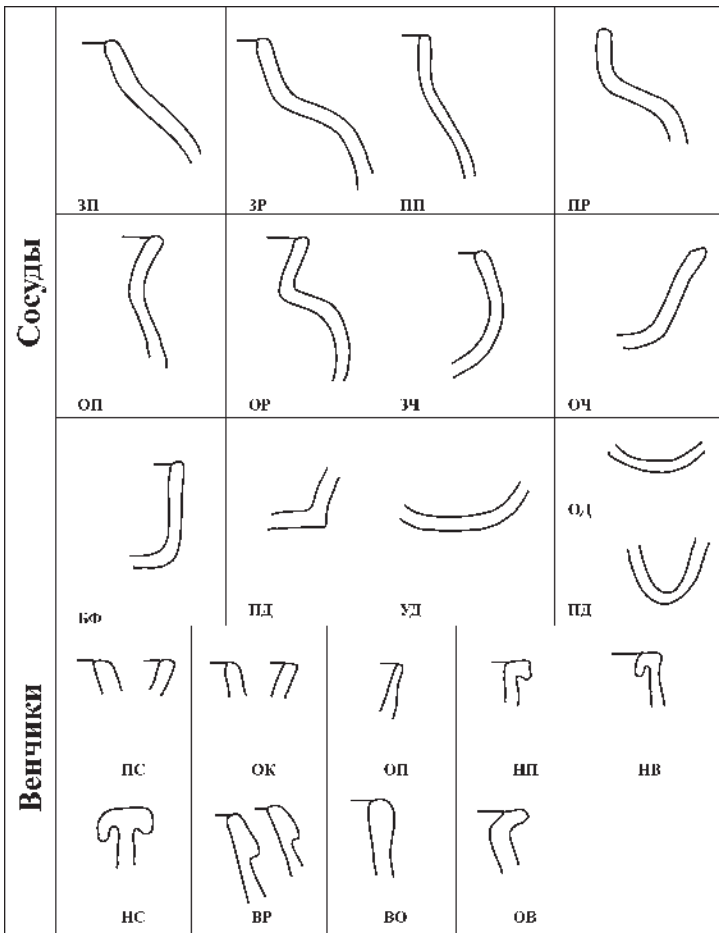


Рис. 2. Форма сосудов и венчиков текстильной керамики (по: Патрушев, 1989, прил. 1)

Формы сосудов: ЗП – с закрытым горлом и плавным переходом в тулово, ЗР – то же с резким переходом, ПП – с прямым горлом и плавным переходом, ПР – то же с резким переходом, ОП – с открытым горлом и плавным переходом, ОР – с открытым горлом и резким переходом, ЗЧ – закрытая чаша, ОЧ – открытая чаша, БФ – баночная форма, ПД – плоское дно, УП – уплощенное дно, ОД – округлое дно, ПО – приостренное дно. Формы венчиков: ПС – прямой срез, ОК – округлый край, ПО – приостренный, НП – с наплывом с внешней стороны, НВ – с наплывом с внутренней стороны, НС – с наплывом с внешней и внутренней стороны, ВР – с воротничком

Большинство исследователей считают, что текстильные отпечатки связаны с распространением своеобразных технологических приемов изготовления глиняной посуды с целью уплотнения глиняной массы путем выбивания колотушкой, обернутой тканью (Семенов, 1955, с. 141; Лозе, 1972, с. 21; Фоломеев, 1975), рубцовой кожей или через рубцовую кожу, кожу книжки желудка животного или колотушкой с ячеистой поверхностью, чеканом (Бобринский, 1978, с. 142 и след.), зубчатым штампом, иногда многорядным (Арзютов, 1926; Никитин, 1963, с. 205; Трубникова, 1962, с. 128; Фосс, 1947; 1957, и др.), прокатыванием палочки с намотанной на нее веревочкой, или же благодаря использованию при формовке сосудов в виде тканевых, кожаных форм-емкостей (Городцов, 1900; Бобринский, 1978), применению различных штампов и тканей (Гурина, 1963, с. 136 и след.; Розенфельдт, 1974, с. 151–153; Халиков, 1962, с. 98 и след.), или только с использованием различных видов текстиля (Бадер, 1950, с. 101; Брюсов, 1950, с. 287 и след.; Смирнов А., 1952, с. 245; Чернай, 1981, с. 71 и след.). Различные технологические приемы оставили на поверхности выделенные В.А. Городцовым (1910; 1914) и А.А. Спицыным (1903) ниточные и рябчатые отпечатки, среди которых Б.А. Фоломеев (1975, с. 154 и след.) при характеристике такой керамики поселения Тюков Городок выделил несколько вариантов.

Автором впервые исследована текстильная керамика в целом почти на всей ее территории. Составлен банк данных, включающий более 42 тыс. фрагментов из 245 памятников, хранящихся в более 30 фондах музеев и организаций. Банк данных значительно пополнен благодаря совместным исследованиям автора и профессора Мики Лавенто по грантам Общества М.А. Кастрена в южных и западных регионах распространения текстильной керамики в лесостепной зоне России, Прибалтике, Белоруссии и Украине. Общими чертами текстильной керамики в целом являются (Патрушев, 1989, с. 23):

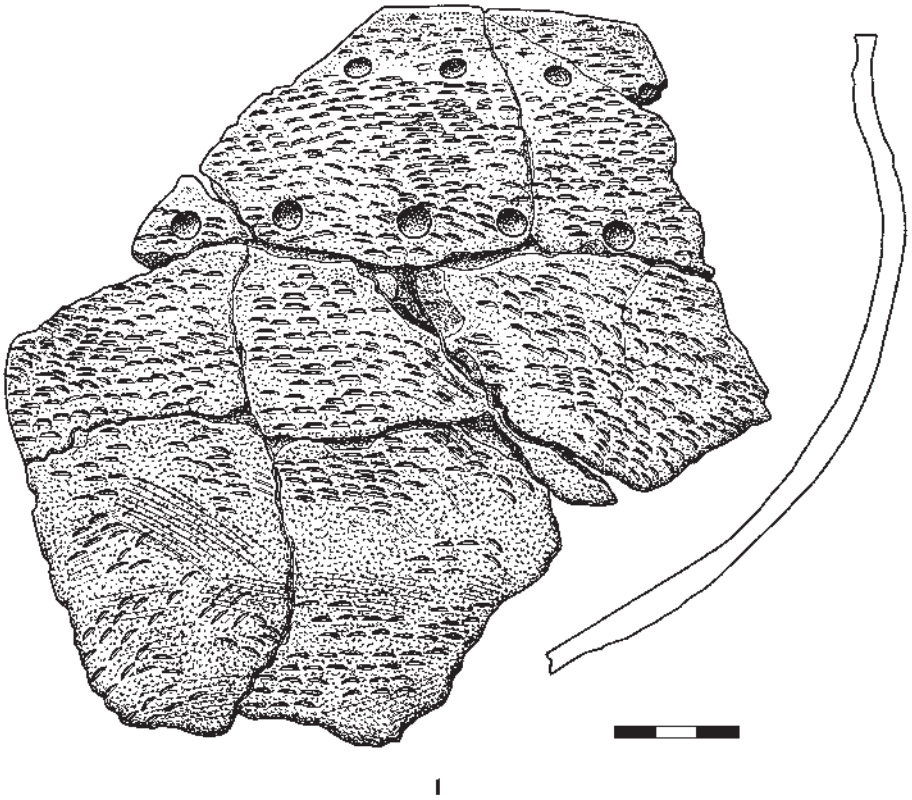


Рис. 3. Фрагмент сосуда с оттисками намотанной на палочку веревочки из раскопок 2 поселения База Отдыха в Республике Марий Эл Российско-Финской археологичекской экспедицией Института археологии Академии наук Республики Татарстан в 2015 г.

1) господствующая горшковидная форма с закрытым, прямым, открытым горлом, плавно или реже более резко переходящим в прослеженных случаях в слабовыпуклое тулово, при наличии чашевидных или баночных сосудов, с плоским, уплощенным, округлым дном (рис. 2);

2) преимущественно округлый, реже плоский, приостренный, с наплывами с внешней или внутренней стороны, нередко в южных районах с воротничком или в северных валикообразный край венчика (рис. 2), содержащий нередко текстильные отпечатки или узоры;

3) ниточные или рябчатые отпечатки по всей поверхности посуды и реже только ниже горла (рис. 3–5);

4) примесь песка, дресвы (иногда крупных кусочков кварцита);

5) орнаментация преимущественно в виде горизонтальных зон из **неправильных (с рваными краями)** и круглых ямок, жемчужин, реже оттисков зубчатого **штампа,** клиновидных ямок и вдавлений, оттисков шнура и их различных сочетаний (рис. 6).

Перечисленные признаки сохраняются и на керамике эпохи раннего железа. Поэтому инструментарий исследований для статистической обработки данных о текстильной керамике эпохи бронзы и раннего железа единый (Патрушев, 1989, прил. 1).

Поиски истоков появления текстильной керамики уходят ко времени выделения такой посуды. В.А. Городцов (1900; 1914) и А.А. Спицын (1903), выделив особый культурный пласт с сетчатой керамикой, указывали ее истоки в поздненеолитической керамике. Впоследствии ряд исследователей истоки приемов ниточно-рябчатой обработки сосудов также указывает в поздней посуде культуры ямочно-гребенчатой керамики (Брюсов, 1950, с. 287–305; Фосс, 1947, с. 61–69; Гурина, 1961; Лозе, 1979; Ошибкина, 1987, с. 147–156). Были и возражения против такой точки зрения. В частности, В.П. Третьяков (1975, с. 62–67) считал невозможной близость ямочно-гребенчатой и текстильной керамики из-за хронологического разрыва между ними. Вероятной зоной возникновения такой керамики он называет районы Прибалтики. А.В. Васкс (1983) выступил против мнения И.А. Лозе об истоках такой посуды Прибалтики в ямочно-гребенчатой посуде аборского типа из-за совершенно разной структуры таких групп керамики и отсутствия между ними какой-либо генетической связи.

Для текстильной керамики северо-западных районов России известна точка зрения о распро-

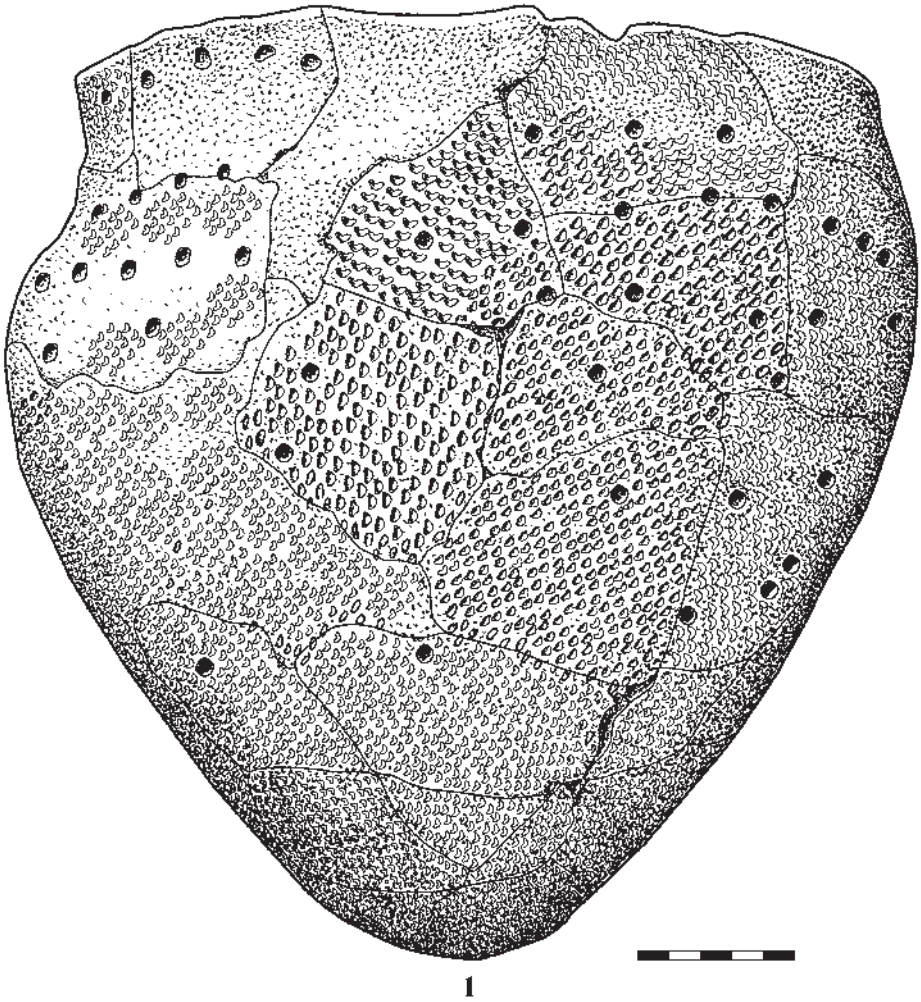


Рис. 4. Сосуд с текстильными отпечатками из Поселения Ясачное 3 (раскопки Б.С. Соловьева)

странении таких отпечатков на сосудах под влиянием поздней шнуровой керамики. О.С. Гадзяцкая и Д.А. Крайнов (1987), говоря о дальнейших судьбах фатьяновцев, приводят ряд доказательств наличия элементов их посуды в текстильной керамике. Доказательства участия племен шнуровой керамики в оформлении текстильной керамики Прибалтики приводит Я. Граудонис (1967), что подтверждается антропологическими данными (Денисова, 1973).

И.В. Гаврилова (1968), признавая основным компонентом ниточно-рябчатой керамики ямочно-гребенчатую, считает возможным участие в ее оформлении элементов посуды галичской, различных вариантов фатьяноидной и поздняковской. Такая точка зрения об участии в ее формировании ряда культур перекликается с мнением О.Н. Бадера (1970), Н.Н. Гуриной (1961), П.Н. Третьякова (1966) и др. К.В. Воронин (1998, с. 308–314) сторонников взглядов формирования культуры сетчатой керамики на основе поздненеолитических племен и других пришлых культур (боевых топоров и шнуровой керамики, абашевской, поздняковской) называет интеграционистами и относит к ним, кроме отмеченных, А.Л. Никитина, М.Г. Косменко и Л.В. Ванкину. Весьма привлекательна точка зрения О.Н. Бадера (1966, с. 36), который предполагал участие в формировании культуры сетчатой керамики потомков неолитического населения с ямочно-гребенчатой керамикой, а также волосовских, фатьяновских, балановских, поздняковских и абашевских элементов, т. е. ассимиляции разнородных этнических элементов и постепенного слияния их в единое целое.

С целью выяснения истоков текстильной керамики автором была попытка сопоставить данную посуду с керамикой ряда предыдущих и синхронных культур (Патрушев, 1989, с. 40–45; рис. 7: 16).

Общие границы распространения текстильной керамики в эпоху бронзы и раннего железа проходят полосой шириной приблизительно 700 км от Поволжья до Восточной Швеции (рис. 1) (Гурина, 1963, рис. 80; Гусаков, Кузьминых, 2008, рис. 4; Патрушев, 2016, рис. 1; Розенфельдт, 1974, рис. 48; Смирнов К., 1974, табл. X). В основном широкое распространение текстильной (ниточной и

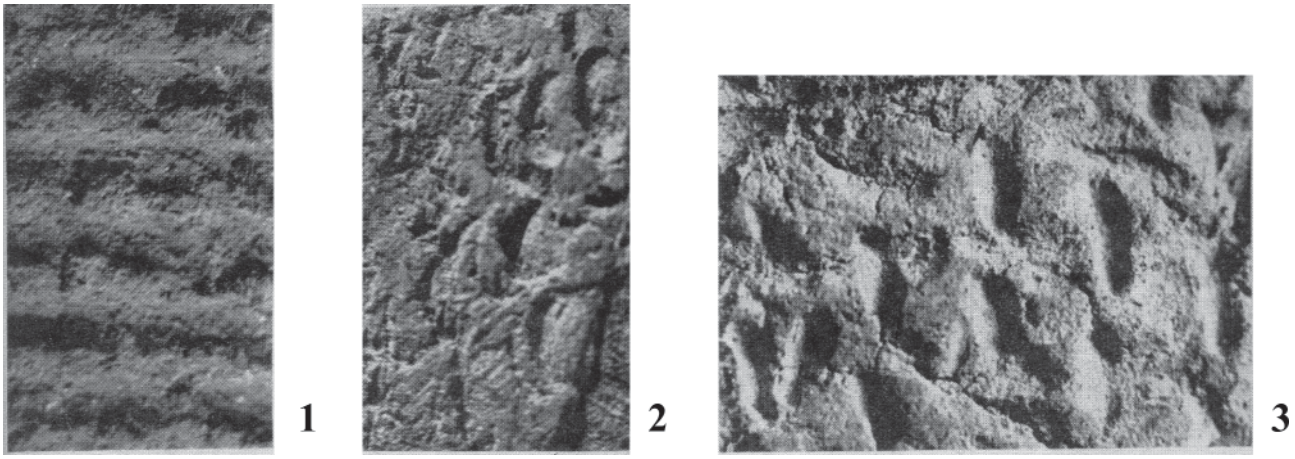


Рис. 5. Ниточные и рябчатые отпечатки на сосудах (макросъемка)

1 – «дождь» из клиновидных отпечатков (Борань, Костромская область), 2 – мелкие ниточные хаотичные и «дождь» из клиновидных вдавлений поверх дуговидных отпечатков (Курган, Республика Татарстан), 3 – клиновидные и ниточные линзевидные хаотичные (Козьмодемьянское поселение)

рябчатой) керамики, как в северных, так и восточных районах Европейской части России относится ко II – началу I тыс. до н. э. (Бадер, 1970; Горюнова, 1961; Граудонис, 1967; 1987; Гурина, 1961; Патрушев, 1989; Халиков, I960, и др.). Правда, она вначале повсеместно сопровождает гладкостенную керамику.

Среди многочисленных памятников с текстильной керамикой в связи с проблематикой нашего издания мы остановимся на характеристике восточных памятников эпохи бронзы и более подробно – комплексов текстильной керамики эталонных памятников (Патрушев, 1989, прил. 1).

Памятники эпохи бронзы Татарского, Марийского, Чувашского Поволжья характеризуются сочетанием атабаевской и маклашеевской посуды восточного облика и текстильной керамики.

В Татарском Поволжье выделяется 28 атабаевских и маклашеевских памятников, содержащих от 7,3 до 45% текстильной керамики (рис. 7). Малочисленность последней на большинстве памятников не позволяет включить ее в статистический анализ. Однако наличие такой керамики на значительной территории позволяет считать возможным распространение населения с текстильной керамикой до устьевых районов р. Камы и даже восточнее. На левом берегу р. Волги, в устье Камы, располагаются Березовогривская II стоянка (рис. 7: 3) (Халиков, 1969, рис. 64) и стоянка Степное озеро II у с. Болгары (рис. 7: 4) (Халиков, 1960, с. 121, карта 4, № 460). На правом берегу р. Волги у с. Бессоновка Тетюшского района Татарстана располагается стоянка Бессоновская пристань (рис. 7: 5) (Халиков, 1980, с. 103).

Значительное число атабаевских и маклашеевских памятников с текстильной керамикой открыто и исследовано выше по течению от указанных поселений в Татарском правобережье р. Волги. Это Нариманское поселение у д. Нариман Верхне-Услонского района (рис. 7: 11) (Халиков, 1980, с. 104), Пустоморквашинское поселение на территории дома отдыха «Пустые Моркваши» (рис. 7: 12) (Халиков, 1977, с. 48), Макарьевское поселение в том же районе на правом берегу р. Свияги (рис. 7: 13) (Халиков, 1960, с. 104, карта 4, № 31), Медведковское поселение у р. Медведково того же района (рис. 7: 14) (Штукенберг, Высоцкий, 1885, с. 57–60, табл. XVI), Состринская (Гаврилковская) стоянка у с. Гаврилково Верхне-Услонского района (рис. 7: 15) (Халиков, 1969, рис. 64; 1980, с. 104), Калинкинское местонахождение на правом берегу р. Свияги (рис. 7: 16) (Халиков, 1980, карта 4, № 39; колл. ГМТР-11802) и 3 поселения на ее левом берегу – Исаковская I, Свияжская, Обсерваторская IV стоянки (рис. 7: 17–19) (Халиков, 1980, карта 4, № 67, 69, 115; колл. ГМРТ-11651, АА-3I7; колл. ИЯЛИ – КФАН-7).

Семь памятников с текстильной керамикой, отнесенной к эпохе бронзы, открыты в Казанском течении Волги на ее левобережье от устья р. Казанки до г. Зеленодольска. Наиболее значительны коллекции Казанской стоянки, расположенной на краю надлуговой террасы правого берега р. Казанки на окраине г. Казани. Стоянка открыта и исследована в 1938 г. (Калинин, 1948, с. 179–186; Смирнов А., 1949), впоследствии обследована в 1964 и 1976 гг. (рис. 7: 30) (Блинова, 1975, с. 47, № 64; Халиков, 1980, с. 108, карта 4, № 130; колл. ГМТР-3681, 8547). Вверх по течению Волги располагаются Куземетьевская I у пос. Куземетьево (рис. 7: 31) (Халиков, 1980, карта 4, № 125, с. 108; колл. ГМТР-11783, АА-333), Займищенские I, III, IV стоянки (рис. 7: 22–24) (колл. ГМТР-11650, АА-316), в том числе III стоянка, давшая эталонный комплекс текстильной керамики для Татарского Поволжья (табл. 1). Памятник расположен к юго-

востоку от пос. Займище Зеленодольского района на левом берегу Волги. Поселение открыто еще в 1917 г., исследовалось в 1953 г. (Смирнов А., 1949, с. 14; Халиков, 1980, с. 106, карта 4, № 121).

К западу от перечисленных памятников вверх по Волге находятся Обсерваторская II (рис. 7: 25) (Халиков**,** 1980, с. 108; колл. ГМТР-1165I, АА-317), Сумская I (рис. 7: 26) (Халиков**,** 1980, с. 107), Атлашкинская (рис. 7: 27) (Халиков**,** 1969, рис. 58; колл. ГМТР-11730, АА-330), Бикнаратская (рис. 7: 28) (Архипов**,** Халиков**,** 1960, с. 27, № 51) стоянки.

На территории Марийского Поволжья открыто 33 памятника эпохи развитой бронзы с «текстильной» керамикой (рис. 7) (Патрушев, 1989, рис. 17). В восточных областях Марийского края находятся Сеньдинская, Ерумбальская, Чедрояльская, Алексеевская стоянки (Соловьев, 1988; 2000; Халиков, I960, с. 145; 1980, карта 4, № 101, 105). Значительная группа памятников обнаружена на левобережье р. Волги в междуречье рек Илеть и Малая Кокшага (рис. 7): стоянка Городище (Халиков, 1960, с. 145), Мари-Луговская I и II стоянки (Халиков, I960, с. 146–148), Чувашотарские стоянка и IV поселение, стоянки Шелангуш III и XV, Ясачное III поселение (Соловьев, 2000, с. 138–141), Троярская VII стоянка (Никитин, Старостин, 1978, с. 53, № 154; с. 56, 57, № 167; с. 88, № 269; Халиков, I960, с. 45–48). В устьевой части в левобережье р. Большой Кокшаги располагаются Кокшайские стоянки и поселение (рис. 7: 41–42) (Архипов, Патрушев, 1976, с. 46; Никитин, Патрушев, 1982, с. 74, № 241; Патрушев, 1978, с. 90–93; 1987, с. 19, 29–33; Рокин, Патрушев, Соловьев, 1976, с. 300–301; Халиков, 1980, с. 15, табл. 4: 3).

В правобережье р. Большой Кокшаги находятся II и VI Кокшамарские стоянки (Никитин, Патрушев, 1982, с. 68; Соловьев, 2000, с. 141–143), поселение База Отдыха 2 (Патрушев, 1986а; 1999; 2000; 2001; 2017; Патрушев, Павлова, 1997), датированное XIV в до н. э. (Лавенто, Патрушев, 2015, табл. 1) и поселение Сосновая грива, давшее хороший комплекс текстильной керамики. Памятник открыт разведочным отрядом Марийской археологической экспедиции в 1980 г. и исследовался в 1982 г. Б.С. Соловьевым (1984, с. 67–84; 2000, с. 143–145), в 1984 и 1986 гг. В.С. Патрушевым (1986, с. 150; 1989, с. 27; 0-1985; 0-1987). Поблизости располагается 3 поселение Сосновая Грива (Lavento, Patrushev, 1996). Западнее расположено Уржумкинское II поселение (Соловьев, 1988).

В северо-западных районах Республики Марий Эл в верховьях рек Большой Кокшаги, Большого Кундыша и Рутки выявлены семь памятников эпохи бронзы с текстильной керамикой (рис. 7): стоянки Витьюмская, II Шушерская, Широкундышская, Старое Жило I и II, Мазарское местонахождение (Никитин, Старостин, 1978, с. 37, 40; Соловьев, 1988). В устье реки Рутки находились VII Руткинское поселение и поселение Мольбище (Козьмодемьянское) (Никитин, Патрушев, 1982, с. 33, № 90; Патрушев, 1986; Соловьев, 2000, с. 147–149), а западнее – Ахмыловское поселение, исследованное при раскопках Старшего Ахмыловского могильника (Патрушев, 1989, с. 27; Патрушев, Халиков, 1982, с. 4 и след.; Халиков, 1969, с. 319; 1980).

На правом берегу р. Волги открыто местонахождение «Волна» (рис. 7: 55) (Халиков, 1969, с. 106), а в марийском левобережье Волги, выше устья р. Ветлуги, располагаются Сутырское II поселение (рис. 7: 56) (Никитин, Старостин, 1978, с. 19) и стоянка Красный выселок (рис. 7: 57) (Никитин, Патрушев, 1982, с. 26).

Подробная характеристика памятников эпохи бронзы Марийского Поволжья с текстильной керамикой содержится в монографии Б.С. Соловьева (2000, гл. 4).

В Чувашском Поволжье в правобережье р. Волги в устье р. Цивили находятся Яндашевская стоянка (рис. 7: 58) (Смолин, 1928; Халиков, 1969, с. 288; 1980, с. 106), а в Кировской области в верховьях р. Большой Кокшаги обнаружено Ошманурское местонахождение (рис. 7: 59) (Никитин, Патрушев, 1982, с. 72, № 232).

Памятники с текстильной керамикой на территории Марийского Поволжья относятся к эпохе финальной бронзы – XIV–VIII вв. до н. э. (Лавенто, Патрушев, 2015, табл. 1, с. 160; Соловьев, 1984, с. 76; 2000; Халиков, 1969, рис. 55).

Таким образом, на территории расселения западных атабаевцев и маклашеевцев значительной становится роль пришлого населения с текстильной керамикой.

Для выяснения истоков текстильной керамики Среднего Поволжья важно познакомиться с западными памятниками с такой посудой.

На территории расселения поздняковских племен текстильная керамика в незначительном количестве (1–3%) встречена уже на памятниках XV–XIV вв. до н. э. (Попова, 1985). Резкое увеличение сетчатой керамики на Средней Оке отмечено для рубежа II–I тыс. до н. э. (городище Тюков городок, поселение Фефелов Бор I) (Фоломеев, 1974; 1975) и несколько раньше в Верхне-Волжском и Волго-Клязьминском междуречье (Бадер, Попова, 1987, с. 135).

В Нижегородском Поволжье поздняковские памятники содержат довольно значительные комплексы текстильной керамики. Группа текстильной керамики Безводнинского поселения (рис. 7: 13) наиболее многочисленна (445 экз.). Оно открыто П.Н. Старостиным (Старостин, 0-1960) в

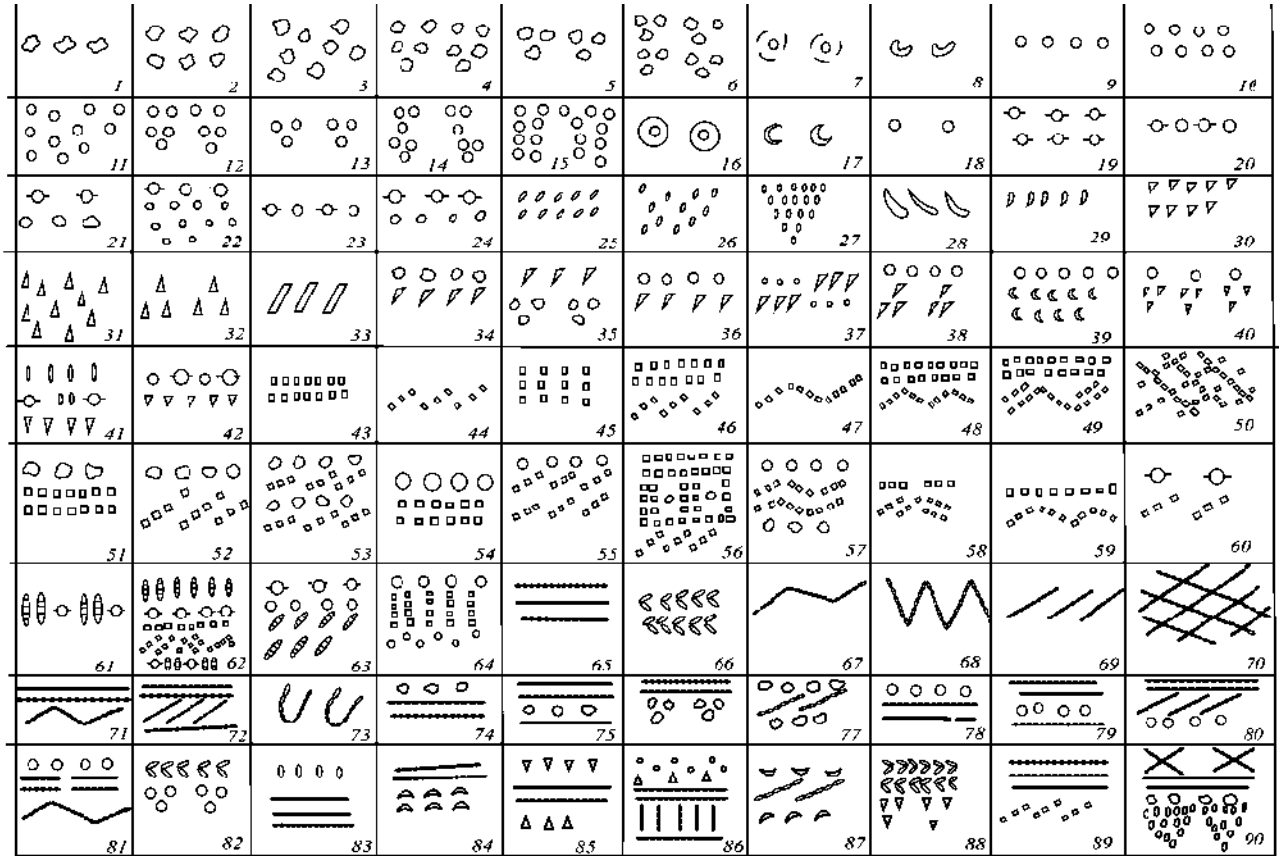


Рис. 6. Варианты орнамента текстильной керамики
(по инструментарию исследований: Патрушев, 1989, прил. 1, признак 8)

1959 г. при участии автора и исследовано в 1970 году В.Ф. Черниковым (Архипов, Воронин и др., 1971, с. 139; Черников, 0-1971). Оно располагалось в 4 км к юго-востоку от с. Безводное Кстовского района Нижегородской области на вершине дюнного всхолмления высотой 6–8 м в пойме р. Кудьмы, правого притока р. Волги. Стратиграфия памятника несложная: 1 – дёрн и подстилающая его черная гумированная супесь – 8–16 см; 2 – светло-серый гумированный песок – 8–20 см; 3 – темно-серая гумированная супесь с культурными остатками – до 25 см; 4 – светло-серый слабо гумированный песок – 7–10 см; 5 – желтый песок – материк.

Многочисленные находки керамики В.Ф. Черниковым (0-1971, с. 29–34, 39) выделены в три группы (колл. ГОМ-18298): 1 группа – сосуды с гладкой поверхностью поздняковского облика – 75%; 2 – сетчатая посуда – 15%; 3 – гибридная керамика с сетчатыми отпечатками или без них с округлым или уплощенным дном, с примесью песка, дресвы, шамота, с некоторыми элементами приказанской (по В.Ф. Черникову) и чирковско-сейминской керамики (10%), свидетельствующей о сложном происхождении данной группы населения. Поселение В.Ф. Черниковым датировано XIV–XII вв. до н. э.

Другое поселение с близкими культурными признаками открыто на правом берегу р. Шавы, правого притока р. Дудьмы, на первой надлуговой террасе в 2,7 км от д. Шава того же района на территории пионерского лагеря «Буревестник» (Шава II; рис. 7: 12) (Халиков, 1960, с. 175; Черников, 0-1970). Культурный слой поселения в виде светло-серого песка с углисто-золистыми включениями мощностью 5–12 см. На поселении выделены три группы керамики (ГОМ-17611): I) гладкостенная керамика баночных и горшковидных форм, иногда остроребериая, с плоским дном без закраин, с примесью песка и дресвы, поздняковского облика – 40%; штрихованная керамика с примесью песка, дресвы, реже шамота – 20%; текстильная – до 40% (табл. 1) (Черников, 0-1971, с. 22–25). Интерес представляют наблюдения В.Ф. Черникова (0-1971, рис. 63: 4, 6; 65: 3, 5–9; 66: 2–5) о наличии в керамике данного поселения элементов чирковско-сейминской посуды позднего этапа, некоторых позднебалановских и абашевских черт. Поселение В.Ф. Черниковым (0-1971, с. 26) датировано XI–IX вв. до н. э.

Третьим значительным памятником эпохи бронзы Нижегородского Поволжья, содержащим многочисленный комплекс текстильной керамики (более 41%) наряду с гладкостенной поздняков-

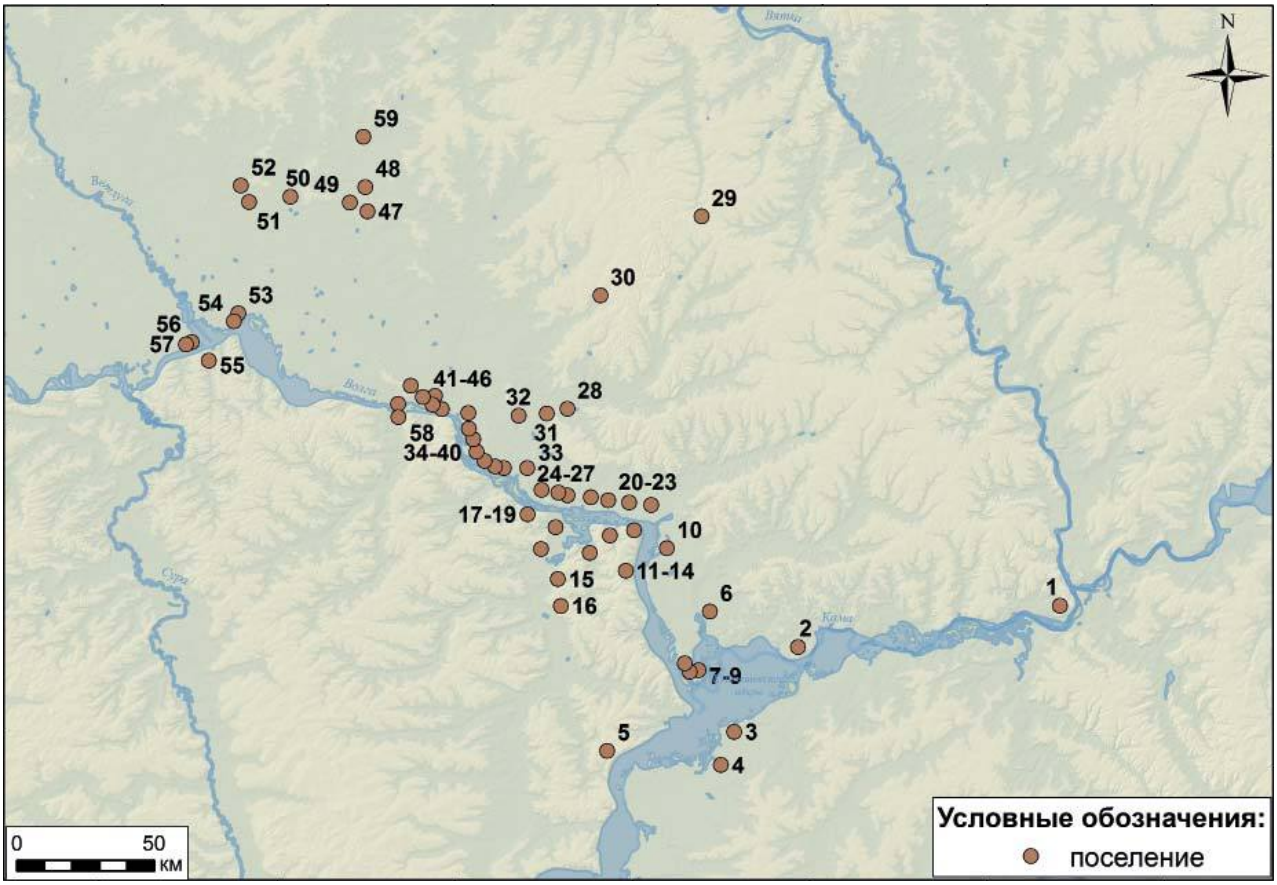


Рис. 7. Памятники эпохи бронзы с текстильной керамикой

Республика Татарстан: 1 – Граханьское поселение; 2 – Сорочьегорское селище 1; 3 – Березовогривская стоянка II; 4 – Степное озеро II, стоянка; 5 – стоянка Бессоновская пристань; 6 – Именьковское поселение; 7 – Макаровская стоянка; 8 – Атабаевская стоянка VI; 9 – Атабаевская стоянка V; 10 – Казанка I и II; 11 – Нариманское поселение; 12 – Пустоморквашинское поселение; 13 – Макарьевское поселение; 14 – Медведковское поселение; 15 – Состринская (Гаврилковская) стоянка; 16 – Каинкинское местонахождение; 17 – Исаковская стоянка 1; 18 – Свияжская стоянка; 19 – Обсерваторская стоянка IV; 20 – Казанская стоянка; 21 – Куземетьевская стоянка 1; 22 – Займищенская стоянка 1; 23 – Займищенская стоянка IIIа; 24 – Займищенская стоянка IV; 25 – Обсерваторская стоянка II; 26 – Сумская стоянка 1; 27 – Атлашкинская стоянка; 28 – Бикнаратская стоянка

Республика Марий Эл: 29 – Сеньдинская стоянка; 30 – Ерумбальская стоянка; 31 – Чодраяльская стоянка; 32 – Алексеевская стоянка; 33 – стоянка «Городище»; 34 – Мари-Луговская I стоянка; 35 – Мари-Луговская II стоянка; 36 – Чувашотарское IV поселение; 37 – Чувашотарское поселение; 38 – Шелангуш XV; 39 – Шелангуш III; 40 – Троярская VII стоянка; 41 – Кокшайское поселение; 42 – 4 Кокшайское поселение; 43 – 2 поселение База Отдыха; 44 – поселения Сосновая Грива и Сосновая Грива 3; 45 – Кокшамарские II и VI стоянки; 46 – Уржумкинское II поселение; 47 – Витьюмская стоянка; 48 – Мазарское местонахождение; 49 – Шушерская II стоянка; 50 – Широкундышская стоянка; 51 – Старое жило I; 52 – Старое жило II; 53 – Руткинское VII поселение; 54 – Ахмыловское поселение; 55 –местонахождение «Волна»; 56 – Сутырское II селище; 57 – Красный выселок II

Чувашская Республика: 58 – Яндашевская стоянка

Кировская область: 59 – Ошманурское местонахождение

ской посудой, является Жуковское IV поселение (рис. 7: 14), открытое в 1983 г. М.Г. Жилиным (0-1984, с. 12 и след.) в 3,5 км к юго-западу от д. Жуковка Барского района бывшей Горьковской области на западном мысу останца высокой поймы левого берега р. Волги, на южном берегу высотой 5 м озера Нижнее Глубокое при слиянии двух небольших ручьев. Культурный слой в виде темной, коричневато-серой супеси и светло-серого песка мощностью до 68 см.

Наряду с указанными памятниками с многочисленными комплексами текстильной керамики (Патрушев, 1989, прил. 1) в Нижегородской области открыты рад памятников, содержащих ее в незначительном количестве. Это нижний слой селища Батурина в 650 м к северо-западу от д. Вашурино Городецкого района на левом берегу Горьковского моря (Дмитриева, 0-1980, с. 8–9), поселения Большая Тарка II в Павловском районе (Рогачев, 0-1980, с. 4–6), Низково IV в 250 м к северу от д. Низково того же района и в 150 м к востоку от озера Кувшинка вместе с поздняковской керамикой позднего облика (Рогачев, 0-1980, с. 7; Черников, 0-1960), Красная речка III на правом бе-

Рис. 8. Вид с ЗЮЗ на 2 поселение База Отдыха. Стрелка указывает на местоположение памятника. 2015 г.

регу р. Теши на раскопанном поле в 300 м к востоку от переправы (Черников, 0-1964, с. 11), Кладбищенская Городина в 2,5 км к юго-востоку от р. Пьяны (Лопатин, 0-1976, с. 6), Кусторка II в 3,5 км от д. Новое Щербинино и 2 км к северу от д. Венец Павловского района и Малоприокское (Хреново) II на левом берегу р. Оки в районе г. Павлова, Крылово I в 0,5 км к северо-востоку от с. Крылово, Охлопково III в 3 км к югу от с. Красная горка на южном берегу оз. Чиритово, поблизости от последнего Володары IV близ восточной окраины д. Старая Сейма, на правой надпойменной террасе р. Оки против церкви с. Володары, и Желнино IV в 70 м от устья р. Освец (Черников, 0-1961, с. 14–16, 22, 28–29, 31, 33, 36, 43; колл. ГОМ-14452, 14459, 14460, 14848, 14869, 14872, 14886).

Также к эпохе бронзы относятся малочисленные комплексы текстильной керамики из поселений Наумовка II у д. Наумовка на р. Сережа и Пошатово I в 1,5 км вверх по р. Сережа от с. Пошатово (Черников, 0-1962, с. 15, 16–19; колл. ГОМ-15914, 15917), Мерлино II в 2 км от д. Марьевка на правом берегу р. Теши в 150 м от пионерского лагеря и Большое Туманово I на правом берегу р. Теши в 2 км к юго-востоку от одноименного села (Черников, 0-1963, с. 29–30), Доскинские, Венецкий II, Марьинский овраг на правом берегу р. Оки на участке от с. Чмутово до с. Венец (Сафонов, 0-1949, с. 4 и след.; Черников, 0-1960, с. 3 и след.).

Таким образом, текстильная керамика, за редким исключением, сопровождает поздняковскую керамику на всей территории Нижегородского Поволжья. Особо отметим, что она здесь в основном распространяется на поздней стадии развития поздняковской культуры.

Памятники с текстильной керамикой Владимирской области наиболее ярко представлены Великоозерской I стоянкой, расположенной на берегу оз. Великое в Вязниковском районе в 200 м к юго-западу от д. Ново (рис. 7: 18). Стоянка открыта в 1977 г. В.П. Глазовым и исследовалась в 1979 г. Л.А. Михайловой (0-1980, с. 1–9; Михайлова, Патрушев, 1993, с. 112–123). В раскопе площадью 224 кв. м выявлена стратиграфия: 1 – дёрн – 5–7 см; 2 – коричневый слабо гумированный песок с вкраплениями угля и кальцинированных костей – 10–40 см; 3 – светлый песок – до 70 см; 4 – желтый песок – материк. Текстильная керамика в основном встречена в слое светлого песка. Памятник Л.А. Михайловой датирован концом II тыс. до н. э. (0-1980, с. 6), однако по результатам вычислений критерия Стьюдента комплекс текстильной керамики поселения наиболее близок к ранним комплексам Ярославского (Дикариха, Плещеево III) и Марийского (4 Кокшайское, Сосновая Грива) Поволжья (Михайлова, Патрушев, 1993, с. 117–118).

Текстильная керамика содержится в комплексах ряда поздняковских памятников: на стоянке Нармус (колл. ВСМ-В/18984; В-18989), на памятниках Волосовской дюны (колл. ММ-2255–

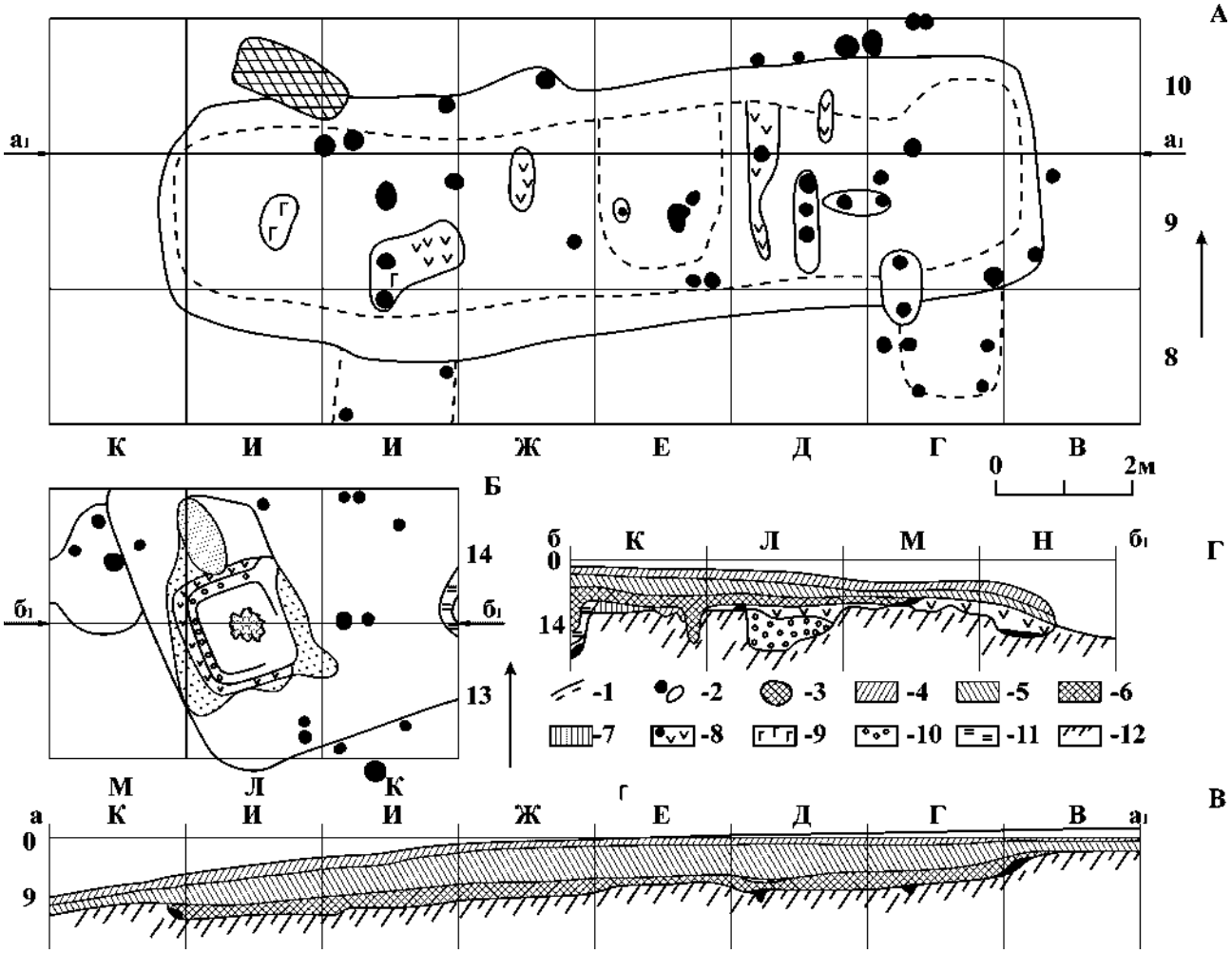


Рис. 9. 4 Кокшайское поселение. А – план жилища 1, Б – план жилища 2, В – сечение жилища 1, Г – сечение жилища 2 (1 – контуры жилищ, 2 – столбовые пятна и контуры объектов жилищ, 3 – поздняя яма, 4 – дерн, подерновая супесь, 5 – коричневатый гумированный песок, 6 – жилищный коричневый слой, 7 – углисто-золистый слой, 8 – углистый слой, 9 – гумусные включения, 10 – камни, 11 – глина, 12 – материк-желтый песок)

2258, 2276, 2918, 5366, 5908, 26620), стоянках на р. Ушне (колл. ММ-3207, 3214, 3225, 3812, 7290, 9959), Окской (колл. ММ-26630), Малоокуловской (колл. ММ-5576), Ст. Варяжская стрелка (колл. ММ-27661), Шишка (колл. ММ-5583), Ефановской II (колл. ММ-26626) и Ефановском и Пермиловском могильниках, в нижних слоях Дмитриевско-Слободского городища вместе с поздняковской гладкостенной и штрихованной керамикой (колл. ММ-6388), на стоянках Садовый Бор вместе с поздняковской, фатьяновской, волосовской керамикой (колл. ММ-3735) и Малый Бор I (колл. ММ-5603), а также стоянке Липки на р. Клязьме, Сокольская II в Ивановской области (Попова, 1970б, с. 258). Следует оговориться, что на Волосовской дюне наряду с текстильной керамикой раннего облика (эпохи финальной бронзы) встречены погребальные комплексы эпохи раннего железа (Патрушев, 1984, табл. XV).

Важно было бы привлечь для статистической обработки материалы памятников Ивановской области. Однако по объективным причинам автору не удалось проработать текстильную керамику из фондов Ивановского объединенного историко-краеведческого музея. Знакомство с малочисленными материалами из фондов Института археологии РАН показывает близость керамических комплексов Ивановской и Владимирской областей. Особый интерес представляют памятники Ивановской области Сахтыш I, II, VIII, расположенные на берегу р. Сахтыш в Тейковском районе и исследованные О.С. Гадзяцкой (0-1967, с. 49–55), Д.А. Крайновым и Ю.Б. Цейтлиным (1965, с. 36 и след. 0-1967, с. 11–47; 0-1972, с. 4, 55–57 и др.; фонды ИА АН СССР: Сах 1-70; Сах 1-73; КУ-77/338-637 и др.).

Археологическими исследованиями Ярославского Поволжья открыт значительный куст памятников в районе озер Плещеево и Сомино. Статистической обработке на ЭВМ подвергнуты комплексы керамики Дикарихи на северо-восточном берегу Плещеева озера у д. Криушкино

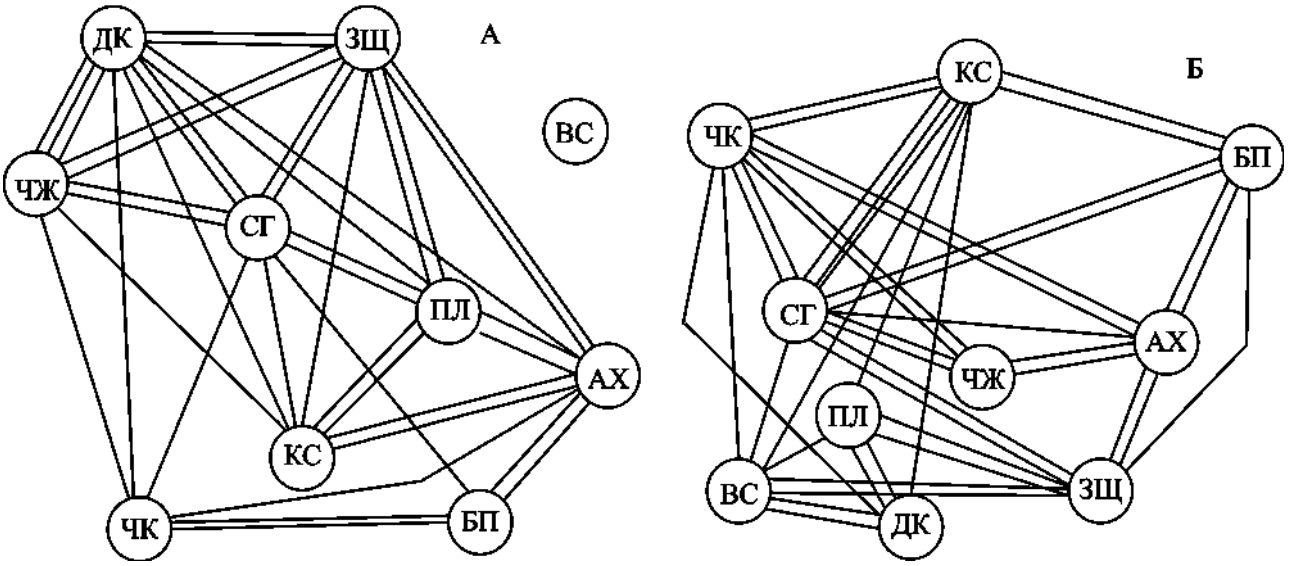


Рис. 10. Граф сходства комплексов текстильной керамики памятников эпохи бронзы по критерию Стьюдента А – по вариантам орнамента, Б – по сумме признаков (выделены в приложении 1: Патрушев, 1989, с. 89–91). Условные обозначения: 3 линии – расчетные значения– от 0,01 до 0,09; 2 линии – от 0,1 до 0,99; 1 линия – от 1 до 1,99; отсутствие линий – расчетное значение больше 1,99; табличное значение составляет 1,99 (см. методику вычисления критерия Стьюдента: Патрушев, 1989, с. 4–6). Сокращения названия поселений: ЧК – 4 Кокшайское, ДК – Дикариха, БП – Безводнинское, СГ – Сосновая Грива, ЧЖ – IV Жуковское, КС – Казанская стоянка, ЗЩ – Займище III, АХ – Ахмыловское, ПЛ – Плещеево III, ВС – 1 Великоозерское

Переславского района (рис. 7: 20) (Никитин, 1963, с. 204 и след.; 0-1960, с. 9 и след.; 0-1961, с. 2 и след.). Раскопками А.Л. Никитина в 1959–1960 гг. на поселении Дикариха выявлен культурный слой в основном мощностью от 25 до 45 см в виде темно-серого, слегка гумированного, глинистого песка с угольками. В слое выявлены немногочисленные фрагменты ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита, фатьяновская керамика и наиболее многочисленная группа текстильной керамики (колл. ЯМЗ-45425–45426; шифр: Д-59/1-3558; Д-60/1-3249). Аналогичная текстильная посуда выявлена также в погребениях могильника Дикариха, расположенного на площади поселений и исследованного дополнительно в 1961 году (Никитин, 1963, с. 213–221; колл. ГЭ-117; шифр: ДИК-61/336-358).

Текстильная керамика А.Л. Никитиным (1963, с. 226) отнесена ко второй половине II тыс. до н. э. Следует оговориться, что основанием для такой широкой датировки исследователь прежде всего считает совместные находки в слое фатьяновской и текстильной керамики. Однако культурный слой весьма незначительный и однородный. Вызывает сомнение единовременность захоронений с фатьяновской и текстильной керамикой. С некоторыми оговорками следует согласиться с мнением О.Н. Бадера и Т.Б. Поповой (1987, с. 135) об отнесении данного могильника ко второму этапу поздняковской культуры (XIV–XIII вв. до н. э.).

Значительные комплексы текстильной керамики обнаружены на стоянке Плещеево III, расположенной в северо-западном углу озера Плещеево на песчаной дюне древнего берега в 4 км к юго-востоку от пос. Купанский в Переславском районе Ярославской области (рис. 7: 21) (Крайнов, Кирьянов, 0-1972; Никитин, 0-1958; 1965; Фоломеев, 0-1972). Материал памятника в основном представлен текстильной керамикой (более 90%), остальные фрагменты или частично содержат текстильные отпечатки, или полностью гладкостенные (обычно тонкостенная, с тонким нарезным орнаментом; колл. ПЗМ-12546). Культурный слой в виде серого гумированного песка мощностью 15–45 см или белого с желтым оттенком мелкозернистого песка. Исследователи полагают, что текстильная керамика здесь бытует долгое время – с IX до VII вв. до н. э. (Фоломеев, 0-1972, с. 18).

Вокруг оз. Сомино располагаются памятники с текстильной керамикой: стоянка Сомино I на юго-восточном берегу озера у с. Усолье с культурным слоем до 50 см (Никитин, 0-1958, с. 9, рис. 26), стоянка Сомино 2 (известная также под названием Торговище I), расположенная на холме на берегу заболоченного берега оз. Сомино, где в культурном слое мощностью до 80 см обнаружены текстильная и ямочно-гребенчатая керамика (Крайнов, 0-1979; Никитин, 0-1958; колл. ПЗМ-2279–2282, 2292, 2294, 12338), стоянки Сомино 3–7 (Никитин, 0-1958, с. 10–11; колл. ПЗМ-12539). Небольшое количество такой керамики обнаружено наряду с посудой, в верхней части гладкостенной, с примесью толченых раковин и узорами из оттисков шнура, косых и горизонтальных отти-

сков зубчатого штампа в сочетании с ямочными вдавлениями, на поселениях Векса I–III (Никитин, 0-1958, с. 11; колл. ПЗМ-12442, 12540), Кухмарь I (колл. ПЗМ-12554), Куротня (Никитин, 0-1960; колл. ПЗМ-12555).

При исследовании целого ряда неолитических поселений наряду с ямочно-гребенчатой керамикой обнаружены незначительные комплексы текстильной керамики. Это стоянка Большая Песочница, где в сборах В.И. Смирнова в двадцатые годы содержатся 76 фрагментов текстильной керамики (колл. ПЗМ-2277–2278, 2284–2285, 2346), стоянка Перелески (или Ивановское I) с несколькими такими фрагментами (колл. ПЗМ-5252); на стоянке Вашутинской А.Л. Никитиным и И.К. Цветковой собрано 552 фрагмента (колл. ПЗМ-7649–7650, 12537), на стоянке Польцо в двадцатые и пятидесятые годы найдено в общей сложности несколько десятков такой керамики (колл. ПЗМ-2262–2276; 2283, 21293, 12551–12552, 12983). Известны также немногочисленные находки текстильной керамики на стоянках Плещеево I и Плещеево IV (колл. ПЗМ-12544, 12547).

В распространении текстильной керамики в Ярославском Поволжье обращает внимание любопытный факт. Здесь довольно много памятников с такой керамикой эпохи финальной бронзы и сравнительно немного более поздних. Вместе с тем значительная часть таких памятников по особенностям орнамента и обработки поверхности может быть отнесена к переходному периоду от эпохи бронзы к эпохе раннего железа (Сомино II, Большая Песочница, Вашутино, Вёкса I, III, Плещеево I, Польцо, Куротня, Кухмарь I).

На территории Костромского Поволжья нет четко выраженных комплексов текстильной керамики эпохи бронзы. Н.Н. Гурина (1961, с. 85, 87, 95) отмечает наличие всего одного сосуда с текстильными оттисками в слое эпохи бронзы на поселении Борань. Основное число комплексов текстильной керамики Костромского Поволжья исследователи относят к эпохе раннего железа (Гурина, 1961, и др.).

Таким образом, можно заметить определенную закономерность в распространении текстильной керамики в конце эпохи бронзы на обширной территории Поволжья от устья р. Камы до Ярославского Поволжья. Она сосредоточена более или менее насыщенными группами в устьевых районах Камы, в Приказанье и Марийском Поволжье от устья р. Илети до устья р. Большой Кокшаги (рис. 7). В указанных районах она сопровождает атабаевскую и маклашеевскую керамику, достигая почти половины всей керамики поселений.

Западнее Марийского Поволжья текстильная керамика распространяется на поздняковских памятниках и бытует параллельно с поздняковской керамикой почти до конца II тыс. до н. э. Лишь в первые века до н. э. она поглощает поздняковские элементы посуды. Здесь также уже с конца II тыс. до н. э. выделяются наиболее насыщенные текстильной керамикой участки восточнее устья р. Оки в Нижегородском Поволжье, в ее муромском течении близ устья р. Клязьмы во Владимирской области, в районе озер Плещеево и Сомино в Ярославской области. Подобное расположение компактными группами памятников с текстильной керамикой подсказывает расселение населения с такой керамикой в чужеродной среде особым образом – довольно значительными группами.

Поселения с текстильной керамикой располагаются, как правило, на низких террасах на берегах водоемов высотой от двух до четырех метров, иногда доходя до десяти метров, или на дюнах в поймах. В случае наличия культурного слоя (обычно в виде слоя коричневатой или темной супеси или песка с органическими и углистыми включениями мощностью от 15 до 70 см) поселения можно считать стационарными. Их площадь обычно колеблется от 1000 до 6000 кв. м.

На площади поселения обычно располагаются в один или два ряда жилищные впадины (от 2 до 14). На ряде поселений в связи с их расположением на берегах водоемов или затопляемой зоне жилищные впадины отсутствуют.

Раскопками выявлены жилища квадратной или прямоугольной формы площадью обычно от 30 до 70 кв. м. Иногда они меньше (например, площадь одного из наземных изолированных жилищ квадратной формы на Ахмыловском поселении всего 14 кв. м (Соловьев, 2000, табл. 6) или больше (жилище в раскопе 1997 г. 2 поселения База Отдыха 2 – 110 кв. м (Патрушев, Павлова, 1997)). На Безводнинском поселении (рис. 7: 13) в раскопе открыто наземное жилище, слабо углубленное в землю, подквадратной формы, а на поселении Шава II исследованы два жилища прямоугольной формы длиной 15, шириной 10 м, вытянутые с севера на юг, со входом с торцовой стороны (Черников, 0-1970, рис. 7). П.Н. Старостин (1967) исследовал жилища прямоугольной формы на поселении Курган. На поселении Сосновая Грива открыты остатки прямоугольного жилища (7×12 м) наземного типа со столбовой конструкцией стен, вытянутых с северо-запада на юго-восток с очагами и хозяйственными ямами на земляном полу (Соловьев, 1984, с. 66–71). На 4 Кокшайском поселении интерес представляет жилище прямоугольной формы наземного типа столбовой конструкции (рис. 9: А). Во втором частично исследованном жилище этого же поселения выявлена паровая баня со стенами из дерева и мощным слоем прокаленно-

го камня (рис. 9: Б). Жилища обычно с торцовой стороны имели вход-выход, иногда два (Соловьев, 2000, табл. 6). На Ошутьяльском и 2 поселении База Отдыха имелись крытые переходы в соседние жилища (Патрушев, 1994, 1996; Соловьев, 2000, табл. 6). А на стоянке Плещеево III в Переславском районе Ярославской области (рис. 7: 21) открыты жилища с наземным переходом из одного жилища в другое (Фоломеев, 0-1972, с. 15).

На ряде поселений в жилищах обнаружены хозяйственные ямы – от 1 до 5.

Текстильная керамика эпохи бронзы в лесном Поволжье в начальный период представляется довольно однородной. Важнейшие признаки посуды – форма сосудов, венчиков, обработка поверхности, узор – отличаются лишь в процентном отношении. Такие же различия проявляются и в комплексах отдельных памятников одной области. Процентное соотношение признаков текстильной керамики эталонных памятников эпохи бронзы представлено в табл. 1–4. В инструментарии исследований текстильной керамики выделены сгруппированные по современным административным областям памятники (Патрушев, 1989, прил. 1). В связи с фрагментарностью материала признак «форма сосудов» отражает лишь форму верхней части сосуда или дна (рис. 2). У венчиков сосудов нашли отражение как форма в целом, так и различные особенности (наличие наплывов, валиков или воротничков; рис. 2). Все особенности обработки поверхности (8 вариантов ниточных, 17 рябчатых, 5 смешанных и 5 смешанных со штрихованной керамикой) и описание 90 вариантов орнамента (рис. 6) опубликованы (Патрушев, 1989, прил. 1, с. 23–26).

К понятийному аппарату, разработанному при составлении инструментария исследований, следует добавить, что в основу исследований ввиду фрагментарности комплексов взят фрагмент керамики, поскольку форма сосудов полностью не восстанавливается. Поэтому как процентная характеристика керамики памятника, так и сравнение комплексов керамики поселений проводится на уровне суммы признаков фрагментов, включая сюда и венчики, и днища, и стенки сосудов. Разумеется, форма сосудов включает только характеристику целой верхней части сосуда или днища.

Текстильная керамика поселения Татарского Поволжья Займище III содержит элементы узоров атабаевской и маклашеевской керамики – косые оттиски зубчатого штампа, зигзаг, круглые ямки (колл. ГМТР-12328; АА-379/1050, 1578, 2546, 2570). Есть сосуды с прикрытым горлом и валиком или воротничком (колл. ГМТР-12328; АА-379/1578). Значителен процент (41,6) сосудов с открытым горлом и плавным переходом горла в тулово. Немного сосудов с закрытым горлом (16,6%) и чашевидных форм (8,2%). Характерен плоский срез венчика (50%), в меньшей мере встречен округлый край (25%), оба варианта довольно часто по краю орнаментированы или содержат ниточные, рябчатые отпечатки (31,2%). Диаметры сосудов колеблются от 21 до 30 см. Иногда встречены сосудики чашевидной формы диаметром от 13 до 18 см. Кроме единичных случаев (0,8%), господствует примесь песка, обычно крупного (99,1%).

В обработке поверхности преобладают рябчатые отпечатки (табл. 1): дуговидные (31,17%), овальные (22,67%), их сочетания (18,6%), реже – оттиски веревки (3,23%) и др.

Из ниточных отпечатков чаще всего встречены хаотично расположенные (15,8%), реже – ниточные редко расположенные параллельные (4,1%) или близко расположенные (0,4%).

Наиболее характерное сочетание узоров (рис. 6; табл. 3) и обработки поверхности (табл. 1) – круглые ямки в 1–3 ряда и дуговидные отпечатки (43 экз.).

Из эталонных памятников эпохи бронзы Марийского Поволжья наиболее многочисленны комплексы 4 Кокшайского поселения (358 экз.). Здесь преобладают сосуды с открытым (50%) или закрытым (18,75%) горлом и плавным переходом в тулово; прямым (50%) или округлым (25%) краем венчика, нередко орнаментированным (31,25%). Сосуды крупные, тонкостенные, с примесью песка (98,82%), с преобладанием ниточных хаотичных отпечатков (51,82%), рябчатых дуговидных (12,04%), в виде «дождя» (11,76%) или их сочетаний (табл. 1).

Узоры из неправильных (64,45%) или круглых (26,5%) ямок, расположенных горизонтальными рядами. Редки треугольные вдавления (3,01%) и др. (табл. 3; рис. 6). На фрагментах в основном встречены вместе ниточные хаотичные отпечатки с горизонтальными рядами неправильных (57) или круглых ямок (29), реже рябчатые дуговидные отпечатки с неправильными (16) и круглыми (5) ямками. Остальные сочетания единичны.

На поселении Сосновая грива за два года исследований автора обнаружено 212 фрагментов текстильной керамики. Посуда с примесью песка (99,52%), очень редко с примесью толченых раковин (0,48%). Преобладающая форма сосудов – с закрытым и прямым горлом и плавным переходом в тулово (87,09%) или реже с открытым горлом и таким же переходом (6,45%). Встречены также закрытые чаши (2,22%). В прослеженных случаях посуда с округлым дном (3,22%). Венчики имеют округлый край (44,44%), плоский срез (22,22%), приостренную форму (22,22%) или наплыв с

внешней (3,7%), внутренней (3,7%) или с обеих сторон. Сосуды, как правило, тонкостенные.

Довольно высок процент (48,9) ниточных отпечатков на сосудах при господстве хаотичных (44,23%). Также много сочетаний ниточных хаотичных с рябчатыми отпечатками в виде «дождя» (12,5%). Среди только рябчатых встречаются овальные ячейки, имитация веревочных отпечатков и в виде наколов срезанным пучком травы (все по 6,25%).

Значительная часть фрагментов украшена горизонтальными рядами неправильных ямок (60,78%). Реже такие же ямки расположены группами по 3 (1,9%). Меньше таких узоров из круглых ямок (21,42%). Мало узоров из «жемчужин» в сочетании с ямками (3,92%) и зигзагов из оттисков зубчатого штампа (5,95%) или их сочетаний.

Сосуды Ахмыловского поселения (147 экз.) по форме близки сосудам 4 Кокшайской стоянки, а по обработке поверхности и орнаментам – к обоим предыдущим памятникам Марийского края (табл. 1–3).

Здесь преобладают сосуды с прямыми горлами и плавным переходом в тулово. Мало сосудов с открытым горлом (11%), в том числе с более резким переходом (4,7%). Венчики в основном с округлым краем, реже с прямым срезом и орнаментом по краю. Стенки сосудов довольно тонкие. Господствующая примесь в тесте – крупный песок (91,56%), реже дресва (или довольно крупные кусочки кварцита – 2,8%), слюда (0,69%) или толченая раковина (1,34%).

Поверхность сосудов или содержит ниточные отпечатки (51,75%), обычно хаотичные (46,09%), или рябчатые (48,2%), а также их сочетания (табл. 1–2). Из элементов орнамента количественно первое место занимает неправильная ямка (62,74%), второе – круглая ямка (27,44%; табл. 3; рис. 6). Не много узоров из клиновидных и треугольных вдавлений (3,92%), сочетаний рядов неправильных ямок и косых коротких оттисков (3,92%) или дополнительно ряда «жемчужин» (1,96%).

Памятники с текстильной керамикой на территории Республики Марий Эл относятся к эпохе развитой бронзы – XIV–VIII вв. до н. э. (Лавенто, Патрушев, 2016, табл. 1; Патрушев, 1984, с. 202; Соловьев, 1984, с. 76; Халиков, 1969, рис. 55).

В Нижегородском Поволжье наиболее массовые материалы получены на Безводнинском поселении (445 экз.; колл. ГОМ-18298). Преобладающая форма сосудов с текстильной поверхностью – горшковидная с прямыми (42,85%) и закрытыми (28,59%) горлами и плавным переходом в тулово (Патрушев, 1989, прил. 3). Не много посуды с открытым горлом, плавно переходящим в тулово (2,85%), с таким же или прямым горлом и резким переходом в тулово (11,42%), открытых чаш (2,85%) или баночной формы (2,85%). Днища сосудов уплощенные или округлые. Плоских днищ в коллекциях не обнаружено. Края венчиков округлые (69,56%) или с прямым срезом (13,04%), валикообразные (2,85%), нередко орнаментированные оттисками зубчатого штампа (56%) или текстильными отпечатками (8,82%). Почти все фрагменты с примесью песка в тесте (Патрушев, 1989, прил. 2).

Значительная часть фрагментов на поверхности содержит ниточные хаотичные отпечатки (37,98%). Есть также отпечатки ниточек, намотанных на округлую палочку (1,68%). Судя по визуальным наблюдениям, палочку не прокатывали, а ими наносили удары, отчего остаются параллельные косые линии длиной 1,5–2 см с линзовидными вдавлениями (как на рис. 3 на фрагменте сосуда из раскопок 2 поселения База Отдыха). Иногда ниточные отпечатки сопровождаются с рябчатыми отпечатками (5%). Среди рябчатых отпечатков больше дуговидных (8,89%) и овальных (5,28%), клиновидных (6%), имитации веревки (2,64%), а также их сочетаний (табл. 1–2).

В орнаментации популярны неправильные, с рваными краями (26,69%), круглые (20,25%) ямки, «жемчужины» (28,63%), их сочетания с оттисками зубчатого штампа (табл. 3; рис. 6). Есть также кружковый орнамент (2,42%; рис. 6: 16). Значительная часть керамики без орнамента (46,74%).

Комплексы текстильной керамики IV Жуковского поселения представлены 273 фрагментами от горшковидных тонкостенных сосудов с закрытым (43,47%) или прямым (13,64%) горлом и плавным переходом в тулово, с открытым горлом и таким же переходом в тулово (19,56%), реже с прямым горлом, резко переходящим в тулово (2,17%). Есть также закрытые (16,86%) или открытые (2,17%) чаши, баночная форма (2,17%). В прослеженных случаях днища сосудов были плоские (6,52%). Край венчиков округлый (69,56%), плоский (13,04%), валикообразный (17,39%). Преобладают сосуды диаметром от 21 до 25 см (78%). Господствующая примесь в тесте – песок (99,63%).

В обработке поверхности ведущее место занимают рябчатые дуговидные (32,24%), овальные (5,07%), клиновидные (1,81%) и линзовидные (имитация веревки, 23,55%), а также их сочетания (19%). Различные ниточные отпечатки в целом составляют 19,15%, из них хаотичные – 17,02% (табл. 1).

Орнамент довольно разнообразен (табл. 3; рис. 6). Довольно мало узоров из неправильных (4,23%) и больше из круглых (23,71%) ямок, нередко с кружковым узором вокруг них (10,59%;

табл. 3; рис. 6). Есть узоры только из рядов «жемчужин» (5,93%) или в сочетании с круглыми ямками (34,32%). Довольно мало используются оттиски зубчатого штампа в чистом виде (1,8%); чаще они встречены с неправильными (17,36%) или реже в сочетании с круглыми (0,84%) ямками. Очень мало узоров из веревочных оттисков (0,42%).

Во Владимирском Поволжье наиболее многочисленны комплексы текстильной керамики I Великоозерской стоянки (2182 экз.; колл. ВСМ-27827). Сосуды тонкостенные, реже до 6–8 мм, довольно крупные, нередко диаметром горла 26–30 см (36,36%), с примесью в тесте мелкого (44,89%) или крупного (6,12%) песка, кусочков кварцита (46,97%). На поверхности ниточные (23,63%) или рябчатые (67,08%) отпечатки, их сочетания (8,81%) и реже штрихованная керамика (0,9%). Чаще всего встречены ниточные хаотичные (19,03%), рябчатые овальные (15,11%) или в виде отпечатков пучка травы (21,67%; табл. 1–2).

Орнаментация весьма разнообразна и выделяется 41 вариант узоров из неправильных (51,2%) или реже круглых (5,57%) ямок, «жемчужин» (6,67%), клиновидных и треугольных вдавлений (23,6%), их сочетаний, а также незначительное количество узоров из оттисков зубчатого штампа (табл. 3; рис. 6: 43–64). 41,06% фрагментов керамики без орнамента.

Чаще всего встречается сочетание неправильных ямок с ниточными хаотичными отпечатками (382 экз.), с рябчатыми дуговидными, овальными, клиновидными или их сочетаниями (192 экз.). Другие ниточные отпечатки с узором из неправильных ямок встречаются редко (12 экз.), а другие рябчатые отпечатки с теми же узорами встречаются 80 раз. Ниточные хаотичные отпечатки с различными узорами из круглых ямок встречены 121 раз, а сочетаний таких же отпечатков с треугольными ямками – 255. Остальные сочетания немногочисленны.

Таким образом, I Великоозерская стоянка дает наиболее полную характеристику текстильной керамики эпохи бронзы Владимирской области.

В Ярославском Поволжье наиболее многочисленны комплексы с текстильной керамикой поселения и могильника Дикариха (343 экз.; колл. ЯМЗ-45425, 45425; колл. ГЭ-117). Сосуды коричневатого или серовато-коричневого цвета с примесью дресвы (90,67%), иногда довольно крупных кусочков кварцита (4,66%) или песка (4,66%), диаметром горла от 4–12 см до 25–28 см, в основном тонкостенные. Преобладающая форма – сосуды с закрытым или прямым горлом и плавным переходом горла в тулово (46,5%). Открытые горла с таким же переходом в тулово встречены у 16,27% посуды. Реже сосуды с резким переходом закрытого (6,97%) или открытого (9,3%) горла в тулово. Также немногочисленны закрытые (6,97%) или открытые (4,65%) чаши, баночные сосуды (6,97%) в прослеженных случаях с плоским (2,32%), уплощенным (2,04%) или округлым (4,06%) дном. Края венчиков плоские (48,48%), округлые (36,35%), реже приостренные (6,06%) или с наплывом с внешней стороны (6,06%), валикообразные (3,03%).

В обработке поверхности значительное место занимают ниточные отпечатки (44,02%), главным образом хаотичные (43,44%). Среди рябчатых отпечатков преобладают дуговидные (18,65%), овальные (17,2%), а также в виде наколов срезанным концом пучка травы (9,32%). Остальные варианты немногочисленны (табл. 1–2).

В орнаментации господствующим элементом являются неправильные (44,31%) или круглые (14,42%) ямки, «жемчужины» (13,4%), реже зубчатый штамп и различные сочетания (табл. 3; рис. 6).

Второй памятник Ярославского Поволжья – стоянка Плещеево III – дал 124 фрагмента текстильной керамики (колл. ПЗМ-13646) от глиняных, в основном тонкостенных сосудов с примесью дресвы или крупного речного песка в виде очень мелкой гальки (90,67%), крупных кусочков кварцита (4,66%) или мелкого песка (4,66%), небольших размеров, диаметром от 5 до 20, реже до 30 см.

Здесь встречены горшковидные сосуды (39,27%) с прямым (21,42) и закрытым (14,26%) горлом, преимущественно плавно переходящим в тулово, и закрытые (21,42%) или открытые (14,26%) чаши, а также небольшое число посуды баночной формы (3,57%). Края венчиков плоские (22,72%), округлые (18,16%), приостренные (13,63%), с наплывом с внутренней (36,36%), внешней (4,54%) стороны или с обеих сторон (4,54%).

Отпечатки на поверхности (табл. 1–2) в основном ниточные (38,69%), рябчатые дуговидные (14,51%) и овальные (8,87%). Часто встречаются их сочетания на одних и тех же сосудах (28,2%). Редки рябчатые бороздки (2,41%) и имитация веревки в виде линзовидных отпечатков (1,61%).

Значительная часть фрагментов текстильной посуды без орнамента (71,42%). Из элементов орнамента (рис. 6; табл. 3) употреблялись неправильные ямки (22,96%), в меньшей мере круглые ямки (4,05%), «жемчужины» (5,4%), подпрямоугольные ямки (4,05%). Наиболее популярны оттиски зубчатого штампа в виде коротких вертикальных (17,56%), 2–3 горизонтальных (12,16%) или реже коротких косых (2,7%) рядов или их сочетаний (4,05%). Нередко вместе встречены ряды кру-

глых ямок и различные оттиски зубчатого штампа (9,45%).

Комплексы текстильной керамики стоянки Плещеево III по сравнению *с* керамикой Дикарихи имеют более поздний облик.

Всего статистической обработке на ЭВМ подвергнуты 4629 фрагментов текстильной керамики эпохи бронзы из эталонных памятников Татарского, Марийского, Нижегородского, Владимирского и Ярославского Поволжья. Для нас особый интерес представляет их сравнение.

Характеристика комплексов текстильной керамики памятников лесного Поволжья от устья р. Камы до озера Плещеево в Ярославской области в целом показывает близкую картину (табл. 1–4). Различия в значительной мере могут быть объяснены влиянием элементов местной керамики, господствующей в конкретных областях. Так, влияние текстильной керамики на посуду атабаевско-маклашеевского облика вызвало появление специфической керамики с ниточными или рябчатыми, а также смешанными отпечатками на поверхности сосуда ниже горла и гладкой поверхностью по горлу, украшенной атабаевско-маклашеевскими узорами, характерными для восточных районов этой культуры. Подобное явление можно наблюдать как в Татарском, так и в Марийском Поволжье, т. е. на всей территории расселения атабаевско-маклашеевского населения (рис. 1, 2). В указанных районах, за исключением единичных случаев на поселении Сосновая грива, нет узоров из «жемчужин» (табл. 3; рис. 6: 18–24). Как известно, такие узоры характерны для поздняковской культуры (Бадер, Попова, 1987, с. 133). На текстильной керамике эпохи бронзы памятников от Нижегородского до Костромского Поволжья, где обитали поздняковские племена (Бадер, Попова, 1987, карта 24), «жемчужины» как элемент орнамента текстильной керамики занимают значительное место (IV Жуковское поселение – 42,51%; Безводнинское поселение – 29,11%; Дикариха – 17,15%, Плещеево III – 14, 85% и т. д. (табл. 3; рис. 6: 18–24, 40–42, 58–64).

Такую же картину показывает сравнение форм сосудов или венчиков. Например, характерный для прикамской посуды валик или «воротничок» у края горла (Халиков, 1980, табл. II) в основном встречается лишь на керамике памятников Татарского и Марийского Поволжья (Займище III – 16,66%; Ахмыловское поселение – 2,01%; 4 Кокшайское поселение – 6,25%; поселение Сосновая грива – 1,44%). Только влиянием керамики восточных районов можно считать единичные «воротнички» на сосудах Безводнинского поселения (0,48%) и I Великоозерской стоянки (0,45%). На более западных памятниках сосуды с «воротничком» отсутствуют (Патрушев, 1989, прил. 3). Только в районах расселения атабаевских и маклашеевских племен отмечена примесь толченых раковин (Патрушев, 1989, прил. 2–3). Следует оговориться, что А.Х. Халиков (1980, табл. II) в характеристику сосудов с примесью толченых раковин включает как текстильную, так и приказанскую керамику. В первую очередь это относится к эталонным Ахмыловскому и III Займищенскому поселениям.

Интерес представляет характер текстильных отпечатков на сосудах различных районов. В основном повсеместно ведущее место занимают ниточные хаотичные, реже параллельные отпечатки. Лишь в комплексах текстильной керамики стоянки Займище III, IV Жуковского поселения и I Великоозерской стоянки они составляют в сумме меньшинство; для них в большей мере характерны рябчатые дуговидные и овальные отпечатки или же в виде наколов срезанным пучком травы (табл. 1–2) (Патрушев, 1989, прил. 1).

Сумма процентов ниточных, рябчатых и их совместных (ниточно-рябчатых) отпечатков текстильной керамики памятников эпохи бронзы представлена в таблице 1. Но поскольку общее количество фрагментов на памятниках различно, для каждого процентного показателя вычислена средняя ошибка (Хилл, 1958; Рычков Н.А., 1982, с. 168, 169).

С учетом средней ошибки процентных показателей мы получаем более точную картину наличия разных групп отпечатков на поверхности текстильной керамики памятников эпохи бронзы (табл. 1). Ниточные отпечатки наиболее характерны для Марийского Поволжья, где они составляют от 50,21±3,43% до 52,38±2,64%. Также высоким процентом подобных отпечатков характеризуется комплекс текстильной керамики Безводнинского поселения (50,2±2,37%), немногим меньше комплексы Дикарихи (44,02±2,68). Весьма низок процент ниточных отпечатков на керамике IV Жуковского (19,22±2,38) и памятников Татарского Поволжья (табл. 1).

Рябчатые отпечатки чаще всего встречены на керамике IV Жуковского поселения (80,78±2,38%), Казанской стоянки (78,32±2,4%) и Займища III (79,78±2,55%). Весьма невысок их процент в комплексах Плещеево III (31,41±4,17%) и Сосновой гривы (29,79±3,14%). Совместные сочетания ниточных и рябчатых отпечатков в основном характерны для керамики Плещеево III (28,25±4,04%) и Сосновой гривы (20,18±2,76%), в меньшей мере они встречены на I Великоозерской стоянке, Безводнинском поселении и др. Такие сочетания отсутствуют на памятниках Займище III, Ахмылово, IV Жуковское (табл. 1).

Среднее арифметическое для ниточных отпечатков для каждой области показывает наибольшую близость комплексов текстильной керамики Марийского (51,52%) и Ярославского (41,36%) Поволжья (табл. 2). Близки к ним показатели памятников Нижегородского Поволжья (34,71%). По наименьшим показателям таких отпечатков близки памятники Республики Татарстан (19,93%) и Владимирской области (23,83%). В целом для всех областей процент ниточных отпечатков составляет 34,43, рябчатых – 58,83, смешанных ниточно-рябчатых – 6,74 (табл. 1–2).

Картина сходства комплексов памятников подтверждается вычислениями коэффициентов парного сходства каждой пары памятников (табл. 4). Наибольшую близость по сумме признаков текстильной керамики показывают комплексы поселений: Безводнинского и I Великоозерского (416); Кокшайского (343), Дикарихи (326); Безводнинского поселения и Дикарихи (269); I Великоозерской стоянки и IV Жуковского (222), III Займищенского (203); Сосновогривского (186) и Казанской стоянки (181; табл. 4). Весьма низкие показатели дают комплексы Плещеево III и IV Жуковского (77), Ахмыловского (77), III Займищенского (76), Дикарихи (84) и др.

Различия по таким признакам, как примесь в тесте, диаметр сосудов, толщина стенок по рассмотренным методам в комплексах керамики памятников эпохи бронзы весьма незначительны, и они прослеживаются в результатах статистической обработки (Патрушев, 1989, прил. 1–3).

Значительный интерес представляет сопоставление керамических комплексов по орнаментации (табл. 3; рис. 10: А). Процент вариантов орнамента представлен по группам узоров по технике орнаментации (рис. 6; табл. 3). Сумма процентов для узоров из неправильных ямок (варианты орнамента 1–8) указывает на близость комплексов керамики памятников Марийского края (от 62,74 до 67,43%), I Великоозерской стоянки во Владимирской области (51,4%) и стоянки Дикариха (44,07%) (табл. 3). Следует отметить весьма слабое распространение данных элементов на керамике памятников Татарского Поволжья и IV Жуковской стоянки в Нижегородской области (1,06; 4,31%). Доля таких элементов для всех комплексов памятников наибольшая (35,01%).

Круглые ямки (варианты орнамента 9–17) наиболее характерны для Татарского Поволжья (67,87% и 95,61%). Комплексы памятников Марийского Поволжья по данному элементу ближе всего к керамике поселений Нижегородского Поволжья (от 22,34 до 34,3%) (табл. 3). В меньшей мере такой элемент орнамента характерен для керамики Ярославского (4,05 и 14,22%) и Владимирского (6,08%) Поволжья. Доля узоров с круглыми ямками в целом для текстильной керамики памятников эпохи бронзы составляет 32,02%.

Узоры из «жемчужин» (варианты узоров 18–24) в основном характерны, как уже отмечалось, для районов расселения поздняковских племен – Нижегородской (29,21% и 41,09%), реже Ярославской (5,4% и 15,06%) и Владимирской (6,66%) областей (табл. 3). Из памятников Марийского Поволжья они отмечены лишь на поселении Сосновая грива (3,57%), а на памятниках Татарского Поволжья они отсутствуют. Доля таких элементов орнамента для орнаментированной керамики всех поселений 10,02%.

Орнаментальные узоры из клиновидных или треугольных вдавлений (рис. 6; варианты узоров № 25–26, 28–33) из числа орнаментированных фрагментов керамики всех памятников составляют всего 6,03% (табл. 3). Они наиболее характерны для I Великоозерской стоянки (30,58%). В меньшей мере они встречены на Казанской стоянке (10,71%), Дикарихе (8,24%), 4 Кокшайском (3,01%), Ахмыловском (3,92%), III Плещеевском (4,05%) поселениях.

Весьма незначителен процент узоров со смешанными элементами орнамента из клиновидных, неправильных, круглых ямок и жемчужин (2,17%) (рис. 6: 34–36, 38–42). Более 2% их на керамике поселений Ярославской, Владимирской областей и Казанской стоянки (табл. 3).

Узоров только из оттисков зубчатого штампа (рис. 6: 43–49) на текстильной керамике памятников эпохи бронзы 5,46% (табл. 3).

На Плещеево III они занимают ведущее место (37,66%), на других памятниках их мало (Сосновая грива – 5,95; Дикариха – 5,15 и др.). Такие узоры в сочетании с круглыми, неправильными, клиновидными ямками и «жемчужинами» (рис. 6: 51–64) встречены на 9,04% орнаментированной текстильной посуды памятников эпохи бронзы; их много на Казанской стоянке (14,28%), IV Жуковском (18,28%) Безводнинском (18,41%) поселениях и стоянке Плещеево III (20,28%), меньше на Дикарихе (7,1%), Ахмыловском (5,88%), Сосновогривском (2,38%) поселениях и др. (табл. 3).

На керамике памятников эпохи бронзы мало орнаментальных узоров из оттисков веревочки или в сочетании с другими элементами (0,27%); они встречены только на Сосновогривском (2,38%) и IV Жуковском (0,42%) поселениях (рис. 6: 65–90; табл. 3).

По сумме всех признаков (табл. 4) отметим близость комплексов 4 Кокшайского и Безводнинского (75,19), Сосновогривского (64,18), I Велико-

озерской стоянки (50,78), Ахмыловского (78,85) поселений; Безводнинского поселения и Дикарихи (51,36); I Великоозерской стоянки и Дикарихи (55,54); Сосновой гривы и Безводнинского поселений (66,59) и т. д. Граф сходства комплексов текстильной керамики памятников эпохи бронзы по критерию Стьюдента подтверждает картину близости комплексов рассмотренных памятников по сумме признаков (рис. 10: Б).

В целом следует отметить слабую дифференциацию по сумме признаков комплексов керамики поселений эпохи бронзы восточных районов лесного Поволжья (табл. 4; рис. 10: Б).

Характерные каменные орудия, сопровождающие текстильную керамику, не известны, на что обращали внимание ряд исследователей (Бадер, 1970; Третьяков П., 1966; Халиков, 1969, и др.). По крайней мере, невозможно найти ни одной формы орудия, которая генетически связывала бы племена с текстильной керамикой и поздняковцев. Так, наиболее характерные поздняковские массивные скребки со сплошь ретушированной высокой спинкой, ножи на отщепах, обработанные заостряющей ретушью (Бадер, Попова, 1987, с. 133), за пределами расселения поздняковцев, а также на более поздних памятниках с чистыми текстильными комплексами неизвестны (колл. ГМТР-3681; 8547; 11650; 11780; колл. МУ: СГ-84; УКС-76; колл. ВСМ-27827; колл. ПДМ-12546 и др.).

Кремневые черешковые наконечники стрел треугольных форм сейминского типа, как и дротиков и копий, известные на памятниках с текстильной керамикой, характерны для широкой территории (Бадер, Попова, 1987, с. 133; Попова, 1965а; 1970а; Халиков, 1969). Металлические изделия, обнаруженные на поздняковских памятниках, имеют широкие аналогии в других культурах и, по мнению Е.Н. Черных (1970, с. 79), не могут характеризовать поздняковскую культуру. Правда, Т.Б. Попова (1985, с. 120–131, рис. 28: 3, 17–80) некоторые металлические изделия считает местными, изготовленными по привозным образцам, в частности, широкие браслеты из Борисоглебского и Битюковского могильников и кинжал срубного типа с навершием, украшенным «шишечками», отождествляемыми с «жемчужинами» на керамике. Во всех случаях формы металлических предметов из поздняковских памятников не могут считаться свойственными для населения с текстильной керамикой. Таким образом, налицо отсутствие единой основы в развитии местных культур финно-угров эпохи поздней бронзы с одной стороны и пришлого населения с другой. Вместе с тем обе культуры оказали значительное влияние на дальнейшее развитие материальной культуры населения лесного Поволжья.

Вопросам развития хозяйства населения развитой бронзы лесного Поволжья, в том числе племен с текстильной керамикой, посвящены ряд работ (Краснов, 1977; Лыганов, 2013; Патрушев, Лавенто, 2019; Петренко, 1984; 2007; Халиков, 1969, и др.). Основой экономики становятся производящие виды хозяйства с ведущей ролью скотоводства (Халиков, 1969, с. 347–354; Краснов, 1977, с. 108; Лыганов, 2013; Петренко, 1984, с. 121 и след.). Выше мы отметили особое расположение поселений, продиктованное хозяйственной необходимостью, – на невысоких берегах и поймах. При характеристике поселений поздняковской культуры О.Н. Бадер (1939, с. 118) отмечает, что в эпоху бронзы экологические условия были значительно более благоприятными для занятий земледелием и животноводством, чем ныне, в связи с наступлением суббореального периода к моменту максимального развития связанных с ним явлений. Тем не менее на стоянке Сахтыш I в Ярославской области (II – нач. I тысячелетия до н. э.) остатки домашних животных составляли всего 4,5% от общего числа особей, а на стоянке Сахтыш II – 6,6%; даже верхний слой этих стоянок, датируемый концом II – началом I тысячелетия до н. э., содержал не более 10% от общего числа особей (Краснов, 1977, с. 108). Несомненно, хозяйственный уклад представленного на этих стоянках населения значительно различался и был близок к условиям жизни племен с преобладающим охотничье-рыболовческим хозяйством.

Единственно возможной формой животноводства в эпоху бронзы Ю.А. Краснов (1977, с. 120) считает оседлое или придомное с использованием в качестве пастбищ ближайших к поселению угодий при полной оседлости и ежедневном возвращении животных к месту поселения. Выпас скота был вольный, подобно сохранившемуся до недавнего времени у марийцев (Крюкова, 1956, с. 25 и след.). Вольный выпас скота не требует особых усилий, так как животные сами ищут корм в лесах и на лугах. Придомный характер домашнего животноводства в условиях климата лесной зоны предполагает содержание скота хотя бы в зимнее время в специальных помещениях. Еще недавно финно-угорские народы Поволжья и Прикамья для зимовки скота строили холодные хлева из тонких жердей (Козлова, 1964, с. 34). Помещения в виде навесов, примыкающих к жилищу, были открыты Д.А. Крайновым на поселениях Сахтыш (Гадзяцкая, Крайнов, 1965). Интерес представляет открытое в 1993 г. Российско-финской экспедицией Марийского университета одно из жилищ 3 поселения Сосновая Грива в Марийском Поволжье, в котором отмечено наличие загороженного 10 столбиками участка с большим гуми-

рованным содержанием темного цвета размерами 220–450×180–360 см (Lavento, Patrushev, 1996, p. 37). Данный участок заметно понижается от окружающего уровня на 5–35 см. На нем нет очагов. Все это позволяет предполагать, что данное помещение в жилище могло служить загородкой для молодняка животных в зимнее время.

Земледелие у финно-угров Поволжья в эпоху бронзы археологически представлено слабее. Первые три находки зерна с их отпечатками в лесной зоне относятся к IV–III тыс. до н. э.; ко II тыс. до н. э. относятся шесть находок, и 14 находок – к I тыс. до н. э. (Краснов, 1977, с. 14, табл. 1). Главным объектом земледельческой отрасли хозяйства было возделывание злаков, хотя были известны бобовые растения и технические культуры: лен, конопля (Краснов, 1977, табл. 1). Отпечатки зерен мягкой пшеницы на керамике и зерна ячменя обнаружены на могильнике Дикариха у Плещеева озера в Ярославской области (Никитин, 1963, с. 213 и след.). Поскольку на этом памятнике представлена ранняя сетчатая (ниточно-рябчатая) керамика, то можно говорить о наиболее ранних находках зерен мягкой пшеницы и ячменя у финно-угров. П. Аристе полагает, что слово ячмень является общим для всех финно-угорских языков и могло появиться уже в III тыс. до н. э. (Ariste, 1955, с. 19). Из других земледельческих культур, судя по отпечаткам льняных и конопляных тканей на ниточно-рябчатой керамике финноязычных племен Поволжья (Брюсов, 1953), широко культивировали лен и коноплю.

Для обработки почвы использовались каменные мотыги, известные из могильника Дикариха и ряда поселений Верхнего и Среднего Поволжья (Никитин, 1963, с. 2). Среди каменных мотыг выделяют грубо оббитые топоровидные с перехватом для привязывания к рукояти и шлифованные топоровидные, близкие по форме предыдущим.

Охота была древнейшим занятием финно-угров Поволжья. В эпоху развитой бронзы под влиянием южных племен картина резко меняется: домашние животные занимают ведущее место, а роль охоты остается значительной лишь в северных лесных районах территории расселения финно-угров. Это можно видеть по результатам анализа остеологических данных А.Г. Петренко (1984, прил. 4).

Довольно скудно представлены археологические свидетельства занятия рыболовством. Однако о древнейших традициях рыболовства и его популярности у финно-угров Поволжья говорят общие названия рыб, орудий и способов рыболовства в финно-угорских языках, этнографические и фольклорные данные (Ariste, 1955; Третьяков П., 1951, и др.).

Свидетельств занятия собирательством еще меньше. Археологи лишь единодушно признают большую роль собирательства, поскольку господствовало комплексное хозяйство (Халиков, 1980, с. 144). Судя по общим названиям пчел, меда и орудий их добычи у многих финно-угорских народов, можно говорить о добыче меда диких пчел с древнейших времен (Хайду, 1985, с. 146).

Следует согласиться с А.В. Лыгановым, что «в финале позднего бронзового века на территории Волго-Камья, занятой населением маклашеевской археологической культуры, появляется собственный очаг металлургии, который характеризуется рядом собственных типов изделий…» (Лыганов, 2013, с. 6).

Рассмотрению хронологии памятников с текстильной керамикой посвящены специальные работы (Сулержицкий, Фоломеев, 1993, с. 42–55; Крийска, Лавенто, 2007; Kriiska, Lavento & Peets, 2005; Lavento, 2001; Лавенто, Патрушев, 2015, и др.). Считаю возможным кратко изложить основные результаты. М. Лавенто и ряд других исследователей считают, что самые ранние даты получены для текстильной керамики Эстонии – XXIV в. до н. э. (Kriiska, Lavento & Peets, 2005), где она зародилась под влиянием шнуровой керамики, возникшей в свою очередь на поздненеолитической основе западного облика. Оттуда она распространилась в Поволжье и Финляндию. Радиоуглеродные даты из Поочья с самыми ранними датами (XV–XIII вв. до н. э.) (Сулержицкий, Фоломеев, 1993, с. 20–34, табл. 1, рис. на с. 34) должны быть пересмотрены по результатам датировок по методу АМС (XIX в. до н. э.) (Лавенто, Патрушев, 2015, табл. 1). В это же время она распространяется в Верхнем Поволжье. В Среднем Поволжье самый ранний комплекс поселения База Отдыха 2 датирован XIV в. до н. э. (Лавенто, Патрушев, 2015, табл. 1). Заметим, даты по методу АМС пока немногочисленны и выводы предварительны. Большое значение имеет датировка погребального инвентаря могильников с территории распространения текстильной керамики, позволяющая по статистическим методам и аналогиям уточнять время бытования населения в тех или иных регионах (Кузьминых, 1983; Кузьминых, Чижевский, 2014; Патрушев, 1984; 2010; 2011; Халиков, 1977; Чижевский, 2008; Patrushev, 2004, и др.).

Исследователями предпринимались попытки проследить развитие текстильной керамики, в первую очередь отпечатков на сосудах. Некоторые исследователи (Сулержицкий, Фоломеев, 1993, с. 26–31) на Оке отмечают раннюю текстильную круглодонную котловидную керамику с мелкоячеистыми рябчатыми и ниточными с левым наклоном витков отпечатками, сменившуюся в конце

II тыс. до н. э. на развитую текстильную керамику с плоскодонными сосудами с закраинами, с преобладающими ниточными отпечатками и ямочными узорами, а на смену им в третьей четверти I тыс. до н. э. приходит развитая текстильная керамика с крупноячеистой рябчатой структурой. У ряда исследователей сделана попытка определить разновременные виды текстильных отпечатков. Так, П.Н. Третьяков (1941, с. 43), О.Н. Бадер (1947, с. 120–127), М.Е. Фосс (1952, с. 67) древнейшими считают мелкие поверхностные отпечатки; с середины I тыс. до н. э. до рубежа нашей эры характерны «правильные» отпечатки и в I–III вв. н. э. – «беспорядочные», «крапчатые». И.Н. Чернай (1981, с. 83–85), установивший экспериментальным путем по материалам Селецкого городища различные виды текстильных отпечатков, для данного памятника предлагает следующую картину развития отпечатков: самые ранние – «стежковые» отпечатки, оставленные особым видом текстиля (начало I тыс. до н. э.); позднее, не ранее VIII–VII вв. до н. э., появляются текстильные отпечатки со «жгутовой» фактурой, в VII–VI вв. до н. э. – отпечатки с «рябчатой» фактурой (сначала в виде «двойного штриха», затем «овально-ячеистые»); в середине I тыс. до н. э. – с крупноячеистой фактурой подпрямоугольной, треугольной, полулунчатой формы, а с III–II вв. до н. э. преобладают беспорядочные, полулунчатые отпечатки, затем распространяются «крапчатые» из нечетких полулунчатых отпечатков, которые бытуют вплоть до середины I тыс. н. э. Судя по результатам статистической обработки, с середины I тыс. до н. э. резко падает количество вариантов ниточно-рябчатых отпечатков на поверхности, значительно возрастает число неорнаментированной посуды, а из 90 вариантов орнамента предыдущей эпохи на поздних памятниках едва насчитывается 12–14 (в основном это различные виды и сочетания ямок). Край венчика не содержит узоров. Границы распространения поздней группы такой керамики сужаются и ограничиваются районами Верхней Волги и Приочья. Поздней группе синхронна рогожная керамика городецкого облика.

Весьма основательной является работа К.В. Воронина о развитии культуры «сетчатой» керамики, в которой исследователь приходит к выводу, что «материалы культуры сетчатой керамики разделяются на два хронологических горизонта. К первому горизонту, датируемому в общем 1-й пол. II тыс. до н. э., относятся комплексы с пористой восточно-прибалтийской и с ямчато-зубчатой северо-западной сетчатой керамикой из районов Валдая, Восточного Прионежья и Верхнего Поволжья. Их наиболее логично рассматривать как самостоятельные культурные образования, связанные друг с другом опосредованно. Обе группы материала определенно несут в себе наследие местных позднеолитических культур. Комплексы второго горизонта встречены в значительно более широком ареале: от областей северо-запада лесной зоны до районов нижней Оки и Среднего Поволжья. Они объединены единым субстратным признаком – доминантой сетчатой орнаментации на керамике, а также большим сходством орудийных и вещевых наборов» (Воронин, 1998, с. 322).

Региональные отличия уже в конце эпохи бронзы проявляются у отдаленных групп населения с текстильной керамикой – волжских (включая волго-окский регион), балтийских (где она появляется значительно раньше), карельских и племен Финляндии (Патрушев, 1993, с. 10). В частности, автором в комплексах текстильной керамики 13 поселений Финляндии отмечены только примеси асбеста и органики. М.Г. Косменко также отмечает их господство в комплексах не только Финляндии, но и Южной Карелии, где практически нет песка (Косменко, 1992, с. 148). Для комплексов Финляндии характерна толстостенная (9–10 мм) керамика вместо обычных для Поволжья тонкостенных сосудов (3–5 мм). В Финляндии нет такого разнообразия вариантов орнамента и текстильных отпечатков, как в Карелии и более восточных регионах. Тем не менее результаты вычислений критерия Стьюдента комплексов керамики Финляндии и восточных регионов не позволяют согласиться с мнением К. Мейнандера о параллельном развитии текстильной керамики Поволжья и Финляндии из-за некоторых различий посуды. К. Карпелан (1970, s. 32–33) в Финляндии выделяет особый тип, названный им «имитационной текстильной керамикой» (Lavento, 2001, p. 15–43), не связанной с собственно текстильной керамикой, и считает, что культура, производившая «имитационную текстильную керамику», была иной. Как и особые типы посуды Сарса и Томица, подобная посуда могла появиться благодаря восприятию населением с ниточно-рябчатой керамикой элементов местных культур, подобно различиям в восточных регионах. Близость керамики типа Сарса-Томица текстильной керамике Приладожья и юго-западной Карелии неоднократно отмечали финские археологи (Meinander, 1954; Huurre, 1983).

У финноязычного населения с текстильной керамикой довольно четко выделяются локальные различия, в первую очередь проявляющиеся в керамике и реже – в сопровождающем инвентаре. Различия в керамике в значительной мере могут быть объяснены влиянием элементов местной посуды, господствующей в конкретных областях. Так, влияние прикамской посуды на ниточно-рябчатую керамику восточных областей вызвало по-

явление специфической керамики с ниточными или рябчатыми, а также смешанными отпечатками на поверхности сосуда ниже горла и гладкой поверхностью по горлу, украшенной прикамскими узорами. Подобное явление можно наблюдать в Татарском и Марийском Поволжье, т. е. на территории распространения прикамского населения.

На базе смешения атабаевско-маклашаеевского населения и племен с текстильной керамикой складывается новый этнос ахмыловского облика, в эпоху бронзы выделенный в кокшайский этап ахмыловской культуры. Об этом говорят смешанные традиции изготовления керамики и совместное нахождение на поселениях и одних и тех же жилищах атабаевской, маклашеевской и текстильной керамики. (Патрушев, 1984, с. 192–193; 1989, с. 74–75; Patrushev, 2000, с. 79–88). Данную группу населения можно рассматривать как один из локальных вариантов культуры текстильной керамики эпохи бронзы. Смешанные комплексы с текстильной и прикамской керамикой встречены и в эпоху раннего железа от Среднего Поволжья до Карелии, включая Вологодскую и Архангельскую области. Вопрос о воздействии населения с текстильной керамикой на приказанские племена на керамическом материале специально рассматривался А.Х. Халиковым (1960, с. 36 и след.; 1969, с. 139 и след.; 1987а), Г.Р. Ишмуратовой (1967; 1975). Соглашаясь с выводом о значительной его роли в этнической истории племен Среднего Поволжья, автор считает, что «сетчатая» керамика на приказанских памятниках – это результат воздействия не поздняковских племен (как считал А.Х. Халиков), а совершенно иной, особой этнической группы северо-западных районов расселения финно-угорского населения, т. е. культуры текстильной керамики. В пользу данного вывода свидетельствует тот факт, что ко времени распространения «сетчатой» керамики на приказанских памятниках рубежа II–I тыс. до н. э. поздняковские племена были ассимилированы населением с текстильной керамикой, что убедительно доказано рядом исследователей (Бадер, 1966а; 1970; Бадер, Попова, 1987, с. 135; Третьяков В., 1975; Третьяков П., 1966; Фоломеев, 1974, с. 236 и др.). Генетическая связь между поздняковской керамикой и текстильной отсутствует, на что обращалось внимание и ранее (Третьяков В., 1975, с. 25–31). Вместе с тем несомненна связь указанных групп керамики в более позднее время, в период ассимиляции поздняковцев населением с текстильной керамикой, когда последним были восприняты многие особенности поздняковской посуды, особенно в орнаментации – «жемчужины», клиновидные и дуговидные ямки, кружковый орнамент, узоры в виде треугольников, образованных различными ямками, различные узоры из зубчатых оттисков (рис. 6; табл. 3) (Попова, 1985, с. 139 и след.; рис. 3–9; Бадер, Попова, 1987, с. 133; рис. 69–71). Учитывая факт смешанных традиций изготовления керамики и совместного нахождения на поселениях и одних и тех же жилищах поздняковской и текстильной керамики, подобные памятники можно выделить в особый локальный вариант (Безводнинский), подобно кокшайскому этапу ахмыловской культуры.

В северо-западных областях проявилось влияние местной энеолитической, фатьяновской и поздняковской керамики (Косменко, 1996; Манюхин, 1993). Такую же картину показывает сравнение форм сосудов и венчиков: среди сосудов Карелии и севера России исследователями отмечены бомбовидные, реповидные формы или с округлым, уплощенным дном, вытянутых пропорций с коротким венчиком и узкой шейкой, восходящие к формам фатьяновской посуды. Другая форма сосудов – ребристые с широкой шейкой и резким переходом в тулово – близка к поздняковской посуде. Есть также непрофилированные сосуды с прямой или слегка вогнутой верхней частью, восходящие к формам посуды эпохи неолита-энеолита (Косменко, 1992; 1996). Смешанные комплексы с текстильной и прикамской керамикой встречены и в эпоху раннего железа от Среднего Поволжья до Карелии, включая Вологодскую и Архангельскую области.

В других областях одним из этнокультурных признаков становится местная керамика, повлиявшая на особенности текстильной керамики. Ряд исследователей рассматривают локальные особенности для небольших регионов, вплоть до выделения отдельных горизонтов и культур – каширской штрихованной керамики, климентьевского типа, «северной» рябчатой и др. (Сыроватко, 2009; 2013, с. 360–373; Лопатина, 2006; Сидоров, 2003; 2006, и др.). По справедливому мнению О.А. Лопатиной (2014, с. 66), в ряде случаев трудно согласиться с выделением особых групп посуды, локальных вариантов и новых культур. В частности, судя по публикациям, штрихованная каширская керамика не может быть отнесена к текстильной керамике, хотя в ней есть признаки и последней. По мнению автора, подобные следы заглаживания в разных направлениях лучше не называть штрихованной, т. к. данный термин определяет балтскую посуду с четкими вертикальными параллельными линиями (Патрушев, 2016, рис. 6).

По мнению ряда исследователей, текстильная керамика характеризует западный финноязычный массив со II тыс. до н. э. вплоть до первой половины I тыс. н. э. В период распространения текстильной керамики происходит консолидация

финноязычных племен и формирование этнических черт, характерных для всех позднейших финноязычных народов Поволжья, Прибалтики, Карелии и Фенноскандии. Вместе с тем в недрах огромной финноязычной общности от устья р. Камы до Скандинавии рождаются ростки этнических основ будущих отдельных финноязычных народов. По особенностям материальной культуры в ней можно выделить группы волго-окских, прибалтийских, карельских и, возможно, фенноскандских финнов. В начале эпохи железа на базе населения с текстильной керамикой, при некотором участии ряда других компонентов, формировались дьяковская, городецкая, ахмыловская, позднекаргопольская культуры. Факт ассимиляции населением с текстильной керамикой многочисленного поздняковского населения, местных племен северных районов, прикамских групп населения эпохи бронзы и раннего железа Среднего Поволжья свидетельствует об огромном экономическом потенциале и жизненной силе данной финноязычной этнической общности.

Таблица 1

Сумма процентов трёх групп вариантов обработки поверхности и средняя ошибка процентного показателя (± M) текстильной керамики памятников эпохи бронзы лесного Поволжья*

Область	Памятн.	Ниточные (1–8) **		Рябчатые (9–25, 32–34)		Ниточные и рябчатые (26–31)	
		%	± M	%	± M	%	± M
РТ	КС	19,73	2,31	78,32	2,4	1,01	0,58
	ЗЩ	20,22	2,55	79,78	2,55	0	0
РМ	ЧК	52,38	2,64	43,14	2,62	1,68	0,68
	СГ	50,21	3,43	29,79	3,14	20,18	2,76
	АХ	51,97	4,12	48,21	4,12	0	0
НО	ЧЖ	19,22	2,38	80,78	2,38	0	0
	БП	50,2	2,37	44,79	2,36	4,8	1,01
ВО	ВС	23,83	0,91	67,17	1,01	8,91	0,61
ЯО	ДК	44,02	2,68	55,38	2,68	0,58	0,41
	ПЛ	38,69	4,37	31,41	4,17	28,25	4,04

Примечания.

* Принятые здесь и далее сокращения: область: ТР – Республика Татарстан, МР – Республика Марий Эл, НО – Нижегородская область, ВО – Владимирская область, ЯО – Ярославская область; памятники: КС – Казанская стоянка, ЗЩ – Займище, ЧК – 4 Кокшайское поселение, СГ – поселение Сосновая грива, АХ – Ахмыловское поселение, ЧЖ – IV Жуковское поселение, БП – Безводнинское поселение, ВС – I Великоозёрская стоянка, ДК – Дикариха, ПЛ – Плещеево Ш.

** Варианты ниточных и рябчатых отпечатков см.: Патрушев, 1989, приложение I, признак 7.

Таблица 2

Среднее арифметическое для трех групп вариантов обработки текстильной керамики эпохи бронзы пяти областей Поволжья (в процентах)*

Область	$\bar{X}_н$	$\bar{X}_р$	$\bar{X}_{нр}$
РТ	19,93	79,05	0,51
РМ	51,52	40,38	7,29
НО	34,71	62,79	2,4
ВО	23,83	67,17	8,91
ЯО	41,36	43,4	14,42
%	34,43	58,83	6,74

Условные обозначения: $\bar{X}$ н – средние арифметические ниточных отпечатков, $\bar{X}$ р – то же рябчатых отпечатков, $\bar{X}$ нр – то же смешанных ниточно-рябчатых отпечатков. Сокращения см. в примечаниях к табл. 1.

Таблица 3

Процент элементов орнамента и их характерных сочетаний текстильной орнаментированной керамики эпохи бронзы лесного Поволжья*

Область	Памятник	Варианты орнамента							
		1–8	9–17	18–24	25–26 28–33	34–36	43–49	51–64	65, 77, 83
РТ	КС	**3,57**	67,87	0	10,71	3,57	0	14,28	0
	ЗЩ	**1,06**	95,61	0	0	0	2,29	2,29	0
РМ	**ЧК**	**67,43**	26,5	0	3,01	1,8	0,6	1,2	0
	СГ	**64,28**	21,44	3,57	0	0	5,95	2,38	2,38
	АХ	**62,74**	27,46	0	3,92	0	0	5,88	0
НО	ЧЖ	**4,31**	34,3	41,09	0	0,42	1,26	18,2	0,42
	БП	**28,63**	22,34	29,21	0	0,48	0,96	18,41	0
ВО	ВС	**51,4**	6,08	6,66	30,58	3,64	0,35	1,15	0
ЯО	ДК	**44,07**	14,22	15,06	8,24	6,16	5,15	7,21	0
	ПЛ	**22,96**	4,05	5,4	4,05	5,4	37,8	20,28	0
	%	**35,01**	32,02	10,02	6,03	2,17	5,46	9,07	0,27

Примечания:

* Группы вариантов орнамента см.: рис. 6 (Патрушев, 1989, рис. 16 и прил. I, признак 8); сокращения см. в примечаниях к табл. 1.

Таблица 4

Средний коэффициент сходства и среднее квадратическое отклонение комплексов текстильной керамики эпохи бронзы Поволжья по сумме признаков*

Область	Памятник	SKS	±s
РТ	КС	57,39	9,99
	ЗЩ	52,42	9,45
РМ	ЧК	60,19	8,53
	СГ	57,08	7,56
	АХ	59,27	8,25
НО	ЧЖ	55,06	7,93
	БП	60,14	7,55
ВО	ВС	49,57	6,66
ЯО	ДК	48,77	7,3
	ПЛ	46,14	7,32

Примечания: SKS – средний коэффициент сходства комплексов каждого поселения; ±σ – среднее квадратическое отклонение; сокращения см. в примечаниях к табл. 1.

ГЛАВА 9
ПАМЯТНИКИ АКИМ-СЕРГЕЕВСКОГО ТИПА

История изучения

Данный тип памятников получил название по эпонимному поселению у с. Аким-Сергеевка, расположенному на левом берегу р. Парца в Зубово-Полянском р-не Республики Мордовии, где в 1970 г. В.Н. Шитовым при разведочных исследованиях была собрана значительная коллекция керамики, сочетавшая в своем облике как приказанские, так и поздняковские признаки при преобладании последних. Поселение было отнесено В.Н. Шитовым к развитому этапу поздняковской культуры и датировано XIV–XII вв. до н. э. (Шитов, 1975, с. 167–168). Ранее подобная керамика была выявлена А.В. Циркиным на Нижней Мокше при раскопках Шокшинского рязано-окского могильника (1967–1969 гг.) и М.Р. Полесских при раскопках 1963–1964 гг. поселений Озименки, Красный Восток и Тезиково-Михайловское на Верхней Мокше и также отнесена к поздняковской культуре (Полесских 1970, с. 93, 96). Впоследствии М.Р. Полесских подобная керамика также была обнаружена в бассейне р. Выши, на Матчерском и Земетчинском поселениях, и на Верхней Суре, на Алферьевском поселении (Полесских 1980, с. 70), а также В.Н. Шитовым при продолжении раскопок Шокшинского могильника, на площади которого было выявлено несколько жилищных сооружений (Археология…, 2008). Жилые постройки с подобными материалами были исследованы В.И. Вихляевым на поселении Шаверки 2 на Средней Мокше (Вихляев, Ставицкий, 2009) и Ю.Г. Екимовым на поселении Октябрьское 5 в Тульской области (Екимов, 1992).

Вопрос о самостоятельном таксономическом статусе аким-сергеевских древностей был впервые поставлен в 1997 г. в статье В.В. Ставицкого и В.П. Челяпова, где были обобщены данные по памятникам с керамикой с ямчато-жемчужным орнаментом, расположенным в верховьях Суры и Мокши. Ими был отмечен ряд характерных отличий данной посуды от поздняковской, свидетельствующих о её иной культурной принадлежности. Ближайшие аналоги данной посуде были зафиксированы в керамике приказанского типа и в ранней сетчатой керамике Волго-Окского междуречья, появление которой на Мокше и Суре они связали со сдвигом её носителей на юг в XII в. до н. э. (Ставицкий, Челяпов 1997). Название аким-сергеевского-типа памятников данные материалы получили в Археологии Мордовского края (2008).

Ареал древностей аким-сергеевского типа (рис. 1) охватывает территорию лесостепной зоны, западные границы которой ограничены бассейном р. Дон, а восточные – смыкаются с родственным массивом памятников атабаевского типа (Чижевский и др., 2019, с. 100). На этой территории памятники аким-сергеевского типа исследованы крайне неравномерно. Целенаправленно проанализированы только материалы Пензенской области и Республики Мордовии, памятники других областей известны только по фрагментарным публикациям, в которых исследователи по-прежнему ассоциируют их с поздняковской культурой (Екимов, 1992) или даже с эпохой энеолита (Андреев, 2006).

Стационарными раскопами исследовано шесть поселений: Шокшинское (Археология…, 2008), Озименки (Ставицкий, 1990), Шаверки 2 (Вихляев, Ставицкий, 2009), Алферьевское (Полесских, 1980; Ставицкий, 2014), Октябрьское (Екимов, 1992), Коровий Брод (Андреев, 2006). Аким-сергеевские памятники в большинстве случаев приурочены к мысовидным выступам первой надпойменной террасы и несколько реже встречаются в пойме на песчаных дюнах. При этом все они тяготеют к широким речным поймам.

На четырех поселениях зафиксированы остатки жилищ, которые относятся к разряду сооружений со слабо углубленным котлованом (20–40 см). К сожалению, постройки Шокшинского поселения сильно нарушены погребениями могильника и раскопами А.В. Циркина, который их не фиксировал. Очертания постройки с поселения Коровий Брод выявлены не полностью (Андреев, 2006), только примерно установлены контуры юго-западной части шаверского жилища (рис. 2) (Вихляев, Ставицкий, 2009), поэтому размеры жилищ определяются только приблизительно. Все они имели прямоугольную форму шириной 4–5 м, длиной до 9 м, с выходом с длинной стороны, который был смещен к одному из углов постройки, что находит аналоги в конструкционных особенностях жилища Наумовской стоянки, которое было отнесено

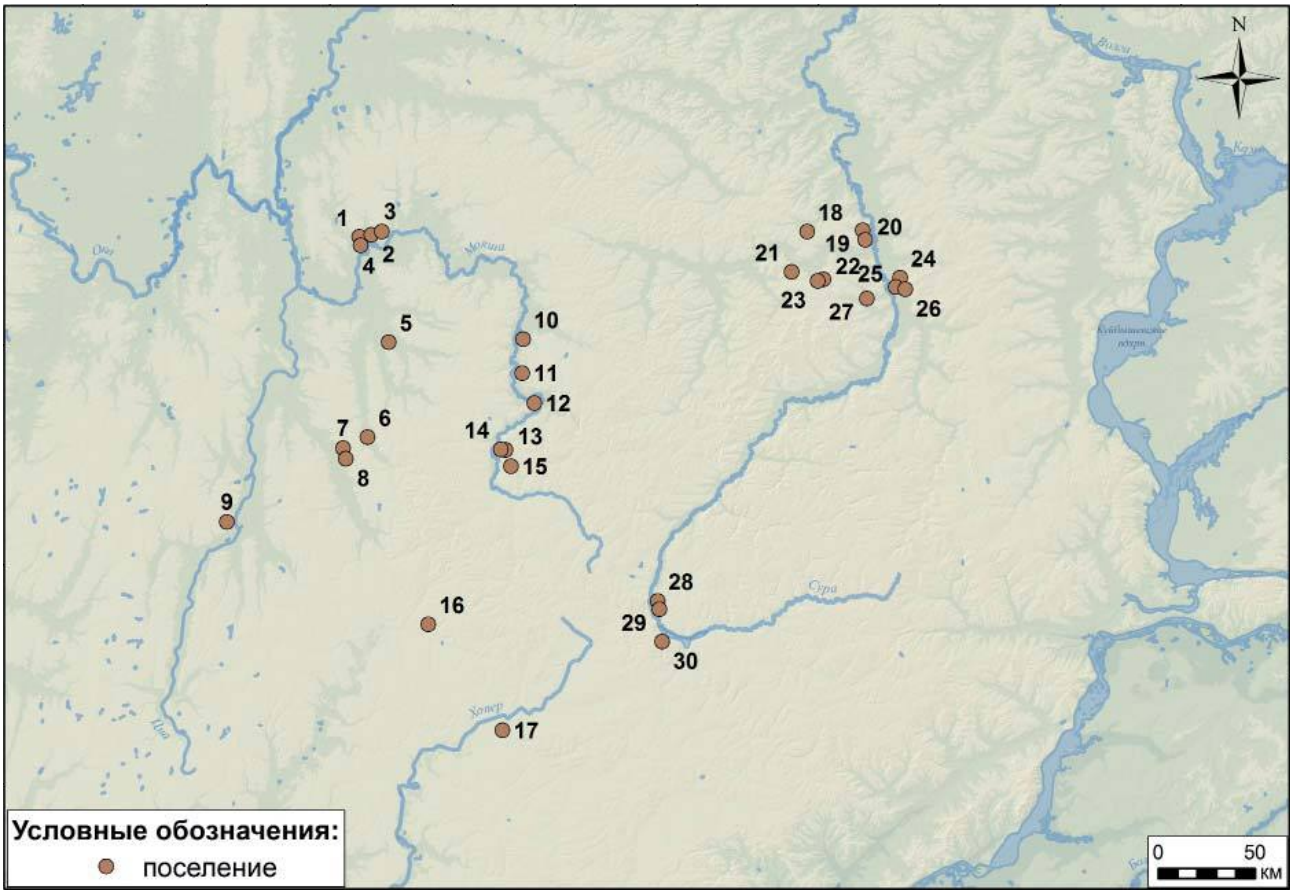


Рис. 1. Памятники аким-сергеевского типа

1 – Шокшинское; 2 – Нароватово; 3 – Березово; 4 – Березняк; 5 – Аким-Сергеевка; 6 – Старое Бадиково; 7 – Инерка; 8 – Сядемка; 9 – Коровий брод; 10 – Шаверки; 11 – Ковыляй; 12 – Андреевка; 13–14 – Озименки 1, 2; 15 – Красный Восток; 16 – Дальшино; 17 – Куракино 4; 18 – Жабино; 19 – Кильзям; 20 – Сыреси; 21 – Луньга; 22–23 – Полое 1; 24 – Глухое озеро; 25 – Стемасы; 26 – Утюш; 27 – Елховка; 28–29 – Пензенские стоянки (Ерня, Целибуха); 30 – Алферьевка

Т.Б. Поповой к поздняковской культуре (Попова, 1970, с. 220), однако на данном поселении присутствует и керамика, близкая к аким-сергеевской посуде. По своим параметрам шаверское сооружение обладает рядом общих черт с жилищами поселения культуры ранней сетчатой керамики Фефелов Бор 1, площадь которых составляет 32–51 кв. м (Фоломеев, 1974). Совпадают и некоторые конструктивные особенности данных сооружений: прямоугольная со сглаженными углами форма, наличие длинных коридорообразных выходов, направленных в сторону старицы и смещенных к одному из углов постройки, присутствие в очагах пережженных камней, наличие столбовых ямок вдоль периметра и по одной из длинных осей сооружения. По наблюдениям А.Х. Халикова, небольшие, не соединенные переходом, слабо углубленные жилища получают достаточно широкое распространение на атабаевском этапе приказанской культуры. Одно из таких жилищ было зафиксировано на поселении Степное Озеро (Халиков, 1980, с. 10, 11).

Керамика аким-сергеевского типа характеризуется горшками с плавно изогнутой шейкой и выпуклыми округлыми плечиками, имеющими сравнительно небольшое днище: плоское или уплощенное, реже округлое (рис. 3: 6, 7). Край венчика с внешней стороны приострен, его срез уплощен и орнаментирован оттисками зубчатого штампа (рис. 3: 1–10). У многих сосудов венчик имеет форму «бортика», появление которого, очевидно, связано с выравниванием края. По степени орнаментированности и технике нанесения узоров выделяются две разновидности. Первая – горшки с богатой орнаментацией, выполненной оттисками среднезубчатого штампа в сочетании с рядами глубоких круглых ямок или с рядами таких же ямок и «жемчужин». Вторая разновидность сосудов имеет простой узор в виде рядов глубоких круглых ямок и «жемчужин» или только ямок. Орнаментация, как правило, многорядовая. Оттиски зубчатого штампа обычно располагались в верхней части сосуда до наибольшего расширения тулова, тогда как ряды ямок и «жемчужин»

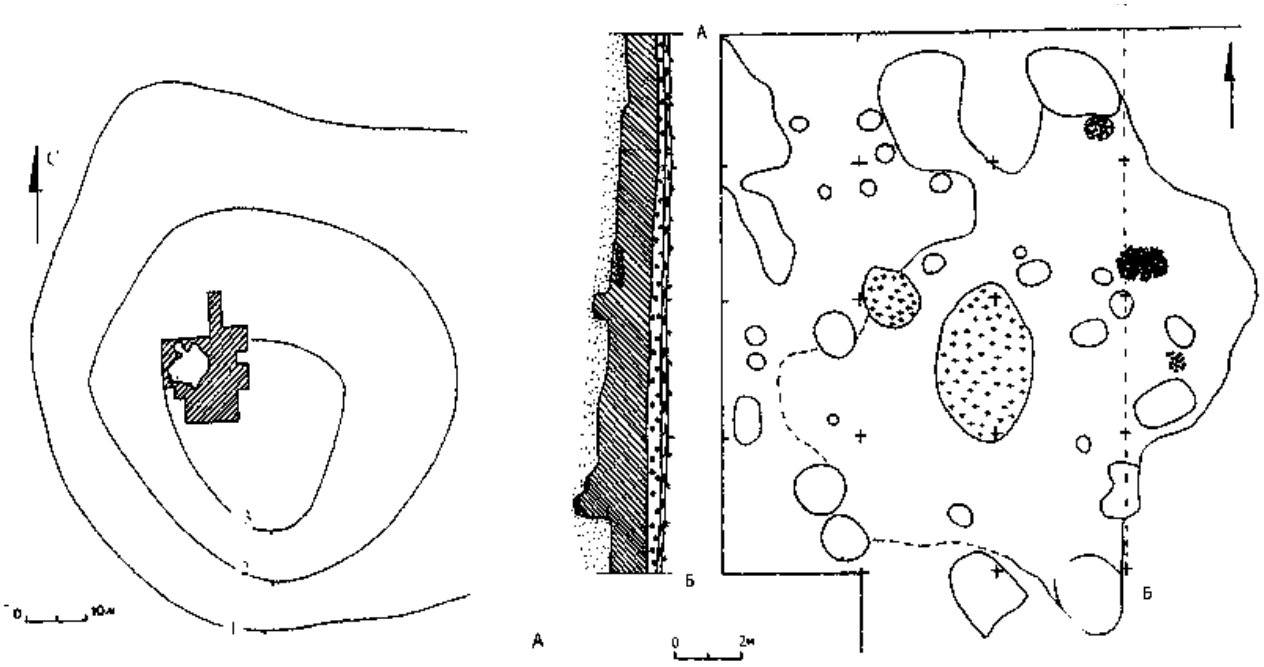


Рис. 2. Поселение Шаверки 2. Жилищное сооружение

нередко опускаются ниже. Элементы орнамента, нанесенные зубчатым штампом, довольно разнообразны. Наиболее часто встречаются горизонтальные зигзаги и прямые линии, реже – вертикальные зигзаги, заштрихованные треугольники или ромбы, вертикальные, наклонные и перекрещивающиеся короткие линии, крестообразно заштрихованная сетка, вертикальная «елочка», бахрома, окаймляющая треугольники или орнаментальное поле, частые ряды глубоких круглых ямок. На некоторых сосудах имеются асимметричные лесенки и заштрихованные углы, обращенные вершиной вверх. На некоторых горшках линии зигзагов образуют ромбы. Однако симметричность узора здесь выдерживается не всегда. Внутренняя поверхность горшков обеих разновидностей обычно зачищалась зубчатым штампом или щепочкой. Получившиеся при этом бороздки нередко оставлялись незаглаженными. Более тщательно выравнивалась внешняя поверхность. Однако имеются фрагменты от нижней части сосудов со следами грубых расчесов на внешней поверхности, очевидно, носящих орнаментальную нагрузку. Небольшую группу образуют сосуды с плавно отогнутым венчиком, край которого имеет налепной валик, орнаментированный сверху зубчатым штампом или насечками. Тулово этих сосудов обычно украшено разреженными рядами небольших клиновидных вдавлений или глубоких круглых ямок. Иногда они не имеют орнамента.

Кроме типичной керамики на каждом поселении есть посуда, характеризующаяся рядом своеобразных черт. К особенностям шокшинской керамики относится наличие сосудов, украшенных отпечатками зубчатого штампа, в орнаменте которых не используются ни жемчужные, ни ямчатые вдавления, а также спорадическое применение прочерченного орнамента, которого нет на посуде Аким-Сергеевки (рис. 3: 2–4, 6, 9, 10). Однако данные элементы орнамента полностью повторяют узоры, выполненные зубчатым штампом. К оригинальным мотивам орнамента можно отнести только горизонтальные ряды заштрихованных ромбов, выполненных оттисками зубчатого штампа, и треугольники со свисающими вниз вершинами, образованные рядами клиновидных вдавлений. Кроме того, на отдельных венчиках фиксируются слабо намеченные плоские воротнички, утолщающие внешний срез бортика. Зафиксированы отдельные сосуды с округлыми днищами.

Необходимо отметить, что на Шокшинском поселении в заполнении жилищных сооружений, содержащих аким-сергеевскую керамику, присутствует еще один тип керамики. Причем в заполнении котлованов собраны не только отдельные фрагменты этого типа, которые могли попасть туда случайно, но и целые развалы сосудов. Это керамика с примесью в тесте шамота, представленная банками с прямым (реже) либо зауженным (чаще) устьем и горшковидными слабо профилированными сосудами. Банки имеют венчики с прямым срезом, верхний край которого иногда утолщен наружу либо вовнутрь, что придает ему Г-образные очертания. В редких случаях срез венчика плоско скошен вовнутрь или закруглен. У горшков срез венчика обычно округлый, а вен-

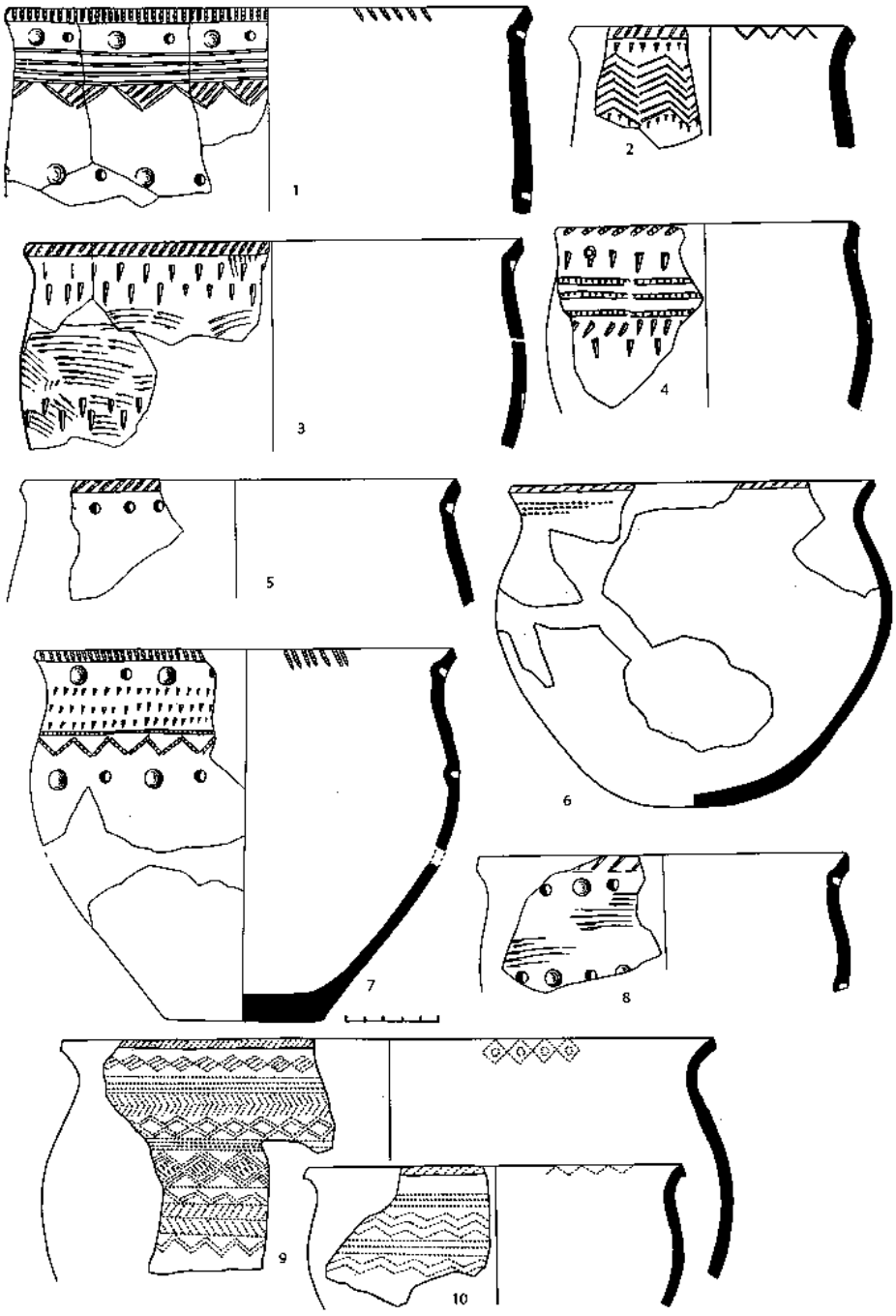


Рис. 3. Аким-сергеевская керамика Шокшинского поселения

чики с плоским срезом имеют Г-образные очертания. Сосуды украшены горизонтальными рядами разнообразных вдавлений либо насечек, а также прочерченными линиями. Оттиски штампа встречаются реже. «Жемчужные» вдавления в орнаментации данной керамики не используются. Преобладают несложные узоры в виде горизонтальных рядов вдавлений, наклонных оттисков либо прочерков. Встречаются заштрихованные треугольники, горизонтальные зигзаги, перекрещенные отпечатки штампа. Более сложные композиции единичны. На отдельных сосудах зафиксированы налепные валики, нередко с насечками.

Описанная керамика ближайшие территориальные аналогии находит в поселенческой посуде срубной культуры Среднего Посурья (Шитов, 1995) и в несколько меньшей степени Верхнего Примокшанья (Ставицкий, 2001), с которыми она совпадает практически по всем параметрам. Особенностью шаверскй керамики является наличие сосудов (13%), венчик которых отогнут в своей верхней части вовнутрь. Характерной чертой этих венчиков является желобчатость внутренних стенок. Кроме того, у некоторых сосудов бортик с внешней стороны венчика не плоско скошен, как обычно, а закруглен. На ряде венчиков фик-

сируется грибовидное расширение бортика. Более 90% сосудов украшено под венчиком ямчатыми вдавлениями, а около 20% – жемчужинами, которые иногда чередуются с ямками. У 60% сосудов тулово украшено оттисками зубчатого штампа. На одном из сосудов имеется налепной валик. Отпечатками зубчатого штампа обычно украшена только верхняя треть сосуда, а вот ямочные и жемчужные вдавления иногда спускаются и ниже. Орнаментальные построения в большинстве случаев несложные. Это горизонтальные и наклонные оттиски зубчатого штампа, которые образуют зигзаги, заштрихованные треугольники, в отдельных случаях пересекаются, составляют вертикальные ряды цепочек из ромбических фигур. Ямчатые и жемчужные вдавления почти всегда располагаются горизонтальными рядами и только на одном сосуде ямки сгруппированы в треугольные фигуры. Кроме того, здесь зафиксирована группа керамики инородного облика. Это горшковидные сосуды, орнаментированные линзовидными и каплевидными насечками, прочерченными линиями, налепными валиками, имеющие на венчиках характерные воротничковые утолщения, расположенные в их верхней части.

Изделия из глины и металла (рис. 4: 22–24, 28, 25–27, 29, 30). С аким-сергеевскими древностями связан ряд находок глиняных изделий. На поселении Шаверки 2 было найдено три керамических пряслица (рис. 4: 26, 27), одно из которых имеет блоковидную форму, другое – битрапециевидную со сглаженными углами, третье – воронковидную. Интересно, что аналогии всем этим формам имеются на поселениях с приказанской (Халиков, 1980, табл. 23: 1, 3; 27: 7) и ранней сетчатой (Воронин, 1998, рис. 12: 2, 6) керамикой. В Примокшанье точная копия воронковидного пряслица найдена на Аким-Сергеевском поселении (Шитов, 1975, рис. 2: 9).

Несколько фрагментов глиняных пряслиц, имеющих уплощенную боченковидную или подтрапецевидную с заоваленными сторонами форму найдено на Шокшинском поселении. Здесь же в заполнении постройки № 6 был найден обломок глиняной ложки, которая имела черпак овальной формы, размером и глубиной 0,7 см (рис. 4: 25), и тигель овальной формы с округлым дном, размером 11×8 см. Внутренняя емкость тигля имела каплевидную, с зауженным носиком форму.

Вероятно, с аким-сергеевской керамикой связаны и находки мелких фрагментов литейных форм, среди которых можно отметить обломок формы для отливки с сужающимся клинком и продольным ребром жесткости по центральной оси изделия. Впрочем, не исключена и поздняковская принадлежность данной находки, поскольку подобные формы ножей характерны для поздняковских древностей.

В заполнении построек № 6 и 8 найдены фрагменты бронзовых (медных?) шильев, имеющих прямоугольное сечение (рис. 4: 22–24). Острие у всех шильев обломано.

С аким-сергеевскими древностями, возможно, связана находка топора-кельта, обнаруженного в окрестностях п. Красное Знамя Земетчинского р-на Пензенской области на краю первой надпойменной террасы правого берега р. Выши (Ставицкий, 2001). Кельт двуушковый овальношестигранного сечения с вогнуто-линзовидной конфигурацией фаски, не усложненной дополнительными деталями. Его высота 11 см, ширина лезвия 4,2 см. По классификации Е.Н. Черных, это орудие относится к типу К-66. Картографически подобные типы орудий тяготеют к территории Волго-Камья, но отдельные экземпляры встречаются и в Поднепровье (Черных, 1976, с. 86).

Каменные орудия (рис. 4: 1–21). Находки каменных орудий на аким-сергеевских поселениях немногочисленны. Так, например, всего девять орудий приходится на Аким-Сергеевском поселении на 860 фрагментов керамики. На остальных памятниках, кроме аким-сергеевской керамики, присутствуют артефакты других культур, что затрудняет выделение характерного комплекса аким-сергеевских орудий, среди которых преобладают небрежно обработанные скребки на отщепах случайной формы (Шитов,1975, с. 165).

Предположительно с аким-сергеевской керамикой связана основная часть кремневого инвентаря, собранного с Шокшинского поселения. В частности, в заполнении ряда жилищных сооружений были собраны концевые скребки на отщепах с округлым лезвием, отретушированным по краю, проколка с острием, подработанным мелкой ретушью, грубо обработанный наконечник дротика, имеющий листовидное очертания, треугольный наконечник стрелы с выемчатым основанием, отщепы и продольные сколы с боковыми сторонами, отделанными приостряющей ретушью. Более выразительные экземпляры кремневых орудий собраны в культурном слое поселения. Это тщательно обработанные сплошной двусторонней ретушью наконечники стрел треугольно-черешковой, листовидной, иволистной формы, с усеченным либо выемчатым основанием. Один из наконечников с усеченным основанием имеет подромбические очертания. Двумя типами представлены проколки. Это орудия с широкой рукояткой и коротким острием и орудия с широким треугольным острием, плавно переходящим в рукоять. Кроме концевых скребков с овальным лезвием, найдены орудия вытянутых трапециевидных очертаний с

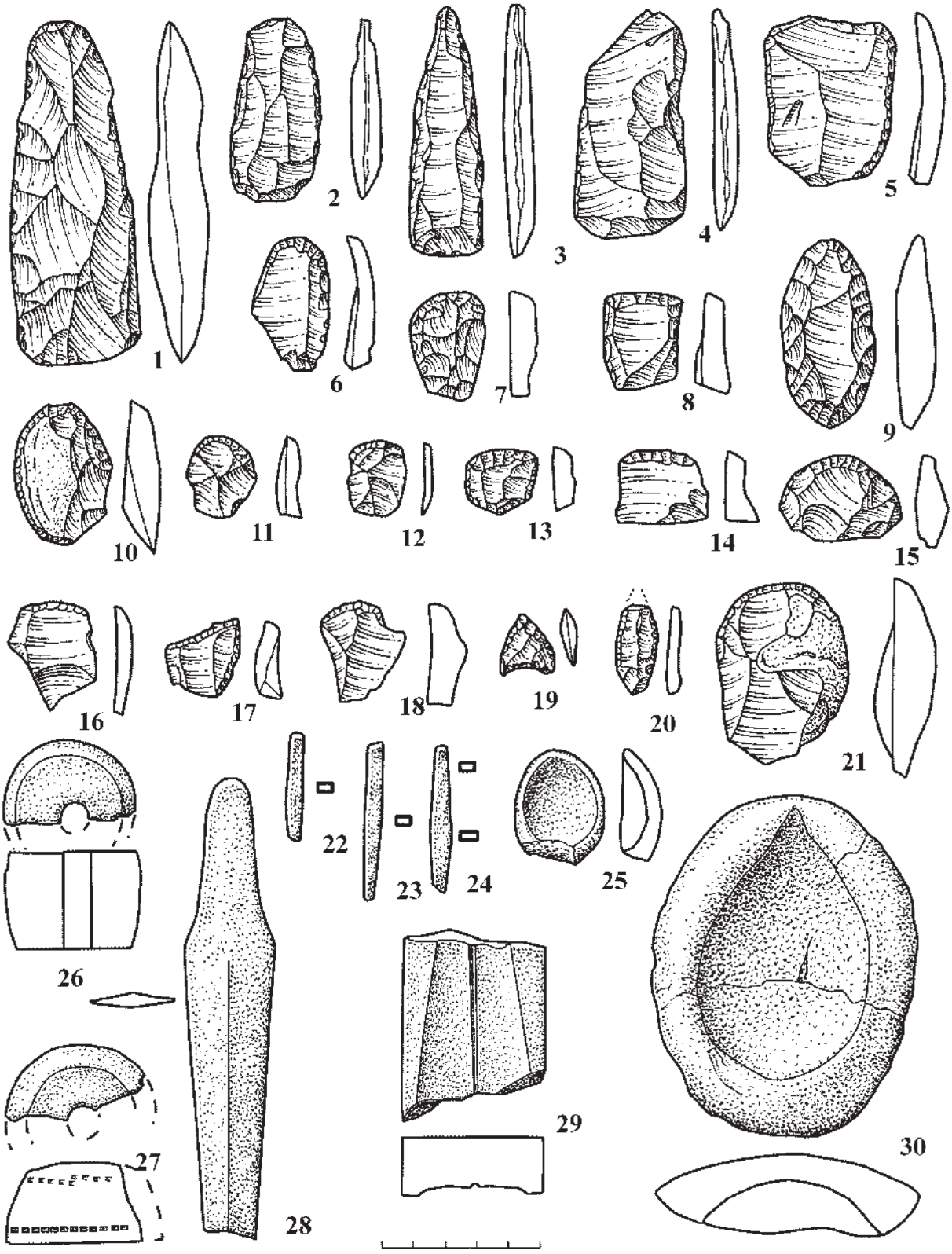


Рис. 4. Изделия из камня, металла и глины. Шокшинское поселение
1–21 – кремень; 22–24, 28 – металл; 25–27, 29, 30 – глина

ретушью, далеко заходящей на спинку. Встречены также скребки подквадратной, прямоугольной и округлой формы. Рубящие орудия представлены теслами подовальной, с зауженным черешком формы, обработанными крупнофасеточными сколами. Ножи единичны. К ним относятся овальные орудия, отделанные приостряющей ретушью на 2/3 периметра и ножи на уплощенных сколах.

Место аким-сергеевских древностей в системе культур бронзового века. При интерпретации аким-сергеевских древностей исследователями неоднократно отмечалось, что данная посуда сочетает в своем облике как приказанские, так и некоторые поздняковские признаки (Полесских, 1977; Шитов, 1975; Ставицкий, Челяпов, 1997). Преобладающим типом аким-сергеевской керамики являются горшки с плавно изогнутым туловом, имеющие по краю венчика более или менее выраженный «бортик», орнаментированный оттисками зубчатого штампа. Верхняя часть сосудов в большинстве случаев украшена оттисками зубчатого штампа в сочетании с ямчатыми и жемчужными вдавлениями. Основные мотивы орнамента: ряды наклонных оттисков штампа, зигзагообразные построения, пересекающиеся отпечатки, лесенки, треугольники, ромбы, горизонтальные ряды ямок и жемчужин. Днища плоские, уплощенные и круглые. Ближайшие аналоги подобному набору признаков можно найти в керамике балымско-карагашихинских и атабаевского типов (Халиков, 1980, с. 37, 38), которые, по справедливому замечанию Б.С. Соловьева, представляют собой единый культурно-хронологический пласт (Соловьев, 2000, с. 89, 90). Главное отличие атабаевской керамики заключается в крайне редком использовании жемчужного орнамента и в преобладании на сосудах узоров из прочерченных линий, которые практически отсутствуют на керамике аким-сергеевки и сравнительно редко используются на посуде Шокшинского поселения.

По такому признаку, как широкое применение в орнаментации жемчужных и ямчатых вдавлений, аким-сергеевская керамика находит ближайшие аналогии в посуде поздняковской культуры. Однако такой специфичный элемент оформления венчика, как скошенный бортик, на поздняковской посуде присутствует только на Акозинской стоянке, где его доля составляет всего 2,5% (Халиков, 1969, с. 270) и где он явно относится к числу восточных, атабаевских заимствований. К тому же среди поздняковской поселенческой керамики значительную долю составляют баночные сосуды, крайне редкие как в аким-сергеевских, так и в атабаевских комплексах. Значительно богаче на поздняковской посуде набор элементов и мотивов орнамента. Существенную долю в орнаментации поздняковской керамики занимают веревочные отпечатки, которые отсутствуют только на посуде самых восточных памятников (в Чувашии) (Попова, 1985). Нехарактерны для поздняковских сосудов венчики с желобчатым оформлением внутренних стенок, представительная серия которых собрана на Шаверском поселении. Подобные сосуды весьма широко распространены на поселениях с ранней сетчатой керамикой Волго-Окского междуречья (Воронин, 1998б). В Поочье представительная коллекция подобной керамики получена при раскопках поселения Гришинский исток 3 (Ставицкий, Челяпов, 1997, с. 102). Причем сходство шаверской керамики с сетчатой наблюдается не только по формам венчиков, но и по ряду орнаментальных композиций, состоящих из ямчатых вдавлений и оттисков зубчатого штампа (Воронин, 1998, рис. 4). Вместе с тем нельзя не отметить и существенные различия между данными комплексами керамики, главное из которых – отсутствие сетчатого орнамента на аким-сергеевской посуде.

Шаверские сосуды с воротничковым утолщением венчиков находят ближайшие аналогии в посуде ивановского типа Танавского и Кайбельского поселений. Причем сходство наблюдается не только в форме сосудов, но и в орнаментации, состоящей из горизонтальных рядов насечек и налепных валиков (Колев, 1988, рис. 1–5). Небезынтересно заметить, что, по подсчетам Ю.И. Колева, орнаментация керамики поселения Кайбелы 1 имеет наибольший коэффициент сходства с посудой атабаевского поселения (Колев, 1988, табл. 5). Кроме того, на Кайбельском поселении имеются венчики со скошенными бортиками, форма которых аналогична венчикам аким-сергеевского типа. Следует отметить, что отдельные находки венчиков с утолщенными воротничками имеются и на Шокшинском поселении. Здесь же найден ряд сосудов, орнаментированных налепными валиками, причем часть их обнаружена в заполнении жилищ вместе с керамикой аким-сергеевского типа.

Определенные параллели в атабаевских древностях находят некоторые конструктивные особенности аким-сергеевских жилищ: сравнительно небольшая глубина котлованов, наличие столбовых конструкций, угловые выходы, сходные параметры и размеры. Характерны для атабаевских древностей кремневые иволистные наконечники стрел с усеченным основанием, известные на аким-сергеевских памятниках.

Таким образом, ближайшие аналогии аким-сергеевским материалам имеются в древностях атабаевского типа, с которыми они, видимо, обладают определенной степенью культурного родства. Наличие некоторых поздняковских черт в орнаментации керамики аким-сергеевского типа, вероятно, объясняется близостью данных памятников к ареалу их распространения.

Для выяснения хронологии аким-сергеевских древностей важным является наличие достаточно близких им аналогов на памятниках Средней Оки, имеющих радиоуглеродные датировки. В частности, очень близкая керамика встречена на раскопанном Б.А. Фоломеевым поселении Гришинский

исток 3, отнесенном автором раскопок к позднему этапу развития ранней «сетчатой» керамики и датированном серией радиоуглеродных дат по образцам с пола жилищ XIII–XI вв. до н. э. (Сулержицкий, Фоломеев, 1993, с. 44).

Подобного типа керамика, орнаментированная отпечатками «сетки», встречена и на юге Рязанской области. Как и рассматриваемая посуда Мордовии и Верхней Суры, она имеет принципиальные отличия от поздняковской керамики по составу глиняного теста, обработке поверхности и обжигу. Т.Б. Попова считает, что это было связано с изменением технологического процесса изготовления глиняной посуды. Появляется бортик на венчике сосуда, венчики приобретают заостренную форму, встречаются венчики с желобками (Попова 1985, с. 181). Ее происхождение, вероятно, следует связывать с трансформацией поздняковских древностей на заключительном этапе их развития.

В глобальном плане сложение памятников аким-сергевского типа, вероятно, было связано с теми же процессами, что и происхождение атабаевских древностей, а именно с процессом распада культур срубно-андроновского мира. При этом аким-сергеевские памятники, представляющие западное крыло этой общности, видимо, в меньшей степени были связаны с андроновскими древностями и в большей степени – со срубными. Процесс утраты ряда андроновских черт Ю.И. Колевым фиксируется еще при формировании сусканской культуры, памятники которой, по его мнению, трансформируются в атабаевские (Колев, 2000, с. 250–251). По-видимому, еще в меньшей степени андроновский импульс доходит до территории Сурско-Мокшанского междуречья, где в зоне контактов с остатками населения поздняковской культуры и племенами ранней сетчатой керамики происходит сложение памятников аким-сергеевского типа.

В дальнейшем при изменении климатических условий в конце II тыс. до н. э. (Спиридонова, Алешинская, 2000), связанных с похолоданием и смещением границ лесной зоны в южном направлении, северные группы аким-сергеевского населения испытывают усилившееся воздействие со стороны носителей «сетчатой» керамики, чем, видимо, и объясняется появление ряда сходных признаков в материальной культуре данных групп населения. Результаты данных контактов особенно наглядно иллюстрируют материалы поселения Красный Восток, где фиксируются гибридные формы керамики, сочетающие в себе черты обеих культур (Археология…, 2008, рис. 294–296).

Южные группы аким-сергеевского населения, не испытавшие на себе подобного воздействия, принимают участие в формировании северного варианта бондарихинской культуры. Скорее всего, тычковая техника нанесения вдавлений, столь характерная для бондарихинских древностей, зародилась именно на аким-сергеевских памятниках. Процессы трансформации указанных традиций иллюстрируют материалы Аким-Сергеевского поселения, где присутствует небольшая группа гладкостенных сосудов (вторая – по В.Н. Шитову), украшенных только тычковыми вдавлениями. Эти сосуды имеют плавно отогнутый верхний край венчика и слабо выраженную шейку. Их верхний край либо пристроен с внешней стороны, либо закруглен. Иногда по верху венчика располагается налепной валик. Тулово сосудов обычно украшено разреженными горизонтальными рядами клиновидных вдавлений либо ямками различной формы, которые обычно наносились в тычковой технике. В редких случаях сосуды бывают украшены отпечатками зубчатого штампа (Шитов, 1975, с. 173, рис. 6).

По одним признакам данная группа сосудов близка к тычковой керамике бондарихинского типа, по другим – сближается и с керамикой аким-сергеевского типа. К их общим чертам относятся: форма слабо профилированных горшковидных сосудов, оформление венчиков налепными бортиками, орнаментация клиновидными отпечатками и ямчатыми вдавлениями, нанесенными в тычковой технике. Имеются между ними и переходные формы. В частности, на Аким-Сергеевском поселении присутствуют горшки со слабоотогнутым горлом, близкие по форме сосудам второй группы со слабо намеченной шейкой. Бортик сосудов невыраженный, закругленный, как у сосудов второй группы, но он украшен отпечатками зубчатого штампа (Археология…, 2008, рис. 264: 17, 18). К тому же в заполнении третьей постройки Шокшинского поселения керамика с тычковой орнаментацией залегает вместе с развалом типичного аким-сергеевского сосуда (Археология…, 2008, рис. 286: 1, 4, 6, 7). Присутствует тычковая керамика и в аким-сергеевской коллекции поселения Шаверки 2 (Археология…, 2008, рис. 281: 4, 6, 8–13), что, видимо, тоже неслучайно. Кроме того, между древностями бондарихинской культуры и памятниками аким-сергеевского типа наблюдается частичное совпадение территорий их распространения. Памятники обеих культур встречаются на Верхнем Дону, в бассейнах рек Мокши, Цны и Суры.

ГЛАВА 10
СРЕДНЕВОЛЖСКАЯ КУЛЬТУРА ТЕКСТИЛЬНОЙ КЕРАМИКИ

История изучения

Термины «сетчатая» и «текстильная» керамика стали использоваться в России в конце XIX – первой трети XX в. для обозначения глиняной посуды с рельефными отпечатками на поверхности. Впервые название сетчатая керамика в научной литературе применил В.И. Сизов (Сизов, 1897), но широкое распространение оно получило после публикаций А.А. Спицына и В.А. Городцова (Городцов, 1900; 1901; Спицын, 1903); второй термин – текстильная керамика – в отечественной традиции был использован в 1929 г. Б.С. Жуковым (1995, с. 71), его учениками и представителями палеоэтнологической школы (О.Н. Бадер, М.В. Воеводский, А.В. Збруева и др.)[1]. В настоящее время названия «текстильная», «ложнотекстильная», «сетчатая» и «псевдосетчатая» керамика используются как синонимы.

Первые памятники с сетчатой (текстильной) керамикой в Волго-Камье были выявлены в XIX в., они положили начало этапу накопления и сбора источников, характеризующих средневолжскую культуру текстильной керамики.

В 1880 г. на р. Сулице Н.Ф. Высоцким было открыто Медведковское поселение. В 1882 г. он и другие члены общества естествоиспытателей при Казанском университете А.А. Штукенберг и П.И. Кротов провели на нем небольшие раскопки, в результате которых были найдены костяные и кремневые изделия, а также многочисленные фрагменты текстильной керамики (Штукенберг, Высоцкий, 1885, с. 59, табл. XVI: 7).

Очень рано В.А. Городцову на основе исследований поселений на дюнах в среднем течении Оки в 1897 г. удалось определить керамику с текстильными отпечатками эпохи бронзы, рассматриваемую отдельно от керамики железного века (Городцов, 1900, с. 26). Позднее, в 1903 г. А.А. Спицын высказал предположение, что генетически текстильная керамика уже более поздних городищ «дьякова типа» восходит к местному каменному веку (Третьяков, 1975, с. 29).

В начале XX в. поиски древностей продолжал П.И. Кротов, который в 1904 г. на песчаной дюне, расположенной у старицы р. Большой Кокшаги зафиксировал Кокшайское поселение (Кротов, 1905, с. 260), в составе коллекции которого была встречена керамика с текстильными отпечатками (Смирнов, 1949, с. 24).

В 1910 г. в результате раскопок В.А. Городцовым Волосовской дюны, наряду с могильниками, на этой же территории было найдено поселение (Волосовское 2) позднего бронзового века, культурный слой которого содержал керамику с сетчатыми отпечатками (Городцов, 1914, с. 144, 146, 148; Кузьминых, Чижевский, 2006, с. 162; АКР, 2008, с. 275, 276).

Новые памятники с текстильной керамикой в Среднем Поволжье были исследованы значительно позже – в 20-е гг. XX в. Их открытие связано с именами В.Ф. Смолина, Б.С. Жукова, О.Н. Бадера, П.П. Ефименко, Е.И. Горюновой и А.В. Збруевой.

В 1923–1926 гг. заведующий Муромским музеем Ф.Я. Селезнёв в окрестностях г. Мурома проводит разведки и исследует поселения Ефановское и стоянку Мало-Окуловскую, содержащие текстильную керамику (АКР, 2008, с. 287, с. 300–301). В 1920-х гг., еще во время учебы в первом Московском университете, начал свои полевые изыскания О.Н. Бадер (Кузьминых, 2015, с. 26). В 1925–1929 гг. О.Н. Бадер работал в составе Антропологической комплексной экспедиции Антропологического института 1-го МГУ, возглавляемой Б.С. Жуковым. Под руководством последнего исследуются Волосовская стоянка, Малое Окулово (Малое Окулово 3) и Саконское поселения (АКР, 2004, с. 99–100; АКР, 2008, с. 272–275, 303). В 1927 г. О.Н. Бадер продолжает раскопки на Ефановском поселении, начатые Ф.Я. Селезнёвым, и исследует поселение Малый Бор (АКР, 2008, с. 274, 280). В 1929 г. под его руководством продолжено изучение поселения Волосово 2, начатое еще В.А. Городцовым (АКР, 2008, с. 275–276). В промежутке с 1924 по 1928 гг. на берегах Мещёрских озер и в нижнем Поочье О.Н. Бадером было обследовано 14 новых поселений с текстильной керамикой (Bahder, 1929, abb. 2). К 1928 г. им были

[1] Подробно об истории проблемы см. Лопатина, 2014, с. 66, 68–72.

собраны данные о 60 поселениях с такой керамикой (Бадер, 1966, с. 32; 1970, с. 74). В 1926–1927 гг. А.В. Збруева в низовьях Клязьмы исследует поселение Липки (Малые Липки) с текстильной керамикой, отнесенной бронзовому веку (Zbrujev, 1929).

В 1926 г. в рамках работы Средневолжской экспедиции В.Ф. Смолиным были выявлены и частично исследованы Яндашевские стоянки (Смолин, 1927, с. 16, 17), в 1927 г. здесь произвел раскопки П.П. Ефименко (Третьяков, 1948, с. 18), часть керамического комплекса этих поселений имела текстильные отпечатки на поверхности (Каховский, 1961, с. 54; Халиков, 1980, № 80, 81).

Открытие новых памятников, содержащих керамику с текстильными отпечатками, произошло в 1929 г., когда Вятско-Камской экспедицией московского антропологического института под руководством Б.С. Жукова были произведены рекогносцировочные раскопки на городище Грахань. В результате этих исследований было выявлено поселение финала бронзового века, в составе керамической коллекции которого присутствовала керамика с текстильными отпечатками (Збруева, 1947, с. 53, 57, 64, рис. 19: 10, 12). В этом же году ученица Б.С. Жукова Е.И. Горюнова на Волге исследовала Мари-Луговскую I стоянку, здесь была найдена сетчатая керамика, которую она отнесла к наиболее древнему культурному комплексу данного памятника (Горюнова, 1934, с. 173, рис. 5: 1).

В 20-е годы XX в. появляются первые обобщения, основанные на исследовании памятников, расположенных к западу от Волго-Камья. В статьях Б.С. Жукова, О.Н. Бадера и А.В. Збруевой, основанных на большом корпусе источников, полученных в ходе работ Антропологической комплексной экспедиции МГУ в восточной части Волго-Окского междуречья, была выделена культура текстильной керамики и обозначена преемственность между текстильной керамикой и более поздними культурами раннего железного века (Joukov, 1929, p. 75; Bahder, 1929, p. 101; Zbrujev, 1929, p. 115). О.Н. Бадер и А.В. Збруева считали эту культуру аборигенной для Волго-Окского междуречья и близкой по времени к «срубно-хвалынской» или «хвалынской» культуре (Bader, 1929, с. 100–101; Zbrujev, 1929, с. 102, 108–109). Одним из признаков культуры текстильной керамики, отмеченных А.В. Збруевой, было сочетание текстильной керамики и кремневой индустрии (Zbrujev, 1929, с. 115), а также близость форм текстильной посуды с керамикой «упадочного неолита» (Bader, 1929, с. 101; Бадер, 1966, с. 33). Б.С. Жукову также удалось сформулировать три характерных признака КТК эпохи бронзы, керамический комплекс которой характеризуется: 1 – архаичностью форм (круглодонностью), 2 – не встречается в чистом виде, 3. чем больший процент текстильной керамики в коллекции памятника, тем она моложе (Жуков, 1995, с. 71).

Завершается этап исследованиями Н.Ф. Калинина и А.М. Ефимовой на Казанской (1938 г.) и А.В. Збруевой (1939 гг.) на Старо-Грязнухинской I стоянках, часть керамического комплекса этих памятников содержала текстильную керамику финала бронзового века (Калинин, 1948, с. 179–186, рис. 4; Збруева, 1960, с. 202). В Нижегородском Поволжье в конце 30-х и в начале 40-х гг. XX века, благодаря разведкам А.В. Давидовича, Л.Я. Мендиарова и Б.А. Сафонова, выявлено почти два десятка археологических памятников, содержащих текстильную керамику.

Новый этап в изучении средневолжской культуры текстильной керамики относится уже к послевоенному времени и связан с началом широкомасштабных работ по сплошному разведочному обследованию территории Среднего Поволжья. Этот процесс шел неравномерно, сначала такие работы стали производиться в ТАССР для подготовки археологической карты Татарии (1945–1950), после 1950 г. они были продолжены в связи со строительством Куйбышевского водохранилища (Калинин, Халиков, 1954, с. 3). За период с 1945 по 1956 гг. отряд Казанского филиала АН СССР под руководством Н.Ф. Калинина, а позднее А.Х. Халикова произвел сплошное обследование территории Республики, как в материковой части, так и в части затапливаемой водохранилищем. Среди исследованных памятников имелось и 18 поселений с текстильной керамикой, на некоторых из них были произведены археологические раскопки (Займищенские I, II и IIIа, Обсерваторская II и IV стоянки) (Калинин, Халиков, 1954а, с. 224–231; Халиков, 1980, № 115, 117). Особенно крупные исследования производились на Карташихинской I стоянке, где было вскрыто восемь жилищ эпохи поздней бронзы, а коллекция содержала керамику маклашеевской культуры с текстильными отпечатками (Калинин, Халиков, 1954, с. 168–179, 183, рис. 13: 1).

Продолжает изучение памятников КТК в Среднем Поволжье А.В. Збруева, которая производила исследования в зоне затопления Куйбышевской ГЭС в рамках работы Куйбышевской экспедиции, общее руководство которой осуществлял А.П. Смирнов. В промежуток времени между 1950–1954 гг. она раскопала ряд поселений эпохи финальной бронзы, содержащих керамику с сетчатыми отпечатками от 40% (Морквашинское поселение) до нескольких единиц (Гулькинская,

Зеленовская II, Степное Озеро стоянки) (Збруева, 1952, с. 204; 1960, с. 42, 72).

Существенное расширение ареала памятников с текстильной керамикой произошло в результате деятельности Марийской археологической экспедиции, возглавляемой А.Х. Халиковым. За время ее работы с 1956 по 1959 гг. на территории Марийской АССР было обнаружено 6 новых памятников с подобной керамикой, а на известной с 1929 г. Мари-Луговской I стоянке были проведены раскопки, давшие большое количество сетчатой керамики (Халиков, 1960, с. 5). В 1955 г. Н.В. Трубниковой в Чувашском Поволжье была выявлена разрушающаяся стоянка на Криушинской дюне, она была исследована ею в 1956–1957 гг. и содержала в числе прочего текстильную керамику (Смирнов, 1961, с. 51, 53, рис. 10: 1–3, 5, 6, 8, 19). В 1954 г. в ходе работ Горьковской археологической экспедиции в зоне затопления ГЭС Н.Н. Гуриной было исследовано поселение Сокольское II, отнесенное к концу бронзового – началу раннего железного века, где была выявлена текстильная керамика вместе с керамикой поздняковской культуры (Гурина, 1963, с. 182–195). Продолжаются разведывательные работы под руководством директора Дзержинского краеведческого музея Б.А. Сафронова (АКР, 2004, с. 18–19). За 1945–1951 гг. им было выявлено около 30 археологических памятников с текстильной керамикой в нижегородском Поволжье.

В начале 1950-х гг. появились новые гипотезы о культурогенезе КТК. О.Н. Бадер высказал предположение о том, что население, использовавшее текстильную керамику, сложилось в результате контактов местного окского населения и пришлого срубно-хвалынского, а следствием этого процесса было возникновение поздняковской культуры (Бадер, 1951, с. 24).

А.В. Збруева на основании анализа процентного соотношения текстильной и гладкой керамики на памятниках сделала заключение о смешанном характере стоянок конца II – начала I тыс. до н. э. в Марийско-Казанском Поволжье и преобладании носителей текстильной традиции на западе Среднего Поволжья (Збруева, 1952, с. 204).

В 1960-е гг. произошло некоторое замедление темпов выявления новых памятников с текстильной керамикой, за этот период было зафиксировано лишь 13 таких объектов на обширной территории, включающей Марийскую и Татарскую АССР, а также Ульяновскую область. На трех памятниках производились раскопки, которые выявили на поселениях «Курган» (Ишмуратова, 1967, с. 107, табл. I: 1, 2) и Ахмыловское I керамику с сеткой, а в межмогильном пространстве Полянского II могильника был найден целый сосуд с текстильными отпечатками (Халикова, 1967, с. 122, табл. I: 9).

Иная картина наблюдается в нижегородском Поволжье и Поочье. В 1959 г. в составе Горьковской экспедиции начинает полевую деятельность В.Ф. Черников, в 1960-е гг. им было выявлено около 20 памятников с текстильной керамикой. Небольшие раскопки осуществлялись лишь на одной стоянке – Стрелка 2, в верхних горизонтах которой содержалась текстильная керамика (Крайнов, 1970; АКР, 1994, с. 129).

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. происходит окончание очередного этапа изучения древностей текстильной керамики. К этому времени от темы КТК отходят многие представители предвоенного и послевоенного поколения исследователей, которые завершают этап крупными обобщающими работами (Халиков А.Х., Бадер О.Н., Третьяков П.Н. и др.), в них, помимо других вопросов, рассматривается и проблематика КТК.

В этот период трудами М.Е. Фосс в 1945–1947 гг. (Фосс, 1949), Н.Н. Гуриной (1961), А.Л. Никитина (Никитин, 1963; 1973; 1976) и др. была накоплена значительная база данных о памятниках с текстильной керамикой к западу от Среднего Поволжья.

А.Л. Никитин на основе керамики, полученной из поселения и могильника Дикариха в Ярославской области, выделяет культуру «ложнотекстильной» керамики (Никитин, 1963, с. 226). В основе определения данной керамики лежит наблюдение над отпечатками на поверхности, которые не содержали никаких отпечатков текстиля, а только создавали такое впечатление путем нанесения многократных отпечатков зубчатого штампа (Никитин, 1963, с. 208). Грунтовый могильник Дикариха – первый и до сих пор единственный крупный грунтовый могильник, оставленный населением с текстильной керамикой Восточной Европы эпохи бронзы.

Появляются в это время и обобщающие работы о текстильной керамике Прибалтики, как ранней, обнаруженной на поздних неолитических памятниках (Акали, Кулламяги, Сарнате, Абора и др.), так и поздней, встреченной в небольшом количестве на укрепленных поселениях и городищах финала бронзового века вместе со штрихованной посудой (Асве, Кланьгюкалнс, Иру, Ридала, Койла и др.) (Янитс, 1959; Лозе, 1979; Ванкина, 1970; Граудонис, 1967; Лыугас, 1970 и др.). Немногочисленные текстильные отпечатки на поздней неолитической керамике типа Киукайнен были выявлены и на территории Финляндии (Meinander, 1954a, с. 181–184; Янитс, 1959, с. 300). В 1954 году К.Ф. Мейнандер, развивая идеи А. Эйряпя (Lavento, 2001, с. 26), на основе материалов по-

селений Сарса в центральной Финляндии и Томица в Карелии выделил одноименный тип керамики (Сарса-Томица), который непосредственно характеризовался керамикой бронзового века с текстильными отпечатками (Meinander, 1954b, с. 182–183).

Отдельное внимание в послевоенные годы было уделено изучению непосредственно текстильных отпечатков и способов их нанесения. А.Я. Брюсов рассматривал их как источник для реконструкции древнего ткачества и использовал для этой цели слепки с керамики и макрофотографии (1950). Он пришел к выводу о том, что для нанесения текстильного раппорта применялись как намотанные на твердую основу нити, так и отпечатки грубой ткани; ткань, по его мнению, использовалась при лепке и сушке сосудов (Брюсов, 1950, с. 287, 294, 302). С.А. Семенов в результате экспериментов подтвердил возможность применения для нанесения текстильных отпечатков палочки с намотанной на нее веревкой (Семёнов, 1955, с. 138–141).

Благодаря расширению источниковедческой базы и территорий исследований в послевоенное время обострился вопрос о происхождении текстильной керамики, ее истоков. А.Я. Брюсов видел истоки «древнесетчатой керамики» в культурах ямочно-гребенчатой керамики в «волго-окской области и севернее», но не в фатьяновской или абашевской культурах (Брюсов, 1952, с. 258). Н.Н. Гурина устанавливает генетическую преемственность текстильной керамики от позднеэнеолитической ямчато-гребенчатой (Гурина, 1963, с. 203). Кроме того, она отмечала, что единая линия развития была прервана носителями волосовской и фатьяновской культур, а свидетельством этого процесса являются фрагменты керамики с сетчатыми отпечатками и фатьяновским орнаментом (Гурина, 1963, с. 203).

Иную точку зрения озвучил Д.А. Крайнов, который истоки культуры «раннетекстильной» керамики видел в слиянии фатьяновской и волосовской культур (1964, с. 42). На керамику с сетчатыми отпечатками, близкую фатьяновской, указывал ранее и П.Н. Третьяков (1941, с. 15). На ямчато-гребенчатый компонент как ведущий в формировании раннетекстильной керамики при возможном участии галичской, «фатьяноидной» и поздняковской культур указывала И.В. Гаврилова (Гаврилова, 1968).

Корни «сетчатого орнамента» на керамике бронзового века Окского бассейна виделись Т.Б. Поповой в эпохе неолита Верхней Волги и Нижней Оки, а сама керамика с «сетчатой поверхностью» характеризовала поздний период поздняковской культуры (1971, с. 229). Отдельная культура с текстильной керамикой бронзового века ею не выделялась – в результате в ареал поздняковской культуры (Попова, 1971, с. 258–259) Т.Б. Поповой были включены даже те памятники, которые ранее были отнесены к КТК: поселение и могильник Дикариха в Ярославской области (Никитин, 1963; 1973), поселение Липки (Малые Липки) (Zbrujev, 1929), Младший Волосовский могильник (включая поселение Волосовское 2) (см. Кузьминых, Чижевский, 2006) и др.

Обширный обзор культуры текстильной керамики представил в середине 60-х гг. XX в. П.Н. Третьяков, который на основании анализа памятников, расположенных на территориях от Балтики до Нижней Камы, пришел к выводу об автохтонном сложении этой культуры в лесной зоне Восточной Европы при равном участии всех культурных элементов региона, причем «движущей силой» этого процесса, по его мнению, были финно-угорские племена (Третьяков, 1966, с. 135, 140, 141). Несколько замечаний по рассматриваемой тематике высказал в это время и А.П. Смирнов, который соотнес текстильный керамический комплекс с абашевской культурой (Смирнов, 1961, с. 53, 60).

О.Н. Бадер, в свою очередь, указывал на невозможность поиска истоков КТК в какой-то одной культуре и рассматривал ее появление как «акт нивелировки» к концу II тыс. до н. э. разнокультурных и разновременных элементов Волго-Окского междуречья. При этом он отмечал, что сам этот процесс становления не был равномерным и синхронным – где-то культура могла сложиться раньше или позже и, возможно, в различных локальных вариантах (Бадер, 1966, с. 36). Автохтонными, но не изолированными процессами он объяснял и возникновение «текстильной» традиции в Марийско-Казанском Поволжье, подчеркивая, впрочем, вслед за А.Х. Халиковым, что толчком к формированию этого явления в регионе была поздняковская культура (Бадер, 1966, с. 35–36; 1970, с. 74–79).

Первые публикации А.Х. Халикова по «текстильной» проблематике относятся к началу 60-х гг. XX в. В это время им были изданы результаты работы Марийской экспедиции. В данной монографии автор сформулировал свою концепцию происхождения КТК. В ней он выступил с критикой мнения О.Н. Бадера об автохтонном характере происхождения сетчатой керамики в западной части ареала приказанской культуры. В качестве контраргументов А.Х. Халиков, помимо данных А.В. Збруевой, привел информацию о располагающихся в этой зоне поселениях, не имеющих на керамике отпечатков текстиля. Отмечает он и относительно позднее время появления КТК

в Среднем Поволжье в конце II тыс. до н. э. (Халиков, 1960, с. 165). В целом поддерживали эту точку зрения В.Ф. Генинг и Н.И. Совцова, которые ограничивали зону воздействия КТК на приказанскую культуру территорией Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья (Генинг, Совцова, 1967, с. 61). На специфику западной части приказанского ареала указывает А.Х. Халиков и в более поздней работе 1969 г., в которой он связывает распространение «текстильной» традиции украшения керамики с поздняковской культурой (Халиков, 1969, с. 319). При этом он подчеркивал, что перенималась лишь традиция нанесения отпечатков, а форма и орнаментация оставались местными (Халиков, 1969, с. 305).

Наиболее полная на начало 1960-х гг. карта распространения памятников с текстильной керамикой Верхнего Поволжья и севера Европы была опубликована Н.Н. Гуриной. К сожалению, на ней не получили отражения памятники восточной зоны распространения текстильной керамики – Среднее Поволжье и Волго-Камье (Гурина, 1963, рис. 80).

В связи с отходом А.Х. Халикова от первобытной проблематики в 1970-е гг. резко сокращается количество выявляемых памятников с сеткой на территории ТАССР. Так, Е.П. Казаковым было найдено лишь одно такое поселение (Пестречинская II стоянка) (Галимова и др., 2016, с. 168). Заметно больше в эти годы поиском текстильных древностей занимались исследователи Ульяновской области и Марийской АССР, которые выявили 11 новых поселений (Халиков, 1980, № 83, 92, 94, 101, 102; Буров, 1981, с. 69; Никитин, Соловьев, 1990, с. 77, 122, 182; № 8, 102, 133; Соловьев, 2000, с. 237, 238, рис. 63). В Нижегородском Поволжье в 1970 г. В.Ф. Черниковым исследуется Безводнинское поселение и могильник (Архипов и др. 1971; АКР, 2008, с. 220, 225). В приграничных с Марий Эл территориях В.С. Патрушевым в 1978–1979 гг. исследуется Сомовское I поселение (Патрушев, 1979; 1980; АКР, 2004, с. 199). Во Владимирской области Л.А. Михайловой в 1979 г. исследовано поселение Великоозерское 1, где в верхних горизонтах встречена как круглодонная, так и плоскодонная керамика с текстильными отпечатками (Михайлова, 1980, с. 65; АКР, 1995, с. 82).

В середине 70-х гг. XX в. к изучению КТК Среднего Поволжья приступает новое поколение специалистов, которое наряду с открытием неизвестных ранее памятников привносит в исследовательский процесс свои оригинальные идеи и выступает с критической оценкой наследия предыдущего поколения исследователей.

Первым в этом ряду был В.П. Третьяков, который в программной статье, посвященной соотношению поздняковской и КТК культур, выступил с критикой сформулированной Б.С. Жуковым и О.Н. Бадером и поддержанной А.Х. Халиковым гипотезы о том, что сетчатая керамика является составным компонентом поздняковской культуры (Третьяков, 1975, с. 26, 27). Главным выводом, к которому пришел автор, было то, что поздняковская культура и КТК не связаны общностью происхождения, а появление КТК на Оке и в Среднем Поволжье сопровождалось ассимиляцией местного населения; происхождение КТК В.П. Третьяков вслед за А.А. Спицыным выводит из ямочно-гребенчатой керамики неолита (Третьяков, 1975, с. 28–30).

А.Л. Никитин истоки культуры текстильной керамики видел в коренном постнеолитическом населении Волго-Очья, которое к концу II тыс. смогло переработать и пережить все пришлые элементы (фатьяновская, абашевская, поздняковская культуры), представ единым целым (1976, с. 85).

В среднем течении Оки и в районе Мещерских озер экспедицией под руководством Б.А. Фоломеева в 1970-е гг. исследуется ряд памятников с текстильной керамикой бронзового века.

На поселении Фефелов Бор I в 1970–1973 гг. им были обнаружены неизвестные ранее жилищные конструкции, которые он отнес ко времени уже сложившейся культуры ранней сетчатой керамики (XV–XIII вв. до н. э.), предполагая и более раннее время существования текстильной керамики на Оке (Фоломеев, 1974, с. 249–251). В 1970–1971 гг. Б.А. Фоломеев исследует Тюков городок (Макеевское городище), основной материал которого был отнесен к промежуточному времени (X–VIII вв. до н. э.) между стоянками эпохи бронзы и городищами железного века (Фоломеев, 1975, с 168–169).

В процессе изучения керамики Тюкова городка Б.А. Фоломеевым была разработана классификация текстильных отпечатков, состоявшая из двух типов (ниточный и рябчатый), каждый из которых подразделялся на четыре варианта (Фоломеев, 1975, с. 164). Выделенные им типы сетчатых отпечатков прошли проверку временем и в настоящее время используются для описания керамики бронзового и раннего железного веков, по крайней мере Волго-Окского междуречья[2].

В конце 1970-х гг. Б.А. Фоломеевым исследуется Климентовская стоянка, близкая по времени существования Тюкову городку (Фоломеев и др., 1988). Большая часть керамики из этой стоянки, а

[2] Позднее Б.А. Фоломеев издаст более подробную классификацию (1998), существуют также и некоторые дополнения к обеим классификациям (2017).

также наземное жилище, по мнению автора раскопок, имели определенные аналогии в материалах бондарихинской культуры (Фоломеев и др., 1988, с. 183).

Некоторые параллели между памятниками Поочья и Казанского Поволжья позволили несколько позже С.В. Кузьминых (1977, 1982, 1983) сформулировать гипотезу о миграции в конце II – начале I тыс. до н. э. в Среднее Поволжье населения из Волго-Окского бассейна. Так как эта территория, судя по данным А.Х. Халикова (1969, рис. 64), была слабозаселенной, процесс инфильтрации мигрантов был мирным, но окончательной нивелировки местного и пришлого компонентов и создания, таким образом, единой археологической культуры так и не произошло. Для более позднего периода он отмечал, что здесь образовалось «чересполосное сожительство» культур на одной территории, это утверждение можно применить и для финала бронзового века. С.В. Кузьминых особо подчеркивал, что население Марийско-Казанского Поволжья, использовавшее текстильную керамику в раннем железном веке, связано именно с этим финальнобронзовым текстильным компонентом, а не с городецко-дьяковскими древностями. Именно для культуры раннего железного века им было впервые предложено название «средневолжская «текстильная» культура» (Кузьминых, 1977, 3, 4; 1982, с. 22; 1983, с. 6, 8).

В 80-е гг. XX в. центром исследования памятников с текстильной керамикой становится территория Марийской АССР. Широкие рекогносцировочные исследования, осуществлявшиеся В.В. Никитиным, Б.С. Соловьевым и др., позволили выявить 26 новых поселений, в составе керамического комплекса которых присутствовала посуда с сеткой. На ряде памятников Б.С. Соловьевым были проведены археологические раскопки, которые позволили зафиксировать жилые и хозяйственные постройки этого населения (Соловьёв, 1984, с. 68–73, рис. 3: 2, 10; 2000, с. 143–145, рис. 75: 20–25). В нижегородском Поволжье с конца 1970-х начинают проводиться обширные разведки Горьковской археологической экспедицией ИА АН СССР под руководством М.Г. Жилина и Арзамасского исторического музея под руководством В.Н. Мартьянова. За это время обнаруживаются десятки археологических памятников с текстильной керамикой. При раскопках в основном мезолитических слоев на стоянках Велетьминовская (раскопки М.Г. Жилина), Жуковка 4 (раскопки М.Г. Жилина и Л.Д. Шакуловой) и Безводное 13 (раскопки Л.Д. Шакуловой) (Жилин, Миронос, 1984; Жилин и др., 1985; Жилин, Шакулова, 1986; АКР, 2008, с. 223, 279–280; 2013, с. 132–133) обнаруживается текстильная керамика.

В середине 80-х гг. XX в. появилась еще одна концепция КТК, ее сформулировал В.С. Патрушев (1984, 1990), который предложил рассматривать «текстильные» древности «лесного Поволжья» как особую группу населения в рамках кокшайского этапа ахмыловской культуры (X–VIII вв. до н. э.), которая сформировалась в контактной зоне между приказанскими и псевдосетчатыми культурами. Приказанскую (маклашеевского этапа) культуру он считал возможным объединять с КТК в рамках одной этнической общности (Патрушев, 1984, с. 193; 1990, с. 17). Истоки КТК «лесного Поволжья» автор видел в неолите и энеолите Карелии и северо-запада европейской части СССР, а продолжение традиций ахмыловской культуры привело, по его мнению, к формированию культуры современных марийцев (Патрушев, 1990, с. 18). С этим мнением согласился и Г.А. Архипов, который считал ахмыловскую культуру прамарийской (Архипов, 1985, с. 19).

В 90-е годы XX в. вновь начался спад в исследовании памятников с текстильной керамикой Среднего Поволжья. В результате работ В.В. Никитина и Б.С. Соловьева в Марийском Поволжье было выявлено 14 новых памятников, на четырех из них были заложены шурфы (Никитин, 1993, 122, 124; 2009, с. 33, 78–80, 110–113, 160; Соловьев, 2000, с. 154). В Нижегородской области продолжаются разведывательные работы – обнаружено около свыше 25 памятников. В 1999 г. С.М. Дмитриевским исследуется поселение Павлово 4, где в нижнем слое обнаруживается текстильная керамика эпохи бронзы.

В это же время в результате деятельности Новостроечной экспедиции Министерства культуры РТ в Казанском Поволжье и Приустьевом Прикамье были выявлены три памятника с керамикой, покрытой текстильными отпечатками, на одном из них – селище «Песчаный остров» – были проведены археологические раскопки (Руденко, 2002, с. 16–18, рис. 18: 2, 5, 7; Галимова, 2005).

В Самарском Поволжье в 1991 и 1995 гг. Ю.И. Колевым на р. Сок было раскопано поселение Нижняя Орлянка II, керамический комплекс которого содержал отдельные фрагменты текстильной керамики. В настоящее время это поселение является самым южным памятником в Среднем Поволжье с традицией изготовления подобной керамики (Колев, 1999, рис. 11: 9; 2000, с. 259, рис. 33: 3).

Корректировка времени появления керамики с текстильными отпечатками в Среднем Поволжье произошла в начале 1990-х гг. На основании широкомасштабных исследований поселений финала бронзового века Марийского и Казанского Поволжья С.В. Кузьминых, В.Н. Марков и

Б.С. Соловьев пришли к выводу о том, что такая керамика появилась здесь в сложившемся виде на атабаевском этапе приказанской культуры и продолжала существовать на маклашеевском. Авторы выделили в составе атабаевского и маклашеевского комплексов керамику с архаичными чертами, которая была, по их мнению, архетипом для формирования местной посуды с текстильными отпечатками, к ней они отнесли сосуды, имеющие аналогии в Волго-Окском междуречье и Верхнем Поволжье (Кузьминых, Марков, Соловьев, 1993, с. 41). В этой же работе была изложена критика концепции В.С. Патрушева об ахмыловской культуре как прамарийской этнической общности (Кузьминых, Марков, Соловьев, 1993, с. 43). Критика ахмыловской концепции присутствовала и в рецензии С.В. Кузьминых и В.В. Напольских на книгу В.С. Патрушева «Финно-угры России» (Кузьминых, Напольских, 1994).

Дополнительная и во многом исчерпывающая аргументация в пользу раннего (на атабаевском этапе) проникновения текстильной традиции в Среднее Поволжье с опорой на данные стратиграфии была изложена Б.С. Соловьевым в 1995 г. (Соловьев, 1995).

Положения, сформулированные в начале 90-х гг., получили развитие в более поздней статье С.В. Кузьминых (2000), в которой он уточнил хронологические позиции появления керамических комплексов КТК на Средней Волге, это событие он отнес к XIV–XII вв. до н. э. В данной работе исследователь затронул и проблему культурогенеза, отмечая, что уже в домаклашеевское время в регионе начинается процесс взаимоассимиляции, который не был завершен в эпоху поздней бронзы и продолжался в раннем железном веке (Кузьминых, 2000, с. 39).

Новые данные по хронологии КТК в начале 1990-х гг. для памятников Среднего Поочья и Мещёрских озер были получены благодаря радиоуглеродному исследованию углей из культурных слоев поселений позднего бронзового века, произведенному Л.Д. Сулержицким и Б.А. Фоломеевым. Согласно этим данным, наиболее ранняя дата, возможно, встречена на памятнике Шагара 5 в Мещере – около XVIII в. до н. э. Однако дата определяется лишь гипотетически по предполагаемому времени сооружения верхней насыпи предполагаемого вала и по наличию данных о времени сооружения средней насыпи (ГИН-5212, 2347-1931 calBC (94,7%)). Памятники Среднего Поочья имели более позднюю датировку – третья-четвертая четверть II тыс. до н. э. (Сулержицкий, Фоломеев, 1993, с. 26, табл. 1).

Весьма подробно развитие традиции текстильной керамики на территории от Восточной Прибалтики до Верхнего Поволжья проследил К.В. Воронин, который выделил в ее рамках два хронологических горизонта. К первому горизонту, более раннему, он отнес керамические комплексы с пористой (Восточная Прибалтика) и с ямчато-зубчатой северо-западной сетчатой керамикой (Валдай, Восточное Прионежье, Верхнее Поволжье), которые датировал первой половиной II тыс. до н. э. Происхождение первого комплекса с текстильной керамикой связывалось с прибалтийской поздненеолитической пористой керамикой (аборский тип), в то время как текстильная керамика с ямчато-зубчатой орнаментацией на северо-западе с мстинской неолитической ямчато-гребенчатой керамикой. Ко второму горизонту – комплексы, объединенные сетчатой орнаментацией поверхности, встречающиеся на значительной б*о*льшей территории (Среднее и Нижнее Поочье, Средняя Волга и др.), которые датируются второй половиной II тыс. до н. э. Распространение традиции сетчатой орнаментации, по мнению исследователя, происходило с запада на юг и юго-восток, конечным пунктом этого движения была Средняя Волга. Своеобразие развития локальных групп культуры сетчатой керамики во второй период стало определяться уже не исторической основой, а спецификой внешних связей (Воронин, 1998, с. 320–323).

В.В. Сидоров в своих работах связывает происхождение памятников с сетчатой керамикой с последующей судьбой волосовской культуры, которая слилась с фатьяновской (Воронин, Сидоров, 1994, с. 71) или же трансформировалась под воздействием фатьяновской, абашевской и иных культур (Сидоров, 2003, с. 101). К.А. Смирнов рассматривал два независимых друг от друга центра происхождения текстильной керамики: на Верхней Волге, на базе неолитических культур и фатьяновской культуры, и на Оке, на базе поздняковской культуры (Смирнов, 1991, с. 19–20).

Итогом большой полевой работы в Марийском Поволжье стала монография Б.С. Соловьева (2000). Отдельная часть этого исследования посвящена приказанской культуре и КТК. Совместные находки сетчатой посуды в жилищах ПБВ с балымско-карташихинской и атабаевской керамикой позволили ему утверждать, что проникновение «текстильной» традиции в Среднее Поволжье началось еще в домаклашеевское время (Соловьев, 2000, с. 91, 92). Несмотря на значительное количество смешанных приказанско-«текстильных» памятников, исследователем были выделены и поселения с «чистым» текстильным комплексом, лишь два из них исследовались археологически (Борисоглебское, Мольбище VI) (Большов, Кузьминых, Соловьев, 1995; Соловьев,

2000, с. 95). Исходя из этих данных, Б.С. Соловьев сделал предположение о совместном проживании на поселениях носителей приказанской культуры и КТК. В монографии впервые дан анализ материальной культуры и хозяйства КТК (Соловьев, 2000, с. 83–87, 92–96).

В XXI в. центр изучения памятников со средневолжской текстильной керамикой вновь сместился, им становится Казанское Поволжье, однако темпы роста количества вновь выявленных памятников так и не восстановились. За прошедшие почти два десятка лет было найдено лишь восемь новых поселений: два в Марийском Поволжье (Бардицы и Носёлы) и шесть в Казанском (Борисоглебская, Дятловская, Ивановский Бор X, Кармановская IV и VI, Пестречинская IV). Однако, несмотря на уменьшение разведочной активности, интенсивность проведения раскопок увеличивается, связано это с работой Первобытной археологической экспедиции ИА им. А.Х. Халикова АН РТ. За этот промежуток времени М.Ш. Галимовой, А.В. Лыгановым и А.А. Чижевским были проведены раскопки на шести памятниках, содержащих текстильную керамику, в том числе Березовогривской I, Борисоглебской, Ивановский Бор X, Кармановской IV, Мизиновской, Пестречинской IV стоянках (Галимова, 2005; Чижевский, Галимова, 2010, с. 127–136, рис. 3: 1; 4: 1–7, 9; Лыганов, 2011; Чижевский, Лыганов, 2015, с. 53, 75, рис. 5: 1; 16: 1–8).

Последние десятилетия изучения текстильной керамики характеризуются тремя основными направлениями: радиоуглеродное датирование контекста и самой керамики, изучение технологии и морфологии текстильных отпечатков[3], а также выделение и обособление локальных вариантов памятников с текстильной керамикой. В рамках последнего направления выходят обобщающие работы по памятникам с текстильной керамикой Карелии (Косменко, 1993, с. 24–87; Жульников, 2005, с. 31–33), Южного Приладожья (Юшкова, 2015), Мордовии (Ставицкий, 2005, с. 125–133), Финляндии (Lavento, 2001), Латвии (Васкс, 1991) и др. В Среднем Поочье и Москворечье идет более активное изучение памятников т. н. переходного этапа («догородищенский», «предьяковский» и др.) или финала бронзового века, на материалах которых формируются дьяковская и городецкая культуры (Крис и др., 1984; Фоломеев 1993; Смирнов, 1994; Гусаков, Кузьминых, 2008; Сыроватко, 2013 и др.).

Дополнительные данные по хронологии средневолжской КТК и истории изучения «текстильных» культур в целом были опубликованы М. Лавенто и В.С. Патрушевым, результаты анализа, полученные ими с помощью АМС метода, подтвердили раннее проникновение КТК в Марийское Поволжье на атабаевском этапе маклашеевской культуры (Лавенто, 2011; Лавенто, Патрушев, 2015). Логическим продолжением этой статьи была публикация В.С. Патрушева, в которой он предпринял развернутый анализ истории изучения памятников с текстильной керамикой на всем протяжении ее ареала (Патрушев, 2016).

Современная история изучения средневолжской КТК во многом связана с циклом ананьинских конференций, которые проходили с 2008 по 2018 г. Работы С.В. Кузьминых и А.А. Чижевского, вышедшие в серии сборников по итогам этих конференций, затрагивали вопросы взаимодействия КТК и маклашеевской культуры (Кузьминых, Чижевский, 2009, 2017). Статьи О.А. Лопатиной и А.С. Сыроватко рассматривали один из способов нанесения текстильных отпечатков на керамику и вопросы истории изучения текстильной керамики раннего железного века (Лопатина, 2009, 2014, 2017; Сыроватко, 2017). Е.С. Азаров рассматривал погребальные памятники и жилищные конструкции поселений КТК Поочья и подготовил неопубликованную при жизни статью Б.А. Фоломееева о типологии текстильных отпечатков и хронологии их распространения (Азаров, 2014; 2017; Фоломеев, 2017).

Генезис культуры. Наиболее древние формы ранней сетчатой непористой керамики связаны с Верхним Поволжьем, они встречены на Валдае, западе и юге Ярославской области. Судя по данным традиционной и радиоуглеродной хронологии, формирование текстильной культурной традиции относится к первой четверти II тыс. до н. э. (Сулержицкий, Фоломеев, 1993, с. 26; Воронин, 1998, с. 311, 320; Лавенто, Патрушев, 2015, табл. 1). Для ранней сетчатой керамики уже характерны признаки, присущие затем развитой текстильной посуде: прямая или раструбовидная шейка, которая отделялась от тулова выраженным плечиком; тулово имело покатые бока и круглое или приостренное дно; в качестве примесей в глиняном тесте присутствовали минеральные добавки; шейка, плечики и верхняя часть сосудов покрывались раппортом из сетчатых (текстильных) отпечатков, а поверх них – поясками ямок или ямок и зубчатого штампа (Воронин, 1998, с. 311, 318).

Формирование собственно средневолжской КТК связано с миграцией носителей «текстильной» традиции орнаментации керамики из Верхнего Поволжья на территорию Среднего Поволжья и Поочья во второй-третьей четверти II тыс.

[3] Подробнее об изучении текстильных отпечатков см. Лопатина, 2017.

до н. э. Об этом свидетельствуют данные стратиграфических наблюдений, согласно которым текстильная керамика сочетается в жилищных котлованах, хозяйственных ямах и очагах вместе с керамикой атабаевского типа (Соловьев, 1995, с. 79, 80; 2000, с. 91, 92). Есть свидетельства и более раннего проникновения КТК в Марийское Поволжье уже на балымско-карташихинском этапе приказанской культуры, который в настоящее время относят к луговской культуре[4].

Данные радиоуглеродного датирования, полученные для памятников Марийского Поволжья и Поочья, свидетельствуют о начале проникновения носителей КТК в регион в XVII–XVI вв. до н. э. (Сулержицкий, Фоломеев, 1993, с. 27, табл. I; Лавенто, Патрушев, 2015, табл. 1). Судя по ограниченному количеству совместных находок луговской и текстильной керамики, к этому времени относится самое начало процесса миграции, которая приобрела больший размах лишь на атабаевском этапе маклашеевской культуры (Соловьев, 1995, с. 79; 2000, с. 91). Древности финала бронзового века демонстрируют средневолжскую культуру текстильной керамики уже в сформировавшемся виде.

Область расселения. Ареал средневолжской КТК располагается в пойме р. Волги между двумя ее крупнейшими притоками: рр. Окой и Камой (рис. 1). С точки зрения геоморфологии этот регион является восточной границей Верхнего (Нижнее Поочье) и западной частью Среднего Поволжья (Марийско-Казанское течение Волги) (Дедков, 1991, с. 10). Ядром территории этой культуры являются участок Волги между устьем Оки и Казанки и Нижнего Поочья от устья Клязьмы, именно здесь располагаются поселения, содержащие исключительно текстильную керамику, ниже этого участка по р. Волге и в приустьевой части Камы вплоть до правого берега р. Вятки текстильные керамические комплексы в чистом виде не встречены (Соловьев, 2000, с. 76; Чижевский, 2010, с. 258).

Очень высокую концентрацию памятников с текстильной керамикой на территории нижегородского Поочья и прилегающего Поволжья следует считать большим и пока малоизученным нерасчлененным разновременным массивом памятников (всего 219 пунктов) как средневолжской КТК, так и иных локальных КТК и памятников поздняковской культуры, содержащих керамику с текстильными отпечатками. Такая же высокая концентрация памятников уже собственно средневолжской КТК приходится и на обширную территорию от устья Оки до казанского течения Волги. Количество памятников с текстильной керамикой ниже Казани стремительно уменьшается и на крайнем востоке, и юге ареала представлено единичными поселениями, содержащими отдельные фрагменты керамики, для этого региона применим термин «текстильная вуаль», под которой понимаются территории, подвергавшиеся влиянию КТК, но сохранившие свой культурный облик.

Ландшафт данной территории представляет собой стык бореальной и суббореальной ландшафтных зон. В северной части региона ареал средневолжской КТК затрагивает подтаежную ландшафтную подзону, основную часть занимает широколиственно-лесная ландшафтная подзона, постепенно переходящая в лесостепную ландшафтную подзону (Мильков, 1953, с. 202; Исаченко, 1985; Исаченко, Шляпников, 1989; Ермолаев и др., 2007; Дедков, 1978, с. 73–93; 2008, с. 401–406, рис. 141).

Поселения средневолжской КТК.

К данному моменту в ареале распространения средневолжской КТК нам известно 329 памятников, в керамических коллекциях которых присутствует керамика с текстильными отпечатками. Лишь 69 из них имеют однородную текстильную керамику, на 186 присутствует смешанный комплекс, состоящий из керамики КТК и иных культур, поселения, в которых встречены одиночные фрагменты текстильной керамики или процентное содержание которых невелико (74), не учитывались при анализе поселенческой структуры средневолжской КТК.

Городища средневолжской КТК неизвестны, все выявленные поселения относятся к селищам. Как правило, они располагаются на первых и вторых террасах, часто на дюнах и останцах террас, в пойменной части больших рек (Волги и Камы), в приустьевой части их притоков и на озерах (Кузьминых, Марков, Соловьев, 1993, с. 42; Соловьев, 2000, с. 76). Судя по данным полевых исследований, площадь поселений варьирует от 700 до 40000 кв. м, а большая часть памятников имеет размеры в пределах от 1000 до 3200 кв. м.

Исследованные стационарно поселения средневолжской КТК относятся к местам постоянного обитания (селищам) и временным стоянкам. На всех поселениях выявлены заготовки костяных и каменных орудий, керамика, кости диких и домашних животных, все это свидетельствует об отсутствии производственной специализации, так как все работы по изготовлению орудий, охота и скотоводство производились на всех памятниках.

Раскопкам подвергались два памятника с «чистыми» текстильными комплексами (Борисо-

[4] Концепция приказанской культуры подверглась ревизии и уже не используется (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 7).

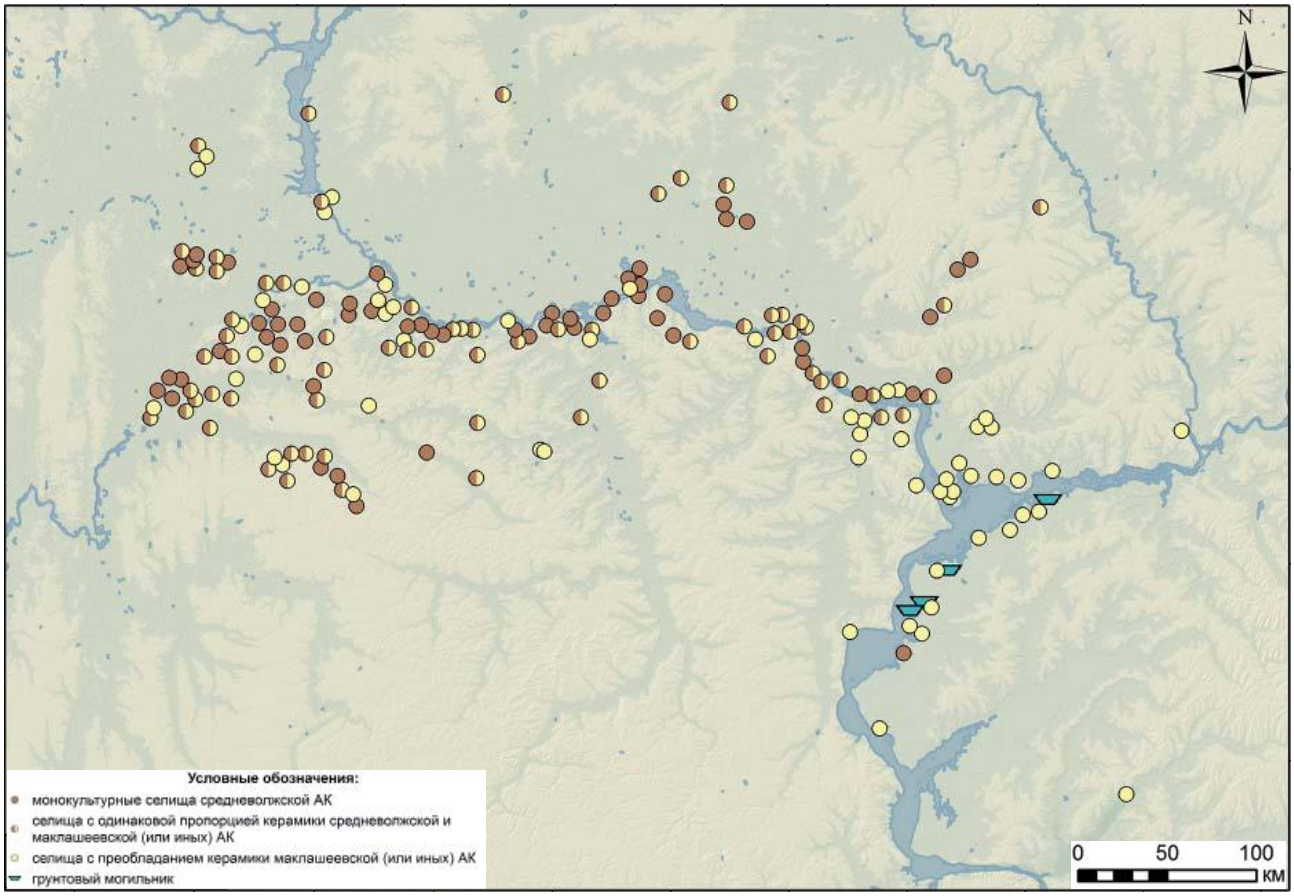


Рис. 1. Памятники средневолжской культуры текстильной керамики

глебское, Мольбище VI) и восемь со смешанным керамическим комплексом. К сожалению, до настоящего времени полностью изученные поселки средневолжской КТК отсутствуют, тем не менее, судя по данным стационарных и разведочных исследований, на поселениях размещались жилые постройки, от одной до десяти (База отдыха II) на памятнике. На территории поселений жилища располагались параллельно реке в один-два ряда. В тех случаях, когда удавалось проследить планиграфию поселения, установлено, что застройка была плотной и котлованы сооружений размещались неподалеку друг от друга.

На поселениях средневолжской КТК зафиксировано 67 котлованов сооружений, 17 из них исследовались раскопами. Выделяется три типа построек: 1) сооружения с заглубленным полом (24%) и глубиной котлована 1–20 см; 2) полуземлянки (47%), глубина котлована этих сооружений составляла 20–90 см; 3) землянки (29%), у которых глубина котлована превышала 90 см. В постройке 2 Кокшамарского II поселения и у всех сооружений Гулькинской стоянки зафиксированы тамбурные входы, здесь же отмечены тамбурные переходы между постройками (сооружение 1 и 2; сооружение 4) (Збруева, 1960, рис. 18; Соловьев, 2000, табл. 6). Изредка в стенах котлованов фиксируются прямоугольные ниши (Ясачное III, Кокшамарское II).

Площадь построек составляла от 14 кв. м (Ахмыловское) (рис. 2: 1) до 140–152 кв. м (Гулькинская стоянка, землянки 4 и 5), но наиболее часто встречаются сооружения размером от 40 до 50 кв. м. Котлованы были в основном прямоугольной формы (73%), но встречались и прямоугольные (27%) постройки. Все жилища однокамерные, следов перегородок не выявлено.

В сооружениях по периметру большей части котлованов встречены ряды столбовых ям, иногда в сочетании с углистыми канавками (Гулькинская, Кокшамарское II, Ясачное III и др.) (рис. 2: 2, 3). В наземных сооружениях они могли быть остатками основания стен, а в котлованах полуземлянок и землянок являются свидетельством наличия впущенного в грунт деревянного каркаса из столбов и горизонтально уложенных между ними бревен, возможно, закрепленных концами в пазы (в стенку). Таким образом, большинство построек, по всей видимости, имело каркасно-столбовую конструкцию.

В некоторых сооружениях (Ахмыловское, Мольбище VI) столбовые ямы отсутствовали или зафиксированы в центре котлована (рис. 2: 1, 4), данный факт позволяет предполагать наличие

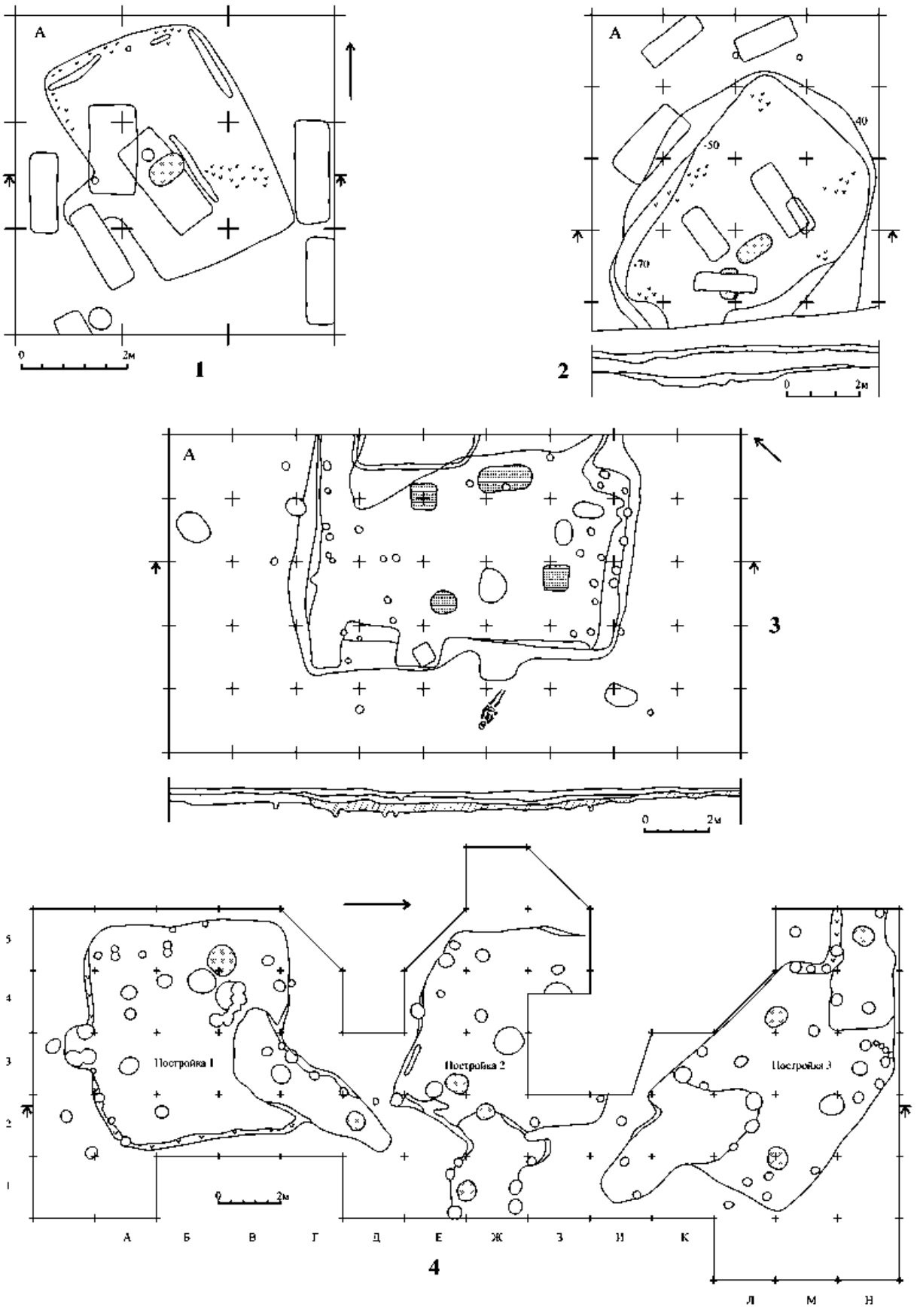


Рис. 2. Постройки средневолжской культуры текстильной керамики
1 – Ахмыловское поселение; 2 – Ясачное III поселение; 3 – Кокшамарское II поселение; 4 –поселение Мольбище VI

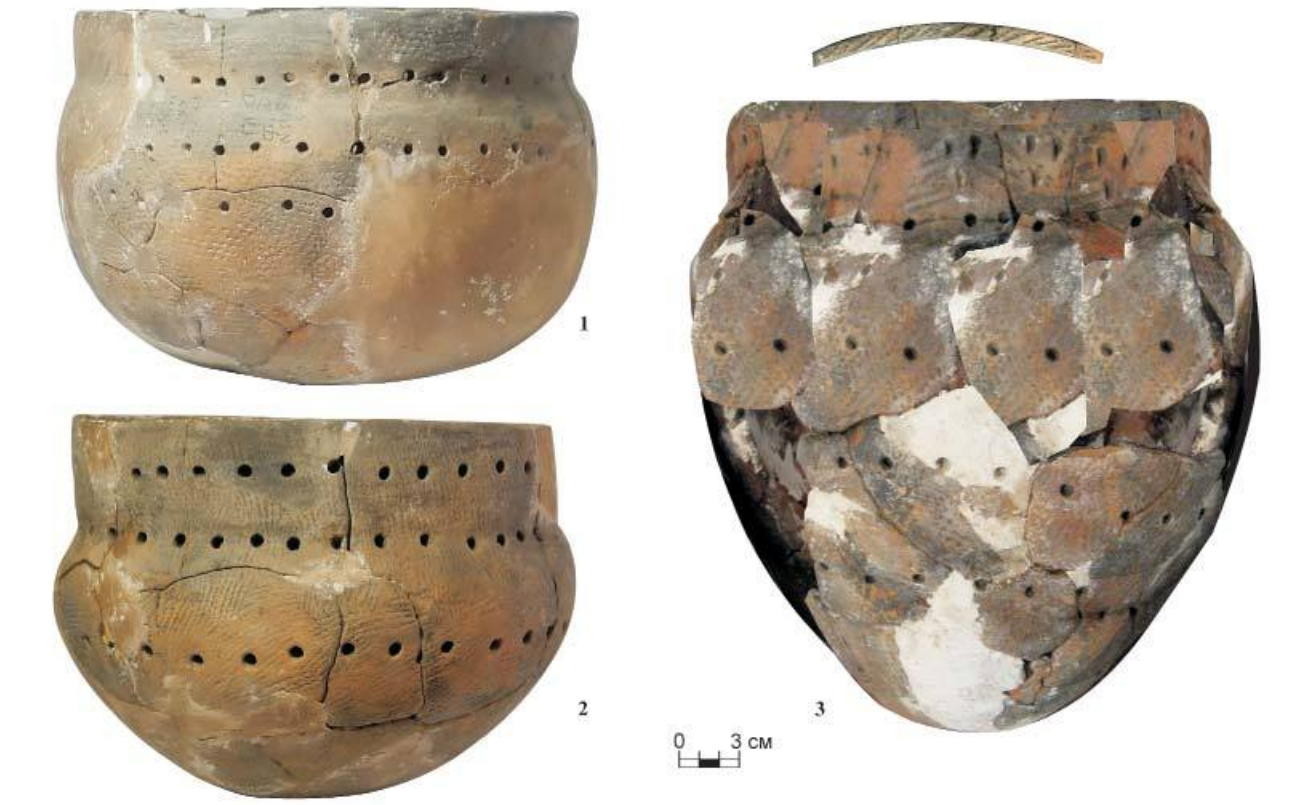


Рис. 3. Средневолжская культура текстильной керамики, целые формы сосудов
1, 2 – Гулькинская стоянка, раскопки А.В. Збруевой 1950, 1953 гг.; 3 – Полянский II могильник, межмогильное пространство, раскопки Е.А. Халиковой 1962 г.

здесь срубных конструкций.

Перекрытие, поддерживаемое системой опорных столбов, могло быть двускатным, опирающимся на несущие горизонтальные балки, наклонным односкатным и шатровым (Никитин, Соловьев, 1982, с. 116, 118, рис. 3, 4).

Во всех постройках средневолжской КТК выявлены очаги от одного до 7 (База отдыха, постройка 3). Строгой закономерности в расположении очагов нет, они были зафиксированы у стен, в центре и у входов. Количество кострищ не зависело от размеров котлована, но чаще всего небольшие постройки имели один-два очага. В тоже время в целом преобладали постройки с одним и тремя очагами.

Сами очаги устраивались в ямах на полу котлованов, в двух случаях (Ясачное III, База отдыха 2) в заполнении очагов встречены куски песчаника и прослойки глины, а в постройке 2 Кокшайской IV стоянки четырехугольное углистое пятно очага было обложено плитами из песчаника и крупными обломками известняка. Большая часть очагов, судя по наличию в заполнении фрагментов керамики и пережженных костей, использовалась для приготовления пищи. Можно предположить, что ямы, расположенные у входов, предназначались для отопления.

Ямы от очагов имели округлую или овальную в плане форму и котловидное дно, реже встречаются подчетырехугольные ямы с уплощенным дном, размеры некоторых кострищ достигают двух метров в диаметре, но в основном они небольшие.

Керамика средневолжской КТК встречается на памятниках с чистыми и смешанными комплексами и всегда очень четко выделяется на фоне других групп глиняной посуды благодаря своему характерному облику: круглой форме днища; раппорту, состоящему из текстильных отпечатков; в ряде случаев орнаменту в виде ямок, покрывающих сосуд от среза венчика до придонной части.

Керамика средневолжской КТК плотная, хорошо обожженная с неорганическими примесями в глиняном тесте, состоящими из песка, часто очень крупного. Цвет сосудов коричневый и темно-серый. Внутренняя, а иногда и внешняя поверхность имеет следы расчесов (штрихового заглаживания). Толщина стенок составляет 0,5–0,7 см, чаще всего сосуды имеют диаметр горловины 15–25 см, но встречаются и небольшие сосуды диаметром 5–10 см. Все сосуды, выявленные в ареале распространения культуры, – круглодонные (рис. 3: 1–3; 6: 4; 9: 1–3), плоские днища с текстильными отпечатками отсутствуют, единичные экземпляры, види-

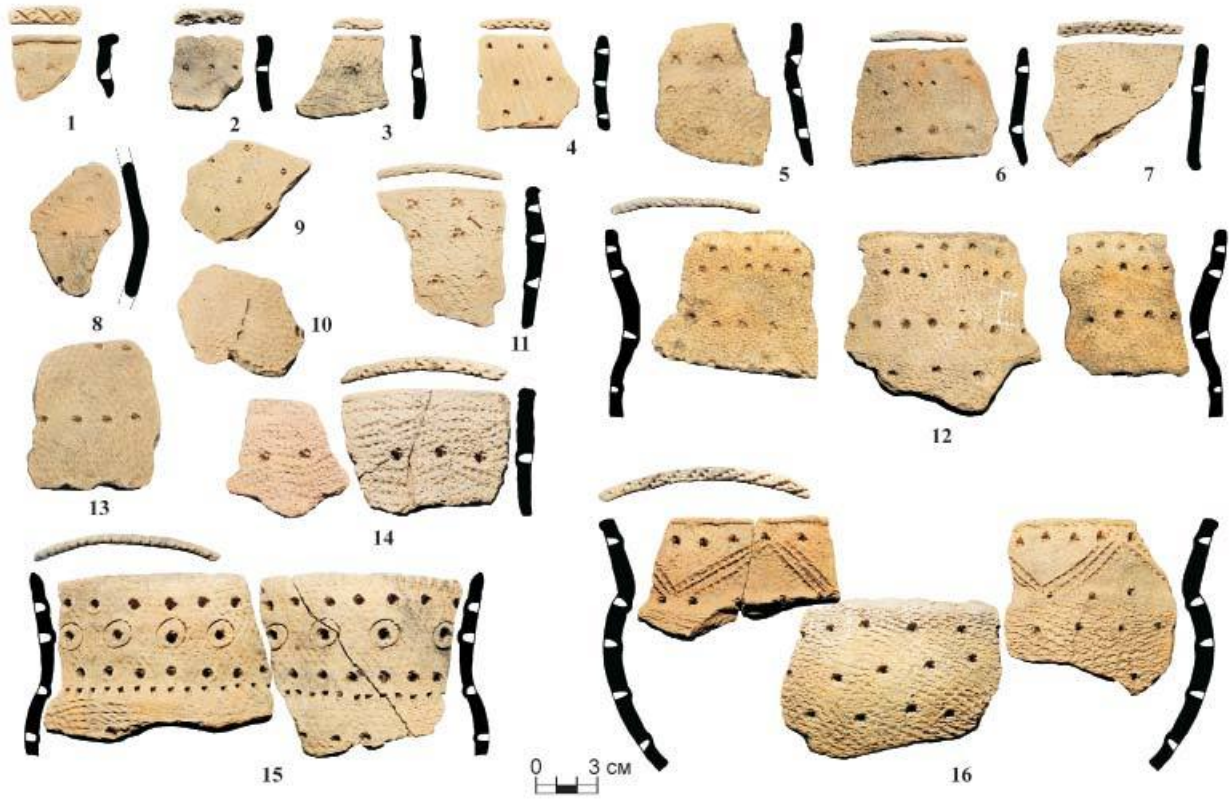


Рис. 4. Средневолжская культура текстильной керамики
Волосовская II стоянка, раскопки В.А. Городцова 1910 г.

мо деформированные, имеют слегка уплощенное дно.

По профилировке выделяются две группы посуды, каждая из которых включает несколько типов, выделенных по форме верхних частей и емкости.

Первая группа объединяет профилированные сосуды. В ее рамках выделены три типа сосудов.

Тип 1. Горшки с хорошо выделенной вертикальной шейкой и округлым туловом (рис. 3: 1–3; 4: 1, 2, 4, 6, 7, 14; 9: 3; 6: 1–3, 5, 6, 8, 10, 11). Шейки, как правило, относительно высокие, очень редко низкие, в основном прямые. Выделяются два подтипа: с резким и плавным переходом в плечико, подразделяющиеся в свою очередь на два варианта. К первому относятся слабопрофилированные сосуды с горловиной, близкой по размерам максимальному диаметру тулова, ко второму – сосуды с выпуклыми плечиками. Для данного типа характерны плоско срезанные венчики, иногда с небольшим Т-образным или внешним валикообразным утолщением, встречаются также округлые или скошенные вовнутрь.

Тип 2. Горшки с незначительно отогнутой шейкой и слегка раздутым туловом (рис. 4: 5, 12, 15, 16; 9: 2; 6: 7, 9). Диаметр горла незначительно превосходит максимальный диаметр тулова, реже встречаются сосуды с диаметром шейки, равным или немного уступающим максимальному диаметру тулова. Днища сосудов имели округло-приостренную форму. Венчики уплощенные, скошенные изнутри и округлые, часть со слабовыраженным наплывом на внешней стороне.

Тип 3. Узкогорлые горшки, плавнопрофилированные, с суженным или плоским краем венчика (рис. 9: 1).

Ко второй группе относятся чашевидные сосуды без выраженных плечиков. В пределах этой группы выделено два типа посуды.

Тип 1. С прямым устьем (рис. 5: 1–6, 8, 10).

Тип 2. Со слегка вогнутым прикрытым устьем (рис. 4: 3, 11; 5: 7, 9).

Венчики сосудов этой группы плоские, округло-приостренные или скошенные вовнутрь.

В керамическом комплексе средневолжской КТК преобладают горшковидные сосуды (90%) с отогнутой (40%) и цилиндрической шейкой (30%); чашевидные сосуды встречаются реже (10,0%).

Вся керамика покрыта текстильными отпечатками, которые, по всей вероятности, являются видом раппорта, особой техники нанесения орнамента, когда один элемент повторяется многократно, заполняя орнаментальное поле целиком или частично, образуя фон, на котором возможно размещение дополнительных элементов орнамента (рис. 3–6; 9).

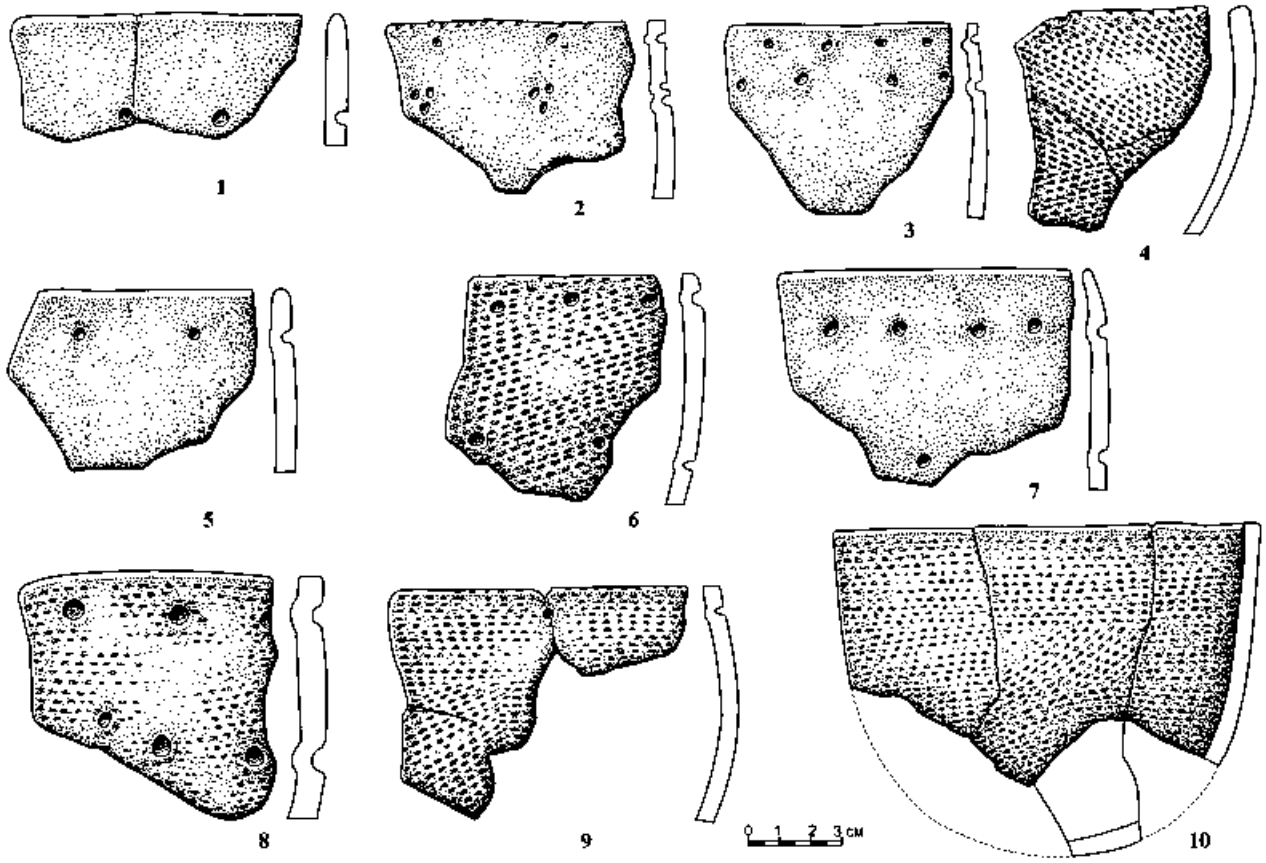


Рис. 5. Средневолжская культура текстильной керамики, чашевидные сосуды
1, 4, 6, 9 – Мольбище поселение, 2, 3, 5, 7 – Сосновая Грива поселение; 8 – Ахмыловское поселение, 10 – Ясачное

Выделяется несколько вариантов текстильных отпечатков, которые могли наноситься различными штампами в виде валиков или колесиков или выбиваться колотушками (Лопатина, 2014). По данным В.С. Патрушева, на керамике средневолжской КТК в Среднем Поволжье преобладают «ниточные» отпечатки (рис. 6: 1, 3–5, 8, 9), «рябчатые» (рис. 6: 2, 6, 7, 10, 11) и «ниточно-рябчатые» встречаются реже (Патрушев, 1989, с. 32–37).

Текстильные отпечатки на чашевидных сосудах чаще всего занимают всю внешнюю поверхность, на горшковидных сосудах – только тулово. На этих сосудах часто имеются свободные от раппорта участки, в особенности на переходе от шейки к плечику. Иногда они покрывались хаотичными расчесами.

Кроме раппорта, сосуды средневолжской КТК покрывались и другими элементами орнамента, такими как: глубокие округлые ямки, каплевидные, клиновидные, овальные и подтреугольные вдавления, нарезки, оттиски длинного мелкогребенчатого, реже крупного зубчатого, овального и каплевидного штампа. Очень редко встречаются отпечатки тонкого шнура и выдавленные изнутри выпуклины – «жемчужины».

У профилированной керамики орнаментом (не раппортом) украшалась в основном шейка, иногда плечико, у чашевидных – весь сосуд. В 40% случаев орнаментировался срез венчика, который покрывался насечками, мелкой короткой гребенкой, а иногда и текстильными отпечатками.

Орнаментальные композиции не отличаются разнообразием, преобладают редкие горизонтальные ряды ямочных вдавлений, которые использовались как в сочетании с другими элементами орнамента, так и отдельно от них. Композиции с использованием ямок составляют до 68% от общего количества орнаментов. На непрофилированных сосудах ямки были единственным элементом орнамента и в отличие от других элементов наносились не только в верхней, но и в средней, и в нижней части сосудов. Менее распространены клиновидные и каплевидные вдавления, из которых составлялись горизонтальные ряды и фигуры в виде опущенных вершинами вниз треугольников.

Использовались и другие композиции: горизонтальные и вертикальные одинарные и повторяющиеся зигзаги, горизонтально вытянутые ромбы без внутренней штриховки, горизонтальные линии, пояски редких скошенных отрезков, небрежно выполненные широкие зоны наклонной решетки, ряды отпечатков короткого овального штампа, изредка встречается «бахрома» из мелких

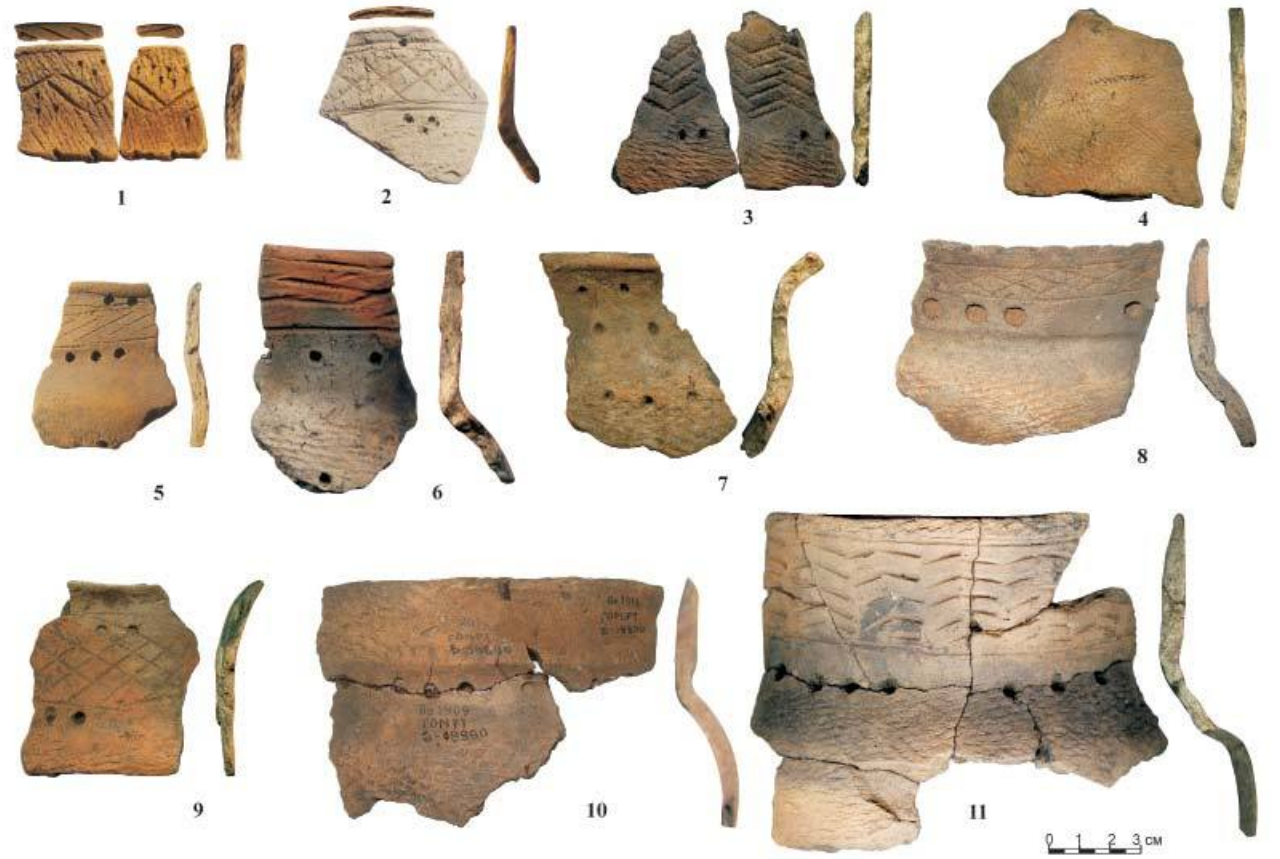


Рис. 6. Средневолжская культура текстильной керамики
1, 2, 5 – Казанская стоянка; 3, 4, 7, 9 – стоянка Биостанция V; 6 – Березовогривская I стоянка; 8, 10 – стоянка Песчаный остров; 11 – Борисоглебская стоянка

клинышков. Редки «жемчужины», более характерные для керамики западных (верхневолжских и среднеокских) комплексов КТК.

Характерной особенностью средневолжской КТК является заимствование ею орнаментальных традиций местного населения. На позднем этапе маклашеевской культуры средневолжская КТК, сохраняя свои основные особенности (неорганические примеси, ямочную орнаментацию, круглое дно), стала использовать маклашеевские орнаментальные мотивы и характерные приемы маклашеевского (цилиндрическая горловина и воротничок) оформления верхней части сосуда. В свою очередь, средневолжская КТК влияла и на маклашеевскую культуру, в результате этого влияния плоскодонная на атабаевском этапе керамика трансформируется в круглодонную на маклашеевском.

В жилищах средневолжской КТК отсутствуют металлические изделия, а в связи с тем, что большая часть памятников с «чистыми» текстильными комплексами не раскапывалась, находки таких предметов в слоях смешанных поселений нельзя с достоверностью отнести к КТК. Отсутствуют также данные об изделиях из кости.

Каменный инвентарь средневолжской КТК может быть охарактеризован по материалам Мольбищенского VI поселения и Борисоглебской стоянки, которые относятся к поселениям с «чистыми» текстильными комплексами. Некоторую информацию могут дать материалы Волжской и Ошутьяльской III стоянок, Ахмыловского, База отдыха 2, Кокшамарского II и Ясачного III поселений.

Тем не менее в основной массе маклашеевско-текстильных памятников из-за отсутствия эталонов каменный инвентарь типологически не вычленяется.

Особенностью каменного инвентаря можно считать невысокое качество сырья – кремневых плиток, и, вероятно, связанный с этим непластинчатый характер его расщепления. Единичны невыразительные изделия из некремневых пород камня, среди которых отметим крупный пренуклеус (либо заготовку бифаса), выполненный из половины конкреции кварцита (рис. 7: 38) (Чижевский, Галимова, 2010, с. 134).

Среди каменных изделий превалируют отщепы (рис. 7: 1, 3), технические сколы и фрагменты аморфных сколов с участками ретуши утилизации

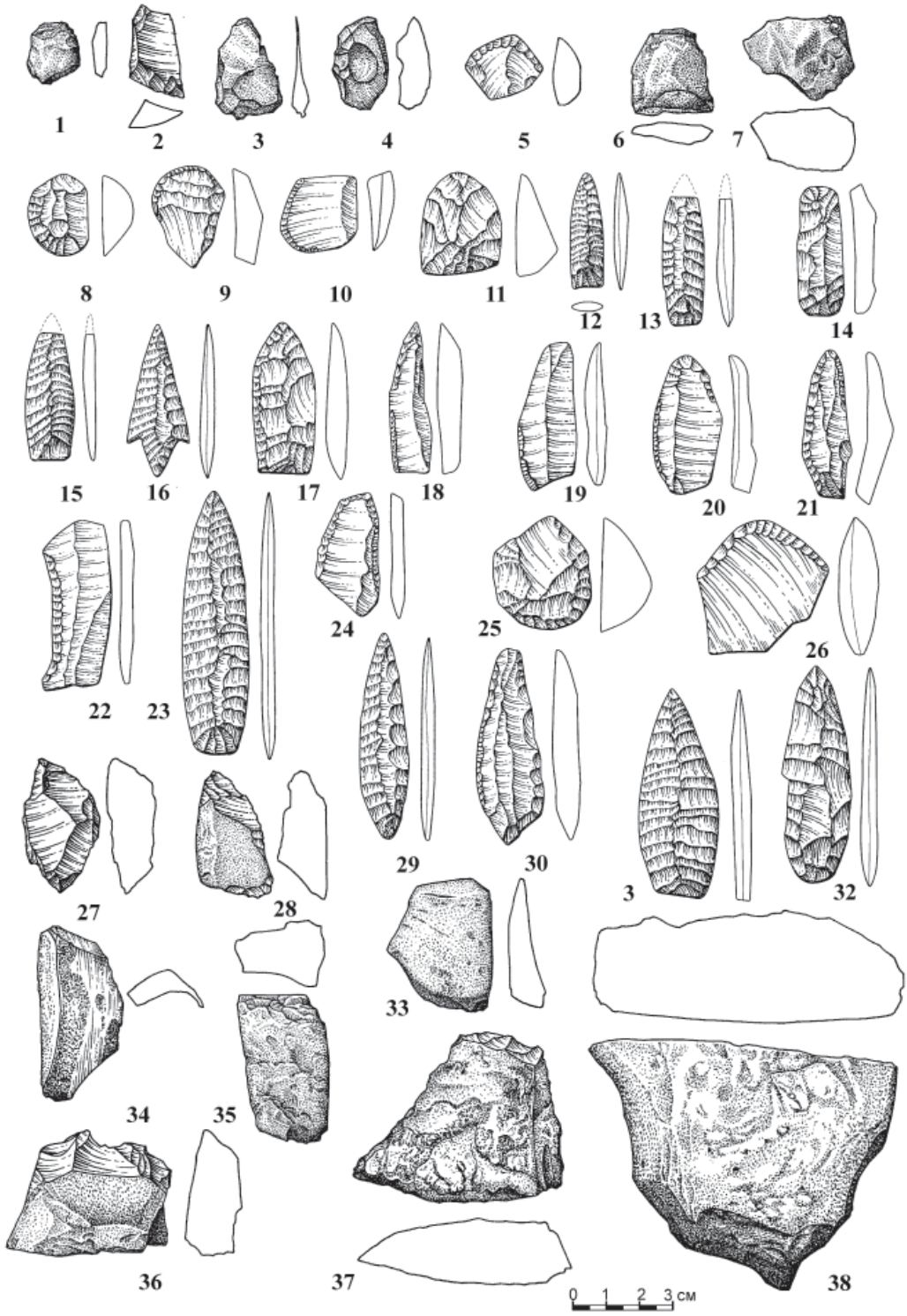


Рис. 7. Кремневый инвентарь средневолжской культуры текстильной керамики

1 – отщеп с ретушью по краю; 2 – отщеп-проколка; 3 – отщеп с ретушью; 4 – резчик на углу массивного скола; 5 – скребок; 6 – проксимальный фрагмент скола; 7 – заготовка микро-нуклеуса; 8 – скребок; 9 – скребок; 10 – скребок; 11 – скребок высокой формы; 12 – наконечник стрелы; 13 – наконечник стрелы; 14 – долото; 15 – наконечник стрелы; 16 – наконечник стрелы; 17 – наконечник стрелы; 18 – клиновидное орудие; 19 – нож; 20 – нож-ложкарь; 21 – нож-ложкарь; 22 – скобель; 23 – наконечник стрелы; 24 – нож; 25 – скребок; 26 – скребло; 27 – рабочая часть скребка; 28 – скол с ретушью; 29 – наконечник стрелы; 30 – нож; 31 – наконечник стрелы; 32 – наконечник стрелы; 33 – стамеска; 34 – скол со следами скобления по краю; 35 – нуклевидный кусок; 36 – заготовка торцевого нуклеуса; 37 – заготовка бифаса; 38 – пренуклеус из кварца.

1–4, 6, 7, 27, 28, 33–38 – Борисоглебская стоянка; 5, 8–11, 19, 25, 26, 30 – Ошутьяльская III стоянка; 12, 18, 22, 23, 31, 32 – Кокшамарское II поселение; 13, 14, 17, 20, 21, 24 – Ясачное III поселение; 15 – База отдыха 2 поселение; 16 – Волжская стоянка; 29 – Ахмыловское поселение

(рис. 7: 6, 28, 34), а также заготовки нуклеусов (рис. 7: 7, 35–37). Собственно орудийный комплекс состоит из скребков, скобелей, ножей, резчиков и наконечников стрел.

Скребки и скобели – наиболее массовая категория изделий, зафиксировано 15 скребков и один скобель. Скребки с плоской и высокой спинкой в основном изготовлялись на отщепах (рис. 7: 5, 8–11, 25, 27). Среди них имеются как изделия с овальным и боковым полукруглым лезвием, так и концевые, среди них выделяется своими размерами скребло (рис. 7: 26). Скобель изготовлен на краю технического скола (рис. 7: 22).

Ножи представлены изделиями на отщепах (4 экз.) овальной и овально-вытянутой формы, в большинстве случаев бифасиальные, и пластиной-ножом (рис. 7: 19–21, 30). По функциональности к ножам близко клиновидное орудие из Кокшамарского II поселения (рис. 7: 18).

Наконечники стрел представлены тремя типами изделий: первый – вытянуто-листовидной формы с усеченным основанием (рис. 7: 15, 17, 23, 31, 32), второй –листовидно-черешковые (рис. 7: 29), третий – подтреугольные с выраженными шипами и треугольными черешком (рис. 7: 16). Наконечники покрыты ретушью по всей поверхности.

Проколка, выполненная на углу отщепа без вторичной обработки (диагностирована трасологическим методом[5]), известна по материалам Борисоглебской стоянки (рис. 7: 2), также трасологически на этом памятнике выделена стамеска (рис. 7: 33), изготовленная на конце отщепа, без вторичной обработки.

Судя по данным исследованных поселений, для каменной индустрии средневолжской КТК присущи морфологически невыразительный характер инвентаря и слабо развитая технология расщепления кремневого сырья. Аналогичный невыразительный и «упадочный» облик имел каменный инвентарь Казанской стоянки со смешанным маклашеевско-текстильным керамическим комплексом (Чижевский, Галимова, 2010, с. 134).

Необходимо отметить, что орудийный комплекс средневолжской КТК в целом соответствует каменным изделиям поселений с сетчатой керамикой Верхнего Поволжья и Восточного Прионежья (Воронов, 1999, рис. 6; 11; Соловьев, 2000, с. 86).

Хозяйственная направленность носителей средневолжской КТК определялась размещением ее в лесной зоне, материалы Ясачного III и Кокшамарского II поселений свидетельствуют о наличии здесь хозяйства комплексного лесного типа, сочетавшего охоту и скотоводство (Соловьев, 2000, с. 86). Данные по археозоологии Борисоглебской стоянки говорят о преимущественно скотоводческой деятельности, сочетающейся с охотой (Чижевский, Галимова, 2010, с. 135)[6].

В выборке остеологических материалов памятников Марийского Поволжья преобладают кости диких животных (75%), в основном лося. Охотились также на медведя, барсука, лису, речную черепаху. На втором месте было скотоводство – носители КТК разводили крупный рогатый скот, свиней и лошадей. Судя по возрасту (шесть-семь лет), лошади использовались в качестве ездовых и тягловых животных. Крупный рогатый скот забивался возрасте трех-четырех лет.

Борисоглебская стоянка также находится в лесной зоне, но ниже по течению р. Волги в Казанском Поволжье, здесь абсолютно преобладали кости домашних животных (78%), в стаде превалировала лошадь, на втором месте был крупный рогатый скот. Дикие животные представлены костями лося и бобра.

Свидетельств металлопроизводства в жилищах и на поселениях с «чистыми» керамическими комплексами КТК не зафиксировано. Они выявлены на памятниках со смешанными керамическими комплексами, на них были отмечены и бронзовые изделия (Гулькинская, Займищенская III), однако определить их принадлежность к КТК или маклашеевской культуре не представляется возможным (Калинин, Халиков, 1954а, с. 225, 238; Збруева, 1960, с. 47).

Так же сложно обстоит дело и с косторезным производством, так как на памятниках с «чистыми» комплексами костяные изделия не были найдены, а в смешанных поселениях вновь возникают сложности в атрибуции изделий.

Могильники. Как таковые могильники средневолжской КТК неизвестны, существует мнение, что погребальные обряды, связанные с захоронением в землю, не были распространены на территории культур текстильной керамики. Косвенно об этом свидетельствуют более поздние погребальные сооружения в виде наземных срубов, которые происходят из городищ и могильников дьяковской культуры (Чижевский, 2008, с. 56).

Отдельные погребения, в которых присутствуют сосуды, покрытые текстильными отпечатками, имеются в ареале маклашеевской культуры и относятся к позднему, собственно маклашеевскому этапу этой культуры, это: Маклашеевский III (насыпь кургана 1) (рис. 9: 1), Мурзихинский II (погр.70, 221) (рис. 9: 2, 3), Новомордовский VIII (погр.1), Полянский II (сосуд из межмогильного пространства) (рис. 3: 3) могильники (Халикова,

[5] Трасологические исследования проведены М.Ш. Галимовой.

[6] Археозоологические исследования производились А.Г. Петренко.

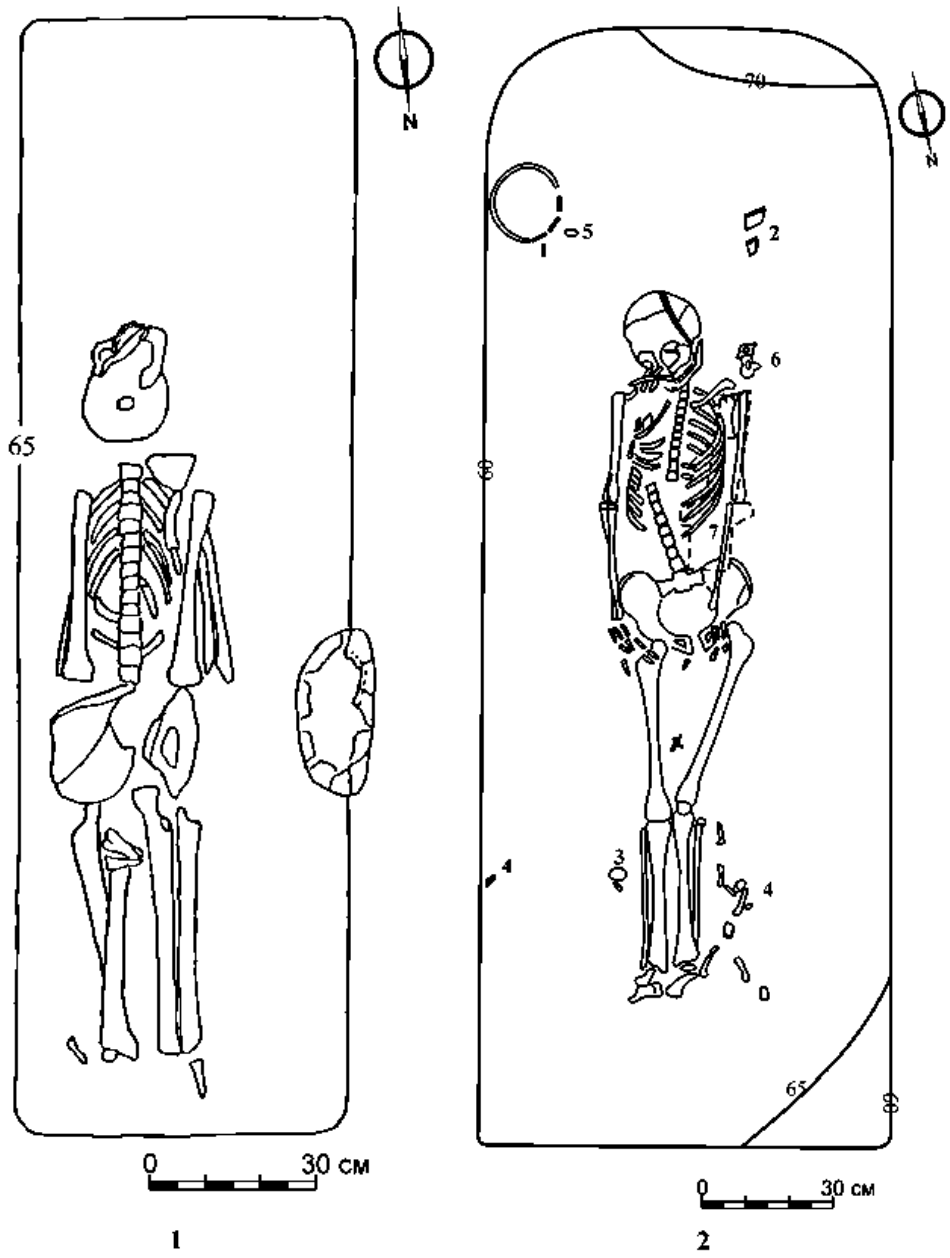


Рис. 8. Средневолжская культура текстильной керамики
Погребения с «текстильными» сосудами, Мурзихинский II могильник. 1 – погр. 221; 2 – погр. 70

1967, табл. I: 9; Халиков, 1980, табл. 15, 17, 20; Чижевский, 2004, с. 58; 2008, рис. 5: 1).

Погребальный обряд данных захоронений в целом не отличается от обряда маклашеевской культуры, он представлен жертвенными комплексами в насыпи кургана и погребениями на территории грунтовых могильников.

Могильные ямы относятся к двум типам: тип I – полуовальной (Мурзихинский II погр. 70) (рис. 8: 2) и подпрямоугольной (Новомордовский VIII, погр. 1) формы с соотношением длины и ширины от 1,5:1 до 2,7:1, заплечики отсутствуют; тип III – узкая яма-траншея подпрямоугольной формы без заплечиков (Мурзихинский II погр. 221), длина превышает ширину в 4,2 раза (рис. 8: 1).

Из 5 скелетов удалось определить лишь один женский костяк (Мурзихинский II, погр. 70). Оба погребения Мурзихинского II могильника были одиночными, погр. 1 Новомордовского VIII коллективным. Погребения совершались по обряду ингумации (трупоположения) вытянуто в полный рост, но в погр. 221 Мурзихинского II могильника умерший похоронен иначе: у человека надрезали сухожилия на больших суставах и его помещали в могилу с конечностями, сложенными в положении, обратном естественному. В этом случае можно предположить, что здесь мы сталкиваемся с имитацией обряда вторичного погребения, широко распространенного на памятниках маклашеевской культуры; кроме погр. 221, такой обряд вы-

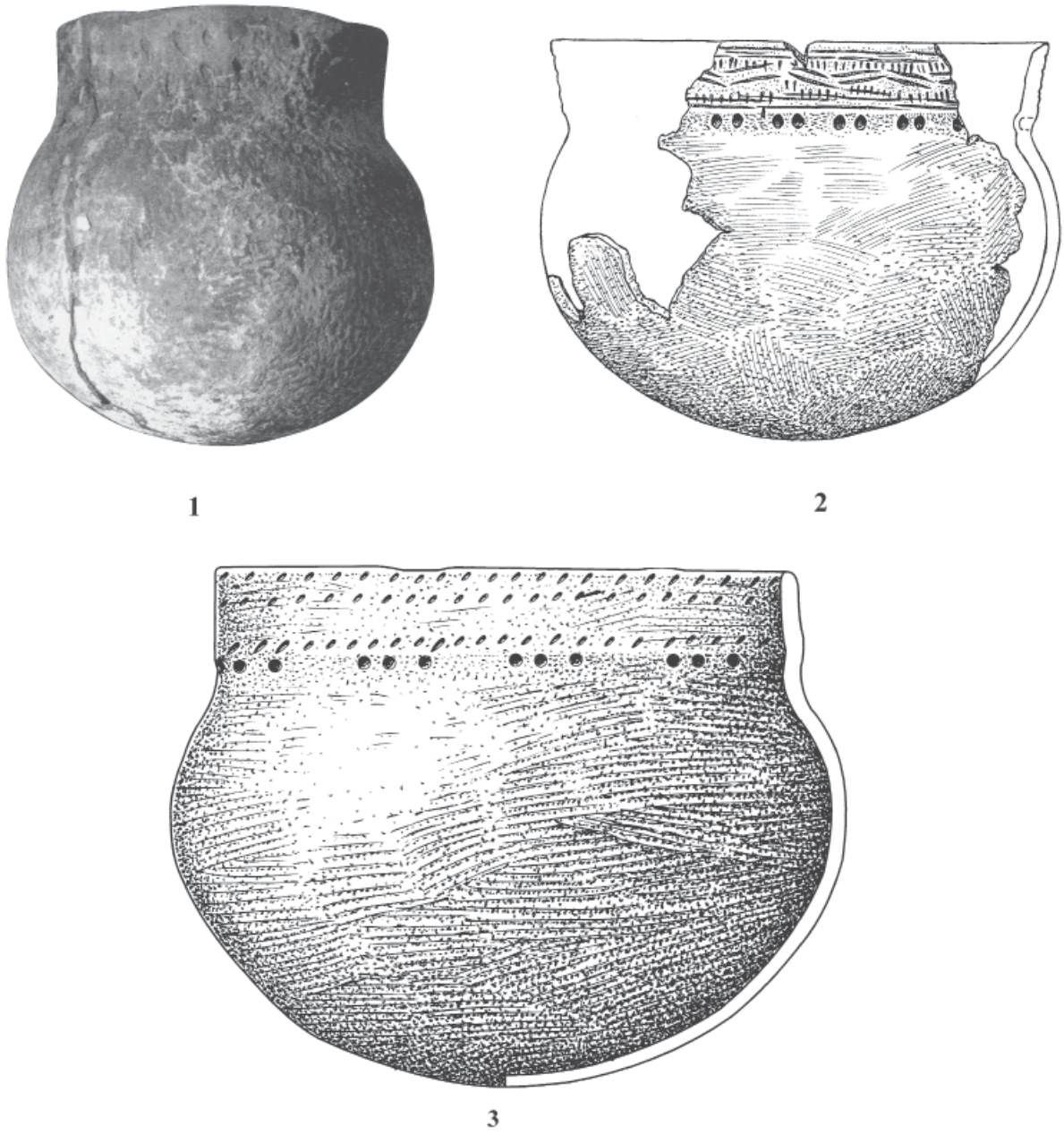


Рис. 9. Средневолжская культура текстильной керамики. Сосуды из некрополей
1 – курган 1, погр. 11 (8) Маклашеевский II могильник; 2 – погр. 221 Мурзихинский II могильник; 3 – погр. 70 Мурзихинский II могильник

явлен также в погр. 223 и 227 Мурзихинского II могильника, но керамика в инвентаре этих захоронений отсутствует. Возможно, этот способ погребения указывает на особый статус умерших, их принадлежность к иному, немаклашеевскому этносу, связанному с КТК.

Ориентировка установлена для всех погребений с текстильной керамикой: на юго-восток были ориентированы костяки в погр. 1 Новомордовского VIII могильника, на юг, с небольшими отклонениями, умершие из погр. 70 и 221 Мурзихинского II могильника.

Все погребения очень бедны, в двух из них содержатся только сосуды (погр. 1 Новомордовского VIII и погр. 70 Мурзихинского II мог.) (рис. 9: 3), в третьем (погр. 221 Мурзихинского II мог.) – сосуд и скол кремня (рис. 9: 2).

Глиняная посуда представлена круглодонными сосудами с поверхностью, покрытой текстильным раппортом, с цилиндрической горловиной, орнаментированной ямками, расположенными группами от двух до трех, оттисками гребенчатого и уголкового штампа, резными линиями. У сосудов из Мурзихинского II мог. была типично маклашеевская орнаментация, сочетающая ямки, над которыми размещался двойной горизонтальный зигзаг в обрамлении сдвоенных горизонтальных линий, либо ямки в сочетании с вдавлениями. Орнамент

во всех случаях наносился так, как на маклашеевских сосудах – по шейке. Исключением выглядит сосуд из межмогильного пространства Полянского II мог., который был покрыт ямками по всей поверхности тулова.

Во всех случаях погребальная посуда с текстильными отпечатками была представлена целыми формами, размещенными по одному в курганной насыпи, межмогильном пространстве, погребении. В могильной яме сосуды располагались в изголовье (2) либо у поясницы в засыпи ямы (1).

Хронология средневолжской КТК основывается на сравнительном анализе керамических комплексов, стратиграфических наблюдениях и датировках на ^{14}C.

Ввиду отсутствия на памятниках средневолжской КТК серий металлических и костяных изделий для определения хронологии этой культуры необходимо обратиться к анализу керамических комплексов и их стратиграфической позиции на поселениях.

Значительная часть керамики КТК зафиксирована на смешанных поселениях, при этом практически все памятники имеют литологически нерасчленяющиеся культурные слои. Характерной особенностью этих слоев является слабая насыщенность их артефактами, которые концентрируются в котлованах построек, в том числе в очажных и хозяйственных ямах. Таким образом, комплексы жилищ могут рассматриваться как полузакрытые, а в отдельных случаях и условно закрытые, отражающие единовременное заселение.

Итак, основываясь на совместных находках текстильной посуды с керамикой других культур, возможно определение времени существования средневолжской КТК по аналогиям с культурами, хронология которых разработана более полно. К таковым следует относить луговскую и маклашеевскую культуры.

В настоящее время можно утверждать, что начало проникновения носителей КТК в Среднее Поволжье начинается во второй четверти II тыс. до н. э. Этот процесс иллюстрируют совместные находки текстильной и поздняковской керамики на исследованной В.С. Патрушевым Акозинской стоянке; наличие текстильной посуды в нижнем горизонте заполнения жилищ с луговской (балымско-карташихинской) керамикой на поселениях Сосновая Грива II и III (Патрушев, 1986, с. 11–21), а также в сооружениях Кокшамарского II поселения, в которых сочетаются текстильные и луговские сосуды (Соловьев, 2000, с. 91). Время существования памятников луговской культуры в Приустьевом Прикамье относится к XVII–XV вв. до н. э. (Лыганов, 2018, с. 129, табл. 1).

Раннюю дату появления КТК в Среднем Поволжье подтверждают и данные ^{14}C анализа. Здесь можно упомянуть датировки, полученные для Среднего Поочья по углю на поселении Гришкинский Исток 3 ГИН 6529 3170±80 BP 1626–1257 CalBC (95,4%) (жилище 1)[7], ГИН 6532б 3160±50 BP 1530–1288 CalBC (95,4%) (жилище 2), по всей вероятности, их можно распространить и для времени проникновения КТК на Нижнюю Оку. Для территории собственно средневолжской КТК существуют две ранние даты ^{14}C, выполненные по нагару АМС методом для памятников Марийского Поволжья: Кокшайского IV поселения – Hela 933 3315±50 BP 1696–1497 CalBC (95,4%) и поселения База Отдыха II – Hela 937 3310±60 BP 1699–1490 CalBC (95,4%).

Заметно больше свидетельств совместного залегания керамики КТК и атабаевской (раннемаклашеевской) посуды, подобное сочетание было отмечено на 11 поселениях средневолжской КТК (Соловьев, 2000, с. 91, 92; Чижевский, 2010, с. 259). Современная датировка атабаевского этапа – XIV–XIII вв. до н. э. (Кузьминых, Чижевский, 2008, с. 32). В этих же пределах располагаются три даты ^{14}C, выполненные по нагару с сосудов средневолжской КТК АМС методом, которые были получены для двух поселений: Кокшайского IV – Hela 935 3030±50 BP 1316–1216 CalBC (68,2%) и База Отдыха II – Hela 940 3005±55 BP 1304–1189 CalBC (68,2%); Hela 936 2995±45 BP 1289–1156 CalBC (68,2%).

На финал бронзового века приходится максимальное количество случаев совместного залегания текстильной и маклашеевской (позднего этапа) керамики на поселениях – 89 (без учета окских), выявлена текстильная керамика и в четырех маклашеевских могильниках. Благодаря этим находкам можно синхронизировать финальнобронзовые памятники средневолжской КТК с маклашеевским этапом маклашеевской культуры, который датируется XII–X вв. до н. э. (Кузьминых, Чижевский, 2017, с. 23). К сожалению, ^{14}C датировки для поздних памятников средневолжской КТК отсутствуют.

Таким образом, можно утверждать, что наиболее ранние памятники средневолжской КТК появляются в Среднем Поволжье в XVII–XV вв. до н. э. и существуют вплоть до финала бронзового века в конце X в. до н. э.

Периодизация культуры.

К сожалению, отсутствие могильников и бедность поселений средневолжской КТК не позволя-

[7] Калибровка ^{14}C сделана авторами на сайте Оксфордского университета OxCal Project (https://c14.arch.ox.ac.uk/), программа – OxCal-4.3.

ет проследить изменение материальной культуры на протяжении всего времени ее существования.

Косвенно о том, что этот процесс все же шел, свидетельствуют изменения в керамике КТК.

На смешанных памятниках средневолжской КТК в XIV–XIII вв. до н. э. текстильная керамика демонстрирует удивительную монолитность формы и орнамента. На поселениях одновременно жили представители атабаевского этапа маклашеевской культуры, использовавшие плоскодонную керамику с характерным оформлением горловины и орнаментом, и носители средневолжской КТК, использовавшие круглодонную керамику (чаши и горшки), покрытую текстильным раппортом и ямочным орнаментом.

В XII–X вв. до н. э. на смешанных и «чистых» памятниках средневолжской КТК наряду с посудой с характерной ямочной орнаментацией, покрывающей шейку и тулово, появляются сосуды с типично маклашеевским орнаментом (зигзаг, выполненный гребенкой или резными линиями, часто окаймленный горизонтальными линиями; решетка; ямки, размещенные группами от двух до пяти), располагающимся только на шейке, некоторые сосуды приобретают характерный маклашеевский воротничок. О том, что этот процесс был взаимным, свидетельствует изменение стереотипа маклашеевской керамики с плоскодонной на круглодонную и появление погребений с текстильной керамикой на маклашеевских могильниках.

Взаимодействие КТК с маклашеевской культурой на территории Средней Волги обусловило появление здесь в финале бронзового века тех характерных особенностей, которые выделяют ее из остальных культур мира текстильной керамики. Именно к этому времени следует относить окончательное формирование ее в отдельную средневолжскую КТК.

Локальные варианты средневолжской КТК не выделены ввиду отсутствия широкомасштабных исследований на несмешанных памятниках и слабой изученности в целом. Средневолжская КТК при современном уровне изученности демонстрирует монолитность материальной культуры на всей территории ее распространения.

Историко-археологическая интерпретация. Трудность определения социального устройства общества средневолжской КТК обусловлена отсутствием исследованных могильников и бедностью изученных поселений. Однако хозяйственная направленность – комплексное хозяйство лесного типа, сочетавшее охоту и скотоводство, с преобладанием охоты на крупного зверя, и отсутствие укрепленных поселений подразумевает эгалитарное общество, в котором отсутствует стратификация.

Процессы интеграции средневолжской КТК с маклашеевской культурой способствовали формированию новой акозинской (акозинско-ахмыловской) культуры в IX в. до н. э. и включению ее в раннем железном веке в структуру ананьинского мира (Кузьминых, Чижевский, 2017, с. 24).

ГЛАВА 11
МАКЛАШЕЕВСКАЯ КУЛЬТУРА

История изучения

Начало изучения маклашеевской культуры связано с раскопками Ананьинской дюны П.В. Алабиным и И.В. Шишкиным, когда при раскопках Ананьинского могильника были найдены керамика, двуушковые и одноушковые кельты, кельт с лобным ушком и другие находки (Алабин, 1860, с. 87–120), позднее выделенные в отдельный памятник – Ананьинскую стоянку (Уваров, 1881, № 168–170; Збруева, 1937, с. 104–109; Халиков, 1980, табл. 40; 46: 1, 4; 49: 1; Чижевский, 2013, с. 43).

Начиная со второй половины XIX в. изучение памятников позднего бронзового века, и в том числе маклашеевских, сосредоточилось в руках коллекционеров – любителей древности (Чижевский, 2013, с. 45), из числа которых вышли и профессиональные археологи. Одним из таких археологов был помещик А.Ф. Лихачев, который исследовал памятники маклашеевского времени в окрестностях г. Казани (1878–1879 гг.) и в Спасском уезде Казанской губернии – Полянский I могильник (1880 г., совместно с Н.П. Лихачевым) (Штукенберг, 1901, табл. IV: 19, 20; Tallgren, 1911; Chudjakov, 1926, s. 26–35; Халиков, 1980, табл. 18; Чижевский, 2013, с. 46).

Другим собирателем древностей был профессор хирургии Казанского университета Н.Ф. Высоцкий, который совместно с другим крупным археологом-любителем, профессором геологом А.А. Штукенбергом производил обследование и раскопки стоянок у сс. Карташиха, Новомордово, Отары и Атабаево (1879–1882, 1920 гг.), часть комплекса которых была позднее отнесена к маклашеевской культуре (Штукенберг, Высоцкий, 1885, с. 6–7, 52–73; Высоцкий, 1908, с. 436–447; 1920, с. 26–36; 1923, с. 32–37; Чижевский, 2013, с. 49).

Активную разведочную деятельность проводил профессор Казанского университета геоморфолог П.И. Кротов. В результате почти 30-летней работы он открыл серию стоянок эпохи бронзы на рр. Волге, Вятке, Мёше и Свияге (Кротов, 1879, с. 89–95; Износков, 1895, с. 226–227).

Первое профессиональное исследование могильников маклашеевской культуры, в процессе которого фиксировались не только предметы материальной культуры, но и особенности погребального обряда, связано с раскопками Маклашеевского I и II могильников П.А. Пономаревым в 1882 и 1897 гг. и А.Ф. Лихачевым в 1886 г. (Худяков, 1923, с. 83–84; Chudjakov, 1926a, s. 14–26; Халиков, 1980, № 470).

В 1894 гг. после раскопок на городищах Грахань и Бельский Шихан (Саузовское) Ф.Д. Нефедов выявил находки из догородищенских слоев маклашеевского времени (Нефедов, 1899, с. 53, 69, рис. 29, табл. 16: 10).

Предтечей сводов археологических источников и археологических карт была монография Н.И. Булычева, в которой автор в числе прочих находок опубликовал и артефакты маклашеевской культуры (Булычев, 1902, с. 7, табл. I: 2; IV: 10).

В 1919–1920 гг. активное участие в исследовании маклашеевских памятников, и прежде всего Займищенской III стоянки, принимают члены студенческого кружка при Казанском университете под руководством П.А. Пономарева и профессора Б.Ф. Адлера (Шнеерсон, 1921, с. 83, 91).

В 1927 г. В.Ф. Смолин на р. Цивиль выявил Ердовскую стоянку с комплексом атабаевской керамики (Смолин, 1933, с. 15–32; Халиков, 1980, № 73). В 1929 г. на левом берегу Волги Е.И. Горюнова провела раскопки Мари-Луговской стоянки, исследования которой выявили керамический комплекс с текстильной керамикой маклашеевского времени (Горюнова, 1934, с. 173).

В конце 1920-х гг. начала свою научную деятельность А.В. Збруева. В 1930 г. она в составе Вятско-Камской экспедиции Музея и Института антропологии МГУ проводит раскопки Ананьинской дюны, где наряду с некрополем исследует более ранний слой эпохи финальной бронзы с атабаевской и маклашеевской керамикой (Збруева, 1937, рис. 9: 1, 2, 7–9, 11, 12). В этом же году ею исследуется селище Отарка с комплексом маклашеевской керамики (Збруева, 1934, с. 76, 77; 1952, с. 261–262, рис. 39).

Первые обобщения и интерпретация результатов исследования памятников маклашеевской культуры связаны с именами М.Г. Худякова и А.В. Шмидта. В публикациях 1920–1930-х гг. и в неизданной монографии «Маклашеевская куль-

тура», написанной в первой пол. 20-х гг. XX в. (Кузьминых, 2019), М.Г. Худяков относит маклашеевские древности к ранней стадии ананьинской культуры и датирует их XI–IX вв. до н. э. (Худяков, 1920, с. 117–118; 1923; 1930; 1935). А.В. Шмидт подробно анализирует материальную культуру населения, оставившего Маклашеевский I, II и Полянский I могильники, по гендерному признаку и реконструирует на этой основе социальную структуру маклашеевского общества, он датирует эти некрополи 1200–1000 гг. до н. э. (Шмидт, 1935, с. 63–71).

В конце 1930-х – начале 1940-х гг. были изучены Атабаевские I–IV, Луговская II стоянки с комплексом керамики атабаевского типа, Казанская стоянка с керамикой маклашеевского типа (Збруева, 1941, с. 111; Калинин, 1948, рис. 4; Прокошев, 1949, с. 66, рис. 20).

В 1945 г. создается Казанский филиал АН СССР, на базе которого начинается сплошное обследование территории ТАССР сначала экспедицией под руководством Н.Ф. Калинина, а затем А.Х. Халикова; продолжает работу в регионе и А.В. Збруева. В 1948 г. Н.Ф. Калинин объединил исследованные им и предшественниками памятники эпохи бронзы в окрестностях г. Казани и подобные им по материальной культуре в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье в культуру прибрежных стоянок (Калинин, 1948а, с. 45–53).

С 1945 по 1954 гг. были исследованы базовые стоянки маклашеевской культуры как раннего (атабаевского) этапа, так и позднего (маклашеевского) (Збруева, 1948, рис. 9: 1, 2, 11, 12; 10: 1–4, 6; 1960, с. 22–33, 61–67; Калинин, Халиков, 1954, с. 11–34; Халиков, 1960 и др.). Эти исследования позволили А.Х. Халикову выйти на ряд обобщений, касающихся периодизации и хронологии и сформулировать стройную концепцию бронзового века Волго-Камья (Халиков, 1967; 1969, с. 240–329, рис. 55). Согласно этой концепции, автохтонная культура эпохи бронзы, названная приказанской, сформировалась на базе местного энеолита. Первоначально было выделено три этапа этой культуры, а затем четыре: займищенский, балымско-карташихинский, атабаевский и маклашеевский. Время существования приказанской культуры А.Х. Халиков определил по аналогиям XVI–IX вв. до н. э.

Аналогичную работу по памятникам Среднего Прикамья провел В.П. Денисов, который выделил здесь ерзовскую культуру; некоторые памятники этой культуры также можно связать с маклашеевскими древностями (Денисов, 1967, с. 29–50).

Часть памятников маклашеевской культуры, расположенных на р. Белой, была отнесена К.В. Сальниковым к культуре курман-тау, в дальнейшем он предложил перенести это название на все маклашеевские древности (Сальников, 1954, с. 15–24; 1967, с. 376–386); развитие эта концепция получила в археологической карте Башкирии, в которой к этой культуре было отнесено более 30 памятников (Археологическая …, 1976, с. 21, 22, № 186, 370 и др., табл. 6: 1–4).

С 1961 по 1980 гг. существенное расширение знаний о маклашеевской культуре произошло в результате исследования зоны абразионного уступа Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ (Генинг, Старостин, 1972; Габяшев и др., 1976, с. 13–15; Ашихмина, Генинг, 1977, с. 93–138; Габяшев, Старостин, 1978, с. 109–120; Ашихмина, 2014 и др.). В этот промежуток времени были получены данные, подтверждающие гипотезу о преемственности маклашеевского этапа приказанской культуры и ананьинской КИО (Ишмуратова, 1967; Старостин, 1967; Халикова, 1967; Халиков, 1980, № 452–458).

В 1967 г., осознавая неоднородность объединенных в приказанскую культуру памятников, В.Ф. Генинг предложил для финала этой культуры ввести термин предананьинская культурно-историческая общность (Генинг, Совцова, 1967, с. 58–61).

Итогом изучения маклашеевской культуры в советский период стала монография А.Х. Халикова «Приказанская культура», в которой подробно охарактеризованы поселения, материальная культура и погребальный обряд приказанской культуры, а также представлена сводка всех известных к тому времени памятников (Халиков, 1980). Эта работа стала классической и не потеряла актуальности в настоящее время.

Однако монография А.Х. Халикова не сумела ответить на многие вопросы, которые возникали у исследователей. В результате этого с начала 80-х по конец 90-х гг. XX в. разворачивается дискуссия о правомерности выделения приказанской культуры, хронологии данного образования и выделении новых археологических культур из её состава.

Наиболее ранним проявлением этой дискуссии стали работы Н.Л. Членовой, В.А. Иванова и С.В. Кузьминых. На основании анализа орнаментальных мотивов глиняной посуды ерзовской, позднеприказанской и курмантаусской культур финала бронзового века Н.Л. Членова пришла к выводу о культурном единстве носителей этих типов керамики в рамках курмантаусской культуры и предположила формирование данной культурной традиции под влиянием миграции западносибирского населения; время существования культуры курмантау она отнесла к концу бронзового – началу раннего железного веков (Членова, 1981, с. 21–36).

В.А. Иванов одним из первых в регионе стал привлекать к решению археологических проблем методы математической статистики и, основываясь на полученных расчетах, произвел обоснование различия маклашеевских и курмантаусских памятников, отнеся последние к раннему железному веку (Иванов, 1982, с. 53–55, 73). В свою очередь С.В. Кузьминых предложил сосредоточиться на изучении формирования заключительного – маклашеевского этапа приказанской культуры, который, по его мнению, не может прямо рассматриваться как развитие атабаевских древностей. Затрагивает он и проблему взаимоотношения носителей текстильной керамики, или культуры «текстильной керамики» (по С.В. Кузьминых), с маклашеевской культурой, процесс взаимоассимиляции которых к концу бронзового века, по его мнению, не завершился (Кузьминых, 1982, с. 21, 22; 1983, с. 7).

В 1984 г. Л.И. Ашихмина предложила выделить из состава приказанской культуры луговскую и быргындинскую культуры, каждая из которых отличалась значительным своеобразием (Ашихмина, 1984, с. 45–188).

В 1996 г. В.Н. Марков в развитие идей Н.Л. Членовой, В.А. Иванова, С.В. Кузьминых предложил отделить маклашеевский этап от приказанской культуры ввиду отсутствия между ними, как он считал, «генетического родства» и скорректировать время существования маклашеевского этапа, отнеся его к началу раннего железного века (Марков, 1996, с. 10, 11).

Отделение маклашеевского этапа от приказанской культуры, по сути, являлось началом признания за ним статуса отдельной археологической культуры. Осталось совершить последний шаг, который вскоре и был сделан М.Ф. Обыденновым. Наиболее полно его концепция изложена в монографии «Археологические культуры конца бронзового века Прикамья», в которой он выделяет маклашеевскую археологическую культуру из приказанской, отнеся её к финалу бронзового века и рассматривая данное образование как предковое для ананьинской культуры раннего железного века (Обыденнов, 1998, с. 43–72). Эта работа завершает дискуссию 80–90-х гг. XX в.

В 80-е гг. XX в. – начале XXI в. продолжалось накопление источников, характеризующих маклашеевскую культуру. В этот период были открыты и исследованы неизвестные ранее памятники переходного времени от финала бронзового к раннему железному веку, а также продолжалось изучение поселений атабаевского и маклашеевского этапов (Беговатов, Марков, 1992; Соловьев, 2000, с. 73–96, 134–149; Овсянников, 2004, рис. 4: 12–14; 8: 1–12; Гарустович, Савельев, 2004, рис. 4: 2, 3, 7; 14: 2, 4, 6, 8; Морозов, 2004, рис. 1: 6; 4: 2, 3, 5–12; Чижевский, 2008; Чижевский, Галимова, 2010; Чижевский и др., 2015; и др.).

В начале XXI в. были изданы в виде монографий кандидатские диссертации В.Н. Маркова и Л.И. Ашихминой; эти работы позволило ввести в научный оборот широкий круг источников из раскопок конца 60-х – середины 80-х гг. XX в., характеризующих памятники маклашеевской культуры как атабаевского, так и маклашеевского этапов (Марков, 2007; Ашихмина, 2014). Все это позволило С.В. Кузьминых и А.А. Чижевскому в начале XXI в. сформулировать новую концепцию позднего бронзового века Волго-Камья, согласно которой маклашеевская культура рассматривалась как обособленная культура финала бронзового века с двумя этапами существования: ранним, атабаевским, и поздним, маклашеевским (Кузьминых, 2000, с. 37; Чижевский, 2007, с. 173–176; Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 32; Кузьминых, Чижевский, 2017, с. 23, 24).

Генезис культуры. Происхождение маклашеевской культуры связано с кругом автохтонных культур Волго-Камья и Приуралья, которые начиная со второй четверти II тыс. до н. э. были включены в состав огромного «андроноидного» мира, заимствуя орнаментальные традиции в украшении глиняной посуды и характерные металлические изделия. Носителями андроновских традиций на территории Волго-Камья были луговская, а в Приуралье – черкаскульская культуры, которые в XIV вв. до н. э., по всей вероятности, под влиянием изменения климата стали меняться, орнамент на керамике упрощается, на венчике или шейке сосудов появляются валики.

Трансформация и распад культур «андроноидного» мира привел к возникновению маклашеевской культуры в Волго-Камье и межовской культуры по обе стороны Урала (Обыденнов, 1998, с. 42; Колев, 2000, с. 250; Кузьминых, Чижевский, 2017, с. 23). Объединяет их наличие валиковой керамики, однако орнаментальные мотивы отличаются. Для атабаевской (раннемаклашеевской) керамики характерен ямочный орнамент по шейке, иногда в сочетании с горизонтальной «елочкой»; для межовской – отсутствие ямок и вертикальная «елочка». Остальные орнаментальные мотивы могут присутствовать на керамике обеих культур, но, как правило, межовский орнамент более богат, чем атабаевский. Впрочем, уже к рубежу II–I тыс. до н. э. как атабаевский, так и межовский керамические комплексы сближаются и приобретают близкие черты, характерные для маклашеевского типа керамики; на территории Башкирии такую керамику часто относят к культуре курмантау.

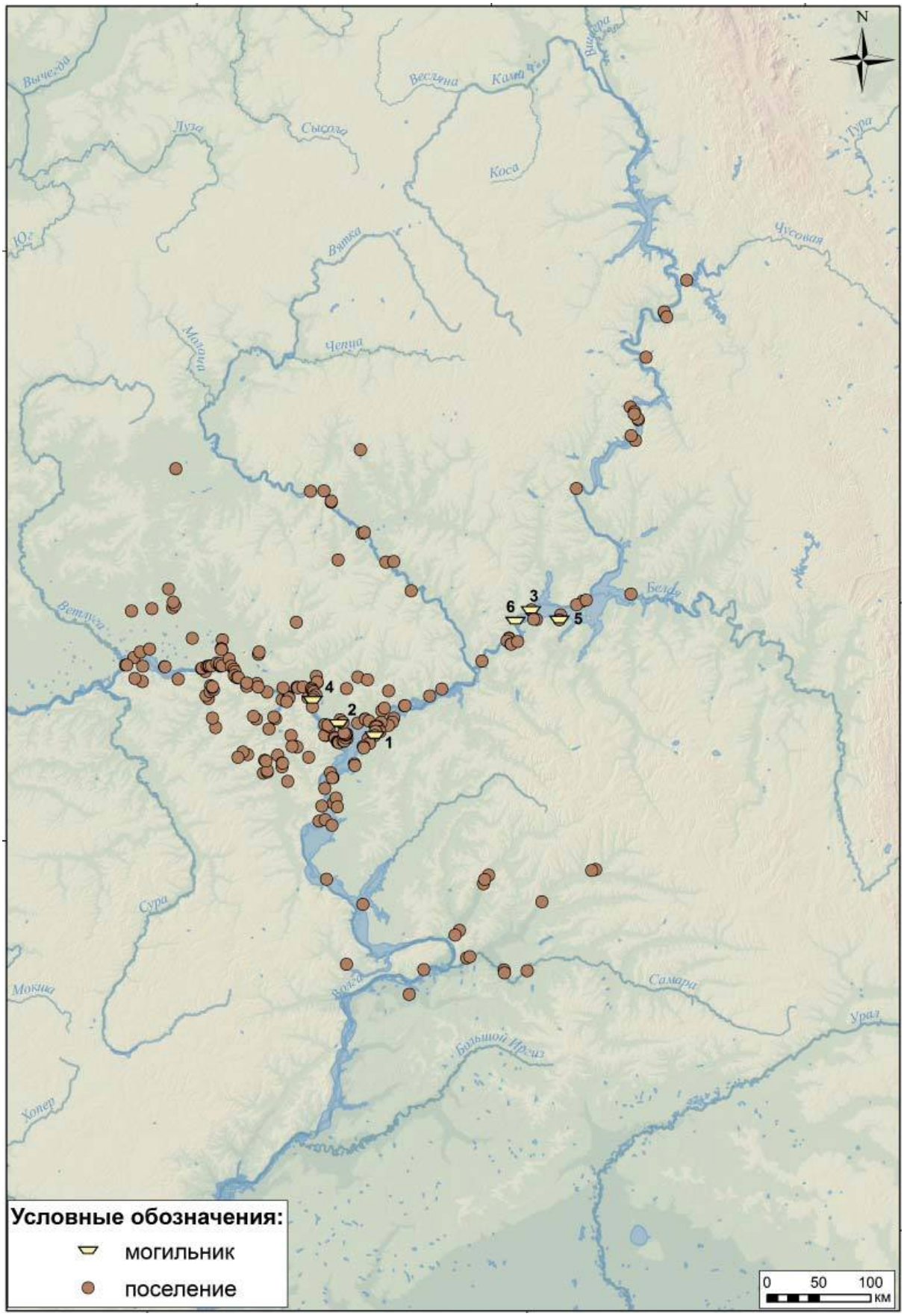


Рис. 1. Памятники атабаевского этапа маклашеевской культуры

1 – Лебединская VII стоянка; 2 – Рождественский I могильник; 3 – Тураевский II могильник; 4 – Большеотарский I могильник; 5 – могильник на Гулюковской III стоянке; 6 – Луговской курганный могильник

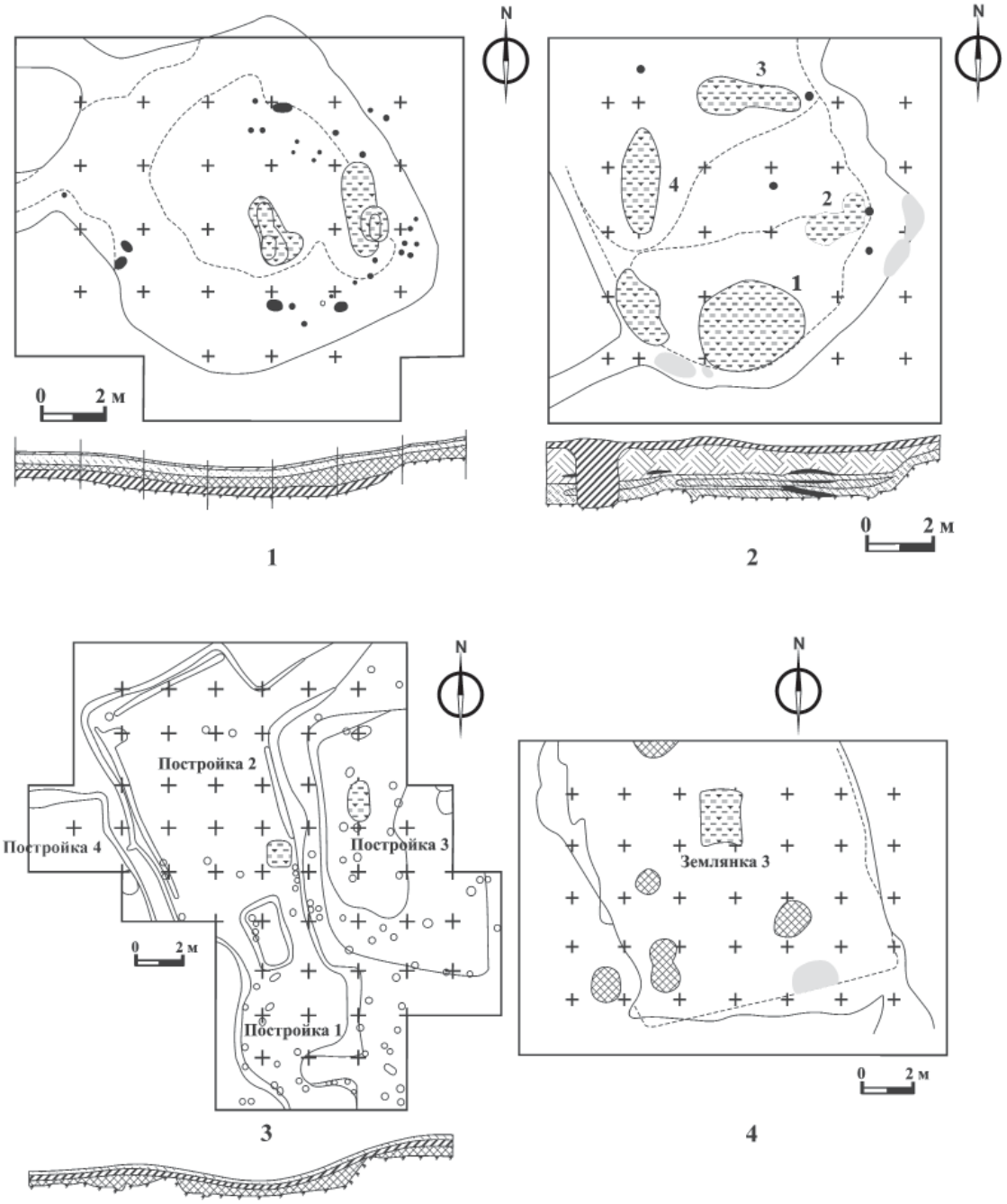


Рис. 2. Котлованы жилых сооружений на поселениях раннего (атабаевского) этапа маклашеевской культуры
1 – Займищенская II стоянка, соор. 1, по: Калинин, Халиков, 1954а; 2 – Атабаевская стоянка I, по: Калинин, Халиков, 1954а; 3 – Ошутьяльское III поселение, соор. 1–4, по: Никитин, Соловьев, 2002; 4 – Гулькинская I стоянка, землянка 3, по: Збруева, 1960

Большую близость с атабаевской имеет керамика памятников атабаевско-кайбельского типа, расположенных в Самарском и Ульяновском Поволжье (Колев, 2000, с. 250, 251, рис. 284–286).

Памятники Посурья и Помокшанья с керамикой аким-сергеевского типа также тяготеют к атабаевским (Ставицкий, 2008, с. 200–201, рис. 263–271), однако, в отличие от собственно атабаевских, межовских и атабаевско-кайбельских, в финале бронзового века их сменяют не маклашеевские, а текстильные древности (Ставицкий, 2008, с. 205); последнее, с учетом некоторого отличия в орнаментации от остальных культур атабаевского круга, может указывать на их различный генезис.

Область расселения. Территория, занимаемая носителями маклашеевской культуры, связана с поймами крупнейших рек Восточной Европы: Волги с притоками (рр. Свияга и Сок) от р. Цивиль и Большая Кокшага до Самарской Луки, то есть в географических границах Среднего Повол-

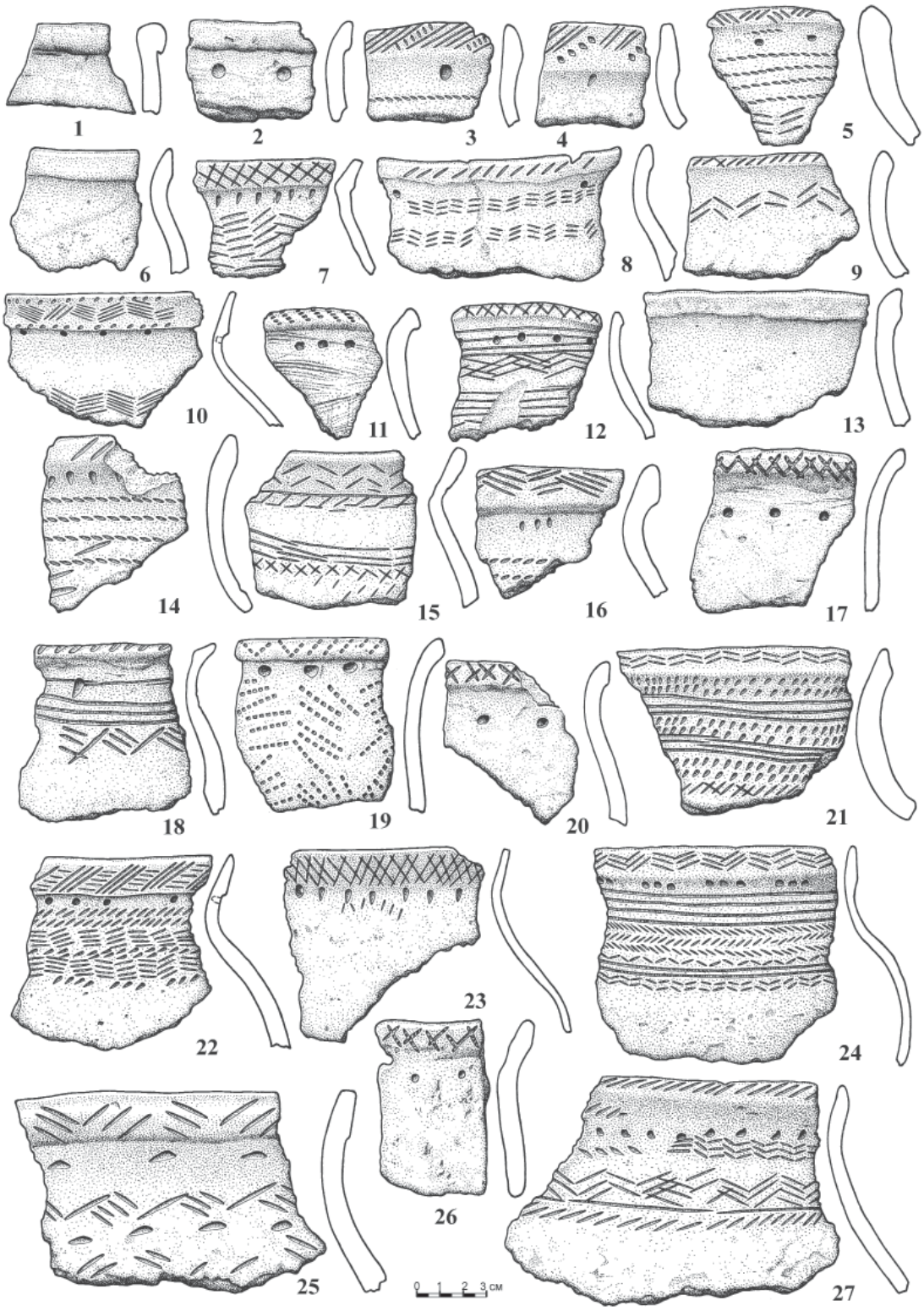


Рис. 3. Поселенческая керамика раннего (атабаевского) этапа маклашеевской культуры

1 – Карташихинская I стоянка; 2 – Карташихинская I стоянка; 3 – Гулькинская I стоянка; 4 – Карташихинская I стоянка; 5 – Луговская II стоянка; 6 – Каентубинская островная стоянка; 7 – Курманаковская IV стоянка; 8 – Луговская II стоянка; 9 – Луговская II стоянка; 10 – Каентубинская островная стоянка; 11 – Карташихинская I стоянка; 12 – Карташихинская II стоянка; 13 – Луговская I стоянка; 14 – Гулькинская I стоянка; 15 – Гулькинская I стоянка; 16 – Гулькинская I стоянка; 17 – Карташихинская I стоянка; 18 – Гулькинская I стоянка; 19 – Карташихинская I стоянка; 20 – Карташихинская I стоянка; 21 – Луговская I стоянка; 22 – Каентубинская островная стоянка; 23 – Курманаковская IV стоянка; 24 – Луговская II стоянка; 25 – Гулькинская I стоянка; 26 – Карташихинская I стоянка; 27 – Луговская II стоянка

Рис. 4. Целые и реконструируемые формы керамики раннего (атабаевского) этапа маклашеевской культуры

1 – Луговские курганы, 1947, к. 1, погр. 2; 2 – Луговская II стоянка; 3 – Луговская II стоянка; 4 – Каентубинская островная стоянка; 5 – Рождественский могильник, погр. 2; 6 – Луговские курганы, кург. 3, погр. 1; 7 – Луговские курганы, кург. 1; 8 – Рождественский I, погр. 1; 9 – Балымский могильник погр. 1; 10 – Тураевский могильник, погр. 10; 11 – Каентубинская островная стоянка; 12 – Луговская II стоянка; 13 – Гулюковская III стоянка; 14 – Гулюковская III стоянка; 15 – Луговская II стоянка; 16 – Луговская II стоянка; 17 – Луговская IV стоянка; 18 – Большеотарская (Балымская) I стоянка; 19 – Луговская II стоянка; 20 – Ильичевская стоянка

жья, и Камы – от р. Чусовой до камского устья, включая притоки Белую и Вятку (рис. 1; 9). Согласно данным географического районирования, эти территории относятся к Нижнему и южной части Среднего Прикамья.

В Среднем Поволжье носители маклашеевской культуры занимали территории на стыке бореальной и суббореальной ландшафтных зон: в Марийском, Нижегородском и частично Казанском Поволжье подтаежную ландшафтную подзону; в Казанском, Марийском, Нижегородском и частично Ульяновском Поволжье ландшафтную подзону широколиственных лесов, постепенно переходящую в Казанском, Ульяновском и Самарском Поволжье в лесостепную ландшафтную подзону (Мильков, 1953, с. 202; Исаченко, 1985; Исаченко, Шляпников, 1989; Ермолаев и др., 2007; Дедков, 1978, 73–93; 2008, с. 401–406, рис. 141).

В Прикамье носители маклашеевской культуры также располагались на стыке ландшафтных зон. В Нижнем Прикамье и на р. Белой вплоть до г. Уфы по левому берегу они занимали территории лесостепной ландшафтной подзоны, переходящей в степную подзону Высокого Заволжья; а на правом берегу р. Камы располагались в подтаежной ландшафтной подзоне, в то время как на правом берегу р. Белой занимали ландшафтную подзону широколиственных лесов (Ермолаев и др., 2007; Дедков, 2008, с. 403, 404, рис. 141). В Среднем Прикамье, севернее от устья р. Белой на территории Удмуртского и Пермского Прикамья, носители маклашеевской культуры обитали в широколиственной лесной и подтаежной ландшафтных подзонах, не заходя в подзону южной тайги (Исаченко, 1985; Исаченко, Шляпников, 1989; Раковская, Давыдова, 2001).

Поселения атабаевского этапа маклашеевской культуры.

В настоящее время насчитывается 200 поселений с керамикой атабаевского типа, которые относятся к атабаевскому этапу маклашеевской культуры (рис. 1) (Халиков, 1980, с. 9). Все они являются селищами, городища отсутствуют. 172 памятника располагаются на первой и второй надпойменных террасах, 16 – в пойме на останцах первой/второй террас на дюнах, 12 – на высоких мысах коренного берега (Соловьев, 2000, с. 76, табл. 5; Чижевский, 2007а, с. 96). Судя по данным полевых исследований, площадь поселений варьирует от 1 000 до 15 000 кв. м, а большая часть памятников имеет размеры в пределах от 1 000 до 4 500 кв. м.

Все исследованные поселения относятся к местам постоянного обитания со значительным, до 1 м, культурным слоем. Судя по полученным в ходе работ находкам, практически на всех памятниках встречены сплески меди, заготовки костяных и каменных орудий, кости домашних животных. Все это свидетельствует об отсутствии производственной специализации поселений, обитатели которых изготавливали все необходимое самостоятельно.

Стационарно исследовались 19 селищ. Судя по данным разведочных исследований и раскопок, на поселениях фиксируются котлованы жилых сооружений от одного до 14 на памятнике. Как правило, на территории поселения жилища размещаются в один-два ряда параллельно реке, но бывают и другие способы застройки: в виде угла, полукруга, группы, неупорядоченной застройки (Халиков, 1980, с. 9; Соловьев, 2000, с. 76). Жилая застройка очень плотная, сооружения размещались в непосредственной близости друг от друга.

На поселениях атабаевского этапа маклашеевской культуры учтено 176 котлованов сооружений (рис. 2: 1–4), 19 из которых исследовались раскопами. Выделяется три типа построек: 1) сооружения с заглубленным полом (22,2%) с глубиной котлована 1–20 см; 2) полуземлянки (55,6%), глубина котлована этих сооружений составляла 20–90 см; 3) землянки (22,2%), у которых глубина котлована превышала 90 см; часто жилища соединялись тамбурными переходами, которые зафиксированы в 55,3% случаев (Чижевский, 2007а, табл. 2). А.Х. Халиков подчеркивал, что характерной особенностью атабаевских памятников является наличие на них жилых двухкамерных построек, состоящих из двух котлованов, соединенных тамбуром (Халиков, 1980, с. 10).

Площадь построек варьирует от 20 кв. м (Луговская II ст., жил. IV) до 100–150 кв. м (Мало-Кокузинская I ст.), но наиболее часто встречаются постройки размером от 50 до 90 кв. м. Б.С. Соловьев отмечает, что в среднем размеры построек с углубленным полом несколько меньше, чем у сооружений с более глубоким котлованом (Соловьев, 2000, с. 77). Форма котлованов подчетырехугольная, причем встречаются как подквадратные, так и подпрямоугольные постройки. Выявленные у стенок котлованов столбовые ямки в сочетании с параллельными им углистыми канавками свидетельствуют о каркасно-столбовой конструкции стен большей части построек, однако не исключено наличие в отдельных котлованах введеных в них срубов. Столбовые ямы от опорных столбов в центре или около противоположных стенок котлована указывают на использование различных типов перекрытия крыши: двускатного, наклонного односкатного и шатрового (Соловьев, 2000, с. 78).

В большей части построек (83,3%) отмечены очаги простой конструкции (от двух до пяти) либо в виде открытого очага, расположенного прямо на полу, либо в очажной яме,

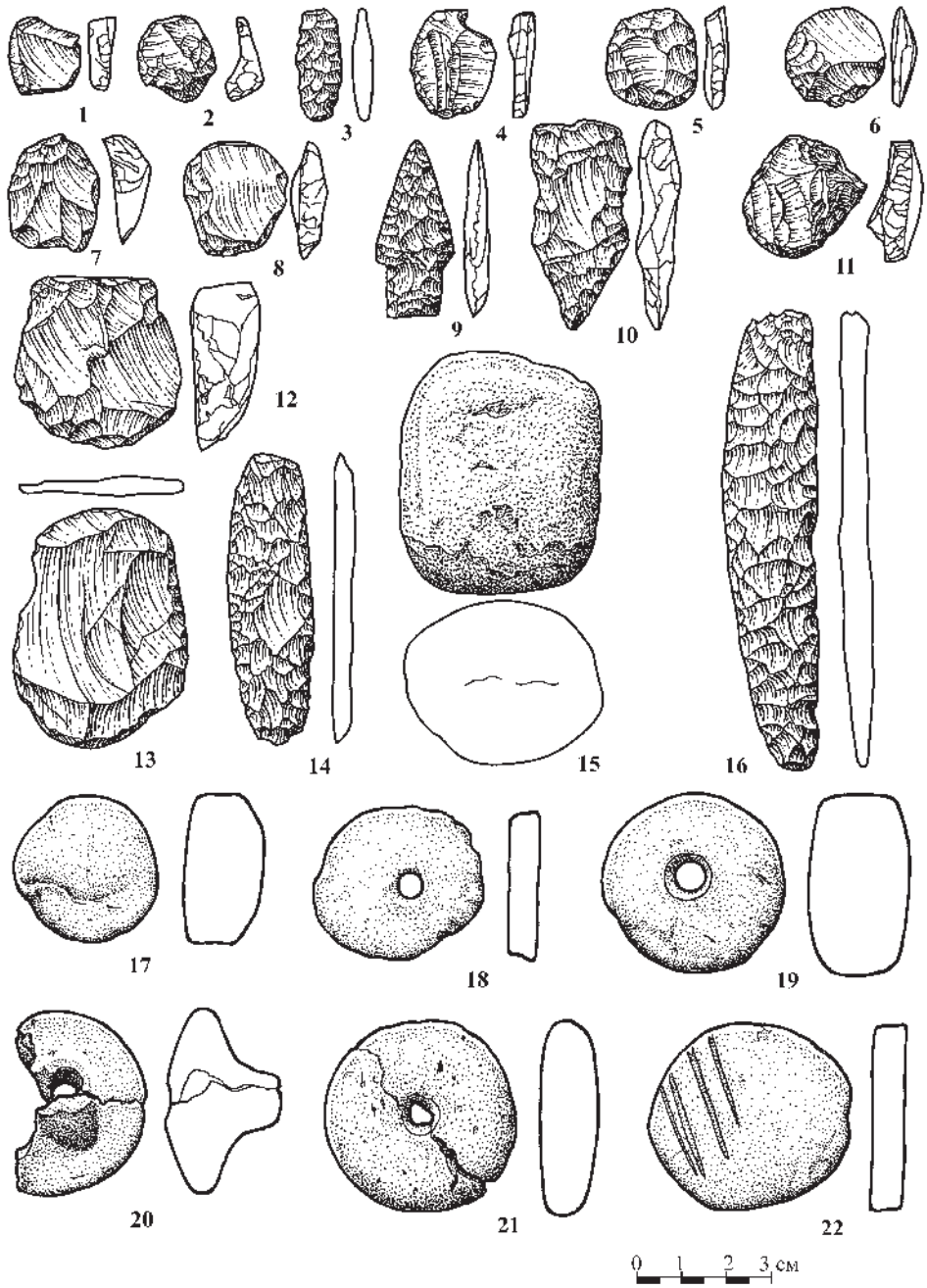
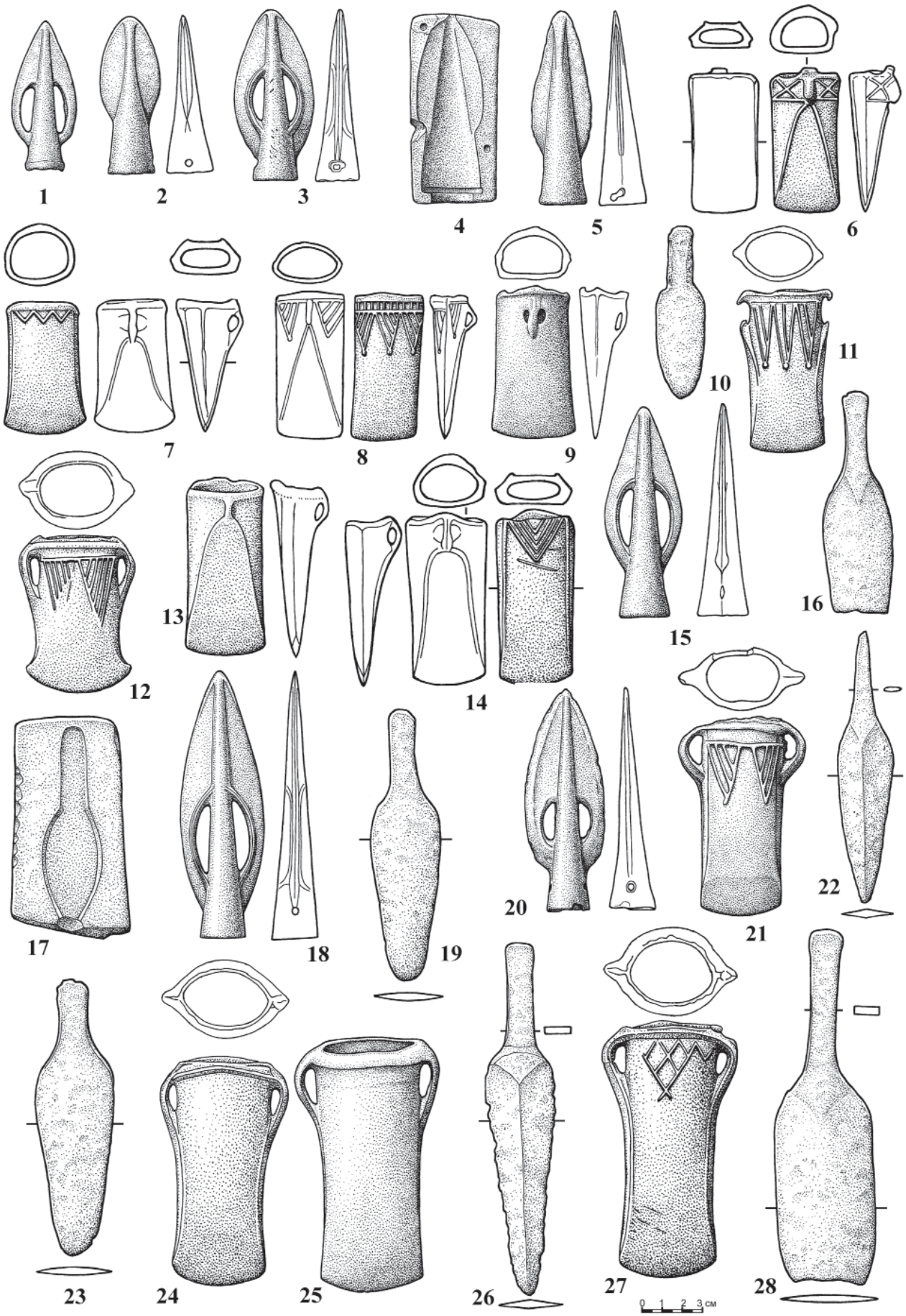


Рис. 5. Каменный инвентарь и глиняные изделия раннего (атабаевского) этапа маклашеевской культуры

1–16 – Курманаковская IV стоянка; 17, 19–21 – Карташихинская I стоянка; 18, 22 – Гулькинская I стоянка. 1, 2, 4–8, 11, 12 – скребки; 3, 9 – наконечник стрелы; 10 – кремневое сверло-долотце; 13 – скребок на отщепе с двумя лезвиями; 14, 16 – ножи-бифасы; 17 – отбойник; 17–22 – пряслица и заготовки пряслиц. 1–16 – камень; 17–22 – глиняные изделия

очень редко очаг дополнительно обкладывался кусками песчаника, обломками известняка или обмазывался глиной (Соловьев, 2000, с. 77; Чижевский, 2007а, табл. 2). Наличие в прокале большей части кострищ кухонных остатков (пережженной керамики и костей) свидетельствует об использовании их для приготовления пищи. Очаги не имели постоянного местоположения и могли размещаться как в центральной части постройки, так и возле входа или у стен котлована.

Керамический комплекс атабаевского этапа маклашеевской культуры еще во многом продолжает традиции луговской культуры. Это проявляется в орнаментации: использовании тех же элементов орнамента, таких как ямки, резные линии и гребенчатый штамп, одинаковых мотивов декора, таких как горизонтальный зигзаг, заштрихованные треугольники и четырехугольники, горизонтальные линии, размещении орнамента на шейке и плечиках сосудов (рис. 3; 4). Таковы же, как и ранее, примеси в глиняном тесте, по-


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
0 1 2 3 см

прежнему употребляются шамот, дресва, песок, но резко возрастает количество сосудов с раковиной, достигая на некоторых памятниках почти 90% (Халиков, 1980; Соловьев, 2000; Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 32).

Атабаевская керамика в основном плоскодонная (рис. 4: 2, 6, 7, 10, 13, 17, 20), причем по сравнению с луговской значительно уменьшается диаметр дна относительно горловины, по всей вероятности, это явление связано с появлением сосудов с круглым дном (рис. 4: 1, 5, 8, 9, 14, 18, 19). Широко распространенные ранее баночные формы керамики почти повсеместно исчезают, уступая место горшковидным сосудам (до 98%). Горловина типичного атабаевского сосуда, как правило, была блоковидной, но встречаются и сосуды с низкой цилиндрической шейкой (до 17%). Ярким отличием атабаевской керамики является налепной валик с острым или каплевидным краем, располагающийся у края венчика (до 78%), однако начинают распространяться и сосуды с узким воротничком, до 5–7% на отдельных памятниках.

Наиболее типичными орнаментальными мотивами были горизонтальные ряды небольших по размерам и неглубоких ямок или столь же небольших клиновидных углублений, расположенных в месте перехода шейки в тулово, иногда сгруппированных по три; горизонтальный зигзаг, выполненный гребенкой или резными линиями, который размещался на валике под срезом венчика или на плечиках; на части сосудов он заменялся косой сеткой, горизонтальными рядами перекрещивающихся отпечатков штампа или флажковым орнаментом; на плечиках часто присутствуют ряды горизонтальных линий, выполненных прочерчиванием, гребенчатым штампом или шнуром (Халиков, 1980; Соловьев, 2000). В целом атабаевский керамический комплекс обладает весьма характерными отличительными чертами как в форме сосудов, так и в орнаментации и сильно выделяется на фоне синхронных ему археологических культур. Некоторые локальные отличия в орнаментации проявляются при сравнении керамики Среднего и Нижнего Прикамья со средневолжской и усть-камской. Первая богаче декорирована по сравнению со второй; сильны отличия в аким-сергеевской керамике, которая украшалась преимущественно гребенчатым штампом.

В конце атабаевского этапа в западных районах распространения маклашеевской культуры появляется керамика с текстильными отпечатками поверхности.

Поселения атабаевского этапа маклашеевской культуры часто располагались на месте поселений луговской культуры, позднее на них селились носители маклашеевского этапа маклашеевской культуры, а затем и ананьинской КИО, поэтому культурный слой этих памятников сильно перемешан и определить принадлежность той или иной вещи весьма затруднительно.

Тем не менее, ряд артефактов удалось связать с атабаевским этапом маклашеевской культуры. Это, прежде всего, изделия из камня. На поселениях они представлены скребками различной формы (овальные с высокой спинкой, треугольные, концевые) (рис. 5: 1, 2, 4–8, 11–13); одно- и двулезвийными ножами, изготовленными на массивных пластинах и отщепах (рис. 5: 14, 16); проколками и сверлами (рис. 5: 10); наконечниками стрел листовидной формы с округлым, прямым или приостренным основанием без выделенного черешка, редки наконечники с треугольным пером и выделенным черешком (рис. 5: 3, 9) (Крижевская, Халиков, 1959; Халиков, 1980, табл. 35; 36; Соловьев, 2000). Характерно отсутствие крупных каменных орудий, связанных с деревообработкой, однако встречены фрагменты массивных каменных молотов и кувалд. На поселениях найдены крупные подтрапециевидной формы терочные плиты из сливного песчаника (длиной до 50 см и шириной до 13–25 см), овальные или дисковидные терочники, а также отбойники (рис. 5: 17).

Изделия из глины, выявленные на памятниках атабаевского этапа, представлены линзовидными пряслицами двояковыпуклой, плоско-выпуклой и вогнуто-выпуклой формы, присутствуют также пряслица шаровидной формы и выточенные из стенок сосудов диски-пряслица (рис. 5: 18–21). Способ использования дисков из стенок сосудов без отверстий, которые являются характернейшим элементом материальной культуры атабаевского этапа, до конца не понятен, есть версии, что они могли использоваться как лощила или игральные фишки (рис. 5: 17, 22).

Изделий из металла (меди и бронзы) на атабаевских памятниках известно немного, в основном

Рис. 6. Металлические предметы раннего (атабаевского) этапа маклашеевской культуры (бронза и медь)

1 – Гулюковская III стоянка; 2 – Болгояры; 3 – Малые Турми; 4, 17 – Старый Стекольный завод; 5 – б. Буинский уезд; 6 – Девликеево; 7 – Сюкеево; 8, 23 – Ананьино; 9 – Дубовая грива, II стоянка; 10 – Гулькинская стоянка; 11 – Большое Фролово; 12 – с. Черемшан; 13, 25, 28 – Лебединская VII стоянка; 14 – Танайка; 15 – б. Лаишевский уезд; 16 – Семеновский остров; 18 – Старые Курбаши; 19 – Сорочьи Горы; 20 – Холодный Ключ; 21 – Каентубинская островная стоянка; 22 – Лебединская XIII стоянка; 24 – Большие Кокузы; 26 – Шаябинская стоянка; 27 – б. Казанская губерния. 1–3, 5, 15, 18, 20 – наконечники копий; 4, 17 – литейная форма; 6–9, 11–14, 21, 24, 25, 27 – кельты; 10, 16, 19, 22, 23, 26, 28 – ножи

это оружие, орудия, связанные с деревообработкой, украшения, предметы быта, рыбалки.

А.Х. Халиков связывал с атабаевским этапом двуушковые кельты «киммерийского типа» (14 экз.) (рис. 6: 11, 12, 21, 24, 25, 27). Все они найдены случайно, но их распространение совпадает с ареалом атабаевских памятников (Халиков, 1980, табл. 43), а один из них происходит из размытого слоя Каентубинской островной стоянки, содержащего атабаевскую керамику (Кузьминых, Чижевский, 2009, рис. 6: 9). От более поздних маклашеевских двуушковых кельтов их отличает размещение верхней части петель ушков по массивному краю втулки.

Другим типом кельтов атабаевского времени являются орудия с лобным ушком и разноформатными фасками; они известны в двух вариантах: массивные с симметричным клином и более грацильные с разноформатными фасками и асимметричным клином (25 экз.) (рис. 6: 6–9, 13, 14). Кельт с симметричным клином происходит из пос. Забойное I, жил. 5 на Средней Каме с керамикой, близкой к атабаевской (Бадер, 1959, рис. 31, 32); кельты с асимметричным клином известны по случайным находкам, их ареал совпадает с территорией памятников атабаевского этапа маклашеевской культуры.

Подобные кельты, но с «пещеркой» появились в более раннее время – Дербеденевский клад, коллекции сусканской культуры (Булычев, 1902, табл. VI, 3; Колев, 2000, рис. 12: 13). Дальнейшее их развитие связано с маклашеевским этапом маклашеевской культуры, когда распространились грацильные кельты с симметричным клином (Халиков, 1980, табл. 49: 8, 9).

Все относимые к раннему (атабаевскому) этапу маклашеевской культуры наконечники копий (12 экз. и 1 литейная форма) найдены случайно (рис. 6: 1–5, 15, 18, 20). Соотнесение их с ранним этапом базируется на находках этих изделий на территории атабаевских поселений и морфологическом облике. В их числе литейная форма для отливки непрорезного наконечника копья и ножа атабаевского типа на стоянке Старый Стекольный завод (Халиков, 1980, с. 46, табл. 41: 3).

Типология наконечников копий, которая основывается на разработках А.Х. Халикова и С.В. Кузьминых, была адаптирована к ПБВ (Халиков, 1977, с. 183, рис. 71; Кузьминых, 1983, с. 91). В основу ее положено деление на типы по отсутствию или наличию прорезей на пере; подтипы выделяются по соотношению длины и ширины пера – лавролистной и листовидной формы; остальные пропорции (соотношение длины пера к наибольшей ширине, к длине втулки, ширине прорези пера и т. д.) не оказывают существенного влияния на типологию и являются второстепенными показателями. Оформление крепления древка к наконечнику в виде отверстия, кольца, или манжеты (валика) характеризует варианты наконечников копий.

Выделяется два типа подобных изделий:

I тип – наконечники копий со сплошным широким пером (0,41–0,67), втулка средней длины – 0,49–0,52, по форме пера выделены два подтипа (рис. 6: 2, 4, 5).

I.1 – экземпляры с лавролистным пером, у которых наибольшее расширение клинка приходится на середину или около середины пера (0,54–0,6). К варианту I.1а с отверстием на втулке относится наконечник копья из Болгояр, к варианту I.1б с кольцом дополнительного крепления на втулке – наконечник из Бурнашево.

I.2 – экземпляры с листовидным пером, у которых наибольшее расширение приходится на нижнюю часть пера (0,68–0,71). К варианту I.2а с отверстием на втулке относится наконечник из б. Буинского уезда, к варианту I.2б. с валиком или узкой манжетой – негатив литейной формы из Старого стекольного завода.

II тип – наконечники копий с прорезным пером (ширина отверстия 0,28–0,39, как исключение – 0,21), несколько более узким (0,34–0,53), чем у непрорезных копий, втулка короткая – 0,11–0,26 (рис. 6: 1, 3, 15, 18, 20). Все наконечники относятся к подтипу II.1 – с листовидным пером, наибольшее расширение которого расположено несколько выше (0,6–0,68), чем у непрорезных экземпляров. К варианту II.1а – с отверстием на втулке – принадлежат 8 экземпляров (Апастово, Гулюковская III, б. Лаишевский уезд, Ломча, Малые Турми, Старые Курбаши, Холодный Ключ и др.), к варианту II.1б – с манжетой на устье втулки – наконечник из Гулюковской III стоянки.

При раскопках атабаевских поселений выявлена серия бронзовых тесел-долот – втульчатых, с валиком-ободком по устью (Ананьинская дюна, Луговская II, Степное Озеро II и др.) и стержневидных (Малококузинская I). Аналогии втульчатым долотам известны по находке из более раннего Дербеденевского клада (Булычев, 1902, табл. VI, 3). Обе группы орудий существовали на протяжении всего позднего бронзового века – ранние образцы втульчатых тесел (без валика-ободка) и стержневидных выявлены еще в памятниках сейминско-турбинского типа (Черных, Кузьминых, 1989, с. 128–130).

Украшения представлены: круглыми бляхами со стержневидной, согнутой к ободу диска петлей на обороте (2 экз.); трубчатыми пронизками из тонколистового металла и цельнолитыми с поперечной насечкой или ложновитые (2 экз.); ви-

сочными подвесками, изготовленными из раскованной и подогнутой по краям узкой пластины (4 экз.) (рис. 7: 4, 5, 7). При изготовлении пластина сгибалась пополам, а затем еще раз, в результате чего получалась изящная желобчатая височная подвеска подтреугольной формы, которая могла надежно крепиться как на налобный венчик, так и на другие части одежды. Такие украшения происходят из четырех поселений: Заюрчимского I поселения, Балахчинской (Кузьминых, 1981, рис. 4: 4), Каентубинской островной и Карташихинской I стоянок.

К предметам быта можно отнести четырехгранные шилья (6 экз.) и ножи. С поселений и из случайных сборов на памятниках атбаевского этапа маклашеевской культуры происходит 23 двулезвийных ножа, в основном с покатыми плечиками (Халиков, 1980, табл. 42: 2, 3, 8, 9; и др.). Большая их часть плоские, без упора, характерного для более ранних ножей; лишь на экземпляре из Шаябинской стоянки в профиле присутствует отчетливо видимый упор – по всей вероятности, он в числе самых ранних в серии атабаевских ножей.

Ножи раннего этапа маклашеевской культуры имели узкие раскованные черенки (0,33–0,54)[1] и широкий клинок (0,24–0,49)[2] (рис. 6: 10, 16, 17, 19, 22, 23, 26); наибольшее расширение клинка приходится на его нижнюю треть, прилегающую к плечикам (0,05–0,3)[3]. Выделяется два типа ножей: 1) с крутыми хорошо выраженными плечиками и прямыми лезвиями – 7 экз. и 2) с покатыми плечиками и эллипсовидными лезвиями – 16 экз. Именно ножи второго типа принадлежат к числу классических атабаевских.

Орудия рыболовства в виде крючков разных размеров найдены на ряде атабаевских поселений. Выделяются крючки с прямым и изогнутым цевьем; в верхней части присутствует кольцо или отверстие для крепления лески; на завершении крючка имеется жальце с рельефной бородкой; ширина и высота поддева различны, что свидетельствует о широком спектре отлавливаемых рыб.

Медные слабо изогнутые серпы-секачи дербеденевского типа с крюком и им подобные, а также узкие слабо изогнутые серпы с прямой рукоятью, иногда с отверстием на конце (2 группа по Б.Г. Тихонову), относимые А.Х. Халиковым к атабаевскому этапу, по современным представлениям относятся к культурам более раннего времени (Тихонов, 1960, с. 69; Халиков, 1980, табл. 46: 8–12; Кузьминых, 1981, рис. 4: 1, 2;5: 1, 2; 7; 9; 10: 3, 4).

Интересной, но пока не идентифицированной находкой является медный диск, найденный при раскопках Луговской II стоянки.

Начавшееся на атабаевском этапе маклашеевской культуры похолодание и увлажнение климата не способствовали занятию земледелием. Основой жизнеобеспечения являлось придомное скотоводство с преобладанием в стаде крупного рогатого скота. Так, костные остатки Гулюковской III стоянки представлены: крупным рогатым скотом – 51,3%, лошадьми – 19,9%, мелким рогатым скотом – 15,6%, свиньями – 13,2% (Чижевский, 2010, с. 28).

По всей вероятности, комплексное промысловое хозяйство имело на атабаевском этапе маклашеевской культуры вспомогательный характер. Так, судя по данным археозоологии, доля костей диких животных на поселениях едва превышает один процент (1,4%) при доминировании костных остатков домашних животных (Чижевский, 2010, с. 28). В рыболовстве, вероятно, практиковался сетевой лов, разного рода запоры, ловушки. Находки бронзовых рыболовных крючков немногочисленны. Доля рыбьих костей в остеологическом спектре невелика (0,6%), но следует признать, что она может не отражать реального места рыболовства в системе жизнеобеспечения раннемаклашеевских коллективов, поскольку раскопки большинства поселений осуществлялись без промывки культурного слоя.

Следы металлообработки выявлены на большинстве памятников атабаевского этапа (сплески, ошлаковка, куски медной руды, чашевидные тигли, ложковидные льячки), но ни на одном из них нет свидетельств металлургической деятельности (остатки горнов, скопления металлургических шлаков и др.). Наряду с данными о химическом составе металла это косвенно свидетельствует о том, что раннемаклашеевская металлообработка базировалась в основном на привозном сырье.

Сохранность немногочисленных изделий из кости очень плохая и позволяет констатировать лишь наличие косторезного производства, хотя отдельные сохранившиеся изделия, такие как рыболовный крючок из Мало-Кокузинской I стоянки, свидетельствуют о высоком уровне развития обработки кости в это время.

Могильники раннего (атабаевского) этапа маклашеевской культуры немногочисленны, в настоящее время известно пять некрополей этого времени: Большеотарский I (1 погр.), мог. на Гу-

[1] Относительная ширина рукояти рассчитывается как соотношение ширины черенка в средней части к наибольшей ширине клинка.

[2] Относительная ширина клинка рассчитывается как соотношение ширины полотна в месте его наибольшего расширения к длине клинка.

[3] Высота размещения наибольшего расширения клинка рассчитывается как отношение высоты плечика (т.е. длины расстояния от места перехода черена в клинок до наибольшего расширения клинка) делёное на длину ножа.

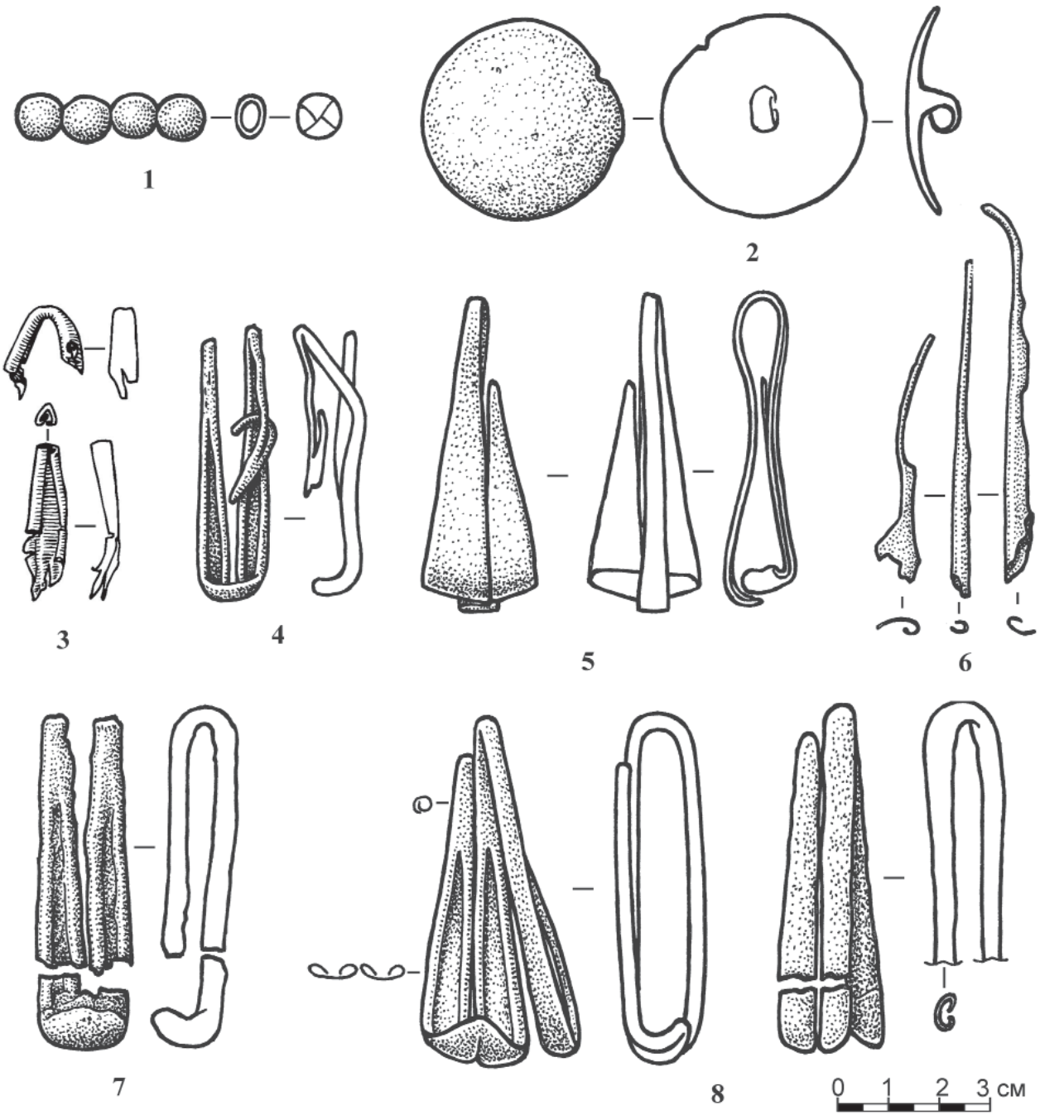


Рис. 7. Металлические украшения раннего (атабаевского) этапа маклашеевской культуры (бронза и медь)
1 – бусы-обоймицы, погр. 1, Большеотарский I могильник; 2 – круглая бляха с петлей на обороте, погр. 1, Большеотарский I могильник; 3 – височная подвеска, погр. 1, могильник на Гулюковской III стоянке; 4 – височная подвеска, Каентубинская островная стоянка; 5 – височная подвеска, Заюрчимское I поселение; 6 – височная подвеска, погр. 10, Тураевский II могильник; 7 – височная подвеска, Карташихинская I стоянка; 8 – височные подвески, погр. 1, Большеотарский I могильник

люковской III ст. (1 погр.), Луговской курганный (4 погр.), Рождественский I (4 погр.), Тураевский II (5 погр.), остатками разрушенного некрополя были находки на Лебединской VII стоянке (2 погр.) (рис. 1) (Збруева, 1960, с. 29–33; Генинг и др., 1962, табл. III, с. 9–11; Халиков, 1980, табл. 8; 9; Арматынская, 2007, с. 120, рис. 3: 5; 4: 7, 10).

Все некрополи располагались на второй надпойменной террасе рр. Волги (Большеотарский I) и Камы (мог. на Гулюковской III ст., Лебединский, Луговской курганный, Рождественский I, Тураевский II), а Большеотарский I, кроме того, на останце песчаной дюны.

Большеотарский I, мог. на Гулюковской III ст., Лебединский, Луговской курганный и Тураевс-

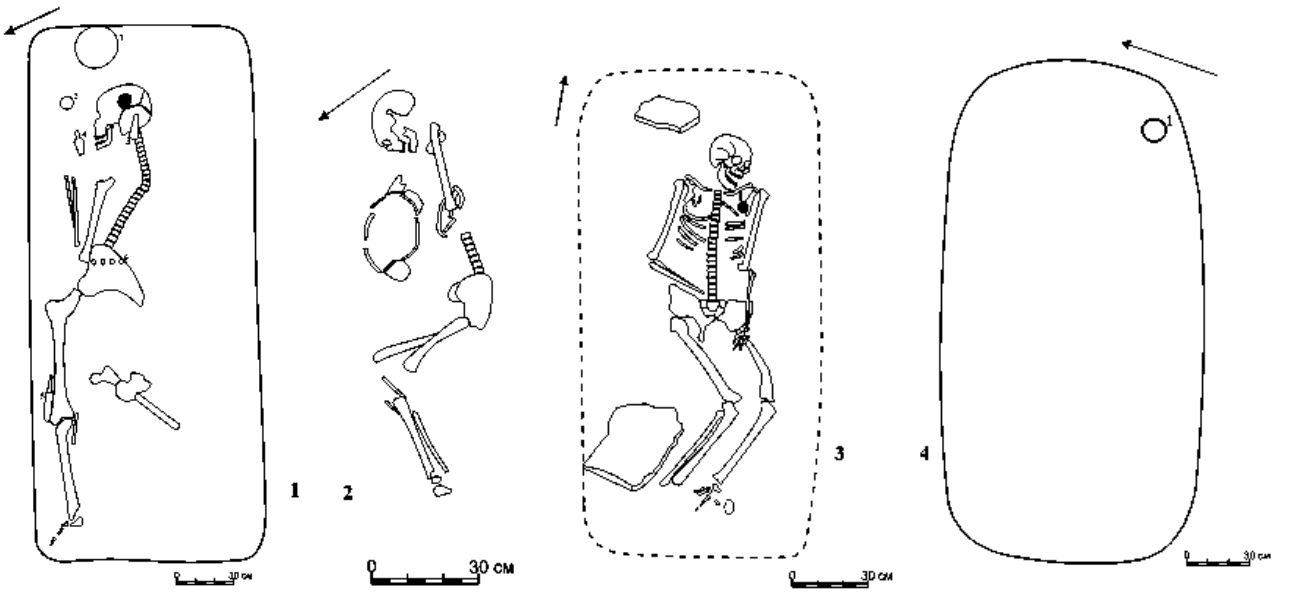


Рис. 8. Погребения раннего (атабаевского) этапа маклашеевской культуры
1 – Большеотарский I могильник, погр. 1, по: Калинин, Халиков, 1954; 1954а; Халиков, 1980; 2 – Рождественский I могильник, погр. 1, по: Генинг и др., 1962; 3 – Луговской курганный могильник, курган 2, погр. 2–3, по: Халиков, 1960; 4 – Луговской курганный могильник, курган 3/1947, погр. 1, по: Збруева, 1947

кий II могильники располагались на окраинах поселений, размещение поселения в окрестностях Рождественского I могильника неизвестно.

Для атабаевского этапа маклашеевской культуры известно 10 погребений, у которых удалось зафиксировать очертания могильных ям (рис. 8: 1, 3, 4). Выделяются два типа[4] могильных ям: тип I – подпрямоугольной формы могильные ямы средних пропорций с соотношением длины и ширины от 1,7:1 до 2,3:1 (8 экз.); тип II – широкие и короткие могильные ямы подчетырехугольной, близкой к подквадратной, формы с соотношением длины и ширины могильной ямы 1,3:1 (2 экз.).

Все могилы атабаевского этапа представляют собой простые грунтовые ямы без дополнительных элементов конструкции, перекрытия и настил не зафиксированы. Элементы обкладки стенок сохранились лишь в погр. 2–3, кург. 2 Луговского курганного могильника в виде камней (рис. 8: 3), в остальных ямах такую роль, по всей вероятности, играли обкладки из органических материалов.

В могильниках атабаевского этапа маклашеевской культуры выявлено десять скелетов людей разной сохранности, половозрастные определения не производились, хотя на Тураевском II мог. зафиксировано детское погребение (погр. 51). Все захоронения были одиночными. Позу погребенных удалось определить в шести случаях (рис. 8: 1–3), три раза зафиксировано вытянутое на спине погребение умершего, в трех случаях скорченное (в разной степени скорченности) на правом боку. Необходимо отметить, что погребения в вытянутом положении размещались в ямах I типа, а в скорченном – в ямах II типа. Таким образом, можно утверждать, что могильные ямы рылись по длине тела с небольшим превышением длины.

Кости рук погребенных в ямах I типа были вытянуты вдоль тела или лежали на тазовых костях, в ямах II типа согнуты в локтях и располагались перед грудью.

Ориентировка определена для 9 погребений, она неустойчива: головой на восток было ориентировано 2 костяка, на юго-восток – 5, на север – 1, на запад – 1. Речная ориентация не характерна: 2 погребения расположены параллельно реке (озеру), 5 – головой к реке, 2 – ногами к реке.

Только в четырех погребениях атабаевского этапа сопровождающий инвентарь отсутствовал, в остальных зафиксировано семь категорий инвентаря, которые относятся к оружию, украшениям, предметам быта и керамике.

Предметы вооружения, представленные кинжалом и двумя кельтами, были найдены на территории разрушенного Лебединского могильника (рис. 6: 13, 25, 28). Являлись ли они часть погребального инвентаря или ритуальными закладами, ответить сложно. Кинжал имеет широкое лезвие, узкую тонкую рукоять и является увеличенной в размерах копией ножа атабаевского типа. Кельты – двуушковый «киммерийского» типа и с лобным ушком, массивный.

[4] Анализ погребального обряда произведен по методике В.С. Ольховского (1991), адаптированной для культур предананьинеского и ананьинского времени А.А. Чижевским (2008).

Украшения известны по находкам в погр. 1 Большеотарского I мог., погр. 1 мог. на Гулюковской III ст., погр. 2–3 кург. 2 Луговского курганного и фрагментами украшения из погр. 10 Тураевского II мог. Они представлены: круглыми бляхами с петлей на обороте (рис. 7: 2); полушарными бляхами-обоймицами без петли (60 экз.) (рис. 7: 1), оставшимися от кожаного нагрудника, бляхи крепились к основе треугольными выступами по краю; желобчатыми височными подвесками подтреугольной формы в погр. 1 Большеотарского I мог. (2 экз.), такая же подвеска выявлена в погр. 1 мог. на Гулюковской III ст., возможно, остатками таких желобчатых подвесок были фрагменты украшения из погр. 10 Тураевского II мог. (рис. 7: 3, 6, 8). В погр. 1 мог. на Гулюковской III ст., кроме того, расчищена пронизь из трубчатой кости животного.

В погр. 1 Большеотарского I мог. отмечены также двулезвийный нож атабаевского типа и проколка, подчетырехугольная в сечении; в качестве ее рукоятки использовалась трубчатая кость барана. В погр. 1 мог. на Гулюковской III ст. найден фрагмент конкреции кварцита и днище круглодонного сосуда.

В остальных погребениях и в насыпи кург. 1 Луговского курганного мог. выявлена лишь глиняная посуда (рис. 4: 1, 5–10), представленная круглодонными и плоскодонными сосудами с характерным атабаевским острым или круглым каплевидным валиком или узким воротничком. Керамика украшена типичным для атабаевского этапа маклашеевской культуры орнаментом, включающим горизонтальные ряды ямок или клиновидных углублений, двойные оттиски наклонного штампа, горизонтальный зигзаг, флажки и т. д.

Для раннего (атабаевского) этапа маклашеевской культуры характерен подкурганный обряд захоронения, он зафиксирован на Луговском курганном могильнике и реконструируется для Большеотарского I, Рождественского I и Тураевского II. На основании данных Луговского курганного мог. можно утверждать, что умерших хоронили под небольшими курганами диаметром 7–11 м и высотой насыпи 0,5–1 м, которые располагались на расстоянии 8–40 м друг от друга. Под курганной насыпью размещались одиночные погребения. На таком же расстоянии размещались одиночные погребения на могильниках с невыявленными курганными насыпями: Рождественском I могильнике и Тураевском II (от 7 до 22 м и более)[5]. Курганная насыпь не выявлена и у одиночного погр. 1 Большеотарского I могильника.

Судя по находкам на поверхности погребенной почвы под курганной насыпью фрагментов керамики и целых сосудов, погребения умерших людей сопровождались поминальными обрядами.

Поселения маклашеевского этапа маклашеевской культуры

К маклашеевскому этапу маклашеевской культуры, согласно уточненным данным, можно отнести 227 поселений (рис. 9) (Халиков, 1980, табл. Г; Соловьев, 2000; Овсянников, 2004, рис. 8: 1–12; Гарустович, Савельев, 2004, рис. 4: 3, 4, 7; 5: 2, 3; Морозов, 2004, рис. 1: 5, 6, 12; 2: 2; 4: 1–5, 8–10; Чижевский, 2007а, с. 97; Митряков и др., 2010, рис. 4: 1–5; Голдина, Черных, 2011 и др.). Все они являются селищами, городища отсутствуют; предположение А.Х. Халикова о финальнобронзовом времени строительства городища Казанка II не подтвердилось (Морозов, 2017, с. 26). Большая часть селищ располагалась на первой и второй надпойменных террасах (187), 13 – на дюнах в поймах рек, 27 – на высоких мысах коренного берега (Чижевский, 2007а, с. 97). Средние размеры поселений маклашеевского этапа составляют около 3 600 кв. м, самые маленькие стоянки имеют размеры 250 кв. м, самые большие – 15 000 кв. м, наибольшая часть памятников имеет размеры от 1 200 до 6 000 кв. м.

В 59 случаях маклашеевские поселения продолжают функционировать на месте атабаевских стоянок (Халиков, 1980, с. 11; с дополнениями). Этот факт лишний раз подтверждает преемственность между атабаевскими и маклашеевскими памятниками.

Все изученные поселения являются стационарными населенными пунктами с мощностью культурных слоев 0,4–1 м. Так же как и на предыдущем этапе, производственная специализация поселений не зафиксирована; на всех исследованных раскопами памятниках выявлены кости животных, заготовки костяных и каменных орудий, сплески меди, а иногда литейные формы. Обитатели маклашеевских поселений изготавливали все необходимое для жизни самостоятельно и полностью обеспечивали свое существование.

Стационарно, большей частью небольшими раскопами, исследовались 63 поселения. В результате наблюдений в ходе разведок и раскопок на поселениях зафиксированы котлованы жилых сооружений от одного до 12. На большей части исследованных памятников (18) имелось по 1–2 котлована, меньше изучено поселений (8), где зафиксировано 3–6 котлованов, лишь на трех па-

[5] Погребения взрослого человека (№ 45) и детского (№ 51) в Тураевском II могильнике были разделены расстоянием 3 м.

мятниках выявлено 9–12 жилищных котлованов. В тех случаях, когда это было возможно, удалось зафиксировать планировку поселений: как правило, котлованы построек размещались в два ряда, вытянутых вдоль береговой линии. Жилища размещались как вплотную друг к другу (Зуевоключевская, Мензелинская), так и на отдалении друг от друга от 2 и более метров (Дубовогривская II, Курган).

Согласно данным исследований на 29 поселениях отмечены котлованы 86 жилых сооружений, 54 из которых исследовались раскопами (рис. 10: 1–4). По сравнению с атабаевским этапом маклашеевской культуры сокращается количество типов построек, землянки полностью выходят из употребления, на долю сооружений с заглубленным полом (глубина котлована – 1–20 см) приходится 35,3% построек, к полуземлянкам (глубина котлована – 20–90 см) принадлежит 64,7%. Количество тамбурных переходов между жилищами по сравнению с атабаевским этапом резко уменьшается с 55,3 % до 17,6% случаев (Чижевский, 2007а, табл. 2). Часть построек содержит и атабаевскую, и маклашеевскую керамику: они могли использоваться и на раннем и позднем этапах культуры. А.Х. Халиков считал, что на маклашеевском этапе использовались, в основном, длинные постройки; среди них наиболее типичными являются жилища № 2 (16,5×6 м) Большеотарского I (Балымского) поселения, сооружения на Кокшайской IV стоянке (12×5 м), два котлована (12×4, 10×4 м) на пос. Курган и др. Форма котлованов подчетырехугольная. Так же как и на атбаевском этапе используется каркасно-столбовая конструкция сооружений. Очаги в виде открытого кострища на полу (как правило, 1–2) размещались по длинной осевой линии сооружения. В большей части кострищ встречены кухонные остатки.

Керамика маклашеевского этапа маклашеевской культуры (рис. 11; 12: 9–13) во многом отлична от керамического комплекса атабаевского этапа: посуда с плоским и уплощенным дном сменяется круглодонной керамикой на позднем этапе, налепной валик с острым краем или же косым срезом венчика уступает место безваликовой керамике, узкий воротничок, появившийся на атабаевском этапе, заменяется широким воротничком на маклашеевском.

Этот процесс был инициирован миграцией средневолжской культуры текстильной керамики (СКТК) с запада в Марийско-Казанское Поволжье в конце атабаевского этапа. Взаимодействие местного и пришлого населения привело к формированию нового маклашеевского стереотипа керамики, где полностью преобладали горшковидые формы сосудов с круглым дном, цилиндрической (до 68%), реже блоковидной, горловиной (до 32%), а в глиняном тесте присутствовали примеси раковины или песка и дресвы (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 32). Орнамент на сосудах маклашеевского этапа наносился на шейку (65–92%), реже на шейку и плечики (8–35%) (Халиков, 1980, с. 39). Украшение среза венчика косой насечкой или гребенкой более характерно для керамики, покрытой текстильным раппортом, чем для гладкостенной.

Влияние традиций СКТК на атабаевский керамический комплекс трудно переоценить: керамика СКТК украшена орнаментом небогато, помимо текстильного раппорта здесь присутствуют ямки, расположенные поясками по всей поверхности сосуда, и часто они являются единственным элементом декора. Иногда ямки обрамляются длинными горизонтальными и короткими поперечными линиями, а на шейке присутствует двойной горизонтальный зигзаг, окаймлённый горизонтальными линиями (Азаров, 2014, рис. 10: 1, 2). Под влиянием СКТК орнамент на маклашеевской керамике упрощается, ямки, расположенные на шейке сосуда группами от 2 до 5, превращаются в основной элемент декора. В отличие от небольших по размерам ямок раннего этапа на позднем этапе использовали крупные (диаметром 0,4 мм и больше) глубокие ямки, образующие на внутренней стороне сосуда характерные выпуклины.

Широко распространенный на атабаевском этапе маклашеевской культуры горизонтальный зигзаг, выполненный гребенчатым штампом или резными линиями (который мог быть однорядным и многорядным), на маклашеевской керамике становится парным, как на керамике СКТК, и также окаймляется горизонтальными линиями, под которыми обычно размещаются ямки. Более того, он становится одним из самых распространенных орнаментальных мотивов, иногда с дополнительными элементами (неглубокими овальными вдавлениями или насечками-ресничками).

Многие традиционные элементы орнамента и орнаментальные мотивы, присущие атабаевскому этапу, сохраняются (заштрихованные треугольники и четырехугольники, флажки, перекрещивающиеся отпечатки штампа, косая сетка, насечки-реснички), но также существенно упрощаются, часто превращаясь в оконтуренные резными линиями геометрические фигуры, заполненные насечками. Те элементы, которые ранее наносились исключительно гребенчатым штампом, зачастую выполняются резными линиями (50–96%), хотя и гребенчатый штамп по-прежнему используется (до 40% на отдельных памятниках), в ряде случаев применяется шнуровой штамп (до 8%) (Халиков, 1980, с. 39).

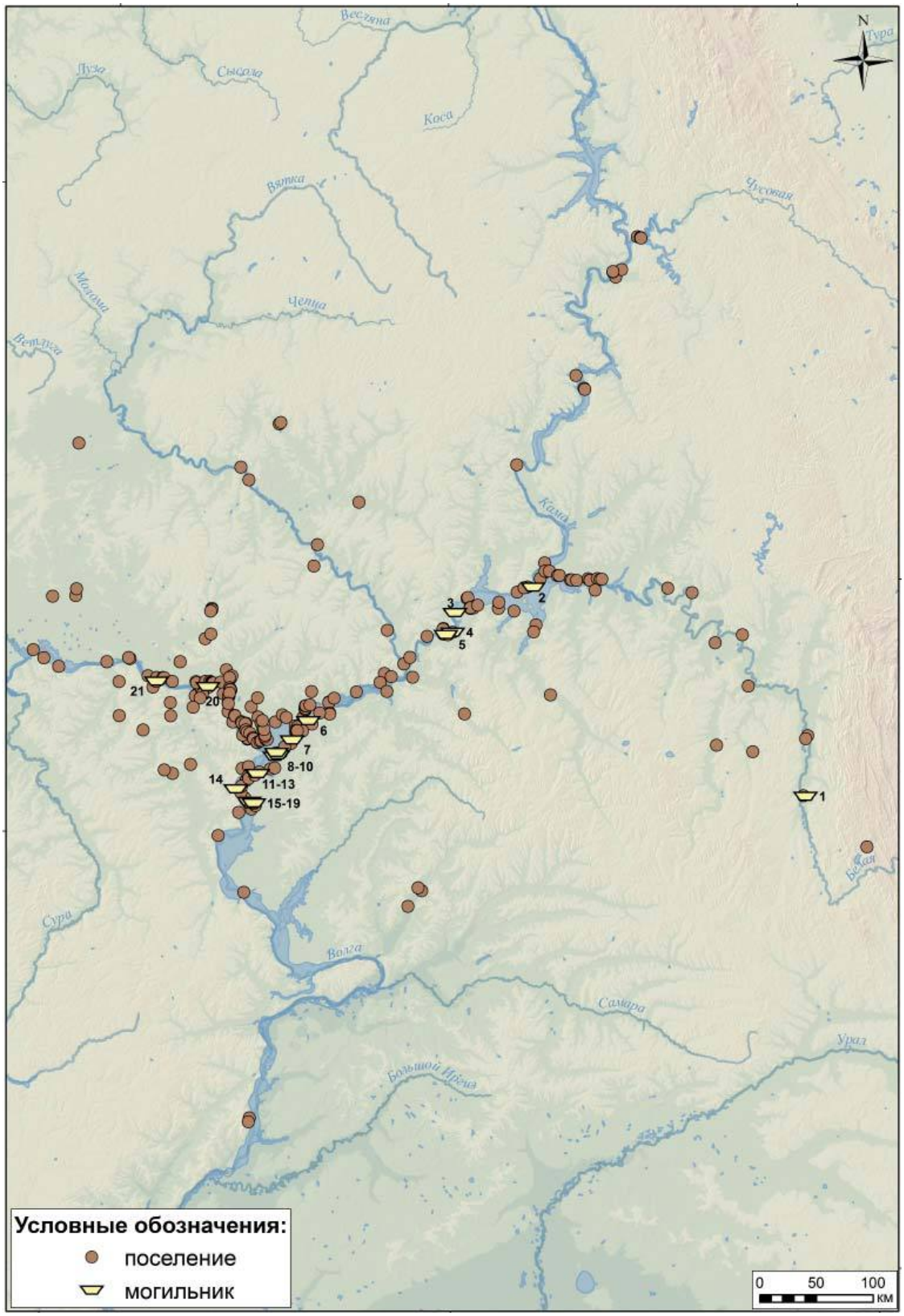


Рис. 9. Памятники маклашеевского этапа маклашеевской культуры

1 – Урнякский могильник; 2 – Дербешкинское погребение; 3 – Ильичевский могильник; 4 – Кумысский, могильник; 5 – Луговской курганный; 6 – Мурзихинский II могильник; 7 – Семеновский VI могильник; 8 – Новомордовский III могильник; 9 – Новомордовский V могильник; 10 – Новомордовский VIII могильник; 11 – Березовогривский II могильник; 12 – Девичий Городок IV могильник; 13 – Измерский VII могильник; 14 – Тетюшский могильник; 15 – Маклашеевский I могильник; 16 – Маклашеевский II могильник; 17 – Маклашеевский III могильник; 18 – Полянский I могильник; 19 – Полянский II могильник; 20 – Морквашинский могильник; 21 – Криушинский могильник

На многих сосудах маклашеевского этапа, особенно в западных районах маклашеевской культуры (до 42% на волжских памятниках), присутствует текстильный раппорт на поверхности сосудов. Его появление, так же как и другие изменения керамики атабаевского этапа, связано с влиянием СКТК. Основанием отнесения керамики с текстильными отпечатками к маклашеевской культуре являются стратиграфические наблюдения, свидетельствующие о находках гладкой и текстильной керамики в одних и тех же поселенческих сооружениях и могильных ямах. Значимым аргументом в пользу этого положения является идентичность орнаментальных мотивов на керамике с гладкой и текстильной поверхностью, а также одинаковая форма этих сосудов на территории Марийско-Казанского Поволжья и приустьевого Прикамья (подробнее см. Чижевский, Лыганов, 2015, с. 75). Все эти факты свидетельствуют о бытовании у носителей маклашеевской культуры на ее позднем этапе двух традиций обработки поверхности сосудов.

Инициированное миграцией СКТК изменение керамического комплекса происходило в регионах Волго-Камья по-разному. Наибольшему влиянию подверглись традиции изготовления керамики Марийско-Казанского Поволжья, приустьевых районов Камы и прилегающих участков Волги. Значительно меньше изменилась керамика Нижнего и Среднего Прикамья, бассейнов Вятки и Белой. Архаичные атабаевские черты в декоре посуды здесь сохранялись вплоть до финала позднего бронзового века (Кузьминых, Чижевский, 2017, с. 23–24). В конце маклашеевского этапа наблюдается постепенное увеличение сосудов с блоковидными шейками, возрастание числа ямок в группах и, в дальнейшем, исчезновение самих этих групп, которые превращаются во фризы из равномерно размещенных по шейке сосудов ямок.

Несмотря на тот факт, что значительная часть поселений маклашеевского этапа относится к многослойным памятникам, культурные слои которых сильно перемешаны, наличие хорошо изученных могильников позволяет уверенно выделять на поселениях индивидуальные находки, связанные с этим этапом.

На поселениях маклашеевского этапа выявлены изделия из камня, глины, цветного металла, кости.

Каменная индустрия на маклашеевском этапе переживает свой упадок, полностью исчезают из обихода крупные каменные орудия, преобладают мелкие, помимо изделий из кремня распространяются орудия из кварцита и окремнелого известняка.

На поселениях встречены скребки (рис. 13: 1, 6, 7–10, 26), выполненные на отщепах, с массивным полукруглым или на ¾ лезвием, концевые скребки на сколах, ножи на пластинах с двумя лезвиями и округлым концом, ножи-ложкари (рис. 13: 2, 4, 5), скобели, небольшие долотовидные орудия[6] (рис. 13: 11–13, 17, 24); заготовки наконечников стрел (рис. 13: 14–16, 18, 19, 22, 23) и наконечники стрел (рис. 13: 20, 21) трех типов: с узким иволистным пером, листовидные с усеченным основанием, вытянуторомбические наконечники с коротким основанием (Халиков, 1980, с. 41, 42).

Получают распространение каменные булавы, производство которых на памятниках позднего этапа маклашеевской культуры подтверждается находкой заготовок навершия из кварцита эллипсоидной формы со следами двустороннего сверления в виде двух конусовидных каналов на Тетюшской V и Кузькинской XVII стоянках (рис. 13: 27).

Так же как и на раннем этапе фиксируются массивные подтрапециевидной формы терочные плиты из сливного песчаника (Нижнемарьяновская III) и овальные или дисковидные терочники (Халиков, 1980, с. 42).

Глиняные пряслица, широко представленные на атабаевском этапе, на маклашеевском диагностируются плохо, это обусловлено смешанностью слоев на памятниках позднего этапа и их отсутствием в погребениях. По всей вероятности, линзовидные формы атабаевских пряслиц могли использоваться и на позднем этапе. По находкам на ряде памятников можно говорить также об использовании пряслиц шаровидной формы. Пряслица, выточенные из стенок сосудов, и керамические диски на позднем этапе маклашеевской культуры не используются.

Изделия из металла (меди и бронзы) представлены предметами вооружения, орудиями деревообработки, украшениями, предметами быта.

С поздним этапом традиционно связывают кельты с лобным ушком (12 экз.) (рис.14: 7–11, 13, 16) второй подгруппы (по А.Х. Халикову) из числа случайных находок в ареале маклашеевской культуры (Халиков, 1980, с. 47). В 90-е гг. XX в. – начале XXI в. эта гипотеза была подтверждена находками кельта с лобным ушком в погребении Мурзихинского II могильника (Кузьминых, Чижевский, 2009, рис. 6: 11) и литейной формой в маклашеевском жилище Гулюковской III стоянки. Они отличаются от кельтов с лобным ушком атабаевского времени оформлением фаски и размерами, приближающимся по соотношению длины и ширины орудий к кельтам раннего железного века. Маклашеевские кельты небольших размеров с симметричным клином и асимметричной

[6] Определения М.Ш. Галимовой по материалам Казанской стоянки.

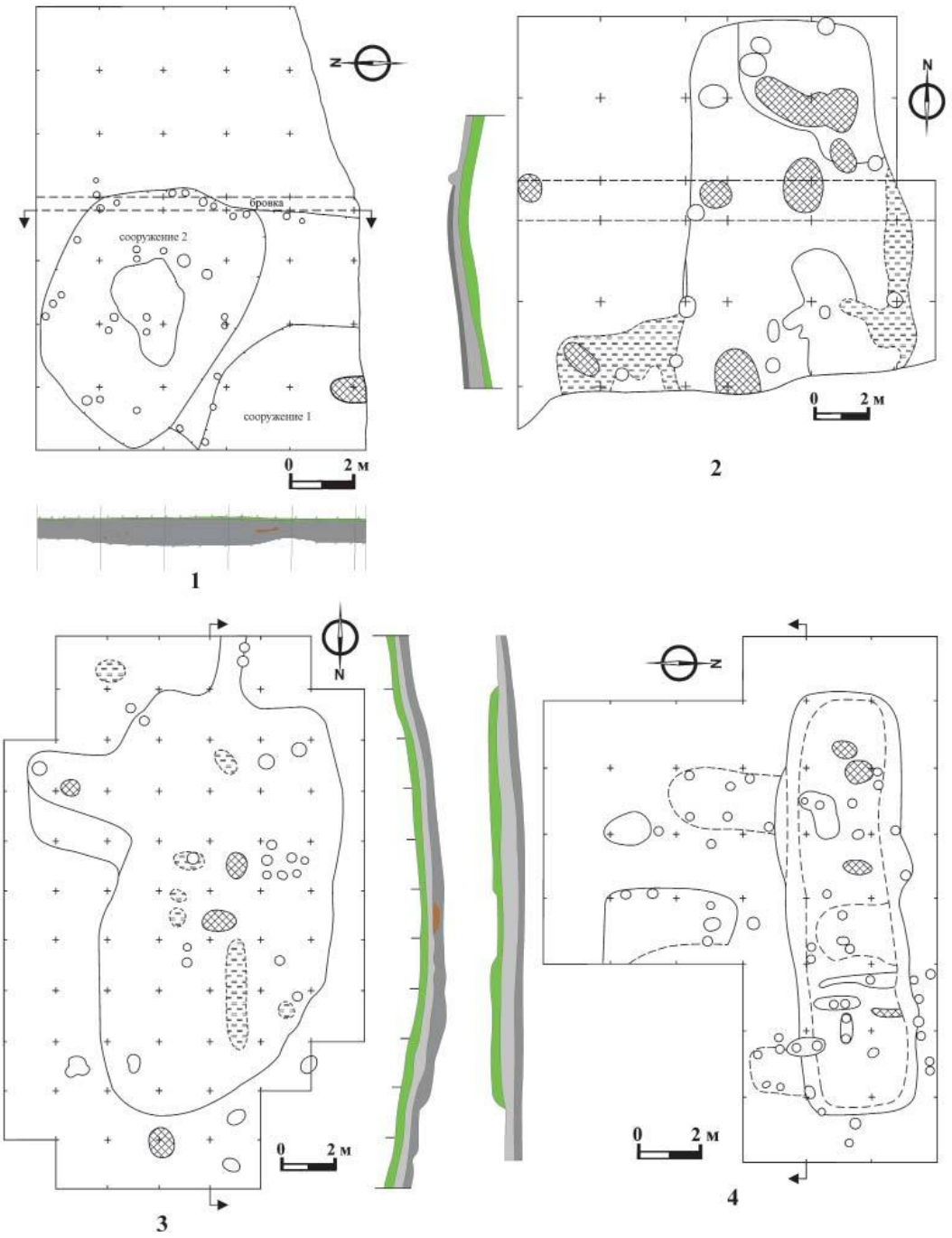


Рис. 10. Котлованы жилых сооружений на поселениях позднего (маклашеевского) этапа маклашеевской культуры
1 – Мензелинская I стоянка; 2 – Баркужерское IV поселение, по: Никитин, Соловьев, 2002; 3 – Дубовогривская II стоянка, жилище № 5, по: Габяшев, Старостин, 1978; 4 – Кокшайское IV поселение, по: Никитин, Соловьев, 2002

фаской; она может быть треугольной или трапециевидной формы; имеются экземпляры с невыраженной фаской; в верхней части фиксируется орнаментальный поясок из выпуклых валиков (от 1 и более). Фаска оконтуривается усами (тягами), продолжающимися до поперечных валиков или лобного ушка, которое размещается в верхней части кельта.

Находка в погребении позднего этапа маклашеевской культуры двуушкового кельта с петлями, расположенными ниже края втулки (Мурзихинский II мог., погр. 183) (Чижевский, 2002, рис. 1: 13), позволила связать с маклашеевским этапом случайную находку кельта такого типа из Девликеево (Халиков, 1980, табл. 43: 1).

С памятниками позднего этапа маклашеевской культуры связывают также еще два двуушковых кельта, найденных близ из пос. Малахай (Халиков, 1962, с. 100, табл. XIX: 6), и из коллекции Строгановых (Пермь?) (рис. 14: 27, 28), однако по форме

и химическому составу металла они отличаются от маклашеевских и являются импортными (Кузьминых, 1983, с. 156, табл. XXXIII: 5).

С территории распространения позднего этапа маклашеевской культуры происходит 11 экземпляров бронзовых наконечников копий из случайных сборов и выявленных в результате раскопок на поселениях. Выделяется два типа:

I тип – наконечники копий со сплошным пером и отверстием для крепления близ устья втулки (рис. 14: 17, 19, 24). У них узкое перо (0,16–0,29), что сильно отличает их от атабаевских экземпляров. Они настолько узкие, что форма пера некоторых наконечников напоминает очертания маклашеевских двулезвийных ножей с прямыми лезвиями. Длина втулки очень вариабельна 0,1–0,62. По форме пера выделяются два подтипа: I.1 – экземпляры с лавролистным пером, у которых наибольшее расширение пера приходится на середину или около середины (0,44–0,54) (Грязнуха, б. Лаишевский уезд, Черки-Кильдуразы, Яльчики); I.2 – наконечники копий с листовидным пером, у которых наибольшее расширение пера приходится на нижнюю часть (0,84) (Ташкирмень).

II тип – наконечники копий с прорезными крыльями пера (шириной 0,38–0,52), на втулке сформовано отверстие для крепления древка (рис. 14: 22, 23). Втулка короткая, но значительно более длинная, чем у прорезных наконечников раннего (атабаевского) этапа – 0,29–0,45. Прорези на крыльях пера в целом меньше, чем на атабаевских копьях (0,23–0,29) Все наконечники относятся к подтипу II.1 – с листовидным пером, наибольшее расширение которого приходится на нижнюю треть – 0,7–0,78 (Апастово, Большие Болгояры, б. Казанская губерния, Старые Курбаши, Сухая Река, Эбалаково).

В настоящее время на поселениях позднего этапа известен только один втульчатый бронзовый наконечник стрелы с пером листовидной формы – стоянка им. Касьянова (Васильев, Иванов, 1985, рис. 4: 4). Обстоятельства его находки, на глубине 1 штыка, свидетельствуют о сильной перемешанности культурного слоя, который авторами раскопок отнесен к раннему железному веку, однако аналогии на памятниках ОКВК, свидетельствуют о бытовании его в широких пределах финала бронзового – начала раннего железного веков.

На Зайчишминской I стоянке в культурном слое, связанном с поздним (маклашеевским) этапом маклашеевской культуры, в 2002 г. З.С. Рафиковой было найдено навершие бронзовой булавы сферической формы с четырьмя крестовидно расположенными округло-уплощенными выступами и сквозным отверстием для древка[7] (рис. 14: 21). Булава близкой формы, но со слепой втулкой и дополнительным выступом в верхней части, известна по находке, сделанной под Бирском в 1874 г. Набор предметов, который сопровождал эту булаву, состоял из узковислообушного топора, бронзового наконечника копья ананьинского типа, двух бронзовых блях с ушком и бронзового переходника для конской узды (Булычев, 1902, с. 13, табл. IV: 8–12; Халиков, 1977, с. 183, рис. 70: 3; Чижевский, 2013, с. 54, 55, рис. 20: 8–12). В этом наборе инородным является узковислообушный абашевский топор, присоединенный сюда, вероятно, случайно. Остальные предметы относится к раннему железному веку и, скорее всего, происходят из разрушенных погребений ананьинского могильника среднего периода АКИО (вторая четверть/вторая половина VII–V вв. до н.э.) (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 102). Форма булав из Зайчишминской I стоянки и из-под Бирска свидетельствует об их отличии: последняя изготовлена в более сложной технологии; возможно, это связано с ее иной хронологической позицией.

Украшения представлены: круглыми бляхами с «глухим» ушком и «пещеркой» на обороте (13 экз.), височным кольцом из тонкого прутка (1 экз.), гвоздевидной (1 экз.) и очковидной подвесками (1 экз.). На поселениях украшения исключительно редки, большая их часть происходит из могильников. Отдельного описания заслуживают очковидные подвески, так как они стали «визитной карточкой» маклашеевской культуры (рис. 16: 15, 21, 23, 24). Очковидные подвески изготовлялись из тонкого прутка, который скручивался в изделие в форме монокля, причем сами очковидные окончания закручивались вовнутрь, известны подвески с одним окончанием, а также с дополнительными украшениями в виде согнутой пластины или прутка. В единственном экземпляре присутствует гвоздевидная подвеска, зафиксированная на стоянке им. Касьянова (Иванов, 1977, рис. 2: 6; Васильев, Иванов, 1985, рис. 4: 6), аналогии в ирменских древностях позволяют относить её к маклашеевскому этапу.

К предметам быта относятся четырехгранные шилья (9 экз.) (рис. 16: 26, 28), аналогичные атабаевским, и ножи (рис. 14: 4). С поселений позднего этапа маклашеевской культуры из сборов на разрушаемых памятниках и раскопов происходит 16 плоских двулезвийных ножей, в основном с крутыми, хорошо выраженными плечиками. В отличие от ножей атабаевского этапа у них бо-

[7] Данная булава в статье (Кузьминых, Чижевский, 2009, рис. 6: 14) отнесена к находке на Малополянском пос. ошибочно.

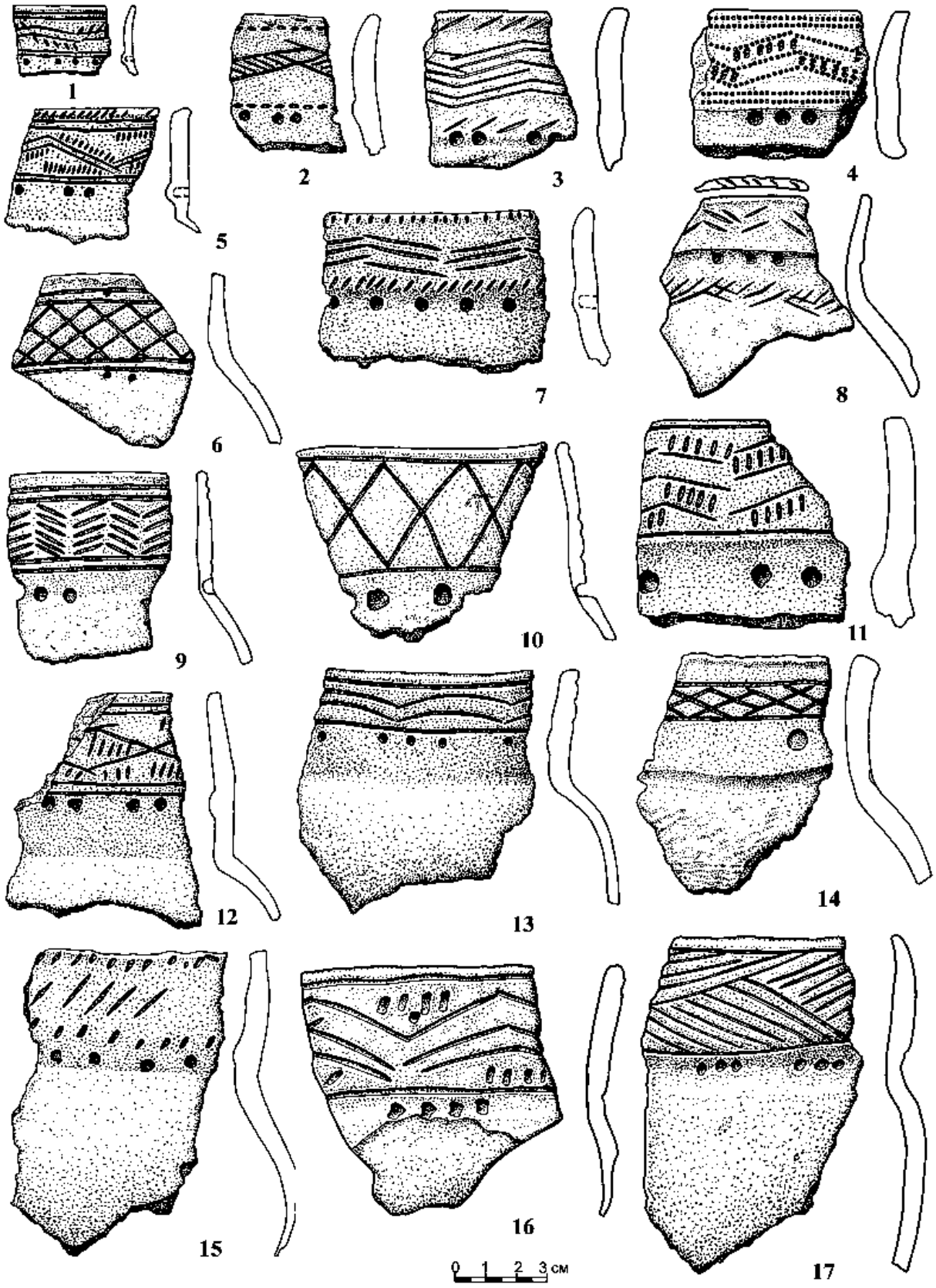


Рис. 11. Поселенческая керамика позднего (маклашеевского) этапа маклашеевской культуры

1, 5, 6, 11, 14 – стоянка Ивановский Бор X; 2, 7, 12, 13, 15 – Дубовогривская II стоянка; 3 – Кырнышская IV стоянка; 4 – Курманаковская IV стоянка; 8 – Казанская стоянка; 9, 10 – Березовогривская I стоянка; 16 – Березовогривская островная стоянка; 17 – поселение Курган

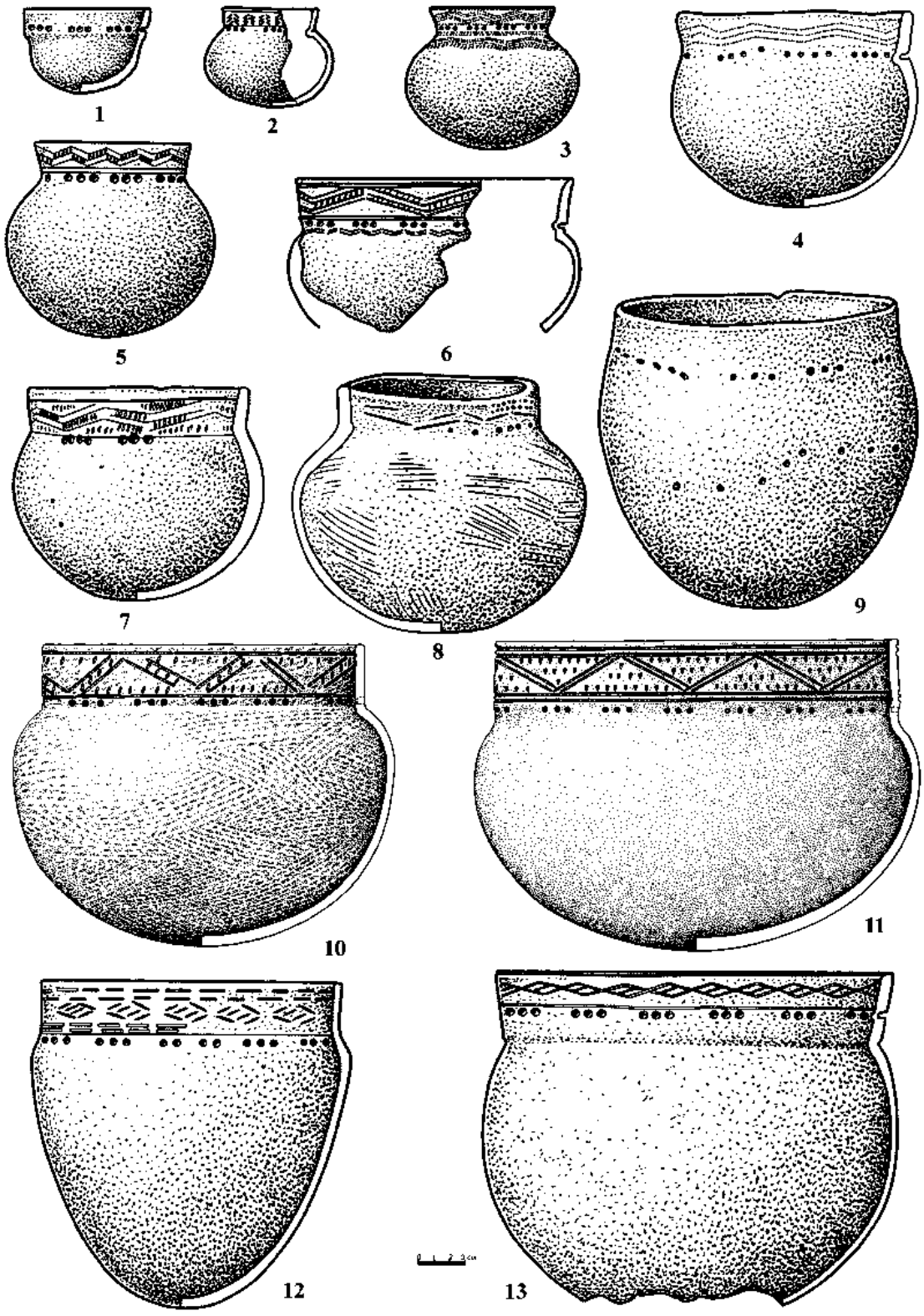


Рис. 12. Целые и реконструируемые формы керамики позднего (маклашеевского) этапа маклашеевской культуры

1 – Луговской курганный могильник, курган 2, погр. 2-1, по: Халиков, 1960; 2 – Тетюшский могильник, погр. 140, по: Халиков, 1977; 3 – Ильичевский могильник, подъемный материал, по: Марков, 1988; 4 – Кумысский могильник, погр. 3, по: Халиков, 1969; 5 – Ильичевский могильник, погр. 3, по: Марков, 1988; 6 – Луговской курганный могильник, курган 2, насыпь, по: Халиков, 1960; 7 – Маклашеевский II могильник, погр. 1 (С), по: Худяков, 1930; 8 – Кумысский могильник, погр. 4, по: Халиков, 1969; 9 – Карташихинская I стоянка, по: Халиков, 1969; 10, 11 – стоянка Ивановский Бор X; 12 – селище Отарка, по Збруевой, 1952; 13 – Свиногорское II селище, по: Халиков, 1960

лее широкие рукояти (0,38–0,82) и узкий клинок (0,18–0,31); наибольшее расширение клинка приближается к плечикам (0,01–0,12). Выделяется два типа: 1) с крутыми хорошо выраженными плечиками и прямыми лезвиями – 14 экз. и 2) с покатыми плечиками и эллипсовидными лезвиями – 2 экз. Второй тип ножей несет в себе пережиточные черты атабаевского этапа и использовался очень редко.

Достоверные находки орудий рыболовства на поселениях позднего этапа неизвестны, однако, судя по обнаруженным в ряде маклашеевских погребений (Луговской курганный м-к, кург. 4, погр. 1) бронзовым крючкам (рис. 16: 16) и гарпуну из кости (Маклашеевский II мог., погр. 5), такие орудия использовались.

На позднем этапе маклашеевской культуры в условиях продолжающегося похолодания и увлажненности, занятие земледелием требовало больших трудозатрат, вероятно, оно сохранялось на минимальном уровне (Алешинская и др., 2009, с. 140; Чижевский, 2010, с. 29). Судя по исследованиям Гулюковской III стоянки, на позднем этапе маклашеевской культуры происходит существенное увеличение стада домашнего скота, причем животных часто содержали в жилищах, по всей вероятности, в зимний период. В составе стада по-прежнему доминирует крупный рогатый скот – 57,7%, доля лошади существенно возрастает – 27,6%, немного уменьшается доля мелкого рогатого скота – 13,9%, значительно падает роль свиньи – 0,4%.

С увеличением стада домашнего скота падает роль охоты (0,4%) и рыболовства (единичные кости).

Как и на раннем этапе, на поселениях фиксируются многочисленные следы металлообработки (сплески, ошлаковка, куски медной руды, чашевидные тигли, ложковидные льячки, литейные формы. Специализированные производственные объекты не выявлены, все кузнечные и литейные операции осуществлялись в жилищах.

На поселениях изредка встречаются проколки, выполненные из грифельных костей лошади, орудия кожевенного производства (шилья? и скребки?) и подвески из трубчатых костей зайца, по которым трудно определить уровень развития косторезного производства (Збруева, 1959, с. 53, 54, рис. 4; Халиков, 1980, табл. 55: 2, 3).

Могильники позднего (маклашеевского) этапа маклашеевской культуры.

Насчитывается 20 могильников позднего этапа, которые территориально можно разделить на две группы (рис. 9). К первой – юго-западной, которая располагается в устье Камы и на участке Волги от г. Казани до границы с Ульяновской областью, относятся: Березовогривский II, Девичий Городок IV, Криушинский, Измерский VII, Маклашеевский I, Маклашеевский II, Маклашеевский III, Морквашинский, Новомордовский III, Новомордовский V, Новомордовский VIII, Мурзихинский II, Полянский I, Полянский II, Семеновский VI, Тетюшский могильники; ко второй – северо-восточной, которая располагается в Нижнем Прикамье, от границы с Республикой Башкортстан до г. Набережные Челны, принадлежат: Луговской курганный, Кумысский, Ильичевский могильники и Дербешкинское погребение. Урнякский могильник, который традиционно относят к курмантаусской культуре или к курмантаускому варианту маклашеевской культуры, находится на крайнем востоке ее территории, в среднем течении р. Белой.

Большая часть некрополей располагается на второй надпойменной террасе рр. Волги, Камы и их притоков, исключением выглядят наиболее поздние – Морквашинский и Тетюшский могильники, расположенные на высоких 3-й и 4-й террасах Волги, и Дербешкинское погребение, выявленное на останце высокой коренной террасы. Как правило, могильники занимают только верхнюю площадку террасы, не спускаясь на ее склоны.

Могильники дистанцируются от поселений, лишь Луговской курганный, который начал функционировать еще на раннем (атабаевском) этапе, размещался на окраине поселения. По всей вероятности, атабаевская традиция захоронения умерших непосредственно на территории поселения изжила себя на позднем этапе маклашеевской культуры.

Известно 233 погребения маклашеевского этапа, у 136 удалось зафиксировать очертания могильных ям. Могильные ямы подразделяются на три типа. Тип I – ямы овальной (35), полуовальной (16) и подпрямоугольной (67) формы с соотношением длины и ширины от 1,4:1 до 3,4:1 (рис. 17: 3). К ним относится наибольшее (89%) количество погребений. По поперечному сечению профиля выделено четыре варианта могильных ям (без дополнительных элементов, с одной ступенькой, с двумя заплечиками, с заплечиками по периметру или же по трем стенкам). Тип II – широкие и короткие ямы круглой и подчетырехугольной формы (5% погребений). Отношение длины и ширины у них составляет 1,3 : 1 и меньше (рис. 17: 4). Тип III – узкие ямы-траншеи подпрямоугольной и овальной формы без заплечиков (6% погребений), длина их превышает ширину как минимум в 3,5 раза и более (рис. 17: 1).

Дополнительные элементы конструкции выявлены лишь в погр.4 Кумысского могильника, когда над могильной ямой было зафиксировано

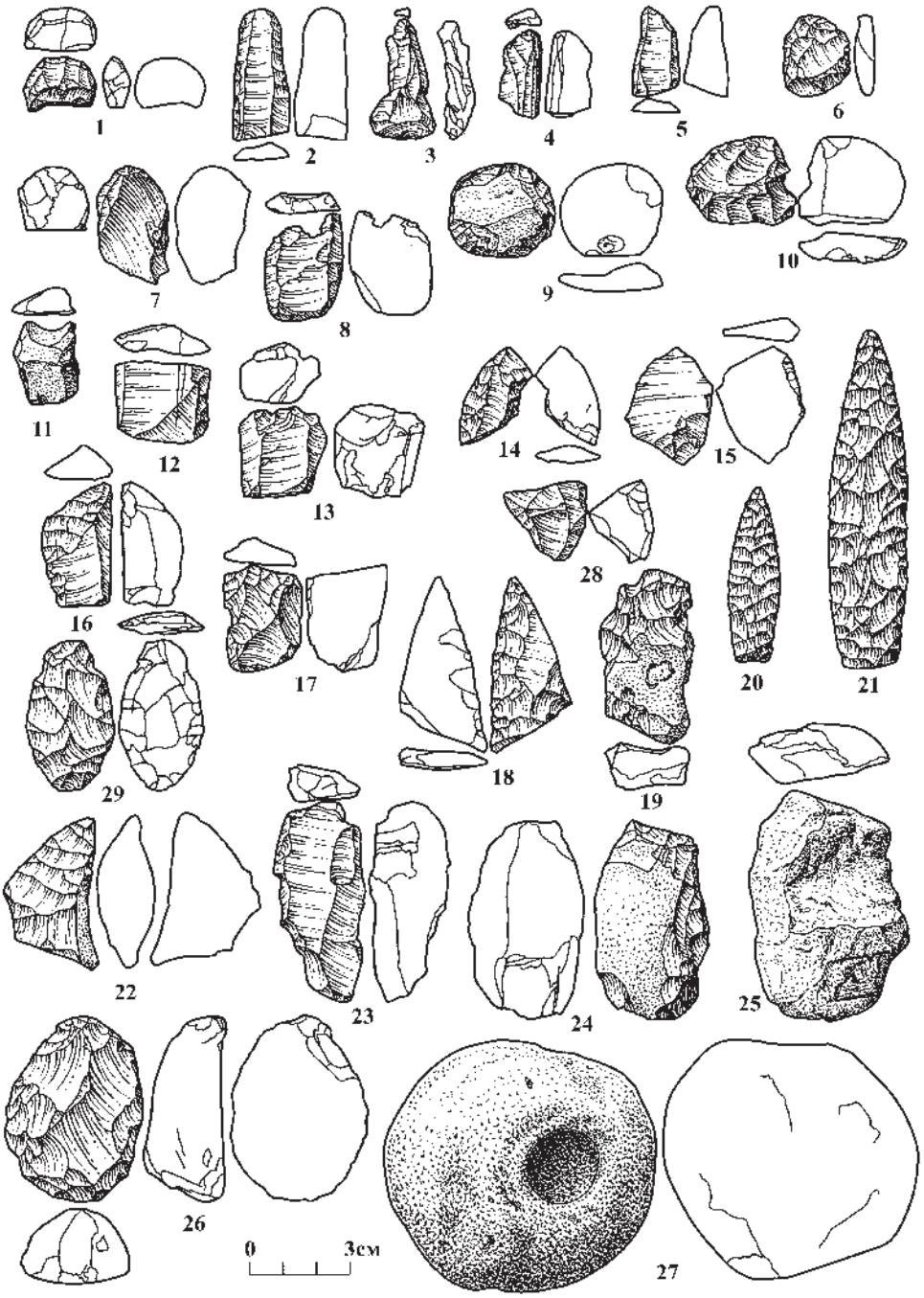


Рис. 13. Каменный инвентарь и глиняные изделия позднего (маклашеевского) этапа маклашеевской культуры
1–19, 22–26, 28, 29 – Казанская стоянка; 20, 21 – Маклашеевский II могильник, погр. 1 (С); 27 – Кузькинская XVII стоянка. 1, 6, 7–10, 26 – скребки; 2, 4, 5 – ложкари; 11–13, 17, 24 – долота; 14–16, 18 – заготовки наконечников стрел (тонкие бифасы в средней стадии); 19, 22, 23 – заготовки наконечников стрел (бифасы в начальной стадии); 20, 21 – наконечники стрел; 27 – булава, по: Шипилов, 2019

перекрытие в виде наката из бревен, поддерживающихся деревянными столбами; известны также захоронения с отдельными камнями обкладки стенок (рис. 17: 5) (Генинг, Старостин, 1972, с. 99; Чижевский, 2008, с. 14, рис. 2: 4).

На некрополях позднего этапа маклашеевской культуры отмечены представители всех половозрастных групп. Однако из 225 скелетов удалось определить лишь 126 индивидуумов (47 мужчин, 45 женщин, 34 ребенка). Погребения совершались по обряду ингумации (трупоположения), и только в двух случаях после обжига могильной ямы произошла частичная кремация умерших (Чижевский, 2008, с. 15).

Вариантом обряда ингумации были вторичные погребения (в 9 случаях). Выделено два способа вторичного погребения: 1 – у умершего надрезали сухожилия на больших суставах и помещали в мо-

гилу с конечностями, сложенными в положении, обратном естественному (рис. 17: 2). Этот способ обращения с умершим не является собственно вторичным погребением, а только имитацией этого обряда. 2 – кости складывали кучкой с последовательностью, имитирующей расположение костей у целого скелета; вначале размещали позвонки и ребра, параллельно им выкладывали кости рук, тазовые кости укладывали ниже позвоночника и на них помещали кости ног, на верхнюю часть позвоночника устанавливали череп (Чижевский, 2008, с. 15). Таким образом, именно этот способ относится к вторичному погребению, когда тело умершего оставляли не погребенным в помещении или вне его, где и происходило разложение трупа до начала отделения сухожилий от костей, а затем извлекали кости, которые позднее помещали в могильную яму.

Большей частью захоронения позднего этапа маклашеевской культуры были одиночными (179), коллективные (24) и парные (22) встречаются реже, в одном случае отмечен кенотаф. Вторичные погребения не отличались от погребений, совершенных обычным способом, и также были одиночными (4), парными (1) и коллективными (1).

В парных погребениях могли хоронить мужчину и женщину, двух мужчин или взрослого и ребенка, в коллективных хоронили представителей всех половозрастных групп. Известны могильные ямы, в которых одноактные и двухактные (вторичные) погребения захоронены совместно (погр. 38 Мурзихинского II мог.).

Поза погребенных прослежена в 294 случаях, преобладают вытянутые на спине погребения (288), лишь в 6 случаях погребенные лежали на боку вытянуто или с немного согнутыми ногами.

Кости руки погребенных, лежавших на боку, размещались в области таза, положение рук у погребенных, лежащих на спине, удалось зафиксировать в 159 случаях. Преобладают вытянутые вдоль тела руки (89), но встречаются также случаи, когда одна или обе руки помещались на тазовых костях (60).

Ориентировка установлена для 224 погребений. Как и на раннем этапе маклашеевской культуры, она неустойчива: головой на запад было ориентировано 27 погребенных, северо-запад – 24, север – 12, северо-восток – 26, восток – 5, юго-восток – 19, юг – 22, юго-запад – 89. В четырех случаях зафиксированы погребенные с разнонаправленной ориентировкой. Речная ориентация также не характерна: 3% погребений расположены параллельно реке, 44% головой к реке, 52% ногами, и в 2% погребений (коллективные) ориентировки были разнонаправленными.

Почти в 60% погребений позднего (маклашеевского) этапа маклашеевской культуры присутствовал инвентарь, зафиксировано 36 категорий вещей, из которых 30 встречены по два и более раз.

Чаще всего в могильниках позднего этапа встречаются украшения, которые обнаружены в 24% погребений. Височные кольца, медные или серебряные, были найдены в 36 погребениях. Они размещались в области черепа парами или по одному. Височные подвески отмечены в 23 погребениях. Чаще всего это были очковидные (рис. 16: 21–24) или спиралевидные подвески (рис. 16: 7, 14). Они также фиксируются в районе черепа парами, либо по одной. Нередко сочетание височных подвесок с серьгами, а в одном случае очковидная подвеска была закреплена на височном кольце (рис. 16: 17, 23). Все очковидные и большая часть спиральных подвесок изготовлены из меди, но известны случаи плакировки золотом спиральных подвесок.

Продолжением традиции раннего этапа маклашеевской культуры является височная подвеска из погр. 166 Мурзихинского II мог. (рис. 16, 20). Она представляет собой украшение, согнутое из медной пластины, сильно редуцированное по сравнению с атабаевскими образцами, утратившее присущую им желобчатость, но сохранившее характерную подтреугольную форму. К категории шейно-нагрудных украшений относятся составные украшения из 2–4 рядов медных обоймиц (пекторали), обнаруженные в четырех погребениях Мурзихинского II мог. (рис. 16: 3–5). К нагрудным украшениям относятся и плоские серповидные гривны из бронзы, выявленные в погр. 8 мог. Девичий Городок IV и среди подъемного материала на Мурзихинском II и Гулюковском[8] мог. (рис. 16: 32–34).

Находки ожерелий очень редки, они отмечены в четырех погребениях и представлены изделиями из стекла (погр. 3 Полянский II мог.), кости (погр. 11 Кумысский, погр. 3 Полянский II мог.) и медных пронизок (погр. 14 Девичий Городок, погр. 4 Маклашеевский II, погр. 17 Полянский II).

Бронзовые дротовые браслеты найдены в двух погребениях (погр. 35 Мурзихинский II, погр. 3 Березовогривский II мог.) (рис. 16: 19, 30, 31).

В 5% погребений найдены остатки головных уборов, состоящие из одиночных пронизок (2), блях (4) и обойм (1) (рис. 16: 2, 11–13). В одном случае выявлен налобный венчик (кург. 1, погр. 2 Маклашеевский III мог.), который состоял из четырех нашивных блях и круглых обоймиц – с обеих сторон черепа (рис. 16: 1). В состав головного

[8] Находка А.А. Шайхулахметова, 2016 г.

убора часто входили двух- и трехзвеньевые восьмерковидные накладки (рис. 16: 8–10).

В одном случае бляхи с ушком использовались для украшения верхней одежды (рис. 16: 25, 27, 29).

Немного реже, в 22% случаев, встречаются предметы культового назначения, среди которых следует отметить: угли, выявленные в 21 погр., чаще всего в засыпи захоронений; жертвенная пища, обнаруженная в 17 погр. (кости мелкого рогатого скота, лошади, половина двустворчатой раковины, кости птицы); черепа животных найдены в 10 погр. (бобер, лошадь, медведь, свинья); охра в виде отдельных вкраплений в засыпи могильных ям (2 погр.); белемнит (погр. 12 Маклашеевский II мог.) (Чижевский, 2008, с. 18).

К предметам быта и орудиям труда относятся: огнива (остатки трута и кремни), найденные в 16% (36) погребений; ножи бронзовые (рис. 14: 2, 3, 5, 6) и каменные, обнаруженные в 13 погребениях; реже (11 погр.) встречаются проколки (до 5 экз. при одном костяке) из кости, бронзы и железа (погр. 199 Мурзихинский II мог.); астрагалы (от 1 до 11 экз.), зафиксированные в 6 погребениях; тесла из камня и кости (2 погр.); орудия для ловли рыбы (медный крючок и костяной гарпун) (рис. 16: 16); терочники (1 погр.); оселки (1).

В могилах ножи помещали в районе пояса, проколки и тесла располагались у черепа, сюда же клали и орудия рыболовства.

Глиняная посуда обнаружена в 13% погребений. Это круглодонные сосуды с гладкой, иногда покрытой текстильным раппортом поверхностью, с цилиндрической, реже блоковидной горловиной, орнаментированной ямками, расположенными группами от 2 до 5, оттисками гребенчатого штампа и резными линиями. Целые формы найдены в 23 погребениях (рис. 12: 1–8). Во всех случаях погребенные сопровождались одним сосудом, который размещался в изголовье (15), либо в ногах (6), реже у поясницы (3). Фрагменты керамики найдены в 7 погребениях в засыпи могильных ям.

Предметы вооружения представлены в 4% могильных ям. Среди них – 1) наконечники стрел из кости, выявлены в двух погребениях (погр. Е Маклашеевский I, погр. 1 Маклашеевский II мог.), и бронзы (п.м. Мурзихинский II мог.) (рис. 16: 1); 2) наконечники копий из камня и бронзы, выявлены в пяти погребениях, среди бронзовых наконечников копий присутствуют экземпляры со сплошным пером (тип. I.1) (рис. 16: 18) и с прорезным (тип II.1) (рис. 16: 12); 3) булавы каменные эллипсоидной и грушевидной формы, зафиксированы в двух погребениях (погр. 228, 230 Мурзихинский II мог.) (рис. 16: 20, 25); 4) кельты бронзовые – двуушковый с петлями, расположенными ниже края втулки (погр. 183 Мурзихинский II мог.) (рис. 16: 26), и с лобным ушком (погр. 228 Мурзихинский II мог.) (рис. 16: 14). Предметы вооружения располагались следующим образом: в изголовье размещались копья (3), иногда кельты (1), в районе пояса отмечены стрелы (2), копья (2), кельты (1) и булавы (2).

Конское снаряжение отмечено в шести погребениях (2,6%). Оно представлено стержневыми трехдырчатыми псалиями из рога с отверстиями разной величины, в одном погребении могло быть от одного до трех псалиев (рис. 15: 1–4, 8–11). Иногда псалии сопровождались дополнительными элементами упряжи: кольцами (рис. 15: 6, 7) и изделием из сверленой челночной кости лошади (рис. 15: 5).

В отличие от раннего (атабаевского) этапа в погребениях маклашеевского этапа удалось выявить специфику в половом распределении погребального инвентаря.

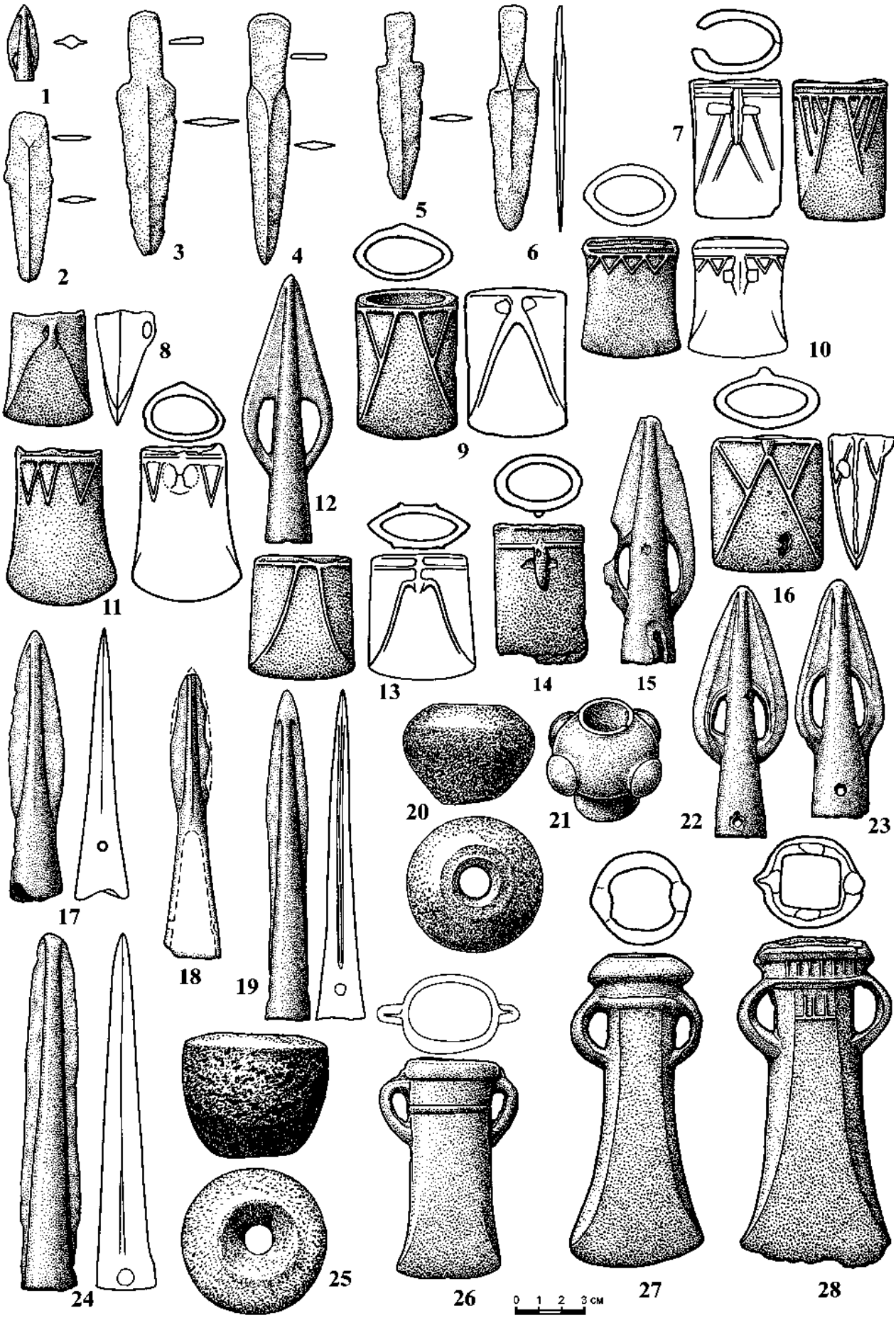
Сугубо мужским инвентарем были предметы вооружения, конская упряжь, а также орудия труда и бытовые вещи, лишь в мужских погребениях зафиксирована охра.

Исключительно женским инвентарем были некоторые виды украшений: бусы, браслеты, височные подвески; последние, однако, обнаружены и в засыпи могильных ям двух мужских погребений. Обе они зафиксированы в ногах погребенных и являются, вероятно, посмертным даром женщины умершему мужчине. К женскому инвентарю относятся также украшения одежды и головного убора. Сугубо женскими являются украшения типа наплечий – пекторали.

Смешанный инвентарь состоял из предметов быта, которые использовали при жизни и мужчины, и женщины (проколки и огнива), а также простых украшений (височные кольца). Значительную часть инвентаря, которая встречается во всех погребениях, составляет керамика и ритуальные предметы.

Погребальный инвентарь в детских погребениях не имел специфики и размещался по половому признаку.

Для позднего (маклашеевского) этапа маклашеевской культуры присущ как курганный, так и бескурганный (грунтовый) обряд захоронения. К курганным могильникам относятся: Луговской курганный, Маклашеевские I–III, Новомордовские III, V, Полянский I, причем на Луговском курганном отмечены также погребения атабаевского этапа. К грунтовым могильникам принадлежат: Березовогривский II, Девичий Городок IV, Дербешкинское погребение, Ильичевский, Мурзихинский II, Новомордовский VIII, Морквашинский, Полянский II, Семеновский VI, Тетюшский,


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
0 1 2 3 см

Урнякский. К бескурганным относились, вероятно, и разрушенные могильники на Криушинской и Ананьинской дюнах.

Следует отметить специфику грунтового Кумысского могильника, на котором выявлен одиночный курган.

Среди маклашеевских курганных некрополей выделяются две группы: могильники с длинными курганами и с небольшими круглыми курганами.

Однако собственно к позднему этапу можно отнести только могильники первой группы – с длинными курганами, наиболее известным примером такого кургана является длинный курган из Маклашеевского II могильника, который имел длину 35 м, ширину 8 м, высоту 0,2 м.

Погребения второй группы – с небольшими круглыми курганами, впускались в курганные насыпи предшествующего времени (луговской культуры, атабаевского этапа маклашеевской культуры), причем этот обычай – введения погребений в уже существующие курганы проявляется и в юго-западной, и в северо-восточной группе, поэтому можно считать это явление присущим для маклашеевской культуры в целом.

Над грунтовыми погребениями присутствовали намогильные сооружения, о чем свидетельствуют следы столбовых ям над ними и редкие случаи разрушения ранних погребений поздними (3).

Под насыпями длинных курганов и в межмогильном пространстве грунтовых могильников встречены следы кострищ, фрагменты керамики и целые сосуды, кости и черепа животных, которые являются свидетельствами поминальных обрядов.

На позднем (маклашеевском) этапе маклашеевской культуры в междурядьях грунтовых могильников начинают устанавливать каменные изваяния (стелы). Известно 6 экз. таких стел, которые обнаружены на: Ильичевском, Измерском VII и Мурзихинском II могильниках, сочетающих погребения финала бронзового и начала раннего железного веков. В отличие от стел АКИО раннего железного века, они маленькие (длина 40–80 см), завершение верхней части – подпрямоугольное, переход от наземной части к клиновидному основанию не имеет выделенных плечиков, изображения отсутствуют.

Хронология раннего (атабаевского) этапа маклашеевской культуры базируется на аналогиях и стратиграфической позиции поселенческой керамики. Исследование поселенческих памятников финала бронзового века позволило на основании данных стратиграфии установить относительную хронологию атабаевского этапа маклашеевской культуры, которому предшествуют керамические комплексы луговской культуры (14 поселений) и перекрывают слои, содержащие керамику маклашеевского этапа (69 поселений) (Халиков, 1969; 1980, с. 9; Габяшев и др., 1976).

Комплексы с керамикой атабаевского типа традиционно датируют XII–XI вв. до н. э. или XIII–XII вв. до н. э. (Халиков, 1967, с. 13, рис. 1; Колев, 2000, с. 251), однако в последние годы проявилась тенденция к удревнению атабаевского этапа вплоть до XIV–XIII вв. до н. э. (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 32).

Для датировки в системе абсолютной хронологии использовался сравнительно-типологический анализ с опорой на предметы-хроноиндикаторы. В качестве датирующих предметов привлекались металлические изделия: кельты – двуушковые «киммерийские» и с лобным ушком, втульчатые тесла-долота, желобчатые височные подвески.

Большая часть предметов относится к выделенной В.С. Бочкаревым V группе металлических изделий ПБВ Восточной Европы, куда входят кельты с двумя ушками, примыкающими к краю втулки – типы II.5.1, II.5.2 (по: Ушурелу, 2010, с. 35, рис. 8: 4–8, 10, 13), а также массивные кельты с лобным ушком и разноформатными фасками – варианты Лебедино и Крестище (по: Гершкович и др., 2013), и криволезвийные тесла-долота с валиком-ободком по венчику втулки (Бочкарев, 2017, с. 173, 174, рис. 10).

Время существования кельтов с двумя ушками, петли которых примыкают к краю втулки, определяется в промежутке между лобойковско-головуровскими и кардашинскими типами кельтов, то есть XIV–XIII вв. до н. э. (Гершкович и др., 2013, с. 191).

Рис. 14. Предметы вооружения позднего (маклашеевского) этапа маклашеевской культуры

1 – наконечник стрелы, Мурзихинский II могильник, п. м.; 2 – нож, Полянский II могильник, погр. 10а; 3 – нож, Новомордовский V могильник, п. м.; 4 – нож, Шалбинская II стоянка, п. м.; 5 – нож, Новомордовский VIII могильник, п. м.; 6 – нож, Мурзихинский II могильник, погр. 183, костяк IV; 7 – кельт, Старый Куйбышев, п. м.; 8 – кельт, д. Криуши, п. м.; 9 – кельт, г. Тетюши, п. м.; 10 – кельт, д. Малая Таяба, п. м.; 11 – кельт, д. Саузово, п. м.; 12 – наконечник копья, Мурзихинский II могильник, погр. 227, п. м.; 13 – кельт, д. Нижний Балтай, п. м.; 14 – кельт, Мурзихинский II могильник, погр. 228; 15 – кельт, Мурзихинский II могильник, п. м.; 16 – кельт, с. Ташкирмень, п. м.; 17 – наконечник копья, Мурзихинский II могильник, п. м.; 18 – наконечник копья, Мурзихинский II могильник, погр. 105; 19 – наконечник копья, с. Яльчики, п. м.; 20 – булава, Мурзихинский II могильник, погр. 230; 21 – булава, Зайчишминское I поселение, раскопки Рафиковой З.С.; 22 – наконечник копья, с. Апастово, п. м.; 23 – наконечник копья, с. Большие Болгояры, п. м.; 24 – наконечник копья, с. Ташкирмень, п. м.; 25 – булава, Мурзихинский II могильник, погр. 228; 26 – кельт, Мурзихинский II могильник, погр. 183; 27 – кельт, поселение Малахай; 28 – Пермь, коллекция Строгановых. 1–19, 21–24, 26–28 – бронза; 20, 25 – камень

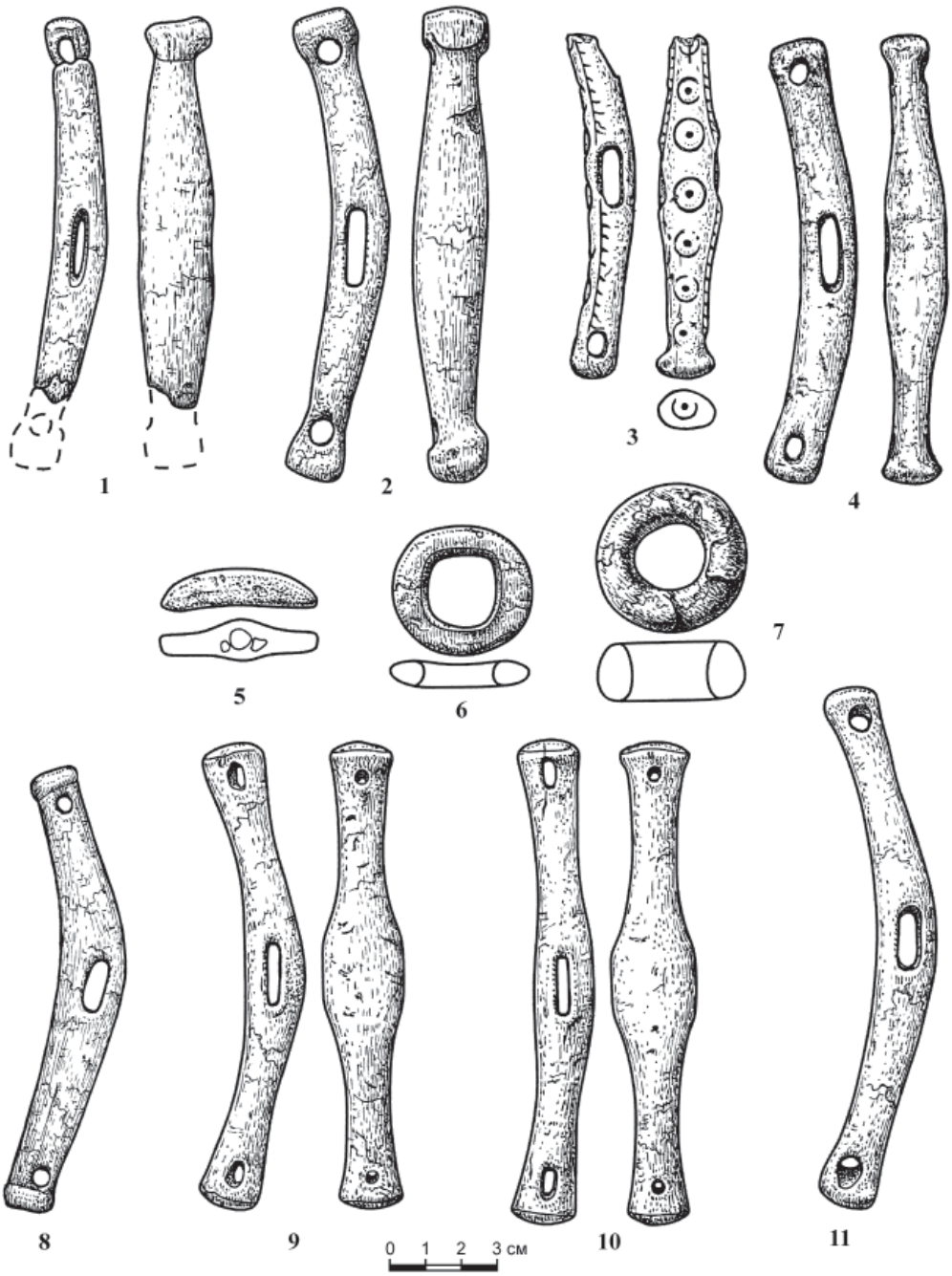


Рис. 15. Конская упряжь позднего (маклашеевского) этапа маклашеевской культуры (кость и рог)
1, 2 – псалии, Полянский II могильник, погр. 12; 3, 4 – псалии, Мурзихинский II могильник, погр. 173; 5–7 – элементы упряжи, Девичий Городок IV, погр. 16; 8 – псалий, Измерский VII могильник, погр. 15; 9, 10 – псалии, Девичий Городок IV, погр. 16; 11 – псалий, Маклашеевский II могильник, погр. 9 (6)

Втульчатые тесла-долота появляются в более раннее время, они известны еще в сейминско-турбинских комплексах (Матющенко, Синицына, 1988, рис. 38: 3), но без упрочняющего валика по устью втулки. Эта деталь появляется на кельтах в комплексах типа Дербеденевского клада (XVI/XV–XV/XIV вв. до н. э.), который соотносится с горизонтом андроноидных культур Волго-Камья (луговской, сусканской, черкаскульской) (Кузьминых, 1976, с. 60, прим. 58; Ушурелу, 2010, с. 54; Uşurelu, 2011, p. 50, n. 5; Бочкарев, 2017, с. 172, 173), но наибольшее распространение эти тесла-долота получают уже на атабаевском этапе маклашеевской культуры.

Аналогии втульчатым теслам-долотам и двуушковым кельтам типа II.5.1, II.5.2 присутствуют в материалах периода IB и частично IA северо-западного Причерноморья, где они датируются XIV–XIII вв. до н. э. (Дергачев, 2011, с. 249, 251, 253, 255, рис. 157: 8, 20, 92, 94, 99, 100).

Кельты с лобным ушком являются, по всей видимости, продукцией местного – волго-камского –

производства (Халиков, 1980, с. 45; Гершкович и др., 2013, с. 193), поэтому аналогии им вне Волго-Камья малочисленны. Тем не менее находки этих изделий совместно с двуушковыми кельтами, петли которых примыкают к краю втулки, в составе клада в Крестище (Гершкович и др., 2013, рис. 1, 3) и на размытом Лебединском могильнике (Халиков, 1969, рис. 57: 7–9) позволяют распространить время бытования двуушковых кельтов данного типа на массивные кельты с лобным ушком.

Важное значение имеют материалы погр. 1 Балымского могильника, которое содержало в составе своего погребального инвентаря желобчатые височные подвески. В отличие от более ранних андроновских и абашевских подвесок, изготовленных из одинарной раскованной пластины, они сделаны из сложенной вдвое и раскованной пластины. Подобные украшения известны также на четырех поселениях, поэтому могут рассматриваться как типичные для атабаевского этапа маклашеевской культуры, и их датировка может объективно отражать время существования памятников этапа в целом.

К сожалению, круг аналогий подвескам балымского типа невелик, в настоящее время известна только одна подобная подвеска, она зафиксирована в Зауралье на поселении Оськино Болото пахомовской культуры (Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал., 2009, рис. 3). Следует отметить, что на данном поселении была выявлена и бляшка с вытянутой и загнутой внутрь петлей, аналогичная бляшке из погр. 1 Балымского могильника (Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал., 2009, рис. 3). Нижняя дата существования пахомовской культуры, XIV в. до н. э., не вызывает дискуссии, а вот оценки верхнего горизонта её существования у разных исследователей разнятся – от XIII в. до н. э. (Корочкова, 2009, с. 83) до XI в. до н. э. (Ткачев Ал.Ал., 2017, с. 14–15).

Таким образом, по совокупности датировок предметов-хроноиндикаторов время существования атабаевского этапа маклашеевской культуры определяется в границах XIV–XIII вв. до н. э., в рамках третьего периода развития Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции (Кузьминых, Дегтярева, 2006, с. 251–254; Агапов, Дегтярева, Кузьминых, 2012, с. 44).

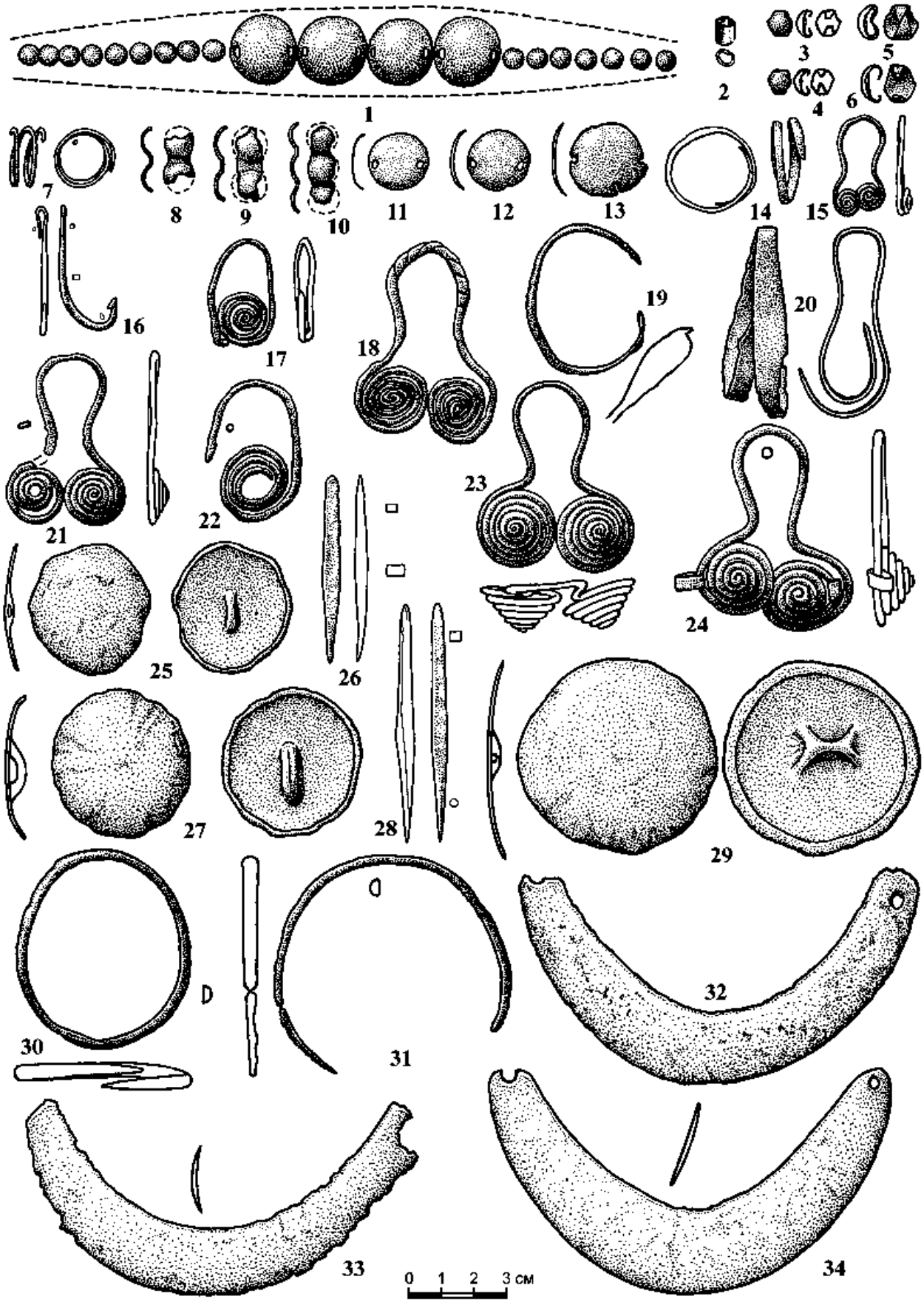
Хронология позднего (маклашеевского) этапа маклашеевской культуры основывается на стратиграфической позиции поселенческой керамики, аналогиях и ^{14}C датировках. Исследование поселений позднего этапа позволило установить относительную хронологию керамического комплекса маклашеевского этапа маклашеевской культуры. Керамика маклашеевского этапа располагается над слоями с керамикой атабаевского этапа (на 69 поселениях), а на ряде поселений (17) перекрывается керамикой раннего периода АКИО (Халиков, 1967, с. 26; 1977, с. 8; 1980, с. 9).

Керамические комплексы маклашеевского этапа приказанской культуры А.Х. Халиков относил к X–IX вв. до н. э. (Халиков, 1967, с. 10, 23; 1980, табл. 60). В.П. Денисов датировал первым и вторым этапами ерзовской культуры, в составе керамических коллекций которых содержится керамика маклашеевского этапа маклашеевской культуры – XII–X вв. до н. э. (Денисов, 1967, с. 39, рис. 2). В.А. Иванов с опорой на металлические изделия, выявленные на стоянке им. Касьянова, относил керамику типа курмантау к VII–VI вв. до н. э. (Иванов, 1976, с. 31; 1977, с, 98; 1982, с. 63; Васильев, Иванов, Обыденнов, 1985, с. 38), с этим мнением согласилась и Н.Л. Членова (Членова, 1981, с. 17).

В XXI в. в связи с общей тенденцией к удревнению культур позднего бронзового века изменились и датировки маклашеевского этапа и, соответственно, маклашеевского керамического комплекса, который стали относить к XI – 1 пол. IX вв. до н. э. (Чижевский, 2002, с. 35) и XII/XI – 1 пол. IX вв. до н. э. (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 32). Появившиеся в последние годы калиброванные даты позднего этапа позволили провести некоторую корректировку его хронологической позиции. Для позднего этапа маклашеевской культуры получены семь дат на ^{14}C, которые характеризуют время существования четырех памятников: 1 – Зуевоключевского I городища, по керамике получено две даты: SPb-658 2859±70 BP 1130–920 CalBC (68,2%) (слой № 6, раскоп XIV, 1975), SPb-1357 2950±100 BP 1288–1011 CalBC (68,2%) (слой 9, раскоп XX) (Митряков, Черных, 2017, с. 18, табл. 1); 2 – Мурзихинского II могильника, по кости получено две даты: погр. 112 – GIN-10043 3000±90 BP 1320–1116 CalBC (68,2%), погр. 126 – GIN-10045 2950±50 BP 1228–1076 CalBC (68,2%). Третья дата получена по керамике погр. 221 – SPb-762 2863±70 BP 1130–920 CalBC (68,2%); 3 – Гулюковской III стоянки, по углю ГИН-13569 2950±160 BP 1318±982 CalBC (68,3%) (Алешинская и др., 2008, с. 320); 4 – Курманаковской стоянки AMS ^{14}C дата по углю UOC-13395 2966±29 BP 1224–1125 CalBC 1σ (68%); 1274–1055 CalBC 2 σ (96%) (Лыганов, 2021, с. 41).

Судя по этим датам, время маклашеевских памятников в Нижнем Прикамье лежит между 1320–920 гг. до н. э., причем нижняя дата здесь выглядит сильно заниженной.

Для уточнения этой датировки в системе абсолютной хронологии использовался сравнительно-типологический анализ с опорой на предметы-хроноиндикаторы. В качестве датирующих


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
0 1 2 3 см

предметов привлекались металлические (кельты, двулезвийные ножи, наконечники копий, наконечники стрел, булава, очковидные и гвоздевидная подвески) и костяные изделия (псалии).

Часть предметов-хроноиндикаторов позднего этапа входит в VI новоалександровскую группу металлических изделий ПБВ Восточной Европы, выделенную В.С. Бочкаревым, это – двуушковые кельты с трапециевидной фаской и петлями ушек, опущенными ниже края втулки (погр. 183 Мурзихинского II мог.), и черенковые двулезвийные ножи с хорошо выраженными плечиками. По своей культурной принадлежности эта группа связана с белозерской культурой, однако отдельные находки встречены на поселениях кобяковской и др. культур (Бочкарев, 2017, с. 174, 175, рис. 11: 3, 6). Несмотря на некоторое своеобразие маклашеевских двуушковых кельтов и ножей, они весьма уверенно соотносятся с белозерскими типами изделий и датируются XII–X вв. до н. э. (Бочкарев, 2008, с. 247, 248).

На памятниках позднего этапа широко представлены кельты с лобным ушком второй подгруппы по А.Х. Халикову (12 экз., 1 литейная форма на поселении, находка в погр. 228 Мурзихинского II мог.), что указывает на их местное производство, соответственно, аналогии им вне маклашеевской культуры единичны. Одной из немногочисленных аналогий вне Волго-Камья является кельт из клада у станицы Упорной, состоящего из 12 предметов вооружения и украшений, которые позволяют его датировать в узких границах конца XII – начала XI вв. до н.э., либо в широких – XIII – конца XI вв. до н.э. (Аптекарев, Козенкова, 1986, с. 133, рис. 2: 4; Козенкова, 1995, с. 35). О его волго-камском происхождении может свидетельствовать химический состав металла, который соответствует характеристикам химико-металлургической группы ВК (волго-камская), присущей предметам маклашеевского этапа маклашеевской культуры (Черных, Кузьминых, 1986, с. 136).

Не менее многочисленны бронзовые наконечники копий, однако большая их часть найдена случайно на разрушаемых памятниках и лишь четыре наконечника встречены в составе закрытых комплексов (в погр. 1(С) Маклашеевского II, погр. 105, 227, 230 Мурзихинского II могильников.).

Наконечники со сплошным пером типа I.1 датируются XII–X вв. до н. э. по кладу у с. Дремайловка, где выявлен наконечник копья близкой формы (Бочкарев, 2008, рис. 4: 5), или же XIII – концом XI вв. до н. э. по кладу у станицы Упорной (Аптекарев, Козенкова, 1986, с. 133, рис. 1: 2; 3: 1; Козенкова, 1995, с. 35). Наконечник типа I.2 из Ташкирмени близок к наконечникам копий красномаяцкого типа (Бочкарев, 2010, рис. 6: 1–10; 2017, рис. 10: 9), но по сравнению с ними имеет более редуцированную форму, с пером примерно одинаковой величины по всей длине клинка, соответственно, и время его существования должно лежать в более поздних хронологических пределах времени существования VI группы металлических изделий ПБВ.

Датировка наконечников копий с прорезным пером типа II.1 опирается на уже упоминавшийся клад у станицы Упорной – XIII – конец XI вв. до н. э. (Аптекарев, Козенкова, 1986, с. 133, рис. 1: 1; 3: 2; Козенкова, 1995, с. 35), однако большая часть аналогий относится к VI и VII группам металлических изделий ПБВ, датируемым XII – рубежом X–IX вв. до н. э. (Бочкарев, 2008, с. 247; 2017, с. 177, табл. 1Г: 86).

В настоящее время известно два наконечника стрел, выявленных на стоянке им. Касьянова и Мурзихинском II мог.

Массивный втульчатый с листовидным пером двулопастной наконечник стрелы из раскопок на стоянке им. Касьянова – тип С-4 (по Кузьминых, 1983, с. 104), имеет аналогии на памятниках общности культур валиковой керамики (ОКВК) степной зоны Западной Сибири, Северного Казахстана и юга Урала (тип VIII по Аванесовой, 1991), где датируется согласно традиционным представлениям XII–IX вв. до н. э. (Аванесова, 1991, с. 42, 92, рис. 7: 11, 12). Современные датировки ОКВК в связи с распространением калиброванных дат ^{14}С были скорректированы в сторону большего удревнения времени её существования. Согласно этим данным, появление саргаринско-алексеевской культуры зафиксировано в Туркменистане в XIV–XIII вв. до н. э. (Щетенко, 2000, с. 263), а «ва-

Рис. 16. Украшения, бытовые предметы и рыболовные принадлежности позднего (маклашеевского) этапа маклашеевской культуры (бронза и медь)

1 – Маклашеевский III могильник, курган 1, погр. 2; 2, 14 – Новомордовский V могильник, п. м.; 3–6, 11–13, 15 – Мурзихинский II могильник, погр. 169; 7 – Полянский II могильник, погр. 12; 8, 10 – Полянский II могильник, погр. 3; 9 – Мурзихинский II могильник, погр. 191; 16 – Луговской курганный могильник, курган 4, погр. 1; 17 – Мурзихинский II могильник, погр. 178; 18 – Новомордовский V могильник, погр. 7; 19, 31 – Мурзихинский II могильник, п. м.; 20 – Мурзихинский II могильник, погр. 166; 21 – Мурзихинский II могильник, погр. 171; 22 – Новомордовский V могильник, погр. 7?; 23 – Мурзихинский II могильник, погр. 188; 24 – Полянский I могильник, раскопки Н.П. Лихачева; 25, 27, 29 – Мурзихинский II могильник, погр. 35; 26 – Девичий Городок IV, п. м.; 28 – устье р. Брыски, п. м.; 30 – Новомордовский VIII могильник, п. м.; 32 – Гулюковская I стоянка, п. м.; 33 –Мурзихинский II могильник, п. м.; 34 – могильник Девичий Городок IV, погр. 8

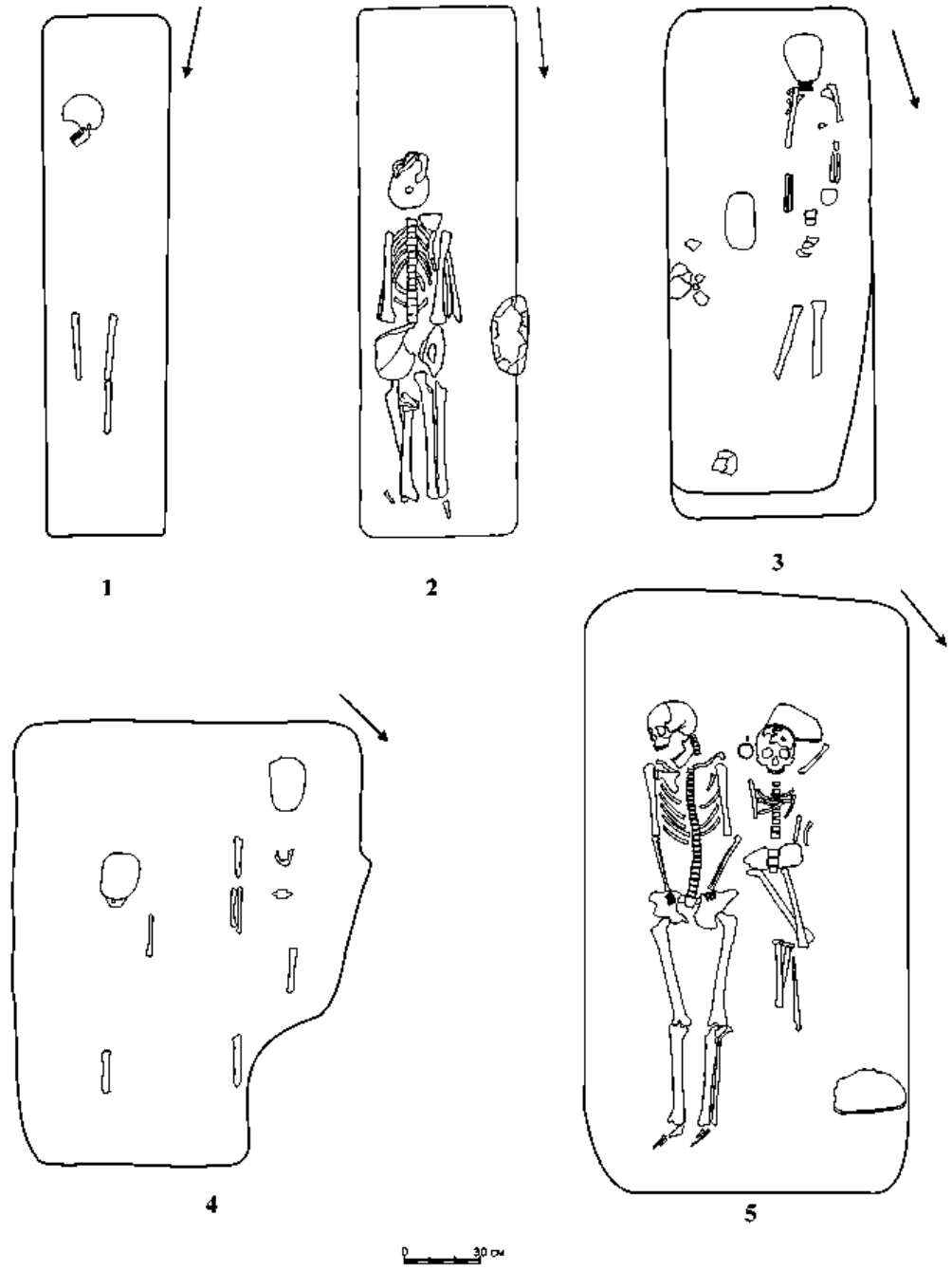


Рис. 17. Погребения позднего (маклашеевского) этапа маклашеевской культуры

1 – Мурзихинский II могильник, погр. 219; 2 – Мурзихинский II могильник, погр. 221; 3 – Мурзихинский II могильник, погр. 120; 4 – Мурзихинский II могильник, погр. 96; 5 – Луговской курганный могильник, курган 2, погр. 2

ликовые» древности Урала, отнесенные к первой, собственно «валиковой», фазе датированы 1380–1130 (1400–1050) гг. до н. э. (Епимахов, 2010, с. 47, рис. 4: 1; Молодин и др., 2014, с. 144). Таким образом, с учетом корректировки абсолютного возраста ОКВК, нижняя дата наконечника стрелы из стоянки им. Касьянова может быть удревнена, но насколько – вопрос остается открытым. Присутствие таких наконечников в колчанном наборе погр. 270 Тетюшского мог. в сочетании с наконечниками стрел новочеркасского типа позволяет отнести верхнюю дату существования данного типа наконечников к середине VIII – началу VII в. до н.э. (Патрушев, 2011, рис. 95: 6; Кузьминых, Чижевский, 2014, С. 108, рис. 11). Таким образом, время существования наконечников, подобных найденному на стоянке им. Касьянова, лежит в широких пределах от XIV/XIII до VIII – начала VII вв. до н.э. и относится к переходной эпохе финала бронзового – начала раннего железного веков.

Второй наконечник стрелы, небольших размеров с листовидным пером, в нижней части которо-

го намечены отверстия, и короткой, выступающей втулкой, происходит из сборов на Мурзихинском II мог. (Чижевский, 2002, с. 31, рис. 1: 4). Размеры втулки и очертания пера сближают данное изделие с наконечниками эпохи поздней бронзы степной зоны (Смирнов, 1961, с. 40, табл. I, А 12–15). Наконечники стрел близкой формы отмечены на памятниках ОКВК XIV–XI вв. до н. э. (тип IX по Аванесовой, 1991), отдельные экземпляры из них имеют отверстия на крыльях пера (Аванесова, 1991, с. 43, рис. 39: IX). Наконечники стрел с отверстиями в нижней части пера известны также на памятниках завьяловского типа в новосибирском Приобье, датируемых переходным временем от бронзового к железному веку (Косарев, 1987, рис. 118: 3).

Бронзовое навершие булавы из Зайчишминской I ст. не имеет полных аналогий. У нее четыре крестовидно расположенных округло-уплощенных шипа, сужающихся у корпуса, и сквозная втулка, выступающая на одну треть корпуса; в его нижней части присутствует узкий валик, такой же намечен в верхней части устья втулки.

Металлические навершия булав с шипами появляются в Закавказье, Северном Причерноморье и Нижнем Поволжье в первой половине – середине II тыс. до н.э. Однако большинство из них имеют слепую втулку с дополнительным шипом на верхней части (Мартиросян, 1964, табл. IX: 2; Лесков, 1967, с. 160, рис. 9: 14); к этим булавам близко и навершие из-под г. Бирска. Другая часть ранних металлических булав (Техов, 1980, табл. 81: 4; Памятники, 1993, табл. 2: 9) также сильно отличается от зайчишминской; по своему облику навершия этого типа близки к каменным крестовидным булавам первой четверти II тыс. до н. э. (Шилов, 1977, с. 91), и, несмотря на наличие сквозной втулки, имеют чрезвычайно массивные шипы.

Отличаются от зайчишминской шипами шаровидной формы и бронзовые булавы XIV–XII вв. до н.э. Центрального и Северного Кавказа, которые представлены навершиями со сквозной длинной выступающей втулкой (Уварова, 1900, рис. 212; 1900а, табл. XCVII: 2; Техов, 1977, с. 31, рис. 25: 13; 35: 2, 3; 1980, табл. 15, II: 2; 21, I: 13) или с внутренней втулкой, не выступающей из навершия булавы (Козенкова, 1995, табл. XXI: 6).

В XII–X вв. до н. э. на Центральном и Северном Кавказе и в Нижнем Подонье распространяются металлические булавы со сквозной втулкой и приостренными, иногда витыми шипами (Уварова, 1900, рис. 32; 1900а, табл. XCVII: 1; Техов, 1977, с. 112, рис. 90: 2, 3; 1980, табл. 47, II: 11; Ильюков, 1999, рис. 1: 1). В Предкавказье к булавам этого времени относят находку из фондов Краснодарского музея-заповедника, которая имеет уплощенно-приостренные шипы с сужением у корпуса и узкие валики в устьях слабо выступающей втулки навершия (Пьянков, Хачатурова, 2002, рис. 1).

Самыми поздними булавами со сквозной втулкой и шипами являются навершия булав из серебра (погр. 1, мог. Мебельная фабрика I; погр. 4 мог. Эчкивашский) и бронзы (булава-кистень, погр. 38, мог. Зандакский) (Виноградов и др., 1980, рис. 2: 9; 7: 18; Дударев, 1991, табл. 38: 17; Козенкова, 1995, табл. XXI: 8; Марковин, 2002, рис. 55: 1) с Северного Кавказа, датированные IX – началом VII вв. до н. э. (Виноградов и др., 1980, с. 198, 199; Махортых, 1992, с. 27; Дударев, 1999, с. 155); упоминаются также единичные изделия из Венгрии (Кеменцеи, 1986, рис. 49: 14), однако у всех этих булав отсутствует выступающая втулка и валики в устьях втулки.

Наиболее близкой, но не идентичной зайчишминскому навершию является бронзовая булава из фондов Краснодарского музея-заповедника, которая датируется XII–XI вв. до н. э. (Пьянков, Хачатурова, 2002, с. 6). Это наиболее вероятная дата существования булав такого типа, так как зайчишминская булава была найдена в слое стоянки вместе с керамикой позднего этапа маклашеевской культуры.

Очковидные подвески со спиральными, загнутыми вовнутрь окончаниями настолько типичны для финала маклашеевской культуры, что стали своеобразным символом маклашеевского этапа. Они встречены на всех могильниках маклашеевской культуры, кроме Кумысского и курганного Луговского (Чижевский, 2002, с. 33).

Наиболее близкой аналогией им являются очковидные подвески с зажимами позднего этапа (XI–IX вв. до н. э.) сосницкой культуры Поднепровья (Артеменко, 1987, с. 112, рис. 52: 15).

Своеобразным вариантом очковидных подвесок являются односпиральные подвески с загнутым вовнутрь концом. Известно 4 экз. данного типа украшений, происходящих с Криушинской ст. (Трубникова, 1960, рис. 30), из Мурзихинского II (погр. 35, 191) и Новомордовского V (погр. 7) мог. (Халиков, 1960, с. 50, табл. 54: 11, 12). Аналогии им присутствуют на памятниках сосницкой культуры XI–IX вв. до н. э. (Артеменко, 1987, с. 112).

В Западной Сибири односпиральные очковидные подвески распространены на памятниках ирменского этапа ирменской культуры (Матвеев, 1993, табл. 17: 12; Ковалевский, 2006, рис. 6: 12; Умеренкова, 2011, рис. 40: 1–4; 55: 27–29), который датирован XI–IX вв. до н. э. (Матвеев, 1986, с. 64).

Таким образом, очковидные двух- и односпиральные подвески позднего этапа маклашеевской

культуры датируются по аналогиям XI–IX вв. до н. э., а учитывая общую тенденцию к удревнению времени существования археологических культур финала бронзового века – XII–X вв. до н. э.

Значительный интерес для хронологии представляет находка гвоздевидной подвески на стоянке им. Касьянова, которая ранее по карасукским аналогиям была отнесена к раннему железному веку (Иванов, 1977, рис. 2: 6, табл. I). В настоящее время могильники, на основании материалов которых было сделано это предположение (Грязнов, 1956, рис. 7: 6, 7; 8: 9), отнесены к ирменскому этапу ирменской культуры (Членова, 1976, с. 81, рис. 3: 17; Матвеев, 1993, с. 88). На памятниках ирменского этапа зафиксированы многочисленные (около 160 экз.) гвоздевидные подвески, которые считаются специфически ирменским видом украшений (Умеренкова, 2011, с. 27, 28, 172, рис. 35: 1–9; 36: 2, 3; 37: 1–9; 38: 1–9), датируются памятники ирменского этапа XI–IX вв. до н. э. (Матвеев, 1986, с. 64; 1993, с. 127, 135, табл. 26: 10).

На позднем этапе существования маклашеевской культуры распространяются костяные (роговые) трехдырчатые псалии с разновеликими отверстиями (крупное овальное в центре, круглые, меньших размеров, на окончаниях стержня) субботовско-усатовского типа или же типа Дериивка по А.М. Лескову (Чижевский, 2002, с. 32, рис. 1: 8, 9; 2008, рис. 4: 4, 5; Подобед и др., 2017, с. 99–100, рис. 1: 1–10). В одном случае (погр. 173 Мурзихинский II мог.) псалий покрыт резным орнаментом в виде циркульных кружков на фронтальной стороне и концах, а по боковым сторонам, в промежутках между отверстиями, продольными линиями со свисающей с них бахромкой (Чижевский, 2008, рис. 4: 5). Рисунок с элементами циркульной орнаментации известен на стержневом псалии Субботовского городища (Тереножкин, 1961, с. 98, рис. 63: 2; Граков, 1977, с. 163, рис. 112; Гершкович, 2016, рис. С15: 2), а варианты псалиев без орнамента встречены в материалах Усатовского пос., погр. 1 кург. 5 мог. Подгорный, погр. 1 Майртупского 2 мог., погр. 15 Зандакского мог. и др. (Дударев, 1991а, табл. 3: 1, 2; Козенкова, 1982, табл. XX: 8; Тереножкин, 1961, рис. 63: 2; Вальчак и др., 1996, с. 30, 31, рис. 5; Гершкович, 2016, рис. С15: 1). Подробный разбор аналогий таким псалиям сделал Я.П. Гершкович, который отметил распространение данного типа псалиев от Подунавья до Притоболья, а к наиболее ранним псалиям отнес изделия с крупными отверстиями (Гершкович, 2016, с. 125).

Датировки, предложенные исследователями юга России для стержневых трехдырчатых псалиев, укладываются в пределы финала бронзового века: погр. 1 кург. 5 мог. Подгорный относят к белозерской культуре (сер. XII–X вв. до н. э.), Майрупское погр. датируют X в. до н. э. К XI–X вв. до н. э. отнес данный тип псалиев Н.Н. Чередниченко, а А.М. Лесков к белозерскому времени – сер. XII–X вв. до н. э. (Лесков, 1971, с. 85–86, рис. 4; Чередниченко, 1975, с. 79). К позднебелозерскому времени или к XII–X вв. до н. э. отнес маклашеевские псалии В.С. Бочкарев (2017, с. 177; 2008, с. 248), этой же точки зрения придерживаются и В.А. Подобед, А.Н. Усачук и В.В. Цимиданов (2017, с. 94).

Показанные выше датировки предметов-хроноиндикаторов позволяют вполне определенно относить поздний (маклашеевский) этап маклашеевской культуры к XII–X вв. до н. э.

Периодизация культуры.

В развитии маклашеевской культуры прослеживается два этапа: атабаевский – ранний и маклашеевский – поздний. Они выделены на основании изменения таких признаков, как погребальный обряд, форма и орнаментация керамики, морфология металлических изделий и т. п. (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 32).

Сложение маклашеевской культуры на атабаевском этапе связано с распадом луговской культуры – одной из самых западных культур «андроноидного» мира. Хотя в орнаменте керамики еще сильны луговские элементы, а сами сосуды имеют плоское или уплощенное дно, заметна трансформация, изживание андроноидных традиций. Судя по комплексам Балымского могильника, начало этого процесса относится к XIV–XIII вв. до н. э. С этого времени начинает активно функционировать маклашеевский очаг металлообработки – крупнейший в лесной полосе Восточной Европы в позднебронзовую эпоху (Кузьминых, Чижевский, 2018, с. 23).

Изменение керамического комплекса на следующем, маклашеевском, этапе (XII–X вв. до н. э.) обусловлено миграцией носителей СКТК с запада – из Нижегородско-Марийского Поволжья. Взаимодействие СКТК с носителями атабаевского керамического комплекса привело к оформлению классического стереотипа маклашеевской керамики: круглодонной, с цилиндрической или блоковидной горловиной, орнаментированной по шейке ямками, размещенными группами от двух до пяти, а также оттисками гребенчатого штампа и резными линиями.

Как уже отмечалось, наибольшему влиянию СКТК подверглись западные регионы маклашеевского ареала, восточные регионы во многом сохраняли свою специфику. Этот факт свидетельствует о том, что процесс культурогенеза шел в разных регионах Волго-Камья своим путем. Региональная специфика в маклашеевском керамиче-

ском комплексе позволяет рассматривать данное культурное образование как многокомпонентное, но имеющее, по всей вероятности, единую атабаевско-«текстильную» основу (Кузьминых, Чижевский, 2018, с. 23, 24).

На позднем этапе маклашеевской культуры появляются новые элементы материальной культуры, которые отражают зарождение новой эпохи – раннего железного века: это кельты с лобным ушком, но с пропорциями кельтов раннего железного века, близкие к ананьинским формы наконечников копий, массовое распространение вытянутых погребений, ильичевские стелы и т. д. Именно эти черты делают поздний этап маклашеевской культуры переходным от позднего бронзового века к раннему железному. Но наиболее ярким проявлением переходного характера финала бронзового века является появление на территории маклашеевской культуры железных изделий. Все они изготовлены вне пределов Волго-Камья и представлены мелкими орудиями труда (ножами и шильями).

Такие находки известны как по погребальным (погр. 199 Мурзихинского II мог.), так и поселенческим памятникам (соор. 1 Займищенской III ст., соор. Луговской I, соор. 3 Ерзовского пос. и др.). Аналогичная ситуация в это время складывается и в кобанской культуре периода Кобан II и является характерной для культур финала бронзового века Кавказа (подробнее: Чижевский, 2012, с. 384).

Локальные варианты маклашеевской культуры как на раннем, так и на позднем этапах, до конца не выделены. Некоторое своеобразие материальной культуры на отдельных территориях распространения маклашеевского этапа приказанской культуры отмечал А.Х. Халиков, а В.Ф. Генинг считал возможным рассматривать в качестве локальных вариантов синхронные культуры финала бронзового века Волго-Камья (Генинг, Совцова, 1967, с. 58; Халиков, 1980, с. 53).

Однако впервые подробное описание локальных вариантов позднего этапа маклашеевской культуры сделал М.Ф. Обыденнов, который считал возможным выделять пять вариантов этой культуры: маклашеевский, кокшайский, быргындинский, курмантаусский и ерзовский (Обыденнов, 1998, с. 45). Вполне вероятно, что последующее изучение маклашеевских древностей позволит подтвердить эту гипотезу, скорректировать или опровергнуть.

Для раннего (атабаевского) этапа маклашеевской культуры также возможно выделение нескольких локальных вариантов: атабаевского, атабаевско-кайбельского, ерзовского, аким-сергеевского, однако и это является делом будущего.

Историко-археологическая интерпретация. Несмотря на развитую металлообработку, скотоводство и земледелие носителей маклашеевской культуры, выделение особых групп населения, связанных исключительно с этими видами хозяйствования не выявлено. В свою очередь, одиночные погребения под невысокими курганами (на раннем этапе) или же грунтовые могильники с рядами одиночных или коллективных погребений (на позднем) с невыразительным погребальным инвентарем, а также небогатая материальная культура поселений свидетельствуют об отсутствии стратификации в обществе носителей маклашеевской культуры. Это общество было эгалитарным без специализированных производственных групп и социальных страт.

В IX в. до н. э. в связи с еще не до конца понятными процессами происходит трансформация маклашеевской культуры. В её ареале и на её основе происходит формирование ананьинской культурно-исторической области (АКИО) раннего железного века. Носители археологических культур, которые входили в состав АКИО, были прямыми потомками населения, оставившего памятники маклашеевской культуры.

ГЛАВА 12

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ СТЕПНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Начало изучения антропологических материалов раннего бронзового века Волго-Уралья, во многом связываемого с ямной археологической культурой, было положено усилиями Г.Ф. Дебеца, который летом 1930 года обработал скелеты, хранившиеся в музее Самарского общества археологии, истории и этнографии, а также в Саратовском краевом музее и Центральном музее АССР немцев Поволжья.

Несколько позднее вышла его работа, где автор, описывая специфику черепов ямной культуры – низкий и широкий лицевой отдел, наклонный лоб, мощные надбровные дуги, сравнивает их с черепами верхнего палеолита Брюнн-Пшедмости Чехословакии и впервые озвучивает термин «протоевропейский тип» (Дебец, 1936, с. 66). В дальнейшем он подробнее характеризует данный тип, обосновывает его существование, указывая на его широкое распространение среди степного населения раннебронзового века Восточной Европы (Дебец, 1948, с. 108–111). Параллельно исследователь отмечает сходство вплоть до идентичности между древнеямными черепами Поволжья и афанасьевскими Алтая, связывает генетически последних с населением, пришедшим с территории европейских степей (Дебец, 1948, с. 68), обозначая тем самым проблему дальнедистанционных миграций в дописьменную эпоху. Наличие протоевропейского/протоевропеоидного[1] антропологического типа на дополнительно добытых материалах ямной культуры Поволжья и Приуралья неоднократно отмечалось рядом последователей (Глазкова, Чтецов, 1960; Кондукторова, 1962; Акимова, 1968а; Фирштейн, 1967 и др.). Вместе с тем в составе антропологических выборок позднего энеолита – ранней бронзы были выделены черепа, близкие средиземноморскому типу, а также краниологические варианты, сочетавшие в себе черты отмеченных морфологических комплексов либо имевшие собственную специфику черт. Физическая неоднородность носителей ямной культуры была убедительно продемонстрирована по материалам Нижнего Поволжья и Северо-Западного Прикаспия (Шевченко, 1973, 1986), и в меньшей степени по серии черепов Южного Урала (Яблонский, Хохлов, 1994а). В настоящее время, вследствие поступления новых источников и сравнения их с синхронными и предшествующими по времени, были выработаны основные положения о происхождении и развитии ямного населения в ареале Волго-Уралья и на прилегающих территориях (Хохлов, 1998а, б, 1999, 2017; Казарницкий, 2012, Балабанова, 2016). В первую очередь подтвердилась морфологическая неоднородность данного населения (в период XXXV–XXIX вв. до. н. э.)[2]. Для Поволжья, в частности среднего течения Волги, доминировал мезо-долихокранный краниологический вариант, для районов низовий реки – отчетливо брахикранный.При этом в поволжских выборках абсолютное численное преимущество представлял именно гиперморфный, широколицый, европеоидный комплекс с крепко сложенным посткраниальным скелетом. Всем этим данное население раннебронзового века отличалось от предшествовавших энеолитических популяций самарской, хвалынской и других местных культур.

Интересна и своеобразна морфологически группа ямников с территории Западного Казахстана, черепа которой обладают собственной спецификой черт в ряду краниологических серий ямной и афанасьевской культур. Это проявляется в некоторой горизонтальной уплощенности лица на фоне общей матуризации. Высказано предположение о наследовании указанных черт, в том числе от местного нео-энеолитического населения среднеазиатских степей. Эти черты не исчезают во времени и проявляются в более поздних материалах, относящихся к заключительному этапу среднебронзового века Южного Урала, в частности синташтинско-потаповских (Хохлов, Китов, 2012; Бисембаев и др., 2015; Хохлов и др., 2016а, б; Хохлов, Китов, 2018).

Была сформулирована гипотеза (Хохлов, 2017, с. 75, 76), согласно которой рождение морфологической специфики, свойственной основному мас-

[1] Термины «протоевропейский» и «протоевропеоидный» употреблялись в антропологической литературе как синонимы. Второй термин по содержанию точнее отражает суть таксономии.

[2] Приводимые даты здесь и далее заимствованы из работ П.Ф. Кузнецова (2010, 2014).

сиву древнеямного населения Поволжья, происходило на основе еще хвалынско-среднестоговских контактов в районах ближе к Дону, с подключением и других представителей постнеолитических днепро-донецких племен. Сформировавшееся в новом физическом качестве население, распространяясь на восток, ассимилировало в первую очередь сравнительно родственные группы – потомков древних хвалынцев, при этом обогащая свое культурное и генотипическое своеобразие. Палеоантропологические материалы показывают, что среди волго-уральских групп ямной культуры существовал, похоже, двусторонний вектор внутренних связей и перемещений вдоль Волжского бассейна, определявшего основной ареал их хозяйственной деятельности. Это наблюдение подкрепляет представление Н.Я. Мерперта, считавшего основными районами изначального передвижения древнеямных племен в Волго-Уралье степные пространства вдоль русла Волги (Мерперт, 1974, с. 88). Примеры видимой метисации ямных коллективов с северным, уралоидным по происхождению населением отчетливо не прослеживаются.

Существовавшие в лесостепном Поволжье полтавкинские группы относят и к раннему, и к среднему периоду эпохи бронзы (XXIX–XXII вв. до н. э.). Происхождение их культуры связывают и с местной ямной, и с влиянием традиций предкавказского, а затем и волго-донского катакомбного населения. Первая публикация, посвященная черепам полтавкинской культуры, была выполнена по материалам могильников Быково I и Политотдельское Волгоградской области (Глазкова, Чтецов, 1960). В наше время, вследствие археологической корректировки, некоторые из этих материалов отнесены к ямной эпохе, прочие – к криволукской культурной группе финала среднебронзового века. Список переоцененных палеоантропологических источников мезолита – бронзы Волго-Уралья, полученных при раскопках примерно в середине прошлого столетия, содержится в одной из последних специальных монографий (Хохлов, 2017, с. 205–2016). В связи с изменениями в культурной интерпретации части материалов прежние взгляды специалистов были пересмотрены и уточнены.

Физически полтавкинцы на начальном этапе своего существования (XXIX–XXV вв. до н. э.) – преимущественно брахикефальные, широколицые европеоиды, сложившиеся в ямной среде, вероятно, в результате влияния и южных нижневолжских коллективов. На черепах позднего этапа (XXV–XXII вв. до н. э.) нередко проявление долихокефалии и мезоморфии в сложении лицевого скелета, а также были отмечены отдельные случаи искусственной деформации головы (в могильниках: Калиновский (Волгоградская обл.); Нур I, Красносамарский IV, Гвардейцы II (Самарская обл.) и др.). Появление долихокрании у поздних полтавкинцев связано скорее с влиянием и, возможно, распространением соседних восточных групп илекской популяции Южного Урала. Эта популяция, представлявшая в археологическом контексте особый приуральский вариант ямной культуры (Фёдорова-Давыдова, 1971, и др.), в дальнейшем тамаруткульский культурный тип (Богданов, 2004), выделялась среди других ямных групп в первую очередь доминированием в погребениях положений скелетов скорченно на боку. По морфологической структуре черепа илекцев отличались от раннеямных Поволжья среднешироким и резко профилированным европеоидным лицом на фоне долихокранной мозговой коробки. Своими характеристиками напоминают южных европеоидов, но только более матуризованных. Происхождение этих черт в принципе можно както связывать с потомками хвалынского энеолитического населения, для которого в суммарном выражении сложился так называемый мезоморфный, долихо-акрокранный краниологический тип. Вместе с тем существует и версия миграции на территории Южного Урала групп новотитаровской культуры Предкавказья, которая была предложена П.Ф Кузнецовым (1996) на основе изучения археологических данных. К сожалению, краниологический материал новотиторовской культуры в публикациях почти неизвестен. Мы можем оперировать пока сведениями по одному черепу из кургана № 35 могильника Овальный Краснодарского края (Балабанова, 2017) , который охарактеризован как мезо-долихокранный, широко- и низколицый, с сильно выступающим носом, но при этом несколько уплощенным на уровне орбит. Данный комплекс как будто ничего общего с типом южных европеоидов не имеет, что и показал автор, указывая на отсутствие его сходства, например, с черепами носителей новободненской и майкопской культур. Его, однако, морфологически нельзя отнести и к классическим представителям протоевропеоидного/палеоевропеоидного типа.

К этой проблеме мы имеем также письменное замечание в работе А.Н. Гея (2000, с. 200): «интересна также характеристика новосвободненских черепов из могильника Клады, отмечающая их общую принадлежность к средиземноморскому типу, значительную длину черепной коробки и чрезвычайно высокие и необычайно сильно выступающие носовые кости (Шевченко, 1983, с. 14). Именно эти признаки присутствуют у большинства хорошо сохранившихся НТ (новотитаровских) черепов». В связи с этим версия

П.Ф. Кузнецова о распространении культуры «повозок» с территории Предкавказья в Волго-Уралье нам представляется наиболее приемлемой. Здесь следует упомянуть, что в период существования илекской популяции ямников (тамаруткульцев) заметно повышается число травм, полученных в результате боевых столкновений (28,6%) (Хохлов, Китов, 2019а, с. 274). Возможно, это отражает события конкуренции между разными коллективами подвижных скотоводов, в том числе за освоение меднорудных источников Южного Урала.

В составе общей полтавкинской краниологической серии имеется один специфический по структуре череп (Преполовенка, к. 9), выделяющийся сочетанием узкого, слабо профилированного в горизонтальном плане лба с очень широким и высоким, плосковатым лицом. Эта комбинация черт в целом свойственна населению докерамической эпохи лесной полосы Восточной Европы (Шевченко, 1980, с. 173). И этот случай, с привлечением некоторых других данных, свидетельствует в пользу протекавших, видимо, лишь спорадически контактов между подвижными скотоводами степей и представителями оседлых племен северного происхождения.

Южные соседи поздним полтавкинцам, нижневолжские и волго-донские группы катакомбной культуры также не были однородны. Основная их доля представляет широколицый, брахикранный европеоидный тип (Шевченко, 1986; Хохлов, 2006; Казарницкий, 2014), морфологически близкий к полтавкинским черепам раннего этапа. Определенно можно полагать, что данный краниологический вариант и тех и других складывался на единой антропологической основе. Для ареала азово-прикаспийских степей показано, что происхождение этого типа у ранних катакомбников восходит к ямному времени этой же территории (Казарницкий, 2012, с. 181). Среди катакомбных групп, особенно позднего этапа существования культуры, имеются и те, которые являются носителями мезоморфного или лептоморфного долихокранных вариантов южных европеоидов. Их происхождение связывают и с носителями культуры шнуровой керамики Центральной Европы (Шевченко, 1986, с. 178; Козинцев, 2010), и с племенами Закавказья (Казарницкий, 2012, с. 183). В русле поиска истоков данным вариантам не следует также забывать, что черепа подобного склада были свойственны популяциям юга России, племенам культур «повозок», по всей видимости, новотитаровской Предкавказья и ямной (буджакской) Причерноморья.

Появление в среде катакомбных племен традиции искусственной деформации головы лобно-затылочного и кольцевого типов видят во влиянии и проникновении части населения из ближневосточного региона (Шевченко, 1986, с. 185; Балабанова, 2018). Параллельно у некоторых групп этой культуры фиксируется и другой способ деформации, в частности затылочно-теменная, которая является следствием использования детских колыбелей с фиксирующими голову прессами (Громов, 1998; Хохлов, 2006; Казарницкий, 2012). Эта традиция возникла еще в ямное время и, по всей видимости, говорит о прямом ее наследовании носителями катакомбной культуры среднебронзового века. Северная периферия распространения данных обычаев маркируется пока единичными примерами с территории Самарского Заволжья, материалами позднеполтавкинского этапа. Появление на этой территории такой традиции, несомненно, следует связывать с эпизодическими влияниями носителей катакомбной культуры, сложившейся на юге России.

Заключительный период среднебронзового века (XXII–XX вв. до н. э.) для степных культур представлен пока незначительными палеоантропологическими материалами. Для суммарной группы, представляющей криволукский культурный тип (Мимоход, 2004), свойственно достаточно крупное, резко профилированное европеоидное лицо, долихокрания, нередко в ее «гипер» проявлении (Хохлов, 2017, с. 84). Также здесь фиксируются черепа иного строения, с наличием брахикрании, а также единичные с признаками проявления как будто некоторой монголоидности (Грачевка II, к. 5, п. 3, Самарская обл.; Скворцовка, к. 5, п. 3, Оренбургская обл.). Можно говорить об усилении в это время гетерогенности волго-уральского населения, которая была обусловлена внутрирегиональными перемещениями коллективов, их контактами между собой, а также влиянием на этот антропологический субстрат новых групп населения, проникавших с территорий юга Восточной Европы и, вероятно, Западной Сибири (Кузнецов и др., 2018). С точки зрения культурной принадлежности этих групп можно предполагать, что часть их могла быть связана с потомками восточно-манычских катакомбников, другая, возможно, с носителями сейминско-турбинской культуры.

В период средней бронзы в районах Среднего Поволжья распространяется балановская культура. Основные палеоантропологические материалы были получены из раскопок обширного грунтового могильника у села Балановo Чувашии. Первая информация по материалам была опубликована в 1947 году М.С. Акимовой, принимавшей непосредственное участие в исследовании данного могильника. В результате обработки источника было отмечено, что население, оставившее

данный памятник, было в целом европеоидным и при этом неоднородным. Основной компонент, видимо, пришлый, принадлежал к восточно-средиземноморскому типу, характеризовавшемуся долихокранией, высоким и узким лицом (Акимова, 1947; 1963, с. 351). Наличие на части черепов монголоидной примеси объясняется смешением с местным лапоноидным населением (там же). По сути, все исследователи, рассматривавшие эти материалы, отмечали факт смешанности популяции между группами мигрантов и аборигенов, видя при этом разные их истоки, и также указывали на отличие балановцев от культурно близкого им фатьяновского населения Верхнего Поволжья.

Фатьяновские черепа довольно массивны, имели в среднем очень длинную мозговую коробку, долихокранные, со среднешироким лицевым отделом (Герасимов, 1955; Акимова, 1963; Денисова, 1975), морфологически тяготеют к северо-западным европеоидам Прибалтики, при этом сохраняя в истоке своего антропологического типа кроманьонские элементы (Герасимов, 1955, с. 518). Черепа основного компонента из балановских погребений грацильнее, по структуре отвечают всем характеристикам средиземноморского типа. В связи с этим и некоторыми археологическими параллелями указывалось на его северокавказское или среднеднепровское (Герасимов, 1955, с. 518) и даже закавказское (Трофимова, 1949) происхождение. М.С. Акимова (1963, с. 349–351) учитывала также возможность миграции предков балановцев с территорий запада или юго-запада Европы. Это вполне уместно, исходя из современных археологических представлений о том, что и балановo, и фатьяново входят в круг культур шнуровой керамики и боевых топоров.

Здесь нужно сделать теоретическую ремарку. По истечении времени термины «средиземноморский антропологический тип», «кроманьонский» и тем более «протоевропейский» применительно к населению бронзового века Европы утратили терминологическую суть. Специфический «кроманьонский» вариант в широком смысле этого слова (Дебец, 1948, с. 109), на какое-то время рассматриваемый как недифференцированный в расовом отношении (Бунак, 1959, с. 281), надежнее оставить за черепами верхнего палеолита-мезолита. Относительно термина «протоевропейский/протоевропеоидный» применительно к черепам бронзового века палеометаллической эпохи. По мнению М.М. Герасимова (1955, с. 459), ямники были, пусть и специфические, но именно европеоидные формы, аналогии которым можно обнаружить и в современных популяциях человека. Приставка «прото» к популяциям, уже сложившимся в расовом отношении как минимум в неолитическое время (судя по морфологии имеющихся материалов и выводам В.В. Бунака, 1956), тем более к европеоидному расовому стволу, неуместна. Если уж и использовать по отношению к краниологическим сериям бронзового века подобную терминологию, отражающую проявление архаичных черт, то надежнее применять термин «палеоевропеоидный», который также звучал в антропологической литературе (Алексеев, 1961, с. 147; Алексеев, Гохман, 1984, с. 43). Ранние представления о широком распространении среди популяций эпох неолита – бронзы Восточной Европы «кроманьонского в широком смысле» типа заменены концепцией их сложного антропологического состава, а место этого типа должна занять группа самостоятельных вариантов, выделение и классификация которых требует большой работы (Алексеев, Гохман, 1984, с. 43). То же относится и к «средиземноморскому или протосредиземноморскому варианту», группы которых начали проникать в Европу еще с эпохи неолита. Многие из таких групп, обретя новую родину, культурно-хозяйственно и биологически адаптируясь к природным условиям края, а также включая в свой состав местные антропологические компоненты, определенно с течением длительного времени утратили присущую их предкам смуглость. Для нашего изучения и территорий степного пояса большое историческое значение имели контакты в позднеэнеолитическое время между майкопскими и новосвободненскими группами с одной стороны, морфологически представлявшими потомков средиземноморских вариантов, и ямными коллективами с другой, которые были нередко носителями палеоевропеоидного краниологического комплекса. Вероятно, именно в результате подобных, имеется в виду метисных процессов, формировались новые физические качества, сочетавшие, к примеру, долихокранию, в целом мезоморфию лицевого отдела черепа и при этом определенную маторизацию. Для таких групп, примером которых являются черепа тамаруткульской, криволукской и некоторых срубных антропологических выборок, уместно было бы использовать собственные наименования – варианты «южноевропеоидного степного» типа (Хохлов, 2013, с. 15, 16). При этом не отрицается возможность проникновения в Волго-Уралье на протяжении разных периодов энеолита-бронзы инородных групп с характеристиками, максимально приближенными к «южноевропеоидному» морфологическому комплексу как таксономической единице, в основе которого фиксируются признаки лептоморфии.

Большую роль в культурогенетических процессах, происходивших в Волго-Уралье и на прилегающих территориях, играло абашевское насе-

ление, продвинувшееся в своем распространении в лесостепи Самарского и Нижнего Поволжья, а затем и в Зауралье. По имеющимся источникам их антропологический состав весьма неоднородный. Черепа могильников Ольгаши, Абашевский, Тауш-Касинский Чувашии демонстрируют широколицые и низколицые европеоидные комплексы, которым обнаруживали морфологические тождества в краниологических сериях фатьяновской культуры Волго-Окского междуречья и некоторых степных (Дебец, 1948; Акимова, 1955; Герасимов, 1955). Самая представительная по численности серия из Пепкинского могильника (Республика Марий Эл) в сумме характеризуется мезоморфией, долихокранией, низким сводом. В своем исследовании М.М. Герасимова и Г.В. Лебединская (Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966, с. 43), во-первых, отрицают вероятность генетической связи населения, оставившего Пепкинский курган, со степными группами, в частности носителями ямной культуры, во-вторых, считают возможным связать его происхождение с западными группами, указывая на аналогии абашевским черепам, обнаруживающимся среди краниологических материалов культуры шнуровой керамики. Нестандартный краниологический комплекс демонстрирует женский череп из Катергино-Бишево Чувашии, по мнению Г.Ф. Дебеца, морфологически негроидный (Дебец, 1948, с. 85). В интерпретации М.М. Герасимова – это псевдонегроидный комплекс, аналогии которому обнаруживаются среди местного населения неолита (женский череп из Гавриловской стоянки балахнинской культуры) и бронзового века (некоторые черепа из Балановского могильника). В последнем случае этот комплекс проявляется на черепах метисного происхождения – между носителями пришлого европеоидного типа и местного сублапоноидного (Герасимов, 1955, с. 515, 523). Находки из Чуракаевского могильника Башкирии, по мнению М.С. Акимовой (1968, с. 12), производят впечатление довольно грацильных и обнаруживают общее сходство с некими древними черепами Прикамья. После визуального ознакомления с чуракаевскими находками нам показалось, что их также можно сопоставить и с некоторыми балановскими синхронного времени (Хохлов, 2017, с. 98). Черепа, отнесенные к абашевской культуре, из погребений Самарского Заволжья (Съезжее II, п. 8, 9) и Оренбургского Приуралья (Малоюлдашево, ск. 2 (Евгеньев и др., 2016, с. 52), Красиково I, к. 3, п. 1) (Хохлов, Григорьев, 2019) специфичны и имеют в большей или меньшей степени уралоидные признаки. На основании физического полиморфизма, прослеживаемого на антропологических материалах абашевской культуры, было предположено, что появление в регионе их представителей, в основе европеоидного облика, сопровождалось контактами с аборигенными группами – потомками местных энеолитических культур, которые внесли существенный вклад в изменение антропологического состава самих абашевцев. Контакты между группами не всегда были мирными, на что указывает определенная доля выявленного травматизма боевого характера. Ярким примером этого являются материалы Пепкинского кургана, под насыпью которого содержалось коллективное захоронение 27 мужчин с признаками насильственной смерти (Халиков и др., 1966; Медникова, Бужилова, 2002).

В вольско-лбищенской культуре средней бронзы, давшей антропологический материал, к настоящему времени имеется лишь небольшая группа погребений (№ 1–5) могильника Тамаруткуль VII Южного Урала (курган № 4) (Богданов, 1998, с. 22). Мы имеем только один череп из погребений этой группы (№ 5). Он женский, характеризуется суббрахикранией, низким сводом, широким и низким, с ослабленной горизонтальной профилировкой лицом. Типологически данный череп сближается с краниумами, обнаруживающими сходство с одним из древнеуральских краниологических вариантов (Хохлов, 2017, с. 99). Примерно к этому же времени относится скелет из гундоровского захоронения, которое еще не имеет четкой археологической интерпретации. По элементам погребального обряда, в том числе артефактам, его связывают и с вольско-лбищенскими, и с абашевскими, и где-то с унетицкими традициями. С точки зрения морфологии его череп характеризуется некоторой мезоморфией, мезокранией, умеренной горизонтальной профилировкой лица, слабо выступающим в профиль носом. По комплексу черт он входит скорее в круг морфологических форм приуральского происхождения.

Памятники потаповского типа (XX–XVIII вв. до н. э.), входящие в единую новокумакско-потаповско-синташтинскую культурную область, которые сейчас связывают с самым началом позднебронзового века, представлены сравнительно большим скелетным материалом. Морфологические особенности в первую очередь краниологической части освещались довольно часто. Уже в первой работе непосредственно по материалам могильника Потаповка I были выделены различные морфологические комплексы: европеоидные гиперморфный и гипоморфный, а также с умеренно уплощенным лицевым скелетом (Яблонский, Хохлов, 1994б, с. 188). По накоплению скелетного источника внутригрупповая неоднородность была отмечена и по другим могильникам этого культурного блока. Результаты его изучения были изложе-

ны в серии недавних публикаций (Хохлов, Китов, 2014, 2019б; Хохлов, 2017; Хохлов и др., 2016а; Китов и др., 2018). Кратко их можно выразить следующим образом:

При сравнительно едином погребальном обряде прослеживается ярко выраженная антропологическая неоднородность как на внутригрупповом, так и межгрупповом уровнях, не имеющая аналогов ни среди предшествующих, ни среди последующих групп эпохи бронзы, за исключением абашевского населения.

Приуральские группы (могильники Потаповка I, Утевка VI, Буланово) несколько отличаются от южноуральских и зауральских (Танаберген II, Большекараганский и др.) большей морфологической вариативностью, доминированием гиперморфного мезокранного европеоидного компонента и более отчетливым проявлением уралоидных, с умеренной уплощенностью лица, комплексов. При этом широколицые европеоиды чаще связаны с центральными захоронениями и чаще им сопутствует богатый инвентарь. Вероятнее всего, именно они и явились инициаторами формирования культур потаповско-синташтинского блока. Сложно отчетливо сказать о конкретном происхождении этого компонента. Отдельным его черепам можно обнаружить морфологические аналогии и среди полтавкинской, и волго-донской катакомбной, и тамаруткульской, и ботайской, и где-то абашевской серий. Вероятно, это был не один компонент. Надежнее пока говорить о его/их истоках, которые, скорее всего, следует искать среди предшествовавших популяций широкого степного поволжско-казахстанского ареала. Все же относительно одного из них, а именно степного казахстанского, нужно сказать отдельно. Удается уловить морфологическое сходство между рядом черепов из потаповско-синташтинских захоронений и памятников энеолита типа «Ботай». Несмотря на хронологическую лакуну между населениями этих культурных горизонтов (образований?), создается впечатление о некоей их, вероятно, генетической преемственности (Хохлов, Китов, 2012, 2015; Китов и др., 2018). Относительно уралоидного компонента – то, что нам сейчас известно по антропологии абашевцев и других прилесных культур среднебронзового века (см. выше) в регионе, менявшем свой облик вследствие метисационных и автохтонных генетико-популяционных процессов, означает возможность обнаружения их следа в сложении потаповского населения.

В краниологической выборке памятника Буланово (Оренбургская обл.) имеются черепа, близкие Ростовкинским Западной Сибири (Приобье), относящимся к сейминско-турбинской культуре (Хохлов, Китов, 2009). Причем в погребениях приуральского могильника были еще обнаружены артефакты этой культуры (Халяпин, 2001). Здесь также мы имеем первый очевидный пример проявления монголоидности (Буланово, п. 8), по всей видимости, западносибирского происхождения. Как было отмечено выше, определенная монголоидная примесь как будто присутствует и на черепах непосредственно предпотаповского времени (могильники Грачевский II и Скворцовский). В связи с этим можно поддержать мнение, согласно которому в Волго-Уральском очаге культурогенеза, знаменующего раннюю пору позднебронзового века, принимали участие и носители сейминотурбинской археологической культуры (Бочкарёв, 2010; Ткачёв, 2001).

Гипотеза о прямой миграции протосинташтинцев из районов Анатолии (Григорьев, 2010) или Средней Азии (Шишлина, Хилберт, 1996, с. 90–92), судя по краниологическим материалам этих регионов, сравнительно гипоморфным и определенным образом узколицым, пока никак не поддерживается. В действительности черепа, близкие по комплексу черт южным европеоидам, в синташтинских выборках есть, но их происхождение пока неясно.

Важно, что по материалам данных памятников мы впервые получаем приближенную к объективной демографическую информацию, поскольку во многих подкурганных насыпях содержится по несколько погребений, нередко коллективных, где присутствуют скелеты людей разных половозрастных классов. Так, удалось зафиксировать довольно большую детскую смертность (в сумме по потаповке-синташте – 51,5% (Кузьмина и др., 2010)). На примере других материалов синташтинской, а также алакульской культур, где также отмечается высокая смертность детей, специалистами объясняется это как отражение эпидемиологического стресса инфекционного характера (Ражев, Епимахов, 2004) или проявление сугубо детских заболеваний типа скарлатины (Куприянова, 2004). Не отрицая возможности влияния каких-либо заболеваний, следует отметить, что, исходя из сопоставлений с демографической картиной близких к современности популяций, показатель высокой детской смертности по материалам потаповско-синташтинских памятников все же ближе к норме, чем мы видим на примерах более древних по времени популяций, в связи с чем можно прописать целый перечень всевозможных причин такого демографического состояния (Хохлов, 2010).

Толкование этого, как, впрочем, и появление обряда множественного количества захороненных под одним курганом, еще ждет своего объяснения. Это тем не менее выглядит как новый культур-

ный феномен, и едва ли он образовался на пустом месте.

Следует сказать, что в течение всей эпохи бронзы именно на отрезке финала среднего – начала позднего ее этапов для населения Волго-Уралья фиксируется наибольшая травматика боевого происхождения: для постполтавкинской группы – 28,6%, для абашевской – 33,3%, для потаповской – 21,2% (Хохлов, Китов, 2019а, с. 276). Это свидетельствует о повышенной социальной напряженности в этот период и враждебности данных популяций, оказавшихся в одном очаге культурогенеза, по отношению к противнику.

Параллельно, либо вырастая из потаповско-синташтинских традиций, либо из абашевских, по времени продолжая ход истории (XIX–XVIII вв. до н. э.), в Волго-Уралье существует покровская культура (ПК или ПКТ/тип), которую рассматривают и как отдельное социальное образование, и как ранний этап срубной культуры. В палеоантропологии долгое время основной проблемой здесь являлся вопрос о доле и степени влияния на формирование населения этих культур носителей палеоевропеоидного (матуризованного, широколицего европеоидного) и средиземноморского (южноевропеоидного) краниологических типов, их происхождения (Дебец, 1954; Герасимова, 1958; Гинзбург, 1959; Глазкова, Чтецов, 1960; Акимова, 1968а, б; Фирштейн, 1967; Дурново, 1970; Шевченко, 1984, 1986, 1993; Юсупов, 1989; Хохлов, 1998а, б, 2000а, б, в; 2002; 2003; 2016в и др.). Относительно генезиса населения срубной культуры можно отметить в некотором роде радикальную позицию А.В. Шевченко (1993, с. 103). По мнению этого автора, «срубники во многом являются неотъемлемой частью круга культур шнуровых керамик и боевых топоров и уже только на этом основании вряд ли имеют чисто восточное, скажем, среднеазиатское или даже Волго-Уральское происхождение».

В настоящее время материалы покровской и срубной культур рассмотрены дифференцированно, причем с учетом субрегиональной локализации их групп. Антропологические выборки этих культур в целом неоднородны. Но следует сразу отметить, что это проявляется в меньшей степени по сравнению с предшествовавшим населением. Так, по сравнению с доминирующим краниологическим комплексом в составе потаповско-синташтинского населения Приуралья (Потаповка I, Утевка VI, Буланово) – европеоидным умеренно массивным и довольно широколицым, у носителей покровских культурных традиций прослеживается генеральная линия в изменении физического типа в сторону увеличения доли мезоморфных и умеренно грацильных, долихокранных форм. Это объясняется усилением влияния южноевропеоидного антропологического компонента. Подробное рассмотрение материалов покровского этапа с территории Самарского Поволжья (Спиридоновка II, Рождествено I, Красносамарский V и др.) позволило выявить два достаточно контрастных морфологических комплекса. Один из них (тип А) – долихокранный, высокосводный, среднешироколицый и относительно высоколицый, клиногнатый – представляет один из вариантов южной ветви европеоидов.

Непосредственно в досрубное время похожие комплексы были широко распространены в среде средневолжских (балановская и отчасти абашевская культуры), степных (лолинская, криволукская) и других восточноевропейских племен (к примеру, бабинская).

Второй морфологический вариант (тип Б) представляют черепа, часто гипердолихокранные, с относительно пониженным мозговым отделом и рядом специфических признаков. Его можно рассматривать как результат метисации между носителями европеоидных и уралоидных краниологических комплексов, протекавшей в синташтинско-потаповское время на территории Южного Урала (Хохлов, 2000, с. 319).

По нашим представлениям основные физические особенности покровского/раннесрубного населения Волго-Уралья во многом обязаны возобновлению двустороннего вектора связи, который существовал еще в период среднебронзового века, но в данном случае между потомками южноуральских синташтинских групп с одной стороны и нижневолжско-предкавказских (криволукская, лолинская) с другой (Хохлов, 2016в). Наличие в разных покровских выборках черепов, близких по структуре балановским, абашевским, тамаруткульским и позднеполтавкинским, может указывать и на возможность прямого или опосредованного участия представителей этих культур в расогенезе населения раннего этапа срубной культурно-исторической области. Мы не можем отрицать связи носителей срубной культуры Восточной Европы и шнуровой керамики центральной ее части, как это было предложено А.В. Шевченко, тем более с учетом данных генетики о наличии у тех и других базовой мужской половой гаплогруппы «R1a» (Allentoft et al., 2015, с. 171). Однако путь прямолинейной миграции групп из отдаленных географически мест на восток мы принять не можем. Все было намного сложнее. А относительно гаплогруппы «R1a» – в настоящее время она обнаружена и в синташтинских выборках (Allentoft et al., 2015; Narasimhan V. и др., в печати), и на материалах неолита-энеолита Волго-Уралья.

Представители развитого этапа срубной культуры Поволжья и Приуралья (XVIII–XV вв. до. э.) наследуют физические черты своих предшественников, а именно покровского населения. В последнем обширном исследовании (Хохлов, 2017, с. 120–124) довольно большая краниологическая серия срубной культуры, как сказано выше, была дифференцирована и рассмотрена в связи с занимаемыми субареалами: поволжские лесостепная и степная, самаро-сокская, приуральские лесостепная и степная. Сравнительный анализ показал некоторые различия между этими локальными группами, а также выявил включение в них более древних местных компонентов. Так, в выборках из лесостепных районов, в том числе самаро-сокской, были обнаружены черепа, обладатели которых определенно были генетически связаны с аборигенными группами лесной полосы Восточной Европы. В поволжской степной зоне присутствовала доля черепов с низким сводом мозгового отдела, что еще А.В. Шевченко (1986, с. 194) посчитал возможным связать с участием в расогенезе этой локальной группы абашевских коллективов. Приуральская степная группа отличалась от других несколько большей матуризованностью и более широким лицом, что можно связывать в том числе с проявлением наследия от ямно-полтавкинского и тамаруткульского населения. Некоторый очаг широколицести, судя по антропологическим материалам могильника Старицкий (Волгоградская обл.), существовал и в районах Нижнего Поволжья (Шевченко, 1973). Основная же доля населения срубной культурно-исторической области являлась носителем мезоморфного, долихокранного европеоидного краниологического комплекса.

Вместе с тем, некоторыми исследователями отмечались и некоторые необычные морфологические особенности носителей срубной культуры. В результате краниологического анализа срубная выборка Николаевского могильника Башкирского Приуралья не нашла существенных аналогий ни в одной из привлекавшихся для сравнения серий. Один из черепов был определен как «несколько грацилизированный вариант протоевропейского расового типа» с некоторыми монголоидными и негроидными чертами (Нечвалода, Куфтерин, 2006). Данный факт наличия негроидного комплекса признаков (по мнению одного из авторов) подтверждает выдвигавшееся А.В. Шевченко предположение о существовании каких-то очень сильных («южных»?) связей большинства восточноевропейских культур бронзового века (Куфтерин, 2005; Нечвалода, Куфтерин, 2006). Это мнение, однако, пока основано на единичных материалах и нуждается в проверке.

Все же нужно сказать, что на этом этапе бронзового века население менее гетерогенно, тотальные процессы метисации, протекавшие в предшествующее время, завершены. К этому следует добавить, что на скелетном материале этой культуры фиксируется минимальное количество травм сравнительно с другими группами бронзового века, которые можно было бы связать с боевыми действиями (Хохлов, Китов, 2019а, с. 276). Складывается впечатление о некоторой завершенности очередного исторически турбулентного периода во взаимоотношениях разноэтничных групп населения Волго-Уральского и соседних регионов и некоторой антропологической стабилизации.

Синхронно развитию срубной культуры на восточных окраинах региона и территориях Западного Казахстана складываются алакульские традиции. Относительно алакульского населения рассматривался вопрос об участии в его морфогенезе так называемого андроновского варианта протоевропейского типа (Дебец, 1932, 1948; Герасимов, 1955; Гинзбург, 1962; Алексеев, 1964, 1967; Гинзбург, Трофимова, 1972; Алексеев, Гохман, 1984; Багашёв, 2000), который, по современным данным, был наиболее широко распространён в популяциях центральной части казахстанских степей. Вместе с тем обращалось внимание на морфологические особенности западноказахстанских алакульцев, в частности их грацильность по сравнению населением андроновского типа (Гинзбург, 1962, с. 186–198; Алексеев, 1964, с. 20–28; Гинзбург, Трофимова, 1972, с. 89–98). В связи с этим высказывалась позиция, согласно которой алакульцы генетически могут быть связаны как с группами срубной культуры Поволжья, так и с доандроновским населением Средней Азии (Гинзбург, 1962, с. 198; Алексеев, 1967, с. 26). Дополнительно учитывалась возможность влияния каких-либо местных антропологических субстратов. Так же, как и в случае со срубным населением, здесь предлагалось усматривать влияние иммиграционной волны с запада (Козинцев, 2010, с. 123): «истоки этого сравнительно грацильного населения в позднем неолите и раннем бронзовом веке Зарубежной Европы».

Нужно сказать, что анализ вновь поступивших за последнее десятилетие антропологических материалов из алакульских захоронений мало что добавил нового. Пожалуй, можно выделить наблюдение о том, что физический облик алакульского населения Западного Казахстана складывался в первую очередь на антропологическом субстрате синташтинско-петровских популяций Южного Урала (Китов, 2011; Хохлов, 2017), то есть именно местной основе. И это вполне соответствует археологическим представлениям о культурогенети-

ческих связях данных сообществ (Васильев, Кузнецов, Семёнова, 1994, с. 87; Епимахов, 2002, с. 77; Ткачев, 2007, 2019, и др.). Несомненны также контакты и взаимовлияния с одной стороны носителей алакульской культуры и с другой – срубной. Это подтверждается наличием ряда синкретичных памятников в пограничном для данных культур ареале, обозначаемых в археологии как «срубно-алакульские», а также антропологическими исследованиями (Хохлов и др., 2020). Однако протекавшие процессы формирования срубно-алакульской культурной группы были непростыми. Отмечено, что в степной полосе Зауралья (по материалам Челябинской области) изученные срубно-алакульские выборки находят аналогии с черепами достаточно массивного краниологического комплекса, связанного с носителями срубной культурой Приуралья. Южные памятники кожумбердынского типа алакульской культуры, напротив, представлены носителями южноевропеоидного краниологического комплекса. На границе лесостепной и степной зоны Зауралья население, связанное с лесостепным вариантом алакульской культуры, представлено краниологической выборкой со своеобразными признаками: мезокрания, слабое выступание носа, уплощенность лицевого отдела на верхнем уровне, прогнатизм альвеолярной части и малая глубина клыковой ямки. Видимо, здесь присутствует примесь уралоидной антропологической формации. В результате был сформулирован вывод о том, что формирование пласта населения на границе лесной и лесостепной зоны Зауралья и Западной Сибири в срубно-алакульское время происходило на основе взаимодействия и метисации носителей соседних культурных групп в первую очередь со срубными и алакульскими (степными) традициями (Китов, 2007, 2008а, б, в, 2011; Китов, Хохлов, 2008). Это нашло подтверждение и по данным одонтологических исследований.

При изучении палеоантропологического материала срубно-алакульского кургана Селивановского II с территории Южного Зауралья были изучены постканиальные скелеты, позволившие сделать вывод об однородности выборки. Авторы исследования (Куфтерин, Нечвалода, 2016; 2017) при этом отметили тенденцию к удлинению голени, что, по их мнению, является возможной фиксацией некоего «южного» импульса. Одонтологический анализ данной выборки выявил ее принадлежность к кругу форм «западного одонтологического ствола», что в совокупности с результатами анализа посткраниального скелета определяет южный вектор связей представителей данного населения (Куфтерин, 2017). Южный вектор может подразумевать и предкавказские связи, которые еще предстоит проверить дополнительными археолого-антропологическими источниками.

Учитывая в том числе географическую локализацию и широкую хозяйственную деятельность алакульцев, нельзя отрицать и некоторое влияние в их морфогенезе, хотя бы в качестве привлеченных, каких-либо компонентов среднеазиатского происхождения. Краниологические материалы энеолита – бронзового века этой части Азии в основе представляют средиземноморский тип (Гинзбург, Трофимова, 1972, и др.), точнее с точки зрения географии сказать медитерранный (Бунак, 1956). Близкий морфологический комплекс зафиксирован и на черепе из погребения энеолитического памятника Коскудук I с территории полуострова Мангышлак (Хохлов и др., 2015; Хохлов, Китов, 2015).

В контексте всего сказанного здесь, а именно относительно происхождения алакульского населения, как и в случае с гипотезой о морфогенетических истоках населения срубной культуры в среде племен шнуровой керамики (Шевченко, 1993), также пока сложно видеть прямые влияния каких-либо центрально- и западноевропейских популяций (Козинцев, 2010). В начале финального периода позднебронзового века (XV–XIV вв. до н. э.) на северо-восточных окраинах Волго-Уралья появляются племена черкаскульской культуры, центр сложения которой располагался в Западной Сибири, в кругу так называемых лесных андроноидных традиций (Косарев, 1987, с. 276–281). Материал могильников Тартышевский, Красногорский, Такталачук продемонстрировал неоднородность оставившего их населения (Акимова, 1968б; Шевченко, 1980; Рудь, 1981). Его антропологической основой явились промежуточные краниологически европеоидно-монголоидные комплексы (Шевченко, 1980, с. 181), сформировавшиеся еще в древности. Среди приуральских серий этого времени выделены также типично европеоидные черепа, краниологически близкие срубным и абашевским комплексам (Акимова, 1968б, с. 14; Шевченко, 1980, с. 179). Исследователи единодушны во мнении, что пришлые черкаскульские группы ассимилировали местное население.

На смену срубной культуре в лесостепном ареале приходит сусканская, а в степном – ивановская. Имеющиеся, к сожалению, весьма малочисленные антропологические материалы этих культур (мог. Самарской обл.: Шигоны III, Утевский грунтовый, Студенцы/курганный) демонстрируют наличие разных морфологических вариантов. В целом можно говорить, что один из них напрямую или косвенно связан с потомками срубной культуры. К этому варианту относятся единственный череп

из грунтового погребения с ивановскими культурными традициями (Утевка, п. 1) и два из подкурганных захоронений у села Студенцы, которые сопровождались сосудами сусканской технологии.

Другой морфологический вариант (из коллективного погребения сусканской культуры Шигоны III) неместный, обозначить исходный пункт его происхождения пока не удается. Тем не менее можно сказать, что он хотя в основе и европеоидный, но определенно связан генезисом с лесными обитателями Евразии (Хохлов, 2009).

Антропологические материалы маклашеевской культуры Среднего Поволжья, относимые в настоящее время к финальному этапу позднего бронзового века (Чижевский, 2008), описаны и проанализированы в работах ряда исследователей (Дебец, 1948; Акимова, 1962, 1968б; Алексеев, 1980; Шевченко, 1980; Газимзянов, 2009; Газимзянов, Хохлов, 2012). В материалах небольшой краниологической серии из погребений Маклашеевкского II могильника Г.Ф. Дебецем было отмечено наличие долихокранных черепов с сильно выступающими носовыми костями, которые, по мнению данного автора, могут быть сближены с сериями срубной культуры Нижнего Поволжья. Другие черепа этого памятника и дополнительно из синхронных могильников Полянки 1 и Полянки 2 Волго-Камья выделяются более высоким черепным указателем, они представляют брахикранный монголоидный тип, который напоминает краниологические варианты, присущие современным народам – лопарям, мари, чувашам, отчасти удмуртам и башкирам (Дебец, 1948, с. 152–153).

В дальнейшем развернулась дискуссия вокруг происхождения низколицего монголоидного компонента в составе как маклашеевского, так и последующего за ним ананьинского населения Прикамья, знаменующего собой начало эпохи железа в регионе. Суть ее заключалась в том, имеет ли этот компонент древние местные корни или его истоки следует искать в Зауралье. В целом не отрицалась ни та, ни другая версия.

В данном вопросе наиболее определенно высказывался В.П. Алексеев, предполагая, что в полянской популяции сохраняются следы механического смешения между местным европеоидным населением и пришлым, возможно из районов Чулыма, уже смешанным европеоидно-монголоидным (Алексеев, 1980, с. 62). Черепа с типично европеоидными характеристиками в составе маклашеевской серии рассматривались также в связи с абашевским происхождением (Алексеев, 1980, с. 61). А.В. Шевченко (1980, с. 179), напротив, считал, что черепа из Полянок 2 морфологически представляют собой вариант древнего местного краниологического типа, известного по черепам неолита-энеолита из торфяников Урала, Гаврилово, Съезжего (протоуральский тип по данному автору).

В последней работе, где были описаны новые антропологические поступления, относящиеся к маклашеевской культуре, в частности из Мурзихинского II могильника (Газимзянов, Хохлов, 2012), было отмечено, что эта выборка морфологически обнаруживает связь именно с низколицым монголоидным компонентом, известным, к примеру, по материалам неолита Приобья. Причем даже убедительнее, чем полянские материалы.

В этой проблеме скорее следует признать, что формирование антропологического состава маклашеевского населения происходило на местной уралоидно-европеоидной основе при участии пришлых групп из каких-либо районов Западной Сибири. Относительно европеоидного компонента можно дополнить, что его происхождение в морфологическом отношении, конечно, можно связывать и с абашевским, и другим сравнительно синхронным населением. Однако в хронологическом контексте прямыми предшественниками маклашеевцев являлись именно носители срубной культуры Среднего Поволжья, которым, видимо, и следует отдать приоритет. В каждом конкретном случае генезис групп, хотя и проистекал в рамках общего процесса, видимо, носил самостоятельный характер (Алексеев, 1980, с. 53–62).

В заключение нужно сказать, что на палеоантропологических материалах культур эпохи бронзы Волго-Уралья не всегда удается проследить происхождение того или иного антропологического компонента и связать его с конкретной археологической культурой. Этот регион, в силу своего географического положения и масштабности, наличия разнообразных природных ниш и богатства ресурсов, являлся ареной периодических перемещений и контактов многих, разных по происхождению групп древности, что вело к увеличению разнообразия генофонда местных популяций и рождению новых антропологических в широком смысле этого слова сообществ.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен азиатской части СССР. Ташкент: ФАН, 1991. 200 с.

Аванесова Н.А. Бустон VI – некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии. Самарканд: МИЦАИ, 2013. 640 с.

Агапов С.А. Металл степной зоны Евразии в конце бронзового века: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 1990. 17 с.

Агапов Д.С. Медные изделия в погребальном обряде Хвалынских энеолитических могильников // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследование материалов / Сост. и науч. ред. С.А. Агапов. Самара: Офорт-Пресс, 2010. С. 257–282.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П. Срубная культура лесостепного Поволжья (итоги работ Средневолжской археологической экспедиции) // Культуры бронзового века Восточной Европы / Гл. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: КГПИ, 1983. С. 6–58.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский могильник и его место в энеолите Восточной Европы // Археология Восточно-Европейской лесостепи / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: Воронежский ун-т, 1979. С. 36–63.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов: СарГУ, 1990. 160 с.

Агапов С.А., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металлопроизводство восточной зоны общности культур валиковой керамики // Вестник археологии антропологии и этнографии. 2012. № 3. С. 44–59.

Агапов С.А., Кузьминых С.В. Металл Потаповского могильника в системе Евразийской металлургической провинции // Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: СамГУ, 1994. С. 167–173.

Азаров Е.С. Карта археологических памятников с «текстильной» керамикой позднего периода эпохи бронзы Окского бассейна // ТАС. Вып. 10. Т. 1 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2014. С. 204–212.

Азаров Е.С. Погребальные памятники культуры текстильной керамики Окского бассейна // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / АЕС. Вып. 20 / Отв. ред.: С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 352–373.

Азаров Е.С. К планиграфии поселений культуры «текстильной» керамики позднего бронзового века Поочья. Жилые постройки // Археология Евразийских степей. № 3/ Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Казанская недвижимость, 2017. С. 63-79.

Азаров Е.С. «Богатые» погребения поздняковской культуры: связи, хронология и значение // Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.) / Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. II / Отв. ред. А.В. Поляков, Е.С. Ткач. СПб.: Невская Типография, 2019. С. 171–173.

Акимова М.С. Антропологический тип населения фатьяновской культуры // Труды Института Этнографии. Т. I / Отв. ред. Г. Ф. Дебец и М. Г. Левин. М.; Л., 1947. С. 268–282.

Акимова М.С. Балановский могильник (предварительное сообщение о раскопках в 1940 г.) // КСИИМК. Вып. 16 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.-Л.: АН СССР, 1947. С. 121–130.

Акимова М.С. Палеоантропологические материалы с территории чувашской АССР // КСИЭ. 1955. Вып. 23. С. 78–92.

Акимова М.С. Краниологический очерк удмуртов // Вопросы антропологии. Вып. 10. 1962. С. 110–115

Акимова М.С. Палеоантропологические материалы из Балановского могильника / Бадер О.Н. Балановский могильник (Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы). М.: АН СССР, 1963. С. 322–362.

Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М.: Наука, 1968б. 118 с.

Акимова М.С. Материалы к антропологии древнего населения Южного Урала // Археология и этнография Башкирии / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Т. III. Уфа, 1968а. С. 391–417.

Алабин П.В. Ананьинский могильник // ВРГО. Ч. XXIX. № 6. 1860. С. 87–120.

Алаева И.П. Литейные формы алакульской культуры Зауралья (вопросы отражения уровня развития металлопроизводства) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани / Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Т. I. Казань: Отечество, 2014. С. 520–524.

Алаева И.П. Культурно-хронологическая позиция черкаскульско-межовских комплексов Южного Зауралья (по материалам поселения Чебаркуль III) // Древний Тургай и Великая степь: часть и целое / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Костанай. Алматы, 2015. С. 474–484.

Алексеев В.П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // Антропологический

сборник. III. ТИЭ. Т.71, М., 1961. С. 107–206.

Алексеев В.П. Антропологический тип населения западных районов распространения андроновской культуры // Проблемы этнической антропологии Средней Азии / Отв. ред. Д.Г. Дебец. Ташкент: ТГУ, 1964. С. 20–28.

Алексеев В.П. Антропология андроновской культуры // СА. 1967. № 1. С. 22–26.

Алексеев В.П. К палеоантропологии ананьинской культуры // СЭ. 1980. № 3. С. 53–62.

Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология Азиатской части СССР. М.: Наука, 1984. 208 с.

Алексеева Т.И. К антропологии племен майкопско-новосвободненской общности в Центральном Предкавказье // Памятники археологии и древнего искусства Евразии / Отв. ред. А.Н. Гей. М.: ИА РАН, 2004. С. 168–179.

Алешинская А.С., Кочанова М.Д., Мельников Л.В., Петренко А.Г., Спиридонова Е.А., Хисяметдинова А.А., Чижевский А.А. Палеоландшафт и хозяйственная деятельность населения Волго-Камья в финале бронзового века (по материалам Гулюковской III стоянки) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т.III. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М: ИА РАН, 2008. С. 317–321.

Алешинская А.С., Кочанова М.Д., Мельников Л.В., Петренко А.Г., Спиридонова Е.А., Хисяметдинова А.А., Чижевский А.А. Влияние климатических и ландшафтных условий на хозяйственную деятельность обитателей Гулюковской III стоянки в позднем бронзовом веке // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. Сборник научных статей, посвященный 75-летию д.и.н. Евгения Петровича Казакова / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Фэн, 2009. С. 128–148.

Алешинская А.С., Спиридонова Е.А. Периодизация эпохи бронзы лесной зоны Европейской России (по палинологическим данным) // ТАС. Вып. 4. Ч. 1 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2000. С. 352–358.

Андреев К.М., Выборнов А.А., Кулькова М.А. Новые радиоуглеродные даты комплексов неолитической керамики поселения Лебяжинка IV // Известия СНЦ РАН. 2018. Т.20. № 3. С. 203–207.

Андреев С.И. Энеолитические постройки поселения Коровий Брод // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 12 / Отв. ред. В. В. Килейников. Воронеж: Науч. кн., 2006. С. 66–73.

Андреичева Л.Н., Марченко-Вагапова Т.И., Буравская М.Н., Голубева Ю.В. Природная среда неоплейстоцена и голоцена на Европейском Северо-Востоке России. М.:ГЕОС, 2015. 224 с.

Аптекарев А.З., Козенкова В.И. Клад эпохи поздней бронзы у станицы Упорной (Краснодарский край) // СА. № 3. 1986. С. 121–135.

Арзютов Н.К. К вопросу о так называемой «рогожной» керамике // Труды Нижневолжского науч. общества краеведения. Вып. 35. Ч. 1. Саратов, 1926. С. 79–84.

Арматынская О.В. Тураевский II могильник и Икское III поселение // УАВ. Вып. 6–7 / Отв. ред. Г.Н. Гарустович. Уфа: Гилем, 2007. С. 121–130.

Артеменко И.И. Сосницкая культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Краснов, М.Ф. Косарев. М.: Наука. 1987. С. 106–113.

Артёменко И.И., Пронін Г.М. Пам'ятки абашевської культури на Десні // Археологія. 1976. № 20. С. 66–76.

Археологическая карта России. Владимирская область / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: ИА РАН, 1995. 384 с.

Археологическая карта России. Ивановская область / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: ИА РАН, 1994. 225 с.

Археологическая карта России. Нижегородская область. Ч. 1 / Отв. ред. Т.Д. Николаенко. М.: ИА РАН, 2004. 384 с.

Археологическая карта России. Нижегородская область. Ч. 2 / Отв. ред. Т.Д. Николаенко. М.: ИА РАН, 2008. 464 с.

Археологическая карта Чувашской Республики. Т. 1 / Отв. ред. Е.П. Михайлов, Н.С. Березина. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2013. 304 с.

Археологическая карта Чувашской республики. Т. 2 / Отв. ред. Е.П. Михайлов, Н.С. Березина. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 2014. 312 с.

Археологическая карта Чувашской Республики: Т. 3 / Отв. ред. Е.П. Михайлов, Н.С. Березина. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. 367 с.

Археология Мордовского края: Каменный век, эпоха бронзы / Ред. В.В. Ставицкий, В.Н. Шитов. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Мордовии. 2008. 552 с.

Архипов Г.А. Основные этапы этногенеза марийцев // Древние этнокультурные процессы Волго-Камья / Науч. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МАрНИИ, 1985. С. 5–23.

Архипов Г.А., Воронина Р.Ф., Каховский В.Ф., Краснов Ю.А., Патрушев В.С., Цветкова И.К., Черников В.Ф. Работы Чебоксарской экспедиции // АО-1970 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1971. С. 136–140.

Архипов Г.А., Никитин В.В. Уржумкинское поселение // Из истории и культуры волосовских и ананьинских племён Среднего Поволжья. АЭМК. Вып. 2 / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола, 1977. С. 5–40.

Архипов Г.А., Никитин В.В. Руткинское поселение // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время / АЭМК. Вып. 3 / Отв. ред. Г.А. Архипов, А.Х. Халиков. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1978. С. 64–89.

Архипов Г.А., Никитин В.В. Мазарское I поселение // Материальная и духовная культура марийцев / АЭМК. Вып. 5 / Отв. ред. Г.А. Архипов, Г.А. Сепеев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1981. С. 174–191.

Архипов Г.А., Никитин В.В. Майданское IV поселение // Новые памятники археологии Волго-Камья / АЭМК. Вып. 8 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1984. С. 20–31.

Архипов Г.А., Никитин В.В. Майданские II и III поселения волосовской культуры // Древности Волго-Вятского междуречья / АЭМК. Вып. 12 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1987. С. 25–49.

Архипов Г.А., Никитин В.В., Шикаева Т.Б. Выжумские памятники на реке Ветлуге // Историография и ис-

точниковедение по археологии и этнографии Марийского края. / АЭМК. Вып. 7 / Отв. ред. Г.А. Архипов, Г.А. Сепеев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1984. С. 5–47.

Архипов Г.А., Патрушев В.С. Археологические исследования в Марийской АССР в 1969–1975 гг. // Древние и современные этнокультурные процессы в марийском крае. Йошкар-Ола: Маргнигоиздат, 1976. С. 26–34.

Архипов Г.А., Патрушев В.С., Халиков А.Х. Марийская археологическая экспедиция 1966–1968 // Труды МарНИИ. Вып. 13. Йошкар-Ола, 1971. С. 237–248.

Архипов Г.А., Соловьев Б.С. Сомовское поселение эпохи бронзы // Археологические работы 1980–1986 годов в зоне Чебоксарского водохранилища / АЭМК. Вып. 15 / Научн. ред. Г.А. Архипов, В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1989. С. 95–103.

Астафьев А.В. Новые материалы с полуострова Мангышлак // Неолит и энеолит Северного Прикаспия / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1989. С. 167–180.

Астафьев А.В., Баландина Г.В. Энеолитические памятники хвалынского типа полуострова Мангышлак (к вопросу о генезисе хвалынской культуры) // Проблемы древней истории Северного Прикаспия / Ред. И.Б. Васильев. Самара: СамГПУ, 1998. С. 129–159.

Астафьев А.Е. Неолит и энеолит полуострова Мангышлак. Материалы и исследования по археологии Казахстана. Том VI. Астана: Филиал ИА им. А.Х.Маргулана, 2014. 360 с.

Аськеев И.В., Аськеев О.В., Галимова Д.Н. Природная среда и человек в Волго-Камье и Предуралье (поздний палеолит – средневековье) // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. Сборник научных статей, посвященный 75-летию д.и.н. Евгения Петровича Казакова / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Фэн. 2009. С. 32–112.

Аськеев И.В., Аськеев О.В. Галимова Д.Н. Позвоночные животные, природная среда и человек в голоцене Волжско-Камского края // Динамика экосистем в голоцене: материалы Второй Российской научной конференции «Динамика современных экосистем в голоцене», 12 – 14 октября 2010 г. Екатеринбург; Челябинск: Рифей, 2010. С. 20–24.

Аськеев И.В., Шаймуратова (Галимова) Д.Н., Аськеев О.В. Глава 4. Результаты археозоологического изучения Пестречинских II и IV стоянок на р. Меша // Пестречинские стоянки эпохи раннего металла и раннего железа в Нижнем Прикамье и их природное окружение / Археология Евразийских степей. 2019. № 4. С. 159–178.

Ахмедов И.Р., Луньков В.Ю., Лунькова Ю.В. Абашевские комплексы Старшего Никитинского могильника (по материалам раскопок 2002–2004 гг.) // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 162–181.

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ). Т. 1. Дисс. … канд.ист. наук. Сыктывкар, 1984. 211 с.

Ашихмина Л.И. К вопросу о формировании лебяжской культуры // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ РАН, 1993. Вып. 12. С. 60–76.

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология Евразийских степей. Вып. 19. Казань: ИА АНРТ, Отечество, 2014. 300 с.

Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф. Стоянки эпохи поздней бронзы в Удмуртском Прикамье // Материальная культура финно-угров Приуралья. Ижевск: УдмГУ, 1977. С. 93–138.

Багаутдинов Р.С., Кузьмина О.В., Рослякова Н.В. Могильник «У разъезда «22 км» железной дороги Сызрань-Саратов» // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 5 / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: СНЦ РАН, 2015. С. 206–225

Багаутдинов Р.С., Пятых Г.Г. I курганная группа у с. Преполовенка // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев: КГПИ, 1987. С. 55–67.

Багашёв А.Н. Палеоантропология Западной Сибири. Лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 2000. 371 с.

Бадер О.Н. Первобытное хозяйство на Оке и в Верхнем Поволжье // ВДИ. 1939. № 3. С. 110–123.

Бадер О.Н. Из последних наблюдений над стратиграфией окских стоянок в связи с палеоклиматической схемой Блитта Сернандера // Бюлл. комиссии по изучению четвертичного периода, № 6-7. 1940. С. 41–44.

Бадер О.Н. Могильник в урочище Карабай близ д. Баланово в Чувашии // СА. 1940. № VI. С. 61–88.

Бадер О.Н. Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей // МИА. № 7 / Отв. ред. А.В. Арциховский. М.: АН СССР, 1947. С. 88–176.

Бадер О.Н. К вопросу о балановской культуре // СЭ. 1950. № 1. С. 59–81.

Бадер О.Н. Древнее Поветлужье в связи с вопросами этногенеза мари и ранней истории Поволжья // СЭ. 1951. № 2. С. 15–41.

Бадер О.Н. Стоянка Бор II и предананьинское время в Прикамье // СА. 1954. № XX. С. 180–212.

Бадер О.Н. Поселение Забойное I // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 1 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: ИА АН СССР, 1959. С. 25–62.

Бадер О.Н. Чебаковское поселение эпохи бронзы на р. Суре // Ученые записки ЧНИИ. Вып. XIX. Чебоксары, 1960. С. 126–142.

Бадер О.Н. Балановская культура // СА. 1961. № 4. С. 41–65.

Бадер О.Н. Второе Ново-Ильинское поселение // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 2 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: ИА АН СССР, 1961. С. 22–28.

Бадер О.Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье / МИА. № 99. М.: АН СССР, 1961. 198 с.

Бадер О.Н. Поселения у Бойцова и вопросы периодизации срднекамской бронзы // Отчеты К(В)АЭ. Вып. 2 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: ИА АН СССР, 1961. С. 110–271.

Бадер О.Н. Балановский могильник: Из истории лес-

ного Поволжья в эпоху бронзы. М.: АН СССР, 1963. 372 с.

Бадер О.Н. Древнейшая история Прикамья: Доклад по опубликованным работам, представленный на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1963. 42 с.

Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья. М.: Наука, 1964. 176 с.

Бадер О.Н. Культура с «текстильной» керамикой в Северо-Восточной Европе // СА. 1966. № 3. С. 32–37.

Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.: Наука, 1970. 176 с.

Бадер О.Н. Уральский неолит // МИА. № 166 / Отв. ред. А.А. Формозов. М.: Наука, 1970. С. 157–171.

Бадер О.Н. Бронзовый нож из Сеймы с лошадьми на навершии // Памятники эпохи неолита и бронзы // КСИА. Вып. 127 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1971. С. 98–104.

Бадер О.Н. Новый могильник сейминского типа на Оке и вопрос о связи могильников с поселениями // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век) / Ред. Е.И. Медведев и др. Куйбышев: КГПИ, 1976. С. 44–45.

Бадер О.Н., Выборнов А.А. Саузовская II стоянка в устье р. Белой и некоторые проблемы неолита – энеолита Приуралья // Энеолит Восточной Европы / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КНПИ, 1980. С. 124–137.

Бадер О.Н., Кокарев А.В. Поселение у Малого Борового озера // Отчеты К(В)АЭ. Вып. 2 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: ИА АН СССР, 1959. С. 130–151.

Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь: Пермское книжное изд-во. 1958. 244 с.

Бадер О.Н., Попова Т.Б. Поздняковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Краснов, М.Ф. Косарев. М.: Наука. 1987. С. 131–135.

Бадер О.Н., Соколова З.П. Стоянка Боровое озеро IV на р. Чусовой // СА. 1953. № XVIII. С. 265–280.

Бадер О.Н., Халиков А.Х. Памятники балановской культуры // Археология СССР. САИ. В1-25. М.: Наука, 1976. 168 с.

Бадер О.Н., Халиков А.Х. Балановская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / / Археология СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Краснов, М.Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 76–83.

Бакин О.В. Краткий очерк динамики природных условий юга Вятско-Камского междуречья // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию от-крытия Ананьинского могильника) /Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, 2008. С. 159–169.

Бакин О.В., Панова Н.К., Антипина Т.Г. История Пестречинского торфяника (материалы по истории голоцена Татарстана) // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 4 / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Фолиант, 2011а. С. 189–201.

Бакин О.В., Панова Н.К., Антипина Т.Г. Материалы по истории раннего голоцена Татарстана // Археология и естественные науки Татарстана / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Кн. 4. Казань: Фолиант, 2011б. С. 202–216.

Балабанова М.А. К антропологии населения энеолита – ранней бронзы (по материалам могильников Волгоградской области) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 15. № 1. Волгоград, 2016. С. 72–94.

Балабанова М.А. Антропологический аспект обычая искусственной деформации черепа у населения эпохи средней бронзы нижнего Поволжья и сопредельных территорий // Самарский научный вестник. Т. 7, № 4 (25). Самара: СГСПУ, 2018. С. 219–227.

Балабанова М.А., Марченко И.И., Лимберис Н.Ю. О возможных связях населения Кубани и северного Причерноморья в эпоху средней бронзы // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 1. С. 17–23.

Баранова О.Г. Пути формирования основных флористических комплексов в Вятско-Камском междуречье // Вестн. Удм. ун-та. Сер. Биология. Науки о Земле. Вып. 4. 2010. С. 31–41.

Баринов Д.Г. Новые погребения эпохи средней бронзы в Саратовском Заволжье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов: Дирекция охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры, 1996. С. 84–97.

Баринов Д.Г., Дремов И.И. Новые материалы по эпохе средней бронзы Саратовского Поволжья // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Куйбышев; КГПИ, 1990. С. 60–62.

Барынкин П.П. Кызыл-Хак I – новый памятник позднего энеолита Северного Прикаспия // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев: КГПИ, 1986. С. 80–94.

Барынкин П.П. Энеолитический памятник Каир-шак VI из южной части Волго-Уральского междуречья // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев: КГПИ, 1989. С. 106–118.

Барынкин П.П. Энеолит и ранняя бронза Северного Прикаспия. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1992. С. 26.

Барынкин П.П. Поволжье и Южное Приуралье в период энеолита (к определению основных характеристик культурных процессов) // XV Уральское археологическое совещание / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Оренбургская губерния, 2001. С. 38–40.

Барынкин П.П. Северный Прикаспий в период энеолита и ранней бронзы // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3 / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: СНЦ РАН, 2003. С. 47–60.

Барынкин П.П. Хвалынская культура как феномен степного энеолита Заволжья (к характеристике культурных связей в период позднего неолита – раннего энеолита в степной части Юго-Восточной Европы) // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2 / Отв. ред. Д. А. Сташенков. Самара: СамГУ, 2004. С. 41–49.

Барынкин П.П. Керамика памятников хвалынской культуры Поволжья (к характеристике типологических связей памятников региона) Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследование материалов / Сост. и науч. ред. С.А. Агапов. Самара: Офорт-Пресс, 2010. С. 133–152.

ЛИТЕРАТУРА

Барынкин П.П., Васильев И.Б. Стоянка хвалынской энеолитической культуры Кара-Худук в Северном Прикаспии // Археологические культуры Северного Прикаспия. КГПИ. Куйбышев, 1988. С. 123–142.

Барынкин П.П., Васильев И.Б., Выборнов А.А. Стоянка Кзыл-хак II – памятник эпохи ранней бронзы Северного Прикаспия // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара: СамГПУ, 1998. С. 179–192.

Барынкин П.П., Зудина В.Н., Крамарев А.И., Салугина Н.П., Цибин В.А., Хохлов А.А. Исследование курганов эпохи бронзы у пос. Подлесный на р. Самаре // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4 / Отв. ред. И.Н. Васильева. Самара: Научно-технический центр, 2006. С. 293–314.

Барынкин П.П., Козин Е.В. Некоторые результаты исследований II Большераковской стоянки (о культурно-хронологическом соотношении материальных комплексов памятника) // Древности Восточно-Европейской лесостепи / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Самара: СамГПУ, 1991. С. 94–119.

Барынкин П.П., Козин Е.В. Стоянка Лебяжинка I и некоторые вопросы соотношения нео-энеолитических культур в степном и южном лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья. (К проблеме взаимодействия индоевропейских и финно-угорских культур) / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: СамГПУ, 1995. С. 136–164.

Бахарев С.С., Овчинникова Н.В. Чесноковская стоянка на реке Сок // Древности Восточно-Европейской лесостепи / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Самара: СГПИ, 1991. С. 72–93.

Бахшиев И.И., Куфтерин В.В., Григорьев Н.Н. Самарский II курганный могильник – новый некрополь ямной культуры в Башкирском Зауралье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 11 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Университет, 2014. С. 111–121.

Беговатов Е.А., Марков В.Н. Мурзихинский II могильник // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ, 1992. С. 57–72.

Белановская Т.Д. Хронологическая характеристика многослойного поселения Ракушечный Яр // Хронология неолита Восточной Европы / Отв. ред.: В.М. Лозовский, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов СПб.: ИИМК, 2000. С. 7–8.

Бельтикова Г.В. Иткульский очаг металлургии: ориентация, связи // УИВ. 2002. № 8. С. 142–163.

Березанская С.С. Основные результаты изучения культуры многоваликовой керамики // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979. С. 4–6.

Березанская С.С., Гершкович Я.П. Андроновские элементы в срубной культуре на Украине // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: БашГУ, 1983. С. 100–110.

Березин А.Ю., Березина Н.С., Ставицкий В.В., Сидоров В.В. Утюжский бугор – жертвенный комплекс эпохи энеолита в Среднем Посурье // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. № 8 / Ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ, 2012. С. 84–96.

Березина Н.С. Исследование стоянки Новая Деревня в Цивильском районе Чувашской республики в 2005 году // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. Кн. 2 / Ред. Е.П. Михайлов, Т.Н. Иванова. Чебоксары, 2009а. С. 140–161.

Березина Н.С. Каменный век Чувашского Поволжья // Археология Евразийских степей. 2021. № 1. 261 с.

Березина Н.С., Березин А.Ю. Энеолитические поселения Алатырского Присурья // Чувашская археология. Вып. 3 / Отв. ред. Н.С. Березина, Н.С. Мясников. Чебоксары: ЧГИГН, 2018. С. 215–231.

Березина Н.С., Березин А.Ю., Галимова М.Ш. Предварительные итоги изучения каменного инвентаря стоянки Новая Деревня на р. Цивиль // Влияние природной среды на развитие древних сообществ / Отв. ред. В.В. Никиитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2006. С. 62–65.

Березина Н.С., Березин А.Ю., Коноваленко А.В. Вклад краеведа Юрия Борисовича Новикова в изучение археологических памятников Присурья // Культурная специфика Волго-Сурского региона в эпоху первобытности / Науч. ред.: Н.С. Березина, Е.П. Михайлов. Чебоксары: *ЧГИГН*, 2010. С. 31–67.

*Березина Н.С., Березин Ю.А., Ставицкий В.В., Сидоров В.В. У*тюжский Бугор – жертвенный комплекс эпохи энеолита в Среднем Присурье // Чувашская археология. Вып. 2 / Отв. ред. Н.С. Березина. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. С. 32–53.

Берестнев С.И. Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней-поздней бронзы (II тыс. до н. э.). Харьков: Амет, 2001. 264 с.

Беркалиев Т.А., Кудрина И.С., Лопатин В.А. К вопросу о срубно-поздняковских культурных связях (по материалам Нижнекрасавского некрополя) // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 14 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов, 2018. С. 252–265.

Берсенева Н.А. Возрастная и гендерная дефференциация в обществах Южного Урала II тыс. до н. э. (по материалам погребальных памятников): Автореф. … дисс. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2019. 43 с.

Бибиков С.Н., Збенович В.Г. Ранний этап трипольской культуры // Археология Украинской СССР / Глав. ред. И.И. Артеменко. Киев: Наукова Думка, 1985. С. 193–206.

Благовещенская Н.В. Динамика лесных экосистем верхнего плато Приволжской возвышенности в голоцене // Экология. 2006. № 2. С. 83–88.

Благовещенская Н.В. Динамика растительного покрова центральной части Приволжской возвышенности в голоцене. Ульяновск: УлГУ, 2009. 283 с.

Благовещенская Н.В. Лесорастительные зоны центральной части Приволжской возвышенности в голоцене и их корреляция с сопредельными регионами // УЗ. Казан. ун-та. Сер. Естественные науки. Т. 161, кн. 1. 2019. С. 108–127.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978. 275 с.

Бобров В.В., Кузьминых С.В., Тенейшвили Т.О. Древняя металлургия Среднего Енисея (лугавская культура).

Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 99 с.

Богаткина О.Г. Определение костных остатков животных из II Хвалынского могильника // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура / Науч. ред. С.А. Агапов. Самара: СРОО ИЭКА «Поволжье», 2010. С. 400–402.

Богданов С.В. Отчет о раскопках Оренбургской области у с. Краснохоли в Илекском районе по Открытому листу № 301 и в окрестностях с. Линевка Соль-Илецкого района по Открытому листу № 849 в 1988 г. Оренбург, 1988 / Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1, № 13567.

Богданов С.В. Большой Дедуровский Мар // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. II / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург, 1998: ОГПУ. С. 17–37.

Богданов С.В. Древнейшие курганные культуры степного Приуралья. Проблемы культурогенеза. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Уфа: УНЦ РАН ИИЯЛИ, 1999. 17 с.

Богданов С.В. Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 286 с.

Богданов С.В. Гипотеза об участии древнеямной традиции в генезисе культуры синташтинских памятников: pro et contra // Материалы международной научной конференции «Кадырбаевские чтения» / Отв. ред. А.А. Бисембаев. Актобе: ПринтА, 2007. С. 58–61.

Богданов С.В. Проблема участия древнеямной традиции в генезисе культуры синташтинских памятников // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. Ч. 2 / Отв. ред. Д.Г. Зданович. Челябинск: ЧелГУ, 2010. С. 8–14.

Богданов С.В., Хохлов А.А. Энеолитический могильник Красноярка // Известия СНЦ РАН. Т.14. № 3. 2012. С. 205–213.

Большов С.В. Поселение Большая Гора (предварительные результаты исследования) // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья / АЭМК. Вып. 24 / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1995. С. 50–60.

Большов С.В. Сутырская I стоянка // Новые археологические открытия в Среднем Поволжье / Отв. ред. Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2000. С. 28–37.

Большов С.В. Средневолжская абашевская культура / Труды МАЭ. Т. VIII. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2003. 182 с.

Большов С.В. Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы (проблемы культурогенеза первой половины II тыс. до н. э.). Йошкар-Ола: МарНИИ, 2006. 232 с.

Большов С.В., Инягин П.Г, Казаков А.Ю., Николаев В.В. Работы Республиканского краеведческого музея в зоне Чебоксарского водохранилища // Археологические работы 1980–1986 годов в зоне Чебоксарского водохранилища / АЭМК. Вып. 15 / Отв. ред. Г.А. Архипов, В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1989. С. 183–190.

Большов С.В., Кузьминых С.В., Соловьев Б.С. К вопросу о поселениях культуры «текстильной» керамики в Среднем Поволжье // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья / АЭМК. Вып. 24. / Отв. ред. Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1995. С. 89–99

Бондарь Н.Н. Поселения Среднего Поднепровья эпохи ранней бронзы. Киев: Вища шк., 1974. 176 с.

Борисов А.В., Демкина Т.С., Демкин В.А. Палеопочвы и климат Ергеней в эпоху бронзы (IV–II тыс. до н. э.). М.: Наука, 2006. 210 с.

Борисов А.В., Мимоход Р.А., Демкин В.А. Палеопочвы и природные условия южнорусских степей в постката-комбное время // КСИА. 2011. Вып. 225. С. 144–154.

Борисова О.К. Изменения растительности и климата умеренных широт Южного полушария за последние 130000 лет (в сопоставлении с Северным полушарием). Автореф. дис… докт. геогр. наук. М., 2007. 50 с.

Борисова О.К. Ландшафтно-климатические изменения в умеренных широтах Северного и Южного полушария за последние 130 000 лет. М.: ГЕОС, 2008. 264 с.

Бочкарев В.С. К вопросу о хронологическом соотношении Сейминского и Турбинского могильников // Проблемы археологии Поднепровья / Отв. ред. И.Ф. Ковалева. Днепропетровск: ДГУ. 1986. С. 78–111.

Бочкарев В.С. Волго-уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте / Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: ИИМК АН СССР, 1991. С. 24–27.

Бочкарев В.С. Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы / Отв. ред. В.С. Бочкарев. СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 19–29.

Бочкарев В.С. Волго-Уральский регион в эпоху бронзы // История татар с древнейших времен: Народы степной Евразии в древности. Т. I / Глав. ред. М. Усманов, Р. Хакимов. Казань: Рухият, 2002. С. 46–68.

Бочкарев В.С. Знаменская находка // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 6 / Ред. В.А. Лопатин. Саратов: Научная книга, 2008. С. 245–252.

Бочкарев В.С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. Спб.: Инфо Ол, 2010. 231 с.

Бочкарев В.С. О функциональном назначении петельушек у наконечников копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Сибири // Бочкарев В.С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. Спб.: ИИМК, 2010. С. 123–143.

Бочкарев В.С. К вопросу об использовании металлических серпов и серповидных орудий в степных (скотоводческих) культурах эпохи поздней бронзы Восточной Европы // Российский археологический ежегодник. 2012. № 2. С. 194–214.

Бочкарев В.С. «Радиокарбонная революция» и проблема периодизации памятников эпохи бронзы южной половины Восточной Европы // Принципы датирования памятников эпохи бронзы, железного века и средневековья: Материалы российско-германского коллоквиума. СПб.: ИИМК РАН; СПбГУ, 2013. С. 59–77.

Бочкарев В.С. Эпоха бронзы в Восточной Европе // Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетия до н. э. Каталог выставки. Спб.: Чистый лист, 2013. С. 47–64.

ЛИТЕРАТУРА

Бочкарев В.С. Периоды развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // АВЕС, Вып.12 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: СарГУ, 2016. С. 109–160.

Бочкарев В.С. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // Stratum plus. 2017. № 2. С. 159–204.

Бочкарев В.С., Кузьмина О.В. О новом типе проушных топоров начальной поры эпохи поздней бронзы Доно-Волго-Уралья // Самарский край в истории России. Вып. 5 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ, 2015. С. 107–114.

Браташова С.А. Мегалиты Сосновки // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 9 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Полиграфия Поволжья, 2009. С. 74–90.

Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. (Периодизация и хронология памятников). Киев: Наукова Думка, 1976. 252 с.

Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. К.: Наукова Думка, 1976. 252 с.

Братченко С.Н. Пряжки эпохи поздней бронзы и их северокавказские формы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы / Отв. ред. В.С. Бочкарев. СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 8–26.

Братченко С.Н., Санжаров С.М. Рідкісні бронзові знаряддя з катакомб Сіверськодонеччини та Донщини III тис. до н.е. Луганськ: СНУ им. В. Даля, 2001. 108 с.

Бровендер Ю.М. Степановский микрорайон памятников эпохи бронзы на Донецком кряже // Донецький археологічний збірник. № 17 / Глав. ред. Р.А. Ливиненко. Донецьк: Донецьк. ун-т, 2013. № 17. С. 35–55.

Брюсов А.Я. История древней Карелии // Труды ГИМ, Т. IX. М., 1940. 320 с.

Брюсов А.Я. «Сетчатая» керамика // СА. 1950. Т. XIV. М.: АН СССР. с. 287–305.

Брюсов А.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: АН СССР, 1952. 264 с.

Брюсов А.Я. Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тыс. до н. э. // СА. 1961. № 3. С. 14–33.

Брюсов А.Я. Восточная Европа в III тыс. до н. э. (этногенетический очерк) // СА. 1965. № 2. С. 47–57.

Брюсов А.Я., Зимина М.П. Каменные сверленые боевые топоры на территории европейской части СССР // САИ. В4-1. М.: Наука, 1966. 99 с.

Бугров Д.Г., Линкина Л.И., Мельников Л.В., Николаева К.В. К вопросу землепользования населения пьяноборской культуры (по материалам комплексного исследования Тойгузинского II городища) // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 4 / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Фолиант, 2011. С. 225–244.

Буйнов Ю.В. Памятники бондарихинской культуры в Среднем Поочье // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Т. 14. 2016. С. 74–89.

Булычев Н.И. Древности из Восточной России. Вып. I. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1902. 33 с., с XIII табл.

Бунак В.В. Человеческие расы и пути их образования // СЭ. 1956. № 1. С. 86–105.

Бунак В.В. Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас. М.: АН СССР, 1959. 284 с.

Буравская М.Н., Голубева Ю.В. Расчленение голоценовых отложений в среднем течении реки Ижмы по результатам комплексного анализа // Труды XII Всероссийской Палинологической конференции «Палинология: стратиграфия и геоэкология». Т. II / отв. ред. О. М. Прищепа, Д.А. Субетто, О.Ф. Дзюба. СПб.: ВНИГРИ, 2008. С. 107–109.

Буров Г.М. Вычегодский край. Очерки древней истории. М.: Наука, 1965. 200 с.

Буров Г.М. Древний Синдор (из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тысячелетии до н. э. – I тысячелетии н. э.). М.: Наука, 1967. 220 с.

Буров М.Г. Археологические памятники Верхней Свияги. Ульяновск: Приволж. кн. изд-во. Ульян. отд-ние, 1972. 56 с.

Буров Г.М. Археологические культуры Севера европейской части СССР (Северодвинский край): Учебное пособие для студентов-историков. Ульяновск: Ульян. пед. ин-т, 1974. 120 с.

Буров Г.М. Археологическая карта Ульяновской области. Симферополь, 1977 / Научный архив УОКМ. Д. 858. 491 с.

Буров Г.М. Медно-бронзовый век Ульяновского Поволжья: путеводитель по археолог. Памятникам. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1981. 102 с.

Буров Г.М. Крайний Северо-Восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла: Автореф. дис... д.и.н. Новосибирск, 1986. 37 с.

Буров Г.М. Поселение Кирокса и мармугинский тип энеолитических поселений в Северодвинском крае // Энеолит лесного Урала и Поволжья / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск: УИИЯЛ, 1990. С. 105–119.

Буров Г.М. Рецензия на книги: Стоколос В.С. Древние поселения Мезенской долины. М.: Наука, 1986; Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М.: Наука, 1988 // РА. 1992. № 3. С. 236–246.

Быков В.Ю. Многослойный памятник у села Ладонка // АВЕС. Вып.12 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: СарГУ, 2016. С. 193–201.

Ванкина Л.В. Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига: Зинатне, 1970. 268 с.

Василенко А.И. О щитковых псалиях с шипами бабинской культуры (к вопросу о происхождении колесничества) // Происхождение и распространение колесничества / Автор проекта А.И. Василенко. Луганск: Глобус, 2008. С. 130–165.

Васильев Е.А., Глызин И.П. Ясунская энеолитическая культура севера Западной Сибири // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний / Отв. ред. М.П.Чёрная. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 121–124.

Васильев И.Б. «Загадочная» керамика // Самарская Лука в древности / Краеведческие записки. Вып. III / Отв. ред. О.Н. Бадер. Куйбышев: ККИ, 1975. С. 76–83.

Васильев И.Б. Остатки бронзового века в пещере братьев Греве // Самарская Лука в древности / Краеведческие записки. Вып. III / Отв. ред. О.Н. Бадер. Куй-

бышев: ККИ, 1975. С. 84–92

Васильев И.Б. Памятники бронзового века в окрестностях г. Куйбышева // Самарская Лука в древности / Краеведческие записки. Вып. III / Отв. ред. О.Н. Бадер. Куйбышев: ККИ, 1975. С. 49–75.

Васильев И.Б. Южные районы лесостепного Поволжья в волосовское время // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время / АЭМК. Вып. 3 / Ред. Г.А. Архипов, А.Х. Халиков. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1978. С. 169–184.

Васильев И.Б. Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы // Древняя история Поволжья / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: КГПИ, 1979. С. 24–56.

Васильев И.Б. Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // Археология Восточно-Европейской лесостепи / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: ВГУ, 1980. С. 32–58.

Васильев И.Б. Энеолит лесостепного Поволжья // Энеолит Восточной Европы / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1980. С. 27–52.

Васильев И.Б. Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев: КГПИ., 1981. 129 с.

Васильев И.Б. Могильник мариупольского времени в Липовом овраге на севере Саратовской области // Древности Среднего Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1985. С. 3–19.

Васильев И.Б. Отчет о раскопках Красноярском районе Куйбышевской области в 1985 г. / Архив ИА РАН. Фонд-1. Р 1. № № 12813, 12814.

Васильев И.Б. Поздний энеолит юга лесостепного Поволжья // Энеолит лесного Урала и Поволжья / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск: УИИЯЛ, 1990. С. 52–69.

Васильев И.Б. Поселение Лбище на Самарской Луке и некоторые проблемы бронзового века Среднего Поволжья //Вопросы Археологии Урала и Поволжья. Самара, 1999. с. 66–114.

Васильев И.Б. Некоторые итоги изучения энеолита Волго-Уральской степи и лесостепи // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдмГУ, 2000. С. 81–84.

Васильев И.Б. Вольск-Лбище – новая культурная группа эпохи средней бронзы в Волго-Уралье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие / Ред. В.С. Бочкарев и др Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 107–115.

Васильев И.Б. Хвалынская энеолитическая культура Волго-Уральской степи и лесостепи (некоторые итоги исследования) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3 / Ред. И.Б. Васильев. Самара, СНЦ РАН, 2003. С. 61–99.

Васильев И.Б. Погребение в «позе сидя» у с. Старое Кабаново в Башкирии // Вопросы археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. И.Н. Васильева. Самара, 2004. С. 50–66.

Васильев И.Б. Срубная культура лесостепного Поволжья и Приуралья // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции. Краеведческие записки. Вып. XV / Отв. ред. Л.В. Кузнецова. Самара: Офорт, 2010. С. 64–86.

Васильев И.Б. Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 5 / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: СНЦ РАН, 2015. С. 4–48.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Габяшев Р.С., Моргунова Н.Л., Пенин Г.Б. Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье // Энеолит Восточной Европы / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1980. С. 151–188.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Моргунова Н.Л. Рецензия: Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. М., 1982 // СА. № 2. 1985. С. 280–290.

Васильев И.Б., Габяшев Р.С. Взаимоотношения энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Приуралья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла / Гл. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1982. С. 3–23.

Васильев И.Б., Иванов В.А., Обыденнов М.Ф. Итоги исследований стоянки им. М.И. Касьянова в Гафурийском районе ТАССР // Бронзовый век Южного Приуралья / Отв. ред М.Ф. Косарев. Уфа: БГПИ, 1985. С. 21–40.

Васильев И.Б., Колев Ю.И., Кузнецов П.Ф. Новые материалы бронзового века с территории Северного Прикаспия // Древние культуры Северного Прикаспия / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ. 1986. С. 108–149.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф. Полтавкинские могильники у с. Красносамарское в лесостепном Поволжье // Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж: ВГПИ, 1988. С. 35–59.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф. Памятники вольско-лбищенского типа // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Ред. Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов, М.А. Турецкий. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 65–84.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф. Керамика бронзового века с вершины Царева Кургана // Царев курган: каталог археологической коллекции / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОКМ, 2003. С. 43–50.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Погребения знати эпохи бронзы в Среднем Поволжье // Археологические вести. Вып. 1 / Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: ИИМК РАН, 1992. С. 52–63.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: СамГУ, 1994. 208 с.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Турецкий М.А. Ямная и полтавкинская культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Ред. Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов, М.А. Турецкий. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 6–64.

Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П. Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность (проблемы формирования и периодизации). Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: КГПУ, 1985. С. 60–94.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // СА. 1979. № 4. С. 147–166.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев: Куйб. обл. изд-во.

1986. 231 с.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И., Тихонов Б.Г. Поселение Лбище на Самарской Луке // Археологические исследования в Среднем Поволжье / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1987. С. 40–54.

Васильев И.Б., Непочатых В.А. Новая стоянка в Хвалынском районе Саратовской области // Труды Средневолжской археологической экспедиции / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1977. С. 66–76.

Васильев И.Б., Овчинникова Н.В. Энеолит / История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / Гл. ред. П.С. Кабытов. Самара: СНЦ РАН, 2000. с. 216–277.

Васильев И.Б., Пенин Г.Г. Елшанские стоянки на реке Самаре в Оренбургской области // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев: КГПИ. 1977. С. 3–22.

Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи (вопросы происхождения и периодизации культур). Куйбышев: КГПИ, 1985. 118 с.

Васильев С.Ю. Древние стоянки местечка «Борок». Поселение Павшино-2 // Великий Устюг. Краеведческий альманах. Вып. 1 / Глав. ред. В.А. Саблин. Вологда: Русь, 1995. С. 43–56.

Васильев С.Ю., Суворов А.В. Новые материалы к археологической карте долины р. Юг (по итогам работ Югского археологического отряда НПЦ «Древности Севера» // Великий Устюг. Краеведческий альманах. Вып. 2 / Глав. ред. В.А. Саблин. Вологда: Русь, 2000. С. 5–31.

Васильева И.Н. Технология керамики могильника у с. Съезжее // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 1999. С. 191–216.

Васильева И.Н. О технологии керамики I Хвалынского энеолитического могильника // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 2 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СамГПУ, 2002. С. 15–49.

Васильева И.Н. Сравнительный анализ керамики Съезженского и I и II Хвалынских могильников // РА. 2005. № 3. С. 57–84.

Васильева И.Н. Гончарная технология энеолитического населения Волго-Уралья как источник по истории формирования ямной культуры // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Оренбург: ОГПУ, 2006. С. 17–23.

Васильева И.Н. К вопросу о развитии гончарных традиций в эпоху неолита // Культурная специфика Волго-Сурского региона в эпоху первобытности / Науч. ред.: Н.С. Березина, Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2010. С. 97–118.

Васильева И.Н. О технологии керамики I Хвалынского могильника // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов / Сост. и науч. ред. С.А. Агапов. Самара: СРОО ИЭКА «Поволжье», 2010. С. 153–179.

Васильева И.Н. Технология изготовления керамики II Хвалынского могильника // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов / Сост. и науч. ред. С.А. Агапов. Самара: СРОО ИЭКА «Поволжье», 2010. С. 180–216.

Васильева И.Н., Королев А.И., Шалапинин А.А. Энеолитический керамический комплекс поселения Лебяжинка VI: морфология и технология // Феномены культур энеолита – раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н. э. / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 28–42.

Васильева И.Н., Кулакова Л.С., Салугина Н.П. Новые памятники срубной культуры на востоку Самарской области // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области) / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: Министерство культуры Самарской области, 2012. С. 198–222.

Васкс А.В. Керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа как исторический источник: Автореф. дисс… канд. ист. наук. Л., 1983. 20 с.

Васкс А.В. Керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа Латвии. Рига: Зинатне, 1991. 198 с.

Васкул И.О. Шиховской геоархеологический микрорайон // Вторые Мяндинские чтения. Т. 2 / Отв. ред. Т.Ф. Волкова. Сыктывкар: Кола, 2011. С. 4–11.

Викторова В.Д. Коптяковская культура в горно-лесном Зауралье // Третьи Берсовские чтения. Екатеринбург: Банк культур. информ., 1999. С. 49–54.

Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.П. Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1980. С. 184–199.

Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века. Кривое озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 2003. 360 с.

Виноградов Н.Б., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В., Медведева П.С. Образы эпохи. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: АБРИС, 2017. 400 с.

Вискалин А.В. Результаты исследования шестого жилища Ховринского энеолитического поселения // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. / Отв. ред. И.Н. Васильева. Самара: СГПУ, 2006. С. 191–200.

Вискалин А.В. Комплекс лесного энеолита в лесостепных районах Волго-Уральского междуречья // Археология Восточноевропейской лесостепи. Т. 2. Вып. 2 / Отв. ред. В.В. Ставицкий. Пенза: ПГКМ, 2008. С. 39–49.

Вискалин А.В. Охранные исследования селища Мамыково I // Археологические открытия в Самарской области 2017 года / Отв. ред Д.А. Сташенков. Самара: ИИА Поволжья. 2018. С. 28–29.

Вискалин А.В., Березина Н.С., Березин А.Ю., Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В., Коноваленко А.В. Исследование многослойного поселения Утюж I на Суре // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. Кн. 2 / Ред. Е.П. Михайлов, Т.Н. Иванова. Чебоксары, 2009. С. 41–72.

Вискалин А.В., Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В. Энеолитическое поселение Ховрино в Посурье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 2 / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СамГПУ, 2002. С. 58–80.

ЛИТЕРАТУРА

Вискалин А.В., Выборнов А.А., Ставицкий В.В. Мезолитический комплекс Ховринского поселения на р. Барыш // Древности Окско-Сурского междуречья. Вып. 2 / Отв. ред. В.В. Гришаков. Саранск: МГПИ, 2000. С. 12–22.

Вискалин А.В., Овчинникова Н.В. Ховринское поселение эпохи раннего металла в Восточном Посурье (итоги исследования 1994 года) // Археология Восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. В.В. Ставицкий. Пенза: Пенз. гос. объед. краевед музей; ПензГПУ, 2003. С. 208–219.

Вихляев В.И. Керамика Новопшеневского городища в Мордовии // СА. 1986. № 1. С. 198–208.

Вихляев В.И., Ставицкий В.В. Энеолитическое поселение Машкино 10 // Пензенский археологический сборник Вып. 1 / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: ПГПУ, 2007. С. 27–31.

Вихляев В.И., Ставицкий В.В. Поселение эпохи бронзы Шаверки 2 на Средней Мокше // Древности Окско-Сурского междуречья. Вып. 3 / Отв. ред. В.В. Гришаков. Саранск: МГПИ, 2009. С. 40–51.

Волкова Е.В. Гончарство фатьяновских племен. М.: Наука, 1996. 121 с.

Волкова Е.В. Топоры фатьяновских могильников у д. Новинки (Калининский р-н Тверской обл.) // РА. 2010. № 2. С. 18–24.

Волкова Е.В. Культурный состав населения и относительная периодизация жилищ поселения Галанкина Гора (по данным изучения керамики) // КСИА. 2018. Вып. 249. Ч. 1. С. 153–166.

Волкова Е.В. Отражение в гончарных традициях контактов фатьяновско-балановского и поздневолосовского населения // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. № 2. с. 129–135.

Воробьев Н.И., Климов И.М. К истории восстановления Общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете // ИОАИЭ. Казань, 1963. № 1 (36). С. 13–23.

Воронин К.В. К вопросу о происхождении и развитии культуры сетчатой керамики бронзового века // ТАС. Вып. 3 / И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 1998: ТГОМ. С. 66–76.

Воронин К.В. От социальной адаптации к культурной интеграции (к вопросу о взаимодействии культурных традиций бронзового века в Волго-Окском бассейне) // ТАС. Вып. 3 / И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 1998: ТГОМ. С. 37–43.

Воронин К.В. Стоянка Липовка 3 – однослойный памятник чирковской культуры центральной части Волго-Окского междуречья // ТАС. Вып. 4. Т. 1 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2000. С. 371–381.

Воронин К.В. Комплексы бронзового века поселений Песочное 1 и Дмитриевская слобода // ТАС. Вып. 9 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2013. с. 329–344.

Воронин К.В., Сидоров В.В. Стоянка эпохи бронзы на р. Юхоть // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 1. Иваново, 1994. С. 68–72.

Восточноевропейские леса: история в голоцене и современность; Кн.1 / ред. О.В. Смирнова. М.: Наука, 2004. 479 с.

Выборнов А.А. Шигоны II – новый памятник волосовского типа в Куйбышевской области // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. ТДК. Оренбург: ОГПУ, 1980. С. 7–8.

Выборнов А.А. Гребенчатая неолитическая керамика лесного Волго-Камья (Итоги и перспективы изучения) // Проблемы изучения археологической керамики / Отв. ред. А.А. Бобринский. Куйбышев: КГПИ, 1988. С. 62–78.

Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ, 2008. 490 с.

Выборнов А.А., Андреев К.М., Барацков А.В., Гречкина Т.Ю., Лычагина Е.Л., Наумов А.Г., Зайцева Г.И., Кулькова М.А., Гослар Т., Оймонен М., Посснерт Г. Новые радиоуглеродные данные для материалов неолита-энеолита Волго-Камья // Известия СНЦ РАН. Т. 16. № 3, 2014. С. 242–248.

Выборнов А.А., Елизаров А.Б., Овчинникова Н.В. Поселение Сауз II и проблема периодизации эпохи раннего металла Нижней Белой // Древности Среднего Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1985. С. 30–50.

Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. О корректировке абсолютной хронологии неолита и энеолита Северного Прикаспия // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. С. 191–193.

Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. К радиокарбонной хронологии неолита Среднего Поволжья: восточный регион // РА. 2009. № 3. С. 58–65.

Выборнов А.А., Королёв А.И. Поселение Имерка IV в Примокшанье // Древние культуры лесостепного Поволжья / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: СамГПУ, 1995. С.110–123.

Выборнов А.А., Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т. Поселение Сауз I в устье реки Белой // Эпоха меди юга Восточной Европы / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1984. С. 3–21.

Выборнов А.А., Овчинникова Н.В. Итоги изучения поселения Сауз II (1980) // Древние и средневековые культуры Поволжья / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГУ, 1981. С. 33–52.

Выборнов А.А., Третьяков В.П. Поселение Новый Усад IV // Эпоха меди юга Восточной Европы / отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1984. С. 91–100.

Выборнов А.А., Третьяков В.П. Поселение Имерка VI // КСИА. Вып. 185 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1986. С. 88–92.

Высоцкий Н.Ф. Каменный век в Казанской губернии // ИОАИЭ. 1908. Т. XXIII. Вып. 6. С. 436–447.

Высоцкий Н.Ф. Следы каменного века в Казанской губернии. Очерк по доисторической археологии и антропологии северо-восточной России // Известия северо-восточного археологического и этнографического и этнографического института в гор. Казани. Т. I. Казань, 1920. С. 25–40.

Высоцкий Н.Ф. Село Карташиха в археологическом отношении // Казанский губернский музей за 25 лет. Юбилейный сборник статей. Казань, 1923. С. 32–37.

ЛИТЕРАТУРА

Вязов Л.А., Мясников Н.С., Михайлов Е.П., Ершова Е.Г., Блинников М.С., Пономаренко Е.В. Большеалгашинское городище в Нижнем Посурье // Поволжская археология. 2019. № 1. С. 104–127.

Габяшев Р.С. Второе Татарско-Азибейское поселение // Древности Икско-Бельского междуречья / Отв. ред. О.Н. Бадер. Казань: ИЯЛИ, 1978. С. 40–66.

Габяшев Р.С. О памятниках волосово-турбинского типа в Икско-Бельском междуречье // Лесная полоса Восточной Европы в волосово-турбинское время / АЭМК. Вып. 3 / Ред. Г.А. Архипов, А.Х. Халиков. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1978. С. 148–159.

Габяшев Р.С. Русско-Азибейская стоянка // Древности Икско-Бельского междуречья / Отв. ред. О.Н. Бадер. Казань, 1978. С. 22–39.

Габяшев Р.С. Поздний неолит и эпоха раннего металла восточных районов Татарии // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла / Гл. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1982. С. 28–36.

Габяшев Р.С. Новые материалы с Тенишевского могильника // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ, 1992. С. 31–47.

Габяшев Р.С. Культурно-хронологические группы в энеолите Нижнего Прикамья // Памятники древней истории Волго-Камья / Вопросы археологии Татарстана. Вып. 1 / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1994. С. 16–39.

Габяшев Р.С. Население Нижнего Прикамья в V–III тысячелетиях до нашей эры. Казань: Фэн, 2003. 224 с.

Габяшев Р.С., Беговатов Е.А. Тенишевский («Сорокин Бугор») энеолитический могильник (предварительная публикация) // Новые памятники археологии Волго-Камья / АЭМК. Вып. 8 / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1984. С. 64–83.

Габяшев Р.С., Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., Хлебникова Т.А. Археологические памятники Татарии в зоне Куйбышевского водохранилища // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: КФАН СССР, 1976. С. 3–34

Габяшев Р.С., Старостин Н.П. О памятниках волосовско-турбинского типа в Икско-Бельском междуречье // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время / АЭМК. Вып. 3 / Ред. Г.А. Архипов, А.Х. Халиков. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1978. С. 148–159.

Габяшев Р.С., Старостин П.Н. Жилища эпохи бронзы второй Дубовогривской стоянки // Древности Икско-Бельского междуречья / Отв. ред. О.Н. Бадер. Казань: ИЯЛИ, 1978. С. 109–120.

Гаврилова И.В. Древнейшее прошлое Костромского Поволжья (по данным археологии) Автореф. дисс… канд. ист. наук. Л., 1968. 24 с.

Гадзяцкая О.С. Раскопки стоянки Сахтыш II в Тейковском районе Ивановской области // Отчет Верхневолжской экспедиции о результатах археологических работ в 1966 году в Ивановской, Костромской, Ярославской и Калининской областях. М., 1967 / Архив ИА АН СССР. Р-1, № 3385, с. 49–55.

Гадзяцкая О.С. Памятники фатьяновской культуры. Ивановско-горьковская группа. САИ. М.: Наука, 1976. Вып. В1-21. 136 с.

Гадзяцкая О.С. Фатьяновский компонент в культуре поздней бронзы Волго-Клязьминского междуречья // СА. 1992. № 1. С. 122–141.

Гадзяцкая О.С., Крайнов Д.А. Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья // КСИА. Вып. 100 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Наука, 1965. С. 29–39.

Гадзяцкая О.С., Крайнов Д. А. Стоянка Сахтыш II / Отчет Верхневолжской экспедиции о результатах археологических работ в 1966 году в Ивановской, Костромской, Ярославской и Калининской областях. М., 1967 / Архив ИА АН СССР. Р-1, № 3385, с. 36 и след.

Газимзянов И.Р. Реконструкция этногенетических процессов на Средней Волге в конце эпохи поздней бронзы и раннего железа по данным антропологии // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Вып. 8. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕГМЗ, 2009. С. 185–195.

Газимзянов И.Р., Хохлов А.А. Антропологический состав населения Среднего Поволжья переходного периода от поздней бронзы к раннежелезному веку // Филология и культура. Казань, 2012. № 2 (28). С. 204–216.

Гайдученко Л.Л. Время появления и особенности древнейшего степного животноводства в Казахстане // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана: Сборник научных статей, посвященный 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Астана: Сарыарка, 2014. С. 211–214.

Гак Е.И. К вопросу об эволюции топоров-тесел в металлопроизводстве культур катакомбной общности // Проблемы археологии Нижнего Поволжья / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2004. С. 75–79.

Гак Е.И., Калмыков А.А., Мимоход Р.А. Сурьмяные украшения в погребениях лолинской культуры юго-запада степного Ставрополья // Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий / Отв. ред. М.С. Гаджиев. Владикавказ: СОИГСИ, 2008. С. 119–123.

Гак Е.И., Мимоход Р.А. Металлокомплекс памятников посткатакомбного горизонта Предкавказья // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе / Редкол.: М. С. Гаджиев и др. Махачкала: Эпоха, 2007. С. 89–96.

Гак Е.И., Мимоход Р.А., Калмыков А.А. Сурьма в бронзовом веке Кавказа и юга Восточной Европы // Археологические вести. Вып. 18 / / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, Дмитрий Буланин, 2012. С. 174–203.

Галимова М.Ш. Отчет об охранных раскопках Мизиновской I стоянки, расположенной в устье реки Свияга в Зеленодольском районе Республики Татарстан в 2005 году. Казань, 2006 / Научный фонд МАРТ ИА

им. А.Х. Халикова АН РТ. Ф-4, О-1. 14 с. 70 рис.

Галимова М.Ш. Отчет о результатах охранных археологических исследований Пестречинской IV стоянки в Пестречинском районе Республики Татарстан в 2011 году. / Научный фонд МАРТ ИА им. А.Х. Халикова АН РТ. Ф-4, О-1. Казань, 2012. 162 л.

Галимова М.Ш., Казаков Е.П. Исследования Старокуйбышевского могильника. // Эпоха бронзы Нижнего Прикамья. Тез. науч. конф. Казань: НЦАИ ИИ АН РТ. 1996. С. 5–6.

Галимова М.Ш., Лыганов А.В. Глава 8. Отрасли хозяйства населения Нижнего Прикамья в позднем энеолите и в начале позднего бронзового века (по материалам Пестречинских стоянок) / Археология Евразийских степей. 2019. № 4. С. 259–263.

Галимова М.Ш., Хисяметдинова А.А., Аськеев И.В., Шаймуратова (Галимова) Д.Н., Аськеев О.В. Природное окружение и хозяйственная деятельность обитателей стоянки Пестречинская 2 на р. Мёша // Поволжская археология. 2016. № 3. С. 168–193.

Галкин Л.Л. Северный Прикаспий в древности // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла / Гл. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1982. С. 135–148.

Гарустович Г.Н., Савельев Н.С. Исследования памятников эпохи бронзы – раннего железного века в горном течении р. Белой (к вопросу об этнокультурных реликтах на Южном Урале) // УАВ. 2004. Вып. 5. С. 93–118.

Гасилин В.В. Фауна крупных млекопитающих Урало-Поволжья в голоцене. Диссертация на соискание ученой степени кандидата биологических наук. Екатеринбург, 2009. 323 с.

Гей А.Н. Новотиторовская культура. М.: Старый сад, 2000. 224 с.

Гей А.Н. Булавки-рогатки и антропоморфные шпатели // Проблемы археологии Евразии / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. М.: ИА РАН, 2002. С. 127–140.

Генинг В.Ф. Новый могильник сейминско-турбинского типа в Удмуртском Прикамье // Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 1975. С. 211–220.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск: Юж. Урал. кн. изд., 1992. 408 с.

Генинг В.Ф., Совцова Н.И. О западносибирском компоненте в сложении ананьинской этнической общности // УЗ ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь, 1967. С. 51–71.

Генинг В.Ф., Старостин П.Н. Кумысские стоянка и могильник // Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции. Вып. 1 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Знание, 1972. С. 87−104.

Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К. Археологические памятники у села Рождествено. Казань: КГУ, 1962. 128 с.

Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу // ТИЭ. Новая серия. Т. XXVIII. М.: АН СССР, 1955. 584 с.

Герасимова М.М. Черепа из погребений срубной культуры в Среднем Поволжье // КСИИМК. Вып. 71 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: АН СССР, 1958. С. 72–77.

Герасимова М.М., Калмыков А.А. Палеоантропологические исследования погребений лолинской культуры // Вестник антропологии. 2007. Вып. 15. Ч. II. С. 246–255.

Герасимова М.М., Пежемский Д.В., Яблонский Л.Т. Палеоантропологические материалы майкопской эпохи из Центрального Предкавказья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VII. Археология, палеоантропология, краеведение, музееведение. М.: Памятники ист. мысли, 2007. С. 91–121.

Гершкович Я.П., Панковский В.П., Шамрай А.В. Клад бронзовых изделий из леса у села Крестище (Славянский р-н Донецкой области, Украина) // Revista Arheologică. Serie nouă vol. IX. Nr. 1. 2013. P. 188–197.

Гинзбург В.В. Этногенетические связи древнего населения сталинградского Заволжья (по антропологическим материалам Калиновского могильника) // МИА. № 60 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: АН СССР, 1959. С. 525–593.

Гинзбург В.В. Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы. (Захоронения могильника Тасты-Бутак 1 в Актюбинской области) // Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак 1 в Западном Казахстане. М-Л.: АН СССР, 1962. С. 186–198.

Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии М.: Наука, 1972. 371 с.

Гиря Е.Ю. Следы как вид археологического источника (конспект неопубликованных лекций) // Следы в истории. К 75-летию Вячеслава Евгеньевича Щелинского. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 232–268.

Глазкова Н.М., Чтецов В.П. Палеоантропологические материалы Нижневолжского отряда Сталинградской экспедиции // МИА. № 78 / Отв. ред. Е.И. Крупнов, К.Ф. Смирнов. М.: Ан СССР. 1960 С. 285–292.

Глебов В.П. Исследования курганных могильников Репный I, Раскатный I, Калинов II // Труды Археологического научно-исследовательского бюро. Т. I. Ростов-на-Дону, 2004. С. 57–186.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: УдГУ, 2004. 422 с.

Голдина Р.Д., Черных Е.М. Археологическая карта Каракулинского района Удмуртской Республики. Ижевск: УдГу, 2011. 168 с.

Голубева Ю.В. Палеогеография и палеоклимат позднеледниковья и голоцена в северной и средней подзонах тайги Тимано-Печоро-Вычегодского региона (по палинологическим данным). Дис… канд. геол.-мин. наук. Сыктывкар, 2010. 137 с.

Гольева А.А. Особенности использования органического материала в ямных погребениях юга Оренбургской области // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Оренбург: ОГПУ, 2006. С. 28–30.

Гольмстен В.В. Материалы по археологии Самарской губернии // Бюллетень общества археологии и истории, этнографии, естествознания. 1925. № 2. С. 4–9.

Гольмстен В.В. Археологические памятники Самар-

ской губернии // Труды РАНИОН. № 4. М., 1928. С. 125–137.

Гольмстен В.В. Погребение из Криволучья // Сообщения ГАИМК. № 6. Л., 1931. С. 7–12.

Гончарова И.А. Описание раковинного материала (моллюски – класс SCAPHOPODA, черви – класс POLYCHAETA подкласс SEDENTARIA) из энеолитического могильника Хвалынск II // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов / Сост. и науч. ред. С.А. Агапов. Самара: СРОО ИЭКА «Поволжье», 2010. С. 386–392.

Горащук И.В. Каменные орудия хвалынской культуры // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов / Сост. и науч. ред. С.А. Агапов. Самара: Офорт-Пресс, 2010. С. 287–356.

Горащук И.В., Моргунова Н.Л. Новые данные о металлургии и металлопроизводстве ямной культуры (по итогам трасологического анализа каменных орудий Турганикского поселения в Оренбургской области) // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. I. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. С. 254–256.

Горащук И.В., Овчинникова Н.В. Каменный инвентарь хвалынской культуры Гундоровского поселения // Краеведческие записки. Вып. XI / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ, 2003. С. 11–22.

Горбов В.Н. К проблеме культурной атрибуции поселения на Белозерском лимане // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. Вып. 25. Ч. II / Отв. ред. В.Н. Бочкарев СПб.: ИИМК, Саратовский гос. ун-т. 1995. С. 52–72.

Горбов В.Н. Финал бронзового века Северо-Восточного Приазовья и некоторые проблемы региональных различий // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век): Матер. междунар. конф. Ч. 2 / Гл. ред. В.Н. Горбов. Донецк: ДонГУ, 1996. С. 47–49.

Горбунов В.С. Некоторые проблемы эпохи бронзы лесостепной полосы Приуралья // Бронзовый век Южного Приуралья: Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. М.Ф. Косарев. Уфа: Баш. Пед. Ин-т, 1985. С. 3–21.

Горбунов В.С. Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа: БашГПИ, 1986. 96 с.

Горбунов В.С. Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье: Учебное пособие по спецкурсу / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1989. 134 с.

Горбунов В.С. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа: БГПУ. 1992. 223 с.

Горбунов В.С. Срубная общность Восточной Европы. Уфа: БГПУ. 2006. 192 с.

Горбунов В.С., Морозов Ю.А. Периодизация срубной культуры Приуралья // Срубная культурно-историческая общность (проблемы формирования и периодизации). Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: КГПИ, 1985. С. 95–118.

Горбунов В.С., Морозов Ю.А. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа. Башкирское книжное изд-во. 1991. 159 с.

Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф. Курганный могильник эпохи поздней бронзы в Южной Башкирии // СА. 1984. № 4. С. 150–162

Городцов В.А. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки 1897 г. / Древности. Труды Имп. Московского археологического общества. Т. XVII. М.: тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1900. С. 14–20.

Городцов В.А. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки 1897 года // Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Отд. Оттиск. Т. XVII. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1900. С. 1–37.

Городцов В.А. Русская доисторическая керамика // Труды XI Археологического Съезда в Киеве. Т.1. М.: Тип. Г. Лиснера и А. Геппеля, 1901. С. 577–672.

Городцов В.А. Бытовая археология. Курс лекций. М.: Моск. арх. институт, 1910. 474 с.

Городцов В.А. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 г.// Древности. Т. XXIV. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Совко, 1914. С. 40–213.

Городцов В.А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Императорского Российского Исторического Музея за 1914 г. М.: Синодальная Типография, 1915. С. 121–224.

Городцов В.А. Панфиловская палеометаллическая стоянка // Материалы по изучению Владимирской губернии. Труды Владимирского Гос. обл. музея. Вып. 2. Владимир, 1926. С. 3–20, илл.

Городцов В.А. Бронзовый век на территории СССР // БСЭ. 1927. Т.7. Стб. 610–626.

Городцов В.А. К итогам археологических трудов в СССР за 10 лет // Тр. Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Т. 2. М., 1928. с. 5–11.

Горюнова Е.И. Мари-Луговской могильник и селище // ПИДО. 1934. № 9–10. С. 171–179.

Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья / МИА. № 94. М.: Наука, 1961. 264 с.

Гохман И.И. Антропологические особенности древнего населения севера европейской части СССР и пути их формирования // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР / Отв. ред. И.И. Гохман, А.Г. Козинцев. Ленинград: Наука, 1986. с. 215–222.

ГПУ, 2008. 252 с.

Граудонис Я.Я. Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железного века // Начало разложения первобытнообщинного строя. Рига: Зинатне, 1967. 164 с.

Граудонис Я.Я. Восточная Прибалтика // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев: Наука. М., 1987. С. 119–124.

Григорьев С.А. Ближневосточные компоненты в формировании синташтинской культуры и ее хронология // Аркаим-Синташта: древнее наследие Южного Урала. Ч.2. Челябинск: ЧелГУ, 2010. С. 32–48.

Григорьев С.А. Металлургическое производство в северной Евразии в эпоху бронзы. Челябинск: Цицеро,

2013. 660 с.

Гришаков В.В., Королев А.И., Ставицкий В.В. Синкретические памятники Широмасовского типа / Ред. В.В. Ставицкий, В.Н. Шитов. Саранск: НИИ гум. наук при правительстве Республики Мордовии, 2008. С. 162–166.

Громов А.В. К вопросу об искусственной деформации черепов окуневской культуры // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума). Т. 1 / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 1998. С. 147–156.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби / МИА. № 48. М.-Л.: АН СССР, 1956. 161 с.

Гурина Н.Н. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера // МИА. № 20 / Ред. М.Е. Фосс. М.-Л.: АН СССР, 1951. С. 77–142.

Гурина Н.Н. Оленеостровской могильник / МИА. № 47. М.-Л.: АН СССР, 1956. 432 с.

Гурина Н.Н. Древняя история северо-запада европейской части СССР / МИА. № 87. М.-Л.: АН СССР, 1961. 588 с.

Гурина Н.Н. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье (по материалам Горьковской экспедиции) // Труды горьковской археологической экспедиции. Археологические памятники Верхнего и Среднего Поволжья / МИА. № 110 / Ред. П.Н. Третьяков. М.-Л.: АН СССР, 1963. С. 85–203.

Гурина Н.Н. Рязанская культура // Неолит Северной Евразии / Археология / Отв. ред. С.В. Ошибкина. М.: Наука, 1996. С. 182–184.

Гурина Н.Н., Крайнов Д.А. Льяловская культура // Неолит Северной Евразии / Археология / Отв. ред. С.В. Ошибкина. М.: Наука, 1996. С. 173–182.

Гусаков М.Г., Кузьминых С.В. К вопросу о роли носителей «сетчатой» и штрихованной керамики в формировании культур лесной полосы восточной Европы в раннем железном веке // КСИА. 2008. Вып. 222. С. 105–117.

Гусенцова Т.М. Поселение Кочуровское IV в бассейне р. Кильмезь // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки / Науч. ред. С.В. Ошибкина. Ижевск: НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР, 1980. С. 70–95.

Гусенцова Т.М. Материалы поселения Кочуровское I (К вопросу об участии керамики с «насечками» в сложении новоильинской керамики) // Энеолит лесного Урала и Поволжья / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск: УИИЯЛ, 1990. С. 70–81.

Гусенцова Т.М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск: УдГУ, 1993. 239 с.

Даниленко В.Н. Сурско-днепровская культура // Археология Украинской СССР / Глав. ред. И.И. Артеменко. Киев: Наукова Думка, 1985. С. 133–139.

Данукалова Г.А. Стратиграфическое расчленение верхнечетвертичных отложений Южноуральского региона // Геологический сборник № 8. ИГ УНЦ РАН. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2009. С. 40–48.

Данукалова Г.А., Яковлев А.Г., Алимбекова Л.И., Морозова (Осипова) Е.М. Биктимировское городище: характеристика природной среды времени формирования культурного слоя // УАВ. 2004. Вып. 5. С. 11–15.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской оросительных систем // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья / Отв. ред. А.К. Смирнов. М.: Наука, 1989. С. 14–132.

Дебец Г.Ф. Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя // АЖ. 1932. № 2. С. 26–48.

Дебец Г.Ф. Материалы по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье // АЖ. 1936. № 1. С. 65–80.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР / ТИЭ. Новая серия. Т. 4. 1948. 391 с.

Дебец Г.Ф. Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры Среднего Заволжья // МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1954. С. 485–499.

Дегтярева А.Д. К проблеме возникновения синташтинского металлопроизводства // Проблемы изучения ямной культурно-исторической общности / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Оренбург: ОГПУ, 2006. С. 30–34.

Дегтярева А.Д. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 2010. 162 с.

Дегтярева А.Д., Виноградов Н.Б., Кузьминых С.В., Рассомахин М.А. Металлические изделия алексеевско-саргаринской культуры Среднего и Верхнего Притоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 4 (47). С. 28–44.

Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Металлопроизводство петровских племен (по материалам поселения Кулевичи 3) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. Вып. 3. С. 23–54.

Дедков А.П. Рельеф // Природные условия Ульяновской области. Казань: КГУ, 1978. С. 73–101.

Дедков А.П. Долина Средней Волги // Средняя Волга. Геоморфологический путеводитель / Науч. ред. А.П. Дедков. Казань: КГУ, 1991. С. 10–23.

Дедков А.П. Основные черты развития рельефа [Поволжья и Прикамья]. Геоморфологическое районирование // А.П. Дедков. Избранные труды. Казань: КГУ, 2008. С. 397–409.

Денисов В.П. Новые археологические памятники на р. Вятке // СА. 1958. № 3. С. 111–119.

Денисов В.П. Кама-Жулановское поселение // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 2 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: ИА АН СССР, 1961. С. 6–21.

Денисов В.П. Кряжская неолитическая стоянка // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 2 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: ИА АН СССР, 1961а. С. 39–59.

Денисов В.П. Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры // УЗ ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь, 1967. С. 29–50.

Денисов В.П. Раскопки Непряхинских стоянок // АО-1980 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1981. С. 131.

Денисов В.П., Кузьминых С.В., Черных Е.Н. Могильники сейминско-турбинского типа в Волго-Камье // Памятники первобытной эпохе в Волго-Камье / Отв.

ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ, 1988. С. 46–69.

Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Заосиновское VII поселение и проблема формирования культуры эпохи бронзы в Среднем Прикамье // АЭМК. Вып. 19 / Науч. ред. Г.А. Архипов, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИ. 1991. С. 102–113.

Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Поселение Гагарское III в системе новоильинских древностей Пермского Приуралья // Вестник Пермского университета. Серия «История». Вып. 1(24). 2014. С. 44–59.

Денисов В.П., Мельничук А.Ф., Митряков А.Е. Малоизученный хронологический горизонт Заосиново VII – Непряха VII – Партизаны IV эпохи бронзы Среднего Прикамья // Шестые Берсовские чтения / Отв. ред. В.Д. Викторова. Екатеринбург: Квадрат, 2011. С. 107–116.

Денисов В.П., Мельничук А.Ф., Тресков С.А. Поселение Рычино III в Удмуртском Прикамье и валиковая керамика в позднегаринском культурном пространстве // Труды КАЭЭ. Вып. 8 / Ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ, 2012. С. 115–120.

Денисов И.В., Исмагилов Р.Б. I Санзяповский могильник срубной культуры на юге Башкирии // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья / Ред. Ю.А. Морозов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1989. С. 35–40.

Денисова Р.Я. Генезис и дальнейшие судьбы неолитического населения Восточной Прибалтики // Доклады советской делегации на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (Чикаго). М.: Наука, 1973.

Денисова Р.Я. Антропология древних балтов Рига: Зинатне. 1975. 400 с.

Дергачев В.А. Карбунский клад. Кишинев: КН Республики Молдова, 1998. 120 с.

Дергачев В.А. Кельты и серпы Нижнего Подунавья / Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Задунавья. Вып. 2. Кишинэу: ИКН АНМ, 2011. 464 с.

Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Высшая антропологическая школа, Институт археологии и этнографии АН РМ. 2002. 348 с.

Дмитриева Л.И. Отчет о результатах разведочного отряда Горьковской археологической экспедиции по левому берегу Горьковского водохранилища. Горький, 1980 / Архив ИА АН СССР. Р-1, № 7763, с. 8 и след.

Древнее Устье. Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье: коллективная монография / Отв. ред. Н.Б. Виноградов. Челябинск: Абрис, 2013. 484 с.

Дрёмов И.И. Раскопки кургана на границе Энгельсского и Советского районов // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Вып. 3 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 1999. С. 55–63.

Дремов И.И. Ураков Бугор: материалы раннего мезолита, средней и финальной бронзы // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 4 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2001. С. 124–133.

Дремов И.И., Юдин А.И. Древнейшие подкурганные захоронения степного Поволжья // РА. 1992. № 4. С. 18–30.

Дубягин П.С., Чикризов Ф.Д., Чуринов В.А., Васильев И.Б., Выборнов А.А. Новые материалы неолита-бронзы из Северного Прикаспия // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла / Гл. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1982. С. 95–134.

Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками юго-восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н. э.). Армавир: МАИКРО, АГПИ, 1999. 401 с.

Дударев С.Л. Очерк древней культуры Чечено-Ингушетии (конец II – первая половина I тысячелетия до н. э.). Грозный, 1991. 142 с.

Дурново Ю.А. Исследование черепов из раскопок А.В. Збруевой Ново-Баскаковских курганов в 1956 и 1960 гг. // Древности Башкирии / Отв. ред А.П. Смирнов. М.: Наука, 1970. С. 128–130.

Дьяченко А.Н. Поселение Ерзовка-I и некоторые проблемы финальной бронзы Нижнего Поволжья // АВЕС. Вып. 3 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Научная книга, 1992. С. 115–126.

Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Мухаметдинов В.И., Рослякова Н.В., Усачук А.Н., Файзуллин И.А., Хохлов А.А. Поселение Малоюлдашево I эпохи неолита и поздней бронзы в Западном Оренбуржье / Ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГАУ, 2016. 196 с.

Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда: КарГУ, 2002. 138 с.

Евтюхова О.Н. О хронологии абашевской культуры Среднего Поволжья // Новое в советской археологии / МИА. № 130 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: Наука, 1965. С. 137–142.

Екимов Ю.Г. Поселение поздняковской культуры под Тулой // Археологические памятники Среднего Почья / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Ряз. обл., 1992. С. 62–76.

Еловичева Я.К. История развития природной среды поздне- и послеледниковья Пермской области // Карбонатная гажа СССР. Пермь: Перм. политех. ин-т, 1991. С. 66–78.

Епимахов А.В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск: ЮУрГУ, 2002. 170 с.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск, 2005. 192 с.

Епимахов А.В. «Темные века» эпохи бронзы Южного Зауралья // РА. 2010. № 2. С. 39–50.

Епимахов А.В., Епимахова М.Г. Абашевские памятники Южного Зауралья // Урало-Поволжская лесостепь в эпоху бронзового века: сборник статей, посвященный 60-летию Владимира Степановича Горбунова / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова. Уфа: БГПУ, 2006. С. 105–113.

Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 4. С. 92–102.

Епимахов А.В., Чечушков И.В. «Горизонт колесничных культур» Северной Евразии: поэтическая метафора и

историческое содержание // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XXI. 2008. С. 480–500.

Ересько О.В. Сравнение разнокультурных групп керамики поселения Сауз II на основе технико-технологического анализа // Известия СНЦ РАН. 2016. Т. 18. № 6. С. 184–187.

Ермолаев О.П., Игонин М.Е., Бубнов А.Ю., Павлова С.В. Ландшафты Республики Татарстан. Региональный ландшафтно-экологический анализ. Казань: Слово, 2007. 411 с.

Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Абашевская культура в Поволжье // Абашевская культура в Среднем Поволжье / МИА. № 97 / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. М.: АН СССР, 1961. С. 43–110.

Жемков А.И. Раскопки селища Мамыково I (южная часть) в 2017 году // Археологические открытия в Самарской области 2017 года. Самара: ИИА Поволжья. 2018. С. 30.

Жемков А.И., Лопатин В.А. Курганы Малого Карамана (по материалам раскопок 1983 года) // Археология восточно-европейской степи. Вып. 5 / Ред. В.А. Лопатин. Саратов: СарГУ, 2007. С. 93–118.

Жемков А.И., Лопатин В.А. Курганный могильник у с. Светлое Озеро в степном Заволжье // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Вып. 6 / Ред. В.А. Лопатин. Саратов: СарГУ, 2008. С. 157–193.

Жилин М.Г. Отчет Горьковской экспедиции за 1983 год. М., 1984 / Архив ИА АН СССР. Р-1, № 9889, с. 12 и след.

Жилин М.Г., Миронос А.А. О работе Горьковской экспедиции // АО-1982 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1984. С. 54–55.

Жилин М.Г., Шакулова Л.Д. О работе Горьковской экспедиции // АО-1984 / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1986. С. 49–50.

Жилин М.Г., Шакулова Л.Д., Тихонов Ю.Р. О работе Горьковской экспедиции // АО-1983 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. М.: Наука, 1985. С. 55–56.

Жуйкова И.А. Этапы эволюции природной среды Вятского края в позднеледниковье и в голоцене (по результатам спорово-пыльцевого анализа). Автореф. дисс… канд. геогр. наук. М., 1999. 20 с.

Жуков Б.С. Из методологии изучения культур стоянок и городищ // Материалы к доистории Центрально-промышленной области / Б.С. Жуков и О.Н. Бадер. М.: тип. Серпуховск. «Промторга», 1927. с. 13–18.

Жуков Б.С. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики // Антология советской археологии (1917–1933). Т. 1 / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. М.: ИА РАН, ГИМ 1995. С. 63–74.

Жукова О.В., Лычагина Е.Л. Сравнительная характеристика поздненеолитических и новоильинских комплексов керамики Верхнего и Среднего Прикамья // Вестник Пермского университета. Серия «История». Вып. 1(18). 2012. С. 80–86.

Жульников А.М. Энеолит Карелии (памятники с пористой и асбестовой керамикой). Петрозаводск: КНЦ РАН, 1999. 228 с.

Жульников А.М. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск: Паритет, 2005. 310 с.

Журавлев А.П. О древнейшем центре металлообработки меди в Карелии // КСИА. Вып. 142 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1975. С. 31–38.

Журавлев А.П. К изучению энеолита Карелии // СА. 1977. № 3. С. 267–274.

Журавлев А.П. Энеолитический этап в карельской археологической культуре и проблема его датировки // *КСИА. Вып. 157 /* Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1979. С. 82–86.

Журавлев, А.П. Пегрема (поселения эпохи энеолита). Петрозаводск: КНЦ РАН, 1991. 205 с.

Журавлев, А.П., Чистякова, Э.Л., Жульников, А.М. Новые данные по обработке самородной меди в энеолите Карелии // СА. 1991. № 1. С. 167–172.

Завьялов Е.В., Шляхтин Г.В., Табачишин В.Г., Макаров В.З., Забалуев А.П., Якушев Н.Н. Генезис природных условий и основные направления современной динамики ареалов животных на севере Нижнего Поволжья. Сообщение IV. Генезис фауны и флоры в четвертичное время. Голоцен // Поволжский экологический журнал. 2003. № 1. С. 3–19.

Зайберт В.Ф. Основные итоги изучения ботайской культуры и ее роль в древней истории Казахстана // ТФИА. 2013. Т. II. С. 20–30.

Зальцман Э.Б., Кузьминых С.В. Шнуровой керамики культурно-историческая общность // БРЭ. 2017. Т. 35. С. 72.

Заусайлов В.И. Древние каменные орудия, собранные в пределах Казанской губернии. Казань: Типография окружного штаба, 1884. 6 с. X табл.

Зах В.А. Коптяковская культура в Нижнем Притоболье // ВААЭ. 2012. № 2. С. 29−40.

Зах В.А., Иванов С.Н. Комплекс эпохи бронзы многослойного поселения Чепкуль 20 на севере Андреевской озерной системы // ВААЭ. 2007. № 7. С. 12–21.

Збруева А.В. Селище Отарка // СЭ. № 5. 1934. С. 72–77.

Збруева А.В. Ананьинский могильник // СА. № 2. М.-Л.: АН СССР, 1937. С. 95–111.

Збруева А.В. Из работ Куйбышевской экспедиции // КСИИМК. Вып. 10 / Отв. ред. С.Н. Бибиков. М.-Л.: АН СССР, 1941. С. 108–111.

Збруева А.В. Отчет о работах Камской экспедиции ИИМК в 1946 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 60. 20 с.

Збруева А.В. Городище Грохань // КСИИМК. Вып. 16 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.-Л.: АН СССР, 1947. С. 52–64.

Збруева А.В. Мало-Окуловские курганы // СА. 1947. IX. С. 199–212.

Збруева А.В. Отчет о полевых работах Камской экспедиции в июне-августе 1947 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 129. 24 с.

Збруева А.В. Камская экспедиция 1946 г. // КСИИМК. Вып. 20 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.-Л.: АН СССР, 1948.С. 50–57.

Збруева А.В. Маклашеевские могильники // КСИИМК. Вып. 23 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.-Л.: АН СССР, 1948. С. 22–30.

Збруева А.В. Отчет о раскопках Камской экспедиции ИИМК в 1948 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 231. 26 с.

Збруева А.В. Памятники поздней бронзы в Прикамье // КСИИМК. Вып. 32 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.-Л.: АН СССР, 1950. С. 70−84.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: АН СССР, 1952. 326 с.

Збруева А.В. Гулькинский могильник // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1954. С. 247–258.

Збруева А.В. Могильник Метев-Тамак // КСИИМК. Вып. 72 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: АН СССР, 1958. С. 28–36.

Збруева А.В. Стоянка имени М.И. Касьянова // Башкирский археологический сборник / Ред. А.П. Смирнов, Р.Г. Кузеев. Уфа: ИИЯЛ, 1959. С. 47–57.

Збруева А.В. Памятники эпохи поздней бронзы в приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // МИА. № 80 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. С. 10–95.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Урал. ун-т, 1988. 176 с.

Зданович Г.Б. Урало-Казахстанские степи в эпоху средней бронзы: автореф. дис. … доктора ист. наук. Челябинск, 2002. 55 с.

Зданович Г.Б., Гаврилюк А.Г., Малютина Т.С. Некрополи укрепленного поселения Аркаим: Александровский IV // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Оренбург: ОГПУ, 2006. С. 41–47.

Зданович Д.Г. Археология кургана 25 Большекараганского могильника // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн. 1. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 2002. С. 17–106.

Зданович С.Я. Керамика саргаринской культуры // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Межвузовский сборник. Челябинск: Челябинский государственный университет. 1984. С. 79–96.

Зимина М.П. Стоянка Старая Яксарка // КСИА. Вып. 161 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1980. С. 57–62.

Иванов А.Ю., Скарбовенко В.А. Могильник эпохи бронзы у д. Новоселки на р. Цильне // Археологические исследования в Поволжье. Самара: СамГУ. 1993. С. 78–128.

Иванов В.А. О роли племен Зауралья и Поволжья в сложении населения Башкирии эпохи раннего ананьина // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. Препринты докладов и сообщений / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: Башкирский филиал АН СССР, 1976. С. 30–32.

Иванов В.А. Некоторые предварительные замечания о хронологии и периодизации культуры курман-тау // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья / Научные труды. Т. 220 / Ред. кол. С.Г. Басин и др. Куйбышев: КГПИ, 1977. С. 94–102.

Иванов В.А. Проблема культуры курмантау // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа / ред. В.А. Иванов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: ИИЯЛ, 1982. С. 52–77.

Иванов В.А., Пестрикова В.И. Новый памятник ямной культуры в Куйбышевском Заволжье // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла / Гл. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1982. С. 175–183.

Иванов И.В. Палеоэкологические условия обитания племен эпохи неолита и энеолита в песках Волго-Уральского междуречья // СНВ. 2014. № 3(8). С. 108–115.

Иванов И.В., Васильев И.Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М.: Интеллект, 1995. 264 с.

Иванова Н.Г. К истории развития лесов Кировского Заволжья в голоцене. // Палинология голоцена / Отв. ред. М. И. Нейштадт. М.: Ин-т географии АН СССР, 1971. С. 105–111.

Иванова С.В. Ямная культурно-историческая общность: проблемы формирования в свете радиоуглеродного датирования // РА. 2006. № 2. С. 113–120.

Ивашов М.В. Памятники катакомбного типа на Верхнем Дону // Проблемы археологии бассейна Дона / Отв. ред. А. Д. Пряхин. Воронеж: ВГПУ, 1999. С. 87–99.

Иессен А.А. К хронологии «больших кубанских курганов» // СА. 1950. № XII. С. 157–202.

Избицер Е.В. Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа III–II тыс. до н. э. Автореф. дис…. канд. ист. наук. СПб., 1993. 26 с.

Износков И.А. О находках и стоянках каменного века в Казанском уезде (по поводу археологических находок 1893–1895 гг.) // ИОАИЭ. 1895. Т.XIII. Вып. 3. С. 225–228.

Изотова М.А., Малов Н.М. Хвалынская керамика эпохи поздней бронзы Танавского городища // АВЕС. Вып. 3 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Научная книга, 1992. С. 96–115.

Ильюков Л.С. Ростовский клад бронзовых вещей // Донская археология. № 3-4. 1999. С. 61–64.

Исаев Д.Н. История изучения коптяковской культуры // ВААЭ. 2009. № 11. С. 42–45.

Исаенко В.Ф. Неолит Припятского Полесья. Минск: Наука и техника, 1976. 128 с.

Исаченко А.Г. Ландшафты СССР. Л.: ЛГУ, 1985. 320 с.

Исаченко А.Г., Шляпников А.А. Ландшафты. М.: Мысль, 1989. 504 с.

Исмагил Р., Морозов Ю.А., Чаплыгин М.С. Николаевские курганы («Елена») на реке Стерля в Башкортостане / Отв. ред. В.С. Горбунов. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2009. 240 с.

Истомин К.Э., Кочкина А.Ф., Салугина Н.П., Сташенков Д.А. Археологические исследования селища Светлое озеро в Нурлатском районе Республики Татарстан // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 6. Самара: Книжное Издательство. 2017. С. 502–525.

Истомина Т.В. Отчёт о работах Ижемского отряда археолого-этнографической экспедиции СГУ в 2001 году. Сыктывкар, 2002 / Архив МАЭ СыктГУ. Ф. 2. Д. 103. 111 л.; НА ИА РАН. Р-1. № 28708.

История растительного покрова северной части Сред-

него Поволжья в плиоцене и антропогене / Ред. Е.Л. Любарский. Казань: Казан. ун-т, 1980. 120 с.

Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья. М.: Наука, 1977. 246 с.

Ишмуратова Г.Р. Приказанская и ананьинская керамика поселения Курган // УЗ ПГУ. Вып. 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 101–109.

Ишмуратова Г.Р. Керамика ананьинских поселений западных районов Татарии // СА. 1975. № 1. С. 51–64.

Каверзнева Е.А., Фоломеев Б.А. Радиоуглеродная хронология памятников эпохи энеолита – ранней бронзы Озерной Мещеры // Археологический сборник. Труды ГИМ. Вып. 96 / Отв. ред. С.В. Студзицкая. М.: ГИМ, 1998. С. 5–19.

Каверзнева Е.Д. Керамика Озерной Мещеры эпохи энеолита – ранней бронзы // Древности Оки / Труды ГИМ. Вып. 85 / Отв. ред. Г.Ф. Полякова. М.: ГИМ, 1994. С. 27–58.

Казаков Е.П. Набережно-Челнинский могильник // Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции / Отв. ред. О.Н. Бадер. Вып. 1. М.: Знание, 1972. С. 78–86.

Казаков Е.П. Погребения срубной культуры у дер. Куралово // СА. 1975. № 3. С. 194–200.

Казаков Е.П. Погребения эпохи бронзы могильника Такталачук // Древности Икско-Бельского междуречья / Отв. ред. О.Н. Бадер. Казань: КФАН СССР, 1978. С. 67–108.

Казаков Е.П. Подгорно-Байларский курганный могильник // Древности Икско-Бельского междуречья / Отв. ред. О.Н. Бадер. Казань: КФАН СССР, 1978. С. 121−125.

Казаков Е.П. Памятники черкаскульской культуры в восточных районах Татарии // СА. 1979. №1. С. 145–160.

Казаков Е.П. III Соколовский могильник срубной культуры // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: КФАН СССР, 1988. С. 69–78.

Казаков Е.П. Соколовские могильники эпохи бронзы и их относительная датировка // Материалы по археологии Южного Урала / Отв. ред. Н.А Мажитов. Уфа, 1992. С. 35–44.

Казаков Е.П. Памятники эпохи бронзы // Очерки по археологии Татарстана / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Школа, 2001. С. 56–73.

Казаков Е.П. Нижнемарьянский могильник // Урало-Поволжская лесостепь в эпоху бронзового века: сборник статей, посвященный 60-летию Владимира Степановича Горбунова / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова. Уфа: БГПУ, 2006. С. 65–77.

Казаков Е.П., Косменко М.Г. О некоторых памятниках эпохи бронзы в устье Камы // СА. 1976. № 2. С. 220–232.

Казаков Е.П., Обыденнова Г.Т., Старостин П.Н. Срубные погребения «Девичьего городка» // Материалы по археологии Южного Урала. Уфа: БГУ, 1992. С. 45–56.

Казаков Е.П., Рафикова З.С. Очерки древней истории Восточного Закамья. Казань: Дом печати, 1999. 120 с.

Казарницкий А.А. Краниология населения лолинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1. С. 132–140.

Казарницкий А.А. Население эпохи бронзы в степях Северо-западного Прикаспия // Записки ИИМК РАН. 2011а. № 6. С. 133–142.

Казарницкий А.А. Палеоантропология эпохи бронзы степной полосы юга Восточной Европы. Автореф. дисс… канд. ист. наук. СПб., 2011. 24 с.

Казарницкий А.А. Векторы миграции населения Восточной Европы в эпоху средней и поздней бронзы (по палеоантропологическим данным) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Международная конференция, посвященная 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М.П. Грязнова / Отв. ред. В.А. Алекшин. Спб.: Периферия, 2012а. С. 126–132.

Казарницкий А.А. Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы (антропологический очерк). СПб.: Наука, 2012. 264 с.

Казарницкий А.А. Краниология носителей посткатакомбных культур // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы / Отв. ред. Е.А. Черленок. СПб: Скифия-принт, 2013. С. 54–60.

Казарницкий А.А. О краниологических особенностях носителей ямной археологической культуры Северо-Западного Прикаспия // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1. С. 142–150.

Кайзер Э. Проблемы абсолютного датирования катакомбной культуры Северного Причерноморья // КСИА. 2011. Вып. 225. С. 15–27.

Калиева С., Логвин В. Поселение Кумкешу 1 – эталонный памятник терсекской культуры. Астана: КНИИК МНС РК, 2017. 320 с. (Материалы и исследования по культурному наследию; Т. X.)

Калинин Н.Ф. Древнейшее население на территории Татарии // Материалы по истории Татарии. Вып. I / Отв. ред. И.М. Климов. Казань: Татгосиздат. 1948. С. 23–96.

Калинин Н.Ф. Казанская стоянка // Историко-археологический сборник / Ред. А.П. Смирнова. М.: Красный печатник, 1948. С. 179–186.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945–1952 / Труды КФАН СССР. Серия исторических наук. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 126 с.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951–1952 гг. // МИА. № 42 / Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1954а. С. 157–246.

Каменецкий И.С. Код для описания погребального обряда (часть вторая). // Археологические открытия на новостройках: древности Северного Кавказа (материалы работ Северокавказской экспедиции). Вып 1. М.: Наука. 1986. С. 136–194.

Канивец В.И. Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. М.: Наука, 1974. 150 с.

Канивец В.И., Лузгин В.Е. Археологическая разведка на Южно-Печорской равнине. Отчет о работах 1962 г. в зоне затопления Усть-Войского водохрани-

лища // МАЕСВ. Вып. II. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1963. 84 с.

Каргалы, том III: Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования / Составитель и научный редактор Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2004. 320 с.

Карманов В.Н. Тепловая обработка кремня на Крайнем Северо-Востоке Европы в энеолите // Известия лаборатории древних технологий. 2019. № 3. С. 28–45. DOI 10.21285/2415-8739-2019-3-28-46.

Карманов В.Н., Гиря Е.Ю. Артефакты со следами неутилитарного износа в контексте кремнеобрабатывающей мастерской энеолита Угдым IБ (Средняя Вычегда, Республика Коми) // Поволжская археология. 2018. № 3 (25). С. 139–155. DOI: 10.24852/2018.3.25.139.155.

Карманов В.Н., Зарецкая Н.Е. Радиоуглеродная хронология чужъяёльской культуры // Поволжская археология. 2021. № 3. С. 55–69. doi: 10.24852/pa2021.3.37.55.69.

Карманов В.Н., Зеленский В.С., Семенов В.А. Раскопки поселения Вис II // АО-2000 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 2001. С. 21.

Карманов В.Н., Макаров А.С., Зарецкая Н.Е. Новые данные по хронологии чужъяёльской культуры (крайний северо-восток Европы) // РА. 2017. № 2. С. 55–62.

Карманов В.Н., Туркина Т.Ю., Гиря Е.Ю. Особенная кремнеобрабатывающая мастерская энеолита на поселении Мартюшевское II (долина Печоры, республика Коми) // РА. 2021. № 3. С. 20–36. DOI: 10.31857/S086960630011480-7.

Каховский Б.В. Исследования Чувашской археологической экспедиции в 1983–1984 гг. // Новые исследования по археологии и этнографии Чувашии / Отв. ред. В.Ф. Каховский. Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1983. С. 3–25.

Каховский Б.В. Исследования курганов эпохи бронзы Чувашской археологической экспедицией в 1989 г. // Научный архив ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2405. № 8963.

Каховский Б.В. Новые материалы исследования памятников бронзового века // Вопросы археологии и антропологии Чувашии / Отв. ред. В.Ф. Каховский. Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1991. С. 21–28.

Каховский Б.В. Исследования памятников бронзового века в Чувашии // История исследования археологических памятников в Чувашском Поволжье и материалы по антропологии чувашей. Чебоксары: ЧГИГН, 1995. С. 34–50.

Каховский Б.В., Каховский В.Ф. Новые памятники балановской культуры // История, археология и этнография Чувашской АССР. Труды ЧНИИ. Вып. 60 / Ред.: А.В. Изоркин. Чебоксары, 1975. С. 137–165.

Каховский В.Ф. Поселения эпохи бронзы в Чувашии // СА. 1962. № 1. С. 152–162.

Каховский В.Ф. Чурачикский курган в Чувашии // СА. 1963. № 3. С. 169–177.

Каховский В.Ф. Итоги работ IV (III) отряда Чувашской археологической экспедиции за 1958 и 1959 года // Археологические работы в Чувашской АССР в 1959–1961 годах // УЗ ЧНИИ / Отв. ред. В.Д. Дмитриев. Вып. XXV. Чебоксары, 1964. С. 29–72.

Каховский В.Ф. Новые археологические памятники // Археологические работы в Чувашской АССР в 1958–1961 годах // УЗ ЧНИИ / Отв. ред. В.Д. Дмитриев. Вып. XXV. Чебоксары, 1964. С. 264–270.

Каховский В.Ф. Стоянки волосовской культуры // АО-1968 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1969. С. 146–147.

Каховский В.Ф. Археология Среднего Поволжья. Чебоксары: Чуваш. ун-т, 1977. 111 с.

Каховский В.Ф. Новые археологические памятники Чувашского Присурья // Исследования по археологии Чувашии. Труды ЧНИИ. Вып. 80. Чебоксары: НИИ яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР, 1978. С. 3–18.

Каховский В.Ф. Обследование Балановского могильника // Исследования по археологии Чувашии. Труды ЧНИИ. Вып. 80. Чебоксары: НИИ яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР, 1978. С. 19–24.

Качалова Н.К. К вопросу о памятниках полтавкинского типа // АСГЭ. Вып. 5. Л.: ГЭ, 1962. С. 31–49.

Качалова Н.К. Племена Нижнего Поволжья в эпоху средней бронзы. Автореф. дисс….канд. ист. наук. Л., 1965. 21 с.

Качалова Н.К. О выделении полтавкинской культуры // КСИА. Вып. 112 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Наука, 1967. С. 14–22

Качалова Н.К. О связях полтавкинских племен с катакомбными // АСГЭ. Вып. 10. Л.: ГЭ, 1968. С. 9–13.

Качалова Н.К. Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья // СА. 1978. № 3. С. 69–79.

Качалова Н.К. О локальных различиях в полтавкинской культурно-исторической общности // АСГЭ. Вып. 24. Л.: ГЭ, 1983. С. 4–19.

Качалова Н.К. Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность (проблемы формирования и периодизации). Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: КГПИ, 1985. С. 28–59.

Качалова Н.К. Относительная хронология полтавкинских памятников и их соотношение с потаповскими и покровскими // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии: тез. докл: археологические изыскания. СПб.: ИИМК, 1992. С. 75–77.

Качалова Н.К. Относительная хронология полтавкинских памятников // Археологический сборник. Вып. 35 / Отв. ред. М. Б. Щукин. СПб.: ГИМ, 2001. С. 32–58.

Качалова Н.К., Васильев И.Б. О некоторых проблемах эпохи бронзы Поволжья // СА. 1989. № 4. С. 212–224.

Кеменцеи Т. Предскифская эпоха в восточной Венгрии // Археология Венгрии. Конец II тысячелетия до н. э. – I тысячелетия н. э. / Отв. ред. В.С. Титов, И. Эрдели. М.: Наука, 1986. С. 139–153.

Кириллова И.В. Изделия из органических материалов в погребениях Хвалынских могильников // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов / Сост. и науч. ред. С.А. Агапов. Самара: СРОО ИЭКА «Поволжье», 2010. С. 359–378.

Китов Е.П. Антропологические материалы срубно-

алакульского времени Южного Зауралья // Вестник ЧелГУ. Сер.: История. № 5 (106). 2008а. Челябинск: ГОУ ВПО ЧелГУ. С. 96–105.

Китов Е.П. Палеоантропологические данные могильника Александро-Невский I к вопросу о происхождении населения срубно-алакульского времени Южного Зауралья // Вестник ЧелГУ. Сер.: История. № 37. 2008б. Челябинск: ГОУ ВПО ЧелГУ. С. 5–9.

Китов Е.П. Палеоантропология населения Южного Урала эпохи бронзы: Дисс… канд. ист. наук. М., 2011. 215 с.

Китов Е.П., Хохлов А.А. Палеоантропология срубно-алакульского времени Южного Урала // ВкА. 2008. № 16. С. 71–83.

Китов Е.П., Хохлов А.А., Медведева П.С. Данные палеоантропологии как источник для реконструкции процесса сложения и социальной стратификации общества (по материалам синташтинских и потаповских памятников бронзового века). // Stratum plus. 2018. № 2. С. 225–243.

Кияшко А.В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград: ВолГУ, 2002. 268 с.

Кияшко А.В. Погребения пришлых культур развитой и финальной средней бронзы в курганах Волго-Донского междуречья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2003. С. 26–36.

Кияшко А.В., Малов Н.М., Дьяченко А.Н. Новые данные по эпохе средней бронзы степного Заволжья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2002. С. 180–193.

Кияшко А.В., Сухорукова Е.П. Изучение проблематики бронзового века в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 8. С. 179.

Ковалевский С.А. Погребально-поминальные памятники ирменской культуры на территории Кузнецкой котловины. Кемерово: КРИПКиПРО, 2006. 111 с.

Кожин П.М. Хронология шаровидных амфор фатьяновских могильников // СА. 1963. № 3. С. 25–27.

Кожин П.М. О технике выделки фатьяновской керамики // КСИА. Вып. 101 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Наука, 1964. С. 53–58.

Кожин П.М. О происхождении фатьяновской культуры: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1967. 19 с.

Кожомбердиев И., Кузьмина Е.Е. Шамшинский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии // СА. 1980. № 4. С. 140–153.

Козенкова В.И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. М: ИА РАН, 1995. 166 с.

Козинцев А.Г. Происхождение андроновцев (по краниологическим данным) // Человек: Его биологическая и социальная история. Тр. междунар. конф. Т. 1 / Отв. ред Н.А. Дубова. М., Одинцово: Одинцовский гуманитарный ин-т, 2010. С. 119–123.

Козлова К.И. Этнография народов Поволжья. М.: МГУ, 1964. 175 с.

Кокшаров С.В. Первый металл Конды // Вестник археологии, антропологии и этнографии 2012. № 4. С. 27–42.

Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. Екатеринбург: Волот, 2009. 272 с.

Колев Ю.И. Опыт сравнительно-статистического анализа керамических комплексов позднего бронзового века // Проблемы изучения археологической керамики / Отв. ред. А.А. Бобринский. Куйбышев: КГУ, 1988. С. 103–117.

Колев Ю.И. Новый тип памятников конца эпохи бронзы в лесостепном Поволжье // Древности восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Самара: СГПИ, 1991. С. 162–206.

Колев Ю.И. Керамические комплексы поселений позднего бронзового века в нижнем течении реки Сок // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1 / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СамГПУ, 1999. С. 249–269.

Колев Ю.И. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Ред. Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов, М.А. Турецкий. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 242–301.

Колев Ю.И. Комплексы позднего бронзового века поселения Григорьевка I в Самарской области // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 2 / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СамГПУ, 2002. С. 151–166.

Колев Ю.И. Ивановская культура позднего бронзового века: Характеристика культуры и проблемы исследования. // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья / отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара, 2008. С. 208–240.

Колев Ю.И., Кузнецов П.Ф. Новые погребальные памятники позднего бронзового века в Поволжье // Самарский край в истории России. Материалы юбилейной научной конференции / Гл. ред. П.С. Кабытов. Самара: ДСМ, 2001. С. 161–179.

Колев Ю.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е. Многослойное поселение эпохи неолита – позднего бронзового века у села Нижняя Орлянка на реке Сок (Предварительная публикация) // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995. С. 50–110.

Колев Ю.И., Седова М.С. Погребальный комплекс заключительного этапа эпохи бронзы с территории поселения Шигоны III // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СамГУ, 2004. С. 212–222.

Кондукторова Т.С. Антропологические данные по древнему населению Оренбургской области // ВА. 1962. Вып. 11. С. 43–57.

Кореневский С.Н. Металлические втульчатые топоры Уральской горно-металлургической провинции // СА. 1973. № 3. С. 39–51.

Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.: Наука, 2004. 242 с.

Кореневский С.Н. Рождение кургана: (погребальные памятники энеолитического времени Предкавказья и Волго-Донского междуречья). М: Таус, 2012. 256 с.

Кореневский С.Н., Резепкин А.Д. Радиокарбонная хро-

нология памятников круга Майкопского кургана и Новосвободненских гробниц // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XXII. М., Магнитогорск, Новосибирск, 2008. С. 109–127.

Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф. «Переселение народов» в археологии Среднего Приуралья // Вестник Пермского университета. Сер.: История. Вып. 3 (238). 2007. С. 62–71.

Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф. Жилищные комплексы эпохи палеометалла поселения Заюрчим I (по материалам раскопок 2009 г.) // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения): Материалы Всероссийской научной конференции. Ижевск: УдГУ, 2010. С. 180–187.

Коробкова Г.Ф., Шапошникова О.Г. Поселение Михайловка – эталонный памятник древнеямной культуры (экология, жилища, орудия труда, системы жизнеобеспечения, производственная структура). СПб.: ИИМК, 2005. 326 с.

Королев А.И. Многослойное поселение Имерка VIII на реке Вад // Историко-археологические изыскания. Вып. 1 / Отв. ред. С.Г. Басин. Самара: Изд-во СамГПУ, 1996. С. 113–147.

Королев А.И. Поселение Волгапино и проблема контактов волосовской и имеркской культур на Мокше и Верхней Суре // ТАС. Вып. 3 / И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 1998. С. 300–307.

Королев А.И. Материалы по хронологии энеолита Примокшанья // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1 / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СамГПУ, 1999а. С. 106–115.

Королев А.И. Энеолит Примокшанья и Верхнего Посурья. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Ижевск, 1999б. 23 с.

Королев А.И. Волосовская керамика Сурско-Мокшанского междуречья // ТАС. Вып. 5 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2002. С. 332–341.

Королев А.И. Актуальные вопросы изучения энеолита лесостепного Поволжья // Известия СНЦ РАН. 2008. Т. 10. № 4. С. 1256–1264.

Королев А.И. Актуальные вопросы изучения керамики «с внутренним ребром» // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2009. С. 190–196.

Королев А.И. Материалы лесного круга со стоянки Чекалино IV лесостепного Заволжья (по результатам раскопок 2007 года) // ТАС. Вып. 8. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011. С. 219–228.

Королев А.И. К вопросу о месте материалов поселения Лебяжинка III в энеолите Средней Волги // Проблемы истории, археологии, образования / Отв. ред. О.Д. Мочалов. Самара: ПГСГА, 2012. С. 31–42.

Королев А.И. Некоторые аспекты изучения самарской культуры // Поволжская археология. 2013. № 3. С. 87–95.

Королев А.И. О предпоздняковском субстрате поздняковской культуры // Самарский научный вестник. 2013. № 4. С. 92–95.

Королев А.И. Восточный «шлейф» среднестоговской культуры // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 6 / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: Липецкий госпедуниверситет, 2014. С. 198–202.

Королев А.И. О культурных связях лесного и лесостепного Среднего Поволжья в энеолите // Вопросы археологии эпохи камня и бронзы в Среднем Поволжье и Волго-Камье / АЭМК. Вып. 31 / Научн. ред. Б.С. Соловьев, А.В. Михеев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2015. С. 126–135.

Королев А.И. О культурно-хронологическом соотношении материалов поселения Лебяжинка III и комплекса «волосовского» типа Гундоровского поселения // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018. С. 38–39.

Королев А.И. От неолита к энеолиту (проблема переходного периода в лесостепном Поволжье) // Эволюция неолитических культур Восточной Европы / Отв. ред.: А.А. Выборнов, Е.В. Долбунова, Е.М. Колпаков, Е.С. Ткач. СПб: ИИМК РАН, ГЭ, Самара: СГСПУ, 2019. С. 41–43.

Королев А.И., Козин С.В., Шалапинин А.А. Каменный инвентарь жилища 1 поселения Лебяжинка VI (к постановке вопроса) // Известия СНЦ РАН. 2016. Т. 18. № 6. С. 188–194.

Королев А.И., Косинцев П.А. Хозяйство волосовского населения Примокшанья (по данным поселения Имерка VIII) // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию В.П. Третьякова / Ред. В.М. Лозовский, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов. СПб: ИИМК РАН, 2015. С. 295–298.

Королёв А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. Екатериновский мыс – новый энеолитический могильник в лесостепном Поволжье // Известия научного самарского центра РАН. Т. 17. 2015. № 3 (2). С.514–516.

Королев А.И., Кочкина А.Ф. Сташенков Д.А. Результаты новых исследований могильника Екатериновский Мыс // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018. С. 40–42

Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., Хохлов А.А. Уникальное погребение могильника эпохи раннего энеолита Екатериновский Мыс на Средней Волге // Stratum plus. 2018. № 2. С. 285–302.

Королев А.И., Кулькова М.А., Шалапинин А.А. Новые данные об абсолютном возрасте энеолитических материалов Гундоровского поселения лесостепного Заволжья // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европ. / Отв. ред. Е.А. Черленок. СПб.: Скифия-принт, 2013. С. 150–152.

Королев А.И., Кулькова М.А., Шалапинин А.А., Нестерова Л.А. Результаты радиоуглеродного датирования энеолитических материалов поселения Лебяжинка VI // Известия СНЦ РАН. 2017. Т.19. № 3. С. 203–206.

ЛИТЕРАТУРА

Королев А.И., Овчинникова Н.В. К вопросу о культурно-хронологической принадлежности керамики «с внутренним ребром» с поселений Самарского Поволжья // ТАС. Вып. 7 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2009. С. 296–304.

Королев А.И., Рослякова Н.В. Новые археозоологические материалы поселения Лебяжинка VI // Известия Самарского научного центра РАН. 2017. Т.19. № 3. С. 207–210.

Королев А.И., Рослякова Н.В., Шалапинин А.А., Яниш Е.Ю. Охота и рыболовство в энеолите лесостепного Заволжья по результатам комплексного изучения поселения Лебяжинка VI // Стратегии жизнеобеспечения в каменном веке, прямые и косвенные свидетельства рыболовства и собирательства. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию В.М. Лозовского / Ред. О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, Е.В. Долбунова. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 88–90.

Королев А.И., Самсонова А.Н. Возможности реконструкции жилищ поселения Дмитриевская Слобода-II // Археология Восточно-европейской лесостепи. Вып. 3 / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин, В.В. Ставицкий. Пенза: ПИРО, 2013. С. 174–178.

Королев А.И., Ставицкий В.В. Поселение Волгапино на реке Мокше // Исторические исследования. 1998. Вып. 2. С. 226–253.

Королев А.И., Ставицкий В.В. Примокшанье в эпоху раннего металла. Пенза: ПГПУ, 2006. 202 с.

Королев А.И., Ставицкий В.В. Поселение и могильник эпохи раннего металла у с. Широмасово // Древности Окско-Сурского междуречья. Вып. 3 / Отв. ред. В.В. Гришаков. Саранск: МГПИ, 2009. С. 5–22.

Королев А.И., Третьяков В.П. Поселение Новый Усад IV в Мордовии // Древности Восточно-Европейской лесостепи / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Самара: СГПИ, 1991. С. 55–71.

Королев А.И., Шалапинин А.А. Об одной группе гундоровской керамики: новый взгляд на волосовскую коллекцию // Археология Восточно-европейской лесостепи. Вып. 2. Т. I / Отв. ред. В.В. Ставицкий. Пенза: ПИРО, 2008. С. 148–151.

Королев А.И., Шалапинин А.А. Керамика третьей группы стоянки Чекалино IV и проблемы взаимодействия населения лесостепи и леса в позднем энеолите // Известия СНЦ РАН. Т.11. № 6(32). 2009. С. 285–291.

Королев А.И., Шалапинин А.А. К вопросу о хронологии и периодизации энеолита степного и лесостепного Поволжья // Известия СНЦ РАН. Т.16, № 3. Самара, 2014. С. 266–275.

Королев А.И., Шалапинин А.А. Поселение Лебяжинка VI – памятник эпохи энеолита в Самарском Поволжье (итоги раскопок 2013–2014 гг.) // Поволжская археология. 2017. № 1. С. 71–91.

Королев А.И., Шалапинин А.А., Яниш Е.Ю. К изучению рыболовства в энеолите лесостепного Поволжья (по материалам раскопок поселения Лебяжинка VI в 2013–2014 гг.) // Самарский научный вестник. 2016. № 4 (17). С. 85–91.

Королев К.С. Население средней Вычегды в древности и средневековье. Екатеринбург: УрО РАН, 1997. 194 с.

Корохина А.В. Северо-восточный вектор связей населения Днепро-Донской лесостепи в заключительный период позднего бронзового века // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология Евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред.: С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 132–146.

Корочкова О.Н. Пахомовская культура // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 3 (39). С. 75–84.

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху бронзы в Среднем Зауралье и подтаежном Тоболо-Иртышье: Факторы, механизмы, динамика. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М. 2011. 37 с.

Корочкова О.Н. Среднее Зауралье в начале бронзового века // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб: ИИМК РАН, Периферия, 2012. С.169–174.

Корочкова О.Н., Спиридонов И.А. Степные знаки в металле святилища Шайтанское озеро II // Уральский исторический вестник. 2016. № 4. С. 68–76.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Спиридонов И.А. Святилище первых металлургов Среднего Урала. Екатеринбург: УрГУ, 2020. 214 с.

Корякова Л.Н., Шарапова С.В., Карапетян М.К., Булгакова Е.А., Молчанов И.В., Столярчик Э., Рассадников А.Ю., Солдаткин Н.В., Анкушев М.Н., Косинцев П.А., Киселева Д.В., Якимов А.В. Новые междисциплинарные исследования памятников эпохи бронзы в верховьях р. Каргайлы-Аят в Южном Зауралье // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018. С. 116–118.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984. 245 с.

Косарев М.Ф. Второй период развитого бронзового века Западной Сибири (андроновская эпоха) // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, В.А. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 276–288.

Косарев М.Ф. Северные варианты андроновской культурной общности // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, В.А. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 276–281.

Косарев М.Ф. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзового века к железному // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, В.А. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 289–304.

Косинская Л.Л. Керамика поселения Ниремка I // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке / Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 10 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар, 1986. С. 35–44.

Косинская Л.Л. К вопросу о характере хозяйства населения бассейна р. Вычегды в эпоху энеолита – ранней бронзы // Энеолит лесного Урала и Поволжья / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск: УИИЯЛ, 1990.

С. 120–131.

Косинская Л.Л. Неолит // Археология Республики Коми / Отв. ред. Э. А. Савельева. М.: ДиК, 1997. С. 146–212.

Косинцев П.А. Животноводство у населения Южного Урала в Абашевское и Синташтинское время. // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура: Сборник научных трудов / Ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Алт. ун-т, 2002. С. 73–77.

Косинцев П.А. Животноводство у населения Самарского Поволжья в эпоху поздней бронзы // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке. Самара: СГПУ, 2003б. С. 126–146.

Косинцев П.А. Лошадь в хозяйстве древнего населения Волго-Уралья. // Чтения, посвященные 100-летию деятельности в Государственном Историческом музее В.А. Городцова. Тез. конф. М.: ГИМ, 2003а. С. 198–200.

Косинцев П.А., Варов А.И. Ранние этапы животноводства в Волго-Уральском регионе // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии / Отв. ред. В.И. Матвеев, И.Б. Васильев. Самара: СамГПУ, 1996. С. 29–31.

Косинцев П.А., Гасилин В.В. Охота в хозяйстве древнего населения Волго-Уральской лесостепи // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4 / Отв. ред. И.Н. Васильева. Самара: СамГУ, 2006. С .484–490.

Косменко М.Г. Происхождение культуры и хронология памятников периода бронзы в Карелии // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии / Науч. ред. С.И. Кочкуркина. Петрозаводск: КФАН СССР, 1991. С. 147–167.

Косменко М.Г. Многослойные поселения Южной Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1992. 117 с.

Косменко М.Г. Археологические культуры периода бронзы – железного века в Карелии. С-Пб.: Наука, 1993. 217 с.

Косменко М.Г. Культура сетчатой керамики // Археология Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН. 1996. С. 185–215.

Костылева Е.Л., Уткин А.В. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: планиграфические и хронологические структуры. М.: Таус, 2010. 300 с.

Котова Н.С. Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск; Шлях, 2006. 328 с.

Котова Н.С. Дереивская культура и памятники Нижнемихайловского типа. Киев-Харьков: Майдан, 2013. 486 с.

Кочерженко О.В., Слонов В.Н. О соотношении покровских и раннесрубных памятников Нижневолжского Правобережья: (по материалам курганных могильников) // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья / Отв. ред. Н. М. Малов. Саратов: СГУ, 1991. С. 15–21.

Кочерженко О.В., Слонов В.Н. Курган у села Симоновка и некоторые вопросы интерпретации культурных групп переходного времени между средней и поздней бронзой // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 9 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: СарГУ, 2012. С. 115–123.

Кочкина А.Ф., Королев А.И., Сташенков Д.А. Исследования на грунтовом могильнике эпохи раннего энеолита Екатериновский мыс в Безенчукском районе в 2017 г. // Археологические открытия в Самарской области в 2017 году / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СНЦ, 2018. С. 14–15.

Кравченко Т.А. К вопросу о погребальных памятниках типа «Хула-Сюч» // СА. 1964. № 3. С. 282–288.

Крадин Н.Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / Ред. В.А. Попов. М.: Вост. лит-ра, 1995. С. 11–61.

Крайнов Д.А. Кухмарский курганный могильник // КСИА. Вып. 88 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: АН СССР, 1962. С. 51–63.

Крайнов Д.А. Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья // Памятники первобытного общества на территории СССР // КСИА. Вып. 97 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: АН СССР, 1964. С. 3–20.

Крайнов Д.А. Памятники фатьяновской культуры: Ярославско-калининская группа // САИ. Вып. В1-20. М.: Наука, 1964. 70 с.

Крайнов Д.А. О работе Верхневолжской экспедиции // АО-1969 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1970. С. 32–34.

Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М.: Наука, 1972. 274 с.

*Крайнов Д.А. Х*ронологические рамки неолита Верхнего Поволжья // КСИА. Вып. 153 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1978. С. 57–62.

Крайнов Д.А. Отчёт Верхневолжской экспедиции за 1978 г. М., 1979 / Архив ИА АН СССР. Р-1, № 6903.

Крайнов Д.А. К вопросу о происхождении волосовской культуры // СА. 1981. № 2. С. 5–20.

Крайнов Д.А. Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 10–28.

Крайнов Д.А. Фатьяновская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 58–75.

Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С. Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье // САИ. Вып. В1-22. М.: Наука, 1987. 145 с.

Крайнов Д.А., Кирьянов Н.А. Стоянка Плещеево III // Отчет Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР о результатах археологических работ в 1971 году. М., 1972 / Архив ИА АН СССР, Р-1, № 4589.

Крайнов Д.А., Уткин А.В. Курганный могильник у ручья Кухмарь на Плещеевом озере // АЭМК. Вып. 19 / Науч. ред. Г.А. Архипов, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1991. С. 147–159.

Краснов Ю.А. К истории раннего земледелия в лесной полосе Европейской части СССР // СА. 1965. № 2. С. 57–74.

Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы / МИА; № 174. М.: Наука, 1971. 166 с.

ЛИТЕРАТУРА

Кременецкий К.В., Беттгер Т., Климанов В.А., Тарасов А.Г., Юнге Ф. История климата и растительности среднего Заволжья в позднем ледниковье и голоцене // Всерос. совещ. «Главнейшие итоги в изучении четвертичного периода и основные направления исследований в XXI веке». СПб.: ВСЕГЕИ, 1998. С. 117–118.

Кренке Н.А. Абашевская находка в долине Москвы-реки // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. Вып. 10 / Отв. ред. А.В. Эногватова. М.: ИА РАН, 2014. С. 29–35.

Кренке Н.А., Александровский А.Л., Ершов И.Н., Ершова Е.Г., Лазукин А.В. Памятники шнурового и «постшнурового» горизонтов бронзового века на Москвереке // КСИА. 2013. Вып. 231. С. 208–223.

Кривцова-Гракова О.А. Абашевский могильник // КСИИМК. Вып. 17 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.-Л.: АН СССР, 1947а. С. 92–98.

Кривцова-Гракова О.А. Хронология памятников фатьяновской культуры // КСИИМК. Вып. 16 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.-Л.: АН СССР, 1947. С. 22–33.

Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы / МИА № 46: АН СССР, 1955. 166 с.

Крижевская Л.Я. Неолит Южного Урала / МИА. № 141. М.: Наука, 1968. 183 с.

Крижевская Л.Я., Халиков А.Х. Каменный инвентарь поселений эпохи бронзы в Казанском Поволжье (по материал работ Куйбышевской экспедиции ИИМК и археологических экспедиций КФАН СССР) // Труды Казанского филиала Академии наук СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. 2 / Отв. ред. Х.Ф. Хайруллин. Казань: КФАН СССР, 1959. С. 119–156.

Крийска А., Лавенто М. «Текстильная керамика» в Эстонии в свете датирования нагара на фрагментах масс-спектометрией (AMS) // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. Вып. 14 / Ред. Г.И. Зайцева, М.А. Кулькова. СПб: ИИМК РАН, 2007. С. 243–250.

Крис Х.И., Чернай И.Л., Данильченко В.П. О раннем периоде дьяковских городищ // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова, В.Г. Петренко. М.: Наука, 1984. С. 130–137.

Кротов П.И. О некоторых местонахождениях каменных орудий в Вятской и Казанской губерниях // ИОАИЭ. Т. I. Казань, 1879. С. 89–95.

Кротов П.Н. О новых поселениях каменного века в Казанской губернии // ИОАИЭ. Т. XXI. Вып. 3. Казань, 1905. С. 259–262.

Круглов А.П., Пиотровский Б.Б., Подгаецкий Г.В. Могильник в г. Нальчике // МИА. № .3 / Материалы по археологии Кабардино-Балкарии / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.-Л.: АН СССР, 1941. С. 67–146.

Круц С.И. Население территории Украины эпохи медибронзы (по антропологическим данным). Киев: Наукова думка, 1972. 191 с.

Крюкова Т.А. Материальная культура марийцев в XIX в. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат. 1956. 160 с.

Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М.: Наука. 1988. 270 с.

Кузнецов П.Ф. Полтавкинская культурно-историческая общность. Препринт. Свердловск-Куйбышев: ИИА УрО АН СССР, 1989. 73 с.

Кузнецов П.Ф. Уникальное погребение эпохи ранней бронзы на р. Кутулук // Древности Восточно-Европейской лесостепи / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Самара: СГПИ, 1991. С.137–139.

Кузнецов П.Ф. Эпоха средней бронзы Волго-Уральского междуречья // Автореф. дисс. канд. ист. наук. ИИМК РАН. СПб., 1991. 17 с.

Кузнецов П.Ф. Кавказский очаг и культуры бронзового века Волго-Уралья // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: Материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. А. Иессена / Науч. ред. И.И. Пиотровский. Спб.: ГЭ, 1996. С. 23–27.

Кузнецов П.Ф. Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита-бронзового века юга лесостепного Поволжья // Радиоуглерод и археология. Вып. 1. СПб: ИИМК РАН, 1996. С. 56–59.

Кузнецов П.Ф. Территориальные особенности и временные рамки переходного периода к эпохе поздней бронзы Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация / Ред. Ю.И. Колев и др. Самара: СГПУ, 2001. С. 178–182.

Кузнецов П.Ф. Отчет о раскопках курганного могильника Грачевка II в Красноярском районе Самарской области в 2002 году по Открытому листу № 281. Самара, 2002 / Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 23717.

Кузнецов П.Ф. Пепкинский курган как отражение конфронтации в начальный период формирования новой культурно-исторической эпохи бронзового века Европы // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СамГУ, 2004. С. 146–154.

Кузнецов П.Ф. Время новых культурных традиций в бронзовом веке Волго-Уралья // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб.: ИИМК, 2007. С. 216–224.

Кузнецов П.Ф. Проблемы изучения раннего и среднего периодов бронзового века Самарского Поволжья // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции. Краеведческие записки. Вып. XV / Отв. ред. Л.В. Кузнецова. Самара: Офорт, 2010. С. 40–55.

Кузнецов П.Ф. Ямные курганы могильника Грачевка II в Самарском Поволжье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 9 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2011. С. 75–92.

Кузнецов П.Ф. Датировка памятника у Репина Хутора и хронология культурно-родственных материалов эпохи ранней бронзы степной зоны Восточной Европы // РА. 2013. № 1. С. 13–21.

Кузнецов П.Ф. Время культур позднего бронзового века Поволжья (анализ радиоуглеродных датировок) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I / Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 582–584.

Кузнецов П.Ф. Значение кавказского компонента в ямной культуре Волго-Уралья. Соотношение архео-

логических и палеогенетических данных // Связи и взаимоотношения культур бронзового века Циркумпонтийского региона: новые данные и материалы / Отв. ред. А.Н. Гей. М.: ИА РАН, 2018. С. 44–47.

Кузнецов П.Ф., Ковалюх Н.Н. Датирование керамики ямно-репинского облика в Поволжье // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 6 / Ред. В.А. Лопатин. Саратов: СарГУ, 2008. С. 194–199.

Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д. Особый тип керамики как отражение миграций в среднем бронзовом веке // XV Уральское археологическое совещание / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Оренбургская губерния, 2001. С. 85–86.

Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д. Самарская долина в бронзовом веке // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке. Самара: СГПУ, 2003. С. 5–29.

Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д. Потаповские комплексы курганов могильника Грачевка II // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области) / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: Министерство культуры Самарской области, 2012. С. 37–82.

Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д., Хохлов А.А., Энтони Д.У. Грачевские курганы. Археология, антропология, геномный анализ. Самара: СГСПУ, 2018. 195 с.

Кузнецов П.Ф., Мышкин В.Н. Исследование могильника Журавлиха I // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2003. С. 142–164.

Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Памятники потаповского типа // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Ред. Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов, М.А. Турецкий. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 122–151.

Кузьмина Е.Е. Кубкообразные сосуды Казахстана эпохи поздней бронзы // Вглубь веков. Археологический сборник / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1974. С. 16–24.

Кузьмина Е.Е. О западных связях андроновских племен // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины / Отв. ред. И.И. Артеменко. Киев. Наукова думка, 1987. С. 48–69.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии. М.: Калина, 1994. 463 с.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности / Отв. ред. А.А. Ткачев. Актобе: ПринтА, 2008. 358 с.

Кузьмина Е.Е., Косинцев А.П., Кулланда С.В., Медникова М.Б., Бужилова А.П., Хохлов А.А., Клейн Л.С., Чечушков И.В., Епимахов А.В., Черленок Е.А., Усачук А.Н., Бочкарёв В.С., Кузнецов П.Ф. Кони и колесничие степей Евразии. Екатеринбург-Самара-Донецк, 2010. 370 с.

Кузьмина О.В. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье: учебное пособие к спецкурсу. Самара: СГПИ, 1992. 128 с.

Кузьмина О.В. Соотношение абашевской и покровской культур // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. Ч. II / Отв. ред. В.С. Бочкарев. Спб., 1995. С. 27–50.

Кузьмина О.В. Керамика абашевской культуры // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1 / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СГПУ, 1999. С. 154–205.

Кузьмина О.В. Абашевская культура в Самарском Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Ред. Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов, М.А. Турецкий. Самара: СНЦ РАН, 2000а. С. 85–121.

Кузьмина О.В. Кости животных в погребальном обряде абашевской культуры // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии / Ред. Е.К. Максимов и др. Саратов, 2000б. С. 59–66.

Кузьмина О.В. Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации) / Отв. ред. В.М. Массон. СПб: Европейский дом, 2000. С. 65–134.

Кузьмина О.В. К вопросу о происхождении височных подвесок в 1,5 оборота абашевской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. I. СПб., 2002. С. 178–181.

Кузьмина О.В. Украшения абашевской культуры // Проблемы археологии Евразии. К 80-летию Н.Я. Мерперта / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. М.: ИА РАН, 2002. С. 157–174.

Кузьмина О.В. К вопросу о происхождении топоров абашевского типа // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие / Ред. В.С. Бочкарев и др Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 92–102.

Кузьмина О.В. Погребальный обряд абашевской культуры // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. (Москва, 14–19 апреля 2003 г.). Ч. 1. М., 2003. С. 152–155.

Кузьмина О.В. К вопросу о неслучайности случайных находок бронзовых боевых топоров и наконечников копий абашевской культуры // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Д.А.Сташенков. Самара: СГУ, 2008. С. 49–57.

Кузьмина О.В. Абашевская культура в Самарском Поволжье // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции: Краеведческие записки. Вып. XV / Отв. ред. Л.В. Кузнецова. Самара: Офорт, 2010. С. 56–63.

Кузьмина О.В. Эрмитажная коллекция абашевской культуры поселения Баланбаш // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 9 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2011. С. 92–117.

Кузьмина О.В. Об одном типе роговых и костяных изделий конца эпохи средней бронзы – начала эпохи поздней бронзы Доно-Волго-Уралья // Самарский край в истории России. Вып. 6 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ, 2017. С. 197–210.

Кузьмина О.В., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Раскопки III Кутулукского могильника // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1 / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ, 1999. С. 135–143.

Кузьминых С.В. Некоторые итоги спектроаналити-

ческого изучения цветного металла ананьинской культурно-исторической общности // Материалы IV конференции молодых научных работников [ИЯЛИ КФАН]. Казань: КФАН СССР, 1976. С. 58–60.

Кузьминых С.В. Бронзовые орудия и оружие в Среднем Поволжье и Приуралье (I тысячелетие до н. э.). Автореф. дисс…канд. ист. наук. М., 1977. 21 с.

Кузьминых С.В. К вопросу о волосовской и гаринско-борской металлургии // СА. 1977. № 2. С. 20–34.

Кузьминых С.В. Новые материалы о ранней металлообработке Нижнего Прикамья // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья / Ред. С.Г. Басин и др. Куйбышев: КГПИ, 1977б. С. 26–28. (Науч. тр. КГПИ; Т. 220.)

Кузьминых С.В. Металлообработка срубных племен Закамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. С. 41–70.

Кузьминых С.В. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Волго-Камье в 1968–1981 гг. // Новое в археологии и этнографии Татарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1982. С. 13–28.

Кузьминых С.В. Андроновские импорты в Приуралье (на примере женского захоронения из Ново-Ябалаклинского могильника) // Культуры бронзового века Восточной Европы / Гл. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: КГПИ, 1983. С. 123–139.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 256 с.

Кузьминых С.В. Квазиэнеолитические культуры Северной Евразии: проблема периодизации // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: ТД XII Урал. арх. совещания / Отв. ред. В.А. Борзунов, И.Б. Васильев. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, УрГУ, 1993. С. 116–119.

Кузьминых С.В. Рец.: В.В. Никитин. Каменный век Марийского края / ТМАЭ. 1996. Т. IV. 179 с. // Финно-угроведение. 1996. № 4. С. 139–146.

Кузьминых С.В. К проблеме поисков финно-угорской прародины // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научной конференции «75 лет со дня рождения В.Ф. Генинга» / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдГУ. 2000. С. 37–42.

Кузьминых С.В. Северная периферия срубной культурно-исторической общности (историографический аспект) // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи / Отв. ред. А.З. Винников. Воронеж: Воронеж. ун-т, 2000. С. 140–148.

Кузьминых С.В. О некоторых дискуссионных проблемах бронзового века Среднего Поволжья (в связи с работами 70–90-х гг. XX в.) // Вопросы древней истории Волго–Камья / Отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: Мастер Лайн, 2002. С. 14–29.

Кузьминых С.В. Сейминско-турбинская проблема: новые материалы // КСИА. 2011. Вып. 225. С. 240–263.

Кузьминых С.В. Материалы к биографии Василия Ивановича Заусайлова (по материалам писем М.Г. Худякова, А.В. и В.А. Геркен // Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого научного археологического кружка Казанского университета. Казань, 2012. С. 180–185.

Кузьминых С.В. О.Н. Бадер как исследователь раннего металла // Уральский исторический вестник. 2015. № 3. С. 26–36.

Кузьминых С.В. М.Г. Худяков: из неизданного при жизни // Археология евразийских степей. 2019. № 2. С. 292–305.

Кузьминых С.В., Агапов С.А. Медистые песчаники Приуралья и их использование в древности // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале / Отв. ред. В.Д. Викторова, Н. Г. Смирнов. Свердловск: УрО АН СССР, 1989. С. 178–197.

Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д. Поздний бронзовый век // Археология: Учебник / Под ред. В.Л. Янина. М.: МГУ, 2006.С. 219–270.

Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д. Эпоха раннего металла вне пределов Циркумпонтийской металлургической провинции // Археология: Учебник / Под ред. акад. В.Л. Янина. 2-е изд., исправл. и дополн. М.: МГУ, 2012. С. 205–219.

Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д., Денисов В.П. Металлообработка гаринской культуры Верхнего и Среднего Прикамья (по данным аналитического исследования) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 4. С. 13–21.

Кузьминых С.В., Марков В.Н., Соловьев Б.С. Некоторые дискуссионные проблемы археологии позднего бронзового и раннего железного веков Среднего Поволжья // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зон восточно-европейского региона в эпоху бронзы и раннем железном веке. ТДК / Отв. ред. Ю.Г. Екимов. Тула: ТОКМ, 1993. С. 39–43.

Кузьминых С.В., Мимоход Р.А. Радиоуглеродные даты Пепкинского кургана и некоторые вопросы хронологии средневолжской абашевской культуры // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.): круглый стол, посвящ. 80-летию со дня рождения С.Н. Братченко (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2016 г.) / Отв. ред. В.А. Алекшин. СПб.: ИИМК, 2016. С. 39–44.

Кузьминых С.В., Напольских В.В. Рец.: Патрушев В.С. Финно-угры России // Финно-угроведение. № 4. 1994. С. 143–152.

Кузьминых С.В., Черных Е.Н. Спектроаналитическое исследование металла бронзового века лесостепного Притоболья (предварительные результаты) // Отв. ред. Т.М. Потемкина. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. С. 346–367.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. К проблеме культурной принадлежности Младшего Волосовского могильника // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: сборник статей к 70-летию Антона Харитоновича Пшеничнюка / Отв. ред. Г.Т. Обыденникова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 162–170.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология Евразийских степей. Вып. 8 / Ред. С.В. Кузьминых,

А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, 2009. С. 29–55.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Введение // Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология Евразийских степей. Вып.19. Казань: ИА АН РТ, Отечество, 2014. С. 7–8.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2014. № 3. С. 101–137.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Введение в археологию ананьинской культурно-исторической области: Северо-Восток Европы в финале бронзового и раннем железном веках // Археология Евразийских степей. 2017. № 3. С. 22–36.

Кулькова М.А., Шалапинин А.А. Новые данные по абсолютной хронологии памятников волосовской культуры лесной зоны Среднего Поволжья // Известия СНЦ РАН. 2018. Т.20, № 3. С. 507–509.

Куприянова Е.В. К вопросу о причинах детских коллективных захоронений в некрополях бронзового века Южного Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Рифей, 2004. С. 82–84.

Куприянова Е.В. Мелкие аксессуары головного убора женщины эпохи бронзы Южного Зауралья: методы исследования и реконструкции // Поволжская археология. 2017. № 3. С. 272–279.

Куприянова Е.В. Новые материалы раскопок могильника Степное VII (2016 г.) в системе петровско-алакульских древностей Южного Зауралья // Археологические памятники Оренбуржья / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Вып.13. Оренбург: центр ОГПУ, 2017. С. 90–103.

Куприянова Е.В., Зданович Д.Г. Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия, 2015. 196 с.

Купцова Л.В. К вопросу о социальном устройстве срубной КИО по материалам Лабазовского курганного могильника // Известия Самарского научного центра РАН. Том 13. № 3(41). 2011. С. 269–275.

Купцова Л.В. Погребальные памятники срубной культуры Западного Оренбуржья с применением камня: специфика, культурные связи, периодизация и радиокарбонная хронология // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 11 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ИПК Университет, 2014. С. 177–196.

Купцова Л.В. Ранние памятники срубной культуры в Оренбургском Предуралье: характеристика, проблема происхождения, данные изучения комплексным методом // Историко-культурные процессы на Южном Урале в эпоху поздней бронзы: современные проблемы изучения и сохранения культурного наследия / Отв. ред. И.И. Файзуллин. Уфа: Диалог, 2016. С. 117–140.

Купцова Л.В. Срубная культура Оренбургского Предуралья (по материалам погребальных памятников). Дисс... на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Оренбург, 2016. 395 с.

Купцова Л.В. Срубная культура Оренбургского Предуралья (по материалам погребальных памятников): Автореф. …дис. канд. ист. наук. Спб, 2016. 21 с.

Купцова Л.В., Моргунова Н.Л., Салугина Н.П., Хохлова О.С. Периодизация срубной культуры Западного Оренбуржья по археологическим и естественно-научным данным // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 46. № 1. 2018. С. 100–107

Купцова Л.В., Файзуллин И.А. Родниковое поселение позднего бронзового века в Западном Оренбуржье. Вып. 10 // Археологические памятники Оренбуржья / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2012. С. 70–100.

Курманов Р.Г., Овсянников В.В., Савельев Н.С., Галеев Р.И. Реконструкция растительности и климата Южного Предуралья в суббореале и субатлантике (по материалам памятников кара-абызской культуры) // Геологический вестник. 2019. № 1. С. 35–44.

Куфтерин В.В. Некоторые морфологические особенности зубной системы людей, погребенных в кургане 1 Селивановского II могильника // Рафикова Я.В., Фёдоров В.К. Курганы Южного Зауралья. Кн.1 Учалинский и Абзелиловский районы Республики Башкортостан. Уфа: Китап, 2017. с. 205–209.

Куфтерин В.В., Нечвалода А.И. Антропологическое исследование скелетов из срубно-алакульского кургана Селивановского II могильника (Южное Зауралье) // ВААЭ. 2016. № 4. С. 79–89.

Куфтерин В.В., Нечвалода А.И. Антропологическое исследование скелетов из кургана 1 Селивановского II могильника // Рафикова Я.В., Фёдоров В.К. Курганы Южного Зауралья. Кн.1 Учалинский и Абзелиловский районы Республики Башкортостан. Уфа: Китап, 2017. С. 193–204.

Куфтин Б.Л. Новая культура бронзовой поры в бассейне р. Оки на озере Подборном близ г. Касимова Рязанской губ. // Материалы к доистории Центрально-промышленной области (ЦПО) / Ред. Б.С. Жукова и О.Н. Бадер. М.: тип. Серпуховск. «Промторга», 1925. С. 45–48.

Куштан Д.П. Південь лісостепового Подніпров'я за доби пізньої бронзи // Археологічний альманах, №29 / Гл. ред. В.П. Чабай, О.В. Колесник. Донецьк: Донбас. 2013. 232 с.

Лавенто М. Новые АМС-датировки текстильной керамики Среднего и Верхнего Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011 С. 263–272.

Лавенто М., Патрушев В. Отчет о раскопках 3 поселения Сосновая Грива в 1993 году. Йошкар-Ола. 1993. 97 с.

Лавенто М., Патрушев В.С. Развитие и хронология текстильной керамики в Среднем и Верхнем Поволжье: критический взгляд на условно принятые ^{14}С-даты, АМС-датирование и типологическую хронологию // Поволжская археология. 2015. № 2. С. 160–188.

Лагодовська Р.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.Л. Михайлівське поселення. Київ: Наукова Думка, 1962. 247 с.

Лаптева Е.Г., Зарецкая Н.Е., Косинцев П.А., Лычагина Е.Л., Чернов А.В. Первые данные о динамике растительности Верхнего Прикамья в среднем и позднем голоцене // Экология, 2017. № 4. С. 267–276.

Лапшин А.С. Памятники раннего и среднего этапа эпо-

хи поздней бронзы Волго-Донского региона (по материалам погребальных памятников): Автореф. …дисс. канд. ист. наук. Спб, 2006. 26 с.

Лебедева Н.В., Фадеев В.Г. Новый памятник синташтинско-потаповского типа Кутулук I в Самарском Заволжье // Археологические памятники Оренбуржья: сборник научных трудов. Вып. 12 / Ред. Н.Л. Моргунова Оренбург: Университет. 2016. С. 71–86.

Лесков А.М. О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР / Отв. ред. А.М. Лесков, Н.Я. Мерперт. Киев: Наукова Думка, 1967. С. 143–178.

Либеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М.: Наука, 1964. 128 с.

Линкина Л.И., Николаева К.В. К истории растительности голоцена в районе стоянки Гулюково III (по результатам палинологического анализа) // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 4 / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Фолиант, 2011. С. 217–224.

Линкина Л.И., Петрова Е.В. Реконструкция растительного покрова и климатических условий голоцена в районе стоянки Пестречинская IV (эпоха раннего металла) Предкамье // Вестник ВГУ. Серия География, Геоэкология, 2018. № 2. С. 34–39.

Липсон Г.М. Гагарское I поселение близ с. Частые // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 2 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: ИА АН СССР, 1961. С. 29–38.

Литвиненко Р.А. Памятники покровского типа в бассейне Северского Донца // Проблемы культур начального этапа поздней бронзы Волго-Уралья / Отв. ред. Н.М. Малов. Саратов: СГУ, 1991. С. 21–23.

Литвиненко Р.А. Наконечники стрел культуры многоваликовой керамики // Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона (материалы 4-го Украинско-Российского полевого археологического семинара). К.-Воронеж, 1998. С. 46–52.

Литвиненко Р.А. К проблеме поиска признаков культуры многоваликовой керамики в донно-волжской лесостепи // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ, 1999. С. 68–72.

Литвиненко Р.А. Об одном типе посуды культуры многоваликовой керамики (КМК) // Матеріали археологічної конференції «Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя)». Днепропетровск, 1999а. С. 83–86.

Литвиненко Р.А. Южно-уральский очаг культурогенеза и культура Бабино (КМК): проблема взаимосвязи // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие / Ред. В.С. Бочкарев и др Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 145–152.

Литвиненко Р.А. Восточная периферия бабинского очага культурогенеза // Проблемы археологии Нижнего Поволжья / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2004. С. 102–108.

Литвиненко Р.А. Опыт выявления пространственно-семиотических структур в погребальном обряде культуры Бабино // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 3 / Глав. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2006. С. 215–236.

Литвиненко Р.А. Культурный круг Бабино: название, таксономия, структура // КСИА. 2011. Вып. 223. С. 108–123.

Литвиненко Р.О. Поховання культурного кола Бабине з металевими ножами // Донецкий археологический сборник. № 12 / Гл. ред. П.В. Добров. Донецк: ДонНУ, 2006а. С. 32–61.

Литвиненко Р.О. Культурне коло Бабино (по матеріалам поховальних пам'яток). Автореф. дисс… д-ра ист. наук. К., 2009. 32 с.

Литвиненко Р.О. Культурне коло Бабино (по матеріалам поховальних пам'яток. Рукопись дисс… д-ра іст. наук. Киев, 2009а / Архив ИА НАНУ. № 879.

Литвиненко Р.О. Обряд вторинного поховання в культурах бабинського кола // Донецький археологічний збірник. № 15 / Гол. ред. Р.О. Литвиненко. Донецьк: ДонНУ, 2011. С. 7–35.

Литвиненко Р.О. Бабинське-криволуцьке порубіжжя // Донецький археологічний збірник. № 16 / Гол. ред. Р.О. Литвиненко. Донецьк: ДонНУ, 2012. С. 47–76.

Литвиненко Р.О. Поховання культурного кола Бабине з виробничим реманентом // Наукові студії. Давні майстені та виробництво у Вісло-Дніпровському регіоні. Вип. 8. Винники-Жешів-Львів, 2015. С. 113–136.

Литвиненко Р.О. Керамічний посуд в поховальній обрядовості бабинських культур // Україна у світовому історічному просторі. Збірник матеріалів Всеукраїнської науково-практичної конференції. Маріуполь, 2016. С. 209–213.

Литвиненко Р.О. Колісний транспорт у поховальній парадигмі культур посткатакомбного блоку // Археологія та этнологія Східної Європи. Дніпр, 2016а. С. 129–140.

Литвиненко Р.О. Бабинські пам'ятки Середної Наддніпрянщини в системе старожитностей культурного кола Бабине // Переяславіка. Наукові записки. Переяслав-Хмельницький, 2017. С. 336–344.

Логинова Э.С. Поселение Эньты II // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке / МАЕСВ. Вып. 10 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 1986. С. 45–53.

Логинова Э.С. Поселение Юванаяг на Нившере // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железа и средневековья в Северном Приуралье / МАЕСВ. Вып. 13 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 1995. С. 43–58.

Лозе И.А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига: Зинатне, 1979. 204 с.

Лопатин А.И. Отчет об археологических разведках в Горьковской области в 1977 году. Горький, 1978 / Архив ИА АН СССР. Р-1, № 6829.

Лопатин В.А. Курган у Ивановского разъезда в Саратовском правобережье // Археология восточно-европейской лесостепи. Вып. 6 / Ред. В.А. Лопатин. Саратов: СГУ, 2008. С. 211–233.

Лопатин В.А. Смеловский могильник: фрагменты локального культурогенеза // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале.

Т. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. С. 415–420.

Лопатин В.А. Бородаевские курганa (по раскопкам 1982 года на Малом Карамане) // Археология восточно-европейской степи. Вып. 7 / Ред. В.А. Лопатин. Саратов: СарГУ, 2009. С. 44–97.

Лопатин В.А. Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в Степном Заволжье (середина II тыс. до н. э.) / ред. Н.М. Малов. Саратов: Наука. 2010. 244 с.

Лопатин В.А. Вольско-лбищенский вектор культурогенеза // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 10 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов, 2012. С. 56–78.

Лопатин В.А. Начало эпохи поздней бронзы на севере Нижнего Поволжья. Саратов: Саратов. ун-т, 2014. 292 с.

Лопатин В.А., Леонтьева А.С., Четвериков С.И. Богатыревский клад // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 11 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: СарГУ, 2015. С. 179–186.

Лопатин В.А., Малов Н.М. Финал эпохи бронзы в нижневолжском правобережье по материалам поселения «Мартышкино» // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 12 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: СарГУ, 2016. С. 79–108.

Лопатин В.А., Малышев А.Б. Культурно-хронологические комплексы поселения Мартышкино (материалы эпохи средневековья) // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Вып. 8 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: ИЦ Наука, 2010. С. 274–322.

Лопатина О.А. Керамика Старшего Каширского городища и ее культурно-хронологический контекст // Каширский край. Вып. II. Археология. Кашира, 2006.

Лопатина О.А. Опыт технологического изучения «текстильных» отпечатков // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология Евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕГМЗ, 2009. С. 204–213.

Лопатина О.А. Начало изучения раннего железного века Центральной части Русской равнины // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 66–75.

Лопатина О.А. Рельефное прокатывание поверхности как прием создания так называемых «текстильных» отпечатков на древней керамике // Археология Евразийских степей. № 4. 2017. С. 287–296.

Лопатина О.А. Текстильные отпечатки на древней керамике: проблемы интерпретации // РА. 2017. № 1. С. 168–179.

Лузгин В.Е. Древние культуры Ижмы. М.: Наука, 1972. 128 с.

Лукашов А.В. Отчет о работе Заволжской археологической экспедиции Волгоградского государственного университета в зоне строительства Иловатской оросительной системы за 1987 г. / Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1, № 12384, 12384а.

Луньков В.Ю., Энговатова А.В. Курганный могильник Орлово-1 (Абашевская культура в Волго-Окском междуречье) // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие / Ред. В.С. Бочкарев и др. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 193–197.

Лухтан А. Кельты меларского типа в Литве // Древности Белоруссии и Литвы. Минск, 1982. С. 48–54.

Лыганов А.В. Отчет. Археологические исследования в Тукаевском, Алексеевском, и Пестречинском районах Республики Татарстан в 2009 году. Ч. 3. Исследование Пестречинской IV стоянки / Научный фонд МАРТ ИА им. А.Х. Халикова АН РТ. Ф-4, О-1. Казань, 2011. 99 л.

Лыганов А.В. Скотоводство у населения Волго-Камья в позднем бронзовом веке // Вестник ТГГПИ. 2011. Вып. 4 (26). С. 126–132.

Лыганов А.В. Хозяйство населения позднего бронзового века Волго-Камья. Дисс. … канд. ист. наук. Казань, 2013. 284 с.

Лыганов А.В. Хозяйство населения позднего бронзового века Волго-Камья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань: ИИ АН РТ, 2013. 27 с.

Лыганов А.В. К проблеме выделения займищенского культурного типа начала позднего бронзового века в Среднем Поволжье // Актуальные вопросы российской археологии / под ред. В.А. Шаталова. Казань: ЦИАИ, 2014а. С. 8–16.

Лыганов А.В. К проблеме выделения культур первой фазы позднего бронзового века Волго-Камья. // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том I / Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014б. С. 599–602.

Лыганов А.В. Коминтерновский курган № 1 луговской культуры в Приустьевом Закамье // Поволжская археология. 2017. № 3. С. 97–116.

Лыганов А.В. Луговская культура позднего бронзового века на территории Волго-Камья // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе: сборник научных статей / отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Алт. ун-т, 2017. Т. I. С. 282–287.

Лыганов А.В. Андроноидные традиции в культурах позднего бронзового века лесостепного Поволжья // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018. С. 128–130.

Лыганов А.В. Срубная культурно-историческая общность Прикамья и севера Среднего Поволжья. Современное состояние проблемы. // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018. С. 126–128.

Лыганов А.В. Северная периферия срубной культурно-исторической общности (по материалам памятников Татарстана и Чувашии) // Археологические памятники Оренбуржья. Вып.14. / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 103–123.

ЛИТЕРАТУРА

Лыганов А.В. К вопросу о выделении поздняковских памятников в Приказанском Поволжье и Западном Закамье. // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. I. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020в. С. 309–310.

Лыганов А.В. К вопросу о культурно-хронологической принадлежности двух могильников позднего бронзового века в Волго-Камье (из раскопок А.Х. Халикова) // Поволжская археология. 2020а. № 3. С. 144–158.

Лыганов А.В. Мальцевская IV стоянка позднего бронзового века на р. Тойма в Нижнем Прикамье // Археология Евразийских степей. 2020б. № 5. С. 182–197.

Лыганов А.В. Культурно-хронологические комплексы Курманаковской IV стоянки в нижнем течении реки Меша // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 29–46

Лыганов А.В., Галимова М.Ш., Бугров Д.Г., Аськеев И.В., Мельников Л.В., Хисяметдинова А.А. Предварительные результаты комплексного изучения нового памятника эпохи раннего металла Казанского Поволжья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VIII / ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ, 2012. С. 134–142.

Лыганов А.В., Морозов В.В., Азаров Е.С. Луговские I и II стоянки и проблема соотношения черкаскульской, луговской и межовской культур в Нижнем Прикамье // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 38–98.

Лыганов А.В., Хамзин Р.Н., Галимова М.Ш. Материалы эпохи раннего металла Исаковского городища на реке Свияга // Поволжская Археология. 2018. № 3 (25). С. 242–257.

Лыганов А.В., Чижевский А.А. Погребения луговской культуры Мурзихинского II могильника в приустьевом Закамье // Археология евразийских степей. 2021. № 1. С. 298–323.

Лыганов А.В., Чижевский А.А., Валиев Р.Р., Еремин О.И. Погребальные памятники начала позднего бронзового века в Приустьевом Закамье // Поволжская археология. 2015. № 2. С. 83–103.

Лыугас В.А. Период раннего металла в Эстонии (с середины II тыс. до н. э. до начала н. э.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Таллин: ИИ АН ЭССР, 1970. 51 с.

Лычагина Е.Л. Новые исследования поселения Чашкинское озеро VI в Пермском Предуралье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4 / Отв. ред. И.Н. Васильева. Самара: Научно-технический центр, 2006. С.126–135.

Лычагина Е.Л. Каменный и бронзовый век Предуралья. Пермь: ПГГПУ, 2013. 120 с.

Лычагина Е.Л. Ранний энеолит Прикамья. Вопросы хронологии новоильинской культуры // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы / Отв. ред. Е.А. Черленок. СПб: Скифия-принт, 2013. С. 153–156.

Лычагина Е.Л., Карманов В.Н., Зарецкая Н.Е. Новые данные по хронологии памятников энеолита северо-востока Европы // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы / Отв. ред. Е.А. Черленок. СПб: Скифия-принт, 2013. С. 161–164.

Ляхов С.В. Новые памятники эпохи ранней и средней бронзы у с. Новая Квасниковка // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Куйбышев: КГПИ, 1990. С. 54–56.

Ляхов С.В. Уникальное погребение эпохи средней бронзы из кургана у пос. Сторожевка // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Вып. 1. Саратов: Дирекция охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры, 1996. С. 77–84.

Малов Н.М. О «загадочной» керамике вольского типа // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк: ДГУ, 1979. С. 82–83.

Малов Н.М. Хлопковский могильник и его место в энеолите Поволжья (по материалам раскопок 1977–1978 гг.) // Волго-Уральская степь и лесостепь эпоху раннего металла / Гл. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. ин-т, 1982. С. 82–94.

Малов Н.М. Хвалынская культура валиковой керамики эпохи поздней бронзы в Поволжье (по материалам поселений) // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. ТДК / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: ИА АН СССР, 1987. С. 59–60.

Малов Н.М. О выделении покровской культуры // Материалы и доклады Рыковский чтений. Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья / Отв. ред. Н. М. Малов. Саратов: СарГУ, 1991. С. 50–53.

Малов Н.М. «Абашевские племена» Нижнего Поволжья (Памятники покровского типа). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Спб., 1992.

Малов Н.М. Покровский культурный тип памятников начального этапа эпохи поздней бронзы степного Волго-Уралья. Вып. 4 // Новые открытия и методические основы археологической хронологии: тез. докл.: археологические изыскания. Спб: ИИМК, 1992. С. 83–85.

Малов Н.М. Культуры эпохи поздней бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: НТЦ, 2001. С. 199–202.

Малов Н.М. Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической общности // Археология Восточно-Еврпейской степи / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Научная книга, 2007. Вып. 5. С. 34–92.

Малов Н.М. Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 6 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Научная книга, 2008. С. 32–134.

Малов Н.М. Культурогенез в позднем бронзовом веке Нижнего Поволжья: археолого-культурологический подход // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Международная конференция, посвященная 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога

М.П. Грязнова / Отв. ред. В.А. Алекшин. Спб.: Периферия, 2012б. С. 153–158.

Малов Н.М. Культурогенез в эпоху бронзы Нижнего Поволжья // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения. 2012а. Т. 12. Вып.1. С. 95–100.

Малов Н.М. Хронология и периодизация позднего бронзового века Нижнего Поволжья: хвалынская культура валиковой керамики // Проблемы периодизации и хронологии в археологии раннего металла Восточной Европы / Ред. Е.А. Черленок. СПб: Скифия-принт, 2013. С. 102–117.

Малов Н.М. Сосново-Мазинский клад // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 15 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2019. С. 76–106.

Малов Н.М., Изотова М.А. Селище литейщиков срубной кульутры Потьма–III в Саратовском Прихоперье // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 7 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Научная книга, 2009. С. 123–145.

Малов Н.М., Сергеева О.В., Ким М.Г. Материалы вольского культурного типа среднего бронзового века Нижнего Поволжья с эпонимного поселения // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 7 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: СарГУ, 2009. С. 19–43.

Малов Н.М., Филипченко В.В. Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // Археологические вести. 1995. № 4. С. 52-62.

Малышев А.Б. Исследование Сабуровского грунтового могильника в 2006-2007 гг. // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 8 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2008. С. 16–37.

Малютина Т.С., Зданович Г.Б. Керамика Аркаима: опыт типологии // РА. 2004. № 4. С. 67–82.

Малютина Т.С., Зданович Г.Б. Керамика Аркаима: сравнительный анализ // РА. 2005. М. № 2. С. 20–31.

Мамонтов В.И. Одиночные курганы в окрестности поселка Водянского Октябрьского района // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 12 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2011. С. 147–158.

Мансуров А.А., Бадер О.Н. Археологическая карта окрестностей Касимова // Археология Рязанской земли / Отв. ред. А. Л. Монгайт М.: Наука, 1974. С. 253–323.

Манюхин И.С. Поселение с сетчатой керамикой эпохи поздней бронзы в устье р. Водлы на восточном побережье Онежского озера // Финно-угры России. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой / Отв. ред. В.С. Патрушев. Йошкар-Ола: МарГУ, 1993. С. 82–112.

Мариева Н.А., Марченко-Вагапова Т.И. Условия формирования старичных отложений р. Лузы в голоцене // Материалы XI научной конференции «Структура, вещество, история литосферы Тимано-Североуральского сегмента». Сыктывкар: Геопринт, 2002. С. 115–117.

Марков В.Н. Отчет о работах отряда Первобытной экспедиции в 1987 году. Казань, 1988 / НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф. 9. О. 10.

Марков В.Н. Работы в Татарии // АО-1986 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1988. С. 182.

Марков В.Н. Ананьинская проблема (некоторые итоги и задачи её решения) // Памятники древней истории Волго-Камья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ, 1994. С. 48–88.

Марков В.Н. К постановке проблемы происхождения памятников маклашеевского типа // Эпоха бронзы Нижнего Прикамья. ТДК. Казань: НЦАИ АНРТ, 1996. С. 10–12.

Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / АЕС. Вып. 4. Казань: ИИ АНРТ, 2007. 136 с.

Марков В.Н., Чижевский А.А. Погребения эпохи бронзы Мурзихинского II могильника // Древности. Вып. 36 / Ред. Б.Я. Ставиский, А.А. Бурханов. Москва-Казань: Gumanitarya, 2003. Вып. 36. С. 125–133.

Маркова А.К., Кольфсхотен Т. ван, Бохнкке Ш., Косинцев П.А., Мол И., Пузаченко А.Ю., Симакова А.Н,. Смирнов Н.Г., Верпоорте А., Головачев И.Б. Эволюция экосистем Европы при переходе от плейстоцена к голоцену (24–8 тыс. л.н.). М.: КМК, 2008. 556 с.

Марковин В.И. Зандакский могильник эпохи раннего железа на реке Ярык-су (Северо-Восточный Кавказ). М.: Наука, 2002. 154 с.

Мартиросян А.А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван: АН АрмССР, 1964. 312 с., XXXII табл.

Марченко-Вагапова Т.И. Палинологическая характеристика голоценовых отложений в Республике Коми // Геология и минеральные ресурсы Европейского Северо-Востока России. Материалы XVI Геологического съезда Республики Коми. Т. II. Сыктывкар: ИГ Коми НЦ УрО РАН, 2014. С. 181–183.

Марченко-Вагапова Т.И., Мариева Н.А. Палинологическая и диатомовая характеристики природной среды в голоцене района средней Вычегды // Вестник Института геологии. 2001. № 10. С. 6–9.

Марьенкина Т.А. Изучение поздняковской культуры на рубеже XX–XXI вв. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. Т. 21. № 1. С. 89–94.

Марьенкина Т.А. Жилищное сооружение поздняковского поселения Наумовка // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 3. Пенза, 2013. С. 203–206.

Масанов Н. э. Особенности функционирования традиционного кочевого общества казахов // Сезонный экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке / Отв. ред. Н.И. Шишлина. М.: ГИМ, 2000. С. 116–130.

Массон В.М. Феномен ранних комплексных обществ в древней истории // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте / Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: ИИМК, 1991. С. 3–9.

Матвеев А.В. Некоторые итоги и проблемы изучения ирменской культуры // СА. 1986. № 2. С. 56–69.

Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск: НГУ, 1993. 182 с.

Матвеев А.В. Черкаскульская культура Зауралья // AB ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири / Ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: Вектор Бук, 2007. С. 4–42.

Матвеева Г.И., Колев Ю.И., Королев А.И. Горно-металлургический комплекс бронзового века у с. Михайло-Овсянка на юге Самарской области // Вопросы археологии Урала и Поволжья: Сборник научных трудов. Вып. 2 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский университет, 2004. С. 69–94.

Матвеева Л.П. Поселение эпохи поздней бронзы в Чувашии // СА. 1962. № 4. С. 214–218.

Матвеева Н.П. Реконструкция социальной структуры древних обществ по археологическим данным. Тюмень: ТюмГУ. 2007. 209 с.

Матюхин А.Д. Погребение эпохи бронзы у села Белогорье // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Вып. 3 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 1999. С. 48–52.

Матюшин Г.Н. О наконечниках кельтеминарского типа на Урале // Памятники древнейшей истории Евразии / Отв. ред. П.М. Кожин, Л.В. Кольцов, М.П. Зимина. М.: Наука, 1975. С. 143–151.

Матюшин Г.Н. Поселение Муллино III в Приуралье // Волго-Уральская степь в эпоху раннего металла / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1982. С. 36–64.

Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. М.: Наука, 1982. 326 с.

Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск: ТГУ, 1988. 136 с.

Махортих С.В. Пам'ятки типу Новочеркаського скарбу // Археологія. 1992. № 1. С. 23–30.

Медведева П.С. Ткани Аркаима // Поволжская Археология. 2018. № 3 (25). С. 191–207.

Медведева П.С., Мочалов О.Д., Орфинская О.В. Древнейшие свидетельства ткачества в Поволжье (по материалам из памятников потаповского типа) // Stratum Plus. 2017. № 2. С. 345–358.

Медникова М.Б., Бужилова А.П. К вопросу о травматических повреждениях среди абашевского населения // РА. 2002. № 2. С. 162–164.

Мельник В.И. Степное Поволжье в эпоху средней бронзы. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. ИА РАН. М., 1985. 17 с.

Мельничук А.Ф. О памятниках борского типа в Прикамье // Энеолит лесного Урала и Поволжья / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск: УИИЯЛ, 1990. С. 97–104.

Мельничук А.Ф. Зауральские керамические комплексы на памятниках неолита и палеометалла Среднего Приуралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале / Отв. ред. А.Д. Таиров, Н.О. Иванова. Челябинск: Южноуральский государственный университет, 2009. С. 14–17.

Мельничук А.Ф. Малоизвестные предметы вооружения эпохи бронзы из Среднего Приуралья // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т. 11. С. 262–264.

Мельничук А.Ф. Поселение Усть-Очёр I – энеолитический памятник в Оханском Прикамье и проблемы изучения поселений новоильинского культурного круга // Вестник Пермского университета. Серия «История». Вып. 1(15). 2011. С. 22–36.

Мельничук А.Ф. Хронология гаринской культуры в Среднем Приуралье // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы / Отв. ред. Е.А. Черленок. СПб: Скифия-принт, 2013. С. 157–160.

Мельничук А.Ф., Майстренко Д.А. Культурно хозяйственный тип населения Северного Прикамья в эпоху бронзы раннем железном веке // III Северный международный конгресс. Ханты-Мансийск / Отв. ред. Викторова В.Д. Екатеринбург: НаукаСервис, 2010. С. 114.

Мельничук А.Ф., Скорнякова С.В., Чурилов Э.В. Стоянка Усть-Залазнушка II – новый памятник хуторского типа в камском неолите // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4 / Отв. ред. И.Н. Васильева. Самара: Научно-технический центр, 2006. С.120–125.

Мерперт Н.Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья // МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1954. С. 139–156.

Мерперт Н.Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА. № 61. 1958 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1954. С. 45–156.

Мерперт Н.Я. Абашевские курганы северной Чувашии // Абашевская культура в Среднем Поволжье / МИА. № 97 / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. М.: ИА АН СССР, 1961. С. 111–156.

Мерперт Н.Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА. № 61 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1962. С. 45–156.

Мерперт Н.Я. Срубная культура Южной Чувашии // МИА. № 111 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1962. С. 7–21.

Мерперт Н.Я. Древнейшая история степной полосы Восточной Европы (3 – начало 2 тыс. до н. э.). Дисс…. докт. ист. наук. М., 1968 // Архив ИА РАН. Р-2. № 2010, 2011, 2012.

Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974. 152 с.

Мерперт Н.Я. Срубная культурно-историческая область // Срубная культурно-историческая общность (проблемы формирования и периодизации). Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: КГПУ, 1985. С. 3–10.

Мерперт Н.Я., Пряхин А.Д. Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы Восточной Европы и лесостепь // Археология Восточноевропейской лесостепи / Науч. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: Воронежский университет, 1979. С. 7–24.

Мильков Ф.Н. Среднее Поволжье. Физико-географическое описание. М.: АН СССР, 1953. 263 с.

Мимоход Р.А. Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: I Международная Нижневолжская археологическая конференция: материалы конференции / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2004. С. 108–114.

Мимоход Р.А. Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ, 2005. С. 70–74.

Моргунова Н.Л. Кузьминковская стоянка эпохи энеолита в Оренбургской области // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев: КГПИ, 1986.

С. 31–36.

Моргунова Н.Л. Энеолитические комплексы Ивановской стоянки // Неолит и энеолит Северного Прикаспия / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1989. С. 118–135.

Моргунова Н.Л. Периодизация и хронология приуральских древнеямных памятников // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Куйбышев: КГПИ, 1990. С. 51–53.

Моргунова Н.Л. К вопросу о полтавкинской культуре // СА. 1991. № 4. С. 123–131.

Моргунова Н.Л. К вопросу об общественном устройстве древнеямной культуры // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург: ОГПИ, 1992. С. 5–27.

Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург: Южный Урал, 1995. 222 с.

Моргунова Н.Л. Население юга лесостепи Волго-Уральского междуречья в эпохи неолита-энеолита-ранней бронзы. Автореф. дисс. … докт. ист. наук. М., 1997. 32 с.

Моргунова Н.Л. Большой Болдыревский курган // Археологические памятники Оренбуржья. № 4. Оренбург: Оренбургская губерния, 2000. С. 55–62.

Моргунова Н.Л. Проблемы изучения ямной культуры Приуралья // Проблемы археологии Евразии. К 80-летию Н.Я. Мерперта. М.; ИА РАН, 2002. С. 104–116.

Моргунова Н.Л. Периодизация и хронология ямных памятников Приуралья по данным радиоуглеродного датирования // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Оренбург: ОГПУ, 2006. С. 67–71.

Моргунова Н.Л. Об абсолютной хронологии развитого этапа ямной культуры (по данным Южного Приуралья) // Радиоуглерод в археологических исследованиях. СПб.: ИИМК, 2007. С. 210–215.

Моргунова Н.Л. Хронология и периодизация энеолита Волжско-Уральского междуречья в свете радиоуглеродного датирования // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы Европы / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ 2009. С. 6–27.

Моргунова Н.Л. Отчет о раскопках II курганного могильника у с. Имангулово 2-е в Октябрьском районе Оренбургской области по Открытому листу № 579 в 2010 году. Оренбург, 2010 / Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1, № 3942.

Моргунова Н.Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: ОГПУ, 2011. 220 с.

Моргунова Н.Л. Ямная и майкопская культуры: вопросы хронологии и синхронизации // Проблемы археологии Кавказа. Вып.1. М.: ИА РАН, 2012. С. 120–130.

Моргунова Н.Л. Радиокарбонная хронология ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 5–23.

Моргунова Н.Л. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург: ОГПУ, 2014. 348 с.

Моргунова Н.Л. Репинский горизонт ямной культуры Волго-Уралья // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию / XX Уральское археологическое совещание. Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2016. С. 126–129.

Моргунова Н.Л., Васильева И.Н., Кулькова Н.А., Рослякова Н.В., Салугина Н.П., Турецкий М.А., Файзуллин А.А., Хохлова О.С. Турганикское поселение в Оренбургской области. Оренбург: ОГАУ, 2017. 300 с.

Моргунова Н.Л., Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Хронологическое соотношение энеолитических культур Волго-Уральского региона в свете радиоуглеродного датирования // РА. 2010. № 4. С. 18–27.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярева А.Д., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А. Скворцовский курганный могильник. Оренбург: ОГПУ, 2010. 160 с.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Евгеньев А.А., Китов Е.П., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А. Лабазовский курганный могильник срубной культуры. Оренбург: ОГПУ, 2009. 98 с.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Евгеньев А.А., Крюкова Е.А., Купцов Л.В., Рослякова Н.В., Салугина Н.П., Турецкий М.А., Хохлов А.А., Хохлова О.С. Боголюбовский курганный могильник срубной культуры в Оренбургской области / Ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2014. 172 с.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. Оренбург: ОГПУ, 2003. 390 с.

Моргунова Н.Л., Горащук И.В., Файзуллин А.А. Результаты трасологического анализа каменных и костяных орудий Турганикского поселения // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 15 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2021. С. 11–30.

Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А., Купцова Л.В. Погребальный комплекс синташтинского времени на поселении Малоюлдашево I в Западном Оренбуржье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43. № 2. С. 64–71.

Моргунова Н.Л., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Новые радиоуглеродные даты памятников энеолита, раннего и среднего этапов бронзового века Поволжья и Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 9 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2011. С. 53–68.

Моргунова Н.Л., Й. ван дер Плихт. Результаты радиоуглеродного датирования Тамар-Уткульских курганов в Оренбургской области // Известия СНЦ РАН. Т. 15. № 5. 2013. С. 261–268.

Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург: Наука, 1994. 153 с.

Моргунова Н.Л., Краева Л.А., Матюшко И.В. Курганный могильник Мустаево V // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 7 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2005. С. 5–49.

Моргунова Н.Л., Рослякова Н.В., Кулькова М.А. Новые данные о хронологии и развитии скотоводства в энеолите и раннем бронзовом веке Южного Приуралья // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведе-

ние. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 3. С. 17–36.

Моргунова Н.Л., Турецкий М.А. Волго-уральский вариант ямной культурно-исторической общности: проблемы и перспективы исследований на современном этапе // Феномены культур энеолита – раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н. э. / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 88–102.

Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А. Социальная структура ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // Stratum Plus. № 2. 2018. С. 35–60.

Моргунова Н.Л. Файзуллин А.А. Новые данные о начале функционирования Приуральского (Каргалинского) горно-металлургического центра // Нижневолжский археологический вестник. 2021. Т. 20. № 1. С. 5–15.

Моргунова Н.Л., Халяпин М.В. Погребения эпохи поздней бронзы у с. Покровка // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. IV / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Оренбургская губерния, 2000. С. 153–167.

Моргунова Н.Л., Халяпин М.В., Халяпина О.А. II Кузьминковское поселение эпохи бронзы // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. V / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Оренбургская губерния, 2001. С. 99–125.

Морозов В.В. Отчет о разведочных работах в г. Казань в Республике Татарстан в 2016 г. Казань, 2017 / НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф. 4. О. 1.

Морозов Ю.А. Энеолитические памятники Приуралья // Волго-Уральская степь в эпоху раннего металла / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1982. С. 71–82.

Морозов Ю.А. Кара-Якуповская энеолитическая стоянка // Эпоха меди юга Восточной Европы / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1984. С. 43–58.

Морозов Ю.А. Новые памятники курмантаусской культуры в горной зоне верхнего течения р. Белой // УАВ. 2004. Вып. 5. С. 119–126.

Морозов Ю.А. Аитовское поселение эпохи бронзы в Башкирском Приуралье / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова. Уфа: УНЦ РАН, 2017. 231 с.

Мосин В.С., Епимахов А.В., Выборнов А.А., Королев А.И. Хронология энеолита и эпохи ранней бронзы в Уральском регионе // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 4. С. 41–53.

Мочалов, О.Д. Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья. Самара: Сам

Мунчаев Р.М., Кузьминых С.В. Волжский путь в древности // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала: Материалы III Халиковских чтений (г. Болгар, 27–30 мая 2004 г.) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Школа, 2006. С. 38–54.

Мыськов Е.П. Отчет о работе Волго-Ахтубинского отряда археологической экспедиции ВГПИ в г. Волжском в 1983 году / Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1, № 9859, 9859а.

Мыськов Е.П. Новые полтавкинские памятнкики Нижнего Поволжья // СА. 1987. № 4. С. 234–242.

Мыськов Е.П. К проблеме периодизации памятников срубной культуры Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья // СА. 1991. № 4. С. 145–163.

Мыськов Е.П. Новые памятники позднего бронзового века в Волго-Донском междуречье // АВЕС. Вып. 3 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Научная книга, 1992. С. 86–96.

Мыськов Е.П., Кияшко А.В., Лапшин А.С. Исследование курганов в бассейне реки Медведицы // Материалы по археологии волго-донских степей. Вып. 3 / Отв. ред. В.Д. Сергацков. Волгоград: НИИ археологии Нижнего Поволжья, ИА РАН, 2006. С. 81–104.

Мышкин В.Н., Кузьмина О.В. Раскопки курганных могильников Масленниково I и Карабаевка I в Самарском Поволжье // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области): Научно-популярное издание / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: Министерство культуры Самарской области. 2012. С. 296–347.

Наговицин Л.А. Периодизация энеолитических памятников Вятского края // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья / Отв. ред. Л.А. Наговицин. Ижевск: УдНИИ, 1984. С. 89–123.

Наговицын Л.А. Периодизация энеолитических памятников Вятского края // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1984. С. 89–123.

Наговицын Л.А. Новоильинская, гарино-борская и юртиковская культуры // Эпоха бронзы лесной полосы СССР СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Краснов, М.Ф. Косарев. М., 1987. С. 28–35.

Наговицын Л.А. Культурно-хронологическое соотношение гаринских и борских памятников Прикамья // Энеолит лесного Урала и Поволжья / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск: УИИЯЛ, 1990. С. 82–96.

Наговицин Л.А. Новый памятник с балановской керамикой в бассейне р. Вятки // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР / АЭМК. Вып. 19 / Науч. ред. Г.А. Архипов, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИ. 1991. С. 99–101.

Назаров А.А. Отчет. Охранные раскопки курганов № 1 и № 2 курганной группы «Белявская I» Старополтавского муниципального района по Открытому листу № 838 от 23 августа 2010 года / Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1, № 39384.

Напольских В.В. Введение в историческую уралистику. Ижевск: УИИЯЛ, 1997. 268 с.

Недомолкина Н.Г. Сухонские кремневые фигурки // ТАС. Вып. 4 / Отв. ред. И.Н. Черных Тверь: ТГОМ, 2000. С. 277–283.

Немкова В.К. История растительности Предуралья за поздне- и послеледниковое время // Актуальные вопросы современной геохронологии / Ред. А.П. Виноградов и др. М.: Наука, 1976. С. 259–276.

Немкова В.К. Стратиграфия поздне- и послеледниковых отложений Предуралья // К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Предуралья / Отв. ред. В.Л. Яхимович. Уфа: БФАН СССР, 1978. С. 4–45.

Немкова В.К. Флора и растительность Предуралья в

плиоцене, плейстоцене и голоцене // Плиоцен и плейстоцен Волго-Уральской области / Ред. В.Л. Яхимович, В.К. Немкова, Ф.И. Сулейманова и др. М. Наука, 1981. С. 69–77.

Несанелене В.Н. Отчёт о работе Вымского археологического отряда Северо-Двинской археолого-этнографической экспедиции в 2001 году. Сыктывкар, 2002 / Архив МАЭ СыктГУ. Ф.2. Д.102. 58 л; НА ИА РАН. Р-1. № 23948.

Нефедов Ф.Д. Археологические исследования в Южном Приуралье и Прикамье в 1893–1894 гг. // МАВГР. Т. III / Ред. Д.Н. Анучин. М.: Тип. П.Н. Шарапова, 1899. С. 42–74.

Нечвалода А.И., Куфтерин В.В. Палеоантропология Николаевского курганного могильника эпохи бронзы и железа // Вестник антропологии. 2006. Вып. 14. С. 74–81.

Никитин А.Л. Отчет об археологической разведке 1957 г. в Переславском районе Ярославской области. М., 1958 / Архив ИА АН СССР. Р-1, № 1637. с. 204 и след.

Никитин А.Л. Отчет о работе Ростовского отряда Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР в Переславском районе Ярославской области летом 1959 г. М., 1960 // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 1986.

Никитин А.Л. Отчет о работе Переславского отряда Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР в I960 году. М., 1961 / Архив И А АН СССР. Р-1, № 2215.

Никитин А.Л. Дикариха (По материалам раскопок 1959–1960 гг.) // Труды Горьковской археологической экспедиции. Археологические памятники Верхнего и Среднего Поволжья / МИА. № 110 / Ред. П.Н. Третьяков. М.-Л.: АН СССР, 1963. С. 204–226.

Никитин А.Л. Отчет о работах Переславского неолитического отряда в Переславском районе Ярославской области в 1964 году. М., 1965 / Архив ИА АН СССР. Р-1, № 41781965.

Никитин А.Л. Могильник Дикариха на Плещеевом озере // СА. 1973. № 2. С. 158–177.

Никитин А.Л. Эпоха бронзы на Плещеевом озере // СА. 1976. № 1. С. 69–86.

Никитин В.В. Ахмыловское II поселение // Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья / АЭМК. Вып. 2 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1977. С. 41–87.

Никитин В.В. Волосовские племена на Средней Волге // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время / АЭМК. Вып. 3 / Отв. ред. Г.А. Архипов, А.Х. Халиков. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1978а. С. 21–63.

Никитин В.В. Сутырское поселение (к вопросу о волососвско- ямочно- гребенчатых контактах) // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время / АЭМК. Вып. 3 / Отв. ред. Г.А. Архипов, А.Х. Халиков. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1978б. С. 193–206.

Никитин В.В. О хозяйстве населения Марийского края в начале эпохи раннего металла // АЭМК. Вып. 4 / Отв. ред. Г.А. Архипов, Г.А. Сепеев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1979. С. 20–42.

Никитин В.В. Баркужерское III поселение // Поселения и жилища Марийского края / АЭМК. Вып. 6 / Отв. ред. Г.А. Архипов, Г.А. Сепеев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1982. С. 83–114.

Никитин В.В. Красномостовские поселения финального неолита // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск: УдНИИ, УРОРАН, 1984. С. 31–43.

Никитин В.В. Основные типы каменных орудий волосовского населения Средней Волги // Древности Среднего Поволжья / АЭМК. Вып. 13 / Науч. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Мар НИИ, 1987. С. 21–31.

Никитин В.В. Медно-каменный век Марийского края (середина III начало II тысячелетия до н. э.). Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1991. 152 с.

Никитин В.В. Материалы к атласу археологических памятников Республики Марий Эл // Архипов Г.А., Никитина Т.Б. Атлас археологических памятников Республики Марий Эл. Вып. 2. Ранний железный век. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1993. С. 101–128.

Никитин В.В. Каменный век Марийского края / Труды марийской археологической экспедиции. Т. IV. Йошкар-Ола: Мар НИИ, 1996. 180 с.

Никитин В.В. К вопросу о месте и назначении каменных «орудий» со сверленым отверстием в погребальном обряде древности // ТАС. Вып. 4 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2000. Т. I. С. 213–216.

Никитин В.В. Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола: МПИК, 2009. 415 с.

Никитин В.В. Поздний неолит в лесной полосе бассейна Волги (к проблеме истоков волосовской культуры и ее локальных вариантов) // ТАС. Вып. 8. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011. С. 213–218.

Никитин В.В. На грани эпохи камня и металла. Средневолжский вариант волосовской культурно-исторической общности: монография / Материалы и исследования по археологии Поволжья и Урала. Вып. 10. Йошкар-Ола: МарГУ, 2017. 765 с.

Никитин В.В. Мезолит и неолит Марийского полесья (эволюция, проблемы выделения культур) // Эволюция неолитических культур Восточной Европы. / Отв. ред.: А.А. Выборнов, Е.В. Долбунова, Е.М. Колпаков, Е.С. Ткач. СПб: ИИМК РАН, ГЭ, Самара: СГСПУ, 2019. С. 69–71.

Никитин В.В., Патрушев В.С. Материалы к археологической карте Марийской АССР. Вып. 3. Йошкар-Ола, 1982. 68 с.

Никитин В.В., Соловьев Б.С. Жилища Баркужерского IV поселения // Поселения и жилища Марийского края / АЭМК. Вып. 6 / Науч. ред. Г.А. Архипов, Г.А. Сепеев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1982. С. 115–122.

Никитин В.В., Соловьёв Б.С. Атлас археологических памятников Марийской ССР. Вып 1. Эпоха камня и бронзы. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1990. 244 с.

Никитин В.В., Соловьев Б.С. Поселения и постройки Марийского Поволжья (эпоха камня и бронзы) / Труды МарАЭ. Т. VII. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 162 с.

Никитин В.В., Соловьев Б.С. Юринская стоянка (по раскопкам 1999, 2000 гг.) // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: Поверенный, 2003. С. 98–108.

ЛИТЕРАТУРА

Никитин В.В., Старостин П.Н. Материалы к археологической карте Марийской АССР. Вып. 2. Йошкар-Ола, 1978. 88 с.

Никитина Т.Б. Раскопки городища «Репище» (Васильсурского V) в Воротынском районе Нижегородской области // Археологические открытия Поволжья и Приуралья / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарГУ, 1994. С. 105–109.

Никитина Т.Б., Соловьёв Б.С. Раскопки Сомовского II городища // Археологические открытия Поволжья и Приуралья / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск: УИИЯЛ, 1991. С. 134–136.

Никитина Т.Б., Соловьёв Б.С. Сомовское II городище // Древности Поволжья и Прикамья / АЭМК. Вып. 25 / Ред.: В.В. Никитин, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2001. С. 8–41.

Никифорова Л.Д. Изменение природной среды в голоцене на северо-востоке Европейской части СССР. Дисс… канд. геогр. наук. М., 1979. 154 с.

Николаева К.В., Линкина Л.И., Кашапова Г.И. История развития растительного покрова Казанского Кремля и его окрестностей в позднем голоцене по данным палинологического анализа археологических раскопов // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 3 / Отв. ред. М.Ш Галимова. Казань: Алма-Лит, 2007. С. 227–249.

Николаенко Т.Д. Памятники поздняковской культуры южной части Нижегородской области (Окско-Сурское междуречье) // Нижегородские исследования по археологии и краеведению. Вып. 12. Нижний-Новгород, 2010. С. 64–75.

Новенко Е.Ю. Растительность и климат Центральной и Восточной Европы в позднем плейстоцене и голоцене. Дисс. ... докт. геогр. наук. М.: МГУ, 2015. 322 с.

Обыденнов М.Ф. Нижнебельские стоянки эпохи раннего металла // АЭМК. Вып. 3 / Ред. Г.А. Архипов, А.Х. Халиков. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1978. С. 160–168.

Обыденнов М.Ф. Урал и Прикамье в позднем бронзовом веке. Автореф. дисс. … докт. ист. наук. Новосибирск, 1992. 40 с.

Обыденнов М.Ф. Сведения о находках металлических изделий бронзового века на Южном Урале // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала: Сборник научных статей / Ред. Н.А. Мажитов, М.Ф. Обыденнов. Уфа: Восточный ун-т, 1996. С. 105–123.

Обыденнов М.Ф. У истоков уральских народов: экономика, культура, искусство, этногенез. Уфа: Восточный университет, 1997. 205 с.

Обыденнов М.Ф. Археологические культуры конца бронзового века Прикамья. Уфа: БЭК, 1998. 205 с.

Обыденнов М.Ф. Межовская культура. Уфа: БЭК, 1998. 201 с.

Обыденнов М.Ф., Горбунов В.С., Муравкина Л.И., Обыденнова Г.Т., Гарустович Г.Н. Тюбяк: поселение бронзового века на Южном Урале / ред. В.С. Горбунов. Уфа: БГПУ, 2001. 159 с.

Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара: СарГУ, Самарск. филиал, 1992. 172 с.

Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург: Урал. ун-т. 1995. 196 с.

Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Черкаскульская культура. Учебное пособие. Уфа: Юридический колледж, 2005. 138 с.

Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф., Варов А.И., Косинцев П.А. Хозяйство населения черкаскульской и межовской культур Урала эпохи поздней бронзы. Препринт. Екатеринбург: УрО РАН, 1994. 116 с.

Овсянников В.В. Новые материалы по позднему бронзовому веку Приуралья // УАВ. 2004. Вып. 5. С. 83–92.

Овчинникова Н.В. Отчет о раскопках Гундоровского поселения Красноярском районе Самарской области в 1990 г. по открытому листу № 645. Архив ИА РАН. Ф. 1, р. 1. № 17577.

Овчинникова Н.В. Керамика волосовского типа с Гундоровского поселения // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы Европейской части СССР / АЭМК. Вып. 19 / Науч. ред. Г.А. Архипов, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИ. 1991. С. 89–98.

Овчинникова Н.В. Лебяжинка III – поселение эпохи энеолита в лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья (К проблеме взаимодействия индоевропейских и финно-угорских культур) / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: СамГПУ. 1995. С. 164–191.

Овчинникова Н.В. Хронология и периодизация энеолитических древностей в лесостепном Поволжье // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века / Науч. ред. А.В. Кияшко. Волгоград: Перемена, 1996. С. 11–15.

Овчинникова Н.В. Жилища самарской культуры в лесостепном Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1 / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СамГПУ. 1999. С. 97–105.

Овчинникова Н.В. Волосовские древности юга лесостепного Поволжья // ТАС. Вып. 4. Т. 1 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ. 2000. С. 326–336.

Овчинникова Н.В. Памятники позднего энеолита в лесостепном Поволжье // XV Уральское археологическое совещание / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Оренбургская губерния. 2001. С. 54–55.

Овчинникова Н.В., Хохлов А.А. Исследование грунтового могильника у с. Гундоровка в лесостепном Поволжье // ТАС. Вып. 3 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 1998. С. 288–299.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. Ч. I и II // МИА. № 18. М.-Л.: АН СССР, 1950. 412 с.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н. э.). М.: Наука, 1991. 256 с.

Отрощенко В.В. К вопросу о памятниках новокумакского типа // Проблемы энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск, 2000. С. 66–72.

Отрощенко В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфіні зіставлення). К., 2001. 288

с.

Отрощенко В.В. Щодо перехідного періода від середнього до пізнього бронзового віку // Старожитності степового Причорномор'я і Крыму. Т. XVII. К., 2014. С. 7–14.

Ошибкина С.В. Поселение Юртик. Результаты исследований // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск, 1980. С. 29–65.

Ошибкина С.В. Энеолит и бронзовый век Севера Европейской части СССР // Эпоха бронзы лесной полосы СССР СССР / Археология СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Краснов, М.Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 147–156.

Ошибкина С.В. Каргопольскай культура и памятники типа Модлона // Неолит Северной Евразии / Отв. ред. Д.С. Коробов. М: Наука, 1996б. С. 221–230.

Ошибкина С.В. Карельская культура // Неолит Северной Евразии / Археология / Отв. ред. Д.С. Коробов. М: Наука, 1996а. С. 214–220.

Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье / САИ. Вып. I–10 / Отв. ред. Н.М. Малов. Саратов: СГУ, 1993. 200 с.

Панкин М.Н. Комплекс керамики дубровического типа с дюнной стоянки Борки 2 // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: Поверенный, 2003. С. 75–87.

Панковський В.Б. Кістяна і рогова індустрії доби пізньої бронзи в Північному Причорномор'ї: діс. на здобуття наукового ступеня к.і.н. К., 2012 / Научно-отраслевой архива Института археологии НАНУ. К. Ф. 12. Оп. 2. № 900. 596 с.

Панова Н.К., Янковска В., Корона О.М., Зиновьев Е.В. Динамика растительности и экологических условий на Полярном Урале в голоцене // Экология. 2003. № 4. С. 248–260.

Паршуков Ю.В. Отчёт о полевых исследованиях Печоро-Вычегодской археологической группы II Вычегодского археологического отряда в 2000 г. Сыктывкар, 2001 / НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.5. Оп.2. Д.563. 48 л.; НА ИА РАН. Р-1. № 24813.

Паршуков Ю.В. Отчёт Печоро-Вычегодской археологической группы о работах в Усть-Куломском, Сыктывдинском и Сосногорском районах Республики Коми в 2001 г. Сыктывкар, 2002 / НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.5. Оп.2. Д.586. 39 л.; НА ИА РАН. Р-1. № 25577.

Паршуков Ю.В. Дань-Дар – новый энеолитический памятник на средней Вычегде // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья европейского Северо-Востока / Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 17 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2005. С. 23–33.

Паршуков Ю.В. Технология керамики эпохи энеолита-бронзы Вычегодского края / Научные доклады / Коми НЦ УрО Российской академии наук. Вып. 508. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2010. 44 с.

Пассек Т.С. Костяные амулеты из Флорешт // МИА. № 130 / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Наука, 1965. С. 77–83.

Пассек Т.С., Латынин Б.А. Из дела по археологическим разведкам 1925 г. Городище «Хула-сючь» у дер. Изванкино Аликовской волости // Научный архив ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 511.

Патрушев В.С. Марийско-Чувашское Поволжье в эпоху раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). Дисс. .. канд. ист. наук. Л., 1971. 383 с.

Патрушев В.С. Памятники волосовской культуры у пос. Юрино и с. Кокшайск // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время / АЭМК. Вып. 3 / Отв. ред. Г.А. Архипов, А.Х. Халиков. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1978. С. 90–115.

Патрушев В.С. Экспедиция Марийского университета // АО-1978 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1979. С. 196.

Патрушев В.С. Экспедиция Марийского университета // АО-1979 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1980. С. 165.

Патрушев В.С. Марийский край в VII–VI вв. до н. э. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1984. 231 с.

Патрушев В.С. Отчет о полевых исследованиях экспедиции Марийского государственного университета в 1984 году: раскопки археологического комплекса Сосновая Грива. Йошкар-Ола, 1985. 169 с. / Архив ИА АН СССР. Р-1. N 10701. 137 с.

Патрушев В.С. Начало эпохи раннего железа в Марийском крае. Йошкар-Ола: МарГУ, 1986. 122 с.

Патрушев В.С. Раскопки на Козьмодемьянском могильнике и поселении // Отчет о работах экспедиции Марийского государственного университета в 1985 году. Йошкар-Ола, 1986а. 159 с. / Архив ИА АН СССР. Р-1. N 10889. 75 с.

Патрушев В.С. Раскопки памятников у пос. Кокшайск // АО-1984 / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1986. С. 86–87.

Патрушев В.С. Исследования 1, 2, 3 поселений и могильника Сосновая Грива в 1986 году / Отчет об исследованиях археологической экспедиции Марийского государственного университета в 1986 году. Йошкар-Ола, 1987а / Архив ИА АН СССР. Р-1. № 11293. 202 с.

Патрушев В.С. Псевдосетчатая керамика лесного Поволжья // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция. Устинов: УдмНИИ, 1987.

Патрушев В.С. Сомовское 1 городище // Археологические работы 1980–1986 годов в зоне Чебоксарского водохранилища / АЭМК. Вып. 15 / Отв. ред. Г.А. Архипов, В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1989. С. 103–114.

Патрушев В.С. У истоков волжских финнов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во. 1989. 124 с.

Патрушев В.С. Лесное Поволжье на рубеже эпохи бронзы и раннего железа (X–VI вв. до н. э.). Автореф. дисс… докт. ист. наук. Ленинград, 1990. 38 с.

Патрушев В.С. Ниточно-рябчатая керамика финноязычных племен России // Финно-угры России. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой / Отв. ред. В.С. Патрушев. Йошкар-Ола: МарГУ, 1993. С. 7–16.

Патрушев В.С. Отчет о раскопках 2 поселения База отдыха Чувашремстрой в 1999 г. Йошкар-Ола, 2000 / Архив ИА РАН. Р-1.

ЛИТЕРАТУРА

Патрушев В.С. Отчет о раскопках 2 поселения База отдыха Чувашремстрой в 2000 г. Йошкар-Ола, 2000 / Архив ИА РАН. Р-1.

Патрушев В.С. Отчет о раскопках 2 поселения База отдыха в 2001 г. Йошкар-Ола, 2001 / Архив ИА РАН. Р-1.

Патрушев В.С. Сравнительная хронология металических изделий памятников Северного Кавказа и Марийского Поволжья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. Магас. 2010. С. 275–279.

Патрушев В.С. Могильники Волго-Камья раннеананьинского времени / Археология Поволжья и Урала. Материалы и исследования. Вып. 2. Казань: Фолиант, 2011. 276 с.

Патрушев В.С. Археологические памятники с «текстильной» керамикой: итоги и перспективы исследований // Поволжская археология. 2016. № 3. С. 194–224.

Патрушев В.С. Отчет о раскопках 2 поселения База отдыха в 2015 г. Йошкар-Ола, 2016 / Архив ИА РАН. Р-1.

Патрушев В.С. Текстильная керамика Марийского Поволжья (по материалам раскопок поселений эпохи бронзы) // Поволжская археология. 2017. № 1. С. 92–113.

Патрушев В.С., Павлова А.Н. Отчет о раскопках 2 поселения «База отдыха Чувашремстрой» в 1997 году Йошкар-Ола, 1997 / Архив ИА РАН. Р-1. № 21246.

Патрушев В.С., Соловьев Б.С., Павлова А.Н. Отчет о раскопках 2 поселения «База отдыха Чувашремстрой» в 1994 г. Йошкар-Ола, 1995 / Архив ИА РАН. Р-1. № 18051.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы. М.: Наука, 1982.

Пахомова О.М. История растительности Вятско-Камского Приуралья в позднем плейстоцене и голоцене (по материалам спорово-пыльцевого анализа). Автореф. дисс… канд. геогр. наук. М., 2004. 22 с.

Пестрикова В.И. Фатьяновский могильник на севере Саратовской области // Древняя история Поволжья / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: КГПИ, 1979. С. 99–110. (Научные труды КГПИ; Т. 230.)

Пестрикова В.И., Агапов Д.С. Хвалынский I энеолитический могильник как исторический источник // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследование материалов / Сост. и науч. ред. С.А. Агапов. Самара: Офорт-Пресс, 2010. С.11–118.

Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 174 с.

Петренко А.Г. Следы ритуальных животных в могильниках древнего и средневекового населения Среднего Поволжья и Предуралья. Казань: Школа, 2000. 156 с.

Петренко А.Г. Исследования остеологических материалов из древнейших археологических памятников Среднего Поволжья и Предуралья методами естественных наук, анализ проблем становления животноводческих основ в крае // Археология и естественные науки Татарстана. Вып. 1 / Отв ред. А.Г. Петренко. Казань, 2003. С. 5–63.

Петренко А.Г. Проблемы становления производящего хозяйства в Волго-Камье // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 3 / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Алма-Лит, 2007б. С. 10–47.

Петренко А.Г. Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам) / Археология евразийских степей. Вып. 3. Казань: ИИ АН РТ, 2007а. 144 с.

Петрова Л.Ю. Новые межовские комплексы Южного Зауралья // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ. 2018. С.153–155.

Полесских М.Р. Археологические памятники Пензенской области. Пенза: Приволж. кн. изд-во, 1970. 162 с.

Полесских М.Р. Древнее население Верхнего Посурья и Примокшанья. Пенза: Приволж. кн. изд-во. 1977. 88 с.

Полесских М.Р. Алферьевское поселение эпохи бронзы // КСИА. Вып. 161 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1980. С. 67–70.

Попов С.В. Описание раковинного материала из могильника Хвалынск II // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов / Сост. и науч. ред. С.А. Агапов. Самара: СРОО ИЭКА «Поволжье», 2010. С. 379–392.

Попова Т.Б. Происхождение поздняковской культуры // Труды ГИМ. Вып. 37. 1960. С. 38–47.

Попова Т.Б. Коренецкий могильник и стоянка // СА. 1965а. № 1. С. 177–193.

Попова Т.Б. Погребение поздняковской культуры в Борисоглебском могильнике // Новое в советской археологии / МИА. № 130 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: Наука, 1965а. С. 132–137.

Попова Т.Б. Допоздняковские памятники в Окском бассейне // Экспедиции Государственного исторического музея: доклады на сессии Ученого совета ГИМ. М.: ГИМ 1969. С. 64–73.

Попова Т.Б. Карта памятников поздняковской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. Труды ГИМ. Вып. 44 / Ред. В.М. Раушенбах. М.: Сов. Россия. М., 1970. С. 251–261

Попова Т.Б. Племена поздняковской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. Тр. ГИМ. Вып. 44 / Ред. В.М. Раушенбах. М.: Сов. Россия, 1970. С. 154–230.

Попова Т.Б. Исследование памятников эпохи бронзы на Канищевских дюнах под Рязанью // Археология Рязанской земли / Отв. ред. А.Л. Монгайт. М.: Наука, 1974. С. 222–235.

Попова Т.Б. Значение орнаментальных мотивов и керамических форм для датировки памятников поздняковской культуры на средней Оке // Новые материалы по истории Восточной Европы в эпоху камня и бронзы // Труды ГИМ. Вып. 60. М.: ГИМ, 1985. С. 133–187.

ЛИТЕРАТУРА

Попова Т.Б. Металлообработка у племен поздняковской культуры // Новые материалы по истории Восточной Европы в эпоху камня и бронзы / Труды ГИМ. Вып. 60. М.: ГИМ, 1985б. С. 133–187.

Попова Т.Б. Грунтовый могильник поздняковской культуры под Рязанью // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии / Труды ГИМ. Вып. 68. М.: ГИМ, 1988. С. 101–137

Порохова О.И. II Герасимовский курганный могильник в Оренбургской области // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург: ОГПУ, 1993. С. 92–107.

Потемкина Т.М. О соотношении алексеевских и самараевских комплексов в лесостепном Зауралье // СА. 1979. № 2. С. 19–29.

Потемкина Т.М. Черты энеолита лесостепного Притоболья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла / Гл. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1982. С. 159–172.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.

Потемкина Т.М., Дегтярева А.Д. Металл ямной культуры Притоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 8. Тюмень, 2007. С. 18–39.

Припадчев А.А. Погребальные памятники покровского типа донской лесостепи эпохи бронзы: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2009. 24 с.

Прокашев А.М., Жуйкова И.А., Пахомов М.М. История почвенно-растительного покрова Вятско-Камского края в послеледниковье. Киров: ВГГУ, 2003. 143 с.

Прокошев Н.А. Работы на строительстве Пермской гидроэлектростанции (Средволгстрой). Район реки Чусовой // Археологические работы Академии на новостройках в 1932–33 гг. Т.1 / Предисл. И.И. Мещанинов. М.-Л.: Гос. соц. экон. изд-во, 1935. С. 176–187.

Прокошев Н.А. Памятники эпохи бронзы в устье Камы // КСИИМК. Вып. 25 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.-Л.: АН СССР, 1949. С. 59–66.

Пряхин А.Д. Абашевская культура в Подонье. Воронеж: Воронежский университет, 1971. 213 с.

Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. Воронеж: Воронежский университет, 1976. 167 с.

Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. Воронеж: Воронежский университет, 1977. 167 с.

Пряхин А.Д. Абашевская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР / О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 124–131.

Пряхин А.Д. Памятники покровского типа на современном этапе изучения // Вестник ВГУ. Серия: история, политология, социология. 2011. № 1. С. 62–74.

Пряхин А.Д., Синюк А.Т. Новые материалы по неолиту и энеолиту Среднего Дона с Шиловского поселения // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев: КГПИ, 1980. С. 73–92.

Пряхин А.Д., Синюк А.Т. Курган эпохи бронзы у пос. Хохольский // СА. 1983. № 3. С. 197–202.

Пряхин А.Д., Халиков А.Х. Абашевская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 124–131.

Пустовалов С.Ж. Анализ радиокарбонных дат из погребений ямной и катакомбной общностей, опубликованных в Baltic – Pontic Stadies, № 7, (1999) // Vita antique. № 5–6. Киев, 2003. С. 44–59.

Пьянков А.В., Хачатурова Е.А. Бронзовое навершие булавы из фондов Краснодарского музея-заповедника // Историко-археологический альманах. Вып. 8 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир-Москва: ИА РАН, АКМ, 2002. С. 4–7.

Пядышев Н.П., Хлобыстин Л.П. Новая стоянка в Печорском Заполярье // КСИА. Вып. 92 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: АН СССР, 1962. С. 71–75.

Пятых Г.Г. К дискуссии по происхождению срубной культуры // СА. 1990. № 1. С. 113–118.

Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии. СПб.: Теза, 2004. 157 с.

Радиоуглеродное датирование образцов из могильника Лебяжинка V эпохи энеолита: верификация и интерпретация данных // Известия СНЦ РАН. 2017. Т. 19. № 3. С. 196–202.

Ражев Д.И., Епимахов А.В. Феномен многочисленности детских погребений в могильниках эпохи бронзы // ВААЭ. 2004. Вып. 5. С. 107–113.

Раковская Э.М., Давыдова М.И. Физическая география. Ч. 1. М.: ВЛАДОС, 2001. 288 с.

Раушенбах В.М. Неолитические стоянки Верхней Клязьмы // Труды ГИМ. Вып. 22 / Под ред. А.Я. Брюсова. М.: Госкультпросветиздат, 1953. С. 7–18.

Раушенбах В.М. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз // Труды ГИМ. Вып. XXXVII. М.: ГИМ, 1960. С. 28–37.

Раушенбах В.М. Стоянка Николо-Перевоз II на р. Дубне в Московской области // Экспедиции ГИМ / Отв. ред. В.П. Левашова. М.: ГИМ, 1969. С. 80–95.

Раушенбах В.М. Племена льяловской культуры // Труды ГИМ. Вып. 44. М., 1970. С. 35–78.

Рогачев А.Ю. Отчет о результатах разведки по правому берегу р. Оки от г. Павлова до д. Пруды Павловского района Горьковской области в 1979 г. Горький, 1980 / Архив ИА АН СССР. Р-1, М 7889.

Розенфельдт И.Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю. А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 90–197.

Рокин К.А., Патрушев В.С., Соловьев Б.С. Исследования экспедиции Марийского государственного университета // АО-1975 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1976. С. 200–201.

Рослякова Н.В. Археозоологическое изучение жертвенных комплексов из могильников срубной культуры лесостепного Поволжья // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Международная конференция, посвященная 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М.П. Грязнова / Отв. ред. В.А. Алекшин. СПб.: Периферия, 2012. С. 399–404.

Рослякова Н.В. Костные останки мясных частей туш животных из погребений срубной культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Т. 15. № 1. С. 205–210.

Рослякова Н.В., Косинцев П.А. Скотоводство населения Самарского Поволжья в эпоху бронзы // История Са-

марского Поволжья с древнейших племен до наших дней. Бронзовый век / ред. П.С. Кабытов. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 302–308.

Рослякова Н.В., Турецкий М.А. Археозоологические материалы из могильников ямной культуры Самарского Поволжья и Оренбуржья // Известия СНЦ РАН, 2012. Т.14. № 3. С. 291–292.

Рудь Н.М. Палеоантропологические материалы эпохи бронзы из могильника Такталачук // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1981. С. 71–93.

Рыков П.С. К вопросу о культуре бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье // Известия Краеведческого института изучения Южно-Волжской области при Саратовском государственном университете. Т. 2. Саратов, 1927. С. 79–100.

Рыков П.С. Очерки по истории Нижнего Поволжья: (По археологическим материалам). Саратов: Сарат. краев. изд-во, 1936. 152 с.

Рындина Н.В. Древнейшее металлобрабатывающее производство Восточной Европы. М.: МГУ, 1971. 175 с.

Рындина Н.В. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы. М.: Эдиториал, 1998. 288 с.

Рындина Н.В. Медные находки Хвалынского I могильника (итоги технологического исследования) // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследование материалов / Сост. И науч. ред. С.А. Агапов. Самара: Офорт-Пресс, 2010. С. 234–256.

Рындина Н.В., Дегтярева А.Д. Энеолит и бронзовый век: Учебное пособие. М.: МГУ, 2002. 226 с.

Рындина Н.В., Равич И.Г. Химико-технологическое изучение медных изделий Хвалынского могильника // Методы естественных наук в археологии / Отв. ред. А.К. Станюкович. М.: Наука, 1987. С. 120–129.

Рысин М.Б. Связи Кавказа с Волго-Уральским регионом в эпоху бронзы (проблемы хронологии и периодизации) // Археологические вести. Вып. 14. СПб., 2007. С. 184–220.

Рычков Н.А. Оценка представительности и характера распространения признаков погребальных памятников // Методологические и методические вопросы археологии / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Киев: Наукова думка. 1982. С. 167–186.

Савина С.С., Хотинский Н.А. Зональный метод реконструкции палеоклиматов голоцена // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене / Отв. ред. А. А. Величко. М.: Наука, 1982. С. 231–244.

Салугина Н.П. Технология керамики репинского типа погребений древнеямной культуры Волго-Уралья // РА. 2005. № 3. С. 85–92.

Салугина Н.П. Проблема перехода населения Волго-Уралья от раннего к среднему бронзовому веку (на основе анализа посуды из погребальных комплексов) // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы Европы / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2009. С. 87–98.

Салугина Н.П. Керамика репинского стиля из поселенческих и погребальных памятников Поволжья и Приуралья (технологический аспект) // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 11 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Университет, 2014. С. 60–69.

Салугина Н.П. Результаты технико-технологического анализа керамики репинского облика стоянки Турганик (предварительные итоги) // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 12 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Университет, 2016. С. 60–70.

Салугина Н.П. Население Волго-Уралья в эпоху раннего бронзового века в свете данных технологического анализа керамики // Феномены культур энеолита – раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н. э. / Отв. ред. Н.Л. Моргунова Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 113–122.

Салугина Н.П., Моргунова Н.Л., Турецкий М.А. Крупнотарные сосуды бронзового века Турганикского поселения в Оренбургской области // Самарский научный вестник. № 4 (17). Самара, 2016. С. 91–98.

Сальников К.В. Абашевская культура на Южном Урале // СА. 1954. № XXI. С. 52–94.

Сальников К.В. К вопросу о происхождении ананьинской культуры // СЭ. 1954. № 4. С. 11–24.

Сальников К.В. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // Археология и этнографии Башкирии. Т. 1. Уфа: БФАН СССР, 1962. С. 16–58.

Сальников К.В. Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы // ВАУ. Вып. 6. Свердловск, 1964. С. 24–37.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала М.: Наука, 1967. 408 с.

Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н. Поселения токсанбайского типа на Северо-восточном Устюрте // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы Европы / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург, 2009. С. 159–167.

Сафонов В.А. Отчет об археологических разведках в Горьковской области в 1948 г. Горький, 1949 / Архив ИА АН СССР. Р-1, № 250.

Свод памятников археологии Республики Татарстан. Т. 3 / отв. ред. А.Г. Ситдиков, Ф.Ш. Хузин. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 528 с.

Седова М.С. Поселения срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших племен до наших дней. Бронзовый век / ред. П.С. Кабытов. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 209–241.

Семенов В.А. Этнокультурная принадлежность поселения Варжа на Лузе // Переходные эпохи в археологии / XIX Уральское археологическое совещание. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. С. 43–46.

Семенов В.А., Несанелене В.Н. Европейский Северо-Восток в эпоху бронзы (по материалам раскопок Сыктывкарского университета): Учебное пособие. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1997. 172 с.

Семенов С.А. К изучению техники нанесения орнамента на глиняные сосуды // КСИИМК. Вып. 57 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1955. С. 137–144.

Семенов С.А. Экспериментальный метод изучения

первобытной техники // МИА. № 129 / Отв. ред. Б.А. Колчин. М.: Наука, 1965. С. 216–223.

Семенова А.П. Погребальные памятники срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Ред. Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов, М.А. Турецкий. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 152–208.

Сергеева О.В. Анализ поселений эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья (типы, площади, плотности заселения региона) // АВЕС. Вып. 5 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Научная книга, 2007. С. 119–136.

Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Шайтанское озеро 2: Новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 2. С. 67–78.

Сидоров В.В. Каширская культура // Каширский край. Археология. Вып. II. Кашира, 2006.

Сидоров В.В. Многослойные стоянки в Подмосковье // АО-1970 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1971. С. 56–57.

Сидоров В.В. Трансформации и миграции культур каменного века лесной зоны Восточной Европы // ТАС. Вып. 3 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 1998. С. 64–74.

Сидоров В.В. Керамика стоянки Ибердус 1 (из раскопок Б.А. Куфтина) // Археология Восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2003. С. 179–195.

Сидоров В.В. Последняя интеграция финских народов (к вопросу об условиях формирования культур сетчатой керамики) // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. А.Ф. Мельничук. Пермь: ПГУ, 2003. С. 100–102.

Сидорчук А.Ю., Борисова О.К., Ковалюх Н.Н., Панин А.В., Чернов А.В. Палеогидрология нижней Вычегды в позднеледниковье и голоцене // Вестник МГУ. Сер. 5. Геогр. 1999. № 5. С. 35–42.

Сизов В.И. Дьяково городище близ Москвы // Труды IX АС. Т. 2. М.: Тип. Г. Лиснера и Ю. Романа, 1897. С. 256–267.

Симакова А.Н. Развитие растительного покрова Русской равнины и Западной Европы в позднем неоплейстоцене – среднем голоцене (33–4,8 тыс. л.н.) (по палинологическим данным). Автореф. дисс. … канд. геол.-мин. наук. М., 2008. 31 с.

Синицын И.В. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Зап. Казахстане // КСИИМК. Вып. 37 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.-Л.: АН СССР, 1951. С. 97–105.

Синицин И.В. Памятники Нижнего Поволжья и их связь с Приднепровьем // КСИА. Вып. 7. Киев: Наукова Думка, 1957. С. 32–35.

Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953) // МИА. № 60 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: АН СССР, 1959. С. 39–205.

Синицин И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана // МИА. № 78 / Отв. ред. Е.Н. Крупнов, К.Ф. Смирнов. М.: Наука, 1960. С. 10–168.

Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита-бронзы в бассейне Дона // СА. 1981. № 4. С. 8–20.

Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж: Воронеж. ун-т, 1986. 179 с.

Синюк А.Т., Козмирчук И.А. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (По материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: СамГПУ, 1995. С. 37–72.

Синюк А.Т., Погорелов, В.И. Периодизация срубной культуры Среднего Дона (по материалам погребальных памятников) // Срубная культурно-историческая общность (проблемы формирования и периодизации). Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: КГПИ, 1985. С. 118–145.

Ситников С.М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая: монография / Под ред. М.А. Демина. Барнаул: АлтГПУ, 2015. 254 с.

Скарбовенко В.А. Николаевка III – могильник эпохи средней бронзы в долине р. Самары // Вопросы археологии Урала и Поволжья. К 30-летию Средневолжской археологической экспедиции. Самара, 1999. С. 143–160.

Скарбовенко В.А. Погребальный комплекс начала эпохи поздней бронзы Владимировка II // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4 / Отв. ред. И.Н. Васильева. Самара: СГПУ, 2006. С. 286–293.

Скворцов Н.Б. Отчет о раскопках в Николаевском районе Волгоградской области в 1999 г. / Фонды Волгоградского областного краеведческого музея. № 950606, 960114, 960509.

Скрипкин А.С. Отчет об археологических раскопках экспедиции Волгоградского педагогического института в 1976 г. / Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1, № № 6458, 6458а.

Смирнов А.П. Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья. Козьмодемьянск: Горномарийский филиал Марийского государственного издательства, 1949. 136 с.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья / МИА № 28. М.: АН СССР, 1952. 276 с.

Смирнов А.П. Введение // Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // МИА. № 80 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. С. 5–9.

Смирнов А.П. Железный век Чувашского поволжья / МИА. № 95. М.: АН СССР, 1961. 171 с.

Смирнов А.П., Трубникова Н.В. Городецкая культура // САИ. Вып. Д-1-14. М.: Наука, 1965. 97 с.

Смирнов А.С., Сорокин А.Н. Поселение эпохи поздней бронзы в верховьях Северского Донца // СА. 1987. № 3. С. 138–148.

Смирнов К.А. Дьяковская культура. Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 77–78.

Смирнов К.А. Два района появления сетчатой керамики // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий / Отв. ред. В.В. Смирнов. Тверь: ТГУ, 1991. С. 12–22.

ЛИТЕРАТУРА

Смирнов К.А. Сетчатая керамика с городища Дьяков Лоб // Финно-угры России. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой / Отв. ред. В.С. Патрушев. Йошкар-Ола: МарГУ, 1993. С. 48–82.

Смирнов К.А. Проблема периодизации памятников городецкой и дьяковской культур // РА. 1994. № 4. С. 85–97

Смирнов К.Ф. Отчет о работе Нижне-Волжского отряда Сталинградской археологической экспедиции ИИМК АН СССР в 1954 / Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1, № № 977, 977а.

Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское // МИА. № 60 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: АН СССР, 1959. С. 206–322.

Смирнов К.Ф. Быковские курганы // МИА. № 78 / Отв. ред. Е.И. Крупнов, К.Ф. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. С. 169–272.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. № 101. 1961. 162 с.

Смирнов К.Ф. Древнеямная культура в Оренбургских степях // Новое в советской археологии / МИА. № 130 / ОТв. ред. Е.И. Крупнов. М.: Наука, 1965. С. 156–159.

Смирнов К.Ф. Отчет о работе Южно-уральской археологической экспедиции в 1967 г. / Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1, № 3557.

Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977. 84 с.

Смирнов К.Ф., Федорова-Давыдова Э.А. Соотношение культур медно-бронзового века в Заволжско-Оренбургских степях // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. (тезисы конф.). Баку, 1965. С. 79.

Смирнова О.В., Турубанова С.А., Бобровский М.В., Коротков В.Н., Ханина Л.Г. Реконструкция истории лесного пояса Восточной Европы и проблема поддержания биологического разнообразия // Успехи современной биологии. 2001. Т. 121, № 2. С. 144–159.

Смолин В.Ф. Археологические разведки в Чувашск. республике в 1926 г. // Известия ОАЭИЭ. Т. XXXIII. Вып. 4. Казань, 1927. С. 15–32.

Смолин В.Ф. Абашевский могильник в Чувашской республике // Труды общества изучения Чувашского края. Т.1. Вып.1. Чебоксары, 1928. С. 3–56.

Соловьев Б.С. Археологические культуры юга лесной зоны Поволжья на рубеже среднего и позднего бронзового века / Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 9. Йошкар-Ола: МарГУ. 2016. 412 с.

Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья / Труды МарАЭ. Т. VI. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2000. 264 с.

Соловьев Б.С. Поселение Сосновая Грива // Историография и источниковедение по археологии и этнографии Марийского края / АЭМК. Вып. 7 / Науч. ред. Г.А. Архипов, Г.А. Сепеев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1984. С. 67–84.

Соловьев Б.С. Изучение памятников эпохи бронзы в Марийской АССР // Древности Волго-Вятского междуречья / АЭМК. Вып. 12 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1987. С. 72–88.

Соловьев Б.С. Новые раскопки поселения Галанкина Гора // Древности Среднего Поволжья / АЭМК. Вып. 13 / Отв. ред. Б. С. Соловьев. Йошкар-Ола: Мар НИИ, 1987. С. 79–101.

Соловьев Б.С. Валиковая керамика в Среднем Поволжье и Приуралье (к вопросу о сейминско-турбинском транскультурном феномене) // Этногенез и этническая история марийцев / АЭМК. Вып. 14 / Научн. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Мар НИИ, 1988. С. 21–43.

Соловьев Б.С. Удельно-Шумецкое VII поселение эпохи бронзы // Археологические работы 1980–1986 годов в зоне Чебоксарского водохранилища / АЭМК. Вып. 15 / Отв. ред. Г.А. Архипов, В.В. Никитин. Йошкар-Ола: Мар НИИ, 1989. С. 75–94.

Соловьев Б.С. Поселение Нижняя Стрелка IV и некоторые вопросы балановско-волосовских контактов в Среднем Поволжье // Древности Поветлужья / АЭМК. Вып. 17 / / Научн. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Мар НИИ, 1990. С. 39–64.

Соловьев Б.С. Финал волосовских древностей и формирование чирковской культуры в Среднем Поволжье // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1991. С. 46–82.

Соловьев Б.С. О появлении «текстильной» керамики в Среднем Поволжья // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья / АЭМК. Вып. 24 / Отв. ред. Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1995. С. 73–88.

Соловьев Б.С. Хозяйство населения эпохи бронзы Марийского Поволжья // Проблемы реконструкции хозяйства по археолого-этнографическим данным. Йошкар-Ола, 2000. С. 17–20.

Соловьев Б.С. К вопросу о взаимодействии культур эпохи ранней бронзы юга лесной полосы Среднего Поволжья // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье / АЭМК. Вып. 27 / Отв. ред. Т.Б. Никитина, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2004. С. 14–20.

Соловьев Б.С. Новые находки топоров балановской культуры на Вятском увале (материалы к Археологической карте Республики Марий Эл) и взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье / АЭМК. Вып. 27 / Отв. ред. Т.Б. Никитина, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2004а. С. 36–41.

Соловьев Б.С. Каменные орудия балановской культуры Марийского Предволжья // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья / Ред. сост. Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2006. С. 79–88.

Соловьев Б.С. К вопросу об атликасинской культуре // Влияние природной среды на развитие древних сообществ / IV Халиковские чтения: материалы науч. конф., посвященной 50-летию Марийской археологической экспедиции / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2007. С. 176–191.

Соловьев Б.С. Хронологические рамки балановской культуры в Волго- Камье // Проблемы первобытной и средневековой археологии Волго-Камья / АЭМК.

Вып. 30 / Ред. В.В. Никитин, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2007. С. 26–50.

Соловьев Б.С. Особенности расселения носителей балановской культуры в Марийско-Чувашском Поволжье // Урало-Поволжье в древности и средневековье / V Халиковские чтения / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Фолиант, 2011. С. 224–230.

Соловьев Б.С. О «чирковских» памятниках Прикамья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. № 8 / Ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ, 2012 С. 121–127.

Соловьев Б.С. Культурные компоненты Усть-Ветлужского могильника // Поволжская археология. 2013. № 2. С. 18–39.

Соловьев Б.С. Этнокультурные процессы на юге лесного Поволжья в конце среднего – начале позднего бронзового века // Финно-угроведение. 2013. № 2. С. 3–21.

Соловьев Б.С. К вопросу о финале волосовской культуры на Средней Волге // Вопросы археологии эпохи камня и бронзы в Среднем Поволжье и Волго-Камье / АЭМК. Вып. 31 / Отв. ред. Т.Б. Никитина. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2015. С. 165–184.

Соловьев Б.С., Карпелан К., Кузьминых С.В. Каменные сверленые топоры Марийского Поволжья // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 6 / Отв. ред. Ю.А. Зеленеев, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарГУ, 2012. С. 62–91.

Соловьев Б.С., Карпелан К., Кузьминых С.В., Михайлов Е.П. Каменные орудия балановской культуры (Чувашская Республика): научное электронное издание. Чебоксары: ЧГИГН, 2014. 107 с.

Соловьев Б.С., Михайлов Е.П. Ново-Сюрбеевский I могильник – новый памятник балаковской культуры в Чувашии // Новые исследования по археологии Поволжья / Ред.-сост. Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 73–88.

Соловьев Б.С., Михайлов Е.П. История изучения памятников балановской культуры на Средней Волге // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья Поволжья / Ред.-сост. Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2006. С. 60–79.

Спиридонов И.А. Металл энеолитических комплексов Зауралья // ВААЭ. 2019. № 3 (46). С. 86–95.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Периодизация неолита-энеолита европейской России по данным палинологического анализа // РА. 1999. № 1. С. 23–33.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Периодизация эпохи бронзы лесной зоны Европейской России (по палинологическим данным) // ТАС. Вып. 4. Т. 1 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2000. С. 352–357.

Спицын А.А. Приуральский край. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // МАВГР. Вып. 1 / Ред. Д.Н. Анучин. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1893. 136 с.

Спицын А.А. Городища дьякова типа // Записки отделения русской и славянской археологии. Т. V. Вып. 1. Москва, 1903. С. 111–142.

Ставицкий В.В. Поселение Озименки на Верхней Мокше // Из истории области: Очерки краеведов. Вып. II. Пенза: Пенз. гос. объед. краевед. музей, 1990. С. 4–13.

Ставицкий В.В. Новые раскопки поселения Новый Усад 4 // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье / Отв. ред. М. Ф. Жиганов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1992б. С. 3–21.

Ставицкий В.В. Пензенские поселения эпохи неолита и бронзы // Из истории области. Очерки краеведов. Вып. 3. Пенза, 1992. С. 27–75.

Ставицкий В.В. Поселение Скачки на Верхней Мокше // Древние поселения Примокшанья. Саранск, 1992а. С. 32–50.

Ставицкий В.В. Боевые каменные топоры из Сурско-Мокшанского бассейна // Историко-археологическое изучение Поволжья / Отв. ред. Ю.А. Зеленеев. Йошкар-Ола: МарГУ, 1994. С. 2–16.

Ставицкий В.В. Энеолитическое поселение Грабово I в Верхнем Посурье // Древние культуры лесостепного Поволжья. (К проблеме взаимодействия индоевропейских и финно-угорских культур) / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: СамГПУ, 1995. С. 123–136.

Ставицкий В.В. Энеолитическое поселение Широмасово 2 на Нижней Мокше // Древности Окско-Сурского междуречья. Вып. 1 / Отв. ред. В.В. Гришаков. Саранск: МГПИ, 1998. С. 41–49.

Ставицкий В.В. Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья. Пенза: Пензенский государственный объединенный музей, 1999. 195 с.

Ставицкий В.В. Фатьяно-балановские древности в верховьях Суры и Мокши // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 1999. С. 30–34.

Ставицкий В.В. Культуры лесостепного энеолита на территории Пензенской области // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии / Ред. Е.К. Максимов и др. Саратов -Энгельс, 2000. С. 33–35.

Ставицкий В.В. Общее и особенное в развитие археологических культур Примокшанья и Верхнего Посурья // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья. Саранск, 2000. С. 3–5.

Ставицкий В.В. Срубные памятники Пензенского Примокшанья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 4 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2001. С. 44–57.

Ставицкий В.В. Энеолитическое поселение Русское Труево I на Верхней Суре // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. V / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2001. С. 20–37.

Ставицкий В.В. Энеолитическое поселение Русское Труево 2 на Верхней Суре и происхождение древностей алтатинского типа // Археологические записки. Вып. 2 / Ред. В. Я. Кияшко. Ростов-на-Дону: ВиВ, 2002. С. 91–103.

Ставицкий В.В. Сейминско-турбинский феномен и проблема происхождения чирковской культуры // XVI Уральское археологическое совещание / Отв. ред. А.Ф. Мельничук. Пермь: ПГУ, 2003. С. 103–105.

Ставицкий В.В. Екатериновское поселение бронзового века на р. Суре и проблема происхождения вольско-лбищенских древностей // Археологические памят-

ники Оренбуржья / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург, 2004. Вып. VI. С. 16–30.

Ставицкий В.В. Бронзовый век Посурья и Примокшанья. Пенза: ПГПУ, 2005. 160 с.

Ставицкий В.В. Проблемные вопросы изучения хвалынской энеолитической культуры // II Городцовские чтения. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ / Труды ГИМ. Вып. 145. М.: ГИМ, 2005. С. 69–78.

Ставицкий В.В. Динамика взаимодействия культур раннего бронзового века волго-донской лесостепи // РА. 2006. № 1. С. 31–43.

Ставицкий В.В. Неолит, энеолит и ранний бронзовый век Сурско-Окского междуречья и Верхнего Прихоперья: динамика взаимодействия культур севера и юга в лесостепной зоне. Автореф. дисс… докт. ист. наук. Ижевск, 2006. 46 с.

Ставицкий В.В. Примокшанье в эпоху раннего металла. Пенза: ПГПУ, 2006. 202 с.

Ставицкий В.В. Динамика взаимодействия социумов лесной и степной зон на территории Волгодонского междуречья в древности // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2007. № 8. С. 131–136.

Ставицкий В.В. Бронзовый век // Археология Мордовского края: каменный век, эпоха бронзы / Общ. ред. В.В. Ставицкий, В.Н. Шитов. Саранск: НИИГНПРМ, 2008: С. 134–209.

Ставицкий В.В. О некоторых дискуссионных проблемах изучения лесной полосы Среднего Поволжья в бронзовом веке // Археология восточной лесостепи. Вып. 2. Т. II. Пенза, 2008. С. 58–65.

Ставицкий В.В. Поздняковская культура // Археология Мордовского края. Каменный век, эпоха бронзы / Ред. В.В. Ставицкий, В.Н. Шитов. Саранск: НИИ гуманитарных наук при правительстве республики Мордовия, 2008. 187–192 с.

Ставицкий В.В. Проблема культурного статуса и происхождения позднеэнеолитических древностей Посурья. Пенза, 2008. С. 6–31.

Ставицкий В.В. Ранний энеолит Пензенского края // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2008. № 13. С. 138–146.

Ставицкий В.В. Проблема происхождения городецкой культуры // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Т. 13. № 1. 2010. С. 7–16.

Ставицкий В.В. Проблема происхождения гаринской культуры // ТАС. Вып. 8. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011. С. 229–233.

Ставицкий В.В. Алферьевское поселение эпохи бронзы на Верхней Суре // История и археология. 2014. № 12. С. 12–17.

Ставицкий В.В., Буряков М.А., Марьёнкина Т.А. История изучения бронзового века междуречья Оки и Мокши в конце XIX–XX вв. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. № 1(13). С. 21–29.

Ставицкий В.В., Хреков А.А. Неолит – ранний энеолит лесостепного Посурья и Прихоперья. Саратов: СГУ, 2003. 167 с.

Ставицкий В.В., Челяпов В.П. Керамика с ямчато-жемчужной орнаментацией на Верхней Суре и Мокше // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып.6 / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской обл. 1997. С. 94–103.

Ставицкий В.В., Шитов В.Н. Балановская культура // Археология Мордовского края. Каменный век. Эпоха бронзы / Ред. В.В. Ставицкий, В.Н. Шитов. Саранск: НИИ гум. наук при правительстве Республики Мордовии, 2008. С. 138–152.

Старостин П.Н. Отчет 5 отряда Горьковской археологической экспедиции за 1959 год. Горький, 1960 / Архив ИА АН СССР. Р-1. № 1986.

Старостин П.Н. Жилища поселения Курган // УЗ ПГУ. Вып. 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь,1967. С. 110–115.

Старостин П.Н., Багаутдинов Р.Н. Иманлейская и Уразаевские стоянки эпохи бронзы // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань / Отв. ред. А.Х. Халиков: ИЯЛИ КФАН СССР. 1981. С. 25–40.

Старостин П.Н., Шипилов А.В. Работы на Гулькином бугре (по материалам исследований 1965 г.) // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. Материалы III Халиковских чтений (г. Болгар, 27–30 мая 2004 г.) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. М.: РИЦ Школа, 2006. С. 132–145.

Сташенков Д.А. Калиновский курганный могильник // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. Самара, 1999. С. 25–41.

Сташенков Д.А., Скарбовенко В.А., Васильева Д.И., Косинцев П.А., Рослякова Н.В., Салугина Н.П., Хохлов А.А. Калиновский I курганный могильник. Самара: СОИКМ, 2006. 92 с.

Степанов П.Д. Фатьяновские поселения в Западном Поволжье // КСИИМК. Вып. 53 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1954. С. 55–60.

Степанов П.Д. Вольское городище // Труды СОМК. Вып. 1. Саратов, 1956. С. 5–21.

Степанов П.Д. Новые фатьяновские памятники на территории Чувашской АССР // СА. 1958. № 4. С. 200–202.

Степанов П.Д. О фатьяновских поселениях // СА. 1958. № 2. С. 124–136.

Степанов П.Д. Ош-Пандо. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1967. 211 с.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Поселения заключительного этапа бронзового века на реке Тобол // Древние поселения Урала и Западной Сибири / Отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск, 1984. С. 79–90.

Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М.: Наука, 1972. 168 с.

Стоколос В.С. Стоянки бронзового века на водораздельных озерах Центрального Тимана // Археологические исследования в бассейне Печоры / МАЕСВ. Вып. 5 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 1973. С. 35–52.

Стоколос В.С. Поселение Чужьяель на Мезени // Археологические памятники эпохи палеометалла в

Северном Приуралье / МАЕСВ. Вып. 7 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 1978. С. 23–37.

Стоколос В.С. Старо-Нагаевский могильник // Эпоха меди юга Восточной Европы / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1984. С. 22–42.

Стоколос В.С. Древние поселения Мезенской долины. М.: Наука, 1986. 191 с.

Стоколос В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М.: Наука, 1988. 256 с.

Стоколос В.С. Поселение Мучкас на Мезени // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железа и средневековья в Северном Приуралье / МАЕСВ. Вып. 13 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 1995. С. 59–64.

Стоколос В.С. Энеолит и бронзовый век // Археология Республики Коми / Отв. ред. Э. А. Савельева. М.: ДиК, 1997. С. 213–245.

Стоколос В.С. Поселение Кизильское позднего бронзового века на реке Урал (по материалам раскопок 1971, 1980, 1981 гг.) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия 1. Исторические науки. Вып. 2. Челябинск, 2004. С. 207–236.

Стоколос В.С. Бронзовый век Северного Приуралья в свете новых данных. Сыктывкар: РИО ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2005. 40 с.

Студзицкая С.В. Особенности духовной культуры волосовских племен // Древности Оки / Отв. ред. Г. Ф. Полякова. М.: ГИМ, 1994. С. 59–77.

Ступишин А.В. Заволжье // Природные условия Ульяновской области / Науч. ред. А.П. Дедков. Казань: КГУ, 1978. С. 305–308.

Сулержицкий Л.Д., Фоломеев Б.А. Радиоуглеродная хронология памятников с текстильной керамикой бассейна Средней Оки // Финно-угры России. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой / Отв. ред. В.С. Патрушев. Йошкар-Ола: МарГУ, 1993. С. 20–34.

Сулержицкий Л.Д., Фоломеев Б.А. Радиоуглеродные даты археологических памятников бассейна средней Оки // Древние памятники окского бассейна. Рязань. 1993. С. 42–55.

Сунгатов Ф.А., Бахшиев И.И. Поселение эпохи поздней бронзы Олаир. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2008. 200 с.

Сурков А.В. Исследование поселений поздней бронзы на границе степи и лесостепи Восточной Европы // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: Материалы V Международной Нижневолжской археологической конференции 15–18 ноября 2016 года / Отв. ред. П. М. Кольцов. Элиста: Калмыцкий гос. ун-т, 2016. С. 59–64.

Сурова Т.Г., Троицкий Л.С., Пуннинг Я.М. Палеогеография и абсолютная хронология голоцена Полярного Урала // Изв. АН ЭССР. Т. 24. Хим., геол. 1975. № 2. С. 152–159.

Сухорукова Е.П. Новые аспекты в изучении полтавкинских памятников Волго-Донского региона // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Оренбург: ОГПУ, 2006. С. 83–85.

Сухорукова Е.П. О некоторых особенностях погребального обряда захоронений полтавкинской культуры на территории Заволжья и Волго-Донского междуречья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: ТД. Волгоград: ВолГУ, 2007. С. 26–28.

Сухорукова Е.П. Полтавкинская и волго-донская культуры эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья и волго-донского междуречья (по материалам погребальных памятников). Автореферат дисс… канд. ист. наук. СПб. 2008. 22 с.

Сыроватко А.С, Трошина А.А., Антипина Е.Е. К вопросу об облике культур финальной бронзы (по материалам стоянки Зарудня) // ТАС. Вып. 9 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2013. С. 374–379.

Сыроватко А.С. Юго-Восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов в дьяковской культуре. М., 2009. 352 с.

Сыроватко А.С. Период финальной бронзы в Москворечье: состояние источников и проблема их интерпретации // ТАС. Вып. 9 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2013. С. 360–373.

Сыроватко А.С. О еловой шишке, сетчатой керамике и переменах климата // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 316–318.

Телегин Д.Я. Середньо-стогівська культура эпохи міді. Київ: Наукова думка, 1973. 172 с.

Телегин Д.Я. Об основных позициях в положении погребенных первобытной эпохи Европейской части СССР // Энеолит и бронзовый век Украины / Ред. коллегия: С.С. Березанская и др. Киев: Наукова Думка, 1976. С. 5–21.

Телегин Д.Я. Об абсолютном возрасте ямной культуры и некоторые вопросы хронологии энеолита юга Украины // СА. 1977. № 2. С. 5–19.

Телегин Д.Я. Среднестоговская культура и памятники новоданиловского типа в Поднепровье и степном левобережье Украины // Археология Украинской ССР. Т.1 / Глав. ред. И.И. Артеменко. Киев: Наукова Думка, 1985. С. 305–320.

Телегин Д.Я. Неолитические могильники мариупольского типа. Киев: Наукова Думка, 1991. 95 с.

Телегин Д.Я. Сурская культура (Нижний Днепр и степное Левобережье) // Неолит Северной Евразии / Отв. ред. Д.С. Коробов. М: Наука, 1996. С. 40–45.

Телегин Д.Я., Нечитайло А.Л., Потехина И.Д., Панченко Ю.В. Среднестоговская и новоданиловская культуры энеолита азово-черноморского региона. Луганск: Шлях, 2001. 152 с.

Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М: Наука, 1977. 240 с.

Техов Б.В. Тлийский могильник (комплексы XVI–X вв. до н. э.). Тбилиси: Мецниереба, 1980. 196 с.

Тимофеев В.И., Зайцева Г.И. К проблеме радиоуглеродной хронологии неолита степной и юга лесной зоны европейской части России и Сибири (обзор источников) // Радиоуглерод и археология. Вып. 2. СПб: ИИМК РАН, 1997. С. 98–108.

Тимофеев В.И., Зайцева Г.И., Долуханов П.М., Шокуров А.М. Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии. СПб.: ИИМК, 2004. 158 с.

Тихонов Б.Г. Металлические изделия эпохи бронзы на

Среднем Урале и в Приуралье // Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа / МИА. № 90 / Отв. ред. О.Н. Бадер, С.В. Киселев. М.: АН СССР, 1960. С. 5–115.

Тихонов И.Т. Археологические раскопки в Чувашии в 1933 г. // ПИДО. 1934. № 2. С. 123–124.

Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал. Пахомовский комплекс поселения Оськино Болото // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 11. С. 81–89.

Ткачев Ал.Ал. Культурно-исторические процессы в эпоху поздней бронзы на территории лесостепного и южнотаежного Тоболо-Иртышья. Автореф. Дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2017. 26 с.

Ткачев В.В. О юго-западных связях населения Южного Урала в эпоху ранней и средней бронзы // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала / Отв. ред. В.В. Ткачев. Орск: Институт Евразийских исследований, Институт степи УрО РАН, 2000. С. 37–65.

Ткачев В.В. Сейминско-турбинский феномен и культурогенез позднего бронзового века в урало-казахстанских степях // УАВ. Уфа, 2001. Вып. 3. С. 3–14.

Ткачев В.В. Начало алакульской эпохи в Урало-Казахстанском регионе // Степная цивилизация Восточной Азии. Т. 1. Древние эпохи / Гл. ред. М. Жолдасбеков. Астана: Күлтегін, 2003. С. 114–115.

Ткачев В.В. Курганная стратиграфия и проблема относительной хронологии комплексов эпохи средней – начала поздней бронзы в Приуралье // Археология восточноевропейской лесостепи. Пастушеские скотоводы восточноевропейской степи и лесостепи эпохи бронзы (историография, публикации). Вып. 19 / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж, 2005. С. 121–137.

Ткачев В.В. Заключительный этап эпохи средней бронзы в степном Приуралье. Челябинск: Рифей, 2006. 76 с.

Ткачев В.В. Культурная принадлежность памятников конца среднего бронзового века в степном Приуралье // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Оренбург: ОГПУ, 2006б. С. 88–94.

Ткачев В.В. Степное Приуралье на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Челябинск: Рифей, 2006а. 137 с.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Принт А, 2007. 384 с.

Ткачев В.В., Гуцалов С.Ю. Новые погребения энеолита-средней бронзы Восточного Оренбуржья и Северного Казахстана // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 4 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2000. С. 27–54.

Ткачев В.В., Кузьмина Е.Е. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2007. 383 с.

Третьяков В.П. Обследование неолитических стоянок в Волгоградской области // СА. 1974. № 1. С. 208–213.

Третьяков В.П. Соотношение поздняковских памятников и культуры сетчатой керамики // КСИА. Вып. 142 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1975. С. 25–30.

Третьяков В.П. Финал волосовских древностей на Оке и Волге // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время / АЭМК. Вып. 3 / Отв. ред. Г.А. Архипов, А.Х. Халиков. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1978. С. 116–128.

Третьяков В.П. Стоянка Подлесное V близ г. Пензы (по раскопкам 1980 года) // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла / Гл. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1982. С. 188–194.

Третьяков В.П. Поселение Имерка I-б и Имерка 5 в Мордовии // Древности Среднего Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1985. С. 20–29.

Третьяков В.П. Поселение Имерка V – памятник эпохи энеолита в Примокшанье // СА. 1987. № 1. С. 119–135.

Третьяков В.П. Волосовские древности в междуречье Суры и Мокши // СА. 1990а. № 4. С. 16–29.

*Третьяков В.П. В*олосовские племена в Европейской части СССР в III–II тыс. до н. э. Л.: ИИМКРАН. 1990. 212 с.

Третьяков В.П. Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы. Л.: Наука: Ленингр. Отд., 1990. 197 с.

Третьяков П.Н. Предварительный отчет о работах Средневолжской экспедиции ГАИМК в Чувашской АССР в 1930 году / Научный архив ЧГИГН. Отд. 2. № 196. С. 81. Фотархив ИИМК. № 93-10.

Третьяков П.Н. Из материалов Средневолжской экспедиции ГАИМК // Сообщения ГАИМК. № 3. Л., 1931. С. 3–16.

Третьяков П.Н. Средневековые городища ЧАССР // Сообщения ГАИМК. № 5, 6. Л., 1932. С. 62–66.

Третьяков П.Н. К истории племен Верхнего Поволжья в 1 тыс. н. э. / МИА. № 5. М.-Л.: АН СССР, 1941. № 5. 150 с.

Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.: Наука ЛО, 1966. 308 с.

Трефц М. И. Поселение Буй 1 на Вятке // СА. 1985. № 4. С. 124–143.

Трифонов В.А. Степное Прикубанье в эпоху энеолита-средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья / Отв. ред. В.М. Массон. Л.: ИИМК, 1991. С. 92–166.

Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – бронзы Северного Кавказа // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: Материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. А. Иессена / Науч. ред. И.И. Пиотровский. Спб.: ГЭ, 1996. С. 43–49.

Трифонов В.А. Поправки абсолютной хронологии культур эпохи энеолита-средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация / Ред. Ю.И. Колев и др. Самара: СГПУ, 2001. С. 71–82.

Трофимова С.С., Зарецкая Н.Е., Лаптева Е.Г., Лычагина Е.Л., Чернов А.В. Опыт использования палеоэкологических исследований для реконструкции природной среды голоцена // Экология. 2019. № 6. С. 438–445.

Трофимова Т.А. К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры: Антропологический этюд // СЭ. 1949. № 3. С. 37–73.

Трубникова Н.В. О технике нанесения узоров на посуду городецких и дьяковских городищ // КСИИМК. Вып. 47 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.-Л.: АН СССР, 1952. С. 125–129.

Трубникова Н.В. Племена городецкой культуры // Труды ГИМ. Вып. 22 / Под ред. А.Я. Брюсова. М.: Госкультпросветиздат, 1953. С. 63–96.

Трубникова Н.В. О работах 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции 1956 года // Ученые записки ЧНИИ. Вып. XVI. Чебоксары, 1958. С. 227–262.

Трубникова Н.В. К вопросу о происхождении городецкой культуры // КСИИМК. Вып. 75 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: АН СССР, 1959. С. 163–168.

Трубникова Н.В. Отчет о работе 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции за 1957 год // Уч. Зап. ЧувНИИ. Вып. XIX / Под ред. М.Я. Сироткина, В.Д. Димитриева. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960. С. 38–81.

Трубникова Н.В. Городище у д. Тоганаши Шумерлинского района // Вопросы истории Чувашии. Ученые записки ЧНИИ. Вып. XXIX. Чебоксары: ЧНИИ, 1965. С. 212–236.

Трубникова Н.В. Городища в окрестностях с. Новинское // Исторический сборник. Ученые записки ЧНИИ. Вып. XXXI. Чебоксары: ЧНИИ, 1966. С. 288–294.

Трубникова Н.В. Городище «Укся Сют» у деревни Малые Луши в Чувашии // СА. 1970. № 4. С. 213–218.

Трубникова Н.В., Каховский В.Ф. Городище Хула-сюч около д. Изванкино -Аликовского района Чувашской АССР // Ученые записки ЧНИИ. Вып. XVI. Чебоксары: ЧНИИ, 1958. С. 269–275.

Трубникова Н.В., Каховский В.Ф. Курганный могильник близ д. Раскильдино Аликовского района Чувашской АССР // Ученые записки ЧНИИ. Вып. XVI. Чебоксары: ЧНИИ, 1958. С. 263–268.

Тугушев П.Е. Городище «Петровский городок» у села Усть-Курдюм Саратовского района Саратовской области: два аспекта исследования // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 9 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Полиграфия Поволжья. 2009. С. 91–104.

Турецкий М.А. Ямная культура Волго-Уральского региона. Автореф. Дисс. … канд. ист. наук. М., 1992.

Турецкий М.А. Курган 2 у с. Тамбовка (к вопросу о проникновении катакомбной культуры в степное Заволжье) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1 / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СамГПУ, 1999. С. 135–144.

Турецкий М.А. Некоторые проблемы изучения ямной культуры Волго-Уральского региона // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Оренбург: ОГПУ, 2006. С. 94–100.

Турецкий М.А. Проблемы культурогенеза в эпоху раннего-начала среднего бронзового века в степной зоне Волго-Уралья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 8 Европы / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2007. С. 116–129.

Турецкий М.А. Культурная принадлежность памятников раннего бронзового века Самарского Поволжья // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы Европы / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2009. С. 59–65.

Уваров А.С. Археология России: Каменный период. Т. I. Москва: Синод. тип., 1881. 474 с.

Уваров А.С. Археология России: каменный период. Т. II. М., 1881. 125 с.

Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа / МАК. Вып. VIII. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1900. 382 с.

Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа. Приложение / МАК. Вып. VIII. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1900а. 134 табл.

Умеренкова О.В. Украшения эпохи бронзы Западной Сибири (археологический и исторический аспекты). Дисс... канд. ист. наук. Кемерово, 2011. 216 с. с прил. 158 с.

Усачук А.Н. К вопросу о гребнях и орудиях прядения в материалах срубной культуры // Проблемы истории и археологии Украины / Отв. ред. В.И. Кадеев. Харьков: Бизнес-Информ, 1997. С. 21–22.

Усачук А.Н. Результаты трасологического анализа костяных изделий из погребений курганных могильников юга Калмыкии // Могильники Му-Шарет в Калмыкии: комплексное исследование / Отв. ред. Н.И. Шишлина, Е.В. Цуцкин. Москва-Элиста: Гос. ист. музей; Калмыц. ин-т соц.-экон. и правовых исслед, 2001. С. 74–80.

Усачук А.Н. Костяные изделия курганных могильников Калмыкии (трасологический анализ) // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-западного Прикаспия / Отв. ред. Н.И. Шишлина, Е.В. Цуцкин. Москва-Элиста: Гос. ист. музей; Калмыц. ин-т соц.-экон. и правовых исслед, 2002. С. 267–279.

Усачук А.Н., Литвиненко Р.А. Орудия прядения и ткачества в памятниках срубной общности // Текстиль эпохи бронзы евразийских степей / Труды ГИМ. Вып. 109. М.: ГИМ, 1999. С. 204–216.

Усачук А.Н., Обыденнова Г.Т., Шутелева А.И., Щербаков Н.Б. Трасологический и функционально-типологический анализ коллекции костяных изделий раскопа IX Мурадымовского поселения (раскопки 2007 г., Республика Башкортстан) // XVIII Уральское археологическое совещание / Ред. Г.Т. Обыденнова и др. Уфа: БГПУ, 2010. С. 168–174.

Уткин А.В., Костылева Е.Л. Волосовские скульптурные модели фаллоса // ТАС. Вып. 3 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 1998. С. 111–115.

Уткин А.В., Костылева Е.Л. Погребения на стоянке Караваиха // РА. № 3. 2001. С. 55–66.

Уткин А.В., Костылева Е.Л. Погребальные «святилища» эпохи энеолита в лесах Восточной Европы // ТАС. Вып. 2 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2002. С. 342–347.

Ушурелу Е. Генезис и эволюция двуушковых топоров-кельтов Восточной Европы эпохи поздней бронзы // Revista Arheologică. Serie nouă, Vol. X. nr. 1. 2010. P. 22–67.

Фадеев В.Г. Анализ некоторых структур организации I и II Хвалынских могильников // Международное

(XVI Уральское) археологическое совещание / Отв. ред. А.Ф. Мельничук. Пермь: ПГУ, 2003. С. 105–106.

Фадеев В.Г. Историография хвалынской энеолитической культуры (краткий очерк) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3 / Ред. И.Б. Васильев. Самара, СНЦ РАН, 2003. С. 100–117.

Файзуллин И.А. К вопросу о функциональном назначении построек эпохи бронзы с территории Западного Оренбуржья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 2. С. 80–86.

Файзуллин И.А., Рослякова Н.В. К вопросу о подвижности животноводства у населения Оренбургского Предуралья в эпоху поздней бронзы // Историко-культурные процессы на Южном Урале в эпоху поздней бронзы: современные проблемы изучения и сохранения культурного наследия / Отв. ред. И.И. Файзуллин. Уфа: Диалог, 2016. С. 117–140.

Федорова-Давыдова Э.А. Новые памятники неолита и бронзы в Оренбургской области // ВАУ. № 2 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1962. С. 16–20.

Федорова-Давыдова Э.А. Приуральская группа памятников ямной культуры // История культур Восточной Европы по археологическим данным. Вып.71 / Ред. С.М. Орешников. М.: Советская Россия, 1971. С. 45–60.

Федоров-Давыдов Г.А. Тигашевское городище (археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг) // МИА. № 111 / Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Том IV / отв. ред. А.П. Смирнов. М.; АН СССР, 1962. С. 49–89.

Федулов М.И., Михайлов Е.П. Археологические памятники Шумерлинского района Чувашской республики (материалы разведочных работ 2003 года) // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья Ред. сост. Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2006. С. 280–302.

Фиртштейн Б.В. Антропологическая характеристика населения Нижнего Поволжья в эпоху бронзы // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР / Отв. ред. А.М. Лесков и Н.Я. Мерперт. Киев: Наукова Думка, 1967. С. 100–139.

Фоломеев Б.А. Отчет о раскопках стоянки Плещеево III Переславским отрядом Верхневолжской археологической экспедиции в 1971 году по открытому листу № 97 (форма № 1). М., 1972 / Архив ИА АН СССР. Р-1, № 4591.

Фоломеев Б.А. Жилища стоянки Фефелов Бор 1 // Археология Рязанской земли / Отв. ред. А.Л. Монгайт. М.: Наука, 1974. С. 236–252.

Фоломеев Б.А. Тюков городок // СА. 1975. № 1. С. 154–170.

Фоломеев Б.А. Фактура текстильной керамики бассейна Средней Оки // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 7. Рязань: НПЦ по ОИПИКРО, 1998. С. 79–105.

Фоломеев Б.А. Ланшафтно-экологические условия обитания и расселения человека в бассейне р. Оки в эпоху раннего металла / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Ряз. обл., 1992. С. 77–88.

Фоломеев Б.А. Макро- и микроструктура слепков с фактуры текстильной керамики // Финно-угры России. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой / Отв. ред. В.С. Патрушев. Йошкар-Ола: МарГУ, 1993. С. 3–21.

Фоломеев Б.А. Окские городища // Археологические памятники раннего железного века Окско-Донского междуречья. Рязань: НПЦ по ОИПИКРО, 1993. С. 3–21.

Фоломеев Б.А. Типология текстильных отпечатков и хронологическое распространение отдельных видов сетчатых фактур. Дополнения из черновиков // Археология Евразийских степей. № 4. 2017. С. 319–335.

Фоломеев Б.А., Александровский А.Л., Гласко М.П., Гуман А.Ю. Климентовская стоянка // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии. Тр. ГИМ. Вып. 68. М., 1988. С. 168–191.

Фоломеев Б.А., Челяпов В.П., Иванов Д.А. Курган № 1 Могильника Березовый рог // Археологические памятники Среднего Поочья. Т. 6 / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: Обл. упр. статистики, 1997. С. 77–88.

Фоменко С.В. Дискуссии по вопросам межкультурного взаимодействия в эпоху средней бронзы на территории Волго-Уральских степей: ямно-полтавкинская проблематика // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 12 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: СарГУ, 2016. С. 18–30.

Фосс М.Е. Новые данные о памятниках галичской культуры // КСИИМК. Вып. 17 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.-Л.: АН СССР, 1947. С. 63–69.

Фосс М.Е. Итоги Галичской экспедиции // КСИИМК. Вып. 26 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.-Л.: АН СССР, 1949. С. 34–49.

Фосс М.Е. О терминах «неолит», «бронза», «культура» // КСИИМК. Вып. 29 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.-Л.: АН СССР, 1949. С. 33–47.

Фосс М.Е. Древнейшая история Севера европейской части СССР / МИА. № 29. М.; Л.: АН СССР, 1952. 167 с.

Фосс М.Е. Неолитическая стоянка Бисерово озеро // КСИИМК. Вып. 75 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: АН СССР, 1959. С. 26–39.

Хаванский А.И., Бисембаев А.А, Дуйсенгали М.Н., Баиров Н.М., Амелин В.А., Бидагулов Н.Т. Погребение среднего бронзового века могильника Щилисай II // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Маргулановские чтения – 2018». Духовная модернизация и археологическое наследие» / Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы-Актобе, 2018. С. 188–193.

Хайду П. Уральские языки и народы. М.: Прогресс 1985. 137 с.

Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху энеолита и бронзы / Труды МАЭ. Т.1. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1960. 188 с.

Халиков А.Х. Отчет о работах I отряда археологической экспедиции КФАН СССР 1959 г. // Отчет о полевых работах археологической экспедиции ИЯЛИ за 1959 год. Казань, 1960. Л. 5–91 / Архив ИА РАН. Р-1, № 1951.

Халиков А.Х. Памятники абашевской культуры в Ма-

рийской АССР // МИА. № 97 / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. М.: АН СССР. 1961. С. 157–241.

Халиков А.Х. Очерки истории населения марийского края в эпоху раннего железа // Железный век Марийского края / Труды МарАЭ. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1962. С. 7–187.

Халиков А.Х. Балановские памятники в Татарии // КСИА. Вып. 97 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: АН СССР, 1964. С. 50–58.

Халиков А.Х. Новомордовские курганы (ранние связи срубных и приказанских племен) // МИА. № 130 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: Наука, 1965. С. 143–148.

Халиков А.Х. Пепкинский курган (абашевский человек) // Труды марийской археологической экспедиции Т. III / Ред. А.Х. Халиков, Г.В. Лебединская, М.М. Герасимова. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1966. 30 с.

Халиков А.Х. Приказанская культура и ее роль в формировании ананьинской культуры // УЗ ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь, 1967. С. 7–28.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 396 с.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). М.: Наука. 1977. 262 с.

Халиков А.Х. Волосовская проблема // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время / АЭМК. Вып. 3 / Ред. Г.А. Архипов, А.Х. Халиков. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1978. С. 7–13.

Халиков А.Х. Приказанская культура // САИ. Вып. В 1-24. М.: Наука, 1980. 128 с.

Халиков А.Х. Приказанская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР СССР / Археология СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Краснов, М.Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 139–146.

Халиков А.Х. Чирковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР СССР / Археология СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Краснов, М.Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 136–139.

Халиков А.Х. Волосово-гаринская энеолитическая общность // Энеолит лесного Урала и Поволжья / Отв. ред. Л.А. Наговицин. Ижевск: УИИЯЛ, 1990. С. 10–16.

Халиков А.Х., Архипов Г.А. Марийская археологическая экспедиция (1960–1965) // История, археология, этнография мари / Отв. ред. А.В. Хлебников. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1967.

Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимов М.М. Пепкинский курган (Абашевский человек) // Труды МАЭ. Т. III. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во. 1966. 69 с.

Халиков А.Х., Халикова Е.А. Васильсурское поселение эпохи бронзы // МИА. № 110 / Отв. ред. П.Н. Третьяков. М., Л.: АН СССР, 1963. С. 239–268.

Халикова Е.А. Второй Полянский могильник // УЗ ПГУ. Вып.148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 116–132.

Халяпин М.В. Первый бескурганный могильник синташтинской культуры в степном Приуралье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация / Редкол. Ю.И. Колев. Самара: СамГПУ, 2001. С. 417–424.

Хилл Б.А. Основы медицинской статистики. М.: Медицина, 1978. 178 с.

Хлобыстин Л.П. Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье. Л.: Наука ЛО, 1976. 65 с.

Хлобыстина М.Д., Хлобыстин Л.П. Литейная форма из Южного Зауралья // СА. 1967. № 2. С. 236–240.

Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. Опыт трансконтинентальной корреляции этапов растительности и климата. М.: Наука, 1977. 198 с.

Хотинский Н.А. Голоценовые хроносрезы: дискуссионные проблемы палеогеографии голоцена // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене / Отв. ред. А.А. Величко. М.: Наука, 1982. С. 142–147.

Хохлов А.А. Новые краниологические материалы эпохи неолита с территории лесостепного Поволжья в связи с проблемой происхождения уральской расы // Вестник антропологии. Вып.1. 1996. С. 121–141.

Хохлов А.А. Палеоантропология пограничья лесостепи и степи Волго-Уралья в эпохи неолита-бронзы. Дисс... канд. ист. наук. М., 1998. 210 с.

Хохлов А.А. Палеоантропология пограничья лесостепи и степи Волго-Уралья в эпохи неолита-бронзы. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1998б. 23 с.

Хохлов А.А. Краниологические материалы ранней и начала средней бронзы Самарского Заволжья и Оренбуржья // ВкА. 1999. Вып.6. С. 97–129.

Хохлов А.А. К вопросу о происхождении населения срубной культуры // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии: материалы конференции / Редкол. Е.К. Максимов и др. Саратов, 2000в. С. 83–86.

Хохлов А.А. Краниологические материалы срубной культуры юга Среднего Поволжья // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Ч. II / Отв. ред. Т.И. Алексеева. М.: Старый Сад. 2000а. С. 217–242.

Хохлов А.А. Палеоантропология эпохи бронзы Самарского Поволжья // // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Ред. Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов, М.А. Турецкий. Самара: СНЦ РАН, 2000б. С. 309–332.

Хохлов А.А. Палеоантропология могильника срубной культуры Бариновка I // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 2 / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ, 2002. С. 134–144.

Хохлов А.А. Краниологические материалы раннесрубного времени из лесостепного Поволжья // Горизонты Антропологии. Труды международной научной конференции памяти академика В.П. Алексеева / Отв. ред. Т.И. Алексеева. М.: Наука, 2003. С. 223–229.

Хохлов А.А. О краниологических особенностях населения ямной культуры Северо-Западного Прикаспия // ВкА. 2006. № 14. С. 136–146.

Хохлов А.А. О краниологических особенностях населения ямной культуры Северо-Западного Прикаспия / ВкА. 2006. № 14. С. 136–146.

Хохлов А.А. Основные проблемы палеоантропологии ямной культуры // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Оренбург: ОГПУ, 2006. С. 100–104.

Хохлов А.А. Черепа с искусственной деформацией эпохи бронзы Волго-Уральского региона // Искусствен-

ная деформация головы человека в прошлом Евразии. М.: ИА РАН, 2006. С. 47–52.

Хохлов А.А. Палеоантропологические материалы финала поздней бронзы лесостепного Поволжья // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 4. Магнитогорск, 2009б. С. 3–13.

Хохлов А.А. Демографические процессы в Волго-Уралье в эпохи энеолита-бронзы // Кузьмина Е.Е., Косинцев А.П., Кулланда С.В., Медникова М.Б., Бужилова А.П., Хохлов А.А., Клейн Л.С., Чечушков И.В., Епимахов А.В., Черленок Е.А., Усачук А.Н., Бочкарёв В.С., Кузнецов П.Ф. Кони и колесничие степей Евразии / Гл. ред. П.Ф. Кузнецов. Екатеринбург-Самара-Донецк: ЦКР Рифей, 2010. С. 133–166.

Хохлов А.А. Население хвалынской энеолитической культуры. По антропологическим материалам грунтовых могильников Хвалынск I, Хвалынск II, Хлопков Бугор // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов / Сост. и науч. ред. С.А. Агапов. Самара: СРОО ИЭКА «Поволжье», 2010. С. 407–517.

Хохлов А.А. К вопросу о происхождении энеолитического населения Прикамья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 1. 2011б. С. 116–125.

Хохлов А.А. К палеоантропологии энеолита Поволжья // Известия Самарского научного центра. 2011а. Т. 13. № 3. Ч. 2. С. 549–553.

Хохлов А.А. Результаты изучения антропологического материала из Сарбайского одиночного кургана и кургана № 5 Новомихайловского IV могильника // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области) / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: Мин. культ. Самарской области, 2012. С. 223–228.

Хохлов А.А. Ритуальные травмы на черепах у носителей хвалынской энеолитической культуры Поволжья // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 118–125.

Хохлов А.А. Краниологические материалы из древнейших подкурганных захоронений бережновского типа // Известия СНЦ РАН. Т.15. № 1. 2013. С. 197–200.

Хохлов А.А. Палеоантропология Волго-Уралья эпох неолита – бронзы. Автореф. дисс… докт. ист. наук. М., 2013. 34 с.

Хохлов А.А. Формирование населения покровского культурного типа эпохи бронзы в ареале Волго-Уралья // Археология восточноевропейской лесостепи. Мат. II международной науч. конференции / Отв. ред. А.М. Скоробогатов. Воронеж: ВГПУ, 2016в. С. 161–169.

Хохлов А.А. Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита – бронзового века). Самара: СГСПУ, 2017. 368 с.

Хохлов А.А., Григорьев А.П. Морфологические характеристики антропологической выборки курганного могильника эпохи бронзы Красиковский I // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 14 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2019. С.69-80.

Хохлов А.А., Китов Е.П. Предварительное сообщение о палеоантропологическом материале эпохи средней бронзы могильника Буланово I // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 30. № 6(144). 2009а. С. 5–7.

Хохлов А.А., Китов Е.П. К антропологии раннего этапа бронзового века Западного Казахстана // ВААЭ. 2012. № 1. С. 64–71.

Хохлов А.А., Китов Е.П. Специфика антропологического состава носителей потапово-синташтинских культурных традиций (по краниологическим материалам Поволжья и Урала переходного времени от средней к поздней бронзе) // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историограафии). Мат. Междунар. науч. конф. Самара: ПГСГА, 2014. С. 131–142.

Хохлов А.А., Китов Е.П. Физический облик представителей ботайской энеолитической культуры в контексте проблемы формирования степного населения Казахстана // Казахское ханство в потоке истории / Ред. Б.А.Байтанаев, К.М. Байпаков. Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2015. С. 437–445.

Хохлов А.А., Китов Е.П. Краниологические материалы раннебронзового века долины р. Уил Западного Казахстана // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 20. № 3(2). 2018. С. 510–516.

Хохлов А.А., Китов Е.П. Дефекты травматического происхождения на палеоантропологических материалах эпохи раннего металла Волго-Уралья // Stratum plus. 2019а. № 2. С. 267–280.

Хохлов А.А., Китов Е.П. Теоретические и практические аспекты проблемы происхождения физического облика носителей культур синташтинского круга // Поволжская археология. 2019б. № 1. С. 59–71.

Хохлов А.А., Китов Е.П., Капинус Ю.О. К проблеме антропологических связей между носителями срубной и алакульской культур позднего этапа эпохи бронзы в южном Приуралье и западноказахстанских степях // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 4. С. 65–83.

Хохлов А.А., Китов Е.П., Нечвалода А.И. Люди бронзового века Аркаимской долины (к вопросу о преемственности населения от ямной к синташтинской культуре) // Stratum plus. 2016б. № 2. С. 277–284.

Хохлов А.А., Китов Е.П., Рыкушина Г.В. Краниум человека с территории энеолитического поселения Коскудук I Восточного Прикаспия // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. 2015. № 4. С. 128–132.

Хохлов А.А., Мимоход Р.А. Краниология населения Степного Предкавказья и Поволжья в посткатакомбное время // Вестник антропологии. 2008. Вып. 16. С. 44–70.

Хохлов А.А., Солодовников К.Н., Рыкун М.П. Кравченко Г.Г., Китов Е.П. Краниологические данные к проблеме связи популяций ямной и афанасьевской культур Евразии начального этапа бронзового века // ВААЭ. 2016а. № 3. С. 86–106.

Хохлов А.А., Яблонский Л.Т. Палеоантропология Волго-Уральского региона эпохи неолита-энеолита // / История Самарского Поволжья с древнейших времен

до наших дней. Бронзовый век / Ред. Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов, М.А. Турецкий. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 278–307.

Хохлова О.С. Ямная культура по данным палеопочвенного изучения курганов в Оренбургском Приуралье // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Оренбург: ОГПУ, 2006. С. 104–109.

Хохлова О.С. Палеоклиматические реконструкции для III тыс. до н. э. по данным палеопочвенного изучения курганов ямной культуры в Оренбургском Приуралье // Вестник ОГУ. № 10. Оренбург, 2007. С. 110–117.

Хохлова О.С., Гольева А.А. Моргунова Н.Л. Природно-климатические условия в V–III тыс. до н. э. в Оренбуржье по данным междисциплинарных геоархеологических исследований // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н. э. / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 102–111.

Хреков А.А. Раннеэнеолитические памятники лесостепного Прихоперья // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Дирекция охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры, 1996. С. 64–77.

Хреков А.А. К вопросу о памятниках финальной бронзы волго-донского лесостепного междуречья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Вып. 5 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2003. С.103–128.

Худяков М.Г. К посещению Казани В.А. Городцовым // КМВ. 1920. № 7–8. С. 117–118.

Худяков М.Г. Ананьинская культура // КМВ. 1923. № 2. С. 72–126.

Худяков М.Г. Могильник Маклашеевка II // Материалы центрального музея Татарской АССР. Казань, 1930. С. 11–14.

Худяков М.Г. Очерк истории первобытного общества на территории Марийской области. Введение в историю народа мари // Известия ГАИМК. Вып. 141. М.-Л.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1935. 132 с.

Цалкин В.А. Фауна из раскопок археологических памятников Среднего Поволжья // МИА. № 61 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1958. С. 221–281.

Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.: Наука, 1970. 279 с.

Цалкин В.И. Домашние животные Восточной Европы в эпоху поздней бронзы. Сообщения 1, 2, 3, 4 // Бюллетень МОИП. Отделение биологическое. Т. 77. Вып. 1, 2, 3, 4. М.: МГУ, 1972. С. 46–65, 42–50, 61–72, 60–74.

Цветкова И.К. Стоянка Володары // КСИИМК. Вып. 20 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.-Л.: АН СССР, 1948. С. 3–14.

Цветкова И.К. Волосовские неолитические племена // Труды ГИМ. Вып. 22 / Под ред. А.Я. Брюсова. М.: Госкультпросветиздат, 1953. С. 21–51.

Цветкова И.К. Волосовский клад. М.: Советская Россия, 1957. 36 с.

Цветкова И.К. Стоянка Черная Гора // КСИИМК. Вып. 75 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: АН СССР, 1959. С. 114–122.

Цветкова И.К. Стоянка Подборица-Щербининская // СА. 1961. № 2. С. 172–185.

Цветкова И.К. Племена рязанской культуры // ТГИМ. 1970. Вып. 44. С. 97–153.

Цетлин Ю.Б. К проблеме сосуществания неолитических культур Верхнего Поволжья // Проблемы изучения археологической керамики / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. Куйбышев: КГПИ, 1988. С. 45–62.

Цимиданов В.В. Социальная структура срубного общества. Донецк: Б.И., 2004. 204 с.

Чаиркина Н.М. Зауральско-североказахстанская область эпохи энеолита (проблемы энеолита Среднего Зауралья) // УИВ. 1997. № 4. С. 26–39.

Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 314 с.

Чаплыгин М.С., Морозов Ю.А. Погребальные памятники срубной культуры в Башкирском Приуралье // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е.Е. Кузьминой / Отв. ред. К.Э. Разлогов. Барнаул: АлтГУ, 2014. С. 213–227.

Челяпов В.П. Засеченский курганный могильник. Рязань, 1992. 69 с.

Челяпов В.П. Краткий очерк изучения памятников поздняковской культуры // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 3 / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской области, 1993. С. 23–50.

Челяпов В.П. Могильник Лебяжий Бор на реке Мокше (раскопки 1994 года) // Археологические памятники Окского бассейна / Науч. ред. И.В.Белоцерковская, В.П. Челяпов. М.-Рязань: ГИМ, НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской области, 1996. С. 80–103.

Челяпов В.П. Новые исследования могильника Лебяжий Бор // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 5 / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской области. 1996. С. 51–72.

Челяпов В.П. Новые материалы с поселения Лебяжий Бор 6 в Рязанском Примокшанье // Взаимодействие и развитие культур южного пограничья Европы и Азии. ТДК. Саратов, 2000. С. 35–37.

Челяпов В.П., Иванов Д.А. Поселение поздняковской культуры Ерахтур V // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 8 / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской области, 1998. С. 59–78.

Челяпов В.П., Иванов Д.А. Фатьяновско-балановские древности в Рязанском Поочье // ТАС. Т. 1. Вып. 4 / И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2000. С. 359–366.

Челяпов В.П., Ставицкий В.В. Этнокультурные процессы на Нижней Мокше в эпоху энеолита // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности / Отв. ред. Н.М. Арсентьев. Саранск, 1997. С. 85–87.

Челяпов В.П., Ставицкий В.В. Многослойное поселение Лебяжий Бор 6 на Нижней Мокше // Археоло-

гические памятники Среднего Поочья. Вып. 7 / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской области, 1998. С. 6–26.

Челяпов В.П., Ставицкий В.В. Новые раскопки поселения Лебяжий Бор 6 на // Древности Окско-Сурского междуречья. Вып. 3 / Отв. ред. В.В. Гришаков. Саранск: МГПИ, 2009. С. 22–33.

Чендев Ю.Г., Лупо Э.Р., Лебедева М.Г., Борбукова Д.А. Региональные особенности климатической эволюции почв южной части Восточной Европы во второй половине голоцена // Почвоведение. 2015. № 12. С. 1411–1423.

Чернай И.Л. Выработка текстиля у племен дьяковской культуры (по материалам Селецкого городища) // СА. 1981. № 4. С. 70–86.

Чернай И.Л. Макро- и микроструктура слепков с фактуры текстильной керамики // Финно-угры России. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой / Отв. ред. В.С. Патрушев. Йошкар-Ола: МарГУ, 1993. С. 36–48.

Черников В.Ф. Новые материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья по разведкам Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника // Этногенез мордовского народа / Ред. Б.А. Рыбаков. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1965. С. 149–151.

Черников В.Ф. Отчет о разведках археологической экспедиции Горьковского музея-заповедника в 1959 г. Горький. 1960 / Архив ИА АН СССР. Р-1, № 1990.

Черников В.Ф. Отчет о разведках археологической экспедиции Горьковского музея-заповедника в 1960 г. Горький, 1961 / Архив ИА АН СССР. Р-1, № 2219.

Черников В.Ф. Отчет о разведках археологической экспедиции Горьковского музея-заповедника в 1961 г. Горький, 1962 / Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2233.

Черников В.Ф. Отчет о разведке в бассейне р. Теши от г. Лукояново до с. Водоватово в 1962 году. Горький, 1963 / Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2520.

Черников В.Ф. Отчет о раскопках Безводнинского поселения в 1970 году. Горький, 1971 // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 4871.

Черников В.Ф. Отчет о раскопках поселения Шава II и селищ Шава 1а и 16 в 1969 году. Горький, 1970 / Архив ИА АН СССР. Р-1, № 4811.

Черников В.Ф. Отчет об археологической разведке в бассейне р. Теши от с. Туманово до устья реки в 1963 году. Горький, 1964 / Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2767.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы / МИА. Вып. 88 М.-Л.: АН СССР, 1960. 272 с.

Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы / МИА. № 132. М.: Наука, 1966. 144 с.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья / МИА. № 172. М.: Наука, 1970. 180 с.

Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.; 1976. 302 с.

Черных Е.Н. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София: БАН, 1978а. 387 с.

Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978б. № 4. С. 53–82.

Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: БГУ, 1983. С. 81–99.

Черных Е.Н Каргалинский древний горно-металлургический комплекс // Древнейшие этапы горного дела и металлургии в Северной Евразии: Каргалинский комплекс / Науч. ред. Е.Н. Черных. М.: ИА РАН, 2002. С. 7–10.

Черных Е.Н. Каргалы: феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов / Каргалы. Том V. М.: Языки славянской культуры, 2007. 200 с.

Черных Е.Н. Медь из Хвалынских могильников и ее параллели (по данным спектроаналитических исследований) // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов / Сост. и науч. ред. С.А. Агапов. Самара: СРОО ИЭКА «Поволжье», 2010. С. 219–233.

Черных Е.Н. Радиоуглеродная хронология в свете системного анализа крупных серий датировок (итоги ожидаемые и итоги парадоксальные) // Междисциплинарная интеграция в археологии / Отв. ред. Е.Н. Черных, Т.Н. Мишина. М.: ИА РАН, 2016. С. 30–51.

Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М.: ИА РАН, 2000. 95 с.

Черных Е.Н., Агапов С.А., Кравцов А.Ю., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Моргунова Н.М., Орловская Л.Б., Тонейшвили Т.О. О работах Волго-Уральской комплексной экспедиции в 1989–1990 гг. // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Наговицын Л.А. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. С. 159–162.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Химический состав металла клада у станицы Упорной // СА. № 3. 1986. С. 135–138.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Металл Мосоловского поселения (по данным спектрального анализа) // Поселения срубной общности / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: Воронеж, ун-т, 1989б. С. 5–14.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Металлоносные культуры лесной зоны вне системы Циркумпонтийской провинции: проблемы радиоуглеродной хронологии IV–III тыс. до н. э. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. II / Отв. ред. Е.Н. Черных. М.: ИА РАН, 2011. С. 24–62.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология древнеямной общности и истоки курганных культур // РА. 2004. № 1. С. 84–99.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология Хвалынских некрополей // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов / Сост. и

науч. ред. С.А. Агапов. Самара: СРОО ИЭКА «Поволжье», 2010. С. 121–129.

Черных Л.А. Бронзовые ножи из памятников катакомбной КИО Украины (классификации по выборке предметов – предварительные итоги) // Проблеми гірничої археології. Матеріали VIII-го міжнародного Картамиського польового археологічного семінару. Алчевськ, 2011. С. 23–79.

Черныш Е.К. Памятники раннего периода культуры Триполье-Кукутени и формирование локальных различий // Энеолит СССР / Археология СССР / Глав. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1982. С. 177–190.

Черняков Н.Г., Никитин В.Н. Бацуркинский клад бронзового века из Южного Побужья // СА. 1984. № 2. С. 134–145.

Чижевский А.А. Е.А. Халикова и проблема хронологии маклашеевского этапа приказанской культуры // Вопросы древней истории Волго-Камья / Ред. Е.П. Казаков и др. Казань: Мастер-Лайн, 2002. С. 30–36.

Чижевский А.А. Проблема перехода культур Нижнего Прикамья от поздней к финальной бронзе // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье / АЭМК. Вып. 27 / Науч. ред. Т.Б. Никитина, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2004. С. 56–61.

Чижевский А.А. Жилища и поселения лесной и лесостепной части Волго-Камья второй половины II – начала I тыс. до н. э. в контексте развития природной среды и культурных традиций // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 3 / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Алма-Лит, 2007. С. 93–112.

Чижевский А.А. Финал бронзового века на территории Нижнего Прикамья: некоторые аспекты проблемы // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции. (Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г.). Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2007. С. 173–176.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (прединаньинская и ананьинская культурно-исторические области / Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: Школа, 2008. 172 с.

Чижевский А.А. Погребения эпохи энеолита Мурзихинского II могильника // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. с. 367–371.

Чижевский А.А. Материалы из ранних хронологических горизонтов Тетюшского могильника (раскопки 2003 года) // УЗ Казан. ун-та. сер. гуманит. науки. 2009. Т. 151, кн. 2, ч. 1. С. 7–15.

Чижевский А.А. Гулюковская III стоянка: экологическая адаптация и факторы хозяйственно-культурного развития // Уральский исторический вестник. 2010. № 2 (27). С. 25–30.

Чижевский А.А. Культура «текстильной» керамики в Марийско-Казанском Поволжье и Нижнем Прикамье // XVIII Уральское археологическое совещание / Науч. ред.: Г.Т. Обыденнова и др. Уфа: БГПУ, 2010. С. 258–260.

Чижевский А.А. Исследования Луговской II стоянки в 2008 г. // Филология и культура. 2012. № 2. С. 297–302.

Чижевский А.А. К вопросу о начале раннего железного века в Волго-Камье // Российский археологический ежегодник. 2012. № 2. С. 383–400.

Чижевский А.А. Начальный период изучения археологии эпохи бронзы и раннего железного века в Волго-Камье. Полевые исследования // Поволжская археология. 2013. № 2. С. 40–63.

Чижевский А.А., Галимова М.Ш. Результаты исследований Борисоглебской стоянки на р. Казанке // Научный Татарстан. Сер Гуманитарные науки. № 4. Казань, 2010. С. 127–136.

Чижевский А.А., Голубева Е.Н. Погребение № 90 Мурзихинского II могильника. Трасологический анализ каменного инвентаря эпохи энеолита // Феномены культур бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н. э. / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 42–51.

Чижевский А.А., Губин А.С., Лыганов А.В. Коминтерновский курган № 2 // Материалы Международной научной конференции V Халиковские чтения / Археология Евразийских степей. Вып. 11 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИИ АН РТ, 2011. С. 261–271.

Чижевский А.А., Лыганов А.В. Исследования памятников эпохи бронзы в Приустьевом Закамье // Поволжская археология. 2015. № 2. С. 52–82.

Чижевский А.А., Лыганов А.В., Кузьминых С.В. Ранний (атабаевский) этап маклашеевской культуры // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 99–123.

Чижевский А.А., Лыганов А.В., Шипилов А.В. Рысовский археологический комплекс // Актуальные вопросы российской археологии / Ред. В.А. Шаталов. Казань: ЦИАИ, 2014. С. 23–53.

Чижевский А.А., Лыганов А.В., Морозов В.В. Исследования памятников археологии на острове Дубовая грива в 2009–2010 гг. // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 94–115.

Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А., Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д., Асылгараева Г.Ш. Результаты комплексного исследования Сорочьегорского городища // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20. Казань: Отечество, 2014. С. 241–262.

Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А., Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д. Тихогорские I и II городища, комплексные исследования оборонительных сооружений // Археология евразийских степей. 2018. Вып. 2. С. 310–336.

Чижевский А.А., Шипилов А.В. Ранние энеолитические могильники Усть-Камья. XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием / Отв. ред. Выборнов А.А. Самара: СГСПУ, 2018. С. 80–84.

Чижевский А.А., Шипилов А.В., Капленко Н.М. Каентубинская островная стоянка неолита – позднего периода эпохи бронзы (по итогам исследований 2005 г.)

// Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2015. С. 184–194.

Чижевский А.А., Шипилов А.В., Капленко Н.М. Итоги исследования Каетубинской островной стоянки в 2004 году // Поволжская археология. 2017. № 1. С. 50–70.

Чистякова (Врублевская) Э.Л. Приложение 2. I. Структура самородной меди и медных находок древних поселений Карелии. II. Структура медных находок с энеолитических поселений Карелии // Журавлев А.П. Пегрема (поселения эпохи энеолита). Петрозаводск: КНЦ РАН, 1991. С. 171–200.

Членова Н.Л. Андроновские и ирменские погребения могильника Змеевка (Северный Алтай) // КСИА. Вып. 147 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1976. С. 76–83.

Членова Н.Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа / Отв. ред. Т.Н. Троицкая. Новосибирск: Наука, 1981. С. 4–42.

*Чубарова Р.В. А*рхеологическая экспедиция МарНИИ в 1952 г. // Уч. записки МарНИИ. Вып. V / Отв. ред. К.А. Четкарев. Йошкар-Ола, 1953а: Маркнигоиздат. С. 177–196.

Чубарова Р.В. Археологические памятники на территории Горномарийского района. Марийской АССР // Уч. Записки МарНИИ. Вып. V / Отв. ред. К.А. Четкарев. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1953б. С. 285–289.

Чугунов С.М. Материалы для антропологии Казанской губернии. Скелет каменного века из раскопок проф. Н.Ф. Высоцкого в 1879 г. // Приложение к ПЗОЕКУ. 1904а. № 222. с. 17–19.

Чугунов С.М. Скелеты, добытые проф. А.А. Штукенбергом в 1901 г. выше с. Морквашка Свияжского уезда Казанской губернии // Приложение к ПЗОЕКУ. 1904б. № 227. С 14–16.

Шадрин А.И. Позднеэнеолитическое поселение Мольбище III // Археологические работы 1980–1986 годов в зоне Чебоксарского водохранилища / АЭМК. Вып. 15 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1989. С. 67–78.

Шаландина В.Т. Основные черты лесов Татарии в голоцене // Научные доклады высшей школы. Биология. 1972. № 8. С. 76–80.

Шаландина В.Т. Основные этапы истории растительного покрова Закамской лесостепи Татарии в голоцене // Ботанический журнал. 1981. Т.66. № 1. С. 52–64.

Шаландина В.Т. Влияние хозяйственной деятельности человека на растительной покров Татарии // Ботанический журнал 1985. Т.70. № 6. С. 752–760.

Шаландина В.Т. Субфоссильные споро-пыльцевые спектры хвойных лесов Марийской АССР // Ботанический журнал 1986. Т.71. № 2. С. 215–222.

Шалапинин А.А. О своеобразии волосовской керамики Гундоровского поселения // Культурная специфика Волго-Сурского региона в эпоху первобытности / Науч. ред.: Н.С. Березина, Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2010. С. 135–139.

Шалапинин А.А. Культурно-хронологическое соотношение позднеэнеолитических комплексов Среднего Поволжья. Автореф. канд. дисс. Ижевск, 2011. 25 с.

Шалапинин А.А. Позднеэнеолитические керамические комплексы лесостепного Заволжья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46. № 1. С. 27–33.

Шарафутдинова Э.С. О культурных группах погребений конца эпохи средней – начала поздней бронзы Степного Поволжья // Комплексные общества Центральные Евразии в III–I тыс. до н. э. Региональные особенности в свете универсальных моделей / Отв. ред. Д.Г. Зданович. Челябинск-Аркаим, 1999. С. 159–163.

Шарафутдинова Э.С. Субстратные черты в поволжских погребениях покровского культурного типа // Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина / Ред.-сост. Н.Г. Горбунова. СПб.: ГЭ, 2000. С. 264–275.

Шарафутдинова Э.С. К вопросу о погребальных памятниках эпохи средней бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация / Ред. Ю.И. Колев и др. Самара: СГПУ, 2001. С. 148–153.

Шарафутдинова Э.С. К вопросу о связи погребений покровского культурного типа и срубной культуры // Чтения, посвящен. 100-летию деятельности в Государственном Историческом музее В.А. Городцова: тез. конф / Отв. ред. Н.И. Шишилина. М.: ГИМ, 2003. С. 125–126.

Швецова А.А. Жилища памятников поздняковской культуры Окско-Сурского междуречья // Культурный слой. Вып. 2 / Отв. ред. Е.А. Молев. Нижний-Новгород: ННГУ, 2013. С. 97–109.

Швецова А.А. Морфологические и орнаментальные особенности керамических комплексов поздняковской культуры бассейна р. Кудьма // Международная полевая школа в Болгаре сборник материалов итоговой конференции / Отв. ред. А.Г. Ситдиков. Казань-Болгар: ИА АН РТ, 2015. С. 362–369.

Швецова А.А. Гончарное производство у племен поздняковской культуры на подготовительной стадии: предварительные результаты технико-типологического анализа // Новые материалы и методы археологического исследования: от критики источника к обобщению и интерпретации данных / Отв. ред. В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2019. С. 79–81.

Шевченко А.В. К антропологической характеристике населения Нижнего Поволжья эпохи бронзы (по материалам Старицкого могильника) // СЭ. 1973. № 6. С. 100–108.

Шевченко А.В. Новые материалы по палеоантропологии Нижнего Поволжья (эпоха бронзы) // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека / Отв. ред. И.И. Гохман. Л.: Наука, 1974. С. 123–135.

Шевченко А.В. Антропологическая характеристика населения черкаскульской культуры и вопросы его расогенеза // Современные проблемы и новые методы в антропологии / Отв. ред. И.И. Гохман. Л.: Наука, 1980. С. 136–183.

Шевченко А.В. Материалы по палеоантропологии бронзового века Предкавказья // Кочевники Азово-

Каспийского междуморья / Отв. ред. Т.Б. Тургиев. Орджоникидзе: СОГУ, 1983. С. 83–86.

Шевченко А.В. Палеоантропологические данные к вопросу о происхождении населения срубной культурно-исторической общности // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии / Отв. ред. И.И. Гохман. Л.: Наука, 1984. С. 55–73.

Шевченко А.В. Антропология населения Южно-Русских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР / Отв. ред. И.И. Гохман, А.Г. Козинцев. Ленинград: Наука, 1986. С. 121–215.

Шевченко А.В. Палеоантропология срубников Поволжья в сравнительном освещении // Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье / САИ. В1-10 / Отв. ред. Н.М. Малов. Саратов: Саратовский университет, 1993. С. 101–105.

Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // МИА. № 60 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: Наука, 1959а. С. 323–523.

Шилов В.П. О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье // МИА. № 60 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: Наука, 1959б. С. 11–38.

Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. М.: Наука, 1975. 208 с.

Шилов В.П. К вопросу о связях Поволжья и Кавказа с Трансильванией в начале II тысячелетия до н. э. // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки / Отв. ред. Н.Л. Членова. М: Наука, 1977. С. 88–92.

Шилов В.П. О «полтавкинских» погребениях Южного Приуралья // РА. 1991. № 4. С. 132–144.

Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н. Сидячие погребения эпохи энеолита на территории лесостепного Притоболья // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4 / Отв. ред. И.Н. Васильева. Самара: СГПУ, 2006. С. 186–191.

Шипилов А.В. Энеолит Икско-Бельского междуречья (по материалам поселенческих памятников). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2012. 19 с.

Шипилов А.В. Кузькинская XVII стоянка: атрибуция и хронология // Археология Евразийской степи. 2019. № 2. С. 165–178.

Шитов В.Н. Поселение эпохи бронзы у с. Аким-Сергеевки // Материалы по археологии и этнографии Мордовии / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып.48 / Смирнов А.П. и др. Саранск, 1975: Мордов. Книж. изд-во. С. 165–175.

Шитов В.Н. Эпоха камня и раннего металла в Примокшанье // Материалы по археологии Мордовии. Труды. Вып. 52 / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1976. С. 24–87.

Шитов В.Н. Курганы срубной культуры в Мордовии // Вопросы древней истории мордовского народа / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 80. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1987. С. 5–50.

Шитов В.Н. Балановский комплекс Шокшинского поселения // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 2 / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Ряз. обл., 1992. С. 29–34.

Шитов В.Н. Из истории Среднего Посурья в эпоху бронзы // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье / Отв. ред. М. Ф. Жиганов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1992. С. 22–35.

Шишлина Н.И. О сложном луке срубной культуры // Проблемы археологии Евразии (по материалам ГИМ) / Отв. ред. С.В. Студзицкая. М.: ГИМ, 1990. С. 23–37.

Шишлина Н.И. Текстиль эпохи бронзы Прикаспийских степей // Текстиль эпохи бронзы евразийских степей / Труды ГИМ / Отв. ред. Н.И. Шишлина. М.: ГИМ, 1999. С. 7–57.

Шишлина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.). М.: ГИМ, 2007. 400 с.

Шишлина Н.И., Й ван дер Плихт, Зазовская Э.П., Севастьянов В.С., Чичагова О.А. К вопросу о радиоуглеродном возрасте энеолитических культур Евразийской степи // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4 / Отв. ред. И.Н. Васильева. Самара: СГПУ, 2006. С. 135–147.

Шишлина Н.И., Турецкий М.А., ван дер Плихт Й. Радиоуглеродное датирование образцов из могильника Лебяжинка V эпохи энеолита: верификация и интерпретация данных // Известия СНЦ РАН. 2017. Т. 19. № 3. С. 196–202.

Шишлина Н.И., Хилберт Ф.Т. Евразийские номады и земледельцы эпохи бронзы: проблемы взаимодействия // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э. / Науч. ред. Ю.Ю. Пиотровский. СПб.: ИИМК РАН, 1996. С. 90–92.

Шмидт А.В. Очерки по истории северо-востока Европы в эпоху родового общества // Из истории родового общества на территории СССР / Известия ГАИМК. Вып. 106. Л: Изд-во ГАИМК, 1935. С. 13–96.

Шмидт А.В. Работы на строительстве Пермской гидроэлектростанции. Введение. Район р. Камы // Археологические работы Академии на новостройках в 1932–33 гг. Т.1 / Предисл. И.И. Мещанинов. М.-Л.: Гос. соц. экон. изд-во, 1935. С. 166–175.

Шнеерсон Л.Б. Дюнная стоянка каменного века у озера Глубокого, близь станции М.-К. ж.д. Займища // Труды студенческого кружка любителей природы при Казанском университете. Вып. 1. Казань, 1921. С. 82–91.

Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: Проблемы культурогенеза. Екатеринбург: ИИА УрО РАН. 1999. 181 с.

Штукенберг А.А., Высоцкий Н.Ф. Материалы для изучения каменного века в Казанской губернии // Труды общества естествоиспытателей при Императорском Казанском Университете. Т. XIV. Вып. 5. Казань, 1885. 89 с., 16 табл.

Штукенберг А.А. Материалы для изучения медного (бронзового) века восточной полосы России // ИОАИЭ. 1901. Т. 17. Вып. 4. С. 165–213.

Шутелева И.А., Щербаков Н.Б., Гольева А.А., Луньков В.Ю., Лунькова Ю.В., Леонова Т.А., Орловская Л.Б., Радивоевич М. Результаты интердисциплинарных исследований памятников срубно-алакульского типа Башкирского Приуралья (на примере Казбуруновского археологического микрорайона) // КСИА. 2017. Вып. 246. С. 261–279.

ЛИТЕРАТУРА

Щетенко А.Я. Хронологический аспект контактов земледельцев Южного Туркменистана с племенами степной бронзы евразийских степей // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. / Глав. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдГУ, 2000. С. 260–263.

Элле К.В. Дневники раскопов Балановского могильника (сентябрь-октябрь 1933 г.) // Научный архив ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 583. № 7043.

Юдин А.И. Орловская культура и истоки формирования степного энеолита Заволжья // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара: СамГПУ, 1998. С. 83–105.

Юдин А.И. Многослойное поселение Кумыск на р. Торгун // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Вып. 3. Саратов: Саратовский пед. ин-т, 1999. С. 122–157.

Юдин А.И. Алексеевское городище в г. Саратове // Археологическое наследие Саратовского края: охрана и исследования в 1998–2000 годах. Вып. 4 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга. 2001. С. 22–80.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: СарГУ, 2004. 199 с.

Юдин А.И. Культурное развитие населения Нижнего Поволжья в неолите и энеолите // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 7. Саратов: Научная книга, 2006. С. 3–22.

Юдин А.И. Культурно-исторические процессы в эпохи неолита и энеолита на территории Нижнего Поволжья. Автореф. дисс. … докт. ист. наук. Ижевск, 2006. 46 с.

Юдин А.И. Изменение погребального обряда как отражение социальных процессов в первобытном обществе срубной культуры на примере новых памятников // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VIII / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2007. С. 142–149.

Юдин А.И. Поселение Кумыска и энеолит степного Поволжья. Саратов: Научная книга, 2012. 212 с.

Юдин А.И., Матюхин А.Д. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное. Саратов: Научная книга, 2006. 116 с.

Юминов А.М., Зайков В.В., Коробков В.Ф., Ткачёв В.В. Добыча медных руд в бронзовом веке в Мугоджарах // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 3. С. 87–96.

Юсупов Р.М. Антропология населения срубной культуры Южного Приуралья // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья / Ред. Ю.А. Морозов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1989. С. 127–138.

Юшкова М.В. Памятники культуры сетчатой керамики в Южном Приладожье // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований / Замятинский сборник. Вып. 4 / Отв. ред. Г.А. Хлопачев. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 278–318.

Яблонский Л.Т. Антропология ранненеолитического населения Прикаспия // Древние культуры Северного Прикаспия / Отв. ред. Н. Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1986. С. 94–108.

Яблонский Л.Т. Проблемы палеоантропологии древнейшего населения Среднего Поволжья // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Куйбышев: КГПИ, 1990. с. 77–78.

Яблонский Л.Т. Палеоантропологические материалы к вопросу о формировании уральской расы (меллятамакские могильники) // Материалы к антропологии Уральской расы / Отв. ред. И.И. Гохман, Р.М. Юсупов. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. С. 135–149.

Яблонский Л.Т., Хохлов А.А. Краниология населения ямной культуры Оренбургской области // Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург: Наука, 1994а. С. 116–152.

Яблонский Л.Т., Хохлов А.А. Новые краниологические материалы эпохи бронзы Самарского Заволжья // Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семёнова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племён на Волге. Самара: СамГУ, 1994б. С. 186–205.

Янитс Л.Ю. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская СССР). Таллин. 1959. 382 с.

Ятайкин Л.М., Шаландина В.Т. История растительного покрова в районе Нижней Камы с третичного времени до современности. Казань: КГУ, 1975. 199 с.

Allentoft M.E., et al. Population genomics of Bronse Age Eurasia. In *Nature* 522, 2015, p. 167–172.

Anthony D.W., Brown D.R. The dogs of war: A Bronze Age initiation ritual in the Russian steppes. In *Journal of Anthropological Archaeology* 48, 2017, p. 134–148.

Anthony David W., Brown Dorcas R., Khokhlov Aleksandr A., Kuznetsov Pavel F., Mochalov Oleg D. *A Bronze Age Landscape in the Russian Steppes. The Samara Valley Project*. UCLA Cotsen institute of archaeology, 2016, 513 p.

Ariste P. Vaanimast laanemerlaste pallundusest hoeleliste andmete pohjal. In *Gartu kiikliku ulikooli toimetised* B. 38, Tartu, 1955.

Äyräpää A. Über Streitaxtkulturen in Russland: (Uber die Verbreitung neolitischer Elemente aus Mitteleuropa nach Osten. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua (ESA)* VIII, 1933, p. 1–159.

Bahder O. Zur Erforschung der neolithischen Wohnplätze im Okatale. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua (ESA)* 4, 1929, p. 90–101.

Barhoumi C., Ali A., Peyron O., Dugerdil L., Borisova O., Golubeva Yu., Subetto D., Kryshen A., Drobyshev I., Ryzhkova N., Joanin S. Did long-term fire control the coniferous boreal forest composition of northern Ural region (Komi Republic, Russia)? In *Journal of Biogeography* 47, 2020, p. 2426-2441. DOI: 10.1111/jbi.13922.

Boroffka N. Die Wietenberg-Kultur. Ein Beitrag zur Erforschung der Bronzozeit in Südosteuropa. In *Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie*. Bd 19, teil 2, Bonn, 1994, 149 p.

Carpelan C. Nsimitoitua tekstiilikeramiikkaa Suomesta. In *Suomen Museo* 77. Helsinki, 1970.

Chernykh E.N. *Ancient Metallurgy in the USSR. The Early Metal Age*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1992. 416 p.

Chudjakov M. Die Ausgrabeungen von P.A. Ponomarev in Maklaseevka im Jahre 1882. In *Finnisch-ugrische Forschungen* (*FUF)*. Bd. XVII Helsinki, 1926a, p. 14–26.

Chudjakov M. Die Keramik des begräbnisplatzes im dorf Poljanki. In *Finnisch-ugrische Forschungen (FUF).* Bd. XVIII. Helsinki. 1926б, p. 26–35.

Clarke D. L. *Analytical Archaeology.* Methuen, London, 1968, 684 p.

Danukalova G., Osipova E., Yakovlev A., Yakovleva T. Biostratigraphical characteristic of the Holocene deposits of the Southern Urals. In *Quaternary International* 328–329, 2014, p. 244–263.

Dumpe B. Jauni atzinumi par neolita kläjosäs auklas keramiku. In *Arheologija un etnografija* XXL. Riga: Zinatne, 2003, p. 110–117.

Engel C. *Vorgeschichte der altepreussischen Stämme*. Königsberg: Gräfe und Unzer, 1935, 347 p.

Fages A., Hanghøj K., Khan N., Gaunitz C., Seguin-Orlando A., Leonardi M., ... & Alfarhan A.H. Tracking five millennia of horse management with extensive ancient genome time series. In *Cell* 177, No. 6, 2019, p. 1419–1435.

Gaunitz C., Fages A., Hanghøj K., Albrechtsen A., Khan N., Schubert M., Seguin-Orlando A., Owens I.J., Felkel S., Bignon-Lau O., et al. Ancient genomes revisit the ancestry of domestic and Przewalski's horses. In *Science* 360, 2018, p. 111–114.

Gibbard P. Formal subdivision of the Holocene Series. In *Epoch*, 2018 https://www.qpg.geog.cam.ac.uk/news/formalsubdivisionoftheholoceneseriesgeogr18.pdf

Gimbutas M. A Survey of the Bronze Age Culture in the Southeastern Baltic Area. In *Swiatowit* 23, 1960, p. 389–433.

Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N., Mallick S., Llamas B., Brandt G., Nordenfelt S., Harney E., Stewardson K., Fu Q., Mittnik A., Bánffy E., Economou C., Francken M., Friederich S., Pena R. G., Hallgren F., Khartanovich V., Khokhlov A., Kunst M., Kuznetsov P., Meller H., Mochalov O., Moiseyev V., Nicklisch N., Pichler S. L., Risch R., Guerra M. A. R., Roth C., Szécsényi-Nagy A., Wahl J., Meyer M., Krause J., Brown D., Anthony D., Cooper A., Alt K. W. and Reich D. Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe. In *Nature* 522, No. 7555, p. 207–211.

Jaanusson H. Main Early Bronze Age pottery provinces in the northern Baltic region. In *Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Baltica Stockholmiensia* I. Stockholm, 1985, p. 39–50.

Joukov B. Les modifications chronologiques de la ceramique de certaines cultures de la pierre et du metal en Europe du Nord-Est. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua (ESA)* 4, 1929, p. 61–81.

Karmanov V.N., Zaretskaya N.E., Panin A.V., Chernov A.V. Reconstruction of local environments of ancient population in a changeable river valley landscape (the Middle Vychegda River, Northern Russia). In *Geochronometria* 38, No. 2, 2011, p. 128–137.

Key Felix M., Cosimo Posth, Luis R. Esquivel-Gomez, Ron Hübler1, Maria A. Spyrou, Gunnar U. Neumann, Anja Furtwдngler, Susanna Sabin, Marta Burri1, Antje Wissgott, Aditya Kumar Lankapalli, Eshild J. Vegene, Matthias Meyer, Sarah Nagel, Rezeda Tukhbatova, Aleksandr Khokhlov, Andrey Chizhevsky, Svend Hansen, Andrey B. Belinsky, Alexey Kalmykov, Anatoly R. Kantorovich, Vladimir E. Maslov, Philipp W. Stockhammer, Stefania Vai, Monica Zavattaro, Alessandro Riga, David Caramelli, Robin Skeates, Jessica Beckett, Maria Giuseppina Gradoli, Noah Steuri, Albert Hafner, Marianne Ramstein, Inga Siebke, Sandra Lösch, Yilmaz Selim Erda, Nabil-Fareed Alikhan, Zhemin Zhou, Mark Achtman, Kirsten Bos, Sabine Reinhold, Wolfgang Haak, Denise Kühnert, Alexander Herbig and Johannes Krause. Emergence of human-adapted Salmonella enterica is linked to the Neolithization process. In *Nature ecology and evolution* 4, 2020, p. 324–333.

Khokholova O., Kuptsova L. Complex pedological analysis of paleosoils under kurgans as a basis for periodization of the Timber-grave archaeological culture in the Southern Cis-Ural, Russia. In *Quaternary International* 502, part B, 2019, p. 181–196.

Klimanov V.A. Late-Glacial and Holocene / East European Plain. Chapter 3. In *Cenozoic Climatic and Environmental Changes in Russia, Geological Society of America. Special Paper* 382, 2005, p. 62–66.

Korolev A., Kochkina A., Stashenkov D. The Early Eneolithic burial ground at Ekaterinovsky Cape in the forest-steppe Volga region. In *Documenta Praehistorica* XLVI, 2019, p. 388–397.

Korolev A., Kulkova M., Platonov V., Rosljakova N., Shalapinin A., Yanish E. Archaeological materials of eneolithic settlements in forest-steppe zone of the Volga region: a source for diet and chronology. In *Radiocarbon* 60, No. 5, 2018, p. 1587–1596.

Kriiska A., Lavento M. & Peets J. New AMS-dates of the Neolithic and Bronze Age Ceramics in Estonia: preliminary results and interpretation. In *Estonian Journal of Archaeology* 9, No. 1. Tartu, 2005, p. 3–31.

Kultti S., Väliranta M., Sarmaja-Korjonen K., Solovieva N., Virtanen T., Kauppila T., Eronen M. Palaeoecological evidence of changes in vegetation and climate during the Holocene in the pre-Polar Urals, northeast European Russia. In *Journal of Quaternary science* 18, 2003, p. 503–520.

Lavento M. Textile ceramics in Finland and on the Karelian isthmus: nine variations and fugue on a Theme of C.F. Meinander . In *Suomen Muinaismuistoyhdistuksen Aikakauskirja* 109. Helsinki, 2001, 410 p.

Lavento M., Patrushev V. Sosnovaya Griva 3 – a dwelling site complex in the Mari Republic, in the Middle Volga region. In *Fennoskandia archaeologica* XIII. Helsinki, 1996, p. 71–82.

Lytvynenko R.O. Central European parallels to the Dnieper – Don center of Babyno culture. In *Baltic-Pontic studies. The Ingul-Donets Early Bronze civilization as springboard for transmission of Pontic cultural patterns to the Baltic Drainage Basin 3200–1750 BC*. Vol. 18. Poznań, 2013, p. 122–244.

Mangerud J., Andersen S.T., Berglund B.E., Donner J.J. Quaternary stratigraphy of Norden, a proposal for terminology and classification. In *Boreas* 4, 1974, p. 109–128.

ЛИТЕРАТУРА

Mathieson I, Lazaridis I., Rohland N., Mallick S., Patterson N., Roodenberg S. A., Harney E., Stewardson K., Fernandes D., Novak M., Sirak K., Gamba C., Jones E. R., Llamas B., Dryomov S., Pickrell J., Arsuaga J. L., Bermúdez de Castro J. M., Carbonell E., Gerritsen F., Khokhlov A., Kuznetsov P., Lozano M., Meller H., Mochalov O., Moiseyev V., Roodenberg M. A. R. G. J., Vergès J. M., Krause J., Cooper A., Alt K. W., Brown D., Anthony D., Lalueza-Fox C., Haak W., Pinhasi R., Reich D. Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians. In *Nature* 528, № 7583, 2015, p. 499–503.

Meinander C.F. Die Bronzezeit Finnlands. In *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja* 54. Helsinki, 1954, p. 156–159.

Meinander C.F. Die Kiukaiskultur. In *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja* 53 Helsinki, 1954a, 90 p.

Montelius O. *Die alteren Kulturperioden im Orient und in Europa: I. Die Methode*. Stockholm: Selbstverlag des Verfassers, 1903, 135 p.

Morgunova N., Khokhlova O. Chronology and Periodization of the Pit-Grave Culture in the Area Between the Volga and Ural Rivers Based on 14C Dating and Paleopedological Research. In *Radiocarbon* 55, No. 2–3, 2013, p. 1286–1296.

Morgunova N., Turetskiy M. New finds of wagons of the pit-grave (yamnaya) culture in the Southern Ural region. In *European steppe of Bronze Age: Economy and material culture. 8th EAA Annual Meeting*. Abstracts Book. Thessaloniki, 2002.

Narasimhan V. et al. The Genomic Formation of South and Central Asia. In *Science* (In press).

Nikolova A.V. Radiocarbon dates from the graves of the Yamnaya culture at the Ingulets river (the Kirovohrad region). The foundations of radiocarbon chronology of cultures between the Vistula and Dnieper: 3150–1850 BC. In *Baltic-Pontic Studies* 7, 1999, p. 81–102.

Pälsi S. Tekstiilikeramiikka. In *Suomen Museo.* Helsinki, 1916, p. 66–72.

Patrushev V. Textile-impressed pottery in Russia. In *Fennoscandia archaeologica* IX. Helsinki, 1992, p. 27–39.

Patrushev V. The chronology of the Iron Age of the Middle Volga region. In *Dating and chronology: Fenno-Ugri et slavi 2002*: Papers presented by the participants in the archaeological symposium «Dating and Chronology» 13–14 May 2002 in the National Museum of Finland and 15–17 May 2002 on tour in eastern Finland / *Museoviraston Arkeologian osaston julkaisuja* 10. Helsinki, 2004, p. 75–87.

Patrushev V. The Early History of the Finno-Ugric Peoples of European Russia. In *Studia archaeologica Fenno-Ugrica* 1. Oulu: Sokietas Historiae Ftnno-Ugricae, 2000, 239 p.

Rau P. *Hockergraber der Wolgasteppe*. Pokrowsk, 1928, 64 p.

Rau P. Neue Funde aus Hokergräbern des Wolgadeutschen Gebites. In *Eurasia Septentrionalis antiqua* V. Helsinki, 1929, p. 41–57

Rau P. *Prähistorische Ausgrabungen auf auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926* (Mitteilungen des Zentralmuseums der Aut. Soz. Räte-Republik der Wolgadeutschen Ig.2, 1927, Heft. 1). Pokrowsk, 1927, 79 p.

Sidorchuk A., Panin A., Borisova O., Kovalyukh N. Late glacial and Holocene palaehydrology of the lower Vychegda river, western Russia. In *River Basin Sediment Systems: Archives of Enviromental Change*. Abingdon, 2001, p. 265–295.

Tallgren A.M. *Collection Zaoussailov au Musée historique de Finlande à Helsingfors. Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze*. Vol. I. Helsinki: Commissio des Collections Antell, 1916, 45 p.

Tallgren A.M. *Collection Zaussaïlov au Musée National de Finlande a Helsingfors. Monographie de la section de l'âge du fer et l'epoque dite de Bolgary*. Vol. II. Helsinki, 1918, 71 p.

Tallgren A.M. *Die Kupfer- und Bronzezeit in Nordwestrussland. Die ältere Metallzeit in Ostrussland*. In *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja (SMYA),* XXV, 1911, 229 p.

Uşurelu E. Apariţia şi evoluţia topoarelor-celt cu urechiuşă frontală în epoca bronzului din Europa de Est. In *Revista Arheologică. Serie nouă* Vol. VII, No. 1–2, 2011, p. 47–54.

Wang C-C., Reinhold S., Kalmykov A., Wissgott A., Brandt G., Jeong C., Cheronet O., Ferry M., Harney E., Keating D., Mallick S., Rohland N., Stewardson K., Kantorovich A. R., Maslov V. E., Petrenko V. G., Erlikh V. R.,. Atabiev B. Ch., Magomedov R.G., Kohl. Ph. L., Alt K. W., Pichler S. L., Gerling C., Meller H., Vardanyan B., Yeganyan L., Rezepkin A., Mariaschk D., Berezina N., Gresky J., Fuchs K., Knipper C., Schiffels S., Balanovska E., Balanovsky O., Mathieson I., Higham T., Berezin Ya. B., Buzhilova A., Trifonov V., Pinhasi R., Belinskij A. B., Reich D., Hansen S., Krause J., & Haak W. *The genetic prehistory of the Greater Caucasus*. BioRxiv preprint first posted online May. 16, 2018, 30 p.

Wutke S., Sandoval-Castellanos E., Benecke N., Dohle H.-J., Friederich S., Gonzalez J., Hofreite M., Lõugas L., Magnell O., Malaspinas A.-S., et al. Decline of genetic diversity in ancient domestic stallions in Europe. In *Science Advances* 4, No.4, eaap 9691, 2018.

Zbrujev A.V. Der Wohnplatz von Lipki Gonv. Vladimir. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua (ESA)* 4, 1929, p. 102–115.

Huurre M. The Eastern Contacts of Northern Fennoscandia in the Bronze Age. In *Fennoscandia archaeological* No. III. Helsinki, 1986.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЖ – Антропологический журнал
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия
АР – Археология России
АС – Археологический съезд
АСГЭ – Археологические собрания государственного Эрмитажа
АЭ – Археологическая экспедиция
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
АЭМК – Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола
БАН – Болгарская академия наук
БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет
БГУ – Башкирский государственный университет
БНЦ УрО РАН – Башкирский научный центр Уральского отделения РАН
БСЭ – Большая советская энциклопедия. М.
БФАН СССР – Башкирский филиал Академии наук СССР
ВА – Вопросы антропологии
ВААЭ – Вестник археологии, антропологии и этнографии
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВГГУ – Вятский государственный гуманитарный университет, г. Киров
ВГПИ(У)– Воронежский государственный педагогический институт (университет)
ВД – Вологодская область
ВкА – Вестник антропологии
ВО – Владимирская область
ВОКМ – Вологодский областной краеведческий музей
ВолГУ – Волгоградский государственный университет
ВорГУ – Воронежский государственный университет
ВРГО – Вестник (императорского) Русского географического общества
ВСМ – Государственный объединенный историко-архитектурный и художественный Владимиро-Суздальский музей-заповедник
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей, г. Москва
ГМ РТ – Государственный музей Республики Татарстан
ГОМ – Горьковский историко-архитектурный музей-заповедник
ГОУ ВПО – Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДГУ – Донецкий государственный университет
ЕСВ – Европейский Северо-Восток
ЗОРСА – Записки Общества русско-славянской археологии
ЗУОЛЕ – Записки уральского общества любителей естествознания
ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук
ИГ УНЦ РАН – Институт Геологии уфимского научного центра Российской Академии наук
Изв. АН ЭССР – Известия Академии наук Эстонской ССР
Известия ГАИМК – Известия гос. Академии истории материальной культуры им. Н.Я. Марра.
ИИ АН РТ – Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
ИИ АН ЭССР – Институт истории Академии наук Эстонской ССР
ИИА – Институт истории и археологии
ИИА УрО РАН – Институт истории и археологии УрО РАН
ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии
ИЭ – институт этнографии
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН республики Татарстан
ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР
К(П)ФУ – Казанский (Приволжский) Федеральный Университет
КАМУ–Кабинет археологии Марийского государственного университета
КарГУ – Карагандинский государственный университет
КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экс-

педиция, г. Пермь
КГПИ (У) – Куйбышевский государственный педагогический институт (университет)
КГУ – Казанский государственный университет
КГУ – Куйбышевский государственный университет
КИАМ – Костромской историко-архитектурный музей-заповедник
КИО – культурно-историческая область
ККИ – Куйбышевское книжное издательство
КМВ – Казанский музейный вестник
КНЦ РАН – Карельский научный центр РАН
КО – Костромская область
КОМ – Костромской областной краеведческий музей
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории Материальной культуры
КСИЭ – Краткие сообщение института этнографии
КФАН СССР – Казанский филиал Академии наук СССР
МАВГР – Материалы по археологии восточных губерний России
МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
МарГУ – Марийский государственный университет
МарНИИ – Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева при Правительстве Республики Марий Эл
МАЭ – Марийская археологическая экспедиция
МГОУ – Московский государственный образовательный университет
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИАП – Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола
МИЦАИ – Международный Институт Центральноазиатских исследований
МНИИЯЛИЭ – Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и этнографии
МНКМ – Марийский научно-краеведческий музей
НАНУ – Национальная академия наук Украины
НГДУ – Нефтегазодобывающее управление
НГУ – Новосибирский государственный университет
НИИКИМР – Научно-исследовательский институт краеведческой и музейной работы
НИЧ СамГПУ – научно-исследовательская часть Самарского государственного педагогического университета
НО – Нижегородская область
НЦАИ ИИ АН РТ – Национальный центр археологических исследований Академии наук Республики Татарстан.
ОГАУ – Оренбургский государственный аграрный университет
ОГПИ (У) – Оренбургский государственный педагогический институт (университет)
ОГУ – Оренбургский государственный педагогический университет
ОКАЭ – Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. М.
ПБВ – поздний бронзовый век
ПВЛ – Повесть временных лет
ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
ПГПУ – Пензенский государственный педагогический университет
ПГСГА – Поволжская государственная социально-гуманитарная академия
ПГУ – Пермский государственный университет
ПЗМ – Переславль-Залесский историко-художественный музей
ПЗОЕКУ – протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Казанском университете, г. Казань
ПЗОЕКУ – Протоколы заседания Общества естествоиспытателей при Казанском университете
ПИДО – Проблемы истории докапиталлистических обществ
ППИ – Пермский политехнический институт
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология
РА – Российская археология
РАЖ – Русский антропологический журнал
РАН – Российская академия наук
РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских общественных наук
РБВ – ранний бронзовый век
РМ– Республика Марий Эл
РТ– Республика Татарстан
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СамГУ – Самарский государственный университет
СарГУ – Саратовский государственный университет
СБВ – средний бронзовый век
СГПИ (У) – Самарский государственный педагогический университет
СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет
СГУ – Саратовский государственный университет
СНЦ РАН – Самарский Научный центр РАН
СОИМК – Самарский областной историко-краеведческий музей им. Алабина
СОКМ – Самарский областной музей краеведения
СОМК – Саратовский областной музей краеведения

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СРОО ИЭКА Поволжье – Самарская региональная общественная организация «Историко-экокультурная ассоциация «Поволжье»
СЭ – Советская этнография
ТГГИ – Татарский государственный гуманитарный институт
ТГГПИ – Татарский государственный гуманитарно-педагогический институт
ТГИМ – Труды ГИМ. М.
ТГОМ – Тверской государственный объединенный музей
ТГУ – Ташкентский государственный университет
ТДК – тезисы докладов конференции
ТИЭ – Труды института этнографии
ТОО НИЦИА – Товарищество с ограниченной ответственностью научно-исследовательского центра Института археологии (Казахстан)
Тр. ОЕКУ – Труды общества естествоиспытателей Казанского университета
ТФИА – Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Астана.
ТюмГУ – Тюменский государственный университет
УАВ – Уфимский археологический вестник
УАЭ – Уральская археологическая экспедиция
УдмИИЯЛ УрО АН СССР – Удмуртский Институт истории языка и литературы Уральского отделения Академии наук СССР
УЗ ПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета
УИВ – Уральский исторический вестник. Екатеринбург.
УИИЯЛ – Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
УИИЯЛ – Удмуртский институт истории, языка и литературы, г. Ижевск
УлГУ – Ульяновский университет
УрГУ – Уральский государственный университет
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук
ЧГИГН – Чувашский государственный институт гуманитарных наук
ЧелГПУ – Челябинский государственный педагогический университет
ЧелГУ – Челябинский государственный университет
ЧКМ – Чувашский краеведческий музей
ЧувНИИ – Чувашский научно-исследовательский институт
ЭО – Этнографическое обозрение
ЮУГУ – Южноуральский государственный университет
ЮУрГУ – Южноуральский государственный университет
ЯМЗ – Ростово-Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник
ЯО–Ярославская область
FF – Finska Fornminnesforeningen. Helsinki.
FUF – Finno-Ugrischen Forschungen. Helsingfors
SMYA – Suomen Muinaismuistoyhdistyhsen aikakauskiria. Helsinki

УКАЗАТЕЛИ

Именной указатель

Агапов Д.С. 56, 57
Агапов С.А. 40
Адлер Б.Ф. 494, 601
Азаров Е.С. 587
Айряпяа А. 548
Акимова М.С. 420, 640, 641, 642
Алабин П.В. 601
Алексеев В.П. 647
Аристе П. 567
Архипов Г.А. 166, 256, 469, 585
Ашихмина Л.И. 493, 523, 524, 603

Бадер О.Н. 6, 9, 164, 187, 188, 190, 193, 195, 196, 222, 250, 251, 256, 420, 421, 424, 437, 438, 439, 465, 509, 520, 523, 548, 552, 559, 566, 568, 580, 581, 582, 583, 584
Барынкин П.П. 40, 59, 62
Беговатов Е.А. 140, 256
Березин А.Ю. 128
Березина Н.С. 50, 128, 129
Берсенева Н.А. 381
Бобринский А.А. 548
Большов С.В. 166, 176, 438, 442, 470
Борисова О.К. 33
Бочкарев В.С. 362, 367, 410, 412, 414, 416, 457, 459, 460, 463, 464, 465, 545, 629, 633, 636
Бояркин А.В. 127
Братченко С.Н. 334, 336, 465
Брюсов А.Я. 5, 164, 438, 509, 548, 583
Булычев Н.И. 522, 601
Бунак В.В. 263, 264, 641
Буров Г.М. 222, 223, 227, 234, 236, 237, 240

Вайнер И.С. 127
Ванкина Л.В. 552
Васильев И.Б. 40, 42, 43, 45, 49, 56, 58, 59, 61, 62, 79, 80, 83, 84, 93, 106, 107, 110, 111, 112, 115, 124, 126, 274, 276, 277, 290, 296, 313, 339, 340, 376
Васильев С.Ю. 234
Васильева И.Н. 47, 49, 58, 65, 66, 86, 90, 114, 116, 124
Васкс А.В. 551
Вискалин А.В. 119, 127, 128, 130,
Вихляев В.И. 208, 572
Воеводский М.В. 580
Волкова Е.В. 426, 470, 479, 481, 482
Волкова Е.Н. 439, 440
Воронин К.В. 469, 552, 568, 586
Выборнов А.А. 60, 106, 128, 181, 208, 220
Высоцкий Н.Ф. 522, 580, 601

Габяшев Р.С. 8, 84, 106, 107, 140, 141, 190, 195, 256
Гаврилова И.В. 552, 583
Гадзяцкая О.С. 433, 552, 558
Галимова М.Ш. 128, 133, 154, 494, 587, 596, 619
Гей А.Н. 313
Генинг В.Ф. 523, 584, 602, 637
Герасимов М.М. 263, 641, 642
Герасимова М.М. 642
Гершкович Я.П. 636
Гиря Е.Ю. 230
Голубева Ю.В. 33
Гольмстен В.В. 40, 58, 272, 395
Горащук И.В. 49, 50, 59
Горбунов В.С. 362, 376, 444
Городцов В.А. 5, 6, 163, 250, 272, 395, 469, 548, 550, 551, 580
Горюнова Е.И. 580, 581, 601
Гохман И.И. 264
Граудонис Я. 551
Гурина Н.Н. 6, 552, 560, 582, 583, 584

Давидович А.В. 581
Данукалова Г.А. 26
Дебец Г.Ф. 263, 638, 642, 647
Дегтярева А.Д. 75
Денисов В.П. 256, 483, 485, 523, 602, 631
Дмитриевский С.М. 585
Дремов И.И. 41, 59

Епимахов А.В. 346
Епимахова М.Г. 346
Ефименко П.П. 580, 581
Ефимова А.М. 581

Жилин М.Г. 556, 585
Жуйкова И.А. 21
Жуков Б.С. 548, 580, 581, 584

Зайцева Г.И. 248
Залесский И.И. 494
Заусайлов В.И. 420, 522
Збруева А.В. 8, 140, 143, 146, 162, 509, 522, 523, 524, 580, 581, 582, 583, 591, 601, 602

Иванов А.П. 494
Иванов В.А. 602, 603, 631
Иванова Н.Г. 21
Иессен А.А. 250
Ишмуратова Г.Р. 569

Каверзнева Е.Д. 480
Казаков Е.П. 381, 527, 584
Калинин Н.Ф. 140, 494, 523, 581, 602
Канивец В.И. 249, 493
Карпелан К. 548, 568
Каховский Б.В. 421
Каховский В.Ф. 128, 420
Качалова Н.К. 274, 276, 290, 296, 298, 335, 372, 376
Кияшко А.В. 297, 316, 317, 327
Ковалюх Н.Н. 181
Кожин П.М. 439
Колев Ю.И. 17, 524, 533, 578, 579, 585
Колодешникова Т.В. 166
Коноваленко А.В. 129
Коробкова Г.Ф. 292
Королев А.И. 8, 17, 62, 64, 80, 83, 127, 128, 135, 166, 176, 179, 208, 214, 219
Косарев М.Ф. 484
Косинская Л.Л. 237
Косинцев П.А. 348, 416
Косменко М.Г. 552, 568
Крайнов Д.А. 433, 438, 469, 552, 558, 566, 583
Краснов Ю.А. 566
Кренке Н.А. 480
Кривцова-Гракова О.А. 395
Кротов П.И. 522, 580, 601
Кудрявцев П.П. 250
Кузнецов П.Ф. 11, 290, 296, 440,

520, 638, 640
Кузьмина Е.Е. 273
Кузьмина О.В. 14, 334, 376, 440, 442
Кузьминых С.В. 18, 141, 179, 218, 414, 473, 585, 586, 587, 602, 603, 612
Кулькова М.А. 288
Купцова Л.В. 378
Курманов Р.Г. 26
Куфтин Б.А. 208, 509

Лавенто М. 567, 587
Лаптев Н.В. 494
Лапшин А.С. 378
Лебединская Г.В. 642
Лесков А.М. 636
Либеров П.Д. 339
Литвиненко Р.А. 13, 316, 328, 331, 336
Лихачев А.Ф. 601
Лихачев Н.П. 601
Лозе И.А. 551
Лопатин В.А. 318, 378
Лопатина О.А. 548, 569, 587
Лузгин В.Е. 493
Лыганов А.В. 17, 18, 381, 494, 567, 587
Лычагина Е.Л. 207

Малов Н.М. 40, 49, 56, 58, 297, 339, 344, 345, 396, 397, 408
Мангеруд Я. 20
Марков В.Н. 469, 585, 603
Марр Н.Я. 5
Мартьянов В.Н. 582
Марьенкина Т.А. 509
Массон В.М. 295
Матвеева Л.П. 422
Матюхин А.Д. 377
Матюшин Г.Н. 193
Мейнандер К.Ф. 548, 582
Мельник В.И. 296
Мельничук А.Ф. 17, 187, 234, 252
Мендиаров Л.Я. 581
Мерперт Н.Я. 59, 274, 275, 276, 284, 288, 290, 291, 295, 296, 372, 446, 639
Мимоход Р.А. 13, 298, 315, 346
Митряков А.Е. 17
Михайлова Л.А. 557, 584
Михеев А.В. 470
Монтелиус О. 5, 7
Моргунова Н.Л. 8, 11, 43, 58, 59, 61, 62, 65, 83, 106, 107, 110, 112, 114, 115, 141, 274, 275, 277, 298
Морозов Ю.А. 376
Мочалов О.Д. 371, 378
Мухаметшин Д.Г. 140
Мыськов Е.П. 296, 377

Наговицин Л.А. 187
Напольских В.В. 586
Немкова В.Н. 26
Нефедов Ф.Д. 522, 601
Никитин А.Л. 552, 559, 560, 582, 584
Никитин В.В. 6, 83, 165, 166, 167, 176, 179, 180, 256, 438, 470, 481, 585
Никитина Т.Б. 469
Никифорова Л.Д. 34, 37, 38
Нордквист К. 262

Обыденнов М.Ф. 372, 523, 524, 603, 637
Овчинникова Н.В. 83, 93, 108, 110, 112
Орехов В.Ф. 395
Орловская Л.Б. 141
Отрощенко В.В. 350
Ошибкина С.В. 207

Патрушев В.С. 18, 166, 469, 554, 584, 585, 586, 587, 593, 599
Пахомова О.М. 21, 34
Пенин Г.Г. 106
Перевощиков С.Е. 483, 487
Пестрикова В.И. 40, 61
Петренко А.Г. 156, 567, 596
Петров М.П. 420
Погорелов В.И. 376
Подобед В.А. 636
Полесских М.Р. 469, 480, 572
Пономарев П.А. 494, 601
Попова Т.Б. 480, 509, 515, 518, 519, 520, 559, 566, 573, 579, 583
Потемкина Т.М. 397, 401
Припадчев А.А. 378
Прокошев В.А. 195
Пряхин А.Д. 442

Рау П.Д. 272, 296
Рафикова З.С. 381, 621
Решетников Н.Л. 483, 486, 487
Рыков П.С. 272, 296, 395

Салугина Н.П. 291
Сальников К.В. 273, 467, 484, 523, 525, 602
Санжаров С.Н. 334
Сафонов Б.А. 581
Селезнёв Ф.Я. 580
Семенов С.А. 6, 548, 583
Семенова А.П. 376, 377
Сидоров В.В. 83, 128, 208, 220, 586
Сизов В.И. 580
Синицын И.В. 272, 339
Синюк А.Т. 62, 80, 376
Скакун Н.Н. 75
Смирнов А.А. 509
Смирнов А.П. 420, 523, 548, 581, 583
Смирнов В.И. 560
Смирнов К.А. 586
Смирнов К.Ф. 272, 273
Смолин В.Ф. 442, 580, 581, 601
Совцова Н.И. 584
Соловьев Б.С. 11, 13, 18, 166, 167, 179, 204, 420, 421, 437, 438, 439, 440, 469, 470, 473, 475, 476, 478, 481, 482, 494, 554, 578
Спиридонов И.А. 254
Спицын А.А. 550, 551, 580, 584
Спрыгина Н.И. 127
Ставицкий В.В. 8, 11, 13, 17, 43, 50, 59, 62, 73, 83, 84, 107, 111, 127, 128, 130, 208, 219, 421, 438, 439, 440, 470, 473, 475, 479, 480, 481, 482, 572
Старостин П.Н. 106, 140, 146, 195, 554, 560
Степанов П.Д. 339, 340, 420, 422, 428, 437
Стоколос В.С. 222, 223, 230, 234, 236, 237, 241, 245, 246, 247, 248, 401, 493
Стоянов В.Е. 167
Сулержицкий Л.Д. 183, 586
Сухорукова Е.П. 297, 298
Сыроватко А.С. 587

Телегин Д.Я. 161, 288
Тимофеев В.И. 248
Тихонов-Микусь И.Т. 420
Ткачев В.В. 298, 314, 317, 318, 339
Третьяков В.П. 127, 134, 135, 165, 166, 208, 220, 551, 584
Третьяков П.Н. 164, 166, 179, 420, 438, 552, 568, 583
Трифонов В.А. 277
Трубникова Н.В. 420, 548, 582
Турецкий М.А. 59, 274, 277, 296

Уваров А.С. 250, 509
Уваров П.С. 250
Усачук А.Н. 636

Фадеев Ф.Г. 40
Федорова-Давыдова Э.А. 273
Филипченко А.А. 297
Фоломеев Б.А. 509, 548, 550, 578, 584, 586
Фосс М.Е. 5, 164, 548, 568, 582

Халиков А.Х. 6, 83, 106, 127, 130, 133, 140, 164, 165, 166, 167, 176, 179, 180, 184, 372, 469, 473, 480, 481, 494, 495, 497, 501, 502, 503, 506, 509, 513, 515, 523, 529, 564, 569, 573, 581, 582, 583, 584, 585, 587, 602, 608, 612, 613, 616, 617, 619, 631, 633, 637
Халикова Е.А. 437, 469
Херва В.-П. 262
Хотинский Н.А. 20
Хохлов А.А. 59, 283, 314, 366
Хохлова О.С. 71
Худяков М.Г. 601, 602
Цалкин В.И. 147
Цветкова И.К. 5, 164, 509, 560
Цетлин Ю.Б. 181

Цимиданов В.В. 636
Циркин А.В. 572

Челяпов В.П. 208, 421, 509, 518, 521, 572
Чередниченко Н.Н. 636
Чернай И.Н. 568
Черников В.Ф. 509, 555, 582, 584
Черных Е.Н. 8, 141, 142, 161, 193, 273, 307, 393, 395, 397, 410, 438, 442, 502, 566, 576
Черныш Е.К. 162
Черняков Н.Г. 309
Чижевский А.А. 8, 18, 141, 256, 381, 489, 587, 603, 615
Членова Н.Л. 602, 603, 631
Чубарова Р.В. 166
Чугунов С.М. 263

Шадрин А.И. 166
Шакулова Л.Д. 585
Шаландина В.Т. 27, 28
Шалапинин А.А. 83, 110, 135
Шарафутдинова Э.С. 316, 335
Швецова А.А. 510, 515, 517
Шевченко А.В. 644, 645, 647
Шилов В.П. 274
Шипилов А.В. 8, 106
Широбокова Н.Ф. 483
Шитов В.Н. 127, 421, 572, 579
Шишкин И.В. 601
Шмидт А.В. 195, 601, 602
Шокуров А.П. 381
Шорин А.Ф. 484
Штукенберг А.А. 522, 580, 601

Эйряпя А. 582
Элле К.В. 420

Юдин А.И. 42, 59, 61, 62, 377

Яблонский Л.Т. 263, 264
Ятайкин Л.М. 27, 28

Указатель археологических памятников и географических названий

Абаснурская 444
Абашево 297, 308, 421, 422, 444, 446, 447, 454, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 641
Абашево II 308, 422
Абашевское I поселение 421, 422, 425, 426, 434, 437
Аблязовский курган (Аблязово) 421, 422, 425, 426, 434, 437
Абора 582
Аверьяновка 297, 311
Агидельское поселение 532
Азануй, поселение 443, 444, 447, 454, 455
Азарапино 209
Аитовское поселение 368, 371
Айюва II 223, 224, 225, 229, 232
Акали 582
Акашевская 444
Ак-жунас, могильник 58
Аким-Сергеевское поселение 572, 573, 574, 576, 579
Акозинская стоянка 495, 578, 599
Акозинское поселение 383, 388, 394, 494, 496, 500, 509, 510, 513, 514, 515
Алатайкино 421, 434, 440
Алатайкино XII 165
Алатырь 128, 444, 454
Алгаши, могильник 444, 458, 460, 461, 462, 464, 467, 463, 465, 444, 463
Алеевский 443
Алекановская стоянка 509
Александрия, могильник 269
Алексаново 510
Алексеевская стоянка 107, 111, 129, 554, 556
Алексеевский II могильник 354
Алексеевский могильник 13, 363, 373
Алексеевское городище 328, 396, 398, 404, 408
Алексеевское поселение 137, 387, 406, 414
Алмазовка 443
Аловский I могильник 388
Алтата, стоянка 41, 129
Алферьевское поселение 572, 573
Альметьевский могильник 391
Альмухометовский I могильник 443, 444
Амня I 236
Амня Ia 191, 239
Ананьино 611
Ананьинская дюна 443, 454, 601, 612, 629
Ананьинская стоянка 601
Ананьинский могильник 454, 601
Андреевка поселение 573
Андреевка, курганный могильник 297, 423
Андреевский курган 420
Анинское поселение 421, 439
Апастово 612, 621, 629
Арбашский л/з 255
Аркуль III 129
Аркуль IV 251
Асве 582
Астраханцевское поселение 202, 204
Атабаево, стоянка у села 601
Атабаевская I стоянка 602, 605
Атабаевская II стоянка 602
Атабаевская III стоянка 602
Атабаевская IV стоянка 602
Атабаевская V стоянка 556
Атабаевская VI стоянка 556
Атабаевская VII стоянка 496
Атабаевское поселение 401
Атаманнюр, поселение 482
Атлашкинская стоянка 554, 556
Атликасинские курганы 420, 426
Атликасы, могильник 420, 421, 422, 423, 426, 428, 439, 441
Ахмеровский II могильник 444, 465
Ахмыловское I поселение 582
Ахмыловское II поселение 11, 12, 129, 155, 165, 166, 167, 173, 176, 178, 179, 180, 181, 182, 252, 255, 256, 422, 428, 440, 477
Ахмыловское поселение 554, 556, 559, 560, 562, 564, 565, 566, 570, 589, 590, 593, 594, 595
Ахунское I городище 480
Ахунское II городище 480
Ачинское городище 421
Б. Ошья 443
Баглино 443, 454
База отдыха II, поселение 551, 554, 556, 557, 560, 561, 562, 567, 589, 591, 594, 595, 599
Базов Бор 207, 255
Базов Бор I 198
Базяково 421, 422, 439
Базяковский III могильник 14, 502, 506
Баишево IV 443, 444, 446, 447, 461, 462, 464, 465
Бакрчи 454
Балабаш-Нурусово 422, 439
Баланбаш, поселение 444, 447, 449, 451, 455, 461, 466
Балановский могильник (Баланово) 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 431, 432, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441
Балахчинская стоянка 613
Балдаево 421, 422
Балкин Хутор 297
Балымская (Отарская) стоянка 522, 529
Балымский могильник 525, 533, 539, 541, 607, 631, 636
Балымское (Большеотарское I) поселение 394, 529, 533, 541, 542
Балынгузские (Торецкие) курганы 387, 392
Барановка 322, 328
Барановка I (Барановский I) 318, 332, 333
Бардицы, поселение 421, 422, 587
Барковская 510
Баркужерское III поселение (Барские Кужеры III) 129, 165, 166, 172, 176, 177, 178, 180, 181, 183
Баркужерское IV поселение 620
Барские Кужеры I 165
Барские Кужеры II 129, 165
Барышников Хутор 273, 282, 284, 285, 287
Бас I 40
Басалаевский 444
Басенький Борок, поселение 193, 251, 255, 257
Бахмутино 460
Бахтияровка 317, 327, 329, 336, 337

Бахчинский клад 370, 372
Бачки-Тау II 129
Безводнинское поселение 510, 554, 559, 560, 562, 564, 565, 566, 570, 584
Безводное 13, стоянка 585
Безводное I 510, 517
Безыменное I, селище 398
Безыменное II, селище 398, 417
Белавка, поселение 127, 128, 129
Белогорское I 328, 340
Белозерка I 443
Белозерки 443
Белозерский лиман 398
Белокаменка 317, 321, 329
Бельский Шихан (Саузовское), городище 601
Береговая 12
Береговая VI 12, 255, 259
Береговский могильник 444, 446, 464, 465
Береговское I поселение 362, 371, 444, 447, 460, 461, 465
Береговское II поселение 371, 444, 447, 458, 461
Береговское поселение 368, 371
Бережновка I 41, 53, 79, 273, 275, 297, 300, 301, 303, 304, 310, 317, 319, 322, 323, 324, 326, 328, 329
Бережновка II 41, 43, 273, 297, 301, 303, 304, 311, 317, 319, 326
Бережновские курганы 284
Березенки 443, 444, 454
Березки V 537
Березняк, поселение 573
Березняки 273
Березовая Слободка II–III 440, 482
Березовка-Омары, могильник 14
Березово 570
Березовогривская I стоянка 388, 496, 535, 538, 587, 594, 622
Березовогривская II стоянка 553, 556
Березовогривская IV стоянка 496
Березовогривская островная стоянка 622
Березовогривский II могильник 618, 624, 626, 627
Березовый рог, могильник 509, 510, 518, 520
Бернашовка 162
Бессоновская пристань, стоянка 553, 556
Бетьки, могильник 391
Бикнаратская стоянка 554, 556
Билярск 443, 454
Бирск, курган 443, 444, 454
Битюковский могильник 509, 510, 512, 519, 520, 566
Благовещенский клад 398
Близнецы, курганная группа 273, 314
Богатыревский клад 370, 372
Боголюбовский курганный могильник 368, 370, 372, 373
Богородское 444, 454
Богуслав, селище 398
Бойцово I 187, 188, 190, 194
Бойцовское IV 251
Бойцовское VI поселение 200, 201, 255, 257
Бойцовское VII поселение 11, 251, 254, 255, 475
Болбан-ю 242
Болгары 431, 443, 454
Болгояры 612
Болдырево 285, 302, 309, 310, 311
Болдырево I (Болдыревский I), могильник 13, 273, 284, 290, 297, 301, 310, 363
Болдырево II (Болдыревский II), могильник 297
Болдырево IV 273, 295
Большая Гора, поселение 166, 172, 182, 184
Большая Дмитриевка II 328
Большая Ока 255
Большая Ока I, поселение 199, 200, 201
Большая Песочница 560
Большая Раковка I, стоянка 63
Большая Раковка II, стоянка 41, 43, 102, 107, 109, 110, 121, 124, 129, 340
Большая Тарка II 556
Большеалгашинское городище 470
Большекараганский 643
Большеотарский I могильник 614, 613, 614, 615, 616, 617
Большеотарский могильник 533, 539
Большеотарское I (Балымское) поселение, стоянка 526, 607, 613, 617
Большепуяльский 444
Большераковская II стоянка 112, 116, 118
Большераковское II (Больше-Раковское II) поселение 65, 72, 74, 79, 80
Большие Алгаши 470
Большие Болгояры 611, 621, 629
Большие Кокузы 611
Большие Мими 422, 439
Большие Ялычики 431, 436
Большое Тайбердино 421, 422
Большое Туманово I 557
Большое Фролово 544, 611
Большое Янгильдино 420, 444
Большой Бугор 522
Большой Дедуровский Мар 340
Большой Колояр 208, 209, 212, 214, 219
Большой Лес 2, могильник 255
Бор I 195, 196, 198, 200, 202, 205, 206, 250
Бор II 187
Бор III 187, 188, 189, 190, 191
Бор IV 187, 188, 191, 192, 194
Бор V 187, 190
Борань 469, 553, 560
Борисоглебская стоянка 587, 594, 595, 596
Борисоглебский могильник 512, 513, 518, 519, 520, 566
Борисоглебское поселение 586, 587, 589
Борки II 220
Бор-Лёнва, местонахождение 14, 493
Борма 411, 544
Боровое Озеро I, стоянка 146
Боровое озеро II 194, 195, 207
Боровое озеро III 194, 195, 207
Боровое озеро IV 187, 192, 207
Боровое озеро VI 187, 188, 189, 193
Бородаевка 297, 300, 305, 310, 311, 312, 314, 317, 320, 322, 324, 326, 329, 330
Ботай 10, 12, 643
Брюнн-Пшедмость 638
Бугор Степана Разина 340
Бугулы, поселение 18
Буинский уезд 611
Буй I 421, 422, 440, 475
Буй II 421, 422, 440
Буланово, могильник 643, 644
Булькуновка 443
Буранчи I 273
Бургуста I, курганные могильники 327
Бурлук I 324
Бурнашево 611
Буровая XXII 297, 313
Бурундуки, поселение 385
Бухта Находка 236, 239
Быково 272, 300, 323, 329
Быково I, курганный могильник 273, 297, 309, 312, 314, 317, 326, 334, 335, 398, 403, 408, 639
Быково II 273, 317
Быково III 370
Быковские курганы 284, 297
Вад I 223, 230
Ваднюр I 237, 241, 244, 247, 248
Варварино 439
Варжа 223, 230
Варзарино 422
Варненский некрополь 161
Варфоломеевка I 370
Васильевский клад 370, 372
Васильсурск II 420, 421, 423, 430, 431, 435, 439, 470, 471, 472, 478, 479, 482
Васильсурское V городище 421, 434, 440, 469, 471, 472, 478, 479
Васильсурское городище 444, 454
Васильсурское поселение 433
Васюково II, поселение 195, 255, 257, 492
Васюковский могильник 444, 460, 464
Вауловский могильник 436
Вашутинская стоянка (Вашутино)

560
Ваютино, клад 519
Вёкса I–III (Векса I–III) 560
Векса, стоянка 155
Велетьминовская стоянка 585
Велетьминская 510
Великоозерская I стоянка/поселение 557, 559, 563, 564, 565, 566, 570, 584
Великопольский 444
Венгерово-3 255
Венера I 443
Венецкий II 557
Вертолетное поле 275
Верхнеакташский могильник 393
Верхне-Биккузинское поселение 370
Верхне-Кизильский клад 443, 444, 448, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 464, 465
Верхне-Погромное 273, 297
Верхние Ачаки 421, 423, 426
Верхние Ачаки II 422
Верхний Балыклей 297, 317, 318, 319, 321, 323, 324, 326, 328, 329, 370
Верхний Карабут-2 279
Верхняя Алабуга, могильник 148
Веселый, курганные могильники 327
Вигайнаволок I 255, 259
Видра 162
Визяха, стоянка 492
Виледь-1, разрез 35, 36, 37
Виледь-II 35, 36
Виловатовская стоянка 63, 75, 106, 107, 112, 123, 126, 129
Виловатовский I могильник 444, 466
Виловатовский II могильник 444, 448, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466
Виловатовское поселение 62, 65, 76, 80
Виловатое 109
Вильялы 444, 462, 464
Винная Богдановка 370
Вис I 15, 222, 223, 227, 237, 242
Вис II 16, 222, 223, 227, 231, 233, 237, 242
Вис III 222
Витьюмская стоянка 554, 556
Вихляный Овраг 370
Владимировка 273, 297, 299, 301, 306
Владимировка II 340, 346
Владычино 164, 510
Власовский I 328
Воймежное 443, 440, 11
Войможное I 129, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 217, 218, 219, 220, 221, 257
Войнаволок 11
Волгапино 129, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 217, 218, 219, 220, 221, 257
Волжская стоянка 594, 595
Волжский могильник 297, 301, 304, 305, 310, 314, 316, 317, 319, 321, 326, 370
«Волна», местонахождение 554, 556
Володары 129, 164, 184, 263
Володары IV стоянка 469, 470, 557
Волоконное 172, 181, 182
Волосово 129, 510, 524
Волосово-Даниловский могильник 427, 435, 436, 437, 438
Волосовская дюна 557, 558, 580
Волосовская стоянка 164, 250, 509, 580
Волосовское II поселение 580, 583, 592
Волчаны 457
Вольск-Лбище 328, 334, 364
Вольское городище 339, 340, 341, 342, 363
Волютино 510
Вомынъяг I 223
Воронковский могильник 437
Восточно-Курайли I 317, 325, 336
Вотча-1, разрез 33, 34, 35, 36, 37
Выжумская II стоянка 129, 166, 176
Выжумская VII 165
Выжумское II поселение 165, 166, 167, 179
Выстелишна, поселение 187, 193, 194, 200, 204, 206, 207, 251, 255, 257, 258, 259, 485
Вязов Дол 443, 454
Гаврилково 553
Гавриловка 129, 164, 510
Гаврилово 647
Гавриловская стоянка 642
Гагарское I поселение 152, 251
Гагарское II поселение 251
Гагарское III поселение 11, 194, 251, 255
Галанкина Гора, памятник 179, 180, 182, 420, 421, 422, 423, 424, 440, 469, 470, 471, 475, 478, 479, 481
Галичский клад 443, 448, 454, 460, 462
Галово II 222, 223, 224, 225, 227, 229, 232, 234, 252
Гвардейцы II 273, 281, 290, 306, 308, 639
Геологическое III 254, 255
Георгиевка 370
Герасимовка I, могильник 273
Герасимовка II, могильник 273, 279, 287, 293, 286
Герасимовский 297
Гигошти, поселение (Трудешти) 162
Гладунино I, могильник 148
Глубокое озеро 443, 496
Глубокое озеро II, селище 417, 398, 492, 493
Глухое озеро 573
Головниха 254
Горбатый мост 332
Горбуновский торфяник 10, 12, 443, 454
Горкинский могильник 436
Горный Шумец 165
Горный, селище 368, 370, 371
Городище, стоянка 554, 556
Городищенское городище 544
Городок IV, поселение 9
Грабово I, поселение 127, 128, 129, 130, 132, 208, 209
Грабово III 209
Грахань, городище 431, 436, 581, 601
Грахань, поселение 556
Грачев Сад, селище 398, 399
Грачевка (Оренбургская обл.) 273, 286
Грачевка I 306, 317
Грачевка II (Самарская обл.) 273, 280, 284, 317, 319, 325, 333, 334, 347, 348, 350, 351, 353, 354, 361, 640
Гремячий II 328
Гремячий Ключ 443, 454
Григорьевка I, селище 396, 402, 416, 417, 398, 404, 407, 411, 415, 399
Гришкинский Исток III, поселение 596
Грязнуха 621
Губари 328
Губцевский могильник 437
Гулькин Бугор (Гулькинская стоянка) 105, 140, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 162, 581, 589, 591, 596, 611
Гулькинская I стоянка 605, 606, 609
Гулькинский II могильник 8, 140, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 157, 160, 161, 162
Гулюковская I стоянка 390, 392, 535, 544, 546, 633
Гулюковская II стоянка 390, 393
Гулюковская III стоянка 392, 393, 399, 537, 542, 604, 607, 611, 612, 613, 614, 616, 619, 624, 631
Гулюковский могильник 626
Гундоровский (Гундоровка) могильник 48, 269
Гундоровское (Гундоровка) поселение 32, 41, 43, 46, 48, 49, 50, 60, 63, 64, 65, 72, 83, 84, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 103, 104, 105, 107, 108, 117, 118, 123, 124, 126, 129, 182, 269, 339, 340, 343, 346, 480, 535, 633
Гыркасъёль 223, 237, 241, 246
Давлеканово, поселение 62, 63, 65, 129
Давлеканово, стоянка 61, 76
Давлекановский могильник 370

Давыдовка 297
Дальшино 573
Даньдор, поселение 223, 224
Дарьинское 297
Девичий городок III, могильник 389
Девичий Городок IV, могильник 618, 624, 626, 627, 630, 633
Девичий городок, могильник 386, 387
Девлезери 443, 454
Девликеево 611, 620
Дедуровский Мар 295
Дербеденевский (Дербеденьский) клад 412, 522, 533, 542, 544, 545, 612, 630
Дербешкинское погребение 618, 624, 627
Деревянное I 255
Дериевский могильник 81
Деуковская стоянка / Деуковская I стоянка / Деуковское поселение 390, 392, 523, 528, 531, 532, 534, 536
Деуковский / Деуковский I могильник 393, 523, 525, 52, 528, 539
Джалыково 297
Дикариха, могильник 563, 567, 582
Дикариха, поселение 557, 558, 559, 564, 565, 566, 570
Дмитриевка 329
Дмитриевская слобода 510
Дмитриевско-Слободское городище 558
Дмитрова Слобода II 509, 510
Доброй Надежды, мыс 209
Добрынин остров 510
Долгая гора (Куштау), клад 444, 448, 456, 458, 460, 461
Долгий Ельник 77
Донгуз II 273
Досаево 444
Досаевские курганы 420
Досанг стоянка 40
Досанг, поселение 314
Доскинские 557
Дружный I 255
Дубовляны 422, 431, 436, 440
Дубовогривская II стоянка / II Дубово-Гривская стоянка / Дубовая Грива II 106, 129, 203, 204, 205, 218, 252, 390, 392, 393, 483, 485, 486, 488, 489, 490, 491, 523, 525, 536, 537, 538, 544, 611, 617, 620, 622
Дубовские VIIIa, XXIV 165
Дубовский III 181
Дубовское IX поселение 170
Дубовское VIII поселение 170, 173, 181
Дубровичи 220, 510
Дятловская 587
Ёвдино II 237, 242
Ёвдино III 223, 224, 229
Евстратовский II 328, 329
Екатерининский (Екатериновский) Мыс, могильник 58, 63, 161, 264, 265, 267, 411
Екатериновка 209, 273, 397, 403, 405, 412, 470, 480, 526, 539, 546
Екатериновское II поселение 133, 221, 480
Екатериновское городище 469
Елабуга 443, 454, 546
Еленовско-Ушкаттинские месторождения 502
Еловка II, могильник 406
Елховка 573
Елховка II, селище 398, 399, 406, 411, 412, 415, 416
Елшанка XI, стоянка 119, 128, 129
Елшанская стоянка 75, 107, 112, 123
Еникеево I, II III 165
Ердовская стоянка 601
Ерзовка II 396
Ерзовское I селище 398, 400, 401
Ерзовское поселение 637
Ерня 129, 573
Ерумбальская III стоянка 178, 180, 252
Ерумбальская стоянка 554, 556
Ерыклинский клад 389, 392
Ефановская II стоянка 558
Ефановский могильник 558
Ефановское I 510
Ефановское поселение 580
Ефимовка IV 273
Жабино 573
Жаман-Каргала I 273
Жаман-Каргала, курганный могильник 287
Жареный бугор 328
Же-Калган 297, 340
Желнино IV 557
Жуковское IV поселение 556, 562, 564, 565, 570
Жуковка IV, стоянка 585
Журавка I, поселение 396, 400, 402, 416
Журавка I, селище 398
Журавлиха I 273, 317
Журов 297
Жутово 297
Жутово I 322
Забойное I 255, 612
Забойное поселение 202
Заборное озеро I 196
Задоно-Авиловский курганный могильник 263
Займищенская I стоянка 553, 556, 581
Займищенская II стоянка (Займище II) 494, 496, 497, 501, 502, 581, 602
Займищенская III стоянка (Займище III) 17, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 553, 559, 561, 564, 565, 596, 601, 637
Займищенская IIIa стоянка 556, 581
Займищенская IV стоянка 553, 556, 564
Зайчишминская I стоянка 621, 629, 635
Зайчишминская стоянка 390, 392, 532
Залавруга IV 254
Заливский 297
Зандакский могильник 635, 636
Заосиново I 196, 201, 255, 258, 475
Заосиново IV могильник 14, 490
Заосиново VII поселение 483, 484, 485, 486, 489, 490, 492
Западные могилы 317, 319, 321, 326, 329
Зарецкое 165
Засеченский курганный могильник 512, 513, 516, 518, 519, 520
Засеченское I, II 510
Затон 195
Заюрчимское I (Заюрчим I) поселение 195, 204, 206, 255, 256, 257, 258, 259, 458, 613, 614
Заячий Городок (Заячий Городок I) 470, 471
Зверево 187, 188, 190, 191, 192, 194
Зеленовская II стоянка 582
Зеленовская стоянка 388
Земетчинское поселение 209, 572
Земское 443, 462, 464, 466
Золотая Балка 155
Золотая Гора, курганный могильник 368, 370, 377
Золотая падь II, стоянка 106, 203, 205
Золотой Курган 273
Зуевоключевская III стоянка 532
Зуевоключевская стоянка 523, 617
Зуевоключевское I (Зуевы Ключи) городище 26, 490, 631
Зуево-Ключевское II поселение 483, 485, 487, 489, 490, 534
Зуево-Ключевское поселение 480
Зуевоключевской (Зуево-Ключевский) могильник 469, 473, 480
Зуевоключевской II могильник 490
Ибердус I, стоянка 208, 209, 220, 480
Ибердус II 510
Ибердус III 510, 520
Ибердусовское 519
Ибрагимово III 443
Ибракаевский клад 370, 372
Ивановка I 62, 443
Ивановская дюна 43, 58
Ивановская стоянка 41, 43, 58, 106, 107, 112, 114, 115, 123, 126, 129
Ивановский Бор X 587, 622, 623
Ивановский могильник 62, 63, 77, 81
Ивановское поселение 60, 61, 62, 63, 65, 68, 69, 70, 71, 74, 75, 76, 77, 80, 107, 108, 112, 113, 116, 152, 370

Ивановское, селище 396, 399
Игимская I стоянка 204
Игимская стоянка 106, 129, 199, 201, 202, 203, 204, 205, 252, 475
Ижма-7, разрез 37
Изванкино 422, 439
Измерский VII, могильник 618, 624, 629, 630
Измерский XI могильник 386, 393
Изобильное I, курганный могильник 273, 283, 287, 290, 314
Изобильное II, курганный могильник 273
Икково 422, 444
Икская III стоянка 523, 538
Икская стоянка 523
Икско-Бельские стоянки 109
Икша I, II, III 165
Илекский 273
Илекшар I 273, 443
Иловатка 272, 273, 297
Ильдеряковский клад 392, 443, 454
Ильинка IV 443
Ильичевская стоянка 607
Ильичевский могильник 546, 618, 623, 624, 627, 629
Ильичевское селище 398, 417
Имангулово II 317, 325, 329, 332, 334
Иманлейская стоянка 390, 392
Имерка I, поселение 134
Имерка II, поселение 129, 134, 135
Имерка III, поселение 129, 134, 135
Имерка IV, поселение 43
Имерка Ia, поселение 129
Имерка IБ, поселение 129, 135, 161
Имерка V, поселение 129, 208, 209, 210, 212, 214, 218, 219, 252, 255
Имерка VI, поселение 208, 209, 212, 213, 214, 219
Имерка VIII, поселение 43, 129, 183, 208, 209, 212, 213, 214, 218, 219, 221,
Имерка, поселение 134
Инясово, поселение 63
Иру 582
Исаковская I стоянка 553, 556
Исменецкая стоянка 496
Испаринское 165
Истай II 297
Истай, стоянка 40
Исток Мельничный, стоянка 469
Ишеевский курган 388
Ишеевский могильник 393, 508
Ишкиновка I 273
Ишкиновка II 273
Ишмухаметово 444
Кабаковский клад 398
Каентубинская островная стоянка 203, 204, 606, 607, 611, 612, 613, 614
Казанка I, городище 556
Казанка II, городище 556, 616
Казанская губерния 263, 431, 436, 455, 522, 611, 621
Казанская стоянка 553, 556, 559, 564, 565, 581, 594, 596, 601, 602, 622, 625
Казбуруновский III 444
Казбуруновский курганный могильник 368, 370
Каир-шак VI, стоянка 40, 41, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 60
Кайбелы I 578
Кайбелы, селище 407
Кайбельское селище 396, 401, 409, 578
Кайбицы 444, 454
Калашный затон, поселение 127
Калинкинское местонахождение 553
Калинов 329
Калиновка 297, 309, 312
Калиновка I (Самарская обл.) 273,
Калиновский (Волгоградская обл.) 273, 639
Калиновский I могильник 317, 319, 322, 323
Калиновский могильник 282, 317, 319, 321, 323,
Калмыцкая Гора 317, 320, 328, 329, 330, 340
Калмыцкая Шишка 295
Калугинское городище 420, 421, 422, 439
Каля, разрез 34, 35, 36
Каляпово, поселение 443, 462, 464
Кама-Жулановское I 255
Кама-Жулановское III поселение 152
Каменка, курганный могильник 372, 373
Каменная Коза 340
Камский Бор 195
Камский Бор II, поселение 204, 206, 251, 254, 255, 257, 258, 475
Канинская пещера 14
Канинское святилище 14, 256
Капкан 297, 340
Карабалыкты 12
Караваиха, стоянка 148
Кара-Кудук I, II 340
Караман 317, 326, 328, 329
Карамышево 444, 454
Караново 161
Кара-Узек 297, 340, 346
Кара-Худук, стоянка 40, 41, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 60, 297
Карашамский 444
Кара-Якупово (Караякупово) стоянка 77, 129
Карбунский клад 137
Каргалинские медные рудники 16, 273, 291, 293, 371, 380, 393
Кардаилово I 273, 314
Кардаилово II 273
Кармановская IV 587
Кармановская VI 587
Кармановский клад 533, 542, 544
Картаёль II 237, 242
Карташихинская I (Карташиха) стоянка 443, 454, 522, 529, 530, 533, 543, 546, 581, 601, 606, 609, 613, 614, 623
Карташихинская II стоянка 522, 530, 606
Катергино, могильник 444, 462, 464, 465, 466, 467
Катергино-Бишево 642
Кашкар-ата II 40
Кашкар-ата IV 40
Кашпир II 273
Кашпир III 273
Кельчиюр II 241
Кент, поселение 18
Кзыл-Хак I 279
Кзыл-Хак II 279
Кизильское селище 398, 401, 415, 416
Кильзям 573
Кимовское местонахождение 496
Кинель I 340
Киржеманский (Киржеманы) курганный могильник 421, 422, 425, 426, 441
Кировское поселение 368, 370
Кирпичные Сараи 340, 411, 414
Китрюм 443, 454
Клад Веселова 443, 444
клад из с. Карбуна 161
клад Москательникова 444
клад у с. Дремайловка 633
клад у станицы Упорной 633
Кладбищенская Городина 557
клады у Долгой горы 448, 456, 458, 460, 461
Кланьгюкалнс 582
Климентовская стоянка 510, 584
Ковыляй 573
Кожай 1 10, 12
Козловка 422, 423, 424, 426, 428, 436, 437, 441
Козловский могильник 420, 434
Козловское I, поселение 385
Койла 582
Кок-Мурун 297, 313
Кокшайская IV стоянка 554, 591, 617
Кокшайское IV поселение 165, 166, 535, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 564, 565, 599, 620
Кокшайское поселение 554, 556, 565, 580
Кокшамарское II поселение 554, 556, 589, 590, 594, 595, 596, 599
Кокшамарское VI поселение 554, 556
Кокшамары VII, IX, XI, XII 165
Колва XXV 236
Колва-вис XXV (Колвавис XXV) 237, 242
Колобовка 297

Колобовка I, могильник 370
Колтубанка, курганы 272, 273
Комбак-тэ, стоянка 40, 41, 48, 49, 59
Коминтерновская III стоянка 496
Коминтерновские курганы 407, 525, 526, 528, 539, 542
Коминтерновский I курган 539, 540, 542
Коминтерновский II курган 539, 540
Комиссаровский курган 370, 372, 373
Комсомольское, грунтовый могильник 398, 411, 413, 415, 416
Конецбор II 222
Конецбор V 236
Конецбор VIII и IX 223
Кончанское IV 184
Копанище 279
Копаново 510
Коренец 164, 510, 512
Коренецкий II могильник 521
Коровий Брод 572, 573
Коровино 443, 454
Короли 331
Коршуново, могильник 14
Коршуновский клад 443, 448, 456, 457, 459, 461
Коскудук I, памятник 646
Коскудук II 40
Костино II 479
Котлубань 297
Кочетное, курганный могильник 368, 370, 377
Кочуровское IV 161, 251
Кошалак, стоянка 40, 41, 297, 340
Красная Деревня 297, 301, 317, 318, 320, 329
Красная речка III 556
Красновидовский могильник 420, 422, 426, 434, 441
Красногорские курганы 528, 532, 545
Красногорский III могильник 444, 460, 464, 465
Красногорский могильник 646
Красное Плотбище 11, 195, 196, 201, 207, 208, 252, 254, 255, 256, 257, 258, 259
Краснополье село 308
Красносамарские курганы 284, 332, 340, 368, 370
Красносамарский I 273, 282, 297, 301, 303, 304, 310, 317, 325, 329, 334, 335
Красносамарский II 273, 297, 443, 460, 462, 464
Красносамарский III 273, 297
Красносамарский IV 273, 295, 297, 300, 301, 314, 317, 639
Красносамарский V 644
Красносельский II могильник 508
Краснохолм II 273
Красноярка, могильник 265
Красноярский клад 560
Красноярский могильник 62, 63, 77
Красные Пески 443
Красный Восток 572, 573, 579
Красный выселок II 554, 556
Красный выселок, стоянка 421, 422, 440
Красный Городок, поселение 443, 461
Красный Мост 181
Красный Мост II 165, 166, 169
Красный Мост III 165, 166, 169
Красный Мост IV 165
Красный Мост V 165
Красный Октябрь 423, 432
Красный Октябрь I 421
Красный Октябрь II 422, 434, 435, 436
Красный Яр 14, 370, 413, 460, 466
Крейчи 184
Крестище 629
Кривая Лука 297
Кривая Лука XIV 330
Кривая Лука XXI 325
Кривая Лука XXXIV 324
Кривое озеро, поселение 129, 165, 166
Криволучье, могильник 40, 41, 43, 50, 52, 58, 62, 63
Криушинская дюна, стоянка 496, 500, 582, 629, 635
Криушинский могильник 618, 624
Круглое I, поселение 161
Крутояровка 317, 320, 322
Крылово I 557
Кряжская стоянка 150, 189, 297
Кряжский I 311
Кряжский III (Кряж III) 297
Кубашево 182, 420, 421, 423, 430, 431, 434, 435, 440, 470, 471, 477, 478, 481
Кугланурский 444
Куземетьевская I 553, 556
Кузькино 422
Кузькинская I стоянка 388
Кузькинская VII стоянка 388
Кузькинская XIII стоянка 388
Кузькинская XVII стоянка 535, 619, 625
Кузькинское I, селище 407
Кузькинское IV, селище 407
Кузькинское VII поселение 405
Кузькинское XVIIб, селище 407
Кузьминковская стоянка 63, 65
Кузьминковское II поселение 400, 401, 409
Кузьминковское II селище 398, 413
Кузьминковское поселение 61, 62, 63, 67
Куйлюк 297
Кулагайси 297
Кулагино 297
Куланга 422, 444, 454
Кулганская II стоянка 385
Кулламяги 582
Кулчаны 454
Кумаккасинский могильник 420, 423, 426, 427, 429, 441
Кумкешу 1 10, 12
Кумыска II 317, 320
Кумыска, поселение 41, 47, 51, 68, 275
Кумысская стоянка 523, 532
Кумысский могильник 618, 623, 624, 626, 629, 635
Кураевский Сад 370
Курайли I 273
Куракино 573
Курган, поселение 553, 580, 581, 617, 622
Курманаевка III 273
Курманаковская IV стоянка 606, 609, 622
Курманаковские стоянки 631
Курманская 510
Курмашево, деревня 308
Куротня 560
Кусеево, могильник 443, 444, 464
Кусторка II 557
Кутеремово 444, 454
Кутулук I 273, 288, 347, 348
Кутулук III 306, 317, 333
Кутулук, курганный могильник 280, 287, 411, 415
Кухмарский 443, 446, 461, 462, 464, 465
Кухмарь I 560
Кучумовский 444
Кызыл-Молла 340
Кызыл-Хак I, поселение 273, 279
Кызыл-Хак II, поселение 273, 279, 297, 313
Кырнышская IV стоянка 622
Кырнышская стоянка 532
Кырнышский II могильник 526, 539
Кырнышское III селище 544
Кыско 237, 242
Лабазовский, курганный могильник 368, 370, 373
Лабышки 182
Лагерное 370
Ладонка, селище 399
Лаишевский уезд 436, 443, 454, 611, 612, 621
Лапушина балка 328,
Ласта VIII 223, 224, 230, 233, 234
Лбище, поселение 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 363
Лебедевка IV 399, 406
Лебедино
Лебединская VII стоянка 414, 604, 611, 614
Лебединская XIII стоянка 611
Лебединский могильник 614, 615, 631
Лебяжий бор, Лебяжий бор VI 129,

208, 209, 213, 220, 509, 510, 513, 516, 518, 520, 521
Лебяжинка IV 41, 43, 46, 48, 49, 60, 62, 63, 65, 68, 72, 84, 85, 107, 109, 111, 116, 124, 129, 340, 343, 443
Лебяжинка V 62, 63, 81, 84, 109, 263, 264, 340, 370, 407, 416, 443, 461, 526, 535, 539, 542, 543, 546
Лебяжинское I (Лебяжинка I) поселение 43, 44, 46, 48, 49, 60, 41, 45, 47, 48, 63, 62, 65, 72, 74
Лебяжинское II поселение 62
Лебяжинское III поселение (Лебяжинка III) 62, 63, 64, 65, 68, 76, 81, 83, 84, 85, 86, 87, 89, 90, 91, 104, 105, 125, 126, 137
Лебяжинское VI поселение (Лебяжинка VI) 41, 43, 44, 46, 48, 49, 62, 84, 85, 88, 89, 90, 91, 104, 107, 109, 114, 115, 116, 118, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126
Лёва VIII 254
Левшино 8 250, 255, 257
Лекчойди II 242
Ленинск 297, 312, 370
Линевка III 273
Линево 331
Линевое II 440, 470, 471, 477
Линевое III 470, 477
Липки 510, 558
Липки (Малые Липки), поселение 581, 583
Липовая Курья 545
Липовка I 328
Липовка III 469
Лобань I, поселение 205, 206, 252, 255, 258, 475, 496
Лобойково, клад 398, 412
Лов-Санг-хум (Сыни) 239
Логинов хутор 510, 518, 519
Ломча 612
Лопатино I (Лопатинский I) могильник 273, 280, 297, 299, 306, 363
Лопатино II (Лопатинский II) могильник 273, 280, 347, 348, 358
Лопью 223, 230, 233
Луговская I стоянка 522–526, 529–533, 536–539, 543, 556, 606, 637
Луговская II стоянка 522–524, 527, 528, 530, 532, 536–539, 602, 606–608, 612, 613
Луговская III стоянка 523, 524, 530
Луговская IV стоянка 523, 524, 530, 533, 607
Луговской курганный могильник 604, 607, 614, 615, 616, 618, 623, 624, 627, 633, 634, 635
Лужковка 370
Лузановка 370
Лука-Врублевецкая 162
Лунёво 443
Лунъяг 234
Луньга 573
Лычное, разрез 33, 35, 36, 37, 38
Ляпичев Хутор, селище 398, 400
Мазарское 421, 554, 556
Мазарское I (Мазары I) поселение 129, 176, 183, 422, 439
Мазары I, II, III 165
Майдан, поселение у деревни 172, 174, 184
Майданская I стоянка 166
Майданская II стоянка 129, 166, 172, 174, 182
Майданская III стоянка 129, 166, 172, 174, 182
Майданская IV стоянка 129, 166, 172
Майданская VI стоянка 129
Майданская VIII стоянка 174
Майданская дюна 166, 167
Майданская стоянка 129, 152, 166, 167, 168, 171, 181, 182, 183
Майданские I, Ia, IX, XI, XII, XIII 165
Майоровский клад 372
Майртупский II могильник 636
Майрупское погребение 636
Макаровское поселение 556
Макарьево 469, 470, 471, 479, 553, 556
Макеевское городище (см. Тюков городок) 584
Маклашеевская (Змеиный остров) стоянка 496, 500
Маклашеевские курганы 381, 523, 525, 526, 539, 540, 542,
Маклашеевский I могильник 389, 601, 602, 618, 624, 627
Маклашеевский II могильник 389, 598, 601, 602, 618, 623, 624, 625, 626, 627, 629, 630, 633, 647
Маклашеевский III могильник 386, 389, 392, 596, 618, 624, 626, 627, 633
Максимовка I, поселение 443
Максимовка II 399
Максимовская стоянка 112
Максимовский 443, 444
Максютово 297, 300, 303, 309
Малахай, поселение 421, 422, 620, 629
Малахайское городище 421
Малая Мартыновка 328
Малая Таяба, деревня 629
Малиновский II могильник 494, 496, 502, 506
Малиновский могильник 384, 388
Малое Боровое озеро 187, 188, 192, 193
Малое Князь-Теньково 423
Малое Князь-Теняково 421
Малое Окулово III (Малое Окулово) 519, 520, 580
Мало-Кизильские курганы 274, 297
Мало-Кизильский II могильник 273
Мало-Кизильское селище 346, 363, 443, 444, 447, 454, 457, 461, 462, 464, 465, 466
Малококузинская I (Мало-Кокузинская I) стоянка 608, 612, 613
Мало-Кокузинское поселение 127, 130
Малокугунурский (Мало-Кугунурский) 444, 460, 464
Мало-Окуловская (Малоокуловский) стоянка 509, 510, 512, 518, 520, 558, 580
Малоузенское 370
Малоюлдашевское поселение 368, 370, 374, 375, 642
Малые Луши 439
Малые Турми 611, 612
Малые Яуши 427
Малый Атлым 236
Малый Бор I 558
Малый Бор, поселение 580
Малый Липовый X 255
Мальцевская IV стоянка 529, 530, 533, 543
Мамалаево 420, 425, 426, 435, 439
Мамалаевский курган 425
Мамалеево 422
Мамыково I селище 393
Мамыковское поселение 389, 392
Мамыковское селище 392
Мантовское поселение 496
Мариер, стоянка 166, 182, 421, 422, 440
Марийская Лиса 420, 422, 426, 428, 434, 440
Мари-Луговская I стоянка 554, 556, 581, 582
Мари-Луговская II стоянка 554, 556
Мари-Луговская стоянка 601
Мариновка 297
Мариупольский могильник 81
Мартышкино 41, 396, 398, 399, 400, 402, 406, 408, 412, 415, 416
Марьер 129
Марьинский овраг 557
Марьяновская IV стоянка 535
Марьянская V стоянка 146
Масканур 422, 440
Матчерское поселение 572
Матюшинская островная стоянка 497
Машкино VI, X 208, 209, 212, 214, 219
Мебельная фабрика I, могильник 635
Медведковский могильник 297
Медведковское поселение 553, 556, 580
Медвежий остров 510
Медякасинский курган 425
Медякасы 420, 422, 425, 426, 439
Медянниково 297
Мензелинская I стоянка 392, 620
Мензелинская стоянка 617
Мерлино II 557
Метев-Тамак, могильник 444, 446,

456, 458, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466
Мизиновская стоянка 587
Миловка, клад 443, 444, 454
Мими 436, 457
Мингали 297
Миняшкино 464
Миняшкинский 444
Мирное 297
Мирный 306, 370
Михайловка 288
Михайловка II 124, 291, 292
Михайловка III 292
Михайловское поселение 272, 292
Михайло-Овсянка 16, 370, 371
Михайло-Овсянка I, поселение 368, 371
Младший Волосовский могильник 518, 583
Модлона 482
Моечное Озеро 396
Можары 444, 454
Мокрая Песковатка, поселение на реке 368, 370
Мольбище 554, 593
Мольбище III 165, 166, 181, 183
Мольбище VI 586, 589, 590, 594
Моргауши 421, 423
Море-ю (Море-Ю) 33, 36, 236, 237, 242
Морквашинский могильник 618, 624, 627
Морквашинское поселение 581
Мосино 422, 440
Муллино II поселение 62
Муллино, стоянка 61, 63, 65, 76, 120, 129
Мурзакасы 421, 422
Мурзихинский I могильник 14
Мурзихинский II могильник 8, 9, 77, 141–143, 147, 148, 150, 151, 152, 154–157, 160–162, 193, 251, 252, 254, 262, 269, 523, 525, 526, 533, 536, 539, 541, 542, 545, 546, 596–598, 618–620, 624, 626, 627, 629, 630, 631, 633–637, 647
Мустаево V, курганный могильник 273, 286, 287, 288
Мустаево, некрополь 274
Мустаевский курганный могильник 373
Мучкас 237, 242, 243, 248
Мыржик, поселение 18
Н. Тояба 454
Набережночелнинский могильник 391, 393
Набережный могильник 444, 460
Надежденский 297
Найденое Озеро, поселение 397, 405, 412
Нальчикский могильник 77, 80, 81, 275
Нариманское поселение 553, 556
Нармус, стоянка 557
Нароватово 573
Нартасский (Нартассы) могильник 573
Нарым-бай (Нарымбай), местонахождение 50, 58
Натальино 370
Наумовка II 557
Наумовка, поселение 509, 510, 515
Наумово 510
Наумовское поселение 511, 572
Некрасовка 443, 454
Немеричи 443
Неплюевский могильник 368
Непряха IV 207
Непряха VI 195
Непряха VII 195, 483, 485, 486, 487
Непряха стоянка 26, 77
Нерчей II 236, 237, 241, 242, 245
Нижнемарьяновская III стоянка 619
Нижнемарьянская II стоянка 538
Нижнемарьянская IV стоянка 496
Нижнемарьянский могильник 387, 389, 390
Нижнераздорное 255
Нижне-Чуракаево 460, 461, 462, 465, 466
Нижне-Чуракаевский 461, 466
Нижний Балтай, деревня 626
Нижний Сатис 209
Нижний Услон 471
Нижний Услон I 470
Нижняя Красавка II, поселение 368, 370
Нижняя Орлянка II, поселение 402, 403, 404, 405, 407, 409, 416, 417, 527, 530
Нижняя Орлянка II, селище 398
Нижняя Павловка V, курганный могильник 237, 283, 287
Нижняя Стрелка 481
Нижняя Стрелка III 165
Нижняя Стрелка IV 440, 423, 469, 470, 477, 481, 471
Низково IV 423, 440, 469, 470, 471, 477, 481
Никифоровское лесничество 443?, 446, 449?, 457, 457?, 460, 461, 462, 464, 465
Николаевка III 308, 317, 318, 319, 320, 321, 322
Николаевск 411
Николаевские курганы 368
Николаевский могильник 370, 645
Николо-Перевоз 13, 434
Никольевка, городище 396, 398
Никольское, рудник 15
Никульчинский могильник 435, 437
Ниремка I 223, 224, 225, 226, 232, 233, 237, 248, 252, 254, 482
Новая Деревня 515?
Новая Деревня II, стоянка 128–131, 133
Новая Екатериновка 421, 422, 439
Новая Казанка 297, 340, 345
Новая Квасниковка 370
Новая Красавка 328
Новая Молчановка 317
Новая школа, местонахождение 58
Новинское, городище 420, 422
Новоалександровское, 370
Новобайбатыревские курганы 383, 385, 393
Новоильинское III (Ново-Ильинское III) 11, 207, 234, 251, 254
Ново-Красноярский, клад 370, 372
Новокумакский могильник 333, 335
Новомихайловский IV, курганный могильник 368, 370
Новомордово, стоянка у села 601
Новомордовская IV стоянка 494, 496, 501
Новомордовский II могильник 384, 388, 389, 393, 494, 496, 502, 505, 506, 507, 508
Новомордовский III могильник 384, 389, 494, 496, 502, 505, 506, 507, 618, 624, 627
Новомордовский IV могильник 494, 496, 506, 507
Новомордовский V могильник 618, 624, 629, 633, 635
Новомордовский VI могильник 494, 496, 502, 505, 506, 507
Новомордовский VIII могильник 596, 597, 598, 618, 624, 627, 629, 633
Ново-Никольское 297
Ново-Покровка I (Новая Покровка I), селище 396, 398, 400, 408, 410, 412
Новопривольное IV 370
Новопривольное V 370
Новопривольное, поселение 41
Новоселки, могильник 385, 392, 393
Новоселово 420, 421, 423
Новосюрбеевский могильник (Новое Сюрбеево) 421–424, 426, 432, 436, 437
Новотроицкий I (Гайский) 273
Новотроицкий I (Октябрьский) 273
Новотульский могильник (Новотулка) 297, 301, 305, 310, 311, 314, 370
Новоуреньский курган 388
Ново-Уреньский, могильник 508
Новошимкусский (Нюргечский) курган 385
Новый Кумак 317, 327, 332, 333, 336, 366
Новый Усад IV 209, 252, 254, 255, 257, 480, 521
Носёлы 470, 471, 477, 587
Носельское поселение 470, 479
Нур I, могильник 273, 314, 639
Нуршари 165
Ныргындинская стоянка 538
Обсерваторская II стоянка 554, 556,

581
Обсерваторская III стоянка 129, 140, 494, 496
Обсерваторская IV стоянка 553, 556, 581
Овсянка, клад 370, 372, 410, 411, 412
Огубь, могильник 443, 464
Озименки 134, 572, 573
Озименки I 129, 209
Озименки II 129
Окская стоянка 558
Октябрьское 5 572
Олаир, поселение 368, 370
Ольгаши, могильник 641
Орловка I 273
Орловка, курганный могильник 287
Орлово I 443
Оровнаволок 11, 255
Ортино, стоянка 236, 237, 242
Осиновые Ямы, селище 398, 413, 414, 545
Островной 333,
Островок 370
Оськино Болото, поселение 631,
Отарка, селище 601, 623
Отарские VII, XIX 165
Отарское XVIII поселение 129, 165, 166, 181
Отары, стоянка у села 522, 601
Охлопково III 557
Ошманурское местонахождение 554, 556
Ош-Пандо, поселение 420, 421, 422, 426, 434, 436, 439
Ошутьялское III поселение/стоянка 494, 495, 496, 501, 594, 595, 605
Ошутьяльское поселение 561
Ошчой I 223, 237, 241, 242, 243, 247, 248
Ошчой V 237, 240, 242, 243, 245, 248
Ошья 454
Павлово IV, поселение 585
Павловский 328
Павлушаты 420, 422, 423, 424, 426, 428, 436, 437, 440, 441
Пайнусово 422
Паленое озеро 165
Паницкое VI 328
Паницкое VIБ 41, 273, 279
Паново городище 482, 502
Панфилово 11, 208, 209, 250, 254
Панфиловская стоянка 5, 164
Паратмарский 444
Паратское XII поселение (Парат XII) 166, 181
Паратское XVIII поселение 129
Партизанское II поселение 525, 534
Партизанское IV поселение 483, 485, 486, 487, 488
Пегрема I 11, 255, 259
Пегрема VII 255
Пезмогты II 223
Пеленгер I, могильник 442, 444, 448, 462, 464, 465
Пеленгер II 444
Пензенские стоянки 127, 128, 130, 134, 573
Пепкинский (Пепкино) курган 362, 440, 444, 447, 454, 455, 457, 460–467, 642
Первомайский 297
Первомайский X 332
Первомайское 198
Перевозинка 317, 325, 332, 333
Перевозинский II курганный могильник 373
Переволоки 340
Перегрузное 275
Перелески (или Ивановское I), стоянка 560
Перелюбский, клад 398, 410, 411, 412
Пермиловский могильник 558
Пернашор, стоянка 236, 239
Першинский (Першин) курганный могильник 273, 281, 289, 370
Пестречинская II стоянка 494, 495, 496, 499, 500, 501, 502, 504, 506, 584
Пестречинская IV стоянка 494, 495, 496, 499, 501, 502, 503, 504, 506, 587
Песчаный остров, селище 585, 594
Петровка II 414
Петровка, курганный могильник 273, 280, 287
Петровский городок, грунтовый могильник 398
Петровский Городок, поселение 403, 408
Петровское 413
Петропавловское поселение 127
Петряевский 370
Петряиха 443
Пещера Братьев Греве 13, 330, 340, 344, 443
Пидж I 223
Пижма II 222, 223, 236, 237, 242
Пижма-6, разрез 35, 37
Пикшик 444, 448, 460, 464
Пилипчатино, селище 398
Пирово 254
Писаный камень, могильник 464
Писаный камень, святилище 256, 259, 443
Писаревка II 322
Писералы 420, 421, 422, 427, 439
Питерка 297
Питерка I 370
Питерка II, могильник 303, 309, 311
Плешановский II 370, 373
Плещеево I, стоянка 560
Плещеево III, стоянка 557, 559, 561, 563, 564, 565
Плещеево IV 560, 565
Победенский I 444
Победенский II 444
Погостище 510
Подбобыка, поселение 492
Подборица-Щербининская, стоянка 255, 443, 464, 469, 510
Подборновская стоянка 509, 510, 519, 520
Подборное 17
Подгорно-Байларская стоянка 392, 523, 528, 542
Подгорный могильник 636
Подлесное V, поселение 127, 128, 129, 130, 131, 133, 135
Подлесный I курганный могильник 273, 368, 370
Подлесный, курганный могильник 282
Подстепная колония 443, 454
Поздеевское озеро 475
Поздеевское озеро II 202
Поздняково 17, 510
Покровка I 308
Покровка II 273
Покровка, курганный могильник 281, 284, 287, 297
Покровск 317, 318, 331, 358, 366?, 370
Покровский IX, курганный могильник 317, 398, 399, 407
Покровское, поселение 510
Политотдельское 41, 53, 272, 273, 297, 300, 301, 311, 317, 319, 325, 326, 332, 333, 639
Политотдельское II 317, 325
Полое I 573
Полудни II 273
Польцо, стоянка 560
Полянки 182, 422, 423, 439
Полянская III стоянка 495, 495496, 500, 503, 508
Полянские стоянки 166
Полянский I могильник (Полянки I) 381, 386, 601, 602, 618, 624, 627, 633, 647
Полянский II могильник (Полянки II) 420, 421, 582, 591, 596, 599, 618, 624, 626, 627, 629, 630, 633, 647
Поплавское поселение 397, 398, 399, 405, 409, 411, 412, 533, 545
Поплавское селище 544
Попово блюдечко 339, 341
Попово Озеро, стоянка 107, 109, 535
Попъюга 223, 232
пос. 1 у с. Габдрафиково 374
поселение на о. Сурской 154
Постников овраг, селище 398, 399, 417
Потаповка 303
Потаповка I, могильник 642, 643, 644
Потаповский могильник 297, 303, 347, 348, 349, 350, 351, 354, 357, 359, 362, 518

Потьма-III, селище 371
Пошатово I 557
Преполовенка 297, 300, 303, 640
Преполовенка I 273
Приморская стоянка 400
Прогресс 370
Прокопьевский 444
Пустая Морквашка, урочище 263
Пустоморквашинское поселение 553, 556
Пушкинское I 443
Пшеничное, стоянка 108, 109, 129
Пятилетка, курганный могильник 273, 283, 317, 325, 370
Разбойничий Остров 12, 255, 262
Раздольное 421, 423
Раковские 370
Ракушечный Яр 81, 268
Раскильдинский могильник 420, 423, 426, 439, 441
Репин Хутор, поселение 273, 277, 278, 279, 284, 291
Репин Хутор, стоянка 272
Репный I 325
Решетниково 370
Решное 14, 251, 518
Ржавецкий курганный могильник 392
Ридала 582
Ровненские курганы 284
Ровное 41, 43, 273, 297, 300, 310
Родниковое поселение 368, 370, 371, 375, 396, 400, 401, 404, 405, 413, 414, 443
Родниковое, селище 398
Рождествено I 644
Рождественский 443, 455, 607
Рождественский I могильник 604, 607, 614, 615, 616
Рождественский починок 454
Ройский Шихан 470, 471, 479, 480, 544
Романовка II 444
Ронга 422, 440
Ростовка 643
Ружникова 222, 223, 236, 237, 242
Рунталь 317, 321, 328, 329
Русская Селитьба 530, 537
Русская Селитьба II, селище 398, 399, 403, 409, 443, 527, 543
Русский Азибей 77
Русско-Азибейское I поселение 129, 205
Русско-Азибейское III поселение 11, 106, 129, 201, 203, 205, 206, 251, 252, 254, 255, 256, 257, 258, 260, 544, 546
Русское Тангирово 443, 444, 456, 457, 460
Русское Труево I, поселение 41, 43, 46, 48–53, 63, 73, 74, 137
Русское Труево II, поселение 129, 133, 137
Русское Труево, стоянка 73, 74
Русско-Колянурский 444
Русско-Луговая 470
Русско-Тангировский могильник 443, 444, 456, 457
Рутка 11, 165, 167, 172, 180, 183, 554
Руткинская стоянка 166
Руткинское I поселение 129
Руткинское VII поселение 554, 556
Руткинское поселение 166, 175, 176, 252
Рыбный 317, 323
Рысовский комплекс 483
Рысовское III селище 206, 255, 256, 259, 260, 485, 488, 489, 490, 491, 532, 536
Рычино 484
Рычино III 204, 475
Сабатиновка II 162
Сабуровский могильник 398, 403, 408
Садовое VI, селище 398, 402, 404
Садовый Бор 164, 510, 558
Сады, поселение 396, 398, 401, 408
Сазды 40
Сайхин 297
Саконское поселение 580
Салтановка 443
Санзяпово I 317, 323
Санзяповский 370
Сарапул 443, 454
Сарбайский II одиночный курган 370
Сареево 420, 421, 422
Сарнате 582
Сароево 439
Сарса, поселение 583
Саруй 421, 427, 429
Сасыкуль, стоянка 61, 76
Сатыга 14
Сауз I 77, 204, 206, 251, 252, 255, 258
Сауз II 106, 251, 252
Сауз I–IV 129
Саузово, деревня 629
Саушкино 510, 515, 518, 519
Сахтыш 10
Сахтыш I, стоянка 152, 558, 566
Сахтыш II, стоянка 161, 558, 566
Сахтыш VIII 558
Сахтышские стоянки 184, 566
Свердлово I 273
Свердловский IV 370
Свердловский V курганный могильник 370, 373
Светлое Озеро, селище 273, 297, 301, 306, 317, 323, 327, 329, 330, 332, 333, 335, 340, 392
Свиногорское II селище 623
Свияжская стоянка 553, 556
Свияжский уезд 444, 454
Северный Букей, стоянка 40, 340
Северобирский могильник 13
Сейминская дюна 469, 479
Сейминский (Сейма) могильник 473, 474, 495, 518
Селецкое городище 518
Селивановский II курган 646
Семейкинский 444
Семеновка 422, 440
Семеновский VI, могильник 618, 627
Семеновский остров 611
Сенинские Дворики 443
Сеньдинская стоянка 554, 556
Серный Ключ, городище 442, 443, 447, 454, 455, 460
Сивинское 443, 454
Симониха 525
Симониха I 533, 534, 543
Симониха II 196, 475, 484, 485
Симоновка 322, 326, 328
Синташта 316, 334, 335, 362, 363, 366
Синташта II 414
Синцово 420, 423, 426, 427, 429, 440, 441
Сирмапоси 422, 425, 426, 439
Сирмапосинский курган 421
Скатовка, курганный могильник 272, 273, 280, 286, 316, 317, 320, 321, 322, 370
Скатовские курганы 284
Скачки 209, 208, 212, 213, 214, 216, 218, 219, 221
Скачки I 129
Скворцовская гора V 262
Скворцовские курганы 290, 291
Скворцовский (Скворцовка) курганный могильник 273, 274, 281, 282, 290, 291, 317, 320, 368, 370, 373, 640, 643
Смеловка 317, 370
Смеловка I, селище 396, 398, 400, 402, 406, 408, 412, 415, 416
Смеловский грунтовый могильник 317, 318, 319, 320, 323, 324, 326, 327, 329, 330, 332, 333, 368, 370, 378
Смирново 370
Советское 317, 320, 324, 326
Советское 1 317, 322, 323, 328, 329, 340
Соза-Курбатово 420, 422
Соколовка 14
Соколовские могильники 388
Соколовский III могильник 389
Соколовский IV могильник 523, 525, 526, 528, 542
Сокольный I 165
Сокольское II поселение 558, 582
Сокорка 510
Солнечногорский могильник 436
Солнечный, могильник 297, 301, 302
Соловки 370
Сомино 558
Сомино I, стоянка 559

Сомино II (Торговище I), стоянка 559, 560
Сомино III–IV 559
Сомовка 420, 422
Сомовское I поселение 421, 434, 435
Сомовское II поселение 423, 434, 470, 471
Сопляки 370
Сорокин бугор 8
Сорочьи Горы 437, 470, 471, 556, 611
Сортынья I 236
Сосновая Грива II, поселение 599
Сосновая Грива III, поселение 556, 599
Сосновая грива, поселение 554, 556, 557, 559, 560, 561, 564, 565, 566, 593
Сосновка I 399
Сосновка, селище 398
Сосновомазинский клад (Сосново-Мазинский) клад (Сосновая Маза) 370, 371, 395, 398, 410, 411, 412, 413, 414
Сосновский 444
Состринская (Гаврилковская) стоянка 553, 556
Состринское поселение 127
Спиридовка II, могильник 519?
Спиридоновка II 644
Среднеалькеевская курганная группа 392
Среднее Шадбегово I 251
Среднее Шадбегово II 11, 252, 254, 255
Среднее Шадбегово III 11, 252, 255, 256
Средняя Ахтуба 297, 370
Сретенский (Сретенка) 444, 449, 461
Ст. Варяжская стрелка 558
Ст. Семейкино 443
Ст. Яблонская 297297
Станок, стоянка 469
Станьялы 444, 464, 465
Старая Жуковка 411
Старая Полтавка 273, 297, 301, 314
Старицкий могильник 370, 645
Староардатовский курган 467
Старо-Грязнухинская I стоянка 581
Старое Бадиково 573
Старое Буртюково (Старо-Буртюково), поселение 152, 255
Старое жило I и II 554
Старое Кабаново, погребение у села 148
Старое Привольное, погребение 398, 403
Старо-Елшанская I стоянка 106
Старо-Елшанская II стоянка 106, 112, 129
Старо-Елшанская береговая стоянка 106, 107, 123
Старо-Кабановская II стоянка 534
Старокуйбышевский I могильник 389
Старокуйбышевский VI могильник 384, 389
Старокуйбышевский могильник 384
Старо-Кручево 444, 460, 465
Старо-Нагаевский могильник 77
Старорязанская стоянка 520
Старосадовое 370
Старо-Ябалаклинский I 370
Старо-Ябалыклинский (Ст. Ябалыклы) могильник 368, 444, 446, 460, 461, 462, 464, 465
Старо-Яксарское поселение (Старая Яксарка) 127, 135, 137
Старушка 201, 206, 207, 257, 259
Старушка I, поселение 11, 251, 254, 255
Старушка III 255, 257
Старший Ахмыловский могильник 554
Старший Волосовский могильник 164, 510, 520
Старший Никитинский 443, 462, 464
Старые Курбаши 611, 612, 621
Старые Шагали 444, 454
Старый Стекольный завод, стоянка 611, 612
Стемассы 127
Стемасы 131, 133, 137, 573
Стемасы I, стоянка 128
Степная IV 317, 323, 324, 329, 336, 337
Степное Озеро II, стоянка 553, 556, 612
Степное Озеро, стоянка 573, 582
Стерлибашевский район 443, 444, 454
Сторожевка, курганный могильник 284, 287
стоянка им. Касьянова 621, 631, 633, 634, 636
Стрелка II, стоянка 582
Студено-Ключевский 444
Студенцы, курганный могильник 370, 407, 526, 539, 540, 542, 646
Субботовское городище 636
Сугояк 255
Сула I 242
Сумская I стоянка 129, 554, 556
Сумское 470
Сурский Майдан 423
Суртанды 12
Суруш 346, 357, 443
Сусанское I поселение 522
Сускан 297, 524, 529
Сусканское I поселение 396, 543
Сусловский 317
Суслы 370
Сутыри 423, 470
Сутырская I стоянка 166, 422, 423, 439, 470, 471
Сутырская II стоянка 166
Сутырская VIIa 165
Сутырская XII 169
Сутырская дюна 167
Сутырское II поселение 129, 554, 556
Сутырское IIa поселение 165, 166, 181, 183
Сутырское IV поселение 470, 471
Сутырское V поселение (Сутыри V) 129, 165, 166, 167, 173, 176, 178, 179, 180, 182, 183, 421, 470
Сухая Мечетка 297
Сухая Река 621
Сухая Саратовка 297, 312, 370
Сухореченское II 370, 443
Съезжее I, могильник 263, 264, 443
Съезжее II 642
Съезженский могильник 62, 63, 65, 68, 76, 77, 81, 115, 140, 154, 155, 162, 264, 464
Сыни (Лов-Санг-хум) 239
Сынтыш-Тамакский 444
Сыреси 573
Сюкеево 611
Сядемка 573
Тавлыкаевский VI могильник 443, 444, 564
Таган-Таш 443, 444, 454
Тайсойган 297
Такталачук, могильник 391, 393, 416, 523, 525, 526, 527, 528, 533, 539, 541, 542, 543, 646
Тамаруткуль VII (Тамар-Уткуль VII), могильник 273, 282, 283, 287, 289, 308, 340, 642
Тамар-Уткуль VIII, могильник 273, 282, 289, 308
Тамбовка II 273
Тамбовский 297
Тамьянский могильник 393
Танаберген II 273, 643
Танавское городище 396, 398, 401, 402, 404, 406, 578
Танайка 611
Таныш-Касы 444, 454
Тапшер 444, 462, 464
Тарлык 41, 53
Тартышевский могильник 646
Татарско-Азибейское II 9, 251, 252
Татарско-Тимяшский грунтовый могильник 385
Тау-Тары, могильник 406
Таутово I 437
Таутовский могильник (Таутово) 420, 422, 423, 424, 426, 430, 432, 434, 435, 436
Тау-Тюбе, стоянка 297, 314, 340
Тауш-Касинский (Тауш-Касы) могильник 444, 458, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 641
Таш-Казган, рудник 15, 455, 467
Ташкирменская II стоянка ?

Ташкирменская IV стоянка 535
Ташкирмень 437, 621, 629, 633
Ташково I 255
Твердиловский курганный могильник 372
Теби-Касы 444
Тезиково-Михайловское 572
Тенишевский («Сорокин бугор») могильник 8, 9, 130, 140, 141, 142, 147, 148, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 251, 252, 254, 255, 256, 260, 262
Терешковский клад 398, 410, 411, 412
Терновский 127?, 297
Тетюши, город 454, 629
Тетюшская IV стоянка 496
Тетюшская V стоянка 619
Тетюшская VI стоянка 535
Тетюшский могильник 383, 618, 623, 624, 627, 634
Тетюшский уезд 431, 454
Тигашевские курганы 385
Тиханкино I, II 422
Тиханкинский (Тиханкино) 420, 421, 444
Тихоновский (Пустобаевский) могильник 461, 526, 539, 546
Тихоновский клад 448, 458, 460, 461
Тоганаши I, II 422
Тоганашское поселение (Тоганаши) 420421, 427, 439
Токаревская стоянка 105, 129, 166
Токари (Малахай) 422
Токское 370, 371, 443
Толкай 340, 370, 643
Томица, поселение 568, 583
Топыднюр XII 223
Торгановo 3, 7, 10, 14, 15, 16, 17, 18, 21, 22, 23, поселения 165
Торговище I (Сомино II) 559
Торгун 370
Тороповская курганная группа 510
Тоузаково II, селище 398, 407
Тоузаковское II поселение 399, 404, 409
Тохмеево 420, 421, 422, 444
Точка 443
Трехизбенное, клад 398
Троицкий 444
Троицкое селище 437, 464
Троярская VII стоянка 554, 556
Трудовое II 273
Трудовой 297
Труевская Маза, урочище 308
Трумбицкое 370
Тубулга-Тау, городище 544
Тугаевский (Тугаево) могильник 444, 457, 460, 465
Тугайский могильник
Тумек-Кичиджик, могильник 264
Тураевский II могильник 604, 614, 615, 616
Тураевский могильник 607
Турбино I 14
Турбинский могильник (Турбино) 14, 251, 256, 442, 443, 454, 456, 457, 459, 460, 461, 462, 464, 465, 466, 489, 493, 495
Турганикское поселение 41, 43, 61–66, 68–75, 77, 78, 80, 81, 82, 107, 109, 112–115, 121, 129, 273, 278–280, 288, 291–293
Тургеневка 370
Тури-Выла 427
Туруновский (Туруново) могильник 444, 461, 462, 464, 465
Тырнова слобода 510
Тырнова Слобода II 510
Тюбякское (Тюбяк) поселение 368, 370, 442, 444, 447, 458, 460, 461, 465, 466
Тюков городок (см. Макеевское городище) 548, 550, 554, 584
Тюремка 475
Тюремка I 251
Тюремка III, поселение 206, 251, 255, 258
Тюрлема 444, 462, 464
У горы Березовой 443
Убаган I 148
Увак, курганная группа 273, 287
Уваровка II 273
Угдым I 224, 228, 229, 230, 232, 234
Угдым IБ 229
Удельная Va 470
Удельно-Шумецкая стоянка 129, 257, 428
Удельношумецкое I поселение (Удельный Шумец I) 165, 166, 439
Удельношумецкое II поселение (Удельный Шумец II) 421, 422, 439
Удельношумецкое III поселение (Удельный Шумец III) 129, 166, 167, 184
Удельношумецкое IV поселение (Удельный Шумец IV) 167, 179
Удельношумецкое V поселение (Удельный Шумец V) 176, 178, 180, 182, 255, 256
Удельно-Шумецкое VI поселение (Удельный Шумец VI) 129, 165, 166, 182
Удельношумецкое VII поселение (Удельный Шумец VII) 165, 421, 422, 423, 434, 469, 470, 471, 477, 478, 481
Удельношумецкое Va поселение (Удельный Шумец Va) 421, 471
Удельношумецкое XIV поселение (Удельный Шумец XIV) 421, 422, 439
Удельный Шумец VIII, IX, XI 165
Узенное, поселение 370
Узморье 317, 326
Ульяново 443
Ульяновское, могильник 464
Уметбаевский 444
Упшинский 444
Уразаево 546
Уразаевская I стоянка 392, 523
Уразаевская II стоянка 392, 523
Уразмаметьевские курганы 383, 385
Ураков Бугор, селище 398, 399
Уранбашский (Уранбаш) 273, 370
Уржумкинское (Уржумка) поселение 11, 252, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 422, 439
Уржумкинское II поселение 554, 556
Урняк 444, 447, 460, 464
Урнякский могильник 618, 624, 629
Урусовское 370
Усатовское поселение 370, 636
Усово Озеро, селище 398, 417
Успенка 297
Усть-Ветлужский (Юринский) могильник 14, 388, 423, 508
Усть-Ворыква 223
Усть-Ворыква II 230
Усть-Гайвенский могильник (Усть-Гайва) 14, 251
Усть-Грязнуха 297, 300, 309
устье р. Брыски 633
устье р. Ямы 297, 300
Усть-Залазнушка II, стоянка 150
Усть-Кадада 129
Усть-Кедва 223, 242, 248
Усть-Кедва I 229, 230
Усть-Кедва II 223, 224, 225, 227, 230, 233, 237, 241, 242, 245
Усть-Комыс 237, 242
Усть-Курьинское поселение (Усть-Курья) 202, 206, 252, 255, 256, 257, 258, 421, 422, 440
Усть-Лёмва, поселение 492
Усть-Лоптюга II 223
Усть-Лудяна 255
Усть-Лудяна II поселение 11, 129, 206, 252, 255, 256, 257, 260
Усть-Нечкинское I поселение 534
Усть-Очёр I 187, 190, 193, 251
Усть-Паль, стоянка 206, 207, 251, 254, 255, 257, 259
Усть-Щугор 443, 454, 493
Утевка 274, 310, 334, 646
Утевка V 317, 322, 324
Утевские курганы 284
Утевский I (Утевка I) 273, 287, 289, 295, 297, 301, 302, 303, 304, 306, 308, 309, 310, 311, 314, 324, 329, 332, 363
Утевский III 297
Утевский VI (Утевка VI) могильник 297, 306, 345, 347, 348, 349, 351, 352, 354, 355, 356, 357, 360, 398, 403, 408, 643, 644
Утес Степана Разина 328, 340, 363
Утюж I 43, 46, 48, 49, 50, 41, 44, 128, 129

Утюж III 471
Утюж V поселение 128, 129, 133
Утюжский Бугор 128
Утюжский Бугор, жертвенный комплекс 184
Утюш 573
Фатьяновский могильник 435, 436
Федоровка 370
Федоровское II поселение 370
Федоровское поселение 368
Фефелов Бор I, поселение 509, 510, 513, 518, 519, 520, 554, 573, 584
Фефеловская придорожная 510
Флорешты 162
Харинское 510
Харьковка 370
Хвалынский I могильник (Хвалынск I) 9, 40–52, 54–59, 67, 77, 148, 150, 161, 266, 267, 269
Хвалынский II могильник (Хвалынск II) 9, 40, 41, 43–46, 48–52, 55–59, 77, 161, 266–269
Хвалынский могильник 60, 61, 68, 73, 81, 142, 275
Хлопков Бугор 266, 267, 268
Хлопково городище 328, 340, 344
Хлопковский могильник 40, 41, 42, 44, 45, 49–52, 54–58, 60, 264, 275, 339
Хмелевское городище (Хмелевка) 420, 421, 469, 470, 471, 479,
Ховрино I 252
Ховрино V 127, 128, 129, 130, 134, 135, 136
Ховринское поселение 130, 133, 137, 160, 257
Холодный Ключ 611, 612
Холомонимоха 164
Холомониха 129, 258
Хопров, городище 411
Хрящевка 317, 325, 368, 370
Худяковское I поселение 252
Худяковское поселение 200, 255, 256
Хула-сюч, городище 420, 439
Хулюм-Сунт 236
Хутор Авилов 297
Хутор Веселый, селище 396, 398
Хутор Веселый, селище 396, 398
Хутор Степана Разина 273, 297, 303, 304, 309, 310, 311, 317
Хуторская стоянка 146, 188, 189
Царев 317, 328, 329
Царев Курган 13, 339, 340, 342, 363
Царица, стоянка 41, 47, 48
Целибуха 573
Чапаевка 317
Чапаевский 297
Чашкинское озеро I 251
Чашкинское озеро II 195, 201
Чебаково I, II 422
Чебаковское поселение (Чебаково) 420, 421, 428, 435, 439
Чебаркуль II 77
Чебаркуль III 416, 545
Чебаркуль IV 255
Чебаркуль X 255, 259
Чедрояльская стоянка 554
Чекалино IV 60, 80, 82, 107, 109, 111–113, 116, 118, 119, 121, 122, 124, 126, 129
Челкасы I, поселение 127, 128
Челмужская Коса 11
Человечья голова 340, 443, 458, 461, 464, 465
Челюскинец 297
Чемордины 421, 422
Чербай 422, 425
Чердынь 443, 454
Черемшан, село 611
Черкаскуль II 537
Черкасская 279
Черки-Кильдуразы 256, 260, 621
Черки-Кильдуразы IV 255
Чернашка 255–259
Черная Гора 510, 513, 519
Черненькое озеро 128
Черненькое Озеро III 128, 129
Чернутьево-15, разрез 34, 35, 37
Чернушка 255, 259, 422
Чернушка I 252, 256
Чернушка II 421, 440, 475
Чесноковка I 443, 535
Чесноковка II 108, 109, 124, 129
Чесноковка, стоянка 43, 112, 116, 122, 340, 396
Чесноковка-Чекалино 370
Чесноковская II стоянка 107
Чесноковское II поселение 65, 72, 80
Чес-тый-яг 236
Чирковская стоянка (Чирки) 184, 422, 437, 440, 469, 470, 471, 472, 477, 478, 479
Чистопольский уезд 443, 454, 544
Чодраяльская стоянка 556
Чойновты I 237, 239, 241, 242, 243, 245, 246, 248
Чойновты II 223, 224, –225, 232, 237, 248
Чув. Культуринская II стоянка 500
Чувашкультуринское местонахождение 496
Чувашотарская IV поселение 554, 556
Чувашотарская стоянка 554
Чужъяёль I 237, 238, 242, 243, 245
Чукраклинский могильник (Чукраклы) 444, 449, 460, 462, 464, 465
Чуракаевский могильник 642
Чурачикский могильник (Чурачики) 420, 422, 425, 426, 432, 434, 436, 437
Чус, разрез 33, 34, 35, 36, 37, 38
Шабановка 443
Шава 517
Шава I 510
Шава II 555, 560
Шаверки II 572, 574, 576, 579
Шаверское поселение 573, 578
Шавское 510
Шагара I 11, 252, 255, 256
Шагара II 252
Шагара V, памятник 586
Шагарский могильник 520
Шайтанское Озеро II 484
Шалангуш 167
Шалангуш I 165
Шалашное озеро I, II, III, IV 165
Шалбинская II стоянка 629
Шамбулыхчинский могильник 422, 434, 439
Шаншар 273
Шапкино VI, поселение 63
Шапкино VI, стоянка 109, 129
Шарташ, озеро 456, 459
Шартнейка III 182
Шача 258
Шаябинская стоянка 611, 613
Шебир IV 40, 45, 49
Шелангуш 432, 437
Шелангуш III, стоянка 554, 556
Шелангуш XIV 432, 437
Шелангуш XV, стоянка 554, 556
Шелангуш XVI 471
Шемякино 454
Шестнадцатая буровая, стоянка 40
Шигирский торфяник 10, 255
Шигонское II поселение 72, 106, 107, 397, 405, 409, 412
Шигоны III, поселение 398, 403, 408, 409, 413, 416, 646
Шиловское поселение 279, 402
Шиловское селище 398
Шинурский 444
Шипово 297
Ширингушская (Ширингуши) 134, 135, 209
Широкундышская стоянка 554, 556
Широмасово I 209, 219, 221, 421, 482
Широмасово II 129, 208, 209, 214, 219
Шиховское 482
Шиховское II 223, 224, 225, 227, 229, 232, 233, 234
Шишка 558
Шойнаты I 224
Шойнаты II 223
Шойнаяг 223
Шокша 421, 510
Шокшинский могильник 572
Шокшинское поселение 517, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579
Шомвуква II 223, 229, 230, 237, 241, 242
Шонай 297
Шордоер 129, 166
Шоркинское поселение (Шоркино) 420, 421, 422, 444
Шоссейное селище 398, 403
Шукшиерский 444

Шумаево 273, 274, 284, 289
Шумаево II курганный могильник 281, 283, 289, 295, 299, 301, 317, 318, 325, 332, 335
Шумейка 273
Шупшалово 165
Шушер Озерное 165
Шушерская II 554, 556
Щербетьская V стоянка 388
Щербетьско-Островной могильник 393
Щилисай II 317, 327, 332, 333, 336
Эбалаково 621
Эльтон 340
Энгельс 297
Энгельс-Анисовка 41, 53
Эндимиркасы 422
Эньты II 223, 227, 234, 236, 237, 248
Эньты VII 237
Этанцы II 256, 260
Эчкивашский могильник 635
Юваново 420–422
Юж-Озерная 431, 436
Юкалекулево 443, 444, 460, 461, 462, 463, 464, 465
Юкалекулевский курган 467
Юлдузский 444
Юльялы 182, 421, 423, 470, 471
Юльяльское городище 470
Юмагузинское поселение 370
Юмаковский (Юмаково) 444, 461, 462, 464, 465
Юмаковское III поселение 461
Юмаковское IV поселение 461
Юмрали 454
Юрино 420, 423, 440, 470
Юринская дюна 167
Юринская стоянка 166, 176, 178, 183, 260, 421, 440, 469, 470, 471, 473, 474, 475, 478, 479
Юринские I, II, III 165
Юринский (Усть-Ветлужский) могильник см. Усть-Ветлужский 388, 495, 508
Юринское II поселение 176
Юринское поселение 129, 173, 176, 179, 180, 254, 256, 478, 479, 480
Юркино I, II 165, 167
Юртик, поселение 129, 204, 207
Яблоня, курганная группа 370, 377
Ягаткино I 422
Ягаткино II, поселение 421
Ягаткино, поселение 420, 421
Ягодное 368, 370
Ягодное I 317, 322
Ягуяр 225
Ядринский уезд 444, 454
Яковка II, селище 398
Яковка III, селище 398
Якуповский 444
Яльчики 621, 629
Ямки 318, 317
Яндашевские стоянки 554, 556, 581, 464
Янымовское поселение (Янымово) 420, 421, 422, 427
Яранский уезд 443, 444, 454
Ясачное 593
Ясачное III поселение 535, 552, 554, 589–591, 594–596
Ясиноватовский, могильник 81
Ясунское поселение 239
Suomussalmi 254
Suovaara 255, 259
Varris 254

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Эпоха раннего металла: основные тенденции развития, инновации, исторические судьбы (энеолит и бронзовый век)
(Кузьминых С.В.) 5

Природа и человек энеолита и бронзового века Волжско-Камского края (*Аськеев И.В.).* 20

Территориальное деление и природно-географические условия региона в энеолите и бронзовом веке на Европейском Северо-Востоке
(Голубева Ю.В.) 33

Часть первая
Энеолит

Раздел I
Культуры лесостепи и севера степной зоны 39

Глава 1
Хвалынская культура
(Королев А.И., Ставицкий В.В.) 40

Глава 2
Самарская культура
(Моргунова Н.Л.) 61

Глава 3
Памятники лебяжинского типа
(Королев А.И., Ставицкий В.В) 83

Глава 4
Памятники позднего энеолита лесостепного Поволжья
(Королев А.И.) 106

Глава 5
Позднеэнеолитические памятники Сурско-Свияжского междуречья
(Ставицкий В.В.) 127

Раздел II
Культуры лесной зоны Волго-Уралья 139

Глава 1
Ранние энеолитические могильники Усть-Камья
(Чижевский А.А., Шипилов А.В.) 140

Глава 2
Средневолжский вариант волосовской культурно-исторической общности (майданская культура)
(Никитин В.В.) 164

Глава 3
Памятники борского типа в Верхнем и Среднем Прикамье
(Мельничук А.Ф.) 187

Глава 4
Гаринская культура
(Мельничук А.Ф., Шипилов А.В.) 195

Глава 5
Имеркская культура
(Королев А.И., Ставицкий В.В.) 208

Глава 6
Чойновтинская культура
(Карманов В.Н., Косинская Л.Л.). 222

Глава 7
Чужъяельская культура на Европейском Северо-Востоке
(Карманов В.Н., Косинская Л.Л.) 236

Глава 8
Металлургия и металлообработка культур лесной зоны Волго-Уралья в эпоху энеолита
(Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д., Орловская Л.Б.) 250

Глава 9
Палеоантропология Волго-Уралья эпохи энеолита
(Хохлов А.А.) 263

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть вторая

Бронзовый век

Раздел I

Культуры севера степной зоны и южной лесостепи 271

Глава 1

Ямная культура между Волгой и Уралом *(Моргунова Н.Л.)* 272

Глава 2

Памятники полтавкинской культуры *(Кузнецов П.Ф.)* 296

Глава 3

Посткатакомбные памятники *(Мимоход Р.А)* 316

Глава 4

Памятники вольско-лбищенской культуры *(Кузнецов П.Ф.)* 339

Глава 5

Памятники потаповской культуры *(Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д.)* 347

Глава 6

Срубная культурно-историческая общность между Волгой и Уралом *(Купцова Л.В., Лыганов А.В.)* 368

Глава 7

Культура валиковой керамики (ивановская) *(Колев Ю.И.)* 395

Раздел II

Культуры лесной и лесостепной зоны Волго-Уралья 419

Глава 1

Балановская и атликасинская культуры *(Соловьев Б.С., Ставицкий В.В.)* 420

Глава 2

Абашевская культура *(Кузьмина О.В.)* 442

Глава 3

Чирковская культура *(Ставицкий В.В., Соловьев Б.С.)* 469

Глава 4

Памятники заосиновского типа *(Мельничук А.Ф., Лыганов А.В. Митряков А.Е.)* 483

Глава 5

Памятники займищенского типа *(Лыганов А.В.)* 494

Глава 6

Поздняковская культура *(Ставицкий В.В., Королев А.И.)* 509

Глава 7

Андроноидные культуры Волго-Камья (луговская и сусканская культуры) *(Лыганов А.В.)* 522

Глава 8

Памятники с текстильной керамикой эпохи бронзы в Восточной Европе: общая характеристика *(Патрушев В.С.)* 548

Глава 9

Памятники аким-сергеевского типа *(Ставицкий В.В.)* 572

Глава 10

Средневолжская культура текстильной керамики *(Чижевский А.А., Соловьев Б.С., Азаров Е.С.)* 580

Глава 11

Маклашеевская культура *(Чижевский А.А., Лыганов А.В., Кузьминых С.В.)* 601

Глава 12

Палеоантропология Волго-Уралья степной и лесостепной зоны эпохи бронзы *(Хохлов А.А., Китов Е.П.)* 638

Литература 648

Список сокращений 706

Именной указатель 709

Указатель географических названий 712

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

ЭНЕОЛИТ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК
ТОМ II

Утверждено к печати
Институтом археологии им. А.Х. Халикова
Академии наук РТ

Под общей редакцией
Ситдикова А.Г.

Художник
Садыков Р.Р.

Картографы:
Сайфутдинова Г.М., Вафина Г.Х.

Корректор
Першагина И.А.

Оригинал-макет
Асылгараева Г.Ш.

На 1 странице обложки:
кинжал эпохи энеолита
с навершием в виде головки лебедя
из поселения Усть-Курья

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Подписано в печать 25.06.2021 г.
Формат 60×84 $^{1}/_{8}$
Печать офсетная. Усл. печ. л. 84,63.
Общий тираж 800 экз. Заказ №
Отпечатано в типографии

16+